Sf 52
4° Russ. 69 f (3
A/B
d/F
E/S
Repr. = 4° 88.3712-3 = SGO

<36640373460015
<36640373460015
Bayer. Staatsbibliothek

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

58/23257

770

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО,

СОЧИНЕНІЕ

## Н. М. КАРАМЗИНА.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

ЗАКЛЮЧАЮЩИХЪ ВЪ СЕБѢ ДВѢНАДЦАТЬ ТОМОВЪ,

СЪ ПОЛНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ,

УКРАШЕННОЕ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,

ГРАВИРОВАННЫМЪ НА СТАЛИ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Изданіе

И. Эйнерлинга.

## КНИГА III.

(ТОМЫ IX, X, XI и XII.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1843.

Fg1661766

**ПЕЧАТАНО**

по **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію.

Bayerische Staatsbibliothek München

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ IX.

Bayerische Staatsbibliothek München

# ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

### Г. 1560 — 1564.

**Перемѣна въ Іоаннѣ. Клевета на Адашева и Сильвестра. Судъ. Заточеніе Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первыя казни. Война Ливонская. Великодушіе Беля. Взятіе Феллина. Слово Царя Казанскаго. Конецъ Ордена. Переговоры съ Швеціею. Война съ Литвою. Вторый бракъ Іоанновъ. Взятіе Полоцка. Рожденіе Царевича Василія. Торжество Іоанново. Смерть Царевича. Дѣла Крымскія. Замыслъ Султана. Происшествія въ Ливоніи. Перемиріе съ Швеціею. Злонравіе супруги Іоанновой. Кончина К. Юрія. Постриженіе Іоанновой невѣстки и матери К. Владиміра. Кончина Макарія. Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги. Заведеніе Типографіи. Изданіе Библіи въ Острогѣ. Полоцкая Архіепископія. Бѣлый клобукъ Митрополитовъ. Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.**

Перемѣна въ Іоаннѣ. Приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ Царя и въ судьбѣ Царства.

Г. 1560 —1561. И Россіяне современные и чужеземцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, изображаютъ сего юнаго, тридцатилѣтняго Вѣнценосца какъ примѣръ Монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ ко славѣ и счастію Государства. Такъ изъясняются первые: «Обычай Іоанновъ есть соблюдать себя чистымъ предъ Богомъ. И въ храмѣ и въ молитвѣ уединенной, и въ Совѣтѣ Боярскомъ и среди народа у него одно чувство: *да властвую, какъ Всевышній указалъ властвовать своимъ истиннымъ помазанникамъ!* Судъ нелицемѣрный, безопасность каждаго и общая, цѣлость порученныхъ ему Государствъ, торжество Вѣры, свобода Христіанъ есть всегдашняя дума его. Обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность; не хочетъ обыкновенныхъ *прохладъ* Царскихъ. Ласковый къ Вельможамъ и народу — любя, награждая всѣхъ по достоинству — щедростію искореняя бѣдность, а зло примѣромъ добра, сей *Богомъ урожденный* Царь желаетъ въ день Страшнаго Суда услышать гласъ Милости: *ты еси Царь правды!* и отвѣтствовать съ умиленіемъ: *се азъ и люди, яже далъ ми еси ты* (1)!» Не менѣе хвалятъ его и наблюдатели иноземные, Англичане, пріѣзжавшіе въ Россію для торговли. «Іоаннъ» — пишутъ они — «затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ и добродѣтелію; имѣетъ многихъ враговъ, и смиряетъ ихъ. Литва, Польша, Швеція, Данія, Ливонія, Крымъ, Ногаи ужасаются Русскаго имени. Въ отношеніи къ подданнымъ онъ удивительно снисходителенъ, привѣтливъ; любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ, и, не смотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ; скажетъ Боярину: *иди!* и Бояринъ *бѣжитъ;* изъявитъ досаду Вельможѣ, и Вельможа въ отчаяніи: скрывается, тоскуетъ въ уединеніи, отпускаетъ волосы въ знакъ горести, пока Царь не объявитъ ему прощенія. Однимъ словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ, болѣе Россіянъ преданнаго своему Государю, коего они равно и страшатся и любятъ. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Іоаннъ во все входитъ, все рѣшитъ; не скучаетъ дѣлами и не веселится ни звѣриною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: какъ служить Богу, и какъ истреблять враговъ Россіи (2)!»

Вѣроятно ли, чтобы Государь люби-

г. 1560 — 1561. мый, обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастія, славы, низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства? Но свидѣтельства добра и зла равно убѣдительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феноменъ въ его постепенныхъ измѣненіяхъ [3].

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе вопервыхъ природными свойствами людей, вовторыхъ обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной Вѣрѣ: ибо самые дерзкіе развратители Царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась; но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты, Государь престалъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для Монарха. На примѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа; что Ливонцы, хотя и не Греческаго Исповѣданія, однакожь Христіане и для насъ не опасны; что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣлости и свободы Государствъ [4]. Дворъ былъ наполненъ людьми преданными симъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры: проповѣдуя Небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ; стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ народу видѣть Царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ то же время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя Государю быть умѣреннымъ въ счастіи: ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія [5]. Они говорили: «кто сіи люди, дерзающіе предписывать законы Царю великому и мудрому, не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ домашнихъ, семейственныхъ, въ самомъ образѣ жизни; дерзающіе указывать ему, какъ обходиться съ супругою, сколько пить и ѣсть въ мѣру» [6]? ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздержанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный Монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не унималъ злословія, ибо уже скучалъ излишно строгими правоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; не мыслилъ оставить добродѣтели: желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтися. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что скоро по завоеваніи Казани онъ, въ гнѣвѣ на одного Воеводу, сказалъ Вельможамъ: «теперь уже не боюсь васъ [7]!» Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ Царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви ко благу. Хотя Государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ Кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ Думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ про-

г. 1560 — 1561. тиворѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Въ сіе время холодность Государева къ Адашеву и къ Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидѣли необходимость удалиться отъ Двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ Думѣ, и всегда употребляемый въ переговорахъ съ Европейскими Державами; хотѣлъ еще служить Царю инымъ способомъ: принялъ санъ Воеводы и поѣхалъ въ Ливонію ([8]); а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ Государю благословеніе, заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ ([9]). Друзья ихъ осиротѣли, непріятели восторжествовали; славили мудрость Царя и говорили: «нынѣ ты уже истинный Самодержецъ, помазанникъ Божій; единъ управляешь землею; открылъ свои очи и зришь свободно на все Царство ([10])!» Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной Государевой немилости, Адашева честили въ войскѣ; самые граждане Ливонскіе изъявляли отмѣнное къ нему уваженіе: все покорялось его уму и добродѣтели ([11]). Не менѣе и Сильвестръ, уже Монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями Христіанскими въ пустынѣ: Иноки съ удивленіемъ видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаяться, возвратить изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать Государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина Царицы подала къ тому случай.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестію: всѣ вокругъ его проливали слезы, или отъ истинной жалости, или въ угодность Царю печальному — и въ сихъ-то слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усердія, любви, будто бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнаго злодѣйства. (Клевета на Адашева и Сильвестра.) «Государь!» сказали Іоанну: «ты въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ: добродѣтельную Царицу извели Сильвестръ и Адашевъ, ея враги тайные и *чародѣи*: ибо они безъ чародѣйства не могли бы такъ долго владѣть умомъ твоимъ ([12]).» Представили доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ; но Государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думалъ, что они также не любили ее ([13]), и прицялъ клевету, можетъ быть желая оправдать свою къ нимъ немилость, если не вѣрными уликами въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣніемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали къ Царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя ему, что они какъ василиски ядовиты, могутъ однимъ взоромъ снова очаровать его, и любимые народомъ, войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ; что страхъ сомкнетъ уста доносителямъ ([14]). Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно: Митрополитъ, Епископы, Бояре, многіе иные духовные и свѣтскіе чиновники собралися для того во дворцѣ. (Судъ.) Въ числѣ судей были и коварные Монахи, Вассіанъ Бѣскій, Мисаилъ Сукинъ, главные злодѣи Сильвестровы. Читали не одно, но многія обвиненія, изъясняемыя самимъ Іоанномъ въ письмѣ къ Князю Андрею Курбскому ([15]). «Ради спасенія души моей» — пишетъ Царь — «приближилъ я къ себѣ Іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять Царствомъ безъ Царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ Бояръ; раздали единомышленникамъ города и волости; сажали, кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни униженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ Царя съ горстію воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія *страшила*, чтобы привести въ ужасъ мою душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго ([16]), запрещаютъ ѣздить по святымъ Обителямъ, не дозволяютъ карать Нѣмцевъ . . . Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ иного Царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ чѣмъ платили намъ за оное? новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили Царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали Князю Владиміру Андрее-

г. 1560 — 1561.

вичу. И такъ удивительно ли, что я рѣшился наконецъ не быть младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть иго, возложенное на Царство лукавымъ Попомъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ»? и проч. Замѣтимъ, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи, и тѣмъ свидѣтельствуетъ нелѣпую ложь сего доноса. Всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго Самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли какъ люди ослѣпиться честолюбіемъ; но Государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ Исторіи царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, но любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россіею: то для счастія подданныхъ и Царя надлежало бы симъ добродѣтельнымъ мужамъ не оставлять Государственнаго кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клевещетъ на самого себя; гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть, и наконецъ, увлеченный страстями, только обузданными, не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ всегда могъ расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ не одобряя войны Ливонской, служилъ Іоанну какъ подданный, какъ Министръ и воинъ усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея: слѣдственно Государь *повелѣвалъ* и, вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ.

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ, Митрополитъ Макарій, близостію смерти и саномъ Первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ Царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные Вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ (17); но *сонмъ губителей*, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди осуждаемые чувствомъ Государя велемудраго, милостиваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія; что ихъ присутствіе и козни опасны; что спокойствіе Царя и отечества требуетъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. И такъ рѣшили, что обвиняемые виновны. Надлежало только опредѣлить казнь, и Государь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную (18): послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную Обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взятію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями; но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ чрезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали Царю, что *обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ* (19) . . . . мужъ незабвенный въ нашей Исторіи, краса вѣка и человѣчества, по вѣроятному *сказанію его друзей*: ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію Царя и погибъ съ нею. . . . . Феноменъ удивительный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изъясняемый единственно неизмѣримою силою искренняго благолюбія, коего божественное вдохновеніе озаряетъ умъ естественный въ самой тмѣ невѣжества, и вѣрнѣе науки, вѣрнѣе ученой мудрости руководствуетъ людей къ великому. — Обязанный милости Іоанновой нѣкоторымъ избыткомъ, Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣянія: питалъ нищихъ, держалъ въ своемъ домѣ десять прокаженныхъ, и собственными руками обмывалъ ихъ, усердно исполняя долгъ Христіанина и всегда памятуя бѣдность человѣчества (20).

г. 1560 — 1561. Заточеніе Сильвестра. Смерть Адашева.

Начало злу.

Отселѣ начало злу, и такимъ образомъ. Уже не было двухъ главныхъ дѣйствователей благословеннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила оставались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому Государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ Бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ *измѣнниковъ* и быть вѣрными Государю (21). Присягнули, одни съ радостію, другіе съ печалію, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что прежде

г. 1560 — 1561. считалось достоинствомъ и способомъ угождать Царю, сдѣлалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Іоанну: «Всегда ли плакать тебѣ о супругѣ? Найдешь другую, равно прелестную; но можешь неумѣренностію въ скорби повредить своему здравію безцѣнному. Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ земной горести искалъ и земнаго утѣшенія». Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость во нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ — и чрезъ восемь дней по кончинѣ Анастасіи Митрополитъ, Святители, Бояре торжественно предложили ему искать невѣсты (22): законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячь рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію (23), Государь 18 Августа объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ Короля Польскаго (24).

Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце; смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности; называли постничество лицемѣріемъ (25). Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ Царевичей, брата Іоаннова Юрія и Казанскаго Царя Александра, перевели въ особенные домы (26). Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе Бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицемъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали: ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову (27). Новые любимцы. Между новыми любимцами Государевыми отличались Бояринъ Алексій Басмановъ, сынъ его, Кравчій Ѳеодоръ, Князь Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему честолюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ обыкновенныхъ Царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла, вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостію ума, искусственною веселостію, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю какъ Божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ Царей и благихъ слугъ Царскихъ, первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Старые друзья Іоанновы изъявляли любовь къ Государю и къ добродѣтели: новые только къ Государю, и казались тѣмъ любезнѣе. Они сговорились съ двумя или съ тремя Монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть Царя и своимъ присутствіемъ какъ бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь Чудовскаго Архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Порокъ ведетъ къ пороку: женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе, и въ ожиданіи новой супруги для вѣчной, единственной любви, искалъ временныхъ предметовъ въ удовлетвореніе грубымъ вожделѣніямъ чувственнымъ (28). Мнимая, прозрачная завѣса тайны не скрываетъ слабостей Вѣнценосца: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ у друга, какимъ гибельнымъ наитіемъ Государь, дотолѣ примѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства?

Сіе безъ сомнѣнія великое зло произвело еще ужаснѣйшее. Развратники, указывая Царю на печальныя лица важныхъ Бояръ, шептали: «Вотъ твои недоброхоты! Вопреки данной ими присягѣ, они живутъ Адашевскимъ обычаемъ, сѣютъ вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ прежняго своевольства» (29). Такіе ядовитые навѣты растравляли Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ; взоръ его мутился; изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя Бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ, и сдѣлался мучителемъ, коему равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ! . . . Не вдругъ конечно разсвирѣпѣла душа, нѣкогда благолюбивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но Лѣтописцы не могли проникнуть въ ея внутренность; не могли видѣть въ ней боренія совѣсти съ мятежными страстями: видѣли только дѣла ужасныя, и называютъ тиран-

г. 1560 —1561. ство Іоанново *чуждою бурею*, какъ бы изъ нѣдръ Ада посланною возмутить, истерзать Россію. Оно началося гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева (30): ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиная ласкателей, новыхъ совѣтниковъ Царскихъ; а Царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именемъ Марія (31), славилась въ Москвѣ Христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести Царя: ее казнили, вмѣстѣ съ пятью сыновьями; а скоро и многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ же: знаменитаго воинскими подвигами Окольничаго, Данила Адашева, брата Алексіева, съ двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ (32) — трехъ Сатиныхъ, коихъ сестра была за Алексіемъ, и родственника его, Ивана Шишкина, съ женою и съ дѣтьми. Князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, сынъ Воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ (33), погибъ, за нескромное слово. Оскорбленный надменностію юнаго любимца Государева, Ѳедора Басманова, Князь Дмитрій сказалъ ему: «мы служимъ Царю трудами полезными, а ты гнусными дѣлами Содомскими!» Басмановъ принесъ жалобу Іоанну, который въ изступленіи гнѣва, за обѣдомъ, вонзилъ несчастному Князю ножъ въ сердце; другіе пишутъ, что онъ велѣлъ задушить его (34). Бояринъ, Князь Михайло Рѣпнинъ, также былъ жертвою великодушной смѣлости. Видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ Царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ съ своими любимцами въ маскахъ, сей Вельможа заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску: Рѣпнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: «Государю ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, Бояринъ и Совѣтникъ Думы, не могу безумствовать.» Царь выгналъ его и чрезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить, стоящаго въ святомъ храмѣ, на молитвѣ; кровь сего добродѣтельнаго мужа обагрила помостъ церковный (35). Угождая несчастному расположенію души Іоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихіе разговоры въ семействахъ, между друзьями; смотрѣли на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступленій, ибо доносы нравились Государю и судія

Первыя казни.

не требовалъ уликъ вѣрныхъ. Такъ, безъ вины, безъ суда, убили Князя Юрія Кашина, Члена Думы, и брата его; Князя Дмитрія Курлятева, друга Адашевыхъ, неволею постригли и скоро умертвили со всѣмъ семействомъ; первостепеннаго Вельможу, знатнаго *Слугу Государева*, побѣдителя Казанцевъ, Князя Михайла Воротынскаго, съ женою, съ сыномъ и съ дочерью сослали на Бѣлоозеро (36). Ужасъ Крымцевъ, Воевода, Бояринъ Иванъ Шереметевъ, былъ вверженъ въ душную темницу, истерзанъ, окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и хладнокровно спросилъ: «гдѣ казна твоя? ты слылъ богачемъ.» *Государь!* отвѣчалъ полумертвый страдалецъ: «*я руками нищихъ переслалъ ее къ моему Христу Спасителю*» (37)! Выпущенный изъ темницы, онъ еще нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Думѣ; наконецъ укрылся отъ міра въ Пустынѣ Бѣлозерской, но не укрылся отъ гоненія: Іоаннъ писалъ къ тамошнимъ Монахамъ, что они излишно честятъ сего бывшаго Вельможу, какъ бы въ досаду Царю. Братъ его, Никита Шереметевъ, также Думный Совѣтникъ и Воевода, израненный въ битвахъ за отечество, былъ удавленъ.

Москва цѣпенѣла въ страхѣ. Кровь лилася; въ темницахъ, въ монастыряхъ стенали жертвы; но . . . тиранство еще созрѣвало: настоящее ужасало будущимъ! Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго; кровопійство не утоляетъ, но усиливаетъ жажду крови: оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самого тирана. — Любопытно видѣть, какъ сей Государь, до конца жизни усердный чтитель Христіанскаго Закона, хотѣлъ согдашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, *чародѣи*, враги Христа и Россіи; то смиренно винился предъ Богомъ и людьми, называлъ себя *гнуснымъ убійцею невинныхъ*, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной Обители Св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ Инокомъ (38)! Такъ писалъ Іо-

г. 1560 — 1561. аннъ къ Князю Андрею Курбскому и къ начальникамъ любимыхъ имъ монастырей, во свидѣтельство, что гласъ неумолимой совѣсти тревожилъ мутный сонъ души его, готовя ее къ незапному, страшному пробужденію въ могилѣ!

Оставимъ до времени ужасы тиранства, чтобы слѣдовать за теченіемъ государственныхъ дѣлъ, въ коихъ природный умъ Іоанновъ еще былъ видѣнъ какъ лучь свѣта посреди облаковъ темныхъ.

Война Ливонская. Успѣхи наши въ войнѣ Ливонской заключились ударомъ сильнымъ, рѣшительнымъ. Государь (въ 1560 году) послалъ въ Дерптъ еще новую рать, 60,000 конницы и пѣхоты, 40 осадныхъ пушекъ и 50 полевыхъ, съ знатнѣйшими Воеводами, Князьями Иваномъ Мстиславскимъ и Петромъ Шуйскимъ, чтобы непремѣнно взять Феллинъ, главную защиту Ливоніи, гдѣ заключился бывшій Магистръ Фирстенбергъ [39]. Полки Московскіе шли медленно берегомъ рѣки Эмбаха; тяжелый снарядъ огнестрѣльный везли на судахъ; а Воевода, Князь Барбашинъ, съ 12,000 легкихъ всадниковъ спѣшилъ занять дорогу къ морю: ибо носился слухъ, что Фирстенбергъ отправляетъ для безопасности богатую казну въ Габзаль. Утомивъ коней, Барбашинъ отдыхалъ верстахъ въ пяти отъ Эрмиса, и въ жаркій полдень, когда воины его спали въ тѣни, сдѣлалась тревога: 500 Нѣмецкихъ всадниковъ и столько же пѣхоты, подъ начальствомъ храбраго Ландмаршала, Филиппа Беля [40], съ крикомъ и воплемъ устремились изъ лѣса къ нашему тихому стану, оберегаемому малочисленною стражею. Россіяне хотя и знали о близости непріятеля, но думали, что онъ не вступитъ въ битву съ ихъ превосходною силою. Внезапность дала ему только минутную выгоду: послѣ перваго замѣшательства, Россіяне остановили, стѣснили Нѣмцевъ и всѣхъ до единаго истребили, взявъ въ плѣнъ 11 Коммандоровъ и 120 Рыцарей, въ числѣ коихъ находился и главный Предводитель. Утрата столь многихъ чиновниковъ, особенно Ландмаршала, называемаго послѣднимъ, ревностнымъ защитникомъ, послѣднею надеждою Ливоніи, была величайшимъ бѣдствіемъ для Ордена [41]. Представленный Воеводамъ Московскимъ, сей знаменитый мужъ не измѣнился въ своей душевной твердости; не таилъ внутренней скорби, но взиралъ на нихъ съ гордымъ величіемъ; отвѣтствовалъ на всѣ вопросы искренно, спокойно, смѣло. Курбскій, хваля его характеръ, умъ, краснорѣчіе, повѣствуетъ слѣдующее:

Велико-душіе Беля. «Стараясь привѣтливостію смягчить жестокую долю сего необыкновеннаго человѣка, мы за обѣдомъ ласково бесѣдовали съ нимъ объ Исторіи Ливонскаго Ордена. *Когда* — сказалъ онъ — *усердіе къ истинной Вѣрѣ, добродѣтель, благочестіе, обитали въ сердцахъ нашихъ: тогда Господь явно помогалъ намъ; не боялись мы ни Россіянъ, ни Литовскихъ Князей. Вы слыхали о той славной, достопамятной битвѣ съ грознымъ Витовтомъ, въ коей легли шесть Магистровъ Орденскихъ, одинъ за другимъ избранныхъ для предводительства* [42]*: таковы были древніе Рыцари; таковы и новѣйшіе, съ коими имѣлъ войну дѣдъ нынѣшняго Царя Московскаго, Іоаннъ Великій, и которые столь мужественно сражались съ вашимъ славнымъ Воеводою Даніиломъ* [43]. *Когда же мы отступили отъ Бога, испровергли уставы истинной Вѣры, пріяли новую, изобрѣтенную умомъ человѣческимъ въ угодность страстямъ; когда забыли чистоту нравовъ, вдались въ гнусное сластолюбіе, необузданно устремились на широкій путь разврата: тогда Богъ предалъ Орденъ въ руки ваши. Грады красные, твердыни высокія, палаты и дворы свѣтлые, созданные нашими предками,* — *сады и винограды, ими насажденные, безъ труда вамъ достались. Но что говорю о Россіянахъ! по крайней мѣрѣ вы брали мечемъ: другіе* (Поляки) *меча не обнажали, а брали, лукаво обѣщая намъ дружбу, защиту, вспоможеніе. Вотъ ихъ дружба: стоимъ предъ вами въ узахъ, и милое отечество гибнетъ! . . . Нѣтъ, не думайте, чтобы вы доблестію побѣдили насъ: Богъ вами казнитъ грѣшниковъ!* Тутъ онъ залился слезами, отеръ ихъ, и съ лицемъ свѣтлымъ примолвилъ: *Но я благодарю Всевышняго и въ оковахъ; сладостно терпѣть за отечество, и не боюся смерти!* — Воеводы Россійскіе слушали его съ любопытствомъ, съ сердечнымъ умиленіемъ, и пославъ въ Москву вмѣстѣ со всѣми плѣнниками, убѣдительно писали къ Государю, чтобы онъ изъявилъ милосердіе къ сему добродѣтельному витязю, который, будучи столь уважаемъ въ Ливоніи, могъ оказать намъ великія услуги и склонить Маги-

г. 1560 — 1561. стра къ покорности. Но Іоаннъ уже любилъ тогда жестокость: призвавъ его къ себѣ, началъ говорить съ нимъ гнѣвно. Великодушный плѣнникъ отвѣтствовалъ, что Ливонія стоитъ за честь, за свободу, и гнушается рабствомъ; что мы ведемъ войну какъ лютые варвары и кровопійцы. Іоаннъ велѣлъ отсѣчь ему голову» — за *противное* слово (говоритъ Лѣтописецъ) и за вѣроломное нарушеніе перемирія (44). Невольно удивляясь смѣлой твердости Беля, Іоаннъ послалъ остановить казнь; но она между тѣмъ совершилась (45).

Полководцы наши, осадивъ Феллинъ, разбили пушками стѣны и въ одну ночь зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ. Тогда воины Нѣмецкіе объявили Фирстенбергу, что надобно вступить въ переговоры. Тщетно сей знаменитый старецъ убѣждалъ ихъ не измѣнять чести и долгу, предлагая имъ всѣ свои сокровища, золото и серебро, въ награду за мужество: наемники не хотѣли вѣрной смерти, ибо ни откуда не могли ждать помощи. Фирстенбергъ требовалъ, чтобы Россіяне выпустили его съ казною: Совѣтъ Боярскій не принялъ сего условія, отвѣтствуя, что Государь для чести желаетъ имѣть Магистра плѣнникомъ, а изъ великодушія обѣщаетъ ему милость. Выпустили только воиновъ Нѣмецкихъ (21 Августа); но узнавъ, что они разломали сундуки Фирстенберговы и похитили многія драгоцѣнности, свезенныя Ливонскимъ Дворянствомъ въ Феллинъ, Князь Мстиславскій велѣлъ отнять у нихъ все, взятое ими беззаконно, даже и собственность, такъ, что сіи несчастные пришли нагіе въ Ригу, гдѣ Кетлеръ повѣсилъ ихъ какъ измѣнниковъ (46). Занявъ городъ, Россіяне удивились малодушію Нѣмцевъ, которые могли бы долго противиться величайшимъ усиліямъ осаждающихъ, имѣя въ немъ три каменныя крѣпости съ глубокими рвами, 450 пушекъ и множество всякихъ запасовъ (47). «Такая робость непріятелей (говорили они) есть милость Божія къ Царю православному.» Когда плѣнники Феллинскіе прибыли въ Москву, Іоаннъ велѣлъ показать ихъ народу и водить изъ улицы въ улицу (48). Пишутъ, что Царь Казанскій, находясь въ числѣ любопытныхъ зрителей сего торжества, плюнулъ на одного Нѣмецкаго сановника, сказавъ ему: «За дѣло вамъ, безумцамъ! Вы научили Русскихъ владѣть оружіемъ: погубили насъ и самихъ себя!» — Государь принялъ Фирстенберга весьма благосклонно; исполнилъ всѣ обѣщанія Воеводъ и далъ ему Костромское мѣстечко Любимъ во владѣніе, гдѣ онъ и кончилъ дни свои, жалуясь на Судьбу, но искренно хваля милосердіе Іоанново (49).

Взятіе Феллина.

Слово Царя Казанскаго.

Паденіе Феллина предвѣстило совершенное паденіе Ордена. Города Тарвастъ, Руя, Верполь и многіе укрѣпленные замки сдалися. Князь Андрей Курбскій разбилъ новаго Орденскаго Ландмаршала близъ Вольмара, и свѣдавъ, что легкіе отряды Литовскіе приближаются къ Вендену, встрѣтилъ ихъ какъ непріятелей, обратилъ въ бѣгство, выгналъ изъ предѣловъ Ливоніи (50). Воевода Яковлевъ, опустошивъ приморскую часть Эстоніи, захватилъ множество скота и богатства, ибо знатнѣйшіе жители Гарріи укрывались тамъ съ своимъ имѣніемъ. Онъ шелъ мимо Ревеля: смѣлые граждане, числомъ менѣе тысячи, сдѣлали вылазку и были жертвою нашей превосходной силы; легли на мѣстѣ или отдалися въ плѣнъ. Вѣроятно, что Россіяне могли бы овладѣть тогда и Ревелемъ; но главный Воевода, Князь Мстиславскій, на пути къ нему хотѣлъ безъ Государева повелѣнія взять крѣпкій, окруженный вязкими ржавцами Вейсенштейнъ: стоялъ подъ нимъ шесть недѣль, не отважился на приступъ, издержалъ всѣ запасы и долженъ былъ осенью возвратиться въ Россію (51).

Въ сіе время Ливонія уже перестала мыслить о сохраненіи независимости: изнуренная безполезными усиліями, она искала только лучшаго Властелина, чтобы спасти бѣдные остатки свои отъ плѣна и меча Россіянъ. Фридерикъ, Король Датскій, хотѣлъ Эстоніи, и купилъ для своего брата, Магнуса, Епископство Эзельское: сей юный Принцъ, осужденный быть удивительнымъ игралищемъ Судьбы, весною 1560 года прибылъ въ Габзаль съ лестными обѣщаніями для Рыцарства. Король Шведскій не показывалъ властолюбивыхъ замысловъ на Орденскія земли, но боясь успѣховъ Россіи, далъ знать Магистру, что онъ готовъ снабдить Ревель воинскими запасами; что тамошніе жители, въ случаѣ осады, могутъ прислать женъ и дѣтей въ Финляндію; что Швеція, забывая невѣрность Ордена, искренно ему благопріятствуетъ и никогда не согласится на его уничтоженіе (52). Такъ думалъ старецъ Густавъ Ваза, умершій въ концѣ

Г.1560 —1561. 1560 года. Новый Король Эрикъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе: представилъ Чинамъ Эстонскимъ съ одной стороны неминуемую гибель, съ другой защиту, спасеніе, и безъ великаго труда убѣдилъ ихъ объявить себя подданными Швеціи, къ досадѣ Магистра, который находился въ тайныхъ переговорахъ съ Сигизмундомъ. Сіе важное происшествіе ускорило развязку Драмы. Видя, что ветхое зданіе Ордена рушится, Кетлеръ, Архіепископъ Рижскій и Депутаты Ливоніи спѣшили въ Вильну, гдѣ 28 Ноября 1561 года, въ присутствіи Короля и Вельможъ Литовскихъ, навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго *Братства*
Конецъ Ордена. *Меченосцевъ*, въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по коему Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ Государемъ Ливоніи — съ условіемъ не измѣнять ни Вѣры ея, ни законовъ, ни правъ гражданскихъ — а Кетлеръ наслѣдственнымъ Герцогомъ Курляндіи, Вассаломъ или подручникомъ Королевскимъ (53). Въ сей достопамятной грамотѣ сказано, что «Ливонія, терзаемая лютѣйшимъ изъ враговъ, не можетъ спастися безъ тѣснаго соединенія съ Королевствомъ Польскимъ; что Сигизмундъ обязанъ вступиться за Христіанъ, утѣсняемыхъ варварами; что онъ изгонитъ Россіянъ и внесетъ войну въ собственную ихъ землю: ибо лучше питаться кровію непріятеля, нежели питать его своею.» Возвратясь въ Ригу, Кетлеръ всенародно сложилъ съ себя достоинство Магистра, крестъ и мантію: Рыцари также, проливая слезы. Присягнувъ въ вѣрности къ Королю, онъ вручилъ его Намѣстнику, Князю Николаю Радзивилу, печать Ордена, грамоты Императоровъ и ключи городскіе; а Радзивилъ, именемъ Короля, далъ ему санъ Ливонскаго Правителя. — Такимъ образомъ земли Орденскія раздѣлились на пять частей: Нарва, Дерптъ, Аллентакенъ, нѣкоторые Уѣзды Ервенскіе, Вирландскіе и всѣ мѣста сосѣдственныя съ Россіею были завоеваны Іоанномъ; Швеція взяла Гаррію, Ревель и половину Вирландіи; Магнусъ владѣлъ Эзелемъ; Готгардъ Кетлеръ Курляндіею и Семигаліею; Сигизмундъ южною Ливоніею (54). Каждый изъ сихъ Владѣтелей, старался пріобрѣсти любовь новыхъ подданныхъ: ибо самъ Іоаннъ, ужасный въ видѣ непріятеля, изъявлялъ милость народу и Дворянству въ областяхъ завоеванныхъ. Но конецъ Ордена еще не могъ быть концемъ бѣдствій для стѣсненной Ливоніи, гдѣ четыре Сѣверныя Державы находились въ опасномъ совмѣстничествѣ другъ съ другомъ, и гдѣ каждая изъ нихъ желала распространить свое господство. Г.1560 —1561.

Въ то время, когда Шведское войско уже вступало въ Ревель, Эрикъ предлагалъ намъ миръ и дружбу, но съ условіемъ относиться во всемъ къ самому Царю, не къ Намѣстникамъ Новогородскимъ, и выключить изъ прежняго договора важную статью, коею Густавъ Ваза обязывался не помогать ни Литвѣ, ни Ордену. Чиновники Шведскіе въ переговорахъ съ Московскими Боярами сказали имъ въ угрозу: «Императоръ, Король Сигизмундъ и Фридерикъ Датскій убѣждаютъ Государю нашего вмѣстѣ съ ними воевать Россію. Послы ихъ въ Стокгольмѣ: Эрикъ не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта, ибо ждетъ вашего» (55). Бояре объявили, что Россія семь вѣковъ слѣдуетъ одной системѣ политической и не измѣняетъ старыхъ своихъ обычаевъ. «Въ Швеціи» — говорили они — «было много Владѣтелей до Эрика: который же не сносился съ Новымгородомъ? Густавъ Ваза, не хотѣвъ того, видѣлъ ужасное опустошеніе земли своей и смирился. Густавъ славился мудростію, а Эрикъ еще неизвѣстенъ. Легко начать злое дѣло, но трудно исправить его. Іоаннъ захотѣлъ – и взялъ два Царства: что сдѣлалъ вашъ Король новый? Или снова утвердите грамоту отца его, или вы еще не доѣдете до Стокгольма, а война уже запылаетъ — и не скоро угаснетъ ея пламя. Вы пугаете насъ Литвою, Цесаремъ, Даніею: будьте друзьями всѣхъ Царей и Королей: не устрашимся.» Сія твердость принудила Шведовъ возобновить старый договоръ. Хотя Іоаннъ не могъ безъ досады свѣдать о происшедшемъ въ Эстоніи; хотя чиновники Новогородскіе, посланные въ Стокгольмъ съ мирною грамотою, жаловались Царю, что Эрикъ принялъ ихъ весьма грубо (и даже предлагалъ имъ ѣсть мясо въ постные дни); хотя они дали знать Королю, что мы не будемъ равнодушными зрителями его властолюбія: однакожь миръ состоялся, ибо Царь не хотѣлъ умножать числа враговъ своихъ до времени, чтобы управиться съ главнымъ, то есть, съ Литвою. Переговоры съ Швеціею.

Мы говорили о сватовствѣ Іоанновомъ: онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ его и весьма ошибся, къ прискорбію своего

г. 1560 — 1561. самолюбія. Послы наши, отправленные въ Вильну, торжественно говорили Сигизмунду о мирѣ, а тайно о желаніи Царя быть ему зятемъ. Имъ надлежало выбрать или большую сестру Королевскую, Анну, или меньшую, Екатерину, смотря по ихъ *красотѣ*, *здоровью* и *дородству* (56). Они избрали Екатерину. Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что для сего нужно согласіе Императора, Князя Брауншвейгскаго и Короля Венгерскаго, ея покровителей и родственниковъ; что приданое невѣсты, хранимое въ Польской казнѣ, состоитъ изъ цѣпей, запонъ, платья и золота, всего на 100,000 червонныхъ; что хотя и не слѣдовало бы выдать меньшую сестру прежде большой, но онъ не противится сему браку, съ условіемъ, чтобы Екатерина осталась въ Римскомъ Законѣ. Послы желали представиться невѣстѣ: имъ дозволили видѣть ее въ церкви и вручили портреты обѣихъ сестеръ. — Но Сигизмундъ, увѣренный въ необходимости войны за Ливонію, считалъ безполезнымъ свойство съ Іоанномъ. Приславъ въ Москву Маршалка Шимковича будто бы для договора о мирѣ и сватовствѣ, онъ требовалъ Новагорода, Пскова, земли Сѣверской, Смоленска (57)! Посолъ уѣхалъ, и непріятельскія дѣйствія началися тѣмъ, что Литовскій Гетманъ Радзивилъ, вступивъ съ войскомъ въ Ливонію, взялъ городъ Тарвастъ (58): осада продолжалась пять недѣль, а Воеводы Московскіе не успѣли дать ему помощи; собирались, готовились и не хотѣли слушаться другъ друга, считаясь въ старѣйшинствѣ между собою. Тогдашняя строгость Іоаннова не унимала зловреднаго Мѣстничества, и Государь, казня Вельможъ за одно слово нескромное за укорительный взглядъ, за великодушную смѣлость, изъявлялъ снисхожденіе къ сему старому обычаю. Подвиги нашего многочисленнаго войска состояли единственно въ новомъ опустошеніи нѣкоторыхъ Ливонскихъ селеній. Князь Василій Глинскій и Петръ Серебряный ходили въ слѣдъ за Радзивиломъ и побили его отрядъ близъ Пернау. Литовцы, занявъ важнѣйшія крѣпости, не остались въ Тарвастѣ: Іоаннъ велѣлъ разорить сей городъ до основанія (59).

Война съ Литвою. Тогда Сигизмундъ написалъ къ Царю что долго и безполезно убѣждавъ его оставить Ливонію въ покоѣ, онъ долженъ прибѣгнуть къ оружію; что Радзивилъ, взявъ Тарвастъ, выпустилъ оттуда Россіянъ; что виновникъ кровопролитія дастъ отвѣтъ Богу; что мы еще можемъ отвратить войну, если выведемъ войско изъ бывшихъ Орденскихъ владѣній и заплатимъ всѣ убытки, или Европа увидитъ, на чьей сторонѣ правда и месть великодушная, на чьей лютость и стыдъ. Вручителю письма, Дворянину Корсаку, единовѣрцу нашему, Бояре объявили, что ему не будетъ оказано Посольской чести, ибо грамота Королевская исполнена выраженіи непристойныхъ; а Царь отвѣчалъ Сигизмунду: «Ты умѣешь слагать вину свою на другихъ. Мы всегда уважали твои *справедливыя* требованія; но забывъ условія предковъ и собственную присягу, ты вступаешься въ древнее достояніе Россіи: ибо Ливонія наша, была и будетъ. Упрекаешь меня гордостію, властолюбіемъ: совѣсть моя покойна; я воевалъ единственно для того, чтобы даровать свободу Христіанамъ, казнить невѣрныхъ или вѣроломныхъ. Не ты ли склоняешь Короля Шведскаго къ нарушенію заключеннаго имъ съ Новымгородомъ мира? Не ты ли говоря со мною о дружбѣ и сватовствѣ, зовешь Крымцевъ воевать мою землю? Грамота твоя къ Хану у меня въ рукахъ: прилагаю списокъ ея, да устыдишься (60). . . . И такъ уже знаемъ тебя совершенно, и болѣе знать нечего. Возлагаемъ надежду на Судію Небеснаго: Онъ воздастъ тебѣ по твоей злой хитрости и неправдѣ.»

Тогда Іоаннъ, уже рѣшительно оставивъ мысль быть Сигизмундовымъ зятемъ, искалъ себѣ другой невѣсты, въ земляхъ Азіатскихъ, по примѣру нашихъ древнихъ Князей. Ему сказали, что одинъ изъ знатнѣйшихъ Черкесскихъ Владѣтелей, Темгрюкъ, имѣетъ прелестную дочь: Царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, полюбилъ и велѣлъ учить Закону. Митрополитъ былъ ея воспріемникомъ отъ купели, давъ ей Христіанское имя Маріи (61). Бракъ совершился 21 Августа 1561 года; но Іоаннъ не переставалъ жалѣть о Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ досадовать, готовясь мстить Королю и за Ливонію и за отказъ въ сватовствѣ, оскорбительный для гордости жениха. Вторый бракъ Іоанновъ.

Однакожь, не смотря на взаимныя угрозы, воинскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался Хана и держалъ полки въ южной Россіи, гдѣ предводительствовалъ ими Князь Владиміръ Андреевичь (62); а Сигиз- г. 1562.

г. 1562. мундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Опочкѣ, къ Невлю. Князь Петръ Серебряный разбилъ Литовцевъ близъ Мстиславля: Курбскій выжегъ предмѣстіе Витебска; другіе Воеводы изъ Смоленска ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Копысу, Шклову. Болѣе грабили, нежели сражались (63). Панъ Ходкѣвичь, Предводитель Сигизмундова войска въ Ливоніи, убѣждалъ нашихъ Воеводъ не тратить людей въ безполезныхъ сшибкахъ. Начались-было и мирные переговоры: Вельможи Литовскіе писали къ Митрополиту и Боярамъ Московскимъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе. Старецъ Макарій велѣлъ сказать имъ: «знаю только дѣла церковныя; не *стужайте* мнѣ государственными;» а Бояре объявили, что Іоаннъ согласенъ на миръ, если Сигизмундъ не будетъ спорить съ нами ни о Ливоніи, ни о титулѣ Царскомъ. «Вспомните» — прибавили они — «что и самая Литва есть отчина Государей Московскихъ! Для спокойствія обѣихъ Державъ Іоаннъ хотѣлъ жениться на вашей Королевнѣ: Сигизмундъ отвергнулъ его предложеніе — и для чего? безъ сомнѣнія въ угодность Хану! Еще можно исправить зло: пользуйтесь временемъ» (64)! Но 1563 годъ наступалъ; а Послы Королевскіе, ожидаемые въ Москвѣ, не являлись: уже не боясь Хана, который, вступивъ въ южную Россію, бѣжалъ назадъ отъ города Мценска (65), Іоаннъ замыслилъ нанести важный ударъ Литвѣ.

Въ началѣ зимы собралися полки въ Можайскѣ: самъ Государь отправился туда Декабря 23; а съ нимъ Князь Владиміръ Андреевичь, Цари Казанскіе, Александръ и Симеонъ, Царевичи Ибакъ, Тохтамышъ, Бекбулатъ, Кайбула, и

г. 1563. сверхъ знатнѣйшихъ Воеводъ двѣнадцать Бояръ Думныхъ, 5 Окольничихъ, 16 Дьяковъ. Воиновъ было, какъ увѣряютъ, 280,000, обозныхъ людей 80,900 а пушекъ 200 (66). Сіе огромное, необыкновенное ополченіе столь незапно вступило въ Литву, что Король, находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Іоаннъ 31 Генваря осадилъ Полоцкъ, и 7 Февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 Литовцевъ съ двадцатью пушками идутъ отъ Минска: Гетманъ Радзивилъ предводительствовалъ ими; онъ далъ слово Королю спасти осажденный городъ, но встрѣченный Московскими Воеводами, г. 1563. Князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву; хотѣлъ единственно тревожить Россіянъ, и не успѣлъ ничего сдѣлать: ибо городъ 15 Февраля былъ уже въ рукахъ Іоанновыхъ. Тамошній начальникъ, именемъ Довойна, услужилъ Царю своею безразсудностію: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселянъ, и чрезъ нѣсколько дней выгнавъ ихъ, далъ случай Іоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Сіи несчастные шли на вѣрную смерть и были приняты въ Московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали намъ множество хлѣба, зарытаго ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно извѣстили гражданъ, что Царь есть отецъ всѣхъ единовѣрныхъ: побѣждая, милуетъ (67). Между тѣмъ ядра сыпались въ городъ; стѣны падали (68), и малодушный Воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріятелемъ снисходительнымъ, который обѣщалъ свободу личную, цѣлость имѣнія — и не сдержалъ слова. Полоцкъ славился торговлею, промышленостію, избыткомъ: Іоаннъ, взявъ государственную казну, взялъ и собственность знатныхъ, богатыхъ людей, Дворянъ, купцевъ: золото, серебро, драгоцѣнныя вещи; отправилъ въ Москву Епископа, Воеводу Полоцкаго, многихъ чиновниковъ Королевскихъ, Шляхту и гражданъ; велѣлъ разорить Латинскія церкви и крестить всѣхъ Жидовъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ (69). Одни Королевскіе иноземные воины могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали парядныя шубы и письменный, милостивый пропускъ, въ коемъ Іоаннъ съ удовольствіемъ назвалъ себя Великимъ Княземъ *Полоцкимъ*, приказывая своимъ Боярамъ, сановникамъ Россійскимъ, Черкесскимъ, Татарскимъ, Нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспоможеніе (70). Нѣсколько дней онъ праздновалъ сіе легкое, блестящее завоеваніе древняго Княжества Россіи, наслѣдія достопамятной Гориславы, знаменитаго въ Исторіи нашихъ междоусобій, и раннимъ подданствомъ Литвѣ спасеннаго отъ ига Моголовъ (71); послалъ всюду гонцевъ, чтобы Россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу, и писалъ къ Первосвятителю Макарію: «се нынѣ исполнилось пророчество дивнаго Петра Митрополита, сказавшаго,

Взятіе Полоцка.

г. 1563. что Москва вознесетъ руки свои на плеща враговъ ея» (72)!

Сигизмундъ и Паны его были въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы, и Воеводы Московскіе, не теряя времени, шли на Вильну, къ Мстиславлю, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно: ибо Гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Вельможи Королевскіе писали къ нашимъ Боярамъ, что Послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если мы остановимъ непріятельскія дѣйствія: а Царь, приказавъ отвѣтствовать, что *Послы ни сѣкутъ, ни рубятъ* (73), далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебенъ въ Софійскомъ Полоцкомъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному Князю Петру Шуйскому, Государь 26 Февраля выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ, распустилъ его въ Великихъ Лукахъ, спѣшилъ въ столицу и встрѣтилъ на пути Бояръ, высланныхъ къ нему изъ Москвы съ поздравленіями отъ сыновей и супруги. Мать Князя Владиміра Андреевича, Евфросинія, великолѣпно угостила его въ Удѣлѣ своего сына, въ Старицѣ. Царевичь Іоаннъ ждалъ родителя въ Обители Св. Іосифа, Ѳеодоръ въ селѣ Крылацкомъ. Тутъ былъ новый пиръ; а на другой день, 21 Марта, когда Государь ѣхалъ Крылацкимъ полемъ, явился Бояринъ Трахaніотовъ съ вѣстію, что Царица родила ему сына Василія (74). У церкви Бориса и Глѣба, на Арбатѣ, стояло Духовенство съ хоругвями и крестами: Іоаннъ благодарилъ Митрополита и Святителей за ихъ усердныя молитвы; Святители благодарили Царя за мужество и побѣду. Онъ шелъ въ торжествѣ, отъ Арбата до Соборовъ, среди Вельможъ и народа, среди привѣтствій и восклицаній, точно такъ, какъ по взятіи Казани . . . Не доставало народу единственно любви къ Государю, а Государю счастія: ибо его нѣтъ для Тирановъ! — Новорожденный Царевичь жилъ только пять недѣль.

Рожденіе Царевича Василія. Торжество Іоанново. Смерть Царевича.

Не сомнѣваясь въ продолженіи войны съ Литвою и надѣясь на благопріятное дѣйствіе своей знаменитой побѣды, Іоаннъ извѣстилъ о томъ Хана; писалъ къ нему съ гордостію и съ ласкою, напоминалъ искреннюю дружбу Менгли-Гирееву съ Великимъ Княземъ Іоанномъ, счастливую для обѣихъ Державъ, и всѣ худые успѣхи Крымскихъ впаденій, хотя вредныхъ для Россіи, но еще болѣе для самой Тавриды, уже бѣдной людьми, оружіемъ и конями; указывалъ на Христіанскія церкви въ Казани, въ Астрахани; хвалился усердіемъ вѣрныхъ Князей Черкесскихъ и Ногаевъ, сожалѣлъ о безсильной злобѣ Сигизмунда, наказаннаго стыдомъ, разореніемъ земли его, и говорилъ: «Всѣ Паны Королевскіе били челомъ Боярамъ нашимъ, да прекратимъ ихъ бѣдствія. Бояре молили Князя Владиміра Андреевича и вмѣстѣ съ нимъ пали къ ногамъ моимъ, вѣщая: *Государь! у васъ одна Вѣра: начто болѣе проливать кровь? Руки твои наполнились плѣна и богатства; ты взялъ лучшій городъ у Сигизмунда. Недругъ въ слезахъ, и желаетъ быть въ твоей волѣ.* Я не хотѣлъ оскорбить любезнаго мнѣ брата и Вельможъ добрыхъ: мы возвратились! . . . Угодно ли тебѣ быть моимъ другомъ» (75)? Уже нѣсколько лѣтъ Послы вѣроломнаго Девлетъ-Гирея сидѣли у насъ въ тѣсной неволѣ: ихъ освободили въ знакъ Государева къ нему благорасположенія; но Іоаннъ въ письмѣ своемъ не хотѣлъ его назвать *братомъ*, и вмѣсто старинногo *челобитья* приказалъ единственно поклонъ Хану. Не смотря на то, Посолъ Московскій, Аѳанасій Нагой, долженъ былъ за тайну объявить Крымскимъ Вельможамъ, что Царь удалилъ отъ себя Адашевыхъ, Воеводу Шереметева и Дьяка Ивана Михайлова будто бы за ихъ ненависть къ Девлетъ-Гирею (76)! Умъ, ловкость нашего Посла, и богатые дары произвели дѣйствіе: Ханъ склонился къ миру, года два не тревожилъ Россіи, и въ знакъ своего доброжелательства открылъ намъ важную тайну. Мы видѣли, что могущественный Солиманъ не равнодушно смотрѣлъ на успѣхи Іоаннова величія и на гибель Царствъ Мусульманскихъ (77): занимаясь другими, ближайшими опасностями и предпріятіями важнѣйшими для его славолюбія, онъ медлилъ; наконецъ по внушенію знатнаго бѣглеца Астраханскаго, Князя Ярлыгаша, замыслилъ великое дѣло: соединить Донъ съ Волгою прокопомъ, основать крѣпость на Переволокѣ (тамъ, гдѣ сіи рѣки сближаются), другую на Волгѣ, гдѣ нынѣ Царицынъ, третью близъ моря Каспійскаго, чтобы сперва утвердить безопасность своихъ Азовскихъ владѣній, а послѣ взять Астрахань, Казань, — стѣснить, ослабить Россію. Главнымъ орудіемъ или дѣй-

Дѣла Крымскія. Замыслъ Султановъ. г. 1563.

г. 1563. ствователемъ надлежало быть Хану: Султанъ велѣлъ ему итти къ Астрахани, обѣщая прислать Дономъ пушки и людей искусныхъ въ строеніи крѣпостей. Но, къ счастію Россіи, Девлетъ-Гирей страшился господства Турковъ еще болѣе, нежели ея силы: не хотѣлъ уступить имъ Царствъ Батыевыхъ, и стараясь доказать Султану невозможность успѣха, извѣстилъ Іоанна о семъ опасномъ для насъ предпріятіи, которое осталось тогда безъ исполненія. — Не смотря на дружелюбныя сношенія съ Крымомъ, Государь ласкалъ постояннаго врага Девлетъ-Гиреева, Главу Ногайскихъ Владѣтелей, Исмаила, который оберегалъ Астрахань, увѣдомлялъ насъ о вѣроломныхъ замыслахъ ея Князей, тайныхъ друзей Крыма, и, къ сожалѣнію Россіянъ, умеръ въ 1563 году, оставивъ сына, Тинъ-Ахмата, начальникомъ Орды Ногайской. Подобну отцу, сей Князь усердно искалъ Іоанновой милости ([78]).

Происшествія въ Ливоніи. Уже Польша, Данія и Швеція воевали за Ливонію; первыя двѣ хотѣли общими силами обуздать властолюбіе Эрика: ибо Шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вейсенштеинъ, у Датчанъ Леаль и Габзаль ([79]). Король Датскій, Фридерикъ, желалъ союза Іоаннова: Царь утвердилъ съ нимъ миръ, какъ бы изъ великодушія уступивъ ему Эзель и Викъ; но гордо отвергнулъ его посредничество въ нашихъ дѣлахъ съ Литвою, сказавъ: «мы сами умѣемъ стоять за себя, и кромѣ Божіей помощи не хотимъ никакой» ([80]). Онъ велѣлъ отвести дворы купцамъ Датскимъ въ Новѣгородѣ и Нарвѣ, съ условіемъ, чтобы и нашимъ отведены были такіе же въ Копенгагенѣ и Визби, гдѣ Россіяне издревле торговали. Гофмейстеръ Фридериковъ, Эллеръ Гарденбергъ, съ другими чиновниками былъ въ Москвѣ для договора: Князь Ромодановскій ѣздилъ въ Данію для размѣна грамотъ. — Въ то же время и Шведы старались всячески улестить опаснаго Царя: Эрикъ извинялся въ неучтивостяхъ, оказанныхъ нашимъ Посламъ, и прислалъ шесть знатныхъ сановниковъ въ Москву, чтобы заключить *договоръ о Ливоніи* съ самимъ Царемъ, а не съ его Воеводами ([81]). Отвѣтомъ была грубая насмѣшка. Іоаннъ велѣлъ сказать Эрику: «Когда я съ Дворомъ своимъ переселюсь въ Швецію, тогда повелѣвай и величайся — а не нынѣ! Я отъ тебя такъ далеко, какъ небо отъ земли.» Шведы уступили. Государь велѣлъ Боярину Морозову, Намѣстнику Ливонскому, дать Королю особенное перемиріе на семь лѣтъ по дѣламъ Ливоніи; *дозволилъ* Эрику владѣть Ревелемъ и всѣми занятыми имъ городами въ Эстоніи, но оставилъ себѣ право, по истеченіи означеннаго срока, изгнать оттуда Шведовъ какъ хищниковъ; то есть, Іоаннъ не мѣшалъ враждующимъ за Ливонію Державамъ изнурять другъ друга, готовый воспользоваться ихъ ослабленіемъ и присоединить ее къ Россіи. Увидимъ слѣдствія, какихъ не ожидала его хитрая Политика . . . Теперь будемъ говорить о внутреннихъ происшествіяхъ сего времени. г. 1563. Перемиріе съ Швеціею.

Вторый бракъ Іоанновъ не имѣлъ счастливыхъ дѣйствій перваго. Марія, одною красотою плѣнивъ супруга, не замѣнила Анастасіи ни для его сердца, ни для Государства, которое уже не могло съ мыслію о Царицѣ соединять мысль о Царской добродѣтели. Современники пишутъ, что сія Княжна Черкесская, дикая нравомъ, жестокая душею, еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ склонностяхъ ([82]), не умѣвъ сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо онъ уже вкусилъ опасную прелесть непостоянства и не зналъ стыда. Равнодушный къ Маріи, Іоаннъ помнилъ Анастасію, и еще лѣтъ семь, въ память ея, надѣлялъ богатою милостынею святые монастыри Аѳонскіе ([83]). Злонравіе супруги Іоанновой.

Такимъ же образомъ Государь честилъ и память своего брата, Юрія, умершаго въ исходѣ 1563 года ([84]). Сей Князь, скудный умомъ, пользовался наружными знаками уваженія, и неспособный ни къ ратнымъ, ни къ государственнымъ дѣламъ, только именемъ начальствовалъ въ Москвѣ, когда Царь выѣзжалъ изъ столицы. Но супруга его, Іуліанія, считалась второю Анастасіею по своимъ необыкновеннымъ достоинствамъ: она рѣшилась оставить свѣтъ. Іоаннъ, Царица Марія, Князь Владиміръ Андреевичъ, Бояре и народъ въ глубокомъ молчаніи шли за нею отъ Кремля до Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ, названная во Инокиняхъ Александрою, она хотѣла кончить дни свои въ мирѣ, не предвидя, что сей тронутый ея ревностнымъ, Ангельскимъ благочестіемъ Царь, исполненный къ ней — такъ казалось — любви и братской нѣжности, въ порывѣ безумнаго гнѣва будетъ ея свирѣпымъ убійцею! Онъ желалъ, чтобы невѣстка его Кончина К. Юрія. Постриженіе невѣстки Іоанновой.

г. 1563. и въ видѣ смиренной Монахини имѣла почести Царскія: устроилъ ей въ келліяхъ пышный Дворъ, далъ сановниковъ въ услугу и богатыя помѣстья во владѣніе, какъ бы желая тѣмъ еще привязать ее къ суетамъ міра (85)!

Пострижение Евфросиніи. Еще прежде Іуліаніи, волею или неволею, постриглась мать Князя Владиміра Андреевича, честолюбивая Евфросинія, вмѣстѣ съ сыномъ заслуживъ гнѣвъ Царя по доносу Дьяка ихъ, который за свои худыя дѣла сидѣлъ въ темницѣ. Государь призвалъ обвиняемыхъ, Митрополита, Епископовъ; *уличилъ* — какъ сказано въ лѣтописи — мать и сына *въ неправдѣ*, но, уваживъ моленіе Духовенства, изъ *милосердія* отпустилъ имъ вину. Тогда Евфросинія, оставивъ свѣтъ, заключилась въ Воскресенскомъ монастырѣ на Бѣлѣозерѣ, куда проводили ее знатные Дворскіе чиновники; а Князю Владиміру Іоаннъ далъ *новыхъ* Бояръ, Стольниковъ и Дьяковъ, взявъ его собственныхъ къ себѣ въ Царскую службу: то есть, окружилъ сего Князя надзирателями; между тѣмъ обходился съ нимъ ласково, ѣздилъ къ нему гостемъ въ Старицу, въ Верею, въ села Вышегородскія, чтобы пировать и веселиться (86). Еще внутренняя злоба таилась подъ личиною дружелюбія.

Кончина Макарія. Въ послѣдній день 1563 года скончался, въ глубокой старости, знаменитый Митрополитъ Макарій, обвиняемый современниками въ честолюбіи, въ робости духа, но хвалимый за благонравіе: не смѣлый обличитель Царскихъ пороковъ, но и не грубый льстецъ ихъ. За нѣсколько дней до смерти открывая душу предъ людьми и Богомъ въ грамотѣ прощальной, Макарій пишетъ, что, изнуряемый многими печалями, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя *житію молчальному* или пустынному, но Царь и Святители всегда неотступно убѣждали его остаться. Сей Пастырь Церкви не былъ, кажется, спокойнымъ зрителемъ Іоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану Іерарха. Ревностный къ успѣхамъ Христіанскаго просвѣщенія, онъ велѣлъ перевести Греческую Минею и прибавилъ къ ней Житія Святыхъ Россійскихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, для коихъ

Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги. Соборомъ 26 Февраля, 1547 года, уставилъ онъ службу и празднества: Новогородскому Архіепископу Іоанну, Александру Невскому, Савватію, Зосимѣ Соловецкимъ и другимъ (87). Макарій велѣлъ также сочинить извѣстную *Степенную Книгу*, доведенную отъ Рюрика до 1559 года, и способствовалъ учрежденію первой въ Москвѣ типографіи. Европа уже около ста лѣтъ пользовалась счастливымъ открытіемъ Гуттенберга, Фауста, Шеффера: Государи Московскіе слышали о томъ и хотѣли присвоить себѣ выгоду столь важную для успѣховъ просвѣщенія, имъ любезнаго. Великій Князь Іоаннъ III давалъ жалованье славному Любекскому типографщику Варѳоломею (88); Царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ *для книжнаго дѣла* и, какъ вѣроятно, нашелъ ихъ для образованія нашихъ собственныхъ въ Москвѣ: ибо въ 1553 году онъ приказалъ устроить особенный домъ книгопечатанія подъ руководствомъ двухъ мастеровъ, Ивана Ѳедорова, Діакона церкви Св. Николая Гостунскаго, и Петра Тимоѳеева Мстиславца, которые въ 1564 году издали *Дѣянія* и *Посланія* Апостоловъ, древнѣйшую изъ печатныхъ книгъ Россійскихъ, достойную замѣчанія красотою буквъ и бумаги (89). Заведеніе Типографіи. Въ прибавленіи сказано, что Макарій благословилъ Царя на благое дѣло доставить Христіанамъ, вмѣсто невѣрныхъ рукописей, печатныя, исправныя книги, содержащія въ себѣ и Законъ Божій и службу церковную: для чего надлежало сличать древнѣйшіе, лучшіе списки, дабы не обмануться ни въ словахъ, ни въ смыслѣ. Сіе важное предпріятіе, внушенное Христіанскою просвѣщенною ревностію, возбудило негодованіе многихъ грамотѣевъ, которые жили списываніемъ книгъ церковныхъ. Къ симъ людямъ присоединились и суевѣры, изумленные новостію (90). Начались толки, и художникъ Иванъ Ѳедоровъ, смертію Макарія лишенный усерднаго покровителя, какъ мнимый еретикъ долженъ былъ — вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Петромъ Мстиславцемъ — удалиться отъ гонителей въ Литву. Хотя Московская типографія, переведенная въ Александровскую Слободу (91), еще напечатала Евангеліе; но Царь уступилъ славу издать всю Библію Волынскому Князю Константину Константиновичу, одному изъ потомковъ Св. Владиміра. Изданіе Библіи въ Острогѣ. Сей Князь, ревностный сынъ нашей Церкви, съ любовію принявъ изгнанника, Ивана Ѳедорова, завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ; досталъ въ Москвѣ же (чрезъ Государственнаго Се-

г. 1563. кретаря Литовскаго, Гарабурду) полный списокъ Ветхаго и Новаго Завѣта, свѣрилъ его съ Греческою Библіею, присланною къ нему отъ Іереміи, Патріарха Константинопольскаго, исправилъ (посредствомъ нѣкоторыхъ Филологовъ) и напечаталъ въ 1581 году, заслуживъ тѣмъ благодарность всѣхъ единовѣрцевъ (92). — Между достопамятными церковными дѣяніями Макаріева времени замѣтимъ еще учрежденіе Полоцкой *Архіепископіи*, въ честь сего древняго Княжества и тамошняго знаменитаго храма Софійскаго. Бывшій Святитель Суздальскій, Трифонъ Ступишинъ, постриженникъ Св. Іосифа Волоцкаго, мужъ добродѣтельный, но ветхій и недужный, въ угодность Царю принялъ санъ Полоцкаго Архипастыря (93).

Полоцкая Архіепископія.

г. 1564. По кончинѣ Макарія всѣ Епископы съѣхалися въ Москву, чтобы избрать новаго Пастыря Церкви; но еще прежде того, исполняя волю Государеву, они Соборною грамотою уставили, что Митрополиты Россійскіе должны впредь носить *клобуки бѣлые, съ рясами и съ Херувимомъ*, какъ изображаются на иконахъ Митрополиты Петръ и Алексій, Новогородскій Архіепископъ Іоаннъ и Чудотворцы Ростовскіе Леонтій, Игнатій, Исаія. «*Для чего*» — сказано въ сей грамотѣ — «для чего одни Святители Новогородскіе носятъ нынѣ бѣлые клобуки, мы искали и не могли найти въ писаніяхъ. Да возвратится Митрополитамъ ихъ древнее отличіе! Да печатаютъ также, подобно Архіепископамъ Новогородскому и Казанскому, всѣ грамоты свои *краснымъ воскомъ*. Печать на одной сторонѣ должна представлять образъ Богоматери со Младенцемъ, а на другой руку *благословенную* съ именемъ Митрополита» (94). Чрезъ нѣсколько дней былъ избранъ въ Первосвятители Инокъ Чудова монастыря, Аѳанасій, бывшій Благовѣщенскій Протоіерей и Духовникъ Государевъ. По совершеніи Литургіи, Владыки, снявъ съ Митрополита одежду служебную, возложили на него *златую икону вратную*, мантію съ источниками и бѣлый клобукъ. Аѳанасій сталъ на Святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь Царя, далъ ему благословеніе, и громогласно молилъ Всевышняго, да ниспошлетъ здравіе и побѣды Іоанну (95). Онъ уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели! г. 1564.

Бѣлый клобукъ Митрополитовъ.

Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.

# ГЛАВА II.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

### Г. 1563 — 1569.

**Переговоры и война съ Литвою. Бѣгство Россіянъ въ Литву. Измѣна К. Андрея Курбскаго. Переписка его съ Царемъ. Нападеніе Литвы и Крымцевъ. Посольство В. Магистра Нѣмецкаго. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ. Письмо Царя къ Митрополиту и къ народу. Ужасъ въ Москвѣ. Учрежденіе Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская Слобода. Монашеская жизнь Іоаннова. Иноземные любимцы Іоанновы. Великодушіе Митрополита Филиппа. Третія эпоха убійствъ. Язва. Воинскія дѣйствія и переговоры. Земская Дума. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Шведскія. Важное предпріятіе Султана. Бѣдствіе Турковъ. Сношенія съ Персіею. Дань Сибирская. Торговля. Посольства Англійскія. Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію. Злодѣй Бомелій.**

г. 1563. Перемиріе, данное Іоанномъ Сигизмунду, не мѣшало Россіянамъ и Литовцамъ нападать другъ на друга. Первые малочисленными отрядами довершали завоеваніе Полоцкой области. Слуга Сигизмундовъ, Князь Михайло Вишневецкій, съ толпами Козаковъ и Бѣлогородскихъ Татаръ опустошалъ Уѣзды Черниговскіе, Стародубскіе (96): Князь Иванъ Щербатый, Сѣверскій Воевода, разбилъ его на голову. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ: наконецъ они пріѣхали, 5 Декабря 1563 года, и слѣдуя обыкновенію, требовали отъ насъ Новагорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній дѣда, отца Іоаннова и его собственныхъ; а Бояре наши, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, г. 1563.

Переговоры и война съ Литвою.

г. 1563. что мы для надежнаго мира должны взять у Литвы не только Кіевъ, Волынію, Подолію, но и Вильну, которая въ древнія времена принадлежала Россіи([97]). Они говорили о неправдахъ, лукавствѣ, спеси Короля, не хотящаго именовать Іоанна Царемъ и замышляющаго быть Государемъ Ливоніи, гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ, и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечемъ казнилъ своихъ подданныхъ, Нѣмцевъ, за ихъ бунтъ и непослушаніе. «Такъ было» — заключили Бояре словомъ Государя — «такъ было до временъ *великаго мстителя неправдамъ*, моего дѣда; до славнаго родителя моего, *обрѣтателя древней нашей отчины*, и до меня *смиреннаго*.» Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требованія; хотя мы соглашались уже не говорить о Вильнѣ, Подоліи, Волыніи, и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндію, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ: однакожь Послы не приняли сего условія. Іоаннъ изустно сказалъ имъ: «Если Король не хочетъ давать мнѣ Царскаго имени, да будетъ его воля! Не имѣю нужды въ титулѣ: ибо всѣмъ извѣстно, что родъ мой происходитъ отъ Кесаря Августа; а даннаго Богомъ человѣкъ не отниметъ.» Такая Генеалогія должна была удивить Пословъ: имъ безъ сомнѣнія объяснили ее. Надобно знать, что Московскіе книжники сего времени, можетъ быть въ угодность Іоаннову честолюбію, производили перваго Князя Новогородскаго, Рюрика, отъ мнимаго Прусса, Августова брата, который будто бы, оставивъ Римъ, сдѣлался Владѣтелемъ Пруссіи ([98]). Послы не спорили о предкахъ Рюриковыхъ, но не хотѣли утвердить за нами ни Полоцкой области, ни Ливоніи,
г. 1564. и выѣхали изъ Москвы 9 Генваря.

Тогда Воеводы Московскіе немедленно выступили, Шуйскій изъ Полоцка, Князья Серебряные-Оболенскіе изъ Вязьмы, чтобы дѣйствовать противъ Литвы: Государь велѣлъ имъ соединиться подъ Оршею, итти къ Минску, къ Новугородку Литовскому; назначилъ станы, предписалъ всѣ движенія. Но Князь Петръ Шуйскій, завоеватель Дерпта, славный и доблестію и человѣколюбіемъ, какъ бы ослѣпленный рокомъ, изъявилъ удивительную неосторожность: шелъ безъ всякаго устройства, съ толпами невооруженными; доспѣхи везли на саняхъ; впереди не было стражи; никто не думалъ г. 1564. о непріятелѣ — а Воевода Троцкій, Николай Радзивилъ, съ Дворомъ Королевскимъ, съ лучшими полками Литовскими, стоялъ близъ Витебска; имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ; зналъ все, и вдругъ, близъ Орши, въ мѣстахъ лѣсныхъ, тѣсныхъ, напалъ на Россіянъ. Не успѣвъ ни стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, Воеводы и воины. Несчастный Шуйскій заплатилъ жизнію за свою неосторожность. Одни пишутъ, что онъ былъ застрѣленъ въ голову и найденъ мертвый въ колодезѣ; другіе, что Литовскій крестьянинъ изрубилъ его сѣкирою ([99]). Изъ знатныхъ людей пали еще два брата, Князья Симеонъ и Ѳедоръ Палецкіе. Литовцы взяли въ плѣнъ Воеводу Захарія Плещеева-Очина, Князя Ивана Охлябинина и нѣсколько Дѣтей Боярскихъ, такъ, что мы изъ двадцати тысячь воиновъ лишились менѣе двухъ сотъ человѣкъ: всѣ другіе ушли въ Полоцкъ, оставивъ непріятелю въ добычу обозы и пушки. Тѣло Шуйскаго съ торжествомъ отвезли въ Вильну, а плѣнниковъ Россійскихъ представили больному Королю въ Варшавѣ: онъ велѣлъ пѣть молебны, и дѣйствіемъ радости исцѣлился отъ недуга ([100]).

Впрочемъ сія побѣда не имѣла дальнѣйшихъ счастливыхъ слѣдствій для Сигизмунда. Князья Оболенскіе стояли подъ Оршею: Радзивилъ не хотѣлъ сразиться съ ними; желалъ единственно, чтобы они вышли изъ Королевскихъ владѣній, и для того гонецъ Литовскій съ вѣстію о бѣдствіи Шуйскаго нарочно былъ посланъ въ Дубровну чрезъ такія мѣста, гдѣ ему надлежало встрѣтить Россіянъ: его схватили и привели къ Воеводамъ нашимъ, которые — узнавъ, что Февр. 9.
случилось — дѣйствительно возвратились къ Смоленску, но отмстивъ непріятелю огнемъ и мечемъ: выжгли селенія отъ Дубровны до Кричева; взяли въ плѣнъ множество земледѣльцевъ ([101]). Мѣсяцевъ пять миновало въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ: въ Іюлѣ Полководецъ Іоанновъ, Князь Юрій Токмаковъ, съ малочисленною пѣхотою и конницею ходилъ изъ Невля къ Озерищу, въ надеждѣ завладѣть симъ городомъ ([102]). Свѣ- Іюля 22.
давъ, что 12,000 Литовцевъ идутъ изъ Витебска спасти осажденныхъ, сей Воевода, извѣстный мужествомъ, отпустилъ снарядъ и пѣхоту на судахъ въ Невль, съ одною конницею встрѣтилъ непріяте-

г. 1564. ля и разбилъ его передовую дружину; но когда подошло главное войско Литовское, онъ долженъ былъ отступить, безчеловѣчно умертвивъ взятыхъ имъ плѣнниковъ. Смоленскій Воевода, Бутурлинъ, предводительствуя Дѣтьми Боярскими, Татарами, Мордвою, снова опустошилъ правый берегъ Днѣпра и вывелъ 4800 плѣнниковъ обоего пола. Между тѣмъ Литовцы тревожили впаденіемъ область Дерптскую (103); а Козаки Сигизмундовы грабили купцевъ и Посланниковъ Іоанновыхъ на пути изъ Москвы въ Тавриду. — Но скоро война сдѣлалась важнѣе, по крайней мѣрѣ для насъ опаснѣе, отъ неожидаемой измѣны одного изъ славнѣйшихъ Воеводъ Іоанновыхъ.

Бѣгство Россіянъ въ Литву. Ужасъ, наведенный жестокостями Царя на всѣхъ Россіянъ, произвелъ бѣгство многихъ изъ нихъ въ чужія земли. Князь Димитрій Вишневецкій служилъ примѣромъ: усердный ко славѣ нашего отечества, и любивъ Іоанна добродѣтельнаго, онъ не хотѣлъ подвергать себя злобному своенравію Тирана: изъ воинскаго стана въ южной Россіи ушелъ къ Сигизмунду, который принялъ Димитрія милостиво какъ злодѣя Іоаннова, и далъ ему собственнаго Медика, чтобы излечить сего славнаго воина отъ тяжкаго недуга, произведеннаго въ немъ отравою (104). Но Вишневецкій не думалъ лить крови единовѣрныхъ Россіянъ: тайно убѣждаемый нѣкоторыми Вельможами Молдавіи изгнать недостойнаго ихъ Господаря, Стефана, онъ съ дружиною вѣрныхъ Козаковъ спѣшилъ туда искать новой славы и былъ жертвою обмана; никто не явился подъ знамена Героя: Стефанъ плѣнилъ Вишневецкаго и послалъ въ Константинополь, гдѣ Султанъ велѣлъ умертвить его. — Въ слѣдъ за Вишневецкимъ отъѣхали въ Литву два брата, знатные сановники, Алексѣй и Гаврило Черкасскіе (105), безъ сомнѣнія угрожаемые опалою. Бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: *спасаться отъ мучителя;* но горе гражданину, который за тирана мститъ

Измѣна К. Андрея Курбскаго. отечеству! Юный, бодрый Воевода, въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ ознаменованный славными ранами, мужъ битвы и совѣта, участникъ всѣхъ блестящихъ завоеваній Іоанновыхъ, Герой подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ Башкирскихъ и на поляхъ Ливоніи, нѣкогда любимецъ, другъ Царя (106), возложилъ на себя печать стыда и долгъ на Историка вписать гражданина столь знаменитаго въ г. 1564. число государственныхъ преступниковъ. То былъ Князь Андрей Курбскій. Доселѣ онъ имѣлъ славу заслугъ, не имѣя ни малѣйшаго пятна на сей славѣ въ глазахъ потомства: но Царь уже не любилъ его какъ друга Адашевыхъ: искалъ только случая обвинить невиннаго. Начальствуя въ Дерптѣ, сей гордый Воевода сносилъ выговоры, разныя оскорбленія; слышалъ угрозы; наконецъ свѣдалъ, что ему готовится погибель. Не боясь смерти въ битвахъ, но устрашенный казнію, Курбскій спросилъ у жены своей, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго предъ собою или разстаться съ нимъ живымъ навѣки? Великодушная съ твердостію отвѣтствовала, что жизнь супруга ей драгоцѣннѣе счастія. Заливаясь слезами, онъ простился съ нею, благословилъ девятилѣтняго сына, ночью тайно вышелъ изъ дому, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, нашелъ двухъ осѣдланныхъ коней, изготовленныхъ его вѣрнымъ слугою, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго Литовцами (107). Тамъ Воевода Сигизмундовъ принялъ изгнанника какъ друга, именемъ Королевскимъ обѣщая ему знатный санъ и богатство. Первымъ дѣломъ Курбскаго было изъясниться съ Іоанномъ: открыть душу свою, исполненную горести и негодованія. Въ порывѣ сильныхъ чувствъ онъ написалъ письмо къ Царю: усердный слуга, единственный товарищъ его, взялся доставить оное, и сдержалъ слово: подалъ запечатанную бумагу самому Государю, въ Москвѣ, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: «отъ господина моего, твоего изгнанника, Князя Андрея Михайловича.» Гнѣвный Царь ударилъ его въ ногу острымъ жезломъ своимъ: кровь лилася изъ язвы: слуга, стоя неподвижно, безмолвствовалъ. Іоаннъ оперся на жезлъ и велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго такого содержанія (108): Переписка его съ Царемъ.

«Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному — нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, омраченному адскою злобою въ сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными Владыками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзалъ ты Сильныхъ, во Израилѣ, Вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь ихъ пролілъ во храмахъ Бо-

г. 1564. жіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ Царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь измѣнниками, Христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы Царства, гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни Германскія въ честь твоего имени? И что же воздаешь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія вышняго для Царя? . . . Не описываю всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости: еще душа моя въ смятеніи; скажу едино: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя изліянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣлахъ и въ тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю: слава моя была твоею. Не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ трудахъ и въ подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе Святыхъ и праотца моего, Князя Ѳеодора Ярославскаго ([109])... Мы разстались съ тобою навѣки: не увидишь лица моего до дни суда Страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола Его требуютъ мести! Не спасутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! — Сію грамоту, омоченную слезами моими, велю положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею на судъ Божій. Аминь. Писано въ градѣ Вольмарѣ, въ области Короля Сигизмунда, Государя *моего*, отъ коего съ Божіею помощію надѣюсь милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ.»

Іоаннъ выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вручителя, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства побѣга, всѣ тайныя связи, всѣхъ единомышленниковъ Курбскаго въ Москвѣ. Добродѣтельный слуга, именемъ Василій Шибановъ (сіе имя принадлежитъ Исторіи) не объявилъ ничего; въ ужасныхъ муках хвалилъ своего отца-господина; радовался мыслію, что за него умираетъ. Такая великодушная твердость, усердіе, любовь, изумили всѣхъ и самого Іоанна, какъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ изгнаннику: ибо Царь, волнуемый гнѣвомъ и внутреннимъ безпокойствомъ совѣсти, немедленно отвѣчалъ Курбскому. «Во имя Бога всемогущаго (пишетъ Іоаннъ), Того, Кѣмъ живемъ и движемся, Кѣмъ Цари царствуютъ и Сильные глаголютъ, смиренный Христіанскій отвѣтъ бывшему Россійскому Боярину, нашему Совѣтнику и Воеводѣ, Князю Андрею Михайловичу Курбскому, *восхотѣвшему быть Ярославскимъ Владыкою*. . . . Почто, несчастный, губишь свою душу измѣною, спасая бренное тѣло бѣгствомъ? Если ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для чего же не хотѣлъ умереть отъ меня, строптиваго Владыки, и наслѣдовать вѣнецъ Мученика? Что жизнь, что богатство и слава міра сего? суета и тѣнь: блаженъ, кто смертію пріобрѣтаетъ душевное спасеніе! Устыдися раба своего, Шибанова: онъ сохранилъ благочестіе предъ Царемъ и народомъ; давъ господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ ему при вратахъ смерти ([110]). А ты, отъ единаго моего гнѣвнаго слова, тяготишь себя клятвою измѣнниковъ; не только себя, но и душу предковъ твоихъ: ибо они клялися великому моему дѣду служить намъ вѣрно со всѣмъ ихъ потомствомъ. Я читалъ и разумѣлъ твое писаніе. Ядъ аспида въ устахъ измѣнника; слова его подобны стрѣламъ. Жалуешься на претерпѣнныя тобою гоненія; но ты не уѣхалъ бы ко врагу нашему, если бы мы не излишно миловали васъ, недостойныхъ! Я иногда наказывалъ тебя за вины, но всегда легко, и съ любовію; а жаловалъ примѣрно. Ты въ юныхъ лѣтахъ былъ Воеводою и Совѣтникомъ Царскимъ; имѣлъ всѣ почести и богатство. Вспомни отца своего: онъ служилъ въ Боярахъ у Князя Михайла Кубенскаго! Хвалишься пролитіемъ крови своей въ битвахъ: но ты единственно платилъ долгъ отечеству. И велика ли слава твоихъ подвиговъ? Когда Ханъ бѣжалъ отъ Тулы, вы пировали на обѣдѣ у Князя Григорія Темкина, и дали непріятелю время уйти во-свояси ([111]). Вы были подъ Невлемъ съ 15,000 и не умѣли разбить четырехъ тысячъ Литовцевъ ([112]). Говоришь о Царствахъ Ба- г. 1564.

г. 1564. тьевыхъ, будто бы вами покоренныхъ: разумѣешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани): но чего намъ стоило вести васъ къ побѣдѣ? Сами итти не желая, вы безумными словами и въ другихъ охлаждали ревность къ воинской славѣ ([113]). Когда буря истребила подъ Казанью суда наши съ запасомъ, вы хотѣли бѣжать малодушно — и безвременно требовали рѣшительной битвы, чтобы возвратиться въ домы, побѣдителями или побѣжденными, но только скорѣе. Когда Богъ даровалъ намъ городъ, что вы дѣлали? грабили! А Ливоніею можете ли хвалиться? Ты жилъ праздно во Псковѣ, и мы семь разъ писали къ тебѣ, писали къ Князю Петру Шуйскому: *идите на Нѣмцевъ!* Вы съ малымъ числомъ людей взяли тогда болѣе пятидесяти городовъ; но своимъ ли умомъ и мужествомъ? Нѣтъ, только исполненіемъ, хотя и лѣнивымъ, нашего распоряженія. Чтожь вы сдѣлали послѣ съ своимъ мудрымъ начальникомъ, Алексѣемъ Адашевымъ, имѣя у себя войско многочисленное? едва могли взять Феллинъ: ушли отъ Пайды (Вейсенштейна)! Если бы не ваша строптивость, то Ливонія давно бы вся принадлежала Россіи. Вы побѣждали невольно, дѣйствуя какъ рабы, единственно силою понужденія. Вы, говорите, проливали за насъ кровь свою: мы же проливали потъ и слезы отъ вашего неповиновенія ([114]). Что было отечество въ ваше царствованіе и въ наше малолѣтство? пустынею отъ Востока до Запада; а мы, унявъ васъ, устроили села и грады тамъ, гдѣ витали дикіе звѣри. Горе дому, коимъ владѣетъ жена; горе Царству, коимъ владѣютъ многіе! Кесарь Августъ повелѣвалъ вселенною, ибо не дѣлился ни съ кѣмъ властію: Византія пала, когда Цари начали слушаться Эпарховъ, Синклитовъ и Поповъ, братьевъ вашего Сильвестра.» Тутъ Іоаннъ описываетъ уже извѣстныя Читателю вины бывшихъ своихъ любимцевъ ([115]) и продолжаетъ: «Безстыдная ложь, что говоришь о нашихъ мнимыхъ жестокостяхъ! Не губимъ *сильныхъ во Израилѣ;* ихъ кровію не обагряемъ церквей Божіихъ: *сильные*, добродѣтельные здравствуютъ и служатъ намъ. Казнимъ однихъ измѣнниковъ — и гдѣ же щадятъ ихъ? Константинъ Великій не пощадилъ и сына своего; а предокъ вашъ, святый Князь Ѳеодоръ Ростиславичь, сколько убилъ Христіанъ въ Смоленскѣ ([116])? Много опалъ, горестныхъ для моего г. 1564. сердца; но еще болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ извѣстныхъ. Спроси у купцевъ чужеземныхъ, пріѣзжающихъ въ наше Государство: они скажутъ тебѣ, что твои *предстатели* суть злодѣи уличенные, коихъ не можетъ носить земля Русская. И что такое *предстатели отечества?* Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны, Юпитеры? Доселѣ Владѣтели Россійскіе были вольны, независимы: жаловали и казнили своихъ подданныхъ безъ отчета ([117]). Такъ и будетъ! Уже я не младенецъ. Имѣю нужду въ милости Божіей, Пречистыя Дѣвы Маріи и Святыхъ Угодниковъ: наставленія человѣческаго не требую. Хвала Всевышнему: Россія благоденствуетъ; Бояре мои живутъ въ любви и согласіи: одни друзья, совѣтники ваши, еще во тьмѣ коварствуютъ. — Угрожаешь мнѣ судомъ Христовымъ на томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ мірѣ нѣтъ власти Божіей? Вотъ ересь Манихейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ только на небесахъ, Діаволъ во адѣ, на землѣ же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! вездѣ Господня Держава, и въ сей и въ будущей жизни. — Ты пишешь, что я не узрю здѣсь лица твоего *Еѳіопскаго*: горе мнѣ! какое бѣдствіе! — Престолъ Всевышняго окружаешь ты убіенными мною: вотъ новая ересь! Никто, по слову Апостола, не можетъ видѣть Бога. — Положи свою грамоту въ могилу съ собою: симъ докажешь, что и послѣдняя искра Христіанства въ тебѣ угасла: ибо Христіанинъ умираетъ съ любовію, съ прощеніемъ, а не съ злобою. — Къ довершенію измѣны называешь Ливонскій городъ Вольмаръ областію Короля Сигизмунда, и надѣешься отъ него милости, оставивъ своего законнаго, Богомъ даннаго тебѣ Властителя. Ты избралъ себѣ Государя лучшаго! Великій Король твой есть рабъ рабовъ: удивительно ли, что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: Соломонъ не велитъ плодить рѣчей съ безумными: таковъ ты дѣйствительно. — Писано нашея Великія Россіи въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта мірозданія 7072, Іюля мѣсяца въ 5 день.»

Сіе письмо, наполненное изрѣченіями Ветхаго и Новаго Завѣта, свидѣтельствами историческими, богословскими толкованіями и грубыми насмѣшками, составляетъ цѣлую книгу въ подлинникѣ. Курбскій отвѣтствовалъ на оное съ презрѣніемъ: стыдилъ Іоанна забвеніемъ

г. 1564. Властительскаго достоинства, унижаемаго языкомъ браннымъ, суесловіемъ жалкимъ, непристойною смѣсію Божественныхъ сказаній съ ложью и клеветами. « Я невиненъ, и бѣдствую въ изгнаніи,» говоритъ онъ: «добрые жалѣютъ обо мнѣ: слѣдственно не ты! Пождемъ мало: истина не далеко» (118). Доселѣ можемъ осуждать изгнанника только за *язвительность* жалобы, и за то, что онъ наслажденію мести, удовольствію терзать мучителя словами смѣлыми, пожертвовалъ добрымъ, усерднымъ слугою: по крайней мѣрѣ еще не видимъ въ немъ государственнаго преступника, и не можемъ вѣрить обвиненію, что Курбскій хотѣлъ будто бы назваться *Государемъ Ярославскимъ* (119). Но, увлеченный страстію, сей мужъ злополучный лишилъ себя выгоды быть правымъ и главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ: внутренняго чувства добродѣтели. Онъ могъ безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища отъ гонителя въ самой Литвѣ: къ несчастію, сдѣлалъ болѣе: присталъ ко врагамъ отечества. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ (120), онъ предалъ ему свою честь и душу; совѣтовалъ, какъ губить Россію; упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ его дѣйствовать смѣлѣе, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ насъ Хана — и скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 Литовцевъ, Ляховъ, Прусскихъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ, съ измѣнникомъ Курбскимъ идутъ къ Полоцку; что Девлетъ-Гирей съ 60,000 хищниковъ вступилъ въ Рязанскую область (121). . . .

Нападеніе Литвы и Крымцевъ.

Сія послѣдняя вѣсть изумила Царя: онъ ѣхалъ тогда на богомолье въ Суздаль, всякой день ожидая новой Шертной грамоты отъ Хана, который обѣщалъ ему и миръ и союзъ. Грамота въ самомъ дѣлѣ была написана, и Посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, уже готовился къ отъѣзду изъ Тавриды (122); но золото Сигизмундово все перемѣнило: взявъ его, Девлетъ-Гирей устремился на Россію, беззащитную, какъ онъ думалъ: ибо Король писалъ къ нему, что Іоаннъ со всѣми полками на Ливонской границѣ. Обманутый дружелюбными увѣреніями Хана, Царь дѣйствительно распустилъ наши полки Украинскіе, такъ что въ Рязани, осажденной Девлетъ-Гиреемъ, не было ни одного воина, кромѣ жителей. Она спаслася геройствомъ двухъ любимцевъ Государевыхъ, Боярина Алексѣя Басманова и сына его, Ѳедора, которые, находясь тогда въ ихъ богатомъ помѣстьѣ на берегу Оки, первые извѣстили Царя о непріятелѣ, первые вооружились съ людьми своими, разбили нѣсколько отрядовъ Ханскихъ и засѣли въ Рязани, гдѣ ветхія стѣны падали, но гдѣ ревность, неустрашимость сихъ витязей, вмѣстѣ съ увѣщаніями Епископа Филоѳея, одушевили гражданъ рѣдкимъ мужествомъ. Крымцы приступали днемъ и ночью безъ успѣха: трупы ихъ лежали грудами подъ стѣнами. Дѣйствіе нашего огнестрѣльнаго снаряда не давало имъ отдыха и въ станѣ. Узнавъ, что Іоаннъ въ Москвѣ; что Воеводы Ѳедоровъ и Яковлевъ съ Царскою дружиною уже стоятъ на берегу Оки; что изъ Михайлова, изъ Дѣдилова идетъ къ нимъ войско — что смѣлые наѣздники Россійскіе вездѣ бьютъ Крымцевъ, приближаясь къ самому ихъ стану — Девлетъ-Гирей ушелъ еще скорѣе, нежели пришелъ; не дождался и своихъ отрядовъ, которые жгли берега Оки и Вожи. За нимъ не гналися; но Ширинскій Князь его, Мамай, хотѣвъ долѣе грабить въ селахъ Пронскихъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ 500 Крымцевъ; на мѣстѣ легло ихъ болѣе трехъ тысячь (123). Чрезъ 6 дней все затихло: уже не было слуха о Крымцахъ. Іоаннъ, оставивъ Царицу и дѣтей въ Александровской Слободѣ, выѣзжалъ изъ Москвы къ войску, когда Басмановы донесли ему о бѣгствѣ непріятеля: личная доблесть и слава сихъ двухъ любимцевъ еще болѣе оживляла его радость: онъ далъ имъ золотыя медали. г. 1564.

Вниманіе Государя обратилось на Полоцкъ: и тамъ мы торжествовали, къ стыду измѣнника нашего и гордаго Пана Радзивила, главнаго Воеводы Сигизмундова. Они расположились станомъ въ двухъ верстахъ отъ города, между рѣками Двиною и Полотою, въ надеждѣ, что возьмутъ его однимъ страхомъ или измѣною; но Воевода Полоцкій, Князь Петръ Щенятевъ, отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывшій Царь Казанскій Симеонъ, Князья Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебряные спѣшили изъ Великихъ Лукъ зайти непріятелю въ тылъ: ибо Государь, угадывая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно усилилъ полки свои на сей границѣ. Радзивилъ

г. 1564. не имѣлъ довѣренности къ Курбскому (такова участь предателей!): вопреки его мнѣнію, опасался битвы, въ коей могъ быть между двумя огнями; 17 дней стоялъ праздно; терялъ людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости — и 4 Октября перешелъ на Литовскую сторону Двины ([124]). Сего не довольно: Воеводы Московскіе, изгнавъ Литовцевъ, взяли

6 Ноября. приступомъ Озерище, и славный побѣдитель Шуйскаго не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы спасти сію важную крѣпость. — Въ туже осень Князь Василій Прозоровскій отразилъ Литовцевъ отъ Чернигова, и взявъ знамя Пана Сапѣги, заслужилъ Царскую милость ([125]). Зимою Курбскій съ 15,000 воиновъ Королевскихъ входилъ въ область Великихъ Лукъ; но подвиги его состояли единственно въ разореніи селъ, даже монастырей. «То сдѣлалось противъ моей воли,» писалъ онъ къ Іоанну: «нельзя было удержать хищныхъ ратниковъ. Я воевалъ мое отечество такъ же, какъ Давидъ, гонимый Сауломъ, воевалъ землю Израильскую» ([126]).

Къ общему распоряженію Короля принадлежали и дѣйствія Воеводъ его въ Ливоніи: чтобы способствовать успѣхамъ Хана и Радзивила, онъ велѣлъ Князю Александру Полубенскому и другимъ своимъ Воеводамъ итти къ Маріенбургу, Дерпту, въ область Псковскую. Было нѣсколько дѣлъ, довольно важныхъ: въ одномъ храбрый витязь Іоанновъ, Василій Вешняковъ, разбилъ непріятеля, а въ другомъ Князь Иванъ Шуйскій и Меньшій Шереметевъ уступили ему поле битвы ([127]). Литовцы не могли овладѣть Краснымъ; не могли защитить окрестностей Шмильтена, Вендена, Вольмара, Роннебурга, откуда мужественный Воевода Бутурлинъ вывелъ 3200 плѣнниковъ: за что Государь прислалъ къ нему золотыя медали. Силы Литовцевъ были раздѣлены: они сражались и съ нами и съ Шведами; послѣдніе же на сухомъ пути съ ними, а на морѣ съ Датчанами, за спорную Ливонію, къ удовольствію Іоанна, который внутренно смѣялся надъ ихъ усиліями, считая себя единственнымъ ея законнымъ Государемъ.

Посольство В. Магистра Нѣмецкаго. Іоаннъ надѣялся еще далѣе распространить пламя войны Ливонской и найти новаго, усерднаго сподвижника противъ Короля Сигизмунда въ Великомъ Магистрѣ Нѣмецкомъ, Вольфгангѣ: ибо сей древній Орденъ, утративъ свое бытіе въ Пруссіи, былъ возстановленъ въ Германіи ([128]), болѣе именемъ и обрядами, нежели духомъ и характеромъ. г. 1564. Вольфгангъ писалъ къ Царю, что онъ мыслитъ съ помощію Императора завоевать Пруссію, желаетъ союза Россіи, дабы общими силами наступить на Сигизмунда, и шлетъ Пословъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали (въ Сентябрѣ 1564 года) съ письмами отъ Императора Фердинанда и Магистра, но единственно для того, чтобы исходатайствовать свободу плѣннику, старцу Фирстенбергу: не было слова о союзѣ и войнѣ. Государь съ досадою отвѣтствовалъ, что Магистръ нынѣ говоритъ одно, а завтра иное; что если Вольфгангъ отниметъ у Сигизмунда Ригу и Венденъ, то Царь пожалуетъ ими Фирстенберга; что Императору не будетъ отвѣта, ибо онъ писалъ къ Царю не съ своимъ, а съ чужими Послами ([129]).

Такимъ образомъ измѣна Курбскаго и замыселъ Сигизмундовъ потрясти Россію произвели одну кратковременную тревогу въ Москвѣ. Но сердце Іоанново не успокоилось, болѣе и болѣе кипѣло гнѣвомъ, волновалось подозрѣніями. Всѣ добрые Вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго: онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи; требовалъ доносовъ, и жаловался, что ихъ мало: самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были предъ нимъ, и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для новыхъ ужасовъ — и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 года, Москва узнала, что Царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, Дворянами, людьми Приказными, воинскими, поимянно созванными для того изъ самыхъ городовъ отдаленныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми ([130]). 3 Декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, Бояре ждали Государя въ церкви Успенія: онъ пришелъ и велѣлъ Митрополиту служить Обѣдню; молился съ усердіемъ; принялъ благословеніе отъ Аѳанасія, милостиво далъ цѣловать руку свою Боярамъ, чиновникамъ, купцамъ; сѣлъ въ сани съ Царицею, съ

г. 1564. двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ ([131]), Иваномъ Чеботовымъ, съ другими любимцами, и провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское, гдѣ жилъ двѣ недѣли за распутьемъ: ибо сдѣлалась необыкновенная оттепель, шли дожди и рѣки вскрылись. 17 Декабря онъ съ обозами своими переѣхалъ въ село Тайнинское, оттуда въ монастырь Троицкій, а къ Рождеству въ Александровскую Слободу. — Въ Москвѣ, кромѣ Митрополита, находились тогда многіе Святители: они вмѣстѣ съ Боярами, вмѣстѣ съ народомъ — не зная, что думать о Государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи — безпокоились, унывали, ждали чего нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

г. 1565. Письмо Іоанново къ Митрополиту и къ народу.

3 Генваря вручили Митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройства, беззаконія Боярскаго правленія во время его малолѣтства; доказывалъ, что и Вельможи и Приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья Государевы: радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество; что сей духъ въ нихъ не измѣнился; что они не престаютъ злодѣйствовать: Воеводы не хотятъ быть защитниками Христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ Хану, Литвѣ, Нѣмцамъ терзать Россію; а если Государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ Боярамъ и чиновникамъ, то Митрополитъ и Духовенство вступаются за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему. «Въ слѣдствіе чего» — писалъ Іоаннъ — «не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца оставили Государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь» ([132]). — Другую грамоту прислалъ онъ къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ: Дьяки Путило Михайловъ и Андрей Васильевъ въ собраніи народа читали оную всенародно. Царь увѣрялъ добрыхъ Москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Ужасъ въ Москвѣ.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. «Государь насъ оставилъ!» вопилъ народъ: «мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплеменными? Какъ могутъ быть г. 1565. овцы безъ пастыря?» Духовенство, Бояре, сановники, Приказные люди, проливая слезы, требовали отъ Митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: «Пусть Царь казнитъ своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и въ смерти воля его; но Царство да не останется безъ Главы! Онъ нашъ Владыка, Богомъ данный: инаго не вѣдаемъ. Мы всѣ *съ своими головами* ѣдемъ за тобою *бить челомъ Государю* и *плакаться.*» То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: «Пусть Царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ: мы сами истребимъ ихъ!» Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ Царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы Архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, Приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными Послами Святителя Новогородскаго Пимена и Чудовскаго Архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе Епископы: Никандръ Ростовскій, Елевѳерій Суздальскій, Филоѳей Рязанскій, Матѳей Крутицкій, Архимандриты Троицкій, Симоновскій, Спасскій, Андрониковскій; за Духовенствомъ Вельможи, Князья Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій, Иванъ Ѳеодоровичь Мстиславскій, — всѣ Бояре, Окольничіе, Дворяне и Приказные люди, прямо изъ палатъ Митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане, чтобы *ударить челомъ Государю и плакаться.*

Святители остановились въ Слотинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну: онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую Слободу съ приставами, и 5 Генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ Царю благословеніе отъ Митрополита, Епископы слезно молили его снять опалу съ Духовенства, съ Вельможъ, Дворянъ, Приказныхъ людей, не оставлять Государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили наконецъ, чтобы онъ дозволилъ Боярамъ видѣть очи Царскія. Іоаннъ впустилъ и Бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали Царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами Природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ.

г. 1565. «Когда» — сказали вмѣстѣ и Духовные и Государственные сановники — «когда ты не уважаешь мірскаго величія и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чудеса Божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи Угодниковъ Христовыхъ. Вспомни, что ты блюститель не только Государства, но и Церкви: первый, единственный Монархъ Православія! Если удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей Вѣры? Кто спасетъ милліоны душъ отъ погибели вѣчной» ([133])? — Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки Боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости; ссылался на Исторію; доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами Державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ: хотѣля (обвиненіе новое!) извести Царя, супругу, сыновей его. . . Бояре безмолвствовали. «Но» — продолжалъ Царь — «для отца моего Митрополита Аѳанасія, — для васъ, богомольцевъ нашихъ, Архіепископовъ и Епископовъ, соглашаюсь паки *взять свои Государства;* а на какихъ условіяхъ, вы узнаете.» Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ, опалою, смертію, лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стуженія, безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны Духовенства. Въ сихъ десяти словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ Боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить Царя Царству — и всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость, Вельможи и Духовенство, у коего отнималъ Государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія! — Грозный Владыка, какъ бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ Святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе; удержалъ въ Слободѣ Князей Бѣльскаго и Щенятева, а другихъ Бояръ, вмѣстѣ съ Дьяками, отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ Приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала Царя, и долго; говорили, что онъ занимается тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними; угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2 Февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ Духовенство, Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ ([134]). Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ; имѣлъ *высокія* плеча, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ Римскій, глаза не большіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, и лице нѣкогда пріятное ([135]). Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что не льзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость; всѣ черты исказились; взоръ угасъ; а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса ([136]), отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вины Бояръ, и подтвердивъ согласіе остаться Царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности Вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе Державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры — о кратковременности жизни, о необходимости видѣть далѣе гроба, и предложилъ уставъ *Опричнины* ([137]): имя, дотолѣ неизвѣстное! Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти; но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію.

Учрежденіе Опричнины.

1) Царь объявлялъ своею собственностію города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галичь, Юрьевецъ, Балахну, Вологду, Устюгъ, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости Московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ Князей, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, и давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ улицы Чертольскую, Арбатскую съ Сивцовымъ Врагомъ, половину Никитской съ разными слободами, откуда надлежало выслать всѣхъ Дворянъ и Приказныхъ людей, не записанныхъ въ Царскую тысячу; 4) назначилъ *особенныхъ* сановниковъ для услугъ своихъ: Дворецкаго, Казначеевъ, Ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія Кремлевскія и священные гробы пред-

г. 1565. ковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III: указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною ([138]). Сія часть Россіи и Москвы, сія тысящная дружина Іоаннова, сей новый Дворъ, какъ отдѣльная собственность Царя находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы *Опричниною;* а все остальное — то есть, все Государство — *Земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ *Боярамъ Земскимъ*, Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ, велѣвъ старымъ Государственнымъ чиновникамъ — Конюшему, Дворецкому, Казначеямъ, Дьякамъ — сидѣть въ ихъ Приказахъ, рѣшить всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ Боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ Государю. То есть, Іоаннъ по видимому желалъ какъ бы удалиться отъ Царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго Владѣтеля, и въ доказательство, что *Государево* и *Государственное* уже не одно знаменуютъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны Земской 100,000 рублей за издержки его путешествія отъ Москвы до Слободы Александровской ([139])! — Никто не противорѣчилъ: воля Царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

Вторая эпоха казней.

4 Февраля Москва увидѣла исполненіе *условій*, объявленныхъ Царемъ Духовенству и Боярамъ въ Александровской Слободѣ ([140]). Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной Царицы Анастасіи и дѣтей его ([141]). Первою жертвою былъ славный Воевода, Князь Александръ Борисовичь Горбатый-Шуйскій, потомокъ Св. Владиміра, Всеволода Великаго и древнихъ Князей Суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго Царства, мужъ *ума глубокаго*, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и Христіанинъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ, Петромъ, семнадцати-лѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно, держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца, и первый склонилъ подъ мечь свою голову: родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ: «да не зрю тебя мертваго!» Юноша уступилъ ему первенство, взялъ отсѣченную голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицемъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача ([142]). Шуринъ Горбатаго, Петръ Ховринъ (родомъ Грекъ), Окольничій Головинъ, Князь Иванъ Сухой-Кашинъ, и Кравчій, Князь Петръ Ивановичь Горенскій, были казнены въ тотъ же день; а Князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ ([143]): пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый Вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ Канонъ Іисусу. Двухъ Бояръ, Князей Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмаго, постригли; у многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ отняли имѣніе; другихъ съ семействами сослали въ Казань ([144]). — Одинъ изъ знатнѣйшихъ Вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной Царицы Анастасіи, Бояринъ и Воевода Иванъ Петровичь Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями Святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ Папѣ, ни къ Императору, ни къ Султану, ни къ *Князю Владиміру Андреевичу*, и не имѣть съ нимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Мы упоминали о ссылкѣ первостепеннаго Боярина, славнаго Воеводы, Князя Михайла Воротынскаго: лишенный имѣнія, онъ года четыре жилъ на Бѣлѣозерѣ, получая изъ Государевой казны около 100 рублей ежегодно, сверхъ запаса, винъ, плодовъ иноземныхъ, одежды, бѣлья ([145]). Наконецъ Іоаннъ возвратилъ сего знаменитаго изгнанника ко Двору, въ Думу: сдѣлалъ Намѣстникомъ Казанскимъ и *Державцемъ* Новосильскимъ, обязавъ его въ вѣрности такою же грамотою, какъ и Яковлева, съ прибавленіемъ, что Митрополитъ и Епископы были ихъ ходатаями. Не велѣвъ Духовенству вступаться за опальныхъ, Царь желалъ польстить ему симъ милостивымъ словомъ. Но ходатаевъ уже не было! Духовенство могло только слезами орошать Олтари и возсылать теплыя молитвы къ Богу о спасеніи несчастныхъ! — Другіе Бояре — Левъ Андреевичь Салтыковъ, Князья Василій Серебряный, Иванъ Охлябининъ, Захарія Очинъ-Плещеевъ — долженствовали представить за себя ручателей въ неизмѣнной службѣ Государю; а въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели (не только именитые

г. 1565. сановники, но и купцы) обязывались внести знатную сумму денегъ въ казну: на примѣръ, за Князя Серебрянаго 25,000 рублей или около полумилліона нынѣшнихъ ([146]). Предосторожность безполезная и постыдная для Государя; но сей Государь былъ тиранъ!

Послѣ казней Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой Дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, Князь Аѳанасій Вяземскій ([147]), и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ Дѣтей Боярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но такъ называемымъ удальствомъ, распутствомъ, готовностію на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ: требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными Боярами; неизвѣстность, самая низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, Царь избралъ 6000, и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ *Земскими* (то есть, со всѣми не записанными въ Опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно Государя. За то Государь далъ имъ не только земли, но и домы и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ Опричнины съ голыми руками, такъ, что многіе изъ нихъ, люди заслуженые, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія: новые Дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностію закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились. Но сіе зло казалось еще маловажнымъ въ сравненіи съ другимъ. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ Опричнымъ: они были всегда правы въ судахъ, а на нихъ не было ни суда, ни управы. Опричникъ или *Кромѣшникъ* — такъ стали называть ихъ, какъ бы извергов тьмы *кромѣшней* ([148]) — могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда, и въ случаѣ жалобы бралъ съ него пеню за безчестье. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдующее вошло въ обыкновеніе: слуга Опричника, исполняя волю г. 1565. господина, съ нѣкоторыми вещами прятался въ домѣ купца или Дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу; требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина пять сотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить или итти *на правежъ:* то есть, неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до заплаты денегъ ([149]). Иногда Опричникъ самъ подметывалъ что нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ, и за сію будто бы украденную у него вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо сказать неучтивое слово Кромѣшнику значило оскорбить самого Царя; въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пенею. Однимъ словомъ, люди Земскіе, отъ Дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ Опричныхъ; первые были *ловомъ*, послѣдніе *ловцами*, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбойниковъ-тѣлохранителей въ новыхъ, замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе Государство ненавидѣло Опричныхъ, тѣмъ болѣе Государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ вѣрности. — Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ *собачьими головами* и съ *метлами*, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что *грызутъ* лиходѣевъ Царскихъ и *метутъ* Россію ([150])!

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ: по Александровская Слобода. крайней мѣрѣ не взлюбилъ Москвы, и съ сего времени жилъ большею частію въ Слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ: на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ ([151]). Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государствен-

г. 1565. ные, воинскіе чиновники въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу; купцы также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоаннова: для чего въ трехъ верстахъ отъ *Слободы*, прозванной *Неволею* (152), обыкновенно стояла воинская стража. — Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностію успокоивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ Иноковъ: выбралъ изъ Опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ *братіею*, себя Игуменомъ, Князя Аѳанасія Вяземскаго Келаремъ, Малюту Скуратова Параклисіархомъ (153); далъ имъ *тафьи*, или скуфейки, и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою (154); сочинилъ для нихъ уставъ Монашескій, и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ Царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ Заутренѣ; братья спѣшили въ церковь: кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ (155). Въ 8 часовъ опять собирались къ Обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу, всѣ кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія (156). Между тѣмъ братья ѣли и пили до-сыта; всякой день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ - то есть, Царь — обѣдалъ послѣ (157); бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ; дремалъ или ѣхалъ въ темницу, пытать какого нибудь несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія; шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго (158). Въ 8 часовъ шли къ Вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ, одинъ за другимъ, разсказывали ему сказки: онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не на-долго: въ полночь вставалъ — и день его начинался молитвою (159)! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время Заутрени или Обѣдни (160)! Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми *объѣздами*, посѣщалъ монастыри, и ближніе и дальніе; осматривалъ крѣпости на границѣ (161); ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ; любилъ въ особенности медвѣжью травлю (162); между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами: ибо Земскіе Бояре, мнимо-уполномоченные Правители Государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда пріѣзжали къ намъ знатные Послы иноземные, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой Кремлевской палатѣ, близъ церкви Св. Іоанна (163); являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко. Опричники, блистая въ своихъ златыхъ одеждахъ, наполняли дворецъ, но не заграждали пути къ престолу и старымъ Боярамъ: только смотрѣли на нихъ спесиво, величаясь какъ подлые рабы въ чести недостойной.

*Монашеская жизнь Іоаннова.*

Кромѣ сихъ любимцевъ, Іоаннъ удивительнымъ образомъ честилъ тогда нѣкоторыхъ Ливонскихъ плѣнниковъ. Въ Іюнѣ 1565 году, обвиняя Дерптскихъ гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ Магистромъ (164), онъ вывелъ оттуда всѣхъ Нѣмцевъ и сослалъ въ Владиміръ, Угличь, Кострому, Нижній Новгородъ, съ женами и дѣтьми; но далъ имъ пристойное содержаніе и Христіанскаго наставника, Дерптскаго Пастора Веттермана, который могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ, чтобы утѣшать ихъ въ печальной ссылкѣ: Царь отмѣнно уважалъ сего добродѣтельнаго мужа и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ коей Веттерманъ нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно Царевною Софіею (165). Нѣмцы Эберфельдъ, Кальбъ, Таубе, Крузе вступили къ намъ въ службу, и хитрою лестію умѣли вкрасться въ довѣренность къ Іоанну. Увѣряютъ даже, что Эберфельдъ склонялъ его къ принятію Аугсбургскаго Исповѣданія, доказывая ему, словесно и письменно, чистоту онаго (166)! По крайней мѣрѣ Царь дозволилъ Лютеранамъ имѣть церковь въ Москвѣ (167) и взыскалъ важную денежную пеню съ Митрополита за какую-то обиду, сдѣ-

*Иноземные любимцы Іоанновы.*

г. 1565. ланную имъ одному изъ сихъ иновѣрцевъ; хвалилъ ихъ обычаи, славился своимъ Германскимъ происхожденіемъ, хотѣлъ женить сына на Княжнѣ Нѣмецкой, а дочь выдать за Нѣмецкаго Князя, дабы утвердить дружественную связь съ Имперіею. Въ искреннихъ бесѣдахъ онъ жаловался чужестраннымъ любимцамъ на Бояръ, на Духовенство, и не таилъ мысли искоренить первыхъ ([168]), чтобы царствовать свободнѣе, безопаснѣе съ Дворянствомъ новымъ, или съ Опричниною, ему преданною: ибо она видѣла въ немъ своего отца и благодѣтеля, а Бояре жалѣли о временахъ Адашевскихъ, когда имъ была свобода, а Царю неволя (такъ говорилъ Іоаннъ)! Естественно не любя Россіи, страшной для сосѣдственныхъ Державъ, и желая только угождать Царю, иноземцы безъ сомнѣнія не думали выводить его изъ мрачнаго заблужденія и гнѣвить смѣлымъ языкомъ истины; могли даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть сію бурю, которая сокрушала главные столпы великой Монархіи: ибо Царь губилъ лучшихъ Воеводъ своихъ, лучшихъ совѣтниковъ Государственныхъ. Иноземцы молчали, или, вопреки совѣсти, хвалили тирана. Знаменитые Россіяне, лишаемые свободнаго доступа къ Государю, ознаменованные какъ бы презрительнымъ именемъ *Земскихъ*, нагло оскорбляемые неистовыми Кромѣшниками, угрожаемые опалою, казнію безъ вины, также молчали, вмѣстѣ съ Духовенствомъ. Но когда старецъ, Митрополитъ Аѳанасій, изнуренный тяжкою болѣзнію, а можетъ быть и душевною
г. 1566. горестію, оставилъ (въ 1566 г.) Митрополію ([169]): тогда явился мужъ смѣлый добродѣтелію и ревностною любовію къ отечеству, который подобно Сильвестру предпріялъ исправить Царя, но, менѣе счастливый, могъ только умереть за Царство въ вѣнцѣ Мученика.

Изъявляя усердіе ко благу Церкви, Іоаннъ хотѣлъ дать ей Пастыря отличнаго Христіанскими достоинствами: выборъ палъ сперва на Архіепископа Казанскаго Германа, который долго уклонялся отъ сана опаснаго въ такихъ обстоятельствахъ Россіи и при такомъ Царѣ, но долженъ былъ, исполняя рѣшительную волю его, согласиться. Уже всѣ Епископы съѣхалися въ Москву; уже написали грамоту избирательную, и Германъ нѣсколько дней жилъ въ палатахъ Митрополитскихъ, готовясь къ посвященію. Въ сіе время, бесѣдуя съ Іоан- г. 1566.
номъ наединѣ, онъ хотѣлъ испытать его сердце: началъ говорить съ нимъ, какъ должно Первосвятителю, о грѣхахъ и Христіанскомъ покаяніи, тихо, скромно, однакожь съ нѣкоторою силою; упомянулъ о смерти, о Страшномъ Судѣ, о вѣчной мукѣ злыхъ. Іоаннъ задумался; вышелъ отъ него съ лицемъ мрачнымъ, пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи Архіепископа и спрашивалъ, что они думаютъ? Алексѣй Басмановъ отвѣтствовалъ: «Думаемъ, Государь, что Германъ желаетъ быть вторымъ Сильвестромъ: ужасаетъ твое воображеніе и лицемѣритъ, въ надеждѣ овладѣть тобою; но спаси насъ и себя отъ такого Архипастыря!» Германа изгнали изъ палатъ, и Царь искалъ другаго Первосвятителя ([170]).

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями Игуменъ Филиппъ, сынъ Боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, и служа примѣромъ строгой жизни для Иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей Игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата: сдѣлалъ воздухъ благорастворениѣе ([171]). Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ ([172]), любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ Игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго Царя, устройствомъ и счастіемъ Царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя*, и не могъ ожидать такой славы. Никто безъ сомнѣнія не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: от-

Великодушіе Митрополита Филиппа.

г. 1566. вергнувъ Германа, Царь вздумалъ — мимо Святителей, мимо всѣхъ Архимандритовъ — возвести Филиппа на Митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, Царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву, для *совѣта духовнаго*, отслужилъ Литургію, причастилъ всю братію, и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой Обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго Игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ (173). Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть Митрополитомъ. Пустынный Инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *ввѣрять бремени великаго ладіи малой*. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ Царю: «Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ Опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное Царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества» (174). Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные Пастыри Церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ Митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ г. 1566. милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ Царства (175). Нѣкоторые изъ Святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ее; другіе — именно, Пименъ Новогородскій, Филоѳей Рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго Царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ Архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ Царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «да будетъ, что угодно Государю и Церковнымъ Пастырямъ!»

Написали грамоту (176), въ коей сказано, что новый, избираемый Митрополитъ далъ слово Архіепископамъ и Епископамъ, не вступаться въ Опричнину Государеву и не оставлять Митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ Опричнины, былъ немедленно возведенъ на Митрополію (177), къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что Государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого Первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго Митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, — хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохваль-

г. 1566. ное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ *невооруженной любви*, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе *побѣдъ ратныхъ* (178). Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную. — Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на Кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ Митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую Пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея Святыхъ, Зосимы и Савватія (179).

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ Слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву. Хотѣвъ удивить Россію избраніемъ Митрополита, о коемъ никто не думалъ, Іоаннъ не замедлилъ увидѣть въ немъ орудіе ненавистныхъ Бояръ; увѣрялъ себя, что они внушили ему мысль требовать уничтоженія Опричнины (180) и возмущаютъ народъ противъ сей Царской дружины: ибо Кромѣшники, посылаемые въ столицу для наблюденій, доносили, что граждане бѣгаютъ отъ нихъ какъ отъ язвы, на улицахъ и площадяхъ; что все безмолвствуетъ, гдѣ явится Опричникъ. Въ воображеніи Іоанна составились ковы и заговоры: надлежало открыть, доказать ихъ — и слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ новымъ убійствамъ.

г. 1567. Третія эпоха убійствъ. Главнымъ Боярамъ Московскимъ, Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому, Конюшему Ивану Петровичу Ѳедорову, тайно вручили грамоты, подписанныя Королемъ Сигизмундомъ и Литовскимъ Гетманомъ Хоткѣвичемъ: Король и Гетманъ убѣждали ихъ оставить Царя жестокаго, звали къ себѣ, обѣщали имъ Удѣлы; напоминали двумъ первымъ, что они Литовскаго роду: третьему, что онъ былъ нѣкогда Владѣтельнымъ Княземъ; а Конюшему Ѳедорову, что Царь уже давалъ ему чувствовать гнѣвъ свой въ разныхъ случаяхъ (181). Бояре, представивъ сіи грамоты Іоанну, отвѣтствовали Королю, что склонять вѣрныхъ подданныхъ къ измѣнѣ есть дѣло безчестное; что они умрутъ за Царя добраго, ужаснаго для однихъ г. 1567. злодѣевъ; что если Король желаетъ вызвать ихъ изъ Россіи, то пусть отдастъ имъ всю Литву, Галицію, Пруссію, Жмудь, Бѣлорусію, Волынскую и Подольскую землю. Ѳедоровъ писалъ къ Сигизмунду: «Какъ могъ ты вообразить, чтобы я, занося ногу во гробъ, вздумалъ погубить душу свою гнусною измѣною? Что мнѣ у тебя дѣлать? Водить полковъ твоихъ я не въ силахъ, пировъ не люблю, веселить тебя не умѣю, пляскамъ вашимъ не учился.» Въ письмѣ къ Гетману Хоткѣвичу онъ прибавилъ: «Чѣмъ можете обольстить меня? я богатъ и знатенъ. Угрожаешь мнѣ гнѣвомъ Царя: вижу отъ него только милости.» Самъ Іоаннъ взялся, какъ вѣроятно, доставить Королю сіи отвѣты, писанные однимъ слогомъ; но доставилъ ли, неизвѣстно: по крайней мѣрѣ, любя всегда упрекать Сигизмунда кознями, нигдѣ въ сношеніяхъ съ Литвою не упоминаетъ о такомъ безчестномъ, неосторожномъ подманѣ нашихъ Вельможъ. Если Государь составленіемъ мнимыхъ Королевскихъ грамотъ испытывалъ вѣрность Бояръ своихъ, то она симъ случаемъ была доказана въ его глазахъ, но не въ глазахъ Россіи: гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ, уже омрачается какою-то подозрительною тѣнію. На сей разъ Князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій, уцѣлѣли; но Ѳедоровъ, мужъ старыхъ обычаевъ, украшенный воинскою славою и сѣдиною государственной опытности, бывъ 19 лѣтъ въ знатномъ санѣ Конюшаго (182) и начальникомъ Казеннаго Приказа, Вельможа щедрый, пышный, сдѣлался предметомъ клеветы. Еще онъ ревностно служилъ Царю, доживая вѣкъ свой съ супругою *святою*, не имѣя дѣтей, и готовился дать отчетъ Судіи вышнему, когда земный судія объявилъ его главою заговорщиковъ, повѣривъ или вымысливъ, что сей ветхій старецъ думаетъ свергнуть Царя съ престола и властвовать надъ Россіею. Іоаннъ спѣшилъ разрушить мнимый ужасный заговоръ: въ присутствіи всего Двора, какъ пишутъ (183), надѣлъ на Ѳедорова Царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «Здравъ буди, великій Царь земли Русскія! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою желаемую! Но имѣя власть сдѣ-

г. 1567. лать тебя Царемъ, могу и низвергнуть съ престола!» Сказавъ, ударилъ его въ сердце ножемъ: Опричники дорѣзали старца, извлекли обезображенное тѣло изъ дворца, бросили псамъ на снѣденіе; умертвили и престарѣлую жену Конюшаго, Марію. Потомъ казнили всѣхъ мнимыхъ единомышленниковъ невиннаго: Князей Ивана Андреевича Куракина-Булгакова, Дмитрія Ряполовскаго (мужественнаго воина, одержавшаго многія побѣды надъ Крымцами), и трехъ Князей Ростовскихъ. Одинъ изъ нихъ воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ (184): присланные изъ Москвы Кромѣшники, числомъ тридцать, нашли его тамъ стоящаго въ церкви и сказали: «Князь Ростовскій! велѣніемъ Государя ты нашъ узникъ.» Воевода, бросивъ на землю Властительную булаву свою, спокойно отдался имъ въ руки. Его раздѣли, повезли обнаженнаго, и въ двадцати верстахъ, на берегу Волги, остановились: онъ спросилъ хладнокровно, зачѣмъ? «Поить коней,» отвѣтствовали Кромѣшники. «Не конямъ (сказалъ насчастный), а мнѣ пить сію воду, и не выпить!» Ему въ то же мгновеніе отсѣкли голову; тѣло кинули въ рѣку, а голову положили къ ногамъ Іоанна, который, оттолкнувъ ее, злобно смѣялся и говорилъ, что сей Князь, любивъ обагряться кровію непріятелей въ битвахъ, наконецъ обагрился и собственною (185). Князь Петръ Щенятевъ, знаменитый Полководецъ, думалъ укрыться отъ смерти въ монастырѣ: отказался отъ свѣта, отъ имѣнія, отъ супруги и дѣтей; но убійцы нашли его въ келліи и
г. 1567 — 1568. замучили: жгли на сковородѣ (какъ повѣствуетъ Курбскій), вбивали ему иглы за ногти. Князь Иванъ Турунтай Пронскій, сѣдый старецъ, служилъ еще отцу Іоаннову, участвовалъ во всѣхъ походахъ, во всѣхъ битвахъ, славнѣйшихъ для Россіи, и также хотѣлъ быть наконецъ Монахомъ: его утопили (186). Казначея Государева, именемъ Хозяина Юрьевича Тютина (187), славнаго богатствомъ, разсѣкли на части, вмѣстѣ съ женою, съ двумя сыновьями младенцами, съ двумя юными дочерьми: сію казнь совершилъ Князь Михайло Темгрюковичъ Черкасскій, братъ Царицы! Такъ же истерзали и Печатника или Думнаго Дьяка Казарина Дубровскаго. Многихъ другихъ именитыхъ людей умертвили, когда они, ничего не вѣдая, шли спокойно или въ церковь, или въ свои Приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, убивали всенародно, человѣкъ десять или двадцать въ день; трупы лежали на улицахъ, на площадяхъ: никто не смѣлъ погребать ихъ (188). Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ. г. 1567 — 1568.

Безмолвствовалъ и добродѣтельный Митрополитъ для гражданъ и Бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а Царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя (189): убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые Вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны (190): онъ утѣшалъ горестныхъ, именемъ Отца Небеснаго; далъ имъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

Однажды, въ день Воскресный, въ часъ Обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми Боярами и множествомъ Опричниковъ, входитъ въ Соборную Церковь Успенія: Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приближился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ Бояре сказали: «Святый Владыко! се Государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ Царства...... О Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за Олтаремъ льется невинная кровь Христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно (191)! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ Царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ Царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.... Государь! вѣщаю яко Пастырь г. 1568.

г. 1568. душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. — На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ Князь Василій Пронскій ([192]). Всѣхъ главныхъ сановниковъ Митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого Первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и между тѣмъ что дѣлалъ?

Такъ пишутъ очевидцы ([193]): въ Іюлѣ мѣсяцѣ, 1568 года, въ полночь, любимцы Іоанновы, Князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Василій Грязной, съ Царскою дружиною вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, Дьякамъ, купцамъ; взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Въ слѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный тысячами Кромѣшниковъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы Бояръ опальныхъ, казнилъ ихъ вѣрныхъ слугъ, даже истреблялъ скотъ, особенно въ Коломенскихъ селахъ убитаго Конюшаго Ѳедорова ([194]); возвратился въ Москву, и велѣлъ ночью развезти женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда и горести.

Убѣгая Митрополита, Царь однакожь видалъ его въ церкви. Въ день Свв. Апостоловъ, Прохора и Никанора, 28 Іюля ([195]), Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и Царь съ Опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ *тафьѣ:* Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ Государю; но Опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ Государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ ([196]); клялся, что уличитъ его во всемъ — и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ Духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ Протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ ([197]). Немедленно отправились въ Соловки Епископъ Суздальскій Пафнутій, Архимандритъ Андрониковскій Ѳеодосій и Князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но Царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы Царскіе то ласкали, то ужасали Монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго Игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ Глава, Игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться Епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Царь, Святители, Бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, Митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго ([198]); а Царю: «Государь, Великій Князь! ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ Митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ Пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, Святители, Архимандриты, Игумены и всѣ служители Олтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ, и страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго» ([199]). Онъ хотѣлъ удалиться: Царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь Святительскую и еще служить Обѣдню въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ г. 1568.

г. 1568. предъ олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ Бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ Опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ Соборомъ Духовенства лишенъ сана Пастырскаго. Воины вступили въ Олтарь, сорвали съ Митрополита одежду Святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ Обитель Богоявленія ([200]). Народъ бѣжалъ за Митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи ([201]). Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки ([202]), какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ Обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Кольчевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича ([203]), и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ Московскихъ ко сверженному Митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ Обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости ([204]) — Царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго Митрополита, Троицкаго Архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа ([205]).

Освободивъ себя отъ Архипастыря строгаго, непреклоннаго, и давъ сей важный санъ Иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Іоаннъ могъ г. 1568. тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать; дотолѣ губилъ людей: отголѣ цѣлые города. Началося съ Торжка, гдѣ неистовые Опричники, въ день ярмонки, завели ссору и драку съ жителями: Царь объявилъ гражданъ бунтовщиками; велѣлъ ихъ мучить, топить въ рѣкѣ. То же сдѣлалось въ Коломнѣ и такія же были слѣдствія ([206]). Къ сему городу принадлежали помѣстья несчастнаго Ѳедорова: жители любили его и казались Іоанну мятежниками ([207]).

Однимъ словомъ, тиранство созрѣло, но конецъ онаго былъ еще далеко! Ничто не могло обезоружить свирѣпаго: ни смиреніе, ни великодушіе жертвъ, ни самыя естественныя бѣдствія сего времени: ибо Россія, омрачаемая ужасами мучительства, была тогда же казнима язвою, пришедшею къ намъ изъ Эсто- Язва. ніи или Швеціи ([208]). Въ Іюлѣ 1566 года началося моровое повѣтріе въ Новогородской Шелонской Пятинѣ, а черезъ мѣсяцъ и въ Новѣгородѣ, Полоцкѣ, Озерищѣ, Невлѣ, Великихъ-Лукахъ, Торопцѣ, Смоленскѣ. Люди умирали скоропостижно, *знаменіемъ*, какъ сказано въ лѣтописи: вѣроятно, пятномъ или нарывомъ. Многія деревни опустѣли, многіе домы затворились въ городахъ; церкви стояли безъ пѣнія, лишенныя Іереевъ, которые не берегли себя въ усердномъ исполненіи своихъ обязанностей; на мѣсто ихъ присылали Священниковъ изъ другихъ городовъ. Умирало болѣе Духовныхъ и гражданъ, нежели воинскихъ людей. Язва дошла и до Можайска: Царь учредилъ тамъ заставу, и не велѣлъ никого пускать въ столицу изъ мѣстъ зараженныхъ. Сообщеніе пресѣклось между многими городами. Мучились страхомъ, терпѣли нужду, дороговизну. Въ разныхъ областяхъ были неурожаи: въ Казанской и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя *тучами* выходили изъ лѣсовъ, ѣли хлѣбъ на корню, въ скирдахъ, въ житницахъ, такъ, что земледѣльцы не могли защитить себя отъ сихъ животныхъ ([209]). Повѣтріе утишилось въ началѣ весны, но еще нѣсколько разъ возобновлялось.

Въ сихъ внутреннихъ бѣдствіяхъ Государства, въ семъ унынія Вельможъ и народа, Іоаннъ не слабѣлъ въ дѣлахъ войны и Политики внѣшней; еще являлся съ блескомъ и величіемъ въ отношеніи къ другимъ Державамъ. Литов- г. 1568 — 1569. Воинскія дѣйствія и переговоры.

г. 1565 — 1569. цы въ нападеніяхъ на Россію нигдѣ не имѣли успѣха: изъ Смоленска Бояринъ Морозовъ, изъ Полоцка Князь Андрей Ногтевъ писали къ Государю, что легкіе отряды наши вездѣ бьютъ непріятеля [210]. Съ Тавридою мы хотѣли мира; но Казанскіе бѣглецы, Князь Спатъ, Ямгурчей-Ази, Уланъ Ахмаметъ, сильные при Дворѣ Хана, доказывали ему, что Іоаннъ обманываетъ его: говоритъ о мирѣ, а велитъ Козакамъ строить городъ на Дону, готовитъ суда на Пслѣ, на Днѣпрѣ, имѣя намѣреніе взять Азовъ, открыть себѣ путь въ Тавриду; что сей Царь умнѣе, счастливѣе, слѣдственно опаснѣе всѣхъ прежнихъ Государей Московскихъ; что онъ, будучи въ войнѣ съ Ханомъ, умѣлъ завоевать Казань, Астрахань, Ливонію, Полоцкъ, — овладѣлъ землею Черкесскою, располагаетъ Ногаями; что если Девлетъ-Гирей выдастъ Короля Сигизмунда, то Царю не станетъ Польши и на годъ; что истребивъ Короля, Іоаннъ на досугѣ истребитъ и послѣдній Юртъ Батыевъ. Сіи представленія имѣли дѣйствіе; а еще болѣе дары Сигизмунда, который послалъ вдругъ 30,000 золотыхъ въ алчную Тавриду — и Ханъ снова обнажилъ мечь, написавъ къ Іоанну: «Вспомни, что предки твои рады были своей землѣ, а Мусульманскихъ не трогали; если хочешь мира, то отдай мнѣ Астрахань и Казань» [211]! Но Государь остерегся. Въ степяхъ Донскихъ разъѣзжали Козаки для открытія первыхъ движеній непріятеля; въ городахъ стояло войско: другое, главное, подъ начальствомъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Бѣльскаго и Мстиславскаго, на берегу Оки. Въ Сентябрѣ (1565 года) Ханъ перешелъ Донецъ, везъ тяжелыя пушки съ собою на телегахъ, и 7 Октября приступилъ къ Болхову. Тамъ были Воеводами Князья Иванъ Золотой и Василій Кашинъ: они сдѣлали вылазку; бились мужественно; не дали Крымцамъ сжечь посада; взяли плѣнниковъ — а Бѣльскій и Мстиславскій уже приближались. Ханъ бѣжалъ ночью, жалуясь на Литву: ибо Король, убѣждая его воевать Россію, клялся дѣйствовать противъ насъ съ другой стороны всѣми силами, и не исполнилъ обѣщанія [212].

Между тѣмъ Посолъ нашъ, Аѳанасій Нагой, жилъ въ Тавридѣ; дѣйствовалъ неутомимо; подкупалъ Евреевъ, чиновниковъ Ханскихъ; имѣлъ вездѣ лазутчиковъ; опровергалъ ложные слухи, распускаемые врагами нашими о кончинѣ Іоанновой [213]; зналъ все, и писалъ къ Государю, что Девлетъ-Гирей сносится съ Казанскими Татарами, Мордвою, Черемисою: тайные Послы сихъ измѣнниковъ увѣряли Хана, что онъ, вступивъ въ ихъ землю, найдетъ между ими 70,000 усердныхъ сподвижниковъ, и что ни одного Россіянина не останется живаго ни въ Свіяжскѣ, ни въ Казани [214]. Когда Ханъ понуждалъ Аѳанасія выѣхать изъ Тавриды, сей ревностный слуга Іоанновъ отвѣтствовалъ: «умру здѣсь, а не выѣду безъ окончанія дѣлъ» [215] — то есть, безъ мира, и не терялъ надежды. Иногда Литовская, иногда наша сторона одерживала верхъ въ Ханской Думѣ, такъ, что Девлетъ-Гирей съ дозволенія Султанова въ 1567 году разорилъ часть Королевскихъ владѣній за неисправный платежъ *дани* [216]; однакожь и съ нами не утверждалъ мира: требовалъ отъ Іоанна богатѣйшихъ даровъ, какіе присылались изъ Москвы Магметъ-Гирею; запрещалъ Россіи вступаться въ Черкесскую землю. Государь нѣсколько разъ совѣтовался съ Боярами: отклоняя требованія Хана, предлагалъ ему женить сына или внука на дочери Царя Шигъ-Алея и взять за нею въ приданое городъ отца ея, Касимовъ: ибо сей знаменитый изгнанникъ тогда умеръ (почти въ одно время съ другими бывшими Царями Казанскими [217], Симеономъ и Александромъ). Но Девлетъ-Гирей размышлялъ, колебался, и снова требовалъ невозможнаго: то есть, Астрахани и Казани.

Съ Литвою мы также были въ переговорахъ. Казалось, что Сигизмундъ искренно желалъ конца войны, для него тягостной; казалось, что и Царь хотѣлъ отдохновенія. Съ обѣихъ сторонъ изъявляли рѣдкую уступчивость. Единственно для соблюденія стараго обычая, Великіе Послы Королевскіе [218], пріѣхавъ въ Москву, требовали Смоленска, а наши Бояре Кіева, Бѣлоруссіи и Волыніи: ни мы, ни они въ самомъ дѣлѣ не помышляли о семъ невозможномъ возвратѣ. Сигизмундъ уступалъ намъ даже Полоцкъ; а Государь велѣлъ сказать Посламъ: «любя спокойствіе Христіанъ, я уже не требую Царскаго титула отъ Короля: довольно, что всѣ иные Вѣнценосцы даютъ мнѣ оный.» Затрудненіе состояло въ Ливоніи: Сигизмундъ предлагалъ, чтобы каждому владѣть въ ней своею частію, ему и намъ; чтобы

г.1565 —1569. общими силами изгнать Шведовъ изъ Эстоніи и раздѣлить ее между Польшею и Россіею: въ такомъ случаѣ обязывался быть истиннымъ другомъ Іоанну и называть его Царемъ. Но Царь хотѣлъ Риги, Вендена, Вольмара, Роннебурга, Коконгузена: за что уступалъ Королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндію и 12 городковъ въ Ливоніи; освобождалъ безденежно всѣхъ плѣнниковъ Королевскихъ, а своихъ выкупалъ. Послы стояли за Ригу, за Венденъ; наконецъ сказали Боярамъ, что истинный, твердый миръ всего скорѣе можетъ быть заключенъ между ихъ Государями въ личномъ свиданіи на границѣ. Сія мысль сперва полюбилась Іоанну. Избрали мѣсто: Царю надлежало пріѣхать въ Смоленскъ, Королю въ Оршу, каждому съ пятью тысячами благородныхъ воиновъ. Но Послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія: на примѣръ, Іоаннъ желалъ въ первый день угостить Сигизмунда въ своемъ шатрѣ: что имъ казалось несовмѣстно съ достоинствомъ Государя ихъ ([219]). Миновало около двухъ мѣсяцевъ въ переговорахъ.

Тогда (въ Іюлѣ 1566 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ Земскую Думу не только знатнѣйшее Духовенство, Бояръ, Окольничихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, Казначеевъ, Дьяковъ, Дворянъ *первой* и *второй статьи* ([220]), но и гостей, купцевъ, помѣщиковъ иногородныхъ; отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ Литвою, и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ Королемъ? Въ собраніи находилось 339 человѣкъ. Всѣ отвѣтствовали — Духовенство за себя, Бояре, сановники, граждане также особенно, но единогласно — что Государю безъ вреда для Россіи уже не льзя быть снисходительнѣе; что Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города Ливонскіе останутся у Короля; что Государи вольны видѣться на границѣ для тишины Христіанъ, но что Сигизмундъ по видимому намѣренъ только длить время, дабы между тѣмъ устроить запутанныя дѣла въ своемъ отечествѣ, примириться съ Цесаремъ, умножить войско въ Ливоніи. Духовенство прибавило: «Государь! твоя власть дѣйствовать, какъ вразумитъ тебя Богъ; намъ должно молиться за Царя, а совѣтовать непристойно.» Воинскіе чиновники изъявили готовность пролить кровь свою въ битвахъ; граждане вызывались отдать Царю послѣднее достояніе на войну, если гордый Сигизмундъ отвергнетъ предлагаемыя ему условія для мира. Была ли свобода во мнѣніяхъ, была ли искренность въ отвѣтѣ сей Земской или Государственной Думы? Но совѣщаніе имѣло видъ торжественный, и народъ съ благоговѣніемъ видѣлъ Іоанна не среди Опричниковъ ненавистныхъ, а въ истинномъ величіи Государя, внимающаго гласу отечества изъ устъ Россіянъ знаменитѣйшихъ: явленіе достойное лучшихъ временъ Іоаннова царствованія!

Земская Дума.

Дума утвердила сей приговоръ грамотою; а Панамъ Королевскимъ сказали, что Государь чрезъ своихъ Пословъ объяснится съ Королемъ, соглашаясь между тѣмъ прекратить воинскія дѣйствія и размѣняться плѣнниками ([221]). Симъ кончилось дѣло. Въ слѣдъ за Послами Литовскими (въ 1567 году) отправились къ Сигизмунду наши, Бояринъ Умной-Колычевъ и Дворецкій Григорій Нагой, уполномоченные подписать миръ: что было новостію: ибо прежніе договоры съ Литвою совершались единственно въ Москвѣ. Сигизмундъ встрѣтилъ нашихъ Бояръ въ Гроднѣ: когда они вошли къ нему, всѣ Литовскіе Вельможи встали; но Послы увидѣли тутъ Князя Андрея Курбскаго и съ презрѣніемъ отвратились ([222]): имъ велѣно было требовать головы сего измѣнника! Девять разъ они съѣзжались съ Королевскими Панами и не могли ни въ чемъ согласиться: Іоаннъ непремѣнно хотѣлъ, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ, владѣть всею Ливоніею, уступая Сигизмунду Курляндію. Не смотря на свое искреннее желаніе мира, Король отвергнулъ сіи предложенія; не согласился выдать и Курбскаго. Рѣшились продолжать войну. «Я вижу» — писалъ Сигизмундъ къ Іоанну — «что ты хочешь кровопролитія; говоря о мирѣ, приводишь полки въ движеніе. Надѣюсь, что Господь благословитъ мое оружіе въ защитѣ необходимой и справедливой.»

Полки наши дѣйствительно шли изъ Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска къ Великимъ Лукамъ. Цѣлію была Ливонія. Основавъ на Литовской границѣ новыя крѣпости Усвятъ, Улу, Соколъ, Копіе ([223]), Государь съ Царевичемъ Іоанномъ выѣхалъ изъ Москвы къ войску. 5 Октября, въ полѣ, близъ Мѣднаго, представили ему Посланника Королевскаго, Юрія Быковскаго, съ упомянутымъ письмомъ

г. 1565 — 1569. Сигизмундовымъ. Іоаннъ сидѣлъ въ шатрѣ, вооруженный, въ полномъ доспѣхѣ, среди Бояръ, многихъ чиновниковъ, также вооруженныхъ съ головы до ногъ, и сказалъ ему: «Юрій! мы посылали къ брату нашему, Сигизмунду Августу, своихъ знатныхъ Бояръ съ предложеніемъ весьма умѣреннымъ. Онъ задержалъ ихъ въ пути, оскорблялъ, безчестилъ. И такъ не дивися, что мы сидимъ въ доспѣхѣ воинскомъ: ибо ты пришелъ къ намъ отъ брата нашего съ язвительными стрѣлами» (224). Спросивъ Юрія о здравіи Королевскомъ, приказавъ ему сѣсть, но не давъ руки, Іоаннъ выслалъ изъ шатра всѣхъ чиновниковъ ратныхъ, кромѣ Совѣтниковъ, Большихъ Дворянъ и Дьяковъ; выслушалъ рѣчь Посланника, велѣлъ угостить его въ другой ставкѣ и немедленно отослать — въ темницу Московскую! Сіе нарушеніе Права Народнаго безъ сомнѣнія не извинялось грубыми выраженіями письма Королевскаго и тѣмъ, что Бояре Колычевъ и Нагой, пріѣхавъ тогда же въ станъ къ Іоанну, жаловались ему на худые съ ними поступки въ Литвѣ.

Кромѣ множества сановниковъ, тѣлохранителей, провождали Царя Суздальскій Епископъ Пафнутій, Архимандритъ Ѳеодосій, Игуменъ Никонъ, до Новагорода, гдѣ онъ жилъ 8 дней, усердно моляся въ древнемъ Софійскомъ храмѣ и занимаясь распоряженіемъ полковъ, чтобы итти къ Ливонскимъ городамъ, Лужѣ и Рѣзицѣ. Но вдругъ воинскій жаръ его простылъ: встрѣтились затрудненія, опасности, коихъ Іоаннъ не предвидѣлъ, и для того призвалъ всѣхъ главныхъ Воеводъ на совѣтъ. Они 12 Ноября съѣхалися близъ Краснаго, въ селеніи Оршанскомъ (225), и разсуждали съ Царемъ, начать ли осаду непріятельскихъ городовъ или отложить походъ: ибо за худыми дорогами обозы съ тяжелымъ снарядомъ двигались медленно къ границѣ, лошади падали, люди разбѣгались; надлежало ждать долго и стоять въ мѣстахъ скудныхъ хлѣбомъ. Узнали также, что Король собираетъ войско въ Борисовѣ, замышляя итти зимою къ Полоцку и Великимъ Лукамъ. Боялись утомить рать осадою крѣпостей, въ то время, когда непріятель съ другой стороны можетъ явиться въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ; а всего болѣе опасались найти язву въ Ливоніи, гдѣ, по слуху, многіе люди умирали отъ заразительныхъ болѣзней (226). Рѣшили, чтобы Государю ѣхать назадъ въ Москву, а г. 1565 — 1569.
Воеводамъ стоять въ Великихъ Лукахъ, въ Торопцѣ, и наблюдать непріятеля.

Такимъ образомъ Іоаннъ не безъ внутренней досады возвратился въ столицу; но, къ утѣшенію его самолюбія, Король Польскій сдѣлалъ тожс: (въ 1568 году) собравъ 60,000 или болѣе воиновъ (227), хваляся по слѣдамъ Ольгерда устремиться къ Москвѣ, и дѣйствительно выступивъ въ поле съ Дворомъ блестящимъ, Сигизмундъ нѣсколько недѣль стоялъ праздно въ Минской области, распустилъ главное войско, и самъ уѣхавъ въ Гродно, послалъ только отряды въ западную Россію. Подъ Улою Литовцы претерпѣли великій уронъ (228); но имѣли и нѣкоторыя выгоды. Строеніемъ новой крѣпости, названной Копіемъ, управляли Князья Петръ Серебряный и Василій Палицкій: Литовцы въ нечаянномъ нападеніи убили Палицкаго; а Князь Серебряный едва ускакалъ въ Полоцкъ (229). Близъ Велижа плѣнивъ знатнаго чиновника, Петра Головина, они истребили нѣсколько селеній въ Смоленской области, и какимъ-то обманомъ взяли Изборскъ (въ началѣ 1569 года); но Россіяне выгнали ихъ немедленно: громили Польскую Ливонію, сожгли большую часть Витебска (230). Между тѣмъ размѣнивались плѣнниками на границѣ: Іоаннъ освободилъ Королевскаго Воеводу Довойну, Сигизмундъ Князя Темкина. Жена Довойны умерла въ Москвѣ: Царь согласился отпустить ея тѣло въ Литву, съ условіемъ, чтобы Король прислалъ въ Москву тѣло Князя Петра Шуйскаго: о чемъ просили добрые сыновья сего несчастнаго Воеводы (231).

Уваживъ совѣтъ Бояръ не прерывать мирныхъ сношеній съ Литвою (232), Государь освободилъ Посланника Сигизмундова, семь мѣсяцевъ страдавшаго въ темницѣ; далъ ему видѣть лице свое, говорилъ съ нимъ милостиво; сказалъ: «Юрій! ты вручилъ намъ письмо столь грубое, что тебѣ не надлежало бы остаться живымъ; но мы не любимъ крови. Иди съ миромъ къ Государю своему, который забылъ тебя въ несчастіи. Мы готовы съ нимъ видѣться; готовы прекратить бѣдствіе войны. Кланяйся отъ насъ брату, Королю Сигизмунду Августу.» Начались снова переговоры. Гонцы ѣздили изъ земли въ землю: Сигизмундовы, въ рѣчахъ съ Боярами, именовали Іоанна *Царемъ*, и на во-

г. 1565 — 1569. просъ: что значитъ сія новость? отвѣтствовали: «такъ намъ приказано отъ Вельможъ Литовскихъ» (233). Гонцамъ Московскимъ давались также наставленія миролюбивыя, и слѣдующее, достойное замѣчанія: «Если будетъ говорить съ вами въ Литвѣ Князь Андрей Курбскій или ему подобный *знатный* бѣглецъ Россійскій, то скажите имъ: *ваши гнусныя измѣны не вредятъ ни славѣ, ни счастію Царя Великаго: Богъ даетъ ему побѣды, а васъ казнитъ стыдомъ и отчаяніемъ.* Съ *простымъ* же бѣглецомъ не говорите ни слова: только плюньте ему въ глаза и отворотитесь... Когда же спросятъ у васъ: что такое Московская Опричнина? скажите: *Мы не знаемъ Опричнины: кому велитъ Государь жить близъ себя, тотъ и живетъ близко; а кому далеко, тотъ далеко. Всѣ люди Божіи да Государевы*» (234). — Наконецъ Іоаннъ и Сигизмундъ условились остановить непріятельскія дѣйствія. Посламъ Литовскимъ надлежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны: что изъясняется обстоятельствами времени. Сигизмундъ не имѣлъ дѣтей: движимый истинною любовію къ отечеству, онъ хотѣлъ неразрывнымъ соединеніемъ Литвы съ Польшею утвердить ихъ могущество, опасаясь, чтобы та и другая Держава, по его смерти, не избрала себѣ особеннаго Властителя. Намѣреніе было достохвально, полезно, но исполненіе трудно: ибо Вельможи Польскіе и Литовскіе жили въ вѣчной враждѣ между собою; одна власть Королевская могла обуздывать ихъ страсти. Сигизмундъ желалъ внѣшняго спокойствія, чтобы успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ, предложенномъ тогда Люблинскому Сейму; а Царь желалъ короны Сигизмундовой: ибо носился слухъ, что Паны мыслятъ избрать въ Короли сына его, Царевича Іоанна (235). Гонцамъ нашимъ велѣно было развѣдать о томъ въ Литвѣ и ласкать Вельможъ. Государь уналъ кровопролитіе, дабы потушить въ Литовцахъ враждебное къ намъ чувство.

Перемиріе съ Литвою.

Перемѣна въ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи также не мало способствовала миролюбію Іоаннову въ отношеніи къ Сигизмунду. Чтобы удержать Эстонію за собою вопреки Даніи и Польшѣ, Король Эрикъ имѣлъ нужду не только въ мирѣ, но и въ союзѣ съ Царемъ: для чего употреблялъ всѣ возможныя средства, и мыслилъ даже совершить подлое, гнусное злодѣяніе. Прелестная и не менѣе добрая сестра Сигизмундова, Екатерина, на коей Царь хотѣлъ жениться (236), и которая, можетъ быть, спасла бы его и Россію отъ великихъ несчастій — Екатерина въ 1562 году вступила въ супружество съ любимымъ сыномъ Густава Вазы, Герцогомъ Финляндскимъ Іоанномъ. Завистливый, безразсудный Эрикъ издавна не терпѣлъ сего брата и возненавидѣлъ еще болѣе за противный ему союзъ съ Королемъ Польскимъ; выдумалъ клевету и заключилъ Іоанна. Тутъ обнаружилось великодушіе Екатерины: ей предложили на выборъ, оставить супруга или свѣтъ. Вмѣсто отвѣта она показала свое кольцо, съ надписью: *ничто, кромѣ смерти* (237) — и четыре года была Ангеломъ-утѣшителемъ злосчастнаго Іоанна въ Грипсгольмской темницѣ, не зная того, что два тирана готовили ей гораздо ужаснѣйшую долю. Царь предложилъ, и Король согласился выдать ему Екатерину, какъ предметъ странной любви или злобы его за безчестіе отказа. Дѣло началось тайною перепискою, а кончилось торжественнымъ договоромъ: въ Февралѣ 1567 года пріѣхали Шведскіе государственные сановники, Канцлеръ Нильсъ Гилленстирна и другіе, прямо въ Александровскую Слободу, были угощены великолѣпно и подписали хартію союза Швеціи съ Россіею. Царь назвалъ Эрика другомъ и братомъ, уступалъ ему навѣки Эстонію, обѣщалъ помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и съ городами Ганзейскими: за что Эрикъ обязывался прислать свою невѣстку въ Москву (238). Думный Совѣтникъ Воронцовъ и Дворянинъ Наумовъ поѣхали въ Стокгольмъ съ договорною грамотою, а Бояре Морозовъ, Чеботовъ, Сукинъ должны были принять Екатерину на границѣ. Но Провидѣніе не дало восторжествовать Іоанну. Послы наши, встрѣченные въ Стокгольмѣ съ великою честію, жили тамъ цѣлый годъ безъ всякаго успѣха въ своемъ дѣлѣ. Пригласивъ ихъ обѣдать съ собою, Эрикъ упалъ въ обморокъ и не могъ выйти къ столу: съ сего времени Послы не видали Короля; имъ сказывали, что онъ или боленъ, или сражается съ Датчанами. Для переговоровъ являлись къ Воронцову только Совѣтники Думы Королевской и говорили, что выдать Екатерину Царю, отнять жену у мужа, мать у дѣтей, противно Богу и закону; что самъ

Дѣла Шведскія.

г. 1565 — 1569. Царь навѣки обезславилъ бы себя такимъ не-Христіанскимъ дѣломъ; что у Сигизмунда есть другая сестра, дѣвица, которую Эрикъ можетъ *достать* для Царя; что Послы Шведскіе заключили договоръ о Екатеринѣ безъ вѣдома Королевскаго. Бояринъ Московскій не щадилъ въ отвѣтахъ своихъ ни Совѣтниковъ, ни Государя ихъ; доказывалъ, что они лжецы, клятвопреступники, и требовалъ свиданія съ Эрикомъ. Сей несчастный Король былъ тогда въ жалостномъ состояніи: многими жестокими, безразсудными дѣлами заслуживъ общую ненависть, боялся и народа и Дворянства, мучился совѣстію, терялъ умъ, освободилъ и думалъ снова заключить брата; въ смятеніи духа, въ малодушномъ страхѣ, то объявлялъ нашимъ Посламъ, что самъ ѣдетъ въ Москву, то опять хотѣлъ послать Екатерину къ Царю ([239]). Наконецъ совершился ударъ: 29 Сентября, 1568 года, Послы Московскіе увидѣли страшное волненіе въ столицѣ, и не долго были спокойными зрителями онаго: воины съ ружьями, съ обнаженными мечами вломились къ нимъ въ домъ, сбили замки, взяли все: серебро, мѣха; даже раздѣли Пословъ, грозили имъ смертію. Въ сію минуту явился Принцъ Карлъ, меньшій братъ Эриковъ: Бояринъ Воронцовъ, стоя передъ нимъ въ одной рубашкѣ, съ твердостію сказалъ ему, что такъ дѣлается въ вертепѣ разбойниковъ, а не въ Государствахъ Христіанскихъ. Карлъ выгналъ неистовыхъ воиновъ; изъяснилъ Боярину, что Эрикъ, какъ безумный тиранъ, сверженъ съ престола; что новый Король, братъ его Іоаннъ, желаетъ дружбы Царя Московскаго; что обида, сдѣланная Посламъ, не останется безъ наказанія, будучи единственно слѣдствіемъ безпорядка, соединеннаго съ перемѣною верховной власти. Послы требовали отпуска: выѣхали изъ Стокгольма, но 8 мѣсяцевъ жили въ Абовѣ какъ невольники и возвратились въ Москву уже въ Іюлѣ 1569 года ([240]), донести Царю о судьбѣ его *друга* и *брата*, несчастнаго Эрика, торжественно осужденнаго Государственными Чинами умереть въ темницѣ, за разныя злодѣйства, какъ сказано въ семъ приговорѣ, и за безчестныя, *не-Христіанскія* условія союза съ Россіею ([241]). Легко представить себѣ досаду Царя: онъ умѣлъ скрывать свои чувства; дозволилъ Шведскимъ Посламъ, Епископу Абовскому, Павлу Юсту, съ другими знатными чиновниками быть въ Москву, и велѣлъ ихъ *ограбить*, задержать въ Новгородѣ, точно такъ, какъ Бояринъ Воронцовъ и Наумовъ были ограблены, задержаны въ Швеціи ([242]). Сіе дѣйствіе казалось ему справедливою местію; но онъ хотѣлъ и важнѣйшей: хотѣлъ немедленно выгнать Шведовъ изъ Эстоніи, и для того примириться на время съ Сигизмундомъ, чтобы не имѣть дѣла съ двумя врагами.

Важное предпріятіе Султана. Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для Россіи, но не долго тревожила Іоанна и дала безъ побѣды новую воинскую славу его царствованію. Что замышлялъ противъ насъ Солиманъ Великій, то сынъ его, малодушный Селимъ, хотѣлъ исполнить: возстановить Царство Мусульманское на берегахъ Ахтубы ([243]): къ чему склоняли Султана нѣкоторые Князья Ногайскіе, Хивинцы и Бухарцы, представляя ему, что Государь Россійскій истребляетъ Магометанскую Вѣру, и пресѣкъ для нихъ сообщеніе съ Меккою; что Астрахань есть главная пристань Каспійскаго моря, наполненная кораблями всѣхъ народовъ Азіатскихъ, и что въ казну Царскую входитъ тамъ ежедневно около тысячи золотыхъ монетъ ([244]). Послы Литовскіе, находясь въ Константинополѣ, говорили тоже. Одинъ Ханъ Девлетъ-Гирей доказывалъ, что къ Астрахани не льзя итти ни зимою, ни лѣтомъ: зимою отъ несноснаго для Турковъ холода, лѣтомъ отъ безводія; и что гораздо лучше воевать Московскую Украину. Не слушая возраженій Хана, Селимъ (весною 1569 года) прислалъ въ Кафу 15,000 Спаговъ, 2000 Янычаръ, и велѣлъ ея Пашѣ, Касиму, итти къ Переволокѣ, соединить Донъ съ Волгою, море Каспійское съ Азовскимъ, взять Астрахань или, по крайней мѣрѣ, основать тамъ крѣпость въ ознаменованіе Султанской Державы ([245]). 31 Мая Паша выступилъ въ походъ; Ханъ также, имѣя до 50,000 всадниковъ. Они сошлися въ нынѣшней Качалинской Станицѣ и ждали судовъ, которыя плыли Дономъ отъ Азова съ тяжелымъ снарядомъ, съ богатою казною, имѣя для защиты своей только 500 воиновъ и 2500 гребцовъ, большею частію Христіанскихъ невольниковъ, окованныхъ цѣпями. Турки въ отмеляхъ выгружали пушки, влекли ихъ берегомъ, съ трудомъ неописаннымъ. Тысячи двѣ Россіянъ

г. 1565 — 1569. могли бы безъ кровопролитія взять снарядъ и казну: невольники ждали ихъ съ надеждою, а Турки съ трепетомъ — никто не показывался! Донскіе Козаки, испуганные слухомъ о походѣ Султанскаго войска, скрылись въ дальнихъ степяхъ, и суда 15 Августа благополучно достигли Переволоки. Тутъ началась работа жалкая и смѣшная: Касимъ велѣлъ рыть каналъ отъ Дона до Волги; увидѣвъ невозможность, велѣлъ тащить суда землею. Турки не хотѣли слушаться, и говорили, что Паша безумствуетъ, предпринимая такое дѣло, для коего мало ста лѣтъ для всѣхъ работниковъ Оттоманской Имперіи. Ханъ совѣтовалъ возвратиться; но, къ удовольствію Касима, явились Послы Астраханскіе ([246]). «На что вамъ суда?» сказали они: «мы дадимъ ихъ вамъ, сколько хотите; идите только избавить насъ отъ власти Россіянъ.» Паша усмирилъ войско: 2 Сентября отпустилъ пушки назадъ въ Азовъ, и съ 12 легкими орудіями пошелъ къ Астрахани, гдѣ жители готовились встрѣтить его какъ избавителя: надежда ихъ не исполнилась.

Посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, писалъ къ Государю изъ Тавриды о замыслѣ Султановомъ: письмы его, хотя и не скоро, доходили. Война съ Турціею не представляла Іоанну ничего, кромѣ опасностей: собирая многочисленное войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ и немедленно отрядивъ мужественнаго Князя Петра Серебрянаго съ легкою дружиною занять Астрахань, онъ въ тоже время послалъ дары къ Пашѣ Кафинскому, чтобы склонить его къ миролюбію. Паша взялъ дары, цѣловалъ грамоту Іоаннову, три дни честилъ гонцевъ Московскихъ, а на четвертый заключилъ въ темницу ([247]). Но Государь успокоился, свѣдавъ о маломъ числѣ Турковъ и худомъ усердіи Девлетъ-Гирея къ сему походу; угадывалъ слѣдствія, и не обманулся.

16 Сентября Паша и Ханъ стали ниже Астрахани, на Городищѣ, гдѣ была, какъ вѣроятно, древняя столица Козарская ([248]). Тутъ ждали ихъ наши измѣнники Астраханскіе съ судами и Ногаи съ дружественными увѣреніями: Касимъ, велѣвъ Ногаямъ прикочевать къ Волгѣ, началъ строить новую крѣпость на Городищѣ, и Турки, къ изумленію своему, узнали, что Паша намѣренъ зимовать подъ Астраханью, гдѣ горсть бодрыхъ Россіянъ обуздывала измѣну жителей и казалась ему страшною, такъ, что онъ не смѣлъ отважиться на приступъ. Въ самомъ дѣлѣ ничто не могло быть безразсуднѣе сего намѣренія: Паша давалъ Россіянамъ время изготовиться къ оборонѣ; давалъ время Царю прислать войско въ Астрахань, а свое изнурялъ трудами, голодомъ: ибо Астраханцы не могли доставлять ему хлѣба въ избыткѣ. Ропотъ обратился въ мятежъ, когда услышали Турки, что Ханъ, по совершеніи крѣпости, долженъ возвратиться въ Тавриду. Они рѣшительно объявили, что никто изъ нихъ не останется зимовать въ землѣ непріятельской. Еще Касимъ упорствовалъ, грозилъ; но вдругъ, 26 Сентября, зажегъ сдѣланныя имъ деревянныя укрѣпленія и вмѣстѣ съ Ханомъ удалился отъ Астрахани: причиною было то, что Князь Петръ Серебряный вступилъ въ сей городъ съ войскомъ, и что за нимъ, какъ сказывали, шло другое, сильнѣйшее ([249]). Турки и Крымцы бѣжали день и ночь. Въ шестидесяти верстахъ, на Бѣломъ озерѣ, встрѣтились имъ гонцы Султанскій и Литовскій: Селимъ писалъ къ Пашѣ, чтобы онъ непремѣнно держался подъ Астраханью до весны; что къ нему будетъ новая рать изъ Константинополя; что лѣтомъ увидитъ Россія въ нѣдрахъ своихъ знамена Оттоманскія, за коими долженъ итти и Ханъ къ Москвѣ, утвердивъ союзъ и дружбу съ Литвою ([250]). Но Касимъ продолжалъ бѣгство. Путеводитель его, Девлетъ-Гирей, умышленно велъ Турковъ мѣстами безводными, голодною пустынею, гдѣ кони и люди умирали отъ изнуренія; гдѣ Черкесы стерегли ихъ въ засадахъ, и томныхъ, полумертвыхъ брали въ плѣнъ; гдѣ Россіяне могли бы совершенно истребить сіе жалкое войско, если бы они не слѣдовали правилу, что надобно давать волю бѣгущему непріятелю. Турки были въ отчаяніи: проклиная Пашу, не щадили и Султана, который послалъ ихъ въ землю неизвѣстную, въ ужасную Россію, не за побѣдою, а за голодомъ и смертію безчестною. Касимъ съ толпою блѣдныхъ тѣней черезъ мѣсяцъ достигъ Азова, чтобы золотомъ откупиться отъ петли. Онъ приписывалъ свое несчастіе единственно тому, что не могъ ранѣе начать похода; но Девлетъ-Гирей увѣрялъ Султана въ невозможности взять или удержать Астрахань, столь отдаленную отъ владѣній Турецкихъ; а Крымскому Послу нашему сказалъ: «Го-

Бѣдствіе Турковъ.

г. 1565 —1569. сударь твой долженъ благодарить меня: я погубилъ Султанское войско; не хотѣлъ ни приступать къ Астрахани, ни строить тамъ крѣпости на старомъ Городищѣ, вопервыхъ желая угодить ему, вовторыхъ и для того, что не хочу видѣть Турковъ властелинами древнихъ Улусовъ Татарскихъ» ([251]). Къ утвержденію нашей безопасности съ сей стороны, Азовская крѣпость со всѣми пороховыми запасами взлетѣла тогда на воздухъ; не только большая часть города, зажженнаго, какъ думали, Россіянами ([252]), но и пристань съ военными судами обратилась въ пепелъ.

Сей несчастный походъ войска Селимова описанъ нами по сказанію очевидца, Царскаго сановника, Семена Мальцова, достойнаго быть извѣстнымъ потомству. Онъ ѣхалъ изъ Ногайскихъ Улусовъ и встрѣтилъ непріятелей на берегу Волги: окруженный ими, скрылъ Государевъ наказъ, какъ неприкосновенную святыню, въ деревѣ на Царицынѣ-островѣ; сдался уже полумертвый отъ ранъ; прикованный къ пушкѣ, терзаемый чувствомъ боли, жажды, голода, — ежечасно угрожаемый смертію, не преставалъ ревностно служить Царю своему; стращалъ Турковъ разсказами: увѣрялъ, что Астраханцы и Ногаи манятъ ихъ въ сѣти; что Шахъ Персидскій есть союзникъ Россіи; что мы послали къ нему 100 пушекъ и 500 пищалей для нападенія на Касима; что Князь Серебряный плыветъ съ тридцатью тысячами къ Астрахани, а Князь Иванъ Бѣльскій идетъ полемъ съ несмѣтною силою. Мальцовъ училъ и другихъ нашихъ плѣнниковъ сказывать тоже; склонялъ Грековъ и Волоховъ, бывшихъ съ Касимомъ, пристать къ Россіянамъ въ случаѣ битвы; звалъ сыновей Девлетъ-Гиреевыхъ къ намъ въ службу; говорилъ имъ: «Васъ у отца много: онъ раздаетъ васъ по людямъ. Вы ни сыты, ни голодны; скитаетесь изъ мѣста въ мѣсто. Въ Москвѣ же найдете честь и богатство. Самъ отецъ будетъ вамъ завидовать» ([253]). Безъ всякой надежды увидѣть святую Русь, безъ всякой мысли о наградѣ, о славѣ, сей усердный гражданинъ хотѣлъ еще и на канунѣ смерти быть полезнымъ Государю, отечеству. Такихъ слугъ имѣлъ Іоаннъ Грозный, упиваясь кровію своихъ подданныхъ! — Провидѣніе спасло Мальцова. Выкупленный въ Азовѣ нашимъ Крымскимъ Посломъ, Аѳанасіемъ Нагимъ, онъ возвратился въ Москву, донести Царю, что Россіяне могутъ не страшиться Оттомановъ ([254]). г. 1565 —1569.

И такъ внѣшнія дѣйствія или отношенія Россіи къ иноземнымъ Державамъ были довольно благопріятны. Съ Литвою мы ожидали мира, удерживая за собою новыя, важныя завоеванія; слабую Швецію презирали; видѣли тылъ и гибель Султанской рати; узнавъ непріязнь Хана къ Туркамъ, тѣмъ менѣе опасались его впаденій, и тѣмъ болѣе надѣялись съ нимъ примириться. Войско наше было многочисленно, границы укрѣплены: на самомъ отдаленномъ Терекѣ Іоаннъ поставилъ городъ, какъ для защиты своего тестя, Черкесскаго Князя Темгрюка, такъ и для утвержденія своей власти надъ симъ краемъ ([255]).— Шахъ Персидскій, Тамасъ, хотѣлъ быть другомъ Іоанну, который, желая заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ Султана, въ Маѣ 1569 года посылалъ въ Персію чиновника Алексѣя Хозникова ([256]). — Сибирь платила намъ дань: около 1563 года новый Князь ея, Шибанскій Царевичь Едигерь, убилъ тамъ нашего данщика: за что Государь остановилъ въ Москвѣ Посла Сибирскаго, но скоро освободилъ его, изъ уваженія къ ходатайству Исмаила, Ногайскаго Владѣтеля, и въ 1569 году торжественнымъ договоромъ съ новымъ Сибирскимъ *Царемъ*, Кучюмомъ, утвердилъ сію землю въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ *взялъ* Кучюма *подъ свою руку*, *въ обереганіе*, съ условіемъ, чтобы онъ давалъ ему ежегодно тысячу соболей, а Посланнику Государеву, который пріѣдетъ за данію, тысячу бѣлокъ. Боярскій Сынъ, Третьякъ Чабуковъ, (въ 1571 году) отвезъ въ Сибирь жалованную Іоаннову грамоту, украшенную златою печатію ([257]). — Россія внутри бѣдствовала — отъ язвы, голода и тиранства — но торговля ея процвѣтала. Цари Абдула Шамаханскій и Бухарскій того же имени, Сеитъ Самаркандскій, Азимъ Хивинскій, присылали дары въ Москву, чтобы Іоаннъ дозволялъ ихъ подданнымъ купечествовать не только въ Астрахани и въ Казани, но и въ другихъ городахъ нашихъ ([258]). Не смотря на явную вражду Султана, Россіяне еще торговали въ Кафѣ, въ Азовѣ, а Турки въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Армянами ([259]). Самъ Государь изъ казны своей отправлялъ за Каспійское море мѣха драгоцѣнные и купцевъ Московскихъ въ Ант-

Сношенія съ Персіею.

Дань Сибирская.

Торговля.

г. 1565 — 1569. верпенъ, въ Лондонъ, даже въ Ормусъ ([260]). Ганза не преставала искать милости въ Іоаннѣ и мѣнялась съ нами товарами въ Нарвѣ, завидуя Англичанамъ ([261]), которые пользовались благосклонностію Царя и правами исключительными въ Россіи, особенно съ восшествія на престолъ Елисаветы: ибо сія знаменитая Королева, одаренная и великимъ умомъ и любезными свойствами, снискала его дружбу. Лондонское Россійское Общество дарило Царя алмазами; Елисавета писала къ нему ласковыя письма. Три раза Посланникъ ея, Дженкинсонъ, былъ въ Москвѣ; ѣздилъ оттуда въ Персію и съ усердіемъ исполнилъ тайный наказъ Государевъ къ Шаху ([262]). Слѣдствіемъ было то, что въ 1567 и въ 1569 году Іоаннъ далъ новыя выгоды купцамъ Англійскимъ: дозволилъ имъ ѣздить изъ Россіи въ Персію, завести селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ, искать желѣзной руды и плавить ее, съ условіемъ выучить Россіянъ сему искусству, а при вывозѣ желѣза въ Англію платить деньгу съ фунта ([263]). Англичане должны были всѣ драгоцѣнныя вещи показывать Государеву Казначею; обязывались также продавать Царскіе товары въ Англіи и въ Персіи; впрочемъ могли вездѣ купечествовать свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строить жилища, лавки, и чеканить для себя талеры; судились только судомъ Опричнины, и Московскій ихъ дворъ, у церкви Св. Максима, находился въ ея вѣдомствѣ. Напрасно купцы Ганзейскіе старались вредить Англичанамъ въ умѣ Іоанна; напрасно Короли Польскій и Шведскій убѣждали Елисавету не способствовать, выгодами торговли, могуществу опасной Россіи ([264]). Бывали неудовольствія взаимныя, однакожь прекращались дружелюбно. На примѣръ, въ 1568 году Посланникъ Елисаветинъ, Томасъ Рандольфъ, около четырехъ мѣсяцевъ жилъ въ Москвѣ, не видавъ Царя ([265]). Іоаннъ досадовалъ на Англійскихъ купцевъ за то, что они ежегодно возвышали цѣну своихъ товаровъ; наконецъ велѣлъ Рандольфу быть къ себѣ, но не далъ лошадей: люди Посольскіе шли во дворецъ пѣшкомъ, и никто изъ Царскихъ сановниковъ не кланялся представителю лица Королевина. Гордый Англичанинъ, оскорбленный сею грубостію, самъ надѣлъ шляпу во дворцѣ. Ждали гнѣва, опалы: вмѣсто чего Іоаннъ принялъ Рандольфа весьма ласково, увѣрялъ въ своей дружбѣ къ *любезной сестрѣ* Елисаветѣ и возвратилъ милость купцамъ Англійскимъ; имѣлъ съ нимъ другое свиданіе наединѣ, ночью; говорилъ три часа — и послалъ къ Елисаветѣ Дворянина Андрея Савина, съ дѣломъ тайнымъ, которое знаемъ только по отвѣту Елисаветину, хранящемуся въ нашемъ Архивѣ: оно весьма любопытно, и доказываетъ малодушіе Іоанна. Сей Монархъ, еще побѣдитель, еще гроза всѣхъ Державъ сосѣдственныхъ, не находя ни малѣйшаго сопротивленія въ своихъ бѣдныхъ подданныхъ, невинно имъ губимыхъ, трепеталъ въ сердцѣ, ждалъ казни, мечталъ о бунтахъ, объ изгнаніи; не устыдился писать о томъ къ Елисаветѣ и просить убѣжища въ ея землѣ на сей случай: униженіе достойное мучителя! Благоразумная Королева отвѣтствовала, что желаетъ ему царствовать со славою въ Россіи, но готова дружественно принять его вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, ежели, въ слѣдствіе *тайнаго заговора*, внутренніе мятежники или внѣшніе непріятели изгонятъ Іоанна изъ отечества; что онъ можетъ жить, гдѣ ему угодно въ Англіи, наблюдать въ Богослуженіи всѣ обряды Вѣры Греческой, имѣть своихъ слугъ и всегда свободно выѣхать, назадъ ли въ Россію или въ другую землю ([266]). Въ вѣрности сихъ обѣщаній Елисавета дала ему *слово Христіанскаго Вѣнценосца* и грамоту, ею собственноручно подписанную въ присутствіи всѣхъ ея Государственныхъ Совѣтниковъ, Великаго Канцлера Николая Бакона, Лорда Нортамптона, Русселя, Арунделя и другихъ, съ прибавленіемъ, что Англія и Россія будутъ всегда соединенными силами противиться ихъ врагамъ общимъ. — Донесенія Савина, хотя обласканнаго въ Лондонѣ, не весьма благопріятствовали Англичанамъ: онъ сказалъ Царю, что Королева думаетъ единственно о выгодахъ Лондонскаго купечества ([267]). Іоаннъ былъ недоволенъ и тѣмъ, что Елисавета въ дѣлѣ столь важномъ отвѣтствовала ему чрезъ его Посланника, а не прислала своего; но берегъ ея дружбу, ибо дѣйствительно хотѣлъ бѣжать въ крайности за море. Сію мысль вселилъ въ него, какъ увѣряютъ, Голландскій Докторъ, Елисей Бомелій, негодяй и бродяга, изгнанный изъ Германіи: снискавъ доступъ къ Царю онъ полюбился ему своими козлями: питалъ въ немъ страхъ, подозрѣнія; чернилъ Бояръ и народъ,

Посольства Англійскія.

Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію.

Злодѣй Бомелій.

Г. 1563 — 1569. предсказывалъ бунты и мятежи, чтобы угождать несчастному расположенію души Іоанновой (268). Цари и въ добрѣ и въ злѣ имѣютъ всегда ревностныхъ помощниковъ: Бомелій заслужилъ первенство между услужниками Іоанна, то есть, между злодѣями Россіи. Казнь Божія для нихъ готовилась: но кровавый пиръ тиранства былъ еще въ срединѣ. Открывается новый ѳеатръ ужасовъ. Г. 1563 — 1569.

# ГЛАВА III.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

## Г. 1569 — 1572.

**Кончина Царицы. Четвертая, ужаснѣйшая эпоха мучительства. Запустѣніе Новагорода. Спасеніе Пскова. Казни въ Москвѣ. Царскіе шуты. Голодъ и моръ. Сношенія съ Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя къ Магнусу. Посольство въ Константинополь. Нашествіе Хана. Сожженіе Москвы. Новое супружество Іоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествіе Іоанново въ Новгородъ. Дѣла Шведскія. Четвертый бракъ Іоанновъ. Союзъ съ Елисаветою. Переговоры съ Даніею и съ Литвою. Отбытіе Іоанна въ Новгородъ. Нашествіе Хана. Знаменитая побѣда К. Воротынскаго. Письмо къ Королю Шведскому.**

Г. 1569. Кончина Царицы. 1 Сентября 1569 года скончалась супруга Іоаннова, Марія, едва ли *искренно* оплаканная и самимъ Царемъ, хотя, для соблюденія пристойности, вся Россія долженствовала явить образъ глубокой печали (269): дѣла остановились; Бояре, Дворяне, Приказные люди надѣли *смиренное платье* или трауръ (шубы бархатныя и камчатныя *безъ золота*); во всѣхъ городахъ служили Панихиды; давали милостыню нищимъ, вклады въ монастыри и въ церкви; показывали горесть лицемѣрную, скрывая истинную, общую, производимую свирѣпствомъ Іоанна, который чрезъ десять дней уже могъ спокойно принимать иноземныхъ Пословъ во дворцѣ Московскомъ, но спѣшилъ выѣхать изъ столицы, чтобы въ страшномъ уединеніи Александровской Слободы вымыслить новыя измѣны и казни. Кончина двухъ супругъ его, столь несходныхъ въ душевныхъ свойствахъ, имѣла слѣдствія равно несчастныя: Анастасія взяла съ собою добродѣтель Іоаннову; казалось, что Марія завѣщала ему превзойти самого себя въ лютыхъ убійствахъ. Распустивъ слухъ, что Марія, подобно Анастасіи, была отравлена тайными злодѣями, онъ приготовилъ тѣмъ Россію къ ужаснѣйшимъ изступленіямъ своей ярости.

Іоаннъ каралъ невинныхъ; а виновный, дѣйствительно виновный, стоялъ предъ тираномъ: тотъ, кто въ противность закону хотѣлъ быть на тронѣ, не слушался болящаго Царя, радовался мыслію объ его близкой смерти, подкупалъ Вельможъ и воиновъ на измѣну (270) — Князь Владиміръ Андреевичъ! Прошло 16 лѣтъ; но Іоаннъ, какъ мы видѣли, умѣлъ помнить старыя вины, и не преставалъ его опасаться (271). Никто изъ Бояръ не дерзалъ имѣть дружелюбнаго обхожденія съ симъ Княземъ: одни лазутчики приближались къ нему, чтобы всякое нескромное слово употребить въ доносъ. Что спасало несчастнаго? Естественный ли ужасъ обагрить руки кровію ближняго родственника? Быть можетъ: ибо есть остановки, есть затрудненія для самаго ожесточеннаго тирана: иногда онъ бываетъ человѣкомъ; уже не любя добра, боится крайностей во злѣ; тревожимый совѣстію, облегчаетъ себя мыслію, что онъ еще удерживается отъ нѣкоторыхъ преступленій! Но сей оплотъ ненадеженъ: злодѣйства стремятъ къ злодѣйствамъ, и Князь Владиміръ могъ предвидѣть свою неминуемую участь, не смотря на милостивое прощеніе, ему объявленное въ 1563 году (272), — не смотря на лицемѣріе Іоанна, который всегда честилъ, ласкалъ его. Въ знакъ милости давъ Владиміру большое мѣсто въ Кремлѣ

Г. 1569. Четвертая ужаснѣйшая эпоха мучительства.

г. 1569. для новаго великолѣпнаго дворца и города Дмитровъ, Боровскъ, Звенигородъ, Царь взялъ себѣ на обмѣнъ Верею, Алексинъ, Старицу (273), безъ сомнѣнія для того, что сей Князь съ новыми помѣстьями казался менѣе опаснымъ, нежели съ наслѣдственными, гдѣ еще хранился духъ древней Удѣльной Системы. Весною въ 1569 году собирая войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ для защиты Астрахани, Іоаннъ не усомнился ввѣрить оное своему мужественному брату (274); но сія мнимая довѣренность произвела опалу и гибель. Князь Владиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане и Духовенство встрѣтили его со крестами, съ хлѣбомъ и солью, съ великою честію, съ изъявленіемъ любви. Узнавъ о томъ, Царь велѣлъ привезти тамошнихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ (275); а брата ласково звалъ къ себѣ. Владиміръ съ супругою, съ дѣтьми, остановился верстахъ въ трехъ отъ Александровской Слободы, въ деревнѣ Слотинѣ; далъ знать Царю о своемъ пріѣздѣ, ждалъ отвѣта — и вдругъ видитъ полкъ всадниковъ: скачутъ во всю прыть съ обнаженными мечами какъ на битву, окружаютъ деревню; Іоаннъ съ ними: сходитъ съ коня и скрывается въ одномъ изъ сельскихъ домовъ. Василій Грязной, Малюта Скуратовъ объявляютъ Князю Владиміру, что онъ умышлялъ на жизнь Государеву, и представляютъ уличителя, Царскаго повара, коему Владиміръ далъ будто бы деньги и ядъ, чтобы отравить Іоанна (276). Все было вымышлено, приготовлено. Ведутъ несчастнаго съ женою и съ двумя юными сыновьями къ Государю: они падаютъ къ ногамъ его, клянутся въ своей невинности, требуютъ постриженія. Царь отвѣтствовалъ: «вы хотѣли умертвить меня ядомъ: пейте его сами!» Подали отраву. Князь Владиміръ, готовый умереть, не хотѣлъ изъ собственныхъ рукъ отравить себя. Тогда супруга его, Евдокія (родомъ Княжна Одоевская), умная, добродѣтельная — видя, что нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости въ сердцѣ губителя — отвратила лице свое отъ Іоанна, осушила слезы, и съ твердостію сказала мужу: «не мы себя, но мучитель отравляетъ насъ: лучше принять смерть отъ Царя, нежели отъ палача.» Владиміръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ: за нимъ Евдокія и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать: Іоаннъ былъ свидѣтелемъ ихъ терзанія и смерти (277)! г. 1569. Призвавъ Боярынь и служанокъ Княгини Евдокіи, онъ сказалъ: «Вотъ трупы моихъ злодѣевъ! Вы служили имъ; но изъ милосердія дарую вамъ жизнь.» Съ трепетомъ увидѣвъ мертвыя тѣла господъ своихъ, онѣ единогласно отвѣчали: «Мы не хотимъ твоего милосердія, звѣрь кровожадный! Растерзай насъ: гнушаясь тобою, презираемъ жизнь и муки!» Сіи юныя жены, вдохновенныя омерзѣніемъ къ злодѣйству, не боялись ни смерти, ни самаго стыда: Іоаннъ велѣлъ обнажить ихъ и разстрѣлять. — Мать Владимірова, Евфросинія, нѣкогда честолюбивая, но въ Монашествѣ смиренная, уже думала только о спасеніи души: умертвивъ сына, Іоаннъ тогда же умертвилъ и мать: ее утопили въ рѣкѣ Шекснѣ, вмѣстѣ съ другою Инокинею, добродѣтельною Александрою (278), его невѣсткою, виновною, можетъ быть, слезами о жертвахъ Царскаго гнѣва.

Судьба несчастнаго Князя Владиміра произвела всеобщую жалость (279): забыли страхъ; слезы лилися въ домахъ и въ храмахъ. Никто безъ сомнѣнія не вѣрилъ объявленному умыслу сего Князя на жизнь Государеву: видѣли одно гнусное братоубійство, внушенное еще болѣе злобою, нежели подозрѣніемъ. Онъ не имѣлъ великихъ свойствъ, но имѣлъ многія достохвальныя: могъ бы царствовать въ Россіи и не быть тираномъ! сносилъ долговременную, явную опалу свою съ твердостію, ждалъ своей неминуемой гибели съ какимъ-то Христіанскимъ спокойствіемъ, и приводилъ добрыя сердца въ умиленіе, раждающее любовь. Іоаннъ слышалъ — если не смѣлыя укоризны, то по крайней мѣрѣ воздыханія Россіянъ великодушныхъ, и хотѣлъ открытіемъ мнимаго важнаго заговора доказать необходимость своей жестокости для обузданія предателей, будто бы единомышленниковъ Князя Владиміра. Сія новая клевета на живыхъ и мертвыхъ была ли только изобрѣтеніемъ смятеннаго ума Іоаннова, или адскимъ ковомъ его сподвижниковъ въ губительствѣ, которые желали тѣмъ изъявить ему свое усердіе и питать въ немъ страсть къ мучительству? Надѣялся ли Іоаннъ обмануть современниковъ и потомство грубою ложью, или обманывалъ самого себя легковѣріемъ? Послѣднее утверждаютъ Лѣтописцы, чтобы облегчить лежащее на Іоаннѣ бремя дѣлъ страшныхъ; но са-

г. 1569. мое легковѣріе въ такомъ случаѣ не вопіетъ ли на небо? уменьшаетъ ли омерзѣніе къ убійствамъ неслыханнымъ?

Новгородъ, Псковъ, нѣкогда свободныя Державы, смиренныя Самовластіемъ, лишенныя своихъ древнихъ правъ и знатнѣйшихъ гражданъ, населенныя отчасти иными жителями, уже измѣнились въ духѣ народномъ, но сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ ихъ бытіи гражданскомъ. Новгородъ именовался *Великимъ* и заключалъ договоры съ Королями Шведскими, избирая, равно какъ и Псковъ, своихъ *судныхъ цѣловальниковъ* или Присяжныхъ [280]. Дѣти отъ родителей наслѣдовали и тайную нелюбовь къ Москвѣ: еще разсказывали въ Новѣгородѣ о битвѣ Шелонской; еще могли быть очевидцы послѣдняго народнаго Вѣча во Псковѣ [281]. Забыли бѣдствія вольности: не забыли ея выгодъ. Сіе расположеніе тамошняго слабаго гражданства, хотя уже и не опасное для могущественнаго Самодержавія, безпокоило, гнѣвило Царя, такъ, что весною 1569 года онъ вывелъ изъ Пскова 500 семействъ, а изъ Новагорода 150 въ Москву [282], слѣдуя примѣру своего отца и дѣда. Лишаемые отчизны, плакали; оставленные въ ней, трепетали. То было началомъ: ждали слѣдствія. Въ сіе время, какъ увѣряютъ, одинъ бродяга Волынскій, именемъ Петръ, за худыя дѣла наказанный въ Новѣгородѣ, вздумалъ отмстить его жителямъ: зная Іоанново къ нимъ неблаговоленіе, сочинилъ письмо отъ Архіепископа и тамошнихъ гражданъ къ Королю Польскому; скрылъ оное въ церкви Св. Софіи, за образъ Богоматери; бѣжалъ въ Москву, и донесъ Государю, что Новгородъ измѣняетъ Россіи. Надлежало представить улику: Царь далъ ему вѣрнаго человѣка, который поѣхалъ съ нимъ въ Новгородъ и вынулъ изъ-за образа мнимую Архіепископову грамоту, въ коей было сказано, что Святитель, Духовенство, чиновники и весь народъ поддаются Литвѣ. Болѣе не требовалось никакихъ доказательствъ. Царь, принявъ нелѣпость за истину, осудилъ на гибель и Новгородъ и всѣхъ людей, для него подозрительныхъ или ненавистныхъ [283].

Въ Декабрѣ 1569 года онъ съ Царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ Дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ Слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, первый городъ бывшаго Тверскаго Великаго Княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго Самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному Легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали Государя какъ отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ [284]. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча-монастыря еще дышалъ Св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца: тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ Митрополита и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину Посольства, онъ съ кротостію примолвилъ: «я давно ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!» Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ Св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ Игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи [285]. Устрашенные Иноки вырыли могилу за Олтаремъ, и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго Іерарха Церкви Россійской, украшеннаго вѣнцемъ Мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни Новая, ни Древняя Исторія не представляютъ намъ Героя знаменитѣйшаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году) святыя мощи его были перенесены въ Обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ покланяемся [286]. г. 1569.

За тайнымъ злодѣйствомъ слѣдовали явныя. Іоаннъ не хотѣлъ въѣхать въ Тверь, и пять дней жилъ въ одномъ изъ ближнихъ монастырей, между тѣмъ, какъ сонмы неистовыхъ воиновъ грабили сей городъ, начавъ съ Духовенства и не оставивъ ни одного дома цѣлаго: брали легкое, драгоцѣнное; жгли, чего не могли взять съ собою; людей мучили, убивали, вѣшали въ забаву; однимъ словомъ, напомнили несчастнымъ Тверитя-

г. 1569. намъ ужасный 1327 годъ, когда жестокая месть Хана Узбека совершалась надъ ихъ предками ([287]). Многіе Литовскіе плѣнники, заключенные въ тамошнихъ темницахъ, были изрублены или утоплены въ прорубяхъ Волги: Іоаннъ смотрѣлъ на сіе душегубство!—Оставивъ наконецъ дымящуюся кровію Тверь, онъ также свирѣпствовалъ въ Мѣдномъ, въ Торжкѣ, гдѣ въ одной башнѣ сидѣли Крымскіе, а въ другой Ливонскіе плѣнники, окованные цѣпями: ихъ умертвили; но Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранивъ и самого Іоанна. Вышній Волочекъ и всѣ мѣста до Ильменя были опустошены огнемъ и мечемъ. Всякаго, кто встрѣчался на дорогѣ, убивали, для того, что походъ Іоанновъ долженствовалъ быть *тайною* для Россіи!

г. 1570. 2 Генваря передовая многочисленная дружина Государева вошла въ Новгородъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, дабы ни одинъ человѣкъ не могъ спастися бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и въ окрестностяхъ; связали Иноковъ и Священниковъ; взыскивали съ каждаго изъ нихъ по двадцати рублей; а кто не могъ заплатить сей пени, того *ставили на правежъ*: всенародно били, сѣкли съ утра до вечера ([288]). Опечатали и дворы всѣхъ гражданъ богатыхъ; гостей, купцевъ, Приказныхъ людей оковали цѣпями; женъ, дѣтей стерегли въ домахъ. Царствовала тишина ужаса. Никто не зналъ ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытія Государева.

6 Генваря, въ день Богоявленія, ввечеру, Іоаннъ съ войскомъ сталъ на Городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада ([289]). На другой день казнили всѣхъ Иноковъ, *бывшихъ на правежъ*: ихъ избили палицами, и каждаго отвезли въ свой монастырь для погребенія. Генваря 8 Царь съ сыномъ и съ дружиною вступилъ въ Новгородъ, гдѣ, на Великомъ мосту, встрѣтилъ его Архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами: не принявъ Святительскаго благословенія, Іоаннъ грозно сказалъ: «Злочестивецъ! въ рукѣ твоей не крестъ животворящій, но оружіе убійственное, которое ты хочешь вонзить намъ въ сердце. Знаю умыселъ твой и всѣхъ гнусныхъ Новогородцевъ; знаю, что вы готовитесь предаться Сигизмунду Августу. Отселѣ ты уже не пастырь, а врагъ Церкви и Св. Софіи, хищный волкъ, губитель, ненавистникъ вѣнца Мономахова ([290])» Сказавъ, Государь велѣлъ ему итти съ иконами и крестами въ Софійскую церковь; слушалъ г. 1570. тамъ Литургію, молился усердно, пошелъ въ палату къ Архіепископу, сѣлъ за столъ со всѣми Боярами, началъ обѣдать и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ ([291])..... Явились воины, схватили Архіепископа, чиновниковъ, слугъ его; ограбили палаты, келліи, — а Дворецкій Левъ Салтыковъ и Духовникъ Государевъ Евстафій церковь Софійскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другіе храмы въ монастыряхъ богатыхъ: послѣ чего немедленно открылся судъ на городищѣ.... Судили Іоаннъ и сынъ его такимъ образомъ: ежедневно представляли имъ отъ пяти сотъ до тысячи и болѣе Новогородцевъ; били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, влекли на берегъ Волхова, гдѣ сія рѣка не мерзнетъ зимою, и бросали съ моста въ воду, цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами ([292]). Ратники Московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ кольями, баграми и сѣкирами: кто изъ вверженныхъ въ рѣку всплывалъ, того кололи, разсѣкали на части. Сіи убійства продолжались пять недѣль и заключились грабежемъ общимъ: Іоаннъ съ дружиною объѣхалъ всѣ Обители вокругъ города; взялъ казны церковныя и монастырскія; велѣлъ опустошить дворы и келліи, истребить хлѣбъ, лошадей, скотъ; предалъ также и весь Новгородъ грабежу, лавки, домы, церкви; самъ ѣздилъ изъ улицы въ улицу; смотрѣлъ, какъ хищные воины ломились въ палаты и кладовыя, отбивали ворота, влѣзали въ окна, дѣлили между собою шелковыя ткани, мѣха; жгли пеньку, кожи; бросали въ рѣку воскъ и сало. Толпы злодѣевъ были посланы и въ Пятины Новогородскія, губить достояніе и жизнь людей безъ разбора, безъ отвѣта. Сіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе, паденіе, разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль.*

Февраля 12, въ Понедѣльникъ второй недѣли Великаго поста, на разсвѣтѣ, Государь призвалъ къ себѣ остальныхъ именитыхъ Новогородцевъ, изъ каждой улицы по одному человѣку: они явились какъ тѣни, блѣдные, изнуренные ужасомъ, ожидая смерти. Но Царь *возрѣлъ*

г. 1570. *на нихъ окомъ милостивымъ и кроткимъ:* гнѣвъ, ярость, дотолѣ пылавшіе въ глазахъ его, какъ страшный метеоръ угасли. Іоаннъ сказалъ тихо: «Мужи Новогородскіе, всѣ доселѣ живущіе! молите Господа о нашемъ благочестивомъ Царскомъ Державствѣ, о христолюбивомъ воинствѣ, да побѣждаемъ всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ! Суди Богъ измѣннику моему, вашему Архіепископу Пимену, и злымъ его совѣтникамъ! На нихъ, на нихъ взыщется кровь, здѣсь изліянная! Да умолкнетъ плачь и стенаніе; да утишится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте въ семъ градѣ! Вмѣсто себя оставляю вамъ Правителя, Боярина и Воеводу моего, Князя Петра Даніиловича Пронскаго. Идите въ домы свои съ миромъ(292)!»— Еще судьба Архіепископа не рѣшилась: его посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою, съ бубномъ въ рукахъ, какъ шута или скомороха (293), возили изъ улицы въ улицу, и за крѣпкою стражею отвезли въ Москву.

Іоаннъ немедленно удалился отъ Новагорода дорогою Псковскою, отправивъ несмѣтную добычу святотатства и грабежа въ столицу. Некому было жалѣть о богатствѣ похищенномъ: кто остался живъ, благодарилъ Бога или не помнилъ себя въ изступленіи! Увѣряютъ, что гражданъ и сельскихъ жителей изгибло тогда не менѣе шестидесяти тысячь(294). Кровавый Волховъ, запруженный тѣлами и членами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Голодъ (295) и болѣзни довершили казнь Іоаннову, такъ, что Іереи, въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ, не успѣвали погребать мертвыхъ: бросали ихъ въ яму безъ всякихъ обрядовъ. Наконецъ Новгородъ какъ бы пробудился отъ мертваго оцѣпенѣнія: 8 Сентября всѣ, еще живые, Духовенство, міряне, собралися въ полѣ, у церкви Рождества Христова, служить общую Панихиду за усопшихъ, надъ тамошнею скудельницею, гдѣ лежало 10,000 неотпѣтыхъ тѣлъ Христіанскихъ! (Въ первомъ мѣстѣ стоялъ нищій старецъ, Іоаннъ Жгальцо, который одинъ съ молитвою предавалъ мертвыхъ землѣ въ сіе ужасное время). — Опустѣлъ Великій Новгородъ. Знатная часть Торговой, нѣкогда многолюдной Стороны обратилась въ площадь, гдѣ, сломавъ всѣ уже необитаемые домы, заложили дворецъ Государевъ (296).

Запустѣніе Новагорода.

Іоаннъ готовилъ Пскову участь Новагорода, думая, что и жители онаго хотѣли измѣнить Россіи. Тамъ начальствовалъ добрый Князь Юрій Токмаковъ и жилъ славный благочестіемъ отшельникъ, *Салосъ* (юродивый) Никола: одинъ счастливымъ совѣтомъ, другой счастливою дерзостію спасли городъ. Въ Субботу второй недѣли Великаго поста Царь ночевалъ въ монастырѣ Св. Николая на Любатовѣ, видя Псковъ, гдѣ, въ ожиданіи приближающейся грозы, никто не смыкалъ глазъ; всѣ люди были въ движеніи; ободряли другъ друга или прощались съ жизнію, отцы съ дѣтьми, жены съ мужьями. Въ полночь Царь услышалъ благовѣстъ и звонъ церквей Псковскихъ: сердце его, какъ пишутъ современники, чудесно умилилось (297). Онъ вообразилъ живо, съ какими чувствами идутъ граждане къ Заутренѣ, въ послѣдній разъ молить Всевышняго о спасеніи ихъ отъ гнѣва Царскаго; съ какимъ усердіемъ, съ какими слезами припадаютъ къ Святымъ иконамъ — и мысль, что Господь внимаетъ гласу сердецъ сокрушенныхъ, тронула душу, столь ожесточенную! Въ какомъ-то неизъяснимомъ порывѣ жалости Іоаннъ сказалъ Воеводамъ своимъ: «Иступите мечи о камень! да престанутъ убійства!...» На другой день, вступивъ въ городъ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ, предъ домами, столы съ изготовленными яствами (такъ было сдѣлано по совѣту Князя Юрія Токмакова): граждане, жены ихъ, дѣти, держа хлѣбъ и соль, преклоняли колѣна, благословляли, привѣтствовали Царя, и говорили ему: «Государь Князь Великій! мы, вѣрные твои подданные, съ усердіемъ и любовію предлагаемъ тебѣ хлѣбъ-соль; а съ нами и животами нашими твори волю свою: ибо все, что имѣемъ, и мы сами твои, Самодержецъ Великій!» Сія неожидаемая покорность была пріятна Іоанну. Игуменъ Печерскій, Корнилій, съ Духовенствомъ встрѣтилъ его на площади у церквей Св. Варлаама и Спаса. Царь слушалъ молебенъ въ храмѣ Троицы, поклонился гробу Св. Всеволода-Гавріила, съ удивленіемъ разсматривалъ тяжелый мечь сего древняго Князя и зашелъ въ келлію къ старцу *Салосу* Николѣ, который подъ защитою своего юродства не убоялся обличать тирана въ кровопійствѣ и святотатствѣ (298). Пишутъ, что онъ предложилъ Іоанну въ даръ... кусокъ сырого мяса; что

Спасеніе Пскова.

г. 1570. Царь сказалъ: «Я Христіанинъ, и не ѣмъ мяса въ Великій постъ;» а пустынникъ отвѣтствовалъ: «ты дѣлаешь хуже: питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ, но и Бога!» Грозилъ ему, предсказывалъ несчастія, и такъ устрашилъ Іоанна, что онъ немедленно выѣхалъ изъ города; жилъ нѣсколько дней въ предмѣстіи; дозволилъ воинамъ грабить имѣніе богатыхъ людей, но не велѣлъ трогать Иноковъ и Священниковъ; взялъ только казны монастырскія и нѣкоторыя иконы, сосуды, книги, и какъ бы невольно пощадивъ Ольгину родину, спѣшилъ въ Москву, чтобы новою кровію утолять свою неутолимую жажду къ мучительству.

Архіепископъ Пименъ и нѣкоторые знатнѣйшіе Новогородскіе узники, вмѣстѣ съ нимъ присланные въ Александровскую Слободу, ждали тамъ конца своего. Миновало около пяти мѣсяцевъ, но не въ бездѣйствіи: производилось важное слѣдствіе; собирали доносы, улики; искали въ Москвѣ тайныхъ единомышленниковъ Пименовыхъ, которые еще укрывались отъ мести Государевой, сидѣли въ главныхъ Приказахъ, даже въ Совѣтѣ Царскомъ, даже пользовались особенною милостію, довѣренностію Іоанна. (Казни въ Москвѣ.) Печатникъ, или Канцлеръ, Иванъ Михайловичь Висковатый, мужъ опытнѣйшій въ дѣлахъ государственныхъ — Казначей Никита Фунииковъ, также вѣрный слуга Царя и Царства отъ юности до лѣтъ преклонныхъ — Бояринъ Семенъ Васильевичь Яковлевъ — умные Дьяки Василій Степановъ и Андрей Васильевъ были взяты подъ стражу; а съ ними вмѣстѣ, къ общему удивленію, и первые любимцы Іоанновы: Вельможа Алексѣй Басмановъ, Воевода мужественный, но безстыдный угодникъ тиранства — сынъ его, Крайчій Ѳеодоръ, прекрасный лицемъ, гнусный душею, безъ коего Іоаннъ не могъ ни веселиться на пирахъ, ни свирѣпствовать въ убійствахъ — наконецъ самый ближайшій къ его сердцу нечестивецъ, Князь Аѳанасій Вяземскій, обвиняемые въ томъ, что они съ Архіепископомъ Пименомъ хотѣли отдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, извести Царя и посадить на тронъ Князя Владиміра Андреевича (299). Жалѣя о добрыхъ, заслуженыхъ сановникахъ, Россіяне могли съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть казнь Божію надъ клевретами мучителя, безъ сомнѣнія невинными предъ нимъ, но виновными предъ Государствомъ и человѣчествомъ. г. 1570. Сіи жестокіе Царедворцы поздно узнали, что милость тирана столь же опасна, какъ и ненависть его; что онъ не можетъ долго вѣрить людямъ, коихъ гнусность ему извѣстна; что малѣйшее подозрѣніе, одно слово, одна мысль достаточны для ихъ паденія; что губитель, карая своихъ услужниковъ, наслаждается чувствомъ правосудія: удовольствіе рѣдкое для кровожаднаго сердца, закоснѣлаго во злѣ, но все еще угрызаемаго совѣстію въ злодѣяніяхъ! Бывъ долго клеветниками, они сами погибли отъ клеветы. Пишутъ, что Царь имѣлъ неограниченную довѣренность къ Аѳанасію Вяземскому: единственно изъ рукъ сего любимаго Оружничаго принималъ лекарства своего Доктора Арнольфа Лензея (300); единственно съ нимъ бесѣдовалъ о всѣхъ тайныхъ намѣреніяхъ, ночью, въ глубокой тишинѣ, въ спальнѣ. Сынъ Боярскій, именемъ Ѳедоръ Ловчиковъ (301), облагодѣтельствованный Княземъ Аѳанасіемъ, донесъ на него, что онъ будто бы предувѣдомилъ Новогородцевъ о гнѣвѣ Царскомъ, слѣдственно былъ ихъ единомышленникомъ. Іоаннъ не усомнился: молчалъ нѣсколько времени, и вдругъ, призвавъ Вяземскаго къ себѣ, говоря ему о важныхъ дѣлахъ государственныхъ съ обыкновенною довѣренностію, велѣлъ между тѣмъ умертвить его лучшихъ слугъ: возвращаясь домой, Князь Вяземскій увидѣлъ ихъ трупы: не показалъ ни изумленія, ни жалости; прошелъ мимо, въ надеждѣ симъ опытомъ своей преданности обезоружить Государя; но былъ ввerженъ въ темницу, гдѣ уже сидѣли и Басмановы, подобно ему уличаемые въ измѣнѣ. Всѣхъ обвиняемыхъ пытали: кто не могъ вынести мукъ, клеветалъ на себя и другихъ, коихъ также пытали, чтобы вывѣдать отъ нихъ неизвѣстное имъ самимъ. Записывали показанія истязуемыхъ; составили дѣло огромное, предложенное Государю и сыну его, Царевичу Іоанну; объявили казнь измѣнникамъ: ей надлежало совершиться въ Москвѣ, въ глазахъ всего народа, и такъ, чтобы столица, уже пріученная къ ужасамъ, еще могла изумиться!

25 Іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ, поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ; зажгли высокой костеръ, и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ во-

г. 1570. дою (302). Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы Опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился Царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ Боярами и Князьями, съ Легіономъ Кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ, истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицъ, осмотрѣлся, и не видя народа, велѣлъ Опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая Москвитянъ быть свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Народъ, увидишь муки и гибель; но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: правъ ли судъ мой?» Всѣ отвѣтствовали велегласно: «Да живетъ многія лѣта Государь Великій! да погибнутъ измѣнники!» Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даровалъ имъ жизнь, какъ менѣе виновнымъ. Потомъ Думный Дьякъ Государевъ, развернувъ свитокъ, произнесъ имена казнимыхъ; вызвалъ Висковатаго и читалъ слѣдующее: «Иванъ Михайловъ, бывшій Тайный Совѣтникъ Государевъ! ты служилъ неправедно Его Царскому Величеству и писалъ къ Королю Сигизмунду, желая предать ему Новгородъ. Се первая вина твоя!» Сказавъ, ударилъ Висковатаго въ голову (303), и продолжалъ: «А се вторая, меньшая вина твоя: ты, измѣнникъ неблагодарный, писалъ къ Султану Турецкому, чтобы онъ взялъ Астрахань и Казань.» Ударивъ его въ другой — и въ третій разъ, Дьякъ примолвилъ: «Ты же звалъ и Хана Крымскаго опустошать Россію: се твое третіе злое дѣло!» Тутъ Висковатый, смиренный, но великодушный, поднявъ глаза на небо, отвѣтствовалъ: «Свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, вѣдающимъ сердца и помышленія человѣческія, что я всегда служилъ вѣрно Царю и отечеству. Слышу наглыя клеветы: не хочу болѣе оправдываться, ибо земный судія не хочетъ внимать истинѣ; но Судія Небесный видитъ мою невинность — и ты, о Государь! увидишь ее предъ лицемъ Всевышняго!»... Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ, сошедши съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу (304). Второю жертвою былъ Казначей Фуниковъ-Карцовъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ же измѣнахъ и столь же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ Царю: «Се кланяюся тебѣ въ послѣдній разъ на землѣ, моля Бога, да пріимешь въ вѣчности праведную мзду по дѣламъ своимъ!» Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою: онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копіемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухъ сотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убійцы, обліянные кровію, съ дымящимися мечами стали предъ Царемъ, восклицая: *гойда! гойда!* и славили его правосудіе. Объѣхавъ площадь, обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убійствами, еще не насытился отчаяніемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами; мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и вопила; но отдалъ ее сыну, Царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матерію и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли съ горести (305).

Граждане Московскіе, свидѣтели сего ужаснаго дня, не видали въ числѣ его жертвъ ни Князя Вяземскаго, ни Алексѣя Басманова: первый испустилъ духъ въ пыткахъ (306); конецъ послѣдняго — не смотря на всѣ безпримѣрныя, описанныя нами злодѣйства — кажется еще невѣроятнымъ: да будетъ сіе страшное извѣстіе вымысломъ богопротивнымъ, внушеніемъ естественной ненависти къ тирану, но клеветою! Современники пишутъ, что Іоаннъ будто бы принудилъ юнаго Ѳедора Басманова убить отца своего, тогда же или прежде заставивъ Князя Никиту Прозоровскаго умертвить брата, Князя Василія (307)! По крайней

г. 1570. мѣрѣ сынъ извергъ не спасъ себя отцеубійствомъ: онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ другими [308]. Имѣніе ихъ описали на Государя; многихъ знатныхъ людей сослали на Бѣлоозеро, а Святителя Пимена, лишивъ сана Архіепископскаго, въ Тульскій монастырь Св. Николая: многихъ выпустили изъ темницъ на поруки; нѣкоторыхъ даже наградили Царскою милостію. — Три дни Іоаннъ отдыхалъ: ибо надлежало предать трупы землѣ! Въ четвертый день снова вывели на площадь нѣсколько осужденныхъ и казнили: Малюта Скуратовъ, предводитель палачей, разсѣкалъ топорами мертвыя тѣла, которыя цѣлую недѣлю лежали безъ погребенія, терзаемыя псами. (Тамъ, близъ Кремлевскаго рва, на крови и на костяхъ, въ послѣдующія времена стояли церкви, какъ умилительный, Христіанскій памятникъ сего душегубства.) Жены избіенныхъ Дворянъ, числомъ 80, были утоплены въ рѣкѣ [309].

Однимъ словомъ, Іоаннъ достигъ наконецъ высшей степени безумнаго своего тиранства; могъ еще губить, но уже не могъ изумлять Россіянъ никакими новыми изобрѣтеніями лютости. Скрѣпивъ сердце, опишемъ только нѣкоторыя изъ безчисленныхъ злодѣяній сего времени.

Не было ни для кого безопасности, но всего менѣе для людей извѣстныхъ заслугами и богатствомъ: ибо тиранъ, ненавидя добродѣтель, любилъ корысть. Славный Воевода, отъ коего бѣжала многочисленная рать Селимова, — который двадцать лѣтъ не сходилъ съ коня, побѣждая и Татаръ и Литву и Нѣмцевъ, Князь Петръ Семеновичь Оболенскій-Серебряный, призванный въ Москву, видѣлъ и слышалъ отъ Царя однѣ ласки; но вдругъ Легіонъ Опричниковъ стремится къ его дому Кремлевскому: ломаютъ ворота, двери, и предъ лицемъ, у ногъ Іоанна отсѣкаютъ голову сему, ни въ чемъ не обвиненному Воеводѣ [310]. Тогда же были казнены: Думный Совѣтникъ Захарія Ивановичь Очинъ-Плещеевъ; Хабаровъ-Добрынскій, одинъ изъ богатѣйшихъ сановниковъ [311]; Иванъ Воронцовъ, сынъ Ѳедора, любимца Іоанновой юности [312]; Василій Разладинъ, потомокъ славнаго въ XIV вѣкѣ Боярина Квашни [313]; Воевода Кирикъ-Тырковъ, равно знаменитый и Ангельскою чистотою нравовъ и великимъ умомъ государственнымъ и примѣрнымъ мужествомъ воинскимъ, израненный во многихъ битвахъ; Герой защитникъ Ланса, Андрей Кашкаровъ [314]; г. 1570. Воевода Нарвскій, Михайло Матвѣевичь Лыковъ, коего отецъ сжегъ себя въ 1534 году, чтобы не отдать города непріятелю [315], и который, будучи съ юныхъ лѣтъ плѣнникомъ въ Литвѣ, выучился тамъ языку Латинскому, имѣлъ свѣдѣнія въ Наукахъ, отличался благородствомъ души, пріятностію въ обхожденіи — и ближній родственникъ сего Воеводы, также Лыковъ, прекрасный юноша, посыланный Царемъ учиться въ Германію: онъ возвратился-было ревностно служить отечеству съ душею пылкою, съ разумомъ просвѣщеннымъ [316]! Воевода Михайловскій, Никита Козариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, уѣхалъ изъ столицы и посхимился въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки; узнавъ же, что Царь прислалъ за нимъ Опричниковъ, вышелъ къ нимъ и сказалъ: «я тотъ; кого вы ищете!» Царь велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря въ шутку, что Схимники Ангелы, и должны летѣть на небо [317]. Чиновникъ Мясоѣдъ Вислой имѣлъ прелестную жену: ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову [318].

Гнѣвъ тирана, падая на цѣлыя семейства, губилъ не только дѣтей съ отцами, супругъ съ супругами, но часто и всѣхъ родственниковъ мнимаго преступника. Такъ, кромѣ десяти Колычевыхъ, погибли многіе Князья Ярославскіе (одного изъ нихъ, Князя Ивана Шаховскаго, Царь убилъ изъ собственныхъ рукъ булавою); многіе Князья Прозоровскіе, Ушатые, многіе Заболотскіе, Бутурлины [319]. Не рѣдко знаменитые Россіяне избавлялись отъ казни славною кончиною. Два брата, Князья Андрей и Никита Мещерскіе, мужественно защищая новую Донскую крѣпость, пали въ битвѣ съ Крымцами: еще трупы сихъ витязей, орошаемые слезами добрыхъ сподвижниковъ, лежали непогребенные, когда явились палачи Іоанновы, чтобы зарѣзать обоихъ братьевъ: имъ указали тѣла ихъ! Тоже случилось и съ Княземъ Андреемъ Оленкинымъ: присланные убійцы нашли его мертваго на полѣ чести. Іоаннъ, ни мало тѣмъ не умиленный, совершилъ лютую месть надъ дѣтьми сего храбраго Князя: уморилъ ихъ въ заточеніи [320].

Но смерть казалась тогда уже легкою, жертвы часто требовали ее какъ мило-

г. 1570. сти. Невозможно безъ трепета читать въ запискахъ современныхъ о всѣхъ адскихъ вымыслахъ тиранства, о всѣхъ способахъ терзать человѣчество. Мы упоминали о сковородахъ (321): сверхъ того были сдѣланы для мукъ особенныя печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы; разрѣзывали людей по составамъ, перетирали тонкими веревками на-двое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины. . . .

И когда, въ ужасахъ душегубства, Россія цѣпенѣла, во дворцѣ раздавался шумъ ликующихъ: Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами, коихъ присылали къ нему изъ Новагорода и другихъ областей вмѣстѣ съ медвѣдями! Послѣдними онъ травилъ людей, и въ гнѣвѣ и въ забаву: видя иногда близъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе (322). Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить Царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился Князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, не довольный какою-то шуткою, Царь вылилъ на него мису горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ . . . обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали Доктора Арнольфа. «Исцѣли слугу моего добраго,» сказалъ Царь: «я поигралъ съ нимъ неосторожно.» *Такъ неосторожно* (отвѣчалъ Арнольфъ), *что развѣ Богъ и твое Царское Величество можетъ воскресить умершаго*: *въ немъ уже нѣтъ дыханія.* Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ, и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему Воевода Старицкій, Борисъ Титовъ, — поклонился до земли и величалъ его какъ обыкновенно. Царь сказалъ: «будь здравъ, любимый мой Воевода: ты достоинъ нашего жалованья» — и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо (323)! — Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать Литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки Царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гойда! гойда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу (324). . . . Однакожь и въ сіе время, и на сихъ пирахъ убійственныхъ, еще слышался иногда голосъ человѣческій, вырывались слова великодушной смѣлости. Мужъ храбрый, именемъ Молчанъ Митьковъ, нудимый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго меда, воскликнулъ въ горести: «о Царь! ты велишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить медъ смѣшенный съ кровію нашихъ братьевъ, Христіанъ правовѣрныхъ!» Іоаннъ вонзилъ въ него свой острый жезлъ (325). Митьковъ перекрестился и съ молитвою умеръ.

Царскіе шуты.

Таковъ былъ Царь; таковы были подданные! Ему ли, имъ ли должны мы наиболѣе удивляться? Если онъ не всѣхъ превзошелъ въ мучительствѣ, то они превзошли всѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть Государеву властію Божественною и всякое сопротивленіе беззаконіемъ; приписывали тиранство Іоанново гнѣву Небесному и каялись въ грѣхахъ своихъ; съ вѣрою, съ надеждою ждали умилостивленія, но не боялись и смерти, утѣшаясь мыслію, что есть другое бытіе для счастія добродѣтели, и что земное служитъ ей только искушеніемъ; гибли, но спасли для насъ могущество Россіи: ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная.

Довершимъ картину ужасовъ сего времени: голодъ и моръ помогали тирану опустошать Россію. Казалось, что земля утратила силу плодородія: сѣяли, но не сбирали хлѣба; и холодъ и засуха губили жатву. Дороговизна сдѣлалась неслыханная: четверть ржи стоила въ

Голодъ и моръ.

г. 1570. Москвѣ 60 алтынъ или около девяти нынѣшнихъ рублей серебряныхъ ([326]). Бѣдные толпились на рынкахъ, спрашивали о цѣнѣ хлѣба и вопили въ отчаяніи. Милостыня оскудѣла: ее просили и тѣ, которые дотолѣ сами питали нищихъ. Люди скитались какъ тѣни; умирали на улицахъ, на дорогахъ. Не было явнаго возмущенія, но были страшныя злодѣйства: голодные тайно убивали и ѣли другъ друга ([327])! Отъ изнуренія силъ, отъ пищи неестественной родилась прилипчивая, смертоносная болѣзнь въ разныхъ мѣстахъ. Царь приказалъ заградить многіе пути; конная стража ловила всѣхъ ѣдущихъ безъ письменнаго вида, неуказною дорогою, имѣя повелѣніе жечь ихъ вмѣстѣ съ товарами и лошадьми ([328]). Сіе бѣдствіе продолжалось до 1572 года.

Но ни Судьба, ни тиранъ еще не насытились жертвами. Не заключимъ, а только прервемъ описаніе золъ, чтобы съ удивленіемъ видѣть Іоанна какъ бы равнодушнаго, спокойнаго въ его неутомимой политической дѣятельности.

Сношенія съ Литвою. Весною въ 1570 году Послы Сигизмундовы пріѣхали въ Москву для заключенія мира, желая доставить его и Королю Шведскому ([329]); но Іоаннъ не хотѣлъ слышать о послѣднемъ. Въ тайной бесѣдѣ они сказали Царю, что Вельможи ихъ думаютъ въ случаѣ Сигизмундовой, вѣроятно не отдаленной смерти предложить ему вѣнецъ Королевскій, какъ Государю Славянскаго племени, Христіанину и Владыкѣ сильному. Не изъявивъ ни удовольствія, ни рѣшительнаго согласія, Іоаннъ хладнокровно отвѣтствовалъ: «Милосердіемъ Божіимъ и молитвами нашихъ прародителей Россія велика: начто мнѣ Литва и Польша? Когда же вы имѣете сію мысль, то вамъ не должно раздражать насъ затрудненіями въ святомъ дѣлѣ покоя Христіанскаго.» Говорили о мирѣ, но заключили только перемиріе на три года, утвержденное Сигизмундомъ въ Варшавѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ ([330]), которые донесли Царю, что Вельможи Литовскіе желаютъ выдать за него сестру Сигизмундову, Софію, и видятъ въ немъ уже будущаго своего Властителя; что они не хотятъ поддаться ни Цесарю, худому защитнику и собственныхъ земель его, ни другимъ Государямъ, болѣе или менѣе слабымъ, въ сравненіи съ Московскимъ, непріятелемъ опаснымъ, но и самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ. Честолюбивый Іоаннъ вѣрилъ, г. 1570. и мысленно уже простиралъ свою кровавую десницу къ вѣнцу Ягеллоновъ!

Между тѣмъ онъ дѣятельно занимался Ливоніею. Любимцы его, Таубе и Крузе, возвышенные имъ въ санъ Думныхъ людей, внушили ему мысль составить изъ бывшихъ Орденскихъ земель особенное *Королевство* подъ верховною властію Россіи, увѣряя, что всѣ жители въ такомъ случаѣ пристанутъ къ намъ душею и сердцемъ, изгонятъ Шведовъ, Литовцевъ, и будутъ вмѣстѣ съ Королемъ своимъ вѣрнѣйшими подданными великаго Государя Московскаго. Еще въ 1565 году, какъ пишутъ, Іоаннъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ предлагалъ знаменитому своему плѣннику Фирстенбергу быть Ливонскимъ Владѣтелемъ и Царскимъ присяжникомъ; но сей великодушный старецъ отвѣчалъ, что для него лучше умереть въ неволѣ, нежели измѣнить совѣсти и святымъ обѣтамъ Рыцарства ([331]). Въ 1569 году Таубе и Крузе, пользуясь довѣренностію Іоанновою, имѣли сношенія съ Ревельскими гражданами, склоняя ихъ поддаться Царю, обѣщая имъ *времена златыя*, свободу, тишину, и говорили имъ: «Что представляетъ Ливонія въ теченіе двѣнадцати лѣтъ? картину ужасныхъ бѣдствій, кровопролитій, разореній. Никто не увѣренъ ни въ жизни, ни въ достояніи. Мы служимъ великому Царю Московскому, но не измѣнили своему первому, истинному отечеству, коему хотимъ добра и спасенія. Знаемъ, что онъ намѣренъ всѣми силами ударить на Ливонію: выгнать Шведовъ, Поляковъ и Датчанъ. Гдѣ защитники? Германія о васъ не думаетъ: безпечность и слабость Императора вамъ извѣстны. Король Датскій не смѣетъ молвить Царю грубаго слова. Дряхлый Сигизмундъ унижается, ищетъ мира въ Москвѣ, а своихъ Ливонскихъ подданныхъ только утѣсняетъ. Швеція ждетъ мести и казни: вы уже сидѣли бы въ осадѣ, если бы жестокая язва, свирѣпствуя въ Россіи, не препятствовала Царю мыслить о воинскихъ дѣйствіяхъ. Онъ любитъ Нѣмцевъ; самъ происходитъ отъ Дома *Баварскаго* ([332]), и даетъ вамъ слово, что подъ его державою не будетъ города счастливѣе Ревеля. Изберите себѣ Властителя изъ Князей Германскихъ: не вы, но единственно сей Властитель долженъ зависѣть отъ Іоанна, какъ Нѣмецкіе Принцы зависятъ отъ Императора —

Королевство Ливонское.

г. 1570. не болѣе. Наслаждайтесь миромъ, вольностію, всѣми выгодами торговли, не платя дани, не зная трудовъ службы воинской. Царь желаетъ быть единственно вашимъ благодѣтелемъ!» Въ тоже время они именемъ Іоанновымъ предлагали Герцогу Курляндскому Готгарду санъ Ливонскаго Короля. Но имъ не вѣрили, какъ ненавистнымъ слугамъ Московскаго, уже вездѣ извѣстнаго тирана. Ревель не хотѣлъ измѣнить Швеціи, а Готгардъ Сигизмунду. Тогда повѣренные Іоанновы обратились къ Принцу Датскому, Магнусу, Владѣтелю Эзеля, и сей легкомысленный юноша, ими обольщенный, согласился быть орудіемъ Іоанновой Политики, безъ вѣдома брата своего, Короля Датскаго (333).

Въ знакъ довѣренности къ великимъ милостямъ, ему обѣщаннымъ, Магнусъ самъ поѣхалъ къ Царю. Въ Дерптѣ услышалъ онъ о судьбѣ Новагорода (334): остановился, медлилъ и думалъ возвратиться съ пути отъ ужаса. Но честолюбіе одержало верхъ: онъ пріѣхалъ въ Москву съ великою пышностію, на двухъ стахъ коняхъ, со множествомъ слугъ и чиновниковъ (335); былъ принятъ съ особенною благосклонностію, угощаемъ пирами — и чрезъ нѣсколько дней совершилось важное дѣло: Царь назвалъ Магнуса *Королемъ Ливоніи*, а Магнусъ Царя своимъ верховнымъ Владыкою и отцемъ, удостоенный чести жениться на его племянницѣ, *Евфиміи*, дочери несчастнаго Князя Владиміра Андреевича. Бракъ отложили до благопріятнѣйшаго времени. Іоаннъ обѣщалъ невѣстѣ пять бочекъ золота; для своего будущаго зятя освободилъ Дерптскихъ плѣнниковъ; далъ ему войско для изгнанія Шведовъ изъ Эстоніи. Провождаемый многими Нѣмцами и полками Россійскими (336), Магнусъ вступилъ въ Ливонію, объявляя жителямъ свое Королевство, милость Іоаннову, соединеніе всѣхъ земель Орденскихъ, начало тишины и благоденствія. Таубе, Крузе, уполномоченные Царемъ, торжественно ручались за его искренность и добрую волю; говорили и писали, что Ливонія останется Державою свободною, платя только легкую дань Государю Московскому; что всѣ наши чиновники выѣдутъ оттуда; что одни Нѣмцы именемъ Короля и закона будутъ управлять землею. Многіе вѣрили и радовались, но не долго. Магнусъ, жертва честолюбія и

Милость Царя къ Магнусу.

легковѣрія, сдѣлался виновникомъ новыхъ бѣдствій для несчастной Ливоніи. г. 1570.

Слушаясь во всемъ Таубе и Крузе, онъ (23 Августа) приступилъ къ Ревелю съ 25,000 Россіянъ и со многочисленною Нѣмецкою дружиною, въ надеждѣ овладѣть имъ безъ кровопролитія; но граждане отвѣтствовали на его предложеніе, что они знаютъ коварство Іоанна; что тиранъ своего народа не можетъ быть благотворителемъ чужаго; что неопытный, юный Магнусъ имѣетъ совѣтниковъ или злонамѣренныхъ или безразсудныхъ; что ему готовится въ Россіи участь Князя Михайла Глинскаго, но что Ревель не хочетъ уподобиться Смоленску (337). Началась осада, вылазки и смертоносныя болѣзни какъ въ городѣ, такъ и въ станѣ Россіянъ, которые оказывали болѣе терпѣнія, нежели искусства и храбрости. Земляныя работы изнуряли осаждающихъ безполезно; дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда было слабо. Занявъ высоты предъ самыми воротами Ревельскими, и построивъ деревянныя башни, они пускали гранаты, каленыя ядра въ крѣпость, безъ важнаго вреда для непріятеля. Настала осень, зима. Воеводы Московскіе, Бояринъ Иванъ Петровичь Яковлевъ, Князья Лыковъ, Кропоткинъ, не умѣя взять Ревеля, только грабили села Эстонскія, и въ Февралѣ отпустили въ Россію 2000 саней наполненныхъ добычею (338). Ждали, что голодъ заставитъ осажденныхъ сдаться; но Шведскій флотъ успѣлъ доставить имъ изобиліе въ съѣстныхъ и воинскихъ припасахъ. Наконецъ войско уже изъявляло неудовольствіе. Магнусъ былъ въ отчаяніи; винилъ Царскихъ совѣтниковъ, Таубе и Крузе; не зналъ, что дѣлать, и послалъ Духовника своего, Шраффера, съ новыми убѣжденіями къ Ревельскимъ гражданамъ. Сей краснорѣчивый Пасторъ безстыдно увѣрялъ ихъ, что Іоаннъ есть Государь истинно Христіанскій, любитъ Церковь Латинскую болѣе Греческой и легко можетъ пристать къ Аугсбургскому Исповѣданію; что онъ строгъ по необходимости для однихъ Россіянъ, а Нѣмцамъ другъ истинный; что Ревель безполезнымъ сопротивленіемъ удаляетъ златый вѣкъ, даруемый Ливоніи въ особѣ юнаго Короля. Граждане велѣли ему итти назадъ безъ отвѣта — и 16 Марта, стоявъ подъ Ревелемъ 30 недѣль, Магнусъ снялъ осаду, зажегъ станъ, ушелъ

г. 1570. съ своею Нѣмецкою дружиною въ Оберпаленъ, данный ему Царемъ въ залогъ будущаго Королевства; а наше войско расположилось въ восточной Ливоніи (339).

Сія первая неудача должна была оскорбить Царя. Въ тоже время свѣдавъ о мирѣ Короля Датскаго съ Шведскимъ, онъ изъявилъ Магнусу живѣйшее неудовольствіе, обвиняя брата его въ нарушеніи союза съ Россіею и въ дружбѣ съ ея злодѣемъ (340). Другое неожиданное происшествіе еще болѣе встревожило и Царя и Магнуса. Обязанные Іоанну свободою, знатностію, богатствомъ, Крузе и Таубе, послѣ несчастной Ревельской осады утративъ довѣренность новаго Короля Ливонскаго, боясь утратить и Государеву, забыли клятву, честь — вступили въ тайныя сношенія съ Шведами, съ Поляками, и вознамѣрились овладѣть Дерптомъ, чтобы отдать его тѣмъ или другимъ. Способъ казался легкимъ: они могли располагать дружиною Нѣмецкихъ воиновъ, которые, служа Царю за деньги, не усомнились измѣнить ему. Знатные жители Дерптскіе, бывъ долго плѣнниками въ Россіи, болѣе другихъ Ливонцевъ ненавидѣли ея господство: слѣдственно можно было надѣяться на ихъ ревностное содѣйствіе. Съ сею мыслію заговорщики вломились въ городъ; умертвили стражу; звали къ себѣ друзей, братьевъ; кричали, что насталъ часъ свободы и мести. Но изумленные граждане остались только зрителями: никто не присталъ къ измѣнникамъ, съ коими Россіяне въ нѣсколько минутъ управились: однихъ изрубили, другихъ выгнали, и считая жителей предателями, въ остервененіи умертвили многихъ невинныхъ (341). Таубе и Крузе спаслися бѣгствомъ: отверженные Ревельцами, не хотѣвшими ни слушать, ни видѣть ихъ, они искали убѣжища въ Польскихъ владѣніяхъ, гдѣ Король и въ особенности Герцогъ Курляндскій приняли сихъ безразсудныхъ съ великою честію, въ надеждѣ свѣдать отъ нихъ важныя государственныя тайны Россіи, но свѣдали единственно о всѣхъ ужасахъ тиранства Іоаннова (342)! За годъ до того времени Таубе и Крузе писали къ Императору Максимиліану, что одинъ Іоаннъ можетъ изгнать Турковъ изъ Европы, имѣя войско безчисленное, опытное, непобѣдимое (343): измѣнивъ Россіи, они увѣряли Максимиліана и другихъ Европейскихъ Государей въ ея безсиліи и въ возможности завоевать г. 1570. или по крайней мѣрѣ стѣснить оную! — Опасаясь быть жертвою ихъ измѣны и гнѣва Іоаннова, Магнусъ, хотя и невинный, спѣшилъ уѣхать изъ Оберпалена на островъ Эзель.

Но Царь умѣлъ быть твердымъ въ намѣреніяхъ, скрывать внутреннюю досаду, казаться хладнокровнымъ въ самыхъ важныхъ несгодахъ. Онъ старался успокоить Магнуса новыми увѣреніями въ своей милости; съ горестію извѣстивъ его о незапной кончинѣ невѣсты, юной Евфиміи, предложилъ ему руку малолѣтной сестры ея, Маріи, съ такимижъ условіями, съ тѣмъ же богатымъ приданымъ (344), и снова обѣщалъ завоевать для него Эстонію. Магнусъ утѣшился: съ благодарностію принялъ опять имя жениха Царской племянницы; ждалъ съ нею Королевства, и писалъ къ брату, къ Императору, къ Князьямъ Германіи, что не суетное честолюбіе, но истинное усердіе къ общему благу Христіанъ заставило его искать союза Россіи, дабы сдѣлаться посредникомъ между Имперіею и сею великою Державою, которая можетъ вмѣстѣ съ другими Европейскими Вѣнценосцами возстать для обузданія Турціи. Сію надежду имѣлъ и самъ Императоръ и вся Германія, устрашаемая Султанскимъ властолюбіемъ; но Іоаннъ, какъ увидимъ, не думалъ о славѣ защитить Христіанскую Европу отъ Магометанскаго оружія: думалъ единственно о выгодахъ своей особенной Политики — о вѣрнѣйшемъ способѣ овладѣть всею Ливоніею и смирить гордость Ревельцевъ, которые дерзали торжественно именовать его тираномъ и величались побѣдою, одержанною надъ Россіянами, уставивъ ежегодно праздновать ея память 16 Марта (345). Онъ готовилъ месть, замедленную тогда ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ Москвы и всей юго-восточной Россіи.

Слѣдуя правилу не умножать враговъ Россіи, Іоаннъ хотѣлъ отвратить новую, безполезную войну съ Султаномъ, коего добрая къ намъ пріязнь могла обуздывать Хана: для того (въ 1570 году) Дворянинъ Новосильцовъ ѣздилъ въ Константинополь поздравить Селима съ воцареніемъ (346). Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ къ нему исчислялъ всѣ дружественныя сношенія Россіи съ Турціею отъ временъ Баязета; удивлялся впаденію Селимовой рати въ наши владѣнія безъ объявленія войны; предла-

Посольство въ Константинополь.

г. 1570. галъ и миръ и дружбу. «Мой Государь» — долженъ былъ сказать Новосильцовъ Вельможамъ Султанскимъ — «не есть врагъ Мусульманской Вѣры. Слуга его, Царь Саинъ-Булатъ, господствуетъ въ Касимовѣ, Царевичь Кайбула въ Юрьевѣ, Ибакъ въ Сурожикѣ, Князья Ногайскіе въ Романовѣ: всѣ они свободно и торжественно славятъ Магомета въ своихъ мечетяхъ: ибо у насъ всякой иноземецъ живетъ въ своей Вѣрѣ (347). Въ Кадомѣ, въ Мещерѣ многіе Приказные Государевы люди Мусульманскаго Закона. Если умершій Царь Казанскій Симеонъ, если Царевичь Муртоза сдѣлались Христіанами: то они сами желали, сами требовали крещенія.» Новосильцовъ былъ доволенъ благосклоннымъ пріемомъ, замѣтивъ только, что Султанъ не спрашивалъ его о здравіи Іоанна и, въ противность нашему обыкновенію, не звалъ обѣдать съ собою. Но сіе
г. 1571. Посольство и другое (въ 1571 году) не имѣли желаемаго слѣдствія (348), хотя Царь, въ угодность Селиму, согласился уничтожить новую крѣпость нашу въ Кабардѣ. Гордый Султанъ хотѣлъ Астрахани и Казани, или того, чтобы Іоаннъ, владѣя ими, призналъ себя данникомъ Оттоманской Имперіи. Предложеніе столь нелѣпое осталось безъ отвѣта. Въ то же время Царь узналъ, что Селимъ проситъ Кіева у Сигизмунда для удобнѣйшаго впаденія въ Россію (349); что онъ велѣлъ дѣлать мосты на Дунаѣ и запасать хлѣбъ въ Молдавіи; что Ханъ, возбуждаемый Турками, готовится къ войнѣ съ нами; что Царевичь Крымскій разбилъ тестя Государева, Темгрюка, и взялъ въ плѣнъ двухъ его сыновей (350). Уже Девлетъ-Гирей, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Москвою, снова началъ грозить, требовать дани и возстановленія Царствъ Батыевыхъ, Казанскаго, Астраханскаго. Уже изъ Донкова, изъ Путивля извѣщали Государя о движеніяхъ Ханскаго войска: разъѣзды наши видѣли въ степяхъ пыль необычайную, огни ночью, *сакму* или слѣды многочисленной конницы; слышали вдали *прыскъ* и ржаніе табуновъ (351). Полководцы Московскіе стояли на Окѣ. Два раза самъ Іоаннъ съ сыномъ своимъ выѣзжалъ къ войску, въ Коломну, въ Серпуховъ. Уже были и легкія сшибки, въ мѣстахъ Рязанскихъ и Коширскихъ; но Крымцы вездѣ являлись въ маломъ числѣ, немедленно исчезая, такъ, что Государь наконецъ успокоился — объявилъ донесенія сторожевыхъ Атамановъ неосновательными — и зимою распустилъ большую часть войска . . . . г. 1571.

Тѣмъ болѣе онъ встревожился при наступленіи весны, когда Ханъ, вооруживъ всѣхъ своихъ Улусниковъ, тысячь сто или болѣе, съ необыкновенною скоростію вступилъ въ южные предѣлы Россіи, гдѣ встрѣтили его нѣкоторые бѣглецы, наши Дѣти Боярскіе, изгнанные изъ отечества ужасомъ Московскихъ казней (352): сіи измѣнники сказали Девлетъ-Гирею, что голодъ, язва и непрестанныя опалы въ два года истребили большую часть Іоаннова войска; что остальное въ Ливоніи и въ крѣпостяхъ; что путь къ Москвѣ открытъ; что Іоаннъ только для славы, только для вида можетъ выйти въ поле съ малочисленною Опричниною, но не замедлитъ бѣжать въ сѣверныя пустыни; что въ истинѣ того они ручаются своею головою, и будутъ вѣрными путеводителями Крымцевъ. Измѣнники, къ несчастію, сказали правду: мы умѣли уже гораздо менѣе Воеводъ мужественныхъ и войска исправнаго. Князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій, Бояре Морозовъ, Шереметевъ, спѣшили, какъ обыкновенно, занять берега Оки, но не успѣли (353): Ханъ обошелъ ихъ, и другимъ путемъ приближился къ Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоаннъ съ Опричниною. Требовалось рѣшительности, великодушія: Царь бѣжалъ! . . . въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы; изъ Слободы къ Ярославлю, чтобы спастися отъ непріятеля, спастися отъ измѣнниковъ: ибо ему казалось, что и Воеводы и Россія выдаютъ его Татарамъ! Москва оставалась безъ войска, безъ начальниковъ, безъ всякаго устройства; а Ханъ уже стоялъ въ тридцати верстахъ! Но Воеводы Царскіе съ береговъ Оки, не отдыхая, приспѣли для защиты — и что же сдѣлали? вмѣсто того, чтобы встрѣтить, отразить Хана въ полѣ, заняли предмѣстія Московскія, наполненныя безчисленнымъ множествомъ бѣглецовъ изъ деревень окрестныхъ; хотѣли обороняться между тѣсными, бренными зданіями. Князь Иванъ Бѣльскій и Морозовъ съ Большимъ Полкомъ стали на Варламовской улицѣ; Мстиславскій и Шереметевъ съ Правою Рукою на Якимовской; Воротынскій и Татевъ на Таганскомъ лугу противъ Крутицъ; Темкинъ съ дружи- Нашествіе Хана.

г. 1571. ною Опричниковъ за Неглинною ([354]). На другой день, Мая 24, въ праздникъ Вознесенія, Ханъ подступилъ къ Москвѣ — и случилось, чего ожидать надлежало: онъ велѣлъ зажечь предмѣстія. Утро было тихое, ясное ([355]). Россіяне мужественно готовились къ битвѣ, но увидѣли себя объятыми пламенемъ: деревянные домы и хижины вспыхнули въ десяти разныхъ мѣстахъ. Небо омрачилось дымомъ; поднялся вихрь, и чрезъ нѣсколько минутъ огненное, бурное море разлилось изъ конца въ конецъ города съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ. Никакая сила человѣческая не могла остановить разрушенія: никто не думалъ тушить; народъ, воины, въ безпамятствѣ искали спасенія, и гибли подъ развалинами пылающихъ зданій, или въ тѣснотѣ давили другъ друга, стремясь въ городъ, въ Китай, но отовсюду гонимые пламенемъ: бросались въ рѣку и тонули. Начальники уже не повелѣвали, или ихъ не слушались: успѣли только завалить Кремлевскія ворота, не впуская никого въ сіе послѣднее убѣжище спасенія, огражденное высокими стѣнами. Люди горѣли, падали мертвые отъ жара и дыма въ церквахъ каменныхъ. Татары хотѣли, но не могли грабить въ предмѣстіяхъ: огонь выгналъ ихъ, и самъ Ханъ, устрашенный симъ адомъ, удалился къ селу Коломенскому. Въ три часа не стало Москвы: ни посадовъ, ни Китая-города; уцѣлѣлъ одинъ Кремль, гдѣ въ церкви Успенія Богоматери сидѣлъ Митрополитъ Кириллъ съ святынею и съ казною; Арбатскій любимый дворецъ Іоанновъ разрушился. Людей погибло невѣроятное множество: болѣе ста-двадцати тысячь воиновъ и гражданъ, кромѣ женъ, младенцевъ и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятеля; а всѣхъ около осьми сотъ тысячь ([356]). Главный Воевода, Князь Бѣльскій, задохнулся въ погребѣ на своемъ дворѣ, также Бояринъ Михайло Ивановичь Вороной, первый Докторъ Іоанновъ, Арнольфъ Линзей, и 25 Лондонскихъ купцевъ. На пеплѣ бывшихъ зданій лежали груды обгорѣлыхъ труповъ, человѣческихъ и конскихъ. «Кто видѣлъ сіе зрѣлище» — пишутъ очевидцы — «тотъ воспоминаетъ объ немъ всегда съ новымъ ужасомъ и молитъ Бога не видать онаго вторично» ([357]).

Сожженіе Москвы.

Девлетъ-Гирей совершилъ подвигъ: не хотѣлъ осаждать Кремля, и съ Воробьевыхъ горъ обозрѣвъ свое торжество, кучи дымящагося пепла на пространствѣ тридцати верстъ ([358]), немедленно рѣшился итти назадъ, испуганный, какъ увѣряютъ, ложнымъ слухомъ, что Герцогъ или Король Магнусъ приближается со многочисленнымъ войскомъ ([359]). Іоаннъ, въ Ростовѣ получивъ вѣсть объ удаленіи врага, велѣлъ Князю Воротынскому итти за Ханомъ, который однакожь успѣлъ разорить большую часть юго-восточныхъ областей Московскихъ, и привелъ въ Тавриду болѣе ста тысячь плѣнниковъ ([360]). Не имѣя великодушія быть утѣшителемъ своихъ подданныхъ въ страшномъ бѣдствіи, боясь видѣть ѳеатръ ужаса и слезъ, Царь не хотѣлъ ѣхать на пепелище столицы: возвратился въ Слободу и далъ указъ очистить Московскія развалины отъ гніющихъ труповъ. Хоронить было некому: только знатныхъ или богатыхъ погребали съ Христіанскими обрядами; тѣлами другихъ наполнили Москву-рѣку, такъ, что ея теченіе пресѣклось: они лежали грудами, заражая ядомъ тлѣнія и воздухъ и воду; а колодези осушились или были засыпаны: остальные жители изнемогали отъ жажды. Наконецъ собрали людей изъ окрестныхъ городовъ; вытаскали трупы изъ рѣки и предали ихъ землѣ ([361]). — Такимъ образомъ ѳіалъ гнѣва Небеснаго изліялся на Россію. Чего не доставало къ ея бѣдствіямъ, послѣ голода, язвы, огня, меча, плѣна и — тирана? г. 1571.

Теперь увидимъ, сколь тиранъ былъ малодушенъ въ семъ первомъ, важнѣйшемъ злоключеніи своего Царствованія. 15 Іюня онъ приближился къ Москвѣ и остановился въ Братовщинѣ ([362]), гдѣ представили ему двухъ гонцевъ отъ Девлетъ-Гирея, который, выходя изъ Россіи, какъ величавый побѣдитель желалъ съ нимъ искренно объясниться. Царь былъ въ простой одеждѣ: Бояре и Дворяне также, въ знакъ скорби или неуваженія къ Хану. На вопросъ Іоанновъ о здравіи брата его, Девлетъ-Гирея, чиновникъ Ханскій отвѣтствовалъ: «*Такъ говоритъ тебѣ Царь нашъ:* Мы назывались друзьями; нынѣ стали непріятелями. Брятья ссорятся и мирятся. Отдай Казань съ Астраханью: тогда усердно пойду на враговъ твоихъ.» Сказавъ, гонецъ явилъ дары Ханскіе: ножъ, окованный золотомъ, и примолвилъ: «Девлетъ-Гирей носилъ его на бедрѣ своей:

г. 1571. носи и ты. Государь мой еще хотѣлъ послать тебѣ коня; но кони наши утомились въ землѣ твоей.» Іоаннъ отвергнулъ сей даръ *непристойный* и велѣлъ читать Девлетъ-Гирееву грамоту: «Жгу и пустошу Россію» (писалъ Ханъ) «единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *примѣняю* къ праху. Я вездѣ искалъ тебя, въ Серпуховѣ и въ самой Москвѣ; хотѣлъ вѣнца и головы твоей: но ты бѣжалъ изъ Серпухова, бѣжалъ изъ Москвы — и смѣешь хвалиться своимъ Царскимъ величіемъ, не имѣя ни мужества, ни стыда! Нынѣ узналъ я пути Государства твоего: снова буду къ тебѣ, если не освободишь Посла моего, безполезно томимаго неволею въ Россіи; если не сдѣлаешь, чего требую, и не дашь мнѣ клятвенной грамоты за себя, за дѣтей и внучатъ своихъ.» Какъ же поступилъ Іоаннъ, столь надменный противъ Христіанскихъ, знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Европы? *Билъ челомъ* Хану: обѣщалъ уступить ему Астрахань при торжественномъ заключеніи мира; а до того времени молилъ его не тревожить Россіи; не отвѣчалъ на слова бранныя и насмѣшки язвительныя; соглашался отпустить Посла Крымскаго, если Ханъ отпуститъ Аѳанасія Нагаго и пришлетъ въ Москву Вельможу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Дѣйствительно готовый въ крайности отказаться отъ своего блестящаго завоеванія, Іоаннъ писалъ въ Тавриду къ Нагому, что мы должны по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ Ханомъ утверждать будущихъ Царей Астраханскихъ на ихъ престолѣ; то есть, желалъ сохранить тѣнь власти надъ сею Державою. Измѣняя нашей государственной чести и пользѣ, онъ не усомнился измѣнить и правиламъ Церкви: въ угодность Девлетъ-Гирею выдалъ ему тогда же одного знатнаго Крымскаго плѣнника, сына Княжескаго, добровольно принявшаго въ Москвѣ Вѣру Христіанскую; выдалъ на муку или на перемѣну Закона, къ неслыханному соблазну для Православія ([363]).

Унижаясь предъ врагомъ, Іоаннъ какъ бы обрадовался новому поводу къ душегубству въ бѣдной землѣ своей, и еще Москва дымилась, еще Татары злодѣйствовали въ нашихъ предѣлахъ, а Царь уже казнилъ и мучилъ подданныхъ! Мы видѣли, что измѣнники Россійскіе вели Девлетъ-Гирея къ столицѣ: сею измѣною Іоаннъ могъ изъяснять успѣхъ непріятеля; могъ, какъ г. 1571. и прежде, оправдывать изступленія своего гнѣва и злобы: нашелъ и другую вину, не менѣе важную. Скучая вдовствомъ, хотя и не цѣломудреннымъ, онъ уже давно искалъ себѣ третьей супруги. Впаденіе Ханское прервало сіе дѣло; когда же опасность миновалась, Царь снова занялся онымъ. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячь: каждую представляли ему особенно. Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть Доктору и бабкамъ; долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Марѳу Васильевну Собакину, дочь купца Новогородскаго, въ тоже время избравъ невѣсту и для старшаго Царевича, Евдокію Богданову Сабурову ([364]). Отцы счастливыхъ красавицъ изъ ничего сдѣлались Боярами, дяди будущей Царицы Окольничими, братъ Крайчимъ; возвысивъ саномъ, ихъ надѣлили и богатствомъ, *добычею опалъ*, имѣніемъ отнятымъ у древнихъ родовъ Княжескихъ и Боярскихъ. Но Царская невѣста занемогла; начала худѣть, сохнуть: сказали, что она *испорчена* злодѣями, ненавистниками Іоаннова семейственнаго благополучія, и подозрѣніе обратилось на ближнихъ родственниковъ Царицъ умершихъ, Анастасіи и Маріи. Разыскивали — вѣроятно, страхомъ и лестію домогались истины или клеветы. Не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ: знаемъ только, кто и какъ погибъ въ сію *пятую* эпоху убійствъ. Шуринъ Іоанновъ, Князь Михайло Темгрюковичь, суровый Азіатецъ, то знатнѣйшій Воевода, то гнуснѣйшій палачь, осыпаемый и милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишаемый всего въ забаву Царю, долженъ былъ съ полкомъ Опричниковъ итти въ слѣдъ за Девлетъ-Гиреемъ ([365]): онъ выступилъ — и вдругъ, сраженный опалою, былъ посаженъ на колъ! Вельможу Ивана Петровича Яковлева (прощеннаго въ 1566 году), брата его, Василія, бывшаго пѣстуномъ старшаго Царевича, и Воеводу Замятню Сабурова, роднаго племянника несчастной Соломониды, первой супруги отца Іоаннова, засѣкли, а Боярина Льва Андреевича Салтыкова постригли въ Монахи Троицкой Обители, и тамъ умертвили. Открылись казни инаго рода: злобный клеветникъ, Док-

Новое супружество Іоанново.

Пятая эпоха душегубства.

г. 1571. торъ Елисей Бомелій, о коемъ мы упоминали, предложилъ Царю истреблять лиходѣевъ ядомъ, и составлялъ, какъ увѣряютъ, губительное зеліе съ такимъ адскимъ искусствомъ, что отравляемый издыхалъ въ назначаемую тираномъ минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ одного изъ своихъ любимцевъ, Григорія Грязнаго, Князя Ивана Гвоздева-Ростовскаго и многихъ другихъ, признанныхъ участниками въ отравленіи Царской невѣсты или въ измѣнѣ, открывшей путь Хану къ Москвѣ (366). Между тѣмъ Царь женился (28 Октября) на больной Маріѳѣ, надѣясь, по его собственнымъ словамъ, спасти ее симъ дѣйствіемъ любви и довѣренности къ милости Божіей (367); чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами: Марѳа 13 Ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою человѣческой злобы или только несчастною виновницею казни безвинныхъ. Во всякомъ случаѣ царственный гробъ ея, стоящій подлѣ двухъ супругъ Іоанновыхъ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть предметъ умиленія и горестныхъ мыслей для потомства.

Смерть Царицы.

Утѣшенный местію, Іоаннъ искалъ дальнѣйшаго разсѣянія въ дѣлахъ государственныхъ. Боясь вторичнаго Ханскаго нашествія, и желая взять мѣры для безопасности Москвы, онъ уничтожилъ ея посады: всѣхъ купцевъ и мѣщанъ перевелъ оттуда въ городъ, и запретилъ имъ строить *высокіе* деревянные домы, опасные въ случаѣ пожара (368); осмотрѣлъ, распорядилъ войско; велѣлъ Касимовскому Царю, Саинъ-Булату, съ передовою дружиною итти на Шведовъ, къ Орѣшку, и самъ отправился въ Новгородъ. Казалось, что ему не легко было увидѣть сіе позорище лютыхъ казней, ужасное знаменіе его гнѣва, — то мѣсто, гдѣ, въ страшномъ безмолвіи людей, камни вопіяли на губителя, — мѣсто скорби, унынія, нищеты и болѣзней, которыя тамъ еще свирѣпствовали. Намѣстники Новогородскіе велѣли собраться всѣмъ жителямъ предъ пустымъ, необитаемымъ Дворомъ Архіепископскимъ, и читали имъ грамоту Іоаннову: Царь писалъ, чтобы они были спокойны и готовили, по древнему обычаю, запасы для его прибытія. Очистили ему дворъ и садъ на Никитской улицѣ; поставили въ Софійской церкви новое мѣсто Царское и надъ нимъ златаго голубя, какъ бы въ знакъ примиренія и незлобія; обновили и мѣсто Святительское въ семъ, безъ Владыки осиротѣломъ храмѣ (369). Взяли строгія мѣры для безопасности Царскаго здравія: не велѣли хоронить въ городѣ людей умирающихъ отъ болѣзни заразительной; отвели для нихъ кладбище на берегу Волхова, близъ монастыря Хутынскаго; съ утра до ночи ходили стражи по улицамъ, осматривая домы, и запирая тѣ, въ коихъ сей недугъ обнаруживался; не пускали къ больнымъ и Священниковъ, угрожая тѣмъ и другимъ, въ случаѣ непослушанія, сожженіемъ на кострѣ. Сія жестокая строгость имѣла однакожь благодѣтельное слѣдствіе: въ началѣ зимы Духовенство объявило торжественно Посланнику Государеву, что моръ совершенно прекратился въ Новѣгородѣ — и 23 Декабря, для обрадованія жителей, пріѣхалъ къ нимъ новый ихъ Архіепископъ Леонидъ, поставленный въ Москвѣ изъ Архимандритовъ Чудовскаго монастыря; а на другой день и самъ Государь съ дѣтьми своими и съ знатнѣйшими чиновниками. Еще Дворъ Іоанновъ, не смотря на избіеніе столь многихъ Вельможъ, казался пышнымъ и блестящимъ; еще являлись у трона мужи украшенные сѣдиною и заслугами. Походную или воинскую Думу его составляли тогда Бояре и Князья Мстиславскій, Воротынскій, Пронскій, Трубецкій, Одоевскій, Сицкій, Шереметевъ и знатнѣйшій между ими Петръ Тутаевичь Шійдяковъ Ногайскій; Окольничій Василій Собакинъ; Думные Дворяне, Малюта Скуратовъ и Черемисиновъ; Печатникъ Олферьевъ; Дьяки Андрей и Василій Яковлевы Щелкаловы (370), главные дѣльцы по смерти злосчастнаго Ивана Михайловича Висковатаго. Полки собирались въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ, чтобы воевать вмѣстѣ и Финляндію и Эстонію, въ отмщеніе Королю Шведскому за неисполненіе Эрикова безумнаго договора и за неудачу Магнуса подъ Ревелемъ.

Путешествіе Іоанново въ Новгородъ.

Но пепелъ Москвы, оскудѣніе Россіи и новыя опасенія со стороны Хана склоняли Іоанна къ миролюбію: онъ хотѣлъ только мира честнаго. Послы Шведскіе были сосланы въ Муромъ (371): ихъ привезли въ Новгородъ, гдѣ объявили имъ условія Царской милости. Іоаннъ требовалъ, чтобы Король заплатилъ 10,000 ефимковъ за оскорбленіе Воронцова и Наумова въ Стокгольмѣ, уступилъ намъ всю Эстонію и серебряные

Дѣла Шведскія.

г. 1571. рудники въ Финляндіи, заключилъ съ Царемъ союзъ противъ Литвы и Даніи, а въ случаѣ войны давалъ ему 1000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ; наконецъ, чтобы Король именовалъ его въ грамотахъ *Властителемъ Швеціи* и прислалъ въ Москву свой гербъ для изображенія онаго на печати Царской (372)! Послы, изнуренные жестокою неволею, страшились досадить Іоанну, какъ за себя, такъ и за слабую Швецію, угрожаемую нападеніемъ сильнаго войска: молили Царевичей и Бояръ убѣдить Государя, чтобы онъ унялъ свой мечь, отпустилъ ихъ къ Королю и согласился мирно ждать отвѣта; говорили, что въ Финляндіи нѣтъ серебряной руды; что Швеція есть земля бѣдная и не въ силахъ помогать намъ войскомъ. Представленные Іоанну, они пали ницъ: Царь велѣлъ имъ встать и сказалъ: «Я Владыка Христіанскій и не хочу земнаго себѣ поклоненія;» исчислилъ вины Короля: повторилъ свои требованія и примолвилъ: «да исполнитъ волю нашу, или увидимъ, чей мечь острѣе» (373). Далѣе объявилъ имъ, что онъ, требуя Екатерины отъ Эрика, считалъ ее вдовою бездѣтною: слѣдственно не нарушалъ тѣмъ устава Божественнаго (374); хотѣлъ единственно имѣть надежный залогъ для усмиренія Сигизмунда. Послы увѣряли, что Король во всемъ *исправится* и *добьетъ челомъ* Царю за вину свою; обѣдали съ нимъ и подписали грамоту, въ коей сказано, что Великій Государь Россійскій премѣнилъ гнѣвъ на милость къ Швеціи и согласился не воевать ея владѣній до Троицына дни, съ условіемъ, чтобы Король прислалъ къ сему времени другихъ Пословъ въ Новгородъ, а съ ними 10,000 ефимковъ за обиду Воронцова и Наумова, 200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по *Нѣмецкому чину*, на службу Московскую и нѣсколько искусныхъ Металлурговъ; чтобы онъ свободно пропускалъ въ Россію мѣдь, олово, свинецъ, нефть, сѣру: также Медиковъ, художниковъ, людей воинскихъ. Въ ласковой бесѣдѣ съ Епископомъ Абовскимъ Бояре разспрашивали о лѣтахъ, умѣ и дородствѣ юной сестры Королевской; изъявили желаніе имѣть ея живописный образъ и дали чувствовать, что Царь можетъ на ней жениться (375). Наконецъ отпустили Пословъ въ Стокгольмъ съ честію и съ письмомъ къ Королю. Іоаннъ писалъ: «Ничѣмъ не умолишь меня, если не откажешься отъ Ливоніи. Надежда твоя г. 1571. на Цесаря есть пустая. Говори, что хочешь; но словами не защитишь земли своей» (376). Тогда Царь объявилъ войску, что непріятельскія дѣйствія отлагаются изъ уваженія къ челобитью Шведовъ (377), и пробывъ 26 дней въ Новѣгородѣ — не сдѣлавъ тамъ никому зла, возстановивъ къ удовольствію жителей старинный обычай судныхъ поединковъ, давъ имъ въ Намѣстники первостепеннаго Боярина, Князя Мстиславскаго, и г. 1572. Пронскаго — 18 Генваря выѣхалъ оттуда, провождаемый благословеніями народа.

Первымъ дѣломъ его по возвращеніи въ Москву или въ Александровскую Слободу было неслыханное дотолѣ въ Россіи церковное беззаконіе. Онъ въ *четвертый разъ* женился на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, дѣвицѣ весьма незнатной, не разсудивъ за благо требовать Святительскаго благословенія; но немедленно усовѣстился, созвалъ Епископовъ и молилъ ихъ утвердить сей бракъ. Митрополитъ Кириллъ въ то время преставился (378): на Соборѣ первенствовалъ Новогородскій Архіепископъ Леонидъ, корыстолюбецъ, угодникъ мірской власти. Такъ Іоаннъ говорилъ Святителямъ (торжественно, въ храмѣ Успенія): «Злые люди чародѣйствомъ извели первую супругу мою, Анастасію. Вторая, Княжна Черкасская, также была отравлена, и въ мукахъ, въ терзаніяхъ отошла ко Господу. Я ждалъ не мало времени и рѣшился на третій бракъ, отчасти для нужды тѣлесной, отчасти для дѣтей моихъ, еще не достигшихъ совершеннаго возраста; юность ихъ претила мнѣ оставить міръ; а жить въ мірѣ безъ жены соблазнительно. Благословенный Митрополитомъ Кирилломъ, я долго искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ избралъ; но зависть, вражда погубили Мареу, только именемъ Царицу: еще въ невѣстахъ она лишилась здравія и чрезъ двѣ недѣли супружества преставилась дѣвою. Въ отчаяніи, въ горести я хотѣлъ посвятить себя житію Иноческому; но видя опять жалкую младость сыновей и Государство въ бѣдствіяхъ, дерзнулъ на четвертый бракъ. Нынѣ, припадая съ умиленіемъ, молю Святителей о разрѣшеніи и благословеніи» (379). Такое смиреніе Великаго Царя, какъ сказано въ дѣяніяхъ сего Собора, глубоко тронуло Архіепископовъ и Епи-

Четвертый бракъ Іоанновъ.

г. 1572 скоповъ: они *проливали слезы*, болѣзнуя о винѣ и виновномъ. Читали Уставъ Вселенскихъ Соборовъ; разсуждали и положили утвердить бракъ, *ради тепгаго, умильнаго покаянія* Государева, съ заповѣдію не входить Іоанну въ храмъ до Пасхи, только въ сей день причаститься Святыхъ Таинъ, годъ стоять въ церкви съ *припадающими*, годъ съ *вѣрными* и вкушать Антидоръ единственно въ праздники [380]; но въ случаѣ воинскаго похода увольняли его отъ сей Эпитиміи: брали ее на себя; между тѣмъ обязывались молиться за Царицу Анну — и дабы беззаконіе Царя не было соблазномъ для народа, то грозили ужасною церковною клятвою всякому, кто подобно Іоанну дерзнетъ взять четвертую

29 Апреля. жену. Кромѣ Леонида, грамоту разрѣшительную подписали Архіепископы Корнилій Ростовскій и Антоній Полоцкій, семь Епископовъ, нѣсколько Архимандритовъ и знатнѣйшихъ Игуменовъ. Успокоивъ Іоаннову совѣсть, они занялись и другимъ важнымъ дѣломъ: из-

Май. брали Митрополита: сей чести удостоился Архіепископъ Антоній.

Между тѣмъ, желая мира, но готовясь къ войнѣ — требуя всѣхъ Дѣтей Боярскихъ на службу, укрѣпляя города южные, Волховъ, Орелъ, не за-долго до сего времени основанный въ степи [381] — Іоаннъ имѣлъ переговоры съ разными

Союзъ съ Елисаветою. Державами. Онъ возобновилъ союзъ съ Королевою Елисаветою, бывъ недоволенъ ея холодностію къ объявленному имъ намѣренію искать убѣжища въ Англіи, и едва не выгнавъ изъ Россіи Лондонскихъ купцевъ, обвиняемыхъ въ беззаконномъ корыстолюбіи. Чтобы умилостивить Царя, Елисавета въ четвертый разъ прислала къ нему Дженкинсона, съ увѣреніями въ дружествѣ искреннемъ и неизмѣнномъ [382]. «Для чего же Королева» (сказалъ Іоаннъ) «занимаясь единственно выгодами Англійской торговли, не оказала живаго участія въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ для судьбы моей? Знаю, что торговля важна для Государства; но собственныя дѣла Царскія еще важнѣе купеческихъ.» Дженкинсонъ оправдывалъ Елисавету, виня худыхъ переводчиковъ, которые не умѣли истолковать ея словъ, одушевленныхъ любовію къ Царю; спрашивалъ о преступленіи купцевъ Лондонскихъ; исчислилъ ихъ услуги; доказывалъ, что они, исполняя волю Королевы, содѣйствовали успѣхамъ нашего оружія въ Ливоніи, не давъ Сѣ- г. 1572. вернымъ Державамъ заградить морскаго пути въ Нарву и лишить Россію выгодъ Бальтійской торговли. Іоаннъ смягчился; объявилъ милость всѣмъ Англичанамъ; не хотѣлъ говорить о винѣ ихъ, сказавъ: «Кого прощаю, того уже не виню. Будемъ друзьями, какъ были. Прежняя тайна останется тайною. Теперь иныя обстоятельства; а въ случаѣ нужды откроюсь возлюбленной сестрѣ моей, Елисаветѣ, съ полною довѣренностію.» То есть, искоренивъ мнимыхъ внутренныхъ враговъ, онъ уже не мыслилъ о бѣгствѣ въ Лондонъ! Снова исходатайствовавъ для купцевъ своихъ милостивое дозволеніе торговать въ Россіи, предложивъ основать Контору въ Астрахани для мѣны съ Персіею и гостиный дворъ въ Колмогорахъ, Дженкинсонъ требовалъ еще 1) свободнаго отпуска Англійскихъ художниковъ и ремесленниковъ изъ Москвы въ Лондонъ; 2) платежа за товары, взятые у Англичанъ въ долгъ нѣкоторыми опальными, *казненными* Дворянами Царскими, и 3) за все, что сгорѣло у сихъ купцевъ во время Московскаго пожара. Сіи требованія, кажется, были непріятны Іоанну: онъ сказалъ, что иноземцы вольны жить или не жить у насъ; что велитъ справиться о долгахъ, а впредь не хочетъ объ нихъ слышать; что Государь не отвѣтствуетъ за огонь и за гнѣвъ Божій, который обратилъ Москву въ пепелъ. Дженкинсона отпустили съ честію и съ ласковымъ письмомъ къ Елисаветѣ.

Въ новыхъ сношеніяхъ съ Даніею и съ Литвою Іоаннъ слѣдовалъ старымъ правиламъ гордой непреклонности. Ко- Переговоры съ Даніею и съ Литвою. роль Фридерикъ не давалъ ему знать о своемъ мирѣ съ Швеціею, не изъявлялъ ни малѣйшаго участія въ судьбѣ Магнуса, но увѣрялъ Царя въ неизмѣнномъ дружествѣ; жаловался, что Россіяне отнимаютъ у Норвежцевъ земли и рыбныя ловли; просилъ *опасной грамоты* для Пословъ Императора Максиміліана, ѣдущихъ въ Москву за важнымъ дѣломъ [383]. Царь сказалъ: «Фридерикъ хорошо дѣлаетъ, что желаетъ намъ быть вѣрнымъ другомъ до конца жизни; но то не хорошо, что безъ нашего велѣнія мирится съ непріятелемъ Россіи. Да исправится; да стоитъ съ нами за-едино; да убѣдитъ Шведовъ повиноваться волѣ моей! О дѣлахъ Норвежскихъ развѣдаемъ и не замедлимъ въ управѣ. Пословъ брата нашего, Мак-

г. 1572. симиліана, ожидаемъ: имъ путь свободенъ сюда и отсюда.» Сигизмундовъ Посланникъ Гарабурда объявилъ Іоанну, что во многихъ Нѣмецкихъ городахъ ходятъ отъ его имени письма бранныя, весьма оскорбительныя для Короля, исполненныя лжи и нелѣпостей; что Царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ злобою разсѣянныхъ клеветъ; что Герцогъ Магнусъ съ помощію Россіянъ воевалъ Королевскія Мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Сигизмундъ желалъ бы охотно уступить намъ нѣкоторые изъ Ливонскихъ городовъ за Полоцкъ. Дьякъ Царскій, Андрей Щелкаловъ, отвѣтствовалъ, что бранныя письма о Королѣ сочинены Нѣмцами, Таубе и Крузе, въ опроверженіе Сигизмундова злословія, какъ они доносили Іоанну; что сіи два негодяя бѣжали въ Литву; что Королю должно прислать ихъ въ Москву для казни, и что тогда Царь немедленно извѣститъ всѣхъ Государей Европейскихъ о подлогѣ оскорбительныхъ для Сигизмунда грамотъ; что Тарвастъ занятъ нами, ибо онъ нашъ; что Магнусъ воевалъ не Польскія, а Шведскія владѣнія; что если Король уступитъ Россіи всю Ливонію, то мы готовы уступить ему и Полоцкъ и Курляндію; что Іоаннъ, для дѣла столь важнаго, будетъ ждать Великихъ Пословъ Королевскихъ во Псковѣ

Отбытіе Іоанна въ Новгородъ.

(384): ибо Царь опять ѣхалъ въ Новгородъ, чтобы заключить миръ или воевать съ Швеціею презираемою, въ то время, когда, не имѣя вѣстей изъ Тавриды, могъ угадывать злое намѣреніе Хана; когда уже носился слухъ о близости его новаго нашествія; когда безопасность и Москвы и Россіи требовала Царскаго присутствія въ столицѣ, возникающей изъ пепла, слабой, робкой въ ужасныхъ воспоминаніяхъ своего недавняго бѣдствія! Іоаннъ какъ бы искалъ единственно личной безопасности въ странѣ отдаленной: послалъ въ Новгородъ 450 возовъ съ казною (385); взялъ туда съ собою и юную супругу, обоихъ сыновей, Царевича Михайла (Кайбулина сына), Молдавскаго Воеводича Стефана и Волошскаго Радула (386), братьевъ Царицы, Григорія и Александра Колтовскихъ, немногихъ Бояръ, всѣхъ любимцевъ, лучшихъ Дьяковъ и войско отборное, а на случай осады (слѣдственно имъ предвидѣнной!) ввѣрилъ защиту Москвы Князьямъ Юрью Токмакову и Тимоѳею Долгорукому (387). Но осталось войско и въ полѣ: знаменитый мужъ, г. 1572.
Князь Михайло Воротынскій, съ достойными товарищами, съ Бояриномъ Шереметевымъ, съ Князьями Никитою Одоевскимъ, Андреемъ Хованскимъ, стояли на Окѣ, чтобы ждать, отразить Хана. Государь далъ имъ и свою седмитысячную дружину Нѣмецкую съ ея предводителемъ, Георгіемъ Фаренсбахомъ (388); только самъ — былъ уже далеко!

Пріѣхавъ въ Новгородъ, Іоаннъ усилилъ войско въ Дерптѣ, Феллинѣ, Лаисѣ; ждалъ вѣстей отъ Короля Шведскаго и писалъ къ Сигизмунду, что успѣхъ государственныхъ дѣлъ зависитъ отъ выбора людей; что Каштелянъ Троцкій, Евстафій Воловичь, и Писарь Михайло Гарабурда скорѣе всѣхъ иныхъ Литовскихъ Пановъ могутъ доставить своему отечеству надежный миръ съ Россіею. Король не хотѣлъ, кажется, исполнить желанія Іоаннова, отвѣтствуя, что Послами его будутъ сановники равной знатности съ Воловичемъ и съ Гарабурдою (389). Сіе письмо было послѣднимъ Сигизмундовымъ словомъ къ Царю: онъ умеръ 18 Іюля, давъ совѣтъ Вельможамъ предложить корону Ягеллоновъ Государю Россійскому (390). По крайней мѣрѣ они спѣшили извѣстить Царя о Сигизмундовой смерти, обѣщая немедленно вступить съ нимъ въ важные переговоры. Открылись новые, благопріятные виды для честолюбія Іоаннова. . . . Но въ сіе время онъ думалъ болѣе о спасеніи своего Царства, нежели о пріобрѣтеніи чуждаго.

Еще не довольный ни разореніемъ Московскихъ областей, ни униженіемъ гордаго Іоанна и въ надеждѣ вторично обогатиться плѣнниками безъ сраженія, убивать только безоружныхъ, достигнуть нашей столицы безъ препятствія, даже свергнуть, изгнать Царя, варваръ Девлетъ-Гирей молчалъ, отдыхалъ *не разсѣдлывая коней*, и вдругъ, сказавъ Уланамъ, Князьямъ, Вельможамъ, что лучше не тратить времени въ перепискѣ *лживой*, а рѣшить дѣло объ Астрахани и Казани съ Государемъ Московскимъ изустно, лицемъ къ лицу, устремился

Нашествіе Хана.

старымъ, знакомымъ ему путемъ къ Дону, къ Угрѣ, сквозь безопасныя для него степи, мимо городовъ обожженныхъ, чрезъ пепелъ разрушенныхъ селъ, съ войскомъ, какого послѣ Мамая, Тохтамыша, Ахмета, не собирали Ханы — съ Ногаями, съ Султанскими Яны-

г. 1572. чарами, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Малочисленные Россіяне сидѣли въ крѣпостяхъ неподвижно; въ полѣ изрѣдка являлись всадники, не для битвы, а для наблюденій. Ханъ уже видѣлъ Оку предъ собою — и тутъ увидѣлъ наконецъ войско Московское: оно стояло на лѣвомъ берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, въ окопахъ, подъ защитою многихъ пушекъ (391). Сіе мѣсто считалось самымъ удобнѣйшимъ для переправы; но Ханъ, занявъ Россіянъ жаркою пальбою, сыскалъ другое, менѣе оберегаемое, и въ слѣдующій день уже былъ на лѣвомъ берегу Оки, на Московской дорогѣ. . . Іоаннъ узналъ о семъ 31 Іюля въ Новѣгородѣ, гдѣ онъ, скрывая внутреннее безпокойство души, пировалъ въ монастыряхъ съ Боярами, праздновалъ свадьбу шурина своего, Григорія Колтовскаго, и топилъ въ Волховѣ Дѣтей Боярскихъ (392). Еще имѣя полки, но уже не имѣя времени защитить ими столицу, Царь праздно ждалъ дальнѣйшихъ вѣстей; а Москва трепетала, слыша, что Ханъ уже назначалъ въ ея стѣнахъ домы для Вельможъ Крымскихъ (393). Насталъ часъ рѣшить, справедливо ли Государь гнѣвный всегда обвинялъ Полководцевъ Россійскихъ въ малодушіи, въ нерадѣніи, въ холодности ко благу и ко славѣ отечества!

Воротынскій, кинувъ укрѣпленія безполезныя, ринулся за непріятелемъ, гналъ его по пятамъ, настигъ, остановилъ, принудилъ къ битвѣ, 1 Августа, въ пятидесяти верстахъ отъ столицы, у Воскресенія въ Молодяхъ. У Хана было 120,000 воиновъ (394): нашихъ гораздо менѣе. Первымъ надлежало побѣдить и для того, чтобы взять Астрахань съ Казанью, и для того, чтобы спастися или открыть себѣ свободный путь назадъ, въ отдаленные свои Улусы; а Россіяне стояли за все, что еще могли любить въ жизни: за Вѣру, отечество, родителей, женъ и дѣтей! Москва безъ Іоанна тѣмъ болѣе умиляла ихъ сердца жалостію, возставъ изъ пепла какъ бы единственно для новаго разрушенія. Вступили *въ бой на смерть* съ обѣихъ сторонъ. Берега Лопасни и Рожая облилися кровію. Стрѣляли, но болѣе сѣклись мечами въ схваткѣ отчаянной; давили другъ друга; хотѣли побѣдить дерзостію, упорствомъ. Но Князь Воротынскій и бился и наблюдалъ: устроивалъ, ободрялъ своихъ; вымышлялъ хитрости; заманивалъ Татаръ въ мѣста, гдѣ они валились грудами отъ г. 1572. дѣйствія скрытыхъ имъ пушекъ — и когда обѣ рати, двигаясь взадъ и впередъ, утомились, начали слабѣть, невольно ждали конца дѣлу, сей потомъ и кровію орошенный Воевода зашелъ, узкою долиною, въ тылъ непріятелю (395). Битва рѣшилась. Россіяне побѣдили: Ханъ оставилъ имъ въ добычу обозы, шатры, собственное знамя свое; ночью бѣжалъ въ степи, и привелъ въ Тавриду не болѣе двадцати тысячь всадниковъ, какъ увѣряютъ (396). Лучшіе Князья его пали; а знатнѣйшій храбрецъ невѣрныхъ, бичь, губитель Христіанъ, Дивій Мурза Ногайскій, отдался въ плѣнъ Суздальскому Витязю Алалыкину. Сей день принадлежитъ къ числу великихъ дней нашей воинской славы: Россіяне спасли Москву и честь; утвердили въ нашемъ подданствѣ Астрахань и Казань; отмстили за пепелъ столицы, и если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго уняли Крымцевъ, наполнивъ ихъ трупами нѣдра земли между Лапаснею и Рожаемъ, гдѣ донынѣ стоятъ высокіе курганы, памятники сей знаменитой побѣды и славы Князя Михайла Воротынскаго.

Знаменитая побѣда К. Воротынскаго.

6 Августа привезли радостную вѣсть въ Новгородъ. Сановникъ Давыдовъ и Князь Ногтевъ, свидѣтели, участники побѣды, съ лицемъ веселымъ, какого уже давно не видалъ Іоаннъ предъ собою, вручили ему трофеи: два лука, двѣ сабли Девлетъ-Гиреевы (397); смиренно били челомъ отъ Воеводъ доблихъ, которые всю славу приписывали Богу и Государю. Чуждый умиленія благодарности, онъ былъ счастливъ концемъ своего мучительнаго страха: осыпалъ вѣстниковъ и Воеводъ милостями; велѣлъ звонить въ колокола, пѣть молебны день и ночь, три дни сряду, и въ обличеніе своего малодушія — въ доказательство, что не Ливонія, не Швеція, но боязнь Ханскаго нашествія заставила его оставить Москву — спѣшилъ возвратиться въ столицу, съ супругою, съ Царевичами, со всѣмъ Дворомъ, чтобы принять благодарность народа за спасеніе отечества! . . .

Предъ выѣздомъ изъ Новагорода Іоаннъ написалъ грозное письмо къ Королю Шведскому. «Думая» — говорилъ онъ — «что ты и земля твоя, казненная нашимъ гнѣвомъ, уже образумились, я ждалъ Пословъ отъ тебя: они не ѣдутъ, и ты распускаешь слухъ, будто я *про-*

Письмо къ Королю Шведскому.

г. 1572. *шу* у васъ мира! . . . Тебѣ не жаль земли Шведской; надѣешься на свое богатство!... Спроси, что было Хану Крымскому отъ Воеводъ моихъ! Мы ѣдемъ нынѣ въ Москву, а къ Декабрю будемъ опять въ Великомъ Новѣгородѣ. Тогда увидишь, какъ Царь Россійскій и его войско *просятъ мира* у Шведовъ» (398). г. 1572.

# ГЛАВА IV.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

## Г. 1572 — 1577.

**Уничтоженіе Опричнины. Годуновъ. Дѣла Крымскія. Сношенія съ Литвою. Война въ Эстоніи. Бунтъ въ Казанской области. Бракъ Магнуса. Перемиріе съ Швеціею. Дѣла Польскія. Союзъ съ Австріею. Избраніе Баторія въ Короли. Война Ливонская. Измѣна Магнусова. Письмо къ Курбскому. Шестая эпоха казней. Мѣстничества. Примѣръ вѣрности. Пятое и шестое супружество Іоанново.**

г. 1572. Іоаннъ въѣхалъ въ Москву съ торжествомъ и славою. Все ему благопріятствовало. Бѣдствія, опасности и враги исчезли. Смертоносныя болѣзни и голодъ прекратились въ Россіи. Ханъ смирился. Султанъ уже не мыслилъ о войнѣ съ нами. Литва, Польша, сиротствуя безъ Короля, нелицемѣрно искали Іоанновой дружбы. Швеція не имѣла ни силъ, ни устройства; а Царь, оставивъ въ Ливоніи рать многочисленную, нашелъ въ Москвѣ 70,000 побѣдителей, готовыхъ къ новымъ побѣдамъ. Но и безъ оружія, безъ кровопролитія онъ могъ совершить дѣло великое, исполнить важный замыслъ своего отца (399), возвратить, чего мы лишились въ злосчастныя времена Батыевы, и еще соединить съ Россіею древнее достояніе Піастовъ — то есть, въ слѣдствіе мирнаго, добровольнаго избранія быть Королемъ Польскимъ. Одинъ внутренній мятежъ сердца злобнаго мѣшалъ Іоанну наслаждаться сими лестными для его честолюбія видами; но казалось, что Небо, избавивъ Россію отъ язвы и голода, хотѣло тогда смягчить и душу ея Царя.

Безпримѣрными ужасами тиранства испытавъ неизмѣнную вѣрность народа; не видя ни тѣни сопротивленія, ни тѣни опасностей для мучительства; истребивъ *гордыхъ*, *самовластныхъ* друзей Адашева главныхъ сподвижниковъ своего добраго царствованія; передавъ ихъ знатность и богатство сановникамъ новымъ, безмолвнымъ, ему угоднымъ: Іоаннъ, къ незапной радости подданныхъ, вдругъ уничтожилъ ненавистную Опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лѣтъ терзала внутренность Государства (400). По крайней мѣрѣ исчезло сіе страшное имя съ его гнуснымъ символомъ (401), сіе безумное раздѣленіе областей, городовъ, Двора, Приказовъ, воинства. Опальная *Земщина* назвалась опять Россіею. Кромѣшники разоблачились, стали въ ряды обыкновенныхъ Царедворцевъ, государственныхъ чиновниковъ, воиновъ, имѣя уже не Атамана, но Царя, единаго для всѣхъ Россіянъ, которые могли надѣяться, что время убійствъ и грабежа миновало; что мѣра золъ исполнилась, и горестное отечество успокоится подъ сѣнію власти законной. г. 1572. Уничтоженіе Опричнины.

Нѣкоторыя дѣйствія правосудія, совершенныя Іоанномъ въ сіе время, безъ сомнѣнія также питали надежду добрыхъ. Объявивъ непріятелей великодушнаго Іерарха Филиппа наглыми клеветниками, онъ заточилъ Соловецкаго Игумена, лукаваго Паисія, на дикій островъ Валамъ; безсовѣстнаго Филоѳея, Епископа Рязанскаго, лишилъ Святительства; чиновника Стефана Кобылина, жестокаго, грубаго пристава Филиппова, сослалъ въ монастырь Каменнаго острова, и многихъ иныхъ пособниковъ зла съ гнѣвомъ удалилъ отъ лица своего (402), къ утѣшенію народа, который въ ихъ бѣдствіи видѣлъ доказательство, что Богъ не предалъ Россіи въ жертву слѣпому случаю; что есть

г. 1572. Всевышній Мститель, законъ и правда Небесная!

Оставался еще одинъ, но главный изъ клевретовъ тиранства, Малюта Григорій Лукьяновичь Скуратовъ-Бѣльскій, наперсникъ Іоанновъ до гроба: онъ жилъ, вмѣстѣ съ Царемъ и другомъ своимъ, для суда за предѣлами сего міра. Любовь къ нему Государева (если тираны могутъ любить!) начинала тогда возвышать и благороднаго юношу, зятя его, свойственника первой супруги отца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова, въ коемъ уже зрѣли и великія добродѣтели Государственныя и преступное властолюбіе. Годуновъ. Въ сіе время ужасовъ юный Борисъ, украшенный самыми рѣдкими дарами Природы, сановитый, благолѣпный, прозорливый, стоялъ у трона окровавленнаго, но чистый отъ крови, съ тонкою хитростію избѣгая гнуснаго участія въ смертоубійствахъ, ожидая лучшихъ временъ, и среди звѣрской Опричнины сіяя не только красотою, но и тихостію нравственною, наружно увѣтливый, внутренно неуклонный въ своихъ дальновидныхъ замыслахъ. Болѣе Царедворецъ, нежели воинъ, Годуновъ являлся подъ знаменами отечества единственно при особѣ Монарха, въ числѣ его первыхъ оруженосцевъ (403), и еще не имѣя никакого знатнаго сана, уже былъ на Іоанновой свадьбѣ (въ 1571 году) Дружкою Царицы Марѳы, а жена его, Марія, Свахою: что служило доказательствомъ необыкновенной къ нему милости Государевой. Можетъ быть, хитрый честолюбецъ Годуновъ, желая имѣть право на благодарность отечества, содѣйствовалъ уничтоженію Опричнины, говоря не именемъ добродѣтели опальной, но именемъ снисходительной, непротивной тиранамъ Политики, которая спускаетъ имъ многое, осуждаемое Вѣрою и нравственностію, но будто бы нужное для ихъ личнаго, особеннаго блага, отвергая единственно зло безполезное въ семъ смыслѣ: ибо Царь не исправился, какъ увидимъ, и сокрушивъ любезное ему дотолѣ орудіе мучительства, остался мучителемъ!. . .

Довольный расположеніемъ признательнаго народа, свободный отъ стыда и боязни, Іоаннъ, по возвращеніи въ столицу, величаво принялъ гонца Ханскаго. Дѣла Крымскія. Девлетъ-Гирей писалъ, что онъ совсѣмъ не думалъ воевать Россіи, а ходилъ къ Москвѣ единственно для заключенія мира; что наши Воеводы хвалятся побѣдою мнимою, вымышленною; что г. 1572. Ногаи, утомивъ коней своихъ, слезами убѣдили его итти назадъ, и что бывшія маловажныя ошибки доказали превосходное мужество Крымцевъ, а не Россіянъ. «Долго ли» — говорилъ Ханъ — «враждовать намъ за Астрахань и Казань? Отдай ихъ, и мы друзья навѣки. Тѣмъ спасешь меня отъ грѣха: ибо, по нашимъ книгамъ, не можемъ оставить Царствъ Мусульманскихъ въ рукахъ у невѣрныхъ. Казны твоей не требуемъ: съ одной стороны у насъ Литва, съ другой Черкасы: станемъ ихъ воевать по сосѣдству, и не будемъ голодны.» Онъ *просилъ* хотя одной Астрахани; но Іоаннъ отвѣтствовалъ ему уже какъ побѣдитель: «Удаляясь отъ кровопролитія, мы доселѣ *тѣшили* брата своего Девлетъ-Гирея, но ничѣмъ *не утѣшили*. Его требованія безразсудны. Нынѣ видимъ противъ себя одну *саблю*, Крымъ; а если отдадимъ Хану завоеванное нами, то Казань будетъ *вторая сабля*, Астрахань третья, Ногаи четвертая» (404): Девлетъ-Гирей, отпустивъ наконецъ знаменитаго Россійскаго Посла, Аѳанасія Нагаго, въ Москву, желалъ, чтобы Государь освободилъ и Крымскаго, Янъ-Болдыя, который 17 лѣтъ томился у насъ въ неволѣ; но сей Вельможа Ханскій, получивъ свободу, не успѣлъ ею воспользоваться, и кончилъ жизнь въ Дорогобужѣ. Одинъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Василій Грязной, былъ взятъ Крымцами въ разъѣздѣ на Молошныхъ Водахъ: Ханъ предлагалъ Царю обмѣнять сего плѣнника на Мурзу Дивія. Іоаннъ не согласился, хотя и жалѣлъ о судьбѣ Грязнаго, хотя и писалъ къ нему *дружественныя письма*, въ коихъ, по своему характеру, милостиво издѣвался надъ его заслугами, говоря: «Ты мыслилъ, что воевать съ Крымцами такъ же легко, какъ шутить за столомъ моимъ. Они не вы: не дремлютъ въ землѣ непріятельской, и не твердятъ безпрестанно: *время домой*! Какъ вздумалось тебѣ назваться знатнымъ человѣкомъ? Правда, что мы, окруженные Боярами измѣнниками, должны были, удаливъ ихъ, приближить васъ, низкихъ рабовъ, къ лицу нашему; но не забывай отца и дѣда своего! Можешь ли равняться съ Дивіемъ? Свобода возвратитъ тебѣ мягкое ложе, а ему мечь на Христіанъ. Довольно, что мы, жалуя рабовъ усердныхъ, готовы искупить тебя нашею казною» (405). — «Нѣтъ, Госу-

г. 1572. дарь» — писалъ въ отвѣтъ Василій Грязной, рабъ умомъ и душею, хвастливый и подлый — «я не дремалъ въ землѣ непріятельской: исполняя приказъ твой, добывалъ языковъ для безопасности Русскаго Царства; не вѣрилъ другимъ: самъ день и ночь бодрствовалъ. Меня взяли израненнаго, полумертваго, оставленнаго робкими товарищами. Въ бою я губилъ враговъ Христіанства, а въ плѣну твоихъ измѣнниковъ: никто изъ нихъ не остался здѣсь въ живыхъ; всѣ тайно пали отъ руки моей!... Шутилъ я за столомъ Государевымъ, чтобы веселить Государя; нынѣ же умираю за Бога и за тебя; еще дышу, но единственно по особенной милости Божіей, и то изъ усердія къ твоей службѣ, да возвращуся вновь тѣшить Царя моего. Я тѣломъ въ Крыму, а душею у Бога и у тебя. Не боюся смерти: боюся только опалы» (406). Имѣя нужду въ такихъ людяхъ для своей забавы и (какъ онъ думалъ) безопасности, Іоаннъ выкупилъ Грязнаго за 2000 рублей; а Дивій умеръ невольникомъ въ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію Царя: ибо Ханъ готовъ былъ клятвенно утвердить союзъ съ нами, для освобожденія сего важнаго плѣнника, уже не требуя Астрахани. Между тѣмъ гонцы Московскіе ѣздили въ Крымъ съ дружескими письмами, не столько для заключенія мира, сколько для вѣстей, которыя были весьма благопріятны для спокойствія Россіи: ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Тавридѣ; Козаки Донскіе и Днѣпровскіе непрестанными набѣгами опустошали Улусы ея: первые взяли даже Азовъ, и хотя не могли въ немъ удержаться, но сею смѣлостію изумили Константинополь. Ханъ жилъ въ непрестанной тревогѣ: боялся гнѣва Султанскаго и внутренняго мятежа; слышалъ о намѣреніи Вельможъ Литовскихъ возвести Іоанна на престолъ ихъ отечества, и страшился новаго могущества Россіи (407).

Сношенія съ Литвою. Сіи обстоятельства, утверждая безопасность нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ, дозволяли Царю свободно заниматься иными важными дѣлами его внѣшней Политики. Вельможи Коронные и Литовскіе убѣждали Іоанна изъ жалости къ осиротѣлому ихъ Государству не тревожить онаго никакими воинскими дѣйствіями, ни самой Ливоніи, до будущаго вѣчнаго мира. Призвавъ къ себѣ Литовскаго Посланника, Воропая, онъ торжественно изъявилъ ему желаніе быть Сигизмундовымъ преемникомъ, г. 1572. хвалился могуществомъ и богатствомъ, искренно винился въ своей жестокости, но извинялъ ее, какъ обыкновенно, вѣроломствомъ Бояръ. Сія любопытная рѣчь, ознаменованная какимъ-то *искусственнымъ* простосердечіемъ, снисхожденіемъ, умѣренностію, принадлежитъ къ достопамятнымъ изображеніямъ ума Іоаннова. Царь сказалъ Посланнику (408): «Ѳеодоръ! ты извѣстилъ меня отъ имени Пановъ о кончинѣ брата моего Сигизмунда-Августа: о чемъ я хотя уже и прежде слышалъ, но не вѣрилъ: ибо насъ, Государей Христіанскихъ, часто объявляютъ умершими; а мы, по волѣ Божіей, все еще живемъ и здравствуемъ. Теперь вѣрю и сожалѣю, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ не оставилъ ни брата, ни сына, который могъ бы радѣть о душѣ его и доброй памяти; оставилъ двухъ сестеръ: одну за-мужемъ (но какова жизнь ея въ Швеціи? къ несчастію, всѣмъ извѣстно); другую въ дѣвицахъ, безъ заступника, безъ покровителя — но Богъ ея покровитель! Вельможные Паны теперь безъ *Главы*, хотя у васъ и много *головъ*, но нѣтъ ни единой превосходной, въ коей соединялись бы всѣ думы, всѣ мысли государственныя, какъ потоки въ морѣ... Не малое время были мы въ раздорѣ съ братомъ Сигизмундомъ; вражда утихла: любовь начинала водворяться между нами, но еще не утвердилась — и Сигизмунда не стало! Злочестіе *высится*; Христіанство *никнетъ*. Если бы вы признали меня своимъ Государемъ, то увидѣли бы, умѣю ли быть Государемъ-защитникомъ! Престало бы веселиться злочестіе; не унизилъ бы насъ ни Царьградъ, ни самый Римъ величавый! Въ отечествѣ вашемъ ославили меня злобнымъ, гнѣвливымъ: не отрицаю того; но да спросятъ у меня, на кого злобствую? Скажу въ отвѣтъ: на злобныхъ; а доброму не пожалѣю отдать и сію златую цѣпь, и сію одежду, мною носимую»... Тутъ Вельможа, Малюта-Скуратовъ, прервавъ рѣчь Іоаннову, сказалъ: «Царь Самодержавный! казна твоя неубога: есть чѣмъ жаловать слугъ вѣрныхъ!» — Государь продолжалъ: «Въ Вильнѣ, въ Варшавѣ знаютъ о богатствѣ моего отца и дѣда: я вдвое богатѣе и сильнѣе. Упоминаю о томъ единственно мимоходомъ. Удивительно ли, что ваши Короли любятъ своихъ подданныхъ, которые ихъ взаимно любятъ? А

г. 1572. мои желали предать меня въ руки Хану, и бывъ впереди, не сразились: пусть не одержали бы побѣды, но дали бы Царю время изготовиться къ новой битвѣ (409). Я съ благодарностію принялъ бы отъ нихъ, во знаменіе усердія, хотя одинъ бичь, одну плеть Татарскую! Имѣя съ собою не болѣе шести-тысячь воиновъ, я не испугался многочисленности враговъ; но видя измѣну своихъ, только устранился. Одна тысяча мужественныхъ спасла бы Москву; но люди знатные не хотѣли обороняться: что было дѣлать войску и народу? Ханъ сжегъ столицу, а мнѣ и знать о томъ не дали. Вотъ дѣла Бояръ моихъ! Я казнилъ измѣнниковъ: не милуютъ ихъ и въ Вильнѣ, гдѣ, на примѣръ, казнили злодѣя Викторина (410), уличивъ его въ намѣреніи извести брата моего, Сигизмунда, и распустивъ слухъ, что будто бы я участвовалъ въ семъ замыслѣ: клевета гнусная, нелѣпая!» Сей Викторинъ былъ четвертованъ въ Вильнѣ около 1563 года за тайное сношеніе съ Царемъ Московскимъ. Іоаннъ продолжалъ: «Кто меня злословитъ въ вашемъ отечествѣ? мои ненавистники, предатели, Курбскій и подобные ему . . . Курбскій! . . . сей человѣкъ отнялъ у него мать» (тутъ онъ указалъ на Царевича Іоанна) . . . отнялъ у меня супругу милую; а я хотѣлъ только на время лишить его Боярскаго сана и жалованнаго имѣнія, не думая о казни смертной: въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ! Однимъ словомъ: желаете ли узнать злость или доброту мою? пришлите своихъ дѣтей служить мнѣ вѣрно . . . осыпанные милостями Царскими, они увидятъ истину! — Если угодно Всевышнему, чтобы я властвовалъ надъ вами, то обѣщаю ненарушимо блюсти всѣ уставы, права, вольности ваши, и еще распространить ихъ, буде надобно. Если Паны вздумаютъ избрать въ Короли моего Царевича, то знайте, что у меня два сына какъ два ока: не разстанусь ни съ единымъ. Если же не захотите признать меня своимъ Государемъ, то можете чрезъ Великихъ Пословъ условиться со мною о мирѣ. Не стою за Полоцкъ; соглашусь придать къ нему и нѣкоторыя изъ моихъ наслѣдственныхъ владѣній, буде уступите мнѣ всю Ливонію по Двину. Тогда обяжемся клятвою, я и дѣти мои, не воевать Литвы, доколѣ царствуетъ Домъ нашъ въ Россіи православной. — Перемирія не нарушу до срока; даю тебѣ *опасную грамоту* для Пословъ, и буду г. 1572. ожидать ихъ. Время дорого.»

За симъ Іоаннъ, въ глубокую осень, выѣхалъ изъ Москвы, съ обоими сыновьями, чтобы устроить войско въ Новѣгородѣ и сдержать данное Королю Шведскому слово (411). Полки стояли уже въ готовности и двинулись къ Нарвѣ: самъ Государь предводительство- Война въ Эстоніи. валъ ими, имѣя съ собою всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ, Царя Саинъ-Булата и Короля Магнуса, вооруженною рукою взятаго въ Аренсбургѣ и привезеннаго къ Іоанну болѣе въ видѣ плѣнника, нежели будущаго зятя. Въ одинъ день вступило 80,000 Россіянъ къ Эстонію, гдѣ никто не ожидалъ ихъ, и гдѣ мирные Дворяне въ замкахъ своихъ весело праздновали Святки, такъ, что передовые наши отряды вездѣ находили пиры, музыку, пляски (412). Царь велѣлъ не щадить никого: грабили домы, убивали жителей, безчестили дѣвицъ. Не было сопротивленія, до крѣпости Виттенштейна, гдѣ 50 Шведовъ съ гражданами и земледѣльцами рѣшились дать отпоръ всему войску Іоаннову. Россіяне взяли приступомъ Виттенштейнъ; но Царь г. 1573. лишился друга: Малюта Скуратовъ умеръ честною смертію воина, положивъ голову на стѣнѣ, какъ бы въ доказательство, что его злодѣянія превзошли мѣру земныхъ казней! Іоаннъ изъявилъ не жалость, но гнѣвъ и злобу: пославъ, съ богатою вкладою, тѣло Малюты въ монастырь Св. Іосифа Волоцкаго, гдѣ лежали отецъ, мать и сынъ его (413), онъ сжегъ на кострѣ всѣхъ плѣнниковъ, Шведовъ и Нѣмцевъ: жертвоприношеніе достойное мертвеца, который жилъ душегубствомъ!

Овладѣвъ сею важною крѣпостію, Іоаннъ написалъ къ Шведскому Королю новое ругательное письмо (414). «Казнимъ тебя и Швецію», говорилъ онъ: «правые всегда торжествуютъ! Обманутые ложнымъ слухомъ о вдовствѣ Екатерины, мы хотѣли имѣть ее въ рукахъ своихъ единственно для того, чтобы отдать Королю Польскому, а за нее безъ кровопролитія взять Ливонію. Вотъ истина, вопреки клеветамъ вашимъ. Что мнѣ въ женѣ твоей? Стоитъ ли она войны? Польскіе Королевны бывали и за конюхами. Спроси у людей знающихъ, кто былъ Войдило при Ягайлѣ? Не дорогъ мнѣ и Король Эрикъ: смѣшно думать, чтобы я мыслилъ возвратить ему престолъ, для коего ни онъ, ни ты не

г. 1573. родился. Скажи, чей сынъ отецъ твой? Какъ звали вашего дѣда? Пришли намъ свою родословную; уличи насъ въ заблужденіи: ибо мы доселѣ увѣрены, что вы крестьянскаго племени. О какихъ *древнихъ Короляхъ Шведскихъ* ты писалъ къ намъ въ своей грамотѣ? Былъ у васъ одинъ *Король* Магнусъ, и то самозванецъ: ибо ему надлежало бы именоваться *Княземъ*. Мы хотѣли имѣть печать твою и титло *Государя Шведскаго*, не даромъ, а за честь, коей ты отъ насъ требовалъ: за честь сноситься прямо со мною, мимо Новогородскихъ Намѣстниковъ. Избирай любое: или имѣй дѣло съ ними, какъ всегда бывало, или намъ поддайся. Народъ вашъ искони служилъ моимъ предкамъ: въ старыхъ лѣтописяхъ упоминается о Варягахъ, которые находились въ войскѣ Самодержца Ярослава-Георгія: а Варяги были Шведы, слѣдственно его подданные. Ты писалъ, что мы употребляемъ печать Римскаго Царства: нѣтъ, собственную нашу, прародительскую. Впрочемъ и Римская не есть для насъ чуждая: ибо мы происходимъ отъ Августа-Кесаря. Не хвалимся, и тебя не хулимъ, а говоримъ истину, да образумишься. Хочешь ли мира? да явятся Послы твои предъ нами!»

Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, оставивъ Царя Саинъ-Булата и Магнуса съ полками воевать Эстонію. Они взяли Нейгофъ и Каркусъ; но Шведскій Генералъ Акесонъ разбилъ отрядъ нашъ близъ Лоде, взялъ обозъ, пушки и знамена. Ливонскіе Историки пишутъ, что Шведовъ было менѣе двухъ тысячь, а Россіянъ 16,000, и что сія славная побѣда, доказавъ искусство первыхъ, склонила Іоанна къ миру (415). По крайней мѣрѣ Царь, выслушавъ донесенія своихъ Воеводъ и мнѣніе Боярскаго Совѣта, написалъ новое письмо къ Шведскому Королю, уже не бранное, но миролюбивое, увѣдомляя, что Воеводамъ нашимъ велѣно остановить всѣ непріятельскія дѣйствія до прибытія въ Новгородъ Пословъ его, ожидаемыхъ съ нетерпѣніемъ для утвержденія истиннаго дружества между обоими Государствами (416). Сія перемѣна въ расположеніи Іоанновомъ изъясняется не столько успѣхомъ Генерала Акесона, сколько другимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое тогда нечаянно встревожило и Царя и Москву: сильнымъ бунтомъ въ Казанской области, гдѣ свирѣпый, дикій народъ Черемисскій, Луговый и Горный, имѣя тайныя связи съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, явно отложился отъ Россіи, такъ, что Государь долженъ былъ немедленно послать многочисленную рать къ берегамъ Волги. Къ счастію, мятежники скоро увидѣли свое неблагоразуміе: Ханъ не могъ дать имъ войска, а Россійское уже стояло въ Муромѣ, готовое казнить ихъ огнемъ и мечемъ. Они смирились (417).

г. 1573. Бунтъ въ Казанской области.

Въ сіе время Іоаннъ, прекративъ войну въ Ливоніи, торжествовалъ въ Новѣгородѣ бракосочетаніе Магнуса съ юною Княжною Маріею Владиміровною: пировалъ, веселился съ своими любимыми гостями Нѣмецкими; самъ распоряжалъ пляскою и пѣлъ съ Монахами духовныя пѣсни (418). Уже Магнусъ, честимый, ласкаемый, надѣялся быть дѣйствительнымъ Королемъ, воображая, что Царь, сверхъ богатаго, обѣщаннаго вѣна, отдастъ ему всѣ города Ливонскіе, занятые Россіянами; но, вмѣсто *пяти бочекъ золота* (419), привезли къ нему въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и съ нарядными одеждами молодой Королевы; вмѣсто всей Ливоніи Государь пожаловалъ своему зятю городокъ Каркусъ съ слѣдующимъ словеснымъ и письменнымъ наставленіемъ (420): «Король Магнусъ! иди съ супругою въ Удѣлъ, для васъ назначенный. Я хотѣлъ нынѣ же вручить тебѣ власть и надъ иными городами Ливонскими, вмѣстѣ съ богатымъ денежнымъ приданымъ; но вспомнилъ измѣну Таубе и Крузе, осыпанныхъ нашими милостями . . . Ты сынъ Вѣнценосца, и слѣдственно могу имѣть къ тебѣ болѣе довѣренности, нежели къ слугамъ подлымъ; но — ты человѣкъ! Если измѣнишь, то золотомъ казны моей наймешь воиновъ, чтобы дѣйствовать за-одно съ нашими врагами, и мы принуждены будемъ своею кровію вновь доставать Ливонію. Заслужи милость постоянною, испытанною вѣрностію!» Такимъ образомъ Магнусъ съ печальнымъ сердцемъ уѣхалъ въ Каркусъ, изъ Каркуса въ Оберпаленъ, гдѣ, въ ожиданіи Государства, жилъ весьма бѣдно, *не имѣя болѣе трехъ блюдъ на столѣ* (какъ писалъ его братъ, Фридерикъ, Король Датскій, къ своему тестю, Герцогу Мекленбургскому), *веселя тринадцати-лѣтнюю жену дѣтскими игрушками, питая сластями и, къ неудовольствію Россіянъ, одѣвъ ее въ Нѣмецкое платье* (421). Сей Герцогъ, Іо-

Бракъ Магнуса 12 Апрѣля.

г. 1573. анъ Альбрехтъ, находился тогда въ сношеніяхъ съ Царемъ: присылалъ въ Новгородъ сановника Мекленбургскаго, Доктора Фелинга, и хотѣлъ, чтобы Россія утвердила право его (Альбрехтова) сына на Ригу, обѣщанную ему Королемъ Польскимъ, Сигизмундомъ Августомъ. Фелингъ отъ имени Герцога поднесъ Іоанну въ даръ золотаго, алмазами и яхонтами украшеннаго льва, съ объясненіемъ, что *левъ ужасаетъ всѣхъ звѣрей, а Государь Московскій всѣхъ непріятелей*. Царь отвѣтствовалъ: «Благодарю за смиреніе и ласку, но не могу отдать, чего еще не имѣю, хотя Ливонія съ Ригою и моя отчина, а не Королевская. Я намѣренъ отправить Посольство къ Нѣмецкому Императору для заключенія съ нимъ союза противъ невѣрныхъ и для дѣлъ Ливонскихъ. Совѣтую Герцогу вооружиться терпѣніемъ: могу отдать ему Ригу, когда возьму ее, договоромъ или саблею.»

Между тѣмъ Іоаннъ не безъ досады видѣлъ, что Король Шведскій, имъ презираемый, началъ изъявлять гордость. Долго не было никакой вѣсти изъ Стокгольма; наконецъ Король отвѣчалъ, что никогда Послы его не будутъ въ такой землѣ, гдѣ Народное Право неизвѣстно, — гдѣ ихъ грабятъ, сажаютъ въ темницу; что Царь можетъ прислать своихъ къ нему, если дѣйствительно желаетъ мира, или по крайней мѣрѣ на границу, куда выѣдутъ и Шведскіе Уполномоченные; что о перемиріи надлежало бы говорить тремя годами ранѣе, а не тогда, какъ войско Шведское выступаетъ въ поле. Сего мало: гонецъ нашъ [422], будучи въ Стокгольмѣ, терпѣлъ обиды, неслыханныя въ Державахъ образованныхъ. «Вельможи Королевскіе» — доносилъ онъ Царю — «хотѣли прежде времени знать содержаніе твоей грамоты. Я доказывалъ имъ нелѣпость сего требованія: за что одинъ изъ нихъ ударилъ меня въ грудь, поносилъ словами непристойными. *Если бы* — отвѣчалъ холопъ твой нахалу Шведскому — *если бы я сидѣлъ на конѣ вооруженный, ты не дерзнулъ бы безчинствовать, ни поднять руки, ни открыть гнуснаго рта своего; но мы здѣсь не для битвы*. . . Другой Вельможа хотѣлъ удержать меня идущаго къ престолу Королевскому, говоря: *дай письмо, а на сукно тронное не ступай*. Я сталъ на сукно, и вручилъ письмо Королю . . . Въ слѣдующее утро сановникъ Шведскій, Христофоръ Флемингъ, сказалъ мнѣ: *знай, что ты вчера не видалъ Государя: я сидѣлъ на его мѣстѣ, а онъ стоялъ между Вельможами, ибо не хотѣлъ взять грамоты Царя вашего, думая, что въ ней могутъ быть новыя ругательства, коихъ не льзя читать и простому мѣщанину*. . . Отпуская меня, Король молвилъ: *Царь сдѣлался миролюбивъ; но я не хочу съ нимъ мириться, и его не боюся*» [423]. Однимъ словомъ, Швеція ободрилась, нанявъ 3000 Шотландцевъ и 2000 Англичанъ; а Царь, имѣя болѣе ста тысячь воиновъ въ Ливоніи и Новѣгородѣ, изъявилъ кротость, не вступился за обиду гонца своего, снесъ насмѣшки и сдѣлалъ угодное Королю: то есть, выслалъ Бояръ, Князя Сицкаго съ товарищами, на рѣку Сестру (которая служила границею между Финляндіею и Россіею) для переговоровъ о мирѣ съ Адмираломъ Класомъ Флемингомъ и другими Королевскими чиновниками. Долго спорили о мѣстѣ свиданія: Флемингъ требовалъ, чтобы оно было на мосту, въ шатрахъ; но Князь Сицкій заставилъ Шведовъ перейти на Россійскій берегъ рѣки. Далѣе ни въ чемъ не могли согласиться. Царь хотѣлъ взять Эстонію, и въ такомъ случаѣ давалъ Королю право сноситься прямо съ нимъ; а Король хотѣлъ послѣдняго безъ всякой уступки, явивъ длинную родословную Свѣтлѣйшаго Дому Вазъ, дабы убѣдить Іоанна въ древней знаменитости онаго [424]. Заключили только перемиріе (отъ Ильина дни 1575 до 1577 года) между Финляндіею и нашими сѣверными владѣніями: Россія обязывалась не воевать первой, а Швеція Новогородской земли, Корелы, Орѣшка и другихъ мѣстъ. Не было слова о Ливоніи, которая оставалась ѳеатромъ войны. Іоаннъ удовольствовался обѣщаніемъ, что скоро будутъ къ нему Шведскіе Послы для новаго мирнаго договора и торжественно обязался принять ихъ съ честію, не лишать ни свободы, ни имѣнія, — не оскорблять ни дѣломъ, ни словомъ [425]! Съ того времени Короли Шведскіе перестали относиться къ Новугороду: что всегда казалось имъ унизительно, происходило дѣйствительно отъ малаго уваженія Государей Московскихъ къ симъ Вѣнценосцамъ, и было дотолѣ непремѣннымъ закономъ нашей гордой Политики.

Если снисходительность Царя казалась для него безполезною, то и Королю

*Margin notes:* г. 1573 — 1575. Перемиріе съ Швеціею. — г. 1573 — 1575. — г. 1575.

г. 1575. не доставила она никакой *существенной выгоды:* непріятельскія дѣйствія продолжались въ Ливоніи. Шведы съ своими Шотландскими наемниками безъ успѣха приступали къ Везенбергу: Россіяне опустошили всѣ мѣста вокругъ Ревеля, и взяли городъ Пернау, который стоилъ имъ семи тысячь воиновъ, убитыхъ въ его укрѣпленіяхъ (426). Тамъ Полководецъ Іоанновъ, Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ, изумилъ жителей великодушіемъ, оставивъ на волю каждому или присягнуть Царю или выѣхать со всѣмъ достояніемъ. Слѣдствіемъ Политики столь человѣколюбивой и благоразумной было то, что зáмки Гельметъ, Эрмисъ, Руэнъ, Пургель, Леаль,
г. 1576. Лоде, Фиккель сдалися безъ сопротивленія, а скоро и важная крѣпость Габзаль, гдѣ находилось множество всякихъ
Февр. 12. запасовъ, не мало воиновъ и Дворянъ, которые всегда любили хвалиться мужествомъ. Пишутъ, что сіи мирные Герои, увѣренные Царскимъ Воеводою въ совершенной безопасности, тѣшились и веселились въ самый тотъ часъ, когда Россіяне входили въ городъ; что одинъ изъ нашихъ молодыхъ Князей, видя ихъ забавы, сказалъ своему пріятелю Нѣмцу: «Если бы мы, Русскіе, живые сдали непріятелю такую крѣпость: что сдѣлалъ бы съ нами Царь? и кто изъ насъ смѣлъ бы взглянуть прямо въ лице доброму Христіанину? А вы, Нѣмцы, празднуете стыдъ свой» (427)! Они праздновали среди могилъ и пепла. Казалось, что Ливонія, истерзанная всѣми бѣдствіями войны долговременной, жертва и добыча всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ, уже не могла испытать ничего злѣйшаго. Голодъ, нищета свирѣпствовали не только въ хижинахъ, но и въ зáмкахъ. Такъ Лѣтописецъ говоритъ, что жена знатнаго Рыцаря, Фонъ-Тедвена, имѣвъ прежде великолѣпный домъ, блиставъ пышностію удивительною для самыхъ богатыхъ людей, умерла тогда въ Габзалѣ на соломѣ и положена въ землю нагая (428)! . . . Но Судьба еще готовила новые ужасы для сей страны несчастной; еще Іоаннъ удерживалъ свою руку, мечемъ и пламенемъ вооруженную для ея покоренія или гибели. Остерегаясь, хотя уже и не страшась Девлетъ-Гирея, онъ долженъ былъ, въ угрозу ему, отъ времени до времени собирать полки на берегахъ Оки; самъ, выѣхавъ изъ Новагорода (лѣтомъ въ 1574 году), осматривалъ войско многочисленное въ Серпуховѣ; посылалъ отряды и въ степи, гдѣ являлись иногда толпы Ханскія для разбоевъ (429); всего же болѣе занимался происшествіями Варшавскими, которыя, польстивъ его властолюбію, имѣли слѣдствія неожидаемыя, оскорбительныя для Царя и вредныя для Россіи.

Въ началѣ 1573 года открылся Сеймъ г. 1573 — 1577.
въ Варшавѣ, чтобы избрать Короля. Дѣла Польскія.
Главными Кандидатами были: 1) юный Эрнестъ, сынъ Императора Максимиліана; 2) Герцогъ д'Анжу, братъ Карла IX; 3) Король Шведскій или сынъ его, Сигизмундъ; 4) Государь Россійскій. За перваго ходатайствовали Послы Испанскій и Максимиліановъ, за втораго Французскій, за третьяго Шведскіе: нашихъ не было. Царь ждалъ къ себѣ Пословъ отъ Сейма, разсуждая: «я имъ нуженъ, а не они мнѣ!» Не смотря на сію гордость, многіе Коронные, и въ особенности Литовскіе Вельможи думали избрать Іоанна, чтобы симъ способомъ утвердить навѣки счастливый союзъ съ опасною, могущественною Россіею: мысль внушенная Политикою здравою и дальновидною! Зная безъ сомнѣнія всю его жестокость, они надѣялись, что законы ихъ Республики обуздаютъ тирана — и могли обмануться! Но Судьба устранила сей *опытъ.* Условія, съ обѣихъ сторонъ предложенныя, были равно неумѣренны, равно противны той и другой. Выслушавъ въ Новѣгородѣ Посла Литовскаго, Михайла Гарабурду, Іоаннъ (28 Февраля, 1573 года) далъ ему слѣдующій отвѣтъ (430): «Долговременное молчаніе вашихъ Пановъ, въ дѣлѣ столь важномъ, меня удивляло: ибо худо Государству быть безъ Государя. Вы извиняетесь бѣдствіями язвы, которая свирѣпствовала въ землѣ вашей: сожалѣю; это воля Божія. Нынѣ спрашиваете, самъ ли я желаю властвовать надъ Литвою и Польшею, или дать вамъ Царевича Ѳеодора въ Короли, и требуете отъ насъ клятвы въ вѣрномъ соблюденіи вашихъ уставовъ; хотите еще, чтобы мы, отпустивъ къ вамъ сына, возвратили Княжеству Литовскому Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ, Озерище, а ему Ѳеодору пожаловали нѣкоторые особенные города изъ древнихъ владѣній Россійскихъ. Одно естественно, другое непристойно. Естественно, чтобы всякая земля хранила свои обычаи, уставы, законы, и мы конечно можемъ утвердить присягою ваши права; но дѣльно ли

г. 1573 — 1577.

требовать отъ насъ Смоленска, Полоцка, даже наслѣдственныхъ городовъ Московскихъ, въ *приданое* Князю Θеодору? развѣ онъ дѣвица и невѣста? Славно увеличивать, а не умалять Государства. Польское и Литовское нескудно городами: есть гдѣ жить Королю. И не вы, а мы должны требовать возмездія. Слушайте: если желаете имѣть Θеодора своимъ Государемъ, то 1) пишите весь мой титулъ, какъ уставлено Богомъ; называйте меня *Царемъ*, ибо я наслѣдовалъ сіе достоинство отъ предковъ, и не присвоиваю себѣ чуждаго. 2) Когда Господь возметъ моего сына изъ здѣшняго свѣта, да властвуютъ надъ вами его сыновья правомъ *наслѣдія*, а не *избранія*; когда же не останется у него сыновей, то Литва и Польша да будутъ *нераздѣльны* съ *Россіею*, какъ собственность моихъ наслѣдниковъ во вѣки вѣковъ, но безъ всякаго измѣненія правъ и вольностей народныхъ, *съ особеннымъ именемъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго въ титулѣ Государей Россійскихъ*. Пристойно ли сыну Короля не быть наслѣдникомъ его престола? И для общаго блага сихъ трехъ Державъ имъ должно имѣть единаго Владыку. Знаю, что Австрія и Франція гораздо снисходительнѣе въ переговорахъ съ вами; но онѣ не примѣръ для Россіи: ибо мы вѣрно знаемъ, что кромѣ насъ и Султана нѣтъ въ Европѣ Государей, коихъ родъ царствовалъ бы за 200 лѣтъ предъ симъ: одни изъ Князей, другіе иноземцы, и для того плѣняются честію Королевства; а мы Цари *изначальные* и происходимъ отъ Августа Кесаря (что всѣмъ извѣстно). 3) Кто изъ моихъ наслѣдниковъ скончается въ землѣ вашей, тѣло его да будетъ привезено въ Москву для погребенія. 4) Городъ Кіевъ, древнѣйшее достояніе Россіи, да присоединится къ ея владѣніямъ: за что, изъ любви къ тишинѣ и согласію Христіанскому, уже не буду отыскивать нашихъ старыхъ владѣній въ Литвѣ по рѣку Березу. 5) Ливонія вся останется за Россіею! — Вотъ условія, на коихъ могу отпустить къ вамъ моего любезнаго сына. Но онъ еще слишкомъ молодъ, и не въ силахъ противиться врагамъ, своимъ и нашимъ. Сверхъ того знаю, что многіе изъ Пановъ хотятъ въ Короли меня, а не Царевича. Если они говорятъ вамъ иное, то притворствуютъ. Слышу еще, что будто вы думаете взять у меня сына обманомъ, съ намѣреніемъ выдать его Туркамъ, для заключенія съ ними мира. Правда ли, ложь ли, не знаю; но не могу скрыть сего отъ тебя въ бесѣдѣ искренней.»

Видя, что Іоаннъ желаетъ Королевства болѣе для себя, нежели для сына, умный Посолъ сказалъ: «Государь! всѣ мы хотѣли бы имѣть такого сильнаго и мудраго Властителя, какъ ты; но Москва далека отъ Варшавы, а присутствіе Короля необходимо для внѣшней безопасности, для внутренняго устройства и правосудія. У насъ нѣтъ обычая, чтобы Король выѣзжалъ изъ Государства и вмѣсто себя оставлялъ Намѣстниковъ. *Къ тому же безъ принятія Вѣры Римской ты не можешь быть коронованъ.*» — Іоаннъ велѣлъ Послу удалиться.

На другой день снова призвавъ Гарабурду, Царь сказалъ: «Мы размыслили — и находимъ, что можемъ управлять вмѣстѣ тремя Государствами, переѣзжая изъ одного въ другое, и что легко устранить препятствія, о коихъ ты говорилъ намъ. Требую только Кіева безъ всѣхъ иныхъ городовъ и волостей. Отдамъ Литвѣ Полоцкъ и Курляндію. Возьму Ливонію до рѣки Двины. Титулъ нашъ будетъ; *Божіею милостію Господарь Царь и Великій Князь всея Россіи, Кіевскій, Владимірскій, Московскій, Король Польскій и Великій Князь Литовскій*. Имена всѣхъ другихъ областей распишемъ по ихъ знатности: Польскія и Литовскія могутъ стоять выше Россійскихъ. Требую уваженія къ Вѣрѣ Греческой; требую власти строить церкви Православія во всѣхъ моихъ Государствахъ. *Да вѣнчаетъ меня на Королевство не Латинскій Архіепископъ, а Митрополитъ Россійскій* (431)! . . . Но не измѣню ни въ чемъ вашихъ правъ и вольностей: буду раздавать мѣста и чины съ согласія Думы Польской и Литовской. Когда же, изнуренный лѣтами въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, вздумаю оставить свѣтъ и престолъ, чтобы въ уединенной Обители жить молитвою: тогда изберите себѣ въ Короли любаго изъ сыновей моихъ, но не чуждаго, не иноплеменнаго Князя. Паны говорятъ, что Литва и Польша нераздѣльны: ихъ воля; но скажу, что я хотѣлъ бы лучше быть единственно Великимъ Княземъ первой: тогда, утвердивъ всѣ ея законы моимъ крестнымъ цѣлованіемъ, возьму къ Россіи одинъ Кіевъ, а Литвѣ возвращу, силою или договорами, всѣ

г. 1573 — 1577. ея древнія владѣнія, отнятыя Поляками, и буду писаться въ титулѣ Великимъ Княземъ Московскимъ и Литовскимъ. — Слушай далѣе. Могу, но не безъ труда, ѣздить изъ земли въ землю: ибо приближаюсь къ старости; а Государю надобно все видѣть собственными глазами. И такъ не лучше ли вамъ избрать въ Короли сына Цесарева, заключивъ съ нами миръ и союзъ на сихъ условіяхъ: 1) Кіевъ и Ливонія къ Россіи, Полоцкъ и Курляндія къ Литвѣ; 2) мнѣ, Цесарю и сыну его помогать другъ другу войскомъ или деньгами противъ нашихъ общихъ враговъ? Тогда буду желать добра Литвѣ и Польшѣ столько же, какъ моей Россіи — и въ семъ тѣсномъ союзѣ кого убоимся? Не захотятъ ли и всѣ иные Государи Европейскіе присоединиться къ оному, чтобы возстать на злодѣевъ Христіанства? Какая слава, и какая польза! . . . Наконецъ приказываю тебѣ сказать Панамъ, чтобы они не избирали Князя Французскаго: ибо сей Князь будетъ другомъ злочестивыхъ Турковъ, а не Христіанъ; а если изберете его, то знайте, что я не останусь спокойнымъ зрителемъ вашего неблагоразумія. — Еще объяви Панамъ, что многіе изъ нихъ писали къ намъ тайныя грамоты, совѣтуя мнѣ итти съ войскомъ въ Литву, чтобы страхомъ вынудить себѣ Королевство. Другіе просили у меня золота и соболей, чтобы избрать моего сына. Да знаетъ о томъ ваша Дума Государственная!»

Съ такимъ отвѣтомъ Гарабурда поѣхалъ въ Варшаву. Вѣроятно, что Паны Литовскіе единственно для вида и для соблюденія *пристойности* требовали Смоленска и городовъ Россійскихъ; что они въ самомъ дѣлѣ не ждали столь великой уступчивости отъ Царя, и безъ дальняго упрямства отказались бы отъ сего требованія; тѣмъ непреклоннѣе былъ Царь въ своихъ условіяхъ, единогласно отверженныхъ Сеймомъ, который немедленно исключилъ его изъ Кандидатовъ. Перемѣнились ли Іоанновы мысли: увѣрился ли онъ въ невозможности господствовать надъ Польшею и Литвою, *какъ бы* ему хотѣлось? боялся ли примѣра своевольныхъ Вельможъ ихъ для Россіи безмолвной? Разсудилъ ли, что сей тѣсный союзъ имѣлъ бы истинныя выгоды для первыхъ двухъ Державъ, а не для нашего отечества; что не онѣ намъ, но мы имъ долженствовали бы помогать и людьми и казною въ случаѣ войны съ Турціею, съ Австріею, съ Тавридою; что имя Короля съ властію ограниченною, ненадежною, не стоило умноженія опасностей и расходовъ для Государя наслѣдственной, великой Державы, которой Небо судило быть сильною не чуждыми, а собственными, природными силами? Или Царь думалъ, что Сеймъ *могъ* согласиться на такія предложенія строгія, уничтожить коренные законы Республики, добровольно отмѣнить избраніе Королей, уставить верховную власть наслѣдственную, отдать намъ Кіевъ, и Святителю иновѣрному вручить вѣнецъ Ягеллоновъ для возложенія на Іоанна? Трудно вообразить, чтобы надменность ослѣпляла его до сей степени безразсудности: гораздо вѣроятнѣе, что онъ, изъявивъ сперва искреннее желаніе заступить мѣсто Сигизмунда-Августа, по основательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ уже сдѣлался равнодушнѣе къ такой чести. г. 1573 — 1577.

Но избраніе Эрцгерцога въ Короли, имъ одобренное, не угрожало ли намъ опаснымъ сосѣдствомъ съ Австрійскою, сильною Державою, тѣмъ болѣе, что ея Посолъ, ходатайствуя за Эрнеста, торжественно обѣщалъ Панамъ усердное вспоможеніе Императора въ войнахъ съ Россіею (432)? Іоаннъ не долженствовалъ ли скорѣе благопріятствовать исканіямъ Франціи отдаленной, и слѣдственно менѣе для насъ опасной? Не можемъ осудить его Политики. Зная дружественную связь Парижа съ Константинополемъ, онъ мыслилъ, что Генрикъ д'Анжу будетъ располагать силами Турціи противъ нашего отечества; а Султаны, кромѣ ихъ зловѣрія, были страшнѣе Императоровъ славою войскъ и побѣдъ многочисленныхъ. — Къ досадѣ Царя и Максиміліана, Варшавскій сеймъ избралъ Генрика, обольщенный хитростями Французскаго Посла Монлюка, который въ пышныхъ рѣчахъ своихъ безстыдно хвалилъ Вельможъ Польскихъ и Литовскихъ, сравнивалъ ихъ съ древними Римлянами, называлъ ужасомъ тирановъ, Героями добродѣтели, обѣщая имъ милліонъ флориновъ, сильное войско для изгнанія Россіянъ изъ Ливоніи и совершенную зависимость Короля отъ Верховнаго Совѣта.

Такое, какъ говорилъ Іоаннъ, *ослушаніе* Сейма соединило виды нашей Политики съ Австрійскою. Императоръ спѣшилъ воспользоваться добрымъ рас-

г. 1573 — 1577. положеніемъ Царя: писалъ къ нему ласково; жаловался на «злодѣйство Карла IX, истребившаго болѣе ста тысячь вѣрныхъ подданныхъ въ день Св. Варѳоломея, единственно за то, что они имѣли свою Вѣру особенную;» говорилъ съ негодованіемъ о пріязни Французовъ съ Султаномъ, коего ревностнымъ вспоможеніемъ дается Генрику вѣнецъ Ягеллоновъ; убѣждалъ Іоанна вступиться за Христіанъ; предлагалъ ему взять Литву, а Польшу уступить Австріи, и заключить тѣсный союзъ съ Имперіею противъ Турковъ (433). Царь немедленно отправилъ гонца къ Максимиліану, совѣтуя ему употребить всѣ способы для задержанія Генрика на пути въ Варшаву; желалъ видѣть скорѣе Пословъ Императорскихъ въ Москвѣ, чтобы утвердить вѣчный союзъ Австріи съ Россіею, и писалъ: «Мы всѣ будемъ стараться о томъ, чтобы Королевство Польское и Литва *не отошли* отъ нашихъ Государствъ; а мнѣ все одно, мой ли, твой ли сынъ сядетъ тамъ на престолѣ. . . . Ты, братъ нашъ любезный, сѣтуешь объ ужасномъ истребленіи невинныхъ людей и младенцевъ въ день Св. Варѳоломея: всѣ Государи Христіанскіе должны скорбѣть о сей безчеловѣчной жестокости Короля Французскаго, проливщаго *безъ ума* столь много крови (434)!»

Однакожь Іоаннъ, слѣдуя миролюбивой системѣ, не хотѣлъ прежде времени объявить себя врагомъ новаго Короля Польскаго: напротивъ того, узнавъ объ его прибытіи и торжественномъ короновании въ древней столицѣ Піастовъ, онъ готовился послать къ нему знатнаго чиновника съ привѣтствіемъ. Но Генрикъ предупредилъ Царя: извѣстилъ о своемъ восшествіи на тронъ; убѣждалъ не нарушать перемирія съ Республикою до 1576 года; писалъ, что онъ въ горести; что Король Французскій умеръ; что ему должно ѣхать въ Парижъ и что сіе временное отсутствіе не мѣшаетъ Царю сноситься въ дѣлахъ съ Вельможными Панами (435). Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Братъ нашъ Генрикъ! о твоемъ восшествіи на престолъ радуемся, о твоей печали сожалѣемъ. Кончина Государей Христіанскихъ есть бѣдствіе для Христіанъ и веселіе для невѣрныхъ. Мы хотимъ жить въ любви съ тобою. Послы мои будутъ въ Варшаву, когда ты возвратишься: ожидаю твоихъ въ Москву; а безъ тебя мнѣ непристойно имѣть дѣло съ Панами. О сохраненіи перемирія мы дали указъ своимъ Воеводамъ.» — Но Генрикъ былъ уже Королемъ-бѣглецомъ! Искавъ вѣнца Польскаго единственно въ угодность матери, честолюбивой Екатеринѣ Медицисъ, которая дѣйствовала въ семъ случаѣ по внушенію хитраго карлы и бродяги, Іоанна Красовскаго, Генрикъ, лѣнивый, сладострастный, въ три мѣсяца не государственной дѣятельности, а пировъ, нѣги и звѣриной ловли, успѣлъ возненавидѣть свое Королевство и власть ограниченную; тайно изготовился къ отъѣзду, и ночью ускакалъ отъ одного престола къ другому; спѣшилъ наслѣдовать державу и несчастіе своего брата, подобно ему царствовать среди мятежей, измѣнъ и злодѣйствъ, оказать себя малодушнымъ, вѣроломнымъ, но умереть съ прекраснымъ словомъ, которое навѣки осталось въ Исторіи и достойно наилучшаго изъ Царей (436). Изумленные бѣгствомъ Короля, Паны должны были искать другаго. Тогда многіе изъ нихъ — Архіепископъ Гнѣзненскій, Кастелланъ Минскій, Янъ Глѣбовичь, и другіе — снова обратились къ Царю: совѣтовали ему немедленно прислать умныхъ Бояръ въ Варшаву, съ такими условіями, на какихъ былъ избранъ Генрикъ; отнестися письменно къ Духовенству, къ Рыцарству и къ каждому Вельможѣ въ особенности; *просить* ихъ объ избраніи его (Іоанна) въ Короли; сказать въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а Христіанинъ и дѣйствительно крещенъ во имя Троицы; что Поляки и Россіяне, будучи единаго племени, Славянскаго или Сарматскаго, должны какъ братья имѣть единаго Отца-Государя. Іоаннъ писалъ къ нимъ весьма дружелюбно, благодарилъ за доброе намѣреніе, обѣщалъ выслать Бояръ своихъ къ Сейму, но не сказалъ ничего рѣшительнаго въ разсужденіи условій (436), ибо ждалъ Пословъ Цесаревыхъ, которые уже ѣхали въ Москву.

Гонецъ нашъ, Скобельцынъ, въ Августѣ 1574 года возвратился изъ Вѣны безъ всякаго отвѣта, сказывая, что Императоръ хотѣлъ писать къ Царю съ своимъ человѣкомъ. Сія странность объяснилась: новый гонецъ Максимиліановъ привезъ къ Іоанну жалобу, что Скобельцынъ не взялъ отвѣтной грамоты, будто бы написанной безъ полнаго Царскаго имени, и самовольно уѣхалъ; сверхъ чего велъ себя непристойно и злословилъ Императора (437). Максими-

Г. 1573 — 1577. ліанъ увѣрялъ Царя въ искренней дружбѣ и благодарности, а Царь извѣстилъ его, что онъ *возложилъ* на Скобельцына *опалу*. Послѣ того были въ Москвѣ и другіе чиновники Австрійскіе, съ извиненіемъ, что Максимиліанъ *за большими недосугами* медлитъ условиться съ Іоанномъ о дѣлахъ Польскихъ. Въ знакъ усердія одинъ изъ сихъ гонцевъ донесъ Боярамъ, что Паны тайно склоняютъ Магнуса измѣнить Россіи, обѣщая ему городъ Ригу (438). Наконецъ, въ Генварѣ 1576 года, пріѣхали къ намъ знатные Австрійскіе сановники, Янъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Государь встрѣтилъ ихъ въ Можайскѣ, великолѣпно и пышно: *въ Русскомъ саженомъ* платьѣ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ и въ діадимѣ, держа въ рукѣ скипетръ; престолъ окружали всѣ Бояре и Дворяне въ златыхъ одеждахъ. Іоаннъ и Царевичь встали, спрашивая о здравіи Императора, который прислалъ въ даръ своему *брату* и *союзнику* золотую цѣпь, украшенную драгоцѣнными каменьями съ изображеніемъ имени Максимиліанова, цѣною въ 8000 талеровъ. Императоръ *молилъ* Іоанна способствовать ему словомъ и дѣломъ, грамотами и мечемъ, въ возведеніи Эрнеста на тронъ Польскій, и не воевать Ливоніи, области *издавна принадлежащей къ Римской Имперіи*. «Тогда» — говорили Послы Максимиліановы Іоанну — «вся Европа Христіанская заключитъ союзъ съ тобою, чтобы однимъ ударомъ, на моряхъ и на сушѣ, низвергнуть высокую Державу Оттомановъ. Вотъ подвигъ, коимъ ты можешь навѣки прославить себя и Россію! Изгонимъ Турковъ изъ Константинополя въ Аравію, искоренимъ Вѣру Магометову, знаменіемъ креста снова осѣнимъ Ѳракію, Элладу — и все древнее Царство Греческое *на восходъ солнца* да будетъ твое, о Царь великій! Такъ вѣщаютъ Императоръ, Св. Отецъ Папа и Король Испанскій» (439). Іоаннъ слушалъ холодно, не плѣняясь мыслію царствовать на берегахъ Воспора и Геллеспонта; сказалъ, что его слово всегда твердо и ненарушимо; что онъ не перемѣнилъ своихъ мыслей въ разсужденіи Королевства Польскаго: отдаетъ его Эрнесту и снова напишетъ о томъ къ Вельможамъ Короннымъ; но что Литва и Кіевъ должны навѣки соединиться съ Россіею, что Ливонія наша, была и будетъ; что прежде никто не мыслилъ объ ней, а когда мы взяли оную, тогда Императоръ, Дани́я, Швеція, Польша вздумали объявить свои мнимыя права на сію землю; что для заключенія союза противъ невѣрныхъ надлежитъ быть въ Москву Посламъ Короля Испанскаго, Датскаго, Князей Нѣмецкихъ и другихъ Государей; что въ Россіи извѣстна судьба Людовика Венгерскаго, который, вѣря обѣщаніямъ Императора, выступилъ въ поле, но, всѣми оставленный, въ неравной битвѣ съ Турками лишился жизни. Послы Цесаревы, соглашаясь уступить намъ Ливонію и Кіевъ, доказывали невозможность отдѣлить Литву отъ Польши, которыя хотятъ имѣть одного Властителя. «Знаете ли» — сказали они Московскимъ Боярамъ — «тайный замыслъ нѣкоторыхъ мятежныхъ Ляховъ взять себѣ въ Короли данника Оттомановъ, Князя Седмиградскаго, въ угодность Султану и ко вреду Христіанства?» *Сего не будетъ*, отвѣтствовалъ Царь, требуя, чтобы Послы клятвою утвердили договоръ о Ливоніи; но Кобенцель и Даніилъ Принцъ объявили, что Государь ихъ, въ знакъ особеннаго уваженія къ Іоанну, пришлетъ для того въ Москву другихъ, *великихъ людей, Князей Владѣтельныхъ*; впрочемъ увѣряли, что все сдѣлается, какъ угодно Царю, и дали слово, что Императоръ склонитъ Шведскаго Короля къ покорности (440). Іоаннъ былъ доволенъ; угостилъ ихъ во дворцѣ обѣдомъ и привелъ въ удивленіе великолѣпіемъ: сидѣлъ съ сыномъ за особеннымъ столомъ въ бархатной малиновой одеждѣ, усыпанной драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, — въ остроконечной шапкѣ, на коей сіялъ необыкновенной величины яхонтъ; двѣ короны (Царя и Царевича), блестящія крупными алмазами, алами, изумрудами, лежали подлѣ; серебро, золото стояло горами въ комнатахъ . . . . «И всякой дворецъ» (писалъ Кобенцель къ Австрійскимъ Министрамъ) «имѣетъ особенную кладовую, наполненную такими чашами и блюдами; а Кремлевскій превосходитъ богатствомъ всѣ иные . . . . Однимъ словомъ, я видѣлъ сокровища Его Императорскаго Величества, Королей Испанскаго, Французскаго, Венгерскаго, Богемскаго, Герцога Тосканскаго, но не видалъ подобныхъ Іоанновымъ... Когда мы ѣхали въ Россію, Вельможи Польскіе стращали насъ несносною грубостію Московскаго Двора: чтожь оказалось? ни въ Римѣ, ни въ Испаніи не нашли бы мы лучшаго пріема: ибо Царь

Союзъ съ Австріею.

Г. 1573 — 1577. знаетъ, съ кѣмъ и какъ обходиться: унижая Поляковъ, Шведовъ, честитъ, кого уважаетъ и любитъ.» — Отдаривъ Максимиліана черными соболями въ 700 рублей, Іоаннъ послалъ къ нему, въ санѣ *легкихъ Пословъ*, Князя Сугорскаго и Дьяка Арцыбашева, съ убѣдительнымъ представленіемъ, что надобно скорѣе заключить договоръ, ясный, торжественный между Австріею и Россіею; а къ Вельможамъ Коронньмъ написалъ, чтобъ они выбрали Эрнеста, если хотятъ быть въ вѣчной дружбѣ съ сильнымъ Московскимъ Государствомъ, и не принимали Властителя отъ *Султанской руки*, если не хотятъ отвѣтствовать Богу за ужасное кровопролитіе (441). Тогда же въ грамотѣ къ Панамъ Литовскимъ онъ изъявилъ желаніе быть ихъ Великимъ Княземъ или дать имъ Царевича Ѳеодора въ Государи, прибавивъ: «если же вы не разсудите за благо имѣть особеннаго Властителя, то вмѣстѣ съ Польшею изберите Максимиліанова сына.»

Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ и Цесарь могли бы предписать законы Сейму, если бы, рѣшительно объявивъ ему свои требованія, подкрѣпили оныя движеніемъ войска съ обѣихъ сторонъ, какъ писали къ Царю доброхотствующіе намъ Вельможи Литовскіе, зная расположеніе умовъ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; но Максимиліанъ, уже слабый тѣломъ и душею, медлилъ: честилъ нашихъ Пословъ въ Регенсбургѣ (442), а своихъ не присылалъ въ Москву, и въ новыхъ безполезныхъ сношеніяхъ съ Іоанномъ, чрезъ гонцевъ, досаждалъ ему во-первыхъ тѣмъ, что затруднялся называть его *Императоромъ* или *Царемъ Россіи*, называя только *Царемъ Казанскимъ* и *Астраханскимъ*; во-вторыхъ не преставалъ ходатайствовать о *жалкой, убогой* Ливоніи, и твердить, что она есть область Германіи. Отвѣтствую Максимиліану всегда учтиво, всегда дружелюбно, Царь хладѣлъ въ усердіи доставить Эрнесту корону Польскую, и слышалъ безъ гнѣва, что Рыцарство и Шляхта противятся Вельможамъ въ семъ избраніи (443). Сеймъ объявилъ тогда Кандидатами: 1) Эрнеста; 2) Фердинанда, брата Максимиліанова; 3) Короля или Принца Шведскаго; 4) Альфонса, Князя Моденскаго. О Царѣ не было слова: ибо онъ не отступился торжественно отъ сдѣланныхъ имъ въ 1574 году предложеній, столь несогласныхъ съ законами Республики, и вторично не разсудилъ за благо прислать знатныхъ, уполномоченныхъ сановникокъ въ Варшаву, довольствуясь угрозами и тайными сношеніями съ нѣкоторыми изъ Пановъ. Между тѣмъ гонцы наши извѣщали его о всѣхъ движеніяхъ Сейма. Іоаннъ изъ Слободскаго Дворца своего видѣлъ игру и бореніе страстей на семъ шумномъ ѳеатрѣ, гдѣ умъ и краснорѣчіе заслуживали рукоплесканіе, а золото и сила рѣшили; гдѣ не только спорили, вопили, но и мечи обнажались, и копья сверкали; гдѣ, отвергнувъ всѣхъ Кандидатовъ, выбрали наконецъ — двухъ Королей: вмѣсто Эрнеста, самого Императора, и Стефана Баторія: имя дотолѣ мало извѣстное, но коему надлежало прославиться въ Исторіи Россійской, къ безславію Іоанна! Г. 1573 — 1577.

Еще въ 1574 году, узнавъ о бѣгствѣ Генрика, Султанъ Селимъ далъ знать Вельможнымъ Панамъ (444), что если Королемъ ихъ будетъ Принцъ Австрійскій, воспитанный въ ненависти къ Оттоманской Имперіи, то война и кровопролитіе неминуемы для обѣихъ Державъ; что Князь Россійскій также опасенъ; что они могутъ возложить вѣнецъ на добродѣтельнѣйшаго изъ Вельможъ, Сендомирскаго Воеводу, или на Короля Шведскаго, или — если хотятъ *лучшаго* — на Князя Седмиградскаго Баторія, мужа знаменитаго разумомъ и великодушіемъ, который принесетъ къ нимъ и счастіе и славу, будучи вѣрнымъ другомъ могущественной Порты. Сіе предложеніе не осталось безъ дѣйствія: ибо Султанъ былъ страшнѣйшимъ изъ враговъ Королевства Польскаго. Въ Варшавѣ, въ Краковѣ говорили о Стефанѣ, обязанномъ своею Княжескою честію и властію не предкамъ, а собственному уму и характеру, избранію Вельможъ и народа Седмиградскаго (445). Въ сей странѣ полудикой, необразованной, населенной людьми грубыми, духа мятежнаго, происхожденія и Закона разнаго, онъ утвердилъ тишину, безопасность, терпимость Вѣръ: исповѣдуя Римскую, пріобрѣлъ любовь и Лютеранъ и Кальвинистовъ; снискалъ довѣренность Султана, и въ тоже время оказывалъ важныя услуги Императору; не менѣе отличался и храбростію, свѣдѣніями въ Наукахъ, краснорѣчіемъ — и самою величественною наружностію: имѣя 42 года отъ рожденія, еще былъ прекраснымъ мужемъ. Однимъ словомъ, усердные къ государственному благу Поляки не могли желать достойнѣйшаго Вѣнценосца. Сторона ихъ усилилась хо-

г.1573 —1577. датайствомъ Вельможи, Самуила Зборовскаго, бывшаго изгнанникомъ въ Трансильваніи, и тамъ облаготвореннаго Стефаномъ. Дѣйствовали и любовь къ отечеству и золото Баторіево; еще болѣе закоренѣлая народная ненависть къ Австрійскому Дому. Сенатъ усердствовалъ Императору и Эрнесту; но въ рѣшительный часъ избранія раздался голосъ: «хотимъ Баторія! онъ дастъ намъ миръ съ Турками и побѣду надъ всѣми иными врагами» ([446])! Шляхта завопила: «Баторія!» Напрасно многіе Вельможи представляли, что онъ есть данникъ невѣрныхъ; что стыдно Христіанской Республикѣ имѣть Главою раба Султанскаго. Коронный Гетманъ, Янъ Замойскій, Епископъ Краковскій и знатная часть Дворянства наименовали Королемъ Седмиградскаго Князя, а Примасъ и Сенаторы Польскіе Максимиліана, стараго, недужнаго, какъ бы для того, чтобы вѣроятною близостію новаго выбора угодить мятежной Шляхтѣ, которая любила законодательствовать на Сеймахъ. Та и другая сторона увѣдомили избраннаго ею о сей чести, и Максимиліанъ, уже съ смертнаго одра, писалъ въ Москву, что онъ Король Польскій. «Радуюсь,» отвѣчалъ Царь: «но Баторій уже въ Краковѣ» ([447])! Онъ дѣйствительно прибылъ туда съ хоругвію Султанскою и съ именемъ Короля, къ искреннему огорченію многихъ Литовскихъ Вельможъ, усердно хотѣвшихъ имѣть Ѳеодора своимъ Государемъ, въ надеждѣ, что сей юный Царевичь, невинный въ жестокостяхъ родителя, будетъ всегда жить въ Литвѣ, приметъ ихъ обычаи и нравы, полюбитъ сію страну единовѣрную какъ второе отечество, утвердитъ ея цѣлость миромъ съ Россіянами, и возвратитъ ей не только Полоцкъ, но, можетъ быть, и Смоленскъ, и всю землю Сѣверскую. «Для чего» — говорили они въ Вильнѣ чиновнику Іоаннову, Бастанову ([448]) — «для чего Іоаннъ не хотѣлъ для себя славы, а для насъ счастія? Для чего Послы его не были на Сеймѣ съ объявленіемъ условій согласныхъ съ истиннымъ благомъ обѣихъ Державъ? Мы не любимъ Цесаря, не терпимъ Баторія, какъ присяжника Селимова.» Нѣкоторые изъ нихъ даже мыслили, что еще не ушло время дѣйствовать; что можно уничтожить беззаконный выборъ двухъ Королей, если Іоаннъ отнесется съ ласкою и съ дарами къ главнымъ Польскимъ Вельможамъ; если наше войско немедленно вступитъ въ Литву... Но Максимиліанъ умеръ (12 Октября 1576), а Баторій сѣлъ на престолѣ въ Краковѣ, давъ торжественное обязательство свято наблюдать договоръ Генриковъ и всѣ уставы Республики, жениться на пятидесятилѣтней сестрѣ Августа-Сигизмунда, Аннѣ, — заключить союзъ съ Оттоманскою Имперіею, смирить Хана, освободить мечемъ или выкупить всѣхъ Христіанскихъ плѣнниковъ въ Тавридѣ, оградить безопасность Государства крѣпостями, всегда лично предводительствовать ратію и снова присоединить къ Литвѣ всѣ ея земли, завоеванныя Царями Московскими, если Сенатъ и народъ хотятъ войны съ Россіею. «Да исчезнетъ боязнь малодушная!» говорилъ онъ: «имѣю дружину опытную, силу въ рукѣ и доблесть въ сердцѣ!» — Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: «да здравствуетъ Король Баторій!»

Избраніе Баторія въ Короли Польскіе.

Іоаннъ казался равнодушнымъ и спокойнымъ. Свѣдавъ, что ѣдутъ къ нему Посланники Стефановы, онъ велѣлъ оказать имъ надлежащую честь. Бояре спрашивали у нихъ о родѣ Баторія; хотѣли знать, какой титулъ даютъ ему въ письмахъ Султанъ, Императоръ и другіе Государи? Посланники отвѣтствовали: «Царь увидитъ титулъ Стефановъ въ его грамотѣ.» Ихъ представили ([449]). Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ; подлѣ него старшій Царевичь; Бояре на скамьяхъ въ Тронной, Дворяне и Дьяки въ сѣняхъ; Дѣти Боярскіе стояли на крыльцѣ и въ переходахъ до Набережной Палаты; близъ сей Палаты, у перилъ и до церкви Благовѣщенія, гости и люди Приказные, всѣ безъ исключенія въ *золотой одеждѣ*; на площади Стрѣльцы съ ружьями. Взявъ грамоту Баторіеву, Царь спросилъ о здоровьѣ Короля, но не звалъ Посланниковъ къ обѣду. Въ письмѣ, учтивомъ и скромномъ, Стефанъ обѣщалъ наблюдать *до урочнаго времени сосѣдственную дружбу*, требуя *вида*, или *опасной грамоты*, для свободнаго проѣзда Великихъ Литовскихъ Пословъ въ Москву; увѣрялъ въ своемъ искреннемъ миролюбіи; жаловался на Максимиліана, который въ досадѣ и ненависти злословилъ его, называлъ данникомъ Турецкимъ, а самъ платилъ Султану въ десять разъ болѣе, и болѣе Седмиградскихъ Князей ему работолѣпствовалъ. Бояре именемъ Государя сказали Посланникамъ, что Король Стефанъ явно идетъ г.1573 —1577.

г.1573 — 1577. на кровопролитіе: ибо 1) въ грамотѣ своей не даетъ Іоанну титула Царскаго, ни Смоленскаго, ни Полоцкаго Князя, какимъ всѣ признаютъ его, кромѣ безсмысленныхъ Ляховъ, именующихъ *Густава* Шведскаго, хотя и не Вѣнценосца, Королемъ; 2) дерзаетъ называть Царя *братомъ* своимъ, будучи Воеводою Седмиградскимъ, подданнымъ Короля Венгерскаго (450), и слѣдственно не выше Князей Острожскихъ, Бѣльскихъ или Мстиславскихъ; 3) величаетъ себя Государемъ Ливонскимъ. Ихъ отпустили съ приказомъ: «если Король желаетъ братства съ Іоанномъ, то долженъ не вступаться въ Ливонію и писать его *Царемъ*, Великимъ Княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ;» но дали имъ *опасную* для Пословъ *грамоту*.

Сіе было въ Ноябрѣ 1576 года. Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову — не имѣя надежды достигнуть цѣли одними угрозами, и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно отдалъ намъ Ливонію, Іоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на Шведскія и Польскія владѣнія въ сей землѣ. Время казалось ему благопріятнымъ: Король Шведскій, въ угодность женѣ своей окруживъ себя Іезуитами, вводя снова Латинскую Вѣру въ семъ Государствѣ, теряя любовь народа, производя мятежи, расколы, не могъ и мыслить тогда о сильномъ сопротивленіи Россіянамъ въ Ливоніи; а Стефанъ воевалъ въ Пруссіи и долженъ былъ заняться кровопролитною осадою бунтующаго Данцига. Ханъ Девлетъ-Гирей, боясь долговременнымъ бездѣйствіемъ заслужить презрѣніе Россіянъ, отважился было (въ 1576 году) явиться въ полѣ съ пятидесятью-тысячами всадниковъ; но съ Молочныхъ Водъ ушелъ назадъ, свѣдавъ, что полки Московскіе стоятъ на берегахъ Оки; что самъ Іоаннъ въ Калугѣ; что Донскіе Козаки въ смѣломъ набѣгѣ взяли Исламъ-Кирмень (451). Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности государственной; умноживъ войско въ крѣпостяхъ юговосточной и западной Россіи, для отраженія Хана и Литвы (452); составивъ, сверхъ того, значительную рать судовую на Волгѣ изъ Двинянъ, Пермичей, Суздальцевъ, чтобы обуздывать мятежную Черемису, Астрахань, Ногаевъ, и вмѣстѣ съ Донскими Козаками дѣйствовать противъ самой Тавриды, Іоаннъ готовился рѣшить судьбу Ливоніи.

Насталъ 1577 годъ, ужаснѣйшій для г.1577. сей земли несчастной, предзнаменованный (какъ думалъ народъ) страшными осенними вѣтрами и неслыханными зимними мятелями, такъ, что море Бальтійское покрылось остатками разбитыхъ кораблей, а берега и пути трупами людей, утопшихъ во глубинѣ водъ и снѣговъ, равно бурныхъ (453). Въ сіе время 50,000 Россіянъ шло отъ Новагорода къ Ревелю, коего граждане тщетно жда- Война Ливонская. ли вспоможенія моремъ, изъ Финляндіи, Швеціи, Любека: корабли съ запасами и съ воинами тонули, или, уступая силѣ противныхъ вѣтровъ, обращались назадъ. Все было въ ожиданіи и въ страхѣ; а Король Шведскій, какъ бы въ шутку, писалъ къ Іоанну, что имъ нѣтъ никакой причины воевать другъ съ другомъ; что Швеція продаетъ Ревель Нѣмецкому Императору, и что Царь, желая имѣть сей городъ, можетъ требовать его отъ наслѣдника Максиміліанова (454)!

Но Ревельцы ободряли себя воспоминаніемъ 1571 года — то есть, Магнусова бѣгства отъ ихъ стѣнъ — и подъ начальствомъ Шведскаго Генерала Горна встрѣтили Россіянъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Первыми Воеводами Царскими были юный Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій и старшій изъ Московскихъ Полководцевъ, Иванъ Васильевичь Меньшій Шереметевъ, который далъ слово Государю взять Ревель или положить тамъ свою голову (455). Тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ управлялъ Князь Никита Пріимковъ-Ростовскій, имѣя многихъ пушкарей Нѣмецкихъ и Шотландскихъ. 23 Генваря началась осада, 27 пальба изо всѣхъ нашихъ укрѣпленій — и продолжалась недѣль шесть безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Церкви, домы загарались; но граждане тушили огонь, отвѣтствовали на пальбу пальбою и въ частыхъ вылазкахъ иногда одерживали верхъ, такъ, что число Россіянъ, отъ битвъ, холода и болѣзней, значительно уменьшалось. Шереметевъ сдержалъ слово: не взялъ Ревеля, но положилъ свою голову, убитый ядромъ пушечнымъ. Тѣло сего храбраго Воеводы отвезли въ Москву (456) вмѣстѣ съ добычею и плѣнниками, Эстонскими и *Финляндскими*: ибо Князь Мстиславскій, не смотря на заключенное двулѣтнее перемиріе съ Финляндіею, посылалъ Татарскую конницу, черезъ ледъ залива, опустошать сію

г. 1577. землю. Для устрашенія Ревельцевъ и для ободренія своихъ, Воеводы Московскіе распускали слухъ, что самъ Государь къ нимъ ѣдетъ; но первые знали (отъ измѣнника, Мурзы Булата, ушедшаго изъ стана въ крѣпость), что Царь въ Москвѣ; что въ Полководцахъ нашихъ нѣтъ бодрости, а въ воинахъ нѣтъ довѣренности къ Полководцамъ — и съ гордостію отвергали всѣ миролюбивыя предложенія Мстиславскаго. 13 Марта Россіяне зажгли станъ, наполненный трупами, и велѣвъ сказать гражданамъ, что прощаются съ ними не на-долго, удалились (457).

Слѣдствіемъ сего вторичнаго торжества Ревельцевъ было опустошеніе всѣхъ Іоанновыхъ владѣній въ Ливоніи: не только Шведы и Нѣмцы, но и самые Эстонскіе крестьяне вездѣ нападали на малочисленныхъ Россіянъ. Явился витязь, сынъ Ревельскаго монетчика, Ивъ Шенкенбергъ, прозванный Аннибаломъ за смѣлость: предводительствуя толпами вооруженныхъ земледѣльцевъ, онъ взялъ Виттенштейнъ, сжегъ Пернау, ограбилъ нѣсколько городковъ и зáмковъ въ Ервенѣ, въ Вирландіи, близъ Дерпта; злодѣйски мучилъ, убивалъ нашихъ плѣнниковъ (458), и тѣмъ возбудилъ жестокую месть, которая скоро пала на Ливонію: ибо войско, столь неудачно осаждавшее Ревель, было только нашимъ передовымъ отрядомъ.

Іоаннъ весною съ обоими сыновьями прибылъ въ Новгородъ (459): тамъ и во Псковѣ соединились всѣ ратныя силы его обширнаго Царства, всѣхъ земель и городовъ, южныхъ и полунощныхъ, Христіанскихъ и невѣрныхъ, съ береговъ моря Каспійскаго и Сѣвернаго, Черкасы и Ногаи, Мордва и Татары, Князья, Мурзы, Атаманы — наконецъ всѣ Воеводы, кромѣ Сторожевыхъ, оставленныхъ блюсти границу отъ Днѣпра до Воронежа. Подъ Іоанномъ начальствовалъ бывшій Царь Касимовскій, Саинъ-Булатъ, который тогда, уже будучи Христіаниномъ, именовался *Симеономъ, Великимъ Княземъ Тверскимъ* (460). Князья Иванъ Шуйскій, Василій Сицкій, Шейдяковъ, Ѳедоръ Мстиславскій и Бояринъ Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ предводительствовали особенными полками. Давно Россія не видала такого сильнаго войска. Всѣ думали, что оно устремится на Ревель. «Мужайтесь снова,» писали къ его гражданамъ Рижане, отправивъ къ нимъ суда съ хлѣбомъ и воинскими снарядами: г. 1577. «готовьтесь къ третьей, ужаснѣйшей бурѣ — и въ третій разъ да спасетъ васъ Господь отъ злочестиваго тирана (461)!» 15 Іюня выѣхавъ изъ Новагорода, Царь около мѣсяца жилъ во Псковѣ, гдѣ явился къ нему и Магнусъ, уже съ трепетомъ, уже вѣроломный, какъ увидимъ; но еще Царь не зналъ сего тайнаго коварства и велѣлъ ему съ его Нѣмецкою дружиною итти къ Вендену, а самъ, 25 Іюля, вступилъ въ южную Ливонію, къ изумленію Поляковъ, которые тамъ господствовали, считая себя въ мирѣ съ Россіею. Такимъ образомъ началася война Іоаннова съ Баторіемъ, столь важная послѣдствіями! Главный Воевода Стефановъ, Хоткѣвичь, ни мало не готовый къ оборонѣ, бѣжалъ: за нимъ и другіе. Царь въ нѣсколько дней взялъ Маріенгаузенъ, Лунценъ, Розиттенъ, Дюнебургъ, Крейцбургъ, Лаудонъ; защитники ихъ, Поляки и Нѣмцы, не обнажили меча, требуя милосердія: которые сдавались безъ размышленія, тѣхъ выпускали свободными; которые медлили, тѣхъ брали въ плѣнъ (462). До основанія разоривъ Лаудонъ, а всѣ другія крѣпости занявъ Московскими дружинами, Іоаннъ отрядилъ Воеводу Ѳому Бутурлина къ городу Зесвегену, гдѣ начальствовалъ братъ измѣнника Таубе. Россіяне овладѣли посадомъ; но Бутурлинъ извѣстилъ Царя, что Нѣмцы, отвергнувъ милость, *сѣли на смерть* въ крѣпости. Государь пришелъ самъ и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ: стѣны пали, а съ ними и Нѣмцы къ ногамъ его. 21 Августа. Уже не было милости: знатнѣйшихъ изъ нихъ посадили на колъ; другихъ продали Татарамъ въ неволю. Берсонъ, Кальценау покорились безъ условія: Іоаннъ отпустилъ всѣхъ тамошнихъ Нѣмцевъ, съ женами и дѣтьми, въ Курляндію. — Съ другой стороны Магнусъ также бралъ города, не силою, а добровольно. «Хотите ли спасти жизнь, свободу, достояніе?» писалъ онъ къ Ливонцамъ: «покоритесь мнѣ, или увидите надъ собою мечь и оковы въ рукахъ Москвитянъ.» Всѣ съ радостію признавали его Королемъ, на условіяхъ выгодныхъ для ихъ безопасности, и въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ грозы Іоанновой. Магнусъ, безъ вѣдома Государева, занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Роннебургъ и многія иныя крѣпости; наконецъ Венденъ и Вольмаръ, гдѣ граждане выдали ему Воеводу Стефанова,

г. 1577. Князя Александра Полубенскаго. Съ легкомысленною гордостію извѣстивъ Царя о сихъ успѣхахъ, онъ требовалъ, чтобы Россіяне не безпокоили Ливонцевъ, уже вѣрныхъ законному Королю своему, и въ числѣ городовъ, ему подвластныхъ, называлъ даже самый Юрьевъ или Дерптъ. Іоаннъ изумился!

Мы видѣли, что Царь, избравъ Магнуса въ орудіе нашей Политики, не ослѣплялся излишнею къ нему довѣренностію; помнилъ измѣну Таубе и Крузе; зналъ, что союзъ родственный не есть надежное ручательство въ усердіи властолюбиваго. Онъ конечно не оставилъ безъ вниманія и не забылъ слуховъ о тайныхъ Магнусовыхъ сношеніяхъ съ Панами (463); но молчалъ, скрывалъ подозрѣніе до сего времени: тутъ закипѣлъ гнѣвомъ; устремился къ Кокенгузену; велѣлъ умертвить тамъ 50 Нѣмцевъ Магнусовой дружины и всѣхъ жителей продать въ неволю (464); а къ зятю написалъ слѣдующее: «*Гольдовнику* нашему, Магнусу Королю. Я отпустилъ тебя изо Пскова съ дозволеніемъ занять единственно Венденъ . . . . а ты, слѣдуя внушеніямъ злыхъ людей или собственной безразсудности, хочешь всего! Знай, что мы не далеко другъ отъ друга. Управа легка: имѣю воиновъ и сухари; а болѣе мнѣ ничего ненадобно. Или слушайся, или — если ты не доволенъ городами, мною тебѣ данными — иди за море въ свою землю. Могу отправить тебя и въ Казань; а Ливонію очищу и безъ твоего содѣйствія.» Пославъ Воеводъ своихъ въ Ашераденъ, Ленвардъ, Шваненбургъ, Тирсенъ, Пебальге, Царь два дни отдыхалъ въ Кокенгузенѣ, гдѣ, любя прѣнія Богословскія, мирно бесѣдовалъ съ главнымъ Пасторомъ о Вѣрѣ Евангелической, но едва было не предалъ его казни за нескромное сравненіе Лютера съ Апостоломъ Павломъ (465). Узнавъ, что крѣпости южной Ливоніи не противятся нашему войску, онъ выступилъ къ Эрлѣ, плѣнилъ всѣхъ ея жителей, за то, что они не вдругъ сдалися, и спѣшилъ къ Вендену. Въ тоже время Богданъ Бѣльскій съ Московскими Стрѣльцами окружилъ Вольмаръ, гдѣ начальствовалъ сановникъ Магнусовъ, Георгъ Вильке. Сія крѣпость считалась одною изъ важнѣйшихъ. Вильке не хотѣлъ впустить Россіянъ, отвѣтствуя, что она *взята Королевскою саблею;* но видя изготовленія къ приступу, выѣхалъ къ нашему Воеводѣ и сказалъ: «Знаю, что мой Король присяжникъ Царя: г. 1577. удерживаюсь отъ кровопролитія. Возмите городъ: ѣду къ Магнусу.» Его послали къ Іоанну съ двадцатью Нѣмцами, а другихъ Магнусовыхъ людей, числомъ семдесятъ, изрубили; купцевъ и всѣхъ жителей оковали; ихъ имѣніе и домы опечатали. Въ знакъ своего особеннаго удовольствія Іоаннъ наградилъ Бѣльскаго золотою цѣпью, а бывшихъ съ нимъ Дворянъ золотыми медалями.

Въ Венденѣ находился самъ Магнусъ, который не хотѣлъ ѣхать къ Царю на встрѣчу, но, исполняя волю его, прислалъ къ нему Воеводу Стефанова, Князя Полубенскаго, и двухъ знатныхъ сановниковъ съ извиненіями. Обласкавъ 31 Августа. Измѣна Магнусова. перваго, Іоаннъ, какъ пишутъ, вывѣдалъ отъ него важную тайну: узналъ вѣроломство своего присяжника; узналъ, что Магнусъ сносится съ Герцогомъ Курляндскимъ и мыслитъ покориться съ Ливонскими городами Баторію, внутренно ненавидя Россіянъ или Царя ихъ (466). Что заставило сего Воеводу Стефанова измѣнить довѣренности Магнуса? желаніе ли отмстить ему за бунтъ Вольмарскихъ жителей? малодушный ли страхъ? неожидаемая ли милость Іоаннова? Какъ бы то ни было, Царь могъ законно казнить измѣнника, могъ предаться естественному, праведному гнѣву — но, умѣя иногда обуздывать себя, хладнокровно велѣлъ двухъ Пословъ Магнусовыхъ высѣчь розгами и сказать ему, чтобы онъ немедленно явился въ нашемъ станѣ. Магнусъ трепеталъ; не смѣлъ ослушаться, и съ двадцатью-пятью чиновниками поѣхалъ на страшный судъ; увидѣлъ Іоанна, сошелъ съ коня, палъ къ ногамъ Царскимъ. Іоаннъ поднялъ его, и говорилъ такъ, болѣе съ презрѣніемъ, нежели съ гнѣвомъ: «Глупецъ! ты дерзнулъ мечтать о Королевствѣ Ливонскомъ? ты, бродяга, нищій, принятый въ мое семейство, женатый на моей возлюбленной племянницѣ, одѣтый, обутый мною, надѣленный казною и городами — ты измѣнилъ мнѣ, своему Государю, отцу, благодѣтелю? Дай отвѣтъ! Сколько разъ слышалъ я о твоихъ замыслахъ гнусныхъ? но не вѣрилъ, молчалъ. Нынѣ все открылось. Ты хотѣлъ обманомъ взять Ливонію и быть слугою Польскимъ. Но Господь милосердый сохранилъ меня и предаетъ тебя въ мои руки. И такъ будь жертвою правосудія: возврати мое, и снова пресмыкайся въ ничтожествѣ» (467)! — Магнуса со всѣми его чиновни-

г. 1577. ками заперли въ одномъ пустомъ, ветхомъ домѣ, гдѣ онъ нѣсколько дней и ночей провелъ на соломѣ. Между тѣмъ что дѣлалось въ Венденѣ?

Россіяне безъ сопротивленія вступили въ городъ. Воеводы, Князь Голицынъ и Салтыковъ, не велѣли имъ трогать жителей; вездѣ поставили крѣпкую стражу; очистили домы для Государя и Бояръ. Все казалось мирно и тихо. Но Магнусовы Нѣмцы, боясь свирѣпости Іоанновой, съ женами, съ дѣтьми, съ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ укрылись въ замкѣ, и не отворяли его. Россіяне хотѣли употребить силу: Нѣмцы начали стрѣлять, убили многихъ Дѣтей Боярскихъ, ранили Воеводу Салтыкова; не слушались даже и Магнуса, который приказывалъ имъ сдаться. Узнавъ о томъ, гнѣвный Царь велѣлъ знатнаго плѣнника, Георга Вильке, посадить на колъ, пушками разбить замокъ, умертвить всѣхъ Нѣмцевъ. Три дни громили стѣны: онѣ валились; не было спасенія для осажденныхъ (468). Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Умремъ, если такъ угодно Богу; но не дадимъ себя тирану на муки. Подорвемъ замокъ!» Всѣ изъявили согласіе, даже и Пасторы, съ ними бывшіе. Наполнили порохомъ своды древняго Магистерскаго дома; причастились Святыхъ Таинъ; стали на колѣна, рядомъ, семействами: мужья съ женами, матери съ дѣтьми; молились усердно — и видя стремящихся къ нимъ Россіянъ, дали знакъ: сановникъ Магнусовъ, Генрикъ Бойсманъ, бросилъ въ окно горящій фитиль на кучу пороха . . . . съ ужаснымъ трескомъ взлетѣло зданіе. Всѣ погибли, кромѣ Бойсмана, оглушеннаго ударомъ, изувѣченнаго, но еще живаго, найденнаго въ развалинахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ испустилъ духъ, и мертвый былъ посаженъ на колъ! Страшная месть пала и на мирныхъ жителей: мучили и казнили, сѣкли и жгли ихъ, на улицахъ безчестили женъ и дѣвицъ (469). Трупы лежали вокругъ города непогребенные. Однимъ словомъ, сія *Венденская кара* принадлежитъ къ ужаснѣйшимъ подвигамъ Іоаннова тиранства: она удвоила ненависть Ливонцевъ къ Россіянамъ.

12 Сентября. Оттуда Царь пошелъ къ Роннебургу, Трикату, Шмильтену; сіи крѣпости, занятыя Литовцами, ему не противились. Начальники мирно встрѣчали его, довольные свободою возвратиться въ отечество, безъ оружія и безъ имѣнія; а Нѣмцевъ съ женами и съ дѣтьми брали въ плѣнъ (470). Оставалось только взять Ригу; но предвидя осаду кровопролитную, Іоаннъ спѣшилъ въ Вольмаръ, торжествовать свои побѣды; далъ великолѣпный пиръ Воеводамъ Россійскимъ и знатнымъ Литовскимъ освобожденнымъ плѣнникамъ; въ особенности ласкалъ Князя Александра Полубенскаго; одарилъ ихъ шубами и кубками; сказалъ имъ гордо: «Идите къ Королю Стефану; убѣдите его заключить миръ со мною на условіяхъ, мнѣ угодныхъ: ибо рука моя *высока!* Вы видѣли: да знаетъ и онъ» (471)! . . . . Вольмаръ напомнилъ Іоанну бѣглеца Курбскаго: онъ написалъ къ нему письмо такого содержанія (и вручилъ оное Князю Полубенскому для доставленія): «Мы, Великій Государь всея Россіи, къ бывшему Московскому Боярину (472). . . . Смиреніе да будетъ въ сердцѣ и на языкѣ моемъ. Вѣдаю свои беззаконія, уступающія только милосердію Божію: оно спасетъ меня, по слову Евангельскому, что Господь радуется о единомъ кающемся грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Сія пучина благости потопитъ грѣхи мучителя и блудника! . . . . Нѣтъ, не хвалюся честію: честь не моя, а Божія. . . . Смотри, о Княже! судьбы Всевышняго. Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хотѣли владѣть Государствомъ . . . . и гдѣ же нынѣ? Вы, сверженные правосудіемъ, кипя яростію, вопили, что не осталось мужей въ Россіи; что она безъ васъ уже безсильна и беззащитна: но васъ нѣтъ, а тверди Нѣмецкія пали предъ силою Креста Животворящаго! Мы тамъ, гдѣ вы не бывали. . . . Нѣтъ, ты былъ здѣсь, но не въ славѣ побѣды, а въ стыдѣ бѣгства, думая, что ты уже далеко отъ Россіи, въ убѣжищѣ безопасномъ для измѣны, недоступномъ для ея мстителей. Здѣсь ты изрыгалъ хулы на Царя своего; но здѣсь нынѣ Царь, здѣсь Россія! . . . Чѣмъ виновенъ я предъ вами? Не вы ли, отнявъ у меня супругу милую, сдѣлались истинными виновниками моихъ человѣческихъ слабостей? Говорите о лютости Царя, хотѣвъ лишить его и престола и жизни! Войною ли, кровію ли пріобрѣлъ я Государство, бывъ Государемъ еще въ колыбели? И Князь Владиміръ, любезный вамъ измѣнникамъ, имѣлъ ли право на Державу, не только по своему роду, но и по личному достоинству, Князь равно безсмысленный и неблагодарный, вашими отцами ввергнутый въ темницу, и мною освобожденный (473)? Я сто-

Письмо къ Курбскому.

г. 1577.

г. 1577. ялъ за себя; остервененіе злодѣевъ требовало суда неумолимаго. . . . Но не хочу многословія; довольно и сказаннаго. Дивися промыслу Небесному; войди въ себя; разсуди о дѣлахъ своихъ! Не гордость велитъ мнѣ писать къ тебѣ, а любовь Христіанская, да воспоминаніемъ исправишься, и да спасется душа твоя.»— Сіе мнимое *смиреніе* конечно не исправило и не обмануло измѣнника, но могло растравить язву сердца его, къ удовольствію мстительнаго Царя. Курбскій, также мстительный, ждалъ благопріятнаго времени для отвѣта: оно приближалось!

Доселѣ Іоаннъ бралъ, что хотѣлъ; свирѣпствовалъ, казнилъ Ливонію безпрепятственно; смѣялся надъ слабостію враговъ; съ надменностію воображалъ ужасъ, отчаяніе Королей Шведскаго и Польскаго; думалъ, что оружіе уже все рѣшило; что остальное прибавятъ договоры сильнаго съ безсильными. Отрядивъ часть конницы къ Ревелю для новаго опустошенія Шведскихъ владѣній, разставивъ войско по городамъ, ввѣривъ оное Великому Князю Тверскому Симеону, Князьямъ Ивану Шуйскому и Василію Сицкому, Царь поѣхалъ въ Дерптъ. За нимъ везли измѣнника Магнуса и знатныхъ Дворянъ его, которые ежечасно ждали смерти; но Іоаннъ, не уважая законовъ государственной нравственности, государственнаго неумолимаго правосудія, умѣлъ быть снисходительнымъ къ измѣнѣ для выгодъ Политики. Такъ онъ, будучи въ Дюнсбургѣ, *милостиво* сносился съ бѣглецами Крузе и Таубе: ибо сіи вѣроломные, видя успѣхи его, дерзнули снова предложить ему свои услуги, искренно или коварно, съ обѣщаніемъ способствовать намъ въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ([474]). Такъ Іоаннъ, къ общему удивленію, простилъ и Магнуса въ Дерптѣ, взявъ съ него клятву въ вѣрности, съ обязательствомъ заплатить Россіи 40,000 Венгерскихъ гульденовъ; возвратилъ ему свободу и владѣніе, Оберпаленъ, Каукусъ; еще прибавилъ къ симъ городамъ Гельметъ, Зигесвальде, Розенбергъ и другіе([475]); оставилъ Магнусу имя Короля, а себѣ Верховнаго Повелителя Ливоніи, и велѣлъ тамъ изобразить въ церквахъ слѣдующую надпись, худыми Нѣмецкими стихами, имъ самимъ, какъ увѣряютъ, сочиненными: «Есмь Іоаннъ, Государь многихъ земель, исчисленныхъ въ моемъ титулѣ. Исповѣдаю Вѣру предковъ своихъ, истинно Христіанскую, по ученію Св. Апостола Павла, вмѣстѣ съ добрыми Москвитянами. Я ихъ Царь природный: не вымолилъ, не купилъ сего титула; а мой Царь есть Іисусъ Христосъ» ([476]). — Изъ Дерпта пріѣхавъ во Псковъ, Іоаннъ осмотрѣлъ всѣхъ плѣнниковъ Ливонскихъ ([477]), нѣкоторыхъ освободилъ, другихъ скованныхъ послалъ въ Москву, и самъ, какъ бы утружденный великими подвигами, спѣшилъ отдохнуть въ уединеніи Слободы Александровской. г. 1577.

Здѣсь конецъ нашихъ воинскихъ успѣховъ въ Ливоніи, хотя и не весьма важныхъ для потомства, но знаменитыхъ, блестящихъ для тогдашнихъ Россіянъ, которые славились взятіемъ *двадцати семи городовъ* въ два или три мѣсяца. Увидимъ жестокій оборотъ Судьбы, злополучіе отечества и стыдъ Царя; увидимъ новое доказательство, что малодушіе свойственно тирану: ибо бѣдствія для него казнь, а не искушеніе, и довѣренность къ Провидѣнію столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и довѣренность къ народному усердію! . . Но прежде описанія войны, какой дотолѣ мы не имѣли, въ послѣдній разъ еще явимъ Іоанна губительнымъ Ангеломъ Тмы для Россіянъ, обагреннымъ святою кровію невинности.

Уже не было имени Опричниковъ, но жертвы еще падали, хотя и рѣже, менѣе числомъ; тиранство казалось утомленнымъ, дремлющимъ, только отъ времени до времени пробуждаясь. Еще великое имя вписалось въ огромную книгу убійствъ сего царствованія смертоноснаго. Первый изъ Воеводъ Россійскихъ, первый *Слуга Государевъ* — тотъ, кто въ славнѣйшій часъ Іоанновой жизни прислалъ сказать ему: *Казань наша*; кто, уже гонимый, уже знаменованный опалою, безчестіемъ ссылки и темницы, сокрушилъ Ханскую силу на берегахъ Лопасни, и еще принудилъ Царя изъявить ему благодарность отечества за спасеніе Москвы — Князь Михаилъ Воротынскій, чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ своего торжества, былъ преданъ на смертную муку, обвиняемый рабомъ его въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ свиданіяхъ съ злыми вѣдьмами, и въ умыслѣ извести Царя ([478]): доносъ нелѣпый, обыкновенный въ сіе время, и всегда угодный тирану! Мужа славы и доблести привели къ Царю окованнаго. Услышавъ обвиненіе, увидѣвъ доносителя, Воротынскій сказалъ тихо: «Государь! Шестая эпоха казней.

г. 1577. дѣдъ, отецъ мой учили меня служить ревностно Богу и Царю, а не бѣсу; прибѣгать въ скорбяхъ сердечныхъ къ Олтарямъ Всевышняго, а не къ вѣдьмамъ. Сей клеветникъ есть мой рабъ бѣглый, уличенный въ татьбѣ: не вѣрь злодѣю.» Но Іоаннъ хотѣлъ вѣрить, доселѣ щадивъ жизнь сего *послѣдняго* изъ вѣрныхъ друзей Адашева, какъ бы невольно, какъ бы для того, чтобы имѣть хотя единаго побѣдоноснаго Воеводу на случай чрезвычайной опасности. Опасность миновалась — и шестидесятилѣтняго Героя связаннаго положили на дерево между двумя огнями; жгли, мучили. Увѣряютъ, что самъ Іоаннъ кровавымъ жезломъ своимъ пригребалъ пылающіе уголья къ тѣлу страдальца. Изожженнаго, едва дышущаго взяли и повезли Воротынскаго на Бѣлоозеро: онъ скончался въ пути. Знаменитый прахъ его лежитъ въ Обители Св. Кирилла. «О мужъ великій!» пишетъ несчастный Курбскій (479): «мужъ крѣпкій душею и разумомъ! священна, незабвенна память твоя въ мірѣ! Ты служилъ отечеству неблагодарному, гдѣ добродѣтель губитъ и слава безмолвствуетъ; но есть потомство, и Европа о тебѣ слышала: знаетъ, какъ ты своимъ мужествомъ и благоразуміемъ истребилъ воинство невѣрныхъ на поляхъ Московскихъ, къ утѣшенію Христіанъ и къ стыду надменнаго Султана! Пріими же здѣсь хвалу громкую за дѣла великія, а тамъ, у Христа Бога нашего, вѣчное блаженство за неповинную муку!» — Знатный родъ Князей Воротынскихъ, потомковъ Св. Михаила Черниговскаго, уже давно пресѣкся въ Россіи (480): имя Князя Михаила Воротынскаго сдѣлалось достояніемъ и славою нашей Исторіи.

Вмѣстѣ съ нимъ замучили Боярина-Воеводу, Князя Никиту Романовича Одоевскаго, брата злополучной Евдокіи, невѣстки Іоанновой (481), уже давно обреченнаго на гибель мнимымъ преступленіемъ зятя и сестры; но тиранъ любилъ иногда отлагать казнь, хваляся долготерпѣніемъ, или наслаждаясь долговременнымъ страхомъ, трепетомъ сихъ несчастныхъ! Тогда же умертвили стараго Боярина, Михайла Яковлевича Морозова, съ двумя сыновьями и съ супругою Евдокіею, дочерью Князя Димитрія Бѣльскаго, славною благочестіемъ и святостію жизни (482). Сей мужъ прошелъ невредимо сквозь всѣ бури Московскаго Двора; устоялъ въ превратностяхъ мятежнаго господства Бояръ, г. 1577. любимый и Шуйскими и Бѣльскими и Глинскими; на первой свадьбѣ Іоанновой, въ 1547 году, былъ Дружкою, слѣдственно ближнимъ Царскимъ человѣкомъ; высился и во время Адашева, опираясь на достоинства; служилъ въ Посольствахъ и воинствахъ, управлялъ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Казанской осадѣ; не вписанный въ Опричнину, не являлся на кровавыхъ пирахъ съ Басмановыми и съ Малютою, но еще умомъ и трудами содѣйствовалъ благу государственному; наконецъ палъ въ чреду свою, какъ противный остатокъ, какъ ненавистный памятникъ временъ лучшихъ. — Такъ же палъ (въ 1575 году) старый Бояринъ, Князь Петръ Андреевичь Куракинъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Воеводъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, вмѣстѣ съ Бояриномъ Иваномъ Андреевичемъ Бутурлинымъ, который, переживъ гибель своихъ многочисленныхъ единородцевъ, умѣвъ снискать даже особенную милость Іоаннову (483), не избавился опалы ни заслугами, ни искусствомъ придворнымъ. Въ сей годъ и въ слѣдующіе два казнили Окольничихъ: Петра Зайцева, ревностнаго Опричника; Григорія Собакина, дядю умершей Царицы Марѳы; Князя Тулупова, Воеводу *Двороваго*, слѣдственно любимца Государева, и Никиту Борисова; Крайчаго, Іоаннова шурина, Марѳина брата, Калиста Васильевича Собакина, и Оружничаго, Князя Ивана Девételевича (484). Не знаемъ вины ихъ, или, лучше сказать, предлога казни. Видимъ только, что Іоаннъ не измѣнялъ своему *правилу смѣшенія* въ губительствѣ: довершая истребленіе Вельможъ старыхъ, осужденныхъ его Политикою, *безпристрастно* губилъ и новыхъ; карая добродѣтельныхъ, каралъ и злыхъ. Такъ онъ, въ сіе же время, велѣлъ умертвить Псковскаго Игумена Корнилія, мужа святаго, — смиреннаго ученика его, Вассіана Муромцева, и Новогородскаго Архіепископа, Леонида, Пастыря недостойнаго, алчнаго корыстолюбца: первыхъ какимъ-то мучительскимъ орудіемъ раздавили; послѣдняго обшили въ медвѣжью кожу и затравили псами (485)!... Тогда уже ничто не изумляло Россіянъ: тиранство притупило чувства... Пишутъ, что Корнилій оставилъ для потомства исторію своего времени, изобразивъ въ ней бѣдствія отечества, мятежъ, раздѣленіе

г. 1577. Царства и гибель народа, отъ гнѣва Іоаннова, глада, мора и нашествія иноплеменниковъ.

Здѣсь Курбскій повѣствуетъ еще о гибели добродѣтельнаго Архимандрита Ѳеодорита. Сей мужъ, бывъ Инокомъ Соловецкой Обители, другомъ Св. Александра Свирскаго и знаменитаго Старца Порфирія, гонимаго отцемъ Іоанновымъ за смѣлое ходатайство о несчастномъ Князѣ Шемякинѣ (486), имѣлъ славу крестить многихъ дикихъ Лопарей; не убоялся пустынь снѣжныхъ; проникъ во глубину мрачныхъ, хладныхъ лѣсовъ, и возвѣстилъ Христа Спасителя на берегахъ Туломы; узнавъ языкъ жителей, истолковалъ имъ Евангеліе, изобрѣлъ для нихъ писмена, основалъ монастырь близъ устья Колы, училъ, благотворилъ, подобно Св. Стефану Пермскому, и съ сердечнымъ умиленіемъ видѣлъ ревность сихъ мирныхъ, простодушныхъ людей къ Вѣрѣ истинной. Въ 1560 году, по волѣ Іоанна, онъ ѣздилъ въ Константинополь, и привезъ ему отъ тамошняго Греческаго Духовенства *благословеніе на санъ Царскій* вмѣстѣ *съ древнею книгою вѣнчанія* Императоровъ Византійскихъ (487). Послѣ того жилъ въ Вологдѣ, въ монастырѣ Св. Димитрія Прилуцкаго, и не смотря на старость, часто бывалъ въ своей любимой Кольской Обители, у новыхъ Христіанъ Лапландскихъ; ѣздилъ изъ пустыни въ пустыню, лѣтомъ рѣками и моремъ, зимою на оленяхъ; находилъ вездѣ любовь къ нему и вниманіе къ его ученію. Всѣми уважаемый, и самимъ Царемъ, Ѳеодоритъ возбудилъ гнѣвъ Іоанновъ дружбою къ Князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностнаго Христіанскаго Пастыря: дерзнулъ напомнить Государю о жалостной судьбѣ знаменитаго бѣглеца, столь же несчастнаго, сколь и виновнаго; дерзнулъ говорить о прощеніи. Ѳеодорита утопили въ рѣкѣ, по сказанію нѣкоторыхъ; другіе увѣряли, что онъ хотя и заслужилъ опалу, но мирно преставился въ уединеніи (488).

Мѣстничества. Не щадя ни добродѣтели, ни святости, — требуя во всемъ повиновенія безмолвнаго, Іоаннъ въ тоже время съ удивительнымъ хладнокровіемъ терпѣлъ непрестанныя *мѣстничества* нашихъ Воеводъ, которые въ семъ случаѣ не боялись изъявлять самаго дерзкаго упрямства: молча видѣли казнь своихъ ближнихъ; молча склоняли голову подъ сѣкиру палачей: но не слушались Царя, когда онъ назначалъ имъ г. 1577. мѣста въ войскѣ не по ихъ родовому старѣйшинству. На примѣръ: чей отецъ или дѣдъ воеводствовалъ въ *Большомъ Полку*, тотъ уже не хотѣлъ зависѣть отъ Воеводы, коего отецъ или дѣдъ начальствовалъ единственно въ *Передовомъ* или въ *Сторожевомъ*, въ *Правой* или въ *Лѣвой Рукѣ* (489). Недовольный отсылалъ Указъ Государевъ назадъ съ жалобою, требуя суда. Царь справлялся съ Книгами Розрядными и рѣшилъ тяжбу о старѣйшинствѣ, или, въ случаяхъ важныхъ, отвѣтствовалъ: «*быть Воеводамъ безъ мѣстъ;* каждому оставаться на своемъ, впредь до разбора.» Но время дѣйствовать уходило, ко вреду Государства, и виновникъ не подвергался наказанію. Сіе мѣстничество оказывалось и въ службѣ придворной: любимецъ Іоанновъ, Борисъ Годуновъ, новый Крайчій, (въ 1578 году) судился съ Бояриномъ, Княземъ Василіемъ Сицкимъ, котораго сынъ не хотѣлъ служить на-ряду съ нимъ за столомъ Государевымъ; не смотря на Боярское достоинство Князя Василія, Годуновъ Царскою грамотою былъ объявленъ выше его *многими мѣстами*, для того, что дѣдъ Борисовъ въ старыхъ Розрядахъ стоялъ выше Сицкихъ (490). — Дозволяя Воеводамъ спорить о первенствѣ, Іоаннъ не спускалъ имъ оплошности въ ратномъ дѣлѣ: на примѣръ, знатнаго сановника, Князя Михаила Ноздроватаго, *высѣкли на конюшнѣ* за худое распоряженіе при осадѣ Шмильтена (491).

«Но сіи люди» — пишетъ Историкъ Ливонскій — «ни отъ казней, ни отъ безчестія не слабѣли въ усердіи къ ихъ Монарху. Представимъ достопамятный случай (492). Чиновникъ Іоанновъ, Князь Сугорскій, посланный (въ 1576 году) къ Императору Максимиліану, занемогъ въ Курляндіи. Герцогъ, изъ уваженія къ Царю, нѣсколько разъ навѣдывался о больномъ чрезъ своего Министра, который всегда слышалъ отъ него сіи слова: *жизнь моя ничто: лишь бы Государь нашъ здравствовалъ!* Министръ изъявилъ ему удивленіе. *Какъ можете вы* — спросилъ онъ — *служить съ такою ревностію тирану?* Князь Сугорскій отвѣтствовалъ: *Мы Русскіе преданы Царямъ, и милосердымъ и жестокимъ.* Примѣръ вѣрности. Въ доказательство больный разсказалъ ему, что Іоаннъ не за-долго предъ тѣмъ велѣлъ, за малую вину, одного изъ

г. 1577. знатныхъ людей посадить на колъ; что сей несчастный жилъ цѣлыя сутки, въ ужасныхъ мукахъ говорилъ съ своею женою, съ дѣтьми, и безпрестанно твердилъ: *Боже! помилуй Царя!»* . . . То есть, Россіяне славились тѣмъ, чѣмъ иноземцы укоряли ихъ: слѣпою, неограниченною преданностію къ Монаршей волѣ въ самыхъ ея безразсудныхъ уклоненіяхъ отъ государственныхъ и человѣческихъ законовъ.

Въ сіи годы необузданность Іоаннова явила новый соблазнъ въ преступленіи святыхъ уставовъ Церкви, съ безстыдствомъ неслыханнымъ. Царица Анна скоро утратила нѣжность супруга, своимъ ли безплодіемъ, или единственно по тому, что его любострастіе, обманывая законъ и совѣсть, искало новыхъ предметовъ наслажденія: сія злосчастная, какъ нѣкогда Соломонія, должна была отказаться отъ свѣта, заключилась въ монастырѣ Тихвинскомъ, и названная въ Монашествѣ или въ Схимѣ Даріею, жила тамъ до 1626 года (493); а г. 1577. Царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословенія отъ Епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія женился (около 1575 года) въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой (494). Но не знаемъ, далъ ли онъ ей имя Царицы, торжественно ли вѣнчался съ нею: ибо въ описаніи его бракосочетаній нѣтъ сего *пятаго;* не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при Дворѣ, въ чинахъ, между Царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской дѣвичьей Обители, тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонія. *Шестою* Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, *женищемъ* — была прекрасная вдова, Василисса Мелентьева: онъ, безъ всякихъ иныхъ священныхъ обрядовъ, *взялъ только молитву* для сожитія съ нею! Увидимъ, что симъ не кончились беззаконныя женитьбы Царя, ненасытнаго въ убійствахъ и въ любострастіи!

Пятое и шестое супружество Іоанново.

---

# ГЛАВА V.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

### Г. 1577 — 1582.

---

**Переговоры съ Австріею. Договоръ съ Даніею. Дѣла Крымскія. Переговоры и война съ Баторіемъ. Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей. Взятіе Полоцка, Сокола. Письмо Курбскаго. Соборъ въ Москвѣ. Посольство къ Императору и къ Папѣ. Завоеваніе Великихъ Лукъ. Бѣдствія Россіи. Сельмое супружество Іоанново. Неслыханное уничиженіе. Письмо къ Баторію: отвѣтъ его. Посольство отъ Папы. Славная осада Пскова. Шведы берутъ Нарву. Переговоры о мирѣ. Заключеніе перемирія. Сыноубійство. Мысль Іоаннова оставить свѣтъ. Врачь Строгановъ. Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ.**

г. 1577 — 1578. Переговоры съ Австріею.

Торжествуя въ Москвѣ свои Ливонскія завоеванія, презирая Баторія и Швецію, Іоаннъ, кажется, не видалъ, не угадывалъ великихъ для себя опасностей; однакожь искалъ союзниковъ: писалъ къ новому Императору, Рудольфу, въ отвѣтъ на его увѣдомленіе о кончинѣ Максиміліановой; изъявлялъ готовность заключить съ нимъ договоръ о *любви* и *братствѣ;* посылалъ въ Вѣну Дворянина Ждана Квашнина (495), въ надеждѣ склонить Цесаря къ войнѣ съ общимъ недругомъ, чтобы изгнать Стефана, раздѣлить Польшу, Литву, — наконецъ ополчиться со всею Европою на г. 1577 — 1578. Султана: главная мысль сего времени, внушенная Папами Императорамъ! При Дворѣ Вѣнскомъ жилъ тогда знаменитый бѣглецъ, Сирадскій Воевода, Албрехтъ Ласко, врагъ Стефановъ, который имѣлъ тайныя сношенія съ Іоанномъ: Государь убѣждалъ его одушевить умомъ своимъ и ревностію медленную, слишкомъ хладнокровную Политику Австрійскую. Замѣтимъ, что Квашнинъ долженъ былъ развѣдать въ Германіи, друженъ ли Папа съ Императоромъ, съ Королями Испанскимъ, Фран-

цузскимъ, Шотландскимъ, Елисаветою Англійскою; усмирились ли внутренніе мятежи во Франціи; какіе переговоры идутъ у Цесаря съ нею и съ другими Державами; сколько у него доходу и войска? Такъ со временъ Іоанна III, первоначальника Державы Россійской и государственной ея системы, Цари наши уже не чуждались Европы; уже всегда хотѣли знать взаимныя отношенія Государствъ, отчасти изъ любопытства, свойственнаго разуму дѣятельному, отчасти и для того, чтобы въ ихъ союзахъ и непріязни искать непосредственной или хотя отдаленной выгоды для нашей
г. 1578. Іюня 18. собственной Политики. Но Квашнинъ возвратился только съ обѣщаніемъ, что Императоръ не замедлитъ прислать кого нибудь изъ первыхъ Вельможъ въ Москву, желая утвердить дружбу съ нами; и, къ неудовольствію Іоанна, Рудольфъ жаловался ему на бѣдственное опустошеніе Ливоніи, несогласное ни съ ихъ *братствомъ*, ни съ человѣколюбіемъ, ни съ справедливостію. Квашнинъ привезъ также грамоту отъ Венгерскаго Воеводы Роберта, который, хваля умъ сего Царскаго Посланника, молилъ Іоанна, какъ *втораго* Христіанскаго Вѣнценосца, быть спасителемъ Европы, обѣщалъ ему знатное вспоможеніе золотомъ и людьми въ войнѣ съ Турками, убѣждалъ его взять Молдавію, *отказанную Россіи* умершимъ въ Москвѣ Господаремъ Богданомъ (496). Сіе письмо было тайное: ибо Австрійскій Кабинетъ, издавна опасливый, безъ сомнѣнія не дозволилъ бы Магнату Венгерскому отъ имени своего народа сноситься съ чужеземнымъ Государемъ о дѣлахъ столь важныхъ. Робертъ уже зналъ Императора, искуснаго Химика, Астронома и всадника, но весьма худаго Монарха; предвидѣлъ грозу для Венгріи отъ властолюбія Султановъ и желалъ противоборствовать оному новымъ властолюбіемъ Россіи, ославленной тогда могуществомъ: ибо Максиміліановы Послы, бывшіе у насъ въ 1576 году, распустили слухъ въ Европѣ о несмѣтности Іоаннова войска (497). Но слабодушный преемникъ Максиміліановъ хотя и ненавидѣлъ Баторія, хотя и трепеталъ Султана, но не думалъ воспользоваться союзомъ Царя для того, чтобы взять Польшу и спасти Венгрію.

Другимъ естественнымъ союзникомъ нашимъ могъ быть Король Датскій, Фридерикъ: не смотря на миръ съ Швеціею, онъ не вѣрилъ ея дружбѣ, искалъ Іоанновой, и (въ 1578 году) прислалъ въ Москву знатныхъ чиновниковъ, Якова Ульфельда и Григорія Ульстанда (498), съ жалобою, что Россіяне заняли въ Ливоніи нѣкоторыя Датскія владѣнія: Габзаль, Леаль, Лоде, и съ предложеніемъ вѣчнаго мира на условіяхъ выгодныхъ для обѣихъ Державъ. Фридерикъ желалъ имѣть часть Эстоніи и способствовать намъ въ изгнаніи Шведовъ, хваляся тѣмъ, что онъ не принялъ никакихъ льстивыхъ обѣщаній врага нашего, Стефана. Но гордые, непреклонные Бояре Московскіе, какъ пишетъ Ульфельдъ (499), думали только о выгодахъ собственнаго властолюбія; не оказали ни малѣйшаго снисхожденія; не хотѣли слушать ни требованій, ни противорѣчій; отвергнули искренній союзъ Даніи, вѣчный миръ, и заключили единственно перемиріе на 15 лѣтъ, коего условія были слѣдующія: 1) Король признаетъ всю Ливонію и Курляндію собственностію Царя, а Царь утверждаетъ за нимъ островъ Эзель съ его землями и городами; 2) первому не давать ни людей, ни денегъ Баторію, ни Шведамъ въ ихъ войнѣ съ Россіею, которая также не будетъ помогать врагамъ Даніи; 3) въ Норвегіи возстановятся древнія границы между Россійскими и Датскими владѣніями; 4) съ обѣихъ сторонъ объявляется полная свобода для купцевъ и безопасность для путешественниковъ; 5) Фридерикъ не долженъ останавливать Нѣмецкихъ художниковъ на пути въ Москву. За сей договоръ, явно выгодный для одного Царя, Ульфельдъ лишился Фридериковой милости (500), и злобясь на Россіянъ, въ описаніи своего путешествія клянетъ ихъ упрямство, лукавый умъ, необузданность безпримѣрную.

г. 1578. Договоръ съ Даніею.

Дѣла Крымскія.

Желая если не союза, то хотя мира съ Девлетъ-Гиреемъ, уже слабымъ, издыхающимъ, Іоаннъ не преставалъ сноситься съ нимъ чрезъ гонцевъ; если не уступалъ, то и не требовалъ ничего, кромѣ Шертной грамоты и мирнаго бездѣйствія отъ Хана. Девлетъ-Гирей умеръ (29 Іюня 1577), и сынъ его, Магметъ-Гирей, заступивъ мѣсто отца, весьма дружелюбно извѣстилъ о томъ Іоанна; сдѣлалъ еще болѣе: напалъ на Литву, разорилъ и выжегъ не малую часть земли Волынской, исполняя совѣтъ Вельможъ, которые говорили, что новый

г. 1578. Ханъ долженъ ознаменовать свое воцареніе пожарами и кровопролитіемъ въ земляхъ сосѣдственныхъ! Іоаннъ спѣшилъ отправить къ нему знатнаго сановника, Князя Мосальскаго, съ привѣтствіемъ, съ богатыми дарами, какихъ дотолѣ не видала Таврида, и съ наказомъ весьма снисходительнымъ; на примѣръ: «*Бить челомъ* Хану; обѣщать дары *ежегодные* въ случаѣ союза, но не писать ихъ въ Шертную грамоту; требовать, но безъ упорства, чтобы Магметъ-Гирей называлъ Великаго Князя *Царемъ;* вообще вести себя *смирно*, убѣгать рѣчей колкихъ, и если Ханъ или Вельможи его вспомянутъ о временахъ Калиты и Царя Узбека, то не оказывать гнѣва, но отвѣтствовать тихо: *не знаю старины; вѣдаетъ ее Богъ и вы, Государи!*» Столь домогался Іоаннъ найти сподвижника въ новомъ Ханѣ, чтобы обуздать Стефана ужасомъ Крымскихъ, гибельныхъ для Литвы набѣговъ! Но сія Политика, счастливая только въ государствованіе Іоанна III, ни для сына, ни для внука его не имѣла успѣха. Магметъ-Гирей за свою дружбу хотѣлъ Астрахани, обѣщая отдать намъ Литву и Польшу! хотѣлъ также, чтобы Царь свелъ Козаковъ съ Днѣпра и съ Дона. Сіи требованія были объявлены Ханскими Послами въ Москвѣ (501). Имъ сказали, что Днѣпровскіе и Донскіе Козаки не зависятъ отъ насъ; что первые служатъ Баторію, а вторые суть бѣглецы Россійскіе и Литовскіе, коихъ велѣно казнить, гдѣ явятся въ нашихъ предѣлахъ; что оружіе и Вѣра навѣки утвердили Астрахань за Россіею; что тамъ уже воздвигнуты храмы Бога Христіанскаго, основаны монастыри, живутъ коренные Христіане. Магметъ-Гирей твердилъ Царю: «Ты уступалъ намъ сей городъ: исполни же *обѣщаніе!* Тогда вдовы и сироты ваши могутъ спокойно ходить въ серебрѣ и золотѣ: никто изъ моихъ воиновъ не тронетъ ихъ на самыхъ пустынныхъ дорогахъ.» Между тѣмъ онъ просилъ четырехъ тысячь рублей: Государь послалъ ему тысячу; не жалѣлъ даровъ ни для женъ, ни для Вельможъ его, но не достигъ цѣли: Стефанъ предупредилъ насъ, и купивъ постыдное дружество сего Атамана разбойниковъ, могъ дѣйствовать всѣми силами противъ Россіи.

Любя великія дѣла и славу, но умѣя ждать времени и случая, Баторій, занятый осадою Данцига, какъ бы равнодушно видѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; безъ сомнѣнія зналъ, что не переговорами, а мечемъ должно рѣшить дѣло, однакожь писалъ къ Царю, что онъ удивляется его явному недружелюбію и предлагаетъ не лить крови, буде еще можно согласить миромъ выгоды, честь, безопасность обѣихъ Державъ, Россіи и Польши. «Твоя досада неосновательна,» отвѣтствовалъ ему Іоаннъ: «взявъ города свои въ Ливоніи, я выслалъ оттуда людей вашихъ безъ всякаго *наказанія*. Ты Король, но не Ливонскій» (502). Послы Стефановы, Воеводы Мазовецкій и Минскій, прибывъ въ Москву (въ Генварѣ 1578), торжественно объявили Боярамъ, что Король мыслитъ единственно о спокойствіи Державъ Христіанскихъ, хочетъ жить въ дружбѣ со всѣми и въ особенности съ Россіею; что перемиріе нарушено непріятельскими дѣйствіями Царя въ Ливоніи; что Стефанъ уполномочилъ ихъ (Пословъ) возстановить тишину навѣки. Для сего Бояре требовали, чтобы Король, именуя Іоанна Царемъ, Великимъ Княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ, не вступался ни въ Ливонію, ни въ Курляндію, нераздѣльную съ нею, и еще отдалъ Россіи Кіевъ, Каневъ, Витебскъ съ другими городами; а Паны Королевскіе требовали не только всей Ливоніи, но и *всѣхъ* древнихъ Россійскихъ областей отъ Калуги до Чернигова и Двины. Видя невозможность мира, согласились единственно возобновить перемиріе на три года, но въ Русскую грамоту включили слова: *Королю не вступаться въ Ливонію* (чего не было въ Польской грамотѣ), и Государь, утверждая сей договоръ обыкновенною присягою, сказалъ: «цѣлую крестъ *сосѣду* моему, Стефану Королю, въ томъ, что исполню условія; а Ливонской и Курляндской земли не отступаюсь.» Сановники Карповъ и Головинъ поѣхали къ Стефану быть свидѣтелями его клятвы и размѣняться записями (503). Но сей договоръ остался безъ дѣйствія и не унялъ кровопролитія.

г. 1578. Переговоры и война съ Баторіемъ.

Уже обстоятельства начали измѣняться, къ досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Еще въ 1577 году Шведскій Адмиралъ Гилленанкеръ съ вооруженными судами явился передъ Нарвою, сжегъ тамъ деревянныя укрѣпленія, умертвилъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько Россіянъ (504); другая толпа Шведовъ опустошила часть Кексгольмскаго Уѣзда. Ревельцы и Шенкенбергъ-Аннибалъ также непрестанны-

г. 1578. ми впаденіями тревожили Эстонію Россійскую; а Воеводы Іоанновы спокойно отдыхали въ городахъ, презирая слабыхъ враговъ, и своимъ бездѣйствіемъ вселяя въ нихъ смѣлость. Пишутъ, что Литовскіе сановники, желая отнять у насъ Дюнебургъ, употребили хитрость: какъ бы въ знакъ дружбы прислали тамошнимъ Московскимъ воинамъ бочку вина, ночью ворвались въ крѣпость и всѣхъ ихъ умертвили пьяныхъ. Нѣмцы, служащіе Баторію, столь же внезапно и легко взяли еще гораздо важнѣйшее мѣсто, Венденъ, прославленный великодушною гибелію Магнусовой дружины и жестокою местію Царя. Оплошные Воеводы не видали, не слыхали, какъ Нѣмцы, поддѣлавъ ключи къ воротамъ Венденскимъ, вступили въ городъ, чтобы рѣзать сонныхъ Россіянъ ([505]). Въ то же время свѣдалъ Іоаннъ, что тѣнь мнимаго Королевства Ливонскаго, изобрѣтеніе хитрой его Политики, исчезла наконецъ бѣгствомъ мнимаго Короля. Измѣна, уже давно замышляемая, совершилась: жертва честолюбія и страха, Магнусъ, снова присягнувъ въ вѣрности къ Іоанну, снова обратился къ Баторію, заключилъ съ нимъ договоръ и тайно уѣхалъ изъ Оберпалена въ Курляндію; въ городокъ Пильтенъ, вмѣстѣ съ юною супругою, которая не безъ горести пожертвовала ему своимъ отечествомъ, хотя и не могла любить дяди, убійцы несчастныхъ ея родителей ([506]).

Легковѣріе не было свойственно Іоанну: онъ конечно не удивился бѣгству Магнуса, желавъ только на время имѣть въ немъ орудіе для своей Политики; но казался изумленнымъ, винилъ себя въ излишнемъ милосердіи къ вѣроломному ([507]) и послалъ знатнѣйшихъ Воеводъ къ Вендену, Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго съ сыномъ, Боярина Морозова и другихъ, чтобы землю, омоченную тамъ кровію Россіянъ, омочить Нѣмецкою; но Воеводы не умѣли взять крѣпости: стрѣляли изъ пушекъ, и сдѣлавъ проломъ въ стѣнѣ, удалились: ибо свѣдали, что на нихъ идутъ Воеводы Баторіевы, Дембинскій, Бюрингъ и Хоткѣвичь. Сію неудачу загладили младшіе сановники Царскіе, Князь Иванъ Михайловичь Елецкій и Дворянинъ Леонтій Григорьевичь Волуевъ: съ горстію людей осажденные въ Лепварденѣ Рижскими Нѣмцами и Литовскимъ Воеводою, не имѣя хлѣба, имѣя только желѣзо и порохъ, они бились какъ Герои въ теченіе мѣсяца: питались лошадинымъ г. 1578. мясомъ, кожами, и своимъ мужествомъ, своимъ терпѣніемъ побѣдили непріятеля: онъ ушелъ, оставивъ множество труповъ подъ стѣнами ([508]). Между тѣмъ Шведы и неутомимый Шенкенбергъ-Аннибалъ сожгли предмѣстіе Дерпта, и всѣхъ, захваченныхъ ими Россіянъ умертвили, женъ и дѣтей. Не было милосердія, ни человѣчества: обѣ стороны въ ужасныхъ своихъ лютостяхъ оправдывались закономъ мести.

Въ концѣ лѣта Воеводы Московскіе, Князья Иванъ Юрьевичь Голицынъ, Василій Агишевичь Тюменскій, Хворостининъ, Тюфякинъ, приступили къ Оберпалену, занятому Шведами послѣ Магнусова бѣгства съ согласія тамошнихъ Нѣмцевъ. Взявъ сію крѣпость и 200 плѣнниковъ, Воеводы отослали ихъ въ Москву на казнь и смерть; должны были итти немедленно къ Вендену, но споря между собою о начальствѣ, не исполняли Царскаго указа: Іоаннъ съ гнѣвомъ прислалъ въ Дерптъ знаменитаго Дьяка, Андрея Щелкалова, и любимаго Дворянина своего, Данила Салтыкова, велѣвъ имъ смѣнить Воеводъ въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго ослушанія ([509]). Наконецъ они выступили, давъ время изготовиться непріятелю и Литовцамъ соединиться съ Шведами; осадили Венденъ и чрезъ нѣсколько дней (21 Октября) увидѣли непріятеля за собою: Сапѣга съ Литвою и Нѣмцами, Генералъ Бое съ Шведами напали на 18,000 Россіянъ, едва успѣвшихъ построиться внѣ своихъ окоповъ. Долго бились мужественно; но худая конница Татарская въ рѣшительный часъ выдала нашу пѣхоту и бѣжала. Россіяне дрогнули, смѣшались, отступили къ укрѣпленіямъ, гдѣ сильною пальбою еще удерживали стремленіе непріятеля. Ночь прекратила битву: Сапѣга и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь Московскій, Голицынъ, Окольничій Ѳедоръ Шереметевъ, Князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ Дьякомъ Щелкаловымъ, равно умнымъ и малодушнымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту, оставивъ войско ночью въ ужасѣ, коего слѣдствіемъ было общее бѣгство. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали — но они говорили, что думали, и явили примѣръ достойный лучшихъ временъ Рима: Воеводы, Бояринъ Князь Василій Андреевичь Сицкій, Окольничій Василій Ѳедоровичь Ворон-

г. 1578. цовъ (начальникъ огнестрѣльнаго снаряда), Данило Борисовичь Салтыковъ, Князь Михайло Васильевичь Тюфякинъ, не тронулись съ мѣста, хотѣли смерти, и нашли ее, когда непріятель, въ слѣдующее утро, видя единственно горсть великодушныхъ въ станѣ, всѣми силами на нихъ ударилъ; Окольничаго Татева, Князей Хворостинина, Семена Тюфякина, Дьяка Клобукова, взялъ въ плѣнъ; кинулся на снарядъ огнестрѣльный, и съ изумленіемъ увидѣлъ рѣдкое дѣйствіе воинской вѣрности: Московскіе пушкари, ужасаясь мысли отдаться непріятелю, повѣсились на своихъ орудіяхъ (510)... Сіи люди не мечтали о славѣ; имена ихъ остались неизвѣстными: самое дѣло не дошло бы до потомства, если бы умный Секретарь Королевскій, Гейденштейнъ, не внесъ онаго въ свою Исторію, съ удивленіемъ души благородной, чувствительной къ великому и въ самыхъ непріятеляхъ. Добычею побѣдителей были 17 пушекъ, весь обозъ и множество коней Татарскихъ. Число убитыхъ Россіянъ простиралось за 6000. — Такъ начались важные успѣхи Баторіевы и несгоды Іоанновы въ сей войнѣ злосчастной, но не безславной для Россіи, которая все имѣла для побѣды: и силу и доблесть, но не имѣла великодушнаго отца Государя!

Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей.

Доселѣ Іоаннъ не мыслилъ искренно о мирѣ: безъ сомнѣнія думалъ, что и перемиріе не будетъ утверждено Королемъ съ обязательствомъ не вступаться въ Ливонію (511); ждалъ вѣстей, съ одной стороны отъ Пословъ Московскихъ изъ Кракова, съ другой отъ Воеводъ о чаемомъ, легкомъ взятіи Вендена, и не хотѣлъ видѣть Стефанова гонца, присланнаго къ нему съ убѣжденіемъ заключить особенный договоръ о городахъ Ливонскихъ (512). Встревоженный судьбою нашего войска подъ Венденомъ, Іоаннъ немедленно отвѣтствовалъ на письмо Баторіево, что онъ согласенъ дружелюбно
г. 1579. 11 Генваря. рѣшить судьбу Ливоніи, будетъ ждать для того новыхъ Пословъ Королевскихъ въ Москву, удивляется невозвращенію нашихъ изъ Кракова и ревностно желаетъ честнаго мира. Но Баторій уже изготовился къ войнѣ, смиривъ Данцигъ.

Сей опасный врагъ, изъявляя намъ миролюбіе, въ тоже время предлагалъ Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность Государства. «Имѣемъ двухъ злыхъ непріятелей,» сказалъ онъ: «Крымцы жгутъ, Россіяне берутъ наши владѣнія. Итти ли на обоихъ вмѣстѣ? или съ кого начать?» Уже г. 1579. присутствіе великаго мужа одушевляло Вельможъ и Дворянство ревностію ко благу отечества: Баторій зналъ худо языкъ, но твердо Исторію Литвы и Польши; исчислилъ земли, отнятыя у нихъ Россіею; винилъ слабость Королей, льстилъ народному самолюбію, указывалъ на мечь свой и слушалъ разсужденія Сейма. «Таврида» — говорили Паны — «зависитъ отъ Султана: наступательная война съ нею можетъ раздражить его; когда мы будемъ въ Тавридѣ, Оттоманы будутъ въ Польшѣ. И что корысти? Сей дикій непріятель всегда грабитъ и всегда бѣденъ. Лучше до времени искать мира съ Ханомъ. — Государство Московское велико и сильно: тѣмъ славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ Природы и торговлею: тѣмъ болѣе добычи!» Рѣшили единогласно воевать Россію; велѣли собирать многочисленное войско; обременили неслыханными дотолѣ налогами владѣльцевъ и гражданъ: никто не противился; вооружались и платили съ чувствомъ или съ видомъ усердія. — Не обольщая себя излишнею надеждою на собственныя силы, Баторій требовалъ вспоможенія отъ другихъ Державъ, отъ Султана и Папы! Желая снискать особенное благоволеніе перваго, онъ не усомнился нарушить святую обязанность чести: ибо думалъ, что совѣсть должна молчать въ Политикѣ, и что государственная выгода есть главный законъ для Государя. Въ самое то время, когда Стефанъ вездѣ искалъ мира и союза, чтобы усильно дѣйствовать противъ насъ, бѣдный Козакъ Днѣпровскій, родомъ Волохъ, славный наѣздникъ и силачь (одною рукою ломавшій на-двое подкову, и для сего прозванный *Подковою*), умѣлъ съ толпою бродягъ нечаянно завоевать Валахію, гдѣ властвовалъ присяжникъ Султанскій, другъ Баторіевъ, Господарь Петръ. Оскорбленный такимъ успѣхомъ дерзости, Стефанъ послалъ войско изгнать хищника. Но мужественный Козакъ, Воеводами и словомъ Баторія удостовѣренный въ личной безопасности, сдался имъ добровольно. Чтожь сдѣлалъ Король? велѣлъ отсѣчь ему голову, въ угодность Султану, и въ присутствіи его Посла, сказавъ Вельможамъ: «для Народнаго Права не раздражу сильнаго, ко вреду Государства!» Сіе вѣроломство доставило Баторію одну ласку Амуратову: умный Визирь Махметъ сказалъ Посламъ

г. 1579. Стефановымъ въ Царѣградѣ: «Желаемъ Королю славы и побѣды; возможно, хотя и не легко одолѣть Царя Московскаго, коего одинъ Султанъ превосходитъ грозою.» Папа обѣщалъ Баторію ходатайствовать за него во всѣхъ Кабинетахъ Европы и прислалъ мечь съ благословеніемъ, а Курфирстъ Бранденбургскій нѣсколько пушекъ ([513]). Король Датскій, тайно доброхотствуя врагу нашему, колебался, ждалъ слѣдствій; но Шведскій немедленно заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ ([514]). Ханъ требовалъ даровъ отъ Литвы и получилъ ихъ съ условіемъ содѣйствовать ей въ войнѣ Россійской. Изъ Трансильваніи шла къ Стефану его старая, опытная дружина, изъ земли Нѣмецкой рать наемная. Еще не доставало доходовъ государственныхъ для всѣхъ воинскихъ издержекъ: онъ умѣрилъ расходы Двора; сыпалъ въ казну собственное золото и серебро; занималъ, гдѣ могъ; осматривалъ, училъ войско; готовилъ съѣстные припасы — и какъ бы еще имѣя много свободнаго времени, учреждалъ новыя судилища, давалъ новые уставы государственные, льстилъ Дворянству, утверждалъ власть Королевскую.

Въ сихъ обстоятельствахъ прибыли къ нему Послы Іоанновы, Карповъ и Головинъ, съ мирною грамотою. Чиновники Королевскіе долго задерживали ихъ въ пути; спорили съ ними о титулѣ обоихъ Государей; отвергали пустое имя *сосѣда,* кое Царь давалъ Баторію; хотѣли равенства; не таили, что договоръ, написанный въ Москвѣ, останется безъ исполненія. Встрѣтили Пословъ съ честію; но Баторій, сидя на тронѣ величаво, не хотѣлъ для нихъ встать, ни спросить о здравіи Царя, и равнодушный къ ихъ неудовольствію, велѣлъ сказать имъ, что они могутъ итти вонъ изъ дворца и ѣхать назадъ; что Литовскій гонецъ доставитъ Іоанну отвѣтъ Королевскій. Послы уѣхали ([515]), и въ слѣдъ за ними Король выступилъ съ войскомъ, отправивъ чиновника Лопатинскаго съ письмомъ въ Москву.

Но Іоанна уже не было въ столицѣ. Зная, что происходило на Сеймѣ Варшавскомъ — долго не имѣя вѣсти отъ Карпова и Головина — слыша о сильномъ, безпримѣрномъ вооруженіи Литвы и Польши, онъ самъ не терялъ времени: въ общемъ совѣтѣ Бояръ и Духовенства объявилъ, что настала *година великаго кровопролитія;* что онъ, прося милости г. 1579. Божіей, идетъ на дѣло *отечественное* и *свое* ([516]), на землю Нѣмецкую и Литовскую; двинулъ всѣ полки къ Западу; расписалъ имъ пути и мѣста; оставляя войско въ *осьмидесяти* городахъ для ихъ обороны, на берегахъ Волги, Дона, Оки, Днѣпра, Двины, указалъ соединиться главнымъ силамъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Европейскимъ и Азіатскимъ: кромѣ Россіянъ, Князья Черкесскіе, Шевкалскіе, Мордовскіе, Ногайскіе, Царевичи и Мурзы древней Золотой Орды, Казанской, Астраханской, день и ночь шли къ Ильменю и Пейпусу. Дороги заперлися пѣхотою и конницею. Зима, весна, часть лѣта миновали въ сихъ движеніяхъ. Наконецъ, поручивъ Москву Князю Андрею Петровичу Куракину, взявъ съ собою всѣхъ Бояръ, Думныхъ Дворянъ, множество Дьяковъ для воинскихъ и государственныхъ дѣлъ, Царь въ Іюлѣ выѣхалъ изъ столицы въ Новгородъ, гдѣ всѣ Воеводы ждали его дальнѣйшихъ повелѣній. Туда прибыли къ Іоанну и наши Послы изъ Литвы, съ донесеніемъ, что Баторій, отвергнувъ перемирную грамоту, идетъ на Россію ([517]); что у него сорокъ тысячь воиновъ, но что сіе число умножается подходящими дружинами изъ Трансильваніи, изъ Нѣмецкой земли, и Литовскою вольницею. Вотъ сила непріятеля, замышлявшаго потоптать Россію! А Царь въ одномъ своемъ особенномъ полку имѣлъ сорокъ тысячь: Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, сверхъ главной Новгородской, сверхъ Псковской рати, подъ начальствомъ Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, Князей Ивана Мстиславскаго, Шуйскихъ, Ногтева, Трубецкаго и многихъ иныхъ Воеводъ. Одно слово Іоанново могло бы устремить сію громаду на Литву, гдѣ народъ и Дворянство не весьма благопріятствовали воинственнымъ замысламъ Стефановымъ, внутренно желая мира съ Россіею, и гдѣ вопль ужаса раздался бы отъ Двины до Буга. Но тѣни Шуйскаго, Серебрянаго, Воротынскаго мечтались воображенію Іоаннову, среди могилъ Новгородскихъ, исполненныхъ жертвами его гнѣва: онъ не вѣрилъ усердію Воеводъ своихъ, ни самаго народа, довѣренность свойственна только совѣсти чистой. Изгубивъ Героевъ, Царь въ сіе время щадилъ Воеводъ недостойныхъ: Князья Иванъ Голицынъ, Палицкій, Ѳеодоръ Шереметевъ, запечатлѣнные сты-

г. 1579. домъ Венденскаго бѣгства, снова начальствовали въ рати! Видя опасную войну предъ собою, онъ не смѣлъ казнить ихъ, чтобы другіе, имъ подобные, не измѣнили ему и не ушли къ Баторію! Думая такъ о своихъ Полководцахъ, Іоаннъ считалъ медленность, нерѣшительность благоразуміемъ; хотѣлъ угрожать непріятелю только числомъ собраннаго войска; еще надѣялся на миръ, или ждалъ крайней необходимости дѣйствовать мечемъ — и дождался! Узнавъ, что Баторіевъ чиновникъ, Лопатинскій, ѣдетъ въ Москву, Царь велѣлъ остановить его въ Дорогобужѣ. Сей гонецъ прислалъ къ нему письмо Стефаново, весьма плодовитое, не краснорѣчивое, сухое, но умное. Стефанъ писалъ (изъ Вильны, отъ 26 Іюня), что наша перемирная грамота есть подложная; что Бояре Московскіе обманомъ включили въ нее статью о Ливоніи (518); что Іоаннъ, говоря о мирѣ, воюетъ сію землю Королевскую, и выдумалъ басню о своемъ происхожденіи отъ Кесарей Римскихъ; что Россія беззаконно отняла у Литвы и Новгородъ и Сѣверскія области, и Смоленскъ и Полоцкъ; что Карповъ и Головинъ, ничего не сдѣлавъ, ничего не сказавъ, уѣхали изъ Кракова; что дальнѣйшія Посольства будутъ безполезны; что онъ (Стефанъ) съ Божіею помощію рѣшился искать управы оружіемъ. Въ тоже время извѣстили Царя, что Баторій уже въ предѣлахъ Россіи.

Честно объявивъ намъ войну, Король совѣтовался въ Свирѣ съ Вельможами своими и Полководцами, гдѣ и какъ начать оную (519)? Многіе изъ нихъ предлагали вступить въ Ливонію, изгнать Россіянъ, осадить Псковъ, городъ важный, богатый, но — какъ они думали — худо укрѣпленный. Король былъ инаго мнѣнія, доказывая, что трудно вести войну въ Ливоніи опустошенной, неблагоразумно оставить ее за собою, опасно удалиться отъ границъ; что лучше взять Полоцкъ, ключь Ливоніи и самой Литвы; что сіе завоеваніе, надежный щитъ для ихъ тыла, откроетъ имъ Россію, утвердитъ безопасное сообщеніе съ Ригою посредствомъ Двины, доставитъ выгоды и для ратныхъ дѣйствій и для торговли; что должно завоевать Ливонію внѣ Ливоніи; что Полоцкъ крѣпокъ, но тѣмъ славнѣе, тѣмъ желатальнѣе взять его, для ободренія своихъ, для устрашенія непріятеля. Говорилъ мужъ великій: его слушались. Войско Стефаново, подобно Аннибалову, было составлено изъ г. 1579. людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обычаями, Вѣрою: изъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ, древнихъ Славянъ Галицкихъ, Волынскихъ, Днѣпровскихъ, Кривскихъ и коренныхъ Литовцевъ: Баторій умѣлъ дать ему единодушіе и соревнованіе. Выступивъ изъ Свира, онъ издалъ Манифестъ къ народу Россійскому; объявилъ, что извлекаетъ мечь на Царя Московскаго, а не на мирныхъ жителей, коихъ будетъ щадить, миловать во всякомъ случаѣ; что любя доблесть, гнушается варварствомъ, желаетъ побѣды, а не разрушенія, не кровопролитія безполезнаго. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не бывала для земледѣльцевъ и гражданъ тише, человѣколюбивѣе сей Баторіевой; говоря какъ Христіанинъ, онъ дѣйствовалъ какъ Политикъ: хотѣлъ преклонить къ себѣ жителей, ибо хотѣлъ завоеваній прочныхъ. — Въ началѣ Августа Баторій осадилъ Полоцкъ.

Тамъ было мало войска: ибо Царь не ожидалъ сильнаго нападенія на Литовской границѣ, думая, что ѳеатромъ важныхъ непріятельскихъ дѣйствій будетъ Ливонія; но Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными, распространенными съ 1561 года. Двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, обтекаемыя Двиною и Полотою, соединяемыя мостомъ, воздвигнутыя на крутыхъ высотахъ, служили защитою *большому городу*, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Князь Василій Ивановичь Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій въ Острогѣ, Князь Дмитрій Щербатый и Дьякъ Ржевскій въ крѣпости, имѣя довольно запасовъ и снарядовъ, много усердій и мужества, гораздо менѣе искусства, какъ сказано въ нашихъ Розрядныхъ Книгахъ (520). Чтобы устрашить непріятеля и не оставить себѣ на выборъ ничего, кромѣ побѣды или смерти, они, захвативъ нѣсколько Литовскихъ плѣнниковъ, велѣли ихъ умертвить, привязать къ бревнамъ и кинуть въ Двину, на позорище войску Королевскому (521). . . . Приступъ начался съ города: Россіяне малочисленные сами зажгли его, оставили, ушли въ крѣпость, гдѣ болѣе трехъ недѣль оборонялись мужественно. Время имъ благопріятствовало: лили дожди; бойницы осаждающихъ дѣйствовали худо; обозы ихъ съ хлѣбомъ тонули въ гря-

Осада и взятіе Полоцка.

г. 1579. зи; лошади падали; войско терпѣло голодъ: приступало къ крѣпости, но безъ успѣха. Воспользовался ли Царь сими обстоятельствами?

1 Августа Іоаннъ, будучи во Псковѣ, отрядилъ Воеводъ, Князя Хилкова и Безнина, съ двадцатью тысячами Азіатскихъ всадниковъ за рѣку Двину, въ Курляндскую землю, гдѣ дѣло ихъ состояло въ одномъ безопасномъ губительствѣ ([522]); тогда же послалъ другое войско защитить Корелію и землю Ижерскую, опустошаемую Шведами; усилилъ *засады* или гарнизоны въ Ливоніи — но еще имѣлъ столько войска, что могъ бы смѣло итти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ Полоцкой ([523]), онъ велѣлъ Шеину, Князьямъ Лыкову, Палицкому, Кривоборскому съ дружинами Дѣтей Боярскихъ и Донскихъ Козаковъ спѣшить къ сему городу, вступить въ него хитростію или силою, а въ случаѣ невозможности занять крѣпость Соколъ, тревожить непріятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи нашей главной рати. Шеинъ приблизился къ Баторіеву стану: не дерзнулъ на битву и занялъ Соколъ, распустивъ слухъ, что самъ Іоаннъ немедленно будетъ тамъ съ войскомъ сильнымъ. Но Король не устрашился: чувствовалъ единственно необходимость скорѣе рѣшить судьбу осады. Видя слабое дѣйствіе бойницъ, онъ предложилъ Венгерскимъ удальцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно, сдѣлалось ясное, сухое время: съ пылающими Факелами они устремились къ стѣнамъ.... многіе пали мертвые; нѣкоторые достигли цѣли, и чрезъ пять минутъ вспыхнула крѣпость. Тутъ, воскликнувъ побѣду, вся дружина Венгерская кинулась на приступъ, не слушая ни своихъ Вождей, ни Короля. Осыпаемые ядрами, пулями, головнями, Венгры сквозь огонь падающихъ стѣнъ вломились въ крѣпость; но Россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили непріятеля: онъ возвратился, усиленный толпами Нѣмцевъ, Поляковъ, и снова уступилъ остервененію нашихъ. Самъ Король, забывъ личную опасность, находился въ сей кровопролитной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить бѣгущихъ. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шеинъ, Князья Лыковъ, Палицкій, ударили на Литву, то могли бы спасти и крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, могли издали видѣть самую битву и слышать громкій кликъ осажденныхъ, побѣдителей въ сію минуту, призывный кликъ къ своимъ братьямъ Сокольскимъ.... Но прозорливый Баторій занялъ дорогу ([524]): выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить Россіянъ въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ то же время Донскіе Козаки измѣнили нашимъ Воеводамъ въ Соколѣ ([525]): самовольно ушли во-свояси, къ извиненію Шеина и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу. г. 1579.

Отбивъ приступъ, Россіяне угасили огонь въ крѣпости: непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новые окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали отъ Литовскихъ ядеръ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ всю бодрость, требовали переговоровъ. Сперва Воеводы и достойный Архіепископъ Кипріанъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: «страшимся не злобы Стефановой, а гнѣва Царскаго!» Въ отчаяніи великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Волынскій и Стрѣльцы не дали имъ исполнить сего намѣренія ([526]) и предложили условія Стефану, который, изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или боясь длить время, согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ (изъ острога и крѣпости) въ Россію съ семействами, съ имѣніемъ, а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ семъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ Архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что Россіяне, живо чувствуя великодушіе и человѣколюбіе Короля, никакъ однакожь не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая неминуемой казни отъ гнѣвнаго Царя, съ твердостію шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ: «доказательство удивительной любви къ отечеству!» прибавляетъ сей Историкъ ([527]). Но Стефанъ,

г. 1579. вопреки условію, не скоро отпустилъ сихъ плѣнниковъ, какъ бы опасаясь возвратить непріятелю такихъ вѣрныхъ, доблихъ воиновъ. — Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, Король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ Литовскимъ Воеводствомъ; указавъ строить тамъ великолѣпную церковь Римскаго Исповѣданія, оставилъ Софійскую Христіанамъ Греческимъ; далъ имъ въ Епископы бывшаго Святителя Витебскаго, и грамотою утвердилъ свободу нашей Вѣры, имѣя въ виду дальнѣйшія завоеванія въ Россіи и желая угодить ея народу сею благоразумною терпимостію, вопреки своимъ любимцамъ, Іезуитамъ, коимъ онъ далъ тогда богатыя маетности и земли въ Бѣлорусіи, съ обязательствомъ исправлять нравы жителей ученіемъ и примѣромъ ([528]). — Съ сего времени древній нашъ Полоцкъ, Удѣлъ племени Владимірова и Рогнѣдина, легко взятый, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ 18 лѣтъ областію Государства Московскаго, сдѣлался вновь собственностію Литвы, до царствованія Екатерины безсмертной.

Стефанъ послалъ войско къ Соколу, а легкую конницу къ самому Пскову, чтобы наблюдать движенія Іоанновой рати. 19 Сентября Литовцы осадили Соколъ; 25 зажгли башни, и съ трубнымъ звукомъ устремились къ стѣнамъ. Россіяне тушили огонь; но вдругъ запылали многія бренныя зданія, такъ, что не оставалось въ городѣ мѣста безопаснаго для пяти или шести тысячь бывшихъ тамъ воиновъ. Они сдѣлали вылазку; бились долго; уступивъ наконецъ превосходной силѣ, обратились назадъ, а Нѣмцы вмѣстѣ съ ними втѣснились въ крѣпость. Тутъ началася ужасная сѣча, отчаянная для тѣхъ и другихъ: ибо Россіяне захлопнули ворота, опустили желѣзную решетку и не оставили возможности спасенія ни себѣ, ни врагамъ; рѣзались въ пламени, задыхались и горѣли, до той минуты, какъ Литовцы и Поляки вломились въ городъ, для совершеннаго истребленія нашихъ, коихъ пало 4000; (Взятіе Сокола.) плѣнили только Шереметева съ малымъ числомъ Дѣтей Боярскихъ ([529]). Въ остервененіи злобы Нѣмцы, терзая мертвыхъ, исказили трупы Шеина и многихъ иныхъ Россіянъ. — Литовцы взяли Красный, Козьянъ, Ситну, Туровль, Нещерду; опустошили землю Сѣверскую до Стародуба; выжгли 2000 селеній въ Смоленской области . . . . а Царь стоялъ неподвижно г. 1579. во Псковѣ!

Въ то время, когда гибли добрые Россіяне, предаваемые въ жертву врагамъ Іоанновою боязливостію; когда отечество сѣтовало въ незаслуженномъ уничиженіи, торжествовалъ, къ вѣчному стыду своему, одинъ Россіянинъ, нѣкогда любезный отечеству: Князь Андрей Курбскій. Преступленіемъ лишенный имени Русскаго, онъ въ злобѣ своей искалъ новаго утѣшенія мести и находился подъ знаменами Баторіевыми, вмѣстѣ съ другимъ бѣглецомъ Московскимъ, Владиміромъ Заболоцкимъ; дѣятельно способствовалъ успѣхамъ Королевскаго оружія, и съ свѣжаго пепла завоеванной крѣпости Полоцкой, гдѣ дымилась кровь Россіянъ, написалъ отвѣтъ на Вольмарское къ нему письмо Іоанново ([530]). «Гдѣ твои побѣды?» говорилъ онъ: «въ могилѣ Героевъ, истинныхъ Воеводъ Святой Руси, истребленныхъ тобою. (Письмо Курбскаго.) Король съ малыми тысячами, единственно мужествомъ его сильными, въ твоемъ Государствѣ, беретъ области и твердыни, нѣкогда нами взятыя, нами укрѣпленныя; а ты съ войскомъ многочисленнымъ сидишь, укрываешься за лѣсами, или бѣжишь, никѣмъ не гонимый, кромѣ совѣсти, обличающей тебя въ беззаконіяхъ. Вотъ плоды наставленія, даннаго тебѣ Лжесвятителемъ Вассіаномъ ([531])! Единъ царствуешь безъ *мудрыхъ* совѣтниковъ; единъ воюешь безъ *гордыхъ* Воеводъ — и что же? вмѣсто любви и благословеній народныхъ, нѣкогда сладостныхъ твоему сердцу, стяжалъ ненависть и проклятія всемірныя; вмѣсто славы ратной стыдомъ упиваешься: ибо нѣтъ добраго царствованія безъ добрыхъ Вельможъ, и несмѣтное войско безъ искуснаго Полководца есть стадо овецъ, разгоняемое шумомъ вѣтра и паденіемъ древесныхъ листьевъ. Ласкатели не Синклиты, и карлы, увѣчные духомъ, не суть Воеводы. Не явно ли совершился судъ Божій надъ тираномъ? Се глады и язва, мечь варваровъ, пепелъ столицы и — что всего ужаснѣе — позоръ, позоръ для Вѣнценосца, нѣкогда столь знаменитаго! Того ли мы хотѣли, то ли готовили ревностною, кровавою службою нашему древнему отечеству?»... Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказаніемъ близкой гибели всего Царскаго Дому и словами: «кладу

г. 1579. перстъ на уста, изумляюся и плачу!»... Движимый ненавистію къ Іоанну, Курбскій могъ оправдывать себя умомъ, но не въ совѣсти, которая тревожила его до конца жизни; владѣя городами и селами въ Волыніи (532), ни въ богатствѣ, ни въ знатности не находилъ успокоенія; женился тамъ на Княгинѣ Дубровицкой, но не любилъ ее; искалъ утѣшенія въ дружествѣ и въ ученіи; зная языкъ Латинскій, переводилъ Цицерона; описалъ славное взятіе Казани, войну Ливонскую, мучительства Іоанна; пережилъ его, и въ старости еще тосковалъ о Россіи, съ чувствомъ называя оную своимъ *любимымъ отечествомъ*. Мракъ неизвѣстности сокрылъ послѣдніе дни и могилу мужа ознаменованнаго славою ратныхъ дѣлъ, ума, краснорѣчія — и безславіемъ преступленія!

Іоаннъ уже не отвѣчалъ Курбскому: ибо не могъ ничѣмъ хвалиться, ни грозить въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ расположеніи своего духа. Онъ написалъ въ Москву къ Государственному Дьяку, Андрею Щелкалову, что должно объявить успѣхи непріятеля жителямъ ея хладнокровно и спокойно. Созвавъ гражданъ, умный Дьякъ сказалъ имъ: «Добрые люди! знайте, что Король взялъ Полоцкъ и сжегъ Соколъ: вѣсть печальная; но благоразуміе требуетъ отъ насъ твердости. Нѣтъ постоянства въ свѣтѣ; счастіе измѣняетъ и великимъ Государямъ. Полоцкъ въ рукахъ у Стефана: вся Ливонія въ нашихъ. Пали нѣкоторые Россіяне: пало гораздо болѣе Литовцевъ. Утѣшимся въ малой несгодѣ воспоминаніемъ столь многихъ побѣдъ и завоеваній Царя православнаго» (533)! Удостовѣренный въ тишинѣ, въ спокойствіи Москвы, Іоаннъ велѣлъ Боярамъ написать къ Литовской Думѣ, что онъ мыслилъ немедленно итти на Короля, но что совѣтники Государственные, жалѣя слезъ Христіанскихъ, умолили его, хотя и не безъ великаго труда, остановить всѣ непріятельскія дѣйствія; что Стефанъ докажетъ свою истинную любовь къ человѣчеству и справедливости, если, унявъ кровопролитіе, вступитъ съ Царемъ въ переговоры о вѣчномъ мирѣ, *о родствѣ* и дружбѣ искренней. Съ такою миролюбивою грамотою послали гонца въ Вильну (534). Самъ Баторій прислалъ чиновника къ Іоанну, но съ письмомъ весьма грубымъ, объявляя, что воюетъ за Ливонію, для обузданія его безразсуднаго властолюбія, и требуя, чтобы Лопатинскій, не г. 1579.
выпускаемый изъ Дорогобужа, былъ освобожденъ согласно съ Народнымъ Правомъ. Сей гонецъ непріятельскій обѣдалъ у Царя въ Новѣгородѣ, угощаемый какъ бы Вельможа дружественной Державы: чего дотолѣ не бывало. «Не хочу» (отвѣтствовалъ Іоаннъ Королю) «возражать на упреки: ибо хочу быть въ братствѣ съ тобою. Даю *опасную грамоту* для твоихъ Пословъ, коихъ ожидаю съ доброжелательствомъ. Между тѣмъ да будетъ тишина въ Ливоніи и на всѣхъ границахъ! А въ залогъ мира отпусти плѣнниковъ Россійскихъ, на обмѣнъ или выкупъ.» То же писалъ Іоаннъ и съ Лопатинскимъ, немедленно освобожденнымъ, и съ новымъ гонцемъ, посланнымъ къ Королю; нѣсколько мѣсяцевъ занимался спорами Воеводъ своихъ о первенствѣ (535) и не думалъ итти на Стефана, будучи доволенъ нѣкоторыми успѣхами нашей оборонительной системы въ Ливоніи, гдѣ Россіяне, въ жаркой схваткѣ, плѣнили наконецъ славнаго разбойника, Аннибала (послѣ казненнаго во Псковѣ), мужественно отразили Шведовъ отъ Нарвы и гнали ихъ до Ревеля (536). Симъ заключился 1579 годъ. Царь уже былъ въ Москвѣ, и не праздно.

Въ Генварѣ 1580 года онъ созвалъ г. 1580.
знаменитѣйшее Духовенство въ столицу; Архіепископа Александра Новогородскаго, Іеремію Казанскаго, Давида Ростовскаго, всѣхъ Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, славнѣйшихъ Соборъ въ Москвѣ.
умомъ или благочестіемъ Иноковъ; торжественно объявилъ имъ, что Церковь и Православіе въ опасности; что безчисленные враги возстали на Россію; что съ одной стороны невѣрные Турки, Ханъ, Ногаи, — съ другой Литва, Польша, Венгры, Нѣмцы, Шведы какъ дикіе звѣри разинули челюсти, дабы поглотить насъ; что онъ съ сыномъ своимъ, съ Вельможами и Воеводами бодрствуетъ день и ночь для спасенія Державы, но что Духовенство обязано содѣйствовать имъ въ семъ великомъ подвигѣ; что мы, имѣя людей, не имѣемъ казны достаточной; что войско скудѣетъ и нуждается, а монастыри богатѣютъ; что Государь требуетъ жертвы отъ Духовенства, и что Всевышній благословитъ его усердіе къ отечеству. Предложеніе было важно и затруднительно. Великій дѣдъ Іоанновъ хотѣлъ коснуться церковнаго достоянія, но

г. 1580. оставилъ сію мысль, встрѣченный сильнымъ прекословіемъ Святителей: внукъ умѣрилъ требованія, и Соборъ приговорилъ грамотою, что земли и села *Княжескія*, когда либо отказанныя Митрополитамъ, Епископамъ, монастырямъ и церквамъ, или купленныя ими, оттолѣ будутъ Государевыми, а всѣ другія остаются навѣки ихъ неотъемлемымъ достояніемъ; что впредь они уже не должны присвоивать себѣ имѣній недвижимыхъ, ни добровольною уступкою, ни куплею, и что *заложенныя* имъ земли также отдаются въ казну (537). – Симъ легкимъ способомъ умноживъ владѣнія и доходы государственные, Іоаннъ непрестанно умножалъ и войско (538): чиновники ѣздили изъ области въ область съ списками Дѣтей Боярскихъ; отыскивали всѣхъ, кто укрывался или бѣгалъ отъ службы; наказывали ихъ тѣлесно и за порукою отсылали во Псковъ или Новгородъ, гдѣ стояла главная рать, упуская благопріятное время дѣйствовать наступательно: ибо Россіяне любили всегда выходить въ поле, когда другіе уходили въ домы отъ ненастья и морозовъ.

Хотя Баторій не мыслилъ дать намъ перемирія, но осень и зима остановили его блестящіе успѣхи. Наемники требовали денегъ, свои отдохновенія. Расположивъ войско въ привольныхъ мѣстахъ близъ границы, онъ спѣшилъ въ Вильну и на Сеймъ въ Варшаву, готовить новыя средства побѣды, наслаждаться славою, испытать, устыдить неблагодарность и все одолѣть, чтобы достигнуть цѣли. Въ Вильнѣ граждане и Дворянство встрѣтили его съ громогласными благословеніями, а въ Варшавѣ многіе Паны съ мрачными лицами и съ ропотомъ неудовольствія — тѣ, которые любили законную и беззаконную власть свою болѣе отечества, разслабленнаго ихъ своевольствомъ, нѣгою, корыстолюбіемъ. Великихъ мужей славятъ и злословятъ: устрашенные сильною волею, сильными мѣрами Короля, Паны жаловались на его самовластіе и довѣренность къ чужеземцамъ; распускали слухъ, что онъ воюетъ только для вида, налогами тяготитъ землю и мыслитъ тайно уѣхать въ Трансильванію съ богатою казною Королевскою. Дѣйствіемъ сей клеветы могъ быть отказъ въ государственныхъ пособіяхъ, необходимыхъ для войны. Баторій предсталъ Сейму: клевета умолкла. Сказалъ, что сдѣлалъ и сдѣлаетъ: единодушно, единогласно одобрили всѣ его предложенія; уставили новые налоги, велѣли собирать новое войско (539). . . . г. 1580.

А Царь домогался мира. Когда гонцы наши возвратились съ отвѣтомъ, что Король не хочетъ и слышать о Посольствѣ въ Москву, готовый единственно изъ снисхожденія принять Іоанново въ своей столицѣ, если мы дѣйствительно расположены къ умѣренности и договорамъ честнымъ; что плѣнниковъ не отпускаютъ во время кровопролитія; что они въ землѣ Христіанской, слѣдственно въ безопасности и не въ утѣсненіи: тогда Іоаннъ вторично написалъ къ Стефану письмо дружелюбное. «Въ Московскихъ перемирныхъ грамотахъ» (говорилъ онъ) «были слова *разныя*, внесенныя въ нихъ съ вѣдома и согласія твоихъ Пословъ. Ты могъ отвергнуть сей договоръ; но для чего же укоряешь насъ обманомъ? Для чего безъ дѣла выслалъ нашихъ Пословъ изъ Кракова, и столь грубо, и писалъ къ намъ въ выраженіяхъ столь язвительныхъ? Забудемъ слова гнѣвныя, вражду и злобу. Не въ Литвѣ и не въ Польшѣ, а въ Москвѣ издревле заключались договоры между сими Державами и Россіею. Не требуй же новаго! Здѣсь мои Бояре съ твоими Уполномоченными рѣшатъ всѣ затрудненія къ обоюдному удовольствію Государствъ нашихъ» (540). Но гонецъ Московскій, въ случаѣ упрямства и явной готовности Баторіевой къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій, долженъ былъ тайно сказать ему, что Царь согласенъ прислать Бояръ своихъ въ Вильну или въ Варшаву. — Уничиженіе безполезное: Король отвѣтствовалъ, что даетъ Іоанну пять недѣль сроку и будетъ ждать Пословъ нашихъ въ мирномъ бездѣйствіи, хотя войско его готово вступить въ Россію, пылая нетерпѣніемъ мужества. Уже знатные сановники Царскіе, Стольникъ Князь Иванъ Сицкій, Думный Дворянинъ Пивовъ и Дьякъ Петелинъ ѣхали въ Вильну, когда узнали въ Москвѣ, что Баторій съ войскомъ въ предѣлахъ Россіи. «Назначенный срокъ минулъ,» писалъ онъ къ Царю: «ты долженъ отдать Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, со всѣми областями Витебскими и Полоцкими, также всю Ливонію, если желаешь мира.» Августь.

Сіе нападеніе казалось Іоанну вѣроломствомъ: по крайней мѣрѣ онъ не чаялъ его въ концѣ лѣта; совѣтовался съ

г. 1580. Посольство къ Императору и къ Папѣ. Боярами и спѣшилъ отправить гонца (Шевригина) къ Императору, даже къ Папѣ, съ убѣжденіемъ, чтобы они вступились за насъ; въ грамотѣ къ первому доказывалъ, что Стефанъ воюетъ Россію за ея тѣсную дружбу съ Максимиліаномъ; требовалъ, чтобы Рудольфъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ Уполномоченныхъ въ Москву для возобновленія союза противъ общихъ враговъ; жаловался Папѣ на злобу и вѣроломство Баторіево; предлагалъ ему усовѣстить, отвести его отъ ненавистной связи съ Турками; увѣрялъ, что ревностно желаетъ вмѣстѣ со всѣми Европейскими Государями ополчиться на Султана и быть для того въ непрестанныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ ([541]). Имѣя силу въ рукахъ, но робость въ душѣ, Іоаннъ унижался исканіемъ чуждаго, отдаленнаго вспоможенія, ненужнаго и невѣроятнаго. Онъ не думалъ самъ выступить въ поле; расположилъ войско единственно для обороны, и не зная, куда устремится Баторій, направлялъ полки къ Новугороду и Пскову, Кокенгузену и Смоленску ([542]); занялъ и берега Оки близъ Серпухова, опасаясь Хана. Сія неизвѣстность продолжалась около двухъ или трехъ недѣль, и Баторій опять явился тамъ, гдѣ его не ожидали.

Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ описываетъ устройство, ревность войска, одушевленнаго Геніемъ начальника. Конницею предводительствовали Сенаторы и лучшіе Воеводы; многіе изъ знатныхъ чиновниковъ, гражданскихъ и придворныхъ, служили въ ней на-ряду съ простыми всадниками. Большая часть пѣхоты, новаго набора, еще не видала огня: Нѣмецкіе и Седмиградскіе опытные воины составляли ея твердую основу, и между ими отличался бодростію измѣнникъ нашъ, Датскій Полковникъ, Георгій Фаренсбахъ, который зналъ силу и слабость Россіянъ, бывъ предводителемъ Іоанновой Ливонской дружины. Непріятель шелъ болотами и лѣсами дикими, гдѣ 150 лѣтъ не ходило войско; гдѣ только Витовтъ въ 1428 году умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ Новогородскимъ, и гдѣ нѣкоторыя мѣста еще назывались его именемъ. Баторій, подобно Витовту, просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, плоты; сражался съ трудностями, терпѣлъ недостатокъ; вышелъ къ Велижу, къ Усвяту; взялъ ту и другую крѣпость, наполненныя запасами, и (г. 1580.) разбивъ легкій отрядъ нашей конницы, приступилъ, въ исходѣ Августа, къ Великимъ Лукамъ ([543]). Сей городъ, красивый мѣстоположеніемъ, богатый и торговый, ключь древнихъ южныхъ владѣній Новогородской Державы, обѣщалъ знатную добычу корыстолюбивому войску, близостію своею къ Витебску и другимъ Литовскимъ крѣпостямъ представляя удобность для осады. Тамъ находилось тысячь шесть или семь Россіянъ; но въ Торопцѣ стоялъ Воевода Князь Хилковъ съ полками, довольно многочисленными. Были вылазки смѣлыя, иногда и счастливыя; въ одной изъ нихъ осажденные взяли знамя Королевское ([544]). Хилковъ, избѣгая общаго сраженія, вездѣ стерегъ Литовцевъ, хваталъ ихъ въ разъѣздахъ, истреблялъ цѣлыми толпами, и ждалъ другихъ Воеводъ, изъ Смоленска, Пскова, Новагорода.

Въ сіе время, когда надлежало возстать Россіи и подавить дерзкаго Баторія, спѣшили къ нему въ станъ Уполномоченные Іоанновы, Князь Сицкій и Пивовъ, для унизительныхъ договоровъ. Стефанъ принялъ ихъ въ шатрѣ, величаво, надменно; сидѣлъ въ шапкѣ, когда они ему *кланялись* отъ Царя; не хотѣлъ сказать имъ учтиваго слова. Послы требовали, чтобы Король немедленно снялъ осаду: вмѣсто отвѣта загремѣли пушки Литовскія. Тутъ Послы изъявили снисхожденіе: сказали, что еще въ первый разъ Московскій Государь начинаетъ переговоры съ Литвою внѣ Москвы; что онъ будетъ именовать Стефана *братомъ*, если Король возвратитъ намъ Полоцкъ; соглашались не требовать и Полоцка; уступали Курляндію и двадцать-четыре города въ самой Ливоніи. Но Стефанъ хотѣлъ всѣхъ областей Ливонскихъ, даже Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новагорода. Тутъ Сицкій и Пивовъ, объявивъ, что уже не могутъ уступить ничего болѣе, потребовали отпуска или дозволенія писать къ Іоанну. Отправили гонца въ Москву — и въ тотъ же день, Сентября 5, отъ взрыва башни, наполненной порохомъ, взлетѣла на воздухъ часть (Завоеваніе Великихъ Лукъ.) крѣпости ([545]); огонь довершилъ разрушеніе стѣнъ, а мечь непріятельскій гибель Россіянъ: Король взялъ пепелище, омоченное ихъ кровію, покрытое истерзанными тѣлами и членами. Велѣвъ немедленно возстановить укрѣпленія сего

г. 1580. важнаго мѣста, онъ напалъ на Хилкова близъ Торопца и разбилъ его. Въ семъ жаркомъ дѣлѣ плѣнили сановника Царскаго, Григорья Нащокина, употребляемаго въ Посольствахъ, Думнаго Дворянина Черемисинова, любимца Іоаннова, и 200 Дѣтей Боярскихъ (546). Въ то же время Литовскій Вельможа, Филонъ Кмита, съ девятью тысячами всадниковъ приближился къ Смоленску, въ надеждѣ сжечь его предмѣстія; но встрѣченный въ полѣ тамошними храбрыми начальниками, Даниломъ Ногтевымъ и Княземъ Ѳедоромъ Мосальскимъ, бѣжалъ, кинувъ знамена, обозъ и 60 легкихъ пушекъ (547). Сіи единственные наши трофеи, вмѣстѣ съ тремя стами осьмидесятью взятыми плѣнниками, были посланы въ Москву: за что Іоаннъ наградилъ Воеводъ золотыми медалями. Еще Баторій, не смотря на глубокую осень, усильно продолжалъ войну. Невель, Озерище ему сдалися. Заволочье, крѣпостію мѣста и мужествомъ Воеводы Сабурова, держалось и стоило непріятелю дорого; наконецъ также сдалося, и Баторій выпустилъ оттуда Россіянъ съ честію (548). Симъ заключился его походъ. Войско изнемогало отъ трудовъ и недуговъ; самъ Король лежалъ больной въ Полоцкѣ — и еще съ блѣднымъ лицемъ явился на Сеймѣ Варшавскомъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ. «Радуйтесь побѣдѣ,» говорилъ онъ Панамъ: «но сего не довольно: умѣйте пользоваться ею. Судьба предаетъ вамъ, кажется, все Государство Московское: смѣлость и надежда руководствуютъ къ великому. Хотите ли быть умѣренными? возьмите по крайней мѣрѣ Ливонію, которая есть главная цѣль войны, и присоединенная навѣки къ Имперіи Ляховъ, останется для потомства знаменитымъ памятникомъ вашего мужества. Дотолѣ нѣтъ для насъ мира (549)!» Требуя новаго вспоможенія людьми и деньгами, Король жаловался Панамъ, что они не даютъ ему способовъ вести войну непрерывно; что время теряется для него въ переѣздахъ и шумныхъ прѣніяхъ Сейма, а войско слабѣетъ духомъ въ праздности и Россія отдыхаетъ. Баторій дѣйствительно тратилъ время; но Литовскіе Воеводы и зимою еще тревожили Россію: внезапнымъ набѣгомъ взяли Холмъ, выжгли Старую Русу, обогатились въ ней добычею (550); въ Ливоніи взяли Шмильтенъ; опустошили, вмѣстѣ съ измѣнникомъ Магнусомъ,

Бѣдствія Россія.

часть Дерптскихъ и самыхъ Псковскихъ владѣній. Съ другой стороны показались и Шведы: завоевали Кексгольмъ, осадили Падисъ, гдѣ малочисленные Россіяне, томимые голодомъ, ѣли собакъ, кошекъ, даже мертвыя тѣла младенцевъ, но застрѣлили Шведскаго чиновника, предлагавшаго имъ сдать крѣпость. Тамъ, съ горстію отчаянныхъ, сидѣлъ Воевода старецъ, Данило Чихачевъ. Шведы, овладѣвъ замкомъ, нашли въ немъ не людей, а тѣни: умертвили всѣхъ, кромѣ одного молодаго сановника, Князя Михайла Сицкаго (551). Въ теченіе зимы они взяли на договоръ и Везенбергъ, гдѣ находилось около тысячи Стрѣльцевъ Московскихъ, которые вышли оттуда съ одними деревянными иконами. г. 1580.

Россія казалась слабою, почти безоружною, имѣя до осьмидесяти становъ воинскихъ или крѣпостей, наполненныхъ снарядами и людьми ратными — имѣя сверхъ того многочисленныя воинства полевыя, готовыя устремиться на битву! Зрѣлище удивительное, навѣки достопамятное для самаго отдаленнѣйшаго потомства, для всѣхъ народовъ и Властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижаетъ душу, ослѣпляетъ умъ привидѣніями страха, мертвитъ силы и въ Государѣ и въ Государствѣ! Не измѣнились Россіяне, но Царь измѣнилъ имъ! Укрываясь въ Слободѣ Александровской, онъ написалъ къ главнымъ Воеводамъ во Ржевъ или въ Вязьму, къ Великому Князю Тверскому, Симеону Бекбулатовичу, и Князю Ивану Мстиславскому: «Промышляйте дѣломъ Государевымъ и земскимъ, какъ Всевышній вразумитъ васъ, и какъ лучше для безопасности Россіи. Все упованіе мое возлагаю на Бога и на ваше усердіе (552).» Воеводы, смятенные нерѣшительностію Царя, сами опасались дѣйствовать рѣшительно; посылали отряды для наблюденія, для защиты границъ, и только однажды дерзнули вступить въ непріятельскую землю: Князья Михайло Катыревъ Ростовскій, Дмитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову, Могилеву, Радомлю; выжгли Уѣзды и посады сихъ городовъ; разбили Литовцевъ подъ стѣнами Шклова (гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный Бутурлинъ), и привели въ Смоленскъ множе-

г. 1580. ство плѣнниковъ ([553]). Іоаннъ далъ имъ золотыя медали, но не ободрился въ духѣ, какъ увидимъ.

Въ то время, когда Герой Баторій въ излишней надменности обѣщалъ Вельможнымъ Панамъ всю Россію, Царь ея праздновалъ свадьбы: женилъ втораго сына своего, Θеодора, на сестрѣ знаменитаго Бориса Годунова, Иринѣ, и самъ женился, въ шестый или въ седьмый разъ ([554]), безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, на дѣвицѣ Маріи, дочери сановника Θеодора Θеодоровича Нагаго: два брака ужасные своими неожиданными слѣдствіями для Россіи, вина и начало злу долговременному! Уже Годуновъ, возведенный тогда на степень Боярства, усматривалъ, можетъ быть, вдали, неясно, смѣлую цѣль его властолюбія, дотолѣ безпримѣрнаго въ нашей Исторіи! Какъ любимецъ Государевъ онъ могъ завидовать только Богдану Яковлевичу Бѣльскому, Оружничему, ближнему слугѣ, днемъ и ночью неотходному хранителю особы Іоанновой; какъ шуринъ Царевича дѣлился уваженіемъ и честію съ Царскими свойственниками, съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Глинскимъ и съ Нагими, коими вдругъ наполнился дворецъ Іоанновъ; какъ Думный Совѣтникъ видѣлъ еще многихъ старѣйшихъ Бояръ, Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Трубецкихъ, Голицыныхъ, Юрьевыхъ, Сабуровыхъ, но ни единаго равнаго ему въ умѣ государственномъ. На сихъ двухъ роковыхъ свадьбахъ, празднуемыхъ Іоанномъ только съ людьми ближними, въ Слободѣ Александровской, во дни горестные для отечества, подъ личиною усердныхъ слугъ и льстецовъ скрывались два будущіе Царя и третій гнусный предатель Россіи: Годуновъ былъ Дружкою Маріи, Князь Василій Ивановичь Шуйскій Іоанновымъ, Михайло Михайловичь Кривой Салтыковъ чиновникомъ поѣзда! Съ ними же пировалъ и другой, менѣе важный, хотя и равно презрительный измѣнникъ, свойственникъ Малюты Скуратова, Давидъ Бѣльскій, который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ къ Стефану. Не знаемъ ни опалъ, ни казней сего времени, кромѣ одной, весьма достопамятной, и всѣми одобренной. Мы упоминали о Медикѣ Бомеліи, ненавистномъ совѣтникѣ убійствъ: не за-долго до бракосочетанія Іоаннова съ Нагою онъ былъ всенародно сожженъ въ Москвѣ, уличенный въ тайной связи съ Баторіемъ ([555]).

Седьмое супружество Іоанново.

Другіе пишутъ, что Россіяне, выведенные изъ терпѣнія злобою сего наушника Царскаго, искали и нашли способъ погубить его; что онъ, клеветою губившій невинныхъ, сдѣлался жертвою навѣта, ко славѣ Небеснаго правосудія. Можетъ быть, доносы, ложные или справедливые, коснулись тогда и Бѣльскаго; можетъ быть, подобно Курбскому, онъ ушелъ невиннымъ, но оказался преступникомъ, ибо началъ давать совѣты Баторію ко вреду Россіи ([556]).

Изъ сей несчастной Александровской Слободы (гдѣ тиранъ обыкновенно свирѣпствовалъ или пировалъ, ужасалъ вѣрныхъ подданныхъ или трепеталъ враговъ отечества) Царь, свѣдавъ о паденіи Великихъ Лукъ, далъ новый наказъ Сицкому и Пивову, которые въ слѣдъ за Баторіемъ ѣздили изъ мѣста въ мѣсто, будучи смиренными, жалкими свидѣтелями торжества его ([557]). Въ г. 1581. Варшавѣ они уступали ему еще нѣсколько областей Ливонскихъ за взятые имъ города Россійскіе, убѣждая Стефана отправить Пословъ въ Москву для мирныхъ условій и прекратить войну; но имъ велѣно было ѣхать къ Царю съ отвѣтомъ: «не будетъ ни Посольства, ни мира, ни перемирія, доколѣ войско Россійское не очиститъ Ливоніи!» Болѣе и болѣе снисходительный, Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ именовалъ Стефана *братомъ;* жаловался, что Литовцы не престаютъ тревожить Россіи нападеніями; молилъ его не собирать войска къ лѣту, не истощать тѣмъ казны государственной — и немедленно послалъ къ нему Думныхъ Дворянъ, Пушкина и Писемскаго, велѣвъ имъ не только быть смиренными, кроткими въ переговорахъ, но даже (неслыханное уничиженіе!) терпѣть и побои ([558])! Такъ Іоаннъ пилъ чашу стыда, имъ, не Россіею заслуженнаго! Новая уступчивость производила новыя требованія: Баторій, кромѣ всей Ливоніи, хотѣлъ городовъ Сѣверскихъ, Смоленска, Пскова, Новагорода, — по крайней мѣрѣ Себежа; хотѣлъ еще взять съ Россіи 400 *тысячь золотыхъ Венгерскихъ*, и прислалъ гонца въ Москву за рѣшительнымъ отвѣтомъ! Наконецъ Іоаннъ изъявилъ досаду: принимая гонца Литовскаго, не всталъ съ мѣста, не спросилъ о здоровьѣ Короля, и написалъ къ Стефану ([559]): «Мы, смиренный Государь всея Россіи, *Божіею, а не человѣческою многомятежною волею. . .* Когда Польша и Литва имѣли также

Неслыханное уничиженіе.

Письмо къ Баторію.

г. 1581. Вѣнценосцевъ наслѣдственныхъ, законныхъ, они ужасались кровопролитія: нынѣ нѣтъ у васъ Христіанства! Ни Ольгердъ, ни Витовтъ не нарушали перемирія; а ты, заключивъ его въ Москвѣ, кинулся на Россію съ нашими злодѣями, Курбскимъ и другими; взялъ Полоцкъ измѣною, и торжественнымъ Манифестомъ обольщаешь народъ мой, да измѣнитъ Царю, совѣсти и Богу! Воюешь не мечемъ, а предательствомъ — и съ какимъ лютымъ звѣрствомъ! Воины твои рѣжутъ мертвыхъ (560).. Наши Послы ѣдутъ къ тебѣ съ мирнымъ словомъ, а ты жжешь Луки калеными ядрами (изобрѣтеніемъ новымъ, безчеловѣчнымъ); они говорятъ съ тобою о дружбѣ и любви, а ты губишь, истребляешь! Какъ Христіанинъ я могъ бы отдать тебѣ Ливонію; но будешь ли доволенъ ею? Слышу, что ты клялся Вельможамъ присоединить къ Литвѣ всѣ завоеванія моего отца и дѣда. Какъ намъ согласиться? Хочу мира, хочешь убійства; уступаю, требуешь болѣе, и неслыханнаго: требуешь отъ меня золота за то, что ты беззаконно, безсовѣстно разоряешь мою землю! . . . Мужъ кровей! вспомни Бога!» Но Іоаннъ, не смотря на досаду свою, еще уступалъ Литвѣ всѣ завоеванныя Баторіемъ крѣпости Россійскія, желая единственно удержать восточную Эстонію и Ливонію, Нарву, Вейсенштейнъ, Дерптъ, и на такомъ условіи заключить семилѣтнее перемиріе. Отвѣтомъ на сію грамоту было *третіе* выступленіе Баторіево въ поле и письмо исполненное язвительныхъ укоризнъ, равно плодовитое и непристойное для Вѣнценосца (561).

Отвѣтъ Баторіевъ. « Хвалишься своимъ наслѣдственнымъ Государствомъ,» писалъ Стефанъ: «не завидую тебѣ, ибо думаю, что лучше достоинствомъ пріобрѣсти корону, нежели родиться на тронѣ отъ Глинской, дочери Сигизмундова предателя. Упрекаешь меня терзаніемъ *мертвыхъ:* я не терзалъ ихъ; а ты мучишь *живыхъ:* что хуже? Осуждаешь мое вѣроломство мнимое, ты, сочинитель подложныхъ договоровъ, измѣняемыхъ въ смыслѣ обманомъ и тайнымъ прибавленіемъ словъ, угодныхъ единственно твоему безумному властолюбію! Называешь измѣнниками Воеводъ своихъ, честныхъ плѣнниковъ, коихъ мы должны были отпустить къ тебѣ, ибо они вѣрны отечеству! Беремъ земли доблестію воинскою, и не имѣемъ нужды въ услугѣ твоихъ мнимыхъ предателей. Гдѣ же ты, *Богъ* г. 1581. земли Русской, какъ велишь именовать себя рабамъ несчастнымъ? Еще не видали мы лица твоего, ни сей *крестоносной* хоругви, коею хвалишься, ужасая *крестами* своими не враговъ, а только бѣдныхъ Россіянъ. Жалѣешь ли крови Христіанской? назначь время и мѣсто; явися на конѣ, и единъ сразися со мною единымъ, да праваго увѣнчаетъ Богъ побѣдою!» Не соглашаясь оставить за Россіею ни пяди земли въ Ливоніи, Баторій не хотѣлъ далѣе говорить съ нашими Послами, выгналъ ихъ изъ своего ратнаго стана (562), и съ насмѣшкою прислалъ къ Іоанну изданныя въ Германіи на Латинскомъ языкѣ книги о Россійскихъ Князьяхъ и собственномъ его царствованіи, въ доказательство (какъ онъ изъяснялся), что древніе Государи Московскіе были не Августовы родственники, а данники Хановъ Перекопскихъ; совѣтовалъ ему также читать пятидесятый Псаломъ Давидовъ и Христіански узнать самого себя. Сію бранную Стефанову грамоту подалъ Іоанну гонецъ Литовскій. Царь, выслушавъ оную, тихо сказалъ ему: «мы будемъ отвѣчать *брату* нашему, Королю Стефану,» и вставъ съ мѣста, примолвилъ учтиво: «кланяйся отъ насъ своему Государю!» То есть, Іоаннъ, приведенный въ новый страхъ движеніемъ Литовскаго войска, хотѣлъ снова искать мира, въ надеждѣ на важнаго посредника, который тогда явился между имъ и Баторіемъ.

Гонецъ Московскій, Шевригинъ, посланный въ Вѣну и въ Римъ, возвратился. Слабый, безпечный Рудольфъ (563) отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома Князей Имперскихъ; что его Вельможи, коимъ надлежало ѣхать въ Москву для заключенія союза, или умерли или больны. Но Папа, славный ревностію къ успѣхамъ Латинской Вѣры — тотъ, который освѣтилъ Римъ потѣшными огнями, свѣдавъ о злодѣйствахъ Варѳоломеевской ночи во Франціи — Григорій XIII изъявилъ живѣйшее удовольствіе, видя, какъ онъ думалъ, случай присоединить Россію къ своей обширной паствѣ. Еще въ 1576 году Григорій хотѣлъ послать въ Москву одного Священника, именемъ Рудольфа Кленхена, знавшаго обычаи и языкъ Россіи, съ письменнымъ наставленіемъ, весьма умнымъ и хитрымъ, въ коемъ сказано (для объявле-

г.1581. нія Царскимъ Вельможамъ), что Папа, много слышавъ о силѣ, завоеваніяхъ, геройствѣ, мудрости, благочестіи и всѣхъ великихъ свойствахъ Іоанновыхъ, равно удивительныхъ и любезныхъ, исполняетъ наконецъ свое давнишнее ревностное желаніе изъявить столь необыкновенному Вѣнценосцу сердечную пріязнь и надежду, что ему угодно будетъ смирить ненавистниковъ Христіанства, Оттомановъ, и возстановить цѣлость Святой Вѣры на земномъ шарѣ ([564]). Вѣроятно, что сію мысль внушилъ Григорію Посолъ Императорскій, Кобенцель: ибо онъ славилъ въ Европѣ не только могущество, но и мнимое доброжелательство Россіянъ къ Латинской Церкви, говоря въ донесеніи къ Вѣнскому Министерству: «Несправедливо считаютъ ихъ врагами нашей Вѣры; такъ могло быть прежде: нынѣ же Россіяне любятъ бесѣдовать о Римѣ; желаютъ его видѣть; знаютъ, что въ немъ страдали и лежатъ великіе Мученики Христіанства, ими еще болѣе, нежели нами уважаемые; знаютъ, лучше многихъ Нѣмцевъ и Французовъ, святость Лоретты; не усомнились даже вести меня къ образу Николая Чудотворца, главной Святынѣ сего народа, слыша, что я древняго Закона, а не Лютерова, для нихъ ненавистнаго» ([565]). Но Кленхенъ, кажется, не былъ въ Москвѣ: наставленіе, ему данное, осталось только въ Римскихъ Архивахъ. Ласково принявъ Шевригина, одаривъ его золотыми цѣпями и бархатными ферезями, Папа велѣлъ славному Богослову, Іезуиту Антонію Поссевину, ѣхать къ Баторію и въ Москву для примиренія воюющихъ Державъ. Антоній нашелъ Короля въ Вильнѣ. «Государь Московскій» (сказалъ Баторій Іезуиту)» хочетъ обмануть Св. Отца; видя грозу надъ собою, радъ все обѣщать: и соединеніе Вѣръ и войну съ Турками; но меня не обманетъ. Иди и дѣйствуй: не противлюсь; знаю только, что для выгоднаго и честнаго мира надобно воевать: мы будемъ имѣть его; даю слово» ([566]). И миротворецъ Антоній, благословивъ Короля на дѣла достойныя Героя и Христіанина, поѣхалъ къ Царю; а Баторій, въ слѣдъ за нимъ, со всѣмъ войскомъ, вновь усиленнымъ, быстро двинулся ко Пскову, въ Августѣ мѣсяцѣ.

*Посольство отъ Папы.*

*Славная осада Пскова.*

Сіе нападеніе уже не было нечаяннымъ: Іоаннъ ожидалъ его и ввѣрилъ защиту Пскова Воеводамъ надежнымъ: Боярамъ Князьямъ Шуйскимъ, Ивану г.1581. Петровичу и Василію Ѳедоровичу (Скопину), Никитѣ Ивановичу Очину-Плещееву, Князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; далъ имъ письменный наказъ, и въ храмѣ Успенія, предъ Владимірскою иконою Богоматери, взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до своей смерти ([567]). Воеводы такою же клятвою обязали и Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, гражданъ Псковскихъ, *старыхъ* и *малыхъ;* всѣ цѣловали крестъ въ восторгѣ любви къ отечеству, взывая: «умремъ, но не сдадимся!» Ихъ было тридцать тысячь ([568]). Исправили ветхія укрѣпленія; разставили пушки, ручницы, пищали; назначили мѣста, гдѣ быть каждому Воеводѣ съ своею особенною дружиною для обороны Кремля, города Средняго и Большаго, Запсковья и такъ называемой *Окольней* или внѣшней стѣны, на пространствѣ семи или осьми верстъ. Царь непрестанно писалъ къ сановникамъ и войску, чтобы они помнили клятву и должность. Тоже писалъ къ нимъ и Новогородскій Владыка Александръ. Игуменъ Печерскій, добродѣтельный Тихонъ, оставивъ свою Обитель, явился на ѳеатрѣ будущаго кровопролитія, чтобы увѣщаніями и молитвою служить отечеству. Все изготовилось принять Баторія, съ тѣмъ великодушіемъ, коего онъ не любилъ въ Россіянахъ, но коему умѣлъ отдавать справедливость. Въ Новѣгородѣ было 40,000 воиновъ съ Княземъ Юріемъ Голицынымъ, во Ржевѣ тысячь пятнадцать, для вспоможенія угрожаемому Пскову. На берегахъ Оки стояли Князья Василій Ивановичь Шуйскій и Шестуновъ, чтобы дѣйствовать оборонительно въ случаѣ Ханскаго впаденія; въ Волокѣ Великій Князь Тверскій Симеонъ, Мстиславскіе и Курлятевъ съ главными силами, такъ, что Государь имѣлъ въ полѣ до трехъ сотъ тысячь воиновъ ([569]): рать, какой не видала ни Россія, ни Европа съ нашествія Моголовъ! Іоаннъ выѣхалъ наконецъ изъ Слободы Александровской и прибылъ въ Старицу со всѣмъ Дворомъ, съ Боярами, съ дружиною Царскою — казалось, для того, чтобы лично предводительствовать войсками, взять и двинуть ихъ громаду, по примѣру Героя Донскаго, на встрѣчу къ новому Мамаю.... Но Іоаннъ готовился къ хитростямъ и лести, а не къ битвамъ!

18 Августа пріѣхалъ къ Государю въ

г. 1581. Старицу нетерпѣливо ожидаемый имъ Іезуитъ Поссевинъ, коего отъ Смоленска до сего мѣста вездѣ честили, привѣтствовали съ необыкновенною пышностію и ласкою. Дружины воинскія, блестящія золотомъ, стояли въ ружьѣ предъ Іезуитомъ; чиновники сходили съ коней, низко кланялись и говорили рѣчи. Никогда не оказывалось въ Россіи такого уваженія ни Королевскимъ, ни Императорскимъ Посламъ ([570]). Чрезъ два дни, данные путешественнику на отдохновеніе, Антоній съ четырмя братьями своего Ордена былъ представленъ Государю, удивленный великолѣпіемъ Двора, множествомъ Царедворцевъ, сіяніемъ драгоцѣнныхъ металловъ и каменьевъ, порядкомъ и тишиною. Іоаннъ и старшій Царевичь встали при имени Григорія XIII и съ великимъ вниманіемъ разсматривали дары его: крестъ съ изображеніемъ Страстей Господнихъ, четки съ алмазами и книгу въ богатомъ переплетѣ о Флорентійскомъ Соборѣ ([571]). Григорій писалъ особенно и къ Царевичамъ и къ Царицѣ (именуя Марію *Анастасіею)*; называлъ Іоанна, въ письмѣ къ нему, своимъ сыномъ возлюбленнымъ, а себя единственнымъ Намѣстникомъ Христовымъ; увѣрялъ Россію въ усердномъ доброжелательствѣ; обѣщалъ склонить Баторія къ миру, нужному для общаго блага Христіанскихъ Державъ, и къ возвращенію отнятаго несправедливо, въ надеждѣ, что Іоаннъ умиритъ Церковь соединеніемъ нашей съ *Апостольскою*, вспомнивъ, что Греческая Имперія пала отъ непріятія уставовъ Флорентійскаго Собора ([572]). Антоній объявилъ на словахъ Думнымъ Дворянамъ и Дьяку Андрею Щелкалову, что онъ, исполняя волю Папы, и готовый отдать душу за Царя, склонилъ Баторія не требовать съ насъ денегъ за убытки войны; что Стефанъ удовольствуется одною Ливоніею, но всею; что заключивъ миръ съ нимъ и съ Королемъ Шведскимъ (чего желаетъ Папа), Іоаннъ долженъ вступить въ тѣсный союзъ съ Римомъ, съ Императоромъ, съ Королями Испанскимъ, Французскимъ, съ Венеціею и съ другими Европейскими Державами противъ Оттоманской; что Папа дастъ 50,000 или болѣе воиновъ въ составъ сего Христіанскаго ополченія, въ коемъ и Шахъ Персидскій можетъ взять участіе. Наконецъ Антоній просилъ Государя, чтобы онъ дозволилъ Венеціанамъ свободно торговать и строить церкви въ Россіи. Ему отвѣтствовали ласково, однакожь съ нѣкоторою твердостію. Царь благодарилъ Папу за любовь и доброжелательство; хвалилъ за великую мысль наступить на Турковъ общими силами Европы; не отвергалъ и соединенія Церквей и мира съ Швеціею, въ угодность Григорію, но прежде хотѣлъ мира съ Баторіемъ; изъявлялъ довѣренность къ Поссевину; сказалъ, чтобы онъ снова ѣхалъ къ Королю для совершенія начатаго имъ дѣла; что Россія, отъ временъ Ярослава I владѣвъ Ливоніею, уступаетъ въ ней Стефану 66 городовъ, и сверхъ того Великія Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, удерживая за собою единственно 35 городовъ Ливонскихъ, Дерптъ, Нарву и проч.; что болѣе ничего уступить не можетъ, и что отъ Стефана зависитъ прекратить войну на сихъ условіяхъ. Позволяя Италіанскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть Латинскихъ Священниковъ и молиться Богу, какъ имъ угодно, Іоаннъ примолвилъ: «а церквей Римскихъ у насъ не бывало и не будетъ.» — Во время сихъ переговоровъ смиренные Іезуиты обѣдали у Государя на золотѣ, вмѣстѣ съ Боярами и людьми знатнѣйшими. «Я видѣлъ (пишетъ Антоній) не грознаго Самодержца, но радушнаго хозяина среди любезныхъ ему гостей, привѣтливаго, внимательнаго, разсылающаго ко всѣмъ яства и вина. Въ половинѣ обѣда Іоаннъ, облокотясь на столъ, сказалъ мнѣ: *Антоній! укрѣпляйся пищею и питіемъ. Ты совершилъ путь дальній отъ Рима до Москвы, будучи посланъ къ намъ Святымъ Отцемъ, Главою и Пастыремъ Римской Церкви, коего мы чтимъ душевно*» ([573]). Исполненный надежды услужить Царю миромъ и тѣмъ содѣйствовать важнымъ намѣреніямъ Папы въ отношеніи къ Россіи, Антоній поѣхалъ къ Стефану, и нашелъ его уже среди кровопролитія.

Свѣдавъ, что Стефанъ идетъ прямо на Псковъ, тамошніе Воеводы и воины, Духовенство и граждане съ крестами, чудотворными иконами и мощами Св. Князя Всеволода-Гавріила обошли вокругъ всѣхъ укрѣпленій; матери несли младенцевъ на рукахъ ([574]). Молились, да будетъ древній градъ Ольгинъ неодолимою твердынею для враговъ, да спасется и спасетъ Россію! Услышавъ, что Баторій взялъ Опочку, Красный, Островъ, и на берегахъ Черехи разбилъ легкій отрядъ нашей конницы, Воеводы (18 Ав-

г. 1581. густа) зажгли предмѣстіе, сѣли на коней, велѣли звонить въ *осадный колоколъ*, и скоро увидѣли густыя облака пыли, которыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ неслися къ городу. Явилась и рать Стефанова: она шла медленно, осторожно, толпами необозримыми; заняла дорогу Порховскую, и стала вдоль рѣки Великой. Россіяне сдѣлали жаркую вылазку: съ обѣихъ сторонъ взяли плѣнниковъ; узнали силу непріятеля. Разноплеменное войско Баторіево состояло изъ Поляковъ, Литвы, Мазовшанъ, Венгровъ, Нѣмцевъ Брауншвейгскихъ, Любскихъ, Австрійскихъ, Прусскихъ, Курляндскихъ, изъ Датчанъ, Шотландцевъ, числомъ до ста тысячь, конныхъ и пѣшихъ, исправныхъ, вооруженныхъ столь красиво, что Посолъ Оттоманскій, прибывъ въ станъ къ Королю и смотря на его блестящую рать, сказалъ въ восторгѣ: «ежели Султанъ и Баторій захотятъ дѣйствовать единодушно, то побѣдятъ вселенную» (575). Но сіе многочисленное, прекрасное войско убоялось трудностей, видя крѣпость города, обширнаго, наполненнаго запасами, снарядами и воинами, которые въ самой первой битвѣ оказали необыкновенное мужество. Еще въ Вильнѣ измѣнникъ нашъ, Давидъ Бѣльскій, совѣтовалъ Королю не ходить къ Новугороду, ни къ Пскову, городамъ окруженнымъ болотами и рѣками, твердымъ и каменными стѣнами и духомъ Русскимъ, но осадить Смоленскъ, менѣе недоступный, менѣе чуждый Литовскаго духа (576). Король отвергнулъ сей совѣтъ благоразумный; не слушалъ и Воеводъ, которые думали, что скорѣе можно взять Новгородъ. Непреклонный Баторій страшился изъявить опасеніе и слабость; хотѣлъ быть увѣреннымъ въ своемъ счастіи и въ мужествѣ войска; любилъ одолѣвать трудности — и началъ достопамятную осаду Пскова.

26 Августа непріятель обступалъ городъ, подъ громомъ всѣхъ нашихъ бойницъ, заслоняясь лѣсомъ отъ ихъ пальбы, но теряя не мало людей, къ удивленію Стефана, не хотѣвшаго вѣрить столь мѣткому и сильному дѣйствію Россійскихъ пушекъ. Онъ сталъ въ шатрахъ на Московской дорогѣ, близъ Любатовской церкви Св. Николая, и долженъ былъ снять ихъ, чтобы удалиться отъ свисту летающихъ надъ нимъ ядеръ, къ берегамъ Черехи, за высоты и холмы. Пять дней миновало въ тишинѣ. Непріятель укрѣплялъ станъ на берегу Великой, осматривалъ городъ, и 1 Сентября началъ *копать борозды* (или вести траншеи) къ воротамъ Покровскимъ, вдоль рѣки; работалъ день и ночь; прикатилъ туры, сдѣлалъ осыпь. Воеводы Псковскіе видѣли работу, угадывали намѣреніе, и въ семъ опасномъ, угрожаемомъ мѣстѣ заложили новыя, внутреннія укрѣпленія, деревянную стѣну съ раскатами; выбрали лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и смѣлаго вождя, Князя Андрея Хворостинина, для ея защиты; велѣли пѣть тамъ молебны и кропить Святою водою землю, готовую ороситься кровію воиновъ доблихъ. Тутъ были неотходно и Князья Шуйскіе и Дьяки Государевы, данные имъ для совѣта (577). Поляки 7 Сентября, устроивъ бойницы, на самомъ разсвѣтѣ открыли сильную пальбу изъ двадцати тяжелыхъ орудій; громили стѣны между воротами Покровскими и Свиными; въ слѣдующій день сбили ихъ въ разныхъ мѣстахъ — и Король объявилъ своимъ Воеводамъ, что путь въ городъ открытъ для Героевъ; что Россіяне въ ужасѣ, и время дорого. Воеводы, обѣдая въ шатрѣ Королевскомъ, сказали Баторію: «Государь! мы будемъ нынѣ ужинать съ тобою въ замкѣ Псковскомъ.» Спѣшили къ дѣлу, обѣщая воинамъ всѣ богатства города, корысть и плѣнъ безъ остатка. Венгры, Нѣмцы, Поляки устремились къ проломамъ, распустивъ знамена, съ трубнымъ звукомъ и съ воплемъ. Россіяне ждали ихъ: извѣщенные о приступѣ звономъ *осаднаго колокола*, всѣ граждане простились съ женами, благословили дѣтей, стали вмѣстѣ съ воинами между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще не достроенною. Игуменъ Тихонъ и Священники молились въ храмѣ Соборномъ. Господь услышалъ сію молитву: 8 Сентября осталось въ Исторіи славнѣйшимъ днемъ для Пскова.

Не взирая на жестокій огонь городскихъ бойницъ, непріятель по тѣламъ своихъ достигъ крѣпости, ворвался въ проломы, взялъ башню Покровскую, Свиную, и распустилъ на нихъ знамена Королевскія, къ живѣйшей радости Баторія, смотрѣвшаго битву съ колокольни Св. Никиты Мученика (въ полуверстѣ отъ города). Поляки въ отверстіяхъ стѣны рѣзались съ гражданами, съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами; изъ башенъ, занятыхъ Венграми и Нѣмцами, сыпались пули на Россіянъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Тутъ Князь Шуй-

г. 1581. скій, облитый кровію, сходитъ съ раненнаго коня, удерживаетъ отступающихъ, показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи Св. Всеволода-Гавріила, несомыя Іереями изъ Соборнаго храма: свѣдавъ, что Литва уже въ башняхъ и на стѣнѣ, они шли съ сею святынею, въ самый пылъ битвы, умереть или спасти городъ Небеснымъ вдохновеніемъ мужества. Россіяне укрѣпились въ духѣ; стали непоколебимо — и вдругъ Свинская башня ([578]), въ рѣшительный часъ ими подорванная взлетѣла на воздухъ съ Королевскими знаменами .... ровъ наполнился трупами Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ; а къ нашимъ приспѣли новыя дружины воиновъ изъ дальнихъ, безопасныхъ частей города: всѣ твердо сомкнулись, двинулись впередъ, воскликнувъ: «не предадимъ Богоматери и Св. Всеволода!» дружнымъ ударомъ смяли изумленныхъ враговъ, вытѣснили изъ проломовъ, низвергнули съ раскатовъ. Долѣе иныхъ упорствовали Венгры, засѣвъ въ Покровской башнѣ: ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Кровь лилася до вечера (ибо Стефанъ свѣжимъ войскомъ усилилъ Поляковъ), но уже внѣ крѣпости, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти: самыя жены, узнавъ, что *стѣна очищена отъ ногъ Литовскихъ* — что Царскія знамена опять стоятъ на ея раскатахъ, и что непріятель бросилъ нѣсколько легкихъ пушекъ въ воротахъ — явились на мѣстѣ битвы: однѣ съ веревками, чтобы тащить сіи взятыя орудія въ Кремль; другія съ холодною водою, чтобы освѣжить запекшіяся уста воиновъ, изнемогающихъ отъ жажды; многія даже съ копьями, чтобы помогать мужьямъ и братьямъ въ сѣчѣ ([579]). Наконецъ все не-Русское бѣжало. Съ трофеями, знаменами, трубами Литовскими и съ великимъ числомъ плѣнниковъ возвратились побѣдители въ городъ, уже ночью, воздать хвалу Богу въ Соборной церкви, гдѣ Воеводы сказали ратникамъ и гражданамъ: «Такъ миновалъ для насъ первый день трудовъ, мужества, плача и веселія! Совершимъ, какъ мы начали! Пали сильные враги наши, а мы слабые съ ихъ доспѣхами стоимъ предъ олтаремъ Всевышняго. Гордый *исполинъ лишился хлѣба,* а мы въ Христіанскомъ смиреніи насытились милосердіемъ Небеснымъ. Исполнимъ клятвенный обѣтъ, данный нами безъ лукавства и хитрости; не измѣнимъ Церкви и Государю, ни робостію, ни малодушнымъ отчаяніемъ» ([580])! Воины и г. 1581. граждане отвѣтствовали съ слезами умиленія: «Мы готовы умереть за Вѣру Христову! какъ начали, такъ и совершимъ съ Богомъ, безъ всякой хитрости!» — Послали гонца въ Москву съ радостною вѣстію: онъ счастливо миновалъ станъ Литовскій. Велѣли успокоить и лечить раненыхъ изъ казны Государевой. Ихъ было 1626 человѣкъ, убитыхъ же 863. Непріятелей легло около пяти тысячь, болѣе осьмидесяти знатныхъ сановниковъ, и въ числѣ ихъ Бекези, Полководецъ Венгерскій, отмѣнно уважаемый, любимый Стефаномъ, который съ досады заключился въ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть Воеводъ своихъ, обѣщавшихъ ужинать съ нимъ въ замкѣ Псковскомъ.

Но, какъ бы устыдясь сего душевнаго огорченія, Баторій на другой день вышелъ къ войску съ лицемъ покойнымъ; созвалъ Думу; сказалъ, что должно умереть или взять Псковъ, осенью или зимою, не взирая ни на какія трудности; велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и ночь въ крѣпость, готовиться къ новымъ приступамъ, и написалъ къ Воеводамъ Россійскимъ: «Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ безполезно. Знаете, сколько городовъ завоевано мною въ два года! Сдайтеся мирно: вамъ будетъ честь и милость, какой не заслужите отъ Московскаго тирана, а народу льгота, неизвѣстная въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, нѣкогда процвѣтавшей въ землѣ его. Обычаи, достояніе, Вѣра будутъ неприкосновенны. Мое слово законъ. Въ случаѣ безумнаго упрямства гибель вамъ и народу!» Съ сею бумагою пустили стрѣлу въ городъ (ибо осажденные не хотѣли имѣть никакого сношенія съ врагами). Воеводы такимъ же способомъ отвѣчали Королю: «Мы не Жиды: не предаемъ ни Христа, ни Царя, ни отечества. Не слушаемъ лести, не боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ Бога» ([581]). Они спѣшили довершить деревянную стѣну, защитили ею проломъ, выкопали ровъ между ими, утвердили въ немъ дубовый острый частоколъ; пѣли молебны въ укрѣпленіяхъ, подъ ядрами Литовскихъ бойницъ; спокойно ждали битвъ — и въ теченіе пяти или шести недѣль славно отражали всѣ нападенія. Бодрость осажденныхъ возрастала: осаждающіе слабѣли духомъ и тѣломъ, терпя ненастье, иногда и голодъ; роптали; не смѣя ви-

г. 1581. нить Короля, винили главнаго Воеводу, Замойскаго; говорили, что онъ въ Академіяхъ Италіянскихъ выучился всему, кромѣ искусства побѣждать Россіянъ; безъ сомнѣнія уѣдетъ съ Королемъ въ Варшаву, блистать краснорѣчіемъ на Сеймѣ, а войско будетъ жертвою зимы и свирѣпаго непріятеля. Баторій велѣлъ рыть землянки; запасался порохомъ и хлѣбомъ; не слушалъ ропота; надѣялся на дѣйствіе подкоповъ. Но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца Литовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ *перенять* нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились ([582]). Тщетны были всѣ дальнѣйшіе опыты, хитрости, усилія Баторіевы; ни огненныя ядра его, столь бѣдственныя для Великихъ Лукъ и Сокола, ни отчаянная смѣлость не производили желаемаго дѣйствія. Такъ въ одинъ день (Октября 28), при ужасной пальбѣ всѣхъ Литовскихъ бойницъ, Королевскіе Гайдуки устремились отъ рѣки Великой прямо къ городу съ кирками и съ ломами; начали, между угольною башнею и воротами Покровскими, разбивать каменную стѣну, закрывая себя широкими щитами; лѣзли въ отверстія и хотѣли сжечь внутреннія деревянныя укрѣпленія. Россіяне удивились, но въ нѣсколько минутъ истребили сихъ Баторіевыхъ смѣльчаковъ: лили на нихъ пылающую смолу, кидали гранаты *(кувшины съ зеліемъ)*, зажигали щиты; однихъ кололи въ отверстіяхъ, другихъ били каменьями, изъ ручницъ, самопаловъ; не многіе спаслися бѣгствомъ. Въ слѣдующіе пять дней пальба не умолкала; оказался новый проломъ въ стѣнѣ, отъ рѣки Великой, и Баторій (2 Ноября) хотѣлъ *въ послѣдній разъ* испытать счастіе приступомъ. Литовцы густыми толпами шли по льду рѣки, сперва отважно и бодро; но вдругъ, осыпанные ядрами изъ крѣпости, стали, замѣшались. Напрасно Воеводы Стефановы, разъѣзжая на коняхъ, кричали, махали саблями, даже сѣкли робкихъ: вторый сильный залпъ изъ города обратилъ въ бѣгство и воиновъ и Воеводъ, въ виду Короля! Онъ имѣлъ твердость и нужду въ ней. Къ умноженію Баторіевой досады, Голова Стрѣлецкій, Ѳедоръ Мясоѣдовъ, съ свѣжею, довольно многочисленною дружиною сквозь цѣпь непріятельскихъ полковъ открылъ себѣ путь и вступилъ въ славный Псковъ ([583]), къ несказанной радости его защитниковъ, неутомимыхъ въ мужествѣ, но уменьшенныхъ числомъ.

Наконецъ Стефанъ далъ повелѣніе оставить укрѣпленія, вывезти пушки, снять туры, и дѣятельную, жестокую осаду превратить въ тихое облежаніе, думая изнурить осажденныхъ голодомъ ([584]). Россіяне ликовали на стѣнахъ, видя, какъ непріятель удалялся, бѣжалъ отъ крѣпости съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. г. 1581.

Сего мало! Чтобы какимъ нибудь легкимъ завоеваніемъ ободрить унылую рать свою и потѣшить корыстолюбивыхъ наемниковъ, Баторій хотѣлъ взять, въ пятидесяти шести верстахъ отъ Пскова, древній Печерскій монастырь, въ 1519 году обновленный, украшенный Великокняжескимъ Дьякомъ Мунехинымъ, и съ того времени славный чудесами исцѣленія для набожныхъ, богатыми вкладами, красотою зданій ([585]). Тамъ, кромѣ Монаховъ, находилось для защиты каменныхъ стѣнъ и башенъ 200 или 300 воиновъ, которые, имѣя отважнаго Вождя, Юрья Нечаева, безпрестанными нападеніями тревожили подвозы Литовскіе ([586]). Витязь Георгій Фаренсбахъ съ Нѣмцами и Воевода Королевскій Борнемисса съ Венгерскою дружиною, приступивъ къ монастырю, требовали немедленной сдачи; но добрые Иноки отвѣтствовали имъ: «Похвально ли для Витязей воевать съ Чернцами? Если хотите битвы и славы, то идите ко Пскову, гдѣ найдете бойцевъ достойныхъ ([587]). А мы не сдаемся.» Монахи еще лучше дѣйствовали, нежели говорили: вмѣстѣ съ воинами, съ ихъ женами и дѣтьми, отразили два приступа; взяли молодаго Кетлера, Герцогова племянника, и двухъ знатныхъ Ливонскихъ сановниковъ. — Съ того времени многочисленная рать непріятельская сражалась болѣе всего съ холодомъ и голодомъ. Воины на часахъ замерзали, цѣпенѣли въ шатрахъ. За четверть ржи въ Баторіевомъ станѣ платили не менѣе *десяти* нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, за яловицу около *двадцати-пяти*; кормовщиковъ надлежало посылать, съ великою опасностію, верстъ за 150; лошади, скудно питаемыя сѣномъ и соломою, умирали. Казна истощалась; войску не выдавали жалованья, и 3000 Нѣмцевъ ушло во-свояси. «Король хочетъ сдержать слово» ([588]), писали Вожди Литовскіе къ друзьямъ своимъ въ Вильну: «не возметъ города, но можетъ умереть въ снѣгахъ Псковскихъ.»

Гибель дѣйствительно казалась вѣроятнымъ слѣдствіемъ Баторіева упрямства. Если бы Князь Юрій Голицынъ

г. 1581. изъ Новагорода, Мстиславскіе изъ Волока, Шуйскій изъ Пскова вдругъ наступили на Баторія, то онъ увидѣлъ бы, что Судьба еще *не предаетъ ему всей Державы Россійской* (589). Но одинъ Шуйскій дѣйствовалъ, безпокоилъ непріятеля вылазками. Голицынъ, славный бѣглецъ (590), сидѣлъ крѣпко въ стѣнахъ каменныхъ, и слыша, что Литовскіе Козаки жгутъ Русу, едва не обратилъ всей Торговой Стороны въ пепелъ, боясь осады. Великій Князь Тверскій, Симеонъ, и Мстиславскіе стояли неподвижно, охраняя Москву и Государя; а Государь, встревоженный вѣстію о новыхъ успѣхахъ Шведовъ въ Ливоніи и еще болѣе приближеніемъ Радзивила съ легкимъ отрядомъ Баторіевымъ къ самому Ржеву, ускакалъ изъ Старицы въ Александровскую Слободу.

Отважный набѣгъ Литовцевъ на берега Волги, испугавъ Іоанна, не доставилъ имъ иной, существенной выгоды: Радзивилъ бѣжалъ, встрѣтивъ превосходную силу Воеводъ Московскихъ; хотѣлъ взять Торопецъ, не могъ, и возвратился къ Королю. Но происшествія Ливонскія были важны. Баторій требовалъ, чтобы Шведы напали моремъ на сѣверные берега Россіи, истребили гнѣздо нашей торговли съ Англіею, взяли гавань Св. Николая, Колмогоры и Бѣлозерскъ, гдѣ хранилась главная казна Царская (591). Сія мысль, дѣйствительно смѣлая, казалась Шведамъ дерзостію безразсудною: ужасаясь отдаленныхъ, хладныхъ пустынь Россійскихъ, они, къ досадѣ Баторія, искали ближайшихъ, вѣрнѣйшихъ, прочныхъ завоеваній въ Ливоніи, и не думали уступить ему всѣхъ областей ея безъ раздѣла; пользуясь долговременною осадою Пскова, бездѣйствіемъ Воеводъ Іоанновыхъ, въ два или три мѣсяца отняли у насъ Лоде,
Шведы берутъ Нарву. Фиккель, Леаль, Габзаль, самую Нарву, гдѣ, въ кровопролитной сѣчѣ, легло 7000 Россіянъ, Стрѣльцевъ и жителей; гдѣ мы уже двадцать лѣтъ торговали съ Европою: съ Даніею, съ Германіею, съ Нидерландами; гдѣ находилось множество товаровъ и богатства. Чрезъ нѣсколько дней знаменитый Вождь Шведскій, Французъ де-ла-Гарди, поставилъ ногу и на древнюю Русь: завоевалъ Иваньгородъ, Яму, Копорье; плѣнилъ дружину Московскихъ Дворянъ, и въ числѣ ихъ нашелъ опаснаго для насъ измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго, который, будучи достойнымъ родственникомъ Малюты Скуратова и бѣглеца Давида, предложилъ свои ревностныя услуги Шведамъ. Овладѣвъ и крѣпкимъ Виттенштейномъ, величавый де-ла-Гарди торжествовалъ побѣду въ Ревелѣ, и навелъ, какъ пишутъ, такой *ужасъ* на Россіянъ, что они уставили молебствія въ церквахъ, да спасетъ ихъ Небо отъ сего врага лютаго (592). г. 1581.

По крайней мѣрѣ Іоаннъ былъ въ *ужасѣ*: не видалъ силъ и выгодъ Россіи, видѣлъ только непріятельскія и ждалъ спасенія не отъ мужества, не отъ побѣды, но единственно отъ Іезуита Папскаго, Антонія, который писалъ къ нему изъ Баторіева стана, что сей Герой, истинно Христіанскій, не обольщаясь славою, готовъ, какъ и прежде, дать миръ Россіи на условіяхъ извѣстныхъ Царю, отвергая всѣ иныя, и ждетъ для того нашихъ уполномоченныхъ сановниковъ; что войско Литовское бодро и многочисленно; что дальнѣйшее кровопролитіе угрожаетъ намъ великими бѣдствіями. Сего было довольно для Іоанна: онъ положилъ на совѣтѣ съ Царевичемъ и съ Боярами: «уступить необходимости и могуществу Баторія, союзника Шведовъ, располагающаго силами многихъ земель и народовъ; отдать ему, но только *въ конечной неволѣ, всю* Россійскую Ливонію, съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ намъ всѣ иныя завоеванія и не включалъ Шведовъ въ договоръ, дабы мы на свободѣ могли унять ихъ» (593).

Съ такимъ наказомъ отправили къ Стефану Дворянина Князя Дмитрія Петровича Елецкаго и Печатника Романа Васильевича Олферьева, чтобы заключить миръ или перемиріе. Переговоры о мирѣ. Между Опоками и Порховымъ (594), въ селѣ Бешковичахъ, ждалъ ихъ Римскій Посолъ, Іезуитъ Антоній Поссевинъ, и вмѣстѣ съ ними, Декабря 13, прибылъ въ деревню Киверову Гору, въ пятнадцати верстахъ отъ Запольскаго Яму, гдѣ уже находились Уполномоченные Стефановы, Воевода Янушъ Збаражскій, Маршалокъ Князь Албрехтъ Радзивилъ и Секретарь Великаго Княжества Литовскаго, извѣстный Михайло Гарабурда. Въ сихъ мѣстахъ, разоренныхъ, выжженныхъ непріятелемъ, среди пустынь и снѣговъ, вдругъ явились великолѣпіе и пышность: чиновники Іоанновы и люди ихъ блистали нарядами, золотомъ одеждъ своихъ и приборовъ конскихъ; купцы навезли туда богатыхъ товаровъ и раскладывали ихъ въ шатрахъ, согрѣвае-

г. 1581. мыхъ пылающими кострами. Но всѣ жили въ дымныхъ избахъ, питались худымъ хлѣбомъ, пили снѣжную воду: одни Послы наши имѣли мясо, доставляемое имъ изъ Новагорода, и могли ежедневно угощать Іезуита Антонія (595). — Немедленно начались переговоры; а Баторій, давъ всѣ нужныя наставленія своимъ Повѣреннымъ и главному Воеводѣ Замойскому, уѣхалъ въ Варшаву. Послѣднимъ его словомъ было: «ѣду съ малою, утомленною дружиною за сильнымъ, свѣжимъ войскомъ.»

Сей отъѣздъ, безъ сомнѣнія необходимый для истребованія новыхъ пособій отъ Сейма, былъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ величайшею для Короля смѣлостію. Войско изнуренное оказывало духъ мятежный; проклинало бѣдственную осаду Пскова, требовало мира, и кричало, что Стефанъ воюетъ за Ливонію въ намѣреніи отдать ее своимъ племянникамъ. Присутствіе Короля еще обуздывало недовольныхъ: безъ него могъ вспыхнуть общій бунтъ. Но Король вѣрилъ Замойскому, какъ самому себѣ, и не обманулся: сей Вельможа-Полководецъ, презирая жестокія укоризны, язвительныя насмѣшки, угрозы, смирилъ мятежниковъ строгостію, ободрилъ слабыхъ надеждою. «Послы Московскіе» — говорилъ онъ — «смотрятъ на васъ изъ Запольскаго Яма: если будете мужественны и терпѣливы, то они все уступятъ (596); если изъявите малодушіе, то возгордятся, и мы останемся безъ мира или безъ славы, утративъ плоды столь многихъ побѣдъ и трудовъ!» Но, имѣя твердость великодушную, Замойскій не стыдился коварства: вымыслилъ или одобрилъ гнусную хитрость, чтобы погубить главнаго защитника Псковскаго. Къ нашимъ Воеводамъ явился Россійскій плѣнникъ, безъ всякаго условія отпущенный изъ Литовскаго стана, съ большимъ ларцемъ и съ слѣдующимъ письмомъ отъ Нѣмца Моллера къ Шуйскому: «Государь Князь Иванъ Петровичь! я долго служилъ Царю вмѣстѣ съ Георгомъ Фаренсбахомъ; нынѣ вспомнилъ его хлѣбъ-соль; желаю тайно уйти къ вамъ и шлю напередъ казну свою: возьми сей ящикъ, отомкни, вынь золото и блюди до моего прихода.» Къ счастію, Воеводы усомнились: велѣли искусному мастеру бережно открыть ящикъ и нашли въ немъ нѣсколько заряженныхъ пищалей, осыпанныхъ порохомъ. Если бы самъ Шуйскій неосторожно снялъ крышку, то могъ бы лишиться жизни отъ выстрѣловъ и разорванія пищалей. Спасенный Небомъ, онъ написалъ къ Замойскому, что храбрые убиваютъ непріятелей только въ сѣчахъ; предлагалъ ему бой честный, единоборство, какъ Баторій Іоанну. Уже Воеводы наши знали о съѣздѣ Повѣренныхъ, но все еще бодрствовали, не отдыхали, днемъ и ночью тревожили, били слабѣющихъ Литовцевъ, коихъ оставалось наконецъ не болѣе двадцати-шести тысячь (597). г. 1581.

Мужи ратные дѣлали свое дѣло: Думные также. Если Князь Елецкій и Олферьевъ, исполняя въ точности волю Іоаннову, не могли сохранить достоинства и всѣхъ выгодъ Россіи, то не ихъ вина: по крайней мѣрѣ они умѣли наблюдать обстоятельства, извѣщая Государя о крайности непріятеля; умѣли длить время, медлить въ уступкахъ, ожидая новыхъ повелѣній и счастливой перемѣны въ духѣ робкаго Іоанна; объяснялись съ Литовскими сановниками тихо, но благородно, не унижаясь; обличали ихъ хвастливость безъ грубости. «Когда вы (говорилъ Панъ Збарашскій) пріѣхали сюда за дѣломъ, а не съ пустымъ многорѣчіемъ: то скажите, что Ливонія наша, и внимайте дальнѣйшимъ условіямъ побѣдителя, который уже завоевалъ не малую часть Россіи, возметъ и Псковъ и Новгородъ, ждетъ рѣшительнаго слова, и даетъ вамъ три дни сроку» (598). Россійскіе сановники отвѣтствовали: «Высокомѣріе не есть миролюбіе. Вы хотите, чтобы Государь нашъ безъ всякаго возмездія отдалъ вамъ богатую землю и лишился всѣхъ морскихъ пристаней, необходимыхъ для свободнаго сообщенія Россіи съ иными Державами. Вы осаждаете Псковъ уже четыре мѣсяца, конечно съ достохвальнымъ мужествомъ, но съ успѣхомъ ли? имѣете ли дѣйствительно надежду взять его? а если не возьмете, то не погубите ли и войска и всѣхъ своихъ завоеваній?» Вмѣсто трехъ дней, назначенныхъ Баторіемъ, миновало болѣе трехъ недѣль въ съѣздахъ, въ преніяхъ, съ нашей стороны хладнокровныхъ, жаркихъ съ Литовской. Послы Іоанновы уступали Королю 14 городовъ Ливонскихъ, занятыхъ Россійскимъ войскомъ, — Полоцкъ со всѣми его пригородами, Озерище, Усвятъ, Луки, Велижъ, Невель, Заволочье, Холмъ, чтобы удержать единственно Дерптъ съ пятнадцатью крѣпо-

стями. Стефановы Вельможи не соглашались; требовали и Ливоніи и денегъ за убытки войны; хотѣли также включить Шведскаго Короля въ договоръ. Напрасно Елецкій и Олферьевъ просили добраго содѣйствія Поссевинова: Іезуитъ хитрилъ, угадывалъ тайный наказъ Царскій, славилъ неодолимаго Баторія и коварно жалѣлъ о новыхъ, неминуемыхъ бѣдствіяхъ Россіи, въ случаѣ продолженія войны отъ нашего упрямства. Доброе содѣйствіе было только
г. 1582. отъ Воеводъ Псковскихъ: они, 4 Генваря, еще сильно напали на Замойскаго, съ конницею и пѣхотою; взяли знатное число плѣнныхъ, убили многихъ сановниковъ непріятельскихъ, и съ трофеями возвратились въ городъ (599). Сія вылазка была сорокъ-шестая – *и прощальная:* ибо Замойскій далъ знать своимъ Посламъ, что терпѣніе войска уже истощилось; что надобно подписать договоръ или бѣжать. Настала минута рѣшительная. Збарашскій объявилъ, что Стефанъ велѣлъ кончить переговоры, и сею твердостію побѣдилъ нашу: видя крайность, не смѣя ѣхать въ Москву безъ мира, не смѣя ослушаться Государя, Елецкій и Олферьевъ должны были
Заключеніе перемирія. принять главное условіе: то есть, именемъ Іоанновымъ отказались отъ Ливоніи; уступили и Полоцкъ съ Велижемъ; а Баторій согласился не требовать съ насъ денегъ, не упоминать въ записи ни о Шведскомъ Королѣ, ни о городахъ Эстонскихъ (Ревелѣ, Нарвѣ), возвратить намъ Великія Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе Псковскіе занятые имъ пригороды (600). На сихъ условіяхъ положили быть десятилѣтнему перемирію отъ 6 Генваря 1582 года. Но еще нѣсколько дней спорили о титулахъ и словахъ, однажды съ такимъ жаромъ, что смиренный Іезуитъ Антоній вышелъ изъ себя: вырвалъ черную запись изъ рукъ Олферьева, бросилъ на землю, схватилъ его за воротъ (601). Теряя Ливонію, Іоаннъ желалъ еще именоваться, въ договорѣ, *Ливонскимъ Властителемъ* и *Царемъ*, въ смыслѣ *Императора:* о чемъ ни Послы Стефановы, ни Папскій не хотѣли слышать. Первые, какъ бы въ насмѣшку, требовали Смоленска, Великихъ Лукъ и всѣхъ городовъ Сѣверскихъ, чтобы назвать Іоанна Царемъ, но единственно Казанскимъ и Астраханскимъ, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ Молдавскихъ Воеводъ называютъ Господарями; а Поссевинъ утверждалъ, г. 1582.
что одинъ Папа можетъ возвышать Вѣнценосцевъ новыми титулами. Наконецъ условились дать Іоанну только въ Россійской перемирной грамотѣ имя *Царя*, Властителя *Смоленскаго* и *Ливонскаго;* въ Королевской же просто *Государя*, а Стефану титулъ *Ливонскаго!* Утвердивъ грамоты крестнымъ цѣлованіемъ, Повѣренные обѣихъ Державъ обнялися какъ друзья, и 17 Генваря извѣстили Воеводъ Псковскихъ о замиреніи. Тихій, полумертвый станъ Литовскій ожилъ шумною радостію: защитники Пскова съ умиленіемъ принесли жертву благодарности Небу, совершивъ свой подвигъ съ честію для Россіи. Замойскій звалъ ихъ на пиръ: Князь Иванъ Шуйскій отпустилъ къ нему Воеводъ младшихъ, но самъ не поѣхалъ: успокоился, но не хотѣлъ веселиться (602).

Такъ кончилась война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, который въ любопытныхъ ея происшествіяхъ оказалъ всю слабость души своей, униженной тиранствомъ; который, съ неутомимымъ усиліемъ домогаясь Ливоніи, чтобы славно предупредить великое дѣло Петра, имѣть море и гавани для купеческихъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Европою — воевавъ 24 года непрерывно, чтобы медленно, шагъ за шагомъ двигаться къ цѣли — изгубивъ столько людей и достоянія — повелѣвая воинствомъ отечественнымъ, едва не равносильнымъ Ксерксову, вдругъ все отдалъ, и славу и пользу, изнуреннымъ остаткамъ разноплеменнаго сонмища Баторіева! Въ первый разъ мы заключили миръ столь безвыгодный, едва не безчестный съ Литвою; и если удерживались еще въ своихъ древнихъ предѣлахъ, не отдали и болѣе: то честь принадлежитъ Пскову: онъ, какъ твердый оплотъ, сокрушилъ *непобѣдимость* Стефанову; взявъ его, Баторій не удовольствовался бы Ливоніею; не оставилъ бы за Россіею ни Смоленска, ни земли Сѣверской; взялъ бы, можетъ быть, и Новгородъ, въ *очарованіи* Іоаннова страха: ибо современники дѣйствительно изъясняли удивительное бездѣйствіе нашихъ силъ очарованіемъ; писали, что Іоаннъ, устрашенный видѣніями и чудесами, ждалъ только бѣдствій въ войнѣ съ Баторіемъ, не вѣря никакимъ благопріятнымъ донесеніямъ Воеводъ

г. 1582. своихъ (603); что явленіе Кометы предвѣстило тогда несчастіе Россіи; что громовая стрѣла зимою, въ день Рождества Христова, при ясномъ солнцѣ зажгла Іоаннову спальню въ Слободѣ Александровской; что близъ Москвы слышали ужасный голосъ: *бѣгите, бѣгите, Русскіе!* что въ семъ мѣстѣ упалъ съ неба мраморный гробовый камень съ таинственною, неизъяснимою надписью; что изумленный Царь самъ видѣлъ его и велѣлъ разбить своимъ тѣлохранителямъ. Сказка достойная суевѣрнаго вѣка; но то истина, что Псковъ или Шуйскій спасъ Россію отъ величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится въ нашей Исторіи, доколѣ мы не утратимъ любви къ отечеству и своего имени.

4 Февраля Замойскій выступилъ въ Ливонію, чтобы принять отъ насъ ея города и крѣпости. Сподвижники его, удаляясь съ радостію, не хотѣли смотрѣть на стѣны и башни Псковскія, окруженныя могилами ихъ братьевъ. Только въ сей день отворились наконецъ ворота Ольгина града, гдѣ всѣ, жители и воины, исполнивъ долгъ усердія къ отечеству и славно миновавъ опасности, наслаждались живѣйшимъ для человѣка и гражданина удовольствіемъ (604). Не таковы были чувства Россіянъ въ Ливоніи, гдѣ они уже давно жительствовали какъ въ отечествѣ, имѣли семейства, домы, храмы, Епископію въ Дерптѣ: согласно съ договоромъ выѣзжая оттуда въ Новгородъ и Псковъ, съ женами, съ дѣтьми — въ послѣдній разъ слыша тамъ благовѣстъ Православія и моляся Господу по обрядамъ нашей Церкви, смиренной, изгоняемой, всѣ горько плакали, а всего болѣе надъ гробами своихъ ближнихъ (605). Около шести сотъ лѣтъ именовавъ Ливонію своимъ владѣніемъ — повелѣвавъ ея дикими жителями еще при Св. Владимірѣ, строивъ въ ней крѣпости при Ярославѣ Великомъ, и въ самое цвѣтущее время Ордена собиравъ дань съ областей Дерптскихъ (606), Россія торжественно отказалась отъ сей, нашею кровію орошенной земли, на долго, до Героя Полтавскаго. — Между тѣмъ народъ, всегда миролюбивый, въ Москвѣ и вездѣ благословилъ конецъ войны разорительной (607); но Іоаннъ насладился ли успокоеніемъ робкой души своей? По крайней мѣрѣ Богъ не хотѣлъ того, избравъ сіе время для ужасной казни его сердца, жестокаго, но еще не совсѣмъ г. 1582. окаменѣлаго — еще родительскаго, не мертваго.

Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ, Іоаннѣ, Царь готовилъ Россіи *втораго себя:* вмѣстѣ съ нимъ занимаясь Сыноубійство. дѣлами важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая Государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбствовалъ и губилъ людей (608), какъ бы для того, чтобы сынъ не могъ стыдить отца и Россія не могла ждать ничего лучшаго отъ наслѣдника. Юный Царевичь, не бывъ вдовцемъ, имѣлъ тогда уже третію супругу, Елену Ивановну, роду Шереметевыхъ (609): двѣ первыя, Сабурова и Параскева Михайловна Соловая, были пострижены. Своевольно или въ угодность родителю мѣняя женъ, онъ еще мѣнялъ и наложницъ, чтобы во всемъ ему уподоблять-ся. Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность въ любострастіи, оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность ко славѣ или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ страдая за Россію, читая горесть и на лицахъ Бояръ — слыша, можетъ быть, и всеобщій ропотъ — Царевичь исполнился ревности благородной, пришелъ къ отцу и требовалъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи (610). Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: «мятежникъ! ты вмѣстѣ съ Боярами хочешь свергнуть меня съ престола!» и поднялъ руку. Борисъ Годуновъ хотѣлъ удержать ее: Царь далъ ему нѣсколько ранъ острымъ жезломъ своимъ (611) и сильно ударилъ имъ Царевича въ голову. Сей несчастный упалъ, обливаясь кровію. Тутъ исчезла ярость Іоаннова. Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи онъ воскликнулъ: «я убилъ сына!» и кинулся обнимать, цѣловать его; удерживалъ кровь текущую изъ глубокой язвы; плакалъ, рыдалъ, звалъ лекарей; молилъ Бога о милосердіи, сына о прощеніи. Но судъ Небесный совершился! . . . Царевичь, лобызая руки отца, нѣжно изъявлялъ ему любовь и состраданіе; убѣждалъ его не предаваться отчаянію; сказалъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ. . . . жилъ четыре дни, и скончался 19 Ноября, въ ужасной Слободѣ Александровской (612). . . Тамъ, гдѣ столько лѣтъ лилася кровь невинныхъ, Іоаннъ, обагренный сыновнею, въ оцѣпенѣніи си-

г. 1582. дѣлъ неподвижно у трупа, безъ пищи и сна нѣсколько дней. . . 22 Ноября Вельможи, Бояре, Князья, всѣ въ одеждѣ черной, понесли тѣло въ Москву. Царь шелъ за гробомъ до самой церкви Св. Михаила Архангела, гдѣ указалъ ему мѣсто между памятниками своихъ предковъ. Погребеніе было великолѣпно и умилительно. Всѣ оплакивали судьбу Державнаго юноши, который могъ бы жить для счастія и добродѣтели, если бы рука отцевская, назло Природѣ, безвременно не ввергнула его и въ развратъ и въ могилу! Человѣчество торжествовало: оплакивали и самого Іоанна! . . . Обнаженный всѣхъ знаковъ Царскаго сана, въ ризѣ печальной, въ видѣ простаго, отчаяннаго грѣшника, онъ бился о гробъ и землю съ воплемъ пронзительнымъ.

Такъ правосудіе Всевышняго Мстителя и въ семъ мірѣ караетъ иногда исполиновъ безчеловѣчія, болѣе для примѣра, нежели для ихъ исправленія: ибо есть, кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія; нѣтъ свободнаго, рѣшительнаго возврата къ добру: есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца. Іоаннъ стоялъ уже далеко за симъ роковымъ предѣломъ: исправленіе *такого* мучителя могло бы соблазнить людей слабыхъ. . . . Нѣсколько времени онъ тосковалъ ужасно; не зналъ мирнаго сна: ночью, какъ бы устрашаемый привидѣніями, вскакивалъ, падалъ съ ложа, валялся среди комнаты, стеналъ, вопилъ; утихалъ только отъ изнуренія силъ; забывался въ минутной дремотѣ, на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и зголовье; ждалъ и боялся утренняго свѣта, боясь видѣть людей и явить имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы (613).

Мысль Іоаннова оставить свѣтъ. Въ семъ душевномъ волненіи Іоаннъ призвалъ знатнѣйшихъ мужей государственныхъ и сказалъ торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богомъ, остается кончить дни въ уединеніи монастырскомъ; что меньшій его сынъ, Ѳеодоръ, неспособенъ управлять Россіею, и не могъ бы царствовать долго; что Бояре должны избрать Государя достойнаго, коему онъ немедленно вручитъ державу и сдастъ Царство. Всѣ изумились: одни вѣрили искренности Іоанновой и были тронуты до глубины сердца; другіе опасались коварства, думая, что Государь желаетъ только вывѣдать ихъ тайныя мысли, и что ни имъ, ни тому, кого они признали бы достойнымъ вѣнца, не миновать лютой казни. Единодушнымъ отвѣтомъ было: «не оставляй насъ; не хотимъ Царя, кромѣ Богомъ даннаго, тебя и твоего сына!» Іоаннъ какъ бы невольно согласился носить еще тягость правленія (614); но удалилъ отъ глазъ своихъ всѣ предметы величія, богатства и пышности; отвергнулъ корону и скипетръ; облекъ себя и Дворъ въ одежду скорби; служилъ Панихиды и каялся; послалъ 10,000 рублей (615) въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, къ Патріархамъ, да молятся объ успокоеніи души Царевича — и самъ наконецъ успокоился! Хотя, какъ пишутъ, онъ не преставалъ оплакивать любимаго сына, и даже въ *веселыхъ* разговорахъ часто воспоминалъ объ немъ со слезами (616), но, слѣдственно, могъ снова *веселиться;* снова, если вѣрить чужеземнымъ Историкамъ, свирѣпствовалъ и казнилъ многихъ людей воинскихъ, которые будто бы малодушно сдавали крѣпости Баторію, хотя сами враги наши должны были признать тогда Россіянъ храбрѣйшими, неодолимыми защитниками городовъ (617). Въ сіе же время, и подъ симъ же видомъ правосудія, Іоаннъ изобрѣлъ необыкновенное наказаніе для отца супруги своей. Долго не видя Годунова, избитаго, израненнаго за Царевича, и слыша отъ Ѳедора Нагаго, что сей любимецъ не отъ болѣзни, но единственно отъ досады и злобы скрывается, Іоаннъ хотѣлъ узнать истину: самъ пріѣхалъ къ Годунову; увидѣлъ на немъ язвы и заволоку, сдѣланную ему купцемъ Строгановымъ, искуснымъ въ леченіи недуговъ; обнялъ больнаго, и въ знакъ особенной милости далъ его цѣлителю право *именитыхъ*, людей, называться полнымъ отчествомъ или *Вичемъ*, какъ только знатнѣйшіе государственные сановники именовались, велѣлъ, чтобы Строгановъ въ тотъ же день сдѣлалъ самыя мучительныя заволоки, на бокахъ и на груди, клеветнику Ѳедору Нагому (618)! Врачъ Строгановъ. Клевета есть конечно важное преступленіе; но сія *замысловатость* въ способахъ муки изображаетъ ли сердце умиленное, сокрушенную горестію? Тогда же въ дѣлахъ государственныхъ видимъ обыкновенное хладнокровіе Іоанново, его осмотрительность и спокойствіе, которое могло происходить единственно или отъ удивительнаго величія

г. 1582. души или отъ малой чувствительности въ обстоятельствахъ столь ужасныхъ для отца и человѣка. 28 Ноября, въ Москвѣ, онъ уже слушалъ донесеніе гонца своего о Псковской осадѣ (619); во время переговоровъ зналъ все и разрѣшалъ недоумѣнія нашихъ повѣренныхъ, которые въ Февралѣ мѣсяцѣ возвратились къ нему съ договоромъ.

Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ. Скоро явился въ Москвѣ и хитрый Іезуитъ Антоній, принять нашу благодарность и воспользоваться ею, то есть, достигнуть главной цѣли его посланія, исполнить давнишній замыселъ Рима, соединить Вѣры и силы всѣхъ Державъ Христіанскихъ противъ Оттомановъ. Тутъ Іоаннъ оказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость, благоразуміе, коимъ и самъ Іезуитъ долженъ былъ отдать справедливость. Опишемъ сіи любопытныя подробности.

« Я нашелъ Царя въ глубокомъ уныніи, » говоритъ Поссевинъ въ своихъ запискахъ: «сей Дворъ пышный казался тогда смиренною обителію Иноковъ, чернымъ цвѣтомъ одежды изъявляя мрачность души Іоанновой. Но судьбы Всевышняго неисповѣдимы: самая печаль Царя, нѣкогда столь необузданнаго, расположила его къ умѣренности и терпѣнію слушать мои убѣжденія (620).» Изобразивъ важность оказанной имъ услуги Государству Россійскому доставленіемъ ему счастливаго мира, Антоній прежде всего старался увѣрить Іоанна въ искренности Стефанова дружества и повторилъ слова Баторіевы: « Скажи Государю Московскому, что вражда угасла въ моемъ сердцѣ; что не имѣю никакой тайной мысли о будущихъ завоеваніяхъ, желаю его истиннаго братства и счастія Россіи. Во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ пути и пристани должны быть открыты для купцевъ и путешественниковъ той и другой земли, къ ихъ обоюдной пользѣ: да ѣздятъ къ нему свободно и Нѣмцы и Римляне чрезъ Польшу и Ливонію! Тишина Христіанамъ, но месть разбойникамъ Крымскимъ! Пойду на нихъ: да идетъ и Царь! Уймемъ вѣроломныхъ злодѣевъ, алчныхъ ко злату и крови нашихъ подданныхъ. Условимся, когда и гдѣ дѣйствовать. Не измѣню, не ослабѣю въ усиліяхъ: пусть Іоаннъ дастъ мнѣ свидѣтелей изъ своихъ Бояръ и Воеводъ! Я не Ляхъ, ни Литвинъ, а пришлецъ на тронѣ: хочу заслужить въ свѣтѣ доброе имя навѣки» (621). Но Іоаннъ, признательный къ дружественному расположенію Баторіеву, отвѣтствовалъ, что мы уже не въ войнѣ съ Ханомъ: Посолъ нашъ, Князь Василій Мосальскій, живъ нѣсколько лѣтъ въ Тавридѣ, наконецъ заключилъ перемиріе съ нею: ибо Магметъ-Гирей имѣлъ нужду въ отдыхѣ, будучи изнуренъ долговременною войною Персидскою, въ коей онъ невольно помогалъ Туркамъ, и которая спасала Россію отъ его опасныхъ нашествій въ теченіе пяти лѣтъ (622). Далѣе Антоній, приступивъ къ главному дѣлу, требовалъ особенной бесѣды съ Царемъ о соединеніи Вѣръ. « Мы готовы бесѣдовать съ тобою (сказалъ Іоаннъ), но только въ присутствіи нашихъ ближнихъ людей, и безъ споровъ, если возможно: ибо всякой человѣкъ хвалитъ свою Вѣру и не любитъ противорѣчія. Споръ ведетъ къ ссорѣ, а я желаю тишины и любви.» Въ назначенный день (Февраля 21) Антоній съ тремя Іезуитами пришелъ изъ *Совѣтной палаты* въ Тронную, гдѣ сидѣлъ Іоаннъ только съ Боярами, Дворянами *Сверстными* и Князьями *Служилыми:* Стольниковъ и Младшихъ Дворянъ выслали (623). Изъявивъ Послу ласку, Государь снова убѣждалъ его не касаться Вѣры, примолвивъ: « Антоній! мнѣ уже 51 годъ отъ рожденія и не долго жить въ свѣтѣ: воспитанный въ правилахъ нашей *Христіанской* Церкви, издавно несогласной съ *Латинскою* (624), могу ли измѣнить ей предъ концемъ земнаго бытія своего? День суда Небеснаго уже близокъ: онъ явитъ, чья Вѣра, ваша ли, наша ли, истиннѣе и святѣе. Но говори, если хочешь.» Тутъ Антоній съ живостію и съ жаромъ сказалъ: « Государь Свѣтлѣйшій! изъ всѣхъ твоихъ милостей, мнѣ понынѣ оказанныхъ, самая величайшая есть сіе дозволеніе говорить съ тобою о предметѣ столь важномъ для спасенія душъ Христіанскихъ. Не мысли, о Государь! чтобы Св. Отецъ нудилъ тебя оставить Вѣру Греческую: нѣтъ, онъ желаетъ единственно, чтобы ты, имѣя умъ глубокій и просвѣщенный, изслѣдовалъ дѣянія первыхъ ея Соборовъ, и все истинное, все древнее навѣки утвердилъ въ своемъ Царствѣ какъ законъ неизмѣняемый (625). Тогда исчезнетъ разнствіе между Восточною и Римскою Церковію; тогда мы всѣ будемъ единымъ тѣломъ Іисуса Христа, къ радости единаго истиннаго, Богомъ установленнаго Пастыря Церкви. Государь!

г. 1582. моля Св. Отца доставить тишину Европѣ и соединить всѣхъ Христіанскихъ Вѣнценосцевъ для одолѣнія невѣрныхъ, не признаешь ли его самъ Главою Христіанства? Не изъявилъ ли ты особеннаго уваженія къ Апостольской Римской Вѣрѣ, дозволивъ всякому, кто исповѣдуетъ оную, жить свободно въ Россійскихъ владѣніяхъ и молиться Всевышнему по ея святымъ обрядамъ, ты, Царь великій, никѣмъ не нудимый къ сему торжеству истины, но движимый явно волею Царя Царей, безъ коей и листъ древесный не падаетъ съ вѣтьви (626)? Сей желаемый тобою общій миръ и союзъ Вѣнценосцевъ можетъ ли имѣть твердое основаніе безъ единства Вѣры? Ты знаешь, что оно утверждено Соборомъ Флорентійскимъ, Императоромъ, Духовенствомъ Греческой Имперіи, самымъ знаменитымъ Іерархомъ твоей Церкви, Исидоромъ: читай представленныя тебѣ дѣянія сего осьмаго Вселенскаго Собора, и если гдѣ усомнишься, то повели мнѣ изъяснить темное. Истина очевидна: пріявъ ее, въ братскомъ союзѣ съ сильнѣйшими Монархами Европы, какой не достигнешь славы, какого величія? Государь! ты возмешь не только Кіевъ, древнюю собственность Россіи, но и всю Имперію Византійскую, отъятую Богомъ у Грековъ за ихъ расколъ и неповиновеніе Христу Спасителю.» Царь спокойно отвѣтствовалъ: «Мы никогда не писали къ Папѣ о Вѣрѣ. Я и съ тобою не хотѣлъ бы говорить объ ней; вопервыхъ опасаюсь уязвить твое сердце какимъ нибудь жесткимъ словомъ; вовторыхъ, занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами Россіи, не толкуя церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего Богомольца, Митрополита. Ты говоришь смѣло, ибо ты Попъ и для того сюда пріѣхалъ изъ Рима. Греки же для насъ не Евангеліе: мы вѣримъ Христу, а не Грекамъ. Что касается до Восточной Имперіи, то знай, что я доволенъ своимъ и не желаю никакихъ новыхъ Государствъ въ семъ земномъ свѣтѣ; желаю только милости Божіей въ будущемъ» (627). Не упоминая ни о Флорентійскомъ Соборѣ, ни о всеобщемъ Христіанскомъ союзѣ противъ Султана, Іоаннъ въ знакъ дружбы своей къ Папѣ снова обѣщалъ свободу и покровительство всѣмъ иноземнымъ купцамъ и Священникамъ Латинской Вѣры въ Россіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не толковали о Законѣ съ Россіянами. Но ревностный Іезуитъ хотѣлъ дальнѣйшаго прѣнія; утверждалъ, что мы *новоуки* въ Христіанствѣ; что Римъ есть древняя столица онаго. Уже Царь начиналъ досадовать. «Ты хвалишься православіемъ (сказалъ онъ), а стрижешь бороду (628): вашъ Папа велитъ носить себя на престолѣ и цѣловать въ туфель, гдѣ изображено распятіе: какое высокомѣріе для смиреннаго Пастыря Христіанскаго! какое уничиженіе Святыни!».... «Нѣтъ уничиженія,» возразилъ Антоній: «достойное воздается достойному. Папа есть Глава Христіанъ, учитель всѣхъ Монарховъ православныхъ, сопрестольникъ Апостола Петра, Христова сопрестольника. Мы величаемъ и тебя, Государь, какъ наслѣдника Мономахова; а Св. Отецъ»... Іоаннъ, перервавъ его рѣчь, сказалъ: «У Христіанъ единъ Отецъ на небесахъ! Насъ, земныхъ Властителей, величать должно по мірскому уставу; ученики же Апостольскіе да смиренномудрствуютъ! Намъ честь Царская, а Папамъ и Патріархамъ Святительская. Мы уважаемъ Митрополита нашего и требуемъ его благословенія; но онъ ходитъ по землѣ и не возносится выше Царей гордостію. Были Папы дѣйствительно учениками Апостольскими: Климентъ, Сильвестръ, Агаѳонъ, Левъ, Григорій; но кто именуется Христовымъ сопрестольникомъ, велитъ носить себя на сѣдалищѣ какъ бы на облакѣ, какъ бы Ангеламъ; кто живетъ не по Христову ученію, тотъ Папа есть волкъ, а не Пастырь».... Антоній въ сильномъ негодованіи воскликнулъ: «если уже Папа волкъ, то мнѣ говорить нечего (629)!»... Іоаннъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ: «Вотъ для чего не хотѣлъ я бесѣдовать съ тобою о Вѣрѣ! Невольно досаждаемъ другъ другу. Впрочемъ называю волкомъ не Григорія XIII, а Папу не слѣдующаго Христову ученію. Теперь оставимъ.» Государь съ ласкою положилъ руку на Антонія, отпустилъ его милостиво и приказалъ чиновникамъ отнести къ нему лучшія блюда стола Царскаго. г. 1582.

На третій день снова позвали Іезуита во дворецъ. Царь, указавъ ему мѣсто противъ себя, сказалъ громко, такъ, чтобы всѣ Бояре могли слышать: «Антоній! прошу тебя забыть сказанное мною, къ твоему неудовольствію, о Папахъ. Мы несогласны въ нѣкоторыхъ правилахъ Вѣры; но я хочу жить въ

г. 1582. дружбѣ со всѣми Христіанскими Государями, и пошлю съ тобою одного изъ моихъ сановниковъ въ Римъ (630); а за твою оказанную намъ услугу изъявлю тебѣ признательность.» Царь велѣлъ ему говорить съ Боярами, коимъ Антоній опять силился доказывать истину Римскаго Исповѣданія, и согласно съ ихъ желаніемъ (какъ онъ увѣряетъ) въ три дни написалъ цѣлую книгу о мнимыхъ заблужденіяхъ Грековъ, основываясь на богословскихъ твореніяхъ Геннадія, Константинопольскаго Патріарха, утвержденнаго въ Первосвятительствѣ Магометомъ II! Именемъ Папы онъ убѣждалъ Царя послать въ Римъ нѣсколько грамотныхъ молодыхъ Россіянъ, съ тѣмъ, чтобы они узнали тамъ истинные *Догматы древней Греческой Церкви*, выучились языку Италіянскому, или Латинскому, и выучили Италіянцевъ нашему для удобной переписки съ Москвою (631); убѣждалъ также, чтобы Іоаннъ выгналъ ядовитыхъ *Лютерскихъ Магистровъ*, отвергающихъ Богоматерь и святость Угодниковъ Христовыхъ, а принималъ единственно Латинскихъ Іереевъ. Ему отвѣтствовали, что Царь будетъ искать людей способныхъ для науки, и *если* найдетъ, то пришлетъ ихъ къ Григорію; что Лютеране, какъ и всѣ иновѣрцы, живутъ свободно въ Россіи, но не смѣютъ сообщать другимъ своихъ заблужденій. Антоній желалъ еще примирить Швецію съ Россіею; всего же болѣе настоялъ въ томъ, чтобы мы заключили союзъ съ Европою для усмиренія Турковъ. «Пусть Король Шведскій (сказалъ Іоаннъ) самъ изъявитъ мнѣ миролюбіе: тогда увидимъ его искренность. Унять невѣрныхъ желаю; но Папа, Императоръ, Король Испанскій, Французскій и всѣ другіе Вѣнценосцы должны прежде чрезъ торжественное Посольство условиться со мною въ мѣрахъ сего Христіанскаго ополченія. Теперь не могу войти ни въ какое обязательство.» То есть, Іоаннъ, уже не страшась Баторія, явно охладѣлъ къ мысли изгнать Турковъ изъ Европы: Іезуитъ видѣлъ сію перемѣну, и жалуется на его лукавство. «Не ожидая ничего болѣе отъ Св. Отца для выгодъ своей Политики (пишетъ онъ), Царь выдумалъ хитрость, чтобы успокоить суевѣрныхъ Россіянъ, не довольныхъ моимъ смѣлымъ сужденіемъ объ ихъ Законѣ. Чтожь сдѣлалъ? призвалъ меня во дворецъ, въ первое Воскресеніе Великаго поста (632), и сказалъ: г. 1582. *Антоній! зная, что ты желаешь видѣть обряды нашей Церкви, я велѣлъ нынѣ отвести тебя въ храмъ Успенія (гдѣ буду и самъ), да созерцаешь красоту и величіе истиннаго Богослуженія. Тамъ обожаемъ мы небесное, а не земное; чтимъ, но не носимъ Митрополита на рукахъ. . . и Св. Апостола Петра также не носили вѣрные: онъ ходилъ пѣшъ и босъ; а вашъ Папа именуетъ себя его Намѣстникомъ!* . . . . Государь! отвѣчалъ я хладнокровно, удивленный сею новою грубостію: всякое мѣсто свято, гдѣ славятъ Христа; но пока не согласимся въ нѣкоторыхъ Догматахъ, и пока Митрополитъ Россійскій не будетъ въ сношеніяхъ съ Св. Отцемъ, я не могу видѣть вашего Богослуженія. Вторично скажу тебѣ, что воздавать честь Архипастырю Церкви есть долгъ, а не грѣхъ. Вы не носите Митрополита, но моете себѣ глаза водою, которою онъ моетъ руки свои. — Изъяснивъ мнѣ, что сей обрядъ уставленъ въ воспоминаніе страстей Господнихъ, а не въ честь Митрополиту, Іоаннъ далъ знакъ, — и толпы сановниковъ двинулись впередъ, къ дверямъ; увлекли и меня съ собою; а Царь издали сказалъ мнѣ громко: «*Антоній! смотри, чтобы кто нибудь изъ Лютеранъ не вошелъ за тобою въ церковь.* Но я самъ не хотѣлъ войти въ нее; ждалъ минуты, и тихонько ушелъ, когда Царедворцы остановились предъ Соборомъ. Всѣ думали, что мнѣ не миновать бѣды; но Іоаннъ, изумленный моимъ ослушаніемъ, задумался, потеръ себѣ лобъ рукою и сказалъ: *его воля!* . . . . Какое было намѣреніе Царя? представить Россіянамъ торжество Вѣры своей: Посла Римскаго молящагося въ ихъ храмѣ, лобызающаго руку у Митрополита, во славу Церкви Восточной, къ уничиженію Западной, и тѣмъ вывести народъ изъ соблазна, произведеннаго необыкновенными знаками Царскаго уваженія къ Папѣ.» Поссевинъ, какъ вѣроятно, не обманывался въ своей догадкѣ; но обманулся въ надеждѣ присоединить насъ къ Римской Церкви!

Впрочемъ до самаго отъѣзда своего онъ видѣлъ знаки Іоанновой къ нему милости: его встрѣчали, провожали во дворцѣ знатные сановники, водили обыкновенно сквозь блестящіе ряды многолюдной Царской дружины: честь, какой, можетъ быть, никогда и нигдѣ

г. 1582. не оказывали Іезуиту! Онъ выпросилъ свободу осьмнадцати невольникамъ, Испанцамъ, ушедшимъ изъ Азова въ Россію и сосланнымъ въ Вологду (633); исходатайствовалъ также облегченіе Литовскимъ и Нѣмецкимъ плѣнникамъ, впредь до размѣны: ихъ выпустили изъ темницъ, отдали въ домы гражданамъ, велѣли довольствовать всѣмъ нужнымъ. Но Іоаннъ снова отринулъ сильныя домогательства Іезуитовы о строеніи Латинскихъ церквей въ Россіи. «Католики вольны (сказали Антонію) жить у насъ по своей Вѣрѣ, *безъ укоризны и зазору*: сего довольно.» Бесѣдуя съ Думными Совѣтниками о нашихъ обычаяхъ, странныхъ для Европы, онъ ссылался на Герберштейнову книгу о Россіи, гдѣ сказано, что Царь, давая цѣловать руку Нѣмецкимъ Посламъ, въ туже минуту моетъ ее водою, какъ бы осквернивъ себя ихъ прикосновеніемъ; но Бояре объявили Герберштейна, два раза столь обласканнаго въ Москвѣ, неблагодарнымъ клеветникомъ, всклепавшимъ небылицу на Государей Московскихъ (634). Съ удивленіемъ также слыша отъ Поссевина, что будто бы отецъ Іоанновъ, Великій Князь Василій, обѣщалъ Императору Карлу V тридцать тысячь воиновъ за отпускъ въ Россію многихъ Нѣмецкихъ художниковъ, Бояре отвѣчали: г. 1582. «людей ратныхъ даютъ Государи Государямъ по договорамъ, а не въ обмѣнъ за ремесленниковъ.» — Наконецъ, въ день отпуска, Іоаннъ торжественно благодарилъ Поссевина за дѣятельное участіе въ мирѣ; увѣрилъ его въ своемъ личномъ уваженіи; вставъ съ мѣста, велѣлъ кланяться Григорію и Королю Стефану; далъ ему руку — и прислалъ нѣсколько драгоцѣнныхъ черныхъ соболей, для Папы и для Антонія. Іезуитъ не хотѣлъ-было взять своего дара, славя бѣдность учениковъ Христовыхъ; однакожь взялъ и выѣхалъ изъ Москвы (15 Марта) вмѣстѣ съ нашимъ гонцемъ, Яковомъ Молвяниновымъ, съ коимъ Царь написалъ къ Папѣ отвѣтъ на грамоту его, увѣряя, что мы готовы участвовать въ союзѣ Христіанскихъ Державъ противъ Оттомановъ, но ни слова не говоря о соединеніи Церквей (635).

Симъ на долгое время пресѣклись сношенія Рима съ Москвою, безполезныя и для насъ и для Папы: ибо не ходатайство Іезуита, но доблесть Воеводъ Псковскихъ склонила Баторія къ умѣренности, не лишивъ его ни славы, ни важныхъ пріобрѣтеній, коими сей Герой обязанъ былъ смятенію Іоаннова духа еще болѣе, нежели своему мужеству.

---

# ГЛАВА VI.

## ПЕРВОЕ ЗАВОЕВАНІЕ СИБИРИ.

**Первыя свѣдѣнія о Сибири. Извѣстія о Татарской Державѣ въ Сибири. Древнѣйшее путешествіе Россіянъ въ Китай. Знатные купцы Строгановы. Невѣрность Царя Кучюма. Разбой Козаковъ. Ермакъ. Походъ на Сибирь. Гнѣвъ Іоанновъ. Подвиги Ермаковы. Битвы. Ночный совѣтъ Козаковъ. Рѣшительная битва. Взятіе Искера или города Сибири. Строгость Ермака. Плѣненіе Царевича Маметкула. Дальнѣйшія завоеванія. Посольство въ Москву. Радость въ Москвѣ. Посланіе рати въ Сибирь. Новыя завоеванія. Жалованье Царское. Болѣзни и голодъ въ Сибири. Неосторожность Козаковъ. Осада Искера. Послѣднія завоеванія Ермаковы. Гибель Ермака. Изображеніе Героя Сибирскаго. Козаки оставляютъ Сибирь.**

Въ то время, когда Іоаннъ, имѣя триста тысячь добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ двадцати-шести тысячамъ полумертвыхъ Ляховъ и Нѣмцевъ, — въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностію къ корысти и благородною любовію ко славѣ, пріобрѣла новое Царство для Россіи, открыла *вторый новый міръ* для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человѣческой, ознаменованный разнообразіемъ, величіемъ, богатствомъ Естества, гдѣ въ нѣдрахъ земли лежатъ металлы и камни драгоцѣнные, въ глуши дремучихъ лѣсовъ витаютъ пушистые звѣри, и сама Природа усѣваетъ обширныя степи дикимъ хлѣбомъ

([636]); гдѣ судоходныя рѣки, большія рыбныя озера и плодоносныя цвѣтущія долины, осѣненныя высокими тополями, въ безмолвіи пустынь ждутъ трудолюбивыхъ обитателей, чтобы въ теченіе вѣковъ представить новые успѣхи гражданской дѣятельности, дать просторъ стѣсненнымъ въ Европѣ народамъ и гостепріимно облагодѣтельствовать излишекъ ихъ многолюдства. — Три купца и бѣглый Атаманъ Волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ Царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь.

Сіе неизмѣримое пространство Сѣверной Азіи, огражденное Каменнымъ Поясомъ, Ледовитымъ моремъ, Океаномъ Восточнымъ, цѣпію горъ Альтайскихъ и Саянскихъ, — отечество малолюдныхъ племенъ Могольскихъ, Татарскихъ, Чудскихъ (Финскихъ), Американскихъ ([637]) — укрывалось отъ любопытства древнихъ Космографовъ. Тамъ, *на главной высотѣ земнаго шара,* было, какъ угадывалъ великій Линней ([638]), первобытное убѣжище Ноева семейства послѣ гибельнаго, всемірнаго наводненія; тамъ воображеніе Геродотовыхъ современниковъ искало *грифовъ, стрегущихъ золото* ([639]) : но Исторія не вѣдала Сибири до нашествія Гунновъ, Турковъ, Моголовъ на Европу : предки Аттилины скитались на берегахъ Енисея; славный Ханъ Дизавулъ принималъ Юстиніанова сановника Земарха въ долинахъ Альтайскихъ; Послы Иннокентія IV и Св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисовымъ мимо Байкала, и несчастный отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура ([640]). Какъ данники Моголовъ узнавъ въ XIII вѣкѣ Югъ Сибири, мы еще ранѣе, какъ завоеватели, узнали ея Сѣверо-Западъ, гдѣ смѣлые Новогородцы уже въ XI вѣкѣ обогащались мѣхами драгоцѣнными ([641]). Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на снѣжномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ, и Воеводы Іоанна III возгласили его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша, Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже сей Монархъ именовался въ своемъ титулѣ *Югорскимъ*, сынъ его *Обдорскимъ* и *Кондинскимъ* ([642]), а внукъ *Сибирскимъ,* обложивъ данію сію Могольскую или Татарскую Державу, которая составилась изъ древнихъ Улусовъ Ишимскихъ, Тюменскихъ или Шибанскихъ, извѣстныхъ намъ съ 1480 года

г. 1582. Первыя свѣдѣнія о Сибири.

и названныхъ такъ, вѣроятно, по имени брата Батыева, Шибана ([643]), Единовластителя Сѣверной Азіи, на Востокъ отъ моря Аральскаго.

Извѣстія о Татарской Державѣ въ Сибири.

Пишутъ, что «Князь Ивакъ или Онъ ([644]), племени *Ногайскаго,* Вѣры Магометовой, жилъ на рѣкѣ Ишимѣ, повелѣвая многими Татарами, Остяками и Вогуличами; что какой-то мятежникъ Чингисъ свергнулъ Ивака, но изъ любви къ его сыну, Тайбугѣ, далъ ему рать для завоеванія береговъ Иртыша и Великой Оби, гдѣ сей юный Князь основалъ Сибирское Ханство и городъ Чингій на Турѣ, въ коемъ властвовали послѣ сынъ Тайбугинъ, Ходжа, и внукъ Маръ, отецъ Адера и Яболака ([645]), женатый на Царевнѣ *Казанской,* сестрѣ Упаковой; что Упакъ убилъ Мара, а сынъ Адеровъ, Магметъ, убивъ Упака, построилъ Искеръ или Сибирь на Иртышѣ (въ шестнадцати верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска); что преемниками Магметовыми были Агишъ, сынъ Яболаковъ, Магметовъ сынъ Казый и дѣти Казыевы, Едигеръ (данникъ Московскій) и Бекбулатъ, сверженные Кучюмомъ, сыномъ Киргизскаго Хана Муртазы ([646]), *первымъ Царемъ Сибирскимъ*» (также Іоанновымъ данникомъ). Сказанія не весьма достовѣрныя, слышанныя Россіянами отъ Магометанскихъ жителей Сибири и внесенныя въ ея лѣтописи безъ всякаго критическаго изслѣдованія! Въ Царской же грамотѣ 1597 года наименованъ первымъ Ханомъ Сибирскимъ *Ибакъ,* дѣдъ Кучюмовъ, вторымъ Магметъ, третьимъ Казый, четвертымъ Едигеръ, Князья Тайбугина рода. Замѣтимъ, что полки Московскіе, въ 1483 году воюя на берегахъ Иртыша, еще не видали *Татаръ* въ сихъ мѣстахъ, гдѣ уже существовала крѣпость *Сибирь* и властвовалъ *Князь Лятикъ* ([647]), безъ сомнѣнія Югорскій, или Остяцкій : слѣдственно Ишимскіе Ногаи, соединясь съ Тюменскими, завладѣли устьемъ Тобола едва ли ранѣе XVI вѣка, и не *основали,* а *взяли* городокъ *Сибирь,* названный ими Искеромъ.

Уже твердо зная путь въ сію столицу Едигерову и Кучюмову, гдѣ бывали чиновники Московскіе, любопытный Іоаннъ желалъ узнать и страны дальнѣйшія : для того въ 1567 году послалъ двухъ Атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Югъ, съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ Властителямъ неизвѣстныхъ народовъ ([648]). Атаманы благополучно возврати-

Древнѣйшее путешествіе Россіянъ въ Китай.

лись и представили Государю описаніе всѣхъ земель отъ Байкала до моря Корейскаго, бывъ въ Улусахъ *Черной* или Западной Мунгаліи, подвластной разнымъ Князьямъ, и въ городахъ Восточной или *Желтой* (649), гдѣ царствовала женщина, и гдѣ народъ пользовался выгодами земледѣлія, скотоводства, торговли. Упомянувъ по слуху о Туркестанѣ, Бухаріи, Кашгарѣ, Тибетѣ, путешественники Іоанновы сказываютъ въ своемъ любопытномъ донесеніи, что грамота Мунгальской Царицы отверзла для нихъ желѣзныя врата стѣны Китайской; но что, свободно достигнувъ богатаго, многолюднаго Пекина, они не могли видѣть Императора, не имѣвъ къ нему даровъ отъ Государя. Такъ мы узнали Китай, бывъ обязаны симъ первымъ достовѣрнымъ объ немъ извѣстіемъ рѣдкому смыслу, мужеству, терпѣнію двухъ Козаковъ, умѣвшихъ преодолѣть всѣ труды, опасности пути дальняго, невѣдомаго сквозь степи, горы и кочевья варваровъ, видѣнныя, можетъ быть, только отчасти славнымъ Венеціянскимъ путешественникомъ XIII вѣка, Маркомъ Поломъ (650).

Но еще господство наше за Каменнымъ Поясомъ было слабо и ненадежно: Татары Сибирскіе, признавъ Іоанна своимъ верховнымъ Властителемъ, не только худо платили ему дань, но и частыми набѣгами тревожили Великую Пермь, гдѣ былъ конецъ Россіи. Озабоченный важными, непрестанными войнами, Царь не могъ утвердить ни власти своей надъ отдаленною Сибирью, ни спокойствія нашихъ владѣній между Камою и Двиною, гдѣ уже издавна селились многіе Россіяне, привлекаемые туда естественнымъ изобиліемъ земли, дешевизною всего нужнаго для жизни, выгодами мѣны съ полудикими, сосѣдственными народами, въ особенности богатыми мягкою рухлядью. Въ числѣ тамошнихъ Россійскихъ всельниковъ были и купцы Строгановы, Яковъ и Григорій Іоанникіевы или Аникины, коихъ отецъ обогатился заведеніемъ соляныхъ варницъ на Вычегдѣ и (если вѣрить сказанію иностранцевъ) *первый* открылъ путь для нашей торговли за хребетъ горъ Уральскихъ (651). Пишутъ, что сіи купцы происходили отъ знатнаго, крещенаго Мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона, научившаго Россіянъ употребленію счетовъ; что Татары, имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили и будто

Знатные купцы Строгановы.

бы *застрогали* до смерти; что сынъ его по тому названъ *Строгановымъ*, а внукъ (652) способствовалъ искупленію Великаго Князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ Казанскихъ Улусахъ. Желая взять дѣятельныя мѣры для обузданія Сибири, Іоаннъ призвалъ упомянутыхъ двухъ братьевъ, Якова и Григорія, какъ людей умныхъ и знающихъ всѣ обстоятельства сѣверо-восточнаго края Россіи (653); бесѣдовалъ съ ними, одобрилъ ихъ мысли и далъ имъ жалованныя грамоты на пустыя мѣста, лежащія внизъ по Камѣ отъ земли Пермской до рѣки Сылвы, и берега Чусовой до ея вершины; позволилъ имъ ставить тамъ крѣпости въ защиту отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ хищниковъ, имѣть снарядъ огнестрѣльный, пушкарей и воиновъ на собственномъ иждивеніи, принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не *тяглыхъ* и не бѣглыхъ, — вѣдать и судить ихъ независимо отъ Пермскихъ Намѣстниковъ и Тіуновъ, *не возить и не кормить* Пословъ, ѣздящихъ въ Москву изъ Сибири или въ Сибирь изъ Москвы, — заводить селенія, пашни и соляныя варницы, — въ теченіе двадцати лѣтъ торговать безъ пошлины солью и рыбою, но съ обязательствомъ *не дѣлать рудъ*, и если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную, или оловянную, то немедленно извѣщать о семъ Казначеевъ Государевыхъ (654). Довольные Царскою милостію, дѣятельные и богатые Строгановы основали въ 1558 году близъ устья Чусовой городокъ Канкоръ, на мысу Пыскорскомъ (гдѣ стоялъ монастырь Всемилостиваго Спаса), въ 1564 г. крѣпость Кергеданъ на Орловскомъ Волокѣ, въ 1568 и 1570 г. нѣсколько остроговъ на берегахъ Чусовой и Сылвы (655); приманили къ себѣ многихъ людей, бродягъ и бездомковъ, обѣщая богатые плоды трудолюбію и добычу смѣлости; имѣли свое войско, свою управу, подобно Князькамъ Владѣтельнымъ; берегли Сѣверо-Востокъ Россіи, и въ 1572 году смирили бунтъ Черемисы, Остяковъ, Башкирцевъ (656), одержавъ знатную побѣду надъ ихъ соединенными толпами, и снова взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности къ Государю. Сіи усердные стражи земли Пермской, сіи населители пустынь Чусовскихъ, сіи купцы-Владѣтели, распространивъ предѣлы обитаемости и Государства Московскаго до Каменнаго Пояса, устремили мысль свою и далѣе.

г. 1558 — 1572.

Кучюмъ, овладѣвъ Сибирью, искалъ

благоволенія Іоаннова, когда еще опасался ея жителей, насильно обращаемыхъ имъ въ Магометанскую Вѣру ([657]), и Ногаевъ, друзей Россіи; но утвердивъ власть свою надъ Тобольскою Ордою, перезвавъ къ себѣ многихъ степныхъ Киргизовъ и женивъ сына, Алея, на дочери Ногайскаго Князя, Тинъ-Ахмата ([658]), уже не исполнялъ обязанностей нашего данника, тайно сносился съ Черемисою, возбуждалъ сей народъ свирѣпый къ бунту противъ Государя Московскаго и подъ смертною казнію запрещалъ Остякамъ, Югорцамъ ([659]), Вогуличамъ, платить древнюю дань Россіи. Встревоженный слухомъ о Строгановскихъ крѣпостяхъ, Кучюмъ (въ Іюлѣ 1573 года) послалъ своего племянника ([660]), Маметкула, развѣдать объ нихъ и, если можно, истребить всѣ наши заведенія въ окрестностяхъ Камы. Маметкулъ явился съ войскомъ какъ непріятель: умертвилъ нѣсколько вѣрныхъ намъ Остяковъ, плѣнилъ ихъ женъ, дѣтей и Посла Московскаго, Третьяка Чебукова, ѣхавшаго въ Орду Киргизъ-Кайсакскую; но узнавъ, что въ городкахъ Чусовскихъ довольно и ратныхъ людей и пушекъ, бѣжалъ назадъ. Строгановы не смѣли гнаться за разбойникомъ безъ Государева повелѣнія: извѣстили о томъ Іоанна, и просили указа строить крѣпости въ землѣ Сибирской, чтобы стѣснить Кучюма въ его собственныхъ владѣніяхъ и навсегда утвердить безопасность нашихъ. Они не требовали ни полковъ, ни оружія, ни денегъ; требовали единственно жалованной грамоты на землю непріятельскую — и получили: 30 Мая, 1574 года, Іоаннъ далъ имъ сію грамоту, гдѣ сказано, что Яковъ и Григорій Строгановы могутъ укрѣпиться на берегахъ Тобола и вести войну съ измѣнникомъ Кучюмомъ для освобожденія первобытныхъ жителей Югорскихъ, нашихъ данниковъ, отъ его ига; могутъ, въ возмездіе за ихъ добрую службу, выдѣлывать тамъ не только желѣзо, но и мѣдь, олово, свинецъ, сѣру для опыта, до нѣкотораго времени; могутъ свободно и безъ пошлины торговать съ Бухарцами и съ Киргизами ([661]). — Слѣдственно Строгановы имѣли законное право итти съ огнемъ и мечемъ за Каменный Поясъ; но силы, можетъ быть, не отвѣтствовали ревности для такого важнаго предпріятія. Миновало шесть лѣтъ, и въ теченіе сего времени Яковъ съ Григоріемъ умерли, оставивъ свое богатство, умъ и дѣятельность въ наслѣдіе меньшему брату, Семену, который вмѣстѣ съ племянниками, Максимомъ Яковлевымъ и Никитою Григорьевымъ, счастливо исполнилъ ихъ славное намѣреніе, заслуживъ тѣмъ сперва гнѣвъ Іоанновъ, а благодарность, его и Россіи, уже послѣ!

Невѣрность Царя Кучюма. — г. 1573. — г. 1574.

Мы говорили о происхожденіи, доброй и худой славѣ, вѣрности и невѣрности Донскихъ Козаковъ, то честныхъ воиновъ Россіи, то мятежниковъ, ею не признаваемыхъ за Россіянъ. Гнѣвные отзывы Іоанновы о сей вольницѣ, въ письмахъ къ Султанамъ и къ Ханамъ Таврическимъ, были истиною ([662]): ибо Козаки дѣйствительно, разбивая купцевъ, даже Пословъ Азіатскихъ на пути ихъ въ Москву, грабя самую казну Государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу; нѣсколько разъ высылались дружины воинскія на берега Дона и Волги, чтобы истребить сихъ хищниковъ ([663]): такъ въ 1577 году Стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, многихъ изъ нихъ взялъ и казнилъ; но другіе не смирились: уходили на время въ пустыни, снова являлись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ быстромъ набѣгѣ взяли даже столицу Ногайскую, городъ Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ и вышли съ знатною добычею, раскопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ. Къ числу буйныхъ Атамановъ Волжскихъ принадлежали тогда Ермакъ (Германъ) Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, осужденный Государемъ на смерть, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ ([664]), извѣстные удальствомъ рѣдкимъ: слыша, какъ они ужасаютъ своею дерзостію не только мирныхъ путешественниковъ, но и всѣ окрестные Улусы кочевыхъ народовъ, умные Строгановы предложили симъ пяти храбрецамъ службу честную; послали къ нимъ дары, написали грамоту ласковую (6 Апрѣля 1579 года), убѣждали ихъ отвергнуть ремесло, недостойное Христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами *Царя Бѣлаго*, искать опасностей не безславныхъ, примириться съ Богомъ и съ Россіею; сказали: «имѣемъ крѣпости и земли, но мало дружины: идите къ намъ оборонять Великую Пермь и восточный край Христіанства.» Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія, какъ пишутъ: мысль свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою

Разбои Козаковъ. — г. 1577. — Ермакъ. — г. 1579.

государственною, и промѣнять имя смѣлыхъ грабителей на имя доблихъ воиновъ отечества, тронула сердца грубыя, но еще не лишенныя угрызеній совѣсти. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцевъ (665) и (21 Іюня) прибыли къ Строгановымъ — «съ радостію и на радость,» говоритъ Лѣтописецъ: « чего хотѣли одни, что обѣщали другіе, то исполнилось: Атаманы стали грудью за область Христіанскую. Невѣрные трепетали; гдѣ показывались, тамъ гибли.»
г. 1581. И дѣйствительно (22 Іюля 1581 года) усердные Козаки разбили на голову Мурзу Бегулія (666), дерзнувшаго съ семью стами Вогуличей и Остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; взяли его въ плѣнъ и смирили Вогуличей. Сей успѣхъ былъ началомъ важнѣйшихъ.

Призывая Донскихъ Атамановъ, Строгановы имѣли въ виду не одну защиту городовъ своихъ: испытавъ бодрость, мужество и вѣрность Козаковъ; узнавъ разумъ, великую отвагу, рѣшительность ихъ главнаго Вождя, Ермака Тимоѳеева, *родомъ неизвѣстнаго, душею знаменитаго*, какъ сказано въ лѣтописи; составивъ еще особенную дружину изъ Русскихъ Татаръ, Литвы, Нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у Ногаевъ (которые, служа въ войнахъ Іоанну (667), возвращались обыкновенно въ Улусы свои съ плѣнниками); добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужные запасы,
Походъ на Сибирь. Строгановы (668) объявили походъ, Ермака Воеводою и Сибирь цѣлію. Ратниковъ было 840, одушевленныхъ ревностію и веселіемъ: кто хотѣлъ чести, кто добычи; Донцы надѣялись заслужить милость Государеву, а Нѣмецкіе и Литовскіе плѣнники свободу: Сибирь казалась имъ путемъ въ любезное отечество! Воевода устроилъ войско; сверхъ Атамановъ, избралъ Есауловъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ (669): главнымъ подъ нимъ былъ неустрашимый Иванъ Кольцо. Нагрузивъ ладіи запасами и снарядами, легкими пушками, *семипядными* пищалями; взявъ вожатыхъ, толмачей, Іереевъ; отпѣвъ молебенъ; выслушавъ послѣдній наказъ Строгановыхъ: «иди съ миромъ, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Салтана Кучюма,» Ермакъ *съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія*, при звукѣ трубъ воинскихъ, 1 Сентября 1581 года (670) отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ, на подвигъ славы, безъ г. 1581.
всякаго содѣйствія, даже безъ вѣдома Государева: ибо Строгановы, имѣя Іоаннову жалованную грамоту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ, думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго Царскаго указа для ихъ великаго предпріятія. Не такъ мыслилъ Іоаннъ, какъ увидимъ.

Въ то самое время, когда Россійскій Пизарро, не менѣе Испанскаго грозный для дикихъ народовъ, менѣе ужасный для человѣчества, шелъ воевать Кучюмову Державу, Князь Пелымскій (671) съ Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ, истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ; умертвилъ, плѣнилъ множество Христіанъ. Защитниковъ не было; но свѣдавъ о походѣ Козаковъ въ Сибирь, онъ спѣшилъ удалиться для защиты собственныхъ владѣній. Сей разбой поставили въ вину Строгановымъ: Іоаннъ писалъ къ нимъ, Гнѣвъ Іоанновъ.
что они, какъ доносилъ ему Чердынскій Намѣстникъ, Василій Пелепелицынъ, не умѣютъ или не хотятъ оберегать границы; *самовольно* призвали опальныхъ Козаковъ, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ и Князя Пелымскаго и Салтана Кучюма; что такое дѣло есть измѣна, достойная казни. «Приказываю вамъ (писалъ онъ далѣе) немедленно выслать Ермака съ товарищами въ Пермь и въ Усолье Камское, гдѣ имъ должно *покрыть* вины свои совершеннымъ усмиреніемъ Остяковъ и Вогуличей; а для безопасности вашихъ городковъ можете оставить у себя Козаковъ сто, не болѣе. Если же не исполните нашего указа; если впредь что нибудь случится надъ Пермскою землею отъ Пелымскаго Князя и Сибирскаго Салтана: то возложимъ на васъ *большую опалу*, а Козаковъ измѣнниковъ велимъ перевѣшать» (672). Сей гнѣвный указъ испугалъ Строгановыхъ; но блестящій, неожиданный успѣхъ оправдалъ ихъ дѣло, и гнѣвъ Іоанновъ перемѣнился въ милость.

Начиная описаніе Ермаковыхъ подвиговъ, скажемъ, что они, какъ все не- Подвиги Ермаковы.
обыкновенное, чрезвычайное, сильно дѣйствуя на воображеніе людей, произвели многія басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ съ истиною и подъ именемъ лѣтописаній обманывали самыхъ Историковъ. Такъ, на примѣръ, сотни

г. 1581. Ермаковыхъ воиновъ, подобно Кортецовымъ или Пизарровымъ, обратились въ тысячи, мѣсяцы дѣйствія въ годы, плаваніе трудное въ чудесное. Оставляя баснословіе, слѣдуемъ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ грамотамъ и достовѣрнѣйшему современному повѣствованію (673) о семъ завоеваніи любопытномъ, дѣйствительно удивительномъ, если и не чудесномъ.

Атаманы плыли четыре дни вверхъ по рѣкѣ Чусовой (674), быстрой, каменистой, опасной, до хребта Уральскаго и между горами, подъ сѣнію ихъ скалъ навислыхъ; два дни рѣкою Серебряною, и достигли ею такъ называемаго *пути Сибирскаго*; остановились, и не зная, что ожидало ихъ впереди, для своей безопасности сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя *Кокуя-городка*; видѣли только пустыни, или малочисленныхъ жителей мирныхъ, и черезъ волокъ перевезлися оттуда до рѣки Жаравли (675). Сіи мѣста еще и нынѣ ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, слѣды укрѣпленій называются его именемъ; ладіи тяжелыя, оставленныя имъ между Серебряною и Баранчею, еще не совсѣмъ истлѣли, какъ увѣряютъ, и надъ ихъ гніющими днами растутъ высокія деревья (676). — Жаравлею и Тагиломъ вошли Атаманы въ рѣку Туру, уже въ область Сибирскаго Царства, гдѣ въ первый разъ обнажили мечь завоеванія. На мѣстѣ нынѣшняго Туринска стоялъ городокъ Князя Епанчи, который, повелѣвая многими Татарами и Вогуличами, встрѣтилъ смѣлыхъ пришельцевъ тучею стрѣлъ съ берега (гдѣ теперь село Усениново), но бѣжалъ, устрашенный громомъ пушекъ. Ермакъ велѣлъ разорить сей городокъ; осталось только имя: ибо жители донынѣ называютъ Туринскъ Епанчинымъ (677). Опустошивъ Улусы и селенія внизъ по Турѣ, Атаманы на устьѣ Тавды взяли въ плѣнъ Кучюмова сановника, Таузака, который, искренностію спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей, и будучи за то освобожденъ, извѣстилъ ся Царя, что предсказаніе Сибирскихъ волхвовъ сбывается (678): ибо сіи кудесники уже давно, какъ пишутъ, вопили на стогнахъ о неминуемомъ скоромъ паденіи его Державы отъ нашествія Христіанъ. Таузакъ описывалъ Козаковъ людьми чудесными, воинами неодолимыми, *стрѣляющими огнемъ и громомъ смертоноснымъ* на-вылетъ сквозь латы. Но г. 1581. Кучюмъ, лишенный зрѣнія (679), имѣлъ душу твердую: рѣшился стать мужественно за Царство и Вѣру; собралъ войско изъ всѣхъ Улусовъ, выслалъ племянника Маметкула въ поле со многочисленною конницею, а самъ укрѣпился въ засѣкѣ, на Иртышѣ, подъ горою Чувашьею, преграждая Атаманамъ путь къ Искеру.

Завоеваніе Сибири во многихъ отношеніяхъ сходствуетъ съ завоеваніемъ Мексики и Перу: также горсть людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями: ибо сѣверные Моголы и Татары не умѣли воспользоваться изобрѣтеніемъ пороха, и въ концѣ XVI вѣка дѣйствовали единственно оружіемъ временъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь Ермаковъ шелъ на толпу непріятелей (680), смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать. Такъ, въ первой битвѣ на берегу Тобола, въ урочищѣ Бабасанѣ, Ермакъ, стоя въ окопѣ, Битвы. нѣсколькими залпами остановилъ стремленіе десяти или болѣе тысячь всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслися, во весь духъ, потоптать его: онъ самъ ударилъ на нихъ (681), и довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью Тобола, хотя и не совсѣмъ безопасный: ибо жители, занявъ крутый берегъ сей рѣки, называемый *Долгимъ Яромъ* (682), стрѣлами осыпали ладіи Козаковъ. Второе, менѣе важное дѣло было въ шестнадцати верстахъ отъ Иртыша, гдѣ властвовалъ Улусный Князь, Царскій Думный Совѣтникъ Карача, на берегахъ озера, и теперь именуемаго *Карачинскимъ*: Ермакъ взялъ его Улусъ, и въ немъ богатую добычу, запасы и множество кадей Царскаго меду. Третія битва, на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ (683), доказавъ, что независимость отечества мила и варварамъ: Сибирскіе защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступили Россіянамъ побѣду, но только до новаго кровопролитія, имѣя еще и доблесть и надежду. Слѣпый Кучюмъ вышелъ изъ укрѣпленій и сталъ на горѣ Чувашьей: Маметкулъ расположился въ засѣкѣ, и Козаки, въ тотъ же вечеръ занявъ городокъ Атикъ-Мурзы, не смыкали глазъ ночью, опасаясь нападенія.

г. 1581. Уже число Ермаковой дружины уменьшилось замѣтно; кромѣ убитыхъ, многіе были ранены; многіе лишились силъ и бодрости отъ трудовъ непрестанныхъ. Ночный совѣтъ Козаковъ. Въ сію ночь Атаманы совѣтовались съ товарищами, что дѣлать — и голосъ слабыхъ раздался. «Мы удовлетворили мести,» сказали они: «время итти назадъ. Всякая новая битва для насъ опасна: ибо скоро не кому будетъ побѣждать.» Но Атаманы отвѣтствовали: «Нѣтъ, братья: намъ путь только впередъ! Уже рѣки покрываются льдомъ: обративъ тылъ, замерзнемъ въ глубокихъ снѣгахъ; а если и достигнемъ Руси, то съ пятномъ клятвопреступниковъ, обѣщавъ смирить Кучюма, или великодушною смертію загладить наши вины предъ Государемъ. Мы долго жили худою славою: умремъ же съ доброю! Богъ даетъ побѣду, кому хочетъ: не рѣдко слабымъ мимо сильныхъ, да святится имя Его» (684)! Рѣшительная битва. Дружина сказала: *аминь!* и съ первыми лучами солнца, 23 Октября, устремилась къ засѣкѣ, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* Непріятель сыпалъ стрѣлы, язвилъ Козаковъ, и въ трехъ мѣстахъ самъ разломавъ засѣку, кинулся въ бой рукопашный, безвыгодный для Ермаковыхъ малочисленныхъ витязей; дѣйствовали сабли и копья: люди падали съ обѣихъ сторонъ; но Козаки, Нѣмецкіе и Литовскіе воины стояли единодушнѣе, крѣпкою стѣною — успѣвали заряжать пищали и бѣглымъ огнемъ рѣдили толпы непріятельскія, гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ, Иванъ Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицаніе: *съ нами Богъ!* а слѣпый Кучюмъ, стоя на горѣ, съ Иманами, съ Муллами своими кликалъ Магомета для спасенія Правовѣрныхъ. Къ счастію Россіянъ, къ ужасу непріятелей, раненный Маметкулъ долженъ былъ оставить сѣчу: Мурзы увезли его въ ладіи на другую сторону Иртыша, и войско безъ предводителя отчаялось въ побѣдѣ: Князья Остяцкіе дали тылъ; бѣжали и Татары. Слыша, что знамена Христіанскія уже развѣваются на засѣкѣ, Кучюмъ искалъ безопасности въ степяхъ Ишимскихъ, успѣвъ взять только часть казны своей въ Сибирской столицѣ. Сія главная, кровопролитнѣйшая битва, въ коей пало 107 добрыхъ Козаковъ, донынѣ поминаемыхъ въ Соборной Тобольской церкви (685), рѣшила господство Россіи отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола.

26 Октября Ермакъ, уже знаменитый для Исторіи, отпѣвъ молебенъ, торжественно вступилъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, укрѣпленный съ одной стороны крутизною, глубокимъ оврагомъ, а съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. г. 1581. Взятіе Искера или города Сибири. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, если вѣрить Лѣтописцу: множество золота и серебра, Азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ, и все братски раздѣлили между собою (686). Городъ былъ пустъ: овладѣвъ Царствомъ, наши витязи еще не видали въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи: но 30 Октября явились къ нимъ Остяки съ Княземъ своимъ Боаромъ, съ дарами и запасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось и множество Татаръ съ женами и съ дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ, и всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежніе Юрты, обложивъ легкою данію. Сей бывшій Атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя Героемъ неустрашимымъ, Вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ завоеванной ими, *на краю свѣта*, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ Христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное* (687): ибо Строгость Ермака. требовалъ отъ дружины не только повиновенія, но и чистоты душевной, чтобы угодить вмѣстѣ и Царю земному и Царю Небесному; онъ думалъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ, и Козаки его, по сказанію Тобольскаго Лѣтописца, и въ пути и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

Прошло нѣсколько времени: не имѣя слуха о Кучюмѣ, Атаманы безъ опасенія занимались ловлею въ окрестностяхъ города. Но Кучюмъ былъ не далеко: племянникъ его, Маметкулъ, не смотря на язву свою, уже бодрствовалъ

г. 1581. въ полѣ, и 5 Декабря незапно ударивъ на 20 Россіянъ, которые ловили рыбу въ озерѣ Абалацкомъ (688), умертвилъ всѣхъ до единаго. Свѣдавъ о томъ, Ермакъ устремился за непріятелемъ: настигъ его близъ Абалака (гдѣ селеніе Шамшинскіе Юрты), разбилъ, разсѣялъ; взялъ тѣла своихъ убитыхъ и съ честію предалъ землѣ на Саусканскомъ мысу, близъ Искера, гдѣ было древнее Ханское кладбище. — Чрезвычайный холодъ, опасныя вьюги и краткость зимнихъ дней въ сихъ странахъ полунощныхъ не дозволяли ему мыслить о новыхъ, важныхъ предпріятіяхъ до весны. Между тѣмъ владѣнія Козаковъ распространились мирнымъ подданствомъ двухъ Князей Вогульскихъ, Ишбердея и Суклема: первый господствовалъ за Эскальбинскими болотами (689), на берегахъ Конды или Тавды, а второй въ окрестностяхъ Тобола; оба вызвались добровольно платить ясакъ или дань соболями, и присягнули Россіи въ вѣрности, которою Ишбердей пріобрѣлъ особенную любовь Козаковъ, служа имъ добрымъ совѣтникомъ и путеводителемъ въ мѣстахъ незнаемыхъ. Такимъ образомъ дѣла внутренняго управленія, собираніе дани, звѣриная и рыбная ловля, нужная для продовольствія въ зем-
г. 1582. лѣ безхлѣбной, занимали Ермака до Апрѣля мѣсяца (690), когда одинъ Мурза извѣстилъ его, что дерзкій Маметкулъ снова приближился къ Иртышу и кочуетъ на Вагаѣ съ малочисленною толпою: требовалось скорости и тайны болѣе, нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимаго: Атаманы выбрали только шестьдесятъ удальцевъ, которые ночью подкрались къ Маметкулову стану (691), напали въ расплохъ, умертвили многихъ сонныхъ Татаръ, взяли самого Царевича живаго и привели съ торжествомъ въ Искеръ, къ великой радости Ермака: ибо онъ симъ счастливымъ плѣномъ избавился отъ смѣлаго, мужественнаго непріятеля и могъ имъ воспользоваться, какъ важнымъ залогомъ, въ случаѣ войны или мира съ изгнанникомъ Кучюмомъ; видѣлъ Маметкула обагреннаго кровію своихъ братьевъ, но не думалъ о мести личной: ласкалъ и честилъ его подъ крѣпкою стражею. Уже имѣя лазутчиковъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ, Ермакъ въ то же время узналъ, что Кучюмъ, сраженный вѣстію о несчастіи Маметкула, скитается въ пустыняхъ за Ишимомъ; что

Плѣненіе Царевича Маметкула.

юный сынъ убитаго имъ Князя Сибирскаго, Бекбулата (692), Сейдекъ, увезенный въ Бухарію слугами отца своего, возмужавъ лѣтами и духомъ, идетъ на сего Царя-хищника съ шайками Узбековъ, и что Вельможа Карача измѣнилъ ему въ бѣдствіи: оставилъ Кучюма, увелъ многихъ людей съ собою и расположился кочевать въ *Лымской* землѣ (693), на большемъ озерѣ, выше устья Тары, впадающей въ Иртышъ, близъ рѣки Осмы. Сіе достовѣрное извѣстіе о безсиліи главнаго, злобнаго врага и наступленіе весны благопріятствовали новымъ подвигамъ знаменитаго Атамана. г. 1582.

Дальнѣйшія завоеванія.

Оставивъ въ Искерѣ часть дружины, Ермакъ съ Козаками поплылъ Иртышемъ къ Сѣверу (694). Уже ближайшіе Улусы признавали власть его: онъ шелъ мирно до устья Аримдзянки, гдѣ Татары, еще независимые, засѣли въ крѣпости и не хотѣли сдаться: взявъ ее приступомъ, Атаманы велѣли разстрѣлять или повѣсить главныхъ виновниковъ сего опаснаго упорства. Всѣ иные жители, смиренные ужасомъ, клялися быть подданными Россіи, цѣлуя омоченную кровію саблю. Нынѣшнія волости Нацинская, Карбинская, Туртасская не смѣли противиться. Далѣе начинались Юрты Остяковъ и Кондинскихъ Вогуличей: тамъ, на высокомъ берегу Иртыша, Князь ихъ Демьянъ, имѣя крѣпость и въ ней двѣ тысячи воиновъ, готовыхъ къ битвѣ, отвергнулъ всѣ предложенія Ермаковы. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ семъ городкѣ былъ золотой кумиръ, будто бы вывезенный изъ древней Россіи, во время ея крещенія; что Остяки держали его въ чашѣ, пили изъ нее воду и тѣмъ укрѣплялись въ мужествѣ; что Атаманы, стрѣльбою изгнавъ осажденныхъ, вступили въ городъ, но не могли найти въ немъ драгоцѣннаго идола (695). — Далѣе, плывя Иртышемъ, завоеватели увидѣли толпу кудесниковъ, приносящихъ жертву славному кумиру Рачѣ, съ моленіемъ, да спасетъ ихъ отъ страшныхъ пришельцевъ. Идолъ безмолвствовалъ, Россіяне шли съ своимъ *громомъ*, и кудесники бѣжали въ темноту лѣсовъ. На семъ мѣстѣ нынѣ селеніе *Рачевые* Юрты, ниже *Демьянскаго* Яма. — Далѣе, въ Цынгальской волости, гдѣ Иртышъ, стѣсняемый горами, имѣетъ узкое и быстрое теченіе, собралося множество вооруженныхъ людей: одинъ выстрѣлъ разсѣялъ ихъ, и

г. 1582. Козаки овладѣли городкомъ Нарымскимъ, гдѣ были только жены съ дѣтьми, въ страхѣ, въ ожиданіи смерти; но Ермакъ обошелся съ ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили пріити къ нему съ данію. Покоривъ волость Тарханскую ([696]), Атаманы вступили въ страну знатнѣйшаго Князя Остяцкаго, Самара, который соединился съ другими осмью Князьками и ждалъ Россіянъ для битвы, чтобы рѣшить судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужествомъ и силою, Самаръ забылъ осторожность: спалъ крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ съ войскомъ и стражею, когда Атаманы въ часъ разсвѣта ударили на его станъ: пробужденный шумомъ, онъ схватилъ оружіе и палъ мертвый отъ первой пули; войско разбѣжалось, а жители обязались платить ясакъ Россіи. — Уже Ермакъ достигъ славной Оби, коей теченіе извѣстно было и древнимъ Новогородцамъ, но устье и вершина, по выраженію Московскихъ путешественниковъ 1567 года ([697]), таились во мракѣ отдаленія. Завоевавъ еще главный Остяцкій городъ Назымъ и многія иныя крѣпости на берегахъ ея, плѣнивъ ихъ Князя и горестно оплакавъ кончину храбраго сподвижника, Атамана Никиту Пана, убитаго на приступѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ Козаковъ ([698]), Ермакъ не хотѣлъ итти далѣе: ибо видѣлъ предъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ мшистая кора болотъ и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лучей солнца, и гдѣ, среди мерзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамантовыми костями, представляется глазамъ образъ ужаснаго кладбища Природы. Поставивъ Князя Остяцкаго Алача Главою надъ Обскими Юртами, Ермакъ тѣмъ же путемъ возвратился въ Сибирскую столицу, честимый своими данниками какъ побѣдитель и Владыка; вездѣ, съ изъявленіями раболѣпства, встрѣчали, провожали его, какъ мужа грозы и доблести сверхъестественной. Козаки плыли съ воинскою музыкою и выходили на берегъ всегда въ своихъ праздничныхъ кафтанахъ, чтобы удивлять жителей пышностію и богатствомъ ([699]). Отъ предѣловъ Березовскихъ до Тобола утвердивъ господство Россіи, Ермакъ благополучно возвратился въ Искеръ, тихій и спокойный.

Посольство въ Москву. Тогда единственно, по сказанію Лѣтописца, сей витязь счастливый далъ знать Строгановымъ, что Богъ помогъ ему одолѣть Салтана, взять его столицу, землю и Царевича, а съ народовъ присягу въ вѣрности; написалъ и къ Іоанну, что его бѣдные, опальные Козаки, угрызаемые совѣстію, исполненные раскаянія, шли на смерть и присоединили знаменитую Державу къ Россіи, во имя Христа и Великаго Государя, *на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру*; что они ждутъ указа и Воеводъ его ([700]): сдадутъ имъ Царство Сибирское, и безъ всякихъ условій, готовые умереть или въ новыхъ подвигахъ чести или на плахѣ, какъ будетъ угодно ему и Богу. Съ сею грамотою поѣхалъ въ Москву вторый Атаманъ, первый сподвижникъ Ермака Тимоѳеева, первый съ нимъ въ думѣ и въ сѣчахъ, Иванъ Кольцо, не боясь своего торжественнаго осужденія на лютую казнь преступника ([701]). г. 1582.

Здѣсь предупредимъ вопросъ Читателя: столь поздно извѣстивъ Строгановыхъ о своемъ успѣхѣ, не думалъ ли Ермакъ, обольщенный легкимъ завоеваніемъ Сибири (какъ угадывали нѣкоторые Историки) властвовать тамъ независимо? не для того ли наконецъ обратился къ Іоанну, что увидѣлъ необходимость требовать его вспоможенія, ежедневно слабѣя въ силахъ, хотя и побѣждая? Но могъ ли умный Атаманъ и съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, оставленныхъ Россіею, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили дань пришельцамъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла? Гораздо вѣроятнѣе, что Лѣтописецъ, не бывъ очевидцемъ дѣяній, означаетъ ихъ порядокъ на-угадъ; или Ермакъ опасался безвременно хвалиться въ Россіи успѣхомъ: хотѣлъ прежде довершить завоеваніе, и довершилъ, по его мнѣнію, загнавъ Кучюма въ дальнія степи и водрузивъ межевый столпъ Государства Московскаго на берегу Оби.

Восхищенные вѣстію Атамановъ, Строгановы спѣшили въ Москву, донесли Государю о всѣхъ подробностяхъ и молили его утвердить Сибирь за Россіею: ибо они, какъ частные люди, не имѣли способовъ удержать столь обширное завоеваніе. Явились и Послы Ермаковы, Атаманъ Кольцо съ товарищами, *бить челомъ Іоанну Царствомъ Сибирскимъ*,

г. 1582. Радость въ Москвѣ. драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами. Давно, какъ пишутъ (702), не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой: Государь и народъ *воспрянули духомъ*. Слова: «новое Царство послалъ Богъ Россіи!» съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній Казанскаго и Астраханскаго. Молва увеличивала славу подвига: говорили о безчисленныхъ воинствахъ, разбитыхъ Козаками; о множествѣ народовъ, ими покоренныхъ; о несмѣтномъ богатствѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь упала тогда съ неба для Россіянъ: забыли ея давнишнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Опала сдѣлалась честію: оглашенный преступникъ, Иванъ Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою голову предъ Царемъ и Боярами, слышалъ милость, хвалу, имя добраго витязя, и съ слезами лобызалъ руку Іоаннову. Государь жаловалъ его и другихъ Сибирскихъ Пословъ деньгами, сукнами, камками; немедленно отрядилъ Воеводу, Князя Семена Дмитріевича Болховскаго, чиновника Ивана Глухова и 500 Стрѣльцевъ Посланіе рати въ Сибирь. къ Ермаку (703); дозволилъ Ивану Кольцу на возвратномъ пути искать охотниковъ для переселенія въ новый край Тобольскій и велѣлъ Епископу Вологодскому отправить туда десять Священниковъ съ ихъ семействами для Христіанскаго богослуженія. Весною Князь г. 1583. Болховскій долженъ былъ взять ладіи у Строгановыхъ и плыть рѣкою Чусовою по слѣдамъ Сибирскаго Героя. Сіи усердные, знаменитые граждане, истинные виновники столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, уступивъ оное Государству, не остались безъ возмездія: Іоаннъ за ихъ *службу и радѣніе* пожаловалъ Семену Строганову два мѣстечка, Большую и Малую Соль, на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно (704).

Новыя завоеванія. Между тѣмъ завоеватели Сибирскіе не праздно ждали добрыхъ вѣстей изъ Россіи: ходили рѣкою Тавдою въ землю Вогуличей (705). — Близъ устья сей рѣки господствовали Князья Татарскіе, Лабутанъ и Печенѣгъ, разбитые Ермакомъ въ дѣлѣ кровопролитномъ, на берегу озера, гдѣ, какъ увѣряетъ повѣствователь, и въ его время еще лежало множество костей человѣческихъ (706). Но г. 1583. робкіе Вогуличи Кошуцкой и Табаринской волости мирно дали ясакъ Атаманамъ. Сіи тихіе дикари жили въ совершенной независимости; не имѣли ни Князей, ни Властителей; уважали только людей богатыхъ и разумныхъ, требуя отъ нихъ суда въ тяжбахъ или ссорахъ; не менѣе уважали и мнимыхъ волхвовъ, изъ коихъ одинъ, съ благоговѣніемъ взирая на Ермака, будто бы предсказалъ ему долговременную славу, но умолчалъ о близкой его смерти. Здѣсь баснословіе изобрѣло еще Гигантовъ между карлами Вогульскими (ибо жители сей печальной земли не бываютъ ни въ два аршина ростомъ): пишутъ, что Россіяне близъ городка Табаринскаго съ изумленіемъ увидѣли великана, въ двѣ сажени вышиною, который хваталъ рукою и давилъ вдругъ человѣкъ по-десяти или болѣе; что они не могли взять его живаго и застрѣлили! Вообще извѣстіе о семъ походѣ не весьма достовѣрно, находясь только въ прибавленіи къ Сибирской лѣтописи. Тамъ сказано далѣе, что Ермакъ, достигнувъ болотъ и лѣсовъ Пелымскихъ, разсѣявъ толпы Вогуличей и взявъ плѣнниковъ, старался узнать отъ нихъ о пути съ береговъ Верхней Тавды черезъ Каменный Поясъ въ Пермь, дабы открыть новое сообщеніе съ Россіею, менѣе опасное или трудное, но не могъ проложить сей дороги въ пустыняхъ грязныхъ и топкихъ лѣтомъ, а зимою засыпаемыхъ глубокими снѣгами. Умноживъ число данниковъ, расширивъ свои владѣнія въ древней землѣ Югорской до рѣки Сосвы и включивъ въ ихъ предѣлы страну *Кондинскую*, дотолѣ мало извѣстную, хотя уже и давно именуемую въ титулѣ Московскихъ Самодержцевъ (707), Ермакъ возвратился въ Сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду.

Иванъ Кольцо прибылъ въ Искеръ съ Государевымъ жалованьемъ, Князь Болховскій съ людьми воинскими. Первый вручилъ Атаманамъ и рядовымъ Жалованье Царское. богатые дары, а Вождю ихъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча Царскаго (708). Іоаннъ въ ласковой грамотѣ объявилъ Козакамъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу; назвалъ Ермака (такъ пишутъ) *Княземъ Сибирскимъ* (709); велѣлъ ему распоряжать и начальствовать, какъ было дотолѣ, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ и вер-

г. 1583. ховную Государеву власть надъ нею. Козаки же честили Іоаннова Воеводу и всѣхъ Стрѣльцевъ, дарили соболями, угощали со всею возможною роскошью ([710]), готовясь съ ними къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. — Сіе счастіе Ермаково и сподвижниковъ его не продолжилось: начинаются ихъ бѣдствія.

Болѣзни и голодъ въ Сибири. Вопервыхъ открылась жестокая цынга, болѣзнь обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ климатахъ сырыхъ, холодныхъ, въ мѣстахъ еще дикихъ, мало населенныхъ: занемогли Стрѣльцы, отъ нихъ и Козаки; многіе лишились силъ, многіе и жизни. Вовторыхъ оказался зимою недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: страшные морозы, вьюги, мятели, препятствуя Козакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставленію хлѣба изъ сосѣдственныхъ Юртовъ, гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ землепашествомъ. Сдѣлался голодъ: болѣзнь еще усилилась; люди гибли ежедневно, а въ числѣ многихъ другихъ умеръ и самъ Воевода Іоанновъ, Князь Болховскій, съ честію и слезами схороненный въ Искерѣ ([711]). Общее уныніе коснулось и Ермакова сердца: давно не боясь смерти, онъ боялся утратить завоеваніе, обмануть надежду Царя и Россіи. — Сіе бѣдствіе миновало

г. 1584. весною: теплота воздуха способствовала излеченію больныхъ, и подвозы доставили Россіянамъ изобиліе. Тогда Ермакъ ([712]), исполняя указъ Іоанновъ, отправилъ въ Москву Царевича Маметкула, написавъ къ Государю, что все опять благополучно въ его Сибири, но моля о сильнѣйшемъ, немедленномъ вспоможеніи, дабы удержать взятое и взять еще болѣе. — Сей плѣнный Царевичъ, вѣрный блюститель Магометова Закона, служилъ послѣ въ нашихъ ратяхъ ([713]).

Лишась, можетъ быть, половины воиновъ отъ заразы и голода, Ермакъ претерпѣлъ еще знатную убыль въ силахъ отъ легковѣрія и неосторожности. Мурза или Князь Карача, оставивъ Царя своего въ несгодѣ, имѣлъ на Тарѣ Улусъ многолюдный, лазутчиковъ въ Искерѣ, друзей и единомышленниковъ во всѣхъ окрестныхъ Юртахъ; хотѣлъ быть избавителемъ отечества; ждалъ времени, и между тѣмъ коварно ласкалъ Россіянъ: присылалъ къ нимъ дары, требовалъ ихъ защиты, будто бы угрожаемый Ногаями; клялся въ вѣрности, и такъ обольстилъ Ермака, что онъ послалъ къ нему сорокъ добрыхъ воиновъ съ Атаманомъ г. 1584. Иваномъ Кольцомъ. Сія горсть людей отважныхъ могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но, влекомые Судьбою на гибель, Козаки шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякаго опасенія и мирно стали подъ ножъ убійцъ: первый Герой Ермаковъ и воины его, львы въ сѣчахъ, пали какъ агнцы въ Тарскомъ Улусѣ ([714])! . . . . Неосторожность Козаковъ. Слѣдствіемъ были мятежъ и бунтъ всѣхъ нашихъ данниковъ: Татары, Остяки Сибирскіе возстали на Россіянъ, убили въ разъѣздѣ Атамана Якова Михайлова ([715]), соединились въ полѣ съ Карачею и стали необозримыми обозами вокругъ Искера, гдѣ Ермакъ увидѣлъ себя въ Осада города Сибири. тѣсной осадѣ: завоеванія его, Царство и подданные вдругъ исчезли; нѣсколько саженей деревянной стѣны съ земляными укрѣпленіями составляли единственное владѣніе Козаковъ! Ермакъ могъ дѣлать вылазки, но жалѣлъ своихъ людей малочисленныхъ; стрѣлялъ, но безполезно, имѣя только легкія пушки: ибо непріятель стоялъ далеко и не хотѣлъ приступать къ стѣнамъ, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, дѣйствительно неминуемымъ для ея защитниковъ, если бы осада продолжилась. Въ сей крайности рѣшились Козаки на дѣло отчаянное: 12 Іюня ([716]), ночью, съ Атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ, оставивъ Ермака блюсти крѣпость, прокрались сквозь обозы непріятельскіе къ мѣсту называемому Саусканомъ, гдѣ былъ станъ Карачи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и кинулись на сонныхъ Татаръ: умертвили ихъ множество и двухъ сыновей Карачиныхъ, гнали бѣгущихъ во всѣ стороны, плавали въ крови невѣрныхъ. Самъ Князь или Мурза ушелъ за озеро только съ малымъ числомъ людей. Хотя утренній свѣтъ ободрилъ непріятелей; хотя они, приспѣвъ изъ другихъ становъ, удержали бѣглецовъ, сомкнулись и вступили въ бой: но Козаки, засѣвъ въ обозѣ Княжескомъ ([717]), сильною ружейною стрѣльбою отразили всѣ нападенія, и въ полдень съ торжествомъ возвратились въ городъ, ими освобожденный: ибо Карача, въ ужасѣ немедленно снявъ осаду, бѣжалъ за Ишимъ; а селенія и Юрты окрестные всѣ снова поддалися Россіянамъ. Еще Судьба благопріятствовала Героямъ!

Въ страхъ непріятелю и для своей будущей безопасности Ермакъ, хотя уже и слабый числомъ людей, предпріялъ

г. 1584. Последнія завоеванія Ермаковы.

итти въ слѣдъ за Карачею, вверхъ Иртышемъ, чтобы распространить на Востокъ владѣнія Россіи. Онъ побѣдилъ Князя Бегиша и взялъ городокъ его (коего остатки еще видны (718), на берегу излучистаго озера, далѣе устья Вагайскаго); завоевалъ всѣ мѣста до Ишима, местію ужасая непокорныхъ, милуя безоружныхъ. Въ Саргацкой волости жилъ тогда какой-то знаменитый Старѣйшина, наслѣдственный главный судія всѣхъ Улусовъ Татарскихъ отъ времень перваго Хана Сибирскаго, и Князь Еличай въ городкѣ Тебендѣ: оба изъявили смиреніе; а Князь вмѣстѣ съ данію представилъ Ермаку и юную дочь, невѣсту сына Кучюмова; но цѣломудренный Атаманъ велѣлъ ей удалиться съ ея прелестями опасными и съ невинностію, какъ говоритъ Лѣтописецъ. Близъ устья Ишимскаго, въ кровопролитной схваткѣ съ жителями, бѣдными и свирѣпыми, Ермакъ лишился пяти мужественныхъ Козаковъ, донынѣ воспѣваемыхъ въ унылыхъ Сибирскихъ пѣсняхъ (719); взялъ еще городокъ Ташатканъ, но не хотѣлъ упорно приступать къ важнѣйшей крѣпости, основанной Царемъ Кучюмомъ на берегу озера Аусаклу; достигнулъ рѣки Шиша, гдѣ начинаются голыя степи, и распорядивъ дань въ семъ новомъ завоеваніи, возвратился въ Искеръ съ трофеями, уже послѣдними!

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, Козаки успѣли завести торговлю съ самыми отдаленными Азіатскими странами, издревле славными богатствомъ и купечествомъ. Уже караваны Бухарскіе ходили къ нимъ мимо Арала, сквозь степи Киргизъ-Кайсаковъ, путемъ безъ сомнѣнія давно проложеннымъ (можетъ быть, еще во времена Чингисовы или его наслѣдниковъ), оживляя пустынную Сибирскую столицу зрѣлищемъ дѣятельной ярмонки и доставляя тамъ Россіянамъ, въ обмѣнъ на мягкую рухлядь, плоды Восточнаго ремесла, нужные или пріятные для воиновъ, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцевъ Бухарскихъ (720), и свѣдавъ, что изгнанникъ Кучюмъ не даетъ имъ дороги въ степи Вагайской, гдѣ онъ снова дерзнулъ явиться, пылкій Ермакъ съ пятидесятью Козаками спѣшилъ ихъ встрѣтить: искалъ цѣлый день, не видалъ ни каравана, ни слѣдовъ непріятеля, и на возвратномъ пути расположился ночевать въ шатрахъ, оставивъ лодки свои у берега, близъ Вагайскаго устья, гдѣ Иртышъ, дѣлясь г. 1584. на двое, течетъ весьма кривою излучиною къ Востоку и прямымъ искусственнымъ каналомъ, называемымъ *Ермаковою перекопью*, но вырытымъ, какъ надобно думать, въ древнѣйшія времена, ибо гладкіе берега его не представляютъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ копанія (721). Тамъ же, къ Югу отъ рѣки, среди низкаго луга, возвышается холмъ, насыпанный, по общему преданію, руками дѣвичьими для жилища Царскаго (722). Между сими памятниками какого-то забытаго вѣка надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, съ коего начинается ея несомнительная Исторія — погибнуть отъ своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимымъ дѣйствіемъ Рока. Ермакъ зналъ о близости врага, и, какъ бы утомленный жизнію, погрузился въ глубокій сонъ съ своими удалыми витязями, безъ наблюденія, безъ стражи. Лилъ сильный дождь; рѣка и вѣтеръ шумѣли, тѣмъ болѣе усыпляя Козаковъ; а непріятель бодрствовалъ на другой сторонѣ рѣки: его лазутчики сыскали бродъ, тихо приблизились къ стану Ермакову, видѣли сонныхъ, взяли у нихъ три пищали съ лядунками и представили своему Царю въ удостовѣреніе, что можно наконецъ истребить непобѣдимыхъ (723). *Заиграло Кучюмово сердце*, какъ сказано въ лѣтописи: онъ напалъ на Россіянъ полумертвыхъ (въ ночи 5 Августа) и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ; другой, самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ издыхающихъ, воспрянулъ . . . увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отразилъ убійцъ, кинулся въ бурный глубокій Иртышъ и, не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ отягченный желѣзною бронею, данною ему Іоанномъ . . . Конецъ горькій для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы! . . . Нѣтъ, волны Иртыша не поглотили ее: Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!

Гибель Ермакова.

Сей Герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника предъ Ермаковымъ — сей Герой погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучюмъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ Козаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго Царства у великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники,

г. 1584. ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоеванія, величая доблесть его не только въ лѣтописаніяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *Атамана-Князя*. Онъ былъ видомъ благороденъ, katsovитъ, росту средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ лице плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательнаго. — Тѣло Ермаково (13 Августа) приплыло къ селенію Епанчинскимъ Юртамъ, въ 12 верстахъ отъ Абалака, гдѣ Татаринъ Янишъ, внукъ Князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ ноги человѣческія, петлею вытащилъ мертваго, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, и созвалъ всѣхъ жителей деревни видѣть исполина бездушнаго. Пишутъ, что одинъ Мурза, именемъ Кандаулъ, хотѣлъ снять броню съ мертваго, и что изъ тѣла, уже оцѣпенѣлаго, вдругъ хлынула свѣжая кровь; что злобные Татары, положивъ оное на рундукъ, пускали въ него стрѣлы; что сіе продолжалось шесть недѣль; что Царь Кучюмъ и самые отдаленные Князья Остяцкіе съѣхались туда наслаждаться местію; что, къ удивленію ихъ, плотоядныя птицы, стаями летая надъ трупомъ, не смѣли его коснуться; что страшныя видѣнія и сны заставили невѣрныхъ схоронить мертвеца, на Бегишевскомъ кладбищѣ, подъ кудрявою сосною; что они, въ честь ему изжаривъ и съѣвъ 30 быковъ въ день погребенія (724), отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецамъ славнаго Бѣлогорскаго идола, нижнюю Мурзѣ Кандаулу, кафтанъ Князю Сейдеку, а саблю съ поясомъ Мурзѣ Карачѣ; что многія чудеса совершались надъ Ермаковою могилою, сіялъ яркій свѣтъ и пылалъ столпъ огненный; что Духовенство Магометанское, испуганное ихъ дѣйствіемъ, нашло способъ скрыть сію могилу, нынѣ никому неизвѣстную; что Сотникъ Ульянъ Ремезовъ въ 1650 году узналъ всѣ обстоятельства Ермаковыхъ дѣлъ и смерти отъ Тайши Калмыцкаго Аблая, ревностно желавшаго имѣть и наконецъ доставшаго броню Ермакову отъ потомковъ Кандауловыхъ. г. 1584.

Изображеніе Героя Сибирскаго.

Вѣсть о гибели Вождя привела въ неописанный ужасъ Россіянъ въ Сибири: ихъ было около ста пятидесяти, Козаковъ и воиновъ Московскихъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгановской дружины (725), подъ главнымъ начальствомъ Атамана Матвѣя Мещеряка. Съ Ермакомъ все для нихъ кончилось: и смѣлость великодушная и надежда. Опасаясь Кучюма, Сейдека, Карачи, жителей, голода, они рѣшились итти назадъ въ Россію, и вышли (15 Августа) изъ Сибирской столицы съ горькими слезами, покидая въ ней гробы братьевъ и знаменія Христіанства, теряя всѣ плоды своихъ трудовъ кровавыхъ, видя между собою и святою Русью еще пустыни необозримыя, опасности, битвы и, можетъ быть, смерть безвѣстную. Сіи уже не гордые завоеватели, а бѣдные изгнанники поплыли вверхъ Тобола, къ великой радости Кучюма и всѣхъ жителей: ибо и дикіе не любятъ господъ чужеземныхъ. Убивъ Ермака, Кучюмъ не дерзнулъ приступить къ Искеру; свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, все еще для него страшныхъ, непобѣдимыхъ, и въ крѣпости и въ ладіяхъ громоносныхъ, не мыслилъ тревожить ихъ плаванія, и въ слѣдъ за сыномъ своимъ, Алеемъ, вошелъ въ пустый городъ Сибирскій, снова царствовать и снова лишиться Царства.... Тамъ не осталось Россіянъ: остались ихъ прахъ и могилы: они звали мстителей; тѣни Ермака и его усопшихъ сподвижниковъ манили Россіянъ довершить легкое завоеваніе края неизмѣримаго, отъ Каменнаго Пояса до Сѣверной Америки и Восточнаго Океана, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, надлежало сойтися предѣламъ нашего отечества съ предѣлами Испанскихъ владѣній; гдѣ ожидали насъ не только богатые рудники, драгоцѣнные плоды звѣроловства, выгодная мѣна Китайская, но и слава мирнаго гражданскаго образованія дикихъ народовъ, и счастливый способъ искоренять преступленія людей безъ душегубства, оставлять жизнь и злодѣямъ, безвредно и еще не безкорыстно для Государства, населять ими пустыни — ихъ руками, отъ узъ свободными, извлекать сокровища изъ нѣдръ земли, и не рѣдко исправлять

Козаки оставляютъ Сибирь.

г. 1584. сихъ злосчастныхъ, къ утѣшенію человѣчества.

Скоро увидимъ возвращеніе Россіянъ, ихъ дальнѣйшія побѣды и завоеванія г. 1584. въ новомъ мірѣ Сибирскомъ, уже въ царствованіе Іоаннова преемника.

---

# ГЛАВА VII.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

### Г. 1582 — 1584.

---

**Война и перемиріе съ Швеціею. Дѣла Литовскія. Бунтъ Черемисскій. Сношенія съ разными Державами и въ особенности съ Англіею. Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ. Описаніе невѣсты. Посольство въ Лондонъ. Посолъ Елисаветинъ. Болѣзнь и кончина Іоаннова. Любовь Россіянъ къ Самодержавію. Сравненіе Іоанна съ другими мучителями. Польза Исторіи. Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ. Іоаннъ образователь государственный и Законодавецъ. Приказы. Дьяки, Приказные люди. Думные Дворяне. Дворяне Сверстные и Младшіе. Князья Служилые. Стольники. Ратныя учрежденія. Законы. Цѣна рубля. Церковныя учрежденія. Достопамятный обрядъ церковный. Строеніе городовъ. Состояніе Москвы. Торговля. Роскошь и пышность. Слава Іоаннова.**

г. 1582. Война и перемиріе съ Швеціею. Великими пожертвованіями обезоруживъ Баторія, а Хана, менѣе страшнаго, но всегда опаснаго, удовольствовавъ ничтожными дарами, Іоаннъ могъ свободно наступить на Шведовъ, оставленныхъ союзникомъ; желалъ, надѣялся смирить хотя сего дерзкаго непріятеля и тѣмъ возвысить честь своего оружія въ глазахъ Европы. Успѣхъ казался несомнительнымъ, легкимъ. Баторій не только предалъ Шведскаго Короля мести Іоанновой, но еще и самъ угрожалъ ему войною за Эстонію: требуя сей области, онъ велѣлъ сказать Королю: «Ты воспользовался моими успѣхами и присвоилъ себѣ Нарву съ другими городами Нѣмецкими, собственность Польши;» а Король отвѣтствовалъ: «Что пріобрѣтено кровію нашихъ, то наше. Я былъ въ полѣ, еще не видя знаменъ твоихъ. Вспомни, что вся Европа трепетала нѣкогда имени Готѳовъ, коихъ мы наслѣдовали и силу и мужество: не боимся меча ни Русскаго, ни Седмиградскаго» (726). Сія гордость, если и великодушная, могла имѣть гибельныя слѣдствія для Швеціи слабой, еще волнуемой изувѣрствомъ ея Вѣнценосца, ревностію его къ Латинству и ссорою съ братомъ, Герцогомъ Карломъ. *Съ одной* стороны пылкій Баторій, сказавъ: «возьму, чего требую,» готовился итти на Шведовъ; *съ другой* Іоанновы Воеводы, Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Тюменскій, Хворостининъ, г. 1582 Меркурій Щербатой, выступивъ изъ Новагорода, шли къ Нарвѣ, Ямѣ и за Неву въ Финляндію (727): встрѣтили непріятеля въ Вотской Пятинѣ, въ селѣ Лялицахъ, и разбили его на голову. Іоаннъ прислалъ имъ золотыя медали, отличивъ истиннаго виновника сей побѣды, Князя Дмитрія Хворостинина, одного изъ Псковскихъ Героевъ, который смялъ Шведовъ ударомъ своей передовой дружины. Второе дѣло, не менѣе важное и для насъ счастливое, было на берегахъ Невы. Слѣдуя совѣту измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго, Генералъ де-ла-Гарди неожиданно устремился къ Нотебургу или Орѣшку, чтобы взять его смѣлымъ приступомъ. Тамъ начальствовали Воеводы Князь Василій Ростовскій, Судаковъ, Хвостовъ: они бились неустрашимо; рѣзали, топили Шведовъ въ Невѣ; а Князь Андрей Шуйскій спѣшилъ съ конными дружинами изъ Новагорода для спасенія сей важной крѣпости. Надменный де-ла-Гарди бѣжалъ.

Но Судьба помогла Швеціи. Герой Баторій, сильный въ битвахъ, увидѣлъ слабость свою на Сеймѣ, гдѣ неблагодарные, своевольные Паны, отвергнувъ всѣ его предложенія, внушенныя ему истинною любовію къ ихъ отечеству, сказали рѣшительно: «не хотимъ войны, ни съ Крымомъ, ни съ Шведами;

не даемъ ни людей, ни денегъ!» *Ты Король, если вѣрно исполняешь уставы Королевства*, примолвилъ одинъ изъ нихъ, Яковъ Нѣмековскій: *иначе ты Баторій, а я Нѣмековскій* (728). Іоаннъ же, къ радостному изумленію Шведовъ, вдругъ остановивъ всѣ движенія нашихъ войскъ, предложилъ де-ла-Гардію миръ: Князь Лобановъ и Дворянинъ Татищевъ съѣхались съ нимъ въ Шелонской Пятинѣ, на рѣкѣ Плюсѣ, и 26
г. 1583. Мая (1583) заключили перемиріе, сперва на два мѣсяца, а послѣ на три года, оставивъ Яму, Ивань-городъ, Копорье, въ рукахъ Шведовъ (729)! . . . Сія неожидаемая уступчивость изъясняется слѣдующими обстоятельствами:

Дѣла Литовскія. *Вопервыхъ*, миръ съ Литвою казался не весьма надежнымъ (730). Послы Баторіевы, находясь въ Москвѣ для утвержденія договора, объявили новыя требованія: хотѣли, чтобы Іоаннъ нигдѣ не писался въ титулѣ *Ливонскимъ* и призналъ всю Эстонію законнымъ Стефановымъ владѣніемъ. Бояре только отчасти удовлетворили сему требованію, давъ имъ грамоту съ обязательствомъ не воевать Эстоніи въ теченіе десяти лѣтъ. Іоаннъ присягнулъ, Баторій также, исполнять честно всѣ условія; но Литовскіе Воеводы силою занимали мѣста въ Уѣздахъ Торопецкомъ, Луцкомъ, Велижскомъ; не хотѣли опредѣлить ясныхъ границъ между обѣими Державами; обижали, безчестили нашихъ сановниковъ; затрудняли обѣщанный размѣнъ плѣнниковъ: взяли за Ѳеодора Шереметева 20 тысячь *золотыхъ*, или около 7000 рублей, и 280 соболей, за Князя Татева 4114, за Князя Хворостинина 3228, за Черемисинова 4457 рублей (731), но другихъ держали въ неволѣ. Стефанъ, въ ласковыхъ сношеніяхъ съ Царемъ, *то* находилъ жалобы его справедливыми, обязываясь немедленно унять дерзость Литовскихъ чиновниковъ, *то* винилъ Россіянъ, оправдывая своихъ, и принудилъ Іоанна послать на границу (въ Сентябрѣ 1583 года) 2000 Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцовъ, чтобы защитить ея жителей отъ дальнѣйшихъ утѣсненій Витебскаго Воеводы Паца, который основалъ новую крѣпость на землѣ Россійской. Однимъ словомъ, не смотря на всю малодушную терпѣливость Іоаннову, непріятельскія дѣйствія съ сей стороны легко могли возобновиться.

*Вовторыхъ*, общій бунтъ незапно вспыхнулъ въ землѣ Луговыхъ Черемисовъ, столь опасный и жестокій, что г. 1583. Бунтъ Черемисскій.
Казанскіе Воеводы никакъ не могли усмирять его. Встревоженный Государь (въ Октябрѣ 1582 года) послалъ къ нимъ войско съ Княземъ Елецкимъ; свѣдавъ же, что бунтъ не утихаетъ, велѣлъ итти туда изъ Мурома знатнѣйшимъ Полководцамъ, Князьямъ Ивану Михайловичу Воротынскому и мужественному Димитрію Хворостинину (732). Новыя вѣсти еще болѣе устрашили Москву: узнали, что Ханъ Магметъ-Гирей, вопреки мирной грамотѣ, сносится съ Черемисскими мятежниками и готовъ устремиться на Россію; что Ногаи, дотолѣ вѣрные, имъ и Сибирскимъ Царемъ возбуждаемые, грабятъ въ Камскихъ предѣлахъ. Надлежало вдругъ дѣйствовать всѣми силами: отрядили войско къ Камѣ; другое подъ начальствомъ Князей, Ѳеодора Мстиславскаго, Курлятева, Шуйскихъ, заняло берега Оки; третіе плыло на судахъ Волгою къ Свіяжску. Ханъ не дерзнулъ вступить въ Россію; но бунтъ Черемисскій продолжался до конца Іоанновой жизни съ остервененіемъ удивительнымъ: не имѣя ни силъ, ни искусства для стройныхъ битвъ въ полѣ, сіи дикари свирѣпые, озлобленные, вѣроятно, жестокостію Царскихъ чиновниковъ, рѣзались съ Московскими воинами на пеплѣ жилищъ своихъ, въ лѣсахъ и въ вертепахъ, лѣтомъ и зимою; хотѣли независимости или смерти. Для стѣсненія мятежниковъ Воевода, Князь Туренинъ, основалъ тогда крѣпость Козмодемьянскъ.

Такимъ образомъ, купивъ дорогою цѣною перемиріе съ Литвою, чтобы потоптать Швецію, но, вмѣсто успѣховъ важныхъ, имѣвъ стыдъ безмолвно уступить ей и города Эстонскіе и самую древнюю собственность Россіи — снова опасаясь и Баторія и Хана — наконецъ видя кровопролитный мятежъ въ восточныхъ предѣлахъ своей Державы, Іоаннъ, какъ увѣряютъ, изъявлялъ наружное спокойствіе; по крайней мѣрѣ не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ; жилъ въ Москвѣ, уже оставивъ злосчастную Александровскую Слободу, гдѣ, для его воображенія, обитала кровавая тѣнь убитаго имъ сына; присутствовалъ въ Думѣ Боярской; угощалъ Пословъ Шаха Персидскаго, Султанова, Бухарскихъ, Хивинскихъ, находясь въ тѣсномъ дружествѣ съ преемникомъ Тамасовымъ, Годабендомъ, какъ съ непріятелемъ Сношенія съ разными Державами, и въ особенности съ Англіею.

г. 1583. опасной для насъ Оттоманской Имперіи, ([733]) — Султану изъявляя учтивость, но ни слова не говоря ему ни о войнѣ, ни о мирѣ: дозволяя только его купцамъ ѣздить въ Москву, и на Азіатскія парчи вымѣнивать соболей — съ Царями Державъ Каспійскихъ также имѣя единственно дѣла торговыя. Но всего любопытнѣе были тогда сношенія Двора Московскаго съ Лондонскимъ.

Торговля Англичанъ съ 1572 года снова цвѣла въ Россіи: они снова хвалились милостію Царскою, вездѣ находили управу, защиту, вспоможеніе, къ досадѣ купцевъ Нидерландскихъ и Нѣмецкихъ, которые своими происками и навѣтами хотѣли вредить имъ въ мысляхъ Іоанновыхъ, не жалѣя денегъ въ Москвѣ, подкупая Дьяковъ и Царедворцевъ. Елисавета также не внимала представленіямъ Державъ Сѣверныхъ о вредѣ сей торговли для Европы, угрожаемой властолюбіемъ Россіянъ, и свѣдавъ, что Король Датскій требуетъ пошлинъ съ Англійскихъ мореходцевъ на пути ихъ къ берегамъ нашей Лапландіи, писала о томъ (въ 1581 году) къ Іоанну. «Знаю, отвѣтствовалъ Царь, что вѣроломный Фридерикъ Датскій, желая лишить Россію сообщенія съ Европейскими Государствами, вступается нынѣ въ Колу и Печенгу, древнюю собственность моего отечества: уничтожимъ его замыслы; очисти море и путь къ Двинѣ военными кораблями; а я велѣлъ ратнымъ своимъ дружинамъ занять пристани Сѣвернаго Океана для охраненія твоихъ гостей отъ насилія Датчанъ» ([734]). Но Фридерикъ, объявивъ требованія несправедливыя, замолчалъ, не думая воевать съ Россіею въ дикихъ пустыняхъ Лапландскихъ, и боясь оскорбить Англію, уже сильную флотами.

Одобряемый умомъ государственнымъ, искренній союзъ сихъ двухъ Державъ основывался и на личномъ дружествѣ Іоанновомъ къ Королевѣ, питаемомъ разсказами Англійскихъ купцевъ въ Москвѣ о великихъ свойствахъ и дѣлахъ Елисаветы, объ ея красотѣ и любезности, о добромъ расположеніи и любви къ Царю; писали даже, что онъ мыслилъ жениться на сей пятидесятилѣтней красавицѣ ([735]): сказаніе, коего истина не подтверждается историческими современными свидѣтельствами; но Іоаннъ, въ шестый или въ седьмый разъ женатый, въ самый первый годъ сего несчастнаго брака, уже *зная беременность Маріи,* дѣйствительно искалъ себѣ знатной невѣсты въ Англіи, чтобы еще болѣе укрѣпить дружественную связь съ Елисаветою!... Предложимъ обстоятельства дѣла, столь любопытнаго, съ нѣкоторою подробностію. г. 1583. Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ.

Прислалъ въ Москву Лейбъ-Медика, Роберта Якоби, Королева (лѣтомъ въ 1581 году) писала къ Царю: «Мужа искуснѣйшаго въ цѣленіи болѣзней уступаю тебѣ, моему *брату кровному*, не для того, чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того, что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло ввѣрить ему свое здравіе. Посылаю съ нимъ, въ угодность твою, Аптекарей и цырюльниковъ, волею и неволею, хотя мы сами имѣемъ недостатокъ въ такихъ людяхъ» ([736]). Бесѣдуя съ Робертомъ, Іоаннъ спросилъ у него, есть ли въ Англіи невѣсты, вдовы или дѣвицы, достойныя руки Вѣнценосца? «Знаю одну,» сказалъ Медикъ: «Марію Гастингсъ, тридцатилѣтнюю дочь *Владѣтельнаго* Князя, Графа Гонтингдонскаго, племянницу Королевину по матери.» Вѣроятно, что Робертъ, угадавъ намѣреніе Іоанново, благопріятное для выгодъ Англіи, плѣнилъ его воображеніе описаніемъ необыкновенныхъ достоинствъ невѣсты: по крайней мѣрѣ Царь немедленно отправилъ Дворянина Писемскаго въ Лондонъ съ слѣдующимъ наставленіемъ: «1) Условиться о тѣсномъ государственномъ союзѣ между Англіею и Россіею. 2) Быть наединѣ у Королевы, и за тайну открыть ей мысль Государеву въ разсужденіи женитьбы, если Марія Гастингсъ имѣетъ качества нужныя для Царской невѣсты: для чего требовать свиданія съ нею и живописнаго образа ея (на дскѣ или бумагѣ). 3) Замѣтить, высока ли она, дородна ли, бѣла ли, и какихъ лѣтъ? 4) Узнать родство ея съ Королевою и санъ отца; имѣетъ ли братьевъ, сестеръ? Развѣдать объ ней все, что можно. Буде Королева скажетъ, что у Государя есть супруга, то отвѣтствовать: *правда; но она не Царевна, не Княжна Владѣтельная, не угодна ему и будетъ оставлена для племянницы Королевиной.* 5) Объявить, что Марія должна принять Вѣру Греческую, равно какъ и *люди* ея, которые захотятъ жить *при Дворѣ* Московскомъ ([737]); что наслѣдникомъ Государства будетъ Царевичь Ѳеодоръ, а сыновьямъ Княжны Англійской дадутся особенныя частныя владѣнія или Удѣлы, какъ издревле водилось въ Россіи; Посольство въ Лондонъ.

г. 1583. что сіи условія *непремѣнны*, и что въ случаѣ Королевина несогласія тебѣ велѣно требовать отпуска.» — 11 Августа (1582 года) отплывъ изъ Колмогоръ, Писемскій вышелъ на берегъ Англіи 16 Сентября, въ то время, когда заразительная болѣзнь (738), свирѣпствуя въ Лондонѣ, принудила Елисавету удалиться въ Виндзоръ и жить уединенно. Посла возили изъ деревни въ деревню, угощали, знакомили съ Англіею, но не могли унять его жалобъ на скуку праздности въ теченіе шести или семи недѣль. Наконецъ, 4 Ноября, онъ съ Дьякомъ своимъ, Неудачею, и толмачемъ Бекманомъ былъ представленъ Королевѣ въ Виндзорскомъ замкѣ, среди многочисленнаго собранія Вельможъ, Перовъ (739), сановниковъ Двора и купцевъ Лондонскаго Россійскаго Общества. Елисавета встала, слыша имя Іоанново; ступила нѣсколько шаговъ впередъ; взявъ дары и письмо Государево, сказала съ улыбкою, что не знаетъ Русскаго языка; спрашивала о здравіи своего друга; изъявила сожалѣніе о смерти Царевича; была весела, привѣтлива, и на слова Писемскаго, что Іоаннъ любитъ Королеву болѣе всѣхъ иныхъ Европейскихъ Вѣнценосцевъ, отвѣтствовала: «люблю его не менѣе и душевно желаю видѣть когда нибудь собственными глазами.» Она хотѣла знать, нравится ли Послу Англія, и спокойно ли въ Россіи? Писемскій хвалилъ Англію, изобильную, многолюдную; увѣрялъ, что всѣ мятежи утихли въ Россіи; что преступники изъявили раскаяніе, а Государь милость. — Довольный пріемомъ, честію, ласкою, Писемскій не былъ доволенъ медленностію Елисаветы въ дѣлахъ; не хотѣлъ ни гулять, ни забавляться звѣриною ловлею, какъ ему предлагали, и говорилъ: «мы здѣсь за дѣломъ, а не за *игрушками;* мы Послы, а не стрѣлки» (740). 18 Декабря, въ *селѣ* Гриничѣ, онъ имѣлъ первое, важное объясненіе съ Министрами Англійскими: сказалъ, что Баторій, союзникъ Папы и Цесаря, есть врагъ Россіи; что Іоаннъ, издавна *жалуя Англичанъ какъ своихъ людей*, намѣренъ торжественнымъ договоромъ утвердить дружбу съ Елисаветою, дабы имѣть съ нею однихъ пріятелей и непріятелей, вмѣстѣ воевать и мириться; что Королева можетъ ему содѣйствовать, если не оружіемъ, то деньгами; что онъ, не имѣя ничего завѣтнаго для Англіи изъ произведеній Россійскихъ, требуетъ отъ нее снаряда огнестрѣльнаго, доспѣховъ, сѣры, нефти, мѣди, олова, свинца и всего нужнаго для войны. «Но развѣ война Литовская не кончилась?» спросили Елисаветины Министры: «Папа хвалится примиреніемъ Царя съ Баторіемъ.» *Папа можетъ хвалиться, чѣмъ ему угодно*, отвѣтствовалъ Іоанновъ сановникъ: *Государь нашъ знаетъ, кто ему другъ и недругъ.* Министры изъявили согласіе Королевы на всѣ предложенія Царя и написали главныя статьи договора, именуя Іоанна братомъ и *племянникомъ* Елисаветинымъ, употребивъ выраженіе: «Царь *проситъ* Королеву,» и прибавивъ, что никакимъ иноземцамъ, кромѣ Англичанъ, не торговать въ землѣ Двинской, въ Соловкахъ, на рѣкѣ Оби, Печорѣ, Мезени. Писемскій сказалъ съ неудовольствіемъ: «Царь братъ, а не *племянникъ* Елисаветинъ; Царь объявляетъ волю свою, требуетъ, спрашиваетъ, а не *проситъ*, и никому не даетъ исключительнаго права торговли въ Россіи: пристани наши открыты для всѣхъ мореплавателей иноземныхъ.» Министры вычернили имя *племянникъ*, объяснивъ, что оно есть ласковое, не унизительное; вычернили и слово *проситъ;* доказывали, что Англичане, съ великими опасностями, трудами, издержками отыскавъ путь къ берегамъ Сѣверной Россіи, могутъ по справедливости требовать исключительныхъ для себя выгодъ въ Двинской торговлѣ. Они жаловались также на пошлину новую, тягостную для ихъ купцевъ. Писемскій возразилъ, что сіи купцы, долго свободные отъ всякой пошлины, обогатились у насъ *неслыханно*, и что Государь уставилъ брать съ нихъ только легкую, *половинную;* что имѣя жестокую войну съ Литвою, съ Ханомъ и съ иными врагами, онъ въ 1581 году велѣлъ гостямъ Англійскимъ внести въ Московскую казну 1000 рублей, а въ 1582 году 500 рублей, какъ и всѣмъ другимъ гостямъ, чужеземнымъ и нашимъ, обложеннымъ соразмѣрно ихъ богатству для воинскихъ издержекъ (741). — Симъ заключились государственные переговоры: началось сватовство. г. 1583.

18 Генваря Елисавета призвала нетерпѣливаго Писемскаго къ себѣ, осталась съ нимъ наединѣ и спросила о тайномъ дѣлѣ Государевомъ, уже ей извѣстномъ по донесенію Медика Роберта; слушала съ великимъ вниманіемъ; изъявила благодарность за желаніе Іоанна быть съ

г. 1583. нею въ свойствѣ, но не думала, чтобы Марія Гастингсъ, отличаясь единственно нравственными достоинствами, могла полюбиться ему, *извѣстному любителю красоты*. «Къ тому же (примолвила Елисавета) она не давно была въ оспѣ: ни за что въ свѣтѣ не соглашусь, чтобы ты видѣлъ и живописецъ изобразилъ ее для Іоанна съ лицемъ краснымъ, съ глубокими рябинами.» Посолъ настоялъ: Королева обѣщала, требуя времени, нужнаго для совершеннаго выздоровленія невѣсты. Далѣе говорили объ условіяхъ брака. Дочь Генрика VIII, мужа шести женъ, не дивилась, что Царь, имѣя супругу, ищетъ другой; но хотѣла заблаговременно, торжественнымъ договоромъ, утвердить права будущей Царицы и дѣтей ея. Съ симъ отпустили свата, который нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ чести видѣть невѣсту.

Между тѣмъ супруга Іоаннова (19 Октября) родила въ Москвѣ сына Уара-Димитрія (741), столь несчастнаго для себя и Россіи, невиннаго виновника долговременныхъ злодѣйствъ и бѣдствій! Но счастіе быть снова отцемъ не тронуло Іоаннова сердца: онъ все еще мыслилъ удалить мать Димитріеву отъ своего ложа и жениться на Елисаветиной племянницѣ, ибо не далъ Писемскому никакихъ новыхъ повелѣній, такъ, что сей усердный чиновникъ, слыша въ Лондонѣ о рожденіи Царевича, не хотѣлъ тому вѣрить. «Злые люди» — говорилъ онъ Министрамъ Англійскимъ — «выдумали сію новость, чтобы препятствовать Государеву сватовству, благословенному для вашего и моего отечества (742). Королева должна вѣрить единственно грамотѣ Царя и мнѣ, Послу его.» Наконецъ, 18 Мая, велѣли Писемскому быть въ саду у Канцлера Томаса Бромлея, гдѣ хозяинъ и братъ невѣстинъ, Графъ Гонтингдонскій, встрѣтили его и ввели въ красивую бесѣдку. Чрезъ нѣсколько минутъ явилась и Марія съ женою Канцлера, съ Графинею Гонтингдонскою, со многими знатными Англичанками. «Вотъ она,» сказалъ Бромлей Послу: «гляди, разсматривай на досугѣ. Королевѣ угодно, чтобы ты видѣлъ ее не въ темномъ мѣстѣ, не въ комнатахъ, а на чистомъ воздухѣ.» Невѣста поклонилась и стала неподвижно предъ своимъ, для женскаго самолюбія опаснымъ цѣнителемъ, который, усердствуя оправдать важную къ нему довѣренность Іоаннову, устремилъ любопытный, проницательный взоръ на скромную Англичанку, чтобы все видѣть, ничего не забыть, впечатлѣть образъ ея въ память и передать Государю безъ ошибки. Сказавъ: *довольно*, онъ гулялъ съ невѣстою въ алеяхъ сада, расходился, встрѣчался съ нею, еще смотрѣлъ — и написалъ въ донесеніи къ Царю: «Марія Гастингсъ ростомъ высока, стройна, тонка, лицемъ бѣла; глаза у нее сѣрые, волосы русые, носъ прямый, пальцы на рукахъ долгіе.» О красотѣ, о пріятности ни слова; но Елисавета, какъ бы неохотно выставивъ племянницу на показъ, уже любопытствовала знать мнѣніе Писемскаго; говорила, что Марія ему конечно не нравится; что изображеніе лица ея, съ нимъ посылаемое и ни мало не украшенное художникомъ, безъ сомнѣнія также не плѣнитъ разборчиваго Іоанна. Сватъ увѣрялъ Елисавету въ противномъ — и, казалось, угодилъ ей своими хвалами. Слѣдственно она желала сего брака; желала и невѣста, какъ пишутъ (743), но скоро перемѣнила мысли, устрашенная разсказами о свирѣпости жениха вѣнценоснаго, и безъ труда убѣдила Королеву избавить ее отъ сей чести. Описаніе невѣсты.

Угостивъ Посла великолѣпнымъ обѣдомъ въ Гриничѣ, Елисавета дала ему два письма къ Іоанну: въ одномъ благодарила его за предложеніе союза, въ другомъ *за намѣреніе посѣтить Англію* (какъ она слышала), не въ случаѣ какой либо опасности, мятежа, бѣдствія (744), но только для свиданія и личнаго знакомства съ нѣжною сестрою, готовою доказать ему, что ея земля есть для него вторая Россія. — Съ Писемскимъ отправился въ Москву Посолъ Англійскій, Іеронимъ Баусъ, для рѣшительнаго окончанія всѣхъ дѣлъ, государственныхъ и *тайныхъ*, какъ объявила Елисавета. Посолъ Елисаветинъ.

Іоаннъ былъ доволенъ: принялъ Бауса (24 Октября 1583) весьма милостиво; съ живѣйшимъ участіемъ разспрашивалъ о Елисаветѣ и велѣлъ Боярину Никитѣ Романовичу Юрьеву, Богдану Яковлевичу Бѣльскому, Дьяку Андрею Щелкалову, условиться съ нимъ о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею, чтобы, заключивъ его, немедленно приступить къ тайному дѣлу о сватовствѣ. То и другое казалось Царю уже легкимъ, несомнительнымъ, по донесеніямъ Писемскаго; но Царь ошибся: ошиблась, можетъ быть, и Елисавета, избравъ

г. 1583. Бауса для утвержденія пріязни съ Іоанномъ: человѣка неуклоннаго, грубаго, который въ первомъ словѣ объявилъ рѣшительно, что не можетъ перемѣнить ни буквы въ статьяхъ, врученныхъ Англійскими Министрами нашему Послу въ Лондонѣ; что Елисавета готова мирить Царя, съ кѣмъ ему угодно, а не воевать съ нашими врагами, ибо щадитъ кровь людей, ввѣренныхъ ей Богомъ; что Англія въ пріязни съ Литвою, Швеціею и Даніею. «Если главные враги мои» — сказалъ Іоаннъ — «друзья Королевѣ, то могу ли быть ей союзникомъ? Елисавета должна или склонить Баторія къ истинному миру съ Россіею (заставивъ его возвратить мнѣ Ливонію и Полоцкую область), или вмѣстѣ со мною наступить на Литву.» Баусъ отвѣтствовалъ съ жаромъ: «Королева признала бы меня безумнымъ, если бы я заключилъ такой договоръ» (745). Онъ требовалъ неотмѣнно, чтобы одни Англичане входили въ наши сѣверныя гавани, какъ было *прежде*; но Бояре изъясняли ему, что *прежде* мы имѣли, для общей Европейской мѣны, гавань Бальтійскую, Нарву, отнятую у насъ Шведами; что купцы Нѣмецкіе, Нидерландскіе, Французскіе торгуютъ съ Россіею уже единственно въ сѣверныхъ пристаняхъ, откуда ихъ нельзя выгнать въ угодность Елисаветѣ; что святѣйшій законъ для Государствъ есть народная польза; что мы находимъ ее въ свободной торговлѣ со всѣми Европейцами и не можемъ дать на себя кабалы Англичанамъ, гостямъ, а не повелителямъ въ Россіи; что они не стыдятся обмановъ въ дѣлахъ купеческихъ, и привозятъ къ намъ гнилыя сукна; что нѣкоторые изъ нихъ сносились тайно съ непріятелями Царя, съ Королями Шведскимъ и Датскимъ, усердствовали, помогали имъ, писали изъ Москвы въ Англію худое о нашемъ Государствѣ, именуя Россіянъ невѣждами, глупцами; что Іоаннъ единственно для Королевы предалъ забвенію такія вины; что она безъ сомнѣнія не вздумаетъ указывать Вѣнценосцу, коему не указываютъ ни Императоры, ни Султаны, ни Короли знаменитѣйшіе. Тутъ Посолъ съ досадою возразилъ, что нѣтъ Вѣнценосцевъ знаменитѣе Елисаветы; что она не менѣе Императора, коего отецъ ея нанималъ воевать съ Франціею; не менѣе и Царя. За сіе слово, какъ пишетъ Баусъ, Іоаннъ съ гнѣвомъ выслалъ его изъ дворца, но скоро одумался, и хваля усердіе Посла къ Королевиной чести, примолвилъ: «Дай Богъ, чтобъ у меня самого былъ такой вѣрный слуга» (746)! Въ знакъ особеннаго снисхожденія Государь соглашался, чтобы одни Англичане входили въ пристань Корельскую, Варгузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую, оставляя Пудожерскую и Кольскую для иныхъ гостей. Баусъ твердилъ: «мы не хотимъ совмѣстниковъ!» Думая, что Вельможи Царскіе, въ особенности Государственный Дьякъ Андрей Щелкаловъ, подкуплены Нидерландскими купцами, онъ требовалъ личныхъ сношеній съ Царемъ: Іоаннъ призывалъ — и всегда съ неудовольствіемъ отсылалъ его, какъ упрямаго, непреклоннаго. г. 1583.

Надѣясь по крайней мѣрѣ кончить съ нимъ дѣло о сватовствѣ, Государь велѣлъ ему быть у себя (Декабря 13) *тайно, безъ меча и кинжала* (747). Всѣ царедворцы вышли изъ комнаты: остались только Бояре, Князь Ѳеодоръ Трубецкій, Никита Романовичь Юрьевъ, Дмитрій Ивановичь Годуновъ, Бѣльскій, и Думные Дворяне: Татищевъ, Черемисиновъ, Воейковъ: они сидѣли далѣе отъ Царя; а Дьяки (Щелкаловъ, Фроловъ, Стрѣшневъ) стояли у печи. Давъ знакъ рукою, чтобы Баусъ съ толмачемъ своимъ, Юрьевъ, Бѣльскій, Андрей Щелкаловъ къ нему приближились, Іоаннъ разсказалъ всю исторію Англійскаго сватовства, все слышанное имъ отъ Медика Роберта и Писемскаго; изъявилъ добрую волю жениться на Маріи Гастингсъ; хотѣлъ знать, желаетъ ли Королева сего брака, и согласна ли, чтобы невѣста приняла нашу Вѣру? Баусъ отвѣтствовалъ, что Христіанство вездѣ одно: что Марія едва ли рѣшится перемѣнить Законъ; что она слабаго здоровья и не хороша лицемъ; что у Королевы есть другія ближайшія и прелестнѣйшія свойственницы, хотя онъ, безъ ея вѣдома, и не смѣетъ назвать ихъ; что Царь можетъ свататься за любую... «Съ чѣмъ же ты пріѣхалъ?» спросилъ Іоаннъ: «съ отказомъ? съ пустословіемъ? съ неумѣренными требованіями, на которыя мой Посолъ уже отвѣтствовалъ въ Лондонѣ Министрамъ Елисаветинымъ? съ предложеніемъ новаго, безыменнаго, слѣдственно невозможнаго сватовства?» Назвавъ его *Посломъ неученымъ*, безтолковымъ; сказавъ: «не прошу Елисаветы быть судіею между Баторіемъ и мною, а хочу только союза

Англіи» (748), Іоаннъ велѣлъ Баусу готовиться къ отъѣзду. Тутъ, жалѣя о худомъ успѣхѣ своего дѣла, Посолъ началъ извиняться незнаніемъ Русскихъ обыкновеній; убѣждалъ Государя снова объясниться съ Елисаветою; увѣрялъ, что она радуется мыслію о *кровномъ союзѣ* съ такимъ великимъ Царемъ, доставитъ ему изображенія десяти или болѣе знатныхъ, прелестныхъ дѣвицъ Лондонскихъ, и *можетъ*, не взирая на свое миролюбіе, усердно помогать намъ въ войнахъ, людьми или деньгами, если Іоаннъ возвратитъ Англійскимъ купцамъ *всѣ* ихъ старыя, исключительныя права въ Двинской торговлѣ. Еще надежда
Г. 1584. быть супругомъ любезной Англичанки плѣняла Іоанна; высоко цѣня и дружбу Елисаветы, онъ рѣшился отправить новое Посольство въ Лондонъ, и хотя лично досадовалъ на Бауса, однакожь, свѣдавъ его жалобу на Приставовъ, велѣлъ наказать ихъ, даже безъ изслѣдованія, чтобы сей человѣкъ корыстолюбивый, сварливый по свидѣтельству нашихъ Министерскихъ бумагъ, не выѣхалъ съ злобою изъ Россіи. Но Баусъ не успѣлъ выѣхать, ни Государь назначить Посла въ Лондонъ!....

Болѣзнь и кончина Іоаннова. Приступаемъ къ описанію часа торжественнаго, великаго!.... Мы видѣли жизнь Іоаннову: увидимъ конецъ ея, равно удивительный, желанный для человѣчества, но страшный для воображенія: ибо тиранъ умеръ, какъ жилъ — губя людей, хотя въ современныхъ преданіяхъ и не именуются его послѣднія жертвы (749). Можно ли вѣрить безсмертію и не ужаснуться *такой* смерти?.... Сей грозный часъ, давно предсказанный Іоанну и совѣстію и невинными мучениками (750), тихо близился къ нему, еще не достигшему глубокой старости, еще бодрому въ духѣ, пылкому въ вожделѣніяхъ сердца. Крѣпкій сложеніемъ, Іоаннъ надѣялся на долголѣтіе; но какая тѣлесная крѣпость можетъ устоять противъ свирѣпаго волненія страстей, обуревающихъ мрачную жизнь тирана? Всегдашній трепетъ гнѣва и боязни, угрызеніе совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги сластолюбія мерзостнаго, мука стыда, злоба безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ: онъ чувствовалъ иногда болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 года. Въ сіе время явилась Комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ между церковію Іоанна Великаго и Благовѣщенія: любопытный Царь вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ: *вотъ знаменіе моей смерти* (751)! Г. 1584. Тревожимый сею мыслію, онъ искалъ, какъ пишутъ, Астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, въ Россіи и въ *Лапландіи*, собралъ ихъ до шестидесяти, отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего, Бѣльскаго, толковать съ ними о Кометѣ, и скоро занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить (752), а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что Астрологи предсказали ему неминуемую смерть черезъ нѣсколько дней, именно 18 Марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозою сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны. Въ теченіе Февраля мѣсяца онъ еще занимался дѣлами; но 10 Марта велѣно было остановить Посла Литовскаго на пути въ Москву, *ради недуга Государева* (753). Еще самъ Іоаннъ далъ сей приказъ; еще надѣялся на выздоровленіе, однакожь созвалъ Бояръ и велѣлъ писать завѣщаніе; объявилъ Царевича Ѳеодора наслѣдникомъ престола и Монархомъ; избралъ знаменитыхъ мужей, Князя Ивана Петровича Шуйскаго (славнаго защитою Пскова), Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго (сына родной племянницы Великаго Князя Василія), Никиту Романовича Юрьева (брата первой Царицы, добродѣтельной Анастасіи), Бориса Годунова и Бѣльскаго (754) въ совѣтники и блюстители Державы, да облегчаютъ юному Ѳеодору (слабому тѣломъ и душею) бремя заботъ государственныхъ; младенцу Димитрію съ матерію назначилъ въ удѣлъ городъ Угличь и ввѣрилъ его воспитаніе одному Бѣльскому; изъявилъ благодарность всѣмъ Боярамъ и Воеводамъ: называлъ ихъ своими друзьями и сподвижниками въ завоеваніи Царствъ невѣрныхъ, въ побѣдахъ одержанныхъ надъ Ливонскими Рыцарями, надъ Ханомъ и Султаномъ; убѣждалъ Ѳеодора царствовать *благочестиво, съ любовію и милостію*; совѣтовалъ ему и пяти главнымъ Вельможамъ удаляться отъ войны съ Христіанскими Державами; говорилъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны Литовской и Шведской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; предписалъ уменьшить налоги, освободить всѣхъ узниковъ, даже плѣнниковъ,

г. 1584. Литовскихъ и Нѣмецкихъ. Казалось, что онъ, готовясь оставить тронъ и свѣтъ, хотѣлъ примириться съ совѣстію, съ человѣчествомъ, съ Богомъ — отрезвился душею, бывъ дотолѣ въ упоеніи зла, и желалъ спасти юнаго сына отъ своихъ гибельныхъ заблужденій; казалось, что лучь святой истины въ преддверіи могилы освѣтилъ наконецъ сіе мрачное, хладное сердце; что раскаяніе и въ немъ подѣйствовало, когда Ангелъ смерти невидимо предсталъ ему съ вѣстію о вѣчности....

Но въ то время, когда безмолвствовалъ Дворъ въ печали (ибо о всякомъ умирающемъ Вѣнценосцѣ искренно и лицемѣрно Дворъ печалится); когда любовь Христіанская умиляла сердце народа: когда, забывъ свирѣпость Іоаннову, граждане столицы молились въ храмахъ о выздоровленіи Царя; когда молились о немъ самыя опальныя семейства, вдовы и сироты людей, невинно избіенныхъ.... что дѣлалъ онъ, касаясь гроба? въ минуты облегченія приказывалъ носить себя на креслахъ въ палату, гдѣ лежали его сокровища дивныя ([755]); разсматривалъ каменья драгоцѣнные, и 15 Марта показывалъ ихъ съ удовольствіемъ Англичанину Горсею, ученымъ языкомъ знатока описывая достоинство алмазовъ и яхонтовъ!.... Вѣрить ли еще сказанію ужаснѣйшему? Невѣстка, супруга Ѳеодорова, пришла къ болящему съ нѣжными утѣшеніями и бѣжала съ омерзѣніемъ отъ его любострастнаго безстыдства ([756])!.... Каялся ли грѣшникъ? думалъ ли о близкомъ грозномъ судѣ Всевышняго?

Уже силы недужнаго исчезали; мысли омрачались: лежа на одрѣ въ безпамятствѣ, Іоаннъ громко звалъ къ себѣ убитаго сына, видѣлъ его въ воображеніи, говорилъ съ нимъ ласково.... 17 Марта ему стало лучше, отъ дѣйствія теплой ванны, такъ, что онъ велѣлъ Послу Литовскому немедленно ѣхать изъ Можайска въ столицу, и на другой день (если вѣрить Горсею) сказалъ Бѣльскому ([757]): «объяви казнь лжецамъ Астрологамъ: нынѣ, по ихъ баснямъ, мнѣ должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрѣе.» *Но день еще не миновалъ*, отвѣтствовали ему Астрологи. Для больнаго снова изготовили ванну: онъ пробылъ въ ней около трехъ часовъ, легъ на кровать, всталъ, спросилъ шахматную доску, и сидя въ халатѣ на постелѣ, самъ разставилъ шашки; хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ.... вдругъ упалъ и закрылъ глаза навѣки, между тѣмъ, какъ врачи терли его крѣпительными жидкостями, а Митрополитъ — исполняя, вѣроятно, давно извѣстную волю Іоаннову — читалъ молитвы постриженія надъ издыхающимъ, названнымъ въ Монашествѣ Іоною ([758])... Въ сіи минуты царствовала глубокая тишина во дворцѣ и въ столицѣ: ждали, что будетъ, не дерзая спрашивать. Іоаннъ лежалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Когда же рѣшительное слово: «не стало Государя!» раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно.... отъ того ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Ѳеодорову и боялся худыхъ ея слѣдствій для Государства, или платя Христіанскій долгъ жалости усопшему Монарху, хотя и жестокому?.... На третій день совершилось погребеніе великолѣпное въ храмѣ Св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицахъ изображалась горесть, и земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанновъ! Безмолвствовалъ судъ человѣческій предъ Божественнымъ — и для современниковъ опустилась на ѳеатръ завѣса: память и гробы остались для потомства! г. 1584. 18 Марта.

Любовь Россіянъ къ Самодержавію. Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверхъ бѣдствій Удѣльной Системы, сверхъ ига Моголовъ, Россія должна была испытать и грозу Самодержца-мучителя: устояла съ любовію къ Самодержавію, ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву и землетрясеніе и тирановъ; не преломила желѣзнаго скиптра въ рукахъ Іоанновыхъ, и двадцать-четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы, въ лучшія времена, имѣть Петра Великаго, Екатерину Вторую (Исторія не любитъ именовать живыхъ). Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на лобномъ мѣстѣ, какъ Греки въ Термопилахъ, за отечество, за Вѣру и вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ. Напрасно нѣкоторые чужеземные Историки, извиняя жестокость Іоаннову, писали о заговорахъ, будто бы уничтоженныхъ ею: сіи заговоры существовали единственно въ смутномъ умѣ Царя, по всѣмъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей и бумагъ государственныхъ. Духовенство, Бояре, граждане знаменитые не вызвали бы звѣря изъ вертепа

г. 1584. Слободы Александровской (759), если бы замышляли измѣну, взводимую на нихъ столь же нелѣпо, какъ и чародѣйство. Нѣтъ, тигръ упивался кровію агнцевъ — и жертвы, издыхая въ невинности, послѣднимъ взоромъ на бѣдственную землю требовали справедливости, умилительнаго воспоминанія отъ современниковъ и потомства!

Сравненіе Іоанна съ другими мучителями. Не смотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, Героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ; если бы Калигула, *образецъ Государей* и *чудовище*, если бы Неронъ, питомецъ мудраго Сенеки, *предметъ любви*, *предметъ омерзѣнія*, не царствовали въ Римѣ (760). Они были язычники; но Людовикъ XI былъ Христіанинъ, не уступая Іоанну ни въ свирѣпости, ни въ наружномъ благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія (761): оба набожные отъ страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно Азіатскимъ и Римскимъ мучителямъ. Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка: сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, да видя содрогаемся! Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества,

Польза Исторіи. но его Исторія всегда полезна, для Государей и народовъ: вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели — и слава времени, когда вооруженный истиною Дѣеписатель можетъ, въ правленіи Самодержавномъ, выставить на позоръ такого Властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны; но живые страшатся вѣчнаго проклятія въ Исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія (762), веля уму безмолвствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія.

Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ. Такъ Іоаннъ имѣлъ разумъ превосходный (763), не чуждый образованія и свѣдѣній, соединенный съ необыкновеннымъ даромъ слова, чтобы безстыдно раболѣпствовать гнуснѣйшимъ похотямъ. Имѣя рѣдкую память, зналъ наизусть Библію, Исторію Греческую, Римскую, нашего отечества, чтобы нелѣпо толковать ихъ въ пользу тиранства; хвалился твердостію и властію надъ собою, умѣя громко смѣяться въ часы страха и безпокойства внутренняго (764); хвалился милостію и щедростію, обогащая любимцевъ достояніемъ опальныхъ Бояръ и гражданъ; хвалился правосудіемъ, карая вмѣстѣ, съ равнымъ удовольствіемъ, и заслуги и преступленія; хвалился *духомъ Царскимъ*, *соблюденіемъ Державной чести*, велѣвъ изрубить присланнаго изъ Персіи въ Москву слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна, и жестоко наказывая бѣдныхъ царедворцевъ, которые смѣли играть лучше Державнаго въ шашки или въ карты (765); хвалился наконецъ глубокою мудростію государственною, по системѣ, по эпохамъ (766), съ какимъ-то хладнокровнымъ размѣромъ истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для Царской власти — возводя на ихъ степень роды новые, подлые, и губительною рукою касаясь самыхъ будущихъ временъ: ибо туча доносителей, клеветниковъ, Кромѣшниковъ, имъ образованныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣкомыхъ, исчезнувъ, оставила злое сѣмя въ народѣ; и если иго Батыево унизило духъ Россіянъ, то безъ сомнѣнія не возвысило его и царствованіе Іоанново.

Но отдадимъ справедливость и тирану: Іоаннъ въ самыхъ крайностяхъ зла является какъ бы призракомъ великаго Монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный въ государственной дѣятельности; хотя, любивъ всегда равнять себя въ доблести съ Александромъ Македонскимъ (767), не имѣлъ ни тѣни мужества въ душѣ, но остался завоевателемъ; въ Политикѣ внѣшней неуклонно слѣдовалъ великимъ намѣреніямъ своего дѣда; любилъ правду въ судахъ, самъ не рѣдко разбиралъ тяжбы, выслушивалъ жалобы, читалъ всякую бумагу, рѣшилъ немедленно; казнилъ утѣснителей народа, сановниковъ безсовѣстныхъ, лихоимцевъ, тѣлесно и стыдомъ (рядилъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодерамъ возить изъ улицы въ улицу); не терпѣлъ гнуснаго пьянства (только на Святой недѣлѣ и въ Рождество Христово дозволялось народу веселиться въ кабакахъ; пьяныхъ во всякое иное время

отсылали въ темницу). Не любя смѣлой укоризны, Іоаннъ не любилъ иногда и грубой лести: представимъ доказательство. Воеводы, Князья Іосифъ Щербатый и Юрій Борятинскій, выкупленные Царемъ изъ Литовскаго плѣна, удостоились его милости, даровъ и чести съ нимъ обѣдать. Онъ разспрашивалъ ихъ о Литвѣ: Щербатый говорилъ истину; Борятинскій лгалъ безсовѣстно, увѣряя, что Король не имѣетъ ни войска, ни крѣпостей, и трепещетъ Іоаннова имени. «Бѣдный Король!» сказалъ тихо Царь, кивая головою: «какъ ты мнѣ жалокъ!» и вдругъ, схвативъ посохъ, изломалъ его въ мелкія щепы о Борятинскаго, приговаривая: «вотъ тебѣ, безстыдному, за грубую ложь» ([768])! — Іоаннъ славился благоразумною терпимостію Вѣръ (за исключеніемъ одной Іудейской); хотя, дозволивъ Лютеранамъ и Кальвинистамъ имѣть въ Москвѣ церковь ([769]), лѣтъ черезъ пять велѣлъ сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствіи народа?): однакожь не мѣшалъ имъ собираться для богослуженія въ домахъ у Пасторовъ; любилъ спорить съ учеными Нѣмцами о Законѣ и сносилъ противорѣчія: такъ (въ 1570 году) имѣлъ онъ въ Кремлевскомъ дворцѣ торжественное прѣніе съ Лютеранскимъ Богословомъ Роцитою, уличая его въ ереси: Роцита сидѣлъ предъ нимъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ богатыми коврами; говорилъ смѣло, оправдывалъ Догматы Аугсбургскаго Исповѣданія, удостоился знаковъ Царскаго благоволенія и написалъ книгу о сей любопытной бесѣдѣ ([770]). Нѣмецкій Проповѣдникъ, Каспаръ, желая угодить Іоанну, крестился въ Москвѣ по обрядамъ нашей Церкви и вмѣстѣ съ нимъ, къ досадѣ своихъ единоземцевъ, шутилъ надъ Лютеромъ ([771]); но никто изъ нихъ не жаловался на притѣсненіе. Они жили спокойно въ Москвѣ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами. — Іоаннъ изъявлялъ уваженіе къ Искусствамъ и Наукамъ, лаская иноземцевъ просвѣщенныхъ: не основалъ Академій, но способствовалъ народному образованію размноженіемъ школъ церковныхъ, гдѣ и міряне учились грамотѣ, Закону, даже Исторіи ([772]), особенно готовясь быть людьми Приказными, къ стыду Бояръ, которые еще не всѣ умѣли тогда писать ([773]). — Наконецъ Іоаннъ знаменитъ въ Исторіи какъ законодавецъ и государственный образователь.

Іоаннъ образователь государственный и законодавецъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинно великій Іоаннъ III, издавъ Гражданское Уложеніе, устроилъ и разныя Правительства для лучшаго дѣйствія Самодержавной власти: кромѣ древней Боярской Думы, въ дѣлахъ сего времени упоминается о Казенномъ Дворѣ, о Приказахъ ([774]); но болѣе ничего не знаемъ, имѣя уже ясныя, достовѣрныя извѣстія о многихъ Расправахъ и Судебныхъ Мѣстахъ, которыя существовали въ Москвѣ при Іоаннѣ IV. Главные Приказы, или *Чети*, именовались Посольскимъ, Розряднымъ, Помѣстнымъ, Казанскимъ: первый особенно вѣдалъ дѣла внѣшнія или Дипломатическія, вторый воинскія, третій земли розданныя чиновникамъ и Дѣтямъ Боярскимъ за ихъ службу, четвертый дѣла Царства Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые три Приказа, сверхъ означенныхъ должностей, также занимались и расправою областныхъ городовъ ([775]): смѣшеніе странное! Жалобы, тяжбы, слѣдствія поступали въ Чети изъ областей, гдѣ судили и рядили Намѣстники съ своими Тіунами и Старостами, коимъ помогали Сотскіе и Десятскіе въ Уѣздахъ; изъ Чети же, гдѣ засѣдали знаменитѣйшіе государственные сановники, всякое важное дѣло уголовное, самое гражданское, шло въ Боярскую Думу, такъ, что безъ Царскаго утвержденія никого не казнили, никого не лишали достоянія ([776]). Только Намѣстники Смоленскіе, Псковскіе, Новогородскіе и Казанскіе, почти ежегодно смѣняемые, могли, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, наказывать преступниковъ ([777]). Новые законы, учрежденія, налоги объявлялись всегда чрезъ Приказы. Собственность или вотчина Царская, въ коей заключались многіе города, имѣла свою Расправу. Сверхъ того именуются еще *Избы* (или Приказы): Стрѣлецкая, Ямская, Дворцовая, Казенная, Разбойная, Земскій Дворъ или Московская Управа, Большой Приходъ или Государственное Казначейство, Бронный или Оружейный Приказъ, Житный или Запасный, и Холопій Судъ, гдѣ рѣшились тяжбы о крѣпостныхъ людяхъ ([778]). Какъ въ сихъ, такъ и въ областныхъ Правительствахъ или Судахъ главными дѣйствователями были Дьяки-грамотѣи, употребляемые и въ дѣлахъ Посольскихъ, ратныхъ, въ осадахъ, для

Приказы.

Дьяки, Приказные люди.

письма и для совѣта, къ зависти и неудовольствію Дворянства воинскаго ([779]). Умѣя не только читать и писать лучше другихъ, но зная твердо и законы, преданія, обряды, Дьяки или Приказные люди составляли особенный родъ слугъ государственныхъ, степенію ниже Дворянъ и выше Жильцовъ или нарочитыхъ Дѣтей Боярскихъ, гостей или купцевъ именитыхъ; а Дьяки *Думные* уступали въ достоинствѣ только Совѣтникамъ Государственнымъ: Боярамъ, Окольничимъ и новымъ *Думнымъ Дворянамъ*, учрежденнымъ Іоанномъ въ 1572 году ([780]), для введенія въ Думу сановниковъ отличныхъ умомъ, хотя и не знатныхъ родомъ: ибо, не смотря на всѣ злоупотребленія власти неограниченной, онъ уважалъ иногда древніе обычаи: на примѣръ, не хотѣлъ дать Боярства любимцу души своей, Малютѣ Скуратову, опасаясь унизить сей верховный санъ такимъ скорымъ возвышеніемъ человѣка *худороднаго*. Умноживъ число людей Приказныхъ и давъ имъ болѣе важности въ государственномъ устройствѣ, Іоаннъ, какъ искусный Властитель, образовалъ еще новыя степени знаменитости для Дворянъ и Князей, раздѣливъ первыхъ на двѣ *статьи*, на Дворянъ *Сверстныхъ* и *Младшихъ* ([781]), а вторыхъ на Князей простыхъ и *Служилыхъ*; къ числу же царедворцевъ прибавилъ *Стольниковъ*, которые, служа за столомъ Государевымъ, отправляли и воинскія должности, будучи сановитѣе Дворянъ Младшихъ. — Мы писали о ратныхъ учрежденіяхъ сего дѣятельнаго Царствованія ([782]): своимъ малодушіемъ срамя наши знамена въ полѣ, Іоаннъ оставилъ Россіи войско, какого она не имѣла дотолѣ: лучше устроенное и многочисленнѣйшее прежняго; истребилъ Воеводъ славнѣйшихъ, но не истребилъ доблести въ воинахъ, которые всего болѣе оказывали ее въ несчастіяхъ, такъ, что безсмертный врагъ нашъ, Баторій, съ удивленіемъ разсказывалъ Поссевину, какъ они въ защитѣ городовъ не думаютъ о жизни: хладнокровно становятся на мѣста убитыхъ или взорванныхъ дѣйствіемъ подкопа и заграждаютъ проломы грудью; день и ночь сражаясь, ѣдятъ одинъ хлѣбъ; умираютъ отъ голода, но не сдаются, *чтобы не измѣнить Царю-Государю;* какъ самыя жены мужествуютъ съ ними, или гася огонь или съ высоты стѣнъ пуская бревна и камни въ непріятелей.

Думные Дворяне.

Дворяне Сверстные и Младшіе, Князья Служилые.

Стольники.

Ратныя учрежденія.

Въ полѣ же сіи вѣрные отечеству ратники отличались если не искусствомъ, то хотя чудеснымъ терпѣніемъ, снося морозы, вьюги и ненастье подъ легкими наметами и въ шалашахъ сквозящихъ ([783]). — Въ древнѣйшихъ Розрядахъ именовались единственно Воеводы: въ Розрядахъ сего времени именуются обыкновенно и *Головы*, или частные Предводители, которые вмѣстѣ съ первыми отвѣтствовали Царю за всякое дѣло ([784]).

Законы.

Іоаннъ, какъ мы сказали, дополнилъ въ Судебникѣ Гражданское Уложеніе своего дѣда, включивъ въ него новые законы, но не перемѣнивъ системы или духа старыхъ. Дѣдъ не велитъ судіямъ лихоимствовать: внукъ опредѣляетъ тяжкую денежную пеню за ихъ лихоимство и неправосудіе *умышленное* ([785]), оставляя только неумышленное безъ наказанія: криводушныхъ Дьяковъ сажали въ темницу, Подьячихъ сѣкли кнутомъ. Обиженные Намѣстникомъ должны были приносить жалобы до его смѣны ([786]); но клеветники наказывались тѣлесно, сверхъ денежнаго взысканія за безчестье. Судейскія и казенныя пошлины не были умножены, хотя цѣна монеты нѣсколько унизилась (въ 1557 году считалось въ рублѣ 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, въ 1582 около трехъ *старыхъ Польскихъ злотыхъ*, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича марка ([787]), а въ началѣ XVII вѣка два рейхсталера и 10 денегъ). Тяжбы рѣшились, какъ и дотолѣ, свидѣтельствами, клятвою, поединкомъ, а между иноземцами и Русскими *жеребьемъ:* чей вынимался въ судѣ, того объявляли правымъ ([788]). Дьякъ записывалъ дѣло, а Старосты и Цѣловальники прикладывали руки къ сей бумагѣ. Въ случаѣ мира, всегда желаемаго Законодателемъ, судимые освобождались отъ пошлинъ ([789]). Кого винили въ воровствѣ, о томъ надлежало развѣдать у сосѣдей, или *сдѣлать обыскъ:* человѣка, извѣстно худаго, пытали и навсегда заключали въ темницу, если онъ не признавался въ винѣ; человѣка, объявленнаго добрымъ въ обыскѣ, судили по закону ([790]). Казни были прежнія: кнутъ за первое воровство, смерть за второе; смерть убійцѣ, измѣннику, предателю города, церковному и *головному* татю ([791]), зажигателю, разбойнику, подметчику, даже злому обманщику и ябеднику ([792]). Обговорамъ татя не вѣрили безъ свидѣтельства честныхъ гражданъ, пятнадцати или двадцати. *Люди*

Цѣна рубля.

или чиновники Намѣстниковъ не могли никого ни взять, ни оковать безъ вѣдома Старостъ и Цѣловальниковъ ([793]). Здѣсь видимъ болѣе осторожности, болѣе уваженія къ человѣчеству, нежели въ законахъ Іоанна III. — Гражданскіе уставы Судебника также совершеннѣе и полнѣе: на примѣръ, въ немъ уже различаются имѣнія наслѣдственное и купленное: въ случаѣ продажи или залога оныхъ, родственники могли выкупать первое, въ теченіе сорока лѣтъ, если не подписались свидѣтелями въ крѣпости или въ закладной; доказавъ, что сіе имѣніе не стоитъ денегъ, означенныхъ въ крѣпости, они вносили за него только истинную цѣну ([794]). Достояніе благопріобрѣтенное не выкупалось. — Письма заемныя не были дѣйствительны безъ печати Боярской и надписи Дьяка: за что собиралась пошлина ([795]). Въ денежныхъ искахъ надлежало всегда справляться съ государственными книгами ([796]), гдѣ означались имена, достатокъ гражданъ и платимая ими дань въ казну: одинъ списокъ сихъ книгъ хранился въ Московскихъ Приказахъ, другой у чиновниковъ областныхъ, у Старостъ и Цѣловальниковъ. Требованіе, превосходящее достатокъ отвѣтчика, вмѣнялось въ вину истцу. — Уважая права господъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ или холопямъ, Законодатель прибавилъ къ древнимъ уставамъ, что дѣти закабаленнаго слуги, рожденныя до его холопства, суть вольные люди; что ключники и Тіуны сельскіе, безъ особенной, *докладной* крѣпости, не рабы; что отецъ и мать, вступивъ въ Монашество, лишаются права отдавать дѣтей своихъ въ крѣпость; что заимодавцы не могутъ кабалить должниковъ, обязанныхъ единственно платить имъ ростъ; а если кого нибудь возьмутъ къ себѣ въ домъ для рабской услуги, и если сей человѣкъ уйдетъ, даже обокравъ хозяина, то послѣднему нѣтъ суда, ни удовлетворенія; что Дѣти Боярскіе и потомство ихъ навѣки отчуждаются отъ рабскаго состоянія ([797]). — Утверждая силу отпускныхъ, Царь велѣлъ давать ихъ единственно въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и Псковѣ, за печатію Бояръ или Намѣстниковъ: безъ чего онѣ, хотя бы и рукою господъ писанныя, не имѣли силы. — Въ законѣ о свободномъ переходѣ крестьянъ изъ села въ село сказано, что они, сверхъ пожилаго за дворъ, платятъ еще владѣльцу за *повозъ* два алтына съ двора, и если оставили хлѣбъ въ землѣ, то, снявъ его, даютъ господину два же алтына; что имъ всегда дозволяется продавать себя въ крѣпость владѣльцамъ ([798]). — Согласно съ древнимъ обыкновеніемъ Царь утвердилъ судъ Святительскій: оставилъ Епископамъ право судить Іереевъ, Діаконовъ, Монаховъ и старыхъ вдовъ, которыя питаются отъ церкви Божіей; позволилъ нищимъ, а людямъ торговымъ запретилъ жить въ монастыряхъ ([799]) — Уставъ о куплѣ дополненъ слѣдующими статьями: «1) Нельзя ничего купить на торгу или *съ лавки* безъ поруки; 2) всякая купленная лошадь должна быть въ тотъ же день заклеймена у Царскихъ пятнальщиковъ и вписана въ ихъ книгу, съ платежемъ двухъ денегъ въ казну, для избѣжанія споровъ; преступникъ сего устава наказывается пенею не менѣе двухъ рублей» ([800]). — Упомянемъ еще о новомъ законѣ касательно безчестья: оно платилось Дѣтямъ Боярскимъ соразмѣрно съ ихъ доходомъ или жалованьемъ, а Дьякамъ Дворцовымъ по Государеву назначенію; гостю или знатному купцу 50 рублей; людямъ торговымъ, посадскимъ, *среднимъ*, и Боярскимъ добрымъ слугамъ 5 рублей, а чернымъ людямъ и крестьянамъ рубль; женамъ же всегда вдвое противъ мужей, въ знакъ особеннаго уваженія къ чести слабаго пола ([801]).

Сказавъ въ концѣ Судебника, что законы его не касаются дѣлъ старыхъ и не отмѣняютъ рѣшеній прежнихъ, хотя еще и не исполненныхъ; что новые случаи могутъ встрѣтиться въ судахъ и произвести новые уставы, которые должны быть приписаны къ сему Гражданскому Уложенію, Іоаннъ отъ 1550 до 1580 года издалъ многіе дополнительные указы, важные по тогдашнимъ обстоятельствамъ Государства: отмѣнивъ (въ 1556 году) судные платежи ([802]), вмѣсто ихъ опредѣливъ жалованье Намѣстникамъ, положивъ общую дань на города и волости, велѣвъ разбирать уголовныя дѣла судьямъ избраннымъ гражданами и сельскими жителями, Головамъ, Старостамъ, Сотскимъ, онъ запретилъ судебные поединки во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло свидѣтельствами или крестнымъ цѣлованіемъ ([803]), то есть, уничтожилъ навѣки сіе древнее обыкновеніе временъ Рыцарства и невѣжества; уставилъ наказывать лжесвидѣтелей кнутомъ и тяжкою денежною пенею; прибавилъ слѣдующія

статьи къ законамъ: 1) «Если въ обыскѣ люди говорятъ разно, одни за истца, другіе за отвѣтчика, то вѣрить большинству голосовъ, пятидесяти или шестидесяти; если число голосовъ на обѣихъ сторонахъ равное, то сдѣлать новый обыскъ: призвать людей изъ иныхъ ближнихъ селеній, дабы узнать истину. Свидѣтельство пяти или шести человѣкъ, мало извѣстныхъ, недостаточно для обвиненія; но слово Боярина, Дьяка и Приказнаго всегда уважается какъ достовѣрное. Если истецъ и отвѣтчикъ шлются на одного человѣка, то онъ рѣшитъ тяжбу. За ложное свидѣтельство Боярскихъ и Дворянскихъ людей подвергается ихъ господинъ Царскому гнѣву; но если самъ господинъ объявитъ Царю о лжи ихъ, то невиненъ. Главное дѣло Старостъ есть предупреждать обманы и *заговоры* въ мірскихъ показаніяхъ; въ случаѣ небреженія, кривудушія, пристрастія сихъ избранныхъ чиновниковъ, имъ казнь безъ милосердія (804). 2) Если господинъ будетъ искать сносовъ на вольномъ человѣкѣ, который, служивъ ему безъ крѣпости, оставилъ его или даже тайно ушелъ изъ дому: то не давать суда господину, ибо онъ можетъ съ досады всклепать на слугу невиннаго, коего держалъ безъ кабалы, негласно для закона и неосторожно. 3) Холопъ освобожденный уже не долженъ служить старому господину, или его отпускная уничтожается. 4) Если господинъ присвоиваетъ себѣ кого въ рабы, а сей человѣкъ доказываетъ свою вольность, и будучи отданъ на поруку, уйдетъ: то ручатель платитъ истцу за бѣглаго четыре рубли, кромѣ всякаго инаго иска. 5) Кто сочинитъ подложную крѣпость на вольнаго человѣка, тому смертная казнь. 6) Плѣнникъ можетъ быть рабомъ, но смертію господина освобождается; а дѣти его всегда свободны, если онъ не женится на рабѣ или не дастъ на себя крѣпости. Крещеные иноземцы могутъ итти въ кабалу, но только съ вѣдома Казначея Государева, и если они не въ Царской службѣ (805). 7) Для взысканія ста рублей долгу назначается мѣсяцъ сроку, а съ человѣка служиваго два мѣсяца: послѣ чего должникъ неисправный выдается головою истцу до выкупа, но не въ вѣчное рабство (806).» Сіе взысканіе долговъ, называемое *Правежемъ*, дѣлалось такимъ образомъ: Приставъ выводилъ должника разутаго на улицу, къ дверямъ *Судной Избы*, и сѣкъ его въ часы засѣданія, по голой ногѣ прутомъ, иногда для вида, иногда больно, до самаго того времени, какъ судьи уѣзжали домой (807): обыкновеніе Азіатское, отмѣненное Петромъ Великимъ. — 8) «Съ людей служивыхъ взыскивать *старые* долги въ теченіе пяти лѣтъ (отъ 1558 до 1563) безъ лихвы, а *новые* съ половинными ростами или 10 на 100 (808): ибо Государь отмѣняетъ навсегда старую тягостную лихву (20 на 100). 9) Взысканіе по ряднымъ грамотамъ должно быть для всѣхъ непремѣнное и точное, но безъ ростовъ (809). 10) Кто не выкупитъ ручнаго заклада, того надобно извѣстить, что срокъ минулъ, и назначить новый для платежа, недѣлю или двѣ; ежели и послѣ не выкупитъ, то нести закладъ къ Старостѣ и къ Цѣловальникамъ, продать честно, не безъ надежныхъ свидѣтелей, и взять долгъ съ ростами, а лишнее отдать должнику; если же вырученныхъ денегъ мало для уплаты займа, то остальное взыскать съ должника (810). 11) Истецъ-заимодавецъ не имѣетъ нужды въ письменномъ обязательствѣ, если отвѣтчикъ въ судѣ признаетъ себя должникомъ. 12) Многіе заложили свои вотчины, съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто ростовъ, заимодавцы пахали и сѣяли тамъ хлѣбъ: для облегченія должниковъ повелѣвается возвратить имъ всѣ такія земли, съ обязательствомъ не продавать никому, и въ теченіе пяти лѣтъ удовлетворить заимодавцевъ, коимъ, въ случаѣ неисправнаго платежа, снова отдается вотчина» (811). Въ семъ указѣ говорится о книгахъ *вотчинныхъ*, *крѣпостныхъ* и *закладныхъ*, которыя находились у Дьяковъ. — 13) «Если жена, умирая, назначитъ въ духовной душеприкащикомъ мужа своего, то сей духовной не вѣрить: ибо жена въ волѣ мужа: что онъ велитъ писать ей, то она и пишетъ. 14) Налагать эпитимію на Христіанъ, которые, бывъ въ плѣну или въ неволѣ, дали клятву не бѣжать, и бѣжали: ибо клятвопреступленіе есть грѣхъ смертный, и лучше умереть, нежели нарушить обѣтъ священный. — 15) Иногородные, истецъ съ отвѣтчикомъ, судятся въ Москвѣ у Царскихъ Казначеевъ, буде они изъ разныхъ городовъ; а если изъ одного, то отсылаются къ ихъ Намѣстнику въ дѣлахъ земскихъ, но не въ уголовныхъ, судимыхъ на мѣстѣ преступленія (812). — 16) Въ столицѣ нѣтъ ни смертной, ни

торговой казни въ день большой Панихиды, когда Митрополитъ обѣдаетъ у Государя.» — Запретивъ Духовенству покупать недвижимое имѣніе безъ Царскаго вѣдома ([813]), Іоаннъ предписалъ въ сихъ дополненіяхъ Судебника отнять у Епископовъ и монастырей всѣ казенныя земли, села, рыбныя ловли, коими они несправедливо завладѣли въ смутныя времена Боярской власти ([814]). «Иноки» (писалъ онъ къ Святителю Казанскому, Гурію) «должны орать не землю, а сердца — сѣять не хлѣбъ, а словеса Божественныя — наслѣдовать не села, а Царство Небесное. . . Многіе Епископы наши думаютъ о бренномъ стяжаніи болѣе, нежели о Церкви» ([815]). Мысля такимъ образомъ, Іоаннъ смѣлѣе дѣда своего обогащалъ казну достояніемъ безмолвнаго Духовенства.

Съ сего времени *Новый Судебникъ* былъ общею книгою законовъ для Россіи до царствованія Алексія Михайловича. Сверхъ того Іоаннъ давалъ областнымъ начальствамъ *Грамоты Уставныя и Губныя:* первыя опредѣляли доходы, права, обязанности Намѣстниковъ и другихъ Царскихъ сановниковъ, заключая въ себѣ и важнѣйшія уголовныя статьи Судебника, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частными, особенными постановленіями. Въ одной изъ нихъ, данной Колмогорскимъ жителямъ въ 1557 году, сказано, что Царь освобождаетъ ихъ отъ суда Намѣстниковъ, съ условіемъ, чтобы они вносили въ казну ежегодно по двадцати рублей *съ сохи*, то есть, съ шестидесяти-четырехъ дворовъ ([816]); что Головы Двинскіе для истребленія воровства, разбоевъ, пьянства, ябеды, должны выбрать Сотскихъ, Пятидесятниковъ, Десятскихъ, которые отвѣтствуютъ за безопасность и благоустройство въ ихъ вѣдомствахъ; что ежели Головы или народные судьи дерзнутъ употребить во зло довѣренность согражданъ, тѣснить людей, лихоимствовать, то будутъ казнены смертію; что всякія дѣла, обыскныя и судныя, записываются у нихъ земскими Дьяками; что Двиняне вольны смѣнять судей, и въ такомъ случаѣ обязаны присылать новыхъ въ Москву, да цѣлуютъ крестъ предъ Дьякомъ Государевымъ въ соблюденіи правды. Въ другой Уставной, также Двинской грамотѣ означена мѣра дворовъ, избъ, ледниковъ и всего, что жители должны были выстроить для Намѣстниковъ и Тіуновъ ([817]). — Слово *Губа* знаменовало въ древнемъ Нѣмецкомъ Правѣ *усадьбу*, а въ нашемъ *волость* или *вѣдомство* ([818]): *Губныя грамоты* давались областнымъ судьямъ и содержали въ себѣ единственно уголовные законы; въ нихъ предписывалось Старостамъ, Губнымъ Цѣловальникамъ и Дьякамъ начинать исправленіе своей должности обыскомъ или съѣздомъ съ знатнѣйшими жителями ихъ волости: съ Князьями, Дѣтьми Боярскими, Архимандритами, Игуменами, Іереями, и съ Повѣренными каждой *выти* или участка ([819]), обязанными подъ крестнымъ цѣлованіемъ заявить всѣхъ извѣстныхъ имъ воровъ и *лихихъ людей*. Сіи показанія вносились въ книгу; обвиняемыхъ предавали суду, пытали: достояніе ихъ описывали для удовлетворенія истцевъ; кто винился, того казнили по Судебнику; кто запирался, не могъ быть уличенъ вѣрными свидѣтельствами и представлялъ за себя надежныхъ ручателей, того освобождали; не уличенныхъ совершенно, но сильно подозрѣваемыхъ сажали навсегда въ темницу; кто рѣшительно одобрялъ человѣка судимаго уголовнымъ судомъ, тотъ имѣніемъ и жизнію отвѣтствовалъ за его будущія преступленія. Стараясь обуздать злодѣевъ для спокойствія честныхъ гражданъ, Іоаннъ лучше хотѣлъ быть жестокимъ, нежели слабымъ, въ противность новѣйшей мысли Россійскаго уголовнаго законодательства, что лучше десять виновныхъ оставить безъ наказанія, нежели казнить одного безвиннаго.

Отъ учрежденій гражданскихъ перейдемъ къ церковнымъ, равно достопамятнымъ. Мы упоминали о Московскомъ Соборѣ 1551 года ([820]): означимъ здѣсь важнѣйшіе или любопытнѣйшіе его уставы. Слѣдуя наказу Іоаннову, Святители опредѣлили: «1) Въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ быть Епархіальнымъ Старостамъ и Десятскимъ, избираемымъ изъ лучшихъ Іереевъ для надзиранія надъ церковною службою, да исполняются въ точности всѣ святые обряды ея, и надъ поведеніемъ Духовенства, обязаннаго учить людей и словомъ и дѣломъ. — 2) Строго блюсти, чтобы въ книгахъ церковныхъ не было ошибокъ, и чтобы иконы списывались съ древнихъ Греческихъ, или какъ писалъ ихъ Андрей Рублевъ ([821]) и другіе знаменитые художники: симъ святымъ дѣломъ занимаются единственно люди признанные отъ Государя и Епископовъ достой-

Церковныя учрежденія.

ными онаго, не только искусствомъ, но и жизнію непорочною: наградою же имъ да будетъ всеобщее уваженіе!» Слѣдуютъ предписанія о звонѣ, пѣніи церковномъ, Литургіи, утренней и вечерней службѣ, гдѣ сказано: «3) Да никто изъ Князей, Вельможъ и всѣхъ добрыхъ Христіанъ не входитъ въ церковь съ главою покровенною, въ тафьяхъ Мусульманскихъ! Да не вносятъ въ Олтарь ни пива, ни меду, ни хлѣба, кромѣ просфоръ! Да уничтожится навѣки нелѣпый обычай возлагать на престолъ такъ называемыя *сорочки*, въ коихъ родятся младенцы ([822])! — 4) Злоупотребленія и соблазны губятъ нравы Духовенства. Что видимъ въ монастыряхъ? Люди ищутъ въ нихъ не спасенія души, а тѣлеснаго покоя и наслажденій ([823]). Архимандриты, Игумены не знаютъ братской трапезы, угощая свѣтскихъ друзей въ своихъ келліяхъ; Иноки держатъ у себя отроковъ и юношей, принимаютъ безъ стыда и женъ и дѣвицъ, веселятся и разоряютъ села монастырскія. Отнынѣ да будетъ въ Обителяхъ едина трапеза для всѣхъ: Инокамъ выслать юныхъ слугъ ([824]); не впускать женщинъ; не держать вина (кромѣ Фряжскаго), ни крѣпкихъ медовъ; не ѣздить для забавы по селамъ и городамъ. Преступникъ да будетъ изверженъ или отлученъ отъ всякія Святыни. Сей законъ умѣренности, воздержанія, цѣломудрія, данъ всему Духовенству: Іереямъ, Діаконамъ, Причетникамъ. — 5) Обители, богатыя землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни отъ Государя: впредь да не стужаютъ ему! — 6) Святители и монастыри вольны ссужать земледѣльцевъ и гражданъ деньгами, но безъ всякой лихвы. — 7) Милосердіе Христіанское устроило во многихъ мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и престарѣлыхъ, а злоупотребленіе ввело въ оныя молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ: да будутъ послѣдніе изгнаны, а на ихъ мѣста введены первые, согласно съ намѣреніемъ благотворителей, и вездѣ да смотрятъ за богадѣльнями добрые Священники, люди градскіе и Цѣловальники ([825]). — 8) Многіе Иноки, Черницы, міряне, хваляся какими-то сверхъестественными сновидѣніями и пророчествомъ, скитаются изъ мѣста въ мѣсто съ святыми иконами, и требуютъ денегъ для сооруженія церквей, непристойно, безчинно, къ удивленію иноземцевъ: нынѣ объявить на торгахъ заповѣдь Государеву, чтобы впредь не быть такому соблазну. Если не уймутся бродяги, то ихъ выгонять, а иконы отдавать въ церкви. — 9) Храмы древніе пустѣютъ, новые вездѣ воздвигаются, не усердіемъ къ Вѣрѣ, а тщеславіемъ, и скоро также пустѣютъ, отъ недостатка въ Іереяхъ, въ иконахъ, въ книгахъ. Видимъ еще иное зло: празднолюбцы уходятъ изъ монастырей, заводятъ Пустыни въ лѣсахъ и стужаютъ Христіанамъ о денежномъ вспоможеніи. Государь указалъ Епископамъ не дозволять ни того, ни другаго безъ особеннаго, строгаго разсмотрѣнія ([826]). — 10) Прихожане избираютъ Священниковъ и Діаконовъ: первые должны быть не менѣе тридцати, а вторые двадцати-пяти лѣтъ отъ рожденія, житія нравственнаго, и грамотные: кто изъ нихъ читаетъ или пишетъ худо, того отсылать въ училища, нынѣ во всѣхъ городахъ заводимыя. Ставленикъ даетъ Митрополиту и Епископамъ только указное: Священникъ рубль Московскій и *благословенную* гривну; Діаконъ полтину ([827]). Слѣдуя уставу Великихъ Князей, Іоанна Василіевича и сына его, новобрачные платятъ за вѣнецъ алтынъ, за вторый бракъ вдвое, за третій четыре алтына; но крещеніе, исповѣдь, причастіе, погребеніе, не терпятъ никакой мзды. Никто изъ церковниковъ не долженъ носить одежды странной: всякой имѣетъ свою, и воинъ и Тысяцникъ, и купецъ и ремесленникъ ([828]): служителю ли Церкви украшаться златомъ и бисеромъ, плетеніемъ и шитьемъ, подобно женѣ? Въ Игумены, въ Архимандриты избираютъ Святители, а Царь утверждаетъ выборъ. Снова запрещается вдовымъ Іереямъ и Діаконамъ священнодѣйствовать, Монахамъ и Монахинямъ жить въ единой Обители, или въ мірѣ. — 11) Митрополиту и Епископамъ безъ Государева вѣдома не перемѣнять ни Бояръ своихъ, ни Дворецкихъ; а на мѣсто убылыхъ брать изъ тѣхъ же родовъ старинныхъ ([829]). — 12) Духовенство обязано искоренять языческія и всякія гнусныя обыкновенія. На примѣръ: когда истецъ съ отвѣтчикомъ готовятся въ судѣ къ бою, тогда являются волхвы, смотрятъ на звѣзды, гадаютъ въ какія-то *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли*, предсказываютъ побѣду счастливому, умножаютъ зло кровопролитія ([830]). Легковѣрные держатъ у себя книги Аристотелевскія, звѣздочетныя, Зодіаки,

Алманахи, исполненные еретической мудрости. На канунѣ Іоаннова дни люди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, пляшутъ цѣлыя сутки; такъ же безумствуютъ и на канунѣ Рождества Христова, Василія Великаго и Богоявленія. Въ Субботу Троицкую плачутъ, вопятъ и глумятъ на кладбищахъ, прыгаютъ, бьютъ въ ладоши, поютъ Сатанинскія пѣсни. Въ утро Великаго Четверга палятъ солому и кличутъ мертвыхъ; а Священники въ сей день кладутъ соль у престола и лечатъ ею недужныхъ. Лживые пророки бѣгаютъ изъ села въ село, нагіе, босые, съ распущенными волосами; трясутся, падаютъ на землю, баснословятъ о явленіяхъ Св. Анастасіи и Св. Пятницы. Ватаги скомороховъ, человѣкъ до ста, скитаются по деревнямъ, объѣдаютъ, опиваютъ земледѣльцевъ, даже грабятъ путешественниковъ на дорогахъ. Дѣти Боярскіе толпятся въ корчмахъ, играютъ зернью, разоряются. Мужчины и женщины моются въ однѣхъ баняхъ, куда самые Иноки, самыя Инокини ходить не стыдятся. На торгахъ продаютъ зайцевъ, утокъ, тетеревей удавленныхъ; ѣдятъ кровь или калбасы, вопреки уставу Соборовъ Вселенскихъ; слѣдуя Латинскому обычаю, брѣютъ бороду, подстригаютъ усы, носятъ одежду иноземную, клянутся во лжи именемъ Божіимъ и сквернословятъ; наконецъ — что всего мерзостнѣе, и за что Богъ казнитъ Христіанъ войнами, гладомъ, язвою — впадаютъ въ грѣхъ Содомскій (831). Отцы духовные! пресѣките зло; наставляйте, грозите, казните эпитимією: ослушники да не входятъ въ церковь! Учите Христіанъ страху Божію и цѣломудрію, да живутъ мирно въ сосѣдствѣ, безъ ябеды, кражи, разбоевъ, лжесвидѣтельства и клятвопреступленія; да будетъ вездѣ благонравіе въ нашемъ любезномъ отечествѣ, и дѣти да чтутъ родителей!»

Сіе церковное законодательство принадлежитъ Царю болѣе, нежели Духовенству: онъ мыслилъ и совѣтовалъ; оно только слѣдовало его указаніямъ. Слогъ достоинъ удивленія своею чистотою и ясностію.

Замѣтимъ странность: желая истребить обыкновенія древнія, противныя Святой Вѣрѣ, Іоаннъ и Духовенство не коснулись, въ Стоглавѣ, обычая давать людямъ имена не-Христіанскія, по ихъ свойствамъ нравственнымъ: не только простолюдины, но и знатные сановники, уже считая за грѣхъ называться Олегами или Рюриками, назывались въ самыхъ государственныхъ бумагахъ *Дружинами*, *Тишинами*, *Истомами*, *Неудачами*, *Хозяинами* (832), единственно съ прибавленіемъ Христіанскаго отчества. Сей обычай казался Царю невиннымъ.

Въ Февралѣ 1581 года, по кончинѣ Митрополита Антонія, избравъ на его мѣсто Діонисія, Хутынскаго Игумена, Іоаннъ съ Епископами и Боярами уставилъ обрядъ посвященія въ сей верховный санъ, не прибавивъ, кажется, ничего къ старому, но только утвердивъ оный слѣдующею Соборною грамотою: «Кому благоволитъ Господь быть Митрополитомъ, Епископу ли, Игумену или Старцу, того немедленно извѣстить о сей чести. Въ день *нареченія* и *возведенія* звонятъ и поютъ молебны. Святители, отпѣвъ Канонъ Богоматери и Петру Чудотворцу, шлютъ двухъ Архимандритовъ, Рожественскаго и Троицкаго, за *Нареченнымъ*, который вмѣстѣ съ ними идетъ къ Государю. Царь сажаетъ будущаго Митрополита, и говоритъ ему рѣчь о молитвѣ. Послѣ того *Нареченный* знаменуется въ храмѣ Успенія, у святыхъ иконъ и гробовъ, идетъ вмѣстѣ съ Епископами на Дворъ Митрополитовъ, въ Бѣлую Палату, и тамъ, сѣвъ на свое мѣсто, ждетъ, встрѣчаетъ Царя, бесѣдуетъ съ нимъ; слушаетъ Литургію въ Соборной церкви, стоя у Митрополитскаго мѣста; обѣдаетъ въ Бѣлой Палатѣ со всѣми Святителями; оттолѣ же, до поставленія, никого не принимаетъ, обѣдая въ келліи съ немногими ближними Иноками. Дни чрезъ два совершается *избраніе*, объявляемое ему *Благовѣстниками*, Архимандритами Спасскимъ и Чудовскимъ. Уготовляютъ мѣсто въ церкви и пишутъ орла надъ онымъ. Въ день назначенный, во время звона, Святители облачаются, а съ ними и будущій Митрополитъ, если онъ Епископъ; если же не Епископъ, то облачается въ придѣлѣ. Окруженный Боярами, Государь вступаетъ въ храмъ, знаменуется у святыхъ иконъ, восходитъ на уготованное мѣсто, и садится: Владыки также. *Избранный*, между осьмью стоящими *огненниками*, подъ орломъ, читаетъ Исповѣданіе Вѣры. Начинаютъ Обѣдню. Лампадѣ и посоху быть Архіепископа Новогородскаго или Казанскаго. Когда въ третій разъ запоютъ: *Святъ*, *Святъ*,

тогда Владыки ставятъ Митрополита по древнему обычаю. Онъ совершаетъ Литургію, и Архіепископъ именуетъ его въ молитвѣ послѣ *Изрядна*. Свѣщеносецъ, держа въ рукѣ свѣщу и лампаду, кланяется Митрополиту и занимаетъ предъ нимъ свое мѣсто въ Олтарѣ; когда же возгласятъ: *со страхомъ Божіимъ*, тогда уносятъ Архіепископову лампаду съ посохомъ, а Митрополитовы Подіаконы становятся у Царскихъ дверей съ лампадою и посохомъ новаго Архипастыря. Отпѣвъ Литургію, Епископы возводятъ его на мѣсто, гдѣ сидѣлъ Государь; сажаютъ трижды, произнося *Исполлаэти Деспота*; снимаютъ съ него одежду служебную, возлагаютъ ему на грудь икону *вратную*, мантію съ источниками на плеча, клобукъ бѣлый или черный (какъ Государь укажетъ) на главу, и ведутъ на каменное Святительское мѣсто. Царь приближается, говоритъ рѣчь и даетъ Святителю посохъ въ десницу. Тутъ знатное Духовенство, Бояре, Князья многолѣтствуютъ Митрополиту. Онъ благословляетъ Царя и говоритъ рѣчь. Духовенство и Бояре многолѣтствуютъ Царю. На крылосахъ поютъ также *многая лѣта*. Выходятъ изъ церкви. У Государя столъ для всего знатнаго Духовенства, для Вельможъ и сановниковъ. Митрополитъ ѣздитъ вокругъ Москвы на ослѣ, коего ведутъ Бояринъ Царскій и Святительскій. Послѣ стола чаши: Петра Чудотворца, Государева и Митрополитова» (833).

*Достопамятный обрядъ церковный.*

Упомянемъ здѣсь также о церковномъ любопытномъ обрядѣ сего времени, уже давно забытомъ въ Россіи. Въ Недѣлю Ваій, предъ Обѣднею, собирался весь народъ Московскій въ Кремлѣ. Изъ храма Успенія выносили большое дерево, обвѣшенное разными плодами (яблоками, изюмомъ, смоквами, финиками); укрѣпляли его на двухъ саняхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молитвы. За санями шли многіе юноши съ пылающими восковыми свѣчами и съ огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ высокія хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами слѣдовали Іереи, числомъ болѣе ста, въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними Бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ: послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ (или на конѣ) одѣтомъ бѣлою тканію (834): лѣвою рукою придерживалъ (Митрополитъ) на своихъ колѣнахъ Евангеліе, окованное золотомъ, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ: Государь, одною рукою касаясь длиннаго повода узды, несъ въ другой вербу. Путь Митрополиту устилали сукнами. Далѣе шли еще Бояре и сановники; за ними безчисленное множество людей. Обходивъ такимъ образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, возвращались въ храмъ Успенія, гдѣ Митрополитъ служилъ Литургію: послѣ чего давалъ обѣдъ Царю и Вельможамъ. — Сей церковный ходъ, въ память срѣтенія Христова въ Іерусалимѣ, былъ уставленъ, какъ вѣроятно, въ древнѣйшія времена, но сдѣлался намъ извѣстенъ только съ Іоаннова, по описанію иноземныхъ наблюдателей.

*Строеніе городовъ.*

Къ достохвальнымъ дѣяніямъ сего царствованія принадлежитъ еще строеніе многихъ новыхъ городовъ для безопасности нашихъ предѣловъ. Кромѣ Лаишева, Чебоксаръ, Козмодемьянска, Болхова, Орла и другихъ крѣпостей, о коихъ мы упоминали, Іоаннъ основалъ Донковъ, Епифань, Веневъ, Чернь, Кокшажскъ (835), Тетюши, Алатырь, Арзамасъ. Но воздвигая красивыя твердыни въ лѣсахъ и въ степяхъ, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ до конца жизни своей развалины и пустыри въ Москвѣ, сожженной Ханомъ въ 1571 году (836), такъ, что въ ней, если вѣрить Поссевинову исчисленію, около 1581 года считалось не болѣе тридцати тысячь жителей, въ шесть разъ менѣе прежняго, какъ говоритъ другой иноземный Писатель, слышавъ то отъ Московскихъ старожиловъ въ началѣ XVII вѣка (837). Стѣны новыхъ крѣпостей были деревянныя, насыпанныя внутри землею съ пескомъ, или крѣпко сплетенныя изъ хвороста (838); а каменныя единственно въ столицѣ, Александровской Слободѣ, Тулѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Старицѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Бѣлозерскѣ, Порховѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ.

*Состояніе Москвы.*

*Торговля.*

Размноженіе городовъ благопріятствовало и чрезвычайнымъ успѣхамъ торговли, болѣе и болѣе умножавшей доходы Царскіе (которые въ 1588 году простирались до шести милліоновъ (839) нынѣшнихъ рублей серебряныхъ). Не только на ввозъ чужеземныхъ издѣлій или на выпускъ нашихъ произведеній, но даже и на съѣстное, привозимое въ города, была значительная пошлина,

иногда откупаемая жителями. Въ Новогородскомъ таможенномъ уставѣ 1571 года ([840]) сказано, что со всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ иноземными гостями и цѣнимыхъ людьми присяжными, казна беретъ семь денегъ на рубль: купцы же Россійскіе платили 4, а Новогородскіе $1\frac{1}{2}$ денги: съ мяса, скота, рыбы, икры, меду, соли (Нѣмецкой и *морянки*), луку, орѣховъ, яблокъ, кромѣ особеннаго сбора съ телегъ, судовъ, саней. За ввозимые металлы драгоцѣнные платили, какъ и за все иное; а вывозъ ихъ считался преступленіемъ. Достойно замѣчанія, что и Государевы товары не освобождались отъ пошлины. Утайка наказывалась тяжкою пенею. — Въ сіе время древняя столица Рюрикова, хотя и среди развалинъ, начинала-было снова оживляться торговою дѣятельностію, пользуясь близостію Нарвы, гдѣ мы съ цѣлою Европою купечествовали; но скоро погрузилась въ мертвую тишину, когда Россія въ бѣдствіяхъ Литовской и Шведской войны утратила сію важную пристань. Тѣмъ болѣе цвѣла наша Двинская торговля, въ коей Англичане должны были дѣлиться выгодами съ купцами Нидерландскими, Нѣмецкими, Французскими, привозя къ намъ сахаръ, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева, и вымѣнивая на нихъ мѣха, пеньку, ленъ, канаты, шерсть, воскъ, медъ, сало, кожи, желѣзо, лѣсъ ([841]). Французскимъ купцамъ, привезшимъ къ Іоанну дружественное письмо Генрика III, дозволялось торговать въ Колѣ, а Испанскимъ или Нидерландскимъ въ Пудожерскомъ Устьѣ: знаменитѣйшій изъ сихъ гостей назывался Иваномъ Девахомъ Бѣлобородомъ, доставлялъ Царю драгоцѣнные каменья и пользовался особеннымъ его благоволеніемъ, къ неудовольствію Англичанъ. Въ разговорѣ съ Елисаветинымъ Посломъ, Баусомъ, Іоаннъ жаловался, что Лондонскіе купцы не вывозятъ къ намъ ничего хорошаго; снялъ съ руки перстень, указалъ на изумрудъ *колпака* своего и хвалился, что Девахъ уступилъ ему первый за 60 рублей, а вторый за тысячу: чему дивился Баусъ, оцѣнивъ перстень въ 300 рублей, а изумрудъ въ 40,000 ([842]). Въ Швецію и въ Данію отпускали мы знатное количество хлѣба. «Сія благословенная земля» (пишетъ Кобенцель о Россіи) «изобилуетъ всѣмъ необходимымъ для жизни человѣческой, не имѣя дѣйствительной нужды ни въ какихъ иноземныхъ произведеніяхъ» ([843]). — Завоеваніе Казани и Астрахани усилило нашу мѣну Азіатскую.

Обогативъ казну торговыми, городскими и земскими налогами, также и присвоеніемъ церковнаго имѣнія, чтобы умножить войско, завести арсеналы (гдѣ находилось всегда въ готовности не менѣе двухъ тысячь осадныхъ ([844]) и полевыхъ орудій), строить крѣпости, палаты, храмы, Іоаннъ любилъ употреблять избытокъ доходовъ и на роскошь: Роскошь и пышность. мы говорили объ удивленіи иноземцевъ, видѣвшихъ въ казнѣ Московской груды жемчугу, горы золота и серебра во дворцѣ ([845]), блестящія собранія, обѣды, за коими въ теченіе пяти, шести часовъ *пресыщалось* 600 или 700 гостей, не только изобильными но и дорогими яствами, плодами и винами жаркихъ, отдаленныхъ климатовъ: однажды, сверхъ людей именитыхъ, въ Кремлевскихъ палатахъ обѣдало у Царя 2000 Ногайскихъ союзниковъ, шедшихъ на войну Ливонскую ([846]). Въ торжественныхъ выходахъ и выѣздахъ Государевыхъ все также представляло образъ Азіатскаго великолѣпія: дружины тѣлохранителей, облитыхъ золотомъ — богатство ихъ оружія, убранство коней. Такъ Іоаннъ, 12 Декабря ([847]), обыкновенно выѣзжалъ верхомъ за городъ, видѣть дѣйствіе снаряда огнестрѣльнаго: предъ нимъ нѣсколько сотъ Князей, Воеводъ, сановниковъ, по-три въ рядъ; предъ сановниками 5000 отборныхъ Стрѣльцевъ по-пяти въ рядъ. Среди обширной, снѣжной равнины, на высокомъ помостѣ, длиною саженей въ 200 или болѣе, стояли пушки и воины, стрѣляли въ цѣль, разбивали укрѣпленія, деревянныя, осыпанныя землею, и ледяныя. Въ торжествахъ церковныхъ, какъ мы видѣли, Іоаннъ также являлся народу съ пышностію разительною, умѣя видомъ искусственнаго смиренія придавать себѣ еще болѣе величія ([848]), и съ блескомъ мірскимъ соединяя наружность Христіанскихъ добродѣтелей: угощая Вельможъ и Пословъ въ свѣтлые праздники, сыпалъ богатую милостыню на бѣдныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что добрая слава Іоаннова пережила его худую славу *въ народной памяти:* стенанія умол- Слава Іоаннова. кли, жертвы истлѣли, и старыя преданія затмились новѣйшими; но имя Іоанново блистало на Судебникѣ и напоминало пріобрѣтеніе трехъ Царствъ Мо-

гольскихъ: доказательства дѣлъ ужасныхъ лежали въ книгохранилищахъ, а народъ въ теченіе вѣковъ видѣлъ Казань, Астрахань, Сибирь какъ живые монументы Царя-Завоевателя; чтилъ въ немъ знаменитаго виновника нашей государственной силы, нашего гражданскаго образованія; отвергнулъ или забылъ названіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой донынѣ именуетъ его только *Грознымъ*, не различая внука съ дѣдомъ, такъ названнымъ древнею Россіею болѣе въ хвалу, нежели въ укоризну ([819]). Исторія злопамятнѣе народа!

**КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.**

# ИСТОРІЯ

# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ X.

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### ЦАРСТВОВАНІЕ ΘЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

### Г. 1584 — 1587.

**Свойства Θеодоровы. Члены Верховной Думы. Волненіе народа. Собраніе Великой Думы Земской. Царевичь Димитрій и мать его отправляются въ Угличь. Мятежъ въ Москвѣ. Власть и свойства Годунова. Царское вѣнчаніе Θеодорово. Разныя милости. Годуновъ Правитель Царства. Усмиреніе Черемисскаго бунта. Вторичное покореніе Сибири. Сношенія съ Англіею и съ Литвою. Заговоръ противъ Годунова. Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. Перемиріе съ Швеціею. Посольство въ Австрію. Возобновленіе дружества съ Даніею. Дѣла Крымскія. Посольство въ Константинополь. Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи. Дѣла съ Персіею. Дѣла внутреннія. Основаніе Архангельска. Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ. Начало Уральска. Опасности для Годунова. Ссылки и казнь. Жалостная смерть Героя Шуйскаго. Судьба Магнусова семейства. Праздность Θеодорова.**

Г. 1584. «Первые дни по смерти тирана» (говоритъ[1] Римскій Историкъ) «бываютъ счастливѣйшими для народовъ:» ибо конецъ страданія есть живѣйшее изъ человѣческихъ удовольствій.

Но царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое: новый Вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадаетъ въ другую крайность, въ послабленіе вредное Государству. Сего могли опа- Свойства Θеодоровы. саться истинные друзья отечества, тѣмъ болѣе, что знали необыкновенную кротость наслѣдника Іоаннова, соединенную въ немъ съ умомъ робкимъ, съ набожностію безпредѣльною, съ равнодушіемъ къ мірскому величію. На громоносномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла *постника* и *молчальника*, болѣе для келліи и пещеры, нежели для власти Державной рожденнаго: такъ, въ часы искренности, говорилъ о Θеодорѣ самъ Іоаннъ, оплакивая смерть любимаго, старшаго сына (2). Не наслѣдовавъ ума царственнаго, Θеодоръ не имѣлъ и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты дѣда и прадѣда: былъ росту малаго, дрябль тѣломъ, лицемъ блѣденъ (3); всегда улыбался, но безъ живости; двигался медленно, ходилъ неровнымъ шагомъ, отъ Г. 1584. слабости въ ногахъ; однимъ словомъ, изъявлялъ въ себѣ преждевременное изнеможеніе силъ естественныхъ и душевныхъ. Угадывая, что сей двадцатисемилѣтній Государь, осужденный Природою на всегдашнее малолѣтство духа, будетъ зависѣть отъ Вельможъ или Монаховъ, многіе не смѣли радоваться концу тиранства, чтобы не пожалѣть о немъ во дни безначалія, козней и смутъ Боярскихъ, менѣе губительныхъ для людей, но еще бѣдственнѣйшихъ для великой Державы, устроенной сильною, нераздѣльною властію Царскою..... Къ счастію Россіи, Θеодоръ, боясь власти какъ опаснаго повода къ грѣхамъ, ввѣрилъ кормило Государства рукѣ искусной — и сіе царствованіе, хотя не чуждое беззаконій, хотя и самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ омраченное, казалось современникамъ милостію Божіею, благоденствіемъ, златымъ вѣкомъ (4): ибо наступило послѣ Іоаннова!

Новая Пентархія или Верховная Дума, составленная умирающимъ Іоанномъ изъ *пяти Вельможъ*, была предметомъ Члены общаго вниманія, надежды и страха. Верховной Князь Мстиславскій отличался един- Думы. ственно знатностію рода и сана (5), будучи старшимъ Бояриномъ и Воеводою.

г. 1584. Никиту Романовича Юрьева уважали какъ брата незабвенной Анастасіи и дядю Государева, любили какъ Вельможу благодушнаго, не очерненнаго даже и злословіемъ въ бѣдственныя времена кровопійства. Въ Князѣ Шуйскомъ чтили славу великаго подвига ратнаго, отважность и бодрость духа. Бѣльскаго, хитраго, гибкаго, ненавидѣли какъ перваго любимца Іоаннова. Уже знали рѣдкія дарованія Годунова, и тѣмъ болѣе опасались его: ибо онъ также умѣлъ снискать особенную милость тирана, былъ зятемъ гнуснаго Малюты Скуратова, свойственникомъ и другомъ (едва ли искреннимъ) Бѣльскаго. — Пріявъ власть государственную, Дума Верховная въ самую первую ночь (18 Марта) выслала изъ столицы многихъ извѣстныхъ услужниковъ Іоанновой лютости, другихъ заключила въ темницы [6], а къ родственникамъ вдовствующей Царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ (вѣроятно, въ намѣреніи объявить юнаго Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ).

Волненіе народа. Москва волновалась; но Бояре утишили сіе волненіе: торжественно присягнули Θеодору вмѣстѣ со всѣми чиновниками, и въ слѣдующее утро письменно обнародовали его воцареніе. Отряды воиновъ ходили изъ улицы въ улицу; пушки стояли на площадяхъ [7]. Немедленно пославъ гонцевъ въ области съ указомъ молиться о душѣ Іоанновой и счастливомъ царствованіи Θеодора,

Собраніе Великой Думы Земской. новое Правительство созвало Великую Думу Земскую, знатнѣйшее Духовенство, Дворянство и всѣхъ людей именитыхъ, чтобы взять нѣкоторыя общія мѣры для государственнаго устройства. Назначили день Царскаго вѣнчанія; Соборною грамотою утвердили его священные обряды [8]; разсуждали о благосостояніи Державы, о средствахъ облегчить народныя тягости.

Димитрій и мать его отправляются въ Угличь. Тогда же послали вдовствующую Царицу съ юнымъ сыномъ, отца ея, братьевъ, всѣхъ Нагихъ, въ городъ Угличь, давъ ей Царскую услугу, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцевъ для оберeганія [9]. Добрый Θеодоръ, нѣжно прощаясь съ младенцемъ Димитріемъ обливался горькими слезами, какъ бы невольно исполняя долгъ болѣзненный для своего сердца. Сіе удаленіе Царевича, единственнаго наслѣдника Державы, могло казаться блестящею ссылкою, и пѣстунъ Димитріевъ, Бѣльскій, не желая въ ней участвовать, остался въ Москвѣ: онъ надѣялся законодательствовать въ Думѣ, но увидѣлъ грозу надъ собою. г. 1584.

Между тѣмъ, какъ Россія славила благія намѣренія новаго Правительства, въ Москвѣ коварствовали зависть и беззаконное властолюбіе: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному Монарху, а скоро наименовали и человѣка, готоваго злодѣйствомъ изумить Россію: сказали, что Бѣльскій, будтобы отравивъ Іоанна, мыслитъ погубить и Θеодора, умертвить всѣхъ Бояръ, возвести на престолъ своего друга и совѣтника — Годунова [10]! Тайными виновниками сей клеветы считали Князей Шуйскихъ, а Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, Дворянъ Рязанскихъ, ихъ орудіями, возмутителями народа легковѣрнаго, который, принявъ оную за истину, хотѣлъ усердіемъ спасти Царя и Царство отъ умысловъ изверга. Вопль бунта раздался изъ конца въ конецъ Москвы, и двадцать тысячь вооруженныхъ людей, чернь, граждане, Дѣти Боярскіе, устремились къ Кремлю, гдѣ едва успѣли затворить ворота, собрать нѣсколько Стрѣльцевъ для защиты и Думу для совѣта въ опасности незапной. Мятежъ въ Москвѣ. Мятежники овладѣли въ Китаѣ-городѣ тяжелымъ снарядомъ, обратили Царь-пушку къ воротамъ Флоровскимъ и хотѣли разбить ихъ, чтобы вломиться въ крѣпость. Тогда Государь выслалъ къ нимъ Князя Ивана Мстиславскаго, Боярина Никиту Романовича, Дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ, спросить, что виною мятежа, и чего они требуютъ? «Бѣльскаго!» отвѣтствовалъ народъ: «выдайте намъ злодѣя! Онъ мыслитъ извести Царскій корень и всѣ роды Боярскіе!» Въ тысячу голосовъ вопили: «Бѣльскаго!» Сей несчастный Вельможа, изумленный обвиненіемъ, устрашенный злобою народа, искалъ безопасности въ Государевой спальнѣ, [11] трепеталъ и молилъ о спасеніи. Θеодоръ зналъ его невинность; знали оную и Бояре: но, искренно или притворно ужасаясь кровопролитія, вступили въ переговоры съ мятежниками; склонили ихъ удовольствоваться ссылкою мнимаго преступника и немедленно выслали Бѣльскаго изъ Москвы. Народъ, восклицая: «да здравствуетъ Царь съ вѣрными Боярами!» мирно разошелся по домамъ; а Бѣльскій съ того времени воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ [12].

г. 1584. Отъ такой постыдной робости, отъ такого уничиженія Самодержавной власти чего ожидать надлежало? козней въ Думѣ, своевольства въ народѣ, безпорядка въ правленіи. Бѣльскаго удалили: Годуновъ остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произносили его имени, уважая въ немъ Царицына брата: но онъ видѣлъ умыселъ клеветниковъ; видѣлъ, что дерзкіе виновники сего возмущенія готовятъ ему гибель, и думалъ о своей безопасности. Дотолѣ дядя Царскій, по древнему уваженію къ родственному старѣйшинству, могъ считать себя первымъ Вельможею: такъ мыслилъ и Дворъ и народъ; такъ мыслилъ и лукавый Дьякъ Государственный, Андрей Щелкаловъ, стараясь снискать довѣренность Боярина Юрьева ([13]) и надѣясь вмѣстѣ съ нимъ управлять Думою. Знали власть Годунова надъ сестрою нѣжною, добродѣтельною Ириною, уподобляемою Лѣтописцами Анастасіи (ибо тогда не было инаго сравненія въ добродѣтеляхъ женскихъ); знали власть Ирины надъ Ѳеодоромъ, который въ семъ мірѣ истинно любилъ, можетъ быть, одну супругу; но Годуновъ, казалось, выдалъ друга: радовались его безсилію или боязливости, не угадывая, что онъ, вѣроятно, притворствовалъ въ дружбѣ къ Бѣльскому, внутренно опасаясь въ немъ тайнаго совмѣстника, и воспользуется симъ случаемъ для утвержденія своего могущества: ибо Ѳеодоръ мягкосердечный, обремененный державою, испуганный мятежемъ, видя необходимость мѣръ строгихъ для государственнаго устройства, и не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣтника или помощника: искалъ, на кого возложить всю тягость правленія, съ отвѣтственностію предъ единымъ Богомъ, и совершенно отдался смѣлому честолюбцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хитрости, слѣдуя единственно чувству, зная умъ, не зная только злыхъ, тайныхъ наклонностей Годунова, Ирина утвердила союзъ между Царемъ, неспособнымъ властвовать, и подданнымъ, достойнымъ власти. Сей мужъ знаменитый находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ тѣлесной и душевной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ

Власть и свойства Годунова.

Вельможъ (какъ говоритъ Лѣтописецъ), г. 1584. Борисъ не имѣлъ только . . . добродѣтели; хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для нее выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ Исторіи добрую славу Борисову.

Первымъ дѣйствіемъ Годунова было наказаніе Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ главныхъ возмутителей Московской черни: ихъ послали въ дальніе города и заключили въ темницы. Народъ молчалъ или славилъ правосудіе Царя; Дворъ угадывалъ виновника сей законной строгости, и съ безпокойствомъ взиралъ на Бориса, коего рѣшительное владычество открылось не прежде Ѳеодорова Царскаго вѣнчанія, отложеннаго, ради шести-недѣльнаго моленія объ усопшемъ Вѣнценосцѣ, до 31 Мая ([14]).

Царское вѣнчаніе Ѳеодорово.

Въ сей день, на самомъ разсвѣтѣ, сдѣлалась ужасная буря, гроза, и ливный дождь затопилъ многія улицы въ Москвѣ, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій ([15]); но суевѣріе успокоилось, когда гроза миновалась, и солнце возсіяло на чистомъ небѣ. Собралося безчисленное множество людей на Кремлевской площади, такъ, что воины едва могли очистить путь для Духовника Государева, когда онъ несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, изъ Царскихъ палатъ въ храмъ Успенія *святыню Мономахову,* животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы (Годуновъ несъ за Духовникомъ скипетръ). Не взирая на тѣсноту безпримѣрную, все затихло, когда Ѳеодоръ вышелъ изъ дворца со всѣми Боярами, Князьями, Воеводами, чиновниками: Государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта ([16]), придворные въ златой — и сія удивительная тишина провождала Царя до самыхъ дверей храма, также наполненнаго людьми всякаго званія: ибо всѣмъ Россіянамъ дозволялось видѣть священное торжество Россіи, единаго семейства подъ державою Отца-Государя. Во время молебна Окольничіе и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговѣйте и молитеся!» Царь и Митрополитъ Діонисій сѣли на изготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, у вратъ

г. 1584. западныхъ, и Ѳеодоръ среди общаго безмолвія сказалъ Первосвятителю: «Владыко! родитель нашъ, Самодержецъ Іоаннъ Васильевичь, оставилъ земное Царство, и пріявъ Ангельскій образъ, отшелъ на Царство Небесное; а меня благословилъ державою и всѣми хоругвями Государства; велѣлъ мнѣ, согласно съ древнимъ уставомъ, *помазаться* и вѣнчаться Царскимъ вѣнцемъ, діадимою и святыми бармами: завѣщаніе его извѣстно Духовенству, Боярамъ и народу. И такъ, по волѣ Божіей и благословенію отца моего, соверши обрядъ священный, да буду Царь и *Помазанникъ!*» Митрополитъ, осѣнивъ Ѳеодора крестомъ, отвѣтствовалъ: «Господинъ, возлюбленный сынъ Церкви и нашего смиренія, Богомъ избранный и Богомъ на престолъ возведенный! данною намъ благодатію отъ Святаго Духа помазуемъ и вѣнчаемъ тебя, да именуешься Самодержцемъ Россіи!» Возложивъ на Царя животворящій крестъ Мономаховъ, бармы и вѣнецъ на главу, съ моленіемъ, да благословитъ Господь его правленіе, Діонисій взялъ Ѳеодора за десницу, поставилъ на особенномъ *Царскомъ мѣстѣ*, и вручивъ ему *скипетръ*, сказалъ: «блюди хоругви великія Россіи!» Тогда Архидіаконъ на амвонѣ, Священники въ Олтарѣ и Клиросы возгласили многолѣтіе Царю вѣнчанному, привѣтствуемому Духовенствомъ, сановниками, народомъ съ изъявленіемъ живѣйшей радости; и Митрополитъ въ краткой рѣчи напомнилъ Ѳеодору главныя обязанности Вѣнценосца: долгъ хранить Законъ и Царство, *имѣть духовное повиновеніе къ Святителямъ и вѣру къ монастырямъ*, искреннее дружество къ брату, *уваженіе къ Боярамъ, основанное на ихъ родовомъ старѣйшинствѣ*, милость къ чиновникамъ, воинству и всѣмъ людямъ. «Цари намъ вмѣсто Бога,» продолжалъ Діонисій: «Господь ввѣряетъ имъ судьбу человѣческаго рода, да блюдутъ не только себя, но и другихъ отъ зла; да спасаютъ міръ отъ треволненія, и да боятся *серпа Небеснаго!* Какъ безъ солнца мракъ и тьма господствуютъ на землѣ, такъ и безъ ученія все темно въ душахъ: будь же любомудръ, или слѣдуй мудрымъ; будь добродѣтеленъ: ибо едина добродѣтель украшаетъ Царя, едина добродѣтель безсмертна. Хочешь ли благоволенія Небеснаго? благоволи о подданныхъ . . . Не слушай злыхъ клеветниковъ, о Царь, рожденный милосердымъ! . . . Да цвѣтетъ во дни твои г. 1584. правда; да успокоится отечество! . . . И возвыситъ Господь Царскую десницу твою надъ всѣми врагами, и будетъ Царство твое мирно и вѣчно въ родъ и родъ!» Тутъ, проливая слезы умиленія, всѣ люди воскликнули: «будетъ и будетъ многолѣтно!» — Ѳеодоръ, въ полномъ Царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мономаховой, въ богатой мантіи, и держа въ рукѣ длинный скипетръ (сдѣланный изъ драгоцѣннаго ([17]) китоваго зуба), слушалъ Литургію, имѣя видъ утомленнаго. Предъ нимъ лежали короны завоеванныхъ Царствъ; а подлѣ него, съ правой стороны, какъ ближній Вельможа, стоялъ Годуновъ: дядя Ѳеодоровъ, Никита Романовичь Юрьевъ, наряду съ другими Боярами. Ничто, по сказанію очевидцевъ, не могло превзойти сего торжества въ великолѣпіи. Амвонъ, гдѣ сидѣлъ Государь съ Митрополитомъ, — налой, гдѣ лежала утварь Царская, и мѣста для Духовенства были устланы бархатами, а помостъ церкви коврами Персидскими и красными сукнами Англійскими. Одежды Вельможъ, въ особенности Годунова и Князя Ивана Михайловича Глинскаго, сіяли алмазами, яхонтами, жемчугомъ удивительной величины ([18]), такъ, что иноземные Писатели цѣнятъ ихъ въ милліоны. Но всего болѣе торжество украшалось веселіемъ лицъ и знаками живѣйшей любви къ престолу. — Послѣ Херувимской Пѣсни Митрополитъ, въ дверяхъ Царскихъ, возложилъ на Ѳеодора *Мономахову цѣпь Аравійскаго злата*; въ концѣ же Литургіи *помазалъ его Святымъ Мνромъ и причастилъ Святыхъ Таинъ*. Въ сіе время Борисъ Годуновъ держалъ скипетръ, Юрьевъ и Димитрій Ивановичь Годуновъ (дядя Ирины), вѣнецъ Царскій на златомъ блюдѣ. Благословенный Діонисіемъ и въ южныхъ дверяхъ храма осыпанный деньгами, Ѳеодоръ ходилъ поклониться гробамъ предковъ, моляся, да наслѣдуетъ ихъ государственныя добродѣтели. Между тѣмъ Ирина, окруженная Боярынями, сидѣла въ *коронѣ* подъ растворенымъ окномъ своей палаты ([19]) и была привѣтствуема громкими восклицаніями народа: «да здравствуетъ Царица!» Въ Тронной Вельможи и чиновники цѣловали руку у Государя; въ Столовой палатѣ съ нимъ обѣдали, равно какъ и все знатное Духовенство. Пиры, веселія, забавы народныя продолжались цѣлую недѣлю и

г. 1584. заключились воинскимъ праздникомъ внѣ города, гдѣ, на обширномъ лугу, въ присутствіи Царя и всѣхъ жителей Московскихъ, гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ, предъ осмью рядами Стрѣльцевъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и въ бархатъ. Множество всадниковъ, также богато одѣтыхъ, провождало Ѳеодора ([20]).

Разныя милости. Одаривъ Митрополита, Святителей, и самъ принявъ дары отъ всѣхъ людей чиновныхъ, гостей и купцевъ, Россійскихъ, Англійскихъ, Нидерландскихъ ([21]), нововѣнчанный Царь объявилъ разныя милости: уменьшилъ налоги; возвратилъ свободу и достояніе многимъ знатнымъ людямъ, которые лѣтъ двадцать сидѣли въ темницѣ ([22]); исполняя завѣщаніе Іоанново, освободилъ и всѣхъ военоплѣнныхъ; наименовалъ Боярами Князей Дмитрія Хворостинина, Андрея и Василія Ивановичей Шуйскихъ, Никиту Трубецкаго, Шестунова, двухъ Куракиныхъ, Ѳеодора Шереметева и трехъ Годуновыхъ, внучатныхъ братьевъ Ирины; пожаловалъ Герою, Князю Ивану Петровичу Шуйскому, всѣ доходы города Пскова, имъ спасеннаго ([23]). Но сіи личныя милости были ничто въ сравненіи съ тѣми, коими Ѳеодоръ осыпалъ своего шурина, давъ ему все, что подданный могъ имѣть въ Самодержавіи: не только древній знатный санъ Конюшаго, въ теченіе семьнадцати лѣтъ никому не жалованный, но и титло *Ближняго Великаго Боярина*, Намѣстника двухъ Царствъ ([24]), Казанскаго и Астраханскаго. Безпримѣрному сану отвѣтствовало и богатство безпримѣрное: Годунову дали, или Годуновъ взялъ себѣ, лучшія земли и помѣстья, доходы области Двинской, Ваги, — всѣ прекрасные луга на берегахъ Москвы-рѣки, съ лѣсами и пчельниками, — разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе, Сѣверскіе, сверхъ особеннаго денежнаго жалованья: что, вмѣстѣ съ доходомъ его родовыхъ отчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, приносило ему ежегодно не менѣе осьми или девяти сотъ тысячь нынѣшнихъ рублей серебряныхъ ([25]): богатство, какого отъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ Вельможа, такъ, что Годуновъ могъ на собственномъ иждивеніи выводить въ поле до ста тысячь воиновъ ([26])! Онъ былъ уже не временщикъ, не любимецъ, но Властитель Царства. Увѣренный въ Ѳеодорѣ, Борисъ еще опасался завистниковъ и враговъ: для того хотѣлъ изумить ихъ своимъ величіемъ, чтобы они г. 1584. не дерзали и мыслить объ его низверженіи съ такой высокой степени, недоступной для обыкновеннаго честолюбія Вельможъ-царедворцевъ. Дѣйствительно изумленные, сіи завистники и враги нѣсколько времени злобились втайнѣ, безмолвствуя, но вымышляя ударъ; а Годуновъ, со рвеніемъ души славолюбивой, устремился къ великой цѣли: дѣлами общественной пользы оправдать довѣренность Царя, заслужить довѣренность народа и признательность отечества. *Пентархія*, учрежденная Іоанномъ, какъ тѣнь исчезла: осталась древняя Дума Царская, гдѣ Мстиславскій, Юрьевъ, Шуйскій судили наряду съ иными Боярами, слѣдуя мановенію *Правителя*: Годуновъ Правитель. ибо такъ современники именовали Бориса ([27]), который одинъ, въ глазахъ Россіи, смѣло правилъ рулемъ государственнымъ, повелѣвалъ именемъ Царскимъ, но дѣйствовалъ своимъ умомъ, имѣя совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣстниковъ, ни товарищей.

Когда Ѳеодоръ, утомленный мірскимъ великолѣпіемъ, искалъ отдохновенія въ набожности; когда, прервавъ блестящія забавы и пиры, въ видѣ смиреннаго богомольца ходилъ пѣшкомъ изъ монастыря въ монастырь въ Лавру Сергіеву и въ иныя святыя Обители, вмѣстѣ съ супругою ([28]), провождаемою знатнѣйшими Боярынями и цѣлымъ полкомъ особенныхъ Царицыныхъ тѣлохранителей (пышность новая, изобрѣтенная Годуновымъ, чтобы вселить въ народъ болѣе уваженія къ Иринѣ и къ ея роду) ..... въ то время Правительство уже неусыпно занималось важными дѣлами государственными, исправляло злоупотребленія власти, утверждало безопасность внутреннюю и внѣшнюю. Во всей Россіи, какъ въ счастливыя времена Князя Ивана Бѣльскаго и Адашева, смѣнили худыхъ Намѣстниковъ, Воеводъ и судей, избравъ лучшихъ ([29]); грозя казнію за неправду, удвоили жалованье чиновниковъ, чтобы они могли пристойно жить безъ лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, гдѣ надлежало возстановить честь оружія или спокойствіе отечества. Начали съ Казани. Еще лилася кровь Россіянъ на берегахъ Волги, и бунтъ кипѣлъ въ землѣ Черемисской: Годуновъ болѣе умомъ, нежели Усмиреніе Черемисскаго бунта. мечемъ ([30]), смирилъ мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что новый Царь, забывая старыя преступленія, готовъ, какъ до-

г. 1584. брый отецъ, миловать и виновныхъ въ случаѣ искренняго раскаянія; они прислали старѣйшинъ въ Москву и дали клятву въ вѣрности. Тогда же Борисъ велѣлъ строить крѣпости на Горной и Луговой сторонѣ Волги, Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ и другіе, населилъ оныя Россіянами, и тѣмъ водворилъ тишину въ сей землѣ, столь долго для насъ бѣдственной.

Вторичное покореніе Сибири. Усмиривъ Казанское Царство, Годуновъ довершилъ завоеваніе Сибирскаго. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшеніе его силъ отъ болѣзней и голода, онъ немедленно послалъ туда Воеводу, Ивана Мансурова, съ отрядомъ г. 1585. Стрѣльцевъ, а въ слѣдъ за нимъ и другихъ, Василія Сукина, Ивана Мяснаго, Данила Чулкова съ знатнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (31). Первый встрѣтилъ нашихъ Сибирскихъ витязей, Атамана Матвѣя Мещеряка съ остаткомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, на рѣкѣ Турѣ. «Добліе Козаки ожили радостію, »говоритъ Лѣтописецъ: не боясь новыхъ опасностей и битвъ, ужасаясь единственно мысли явиться въ отечествѣ бѣдными изгнанниками, съ вѣстію о завоеваніи утраченномъ, они, исполненные мужества и надежды, возвратились къ устью Тобола, но не могли взять Искера, гдѣ властвовалъ уже не старецъ Кучюмъ, а юный, бодрый Князь Сейдякъ (32), его побѣдитель: свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, онъ собралъ толпы Ногаевъ, преданныхъ ему Татаръ Сибирскихъ, выгналъ Кучюма, и слыша о новомъ приближеніи Россіянъ, стоялъ на берегу Иртыша съ войскомъ многочисленнымъ, готовый къ усильному бою. Козаки предложили Мансурову плыть далѣе Иртышемъ, не смотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и сдѣлали деревянную крѣпость: пишутъ, что Остяки, думая взять оную, принесли съ собою славнаго Бѣлогорскаго идола, или *Шайтана*, начали ему молиться подъ деревомъ и разбѣжались отъ ужаса, когда Россіяне пушечнымъ выстрѣломъ сокрушили сей кумиръ обожаемый. — Воеводы Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры (33), и на мѣстѣ городка Чингія основали нынѣшній Тюмень. Чулковъ же, не находя сопротивленія, или преодолѣвъ оное, заложилъ Тобольскъ, и въ немъ первую церковь Христіанскую (въ 1587 году); извѣстилъ г. 1586. о томъ Воеводу Мансурова, Атамана Мещеряка, соединился съ ними, разбилъ Князя Сейдяка, дерзнувшаго приступить къ Тобольской крѣпости, взялъ его въ плѣнъ раненнаго, весь обозъ, все богатство, и сею побѣдою, которая стоила жизни послѣднему Ермакову Атаману, Никитѣ Мещеряку, довершилъ паденіе Ногайскаго Иртышскаго Царства. Искеръ опустѣлъ, и Тобольскъ сдѣлался новою столицею Сибири. Другое же, менѣе вѣроятное преданіе славитъ не мужество, а хитрость Воеводы Чулкова, весьма не достохвальную: узнавъ, какъ пишутъ (34), что Сейдякъ, другъ его, Царевичь Киргизскій Уразъ-Магметъ, и Мурза-Карача вышли изъ Искера съ пятью стами воиновъ, и на *Княжескомъ лугу*, близъ Тобольска, увеселяются птичьею ловлею, Воевода пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, связалъ и послалъ въ Москву. — Еще изгнанникъ Кучюмъ держался съ шайками Ногаевъ Тайбугина Улуса (35) въ степи Барабинской, жегъ селенія, убивалъ людей въ волостяхъ Курдацкой, Салынской, въ самыхъ окрестностяхъ Тобола: чтобы унять сего разбойника, новый Сибирскій Воевода, Князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ во глубину пустынь Ишимскихъ и близъ озера Чили-Кула (1 Августа 1591) истребилъ большую часть его конницы, захвативъ двухъ женъ Ханскихъ и сына, именемъ Абдулъ-Хаира (36). Тщетно Государь, желая водворить тишину въ своемъ новомъ, отдаленномъ Царствѣ, предлагалъ Кучюму жалованье, города и волости въ Россіи; обѣщалъ даже оставить его Царемъ въ землѣ Сибирской, если онъ съ покорностію явится въ Москвѣ (37). О томъ же писалъ къ отцу и плѣнникъ Абдулъ-Хаиръ, славя великодушіе Θеодора, который далъ ему и Царевичу Маметкулу богатыя земли въ собственность, *любя живить смертныхъ и миловать виновныхъ* (38). Оставленный двумя сыновьями, Ногайскими союзниками и знатнымъ Чинъ-Мурзою (который выѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ матерью Царевича Маметкула), Кучюмъ гордо отвѣтствовалъ на предложенія Θеодоровы: «Я не уступалъ Сибири Ермаку, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, требую Иртышскаго берега» (39). Но безсильная злоба Кучюмова не мѣшала Россіянамъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ Сибири заложеніемъ новыхъ городовъ отъ рѣки Печоры до Кети и Тары,

г. 1585. для безопаснаго сообщенія съ Пермію и съ Уфою ([40]), тогда же построенною, вмѣстѣ съ *Самарою*, для обузданія Ногаевъ. Въ 1592 году, при Тобольскомъ Воеводѣ Князѣ Ѳеодорѣ Михайловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, были основаны Пелымъ, Березовъ, Сургутъ; въ 1594 Тара, въ 1596 Нарымъ и Кетскій Острогъ ([41]), неодолимыя твердыни для дикихъ Остяковъ, Вогуличей и всѣхъ бывшихъ Кучюмовыхъ Улусниковъ, которые иногда еще мыслили о сопротивленіи, измѣняли и не хотѣли платить ясака: такъ въ грамотахъ Царскихъ упоминается о мятежѣ Пелымскаго Князя Аблегирима ([42]), коего велѣно было Воеводѣ нашему схватить хитростію или силою, и казнить вмѣстѣ съ сыномъ и съ пятью или шестью главными бунтовщиками Вогульскими. Кромѣ воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ, Годуновъ посылалъ въ Сибирь и земледѣльцевъ изъ Перми, Вятки, Каргополя, изъ самыхъ областей Московскихъ ([43]), чтобы населить пустыни и въ удобныхъ мѣстахъ завести пашню. Распоряженіями благоразумными, обдуманными, безъ усилій тягостныхъ, онъ навѣки утвердилъ сіе важное пріобрѣтеніе за Россіею, въ обогащеніе Государства новыми доходами, новыми способами торговли и промышлености народной. Около 1586 года Сибирь доставляла въ казну 200,000 соболей, 10,000 лисицъ черныхъ и 500,000 бѣлокъ, кромѣ бобровъ и горностаевъ ([44]).

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Борисъ слѣдовалъ правиламъ лучшихъ временъ Іоанновыхъ, изъявляя благоразуміе съ рѣшительностію, осторожность въ соблюденіи цѣлости, достоинства, величія

г. 1584 —1587. Россіи. Два Посла были въ Москвѣ свидѣтелями Ѳеодорова воцаренія: Елисаветинъ и Литовскій. «Кончина Іоаннова

Сношенія съ Англіею и съ Литвою. (пишетъ Баусъ) измѣнила обстоятельства и предала меня въ руки главнымъ врагамъ Англіи: Боярину Юрьеву и Дьяку Андрею Щелкалову, которые въ первые дни новаго царствованія овладѣли Верховною Думою. Меня не выпускали изъ дому, стращали во время бунта Московскаго, и Щелкаловъ велѣлъ мнѣ сказать въ насмѣшку: *Царь Англійскій умеръ* ([45])! Борисъ Годуновъ, нашъ доброжелатель, еще не имѣлъ тогда власти.» Въ началѣ Мая объявили Баусу, что онъ можетъ ѣхать назадъ въ Англію; представили его Царю, отпустили съ честію, съ дарами и съ дружелюбнымъ письмомъ, въ коемъ Ѳеодоръ говорилъ Елисаветѣ: «Хотя дѣло о сватовствѣ и тѣсномъ союзѣ съ Англіею кончилось смертію моего родителя, однакожь искренно желаю твоей доброй пріязни, и купцы Лондонскіе не лишаются выгодъ, данныхъ имъ послѣднею жалованною грамотою» ([46]). Но Баусъ въ безразсудной досадѣ не хотѣлъ взять ни письма, ни даровъ Царскихъ; оставилъ ихъ въ Колмогорахъ, и вмѣстѣ съ Медикомъ Робертомъ Якоби уѣхалъ изъ Россіи ([47]). Удивленный такою дерзостію, Ѳеодоръ послалъ гонца Бекмана къ Королевѣ; жаловался на Бауса; снова предлагалъ ей дружбу, обѣщая милость купцамъ Англійскимъ, съ условіемъ, чтобы и наши могли свободно торговать въ Англіи. Сей гонецъ долго жилъ въ Лондонѣ, не видя Елисаветы; наконецъ увидѣлъ въ саду, гдѣ и вручилъ ей письмо Государево. «Для чего нынѣшній Царь (спросила Королева) не любитъ меня? Отецъ его былъ моимъ другомъ; а Ѳеодоръ гонитъ нашихъ купцевъ изъ Россіи.» Слыша отъ Бекмана, что Царь не гонитъ ихъ, но жалуетъ, и что они платятъ казнѣ вдвое менѣе иныхъ чужеземныхъ купцевъ въ Россіи, Елисавета написала въ отвѣтъ къ Ѳеодору. «Братъ любезнѣйшій! съ неизъяснимою скорбію узнала я о преставленіи великаго Государя, отца твоего, славныя памяти, и моего нѣжнѣйшаго друга. Въ его время смѣлые Англичане, открывъ моремъ неизвѣстный дотолѣ путь въ отдаленную страну вашу, пользовались тамъ важными правами, и если обогащались, то не менѣе и Россію обогащали, благодарно хваляся покровительствомъ Іоанновымъ. Но имѣю утѣшеніе въ печали: гонецъ твой увѣрилъ меня, что сынъ достоинъ отца, наслѣдовавъ его правила и дружество къ Англіи. Тѣмъ болѣе сожалѣю, что Посолъ мой Баусъ заслужилъ твое негодованіе: мужъ испытанный въ дѣлахъ государственныхъ, какъ здѣсь, такъ и въ иныхъ земляхъ, — всегда скромный и благоразумный. Удивляюся, хотя и вѣрю твоимъ жалобамъ, которыя могутъ быть изъяснены досадами, сдѣланными ему однимъ изъ твоихъ Совѣтниковъ Думныхъ» (Дьякомъ Щелкаловымъ) «явнымъ доброхотомъ гостей Нѣмецкихъ. Но взаимная наша любовь не измѣнится отъ сей непріятности. Требуешь свободной торговли для купцевъ Россійскихъ въ Англіи: чего никогда не бывало, и что несовмѣстно съ пользою

г. 1584 — 1587. нашихъ; но мы и тому не противимся, если ты исполнишь обѣщаніе Іоанново и дашь новую жалованную грамоту, для исключительной торговли въ своемъ Царствѣ *обществу* Лондонскихъ купцевъ, нами учрежденному, не позволяя участвовать въ ея выгодахъ *другимъ* Англичанамъ» (48). Не весьма довольный отвѣтомъ Елисаветы, ни холоднымъ пріемомъ Бекмана въ Лондонѣ, но желая сохранить полезную связь съ ея Державою, Царь велѣлъ (въ Сентябрѣ 1585 года) ѣхать къ Королевѣ Англійскому купцу, Іерониму Горсею, чтобы объясниться съ нею удовлетворительнѣе, и выборомъ такого Посланника доказать ей искренность нашего добраго расположенія (49). «Предѣлы Россіи» — писалъ Ѳеодоръ къ Елисаветѣ съ Горсеемъ — «открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы Султановы, Цесарскіе, Нѣмецкіе, Испанскіе, Французскіе, Литовскіе, Персидскіе, Бухарскіе, Хивинскіе, Шамахинскіе и многіе иные, такъ, что можемъ обойтися и безъ Англичанъ, и въ угодность имъ *не затворимъ дорогъ* въ свою землю. Для насъ всѣ равны; а ты, слушаясь корыстолюбивыхъ гостей Лондонскихъ, не хочешь равнять съ ними и другихъ своихъ подданныхъ! Говоришь, что у васъ никогда не бывало нашихъ людей торговыхъ — правда: ибо они и дома торгуютъ выгодно; слѣдственно могутъ и впредь не ѣздить въ Англію. Мы рады видѣть купцевъ Лондонскихъ въ Россіи, если не будешь требовать для нихъ исключительныхъ правъ, несогласныхъ съ уставами моего Царства.» Сіи Ѳеодоровы мысли о вольной торговлѣ удивили Англійскаго Историка, Юма, который находилъ въ нихъ гораздо болѣе истины и проницанія, нежели въ Елисаветиныхъ понятіяхъ о купечествѣ (50).

Но Елисавета настояла: извиняясь предъ Ѳеодоромъ, что важныя государственныя дѣла мѣшали ей входить въ дальнія объясненія съ Бекманомъ, и что она видѣлась съ нимъ только въ саду, гдѣ обыкновенно *гуляетъ и бесѣдуетъ съ людьми ближними* (51), Королева уже не требовала монополіи для купцевъ Лондонскихъ: убѣждала Царя единственно освободить ихъ отъ платежа тягостныхъ пошлинъ — и свѣдавъ отъ Горсея всѣ обстоятельства Двора Московскаго, писала особенно къ Царицѣ и къ брату ея, именуя первую *любезнѣйшею кровною сестрою*, а Годунова *роднымъ пріятелемъ* (52); славила умъ и добродѣтель Царицы; увѣдомляла, что изъ дружбы къ ней снова отпускаетъ въ Москву Медика своего Якоби, особенно искуснаго въ цѣленіи женскихъ и *родильныхъ* болѣзней; благодарила Годунова за доброхотство къ Англичанамъ, надѣясь, что онъ, какъ мужъ ума глубокаго, будетъ и впредь ихъ милостивцемъ, сколько въ одолженіе ей, столько и для истинныхъ выгодъ Россіи. Такъ хитрила Елисавета — и не безполезно: Царица приняла ея ласковую грамоту съ любовію, Годуновъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и (въ 1587 году) далъ право Англичанамъ торговать безпошлинно (лишивъ казну болѣе двухъ тысячь фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго доходу), съ обязательствомъ: 1) не привозить къ намъ чужихъ издѣлій; 2) не разсылать закупщиковъ по городамъ, но лично самимъ мѣняться товарами (53); 3) не продавать ничего въ разницу, а только оптомъ: сукна, камки, бархаты кипами, вина куфами, и проч.; 4) не отправлять людей своихъ сухимъ путемъ въ Англію безъ вѣдома Государева; 5) въ тяжбахъ съ Россіянами зависѣть отъ суда Царскихъ Казначеевъ и Дьяка Посольскаго. Честолюбивый Борисъ не усомнился извѣстить Королеву, что *онъ* доставилъ сіи выгоды гостямъ Лондонскимъ, чувствуя ея милость, и желаетъ всегда *блюсти ихъ подъ своею рукою*, въ надеждѣ, что они будутъ вести себя тихо, честно, безъ обмановъ, не мѣшая Испанцамъ, Французамъ, Нѣмцамъ, ни *другимъ Англичанамъ* торговать въ нашихъ пристаняхъ и городахъ: «ибо море Океанъ есть путь Божій, всемірный, незаградимый» (54). Здѣсь въ первый разъ видимъ Вельможу Россійскаго въ перепискѣ съ иноземнымъ Вѣнценосцемъ: чего дотолѣ не терпѣла осторожная Политика нашихъ Царей. Въ тоже время получивъ бумагу отъ Министровъ Елисаветиныхъ, о разныхъ неумѣренныхъ требованіяхъ ихъ купечества, Годуновъ велѣлъ Дьяку Щелкалову написать въ отвѣтъ, что все возможное для Англіи сдѣлано, а болѣе уже ничего не сдѣлается; что имъ стыдно безпокоить *такого великаго человѣка* суесловіемъ, и что шурину Царскому, знаменитѣйшему Боярину великой Державы Россійской, не прилично самому отвѣчать на бумагу нескромную (55). Высоко цѣня благосклонность славной Королевы, и чувствительный къ ея ле-

г.1584 —1587. сти, Годуновъ зналъ однакожъ мѣру угожденія. Англичане старались низвергнуть ненавистнаго для нихъ Щелкалова; но Борисъ, уважая его опытность и способности, вѣрялъ ему всѣ дѣла иноземныя и далъ новое, знаменитое титло Дьяка *Ближняго* (56).

Еще гораздо важнѣе и затруднительнѣе были для насъ сношенія съ Литвою: ибо Стефанъ, какъ бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпѣливо хотѣлъ довершить начатое: возвысить Державу свою униженіемъ Россіи, и считая Ливонію только задаткомъ, а миръ отдохновеніемъ, мечталъ о возстановленіи древнихъ границъ Витовтовыхъ на берегахъ Угры. Посолъ его Сапѣга, узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Іоанновой, сказалъ Боярамъ, что онъ безъ новаго Королевскаго наказа не можетъ видѣть новаго Царя, ни говорить съ ними о дѣлахъ (57); ждалъ сего наказа три мѣсяца, и представленный Ѳеодору (22 Іюня), объявилъ ему за тайну, будто бы въ знакъ искренняго доброжелательства, о намѣреніи Султана воевать Россію — то есть, Баторій хотѣлъ испугать Ѳеодора и страхомъ расположить къ уступчивости противъ Литвы!..... Во время сего пышнаго, какъ обыкновенно, представленія Царь сидѣлъ на тронѣ съ державою и скипетромъ; близъ него стояли Рынды въ бѣлой одеждѣ и въ *златыхъ цѣпяхъ* (58); у трона *одинъ* Годуновъ: всѣ иные Вельможи сидѣли далѣе. Но Послу оказали честь безъ ласки: не приглашенный Ѳеодоромъ къ обѣду, онъ съ сердцемъ уѣхалъ домой и не впустилъ къ себѣ чиновника съ блюдами стола Царскаго. Начавъ переговоры, Сапѣга требовалъ, чтобы Ѳеодоръ далъ Королю 120 тысячь золотыхъ за нашихъ плѣнниковъ, освободилъ Литовскихъ безъ выкупа, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ его подданныхъ на Россіянъ и не именовалъ себя въ государственныхъ бумагахъ *Ливонскимъ* Княземъ, если не желаетъ войны: ибо смерть Іоаннова, какъ думалъ Баторій, уничтожала договоръ Запольскій. Ему отвѣтствовали, что Ѳеодоръ, движимый единственно человѣколюбіемъ, уже освободилъ 900 военоплѣнныхъ, Поляковъ, Венгровъ, Нѣмцевъ, въ день своего Царскаго вѣнчанія; что мы ожидаемъ такого же Христіанскаго дѣла отъ Стефана; что справедливыя жалобы Литовскія не останутся безъ удовлетворенія; что сынъ Іоанновъ, наслѣдовавъ Державу, наслѣдовалъ и титулъ отца, который именовался *Ливонскимъ*. Въ слѣдствіе многихъ прѣній Сапѣга заключилъ съ Боярами мирное условіе только на десять мѣсяцевъ; а Царь послалъ Боярина, Князя Ѳеодора Михайловича Троекурова, и Думнаго Дворянина, Михайла Безнина, въ Варшаву, чтобы склонить Короля къ истинному миролюбію. Но Стефанъ болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ войны и чаялъ въ ней успѣха, свѣдавъ, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, и съ прибавленіями, внушенными злобою. г.1584 —1587.

Годуновъ, стараясь дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ заслуживать благодарность отечества, а ласками пріязнь главныхъ Бояръ, спокойно властвовалъ 16 или 17 мѣсяцевъ, презиралъ недоброжелателей, имѣя въ рукѣ своей сердце Государево, и снискавъ особенную дружбу двухъ знаменитѣйшихъ Вельможъ, Никиты Романовича Юрьева и Князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго; одинъ правительствовалъ, но совѣтовался съ ними, удовлетворяя тѣмъ ихъ умѣренному честолюбію. Сія счастливая для него связь рушилась кончиною Юрьева (59): ибо слабодушный Князь Мстиславскій, хотя и *названый отецъ Борисовъ* (60), будучи обманутъ кознями враговъ его: Шуйскихъ, Воротынскихъ, Головиныхъ, присталъ къ нимъ, и, если вѣрить Лѣтописцу, сдѣлался участникомъ заговора гнуснаго: хотѣли, чтобы онъ позвалъ Бориса на пиръ и предалъ въ руки убійцъ! Такъ сказали Годунову устрашенные друзья его, свѣдавъ о злобномъ ковѣ; такъ сказалъ Годуновъ Царю. . . Было ли законное слѣдствіе, разысканіе, неизвѣстно; знаемъ единственно, что Князя Ивана Мстиславскаго, неволею постриженнаго, сослали въ Обитель Кирилловскую; Воротынскихъ, Головиныхъ въ мѣста дальнія; иныхъ заключили въ темницу (61); Шуйскихъ не коснулись: для того ли, что не могли обличить ихъ, или изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, связаннаго дружествомъ съ ними (62)? Вообще не казнили смертію ни одного человѣка. Можетъ быть, Годуновъ опасался кровопролитіемъ напомнить ненавистныя времена Іоанновы; можетъ быть — что еще вѣроятнѣе — онъ каралъ единственно личныхъ своихъ недоброжелателей, распустивъ слухъ о мнимомъ злодѣйскомъ умыслѣ. Даже сынъ Мстиславскаго, Князь Ѳеодоръ

Заговоръ противъ Годунова.

г.1584 —1587.

Ивановичь, остался въ Думѣ первымъ или старѣйшимъ Бояриномъ ([63]). Не смотря на такую умѣренность въ наказаніи дѣйствительнаго или вымышленнаго преступленія, столица и Дворъ были въ тревогѣ: ближніе, друзья опальныхъ, страшились дальнѣйшей мести, и знатный чиновникъ, Михайло Головинъ, ушелъ изъ Медынской своей отчины къ Баторію ([64]), какъ бы въ оправданіе Годунова: ибо сей бѣглецъ-измѣнникъ, милостиво принятый въ Литвѣ, заклиналъ Короля не мириться съ Царемъ, увѣряя, что Москва и Россія въ безначаліи, въ неустройствѣ, отъ малоумія Θеодорова и несогласія Вельможъ; что Королю надобно только итти и взять все, ему угодное, въ нашемъ сиромъ, бѣдномъ отечествѣ, гдѣ никто не хочетъ ни воевать, ни служить Государю ([65]). Баторій вѣрилъ, и холодно принявъ Московскихъ Пословъ, сказалъ имъ, что можетъ изъ снисхожденія дать намъ перемиріе на десять лѣтъ, если *возвратимъ* Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ, землю Сѣверскую, и примолвилъ: «Отецъ Θеодоровъ не хотѣлъ меня знать, но узналъ; сыну будетъ тоже» ([66]).

Послы доказывали безразсудность Королевскаго требованія: ихъ не слушали. Тогда они употребили хитрость: во-первыхъ, искусно разгласили, что Михайло Головинъ есть лазутчикъ, посланный къ Стефану Московскими Боярами ([67]); во-вторыхъ, предложили Вельможамъ Коронным и Литовскимъ заключить тѣсный союзъ между ихъ Державою и Россіею для истребленія Хана Крымскаго. Та и другая мысль имѣла счастливое дѣйствіе. Въ Варшавѣ перестали вѣрить Головину, разсуждая, что знатные Россіяне могли естественно уходить изъ отечества въ царствованіе жестокаго Іоанна, а не Θеодора милосердаго; что сей мнимый бѣглецъ соритъ деньгами, безъ сомнѣнія данными ему изъ казны Царской для подкупа людей, и нелѣпо унижая Россію, будто бы готовую упасть къ ногамъ Стефановымъ, изобличаетъ тѣмъ свою ложь; что Король, обольщенный Давидомъ Бѣльскимъ, изгубилъ многочисленное войско подъ стѣнами ужаснаго Пскова, и не долженъ быть новою жертвою легковѣрія; что онъ уже близокъ къ старости; что незапная смерть можетъ исхитить мечь, если и побѣдный, изъ рукъ неутомимаго воителя; что шумный Сеймъ будетъ спорить о выборѣ Стефанова преемника, а сильный врагъ опустошать Литву; что лучше воспользоваться извѣстною слабостію Θеодоровою для утвержденія съ Московскими Боярами искренняго, вѣчнаго союза между обоими Государствами, независимо отъ жизни или смерти ихъ Вѣнценосцевъ. Сіе мнѣніе одержало верхъ въ Думѣ Королевской, такъ, что Троекуровъ и Безнинъ не только возвратились въ Москву съ новою мирною грамотою, срокомъ на два года ([68]), но Король отправилъ къ намъ и своего Посла чрезвычайнаго, съ предложеніемъ столь неожиданнымъ, что оно изумило совѣтъ Царскій!

г.1584 —1587.

Посломъ былъ знаменитый мужъ, Михайло Гарабурда, давно извѣстный и пріятный Двору Московскому совершеннымъ знаніемъ нашего языка, умомъ гибкимъ, вѣжливостію, а всего болѣе усердіемъ къ Закону Греческому. Онъ вручилъ Боярамъ миролюбивыя, ласковыя письма отъ Вельможъ Королевскихъ ([69]), и въ тайной бесѣдѣ съ ними сказалъ: «Имѣя полную довѣренность отъ Государя нашего, Духовенства и всѣхъ мужей Думныхъ, Коронныхъ и Литовскихъ, объявляю, что мы искренно хотимъ быть въ неразрывномъ союзѣ съ вашимъ отечествомъ и ревностно стоять противъ всѣхъ общихъ недруговъ. Для того оставимъ суетныя прѣнія о городахъ и волостяхъ, коихъ ни вы намъ, ни мы вамъ не уступимъ безъ кровопролитія ([70]). Пусть каждый во вѣки вѣковъ безспорно владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ нынѣ! Ничего не требуемъ: не требуйте и вы!... Слушайте далѣе. Мы съ вами братья единаго Славянскаго племени, отчасти и единой Вѣры: для чего намъ не имѣть и единаго Властителя? Господь да продолжитъ лѣта обоихъ Вѣнценосцевъ; но они смертные: мы готовы, въ случаѣ Стефановой кончины, присоединить Великое Княжество Литовское и Польшу къ Державѣ Θеодора (такъ, чтобы Краковъ считался наравнѣ съ Москвою, а Вильна съ Новымгородомъ), если, въ случаѣ Θеодоровой смерти, обяжетесь признать Стефана Государемъ всей Россіи. Вотъ самый надежный способъ — и нѣтъ инаго — утвердить тишину, незыблемое, истинное дружество между нашими Государствами!» Бояре донесли Царю, и, послѣ торжественнаго совѣщанія Думы съ знатнѣйшимъ Духовенствомъ, дали слѣдующій отвѣтъ: «Мы не дозволяемъ

г.1584 —1587. себѣ и мыслить о кончинѣ нашего Великаго Самодержца; не хотимъ даже предполагать и Стефановой: у васъ иное обыкновеніе, едва ли достохвальное: ибо пристойно ли Послу ѣхать въ чужую землю за тѣмъ, чтобы говорить о смерти своего Вѣнценосца? Устраняя сію непристойность, объявляемъ согласіе Государя на миръ вѣчный.» Но Гарабурда не хотѣлъ слышать о томъ безъ договора о соединеніи Державъ, прибавивъ: «развѣ отдадите намъ и Новгородъ и Псковъ: ибо Стефанъ не удовольствуется ни Смоленскою, ни Сѣверскою областію.» *А нашъ Государь* — сказали ему Бояре — *не дастъ вамъ ни драницы съ кровли* [71]. *Можемъ обойтися безъ мира. Россія нынѣ не старая: берегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну* [72]! Изъявивъ сожалѣніе, что наши Вельможи и Духовенство не вразумились въ мысль великую, добрую, Гарабурда откланялся Царю, а послѣ Боярамъ, которые особенно принимали его въ *набережныхъ сѣняхъ*, сидя на рундукѣ (гдѣ Борисъ занималъ четвертое мѣсто, уступая первенство Князьямъ Мстиславскому, Ивану Петровичу Шуйскому, Дмитрію Ивановичу Годунову); *дали ему руку*, и письмо учтивое къ Королевскимъ Вельможамъ, сказавъ: «Ты былъ у насъ съ дѣломъ важнымъ, но ничего не сдѣлалъ. Ненавидя кровопролитіе, Царь объяснится съ Королемъ чрезъ своего Посла». Гарабурда уѣхалъ (30 Апрѣля), а Князь Троекуровъ вторично отправился къ Стефану (28 Іюня) съ новымъ наказомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Баторій немедленно обнажилъ бы мечь на Россію, если бы Вельможные Паны, особенно Литовскіе, боясь разоренія земли своей, не противились его славолюбію и не грозили Королю отказомъ Сейма въ деньгахъ и въ людяхъ. Обольщенный успѣхами войны съ Іоанномъ, онъ только для вида и въ угодность Вельможамъ сносился съ нами, будто бы желая мира, и нелѣпо предлагая Думѣ Царской отдать ему Россію по смерти Ѳеодора, въ то же время просилъ денегъ у Папы, чтобы итти къ Москвѣ, для себя завоевать нашу землю, а для Рима нашу Церковь: Іезуитъ Антоній былъ его ревностнымъ ходатаемъ (злобясь на Россіянъ за худый успѣхъ своего Посольства къ Іоанну), и Сикстъ V обязался давать Стефану ежемѣсячно 25 тысячь скудій *для предпріятія столь великаго* [73]! Въ семъ расположеніи Стефанъ не г.1584 —1587. думалъ слѣдовать примѣру Ѳеодорова милосердія: хваля безкорыстное освобожденіе Литовскихъ плѣнниковъ, требовалъ неумѣреннаго окупа за нашихъ; взявъ съ Царя 54 тысячи рублей, отпустилъ нѣкоторыхъ, но удержалъ знатнѣйшихъ [74], и не хотѣлъ возвратить серебра, отнятаго въ Литвѣ у гостей Московскихъ, которые ѣхали въ Грецію съ милостынею для поминовенія Царевича Іоанна; не унималъ Воеводъ своихъ, которые изъ Ливоніи, Витебска и другихъ мѣстъ посылали шайки разбойниковъ въ области Псковскую, Великолуцкую, Черниговскую [75]; однимъ словомъ, явно искушалъ терпѣніе Россіи, чтобы произвести войну.

Троекуровъ нашелъ Стефана въ Гроднѣ [76], и вручилъ его Панамъ грамоту нашихъ Бояръ. Прочитавъ ее, Паны изъявили сильное негодованіе. «Желая тишины (говорили они), мы, вопреки Королю, предлагали вамъ условія искренняго братства, согласныя съ выгодами обѣихъ Державъ; а вы, не отвѣтствуя на главное предложеніе, пишете, что Царю угодно осчастливить Короля миромъ, если уступимъ вамъ Кіевъ, Ливонію и все, что именуете древнею собственностію Россіи! То есть, *мы кормимъ Вельможъ Московскихъ хлѣбомъ, а Вельможи Московскіе бросаютъ намъ камень!* Отъ чего такая гордость? Развѣ мы не вѣдаемъ нынѣшнихъ жалкихъ обстоятельствъ вашей земли? У васъ есть Царь; но какой? едва дышетъ, и бездѣтенъ: умѣетъ только молиться [77]. Бояре въ смутахъ, народъ въ волненіи, Держава въ неустройствѣ, рать безъ усердія и безъ добрыхъ Воеводъ. Знаемъ, что вы тайно сноситесь съ братомъ Императора Нѣмецкаго: какое ваше намѣреніе? можете ли найти защитника въ Цесарѣ, когда онъ и себѣ худый защитникъ? Уже многіе Государи Европейскіе *мыслятъ на васъ*. Султанъ требуетъ Астрахани и Казани; Ханъ съ огнемъ и мечемъ въ нѣдрахъ Россіи; народъ Черемисскій бунтуетъ. Гдѣ умъ вашихъ Бояръ? Отечество въ несгодѣ, а они презираютъ наше доброжелательство и твердятъ, что Царь готовъ стоять противъ всѣхъ недруговъ! Увидимъ. Доселѣ мы удерживали Стефана отъ исполненія клятвы, имъ данной при восшествіи на престолъ: клятвы отнять у Россіи все Литовское, чѣмъ

г. 1584 — 1587. она завладѣла послѣ Витовта. Теперь не хотимъ досаждать ему пересказомъ вашихъ рѣчей бездѣльныхъ, но скажемъ: *Иди на Россію, до береговъ Угры: вотъ наше золото, вотъ наши руки и головы!* »

Князь Троекуровъ слушалъ хладнокровно, отвѣтствовалъ съ жаромъ: «Не мы, но вы суесловите, Паны Вельможные! Какія рѣчи, дерзостныя и нелѣпыя! Царствованіе благодатное именуете несгодою и бѣдствіемъ для Россіи! Видите гнѣвъ Божій, гдѣ мы видимъ одну милость Небесную! А будущее извѣстно ли смертному? Вы не бесѣдовали со Всевышнимъ. Горе тому, кто злословитъ Вѣнценосца ([78])! Имѣемъ Царя здраваго душею и тѣломъ, умнаго и счастливаго, достойнаго своихъ великихъ предковъ. Какъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ Ѳеодоровъ, такъ и Ѳеодоръ судитъ народъ, строитъ землю, любитъ тишину, но готовъ и разить недруговъ. Есть у него воинство, какого еще не бывало въ Россіи: ибо онъ милостивъ къ людямъ и жалуетъ ихъ щедро изъ казны своей; есть Воеводы доблie, ревнители славы умереть за отечество. Такъ, Ѳеодоръ умѣетъ молиться, и Господь, благоволя о небесной вѣрѣ его, конечно дастъ ему побѣду — и миръ, и благоденствіе, и чадъ возлюбленныхъ, да царствуетъ племя Св. Владиміра во вѣки вѣковъ! Пусть измѣнники оглашаютъ землю безстыднымъ лжесловіемъ о смутахъ Вельможъ и неустройствѣ нашего Царства: вѣтеръ клевету развѣваетъ. Не хотимъ уподобиться вамъ дерзостію и въ истинѣ: молчимъ о томъ, что видимъ въ Литвѣ и въ Польшѣ, ибо мы присланы не для раздора.» Далѣе, сказавъ, что Вельможи Россійскіе знаютъ только своего Царя и не сносятся съ иноземными Князьями; что Султанъ требуетъ не Астрахани, не Казани, а нашего дружества; что Ханъ, помня 1572 годъ и Князя Михайла Воротынскаго ([79]), не смѣетъ заглянуть и въ нашу Украйну; что въ Россіи вездѣ тишина; что мы спокойно властвуемъ и въ отдаленной Сибири — на Кондѣ, въ *Пелымскомъ Государствѣ*, въ странѣ *Пѣгихъ Колмаковъ* и на Оби ([80]), гдѣ 94 города платятъ намъ дань — Посолъ заключилъ сими словами: «То ли называете несгодою Россіи? Мира желаемъ, но *не купимъ*. Хотите ли войны? начинайте! Хотите ли добраго дѣла? говорите о дѣлѣ!»

Вступили въ переговоры. Царь соглашался не требовать Кіева, ни Волыніи, ни Подоліи, требуя для мира одной Ливоніи, по крайней мѣрѣ Дерпта, Нейгауза, Ацеля, Киремпе, Маріенбурга, Тарваста. «Къ чему такое великодушіе?» сказали Паны Князю Троекурову съ насмѣшкою: «мы дозволяемъ вамъ отыскивать всей Литвы: завоюйте и возьмите!» Они вторично предложили соединить обѣ Державы на вѣки вѣковъ, и для того съѣхаться Вельможамъ Московскимъ съ Королевскими на границѣ; а Троекуровъ изъяснялъ имъ, что Царь не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ общей Земской Думы; что нужно не мало времени для призванія всѣхъ государственныхъ людей въ Москву изъ Новагорода, Казани, Астрахани, Сибири — и требовалъ должайшаго перемирія. «Въ Россіи нѣтъ обычая совѣтоваться съ землею,» возражали Паны: «Царь вздумаетъ, Бояре скажутъ *да*, и дѣло сдѣлано.» Споривъ нѣсколько дней, утвердили перемиріе еще на два мѣсяца (отъ 3 Іюня до Августа 1588), чтобы въ теченіе сего времени съѣхаться Великимъ Посламъ съ обѣихъ сторонъ на рѣкѣ Иватѣ, между Оршею и Смоленскимъ, для условія о томъ, 1) «какъ Царю жить въ любви братской съ Стефаномъ, и 2) *какъ ихъ Государствамъ быть подъ единою державою въ случаѣ Ѳеодоровой или Стефановой кончины* ([81]), или 3) какими городами Литвѣ и Россіи владѣть безспорно, *буде онѣ не захотятъ соединиться.*» Хотя третья статья отнимала силу у второй; хотя въ самомъ дѣлѣ мы ничего не уступали и не вредили ни чести, ни безопасности государственной такими условіями: однакожь сей договоръ былъ подписанъ Троекуровымъ уже въ крайности, когда Паны объявили ему отпускъ. Мы желали длить время, въ надеждѣ на будущее, и видя доброе расположеніе къ миру въ землѣ непріятельской. Самъ Архіепископъ Гнѣзненскій въ бесѣдѣ съ Царскимъ чиновникомъ (Новосильцовымъ, посланнымъ тогда въ Вѣну) сказалъ ему, что Россія имѣетъ одного непримиримаго врага въ Литвѣ и въ Польшѣ: Баторія, коему жить не долго; что у него открылись на ногѣ опасныя раны, и что Медики не смѣютъ цѣлить ихъ, боясь тѣмъ ускорить его смерть; что Стефанъ не любимъ народомъ за безмѣрное славолюбіе и за худое обхожденіе съ супругою; что и Вельможи и

г. 1584 —1587. Дворянство хотятъ быть подъ рукою Ѳеодора, зная Христіанскія добродѣтели сего Вѣнценосца, умъ и благость Царицы, мудрость и высокія достоинства *Правителя*, Бориса Ѳеодоровича Годунова. «Сей мужъ знаменитый (продолжалъ Архіепископъ) питалъ, утѣшалъ нашихъ плѣнниковъ, когда они еще сидѣли въ темницѣ, и давъ имъ свободу, милостиво угостилъ въ своихъ палатахъ, одаривъ каждаго сукнами и деньгами. Слава его вездѣ разносится. Вы счастливы, имѣя нынѣ Властителя подобнаго Алексѣю Адашеву, великому человѣку, который управлялъ Россіею въ царствованіе Іоанново» [82]. Еще не довольный такимъ сравненіемъ, Новосильцовъ увѣрялъ, что Годуновъ превосходитъ Адашева и знаменитостію сана и глубокимъ разумомъ. — Однимъ словомъ, здравая Политика нудила насъ удалять войну, сколько возможно. Еще Стефанъ бодрствовалъ духомъ и тѣломъ, отпуская Князя Троекурова; величавый и гордый въ привѣтствіяхъ, съ видомъ суровымъ далъ ему руку; велѣлъ кланяться Ѳеодору . . . и симъ заключилъ свои дѣянія въ отношеніи къ Россіи, которая ненавидѣла и чтила его: ибо онъ, враждуя намъ, исполнялъ законный долгъ, предписываемый Государю пользою Государства, и лучше легкомысленныхъ Пановъ вѣдалъ невозможность истиннаго мира и трудность соединенія Королевства ихъ съ Царствомъ Московскимъ. Уже Баторій назначилъ день Сейма въ Варшавѣ, чтобы утвердить будущую судьбу Королевства заблаговременнымъ избраніемъ своего преемника, истиною и краснорѣчіемъ оживить въ сердцахъ любовь къ отечеству, ревность ко славѣ; наконецъ исторгнуть согласіе на войну съ Россіею. Но Судьба не благопріятствовала замысламъ великаго мужа, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Сравненіе Годунова съ Адашевымъ.

Въ сихъ послѣднихъ сношеніяхъ съ Баторіемъ Правительство наше имѣло еще особенную, тайную цѣль: хотѣло возвратить отечеству изгнанниковъ и бѣглецовъ Іоаннова царствованія, не столько изъ милосердія, сколько для государственной выгоды. Слыша, что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ, но боятся ѣхать въ Россію, Царь посылалъ къ нимъ милостивыя грамоты — именно къ Князю Гаврилу Черкасскому, Тимоѳею Тетерину, Мурзѣ Купкееву, Девятому Кашкарову, къ самому измѣннику Давиду Бѣльскому (свойственнику Годунова) — обѣщая имъ забвеніе вины, чины и жалованье, если они съ раскаяніемъ и съ усердіемъ явятся въ Москвѣ, чтобы *доставить намъ всѣ нужныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Литвы*, о видахъ и способахъ ея Политики [83]. Ѳеодоръ прощалъ всѣхъ бѣглецовъ, кромѣ несчастнаго Курбскаго (вѣроятно, что его уже не было на свѣтѣ) и кромѣ новаго измѣнника, Михайла Головина: вывѣдавъ отъ него много тайнаго о Россіи, Баторій имѣлъ у насъ и собственныхъ лазутчиковъ, между купцами Литовскими: для чего Ѳеодоръ велѣлъ имъ торговать единственно въ Смоленскѣ, запретивъ ѣздить въ Москву [84].

Перемиріе съ Швеціею.

Стараясь удалить разрывъ съ Литвою, но ожидая его непрестанно, Царь оказывалъ тѣмъ болѣе миролюбія и снисходительности въ дѣлахъ съ Шведскимъ Королемъ, чтобы вдругъ не имѣть двухъ непріятелей, однакожь не забывая достоинства Россіи, чувствуя необходимость загладить ея стыдъ возвратомъ нашей древней собственности, похищенной Шведами, и только отлагая войну до удобнѣйшаго времени. Свѣдавъ о кончинѣ Іоанновой, Эстонскій Намѣстникъ де-ла-Гарди спрашивалъ у Новогородскаго Воеводы, Князя Василья Ѳеодоровича Шуйскаго-Скопина, хотимъ ли мы наблюдать договоръ, заключенный на берегу Плюсы [85], и будутъ ли наши Послы въ Стокгольмъ для условія о вѣчномъ мирѣ? Но въ письмѣ своемъ, какъ бы желая досадить Царю, онъ назвалъ Короля *Великимъ Княземъ Ижерскимъ и Шелонскія Пятины въ землѣ Русской*. Ему отвѣчали, что Россія никогда не слыхала о Шведскомъ Великомъ Князѣ Пятины Шелонской; что онъ (де-ла-Гарди) можетъ извиниться единственно невѣдѣніемъ государственныхъ обычаевъ, будучи иноземцемъ и пришлецомъ, удаленнымъ отъ Двора и дѣлъ Думныхъ; что Царь исполняетъ договоръ отца своего, не любитъ бѣдствій войны и ждетъ Пословъ Шведскихъ, а своихъ не можетъ отправить въ Стокгольмъ. Колкость произвела брань. Де-ла-Гарди въ новомъ письмѣ къ Шуйскому говорилъ о старомъ невѣжествѣ, о безумной гордости Россіянъ, еще необразумленныхъ худыми ея слѣдствіями [86]. «Знайте (писалъ онъ), что меня не именуютъ чужеземцемъ въ *высокохвальномъ* Королевствѣ Шведскомъ: правда, не рѣдко удаляюсь отъ Двора, но единственно для того, чтобы учить

г. 1584 — 1587. васъ смиренію. Вы не забыли, думаю, сколько разъ мои знамена встрѣчались съ вашими; то есть, сколько разъ вы уклоняли ихъ предо мною и спасались бѣгствомъ?» Отвѣтомъ на сію непристойность было молчаніе презрѣнія. Еще благоразумнѣе и достохвальнѣе поступилъ Ѳеодоръ въ личномъ сношеніи съ Королемъ Іоанномъ. Предлагая намъ не возобновлять гибельнаго кровопролитія, Іоаннъ въ грамотѣ къ Царю употребилъ слѣдующее выраженіе: «отецъ твой, терзая собственную землю, питаясь кровію подданныхъ, былъ злымъ сосѣдомъ и для насъ и для всѣхъ иныхъ Вѣнценосцевъ.» Сію грамоту Ѳеодоръ возвратилъ Королю, велѣвъ сказать гонцу его, что къ сыну не пишутъ такъ о родителѣ (87)! Но слова не мѣшали дѣлу: Бояринъ, Князь Ѳеодоръ Дмитріевичь Шестуновъ, и Думный Дворянинъ, Игнатій Татищевъ, съѣхались (25 Октября 1585) на устьѣ Плюсы, близъ Нарвы, съ Шведскими знатными сановниками, Класомъ Тоттомъ, де-ла-Гардіемъ и другими (88). Шведы требовали Новагорода и Пскова, а мы и взятыхъ ими городовъ Россійскихъ и всей Эстоніи, и семисотъ тысячь рублей деньгами; смягчались, уступали съ обѣихъ сторонъ, и не могли согласиться. Шведы грозили намъ союзомъ съ Баторіемъ и панятіемъ ста тысячь воиновъ: мы грозили имъ силою одной Россіи, прибавляя: «не имѣемъ нужды, подобно вамъ, закладывать города свои и нанимать воиновъ; дѣйствуемъ собственными руками и головами (89).» Послѣднія наши условія для мира, отвергнутыя Шведами, состояли въ томъ, чтобы Король возвратилъ намъ Иваньгородъ, Яму, Копорье за 10,000 рублей или 20,000 Венгерскихъ червонцевъ. Сказали: «да будетъ же война!» Но одумались, и въ Декабрѣ 1585 года утвердили перемиріе на четыре года безъ всякихъ уступокъ, съ обязательствомъ вновь съѣхаться Посламъ обѣихъ Державъ въ Августѣ 1586 года для соглашенія о мирѣ вѣчномъ. — Во время сихъ переговоровъ надменный де-ла-Гарди утонулъ въ Наровѣ (90).

Еще двѣ Державы Европейскія находились тогда въ сношеніяхъ съ Ѳеодоромъ: Австрія и Данія. Извѣстивъ Рудольфа о своемъ воцареніи, онъ предлагалъ ему дружбу и свободную торговлю между ихъ Государствами. Сановника Московскаго, Новосильцова (91), честили въ Прагѣ, гдѣ жилъ Императоръ: не

Посольство въ Австрію.

только Австрійскіе Министры, но и Легатъ Римскій, Послы Испанскій, Венеціянскій, давали ему обѣды; разспрашивали его о Востокѣ и Сѣверѣ; о Персіи, земляхъ Каспійскихъ и Сибири; славили могущество Царя и хвалили разумъ Посланника, дѣйствительно разумнаго, какъ то свидѣтельствуютъ его бумаги. Онъ доносилъ Боярской Думѣ, что Рудольфъ занимается болѣе своею великолѣпною конюшнею, нежели правленіемъ, уступивъ тягостную для него власть умному Вельможѣ Адаму Дитрихштейну; что Императоръ, бѣдный казною, не стыдится платить дань Султану, единственно на время удаляя тѣмъ грозу меча Оттоманскаго; что состояніе Европы печально; что Австрія бѣдствуетъ въ мирѣ, а Франція въ войнѣ междоусобной; что Филиппъ II, подозрѣвая сына (Карлоса) въ умыслѣ на жизнь отца, думаетъ объявить наслѣдникомъ Испаніи Эрнеста, Цесарева брата (92). Въ сихъ донесеніяхъ Новосильцовъ описываетъ и предметы гражданской жизни, плоды народнаго образованія, заведенія полезныя или пріятныя, имъ видѣнныя и неизвѣстныя въ Россіи, даже сады и теплицы, исполняя Посольскій наказъ любопытнаго Годунова. Министры Австрійскіе за тайну объявили ему желаніе утвердить союзъ съ Россіею, чтобы низвергнуть Баторія и раздѣлить его Королевство (93); но сія мысль, излишно смѣлая для слабаго Рудольфа, осталась безъ дѣйствія: Императоръ хотѣлъ послать къ Царю собственнаго Вельможу, и не сдержалъ слова, написавъ съ Новосильцовымъ единственно учтивое письмо къ Ѳеодору.

Возобновленіе дружества съ Даніею.

Фридерикъ, Король Датскій, бывъ въ явной недружбѣ съ Іоанномъ (94), спѣшилъ увѣрить новаго Царя въ искреннемъ доброжелательствѣ; прислалъ въ Москву знатнаго чиновника; писалъ съ нимъ, что всемірная слава о *Христіанскомъ нравѣ и чувствѣ* Ѳеодоровомъ даетъ ему надежду прекратить всѣ старыя неудовольствія и возобновить дружественныя связи съ Россіею, государственныя и торговыя. Сіи связи дѣйствительно возобновились, и Данія уже не мыслила тревожить нашей морской сѣверной торговли, желая только участвовать въ ея выгодахъ.

Будучи въ мирѣ — по крайней мѣрѣ на время — съ Христіанскою Европою, Россія, спокойная внутри, хотя и не страшилась, однакожь непрестанно бе-

г. 1584 —1587. Дѣла Крымскія. реглась Тавриды. Магметъ-Гирей, обѣщая союзъ и Царю и Литвѣ, тайно сносясь съ Черемисою и явно посылая толпы разбойниковъ въ наши юговосточные предѣлы (95), палъ отъ руки брата, Исламъ-Гирея, который съ Янычарскою дружиною и съ именемъ Хана прибылъ изъ Константинополя (96). Убійствомъ наслѣдовавъ и тронъ и Политику своего предмѣстника, Исламъ писалъ къ Ѳеодору: «Отецъ твой купилъ миръ съ нами десятью тысячами рублей, сверхъ мѣховъ драгоцѣнныхъ, присланныхъ отъ васъ моему брату. Дай мнѣ еще болѣе — и мы раздавимъ Литовскаго недруга: съ одной стороны мое войско, съ другой Султанское, съ третьей Ногаи, съ четвертой полки твои устремятся на его землю» (97) — и въ тоже время Крымскія шайки, вмѣстѣ съ Азовцами, съ Ногаями Казыева Улуса, жгли селенія въ Уѣздахъ Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ, Мещовскомъ, Мосальскомъ (98): Думный Дворянинъ, Михайло Безнинъ, съ легкою конницею встрѣтилъ ихъ на берегу Оки, подъ Слободою Монастырскою, разбилъ на голову, отнялъ плѣнниковъ, и получилъ отъ Царя золотую медаль за свое мужество. Еще два раза Крымцы, числомъ отъ тридцати до сорока тысячь (99), злодѣйствовали въ Украйнѣ: въ Іюнѣ 1587 года они взяли и сожгли Кропивну. Воеводы Московскіе били, гнали ихъ, слѣдомъ пепла и крови; не отходили отъ береговъ Оки; стояли въ Тулѣ, въ Серпуховѣ, ожидая самого Хана. Таврида уподоблялась для насъ ядовитому гаду, который издыхаетъ, но еще язвитъ смертоноснымъ жаломъ: ввергала огонь и смерть въ предѣлы Россіи, не взирая на свое изнуреніе и бѣдствія, коихъ она была тогда жертвою. Сыновья Магметъ-Гиреевы, Сайдетъ и Муратъ, изгнанные дядею, (въ 1585 году) возвратились съ пятьнадцатью тысячами Ногаевъ, свергнули Исламъ-Гирея съ престола, взяли его женъ, казну, опустошили всѣ Улусы. Сайдетъ назвался Ханомъ; но Исламъ, бѣжавъ въ Кафу, черезъ два мѣсяца снова изгналъ племянниковъ, съ 4000 Султанскихъ воиновъ одержавъ надъ ними побѣду въ кровопролитной сѣчѣ; умертвилъ многихъ Князей и Мурзъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ; окружилъ себя Турками и далъ имъ волю насильствовать, убивать и грабить (100). Пользуясь сими обстоятельствами Царь предложилъ убѣжище изгнанникамъ Сайдету и Мурату: дозволилъ первому кочевать съ толпами Ногайскими близъ Астрахани; звалъ втораго въ Москву, честилъ, обязалъ присягою въ вѣрности, и съ двумя Воеводами отпустилъ въ Астрахань, гдѣ надлежало ему быть орудіемъ нашей Политики, и гдѣ встрѣтили его какъ знаменитаго Князя Владѣтельнаго: войско стояло въ ружьѣ; въ крѣпости и въ пристани гремѣли пушки, *били въ набаты и въ бубны*, *играли въ трубы и въ сурны* (101). Въ семъ древнемъ городѣ, наполненномъ купцами Восточными, Муратъ явился съ великолѣпіемъ Царскимъ: открылъ пышный Дворъ; торжественно принималъ сосѣдственныхъ Князей и Пословъ ихъ; держа въ рукѣ хартію Ѳеодорову съ златою печатію, именовалъ себя Владыкою четырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика и Терека, всѣхъ вольныхъ Улусниковъ и Козаковъ; хвалился растоптать Ислама и смирить надменнаго Султана; говорилъ: «милостію и дружбою Царя Московскаго будемъ Царями: братъ мой Крымскимъ, я Астраханскимъ; для того *великіе люди* Россійскіе даны мнѣ въ услугу.» Такъ говорилъ онъ своимъ единовѣрцамъ, а Воеводу Астраханскаго, Князя Ѳедора Михайловича Лобанова-Ростовскаго, тайно убѣждалъ избавить его отъ строгаго, явнаго присмотра, дабы Ногаи и Крымцы имѣли къ нему болѣе довѣренности и не видали въ немъ раба Московскаго: ибо Лобановъ и другіе Воеводы, сохраняя пристойность, наблюдали за всѣми движеніями Мурата. Величаясь знаками наружнаго уваженія, онъ ѣздилъ въ мечеть сквозь ряды многочисленныхъ Стрѣльцевъ (102), но не могъ ни съ кѣмъ объясняться безъ свидѣтелей. Между тѣмъ служилъ намъ ревностно: склонялъ Ногаевъ къ тишинѣ и къ покорности; увѣрялъ, что Царь единственно для ихъ безопасности и для обузданія хищныхъ Козаковъ строитъ города на Самарѣ и на Уфѣ (103); грозилъ огнемъ и мечемъ мятежному Князю сей Орды, Якшсату, за непріязнь къ Россіи, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Сайдетомъ, готовился ударить на Тавриду, съ Ногаями, Козаками, Черкесами, ожидая только Ѳеодорова повелѣнія, пушекъ и десяти тысячь обѣщанныхъ ему Стрѣльцевъ для сего предпріятія.

Но Царь медлилъ. Опасаясь Стефана гораздо болѣе, нежели Ислама, и не увѣренный въ мирѣ съ первымъ, онъ писалъ къ Мурату (въ Февралѣ 1587

г. 1584 — 1587. года): «Благопріятное время для завоеванія Тавриды еще не наступило: мы должны прежде усмирить инаго врага, сильнѣйшаго. Будь готовъ съ вѣрными Ногаями и Козаками итти къ Вильнѣ, гдѣ встрѣтишься со мною; и когда управимся съ своимъ Литовскимъ недругомъ, тогда легко истребимъ и вашего: поздравимъ Сайдетъ-Гирея Ханомъ Улусовъ Крымскихъ (104).» А къ Исламу приказывалъ Государь въ сіе же время: «Ханъ Сайдетъ-Гирей, Царевичь Муратъ, Князья Ногайскіе, Черкесскіе, Шавкальскіе, Тюменскіе и Горскіе молятъ насъ о дозволеніи свергнуть тебя съ престола. Еще удерживаемъ ихъ на время; еще можемъ забыть твои разбои (105), буде искренно желаешь ополчиться на Литву, когда выйдетъ срокъ перемирія, заключеннаго нами съ ея Властителемъ кровожаднымъ: ибо мы вѣрны слову и договорамъ. Я самъ поведу рать свою отъ Смоленска къ Вильнѣ; а ты съ главною силою иди въ Волынію, въ область Галицкую и далѣе; вели иной рати итти къ Путивлю, гдѣ она соединится съ нашею Сѣверскою, чтобы осадить Кіевъ, имѣя съ правой стороны мое войско Астраханское, коему должно съ Царевичемъ Муратомъ также вступить въ Литву. Испытавъ худыя слѣдствія впаденій въ Россію, испытай счастія союзомъ съ нею.» Предвидя, что Сайдетъ, низвергнувъ Ислама, подобно ему сдѣлался бы для насъ атаманомъ разбойниковъ, и что мы промѣняли бы только одного варвара на другаго, Θеодоръ обольщалъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ Крымскимъ Ханствомъ, а Хана ужасалъ ими, чтобы имѣть болѣе силы для войны съ Баторіемъ. Сія хитрость не осталась безъ дѣйствія: Исламъ, боясь племянниковъ, увѣрялъ Θеодора, что впаденія Крымцевъ въ Россію происходили отъ своевольства нѣкоторыхъ Мурзъ, казненныхъ за то безъ милосердія; что онъ ждетъ Московскаго Посла съ Шертною грамотою, и наступитъ всѣми силами на Литву. Исламъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ Улусникамъ, что имъ до времени лучше грабить Стефанову землю, нежели Θеодорову!

Всего болѣе занимаясь Баторіемъ, Швеціею, Тавридою, мы видѣли опасность важную и съ другой стороны, будучи въ сосѣдствѣ съ Державою страшною для цѣлой Европы, и конечно не имѣли нужды въ предостереженіяхъ Австрійскаго Двора, чтобы ожидать грозы съ береговъ Воспора. Трофеи Султанскіе въ нашихъ рукахъ, замыселъ Солимановъ на Астрахань, бѣгство и гибель Селимовой рати въ пустыняхъ Каспійскихъ (106), не могли остаться безъ слѣдствія: вся хитрость Московской Политики должна была состоять въ томъ, чтобы удалить начало неминуемаго, ужаснаго боренія до временъ благопріятнѣйшихъ для Россіи, коей надлежало еще усилиться и внѣшними пріобрѣтеніями и внутреннимъ образованіемъ, дабы вступить въ смертный бой съ сокрушителями Византійскаго Царства. Такъ дѣйствовали Іоаннъ Великій, сынъ, внукъ его, умѣвъ даже иногда пріязнію Султановъ обуздывать и Крымъ и Литву; того хотѣлъ и Θеодоръ, отправивъ (въ Іюлѣ 1584 года) Посланника Благова въ Константинополь, извѣстить Султана о восшествіи своемъ на престолъ (107), объяснить ему миролюбивую систему Россіи, въ разсужденіи Турціи, и склонить Амурата къ дружественной связи съ нами. «Наши прадѣды (Іоаннъ и Баязетъ)» — писалъ Θеодоръ къ Султану — «дѣды (Василій и Солиманъ), отцы (Іоаннъ и Селимъ) назывались братьями, и въ любви ссылались другъ съ другомъ: да будетъ любовь и между нами. Россія открыта для купцевъ твоихъ, безъ всякаго завѣта въ товарахъ и безъ пошлины. Требуемъ взаимности, и ничего болѣе.» А Посланнику велѣно было сказать Пашамъ Амуратовымъ слѣдующее: «Мы знаемъ, что вы жалуетесь на разбои *Терскихъ* Козаковъ, мѣшающихъ сообщенію между Константинополемъ и Дербентомъ, гдѣ нынѣ Султанъ властвуетъ, отнявъ его у Шаха Персидскаго: отецъ Государевъ, Іоаннъ, для безопасности Черкесскаго Князя, Темгрюка, основалъ крѣпость на Терекѣ, но въ удовольствіе Селима вывелъ оттуда своихъ ратниковъ: съ сего времени живутъ въ ней Козаки Волжскіе, опальные бѣглецы, безъ Государева вѣдома. Жалуетесь еще на утѣсненіе Магометанской Вѣры въ Россіи: но кого же утѣсняемъ? Въ сердцѣ Московскихъ владѣній, въ Касимовѣ, стоятъ мечети и памятники Мусульманскіе: Царя Шигъ-Алея, Царевича Кайбулы. Саинъ-Булатъ, нынѣ Симеонъ, Великій Князь Тверскій, принялъ Христіанство добровольно, а на мѣсто его сдѣланъ Царемъ Касимовскимъ Мустафалей, Закона Магометова, сынъ Кайбулинъ (108). Нѣтъ,

Посольство въ Константинополь.

Г. 1584 — 1587. мы никогда не гнали и не гонимъ иновѣрцевъ.» Не имѣя приказа входить въ дальнѣйшія объясненія, Благовъ, честимый въ Константинополѣ наравнѣ съ Господаремъ Волошскимъ и болѣе Посла Венеціянскаго (109), не безъ труда убѣдилъ Амурата послать собственнаго чиновника въ Москву. Паши говорили: «Султанъ есть великій Самодержецъ; Послы его ѣздятъ только къ знаменитымъ Монархамъ: къ Цесарю, къ Королю Французскому, Испанскому, Англійскому: ибо они имѣютъ съ нимъ важныя дѣла государственныя и *присылаютъ ему казну* или богатую дань; а съ вами у насъ одни купеческія дѣла.» Благовъ отвѣтствовалъ: «Султанъ великъ между Государями Мусульманскими, Царь великъ между Христіанскими. Казны и дани не присылаемъ никому. Торговля важна для Государствъ: могутъ встрѣтиться и другія дѣла важнѣйшія; но если Султанъ не отправитъ со мною знатнаго чиновника въ Москву, то Посламъ его уже никогда не видать очей Царскихъ (110).» Султанъ велѣлъ надѣть на Благова кафтанъ бархатный съ золотомъ и ѣхать съ нимъ въ Москву Чаушу своему, Адзію Ибрагиму, коего встрѣтили, на берегахъ Дона, Воеводы Россійскіе, высланные для безопасности его путешествія (111). Вручивъ Ѳеодору письмо Султанское (въ Декабрѣ 1585), Ибрагимъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ Боярами; а Султанъ, называя Ѳеодора *Королемъ Московскимъ*, изъявлялъ ему благодарность за добрую волю быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Имперіею, подтверждалъ свободу торговли для нашихъ купцевъ въ Азовѣ, и Восточнымъ слогомъ превозносилъ счастіе мира; но требовалъ въ доказательство искренней любви, чтобы Царь выдалъ Ибрагиму измѣнника, Магметъ-Гиреева сына, Мурата, и немедленно унялъ Донскаго Атамана, Кишкина, злаго разбойника Азовскихъ предѣловъ (112). Видя, что система Константинопольскаго Двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилась — что Султанъ не думаетъ о заключеніи дружественнаго, государственнаго договора съ нею, желая единственно свободной торговли между обѣими Державами, до перваго случая объявить себя нашимъ врагомъ (113), Царь отпустилъ Ибрагима съ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе Козаки Литовскіе, нежели Россійскіе; что Атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву, и товарищамъ его не велѣно тревожить Азовцевъ; что о сынѣ Магметъ-Гиреевѣ, нашемъ слугѣ и присяжникѣ, будетъ наказано къ Султану съ новымъ Посломъ Царскимъ. Но въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ мы уже никого не посылали въ Константинополь, и даже явно дѣйствовали противъ Оттоманской Имперіи. Г. 1584. — 158

Въ самый день Ибрагимова отпуска (5 Октября 1586) Государь торжественно вступилъ въ обязательство, которое могло и долженствовало быть весьма непріятно для Султана. Около ста лѣтъ мы не упоминали о Грузіи (114): въ сей несчастной землѣ, угнетаемой Турками и Персіянами, властвовалъ тогда Князь или Царь Александръ, который, приславъ въ Москву Священника, Монаха и наѣздника Черкесскаго, слезно молилъ Ѳеодора взять древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку, говоря: «Настали времена ужасныя для Христіанства, предвидѣнныя многими боговдохновенными мужами. Мы, единовѣрные братья Россіянъ, стенаемъ отъ злочестивыхъ: единъ ты, Вѣнценосецъ Православія, можешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ народомъ: да будемъ твои во вѣки вѣковъ (115)!» Столь убѣдительно и жалостно предлагали Россіи новое Царство, неодолимое для воинственныхъ древнихъ Персовъ и Македонянъ, блестящее завоеваніе Помпеево! Она взяла его: даръ опасный! ибо мы, господствомъ на берегахъ Кура, ставили себя между двумя сильными, воюющими Державами. Уже Турція владѣла Западною Иверіею и спорила съ Шахомъ о Восточной, требуя дани съ Кахетіи, гдѣ царствовалъ Александръ, и съ Карталиніи, подвластной Князю Симеону, его зятю (116). Но дѣло шло болѣе о чести и славѣ нашего имени, нежели о существенномъ господствѣ въ мѣстахъ столь отдаленныхъ и едва доступныхъ для Россіи, такъ, что Ѳеодоръ, объявивъ себя верховнымъ Владыкою Грузіи, еще не зналъ пути въ сію землю! Александръ предлагалъ ему основать крѣпости на Терекѣ, послать тысячь двадцать воиновъ на мятежнаго Князя Дагестанскаго, Шавкала (или Шамхала) (117), овладѣть его столицею, Тарками и берегомъ Каспійскаго моря открыть сообщеніе съ Иверіею чрезъ область ея данника, Князька Сафурскаго. Для сего требовалось не мало времени и приготовленій: избрали

Царь Иверскій, данникъ Россіи.

г. 1584 —1587. другой, вѣрнѣйшій путь, чрезъ землю мирнаго Князя Аварскаго; отправили сперва гонцевъ Московскихъ (118), чтобы обязать Царя и народъ Иверскій клятвою въ вѣрности къ Россіи; а за гонцами послали и знатнаго сановника, Князя Симеона Звенигородскаго, съ жалованною грамотою. Александръ, цѣлуя крестъ, клялся вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Ираклiемъ, Давидомъ и Георгіемъ, вмѣстѣ со всею землею, быть въ вѣчномъ, неизмѣнномъ подданствѣ у Θеодора, у *будущихъ* его дѣтей и наслѣдниковъ, имѣть однихъ друзей и враговъ съ Россіею, служить ей усердно *до издыханія*, присылать ежегодно въ Москву пятьдесятъ златотканныхъ камокъ Персидскихъ и десять ковровъ съ золотомъ и серебромъ, или, въ ихъ цѣну, собственныя *узорочья* земли Иверской; а Θеодоръ обѣщалъ всѣмъ ея жителямъ *безстрашное пребываніе въ его державной защитѣ* — и сдѣлалъ, что могъ.

Въ удовольствіе Султана оставленный нами городокъ *Терскій*, нѣсколько времени служивъ дѣйствительно пристанищемъ для однихъ Козаковъ вольныхъ, былъ немедленно исправленъ и занятъ дружинами Стрѣльцевъ подъ начальствомъ Воеводы, Князя Андрея Ивановича Хворостинина, коему надлежало утвердить власть Россіи надъ Князьями Черкесскими и Кабардинскими, ея присяжниками со временъ Іоанновыхъ, и вмѣстѣ съ ними блюсти Иверію. Другое Астраханское войско смирило Шавкала, и завладѣло берегами Койсы (119). Доставивъ Александру снарядъ огнестрѣльный, Θеодоръ обѣщалъ прислать къ нему и мастеровъ искусныхъ въ литіи пушекъ. Ободренный надеждою на Россію, Александръ умножилъ собственное войско: собралъ тысячь пятнадцать всадниковъ и пѣшихъ; вывелъ въ поле, строилъ, училъ; давалъ имъ знамена крестоносныя, Епископовъ, Монаховъ въ предводители, и говорилъ Князю Звенигородскому: «Слава Россійскому Вѣнценосцу! Это не мое войско, а Божіе и Θеодорово.» Въ сіе время Паши Оттоманскіе требовали отъ него запасовъ для Баки и Дербента: онъ не далъ, сказавъ: «я холопъ великаго Царя Московскаго!» и на возраженіе ихъ, что Москва далеко, а Турки близко, отвѣтствовалъ: «Терекъ и Астрахань не далеко.» Но Царская наша Дума благоразумно совѣтовала ему *манить Султана* (120) и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую Имперію. Встревоженный слухомъ, что Царевичь Муратъ, будучи зятемъ Шавкаловымъ, мыслитъ измѣнить намъ, тайно ссылаясь съ тестемъ, съ Ногаями, съ вѣроломными Князьями Черкесскими, чтобы незапно овладѣть Астраханью и отдать ее Султану, Александръ заклиналъ Государя не вѣрить Магометанамъ, прибавляя: «если что сдѣлается надъ Астраханью, то я кину свое бѣдное Царство и побѣгу, *куда несутъ очи.*» Но Князь Звенигородскій успокоилъ его. «Мы не спускаемъ глазъ съ Мурата (говорилъ онъ) и взяли аманатовъ у всѣхъ Князей Ногайскихъ, Казыева Улуса и Заволжскихъ. Султанъ съ Ханомъ постыдно бѣжали отъ Астрахани (въ 1569 году); а нынѣ она еще болѣе укрѣплена и наполнена людьми воинскими. Россія умѣетъ стоять за себя и своихъ» (121). Между тѣмъ, занимаясь государственною безопасностію Иверіи, мы усердно благотворили ей въ дѣлахъ Вѣры: присылали ученыхъ Іереевъ исправить ея церковные обряды, и живописцевъ для украшенія храмовъ святыми иконами (122). Александръ съ умиленіемъ повторялъ, что жалованная грамота Царская *упала ему съ неба и вывела его изъ тьмы на свѣтъ;* что наши Священники суть Ангелы для Духовенства Иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ (123). Въ самомъ дѣлѣ, славясь древностію Христіанства въ землѣ своей, сіе несчастное Духовенство уже забывало главные уставы Вселенскихъ Соборовъ и святые обряды Богослуженія. Церкви, большею частію на крутизнѣ горъ, стояли уединенны и пусты: осматривая ихъ съ любопытствомъ, Іереи Московскіе находили въ нѣкоторыхъ остатки древней богатой утвари съ означеніемъ 1441 года: «Тогда» — изъяснялъ имъ Александръ — «владѣлъ Иверіею великій Деспотъ Георгій; она была еще единымъ Царствомъ: къ несчастію, прадѣдъ мой раздѣлилъ ее на три Княжества и предалъ въ добычу врагамъ Христовымъ. Мы окружены невѣрными; но еще славимъ Бога истиннаго и Царя благовѣрнаго (124). Князь Звенигородскій именемъ Россіи обѣщалъ свободу всей Иверіи, возстановленіе ея храмовъ и городовъ, коихъ онъ вездѣ видѣлъ развалины, упоминая въ своихъ донесеніяхъ о двухъ бѣдныхъ городкахъ, Крымѣ и Загемѣ (125), нѣкоторыхъ селеніяхъ и монастыряхъ. Съ того времени Θеодоръ началъ писаться

г. 1584 —1587. въ титулѣ *Государемъ земли Иверской, Грузинскихъ Царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей.*

Возстановленіемъ Терской крѣпости и присвоеніемъ Грузіи досаждая Султану, мы еще болѣе возбуждали его негодованіе дружбою съ Персіею. Извѣстивъ Ѳеодора о своихъ мнимыхъ побѣдахъ надъ Турками, Шахъ Годабендъ (или Худабендѣй) предложилъ ему изгнать Турковъ изъ Баки и Дербента, обязываясь уступить намъ въ вѣчное владѣніе сіи издавна Персидскіе города, если и самъ возметъ ихъ (126). Чтобы заключить союзъ на такомъ условіи, Ѳеодоръ послалъ къ Шаху (въ 1588 году) Дворянина Васильчикова, который нашелъ Годабенда уже въ темницѣ: воцарился сынъ его, Мирза Аббасъ, свергнувъ отца. Но сія перемѣна не нарушила добраго согласія между Россіею и Персіею. Новый Шахъ, съ великою честію принявъ въ Казбинѣ сановника Ѳеодорова (127), послалъ двухъ Вельможъ, Бутакбека и Андибея, въ Москву, объявить Царю, что уступаетъ намъ не только Дербентъ съ Бакою, но и Таврисъ и всю Ширванскую землю (128), если нашимъ усерднымъ содѣйствіемъ Турки будутъ вытѣснены оттуда; что Султанъ предлагалъ ему миръ, желая выдать дочь свою за его племянника, но что онъ (Аббасъ) не хочетъ и слышать о семъ, въ надеждѣ на союзъ Россіи и Вѣнценосца Испанскаго, коего Посолъ находился тогда въ Персіи (129). Особенно представленные Годунову, Вельможи Шаховы сказали ему: «Если Государи наши будутъ въ искренней любви и дружбѣ, то чего не сдѣлаютъ общими силами? Мало выгнать Турковъ изъ Персидскихъ владѣній: можно завоевать и Константинополь (130). Но такія великія дѣла совершаются людьми ума великаго: какая для тебя слава, мужъ знаменитый и достоинствами и милостію Царскою, если твоими мудрыми совѣтами избавится міръ отъ насилія Оттомановъ!» Имъ отвѣтствовали, что мы уже дѣйствуемъ противъ Амурата; что войско наше на Терекѣ и заграждаетъ путь Султанскому отъ Чернаго моря къ Персидскимъ владѣніямъ; что другое, еще сильнѣйшее, въ Астрахани; что Амуратъ велѣлъ-было своимъ Пашамъ итти къ морю Каспійскому, но удержалъ ихъ, свѣдавъ о новыхъ Россійскихъ твердыняхъ въ сихъ мѣстахъ опасныхъ, о соединеніи всѣхъ Князей Черкесскихъ и Ногайскихъ, готовыхъ подъ Московскими знаменами устремиться на Турковъ. Съ симъ отпустили Пословъ, сказавъ, что наши выѣдутъ въ слѣдъ за ними къ Шаху; но они еще не успѣли выѣхать, когда узнали въ Москвѣ о мирѣ Аббаса съ Султаномъ (131).

Дѣла съ Персіею.

Такъ дѣйствовала внѣшняя, и мирная и честолюбивая Политика Россіи въ теченіе первыхъ лѣтъ Ѳеодорова царствованія или Годунова владычества, не безъ хитрости и не безъ успѣха, болѣе осторожно, нежели смѣло, — грозя и маня, обѣщая, и не всегда искренно. Мы не шли на войну, но къ ней готовились, вездѣ укрѣпляясь, вездѣ усиливая рать (132): желая какъ бы невидимо присутствовать въ ея станахъ, Ѳеодоръ учредилъ общіе смотры, избирая для того воинскихъ царедворцевъ, способныхъ, опытныхъ, которые ѣздили изъ полку въ полкъ, чтобы видѣть исправность каждаго, оружіе, людей, устройство, и доносить Государю (133). Воеводы, неуступчивые между собою въ зловредныхъ спорахъ о родовомъ старѣйшинствѣ, безъ прекословія отдавали себя на судъ Дворянамъ, Стольникамъ, Дѣтямъ Боярскимъ, представлявшимъ лице Государево въ сихъ смотрахъ.

Дѣла внутреннія.

Внутри Царства все было спокойно. Правительство занималось новою описью людей и земель пашенныхъ (134), уравненіемъ налоговъ, населеніемъ пустынь, строеніемъ городовъ. Въ 1584 году Московскіе Воеводы, Нащокинъ и Волоховъ, основали на берегу Двины городъ Архангельскъ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь сего имени и дворъ купцевъ Англійскихъ (135). Астрахань, угрожаемую Султаномъ и столь важную для нашихъ торговыхъ и государственныхъ дѣлъ съ Востокомъ, для обузданія Ногаевъ, Черкесскихъ и всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними Князей, укрѣпили каменными стѣнами (136). Въ Москвѣ, вокругъ Большаго Посада, заложили (въ 1586 году) *Бѣлый* или *Царевъ городъ*, начавъ отъ Тверскихъ воротъ (строителемъ онаго названъ въ лѣтописи Русскій художникъ Конон Ѳедоровъ), а въ Кремлѣ многія палаты: Денежный Дворъ, Приказы Посольскій и Помѣстный, Большой Приходъ, или Казначейство, и Дворецъ Казанскій (137). Упомянемъ здѣсь также о началѣ нынѣшняго Уральска. Около 1584 года шесть или семь сотъ Волжскихъ Козаковъ выбрали себѣ жилище на берегахъ Яика, въ мѣстахъ при-

Основаніе Архангельска.

Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ.

Начало Уральска.

г. 1584 —1587. вольныхъ для рыбной ловли; окружили его земляными укрѣпленіями, и сдѣлались ужасомъ Ногаевъ, въ особенности Князя Уруса, Измаилова сына, который непрестанно жаловался Царю на ихъ разбои, и коему Царь всегда отвѣтствовалъ, что они бѣглецы, бродяги, и живутъ тамъ самовольно; но Урусъ не вѣрилъ и писалъ къ нему: «Городъ столь значительный можетъ ли существовать безъ твоего вѣдома? Нѣкоторые изъ сихъ грабителей, взятые нами въ плѣнъ, именуютъ себя людьми Царскими (138).» Замѣтимъ, что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ Исторіи нашихъ Донскихъ или Волжскихъ Козаковъ-витязей. Отъ Азова до Искера гремѣла слава ихъ удальства, раздражая Султана, грозя Хану, смиряя Ногаевъ, утверждая власть Московскихъ Вѣнценосцевъ надъ Сѣверомъ Азіи.

Опасности для Годунова. Въ сихъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ для величія и цѣлости Россіи, когда все доказывало умъ и дѣятельность Правительства, то есть, Годунова, онъ былъ предметомъ ненависти и злыхъ умысловъ, не смотря на всѣ его уловки въ искусствѣ обольщать людей. Сносясь отъ лица своего съ Монархами Азіи и Европы, мѣняясь дарами съ ними, торжественно принимая ихъ Пословъ у себя въ домѣ (139), высокомѣрный Борисъ желалъ казаться скромнымъ: для того уступалъ первыя мѣста въ Совѣтѣ инымъ старѣйшимъ Вельможамъ (140); но, сидя въ немъ на *четвертомъ* мѣстѣ, однимъ словомъ, однимъ взоромъ и движеніемъ перста заграждалъ уста противорѣчію. Вымышлялъ отличія, знаки Царской милости, чтобы плѣнять суетность Бояръ, и для того ввелъ въ обыкновеніе званые обѣды, для мужей Думныхъ, во внутреннихъ комнатахъ дворца (141), гдѣ Θеодоръ угощалъ вмѣстѣ и Годуновыхъ и Шуйскихъ, иногда не приглашая Бориса: хитрость безполезная! Кого *Великій Бояринъ* приглашалъ въ сіи дни къ своему обѣду, тому завидовали гости Царскіе. Всѣ знали, что Правитель оставляетъ Θеодору единственно имя Царя — и не только многіе изъ первыхъ людей государственныхъ, но и граждане столицы изъявляли вообще нелюбовь къ Борису. Господство безпредѣльное въ самомъ достойномъ Вельможѣ бываетъ противно народу. Адашевъ имѣлъ нѣкогда власть надъ сердцемъ Іоанновымъ и судьбою Россіи, но стоялъ смиренно за Монархомъ умнымъ, пылкимъ, дѣятельнымъ, какъ бы исчезая въ его славѣ: Годуновъ самовластвовалъ явно и величался предъ трономъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую тѣнь Вѣнценосца. Жалѣли о ничтожности Θеодоровой и видѣли въ Годуновѣ хищника правъ Царскихъ; помнили въ немъ Четово Могольское племя (142) и стыдились униженія Рюриковыхъ Державныхъ наслѣдниковъ. Льстецовъ его слушали холодно, непріятелей со вниманіемъ, и легко вѣрили имъ, что зять Малютинъ, временщикъ Іоанновъ, есть тиранъ, хотя еще и робкій! Самыми общественными благодѣяніями, самыми счастливыми успѣхами своего правленія онъ усиливалъ зависть, острилъ ея жало и готовилъ для себя бѣдственную необходимость дѣйствовать ужасомъ; но еще старался удалить сію необходимость: для того хотѣлъ мира съ Шуйскими, которые, имѣя друзей въ Думѣ и приверженниковъ въ народѣ, особенно между людьми торговыми, не преставали враждовать Годунову, даже открыто (143). Первосвятитель Діонисій взялся быть миротворцемъ: свелъ враговъ въ своихъ палатахъ Кремлевскихъ, говорилъ именемъ отечества и Вѣры; тронулъ, убѣдилъ — такъ казалось — и Борисъ съ видомъ умиленія подалъ руку Шуйскимъ: они клялися жить въ любви братской, искренно доброхотствовать другъ другу, вмѣстѣ радѣть о Государствѣ — и Князь Иванъ Петровичь Шуйскій съ лицемъ веселымъ вышелъ отъ Митрополита на площадь къ Грановитой палатѣ извѣстить любопытный народъ о семъ счастливомъ мирѣ: доказательство, какое живое участіе принимали тогда граждане въ дѣлахъ общественныхъ, уже имѣвъ время отдохнуть послѣ *Грознаго!* Всѣ слушали любимаго, уважаемаго Героя Псковскаго въ тишинѣ безмолвія; но два купца, выступивъ изъ толпы, сказали: «Князь Иванъ Петровичь! вы миритесь нашими головами: и намъ и вамъ будетъ гибель отъ Бориса!» Сихъ двухъ купцевъ въ ту же ночь взяли и сослали въ неизвѣстное мѣсто, по указу Годунова, который, желавъ миромъ обезоружить Шуйскихъ, скоро увидѣлъ, что они, не уступая ему въ лукавствѣ, подъ личиною мнимаго новаго дружества оставались его лютыми врагами, дѣйствуя заодно съ инымъ, важнымъ и дотолѣ тайнымъ непріятелемъ Великаго Боярина.

Хотя Духовенство Россійское никогда сильно не изъявляло мірскаго властолю-

г. 1584 — 1587. бія, всегда болѣе угождая, нежели противясь волѣ Государей въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ; хотя, со времени Іоанна III, Митрополиты наши въ разныхъ случаяхъ отзывались торжественно, что занимаются единственно устройствомъ Богослуженія, Христіанскимъ ученіемъ, совѣстію людей, спасеніемъ душъ (144): однакожь, присутствуя въ Думахъ Земскихъ, сзываемыхъ для важныхъ государственныхъ постановленій — не законодательствуя, но одобряя или утверждая законы гражданскіе (145) — имѣя право совѣтовать Царю и Боярамъ, толковать имъ уставы Царя Небеснаго для земнаго блага людей — сіи Іерархи участвовали въ дѣлахъ правленія соотвѣтственно ихъ личнымъ способностямъ и характеру Государей: мало при Іоаннѣ III и Василіи, болѣе во время дѣтства и юности Іоанна IV, менѣе въ годы его тиранства. Ѳеодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, занимаясь Церковію ревностнѣе, нежели Державою, бесѣдуя съ Иноками охотнѣе, нежели съ Боярами, какую государственную важность могъ бы дать сану Первосвятительства, безъ руководства Годунова, при Митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? ибо таковъ былъ Діонисій, прозванный *мудрымъ Грамматикомъ* (146). Но Годуновъ не для того хотѣлъ Державной власти, чтобы уступить ее Монахамъ: честилъ Духовенство, какъ и Бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ Митрополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностію своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими. Зная, что Правитель великъ Царицею — думая, что слабодушный Ѳеодоръ не можетъ имѣть и сильной привязанности, ни къ Борису, ни къ самой Иринѣ; что дѣйствіемъ незапности и страха легко склонить его ко всему чрезвычайному — Митрополитъ, Шуйскіе, друзья ихъ тайно условились съ гостями Московскими, купцами (147), нѣкоторыми гражданскими и воинскими чиновниками именемъ всей Россіи торжественно ударить челомъ Ѳеодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою, отпустивъ ее, какъ вторую Соломонію, въ монастырь, и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія Державы. Сіе моленіе народа, будто бы устрашаемаго мыслію видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту: сестру Князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, коего отецъ, низверженный Годуновымъ, умеръ въ Кирилловской Обители. Написали бумагу; утвердили оную цѣлованіемъ креста..... Но Борисъ, имѣя множество преданныхъ ему людей и лазутчиковъ, открылъ сей ужасный для него заговоръ еще во-время, и поступилъ, казалось, съ рѣдкимъ великодушіемъ: безъ гнѣва, безъ укоризнъ хотѣлъ усовѣстить Митрополита; представлялъ ему, что разводъ есть беззаконіе; что Ѳеодоръ еще можетъ имѣть дѣтей отъ Ирины, цвѣтущей юностію, красотою и добродѣтелію; что во всякомъ случаѣ тронъ не будетъ безъ наслѣдниковъ, ибо Царевичь Димитрій живетъ и здравствуетъ. Обманутый, можетъ быть, сею кротостію, Діонисій извинялся, стараясь извинить и своихъ единомышленниковъ ревностною, боязливою любовію къ спокойствію Россіи, и далъ слово, за себя и за нихъ, не мыслить болѣе о разлученіи супруговъ нѣжныхъ; а Годуновъ, обѣщаясь не мстить ни виновникамъ, ни участникамъ сего кова, удовольствовался одною жертвою: несчастную Княжну Мстиславскую, какъ опасную совмѣстницу Ирины, постригли въ Монахини. Все было тихо въ столицѣ, въ Думѣ и при Дворѣ! но не долго. Чтобы явно не нарушить даннаго обѣщанія, Годуновъ, лицемѣрно совѣстный, искалъ другаго предлога мести, оправдываясь въ умѣ своемъ злобою враговъ непримиримыхъ, закономъ безопасности собственной и государственной, всѣми услугами, оказанными имъ Россіи и еще замышляемыми въ ревности къ ея пользѣ — искалъ, и не усомнился прибѣгнуть къ средству низкому, къ ветхому орудію Іоаннова тиранства: ложнымъ доносамъ. Слуга Шуйскихъ, какъ увѣряютъ, продалъ ему честь и совѣсть; явился во дворцѣ съ извѣтомъ, что они въ заговорѣ съ Московскими купцами и думаютъ измѣнить Царю (148). Шуйскихъ взяли подъ стражу; взяли и друзей ихъ, Князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, многихъ Дворянъ и купцевъ богатыхъ. Нарядили судъ; допрашивали обвиняемыхъ и свидѣтелей; людей знатныхъ и чиновныхъ не коснулись тѣлесно, купцевъ и слугъ пытали, безжалостно и безполезно: ибо никто изъ нихъ не подтвердилъ клеве-

г. 1584—1587. Ссылки и казнь. ты доносчика — такъ говорилъ народъ; но судъ не оправдалъ судимыхъ. Шуйскихъ удалили, хваляся милосердіемъ и признательностію къ заслугѣ Героя Псковскаго: Князя Андрея Ивановича, объявленнаго главнымъ преступникомъ, сослали въ Каргополь; Князя Ивана Петровича, будто бы имъ и его братьями обольщеннаго, на Бѣлоозеро; у старшаго изъ нихъ, Князя Василія Ѳеодоровича Скопина-Шуйскаго, отняли Каргопольское Намѣстничество, но дозволили ему, какъ невинному, жить въ Москвѣ; другихъ заточили въ Буй-городокъ, въ Галичь, въ Шую; Князя Ивана Татева въ Астрахань, Крюка-Колычева въ Нижній Новгородъ, Быкасовыхъ и многихъ Дворянъ на Вологду, въ Сибирь, въ разныя пустыни; а купцамъ Московскимъ (участникамъ заговора противъ Ирины), Ѳедору Нагаю съ шестью товарищами, отсѣкли головы на площади. Еще не трогали Митрополита; но онъ не хотѣлъ быть робкимъ зрителемъ сей опалы, и съ великодушною смѣлостію, торжественно, предъ лицемъ Ѳеодора назвалъ Годунова клеветникомъ, тираномъ, доказывая, что Шуйскіе и друзья ихъ гибнутъ единственно за доброе намѣреніе спасти Россію отъ алчнаго властолюбія Борисова. Такъ же смѣло обличалъ Правителя и Крутицкій Архіепископъ Варлаамъ, грозя ему казнію Небесною и не боясь земной, укоряя Ѳеодора слабостію и постыднымъ ослѣпленіемъ. Обоихъ, Діонисія и Варлаама, свели съ престола (кажется, безъ суда): перваго заточили въ монастырь Хутынскій, втораго въ Антоніевъ Новогородскій, посвятивъ въ Митрополиты Ростовскаго Архіепископа Іова. Опасаясь людей, но уже не страшась Бога, Правитель — такъ увѣряютъ Лѣтописцы — велѣлъ удавить двухъ главныхъ Шуйскихъ въ заточеніи: Боярина Андрея Ивановича, отличнаго умомъ ([149]), и знаменитаго Князя Ивана Петровича.... Спаситель Пскова и нашей чести воинской, мужъ безсмертный въ Исторіи, коего великій подвигъ описанъ современниками на разныхъ языкахъ Европейскихъ ([150]) ко славѣ Русскаго имени,
Жалостная смерть Героя Шуйскаго. лаврами увѣнчанную главу свою предалъ срамной петлѣ въ душной темницѣ или въ ямѣ! Тѣло его погребли въ Обители Св. Кирилла..... Такъ начались злодѣйства; такъ обнаружилось сердце Годунова, упоенное прелестями владычества, раздраженное кознями враговъ, ожесточенное местію! — Надѣясь страхомъ обуздывать недоброжелательство, г. 1584—1587. милостями умножать число приверженниковъ и мудростію въ дѣлахъ государственныхъ сомкнуть уста злословію, Борисъ дерзнулъ тогда же на обманъ вѣроломный и новую лютость. Мнимый, единственный въ Исторіи Король Ливонскій, бѣдный Магнусъ, еще въ Іоанново время кончилъ жизнь въ Пильтенѣ ([151]), гдѣ вдовствующая супруга его, Марія Владиміровна, и двулѣтняя дочь Евдокія оставались безъ имѣнія, безъ отечества, безъ друзей: Годуновъ призвалъ Судьба Магнусова семейства. ихъ въ Москву, обѣщая богатый Удѣлъ и знаменитаго жениха юной вдовѣ, Маріи; но *предвидя будущее* — опасаясь, чтобы, *въ случаѣ Ѳеодоровой и Димитріевой кончины*, сія правнука Іоанна Великаго не вздумала, хотя и безпримѣрно, хотя и несогласно съ нашими государственными уставами, объявить себя наслѣдницею трона (коимъ онъ уже располагалъ въ мысляхъ) — Борисъ, вмѣсто Удѣла и жениха, представилъ ей на выборъ монастырь или темницу! Инокиня неволею, Марія требовала одного утѣшенія: не быть разлученною съ дочерью; но скоро оплакала ея смерть *неестественную*, какъ думали, и еще жила лѣтъ восемь въ глубокой печали, съ горькими слезами воспоминая судьбу родителей, мужа и дочери ([152]). Сіи двѣ жертвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ, внѣ храма, видимъ и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гонителя, ни величіемъ, ни славою не спасеннаго отъ праведной мести Небесной!

Но сія месть еще ожидала дальнѣйшихъ преступленій. . . Смиривъ Дворъ опалою Шуйскихъ, Духовенство сверженіемъ Митрополита, а гражданъ столицы казнію знатныхъ гостей Московскихъ — окруживъ Царя и занявъ Думу своими ближними родственниками, Годуновъ уже не видалъ никакого сопротивленія, никакой важной для себя опасности до конца Ѳеодоровой жизни — или дремоты: ибо такъ можно назвать смиренную праздность сего жалкаго Вѣнценосца, которую современники описываютъ слѣдующимъ образомъ ([153]):

«Ѳеодоръ вставалъ обыкновенно въ Праздность Ѳеодорова. четыре часа утра, и ждалъ Духовника въ спальнѣ, наполненной иконами, освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ приходилъ къ нему съ кре-

г. 1584 — 1587. стомъ, благословеніемъ, Святою водою и съ иконою Угодника Божія [154], празднуемаго въ тотъ день Церковію. Государь кланялся до земли, молился вслухъ минутъ десять и болѣе; шелъ къ Иринѣ, въ ея комнаты особенныя, и вмѣстѣ съ нею къ Заутренѣ; возвратясь садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и Монахи; въ 9 часовъ ходилъ къ Литургіи, въ 11 обѣдалъ, послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ часовъ; ходилъ опять въ церковь къ Вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ Царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни — иногда же любуясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швецовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять молился съ Духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Сверхъ того всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, и въ праздничные дни забавлялся медвѣжьею травлею. Иногда челобитчики окружали Ѳеодора при выходѣ изъ дворца: *избывая мірскія суеты и докуки*, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису» [155]!

Внутренно радуясь сему уничижительному бездѣйствію Царя, хитрый Годуновъ тѣмъ болѣе старался возвысить Ирину въ глазахъ Россіянъ, одним ея Державнымъ именемъ, безъ Ѳеодорова, издавая милостивые указы, прощая, жалуя, утѣшая людей [156], чтобы общею къ ней любовію, соединенною съ уваженіемъ и благодарностію народа, утвердить свое настоящее величіе и приготовить будущее.

---

# ГЛАВА II.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

### Г. 1587 — 1592.

**Смерть Баторія. Важные переговоры съ Литвою. Перемиріе. Сношенія съ Австріею и съ Тавридою. Война Шведская. Новое перемиріе съ Литвою. Величіе Годунова. Учрежденіе Патріаршества въ Россіи. Замыселъ Годунова. Убіеніе Царевича Димитрія. Пожаръ въ Москвѣ. Нашествіе Хана и битва подъ Москвою. Новый санъ Годунова. Донскій монастырь. Клевета на Правителя и месть его. Милосердіе и слава Годунова. Беременность Ирины. Рожденіе и кончина Царевны Ѳеодосіи.**

Смерть Баторія. 12 Декабря 1586 года скончался Стефанъ Баторій (или отъ яда [157] или отъ неискусства врачей, какъ думали), одинъ изъ знаменитѣйшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ, одинъ изъ опаснѣйшихъ злодѣевъ Россіи, коего смерть болѣе обрадовала насъ, нежели огорчила его Державу: ибо мы боялись увидѣть въ немъ новаго Гедимина, новаго Витовта; а Польша и Литва неблагодарныя предпочитали дешевое спокойствіе драгоцѣнному величію. Если бы жизнь и Геній Баторія не угасли до кончины Годунова, то слава Россіи могла бы навѣки померкнуть въ самомъ первомъ десятилѣтіи новаго вѣка: столь зависима судьба Государствъ отъ лица и случая, или отъ воли Провидѣнія!

20 Декабря Боярская Дума получила изъ разныхъ мѣстъ извѣстіе о смерти Короля, хотя еще и не совсѣмъ достовѣрное: Воеводы наши съ Литовской границы писали о томъ къ Царю какъ о слухѣ, прибавляя, что Вельможные Паны мыслятъ избрать себѣ въ Государи Стефанова брата, Князя Седмиградскаго или Шведскаго Королевича, Сигизмунда, или его (Ѳеодора). Честь и польза сего возможнаго соединенія трехъ Державъ казались Годунову очевидными: немедленно послали Дворянина, Елизарія Ржевскаго, въ Литву, удостовѣриться въ Стефановой кончинѣ [158], изъявить Панамъ участіе въ ихъ горести и предложить имъ избраніе Царя въ Короли. Ржевскій возвратился изъ Новагородка съ благодарнымъ письмомъ Литовскихъ Вельможъ; но они не хотѣли входить въ переговоры, сказавъ, что дѣло столь великое будетъ рѣшено Сеймомъ въ г. 1587. Важные переговоры съ Литвою.

г. 1587. Варшавѣ, куда Царь долженъ прислать своихъ Пословъ; тайно же дали чувствовать Ржевскому, что Ѳеодоръ и Бояре Московскіе пишутъ къ нимъ слишкомъ холодно, не слѣдуя примѣру Императора, Франціи и Швеціи, которые осыпаютъ ихъ (Пановъ) не только ласковыми словами, но и дарами богатыми. Между тѣмъ Польша и Литва были въ сильномъ волненіи; страсти кипѣли; Вельможи и Дворянство раздѣлились: одни держали сторону Замойскаго, сподвижника Стефанова; другіе Зборовскихъ, враговъ Баторія, такъ, что они въ торжественныхъ собраніяхъ обнажали мечи на усердныхъ чтителей его славной памяти. Обѣ стороны ждали Сейма какъ битвы: ополчались, нанимали воиновъ, имѣли стражу и станы въ полѣ. Но смежная съ нами Литва опасалась Россіи: для того знатные Послы, Вельможи Черниковскій и Князь Огинскій, прибыли въ Москву (6 Апрѣля), и молили Ѳеодора утвердить новою записью перемиріе съ ихъ сиротствующею Державою до конца 1588 года. Охотно заключая сей договоръ, Бояре сказали имъ, что отъ Вельможъ Коронныхъ и Литовскихъ зависитъ счастіе и бѣдствіе отечества: счастіе, если поддадутся великому Монарху Россіи; бѣдствіе, если вновь обратятся къ Седмиградскому варвару или къ тѣни Шведскаго Королевства. «Вы уже имѣли Баторія на престолѣ (говорили они), и съ нимъ войну, разореніе, стыдъ: ибо руками своего Вѣнценосца платили дань Султану. Можно ли ожидать великодушія отъ пришельца, низкаго родомъ и духомъ, алчнаго единственно къ корысти и безжалостнаго къ Христіанству? Въ его ли сердцѣ обитаетъ святая любовь, безъ коей и власть двигать горы, по выраженію Апостола, есть ничто ([158])? Не въ угодность ли Оттоманамъ хотите избрать и Шведскаго Королевича? Безъ сомнѣнія угодите имъ: ибо они радуются междоусобію Христіанъ; а кровопролитіе неминуемо, если Сигизмундъ съ ненавистію къ Россіи сядетъ на престолъ Ягеллоновъ. Монарха нашего вы уже знаете, равно великаго и милосердаго; знаете, что первымъ дѣйствіемъ его воцаренія было безкорыстное освобожденіе вашихъ плѣнниковъ: великодушіе непонятное для Баторія, ибо онъ торговалъ Россійскими плѣнниками до конца дней своихъ. Баторій въ могилѣ, и Ѳеодоръ не радуется, не мыслитъ о мести, но изъявляетъ вамъ сожалѣніе и г. 1587. предлагаетъ способъ навѣки успокоить Литву съ Польшею; желаетъ Королевства не для умноженія силъ и богатства Державы своей (ибо силенъ и богатъ Россіею), но для защиты васъ отъ невѣрныхъ; не хочетъ никакихъ прибытковъ; уступитъ Панамъ и Рыцарству все, что земля Королю платила: дастъ имъ сверхъ того помѣстья въ новыхъ Россійскихъ владѣніяхъ, и собственною казною воздвигнетъ крѣпости на берегахъ Днѣпра, Донца и Дона, чтобы нога Оттомановъ и Крымцевъ не топтала ни Кіевской, ни Волынской, ни Подольской области. Цари невѣрные опустятъ руки; заключенные въ своихъ предѣлахъ, едва ли и въ нихъ удержатся. Россія возметъ для себя Азовъ, Кафу, Ханство Крымское; для васъ земли Дунайскія. Многочисленныя воинства ожидаютъ слова Государева, чтобы устремиться . . . . на кого? рѣшите . . . . на враговъ ли Христіанства, если будете имѣть единаго Монарха съ нами, или на Литву и на Ливонію, если предпочтете намъ Шведовъ. Думайте не о дружбѣ Султана: ибо какое согласіе между свѣтомъ и тьмою, какое общеніе вѣрному съ невѣрнымъ? думайте о славѣ и побѣдѣ. Что мѣшаетъ нашему братству? закоренѣлая ваша, по грѣхамъ, ненависть къ Россіи. Обратимся къ любви: все зависитъ отъ начала, и малый огонь производитъ великій пламень. Государь Россійскій, обѣщая вамъ безопасность и величіе, не требуетъ отъ васъ ничего, кромѣ *ласки*.» Послы убѣждали Царя отправить на Сеймъ кого нибудь изъ Вельможъ своихъ, и два Боярина, Степанъ Васильевичь Годуновъ, Князь Ѳеодоръ Михайловичь Троекуровъ, съ знатнымъ Дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ, немедленно выѣхали изъ Москвы въ Варшаву, имѣя полную довѣренность Государеву и 48 писемъ къ духовнымъ и къ свѣтскимъ, Короннымъ и Литовскимъ сановникамъ, но безъ даровъ. Ѳеодоръ предлагалъ Сейму слѣдующія условія:

«1) Государю Россійскому быть Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ; а народамъ обѣихъ Державъ соединиться вѣчною, неразрывною пріязнію.

«2) Государю Россійскому воевать *лично*, и всѣми силами, Оттоманскую Имперію, низвергнуть Хана Крымскаго, посадить на его мѣсто Саидетъ-Гирея, слу-

г. 1587. гу Россіи, и заключивъ союзъ съ Цесаремъ, Королемъ Испанскимъ, Шахомъ Персидскимъ, освободить Молдавію, землю Волошскую, Боснію, Сербію, Венгрію, отъ ига Султанскаго, чтобы присоединить оныя къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ семъ случаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россійскимъ.

«3) Рать Московская, Казанская, Астраханская, безъ найма и платы будетъ всегда готова для защиты Литвы и Польши.

«4) Государю не измѣнять ни въ чемъ ихъ правъ и вольностей безъ приговора Вельможной Думы: она располагаетъ независимо казною и всѣми доходами государственными.

«5) Россіянамъ въ Литвѣ и Польшѣ, Литовцамъ и Полякамъ въ Россіи, вольно жить и совокупляться бракомъ.

«6) Государь жалуетъ земли бѣднымъ Дворянамъ Литовскимъ и Польскимъ на Дону и Донцѣ.

«7) Кому изъ ратныхъ людей Стефанъ Баторій остался должнымъ, тѣмъ платитъ Государь изъ собственной казны, до ста тысячь золотыхъ монетъ Венгерскихъ.

«8) Деньги, которыя шли на содержаніе крѣпостей, уже не нужныхъ, между Литвою и Россіею, употребить обѣимъ Державамъ на войну съ невѣрными.

«9) Россія, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ изъ Эстоніи, уступитъ всѣ города ея, кромѣ Нарвы, Литвѣ и Польшѣ.

«10) Купцамъ Литовскимъ и Польскимъ открытъ свободный путь во всѣ земли Государства Московскаго, и чрезъ оныя въ Персію, въ Бухарію и другія Восточныя страны, также моремъ къ устью Двины, въ Сибирь и въ Великое *Китайское* Государство, гдѣ родятся камни драгоцѣнные и золото» ([159]).

Въ писменномъ наставленіи, данномъ Посламъ, достойна замѣчанія статья о Царевичѣ Димитріи, гдѣ сказано: «если Паны упомянутъ о юномъ братѣ Государевомъ, то изъяснить имъ, что онъ младенецъ, не можетъ быть у нихъ на престолѣ и долженъ воспитываться въ своемъ отечествѣ.» Правитель готовилъ ему иную долю!

Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеодоръ, подобно отцу и дѣду, искренно хотѣлъ Королевскаго сана, чтобы соединить Державы, искони враждебныя, узами братства, предлагая Вельможной Думѣ условія выгодныя, съ обѣщаніями лестными, съ надеждами блестящими, — жертвуя милліономъ нынѣшнихъ рублей, и въ противность главному Іоаннову требованію соглашаясь быть Королемъ избраннымъ, съ властію ограниченною, безъ всякаго наслѣдственнаго права для его дѣтей или рода. Дѣйствительно ли мыслилъ Царь, или Правитель, ополчиться на Султана, чтобы завоеваніемъ богатыхъ земель Дунайскихъ усилить Литву и Польшу, которыя могли впредь имѣть особенныхъ Властителей и снова враждовать Россіи? Но онъ для такого важнаго предпріятія ставилъ въ условіе союзъ Императора, Испаніи, Персіи, и не входилъ въ обязательство рѣшительное, прельщая воображеніе Пановъ мыслію смѣлою и великою. Готовый по видимому къ уступчивости и снисхожденію для успѣха въ своемъ исканіи, Ѳеодоръ оказалъ и хладнокровную непреклонность, когда Сеймъ безразсудно потребовалъ отъ него жертвъ несовмѣстныхъ съ Православіемъ, достоинствомъ и пользою Россіи. г. 1587.

Бояръ нашихъ, Степана Годунова и Князя Троекурова, именемъ Польской Думы остановили (12 Іюля) въ селѣ Окуневѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Варшавы, сказавъ имъ, что для нихъ нѣтъ безопаснаго мѣста въ столицѣ, исполненной неистовыхъ людей воинскихъ, мятежа и раздоровъ. Такъ было дѣйствительно. Духовенство, Вельможи, Рыцарство или Шляхта не могли согласиться въ избраніи Короля: Замойскій и друзья его, въ угодность вдовствующей супругѣ Баторіевой, предлагали Шведскаго Принца, Сигизмунда, сына ея сестры; Зборовскіе Австрійскаго Герцога, Максимиліана; Паны Литовскіе и Примасъ, Архіепископъ Гнѣзненскій, Ѳеодора; а Султанъ, доброхотствуя Стефанову брату, грозилъ имъ войною, если они, вмѣсто его, изберутъ Максимиліана или Царя Московскаго, враговъ Оттоманской Имперіи. Такъ называемое *Рыцарское Коло*, мѣсто шумныхъ совѣщаній, представляло иногда зрѣлище битвы: толпы вооруженныхъ стрѣляли другъ въ друга. Наконецъ условились благоразумно прекратить междоусобіе и выставить въ полѣ три знамени: Россійское, Цесарское, Шведское, чтобы видѣть подъ каждымъ число избирателей, и тѣмъ рѣшить большинство голосовъ. Знаменемъ Ѳеодоровымъ была *Московская шапка*, Австрійскимъ *шляпа Нѣмецкая*, Шведскимъ *сельдь* — и первое одержало верхъ: подъ нимъ стеклося такое множество людей, что друзья Австріи и

г. 1587. Шведовъ, видя свою малочисленность, отъ стыда присоединились къ нашимъ. Но сіе блестящее торжество Россійской стороны оказалось безплоднымъ, когда дѣло дошло до условій.

4 Августа Духовенство, Сенаторы, Дворянство обѣихъ соединенныхъ Державъ съ великою честію приняли Годунова и Троекурова въ *Рыцарскомъ Колѣ* (160); выслушали предложенія Θеодоровы, и желая дальнѣйшихъ объясненій, избрали 15 Вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ, коимъ надлежало съѣхаться для того съ нашими Послами въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы. Тамъ, къ удивленію Годунова и Троекурова, сіи Депутаты встрѣтили ихъ слѣдующими, неожиданными вопросами: «Соединитъ ли Государь Московскій Россію съ Королевствомъ такъ, какъ Литва соединилась съ Польшею, навѣки и неразрывно? приступитъ ли къ Вѣрѣ Римской? будетъ ли послушенъ Намѣстнику Апостольскому? будетъ ли вѣнчаться на Королевство и пріобщится ли Святыхъ Таинъ въ Латинской церкви, въ Краковѣ, отъ Архіепископа Гнѣзненскаго? будетъ ли въ Варшавѣ чрезъ 10 недѣль? и напишетъ ли въ своемъ титулѣ Королевство Польское выше Царства Московскаго?» Бояре отвѣтствовали: «1) Государь желаетъ навѣки соединить Литву и Польшу съ Россіею такъ, чтобы онѣ всѣми силами помогали другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, и чтобы ихъ жители могли свободно ѣздить изъ земли въ землю: Литовцы къ намъ, Россіяне въ Литву, *съ дозволенія Государя.* 2) Онъ родился и будетъ жить всегда въ Греческой православной Вѣрѣ, слѣдуя святымъ обрядамъ ея; вѣнчаться на Королевство долженъ въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ, въ присутствіи вашихъ Чиновъ Государственныхъ; обязывается чтить Папу и не мѣшать дѣйствію его власти надъ Духовенствомъ Польскимъ, но не допуститъ его мѣшаться въ дѣла Греческой Церкви. 3) Царь пріѣдетъ къ вамъ, когда успѣетъ. 4) *Корона Ягайлова будетъ подъ шапкою Мономаха,* и титулъ Θеодоровъ: *Царь и Великій Князь всея Россіи, Владимірскій и Московскій, Король Польскій и Великій Князь Литовскій.* Если бы и Римъ Старый и Римъ Новый, или царствующій градъ Византія, приложились къ намъ (161): то и древняго, славнаго ихъ имени Государь не поставилъ бы въ своемъ титулѣ выше Россіи.» г. 1587.

«И такъ Θеодоръ не желаетъ быть нашимъ Королемъ,» возразили Паны: «отказываетъ рѣшительно, обѣщаетъ неискренно; пишетъ, на примѣръ, что его войско готово защитить насъ отъ Султана: Турки обыкновенно впадаютъ въ нашу землю изъ Молдавіи съ Дуная, изъ Трансильваніи, отъ Бѣлагорода; а войско Московское далеко, еще далѣе Астраханское и Казанское. Султанъ, Цесарь, Шведы грозятъ намъ войною въ случаѣ, если изберемъ Короля не по ихъ желанію: что же дастъ намъ Царь, и сколько денегъ будетъ давать ежегодно для содержанія рати? ибо у насъ довольно своихъ людей: Московскихъ не требуемъ. Деньги нужны и для того, чтобы усилить сторону вашихъ доброжелателей на Сеймѣ. Знаете ли, что Императоръ за избраніе Максимиліана обязывается тотчасъ прислать Вельможной Думѣ 600 тысячь золотыхъ и ежегодно присылать столько же въ теченіе шести лѣтъ; а Король Испанскій 800 тысячь и столько же ежегодно въ теченіе осьми лѣтъ?» — Послы сказали: «У Царя готово многочисленное легкое войско для вашей защиты: Козаки Волжскіе, Донскіе, и самые Крымцы: ибо Ханомъ ихъ будетъ присяжникъ Государевъ, Сайдетъ-Гирей. Царь намѣренъ помогать вамъ и казною, но безъ всякаго обязательства. Хвалитесь щедростію Австріи и Короля Испанскаго; но разсудите, что благовѣрный Царь желаетъ вѣнца Королевскаго не для своей пользы и чести, а единственно ради вашего спокойствія и величія. Сколько лѣтъ Христіанская кровь лилася въ битвахъ Россіянъ съ Литвою? Государь мыслитъ навѣки удалить сіе бѣдствіе; а вы, Паны, не думая о томъ, вѣсите золото Испанское и Австрійское! Да будетъ, какъ вамъ угодно; и если казна для васъ милѣе покоя Христіанскаго, то знайте, что Государь не хочетъ быть купцемъ, и за деньги ему не надобно доброжелателей, ни вашего Королевства; не хочетъ питать сребролюбія людей безчувственныхъ ко благу отечества и вооружать ихъ другъ на друга въ мятежныхъ распряхъ Сейма: ибо не любитъ ни дракъ, ни беззаконія!»

Сія твердость произвела сильное дѣйствіе въ Депутатахъ: они встали, нѣсколько минутъ разсуждали между со-

г. 1587. бою тихо, и наконецъ съ досадою объявили Посламъ, что Ѳеодору не быть на престолѣ Ягеллоновъ; когда же Годуновъ и Троекуровъ предложили имъ отсрочить избраніе Короля и послать Вельможъ въ Москву для новыхъ объясненій съ Царемъ, Кардиналъ Радзивилъ и другіе Депутаты отвѣчали: «Вы смѣетесь надъ нами. Изъ всѣхъ краевъ Литвы и Польши мы съѣхались въ Варшаву, живемъ здѣсь осьмую недѣлю какъ на войнѣ, тратимъ спокойствіе и деньги; а вы хотите еще другаго Сейма! Не разъѣдемся безъ выбора.» Тогда Ѳеодоровы Послы совѣтовали имъ избрать Максимиліана, благопріятеля Россіи. «Не имѣемъ нужды въ вашихъ наставленіяхъ,» сказали Паны съ грубостію: «намъ указываетъ Богъ, а не Царь Русской.» — Хотѣли по крайней мѣрѣ заключить миръ, но также не могли согласиться въ условіяхъ: Литва требовала Смоленска и земли Сѣверской, а Ѳеодоръ Дерпта. Разошлися съ неудовольствіемъ; но симъ еще не кончились переговоры.

Въ сей самый день и въ слѣдующіе были жаркія прѣнія между Государственными Чинами Сейма, друзьями Австріи, Швеціи и Россіи ([162]). Первые, особенно Духовенство и всѣ Епископы, говорили, что совѣсть не дозволяетъ имъ имѣть Королемъ иновѣрца, еретика; а единомышленники ихъ, свѣтскіе Вельможи, прибавляли: «естественнаго, закоренѣлаго врага Литвы и Польши, который сядетъ на Королевство съ тяжкимъ могуществомъ Россіи, чтобы подавить нашу вольность, всѣ права и законы. Вы жаловались на угнетеніе, когда Стефанъ привелъ къ намъ нѣсколько сотъ Гайдуковъ Венгерскихъ: что будетъ, когда увидимъ здѣсь грозную *Опричнину*, несмѣтныя тысячи надменныхъ, суровыхъ Москвитянъ ([163])? Повѣрите ли, чтобы они въ гордости своей захотѣли къ намъ *присоединиться?* не скорѣе ли захотятъ *приставить Державу нашу къ Московской, какъ рукавъ къ кафтану?*» Другіе унижали Ѳеодора, называя его скудоумнымъ, неспособнымъ блюсти Государство, обуздывать своевольство, дать силу Королевской власти, прибавляя, что онъ едва ли чрезъ шесть мѣсяцевъ можетъ быть къ нимъ, а Турки, непримиримые враги Царя, завоевателя двухъ или трехъ Державъ Мусульманскихъ, успѣютъ между тѣмъ взять Краковъ. Вельможи нашей стороны возражали такъ: «Первый законъ г. 1587. для Государства есть безопасность: избраніемъ Ѳеодора мы примиряемъ врага сильнаго, Россію, и находимъ въ ней защиту отъ другаго, не менѣе опаснаго: отъ Турковъ. Султанъ запрещаетъ намъ возвести Ѳеодора на престолъ Королевства; но должно ли слушаться непріятеля? не должно ли именно сдѣлать, чего онъ не желаетъ? Что касается до Вѣры, то Ѳеодоръ крещенъ во имя Святой Троицы, и мы знаемъ, что въ Римѣ есть церковь Греческая: слѣдственно Папа не осуждаетъ сей Вѣры, и безъ сомнѣнія дозволитъ ему въ ней остаться, съ нѣкоторыми, можетъ быть, условіями. Ѳеодоръ великодушно освободилъ нашихъ плѣнниковъ, усмирилъ мятежи въ своемъ Царствѣ, два раза побѣдилъ Хана; желаетъ въ духѣ любви соединить Державы, коихъ взаимная ненависть произвела столько бѣдствій, и будучи Властителемъ Самодержавнымъ, господствовать именемъ закона надъ людьми свободными: гдѣ же его скудоуміе? Не видимъ ли въ немъ Монарха человѣколюбиваго и мудраго? Могъ ли бы онъ безъ ума править Россіянами, непостоянными и лукавыми ([164])? Къ тому же скудоуміе Властителя менѣе гибельно для Государства, чѣмъ внутренніе раздоры. Мы замышляемъ не новое: сколь многіе изъ васъ, до избранія и послѣ бѣгства Генрикова, хотѣли Царя Московскаго, въ удостовѣреніи, что Іоаннъ оставилъ бы тиранство въ Россіи, а къ намъ прибылъ бы только съ могуществомъ спасительнымъ? Перемѣнилось ли что нибудь съ того времени? развѣ къ лучшему: ибо Ѳеодоръ и въ Россіи не тиранствуетъ, но любитъ подданныхъ и любимъ ими.»

Сіи убѣжденія заставили Сеймъ возобновить переговоры: Депутаты его вторично съѣхались съ Московскими Послами въ Каменцѣ, и хотѣли, чтобы Царь немедленно далъ Вельможной Думѣ 100 тысячь золотыхъ на военныя издержки, основалъ крѣпости не на Дону, гдѣ онѣ могутъ быть полезны только для Россіи, а на Литовской юго-западной границѣ, — платилъ жалованье Козакамъ Днѣпровскимъ изъ казны своей, отвелъ земли Польской Шляхтѣ не въ дальнихъ, дикихъ степяхъ, какихъ много и въ Литвѣ за Кіевомъ, но въ областяхъ Смоленской и Сѣверской. Послы изъявили нѣкоторую уступчивость: соглашались дать Панамъ 100

г. 1587. тысячь золотыхъ; не отвергали и другихъ требованій; предложили, чтобы Θеодору писаться въ титулѣ *Царемъ всея Россіи, Королемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Владимірскимъ, Московскимъ и Литовскимъ*. Самое главное препятствіе въ разсужденіи Вѣры уменьшилось, когда Воевода Виленскій, Христофоръ Радзивилъ, и Троцкій, Янъ Глѣбовичь, тайно сказали нашимъ Посламъ, что Θеодоръ можетъ, вопреки ихъ Духовенству, остаться въ Греческой Вѣрѣ, если испроситъ только благословеніе у Папы и дастъ ему надежду на соединеніе Церквей ([165]). «Для своего и нашего блага (говорили они) Θеодоръ долженъ быть снисходителенъ: ибо мы, въ случаѣ его упрямства, изберемъ врага Россіи, Шведа, а не Максимиліана, о коемъ въ Литвѣ никто слышать не хочетъ, для того, что онъ корыстолюбивъ и бѣденъ: заведетъ насъ въ войну съ Султаномъ, и не поможетъ Королевству ни людьми, ни казною. Самъ Императоръ великъ единственно титуломъ и богатъ только долгами. Знаемъ обычай Австрійцевъ искоренять права и вольности въ земляхъ, которыя имъ подаются, и вездѣ обременять жителей несносными налогами ([166]). Къ тому же у насъ писано въ книгахъ и вошло въ пословицу, что Славянскому языку не видать добра отъ Нѣмецкаго!»

Но Θеодоръ не хотѣлъ искать милости въ Папѣ, ни манить его лживымъ обѣщаніемъ соединенія Церквей; не хотѣлъ также (чего неотмѣнно требовали и всѣ Литовскіе Паны) вѣнчаться на Королевство въ Польшѣ, отъ Святителя Латинскаго, ужасаясь мысли измѣнить тѣмъ Православію или достоинству Россійскаго Монарха — и Послы наши, имѣя дружелюбныя свиданія съ Депутатами Сейма, 13 Августа услышали отъ нихъ, что Канцлеръ Замойскій и немногіе Паны выбрали Шведскаго Принца, а Воевода Познанскій, Станиславъ Згурка, и Зборовскіе Максимиліана ([167]). Тщетно Вельможи Литовскіе увѣряли нашихъ Бояръ, что сіе избраніе, какъ незаконное, останется безъ дѣйствія; что если Θеодоръ искренно желаетъ быть Королемъ, и рѣшится, не упуская времени, къ нимъ пріѣхать: то они всѣ *головами своими кинутся* къ Кракову и не дадутъ короны ни Шведу, ни Австрійцу! Замойскій мечемъ и золотомъ вдовствующей Королевы Анны доставилъ престолъ Сигизмунду, уничтоживъ избраніе Максимиліана. Послы наши г. 1587. успѣли только въ одномъ: заключили Перемиріе. съ Вельможною Думою пятнадцатилѣтнее перемиріе безъ всякихъ уступокъ и выгодъ, единственно на томъ условіи, чтобы обѣимъ Державамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ, и чтобы избранному Королю подтвердить сей договоръ въ Москвѣ чрезъ своихъ Уполномоченныхъ ([168]). — Еще Θеодоръ, выслушавъ донесеніе Степана Годунова и Троекурова, надѣялся, что по крайней мѣрѣ Литва не признаетъ Сигизмунда Королемъ, и для того еще писалъ ласковыя грамоты къ ея Вельможамъ, соглашаясь быть особеннымъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Мазовскимъ, обѣщая имъ независимость и безопасность; писалъ къ нимъ и Годуновъ, отправивъ къ каждому дары богатые (цѣною въ 20 тысячь нынѣшнихъ рублей)... но поздно! Дворянинъ Ржевскій возвратился изъ Литвы съ вѣстію, что 16 Декабря Сигизмундъ коронованъ въ Краковѣ, и что Вельможи Литовскіе согласились на сей выборъ. Ржевскій уже зналъ о томъ, но вручилъ имъ дары: они взяли ихъ съ изъявленіемъ благодарности и желали, чтобы Царь всегда былъ милостивъ къ Литвѣ единовѣрной!

Царь изъявилъ досаду, не за отверженіе его условій на Сеймѣ, но за избраніе Сигизмунда: мы видѣли, что Θеодоръ, подобно Іоанну, охотно уступалъ Королевство Эрцгерцогу, не имѣя никакихъ состязаній съ Австріею; но тѣсная связь Шведской Державы съ Польскою усиливала сихъ двухъ нашихъ непріятелей, и главное обязательство, взятое Замойскимъ съ Сигизмунда, состояло въ томъ, чтобы ему вмѣстѣ съ отцемъ его, Королемъ Іоанномъ, ополчиться на Россію: или *завоевать Москву* ([169]), или по крайней мѣрѣ Смоленскъ, Псковъ, а Шведскому флоту Двинскую гавань Св. Николая, чтобы уничтожить нашу морскую торговлю. Духъ Баторіевъ, казалось, еще жилъ и враждовалъ намъ въ Замойскомъ! — Тѣмъ болѣе Θеодоръ желалъ согласить виды и дѣйствія нашей Политики съ Австрійскою: съ 1587 года до 1590 мы г. 1587 — 1591. Сношенія съ Австріею и съ Крымомъ. слали гонца за гонцемъ въ Вѣну ([170]), убѣждая Императора доставить Максимиліану всѣми способами Корону Польскую, если не избраніемъ, то силою — вызывались снабдить его и деньгами для вооруженія — увѣряли, что намъ будетъ даже пріятнѣе уступить сію Державу

г. 1587 — 1591. Австріи, нежели соединить съ Россіею — живо описывали счастіе спокойствія, которое утвердится тогда въ Сѣверной Европѣ и дастъ ей возможность заняться великимъ дѣломъ изгнанія Турковъ изъ Византіи — хвалились нашими силами, говоря, что отъ Россіи зависитъ устремить безчисленные сонмы Азіатскіе на Султана; что Шахъ Персидскій выведетъ въ поле 200 тысячь воиновъ, Царь Бухарскій 100 тысячь, Хивинскій 50 тысячь, Иверскій 50 тысячь, Владѣтель Шавкалскій 30 тысячь, Князья Черкесскіе, Тюменскій, *Окутскій*, 70 тысячь, Ногаи 100 тысячь; что Россія, легко усмиривъ Шведа и не имѣя уже иныхъ враговъ, примкнетъ крестоносные легіоны свои къ войскамъ Австріи, Германіи, Испаніи, Папы, Франціи, Англіи — и варвары Оттоманскіе останутся единственно въ памяти! Гонцевъ Московскихъ задерживали въ Литвѣ и въ Ригѣ: для того мы открыли путь въ Австрію чрезъ Сѣверный Океанъ и Гамбургъ ([171]); хотѣли, чтобы Рудольфъ и Максимиліанъ немедленно прислали Уполномоченныхъ въ Москву для договора, гдѣ и какъ дѣйствовать. Свѣдавъ же, что Замойскій, слѣдуя за бѣгущимъ Максимиліаномъ, вступилъ въ Силезію, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду, взялъ его въ плѣнъ, томилъ, безчестилъ въ неволѣ, Ѳеодоръ стыдилъ Рудольфа неслыханнымъ уничиженіемъ Австріи. Но все было безполезно. Императоръ въ своихъ отзывахъ изъявлялъ только благодарность за доброе расположеніе Царя; вмѣсто знатнаго Вельможи прислалъ (въ Іюнѣ 1589) маловажнаго сановника Варкоча въ Москву ([172]), извиняясь недосугами и неудобствами сообщенія между Вѣною и Россіею; писалъ, что о войнѣ Турецкой должно еще условиться съ Испаніею и таить намѣреніе столь важное отъ Англіи и Франціи, ибо онѣ ищутъ милости въ Султанѣ; что война съ Польшею необходима, но что надобно прежде освободить Максимиліана. . . И Царь узналъ, что Императоръ, вымоливъ свободу брата, клятвенно обязался не думать о коронѣ Польской и жить въ вѣчномъ мирѣ съ сею Державою. «Вы начинаете великія дѣла, но не вершите ихъ,» писалъ Борисъ Годуновъ къ Австрійскому Министерству ([173]): «для васъ благовѣрный Царь нашъ не хотѣлъ слушать никакихъ дружественныхъ предложеній Султановыхъ и Ханскихъ; для васъ мы въ остудѣ съ ними и съ Литвою: а вы, не думая о чести, миритесь съ Султаномъ и съ Сигизмундомъ!» Однимъ словомъ, мы тратили время и деньги въ сношеніяхъ съ Австріею, совершенно безполезныхъ. г. 1587 — 1591.

Гораздо усерднѣе, въ смыслѣ нашей Политики, дѣйствовалъ тогда варваръ, новый Ханъ Крымскій, преемникъ умершаго (въ 1588 году) Ислама, братъ его, именемъ Казы-Гирей. Пріѣхавъ изъ Константинополя съ Султанскою милостивою грамотою и съ тремя стами Янычаръ господствовать надъ Улусами разоренными ([174]), онъ видѣлъ необходимость поправить ихъ, то есть, искать добычи, не зная другаго промысла, кромѣ хищенія. Надлежало избрать Литву или Россію въ ѳеатръ убійствъ и пожаровъ: Ханъ предпочелъ Литву, въ надеждѣ на ея безначаліе или слабость новаго Короля; и готовясь силою опустошить Сигизмундову землю, хотѣлъ лестію выманить богатые дары у Ѳеодора: писалъ къ нему, что доброжелательствуя намъ искреннѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, онъ убѣдилъ Султана не мыслить впредь о завоеваніи Астрахани ([175]); что Москва и Таврида будутъ всегда имѣть однихъ непріятелей. Въ концѣ 1589 года Казы-Гирей извѣстилъ Ѳеодора о сожженіи Крымцами многихъ городовъ и селъ въ Литвѣ и въ Галиціи: хваля его *доблесть* и дружественное къ намъ расположеніе, Царь въ знакъ признательности честилъ Хана умѣренными дарами, однакожь держалъ сильное войско на берегахъ Оки ([176]): слѣдственно худо ему вѣрилъ.

Война Шведская. Но Баторія уже не было, Султанъ не ополчался на Россію, Ханъ громилъ Литву: сіи обстоятельства казались Царю благопріятными для важнаго подвига, коего давно требовала честь Россіи. Мы хвалились могуществомъ, имѣя дѣйствительно многочисленнѣйшее войско въ Европѣ; а часть древней Россіи была Шведскимъ владѣніемъ! Срокъ перемирія, заключеннаго съ Королемъ Іоанномъ, уже исходилъ въ началѣ 1590 года ([177]), и вторичный съѣздъ Пословъ на берегу Плюсы (въ Сентябрѣ 1586 года) остался безплоднымъ: ибо Шведы не согласились возвратить намъ своего завоеванія: безъ чего мы не хотѣли слышать о мирѣ. Они предлагали только мѣну: отдавали Копорье за погость Сумерскій и за берега Невы. Іоаннъ жаловался, что Россіяне тревожатъ набѣгами

г. 1587 — 1591. Финляндію, свирѣпствуя въ ней какъ тигры ([178]); Ѳеодоръ же упрекалъ Воеводъ Шведскихъ разбоями въ областяхъ Заонежской, Олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ: лѣтомъ въ 1589 году они приходили изъ Каяніи грабить волости монастыря Соловецкаго и Печенскаго, Колу, Кереть, Ковду, и взяли добычи на полмилліона нынѣшнихъ рублей серебряныхъ ([179]). Склоняя Короля къ уступкамъ, Царь писалъ къ нему о своихъ великихъ союзникахъ, Императорѣ и Шахѣ. Король отвѣтствовалъ съ насмѣшкою: «Радуюсь, что ты нынѣ знаешь свое безсиліе и ждешь помощи отъ другихъ ([180]): увидимъ, какъ поможетъ тебѣ сватъ нашъ, Рудольфъ; а мы и безъ союзниковъ управимся съ тобою.» Не взирая на сію грубость, Іоаннъ желалъ еще третьяго съѣзда Пословъ, когда Ѳеодоръ велѣлъ объявить ему, что мы не хотимъ ни мира, ни перемирія, если Шведы, сверхъ Новогородскихъ земель, ими захваченныхъ, не уступятъ намъ Ревеля и всей Эстоніи ([181]); то есть, мы объявили войну!

Доселѣ Годуновъ блисталъ умомъ единственно въ дѣлахъ внутренней и внѣшней Политики, всегда осторожной и миролюбивой; не имѣя духа ратнаго, не алкая воинской славы, хотѣлъ однакожь доказать, что его миролюбіе не есть малодушная боязливость, въ такомъ случаѣ, гдѣ безъ стыда и безъ явнаго нарушенія святыхъ обязанностей власти не льзя было миновать кровопролитія. Исполняя сей важный долгъ, онъ употребилъ всѣ способы для несомнительнаго успѣха: вывелъ въ поле (если вѣрить свидѣтельству нашихъ приказныхъ бумагъ сего времени) около трехъ сотъ тысячь воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, съ тремя стами легкихъ и тяжелыхъ пушекъ ([182]). Всѣ Бояре, всѣ Царевичи (Сибирскій Маметкулъ, Русланей Кайбуличь, Уразъ-Магметъ Онддановичь Киргизскій), всѣ Воеводы изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, городовъ и деревень, гдѣ они жили на покоѣ ([183]), должны были въ назначенный срокъ явиться подъ Царскими знаменами: ибо тихій Ѳеодоръ, не безъ сожалѣнія оставивъ свои мирныя, благочестивыя упражненія, сѣлъ на браннаго коня (такъ хотѣлъ Годуновъ!), чтобы войско оживить усердіемъ, а главныхъ сановниковъ обуздывать въ ихъ мѣстничествѣ безразсудномъ. Князь Ѳедоръ Мстиславскій, знатнѣйшій изъ родовыхъ Вельможъ, начальствовалъ въ Большемъ Полку, въ Передовомъ Князь Дмитрій Ивановичь Хворостининъ, Воевода славнѣйшій умомъ и доблестію ([184]). Годуновъ и Ѳедоръ Никитичь Романовъ-Юрьевъ (будущій знаменитый Филаретъ), двоюродный братъ Царя, находились при немъ, именуясь *Дворовыми* или *Ближними Воеводами*. Царица Ирина ѣхала за супругомъ изъ Москвы до Новагорода, гдѣ Государь распорядилъ полки: велѣлъ однимъ воевать Финляндію, за Невою; другимъ Эстонію, до моря; а самъ съ главною силою, 18 Генваря 1590, выступилъ къ Нарвѣ ([185]). Походъ былъ труденъ отъ зимней стужи, но веселъ ревностію войска: Россіяне шли взять свое — и взяли Яму, Генваря 27. Двадцать тысячь Шведовъ, конныхъ и пѣшихъ, подъ начальствомъ Густава Банера, близъ Нарвы встрѣтили Князя Дмитрія Хворостинина, который разбилъ ихъ и втопталъ въ городъ, наполненный людьми, но скудный запасами: для того Банеръ, оставивъ въ крѣпости нужное число воиновъ, ночью бѣжалъ оттуда къ Везенбергу, гонимый нашею Азіатскою конницею, и бросивъ ей въ добычу весь обозъ, всѣ пушки; въ числѣ многихъ плѣнниковъ находились и знатные чиновники Шведскіе. 4 Февраля Россіяне обложили Нарву; сильною пальбою въ трехъ мѣстахъ разрушили стѣну и требовали сдачи города. Тамошній Воевода, Карлъ Горнъ, величаво звалъ ихъ на приступъ, и мужественно отразилъ его (18 Февраля): Воеводы Сабуровъ и Князь Иванъ Токмаковъ легли въ проломѣ, вмѣстѣ со многими Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Мордовскими и Черкесскими воинами ([186]). Однакожь сіе блистательное для Шведовъ дѣло не могло бы спасти города: пальба не умолкала, стѣны падали, и многочисленное войско осаждающихъ готовилось къ новому приступу (21 Февраля). Въ тоже время Россіяне безпрепятственно опустошали Эстонію до самаго Ревеля, а Финляндію до Абова: ибо Король Іоаннъ имѣлъ болѣе гордости, нежели силы. Начались переговоры. Мы требовали Нарвы и всей Эстоніи, чтобы дать миръ Шведамъ; но Царь ([187]), *исполняя Христіанское моленіе Годунова* (какъ сказано въ нашихъ приказныхъ бумагахъ), удовольствовался возстановленіемъ древняго рубежа: Горнъ именемъ Королевскимъ (25 Февраля) заключилъ перемиріе на

г. 1587 — 1591. годъ, уступивъ Царю, сверхъ Ямы, Иванъ-городъ и Копорье, со всѣми ихъ запасами и снарядомъ огнестрѣльнымъ, условясь рѣшить судьбу Эстоніи на будущемъ съѣздѣ Пословъ, Московскихъ и Шведскихъ — даже обѣщая уступить Россіи всю землю Корельскую, Нарву и другіе города Эстонскіе (188). Мы хвалились умѣренностію. Оставивъ Воеводъ въ трехъ взятыхъ крѣпостяхъ, Ѳеодоръ спѣшилъ возвратиться въ Новгородъ къ супругѣ, и съ нею въ Москву, торжествовать побѣду надъ одною изъ Державъ Европейскихъ, съ коими отецъ его не совѣтовалъ ему воевать, боясь ихъ превосходства въ ратномъ искусствѣ (188)! Духовенство со крестами встрѣтило Государя внѣ столицы, и Первосвятитель Іовъ въ пышной рѣчи сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ и Владиміромъ, именемъ отечества и Церкви благодаря за изгнаніе *невѣрныхъ* изъ нѣдръ святой Россіи и за возстановленіе олтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III и въ древнемъ владѣніи Славянъ Ильменскихъ (189).

Скоро вѣроломство Шведовъ доставило новый значительный успѣхъ оружію миролюбиваго Ѳеодора. Король Іоаннъ, упрекая Горна малодушіемъ, объявилъ договоръ, имъ заключенный, преступленіемъ, усилилъ войско въ Эстоніи и выслалъ двухъ Вельможъ, Намѣстниковъ Упсальскаго и Вестерготскаго, на съѣздъ съ Княземъ Ѳедоромъ Хворостининымъ и Думнымъ Дворяниномъ Писемскимъ къ устью рѣки Плюсы, не для того, чтобы отдать Россіи Эстонію, но чтобы требовать возвращенія Ямы, Иваня-города и Копорья. Не только Ѳеодоровы Послы, но и Шведскіе воины, узнавъ о семъ, изъявили негодованіе: стоя на другомъ берегу Плюсы, кричали нашимъ: «не хотимъ кровопролитія» (190)! и принудили своихъ Уполномоченныхъ быть снисходительными, такъ, что они, уже ничего не требуя, кромѣ мира, наконецъ уступали Россіи Корельскую область. Мы неотмѣнно хотѣли Нарвы — и Послы разъѣхались; а Шведскій Генералъ, Іоранъ Бое, въ туже ночь вѣроломно осадилъ Иванъ-городъ: ибо срокъ Нарвскаго договора еще не вышелъ. Но мужественный Воевода, Иванъ Сабуровъ, въ сильной вылазкѣ на голову разбилъ Шведовъ: и Генерала Бое и самаго Герцога Зюдерманландскаго, который съ нимъ соединился. Главная рать Московская стояла въ Новѣгородѣ: она не приспѣла къ битвѣ, нашла крѣпость уже освобожденною, и только издали видѣла бѣгство непріятеля. г. 1587 — 1591.

Воюя съ Шведами, Ѳеодоръ желалъ соблюсти миръ съ Литвою, и въ то время, когда полки Московскіе шли громить Эстонію, Годуновъ извѣстилъ всѣхъ градоначальниковъ въ Ливоніи Польской, что они могутъ быть спокойны, и что мы не коснемся областей ея, въ точности исполняя договоръ Варшавскій (191). Но Сигизмундъ молчалъ: чтобы узнать его расположеніе, Дума Московская послала гонца въ Вильну съ письмомъ къ тамошнимъ Вельможамъ, увѣдомляя ихъ о намѣреніи Хана снова итти на Литву, и прибавляя: «Казы-Гирей убѣждалъ Государя нашего вмѣстѣ съ нимъ воевать вашу землю, и предлагалъ ему Султанскимъ именемъ вѣчный миръ; но Государь отказался, искренно вамъ доброжелательствуя. Остерегаемъ васъ, думая, что рано или поздно вы увидите необходимость соединиться съ Россіею для общей безопасности Христіанъ.» Сіе лукавство не обмануло Пановъ: читая письмо, они усмѣхались, и весьма учтивою грамотою изъявили намъ благодарность, сказавъ однакожь, что у нихъ другіе слухи; что самъ Ѳеодоръ, если вѣрить плѣнникамъ Крымскимъ, обѣщаніями и дарами склоняетъ Хана ко впаденіямъ въ Литву (192). Между тѣмъ 600 Литовскихъ Козаковъ разбойничали въ южныхъ предѣлахъ Россіи, сожгли новый городъ Воронежъ убили тамошняго начальника, Князя Ивана Долгорукаго: мы требовали удовлетворенія, и велѣли Царевичу Араслану-Алею, Кайбулину сыну, итти съ войскомъ въ Черниговъ. Наконецъ, въ Октябрѣ 1590 года, Послы Сигизмундовы, Станиславъ Радоминскій и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву договариваться о мирѣ и союзѣ; но въ первой бесѣдѣ съ Боярами объявили, что Россія нарушила перемиріе взятіемъ Шведскихъ городовъ и должна возвратить ихъ. Имъ отвѣтствовали, что Швеція не Литва; что родственная связь Королей не уважается въ Политикѣ, и что мы взяли свое, казнивъ неправду и вѣроломство. О вѣчномъ мирѣ говорили долго. Сигизмундъ какъ бы изъ великодушія отказывался отъ Новагорода, Пскова, Сѣверскихъ городовъ и проч., но безъ Смоленска не хотѣлъ мириться. Бояре же Московскіе твердили: «не да-

г.1587 —1591. димъ вамъ ни деревни Смоленскаго Уѣзда.» Съ обѣихъ сторонъ около двухъ мѣсяцевъ велерѣчили о выгодахъ тѣснаго Христіанскаго союза всѣхъ Державъ Европейскихъ. Бояре съ живостію представляли Вельможамъ Литовскимъ, что Король безъ сомнѣнія весьма неискренно желаетъ сего союза, испрашивая въ тоже время (какъ было намъ извѣстно) милость у Султана; что Сигизмунда ожидаетъ Баторіева участь, стыдъ, уничиженіе безполезное предъ надменностію Оттомановъ; что Баторій думалъ угодить Амурату злодѣйскимъ убіеніемъ славнѣйшаго изъ всѣхъ рыцарей Литовскихъ, *Подковы* (193), и не угодилъ: ибо до смерти трепеталъ гнѣвнаго Султана и платилъ ему дань рабскую; что одна Россія, въ чувствѣ своего величія отвергнувъ ложную дружбу невѣрныхъ, есть надежный щитъ Христіанства; что Ханъ, столь ужасный для Сигизмундовой Державы, не смѣетъ ни дѣломъ, ни словомъ оскорбить Θеодора, коему болѣе двухъ сотъ Крымскихъ Князей и Мурзъ служатъ въ войскѣ. Хотя Послы уже не оказывали спеси и грубости, какъ бывало въ Стефаново время, однакожь не принимали нашего снисходительнаго условія: «владѣть обѣимъ Державамъ, чѣмъ владѣютъ.» Истощивъ всѣ убѣжденія, Царь (1 Генваря 1591) призвалъ на совѣтъ Духовенство, Бояръ, сановниковъ, и рѣшился единственно подтвердить заключенное въ Варшавѣ перемиріе впредь еще на двѣнадцать лѣтъ, съ новымъ условіемъ, чтобы ни Шведы насъ, ни мы Шведовъ не воевали въ теченіе года (194). Θеодоръ, исполняя древній обычай, далъ присягу въ соблюденіи договора, и послалъ Окольничаго Салтыкова-Морозова взять такую же съ Сигизмунда.

Новое перемиріе съ Литвою.

Россія наслаждалась миромъ, коего не было только въ душѣ Правителя!... Устранимъ дѣла внѣшней Политики, чтобы говорить о любопытныхъ, важныхъ происшествіяхъ внутреннихъ.

Величіе Годунова.

Въ сіе время Борисъ Годуновъ въ глазахъ Россіи и всѣхъ Державъ, сносящихся съ Москвою, стоялъ на вышней степени величія, какъ полный властелинъ Царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ (195) или громко-славословящихъ его высокія достоинства; не только во дворцѣ Кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ Государями и Министрами иноземными, знатные сановники Царскіе такъ изъяснялись по своему наказу (196): «Борисъ Θеодоровичь Годуновъ есть начальникъ земли; она вся приказана ему отъ Самодержца, и такъ нынѣ устроена, что люди дивятся и радуются. Цвѣтетъ и воинство и купечество и народъ. Грады украшаются каменными зданіями безъ налоговъ, безъ работы невольной, отъ Царскихъ избытковъ, съ богатою платою за трудъ и художество. Земледѣльцы живутъ во льготѣ, не зная даней. Вездѣ правосудіе свято: сильный не обидитъ слабаго; бѣдный сирота идетъ смѣло къ Борису Θеодоровичу жаловаться на его брата или племянника, и сей истинный Вельможа обвиняетъ своихъ ближнихъ, даже безъ суда, ибо пристрастенъ къ беззащитнымъ и слабымъ!» — Нескромно хваляся властію и добродѣтелію, Борисъ, равно славолюбивый и хитрый, примыслилъ еще дать новый блескъ своему господству важною церковною новостію.

Учрежденіе Патріаршества въ Россіи.

Имя Патріарховъ означало въ древнѣйшія времена Христіанства единственно смиренныхъ наставниковъ Вѣры, но съ четвертаго вѣка сдѣлалось пышнымъ, громкимъ титломъ главныхъ Пастырей Церкви въ трехъ частяхъ міра, или въ трехъ знаменитѣйшихъ городахъ тогдашней всемірной Имперія: въ Римѣ, въ Александріи и въ Антіохіи. Мѣсто священныхъ воспоминаній, Іерусалимъ, и Константинополь, столица торжествующаго Христіанства, были также признаны особенными, Великими Патріархіями. Сей чести не искала Россія, отъ временъ Св. Владиміра до Θеодоровыхъ. Византія державная, гордая, не согласилась бы на равенство своей Іерархіи съ Кіевскою или съ Московскою: Византія раба Оттомановъ не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его; но они молчали, изъ уваженія ли къ первобытному уставу нашей Церкви, или опасаясь великимъ именемъ усилить духовную власть, ко вреду Монаршей. Борисъ мыслилъ иначе: свергнувъ Митрополита Діонисія за козни и дерзость, онъ не усомнился возвысить смиреннаго Іова, ему преданнаго, ибо хотѣлъ его важнаго содѣйствія въ своихъ важныхъ намѣреніяхъ. Еще въ 1586 году пріѣзжалъ въ Москву за милостынею Антіохійскій Патріархъ Іоакимъ, коему Царь изъявилъ желаніе учредить Патріархію въ Россіи (197): Іоакимъ далъ слово предложить о томъ Собору Греческой Церкви, и предложилъ съ усердіемъ, славя чистоту нашей Вѣ-

г. 1587 — 1591.

ры. Въ Іюлѣ 1588 года, къ великому удовольствію Ѳеодора, явился въ Москвѣ и Патріархъ Константинопольскій, Іеремія. Вся столица была въ движеніи, когда сей главный Святитель Христіанскій (ибо престолъ Византійскаго Архіерейства уже давно считался первымъ), старецъ знаменитый несчастіемъ и добродѣтелью, съ любопытствомъ взирая на ея многолюдство и красоту церквей, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на осляти къ Царю по стогнамъ Московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ Митрополитъ Монемвасійскій (или Мальвазійскій) Іероѳей и Архіепископъ Элассонскій Арсеній (198). Когда они вошли въ Златую палату, Ѳеодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона; посадилъ близъ себя; съ любовію принялъ дары его: икону съ памятниками Страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами Св. Царя Константина — и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріарха отвели въ другую комнату, гдѣ онъ разсказалъ Борису свою исторію. Лѣтъ десять управлявъ Церковію, Іеремія, обнесенный какимъ-то злымъ Грекомъ, былъ сосланъ въ Родосъ, и Султанъ, вопреки торжественному обѣту Магомета II не мѣшаться въ дѣла Христіанской духовной власти, беззаконно далъ Патріаршество Ѳеолипту. Чрезъ пять лѣтъ возвратили изгнаннику санъ Іерарха; но въ древнемъ храмѣ Византійскихъ Первосвятителей уже славили Аллу и Магомета: сія церковь сдѣлалась мечетію (199). «Обливаясь слезами» (говорилъ Іеремія) «я вымолилъ у жестокаго Амурата дозволеніе ѣхать въ земли Христіанскія для собранія милостыни, чтобы посвятить новый храмъ истинному Богу въ древней столицѣ Православія: гдѣ же, кромѣ Россіи, могъ я найти усердіе, жалость и щедрость?» Далѣе, бесѣдуя съ Годуновымъ, онъ похвалилъ мысль Ѳеодорову имѣть Патріарха Россійскаго; а лукавый Годуновъ предложилъ сіе достоинство самому Іереміи, съ условіемъ жить въ Владимірѣ. Іеремія соглашался, но хотѣлъ жить тамъ, гдѣ Царь, то есть въ Москвѣ (200): чего не хотѣлъ Годуновъ, доказывая, что несправедливо удалить Іова, мужа святаго, отъ Московскаго храма Богоматери; что Іеремія, не зная ни языка, ни обычаевъ Россіи, не можетъ быть въ духовныхъ дѣлахъ наставникомъ Вѣнценосца безъ толмача, коему непристойно читать во глубинѣ души Государевой. «Да исполнится же воля Царская!» отвѣтствовалъ Патріархъ: «Уполномоченный нашею Церковію, благословлю и поставлю, кого изберетъ Ѳеодоръ, вдохновенный Богомъ.» Въ выборѣ не было сомнѣнія; но, для обряда, Святители Россійскіе назначили трехъ кандидатовъ: Митрополита Іова, Архіепископа Новогородскаго Александра, Варлаама Ростовскаго, и поднесли докладъ Царю, который избралъ Іова (201). 23 Генваря (1589), послѣ Вечерни, сей *наименованный* Первосвятитель, въ епитрахили, въ омофорѣ и въ ризѣ, пѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, со всѣми Епископами, въ присутствіи Царя и безчисленнаго множества людей; вышелъ изъ Олтаря и сталъ на амвонѣ, держа въ рукѣ свѣчу, а въ другой письмо благодарственное къ Государю и къ Духовенству (202). Тутъ одинъ изъ знатныхъ сановниковъ приближился къ нему, держа въ рукѣ также пылающую свѣчу, и сказалъ громко: «Православный Царь, Вселенскій Патріархъ и Соборъ Освященный возвышаютъ тебя на престолъ Владимірскій, Московскій и всея Россіи.» Іовъ отвѣтствовалъ: «Я рабъ грѣшный; но если Самодержецъ, *Вселенскій Господинъ* Іеремія и Соборъ удостоиваютъ меня столь великаго сана, то пріемлю его съ благодареніемъ;» смиренно преклонилъ главу, обратился къ Духовенству, къ народу, и съ умиленіемъ произнесъ обѣтъ ревностно блюсти ввѣренное ему отъ Бога стадо. Симъ исполнился *уставъ избранія*; торжественное же *посвященіе* совершилось 26 Генваря, на Литургіи, какъ обыкновенно ставили Митрополитовъ и Епископовъ, безъ всякихъ новыхъ обрядовъ (203). Среди *Великой* или Соборной церкви, на помостѣ, былъ изображенъ *мѣломъ* орелъ двоеглавый и сдѣланъ *ѳеатронъ о двѣнадцати степенях и двѣнадцати огненникахъ* (204): тамъ старѣйшій Пастырь Восточнаго Православія, благословивъ Іова какъ сопрестольника великихъ Отцевъ Христіанства, и возложивъ на него дрожащую руку, молился, да будетъ сей Архіерей Іисусовъ неугасаемымъ свѣтильникомъ Вѣры. Имѣя на главѣ митру съ крестомъ и съ короною (205), новопоставленный Московскій Патріархъ священнодѣйствовалъ вмѣстѣ съ Византійскимъ; и когда, отпѣвъ Литургію, раз-

г. 1587 — 1591.

г.1587 —1591. облачился, Государь собственною рукою возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную зеленую мантію съ источниками или полосами, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ знаменіемъ креста; подалъ ему жезлъ Св. Петра Митрополита, и въ привѣтственной рѣчи велѣлъ именоваться Главою Епископовъ, Отцемъ Отцевъ, Патріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ, по милости Божіей и волѣ Царской. Іовъ благословилъ Ѳеодора и народъ; а лики многолѣтствовали Царю и двумъ Первосвятителямъ, Византійскому и Московскому, которые сидѣли съ нимъ рядомъ на стульяхъ (206). Вышедъ изъ церкви, Іовъ, провождаемый двумя Епископами, Боярами, многими чиновниками, ѣздилъ на осляти вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, кропя ихъ Святою водою, осѣняя крестомъ, читая молитвы о цѣлости града (207), и вмѣстѣ съ Іереміею, со всѣмъ Духовенствомъ, Синклитомъ, обѣдалъ у Государя.

Чтобы утвердить достоинство и права Россійскаго Священноначалія, написали уставную грамоту (208), изъясняя въ ней, что *Ветхій Римъ* палъ *отъ ереси Аполлинаріевой* (209); что *Новый Римъ,* Константинополь, обладаемъ безбожными племенами Агарянскими; что *третій Римъ* есть Москва; что вмѣсто лжепастыря Западной Церкви, омраченной духомъ суемудрія, первый Вселенскій Святитель есть Патріархъ Константинопольскій, вторый Александрійскій, третій *Московскій и всея Россіи,* четвертый Антіохійскій, пятый Іерусалимскій (210); что въ Россіи должно молиться о Греческихъ, а въ Греціи о нашемъ, который впредь, до скончанія вѣка, будетъ избираемъ и посвящаемъ въ Москвѣ независимо отъ ихъ согласія или одобренія. Къ наружнымъ отличіямъ сего Архипастыря нашей Церкви прибавили слѣдующія: «Выходъ его долженъ быть всегда съ лампадою, съ пѣніемъ и звономъ; для облаченія имѣть ему амвонъ о трехъ степеняхъ; въ будни носить клобукъ съ Серафимами и крестами обнизными, мантіи объяринныя и всякія иныя съ полосами; ходить въ пути съ крестомъ и жезломъ; ѣздить на шести коняхъ (211).» Тогда же Государь съ двумя Патріархами соборно уложилъ быть въ Россіи *четыремъ Митрополитамъ*: Новогородскому, Казанскому, Ростовскому и Крутицкому (212); *шести Архіепископамъ:* Вологодскому, Суздальскому, Нижегородскому, Смоленскому, Рязанскому, Тверскому — *и осьми Епископамъ:* Псковскому, Ржевскому, Устюжскому, Бѣлоезерскому (213), Коломенскому, Сѣверскому, Дмитровскому.

Участвуя болѣе именемъ, нежели дѣломъ, въ сихъ церковныхъ распоряженіяхъ, Іеремія, Митрополитъ Моневасійскій и Архіепископъ Элассонскій ѣздили между тѣмъ въ Лавру Сергіеву (214), гдѣ, равно какъ и въ Московскихъ храмахъ, удивлялись богатству иконъ, сосудовъ, ризъ служебныхъ; въ столицѣ обѣдали у Патріарха Іова, славя мудрость его бесѣды; славили также высокія достоинства Годунова и рѣдкій умъ старца, Андрея Щелкалова (215); всего же болѣе хвалили щедрость Россійскую: ибо ихъ непрестанно дарили, серебряными кубками, ковшами, перлами, шелковыми тканями (216), соболями, деньгами. Представленные Царицѣ, они восхитились ея святостію, смиреннымъ величіемъ, Ангельскою красотою, сладостію рѣчей (217), равно какъ и наружнымъ великолѣпіемъ. На ней была корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами, діадима и на груди златая цѣпь, украшенныя драгоцѣнными каменьями; одежда бархатная, длинная, обсаженная крупнымъ жемчугомъ, и мантія не менѣе богатая. Подлѣ Царицы стоялъ Царь, а съ другой стороны Борисъ Годуновъ, безъ шапки, смиренно и благоговѣйно; далѣе многія жены знатныя, въ бѣлой одеждѣ, сложивъ руки. Ирина съ умиленіемъ просила Святителей Греческихъ молить Бога, чтобы Онъ даровалъ ей сына, наслѣдника Державѣ — «и всѣ мы, тронутые до глубины сердца» (говоритъ Архіепископъ Элассонскій въ описаніи своего путешествія въ Москву) «вмѣстѣ съ нею обливаясь слезами, единогласно воззвали ко Всевышнему, да исполнится чистое, столь усердное моленіе сей души благочестивой!» — Наконецъ Государь (въ Маіѣ 1589) отпустилъ Іеремію въ Константинополь, съ письмомъ къ Султану, убѣждая его не тѣснить Христіанъ (218), и сверхъ даровъ послалъ туда 1000 рублей, или 2000 золотыхъ монетъ Венгерскихъ, на строеніе новой Патріаршей церкви, къ живѣйшей признательности всего Греческаго Духовенства, которое, Соборною грамотою одобривъ учрежденіе Московской Патріархіи (219), доставило Ѳеодору сію хартію (въ Іюнѣ 1591) чрезъ Митрополита Терновскаго, вмѣстѣ

г.1587 —1591. съ мощами Святыхъ и съ двумя коронами, для Царя и Царицы (220).

Такимъ образомъ уставилась новая верховная степень въ нашей Іерархіи, чрезъ 110 лѣтъ испроверженная Самодержцемъ великимъ, какъ безполезная для Церкви и вредная для единовластія Государей, хотя разумный учредитель ея не далъ тѣмъ Духовенству никакой новой государственной силы, и перемѣнивъ имя, оставилъ Іерарха въ полной зависимости отъ Вѣнценосца. Петръ I зналъ исторію Никона, и *раздѣлилъ*, чтобы ослабить, власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ Митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоанново или въ древнѣйшія, *одинъ* Митрополитъ управлялъ Россійскою Церковію. Петръ царствовалъ, и хотѣлъ только слугъ: Годуновъ, еще называясь подданнымъ, искалъ опоры: ибо предвидѣлъ обстоятельства, въ коихъ дружба Царицы не могла быть достаточна для его властолюбія и — спасенія; обуздывалъ Бояръ, но читалъ въ ихъ сердцѣ злую зависть, ненависть справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ; имѣлъ друзей: но они имъ держались, и съ нимъ бы пали, или измѣнили бы ему въ превратности рока; благотворилъ народу, но худо вѣрилъ его благодарности въ невольномъ чувствѣ своихъ внутреннихъ недобродѣтельныхъ побужденій къ добру, и зналъ, что сей народъ въ случаѣ важномъ обратитъ взоръ недоумѣнія на Бояръ и Духовенство. Годуновъ на мѣстѣ Петра Великаго могъ бы также уничтожить санъ Патріарха; но, будучи въ иныхъ обстоятельствахъ, хотѣлъ польстить честолюбію Іова титломъ высокимъ, чтобы имѣть въ немъ тѣмъ усерднѣйшаго и знаменитѣйшаго пособника: ибо наступалъ часъ рѣшительный, и самовластный Вельможа дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго!

г.1591. Замыселъ Годунова. Если бы Годуновъ и не хотѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Ѳеодоровой короны, то и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ Царя, слабаго не только духомъ, но и тѣломъ — о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матерію и родными въ явной, хотя и въ честной ссылкѣ, въ ненависти къ Правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? монастырь: Годунова? темница или плаха — того, кто мановеніемъ двигалъ Царство, ласкаемый Царями Востока и Запада!.... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, коихъ опасался Правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія? г.1591.

Но Годуновъ еще томился душевнымъ гладомъ, и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестію; упоенный счастіемъ и могуществомъ, волшебнымъ для души самой благородной; кружась на высотѣ, куда не восходилъ дотолѣ ни одинъ изъ подданныхъ въ Россійской Державѣ, Борисъ смотрѣлъ еще выше, и съ дерзкимъ вожделѣніемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ; сіялъ только заимствованнымъ свѣтомъ; долженъ былъ въ самой надменности трудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться предъ тѣнію Царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Престолъ казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ, и гдѣ смертный пользуется какъ бы Божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго Державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волнуя въ немъ сердце, такъ, что онъ наконецъ непрестанно занимался ею. Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее, любопытное, хотя и сомнительное обстоятельство (221): «Имѣя умъ рѣдкій, Борисъ вѣрилъ однакожь искусству гадателей; призвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тихій часъ ночи, и спрашивалъ, что ожидаетъ его въ будущемъ? Льстивые волхвы или звѣздочеты отвѣтствовали: *тебя ожидаетъ вѣнецъ*.... но вдругъ умолкли, какъ бы испуганные дальнѣйшимъ предвидѣніемъ. Нетерпѣливый Борисъ велѣлъ имъ договорить; услышалъ, что ему царствовать только семь лѣтъ, и съ живѣйшею радостію обнявъ предсказателей, воскликнулъ: *хотя бы семь дней, но только царствовать*!» Столь нескромно Годуновъ открылъ будто бы внутренность души мнимымъ мудрецамъ суевѣрнаго вѣка! По крайней мѣрѣ онъ уже не таился отъ самого себя; зналъ, чего хотѣлъ! Ожидая смерти бездѣтнаго Царя, располагая волею Царицы, наполнивъ Думу, Дворъ, Приказы родственниками и друзьями, не сомнѣваясь въ преданности великоименитаго Іерарха Церкви, надѣясь также на блескъ своего правленія и замышляя

г. 1591. новыя хитрости, чтобы овладѣть сердцемъ или воображеніемъ народа, Борисъ не страшился случая безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюриковыхъ до Ѳеодоровыхъ: трона упраздненнаго, конца племени Державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой Династіи, и твердо увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго Вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени Царскаго, сей алчный властолюбецъ видѣлъ, между собою и престоломъ, одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца!..... Гибель Димитріева была неизбѣжна!

Приступая къ исполненію своего ужаснаго намѣренія, Борисъ мыслилъ сперва объявить злосчастнаго Царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги (222): не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на Литургіи; но разсудивъ, что сіе супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакожь утверждено или терпимо Церковною властію, которая торжественнымъ уничтоженіемъ онаго призналась бы въ своей человѣческой слабости, къ двойному соблазну Христіанъ — что Димитрій, не взирая на то, во мнѣніи людей остался бы Царевичемъ, единственнымъ Ѳеодоровымъ наслѣдникомъ — Годуновъ прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему способу устранить совмѣстника, оправдываясь слухомъ, безъ сомнѣнія его же друзьями распущеннымъ, о мнимой преждевременной наклонности Димитріевой ко злу и къ жестокости (223): въ Москвѣ говорили всенародно (слѣдственно безъ страха оскорбить Царя и Правителя), что сей младенецъ, еще имѣя не болѣе шести или семи лѣтъ отъ роду, есть будто бы совершенное подобіе отца: любитъ муки и кровь; съ веселіемъ смотритъ на убіеніе животныхъ: даже самъ убиваетъ ихъ. Сею сказкою хотѣли произвести ненависть къ Димитрію въ народѣ; выдумали и другую для сановниковъ знатныхъ: разсказывали, что Царевичь, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣгу двадцать человѣческихъ изображеній, назвалъ оныя именами первыхъ мужей государственныхъ, поставилъ рядомъ и началъ рубить саблею: изображенію Бориса Годунова отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: «такъ вамъ будетъ въ мое царствованіе» (224)! Въ противность клеветѣ нелѣпой, многіе утверждали, что юный Царевичь оказываетъ умъ и свойства достойныя отрока Державнаго (225); говорили о томъ съ умиленіемъ и страхомъ, ибо угадывали опасность невиннаго младенца, видѣли цѣль клеветы — и не обманулись: если Годуновъ боролся съ совѣстію, то уже побѣдилъ ее, и приготовивъ легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ, держалъ въ рукѣ ядъ и ножъ для Димитрія; искалъ только, кому отдать ихъ для совершенія убійства! г. 1591.

Довѣренность, откровенность свойственна ли въ такомъ умыслѣ гнусномъ? Но Борисъ, имѣя нужду въ пособникахъ, открылся ближнимъ, изъ коихъ одинъ, Дворецкій Григорій Васильевичь Годуновъ, залился слезами, изъявляя жалость, человѣчество, страхъ Божій: его удалили отъ совѣта. Всѣ другіе думали, что смерть Димитріева необходима для безопасности Правителя и для государственнаго блага. Начали съ яда. Мамка Царевичева, Боярыня Василиса Волохова (226), и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зеліе смертоносное не вредило младенцу, по словамъ Лѣтописца, ни въ яствахъ, ни въ питіи (227). Можетъ быть, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли; можетъ быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса, который рѣшился употребить иныхъ смѣлѣйшихъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, одолженныхъ милостями Правителя; но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ; обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы (228). Тогда усерднѣйшій клевретъ Борисовъ, дядька Царскій, Окольничій Андрей Луппъ-Клешнинъ, представилъ человѣка надежнаго: Дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатію звѣрства, такъ, что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото; обѣщалъ болѣе, и совершенную безопасность; велѣлъ извергу ѣхать въ Угличь, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей Царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Битяговскій далъ и сдержалъ слово.

г. 1591. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличь сынъ его, Данило, и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. Успѣхъ казался легкимъ: съ утра до вечера они могли быть у Царицы, занимаясь ея домашнимъ обиходомъ, надзирая надъ слугами и надъ столомъ; а мамка Димитріева съ сыномъ помогала имъ совѣтомъ и дѣломъ. Но Димитрія хранила нѣжная мать!.... Извѣщенная ли нѣкоторыми тайными доброжелателями или своимъ сердцемъ, она удвоила попеченія о миломъ сынѣ; не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью; выходила изъ комнаты только въ церковь; питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣряла ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой. Прошло не мало времени; наконецъ убійцы, не видя возможности совершить злодѣяніе втайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ найдетъ способъ прикрыть оное для своей чести въ глазахъ рабовъ безмолвныхъ: ибо думали только о людяхъ, не о Богѣ! Насталъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными: 15 Мая, въ Субботу, въ шестомъ часу дня, Царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви, и готовилась обѣдать (229); братьевъ ея не было во дворцѣ; слуги носили кушанье. Въ сію минуту Боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ: Царица, думая итти съ ними же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная, для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «Государь! у тебя новое ожерелье.» Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое»... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; едва коснулся гортани его, и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего Державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали, и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда Царица вышла изъ сѣней на крыльцо..... Девятилѣтній Святый Мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери..... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ: некому было остановить ихъ; но Всевышній Мститель присутствовалъ! г. 1591.

Убіеніе Царевича Димитрія.

Чрезъ минуту весь городъ представилъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь Соборной церкви (230) — самъ ли, какъ пишутъ, видѣвъ убійство, или извѣщенный о томъ слугами Царицы — ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота; увидѣли Царевича мертваго на землѣ: подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти; но имена злодѣевъ были уже произнесены ими. Сіи изверги, невидимымъ Судіею ознаменованные для праведной казни, не успѣли или боялись скрыться, чтобы не обличить тѣмъ своего дѣла; въ замѣшательствѣ, въ изступленіи, устрашенные набатомъ, шумомъ, стремленіемъ народа, вбѣжали въ Избу Розрядную; а тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря: не могъ отбить запертой имъ двери, и безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія: приближился къ трупу убіеннаго; хотѣлъ утишить народное волненіе; дерзнулъ сказать гражданамъ (заблаговременно изготовивъ сію ложь съ Клешнинымъ или съ Борисомъ), что младенецъ умертвилъ самъ себя ножемъ въ падучей болѣзни. «Душегубецъ!» завопили толпы; камни посыпались на злодѣя. Онъ искалъ убѣжища во дворцѣ, съ однимъ изъ клевретовъ своихъ, Даниломъ Третьяковымъ: народъ схватилъ, убилъ ихъ; также и сына Михайлова, и Никиту Качалова, выломивъ дверь Розрядной Избы (231). Третій убійца, Осипъ Волоховъ, ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго: его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Димитріевъ, и тамъ умертвили, въ глазахъ Царицы; умертвили еще слугъ Михайловыхъ, трехъ мѣщанъ уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласіи съ убійцами, и *женку юродивую*, которая жила у Битяговскаго и часто ходила во дворецъ; но мамку оставили живую для важныхъ показаній: ибо злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть, какъ пишутъ (232), искреннимъ признаніемъ: наименовали и

г. 1591. главнаго виновника Димитріевой смерти: Бориса Годунова. Вѣроятно, что устрашенная мамка также не запиралась въ адскомъ ковѣ; но судіею преступленія былъ самъ преступникъ!

Беззаконно совершивъ месть, хотя и праведную — отъ ненависти къ злодѣямъ, отъ любви къ Царской крови забывъ гражданскіе уставы — извиняемый чувствомъ усердія, но виновный предъ судилищемъ государственной власти, народъ опомнился, утихъ, и съ безпокойствомъ ждалъ указа изъ Москвы, куда градоначальники послали гонца съ донесеніемъ о бѣдственномъ происшествіи, безъ всякой утайки, надписавъ бумагу на имя Царя. Но Годуновъ бодрствовалъ: вѣрные ему чиновники были разставлены по Углицкой дорогѣ; всѣхъ ѣдущихъ задерживали, спрашивали, осматривали; схватили гонца и привели къ Борису. Желаніе злаго властолюбца исполнилось!... Надлежало только затмить истину ложью, если не для совершеннаго удостовѣренія людей безпристрастныхъ, то по крайней мѣрѣ для вида, для пристойности. Взяли и переписали грамоты Углицкія: сказали въ нихъ, что Царевичь въ судорожномъ припадкѣ закололъ себя ножемъ, отъ небреженія Нагихъ, которые, закрывая вину свою, безстыдно оклеветали Дьяка Битяговскаго и ближнихъ его въ убіеніи Димитрія, взволновали народъ, злодѣйски истерзали невинныхъ. Съ симъ подлогомъ Годуновъ спѣшилъ къ Θеодору, лицемѣрно изъявляя скорбь душевную; трепеталъ, смотрѣлъ на небо (233) — и вымолвивъ ужасное слово о смерти Димитріевой, смѣшалъ слезы крокодиловы съ искренними слезами, добраго, нѣжнаго брата. Царь, по словамъ Лѣтописца, горько плакалъ, долго безмолвствуя; наконецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія!» и всему повѣрилъ. Но требовалось чего нибудь болѣе для Россіи: хотѣли оказать усердіе въ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ сего несчастія: ни мало не медля, послали для того въ Угличь двухъ знатныхъ сановниковъ государственныхъ — и кого же? Окольничаго Андрея Клешнина, главнаго Борисова пособника въ злодѣйствѣ! Не дивились сему выбору: могли удивиться другому: Боярина Князя Василія Ивановича Шуйскаго, коего старшій братъ, Князь Андрей, погибъ отъ Годунова (234), и который самъ нѣсколько лѣтъ ждалъ отъ него гибели, будучи въ опалѣ. Но хитрый Борисъ уже примирился съ г. 1591. симъ Княземъ честолюбивымъ, легкомысленнымъ, умнымъ безъ правилъ добродѣтели, и съ меньшимъ его братомъ, Димитріемъ, женивъ послѣдняго на своей юной своячинѣ, и давъ ему санъ Боярина. Годуновъ зналъ людей, и не ошибся въ Князѣ Василіи, оказавъ такимъ выборомъ мнимую неустрашимость, мнимое безпристрастіе. — 19 Мая, ввечеру, Князь Шуйскій, Клешнинъ и Дьякъ Вылузгинъ пріѣхали въ Угличь, а съ ними и Крутицкій Митрополитъ, прямо въ церковь Св. Преображенія.

Тамъ еще лежало Димитріево тѣло окровавленное, и на тѣлѣ ножъ убійцъ. Злосчастная мать, родные и всѣ добрые граждане плакали горько (235). Шуйскій съ изъявленіемъ чувствительности приступилъ ко гробу, чтобы видѣть лице мертваго, осмотрѣть язву; но Клешнинъ, увидѣвъ сіе Ангельское, мирное лице, кровь и ножъ, затрепеталъ, оцѣпенѣлъ, стоялъ неподвижно, обливаясь слезами; не могъ произнести ни единаго слова (236): онъ еще имѣлъ совѣсть! Глубокая язва Димитріева, гортань перерѣзанная рукою сильнаго злодѣя, не собственною, не младенческою, свидѣтельствовала о несомнительномъ убіеніи: для того спѣшили предать землѣ святыя мощи невинности; Митрополитъ отпѣлъ ихъ — и Князь Шуйскій началъ свои допросы (237): памятникъ его безсовѣстной лживости, сохраненный временемъ какъ бы въ оправданіе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣнценосную, сего слабаго, если и не безбожнаго человѣкоугодника! Собравъ Духовенство и гражданъ, онъ спросилъ у нихъ: *какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Нагихъ, закололъ самъ себя* (238)? Единодушно, единогласно — Иноки, Священники, мужи и жены, старцы и юноши — отвѣтствовали: *Царевичь убіенъ своими рабами, Михайломъ Битяговскимъ съ клевретами, по волѣ Бориса Годунова* (239). Шуйскій не слушалъ далѣе; распустилъ ихъ; рѣшился допрашивать тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями; призывалъ, кого хотѣлъ; писалъ, что хотѣлъ — и наконецъ, вмѣстѣ съ Клешнинымъ и съ Дьякомъ Вылузгинымъ, составилъ слѣдующее донесеніе Царю, основанное будто бы на показаніяхъ городскихъ чиновниковъ, Мамки Волоховой, Жильцовъ или Царевичевыхъ Дѣтей Боярскихъ, Дими-

г. 1591. тріевой кормилицы Ирины, постельницы Марьи Самойловой, двухъ Нагихъ: Григорія и Андрея Александрова, — Царицыныхъ Ключниковъ и Стряпчихъ, нѣкоторыхъ гражданъ и духовныхъ особъ (240): «Димитрій, въ Среду Мая 12, занемогъ падучею болѣзнію; въ Пятницу ему стало лучше: онъ ходилъ съ Царицею къ Обѣднѣ и гулялъ на дворѣ; въ Субботу, также послѣ Обѣдни, вышелъ гулять на дворъ съ мамкою, кормилицею, постельницею и съ молодыми Жильцами; началъ играть съ ними ножемъ въ *тычку*, и въ новомъ припадкѣ чернаго недуга проткнулъ себѣ горло ножемъ, долго бился о землю и скончался. Имѣя сію болѣзнь и прежде, Димитрій однажды уязвилъ свою мать, а въ другой разъ объѣлъ руку дочери Андрея Нагаго. Узнавъ о несчастіи сына, Царица прибѣжала и начала бить мамку, говоря, что его зарѣзали Волоховъ, Качаловъ, Данило Битяговскій, изъ коихъ ни одного тутъ не было; но Царица и *пьяный* братъ ея, Михайло Нагой, велѣли умертвить ихъ и Дьяка Битяговскаго безвинно, единственно за то, что сей усердный Дьякъ не удовлетворялъ корыстолюбію Нагихъ и не давалъ имъ денегъ сверхъ указа Государева. Свѣдавъ, что сановники Царскіе ѣдутъ въ Угличь, Михайло Нагой велѣлъ принести нѣсколько самопаловъ, ножей, желѣзную палицу, — вымазать оные кровью и положить на тѣла убитыхъ, въ обличеніе ихъ мнимаго злодѣянія.» Сію нелѣпость утвердили своею подписью Воскресенскій Архимандритъ Өеодоритъ, два Игумена и Духовникъ Нагихъ (241), отъ робости и малодушія; а свидѣтельство истины, мірское, единогласное, было утаено: записали только отвѣты Михайла Нагаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ.

Шуйскій, возвратясь въ Москву, 2 Іюня представилъ свои допросы Государю; Государь же отослалъ ихъ къ Патріарху и Святителямъ, которые, въ общей думѣ съ Боярами, велѣли читать сей свитокъ знатному Дьяку Василью Щелкалову. Выслушавъ, Митрополитъ Крутицкій, Геласій, всталъ и сказалъ Іову: «объявляю Священному Собору, что вдовствующая Царица, въ день моего отъѣзда изъ Углича, призвала меня къ себѣ и слезно убѣждала смягчить гнѣвъ Государевъ на тѣхъ, которые умертвили Дьяка Битяговскаго и товарищей его; что она сама видитъ въ семъ дѣлѣ преступленіе, моля смиренно, да не погубитъ Государь ея бѣдныхъ родственниковъ» (242). Лукавый Геласій — исказивъ, вѣроятно, слова несчастной матери — подалъ Іову новую бумагу отъ имени городоваго Углицкаго Прикащика, который писалъ въ ней, что Димитрій дѣйствительно умеръ въ черномъ недугѣ, а Михайло Нагой *пьяный* велѣлъ народу убить невинныхъ... И Соборъ (воспоминаніе горестное для Церкви!) поднесъ Өеодору докладъ такого содержанія: «Да будетъ воля Государева! Мы же удостовѣрились несомнительно, что жизнь Царевичева прекратилась судомъ Божіимъ; что Михайло Нагой есть виновникъ кровопролитія ужаснаго, дѣйствовалъ по внушенію личной злобы и совѣтовался съ злыми *вѣщунами*, съ Андреемъ Мочаловымъ и съ другими; что граждане Углицкіе вмѣстѣ съ нимъ достойны казни за свою *измѣну* и беззаконіе. Но сіе дѣло есть земское: вѣдаетъ оное Богъ и Государь; въ рукѣ Державнаго опала и милость. А мы должны единственно молить Всевышняго о Царѣ и Царицѣ, о тишинѣ и благоденствіи народа!» Өеодоръ велѣлъ Боярамъ рѣшить дѣло и казнить виновныхъ: привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитріеву съ мужемъ, и мнимаго вѣщуна Мочалова, въ тяжкихъ оковахъ (243); снова допрашивали, пытали, особенно Михайла Нагаго, и не могли вынудить отъ него лжи о самоубійствѣ Димитрія (244); наконецъ сослали всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую Царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую Пустыню Св. Николая на Выксѣ (близъ Череповца); тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію; а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ (245), такъ, что древній, обширный Угличь, гдѣ было, если вѣрить преданію 150 церквей и не менѣе тридцати тысячь жителей, опустѣлъ навѣки, въ г. 1591.

г. 1591. память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей его дѣла. Остались развалины, вопія къ Небу о мести!

Карая великодушіе, Годуновъ съ такою же дерзостію наградилъ злодѣяніе, давъ богатыя земли и помѣстья гнусной мамкѣ Волоховой, женѣ и дочерямъ Битяговскаго ([246]); осыпалъ дарами мужей Думныхъ и всѣхъ знатныхъ сановниковъ ([247]); ласкалъ ихъ, угощалъ обѣдами роскошными (не могъ успокоить одного Клешнина, въ терзаніяхъ совѣсти умершаго чрезъ нѣсколько лѣтъ Схимникомъ) . . . Но въ безмолвіи Двора и Церкви слышанъ былъ ропотъ народа, не обманутаго ни слѣдствіемъ Шуйскаго, ни приговоромъ Святителей, ни судомъ Боярскимъ: лазутчики Годунова слышали въ полголоса произносимыя слова *о страшномъ закланіи*, тайномъ его виновникѣ ([248]), жалостномъ ослѣпленіи Царя; безсовѣстномъ потворствѣ Вельможъ и Духовенства; видѣли въ толпахъ печальныя лица. Борисъ, тревожимый молвою, нашелъ способъ утишить оную, въ великомъ бѣдствіи, которое тогда постигло столицу. На канунѣ Троицы, въ отсутствіе Государя, уѣхавшаго съ Боярами въ Лавру Св. Сергія, запылалъ въ Москвѣ дворъ Колымажный, и въ нѣсколько часовъ сгорѣли улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Бѣлый городъ и за нимъ Дворъ Посольскій, слободы Стрѣлецкія, все Занеглинье ([249]): домы, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, гдѣ жило знатное Дворянство, уцѣлѣли; но граждане остались безъ крова, нѣкоторые и безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Ѳеодора, требовать его милости и помощи: Борисъ не допустилъ ихъ до Царя; явился между ими съ видомъ любви и сожалѣнія, всѣхъ выслушалъ, всѣмъ обѣщалъ, и сдѣлалъ обѣщанное: выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты; оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ, что Москвитяне, утѣшенные, изумленные сими благодѣяніями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался онъ несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія любви народной, или былъ тайнымъ виновникомъ онаго, какъ утверждаетъ Лѣтописецъ, и какъ думали многіе изъ современниковъ ([250])? Въ самыхъ Розрядныхъ Книгахъ сказано, что Москву жгли тогда злодѣи; но Борисъ хотѣлъ обратить сіе подозрѣніе на своихъ ненавистниковъ: взяли людей Аѳанасія Нагаго и братьевъ его, допрашивали и говорили, что они уличаются въ злодѣйствѣ; однакожь не казнили ихъ, и дѣло осталось неяснымъ для потомства.

Пожаръ въ Москвѣ.

Скоро и другой, какъ бы благопріятный для Годунова случай, великою, неожиданною опасностію взволнововавъ Москву и всю Россію, отвлекъ мысли народа отъ ужасной Димитріевой смерти: нашествіе варваровъ. Маня Ѳеодора увѣреніями въ дружествѣ, Ханъ Казы-Гирей сносился съ Королемъ Шведскимъ ([251]), требовалъ отъ него золота, обѣщалъ сильнымъ впаденіемъ поколебать Москву, и дѣйствительно къ тому готовился, исполняя приказъ Султана, врага нашего, и будучи самъ недоволенъ Россіею: во-первыхъ, онъ свѣдалъ, что мы тайно извѣстили Литовскихъ Пановъ о намѣреніи его снова итти на ихъ землю ([252]) и предлагали имъ общими силами воевать Тавриду (о чемъ, вѣроятно, далъ ему знать Король Сигизмундъ); во-вторыхъ, Ѳеодоръ не отпустилъ Царевича Мурата къ Хану, который убѣдилъ сего племянника забыть старое и хотѣлъ сдѣлать Калгою или главнымъ Вельможею Орды Таврической: Муратъ жилъ въ Астрахани, неизмѣнно усердствовалъ Россіи, обуздывалъ Ногаевъ ([253]) и, къ искреннему сожалѣнію Ѳеодора, скоропостижно умеръ, *испорченный*, какъ думали, подосланными къ нему изъ Крыма злодѣями ([254]); но Ханъ утверждалъ, что Россіяне ядомъ отравили Мурата, и клялся отмстить имъ. Третіею виною Казы-Гиреева ополченія на Россію была мысль его Князей, что каждый добрый Ханъ обязанъ, въ исполненіе древняго обычая, хотя однажды видѣть берега Оки для снисканія воинской чести ([255]): то есть, они желали Русской добычи, и вѣрили бывшему у нихъ Послу Шведскому, что все наше войско занято войною съ Королемъ его. Мы всегда имѣли друзей и лазутчиковъ въ Крыму, чтобы знать не только дѣйствія, но и всѣ замыслы Хановъ; въ сіе время находились тамъ и гонцы Московскіе: слѣдственно Ханъ не могъ утаить отъ насъ своего вооруженія чрезвычайнаго; но умѣлъ обмануть: увѣрилъ бдительнаго Правителя, что идетъ разорять Вильну и Краковъ; назначилъ знатное Посоль-

Нашествіе Хана и битва подъ Москвою.

г. 1591. ство въ Москву для заключенія союза съ нами; требовалъ, чтобы и Царь немедленно прислалъ къ нему кого нибудь изъ первыхъ сановниковъ. Между тѣмъ всѣ Улусы были въ сильномъ движеніи; всѣ годные люди садились на коней, отъ стараго до малаго; съ ними соединились и полки Ногайскіе Казыева Улуса, и Султанскіе, изъ Азова, Бѣлагорода, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ ([256]). Наступала весна, всегда опасная для южной Россіи; а Царская Дума не тревожилась, выславъ въ началѣ Апрѣля знатныхъ Воеводъ къ нашей обыкновенной береговой рати: Князя Мстиславскаго, Ноготкова, Трубецкихъ, Голицына, Ѳедора Хворостинина, въ Серпуховъ, Калугу и въ другія мѣста ([257]). Еще въ Маѣ разъѣзды наши не встрѣчали ни одного Татарина на берегахъ Донца Сѣверскаго и Боровой: видѣли только слѣды зимняго кочевья и юрты оставленныя. Но 26 Іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстію, что степь покрылась тучами Ханскими; что не менѣе ста-пятидесяти тысячь Крымцевъ идетъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не медля, не разсыпаясь для грабежа. Годунову надлежало оказать всю бодрость своего духа и загладить оплошность: въ тотъ же часъ послали указы къ Воеводамъ всѣхъ степныхъ крѣпостей, велѣли имъ спѣшить къ Серпухову, соединиться съ Княземъ Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить Хана въ полѣ. Къ несчастію, главное войско наше стояло тогда въ Новѣгородѣ и Псковѣ, наблюдая Шведовъ; оно не могло приспѣть къ рѣшительной битвѣ: о немъ уже не думали. Объявили Москву въ осадѣ; поручили блюсти дворецъ Государевъ Князю Ивану Михайловичу Глинскому ([258]), Кремль Боярину Князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому, Китай Голицыну, Бѣлый городъ Ногтеву-Суздальскому и Мусѣ Туренину. 27 Іюня свѣдали о быстромъ стремленіи непріятеля къ столицѣ, увѣрились въ невозможности соединенія всѣхъ полковъ на берегахъ Оки до прихода Ханскаго, и перемѣнили распоряженіе: велѣли Мстиславскому итти къ Москвѣ, чтобы предъ ея священными стѣнами, въ виду храмовъ и палатъ Кремлевскихъ, въ глазахъ Царя и Царицы, за Вѣру, за отечество сразиться съ невѣрными. Въ ободреніе народу разглашали, что мы, оставляя берега Оки, заманиваемъ непріятеля въ сѣти ([259]), и хотимъ внутри Россіи истребить его совершенно. Въ самомъ дѣлѣ сіе отступленіе прибавляло къ береговому войску еще нѣсколько тысячь лучшихъ ратниковъ Московскихъ, благородную дружину Государеву, знатныхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ: давало намъ важный перевѣсъ въ силахъ и выгоду биться подъ стѣнами неодолимыми, подъ громомъ тяжелаго огнестрѣльнаго снаряда, ужаснаго для варваровъ. Надлежало единственно взять мѣры, чтобы Ханъ не ввергнулъ огня и разрушенія въ нѣдра столицы, какъ сдѣлалъ Девлетъ-Гирей въ 1571 году: для того съ удивительною скоростію укрѣпили предмѣстіе за Москвою рѣкою деревянными стѣнами съ бойницами ([260]); обратили монастыри въ твердыни: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ; назначили станъ войску верстахъ въ двухъ отъ города, между Калужскою и Тульскою дорогою; соорудили тамъ дощатый подвижный городокъ на колесахъ и церковь Св. Сергія, гдѣ поставили икону Богоматери, бывшую съ Димитріемъ въ Донской битвѣ; пѣли молебны, обходили всю Москву съ крестами, и съ нетерпѣніемъ ждали Мстиславскаго. 29 Іюня сей Воевода выступилъ изъ Серпухова, оставивъ на Окѣ малочисленную стражу, и ночевалъ на Лопаснѣ, среди высокихъ кургановъ, славныхъ памятниковъ незабвенной побѣды 1572 года ([261]): шелъ тотъ же непріятель; но Россія уже не имѣла Воротынскаго! 1 Іюля, ввечеру, полки расположились на лугахъ Москвы-рѣки, противъ села Коломенскаго, а Воеводы спѣшили къ Государю съ донесеніемъ и для совѣта; возвратились въ слѣдующее утро, и ввели полки въ изготовленный для нихъ станъ, противъ монастыря Даниловскаго. Въ тотъ день самъ Государь пріѣхалъ къ войску, осмотрѣлъ его, *жаловалъ* Воеводъ и всѣхъ людей ратныхъ *милостивыми словами, спрашивалъ ихъ о здравіи*, не оказывая робости, изъявляя надежду на Бога и на своихъ добрыхъ Россіянъ.

Іюля 3 извѣстили Ѳеодора, что Ханъ перешелъ Оку подъ Тѣшловымъ, ночуетъ на Лопаснѣ, идетъ прямо къ Москвѣ; что передовый отрядъ непріятельскій, встрѣтивъ мужественнаго Воеводу, Князя Владиміра Бахтеярова, высланнаго на Похру съ двумя стами пятидесятью Дѣтьми Боярскими, разбилъ его и гналъ, жестоко уязвленнаго, до селенія Бицъ. Тогда войско наше изготови-

г. 1591. лось къ сраженію; каждый полкъ занялъ свое мѣсто, не выходя изъ укрѣпленій, и ввечеру пришла къ нимъ вся дружина Царская; явился наконецъ и Борисъ Годуновъ, въ полномъ доспѣхѣ, на ратномъ конѣ, подъ древнимъ знаменемъ Великокняжескимъ: кто былъ душею Царства въ Совѣтѣ, тому надлежало одушевить и воиновъ въ битвѣ за Царство. Ѳеодоръ отдалъ ему всѣхъ Дворянъ своихъ и тѣлохранителей, дотолѣ неразлучныхъ съ особою Монарха; заключился въ уединенной палатѣ съ супругою и съ Духовникомъ для молитвы; не боялся опасности, ибо считалъ за грѣхъ бояться, и сдѣлавъ все, что могъ, для спасенія отечества, съ Ангельскимъ спокойствіемъ предавалъ себя и Державу въ волю Всевышняго. За Правителемъ ѣхали и всѣ Бояре, какъ бы за Государемъ; но, встрѣченный, привѣтствуемый Воеводами, онъ не взялъ главнаго начальства изъ рукъ знатнѣйшаго или опытнѣйшаго Вождя, Князя Мстиславскаго; удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ Большомъ Полку, составивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ, въ числѣ коихъ находился и знаменитый изгнанникъ, Богданъ Яковлевичь Бѣльскій, властію Годунова уже примиренный съ Дворомъ и съ народомъ, витязь украшенный знаками отличія и славы (262).

Всю ночь стояла рать подъ знаменами; всю ночь бодрствовалъ Годуновъ: ходилъ по рядамъ, укрѣплялъ духъ Воеводъ и воиновъ (263), совѣтовалъ и принималъ совѣты, требовалъ довѣренности и находилъ ее, великимъ умомъ замѣняя недостатокъ въ опытности ратной. Знали о близости непріятеля; слышали вдали шумъ, топотъ коней, и на разсвѣтѣ увидѣли густыя толпы Ханскія. Казы-Гирей шелъ осторожно, сталъ противъ села Коломенскаго, и съ Поклонной горы обозрѣвъ мѣста, велѣлъ своимъ Царевичамъ ударить на войско Московское. Дотолѣ все было тихо; но какъ скоро многочисленная конница непріятельская спустилась съ высоты на равнину, загремѣли всѣ бойницы стана, монастырей, Кремлевскія (264), и сотни отборныя изъ каждаго полку съ отборными Головами, дружины *Литовскія*, Нѣмецкія съ ихъ *Капитанами* выступили изъ укрѣпленія, чтобы встрѣтить Крымцевъ; а Воеводы съ главнымъ войскомъ оставались въ дощатомъ городкѣ и ждали своего часа. Битва началася вдругъ во многихъ мѣстахъ: ибо непріятель, осыпанный пушечными ядрами, раздѣлился, пуская стрѣлы, и въ схваткѣ дѣйствуя саблями лучше нашихъ; но мы имѣли выгоду, искусно стрѣляя изъ ручныхъ пищалей, стоя и нападая дружнѣе. Песчаная равнина покрывалась болѣе Мусульманскими, нежели Христіанскими трупами, въ виду у Хана и Москвитянъ, коими стѣны, башни, колокольни были унизаны, вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: ибо дѣло шло о Москвѣ: ее губили или спасали побѣдители! Народъ то безмолвствовалъ, то вопилъ, слѣдуя душею за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще до сего времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Не имѣли нужды въ вѣстникахъ: глазъ управлялъ чувствомъ страха и надежды. Другіе не хотѣли ничего видѣть: смотрѣли только на святыя иконы, орошая теплыми слезами помостъ храмовъ, гдѣ пѣніе Іереевъ заглушалось звукомъ пальбы и куреніе ѳиміама мѣшалось съ дымомъ пороха. Сказаніе едва вѣроятное: въ сію торжественную, роковую годину, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ Московскихъ, одинъ человѣкъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой: тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божіимъ призывалось Россіянами въ сѣчѣ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы: самъ Государь!... Утомленный долгою молитвою, Ѳеодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный (265); всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ добрый Бояринъ, Григорій Васильевичь Годуновъ, и плакалъ: Ѳеодоръ обратился къ нему, увидѣлъ его слезы и сказалъ: «будь спокоенъ! завтра не будетъ Хана!» Сіе слово, говоритъ Лѣтописецъ, оказалось пророчествомъ.

Сраженіе было не рѣшительно. Съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляли ратующихъ; но главныя силы еще не вступали въ дѣло: Мстиславскій, Годуновъ съ Царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались съ мѣста, ожидая Хана, который съ своими надежнѣйшими дружинами занялъ ввечеру село Воробьево (266) и не хотѣлъ сойти съ горы, откуда алчный взоръ его пожиралъ столицу, добычу завидную, но

г. 1591. не легкую: ибо земля стопала отъ грома Московскихъ пушекъ и Россіяне бились мужественно на равнинѣ до самой ночи, которая дала наконецъ отдыхъ тому и другому войску. Множество Татаръ легло въ сѣчѣ; множество было ранено: Царевичь Бахты-Гирей, нѣсколько Большихъ Князей и Мурзъ (267); взято въ плѣнъ также немалое число людей знатныхъ. Духъ упалъ въ Ханѣ и въ Вельможахъ Крымскихъ: они совѣтовались, что дѣлать, и болѣе ужасали, нежели ободряли другъ друга разсужденіемъ о слѣдствіяхъ новой, рѣшительной битвы, — слыша пальбу безпрестанную, видя сильное движеніе между нашимъ станомъ и Москвою: ибо Годуновъ, не жалѣя пороху, велѣлъ и ночью стрѣлять изъ пушекъ, для устрашенія непріятеля, и граждане послѣ сѣчи толпами устремились въ станъ, привѣтствовать храбрыхъ, видѣть живыхъ друзей и родственниковъ, узнать о мертвыхъ. Плѣнники Россійскіе, вѣрные отечеству и въ узахъ, отвѣтствуя на вопросы Хана, говорили ему, что въ Москву пришло свѣжее войско, изъ Новагорода и Пскова; что мы стрѣляемъ въ знакъ радости, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, и еще до разсвѣта ударимъ всѣми силами на Крымцевъ (268). Ханъ могъ имъ и не вѣрить; но уже видѣлъ обманъ Короля Шведскаго: видѣлъ, что Россія, не взирая на войну съ Шведами, имѣетъ довольно защитниковъ — и бѣжалъ за часъ до свѣта!

Извѣстивъ о томъ Государя, Воеводы при звукѣ всѣхъ колоколовъ радостной Москвы, со всѣми полками выступили въ слѣдъ за Ханомъ, который бѣжалъ безъ памяти, оставляя на пути имъ въ добычу и лошадей и рухлядь и запасы (269); слышалъ за собою топотъ нашей конницы, и безъ отдыха въ сутки достигъ Оки; на восходѣ солнца увидѣлъ передовую дружину Россіянъ, и кинулся въ рѣку, бросивъ на берегу собственные *возки* Царскіе; утопилъ множество людей своихъ, и бѣжалъ далѣе. Мстиславскій и Годуновъ ночевали въ Бицахъ, гоня непріятеля легкими отрядами, которые настигли задніе полки его близъ Тулы, разбили ихъ, взяли 1000 плѣнниковъ съ нѣкоторыми знатнѣйшими Мурзами; топтали, истребляли Крымцевъ въ степяхъ и выгнали изъ нашихъ владѣній, гдѣ Казы-Гирей не успѣлъ злодѣйствовать, и 2 Августа прискакалъ на телегѣ ночью въ Бакчисарай, съ подвязанною, уязвленною рукою; а Крымцевъ возвратилось не болѣе трети, пѣшихъ, голодныхъ, такъ, что сей Ханскій походъ оказался самымъ несчастнѣйшимъ для Тавриды и самымъ безвреднѣйшимъ для Россіи, гдѣ все осталось въ цѣлости: и города, и деревни, и жители. г. 1591.

Главные Воеводы не ходили далѣе Серпухова. Царь, можетъ быть по совѣту умной Ирины, писалъ къ нимъ, чтобы они гнали и старались истребить непріятеля въ степяхъ; но Князь Мстиславскій отвѣтствовалъ ему, что имъ не возможно достигнуть Хана, и въ сей бумагѣ наименовавъ себя одного, получилъ отъ Ѳеодора строгій выговоръ за неозначеніе въ ней Борисова *великаго* имени (270), къ коему Дворъ относилъ всю честь побѣды. Однакожь соблюли равенство въ наградахъ: 10 Іюля пріѣхалъ въ Серпуховъ Стольникъ, Иванъ Никитичь Юрьевъ, съ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ Государевымъ: *спросилъ войско о здравіи* и вручилъ Воеводамъ медали: Мстиславскому и Годунову *золотые Португальскіе*, инымъ *корабельники* и червонцы Венгерскіе. Велѣвъ остаться на берегу нѣкоторымъ младшимъ изъ нихъ, Государь звалъ всѣхъ другихъ въ Москву для изъявленія имъ новыхъ милостей: надѣлъ на Бориса съ своего плеча *шубу Русскую* съ золотыми пуговицами въ 1000 рублей (или въ 5000 нынѣшнихъ серебряныхъ), и съ себя же цѣпь драгоцѣнную; пожаловалъ ему златый сосудъ Мамаевскій, славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской въ наслѣдственное достояніе, и титло *Слуги*, знаменитѣйшее Боярскаго, и въ теченіе вѣка носимое только тремя Вельможами: Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, коего отецъ спасъ юнаго Іоанна III отъ Шемякиной злобы; Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ за Ведрошскую побѣду и сыномъ его, безсмертнымъ Княземъ Михайломъ, за разбитіе Крымскихъ Царевичей на Донцѣ и взятіе Казани. Князю Мстиславскому далъ Ѳеодоръ, также съ своего плеча, шубу съ золотыми пуговицами, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другихъ Воеводъ, Головъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ жаловалъ шубами, сосудами, вотчинами и помѣстьями, или деньгами, камками, бархатами, атласами, соболями и куницами; Стрѣльцевъ

Новый санъ Годунова.

г. 1591. и Козаковъ тафтами, сукнами, деньгами: однимъ словомъ, никто изъ воиновъ не остался безъ награды, и не было конца великолѣпнымъ пирамъ въ Грановитой палатѣ, болѣе въ честь Годунова, нежели въ Царскую: ибо Θеодоръ велѣлъ торжественно объявить и въ Россіи и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему побѣду *радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ*. Такимъ образомъ новый лучь озарилъ главу Правителя, лучь ратной славы, блистательнѣйшей для народа Державы воинственной, которую окружали еще столь многія опасности и непріятели! — На мѣстѣ, гдѣ войско стояло въ укрѣпленіи противъ Хана, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный *Донскимъ* отъ имени святой иконы, которая была съ Димитріемъ на Куликовѣ полѣ и съ Годуновымъ въ Московской битвѣ; а на случай новаго приступа варваровъ къ столицѣ защитили всѣ ея посады деревянными стѣнами съ высокими башнями ([271]).

Донскій монастырь.

Но торжество Борисово, пиры Двора и воинства, милости и жалованья Царскія заключились пытками и казнями! Донесли Правителю, что оскорбительная для него молва носится въ городахъ уѣздныхъ, особенно въ Алексинѣ — молва, распущенная его непріятелями, по крайней мѣрѣ нелѣпая: говорили, что будто бы онъ привелъ Хана къ Москвѣ, желая унять вопль Россіи о жалостномъ убіеніи Димитрія ([272]). Народъ — и только одинъ народъ — слушалъ, повторялъ сію клевету. Съ великодушіемъ, съ невинностію Годуновъ могъ бы презрѣть злословіе грубое, разносимое вѣтромъ; но Годуновъ съ совѣстію нечистою закипѣлъ гнѣвомъ: послалъ чиновниковъ въ разныя мѣста; велѣлъ изыскивать, допрашивать, мучить людей бѣдныхъ, которые отъ простоты ума служили эхомъ клеветѣ, и въ страхѣ, въ истязаніяхъ оговаривали безвинныхъ; нѣкоторые умерли въ пыткахъ или въ темницахъ; другихъ казнили, инымъ рѣзали языки — и многія мѣста, по словамъ Лѣтописца, опустѣли тогда въ Украйнѣ, въ прибавленіе къ развалинамъ Углича!

г. 1592.

Клевета на Правителя и месть его.

Сія жестокость, достойная временъ Іоанновыхъ, казалась Годунову необходимою для его безопасности и чести, чтобы никто не дерзалъ ни говорить, ни мыслить ему противнаго: единственное условіе, коего не должно было нарушать для жизни мирной и счастливой въ Θеодорово царствованіе! Грозный только для своихъ порицателей, Годуновъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ хотѣлъ блистать милосердіемъ рѣдкимъ. Заслуживалъ ли кто опалу, но могъ извиниться естественно человѣческою слабостію? того миловали и писали въ указѣ: «Государь прощаетъ, изъ уваженія къ ходатайству Слуги, Конюшаго Боярина» ([273]). Даже измѣнникамъ, даже Михайлу Головину, жившему въ Литвѣ ([274]), Борисъ предлагалъ мирное возвращеніе въ отечество, знатнѣйшій санъ и лучшее помѣстье, какъ бы въ возмездіе за гнусную измѣну! Кого же осуждали на казнь, о томъ писали въ указѣ: «такъ приговорили Бояре, Князь Θедоръ Ивановичь Мстиславскій съ товарищи;» о Годуновѣ не упоминали. Для пріятелей, угодниковъ, льстецовъ не имѣя ничего завѣтнаго, кромѣ верховной власти, въ его рукахъ неприкосновенной, онъ ежедневно умножалъ число ихъ, и чѣмъ болѣе заслуживалъ укоризны, тѣмъ болѣе искалъ хвалы, и вездѣ слышалъ оную, искреннюю и лицемѣрную — читалъ и въ книгахъ ([275]), сочиняемыхъ тогдашними грамотѣями, духовными и мірскими; однимъ словомъ, искусствомъ и силою, страхомъ и благодѣяніями произвелъ вокругъ себя громъ славы, заглушая имъ если не внутренній гласъ совѣсти, то по крайней мѣрѣ гласъ истины въ народѣ.

Милосердіе и слава Годунова.

Но жертвуя одной мысли и Небомъ и самымъ истиннымъ земнымъ счастіемъ: спокойствіемъ, внутреннимъ услажденіемъ добродѣтели, законнымъ величіемъ государственнаго благотворителя, чистою славою въ Исторіи, Годуновъ едва было не лишился вожделѣннаго плода своихъ козней, отъ случая естественнаго, но неожиданнаго: вдругъ разнеслася вѣсть отъ дворца Кремлевскаго до самыхъ крайнихъ предѣловъ Государства — и всѣхъ, кромѣ Бориса, отъ Монарха до земледѣльца, исполнила счастливой надежды — вѣсть, что Ирина беременна! Никогда Россія, по сказанію Лѣтописца, не изъявляла искреннѣйшаго веселія: казалось, что Небо, раздраженное преступленіемъ Годунова, но смягченное тайными слезами добрыхъ ея сыновъ, примирилось съ нею, и на могилѣ Димитріевой насаждаетъ новое Царственное древо, которое своими вѣтвями обниметъ грядущіе вѣки Россіи. Легко вообразить сіи чувства народа,

г. 1592. приверженнаго къ вѣнценосному племени Св. Владиміра: гораздо труднѣе вообразить тогдашнія чувства Борисовы. Гнуснѣйшее изъ убійствъ оставалось тщетнымъ для убійцы: совѣсть терзала его, а надежда затмѣвалась навѣки или до новаго злодѣйства, еще страшнаго и для злодѣя! Годуновъ долженъ былъ терпѣть общую радость, изъявлять живѣйшее въ ней участіе, обманывать Дворъ и сестру свою! Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ нетерпѣливаго ожиданія, Ирина родила дочь, къ облегченію Борисова сердца; но родители были и тѣмъ счастливы, какъ ни желали имѣть наслѣдника престолу: разрѣшилось неплодіе, и нѣжность ихъ могла увѣнчаться плодомъ новымъ, въ исполненіе общаго желанія. Не только чувствительная мать, но и тихій, хладнокровный Θеодоръ въ восторгѣ благодарилъ Всевышняго за милую дочь [276], названную Θеодосіею (и 14 Іюня окрещенную въ Обители Чудовской); простилъ всѣхъ опальныхъ, самыхъ важныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть; велѣлъ отворить темницы и выпустить узниковъ; надѣлилъ монастыри богатою милостынею и послалъ множество серебра Духовенству въ Палестину. Народъ также радовался; но люди склонные къ подозрѣнію, угадывая сокровенность души Борисовой, за тайну передавали другъ другу сомнѣніе: не могъ ли Годуновъ подмѣнить младенца, если Царица родила сына, и вмѣсто его обманомъ представить Θеодосію, взятую имъ у какой нибудь бѣдной родильницы [277]? Послѣ увидимъ дѣйствіе сей мысли, хотя и мало вѣроятной. Съ другой стороны любопытные спрашивали: «Должна ли Θеодосія, если не будетъ у нее братьевъ, наслѣдовать Державу? Случай, дотолѣ безпримѣрный, не могъ ли служить примѣромъ для будущаго? Россія никогда не имѣла женъ вѣнценосныхъ по наслѣдію; но не лучше ли уставить новый законъ, чѣмъ осиротѣть престолу?» Сіи вопросы затруднительные безпокоили, какъ вѣроятно, и Годунова: они разрѣшились, къ его успокоенію, смертію Θеодосіи въ слѣдующемъ году [278]. Не смотря на всѣ утѣшенія Вѣры, Θеодоръ долго не могъ осушить слезъ своихъ: съ нимъ плакала и столица, погребая юную Царевну въ Дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, и раздѣляя тоску нѣжной матери, симъ ударомъ навѣки охлажденной къ мірскому счастію. Злорадствуя во глубинѣ души, Годуновъ безъ сомнѣнія умѣлъ притвориться отчаяннымъ (ибо легче показывать лицемѣрную скорбь въ тайномъ удовольствіи, нежели веселіе лицемѣрное въ тайной печали); но снова подозрѣвали сего жестокаго властолюбца: думали, что онъ, бывъ виновникомъ Евдокіиной смерти, уморилъ и Θеодосію [279]. Богъ вѣдалъ истину; но обагренный святою кровію Димитріевою не имѣлъ права жаловаться на злословіе и легковѣріе: все служило ему праведною казнію — и самая клевета невѣроятная!

*Рожденіе и кончина Царевны Θеодосіи.*

---

# ГЛАВА III.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ΘЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

### Г. 1591 — 1598.

Война и миръ съ Швеціею. Переписка съ Литовскими Вельможами. Набѣгъ Крымцевъ. Посольства въ Константинополь. Своевольство Донскихъ Козаковъ. Строеніе городовъ. Миръ съ Ханомъ. Вспоможеніе Императору. Знатный Послолъ Австрійскій. Легатъ Климента VIII въ Москвѣ. Дружество Θеодора съ Шахомъ Аббасомъ. Походъ на Шавкала. Сношенія съ Даніею и съ Англіею. Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ. Новая крѣпость въ Смоленскѣ. Зажигальщики. Дворъ Московскій. Ослѣпленіе Царя Симеона. Святители Греческіе въ Москвѣ. Разрушеніе Печерской Обители. Слово Θеодорово Годунову. Кончина Θеодорова. Присяга Царицѣ Иринѣ. Постриженіе Ирины. Избраніе Годунова въ Цари.

г. 1591. Война и миръ съ Швеціею. Въ дѣлахъ внѣшнихъ Россія могла, какъ и дотолѣ, хвалиться успѣхами и Политикою благоразумною. Въ надеждѣ на содѣйствіе Хана, Іоаннъ, Король

г. 1591. Шведскій, отвергнулъ перемиріе, данное ему Өеодоромъ въ удовольствіе Сигизмунду (280), и Генералъ его, Морицъ Грипъ, вступивъ въ Новогородскую область, сжегъ многія селенія близъ Ямы и Копорья. Воеводы наши, удивленные симъ нечаяннымъ нападеніемъ, послали гонца спросить у него, знаетъ ли онъ о подписанномъ въ Москвѣ договорѣ? *Не знаю*, отвѣтствовалъ Морицъ; шелъ далѣе, и стоялъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Новагорода. Свѣдавъ, что многочисленные Россійскіе полки ожидаютъ его впереди, онъ не захотѣлъ битвы, и возвратился, но почти безъ войска, истребленнаго зимнимъ холодомъ и болѣзнями (281). Лѣтомъ 1591 года, когда Ханъ стремился къ Москвѣ, Шведы снова явились близъ Гдова, разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ Воеводу, Князя Владиміра Долгорукаго (282); другія толпы ихъ изъ Каяніи проникли, сквозь пустыни и лѣса, въ сѣверную Россію и взяли Сумскій Острогъ на Бѣломъ морѣ, думая овладѣть и всѣми ея пристанями. Но сія важная мысль, лишить насъ выгодъ морской торговли, требовала усилій невозможныхъ для слабой Швеціи. Царь послалъ туда изъ Москвы двухъ Князей Волконскихъ, Андрея и Григорія, съ дружинами Стрѣльцевъ: первый занялъ монастырь Соловецкій, угрожаемый непріятелемъ; второй истребилъ Шведовъ въ Сумскомъ Острогѣ и взялъ нѣсколько пушекъ (283). Узнавъ, что Каянскіе разбойники въ самый день Рождества Христова сожгли Кольскую или Печенскую Обитель, злодѣйски умертвивъ 50 Иноковъ и 65 слугъ монастырскихъ, Князь Григорій Волконскій отмстилъ имъ опустошеніемъ Каяніи и возвратился въ монастырь Соловецкій съ богатою добычею. — Сіи непріятелскія дѣйствія едва было не произвели и разрыва съ Литвою: ибо Сигизмундъ долго не хотѣлъ утвердить заключеннаго въ Москвѣ перемирія безъ обязательства съ нашей стороны не тревожить Швеціи. Пословъ Өеодоровыхъ, Салтыкова и Татищева (284), выводили изъ терпѣнія остановками на пути въ Варшаву, сердили грубостями, лишали всѣхъ удобностей, самаго нужнаго, такъ, что они, исполненные негодованія, предлагали Королевскимъ чиновникамъ, вмѣсто денегъ, 50 сосудовъ серебряныхъ, требуя пищи для своихъ людей голодныхъ. Наконецъ Сигизмундъ, свѣдавъ объ изгнаніи Хана изъ Россіи, утвердилъ договоръ Московскій, но заставивъ нашихъ Пословъ внести въ него новое условіе, чтобы ни Царю, ни Литвѣ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не мыслить о завоеваніи Нарвы. Цѣлуя крестъ, онъ сказалъ Салтыкову: «мы будемъ въ мирѣ съ Царемъ до его перваго нападенія на Швецію, ибо сынъ долженъ вступиться за отца.» Сія угроза не спасла однакожь Шведскихъ владѣній отъ разоренія.

Зимою 1592 года Царь послалъ знатнѣйшихъ Воеводъ, Князей Мстиславска- г. 1592 — 1596. го и Трубецкихъ, двухъ Годуновыхъ, Ивана и Степана Васильевичей, Князя Ноготкова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго, въ Финляндію, гдѣ они выжгли селенія и города, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ (285). Шведы не отважились на битву: сидѣли только въ Выборгѣ и въ Абовѣ, къ коимъ не приступали Россіяне, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ пепломъ и развалинами. Въ исходѣ Февраля, совершивъ походъ, Воеводы пріѣхали въ Москву, жаловаться другъ на друга; Князь Өедоръ Трубецкій винилъ Годуновыхъ, Годуновы Трубецкаго, въ худой ревности къ Царской службѣ. Царь всѣмъ имъ объявилъ немилость за раздоръ, вредный для отечества: не велѣлъ съѣзжать со двора, отъ Вербной Недѣли до Свѣтлаго Воскресенія: ибо Правитель желалъ славиться безпристрастіемъ, сею легкою опалою доказавъ, что не щадитъ и своихъ ближнихъ, когда дѣло идетъ о пользѣ государственной.

Въ самое то время, когда мы безпрепятственно опустошали Финляндію, находился въ Стокгольмѣ Посолъ Хана Крымскаго, Черкашенинъ Антоній, требуя золота отъ Шведовъ за впаденіе Казы-Гиреево въ Россію. «Золото готово для побѣдителя,» отвѣтствовалъ Король Іоаннъ: «Ханъ видѣлъ Москву, но не спасъ нашей земли отъ меча Россійскаго» (286). Видя, что и Сигизмундъ не можетъ быть надежнымъ защитникомъ Швеціи, Іоаннъ въ послѣдніе дни жизни своей искренно хотѣлъ мира съ Россіею, въ Августѣ 1592 года выславъ Маршала Флеминга, Генерала Бое и другихъ сановниковъ на рѣку Плюсу, гдѣ они съ Окольничимъ и Намѣстникомъ Суздальскимъ, Михайломъ Салтыковымъ, въ Генварѣ 1593 года заключили двулѣтнее перемиріе, уже именемъ новаго Вѣнценосца Шведскаго (287): 25 Ноября Іоаннъ умеръ, и сынъ его, Сигизмундъ, наслѣдовалъ престолъ Шведскій, соединяя такимъ образомъ подъ своею

г. 1592 — 1596. державою силы двухъ Королевствъ, враждебныхъ для Россіи: чему радовались въ Варшавѣ и въ Стокгольмѣ; чего опасались въ Москвѣ — но не долго. Оказались слѣдствія неожиданныя, болѣе въ пользу, нежели ко вреду Россіи: ибо Сигизмундъ, вмѣсто тѣсной связи, произвелъ взаимную злобу между своими Государствами; раболѣпствуя Вельможамъ Коронньмъ и Литовскимъ (288), хотѣлъ самовластвовать въ Швеціи, перемѣнить Вѣру, ввести Латинскую, отдать Эстонію Польшѣ; видѣлъ негодованіе, явное сопротивленіе Шведовъ, и почти бѣжалъ изъ Стокгольма въ Варшаву, оставивъ верховную власть въ рукахъ Сената. Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ раздорахъ, въ смятеніи, Швеція не могла думать о войнѣ съ Россіею; искала мира твердаго, вѣчнаго, и въ угожденіе Царю согласилась, чтобы ея Послы, Стенъ-Банеръ, Горнъ, Бое, съѣхались съ Московскими, Княземъ Иваномъ Туренинымъ и Пушкинымъ, въ владѣніи Россійскомъ, у Тявзина, близъ Иваня-города (289); однакожь собрала и войско, въ Выборгѣ и въ Нарвѣ, чтобы дать болѣе силы своимъ требованіямъ или отказамъ: Россійское, гораздо многочисленнѣйшее, стояло отъ Новагорода до Эстонской и Финляндской границы, въ тишинѣ и въ бездѣйствіи, ожидая конца переговоровъ. Съ обѣихъ сторонъ требовали для вида: мы Эстоніи, Шведы Иваня-города, Ямы, Копорья, Орѣшка, Ладоги, Гдова, или денегъ за убытки войны долговременной; но въ самомъ дѣлѣ Швеція хотѣла только мира безъ уступокъ съ ея стороны, а Россія съ пріобрѣтеніемъ Корельской области. Послы съ обѣихъ сторонъ жаловались на упрямство, въ досадѣ снимали шатры и разъѣзжались, чтобы снова съѣхаться. Наконецъ Московскіе одержали верхъ, 18 Мая 1595 года подписавъ слѣдующій договоръ: «1) Быть вѣчному миру между Швеціею и Россіею; 2) первой спокойно владѣть Нарвою, Ревелемъ и всѣмъ *Чухонскимъ* или Эстонскимъ *Княжествомъ*; 3) Россіи не помогать врагамъ Швеціи, а Швеціи врагамъ Россіи, ни людьми, ни деньгами; 4) плѣнныхъ освободить безъ окупа и безъ размѣна; 5) Лапландцамъ Остерботнійскимъ и Варангскимъ платить дань Швеціи, а Восточнымъ (Кольскимъ и сосѣдственнымъ съ землею Двинскою) Россіи; 6) Шведамъ торговать свободно въ Москвѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ и въ иныхъ мѣстахъ: также и Россіянамъ въ Швеціи: 7) въ кораблекрушеніи и во всякихъ бѣдственныхъ случаяхъ усердно оказывать другъ другу взаимную помощь; 8) Посламъ Московскимъ вольно ѣздить чрезъ Шведскія владѣнія къ Императору, Папѣ, Королю Испанскому и ко всѣмъ Великимъ Государямъ Европейскимъ, или ихъ Посламъ въ Москву: также и людямъ торговымъ, воинскимъ, лекарямъ, художникамъ, ремесленникамъ» (290). Сей миръ обрадовалъ ту и другую Державу, избавивъ Шведовъ отъ войны разорительной и надежно утвердивъ за ними Эстонію съ Нарвою, а Россіи возвративъ древнюю Новогородскую собственность, гдѣ наши братья и церкви тосковали подъ властію чуждыхъ завоевателей. Ѳеодоръ вмѣстѣ съ Воеводами послалъ въ Кексгольмъ и Святителя, чтобы очистить тамъ Православіе отъ слѣдовъ иновѣрія.

Хотя Стенъ-Банеръ, Горнъ и Бое договаривались съ нами еще именемъ Короля Сигизмунда, но онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ томъ участія, и, мало заботясь о строптивой Швеціи, въ какой-то душевной сонливости рѣдко сносился съ Москвою и по дѣламъ Литовскимъ (291). Тѣмъ болѣе хитрила наша Дума Государственная, стараясь вселить въ Вельможныхъ Пановъ недовѣренность къ безпечному Королю, и какъ бы съ удивленіемъ давъ имъ замѣтить, что Сигизмундъ въ своемъ титулѣ ставитъ имя Швеціи выше имени Польскаго Королевства, спрашивали: «съ ихъ ли вѣдома онъ унижаетъ знаменитую Корону Ягеллоновъ предъ Готѳскою, столь новою и ничтожною? ибо Шведы еще не давно были подданными Даніи, вмѣсто Государей имѣя у себя Правителей, которые сносились только съ Новогородскими Намѣстниками.» Но величавые Паны, еще съ живымъ неудовольствіемъ воспоминая повелительную твердость Баторіеву, любили мягкаго Сигизмунда и хвалились его счастіемъ, одержавъ побѣду надъ Ханомъ Крымскимъ, надѣясь безъ войны взять Эстонію и наслаждаясь временнымъ миромъ съ Россіею, также имъ довольною (292). Переписка съ Литовскими Вельможами.

Ослабленный несчастнымъ походомъ Московскимъ, Ханъ еще не престалъ, какъ видимъ, усильно дѣйствовать противъ сосѣдственныхъ Державъ Христіанскихъ, чтобы искать добычи, не впасть въ презрѣніе у своихъ хищныхъ Князей и не лишиться власти отъ гнѣва Аму-

г. 1592 — 1596. ратова: ибо Султанъ осыпалъ его жестокими укоризнами за малодушное бѣгство изъ Россіи, коего стыдъ падалъ и на знамена Оттоманскія (293). *Желая усыпить* Θеодора, Казы-Гирей писалъ къ нему о возобновленіи дружбы между ими; извинялся легковѣріемъ, насказами злыхъ людей, которые хотѣли ихъ ссорить, и гонецъ Крымскій за тайну объявилъ Правителю, что Ханъ, зная мысль Султанову дать инаго Властителя Тавридѣ, намѣренъ отстать отъ Турковъ, всею душею соединиться съ Царемъ, всѣ Улусы вывести изъ Полуострова, разорить Крымъ, основать для себя новую Державу и крѣпость на берегахъ Днѣпра, на Кошкинѣ Перевозѣ, и тамъ служить неодолимою оградою для Россіи, въ угрозу ненавистнымъ Оттоманамъ (294), если Θеодоръ доставитъ ему нѣсколько пудъ серебра на строеніе сей крѣпости; что въ удостовѣреніе своего дружества къ намъ и въ задатокъ будущихъ великихъ услугъ Казы-Гирей идетъ снова опустошать Литву. Ханъ, какъ обыкновенно, обманывалъ; а мы, какъ обыкновенно, и вѣрили ему и не вѣрили: послали гонца въ Тавриду съ отвѣтомъ, что забудемъ всѣ его злодѣйства, если онъ искренно примирится съ нами; что дружба великаго Монарха Христіанскаго и для Мусульманина предпочтительнѣе игу Оттоманскому: что мы хотя и не въ войнѣ съ Литвою (295), однакожь *не будемъ досадовать* на Хана за опустошеніе сей враждебной для него земли (коварство, называемое Политикою!). Но чиновникъ Московскій, еще не доѣхавъ до Тавриды, свѣдалъ, что ея

Набѣгъ Крымцевъ. Царевичи, Калга Фети-Гирей и Нурадинъ-Бахта, уже огнемъ и мечемъ свирѣпствуютъ въ предѣлахъ Рязанскихъ, Каширскихъ, Тульскихъ (296), гдѣ, не къ похвалѣ бдительнаго Правителя, все сдѣлалось жертвою ихъ мести или корыстолюбія: защиты не было. Они не думали итти къ Москвѣ: ушли назадъ, но истребивъ селенія и захвативъ въ плѣнъ множество *Дворянъ* съ дѣтьми и женами. Сія оплошность Россіи стоила злой насмѣшки Хана, сказавшаго съ видомъ удивленія гонцу Θеодорову: «Куда дѣлося войско Московское? Царевичи и Князья наши не вынимали ни сабли изъ ноженъ, ни стрѣлы изъ колчана, и плетью гнали тысячи плѣнниковъ, слыша, что ваши храбрые Воеводы прячутся въ лѣсахъ и въ дебряхъ.» Въ знакъ милости надѣвъ на сего чиновника золотой кафтанъ, Ханъ велѣлъ ему увѣрить Θеодора, что Царевичи дѣйствовали самовольно, и что отъ насъ зависитъ купить миръ съ Тавридою серебромъ и мѣхами драгоцѣнными! г. 1592 — 1596.

Упорствуя въ желаніи сего мира, Θеодоръ рѣшился тогда возобновить сношенія съ Султаномъ, и послалъ въ Константинополь, чрезъ Кафу, Дворянина Нащокина, требовать, чтобы Амуратъ запретилъ Хану, Азовцамъ и Бѣлогородцамъ (297) воевать Россію, изъ признательности къ нашему истинному дружеству: «ибо мы» — такъ писалъ Царь къ Султану и Годуновъ къ Великому Визирю — «не хотимъ слушать Императора, Королей Испанскаго и Литовскаго, Папы и Шаха, которые убѣждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажить мечь на Главу Мусульманства». Изъявивъ учтивость Посланнику, Визирь сказалъ: «Царь предлагаетъ намъ дружбу: мы повѣримъ ей, когда онъ согласится отдать Великому Султану Астрахань и Казань. Не боимся ни Европы, ни Азіи: войско наше столь безчисленно, что земля не можетъ поднять его; оно готово устремиться сухимъ путемъ на Шаха, Литву и Цесаря, а моремъ на Королей Испанскаго и Французскаго. Хвалимъ вашу мудрость, если вы дѣйствительно не хотѣли пристать къ нимъ, и Султанъ не велитъ Хану тревожить Россіи, буде Царь сведетъ съ Дону Козаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки и Терека, чтобы преграждать намъ путь къ Дербенту: или сдѣлайте такъ, или (въ чемъ клянуся Богомъ) не только велимъ Хану и Ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами *пойдемъ на Москву своими головами*, *сухимъ путемъ и моремъ*, не боясь ни трудовъ, ни опасностей, — не жалѣя ни казны, ни крови. Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ тѣсную связь съ Иверіею, подвластною Султану?» Нащокинъ отвѣтствовалъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою; что Царь велитъ выгнать Козаковъ изъ окрестностей Дона, гдѣ нѣтъ у насъ никакихъ крѣпостей; что связь наша съ Грузіею состоитъ въ единовѣріи, и что мы посылаемъ туда не войско, а Священниковъ, и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли. Нащокинъ предлагалъ Визирю изъясниться съ Царемъ чрезъ Посла Султанскаго: Визирь сперва не хотѣлъ того, сказавъ: «у насъ нѣтъ

Посольства въ Константинополь.

г. 1592 — 1596. сего обычая: допускаемъ къ себѣ Пословъ иноземныхъ, а своихъ не шлемъ»; однакожь согласился наконецъ отправить въ Москву сановника, Чауша Резвана, съ требованіями объявленными Нащокину; а Царь съ отвѣтомъ и съ дарами (съ черною лисьею шубою для Амурата, съ соболями для Визиря) еще послалъ въ Константинополь Дворянина Ислѣньева (въ Іюлѣ 1594), обѣщая унять Козаковъ и свободно пропускать Турковъ въ Дербентъ, въ Шамаху, въ Баку, если Амуратъ уйметъ Казы-Гирея. «Мы велѣли» (писалъ Ѳеодоръ къ Султану) «основать крѣпости въ землѣ Кабардинской и Шавкалской не въ досаду тебѣ, а для безопасности жителей. Мы ничего у васъ не отняли: ибо Князья Горскіе, Черкесскіе и Шавкалскіе были издревле *нашими подданными Рязанскихъ предѣловъ*, бѣжали въ горы, и тамъ покорились отцу моему, своему давнишнему, законному Властителю» (298). Сія *новая исторія* Кабарды и Дагестана не увѣрила Султана, чтобы ихъ Князья были Рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленіе Московской Политики къ присвоеніямъ на Востокѣ, не могъ ей благопріятствовать, и не думалъ содѣйствовать успокоенію Россіи, то есть, мирить Хана съ нею.

Сіи Константинопольскія Посольства не доставили намъ ничего, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Имперіи Оттоманской и Грековъ. «Въ Турціи нынѣ» (доносилъ Нащокинъ) «все измѣнилось: Султанъ и Паши мыслятъ единственно о корысти; первый умножаетъ казну, а для чего, неизвѣстно: прячетъ золото въ сундукахъ и не даетъ жалованья войску, которое въ ужасномъ мятежѣ недавно приступало ко дворцу, требуя головы Дефтердаря или Казначея. Нѣтъ ни устройства, ни правды въ Государствѣ. Султанъ обираетъ чиновниковъ, чиновники обираютъ народъ; вездѣ грабежъ и смертоубійства; нѣтъ безопасности для путешественниковъ на дорогахъ, ни для купцевъ въ торговлѣ. Земля опустѣла отъ войны Персидской и насилія, особенно Молдавская и Волошская, гдѣ непрестанно смѣняютъ Господарей отъ мздоимства. Греки въ страшномъ утѣсненіи: бѣдствуютъ, не имѣя и надежды на будущее» (299). Ислѣньевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ, гдѣ въ 1595 году воцарился Магометъ III: ибо сей новый Султанъ, гнусный душегубецъ девятнадцати братьевъ, ждалъ только благопріятнаго времени, чтобы объявить войну Россіи. Между тѣмъ, въ Царѣградѣ называя Донскихъ витязей шайкою разбойниковъ, мы посылали имъ воинскіе снаряды, свинецъ и селитру. Они умножились числомъ, принимая къ себѣ Козаковъ Днѣпровскихъ и всякихъ бродягъ, вели непрестанную войну съ Азовомъ, съ Ногаями, съ Черкесами, съ Тавридою, и ватагами ходили на море искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ Царскихъ. Нащокинъ изъ Азова писалъ въ Москву, что Козаки Станицъ Низовыхъ силою отняли у него дары Государевы, не хотѣли безъ окупа выдать ему своихъ плѣнниковъ, Султанскаго Чауша съ шестью Князьями Черкесскими, и съ досады одному изъ нихъ отсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: «мы вѣрны Царю Бѣлому; но кого беремъ саблею, того не освобождаемъ даромъ!» Своевольствомъ заслуживая опалу, Козаки заслуживали и милость Государеву, будучи непримиримыми врагами злодѣевъ и зломысленниковъ Россіи. Своевольство Донскихъ Козаковъ.

Не имѣвъ успѣха въ намѣреніи обуздать Хана посредствомъ Турціи, мы наконецъ и безъ ея содѣйствія достигли цѣли своей: обезоружили его, не столько угожденіями и переговорами, сколько благоразумными мѣрами, взятыми для защиты южныхъ областей Россіи. Возобновивъ древній Курскъ, давно запустѣвшій (300) — основавъ крѣпости Ливны, Кромы, Воронежъ — Царь въ концѣ 1593 года велѣлъ строить еще новыя, на всѣхъ *сакмахъ* или путяхъ Татарскихъ отъ рѣки Донца къ берегамъ Оки: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку, и населить оныя людьми ратными, Стрѣльцами, Козаками, такъ, что разбойники Ханскіе уже не могли легко обходить грозныхъ для нихъ твердынь, откуда лѣтомъ непрестанно выѣзжали конные отряды для наблюденія и громъ пушечный оглушалъ варваровъ. Строеніе городовъ. Царь въ одной рукѣ держалъ мечь, а въ другой золото, и приказывалъ къ Хану: «Папа Римскій, Цесарь, Короли Испанскій, Португальскій, Датскій и вся Германія убѣждаютъ меня искоренить твой Улусъ, между тѣмъ, какъ они всѣми силами будутъ дѣйствовать противъ Султана. Собственные Бояре мои, Князья, Воеводы, въ особенности жители Украйны, также бьютъ мнѣ челомъ, чтобы я вспомнилъ всѣ ваши неправды и злодѣйства, двинулъ войско, и въ самыхъ нѣдрахъ твоей Орды не оставилъ камня

г. 1592 —1596. на камнѣ. Но я, желая дружбы твоей и Султановой, не внимаю ни Посламъ Европейскихъ Государей, ни воплю моего народа, и предлагаю тебѣ братство съ богатыми дарами» ([301]). Непрестанно помыкаемый Амуратомъ изъ земли въ землю, то въ Молдавію и Валахію, то въ Венгрію, чтобы усмирять бунты Оттоманскихъ данниковъ или сражаться съ Австрійцами, изнуряя войско въ походахъ и пріобрѣтая скудную добычу тратою многихъ людей въ битвахъ, Ханъ вымолилъ у Султана дозволеніе обмануть Россію ложнымъ примиреніемъ, торжественнымъ и пышнымъ, какого въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ у насъ не бывало съ Тавридою ([302]). Въ Ноябрѣ 1593 года съѣхались знатные Послы, Ханскій Ахметъ-Паша и Московскіе, Князь Ѳеодоръ Хворостининъ съ Богданомъ Бѣльскимъ, на берегу Сосны, подъ Ливнами, для предварительнаго договора: сія рѣка была тогда границею обитаемой или населенной Россіи; далѣе, къ Югу, начинались степи, приволье Татарское, и Вельможа Казы-Гиреевъ не хотѣлъ ѣхать на лѣвый берегъ Сосны, боясь отдаться намъ въ руки и тѣмъ унизить достоинство Хана. Послы, сходясь на мосту, условились съ обѣихъ сторонъ прекратить непріятельскія дѣйствія, освободить плѣнниковъ, утвердить миръ и союзъ навѣки: для чего Крымскому Ширинскому Князю Ишимамету, надлежало ѣхать въ Москву, а Князю Меркурію Щербатову въ Тавриду. Сіи новые, Великіе Послы, встрѣтясь на томъ же мосту, ласково привѣтствовали другъ друга, и каждый отправился въ свой путь. Въ залогъ дружбы Ѳеодоръ отпустилъ къ Хану жену Царевича Мурата, умершаго въ Астрахани; доставилъ Казы-Гирею 10,000 рублей, сверхъ шубъ и тканей драгоцѣнныхъ, обѣщая присылать ежегодно столько же; наконецъ имѣлъ удовольствіе получить отъ него (лѣтомъ въ 1594 году) Шертную или клятвенную грамоту съ златою печатію. Сія грамота условіями и выраженіями напоминала старыя, истинно союзныя, коими добрый, умный Менгли-Гирей удостовѣрилъ Іоанна III въ любви и въ братствѣ. Казы-Гирей обязывался быть врагомъ нашихъ враговъ, безъ милости казнить своихъ Улусниковъ за впаденія въ Россію, возвращать ихъ добычу и плѣнниковъ, оберегать Царскихъ Пословъ и людей торговыхъ, не задерживать иноземцевъ на пути въ Москву, и проч. Хотя съ сего времени Крымцы года три не безпокоили нашихъ владѣній, усильно помогая Султану въ войнѣ Венгерской: но рать Московская всегда стояла на берегахъ Оки, готовая къ бою.

Миръ съ Ханомъ.

Въ сіе время, совершенно мирное для Россіи, внѣшняя Политика ея не дремала, — и смѣло увѣряя Султана, что мы изъ дружбы къ нему не хотимъ дружиться съ его врагами, Дворъ Московскій искреннѣе прежняго желалъ союза съ ними. Въ Сентябрѣ 1593 года Цесарь вторично прислалъ въ Москву сановника Николая Варкоча, краснорѣчиво доказывать необходимость единодушнаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Султана и требовать отъ насъ денежнаго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ для войны съ невѣрными ([303]). Въ тайной рѣчи онъ сказалъ Годунову, что Рудольфъ думаетъ жениться на дочери Филиппа, Короля Испанскаго, и присвоить себѣ Францію съ согласія многихъ тамошнихъ Вельможъ, ненавидящихъ Генрика IV; что Сигизмундъ, оскорбляемый самовольствомъ и дерзостію Пановъ, хочетъ сложить съ себя вѣнецъ Ягеллоновъ и возвратиться въ Швецію; что братъ Императора, Максимиліанъ, снова надѣется быть Королемъ Польскимъ и молитъ Ѳеодора способствовать ему въ томъ всѣми нашими силами, обязываясь уступить Россіи часть Ливоніи. Именемъ Царскимъ Бояре отвѣтствовали: «Дѣдъ, отецъ Ѳеодоровъ и самъ Ѳеодоръ многократно изъявляли Вѣнскому Двору свою готовность вмѣстѣ съ Европою воевать Оттомановъ; но мы тщетно ждали Императорскаго, Испанскаго и Римскаго Посольства въ Москву для условія: ждемъ и нынѣ. За казну не стоимъ: лишь бы началося великое дѣло славы и спасенія Христіанъ. Царь желаетъ во всемъ успѣха Императору; будетъ ревностно дѣйствовать, чтобы доставить Максиміліану корону Польскую, и въ такомъ случаѣ уступитъ ему всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы, необходимыхъ для Россіи.» Варкоча отпустили съ письмами къ Рудольфу, Филиппу, Папѣ, о скорѣйшемъ отправленіи Пословъ въ Москву, и къ Шведскому Принцу Густаву, Эрикову сыну, коему Ѳеодоръ предлагалъ убѣжище сими словами: «Отцы наши были въ дружбѣ и союзѣ: узнавъ, что ты скитаешься изгнанникомъ въ земляхъ Италійскихъ, зову тебя въ Рос-

г. 1592—1596.

сію, гдѣ будешь имѣть пристойное жалованье, многіе города въ отчину, жизнь спокойную и свободу выѣхать, когда и куда тебѣ угодно» ([304]). Послѣ объяснится, для чего мы призывали Густава.

Между тѣмъ безпечный Рудольфъ, уже воюя съ Султаномъ въ Венгріи, еще не спѣшилъ заключить союза съ Россіею. Въ Августѣ 1594 года явился въ Москвѣ гонецъ его, но съ письмомъ страннымъ (на языкѣ Латинскомъ, за открытою печатью), писаннымъ вмѣстѣ и къ Ѳеодору и къ Моддавскому Господарю Аарону, и къ Бряславскому Воеводѣ Збарежскому и къ Козакамъ Днѣпровскимъ, такого содержанія: «Вручитель сего, Станиславъ Хлопицкій, начальникъ Запорожскаго войска, изъявилъ намъ добрую волю служить Имперіи противъ невѣрнаго Султана съ осмью или съ десятью тысячами Козаковъ: мы его охотно приняли и дали ему свое знамя, Орла Чернаго. съ тѣмъ, чтобы онъ *залегъ всѣ пути Крымцамъ къ Дунаю*, огнемъ и мечемъ опустошая владѣнія Султанскія, но щадя Литовскія и другія Христіанскія земли: для чего и молимъ васъ благопріятствовать сему нашему слугѣ усердному» ([305]). Ясно, что надпись къ Ѳеодору была поддѣльная: не могъ Императоръ говорить однимъ языкомъ и съ Царемъ Московскимъ и съ Козаками; на словахъ же, именемъ Рудольфа, Хлопицкій извѣстилъ Бояръ о побѣдахъ его, о союзѣ съ нимъ Князя Седмиградскаго, Господарей Молдавскаго и Волошскаго, увѣряя, что Запорожскіе воины, считая Россію своимъ истиннымъ отечествомъ, не смѣютъ дѣйствовать безъ воли Царя, и молилъ, чтобы Ѳеодоръ, соединивъ съ ними нѣсколько дружинъ Московскихъ, велѣлъ имъ итти на Турковъ подъ знаменами Россіянъ. Хлопицкаго не допустили до Государя, изъяснивъ ему непристойность Цесаревой грамоты; но примолвили: «изъ уваженія къ Императору Царь отпускаетъ тебя безъ гнѣва и напишетъ къ Гетману Запорожцевъ, Богдану Микошинскому, что они могутъ служить Рудольфу». Обстоятельство достопамятное: Днѣпровскіе Козаки, будучи подданными Литвы, вопреки ей, раболѣпно угождающей Султану, входятъ въ союзъ съ Императоромъ, чтобы воевать съ Турками, и признаютъ себя въ какой-то зависимости отъ Царя Московскаго! Хотя сей беззаконный союзъ не имѣлъ желаемаго слѣдствія для Австріи; хотя Литовское Правительство наказало самовольство Козаковъ, отнявъ у нихъ пушки, знамена, серебряныя трубы, булаву, данную имъ Стефаномъ Баторіемъ, и Чернаго Орла Императорскаго ([306]): но воспоминанія общаго древняго отечества, единовѣріе, утѣсненіе Греческой Церкви въ Литвѣ и месть народная съ того времени уже явно готовили въ душѣ Днѣпровскихъ витязей, присоединеніе ихъ благословеннаго края къ Державѣ Московской.

Желая чего нибудь рѣшительнаго въ нашихъ долговременныхъ переговорахъ съ Австріею, Ѳеодоръ посылалъ и своего гонца къ Рудольфу ([307]), чтобы узнать истинную вину его страннаго отлагательства въ дѣлѣ столь важномъ: свѣдалъ, что Николай Варкочь, выѣхавъ изъ Россіи, нашелъ Императора въ Прагѣ, но долго не могъ быть ему представленъ, за обыкновенными недосугами сего празднаго Вѣнценосца; что Рудольфъ сообщилъ наконецъ Сейму Курфирстовъ благопріятный отвѣтъ Ѳеодоровъ, и что они, высоко цѣня дружбу Россіи, убѣдили его отправить къ намъ новое Посольство. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ Декабрѣ 1594) пріѣхалъ въ Москву тотъ же Варкочь ([308]), съ увѣдомленіемъ, что Турки болѣе и болѣе усиливаются въ Венгріи: онъ требовалъ немедленнаго вспоможенія казною — и мы удивили Австрійскій Дворъ щедростію, пославъ Императору, на воинскія издержки, 40360 соболей, 20760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337235 бѣлокъ и 3000 бобровъ, цѣною на 44 тысячи Московскихъ тогдашнихъ рублей ([309]), съ Думнымъ Дворяниномъ Вельяминовымъ, коему оказали въ Прагѣ необыкновенную честь: войско стояло въ ружьѣ на всѣхъ улицахъ, гдѣ онъ ѣхалъ ко дворцу въ Императорской каретѣ; не было конца привѣтствіямъ, угощеніямъ, ласкамъ; давали ему обѣдъ за обѣдомъ, и всегда съ музыкою, хотя сей чиновникъ не искалъ веселія, говоря: «православный Царь оплакиваетъ кончину своей милой дочери; а съ нимъ плачетъ и вся Россія». Въ двадцати комнатахъ дворца разложивъ дары Ѳеодоровы, предъ глазами Императора и Вельможъ его, онъ удовлетворилъ ихъ любопытству описаніемъ Сибири, богатой мѣхами, но не хотѣлъ сказать, чего стоила сія присылка Государева ([310]), оцѣненная Богемскими Евреями и купцами въ восемь бочекъ золота. Вельями-

Вспоможеніе Императору.

г. 1592 —1596. новъ объявилъ Министерству Австрійскому, что вспоможеніе столь значительное доказываетъ всю искренность Ѳеодорова дружества, не взирая на удивительную медленность Императора и союзниковъ его въ заключеніи торжественнаго договора съ нами. Дѣйствительно трудно понять, для чего Вѣнскій Дворъ какъ бы уклонялся отъ сего договора, болѣе для насъ, нежели для Австріи опаснаго или затруднительнаго: ибо онъ велъ мирную Россію къ войнѣ съ Султаномъ, который уже воевалъ Австрію! Отвѣтствуя Царю, что дальность мѣстъ, вражда Испаніи съ Англіею и Франціею, мятежъ Нидерландскій, дряхлость Короля Филиппа и новость Папы (Климента VIII) мѣшаютъ общему союзу Державъ Христіанскихъ противъ Оттомановъ (311), Императоръ послалъ однакожь къ Ѳеодору, для изъявленія благодарности, знатнаго Вельможу, Авраама Бургграфа *Донавскаго* (312), съ Думнымъ Совѣтникомъ, Юріемъ Калемъ, съ двадцатью Дворянами и съ девяносто-двумя слугами.

Знатный Посолъ Рудольфовъ.

Сіе Посольство удовлетворяло единственно честолюбію Двора Московскаго своею пышностію и требовало съ его стороны такой же. Вельможа Австрійскій ѣхалъ изъ Ливоніи чрезъ Псковъ, видя во всѣхъ городахъ (313), на всѣхъ станахъ, множество людей, чисто одѣтыхъ и собранныхъ, по указу Царскому, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, чтобы явить ему, сколь населена и богата Россія. Отъ границы до Москвы вездѣ встрѣчали и провожали его отряды воиновъ, на прекрасныхъ коняхъ; вездѣ находилъ онъ для себя покой съ роскошью, не имѣя только свободы: ибо за нимъ наблюдали неусыпно, чтобы скрыть отъ него истины, прискорбныя для самолюбія Россіянъ. Въ столицѣ везли сего знаменитаго гостя лучшими улицами, мимо лучшихъ зданій; отвели ему красивый домъ Князя Ноздроватаго; дали услугу Царскую; приносили, на золотѣ и серебрѣ, всѣ лакомства стола Русскаго, вмѣстѣ съ драгоцѣннѣйшими винами южной Европы (314). Въ день представленія (22 Мая 1597) Дворъ Московскій сіялъ великолѣпіемъ чрезвычайнымъ. Бургграфъ, имѣя подагру, ѣхалъ въ Кремль не верхомъ, а въ открытомъ Нѣмецкомъ *возкѣ* (315); предъ нимъ 120 всадниковъ, Дворянъ и Сотниковъ, въ блестящихъ доспѣхахъ. Ѳеодоръ принималъ его въ Большой Грановитой, *расписной* палатѣ, сидя на тронѣ, въ діадимѣ и съ скипетромъ: Годуновъ стоялъ подлѣ, съ державою. г. 1592 —1597. На правой лавкѣ сидѣли Царевичь Араславъ-Алей, сынъ Кайбулинъ, Маметкулъ Сибирскій и Князь Ѳедоръ Мстиславскій; на лѣвой Уразъ-Магметъ, Царевичь Киргизскій; далѣе Бояре, сыновья Господарей Молдавскаго и Волошскаго, Князья Служилые, Окольничіе, Крайчій, Оружничій (Бѣльскій), Дворяне Думные, Постельничій, Стряпчій, 13 Стольниковъ, 200 Князей и Дворянъ; Дьяки же Думные въ *Золотой* Грановитой палатѣ. Императоръ прислалъ въ даръ Царю мощи Св. Николая, окованныя золотомъ, двѣ кареты, 12 санниковъ, боевые часы съ органами, нѣсколько сосудовъ хрустальныхъ; Годунову кубокъ драгоцѣнный съ изумрудами, часы *стоячіе* и двухъ жеребцовъ съ бархатными попонами; а юному сыну его, Ѳедору Борисовичу, обезьянъ и попугаевъ (316); благодарилъ, равно ласково, и Царя и Правителя, который, чрезъ нѣсколько дней дозволивъ Послу быть особенно у себя въ домѣ, съ величіемъ Монарха *говорилъ* ему *слова милостивыя* (317), а Дворянамъ его давалъ цѣловать свою руку.

Но пышность и ласки не произвели ничего важнаго. Когда Австрійскій Вельможа, приступивъ къ главному дѣлу, объявилъ, что Рудольфъ еще ждетъ отъ насъ услугъ дальнѣйшихъ; что мы должны препятствовать впаденіямъ Хана въ Венгрію и миру Шаха съ Султаномъ; должны и впредь помогать казною Императору, въ срочное время, въ опредѣленномъ количествѣ, золотомъ или серебромъ, а не мѣхами, коихъ онъ не можетъ выгодно продавать въ Европѣ: тогда Бояре сказали рѣшительно, что Ѳеодоръ безъ взаимнаго, писменнаго обязательства Австріи не намѣренъ расточать для нее сокровищъ Россіи; что Посланникъ Государевъ, Ислѣньевъ, остановленъ въ Константинополѣ за наше вспоможеніе Рудольфу казною; что мы всегда обуздываемъ Хана, и давно бы утвердили союзъ Христіанской Европы съ Персіею, если бы Императоръ не манилъ насъ пустыми обѣщаніями (318). — Вмѣстѣ съ симъ Посломъ былъ у насъ и гонецъ отъ Максимиліана, хотѣвшаго, чтобы Ѳеодоръ помогъ ему деньгами въ исканіи короны Польской: Максимиліану желали короны, но отказали въ деньгахъ — и Бург-

г. 1592 —1597.

графъ (въ Іюлѣ мѣсяцѣ) выѣхалъ изъ Москвы съ одною честію и съ дарами богатыми (319).

Легатъ Папскій въ Москвѣ.

Всего удивительнѣе, что Рудольфъ въ своей медленности извинялся *новостію* Папы, Климента VIII, а сей Папа тогда же присылалъ къ Ѳеодору, чрезъ Литву, именитаго Легата, Александра Комулея, Аббата Монейскаго, и за тѣмъ же дѣломъ, убѣждая Царя избавить Державы Христіанскія отъ ига Мусульмановъ (320). Комулей и Вельможа Австрійскій едва ли видѣлись другъ съ другомъ въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ дѣйствовали или говорили безъ всякаго сношенія между собою. Съ обыкновенною тонкостію Римскаго Двора Папа льстилъ Царю и Россіи; представлялъ ему, что Оттоманы могутъ, завоевавъ Венгрію, завоевать и Польшу съ Литвою; что они уже и съ другой стороны касаются нашихъ владѣній, покоривъ часть Грузіи и Персіи; что Византійская и многія иныя Державы пали отъ излишней любви къ миру, отъ бездѣйствія и непредвидѣнія опасностей; что Ѳеодору легко послать войско въ Молдавію и взять Султановы города на берегахъ Чернаго моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава и богатая добыча; что мы лучше узнаемъ тамъ искусство военное, ибо увидимъ, какъ Нѣмцы, Венгры, Италіанцы сражаются и побѣждаютъ Турковъ; что отъ насъ зависитъ присоединить къ Россіи земли счастливыя благорастворенiемъ воздуха, выгодами естественными, красотою Природы, и чрезъ Ѳракію открыть себѣ путь къ самой Византіи, наслѣдственному достоянію Государей Московскихъ; что ревность Вѣры сближаетъ пространства; что Римъ и Мадритъ далеки отъ Воспора, но что Константинополь увидитъ знамена Апостольскія и Филипповы; что народы, угнетаемые Турками, суть намъ братья по языку и Закону; что время благопріятно: войско Оттоманское разбито въ Персіи и въ Венгріи, а внутри Турціи вездѣ мятежъ, и не осталось половины жителей. — Достойны замѣчанія и слѣдующія мѣста наказа, даннаго Папою Легату: «Мы слышали, что Цари любятъ хвалиться своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ древнихъ Римскихъ Императоровъ и даютъ себѣ пышныя титла: изъясни Боярамъ Московскимъ, что степени въ достоинствѣ или въ величіи Государей должны быть утверждены нами, и въ примѣръ наименуй Королей Польскихъ и Богемскихъ, обязанныхъ вѣнцемъ Первосвятителю Всемірной Церкви. Старайся впечатлѣть въ ихъ души благоговѣніе ко Главѣ Христіанъ, мирныхъ и счастливыхъ нашею духовною властію; доказывай, что истинная Христова Церковь въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ невѣрные Султаны торгуютъ саномъ рабовъ-Патріарховъ, чуждыхъ благодати Св. Духа; что зависѣть отъ мнимыхъ Пастырей Византійскихъ есть зависѣть отъ враговъ Спасителя, и что Россія знаменитая достойна лучшей доли. Тебѣ, мужу ученому, извѣстно несогласіе въ Догматахъ Римской и Греческой Вѣры: убѣждай Россіянъ въ истинѣ нашего Православія, сильно, но осторожно, тѣмъ осторожнѣе, что они *весьма любятъ точность* (321), и что ты, говоря ихъ собственнымъ языкомъ, не можешь извиниться невѣдѣніемъ истиннаго разума словъ. Но сколько имѣешь и выгодъ предъ всѣми учителями, посыланными къ нимъ изъ Рима въ теченіе семи вѣковъ, и незнакомыми ни съ языкомъ, ни съ обычаями Россіи! Если Господь благословитъ подвигъ твой успѣхомъ; если откроешь путь къ соединенію Вѣръ, то сердце наше утѣшится и славою Церкви и спасеніемъ душъ безчисленныхъ.» — Знаемъ, что съ симъ наказомъ Климентовъ Посолъ былъ два раза въ Москвѣ (въ 1595 и 1597 году), но не знаемъ его переговоровъ, которые впрочемъ не имѣли важныхъ слѣдствій, уменьшивъ, какъ вѣроятно, надежду Рима на государственный и церковный союзъ съ Россіею, по крайней мѣрѣ до времени.

Дружество Ѳеодора съ Шахомъ.

Обѣщая Императору, безъ сомнѣнія и Папѣ, вѣрнаго сподвижника въ Шахѣ Персидскомъ, мы дѣйствительно могли сдержать слово, возобновивъ съ нимъ дружелюбную связь. Уже сей знаменитый Шахъ, Аббасъ, готовился къ дѣламъ славы, которыя доставили ему въ лѣтописяхъ имя Великаго; наслѣдовавъ Державу разстроенную слабостію Тамаса и Годабенда, возмущаемую кознями Удѣльныхъ Хановъ, стѣсненную завоеваніями Турковъ, хотѣлъ единственно временнаго мира съ послѣдними, чтобы утвердиться на престолѣ и смирить внутреннихъ мятежниковъ; старался узнать взаимныя отношенія Государствъ, самыхъ дальнихъ, и привѣтствуя за морями добраго союзника въ Королѣ Испанскомъ (322), видѣлъ еще надежнѣйшаго въ сильномъ Монархѣ Россійскомъ, коего владѣнія уже сходились съ Пер-

г. 1592 —1597. сидскими и съ Оттоманскими: новый Посолъ Шаховъ (въ 1593 году), Ази Хосревъ, вручивъ Царю ласковое письмо Аббасово, всего болѣе льстилъ Правителю, въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ, пышными выраженіями восточными, говоря ему: «ты единою рукою держишь землю Русскую, а другую возложи съ любовію на моего Шаха, и навѣки утверди братство между имъ и Царемъ» ([323]). Борисъ отвѣчалъ скромно: «я только исполняю волю Самодержца; гдѣ его слово, тамъ моя голова» — но взялся быть ревностнымъ ходатаемъ за Шаха. Изъясняя Годунову, что перемиріе, заключенное Персіею съ Турками, есть одна хитрость воинская, Посолъ сказалъ: «Чтобы усыпить ихъ, Шахъ далъ имъ своего шестилѣтняго племянника въ аманаты — или въ жертву: пусть они зарѣжутъ младенца при первомъ блескѣ нашей сабли! Тѣмъ лучше: ибо грозный Аббасъ не любитъ ни племянниковъ, ни братьевъ, готовя для нихъ вѣчный покой въ могилѣ или мракъ ослѣпленія въ темницѣ». Ази не клеветалъ на Шаха; но сей безжалостный истребитель единокровныхъ умѣлъ явить себя великимъ Монархомъ въ глазахъ Посла Ѳеодорова, Князя Андрея Звенигородскаго, коему надлежало узнать всѣ обстоятельства Персіи и замыслы Аббасовы. Князь Андрей (въ 1594 году) ѣхалъ чрезъ Гилянь, уже подвластную Шаху, который выгналъ ея Царя, Ахмета, обвиняемаго имъ въ вѣроломствѣ ([324]). Вездѣ тишина и порядокъ доказывали неусыпную дѣятельность государственной власти; вездѣ честили Посла, какъ вѣстника Ѳеодоровой дружбы къ Шаху. Аббасъ принялъ его въ Кашанѣ ([325]), окруженный блестящимъ Дворомъ, Царевичами и Вельможами, имѣя на бедрѣ осыпанную алмазами саблю, а подлѣ себя лукъ и стрѣлу; далъ ему руку, не предлагая цѣловать ноги своей; изъявлялъ живѣйшее удовольствіе; славилъ Царя и Годунова. Пиры и забавы предшествовали дѣламъ: днемъ гулянья въ садахъ, музыка, пляски, игры воинскія (въ коихъ самъ Аббасъ оказывалъ рѣдкое искусство, носясь вихремъ на борзомъ аргамакѣ своемъ и пуская стрѣлы въ цѣль); ввечеру потѣшные огни, яркое освѣщеніе садовъ, водометовъ, площади, красивыхъ лавокъ, гдѣ толпилось множество людей, и гдѣ раскладывались драгоцѣнности Азіятскія для прельщенія глазъ. Шахъ хвалился войскомъ, цвѣтущимъ состояніемъ художествъ и торговли, пышностію, великолѣпіемъ, и показывая Князю Звенигородскому свои новыя палаты, говорилъ: «ни отецъ, ни дѣдъ мой не имѣли такихъ.» Показывалъ ему и всѣ свои рѣдкія сокровища: *желтый яхонтъ*, вѣсомъ во 100 золотниковъ, назначенный имъ въ даръ Царю, богатое сѣдло Тамерланово, латы и шлемы работы Персидской ([326]). За обѣдомъ, сидя съ нимъ рядомъ, Шахъ сказалъ: «Видишь ли Посла Индѣйскаго, сидящаго здѣсь ниже тебя? Монархъ его, Джеладдинъ Айберъ, владѣетъ странами неизмѣримыми, едва ли не двумя третями населеннаго міра, но я уважаю твоего Царя еще болѣе». Началъ бесѣдовать съ Княземъ Андреемъ о дѣлахъ, Аббасъ удостовѣрялъ его въ твердомъ намѣреніи изгнать ненавистныхъ Оттомановъ изъ западныхъ областей Персіи, но прежде отнять Хоросанъ у Царя Бухарскаго Абдулы, который овладѣлъ имъ въ Годабендово несчастное время и завоевалъ Хиву. «Я живу одною мыслію», говорилъ Аббасъ: «возстановить цѣлость и знаменитость древней Персіи. Имѣю 40,000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ воиновъ, 6000 стрѣльцевъ съ *огненнымъ боемъ*: смирю ближайшаго недруга, а послѣ и Султана: даю въ томъ клятву, довольствуясь искреннимъ обѣщаніемъ Государя Московскаго содѣйствовать, когда настанетъ время, успѣху сего великаго подвига, да раздѣлимъ славу и выгоду онаго!» Аббасъ соглашался ([327]) вступить въ сношеніе съ Австріею чрезъ Москву (гдѣ Посолъ его видѣлся съ Рудольфовымъ); безспорно уступалъ намъ Иверію, но говорилъ: «Царь Александръ обманываетъ Россію, грубитъ мнѣ и тайно платитъ дань Султану.» Сынъ Александровъ, Константинъ, находясь аманатомъ въ Персіи, волею или неволею принялъ тамъ Вѣру Магометанскую и женился на Мусульманкѣ: Шахъ въ угодность Ѳеодору отпускалъ его въ Москву; но сей юный Князь самъ не захотѣлъ ѣхать туда, сквозь слезы сказавъ нашему Послу: «моя судьба умереть здѣсь въ честномъ рабствѣ!» Чтобы доказать отмѣнную дружбу къ Россіи, Аббасъ пріѣхалъ самъ нечаянно въ гости къ Князю Звенигородскому съ изгнанникомъ, Царемъ Хивинскимъ, Азимомъ, и съ первымъ своимъ Министромъ, Фергатъ-Ханомъ, пилъ у него вино и медъ (любя часто быть навеселѣ, во-

г. 1592 —1597.

преки Магомету), внимательно разсматривалъ иконы Богоматери и Св. Николая, и взявъ отъ хозяина въ даръ черную лисью шапку, отдарилъ его щедро прекраснымъ аргамакомъ и образомъ Дѣвы Маріи, писаннымъ на золотѣ въ Персіи съ Фряжской иконы, которая была прислана Шаху изъ Ормуса ([328]). Въ подтвержденіе всего сказаннаго Андрею Звенигородскому, Аббасъ послалъ съ нимъ въ Москву одного изъ Вельможъ своихъ, Кулыя; а Өеодоръ къ Шаху Князя Василья Тюфякина ([329]) съ образцовою договорною грамотою, въ томъ смыслѣ, чтобы имъ быть вѣрными союзниками и братьями, общими силами выгнать Турковъ изъ земель Каспійскихъ, Россіи взять Дербентъ съ Бакою, Персіи Ширванскую область. Но Тюфякинъ и Дьякъ его умерли на пути: о чемъ долго не знали въ Москвѣ, и сношенія съ Аббасомъ, занятымъ тогда счастливою для него войною Бухарскою, прервалися до новаго царствованія въ Россіи.

По крайней мѣрѣ Шахъ уступилъ намъ Иверію: до времени не споря объ ней съ Султаномъ явно, Өеодоръ хотѣлъ утвердить свое право на имя ея верховнаго Властителя усмиреніемъ жестокаго врага Александрова, Шавкала, и еще два раза посылалъ на него Воеводъ, Князей Григорія Засѣкина и Андрея Хворостинина: отъ перваго бѣжалъ Шавкалъ въ неприступныя горы; второму надлежало довершить покореніе сей земли Дагестанской, соединиться въ ней съ войскомъ Иверскимъ, съ сыномъ Александровымъ, Юріемъ, и взять ея столицу, Тарки, чтобы отдать ее тестю Юріеву, другому Князю Дагестанскому ([330]). Князь Хворостининъ пришелъ и взялъ Тарки; но не встрѣтилъ ни сына, ни свата Александрова: ждалъ ихъ тщетно; непрестанно бился съ горными жителями, ежедневно слабѣлъ въ силахъ, и долженъ былъ, разоривъ Тарки, бѣжать назадъ въ Терскую крѣпость: не менѣе трехъ тысячь Россіянъ легло, какъ пишутъ, въ горахъ и дебряхъ. Сей случай могъ быть поставленъ въ вину Александру: Царь изъявилъ ему удивленіе, для чего сынъ и сватъ его не соединились съ нашимъ Воеводою? Александръ извинялся непроходимостію горъ; а Өеодоръ благоразумно замѣтилъ ему, что если разбойникъ Шавкалъ находитъ путь въ Иверію, то и войско Иверское могло бы найти путь въ землю Шавкала. Однакожь терпѣливая, хладнокровная Политика наша не измѣнилась отъ сей досады, ни отъ скупости Александра въ платежѣ намъ дани: «казна моя истощена» (говорилъ онъ) «свадьбою моей дочери, вышедшей за Князя Дадьянскаго, и многими дарами, коихъ требуютъ отъ меня сильные Цари Мусульманскіе» ([331]). Узнавъ, что Александръ примирился съ зятемъ своимъ, Симеономъ, будто бы въ услугу Россіи, Царь писалъ къ первому: «вѣрю твоему усердію, и еще болѣе повѣрю, если склонишь Симеона быть нашимъ присяжникомъ». Обманывалъ ли Александръ Россію, какъ сказалъ Шахъ Аббасъ Князю Звенигородскому? Нѣтъ, онъ былъ только слабымъ между сильными: безъ сомнѣнія искренно предпочиталъ власть Россіи власти Оттоманской и Персидской: надѣялся, ободрялся; но видя, что мы не хотимъ или не можемъ прислать въ Иверію войска достаточнаго для обороны ея, хладѣлъ въ усердіи къ намъ; не слагалъ съ себя имени Россійскаго данника, но дѣйствительно платилъ дань Султану (шелкомъ и конями), убѣждая Өеодора защитить Иверію хотя со стороны Дагестана, гдѣ Московскіе Воеводы основали тогда новыя крѣпости на берегу Койсы, чтобы стѣснить Шавкала и загладить неудачу Князя Хворостинина.

Походъ на Шавкала.

Сверхъ Иверіи и Князей Черкесскихъ или Кабардинскихъ, подвластныхъ Россіи — сверхъ Ногаевъ, также нашихъ присяжниковъ, хотя и не всегда вѣрныхъ ([332]) — Өеодоръ съ 1595 года объявилъ себя Владыкою и многолюдной Орды Киргизской: Ханъ ея, Тевкель, именуясь *Царемъ Казацкимъ и Калмацкимъ*, добровольно ему поддался, моля единственно о свободѣ племянника своего, Уразъ-Магмета, взятаго нами вмѣстѣ съ Сибирскимъ Княземъ, Сейдякомъ. Өеодоръ обѣщалъ Тевкелю милость, защиту и снарядъ огнестрѣльный; соглашался отпустить къ нему племянника, но требовалъ отъ него сына въ аманаты. Кромѣ чести быть *Царемъ Царей*, Өеодоръ ожидалъ и пользы отъ новаго слуги Россійскаго: нашъ злодѣй, изгнанникъ Сибирскій, Кучюмъ, скитался въ степяхъ Киргизскихъ: мы хотѣли, чтобы Тевкель истребилъ или представилъ его въ Москву и воевалъ Бухарію, ибо Царь ея, Абдула, покровительствовалъ Кучюма и въ своихъ письмахъ грубилъ Өеодору. — Такъ Политика наша дѣйствовала въ Азіи, чтобы

г. 1592 —1597.

утвердить власть Россіи надъ Востокомъ.

Сноше-нія съ Даніею и съ Англіею.

Въ Европѣ мы сносились еще съ Даніею и съ Англіею: съ первою о границахъ въ Лапландіи, со второю о торговлѣ. Фридерикъ Датскій, желая означить вѣрный предѣлъ нашего и своего владѣнія во глубинѣ Сѣвера, между Колою и Варгавомъ, присылалъ туда чиновника, Керстена Фриза (333); но онъ уѣхалъ назадъ, не хотѣвъ ждать Посла Московскаго, Князя Ивана Борятинскаго. Новый Король, сынъ Фридериковъ, Христіанъ IV, изъявивъ Θеодору желаніе быть съ нимъ *въ крѣпкой любви*, также условился о съѣздѣ Пословъ въ Лапландіи, и также безплодно: Воевода, Князь Семенъ Звенигородскій, и Намѣстникъ Болховскій, Григорій Васильчиковъ, (въ 1592 году) долго жили въ Колѣ и не могли дождаться Христіановыхъ Повѣренныхъ. Съ обѣихъ сторонъ извинялись дальностію и невѣрностію пути, бурями и снѣгами; съ обѣихъ сторонъ узнали по крайней мѣрѣ, отъ старожиловъ Кольскихъ и Варгавскихъ, древнюю межу Норвегіи съ Новогородскою Лопью; велѣли жителямъ прекратить споры, торговать мирно и свободно, впредь до общаго, письменнаго условія между Царемъ и Королемъ. Θеодоръ, въ удовольствіе Христіану, далъ слово освободить нѣкоторыхъ плѣнниковъ, взятыхъ Россіянами въ набѣгѣ Датчанъ на Уѣздъ Колмогорскій, и писалъ о томъ къ начальникамъ Астрахани, Терской крѣпости и Сибири, куда ссылались военноплѣнные. Однимъ словомъ, Данія снова искала нашей дружбы, уже не мысля препятствовать морской торговлѣ Россіи съ Англіею.

Сія важная торговля едва было не прервалася отъ взаимныхъ досадъ Англійскаго и нашего Правительства. Мы жаловались на обманы Лондонскихъ купцевъ и требовали съ нихъ около полумилліона нынѣшнихъ рублей (334), взятыхъ ими въ долгъ изъ Царской казны, у Годунова, у Бояръ и Дворянъ; а купцы запирались въ семъ долгѣ, слагали его другъ на друга, и жаловались на притѣсненія. Царь (въ 1588 году) вторично посылалъ Бекмана въ Лондонъ для объясненія съ Елисаветою, которая долго не могла видѣть его, оплакивая смерть человѣка, нѣкогда милаго ея сердцу: Графа Лейстера; наконецъ приняла толмача Россійскаго съ великою милостію: отошла съ нимъ въ уголъ комнаты и бесѣдовала тихо; пеняла ему безъ гнѣва, что онъ, года за четыре передъ тѣмъ гулявъ и бесѣдовавъ съ нею въ саду, будто бы въ донесеніи къ Царю назвалъ сіе увеселительное мѣсто низкимъ именемъ огорода; спрашивала о здоровьѣ Годунова; увѣряла, что все сдѣлаетъ изъ дружбы къ Θеодору, но объявила новыя требованія, съ коими пріѣхалъ въ Москву Докторъ Флетчеръ. Сей болѣе ученый, нежели знатный Посланникъ именемъ Елисаветы предложилъ нашей Думѣ слѣдующія статьи:

г. 1592 —1597.

«Королева желала бы заключить тѣсный союзъ съ Царемъ; но Океанъ между ими: дальность, препятствуя государственному союзу, не мѣшаетъ однакожь любви сердечной: такъ отецъ Θеодоровъ, Государь славный и мудрый, всегда являлъ себя истиннымъ братомъ Елисаветы, которая хочетъ быть нѣжною сестрою и Великаго сына его. Сія любовь, хотя и безкорыстная, питается частыми сношеніями Вѣнценосцевъ о дѣлахъ купеческихъ: если гостей Англійскихъ не будетъ въ Россіи, то Королева и не услышитъ о Царѣ; а долговременная безвѣстность не охладитъ ли взаимнаго дружества?

«Для утвержденія сей, ея сердцу пріятной связи, Королева молитъ Царя, чтобы онъ указалъ: 1) основательнѣе разсмотрѣть дѣло о сомнительномъ долгѣ купцевъ Лондонскихъ; 2) судить ихъ только Великому Боярину Годунову, благотворителю Англичанъ; 3) давать имъ, какъ было въ царствованіе Іоанново, свободный путь изъ Москвы въ Бухарію, въ Шамаху и въ Персію, безъ задержанія и безъ всякаго осмотра товаровъ въ Казани и въ Астрахани; 4) Царскимъ сановникамъ не брать у нихъ ничего силою, безъ платежа денегъ; 5) отмѣнить всякую заповѣдь въ товарахъ, покупаемыхъ Англичанами въ Россіи; 6) способствовать имъ въ отысканіи земли Китайской, давать вожатыхъ, суда и лошадей на всѣхъ дорогахъ; 7) безъ письменнаго вида отъ Елисаветы не пускать никакихъ гостей въ пристани между Варгавомъ и Двинскимъ устьемъ, ни въ Новгородъ (335); 8) денежнымъ Россійскимъ мастерамъ безпошлинно переливать ефимки для купцевъ Лондонскихъ; 9) ни въ какихъ преступленіяхъ не пытать Англичанъ, но отсылать къ ихъ Старостѣ или Прикащику, или въ Англію для казни; 10) никого изъ нихъ не безпокоить въ разсужденіи Вѣ-

г. 1592 — 1597. ры. — Симъ докажетъ Царь любовь къ Елисаветѣ».

Бояре написали въ отвѣтъ: «Государь нашъ, благодаря Королеву за доброе къ нему расположеніе, самъ искренно желаетъ ея дружбы, подобно своему Великому родителю; но не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы взаимная любовь Вѣнценосцевъ питалась дѣлами купечества, и чтобы безъ торговли они уже не имѣли средствъ сноситься другъ съ другомъ. Такія выраженія непристойны ([336]). Царь хочетъ жить въ братствѣ съ знаменитыми Монархами, съ Султаномъ, Императоромъ, Королями Испанскимъ, Французскимъ, съ Елисаветою и со всѣми, не для выгоды купцевъ, а для своего *обычая государственнаго.* Въ удовольствіе Елисаветѣ онъ жаловалъ гостей Лондонскихъ, которые, забывъ его милости, начали жить обманомъ, не платить долговъ, ѣздить тайно въ другія земли какъ лазутчики, въ письмахъ злословить Россію, преграждать путь иноземнымъ кораблямъ къ Двинскому устью — однимъ словомъ, заслуживали казнь по уставамъ всѣхъ Государствъ; но Царь, изъ уваженія къ Королевѣ, щадилъ преступниковъ, и писалъ къ ней о дѣлахъ ихъ; щадитъ и теперь: се его воля!

«1) Хотя долгъ купцевъ Лондонскихъ ни мало не сомнителенъ; хотя сіе дѣло было уже основательно разсмотрѣно въ Царскомъ Совѣтѣ: но Государь изъ великодушія уступаетъ имъ половину, требуя, чтобы они немедленно заплатили 12 тысячь рублей ([337]). — 2) Непристойно самому Великому, Ближнему Боярину и шурину Царскому судить купцевъ: ему ввѣрено Государство; безъ его вѣдома ничего не дѣлается: но судить Англичанъ будутъ люди Приказные, а ему только докладывать. — 3) Изъ особенной любви къ сестрѣ своей, Елисаветѣ, Государь дозволяетъ Англичанамъ ѣздить чрезъ Россію въ Бухарію и въ Персію, не платя пошлины съ товаровъ, хотя другимъ иноземцамъ и не велѣно ни за версту ѣздить далѣе Москвы. — 4) Онъ не терпитъ, чтобы въ его землѣ силою отнимали чужую собственность, у кого бы то ни было. — 5) Завѣта нѣтъ и не будетъ для гостей Лондонскихъ въ покупкѣ нашихъ товаровъ, кромѣ воска, вымѣниваемаго иноземцами въ Россіи единственно на *ямчугу*, или на зелье и сѣру ([338]). — 6) Невозможно Царю пускать иноземцевъ чрезъ Россію для отысканія другихъ Государствъ. — 7) Удивительно, что Королева снова объявляетъ требованіе столь неблагоразумное и недружелюбное: мы сказали и повторяемъ, что въ угодность Англіи не затворимъ своихъ пристаней и не измѣнимъ нашего закона въ торговлѣ: свободы. — 8) Англичане вольны дѣлать деньги, платя извѣстную пошлину, какъ и Россіяне. — 9) Никакихъ чужестранцевъ не пытаютъ въ Россіи: Англичанъ же, обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, отдаютъ ихъ Старостамъ. — 10) До Вѣры нѣтъ и дѣла Государю нашему: всякой мирно и спокойно живетъ въ своей, какъ всегда у насъ бывало и будетъ». г. 1592 — 1597

Посолъ, еще не довольный сими отвѣтами на каждую статью его бумаги, требовалъ свиданія съ Годуновымъ, и писалъ къ нему: «Мужъ Свѣтлѣйшій! Королева велѣла мнѣ *бить тебѣ челомъ отъ сердца.* Она знаетъ благоволеніе твое къ ея народу и любитъ тебя болѣе всѣхъ Государей Христіанскихъ. Не смѣю докучать тому, на комъ лежитъ все Царство; но возрадуюся душею, если дашь мнѣ видѣть *пресвѣтлыя* очи твои: ибо ты *честь и слава Россіи*» ([339]). Не взирая на лесть, Флетчеръ не имѣлъ совершеннаго успѣха, и въ новой жалованной грамотѣ, данной тогда Лондонскимъ купцамъ, упоминается о пошлинахъ, хотя и легкихъ ([340]). Годуновъ не взялъ и даровъ Королевы: «для того» (писалъ онъ къ Елисаветѣ) «что ты, какъ бы въ знакъ неуваженія къ Великому Царю, прислала ему въ даръ мелкія золотыя монеты». Къ сильнѣйшему негодованію нашего Двора, явился въ Москвѣ новымъ Посланникомъ отъ Елисаветы Іеронимъ Горсей, нѣкогда любимый Іоанномъ и Борисомъ, но въ 1588 году изгнанный изъ Россіи за умыселъ препятствовать торговлѣ Нѣмцевъ въ Архангельскѣ ([341]): Царь не хотѣлъ видѣть его, ни Правитель; а Королева писала къ Борису, что она не узнаетъ въ немъ своего бывшаго друга; что Англичане, гонимые Андреемъ Щелкаловымъ, уже не находятъ заступника въ Россіи и должны навсегда оставить ее. Сія угроза, можетъ быть, произвела дѣйствіе: ибо Годуновъ зналъ всю пользу Англійской торговли для Россіи, для нашего обогащенія и самаго гражданскаго образованія; зналъ, что Іоаннъ III уже не могъ исправить своей ошибки, чрезмѣрною строгостію выгнавъ куп-

г. 1592 —1597.

цевъ Ганзейскихъ изъ Новагорода. Годуновъ же, какъ увѣряютъ (342), любилъ Англичанъ болѣе всѣхъ иныхъ Европейцевъ, особенно уважая хитрую Елисавету, которая, жалуясь и грозя, не преставала изъявлять дружество къ Ѳеодору и въ доказательство того запретила книгу, изданную (въ 1591 году) Флетчеромъ о Россіи, оскорбительную для Царя и писанную вообще съ нелюбовію къ нашему отечеству (343). Можетъ быть, и смерть знаменитаго Царскаго сановника, ненавистнаго Англичанамъ, благопріятствовала ихъ успѣху: около 1595 года (344) не стало Ближняго, Великаго Дьяка, Андрея Щелкалова (главнаго дѣльца Россіи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, угоднаго Іоанну и Борису отличными способностями, умомъ гибкимъ и лукавымъ, совѣстію неупрямою, смѣсію достохвальныхъ и злыхъ качествъ, нужною для слуги *такихъ* Властителей); а въ началѣ 1596 года Елисавета уже благодарила Царя за *добродѣтельную* любовь къ ней, за новую милостивую грамоту, данную имъ Лондонскому купечеству съ правомъ вольной, неограниченной, *безпошлинной* торговли во всей Россіи (345), хваля мудрость нашей Государственной Думы (въ коей Василій Щелкаловъ занялъ мѣсто брата своего, Андрея, называясь съ сего времени Ближнимъ Дьякомъ и Печатникомъ). Елисавета въ другомъ письмѣ къ Годунову опровергала клевету, для нее чувствительную, изъясняясь такими словами: «Ты, истинный благодѣтель Англичанъ въ Россіи, единственный виновникъ правъ и выгодъ, данныхъ имъ Царемъ, тайно извѣстилъ меня, что Послы Императора и Папы, будучи въ Москвѣ, вымыслили гнусную ложь о моемъ мнимомъ союзѣ съ Турками противъ Державъ Христіанскихъ; ты не вѣрилъ ей — и не вѣрь. Нѣтъ, я чиста предъ Богомъ и въ совѣсти, всегда искренно желавъ добра Христіанству. Спросите у Короля Польскаго, кто доставилъ ему миръ съ Султаномъ? Англія. Спросите у самого Императора, не старалась ли я удалить бѣдствіе войны отъ его Державы? Онъ благодарилъ меня, но хотѣлъ войны: теперь жалѣетъ о томъ, къ несчастію поздно! Сановникъ мой живетъ въ Константинополѣ единственно для выгодъ нашей торговли и для освобожденія Христіанскихъ узниковъ. — Папа ненавидитъ меня за Короля Испанскаго, непримиримаго врага Англіи, сильнаго флотами и богатствами обѣихъ Индій, но смиреннаго мною въ глазахъ всей Западной Европы. Надѣюсь и впредь на милость Божію, которою да благоденствуетъ и Россія!»

г. 1592 —1597.

Таковы были послѣднія дѣйствія Ѳеодоровой внѣшней Политики, ознаменованныя умомъ Годунова. Изъ дѣлъ внутреннихъ сего времени достопамятно слѣдующее:

Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ.

Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимой: свободу въ назначенный закономъ срокъ (346) переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обработывать часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброкъ. Правитель видѣлъ невыгоды сего перехода, который часто обманывалъ надежду земледѣльцевъ сыскать господина лучшаго, не давалъ имъ обживаться, привыкать къ мѣсту и къ людямъ для успѣховъ хозяйства, для духа общественнаго, — умножалъ число бродягъ и бѣдность: пустѣли села и деревни, оставляемыя *кочевыми* жителями (347); домы обитаемые, или хижины, падали отъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правитель хвалился льготою, данною имъ состоянію земледѣльцевъ въ отчинахъ Царскихъ и, можетъ быть, въ его собственныхъ (348): безъ сомнѣнія желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ — желая утвердить между ими союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ, нераздѣльномъ — онъ въ 1592 или въ 1593 году (349) закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Чтожь было слѣдствіемъ? негодованіе знатной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ (350), безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочнымъ; а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, лишались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ (351). Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились за-

г. 1592 — 1597. пустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ. — Далѣе откроется, что Законодатель благонамѣренный, предвидѣвъ, вѣроятно, удовольствіе однихъ и неудовольствіе другихъ, не предвидѣлъ однакожь всѣхъ важныхъ слѣдствій сего новаго устава, дополненнаго указомъ 1597 года о непремѣнномъ возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, господамъ ихъ, отъ коихъ они ушли въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, избывая крѣпостной неволи (352). — Тогда же вышелъ указъ, чтобы всѣ Бояре, Князья, Дворяне, люди воинскіе, Приказные и торговые явили крѣпости на своихъ холопей, имъ служащихъ или бѣглыхъ, для записанія ихъ въ книги Приказа Холопьяго, коему велѣно было дать господамъ кабалы и на людей *вольныхъ,* если сіи люди *служили* имъ не менѣе *шести мѣсяцевъ;* то есть, законодатель желалъ угодить господамъ, не боясь оскорбить бѣдныхъ слугъ, ни справедливости: но подтвердилъ вѣчную свободу отпущениковъ съ женами и съ дѣтьми обоего пола.

Новая крѣпость въ Смоленскѣ. Защитивъ Югъ Россіи новыми твердынями, Борисъ для безопасности нашей границы Литовской въ 1596 году основалъ каменную крѣпость въ Смоленскѣ, куда онъ самъ ѣздилъ, чтобы назначить мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ. Сіе путешествіе имѣло и цѣль иную: Борисъ хотѣлъ плѣнить жителей Западной Россіи своею милостію; вездѣ останавливался, въ городахъ и селахъ; снисходительно удовлетворялъ жалобамъ, раздавалъ деньги бѣднымъ, угощалъ богатыхъ. Возвратясь въ Москву, Правитель сказалъ Царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи.* «Но въ семъ *ожерельѣ»* (возразилъ ему Князь Трубецкій) «могутъ завестися насѣкомые, коихъ мы не скоро выживемъ» (353): *слово достопамятное!* говоритъ Лѣтописецъ: *оно сбылося: ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы.* — Ѳеодоръ послалъ туда каменщиковъ изо всѣхъ городовъ, ближнихъ и дальнихъ. Строеніе кончилось въ 1600 году.

Москва украсилась зданіями прочными. Въ 1595 году, въ отсутствіе Ѳеодора, ѣздившаго въ Боровскую Обитель Св. Пафнутія, сгорѣлъ весь Китай-городъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возсталъ изъ пепла съ новыми каменными лавками и домами (354), но едва-было снова не сдѣлался жертвою огня и злодѣйства, г. 1592 — 1597. которое изумило Москвитянъ своею безбожною дерзостію. Нашлись изверги, и люди чиновные: Князь Василій Щепинъ, Дворяне Лебедевъ, два Байкова, отецъ съ сыномъ, и другіе; тайно условились зажечь столицу, ночью, въ разныхъ мѣстахъ, и въ общемъ смятеніи расхитить Зажигальщики. богатую казну, хранимую у церкви Василія Блаженнаго (355). Къ счастію, Правительство узнало о семъ заговорѣ; схватили злодѣевъ и казнили: Князю Щепину и Байковымъ отсѣкли головы на лобномъ мѣстѣ; иныхъ повѣсили или на всю жизнь заключили. Сія казнь произвела сильное впечатлѣніе въ Московскомъ народѣ, уже отвыкавшемъ отъ зрѣлищъ кровопролитія: гнушаясь адскимъ умысломъ, онъ живо чувствовалъ спасительный ужасъ законовъ для обузданія преступниковъ.

Ревностная, благотворная дѣятельность верховной власти оказывалась въ разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ. Многіе города, опустошенные пожарами, были вновь выстроены иждивеніемъ Царскимъ (356); гдѣ не родился хлѣбъ, туда немедленно доставляли его изъ мѣстъ изобильныхъ; во время заразительныхъ болѣзней учреждались заставы: лѣтописи около 1595 года упоминаютъ о сильномъ морѣ во Псковѣ, гдѣ осталось такъ Моръ. мало жителей, что Царь велѣлъ перевести туда мѣщанъ изъ другихъ городовъ. — Внутреннее спокойствіе Россіи было нарушено впаденіемъ Крымскихъ разбойниковъ въ области Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую: Калужскій Воевода, Михайло Безнинъ, встрѣтился съ ними на берегахъ Высы и побилъ ихъ на голову (357).

Дворъ Московскій отличался благолѣпіемъ. Дворъ Царскій. Не одни любимцы Державнаго, какъ бывало въ грозные дни Іоанновы, но всѣ Бояре и мужи государственные ежедневно, утромъ и ввечеру (358), собирались въ Кремлевскихъ палатахъ, видѣть Царя и съ нимъ молиться, засѣдать въ Думѣ (три раза въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ надобностей: въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятницу, отъ семи часовъ утра до десяти и болѣе), или принимать иноземныхъ Пословъ, или только бесѣдовать другъ съ другомъ. Обѣдать, ужинать возвращались домой, кромѣ двухъ или трехъ Вельможъ, изрѣдка приглашаемыхъ къ столу Царскому (359): ибо Ѳеодоръ, слабый и недужный, отмѣнилъ утомитель-

г. 1592 — 1597.

ныя, многолюдныя трапезы временъ своего отца, дѣда и прадѣда; рѣдко обѣдалъ и съ Послами. Пышность Двора его увеличивало присутствіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ изгнанниковъ Азіи и Европы: Царевичь Хивинскій, Господари Молдавскіе (Стефанъ и Димитрій), сыновья Волошскаго, родственникъ Императоровъ Византійскихъ, Мануилъ Мускополовичь, Селунскій Вельможа Димитрій, и множество благородныхъ Грековъ являлись у трона Θеодорова, вмѣстѣ съ другими чиновными иноземцами, которые искали службы въ Россіи. — Предъ дворцемъ стояло обыкновенно 250 Стрѣльцевъ, съ заряженными пищалями, съ фитилями горящими. Внутреннею стражею палатъ Кремлевскихъ были 200 знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ, называемыхъ Жильцами: они, смѣняясь, ночевали всегда въ третьей комнатѣ отъ спальни Государевой, а въ первой и второй ближніе царедворцы, Постельничій и товарищи его, называемые *Спальниками*; каждую дверь стерегъ истопникъ, зная, кто имѣлъ право входить въ оную. Все было устроено для порядка и важности (360).

Приближаясь къ мѣтѣ, Годуновъ болѣе и болѣе старался обольщать людей наружностію государственныхъ и человѣческихъ добродѣтелей; но, буде преданіе не ложно, еще умножилъ свои тайныя злодѣянія новымъ. Такъ называемый Царь и Великій Князь Тверскій Симеонъ, женатый на сестрѣ Боярина Θеодора Мстиславскаго, снискавъ милость Іоаннову вѣрною службою и принятіемъ Христіанскаго Закона, имѣвъ въ Твери пышный Дворъ и власть Намѣстника съ какими-то правами Удѣльнаго Князя (361), долженъ былъ въ царствованіе Θеодорово выѣхать оттуда и жить уединенно въ селѣ своемъ Кушалинѣ. Не знаменитый ни разумомъ, ни мужествомъ, онъ слылъ однакожь благочестивымъ, смиреннымъ въ счастіи, великодушнымъ въ ссылкѣ, и казался опаснымъ Правителю, нося громкое имя Царское и будучи зятемъ перваго родоваго Вельможи. Борисъ въ знакъ ласки прислалъ къ нему, на имянины, вина Испанскаго: Симеонъ выпилъ кубокъ, желая здравія Царю, и чрезъ нѣсколько дней *ослѣпъ*, будто бы отъ ядовитаго зелія, смѣшеннаго съ симъ виномъ: такъ говоритъ Лѣтописецъ; такъ говорилъ и самъ несчастный Симеонъ Французу Маржерету. По крайней мѣрѣ сіе ослѣпленіе могло быть полезно для Бориса: ибо государственныя бумаги слѣдующихъ временъ Россіи доказываютъ, что мысль возложить вѣнецъ Мономаховъ на голову Татарина не всѣмъ Россіянамъ казалась тогда нелѣпою (362).

Ослѣпленіе Царя Симеона.

Обратимъ взоръ, въ послѣдній разъ, на самого Θеодора. И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ сіе время еще менѣе заботился о мірѣ и Царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ Обители въ Обитель, благотворилъ нищимъ и Духовенству, особенно Греческимъ Монахамъ, Іерусалимскимъ, Пелопоннесскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоцѣнности святыни (однѣ не расхищенныя Турками!): кресты, иконы, мощи. Многіе изъ сихъ бѣдныхъ изгнанниковъ оставались въ Россіи: Кипрскій Архіепископъ Игнатій жилъ въ Москвѣ; Арсеній Элассонскій, бывъ у насъ вмѣстѣ съ Патріархомъ Іереміею, возвратился и начальствовалъ надъ Суздальскою Епархіею. — Θеодоръ съ радостію свѣдалъ о явленіи въ Угличѣ нетлѣнныхъ мощей (363) Князя Романа Владиміровича (внука Константинова), и душевно оскорбился бѣдствіемъ знаменитой Обители Печерской Нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда Угодники Божіи, Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евфимій и Макарій Желтоводскій или Унженскій (364): гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келліи, ограду. Сія гибель мѣста святаго поразила воображеніе людей суевѣрныхъ и названа въ лѣтописи *великимъ знаменіемъ* того, что ожидало Россію, — чего ожидалъ и Θеодоръ, замѣтно слабѣя здравіемъ. Пишутъ, что онъ (въ 1596 году) торжественно перекладывая мощи Алексія Митрополита въ новую серебряную раку, велѣлъ Годунову взять ихъ въ руки, и взирая на него съ печальнымъ умиленіемъ, сказалъ: «Осязай святыню, Правитель народа Христіанскаго! Управляй имъ и впредь съ ревностію. Ты достигнешь желаемаго: но все суета и мигъ на землѣ» (365)! Θеодоръ предчувствовалъ близкій конецъ свой и часъ насталъ.

Святители Греческіе въ Москвѣ.

Разрушеніе Печерской Обители.

Слово Θеодорово Годунову.

Нѣтъ, не вѣримъ преданію ужасному, что Годуновъ будто бы ускорилъ сей часъ отравою (366). Лѣтописцы достовѣрнѣйшіе молчатъ о томъ, съ праведнымъ омерзѣніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы. Признательность

смиряетъ и льва яростнаго ([367]); но если ни святость Вѣнценосца, ни святость благотворителя не могли остановить изверга, то онъ еще могъ бы остановиться, видя въ бренномъ Ѳеодорѣ явную жертву скорой естественной смерти, и между тѣмъ властвуя, и ежедневно утверждая власть свою какъ неотъемлемое достояніе.... Но Исторія не скрываетъ и клеветы, преступленіями заслуженной.

г. 1598. Кончина Ѳеодорова. Въ концѣ 1597 года Ѳеодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь ([368]); 6 Генваря открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Ѳеодора, какъ Ангела земнаго, озареннаго лучами святости, и приписывалъ дѣйствію его ревностныхъ молитвъ благосостояніе отечества; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго Царя Мономаховой крови — и когда въ отверстыхъ храмахъ еще съ надеждою просилъ Бога объ исцѣленіи Государя добраго, тогда Патріархъ, Вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ искреннимъ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Ѳеодоровой Самодержавной власти: завѣщанія о судьбѣ Россіи сиротѣющей. Но какъ въ теченіе жизни, такъ и при концѣ ея, Ѳеодоръ не имѣлъ иной воли, кромѣ Борисовой; и въ сей великій часъ не измѣнилъ своей безпредѣльной довѣренности къ наставнику: лишаясь зрѣнія и слуха, еще устремлялъ темнѣющій взоръ на Годунова и съ усиліемъ внималъ его шептаніямъ, чтобы сдѣлать ему угодное. Безмолвствовали Бояре: Первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ; праведный отходитъ къ Богу.... Государь! кому приказываешь Царство, насъ сирыхъ и свою Царицу?» Ѳеодоръ тихо отвѣтствовалъ: «въ Царствѣ, въ васъ и въ моей Царицѣ воленъ Господь Всевышній.... оставляю грамоту духовную» ([369]). Сіе завѣщаніе было уже написано: Ѳеодоръ вручалъ державу Иринѣ ([370]), а душу свою приказывалъ Великому Святителю Іову, двоюродному брату Ѳеодору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику Царицы Анастасіи), и шурину Борису Годунову; то есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками Трона. Онъ хотѣлъ проститься съ нѣжною супругою наединѣ, и говорилъ съ нею безъ земныхъ свидѣтелей ([371]): сія бесѣда осталась неизвѣстною. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ Царя елеемъ, исповѣдалъ и пріобщилъ Святыхъ Таинъ. г. 1598. Въ часъ утра, 7 Генваря, Ѳеодоръ испустилъ духъ, безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко ([372]).

Въ сію минуту оцѣпенѣнія, горестію произведеннаго, явилась Царица и пала на тѣло умершаго: ее вынесли въ безпамятствѣ ([373]). Тогда, изъявляя и глубокую скорбь и необыкновенную твердость духа, Годуновъ напомнилъ Боярамъ, что они, уже не имѣя Царя, должны присягнуть Царицѣ: Присяга Царицѣ Иринѣ. всѣ съ ревностію исполнили сей обрядъ священный, цѣлуя крестъ въ рукахъ Патріарха.... Случай дотолѣ безпримѣрный: ибо мать Іоаннова, Елена, властвовала только именемъ сына младенца: Иринѣ же отдавали скипетръ Мономаховъ со всѣми правами самобытной, неограниченной власти. — На разсвѣтѣ ударили въ большой колоколъ Успенскій, извѣщая народъ о преставленіи Ѳеодора, и вопль раздался въ Москвѣ отъ палатъ до хижинъ: каждый домъ, по выраженію современника, былъ *домомъ плача*. Дворецъ не могъ вмѣстить людей, которые стремились къ одру усопшаго: и знатные и нищіе. Слезы лилися; но и чиновники и граждане, подобно Боярамъ, съ живѣйшимъ усердіемъ клялись въ вѣрности къ любимой Царицѣ-матери, которая еще спасала Россію отъ сиротства совершеннаго. Столица была въ отчаяніи, но спокойна. Дума послала гонцевъ въ области; велѣла затворить пути въ чужія земли до новаго указа и вездѣ строго блюсти тишину.

Тѣло Ѳеодорово вложили въ раку, при самой Иринѣ, которая ужасала всѣхъ изступленіемъ своей неописанной скорби: терзалась, билась; не слушала ни брата, ни Патріарха; изъ устъ ея, обагренныхъ кровію ([374]), вырывались слова: «я вдовица безчадная.... мною гибнетъ корень Царскій!» Ввечеру отнесли гробъ въ церковь Михаила Архангела Патріархъ, Святители, Бояре и народъ вмѣстѣ; не было различія въ званіяхъ: общая горесть сравняла ихъ. 8 Генваря совершилось погребеніе, достопамятное не великолѣпіемъ, но трогательнымъ безпорядкомъ: захлипаясь отъ слезъ и рыданія, Духовенство прерывало священнодѣйствіе, и лики умолкали; въ воплѣ народномъ никто не могъ слышать пѣнія. Уже не плакала — одна Ирина: ее принесли въ храмъ какъ мертвую. Годуновъ не осушалъ глазъ, смо-

г. 1598. тря на злосчастную Царицу, но давалъ всѣ повелѣнія. Отверзли могилу для гроба Ѳеодорова, подлѣ Іоаннова: народъ громогласно изъявилъ благодарность усопшему за счастливые дни его царствованія, съ умиленіемъ славя личныя добродѣтели сего Ангела кротости, наслѣдованныя имъ отъ незабвенной Анастасіи, — именуя его не Царемъ, но отцемъ чадолюбивымъ, и въ искреннемъ прискорбіи сердца забывъ слабость души Ѳеодоровой. — Когда предали тѣло землѣ, Патріархъ, а съ нимъ и всѣ люди, воздѣвъ руки на небо, молились, да спасетъ Господь Россію, и лишивъ ее пастыря, да не лишитъ Своей милости. — Совершивъ печальный обрядъ, роздали богатую казну бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ; отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійцъ, чтобы симъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать земную славу Ѳеодоровыхъ добродѣтелей....

Такъ пресѣклось на тронѣ Московскомъ знаменитое Варяжское поколѣніе, коему Россія обязана бытіемъ, именемъ и величіемъ, — отъ начала столь малаго, сквозь рядъ вѣковъ бурныхъ, сквозь огнь и кровь, достигнувъ господства надъ Сѣверомъ Европы и Азіи воинственнымъ духомъ своихъ Властителей и народа, счастіемъ и промысломъ Божіимъ!...

Скоро узнала печальная столица, что вмѣстѣ съ Ириною вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ; что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно; что Россія, не имѣя Царя, не имѣетъ и Царицы!

Пишутъ, что Ѳеодоръ набожный, прощаясь съ супругою, вопреки своему завѣщанію тайно велѣлъ ей презрѣть земное величіе и посвятить себя Богу (375): можетъ быть, и сама Ирина, вдовица бездѣтная, въ искреннемъ отчаяніи возненавидѣла свѣтъ, не находя утѣшенія въ Царской пышности; но гораздо вѣроятнѣе, что такъ хотѣлъ Годуновъ, располагая сердцемъ и судьбою нѣжной сестры. Онъ уже не могъ возвыситься въ царствованіе Ирины, властвовавъ безпредѣльно и при Ѳеодорѣ; не могъ, въ концѣ пятаго десятилѣтія жизни, еще ждать или откладывать; вручилъ Царство Иринѣ, чтобы взять его себѣ, изъ рукъ единокровной, какъ бы правомъ наслѣдія: занять на тронѣ мѣсто *Годуновой,* а не Мономахова Вѣнценоснаго племени, и менѣе казаться похитителемъ въ глазахъ народа. Никогда сей лукавый честолюбецъ не былъ г. 1598. столь дѣятеленъ, явно и скрытно, какъ въ послѣдніе дни Ѳеодоровы и въ первые мнимаго Иринина Державства: явно, чтобы народъ не имѣлъ и мысли о возможности государственнаго устройства безъ радѣнія Борисова; скрытно, чтобы дать видъ свободы и любви дѣйствію силы, обольщенія и коварства. Какъ бы невидимою рукою обнявъ Москву, онъ управлялъ ея движеніями чрезъ своихъ слугъ безчисленныхъ (376); отъ Церкви до Синклита, до войска и народа, все внимало и слѣдовало его внушеніямъ, благопріятствуемымъ съ одной стороны робостію, а съ другой истинною признательностію къ заслугамъ и милостямъ Борисовымъ. Обѣщали и грозили; шепотомъ и громогласно доказывали, что спасеніе Россіи нераздѣльно съ властію Правителя — и, приготовивъ умы или страсти къ великому ѳеатральному дѣйствію, въ девятый день по кончинѣ Царя объявили торжественно, что Ирина отказывается отъ Царства и навѣки удаляется въ монастырь, воспріять Ангельскій образъ Инокини. Сія вѣсть поразила Москву: Святители, Дума, сановники, Дворяне, граждане *соборомъ* пали предъ вѣнценосною вдовою, плакали неутѣшно, называли ее матерію и заклинали не оставлять ихъ въ ужасномъ сиротствѣ; но Царица, дотолѣ всегда мягкосердая, не тронулась моленіемъ слезнымъ: отвѣтствовала, что воля ея неизмѣнна, и что Государствомъ будутъ править Бояре, вмѣстѣ съ Патріархомъ, до того времени, когда успѣютъ собраться въ Москвѣ всѣ Чины Россійской Державы (377), чтобы рѣшить судьбу отечества по вдохновенію Божію. Въ тотъ же день (378) Ирина выѣхала изъ Дворца Кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь, и подъ именемъ Александры вступила въ санъ Инокинь. Россія осталась безъ Главы, а Москва въ тревогѣ, въ волненіи....

Постриженіе Ирины.

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключился въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной келліи монастырской твердою рукою держалъ Царство!

Свѣдавъ о постриженіи Ирины, Духовенство, чиновники и граждане со-

г. 1598. бралися въ Кремлѣ, гдѣ Государственный Дьякъ и Печатникъ, Василій Щелкаловъ, представивъ имъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобы они цѣловали крестъ на имя Думы Боярской. Никто не хотѣлъ слышать о томъ; всѣ кричали: «не знаемъ ни Князей, ни Бояръ; знаемъ только Царицу: ей мы дали присягу, и другой не дадимъ никому: она и въ Черницахъ мать Россіи» (379). Печатникъ совѣтовался съ Вельможами, снова вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что Царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами Царства, и что народъ долженъ присягнуть Боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единогласнымъ отвѣтомъ было: «и такъ да царствуетъ братъ ея!» Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолвствовать: всѣ восклицали: «да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичь! онъ будетъ преемникомъ матери нашей, Царицы!» Немедленно, *всѣмъ соборомъ*, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ Патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ Монахиню Александру благословить ея брата на Царство, ею презрѣнное изъ любви къ жениху безсмертному, Христу Спасителю — исполнить тѣмъ волю Божію и народную — утишить колебаніе въ душахъ и въ Государствѣ — отереть слезы Россіянъ, бѣдныхъ, сирыхъ, безпомощныхъ, и снова возставить Державу сокрушенную, доколѣ враги Христіанства еще не увѣдали о вдовствѣ Мономахова престола. Всѣ проливали слезы — и сама Царица Инокиня, внимая Первосвятителю краснорѣчивому. Іовъ обратился къ Годунову; смиренно предлагалъ ему корону, называлъ его Свышеизбраннымъ для возобновленія Царскаго корени въ Россіи, естественнымъ наслѣдникомъ трона послѣ зятя и друга, обязаннаго всѣми успѣхами своего владычества Борисовой мудрости (380).

Избраніе Годунова въ Цари.

Такъ совершилось желаніе властолюбца!... Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца — и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань Св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, Духовенствомъ, Синклитомъ, народомъ; *клялся*, что никогда, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ Державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго г. 1598. Царя-Ангела, его отца и благотворителя; говорилъ, что въ Россіи много Князей и Бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ (381); но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о Государствѣ еще ревностнѣе прежняго (382). На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, Патріархъ отвѣтствовалъ такою же, и весьма плодовитою, исполненною движеній витійства и примѣровъ историческихъ; обвинялъ Годунова въ излишней скромности, даже въ неповиновеніи волѣ Божіей, которая столь явна въ общенародной волѣ; доказывалъ, что Всевышній искони готовилъ ему и роду его навѣки вѣковъ державу Владимірова потомства, Ѳеодоровою смертію пресѣченнаго; напоминалъ о Давидѣ, Царѣ Іудейскомъ, — Ѳеодосіи Великомъ, Маркіанѣ, Михаилѣ Косноязычномъ, Василіи Македонскомъ, Тиверіи и другихъ Императорахъ Византійскихъ, неисповѣдимыми судьбами Небесными возведенныхъ на престолъ изъ ничтожества; сравнивалъ ихъ добродѣтели съ Борисовыми; убѣждалъ, требовалъ, и не могъ поколебать его твердости, ни въ сей день, ни въ слѣдующіе (383) — ни предъ лицемъ народа, ни безъ свидѣтелей, ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшительно отрекся отъ короны.

Но Патріархъ и Бояре еще не теряли надежды: ждали *Великаго Собора*, коему надлежало быть въ Москвѣ чрезъ шесть недѣль по смерти Ѳеодора; то есть, велѣли съѣхаться туда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: Духовенству, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, купцамъ, мѣщанамъ (384). Годуновъ хотѣлъ, чтобы не одна столица, но вся Россія призвала его на тронъ, и взялъ мѣры для успѣха, всюду пославъ ревностныхъ слугъ своихъ и клевретовъ (385): сей видъ единогласнаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ — для успокоенія ли совѣсти? или для твердости и безопасности его властвованія? Между тѣмъ Борисъ жилъ въ монастырѣ, а Государствомъ правила Дума, совѣтуясь съ Патріархомъ въ дѣлахъ важныхъ; но указы писала именемъ *Царицы Александры*, и на ея же имя получала донесенія Воеводъ Земскихъ. Между тѣмъ оказывались не повиновеніе и безпорядокъ: въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ иныхъ го-

г. 1598. родахъ Воеводы не слушались ни другъ друга, ни предписаній Думы ([386]). Между тѣмъ носились слухи о впаденіи Хана Крымскаго въ предѣлы Россіи, и народъ говорилъ въ ужасѣ: «Ханъ будетъ подъ Москвою, а мы безъ Царя и защитника!» Однимъ словомъ, все благопріятствовало Годунову, ибо все было имъ устроено!

Въ Пятницу, 17 Февраля, открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или Государственный Соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго Духовенства, Синклита, Двора, не менѣе пяти сотъ чиновниковъ и людей выборныхъ ([387]) изъ всѣхъ областей, для дѣла великаго, не бывалаго со временъ Рюрика: для назначенія Вѣнценосца Россіи, гдѣ дотолѣ властвовалъ непрерывно, уставомъ наслѣдія, родъ Князей Варяжскихъ, и гдѣ Государство существовало Государемъ; гдѣ всѣ законныя права истекали изъ его единственнаго самобытнаго права: судить и рядить землю по закону совѣсти. Часъ опасный; кто избираетъ, тотъ даетъ власть, и слѣдственно имѣетъ оную; ни уставы, ни примѣры не ручались за спокойствіе народа въ ея столь важномъ дѣйствіи, и Сеймъ Кремлевскій могъ уподобиться Варшавскимъ: бурному морю страстей, гибельныхъ для устройства и силы Державъ. Но долговременный навыкъ повиновенія и хитрость Борисова представили зрѣлище удивительное: тишину, единомысліе, увѣтливость во многолюдствѣ разнообразномъ, въ смѣси чиновъ и званій. Казалось, что всѣ желали одного: какъ сироты, найти скорѣе отца — и знали, въ комъ искать его. Граждане смотрѣли на Дворянъ, Дворяне на Вельможъ, Вельможи на Патріарха. Извѣстивъ Соборъ, что Ирина не захотѣла ни царствовать, ни благословить брата на Царство, и что Годуновъ также не принимаетъ вѣнца Мономахова, Іовъ сказалъ: «Россія, тоскуя безъ Царя, нетерпѣливо ждетъ его отъ мудрости Собора. Вы, Святители, Архимандриты, Игумены; вы, Бояре, Дворяне, люди Приказные, Дѣти Боярскіе и всѣхъ чиновъ люди царствующаго града Москвы и всей земли Русской! объявите намъ мысль свою и дайте совѣтъ, кому быть у насъ Государемъ ([388]). Мы же, свидѣтели преставленія Царя и Великаго Князя Θеодора Іоанновича, думаемъ, что намъ мимо Бориса Θеодоровича не должно искать другаго Самодержца.» Тогда все Духовенство, *Бояре, воинство и народъ* единогласно отвѣтствовали ([389]): «нашъ совѣтъ и желаніе то же: немедленно бить челомъ Государю Борису Θеодоровичу, и мимо его не искать другаго Властителя для Россіи.» Усердіе обратилось въ восторгъ, и долго не льзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ. Тутъ находились Князья Рюрикова племени: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные; но давно лишенные достоинства Князей Владѣтельныхъ, давно слуги Московскихъ Государей наравнѣ съ Дѣтьми Боярскими, они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ, и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени Царскаго уже тринадцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи: былъ хотя и потомкомъ Мурзы, но братомъ Царицы. Возстановивъ тишину, Вельможи, въ честь Годунова, разсказали Духовенству, чиновникамъ и гражданамъ слѣдующія обстоятельства: «Государыня Ирина Θеодоровна и знаменитый братъ ея съ самаго перваго дѣтства возрастали въ палатахъ Великаго Царя Іоанна Васильевича и питались отъ стола его. Когда же Царь удостоилъ Ирину быть своею невѣсткою, съ того времени Борисъ Θедоровичь жилъ при немъ неотступно, навыкая государственной мудрости. Однажды, узнавъ о недугѣ сего юнаго любимца, Царь пріѣхалъ къ нему съ нами и сказалъ милостиво: *Борисъ! страдаю за тебя какъ за сына, за сына какъ за невѣстку, за невѣстку какъ за самого себя* ([390]) — поднялъ три перста десницы своей и примолвилъ: *се Θеодоръ, Ирина и Борисъ; ты не рабъ, а сынъ мой.* Въ послѣдніе часы жизни всѣми оставленный для исповѣди, Іоаннъ удержалъ Бориса Θедоровича при одрѣ своемъ, говоря ему: *Для тебя обнажено мое сердце. Тебѣ приказываю душу, сына, дочь и все Царство: блюди, или дашь за нихъ отвѣтъ Богу*» ([391]). Помня сіи незабвенныя слова, Борисъ Θедоровичь хранилъ, яко зѣницу ока, и юнаго Царя и великое Царство.» Описавъ, какъ Правитель своею неусыпною, мудрою дѣятельностію возвысилъ отечество, смирилъ Хана и Шведовъ, обуздалъ Литву, расширилъ владѣнія Россіи, умножилъ число ея Царей-данниковъ и слугъ ([392]); какъ знаменитѣйшіе Вѣнценосцы Европы и Азіи изъ-

г. 1598. являютъ ей уваженіе и пріязнь — какая тишина внутри Государства, милость для войска и для народа, правда въ судахъ, защита для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ — Бояре заключили такъ: «Мы напомнимъ вамъ случай достопамятный. Когда Царь Ѳеодоръ, умомъ и мужествомъ Правителя одержавъ славнѣйшую побѣду надъ Ханомъ, весело пировалъ съ Духовенствомъ и Синклитомъ: тогда, въ умиленіи признательности, снявъ съ себя златую *Царскую* гривну, онъ возложилъ ее на выю своего шурина» (393). А Патріархъ изъяснилъ собранію, что Царь, исполненный Св. Духа, симъ таинственнымъ дѣйствіемъ ознаменовалъ будущее Державство Годунова, искони предопредѣленное Небомъ. Снова раздались клики: «да здравствуетъ Государь нашъ, Борисъ Ѳеодоровичь!» И Патріархъ воззвалъ къ Собору: «гласъ народа есть гласъ Божій: буди, что угодно Всевышнему!»

Въ слѣдующій день, Февраля 18, въ первый часъ утра, церковь Успенія наполнилась людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, Духовенство, Синклитъ и народъ, усердно молили Бога, чтобы Правитель смягчился и принялъ вѣнецъ; молились еще два дни (394), и Февраля 20 Іовъ, Святители, Вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ Цари уже не Москвою, а всею Россіею. Но Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что высота и сіяніе Ѳеодорова трона ужасаютъ его душу; клялся снова, что и въ сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видѣлъ слезы, слышалъ убѣжденія самыя трогательныя, и былъ непреклоненъ; выслалъ *искусителей*, Духовенство съ Синклитомъ, изъ монастыря, и не велѣлъ имъ возвращаться. Надлежало искать дѣйствительнѣйшаго средства: размышляли — и нашли. Святители въ общемъ совѣтѣ съ Боярами уставили пѣть, 21 Февраля, во всѣхъ церквахъ *праздничный молебенъ*, и съ обрядами торжественными, съ святынею Вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденій и плача надъ сердцемъ Борисовымъ; а тайно, между собою, Іовъ, Архіепископы и Епископы условились въ слѣдующемъ: «Если Государь Борисъ Ѳеодоровичь смилуется надъ нами, то разрѣшимъ его клятву не быть Царемъ Россіи (395); если не смилуется, то отлучимъ его отъ Церкви; тамъ же, въ монастырѣ, сложимъ съ себя Святительство, кресты и Панагіи; г. 1598. оставимъ иконы чудотворныя, запретимъ службу и пѣніе во святыхъ храмахъ; предадимъ народъ отчаянію, а Царство гибели, мятежамъ, кровопролитію — и виновникъ сего неисповѣдимаго зла да отвѣтствуетъ предъ Богомъ въ день Суда Страшнаго!»

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствію — и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и домы отворились: Духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля; народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и Владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святыя знамена отечества; за Клиромъ шли Синклитъ, Дворъ, воинство, Приказы, *Выборы* городовъ (396); за ними устремились и всѣ жители Московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти, къ Новодѣвичьему монастырю, откуда, также съ колокольнымъ звономъ, вынесли образъ Смоленской Богоматери на встрѣчу Патріарху: за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный столь необыкновенно-торжественнымъ церковнымъ ходомъ; палъ ницъ предъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О мать Божія! что виною твоего подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію Твоего крова!» обратился къ Іову, и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «Пастырь Великій! Ты дашь отвѣтъ Богу!» Іовъ отвѣтствовалъ: «Сынъ возлюбленный! не снѣдай себя печалію, но вѣрь Провидѣнію! Сей подвигъ совершила Богоматерь изъ любви къ тебѣ, да устыдишься!» Онъ пошелъ въ церковь святой Обители съ Духовенствомъ и людьми знатнѣйшими; другіе стояли въ оградѣ; народъ внѣ монастыря, занимая все обширное Дѣвичье поле. Соборомъ отпѣвъ Литургію, Патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны; велѣлъ нести иконы и кресты въ келліи Царицы: тамъ со всѣми Святителями и Вельможами преклонилъ главу до земли . . . и въ то самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келліяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря, упало на колѣна, съ воплемъ *неслыханнымъ*: всѣ требовали Царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика (397). Искренность побѣждала при-

г. 1598. творство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемѣровъ! Патріархъ, рыдая, заклиналъ Царицу долго, неотступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя предъ нею стояли, — именемъ Христа Спасителя, Церкви, Россіи, дать милліонамъ Православныхъ *Государя благонадежнаго*, ея Великаго брата.... Наконецъ услышали слово милости: глаза Царицы, дотолѣ нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По изволенію всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы Маріи возмите у меня единороднаго брата на Царство, въ утоленіе народнаго плача. Да исполнится желаніе вашихъ сердецъ, ко счастію Россіи! Благословляю избраннаго вами и предаю Отцу Небесному, Богоматери, Святымъ Угодникамъ Московскимъ и тебѣ, Патріарху — и вамъ, Святители — и вамъ, Бояре! Да заступитъ мое мѣсто на престолѣ!» Всѣ упали къ ногамъ Царицы, которая, печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Но онъ еще изъявлялъ нехотѣніе; страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его; просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для смертнаго; свидѣтельствовался Окомъ Всевидящимъ и самою Ириною, что желаетъ единственно жить при ней и смотрѣть на ея лице Ангельское ([398]). Царица уже настояла рѣшительно. Тогда Борисъ какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: «Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа.» Святители, Вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ животворящимъ крестомъ Бориса и Царицу, Патріархъ спѣшилъ возвѣстить Дворянамъ, Приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ Царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога ([399]); плакали, обнимали другъ друга. Отъ келлій Царицыныхъ до всѣхъ концевъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: *слава! слава!*... Окруженный Вельможами, тѣснимый, лобзаемый народомъ, Борисъ въ слѣдъ за Духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей Обители, гдѣ Патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на Государство Московское и всея Россіи; нарекъ Царемъ, и возгласилъ ему первое многолѣтіе. г. 1598.

Что по видимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? и что благоразумнѣе? Премѣнилось только имя Царя: власть Державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ оную, и властвовалъ счастливо для цѣлости Государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности въ Россіи. Такъ казалось; но сей человѣческою мудростію надѣленный Правитель достигъ престола злодѣйствомъ.... Казнь Небесная угрожала Царю преступнику и Царству несчастному.

---

# ГЛАВА IV.

## СОСТОЯНІЕ РОССІИ ВЪ КОНЦѢ XVI ВѢКА.

**Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ. Войско. Жалованье. Доходы. Богатство Строгановыхъ. Судъ и расправа. Пытки и казни. Торговля. Цѣна разныхъ товаровъ. Корабли Россійскіе. Образованіе. Геометрія и Ариѳметика. Тайное письмо или цифры. Географія. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычаи. Примѣры мѣстничества. Дворъ. Вина иноземныя, меды и яства Русскія. Хлѣбосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разныя обыкновенія. Убогій домъ. Одежда женщинъ. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть перваго Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Унія въ Литвѣ.**

---

Описавъ судьбу нашего отечества подъ наслѣдственнымъ скипетромъ Монарховъ Варяжскаго племени, заключимъ Исторію *семи сотъ тридцати-шести*

*лѣтъ* обозрѣніемъ тогдашняго состоянія Россіи въ государственномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ.

Никогда *внѣшнія* обстоятельства Московской Державы, основанной, изготовленной къ величію Іоанномъ III, не казались столь благопріятными для ея цѣлости и безопасности, какъ въ сіе время. Въ Литвѣ преемникъ Баторіевъ дремалъ на тронѣ, окруженномъ строптивыми, легкомысленными и несогласными Вельможами; Швеція колебалась въ безначаліи; Ханъ умѣлъ только грабить оплошныхъ; Магометъ III въ сильномъ бореніи съ Австріею предвидѣлъ еще опаснѣйшую войну съ Шахомъ — а Россія, почти безъ кровопролитія взявъ неизмѣримыя земли на Сѣверо-Востокѣ, заложивъ крѣпости подъ сѣнію Кавказа, возстановивъ свои древнія грани на скалахъ Корельскихъ, ожидая случая возвратить и другія несчастныя уступки Іоаннова малодушія, города въ Ливоніи и важную пристань Бальтійскую, — Россія, спокойная извнѣ, тихая внутри,

Войско.

имѣла войско многочисленнѣйшее въ Европѣ, и еще непрестанно умножала его. Такъ говорятъ иноземные современники о ратныхъ силахъ Ѳеодоровыхъ:

«Пятнадцать тысячь Дворянъ, раздѣленныхъ на три степени: Большихъ, Среднихъ и Меньшихъ, Московскихъ и такъ называемыхъ *Выборныхъ* (присылаемыхъ въ столицу изъ всѣхъ городовъ, и чрезъ три года смѣняемыхъ иными), составляютъ конную дружину Царскую ([400]). Шестьдесятъ-пять тысячь всадниковъ, изъ Дѣтей Боярскихъ, ежегодно собирается на берегахъ Оки, въ угрозу Хану. Лучшая пѣхота Стрѣльцы и Козаки: первыхъ 10000, кромѣ двухъ тысячь отборныхъ или Стремянныхъ ([401]); вторыхъ около шести тысячь. На ряду съ ними служатъ 4300 Нѣмцевъ и Поляковъ, 4000 Козаковъ Литовскихъ, 150 Шотландцевъ и Нидерландцевъ, 100 Датчанъ, Шведовъ и Грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ Помѣстные Дѣти Боярскіе съ своими холопями и *людьми даточными* (изъ отчинъ Боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые, узкіе кафтаны съ длиннымъ, отложнымъ воротникомъ): невозможно опредѣлить ихъ числа ([402]), умножаемаго въ случаѣ нужды людьми купецкими, также наемниками и слугами Государя Московскаго, Ногаями, Черкесами, древними подданными Казанскаго Царства. Сборныя областныя дружины называются именами городовъ своихъ: Смоленскою, Новогородскою, и проч.; въ каждой бываетъ отъ 300 до 1200 ратниковъ. Многіе вооружены худо; только пѣхота имѣетъ пищали: но огнестрѣльный снарядъ не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы Воеводъ, чиновниковъ, Дворянъ блистаютъ свѣтлостію булата и каменьями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ Патріархомъ, изображается Св. Георгій ([403]). Въ битвахъ удары конницы бываютъ всегда при звукѣ огромныхъ *набатовъ* (или барабановъ), сурнъ и бубновъ: всадники пускаютъ тучу стрѣлъ, извлекаютъ мечи, машутъ ими вокругъ головы и стремятся впередъ густыми толпами. Пѣхота, дѣйствуя въ степи противъ Крымцевъ, обыкновенно защищаетъ себя *Гуляемъ*, или подвижнымъ складнымъ городкомъ, возимымъ на телегахъ; то есть, ставятъ два ряда досокъ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ въ длину, и стрѣляютъ изъ сего укрѣпленія сквозь отверстія въ обѣихъ стѣнахъ. Ожидая Хана, Воеводы высылаютъ Козаковъ въ степи, гдѣ изрѣдка растутъ высокіе дубы: тамъ, подъ каждымъ деревомъ, видите двухъ осѣдланныхъ лошадей: одинъ изъ всадниковъ держитъ ихъ за узду, а товарищъ его сидитъ на вершинѣ дуба и смотритъ во всѣ стороны; увидѣвъ пыль, слѣзаетъ немедленно, садится на лошадь, скачетъ къ другому дубу, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ пыль; стражъ сего дерева велитъ своему товарищу также скакать къ третьему дереву съ вѣстію, которая въ нѣсколько часовъ доходитъ до ближайшаго города или до передоваго Воеводы.» — Далѣе сіи иноземные наблюдатели, замѣчая (какъ и въ Іоанново время), что Россіяне лучше бьются въ крѣпостяхъ, нежели въ полѣ ([404]), спрашиваютъ: «чего со временемъ не льзя ожидать отъ войска безсмѣтнаго, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кромѣ гнѣва Царскаго, съ толокномъ и *сухарями*, безъ обоза и крова, съ неодолимымъ терпѣніемъ скитается въ пустыняхъ Сѣвера, и въ коемъ за славнѣйшее дѣло дается только маленькая золотая деньга (съ изображеніемъ Св. Георгія), носимая счастливымъ витяземъ на рукавѣ или шапкѣ?»

Жалованье.

Но Цари уже не скупились и не щадили казны для лучшаго устройства ополченій. Уже Іоаннъ производилъ денежное жалованье воинамъ въ походахъ ([405]): Ѳеодоръ или Годуновъ давалъ, сверхъ помѣстныхъ земель, каждому Дворянину и Сыну Боярскому пятнадцатитысячной Царской дружины отъ 12 до 100 рублей; каждому Стрѣльцу и Козаку 7 рублей, сверхъ хлѣбнаго запаса; конному войску на берегахъ Оки около 40,000 рублей ежегодно: что, вмѣстѣ съ платою иноземнымъ воинамъ, (также Боярамъ, Окольничимъ и другимъ знатнѣйшимъ сановникамъ, изъ коихъ первые имѣли 700, а вторые отъ 200 до 400 рублей жалованья) составляло нѣсколько милліоновъ нынѣшнею монетою и свидѣтельствовало о возрастающемъ богатствѣ Россіи, которое еще яснѣе увидимъ изъ слѣдующихъ подробныхъ извѣстій о тогдашнихъ доходахъ государственныхъ ([406]).

Доходы.

1) Особенная Царская отчина, 36 городовъ съ селами и деревнями, доставляла казнѣ Дворцоваго вѣдомства, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скотъ, птицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно: чего, за содержаніемъ Двора, въ *расточительное* Іоанново время продавалось ежегодно на 60,000 рублей, а въ Ѳеодорово, отъ лучшаго хозяйства, введеннаго Дворецкимъ Григорьемъ Васильевичемъ Годуновымъ, на 230,000 рублей (около 1,150,000 нынѣшнихъ серебряныхъ).

2) *Тягло* и *подать* государственная, съ *вытей* хлѣбомъ, а съ *сохъ* деньгами, приносили казнѣ Четвертнаго ([407]) вѣдомства 400,000 рублей: съ области Псковской 18000, Новогородской 35000, Тверской и Новоторжской 8000, Рязанской 30000, Муромской 12000, Колмогорской и Двинской 8000, Вологодской 12000, Казанской 18000, Устюжской 30000, Ростовской 50000, Московской 40000, Сибирской (мѣхами) 20000, Костромской 12000, и проч.

3) Разныя городскія пошлины: торговыя, судныя, питейныя, банныя, вносимыя въ казну Большаго Прихода (съ Москвы 12000, Смоленска 8000, Пскова 12000, Новагорода 6000, Старой Русы, гдѣ варилась соль, 18000, Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1200, Костромы 1800, Нижняго 7000, Казани 11,000, Вологды 2000 и проч.) составляли 800,000 рублей, вмѣстѣ съ экономіею Приказовъ Розряднаго, Стрѣлецкаго, Иноземскаго, Пушкарскаго, которые, имѣя свои *особенные* доходы, отсылали сберегаемыя ими суммы въ сей же Большій Приходъ — такъ, что въ сокровищницу Кремлевскую, подъ Ѳеодорову или Годунова печать ([408]), ежегодно вступало, сверхъ главныхъ государственныхъ издержекъ на войско и Дворъ, не менѣе милліона четырехъ сотъ тысячь рублей (*отъ шести до семи милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ*). «Не смотря на сіе богатство» (пишетъ Флетчеръ въ своей книгѣ о Россіи) «Ѳеодоръ, по совѣту Годунова, велѣлъ перелить въ деньги множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, наслѣдованныхъ имъ послѣ отца: ибо хотѣлъ симъ мнимымъ знакомъ недостатка въ монетѣ оправдать тягость налоговъ.»

Къ умноженію государственнаго достоянія, Ѳеодоръ на Соборѣ Духовенства и Бояръ (въ Іюлѣ 1584) подтвердилъ уставъ Іоанновъ 1582 года, чтобы Святители, церкви и монастыри безденежно отдали въ Казну всѣ древнія Княжескія отчины, вмѣстѣ съ землями, имъ заложенными, и впредь до новаго указа отмѣнилъ *тарханныя* или льготныя *грамоты*, которыя знатную часть церковныхъ, Боярскихъ и Княжескихъ имѣній освобождали отъ государственныхъ податей, къ ущербу Казны и ко вреду всѣхъ иныхъ владѣльцевъ: ибо крестьяне уходили отъ нихъ въ *льготныя жительства*, чтобы не платить никакихъ налоговъ ([409]). Въ сей же Соборной грамотѣ сказано: «Земли и села, отказанныя монастырямъ за упокой души, выкупаются наслѣдниками, или, буде ихъ нѣтъ, Государемъ, для раздачи воинскимъ людямъ,» коимъ уже не доставало земель помѣстныхъ ([410]).

Но обогащеніе Казны, по извѣстію чужестранцевъ ([411]), въ нѣкоторомъ смыслѣ вредило народному благосостоянію: 1) налоги, облегченные Ѳеодоромъ, были все еще тягостны; 2) заведеніе питейныхъ домовъ въ городахъ, умножая пьянство, разоряло мѣщанъ, ремесленниковъ, самыхъ земледѣльцевъ: губило достояніе ихъ и нравственность; 3) отъ монополій Казны терпѣло купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если Царскіе еще лежали въ лавкахъ. Флетчеръ ([412]) пишетъ, что «между купцами славились богатствомъ одни братья Строгановы, имѣя до трехъ сотъ тысячь (около полутора милліона нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей наличными деньгами, кромѣ недвижимаго

Богатство Строгановыхъ.

достоянія; что у нихъ было множество иноземныхъ, Нидерландскихъ и другихъ мастеровъ на заводахъ, нѣсколько Аптекарей и Медиковъ, 10000 людей вольныхъ и 5000 собственныхъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣланія земли отъ Вычегды до предѣловъ Сибири; что они ежегодно платили Царю 23000 рублей пошлины, но что Правительство, требуя болѣе и болѣе, то подъ видомъ налога, то подъ видомъ займа, разоряетъ ихъ безъ жалости; что въ Россіи вообще мало богатыхъ людей, ибо Казна все поглощаетъ; что самые *древніе Удѣльные Князья и Бояре живутъ умѣреннымъ жалованьемъ и помѣстнымъ доходомъ* (около тысячи рублей на каждаго), совершенно завися отъ милости Царской.» Однакожь Бояре и многіе сановники имѣли знатныя *отчины*, какъ родовыя, такъ и жалованныя; а потомки древнихъ Князей и въ Іоанново время еще владѣли частію ихъ бывшихъ Удѣловъ: на примѣръ, славный Князь Михайло Воротынскій въ 1572 году вѣдалъ треть Воротынска, какъ свою наслѣдственную собственность ([413]).

Судъ и расправа.

Умножая войско и доходы, Правительство занималось, какъ мы видѣли ([414]), и лучшимъ внутреннимъ устройствомъ Государства: радѣло о безопасности лицъ и достоянія. Вопреки сказанію иноземцевъ, что въ Россіи не было тогда никакихъ гражданскихъ законовъ, кромѣ слѣпаго произвола Царей ([415]), сіи *законы*, изданные *первымъ Самодержцемъ* Московскимъ (что достойно примѣчанія), дополненные его сыномъ, исправленные, усовершенные внукомъ, служили неизмѣннымъ правиломъ во всѣхъ тяжбахъ — и Грозный, попирая святые уставы человѣчества, оставлялъ гражданскіе ненарушимыми въ Россіи: не отнималъ даже истинной Царской собственности у тѣхъ, которые могли доказать, что владѣютъ ею долѣе шести лѣтъ ([416]). Именемъ Ѳеодоровымъ издавъ важный политическій законъ объ укрѣпленіи земледѣльцевъ, Годуновъ не прибавилъ ничего болѣе къ Судебнику, но пекся о точномъ исполненіи онаго: желая славиться неумытнымъ правосудіемъ ([417]), оказывалъ его въ дѣлахъ гласныхъ: о чемъ свидѣтельствуютъ и Лѣтописцы, славя счастливый вѣкъ Ѳеодоровъ. Какъ въ Іоанново, такъ и въ сіе время судъ съ расправою земскою зависѣли въ областяхъ, подъ главнымъ вѣдомствомъ Думы, отъ Намѣстниковъ, избираемыхъ изъ Бояръ, Окольничихъ и другихъ знатныхъ сановниковъ. Всѣ Члены Ѳеодоровой Думы были Намѣстниками и рѣдко выѣзжали изъ Москвы ([418]); но они имѣли товарищей, Тіуновъ, Дьяковъ, которые съ ихъ вѣдома рѣшили дѣла. Пишутъ, что народъ вообще ненавидѣлъ Дьяковъ корыстолюбивыхъ: опредѣляемые всегда на малое время, сіи грамотѣи приказные тѣмъ болѣе спѣшили наживаться всякими средствами; жалобы имѣли дѣйствіе, но обыкновенно уже послѣ смѣны грабителей: тогда судили ихъ строго, лишали всей беззаконной добычи, выставляли на позоръ и сѣкли, привязывали лихоимцу къ шеѣ взятую имъ вещь, кошелекъ съ деньгами, соболя или что другое. Законъ не терпѣлъ никакихъ взятокъ; но хитрецы изобрѣли способъ обманывать его: челобитчикъ, входя къ судьѣ, клалъ деньги предъ образами, будто бы на свѣчи: сію выдумку скоро запретили указомъ. Только въ день Свѣтлаго Воскресенія дозволялось судьямъ и чиновникамъ вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ принимать въ даръ и нѣсколько червонцевъ (коихъ цѣна обыкновенно возвышалась ([419]) въ сіе время отъ 16 до 24 алтынъ и болѣе). По крайней мѣрѣ видимъ достохвальное усиліе Правительства искоренять зло, извѣстное и въ вѣки лучшаго гражданскаго образованія. —

Пытки и казни.

Та же ревность къ уменьшенію преступленій ввела или сохраняла у насъ отвратительную для сердца жестокость въ законныхъ пыткахъ ([420]): чтобы вывѣдать истину отъ уличаемаго преступника, жгли его нѣсколько разъ огнемъ, ломали ему ребра, вбивали гвозди въ тѣло. Убійцъ и другихъ злодѣевъ вѣшали, казнили на плахѣ, или топили, или сажали на колъ. Осужденный, идучи къ лобному мѣсту, держалъ въ связанныхъ рукахъ горящую восковую свѣчу. Для благородныхъ людей воинскихъ облегчали казнь: за что крестьянина или мѣщанина вѣшали, за то Сына Боярскаго сажали въ темницу или сѣкли батогами. Убійца собственнаго холопа наказывался денежною пенею. — Благородные люди воинскіе имѣли еще, какъ пишутъ, странную выгоду въ гражданскихъ тяжбахъ: могли, вмѣсто себя, представлять слугъ своихъ для присяги и для тѣлеснаго наказанія въ случаѣ неплатежа долговъ.

Торговля.

Торговля, хотя отчасти и стѣсняемая казенными монополіями, распространилась въ Ѳеодорово время отъ успѣховъ внутренней промышлености : любопытству и наблюдательному духу Англичанъ, которые всѣхъ болѣе умѣли ею пользоваться, обязаны мы весьма обстоятельными объ ней свѣдѣніями. «Мало земель въ свѣтѣ (пишутъ они), гдѣ Природа столь милостива къ людямъ, какъ въ Россіи, изобильной ея дарами (421). Въ садахъ и въ огородахъ множество вкусныхъ плодовъ и ягодъ : грушъ, яблокъ, сливъ, дынь, арбузовъ, огурцевъ, вишни, малины, клубники, смородины; самые лѣса и луга служатъ вмѣсто огородовъ. Неизмѣримыя равнины покрыты хлѣбомъ : пшеницею, рожью, ячменемъ, овсомъ, горохомъ, гречею, просомъ. Изобиліе раждаетъ дешевизну : четверть пшеницы стоитъ обыкновенно не болѣе двухъ алтынъ (нынѣшнихъ тридцати копѣекъ серебромъ). Одна безпечность жителей и корыстолюбіе богатыхъ производятъ иногда дороговизну : такъ въ 1588 году за четверть пшеницы и ржи платили въ Москвѣ 13 алтынъ. Хлѣбъ и плоды составляютъ важный предметъ торговли внутренней; а для богатства внѣшней Россіяне имѣютъ :

«1) Мѣха, собольи, лисьи, куньи, бобровые, рысьи, волчьи, медвѣжьи, горностаевые, бѣличьи, коихъ продается въ Европу и въ Азію (купцамъ Персидскимъ, Турецкимъ, Бухарскимъ, Иверскимъ, Армянскимъ) на 500 тысячь рублей.» (Ермаковы и новѣйшія завоеванія въ сѣверной Азіи обогатили насъ мягкою рухлядью : Ѳеодоръ строго предписалъ Сибирскимъ Воеводамъ (422), чтобы они никакъ не выпускали оттуда въ Бухарію ни дорогихъ соболей, ни лисицъ черныхъ, ни кречетовъ, нужныхъ для охоты Царской и для даровъ Европейскимъ Вѣнценосцамъ). «Лучшіе соболи идутъ изъ земли Обдорской, бѣлые медвѣди изъ Печерской, бобры изъ Колы; куницы изъ Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани; бѣлки, горностаи изъ Галича, Углича, Новагорода и Перми.

«2) Воскъ : его продается ежегодно отъ десяти до пятидесяти тысячь пудъ (423).

«3) Медъ : употребляется на любимое питье Россіянъ, но идетъ и въ чужія земли, болѣе изъ областей Мордовской и Черемисской, Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

«4) Сало : его вывозится отъ тридцати до ста тысячь пудъ, болѣе изъ Смоленска, Ярославля, Углича, Новагорода, Вологды, Твери, Городца; но и вся Россія, богатая лугами для скотоводства, изобилуетъ саломъ, коего мало расходится внутри Государства на свѣчи : ибо люди зажиточные употребляютъ восковыя, а народъ лучину.

«5) Кожи, лосьи, оленьи и другія : ихъ отпускаютъ за границу до десяти тысячь (424). Самые большіе лоси живутъ въ лѣсахъ близъ Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми; Казанскіе не такъ велики.

«6) Тюленій жиръ : сихъ морскихъ животныхъ ловятъ близъ Архангельска, въ заливѣ Св. Николая.

«7) Рыбу : лучшею считается такъ называемая *бѣлая*. Города, славнѣйшіе рыбною ловлею, суть Ярославль, Бѣлоозеро, Новгородъ Нижній, Астрахань, Казань : чѣмъ они приносятъ Царю знатный доходъ.

«8) Икру, бѣлужью, осетровую, севрюжью и стерляжью : продается купцамъ Нидерландскимъ, Французскимъ, отчасти и Англійскимъ; идетъ въ Италію и въ Испанію.

«9) Множество птицъ : кречеты продаются весьма дорогою цѣною.

«10) Ленъ и пеньку : ихъ менѣе отпускается въ Европу съ того времени, какъ Россія лишилась Нарвы. Льномъ изобилуетъ Псковъ, пенькою Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма.

«11) Соль : лучшія варницы въ Старой Русѣ; есть и въ Перми, Вычегдѣ, Тотьмѣ, Кинешмѣ, Соловкахъ. Астраханскія озера производятъ самосадку : купцы платятъ за нее въ казну по три деньги съ пуда.

«12) Деготь : его вывозятъ въ большомъ количествѣ изъ Смоленской и Двинской области.

«13) Такъ называемые *рыбьи зубы* или клыки моржовые : изъ нихъ дѣлаютъ четки, рукоятки и проч.; составляютъ также лекарственный порошекъ, будто бы уничтожающій дѣйствіе яда. Идутъ въ Азію, Персію, Бухарію.

«14) Слюду, употребляемую вмѣсто стекла : ее много въ землѣ Корельской и на Двинѣ.

«15) Селитру и сѣру : первую варятъ въ Угличѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ; вторую находятъ близъ Волги (въ озе-

рахъ Самарскихъ), но не умѣютъ очищать ее.

«16) Желѣзо, весьма ломкое: его добываютъ въ землѣ Корельской, Каргополѣ и въ Устюгѣ Желѣзномъ (Устюжнѣ).

«17) Такъ называемый *Новогородскій жемчугъ*, который ведется въ рѣкахъ близъ Новагорода и въ Двинской землѣ» ([425]).

За сіи-то многія естественныя богатства Россіи Европа и Азія платили ей отчасти своими издѣліями, отчасти и свойственными ихъ климатамъ дарами Природы. — Означимъ здѣсь цѣну нѣкоторыхъ вещей, привозимыхъ тогда въ Архангельскъ на корабляхъ Лондонскихъ, Голландскихъ и Французскихъ ([426]): лучшій изумрудъ или яхонтъ стоилъ 60 рублей (нынѣшнихъ серебряныхъ 300); золотникъ жемчугу, не самаго мелкаго, 2 р. и болѣе; золота и серебра пряденаго 5 рублей литра; аршинъ бархату, камки, атласу, около рубля; Англійскаго тонкаго сукна поставъ 30 рублей, средняго 12 р., аршинъ 20 алтынъ; кусокъ миткалю 2 р.; бочка вина Французскаго 4 р., лимоновъ 3 р., сельдей 2 р.; пудъ сахару отъ 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., пшена Сарацинскаго 4 гривны, масла деревяннаго 1½ р., пороху 3 р., ладону 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., мѣди въ дѣлѣ 2½ р., желѣза прутоваго 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., сандалу берковецъ 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверхъ того иноземцы доставляли намъ множество своей серебряной монеты, цѣня ефимокъ въ 12 алтынъ; на одномъ кораблѣ привозилось иногда до 80,000 ефимковъ, съ коихъ платили пошлину какъ съ товаровъ. Сія пошлина была весьма значительна: на примѣръ, Ногаи, торгуя лошадьми, изъ выручаемыхъ ими денегъ платили въ казну пять со ста, и еще отдавали Царю на выборъ десятую долю табуновъ своихъ; лучшій конь Ногайскій стоилъ не менѣе двадцати рублей.

Довольные выгодною мѣною съ Европейскими народами въ своихъ сѣверныхъ пристаняхъ, купцы наши не мыслили ѣздить моремъ въ иныя земли; но любопытно знать, что мы въ сіе время уже имѣли корабли собственные: Борисовъ Посланникъ въ 1599 году возвратился изъ Германіи на двухъ, большихъ морскихъ судахъ купленныхъ и снаряженныхъ имъ въ Любекѣ, съ кормщикомъ и матрозами Нѣмецкими, тамъ нанятыми ([427]). *Корабли Россійскіе.*

Нѣкогда столь знаменитая, столь полезная для Россіи торговля Ганзейская, уже безсильная въ совмѣстничествѣ съ Англійскою и съ Голландскою, еще искала древнихъ слѣдовъ своихъ между развалинами Новагорода: Царь въ 1596 году дозволилъ Любеку снова завести тамъ гостиный дворъ съ лавками ([428]); но Шведы мѣшали ея важному успѣху, имѣя Нарву, о коей не преставали жалѣть Новгородъ, Псковъ и вся Россія.

«Видя въ торговлѣ средство обогащенія для Казны (говоритъ Флетчеръ), и мало заботясь о благосостояніи своего купечества, Цари вообще не доброхотствуютъ и народному образованію; не любятъ новостей, не пускаютъ къ себѣ иноземцевъ, кромѣ людей нужныхъ для ихъ службы, и не дозволяютъ подданнымъ выѣзжать изъ отечества, *боясь просвѣщенія*, къ коему Россіяне весьма способны, имѣя много ума природнаго, замѣтнаго и въ самыхъ дѣтяхъ ([428]): одни Послы или бѣглецы Россійскіе являются изрѣдка въ Европѣ.» Сказаніе отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имѣли обычая странствовать, еще не имѣя любопытства, свойственнаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговать внѣ отечества, и самовластный Іоаннъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Европѣ ([429]). Иноземцевъ же дѣйствительно пускали къ намъ съ разборомъ, и благоразумно. Въ 1591 году Посолъ Рудольфовъ, Николай Варкочь, писалъ къ Борису, что какой-то Италіянскій Графъ Шкотъ, призыванный въ Москву Іоанномъ, желаетъ служить Ѳеодору; что сей Графъ, достойно уважаемый Императоромъ и многими Вѣнценосцами, *знаетъ всѣ языки подъ солнцемъ* и всѣ науки, такъ, что ни въ Италіи, ни въ Германіи нельзя найти ему подобнаго ([430]). Борисъ отвѣтствовалъ: «Хвалю намѣреніе Графа, мужа столь благороднаго и столь ученаго. Великій Государь нашъ, жалуя всѣхъ иноземцевъ, которые къ намъ пріѣзжаютъ, безъ сомнѣнія отличитъ его; но я еще не успѣлъ доложить о томъ Государю.» Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи знали и не хотѣли Шкота какъ лазутчика опаснаго или ненадежнаго человѣка: ибо людей ученыхъ мы не отвергали, но звали къ себѣ: на примѣръ, славнаго Математика, Астролога, Алхимика, Джона Ди, коего Ели- *Образованіе.*

савета Англійская называла *своимъ Философомъ*, и который находился тогда въ Богеміи: Θеодоръ, чрезъ Лондонскихъ купцевъ, предлагалъ ему 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а Борисъ особенно тысячу рублей, столъ Царскій и всю услугу, для того, какъ думали, чтобы пользоваться его совѣтами для открытія новыхъ земель на Сѣверо-Востокѣ, за Сибирію ([431]); но, вѣроятнѣе, не для того ли, чтобы поручить ему воспитаніе юнаго Борисова сына, отцевскою тайною мыслію уже готовимаго къ Державству? Слава Алхимика и звѣздочета въ глазахъ невѣжества еще возвышала знаменитость Математика. Но Ди, страстный въ воображеніи только къ искусственному золоту Философскаго камня, въ гордой бѣдности отвергнулъ предложеніе Царя, изъявивъ благодарность, и какъ бы угадавъ, по вычетамъ своей любимой Астрологіи, грядущую судьбу Россіи и Дома Борисова! — Всего ревностнѣе мы искали тогда въ Европѣ Металлургистовъ, для нашихъ Печерскихъ рудниковъ, открытыхъ еще въ 1491 году ([432]), но едва ли уже не безполезныхъ, за неимѣніемъ людей искусныхъ въ горномъ дѣлѣ: посылая къ Императору (въ 1597 году) Дворянина Вельяминова, Царь приказывалъ ему вызвать къ намъ изъ Италіи, чего бы то ни стоило, *мастеровъ умѣющихъ находить и плавить руду золотую и серебряную*. — Кромѣ четырехъ или пяти тысячь иностранцевъ воиновъ, нанимаемыхъ Θеодоромъ, Московская Яузская Слобода населялась болѣе и болѣе Нѣмцами, которые въ Іоанново время обогащались продажею водки и меда ([433]), спесивились и роскошествовали до соблазна: жены ихъ стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они въ Борисово царствованіе снова имѣли церковь, и хотя жили особенно, но свободно и дружелюбно сносились съ Россіянами. — Постоянно слѣдуя правиламъ Іоанна III; золотомъ и честію маня къ себѣ художества, искусства, науки Европейскія; размножая церковныя училища и число людей грамотныхъ, Приказныхъ, коимъ самое Дворянство завидовало въ ихъ важности государственной ([434]), Цари безъ сомнѣнія *не боялись просвѣщенія*, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи: означимъ нѣкоторые новые плоды онаго.

Измѣреніе и перепись земель, отъ 1587 до 1594 года, въ Двинской области, на обѣихъ сторонахъ Волги ([435]) – вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ — служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію *первой Россійской Геометріи*, коей списки, намъ извѣстные, не древнѣе XVII вѣка ([436]): «книги *глубокомудрой*, по выраженію Автора, дающей легкій способъ измѣрять мѣста самыя недоступныя, плоскости, высоты и дебри, *радиксомъ и циркуломъ*.» Въ ней изъясняется *сошное* и *вытное письмо*, то есть, раздѣленіе всѣхъ населенныхъ земель въ Россіи, для платежа государственныхъ податей, на сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 четвертей доброй земли, а въ выти 12; въ четверти 1200 квадратныхъ саженъ, а въ десятинѣ 2400). — Къ сему времени относимъ и *первую Россійскую Ариθметику* ([437]), писанную не весьма ясно. Въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной Философіи, изобрѣтенія Финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей*, не льзя быть ни Философомъ, ни Докторомъ, ни гостемъ искуснымъ въ дѣлахъ торговыхъ, и что ея знаніемъ можно снискать великую милость Государеву. Въ концѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Церковномъ Кругѣ, о составѣ человѣческомъ, о Физіогномикѣ. Въ обѣихъ книгахъ, въ Геометріи и въ Ариθметикѣ, употребляются въ счисленіи Славянскія буквы и цыфирь. Тогда же въ Посольскихъ бумагахъ начали мы употреблять тайныя цыфры: Гонецъ Андрей Ивановъ въ 1590 году писалъ изъ Литвы къ Царю *вязью, литорееею и новою азбукою*, взятою у Посла Австрійскаго, Николая Варкоча ([438]). — Такъ называемая *Книга Большаго Чертежа*, или древнѣйшая Географія Государства Россійскаго, составлена, какъ вѣроятно, въ царствованіе Θеодора: ибо въ ней находимъ имена Курска, Воронежа, Оскола, построенныхъ въ его время, не находя новѣйшихъ, основанныхъ Годуновымъ: Борисова на Донцѣ Сѣверскомъ и Царево-Борисова на устьѣ Протвы ([439]). Сія книга была переписана въ Розрядѣ около 1627 года, и рѣшитъ для насъ многіе важные географическіе вопросы, указывая, на примѣръ, гдѣ была земля Югорская, Обдорія, Батыева столица, Улусы Ногайскіе.

Поле Словесности не представляетъ

Геометрія и Ариθметика.

Тайныя цыфры.

Географія.

Словесность.

намъ богатой жатвы отъ временъ Іоанна до Годунова; но языкъ украсился какою-то новою плавностію. Истинное, чувствомъ одушевленное краснорѣчіе видно только въ письмахъ Курбскаго къ Іоанну. Причислимъ ли къ Писателямъ и самого Іоанна, какъ творца плодовитыхъ, велерѣчивыхъ посланій, богословскихъ, укорительныхъ и насмѣшливыхъ ([440])? Въ слогѣ его есть живость, въ Діалектикѣ сила. Лучшими твореніями сего вѣка, въ смыслѣ правильности и ясности, должно назвать Степенную Книгу, Минею Макаріеву и Стоглавъ ([441]). Вѣроятно, что Митрополитъ Діонисій заслужилъ имя *Грамматика* какими нибудь уважаемыми сочиненіями; но ихъ не знаемъ. Патріархъ Іовъ описалъ житіе, добродѣтели и кончину Θеодора слогомъ цвѣтистымъ, и не безъ жара; на примѣръ, такъ говоритъ о своемъ Героѣ: «Онъ древнимъ Царямъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнимъ *красота* и *свѣтлость*, будущимъ *сладчайшая повѣсть*; не *пригвождаясь* къ суетному велелѣпію міра, *умащалъ свою Царскую душу глаголами Божественными*, и *рѣкою нескудною* изливалъ милости на вселенную; съ нѣжною супругою *преспѣвалъ* въ добродѣтели и въ вѣрѣ къ Богу.... имѣлъ единое земное сокровище, единую *блаженную лѣторасль* корени Державнаго, и лишился возлюбленной дщери, чтобы въ сердцѣ, хотя и сокрушенномъ, но съ умиленіемъ Христіанскимъ предаться въ волю Отца небеснаго, когда Синклитъ и весь народъ предавались отчаянію... О вѣсть страшная, вѣсть ужасная: *любимый Царь земли Русскія отходитъ къ Богу!*... но не смертію, а сладкимъ успеніемъ; душа излетаетъ, а тѣло спокойно и недвижимо: не видимъ ни трепета, ни содроганія.... Се время рыданія, не глаголовъ; время молитвы, не бесѣды.... На насъ исполнилося вѣщаніе Пророка: *кто дастъ источникъ слезъ очамъ моимъ, да плачу довольно?*.... Скорби пучина, сѣтованія бездна!... Отселѣ красный, *многолѣтный* престолъ великія Россіи начинаетъ вдовствовать, и великій многолюдный градъ Москва пріемлетъ сиротство жалостное ([442]).» Обязанный Борису своимъ Первосвятительствомъ и чистосердечно ему преданный, онъ говоритъ объ немъ въ семъ твореніи: «Въ счастливые дни Θеодора Іоанновича *строилъ* подъ нимъ Державу великій шуринъ и Слуга его, мужъ верховный, единственный въ Россіи не только саномъ, но и разумомъ высокимъ, храбростію, вѣрою къ Богу. Его промысломъ цвѣла сія Держава *въ тишинѣ велелѣпной*, къ изумленію людей и самого Царя, ко славѣ Правителя не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ дальнихъ предѣлахъ вселенныя, откуда знаменитые Послы являлись здѣсь съ дарами многоцѣнными, рабски благоговѣть предъ Царемъ и дивиться свѣтлой красотѣ лица, мудрости, добродѣтели Правителя, среди народа, имъ счастливаго, — среди столицы, имъ украшенной ([443]).» — Іовъ писалъ еще утѣшительное посланіе къ Θеодоровой супругѣ, когда она тосковала о милой усопшей дочери ([444]); заклиналъ Ирину быть не только матерію, но и Царицею, и Христіанкою; осуждалъ ея слабость съ ревностію Пастыря, но и жалѣлъ о горестной съ чувствительностію друга, оживляя въ ней надежду дать наслѣдника престолу: сочиненіе достопамятное болѣе своимъ трогательнымъ предметомъ, нежели мыслями и краснорѣчіемъ. Патріархъ, напоминая Иринѣ ученіе Евангельское о довѣренности къ Вышней Благости, прибавляетъ: «Кто лучше тебя знаетъ Божественное Писаніе? Ты можешь наставлять иныхъ, храня всю мудрость онаго въ сердцѣ и въ памяти.» Воспитанная при Дворѣ Іоанновомъ, Ирина имѣла просвѣщеніе своего времени: читала Св. Писаніе и знаменитѣйшихъ Отцевъ нашей Церкви. Россіяне уже пользовались печатною Библіею Острожскаго изданія, но Святыхъ Отцевъ читали только въ рукописи ([445]). Между Славянскими или Русскими переводами древнихъ Авторовъ, тогда извѣстными и сохраненными въ нашихъ библіотекахъ, наименуемъ Галеново разсужденіе о стихіяхъ большаго и малаго міра, о тѣлѣ и душѣ, переведенное съ языка Латинскаго, коимъ, вопреки сказанію одного иноземца-современника, не *гнушались* Россіяне: еще скудные средствами науки, они пользовались всякимъ случаемъ удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, гдѣ его не было отъ неразумія писцевъ или *толковниковъ*, и съ удивительнымъ терпѣніемъ списывали книги, исполненныя ошибокъ. Сей темный переводъ Галена находился въ числѣ рукописей Св. Кирилла Бѣлоезерскаго: слѣдственно уже существовалъ въ XV вѣкѣ ([446]). — Упомянемъ здѣсь также о

рукописномъ Лечебникѣ, въ 1588 году *преложенномъ съ языка Польскаго* для Серпуховскаго Воеводы, Ѳомы Аѳанасьевича Бутурлина. Сей памятникъ тогдашней науки и тогдашняго невѣжества любопытенъ въ отношеніи къ языку смѣлымъ переводомъ многихъ именъ и словъ ученыхъ ([447]).

Можетъ быть, относятся ко временамъ Ѳеодоровымъ или Годунова и старыя пѣсни Русскія, въ коихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ (братѣ Царицы Анастасіи), о злодѣ Малютѣ Скуратовѣ, о впаденіяхъ Ханскихъ въ Россію. Очевидцы разсказываютъ, дѣти и внуки ихъ воспѣваютъ происшествія. Память обманываетъ, воображеніе плодитъ, новый вкусъ исправляетъ: но духъ остается, съ нѣкоторыми сильными чертами вѣка — и не только въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать старины: видимъ въ нихъ какъ бы снимокъ подлинника уже неизвѣстнаго; слышимъ какъ бы отзывъ голоса давно умолкшаго; находимъ свѣжесть чувства, теряемую человѣкомъ съ лѣтами, а народомъ съ вѣками. Всѣмъ извѣстна пѣсня о Царѣ Іоаннѣ ([448]):

*Зачиналась каменна Москва,*
*Зачинался въ ней и Грозный Царь:*
*Онъ Казань городъ на славу взялъ,*
*Мимоходомъ городъ Астрахань* —

о сынѣ Іоанновомъ, осужденномъ на казнь:

*Упадаетъ звѣзда поднебесная,*
*Угасаетъ свѣча воску яраго:*
*Не становится у насъ Царевича* —

другая о витязѣ, который умираетъ въ дикой степи, на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

*Припекаетъ свои раны кровавыя:*
*Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,*
*По праву руку лежитъ сабля острая,*
*По лѣву руку его крѣпкой лукъ,*
*А въ ногахъ стоитъ его добрый конь;*
*Онъ кончаяся говоритъ коню:*
*Какъ умру я, мой додрой конь,*
*Ты зарой мое тѣло бѣлое*
*Среди поля, среди чистаго;*
*Побѣги потомъ во святую Русь:*
*Поклонись моимъ отцу и матери,*
*Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ;*
*Да скажи моей молодой вдовѣ,*
*Что женился я на другой женѣ:*
*Я въ приданое взялъ поле чистое;*
*Была свахою калена стрѣла,*
*Положила спать сабля острая.*
*Всѣ друзья-братья меня оставили,*
*Всѣ товарищи разъѣхались:*
*Лишь одинъ ты, мой доброй конь,*
*Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти* —

о воинѣ убитомъ, коему постелею служитъ камышъ, изголовьемъ кустъ ракитовый, одѣяломъ темная ночь осенняя, и коего тѣло орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

*Ахъ! мать плачетъ, что рѣка льется;*
*Сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ;*
*Жена плачетъ, какъ роса падетъ:*
*Взойдетъ солнце, росу высушитъ.*

Сіи и многія иныя стихотворенія народныя, ознаменованныя истиною чувства и смѣлостію языка, если отчасти не слогомъ, то духомъ своимъ ближе къ XVI, нежели къ XVIII вѣку. Сколько пѣсенъ, уже забытыхъ въ столицѣ, болѣе и менѣе древнихъ, еще слышимъ въ селахъ и въ городахъ, гдѣ народъ памятливѣе для любезныхъ преданій старины! Мы знаемъ, что въ Іоанново время толпы скомороховъ (Русскихъ Трубадуровъ) ходили изъ села въ село, веселя жителей своимъ искусствомъ ([449]): слѣдственно тогдашній вкусъ народа благопріятствовалъ дарованію пѣсенниковъ: коихъ любилъ даже и постникъ Ѳеодоръ ([450]).

Сей Царь любилъ и художества: въ его время были у насъ искусные ювелиры (изъ коихъ знаемъ одного Венеціянскаго, именемъ Франциска Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Шапка, данная Ѳеодоромъ Патріарху Іереміи, украшенная каменьями драгоцѣнными и ликами Святыхъ, въ описаніи Арсеніева путешествія названа превосходнымъ дѣломъ Московскихъ художниковъ ([451]). Сей Греческій Епископъ видѣлъ на стѣнахъ Ирининой палаты изящную мусію въ изображеніяхъ Спасителя, Богоматери, Ангеловъ, Іерарховъ, Мучениковъ, а на сводѣ прекрасно сдѣланнаго льва, который держалъ въ зубахъ змѣю съ висящими на ней богатыми подсвѣчниками. Арсеній съ изумленіемъ видѣлъ также множество огромныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ во дворцѣ; одни имѣли образъ звѣрей: единорога, львовъ, медвѣдей, оленей; другіе образъ птицъ: пеликановъ, лебедей, фазановъ, павлиновъ, и были столь необыкновенной тяжести, что 12

Художества, ремесла.

человѣкъ едва могли переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Сіи *чудные* сосуды дѣлались, вѣроятно, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и самые тяжелые, вылитые изъ серебра Ливонскаго, добычи Іоаннова оружія. Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ Грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду. Ѳеодоръ желалъ завести и шелковую фабрику въ Москвѣ: Марко Чинопи, вызванный имъ изъ Италіи, ткалъ бархаты и парчи, въ домѣ отведенномъ ему близъ Успенскаго Собора. — Размноженіе церквей умножало число иконописцевъ: долго писавъ только образа, мы начали писать и картины, именно въ Ѳеодорово царствованіе, когда двѣ палаты, *Большая Грановитая* (памятникъ Іоанна III) и *Золотая Грановитая* (сооруженная внукомъ его) украсились живописью (452). Въ первой изображались Господь Саваоѳъ, твореніе Ангеловъ и человѣка, вся Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, мнимое раздѣленіе вселенной между тремя мнимыми братьями Августа Кесаря и дѣйствительное раздѣленіе нашего древняго отечества между сыновьями Св. Владиміра (представленными въ митрахъ, въ одеждахъ камчатныхъ, съ оплечьями и съ поясами златыми) — Ярославъ Великій, Всеволодъ I, Мономахъ въ Царской утвари, Георгій Долгорукій, Александръ Невскій, Даніилъ Московскій, Калита, Донской и преемники его до самаго Ѳеодора (который, сидя на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ нараменникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпію на груди, держалъ въ рукахъ скипетръ и *яблоко Царское;* у трона стоялъ Правитель, Борисъ Годуновъ, въ шапкѣ *мурманкѣ*, въ верхней златой одеждѣ *на опашку*). Въ Палатѣ Золотой на сводѣ и стѣнахъ, также представлялись Священная и Россійская Исторія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, временъ года и феноменовъ Природы (весна изображалась отроковицею, лѣто юношею, осень мужемъ съ сосудомъ въ рукѣ, зима старцемъ съ обнаженными локтями; четыре Ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра). Въ нѣкоторыхъ картинахъ, на свиткахъ, слова были писаны *связью*, или неразумительными чертами, вмѣсто обыкновенныхъ буквъ. — Золотая Палата уже не существуетъ (на ея мѣстѣ дворецъ Елисаветинъ); а на стѣнахъ Грановитой давно изглажены всѣ картины, извѣстныя намъ единственно по описанію очевидцевъ (453). — Упомянемъ также объ искусствѣ литейномъ: въ Ѳеодорово время имѣли мы славнаго мастера, Андрея Чохова, коего имя видимъ на древнѣйшихъ пушкахъ Кремлевскихъ: на *Дробовикѣ* (вѣсомъ въ 2400 пудъ), *Троилѣ* и *Аспидѣ;* первая вылита въ 1586, а вторая и третья, называемыя *пищалями*, въ 1590 году.

Успѣхи гражданскаго образованія были замѣтны и въ наружномъ видѣ столицы. Москва сдѣлалась пріятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданіями, но и расширеніемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ, и менѣе прежняго грязныхъ (454). Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ строили обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или въ три жилья, съ большими крыльцами, съ дощатыми свислыми кровлями, а на дворахъ лѣтнія спальни и каменныя кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане жили еще въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были изразчатыя печи. Для предупрежденія гибельныхъ пожаровъ чиновники воинскіе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ, по изготовленіи кушанья, гасить огонь (455). Москва — то есть, Кремль, Китай, Царевъ или Бѣлый городъ, новый деревянный, Замоскворѣчье и Дворцовыя слободы за Яузою — имѣла тогда въ окружности болѣе двадцати верстъ. Въ Кремлѣ считалось 35 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе четырехъ сотъ, кромѣ придѣловъ: колоколовъ же не менѣе пяти тысячь — «въ часы праздничнаго звона» (пишутъ иноземцы) «люди не могли въ разговорѣ слышать другъ друга.» Главный колоколъ, вѣсомъ въ 1000 пудъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ среди Кремлевской площади: въ него звонили, когда Царь ѣхалъ въ дальній путь или возвращался въ столицу, или принималъ знаменитыхъ иноземцевъ. Китай-городъ, обведенный кирпичною, небѣленою стѣною, и соединяемый съ Замоскворѣчьемъ мостами, деревяннымъ, или *живымъ*, и *каменнымъ*, всего болѣе украшался великолѣпною Готическою церковію Василія Блаженнаго и Гостинымъ Дворомъ, раздѣленнымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ продавались шелковыя ткани, въ Москва.

другомъ сукна, въ третьемъ серебро, и проч. На Красной площади *лежали* двѣ огромныя пушки. Въ сей части города находились домы многихъ Бояръ, знатныхъ сановниковъ, Дворянъ, именитыхъ купцевъ, и богатый арсеналъ или Пушечный Дворъ; въ Бѣломъ городѣ (названномъ такъ отъ *выбѣленныхъ* стѣнъ) Литейный Дворъ (на берегу Неглинной), Посольскій, Литовскій, Армянскій, площади Конская и Сѣнная, мясный рядъ, домы Дѣтей Боярскихъ, людей Приказныхъ и купцевъ; а въ деревянномъ городѣ или *Скородомѣ* (то есть, *наскоро выстроенномъ* въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга; у самаго дворца косили сѣно, и три сада Государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы – одна на устьѣ Неглинной, другія на Яузѣ — представляли картину сельскую. Нѣмецкая Слобода не принадлежала къ городу, ни Красное Село, гдѣ обитали семь сотъ ремесленниковъ и торгашей, для коихъ готовила Судьба, къ несчастію Борисова семейства, столь важное дѣйствіе въ нашей Исторіи!

Обычаи и нравы. Въ Іоанново и Ѳеодорово царствованіе древніе обычаи народные, вѣроятно, мало измѣнились; но въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности относительно къ сему любопытному для насъ предмету.

Примѣры мѣстничества. Годуновъ, столь хитрый, столь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества Бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непонятной, такъ, что ни одно назначеніе Воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественные не обходилось безъ распри и суда. Скажемъ примѣръ: Москва (въ 1591 году) уже слышала топотъ Ханскихъ коней, а Воеводы еще спорили о старѣйшинствѣ и не шли къ мѣстамъ своимъ (456). Изъ любви къ мнимой чести не боялись безчестія истиннаго: ибо жалобщиковъ неправыхъ наказывали даже тѣлесно, иногда и безъ суда: Князя Гвоздева (въ 1589 году) за мѣстничество съ Князьями Одоевскими высѣкли батогами и *выдали* имъ *головою*; то есть, велѣли ему уничиженно молить ихъ о прощеніи. Князя Борятинскаго за споръ съ Шереметевымъ посадили на три дни въ темницу: онъ не смирился; вышелъ изъ темницы и не поѣхалъ на службу. Чѣмъ изъясняется сія странность? Отчасти гордостію, которая естественна человѣку, и во всякихъ гражданскихъ обстоятельствахъ ищетъ себѣ предмета; отчасти самою Политикою Царей: ибо мѣстничествомъ жило честолюбіе нужное и въ Монархіи неограниченной для ревностной службы отечеству. Нѣтъ обыкновенія, нѣтъ предразсудка совершенно безсмысленнаго въ своемъ началѣ, хотя вредъ и превосходитъ иногда пользу въ дѣйствіи сихъ вѣковыхъ обычаевъ. Годуновъ же могъ имѣть и цѣль особенную, слѣдуя извѣстному злому правилу: *раздоромъ властвуй!* Сіи всегдашнія мѣстничества питали взаимную ненависть между знатнѣйшими родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми (457). Они враждовали: Борисъ господствовалъ!

Но споры о мѣстахъ не нарушали благочинія въ собраніяхъ Двора: все утихало, когда Царь являлся въ величіи разительномъ для Пословъ иноземныхъ (458). «Закрывъ глаза, пишутъ очевидцы, всякой сказалъ бы, что дворецъ пустъ. Сіи многочисленные, золотомъ облитые сановники и безмолвны и недвижимы, сидя на лавкахъ въ нѣсколько рядовъ, отъ дверей до трона, гдѣ стоятъ Рынды въ одеждѣ бѣлой, бархатной или атласной, опушенной горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя золотыми цѣпями (крестообразно висящими на груди), съ драгоцѣнными сѣкирами, подъятыми на плечо, какъ бы для удара.... Во время торжественныхъ Царскихъ обѣдовъ служатъ 200 или 300 Жильцевъ (459), въ парчевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на груди, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Когда Государь сядетъ» (на возвышенномъ мѣстѣ (460), съ тремя ступенями, одинъ за трапезою золотою), «чиновники-служители низко кланяются ему, и по два въ рядъ идутъ за кушаньемъ. Между тѣмъ подаютъ водку: на столахъ нѣтъ ничего, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; нѣтъ ни тарелокъ, ни салфетокъ. Приносятъ вдругъ блюдъ сто и болѣе: каждое, отвѣданное поваромъ при Стольникѣ, вторично отвѣдывается Крайчимъ въ глазахъ Царя, который самъ посылаетъ гостямъ ломти хлѣба, яства, вина, медъ, и собственною рукою, въ концѣ обѣда, раздаетъ имъ сушеныя Венгерскія сливы; всякаго гостя отпускаютъ домой

Дворъ.

еще съ цѣлымъ блюдомъ мяса или пироговъ. Иногда Послы чужеземные обѣдаютъ и дома съ роскошнаго стола Царскаго: знатный чиновникъ ѣдетъ извѣстить ихъ о сей чести и съ ними обѣдать; 15 или 20 слугъ идутъ вокругъ его лошади; Стрѣльцы, богато одѣтые, несутъ скатерть, солонки и проч.; другіе (человѣкъ 200) хлѣбъ, медъ и множество блюдъ, серебряныхъ или золотыхъ, съ разными яствами (461).» Чтобы дать понятіе о роскоши и лакомствѣ сего времени, выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ бумагъ Ѳеодорова царствованія (462): въ 1597 году отпускали къ столу Австрійскаго Посла изъ *Дворца Сытнаго* семь кубковъ Романеи, столько же Рейнскаго, Мушкателя, Французскаго бѣлаго, Бастру (или Канарскаго вина), Аликанту и Мальвазіи; 12 ковшей меду вишневаго и другихъ лучшихъ; 5 ведръ смородиннаго, можжевеловаго, черемуховаго и проч.; 65 ведръ малиноваго, Боярскаго, Княжаго — изъ *Кормоваго Дворца* 8 блюдъ лебедей, 8 блюдъ журавлей съ прянымъ зельемъ, нѣсколько пѣтуховъ разсольныхъ съ инбиремъ, курицъ *безкостныхъ*, тетеревей съ шафраномъ, рябчиковъ съ сливами, утокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ Сарацинскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранныя (бѣлыя и черныя), кальи лимонныя и съ огурцами — изъ *Дворца Хлѣбеннаго* колачи, пироги съ мясомъ, съ сыромъ и сахаромъ, блины, оладьи, кисель, сливки, орѣхи и проч. Цари хотѣли удивлять чужеземцевъ изобиліемъ, и дѣйствительно удивляли.

Вина иноземныя в лства Русскія.

Хлѣбосольство.

Древняя Славянская роскошь гостепріимства, извѣстная у насъ подъ кореннымъ Русскимъ именемъ *хлѣбосольства*, оказывалась и въ домахъ частныхъ: для гостей не было скупыхъ хозяевъ. За то самый обидный упрекъ въ неблагодарности выражался словами: «ты забылъ мою хлѣбъ-соль.» — Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полдневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть *дороднымъ человѣкомъ* значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ жить лѣтъ до осмидесяти, ста и ста двадцати. Только Дворъ и Вельможи совѣтовались съ иноземными врачами (463). Ѳеодоръ имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго Англійскою Королевою, и Павла, Миланскаго гражданина: первый жилъ въ Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV къ Ѳеодору, ласково прося, чтобы Царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. Сіе дружелюбное письмо знаменитѣйшаго изъ Монарховъ Франціи осталось для насъ единственнымъ памятникомъ ея сношеній съ Россіею въ концѣ XVI вѣка. — На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису Доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ Государственный Дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лекарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Виллисъ сказалъ, что онъ бросилъ всѣ книги въ Любекѣ, и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ не благопріятствуютъ Медикамъ ѣдущимъ въ Россію; что лучшая книга у него въ головѣ, а лекарства изготовляются Аптекарями, не Докторами; что и пульсъ и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сіи отвѣты казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать въ Москвѣ. Борисъ въ 1600 году вызвалъ шесть лекарей изъ Германіи: каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣстья, услуги, стола и лошадей; давалъ имъ и патенты на санъ Докторовъ: сію странную мысль внушилъ ему Елисаветинъ Посланникъ Ли, убѣдивъ его назвать Докторомъ лекаря Рейтлингера, который съ нимъ пріѣхалъ служить Царю.

Долгая жизнь.

Медики.

Мы имѣли тогда и разныхъ Аптекарей: одинъ изъ нихъ, Англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвратился изъ Лондона съ богатымъ запасомъ цѣлебныхъ растѣній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, Голландецъ, 40 лѣтъ жилъ въ Москвѣ. Но Россіяне, кромѣ знатныхъ, не вѣрили Аптекамъ: простые люди обыкновенно лечились виномъ съ истертымъ въ немъ порохомъ, лукомъ или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лекарствахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывательнаго, такъ, что самая крайность не могла побѣдить ихъ упрямства. — Кто, бывъ отчаянно боленъ и соборованъ масломъ, выздоравливалъ,

Лекарства.

Разныя обыкновенія.

тотъ носилъ уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишутъ, дозволялось будто бы выйти за другаго мужа. Мертвыхъ предавали землѣ до сутокъ; богатыхъ оплакивало, и въ домѣ и на могилѣ, множество нанимаемыхъ для того женщинъ, которыя вопили на распѣвъ: «тебѣ ли было оставлять бѣлый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя Царь Государь? не имѣлъ ли ты богатства и чести, супруги милой и дѣтей любезныхъ?» и проч. Сорочины заключались пиромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ нарушенія пристойности, чрезъ шесть недѣль избрать себѣ новаго супруга. — Флетчеръ увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не хоронили мертвыхъ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ *Божій* (убогій) домъ, и тамъ оставляли до весны, когда земля разступалась и можно было безъ труда копать могилу (464).

Убогій домъ.

«Россіяне (пишетъ Маржеретъ), сохраняя еще многіе старые обычаи, уже начинаютъ измѣняться въ нѣкоторыхъ съ того времени, какъ видятъ у себя иноземцевъ. Лѣтъ за 20 или за 30 предъ симъ, въ случаѣ какого нибудь несогласія, они говорили другъ другу безъ всякихъ обиняковъ, слуга Боярину, Бояринъ Царю, даже Іоанну Грозному: *ты думаешь ложно, говоришь неправду*. Нынѣ менѣе грубы и знакомятся съ учтивостію; однакожь мыслятъ о чести не такъ, какъ мы: на примѣръ, не терпятъ поединковъ и ходятъ всегда безоружные, въ мирное время вооружаясь единственно для дальнихъ путешествій; а въ обидахъ вѣдаются судомъ. Тогда наказываютъ виновнаго батожьемъ, въ присутствіи обиженнаго и судьи, или денежною пенею, именуемою *безчестьемъ*, соразмѣрно жалованью истца: кому даютъ изъ Царской казны ежегодно 15 рублей, тому и безчестья 15 рублей, а женѣ его вдвое: ибо она считается оскорбленною вмѣстѣ съ мужемъ. За обиду важную сѣкутъ кнутомъ на площадяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылаютъ. Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ строго, какъ въ личныхъ оскорбленіяхъ и въ доказанной клеветѣ. Для самыхъ иноземцевъ поединокъ есть въ Россіи уголовное преступленіе.»

Женщины, какъ у древнихъ Грековъ или у Восточныхъ народовъ, имѣли особенныя комнаты и не скрывались только отъ ближнихъ родственниковъ или друзей. Знатныя ѣздили зимою въ саняхъ, лѣтомъ въ колымагахъ, а за Царицею (когда она выѣзжала на богомолье или гулять) верхомъ, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами, золотыми пуговицами и длинными, до плечъ висящими кистями (465). Дома онѣ носили на головѣ шапочку тафтяную, обыкновенно красную, съ шелковымъ бѣлымъ повойникомъ или шлыкомъ; сверху для наряда большую парчевую шапку, унизанную жемчугомъ (а незамужнія, или еще бездѣтныя, черную лисью); золотыя серги съ изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное, длинную и широкую одежду изъ тонкаго краснаго сукна, съ висящими рукавами, застегнутыми дюжиною золотыхъ пуговицъ, и съ отложнымъ до половины спины воротникомъ собольимъ; подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *лѣтникомъ*, съ рукавами надѣтыми и до локтя обшитыми парчею; подъ лѣтникомъ *ферезь*, застегнутую до земли; на рукахъ запястье, пальца въ два шириною, изъ каменьевъ драгоцѣнныхъ; сапожки сафьянные желтые, голубые, вышитые жемчугомъ, на высокихъ каблукахъ: всѣ молодыя и старыя бѣлились, румянились, и считали за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Верховая ѣзда и наряды женщинъ.

Между забавами сего времени такъ описываетъ любимую Θеодорову — *медвѣжій бой* (466): «охотники Царскіе, подобно Римскимъ Гладіаторамъ, не боятся смерти, увеселяя Государя своимъ дерзкимъ искусствомъ. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ обыкновенно въ ямы или тенетами, держатъ въ клѣткахъ. Въ назначенный день и часъ собирается Дворъ и несмѣтное число людей предъ θеатромъ, гдѣ должно быть *поединку*: сіе мѣсто обведено глубокимъ рвомъ для безопасности зрителей и для того, чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Тамъ является смѣлый боецъ съ рогатиною, и выпускаютъ медвѣдя, который, видя его, становится на дыбы, ревѣтъ и стремится къ нему съ отверстымъ зѣвомъ. Охотникъ недвижимъ: смотритъ, мѣтитъ — и сильнымъ махомъ всаживаетъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея пригнетаетъ къ землѣ ногою. Уязвленный, яростный медвѣдь лѣзетъ грудью на желѣзо, орошаетъ его своею кровію и пѣною, ломитъ, грызетъ древко — и если одолѣть не можетъ, то, падая на бокъ, съ послѣднимъ глухимъ ревомъ издыхаетъ.

Забавы.

Народъ, доселѣ безмолвный, оглашаетъ площадь громкими восклицаніями живѣйшаго удовольствія, и Героя ведутъ къ погребамъ Царскимъ пить за Государево здравіе: онъ счастливъ сею единственною наградою, или тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ ярости медвѣдя, который въ случаѣ неискусства или малыхъ силъ бойца, ломая въ куски рогатину, зубами и когтями растерзываетъ его иногда въ минуту.»

Бани. Говоря о страсти Московскихъ жителей къ банямъ, Флетчеръ всего болѣе удивлялся нечувствительности ихъ къ жару и холоду, видя, какъ они въ жестокіе морозы выбѣгали изъ бань нагіе, раскаленные, и кидались въ проруби (467).

Пороки. Извѣстіе сего наблюдателя о тогдашней нравственности Россіянъ не благопріятствовало ихъ самолюбію: какъ Писатель учтивый предполагая исключенія, онъ укорялъ Москвитянъ лживостію и слѣдствіемъ ея, недовѣрчивостію безпредѣльною, изъясняясь такъ: «Москвитяне никогда не вѣрятъ словамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову» (468). Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты, отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: «дай мнѣ, или убей меня!» Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ, что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому. — Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ Западной Церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что сходствовало съ уставами Римской, излишно чернитъ нравы монастырскіе, но признается, что искренняя набожность господствовала въ Россіи. Набожность. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ: въ 1588 году имѣя только одного сына-младенца, зимою носилъ его больнаго, безъ всякой предосторожности, въ церковь Василія Блаженнаго, и не слушалъ врачей: младенецъ умеръ (469). Смерть перваго Борисова сына. Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость: съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса; Юродивые. а Борисъ молчалъ, и не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные, нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка укорять въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное, въ лавкахъ безъ платы: купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣряютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому (470), не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостію вопилъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Терпимость. Упрекая Россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили однакожь ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Ѳеодоровыхъ, и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ: ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ Вѣры, о коемъ спорили и Философы и Богословы? Равнодушіемъ ли къ ея Догматамъ въ Государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ Князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцемъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ (471)? То есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелію? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

Къ счастію же нашему, естественные враги Россіи не слѣдовали ея благоразумной системѣ: Магометане, язычники покланялись у насъ Богу, какъ хотѣли; а въ Литвѣ неволили Христіанъ Восточной Церкви быть Папистами: говоримъ о началѣ такъ называемой *Уніи* Унія въ Литвѣ. въ Сигизмундово время, происшествіи важномъ своими политическими слѣдствіями, коихъ не могли ни желать, ни предвидѣть ея виновники.

Духовенство Литовское, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій (472), снова чтило въ Константинопольскомъ Первосвятителѣ Главу своей Церкви: Патріархъ Іеремія на возвратномъ пути изъ Москвы заѣхалъ въ Кіевъ, отрѣшилъ тамошняго Митрополита Онисифора, какъ

двоеженца, и на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу; судилъ Епископовъ, наказывалъ Архимандритовъ недостойныхъ ([473]). Сія строгость произвела неудовольствіе; дѣйствовали и другія причины: домогательство Папы и воля Королевская, обольщенія, угрозы. Еще въ 1581 году хитрый Іезуитъ Антоній Поссевинъ, обманутый не менѣе хитрымъ Іоанномъ, съ береговъ Шелоны писалъ къ Григорію XIII, что для удобнѣйшаго обращенія *Московскихъ еретиковъ* должно прежде озарить свѣтомъ истины Кіевъ, колыбель ихъ Вѣры ([474]): совѣтовалъ ему войти въ сношеніе съ Митрополитомъ и съ Епископами Литовскими, послать къ нимъ мужа ученаго, благоразумнаго, который могъ бы убѣжденіями и ласками изготовить торжество Римской Церкви въ *землѣ раскола*. Антоній писалъ и дѣйствовалъ: внушилъ Баторію мысль завести Іезуитское училище въ Вильнѣ, чтобы воспитывать тамъ бѣдныхъ отроковъ Греческаго Исповѣданія въ правилахъ Римскаго; старался о переводѣ славнѣйшихъ книгъ Латинской Богословіи на языкъ Россійскій; самъ ревностно проповѣдывалъ, и не безъ успѣха, такъ, что многіе Литовскіе Дворяне начали говорить о соединеніи Церквей и благопріятствовать Западной, угождая болѣе міру, нежели совѣсти: ибо, не взирая на свои права и вольности, утверждаемыя Королями и Сеймами, единовѣрцы наши въ Литвѣ долженствовали вездѣ и всегда уступать первенство Католикамъ; бывали даже тѣснимы, — жаловались и не находили управы. Колебались умы и самыхъ духовныхъ сановниковъ: ибо Папа и Сигизмундъ III, исполняя совѣтъ Іезуита Антонія, съ одной стороны предлагали имъ выгоды, честь и доходы новые, а съ другой представляли униженіе Византійской Церкви подъ игомъ Оттомановъ. Не грозили насиліемъ и гоненіемъ; однакожь, славя счастія единовѣрія въ Государствѣ, напоминали о непріятностяхъ, которыя испытало Духовенство въ Литвѣ, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій ([475]). Еще Митрополитъ Рагоза таилъ свою измѣну, хвалился усердіемъ къ Православію и велѣлъ сказать Московскимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Австрію чрезъ владѣнія Сигизмундовы, что не смѣетъ видѣться съ ними, будучи въ опалѣ, въ гоненіи за твердость въ Догматахъ Восточной Церкви, всѣми оставляемой, совершенно беззащитной; что за него стоялъ одинъ Воевода Новогородскій, Ѳеодоръ Скуминъ, но и тотъ уже безмолвствуетъ въ страхѣ; что Папа неотмѣнно требуетъ отъ Короля и Вельможъ присоединенія Литовскихъ Епархій къ Церкви Римской, и хочетъ отдать Кіевскую Митрополію своему Епископу; что онъ (Митрополитъ) долженъ неминуемо сложить съ себя Первосвятительство и заключиться въ монастырѣ ([476]). Послы совѣтовали ему быть непреклоннымъ въ бурѣ и лучше умереть, нежели предать святую паству *на расхищеніе волкамъ Латинства*. Михаилъ, лукавый и корыстолюбивый, хотѣлъ еще *въ послѣдній разъ* нашего золота, и взялъ въ задатокъ нѣсколько червонцевъ: ибо Цари, не безъ хитрости, давали *милостыню* Духовенству Литовскому, чтобы оно питало въ народѣ любовь къ своимъ единовѣрнымъ братьямъ. Въ томъ же (1595) году сей лицемѣръ, призвавъ въ Кіевъ всѣхъ Епископовъ, усовѣтовалъ съ ними искать мира и безопасности въ нѣдрахъ Западной Церкви. Только два Святителя, Львовскій Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Премышльскій, изъявили сопротивленіе; но ихъ не слушали, и, къ живѣйшему удовольствію Короля, послали Епископовъ, Ипатія Владимірскаго и Кирилла Луцкаго, въ Римъ, гдѣ въ храминѣ Ватиканской, они торжественно лобызали ногу Климента VIII, и предали ему свою Церковь.

Сіе происшествіе исполнило радости Папу и Кардиналовъ: славили Бога; честили Пословъ *Духовенства Россійскаго* (такъ назвали Епископовъ Владимірскаго и Луцкаго, чтобы возвысить торжество Рима); отвели имъ великолѣпный домъ — и когда, послѣ многихъ совѣщаній, всѣ затрудненія исчезли; когда Послы обязались клятвою въ вѣрномъ наблюденіи Устава Флорентійскаго, принявъ за истину исхожденіе Св. Духа отъ Отца *и Сына*, бытіе Чистилища, первенство Епископа Римскаго, но удерживая древній чинъ Богослуженія и языкъ Славянскій — тогда Папа обнялъ, благословилъ ихъ съ любовію, и Правитель его Думы, Сильвій Антонинъ, сказалъ громогласно: «Наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ (послѣ Флорентійскаго Собора) возвращаетесь вы, о Епископы Россійскіе! къ камени Вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ Церковь; къ горѣ святой, гдѣ самъ Всевышній обитать благоизволилъ; къ матери и наставницѣ

всѣхъ Церквей, къ единой истинной — Римской!» Пѣли молебны, на память вѣкамъ внесли въ лѣтописи церковныя *повѣсть о возсіяніи новаго свѣта въ странахъ полунощныхъ;* вырѣзали на мѣди образъ Климента VIII, Россіянина падающаго ницъ предъ его трономъ и надпись Латинскую: Ruthenis receptis (477). . . Однакожь радость была не долговременна.

Во-первыхъ, Святители Литовскіе, измѣняя Православію, надѣялись, по обѣщанію Климентову, засѣдать въ Сенатѣ наравнѣ съ Латинскимъ Духовенствомъ, но обманулись: Папа не сдержалъ слова, отъ сильнаго противорѣчія Епископовъ Польскихъ, которые не хотѣли равняться съ Уніатами. Во-вторыхъ, не только Святитель Львовскій, Гедеонъ, со многими другими духовными сановниками, но и нѣкоторые знатнѣйшіе Вельможи, наши единовѣрцы, воспротивились Уніи: особенно Воевода Кіевскій, славный богатствомъ и душевными благородными свойствами, Князь Константинъ Острожскій. Говорили и писали, что сіе мнимое соединеніе двухъ Вѣръ есть обманъ; что Митрополитъ и клевреты его приняли Латинскую, единственно для вида удержавъ обряды Греческой. Народъ волновался; храмы пустѣли. Чтобы важнымъ, священнымъ дѣйствіемъ Церковнаго Собора утишить раздоръ, всѣ Епископы съѣхались въ Брестѣ, гдѣ присутствовали и Вельможи Королевскіе, Послы Климента VIII и Патріарха Византійскаго; но, вмѣсто мира, усилилась вражда. Соборъ раздѣлился на двѣ стороны; одна предала анаѳемѣ другую — и съ сего времени существовали двѣ Церкви въ Литвѣ: *Уніатская* или *Соединенная*, и *Благочестивая* или *Несоединенная.* Первая зависѣла отъ Рима, вторая отъ Константинополя. Уніатская, подъ особою защитою Королей и Сеймовъ, усиливалась, гнала Благочестивую въ ея сиротствѣ жалостномъ — и долго стонъ нашихъ единовѣрныхъ братьевъ исчезалъ въ воздухѣ, не находя ни милосердія, ни справедливости въ верховной власти. Такъ одинъ изъ сихъ ревностныхъ Христіанъ Греческаго Исповѣданія торжественно, на Сеймѣ, говорилъ Королю Сигизмунду (478): Мы, усердные сыны Республики, готовы стоять за ея цѣлость; но можемъ ли итти на враговъ внѣшнихъ, терзаемые внутреннимъ: злобною Уніею, которая лишаетъ насъ и безопасности гражданской и мира душевнаго? Можемъ ли своею кровію гасить пылающія стѣны отечества, видя дома пламень, никѣмъ не гасимый? Вездѣ храмы наши затворены, Священники изгнаны, достояніе церковное расхищено; не крестятъ младенцевъ, не исповѣдуютъ умирающихъ, не отпѣваютъ мертвыхъ, и тѣла ихъ вывозятъ какъ стерво въ поле. Всѣхъ, кто не измѣнилъ Вѣрѣ отцевъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; законъ не блюдетъ насъ. . . вопіемъ: не слушаютъ!... Да прекратится же тиранство! или (о чемъ не безъ ужаса помышляемъ) можемъ воскликнуть съ Пророкомъ: *суди ми, Боже, и разсуди прю мою!*» Сія угроза исполнилась позднѣе, и мы, въ счастливое царствованіе Алексія, столь легко пріобрѣли Кіевъ съ Малороссіею отъ насилія Уніатовъ.

Такимъ образомъ Іезуитъ Антоній, Король Сигизмундъ и Папа Климентъ VIII, ревностно дѣйствуя въ пользу Западной Церкви, невольно содѣйствовали величію Россіи!

**КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.**

# ИСТОРІЯ

# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ XI.

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

### Г. 1598 — 1604.

**Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.**

Г. 1598. Духовенство, Синклитъ и Чины Государственные, съ хоругвями Церкви и отечества, при звукѣ всѣхъ колоколовъ Московскихъ и восклицаніяхъ народа, упоеннаго радостію, возвратились въ Кремль, уже давъ Самодержца Россіи, но еще оставивъ его въ келліи. 26 Февраля, въ Недѣлю Сыропустную, Борисъ въѣхалъ въ столицу: встрѣченный, предъ стѣнами деревянной крѣпости, всѣми гостями Московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ, и многими иными *дарами Царскими* (1), онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ Казнѣ. За гостями встрѣтили Царя Іовъ и все Духовенство; за Духовенствомъ Синклитъ и народъ. Въ храмѣ Успенія отпѣвъ молебенъ, Патріархъ *вторично* благословилъ Бориса на Государство, осѣнивъ крестомъ Животворящаго Древа, и клиросы пѣли многолѣтіе какъ Царю, такъ и всему Дому Державному: Царицѣ Маріи Григорьевнѣ, юному сыну ихъ Ѳеодору и дочери Ксеніи. Тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне; а Патріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «Славимъ Тебя, Господи: ибо Ты не презрѣлъ нашего моленія, услышалъ вопль и рыданіе Христіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе, и даровалъ намъ Царя, коего мы денно и нощно просили у Тебя со слезами!» Послѣ Литургіи Борисъ изъявилъ благодарность къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмѣ Св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ (2) и Ѳеодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будутъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ (3); посѣтилъ Іова въ Обители Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлять дѣлами государственными.

*Москва встрѣчаетъ Царя.*

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Борису, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополитовъ, Петра и Іоны (4): клялися не измѣнять Царю

*Присяга Борису.*

г. 1598. порядилъ Воеводство, давъ *почетное* Царевичамъ, а дѣйствительное пяти Князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василію Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ Полку Дмитрію Шуйскому, въ Сторожевомъ Тимоѳею Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ Ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ (13), и послалъ туда особенныхъ Воеводъ съ Мордвою и Стрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чего не видали дотолѣ: *полмилліона войска*, какъ увѣряютъ (14), въ движеніи стройномъ, быстромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Розрядными Книгами о службѣ отцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, что Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству *службу безъ мѣстъ* (15). Сія ревность, способствуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворяне, Дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, годными для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію Царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и дружины, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощалъ обѣдами, и всякой разъ не менѣе десяти тысячь людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шатрами (16). Сіи истинно Царскія угощенія продолжались шесть недѣль: ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды наши уже не встрѣчали его; тишина царствовала на берегахъ Донца, и стражи, нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго топота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули Бориса, или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя Царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому Самодержцу въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость достойная Бориса, и едва ли сомнительная. — Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ (17). Ханское Посольство.

Слѣдственно ополченіе безпримѣрное, стоивъ великаго иждивенія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло Государство, поразивъ Хана ужасомъ; что Крымцы шли дѣйствительно, но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ Царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въ Пословъ Ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они въѣхали въ Россію какъ въ станъ воинскій; видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ (18); въ лѣсахъ, въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ остановили близъ Серпухова, въ семи верстахъ отъ Царскихъ шатровъ, на лугахъ Оки, гдѣ уже нѣсколько дней сходилась рать отовсюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣта загремѣло сто пушекъ, и первые лучи солнца освѣтили войско несмѣтное (19), готовое къ битвѣ. Велѣли Крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною стрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, итти къ Царю, сквозь тѣсные ряды пѣхоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные въ шатеръ Царскій, гдѣ все блистало оружіемъ и великолѣпіемъ — гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣнчанный златымъ шлемомъ, первенствовалъ въ сонмѣ Царевичей и Князей не столько богатствомъ одежды, сколько видомъ повелительнымъ — Алей Мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя словъ отъ удивленія и замѣшательства; наконецъ сказали, что Казы-Гирей желаетъ вѣчнаго союза съ Россіею, возобновляя договоръ, заключенный въ Ѳеодорово царствованіе: *будетъ въ волѣ* Борисовой и готовъ со всею Ордою итти на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно, и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ Хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

г. 1598. Въ сей же день Св. Петра и Павла Царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ (20) : 500,000 гостей пировало на лугахъ Оки; яства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ Царя было : «люблю воинство Христіанское и надѣюсь на его вѣрность.» Громкія благословенія провождали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ Государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго : ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вожделѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды : тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говоритъ Лѣтописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно. — Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Литовской и Шведской; большую часть распустили : но всѣ знатнѣйшіе чиновники спѣшили въ слѣдъ за Государемъ въ столицу.

Угощеніе войска.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса : вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Патріархъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему : «Богомъ избранный, Богомъ возлюбленный, Великій Самодержецъ! мы видимъ славу твою : ты благодаришь Всевышняго! Благодаримъ Его вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и веселися съ нами, совершивъ подвигъ безсмертный! Государство, жизнь и достояніе людей цѣлы; а лютый врагъ, преклонивъ колѣна, молитъ о мирѣ! *Ты не скрылъ, но умножилъ талантъ свой* въ семъ случаѣ удивительномъ, ознаменованномъ болѣе, нежели человѣческою мудростію . . . . Здравствуй о Государь, Царь любезный Небу и народу! Отъ радости плачемъ, и тебѣ кланяемся» (21). Патріархъ, Духовенство и народъ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смиреніе, Государь спѣшилъ въ храмъ Успенія, славословить Всевышняго, и въ монастырь Новодѣвичій, къ печальной Иринѣ. Всѣ домы были украшены зеленью и цвѣтами.

Рѣчь Патріарха.

Но Борисъ еще отложилъ свое Царское вѣнчаніе до 1 Сентября, чтобы совершить сей важный обрядъ въ Новое Лѣто, въ день общаго доброжелательства и надеждъ, лестныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота избирательная была написана отъ имени Земской Думы, съ такимъ прибавленіемъ : «Всѣмъ ослушникамъ Царской воли неблагословеніе и клятва отъ Церкви (22), месть и казнь отъ Синклита и Государства; клятва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику любопрительному*, который дерзнетъ противорѣчить дѣянію Соборному и колебать умы людей молвами злыми, кто бы онъ ни былъ, Священнаго ли сана или Боярскаго, Думнаго или воинскаго, гражданинъ или Вельможа : да погибнетъ и память его вовѣки!» Сію грамоту утвердили, 1 Августа, своими подписями и печатями Борисъ и юный Ѳеодоръ, Іовъ, всѣ Святители, Архимандриты, Игумены, Протопопы, Келари, Старцы чиновные, — Бояре, Окольничіе, знатные сановники Двора, Печатникъ Василій Щелкаловъ, Думные Дворяне и Дьяки, Стольники, Дьяки Приказовъ, Дворяне, Стряпчіе и Выборные изъ городовъ, Жильцы, Дьяки нижней степени, гости, Сотскіе, числомъ около пяти сотъ : одинъ списокъ ея былъ положенъ въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ Вѣнценосцевъ, а другій въ Патріаршую ризницу, въ храмѣ Успенія. — Казалось, что мудрость человѣческая сдѣлала все возможное для твердаго союза между Государемъ и Государствомъ!

г. 1598. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной.

Наконецъ Борисъ вѣнчался на Царство, еще пышнѣе и торжественнѣе Ѳеодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго Патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда Царь, осѣненный десницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный, среди Литургіи воззвалъ громогласно (23): «Отче, Великій Патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ Царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго» — и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію послѣднюю народу:» тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе : слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; Бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другій важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни Сибирскія (24). Однимъ словомъ, никакое Царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей. — Осыпанный

Царское вѣнчаніе.

г. 1598. въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скиптромъ спѣшилъ въ Царскую палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій.

Милости.

Началося съ Двора и Синклита: Борисъ пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Уразъ-Магмета, въ Цари Касимовскіе (25); Дмитрія Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣсто добраго Григорья Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода (26), и въ тайной горести умеръ); Князей Катырева, Черкасскаго, Трубецкаго, Ноготкова и Александра Романова-Юрьева въ Бояре; Михайла Романова, Бѣльскаго (любимца Іоаннова и своего бывшаго друга), Криваго-Салтыкова (также любимца Іоаннова) и четырехъ Годуновыхъ въ Окольничіе; многихъ въ Стольники и въ иные чины. Всѣмъ людямъ служивымъ, воинскимъ и гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное жалованье (27), гостямъ Московскимъ и другимъ торговать безпошлинно два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: уставилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно (28). — Обнародовавъ съ престола сіи Царскія благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами.

Новый Царь Касимовскій.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вожделѣннымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ битвѣ маловажной числомъ воиновъ, но достопамятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды, на краю свѣта, и лицемъ побѣжденнаго. Мы оставили Царя-изгнанника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской (29), непреклоннаго къ милостивымъ предложеніямъ Ѳеодоровымъ, неутомимаго въ набѣгахъ на отнятыя у него земли, и все еще для насъ опаснаго. Воевода Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣздился Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ г. 1598. женами, съ дѣтьми съ вѣрными ему Князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ (30). Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 Августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илитенъ и Канъ Царевичи, 6 Князей, 10 Мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера вытѣснили Татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслися на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Князей и не мало богатства остались въ рукахъ побѣдителя. Не зная о судьбѣ Кучюма, и думая, что онъ, подобно Ермаку, утонулъ во глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо итти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ инаго Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезенный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чатскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно дожить вѣкъ благодѣяніями Государя великодушнаго. Сеитъ, именемъ Тулъ-Мегметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ Россіянами Татаръ, на берегу Оби: слѣпый старецъ, неодолимый бѣдствіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами; выслушалъ рѣчь Сеитову о милости Царя Московскаго, и спокойно отвѣтствовалъ: «Я не поѣхалъ къ нему и въ лучшее время, доброю волею, цѣлый и богатый: теперь поѣду ли за смертію? Я слѣпъ, и глухъ, бѣденъ и сиръ. Жалѣю не о богатствѣ, но только о миломъ сынѣ Асманакѣ, взятомъ Россіянами: съ нимъ однимъ, безъ Царства и богатства, безъ женъ и другихъ сыновей, я могъ бы еще жить на свѣтѣ. Теперь посылаю остальныхъ Дѣтей въ Бухарію, а самъ ѣду къ Ногаямъ» (31). Онъ не имѣлъ ни теплой одежды, ни

Происшествія въ Сибири.

г. 1598. коней, и просилъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ подданныхъ, жителей Чатской волости, которые уже обѣщались быть данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвратился на мѣсто битвы, и тамъ, въ присутствіи Сеита, занимался два дни погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ; въ третій день сѣлъ на коня — и скрылся для Исторіи. Остались только невѣрные слухи о бѣдственной его кончинѣ: пишутъ, что онъ, скитаясь въ степяхъ Верхняго Иртыша, въ землѣ Калмыцкой, и близъ озера Зайсанъ-Нора похитивъ нѣсколько лошадей, былъ гонимъ жителями изъ пустыни въ пустыню, разбитъ на берегу озера Кургальчина, и почти одинъ явился въ Улусѣ Ногаевъ, которые безжалостно умертвили слѣпаго старца изгнанника, сказавъ: «Отецъ твой насъ
Гибель Кучюма. грабилъ; а ты не лучше отца» (32). Вѣсть о семъ происшествіи обрадовала Москву и Россію: Борисъ съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монастырь къ Иринѣ, любя дѣлить съ нею всѣ чистыя удовольствія Державнаго сана (33). Истребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго Царя Сибирскаго, если не могуществомъ, то непреклонною твердостію въ злосчастіи достопамятнаго, какъ бы запечатлѣло для насъ господство надъ полунощною Азіею. Въ столицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали завоеваніе сего неизмѣримаго края, звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижниковъ деньгами; велѣли привезти знатныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удовольствіе видѣть ихъ торжественный въѣздъ (въ
г. 1599. Генварѣ 1599). Жены, дочери, невѣстки и сыновья Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ, отрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѣхали въ богатыхъ *рѣзныхъ* саняхъ: Царицы и Царевны въ шубахъ бархатныхъ, атласныхъ и камчатныхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и кружевомъ; Царевичи въ ферезяхъ багряныхъ, на мѣхахъ драгоцѣнныхъ; впереди и за ними множество всадниковъ, Дѣтей Боярскихъ, по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ собольихъ, съ пищалями. Улицы были наполнены зрителями, Россіянами и чужеземцами (34). Царицъ и Царевичей размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и Дворянскихъ; давали имъ содержаніе пристойное, но весьма умѣренное; наконецъ отпустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ г. 1599. Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Маметкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ, Абдулъ-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ тогда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ.

Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилій, строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ (35); г. 1598 — 1604. населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Литовскими или Малороссійскими, и самыхъ коренныхъ жителей Сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государственный умъ Борисовъ надежно и прочно вмѣстилъ ее въ составъ Россіи.

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Российской ничто не перемѣнилось: ни духъ Дѣла внѣшней Политики. ея, ни виды. Мы вездѣ хотѣли мира или пріобрѣтеній безъ войны, готовясь единственно къ оборонительной; не вѣрили доброжелательству тѣхъ, коихъ польза была несовмѣстна съ нашею, и не упускали случая вредить имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ.

Ханъ, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, откладывалъ торжественное заключеніе новаго договора съ новымъ Царемъ: между тѣмъ Донскіе Козаки тревожили набѣгами Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлогородскую область (36). Наконецъ, въ Іюнѣ 1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ Послу, Князю Григорію Волконскому, Шертную грамоту со всѣми торжественными обрядами, но еще хотѣлъ тридцати тысячь рублей и жаловался, что Россіяне стѣсняютъ Ханскіе Улусы основаніемъ крѣпостей въ степяхъ, которыя были дотолѣ привольемъ Татарскимъ. «Не видимъ ли» (говорилъ онъ) «вашего умысла, столь недружелюбнаго? Вы хотите задушить насъ въ оградѣ. А я вамъ другъ, какихъ мало. Султанъ живетъ мыслію итти войною на Россію, но слышитъ

г. 1598 — 1604. отъ меня всегда одно слово: *далеко! тамъ пустыни, лѣса, воды, болота, грязи непроходимыя.*» Царь отвѣтствовалъ, что казна его истощилась отъ милостей, оказанныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ Посольствъ къ Хану и для обузданія хищныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся Султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ Царю съ союзною грамотою, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій: Борисъ взялъ въ руки *книгу* (безъ сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: «обѣщаю искреннее дружество Казы-Гирею: вотъ моя *большая присяга*;» не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибею, коего увѣряли, что Государь Россійскій изъ особенной любви къ Хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными Вѣнценосцами утверждаются только Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился отъ безполезнаго униженія святыни въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; честилъ Хана умѣренными дарами, а всего болѣе надѣялся на войско, готовое для защиты юговосточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя досады, однакожь безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды новаго Посла Государева, Князя Борятинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Козаковъ отъ впаденія въ Карасанскій Улусъ, отвѣтствуя грубо: «у васъ есть сабля; а мое дѣло сноситься только съ Ханомъ, не съ ворами Козаками.» Но сей случай не произвелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ угрозъ, и подтвердилъ обязательство умерѣть нашимъ другомъ, опасаясь тогда Султана и думая найти защитника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Литвою и съ Швеціею Борисъ также старался возвысить достоинство Россіи, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Король Швеціи, уже воевалъ съ ея Правителемъ, дядею своимъ Герцогомъ Карломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пановъ къ участію въ семъ междоусобіи, уступивъ ихъ отечеству Эстонію. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ Литва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россіею: Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ, что было нашимъ, и что мы уступили имъ невольно: древнія Орденскія владѣнія, о коихъ столько жалѣлъ Іоаннъ, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными, кровавыми трудами и за ничто отдавъ властолюбивымъ иноземцамъ. г. 1598 — 1604.

Судьба Принца Шведскаго, Густава, въ Россіи.

Мы упоминали о сынѣ Шведскаго Короля Эрика, изгнанникѣ Густавѣ (37). Скитаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ нѣсколько времени въ Торнѣ, скуднымъ жалованьемъ брата своего, Сигизмунда, и рѣшился (въ 1599 году) искать счастія въ нашемъ отечествѣ, куда звали его и Ѳеодоръ и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и знатное помѣстье или Удѣлъ. На границѣ, въ Новѣгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники Царскіе, съ привѣтствіями и дарами (38); одѣли въ золото и въ бархатъ; ввезли въ Москву на богатой колесницѣ; представили Государю въ самомъ пышномъ собраніи Двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Ѳеодора, Густавъ произнесъ рѣчь (зная Славянскій языкъ); сѣлъ на золотомъ изголовьѣ; обѣдалъ у Царя за столомъ особеннымъ, имѣя особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ Царскихъ; наконецъ Удѣлъ Калужскій, три города съ волостями, для дохода (39). Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человѣкомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ достоинства: душевное благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ Наукахъ, особенно въ Химіи, такъ что заслужилъ имя втораго Ѳеофраста Парацельса; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славянскаго, Италіянскій, Нѣмецкій, Французскій (40); много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любопытнымъ, и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною Царской къ нему милости: Борисъ мыслилъ употребить его въ орудіе Политики, какъ втораго Магнуса, желая имѣть въ немъ страшилище для Сигизмунда и Карла; обольстилъ Густава надеждою быть Властителемъ Ливоніи съ помощію Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники Дерптскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣть-

г. 1598—1604. ми, въ неволѣ сносной, однакожь горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили, куда хотятъ: въ Ригу, въ Литву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печатнику Щелкалову. Сіи люди, нѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячь нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностнѣе служили Россіи и преклоняли къ ней своихъ единоземцевъ (41). Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, утѣсняемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ, что если хотятъ они спасти вольность свою и Вѣру отцевъ; если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Литвы и сдѣлаться *Папистами*, *или Іезуитами*: то щитъ Россіи надъ ними а мечь ея надъ ихъ утѣснителями; что сильнѣйшій изъ Вѣнценосцевъ, равно славный и мудростію и человѣколюбіемъ, желаетъ быть отцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливоніи, и ждетъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, которыя будутъ утверждены присягою Бояръ; что свобода, законы и Вѣра останутся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властію (42). Въ то же время Воеводы Псковскіе должны были искусно разгласить въ Ливоніи, что Густавъ, столь милостиво принятый Царемъ, немедленно вступитъ въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго Державца, но съ обязанностію Россійскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ Герцогу Карлу: «Европѣ извѣстна бѣдственная судьба моего родителя; а тебѣ извѣстны ея виновники и мои гонители: оставляю месть Богу. Нынѣ я въ *тихомъ* и *безбоязненномъ пристанищѣ*, у великаго Монарха, милостиваго къ несчастнымъ Державнаго племени. Здѣсь могу быть полезенъ нашему любезному отечеству, если ты уступишь мнѣ Эстонію, угрожаемую Сигизмундовымъ властолюбіемъ: съ помощію Божіею и Царскою буду не только стоять за города ея, но возьму и всю Ливонію, мою законную отчину.» Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швеціею; оно едва ли было доставлено Герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ Приказѣ Московскомъ, ходило единственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки, между Ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ мирѣ съ Швеціею! г. 1598—1604.

Но сія хитрость, не чуждая коварства, осталась безплодною — отъ трехъ причинъ: 1) Ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ Нарвскихъ жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно (43). 2) Мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ войско въ Ливоніи: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на Царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему Закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига (44); не хотѣлъ быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ орудіемъ нашей Политики ко вреду Швеціи; требовалъ отпуска, и, разгоряченный виномъ, въ присутствіи Борисова Медика, Фидлера, грозился зажечь Москву, если не дадутъ ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фидлеръ сказалъ о томъ Боярину Семену Годунову, а Бояринъ Царю, который, въ гнѣвѣ отнявъ у неблагодарнаго и сокровища и города, велѣлъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожь скоро умилостивился и далъ ему, вмѣсто Калуги, разоренный Угличь. Густавъ (въ 1601 году) снова былъ у Царя, но уже не обѣдалъ съ нимъ (45); удалился въ свое помѣстье, и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался Химіею, до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ Кашинъ, сей несчастный Принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтреность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его, въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашенки,

г. 1598 — 1604. видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Петрей, въ царствованіе Шуйскаго ([46]).

Перемиріе съ Литвою. Между тѣмъ мы имѣли случай гордостію отплатить Сигизмунду за уничиженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій Посолъ Литовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказывали, что Царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапѣга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею: ихъ выслушали, отвергнули и еще нѣсколько мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уединеніи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы ([47]). Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юнаго Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда *Королемъ Швеціи*, подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ ни Θеодора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцевскій: въ самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести, за старое упрямство Литвы называть Государей Россійскихъ единственно Великими Князьями, и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность Шведскаго Властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщетно Сапѣга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже *съ слезами* ([48]), чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ Бояриномъ, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аθанасіемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ предводительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: «будемъ ждать Короля въ Вильнѣ» — и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрахъ; терпѣли холодъ и недостатокъ ([49]), но принудили Короля ѣхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія прѣнія. Литовскіе Вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: «если дѣйствительно хотите мира, то признайте нашего Короля Шведскимъ, а Эстонію собственностію Польши.» Салтыковъ отвѣчалъ: «Миръ вамъ нужнѣе, нежели намъ. Эстонія и Ливонія собственность Россіи отъ временъ Ярослава Великаго; а Шведскимъ Королевствомъ владѣетъ нынѣ Герцогъ Карлъ: Царь не даетъ никому пустыхъ титуловъ».... «Карлъ есть измѣнникъ и хищникъ,» возражали Паны: «Государь вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ *Астраханскимъ* или *Сибирскимъ*, если какой нибудь разбойникъ на время завладѣетъ сими землями? Знатная часть Венгріи нынѣ въ рукахъ Султана, но Цесарь именуется Венгерскимъ, а Король Испанскій Іерусалимскимъ.» Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими Послами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: «клянуся именемъ Божіимъ умереть съ моимъ наслѣдственнымъ титуломъ Короля Шведскаго, не уступать никому Эстоніи и въ теченіе сего двадцатилѣтняго перемирія добывать Нарвы, Ревеля и другихъ городовъ ея, кѣмъ бы они ни были заняты.» Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: «Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ къ Великому Государю, Борису Θеодоровичу, по точнымъ словамъ грамоты, безъ всякаго прибавленія — или клятва не въ клятву!» Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ требовалъ Бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская одержала верхъ надъ Литовскою: Король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ Шведами и съ нами; устоялъ только въ отказѣ величать Бориса именемъ *Царя* и *Самодержца*: чего мы требовали и въ Москвѣ и въ Вильнѣ, но удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ Королемъ Борису при заключеніи мира вѣчнаго. «Хорошо» (говорили Паны) «и двадцать лѣтъ не лить Христіанской крови: еще лучше успокоить навсегда обѣ Державы. Двадцать лѣтъ пройдутъ скоро; а кто будетъ тогда Государемъ и въ Литвѣ и въ Россіи, неизвѣстно» ([50]). Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: Послы Московскіе, въ день своего отпуска пируя во дворцѣ Королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сына, Владислава, и какъ бы въ предчувствіи будущаго вызвались цѣловать у него руку: сей отрокъ семилѣтній, коему надлежало, въ

г. 1598 —1604. возрастѣ юноши, явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ нашей Исторіи, привѣтствовалъ ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣста и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кланяться Царевичу Ѳеодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный Бояринъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ, который замѣнилъ Щелкалова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ пріятное воспоминаніе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ Россіянъ добрыя мысли о семъ, дѣйствительно любезномъ Королевичѣ. — Возвратясь, Послы донесли Борису, что онъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ Литовской стороны на долгое время; что Король и Паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ Государемъ, и конечно не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе Царя какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Сношенія съ Швеціею. Мы сказали, что Правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Герцога не мириться съ Сигизмундомъ, дозволялъ Шведамъ итти изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ Новогородское владѣніе ([51]) и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія Поляковъ изъ Ливоніи: Королевскіе чиновники ѣздили въ Москву, наши въ Стокгольмъ съ изъявленіями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвычайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тайно спрашивалъ у него, *исполнить* ли ему волю Чиновъ Государственныхъ и назваться ли *Королемъ* Шведскимъ? Царь совѣтовалъ *исполнить, и немедленно, для истиннаго блага Швеціи*, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову ([52]); совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Литва и Швеція имѣли разныхъ Властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый Царь (въ Февралѣ 1601) объявилъ Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ Литовскимъ Канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года ([53]), писанную отъ имени Ѳеодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились, и что сей Король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ Герцогомъ. Послы удивились. «Мы заключили миръ» (говорили они Боярамъ) «не между Ѳеодоромъ и Сигизмундомъ, а между Швеціею и Россіею, до скончанія вѣковъ, именемъ Божіимъ, и добросовѣстно исполнили условія: отдали Кексгольмъ вопреки Сигизмундову несогласію. Нѣтъ, Герцогъ Карлъ не повѣритъ, чтобы Царь думалъ нарушить обѣтъ, запечатлѣнный цѣлованіемъ креста на Святомъ Евангеліи. Если Сигизмундъ уступаетъ вамъ города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: половина ея завоевана Герцогомъ. И союзъ съ Литвою надеженъ ли для Царя? Прекратились ли споры о Кіевѣ и Смоленскѣ? Гораздо скорѣе можно согласить выгоды Швеціи и Россіи: главная ихъ выгода есть мирное, доброе сосѣдство. Не самъ ли Царь убѣждалъ Карла не мириться съ Сигизмундомъ? Мы воюемъ и беремъ города: что мѣшаетъ вамъ также ополчиться и раздѣлить Ливонію съ нами?» Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя войны между Герцогомъ и Королемъ, не мыслилъ въ ней участвовать, по крайней мѣрѣ до времени; заключивъ перемиріе съ Литвою, медлилъ утвердить безкорыстный миръ съ Карломъ; отпустилъ его Пословъ ни съ чѣмъ, и тайно склоняя жителей Эстоніи измѣнить Шведамъ, чтобы присоединиться къ Россіи, досаждалъ ему симъ непрямодушіемъ — но въ то же время искренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливонской: ибо торжество Сигизмундово угрожало намъ соединеніемъ Шведской короны съ Польскою, а торжество Карлово раздѣляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ Государей Европейскихъ, и всѣхъ охотнѣе, призналъ Герцога Королемъ Швеціи, и въ сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе имя, когда и самъ Герцогъ еще назывался только Правителемъ.

Тѣсная связь съ Даніею. Новая, важная связь Борисова съ наслѣдственнымъ врагомъ Швеціи могла также безпокоить Карла. Извѣстивъ сосѣдственныхъ и другихъ Вѣнценосцевъ, Императора, Елисавету, о своемъ воцареніи, Борисъ долго медлилъ оказать сію учтивость Королю Датскому, Христіану; но съ 1601 года начались весьма дружелюбныя сношенія между ими ([54]). Въ одно время Послы Христіановы, Эске-Брокъ и Карлъ Бриске, отправились въ Москву, а наши, знатный Дворянинъ Ржевскій и Дьякъ Дмитріевъ, въ Копенгагенъ, для взаимнаго привѣт-

г. 1598—1604. ствія и для разрѣшенія старыхъ, безконечныхъ споровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ. Доказывая, что вся Лапландія принадлежала Норвегіи, Христіанъ ссылался на Исторію Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову Космографію ([55]); говорилъ еще, что сами Россіяне издревле называютъ Лапландію *Мурманскою* или Норвежскою землею; а мы возражали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ царствованіе Василія Іоанновича Новогородскій Священникъ Илія крестилъ ея дикихъ жителей, и еще утверждали сіе право собственности слѣдующею повѣстію, основанною на преданіи тамошнихъ старцевъ ([56]): «Жилъ нѣкогда въ Корелѣ или Кексгольмѣ знаменитый *Владѣтель*, именемъ *Валитъ* или Варентъ, данникъ Великаго Новагорода, мужъ необычной храбрости и силы: воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ господствовать надъ Лопью или *Мурманскою* землею. Лопари требовали защиты сосѣдственныхъ *Норвежскихъ* Нѣмцевъ; но Валитъ разбилъ и Нѣмцевъ, тамъ, гдѣ нынѣ *Лѣтній* погостъ *Варенгскій*, и гдѣ онъ, въ память вѣкамъ, положилъ своими руками огромный камень, въ вышину болѣе сажени; сдѣлалъ вокругъ его твердую ограду *въ двѣнадцать стѣнъ* и назвалъ ее *Вавилономъ:* сей камень и теперь именуется *Валитовымъ*. Такая же ограда существовала на мѣстѣ Кольскаго острога. Извѣстны еще въ землѣ Мурманской *губа Валитова* и *городище Валитово* среди острова или высокой скалы, гдѣ безопасно отдыхалъ витязь Корельскій. Наконецъ побѣжденные Нѣмцы заключили съ нимъ миръ, отдавъ ему всю Лопь до рѣки Ивгея. Долго славный и счастливый, Валитъ, именемъ Христіанскимъ Василій, умеръ и схороненъ въ Кексгольмѣ, въ церкви Спаса; Лопари же съ того времени платили дань Новугороду и Царямъ Московскимъ.» Сіи историческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весьма убѣдительны, и Датчане въ знакъ миролюбія желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или поперегъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за монастыремъ Печенскимъ къ Сѣверу, предоставляя Датскимъ и Россійскимъ чиновникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Колы означить границы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобновили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцевъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ. г. 1598—1604.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ возвысить блескъ своего Дому въ глазахъ Бояръ и Князей Россійскихъ, которые еще не давно видѣли Годуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливоніею, Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый Политикъ надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ ([57]), и Король, не устрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ осилить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились ([58]): не знаемъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи отечествомъ и быть Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи ([59]): не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, тронъ Московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чемъ, вѣроятно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностію любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны, въ теченіе вѣковъ, для своего рода. Женихъ воевалъ тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: спѣшилъ возвратиться, сѣлъ на Адмиральскій корабль, и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 Августа 1602) къ устью Наровы. Тамъ ожидала гостя ладія Царская, устланная бархатомъ ([60]) — и какъ скоро Герцогъ ступилъ на землю Русскую, загремѣли пушки: Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ привѣтствовали его, именемъ Царя, — ввели въ богатый шатеръ и поднесли ему 80 драгоцѣннѣйшихъ соболей. Въ каретѣ, блистающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Иваньгородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и стѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями; такъ привѣтствовали его и

Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи.

г. 1598 —1604. Шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе честили Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, три Сенатора (Гильденстернъ, Браге и Голькъ), восемь знатныхъ сановниковъ, нѣсколько Дворянъ, два Медика, множество слугъ: на каждомъ станѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ какъ бы во дворцѣ Московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ стрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись *Свѣтлѣйшему Королевичу*. Ѣхали медленно, въ день не болѣе тридцати верстъ, чрезъ Новгородъ, Валдай, Торжекъ и Старицу. Путешественникъ не скучалъ; въ часы роздыха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забавлялся охотою, стрѣлялъ птицъ; бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще Нѣмецкихъ: «Ѣду къ Царю (говорилъ онъ) за тѣмъ, чтобы навыкать всему Русскому.» Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: «Я знаю, что въ сей день вы празднуете новый годъ; что Духовенство, Синклитъ и Дворъ нынѣ торжественно желаютъ многолѣтія Государю: еще не имѣю счастія видѣть его лице, но также усердно молюся, да здравствуетъ» — спросилъ вина, и стоя пилъ *Царскія чаши*, вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власьевъ писали къ Царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ Королевича; увѣдомляли обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебряными кружевами! Царь требовалъ сихъ подробностей — и высылалъ новые дары путешественнику: богатыя ткани Азіятскія, шапки низанныя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоцѣнные, золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ нетерпѣніе быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали, что Государь боялся спѣшною ѣздою утомить его — и поѣхали скорѣе. 18 Сентября ночевали въ Тушинѣ, а 19 приближились къ столицѣ.

Не только воины и люди сановные, отъ Членовъ Синклита до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане встрѣтили Герцога въ полѣ (61). Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Датскими и Россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучшій домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами (62). 28 Сентября было торжественное представленіе. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые воины; на площади Кремлевской граждане, Нѣмцы, Литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна Князья Трубецкій и Черкасскій, на лѣстницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Окольничими и Дьяками. Царь и Царевичь были въ Золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ; въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ Герцога, Борисъ и Ѳеодоръ встали, обняли его съ нѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовію, плѣняясь его красотою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Ѳеодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Ѳеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и надѣли на шею Іоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ тканей, Англійскихъ суконъ, Сибирскихъ мѣховъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видалъ Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ, и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя*, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно, когда блистали въ нихъ слезы уми-

г. 1598 —1604. ленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя книги и сладкія пѣсни духовныя [63]. Строгій обычай не дозволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую...... О семъ пышномъ выѣздѣ Царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ [64]:

«Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блистающихъ убранствомъ, серебромъ и золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая Царевичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всадники, вторую пѣшіе царедворцы. Далѣе ѣхалъ верхомъ юный Ѳеодоръ; коня его вели знатные чиновники. Позади Бояре и Придворные. Многіе люди бѣжали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ красный ящикъ, чтобы представить Государю. Чрезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла Царевна: первую везли десять бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40 заводныхъ лошадей и дружина всадниковъ, мужей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми бородами; сзади 24 Боярыни, на бѣлыхъ коняхъ. Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами.» — Тамъ, въ Обители тишины и святости, Борисъ съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ.

Между тѣмъ жениха ежедневно честили Царскими обѣдами въ его домѣ; присылали ему бархаты, объяри, кружева *для Русской одежды;* прислали и богатую постелю, бѣлье шитое серебромъ и золотомъ [65]. Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить Вѣру, какъ пишутъ [66], чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане — о чемъ молились родители и невѣста — то не было угодно Провидѣнію... На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Братовщинѣ [67] Государь узналъ о незапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но Медики, Датскіе и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября посѣтилъ Іоанна юный Ѳеодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти: плакалъ, крушился; говорилъ: «Юноша несчастный! ты оставилъ мать, родныхъ, отечество, и пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы умереть безвременно» [68]! Еще желая надѣяться, Государь далъ клятву освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова выздоровленія, и просилъ Датчанъ молиться Богу съ усердіемъ. Но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 Октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы, на двадцатомъ году жизни.... Не только семейство Царское, Датчане, Нѣмцы, но и весь Дворъ, всѣ жители столицы были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: «любезная дочь! твое счастіе и мое утѣшеніе погибло!» Она упала безъ чувства къ ногамъ его...... Велѣли оказать всю должную честь умершему. Отворили казну Царскую для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; питали нищихъ въ домѣ, гдѣ скончался Іоаннъ; къ тѣлу приставили знатныхъ чиновниковъ; запретили его анатомить и вложили въ деревянную гробницу, наполненную ароматами, а послѣ въ мѣдную, и еще въ дубовую, обитую чернымъ бархатомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста въ срединѣ и съ Латинскою надписью о достоинствахъ умершаго, о благоволеніи къ нему Царя и народа Россійскаго, объ ихъ печали неутѣшной. Въ день погребенія, 25 Ноября, Борисъ простился съ тѣломъ, обливаясь слезами, и ѣхалъ за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣлаго. Гробъ везли на колесницѣ, подъ тремя черными знаменами, съ гербомъ Даніи, Мекленбургскимъ и Голштейнскимъ; на обѣихъ сторонахъ шли воины Царской дружины, опустивъ внизъ остріе своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане — до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой церкви Аугсбургскаго Испо-

г. 1598 — 1604.

вѣданія, схоронили тѣло Іоанново въ присутствіи Московскихъ Вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не разумѣли умилительной надгробной рѣчи, въ коей Герцоговъ Пасторъ благодарилъ ихъ за сію чувствительность (69)....

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянъ, и страшася оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Θеодора; что Медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излечить больнаго (70)? Но Царь хотѣлъ, чтобы Россіяне любили его нареченнаго зятя: для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ (71); хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастія Ксеніи; давалъ симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему Дому, и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: устрашиться, чего желалъ; видѣть, чего не предвидѣлъ, и ввѣрить столь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза, и которые лечили Герцога вмѣстѣ съ его собственными, Датскими врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чиновники Христіанова Двора, издали въ свѣтъ ея вѣрное описаніе (72), доказывая, что всѣ способы искусства, хотя и безъ успѣха, были употреблены для спасенія Іоаннова. Нѣтъ, Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія, и чувствовалъ, можетъ быть, казнь Небесную въ совѣсти, готовивъ счастіе для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ; отвергнулъ украшенія Царскія, надѣлъ ризу печали и долго изъявлялъ глубокое уныніе (73)... Все, чѣмъ дарили Герцога, было послано въ Копенгагенъ; всѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили туда съ новыми, щедрыми дарами; не забыли и послѣдняго изъ служителей (74). Борисъ писалъ къ Христіану, что Россія остается въ неразрывномъ дружествѣ съ Даніею: оно дѣйствительно не разорвалося, какъ бы утверждаемое для обоихъ Государствъ печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ юнаго Герцога, коего тѣло было перевезено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ сводомъ Московской Лютеранской церкви. Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ колокола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ по днямъ Воскреснымъ(75).

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься дѣлами государственными съ обыкновенною ревностію(76), ни думать о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года Послы наши снова были въ Даніи, и содѣйствіемъ Христіановымъ условились съ Герцогомъ Шлезвигскимъ, Іоанномъ, чтобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву жениться на Царевнѣ и быть тамъ Удѣльнымъ Княземъ (77). Сіе условіе не исполнилось единственно отъ тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества.

Переговоры съ Австріею.

Сношенія Россіи съ Австріею были, какъ и въ Θеодорово время, весьма дружелюбны и не безплодны. Думный Дьякъ Власьевъ, (въ Іюнѣ 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи: тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатнѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ Нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи (78). Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власьевъ имѣлъ переговоры съ Австрійскими Министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ Литовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣчный недругъ Оттомановъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ *Князей Азійскихъ* дѣйствовать усильно противъ Султана и готовъ *самолично* итти на Крымцевъ, если они будутъ помогать Туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ Литовскимъ Панамъ утвердить союзъ съ Императоромъ и съ нами возведеніемъ Максиміліана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія сей цѣли, если Императоръ когда нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата (79). Рудольфъ изъявилъ благодарность, но требовалъ отъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чтобы мы смирили Хана. «Императоръ» — говорили его Министры — «любя Царя, не хочетъ, чтобы онъ подвергалъ себя опасности *личной* въ битвахъ съ варварами (80): у васъ много Воеводъ мужественныхъ, которые легко могутъ и безъ Царя унять

г. 1598 — 1604. Крымцевъ: вотъ главное дѣло! Если угодно Небу, то корона Польская, при добромъ содѣйствіи великодушнаго Царя, не уйдетъ отъ Максимиліана; но теперь не время умножать число враговъ.» И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимиліана на тронъ Польскій: ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, ратоборствовать и съ Султаномъ безъ необходимости: но предвидя оную — зная, что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ Хану опустошать ея владѣнія ([81]) — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знатный Посолъ Баронъ Логау; а Думный Дьякъ Власьевъ вторично ѣздилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что Царь вспомогалъ казною Рудольфу ([82]), удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дружество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ коему ѣздили Австрійскіе Посланники чрезъ Москву ([83]), и который славно мужествовалъ тогда противъ Оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а *для него* и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеналея чрезъ Колмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому ([84]) — и въ знакъ особенной любви приславъ

Посольство Персидское. къ своему *брату Московскому* съ Вельможею Лачинъ-Бекомъ (въ Августѣ 1603 года) *златый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ* ([85]), вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Ѳеодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, и стиснулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Происшествія въ Грузіи. Царь Александръ не преставалъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю Иверіи. Послы его такъ говорили Боярамъ ([86]): «Мы плакали отъ невѣрныхъ, и для того отдалися головами Царю православному, да защититъ насъ; но плачемъ и нынѣ. Наши домы, церкви и монастыри въ развалинахъ, семейства въ плѣну, рамена подъ игомъ. То ли вы намъ обѣщали? И невѣрные смѣются надъ Христіанами, спрашивая: гдѣ же щитъ Царя Бѣлаго? гдѣ вашъ заступникъ?» Борисъ велѣлъ напомнить имъ о походѣ Князя Хворостинина, съ коимъ должно было соединиться ихъ войско, и не соединилось ([87]); однакожь послалъ въ Иверію двухъ сановниковъ, Нащокина и Леонтьева, узнать всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ Терскими Воеводами условиться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна. Во время тяжкой болѣзни Александровой сынъ его, Давидъ, объявилъ себя Властителемъ: отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хотѣлъ возвратить ему знаковъ Державства: *Царской хоругви, шапки и сабли съ поясомъ* ([88]). Сего мало: онъ злодѣйски умертвилъ всѣхъ ближнихъ людей Александровыхъ. Тогда несчастный отецъ, прибѣжавъ раздѣтый и босой въ церковь, рыдая, захлипаясь отъ слезъ, всенародно предалъ сына анаѳемѣ и гнѣву Божію, который дѣйствительно постигъ изверга: Давидъ въ незапной, мучительной болѣзни испустилъ духъ, и Посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но не достоинъ милости Государевой, будучи усерднымъ рабомъ Султана, и дерзая укорять Бориса алчностію къ дарамъ. «Мнѣ ли» — сказалъ Царь съ негодованіемъ — «мнѣ ли прельщаться дарами нищихъ, когда могу всю Иверію *наполнить серебромъ* и *засыпать золотомъ?*» Онъ не хотѣлъ-было видѣть новаго Посла Иверскаго, Архимандрита Кирилла; но сей умный старецъ ясно доказалъ, что Нащокинъ и Леонтьевъ оклеветали Александра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ Государя не казнить ихъ ([89]), и далъ ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россіею, построить каменную крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступномъ, изобильномъ и красивомъ — другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селитры — а третью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ нѣкогда существовалъ городъ, будто бы Александромъ Македонскимъ основанный, и гдѣ еще стояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ ([90]).

Для сего предпріятія немаловажнаго Государь избралъ двухъ знатныхъ Воеводъ, Окольничихъ Бутурлина и Плещеева, которые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Астрахани, дѣй-

г. 1598 —1604. ствовать вмѣстѣ съ Терскими Воеводами и ждать къ себѣ вспомогательной рати Иверской, клятвенно обѣщанной Посломъ отъ имени Александра. Не теряли времени и не жалѣли денегъ, выдавъ изъ казны не менѣе трехъ сотъ тысячь рублей на издержки похода столь отдаленнаго и труднаго (91). Войско, довольно многочисленное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тылъ непріятеля. Шавкалъ, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Нельзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ били ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все, для того нужное: лѣсъ, камень, известь; назвали Тарки *Новымъ городомъ;* заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андріи или Эндрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ съѣстныхъ припасахъ: для того, въ глубокую осень, Бутурлинъ послалъ тысячь пять воиновъ зимовать въ Астрахань; къ счастію, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыхъ. О семъ кровопролитномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ!

Государь, отпустивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Дворянина *Ближней Думы,* Михайла Татищева, во-первыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ и для семейственнаго дѣла, еще тайнаго. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашелъ Царя въ Загемѣ: Александръ былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидскій, не взирая на имя Россійскаго данника, и не страшася оскорбить тѣмъ друга своего, Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Татищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. «Никогда (говорилъ онъ) Иверія не бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго: стоимъ подъ ножами Султана и Шаха; оба хотятъ нашей крови и всего, что имѣемъ. Мы отдали себя Россіи: пусть же Россія возметъ насъ, не словомъ, а дѣломъ! Нѣтъ времени медлить: скоро не кому будетъ здѣсь цѣловать креста въ безполезной вѣрности къ ея Самодержцу. Онъ могъ бы спасти насъ. Турки, Персіяне, Кумыки силою къ намъ врываются; а васъ зовемъ добровольно: придите и спасите! Ты видишь Иверію, ея скалы, ущелья, дебри: если поставите здѣсь твердыни и введете въ нихъ войско Русское, то будемъ истинно ваши, и цѣлы, и не убоимся ни Шаха, ни Султана»(92). Свѣдавъ, что Турки идутъ къ Загему, Юрій убѣждалъ Татищева дать ему своихъ Стрѣльцевъ для битвы съ ними: умный Посолъ долго колебался, опасаясь безъ указа Царскаго какъ бы объявить войну Султану; наконецъ рѣшился удостовѣрить тѣмъ Иверію въ дѣйствительномъ правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ Государемъ и далъ Юрію сорокъ Московскихъ воиновъ, которые присоединились къ пяти или шести тысячамъ Грузинскихъ, съ доблимъ Сотникомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли впереди (7 Октября) и встрѣтили Турковъ сильнымъ залпомъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ пустыняхъ Иверскихъ изумилъ непріятеля: густая передовая толпа его вдругъ стала рѣже; онъ увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ; узналъ Россіянъ, и дрогнулъ, не зная ихъ малаго числа. Юрій съ своими ударилъ мужественно, и болѣе гналъ, нежели сражался: ибо Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ сей день воскресла древняя слава Иверіи: ея воины взяли четыре хоругви Султанскія и множество плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками, явилъ народу трофеи, г. 1598 —1604.

г. 1598 — 1604. уже давно ему неизвѣстные, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти Россіянъ, славя ихъ какъ Героевъ.

Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ Магометанскую Вѣру (93), какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверіею, велѣлъ Константину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно итти къ Шамахѣ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ ратниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей; далъ и тайное повелѣніе, отгаданное умнымъ Татищевымъ, который безполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; что Константинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру (12 Марта), Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ битвы; посылаетъ своего толмача узнать, что дѣлается — и толмачь, входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы, лежащія предъ Константиномъ: головы отца его и брата! Константинъ-Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи Христіанской, приказалъ къ Татищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій достойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турковъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Татищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Политики Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра (94), который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ утѣснителей. Будучи только орудіемъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ гнуснаго отцеубійства, Константинъ увѣрялъ Борисова Посла, что Шахъ не имѣлъ въ томъ участія. «Родитель мой» (говорилъ онъ)» сдѣлался жертвою междоусобія сыновей: несчастіе весьма обыкновенное въ нашей землѣ! Самъ Александръ извелъ отца своего, убилъ и брата: я тоже сдѣлалъ, *не зная, къ добру ли, къ худу ли* для свѣта. По крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и заслужу милость Государя Россійскаго лучше Александра и Юрія; благодаренъ ему за крѣпости, основанныя имъ въ землѣ Шавкаловой, и скоро пришлю въ Москву богатые дары.» Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей, а подданства; требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи, и доказывалъ, что Царемъ Иверіи можетъ быть единственно Христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени останется Мусульманиномъ и подданнымъ Шаховымъ, но будетъ защитникомъ Христіанства и другомъ Россіи — прибавивъ: «гдѣ твердый вашъ *хребетъ*, на которой мы въ случаѣ нужды могли бы опереться?» Съ симъ Татищевъ долженъ былъ выѣхать изъ Загема, торжественно объявивъ, что Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею. — Однимъ словомъ, мы лишились Царства: то есть, права называть его своимъ; но Татищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи, нашелъ другое Царство для титула Борисова!

Видя юнаго Ѳеодора уже близкаго къ совершенному возрасту и снова предложивъ руку дочери Датскому Принцу (95), но желая на всякій случай имѣть для нее и другаго мужа въ готовности, Борисъ искалъ вдругъ и невѣсты и жениха въ отечествѣ славной Тамари, знаменитой супруги Георгія Андреевича Боголюбскаго. Посолъ Александровъ, Кириллъ, хвалилъ нашимъ Боярамъ красоту Иверскаго Царевича, Давидова сына, Теймураса, и Княжны или Царевны Карталинской, Елены, внуки Симеоновой: Татищеву велѣно было видѣть ихъ;

г. 1598 — 1604. онъ не нашелъ Теймураса, отданнаго Шаху въ аманаты, и поѣхалъ въ Карталинію, видѣть семейство ея Владѣтеля. Сія область древней Иверіи, менѣе подверженная набѣгамъ Дагестанскихъ Кумыковъ, представляла и менѣе развалинъ, нежели Восточная Грузія или Кахетія. Тамъ господствовалъ отецъ Еленинъ, Князь Юрій, послѣ Симеона, взятаго въ плѣнъ Турками: онъ имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сонскаго и другихъ), многочисленныхъ *царедворцевъ*, Бояръ и *Святителей;* угостилъ Татищева въ шатрахъ, и съ изъявленіемъ благодарности выслушалъ его предложенія: первое, чтобы Юрій поддался Россіи; второе, чтобы отпустилъ съ нимъ въ Москву Елену и ближняго родственника своего, юнаго Князя Хоздроя, *если* они имѣютъ всѣ достоинства, нужныя для чести вступить въ семейство Борисово. «Сія честь велика,» сказалъ усердный Посолъ: «Императоръ и Короли Шведскій, Датскій, Французскій искали ее ревностно.» Судьба Александрова ужасала Юрія; но Татищевъ возражалъ, что сей несчастный погубилъ себя криводушіемъ, хотѣвъ служить вмѣстѣ Царямъ вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ. «Желая угодить Аббасу (говорилъ онъ), Александръ не далъ намъ войска, чтобы истребить Шавкала; оставилъ сына въ Персіи и дозволилъ ему быть Магометаниномъ, то есть, острить ножъ на отца и Христіанство; сослалъ туда и внука, узнавъ о намѣреніи Государя выдать за него Царевну Ксенію: ибо страшился, чтобы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ приданое за Царевною; но могъ ли Великій Царь нашъ разлучиться съ нею для бѣднаго престола Загемскаго, имѣя у себя многія знаменитѣйшія Княжества въ Удѣлъ милому зятю? Александръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи, и не стоилъ ея сильнаго вспоможенія.» Сорокъ Московскихъ Стрѣльцевъ спасли Загемъ: Татищевъ обязался немедленно прислать въ Карталинію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ воиновъ, какъ передовую дружину, для безопасности будущаго свата Борисова — и Юрій съ обрядами священными назвалъ себя Россійскимъ данникомъ. Тѣмъ болѣе желая родственнаго союза съ Царемъ, онъ представилъ на судъ Татищеву жениха и невѣсту, сказавъ: «Отдаюсь Россіи и съ Царствомъ и съ душею. Князь Хоздрой воспитанъ моею матерью вмѣстѣ со мною и служитъ мнѣ правою рукою въ дѣлахъ ратныхъ; когда онъ въ полѣ, тогда могу быть спокоенъ дома. Дѣтей у меня двое: сынъ мое око, а дочь сердце: веселюсь ими и въ бѣдствіяхъ нашего отечества; но не стою за Елену, когда такъ угодно Богу и Государю Россійскому.» Въ донесеніи Царю, о женихѣ и невѣстѣ, Татищевъ пишетъ: «Хоздрою 23 года отъ рожденія; онъ высокъ и строенъ; лице у него красиво и чисто, но смугло; глаза свѣтлые каріе, носъ съ горбиною, волосы темнорусые, усъ тонкій; бороду уже брѣетъ; въ разговорахъ уменъ и рѣчистъ; знаетъ языкъ Турецкій и грамоту Иверскую; однимъ словомъ, хорошъ, но не отличенъ; вѣроятно, что полюбится, но не вѣрно... Елену видѣлъ я въ шатрѣ у Царицы: она сидѣла между матерью и бабкою на золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ, въ бархатной одеждѣ съ кружевами, въ шапкѣ украшенной каменьями драгоцѣнными. Отецъ велѣлъ ей встать, снять съ себя верхнюю одежду и шапку; вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ и подалъ мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ данною отъ Государя. Елена прелестна, но не чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько бѣлится; глаза у нее черные, носъ не большой, волосы *крашеные*; станомъ пряма, но слишкомъ тонка отъ молодости: ибо ей только 10 лѣтъ; и въ лицѣ не довольно полна. Старшій братъ Еленинъ гораздо благовиднѣе.» Татищевъ хотѣлъ везти въ Москву невѣсту и жениха, говоря, что первая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у Царицы Маріи, учиться языку и навыкать обычаямъ Русскимъ. Отпустивъ съ нимъ Хоздроя, Юрій удержалъ Елену до новаго Посольства Царскаго, и тѣмъ избавилъ себя отъ слезъ разлуки безполезной: ибо Елена уже не нашла бы въ Москвѣ своего жениха злосчастнаго! Татищевъ долженъ былъ оставить и Хоздроя, для его безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ, что случилось въ Дагестанѣ, гдѣ Турки отмстили намъ съ лихвою за геройство Московскихъ Стрѣльцевъ въ Иверіи, и гдѣ въ нѣсколько дней мы лишились всего, кромѣ добраго имени воинскаго! Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ.

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны: Турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ Астрахани, а въ Ѳеодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма; а Цари еще увѣряли Султановъ въ дру-

г. 1598 — 1604. желюбіи (96), удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ какъ ошибкѣ или недоразумѣнію. Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, который велѣлъ Дербентскому и другимъ Пашамъ своимъ въ областяхъ Каспійскихъ изгнать Россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ Кумыками, Лезгинцами, Аварами, и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ Князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ: ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій (97); а Паши осадили Бутурлина въ Таркахъ. Сей Воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію: худо ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею дружиною Московскихъ Стрѣльцевъ (98). Бутурлинъ еще мужествовалъ, однакожь видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія Султанскихъ чиновниковъ, колебался, и наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный Паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить Россіянъ съ честію, съ доспѣхами, и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные Кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ что добрые Россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ рукопашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плѣна. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника, Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его старецъ-родитель; также и Воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ, кромѣ тяжело уязвленнаго Князя Владиміра Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ за-мертво непріятелемъ, но послѣ освобожденныхъ Султаномъ. — Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стоила намъ отъ шести до семи тысячь воиновъ, и на 118 лѣтъ изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Татищевъ возвратился уже въ новое царствованіе (99) и Борисъ, не имѣвъ времени узнать о возведеніи отцеубійцы-Мусульманина на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего, Султана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу. г. 1598 — 1604.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею Борисъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ Христіанскія Державы единодушно возстали на Оттоманскую. Дружество съ Англіею. «Не только Послы Императора и Римскіе» (100) — писалъ онъ къ Елисаветѣ — «но и другіе иноземные путешественники увѣряли насъ, что ты будто бы въ тѣсной связи съ Султаномъ: мы дивились и не вѣрили. Нѣтъ, ты не будешь никогда дружить злодѣямъ Христіанства, и конечно пристанешь къ общему союзу Государей Европейскихъ, чтобы унизить высокую руку невѣрныхъ: цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!» Но Елисавета имѣла въ виду только выгоды своего купечества, и для того ласкала самолюбію Царя знаками чрезвычайнаго къ нему уваженія. Посланника нашего, Дворянина Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ необыкновенною честію: въ гавани и въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, когда онъ (18 Сент. 1600) плылъ Темзою и ѣхалъ городомъ въ Елисаветиной каретѣ, провождаемой тремя стами чиновныхъ всадниковъ, Алдерманами, купцами въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ цѣпяхъ (101). Улицы были тѣсны для множества зрителей. Знаменитому гостю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили Королевины люди: Елисавета прислала ему изъ своей казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угадывали и спѣшили исполнять его желанія; но онъ велъ себя умно и скромно: за все благодарилъ и ничего не требовалъ. Представленіе было въ Ричмондѣ (14 Октября): Елисавета встала съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила на встрѣчу Посланнику; славила воцареніе Бориса, своего *брата сердечнаго, издавна милостиваго къ Англичанамъ*; говорила что *ежедневно молится о немъ Богу*; что имѣетъ друзей между Государями Европейскими, но никого изъ нихъ не любитъ столь всёдушно, какъ Самодержца Россійскаго (102); что одно изъ ея главныхъ удовольствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ нею: Лорды и знатные чинов-

г. 1598 —1604. ники не садились; она стоя пила *чашу Борисову*. Приглашаемый быть зрителемъ всего любопытнаго, Посланникъ нашъ видѣлъ Рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ Орденскій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви Св. Павла и торжественный въѣздъ Королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ трубъ, со всѣми Перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей Монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе, и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и Россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей Посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день ужасный для Лондона (18 Февраля 1601), когда несчастный Эсексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятью стами преданныхъ ему людей шелъ овладѣть крѣпостію — когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ — Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, утишивъ бунтъ, писала къ Царю, славя доблесть его сановника ([103]). — Однимъ словомъ, сіе Посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и Королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ Крестовомъ Походѣ или союзѣ всѣхъ Державъ Христіанскихъ для изгнанія Турковъ изъ Европы, но удостовѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи Султану, и что ревностно желаетъ успѣха Христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и Вѣра и Политика предписываютъ ей усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту Англичанамъ для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ принявъ Посланника Елисаветина, Ричарда Ли ([104]), коего главнымъ дѣломъ было увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. «Вселенная полна славы твоей,» писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи: «ибо ты, сильнѣйшій изъ Монарховъ, доволенъ своимъ, не желая чужаго. Враги хотятъ быть съ тобою въ миръ отъ страха, а друзья въ союзѣ отъ любви и довѣренности. Когда бы всѣ Христіанскіе Вѣнценосцы мыслили подобно тебѣ, тогда бы царствовала тишина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни Папа не могли бы возмутить ея спокойствія.» Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Ѳеодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣряя, что многіе великіе Государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, столь знаменитой въ лѣтописяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнію къ Россіи, устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англіею и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I ([105]), не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англіею, и писалъ: «наслѣдовавъ престолъ моей тетки, желаю наслѣдовать и твою къ ней любовь.» Посолъ Іакова, Ѳома Смитъ, (въ Октябрѣ 1604) представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ ([106]), сказалъ ему, что «Король, Англійскій и Шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухопутнымъ, еще сильнѣйшій любовію народною, только одного Московскаго Вѣнценосца проситъ о дружбѣ: ибо всѣ иные Государи Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сію дружбу, требуя оной въ память великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, Датскаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ столь нѣжно и столь горестно оплакалъ.» Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда остаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпошлинно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Восточныя земли для отысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Рос-

г. 1598—1604. сіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили Посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхъ Царемъ гостямъ Лондонскимъ, но объявили, что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Бакѣ и Шамахѣ; что Царь до времени не можетъ пустить туда Англичанъ, для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 Марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею; одна торговля служила твердою связію между ими, будучи равно выгодною для обѣихъ.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился однакожь дать и Нѣмецкимъ гостямъ права новыя. Еще не довольная Ѳеодоровою жалованною грамотою, Ганза прислала въ Москву Любскаго Бургомистра Гермерса, трехъ Ратсгеровъ и Секретаря своего, которые (3 Апрѣля 1603) поднесли въ даръ Государю и сыну его литыя серебряныя, вызолоченныя изображенія Фортуны, Венеры, двухъ большихъ орловъ, двухъ коней, льва, единорога, носорога, оленя, струса, пеликана, грифа и павлина (107). Купцевъ приняли какъ знатнѣйшихъ Вельможъ; угостили обѣдомъ на золотѣ. Отъ имени *пятидесятидевяти* Нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили Боярамъ *челобитную*, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленныя времена, когда Англичане, Голландцы, Французы едва знали имя Россіи, Ганза доставляла ей все нужное и пріятное для жизни гражданской, и за то искони пользовалась благоволеніемъ *Державныхъ предковъ Царя*, правами и выгодами исключительными: о возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торговли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечествовать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Колмогорахъ, въ Архангельскѣ, и далъ гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ правомъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бывало; требовала ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и проч. Царь сказалъ, что въ Россіи берутъ таможенную пошлину съ купцевъ Императора, Королей Испанскаго, Французскаго, Литовскаго, Датскаго; что жители вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ея, въ знакъ милости, уступается Любчанамъ (108): ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, для коихъ ничто не обязываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же Любчане избавляются отъ всякаго таможеннаго осмотра, сами заявляя и цѣня свои товары по совѣсти; что Ганзѣ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купить или завести гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государевымъ; что всякая Вѣра терпима въ Россіи, но строить церквей не дозволяется ни Католикамъ, ни Лютеранамъ, и что въ семъ отказано знатнѣйшимъ Вѣнценосцамъ Европы, Императору, Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцевъ Правительства и для Пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 Іюня), съ прибавленіемъ, что имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для Казны и въ цѣлости отдается ихъ наслѣдникамъ; что Нѣмцы въ домахъ своихъ могутъ держать вино Русское, пиво и медъ для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ куфахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ стопы. — Съ сею жалованною грамотою Послы выѣхали въ Новгородъ, представили ее тамъ Воеводѣ, Князю Буйносову-Ростовскому, и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ еще особеннаго указа, и долго, такъ, что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливѣе: градоначальникъ немедленно отвелъ имъ, на берегу рѣки Великой, внѣ города, мѣсто стараго гостинаго двора Нѣмецкаго, то есть, его развалины, памятникъ древней цвѣтущей торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жители радовались не менѣе Любчанъ, воспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, отъ перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи. Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія Конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и товарищи его спѣшили обрадо-

Ганза.

г. 1598 — 1604. вать Любекъ успѣхомъ своего дѣла — и въ 1604 году корабли Гамбургскіе уже начали приходить въ Архангельскъ (109).

Посольства Римскія и Флорентійское. Между Европейскими Посольствами замѣтимъ еще Римскія и Флорентійское. Въ 1601 году были въ Москвѣ Нунціи Климента VIII, Францискъ Коста и Дидакъ Миранда, а другіе въ 1603 году, требуя дозволенія ѣхать въ Персію (110): Царь велѣлъ имъ дать суда, чтобы плыть Волгою въ Астрахань. — Фердинандъ, Великій Герцогъ Тосканскій и Флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ Властителей славнаго рода Медицисовъ, великодушный другъ Генрика IV, присылалъ къ Борису (въ Мартѣ 1602) чиновника Авраама Люса, съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, и для доставленія ей богатыхъ естественныхъ произведеній Италіи, особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго, моремъ чрезъ наши Двинскія гавани (111).

Греки въ Москвѣ. Не имѣя никакого сношенія съ Магометомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ахметомъ I (112), мы узнавали всѣ происшествія Константинопольскія отъ Греческихъ Святителей, которые непрестанно являлись въ Москвѣ за милостынею, съ иконами и съ благословеніемъ Патріарховъ. Еще Іоаннъ далъ Аѳонской Введенской Обители дворъ въ Китаѣ-городѣ у монастыря Богоявленскаго, гдѣ приставали ея странники-Иноки и другіе Греки, искавшіе службы въ Россіи (113). Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ единовѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ состояніи Оттоманской Имперіи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени.

Государственная хитрость Борисова, по словамъ Лѣтописца, всего успѣшнѣе дѣйствовала въ Ногайскихъ Улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междоусо-

Дѣла Ногайскія. біемъ ихъ Властителей, коихъ будто бы ссорили Намѣстники Астраханскіе (114). Вопреки Лѣтописцу, бумаги государственныя представляютъ Бориса миротворцемъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного Князя и трехъ чиновниковъ-Властителей: Нурадына, Тайбугу и Кокувата (115), но тогда повиновался двумъ Князьямъ, Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ ко другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янарасланъ отвѣчалъ: «Царь Московскій желаетъ чуда: велитъ овцамъ дружиться съ волками и пить воду изъ одной проруби!» Бояринъ Семенъ Годуновъ, уполномоченный Царемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ Ноябрѣ 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или старѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него клятвенную грамоту въ томъ, чтобы ему и всему Исмаилову племени служить Россіи и биться съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давать никому Княжескаго и Нурадынскаго достоинства безъ утвержденія Государева, не имѣть войны междоусобной, не сноситься съ Шахомъ, Султаномъ, Ханомъ Крымскимъ, Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ, *Ташкенцами*, Ордою Киргизскою, Шавкаломъ и Черкесами — кочевать въ степяхъ Астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына — перезвать къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣть имъ, чтобы отъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе, на Востокъ и Сѣверъ, не было въ степяхъ иной Орды Ногайской, кромѣ Иштерековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ Казыевъ, отдѣлясь отъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ, зависѣлъ отъ Турковъ и Крымцевъ, часто искалъ милости въ Царѣ, обѣщалъ служить Россіи, вѣроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ: чтобы унять или совершенно истребить его, Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помогать Иштереку, и приславъ ему въ даръ богатую саблю, писалъ: «она будетъ или на шеѣ злодѣевъ Россіи или на твоей собственной.» Сей Князь исполнилъ условіе и непрестанно тѣснилъ Ногаевъ Азовскихъ, такъ, что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани. — Третій Ногайскій Улусъ (116), именуясь *Альтаульскимъ*, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою: Иштерекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому, соединенному съ важною выгодою въ торговлѣ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ Ногаямъ мирно купечествовать въ Астрахани, освобождалъ ихъ отъ всякой пошлины.

Представивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой Политики, Европейской и Азіятской — Политики

г. 1598—1604. Дѣла внутренія. вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго : болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной* — представимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи.

Жалованная грамота Патріарху. Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, такого содержанія, что всѣ люди Первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства Царскихъ Бояръ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тіуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патріаршаго; увольняются также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его (117).

Законъ о крестьянахъ. Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбыточныхъ, какъ мы сказали (118), имѣлъ однакожь и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянства : владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись (119). Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отмѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочиновныхъ, Дѣтей Боярскихъ и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго Уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ; а крестьянамъ Бояръ, Дворянъ, знатныхъ Дьяковъ, и казеннымъ, Святительскимъ, монастырскимъ велѣлъ остаться безъ перехода на означенный 1601 годъ (120). Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе Историковъ XVIII вѣка (121) не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями Христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ея неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское преступленіе (122). Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Ѳеодорово время существовали въ большихъ городахъ казенные питейные домы, гдѣ продавалось и вино хлѣбное (123), неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками, къ распространенію пьянства : Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщалъ дать имъ земли, если они желаютъ заняться хлѣбопашествомъ (124) : но хотѣвъ тѣмъ, какъ пишутъ, воздержать народъ отъ страсти равно вредной и гнусной, Царь не могъ истребить корчемства, и самые казенные питейные домы, наперерывъ откупаемые за высокую цѣну, служили мѣстомъ разврата для людей слабыхъ. Питейные домы.

Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже *Университеты* (125), чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и *Наукамъ* : въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца, Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву Профессоровъ и Докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія : одинъ изъ нихъ, учитель Правъ, именемъ Товія Лонціусъ, писалъ къ Борису (въ Генварѣ 1601) : «Ваше Царское Величество хотите быть истиннымъ отцемъ отечества и заслужить всемірную, безсмертную славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло великое, новое для Россіи : просвѣтить умъ вашего народа несмѣтнаго, и тѣмъ возвысить его душу вмѣстѣ съ государственнымъ могуществомъ, слѣдуя примѣру Египта, Греціи, Рима и знаменитыхъ Державъ Европейскихъ, цвѣтущихъ Искусствами и Науками благородными.» Сіе важное намѣреніе не исполнилось, какъ пишутъ, отъ сильныхъ возраженій Духовенства, ко-

г. 1598 — 1604. торое представило Царю, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ Закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для Церкви ([126]); что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества Католикамъ и Лютеранамъ. Но оставивъ мысль заводить *Университеты* въ Россіи, Царь послалъ 18 молодыхъ *Боярскихъ людей* въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію, учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же, какъ молодые Англичане и Французы ѣздили тогда въ Москву учиться Русскому. Умомъ естественнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и видя несомнительное въономъ превосходство другихъ Европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, не только лекарей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ Посланникъ нашъ, Микулинъ, сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ, что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то Царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпуститъ; но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ воинскомъ, наравнѣ съ Князьями Владѣтельными, то удивятся его ласкѣ и милости ([127]). Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москвѣ 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества Поляками. Они не смѣли итти во дворецъ, будучи худо одѣты: Царь велѣлъ сказать имъ: «хочу видѣть людей, а не платье»; обѣдалъ съ ними; утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ вмѣсто отца: Дворянъ сдѣлаетъ Князьями, мѣщанъ Дворянами; далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и соболей, пристойное жалованье и помѣстье ([128]), не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его Дома. Знатнѣйшій изъ нихъ, Тизенгаузенъ, клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса, и сіи добрые Ливонцы, какъ увидимъ, не обманули Царя, съ ревностію вступивъ въ его Нѣмецкую дружину. Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ Медиковъ ([129]), ежедневно видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ, о Вѣрѣ; часто просилъ ихъ за него молиться, и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Лютеранской церкви въ Слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: «мирно слушая ученіе Христіанское и торжественно славословя Всевышняго по обрядамъ Вѣры своей, Нѣмцы Московскіе плакали отъ радости, что дожили до такого счастія!»

Похвальное слово Годунову. Признательность иноземцевъ къ милостямъ Царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый, Фидлеръ, житель Кенигсбергскій (братъ одного изъ Борисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ похвальное слово ([130]), которое читала Европа, и въ коемъ Ораторъ уподобляетъ своего Героя Нумѣ, превознося въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и *чистоту нравовъ*. Сію послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости ([131]), ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ велителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ: любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ ([132]). Готовя въ сынѣ достойнаго Монарха для великой Державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Ѳеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя ([133]); ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ! (Горячность Борисова къ сыну.)

Начало бѣдствій. Но время приближалось, когда сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивитель-

ныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

---

# ГЛАВА II.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСОВА.

### Г. 1600 — 1605.

---

**Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова.**

Г. 1600 — 1605. Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія (134): она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. (Блестящее властвованіе Бориса.) Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, и касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою (135). Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, честимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ (136), *любила* своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въономъ! Г. 1600 — 1605.

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя (137); являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и не довольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ* и *вечеряхъ, за чашами,* о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «Слуги Божія, Царя Все-

г. 1600 — 1605. Молитва о Царѣ. вышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ скиптромъ единаго Христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные Властители предъ нимъ уклонялись и *рабски служили* ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого Монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова Дому возрасли благословеніемъ Небеснымъ и непрерывно осѣнили оную до скончанія вѣковъ» (138)! То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника!.... Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Подозрѣнія Борисовы.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ (139): ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Θеодорѣ (140) — свойственникъ Царицы Маріи, Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго Думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго (141), безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее Воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Стрѣльцевъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: «Борисъ Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ» (142)! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпокойнаго друга) — и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею же-

Гоненія.

г. 1600 — 1605. стокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичь, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Ѳеодора, Александра, Михайла, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца ([143]). Честя ихъ наружно — давъ старшимъ, Ѳеодору и Александру, Боярство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ ([144]) — Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Ѳеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ Государства ([145]): молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Ѳеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ Царскихъ ([146]); но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Ѳеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Ѳеодора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу ([147]): Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово Государево,* дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клевретъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ ([148]), далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. г. 1600 — 1605. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ — и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ, — грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовыхъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ([149]); мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и безполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умирали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ передъ Царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе Царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣнѣ* и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести Государя средствами волшебства. Въ Іюнѣ 1601 года исполнился *приговоръ Боярскій* ([150]): Ѳеодора Никитича Романова, (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослала въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, также по-

г. 1600 — 1605. стриженную и названную Мареою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Өедорову, Дворянку *Шестову*, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Өедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро (151); сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Өедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и Князей Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ: одного же изъ послѣднихъ, Воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія, въ Уфу (152). Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными Московскихъ Приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить Царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ. Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ *измѣнниковъ*, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ; нѣкоторые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Өедору Никитичу, Иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный Приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ Царю, что Филаретъ не находитъ между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ (153); что хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастію Россіи!). Донесли также Царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями, не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ Приставу: «истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія.» Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій гнѣвъ Приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ, — перевезти недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ (154): перваго схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія землянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою (155). — Если вѣрить Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь *милостиво указалъ* Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*)

г. 1600 — 1605. ѣхать въ Уфу *на службу*, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Репниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Марѳѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ ([156]), велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳеодора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету ([157]): позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ Чернца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Іеромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ ([158]). Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Ѳеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его ([159]); удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ тоже время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними ([160]). Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ Царскимъ палатамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирницы ([161]) на людей всякаго званія — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ, къ ужасу человѣчества! «И въ дикихъ Ордахъ» (прибавляетъ Лѣтописецъ) «не бываетъ столь великаго зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности.» Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями Вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное Духовенство, какъ увѣряютъ ([162]), хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей знаками благословенія: но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: *они уже не любили Бориса* ([163])!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію: Келаръ Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ — и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности: тамъ, въ ти-

г. 1600 — 1605. хихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчностію къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ Арменской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ. — Голодъ. Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно (164), такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей (165). Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку (166) — но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святительскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячь рублей (167), и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что не льзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствую истиною и Богомъ» — пишетъ одинъ изъ нихъ (168) — «что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно.» Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались... И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!.... Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ,

г. 1600 — 1605.

кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ (169). Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и въ другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія (170), и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ, что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Ѳеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ (171); но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенные и поростшіе деревьями (172): велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ (173), ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное (174). — Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая *мѣра четверика*: ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами, бочками* или *кадями*, четвертями и осьминами (175).

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши (176): вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки полные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единаго нищаго, тамъ, гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, Герцога Датскаго — и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго (177), пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную (178), чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о велелѣпіи! Однакожь не Московскіе Лѣтописцы, а только чужеземные Историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ (179). Извѣстіе конечно несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Новыя зданія въ Кремлѣ.

Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство (180). «Изливая на бѣдныхъ щедроты» — говорятъ Лѣтописцы — «онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе Вельможъ

г. 1600 — 1605. честныхъ, и древнія сокровища Царскія оскверни̂въ добычею грабежа.» — Россія не благоденствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украйну, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной (181): ибо незнаемо изготовилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. «Великій разумъ и жестокость Грознаго» — по словамъ Лѣтописца — «не давали двинуться зміямъ; а кроткій, набожный Ѳеодоръ связывалъ ихъ своею молитвою» (182); но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле Бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ (183): законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному Дворянству, объ укрѣпленія всѣхъ людей, служащихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ (184), совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ домы Боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику (185), даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ недостойный сего имени своею явною несправедливостію! Еще мало: къ его дѣйствію присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и неслугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкостію или красотою (186). Но въ дешевое время охотно умноживъ свою челядь, Дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди, еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорять тѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали, вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго) — вмѣстѣ съ Украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь России (187). Явились шайки на дорогахъ; Разбои. завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный Воевода, Окольничій Иванъ Ѳеодоровичь Басмановъ, едва выступивъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злаго, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одолѣли ихъ остервененіе: большую часть истребили и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ (188), но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію (189). — Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему

г. 1600 — 1605.

передовую дружину на пути къ столицѣ!

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествуетъ испроверженію Государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ ([190]); если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими: распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее Дворянство, и самое Духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій Царя, уже вообще ненавистнаго: то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? ибо сіи же Лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія ([191]), разсказываютъ, «что не рѣдко восходили тогда двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы огненные, ночью пылая на тверди, въ своихъ быстрыхъ движеніяхъ представляли битву воинствъ, и краснымъ цвѣтомъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей падали колокольни и башни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и дичь въ лѣсахъ исчезали, или, употребляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, пожирали людей и другъ друга; звѣри и птицы невиданные явились; орлы парили надъ Москвою; въ улицахъ у самаго дворца, ловили руками лисицъ черныхъ; лѣтомъ (въ 1604 году), въ свѣтлый полдень, возсіяла на небѣ Комета, и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ Германіи, объявилъ Дьяку Государственному (Власьеву), что Царству угрожаетъ великая опасность.» Оставимъ суевѣріе предкамъ: его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ Исторіи народовъ.

*Порочные нравы.*

*Мнимыя чудеса.*

*Кончина Ирины.*

Въ сіе время скончалась Ирина, въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходивъ изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ ея смиренному жилищу ([192]). Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ — и добродѣтельная; первая *Державная Царица* Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ Монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ Исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества ([193]) и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, своё великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи — и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову. — Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи, имъ гонимые — не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ.... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестествен-

г. 1600 — 1605. нымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Явленіе Самозванца. Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана-Якова, Стрѣлецкаго Сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ (194), служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ Обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ Обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла :* ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ : видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ (195), однимъ злымъ Инокомъ : мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную : юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи, и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ : «знаете ли, что я буду Царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Патріарху и самому Царю, что «недостойный Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ» : добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе (196). Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими, Священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею : во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ нашелъ въ келліи (197), гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку : «Я Царевичь Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего.» Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю *избранному*, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли : Литву!

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боров-

г. 1600 — 1605. скаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина ([193]): туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ *Днѣпрова* монастыря, Пименъ ([199]), и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами ([200]). Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ ([201]): уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика ([202]), Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли прошлеца на иномъ ѳеатрѣ: въ мирной школѣ городка Волынскаго, Гащи, за Польскою и Латинскою Грамматикою ([203]): ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу къ Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу — и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца ([204]). Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность не красивую — ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой — Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною ([205]). Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: «Умираю. Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ хоронятъ дѣтей Царскихъ. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ злосчастіи ([206]). «Духовникъ былъ Іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный Князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Царевичь Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ ([207]); что злодѣи, присланные въ Угличь, умертвили одного сына Іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай ([208]). Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными каменьями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ ([209]).

Поведеніе и наружность обманщика.

Вельможа Литовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него возможною! бывшаго слугу своего увидѣть на тронѣ Московскомъ! Онъ не

г. 1600 — 1605.

щадилъ ничего, чтобы поднять мнимаго Димитрія съ одра смертнаго, и въ краткое время его притворнаго выздоровленія изготовивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатыя одежды, успѣлъ во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына. Братъ Князя Адама, Константинъ Вишневецкій, и тесть сего послѣдняго, Воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особенное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго, и другаго, Мнишкова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видалъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличѣ: первый увѣрялъ, что Царевичь дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому неизвѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Ѳеодоровъ; а Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе ревностными доброхотами Самозванца: Папскимъ Нунціемъ Рангони и пронырливыми Іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Іезуиты.

Въ самомъ дѣлѣ что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего не льзя было имъ требовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи Царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. — Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Іезуиты служили посредниками между ними; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій писменно обязался за себя и за Россію пристать къ Латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ (210), но и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему спѣшить къ Королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ Воеводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковѣ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. «Я самъ былъ тому свидѣтелемъ», пишетъ Секретарь Королевскій, Чилли (211), *вѣря мнимому Царевичу*: «я видѣлъ, какъ Нунцій обнималъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что ему должно торжественно объявить себя Католикомъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Димитрій съ видомъ сердечнаго умиленія клялся въ непремѣнномъ исполненіи даннаго имъ обѣта, и вторично подтвердилъ сію клятву въ домѣ у Нунція, въ присутствіи многихъ Вельможъ. Угостивъ Царевича пышнымъ обѣдомъ, Рангони повезъ его во дворецъ. Сигизмундъ, обыкновенно важный и величавый, принялъ Димитрія въ кабинетѣ, стоя, и съ ласковою улыбкою. Димитрій поцѣловалъ у него руку, разсказалъ ему всю свою исторію», и заключилъ такъ (212): *Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи.* «Чиновникъ Королевскій далъ знакъ Царевичу, чтобы онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ Воевода Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Король остался наединѣ съ Нунціемъ, и чрезъ нѣсколько минутъ снова призвалъ Димитрія. Положивъ руку на сердце, смиренный Царевичь болѣе вздохами, нежели словами убѣждалъ Сигизмунда быть милостивымъ. Тогда Король съ веселымъ видомъ, приподнявъ свою шляпу, сказалъ: *Да поможетъ вамъ Богъ, Московскій Князь Димитрій! а мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына, и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40,000 злотыхъ,*» (54000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) «*на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ истинный*

Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ.

г. 1600 — 1605. *другъ Республики, вольны сноситься съ нашими Панами, и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ.* Сія рѣчь столь восхитила Димитрія, что онъ не могъ сказать ни единаго слова: Нунцій благодарилъ Короля, привезъ Царевича въ домъ къ Воеводѣ Сендомирскому, и снова обнявъ его, совѣтовалъ ему дѣйствовать немедленно, чтобы скорѣе достигнуть цѣли: отнять Державу у Годунова и навѣки утвердить въ Россіи Вѣру Католическую съ Іезуитами.» Прежде всего надлежало самому Лжедимитрію принять сію Вѣру: чего неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти Россіянъ къ Латинской Церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Разстрига шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лице свое, чтобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, исповѣдался, отрекся отъ нашей Церкви, и какъ новый ревностный сынъ Западной принялъ тѣло Христово съ мѵропомазаніемъ отъ Римскаго Нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества* (213), которое славило *будущія* великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *всѣ неизмѣримыя страны Востока!* — Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Латинское письмо къ Папѣ, чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя — и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Апостольскаго Намѣстника (214). *Письмо къ Папѣ.*

Должно отдать справедливость уму Разстриги: предавъ себя Іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баторіевъ, Гетманъ Замойскій, былъ еще живъ: Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами Московской Державы, легко обуздаетъ Турковъ, Хана и Шведовъ, возметъ Эстонію и всю Ливонію, откроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію; но что сіе великое намѣреніе, требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено Сейму, дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготовиться къ оборонѣ (215). г. 1600 — 1605. Тщетно старецъ Замойскій, Панъ Жолкѣвскій, Князь Острожскій и другіе Вельможи благоразумные удерживали Короля, не совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой войны, особенно безъ вѣдома Чиновъ Государственныхъ, и съ малыми силами; тщетно знаменитый Панъ Збаражскій доказывалъ, что мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія обманщикъ. Убѣжденный Іезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Годунова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго Воеводства; внушалъ Дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Разстригу (216), отпустилъ его съ двумя Іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ маетностяхъ Вельможи Мнишка, подъ распущенными знаменами уже толпилась Шляхта и чернь, чтобы итти на Москву. *Собраніе войска.*

Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, кому старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича; а гордый Воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сію лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Мнишекъ предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія принятыя Разстригою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (писанное 25 Мая 1604, собственною рукою Воеводы Сендомирскаго (217): «Мы, Димитрій *Ивановичъ*, Божіею милостію *Царевичъ* Великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій и проч., Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и наслѣдникъ, по уставу Небесному и при- *Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ.*

г. 1600 — 1605. мѣру Монарховъ Христіанскихъ избрали себѣ достойную супругу, Вельможную Панну Марину, дочь Ясновельможнаго Пана Юрія Мнишка, коего считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ его честность и любовь къ намъ, но отложили бракосочетаніе до нашего воцаренія: тогда — въ чемъ клянемся именемъ Св. Троицы и прямымъ словомъ Царскимъ — женюся на Паннѣ Маринѣ, обязываясь 1) выдать немедленно милліонъ злотыхъ» (1,350,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) «на уплату его долговъ и на ея путешествіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, которыя пришлемъ ей изъ нашей казны Московской; 2) торжественнымъ Посольствомъ извѣстить о семъ дѣлѣ Короля Сигизмунда, и просить его благосклоннаго согласія на оное; 3) будущей супругѣ нашей уступить два Великія Государства, Новгородъ и Псковъ, со всѣми Уѣздами и пригородами, съ людьми Думными, Дворянами, Дѣтьми Боярскими и съ Духовенствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рядить въ нихъ самовластно, опредѣлять Намѣстниковъ, раздавать вотчины и помѣстья своимъ людямъ служивымъ, заводить школы, строить монастыри и церкви Латинской Вѣры, свободно исповѣдуя сію Вѣру, которую и мы сами приняли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести оную во всемъ Государствѣ Московскомъ. Если же — отъ чего Боже сохрани — Россія воспротивится нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ своего обязательства въ теченіе года, то Панна Марина вольна развестися со мною или взять терпѣніе еще на годъ,» и проч. Сего не довольно: въ восторгѣ благодарности Лжедимитрій другою грамотою (писанною 12 Іюня 1604) отдалъ Мнишку въ наслѣдственное владѣніе Княжество Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ Уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ Королю Сигизмунду и Республикѣ, въ залогъ вѣчнаго, ненарушимаго мира между ею и Московскою Державою ([218])..... Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію: весьма не многіе знатные Дворяне, въ угодность Королю, мало уважаемому, или прельщаясь мыслію храбровать за изгнанника Царевича, явились въ Самборѣ и Львовѣ: стремились туда бродяги, голодные и полунагіе, требуя оружія не для побѣды ([219]), но для грабежа или жалованья, которое щедро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на будущее: на богатое вѣно Марины и доходы Смоленскаго Княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣтей Боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Годунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнушались злодѣйствомъ: пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно, и предъ лицемъ Короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Разстригинымъ, Инокомъ Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстію; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Мнишку въ Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умертвить Лжедимитрія, казнили ([220]). Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные, Дворянинъ Иванъ Борошинъ съ десятью или пятнадцатью клевретами ([221]), пали къ ногамъ мнимаго Царевича и составили его первую дружину Русскую: скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зная свойство мятежныхъ Донскихъ Козаковъ — зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои — Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго ([222]) съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго Царя Бѣлаго, кому сіи вольные Христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное: свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова. Два Атамана, Андрей Корела и Михайло Нѣжакожъ ([223]), спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его честимаго Сигизмундомъ, Вельможными Панами, и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный Царевичь. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ усердный слуга его, Панъ Михайло Ратомскій, Остерскій Староста, волновалъ нашу Украйну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ ([224]), вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ на себя имя

г. 1600 — 1605.

Григорія Отрепьева, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ Лжедимитрія къ Россіянамъ [225], съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской [226], обрадовались: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія вольницы: онъ поднялъ и Козаковъ Запорожскихъ, прельщенныхъ мыслію вести бывшаго ученика своего на Царство Московское. — Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи [227], сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварѣ 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ [228]: гонца задержали въ Иванѣгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посыланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько Стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: «объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!» Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя!... но чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ.

Мѣры взятыя Борисомъ.

Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова [229], онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ [230], воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но Царица-Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую [231], Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожь чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго [232], вмѣстѣ съ допросами Монаха Пимена, Венедикта Чернца Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; вторый и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ, *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смирнаго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ Вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника [233]; послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирному-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу [234]. г. 1604. Уже Разстрига (15 Августа) двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Сокольникахъ: Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него.... залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ: «вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга на-вѣки!» Съ него сняли оковы; и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстію, въ знакъ

г. 1604. усердія донесъ своему новому Государю, мѣшая истину съ ложью, что «народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію; что самые знатные люди, Меньшій Булгаковъ и другіе (235), пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были, по доносу слугъ, осуждены на казнь; что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ, не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Ливнахъ, будто бы на случай Ханскаго впаденія; что, главные Воеводы ихъ, Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, встрѣтясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали: *насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война — но трудно поднять руку на Государя природнаго;* что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань и въ Персію.» Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного человѣка за явную приверженность къ Самозванцу (236); съ жадностію слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями, еще неосновательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна: Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ разбойниковъ, убѣждая Хана вступить вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣстить его представленіемъ, сколь унизительно для Вѣнценосца Христіанскаго быть союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ (237), кто сей мнимый Царевичь, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хотѣлъ лукавствовать, и подобно своимъ Вельможамъ отвѣчалъ, что не стоитъ за Лжедимитрія и не мыслитъ нарушать перемирія; что г. 1604.
нѣкоторые Ляхи самовольно помогаютъ сему бродягѣ, *ушедшему* въ Галицію, и будутъ наказаны какъ мятежники. «Мы хотѣли обмануть Бога» (пишетъ современникъ, одинъ изъ знатныхъ Ляховъ) «увѣряя безсовѣстно, что Король и Республика не участвуютъ въ Димитріевомъ предпріятіи.» (238). Уже Самозванецъ началъ дѣйствовать, а Царь велѣлъ Патріарху Іову еще писать къ Духовенству Литовскому и Польскому, чтобы оно для блага обѣихъ Державъ старалось удалить кровопролитіе за богоотступника Разстригу (239); всѣ наши Епископы скрѣпили Патріаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева Монахомъ. Такую же грамоту написалъ Іовъ и къ Кіевскому Воеводѣ, Князю Василію Острожскому, напоминая ему, что онъ самъ зналъ сего бѣглеца Діакономъ, и заклиная его быть достойнымъ сыномъ Церкви: обличить Разстригу, схватить и прислать въ Москву. Но гонцы Патріарховы не возвратились: ихъ задержали въ Литвѣ и не отвѣтствовали Іову, ни Духовенство, ни Князь Острожскій: ибо Самозванецъ дѣйствовалъ уже съ блестящимъ успѣхомъ.

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти безъ оружія (240). Главными Предводителями были самъ Лжедимитрій (сопровождаемый двумя Іезуитами), юный Мнишекъ (сынъ Воеводы Сендомирскаго), Дворжицкій, Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь; а старецъ Мнишекъ первенствовалъ въ ихъ Думѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами Донскихъ Козаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, съ толпами вольницы, Кіевской и Сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 Октября вступили въ Россію (241).... Тогда единственно Борисъ началъ рѣшительно готовиться къ оборонѣ: послалъ надежныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣпости, съ Головами Стрѣлецкими; а знатныхъ Бояръ, Князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско (242). Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы Ляховъ, нестройной вольницы и Козаковъ, предводимыя бѣ-

г. 1604. глымъ разстригою; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи!

Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ Манифестомъ: объявлялъ Россіянамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на ѳеатръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго (243). Вмѣстѣ съ тѣмъ Воевода Сендомирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ (244), дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украйнѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы (245) и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго Діакона въ союзникѣ Короля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпаемое Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовя измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей — доказывая, что присяга, данная Годунову, не имѣетъ силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ (246); что самъ Борисъ знаетъ сію истину, г. 1604. обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые Воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отрепьевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра раздѣлилъ свое войско (247): послалъ часть его къ Бѣлугороду, а самъ шелъ вверхъ Десны, въ слѣдъ за разсыпною дружиною переметчиковъ, которые служили ему вѣрными путеводителями, зная мѣста и людей. Едва поставивъ ногу на Русскую землю (18 Октября), въ Слободѣ Шляхетской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса; связали, Первая измѣна. выдали Воеводъ своихъ Лжедимитрію; встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью (248). Чувствуя важность начала въ такомъ предпріятіи, умный пришлецъ велъ себя съ отмѣнною ловкостію: торжественно славилъ Бога; изъявлялъ милость и величавость; не укорялъ Воеводъ Моравскихъ вѣрностію къ Борису, жалѣя только объ ихъ заблужденіи, и далъ имъ свободу; жаловалъ, ласкалъ измѣнниковъ, гражданъ, воиновъ, видомъ и разговоромъ не безъ искусства представляя лице Державнаго, такъ, что отъ Литовскаго рубежа до самыхъ внутреннихъ областей Россіи съ неимовѣрною быстротою промчалась добрая слава о Лжедимитріи — и знаменитая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовать примѣру Моравска. 26 Октября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводъ (249), изъ коихъ главный, Князь Иванъ Андреевичь Татевъ, внутренно ненавидя Бориса, какъ вторый Хрущовъ безстыдно вступилъ въ службу къ обманщику. Тамъ хранилась значительная казна: Лжедимитрій, раздѣливъ ее между своими воинами, усилилъ тѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 Стрѣльцевъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ Ляха, и спѣшилъ къ Новугороду Сѣверскому. Онъ надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на бе-

г. 1604. регахъ Десны, Свины и Снова, видѣлъ единственно колѣнопреклоненіе народа и слышалъ радостный кликъ : «да здравствуетъ Государь нашъ, Димитрій!»

Но вѣсти не было изъ Новагорода : жители не высылали ко Лжедимитрію ни призывныхъ грамотъ, ни Воеводъ связанныхъ : тамъ бодрствовалъ одинъ человѣкъ, рѣшительный, смѣлый — и еще вѣрный! Сей витязь былъ Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (въ 1604 году) Ивана Басманова, дотолѣ извѣстный только чрезвычайною судьбою отца и дѣда (250), которые, всѣмъ жертвуя Іоанновой милости, своею гибелію доказали Небесное правосудіе : наслѣдовавъ ихъ духъ царедворческій, онъ соединялъ въ себѣ великія способности ума и даже нѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклонною, нестрогою, будучи готовъ на добро и зло для первенства между людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольничаго, и вмѣстѣ съ Бояриномъ, Княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ-было спасти Черниговъ (251); но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго : принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ истиною и грозою обуздалъ предательство : самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ; самъ не боясь смерти, устрашилъ мятежниковъ казнію; сжегъ предмѣстія, и съ пятисотною дружиною Стрѣльцевъ Московскихъ заперся въ крѣпости, волею или неволею взявъ къ себѣ и знатнѣйшихъ жителей (252). 11 Ноября Лжедимитрій подступилъ къ Новугороду : тутъ Россіяне привѣтствовали его, въ первый разъ, ядрами и пулями! Онъ требовалъ переговоровъ : Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеврета Самозванцева, Ляха Бучинскаго, который сказалъ, что Царь и Великій Князь Димитрій готовъ быть отцемъ воиновъ и жителей, если ему сдадутся, или, въ случаѣ упорства, не оставитъ живымъ ни груднаго младенца въ Новѣгородѣ. «Великій Князь и Царь въ Москвѣ,» отвѣтствовалъ Басмановъ : «а вашъ Димитрій разбойникъ сядетъ на колъ, вмѣстѣ съ вами.» Отрепьевъ посылалъ и Россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Басманова, но безполезно; хотѣлъ взять крѣпость смѣлымъ приступомъ, и былъ отраженъ; хотѣлъ огнемъ разрушить ея стѣны, но не успѣлъ и въ томъ; лишился многихъ людей, и видѣлъ бѣдствіе предъ собою : станъ его унылъ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примѣръ неробости инымъ градоначальникамъ. г. 1604.

Витязь Басмановъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Путивлѣ начальствовали знатный Окольничій, Михайло Салтыковъ, и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій : сей послѣдній, какъ воинъ не безъ достоинства, какъ гражданинъ безъ чести и правилъ, съ Дьякомъ Сутуповымъ объявилъ себя за мнимаго Царевича; самъ возмутилъ гражданъ и ратниковъ; самъ связалъ Салтыкова, и (18 Ноября) предавъ сіе важное мѣсто Разстригѣ, сдѣлался съ того времени любимцемъ его и совѣтникомъ (253). Не менѣе важный Рыльскъ, Волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ (гдѣ находился и ревностно дѣйствовалъ тогда Монахъ Леонидъ (254) подъ именемъ Григорія Отрепьева) также поддалися Самозванцу. Вся южная Россія кипѣла бунтомъ; вездѣ вязали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Борису, и представляли Лжедимитрію, который немедленно освобождалъ ихъ и съ милостію принималъ къ себѣ въ службу (255). Рать его умножалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехвативъ казну, тайно везенную Московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ (256), онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ Князю Вишневецкому и Пану Рожинскому, чтобы набирать тамъ новыя дружины сподвижниковъ; а самъ еще стоялъ подъ Новымгородомъ, стрѣлялъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ стѣны (257). Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастливыхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпости, и зная, что войско Борисово идетъ спасти ее, онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будто бы въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы, и во всякомъ случаѣ обязываясь сдаться ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ.

г. 1604. Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ ([258]), естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана ([259]), будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ.

Робость Годунова.

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличь мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они — *не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти ([260]), и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ громогласнѣе, какъ пишутъ ([261]), свидѣтельствовалъ въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительной смерти Царевича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и Патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына ([262]). Но безсовѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпую преданность Іова къ Годунову; слышали только имя Царицы-Инокини: никто не видался, никто не говорилъ съ нею, снова заключенною въ пустынѣ Выксинской. Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи Самозванцевъ и не понимая столь дерзкаго обмана; любя древнее племя Царей и съ жадностію слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Россіяне тайно же передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно, какимъ нибудь чудомъ, достойнымъ Его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника и тирана ([263]). По крайней мѣрѣ сомнѣвались, и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Разстрига съ своими Ляхами уже господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ Государю раждаетъ нечувствительность и къ государственной чести!

Общее расположеніе умовъ.

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ Церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ Іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ ([264]), какъ злаго еретика, умышляющаго не только похитить Царство, но и ввести въ немъ Латинскую Вѣру: слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣтъ, данный Лжедимитріемъ Іезуитамъ и Легату Папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство Святителей въ изслѣдованіи Димитріе-

г. 1604. ва убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности; но ужасъ анаѳемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ и вселить въ нихъ омерзѣніе къ человѣку, отверженному Церковію и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ — слѣдственно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ (265) — Борисъ требовалъ скорости; писалъ, что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели Царства и Церкви; грозилъ жестокою казнію лѣнивымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣйствительно велѣлъ наказывать ослушныхъ безъ пощады: лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велѣлъ, чтобы и всѣ слуги Патріаршіе, Святительскіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва Царскаго въ случаѣ медленности. «Бывали времена» — сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта — «когда и самые Иноки, Священники, Діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣя своей крови; но мы не хотимъ того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о Государѣ и Государствѣ.» Сіи мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячь всадниковъ въ Брянскѣ (266), вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ Царя, *коего любила Россія!*

Великодушіе Борисово. Но Борисъ еще оказалъ тогда великодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Іоаннѣ въ одно время воевала съ Султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣннаго (267). Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности Россіянъ горсть Шведовъ ему ненужна, а въ случаѣ невѣрности безполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ: нельзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, Князья Ѳеодоръ Ивановичь Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, Окольничіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичь Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны. — Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

Приближаясь къ Трубчевску, гдѣ уже славилось имя Димитріево, Воеводы Борисовы писали къ Сендомирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстригу на казнь, имъ заслуженную (268). Мнишекъ не отвѣтствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажитъ меча: такъ думалъ Самозванецъ; такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ Московскихъ. 18 Декабря, на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другаго войска; а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, чтобы рать Борисова, слѣдуя примѣру

г. 1604. городовъ, связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій, чтобы непріятель ушелъ безъ битвы, какъ слабѣйшій, едва ли имѣя и 12,000 воиновъ ([269]). Но не видали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ Дѣтей Боярскихъ.

Битва. Оставивъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго; оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь къ сподвижникамъ ([270]), стараясь воспламенить ихъ мужество; молился велегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ увѣряютъ, громко произнести слѣдующія слова: «Всевышній! Ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечь неправедно и беззаконно, то сокруши меня Небеснымъ громомъ» . . . (увидимъ 17 Мая 1606 года!)... «Когда же я правъ и чистъ душею, дай силу неодолимую рукѣ моей въ битвѣ! А Ты, Мать Божія, буди покровомъ нашего воинства» ([271])! 21 Декабря началося дѣло, сперва не жаркое; но вдругъ конница Польская съ воплемъ устремилась на правое крыло Россіянъ, гдѣ предводительствовали Князья Дмитрій Шуйскій и Михайло Кашинъ: оно дрогнуло, и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ Мстиславскій: изумленный такою робостію и такимъ безпорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ, облился кровію, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю: дружина Стрѣльцевъ едва спасла его отъ плѣна ([272]). Часъ былъ рѣшительный: если бы Лжедимитрій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ ударъ смѣлыхъ Ляховъ, то вся рать Московская, какъ пишутъ очевидцы, представила бы зрѣлище срамнаго бѣгства; но онъ далъ ей время опомниться: 700 Нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали стремленіе непріятельскихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости, чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца, который, слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени ([273]), прекратилъ битву. Обѣ стороны вдругъ отступили, Лжедимитрій хвалясь побѣдою и четырмя тысячами убитыхъ непріятелей, а Борисовы Воеводы отъ стыда безмолвствуя, хотя и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чтобы менѣе стыдиться, Россіяне выдумали басню: увѣряли, что Ляхи испугали ихъ коней, нарядясь въ медвѣжьи шубы на-выворотъ; иноземцы же, свидѣтели сего малодушнаго бѣгства, пишутъ, что Россіяне не имѣли, казалось, ни мечей, ни рукъ, имѣя единственно ноги ([274])! г. 1604.

Однакожь мнимый побѣдитель не веселился. Сія битва странная доказала не то, чего хотѣлось Самозванцу: Россіяне сражались съ нимъ худо, безъ усердія, но сражались; бѣжали, но отъ него, а не къ нему. Онъ зналъ, что безъ ихъ общаго предательства ни Ляхи, ни Козаки не свергнутъ Бориса, и страшился быть между двумя огнями, двумя вѣрными Воеводами, Мстиславскимъ и Басмановымъ, который, видя отступленіе перваго, снова заключился въ крѣпости, готовый умереть въ ея развалинахъ. На другой день присоединилось къ Лжедимитрію 4000 Запорожцевъ ([275]), и войско Борисово удалилось къ Стародубу Сѣверскому, но для того, чтобы ожидать тамъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брянска, и могло чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ Новугороду, обороняемому столь усильно. Ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣялись вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли, что надобно ратоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ — и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: объявили, что идутъ назадъ, будто бы исполняя указъ Сигизмундовъ не воевать съ Россіею въ случаѣ, если она будетъ стоять за Царя Годунова. Тщетно Поляки оставляютъ Самозванца. убѣждалъ ихъ Лжедимитрій не терять надежды: осталось не болѣе четырехъ сотъ удальцевъ Польскихъ ([276]); всѣ другіе бѣжали во-свояси, а съ ними и горестный Мнишекъ. Думая, что все погибло, и Княжество Смоленское для него и Царство для Марины, сей вѣтреный старецъ еще дружественно простился съ женихомъ ея и смѣло обѣщалъ ему возвратиться съ сильнѣйшею ратію. Но Самозванецъ, едва ли уже вѣря нареченному тестю, еще вѣрилъ счастію: съ обрядами священными предавъ на полѣ сраженія тѣла убитыхъ, своихъ и непріятелей, и снявъ осаду Новагорода, расположился станомъ въ Комарницкой Волости, занялъ Сѣвскій острогъ, спѣшилъ вооружать, кого могъ: гражданъ и земледѣльцевъ. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятеніе Воеводъ Московскихъ было столь велико, что они даже медлили из-

вѣстить Царя о битвѣ: узнавъ отъ другихъ всѣ ея печальныя обстоятельства, г. 1605. Борисъ (1 Генваря) послалъ Князя Василія Шуйскаго къ войску, быть вторымъ Предводителемъ онаго, а Чашника Вельяминова къ раненному Мстиславскому, *ударить* ему *челомъ* за кровь, проліянную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать именемъ Государя: «Когда ты, совершивъ знаменитую службу, увидишь образъ Спасовъ, Богоматери, Чудотворцевъ Московскихъ и наши Царскія очи: тогда пожалуемъ тебя свыше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ къ тебѣ искуснаго врача, да будешь здравъ и снова на конѣ ратномъ.» Всѣмъ инымъ Воеводамъ Царь велѣлъ объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости (277). Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть въ сердцахъ Россіянъ, Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ на встрѣчу къ Герою и собственныя великолѣпныя сани для торжественнаго въѣзда въ Москву со всею Царскою пышностію; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей (278), множество серебряныхъ сосудовъ изъ казны Кремлевской, доходное помѣстье и санъ Боярина Думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго Вельможу, ознаменованнаго вдругъ и славою подвига и милостію Царскою; превозносили его необыкновенныя достоинства — и любимецъ Государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно раждала негодованіе зависти между знатными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства и дать главное Воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой Домъ отъ гибели и Россію отъ бѣдствій: чего Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, Царь отнялъ лучшаго Воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души Вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго; увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку его тиранскаго сердца, и желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ Царю.

Честь Басманову.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновныхъ Стольниковъ и Стряпчихъ (279), нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля, въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ Предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячь воиновъ (280). Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый отчаяніемъ, вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000, конныхъ и пѣшихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячь. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и въ расплохъ нагрянуть на сонныхъ: тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога, и непріятель удалился (281). Ждали разсвѣта (21 Генваря), Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новогородской битвы; раздѣлилъ войско на три части: для перваго удара взялъ себѣ 400 Ляховъ и 2000 Россіянъ всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ (282): за ними должны были итти 8000 Козаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе Московскихъ Воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, каряго аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечь, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на конѣ: угадалъ мысль непріятеля, и двинулъ сіе крыло, съ ино-

Побѣда Воеводъ Борисовыхъ.

г. 1605. земною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тутъ Разстрига, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную [283], не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту Московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ — и не трогалась, какъ бы въ оцѣпенѣніи; ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячь ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжедимитрій. Уже Козаки его неслись-было во всю прыть довершить легкую побѣду своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ: Hilf Gott (*помоги Богъ*), гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячь шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы Воеводы, какъ пишутъ [284], не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено, и что самъ Лжедимитрій убитъ. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ, и нашелъ Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія.....

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольничаго, послалъ съ любимымъ Стольникомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей [285], и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ Предводителей, Вальтера Розена, Ливонскаго Дворянина, и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ не дорого: ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ Россіянъ и двадцати-пяти Нѣмцевъ [286].

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдители, безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненномъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы: Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей [287], такъ, что они съ досадою и стыдомъ ушли восвояси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ее въ Путивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрыничахъ, занимаясь казнями: вѣшали плѣнниковъ (кромѣ Литовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали земледѣльцевъ, жителей Комарницкой Волости, за ихъ измѣну [288], безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ остервененіе мятежниковъ, ненависть къ Царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностію Воеводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбитый на голову, почти истребленный, съ горстію бѣглецовъ унылыхъ, онъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путивля въ Литву: измѣнники отчаянные удержали его, сказавъ: «мы всѣмъ тебѣ жертвовали, а ты думаешь только о жизни постыдной, и предаешь насъ мести Годунова; но еще можемъ спастися, выдавъ тебя живаго Борису» [289]! Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и достояніе; ободрили его; ручались за множество своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ Государствѣ. Не менѣе ревности оказали и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4000 въ Путивль [290]; другіе засѣли въ городахъ, и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханія. Лжедимитрій волею и неволею остался; послалъ Князя Татева къ Сигизмунду [291] требовать немедленнаго вспоможенія; укрѣплялъ Путивль, и слѣдуя совѣту измѣнниковъ, издалъ новый Манифестъ, разсказывая въ немъ свою вымышленную исторію о Димитріевомъ спасеніи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ [292], особенно даромъ Князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Димитрій) тайно воспитывался въ Бѣлоруссіи, а послѣ тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова сидящаго на престолѣ Іоанновомъ. Сей вторый Манифестъ, удовлетворяя любопытству

г. 1605. баснями, дотолѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что Россіяне шли на него только принужденно, съ неизъяснимою боязнію, внушаемою чѣмъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили случайно, и не устояли бы безъ слѣпаго остервененія Нѣмцевъ; что Провидѣніе очевидно хотѣло спасти сего витязя и въ самой несчастной битвѣ; что онъ и въ самой крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, признавъ въ немъ истиннаго Димитрія, еще готовы жертвовать ему собою, женами, дѣтьми, и конечно не могли бы имѣть столь великаго усердія къ обманщику. Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легковѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой Волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не истребленъ — тронулись съ мѣста, приступили къ Рыльску, и не обѣщая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: «служимъ Царю Димитрію» — и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность (293). Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время человѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать отдохновеніе войску, дѣйствительно утружденному зимнимъ походомъ; отступили въ Комарницкую Волость и донесли Царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости встревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеніяхъ измѣны, досадуя на Мстиславскаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ Острогъ Радогостскій Окольничаго Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власьева съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ: укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезности побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, тѣ, которые дотолѣ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе г. 1605. жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь къ Царю — и могли хвалиться успѣхомъ: ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца (294), многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдуя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Θеодора Шереметева (295), уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ нимъ, въ Великій постъ, начали осаждать сію крѣпость. Осада Кромъ. Дѣло невѣроятное: тысячь восемдесять или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ (296) съ храбрымъ Атаманомъ Корелою! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главнымъ Воеводамъ, велѣлъ рати отступить, въ тотъ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ (297). Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ — и съ сего дня, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выползывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки (298). Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жертвою повальной болѣзни: смертоноснаго мыта (299). Сіе бѣдствіе еще оказало достохвальную заботливость Царя, приславшаго въ станъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ, что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедимитріевыхъ изъ Путивля могли пройти въ обожженыя Кромы (300).

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ спосо-

г. 1605. бомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ злодѣя. Три Инока, знавшіе Отрепьева Діакономъ, явились въ Путивлѣ (8 Марта) съ грамотами отъ Государя и Патріарха къ тамошнимъ жителямъ: первый обѣщалъ имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца, живаго или мертваго; вторый грозилъ страшнымъ дѣйствіемъ Церковной анаѳемы. Сихъ Монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрію, который употребилъ хитрость: вмѣсто его, въ Царскомъ одѣяніи, на тронѣ, сидѣлъ Полякъ Иваницкій, и представляя лице Самозванца, спросилъ у нихъ: «знаете ли меня?» Монахи сказали: «нѣтъ; знаемъ только, что ты во всякомъ случаѣ не Димитрій.» Ихъ стали пытать: двое терпѣли и молчали; а третій спасъ себя объявленіемъ (301), что у нихъ есть ядъ, коимъ они, исполняя волю Борисову, хотѣли уморить Лжецаревича, и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ дѣйствительно нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ Иноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жертву народной мести. Увѣряютъ, что онъ, хваляся явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ тогда къ Патріарху и къ самому Царю: укорялъ Іова злоупотребленіемъ Церковной власти въ пользу хищника, а Бориса убѣждалъ мирно оставить престолъ и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщая ему свою Царскую милость (302). Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было конечно новымъ искушеніемъ для его твердости!

*Письмо Самозванца къ Борису.*

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ (303). Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; вторый блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ (304), обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами....

*Кончина Годунова.*

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной незапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ серд-

г. 1605. цѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія!..... Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ (305); но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее — но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто обагренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, Героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ...... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на-время благоустроилъ Державу, на-время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею? г. 1605.

---

# ГЛАВА III.

## ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА.

### Г. 1605.

**Присяга Ѳеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Ѳеодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство.**

Еще Россіяне погребли Бориса съ честію во храмѣ Св. Михаила, между памятниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжскаго племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Святители въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ

г. 1605. писали о *безпорочной и праведной душъ его, мирно отшедшей къ Богу* (306)! Еще всѣ, отъ Патріарха и Синклита до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули «Царицѣ Маріи и дѣтямъ ея, *Царю* Θеодору и Ксеніи (307), обязываясь страшными клятвами не измѣнять имъ, не умышлять на ихъ жизнь, и не хотѣть на Государство Московское ни бывшаго Великаго Князя Тверскаго, слѣпца Симеона, ни злодѣя, именующаго себя Димитріемъ; не избѣгать Царской службы, и не бояться въ ней ни трудовъ, ни смерти.» Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ однакожь Царемъ законнымъ: сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою (308), и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣтелію матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію (309). Чего не льзя было ожидать Государству отъ такого Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Θеодоровъ: ненависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не устрашились подвергнуться сей казни за преступленіе собственное: за вѣроломство, осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ.

Присяга Θеодору.

Достоинства юнаго Царя.

Еще Θеодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ: мать его блистала единственно скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ Боярамъ, Князьямъ Мстиславскому, Василью и Дмитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому (310), чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго Воеводы: искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Θеодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ: «служи намъ, какъ ты служилъ отцу моему» — и сей честолюбецъ, пылая (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу (311)! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Михайла Катырева-Ростовскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и Митрополита Новогородскаго, Исидора, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ на имя Θеодора. Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ для столицы. Дворъ и народъ торжественно молились о душѣ Царя усопшаго; гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасеніи Государства, предвидя бурю. Съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана — и первыя донесенія новыхъ Воеводъ казались еще благопріятными.

Избраніе Басманова въ Военачальники. г. 1605.

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 Апрѣля (312) прибылъ въ станъ, и не нашелъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскихъ; созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подъ знамена; извѣстилъ ихъ о воцареніи Θеодора, и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостивыя: юный Монархъ обѣщалъ вѣрному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движеніе обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, боясь за Россію; другіе не таили злой радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Θеодору. Съ симъ извѣстіемъ Митрополитъ Исидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ доносилъ о томъ.... а чрезъ нѣсколько дней узнали его измѣну!

Присяга войска.

Удививъ современниковъ, дѣло Басманова удивляетъ и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковый часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; столь ревностно обличалъ и столь мужественно разилъ его подъ стѣнами Новагорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Θеодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя? Изъ-

Измѣна Басманова.

г. 1605. яснимъ ли такое непонятное дѣйствіе худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ уничиженія: хотѣлъ лучше отдать и войско и Царство обманщику, нежели быть выданнымъ ему мятежниками(313)? Но полки еще клялися именемъ Божіимъ въ вѣрности къ Ѳеодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска (314). Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Ѳеодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственною пользою къ главному виновнику своего счастія: судьба ихъ дѣлалась нераздѣльною — и кто могъ затмить Басманова достоинствами личными? Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума государственнаго: Ѳеодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію Державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго суемудріемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хотя и самозванцу, хотя и человѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, умному, другу знаменитаго Вѣнценосца Польскаго, и какъ бы избранному Судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направитъ Лжедимитрія на путь добра и милости: обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ — ея счастіемъ! Можетъ быть, Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ, для выгодъ своего честолюбія; можетъ быть, онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и Воеводъ и войска къ обманщику. Всѣ цѣловали крестъ Ѳеодору (ибо никто не дерзнулъ быть первый мятежникомъ), но г. 1605. большею частію съ нехотѣніемъ или съ уныніемъ. И тѣ, которые дотолѣ не вѣрили мнимому Димитрію, стали вѣрить ему, будучи поражены незапною смертію Годунова, и находя въ ней новое доказательство, что не самозванецъ, а дѣйствительно наслѣдникъ Іоанновъ требуетъ своего законнаго достоянія: ибо Всевышній — какъ они думали (315) — несомнительно благоволитъ о немъ и ведетъ его, чрезъ могилу хищника, на царство. Замѣтили также, что въ присягѣ Ѳеодоровой Самозванецъ не былъ именованъ Отрепьевымъ: слагатели ея, вѣроятно безъ умысла, написали единственно: *клянемся не приставать къ тому, кто именуетъ себя Димитріемъ* (316). «Слѣдственно» — говорили многіе — «сказка о бѣгломъ Діаконѣ Чудовскомъ уже торжественно объявляется вымысломъ. Кто же сей Димитрій, если не истинный?» Самые вѣрные имѣли печальную мысль, что Ѳеодору не удержаться на престолѣ. Такое расположеніе умовъ и сердецъ обѣщало легкій успѣхъ измѣнѣ: Басмановъ наблюдалъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрился, посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его благодарности.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ укрѣплялъ свои города и вооружалъ людей; писалъ къ Мнишку, что надѣется на счастіе болѣе, нежели когда нибудь; посылалъ дары къ Хану, желая заключить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ Галиціи, и былъ усиленъ дружиною всадниковъ, приведенныхъ къ нему Михайломъ Ратомскимъ, который увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ будетъ и Воевода Сендомирскій съ Королевскими полками (317). Но только смерть Борисова, только измѣна Воеводъ Царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги: о первой свѣдалъ онъ въ концѣ Апрѣля отъ бѣглеца Дворянина Бахметева (318); о второй въ началѣ Мая, вѣроятно отъ самого Басманова — и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ. Самозванецъ усиливается.

Отдавъ честь мужа Думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго Вельможства подъ скиптромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей наградѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ: Боярина Князя Ва-

г. 1605. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. силья Васильевича Голицына, брата его Князя Ивана, и Михайла Глѣбовича Салтыкова (319), которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда, и также хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ въ своихъ ковахъ: обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедимитріи всѣ признаки истиннаго (320), добродѣтели Царскія и свойства души высокой; дивились чудесной судьбѣ его, ознаменованной перстомъ Божіимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукавствомъ и беззаконіемъ; оплакивали бѣдствіе войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Ѳеодоровой, и въ торжествѣ Разстриги видѣли пользу, тишину, счастіе Россіи. Они условились въ предательствѣ, и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали втайнѣ, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію Боярскіе Дѣти городовъ Рязани (321), Тулы, Коширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недальновидныхъ, твердя и повторяя, что для Россіянъ одна присяга законная: данная ими Іоанну и дѣтямъ его; что новѣйшія, взятыя съ нихъ на имя Бориса и Ѳеодора, суть плодъ обмана и недѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не умиралъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ, 7 Мая (322), заговоръ открылся: ударили тревогу; Басмановъ сѣлъ на коня, и громогласно объявилъ Димитрія Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: «да здравствуетъ же «отецъ нашъ, Государь Димитрій Іоан«новичь!» Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись Воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичь Годуновъ; но поздно! Видя малое число усердныхъ къ Ѳеодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, Россіянами и чужеземцами (323): ихъ гнали, били; настигли Ивана Годунова, и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новагорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ

Измѣна войска.

сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на тронѣ древнее племя Царское, заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ!.... Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйствомъ, а другой измѣнникъ подлымъ лукавствомъ: Князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя, желая на всякій случай увѣрить Россію, что предается обманщику неволько (324)! г. 1605.

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Ѳеодору, быть вѣрнымъ мнимому Димитрію, и дало знать Атаману Корелѣ, что они служатъ уже одному Государю. Война прекратилась: Кромскіе защитники выползли изъ своихъ норъ и братски обнимались съ бывшими непріятелями на валу крѣпости; а Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ *Царевичу*, а къ *Царю* (325), *съ повинною* отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Лжедимитрій имѣлъ нужду въ необыкновенной душевной силѣ, чтобы скрыть свою чрезмѣрную радость: важно, величаво сидѣлъ на тронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множествомъ сановниковъ и Дворянъ (326), смиренно билъ ему челомъ, и съ видомъ благоговѣнія говорилъ такъ: «Сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ державу Россіи, и ждетъ твоего милосердія. Обольщенные Борисомъ, мы долго противились нашему Царю законному: нынѣ же, узнавъ истину, всѣ единодушно тебѣ присягнули. Иди на престолъ родительскій; царствуй счастливо, и многія лѣта! Враги твои, клевреты Борисовы, въ узахъ. Если Москва дерзнетъ быть строптивою, то смиримъ ее. Иди съ нами въ столицу, вѣнчаться на царство!».... Въ сей самый часъ, по извѣстію Лѣтописца, нѣкоторые Дворяне Московскіе, смотря на Лжедимитрія, узнали въ немъ Діакона Отрепьева (327): содрогнулись, но уже не смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро представляя лице Монарха великодушнаго, тронутаго раскаяніемъ виновныхъ подданныхъ, счастливый обманщикъ не благодарилъ, а только простилъ войско; велѣлъ ему итти къ Орлу (328), и самъ выступилъ туда 19 Мая изъ Путивля съ 600 Ляховъ, съ Донцами и своими Россіянами, старѣйшими другихъ въ измѣнѣ; хотѣлъ видѣть развалины Кромъ, прославленныя мужествомъ ихъ защитниковъ, и Походъ къ Москвѣ.

г. 1605. тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки Козаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль болѣе осмидесяти тысячь добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными пушками укрывалось въ бездѣйствіи, изъявилъ удивленіе и хвалился чудомъ Небесной къ нему милости. Далѣе на пути встрѣтили Разстригу Воеводы, Михайло Салтыковъ, Князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и Глава предательства, Басмановъ.... сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за того, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ отечествомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Лжедимитрій распустилъ часть его на мѣсяцъ для отдохновенія (329), другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ шелъ тихо въ слѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Өеодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ достойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Исторіи, ввергнули въ темницу (330). Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было въ волненіи, не ужаса, но радости. Исчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель Царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были бѣглецы добросовѣстные, Воеводы Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій съ ихъ дружинами (331). Өеодоръ, еще пользуясь Царскою властію, изъявилъ имъ благодарность отечества торжественными наградами — и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже не многихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную: готовность къ великой перемѣнѣ, тайно желаемой сердцами (332). Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Можетъ быть, зломысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву на канунѣ ея закланія: обманывали Өеодора, его мать и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Стратигъ Державный, въ видѣ Ангела красоты и невинности, еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстригу: въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣпенѣніе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе, ложное, смертоносное, господствовало въ столицѣ, и служило для козней вожделѣннымъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ (333): грамоты жгли, гонцевъ сажали въ темницу; наконецъ не устерегли — и въ одинъ часъ все совершилось!

Измѣна Москвитянъ. Лжедимитрій, угадывая, что его письма не доходятъ до Москвы, избралъ двухъ сановниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ, Плещеева и Пушкина (334): далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а чрезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ онъ думалъ. Купцы и ремесленники Красносельскіе, плѣненные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію, и торжественно ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные Царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча; а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за собою: нѣкоторые пристали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ Лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву къ Синклиту, къ Большимъ Дворянамъ, сановникамъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, *среднимъ* и чернымъ (335). «Вы клялися отцу моему» — писалъ Разстрига — «не измѣнять его дѣтямъ и потом-

г. 1605. ству во вѣки вѣковъ, но взяли Годунова въ Цари. Не упрекаю васъ: вы думали, что Борисъ умертвилъ меня въ лѣтахъ младенческихъ; не знали его лукавства и не смѣли противиться человѣку, который уже самовластвовалъ и въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, —жаловалъ и казнилъ, кого хотѣлъ. Имъ обольщенные, вы не вѣрили, что я, спасенный Богомъ, иду къ вамъ съ любовію и кротостію. Драгоцѣнная кровь лилася.... Но жалѣю о томъ безъ гнѣва: невѣдѣніе и страхъ извиняютъ васъ. Уже судьба рѣшилась: города и войско мои. Дерзнете ли на брань междоусобную въ угодность Маріи Годуновой и сыну ея? Имъ не жаль Россіи: они не своимъ, а чужимъ владѣютъ; упитали кровію землю Сѣверскую и хотятъ разоренія Москвы. Вспомните, что было отъ Годунова вамъ, Бояре, Воеводы и всѣ люди знаменитые: сколько опалъ и безчестія несноснаго? А вы, Дворяне и Дѣти Боярскіе, чего не претерпѣли въ тягостныхъ службахъ и въ ссылкахъ? А вы, купцы и гости, сколько утѣсненій имѣли въ торговлѣ, и какими неумѣренными пошлинами отягощались? Мы же хотимъ васъ жаловать безпримѣрно: Бояръ и всѣхъ мужей сановитыхъ честію и новыми отчинами, Дворянъ и людей Приказныхъ милостію, гостей и купцевъ льготою, въ непрерывное теченіе дней мирныхъ и тихихъ. Дерзнете ли быть непреклонными? Но отъ нашей Царской руки не избудете: иду и сяду на престолѣ отца моего; иду съ сильнымъ войскомъ, своимъ и Литовскимъ: ибо не только Россіяне, но и чужеземцы охотно жертвуютъ мнѣ жизнію. Самые невѣрные Ногаи хотѣли слѣдовать за мною: я велѣлъ имъ остаться въ степяхъ, щадя Россію. Страшитесь гибели, временной и вѣчной; страшитесь отвѣта въ день суда Божія: смиритесь, и немедленно пришлите Митрополитовъ, Архіепископовъ, мужей Думныхъ, Большихъ Дворянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и торговыхъ, бить намъ челомъ, какъ вашему Царю законному.» Народъ Московскій слушалъ съ благоговѣніемъ и разсуждалъ такъ (336): «Войско и Бояре поддалися безъ сомнѣнія не ложному Димитрію. Онъ приближается къ Москвѣ: съ кѣмъ стоять намъ противъ его силы? съ горстію ли бѣглецовъ Кромскихъ? съ нашими ли старцами, женами и младенцами? и за кого? за ненавистныхъ Годуновыхъ, похитителей Державной власти? Для ихъ спасенія предадимъ ли Москву пламени и разоренію? Но не спасемъ ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ безполезнымъ. Слѣдственно не о чемъ думать: должно прибѣгнуть къ милосердію Димитрія!» г. 1605.

И въ то время, когда сіе беззаконное Вѣче располагало Царствомъ, главные совѣтники Престола трепетали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріархъ молилъ Бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи духа, не мыслилъ явиться на лобномъ мѣстѣ въ ризахъ Святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ (337)! Знатнѣйшіе Бояре, Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе Думные Совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схватить гонцевъ Лжедимитріевыхъ: народъ не далъ ихъ и завопилъ: «Время Годуновыхъ миновалось! Мы были съ ними во тьмѣ кромѣшней: солнце восходитъ для Россіи! Да здравствуетъ Царь Димитрій! Клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновыхъ!» Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Ѳеодора: дѣйствовали одни буйные мятежники; вломились во дворецъ, и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юнаго Царя съ престола (338), гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ ногамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Ѳеодора, его мать и сестру изъ дворца въ Кремлевскій собственный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили, имѣніе ихъ расхитили, домы сломали; не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ Медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ, что все казенное уже есть Димитріево (339). Сей пѣстунъ меньшаго Іоаннова сына (340) явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими Боярами, малодушными или коварными, старался утишить мятежъ именемъ Царя новаго. Всѣ дали присягу Ди- Сведеніе Ѳеодора съ престола.

г. 1605. Присяга Лжедимитрію. митрію, и (3 Іюня) Вельможи, Князья Иванъ Михайловичь Воротынскій, Андрей Телятевскій, Петръ Шереметевъ, Думный Дьякъ Власьевъ, и другіе знатнѣйшіе чиновники, Дворяне, граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу (341). Уже вѣстникъ Плещеева и Пушкина предупредилъ ихъ; уже Разстрига зналъ все, что сдѣлалось въ Москвѣ, и еще не былъ спокоенъ: послалъ туда Князя Василья Голицына, Мосальскаго и Дьяка Сутупова (342) съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззаконія.

Сіи достойные слуги Лжедимитріевы, принятые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители Царской воли, начали дѣло свое съ Патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ козняхъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Ѳеодора, онѣмѣвъ отъ страха, и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими Святителями *бивъ челомъ* Самозванцу (343), надѣялся ли Іовъ снискать въ немъ срамную милость? Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству; не вѣрилъ, чтобы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить Царскій вѣнецъ на своего бѣглаго Діакона—и для того Послы Самозванцевы объявили народу Московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ остаться Первосвятителемъ. Свергнувъ Царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и Патріарха (344). Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Іовъ совершалъ Литургію въ храмѣ Успенія: вдругъ мятежники неистовые, вооруженные копьями и дреколіемъ, вбѣгаютъ въ церковь; не слушаютъ Божественнаго пѣнія; стремятся въ Олтарь, хватаютъ и влекутъ Патріарха; рвутъ съ него одежду Святительскую.... Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе и твердость: снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ громогласно: «Здѣсь, предъ сею Святою иконою, я былъ удостоенъ сана Архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость Вѣры: нынѣ вижу бѣдствіе Церкви, торжество обмана и ереси. Матерь Божія! спаси Православіе!» Его одѣли въ черную ризу, *таскали, позорили* въ храмѣ, на площади, и вывезли въ телегѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ. — Удаливъ важнѣйшаго свидѣтеля истины, противнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ (345): отправили ихъ скованныхъ въ темницы городовъ дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейства. г. 1605.

Юный Ѳеодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на ѳеатръ гибельнаго величія, угадывали свой жребій. Цареубійство. Народъ еще уважилъ въ нихъ святость Царскаго сана, — можетъ быть, и святость непорочности: можетъ быть, въ самомъ неистовствѣ бунта желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь несчастнымъ хотя въ уединеніи какого нибудь монастыря пустыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ Политикою: чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ сверженный, законный Царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить Лжецаря, возводимаго на престолъ злодѣйствомъ нѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда готовитъ другую — и никакая пустыня не скрыла бы Державнаго юношу отъ умиленія Россіянъ. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожь не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ: зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерефединовъ (346), взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ Стрѣльцевъ, 10 Іюня пришли въ домъ Борисовъ: увидѣли Ѳеодора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей (347); вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій Царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣли Стрѣльцамъ дѣйствовать: они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Ѳеодоръ, надѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его (347). Ксенія была несчастнѣе матери и брата: осталась жива: гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ объ ея прелестяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Ѳеодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы ихъ, дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія (348). Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ

г. 1605. властолюбца, который обожалъ — и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣйшую! «Святая кровь Димитріева,» говорятъ Лѣтописцы, «требовала крови чистой (349), и невинные пали за виновнаго, да страшатся преступники и за своихъ ближнихъ!» Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою святоубійцы, жила единственно благодѣяніями, и коей Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній (350); еще болѣе жалѣли о Ѳеодорѣ, который цвѣлъ добродѣтелію и надеждою: столько имѣлъ, и столько обѣщалъ прекраснаго, для счастія Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію! — Нарушили и спокойствіе могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ (351), и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Ѳеодора и Маріи! г. 1605.

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началася новая надъ Россіею подъ скиптромъ ложнаго!

# ГЛАВА IV.

## ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

### Г. 1605 — 1606.

**Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генрику IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.**

Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — сдѣлавъ, чему нѣтъ примѣра въ Исторіи: изъ бѣглаго Монаха, Казака-разбойника и слуги Пана Литовскаго въ три года ставъ Царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной торжества и ликованія: тамъ собралося болѣе ста тысячь людей воинскихъ и чиновныхъ (352), множество купцевъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ городовъ и селеній. Въ слѣдъ за Князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, избранными бить челомъ Разстригѣ отъ имени Москвы, спѣшили туда и знатнѣйшіе Думные мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и

г. 1605. другіе, чтобы достойно вкусить плодъ своего малодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у Лжедимитрія Козаки, новые Донскіе выходцы (Смага Чертенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ, и съ ласкою; а Боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную строптивость. Пишутъ, что подлые Козаки, въ присутствіи Самозванца, нагло ругали сихъ Вельможъ уничиженныхъ, особенно Князя Андрея Телятевскаго, долѣе другихъ вѣрнаго закону (353). Вельможи представили Лжедимитрію печать государственную, ключи отъ казны Кремлевской, одежды, доспѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началося Державство Разстриги, который, по внушенію ли собственнаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правительствомъ, дѣйствуя свободно, рѣшительно, какъ бы человѣкъ рожденный на престолѣ, и съ навыкомъ власти: 11 Іюня, еще не имѣвъ вѣсти о Ѳеодоровомъ убіеніи, писалъ во всѣ города, и въ самую дальнюю Сибирь, что онъ, укрытый *невидимою* силою отъ злодѣя Бориса, и дозрѣвъ до мужества, правомъ наслѣдія сѣлъ на Государствѣ Московскомъ; что Духовенство, Синклитъ, всѣ Чины и народъ цѣловали ему крестъ съ усердіемъ; что Воеводы городскіе должны немедленно взять со всѣхъ людей такую же присягу на имя Царицы-матери, Инокини Марѳы Ѳеодоровны, и его, Царя Димитрія, съ обязательствомъ служить имъ вѣрно и *не давать отравы,* не сноситься ни съ женою, ни съ сыномъ Борисовымъ, *Ѳедькою,* и ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мстить никому, не убивать никого безъ указа Государева, жить въ тишинѣ и мирѣ, а на службѣ *прямить* и мужествовать неизмѣнно (354). *(Указы Лжедимитріевы.)*

Уже Самозванецъ занимался и дѣлами внѣшними: велѣлъ догнать Посла Англійскаго, Смита, еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взять у него Борисовы письма къ Королю, и сказать ему, что новый Царь, въ знакъ особеннаго дружества къ Англіи, дастъ ея купцамъ новыя выгоды въ торговлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнчанія отправитъ изъ Москвы знатнаго сановника въ Лондонъ, слѣдуя Европейскому обычаю и движенію истинной любви къ Іакову (355). *(Посолъ Англійскій.)*

Узнавъ, что воля его исполнилась: Патріархъ сверженъ, Ѳеодоръ и Марія въ могилѣ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскресшаго Димитрія, — Самозванецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня расположился станомъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, златые кубки и соболей, а Бояре великолѣпнѣйшую утварь Царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: «Иди и владѣй достояніемъ твоихъ предковъ. Святые храмы, Москва и чертоги Іоанновы ожидаютъ тебя. Уже нѣтъ злодѣевъ: земля поглотила ихъ. Настало время мира, любви и веселія» (356). Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины дѣтей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ отцемъ Россіи. *(г. 1605. Шествіе къ Москвѣ.)* Тутъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрны Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ Воеводъ подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе, и писали: «мы честно исполнили долгъ присяги, и какъ служили Борису, такъ готовы служить и тебѣ, уже Царю законному.» Лжедимитрій принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво, и сказалъ: «будьте для меня то же, что вы были для Годунова: я вѣрю вамъ болѣе, нежели своимъ Русскимъ» (357)! Онъ хотѣлъ видѣть Нѣмецкаго чиновника, державшаго знамя въ Добрынской битвѣ, и положивъ ему руку на грудь, славилъ его неустрашимость: чего не могли слушать Россіяне съ удовольствіемъ; но они должны были изъявлять радость! *(Довѣренность къ Нѣмцамъ.)*

20 Іюня, въ прекрасный лѣтній день, Самозванецъ вступилъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди Поляки (358), литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложенныя шестернями и верховыя лошади Царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки Россіянъ, Духовенство съ крестами (359) и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за ними дружина Литовская, Нѣмцы, Козаки и Стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола Московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также *(Вступленіе въ столицу.)*

г. 1605. усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: «Здравствуй отецъ нашъ, Государь и Великій Князь Димитрій Іоанновичь, спасенный Богомъ для нашего благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!» Лжедимитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось (360). Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: «Спаси насъ, Господи, отъ бѣды! Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!» Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный Святителями и всѣмъ Клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна (361). Увидѣли и другую непристойность: вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успенія, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ: чего никогда не бывало, и что казалось народу оскверненіемъ храма (362). Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ!.... Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: «О родитель любезный! ты оставилъ меня въ сиротствѣ и гоненіи; но святыми твоими молитвами я цѣлъ и державствую!» Сіе искусное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: «то истинный Димитрій!» Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоанновыхъ сѣлъ на престолъ Государей Московскихъ.

Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь, къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, который сталъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскимъ гражданамъ, что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Іоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ (363); убѣждалъ Россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служить ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно: «многія лѣта Государю нашему Димитрію! Да погибнутъ враги его!» — Торжество казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили и веселились до глубокой ночи. «Но плачь былъ не далеко отъ радости,» говоритъ Лѣтописецъ, «и вино лилось въ Москвѣ предъ кровію» (364). Пиръ.

Милости. Объявили милости: Лжедимитрій возвратилъ свободу, чины и достояніе не только Нагимъ, мнимымъ своимъ родственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Борисова времени: страдальца Михайла Нагаго (365) пожаловалъ въ санъ *Великаго* Конюшаго; брата его и трехъ племянниковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ Шереметевыхъ, двухъ Князей Голицыныхъ, Долгорукаго, Татева, Куракина и Кашина въ Бояре; многихъ въ Окольничіе, и между ими знаменитаго Василья Щелкалова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ; Князя Василья Голицына назвалъ *Великимъ* Дворецкимъ, Бѣльскаго *Великимъ* Оружничимъ, Князя Михайла Скопина-Шуйскаго *Великимъ Мечникомъ*, Князя Лыкова-Оболенскаго *Великимъ* Крайчимъ, Пушкина *Великимъ* Сокольничимъ, Дьяка Сутупова *Великимъ Секретаремъ* и Печатникомъ, а Власьева также *Секретаремъ Великимъ* и *Надворнымъ Подскарбіемъ* или Казначеемъ, — то есть, кромѣ новыхъ чиновъ, первый ввелъ въ Россіи наименованія иноязычныя, заимствованныя отъ Ляховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго, опальнаго Инока Филарета изъ Сійской пустыни, чтобы дать ему санъ Митрополита Ростовскаго (366): сей добродѣтельный мужъ, нѣкогда главный изъ Вельможъ и ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ сладостное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ и въ жизни отшельника тосковало его сердце: бывшую супругу свою и сына. Съ того времени Инокиня Мареа и юный Михаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили въ Епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и ра- Филаретъ и юный Михаилъ.

г. 1605. зительное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ: ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ основанъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою Четомъ, и богато украшенъ ими. — Странное пугалище воображенія Борисова, мнимый Царь и Великій Князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичь, ослѣпленный, какъ увѣряютъ (367), и сосланный Годуновымъ, также удостоился Лжедимитріева благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣли быть ко Двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться Царемъ (368). Сняли опалу съ родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ мѣста Воеводъ въ Сибири и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію, тамъ, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе (369).

Царь Симеонъ.

Годуновы.

Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву.

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедимитрій старался угодить ей и благодѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску (370); велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго запретилъ всякое мздоимство и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что въ каждую Среду и Субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Борисово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія; объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги (371). Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей (372) и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ, деньгами и мѣхами, но тѣмъ не удовлетворивъ ихъ корыстолюбію: они хотѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Благодѣянія.

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ началася его жизнь пышная, и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россіею, Лжедимитрій не удовольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій: онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дотолѣ бывало), четыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и тремъ Епископамъ (373), надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ *Сенаторами*, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшилъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостію (374). Пишутъ, что онъ, имѣя даръ краснословія, блисталъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть, въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ Королю Французскому, Генрику IV (375); хвалился, подобно Борису, милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: «я могу двумя способами удержаться на престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу испытать милость и вѣрно исполнить обѣтъ, данный мною Богу: не проливать крови» (376). Такъ говорилъ убійца непорочнаго Ѳеодора и благодѣтельной Маріи!... Разстригу славили: Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *носящему на языкѣ милость*, а Патріархъ Іерусалимскій униженною грамотою извѣстилъ его, что вся Палестина ликуетъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего избавителя, и что три лампады денно и нощно пылаютъ надъ гробомъ Христовымъ во имя Царя Димитрія (377).

г. 1605. Преобразованіе Думы.

Любовь Самозванца къ Генрику IV.

Милосердіе.

Похвальное Слово Разстригѣ.

Ближніе люди Самозванца совѣтовали ему, для утвержденія своей власти, немедленно вѣнчаться на Царство: ибо многіе думали, что и злосчастный Ѳеодоръ не столь легко сдѣлался бы жертвою измѣны, если бы успѣлъ освятить себя въ глазахъ народа саномъ Помазанника. Сей обрядъ торжественный надлежало совершить Патріарху: не довѣряя Россійскому Духовенству, Лжедимитрій на мѣсто сверженнаго Іова выбралъ чужеземца, Грека Игнатія, Архіепископа Кипрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ отечества Турками, жилъ нѣсколько вре-

Избраніе новаго Патріарха.

г. 1605. мени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ Епархіею Рязанскою. Онъ снискалъ милость Самозванца, встрѣтивъ его еще въ Тулѣ; не имѣлъ ни чистой Вѣры, ни любви къ Россіи, ни стыда нравственнаго (378), и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. Наспѣхъ поставили Игнатія въ Патріархи, и наспѣхъ готовились къ Царскому вѣнчанію; а Лжедимитрій готовилъ между тѣмъ иное торжественное явленіе, необходимое для полнаго удостовѣренія и Москвы и Россіи, что вѣнецъ Мономаховъ возлагается на главу Іоаннова сына.

Войско, Синклитъ, всѣ Чины государственные признали обманщика Димитріемъ, всѣ, кромѣ матери, которой свидѣтельство было столь важно и естественно, что народъ безъ сомнѣнія ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда (379): ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію Инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную — сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой Государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ (380) — и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустыню Великаго Мечника, Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго (381), и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына благословить его на Царство — и самъ, 18 Іюля (382), выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. — Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ (383) — не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга, и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, воспоминая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россіею! Лжедимитрій посадилъ Марѳу въ великолѣпную колесницу; а самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, окруженный всѣми Боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Іоанновыхъ палатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготовили ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою. Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искуснымъ ея притворствомъ, но удалялъ отъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ, чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, отъ нескромности или раскаянія (384).

*Безмолвное свидѣтельство Царицы Инокини.*

21 Іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами (385); но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйствія, выступилъ Іезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать нововѣнчаннаго Монарха непонятною для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ (386). Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, силясь наперерывъ оказывать ему усердіе и радость — но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось!

*Вѣнчаніе.*

Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худаго воспитанія, — надменный, безразсудный и неосторожный отъ счастія. Удивляя Бояръ остротою и живостію ума въ дѣлахъ государственныхъ, Державный прошлецъ часто забывался: оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣжествомъ, дразнилъ хвалою иноземцевъ, и твердилъ, что Россіяне должны быть ихъ учениками, ѣздить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей (387). Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ Поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ

*Безразсудность Лжедимитрія.*

г. 1605. себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; взялъ даже въ Тайные Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ (388). Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они пожертвовали закономъ и честію: самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣренностію и дружбою Самозванца: всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедимитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова: иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или безумію. Грубостію огорчая Бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ однакожь въ разговорахъ съ нимъ до вольности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянъ о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре, имъ не уважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей (389).

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразуміемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатными Ляхами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянъ и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не велѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской трапезы, садясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою (390). Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Іезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню (391). Страстный къ обычаямъ иноземнымъ, вѣтреный Лжедимитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ (392); ѣлъ телятину, которая считалась у насъ заповѣднымъ, грѣшнымъ яствомъ; не могъ терпѣть бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне отъ Вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ въ сіе время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или самдругъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ, золотарямъ, Аптекарямъ (393); а царедворцы, не зная, гдѣ Царь, г. 1605. вездѣ искали его съ безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ: чему дивились Москвитяне, дотолѣ видавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ саповниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными: онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ, и собственною рукою, въ присутствіи Двора и народа, бить медвѣдей (394); самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостію; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ, что иногда толкали его небережно, сшибали съ ногъ, давили (395) — то есть, хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца, забывая достоинство Монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего нрава вспыльчиваго: за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя (396) и бивалъ, палкою, знатнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ — а низость въ Государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную расточительность: онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей (397) — а народъ не любитъ расточительности въ Государяхъ, ибо страшится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ Московскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшенномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный орелъ изъ того же металла (398). Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ и саней окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ Азіятскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами (399); возницы, конюхи Царскіе одѣвались какъ Вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ Кремлевскихъ, находя ихъ печальными, и

г. 1605. сломавъ деревянный дворецъ Борисовъ какъ памятникъ ненавистный (400), Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный (401), украсилъ стѣны шелковыми Персидскими тканями, цвѣтныя изразцовыя печи серебряными решетками, замки у дверей яркою позолотою, и въ удивленіе Москвитянамъ предъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго Цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, разверзались и брящали (402): «чѣмъ Лжедимитрій,» какъ сказано въ лѣтописи, «предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: адъ и тьму кромѣшнюю!»

Дѣла гнусныя. Дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію, Лжедимитрій презиралъ и святѣйшіе законы нравственности: не хотѣлъ обуздывать вожделѣній грубыхъ, и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уставы цѣломудрія и пристойности, какъ бы съ намѣреніемъ уподобиться тѣмъ мнимому своему родителю; безчестилъ женъ и дѣвицъ, Дворъ, семейства и святыя Обители дерзостію разврата, и не устыдился дѣла гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преступленій: убивъ мать и брата Ксеніи, взялъ ее себѣ въ наложницы (403). Красота сей несчастной Царевны могла увянуть отъ горести; но самое отчаяніе жертвы, самое злодѣйство неистовое казалось прелестію для изверга, который симъ однимъ мерзостнымъ безстудствомъ заслужилъ свою казнь, почти сопредѣльную съ торжествомъ его... Постриженіе Ксеніи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію постригли, назвали Ольгою и заключили въ пустынѣ на Бѣлѣозерѣ, близъ монастыря Кириллова.

Но Самозванецъ подъ личиною Димитрія, вѣроятно, могъ бы еще долго безумствовать и злодѣйствовать въ вѣнцѣ Мономаховомъ, если бы сія, какъ бы волшебная личина не спала съ него въ глазахъ народа: столь велико было усердіе Россіянъ къ древнему племени Державному! Заблужденіе возвысило бродягу: истина долженствовала низвергнуть обманщика. Не одинъ удаленный Іовъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся ли Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, стараясь казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока премѣнивъ на Царскую? или, ослѣпленный счастіемъ, уже не видалъ для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая Россіянъ стадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзостію мыслилъ уменшить сію опасность, поколебать удостовѣреніе, сомкнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться, и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ; не ходилъ только въ святую Обитель Чудовскую, мѣсто непріятныхъ для него знакомствъ и воспоминаній. И такъ не удивительно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрія, уже многіе люди шептали между собою о дѣйствительномъ сходствѣ его съ Діакономъ Григоріемъ; хвала умолкала отъ безразсудности и худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ становился внятнѣе — и скоро взволновалъ столицу. Шепотъ о Разстригѣ. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ Инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ (404): Обличенія. Инока тайно умертвили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины! — тотъ, кому Судьба вручала месть праведную, но коего часъ еще не наступилъ: Шуйскій. Князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳеодора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ (405). Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя Героемъ: не отрицался; смѣло, великодушно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хотѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такія хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пытали: онъ мол-

г. 1605. чалъ; не назвалъ никого изъ соумышленниковъ, и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни: братьевъ его лишали только свободы. Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста (406), гдѣ стоялъ осужденный Бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени Царскаго: «Великій Бояринъ, Князь Василій Ивановичь Шуйскій, измѣнилъ мнѣ, законному Государю вашему, Димитрію Іоанновичу всея Россіи; коварствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ вами, добрыми подданными: называлъ Лжецаремъ; хотѣлъ свергнуть съ престола. Для того осужденъ на казнь: да умретъ за измѣну и вѣроломство!» Народъ безмолвствовалъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный Князь Василій, уже обнажаемый палачемъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: «братья! умираю за истину, за Вѣру Христіанскую и за васъ» (407)! Уже голова осужденнаго лежала на плахѣ.... Вдругъ слышатъ крикъ: *стой!* и видятъ Царскаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому! Тутъ вся площадь закипѣла въ неописанномъ движеніи радости: славили Царя, какъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись (408): могъ ли забыть Шуйскій пытки и плаху? Узнали, что не вѣтреный Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ великодушія, но что Царица-Инокиня слезнымъ моленіемъ убѣдила мнимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его (409)!... Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Марѳа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые Ляхи, видя, сколь живое участіе принимали Москвитяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность. — Всѣхъ трехъ Шуйскихъ, Князя Василія, Дмитрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, домы опустошили. г. 1605.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичанъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары (410): они видѣли его, узнали, и не хотѣли молчать. Ихъ заключили; а дядю, Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году ѣздившаго къ Сигизмунду для уличенія племянника), сослали въ Сибирь. Схватили еще Дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Ѳедора, которые явно возмущали народъ противъ Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнить обоихъ торжественно, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявилъ чувствительности къ великодушію сихъ двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя Лжедимитрія Антихристомъ и любимцемъ Сатаны (411), жалѣя о Россіи и предсказывая ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, восклицая: «умираете за дѣло!» — Съ сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, какъ въ Борисово царствованіе: ибо Самозванецъ, дотолѣ желавъ хвалиться милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ правиламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость, и для того благопріятствовалъ извѣтамъ. Пытали, казнили, душили въ темницахъ, лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстригѣ. По такимъ ли доносамъ, или единственно опасаясь нескромности своихъ старыхъ пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удалить многихъ Чудовскихъ Иноковъ въ другія, пустынныя Обители, хотя (что достойно замѣчанія) оставилъ въ покоѣ Крутицкаго Митрополита Пафнутія (412), который съ перваго взгляда узналъ въ немъ Діакона Григорія, бывъ въ его время Архимандритомъ сего монастыря, но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ, что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе, и явно не довѣряя Москвитянамъ, снова окружилъ себя иноплеменниками (413): выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины подъ начальствомъ *Капитановъ:* Француза Маржерета, Ливонца Кнутсена и Шотландца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ Нѣмцы тѣлохранители.

г. 1605. камку и бархатъ; вооружилъ алебардами и протазанами, сѣкирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными; далъ каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣздилъ и не ходилъ одинъ, всюду провождаемый сими грозными тѣлохранителями, за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы ([414]). Мѣра достойная бродяги, игрою Судьбы вознесеннаго на степень Державства: триста иноземныхъ сѣкиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумилліона воиновъ, безполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между тѣмъ Лжедимитрій хотѣлъ веселья: музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою ([415]). Всякій день казался праздникомъ. «Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами», говоритъ Лѣтописецъ. Смиренный видъ и смиренная одежда для людей неубогихъ считались знакомъ худаго усердія къ Царю веселому и роскошному, который симъ призракомъ благосостоянія желалъ увѣрить Россію въ ея златомъ вѣкѣ подъ державою обманщика.

Пышность и веселья.

Посольство въ Литву за невѣстою.

Утишивъ ([416]), какъ онъ думалъ, Москву, Лжедимитрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, данный его благодарностію, сердцемъ или Политикою: предложить руку и вѣнецъ Маринѣ, которая любовію и довѣренностію къ бродягѣ заслуживала честь сидѣть съ нимъ на тронѣ. Сношенія между Воеводою Сендомирскимъ и нареченнымъ его зятемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мнишка о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ всегда отцемъ и другомъ; писалъ къ нему изъ Путивля, Тулы, Москвы; а Воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ Боярамъ Московскимъ, требуя ихъ признательности такими словами: «Способствовавъ счастію Димитрія, я готовъ стараться, чтобы оно было и счастіемъ Россіи, побуждаемый къ сему моею всегдашнею къ ней любовію, и надеждою на вашу благодарность, когда вы увидите мое ревностное о васъ ходатайство предъ Трономъ, и будете имѣть новыя выгоды, новыя важныя права, неизвѣстныя донынѣ въ Московскомъ Государствѣ» ([417]). Наконецъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) Лжедимитрій послалъ Великаго Секретаря и Казначея, Аѳанасія Власьева, въ Краковъ для торжественнаго сватовства, давъ ему грамоту къ Сигизмунду и другую отъ Царицы-Инокини Мароы къ отцу невѣстину. Могли ли Россіяне одобрить сей бракъ съ иновѣркою, хотя и знатнаго, но не Державнаго племени, — съ удовольствіемъ видѣть спесиваго Пана тестемъ Царскимъ, ждать къ себѣ толпу его ближнихъ, не менѣе спесивыхъ, и раболѣпно чтить въ нихъ свойство съ Вѣнценосцемъ, который избраніемъ чужеземной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко всѣмъ благороднымъ Россіянкамъ? Самозванецъ, вопреки обычаю, даже и не извѣстилъ Бояръ о семъ важномъ дѣлѣ ([418]): говорилъ, совѣтовался единственно съ Ляхами. Но, легкомысленно досаждая Россіянамъ, онъ въ тоже время не вполнѣ удовлетворялъ и желаніямъ своихъ друзей иноземныхъ. г. 1605.

Неудовольствія.

Никто ревностнѣе Нунція Папскаго, Рангони, не служилъ обманщику: пышною грамотою привѣтствуя Лжедимитрія на тронѣ ([419]), Рангони славилъ Бога и восклицалъ: *мы побѣдили!* льстилъ ему хвалами неумѣренными и надѣялся, что соединеніе Церквей будетъ первымъ изъ его дѣлъ безсмертныхъ; писалъ: «Изображеніе лица твоего уже въ рукахъ Св. Отца, исполненнаго къ тебѣ любви и дружества. Не медли изъявить свою благодарность Главѣ вѣрныхъ.... и пріими отъ меня дары духовные: образъ сильнаго Воеводы, Коего содѣйствіемъ ты побѣдилъ и царствуешь; четки молитвенныя и Библію Латинскую, да услаждаешься ея чтеніемъ, и да будешь вторымъ Давидомъ.» Скоро прибылъ въ Москву и чиновникъ Римскій ([420]), Графъ Александръ Рангони (племянникъ Нунція) съ *Апостольскимъ благословеніемъ* и съ поздравительною грамотою отъ преемника Климентова, нетерпѣливаго въ желаніи видѣть себя Главою нашей Церкви; но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣтѣ, хваляся чудесною къ нему благостію Божіею, истребившею злодѣя, *отцеубійцу* его, не сказалъ ни слова о соединеніи Церквей: говорилъ только о великодушномъ своемъ намѣреніи жить не въ праздности, но вмѣстѣ съ Императоромъ итти на Султана, чтобы стереть Державу невѣрныхъ съ лица земли, убѣждая Павла V не допускать Рудольфа до мира съ Турками: для чего хотѣлъ отправить въ Австрію и собственнаго Посла. Лжедимитрій писалъ и вторично

г. 1605. къ Папѣ, обѣщая доставить безопасность его Миссіонаріямъ на пути ихъ чрезъ Россію въ Персію и *быть вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему слова;* посылалъ и самъ Іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ, но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели Церковнаго дѣла: для переговоровъ о войнѣ Турецкой, которую онъ дѣйствительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣлымъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государствомъ Московскимъ: хотѣлъ завоеваній и Державъ новыхъ ([421])! Сія ревность еще сильнѣе воспылала въ немъ отъ донесенія Воеводъ Терскихъ, что ихъ Стрѣльцы и Козаки одержали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что нѣкоторые данники Султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи ([422]). Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедимитріева? Папа славилъ Царя-Героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, *отрѣзать крылья и правую руку* у Султана въ войнѣ съ Императоромъ; однакожь имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Латинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаетъ всякаго *яснаго* слова о Законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россіянъ Папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лжедимитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастіе и престолъ измѣнили того, кто еще недавно въ восторгѣ лобызалъ его руку, безмолвствовалъ и вздыхалъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный ([423]). Бывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца — оказавъ бродягѣ честь сына Царскаго, давъ ему деньги, воиновъ, и тѣмъ склонивъ народъ Сѣверскій вѣрить обману — Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ Секретаря своего, Госѣвскаго, привѣтствуя новаго Царя ([424]), нескромно требовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ Москву отъ *мятежника* Карла. Госѣвскій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что Король встревоженъ молвою удивительною. «Недавно» (говорилъ сей чиновникъ) «выѣхалъ къ намъ изъ Россіи одинъ Приказный, который увѣряетъ, что Борисъ живъ: устрашенный твоими побѣдами, и слѣдуя наставленію волхвовъ, онъ уступилъ Державу сыну, юному Ѳеодору, притворился мертвымъ, и велѣлъ торжественно, вмѣсто себя, схоронить другаго человѣка, опоеннаго ядомъ; а самъ, взявъ множество золота, съ вѣдома одной Царицы и Семена Годунова бѣжалъ въ Англію, называясь купцемъ. Поручивъ надежнымъ людямъ разведать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли укрывается тамъ опасный злодѣй твой, Сигизмундъ, какъ истинный другъ, счелъ за нужное предостеречь тебя, и думая, что вѣрность Россіянъ еще сомнительна, далъ указъ нашимъ Литовскимъ Воеводамъ быть въ готовности для твоей защиты.» Сія сказка не испугала Лжедимитрія: онъ благодарилъ Короля, но отвѣтствовалъ, что «въ смерти Борисовой не сомнѣвается; что готовъ быть недругомъ мятежнику Шведскому, но прежде хочетъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Сигизмунда, который, вопреки ласковымъ словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ достоинство» — ибо Сигизмундъ въ письмѣ своемъ назвалъ его Господаремъ и Великимъ Княземъ, а не *Царемъ*: Самозванецъ же хотѣлъ не только сего титула, но и новаго, пышнѣйшаго: вздумалъ именовать себя *Цесаремъ*, и даже *непобѣдимымъ*, мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ ([425])! Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Сигизмундъ изъявилъ досаду, и Вельможные Паны упрекали недавняго бродягу смѣшнымъ высокоуміемъ, злою неблагодарностію; а Лжедимитрій писалъ въ Варшаву, что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигизмундовыхъ, чтитъ его какъ брата, какъ отца; желаетъ утвердить съ нимъ союзъ, но не престанетъ требовать Цесарскаго титула, хотя и не мыслитъ грозить ему за то войною ([426]). Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и Нунцій Папскій, тщетно доказывали Самозванцу, что Король называетъ его такъ, какъ Государи Польскіе всегда называли Государей Московскихъ, и что Сигизмунду не льзя перемѣнить сего обыкновенія безъ согласія Чиновъ Республики. Другіе же, не менѣе благоразумные лю-

Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ.

Титулъ Цесаря.

г. 1605. ди думали, что Республика не должна ссориться за пустое имя съ хвастливымъ другомъ, который можетъ быть ей орудіемъ для усмиренія Шведовъ; но Паны не хотѣли слышать о новомъ титулѣ, и Воевода Познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику Россійскому (427): «Богъ не любитъ гордыхъ, и *непобѣдимому* Царю вашему не усидѣть на тронѣ.» — Сей жаркій споръ не мѣшалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ сватовства.

1 Ноября (428) *Великій Посолъ* Царскій, Аѳанасій Власьевъ, со многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и былъ представленъ Сигизмунду: говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сына, о славѣ низвергнуть Державу Оттоманскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Виѳанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлить престолъ съ Мариною, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему, во дни его несгоды и печали, знаменитымъ ея родителемъ (429). 12 Ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевны Анны, совершилось торжественное обрученіе (воспѣтое въ стихахъ Пиндарическихъ (430) Іезуитомъ Гроховскимъ). Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоцѣнными, блистала равно и красотою и пышностію. Именемъ Мнишка сказавъ Власьеву (который заступалъ мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ дочь на бракъ и Царство, Литовскій Канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и Панъ Ленчицкій и Кардиналъ, Епископъ Краковскій, славя «достоинства, воспитаніе и знатный родъ Марины, *вольной Дворянки Государства вольнаго*, — честность Димитрія въ исполненіи даннаго имъ обѣта, счастіе Россіи имѣть законнаго, отечественнаго Вѣнценосца, вмѣсто иноземнаго или похитителя, и видѣть искреннюю дружбу между Сигизмундомъ и Царемъ, который безъ сомнѣнія не будетъ примѣромъ неблагодарности, зная, чѣмъ обязанъ Королю и Королевству Польскому.» Кардиналъ и знатнѣйшіе духовные сановники пѣли молитву: veni Creator: всѣ преклонили колѣна; но Власьевъ стоялъ — и едва не произвелъ смѣха, на вопросъ Епископа: «не обрученъ ли Димитрій съ другою невѣстою?» отвѣтствуя: *а мнѣ какъ знать? того у меня нѣтъ въ наказѣ* (431). Мѣняясь перстнями, онъ вынулъ Царскій изъ ящика, съ

Обрученіе.

однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ Кардиналу; а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстина перстня. По совершеніи священныхъ обрядовъ былъ великолѣпный столъ у Воеводы Сендомирскаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля, принимая отъ Россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха: богатый образъ Св. Троицы, благословеніе Царицы-Инокини Марѳы; перо изъ рубиновъ; чашу гіацинтовую; золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными каменьями; золотаго быка, пеликана и павлина; какія-то *удивительныя* часы съ флейтами и трубами; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ (432), и проч. и проч. Между тѣмъ Власьевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за столъ съ Мариною, ни пить, ни ѣсть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лице Димитрія, билъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье Царя и *Царицы*: уже такъ именовали невѣсту обрученную. Послѣ обѣда, Король, Владиславъ и Шведская Принцесса Анна танцовали съ Мариною; а Власьевъ уклонился отъ сей чести, говоря: «дерзну ли коснуться Ея Величества!» Наконецъ, прощаясь съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и плакала отъ умиленія, къ неудовольствію Посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для будущей супруги Московскаго Вѣнценосца; но ему отвѣтствовали, что Сигизмундъ Государь ея, ибо она еще въ Краковѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, Король сказалъ ей: «Чудесно возвышенная Богомъ, не забудь, чѣмъ ты обязана странѣ своего рожденія и воспитанія, — странѣ, гдѣ оставляешь ближнихъ, и гдѣ нашло тебя счастіе необыкновенное. Питай въ супругѣ дружество къ намъ и благодарность за сдѣланное для него мною и твоимъ отцемъ. Имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, чти родителей и *не измѣняй обычаямъ Польскимъ*.» Снявъ съ себя шапку, онъ перекрестилъ Марину, собственными руками отдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ Сендомирскому ѣхать съ нею въ Россію; а Власьевъ, немедленно отправивъ къ Самозванцу перстень невѣсты и живописное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько дней въ Краковѣ, чтобы праздновать Сигизмундово бракосочетаніе съ Австрійскою Эрцгерцогинею, и (8 Декабря) выѣхалъ въ Слонимъ, ожидать

г. 1605. тамъ Мнишка и Марины на пути ихъ въ Россію ([433]); но ждалъ долго.

Пожертвовавъ Самозванцу знатною частію своего богатства, Воевода Сендомирскій не былъ доволенъ одними дарами: требовалъ отъ него денегъ, чтобы расплатиться съ заимодавцами, и не хотѣлъ безъ того выѣхать изъ Кракова ([434]); скучалъ, досадовалъ и тревожился худою молвою о будущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что дѣлалось въ Москвѣ; знали о негодованіи Россіянъ, и многіе не вѣрили ни Царскому происхожденію Лжедимитрія, ни долговременности его счастія; говорили о томъ всенародно, предостерегали Короля и Мнишка. Сама Царица-Инокиня Маρѳа, какъ увѣряютъ, тайно велѣла чрезъ одного Шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Димитрій не есть сынъ ея ([435]). Даже и чиновники Россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шептали на ухо любопытнымъ о Царѣ беззаконномъ, и предсказывали неминуемый скорый ему конецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили такимъ рѣчамъ или показывали, что не вѣрятъ, желая приписывать ихъ единственно внушеніямъ тайныхъ злодѣевъ Царя, друзей Годунова и Шуйскаго. Во всякомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его убытки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606), Секретарь *Янъ* Бучинскій привезъ изъ Москвы 200 тысячь злотыхъ Мнишку, сверхъ ста тысячь, отданныхъ Лжедимитріемъ Сигизмунду въ уплату суммы, которую занялъ у него Воевода Сендомирскій на ополченіе 1604 года ([436]). Разстрига изъявлялъ нетерпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, занимаясь пышными сборами, еще долго жилъ въ Галиціи, и выѣхалъ, съ толпою своихъ ближнихъ, уже въ распутицу, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ отъ худой дороги возвратились ([437]),— къ ихъ счастію: ибо въ Москвѣ уже все изготовилось къ страшному дѣйствію народной мести.

Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ.

г. 1606. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы.

Происшествія въ Москвѣ.

Оградивъ себя иноземными тѣлохранителями, и видя тишину въ столицѣ, уклончивость, низость при Дворѣ, Лжедимитрій совершенно успокоился; вѣрилъ какому-то предсказанію, что ему властвовать 34 года ([438]), и пировалъ съ Боярами на ихъ свадьбахъ ([439]), дозволивъ имъ свободно выбирать себѣ невѣстъ и жениться: чего не было въ царствованіе Годунова, и чѣмъ воспользовался, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, знатнѣйшій Вельможа Князь Мстиславскій, за коего Самозванецъ выдалъ двоюродную сестру Царицы-Инокини Маρѳы. Казалось, что и Москва искренно веселилась съ Царемъ: никогда не бывало въ ней столько пировъ и шума; никогда не видали столько денегъ въ обращеніи: ибо Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лжедимитрія, отъ щедротъ его сыпали золотомъ ([440]), къ немалой выгодѣ Московскаго купечества, и хвастаясь богатствомъ, по словамъ Лѣтописца, не только ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозванецъ, расположенный къ дѣйствіямъ милости, простилъ Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки ([441]): возвратилъ имъ богатство и знатность, въ удовольствіе ихъ многочисленныхъ друзей, которые умѣли хитро ослѣпить его прелестію такого великодушія, и, вѣроятно, уже не безъ намѣренія, гибельнаго для Лжецаря. Всѣми уважаемый какъ первостепенный мужъ государственный и потомокъ Рюриковъ, Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ народа, прославивъ себя неустрашимою твердостію въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха дали ему, въ глазахъ Россіянъ, блистательный вѣнецъ Героя-мученика, и никто изъ Бояръ не могъ, въ случаѣ народнаго движенія, имѣть столько власти надъ умами, какъ сей Князь, равно честолюбивый, лукавый и смѣлый. Давъ на себя письменное обязательство въ вѣрности Лжедимитрію ([442]), онъ возвратился въ столицу, по видимому инымъ человѣкомъ: казался усерднѣйшимъ его слугою, и снискалъ въ немъ особенную довѣренность, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ближнихъ людей Самозванца, которые говорили, что можно изъ милосердія, иногда одобряемаго Политикою, не казнить измѣнника и клятвопреступника, но безразсудно вѣрить его новой клятвѣ; что Шуйскій, не видавъ отъ Димитрія ничего кромѣ благоволенія, замышлялъ его гибель, а претерпѣвъ отъ него безчестіе, муки, ужасъ смерти, конечно не исполнился любви къ своему карателю, хотя и правосудному: исполнился, вѣроятнѣе, злобы и мести, скрываемыхъ подъ личиною раскаянія. Они говорили истину: Шуйскій возвратился съ тѣмъ, чтобы погибнуть или погубить Лжедимитрія. Но легкоумный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благо- г. 1606.

Возвращеніе Шуйскихъ.

г. 1606. стію, сколько безстрашіемъ, отвѣтствовалъ, что находя искреннее удовольствіе въ милости, любитъ прощать совершенно, не вполовину, и безъ грѣха не можетъ чего нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ (443). Онъ хотѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту: Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы—однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

*Лжедимитрій* дѣйствовалъ, какъ и прежде: вѣтрено и безразсудно; то желалъ снискать любовь Россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники разсказываютъ слѣдующее происшествіе: «Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ: тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость: торжествовалъ побѣду; говорилъ: *такъ возьму Азовъ* — и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію: ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что *Лжедимитрій*, опасаясь дѣйствительной сѣчи между ими (444), тѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву.» Ненависть къ иноземцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости: на примѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гробы Святыхъ. Не менѣе жаловались Москвитяне и на Козаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ: величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство Жидами (445); суда не было. — Но самымъ злѣйшимъ г. 1606. врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовенство. Какъ бы желая унизить санъ Монашества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ, и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску (446): то есть, смѣлый бродяга, бурею кинутый на престолъ шаткій, и новою бурею угрожаемый, хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились Государи законные, Іоанны III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго! — Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе Бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно молясь за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего, и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей: ибо онъ, дозволивъ Іезуитамъ служить Латинскую Обѣдню въ Кремлѣ, дозволилъ и Лютеранскимъ Пасторамъ говорить тамъ проповѣди, чтобы его тѣлохранители не имѣли труда ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмецкую слободу (447).

Въ сіе время явленіе новаго Самозванца также повредило Разстригѣ въ общемъ мнѣніи. Завидуя успѣху и чести Донцевъ, ихъ братья, Козаки Волжскіе и Терскіе, назвали одного изъ своихъ товарищей, молодаго Козака Илейку, сыномъ Государя Ѳеодора Іоанновича, Петромъ, и выдумали сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣшилась отъ бремени симъ Царевичемъ, коего властолюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и подмѣнилъ дѣвочкою (Ѳеодосіею). Ихъ собралося 4000, къ ужасу путешественниковъ, особенно людей торговыхъ: ибо сіи мятежники, сказывая, что идутъ въ Москву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцевъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ, что добычу ихъ цѣ- Самозванецъ Петръ.

г. 1606. нили въ 300 тысячь рублей (448); а Лжедимитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать, и писалъ къ мнимому Петру — вѣроятно, желая заманить его въ сѣти — что если онъ истинный сынъ Ѳеодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принятъ съ честію. Никто не вѣрилъ новому обманщику; но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разстриги, изъясняя одну басню другою; многіе даже думали, что оба Самозванца въ тайномъ согласіи; что Лжепетръ есть орудіе Лжедимитрія; что послѣдній велитъ Козакамъ грабить купцевъ для обогащенія казны своей (449), и ждетъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревностныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго тиранства надъ Россіянами, ему ненавистными. Илейка дѣйствительно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ Разстриги и шелъ къ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не стало (450).

Начало заговора. По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе Князя Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедимитрія, который изготовилъ легкій успѣхъ онаго, досаждая Боярамъ, Духовенству и народу, презирая Вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на тронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ; можетъ быть, осторожнѣйшіе изъ Бояръ не захотѣли бы свергнуть Властителя хотя и незаконнаго, но благоразумнаго, чтобы не предать отечества въ жертву безначалію. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разстригина царствованія: вѣдая, кто онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, что сей человѣкъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужитъ счастіе дѣлами достохвальными; увидѣли безуміе — и возстали на обманщика: ибо Москва, какъ пишутъ, уже не сомнѣвалась тогда въ единствѣ Отрепьева и Лжедимитрія (451). Любопытно знать, что самые ближніе люди Разстригины не скрывали истины другъ отъ друга; самъ несчастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедимитрію, сказалъ имъ: «вы имѣете въ немъ отца и благоденствуете въ Россіи: молитесь о здравіи его вмѣстѣ со мною. Хотя онъ и *не сынъ Іоанновъ*, но Государь нашъ: ибо мы *присягали* ему, и лучшаго найти не можемъ» (452). Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что *присяга*, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная: сію мысль еще не давно внушали народу друзья Лжедимитріевы, склоняя его измѣнить юному Ѳеодору (453); сею же мыслію успокоивалъ и Шуйскій Россіянъ добросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть сообщниковъ въ Синклитѣ, Духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испыталъ опасность кововъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клевретовъ; но съ того времени общая ненависть ко Лжедимитрію созрѣла и ручалась за вѣрнѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не нашлося предателей — извѣтниковъ — и Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселясь и пируя, составить заговоръ, коего нить шла отъ Царской Думы чрезъ всѣ степени государственныя до народа Московскаго, такъ, что и многіе изъ ближнихъ людей Отрепьева, выведенные изъ терпѣнія его упрямствомъ въ неблагоразуміи, пристали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные: говорили, что онъ, пылая жаждою кровопролитія безумнаго, въ одно время грозитъ войною Европѣ и Азіи. Лжедимитрій несомнительно думалъ воевать съ Султаномъ, назначилъ для того Посольство къ Шаху Аббасу (454), чтобы пріобрѣсти въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ дружинамъ Дѣтей Боярскихъ итти въ Елецъ, отправивъ туда множество пушекъ; грозилъ и Швеціи; написалъ къ Карлу: «Всѣхъ сосѣдственныхъ Государей увѣдомивъ о своемъ воцареніи, увѣдомляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ Королемъ Шведскимъ, Сигизмундомъ, требуя, чтобы ты возвратилъ ему Державную власть, похищенную тобою вѣроломно, вопреки уставу Божественному, Естественному и Народному Праву — или вооружишь на себя могущественную Россію. Усовѣстись и размысли о печальномъ жребіи Бориса Годунова: такъ Всевышній казнитъ похитителей — казнитъ и тебя» (455). Увѣряли еще, что Лжедимитрій вызываетъ Хана опустошать южныя владѣнія Россіи, и желая привести его въ бѣшенство, послалъ къ нему въ даръ шубу изъ свиныхъ кожъ (456): басня опровергаемая современными государ-

Посольство къ Шаху.

Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю.

г. 1606. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія.

ственными бумагами, въ коихъ упоминается о мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣреніи или обѣщаніи Самозванца предать нашу Церковь Папѣ и знатную часть Россіи Литвѣ: о чемъ сказывалъ Боярамъ Дворянинъ Золотой-Квашнинъ, бѣглецъ Іоаннова времени, который долго жилъ въ Польшѣ (457). Говорили, что Разстрига ждетъ только Воеводы Сендомирскаго съ новыми шайками Ляховъ для исполненія своихъ умысловъ, гибельныхъ для отечества. Уже начальники заговора хотѣли-было приступить къ дѣлу (458); но отложили ударъ до свадьбы Лжедимитріевой, для того ли, какъ пишутъ, чтобы съ невѣстою и съ ея ближними возвратились въ Москву древнія Царскія сокровища, раздаренныя имъ щедростію Самозванца, или для того, чтобы онъ имѣлъ время и способъ еще болѣе озлобить Россіянъ новыми беззаконіями, предвидѣнными Шуйскимъ и друзьями его?

Между тѣмъ два или три случая, не будучи въ связи съ заговоромъ, могли потревожить Самозванца. Ему донесли, что нѣкоторые Стрѣльцы всенародно злословятъ его, какъ врага Вѣры (459): онъ призвалъ всѣхъ Московскихъ Стрѣльцевъ съ Головою Григоріемъ Микулинымъ, объявилъ имъ дерзость ихъ товарищей и требовалъ, чтобы вѣрные воины судили измѣнниковъ: Микулинъ обнажилъ мечь, и хулители Лжецаря, не изъявляя ни раскаянія, ни страха, были изсѣчены въ куски своими братьями: за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина, какъ усерднаго слугу, въ Дворяне Думные, а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу великодушныхъ страдальцевъ.

Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова.

Такимъ же мученикомъ хотѣлъ быть и Дьякъ Тимоѳей Осиповъ: пылая ревностію изобличить Разстригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ дома, пріобщился Святыхъ Таинъ, и торжественно, въ палатахъ Царскихъ, предъ всѣми Боярами, назвалъ его *Гришкою Отрепьевымъ, рабомъ грѣха, еретикомъ* (460). Всѣ изумились, и самъ Лжедимитрій безмолвствовалъ въ смятеніи: опомнился и велѣлъ умертвить сего въ Исторіи незабвеннаго мужа, который своею кровію, вмѣстѣ съ немногими другими, искупалъ Россіянъ отъ стыда повиноваться бродягѣ. Пишутъ, что и Стрѣльцы и Дьякъ Осиповъ, прежде ихъ убіенія, были допрашиваемы Басмановымъ, но никого не оговорили въ единомысліи съ ними. Не менѣе безстрашнымъ оказалъ себя и знаменитый слѣпецъ, такъ называемый Царь Симеонъ: будучи ревностнымъ Христіаниномъ, и слыша, что Лжедимитрій склоняется къ Латинской Вѣрѣ, онъ презрѣлъ его милость и ласки, всенародно изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ истинныхъ сыновъ Церкви умереть за ея святые уставы: Симеона, обвиняемаго въ неблагодарности, удалили въ монастырь Соловецкій и постригли (461).

Опала Царя Симеона и Татищева.

Тогда же чиновникъ извѣстный способностями ума и гибкостію нрава, бывъ въ равной довѣренности у Бориса и Самозванца, Думный Дворянинъ Михайло Татищевъ, вдругъ заслужилъ опалу смѣлостію, въ немъ совсѣмъ необыкновенною. Однажды, за столомъ Царскимъ, Князь Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, въ первый разъ сказалъ Лжедимитрію, что не должно подчивать Россіянъ яствами, для нихъ гнусными; а Татищевъ, приставъ къ Шуйскому, началъ говорить столь невѣжливо и дерзко, что его вывели изъ дворца и хотѣли сослать на Вятку (462); но Басмановъ чрезъ двѣ недѣли исходатайствовалъ ему прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ). Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что Татищевъ не даромъ измѣнилъ своему навыку; что они, зная вспыльчивость Лжедимитрія, хотѣли вырвать изъ него какое нибудь слово нескромное и во вредъ ему разгласить о томъ въ городѣ; что у нихъ должно быть намѣреніе дальновидное и злое. Къ счастію, Лжедимитрій, по нраву и правиламъ неопасливый, скоро оставилъ сію безпокойную мысль, видя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки усердія и преданности, особенно въ Шуйскомъ, и всего болѣе думая тогда о великолѣпномъ пріемѣ Марины.

Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною.

Но Воевода Сендомирскій какъ долго не трогался съ мѣста, такъ медленно и путешествовалъ; вездѣ останавливался, пировалъ, къ досадѣ своего провожатаго, Аѳанасія Власьева, и еще изъ Минска писалъ въ Москву, что ему не льзя выѣхать изъ Литовскихъ владѣній, пока Царь не заплатитъ Королю *всего долга;* что грубость излишно ревностнаго слуги Власьева, нудящаго ихъ *не ѣхать, а летѣть* въ Россію, несносна для него, ветхаго старца, и для нѣжной Ма-

г. 1606. рины. Самозванецъ не жалѣлъ денегъ: обязался удовлетворить всѣмъ требованіямъ Сигизмундовымъ, прислалъ 5000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ, и сверхъ того 5000 рублей и 13,000 талеровъ на ея путешествіе до предѣловъ Россіи (463); но изъявилъ неудовольствіе. «Вижу,» писалъ онъ къ Мнишку, «что вы едва ли и весною достигнете нашей столицы, гдѣ можете не найти меня: ибо я намѣренъ встрѣтить лѣто въ станѣ моего войска, и буду въ полѣ до зимы. Бояре, высланные ждать васъ на рубежѣ, истратили въ сей голодной странѣ всѣ свои запасы и должны будутъ возвратиться, къ стыду и поношенію Царскаго имени.» Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ ѣхать назадъ; однакожь, извинивъ колкія выраженія будущаго зятя нетерпѣніемъ его страстной любви, 8 Апрѣля въѣхалъ въ Россію.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣки отечество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велерѣчивымъ изображеніемъ ея славы (464). Воевода Сендомирскій желалъ блеснуть пышностію: съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячь, и столько же лошадей. Марина ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Мнишекъ, братъ и сынъ его, Князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ Пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы Московскіе, а за мѣстечкомъ Краснымъ Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедимитріевъ) и Князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшіе Государи Европейскіе хотѣли бы выдать дочерей своихъ за Димитрія, но что Димитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцати бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ (465); возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѣхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводителями, и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Не смотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и домы для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязмѣ подносили ей многоцѣнные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами еще богатѣйшими. Всѣ старались угождать не только будущей Царицѣ, но и спутникамъ ея, надменнымъ Ляхамъ (466), которые вели себя нескромно, грубили Россіянамъ, притворно смиреннымъ, и достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы — надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на Княженіе Смоленское!... Оставивъ Марину въ Вязмѣ, Сендомирскій Воевода съ сыномъ и Княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ Царемъ относительно къ браку (467). г. 1606.

25 Апрѣля, имѣвъ пышный въѣздъ въ столицу (468), Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ будущаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженномъ Боярами и Духовенствомъ: Патріархъ и Епископы сидѣли на правой сторонѣ, Вельможи на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжедимитріеву; говорилъ рѣчь, и не находилъ словъ для выраженія своего счастія. «Не знаю» (сказалъ онъ), «какое чувство господствуетъ теперь въ душѣ моей: удивленіе ли чрезмѣрное или радость неописанная? Мы проливали нѣкогда слезы умиленія, слушая повѣсть о жалостной, мнимой кончинѣ Димитрія — и видимъ его воскресшаго! Давно ли, съ горестію инаго рода, съ участіемъ искреннимъ и нѣжнымъ, я жалъ руку изгнанника, моего гостя печальнаго — и сію руку, нынѣ Державную, лобызаю съ благоговѣніемъ!.... О счастіе! какъ ты играешь смертными! Но что говорю? не слѣпому счастію, а Провидѣнію дивимся въ судьбѣ твоей: Оно спасло тебя и возвысило, къ утѣшенію Россіи и всего Христіанства. Уже извѣстны мнѣ твои блестящія свойства: я видѣлъ тебя въ пылу битвы неустрашимаго, въ трудахъ воинскихъ неутомимаго, къ хладу зимнему нечувствительнаго.... ты бодрствовалъ въ полѣ, когда и звѣри Сѣвера въ своихъ норахъ таились. Исторія и Стихотворство прославятъ тебя за мужество и за многія иныя добродѣтели, которыя спѣши открыть въ себѣ міру; но я особенно долженъ славить твою высокую ко мнѣ милость, щедрую награду за мое къ тебѣ раннее дружество, которое предупредило честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣлишь свое величіе съ моею дочерью, умѣя цѣнить ея нравственное воспитаніе и выгоды, данныя

Рѣчь Мнишкова.

г. 1606. ей рожденіемъ въ Государствѣ свободномъ, гдѣ Дворянство столь важно и сильно — а всего болѣе зная, что одна добродѣтель есть истинное украшеніе человѣка.» Лжедимитрій слушалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно утирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни слова: вмѣсто Царя отвѣтствовалъ Аѳанасій Власьевъ. Началося роскошное угощеніе. Мнишекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ Поляки хвалили и богатство и вкусъ украшеній (469). Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожь сидѣть съ нимъ рядомъ: сидѣлъ одинъ за *серебряною трапезою*, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецкому золотыя тарелки (470). Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ данію, и разсказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ *Индіи* и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни Вѣры (471): Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чудnымъ разнообразіемъ ея народовъ. Ввечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; сынъ Воеводы Сендомирскаго и Князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся переодѣваніемъ, ежечасно являясь то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными, безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію: билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Бояръ: «слава Царю!» — Въ сіе время занимались и дѣломъ.

Условія. Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ Воеводѣ Сендомирскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чтить Вѣру Греческую и слѣдовать обрядамъ ея (472); должна также наблюдать обычаи Московскіе и *не убирать волосовъ*: но Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не воспрещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, г. 1606. всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ (473). Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомирскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія церкви, пріобщалась Святыхъ Таинъ отъ Патріарха и постилась еженедѣльно не въ Субботу, а въ Среду, имѣя однакожь свою Латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы Римской Вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе Святители молчали, всѣ, кромѣ Митрополита Казанскаго Ермогена и Коломенскаго Епископа Іосифа, сосланныхъ Разстригою, за ихъ смѣлость: ибо они утверждали, что невѣсту должно *крестить*, или женитьба Царя будетъ беззаконіемъ (474). Опала двухъ Святителей. Гордяся хитрою Политикою — удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ и Москву — устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпіемъ Царскимъ.

Марина дни четыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донынѣ цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Мнишковыхъ спутниковъ. 1 Мая, верстъ за 15 отъ Москвы, встрѣтили будущую Царицу купцы и мѣщане съ дарами — Въѣздъ Марины въ столицу. 2 Мая, близъ городской заставы, Дворянство и войско: Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязью на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до ста тысячь (475). Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между ими, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатеръ, гдѣ находились Бояре: Князь Мстиславскій говорилъ ей привѣтственную рѣчь; всѣ другіе кланялись до земли. У шатра стояли 12 прекрасныхъ верховыхъ коней въ даръ невѣстѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятью пѣгими лошадьми (476): въ сей колесницѣ Марина въѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Боярами, чиновниками и тремя дружинами Царскихъ тѣлохранителей; впереди шло 300 гайдуковъ съ

г. 1606. музыкантами, а позади ѣхало 13 каретъ и множество всадниковъ. Звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ — а народъ безмолвствовалъ; смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ *вторично* бѣдственное предзнаменованіе ([477]): увѣряютъ, что въ сей день свирѣпствовала буря, такъ же, какъ и во время Разстригина вступленія въ Москву. Предъ воротами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣтило бы невѣсту Царскую Духовенство съ крестами, если бы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы литаврщиковъ, производя несносный для слуха шумъ и громъ. При въѣздѣ ея въ Спасскія ворота музыканты Польскіе играли свою народную пѣсню: *навѣки въ счастьѣ и несчастьѣ* ([478]); колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго монастыря: тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею ([479]); тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Негодованіе Москвитянъ. Между тѣмъ Москва волновалась. Помѣстивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлевскомъ домѣ ([480]) Борисовомъ (вертепѣ Цареубійства!), взяли для его спутниковъ всѣ лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и выгнали хозяевъ, не только купцевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ ([481]): сдѣлался крикъ и вопль. — Съ другой стороны, видя тысячи гостей незваныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ — видя, какъ они еще изъ телегъ своихъ вынимали запасныя сабли, копья, пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣмцевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу какъ на битву ([482])? и говорили другъ другу, что Поляки хотятъ овладѣть столицею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали въ Москву Великіе Послы Сигизмундовы, Паны Олесницкій и Госѣвскій ([483]), также съ воинскою многочисленною дружиною, и также къ безпокойству народа, который думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Марины, и что Царь уступаетъ Литвѣ всѣ земли отъ границы до Можайска ([484]) — мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ бумаги сего Посольства: Олесницкій и Госѣвскій должны были только, вмѣсто Короля, присутствовать на свадьбѣ Лжедимитрія ([485]), г. 1606. утвердить Сигизмундову съ нимъ дружбу и союзъ съ Россіею, не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по сказанію Лѣтописца, зная молву народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую область, говорилъ Боярамъ, что не уступитъ ни пяди земли Россійской Ляхамъ ([486]) — и, можетъ быть, говорилъ искренно: можетъ быть, обманывая Папу, обманулъ бы и тестя и жену свою; но Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не старались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедимитріи, который новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Соблазны. Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ келліяхъ учится нашему Закону и постится, готовясь къ крещенію ([487]): въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совсѣмъ не монастырскіе ([488]). Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келлій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увеселяема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ Обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣстомъ и саномъ Инокинь непорочныхъ ([489]). Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ инаго рода, плодъ вѣтрености Лжедимитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разстрига торжественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ Ляховъ, родственниковъ Мнишковыхъ, и Пословъ Королевскихъ. Гофмейстеръ Марины, Стадницкій, именемъ всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчь ([490]), сказалъ ему: «Если кто нибудь удивится твоему союзу съ домомъ Мнишка, перваго изъ Вельможъ Королевскихъ, то пусть заглянетъ въ Исторію Государства Московскаго: *прадѣдъ* твой, думаю, былъ женатъ на дочери Витовта, а дѣдъ на Глинской — и Россія жаловалась ли на соединеніе Царской крови съ Литовскою? ни мало. Симъ бракомъ утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходствуютъ въ языкѣ и въ

Г. 1606. обычаяхъ, равны въ силѣ и доблести, но донынѣ не знали мира искренняго, и своею закоснѣлою враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ же готовы, какъ истинные братья, дѣйствовать единодушно, чтобы низвергнуть Луну ненавистную... и слава твоя какъ солнце возсіяетъ въ странахъ Сѣвера.» За родственниками Воеводы Сендомирскаго, важно и величаво, шли Послы. Лжедимитрій сидѣлъ на престолѣ: сказавъ Царю привѣтствіе, Олесницкій вручилъ Сигизмундову грамоту Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись, и возвратилъ бумагу Посламъ, говоря, что она писана къ какому-то *Князю* Димитрію, а Монархъ Россійскій есть *Цесарь;* что Послы должны ѣхать съ нею обратно къ своему Государю. Изумленный Панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ Лжедимитрію: «Принимаю съ благоговѣніемъ; но что дѣлается? оскорбленіе безпримѣрное для Короля, — для всѣхъ знаменитыхъ Ляховъ, стоящихъ здѣсь предъ тобою, — для всего нашего отечества, гдѣ мы еще не давно видѣли тебя, осыпаемаго ласками и благодѣяніями! Ты съ презрѣніемъ отвергаешь письмо Его Величества, на семъ тронѣ, на коемъ сидишь по милости Божіей, Государя моего и народа Польскаго!»... Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Пана, и какъ бы обрадовался случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ себя корону ([191]), и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее: «Необыкновенное, неслыханное дѣло, чтобы Вѣнценосцы, сидя на престолѣ, спорили съ иноземными Послами; но Король упрямствомъ выводитъ меня изъ терпѣнія. Ему изъяснено и доказано, что я не только Князь, не только Господарь и Царь, но и Великій Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не есть одно пустое слово, какъ титулы иныхъ Королей; ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ниже Римскіе Цесари не имѣли дѣйствительнѣйшаго права такъ именоваться. Могу ли быть доволенъ названіемъ Князя и Господаря, когда мнѣ служатъ не только Господари и Князья, но и Цари? Не вижу себѣ равнаго въ странахъ полунощныхъ; надо мною одинъ Богъ. И не всѣ ли Монархи Европейскіе называютъ меня Императоромъ? Для чего же Сигизмундъ того не хочетъ? Панъ Олесницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты принять на свое имя письмо, если бы въ его надписи не было означено твое Шляхетское достоинство?.... Сигизмундъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, какого еще не имѣла Республика Польская; а теперь вижу въ немъ своего зложелателя.» Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости навыкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Лжедимитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнценосцы Россійскіе никогда не думали именоваться *Цесарями;* предавалъ Самозванца суду Божію за кровопролитіе, вѣроятное слѣдствіе такого неумѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ; наконецъ смягчился, и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла, а въ видѣ своего добраго знакомца; но разгоряченный Панъ сказалъ: «или я Посолъ или не могу цѣловать руки твоей» — и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: «для того (сказалъ Власьевъ), что Царь, готовясь къ брачному веселію, расположенъ къ снисходительности и къ мирнымъ чувствамъ». Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, но сидя: Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унизилъ, остыдилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Съ честію отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и спокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если онъ признаетъ его Императоромъ изъ благодарности за титулъ *Шведскаго*, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитріемъ. — Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ свадьбы Царской; ибо Лжедимитрій не имѣлъ

Ссора съ Послами.

г. 1606. времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали ([492]). Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцевъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву

Дары. изъ Литвы, Италіи и Германіи. За два дни до свадьбы принесли Маринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячь рублей ([493]), а Мнишку выдали еще 100 тысячь злотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей ([494]), кромѣ милліоновъ, издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую: ибо Воевода Сендомирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ, и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ ([495]) привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Царской ([496]); что достояніе отечества, собранное умомъ и трудами нашихъ Государей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

Обрученіе и свадьба. 7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ окруженной тѣлохранителями и Дѣтьми Боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее утро, совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, на канунѣ Пятницы и святаго праздника, совершился и бракъ: ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ, красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ г. 1606. такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали короваи съ сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «Наияснѣйшая Великая Государыня, *Цесарева* Марія Юрьевна! волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Великаго Князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой Цесарскій *маестатъ* и властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ нами» ([497])! Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и Стрѣльцевъ, Стольники, Стряпчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скиптромъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началося священнодѣйствіе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ ([498]), вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной Цесаревѣ Маріи*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ цѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ.

г. 1606. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности ([499]). Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ ([500]), но тихо и невнятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла двуглаваго). Воевода Сендомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ Столовой палатѣ; но сидѣли не долго: встали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и Князь Василій Шуйскій до постели ([501]). Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйствовать наступало.

**Новыя причины къ негодованію.** Сей день, радостный для Самозванца и столь блестящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разстриги, Москвитяне думали, что онъ не дерзнетъ дать сана Россійской Царицы иновѣркѣ, и что Марина приметъ Законъ нашъ, ждали того до послѣдняго дня и часа: увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слыхали отреченія отъ Латинства. Хотя Марина цѣловала наши святыя иконы, вкусила тѣло и кровь Христову изъ рукъ Патріарха, была помазана елеемъ и торжественно возглашена *благовѣрною Царицею;* но сіе явное дѣйствіе лжи казалось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхетки, удостоенной величія неслыханнаго и недоступнаго для самыхъ Царицъ, истинно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ: для Анастасіи, Ирины и Маріи Годуновой ([502]). Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для тогдашнихъ Россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. г. 1606. Такъ мыслилъ народъ, или такія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбудили общее вниманіе ([503]): шутили, смѣялись или дремали въ часъ Литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непремѣнно хотѣли сидѣть, требовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви, на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины ([504]). Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Паны дивились въ слухъ такой низости и благодарили Бога, что живутъ въ Республикѣ, гдѣ Король не смѣетъ требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ.... Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

**Пиры.** Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника ([505]): сія шумная музыка не умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду: новую ссору съ Королевскими Послами. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ласково; Послы также учтиво благодарили, хотѣли однакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. **Новая ссора съ Литовскими Послами.** Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власьева: сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: «Вы требуете неслыханнаго: у насъ никому нѣтъ мѣста за особенною Царскою трапезою; Король же угостилъ меня наравнѣ съ Послами Императорскимъ и Римскимъ: слѣдственно не сдѣлалъ ничего чрезвычайнаго, ибо Государь нашъ не менѣе ни Императора, ни Римскаго Владыки — нѣтъ, Великій Цесарь Димитрій болѣе ихъ: что у васъ Папа, то у него Попы» ([506]). Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть, сею непристойною насмѣшкою доказать, что Лжедимитрій не есть Папистъ. Олесницкій снесъ грубость,

г. 1606. но рѣшился не ѣхать во дворецъ. Всѣ иные знатные Ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ Воеводы Сендомирскаго: онъ находилъ требованіе Пословъ справедливымъ, тщетно умолялъ зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ; за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка – и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который и на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою ([507]). Ввечеру ближніе Мнишковы веселились во внутреннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицемъ къ иноземцамъ, спиною къ Рускимъ ([508]). Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію Польскому, и выпилъ ее до самаго дна ([509]). Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто *возлѣ* стола Царскаго, уговорилъ и сего Пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ прѣнія, сказавъ Олесницкому: «я не звалъ Короля къ себѣ на свадьбу: слѣдственно ты здѣсь не въ лицѣ его, а только въ качествѣ Посла;» но Мнишекъ благоразумными представленіями утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мстиславская, Шуйская ([510]) и родственницы Воеводы Сендомирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ ([511]). Лжедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Русскія, для нихъ не вкусныя ([512]). Послѣ стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ Шаху Персидскому съ письмами: они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины ([513]). — 12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили: «мы пируемъ не въ Москвѣ и не у Царя, а въ Варшавѣ или въ Краковѣ у Короля нашего» ([514]). Пили и плясали до ночи. Лжедимитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ. — Но Царица оказала милость и Россіянамъ: 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи; старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская ([515]).... Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ? — Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка: барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей ([516]). Ежедневно гремѣли и пушки, въ знакъ веселія Царскаго; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе, нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей, въ своихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью, трезвые и пьяные ([517]).

Переговоры государственные. Утомленный празднествами, Лжедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 Мая, въ часъ утра, Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ, въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, среди множества царедворцевъ ([518]): онъ велѣлъ Посламъ итти къ Боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ, Власьевъ и Дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодовитой, Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ доказывалъ обязанность Христіанскихъ Монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима; хвалилъ велико-

г. 1606. душное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига, и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ, Димитріемъ, славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана? Татищевъ отвѣтствовалъ: «Король хочетъ знать: вѣримъ; но хочетъ ли дѣйствительно помогать непобѣдимому Цесарю въ войнѣ съ Турками? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣдать, съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, кажется намъ только обманомъ и лукавствомъ.» Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ), Послы свидѣтельствовались Власьевымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую Державу: слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились, и сказавъ: «самъ Цесарь будетъ говорить съ вами въ присутствіи Бояръ», отпустили ихъ домой; но мнимый Цесарь уже не могъ сдержать слова!

Замышляемыя потѣхи. Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи новыя; велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осыпью внѣ города, за Срѣтенскими воротами, и вывести туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая представить Ляхамъ и Россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими Польками плясать въ личинахъ ([519]). Но Россіяне уже не хотѣли ждать ни той, ни другой потѣхи.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрепьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легкомысліемъ ([520]), то сіе предвидѣніе исполнилось: новые соблазны для Церкви, Двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу,

Наглость Ляховъ. а наглость Ляховъ все довершила, такъ, что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ! Сіи гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпѣніе Россіянъ, столь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно обѣщалъ Боярамъ свою *милость*, и Посолъ Королевскій дерзнулъ торжественно назвать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундовымъ ([521]). На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостію и малодушіемъ, хваляся: «мы дали вамъ Царя!» Но Россіяне, сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ отечествомъ и добродѣтелію, еще имѣли гордость народную; кипѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу: «часъ мести не далеко!» Сего мало: воины Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи, не трезвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ, самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ домы ([522]); мужья, матери вопили, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили его, умертвивъ палача, и не страшась закона ([523]).

Такъ было — и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно тѣшился и плясалъ съ своими Ляхами — когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвалъ къ себѣ не только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуются Князь Василій Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ) — не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей стороннихъ: Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ ([524]), которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ Властителемъ ([525]). «Заблужденіе скоро исчезло,» продолжалъ онъ — «и вы знаете, кто первый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на престолѣ: Москва не тронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія

Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго.

г. 1606. въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ ([526]) и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную* — изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненной сонмами Ляховъ, — ихъ дерзость и насилія — Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіяне, сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Литовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ ([527])? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разстригу и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячь надежныхъ людей ([528]), призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились — и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

Дерзкія рѣчи на площади. 12 Мая говорили торжественно, на площадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь *поганый:* не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *поганою* Царицею; что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови Царской ([529]). Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что Царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать Нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дни примѣтно было сильное движеніе въ народѣ: разглашали, что Лжедимитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ пушекъ ([530]); что столица Россійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ ([531]). Нѣмцы остерегали Лжедимитрія и Ляховъ; остерегалъ перваго и Басмановъ, одинъ изъ Россіянъ! Но Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шутилъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: «какъ вы, Ляхи, малодушны!» а Посламъ Сигизмундовымъ: «я держу въ рукѣ Москву и Государство; ничто не смѣетъ двинуться безъ моей воли.» Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схватили въ Кремлѣ шесть человѣкъ подозрительныхъ: пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей ([532]): онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякій случай; велѣлъ еще разставить Стрѣльцевъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію. — 16 Мая иноземцы уже не могли купить въ гостиномъ дворѣ ни фунта пороху и никакого оружія ([533]): всѣ лавки были для нихъ

Волненіе народа. (margin, p. 166)

Спокойствіе Лжедимитрія. (margin, p. 166)

г. 1606. заперты. Ночью, на канунѣ рѣшительнаго дня, вкралось въ Москву съ разныхъ сторонъ до 18 тысячь воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были итти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ (534). Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатью воротами Московскими, никого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою (535). Самые Поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *ознаменованныхъ* для кровавой мести: Россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ, въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ Пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на Царскую: но Стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ или не думали кровію Русскою спасать иноплеменниковъ противныхъ. Ночь миновалась безъ сна для большей части Москвитянъ (536): ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за Церковь и Царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли, для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ.

Измѣна войска.

Последняя ночь для Самозванца.

Возстаніе Москвы.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня (537), прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у Св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ (538), и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: «во имя Божіе идите на злаго еретика!» указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата (539), Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: «веди насъ къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!» Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!» Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ (540): Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: «я вамъ не Годуновъ!» Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ (541): иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому на канунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: Князей Голицы-

г. 1606. ныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: «злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ Царемъ» (542)! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца..... судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Гибель Басманова.

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечь, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и не видя инаго спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ (543) — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость (544). Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Инокини, говоря: «если онъ сынъ ея, то мы умремъ за него; а если Царица скажетъ, что онъ Лжедимитрій, то воленъ въ немъ Богъ» (545). Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванцева, вызванная Боярами изъ келліи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ (546). Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣстѣ съ нею виняся предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Мареа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нее хранилось (547) и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстригина. г. 1606.

Свидѣтельство Царицы-Инокини.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность (548). Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ — и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: «кто ты, злодѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: я Димитрій» — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ (549) возразилъ ему: «ея свидѣтельство уже намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни.» Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: «несите меня на лобное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ» (550). Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится (551) — и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили Дворяне (552) Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: «будьте неразлучны и въ адѣ! вы здѣсь любили другъ друга! Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамьѣ, у ногъ Разстригиныхъ (553).

Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, Бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ — не имѣвъ времени одѣться — спрашивая, что дѣлается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее, не узналъ и столкнулъ съ лѣс-

Щадятъ Марину.

г. 1606. ницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея Польская Гофмейстерина съ Шляхетками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не приспѣли Бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей Царицы, дали ей стражу для безопасности (554); не могли однакожь или не хотѣли унять кровопролитія: убійства только начинались!

Убійства. Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы Ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безпечно и крѣпко спали, такъ, что слуги едва могли разбудить ихъ — и самаго Воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Мнишекъ, сынъ его, Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпенѣніи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: «смерть Ляхамъ!» Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ музыкантовъ Разстригиныхъ (555), опустошивъ домъ Іезуитовъ, истерзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, на канунѣ гордые, лобызали ноги Россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли — клялися прислать и болѣе изъ отечества (556): ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились Священники и Монахи переодѣтые; они вопили: «губите ненавистниковъ нашей Вѣры» (557)! Лилася и кровь Россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни одного человѣка живаго; но тутъ явились Бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая Стрѣльцевъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ Боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ Князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго (558), другіе Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казненъ Богомъ и народомъ, который въ самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лице своего Монарха, и мстилъ единственно ихъ нагльмъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію (559). Сказали Воеводѣ Сендомирскому: «Судьба Царствъ зависитъ отъ Всевышняго, и ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: такъ и въ сей день совершилась воля Божія: кончилось царство бродяги, и добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, его опекунъ и наставникъ — ты, который привелъ обманщика къ намъ, чтобы возмутить Россію мирную — не достоинъ ли участи сего злодѣя? не достоинъ ли такой же казни? Но хвалися счастіемъ: ты живъ, и будешь цѣлъ; дочь твоя спасена — благодари Небо» (560)! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Бояре утишаютъ мятежъ. Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ

г. 1606. плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра (561), все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой, отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: «въ теченіе семи часовъ,» пишутъ они, «мы не слыхали ничего кромѣ набата, стрѣльбы, стука мечей и крика: *сѣки, руби злодѣевъ!* не видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, скаканія, смертоубійства и мятежа» (562). Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатнѣйшіе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Ляхами (563). Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ (564), къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и «не думали» (говоритъ Лѣтописецъ) «благодарить Всевышняго: храмы были затворены» (565)! Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно тихая (566): казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая третьею!

Глубокая тишина ночи.

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства: на вѣнецъ и скипетръ, обагренные кровію двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго возстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Нѣвскаго; вторый Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Ѳеодоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще болѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ: «если меня изберутъ въ Цари, то немедленно пойду въ Монахи» (567). Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ Историковъ (568), что Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями очевидцевъ. Сообщникъ Басманова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Ѳеодора, предавъ и Лжедимитрія? Не равняясь ни сановитостію, ни заслугами, могъ ли равняться и числомъ усердныхъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ имени Царя уже начальствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право, Шуйскій употребилъ и всѣ возможныя хитрости: далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что говорить въ Синклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу (569), произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма умную и лукавую: славилъ милость Божію къ Россіи, возвеличенной Самодержцами Варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV,

г. 1606. Козни властолюбія.

Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ.

г. 1606. хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. «Но мы,» говорилъ Шуйскій, «загладили сію слабость, когда насталъ часъ умереть или спасти Россію. Жалѣю, что я, предупредивъ другихъ въ смѣлости, обязанъ жизнію Самозванцу: онъ не имѣлъ права, но могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ разбойникъ милуетъ иногда странника. Признаюсь, что я колебался, боясь упрека въ неблагодарности; но гласъ совѣсти, Вѣры, отечества, вооружилъ мою руку, когда я увидѣлъ въ васъ ревность къ великому подвигу. Дѣло наше есть правое, необходимое, святое; оно, къ несчастію, требовало крови: но Богъ благословилъ насъ успѣхомъ — слѣдственно оно Ему угодно!.... Теперь, избывъ злодѣя, еретика, чернокнижника, должны мы думать объ избраніи достойнаго Властителя. Уже нѣтъ племени Царскаго, но есть Россія: въ ней можемъ снова найти угасшее на престолѣ. Мы должны искать мужа знаменитаго родомъ, усерднаго къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣдственно уже не юнаго — человѣка, который, пріявъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы не роскошь и пышность, но умѣренность и правду, ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями, но любовію подданныхъ; не умножалъ бы золота въ казнѣ своей, но избытокъ и довольствіе народа считалъ бы собственнымъ богатствомъ. Вы скажете, что такого человѣка найти трудно: знаю; но добрый гражданинъ обязанъ желать совершенства, по крайней мѣрѣ возможнаго, въ Государѣ!»

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій: никто не дерзалъ явно противиться его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не льзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство (570). Сіе мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скиптра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что нѣтъ нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя.... Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная площадь. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и купцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ отца Россіи.... тамъ, гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годунову изъявляя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипастыря для Церкви, на мѣсто Лжесвятителя Игнатія. Толпы восклицали: «Государь нужнѣе Патріарха для отечества!» и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство (571). Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только Россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества! Избраніе новаго Царя.

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и труповъ: вывезли, схоронили ихъ за городомъ (572). Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги (573). Но Судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей: суевѣріе приписы-

г. 1606. вало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою (574): чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ (575)! Вѣтеръ развѣялъ бренные остатки злодѣя; но примѣръ остался: увидимъ слѣдствія!

*Развѣяніе Самозванцева праха.*

Описавъ исторію сего перваго Лжедимитрія, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманѣ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный, — хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ, что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія *всѣхъ* Читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственнаго оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ принятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказательствахъ слабыхъ.

*Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.*

Выслушаемъ защитниковъ Лжедимитріевой памяти. Они разсказываютъ слѣдующее (576): «Годуновъ, предпріявъ умертвить Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе Царевичеву Медику, старому Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно давъ слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ ли онъ столько душевной силы, чтобы снести изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно будетъ искусить оными твердость его? Царевичь отвѣтствовалъ: *имѣю;* а Медикъ сказалъ: *Въ сію ночь хотятъ* г. 1606. *тебя умертвить. Ложась спать, обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ровесникомъ; положи его къ себѣ на ложе, и скройся за печь: что бы ни случилось въ комнатѣ, сиди безмолвно, и жди меня.* Димитрій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отворилась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали слугу вмѣсто Царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и мертваго: думали, что убитъ Царевичь, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась тревога. Царица кинулась на трупъ, и въ отчаяніи не узнала, что сей мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: искали убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; отнесли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, и Медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украйну, къ Князю *Ивану Мстиславскому, который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Іоанновыхъ.* Чрезъ нѣсколько лѣтъ Докторъ и Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію искать безопасности въ Литвѣ. Сей юноша присталъ къ странствующимъ Инокамъ; былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской (577), и наконецъ явился въ домѣ Князя Вишневецкаго.» Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе Доктору (578); но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокомъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году (579), и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ (580), и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго, (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына (581). Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жители Углича, нерѣдко видавъ Димитрія въ церкви (582), обманулись въ убитомъ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичь убитъ въ полдень: кѣмъ? зло-

г. 1606. дѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца.... и кто предалъ его на убіеніе? мамка: отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и допросами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностію невозможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитріевы внесены въ лѣтописи, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ ([583]): слѣдственно не льзя съ вѣроятностію предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ *истинныхъ*, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не трудить себя вымысломъ *ложныхъ*. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у Двора, однакожь не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію!

«Но Царица-Инокиня Марѳа признала сына въ томъ, кто назывался Димитріемъ?» Она же признала его и самозванцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ ([584]), выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти: которое же изъ двухъ достовѣрнѣе? и что понятнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая или дѣйствіе ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища ([585]) — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой!* И ей не грозили смертію за правду: грозили единственно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Марѳа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Инокини ([586]), съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умиряло совѣсть виновной Марѳы. Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного Писателя иноземнаго (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ-было извергнуть тѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокиня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу ([587]).

Возражаютъ еще: «Король Сигизмундъ не взялъ бы столь живаго участія въ судьбѣ обманщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ бы дочери за бродягу;» но Король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ страстей: Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго его милостію, а Воевода Сендомирскій видѣть дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ

г. 1606. *торжественно* признать Лжедимитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій, сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія, оставилъ будущаго зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Сигизмундъ и Мнишекъ обманулись, можетъ быть, не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣніи о счастіи или благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ: для того Король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства, и Панъ Вельможный быть тестемъ Царя, хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и добродѣтель уединенная.

Убѣдительнѣе ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедимитрія, которые говорятъ: «войско, Бояре, Москва, не приняли бы его въ Цари безъ сильныхъ доказательствъ, что онъ сынъ Іоанновъ» (588)? Но войско, Бояре, Москва и свергнули его какъ уличеннаго самозванца: для чего вѣрить имъ въ первомъ случаѣ и не вѣрить въ послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ; но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ свидѣтельствуетъ Исторія.... и самаго Лжедимитрія!

Напомнимъ Читателямъ, что знаменитѣйшій изъ клевретовъ и единственный вѣрный другъ Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедимитрія, и клялъ Россіянъ за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова (589). Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній предалъ намъ слѣдующія, не менѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) «Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ (590), бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Өеодору, Годунову, Самозванцу, и лично знавъ, ежедневно видавъ Димитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, что мнимый Царь Димитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ, и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лице и всѣ черты матери, съ которою Самозванецъ ни мало не сходствовалъ. — 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливонская плѣнница, Дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою Царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ — непрестанно видавъ Димитрія живаго, видѣвъ и мертваго. — 3) Скоро по убіеніи Лжедимитрія выѣхалъ я изъ Москвы въ Угличь, и разговаривая тамъ съ однимъ маститымъ старцемъ, бывшимъ слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ его объявить мнѣ истину о Царѣ убитомъ. Онъ всталъ, перекрестился и такъ отвѣтствовалъ: *Москвитяне клялися ему въ вѣрности и нарушили клятву: не хвалю ихъ. Убитъ человѣкъ разумный и храбрый, но не сынъ Іоанновъ, дѣйствительно зарѣзанный въ Угличѣ: я видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Богъ судія Князьямъ и Боярамъ нашимъ: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе.*» г. 1606.

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который былъ Посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать (591); а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историческія и нравственныя доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ. Но представляется другой вопросъ: кто же именно? дѣйствительно ли Разстрига Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый Инокъ Чудовской Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ, неустрашимымъ бойцемъ, искуснымъ всадникомъ, и многіе считали его Полякомъ или Трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Героя Баторія, воспитанникомъ Іезуитовъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ляховъ (592), и прибавляя, что онъ не чисто говорилъ языкомъ Русскимъ: мнѣніе явно несправедливое, когда современныя донесенія Іезуитовъ къ ихъ начальству свидѣтельствуютъ, что они узнали его въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія, и не Католикомъ, а сыномъ Греческой Церкви (593). Никто изъ Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, пи-

*

г. 1606. салъ съ легкостію (594), и не уступалъ никакому Дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ (595), видимъ въ Латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ Русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя Приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, книжникъ Патріаршій. Возраженіе, что кельи не производятъ витязей, уничтожается исторіею его юности: одѣваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизни смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію Козаковъ Днѣпровскихъ? Если нѣкоторые изъ людей, ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедимитріи какое-то *величіе* (596), необыкновенное для человѣка рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными Ляхами, ни счастіемъ нравиться Мнишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ однакожь худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и Поляки безпристрастные (597).— Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генрика IV, знаменитаго Историка де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго (598). Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ Монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ (599). Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ (600), когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ (601); ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени. г. 1606.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, — уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

# ИСТОРІЯ

# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ XII.

# Отъ Издателей XII Тома.

(1829 г.)

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще дозволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручалъ намъ быть Издателями XII Тома его Исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехъ-мѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои доселѣ его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ, собранныя имъ для составленія Примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время, чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкоторыхъ другихъ, неважныхъ для Публики обстоятельствъ, замедлилось изданіе книги, какъ намъ извѣстно съ нетерпѣніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста, кажется нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется Читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре Главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія стеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра; манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время, когда онъ самъ быстро склонялся къ гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти такъ же живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, Читатели умѣющіе цѣнить изящное найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя такъ сказать оживотворяютъ разсказъ Историка, искусство поддерживать и пробуждать

вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Василія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ Междоцарствія перерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

*Дм. Б.*

---

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Г. 1606 — 1608.

**Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.**

Г. 1606. Родъ Василіевъ. Василій Іоанновичь Шуйскій, происходя въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о Великомъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде (¹).

Свойства новаго Царя. Если всякаго Вѣнценосца *избраннаго* судятъ съ бо́льшею строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, г. 1606. имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ (²); съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣр-

г. 1606. ною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ (3), честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть Державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную:

Клятва Василіева. 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо (4). «Мы желаемъ» (говорилъ Василій), «чтобы православное Христіанство наслаждалось миромъ и тишиною подъ нашею Царскою хранительною властію» — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву (5). Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея стѣсненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ склоннымъ къ Аристократіи (6), и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время (7): ему вѣрили, но не долго.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣтомъ не дѣлать, не говорить и не мыслить ничего злаго противъ Царя, *будущей* супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкновенно, три дни звонить въ колокола, отъ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Колы, — молиться о здравіи Государя и мирѣ отечества (8). — Обнародованныя грамоты. Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ, Царицы-Инокини Мароы и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви и Государства. Мароа свидѣтельствовалась Богомъ, что ея сердце успокоено казнію обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры (9), запись данную Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Станислава: Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впа-

Г. 1606. далъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мая, на лугу Срѣтенскомъ, двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Вѣнчаніе. Іюня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новогородскій (10). Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однакожь какое-то уныніе въ столицѣ (11). Не было ни

Опалы. милостей (12), ни пировъ; были опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятвопреступниковъ Борисова времени (13), и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василіева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи (14); *Великаго Секретаря* и *Подскарбія*, Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу (15), какъ ненавистнаго приверженника Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванѣ-городѣ, второму въ Казани (16); многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говоритъ Лѣтописецъ (17), нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому лично, безъ вины и суда. Оказалось неудовольствіе; слышали ропотъ. Василій, какъ опытный наблюдатель тридцатилѣтняго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимитрія въ свободолюбіи, отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для Правительства и грозить мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Боярахъ (18), особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ (19) и шатость въ умахъ: ибо частыя перемѣны государственной власти раждаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года (20) имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго (21), его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества.

Неудовольствія.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Астраханскому,

г. 1606. съ Боярами Княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, никѣмъ непосѣщаемой (22): Іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждане боялись приближиться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; *пѣли молебны*, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянъ знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличь, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные остатки юнаго мученика, взывая (23): «Мы его любили и за него страдали! Лишенные живаго, лишимся ли и мертваго?» Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростію земли (24): плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить сіе знаменіе святости — и за чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы: Василій, Царица-Инокиня Мароа, Духовенство, Синклитъ, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили их нетлѣніе, чтобы *утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ* (25). Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокиня Мароа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители, исполняя волю Царя, разрѣшили ее торжественно, *изъ уваженія къ ея супругу и сыну* (26). Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи святые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать *источника благодати*: вложили тѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому Угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву (27).

Пренесеніе Димитріева тѣла.

3 Іюня.

Новый Патріархъ.

Еще Церковь не имѣла Патріарха: въ самый первый день Василіева царствованія свели Игнатія съ престола, безъ суда Духовнаго, единственно по указу Государеву, — одѣли въ черную рясу и заперли въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ лишась зрѣнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву (28), гдѣ находились тогда всѣ Святители Россійскіе, кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитріемъ (29), и тѣмъ возвышеннаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостію Самозванца, не устрашенный опалою за ревность къ Православію, казался Героемъ Церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ Патріархомъ, — нетерпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ Епископовъ. Царь, съ любовію вручая Ермогену жезлъ Св. Петра Митрополита, и Ермогенъ, съ любовію благословляя Царя, заключили искренній, вѣрный союзъ Церкви съ Государствомъ, но не для ихъ мира и счастія!

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обѣтомъ блюсти законъ, всенароднымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевой святости, избраніемъ Патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ, — поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украйнѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его (30) и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы итти для усмиренія вра-

г. 1606. говъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами внѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство, послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на лобномъ мѣстѣ, когда Духовенство наше отправило гонца въ Кіевъ, къ тамошнему Воеводѣ, Князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Правительства, не взирая на всѣ козни Литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ отъ злобы народа, велѣлъ давать имъ все нужное въ изобиліи, и съ честію отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще именовалъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣлъ предъ дочерью [31]. Марина изъявляла болѣе высокомѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ ближнимъ: «Избавьте меня отъ вашихъ безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ!» У нее взяли сокровища, одежды богатыя, данныя ей мужемъ: она не жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣніе Воеводы Сендомирскаго: 10,000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конскіе, вина, всего на 250,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ [32], сказавъ ему: «возвратимъ тебѣ, что найдется твоимъ собственнымъ; удержимъ достояніе казны Царской.» Въ свиданіи съ Боярами Мнишекъ не скрывалъ глубокой своей печали, ни раскаянія, вѣроятно искренняго, бывъ знаменитѣйшимъ Вельможею въ отечествѣ и видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой, гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угрожала ему гибелію или узами, послѣ его сновидѣнія о Державномъ величіи. Бояре обѣщали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если Король удостовѣритъ Василія въ истинномъ расположеніи къ миру [33].

Гордость Марины.

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ Послами Литовскими. Первое было 27 Мая, во дворцѣ, гдѣ сіи Паны замѣтили разительную перемѣну: исчезла пышность Лжедимитріева времени; скрылись блестящіе золотомъ тѣлохранители и Стрѣльцы; самые знатные чиновники, угождая вкусу Василіеву къ бережливости, не отличались богатствомъ платья. Вмѣсто роскоши и веселія, являлись вездѣ простота, угрюмая важность, безмолвная печаль [34]. «Намъ казалось» — пишутъ Ляхи очевидцы — «что Дворъ Московскій готовился къ погребенію.» Князья Мстиславскій, Димитрій Шуйскій, Трубецкій, Голицыны, Татищевъ, приняли Олесницкаго и Госѣвскаго въ той же палатѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними именемъ Лжедимитрія, называя его тогда *непобѣдимымъ Цесаремъ*, а въ сіе время гнуснымъ исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ сильную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ самозванствѣ Разстриги, о козняхъ Сигизмундовыхъ, желая доказать, что бродяга безъ вспоможенія Ляховъ никогда не овладѣлъ бы Московскимъ престоломъ; что сей бродяга достойно казненъ Россіею, а не многіе Ляхи, въ часъ мятежа, убиты чернію за ихъ наглость, безъ вѣдома Бояръ и Дворянства. «Однимъ словомъ» — заключилъ Мстиславскій — «кто виною зла и всѣхъ бѣдствій? Король и вы, Паны, нарушивъ святость мирнаго договора и крестнаго цѣлованія.» г. 1606.

Олесницкій и Госѣвскій тихо совѣтовались другъ съ другомъ и дали отвѣтъ не менѣе сильный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благородно. «Мы слышали о бѣдственной кончинѣ Димитрія» — говорили Паны — «и жалѣли объ ней какъ Христіане, гнушаясь убійцею. Но явился человѣкъ подъ именемъ сего Царевича, свидѣтельствуясь разными примѣтами въ истинѣ своего увѣренія, и сказывая, какъ онъ спасенъ Небомъ отъ убійцъ, — какъ Борисъ тайно умертвилъ Царя Ѳеодора, истребилъ знатнѣйшіе роды Дворянскіе, тѣснилъ, гналъ всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли самое говорили намъ о Борисѣ и нѣкоторые изъ васъ, мужей Думныхъ? И читая Исторію, не находимъ ли въ ней примѣровъ, что мнимо-усопшіе являются иногда живы въ казнь злодѣйству? Но мы еще не вѣрили бродягѣ: повѣрилъ ему только добросердечный Воевода Сендомирскій, и не ему одному, но многимъ Россіянамъ, признавшимъ въ немъ Димитрія [35]: они клялися, что Россія ждетъ его; что города и войско сдадутся Іоаннову наслѣднику. Дѣйствуя самовольно, Мнишекъ хотѣлъ быть свидѣтелемъ торжества Димитріева — и былъ; но, пови-

Рѣчь Пословъ Литовскихъ.

г. 1606. нуясь указу Королевскому, возвратился, чтобы не нарушить мира, заключеннаго нами съ Годуновымъ. Димитрій, какъ онъ называлъ себя, остался въ землѣ Сѣверской единственно съ Россіянами, Донскими и Запорожскими Козаками: чтожь сдѣлали Россіяне? пали къ ногамъ его: воеводы и войско. Что сдѣлали и вы, Бояре? выѣхали къ нему на встрѣчу съ Царскою утварію; вопили, что принимаете Государя любимаго отъ Бога, и кипѣли гнѣвомъ, когда Ляхи смѣли утверждать, что они дали Царство Димитрію. Мы, Послы, собственными глазами видѣли, какъ вы предъ нимъ благоговѣли. Здѣсь, въ сей самой палатѣ, разсуждая съ нами о дѣлахъ государственныхъ, вы не изъявляли ни малѣйшаго сомнѣнія о родѣ его и санѣ. Однимъ словомъ, не мы Поляки, но вы Русскіе признали своего же Русскаго бродягу Димитріемъ, встрѣтили съ хлѣбомъ и солью на границѣ, привели въ столицу, короновали и.... убили; вы начали, вы и кончили. Для чего же вините другихъ? Не лучше ли молчать и каяться въ грѣхахъ, за которые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣпленіемъ? Не говоримъ о клятвопреступленіи и цареубійствѣ; не осуждаемъ вашего дѣла, и не имѣемъ причины жалѣть о семъ человѣкѣ, который въ вашихъ глазахъ оскорблялъ насъ, величался, безумно требовалъ неслыханныхъ титуловъ и едва ли могъ быть надежнымъ другомъ нашего отечества; но дивимся, что вы, Бояре, какъ люди извѣстно умные, дозволяете себѣ суесловить, желая оправдать душегубство: безчеловѣчное избіеніе нашихъ братьевъ.... Они не воевали съ вами, не помогали вашему Лжедимитрію, не хранили его: ибо онъ ввѣрилъ жизнь свою не имъ, а вамъ единственно! Слагаете вину на чернь: повѣримъ тому, если можно; повѣримъ, если вы невредимо отпустите съ нами Воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ Ляховъ къ Королю, дабы мы своимъ миролюбивымъ ходатайствомъ обезоружили месть готовую. Но доколѣ, вопреки Народному Праву, уважаемому и варварами, будете держать насъ, какъ бы плѣнниковъ, дотолѣ въ глазахъ Короля, Республики и всей Европы не чернь Московская, а вы съ вашимъ новымъ Царемъ останетесь виновниками сего кровопролитія, и не въ безопасности. Разсудите!»

Бояре слушали съ великимъ вниманіемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смотря другъ на друга; наконецъ отвѣтствовали Панамъ: «Вы были Послами у Самозванца, а теперь уже не Послы: слѣдственно не должно говорить вамъ такъ вольно и смѣло» ([36]); но разстались съ ними ласково; видѣлись снова, и сказали имъ, что Василій милостиво приказалъ освободить всѣхъ нечиновныхъ Ляховъ и вывезти за границу; но что Послы, Воевода Сендомирскій и другіе знатные Паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигизмунда, къ коему ѣдетъ Царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ. Дворянинъ Князь Григорій Волконскій немедленно былъ посланъ въ Краковъ. Олесницкій и Госѣвскій остались въ Москвѣ подъ стражею; Мнишка съ дочерью вывезли въ Ярославль, Вишневецкаго въ Кострому, товарищей ихъ въ Ростовъ и Тверь ([37]). Они имѣли дозволеніе писать къ Королю, и писали миролюбиво, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ неволи, чтобы говорить и дѣйствовать иначе. (Посольство къ Сигизмунду. 13 Іюня.)

Уже слухъ о гибели Самозванца и многихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу: въ городахъ и въ мѣстечкахъ Литовскихъ останавливали Князя Волконскаго и Дьяка его, безчестили, ругали, называли убійцами, злодѣями ([38]); метали въ ихъ людей камнями и грязью; а Королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы, что никакая власть не можетъ унять народнаго негодованія. Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ, Волконскій пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицемъ угрюмымъ, не звалъ къ обѣду, не удостоилъ ни одного ласковаго слова, и скрывъ печаль свою о судьбѣ Лжедимитрія, отъ коего Польша ждала столько выгодъ, слушалъ холодно извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Россіи. Въ переговорахъ съ Коронными Панами, Волконскій доказывалъ тоже, что наши Бояре доказывали въ Москвѣ Посламъ Сигизмундовымъ; а Паны отвѣтствовали ему тоже, что Послы Боярамъ. Мы говорили Ляхамъ: «Вы дали намъ Лжедимитрія!» Ляхи возражали: «Вы взяли его съ благодарностію!» Но съ обѣихъ сторонъ умѣряли колкость выраженій, оставляя слово на миръ. Волконскій требовалъ удовлетворенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ Самозванца: за гибель многихъ людей и расхищеніе нашей казны; Король же требовалъ освобожденія своихъ Пословъ и плате-

г. 1606. жа за товары, взятые Лжедимитріемъ у купцевъ Литовскихъ и Галицкихъ, или разграбленные чернію Московскою въ день мятежа. Не могли согласиться, однакожь не грозили войною другъ другу. «Швеція» — сказалъ Волконскій — «уступаетъ Царю знатную часть Ливоніи, желая его вспоможенія; но онъ не хочетъ нарушить прежняго мирнаго договора.» Паны увѣряли, что они также не нарушатъ сего договора, если мы будемъ соблюдать его. Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не условились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ Волконскаго, и хотѣлъ писать съ нимъ къ Василію; но Волконскій отвѣчалъ: «я не гонецъ.» Король велѣлъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ, сказавъ, что пришлетъ въ Москву собственнаго чиновника; но медлилъ, уже зная о новыхъ мятежахъ Россіи и готовясь воспользоваться ими, какъ сосѣдъ дѣятельный въ ненависти къ ея величію.

Сношенія съ Европою и съ Азіею. Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношенія съ Императоромъ, съ Королями Англійскимъ и Датскимъ (39). Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ Шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего, Сигизмунда, Карлъ IX ревностно искалъ союза Россіи, и Василій дѣйствительно не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ Царя въ братствѣ, Ногайскій Князь Иштерекъ въ повиновеніи (40). Воевода Князь Ромодановскій отправился къ Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ о Турціи и Христіанскихъ земляхъ Востока. Еще Дворъ Московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насъ внѣшность, и Россія, терзая свои нѣдра, забыла Европу и Азію!.... Сіи новыя бѣдствія началися такимъ образомъ:

Мятежи въ Москвѣ. Въ первые дни Іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго, бунта, убійствъ, испровёрженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иноземцевъ и у нѣкоторыхъ Бояръ и Дворянъ, что Царь предаетъ ихъ домы расхищенію за измѣну. (41). Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но воинскія дружины успѣли разогнать ихъ безъ кровопролитія. г. 1606.

Чрезъ нѣсколько дней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что Царь желаетъ говорить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движеніе, и Красная Площадь наполнилась любопытными, отчасти и злоумышленными, которые лукавыми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ внѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его: Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: «Вижу вашъ умыселъ; но для чего лукавствовать, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не буду» (42). Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: «Ищите же другаго Царя!» — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: «Если я Царь, то мятежники да трепещутъ! Чего хотятъ они? смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаменитѣйшихъ Россіянъ, и моей; по крайней мѣрѣ насилія и грабежа. Но вы знали меня, избирая въ Цари: имѣю власть и волю казнить злодѣевъ.» Всѣ единогласно отвѣтствовали: «Ты нашъ Государь законный! Мы тебѣ присягали и не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!» — Объявили указъ гражданамъ мирно разойтися, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго; не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость и не

г. 1606. нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже́ пылала бунтомъ!.... Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и вторый, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣрія или безстыдства, и находя его въ ослѣпленіи или въ развратѣ людей, отъ черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженниковъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ онъ любилъ съ довѣренностію, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли память его, желая неблагодарностію спасти себя — и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ Князь Григорій Петровичь Шаховскій, извѣстный любимецъ Разстригинъ, былъ посланъ Воеводою въ Путивль, на смѣну Князю Бахтѣярову, честному, но, можетъ быть, не весьма расторопному и смѣлому (43). Правительство знало важность сего назначенія: нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ Самозванцу и не могли столько бояться новаго Царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева (44), и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій безъ сомнѣнія говорилъ Василію тоже, что Басмановъ несчастному Ѳеодору (45), — и сдѣлалъ тоже. Рожденный въ свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со всѣми качествами, нужными для первенства въ оныхъ, Шаховскій пылалъ ненавистію къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели; зналъ расположеніе народа Сѣверскаго и неудовольствіе многихъ Россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи Вѣнценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Москвѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ Державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными, и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для

Бунтъ Шаховскаго. сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, и сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то Нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, г. 1606. живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій Новогородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ (46); что не только за истиннаго Царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, Стрѣльцы, Козаки, люди Боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ, Черниговскимъ Воеводою, мужемъ Думнымъ, нѣкогда вѣрнымъ закону: Княземъ Андреемъ Телятевскимъ. Сей человѣкъ удивительный, не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому, торжествующему Самозванцу, съ шайками крамольниковъ предался его тѣни, имени безъ существа, ослѣпленный заблужденіемъ или непріязнію къ Шуйскимъ: такъ люди, кромѣ истинно великодушныхъ, измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ! Еще не видали никакого Димитрія, ни лица, ни меча его, и все пылало къ нему усердіемъ, какъ въ Борисово и Ѳеодорово время! Сіе роковое имя съ чудною легкостію побѣждало власть законную, уже́ не обольщая милосердіемъ, какъ прежде (47), но устрашая муками и смертію. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману, — кто не хотѣлъ измѣнить Василію и дерзалъ противиться мятежу: тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ, еще ко славѣ отечества, погибли Воеводы, Бояринъ Князь Буйносовъ въ Бѣлѣгородѣ, Бутурлинъ въ Осколѣ, Плещеевъ въ Ливнахъ, двое Воейковыхъ, Пушкинъ, Князь Щербатый, Бартеневъ, Мальцовъ; другихъ ввергали въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ Царю; вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ: холопи грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ Боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали Димитрія, и едва спрашивали: гдѣ онъ? Увѣряя въ

г. 1606. необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожь разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи — изъ Сендомира!

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора? Шаховскій имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро по убіеніи Лжедимитрія распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ: одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь злотыхъ и сказалъ: «Знаешь ли насъ? Ты перевезъ Государя Димитрія Іоанновича, который спасается отъ Московскихъ измѣнниковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ, казнить ихъ, а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ (48). Вотъ онъ!» примолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали тоже. Сіи путешественники, или бѣглецы, выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву, —
Вторый Лжедимитрій. и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи, который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ Инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василіевъ, Князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишкова дѣйствительно объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатыя одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей; что съ нимъ только одинъ Москвитянинъ, Дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные Россіяне, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ (49). Новый Самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностію съ первымъ: былъ выше его, лицемъ не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ); глаза большіе, брови густыя, навислыя, носъ покляпый, бородавку среди щеки, усъ и бороду стриженную; но такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ Польскимъ и разумѣлъ Латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго Царя Ѳеодора (50) и мнимый чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василіева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разстриги, чтобы питать мятежъ въ землѣ Сѣверской; но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю. г. 1606.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ Разстриги встревожилъ Московскую чернь, которая, три дни терзавъ мертваго Лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію: ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что человѣкъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти (51). Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мятежамъ: «чернь Московская» (пишутъ свидѣтели очевидные) «была готова мѣнять Царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ безначаліи» — и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли еще произвести общаго движенія въ пользу Разстриги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, отъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали единственно волненія, безпокойства народнаго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ (52): въ сихъ грамотахъ упрекали Россіянъ неблагодарностію къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ Царей, и сказывали, что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія: призывали всѣхъ Дьяковъ, сличали ихъ руки съ подметными письмами, и не открыли сочинителей (53).

г. 1606. Еще Правительство не уважало сихъ козней, изъясняя оныя безсильною злобою тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разстригиныхъ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сендомирскомъ Самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ Крутицкаго Митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю ([54]), образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: Митрополита не приняли и не слушали. Царица-Инокиня Мареа, исполненная ревности загладить вину свою, писала къ жителямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россіею, что она собственными глазами видѣла убіеніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ ([55]); что одни Ляхи и злодѣи утверждаютъ противное; что Царь великодушный далъ ей слово *покрыть милосердіемъ* вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ, если изъявятъ раскаяніе; что она шлетъ къ нимъ брата, Боярина Григорія Нагаго, и святый образъ Димитріевъ, да услышатъ истину, да зрятъ Ангельское лице ея сына, который былъ рожденъ любить, а не терзать отечество смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни Посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ; остервененіе возрастало. Дѣйствуя неусыпно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украйною; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день Московскаго мятежа ([56]). Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле, съ Воеводою достойнымъ такого начальства, холопомъ Князя Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ Татарами, проданный въ неволю Туркамъ и выкупленный Нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому въ Путивлѣ. Внутренно вѣря или не вѣря Самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа, къ коему пристали еще двое Князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій ([57]).

Болотниковъ.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ итти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали Бояринъ Воротынскій, сынъ отца столь знаменитаго, и Князь Юрій Трубецкій, Стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами ([58]). Воротынскій близъ Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть горсти измѣнниковъ, и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они, съ Княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынскій ушелъ отъ Ельца; винили, обгоняли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ Царства ([59]).

Успѣхи мятежниковъ.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а Царя Василія *Шубникомъ* ([60]); велѣлъ однихъ утопить, другихъ вести въ Путивль для казни; нѣкоторыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ Державу Самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: Сына Боярскаго Истому Пашкова, Веневскаго Сотника ([61]); Григорія Сунбулова, бывшаго Воеводою въ Рязани, и тамошняго Дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ, — одареннаго красотою и крѣпостію тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостію и мужествомъ ([62]). Сіе новое войско отличалось ревностію чистѣйшею, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клевретами Басманова ([63]) въ измѣнѣ Өеодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло Москвитянъ, убіеніе Разстриги, и ду-

Прокопій Ляпуновъ.

г. 1606. мали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ Вѣнценосецъ законный. Но ревность ихъ также вела къ злодѣйствамъ: лилась кровь воиновъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Василію. Рязанскій Намѣстникъ, Бояринъ Князь Черкасскій, Воеводы Князь Тростенскій, Вердеревскій, Князь Каркадиновъ, Измайловъ (64), были скованные отправлены Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или смерть. Разбойники Сѣверскіе жгли, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человѣчество гнуснѣйшими дѣлами (65). Ужасъ распространялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностію, не измѣнила: достойный ея Святитель Ѳеоктистъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Стратигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ Дѣтей Боярскихъ, гражданъ; разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ (66) и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ Воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ Воеводъ знаменъ, — наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что Царь безъ искусныхъ Стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйскаго (67). Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного славнаго храбростію Воеводу, Басманова-измѣнника: Лжедимитрій-расточитель не оставилъ ничего, кромѣ измѣнниковъ; но Василій дѣлалъ, что могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа — о нелѣпой баснѣ Разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служитъ единственно предлогомъ для злодѣйства (68), въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, — Царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, умыслъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства: снять опалу съ памяти Вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести тѣло Бориса, Маріи, юнаго Ѳеодора, изъ бѣдной обители Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приблизить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между Царскими памятниками; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго Монарха въ Годуновѣ, будучи также Монархомъ избраннымъ; хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и къ Ѳеодору невиннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховскаго (69), жаднымъ къ новому цареубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Ѳеодорову и Маріину несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ *саняхъ* (70), несчастная Ксенія, и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Многіе объ немъ тужили, встревоженные настоящимъ, и страшася будущаго (71). Въ Лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небесныхъ (72). Новымъ погребеніемъ возвращая санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василій, что нѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣніи, и что великодушная жалость, справедливость и Политика также возвратятъ имъ честь Царскую (73)?

Пренесеніе тѣла Борисова.

Уже не только Политика мирила Василія съ Годуновымъ, но и злополучіе, разительное сходство ихъ жребія. Обоимъ власть измѣняла; опоры того и дру-

г. 1606. гаго, видомъ крѣпкія, падали, рушились, какъ тлѣнъ и бреніе. Рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнію Димитрія. Юноша, ближній Государевъ, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры (74); но Воеводы главные, Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Воротынскій, Голицыны, Нагіе, имѣя съ собою всѣхъ Дворянъ Московскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ (75), встрѣтились съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ (76), сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Мятежники подъ Москвою. Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ Октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія Царемъ сверженнымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги (77); что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и достояніе, обѣщая имъ *богатство* и *Воеводство* (78); разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную.... Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучь великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медлитъ истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ (79). Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неустрашимость въ Государѣ, самъ казался неустрашимымъ. Воины, граждане по собственному движенію обязали другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ (80). Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, Святители писали г. 1606. всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ Смолянамъ граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные Россіяне (81); вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ (82); но Воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія (83), говорилъ: «Они также Русскіе и Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да раскаются, и кровь отечества да не ліется въ междоусобіи!» Василій или дѣйствительно надѣялся утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тверитянъ: они соединились въ Можайскѣ съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили ненастье и холодъ

г. 1606. глубокой осени; приступали къ Симонову монастырю (84) и къ Гонной или Рогожской слободѣ; были отражены, лишились многихъ людей, и все еще не унывали — по крайней мѣрѣ Болотниковъ: онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ (85), отвѣтствуя: «я клялся Димитрію умереть за него, и сдержу слово: буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ;» уже видѣлъ знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю: двадцатилѣтнему Князю Скопину-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ, и мыслилъ окружить непріятеля въ станѣ. Болотниковъ и Пашковъ встрѣтили Воеводъ Царскихъ: первый сразился какъ левъ; второй, не обнаживъ меча, передался къ нимъ со всѣми Дворянами и съ знатною частію войска (86). У Болотникова остались Козаки, холопи, Сѣверскіе бродяги; но онъ бился до совершеннаго изнуренія силъ, и бѣжалъ съ немногими къ Серпухову: остальные разсѣялись. Козаки еще держались въ укрѣпленномъ селеніи Заборьѣ, и наконецъ съ Атаманомъ Беззубцевымъ сдалися, присягнувъ Василію въ вѣрности. Кромѣ ихъ, взяли на бою столь великое число плѣнныхъ, что они не умѣстились въ темницахъ Московскихъ, и были всѣ утоплены въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но Козаковъ не тронули и приняли въ Царскую службу (87). Юношѣ-побѣдителю, Князю Скопину, рожденному къ чести, утѣшенію и горести отечества, дали санъ Боярина, а Воеводѣ Колычеву — Боярина и Дворецкаго (88). Радовались и торжествовали; пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ (89) и благодарили Небо за истребленіе мятежниковъ, но прежде времени.

2 Декабря.

Побѣда Скопина-Шуйскаго.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ: жители не впустили его (90). Онъ засѣлъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ; собралъ тысячь десять бѣглецовъ, изготовился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый; что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ клевреты готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вожделѣннаго Царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ (91). Но кого было представить? Сендомирскаго ли Самозванца, Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и ни мало не сходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи Россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ инаго человѣка, какого-то благороднаго Ляха, но что онъ — взявъ, вѣроятно, деньги за такую отвагу — раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ жить нескуднымъ Дворяниномъ, и прервалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ (92), коему случай далъ между тѣмъ другое орудіе.

Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Ѳеодора (93). На пути къ Москвѣ узнавъ о гибели Разстриги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Бояре Морозовъ и Бѣльскій хотѣли схватить его: Козаки обманули ихъ; прислали сказать, что выдадутъ имъ самозванца, и ночью уплыли внизъ по Волгѣ; грабили людей торговыхъ и служивыхъ; злодѣйствовали, жгли селенія на берегахъ, до Царицына, гдѣ убили Князя Ромодановскаго, ѣхавшаго Посломъ въ Персію, и Воеводу Акинѳеева (94); остановились зимовать на Дону и разславили въ Украйнѣ о своемъ Лжецаревичѣ. Обманъ способствовалъ обману: Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Ѳеодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честію, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе, и даже не усомнился обѣщать ему Царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится (95). Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ, въ доказательство державной власти разбойника Илейки. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ, которые еще сидѣли въ темницахъ: вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ (96), Думнаго мужа

Лжепетръ.

г. 1606. Сабурова, Князя Прiимкова-Ростовскаго, начальниковъ города Борисова, и Воеводу Путивльскаго, Князя Бахтѣярова, взявъ себѣ его дочь въ наложницы. Искали и союзниковъ внѣшнихъ, тамъ, гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодою, и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою: новый Самозванецъ Петръ также обратился къ Сигизмунду, и Вельможные Паны не устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они «ждутъ Пословъ отъ Государя Сѣверскаго, сына Θеодорова, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, укрывающимся въ Галиціи, намѣренъ свергнуть Василія съ престола; что если Царь возвратитъ свободу Мнишку и всѣмъ знатнымъ Ляхамъ, Московскимъ плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжедимитрія, ни Лжепетра; а въ противномъ случаѣ оба сдѣлаются истинными и найдутъ сподвижниковъ въ Республикѣ» (97)! Но Ляхи только грозили Василію; манили, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили дѣйствовать; Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призвали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ нѣсколько дней, и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки Угры (98), осадилъ Калугу (30 Декабря), но безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу (99). Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ (100): Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, утопили Алатырскаго Воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила: ея знатный Воевода, Окольничій Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертвили: добраго, мужественнаго Дьяка Карпова и многихъ иныхъ (101). Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ (102). Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія (103). Къ сему смятенію присоединилось ужасное естественное бѣдствіе: язва въ Новѣгородѣ, где умерло множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ Катыревъ (104). Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Осада Калуги.

Годуновы въ Сибири.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Воеводъ: знатнѣйшаго саномъ, Князя Мстиславскаго, и знаменитѣйшаго мужествомъ, Скопина-Шуйскаго, къ Калугѣ; Воротынскаго къ Тулѣ (105), Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, Боярина Θеодора Шереметева къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу; а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною Царскою, чтобы хранить святыню отечества и Церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Василій думалъ предупредить соединеніе мятежниковъ, истребить ихъ отдѣльно, нападеніями разными, единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ распоряженіяхъ какъ Стратигъ искусный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца людей, оживить въ нихъ силу нравственную, успокоить совѣсть, возмущенную беззаконіями государственными, и снова скрѣпить союзъ Царя съ Царствомъ, нарушенный злодѣйствомъ.

г. 1607. Распоряженія Василіевы.

Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ермогеномъ, Духовенствомъ, Синклитомъ, людьми чиновными и торговыми, Василій опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго Патріарха Іова для *великаго земскаго дѣла*. Ермогенъ писалъ къ Іову: «Преклоняемъ колѣна: удостой насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать гласъ твой сладкій: молимъ тебя именемъ отечества смятеннаго» (106). Іовъ пріѣхалъ, и (20 Февраля) явился въ церкви Успенія, извнѣ окруженной и внутри наполненной несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у Патріаршаго мѣста въ видѣ простаго Инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ

3 Февраля.

Призваніе Іова.

14 Февраля.

г. 1607. и святостію: отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено Царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ Патріархъ Ермогенъ съ любовію уступалъ первенство Старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли Патріаршему Діакону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и только одинъ народъ — молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи предъ Закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ Государю; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Θеодора и Маріи одному Разстригѣ (107); наконецъ молилъ Іова, какъ святаго мужа, благословить Василія, Князей, Бояръ, Христолюбивое воинство и всѣхъ Христіанъ, да восторжествуетъ Царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною, писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея Монарховъ — хваля особенно государственный умъ Іоанна Грознаго (108), Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ Цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію Россіянъ, прельщенныхъ бродягою; говорилъ: «Я давалъ вамъ страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сдѣлалось, чему нѣтъ примѣра ни въ Священной, ни въ свѣтской Исторіи.» Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство, если не совершенное, то по крайней мѣрѣ допущенное народомъ — воздавъ хвалу Василію, *Царю святому и праведному*, за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели — Іовъ продолжалъ: «Вы знаете, убитъ ли Самозванецъ; знаете, что не осталось на землѣ г. 1607. и *скареднаго* тѣла его — а злодѣи дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ и есть истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ Богомъ, *въ сіи времена послѣднія* (109), когда вымыслы нелѣпые, когда сволочь мерзостная, тати, разбойники, бѣглые холопи могутъ столь ужасно возмущать отечество!» Наконецъ, исчисливъ всѣ клятвопреступленія Россіянъ, не исключая и данной Лжедимитрію присяги (110), Іовъ именемъ Небеснаго милосердія, своимъ и всего Духовенства объявлялъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что они уже не измѣнятъ снова Царю законному, и добродѣтелію вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилостивятъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ Государству миръ съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что самъ Всевышній устами Праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались — и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился (111). Мысль, что онъ, 8 Марта. уже стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе Неба!

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ обступивъ Калугу (112), стрѣлялъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметъ къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ *деревянную гору* и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ съ тыномъ острога: но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору; Храбрость Болотникова. не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ; сражался день и ночь; не жалѣлъ людей, ни себя; обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ голода: ибо не успѣлъ запастися хлѣбомъ. Разбойники Калуж-

г. 1607. скіе ѣли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милость ихъ Атаману, если покорится: отвѣтомъ его было: «жду милости единственно отъ Димитрія!» Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: Московскій лекарь Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія: уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстригѣ. — Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца (113).

Другіе Воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали(114): Хованскій отъ Михайлова въ Переславль Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Коширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ (115); вторый спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы итти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ (116), гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана Мосальскаго и Литвина Сторовскаго; но близъ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Коширѣ: Воевода Ададуровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы, и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ (117). — Бояринъ Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города; укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и не взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цынгу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ, Князь Хворостининъ, объявивъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютѣйшею казнію и звалъ Ногайскихъ Владѣтелей подъ знамена Димитрія (118). — Но Царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотникова если не мечемъ, то голодомъ — г. 1607. надѣясь, что Воротынскій въ Алексинѣ и Хилковъ въ Коширѣ заслоняютъ осаду Калуги и блюдутъ безопасность Москвы — главный Воевода, Князь Мстиславскій, отрядилъ Бояръ, Ивана Никитича Романова, Михайла Нагаго и Князя Мезецкаго противъ злодѣя, Василія Мосальскаго (119), который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріятелемъ на берегахъ Вырки (120), смѣло и мужественно. Цѣлыя сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказавъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клевреты его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остервененія, свойственнаго только войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, дотолѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи (121), удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную имъ доблесть (122). Побѣда Романова.

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были счастливѣе. Они, подобно Царю, соображали свои дѣйствія наступательныя, слѣдуя общей мысли, и стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не устрашила Телятевскаго, который также шелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ Московскихъ Воеводъ, Князей Татева, Черкасскаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ изъ Калужскаго стана (123). Въ жестокой 1 Мая. битвѣ на Пчелнѣ легли Татевъ и Черкасскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные спаслися бѣгствомъ въ станъ Калужскій, и привели его въ ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; всѣ обратили тылъ, кромѣ юнаго Князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истомы Пашкова, уже вѣрнаго слуги Царскаго (124): Мужество Скопина. они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе Воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ.

Г. 1607. Узнавъ, что сдѣлалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска; по крайней мѣрѣ не кинулъ снаряда огнестрѣльнаго, и засѣлъ въ Мещовскѣ (125).

Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ Духовенство, Бояръ, людей чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія, и грозилъ казнію ослушникамъ: всѣ Россіяне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри запасти столицу хлѣбомъ на случай осады, и самые Иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за Вѣру (126). Употребили и нравственное средство: Святители предали анаѳемѣ Болотникова и другихъ извѣстныхъ, главныхъ злодѣевъ: чего Царь не хотѣлъ дотолѣ, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было дорого: къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ (127). 21 Мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско, приказавъ Москву брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Одоевскому и Трубецкому (128), а всѣхъ иныхъ Бояръ, Окольничихъ, Думныхъ Дьяковъ и Дворянъ взявъ съ собою, подъ Царское знамя, коего уже давно не видали въ полѣ съ такимъ блескомъ и множествомъ сановниковъ: уже не стыдились итти всѣмъ Царствомъ на скопище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, Царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячь воиновъ цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть (129); онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и далъ ее въ твердой рѣшимости исполнить. Казалось, что Россія нашла Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Василіевъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова (130) къ Каширѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлися на берегахъ Восми (131); началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолѣвали: но Г. 1607. 5 Іюня. Голицынъ и Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: «нѣтъ для насъ бѣгства; одна смерть или побѣда!» и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Телятевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ Москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5000 плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, Козаки Терскіе, Яицкіе, Донскіе, Украинскіе, числомъ 1700, засѣли въ оврагахъ, и стрѣляли; уже не имѣли пороха, и все еще не сдавались: ихъ взяли силою на третій день, и казнили, кромѣ семи человѣкъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки (132): черта достохвальная въ самой неумолимой мести!

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность (133); двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронеѣ, сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго: стояли въ мѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями, и долго противились; наконецъ Москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣшали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, но тамъ пали: ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячь злодѣевъ отчаянныхъ: Россіяне умѣли оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Осада Тулы. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Коширскую: Мстиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кропивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры Царскіе. 30 Іюня. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостію бился въ вылазкахъ (134); презирая смерть, казался и невредимымъ и неутомимымъ: три, четыре раза въ день

г. 1607. нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя только издали и не мѣтко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Епифань, и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ, и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную. «Но Россія,» говоритъ Лѣтописецъ (135), «утопала въ пучинѣ крамолъ, и волны стремились за волнами: рушились однѣ, поднимались другія.»

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи инаго Вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: «гдѣ же тотъ, за кого умираемъ? гдѣ Димитрій?» Шаховскій и Болотниковъ клялися имъ: первый, что Царь въ Литвѣ; вторый, что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію, къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію Ляхамъ, такими словами: «Отъ границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте насъ отъ Шуйскаго» (136). Съ письмами и наказомъ послали въ Литву Атамана Козаковъ Днѣпровскихъ, Ивана Мартинова Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ Московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другаго вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его (137): искали и нашли бродягу, жи-

Явленіе новаго Лжедимитрія. теля Украйны, сына Поповскаго, Матвѣя Веревкина, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, или Жида, какъ сказано въ современныхъ бумагахъ государственныхъ (138). Сей Самозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ, корыстолюбивъ г. 1607. до низости; только, подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками, Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св. Писаніе и Кругъ Церковный (139); разумѣлъ, если вѣрить одному чужеземному Историку (140), и языкъ Еврейскій, читалъ Тальмудъ, книги Раввиновъ, среди самыхъ опасностей воинскихъ; хвалился мудростію и предвидѣніемъ будущаго (141). Панъ Мѣховецкій, другъ перваго обманщика, сдѣлался руководителемъ и наставникомъ втораго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства и случаи Лжедимитріевой исторіи, — открылъ много и тайнаго, чтобы изумлять тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ его Гетмана; пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда Воевода Сендомирскій, чтобы возвратить Державному изгнаннику Царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ, но столько же, или еще болѣе, ревнителей славы или корысти. «Не спрашивали» — говоритъ Историкъ Польскій (142) — «истинный ли Димитрій или обманщикъ зоветъ воителей? Довольно было того, что Шуйскій сидѣлъ на престолѣ, обагренномъ кровію Ляховъ. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая праздностію, кипѣло любовію къ ратной дѣятельности; не ждало указа Королевскаго и рѣшенія Чиновъ Государственныхъ: хотѣло и могло дѣйствовать самовольно,» но конечно съ тайнаго одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и вѣсть за вѣстію приходила къ жителямъ Сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій (143).

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Стародубѣ два человѣка: одинъ именовалъ себя Дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ; они сказали народу, что Димитрій не далеко съ войскомъ и велѣлъ имъ ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ: любятъ ли они своего Царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: «гдѣ онъ? гдѣ отецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ головами» (144). *Онъ здѣсь*, отвѣтствовалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы устрашась своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его

г. 1607. изъясниться; вышли изъ терпѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца: тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызать ноги пришельца; вопили: «Хвала Богу! нашлося сокровище нашихъ душъ!» Ударили въ колокола, пѣли молебны, честили Самозванца, коего прислалъ Мѣховецкій (145), готовясь итти въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислалъ съ однимъ клевретомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными Стародубскими измѣнниками, желая доказать Ляхамъ, что они могутъ надѣяться на Россіянъ въ войнѣ за Димитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедимитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе, и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя втораго, человѣка имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви къ мятежу. Такъ Атаманъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разстригинымъ, упалъ къ ногамъ Стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію (146), и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ, твердые душею. Такимъ оказалъ себя одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ и вручилъ Царю, въ станѣ подъ Тулою, письмо отъ городовъ Сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Димитрію и грозили казнію въ случаѣ упорства: сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василію тоже, называя его не Царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хваляся вѣрностію къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи ревности удивительной (147).

Василій, узнавъ о семъ явленіи Самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ Воеводъ, Князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка Сеитова, къ ея предѣламъ: первый сталъ у Козельска; вторый занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ (148). Скоро услышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными Литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣсколько тысячь Козаковъ и соединилъ ихъ съ толпами Сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы Царскіе не могли спасти Брянска и велѣли зажечь его, когда жители вышли съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу къ мнимому Димитрію (149)...... Въ сіе время одинъ изъ Польскихъ друзей его, Николай Харлескій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытное (150): «Царь Димитрій и всѣ наши благородные витязи здравствуютъ. Мы взяли Брянскъ, сожженный людьми Шуйскаго, которые вывезли оттуда всѣ сокровища, и бѣжали такъ скоро, что ихъ не льзя было настигнуть. Димитрій теперь въ Карачевѣ, ожидая знатнѣйшаго вспоможенія изъ Литвы. Съ нимъ нашихъ 5000, но многіе вооружены худо...... Зовите къ намъ всѣхъ храбрыхъ; прельщайте ихъ и славою и жалованьемъ Царскимъ. У васъ носится слухъ, что сей Димитрій есть обманщикъ: не вѣрьте. Я самъ сомнѣвался и хотѣлъ видѣть его; увидѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онъ набоженъ, трезвъ, уменъ, чувствителенъ; любитъ военное искусство; любитъ нашихъ; милостивъ и къ измѣнникамъ: даетъ плѣннымъ волю служить ему или снова Шуйскому. Но есть злодѣи: опасаясь ихъ, Димитрій никогда не спитъ на своемъ Царскомъ ложѣ, гдѣ только для вида велитъ быть стражѣ: положивъ тамъ кого нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ ночью къ Гетману или ко мнѣ, и возвращается домой на разсвѣтѣ. Часто бываетъ тайно между воинами, желая слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ. Зная даже и будущее, говоритъ, что ему властвовать не долѣе трехъ лѣтъ; что лишится престола измѣною, но опять воцарится и распространитъ Государство. Безъ прибытія новыхъ, сильнѣйшихъ дружинъ Польскихъ, онъ не думаетъ спѣшить къ Москвѣ, если возметъ и самого Шуйскаго, который въ ужасѣ, въ смятеніи снялъ осаду Тулы (151); всѣ бѣгутъ отъ него къ Димитрію» .... Но Самозванецъ, оставивъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, и разбивъ Князя Литвинова-Мосальскаго близъ г. 1607.

г. 1607. Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней славится уже не Димитріево, а Василіево имя.

Еще мятежники оборонялись тамъ усильно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала Царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. (Взятіе Тулы.) Муромецъ, Сынъ Боярскій, именемъ Суминъ Кровковъ, предложилъ Василію затопить Тулу, изъяснилъ возможность успѣха, и ручался въ томъ жизнію (152). Приступили къ дѣлу; собрали мельниковъ; велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Упы, ниже города, и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ, что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ (153); только высокія мѣста остались сухи и казались грядами островов. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ. они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ Царю, винились, требовали милосердія и находили его, всѣ безъ исключенія. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ, извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и Самозванца Петра, если Царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и скорѣе *съѣдятъ другъ друга* отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость, — и 10 Октября Бояринъ Кольчевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами Московскими, взялъ подлѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами Царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сендомирѣ: обманщикъ или Царь истинный, не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти: вотъ сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ, усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ» (154). Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, въ слѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами; г. 1607. а Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни Боярства, къ посрамленію сего Вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному (155): слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго Царства или Смоленскаго Княжества (156); и желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленнаго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣдавъ, что Лжедимитрій, испуганный судьбою Лжепетра, ушелъ назадъ къ Трубчевску (157). Вопреки опыту презирая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ея жителей (158); не хотѣлъ ждать, чтобы сдалася Калуга, гдѣ еще держались клевреты Болотникова съ Атаманомъ Скотницкимъ (159): велѣлъ осаждать ее малочисленной рати, и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его какъ побѣдителя (160). Онъ (21 Октября.) въѣзжалъ съ необыкновенною пышностію, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; умиленно слушалъ рѣчь Патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія, и казался счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лаврѣ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ Данилова Монастыря (161). Болотникова, Атамана Ѳедора Нагибу и строптивѣйшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь (162). Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ

г. 1607. городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Димитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ дотолѣ въ непрестанныхъ заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастіи и невѣстѣ: жестокою Политикою лишенный удовольствія быть супругомъ и отцемъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился на Маріи, дочери Болрина Князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго ([163]). Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца ([164]), что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живетъ и движется Царемъ, съ нимъ бодрствуетъ или дремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властвованія смутнаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе могло устоять противъ такихъ бѣдствій?

Бракъ Василіевъ. г. 1608. Генваря 17.

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патріархомъ, Духовенствомъ и Синклитомъ, онъ издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года: то есть, подтвердилъ Уложеніе Θеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Боярами старѣйшими, и произвело г. 1607. въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Іоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе ([165]). Далѣе уставлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубли за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказывается кнутомъ; что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣлается рабомъ ея господина; что если господинъ не женитъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ до осьмнадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣетъ права жаловаться въ судѣ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса: законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной!

Законы.

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка *Уставъ Дѣлъ Ратныхъ*, желая, какъ сказано въ началѣ онаго, чтобы «Россіяне знали всѣ новыя хитрости воинскія, коими хвалятся Италія, Франція, Испанія, Австрія, Голландія, Англія, Литва, и могли не только силѣ силою, но и смыслу смысломъ противиться съ успѣхомъ, въ такое время, когда умъ человѣческій всего болѣе виперенъ въ науку необходимую для благосостоянія и славы Государствъ: въ науку побѣждать враговъ и хранить цѣлость земли своей» ([166]). Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственныя средства. Предъ всякою битвою надлежало Воеводѣ ободрять воиновъ *лицемъ веселымъ* ([167]), напоминать имъ отечество и присягу; говорить: «я буду впереди..... лучше умереть съ честію, нежели жить безчестно,» и съ симъ вручать себя Богу.

Уставъ Воинскій.

Угождая народу своею любовію къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожь, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни ([168]); выслалъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за тѣсную связь съ Поляками, — оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря

г. 1607. Вазмера, при себѣ ([169]) : но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе, и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; г. 1607. однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества.... и въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

# ГЛАВА II.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

## Г. 1607 — 1609.

**Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россія. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.**

г. 1607 — 1608. Въ то время, когда Москва праздновала Василіево бракосочетаніе, война междоусобная уже снова пылала.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ ([170]), съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: «не знаемъ Царя, кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ!» Вѣроятно, что явленіе втораго Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися ([171]), загладить вину свою взятіемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ, что устрашенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги.

Самозванецъ усиливается.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостію и мужеством витязь, ремесломъ грабитель ([172]). г. 1607. Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржевскій, укрѣпились въ Брянскѣ ([173]): Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ: они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Ѳеодора, будто бы втораго сына Ирины; но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры: Бояринъ Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ изъ столицы, а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ: осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ: «спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!» и съ слезами

г. 1607. простирали къ нимъ руки [174]. Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Литвиновымъ всѣ, восклицая: «лучше умереть, нежели выдать своихъ: съ нами Богъ!» плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріятеля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское,

Дѣло знаменитое.

г. 1608. оставивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендомирскому: «Мы, Димитрій Іоанновичь, Божіею милостію Царь всея Россіи, Великій Князь Московскій, Дмитровскій, Углицкій, Городецкій.... и другихъ многихъ земель и Татарскихъ Ордъ, Московскому Царству подвластныхъ, Государь и наслѣдникъ.... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непостижимы для ума человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ, искони предопредѣлено Небомъ, коего страшный судъ совершился и надо мною: за грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои собственные изгнанный изъ отечества, и скитаясь въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣдствій и печали! Но Богъ же милосердый, не помянувъ моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство, караетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ сердца людей, Россіянъ и чужеземцевъ, такъ, что надѣемся скоро освободить васъ и всѣхъ друзей нашихъ, къ неописанной радости вашего сына. Богу единому слава! Да будетъ также вамъ извѣстно, что Его Величество, Король Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчь Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ отысканіи наслѣдственной Державы» [175]. Сія грамота, вѣроятно, не дошла до Мнишка, заключеннаго въ Ярославлѣ, но была конечно и писана не для него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману. г. 1608.

Грамота Лжедимитріева.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ [176]. Тамъ прибыли къ нему знатные Князья, Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ [177]. Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василію Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому [178]; велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ Татарской и Мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю [179], и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія: доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россіею, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе [180]; но Василій — также, какъ и Годуновъ [181] — сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Предложеніе Шведовъ.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, отличался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ [182]; не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василія Голицына, знаменитаго измѣнами. Рать Московская оста-

г. 1608. новилась въ Болховѣ; не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами ([183]), до самой весны, и дала непріятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ ([184]) отдыхали; а толпы Лжедимитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались, брали города, жгли села и приближались къ Москвѣ. Начальники Рязани, Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его внѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили: Хованскій отступилъ — и чрезъ нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, Побѣда Лисовскаго. былъ на голову разбитъ Паномъ Лисовскимъ ([185]), который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ Россіянъ. Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и дѣйствовалъ: Шуйскій Апрѣля 13. наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца ([186]).

Первый вступилъ въ дѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло: но запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Лжедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишно осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія: чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣщенный переметчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Мо- Побѣда Самозванца. сквитянъ; всѣ бѣжали, еще кромѣ Нѣмцевъ: Капитанъ Ламсдорфъ, уже непьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ: «наши жены и дѣти въ Москвѣ,» ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія— и были изрублены Козаками: Гетманъ г. 1608. Рожинскій велѣлъ умертвить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ наградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ ([187]).

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеитовымъ, засѣли въ Болховѣ; другіе ушли въ домы. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ ([188]), сдался Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно, подъ начальствомъ Князя Сеитова. Москва Ужасъ въ Москвѣ. была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей вторый Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами ([189]); нѣкоторые только страшились, чтобы онъ, какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими Ляховъ или своей собственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею ([190]). Василій составилъ новое войско, и далъ начальство — къ несчастію, поздно — знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ битвѣ, — но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Воеводы, Князья Иванъ Катыревъ, Юрій Измѣна Воеводъ. Трубецкій ([191]), Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣ-

г. 1608. лалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ злосчастнымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ къ измѣнѣ. Умыселъ открылся: Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ: Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невтева (192). Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, Государь велѣлъ имъ также итти къ столицѣ, для ея защиты.

Самозванецъ въ Тушинѣ.

1 Іюня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ (193), думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему: *Если разорите мою столицу, то гдѣ же мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?* «Сія жалость къ Москвѣ погубила его,» пишетъ Историкъ чужеземный (194), который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: «Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ Государства, преданнаго имъ въ жертву Ляхамъ и разбойникамъ. На пеплѣ Москвы скоро явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія сдѣлалась пепелищемъ.» Но Самозванецъ, имѣя тысячь пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячь Россійскихъ измѣнниковъ (195), большею частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ, кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячь исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу (196); хотѣлъ отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенесъ станъ въ село Тайнинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украйною, откуда шли къ нему новыя дружины Литовскія и везли запасы: дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очиствивъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино (197), избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ Волоколамской дороги, и спѣшилъ тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе (198), стали между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь парода, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ *засаднымъ* войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре (199), и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій (200), присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились (201). Живъ 18 мѣсяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ, тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи (202), Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрющею грамотою Коро-

г. 1608. левскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтися. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, Царь велѣлъ привезти въ Москву Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи.... Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ-Ляховъ, Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего сановники Литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно ([203]).

Переміріе съ Литвою. Наконецъ, 25 Іюля, Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ: «1) Въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть войнѣ между Россіею и Литвою. 2) Въ сіе время условиться о вѣчномъ мирѣ или двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ Государствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. 4) Царю не помогать врагамъ Королевскимъ, Королю врагамъ Царя, ни людьми, ни деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и дать имъ нужное для путешествія до границы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣдома Королевскаго вступившимъ въ службу къ злодѣю, второму Лжедимитрію ([204]), немедленно оставить его, и впредь не приставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ именовать себя Царевичами Россійскими. 7) Воеводѣ Сендомирскому не называть сего новаго обманщика своимъ зятемъ, и не выдавать за него дочери. 8) Маринѣ не именоваться и не писаться Московскою Царицею ([205]).» Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ляховъ открылось еще во время переговоровъ.

Коварство Ляховъ. Чиновники, посыланные отъ Князя Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйствовали какъ лазутчики, высматривая укрѣпленія города и стана Ходынскаго. Царь былъ неостороженъ: Воеводы еще неосторожнѣе. Сперва они бодрствовали неутомимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на коняхъ; вдали легкіе отряды, вокругъ неусыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опасеніе: Россіяне уже не береглися; а Гетманъ Лжедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и Козаками незапно ударилъ на станъ Ходынскій: захватилъ обозъ и пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ, и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣтило войско, высланное Царемъ съ Людьми Ближними, Стольниками, Стряпчими и Жильцами. Тутъ началася кровопролитная битва, и непріятель долженъ былъ отступить; его тѣснили и гнали до Ходынки ([206]). г. 1608.

Василій могъ справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая миръ, воюютъ и нападаютъ въ расплохъ: онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Исполняя договоръ, Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владиміра Долгорукаго, и надѣялся, что Рожинскій, Вишневецкій и другіе Паны, извѣщенные объ условіяхъ мира, оставятъ Лжедимитрія: но никто изъ нихъ не думалъ оставить его! Они дали время Посламъ и Мнишку удалиться, и снова начали воевать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ, которые писали къ нимъ, что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской, а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго; что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ, то обязанъ выдать Самозванца для казни, и немедленно выйти изъ Россіи ([207]). Число Ляховъ грабителей еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Сапѣгою ([208]). Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смѣялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: «мы жалуемъ въ Цари Московскіе, кого хотимъ» ([209]); жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями станъ Ходынскій ([210]): Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы; сносились еще съ Послами Литовскими ([211]), сносились и съ Гетма-

г. 1608.

номъ Лжедимитріевымъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Димитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ ([212]), взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый день, разбили непріятеля, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ ([213]) — и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Побѣда Сапѣги.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненный пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ рукъ, и сказавъ своимъ ([214]): «отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а за спиною стыдъ и гибель,» третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ. Винили Воеводу Ѳедора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но воины въ домы свои, крича: «идемъ защитить нашихъ женъ и дѣтей отъ непріятеля ([215])!»

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедимитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали ([216]). Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ Послами и съ Воеводою Сендомирскимъ черезъ Угличь, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы высланной изъ Тушинскаго стана съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ ([217]), чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. «Мы сердечно обрадовались» — писалъ къ нему Самозванецъ — «услышавъ о вашемъ отъѣздѣ изъ Москвы: ибо лучше знать, что вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы близко, но въ плѣну. Спѣшите къ нѣжному сыну. Не въ уничиженіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ скоро, должна видѣть васъ Польша. Мать моя, ваша супруга, здорова и благополучна въ Сендомирѣ: ей все извѣстно.»

Мнишекъ и Марина у Самозванца.

Мнишекъ и Марина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имѣли для нихъ прелести трона и мщенія; ни опасности, ни стыдъ не могли удержать ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнуснѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигизмундовыхъ: одинъ Николай Олесницкій возвратился; другіе спѣшили въ Литву ([218]), не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго торжества Марины, которая ѣхала къ мнимому Царю своему пышно и безопасно, мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ, что она приближается, Самозванецъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ ([219]); но Марина остановилась въ шатрахъ за версту отъ Тушина: тамъ было первое свиданіе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина знала истину; знала вѣрно, что убитый мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблаговременно приготовилась къ обману: съ печалію однакожь увидѣла сего втораго Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго, низкаго душею — и, еще не мертвая для чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ мысли раздѣ-

г. 1608. лять ложе съ такимъ человѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сендомирскаго, Іезуитъ, тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы (220). Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не безполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: «Димитрій есть безъ сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ немъ мужа» (221). Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго (222). Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ театрѣ злодѣйства (223). Другіе, менѣе безсовѣстные, но малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствій для Царя, разъѣхались отъ него по домамъ (224); не тронулись, и были ему *до конца* вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой (225).

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину

Скопинъ посланъ къ Шведамъ.

величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!..... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору (226), о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для отдаленной Европы! г. 1608.

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ если не геройства, то стыда въ Россіянахъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: «Для чего срамить себя бѣгствомъ? Даю вамъ волю: идите, куда хотите! Пусть только вѣрные останутся со мною!» Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали Евангелія и креста; наперерывъ цѣловали его и клялися умереть за Царя..... а на другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино.... тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, древнимъ непріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе страстей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наслѣдственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ (227)!

Бѣгство къ Самозванцу.

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ полѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу (228), орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ (229), которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными,

г. 1608. ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло: благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василіевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную мольбу Василіеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель Вѣнценосца (230), и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ на канунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли, слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали.... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разъѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ не Димитрій (231), и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетами* (232). Разврат въ Москвѣ. Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговарились между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!) одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ *Царику*: такъ именовали втораго Лжедимитрія. Взявъ жалованье изъ казны Московской, требовали инаго изъ Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ, и не тайно: знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ* (233). Василій колебался: то не смѣлъ въ крайности быть жестокимъ, подобно Годунову (234), и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строгостію унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ, къ умноженію зла. «Вельможи его» — говоритъ Лѣтописецъ — «были въ смущеніи и въ *двоемысліи*: служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ; нѣкоторые дерзали и словами язвить Царя заочно, вопреки присягѣ и совѣсти.» Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева (235), еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народѣ: все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга, въ сіе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда еще помнила Бога и честь Русскаго имени.

Знаменитая осада Лавры. Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи: съ Новымгородомъ, Вологдою, Перміею, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ (236): предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣтей Боярскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе (237); дѣйствовали и невиди-

г. 1608. мо въ станахъ вражескихъ, писменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. «Доколѣ» — говорили Лжедимитрію Ляхи — «доколѣ свирѣпствовать противъ насъ симъ кровожаднымъ *вранамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ* (238)? Города многолюдные и цѣлыя области уже твои; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ войскомъ, а Чернцы ведутъ дерзкую войну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и жилище!» Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и сжегъ только посадъ Клементьевскій (239): но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго (240), хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей *такихъ* гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душею!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій; Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкѣвичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ (241). Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться (242). г. 1608. Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень (243). Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Иноки говорили: «Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ» — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны* (244). Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной,* пить чашу смертную за отечество (245). Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ: «Покоритесь Димитрію, истинному Царю вашему и нашему, который не только сильнѣе, но и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, имѣя, чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ уже едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете Намѣстниками *Троицкаго града* и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства, падутъ ваши головы.» Они писали и къ Архимандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ, и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: «упованіе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвижники: не страшимся!» Въ бранномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, Сына Боярскаго, Безсона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты (246).

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной (247); выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глинянаго врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ

г. 1608. изъ шестидесяти трехъ пушекъ ([248]), стараясь разрушить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣсницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣсницы, щиты и тарасы ([249]). Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ ([250]). Никто не отдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими построженъ въ Монахи.... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отечество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному. г. 1608.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россійскіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои закопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи ([251]).

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея ([252]). Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Распрашивали чиновнаго плѣнника и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста ([253]). Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу ([254]). Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя: непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190

г. 1608. человѣкъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ ([255]); стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости ([256]), и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ ([257]). Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило Инокиню; третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Старца Корнилія: сей Инокъ благочестивый, исходя кровію, сказалъ: «Богъ Архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ кровь Христіанскую» — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлися и невѣрные: слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣтовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ ([258]). — Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, неробкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ ([259]).

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ, изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ ([260]); въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, умирая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ мѣсто подкопа: Ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря ([261]). Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменшало силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою г. 1608. отчизну ([262]). 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія ([263]). Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ, къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ, Клементьевскими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастися. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и трубили побѣду; но Россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы, и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами, не мало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ; сожгли, чего не могли взять, и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человѣка, и 66 тяжело раненныхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ, съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, прудовъ Клементьевскаго, Келарева, Конюшеннаго и Круглаго, церквей нижняго монастыря и противъ Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды) ([264]). Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внукова и Есипова убитыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ ([265]). Братъ измѣнника и переметчика ([266]), Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ: «хочу смер-

г. 1608. тію загладить безчестіе нашего рода,» и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ (267). Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову (268). Иноки сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою (269).

Стыдясь своихъ неудачь, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками (270).

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ: Воеводы Троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были притиснуты къ стѣнамъ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. «Св. Сергій»—говоритъ Лѣтописецъ—«*охрабрилъ* и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, доспѣшныхъ, и побѣждали» (271). Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душею богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку; на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня (272). Другаго знатнаго Ляха, г. 1608. Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру (273). Бились въ рукопашь, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей (274). Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ (275). Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время (276). — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры (277).

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. «Когда» — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — «бѣдствіе и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали только о ду-

г. 1608. шѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы обратились къ тѣлесному» ([278]). Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодыя женщины кружили головы воинамъ; увѣщанія и примѣръ трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою. ... и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса ([279]).

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу ([280]): ею заразились бѣднѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ ([281]). Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской ([282]). Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые слыша всегдашній плачь въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ, но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Аврамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ ([283]). Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою ([284]).

Бѣдствія Лавры не уменшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; ни кто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто Ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и...... хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ ([285]) былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣре-

г. 1608. ніяхъ Сапѣги; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Литовскій, *Нѣмко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св. Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя (286) дѣлами храбрости необыкновенной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи*, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю (287). Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедру (288). Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душею присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: «будьте непоколебимы до конца» (289)! Архимандритъ, Иноки разсказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряя, что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затворенныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны (290). г. 1609.

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка (291). Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ (292). Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою (293). Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи какъ *змѣи ползли* ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣсницами — и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковый часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣсницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и

г. 1609. твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійскіе злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Пановъ и чиновныхъ измѣнниковъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій, и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы (294). Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершеннымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для нее примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ.

Когда горсть достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами — неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Лжедимитріевъ (295), имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ (296), — велѣвъ и Боярину Ѳедору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ (297). Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Ѳедора Плещеева отъ Сапѣги (298). Переславль Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Митрополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святый храмъ, стрѣляли, ломились въ двери, и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ Митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи побѣдители схватили Митрополита, и сорвавъ съ него ризы Святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью (299); опустошили городъ, и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Сапѣга прислалъ восводствовать злаго измѣнника, Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ Литовской, въ Татарской шапкѣ (300); но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ инаго рода: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи, и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архипастыря и назвалъ Патріархомъ: далъ ему златый поясъ и Святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Василію (301). Сей вторый Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чтителемъ Церкви и Духовенства; училъ

г. 1608 — 1609. Измѣна городовъ.

г. 1609. лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтія, Ростовскую добычу (302); уже не смѣла гнушаться обрядами Православія, молилась въ нашихъ церквахъ и покланялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ (303). Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ!

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличь, Кострома, Галичь, Вологда и другіе (304), тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: «да здравствуетъ Димитрій!» и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости, или для того, чтобы злодѣйствовать свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Ѳедоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ (305); взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники (306). Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Лжедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника (307); послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ (308): вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство (309). Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* граждант, чернь, г. 1609.
Стрѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Ѳедоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и кучи пепла облилися новою кровію: неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями; грабили рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго....... Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, человѣческая и государственная; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы (310)?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни Вѣры; что Государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось!..... Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ, Аврамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ:

«Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями Ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ Россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ: они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на выкупъ ближнимъ — и снова отнимали, къ забавѣ Россіянъ!.... Сердце трепещетъ отъ воспоминанія Ужасное состояніе Россіи.

г. 1609. злодѣйствъ : тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій..... Святыхъ юныхъ Инокинь обнажали, позорили; лишенныя чести, лишались и жизни въ мукахъ срама...... Были жены прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ; но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія. Уже не сражаясь за отечество, еще многіе умирали за семейства: мужъ за супругу, отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ въ грудь Ляху. Не было милосердія: добрый, вѣрный Царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ляхами, иногда находилъ въ нихъ жалость и самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники называли ихъ за то женами слабыми и худыми союзниками Царя Тушинскаго: всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сію неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: *что же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостію?* Сердца окаменѣли, умы омрачились; не имѣли ни состраданія, ни предвидѣнія: вблизи свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали: *оно минуетъ насъ!* или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы господами, чернь Дворянствомъ, Дворяне Вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ, и разумные разумныхъ обольщали измѣною, въ домахъ и въ самыхъ битвахъ; говорили: *мы блаженствуемъ; идите къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ!....* Гибли отечество и Церковь: храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капищамъ Владимірова времени; скотъ и псы жили въ Олтаряхъ; воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ потировъ; мясо стояли на дискосахъ; на иконахъ играли въ кости; хоругви церковныя служили вмѣсто знаменъ; въ ризахъ Іерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, Священниковъ палили огнемъ, допытываясь ихъ сокровищъ; отшельниковъ, Схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствующихъ убивали.... Люди уступили свои жилища звѣрямъ: медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы какъ горы вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали: люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою, домы и все, да будетъ Россія пустынею необитаемою» (311)! г. 1609.

Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ: Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе Небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію Лѣтописца, *горы могилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель, какъ Фениксъ, возраждается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Ѳеоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ (312). Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести (313). Не

многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи ([314]), уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ ([315]), Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже
г. 1608. принадлежали къ царству беззаконія,
Тушино. коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями ([316]), гдѣ толпилось болѣе ста тысячь разбойниковъ обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса, вареныя и сырыя, лежали грудами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино ([317]). Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ ([318]), и крещенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасламомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ ([319]): оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василію; вторый оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить *Царику* Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими ([320]) унижался и Посолъ Сигизмундовъ, Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ ѳеатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышностію ([321]); тамъ Вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣглаго поповича или Жида ([322]), принявъ отъ него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастіемъ, и господствуя надъ Россіею отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Двины и моря Каспійскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ — стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ — Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему легкомысленные переметчики ([323]), которые не хотѣли видѣть въ ней ни меча, ни пламени, имѣя тамъ домы и семейства.

Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ.

Миновало и возвратилось лѣто: самозванецъ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедимитрій, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной: но торжество злодѣя могло бы совершиться ([324]), если бы Ляхи, виновники его счастія, не сдѣлались виновниками и его гибели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрія ([325]). Россіи издыхающей *помогъ* новый *непріятель!*

Доселѣ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ Генварѣ 1609 года) уѣхалъ г. 1609.
въ Варшаву, такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность ([326]). Въ слѣдъ за Мнишкомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами Рес-

г. 1609. публики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли ([327]). Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпотствующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-стяжательною, открылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство ([328]). Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялись Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедимитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Олесницкаго и Госѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: «Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ вспоможеніемъ утвердитъ власть свою, то чего добраго ждать Республикѣ отъ союза двухъ враговъ ея? Еще хуже, если Шведы овладѣютъ Москвою; не лучше, если она, утомленная бѣдствіями, покорится и Султану или Татарамъ ([329]). Должно предупредить опасность, и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бродягѣ Московское Царство; нынѣ дружины вольницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: можемъ ли бояться сопротивленія?» Были однакожь Сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслію о завоеваніи Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ *первому* Лжедимитрію, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова, и не мѣшая Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ *втораго;* что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многолюднымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такія ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: «богатая Россія будетъ наша» — и Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ ([330]), одобрилъ войну съ Россіею, безъ всякаго сношенія съ Лжедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія. Польша объявляетъ войну Россіи.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая ([331]), въ надеждѣ, что кончитъ войну одною угрозою ([332]), и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность въ Республикѣ — то есть, сдѣлаться обоихъ Государствъ Самодержцемъ, — Король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики ([333]); выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное:

Г. 1609. въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій (334)? Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ..... Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей Державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, раждая надежду, что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ многіе или не многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель. Г. 1609. Крайность России и перемѣна къ лучшему.

# ГЛАВА III.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

## Г. 1608 — 1610.

**Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву.**

Г. 1608 — 1610. Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Царскіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, разбили Пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ оказалось мужество и счастіе юнаго, еще неизвѣстнаго Стратига, коему Провидѣніе готовило благотворнѣйшую славу въ мірѣ: славу Героя-спасителя отечества. Князь Пожарскій. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, происходя отъ Всеволода III и Князей Стародубскихъ (335), царедворецъ безчиновный въ Борисово время и Стольникъ при Разстригѣ, опасностями Россіи вызванный на ѳеатръ кровопролитія, долженъ былъ вторично защитить Коломну отъ нападенія Литвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ изъ Владиміра. Пожарскій не хотѣлъ ждать



Г. 1608. ихъ: встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, и на утренней зарѣ незапнымъ, сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля; взялъ множество плѣнниковъ, запасовъ и богатую казну (336); одержалъ побѣду съ малымъ урономъ, явивъ не только смѣлость, но и рѣдкое искусство, въ предвѣстіе своего великаго назначенія.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба начинала благопріятствовать Царю. Мятежники, Мордва, Черемисы и Лжедимитріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воеводою Княземъ Вяземскимъ осаждали Нижній Новгородъ: вѣрные жители обрекли себя на смерть; простились съ женами, дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову: Доблесть Нижняго Новагорода.

г. 1608. взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что Бояринъ Ѳеодоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію ([337]); обратили къ закону и другіе Низовые города, воспламеняя въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Ѳеодоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ домы.

Возстаніе другихъ городовъ Низовыхъ.

Москва осажденная не знала о сихъ важныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усовѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ жителямъ городовъ Сѣверныхъ ([338]), Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга. «Несчастные! кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите! Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ Государство и Церковь; когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая Вѣра: то будете отвѣтствовать уже не намъ, а Богу.... есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безпошлинную на многія лѣта.» Сіи письма, доставляемыя усердными слугами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали наглость Ляховъ и неистовство Россійскихъ клевретовъ Самозванца, которые, губя враговъ, не щадили и друзей. Присяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа; а народъ, лишась чести, тѣмъ

Возстаніе Сѣверной Россіи.

болѣе стоитъ за имѣніе. Земледѣльцы г. 1608. первые ополчились на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кричали: «вы опустошили наши житницы и хлѣвы: теперь питайтесь рыбою» ([339])! Примѣру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріевыхъ ([340]). Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человѣка прославились особенною ревностію: знаменитый гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Греческаго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Даніилъ Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вычегодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ ([341]); втораго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое встревожило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, замѣшало Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры ([342]). Паны Тишкѣвичь и Лисовскій выступили съ полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій Старицу ([343]). Жители противились мужественно въ городахъ; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько тысячь въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ ([344]), и пылая злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ — и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводъ Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ ([345]). Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя гра-

г. 1608. моты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посылалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ итти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Бояриномъ Ѳеодоромъ Шереметевымъ (346); наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамолы въ Москвѣ. Но столица была ѳеатромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну (347) – гдѣ страшились мести Ляховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона – гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бытія своего и на часъ удалить гибель — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ Правительству, безъ любви къ Царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ Боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ Вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію (348): обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ Державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучь надежды: оружіе Царское снова имѣло успѣхи (349); Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, — и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева Державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ (350), Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля (351) вдругъ сдѣлалась тревога: г. 1608. заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и Патріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками (352), обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и Самозванцевъ (353); что Шуйскій и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: «Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, общаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему какъ Государю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать Царствомъ безъ Чиновъ Государственныхъ?» Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго (354). Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль: но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: «Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня съ Царства не можете безъ Думы Земской. Да соберутся Великіе Бояре и Чины Государственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, но не воля крамольниковъ!» Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной,

г. 1608. и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великодушія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушино, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому (355) и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова, и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Голодъ. Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедимитріева вторично осадила сей городъ (356). Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь рублей (357), къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ олтаремъ Всевышняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнію Христіанъ и спустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ (358). Лицемѣры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: «Мы гибнемъ отъ Царя злосчастнаго; отъ него кровопролитіе и голодъ!» Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи (359); другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцемъ: «Долго ли намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смерти?» Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицемъ спокойнымъ, увѣщалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Авраміа отворить для нихъ Московскія житницы его Обители: цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей (360). Сихъ запасовъ не могло стать надолго; но вопль умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву. г. 1608.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ (361); 28 Мая. принесъ ему свою виновную голову; сказалъ, что лучше хочетъ умереть на плахѣ, нежели служить бродягѣ гнусному — и былъ помилованъ Василіемъ: выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ, что станъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедимитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: всѣ славили Бога; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвигѣ.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій,

г. 1608. во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи (362): прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ (363), онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Василіеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду (364), требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячь осьми или десяти Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы (365). Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ, а Воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ (366), отвѣтствовали ему угрозою — и самые Новогородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новагорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Телепневымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иванѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Бояринъ Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ (367). Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились Послы отъ Новагорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Россіяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконіемъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василія, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносицкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовый отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать винимаго. Вмѣсто суда, народъ въ изступленіи ярости умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судіею (368). Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честію въ Обители Св. Антонія, и многіе Дворяне, вѣроятно устрашенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскій и другіе окрестные монастыри, жегъ, грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новугороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою (369). Сіи добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго (370), имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

Вѣсти были благопріятны. Король г. 1609.

г. 1609. ный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: Генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу на канунѣ величайшей для него опасности и славы (390). Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связуются съ происшествіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ Лаврою(391): разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣплялъ Зборовскаго, чтобы отразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры (392): защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись, и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска (393) и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣти Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила (394). Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ: Лжедимитрій усилилъ его и частію Тушинской рати, велѣвъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому, что они торжествуютъ побѣды; что Шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подъѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: Бояринъ Салтыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ (395): оба увѣряли, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитрія, и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: «Не мы ли были съ Шереметевымъ, а теперь служимъ Димитрію? Кого еще ждете? Все у ногъ Іоаннова сына — и если одни будете противиться, то немедленно увидите здѣсь Царя гнѣвнаго со всѣмъ Литовскимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, для казни вашего ослушанія.» Имъ отвѣтствовали г. 1609. единогласно, люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ): «Всевышній съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, чтобы мы вамъ вѣрили? скажите, что Князь Михаилъ подъ Тверію тѣлами Литовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и восхвалимъ Бога! Ложь не побѣда: идите съ мечемъ на мечь, и Господь разсудитъ виновнаго съ правымъ!» Такъ еще мужались сіи Герои вѣрности, числомъ уже не болѣе двухъ сотъ (396)! Сапѣга не могъ медлить, однакожь дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители, которую сей гордый Ляхъ, шутя надъ нимъ и Лисовскимъ, уподоблялъ *лукну* и *гнѣзду воронъ* (397). Зборовскій приступилъ ночью, стрѣлялъ, убилъ одну женщину на стѣнѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Вѣроятно, что непріятель хотѣлъ въ сію ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова (398), а самъ, не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева (399), сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: «Слышимъ о твоемъ великомъ раденіи, и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавишь Государство, то какой хвалы сподобишься отъ насъ и добрыхъ Россіянъ! какого веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ Державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на свою душу.» (400). — За вѣстію радостною слѣдовала другая: Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ

г. 1609. (401). Имѣя едва ли тысячь десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Генераломъ Зоме (402), Князь Михаилъ рѣшился однакожь встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличились мужествомъ; втоптали непріятеля въ болота, и дали время Князю Михаилу изготовиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные Россіяне, призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что утомленные Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями (403), не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и Лавры и Москвы — и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечества, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сносился съ городами сѣверными, принималъ отъ нихъ дары, казну и воиновъ (404); поручилъ Генералу Зоме устроеніе дружинъ, образованіе людей неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ (405): Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями (406), и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вокругъ себя города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемъ Княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедимитрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждалъ отъ измѣны и голода: взять Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надо всею Тушинскою силою (407). Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными (408), напали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачался бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева (409). Сей

Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.

Побѣда Царскаго войска.

г. 1609. Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области (410); мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но недовольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ (411). — Въ тоже время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители Владиміра снова присягнули Царю — всѣ, кромѣ Воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедимитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ Государства, убилъ каменьемъ, и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Воеводъ Царскихъ (412).

Уже безъ легкомыслія можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало: царство закона возстановлялось. Образовались полки вѣрныхъ — стремились къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружія. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино.... и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченіи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войско Московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми Царевичами: Августомъ, *Осиновикомъ* и Лавромъ; первый назывался сыномъ, вторый и третій внуками Іоанна Грознаго (413). «Злодѣи рабскаго племени» — говоритъ Лѣтописецъ — «холопи, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись одинъ за другимъ подъ именемъ Царевичей, даже небывалыхъ, и надѣялись властвовать въ ней, какъ союзники и ближніе Тушинскаго злодѣя» (414). Но сами Козаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Московской дорогѣ, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ ними.

Три Самозванца.

Въ опасностяхъ не теряя дерзости — еще имѣя тысячь шестьдесятъ или болѣе сподвижниковъ — еще властвуя надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астрахани (415), предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ — Самозванецъ тревожилъ нападеніями слободы! Московскія (416), перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода его, Ляхъ Млоцкій, побилъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ спѣшилъ изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной (417); съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ Князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Житницы Авраміевы истощились (418), и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунтовала; съ шумомъ стремилась въ Кремль; осаждала дворецъ; кричала: «хлѣба! хлѣба! или да здравствуетъ Тушинскій!».... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною (419): сквозь разъѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы.

Новый мятежъ въ Москвѣ.

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человѣкъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Сапѣгиной рати (420). 16 Сентября пришелъ наконецъ и

г. 1609. Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбію Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность ([421]). Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября Князь Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ; оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣтили, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и заняли Александровскую Слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще напоминало его время: дворецъ, пять богатыхъ храмовъ ([422]), чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ ([423]). Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову ([424]). Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Слобода Александровская.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутомимыхъ воителей еще уменшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ ([425]), хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, встревоженный близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій Слободы ([426]). Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили г. 1609. Россіяне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки ([427]). Къ счастію Князя Михаила, главные Вожди Польскіе, Гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единодушными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ безполезные приступы къ Лаврѣ ([428]), почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умножалось.

Побѣда надъ Сапѣгою.

Уже Слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля ([429]), Бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою ратію, Князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи ([430]). Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Любовь къ Князю Михаилу.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и

г. 1609. славою: не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію (431); а мысль о новомъ Царѣ была мыслію о Князѣ Михаилѣ — и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова (432), измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, именемъ Россіи, предложилъ Царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами (433). Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ, и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и Царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась.

Предлагаютъ вѣнецъ Герою.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальскаго, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татаръ Юртовскихъ (434). Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитріевъ: вѣрные Дѣти Боярскіе имѣли время спастися, а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь. — Между тѣмъ разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ, и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка (435): выступилъ Князь Дмитрій Пожарскій, уже знаменитый, — встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно истребилъ его злую шайку; осталося только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску. — Изъ Слободы Князья Лыковъ и Борятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его незапно, въ темную ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо: они уклонились отъ битвы (436).

Разбои.

Пожарскій.

Въ то время, когда Князь Михаилъ, умножая, образуя войско, и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединялась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедимитрія — въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ!.... Обращаемся къ Сигизмунду (437). Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться: оказалось, что сіе вѣроломное нападеніе было для Василія лучшимъ средствомъ изба-

Осада Смоленска.

г. 1609. виться отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятью тысячами Козаковъ Запорожскихъ (438); расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ (439), и послалъ Универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнитъ Россію за Годунова и *другихъ* властолюбцевъ, которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспаляя междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскимъ Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью (440). За мирное подданство Сигизмундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: «мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять Государю нашему, Василію Іоанновичу, а тебѣ, Литовскому Королю, и твоимъ Панамъ не раболѣпствовать во вѣки» (441). Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: «Не оставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: ибо Король обманываетъ ихъ вольностію; но мы будемъ стоять усердно.» Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы. г. 1609.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или не достигали вершины косорога, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Аврамовскія ворота, но не могли вломиться въ крѣпость (442). 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные: ибо Россіяне, имѣя *слухи* (443) или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ (444). Историки Польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость. Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ, терялъ время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ.

Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки Запорожцевъ, служа Королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями Сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію (445), «Чего хочетъ Сигизмундъ?» говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ: «лишить насъ славы и возмездія за труды; взять

г. 1609. даромъ, что мы въ два года пріобрѣли своею кровію и побѣдами! Сѣверская земля есть наша собственность: изъ ея доходовъ Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье — и кто же въ ней теперь властвуетъ? новые пришельцы, богатѣя грабежемъ; а мы остаемся въ бѣдности, съ однѣми ранами!» Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими ([446]). Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ своими товарищами новый союзъ ([447]): они клялися умереть или воцарить Лжедимитрія, назвалися Конфедератами, и послали сказать Сигизмунду: «Если сила и беззаконіе готовы исхитить изъ нашихъ рукъ достояніе меча и геройства, то не признаемъ ни Короля Королемъ, ни отечества отечествомъ, ни братьевъ братьями»([448])! Рожинскій писалъ къ своему Монарху: «Ваше Величество все знали, и единственно намъ предоставляли кончить войну за Димитрія, еще болѣе для Республики, нежели для насъ выгодную; но вдругъ, неожиданно, вы являетесь съ полками, отнимаете у него землю Сѣверскую, волнуете, смущаете Россіянъ, усиливаете Шуйскаго и вредите дѣлу, уже почти совершенному нами!... Сія земля нашею кровію увлажена, нашею славою блистаетъ. Въ сихъ могилахъ, отъ Днѣпра до Волги, лежатъ кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ..... Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе всѣ мы, остальные, положимъ также свои головы.... и врагъ Димитрія, кто бы онъ ни былъ, есть нашъ непріятель!» Гетману Жолкѣвскому говорили Послы Конфедератовъ: «Издревле витязи Республики, рожденные въ нѣдрахъ златой свободы, любили искать воинской славы въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ мечемъ, *истиннымъ Марсовымъ раломъ, воздѣлывали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь и корысть.* Сколь же горестно намъ видѣть противниковъ въ единоземцахъ и братьяхъ! Въ сей горести простираемъ руки къ тебѣ, Гетману отечественнаго воинства, нашему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни Сенату, блюстителю законовъ и

Распри между Сигизмундомъ и Конфедератами.

свободы, чего мы требуемъ справедливо: да удержитъ Сигизмунда.».... Тутъ Паны и Дворяне Королевскіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли Посламъ удалиться, язвительно издѣвались надъ ними; спрашивали въ насмѣшку о здоровьѣ *ихъ Государя Димитрія*, о второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи ([449]) — и дали имъ, отъ имени Сигизмундова, слѣдующій отвѣтъ письменный: «Вамъ надлежало не посылать къ Королю, а ждать его Посольства: тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ въ Россію. Отечество наше конечно славится рѣдкою свободою; но и свобода имѣетъ законы, безъ коихъ Государство стоять не можетъ. Законъ Республики не дозволяетъ воевать и Королю безъ согласія Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди частные, своевольнымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго изъ враговъ ея: вами озлобленный, Шуйскій мститъ ей Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь побѣдами; но вы еще среди непріятелей сильныхъ .... Идите и скажите своимъ клевретамъ, что искать славы и корысти беззаконіемъ, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дѣло не гражданъ свободныхъ, а людей дикихъ и хищныхъ» ([450]).

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ и Государствомъ, а двѣ особенныя Державы находятся въ жаркомъ прѣніи между собою и грозятъ другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣкоторою твердостію, Сигизмундъ не думалъ однакожь быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ: развѣдывалъ, что дѣлается въ Лжедимитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими, дѣйствовать за-одно съ Королевскимъ войскомъ,—и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609) Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збараскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною ([451]). Онъ предписалъ имъ, что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія ([452]), но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ

Посольство Королевское въ Тушино.

г. 1609. выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патріарху, Духовенству, Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, въ коей, уже снимая съ себя личину, вызывался прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его Державной власти, и Королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего богослуженія и всѣхъ уставовъ священныхъ ([453]). Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ служащимъ мнимому Димитрію; а къ Самозванцу писали только Сенаторы, называя его въ титулѣ *Яснѣйшимъ Княземъ*, и прося оказать Посламъ достойную честь изъ уваженія къ Республикѣ, не сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій.

Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разъѣздами Воеводъ Царскихъ ([454]), умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію: Стадницкій и Збарскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло единственно до войска — и, послѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли въ креслахъ: Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что извлекая мечь на Шуйскаго за многія непріятельскія дѣйствія Россіянъ ([455]), спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды ([456]). Выслушавъ рѣчь Посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отечество, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. «Согласно ли съ достоинствомъ Короля» — возражали Послы — «имѣть владѣнную грамоту на Россійскія земли отъ того, кому большая часть Россіянъ г. 1609. даетъ имя обманщика ([457])? и благоразумно ли проливать за него драгоцѣнную кровь Ляховъ?» Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. «Вспомните» — отвѣтствовали имъ — «что у насъ нѣтъ Перуанскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жалованьемъ обыкновеннымъ; когда же Богъ покоритъ Сигизмунду великую Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется безъ возмездія, хотя вы служили не Государю, не Республикѣ, а человѣку стороннему, безъ ихъ вѣдома и согласія.» О будущей долѣ Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что жь дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, Князя Вишневецкаго ([458]), и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичь въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и чествовъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковый часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ Россіянъ Лжедимитріева стана, и вручивъ имъ грамоту Сигизмундову, изъясняли, что хотя Король вступилъ въ Россію съ оружіемъ, но единственно для ея мира и благоденствія, желая утишить бунтъ, истребить безстыднаго Самозванца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуйскаго), освободить народъ, утвердить Вѣру и Церковь. «Сіи люди» — пишетъ Историкъ Польскій ([459]) — Переговоры съ Тушинскими измѣнниками.

г. 1606. обычаяхъ, равны въ силѣ и доблести, но донынѣ не знали мира искренняго, и своею закоснѣлою враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ же готовы, какъ истинные братья, дѣйствовать единодушно, чтобы низвергнуть Луну ненавистную... и слава твоя какъ солнце возсіяетъ въ странахъ Сѣвера.» За родственниками Воеводы Сендомирскаго, важно и величаво, шли Послы. Лжедимитрій сидѣлъ на престолѣ: сказавъ Царю привѣтствіе, Олесницкій вручилъ Сигизмундову грамоту Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись, и возвратилъ бумагу Посламъ, говоря, что она писана къ какому-то *Князю* Димитрію, а Монархъ Россійскій есть *Цесарь;* что Послы должны ѣхать съ нею обратно къ своему Государю. Изумленный Панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ Лжедимитрію: «Принимаю съ благоговѣніемъ; но что дѣлается? оскорбленіе безпримѣрное для Короля, — для всѣхъ знаменитыхъ Ляховъ, стоящихъ здѣсь предъ тобою, — для всего нашего отечества, гдѣ мы еще не давно видѣли тебя, осыпаемаго ласками и благодѣяніями! Ты съ презрѣніемъ отвергаешь письмо Его Величества, на семъ тронѣ, на коемъ сидишь по милости Божіей, Государя моего и народа Польскаго!»... Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Пана, и какъ бы обрадовался случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ себя корону (491), и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее: «Необыкновенное, неслыханное дѣло, чтобы Вѣнценосцы, сидя на престолѣ, спорили съ иноземными Послами; но Король упрямствомъ выводитъ меня изъ терпѣнія. Ему изъяснено и доказано, что я не только Князь, не только Господарь и Царь, но и Великій Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не есть одно пустое слово, какъ титулы иныхъ Королей; ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ниже Римскіе Цесари не имѣли дѣйствительнѣйшаго права такъ именоваться. Могу ли быть доволенъ названіемъ Князя и Господаря, когда мнѣ служатъ не только Господари и Князья, но и Цари? Не вижу себѣ равнаго въ странахъ полунощныхъ; надо мною одинъ Богъ. И не всѣ ли Монархи Европейскіе называютъ меня Императоромъ? Для чего же Сигизмундъ того не хочетъ? Панъ Олесницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты принять на свое г. 1606. имя письмо, если бы въ его надписи не было означено твое Шляхетское достоинство?.... Сигизмундъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, какого еще не имѣла Республика Польская; а теперь вижу въ немъ своего зложелателя.» Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости навыкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Лжедимитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнценосцы Россійскіе никогда не думали именоваться *Цесарями;* предавалъ Самозванца суду Божію за кровопролитіе, вѣроятное слѣдствіе такого неумѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ; наконецъ смягчился, и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла, а въ видѣ своего добраго знакомца; но разгоряченный Панъ сказалъ: «или я Посолъ или не могу цѣловать руки твоей» — и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: «для того (сказалъ Власьевъ), что Царь, готовясь къ брачному веселію, расположенъ къ снисходительности и къ мирнымъ чувствамъ». Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, но сидя: Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унизилъ, остыдилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Съ честію отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и спокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если онъ признаетъ его Императоромъ изъ благодарности за титулъ *Шведскаго*, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитріемъ. — Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ свадьбы Царской; ибо Лжедимитрій не имѣлъ

Ссора съ Послами.

Г. 1606. времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали ([492]). Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцевъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву изъ Литвы, Италіи и Германіи. Дары. За два дни до свадьбы принесли Маринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячь рублей ([493]), а Мнишку выдали еще 100 тысячь злотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей ([494]), кромѣ милліоновъ, издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую: ибо Воевода Сендомирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ, и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ ([495]) привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Царской ([496]); что достояніе отечества, собранное умомъ и трудами нашихъ Государей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

Обрученіе и свадьба. 7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ окруженной тѣлохранителями и Дѣтьми Боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее утро, совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, на канунѣ Пятницы и святаго праздника, совершился и бракъ: ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ, красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ г. 1606. такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали короваи съ сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «Наияснѣйшая Великая Государыня, *Цесарева* Марія Юріевна! волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Великаго Князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой Цесарскій *маестатъ* и властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ нами» ([497])! Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и Стрѣльцевъ, Стольники, Стряпчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скиптромъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началося священнодѣйствіе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ ([498]), вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной Цесаревѣ Маріи*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ цѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ.

г. 1606. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности (499). Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ (500), но тихо и невнятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла двуглаваго). Воевода Сендомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ Столовой палатѣ; но сидѣли не долго: встали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и Князь Василій Шуйскій до постели (501). Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйствовать наступало.

Новыя причины къ негодованію.

Сей день, радостный для Самозванца и столь блестящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разстриги, Москвитяне думали, что онъ не дерзнетъ дать сана Россійской Царицы иновѣркѣ, и что Марина приметъ Законъ нашъ, ждали того до послѣдняго дня и часа: увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слыхали отреченія отъ Латинства. Хотя Марина цѣловала наши святыя иконы, вкусила тѣло и кровь Христову изъ рукъ Патріарха, была помазана елеемъ и торжественно возглашена *благовѣрною Царицею;* но сіе явное дѣйствіе лжи казалось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхетки, удостоенной величія неслыханнаго и недоступнаго для самыхъ Царицъ, истинно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ: для Анастасіи, Ирины и Маріи Годуновой (502). Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для тогдашнихъ Россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. г. 1606. Такъ мыслилъ народъ, или такія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбудили общее вниманіе (503): шутили, смѣялись или дремали въ часъ Литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непремѣнно хотѣли сидѣть, требовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви, на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины (504). Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Паны дивились въ слухъ такой низости и благодарили Бога, что живутъ въ Республикѣ, гдѣ Король не смѣетъ требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ.... Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

Пиры.

Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника (505): сія шумная музыка не умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду: новую ссору съ Королевскими Послами. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ласково; Послы также учтиво благодарили, хотѣли однакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власьева: сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: «Вы требуете неслыханнаго: у насъ никому нѣтъ мѣста за особенною Царскою трапезою; Король же угостилъ меня наравнѣ съ Послами Императорскимъ и Римскимъ: слѣдственно не сдѣлалъ ничего чрезвычайнаго, ибо Государь нашъ не менѣе ни Императора, ни Римскаго Владыки — нѣтъ, Великій Цесарь Димитрій болѣе ихъ: что у васъ Папа, то у него Попы» (506). Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть, сею непристойною насмѣшкою доказать, что Лжедимитрій не есть Папистъ. Олесницкій снесъ грубость,

Новая ссора съ Литовскими Послами.

г. 1606. но рѣшился не ѣхать во дворецъ. Всѣ иные знатные Ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ Воеводы Сендомирскаго: онъ находилъ требованіе Пословъ справедливымъ, тщетно умолялъ зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ; за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который и на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою ([507]). Ввечеру ближніе Мнишковы веселились во внутреннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицемъ къ иноземцамъ, спиною къ Русскимъ ([508]). Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію Польскому, и выпилъ ее до самаго дна ([509]). Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто *возлѣ* стола Царскаго, уговорилъ и сего Пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ прѣнія, сказавъ Олесницкому: «я не звалъ Короля къ себѣ на свадьбу: слѣдственно ты здѣсь не въ лицѣ его, а только въ качествѣ Посла;» но Мнишекъ благоразумными представленіями утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мстиславская, Шуйская ([510]) и родственницы Воеводы Сендомирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ ([511]). Лжедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Русскія, для нихъ не вкусныя ([512]). Послѣ стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ Шаху Персидскому съ письмами: они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины ([513]). — 12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили: «мы пируемъ не въ Москвѣ и не у Царя, а въ Варшавѣ или въ Краковѣ у Короля нашего» ([514]). Пили и плясали до ночи. Лжедимитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ. — Но Царица оказала милость и Россіянамъ: 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи; старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская ([515]).... Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ? — Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка: барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей ([516]). Ежедневно гремѣли и пушки, въ знакъ веселія Царскаго; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе, нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей, въ своихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью, трезвые и пьяные ([517]).

Переговоры государственные.

Утомленный празднествами, Лжедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 Мая, въ часъ утра, Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ, въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, среди множества царедворцевъ ([518]): онъ велѣлъ Посламъ итти къ Боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ, Власьевъ и Дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодовитой, Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ доказывалъ обязанность Христіанскихъ Монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима; хвалилъ велико-

г. 1606. душное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига, и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ, Димитріемъ, славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана? Татищевъ отвѣтствовалъ: «Король хочетъ знать: вѣримъ; но хочетъ ли дѣйствительно помогать непобѣдимому Цесарю въ войнѣ съ Турками? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣдать, съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, кажется намъ только обманомъ и лукавствомъ.» Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ), Послы свидѣтельствовались Власьевымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую Державу: слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились, и сказавъ: «самъ Цесарь будетъ говорить съ вами въ присутствіи Бояръ», отпустили ихъ домой; но мнимый Цесарь уже не могъ сдержать слова!

Замышляемыя потѣхи. Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи новыя; велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осыпью внѣ города, за Срѣтенскими воротами, и вывести туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая представить Ляхамъ и Россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими Польками плясать въ личинахъ ([519]). Но Россіяне уже не хотѣли ждать ни той, ни другой потѣхи.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрепьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легкомысліемъ ([520]), то сіе предвидѣніе исполнилось: новые соблазны для Церкви, Двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу, Наглость Ляховъ. а наглость Ляховъ все довершила, такъ, что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ! Сіи гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпѣніе Россіянъ, столь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно обѣщалъ Боярамъ свою *милость*, и Посолъ Королевскій дерзнулъ торжественно на- г. 1606. звать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундовымъ ([521]). На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостію и малодушіемъ, хваляся: «мы дали вамъ Царя!» Но Россіяне, сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ отечествомъ и добродѣтелію, еще имѣли гордость народную; кипѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу: «часъ мести не далеко!» Сего мало: воины Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи, не трезвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ, самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ домы ([522]); мужья, матери вопили, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили его, умертвивъ палача, и не страшась закона ([523]).

Такъ было — и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно тѣшился и плясалъ съ своими Ляхами — когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвалъ къ себѣ не Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго. только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуются Князь Василій Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ) — не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей стороннихъ: Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ ([524]), которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ Властителемъ ([525]). «Заблужденіе скоро исчезло,» продолжалъ онъ — «и вы знаете, кто первый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на престолѣ: Москва не тронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія

г. 1606. въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ (526) и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную* — изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненной сонмами Ляховъ, — ихъ дерзость и насилія — Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіяне, сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Литовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ (527)? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разстригу и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячь надежныхъ людей (528), призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились — и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

Дерзкія рѣчи на площади. 12 Мая говорили торжественно, на площадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь *поганый:* не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *поганою* Царицею; что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови Царской (529). Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что Царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать Нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дни примѣтно было сильное движеніе въ народѣ: разглашали, что Лжедимитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ пушекъ (530); что столица Россійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ (531). Нѣмцы остерегали Лжедимитрія и Ляховъ; остерегалъ перваго и Басмановъ, одинъ изъ Россіянъ!

Волненіе народа.

Спокойствіе Лжедимитрія.

Но Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шутилъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: «какъ вы, Ляхи, малодушны!» а Посламъ Сигизмундовымъ: «я держу въ рукѣ Москву и Государство; ничто не смѣетъ двинуться безъ моей воли.» Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схватили въ Кремлѣ шесть человѣкъ подозрительныхъ: пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей (532): онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякій случай; велѣлъ еще разставить Стрѣльцевъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію. — 16 Мая иноземцы уже не могли купить въ гостиномъ дворѣ ни фунта пороху и никакого оружія (533): всѣ лавки были для нихъ

г. 1606. заперты. Ночью, на канунѣ рѣшительнаго дня, вкралось въ Москву съ разныхъ сторонъ до 18 тысячь воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были итти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ (534). Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатью воротами Московскими, никого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою (535). Самые Поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *ознаменованныхъ* для кровавой мести: Россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ, въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ Пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на Царскую: но Стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ или не думали кровію Русскою спасать иноплеменниковъ противныхъ. Ночь миновалась безъ сна для большей части Москвитянъ (536): ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за Церковь и Царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли, для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ.

Измѣна войска.

Послѣдняя ночь для Самозванца.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня (537), прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у Св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ (538), и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: «во имя Божіе идите на злаго еретика!» указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата (539), Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: «веди насъ къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!» Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!» Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ (540): Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: «я вамъ не Годуновъ!» Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ (541): иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому на канунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: Князей Голицы-

Возстаніе Москвы.

г. 1606. ныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: «злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ Царемъ» (542)! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца..... судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Гибель Басманова.

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечь, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и не видя инаго спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ (543) — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость (544). Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Инокини, говоря: «если онъ сынъ ея, то мы умремъ за него; а если Царица скажетъ, что онъ Лжедимитрій, то воленъ въ немъ Богъ» (545). Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванцева, вызванная Боярами изъ келліи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ (546). Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣстѣ съ нею виняся предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Маѳа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нее хранилось (547) и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстригина. г. 1606.

Свидѣтельство Царицы-Инокини.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность (548). Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ — и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: «кто ты, злодѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: я Димитрій» — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ (549) возразилъ ему: «ея свидѣтельство уже намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни.» Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: «несите меня на лобное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ» (550). Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится (551) — и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили Дворяне (552) Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: «будьте неразлучны и въ адѣ! вы здѣсь любили другъ друга! Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамьѣ, у ногъ Разстригиныхъ (553).

Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, Бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ — не имѣвъ времени одѣться — спрашивая, что дѣлается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее, не узналъ и столкнулъ съ лѣс-

Щадятъ Марину.

г. 1606. ницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея Польская Гофмейстерина съ Шляхетками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не приспѣли Бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей Царицы, дали ей стражу для безопасности ([554]); не могли однакожь или не хотѣли унять кровопролитія: убійства только начинались!

Убійства.

Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы Ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безпечно и крѣпко спали, такъ, что слуги едва могли разбудить ихъ — и самаго Воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Мнишекъ, сынъ его, Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпенѣніи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: «смерть Ляхамъ!» Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ музыкантовъ Разстригиныхъ ([555]), опустошивъ домъ Іезуитовъ, истерзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, на канунѣ гордые, лобызали ноги Россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли — клялися прислать и болѣе изъ отечества ([556]): ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились Священники и Монахи переодѣтые; они вопили: «губите ненавистниковъ нашей Вѣры» ([557])! Лилася и кровь Россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни одного человѣка живаго; но тутъ явились Бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая Стрѣльцевъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ Боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ Князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго ([558]), другіе Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казненъ Богомъ и народомъ, который въ самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лице своего Монарха, и мстилъ единственно ихъ нагльмъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію ([559]). Сказали Воеводѣ Сендомирскому: «Судьба Царствъ зависитъ отъ Всевышняго, и ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: такъ и въ сей день совершилась воля Божія: кончилось царство бродяги, и добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, его опекунъ и наставникъ — ты, который привелъ обманщика къ намъ, чтобы возмутить Россію мирную — не достоинъ ли участи сего злодѣя? не достоинъ ли такой же казни? Но хвалися счастіемъ: ты живъ, и будешь цѣлъ; дочь твоя спасена — благодари Небо» ([560])! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Бояре утишаютъ мятежъ.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ

Г. 1606. плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра ([561]), все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой, отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: «въ теченіе семи часовъ,» пишутъ они, «мы не слыхали ничего кромѣ набата, стрѣльбы, стука мечей и крика: *сѣки, руби злодѣевъ!* не видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, скаканія, смертоубійства и мятежа» ([562]). Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатнѣйшіе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Ляхами ([563]). Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ ([564]), къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и «не думали» (говоритъ Лѣтописецъ) «благодарить Всевышняго: храмы были затворены» ([565])! Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно тихая ([566]): казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая третьею!

Глубокая тишина ночи.

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства: на вѣнецъ и скипетръ, обагренные кровію двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго возстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго; второй Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Ѳедоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще болѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ: «если меня изберутъ въ Цари, то немедленно пойду въ Монахи» ([567]). Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ Историковъ ([568]), что Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями очевидцевъ. Сообщникъ Басманова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Ѳеодора, предавъ и Лжедимитрія? Не равняясь ни сановитостію, ни заслугами, могъ ли равняться и числомъ усердныхъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ имени Царя уже начальствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право, Шуйскій употребилъ и всѣ возможныя хитрости: далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что говорить въ Синклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу ([569]), произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма умную и лукавую: славилъ милость Божію къ Россіи, возвеличенной Самодержцами Варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV,

Г. 1606. Козни властолюбія.

Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ.

г. 1606. хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. «Но мы,» говорилъ Шуйскій, «загладили сію слабость, когда насталъ часъ умереть или спасти Россію. Жалѣю, что я, предупредивъ другихъ въ смѣлости, обязанъ жизнію Самозванцу: онъ не имѣлъ права, но могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ разбойникъ милуетъ иногда странника. Признаюсь, что я колебался, боясь упрека въ неблагодарности; но гласъ совѣсти, Вѣры, отечества, вооружилъ мою руку, когда я увидѣлъ въ васъ ревность къ великому подвигу. Дѣло наше есть правое, необходимое, святое; оно, къ несчастію, требовало крови: но Богъ благословилъ насъ успѣхомъ — слѣдственно оно Ему угодно!.... Теперь, избывъ злодѣя, еретика, чернокнижника, должны мы думать объ избраніи достойнаго Властителя. Уже нѣтъ племени Царскаго, но есть Россія: въ ней можемъ снова найти угасшее на престолѣ. Мы должны искать мужа знаменитаго родомъ, усерднаго къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣдственно уже не юнаго — человѣка, который, пріявъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы не роскошь и пышность, но умѣренность и правду, ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями, но любовію подданныхъ; не умножалъ бы золота въ казнѣ своей, но избытокъ и довольствіе народа считалъ бы собственнымъ богатствомъ. Вы скажете, что такого человѣка найти трудно: знаю; но добрый гражданинъ обязанъ желать совершенства, по крайней мѣрѣ возможнаго, въ Государѣ!»

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій: никто не дерзалъ явно противиться его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не льзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство (570). Сіе мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скиптра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что нѣтъ нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя.... Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная площадь. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и купцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ отца Россіи.... тамъ, гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годунову изъявляя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипастыря для Церкви, на мѣсто Лжесвятителя Игнатія. Толпы восклицали: «Государь нужнѣе Патріарха для отечества!» и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство (571). Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только Россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества!

Избраніе новаго Царя.

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и труповъ: вывезли, схоронили ихъ за городомъ (572). Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги (573). Но Судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей: суевѣріе приписы-

г. 1606. вало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою (574): чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ (575)! Вѣтеръ развѣялъ бренные остатки злодѣя; но примѣръ остался: увидимъ слѣдствія!

Развѣяніе Самозванцева праха.

Описавъ исторію сего перваго Лжедимитрія, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманѣ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный, — хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ, что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія *всѣхъ* Читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственнаго оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ принятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказательствахъ слабыхъ.

Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

Выслушаемъ защитниковъ Лжедимитріевой памяти. Они разсказываютъ слѣдующее (576): «Годуновъ, предпріявъ умертвить Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе Царевичеву Медику, старому Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно давъ слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ ли онъ столько душевной силы, чтобы снести изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно будетъ искусить оными твердость его? Царевичь отвѣтствовалъ: *имѣю;* а Медикъ сказалъ: *Въ сію ночь хотятъ* г. 1606. *тебя умертвить. Ложась спать, обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ровесникомъ; положи его къ себѣ на ложе, и скройся за печь: что бы ни случилось въ комнатѣ, сиди безмолвно, и жди меня.* Димитрій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отворилась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали слугу вмѣсто Царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и мертваго: думали, что убитъ Царевичь, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась тревога. Царица кинулась на трупъ, и въ отчаяніи не узнала, что сей мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: искали убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; отнесли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, и Медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украйну, къ Князю *Ивану Мстиславскому, который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Іоанновыхъ.* Чрезъ нѣсколько лѣтъ Докторъ и Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію искать безопасности въ Литвѣ. Сей юноша присталъ къ странствующимъ Инокамъ; былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской (577), и наконецъ явился въ домѣ Князя Вишневецкаго.» Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе Доктору (578); но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокомъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году (579), и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ (580), и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго, (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына (581). Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жители Углича, не рѣдко видавъ Димитрія въ церкви (582), обманулись въ убитомъ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичь убитъ въ полдень: кѣмъ? зло-

г. 1606. дѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца.... и кто предалъ его на убіеніе? мамка: отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и допросами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностію невозможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитріевы внесены въ лѣтописи, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ (583): слѣдственно не льзя съ вѣроятностію предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ *истинныхъ*, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не трудить себя вымысломъ *ложныхъ*. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у Двора, однакожь не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію!

«Но Царица-Инокиня Мароа признала сына въ томъ, кто назывался Димитріемъ?» Она же признала его и самозванцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ (584), выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти: которое же изъ двухъ достовѣрнѣе? и что понятнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая или дѣйствіе ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища (585) — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой!* И ей не грозили смертію за правду: грозили единственно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Мароа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Инокини (586), съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умиряло совѣсть виновной Мароы. Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного Писателя иноземнаго (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ-было извергнуть тѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокиня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу (587). г. 1606.

Возражаютъ еще: «Король Сигизмундъ не взялъ бы столь живаго участія въ судьбѣ обманщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ бы дочери за бродягу;» но Король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ страстей: Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго его милостію, а Воевода Сендомирскій видѣть дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ

г. 1606. *торжественно* признать Лжедимитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій, сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія, оставилъ будущаго зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Сигизмундъ и Мнишекъ обманулись, можетъ быть, не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣніи о счастіи или благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ: для того Король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства, и Панъ Вельможный быть тестемъ Царя, хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и добродѣтель уединенная.

Убѣдительнѣе ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедимитрія, которые говорятъ: «войско, Бояре, Москва, не приняли бы его въ Цари безъ сильныхъ доказательствъ, что онъ сынъ Іоанновъ» (588)? Но войско, Бояре, Москва и свергнули его какъ уличеннаго самозванца: для чего вѣрить имъ въ первомъ случаѣ и не вѣрить въ послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ; но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ свидѣтельствуетъ Исторія.... и самаго Лжедимитрія!

Напомнимъ Читателямъ, что знаменитѣйшій изъ клевретовъ и единственный вѣрный другъ Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедимитрія, и клялъ Россіянъ за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова (589). Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній предалъ намъ слѣдующія, не менѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) «Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ (590), бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Ѳеодору, Годунову, Самозванцу, и лично знавъ, ежедневно видавъ Димитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, что мнимый Царь Димитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ, и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лице и всѣ черты матери, съ которою Самозванецъ ни мало не сходствовалъ. — 2) Въ томъ же увѣ- г. 1606. ряла меня Ливонская плѣнница, Дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою Царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ — непрестанно видавъ Димитрія живаго, видѣвъ и мертваго. — 3) Скоро по убіеніи Лжедимитрія выѣхалъ я изъ Москвы въ Угличь, и разговаривая тамъ съ однимъ маститымъ старцемъ, бывшимъ слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ его объявить мнѣ истину о Царѣ убитомъ. Онъ всталъ, перекрестился и такъ отвѣтствовалъ: *Москвитяне клялися ему въ вѣрности и нарушили клятву: не хвалю ихъ. Убитъ человѣкъ разумный и храбрый, но не сынъ Іоанновъ, дѣйствительно зарѣзанный въ Угличѣ: я видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Богъ судія Князьямъ и Боярамъ нашимъ: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе.*»

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который былъ Посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать (591); а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историческія и нравственныя доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ. Но представляется другой вопросъ: кто же именно? дѣйствительно ли Разстрига Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый Инокъ Чудовской Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ, неустрашимымъ бойцемъ, искуснымъ всадникомъ, и многіе считали его Полякомъ или Трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Героя Баторія, воспитанникомъ Іезуитовъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ляховъ (592), и прибавляя, что онъ не чисто говорилъ языкомъ Русскимъ: мнѣніе явно несправедливое, когда современныя донесенія Іезуитовъ къ ихъ начальству свидѣтельствуютъ, что они узнали его въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія, и не Католикомъ, а сыномъ Греческой Церкви (593). Никто изъ Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, пи-

*

г. 1606. салъ съ легкостію (594), и не уступалъ никакому Дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ (595), видимъ въ Латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ Русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя Приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, книжникъ Патріаршій. Возраженіе, что келліи не производятъ витязей, уничтожается исторіею его юности: одѣваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизни смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію Козаковъ Днѣпровскихъ? Если нѣкоторые изъ людей, ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедимитріи какое-то *величіе* (596), необыкновенное для человѣка рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными Ляхами, ни счастіемъ нравиться Мнишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ однакожь худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и Поляки безпристрастные (597).— Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генрика IV, знаменитаго Историка де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго (598). Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ Монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ (599). Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ (600), когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ (601); ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, — уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

**КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.**

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ XII.

## От Издателей XII Тома.

(1829 г.)

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще дозволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручалъ намъ быть Издателями XII Тома его Исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехъ-мѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои доселѣ его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ, собранныя имъ для составленія Примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время, чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкоторыхъ другихъ, неважныхъ для Публики обстоятельствъ, замедлилось изданіе книги, какъ намъ извѣстно съ нетерпѣніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста, кажется нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется Читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре Главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія стеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра; манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время, когда онъ самъ быстро склонялся къ гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти такъ же живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, Читатели умѣющіе цѣнить изящное найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя такъ сказать оживотворяютъ разсказъ Историка, искусство поддерживать и пробуждать

вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Василія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ Междоцарствія перерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

*Дм. Б.*

---

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

### Г. 1606 — 1608.

**Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.**

Г. 1606. Родъ Василіевъ. Василій Іоанновичь Шуйскій, происходя въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о Великомъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде (1).

Свойства новаго Царя. Если всякаго Вѣнценосца *избраннаго* судятъ съ большею строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, Г. 1606. имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ (2); съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, песановитъ и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣр-

г. 1606. ною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ [3], честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть Державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную:

Клятва Василіева. 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо [4]. «Мы желаемъ» (говорилъ Василій), «чтобы православное Христіанство наслаждалось миромъ и тишиною подъ нашею Царскою хранительною властію» — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву[5]. Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея стѣсненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ склоннымъ къ Аристократіи [6], и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время [7]: ему вѣрили, но не долго.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣтомъ не дѣлать, не говорить и не мыслить ничего злаго противъ Царя, *будущей* супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкновенно, три дни звонить въ колокола, отъ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Колы, — молиться о здравіи Государя и мирѣ отечества [8]. (Обнародованныя грамоты.) Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ, Царицы-Инокини Мареы и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви и Государства. Мареа свидѣтельствовалась Богомъ, что ея сердце успокоено казнію обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры [9], запись данную Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Станислава: Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впа-

Г. 1606. далъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мая, на лугу Срѣтенскомъ, двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Вѣнчаніе. Іюня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новогородскій (10). Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однакожь какое-то уныніе въ столицѣ (11). Не было ни

Опалы. милостей (12), ни пировъ; были опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятвопреступниковъ Борисова времени (13), и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василіева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи (14); *Великаго Секретаря* и *Подскарбія,* Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу (15), какъ ненавистнаго приверженника Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванѣ-городѣ, второму въ Казани (16); многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говоритъ Лѣтописецъ (17), нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому лично, безъ вины и суда. Оказалось не- Г. 1606.

Неудовольствія. удовольствіе; слышали ропотъ. Василій, какъ опытный наблюдатель тридцатилѣтняго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимитрія въ свободолюбіи, отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для Правительства и грозить мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Боярахъ (18), особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ (19) и шатость въ умахъ: ибо частыя перемѣны государственной власти раждаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года (20) имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго (21), его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Астраханскому,

г. 1606. съ Боярами Княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, никѣмъ непосѣщаемой [22]: Іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждане боялись приближиться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; *пѣли молебны*, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянъ знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличь, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные остатки юнаго мученика, взывая [23]: «Мы его любили и за него страдали! Лишенные живаго, лишимся ли и мертваго?» Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростію земли [24]: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить сіе знаменіе святости — и за чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы: Василій, Царица-Инокиня Марѳа, Духовенство, Синклитъ, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили ихъ нетлѣніе, чтобы *утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ* [25]. Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокиня Марѳа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители, исполняя волю Царя, разрѣшили ее торжественно, *изъ уваженія къ ея супругу и сыну* [26]. Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи святые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать *источника благодати*: вложили тѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому Угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву [27].

Пренесеніе Димитріева тѣла.

3 Іюня.

Еще Церковь не имѣла Патріарха: въ самый первый день Василіева царствованія свели Игнатія съ престола, безъ суда Духовнаго, единственно по указу Государеву, — одѣли въ черную рясу и заперли въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ лишась зрѣнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву [28], гдѣ находились тогда всѣ Святители Россійскіе, кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитріемъ [29], и тѣмъ возвышеннаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостію Самозванца, не устрашенный опалою за ревность къ Православію, казался Героемъ Церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ Патріархомъ, — нетерпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ Епископовъ. Царь, съ любовію вручая Ермогену жезлъ Св. Петра Митрополита, и Ермогенъ, съ любовію благословляя Царя, заключили искренній, вѣрный союзъ Церкви съ Государствомъ, но не для ихъ мира и счастія!

Новый Патріархъ.

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обѣтомъ блюсти законъ, всенароднымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевой святости, избраніемъ Патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ, — поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украйнѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его [30] и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы итти для усмиренія вра-

г. 1606. говъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами внѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство, послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на лобномъ мѣстѣ, когда Духовенство наше отправило гонца въ Кіевъ, къ тамошнему Воеводѣ, Князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Правительства, не взирая на всѣ козни Литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ отъ злобы народа, велѣлъ давать имъ все нужное въ изобиліи, и съ честію отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще именовалъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣлъ предъ дочерью (31). Марина изъявляла болѣе высокомѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ ближнимъ: «Избавьте меня отъ вашихъ безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ!» У нее взяли сокровища, одежды богатыя, данныя ей мужемъ: она не жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣніе Воеводы Сендомирскаго: 10,000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конскіе, вина, всего на 250,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ (32), сказавъ ему: «возвратимъ тебѣ, что найдется твоимъ собственнымъ; удержимъ достояніе казны Царской.» Въ свиданіи съ Боярами Мнишекъ не скрывалъ глубокой своей печали, ни раскаянія, вѣроятно искренняго, бывъ знаменитѣйшимъ Вельможею въ отечествѣ и видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой, гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угрожала ему гибелію или узами, послѣ его сновидѣнія о Державномъ величіи. Бояре обѣщали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если Король удостовѣритъ Василія въ истинномъ расположеніи къ миру (33).

Гордость Марины.

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ Послами Литовскими. Первое было 27 Мая, во дворцѣ, гдѣ сіи Паны замѣтили разительную перемѣну: исчезла пышность Лжедимитріева времени; скрылись блестящіе золотомъ тѣлохранители и Стрѣльцы; самые знатные чиновники, угождая вкусу Василіеву къ бережливости, не отличались богатствомъ платья. Вмѣсто роскоши и веселія, являлись вездѣ простота, угрюмая важность, безмолвная печаль (34). «Намъ казалось» — пишутъ Ляхи очевидцы — «что Дворъ Московскій готовился къ погребенію.» Князья Мстиславскій, Димитрій Шуйскій, Трубецкій, Голицыны, Татищевъ, приняли Олесницкаго и Госѣвскаго въ той же палатѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними именемъ Лжедимитрія, называя его тогда *непобѣдимымъ Цесаремъ*, а въ сіе время гнуснымъ исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ сильную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ самозванствѣ Разстриги, о козняхъ Сигизмундовыхъ, желая доказать, что бродяга безъ вспоможенія Ляховъ никогда не овладѣлъ бы Московскимъ престоломъ; что сей бродяга достойно казненъ Россіею, а не многіе Ляхи, въ часъ мятежа, убиты чернію за ихъ наглость, безъ вѣдома Бояръ и Дворянства. «Однимъ словомъ» — заключилъ Мстиславскій — «кто виною зла и всѣхъ бѣдствій? Король и вы, Паны, нарушивъ святость мирнаго договора и крестнаго цѣлованія.»

Олесницкій и Госѣвскій тихо совѣтовались другъ съ другомъ и дали отвѣтъ не менѣе сильный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благородно. «Мы слышали о бѣдственной кончинѣ Димитрія» — говорили Паны — «и жалѣли объ ней какъ Христіане, гнушаясь убійцею. Но явился человѣкъ подъ именемъ сего Царевича, свидѣтельствуясь разными примѣтами въ истинѣ своего увѣренія, и сказывая, какъ онъ спасенъ Небомъ отъ убійцъ, — какъ Борисъ тайно умертвилъ Царя Θеодора, истребилъ знатнѣйшіе роды Дворянскіе, тѣснилъ, гналъ всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли самое говорили намъ о Борисѣ и нѣкоторые изъ васъ, мужей Думныхъ? И читая Исторію, не находимъ ли въ ней примѣровъ, что мнимо-усопшіе являются иногда живы въ казнь злодѣйству? Но мы еще не вѣрили бродягѣ: повѣрилъ ему только добросердечный Воевода Сендомирскій, и не ему одному, но многимъ Россіянамъ, признавшимъ въ немъ Димитрія (35): они клялися, что Россія ждетъ его; что города и войско сдадутся Іоаннову наслѣднику. Дѣйствуя самовольно, Мнишекъ хотѣлъ быть свидѣтелемъ торжества Димитріева — и былъ; но, пови-

Рѣчь Пословъ Литовскихъ.

г. 1606. нуясь указу Королевскому, возвратился, чтобы не нарушить мира, заключеннаго нами съ Годуновымъ. Димитрій, какъ онъ называлъ себя, остался въ землѣ Сѣверской единственно съ Россіянами, Донскими и Запорожскими Козаками: чтожь сдѣлали Россіяне? пали къ ногамъ его: воеводы и войско. Что сдѣлали и вы, Бояре? выѣхали къ нему на встрѣчу съ Царскою утварію; вопили, что принимаете Государя любимаго отъ Бога, и кипѣли гнѣвомъ, когда Ляхи смѣли утверждать, что они дали Царство Димитрію. Мы, Послы, собственными глазами видѣли, какъ вы предъ нимъ благоговѣли. Здѣсь, въ сей самой палатѣ, разсуждая съ нами о дѣлахъ государственныхъ, вы не изъявляли ни малѣйшаго сомнѣнія о родѣ его и санѣ. Однимъ словомъ, не мы Поляки, но вы Русскіе признали своего же Русскаго бродягу Димитріемъ, встрѣтили съ хлѣбомъ и солью на границѣ, привели въ столицу, короновали и.... убили; вы начали, вы и кончили. Для чего же вините другихъ? Не лучше ли молчать и каяться въ грѣхахъ, за которые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣпленіемъ? Не говоримъ о клятвопреступленіи и цареубійствѣ; не осуждаемъ вашего дѣла, и не имѣемъ причины жалѣть о семъ человѣкѣ, который въ вашихъ глазахъ оскорблялъ насъ, величался, безумно требовалъ неслыханныхъ титуловъ и едва ли могъ быть надежнымъ другомъ нашего отечества; но дивимся, что вы, Бояре, какъ люди извѣстно умные, дозволяете себѣ суесловить, желая оправдать душегубство: безчеловѣчное избіеніе нашихъ братьевъ.... Они не воевали съ вами, не помогали вашему Лжедимитрію, не хранили его: ибо онъ ввѣрилъ жизнь свою не имъ, а вамъ единственно! Слагаете вину на чернь: повѣримъ тому, если можно; повѣримъ, если вы невредимо отпустите съ нами Воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ Ляховъ къ Королю, дабы мы своимъ миролюбивымъ ходатайствомъ обезоружили месть готовую. Но доколѣ, вопреки Народному Праву, уважаемому и варварами, будете держать насъ, какъ бы плѣнниковъ, дотолѣ въ глазахъ Короля, Республики и всей Европы не чернь Московская, а вы съ вашимъ новымъ Царемъ останетесь виновниками сего кровопролитія, и не въ безопасности. Разсудите!»

Бояре слушали съ великимъ вниманіемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смотря другъ на друга; наконецъ отвѣтствовали Панамъ: «Вы были Послами у Самозванца, а теперь уже не Послы: слѣдственно не должно говорить вамъ такъ вольно и смѣло» (36); но разстались съ ними ласково; видѣлись снова, и сказали имъ, что Василій милостиво приказалъ освободить всѣхъ нечиновныхъ Ляховъ и вывезти за границу; но что Послы, Воевода Сендомирскій и другіе знатные Паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигизмунда, къ коему ѣдетъ Царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ. Дворянинъ Князь Григорій Волконскій немедленно былъ посланъ въ Краковъ. Олесницкій и Госѣвскій остались въ Москвѣ подъ стражею; Мнишка съ дочерью вывезли въ Ярославль, Вишневецкаго въ Кострому, товарищей ихъ въ Ростовъ и Тверь (37). Они имѣли дозволеніе писать къ Королю, и писали миролюбиво, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ неволи, чтобы говорить и дѣйствовать иначе. г. 1606. Посольство къ Сигизмунду. 13 Іюня.

Ужé слухъ о гибели Самозванца и многихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу: въ городахъ и въ мѣстечкахъ Литовскихъ останавливали Князя Волконскаго и Дьяка его, безчестили, ругали, называли убійцами, злодѣями (38); метали въ нихъ людей каменьями и грязью; а Королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы, что никакая власть не можетъ унять народнаго негодованія. Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ, Волконскій пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицемъ угрюмымъ, не звалъ къ обѣду, не удостоилъ ни одного ласковаго слова, и скрывъ печаль свою о судьбѣ Лжедимитрія, отъ коего Польша ждала столько выгодъ, слушалъ холодно извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Россіи. Въ переговорахъ съ Коронными Панами, Волконскій доказывалъ тоже, что наши Бояре доказывали въ Москвѣ Посламъ Сигизмундовымъ; а Паны отвѣтствовали ему тоже, что Послы Боярамъ. Мы говорили Ляхамъ: «Вы дали намъ Лжедимитрія!» Ляхи возражали: «Вы взяли его съ благодарностію!» Но съ обѣихъ сторонъ умѣряли колкость выраженій, оставляя слово на миръ. Волконскій требовалъ удовлетворенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ Самозванца: за гибель многихъ людей и расхищеніе нашей казны; Король же требовалъ освобожденія своихъ Пословъ и плате-

г. 1606. жа за товары, взятые Лжедимитріемъ у купцевъ Литовскихъ и Галицкихъ, или разграбленные чернію Московскою въ день мятежа. Не могли согласиться, однакожь не грозили войною другъ другу. «Швеція» — сказалъ Волконскій — «уступаетъ Царю знатную часть Ливоніи, желая его вспоможенія; но онъ не хочетъ нарушить прежняго мирнаго договора.» Паны увѣряли, что они также не нарушатъ сего договора, если мы будемъ соблюдать его. Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не условились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ Волконскаго, и хотѣлъ писать съ нимъ къ Василію; но Волконскій отвѣчалъ: «я не гонецъ.» Король велѣлъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ, сказавъ, что пришлетъ въ Москву собственнаго чиновника; но медлилъ, уже зная о новыхъ мятежахъ Россіи и готовясь воспользоваться ими, какъ сосѣдъ дѣятельный въ ненависти къ ея величію.

Сношенія съ Европою и съ Азіею. Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношенія съ Императоромъ, съ Королями Англійскимъ и Датскимъ (39). Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ Шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего, Сигизмунда, Карлъ IX ревностно искалъ союза Россіи, и Василій дѣйствительно не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ Царя въ братствѣ, Ногайскій Князь Иштерекъ въ повиновеніи (40). Воевода Князь Ромодановскій отправился къ Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ о Турціи и Христіанскихъ земляхъ Востока. Еще Дворъ Московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насъ внѣшность, и Россія, терзая свои нѣдра, забыла Европу и Азію!.... Сіи новыя бѣдствія началися такимъ образомъ:

Мятежи въ Москвѣ. Въ первые дни Іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго, бунта, убійствъ, испроверженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иноземцевъ и у нѣкоторыхъ Бояръ и Дворянъ, что Царь предаетъ ихъ домы расхищенію за измѣну. (41). Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но воинскія дружины успѣли разогнать г. 1606. ихъ безъ кровопролитія.

Чрезъ нѣсколько дней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что Царь желаетъ говорить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движеніе, и Красная Площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лукавыми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ внѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его: Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: «Вижу вашъ умыселъ; но для чего лукавствовать, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не буду» (42). Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: «Ищите же другаго Царя!» — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: «Если я Царь, то мятежники да трепещутъ! Чего хотятъ они? смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаменитѣйшихъ Россіянъ, и моей; по крайней мѣрѣ насилія и грабежа. Но вы знали меня, избирая въ Цари: имѣю власть и волю казнить злодѣевъ.» Всѣ единогласно отвѣтствовали: «Ты нашъ Государь законный! Мы тебѣ присягали и не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!» — Объявили указъ гражданамъ мирно разойтися, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго; не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость и не

г. 1606. нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже пылала бунтомъ!.... Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и вторый, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣрія или безстыдства, и находя его въ ослѣпленіи или въ развратѣ людей, отъ черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженниковъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ онъ любилъ съ довѣренностію, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли память его, желая неблагодарностію спасти себя — и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ Князь Григорій Петровичь Шаховскій, извѣстный любимецъ Разстригинъ, былъ посланъ Воеводою въ Путивль, на смѣну Князю Бахтѣярову, честному, но, можетъ быть, не весьма расторопному и смѣлому [43]. Правительство знало важность сего назначенія: нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ Самозванцу и не могли столько бояться новаго Царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева [44], и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій безъ сомнѣнія говорилъ Василію тоже, что Басмановъ несчастному Θеодору [45], — и сдѣлалъ тоже. Рожденный въ свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со всѣми качествами, нужными для первенства въ оныхъ, Шаховскій пылалъ ненавистію къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели; зналъ расположеніе народа Сѣверскаго и неудовольствіе многихъ Россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи Вѣнценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Москвѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ Державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для

Бунтъ Шаховскаго. сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, и сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то Нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, г. 1606. живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій Новогородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ [46]; что не только за истиннаго Царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, Стрѣльцы, Козаки, люди Боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ, Черниговскимъ Воеводою, мужемъ Думнымъ, нѣкогда вѣрнымъ закону: Княземъ Андреемъ Телятевскимъ. Сей человѣкъ удивительный, не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому, торжествующему Самозванцу, съ шайками крамольниковъ предался его тѣни, имени безъ существа, ослѣпленный заблужденіемъ или непріязнію къ Шуйскимъ: такъ люди, кромѣ истинно великодушныхъ, измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ! Еще не видали никакого Димитрія, ни лица, ни меча его, и все пылало къ нему усердіемъ, какъ въ Борисово и Θеодорово время! Сіе роковое имя съ чудною легкостію побѣждало власть законную, уже не обольщая милосердіемъ, какъ прежде [47], но устрашая муками и смертію. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману, — кто не хотѣлъ измѣнить Василію и дерзалъ противиться мятежу: тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ, еще ко славѣ отечества, погибли Воеводы, Бояринъ Князь Буйносовъ въ Бѣлѣгородѣ, Бутурлинъ въ Осколѣ, Плещеевъ въ Ливнахъ, двое Воейковыхъ, Пушкинъ, Князь Щербатый, Бартеневъ, Мальцовъ; другихъ ввергали въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ Царю; вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ: холопи грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ Боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали Димитрія, и едва спрашивали: гдѣ онъ? Увѣряя въ

г. 1606. необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожь разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи — изъ Сендомира!

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора? Шаховскій имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро по убіеніи Лжедимитрія распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ: одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь злотыхъ и сказалъ: «Знаешь ли насъ? Ты перевезъ Государя Димитрія Іоанновича, который спасается отъ Московскихъ измѣнниковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ, казнить ихъ, а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ (48). Вотъ онъ!» примолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали тоже. Сіи путешественники, или бѣглецы, выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву, — и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи, который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ Инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василіевъ, Князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишкова дѣйствительно объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатыя одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей; что съ нимъ только одинъ Москвитянинъ, Дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные Россіяне, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ (49). Новый Самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностію съ первымъ: былъ выше его, лицемъ не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ); глаза большіе, брови густыя, навислыя, носъ покляпый, бородавку среди щеки, усъ и бороду стриженную; но такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ Польскимъ и

Вторый Лжедимитрій.

разумѣлъ Латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго Царя Ѳеодора (50) и мнимый чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василіева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разстриги, чтобы питать мятежъ въ землѣ Сѣверской; но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю. г. 1606.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ Разстриги встревожилъ Московскую чернь, которая, три дни терзавъ мертваго Лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію: ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что человѣкъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти (51). Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мятежамъ: «чернь Московская» (пишутъ свидѣтели очевидные) «была готова мѣнять Царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ безначаліи» — и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли еще произвести общаго движенія въ пользу Разстриги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, отъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали единственно волненія, безпокойства народнаго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ (52): въ сихъ грамотахъ упрекали Россіянъ неблагодарностію къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ Царей, и сказывали, что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія: призывали всѣхъ Дьяковъ, сличали ихъ руки съ подметными письмами, и не открыли сочинителей (53).

г. 1606. Еще Правительство не уважало сихъ козней, изъясняя оныя безсильною злобою тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разстригиныхъ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сендомирскомъ Самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ Крутицкаго Митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю (54), образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: Митрополита не приняли и не слушали. Царица-Инокиня Марѳа, исполненная ревности загладить вину свою, писала къ жителямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россіею, что она собственными глазами видѣла убіеніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ (55); что одни Ляхи и злодѣи утверждаютъ противное; что Царь великодушный далъ ей слово *покрыть милосердіемъ* вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ, если изъявятъ раскаяніе; что она шлетъ къ нимъ брата, Боярина Григорія Нагаго, и святый образъ Димитріевъ, да услышатъ истину, да зрятъ Ангельское лице ея сына, который былъ рожденъ любить, а не терзать отечество смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни Посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ; остервененіе возрастало. Дѣйствуя неусыпно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украйною; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день Московскаго мятежа (56). Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле, съ Воеводою достойнымъ такого начальства, холопомъ Князя Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ Татарами, проданный въ неволю Туркамъ и выкупленный Нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому въ Путивлѣ. Внутренно вѣря или не вѣря Самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа, къ коему пристали еще двое Князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій (57).

Болотниковъ.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ итти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали Бояринъ Воротынскій, сынъ отца столь знаменитаго, и Князь Юрій Трубецкій, Стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами (58). Воротынскій близъ Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть горсти измѣнниковъ, и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они, съ Княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынскій ушелъ отъ Ельца; винили, обгоняли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ Царства (59).

Успѣхи мятежниковъ.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а Царя Василія *Шубникомъ* (60); велѣлъ однихъ утопить, другихъ вести въ Путивль для казни; нѣкоторыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ Державу Самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: Сына Боярскаго Истому Пашкова, Веневскаго Сотника (61); Григорія Сунбулова, бывшаго Воеводою въ Рязани, и тамошняго Дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ, — одареннаго красотою и крѣпостію тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостію и мужествомъ (62). Сіе новое войско отличалось ревностію чистѣйшею, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клевретами Басманова (63) въ измѣнѣ Ѳеодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло Москвитянъ, убіеніе Разстриги, и ду-

Прокопій Ляпуновъ.

г. 1606. мали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ Вѣнценосецъ законный. Но ревность ихъ также вела къ злодѣйствамъ: лилась кровь воиновъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Василію. Рязанскій Намѣстникъ, Бояринъ Князь Черкасскій, Воеводы Князь Тростенскій, Вердеревскій, Князь Каркадиновъ, Измайловъ (64), были скованные отправлены Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или смерть. Разбойники Сѣверскіе жгли, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человѣчество гнуснѣйшими дѣлами (65). Ужасъ распространялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностію, не измѣнила: достойный ея Святитель Ѳеоктистъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Стратигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ Дѣтей Боярскихъ, гражданъ; разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ (66) и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ Воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ Воеводъ знаменъ, — наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что Царь безъ искусныхъ Стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйскаго (67). Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного славнаго храбростію Воеводу, Басманова-измѣнника: Лжедимитрій-расточитель не оставилъ ничего, кромѣ измѣнниковъ; но Василій дѣлалъ, что могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа — о нелѣпой баснѣ Разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служитъ единственно предлогомъ для злодѣйства (68), въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, — Царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, удумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства: снять опалу съ памяти Вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести тѣло Бориса, Маріи, юнаго Ѳеодора, изъ бѣдной обители Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приближить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между Царскими памятниками; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго Монарха въ Годуновѣ, будучи также Монархомъ избраннымъ; хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и къ Ѳеодору невиннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховскаго (69), жаднымъ къ новому цареубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Ѳеодорову и Маріину несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ *саняхъ* (70), несчастная Ксенія, и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Многіе объ немъ тужили, встревоженные настоящимъ, и страшася будущаго (71). Въ Лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небесныхъ (72). Новымъ погребеніемъ возвращая санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василій, что нѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣніи, и что великодушная жалость, справедливость и Политика также возвратятъ имъ честь Царскую (73)?

Преневсеніе тѣла Борисова.

Уже не только Политика мирила Василія съ Годуновымъ, но и злополучіе, разительное сходство ихъ жребія. Обоимъ власть измѣняла; опоры того и дру-

г. 1606. гаго, видомъ крѣпкія, падали, рушились, какъ тлѣнъ и бреніе. Рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнію Димитрія. Юноша, ближній Государевъ, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры (74); но Воеводы главные, Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Воротынскій, Голицыны, Нагіе, имѣя съ собою всѣхъ Дворянъ Московскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ (75), встрѣтились съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ (76), сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Мятежники подъ Москвою. Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ Октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія Царемъ сверженнымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги (77); что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и достояніе, обѣщая имъ *богатство* и *Воеводство* (78); разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную.... Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучь великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медлитъ истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ (79). Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неустрашимость въ Государѣ, самъ казался неустрашимымъ. Воины, граждане по собственному движенію обязали другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ (80). Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, Святители писали г. 1606. всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ Смолянамъ граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные Россіяне (81); вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ (82); но Воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія (83), говорилъ: «Они также Русскіе и Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да раскаются, и кровь отечества да не ліется въ междоусобіи!» Василій или дѣйствительно надѣялся утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тверитянъ: они соединились въ Можайскѣ съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили ненастье и холодъ

г. 1606. глубокой осени; приступали къ Симонову монастырю ([84]) и къ Гонной или Рогожской слободѣ; были отражены, лишились многихъ людей, и все еще не унывали — по крайней мѣрѣ Болотниковъ: онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ ([85]), отвѣтствуя: «я клялся Димитрію умереть за него, и сдержу слово: буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ;» уже видѣлъ знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю: двадцатилѣтнему Князю Скопину-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ, и мыслилъ окружить непріятеля въ станѣ. Болотниковъ
2 Декабря. и Пашковъ встрѣтили Воеводъ Царскихъ: первый сразился какъ левъ; вторый, не обнаживъ меча, передался къ нимъ со всѣми Дворянами и съ знатною частію войска ([86]). У Болотникова остались Козаки, холопи, Сѣверскіе бродяги; но онъ бился до совершеннаго изнуренія силъ, и бѣжалъ съ немногими къ
Побѣда Скопина-Шуйскаго. Серпухову: остальные разсѣялись. Козаки еще держались въ укрѣпленномъ селеніи Заборьѣ, и наконецъ съ Атаманомъ Беззубцевымъ сдалися, присягнувъ Василію въ вѣрности. Кромѣ ихъ, взяли на бою столь великое число плѣнныхъ, что они не умѣстились въ темницахъ Московскихъ, и были всѣ утоплены въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но Козаковъ не тронули и приняли въ Царскую службу ([87]). Юношѣ-побѣдителю, Князю Скопину, рожденному къ чести, утѣшенію и горести отечества, дали санъ Боярина, а Воеводѣ Колычеву — Боярина и Дворецкаго ([88]). Радовались и торжествовали; пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ ([89]) и благодарили Небо за истребленіе мятежниковъ, но прежде времени.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ: жители не впустили его ([90]). Онъ засѣлъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ; собралъ тысячь десять бѣглецовъ, изготовился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе г. 1606.
Димитрій, истинный или мнимый; что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ клевреты готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вожделѣннаго Царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ ([91]). Но кого было представить? Сендомирскаго ли Самозванца, Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и ни мало не сходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи Россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ инаго человѣка, какого-то благороднаго Ляха, но что онъ — взявъ, вѣроятно, деньги за такую отвагу — раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ жить нескуднымъ Дворяниномъ, и прервалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ ([92]), коему случай далъ между тѣмъ другое орудіе.

Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ. Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Ѳеодора ([93]). На пути къ Москвѣ узнавъ о гибели Разстриги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Бояре Морозовъ и Бѣльскій хотѣли схватить его: Козаки обманули ихъ; прислали сказать, что выдадутъ имъ самозванца, и ночью уплыли внизъ по Волгѣ; грабили людей торговыхъ и служивыхъ; злодѣйствовали, жгли селенія на берегахъ, до Царицына, гдѣ убили Князя Ромодановскаго, ѣхавшаго Посломъ въ Персію, и Воеводу Акинѳеева ([94]); остановились зимовать на Дону и разславили въ Украйнѣ о своемъ Лжецаревичѣ. Обманъ способствовалъ обману: Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Ѳеодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честію, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе, и даже не усомнился обѣщать ему Царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится ([95]). Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ, въ доказательство державной власти разбойника Илейки. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ, которые еще сидѣли въ темницахъ: вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ ([96]), Думнаго мужа

г. 1606. Сабурова, Князя Пріимкова-Ростовскаго, начальниковъ города Борисова, и Воеводу Путивльскаго, Князя Бахтѣярова, взявъ себѣ его дочь въ наложницы. Искали и союзниковъ внѣшнихъ, тамъ, гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодою, и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою: новый Самозванецъ Петръ также обратился къ Сигизмунду, и Вельможные Паны не устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они «ждутъ Пословъ отъ Государя Сѣверскаго, сына Ѳеодорова, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, укрывающимся въ Галиціи, намѣренъ свергнуть Василія съ престола; что если Царь возвратитъ свободу Мнишку и всѣмъ знатнымъ Ляхамъ, Московскимъ плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжедимитрія, ни Лжепетра; а въ противномъ случаѣ оба сдѣлаются истинными и найдутъ сподвижниковъ въ Республикѣ» (97)! Но Ляхи только грозили Василію; манили, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили дѣйствовать; Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призвали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ нѣсколько дней, и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки Угры (98), осадилъ Калугу (30 Декабря), но безъ надежды взять ее скоро. *Осада Калуги.* Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу (99). Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ (100): Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, утопили Алатырскаго Воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила: ея знатный Воевода, Окольничій Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертвили: добраго, мужественнаго Дьяка Карпова и многихъ иныхъ (101). Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ (102). *Годуновы въ Сибири.* Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія (103). Къ сему смятенію присоединилось ужасное естественное бѣдствіе: язва въ Новѣгородѣ, гдѣ умерло множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ Катыревъ (104). Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

г. 1607. *Распоряженія Василіевы.* Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Воеводъ: знатнѣйшаго саномъ, Князя Мстиславскаго, и знаменитѣйшаго мужествомъ, Скопина-Шуйскаго, къ Калугѣ; Воротынскаго къ Тулѣ (105), Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, Боярина Ѳедора Шереметева къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу; а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною Царскою, чтобы хранить святыню отечества и Церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Василій думалъ предупредить соединеніе мятежниковъ, истребить ихъ отдѣльно, нападеніями разными, единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ распоряженіяхъ какъ Стратигъ искусный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца людей, оживить въ нихъ силу нравственную, успокоить совѣсть, возмущенную беззаконіями государственными, и снова скрѣпить союзъ Царя съ Царствомъ, нарушенный злодѣйствомъ.

*3 Февраля.* Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ермогеномъ, Духовенствомъ, Синклитомъ, людьми чиновными и торговыми, Василій опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго Патріарха Іова для *великаго земскаго дѣла*. *Призваніе Іова.* Ермогенъ писалъ къ Іову: «Преклоняемъ колѣна: удостой насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать гласъ твой сладкій: молимъ тебя именемъ отечества смятеннаго» (106). *14 Февраля.* Іовъ пріѣхалъ, и (20 Февраля) явился въ церкви Успенія, извнѣ окруженной и внутри наполненной несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у Патріаршаго мѣста въ видѣ простаго Инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ

г. 1607. и святостію: отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено Царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ Патріархъ Ермогенъ съ любовію уступалъ первенство Старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли Патріаршему Діакону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и только одинъ народъ — молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи предъ Закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ Государю; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Ѳеодора и Маріи одному Разстригѣ (107); наконецъ молилъ Іова, какъ святаго мужа, благословить Василія, Князей, Бояръ, Христолюбивое воинство и всѣхъ Христіанъ, да восторжествуетъ Царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною, писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея Монарховъ — хваля особенно государственный умъ Іоанна Грознаго (108), Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ Цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію Россіянъ, прельщенныхъ бродягою; говорилъ: «Я давалъ вамъ страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сдѣлалось, чему нѣтъ примѣра ни въ Священной, ни въ свѣтской Исторіи.» Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство, если не совершенное, то по крайней мѣрѣ допущенное народомъ — воздавъ хвалу Василію, *Царю святому и праведному*, за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели — Іовъ продолжалъ: «Вы знаете, убитъ ли Самозванецъ; знаете, что не осталось на землѣ и *скареднаго* тѣла его — а злодѣи дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ и есть истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ Богомъ, *въ сіи времена послѣдніи* (109), когда вымыслы нелѣпые, когда сволочь мерзостная, тати, разбойники, бѣглые холопи могутъ столь ужасно возмущать отечество!» Наконецъ, исчисливъ всѣ клятвопреступленія Россіянъ, не исключая и данной Лжедимитрію присяги (110), Іовъ именемъ Небеснаго милосердія, своимъ и всего Духовенства объявлялъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что они уже не измѣнятъ снова Царю законному, и добродѣтелію вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилостивятъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ Государству миръ съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что самъ Всевышній устами Праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались — и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился (111). Мысль, что онъ, уже стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе Неба! 8 Марта.

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ обступивъ Калугу (112), стрѣлялъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметъ къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ *деревянную гору* и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ съ тыномъ острога: но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору; не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ; сражался день и ночь; не жалѣлъ людей, ни себя; обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ голода: ибо не успѣлъ запастися хлѣбомъ. Разбойники Калуж- Храбрость Болотникова.

г. 1607. скіе ѣли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милость ихъ Атаману, если покорится: отвѣтомъ его было: «жду милости единственно отъ Димитрія!» Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: Московскій лекарь Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія: уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстригѣ. — Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца ([113]).

Другіе Воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали([114]): Хованскій отъ Михайлова въ Переславль Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Каширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ ([115]); вторый спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Каширу, чтобы итти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ ([116]), гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана Мосальскаго и Литвина Сторовскаго; но близъ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Каширѣ: Воевода Ададуровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы, и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ ([117]). — Бояринъ Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города; укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и не взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цынгу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ, Князь Хворостининъ, объявивъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютѣйшею казнію и звалъ Ногайскихъ Владѣтелей подъ знамена Димитрія ([118]). — Но Царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотникова если не мечемъ, то голодомъ — г. 1607. надѣясь, что Воротынскій въ Алексинѣ и Хилковъ въ Каширѣ заслоняютъ осаду Калуги и блюдутъ безопасность Москвы — главный Воевода, Князь Мстиславскій, отрядилъ Бояръ, Ивана Никитича Романова, Михайла Нагаго и Князя Мезецкаго противъ злодѣя, Василія Мосальскаго ([119]), который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріятелемъ на берегахъ Вырки ([120]), смѣло и мужественно. Цѣлыя сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказавъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клевреты его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остервененія, свойственнаго только войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, дотолѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи([121]), удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную имъ доблесть ([122]). Побѣда Романова.

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были счастливѣе. Они, подобно Царю, соображали свои дѣйствія наступательныя, слѣдуя общей мысли, и стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не устрашила Телятевскаго, который также шелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ Московскихъ Воеводъ, Князей Татева, Черкасскаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ изъ Калужскаго стана ([123]). Въ жестокой битвѣ на Пчелнѣ легли Татевъ и Черкасскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные спаслися бѣгствомъ въ станъ Калужскій, и привели его въ ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; всѣ обратили тылъ, кромѣ юнаго Князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истомы Пашкова, уже вѣрнаго слуги Царскаго ([124]): они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе Воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ. 1 Мая. Мужество Скопина.

г. 1607. Узнавъ, что сдѣлалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска; по крайней мѣрѣ не кинулъ снаряда огнестрѣльнаго, и засѣлъ въ Мещовскѣ ([125]).

Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ Духовенство, Бояръ, людей чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія, и грозилъ казнію ослушникамъ: всѣ Россіяне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри запасти столицу хлѣбомъ на случай осады, и самые Иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за Вѣру ([126]). Употребили и нравственное средство: Святители предали анаѳемѣ Болотникова и другихъ извѣстныхъ, главныхъ злодѣевъ: чего Царь не хотѣлъ дотолѣ, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было дорого: къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ ([127]). 21 Мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско, приказавъ Москву брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Одоевскому и Трубецкому ([128]), а всѣхъ иныхъ Бояръ, Окольничихъ, Думныхъ Дьяковъ и Дворянъ взявъ съ собою, подъ Царское знамя, коего уже давно не видали въ полѣ съ такимъ блескомъ и множествомъ сановниковъ: уже не стыдились итти всѣмъ Царствомъ на скопище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, Царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячь воиновъ цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть ([129]); онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и далъ ее въ твердой рѣшимости исполнить. Казалось, что Россія нашла Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Василіевъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова ([130]) къ Кошнрѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлися на берегахъ Восмы ([131]); началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолѣвали: но Голицынъ и Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: «нѣтъ для насъ бѣгства; одна смерть или побѣда!» и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ Москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5000 плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, Козаки Терскіе, Яицкіе, Донскіе, Украинскіе, числомъ 1700, засѣли въ оврагахъ, и стрѣляли; уже не имѣли пороха, и все еще не сдавались: ихъ взяли силою на третій день, и казнили, кромѣ семи человѣкъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки ([132]): черта достохвальная въ самой неумолимой мести!

г. 1607. 5 Іюня. Доблесть Воеводъ Царскихъ.

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность ([133]); двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронеѣ, сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго: стояли въ мѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями, и долго противились; наконецъ Москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣшали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, но тамъ пали: ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячь злодѣевъ отчаянныхъ: Россіяне умѣли оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Осада Тулы. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Коширскую: Мстиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кропивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры Царскіе. 30 Іюня. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостію бился въ вылазкахъ ([134]); презирая смерть, казался и невредимымъ и неутомимымъ: три, четыре раза въ день

г. 1607. нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя только издали и не мѣтко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Епифань, и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ, и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную. «Но Россія,» говоритъ Лѣтописецъ (135), «утопала въ пучинѣ крамолъ, и волны стремились за волнами: рушились однѣ, поднимались другія.»

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи инаго Вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: «гдѣ же тотъ, за кого умираемъ? гдѣ Димитрій?» Шаховскій и Болотниковъ клялися имъ: первый, что Царь въ Литвѣ; вторый, что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію, къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію Ляхамъ, такими словами: «Отъ границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте насъ отъ Шуйскаго» (136). Съ письмами и наказомъ послали въ Литву Атамана Козаковъ Днѣпровскихъ, Ивана Мартинова Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ Московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другаго вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его (137): искали и нашли бродягу, жи-

Явленіе новаго Лжедимитрія. теля Украйны, сына Поповскаго, Матвѣя Веревкина, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, или Жида, какъ сказано въ современныхъ бумагахъ государственныхъ (138). Сей Самозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ, корыстолюбивъ г. 1607. до низости; только, подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками, Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св. Писаніе и Кругъ Церковный (139); разумѣлъ, если вѣрить одному чужеземному Историку (140), и языкъ Еврейскій, читалъ Тальмудъ, книги Раввиновъ, среди самыхъ опасностей воинскихъ; хвалился мудростію и предвидѣніемъ будущаго (141). Панъ Мѣховецкій, другъ перваго обманщика, сдѣлался руководителемъ и наставникомъ втораго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства и случаи Лжедимитріевой исторіи, — открылъ много и тайнаго, чтобы изумлять тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ его Гетмана; пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда Воевода Сендомирскій, чтобы возвратить Державному изгнаннику Царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ, но столько же, или еще болѣе, ревнителей славы или корысти. «Не спрашивали» — говоритъ Историкъ Польскій (142) — «истинный ли Димитрій или обманщикъ зоветъ воителей? Довольно было того, что Шуйскій сидѣлъ на престолѣ, обагренномъ кровію Ляховъ. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая праздностію, кипѣло любовію къ ратной дѣятельности; не ждало указа Королевскаго и рѣшенія Чиновъ Государственныхъ: хотѣло и могло дѣйствовать самовольно,» но конечно съ тайнаго одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и вѣсть за вѣстію приходила къ жителямъ Сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій (143).

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Стародубѣ два человѣка: одинъ именовалъ себя Двоpяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ; они сказали народу, что Димитрій не далеко съ войскомъ и велѣлъ имъ ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ: любятъ ли они своего Царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: «гдѣ онъ? гдѣ отецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ головами» (144). *Онъ здѣсь*, отвѣтствовалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы устрашась своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его

г. 1607. изъясниться; вышли изъ терпѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца: тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызать ноги пришельца; вопили: «Хвала Богу! нашлося сокровище нашихъ душъ!» Ударили въ колокола, пѣли молебны, честили Самозванца, кого прислалъ Мѣховецкій (145), готовясь итти въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислалъ съ однимъ клевретомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными Стародубскими измѣнниками, желая доказать Ляхамъ, что они могутъ надѣяться на Россіянъ въ войнѣ за Димитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедимитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе, и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя втораго, человѣка имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви къ мятежу. Такъ Атаманъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разстригинымъ, упалъ къ ногамъ Стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію (146), и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ, твердые душею. Такимъ оказалъ себя одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ и вручилъ Царю, въ станѣ подъ Тулою, письмо отъ городовъ Сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Димитрію и грозили казнію въ случаѣ упорства: сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василію тоже, называя его не Царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хваляся вѣрностію къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи ревности удивительной (147).

Василій, узнавъ о семъ явленіи Самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ Воеводъ, Князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка Сеитова, къ ея предѣламъ: первый сталъ у Козельска; вторый занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ (148). Скоро услышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными Литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣсколько тысячь Козаковъ и соединилъ ихъ съ толпами Сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы Царскіе не могли спасти Брянска и велѣли зажечь его, когда жители вышли съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу къ мнимому Димитрію (149)...... Въ сіе время одинъ изъ Польскихъ друзей его, Николай Харлескій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытное (150): «Царь Димитрій и всѣ наши благородные витязи здравствуютъ. Мы взяли Брянскъ, сожженный людьми Шуйскаго, которые вывезли оттуда всѣ сокровища, и бѣжали такъ скоро, что ихъ не льзя было настигнуть. Димитрій теперь въ Карачевѣ, ожидая знатнѣйшаго вспоможенія изъ Литвы. Съ нимъ нашихъ 5000, но многіе вооружены худо...... Зовите къ намъ всѣхъ храбрыхъ; прельщайте ихъ и славою и жалованьемъ Царскимъ. У васъ носится слухъ, что сей Димитрій есть обманщикъ: не вѣрьте. Я самъ сомнѣвался и хотѣлъ видѣть его; увидѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онъ набоженъ, трезвъ, уменъ, чувствителенъ; любитъ военное искусство; любитъ нашихъ; милостивъ и къ измѣнникамъ: даетъ плѣннымъ волю служить ему или снова Шуйскому. Но есть злодѣи: опасаясь ихъ, Димитрій никогда не спитъ на своемъ Царскомъ ложѣ, гдѣ только для вида велитъ быть стражѣ: положивъ тамъ кого нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ ночью къ Гетману или ко мнѣ, и возвращается домой на разсвѣтѣ. Часто бываетъ тайно между воинами, желая слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ. Зная даже и будущее, говоритъ, что ему властвовать не долѣе трехъ лѣтъ; что лишится престола измѣною, но опять воцарится и распространитъ Государство. Безъ прибытія новыхъ, сильнѣйшихъ дружинъ Польскихъ, онъ не думаетъ спѣшить къ Москвѣ, если возметъ и самого Шуйскаго, который въ ужасѣ, въ смятеніи снялъ осаду Тулы (151); всѣ бѣгутъ отъ него къ Димитрію» .... Но Самозванецъ, оставивъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, и разбивъ Князя Литвинова-Мосальскаго близъ

г. 1607. Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней славится уже не Димитріево, а Василіево имя.

Еще мятежники оборонялись тамъ усильно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала Царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. (Взятіе Тулы.) Муромецъ, Сынъ Боярскій, именемъ Суминъ Кровковъ, предложилъ Василію затопить Тулу, изъяснилъ возможность успѣха, и ручался въ томъ жизнію (152). Приступили къ дѣлу; собрали мельниковъ; велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Упы, ниже города, и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ, что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ (153); только высокія мѣста остались сухи и казались грядами острововъ. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ Царю, винились, требовали милосердія и находили его, всѣ безъ исключенія. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ, извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и Самозванца Петра, если Царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и скорѣе *съѣдятъ другъ друга* отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость, — и 10 Октября Бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами Московскими, взялъ подлѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами Царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сендомирѣ: обманщикъ или Царь истинный, не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти: вотъ сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ, усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ» (154). Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, въ слѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами; а Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни Боярства, къ посрамленію сего Вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному (155): слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго Царства или Смоленскаго Княжества (156); и желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленнаго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣдавъ, что Лжедимитрій, испуганный судьбою Лжепетра, ушелъ назадъ къ Трубчевску (157). Вопреки опыту презирая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ея жителей (158); не хотѣлъ ждать, чтобы сдалася Калуга, гдѣ еще держались клевреты Болотникова съ Атаманомъ Скотницкимъ (159): велѣлъ осаждать ее малочисленной рати, и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его какъ побѣдителя (160). Онъ въѣзжалъ съ необыкновенною пышностію, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; (21 Октября.) умиленно слушалъ рѣчь Патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія, и казался счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лаврѣ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ Данилова Монастыря (161). Болотникова, Атамана Ѳедора Нагибу и строптивѣйшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь (162). Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ

г. 1607. городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Димитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ дотолѣ въ непрестанныхъ заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастіи и невѣстѣ: жестокою Политикою лишенный удовольствія быть супругомъ и отцемъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился на Маріи, дочери Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго (163). Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца (164), что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живетъ и движется Царемъ, съ нимъ бодрствуетъ или дремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властвованія смутнаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе могло устоять противъ такихъ бѣдствій?

Бракъ Василіевъ. г. 1608. Генваря 17.

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патріархомъ, Духовенствомъ и Синклитомъ, онъ издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года: то есть, подтвердилъ Уложеніе Θеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Боярами старѣйшими, и произвело г. 1607. въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Іоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе (165). Далѣе уставлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубли за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказывается кнутомъ; что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣлается рабомъ ея господина; что если господинъ не женитъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ до осьмнадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣетъ права жаловаться въ судѣ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса: законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной!

Законы.

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка *Уставъ Дѣлъ Ратныхъ*, желая, какъ сказано въ началѣ онаго, чтобы «Россіяне знали всѣ новыя хитрости воинскія, коими хвалятся Италія, Франція, Испанія, Австрія, Голландія, Англія, Литва, и могли не только силѣ силою, но и смыслу смысломъ противиться съ успѣхомъ, въ такое время, когда умъ человѣческій всего болѣе вперенъ въ науку необходимую для благосостоянія и славы Государствъ: въ науку побѣждать враговъ и хранить цѣлость земли своей» (166). Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственныя средства. Предъ всякою битвою надлежало Воеводѣ ободрять воиновъ *лицемъ веселымъ* (167), напоминать имъ отечество и присягу; говорить: «я буду впереди..... лучше умереть съ честію, нежели жить безчестно,» и съ симъ вручать себя Богу.

Уставъ Воинскій.

Угождая народу своею любовію къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожь, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни (168); выслалъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за тѣсную связь съ Поляками, — оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря

г. 1607. Вазмера, при себѣ ([169]) : но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе, и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; г. 1607. однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества.... и въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

# ГЛАВА II.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

## Г. 1607 — 1609.

**Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.**

г. 1607 — 1608. Въ то время, когда Москва праздновала Василіево бракосочетаніе, война междоусобная уже снова пылала.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ ([170]), съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали : «не знаемъ Царя, кромѣ Димитрія : ждемъ и скоро его увидимъ!» Вѣроятно, что явленіе втораго Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися ([171]), загладить вину свою взятіемъ Калуги : Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ, что устрашенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

*Бѣгство Воеводъ отъ Калуги.*

*Самозванецъ усиливается.*

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными : въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ : смѣлостію и мужеством витязь, ремесломъ грабитель ([172]). г. 1607. Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржевскій, укрѣпились въ Брянскѣ ([173]) : Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ : они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Ѳеодора, будто бы втораго сына Ирины; но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры : Бояринъ Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ изъ столицы, а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ : осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ : «спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!» и съ слезами

г. 1607. простирали къ нимъ руки (174). Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Литвиновымъ всѣ, восклицая: «лучше умереть, нежели выдать своихъ: съ нами Богъ!» плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріятеля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское,

Дѣло знаменитое.

г. 1608. оставивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендомирскому: «Мы, Димитрій Іоанновичь, Божіею милостію Царь всея Россіи, Великій Князь Московскій, Дмитровскій, Углицкій, Городецкій.... и другихъ многихъ земель и Татарскихъ Ордъ, Московскому Царству подвластныхъ, Государь и наслѣдникъ.... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непостижимы для ума человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ, искони предопредѣлено Небомъ, коего страшный судъ совершился и надо мною: за грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои собственные изгнанный изъ отечества, и скитаясь въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣдствій и печали! Но Богъ же милосердый, не помянувъ моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство, караетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ сердца людей, Россіянъ и чужеземцевъ, такъ, что надѣемся скоро освободить васъ и всѣхъ друзей нашихъ, къ неописанной радости вашего сына. Богу единому слава! Да будетъ также вамъ извѣстно, что Его Величество, Король Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчь Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ отысканіи наслѣдственной Державы» (175). Сія грамота, вѣроятно, не дошла до Мнишка, заключеннаго въ Ярославлѣ, но была конечно и писана не для него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману.

Грамота Лжедимитріева.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ (176). Тамъ прибыли къ нему знатные Князья, Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ (177). Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василію Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому (178); велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ Татарской и Мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю (179), и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія: доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россіею, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе (180); но Василій — также, какъ и Годуновъ (181) — сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Предложеніе Шведовъ.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, отличался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ (182); не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василія Голицына, знаменитаго измѣнами. Рать Московская оста-

г. 1608. новилась въ Болховѣ; не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами ([183]), до самой весны, и дала непріятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ ([184]) отдыхали; а толпы Лжедимитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались, брали города, жгли села и приближались къ Москвѣ. Начальники Рязани, Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его внѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили: Хованскій отступилъ — и чрезъ нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, былъ на голову разбитъ Паномъ Лисовскимъ ([185]), который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ Россіянъ. Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и дѣйствовалъ: Шуйскій наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца ([186]).

Побѣда Лисовскаго.

Апрѣля 13.

Первый вступилъ въ дѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло: но запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Лжедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишно осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія: чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣщенный переметчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Москвитянъ; всѣ бѣжали, еще кромѣ Нѣмцевъ: Капитанъ Ламсдорфъ, уже не пьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ: «наши жены и дѣти въ Москвѣ,» ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія— и были изрублены Козаками: Гетманъ Рожинскій велѣлъ умертвить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ наградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ ([187]). г. 1608.

Побѣда Самозванца.

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеитовымъ, засѣли въ Болховѣ; другіе ушли въ домы. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ ([188]), сдался Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно, подъ начальствомъ Князя Сеитова. Москва была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей вторый Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами ([189]); нѣкоторые только страшились, чтобы онъ, какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими Ляховъ или своей собственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею ([190]). Василій составилъ новое войско, и далъ начальство — къ несчастію, поздно — знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ битвѣ, — но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Воеводы, Князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкій ([191]), Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣ-

Ужасъ въ Москвѣ.

Измѣна Воеводъ.

г. 1608. лалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ злосчастнымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ къ измѣнѣ. Умыселъ открылся: Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ: Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невтева ([192]). Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, Государь велѣлъ имъ также итти къ столицѣ, для ея защиты.

1 Іюня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ ([193]), думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему: *Если разорите мою столицу, то гдѣ же мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?* «Сія жалость къ Москвѣ погубила его,» пишетъ Историкъ чужеземный ([194]), который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: «Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ Государства, преданнаго имъ въ жертву Ляхамъ и разбойникамъ. На пеплѣ Москвы скоро явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія сдѣлалась пепелищемъ.» Но Самозванецъ, имѣя тысячь пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячь Россійскихъ измѣнниковъ ([195]), большею частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ, кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячь исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу ([196]); хотѣлъ отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенесъ станъ

Самозванецъ въ Тушинѣ.

въ село Тайнинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украйною, откуда шли къ нему новыя дружины Литовскія и везли запасы: дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очиствъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино ([197]), избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ Волоколамской дороги, и спѣшилъ тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе ([198]), стали между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ *засаднымъ* войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре ([199]), и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій ([200]), присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились ([201]). Живъ 18 мѣсяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ, тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи ([202]), Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрющею грамотою Коро- г. 1608.

г. 1608. левскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтися. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, Царь велѣлъ привезти въ Москву Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи.... Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ-Ляховъ, Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего сановники Литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно [203]. Наконецъ, 25 Іюля, Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ: «1) Въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть войнѣ между Россіею и Литвою. 2) Въ сіе время условиться о вѣчномъ мирѣ или двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ Государствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. 4) Царю не помогать врагамъ Королевскимъ, Королю врагамъ Царя, ни людьми, ни деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и дать имъ нужное для путешествія до границы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣдома Королевскаго вступившимъ въ службу къ злодѣю, второму Лжедимитрію [204], немедленно оставить его, и впредь не приставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ именовать себя Царевичами Россійскими. 7) Воеводѣ Сендомирскому не называть сего новаго обманщика своимъ зятемъ, и не выдавать за него дочери. 8) Маринѣ не именоваться и не писаться Московскою Царицею [205].» Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ляховъ открылось еще во время переговоровъ.

Перемиріе съ Литвою.

Коварство Ляховъ.

Чиновники, посыланные отъ Князя Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйствовали какъ лазутчики, высматривая укрѣпленія города и стана Ходынскаго. Царь былъ неостороженъ: Воеводы еще неосторожнѣе. Сперва они бодрствовали неутомимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на коняхъ; вдали легкіе отряды, вокругъ неусыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опасеніе: Россіяне уже не береглися; а Гетманъ Лжедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и Козаками незапно ударилъ на станъ Ходынскій: захватилъ обозъ и пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ, и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣтило войско, высланное Царемъ съ Людьми Ближними, Стольниками, Стряпчими и Жильцами. Тутъ началася кровопролитная битва, и непріятель долженъ былъ отступить; его тѣснили и гнали до Ходынки [206]. г. 1608.

Василій могъ справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая миръ, воюютъ и нападаютъ въ расплохъ: онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Исполняя договоръ, Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владиміра Долгорукаго, и надѣялся, что Рожинскій, Вишневецкій и другіе Паны, извѣщенные объ условіяхъ мира, оставятъ Лжедимитрія: но никто изъ нихъ не думалъ оставить его! Они дали время Посламъ и Мнишку удалиться, и снова начали воевать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ, которые писали къ нимъ, что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской, а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго; что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ, то обязанъ выдать Самозванца для казни, и немедленно выйти изъ Россіи [207]. Число Ляховъ грабителей еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Сапѣгою [208]. Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смѣялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: «мы жалуемъ въ Цари Московскіе, кого хотимъ» [209]; жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями станъ Ходынскій [210]: Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы; сносились еще съ Послами Литовскими [211], сносились и съ Гетма-

г. 1608. номъ Лжедимитріевымъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Димитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ ([212]), взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый день, разбили непріятеля, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ ([213]) — и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненный пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ рукъ, и сказавъ своимъ ([214]): «отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а за спиною стыдъ и гибель,» третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ. Винили Воеводу Ѳеодора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но воины въ домы свои, крича: «идемъ защитить нашихъ женъ и дѣтей отъ непріятеля ([215])!»

Побѣда Сапѣги.

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедимитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали ([216]). Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ г. 1608. свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ Послами и съ Воеводою Сендомирскимъ черезъ Угличь, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы высланной изъ Тушинскаго стана съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ ([217]), чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. «Мы сердечно обрадовались» — писалъ къ нему Самозванецъ — «услышавъ о вашемъ отъѣздѣ изъ Москвы: ибо лучше знать, что вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы близко, но въ плѣну. Спѣшите къ нѣжному сыну. Не въ уничиженіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ скоро, должна видѣть васъ Польша. Мать моя, ваша супруга, здорова и благополучна въ Сендомирѣ: ей все извѣстно.» Мнишекъ и Марина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имѣли для нихъ прелести трона и мщенія; ни опасности, ни стыдъ не могли удержать ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнуснѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигизмундовыхъ: одинъ Николай Олесницкій возвратился; другіе спѣшили въ Литву ([218]), не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго торжества Марины, которая ѣхала къ мнимому Царю своему пышно и безопасно, мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ, что она приближается, Самозванецъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ ([219]); но Марина остановилась въ шатрахъ за версту отъ Тушина: тамъ было первое свиданіе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина знала истину; знала вѣрно, что убитый мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблаговременно приготовилась къ обману: съ печалію однакожь увидѣла сего втораго Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго, низкаго душею — и, еще не мертвая для чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ мысли раздѣ-

Мнишекъ и Марина у Самозванца.

г. 1608. лять ложе съ такимъ человѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сендомирскаго, Іезуитъ, тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы ([220]). Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не безполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: «Димитрій есть безъ сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ немъ мужа» ([221]). Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго ([222]). Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ ѳеатрѣ злодѣйства ([223]). Другіе, менѣе безсовѣстные, но малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствій для Царя, разъѣхались отъ него по домамъ ([224]); не тронулись, и были ему *до конца* вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой ([225]).

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину

Скопинъ посланъ къ Шведамъ.

величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!..... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору ([226]), о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для отдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ если не геройства, то стыда въ Россіянахъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: «Для чего срамить себя бѣгствомъ? Даю вамъ волю: идите, куда хотите! Пусть только вѣрные останутся со мною!» Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали Евангелія и креста; наперерывъ цѣловали его и клялися умереть за Царя..... а на другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино.... тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, древнимъ непріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе страстей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наслѣдственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ ([227])!

Бѣгство къ Самозванцу.

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ полѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу ([228]), орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ ([229]), которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными,

г. 1608. ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло : благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василіевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную мольбу Василіеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель Вѣнценосца (230), и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ па канунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли, слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали.... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разъѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ не Димитрій (231), и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетами* (232). Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговорились между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!) одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ *Царику* : такъ именовали втораго Лжедимитрія. Взявъ жалованье изъ казны Московской, требовали инаго изъ Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ, и не тайно : знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ* (233). Василій колебался : то не смѣлъ въ крайности быть жестокимъ, подобно Годунову (234), и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ

Развратъ въ Москвѣ.

строгостію унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ, къ умноженію зла. «Вельможи его» — говоритъ Лѣтописецъ — «были въ смущеніи и въ *двоемысліи* : служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ; нѣкоторые дерзали и словами язвить Царя заочно, вопреки присягѣ и совѣсти.» Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева (235), еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народѣ: все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга, въ сіе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда еще помнила Бога и честь Русскаго имени.

Знаменитая осада Лавры.

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи : съ Новымгородомъ, Вологдою, Пермію, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ (236) : предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣтей Боярскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе (237); дѣйствовали и невиди-

г. 1608. мо въ станахъ вражескихъ, писменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. «Доколѣ» — говорили Лжедимитрію Ляхи — «доколѣ свирѣпствовать противъ насъ симъ кровожаднымъ *вранамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ* (238)? Города многолюдные и цѣлыя области уже твои; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ войскомъ, а Чернцы ведутъ дерзкую войну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и жилище!» Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и сжегъ только посадъ Клементьевскій (239): но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго (240), хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей *такихъ* гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душею!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій; Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкѣвичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ (241). Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться (242). г. 1608. Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень (243). Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Иноки говорили: «Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ» — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны* (244). Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной,* пить чашу смертную за отечество (245). Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ: «Покоритесь Димитрію, истинному Царю вашему и нашему, который не только сильнѣе, но и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, имѣя, чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ уже едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете Намѣстниками *Троицкаго града* и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства, падутъ ваши головы.» Они писали и къ Архимандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ, и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: «упованіе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвижники: не страшимся!» Въ бранномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, Сына Боярскаго, Безсона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты (246).

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной (247); выкопалъ ровъ отъ Сеарева пруда до Глинянаго врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ

г. 1608. изъ шестидесяти трехъ пушекъ ([248]), стараясь разрушить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣсницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣсницы, щиты и тарасы ([249]). Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ ([250]). Никто не отдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи.... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отечество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному. г. 1608.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россійскіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои закопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи ([251]).

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея ([252]). Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Распрашивали чиновнаго плѣнника и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста ([253]). Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ го́лоса или стука людей копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу ([254]). Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя: непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190

г. 1608. человѣкъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ (255); стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости (256), и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ (257). Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило Инокиню; третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Старца Корнилія: сей Инокъ благочестивый, исходя кровію, сказалъ: «Богъ Архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ кровь Христіанскую» — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлися и невѣрные: слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣтовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ (258). — Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, неробкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ (259).

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ, изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ (260); въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, умирая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ мѣсто подкопа: Ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря (261). Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменшало силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою отчизну (262). 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія (263). Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ, къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ, Клементьевскими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастися. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и трубили побѣду; но Россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы, и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами, не мало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ; сожгли, чего не могли взять, и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человѣка, и 66 тяжело раненныхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ, съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, прудовъ Клементьевскаго, Келарева, Конюшеннаго и Круглаго, церквей нижняго монастыря и противъ Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды) (264). Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внукова и Есипова убитыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ (265). Братъ измѣнника и переметчика (266), Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ: «хочу смер-

г. 1608. тію загладить безчестіе нашего рода,» и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ (267). Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову (268). Иноки сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою (269).

Стыдясь своихъ неудачь, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками (270).

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ: Воеводы Троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были притиснуты къ стѣнамъ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. «Св. Сергій» — говоритъ Лѣтописецъ — «*охрабрилъ* и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, доспѣшныхъ, и побѣждали» (271). Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душею богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку; на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Теневевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня (272). Другаго знатнаго Ляха, г. 1608. Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру (273). Бились въ рукопашь, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей (274). Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ (275). Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время (276). — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры (277).

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. «Когда» — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — «бѣдствіе и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали только о ду-

г. 1608. шѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы обратились къ тѣлесному» ([278]). Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодыя женщины кружили головы воинамъ; увѣщанія и примѣръ трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою..... и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса ([279]).

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу ([280]): ею заразились бѣднѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ ([281]). Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской ([282]). Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые слыша всегдашній плачь въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ, но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Аврамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ ([283]). Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою ([284]). г. 1609.

Бѣдствія Лавры не уменшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; ни кто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто Ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и...... хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ ([285]) былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣре-

г. 1608. ніяхъ Сапѣги; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Литовскій, *Нѣмко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св. Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя (286) дѣлами храбрости необыкновенной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи,* по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю (287). Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедру (288). Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душею присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: «будьте непоколебимы до конца» (289)! Архимандритъ, Иноки разсказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряли, что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затворенныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны (290). г. 1609.

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка (291). Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ (292). Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою (293). Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи какъ *змѣи ползли* ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣсницами — и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковый часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣсницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и

г. 1609. твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійскіе злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Пановъ и чиновныхъ измѣнниковъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій, и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы (294). Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершеннымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для нее примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ.

Когда горсть достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами — неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Лжедимитріевъ (295), имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ (296), — велѣвъ и Боярину Ѳедору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ (297). Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Ѳедора Плещеева отъ Сапѣги (298). Переславль Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Митрополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святый храмъ, стрѣляли, ломились въ двери, и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ Митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи побѣдители схватили Митрополита, и сорвавъ съ него ризы Святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью (299); опустошили городъ, и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Сапѣга прислалъ воеводствовать злаго измѣнника, Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ Литовской, въ Татарской шапкѣ (300); но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ инаго рода: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи, и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архипастыря и назвалъ Патріархомъ: далъ ему златый поясъ и Святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Василію (301). Сей вторый Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чтителемъ Церкви и Духовенства; училъ

г. 1608 — 1609. Измѣна городовъ.

г. 1609. лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтія, Ростовскую добычу ([302]); уже не смѣла гнушаться обрядами Православія, молилась въ нашихъ церквахъ и покланялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ ([303]). Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ!

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличь, Кострома, Галичь, Вологда и другіе ([304]), тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: «да здравствуетъ Димитрій!» и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости, или для того, чтобы злодѣйствовать свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Ѳеодоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ ([305]); взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники ([306]). Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Лжедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника ([307]); послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ ([308]): вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство ([309]). Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, г. 1609. Стрѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Ѳеодоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и кучи пепла облилися новою кровію: неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями; грабили рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго....... Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, человѣческая и государственная; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы ([310])?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни Вѣры; что Государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось!..... Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ, Аврамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ:

Ужасное состояніе Россіи.

«Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями Ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ Россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ: они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на выкупъ ближнимъ — и снова отнимали, къ забавѣ Россіянъ!.... Сердце трепещетъ отъ воспоминанія

г. 1609. злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій..... Святыхъ юныхъ Инокинь обнажали, позорили; лишенныя чести, лишались и жизни въ мукахъ срама..... Были жены прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ; но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія. Уже не сражаясь за отечество, еще многіе умирали за семейства: мужъ за супругу, отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ въ грудь Ляху. Не было милосердія: добрый, вѣрный Царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ляхами, иногда находилъ въ нихъ жалость и самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники называли ихъ за то женами слабыми и худыми союзниками Царя Тушинскаго: всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сію неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: *что же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостію?* Сердца окаменѣли, умы омрачились; не имѣли ни состраданія, ни предвидѣнія: вблизи свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали: *оно минуетъ насъ!* или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы господами, чернь Дворянствомъ, Дворяне Вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ, и разумные разумныхъ обольщали измѣною, въ домахъ и въ самыхъ битвахъ; говорили: *мы блаженствуемъ; идите къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ!*.... Гибли отечество и Церковь: храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капищамъ Владимірова времени; скотъ и псы жили въ Олтаряхъ; воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ потировъ; мяса стояли на дискосахъ; на иконахъ играли въ кости; хоругви церковныя служили вмѣсто знаменъ; въ ризахъ Іерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, Священниковъ палили огнемъ, допытываясь ихъ сокровищъ; отшельниковъ, Схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствующихъ убивали..... г. 1609. Люди уступили свои жилища звѣрямъ: медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы какъ горы вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали: люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою, домы и все, да будетъ Россія пустынею необитаемою» (311)!

Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ: Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе Небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію Лѣтописца, *горы могилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель, какъ Фениксъ, возраждается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Ѳеоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ (312). Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести (313). Не

многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи (314), уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ (315), Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже
г. 1608. принадлежали къ царству беззаконія,
Тушино. коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями (316), гдѣ толпилось болѣе ста тысячь разбойниковъ обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса, вареныя и сырыя, лежали грудами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино (317). Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ (318), и крещенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасламомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ (319): оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василію; вторый оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить *Царику* Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими (320) унижался и Посолъ Сигизмундовъ, Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ ѳеатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышностію (321); тамъ Вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣглаго по-
Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. повича или Жида (322), принявъ отъ него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастіемъ, и господствуя надъ Россіею отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Двины и моря Каспійскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ — стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ — Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему легкомысленные переметчики (323), которые не хотѣли видѣть въ ней ни меча, ни пламени, имѣя тамъ домы и семейства.

Миновало и возвратилось лѣто: самозванецъ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедимитрій, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной: но торжество злодѣя могло бы совершиться (324), если бы Ляхи, виновники его счастія, не сдѣлались виновниками и его гибели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрія (325). Россіи издыхающей *помогъ* новый *непріятель!*

Доселѣ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ Генварѣ 1609 года) уѣхалъ г. 1609.
въ Варшаву, такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность (326). Въ слѣдъ за Мнишкомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами Рес-

г. 1609. публики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли (327). Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпотствующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-стяжательною, открылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство (328). Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялись Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедимитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Олесницкаго и Госѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: «Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ вспоможеніемъ утвердитъ власть свою, то чего добраго ждать Республикѣ отъ союза двухъ враговъ ея? Еще хуже, если Шведы овладѣютъ Москвою; не лучше, если она, утомленная бѣдствіями, покорится и Султану или Татарамъ (329). Должно предупредить опасность, и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бродягѣ Московское Царство; нынѣ дружины вольницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: можемъ ли бояться сопротивленія?» Были однакожь Сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслію о завоеваніи Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ *первому* Лжедимитрію, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова, и не мѣшая Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ *втораго*; что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многолюднымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такія ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: «богатая Россія будетъ наша» — и Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ (330), одобрилъ войну съ Россіею, безъ всякаго сношенія съ Лжедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія. Польша объявляетъ войну Россіи.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая (331), въ надеждѣ, что кончитъ войну одною угрозою (332), и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность въ Республикѣ — то есть, сдѣлаться обоихъ Государствъ Самодержцемъ. — Король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики (333); выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное:

г. 1609. въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій ([334])? Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

г. 1609. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ..... Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей Державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, раждая надежду, что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ многіе или не многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

---

# ГЛАВА III.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

### Г. 1608 — 1610.

---

**Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву.**

г. 1608 — 1610.

Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Царскіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, разбили Пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ оказалось мужество и счастіе юнаго, еще неизвѣстнаго Стратига, коему Провидѣніе готовило благотворнѣйшую славу въ мірѣ: славу Героя-спасителя отечества.

Князь Пожарскій.

Князь Димитрій Михайловичь Пожарскій, происходя отъ Всеволода III и Князей Стародубскихъ ([335]), царедворецъ безчиновный въ Борисово время и Стольникъ при Разстригѣ, опасностями Россіи вызванный на ѳеатръ кровопролитія, долженъ былъ вторично защитить Коломну отъ нападенія Литвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ изъ Владиміра. Пожарскій не хотѣлъ ждать

г. 1608.

ихъ: встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, и на утренней зарѣ незапнымъ, сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля; взялъ множество плѣнниковъ, запасовъ и богатую казну ([336]); одержалъ побѣду съ малымъ урономъ, явивъ не только смѣлость, но и рѣдкое искусство, въ предвѣстіе своего великаго назначенія.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба начинала благопріятствовать Царю. Мятежники, Мордва, Черемисы и Лжедимитріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воеводою Княземъ Вяземскимъ осаждали Нижній Новгородъ: вѣрные жители обрекли себя на смерть; простились съ женами, дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову:

Доблесть Нижняго Новагорода.

г. 1608. взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что Бояринъ Ѳеодоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію [337]; обратили къ закону и другіе Низовые города, воспламеняя въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Ѳеодоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ домы.

*Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ.*

Москва осажденная не знала о сихъ важныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усовѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ жителямъ городовъ Сѣверныхъ [338], Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга. «Несчастные! кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите! Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ Государство и Церковь; когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая Вѣра: то будете отвѣтствовать уже не намъ, а Богу.... есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безпошлинную на многія лѣта.» Сіи письма, доставляемыя усердными слугами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали наглость Ляховъ и неистовство Россійскихъ клевретовъ Самозванца, которые, губя враговъ, не щадили и друзей. Присяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа; а народъ, лишась чести, тѣмъ

*Возстаніе Сѣверной Россіи.*

болѣе стоитъ за имѣніе. Земледѣльцы г. 1608. первые ополчились на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кричали: «вы опустошили наши житницы и хлѣвы: теперь питайтесь рыбою» [339]! Примѣру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріевыхъ [340]. Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человѣка прославились особенною ревностію: знаменитый гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Греческаго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Даніилъ Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вычегодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ [341]; втораго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое встревожило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, замѣшало Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры [342]. Паны Тишкѣвичь и Лисовскій выступили съ полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій Старицу [343]. Жители противились мужественно въ городахъ; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько тысячь въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ [344], и пылая злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ — и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводъ Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ [345]. Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя гра-

г. 1608. моты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посылалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ итти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Бояриномъ Ѳеодоромъ Шереметевымъ (346); наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамолы въ Москвѣ. Но столица была ѳеатромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну (347) — гдѣ страшились мести Ляховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона — гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бытія своего и на часъ удалить гибель — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ Правительству, безъ любви къ Царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ Боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ Вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію (348): обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ Державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучь надежды: оружіе Царское снова имѣло успѣхи (349); Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, — и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева Державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ (350), Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля (351) вдругъ сдѣлалась тревога: г. 1608. заговорщики звали граждан на Лобное мѣсто; силою привели туда и Патріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками (352), обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и Самозванцевъ (353); что Шуйскій и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: «Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, общаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему какъ Государю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать Царствомъ безъ Чиновъ Государственныхъ?» Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго (354). Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: «Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня съ Царства не можете безъ Думы Земской. Да соберутся Великіе Бояре и Чины Государственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, но не воля крамольниковъ!» Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной,

*

г. 1608. и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великодушія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушино, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому (355) и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова, и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Голодъ. Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедимитріева вторично осадила сей городъ (356). Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь рублей (357), къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ олтаремъ Всевышняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнію Христіанъ и спустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ (358). Лицемѣры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали г. 1608. на улицахъ: «Мы гибнемъ отъ Царя злосчастнаго; отъ него кровопролитіе и голодъ!» Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи (359); другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцемъ: «Долго ли намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смерти?» Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицемъ спокойнымъ, увѣщалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Аврамія отворить для нихъ Московскія житницы его Обители: цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей (360). Сихъ запасовъ не могло стать надолго; но вопль умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ (361); при- 28 Мая. несъ ему свою виновную голову; сказалъ, что лучше хочетъ умереть на плахѣ, нежели служить бродягѣ гнусному — и былъ помилованъ Василіемъ: выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ, что станъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедимитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: всѣ славили Бога; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвигахъ.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій,

г. 1608. во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи (362): прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ (363), онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Василіеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду (364), требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячь осьми или десяти Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы (365). Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ, а Воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ (366), отвѣтствовали ему угрозою — и самые Новогородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новагорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Телепневымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иванѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Бояринъ Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ (367). Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились Послы отъ Новагорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Россіяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконіемъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василія, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносицкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное. г. 1608.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовый отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать винимаго. Вмѣсто суда, народъ въ изступленіи ярости умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судіею (368). Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честію въ Обители Св. Антонія, и многіе Дворяне, вѣроятно устрашенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскій и другіе окрестные монастыри, жегъ, грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новугороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою (369). Сіи добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго (370), имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

Вѣсти были благопріятны. Король г. 1609.

г. 1609. ный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: Генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу на канунѣ величайшей для него опасности и славы (390). Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связуются съ происшествіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ Лаврою(391): разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣплялъ Зборовскаго, чтобы отразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры (392): защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись, и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска (393) и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣти Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила (394). Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ: Лжедимитрій усилилъ его и частію Тушинской рати, велѣвъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому, что они торжествуютъ побѣды; что Шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подъѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: Бояринъ Салтыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ (395): оба увѣряли, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитрія, и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: «Не мы ли были съ Шереметевымъ, а теперь служимъ Димитрію? Кого еще ждете? Все у ногъ Іоаннова сына — и если одни будете противиться, то немедленно увидите здѣсь Царя гнѣвнаго со всѣмъ Литовскимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, для казни вашего ослушанія.» Имъ отвѣтствовали г. 1609. единогласно, люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ): «Всевышній съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, чтобы мы вамъ вѣрили? скажите, что Князь Михаилъ подъ Тверію тѣлами Литовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и восхвалимъ Бога! Ложь не побѣда: идите съ мечемъ на мечь, и Господь разсудитъ виновнаго съ правымъ!» Такъ еще мужались сіи Герои вѣрности, числомъ уже не болѣе двухъ сотъ (396)! Сапѣга не могъ медлить, однакожь дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители, которую сей гордый Ляхъ, шутя надъ нимъ и Лисовскимъ, уподоблялъ *лукну* и *гнѣзду воронъ* (397). Зборовскій приступилъ ночью, стрѣлялъ, убилъ одну женщину на стѣнѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Вѣроятно, что непріятель хотѣлъ въ сію ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова (398), а самъ, не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева (399), сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: «Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи, и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавишь Государство, то какой хвалы сподобишься отъ насъ и добрыхъ Россіянъ! какого веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ Державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на свою душу.» (400). — За вѣстію радостною слѣдовала другая: Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ

г. 1609. (401). Имѣя едва ли тысячь десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Генераломъ Зоме (402), Князь Михаилъ рѣшился однакожь встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличились мужествомъ; втоптали непріятеля въ болота, и дали время Князю Михаилу изготовиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные Россіяне, призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что утомленные Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями (403), не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и Лавры и Москвы — и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечества, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сносился съ городами сѣверными, принималъ отъ нихъ дары, казну и воиновъ (404); поручилъ Генералу Зоме устроеніе дружинъ, образованіе людей неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ (405): Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями (406), и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вокругъ себя города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемъ Княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедимитрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждалъ отъ измѣны и голода: взять Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надо всею Тушинскою силою (407). Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными (408), напали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачался бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева (409). Сей

Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.

Побѣда Царскаго войска.

г. 1609. Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области (410); мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но недовольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ (411). — Въ тоже время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители Владиміра снова присягнули Царю — всѣ, кромѣ Воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедимитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ Государства, убилъ каменьемъ, и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Воеводъ Царскихъ (412).

Уже безъ легкомыслія можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало: царство закона возстановлялось. Образовались полки вѣрныхъ — стремились къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружія. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино.... и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченіи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войско Московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми Царевичами: Августомъ, *Осиновикомъ* и Лавромъ; первый назывался сыномъ, вторый и третій внуками Іоанна Грознаго (413). «Злодѣи рабскаго племени» — говоритъ Лѣтописецъ — «холопи, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись одинъ за другимъ подъ именемъ Царевичей, даже небывалыхъ, и надѣялись властвовать въ ней, какъ союзники и ближніе Тушинскаго злодѣя» (414). Но сами Козаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Московской дорогѣ, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ ними.

Три Самозванца.

Въ опасностяхъ не теряя дерзости — еще имѣя тысячь шестьдесятъ или болѣе сподвижниковъ — еще властвуя надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астрахани (415), предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ — Самозванецъ тревожилъ нападеніями слободы Московскія (416), перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода его, Ляхъ Млоцкій, побилъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ спѣшилъ изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной (417); съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ Князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Житницы Авраміевы истощились (418), и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунтовала; съ шумомъ стремилась въ Кремль; осаждала дворецъ; кричала: «хлѣба! хлѣба! или да здравствуетъ Тушинскій!».... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною (419): сквозь разъѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы.

Новый мятежъ въ Москвѣ.

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человѣкъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Сапѣгиной рати (420). 16 Сентября пришелъ наконецъ и

г. 1609. Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбію Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность ([421]). Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября Князь Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ; оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣтили, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и заняли Александровскую Слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще напоминало его время: дворецъ, пять богатыхъ храмовъ ([422]), чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ ([423]). Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову ([424]). Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Слобода Александровская.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутомимыхъ воителей еще уменшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ ([425]), хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, встревоженный близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій Слободы ([426]). Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Россіяне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки ([427]). Къ счастію Князя Михаила, главные Вожди Польскіе, Гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единодушными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ безполезные приступы къ Лаврѣ ([428]), почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умножалось.

г. 1609. Побѣда надъ Сапѣгою.

Уже Слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля ([429]), Бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою ратію, Князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи ([430]). Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Любовь къ Князю Михаилу.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и

г. 1609. славою: не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію (431); а мысль о новомъ Царѣ была мыслію о Князѣ Михаилѣ — и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова (432), измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, именемъ Россіи, предложилъ Царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами (433). Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ, и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и Царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась.

Предлагаютъ вѣнецъ Герою.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальскаго, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татаръ Юртовскихъ (434). Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитріевъ: вѣрные Дѣти Боярскіе имѣли время спастися, а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь. — Между тѣмъ разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ, и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка (435): выступилъ Князь Дмитрій Пожарскій, уже знаменитый, — встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно истребилъ его злую шайку; осталося только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску. — Изъ Слободы Князья Лыковъ и Борятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его незапно, въ темную ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо: они уклонились отъ битвы (436).

Разбои.

Пожарскій.

Въ то время, когда Князь Михаилъ, умножая, образуя войско, и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединялась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедимитрія — въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ!.... Обращаемся къ Сигизмунду (437). Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться: оказалось, что сіе вѣроломное нападеніе было для Василія лучшимъ средствомъ изба-

Осада Смоленска.

г. 1609. виться отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятью тысячами Козаковъ Запорожскихъ (438); расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ (439), и послалъ Универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнитъ Россію за Годунова и *другихъ* властолюбцевъ, которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспаляя междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскимъ Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью (440). За мирное подданство Сигизмундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: «мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять Государю нашему, Василію Іоанновичу, а тебѣ, Литовскому Королю, и твоимъ Панамъ не раболѣпствовать во вѣки» (441). Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: «Не оставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: ибо Король обманываетъ ихъ вольностію; но мы будемъ стоять усердно.» Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ г. 1609. нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или не достигали вершины косорога, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Аврамовскія ворота, но не могли вломиться въ крѣпость (442). 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные: ибо Россіяне, имѣя *слухи* (443) или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ (444). Историки Польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость. Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ, терялъ время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки Запорожцевъ, служа Королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями Сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію (445). «Чего хочетъ Сигизмундъ?» говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ: «лишить насъ славы и возмездія за труды; взять Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ.

г. 1609. даромъ, что мы въ два года пріобрѣли своею кровію и побѣдами! Сѣверская земля есть наша собственность: изъ ея доходовъ Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье — и кто же въ ней теперь властвуетъ? новые пришельцы, богатѣя грабежемъ; а мы остаемся въ бѣдности, съ однѣми ранами!» Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими (446). Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ своими товарищами новый союзъ (447): они клялися умереть или воцарить Лжедимитрія, назвалися Конфедератами, и послали сказать Сигизмунду: «Если сила и беззаконіе готовы исхитить изъ нашихъ рукъ достояніе меча и геройства, то не признаемъ ни Короля Королемъ, ни отечества отечествомъ, ни братьевъ братьями»(448)! Рожинскій писалъ къ своему Монарху: «Ваше Величество все знали, и единственно намъ предоставляли кончить войну за Димитрія, еще болѣе для Республики, нежели для насъ выгодную; но вдругъ, неожиданно, вы являетесь съ полками, отнимаете у него землю Сѣверскую, волнуете, смущаете Россіянъ, усиливаете Шуйскаго и вредите дѣлу, уже почти совершенному нами!... Сія земля нашею кровію увлажена, нашею славою блистаетъ. Въ сихъ могилахъ, отъ Днѣпра до Волги, лежатъ кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ..... Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе всѣ мы, остальные, положимъ также свои головы.... и врагъ Димитрія, кто бы онъ ни былъ, есть нашъ непріятель!» Гетману Жолкѣвскому говорили Послы Конфедератовъ: «Издревле витязи Республики, рожденные въ нѣдрахъ златой свободы, любили искать воинской славы въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ мечемъ, *истиннымъ Марсовымъ раломъ, воздѣлывали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь и корысть.* Сколь же горестно намъ видѣть противниковъ въ единоземцахъ и братьяхъ! Въ сей горести простираемъ руки къ тебѣ, Гетману отечественнаго воинства, нашему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни Сенату, блюстителю законовъ и свободы, чего мы требуемъ справедливо: да удержитъ Сигизмунда.».... Тутъ Паны и Дворяне Королевскіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли Посламъ удалиться, язвительно издѣвались надъ ними; спрашивали въ насмѣшку о здоровьѣ *ихъ Государя Димитрія*, о второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи (449) — и дали имъ, отъ имени Сигизмундова, слѣдующій отвѣтъ письменный: «Вамъ надлежало не посылать къ Королю, а ждать его Посольства: тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ въ Россію. Отечество наше конечно славится рѣдкою свободою; но и свобода имѣетъ законы, безъ коихъ Государство стоять не можетъ. Законъ Республики не дозволяетъ воевать и Королю безъ согласія Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди частные, своевольнымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго изъ враговъ ея: вами озлобленный, Шуйскій мститъ ей Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь побѣдами; но вы еще среди непріятелей сильныхъ.... Идите и скажите своимъ клевретамъ, что искать славы и корысти беззаконіемъ, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дѣло не гражданъ свободныхъ, а людей дикихъ и хищныхъ» (450).

Распри между Сигизмундомъ и Конфедератами.

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ и Государствомъ, а двѣ особенныя Державы находятся въ жаркомъ преніи между собою и грозятъ другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣкоторою твердостію, Сигизмундъ не думалъ однакожь быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ: развѣдывалъ, что дѣлается въ Лжедимитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими, дѣйствовать за-одно съ Королевскимъ войскомъ, — и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609) Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збараскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною (451). Онъ предписалъ имъ, что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія (452), но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ

Посольство Королевское въ Тушино.

г. 1609. выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патріарху, Духовенству, Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, въ коей, уже снимая съ себя личину, вызывался прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его Державной власти, и Королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего богослуженія и всѣхъ уставовъ священныхъ (453). Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ служащимъ мнимому Димитрію; а къ Самозванцу писали только Сенаторы, называя его въ титулѣ *Яснѣйшимъ Княземъ*, и прося оказать Посламъ достойную честь изъ уваженія къ Республикѣ, не сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій.

Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разъѣздами Воеводъ Царскихъ (454), умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію: Стадницкій и Збарскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло единственно до войска — и, послѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли въ креслахъ: Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что извлекая мечь на Шуйскаго за многія непріятельскія дѣйствія Россіянъ (455), спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды (456). Выслушавъ рѣчь Посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отечество, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. «Согласно ли съ достоинствомъ Короля» — возражали Послы — «имѣть владѣнную грамоту на Россійскія земли отъ того, кому большая часть Россіянъ г. 1609. даетъ имя обманщика (457)? и благоразумно ли проливать за него драгоцѣнную кровь Ляховъ?» Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. «Вспомните» — отвѣтствовали имъ — «что у насъ нѣтъ Перуанскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жалованьемъ обыкновеннымъ; когда же Богъ покоритъ Сигизмунду великую Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется безъ возмездія, хотя вы служили не Государю, не Республикѣ, а человѣку стороннему, безъ ихъ вѣдома и согласія.» О будущей долѣ Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что жь дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, Князя Вишневецкаго (458), и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичь въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и честивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковый часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ Россіянъ Лжедимитріева стана, и вручивъ имъ грамоту Сигизмундову, изъясняли, что хотя Король вступилъ (Переговоры съ Тушинскими измѣнниками.) въ Россію съ оружіемъ, но единственно для ея мира и благоденствія, желая утишить бунтъ, истребить безстыднаго Самозванца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуйскаго), освободить народъ, утвердить Вѣру и Церковь. «Сіи люди» — пишетъ Историкъ Польскій (459) —

г. 1609. «угнетенные долговременнымъ злосчастіемъ, не могли найти словъ для выраженія своей благодарности : печальныя лица ихъ освѣтились радостію ; они плакали отъ умиленія, читали другъ другу письмо Королевское, цѣловали, прижимали къ сердцу начертаніе его руки, восклицая : *не можемъ имѣть Государя лучшаго!*».... Такъ замыселъ Сигизмундовъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ торжественно объявленъ и торжественно одобренъ Россіянами ; но какими? Сонмомъ измѣнниковъ : Бояриномъ Михаиломъ Салтыковымъ, Княземъ Василіемъ Рубцемъ-Мосальскимъ и клевретами ихъ, вѣроломцами опытными, которые, нарушивъ три присяги (460), и нарушая четвертую, не усомнились предать иноплеменнику и Лжедимитрія и Россію, чтобы спастися отъ мести Шуйскаго, раннимъ усердіемъ снискать благоволеніе Короля и подъ сѣнію новаго царствующаго Дома вкусить счастливое забвеніе своихъ беззаконій! Въ сей думѣ крамольниковъ присутствовалъ, какъ пишутъ, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ (461), ея невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, Послы въ тоже время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ Монархомъ : доставили ему грамоту Королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возвратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую: чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, если бы Россіяне не захотѣли измѣнить своему Вѣнценосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма Королевскія къ Духовенству, Боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ презрѣнія : обнародовалъ только его вѣроломство и козни (462), чтобы исполнить негодованія сердца Россіянъ. Москва была спокойна; а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размышленіе, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинскаго и главныхъ Воеводъ присоединиться къ Королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась къ Василію (463) : условились до времени терпѣть въ станѣ мнимое господство Лжедимитріево для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлію низвергнуть Шуйскаго. Но ослѣпленіе и спокойствіе бродяги уже исчезли : угадывая или свѣдавъ замышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что дѣлаютъ въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и для чего къ нему не являются? Гетманъ нетрезвый забылъ лицемѣріе : отвѣчалъ бранью, и даже поднялъ руку (464). Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ ; кинулся къ ея ногамъ ; сказалъ ей : «Гетманъ выдаетъ меня Королю ; я долженъ спасаться : прости» — и ночью (29 Декабря), надѣвъ крестьянское платье, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства : ибо царство злодѣя еще не кончилось! Бѣгство Лжедимитрія.

На разсвѣтѣ узнали въ Тушинскомъ станѣ, что мнимый Димитрій пропалъ : всѣ изумились. Многіе думали, что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку (465). Сдѣлалось ужасное смятеніе : ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ атамана разбойниковъ (466). Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гетману, требуя своего Димитрія, и въ тоже время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а твердостію и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы : одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву (467); знатнѣйшіе пристали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомѣрію и твердости въ злосчастіи ; видя себя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей Гетмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ ; хотѣла жить или умереть Царицею ; отвѣтствовала своему дядѣ, Пану Стадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою : «Благодарю за добрыя желанія и совѣты ; но правосу- Высокомѣріе Марины.

г. 1609. діе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками» (468). Она писала къ Королю: «Счастіе меня оставило, но не лишило права Властительскаго, утвержденнаго моимъ Царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною присягою Россіянъ;» желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова — жлала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ (469).

г. 1610. Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій: онъ уѣхалъ въ Калугу; сталъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Инокамъ объявить ея жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ Латинство, но получивъ отказъ, склонилъ Гетмана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ, достойнымъ гражданамъ знаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россіи, или погибнуть славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры (470). Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ сподвижниковъ Атамана Болотникова: они съ усердіемъ встрѣтили злодѣя, какъ Государя законнаго, ввели въ лучшій домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ (471), Князь Григорій Шаховскій, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовой рати (472). Составились дружины тѣлохранителей и воиновъ, Дворъ и Правительство, достойное Лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ злодѣйства было истребленіе Ляховъ и Нѣмцевъ за непріятельскія дѣйствія Сигизмунда и Шведовъ (473): их убивали, вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россіянами, во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцевъ иноземныхъ на пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Калугѣ утопили бывшаго Воеводу ея, Ляха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжедимитріемъ въ измѣнѣ (474). Тамъ же истерзали и добраго Окольничаго, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василіева. Взявъ его въ плѣнъ (475), свергнули съ башни, и еще живаго кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности утонулъ въ глазахъ отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана и другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хваляся особенно ненавистію ко всему не-Русскому, и говоря, что когда будетъ Царемъ на Москвѣ, то не оставитъ въ живыхъ ни единаго иноплеменника, ни груднаго младенца, ни зародыша въ утробѣ матери (476)! И кровію Ляховъ обагренный, тогда же искалъ въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ.

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы (477): Самозванецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую клятву въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные Послы его, Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ (478): они внушали Ляхамъ и Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и милліоны готовые. Люди, сколько нибудь благоразумные, не слушали (479); но бродяги, грабители снова взволновались, и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятеніемъ, явилась между воинами съ растрепанными волосами, съ лицемъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами; не упрекала, но трогала, видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненнаго къ нимъ любви и благодарности: не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные, — не обольщаться Королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженною и слѣдственно ненадежною; ходила изъ ставки въ ставку; каждаго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ (480). Все было въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, краснорѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: «Послы Королевскіе насъ обманули и разлучили съ Димитріемъ! Гдѣ тотъ, за кого мы умирали? Отъ кого будемъ требовать награды?» Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляховъ; но Донцы сѣли на коней

Волненіе въ Тушинѣ.

г. 1607. Вазмера, при себѣ (169) : но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе, и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; г. 1607. однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества.... и въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

---

# ГЛАВА II.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

### Г. 1607 — 1609.

*Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.*

г. 1607 — 1608. Въ то время, когда Москва праздновала Василіево бракосочетаніе, война междоусобная уже снова пылала.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ (170), съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: «не знаемъ Царя, кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ!» Вѣроятно, что явленіе втораго Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися (171), загладить вину свою взятіемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ, что устрашенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги.

Самозванецъ усиливается.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостію и мужеством витязь, ремесломъ грабитель (172). г. 1607. Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржевскій, укрѣпились въ Брянскѣ (173): Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ: они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Ѳеодора, будто бы втораго сына Ирины; но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры: Бояринъ Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ изъ столицы, а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ: осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ: «спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!» и съ слезами

г. 1607. простирали къ нимъ руки ([174]). Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Литвиновымъ всѣ, восклицая: «лучше умереть, нежели выдать своихъ: съ нами Богъ!» плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріятеля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское, оставивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендомирскому:

*Дѣло знаменитое.*

*г. 1608.*

*Грамота Лжедимитріева.*

«Мы, Димитрій Іоанновичь, Божіею милостію Царь всея Россіи, Великій Князь Московскій, Дмитровскій, Углицкій, Городецкій.... и другихъ многихъ земель и Татарскихъ Ордъ, Московскому Царству подвластныхъ, Государь и наслѣдникъ.... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непостижимы для ума человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ, искони предопредѣлено Небомъ, коего страшный судъ совершился и надо мною: за грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои собственные изгнанный изъ отечества, и скитаясь въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣдствій и печали! Но Богъ же милосердый, не помянувъ моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство, караетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ сердца людей, Россіянъ и чужеземцевъ, такъ, что надѣемся скоро освободить васъ и всѣхъ друзей нашихъ, къ неописанной радости вашего сына. Богу единому слава! Да будетъ также вамъ извѣстно, что Его Величество, Король Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчь Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ отысканіи наслѣдственной Державы» ([175]). Сія грамота, вѣроятно, не дошла до Мнишка, заключеннаго въ Ярославлѣ, но была конечно и писана не для г. 1608. него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ ([176]). Тамъ прибыли къ нему знатные Князья, Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ ([177]). Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василію Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому ([178]); велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ Татарской и Мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю ([179]), и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія: доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россіею, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе ([180]); но Василій — также, какъ и Годуновъ ([181]) — сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

*Предложеніе Шведовъ.*

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, отличался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ ([182]); не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василія Голицына, знаменитаго измѣнами. Рать Московская оста-

г. 1608. новилась въ Болховѣ; не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами ([183]), до самой весны, и дала непріятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ ([184]) отдыхали; а толпы Лжедимитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались, брали города, жгли села и приближались къ Москвѣ. Начальники Рязани, Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его внѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили: Хованскій отступилъ — и чрезъ нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, былъ на голову разбитъ Паномъ Лисовскимъ ([185]), который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ Россіянъ. Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и дѣйствовалъ: Шуйскій наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца ([186]).

Побѣда Лисовскаго.

Апрѣля 13.

Первый вступилъ въ дѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло: но запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Лжедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишно осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія: чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣщенный переметчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Москвитянъ; всѣ бѣжали, еще кромѣ Нѣмцевъ: Капитанъ Ламсдорфъ, уже непьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ: «наши жены и дѣти въ Москвѣ,» ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія— и были изрублены Козаками: Гетманъ г. 1608. Рожинскій велѣлъ умертвить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ наградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ ([187]).

Побѣда Самозванца.

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеитовымъ, засѣли въ Болховѣ; другіе ушли въ домы. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ ([188]), сдался Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно, подъ начальствомъ Князя Сеитова. Москва была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей вторый Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами ([189]); нѣкоторые только страшились, чтобы онъ, какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими Ляховъ или своей собственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею ([190]). Василій составилъ новое войско, и далъ начальство — къ несчастію, поздно — знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ битвѣ, — но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Воеводы, Князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкій ([191]), Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣ-

Ужасъ въ Москвѣ.

Измѣна Воеводъ.

г. 1608. лалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ злосчастнымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ къ измѣнѣ. Умыселъ открылся: Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ: Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невтева (192). Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, Государь велѣлъ имъ также итти къ столицѣ, для ея защиты.

Самозванецъ въ Тушинѣ.

1 Іюня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ (193), думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему: *Если разорите мою столицу, то гдѣ же мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?* «Сія жалость къ Москвѣ погубила его,» пишетъ Историкъ чужеземный (194), который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: «Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ Государства, преданнаго имъ въ жертву Ляхамъ и разбойникамъ. На пеплѣ Москвы скоро явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія сдѣлалась пепелищемъ.» Но Самозванецъ, имѣя тысячь пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячь Россійскихъ измѣнниковъ (195), большею частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ, кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячь исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу (196); хотѣлъ отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенесъ станъ въ село Тайнинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украйною, откуда шли къ нему новыя дружины Литовскія и везли запасы: дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очистивъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино (197), избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ Волоколамской дороги, и спѣшилъ тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе (198), стали между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ *засаднымъ* войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре (199), и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій (200), присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились (201). Живъ 18 мѣсяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ, тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи (202), Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрющею грамотою Коро-

г. 1608. левскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтися. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, Царь велѣлъ привезти въ Москву Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи.... Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ-Ляховъ, Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего сановники Литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно (203). Наконецъ, 25 Іюля, Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ: «1) Въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть войнѣ между Россіею и Литвою. 2) Въ сіе время условиться о вѣчномъ мирѣ или двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ Государствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. 4) Царю не помогать врагамъ Королевскимъ, Королю врагамъ Царя, ни людьми, ни деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и дать имъ нужное для путешествія до границы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣдома Королевскаго вступившимъ въ службу къ злодѣю, второму Лжедимитрію (204), немедленно оставить его, и впредь не приставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ именовать себя Царевичами Россійскими. 7) Воеводѣ Сендомирскому не называть сего новаго обманщика своимъ зятемъ, и не выдавать за него дочери. 8) Маринѣ не именоваться и не писаться Московскою Царицею (205).» Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ляховъ открылось еще во время переговоровъ.

Перемиріе съ Литвою.

Чиновники, посыланные отъ Князя Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйствовали какъ лазутчики, высматривая укрѣпленія города и стана Ходынскаго. Царь былъ неостороженъ: Воеводы еще неосторожнѣе. Сперва они бодрствовали неутомимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на коняхъ; вдали легкіе отряды, вокругъ неусыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опасеніе: Россіяне уже не береглися; а Гетманъ Лжедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и Козаками незапно ударилъ на станъ Ходынскій: захватилъ обозъ и пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ, и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣтило войско, высланное Царемъ съ Людьми Ближними, Стольниками, Стряпчими и Жильцами. Тутъ началася кровопролитная битва, и непріятель долженъ былъ отступить; его тѣснили и гнали до Ходынки (206). г. 1608.

Коварство Ляховъ.

Василій могъ справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая миръ, воюютъ и нападаютъ въ расплохъ: онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Исполняя договоръ, Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владиміра Долгорукаго, и надѣялся, что Рожинскій, Вишневецкій и другіе Паны, извѣщенные объ условіяхъ мира, оставятъ Лжедимитрія: но никто изъ нихъ не думалъ оставить его! Они дали время Посламъ и Мнишку удалиться, и снова начали воевать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ, которые писали къ нимъ, что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской, а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго; что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ, то обязанъ выдать Самозванца для казни, и немедленно выйти изъ Россіи (207). Число Ляховъ грабителей еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Сапѣгою (208). Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смѣялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: «мы жалуемъ въ Цари Московскіе, кого хотимъ» (209); жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями станъ Ходынскій (210): Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы; сносились еще съ Послами Литовскими (211), сносились и съ Гетма-

г. 1608. номъ Лжедимитріевымъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Димитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ (212), взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый день, разбили непріятеля, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ (213) — и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненный пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ рукъ, и сказавъ своимъ (214): «отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а за спиною стыдъ и гибель,» третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ. Винили Воеводу Ѳеодора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но воины въ домы свои, крича: «идемъ защитить нашихъ женъ и дѣтей отъ непріятеля (215)!»

Побѣда Сапѣги.

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедимитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали (216). Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ г. 1608. свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ Послами и съ Воеводою Сендомирскимъ черезъ Угличь, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы высланной изъ Тушинскаго стана съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ (217), чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. «Мы сердечно обрадовались» — писалъ къ нему Самозванецъ — «услышавъ о вашемъ отъѣздѣ изъ Москвы: ибо лучше знать, что вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы близко, но въ плѣну. Спѣшите къ нѣжному сыну. Не въ уничиженіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ скоро, должна видѣть васъ Польша. Мать моя, ваша супруга, здорова и благополучна въ Сендомирѣ: ей все извѣстно.» Мнишекъ и Марина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имѣли для нихъ прелести трона и мщенія; ни опасности, ни стыдъ не могли удержать ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнуснѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигизмундовыхъ: одинъ Николай Олесницкій возвратился; другіе спѣшили въ Литву (218), не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго торжества Марины, которая ѣхала къ мнимому Царю своему пышно и безопасно, мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ, что она приближается, Самозванецъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ (219); но Марина остановилась въ шатрахъ за версту отъ Тушина: тамъ было первое свиданіе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина знала истину; знала вѣрно, что убитый мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблаговременно приготовилась къ обману: съ печалію однакожъ увидѣла сего втораго Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго, низкаго душею — и, еще не мертвая для чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ мысли раздѣ-

Мнишекъ и Марина у Самозванца.

г. 1608. лять ложе съ такимъ человѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сендомирскаго, Іезуитъ, тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы ([220]). Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не безполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: «Димитрій есть безъ сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ немъ мужа» ([221]). Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго ([222]). Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ ѳеатрѣ злодѣйства ([223]). Другіе, менѣе безсовѣстные, но малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствій для Царя, разъѣхались отъ него по домамъ ([224]); не тронулись, и были ему *до конца* вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой ([225]).

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину

Скопинъ посланъ къ Шведамъ.

величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!..... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору ([226]), о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для отдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ если не геройства, то стыда въ Россіянахъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: «Для чего срамить себя бѣгствомъ? Даю вамъ волю: идите, куда хотите! Пусть только вѣрные останутся со мною!» Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали Евангелія и креста; наперерывъ цѣловали его и клялися умереть за Царя..... а на другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино.... тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, древнимъ непріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе страстей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наслѣдственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ ([227])!

Бѣгство къ Самозванцу.

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ полѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу ([228]), орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ ([229]), которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными,

г. 1608. ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло: благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василіевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную мольбу Василіеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель Вѣнценосца (230), и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ на канунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли, слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали.... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разъѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ не Димитрій (231), и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетами* (232). Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговарились между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!) одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ *Царику*: такъ именовали втораго Лжедимитрія. Взявъ жалованье изъ казны Московской, требовали инаго изъ Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ, и не тайно: знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ* (233). Василій колебался: то не смѣлъ въ крайности быть жестокимъ, подобно Годунову (234), и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строгостію унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ, къ умноженію зла. «Вельможи его» — говоритъ Лѣтописецъ — «были въ смущеніи и въ *двоемысліи*: служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ; нѣкоторые дерзали и словами язвить Царя заочно, вопреки присягѣ и совѣсти.» Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева (235), еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народѣ: все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга, въ сіе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда еще помнила Бога и честь Русскаго имени.

Развратъ въ Москвѣ.

Знаменитая осада Лавры.

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи: съ Новымгородомъ, Вологдою, Перміею, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ (236): предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣтей Боярскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе (237); дѣйствовали и невиди-

г. 1608. мо въ станахъ вражескихъ, писменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. «Доколѣ» — говорили Лжедимитрію Ляхи — «доколѣ свирѣпствовать противъ насъ симъ кровожаднымъ *вранамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ* (238)? Города многолюдные и цѣлыя области уже твои; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ войскомъ, а Чернцы ведутъ дерзкую войну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и жилище!» Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и сжегъ только посадъ Клементьевскій (239): но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго (240), хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей *такихъ* гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душею!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій; Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкѣвичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ (241). Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться (242). г. 1608. Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень (243). Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Иноки говорили: «Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ» — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны* (244). Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной,* пить чашу смертную за отечество (245). Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ: «Покоритесь Димитрію, истинному Царю вашему и нашему, который не только сильнѣе, но и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, имѣя, чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ уже едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете Намѣстниками *Троицкаго града* и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства, падутъ ваши головы.» Они писали и къ Архимандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ, и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: «упованіе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвижники: не страшимся!» Въ бранномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, Сына Боярскаго, Безсона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты (246).

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной (247); выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глинянаго врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ

г. 1608. изъ шестидесяти трехъ пушекъ (248), стараясь разрушить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣсницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣсницы, щиты и тарасы (249). Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ (250). Никто не отдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи.... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отечество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному. г. 1608.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россійскіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои закопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи (251).

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея (252). Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Распрашивали чиновнаго плѣнника и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста (253). Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу (254). Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя: непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190

г. 1608. человѣкъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ (255); стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости (256), и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ (257). Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило Инокиню; третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Старца Корнилія: сей Инокъ благочестивый, исходя кровію, сказалъ: «Богъ Архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ кровь Христіанскую» — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлися и невѣрные: слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣтовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ (258). — Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, неробкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ (259).

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ, изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ (260); въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, умирая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ мѣсто подкопа: Ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря (261). Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменшало силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою г. 1608. отчизну (262). 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія (263). Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ, къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ, Клементьевскими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастися. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и трубили побѣду; но Россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы, и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами, не мало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ; сожгли, чего не могли взять, и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человѣка, и 66 тяжело раненныхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ, съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, прудовъ Клементьевскаго, Келарева, Конюшеннаго и Круглаго, церквей нижняго монастыря и противъ Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды) (264). Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внукова и Есипова убитыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ (265). Братъ измѣнника и переметчика (266), Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ: «хочу смер-

г. 1608. тію загладить безчестіе нашего рода,» и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ (267). Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову (268). Иноки сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою (269).

Стыдясь своихъ неудачь, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками (270).

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ: Воеводы Троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были притиснуты къ стѣнамъ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. «Св. Сергій»—говоритъ Лѣтописецъ—«*охрабрилъ* и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, доспѣшныхъ, и побѣждали» (271). Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душею богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку; на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня (272). Другаго знатнаго Ляха, г. 1608. Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру (273). Бились въ рукопашь, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ накопецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей (274). Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ (275). Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время (276). — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры (277).

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. «Когда» — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — «бѣдствіе и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали только о ду-

г. 1608. шѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы обратились къ тѣлесному» [278]. Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодыя женщины кружили головы воинамъ; увѣщанія и примѣръ трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; росkошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою..... и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса [279].

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу [280]: ею заразились бѣднѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ [281]. Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской [282]. Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые слыша всегдашній плачь въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ, но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Авраамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ [283]. Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою [284].

Бѣдствія Лавры не уменшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; ни кто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто Ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и...... хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ [285] былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣре-

г. 1608. ніяхъ Сапѣги; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Литовскій, *Нѣмко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св. Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя ([286]) дѣлами храбрости необыкновенной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи*, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю ([287]). Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедру ([288]). Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душею присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: «будьте непоколебимы до конца» ([289])! Архимандритъ, Иноки разсказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряя, что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затворенныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны ([290]). г. 1609.

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка ([291]). Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ ([292]). Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою ([293]). Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи какъ *змѣи ползли* ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣсницами — и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковый часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣсницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и

г. 1609. твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійскіе злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Пановъ и чиновныхъ измѣнниковъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій, и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы (294). Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершеннымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для нее примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ.

Когда горсть достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами — неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Лжедимитріевъ (295), имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ (296), — велѣвъ и Боярину Ѳеодору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ (297). Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Ѳеодора Плещеева отъ Сапѣги (298). Переславль Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Митрополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святый храмъ, стрѣляли, ломились въ двери, и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ Митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи побѣдители схватили Митрополита, и сорвавъ съ него ризы Святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью (299); опустошили городъ, и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Сапѣга прислалъ воеводствовать злаго измѣнника, Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ Литовской, въ Татарской шапкѣ (300); но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ инаго рода: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи, и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архипастыря и назвалъ Патріархомъ: далъ ему златый поясъ и Святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Василію (301). Сей вторый Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чтителемъ Церкви и Духовенства; училъ

г. 1608 — 1609. Измѣна городовъ.

г. 1609. лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтія, Ростовскую добычу (302); уже не смѣла гнушаться обрядами Православія, молилась въ нашихъ церквахъ и покланялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ (303). Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ!

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличь, Кострома, Галичь, Вологда и другіе (304), тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: «да здравствуетъ Димитрій!» и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости, или для того, чтобы злодѣйствовать свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Ѳеодоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ (305); взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники (306). Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Лжедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника (307); послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ (308): вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство (309). Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, г. 1609. Стрѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Ѳеодоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и кучи пепла облилися новою кровію: неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями; грабили рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго....... Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, человѣческая и государственная; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы (310)?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни Вѣры; что Государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось!..... Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ, Аврамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ:

«Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями Ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ Россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ: они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на выкупъ ближнимъ — и снова отнимали, къ забавѣ Россіянъ!.... Сердце трепещетъ отъ воспоминанія Ужасное состояніе Россіи.

г. 1609. злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій..... Святыхъ юныхъ Инокинь обнажали, позорили; лишенныя чести, лишались и жизни въ мукахъ срама..... Были жены прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ; но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія. Уже не сражаясь за отечество, еще многіе умирали за семейства: мужъ за супругу, отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ въ грудь Ляху. Не было милосердія: добрый, вѣрный Царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ляхами, иногда находилъ въ нихъ жалость и самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники называли ихъ за то женами слабыми и худыми союзниками Царя Тушинскаго: всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сію неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: *что же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостію?* Сердца окаменѣли, умы омрачились; не имѣли ни состраданія, ни предвидѣнія: вблизи свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали: *оно минуетъ насъ!* или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы господами, чернь Дворянствомъ, Дворяне Вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ, и разумные разумныхъ обольщали измѣною, въ домахъ и въ самыхъ битвахъ; говорили: *мы блаженствуемъ; идите къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ!....* Гибли отечество и Церковь: храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капищамъ Владимірова времени; скотъ и псы жили въ Олтаряхъ; воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ потировъ; мяса стояли на дискосахъ; на иконахъ играли въ кости; хоругви церковныя служили вмѣсто знаменъ; въ ризахъ Іерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, Священниковъ палили огнемъ, допытываясь ихъ сокровищъ; отшельниковъ, Схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствующихъ убивали.... г. 1609. Люди уступили свои жилища звѣрямъ: медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы какъ горы вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали: люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою, домы и все, да будетъ Россія пустынею необитаемою» (311)!

Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ: Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе Небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію Лѣтописца, *горы могилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель, какъ Фениксъ, возраждается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Ѳеоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ (312). Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести (313). Не

многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи ([314]), уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ ([315]), Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже
г. 1608. принадлежали къ царству беззаконія,
Тушино. коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями ([316]), гдѣ толпилось болѣе ста тысячь разбойниковъ обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса, вареныя и сырыя, лежали грудами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино ([317]). Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ ([318]), и крещенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасланомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ ([319]): оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василію; вторый оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить *Царику* Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими ([320]) унижался и Посолъ Сигизмундовъ, Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ ѳеатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышностію ([321]); тамъ Вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣглаго по-
Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. повича или Жида ([322]), принявъ отъ него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастіемъ, и господствуя надъ Россіею отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Двины и моря Каспійскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ — стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ — Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему легкомысленные переметчики ([323]), которые не хотѣли видѣть въ ней ни меча, ни пламени, имѣя тамъ домы и семейства.

Миновало и возвратилось лѣто: самозванецъ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедимитрій, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной: но торжество злодѣя могло бы совершиться ([324]), если бы Ляхи, виновники его счастія, не сдѣлались виновниками и его гибели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрія ([325]). Россіи издыхающей *помогъ* новый *непріятель!*

Доселѣ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ Генварѣ 1609 года) уѣхалъ г. 1609.
въ Варшаву, такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность ([326]). Въ слѣдъ за Мнишкомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами Рес-

г. 1609. публики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли ([327]). Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпотствующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-стяжательною, открылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство ([328]). Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялись Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедимитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Олесницкаго и Госѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: «Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ вспоможеніемъ утвердитъ власть свою, то чего добраго ждать Республикѣ отъ союза двухъ враговъ ея? Еще хуже, если Шведы овладѣютъ Москвою; не лучше, если она, утомленная бѣдствіями, покорится и Султану или Татарамъ ([329]). Должно предупредить опасность, и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бродягѣ Московское Царство; нынѣ дружины вольницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: можемъ ли бояться сопротивленія?» Были однакожь Сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслію о завоеваніи Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ *первому* Лжедимитрію, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова, и не мѣшая Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ *втораго;* что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многолюднымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такія ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: «богатая Россія будетъ наша» — и Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ ([330]), одобрилъ войну съ Россіею, безъ всякаго сношенія съ Лжедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія. Польша объявляетъ войну Россіи.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая ([331]), въ надеждѣ, что кончитъ войну одною угрозою ([332]), и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность въ Республикѣ — то есть, сдѣлаться обоихъ Государствъ Самодержцемъ, — Король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики ([333]); выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное:

г. 1609. въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій (334)? Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ..... Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей Державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, раждая надежду, что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ многіе или не многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель. г. 1609. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

---

# ГЛАВА III.

## ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

### Г. 1608 — 1610.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя улачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву.

г. 1608 — 1610. Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Царскіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, разбили Пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ оказалось мужество и счастіе юнаго, еще неизвѣстнаго Стратига, коему Провидѣніе готовило благотворнѣйшую славу въ мірѣ: славу Героя-спасителя отечества. Князь Пожарскій. Князь Димитрій Михайловичь Пожарскій, происходя отъ Всеволода III и Князей Стародубскихъ (335), царедворецъ безчиновный въ Борисово время и Стольникъ при Разстригѣ, опасностями Россіи вызванный на ѳеатръ кровопролитія, долженъ былъ вторично защитить Коломну отъ нападенія Литвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ изъ Владиміра. Пожарскій не хотѣлъ ждать ихъ: встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ, г. 1608. въ тридцати верстахъ отъ Коломны, и на утренней зарѣ незапнымъ, сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля; взялъ множество плѣнниковъ, запасовъ и богатую казну (336); одержалъ побѣду съ малымъ урономъ, явивъ не только смѣлость, но и рѣдкое искусство, въ предвѣстіе своего великаго назначенія.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба начинала благопріятствовать Царю. Мятежники, Мордва, Черемисы и Лжедимитріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воеводою Княземъ Вяземскимъ осаждали Нижній Новгородъ: вѣрные жители Доблесть Нижняго Новагорода. обрекли себя на смерть; простились съ женами, дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову:

г. 1608. взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію ([337]); обратили къ закону и другіе Низовые города, воспламеняя въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Ѳедоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ домы.

Возстаніе другихъ городовъ Низовыхъ.

Москва осажденная не знала о сихъ важныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усовѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ жителямъ городовъ Сѣверныхъ ([338]), Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга. «Несчастные! кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите! Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ Государство и Церковь; когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая Вѣра: то будете отвѣтствовать уже не намъ, а Богу.... есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безпошлинную на многія лѣта.» Сіи письма, доставляемыя усердными слугами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали наглость Ляховъ и неистовство Россійскихъ клевретовъ Самозванца, которые, губя враговъ, не щадили и друзей. Присяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа; а народъ, лишась чести, тѣмъ более стоитъ за имѣніе. Земледѣльцы первые ополчились на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дреколъемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кричали: «вы опустошили наши житницы и хлѣвы: теперь питайтесь рыбою» ([339])! Примѣру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріевыхъ ([340]). Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человѣка прославились особенною ревностію: знаменитый гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Греческаго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Даніилъ Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вычегодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ ([341]); втораго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое встревожило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, замѣшало Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры ([342]). Паны Тишкѣвичь и Лисовскій выступили съ полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій Старицу ([343]). Жители противились мужественно въ городахъ; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько тысячь въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ ([344]), и пылая злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ — и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводъ Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ ([345]). Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя гра-

Возстаніе Сѣверной Россіи.

г. 1608.

г. 1608. моты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посылалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ итти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Бояриномъ Ѳеодоромъ Шереметевымъ (346); наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамолы въ Москвѣ. Но столица была ѳеатромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну (347) — гдѣ страшились мести Ляховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона — гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бытія своего и на часъ удалить гибель — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ Правительству, безъ любви къ Царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ Боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ Вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію (348): обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ Державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучь надежды: оружіе Царское снова имѣло успѣхи (349); Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, — и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева Державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ (350), Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля (351) вдругъ сдѣлалась тревога: г. 1608. заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и Патріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками (352), обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и Самозванцевъ (353); что Шуйскій и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: «Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, общаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему какъ Государю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать Царствомъ безъ Чиновъ Государственныхъ?» Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго (354). Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: «Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня съ Царства не можете безъ Думы Земской. Да соберутся Великіе Бояре и Чины Государственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, но не воля крамольниковъ!» Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной,

г. 1608. и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великодушія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушино, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому [355] и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова, и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Голодъ. Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедимитріева вторично осадила сей городъ [356]. Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь рублей [357], къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ олтаремъ Всевышняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнію Христіанъ и спустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ [358]. Лицемѣры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали г. 1608.
на улицахъ: «Мы гибнемъ отъ Царя злосчастнаго; отъ него кровопролитіе и голодъ!» Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи [359]; другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцемъ: «Долго ли намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смерти?» Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицемъ спокойнымъ, увѣщалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Авраміа отворить для нихъ Московскія житницы его Обители: цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей [360]. Сихъ запасовъ не могло стать надолго; но вопль умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ [361]; при- 28 Мая.
несъ ему свою виновную голову; сказалъ, что лучше хочетъ умереть на плахѣ, нежели служить бродягѣ гнусному — и былъ помилованъ Василіемъ: выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ Москвитя- Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвигѣ.
намъ, что станъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедимитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: всѣ славили Бога; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій,

г. 1608. во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи (362): прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ (363), онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Василіеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду (364), требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячь осьми или десяти Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы (365). Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ, а Воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ (366), отвѣтствовали ему угрозою — и самые Новогородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новагорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Телепневымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иванѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Бояринъ Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ (367). Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились Послы отъ Новагорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Россіяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконіемъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василія, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносицкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное. г. 1608.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовый отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать винимаго. Вмѣсто суда, народъ въ изступленіи ярости умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судіею (368). Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честію въ Обители Св. Антонія, и многіе Дворяне, вѣроятно устрашенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскій и другіе окрестные монастыри, жегъ, грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новугороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою (369). Сіи добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго (370), имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

Вѣсти были благопріятны. Король г. 1609.

г. 1609. Шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще Генералы его, Бое и Вильдманъ, не успѣли заключить договора съ Головинымъ и Дьякомъ Зиновьевымъ, а войско Королевское уже стояло подъ знаменами въ Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія (371): «1) Мирный договоръ 1595 года возобновляется между Россіею и Швеціею на вѣки вѣковъ. 2) Первой не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ даетъ Василію 2000 конныхъ и 3000 пѣшихъ ратниковъ, а Василій 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье (372). 4) Сіе войско въ полномъ распоряженіи Князя Михаила Шуйскаго; должно занимать города единственно именемъ Царскимъ, и не можетъ выводить плѣнниковъ изъ Россіи, кромѣ Ляховъ. 5) Съѣстные припасы будутъ ему доставляемы по цѣнѣ умѣренной (373). 6) Царь взаимно обязывается помогать Королю войскомъ на Сигизмунда въ Ливоніи, куда открытъ путь Шведамъ изъ Финляндіи чрезъ Россійскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая Держава безъ общаго согласія не вольна мириться съ Сигизмундомъ. 8) Царь, въ знакъ признательности, уступаетъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣчное владѣніе, но *тайно* до времени (374): ибо сія уступка можетъ произвести сильное неудовольствіе между Россіянами. 9) Князь Михаилъ Шуйскій даритъ Шведскому войску 5000 рублей не въ счетъ опредѣленнаго жалованья. — Сія грамота будетъ утверждена въ Новѣгородѣ имъ Княземъ Шуйскимъ, Воеводою, Бояриномъ и *Ближнимъ Пріятелемъ* Царскимъ, а въ Москвѣ самимъ Царемъ.»

26 Марта (375) уже вступилъ въ Россію Полководецъ Шведскій, Іаковъ Делагарди, сынъ Понтусовъ, юный, двадцати-семилѣтній витязь, ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нассавскаго въ долговременномъ, кровопролитномъ бореніи за свободу Голландской Республики. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Ододуровъ, высланный Княземъ Михаиломъ, и 2300 Россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя подъ одними знаменами съ Шведами и наемниками ихъ, Французами, Англичанами, Шотландцами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 разноземцевъ, большею частію людей безъ отечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода, куда звали Делагарди и Генераловъ его для свиданія съ Княземъ Шуйскимъ.... г. 1609.

Тамъ сіи два Полководца, оба юные, привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ. «Князь Михаилъ» — пишетъ современный Шведскій Историкъ (376) — «имѣлъ 23 года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ. Делагарди сказалъ ему, что Королю извѣстны всѣ ухищренія Ляховъ; что онъ прислалъ рать и готовитъ еще сильнѣйшую для вспоможенія Россіи, желая благоденствія Царю и народу ея, а врагамъ ихъ желая гибели. Князь Михаилъ, кланяясь, опустилъ руку до земли; изъявлялъ благодарность; увѣрялъ, что Россія усердна къ Царю и волнуема только малымъ числомъ измѣнниковъ, коихъ легко одолѣть единодушнымъ дѣйствіемъ союзниковъ. Разсуждали, какъ дѣйствовать, и съ чего начать. Делагарди требовалъ впередъ жалованья войску: Князь Шуйскій обѣщалъ немедленно выдать 8000 рублей, 5000 деньгами и 3000 соболями; утвердилъ (4 Апрѣля) Выборгскій договоръ, и самъ проводилъ Делагарди до воротъ крѣпости.»

Грязи и разлитіе рѣкъ мѣшали походу. Шведскій Военачальникъ хотѣлъ ждать просухи, и для безопаснаго сообщенія съ Ливоніею и Финляндіею, заняться прежде всего осадою Копорья, Ивангорода и Ямы, гдѣ царствовала измѣна: Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до прибытія Шведовъ, Воевода Осининъ ходилъ изъ Новагорода съ Дѣтьми Боярскими и Козаками къ мятежному Пскову, разбилъ тамошнихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять городъ (377); но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ частныхъ, и склонилъ Делагарди немедленно итти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и Шведскій Генералъ Эвертъ Горнъ вступили въ Русу, гнали измѣнниковъ и Ляховъ до уѣзда Торопецкаго, одержали (25 Апрѣля) побѣду надъ Керносицкимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ (378). Порховъ, Торопецъ сда-

г. 1609. лися мирно — и Торжекъ другому Воеводѣ, Чоглокову. Узнавъ, что Панъ Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій ([379]) съ тремя тысячами измѣнниковъ и Ляховъ идутъ изъ Твери на Чоглокова, Князь Михаилъ отрядилъ туда Головина и Горна: имѣя не болѣе двухъ тысячь воиновъ, они сразились съ непріятелемъ; Чоглоковъ сдѣлалъ вылазку, и Зборовскій, послѣ дѣла кровопролитнаго, отступилъ къ Твери.

Самъ Князь Михаилъ, отпѣвъ молебенъ въ Софійскомъ храмѣ, исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній, вывелъ (10 Мая) главную рать. Новгородъ, нѣкогда *Великій*, столь многолюдный и воинственный, далъ ему все, что могъ: тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ ([380])! Но войско Россійское усилилось въ Торжкѣ (24 Іюня) новыми дружинами: Князь Борятинскій, Воевода усердный и мужественный, привелъ туда 3000 Дѣтей Боярскихъ и земледѣльцевъ изъ Смоленскихъ Уѣздовъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму ([381]). Союзники спѣшили къ Твери: тамъ засѣли Зборовскій и Керносицкій, бывъ подкрѣплены Тушинскимъ войскомъ. Ляхи и Россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно, во время сильнаго дождя, который препятствовалъ дѣйствію пальбы: непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло Шведовъ, обратилъ Французовъ въ бѣгство; Нѣмцы, Финляндцы, Россіяне также дали тылъ, и хотя правое крыло, гдѣ начальствовалъ Делагарди, имѣло выгоду и втѣснило Ляховъ въ городъ; хотя самъ Воевода Зборовскій раненный едва спасся отъ плѣна: но союзники отступили. Дождь лилъ цѣлыя сутки. Въ слѣдующую ночь, когда Ляхи безпечно спали въ Острогѣ, Князь Михаилъ тихо приближился, напалъ и взялъ его безъ урона: восходящее солнце освѣтило тамъ Царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ ([382]). Юный Полководецъ Россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательности за мужество Шведовъ ([383]), которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и Ляхи заключились; но Князь Михаилъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить сѣчу кровопролитную и ненужную: ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ или бѣжитъ. Чрезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи и клевреты ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами ([384]). г. 1609. Такимъ образомъ Князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ всѣ мѣста отъ Новогородскихъ до Московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска Царскаго. Доселѣ онъ могъ быть доволенъ Шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему Духовенству, Боярамъ, Дворянамъ и купцамъ ([385]), что онъ готовъ всѣми силами дѣйствовать для защиты ихъ *древней Греческой Вѣры, вольности и льготы,* — для истребленія Польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ Цари съ умысломъ изгубить знатнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего отечества ([386]). Делагарди уклонялся отъ всякаго сношенія съ Ляхами, и въ отвѣтъ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 Іюня) къ Шведскимъ Генераламъ о правахъ мнимаго Димитрія, сказалъ: «мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ» ([387]). Тщетно и лазутчики Зборовскаго старались возмутить союзное войско: ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буйность. Оставивъ Тверь и Шведовъ позади себя, Князь Михаилъ шелъ къ столицѣ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идутъ не за нимъ, а назадъ къ Новугороду! Сія неожидаемая измѣна была слѣдствіемъ мятежа. Выступивъ изъ Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотятъ итти въ глубину Россіи на вѣрную гибель; что имъ не выдано полнаго жалованья; что вѣроломство Московскаго народа всѣмъ извѣстно; что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома ([388]). Французы, Нѣмцы, наконецъ и Шведы также взволновались; не слушались Генераловъ; бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечь, грозилъ — и долженъ былъ уступить мятежникамъ, чтобы не остаться Военачальникомъ безъ войска: онъ самъ повелъ ихъ къ Шведской границѣ ([389]), для прикрытія бунта жалуясь, что Россіяне не исполняютъ договора: не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный Князь Михаилъ спѣшилъ удержать союзниковъ нужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Ододурова съ убѣжденіемъ не измѣнять чести, не срамить имени Шведскаго, не выдавать друзей, въ то время, когда непріятель, болѣе раздраженный, нежели ослаблен-

г. 1609. ный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: Генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу на канунѣ величайшей для него опасности и славы (390). Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связуются съ происшествіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ Лаврою(391): разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣплялъ Зборовскаго, чтобы отразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры (392): защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись, и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска (393) и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣти Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила (394). Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ: Лжедимитрій усилилъ его и частію Тушинской рати, велѣвъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому, что они торжествуютъ побѣды; что Шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подъѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: Бояринъ Салтыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ (395): оба увѣряли, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитрія, и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: «Не мы ли были съ Шереметевымъ, а теперь служимъ Димитрію? Кого еще ждете? Все у ногъ Іоаннова сына — и если одни будете противиться, то немедленно увидите здѣсь Царя гнѣвнаго со всѣмъ Литовскимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, для казни вашего ослушанія.» Имъ отвѣтствовали г. 1609. единогласно, люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ): «Всевышній съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, чтобы мы вамъ вѣрили? скажите, что Князь Михаилъ подъ Тверію тѣлами Литовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и восхвалимъ Бога! Ложь не побѣда: идите съ мечемъ на мечь, и Господь разсудитъ виновнаго съ правымъ!» Такъ еще мужались сіи Герои вѣрности, числомъ уже не болѣе двухъ сотъ (396)! Сапѣга не могъ медлить, однакожь дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители, которую сей гордый Ляхъ, шутя надъ нимъ и Лисовскимъ, уподоблялъ *лукну* и *гнѣзду воронъ* (397). Зборовскій приступилъ ночью, стрѣлялъ, убилъ одну женщину на стѣнѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Вѣроятно, что непріятель хотѣлъ въ сію ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова (398), а самъ, не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева (399), сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: «Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи, и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавишь Государство, то какой хвалы сподобишься отъ насъ и добрыхъ Россіянъ! какого веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ Державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на свою душу.» (400). — За вѣстію радостною слѣдовала другая: Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ

г. 1609.

([401]). Имѣя едва ли тысячь десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Генераломъ Зоме ([402]), Князь Михаилъ рѣшился однакожь встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличились мужествомъ; втоптали непріятеля въ болота, и дали время Князю Михаилу изготовиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные Россіяне, призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что утомленные Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями ([403]), не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и Лавры и Москвы — и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечества, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сносился съ городами сѣверными, принималъ отъ нихъ дары, казну и воиновъ ([404]); поручилъ Генералу Зоме устроеніе дружинъ, образованіе людей неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ ([405]): Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями ([406]), и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вокругъ себя города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемъ Княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедимитрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждалъ отъ измѣны и голода: взять Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа.

Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.

Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надо всею Тушинскою силою ([407]). Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными ([408]), напали на измѣнниковъ и Ляховъ.

Побѣда Царскаго войска.

Зачался бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева ([409]). Сей

г. 1609. Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области (410); мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но недовольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ (411). — Въ тоже время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители Владиміра снова присягнули Царю — всѣ, кромѣ Воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедимитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ Государства, убилъ каменьемъ, и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Воеводъ Царскихъ (412).

Уже безъ легкомыслія можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало: царство закона возстановлялось. Образовались полки вѣрныхъ — стремились къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружія. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино.... и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченіи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войско Московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми Царевичами: Августомъ, *Осиновикомъ* и Лавромъ; первый назывался сыномъ, вторый и третій внуками Іоанна Грознаго (413). «Злодѣи рабскаго племени» — говоритъ Лѣтописецъ — «холопи, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись одинъ за другимъ подъ именемъ Царевичей, даже небывалыхъ, и надѣялись властвовать въ ней, какъ союзники и ближніе Тушинскаго злодѣя» (414). Но сами Козаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Московской дорогѣ, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ ними.

Три Самозванца.

г. 1609. Въ опасностяхъ не теряя дерзости — еще имѣя тысячь шестьдесятъ или болѣе сподвижниковъ — еще властвуя надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астрахани (415), предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ — Самозванецъ тревожилъ нападеніями слободы Московскія (416), перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода его, Ляхъ Млоцкій, побилъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ спѣшилъ изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной (417); съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ Князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Житницы Авраміевы истощились (418), и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунтовала; съ шумомъ стремилась въ Кремль; осаждала дворецъ; кричала: «хлѣба! хлѣба! или да здравствуетъ Тушинскій!».... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною (419): сквозь разъѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы.

Новый мятежъ въ Москвѣ.

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человѣкъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Сапѣгиной рати (420). 16 Сентября пришелъ наконецъ и

г. 1609. Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбію Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность ([421]). Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября Князь Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ; оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣтили, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и заняли Александровскую Слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще напоминало его время: дворецъ, пять богатыхъ храмовъ ([422]), чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ ([423]). Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову ([424]). Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Слобода Александровская.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутомимыхъ воителей еще уменшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ ([425]), хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, встревоженный близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій Слободы ([426]). Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Россіяне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки ([427]). Къ счастію Князя Михаила, главные Вожди Польскіе, Гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единодушными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ безполезные приступы къ Лаврѣ ([428]), почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умножалось. г. 1609. Побѣда надъ Сапѣгою.

Уже Слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля ([429]), Бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою ратію, Князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи ([430]). Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе. Любовь къ Князю Михаилу.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и

г. 1609. славою : не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію (431); а мысль о новомъ Царѣ была мыслію о Князѣ Михаилѣ — и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова (432), измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, именемъ Россіи, предложилъ Царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами (433). Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе : не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ, и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы : сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и Царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце ; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась.

Предлагають вѣнецъ Герою.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальскаго, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу ; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татаръ Юртовскихъ г. 1609. (434). Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитріевъ: вѣрные Дѣти Боярскіе имѣли время спастися, а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь. — Между тѣмъ разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ, и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка (435) : выступилъ Князь Дмитрій Пожарскій, уже знаменитый, — встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно истребилъ его злую шайку ; осталося только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску. — Изъ Слободы Князья Лыковъ и Борятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его незапно, въ темную ночь : тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо : они уклонились отъ битвы (436).

Разбои.

Пожарскій.

Въ то время, когда Князь Михаилъ, умножая, образуя войско, и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединялась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедимитрія — въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ!.... Обращаемся къ Сигизмунду (437). Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться : оказалось, что сіе вѣроломное нападеніе было для Василія лучшимъ средствомъ изба-

Осада Смоленска.

г. 1609. виться отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятью тысячами Козаковъ Запорожскихъ (438); расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ (439), и послалъ Универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнитъ Россію за Годунова и *другихъ* властолюбцевъ, которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспаляя междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскимъ Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью (440). За мирное подданство Сигизмундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: «мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять Государю нашему, Василію Іоанновичу, а тебѣ, Литовскому Королю, и твоимъ Панамъ не раболѣпствовать во вѣки» (441). Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: «Не оставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: ибо Король обманываетъ ихъ вольностію; но мы будемъ стоять усердно.» Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ г. 1609. нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или не достигали вершины косорога, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Аврамовскія ворота, но не могли вломиться въ крѣпость (442). 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные: ибо Россіяне, имѣя *слухи* (443) или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ (444). Историки Польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость. Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ, терялъ время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ.

Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки Запорожцевъ, служа Королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями Сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію (445). «Чего хочетъ Сигизмундъ?» говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ: «лишить насъ славы и возмездія за труды; взять

г. 1609.

даромъ, что мы въ два года пріобрѣли своею кровію и побѣдами! Сѣверская земля есть наша собственность: изъ ея доходовъ Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье — и кто же въ ней теперь властвуетъ? новые пришельцы, богатѣя грабежемъ; а мы остаемся въ бѣдности, съ однѣми ранами!» Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими [446]. Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ своими товарищами новый союзъ [447]: они клялися умереть или воцарить Лжедимитрія, назвалися Конфедератами, и послали сказать Сигизмунду:

Распри между Сигизмундомъ и Конфедератами.

«Если сила и беззаконіе готовы исхитить изъ нашихъ рукъ достояніе меча и геройства, то не признаемъ ни Короля Королемъ, ни отечества отечествомъ, ни братьевъ братьями»[448]! Рожинскій писалъ къ своему Монарху: «Ваше Величество все знали, и единственно намъ предоставляли кончить войну за Димитрія, еще болѣе для Республики, нежели для насъ выгодную; но вдругъ, неожиданно, вы являетесь съ полками, отнимаете у него землю Сѣверскую, волнуете, смущаете Россіянъ, усиливаете Шуйскаго и вредите дѣлу, уже почти совершенному нами!... Сія земля нашею кровію увлажена, нашею славою блистаетъ. Въ сихъ могилахъ, отъ Днѣпра до Волги, лежатъ кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ..... Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе всѣ мы, остальные, положимъ также свои головы.... и врагъ Димитрія, кто бы онъ ни былъ, есть нашъ непріятель!» Гетману Жолкѣвскому говорили Послы Конфедератовъ: «Издревле витязи Республики, рожденные въ нѣдрахъ златой свободы, любили искать воинской славы въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ мечемъ, *истиннымъ Марсовымъ раломъ, воздѣлывали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь и корысть.* Сколь же горестно намъ видѣть противниковъ въ единоземцахъ и братьяхъ! Въ сей горести простираемъ руки къ тебѣ, Гетману отечественнаго воинства, нашему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни Сенату, блюстителю законовъ и свободы, чего мы требуемъ справедливо: да удержитъ Сигизмунда.».... Тутъ Паны и Дворяне Королевскіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли Посламъ удалиться, язвительно издѣвались надъ ними; спрашивали въ насмѣшку о здоровьѣ *ихъ Государя Димитрія*, о второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи [449] — и дали имъ, отъ имени Сигизмундова, слѣдующій отвѣтъ письменный: «Вамъ надлежало не посылать къ Королю, а ждать его Посольства: тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ въ Россію. Отечество наше конечно славится рѣдкою свободою; но и свобода имѣетъ законы, безъ коихъ Государство стоять не можетъ. Законъ Республики не дозволяетъ воевать и Королю безъ согласія Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди частные, своевольнымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго изъ враговъ ея: вами озлобленный, Шуйскій мститъ ей Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь побѣдами; но вы еще среди непріятелей сильныхъ .... Идите и скажите своимъ клевретамъ, что искать славы и корысти беззаконіемъ, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дѣло не гражданъ свободныхъ, а людей дикихъ и хищныхъ» [450].

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ и Государствомъ, а двѣ особенныя Державы находятся въ жаркомъ прѣніи между собою и грозятъ другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣкоторою твердостію, Сигизмундъ не думалъ однакожь быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ: развѣдывалъ, что дѣлается въ Лжедимитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими, дѣйствовать за-одно съ Королевскимъ войскомъ,— и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609) Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збараскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною [451]. Онъ предписалъ имъ, что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія [452], но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ

Посольство Королевское въ Тушино.

г. 1609. выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патріарху, Духовенству, Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, въ коей, уже снимая съ себя личину, вызывался прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его Державной власти, и Королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего богослуженія и всѣхъ уставовъ священныхъ (453). Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ служащимъ мнимому Димитрію; а къ Самозванцу писали только Сенаторы, называя его въ титулѣ *Яснѣйшимъ Княземъ*, и прося оказать Посламъ достойную честь изъ уваженія къ Республикѣ, не сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій.

Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разъѣздами Воеводъ Царскихъ (454), умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію: Стадницкій и Збарскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло единственно до войска — и, послѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли въ креслахъ: Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что извлекая мечь на Шуйскаго за многія непріятельскія дѣйствія Россіянъ (455), спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды (456). Выслушавъ рѣчь Посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отечество, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. «Согласно ли съ достоинствомъ Короля» — возражали Послы — «имѣть владѣнную грамоту на Россійскія земли отъ того, кому большая часть Россіянъ г. 1609. даетъ имя обманщика (457)? и благоразумно ли проливать за него драгоцѣнную кровь Ляховъ?» Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. «Вспомните» — отвѣтствовали имъ — «что у насъ нѣтъ Перуанскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жалованьемъ обыкновеннымъ; когда же Богъ покоритъ Сигизмунду великую Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется безъ возмездія, хотя вы служили не Государю, не Республикѣ, а человѣку стороннему, безъ ихъ вѣдома и согласія.» О будущей долѣ Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что жь дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, Князя Вишневецкаго (458), и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичь въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и честивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковый часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ Россіянъ Лжедимитріева стана, и вручивъ имъ грамоту Сигизмундову, изъясняли, что хотя Король вступилъ въ Россію съ оружіемъ, но единственно для ея мира и благоденствія, желая утишить бунтъ, истребить безстыднаго Самозванца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуйскаго), освободить народъ, утвердить Вѣру и Церковь. «Сіи люди» — пишетъ Историкъ Польскій (459) — Переговоры съ Тушинскими измѣнниками.

г. 1609. «угнетенные долговременнымъ злосчастіемъ, не могли найти словъ для выраженія своей благодарности: печальныя лица ихъ освѣтились радостію; они плакали отъ умиленія, читали другъ другу письмо Королевское, цѣловали, прижимали къ сердцу начертаніе его руки, восклицая: *не можемъ имѣть Государя лучшаго!*».... Такъ замыселъ Сигизмундовъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ торжественно объявленъ и торжественно одобренъ Россіянами; но какими? Сонмомъ измѣнниковъ: Бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Василіемъ Рубцемъ-Мосальскимъ и клевретами ихъ, вѣроломцами опытными, которые, нарушивъ три присяги [460], и нарушая четвертую, не усомнились предать иноплеменнику и Лжедимитрія и Россію, чтобы спастися отъ мести Шуйскаго, раннимъ усердіемъ снискать благоволеніе Короля и подъ сѣнію новаго царствующаго Дома вкусить счастливое забвеніе своихъ беззаконій! Въ сей думѣ крамольниковъ присутствовалъ, какъ пишутъ, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ [461], ея невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, Послы въ тоже время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ Монархомъ: доставили ему грамоту Королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возвратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую: чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, если бы Россіяне не захотѣли измѣнить своему Вѣнценосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма Королевскія къ Духовенству, Боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ презрѣнія: обнародовалъ только его вѣроломство и козни [462], чтобы исполнить негодованія сердца Россіянъ. Москва была спокойна; а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размышленіе, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинскаго и главныхъ Воеводъ присоединиться къ Королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась къ Василію [463]: условились до времени терпѣть въ станѣ мнимое господство Лжедимитріево для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлію низвергнуть Шуйскаго. г. 1609. Но ослѣпленіе и спокойство бродяги уже исчезли: угадывая или свѣдавъ замышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что дѣлаютъ въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и для чего къ нему не являются? Гетманъ нетрезвый забылъ лицемѣріе: отвѣчалъ бранью, и даже поднялъ руку [464]. Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; кинулся къ ея ногамъ; сказалъ ей: «Гетманъ выдаетъ меня Королю; я долженъ спасаться: прости» — и ночью (29 Декабря), надѣвъ крестьянское платье, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства: ибо царство злодѣя еще не кончилось! Бѣгство Лжедимитрія.

На разсвѣтѣ узнали въ Тушинскомъ станѣ, что мнимый Димитрій пропалъ: всѣ изумились. Многіе думали, что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку [465]. Сдѣлалось ужасное смятеніе: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ этамана разбойниковъ [466]. Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гетману, требуя своего Димитрія, и въ тоже время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а твердостію и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы: одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву [467]; знатнѣйшіе пристали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомѣрію и твердости въ злосчастіи; видя себя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей Гетмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ; хотѣла жить или умереть Царицею; отвѣтствовала своему дядѣ, Пану Стадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою: «Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но правосу- Высокомѣріе Марины.

г. 1609. діе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками» (468). Она писала къ Королю: «Счастіе меня оставило, но не лишило права Властительскаго, утвержденнаго моимъ Царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною присягою Россіянъ;» желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова — жлала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ (469).

г. 1610. Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій: онъ уѣхалъ въ Калугу; сталъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Инокамъ объявить ея жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ Латинство, но получивъ отказъ, склонилъ Гетмана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ, достойнымъ гражданамъ знаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россіи, или погибнуть славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры (470). Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ сподвижниковъ Атамана Болотникова: они съ усердіемъ встрѣтили злодѣя, какъ Государя законнаго, ввели въ лучшій домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ (471), Князь Григорій Шаховскій, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовой рати (472). Составились дружины тѣлохранителей и воиновъ, Дворъ и Правительство, достойное Лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ злодѣйства было истребленіе Ляховъ и Нѣмцевъ за непріятельскія

Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. дѣйствія Сигизмунда и Шведовъ (473): ихъ убивали, вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россіянами, во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцевъ иноземныхъ на пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Калугѣ утопили бывшаго Воеводу ея, Ляха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжедимитріемъ въ измѣнѣ (474). Тамъ же истерзали и добраго Окольничаго, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василіева. Взявъ его въ г. 1610. плѣнъ (475), свергнули съ башни, и еще живаго кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности утонулъ въ глазахъ отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана и другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хваляся особенно ненавистію ко всему не-Русскому, и говоря, что когда будетъ Царемъ на Москвѣ, то не оставитъ въ живыхъ ни единаго иноплеменника, ни груднаго младенца, ни зародыша въ утробѣ матери (476)! И кровію Ляховъ обагренный, тогда же искалъ въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы (477): Самозванецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую клятву въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные Послы его, Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ (478): они внушали Ляхамъ и Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и милліоны готовые. Люди, сколько нибудь благоразумные, не слушали (479); но бродяги, грабители снова взволновались, и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятеніемъ, явилась между воинами съ растрепанными волосами, съ лицемъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами; не упрекала, но трогала, видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненнаго къ нимъ любви и благодарности: не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные, — не обольщаться Королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженною и слѣдственно ненадежною; ходила изъ ставки въ ставку; каждаго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ (480). Все было въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, краснорѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: «Послы Королевскіе насъ обманули и разлучили съ Димитріемъ! Гдѣ тотъ, за кого мы умирали? Отъ кого будемъ требовать награды?» Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляховъ; но Донцы сѣли на коней

Волненіе въ Тушинѣ.

г. 1610. и выступили полками изъ Тушина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи (481) и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершеннаго успѣха въ намѣреніи взбунтовать Тушинскій станъ, и боясь мести Гетмана, Марина, въ одеждѣ воина, съ лукомъ и туломъ за плечами, ночью, въ трескучій морозъ ускакала верхомъ къ мужу, провождаемая только слугою и служанкою (482). Поутру нашли въ ея комнатахъ слѣдующее письмо къ войску: «Безъ друзей и ближнихъ, одна съ своею горестію, я должна спасать себя отъ наглости моихъ мнимыхъ защитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ пировъ, клеветники гнусные равняютъ меня съ женами презрительными, умышляютъ измѣну и ковы. Сохрани Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать мною и выдать меня человѣку, которому ни я, ни мое Царство не подвластны! Утѣсненная и гонимая, свидѣтельствуюсь Всевышнимъ, что не престану блюсти своей чести и славы, и бывъ Властительницею народовъ, уже никогда не соглашусь возвратиться въ званіе Польской Дворянки. Надѣясь, что храброе воинство не забудетъ присяги, моей благодарности и наградъ ему обѣщанныхъ, удаляюсь» (483). Сіе письмо читали всенародно въ Тушинѣ благопріятели Марины и произвели желаемое дѣйствіе: новый мятежъ, еще сильнѣйшій прежнихъ. Неистовые, съ обнаженными саблями окруживъ ставку Гетмана, вопили: «Злодѣй! Ты выгналъ злосчастную Марину твоею буйностію, въ чаду высокоумія и пьянства! Ты, вѣроломецъ, подкупленный Королемъ, чтобы обманомъ вырвать изъ нашихъ рукъ казну Московскую! Возврати намъ Димитрія, или умри, измѣнникъ!» Стрѣляли изъ пистолетовъ; хотѣли дѣйствительно убить Рожинскаго, выбрать инаго начальника (484) и немедленно итти къ Самозванцу; но снова одумались, примирились съ неустрашимымъ Гетманомъ и дали ему слово ждать отвѣта Королевскаго. «Ни за что не ручаюсь» — писалъ Рожинскій къ Сигизмунду — «если Ваше Величество не благоволите удовлетворить желаніямъ войска и Бояръ Московскихъ, съ нами соединенныхъ» (485).

11 Февраля. Бѣгство Марины.

Сіи желанія или требованія были объявлены Королю Послами Россіянъ и Ляховъ Тушинскихъ. Въ числѣ сорока-двухъ первыхъ находились Михайло Салтыковъ и сынъ его Иванъ, Князья Рубецъ-Мосальскій и Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Молчановъ (тотъ самый (486), который въ Галиціи выдавалъ себя за Димитрія), Дьяки Грамотинъ, Андроновъ, Чичеринъ, Апраксинъ и многіе Дворяне. Сигизмундъ принялъ ихъ (31 Генваря) съ великою пышностію, сидя на престолѣ, въ кругу Сенаторовъ и знатныхъ Пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ Королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ его и Дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчислилъ всѣхъ нашихъ Государей отъ Рюрика до Іоанна и Θеодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего православія и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ Бояринъ Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ — не Сигизмунду, но юному Королевичу Владиславу (487); а Грамотинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ, безопасности, благоденствія обѣихъ Державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ Владислава. Литовскій Канцлеръ, Левъ Сапѣга, отвѣтствовалъ, что Сигизмундъ благодаритъ за оказываемую ему честь и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россійской Державы и Церкви, и назначитъ Сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ столь важномъ. г. 1610.

Посольство Тушинское къ Королю.

Переговоры начались немедленно, и Послы измѣнниковъ Тушинскихъ сказали Сенаторамъ: «Съ того времени, какъ смертію Іоаннова наслѣдника извелося Державное племя Рюриково, мы всегда желали имѣть одного Вѣнценосца съ вами: въ чемъ можетъ удостовѣрить васъ сей Думный Бояринъ, Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, зная всѣ тайны государственныя. Препятствіемъ были грозное властвованіе Борисово, успѣхи Лжедимитрія, беззаконное воцареніе Шуйскаго и явленіе втораго Самозванца, къ коему мы пристали, не вѣря ему, но отъ ненависти къ Василію, и только до времени. Обрадованные вступленіемъ Короля въ Россію, мы тайно снеслися съ людьми знатнѣйшими въ Москвѣ, свѣдали ихъ единомысліе съ нами и давно прибѣгнули бы къ Сигизмунду, если бы Ляхи Лжедимитріевы тому не противились. Нынѣ же, когда Вожди и войско готовы повиноваться законному Монар-

г. 1610. ху, объявившему намъ чистоту своихъ намѣреній, — нынѣ смѣло убѣждаемъ Его Величество дать намъ сына въ Цари: ибо ему самому, Государю иной великой Державы, не льзя оставить ее, ни управлять Московскою чрезъ Намѣстника. Вся Россія встрѣтитъ Царя вождел҄ѣннаго съ радостію; города и крѣпости отворятъ врата; Патріархъ и Духовенство благословятъ его усердно. Только да не медлитъ Сигизмундъ; да идетъ прямо къ Москвѣ и подкрѣпитъ войско, угрожаемое превосходными силами Скопина и Шведовъ. Мы впереди: укажемъ ему путь и средства взять столицу; сами свергнемъ, истребимъ Шуйскаго, какъ жертву, уже давно обреченную на гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждаемый съ такимъ усиліемъ тягостнымъ, доселѣ безполезнымъ — тогда и все Государство послѣдуетъ нашему примѣру.» Но, боясь ли, какъ пишутъ, ввѣрить судьбу шестнадцатилѣтняго Королевича народу ославленному строптивостію и мятежами (488), или отъ личнаго властолюбія не расположенный уступить Московское Царство даже и сыну, Сигизмундъ изъяснился двусмысленно. Сенаторы его отвѣтствовали измѣнникамъ, что *если* Всевышній благословитъ доброе желаніе Россіянъ; *если* грозныя тучи, висящія надъ ихъ Державою, удалятся, и тихіе дни въ ней снова возсіяютъ; *если*, въ мирѣ и согласіи, Духовенство, Вельможи, войско, граждане всѣ единодушно захотятъ Владислава въ Цари: то Сигизмундъ конечно удовлетворитъ ихъ общей волѣ — и готовъ итти къ Москвѣ, какъ скоро Тушинская рать къ нему присоединится.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Послы требовали, чтобы Владиславъ принялъ нашу Вѣру: имъ сказали, что Вѣра есть дѣло совѣсти и не терпитъ насилія; что можно внушать и склонять, а не велѣть. «Сіи люди» — говоритъ Польскій Историкъ (489) — «мало заботились о правахъ и вольностяхъ государственныхъ: твердили единственно о Церкви, монастыряхъ, обрядахъ; только ими дорожили, какъ главнымъ, существеннымъ предметомъ, необходимымъ для ихъ мира душевнаго и счастія.» Именемъ Королевскимъ Сенаторы писменно утвердили неприкосновенность всѣхъ нашихъ священныхъ уставовъ и согласились, чтобы Королевичь, *если* Богъ дастъ ему Государство Московское, былъ вѣнчанъ Патріархомъ; обязались также соблюсти цѣлость Россіи, ея законы и достояніе людей частныхъ (490); а Послы клялися оставить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно служить Государю Владиславу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить отцу его (491). Въ тоже время Король писалъ къ Сенату, что Москва въ смятеніи, и Князь Михаилъ въ раздорѣ съ Василіемъ; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владѣнія Республики и завоевать часть Россіи или всю Россію (492)! Не могли Салтыковъ и клевреты его быть слѣпыми: они видѣли, что Король готовитъ Царство себѣ, а не Владиславу; знали, что и Владиславъ не могъ ни въ какомъ случаѣ принять нашего Закона: но ужасаясь близкаго торжества Василіева, какъ своей гибели, и давно погрязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились предать отечество изъ рукъ низкаго Самозванца въ руки Вѣнценосца иновѣрнаго; предлагали условія единственно для ослѣпленія другихъ Россіянъ, и лицемѣрно восхищаясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громогласно благодарили его и плакали отъ радости (493). Пировали, обѣдали у Короля, Гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, Король пилъ за здравіе Пословъ: они пили за здравіе Царя Владислава. Написали грамоты къ Воеводамъ городовъ окрестныхъ, славя великодушіе Сигизмунда, убѣждая ихъ присягнуть Королевичу, соединиться съ братьями Ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддалися Царю новому, мнимому (494). Но знаменитый Шеинъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славѣ и бѣдствію Королевскаго войска, истребляемаго трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ, и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

г. 1610. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ.

Довольный Тушинскими Россіянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ Тушинскими Ляхами, коихъ Послы снова требовали милліоновъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское Государство, далъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а мужу ея Княжество особенное (495). Опасаясь раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣйствія, Король обѣщалъ уступить имъ доходы земли Сѣверской и Рязанской, милостиво надѣлить Марину и Лжеди-

г. 1610 митрія, если они смирятся, и немедленно прислать въ Тушино Вельможу Потоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы истребить или прогнать Князя Михаила, стѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ Конфедератовъ: не вѣрили обѣщаніямъ; ждали денегъ — а Сигизмундъ медлилъ, и морилъ людей подъ стѣнами Смоленска; не присылалъ ни серебра, ни войска къ мятежникамъ: ибо его любимецъ, Потоцкій, къ досадѣ Гетмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадою, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не утратить выгодъ временщика.

Вѣсти Калужскія еще болѣе взволновали Конфедератовъ: тамъ Лжедимитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги ([496]), и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ отцу. «Царица Московская» – сказала Марина – «не будетъ жалкою изгнанницею въ домѣ родительскомъ» — и взявъ у Сапѣги Нѣмецкую дружину для безопасности, прискакала къ мужу, который встрѣтилъ ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ, восхищеннымъ ея красотою въ убранствѣ юнаго витязя ([497]). Калуга веселилась и пировала; хвалилась призракомъ Двора, многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ, — а Тушинскіе Ляхи терпѣли голодъ и холодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ въ осадѣ, или, толпами выѣзжая на грабежъ, встрѣчали пули и сабли Царскихъ или Михаиловыхъ отрядовъ. Кричали, что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило ихъ и счастіе; что въ Тушинѣ бѣдность и смерть, въ Калугѣ честь и богатство; не слушали новыхъ Пословъ Королевскихъ ([498]), прибывшихъ къ нимъ только съ ласковыми словами; кляли измѣну своихъ Предводителей и козни Сигизмундовы; хотѣли грабить станъ и съ сею добычею итти къ Самозванцу. Но Гетманъ, въ послѣдній разъ, обуздалъ буйность страхомъ.

Марина въ Калугѣ.

Уже Князь Михаилъ дѣйствовалъ. Войско его умножилось, образовалось. Пришло еще 3000 Шведовъ изъ Выборга и Нарвы ([499]). Готовились итти прямо на Сапѣгу и Рожинскаго, но хотѣли озаботить ихъ и съ другой стороны: послали Воеводъ Хованскаго, Боратинскаго и Горна ([500]), занять южную часть Тверской и сѣверную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщенію Конфедератовъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ чиновникъ Волуевъ съ пятью стами ратниковъ долженъ былъ осмотрѣть вблизи укрѣпленія Сапѣгины. Онъ сдѣлалъ болѣе: ночью (Генваря 4) вступилъ въ Лавру, взялъ тамъ дружину Жеребцова ([501]), утромъ напалъ на Ляховъ и возвратился къ Князю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ вѣстію о слабости непріятеля. Войско ревностно желало битвы, надѣясь поразить Сапѣгу и Гетмана отдѣльно. Но дерзость перваго уже исчезла: будучи въ несогласіи съ Рожинскимъ, оставивъ Лжедимитрія и еще не приставъ къ Королю, едва ли имѣя 6000 сподвижниковъ ([502]), изнуренныхъ болѣзнями и трудами, Сапѣга увидѣлъ поздно, что не время мыслить о завоеваніи монастыря, а время спасаться: снялъ осаду (12 Генваря) и бѣжалъ къ Дмитрову. Иноки и воины Лавры не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на сіе бѣгство врага, столь долго упорнаго ([503])! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнниковъ и Ляховъ; нашли тамъ множество запасовъ и даже не мало вещей драгоцѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвратится — и чрезъ восемь дней послали наконецъ Инока Макарія со Святою водою въ Москву, объявить Царю, что Лавра спасена Богомъ и Княземъ Михаиломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ тѣсномъ облежаніи. Уже сіяя не только святостію, но и славою рѣдкою — любовію къ отечеству и Вѣрѣ преодолѣвъ искусство и число непріятеля, нужду и язву — обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной — Лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственно оружія и хлѣба, чтобы сражаться; но союзники ихъ, Шведы, требовали денегъ: Иноки Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны монастырской ([504]). — Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ Куракинъ съ Россіянами и Шведами выступилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову ([505]), и подъ стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Началось кровопролитное дѣло, въ коемъ Россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу Шведовъ, судей непристрастныхъ; побѣдили, взяли знамена, пушки, городъ Дми- г. 1610.

Успѣхи Князя Михаила.

Освобожденіе Лавры.

г. 1610. тровъ, и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ мѣстахъ опустошенныхъ войною и разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ судьбѣ ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ Королю или Лжедимитрію, смотря по обстоятельствамъ (506).

Бѣгство Сапѣги.

До сего времени Сапѣга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и Слободою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ его — свѣдавъ тогда же, что Воеводы, отряженные Княземъ Михаиломъ (507), заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому — Конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ вблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасомъ, изъявили покорность Гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго стана, чтобы итти къ Королю. Измѣнники, клевреты Салтыкова, соединились съ Ляхами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Самозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города (508), надѣясь на милосердіе Василіево или свою неизвѣстность, — и чрезъ нѣсколько часовъ остался только пепелъ въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ Царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами Князя Михаила, изгнанный изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской Обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семъ дѣлѣ (509) освободилъ знаменитаго плѣнника, Филарета), Рожинскій, Князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силъ и горести кончилъ бурную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на измѣну счастія, безуміе втораго Лжедимитрія, крамольный духъ сподвижниковъ и медленность Сигизмундову: Полководецъ искусный, какъ увѣряютъ его единоземцы (510), или только смѣлый наѣздникъ и грабитель, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. Смерть начальника рушила составъ войска: оно разсѣялось; толпы бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжедимитрію и Сапѣгѣ, который сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ еще изобильныхъ хлѣбомъ (511), и предлагалъ своему Государю условія для вѣрной ему службы, сносяся и съ Калугою. — Такъ исчезло

Опустѣніе Тушина.

главное, страшное ополченіе удальцевъ г. 1610. и разбойниковъ чужеземныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Россійскихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ остановлено великодушнымъ усиліемъ добрыхъ Россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіями грубой Политики Сигизмундовой!.... Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ Атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками Козаковъ и вольницы, держался еще нѣсколько времени въ Суздалѣ, но весною ушелъ (512) оттуда въ мятежный Псковъ, разграбивъ на пути монастырь Колязинскій, гдѣ честный Воевода, Давидъ Жеребцовъ, палъ въ битвѣ. Наконецъ вся внутренность Государства успокоилась.

Дѣло Князя Михаила.

Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ дѣлѣ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ оставивъ Царя почти безъ Царства, войско въ оцѣпенѣніи ужаса, среди враговъ и предателей — находивъ вездѣ отчаяніе или зложелательство, но умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣтельною ревностію, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, возстановить цѣлость Россіи отъ Запада до Востока, разсѣять сонмы непріятелей многочисленныхъ и взять одною угрозою крѣпкіе, годовые ихъ станы — Князь Михаилъ двинулся изъ Лавры, имъ освобожденной, къ столицѣ, имъ же спасенной, чтобы вкусить сладость добродѣтели, увѣнчанной славою.

Торжественное вступленіе Героя въ Москву. 2 Марта.

Россіяне и Шведы, одни съ веселіемъ, другіе съ гордостію, шли какъ братья, Воеводы и воины, на торжество рѣдкое въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знатнымъ чиновникамъ встрѣтить Князя Михаила: народъ предупредилъ чиновниковъ (513); стѣснилъ дорогу Троицкую; поднесъ ему хлѣбъ и соль, *билъ челомъ* за спасеніе Государства Московскаго, давалъ имя *отца отечества*; благодарилъ и сподвижника его, Делагарди. Василій также благодарилъ обоихъ, съ слезами на глазахъ, съ видомъ искренняго умиленія. Казалось, что одно чувство всѣхъ одушевляло, отъ Царя до послѣдняго гражданина. Москва, бывъ еще не давно столицею безъ Государства, окруженная непріятельскими владѣніями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру не знавъ, кого утреннее солнце освѣтитъ въ ней на престолѣ, законнаго ли Вѣнценосца Россійскаго или бродягу, клеврета разбойниковъ иноземныхъ —

г. 1610. Москва снова возвышала главу надъ обширнымъ Царствомъ, простирая руку къ Ильменю и къ Енисею, къ морю Бѣлому и Каспійскому, — опираясь въ стѣнахъ своихъ на легіоны побѣдоносные, и наслаждаясь спокойствіемъ, славою, изобиліемъ; видѣла въ Князѣ Михаилѣ виновника сей разительной перемѣны и не щадила ни его смиренія, ни его безопасности (514): гдѣ онъ являлся, вездѣ торжествовалъ и слышалъ клики живѣйшей къ нему любви, естественной, справедливой, но опасной: ибо зависть, уже не окованная страхомъ, готовила жало на знаменитаго подвижника Россіи, и раздражаемая симъ народнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе кипѣла ядомъ, въ слѣпой злобѣ не предвидя, что будетъ сама его жертвою! г. 1610.

Еще не спаслось, а только спасалось отечество — и Князь Михаилъ, среди свѣтлыхъ пировъ столицы не упоенный ни честію, ни славою, требовалъ указа Царскаго довершить великое дѣло: истребить Лжедимитрія въ Калугѣ, изгнать Сигизмунда изъ Россіи, очистить южные предѣлы ея, успокоить Государство навѣки, имѣя все для успѣха несомнительнаго: войско, доблесть, счастіе или милость Небесную. Но судьба Шуйскаго противилась такому концу благословенному: не въ его бѣдственное царствованіе отечество наше должно было возродиться для величія!

---

# ГЛАВА IV.

## НИЗВЕРЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ И МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

## Г. 1610 — 1611.

---

**Наушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горесть народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена.**

Въ то время, когда всякой часъ былъ дорогъ, чтобы совершенно избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ — когда всѣ друзья отечества изъявляли Князю Михаилу живѣйшую ревность (515), а Князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе Царю итти въ поле — минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ проискахъ злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, трепетавъ за себя болѣе нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано, — что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный Князь Михаилъ для него опасенъ (516), любимый Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе Царя и явно въ Цари готовимый единомысліемъ народа и войска. Славя Героя, многіе Дворяне и граждане дѣйствительно говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею (517); многіе нескромно уподобляли Василія Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ: какіе-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ Наушники.

г. 1610. Вѣнценосецъ, именемъ *Михаилъ*, назначенный Судьбою умирить Государство: «чрезъ два года благодатное воцареніе Филаретова сына оправдало гадателей,» пишетъ Историкъ чужеземный ([518]); но Россіяне относили мнимое пророчество къ Скопину, и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Дмитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить Державство: ибо шестидесятилѣтній Царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ новорожденной дочери, Анастасіи ([519]). Князь Дмитрій, духомъ слабый ([520]), сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ Царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа Государева ([521]). Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности: велѣлъ умолкнуть брату, — даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, честилъ Героя — но медлилъ снова ввѣрить ему войско! Узнавъ о навѣтахъ, Князь Михаилъ спѣшилъ изъясниться съ Царемъ: говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія ([522]): ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и Думнымъ Боярамъ условиться съ Генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга ([523]): Дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали итти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину ([524]). Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, Княгиня Екатерина — дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова — явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу.... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!.... Москва въ ужасѣ онѣмѣла. г. 1610.

Кончина Скопина-Шуйскаго.

Сію незапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду ([525]), и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости устремился къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго: дружина Царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михаиловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Горесть народная.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, Лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала Князя Михаила столь же неутѣшно, какъ Царя Ѳеодора Іоанновича: любивъ Ѳеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ Вѣнценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михаилова, столь неожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго ([526]): думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслію, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о Героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили

г. 1610. его великолѣпно, какъ бы Державнаго; дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши Вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя ([527]), стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ!.... Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и *милость* безпримѣрную, *увѣтливость*, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца ([528]). Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!

Все перемѣнилось — и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтися, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаиломъ, рушился, и злополучіе Василіево, какъ бы одолѣнное на время Михаиловымъ счастіемъ, снова явилось во всемъ ужасѣ надъ Государствомъ и Государемъ.

Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Надлежало избрать Военачальника: избрали того, кто уже давно былъ нелюбимъ, а въ сіе время ненавидимъ: Князя Дмитрія Шуйскаго. Россіяне вышли въ поле съ уныніемъ и безъ ревности: Шведы ждали обѣщанныхъ денегъ. Не имѣя готоваго серебра, Василій требовалъ его отъ Иноковъ Лавры; но Иноки говорили, что они, давъ Борису 15000, Разстригѣ 30000, самому Василію 20000 рублей, остальною казною едва могутъ исправить стѣны и башни свои, поврежденныя непріятельскою стрѣльбою ([529]). Царь силою взялъ у нихъ и деньги и множество церковныхъ сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, для сплавки. Иноки роптали: народъ изъявлялъ негодованіе, уподобляя такое дѣло святотатству. Одни Шведы, изъявивъ участіе въ народной скорби о Михаилѣ ([530]), ими также любимомъ, казались утѣшенными и довольными, получивъ жалованье — и Делагарди выступилъ въ слѣдъ за Княземъ Дмитріемъ къ Можайску, чтобы освободить Смоленскъ. Ждали еще новыхъ союзниковъ, не бывалыхъ подъ хоругвями Христіанскими: Крымскихъ Царевичей съ г. 1610. толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть къ нимъ нѣсколько дружинъ Московскихъ и вести ихъ къ Калугѣ для истребленія Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть нужду въ такихъ сподвижникахъ! Довольно было силъ: не доставало только человѣка, коего въ бѣдствіяхъ государственныхъ и милліоны людей не замѣняютъ.... Орошая слезами, искренними или притворными, тѣло Михаила, Василій погребалъ съ нимъ свое Державство, и два раза спасенный отъ близкой гибели ([531]), уже не спасся въ третій!

Бунтъ Ляпунова. Первая страшная вѣсть пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе, нежели знатностію сана, не обольстивъ Михаила властолюбіемъ беззаконнымъ, и предвидя неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василіева, именемъ Героя вѣрности дерзнулъ на бунтъ и междоусобіе. Что Москва подозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всенародно за истину несомнительную: Дмитрія Шуйскаго и самаго Василія убійцами, отравителями Скопина; звалъ мстителей, и нашелъ усердныхъ: ибо горестная любовь къ усопшему Михаилу представляла и бунтъ за него въ видѣ подвига славнаго! Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василія ([532]), все, кромѣ Зарайска: тамъ явился племянникъ Ляпунова съ грамотою отъ дяди; но тамъ воеводствовалъ Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростію и добродѣтелію, Князь Дмитрій выгналъ гонца крамолы, прислалъ мятежную грамоту въ Москву и требовалъ вспоможенія: Царь отрядилъ къ нему чиновника Глѣбова съ дружиною, и Зарайскъ остался вѣрнымъ. Но въ тоже время Стрѣльцы Московскіе, посланные къ Шацку (гдѣ явился Воевода Лжедимитріевъ, Князь Черкасскій, и разбилъ Царскаго Воеводу, Князя Литвинова) были остановлены на пути Ляпуновымъ и передались къ нему добровольно ([533]). Чего хотѣлъ сей мятежникъ? Свергнуть Василія, избавить Россію отъ Лжедимитрія, отъ Ляховъ, и быть Государемъ ея, какъ утверждаетъ одинъ Историкъ ([534]); другіе пишутъ вѣроятнѣе, что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ, Боярі-

г. 1610. нымъ Княземъ Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ, но не долго: онъ презрѣлъ бродягу, какъ орудіе срамное, видя и безъ того легкое исполненіе желаемаго имъ и многими иными врагами Царя несчастнаго.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву: другія вѣсти были еще ужаснѣе. Князь Дмитрій Шуйскій и Делагарди шли къ Смоленску, а Ляхи къ нимъ на встрѣчу. Доселѣ опасливый, нерѣшительный, Сигизмундъ вдругъ оказалъ смѣлость, узнавъ, что Россія лишилась своего Героя, и вѣря нашимъ измѣнникамъ, Салтыкову съ клевретами, что сія кончина есть паденіе Василія, ненавистнаго Москвѣ и войску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска; но давъ Гетману Жолкѣвскому 2000 всадниковъ и 1000 пѣхотныхъ воиновъ, велѣлъ ему съ сею горстію людей искать непріятеля и славы въ полѣ (535). Гетманъ двинулся сперва къ Бѣлому, тѣснимому Хованскимъ и Горномъ (536): имѣя 6500 Россіянъ и Шведовъ, они уклонились отъ битвы и спѣшили присоединиться къ Дмитрію Шуйскому, который стоялъ въ Можайскѣ, отдѣливъ 6000 Дѣтей Боярскихъ съ Княземъ Елецкимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище, чтобы тамъ укрѣпиться и служить щитомъ для главной рати. Будучи въ десятеро сильнѣе непріятеля, Шуйскій хотѣлъ уподобиться Скопину осторожностію: медлилъ и тратилъ время. Тѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ Гетманъ: соединился съ остатками Тушинскаго войска, приведеннаго къ нему Зборонскимъ, и (13 Іюня) подступилъ къ Займищу (537); имѣлъ тамъ выгоду въ битвѣ съ Россіянами, но не взялъ укрѣпленій — и свѣдалъ, что Шуйскій и Делагарди идутъ отъ Можайска на помощь къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гетмана смутились: онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ; говорилъ о чести и доблести, а ждалъ успѣха отъ измѣны: ибо клевреты Салтыкова окружали, вели его, — сносились съ своими единомышленниками въ Царскомъ войскѣ, знали общее уныніе, негодованіе, и ручались Жолкѣвскому за побѣду; ручались и бѣглецы Шведскіе, Нѣмцы, Французы, Шотландцы (538), являясь къ нему толпами, и сказывая, что всѣ ихъ товарищи, недовольные Шуйскимъ, готовы передаться къ Ляхамъ. Шведы дѣйствительно, едва вышедши изъ Москвы, г. 1610. начали снова требовать жалованья и бунтовать: Князь Дмитрій далъ имъ еще 10,000 рублей, но не могъ удовольствовать, ни самъ Делагарди смирить сихъ мятежныхъ корыстолюбцевъ: они шли не-хотя, и грозили, казалось, болѣе союзникамъ, нежели врагамъ. Такія обстоятельства изъясняютъ для насъ удивительное дѣло Жолкѣвскаго, еще болѣе проницательнаго, нежели смѣлаго.

Оставивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища, Гетманъ ввечеру (23 Іюня) съ десятью тысячами всадниковъ и съ легкими пушками выступилъ на встрѣчу къ Шуйскому, столь тихо, что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ, воображая всю рать непріятельскую предъ собою; а Гетманъ, принужденный итти верстъ двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на разсвѣтѣ увидѣлъ, близъ села Клушина, между полями и лѣсомъ, плетнями и двумя деревеньками, обширный станъ тридцати тысячь Россіянъ и пяти тысячь Шведовъ, ни мало неготовыхъ къ бою, безпечныхъ, сонныхъ. Онъ еще ждалъ усталыхъ дружинъ и пушекъ; зажегъ плетни, и трескомъ огня, пламенемъ, дымомъ пробудилъ спящихъ. Изумленные незапнымъ явленіемъ Ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить войско: конницу впереди, пѣхоту за нею, въ кустарникѣ, — Россіянъ и Шведовъ особенно. Гетманъ съ труб- Битва подъ Клушинымъ. Іюня 24. нымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ: конница Московская дрогнула; но подкрѣпленная новымъ войскомъ, стѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ, такъ, что Жолкѣвскій, стоя на холмѣ, едва могъ видѣть хоругвь Республики въ облакахъ пыли и дыма (539). Шведы удержали стремленіе Ляховъ сильнымъ залпомъ. Гетманъ пустилъ въ дѣло запасныя дружины; стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ въ Шведовъ; напалъ на Россіянъ съ боку — и побѣдилъ. Конница наша, обративъ тылъ, смѣшала пѣхоту; Шведы отступили къ лѣсу; Французы, Нѣмцы, Англичане, Шотландцы передались къ Ляхамъ. Сдѣлалось неописанное смятеніе. Все бѣжало безъ памяти: сто гнало тысячу. Князья Шуйскій, Андрей Голицынъ и Мезецкій засѣли-было въ станѣ съ пѣхотою и пушками; но узнавъ вѣроломство союзниковъ, также бѣжали

г. 1610. въ лѣсъ, усыпая дорогу разными вещами драгоцѣнными, чтобы прелестію добычи остановить непріятеля. Делагарди — въ искренней горести, какъ пишутъ (540) — ни угрозами, ни моленіемъ не удержавъ своихъ отъ безчестной измѣны, вступилъ въ переговоры: далъ слово Гетману не помогать Василію, и захвативъ казну Шуйскаго, 5450 рублей деньгами и мѣховъ на 7000 рублей (541), съ Генераломъ Горномъ и четырмя стами Шведовъ удалился къ Новугороду, жалуясь на малодушіе Россіянъ столько же, какъ и на мятежный духъ Англичанъ и Французовъ, писменно обѣщая Царю новое вспоможеніе отъ Короля Шведскаго, а Королю легкое завоеваніе сѣверо-западной Россіи для Швеціи!

Делагарди отступаетъ къ Новугороду.

Но стыдъ союзниковъ уменшался стыдомъ Россіянъ, которые, въ бѣдственномъ ослѣпленіи, жертвовали нелюбви къ Царю любовію къ отечеству, не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михаилова, думая, кажется, что побѣда Ляховъ губитъ только несчастнаго Василія, и гнуснымъ бѣгствомъ отъ врага слабаго предали ему Россію. Безъ сомнѣнія оказавъ умъ необыкновенный, Гетманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей, скромно уступалъ всю честь геройству сподвижниковъ, и всего искреннѣе славилъ ревность Тушинскихъ измѣнниковъ, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились въ сей битвѣ, дѣйствуя тайно, чрезъ лазутчиковъ, на Царское войско. Не многіе легли въ дѣлѣ: одинъ знатный Князь Яковъ Борятинскій палъ сражаясь; Воевода Бутурлинъ отдался въ плѣнъ. Гораздо болѣе кололи, сѣкли и топтали Россіянъ въ погонѣ. 11 пушекъ, нѣсколько знаменъ, бархатная хоругвь Князя Дмитрія Шуйскаго, его карета, шлемъ, мечь и булава, также не мало богатства, суконъ, соболей, присланныхъ Царемъ для Шведовъ, были трофеями и добычею Ляховъ. Несчастный Князь Дмитрій скакалъ не оглядываясь, увязилъ коня въ болотѣ, пѣшій достигъ Можайска, и сказавъ гражданамъ, что все погибло, съ сею вѣстію спѣшилъ къ Державному брату въ столицу (542).

Дѣятельный Гетманъ въ тотъ же день возвратился къ Займищу, гдѣ Россіяне, ночью, были пробуждены шумомъ и кликомъ: Ляхи громогласно извѣщали ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы. Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣли вѣрить: Гетманъ на разсвѣтѣ показалъ имъ Царскія знамена и плѣнниковъ, требуя, чтобы они мирно сдалися, не Ляхамъ, а новому Царю своему, Владиславу, будто бы уже избранному знатною частію Россіи (543). Елецкій и Волуевъ убѣждали Гетмана итти къ Москвѣ и начать съ нею переговоры: имъ отвѣтствовали: «когда вы сдадитесь, то и Москва будетъ наша.» Волуевъ, болѣе Елецкаго властвуя надъ умами сподвижниковъ, рѣшилъ ихъ недоумѣніе: присягнулъ Владиславу, на условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клевретами его съ Сигизмундомъ (544); другіе также присягнули, и вмѣстѣ съ Ляхами, уже братьями, пошли къ столицѣ.... Смѣлый въ битвахъ, Жолкѣвскій изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа Королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава, по удостовѣренію измѣнниковъ Тушинскихъ и собственному, что нѣтъ инаго, лучшаго, надежнѣйшаго способа кончить сію войну съ истинною славою и выгодою для Республики (545)! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ Королевича, вездѣ гоня предъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго.

Полки занимаютъ Царево-Займище.

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствіи и читала воззваніе Жолкѣвскаго къ ея жителямъ, распространенное въ ней дѣятельными единомышленниками Салтыкова. «Виною всѣхъ вашихъ золъ» — писалъ Гетманъ — «есть Шуйскій: отъ него Царство въ крови и въ пеплѣ. Для одного ли человѣка гибнуть милліонамъ? Спасеніе предъ вами: побѣдоносное войско Королевское и новый Царь благодатный: да здравствуетъ Владиславъ» (546)! Еще Василій, не измѣняясь духомъ, вѣрный твердости въ злосчастіи, писалъ указы, чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе, и въ послѣдній разъ, для спасенія Царства (547); ободрялъ Москвитянъ, давалъ деньги Стрѣльцамъ (548); хотѣлъ писать къ Гетману, назначилъ гонца, но отмѣнилъ, чтобы не унизиться безполезно, въ такихъ обстоятельствахъ, когда не переговорами, а битвами надлежало спастися. Города не выслали въ Москву ни одного воина (549): Рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушаться Царя, вмѣстѣ съ Княземъ Василіемъ Голицынымъ крамольствуя и въ столицѣ, волнуемой отчаяніемъ.... Грозы внѣшнія еще умно-

Отчаяніе столицы.

г. 1610. жились: явился и Лжедимитрій въ полѣ, съ безстыднымъ Сапѣгою, который за нѣсколько тысячь рублей (550), доставленныхъ ему изъ Калуги, снова обязался служить злодѣю. Они надѣялись предупредить Гетмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ, нежели Ляхамъ. Сей подлый непріятель еще казался опаснѣйшимъ Царю: свѣдавъ, что союзники, вызванные имъ изъ гнѣзда разбоевъ, сыновья Хана, уже близъ Серпухова, Василій отрядилъ туда знатныхъ мужей, Князя Воротынскаго, Лыкова и чиновника Измайлова съ дружиною Дѣтей Боярскихъ и съ пушками, чтобы вести ихъ противъ Самозванца (551); но Крымцы, встрѣтивъ его въ Боровскомъ Уѣздѣ, послѣ дѣла кровопролитнаго ушли назадъ въ степи, а Воротынскій и Лыковъ едва спаслися бѣгствомъ въ Москву. Все кончилось для Василія! Снова торжествовалъ Самозванецъ; снова обратились къ нему измѣнники и счастіе. Сапѣгины Ляхи осадили крѣпкій монастырь Пафнутіевъ, гдѣ начальствовали вѣрный Князь Михайло Волконскій и два предателя: первый сражался какъ Герой; но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ, впустили непріятеля. Волконскій палъ въ сѣчѣ надъ гробомъ Св. Пафнутія (оставивъ для вѣковъ память (552) своей доблести въ гербѣ Боровска), а Ляхи наполнили ограду и церковь трупами Иноковъ, Стрѣльцевъ и жителей монастырскихъ. Коломна, дотолѣ непоколебимая въ вѣрности, вдругъ измѣнила, возмущенная Сотникомъ Бобынинымъ. Не слушая добраго Епископа Іосифа, народъ кричалъ, что Василію уже не быть Царемъ, и что лучше служить Димитрію, нежели Сигизмунду. Воеводы Коломенскіе, Бояре Князь Туренинъ и Долгорукій, въ ужасѣ сами присягнули обманщику: также и Воевода Коширскій, Князь Ромодановскій, вмѣстѣ съ гражданами. Едва уцѣлѣлъ и Зарайскъ, спасенный твердостію Князя Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не страшась ни угрозъ, ни смерти, онъ съ усердною дружиною выгналъ ихъ изъ крѣпости и возстановилъ тишину договоромъ, заключеннымъ съ ними, остаться вѣрными Василію, если Василій останется Царемъ, или служить Царю новому, кого изберетъ Россія. Въ семъ случаѣ ревностнымъ сподвижникомъ Князя Дмитрія былъ достойный Протоіерей Никольскій (553). Но усмиреніе Зарайска не отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

*Новые успѣхи Самозванца.*

*Твердость Пожарскаго.*

Лжедимитрій спѣшилъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ (554), памятномъ первою славою юнаго Князя Михаила, коего уже не имѣло отечество для надежды! Что могъ предпріять Царь злосчастный, побѣжденный Гетманомъ и Самозванцемъ, угрожаемый Ляпуновымъ и крамолою, малодушіемъ и зломысліемъ, безъ войска и любви народной? Рожденный не въ вѣкъ Катоновъ и Брутовъ, онъ могъ предаться только въ волю Божію: такъ и сдѣлалъ, спокойно ожидая своего жребія, и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже и безполезное въ часъ гибели; еще давалъ повелѣнія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ съ того времени, какъ узнали въ Москвѣ о бунтѣ или неповиновеніи городовъ, видѣли подъ ея стѣнами знамена Лжедимитріевы и ежечасно ждали Сигизмундовыхъ съ Гетманомъ. Дворецъ опустѣлъ: улицы и площади кипѣли народомъ; всѣ спрашивали другъ у друга, что дѣлается, и что дѣлать? Ненавистники Василіевы уже громогласно требовали его сверженія; кричали: «Онъ сѣлъ на престолъ безъ вѣдома земли Русской (555): для того земля раздѣлилась; для того льется кровь Христіанская. Братья Василіевы ядомъ умертвили своего племянника, а нашего отца-защитника. Не хотимъ Царя Василія!», *Ни Самозванца, ни Ляховъ!* прибавляли многіе, благороднѣйшіе духомъ, слѣдуя внушенію Ляпунова Рязанскаго, брата его Захаріи и Князя Василія Голицына (556). Они превозмогли числомъ и знатностію единомышленниковъ; гнушаясь Лжедимитріемъ, думали усовѣстить его клевретовъ, чтобы усилиться ихъ союзомъ, и предложили имъ свиданіе. Еще люди чиновные окружали злодѣя Тушинскаго: Князья Сицкій и Засѣкинъ, Дворяне Нагой, Сунбуловъ, Плещеевъ, Дьякъ Третьяковъ и другіе. Съѣхались въ полѣ, у Даниловскаго монастыря (557), какъ братья; мирно разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Государства и вѣрнѣйшихъ средствахъ спасенія; наконецъ взаимно дали клятву, Москвитяне оставить Василія, измѣнники предать имъ Лжедимитрія, избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Ляховъ. Сей до- г. 1610.

*Ропотъ народный.*

г. 1610. говоръ объявили столицѣ братъ Ляпунова и Дворянинъ Хомутовъ, выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ на Лобное мѣсто, гдѣ, кромѣ черни, находилось и множество людей сановныхъ, лучшихъ гражданъ, гостей и купцевъ: всѣ громкимъ кликомъ изъявили радость (558); всѣ казались увѣренными, что новый Царь необходимъ для Россіи. Но тутъ не было ни знатнаго Духовенства, ни Синклита: пошли въ Кремль, взяли Патріарха, Бояръ; вывели ихъ къ Серпуховскимъ воротамъ, за Москвою-рѣкою, и въ виду непріятельскаго стана — указывая на разъѣзды Лжедимитріевой конницы и на Смоленскую дорогу, гдѣ всякое облако пыли грозило явленіемъ Гетмана — предложили имъ избавить Россію отъ стыда и гибели, избавить Россію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣренность въ рѣчахъ: укоряли Василія только несчастіемъ (559). Говорили, что «земля Сѣверская и всѣ бывшіе слуги Лжедимитріевы немедленно возвратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и страшнаго; что Государство безсильно только отъ раздѣленія силъ: соединится, усмирится.... и враги исчезнутъ!» Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и Царя злосчастнаго: Ермогеновъ; съ жаромъ и твердостію Патріархъ изъяснялъ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна Царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ (560). Весьма не многіе Бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые его искренніе и ближніе уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ Патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго, — и сія народная Дума единодушно, единогласно приговорила: «1) *бить челомъ* Василію, да оставитъ Царство и да возметъ себѣ въ удѣлъ Нижній-Новгородъ (561); 2) уже никогда не возвращать ему престола, но блюсти жизнь его, Царицы, братьевъ Василіевыхъ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ міромъ въ неизмѣнной вѣрности къ Церкви и Государству для истребленія ихъ злодѣевъ, Ляховъ и Лжедимитрія; 4) всею землею выбрать въ Цари, кого Богъ дастъ; а между тѣмъ управлять ею Боярамъ, Князю Мстиславскому съ товарищами, коихъ власть и судъ будутъ священны; 5) въ сей Думѣ верховной не сидѣть Шуйскимъ, ни Князю Дмитрію, ни Князю Ивану; 6) всѣмъ забыть вражду личную, месть и злобу; всѣмъ помнить только Бога и Россію» (562). Въ дѣйствіи беззаконномъ еще блисталъ призракъ великодушія: щадили Царя свергаемаго и хотѣли умереть за отечество, за честь и независимость. г. 1610.

Послали къ Василію, еще Вѣнценосцу, знатнаго Боярина, его свояка, Князя Ивана Воротынскаго, съ главными крамольниками, Захаріею Ляпуновымъ и другими, объявить ему приговоръ Думы. Дотолѣ тихій Кремлевскій дворецъ наполнился людьми и шумомъ: ибо въ слѣдъ за Послами стремилось множество дерзкихъ мятежниковъ и любопытныхъ. Василій ожидалъ ихъ безъ трепета, воспоминая, можетъ быть, невольно о такомъ же стремленіи шумныхъ сонмовъ, подъ его собственнымъ предводительствомъ, къ сему же дворцу, въ день Разстригиной гибели!.... Захарія Ляпуновъ, увидѣвъ Царя, сказалъ: «Василій Іоанновичь! ты не умѣлъ царствовать: отдай же вѣнецъ и скипетръ» (563). Шуйскій отвѣтствовалъ: «какъ смѣешь!».... и вынулъ ножъ изъ-за пояса. Наглый Ляпуновъ, великанъ ростомъ, силы необычайной, грозилъ ему своею тяжкою рукою.... Другіе хотѣли сладкорѣчіемъ убѣдить Царя къ повиновенію волѣ Божіей и народной. Василій отвергнулъ всѣ предложенія, готовый умереть, но Вѣнценосцемъ, и волю мятежниковъ, испровергающихъ законъ, не признавая народною. Онъ уступилъ только насилію, и былъ, вмѣстѣ съ юною супругою, перевезенъ изъ палатъ Кремлевскихъ въ старый домъ свой, гдѣ ждалъ участи Борисова семейства (564), зная, что шагъ съ престола есть шагъ къ могилѣ. Василій лишенъ престола. 17 Июля.

Въ столицѣ господствовало смятеніе, и скоро еще умножилось, когда народъ свѣдалъ, что Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ. Ляпуновъ и клевреты его немедленно объявили первымъ, въ новомъ свиданіи съ ними у монастыря Даниловскаго (565), что Шуйскій сведенъ съ престола, и что Москва, въ слѣдствіе договора, ждетъ отъ нихъ связаннаго Лжедимитрія, для казни. Тушинцы отвѣтствовали: «Хвалимъ ваше дѣло. Вы свергнули Царя беззаконнаго; служите же истинному: да здравствуетъ сынъ Іоанновъ! Если вы клятвопреступники, то мы вѣрны въ обѣтахъ. Умремъ за Димитрія» (566)! Достойно осмѣянные

г. 1610. злодѣями, Москвитяне изумились. Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ: вышелъ къ народу, молилъ, заклиналъ снова возвести Василія на Царство; но убѣжденіямъ добраго Патріарха не внимали: страшились мести Василіевой, и тѣмъ скорѣе хотѣли себя успокоить.

Тщетныя увѣщанія Патріарха.

Всѣми оставленный, многимъ ненавистный или противный, не многимъ жалкій, Царь сидѣлъ подъ стражею въ своемъ Боярскомъ домѣ, гдѣ, за четыре года предъ тѣмъ, въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ Россіянъ, имъ собранныхъ и движимыхъ (567), рѣшилась гибель Отрепьева. Тамъ, въ слѣдующее
18 Юля. утро, явились Захарія Ляпуновъ, Князь Петръ Засѣкинъ (568), нѣсколько сановниковъ съ Чудовскими Иноками и Священниками, съ толпою людей вооруженныхъ, и велѣли Шуйскому готовиться къ постриженію, еще гнушаясь новымъ цареубійствомъ и считая келлію надежнымъ преддверіемъ гроба. «Нѣтъ!» сказалъ Василій съ твердостію: «никогда не буду Монахомъ» — и на угрозы отвѣтствовалъ видомъ презрѣнія; но смотря на многихъ извѣстныхъ ему Москвитянъ, съ умиленіемъ говорилъ имъ: «Вы нѣкогда любили меня.... и за что возненавидѣли? за казнь ли Отрепьева и клевретовъ его? Я хотѣлъ добра вамъ и Россіи; наказывалъ единственно злодѣевъ — и кого не миловалъ» (569)? Вопль Ляпунова и другихъ неистовыхъ заглушилъ рѣчь трогательную. Читали молитвы постриженія, совершали обрядъ священный, и не слыхали уже ни единаго слова отъ Василія: онъ безмолвствовалъ, и вмѣсто его произносилъ страшные обѣты монашества Князь Туренинъ (570). Постригли и несчастную Царицу, Марію, также безмолвную въ обѣтахъ, но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ супругу: она рвалась къ нему, стенала, называла его своимъ *Государемъ милымъ*, Царемъ великимъ народа недостойнаго (571), ея супругомъ законнымъ и въ рясѣ Инока. Ихъ разлучили силою: отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій; двухъ братьевъ Василіевыхъ заключили въ ихъ домахъ. Никто не противился насилію безбожному, кромѣ Ермогена: онъ торжественно молился за Шуйскаго въ храмахъ, какъ за Помазанника Божія, Царя Россіи, хотя и невольника; торжественно клялъ бунтъ и признавалъ Инокомъ не Василія, а Князя Туренина, который вмѣсто его г. 1610. связалъ себя обѣтами Монашества (572). Уваженіе къ сану и лицу Первосвятителя давало смѣлость Ермогену, но безполезную.

Постриженіе Василія и супруги его.

Такъ Москва поступила съ Вѣнценосцемъ, который хотѣлъ снискать ея и Россіи любовь подчиненіемъ своей воли закону, бережливостію государственною, безпристрастіемъ въ наградахъ (573), умѣренностію въ наказаніяхъ, терпимостію общественной свободы, ревностію къ гражданскому образованію — который не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неустрашимость въ бунтахъ, готовность умереть вѣрнымъ достоинству Монаршему, и не былъ никогда столь знаменитъ, столь достоинъ престола, какъ свергаемый съ онаго измѣною: влекомый въ келлію толпою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ.... Но удивительная судьба его ни въ уничиженіи, ни въ славѣ, еще не совершилась!

Доселѣ властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго и Самозванца и Ляховъ: она хотѣла *своего* Царя — и въ семъ смыслѣ Дума писала отъ имени Синклита, людей Приказныхъ и воинскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, гостей и купцевъ, ко всѣмъ областнымъ Воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *внявъ челобитью земли Русской, оставилъ Государство и міръ* (574) для спасенія отечества; что Москва цѣловала крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю Тушинскому; что всѣ Россіяне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею Самодержца вожделѣннаго. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали Бояре и Гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Василіевомъ низверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. «Не требуемъ твоей защиты,» писали они: «не приближайся, или встрѣтимъ тебя какъ непріятеля» (575). Но Дума Боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, Гетманъ къ ней приближался, народъ вольничалъ, холопи не слушались господъ, и многіе люди чи-

г. 1610. новные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедимитрію (576), единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая: ибо ея главою былъ Князь Ѳеодоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней (577).

Въ то время, когда Москва, безъ Царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя Тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея — когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовію и надеждою — когда измѣны и предательства въ глазахъ народа унизили самыхъ первыхъ Вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистію: тогда мысль искать Государя внѣ отечества, какъ древніе Новогородцы искали Князей въ землѣ Варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ — вѣроятно, послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими — торжественно объявилъ Боярамъ, Духовенству, всѣмъ Чинамъ и гражданамъ, что для спасенія Царства должно вручить скипетръ..... Владиславу (578). Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть Вѣнценосцемъ (579), того мнѣніе и голосъ имѣли силу; имѣли оную и домогательства единомышленниковъ Салтыкова, особенно Волуева, и наконецъ явныя выгоды сего избранія. Жолкѣвскій, грозный побѣдитель, дѣлался намъ усерднымъ другомъ, чтобы избавить Москву отъ злодѣевъ: онъ писалъ о томъ (31 Іюля) къ Думѣ Боярской (580), вмѣстѣ съ Иваномъ Салтыковымъ и Волуевымъ, которые сообщили ей договоръ Тушинскихъ Пословъ съ Сигизмундомъ и новѣйшій, заключенный Гетманомъ въ Царевѣ-Займищѣ (581) для цѣлости Вѣры и Государства. Надѣялись, что Король плѣнится честію видѣть сына Монархомъ великой Державы и дозволитъ ему перемѣнить Законъ, или Владиславъ юный, еще не твердый въ Догматахъ Латинства, легко склонится къ нашимъ и вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ Московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между Царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ Православія, и будучи уважаемъ какъ Вѣнценосецъ знаменитаго Державнаго племени, будетъ любимъ какъ истинный Россіянинъ духомъ. Еще благородная гордость страшилась уничиженія взять невольно Властителя отъ Ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ея постыдную слабость. Еще Духовенство страшилось за Вѣру, и Патріархъ убѣждалъ Бояръ не жертвовать Церковію никакимъ выгодамъ государственнымъ (582): уже не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ Цари или Князя Василія Голицына или юнаго Михаила, сына Филаретова (583), внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ Михаилу, любезному для него памятію Анастасіи, добродѣтелію отца и даже тезоименитствомъ съ усопшимъ Героемъ Россіи.... Такъ Ермогенъ безсмертный предвѣстилъ ей волю Небесъ! Но время еще не наступило — и Гетманъ уже стоялъ подъ Москвою, на Сѣтуни (584), противъ Коломенскаго и Лжедимитрія: ни Голицынъ, крамольникъ въ Синклитѣ и бѣглецъ на полѣ ратномъ (585), ни юноша, питомецъ келлій, едва извѣстный свѣту, не обѣщали спасенія Москвѣ, извнѣ тѣснимой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часъ былъ дорогъ — и большинство голосовъ въ Думѣ, на самомъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило: «принять совѣтъ Мстиславскаго!»

Совѣтъ Князя Мстиславскаго.

Переговоры съ Жолкѣвскимъ.

Немедленно послали къ Гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель (586)? «Желаю не крови вашей, а блага Россіи,» отвѣчалъ Жолкѣвскій: «предлагаю вамъ Державство Владислава и гибель Самозванца.» Дали взаимно аманатовъ; вступили въ переговоры, на Дѣвичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ Бояре, Князья Мстиславскій, Василій Голицынъ и Шереметевъ, Окольничій Князь Мезецкій и Дьяки Думные, Телепневъ и Луговскій, съ честію встрѣтили Гетмана (587), объявляя, что Россія готова признать Владислава Царемъ, но съ условіями необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что Гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ

г. 1610. безъ рѣшительнаго согласія Королевскаго: Король же не только медлилъ дать ему наказъ, но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ Клушинскаго дѣла, заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостію являя Гетмановы трофеи, знамена и плѣнниковъ, Шеину непреклонному! Жолкѣвскій, равно смѣлый и благоразумный, скрывъ отъ Бояръ свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора: отвергалъ и соглашался Королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе, чтобы *Владиславъ крестился въ нашу Вѣру,* онъ далъ имъ надежду, но устранилъ обязательство, говоря: «да будетъ Королевичь Царемъ, и тогда, внимая гласу совѣсти и пользы государственной, можетъ добровольно исполнить желаніе Россіи» (588). Устранилъ, *до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія*, и другія статьи: «1) Владиславу не сноситься съ Папою о Законѣ (589); 2) утвердить въ Россіи смертную казнь для всякаго, кто оставитъ Греческую Вѣру для Латинской; 3) не имѣть при себѣ болѣе пятисотъ Ляховъ; 4) соблюсти всѣ титла Царскія (слѣдственно Государя Кіевскаго и Ливонскаго) и жениться на Россіянкѣ;» но все прочее, какъ согласное съ договоромъ Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкѣвскимъ, хотя и не вдругъ: ибо онъ съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ Короля; наконецъ уже не могъ медлить, опасаясь нетерпѣнія Россіянъ и своихъ Ляховъ, готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья (590), — и 17 Августа подписалъ слѣдующія достопамятныя условія:

Условія. «1) Святѣйшему Патріарху, всему Духовенству и Синклиту, Дворянамъ и Дьякамъ Думнымъ, Стольникамъ, Дворянамъ, Стряпчимъ, Жильцамъ и Городскимъ Дворянамъ, Головамъ Стрѣлецкимъ, Приказнымъ людямъ, Дѣтямъ Боярскимъ, гостямъ и купцамъ, Стрѣльцамъ, Козакамъ, пушкарямъ и всѣхъ чиновъ служивымъ и *Жилецкимъ* людямъ Московскаго Государства бить челомъ Великому Государю Сигизмунду, да пожалуетъ имъ сына своего, Владислава, въ Цари, коего всѣ Россіяне единодушно желаютъ, цѣлуя святый крестъ съ обѣтомъ служить вѣрно ему и потомству его, какъ они служили прежнимъ Великимъ Государямъ Московскимъ.

«2) Королевичу Владиславу вѣнчаться Царскимъ вѣнцемъ и діадимою отъ Святѣйшаго Патріарха и Духовенства Греческой Церкви, какъ издревле вѣнчались Самодержцы Россійскіе. г. 1610.

«3) Владиславу Царю блюсти и чтить святые храмы, иконы и мощи цѣлебныя, Патріарха и все Духовенство; не отнимать имѣнія и доходовъ у церквей и монастырей; въ Духовныя и Святительскія дѣла не вступаться.

«4) Не быть въ Россіи ни Латинскимъ, ни другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ храмамъ (591); не склонять никого въ Римскую, ни въ другія Вѣры, и Жидамъ не въѣзжать для торговли въ Московское Государство.

«5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ. Бояре и всѣ чиновники, воинскіе и земскіе, будутъ, какъ и всегда, одни Россіяне; а Польскимъ и Литовскимъ людямъ не имѣть ни мѣстъ, ни чиновъ: которые же изъ нихъ останутся при Государѣ, тѣмъ можетъ онъ дать денежное жалованье или помѣстья, не стѣсняя чести Московскихъ, Боярскихъ и Княжескихъ родовъ честію новыхъ выходцевъ иноземныхъ.

«6) Жалованье, помѣстья и вотчины Россіянъ неприкосновенны. Если же нѣкоторые надѣлены сверхъ достоинства, а другіе обижены, то совѣтоваться Государю съ Боярами, и сдѣлать, что уложатъ вмѣстѣ.

«7) Основаніемъ *гражданскаго правосудія быть Судебнику*, *коего нужное исправленіе и дополненіе зависитъ отъ Государя*, *Думы Боярской и Земской* (592).

«8) Уличенныхъ государственныхъ и гражданскихъ преступниковъ казнить единственно по осужденію Царя съ Боярами и людьми Думными; имѣніе же казненныхъ наслѣдуютъ ихъ невинныя жены, дѣти и родственники. Безъ сего торжественнаго суда Боярскаго никто не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.

«9) Кто умретъ бездѣтенъ, того имѣніе отдавать ближнимъ его или кому онъ прикажетъ (593); а въ случаѣ недоумѣнія рѣшить такія дѣла Государю съ Боярами.

«10) Доходы государственные остаются прежніе; а *новыхъ налоговъ не вводить Государю безъ согласія Бояръ* (594), и съ ихъ же согласія дать льготу областямъ, помѣстьямъ и вотчинамъ разоренннымъ въ сіи времена смутныя.

г. 1610. «11) Земледѣльцамъ не переходить ни въ Литву, *ни въ Россіи отъ господина къ господину*, и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ быть навсегда такими.

«12) Великому Государю Сигизмунду, Польшѣ и Литвѣ утвердить съ Великимъ Государемъ Владиславомъ и съ Россіею миръ и любовь на вѣки и стоять другъ за друга противъ всѣхъ непріятелей.

«13) Ни изъ Россіи въ Литву и Польшу, ни изъ Литвы и Польши въ Россію не переводить жителей.

«14) Торговлѣ между обоими Государствами быть свободною.

«15) Королю уже не приступать къ Смоленску и немедленно вывести войско изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ; а платежъ изъ Московской казны за убытки и на жалованье рати Литовской и Польской будетъ уставленъ въ договорѣ особенномъ.

«16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ выкупа, всѣ обиды и насилія предать вѣчному забвенію.

«17) Гетману отвести Сапѣгу и другихъ Ляховъ отъ Лжедимитрія, вмѣстѣ съ Боярами взять мѣры для его истребленія, итти къ Можайску, какъ скоро уже не будетъ сего злодѣя, и тамъ ждать указа Королевскаго.

«18) Между тѣмъ стоять ему съ войскомъ у Дѣвичьяго монастыря (595) и не пускать никого изъ своихъ людей въ Москву, для нужныхъ покупокъ, безъ дозволенія Бояръ и безъ писменнаго вида.

«19) Дочери Воеводы Сендомирскаго, Маринѣ, ѣхать въ Польшу и не именоваться Государынею Московскою.

«20) Отправиться Великимъ Посламъ Россійскимъ къ Государю Сигизмунду и бить челомъ, да крестится Государь Владиславъ въ Вѣру Греческую, и да будутъ приняты всѣ иныя условія, оставленныя Гетманомъ на разрѣшеніе Его Королевскаго Величества» (596).

И такъ Россіяне, бывъ недовольны собственнымъ желаніемъ Царя Василія умѣрить Самодержавіе (597), въ четыре года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только Боярамъ, въ правосудіи и въ налогахъ, но и *Земской* Думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ (598)? Они боялись не Самодержавія вообще (какъ увидимъ въ Исторіи 1613 года), но Самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго Монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, — и для того предписали ему условія согласныя съ выгодами Боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя вольность, не хотѣлъ пріучить наслѣдника Сигизмундова, будущаго Монарха Польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Присяга Владиславу. Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатями — съ одной стороны Жолкѣвскій и всѣ его чиновники, а съ другой Бояре — звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два олтаря, богато украшенные; вокругъ олтарей Духовенство, Патріархъ, Святители, съ иконами и крестами, за Духовенствомъ Бояре и сановники, въ одеждахъ блестящихъ серебромъ и золотомъ; далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты, съ распущенными знаменами, Ляхи и Россіяне. Все было тихо и чинно. Гетманъ, съ своими Воеводами, вступилъ въ шатеръ, приближился къ олтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій, за Короля и Королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и войско. Тутъ два Архіерея, обратясь къ Боярамъ и чиновникамъ, сказали громогласно: «Волею Святѣйшаго Патріарха, Ермогена, призываемъ васъ къ исполненію торжественнаго обряда: цѣлуйте крестъ, вы, мужи Думные, всѣ Чины и народъ, въ вѣрности къ Царю и Великому Князю Владиславу Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избранному, да будетъ Россія, со всѣми ея жителями и достояніемъ, его наслѣдственною Державою!» Раздался звукъ литавръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: «Многія лѣта Государю Владиславу! да царствуетъ съ побѣдою, миромъ и счастіемъ!» Тогда началася присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячь, какъ увѣряютъ (599), цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнники прежніе, Иванъ Салтыковъ, Волуевъ и клевреты ихъ, ревностные участники и главные пособники договора (600), обнялися съ Москвитянами, уже какъ съ братьями въ общей измѣнѣ Василію и въ общемъ подданствѣ Владиславу!.... Гонцы отъ Думы Боярской спѣшили во всѣ города, объявить имъ новаго Царя,

г. 1610. конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а Гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ Россіянъ, и каждаго изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней Азіятскихъ, богатыя чаши, сабли, и не оставивъ ничего драгоцѣннаго ни у себя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища Московскія. Первый Вельможа, Князь Мстиславскій отплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный Гетманъ достигъ цѣли — и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, Царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ Самодержавія — перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и судьбу Европы на многіе вѣки, если бы отецъ его имѣлъ умъ Жолкѣвскаго!

Но еще крестъ и Евангеліе лежали на олтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили Гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Ѳедоромъ Андроновымъ, Печатникомъ и Думнымъ Дьякомъ (601), усерднымъ слугою Ляховъ, измѣнникомъ Государства и Православія: Сигизмундъ писалъ къ Гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ Королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ, знатнѣйшимъ Посломъ, Госѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго представить Россіи въ Вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей (602), извѣстнаго ревнителя Латинской Вѣры и братства Іезуитскаго; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго Ляхами, казалось Гетману болѣе, нежели дерзостію — казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю Королевскую отъ Россіянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честію и благомъ Республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей Политикѣ.

Намѣренія Сигизмунда.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь Ляховъ отъ Самозванца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣвскаго разными льстивыми увѣреніями: клялся Царскимъ словомъ выдать Королю 300,000 злотыхъ, и въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно платить г. 1610. Республикѣ столько же, а Королевичу 100,000 — завоевать Ливонію для Польши и Швецію для Сигизмунда — не стоять и за Сѣверскую землю, когда будетъ Царемъ (603); но Жолкѣвскій, извѣстивъ Сапѣгу, что Россія есть уже Царство Владислава, убѣждалъ его присоединиться къ войску Республики, а бродягу упасть къ ногамъ Королевскимъ, обѣщая ему за такое смиреніе Гродно или Самборъ въ удѣлъ. Послы Гетмановы нашли Лжедимитрія въ Обители Угрѣшской (604), гдѣ жила Марина: выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: «хочу лучше жить въ избѣ крестьянской, нежели милостію Сигизмундовою!» Тутъ Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила Короля, и съ насмѣшкою примолвила: «теперь слушайте *мое* предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ Царю Димитрію Краковъ и возметъ отъ него, въ знакъ милости, Варшаву» (605)! Ляхи также гордились и не слушали Гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславскимъ и пятнадцатью тысячами Москвитянъ, выступилъ противъ своихъ мятежныхъ единоземцевъ. Уже начиналось и кровопролитіе (606); но малочисленное и худое войско Лжедимитріево не могло обѣщать себѣ побѣды: Сапѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку предъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ знакъ братства — и чрезъ нѣсколько часовъ все усмирилось. Ляхи и Россіяне оставили Лжедимитрія: первые объявили себя до времени слугами Республики; послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и между ими Бояре Князья Туренинъ и Долгорукій, Воеводы Коломенскіе (607); а Самозванецъ и Марина ночью (26 Августа) ускакали верхомъ въ Калугу, съ Атаманомъ Заруцкимъ, съ шайкою Козаковъ, Татаръ и Россіянъ немногихъ.

Бѣгство Самозванца въ Калугу.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно: Бояре усердно и прямодушно. Началося безпрекословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимірѣ, Ярославлѣ (608) и далѣе. Молились въ храмахъ за Государя новаго; всѣ Указы писались, всѣ суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ (609). Многіе радовались искренно, алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе — и въ ихъ числѣ Патріархъ — скры-

г. 1610. вали горесть, не ожидая ничего добраго отъ Ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники Тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ (610): Михайло Салтыковъ, Князь Рубецъ-Мосальскій и Ѳедоръ Мещерскій, Дворяне Кологривовъ, Василій Юрьевъ, Молчановъ, бывъ дотолѣ у Сигизмунда, явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому, милостію Божіею, ихъ невинностію и добродѣтелію. Они цѣлою толпою пришли въ храмъ Успенія и требовали благословенія отъ Ермогена, который, велѣвъ удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародѣю (611), сказалъ другимъ: «благословляю васъ, если вы дѣйствительно хотите добра Государству; но если вы Ляхи душею, лукавствуете и замышляете гибель Православія, то кляну васъ именемъ Церкви» (612). Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что Государство и Православіе спасены на вѣки — увѣрялъ, можетъ быть, непритворно, желая, чего желала столица вмѣстѣ съ знатною частію Россіи: Владиславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ. Самъ Гетманъ не имѣлъ иной мысли, ежедневными письмами убѣждая Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершеннаго добрымъ Геніемъ Республики, а Бояръ Московскихъ плѣняя изображеніемъ златаго вѣка Россіи подъ державою Вѣнценосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона (613). Жолкѣвскій не хотѣлъ явно властвовать надъ Думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клевретовъ Самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды Россіянъ безпорочныхъ. Бояре не согласились, отвѣтствуя: «возможно ли слугамъ обманщика равняться съ нами?» (614).... и *сдѣлали неблагоразумно*, какъ мыслилъ Жолкѣвскій: ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ Самозванцу въ Калугу. Но Гетманъ умѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Князя Василія Голицына, одобреннаго Духовенствомъ искателя Державы, и Филарета, коего

Политика Жолкѣвскаго.

сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане (614): оба, какъ устроилъ Гетманъ, должны были, въ качествѣ Великихъ Пословъ, ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь Царскую, — требовать ихъ согласія на статьи договора, нерѣшенныя Гетманомъ, и между тѣмъ служить Королю аманатами: отвѣтствовать своею головою за вѣрность Россіянъ (615)! Товарищи Филарета и Голицына были Окольничій Князь Мезецкій, Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьяки Луговскій и Сыдавный-Васильевъ, Архимандритъ Новоспасскій Евфимій, Келарь Лавры Авраміи, Угрѣшскій Игуменъ Іона и Вознесенскій Протоіерей Кириллъ (616). Отпѣвъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ Соборѣ Успенскомъ, давъ Посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу, о величіи и православіи Россіи (617), Ермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнять Церкви, не плѣняться *мірскою лестію* — и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное Посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 Сентября изъ Москвы.... а чрезъ десять дней Ляхи были уже въ стѣнахъ Кремлевскихъ! г. 1610.

Посольство къ Королю.

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало Гетману отступить къ Можайску (618). Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россіянъ, и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, Гетманъ склонилъ не только Михайла Салтыкова съ Тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ Бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, *требовать* вступленія Ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія (619). Не слушали ни Патріарха, ни Вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, итти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ, (620) — и жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами Королевскими; изумились, негодовали, однакожь успокоились, вѣря торжественному объявленію Думы, что Ляхи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли

Вступленіе Поляковъ въ Москву.

г. 1610. всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ Царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновниковъ, для доставленія запасовъ войску, и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гетманъ властвовалъ, но только указами Думы; изъявлялъ снисходительность къ народу, честилъ Бояръ и Духовенство. Дворецъ Кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплеменныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостинницѣ; Кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполняясь, какъ въ Ѳеодорово время ([621]), знатнѣйшими Россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ: такъ Гетманъ именемъ Царя Владислава далъ первому Боярину, Князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть Вѣнценосцемъ, санъ *Конюшаго* и *Слуги* ([622]). Утративъ честь, хвалились тишиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго! Довольные тѣмъ, что онъ не впустилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ Царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его итти на зиму въ Сѣверскую землю ([623]), Россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василія въ рукахъ Ляховъ: вопреки намѣренію Бояръ удалить сего невольнаго Инока въ Соловки, Гетманъ послалъ его съ Литовскими Приставами въ Іосифовскую Обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякій случай. Россіяне снесли также избраніе Ляха Госѣвскаго въ Предводители осьмнадцати тысячь Московскихъ Стрѣльцевъ, которые со временъ Разстриги, едва не спасеннаго ими ([624]), уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Госѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростію и пирами. «Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ» — пишутъ Ляхи ([625]) — «только осьмидесятилѣтній Патріархъ, боясь Государя иновѣрнаго; но и его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчалось привѣтливостію и любезнымъ обхожденіемъ Гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ всегда хвалившаго Греческую Вѣру, такъ, что и Патріархъ казался наконецъ искреннимъ ему другомъ.» Ермогенъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ, какъ увидимъ скоро! г. 1610.

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и занявъ отрядами всѣ города Смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ Королемъ, Гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое — и рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава.... Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенію, готовя ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ своими братьями завидовалъ Князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими Панами завидовалъ Гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и Государя: ослѣпленіе страстей, удивительное для разума, и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, говорили Королю: «Не успѣхи случайные, но правила твердыя, внушаемыя зрѣлою мудростію, должны быть намъ руководствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Извлекая мечь, ты, Государь, объявилъ, что думаешь единственно о благѣ Республики: теперь, имѣя случай распространить ея владѣнія, можешь ли упустить его только для чести видѣть сына на престолѣ Московскомъ? Отдашь ли пятнадцати-лѣтняго юношу, безъ совѣтниковъ и блюстителей, въ руки людей упоенныхъ духомъ мятежа и крамолы? Что отвѣтствуетъ за ихъ вѣрность и безопасность сего престола, обліяннаго кровію? Не скажетъ ли народъ твой, ревнитель свободы, что ты плѣняешься властію Самодержавною? Если же Царство Россійское столь завидно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Москву, и собственною рукою, какъ побѣдитель, возьми ея державу» ([626])! Хотя разсудительные Вельможи, Левъ Сапѣга и другіе, умоляли Короля немедленно принять договоръ Гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ Поляковъ въ блюстители, обогатить казну Республики казною Царскою, удовлетворить ею всѣмъ требованіямъ войска, — наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россіею; но Король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть Царемъ или завоевателемъ Россіи — и въ семъ рас-

г. 1610. положеніи ждалъ Пословъ Московскихъ, Филарета и Голицына, коихъ личное избраніе — то есть, удаленіе — должно было содѣйствовать видамъ хитраго Гетмана (627), но обратилось единственно во славу ихъ великодушной твердости, безъ пользы для Литвы, безъ пользы и для Россіи, кромѣ чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Менѣе другихъ вѣря Гетману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что вопреки условіямъ Ляхи грабятъ въ Уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмундъ велитъ Дворянамъ Россійскимъ присягать *ему* и Владиславу вмѣстѣ (628), обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидѣли Смоленскъ и станъ Королевскій, куда ихъ не впустили: указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть ненастье, холодъ и голодъ.... Тѣ, которые предлагали Царство Владиславу, трoбовали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а Вельможи Литовскіе отвѣчали: «Король здѣсь на войнѣ, и самъ терпитъ нужду» (629)! Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицынъ, Мезецкій и Дьяки, — одинъ за другимъ, какъ обыкновенно — торжественными рѣчами изъяснили вину своего Посольства, и сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ Царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. Вмѣсто Короля, гордо отвѣтствовалъ Канцлеръ Сапѣга: Всевѣчный *Богъ боговъ* назначилъ степени для Монарховъ и подданныхъ. Кто дерзаетъ возноситься выше своего званія, того Онъ казнитъ и низвергаетъ: казнилъ Годунова и низвергнулъ Шуйскаго, Вѣнценосцевъ рожденныхъ слугами!.... Вы узнаете волю Королевскую.» И чрезъ нѣсколько дней объявили имъ сію волю!

Дѣйствія Пословъ Московскихъ.

Какъ ни важны были статьи договора, устраненныя Жолкѣвскимъ; хотя Патріархъ и Бояре въ наказѣ, данномъ Посламъ, велѣли имъ неотступно «требовать и *молить слезно*, чтобы Королевичь» — находившійся тогда въ Литвѣ — «принялъ Греческую Вѣру отъ Филарета и Смоленскаго Епископа, ѣхалъ въ Москву уже православный, и тѣмъ отвратилъ соблазнъ, нетерпимый и въ Польшѣ, гдѣ Государи должны быть всегда одной Вѣры съ народомъ» (630): но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія Королевскаго г. 1610. на статьи утвержденныя Гетманомъ: ибо Россіяне цѣловали крестъ первому безъ всякой оговорки, довольствуясь *надеждою* склонить его къ своему Закону уже въ Царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для Пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ* (631), жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ Государя.... И что же? Вельможи Королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малолѣтный не можетъ устроить Царства смятеннаго; что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрію (632). Послы отвѣчали: «Королевичь молодъ, но Богъ устроитъ Державу разумомъ его и счастіемъ, нашимъ радѣніемъ и вашими совѣтами, Вельможи Думные. Смоленскъ не имѣетъ нужды въ воинахъ иноземныхъ: оказавъ столько вѣрности во времена самыя бѣдственныя, столько доблести въ защитѣ противъ васъ, измѣнитъ ли чести нынѣ, чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ *душами* за Боярина Шеина и гражданъ: они искренно, вмѣстѣ съ Россіею, присягнутъ Владиславу» (633). *Для чего же и не Сигизмунду?* возразили Паны: *Государи суть земные Боги, и воля ихъ священна. Вы оскорбляете Короля своимъ недовѣреніемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ: Смоленскъ долженъ присягнуть имъ обоимъ.* Филаретъ и Голицынъ изумились. «Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда,» сказали они: «и вы, избравъ Шведскаго Принца въ Короли, не цѣловали креста родителю его, Іоанну.» *Сравненіе нелѣпое!* воскликнули Паны: *Іоаннъ не спасалъ нашей Республики, какъ Сигизмундъ спасаетъ Россію: ибо, взявъ Смоленскъ, древнюю собственность Литвы, пойдетъ съ войскомъ къ Калугѣ, чтобы истребить Лжедимитрія и тѣмъ успокоить Москву, гдѣ еще не всѣ жители усердствуютъ Королевичу, — гдѣ много людей зломысленныхъ и мятежныхъ.* «Нѣтъ надобности Сигизмунду» — говорили Послы — «и для великаго Монарха унизительно итти самому противъ злодѣя Калужскаго: пусть велитъ только Жолкѣвскому соединиться съ Россіянами, чтобы общими силами истребить его, какъ уставлено въ договорѣ! Походъ Королевскій внутрь Государства разореннаго еще

г. 1610. умножилъ бы зло. Ты, *Левъ Сапѣга*, бывалъ въ Россіи; зналъ ея богатство, многолюдство, цвѣтущіе города и селенія: нынѣ осталась единственно тѣнь ихъ, пепелища, обгорѣлыя стѣны; жители изгибли, отведены плѣнниками въ Литву, разбѣжались въ иныя земли.... А кто виною? ваши грабители еще болѣе, нежели Самозванцы: да удалятся же на вѣки, и Россія будетъ, что была, — по крайней мѣрѣ въ теченіе времени. Гнусный Лжедимитрій и безъ вашего содѣйствія исчезнетъ. Упорнѣйшіе изъ клевретовъ Тушинскихъ и цѣлые города, обольщенные именемъ Димитрія, возвратились подъ сѣнь отечества, какъ скоро услышали о новомъ Царѣ законномъ. Вы говорите о Московскихъ мятежникахъ: ихъ не знаемъ, видѣвъ собственными глазами, что всѣ, *отъ мала до велика,* и там и въ другихъ городахъ цѣловали крестъ Владиславу съ живѣйшею радостію. Нѣтъ, Синклитъ и народъ немедленно казнили бы перваго, кто дерзнулъ бы измѣнить святому обѣту вѣрности. Однимъ словомъ, исполните только договоръ, утвержденный клятвою Гетмана отъ имени Короля и Республики. Дѣло было кончено, къ обоюдному удовольствію: не вымышляйте новаго, чтобы *нашедши не потерять и не каяться* (634). Въ случаѣ вѣроломства, какія откроются бѣдствія! Вы знаете, что Государство Московское обширно: еще не все разрушено, не все пало; есть Новгородъ Великій, многолюдная земля Поморская и Низовая (635); есть Царство Казанское, Астраханское и Сибирское! Не снесутъ обмана, и возстанутъ.... Господь да спасетъ и васъ и насъ отъ слѣдствій ужасныхъ!»

Послы велѣли Дьяку читать Гетмановы условія: Паны не хотѣли слушать (636); но вдругъ какъ бы одумались, и ссылаясь на сей договоръ (637), требовали милліоновъ въ уплату жалованья Королевскому и даже Сапѣгину войску.... «За то ли, спросилъ Голицынъ, что Сапѣга, клевретъ низкаго злодѣя, обнажилъ наши церкви, иконы, гробы Святыхъ, и пилъ кровь Христіанъ? Да и войско Королевское что сдѣлало и дѣлаетъ въ Россіи? губитъ людей и достояніе; какое право на мзду и благодарность? Но когда успокоится Держава, тогда Царь Владиславъ, Патріархъ, Бояре и Чины Государственные условятся съ Сигизмундомъ о вознагражденіи вашихъ убытковъ. Договоръ помнимъ; хотѣли напомнить его г. 1610. вамъ, и спрашиваемъ: даетъ ли Король сына на престолъ Московскій?».... *Жалуетъ,* сказали наконецъ Паны (Октября 23). Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій, встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствованіе Владислава; а Левъ Сапѣга, въ отвѣтъ на статьи, нерѣшенныя Гетманомъ, объявилъ Королевскимъ именемъ: 1) что въ *крещеніи* и женидьбѣ Владислава *воленъ Богъ и Владиславъ* (638); 2) что онъ не будетъ сноситься о Вѣрѣ съ Папою; 3) что смертная казнь для отметниковъ Греческаго исповѣданія въ Россіи (639) утверждается; 4) что о числѣ Ляховъ, коимъ быть при особѣ Царя, Послы могутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и требованія Россіянъ предложатся Сейму въ Варшавѣ, гдѣ, *съ его согласія,* Король *дастъ* имъ сына въ Цари, но *прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совершенно умиривъ Россію*..... Тутъ исчезла радость Пословъ! Паны изъясняли имъ, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ Россіи, то вольные Ляхи и Козаки, числомъ не менѣе осьмидесяти тысячь въ ея предѣлахъ (640), соединились бы съ Лжедимитріемъ; что Король хочетъ Смоленска не для себя, а для Владислава: ибо оставитъ ему все въ наслѣдство, и Литву и Польшу; что Смоленскіе граждане должны присягнуть Королю единственно изъ чести! Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу, или раздробить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные Паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: «конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ будетъ его пепелъ и кровь жителей!»

О семъ худомъ успѣхѣ Посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестію и Бояре благонамѣренные и Гетманъ честолюбивый, который, все еще увѣряя ихъ въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву, только имъ утишаемую, и лично объясниться съ Королемъ. Сами Россіяне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безначалія и мятежей. Пожавъ руку у Князя Мстиславскаго, онъ сказалъ ему: «ѣду довершить мое дѣло и спокойствіе Россіи;» а Ляхамъ: «я

г. 1610. далъ слово Боярамъ, что вы будете вести себя примѣрно для вашей собственной безопасности; поручаю вамъ Царство Владислава, честь и славу Республики.» Преемникомъ его, то есть, истиннымъ градоначальникомъ Москвы, надлежало быть Ляху Госѣвскому, съ усердною помощію Михайла Салтыкова и Дьяка Θедора Андронова, названнаго Государственнымъ Казначеемъ (641). Устроивъ все для храненія тишины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, провождаемый Синклитомъ и толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути и скораго возвращенія! Сіе торжество Гетманово ознаменовалось дѣломъ безславнѣйшимъ для Боярской Думы: она выдала бывшаго Царя своего иноплеменнику! Жолкѣвскій взялъ съ собою двухъ братьевъ Василіевыхъ — и народъ Московскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ везли въ особенныхъ колесницахъ предъ Гетманомъ! Женѣ Князя Дмитрія Шуйскаго дозволили ѣхать съ мужемъ (642); а несчастную Царицу удалили въ Суздальскую Дѣвичью Обитель. Гетманъ заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ самаго Василія и въ мірской, Литовской одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду! «О время стыда и безчувствія!» восклицаетъ современникъ: «Мы забыли Бога! Какой отвѣтъ дадимъ Ему и людямъ? Что скажемъ чужимъ Государствамъ себѣ въ оправданіе, самовольно отдавъ Царство и Царя въ плѣнъ иновѣрнымъ? Не многіе злодѣйствовали; но мы видѣли и терпѣли, не имѣвъ великодушія умереть за добродѣтель» (643). Такъ лучшіе Россіяне скорбѣли внутренно, и въ искреннемъ негодованіи готовились, еще не зная и не думая, къ возстанію отчаянному: часъ приближался!

Отъѣздъ Жолкѣвскаго.

Шуйскій преданъ Полякамъ.

Гетмана встрѣтили пышно, Воеводы Королевскіе и Сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его какъ Героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду и своего Державнаго плѣнника, въ богатой одеждѣ (644). Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонился Королю: *Царь Московскій*, отвѣтствовалъ Василій, *не кланяется Королямъ. Судьбами Всевышняго я плѣнникъ, но взятъ не вашими руками: выданъ вамъ моими подданными измѣнниками* (645). «Его твердость, г. 1610. величіе, разумъ заслужили удивленіе Ляховъ,» говоритъ Лѣтописецъ: «и Василій, лишенный вѣнца, сдѣлался честію Россіи.» Онъ еще имѣлъ нужду въ сей твердости, чтобы великодушно сносить неволю, и тѣмъ заплатить послѣдній долгъ отечеству, въ удостовѣреніе, что оно могло безъ стыда именовать его четыре года своимъ Вѣнценосцемъ!.... Изъявивъ Гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого плѣнника и за мнимое *взятіе* Москвы, Король не хотѣлъ однакожь утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ: доказывалъ, что воцареніемъ Королевича Московская и Польская Держава будутъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастію, и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда Царемъ; грозилъ новою, жестокою, необозримою въ бѣдствіяхъ войною. Считая Гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу и жаднымъ къ личной славѣ, Сигизмундъ не вѣрилъ ему; твердилъ, что занятіе Смоленска необходимо для блага Республики и для его Королевской чести; наконецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять Пословъ Московскихъ къ уступчивости миролюбивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Гетманъ долженъ былъ исполнить Королевскую волю; но, властвуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ ея справедливости, и требовалъ отъ нихъ Смоленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. «Вы боялись» — сказалъ онъ — «впустить насъ и въ Москву; а впустивъ, радовались! Не упорствуйте, или договоръ, заключенный мною съ вами, столь благонамѣренный, столь благословенный для обѣихъ Державъ, уничтожится неминуемо. Король думаетъ, что не взять Смоленска есть для него безчестіе; возметъ силою, и только изъ уваженія къ моему ходатайству медлитъ: сѣкира лежитъ у корня!» Не хотѣли дать времени Посламъ описаться съ Москвою, говоря: «не Москва указываетъ Королю, а Король Москвѣ» (646); требовали неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ обстоятельствахъ Филаретъ и Князь Голицынъ совѣтовались съ чиновниками и Дворянами Посольскими; желали знать мнѣніе и *Смоленскихъ* Дѣтей Боярскихъ, которые пріѣхали съ ними, усердно служивъ

г. 1610. Шуйскому до его низверженія. Всѣ отвѣтствовали: «Не вводить въ Смоленскъ ни единаго Ляха. Если Король дерзнетъ лить кровь, то она будетъ на немъ, вѣроломномъ; имъ, не вами священной договоръ рушится.» Дѣти Боярскіе примолвили: «Наши матери и жены въ Смоленскѣ: пусть тамъ гибнутъ; но города вѣрнаго не отдавайте Ляхамъ. И знайте, что вы не можете отдать его: защитники Смоленскіе не послушаются васъ, какъ измѣнниковъ» (647). Съ твердостію отказавъ Панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще *слезно* заклинали ихъ не испровергать дѣла Гетманова и быть навѣки братьями Россіянъ; но тщетно! 21 Ноября Ляхи, новымъ подкопомъ взорвавъ Грановитую башню и часть городской стѣны, съ Нѣмцами и Козаками устремились къ Смоленской крѣпости; приступали три раза и были славно отражены Шеиномъ, въ глазахъ Сигизмунда, Гетмана и нашихъ Пословъ!.... Еще переговоры длились, хотя и безполезно. Послы Россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволяли писать въ Смоленскъ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ, что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ Думы Боярской (648), слыша единственно отъ Пановъ, что Шведы воюютъ Россію, и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ Крымцевъ и Турковъ въ сподвижники; что Король Датскій готовится взять Архангельскъ; что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ, и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Неудачные приступы къ Смоленску.

Россія дѣйствительно гибла, и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелію! Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплеменниками, *казалась* нечувствительною къ своему уничиженію и стыду. Бояре сидѣли въ Думѣ и писали указы, но слушаясь Госѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договоръ Гетмановъ, и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ Стрѣльцевъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ; велѣлъ истребить всѣ рогатки на улицахъ (649); запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ, выходить ночью изъ домовъ, и вездѣ усилилъ стражу (650). Выгнали Дворянъ и богатѣйшихъ купцевъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ г. 1610. Деревяннаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить Нѣмцевъ и Ляховъ. Однакожь благоразумныя предписанія Гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Одинъ Ляхъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой обезчестилъ дѣвицу: ихъ судили, и перваго сожгли, а втораго высѣкли кнутомъ (651). Еще тишина царствовала, и Москвитяне пировали съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями *и нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ (652). Ляхи не вѣрили терпѣнію Россіянъ, а Россіяне доброму намѣренію Ляховъ, видя ихъ беззаконное господство въ столицѣ, угодное только немногимъ знатнымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ Тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменнику условія благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастися отъ праведной казни. Сильные мечемъ Ляховъ, они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая Князя Мстиславскаго и другихъ Бояръ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ Цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши Послы живутъ у Короля въ неволѣ; знала о приступѣ Ляховъ къ Смоленску, и все еще ждала Владислава (653)! Долго молчавъ, Король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю Калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ (654): долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ — и тогда возвратится въ Литву, чтобы на Сеймѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ, утвердить договоръ Московскій. Между тѣмъ Король *отъ собственнаго имени* давалъ указы Думѣ о вознагражденіи Бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, Печатника Грамотина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ (655); жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ Властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права, — и Дума уважала его волю, какъ будто бы не-

Самовластіе Сигизмунда.

г. 1610. раздѣльную съ волею Царя малолѣтнаго ([656])! И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ Королевскій, просить милостей, равно беззаконныхъ и срамныхъ ([657])!.... Уже народъ, менѣе Думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и Бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ Сейма: о Владиславѣ не было слуха, а Король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ Правительствомъ быть главою и душею Государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ Королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ Ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ Гетманомъ и Госѣвскимъ для собранія дани на жалованье Королевскому войску ([658]). Нетерпѣніе народа. Вездѣ кричали: «Мы присягали Владиславу, а не Гетману и не Госѣвскому!» Жалобы еще удвоились отъ неистовства Ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, мучили, убивали Россіянъ ([659]). Гдѣ нѣтъ защиты отъ Правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Новогородцы затворили ворота, и долго не хотѣли впустить Боярина Ивана Салтыкова, извѣстнаго друга Гетманова, присланнаго къ нимъ Думою съ дружинами Стрѣльцевъ, чтобы выгнать Шведовъ изъ сѣверной Россіи: ибо союзникъ Делагарди, послѣ несчастной Клушинской битвы отступая къ Финляндскимъ границамъ, уже дѣйствовалъ какъ непріятель; Непріятельскія дѣйствія Делагарди. занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, и съ горстію воиновъ мыслилъ отнять Царство у Владислава, самъ собою, безъ вѣдома Карлова, торжественно предлагая одного изъ Шведскихъ Принцевъ намъ въ Государи ([660]). Давъ клятву Новогородцамъ не вводить къ нимъ ни одного Ляха, Салтыковъ убѣдилъ ихъ, какъ подданныхъ Владиславовыхъ, содѣйствовать ему въ изгнаніи Шведовъ и въ усмиреніи мятежниковъ: вытѣснилъ первыхъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи, — ни смирить Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжедимитрія, и гдѣ злодѣйствовалъ Лисовскій ([661]), Злодѣйства Лисовскаго. торгуя добычею разбоевъ и святотатства, пируя съ жителями какъ съ братьями и грабя ихъ какъ непріятель ([662]). Великія Луки, занятыя его сподвижникомъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма, Иваньгородъ, Копорье, Орѣшекъ также упорствовали въ вѣрности къ Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Сія ненависть произвела тогда еще новую, разительную измѣну. Измѣна Казани. Знаменитая именемъ Царства, Казань, въ счастливѣйшіе дни Тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ ([663]), вдругъ пристала къ нему, уже почти всѣми отверженному и презрѣнному! Ея чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи Гетмана въ столицу, возмутились; объявили, что лучше хотятъ служить Калужскому *Царику*, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію, слѣдуя внушенію лазутчиковъ и слугъ его, которые были имъ тогда посланы въ Астрахань и находились въ Казани ([664]). Воевода, славный любимецъ Іоанновъ, Бѣльскій, уговаривалъ народъ не присягать ни Владиславу, ни Лжедимитрію, а *будущему* Вѣнценосцу Московскому, безъ имени; стыдилъ, заклиналъ — и былъ жертвою яростной черни, подстрекаемой Дьякомъ Шульгинымъ: Бѣльскаго схватили, кинули съ высокой башни и растерзали — того, кто служилъ шести Царямъ, не служа ни отечеству, ни добродѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ.... и погибъ въ лучшій часъ своей государственной жизни, какъ страдалецъ за достоинство народа Россійскаго ([665])! Другой Воевода Казанскій, Бояринъ Морозовъ, и люди чиновные не дерзнули противиться ослѣпленнымъ гражданамъ, и вмѣстѣ съ ними писали къ жителямъ сѣверныхъ областей, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга столицею отечества; что имя Димитрія должно соединить всѣхъ истинныхъ Россіянъ для возстановленія Государства и Церкви ([666]). Но Казанцы присягнули уже тѣни!

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугалище для Москвы, Самозванецъ, имѣя тысячь пять Козаковъ, Татаръ и Россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разъѣздахъ ([667]), и говорилъ: «Христіане мнѣ измѣнили: и такъ обращусь къ Магометанамъ; съ ними завоюю Россію, или не оставлю въ ней камня на камнѣ: доколѣ я живъ, ей не знать покоя.» Онъ думалъ, какъ пи-

г. 1610. шутъ, удалиться въ Астрахань, призвать къ себѣ всѣхъ Донцевъ и Ногаевъ, основать тамъ новую Державу и заключить братскій союзъ съ Турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ, и хваляся дружбою Магометанъ, то ласкалъ, то казнилъ ихъ, на свою гибель. Судьба его рѣшилась незапно. Ханъ или Царь Касимовскій, Уразъ-Магметъ, во время Лжедимитріева бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ Ляхамъ, ни къ Россіянамъ, и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугѣ; но сынъ Ханскій донесъ, что отецъ его мыслитъ тайно уѣхать въ Москву, — и Лжедимитрій, безъ всякаго изслѣдованія, велѣлъ палачамъ своимъ, Михайлу Бутурлину и Михневу, умертвить несчастнаго Уразъ-Магмета ([668]) и кинуть въ Оку; а Князя Ногайскаго, Петра Арaслана Урусова, хотѣвшаго мстить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Чрезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Арасланъ уже пылалъ злобою непримиримою, и выѣхавъ съ нимъ на охоту (Декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ прострѣлилъ его насквозь пулею, сказавъ: «я научу тебя топить Хановъ и сажать Мурзъ въ темницу,» отсѣкъ ему голову, и съ Ногаями ушелъ въ Тавриду, прославивъ себя злодѣйскимъ истребленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширнѣйшимъ Царствомъ въ мірѣ, къ стыду Россіи не имѣвъ ничего, кромѣ подлой души и безумной дерзости.

*Смерть Самозванца.*

Съ вѣстію о семъ убійствѣ прискакалъ въ Калугу шутъ Лжедимитріевъ, Кошелевъ, бывъ свидѣтелемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина отчаянная, полунагая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести ([669]) — и къ утру не осталось ни единаго Татарина живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Арaслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный трупъ Лжедимитріевъ съ честію предали землѣ въ Соборной церкви ([670]), и Марина, въ отчаяніи не теряя ни ума, ни властолюбія, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила.... сына, торжественно крещеннаго и названнаго Царевичемъ Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но Россіяне чиновные, которые еще находились между послѣдними клевретами Самозванца: Князь Дмитрій Трубецкій, Черкасскій ([671]), г. 1610. Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйствительному или мнимому; цѣловали крестъ Государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердится на Московскомъ престолѣ ([672]); дали знать о семъ Думѣ Боярской; овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу ([673]).

*Новый обманъ.*

Россія, казалось, ждала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло..... и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ Церкви и Государства — Патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремительный на пути закона и беззаконія — Ляпуновъ Рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель; второму примириться съ добродѣтелію. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ — и не безмолвствовали, когда, нарушая договоръ, Гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ Царствѣ ([674]). Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось въ Королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ Дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человѣкъ дерзкій и лукавый — извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ Вельможными Панами, грубо смѣялся надъ Послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ ([675]), но обманывалъ Ляховъ; наблюдалъ, вывѣдывалъ, и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія ([676]). Такъ и нѣкоторые изъ Пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ: Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьякъ Васильевъ, Архимандритъ Евфимій и Келарь Аврамій ([677]); но возврати-

*Начальники возстанія народнаго.*

г. 1610. лись единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Гетманово или Сигизмундово. — Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ Духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждалъ ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало — и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога (678), вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться *душами и головами* для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ — уже знавъ, вѣроятно, о гибели Самозванца, и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія — писалъ (отъ 13 Декабря) къ Боярамъ, что «Владиславъ скоро будетъ въ Москву, а войско Королевское идетъ противъ Калужскаго злодѣя» (679): Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однакожь скорости, и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы* (680); но Патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу Вѣру* и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы Московской (681). Ермогенъ сказалъ: столица и Государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за Вѣру и Государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна

Грамоты Смолянъ и Москвитянъ.

къ ея жителямъ отъ *Уѣздныхъ* Смолянъ, другая отъ Москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ. Смоляне писали: «Обольщенные Королемъ, мы ему не противились. Что же видимъ? гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви разорены; ближніе наши въ могилѣ или въ узахъ. Хотите ли такой же доли? Вы ждете Владислава, и служите Ляхамъ, угождая извергамъ, Салтыкову и Андронову; но Польша и Литва не уступятъ своего будущаго Вѣнценосца вамъ, ославленнымъ измѣнами (682). Нѣтъ, Король и Сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять Россію г. 1611. безъ условій, вывести ея лучшихъ гражданъ и господствовать въ ней надъ развалинами. Возстаньте, доколѣ вы еще вмѣстѣ и не въ узахъ; поднимите и другія области, да спасутся души и Царство! Знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ: тамъ горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ щитомъ Богоматери и разитъ сонмы иноплеменниковъ!» Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города (683): «Не слухомъ слышимъ, а глазами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ именемъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и къ намъ спѣшите! Здѣсь корень Царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь Богоматерь изображенная Евангелистомъ Лукою; здѣсь свѣтильники и хранители Церкви, Митрополиты Петръ, Алексій, Іона! Извѣстны виновники ужаса, предатели студные: къ счастію, ихъ мало; не многіе идутъ во слѣдъ Салтыкову и Андронову — а за насъ Богъ, и всѣ добрые съ нами, хотя и не явно до времени: Святѣйшій Патріархъ Ермогенъ, прямый учитель, прямый наставникъ, и всѣ Христіане истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ Латинство?» — Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавленія Москвы отъ Ляховъ, *по мысли Ляпунова и благословенію Ермогена* (684).

Слабость Московской Думы.

Что же сдѣлало такъ называемое Правительство, Боярская Дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ Государствѣ истерзанномъ?..... Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захаріи; велѣло Посламъ Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно Королю; велѣло Шеину впустить Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже войско съ Княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владимірѣ (685). Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота Боярская не скрѣплена Патріархомъ, и не хотѣли повиноваться (686); дали тайно знать и Смоленскому Воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы, — и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ Королевскимъ Панамъ: «исполните прежде договоръ Гетма-

г. 1611. новъ;» длилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина(687). Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть Думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ Вельможъ Синклита богоотступниками, преданными *славѣ міра и враждебному Западу*, *не пастырями, а губителями Христіанскаго стада* (688). Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клевреты его; не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго уничиженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили Гетману, вѣрили Сигизмунду — не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей Думныхъ, Князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ Бояръ, и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ (689).

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый (690), какъ было предъ гибелію Разстриги. Кричали на улицахъ: «мы по глупости выбрали Ляха въ Цари, однакожь не съ тѣмъ, чтобы итти въ неволю къ Ляхамъ; время раздѣлаться съ ними» (691)! Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе *хохловъ*, а купцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начинались ссоры и драки. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней (692); ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ

Ссоры съ Поляками.

иногда скрытое оружіе (693). Высылали копныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что Патріархъ есть Глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско избавителей подъ своими стѣнами (694). Не взирая на то, Госѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить Стрѣльцевъ и гражданъ, ни свергнуть Патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ (695). Болѣе наглости оказали злодѣи Россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. «Не велю» — отвѣтствовалъ Патріархъ — «если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной Королевичу присяги» (696). Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ: Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ ножа твоего, да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника» (697)! и взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: «Твое начало: ты долженъ первый умереть за Вѣру и Государство; а если плѣнишься кознями Сатанинскими, то Богъ истребитъ корень твой на землѣ живыхъ — и самъ умрешь какою смертію?» *Предсказаніе исполнилось*, говоритъ Лѣтописецъ (698): ибо Мстиславскій никакъ не хотѣлъ одобрить народнаго возстанія, и писалъ отъ имени Синклита грамоту за грамотою къ Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а Держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Ивань-городъ и Псковъ, обольщенные Генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться Шаху Аббасу; что области Низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь Сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ; но что немедленное прибытіе Королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь Королевскую (699). Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого Короля съ вой- г. 1611.

г. 1611. скомъ (700), отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію Бояръ и даже многихъ Польскихъ Сенаторовъ (701), вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ итти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ — и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы Синклиту уже вмѣстѣ отъ себя и Владислава, именуя его однакожь не Царемъ, а просто Королевичемъ (702); увѣрялъ Бояръ и всю Россію, что желаетъ ей мира и счастія, умиленный нашими бѣдствіями, и будучи ревностнымъ заступникомъ Греческаго Православія; желаетъ соединить ее съ Республикою узами любви и блага общаго, подъ нераздѣльнымъ Державствомъ своего рода (703); что виною всего зла есть упрямство Шеина и Князя Василія Голицына, не хотящихъ ни Владислава, ни тишины; что до усмиренія Смоленска не льзя предпріять ничего рѣшительнаго для успокоенія Государства. Между тѣмъ, какъ бы уже спокойно властвуя надъ Россіею, Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ: производилъ Дворянъ въ Стольники и Бояре, раздавалъ имѣнія, вершилъ дѣла старыя, предписывалъ казнѣ платить долги купцамъ иноземнымъ (704) еще за Іоанна, въ то время, когда указы ея были уже ничтожны для Россіи; когда города одинъ за другимъ возставали на Ляховъ; когда и жители Смоленской области стерегли, истребляли ихъ въ разъѣздахъ, тревожа нападеніями и въ станѣ, откуда многіе Россіяне, дотолѣ служивъ Королю, уходили служить отечеству: такъ Иванъ Никитичь Салтыковъ, пожалованный въ Бояре Сигизмундомъ, мнимый доброхотъ его, мнимый противникъ Ермогена, Филарета и Голицына, съ цѣлою дружиною ушелъ къ Ляпунову (705). Напрасно Госѣвскій ждалъ вспоможенія отъ Короля: видя необходимость дѣйствовать только собственными силами, онъ выслалъ шайки Днѣпровскихъ Козаковъ и Московскаго измѣнника, Исая Сунбулова, воевать мѣста Рязанскія. Ляпуновъ, имѣя еще мало рати, выгналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семъ городѣ, и спасенъ Княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ г. 1611. въ бѣгство, и скоро разбивъ на-голову у Зарайска, доблій Князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова отъ плѣна и землю Рязанскую отъ грабежа; блеснулъ новымъ лучемъ славы, и съ чистою душею приставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу... Козаки бѣжали въ Украйну, предвидя несгоду злодѣйства, а Сунбуловъ въ Москву съ худою вѣстію для измѣнниковъ и Ляховъ, устрашаемыхъ и возстаніемъ областей и ножами Москвитянъ. Но Госѣвскій хвалился презрѣніемъ къ Россіянамъ: надѣялся управиться съ боязливою Москвою, вопреки неблагоразумію Короля соблюсти ее какъ важное завоеваніе для Республики и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ побѣдить многолюдную сволочь.

Составъ ополченія за Россію.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была дѣйствительно странною смѣсію людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена кипѣла Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также грабить, и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ Атаманъ Просовецкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже, близъ Пскова, кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ (706), вдругъ явился въ Суздалѣ какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячь шесть Козаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ Воеводъ народнаго ополченія! Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только умножить число людей. Приняли Князя Дмитрія Трубецкаго, Атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую (707): ибо сіи, долго упорные мятежники вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ Московскихъ Бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности къ Владиславу, и выгнали изъ Калуги Посла ихъ, Князя Никиту Трубецкаго (708). Звали и безстыднаго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю (709), писалъ изъ Перемышля къ Калужанамъ, что онъ служитъ не Королю, не Королевичу, а вольности, — не слушаетъ Бояръ, убѣждающихъ его итти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи (710). Чего надлежало ждать

г. 1611. и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава? не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе, и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое (711), кинувъ домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ долженствовали уступить великодушію!

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и наконецъ (въ Мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, Князь Дмитрій Трубецкій изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, Князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, Князь Θедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, Князь Козловскій изъ Романова, съ Дворянами, Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и Козаками (712); были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, съ усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо — и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Госѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружіе въ руки,* говорилъ Салтыковъ: *ты можешь и смирить ихъ.* «Все смирится» — отвѣтствовалъ Патріархъ — «когда ты, измѣнникъ, съ своею Литвою исчезнешь; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ святыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь Латинскимъ пѣніемъ,» (ибо Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу) «благословляю достойныхъ Вождей Христіанскихъ утолить печаль отечества и Церкви.» Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному Іерарху: не пускали къ нему ни міранъ, ни Духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа (713). Въ Недѣлю Вайй велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго (714). Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осляти держалъ, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ (715), за коимъ шло нѣсколько Бояръ и сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ незапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго (716). День прошелъ мирно; также и слѣдующій. Госѣвскій имѣя только 7000 воиновъ (717) противъ двухъ или трехъ сотъ тысячь жителей, не хотѣлъ кровопролитія (718): ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко, мыслилъ итти къ нимъ на встрѣчу и разбить ихъ отдѣльно (719); а Москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей (720). Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Госѣвскому выступить изъ Москвы, ни Воеводамъ Россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвѣстно (721); но вѣроятнѣе, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайноострымыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ (722), — наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и свершилось ея бѣдствіе ужасное:

Кровопролитіе въ столицѣ.

19 Марта, во Вторникъ Страстной недѣли, въ часъ Обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Госѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ, и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцевъ и грабили лавки (723); вломились въ домъ къ Боярину вѣрному, Князю Андрею Голицыну, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою: конные Ляхи гнали, топтали, рубили ихъ; но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны Стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію при-

г. 1611. веденный одушевить Москву: Князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ, и встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ (724). Госѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дрекольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами (725); преграждали улицы столами, лавками, дровами: стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами Капитанъ Маржеретъ (726), вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый Гетманомъ въ Королевскую службу: торгуя вѣрностію и жизнію, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ, жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однакожь преодолѣвало, и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: «огня! огня!» и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михайла Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина (727): гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, въ лице Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе.

Пожаръ Москвы. Бѣлый-городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

г. 1611. Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали Вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое Правительство Россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровію Москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные Вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи: тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные: прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ (728) и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Госѣвскій принялъ совѣтъ — и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣрѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылающаго Деревяннаго города, отъ Ляпунова Воевода Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска Королевскій Полковникъ Струсъ, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіяне обратили тылъ — и Вождь первыхъ, кликнувъ: «за мною, храбрые!» сквозь пылъ и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ ринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе (729), не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячь людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра (730); смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской Обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Князь Дмитрій Пожарскій еще

Прибытіе Струса.

Г. 1611. Подвиги Пожарскаго.

стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; бился съ Ляхами, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю (731). Вѣрные ему до конца не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.... До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, *обѣщало* имъ *безопасность*, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая месть Россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ вездѣ утухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ, что Ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ — но ликовали: грабили казну Царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ Вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя,

Неистовства Поляковъ въ Москвѣ.

чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску (732); сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцевъ и людей знатныхъ (733); сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ Венгерское и Мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и пьяные рѣзали другъ друга (734)!.... А Россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за Царя Владислава, съ Іерархомъ достойнымъ такой паствы: Игнатіемъ, угодникомъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской Обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ Инокомъ, и снова назвали Патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ (735). Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Заключеніе Ермогена.

---

# ГЛАВА V.

## МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

### Г. 1611 — 1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состояніе Россіи........

Слѣдствія сожженія Москвы.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала и новую силу народному движенію. Ревностные Иноки Лавры, едва услышавъ, что дѣлается въ столи-

г. 1611. цѣ (736), послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилительныя грамоты къ областнымъ Воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровію измѣнниковъ и Ляховъ (737). Воеводы уже не медлили и шли впередъ, на каждомъ шагу встрѣчая толпы бѣгущихъ Москвитянъ, которые, съ воплемъ о мести, примыкали къ войску, поручая женъ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25 Марта Ляхи увидѣли, на Владимірской дорогѣ, легкій отрядъ Россіянъ, Козаковъ Атамана Просовецкаго; напали — и возвратились, хвалясь побѣдою (738). Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими Воеводами близъ Обители Угрѣшской, и 28 Марта двинулись къ пепелищу Московскому. Непріятель, встрѣтивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю, гдѣ Россіяне, числомъ не менѣе ста тысячь (739), но безъ устройства и взаимной довѣренности, осадили шесть или семь тысячь храбрецовъ иноземныхъ, исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ сталъ на берегахъ Яузы, Князь Дмитрій Трубецкій съ Атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, Ярославское и Костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, Князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Тутъ прибылъ къ войску Келарь Аврамій съ Святою водою отъ Лавры, оживить сердца ревностію, укрѣпить мужествомъ (740). Тутъ, на завоеванныхъ кучахъ пепла водрузивъ знамена, воины и Воеводы съ торжественными обрядами дали клятву не чтить ни Владислава Царемъ, ни Бояръ Московскихъ Правителями, служить Церкви и Государству до избранія Государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ, и сражаться съ ними усердно (741).

Поляки осаждены.

Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несмѣтности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіямъ ихъ Вождей (742) — то есть, Ляпунова, который въ битвѣ 6 Апрѣля стяжалъ имя *львообразнаго* Стратига (743): его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россіяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ, и втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвырѣки и Неглинной. Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшіе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но видѣли уменьшеніе только своихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ. Россіяне надѣялись на время: Ляхи страшились времени, скудные людьми и хлѣбомъ. Госѣвскій желалъ прекратить безполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спасенія кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью, въ окрестныя деревни (744); сражался и для того, чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна. Извѣстивъ Короля о сожженіи Москвы и приступѣ Россіянъ къ ея пепелищу, онъ требовалъ скораго вспоможенія, ободрялъ товарищей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ — и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, приходили наши измѣнники и самъ Госѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: «пусть удалятся Ляхи!» Грозили ему злою смертію: старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: «боюся Единаго, тамъ живущаго» (745)! Невидимый для добрыхъ Россіянъ, великій Іерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества, и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ!

Твердость Ермогена.

Къ несчастію, между сими подвижниками господствовало несогласіе: Воеводы не слушались другъ друга, и ратныя дѣйствія безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть и важнаго успѣха (746). Рѣшились торжественно избрать Начальника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ: вѣрные Ляпунова, чиновные мятежники Тушинскіе Князя Дмитрія Трубецкаго, грабители-Козаки Атамана Заруцкаго, чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить мнимый союзъ Россіянъ добрыхъ съ измѣнниками и разбойниками, коихъ находилось множество въ войскѣ. Трубецкій, сверхъ знатности, имѣлъ по крайней мѣрѣ умъ Стратига (747) и нѣкоторыя, еще благородныя свойства, усердствуя оказать себя достойнымъ высокаго сана: Заруц-

Избраніе главныхъ Военачальниковъ.

г. 1611. кій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ Боярство въ Тушинѣ ([748]), имѣлъ одну смѣлую предпріимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества. Сіи ратные Тріумвиры сдѣлались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города, требуя запасовъ и денегъ еще болѣе, нежели людей: города повиновались, *многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ* ([749]), а въ своихъ донесеніяхъ *били челомъ Синклиту Великаго Россійскаго Государства*, и давали, что могли. Казань, стыдясь своего заблужденія ([750]), снова присоединилась къ отечеству, цѣловала крестъ быть *въ любви, въ единодушіи со всею землею* и выслала дружины къ Москвѣ: области Низовыя и Поморскія также ([751]). Пришли и Смоленскіе Уѣздные Дворяне и Дѣти Боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда ([752]). Ляхи гнались за ними, и многихъ изъ нихъ умертвили, какъ измѣнниковъ: остальные тѣмъ ревностнѣе желали участвовать въ народномъ подвигѣ Россіянъ ([753]).

Дѣйствія Сапѣги. —Пришелъ и Сапѣга съ своими шайками и занялъ Поклонную гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули ([754]). Атаманъ разбойниковъ, осыпанный пепломъ нашихъ городовъ, утучненный нашею кровію, хотѣлъ, какъ пишутъ, вѣнца Мономахова: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ милліоновъ, предлагая свои услуги. Не обольстивъ Россіянъ, Сапѣга ударилъ на часть ихъ стана противъ Лужниковъ; отбитый, напалъ съ другой стороны, близъ Тверскихъ воротъ: не могъ одолѣть многолюдства, и, по совѣту Госѣвскаго, взявъ отъ него 1500 Ляховъ въ сподвижники и Князя Григорія Ромодановскаго въ путеводители, удалился къ Переславлю, чтобы грабить внутри Россіи и тревожить осаждающихъ. Въ слѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько легкихъ дружинъ: Сапѣга разбилъ ихъ въ Александровской слободѣ, осадилъ Переславль, жегъ, злодѣйствовалъ, гдѣ хотѣлъ — и Россіяне Московскаго стана, видя за собою дымъ пылающихъ селеній, вдругъ услышали, въ Китаѣ и Кремлѣ, необыкновенный шумъ, громкія восклицанія, звонъ колоколовъ, стрѣльбу изъ пушекъ и ружей ([755]): ждали вылазки, но узнали, что Ляхи только веселились и праздновали счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ г. 1611. Гетмана съ сильнымъ войскомъ — вѣсть еще несправедливую, которая однакожь рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились въ тишинѣ, и за часъ до разсвѣта (22 Маія) приступивъ къ Китаю-городу ([756]), взяли одну башню, гдѣ находилось 400 Ляховъ. Мѣсто было важно: Россіяне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госѣвскій избралъ смѣлыхъ, и велѣлъ имъ, чего бы то ни стоило, вырвать сію башню изъ рукъ непріятеля: съ обнаженными саблями, подъ картечею, Ляхи шли къ ней узкою стѣною, человѣкъ за человѣкомъ; кинулись на пушки, рубили, выгнали Россіянъ, и мужественно отбили всѣ ихъ новые приступы ([757]).

Приступъ къ Китаю-городу.

Въ другихъ мѣстахъ Ляпуновъ, вездѣ первый, и Трубецкій имѣли болѣе успѣха: очистили весь Бѣлый-городъ, взяли укрѣпленія на Козьемъ болотѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую, ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія ([758]), вездѣ послѣ жаркаго кровопролитія. Чрезъ пять дней сдался имъ и Дѣвичій монастырь съ двумя ротами Ляховъ и пятью стами Нѣмцевъ ([759]). Въ то же время Россіяне сдѣлали укрѣпленія за Москвою-рѣкою, стрѣляли изъ нихъ въ Кремль и препятствовали сношенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ, отъ коего Госѣвскій, стѣсненный, изнуряемый, съ малымъ числомъ людей и безъ хлѣба, ждалъ избавленія.

Но Король все еще думалъ только о Смоленскѣ. Донесеніе Госѣвскаго о сожженіи Москвы и наступательномъ дѣйствіи многочисленнаго Россійскаго войска, полученное Сигизмундомъ ([760]) вмѣстѣ съ трофеями (или съ частію разграбленной Ляхами утвари и казны Царской), не перемѣнило его мыслей. Паны въ новой бесѣдѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 Апрѣля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣдствіи *ея мятежнаго духа* ([761]), спрашивали ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ *изгладить зло*. Съ слезами отвѣтствовалъ Митрополитъ: «Уже не знаемъ! Вы легко могли предупредить сіе зло; исправить едва ли можете.» Послы соглашались однакожь писать къ Ермогену, Боярамъ и войску объ унятіи кровопролитія, *если* Сигизмундъ обяжется немедленно выступить изъ Россіи: чего онъ никакъ не хотѣлъ, упорно требуя Смоленска ([762]), и въ гнѣвѣ велѣлъ имъ наконецъ готовиться къ

г. 1611. ссылкѣ въ Литву. «Ни ссылки, ни Литвы не боимся,» сказалъ умный Дьякъ Луговскій: «но дѣлами насилія достигнете ли желаемаго?» Угроза совершилась: вопреки всему священному для Государей и народовъ, взяли Пословъ..... еще мало: ограбили ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ вертепѣ разбойниковъ; отдали воинамъ, повезли въ ладіяхъ къ Кіеву; безчестили, срамили мужей винимыхъ только въ добродѣтели, въ ревности ко благу отечества и къ исполненію государственныхъ условій (763)!.... Одинъ изъ Ляховъ еще стыдился за Короля, Республику и самого себя: Жолкѣвскій. Сигизмундъ предлагалъ ему главное начальство въ Москвѣ и въ Россіи. «Поздно!» отвѣтствовалъ Гетманъ, и съ негодованіемъ удалился въ свои маетности (764), мимо коихъ везли Филарета и Голицына: онъ присылалъ къ нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спросить о здоровьѣ. Знаменитые страдальцы написали къ Жолкѣвскому: «Вспомни крестное цѣлованіе; вспомни душу! Въ чемъ клялся ты Московскому Государству? и что дѣлается? Есть Богъ и вѣчное правосудіе» (765)!

Послы Московскіе отправлены въ Литву.

Не страшась сего правосудія, Король въ письмахъ къ Боярамъ Московскимъ хвалился своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и непричастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова (766), обѣщалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятежей, а Госѣвскому скорое избавленіе, дозволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища Царскія (767), но и все имѣніе богатыхъ Москвитянъ — и возобновилъ приступы къ Смоленску (768), снова неудачные. Шеинъ, воины его и граждане оказывали болѣе, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизмѣнную, хладнокровную, нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣшительность терпѣть до конца, умереть, а не сдаться. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада: запасы, силы, все истощилось, кромѣ великодушія; все сносили, безмолвно, не жалуясь, въ тишинѣ и повиновеніи, львы для враговъ, агнцы для начальниковъ. Осталась едва пятая доля защитниковъ, не столько отъ ядеръ, пуль и сабель непріятельскихъ, сколько отъ трудовъ и болѣзней; смертоносная цынга, произведенная недостаткомъ въ соли и въ уксусѣ (769), довершила бѣдствіе — но еще сражались! Еще Ляхи имѣли нужду въ злодѣйской измѣнѣ, чтобы овладѣть городомъ: бѣглецъ Смоленскій, Андрей Дедишинъ (770), указалъ имъ слабое мѣсто крѣпости: новую стѣну, дѣланную въ осень на-скоро и не прочно. Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили — г. 1611. и въ полночь (3 Іюня) Ляхи вломились въ крѣпость, тутъ и въ другихъ мѣстахъ, оставленныхъ малочисленными Россіянами для защиты пролома. Бились долго въ развалинахъ, на стѣнахъ, въ улицахъ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ пѣніи въ церквахъ, гдѣ жены и старцы молились. Ляхи, вездѣ одолѣвая, стремились къ главному храму Богоматери, гдѣ заперлися многіе изъ гражданъ и купцевъ съ ихъ семействами, богатствомъ и пороховою казною. Уже не было спасенія: Россіяне зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ, съ дѣтьми, имѣніемъ — и славою! Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на время свою побѣду, и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, что имѣли драгоцѣннаго, и сами съ женами бросались, чтобы оставить непріятелю только пепелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ (771), и не Польша, но Россія могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ (772).

Взятіе Смоленска.

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ и противился Ляхамъ: доблій Шеинъ. Онъ хотѣлъ смерти; но предъ нимъ плакали жена, юная дочь, сынъ малолѣтный (773): тронутый ихъ слезами, Шеинъ объявилъ, что сдается Вождю Ляховъ — и сдался Потоцкому. Вѣрить ли Лѣтописцу, что сего Героя оковали цѣпями въ станѣ Королевскомъ и пытали, довѣдываясь о казнѣ Смоленской, будто бы имъ сокрытой (774)? Король взялъ къ себѣ его сына; жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ; самого Шеина послалъ въ Литву узникомъ. — Плѣнниками были еще Архіепископъ Сергій, Воевода Князь Горчаковъ и 300 или 400 Дѣтей Боярскихъ (775). Во время осады изгибло въ городѣ, какъ увѣряютъ, не менѣе семидесяти тысячь людей; она дорого стоило и Ляхамъ: едва третья доля Королевской рати осталась въ живыхъ, огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ, такъ, что слушая торжественное благодареніе Си-

г. 1611. гизмундово, за ея великое дѣло, и новые щедрые обѣты его, воины смѣялись, столько разъ манимые наградами и столько разъ обманутые. Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ (776); далъ Потоцкому грамоту на Староство Каменецкое, три дни угощалъ сподвижниковъ, велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеваніе Смоленска, и съ гордостію извѣстилъ о томъ Бояръ Московскихъ, которые отвѣтствовали, что сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ, радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога (777)!...... Торжество еще разительнѣйшее ожидало Сигизмунда, но уже не въ Россіи.

Историки Польскіе, строго осуждая его неблагоразуміе въ семъ случаѣ, пишутъ, что если бы онъ, взявъ Смоленскъ, немедленно устремился къ Москвѣ, то войско осаждающихъ, видя съ одной стороны наступленіе Короля, съ другой смѣлаго витязя Сапѣгу, а предъ собою неодолимаго Госѣвскаго, разсѣялось бы въ ужасѣ какъ стадо овецъ; что Король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву, съ Думою Боярскою умирилъ бы Государство, или давъ ему Владислава, или присоединивъ оное къ Республикѣ, и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска, но цѣлой Державы Россійской (778). Заключеніе едва ли справедливое: ибо тысячь пять усталыхъ воиновъ, съ Королемъ мало уважаемымъ Ляхами и ненавидимымъ Россіянами, не сдѣлали бы, вѣроятно, болѣе того, что сдѣлалъ послѣ новый его Военачальникъ, какъ увидимъ: не премѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россіи!

Сей Военачальникъ, Гетманъ Литовскій, Ходкѣвичь, знаменитый опытностію и мужествомъ, дотолѣ дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ Шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы итти съ войскомъ къ Москвѣ, вмѣсто Сигизмунда, который нетерпѣливо желалъ успокоиться на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Сенатъ и народъ съ веселіемъ привѣтствовали въ немъ Героя. Но блестящее торжество для него и Республики совершилось въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ столицѣ съ своимъ Державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сіе зрѣлище, данное тщеславіемъ тщеславію, надмевало Ляховъ отъ Монарха до послѣдняго шляхтича, и было, какъ

Шуйскіе въ Варшавѣ.

они думали, несомнительнымъ знакомъ г. 1611. ихъ уже рѣшеннаго первенства надъ нами, концемъ долговременнаго боренія между двумя великими народами Славянскими. Утромъ (19 Октября), при несмѣтномъ стеченіи любопытныхъ, Гетманъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною благородныхъ всадниковъ, съ Вельможами Коронными и Литовскими, въ шестидесяти каретахъ (779); за ними, въ открытой богатой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ парчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ двумя братьями, Князьями Шуйскими, и съ Капитаномъ Гвардіи; далѣе Шеинъ, Архіепископъ Сергій и другіе Смоленскіе плѣнники въ особенныхъ каретахъ (780). Король ждалъ ихъ во дворцѣ, сидя на тронѣ, окруженный Сенаторами и чиновниками, въ глубокой тишинѣ. Гетманъ ввелъ Царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лице Василія изображало печаль, безъ стыда и робости: онъ держалъ шапку въ рукѣ, и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на сверженнаго Монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превратностяхъ рока и жалость къ злосчастію не мѣшала восторгу Ляховъ. Продолжалось молчаніе: Василій также внимательно смотрѣлъ на лица Вельможъ Польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: отца Маринина, имъ спасеннаго отъ ужасной смерти, и въ сію минуту счастливаго его бѣдствіемъ (781)!..... Наконецъ Гетманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромною: «дивился въ ней разительнымъ перемѣнамъ въ судьбѣ Государствъ и счастію Сигизмунда; хвалилъ его мужество и твердость въ обстоятельствахъ трудныхъ; славилъ завоеваніе Смоленска и Москвы; указывалъ на Царя, преемника великихъ Самодержцевъ, еще недавно ужасныхъ для Республики и всѣхъ Государей сосѣдственныхъ, *даже* Султана и *почти* цѣлаго міра; указывалъ и на Дмитрія Шуйскаго, Предводителя *ста-осьмидесяти тысячь* воиновъ *храбрыхъ*; исчислялъ *Царства*, Княженія, области, народы и богатство, коими владѣли сіи плѣнники, всего лишенные умомъ Сигизмундовымъ, взятые, повергаемые къ ногамъ Королевскимъ... Тутъ *(пишутъ Ляхи)* Василій, кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую руку

г. 1611. до земли и приложилъ себѣ къ устамъ: Дмитрій Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а Князь Иванъ три раза, и заливаясь слезами. Гетманъ поручалъ ихъ Сигизмундову великодушію; доказывалъ Исторіею, что и самые знаменитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ назваться счастливыми до конца своей жизни, и ходатайствовалъ за несчастныхъ.»

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомирскаго, которые пылали нетерпѣніемъ сказать торжественно Василію, что «онъ не Царь, а злодѣй, и недостоинъ милосердія, измѣнивъ Димитрію, упоивъ стогны Московскія кровію благородныхъ Ляховъ, обезчестивъ Пословъ Королевскихъ, вѣнчанную Марину, ея Вельможнаго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дерзая быть *гордымъ, упрямымъ* (782), какъ бы въ посмѣяніе надъ судьбою»: упрекъ достохвальный для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ уничиженіи его предъ Королемъ (783)! — Насытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную, но не безславную; гдѣ умерли и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ (784). Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: «Во славу Царя Царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, возвративъ Смоленскъ Республикѣ, плѣнивъ Великаго Князя Московскаго, Василія, съ братомъ его, Княземъ Дмитріемъ, Главнымъ Воеводою Россійскимъ, Король Сигизмундъ, по ихъ смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить тѣла ихъ, не забывая общей судьбы человѣческой, и въ доказательство, что во дни его царствованія не лишались погребенія и враги, Вѣнценосцы беззаконные» (785)! — Во времена лучшія для Россіи, въ государствованіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государствованіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей незгоды: картину взятія Смоленска и Василіева позора въ неволѣ, писанную искуснымъ г. 1611. художникомъ Долабеллою (786). Рукою могущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый стыдъ, Король не явилъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно для Филаретовой добродѣтели: ибо не только Литовскіе единовѣрцы наши, но и Вельможи Польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастію, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи (787)!....

Между тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣвича, Воеводы Московскаго стана имѣли бы время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ власть государственную и воинскую.... злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ Козаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжаніи, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлые города и волости себѣ въ добычу (788) — не только давалъ Козакамъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе воины едва не умирали съ голоду въ станѣ: но мыслилъ схватить и Царство! Марина была въ рукахъ его: тщетно писавъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ (789), чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ Россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія Козака, съ условіемъ, чтобы Заруцкій возвелъ на престолъ Лжедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ Правителя, властвовалъ съ *нею!* Что нелѣпое и безумное могло казаться тогда несбыточнымъ въ Россіи? Лицемѣрно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову — взявъ подъ надзоръ Марину, переведенную въ Коломну — имѣя дружелюбныя сношенія и съ Госѣвскимъ (790), обманывая Россіянъ и Ляховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки прелестію добычи, искалъ единомышленниковъ, въ пользу Лжецаревича

Умыселъ Заруцкаго и Марины.

г. 1611. Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ ([791]), но еще не довольно для успѣха вѣроятнаго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ предпріялъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, если не вдругъ обличить злодѣя въ Атаманѣ многолюдныхъ шаекъ, то обуздать его беззаконія, которыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди служивые написали челобитную къ Тріумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ ([792]). Къ досадѣ Заруцкаго и даже Трубецкаго, сія Дума составилась изъ Выборныхъ войска, чтобы дѣйствовать именемъ отечества и Чиновъ Государственныхъ, хотя и безъ знатнаго Духовенства, безъ мужей Синклита. Она утвердила власть Тріумвировъ ([793]), но предписала имъ правила; уставила:

Уставная грамота. «1) Взять помѣстья у людей сильныхъ, которые завладѣли ими въ мятежныя времена безъ земскаго приговора, раздать скуднымъ Дѣтямъ Боярскимъ или употребить доходы оныхъ на содержаніе войска; взять также все данное именемъ Владислава или Сигизмунда, *сверхъ старыхъ окладовъ*, Боярамъ и Дворянамъ, оставшимся въ Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у всѣхъ худыхъ Россіянъ, нехотящихъ въ годину чрезвычайныхъ опасностей ѣхать на службу отечества или самовольно уѣзжающихъ изъ Московскаго стана; взять въ казну всѣ доходы питейные и таможенные, беззаконно присвоенные себѣ нѣкоторыми *Воеводами*» (вѣроятно Заруцкимъ). «2) Снова учредить Вѣдомство Помѣстное, Казенное и Дворцовое для сборовъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Уравнять, землями и жалованьемъ, всѣхъ сановниковъ *безъ разбора, гдѣ кто служилъ*: въ Москвѣ ли, *въ Тушинѣ* или *въ Калугѣ*, смотря по ихъ достоинству и чину. 4) Не касаться имѣнія добрыхъ Россіянъ, убитыхъ или плѣненныхъ Литвою, но отдать его ихъ семействамъ или соблюсти до возвращенія плѣнниковъ; не касаться также имѣнія церквей, монастырей и Патріаршаго; не касаться ничего, даннаго Царемъ Василіемъ въ награду *сподвижникамъ Князя Михаила Скопина-Шуйскаго* и другимъ воинамъ за вѣрную службу. 5) Назначить жалованье и доходы сановникамъ и Дѣтямъ Боярскимъ, коихъ помѣстья заняты или опустошены Литвою, и которые стоятъ нынѣ *со всею землею* противъ измѣнниковъ и враговъ. г. 1611. 6) Для посылокъ въ города употреблять единственно Дворянъ раненныхъ и неспособныхъ къ бою, а всѣмъ здоровымъ возвратиться къ знаменамъ. 7) Кто нынѣ умретъ за отечество, или будетъ изувѣченъ въ битвахъ, тѣхъ имена да внесутся въ Розрядныя Книги, вмѣстѣ съ неложнымъ описаніемъ всѣхъ дѣлъ знаменитыхъ, на память вѣкамъ. 8) Атаманамъ и Козакамъ строго запретить всякіе разъѣзды и насилія; а *для кормовъ* посылать только *Дворянъ добрыхъ* съ Дѣтьми Боярскими. Кто же изъ людей воинскихъ дерзнетъ грабить въ селеніяхъ и на дорогахъ, тѣхъ казнить безъ милосердія: для чего возстановится старый Московскій *Приказъ Разбойный* или Земскій. 9) Управлять войскомъ и землею тремъ избраннымъ Властителямъ, но *не казнить никого смертію и не ссылать безъ торжественнаго земскаго приговора*, безъ суда и вины законной; кто же убьетъ человѣка самовольно, того лишить жизни, какъ злодѣя. 10) А если избранные Властители не будутъ радѣть вседушно о благѣ земли и слѣдовать уставленнымъ здѣсь правиламъ, или Воеводы не будутъ слушаться ихъ безпрекословно: то мы вольны *всею землею* перемѣнить Властителей и Воеводъ, и выбрать иныхъ, способныхъ къ бою и дѣлу земскому.»

Сію важную, уставную грамоту, ознаменованную духомъ умѣренности, любви къ общему государственному благу и снисхожденія къ несчастнымъ обстоятельствамъ времени, подписали Тріумвиры (Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго, вѣроятно безграмотнаго), три Дьяка, Окольничій Артемій Измайловъ, Князь Иванъ Голицынъ, Вельяминовъ, Иванъ Шереметевъ и множество людей безчиновныхъ отъ имени *двадцати-пяти* городовъ и войска ([794]). Дали и старались исполнить законъ; возстановили хотя тѣнь Правительства, бездушнаго въ Самодержавіи безъ Самодержца. Но Ляпуновъ уже занимался и главнымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ искать *лучшаго* Царя для одушевленія Россіи? Уже, перемѣнивъ мысли ([795]), онъ думалъ, подобно Мстиславскому и другимъ, что сей *лучшій* Царь долженъ быть иноземецъ Державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныхъ, родственниковъ и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными. Недоставало времени обозрѣть всѣ Державы Христіанскія, Виды Ляпунова.

г. 1611. искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднѣйшимъ, объщая намъ, вмѣсто вражды, миръ и союзъ. Ляхи насъ обманули: мы еще могли испытать Шведовъ, менѣе противныхъ Россійскому народу. Ненависть къ Ляхамъ кипѣла во всѣхъ сердцахъ: ненависть къ Шведамъ была только историческимъ воспоминаніемъ Новогородскимъ — и даже Новгородъ, какъ увѣряютъ, мыслилъ въ случаѣ крайности поддаться скорѣе Шведамъ, нежели Сигизмунду (796). Что предлагалъ Делагарди самъ собою, того уже ревностно хотѣлъ Карлъ IX: дать намъ сына въ Цари; уполномочилъ Вождя своего для всѣхъ важныхъ договоровъ съ Россіею, и писалъ къ ея Чинамъ Государственнымъ, что Сигизмундъ, будучи орудіемъ Іезуитовъ или Папы, желаетъ властвовать надъ нею единственно для искорененія Греческой Вѣры; что Король Испанскій въ заговорѣ съ ними и намѣренъ занять Архангельскъ или гавань Св. Николая; но что Россія въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціею можетъ презирать и Ляховъ и Папу и Короля Испанскаго (797). Россія видѣла Шведовъ въ Клушинѣ! Могла однакожь извинять ихъ невѣрность невѣрностію своихъ, и помнила, что они съ незабвеннымъ Княземъ Михаиломъ освободили Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ Генераломъ Делагарди.

Дѣла съ Шведами. Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами, Шведы въ сіе время продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ Новогородскихъ, и тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ (798), взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячь Россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто человѣкъ, вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и знаменами: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Дикія скалы Корельскія прославились великодушіемъ защитниковъ, достойныхъ сравненія съ Героями Лавры и Смоленска! Къ сожалѣнію, Новогородцы не имѣли такого духа, и хваляся ненавистію къ одному врагу, къ Ляхамъ, какъ бы безпечно видѣли завоеванія другаго: уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новѣгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду (799): по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ; но его уже не было. г. 1611. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ итти съ войскомъ къ Москвѣ, Новогородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнителю Владиславова царствованія, опасаясь въ немъ готоваго сподвижника Ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго стана, удостовѣрили крестнымъ обѣтомъ въ личной безопасности — и посадили на колъ, возбужденные къ дѣлу столь гнусному злымъ Дьякомъ Самсоновымъ (800)! Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности; говорилъ: «не знаю отца, знаю только отечество, и буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами».... Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія Небеснаго: ибо сей юный, умный Бояринъ въ день Клушинской битвы усерднѣе другихъ измѣнниковъ способствовалъ торжеству Ляховъ и сраму Россіянъ (801)!.... На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ Воеводу Бутурлина, а въ слѣдъ за нимъ и Князя Троекурова, Думнаго Дворянина Собакина, Дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всемъ съ Генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хутынской Обители (802). Переговоры началися въ его станѣ. «Судьба Россіи» — сказалъ ему Бутурлинъ — «не терпитъ Вѣнценосца отечественнаго: два бѣдственныя избранія доказали, что подданному нельзя быть у насъ Царемъ благословеннымъ» (803). Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ Шведами и Принца ихъ, юнаго Филиппа, въ Государи; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: требовалъ Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иваня-города, Гдова (804). «Лучше умереть на своей землѣ, нежели искать спасенія такими уступками,» отвѣтствовали Россійскіе Сановники, и заключили только перемиріе, чтобы описаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей Властитель не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами; соглашался однакожь впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны Новогородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой — для Филиппа. Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, — и Делагарди сдѣлалъ тоже, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ Державѣ!.... Если бы онъ неукос-

г. 1611. нительно присоединился къ нашему войску подъ столицею, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлить съ нимъ славу успѣха, истребить Госѣвскаго и Сапѣгу, отразить Ходкѣвича, возстановить Россію: то вѣнецъ Мономаховъ, исторгнутый изъ рукъ Литовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, потомству Варяжскому, и братъ Густава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ законно избранный, законно утвержденный на престолѣ Великою Думою Земскою, включилъ бы Россію въ систему Державъ, которыя, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Вестфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до временъ новѣйшихъ!

Но Делагарди, снискавъ личную пріязнь Бутурлина, бывшаго Гетманова плѣнника и ревностнаго ненавистника Ляховъ, вздумалъ, по тайному совѣту сего легкомысленнаго Воеводы, какъ пишутъ (805) — захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее Московскому Царю-Шведу, или удержать какъ важное пріобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ перемирія минулъ, и Делагарди, жалуясь, что Новогородцы не даютъ ему денегъ, изъявляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляются, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ (806), приближился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высматривалъ мѣста и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бутурлинъ съ нимъ не разлучался, празднуя въ его станѣ. Другіе Воеводы также безпечно пили въ Новѣгородѣ; не берегли ни стѣнъ, ни башенъ; жители ссорились съ людьми ратными; купцы возили товары къ Шведамъ. Ночью съ 15 на 16 Іюля (807) Делагарди, объявивъ своимъ чиновникамъ, что *враждебный* Новгородъ, *великій* именемъ, славный богатствомъ, не страшный силами, долженъ быть ихъ легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ помощію одного слуги измѣнника, Ивана Швала, незапно вломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Всѣ спали: обыватели и стража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца въ конецъ, но не для битвы: кидались отъ ужаса въ рѣку, спасались въ крѣпость, бѣжали въ поле и въ лѣса (808); а Бутурлинъ Московскою дорогою съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами, имѣвъ однакожь время выграбить лавки и домы знатнѣйшихъ купцевъ. Сражалась только горсть людей подъ начальствомъ Головы Стрѣлецкаго, Василія Гаютина, Атамана Шарова, Дьяковъ Голенищева и Орлова; не хотѣла сдаться и легла на мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой Сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ Протоіерей Софійскаго храма, Аммосъ, съ своими друзьями, въ глазахъ Митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны, и видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою, снявъ съ него какую-то эпитимію церковную. Шведы сожгли наконецъ и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новогородца въ Исторіи (809)! Уже не находя сопротивленія, они искали добычи; но пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и Воевода Бояринъ Князь Никита Одоевскій, будучи въ крѣпости съ Митрополитомъ, немногими Дѣтьми Боярскими и народомъ малодушнымъ, предложилъ Генералу Делагарди мирныя условія. Заключили, 17 Іюля (810), слѣдующій договоръ, отъ имени Карла IX и Новагорода, *съ вѣдома Бояръ и народа Московскаго*, утверждая всякую статью крестнымъ цѣлованіемъ за себя и *потомство:*

Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди.

1) Быть вѣчному миру между обѣими Державами, на основаніи *Теузинскаго* (811) договора. Мы, Новогородцы, отвергнувъ Короля Сигизмунда и наслѣдниковъ его, Литву и Ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ своимъ защитникомъ и покровителемъ Короля Шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи и Швеціи вмѣстѣ противиться сему врагу общему, и не мириться одной безъ другой.

Договоръ Шведовъ съ Новгородомъ.

2) Да будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ сынъ Короля Шведскаго, Густавъ Адольфъ или Филиппъ. Новгородъ цѣлуетъ ему крестъ въ вѣрности, и до его прибытія обязывается слушать военачальника Іакова Делагарди во всемъ, что касается до чести упомянутаго сына Королевскаго и до государственнаго, общаго блага; вмѣстѣ съ нимъ, Іаковомъ, утвердить въ вѣрности къ Королевичу всѣ города своего Княжества, оборонять ихъ и не жалѣть для того самой жизни. Мы, Исидоръ Митрополитъ, Воевода Князь Одоевскій и всѣ иные сановники, клянемся ему, Іакову, быть искренними въ совѣтѣ и ревностными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что

г. 1611. узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замышлять ничего важнаго, особенно вреднаго для Шведовъ, но предостерегать и хранить ихъ во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чтобы удовольствовать войско, снабдить крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ Королевичу и великому Новугороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ Шведскіе сановники, клянемся, что *если* Княжество Новогородское и Государство Московское признаютъ Короля Шведскаго и наслѣдниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ, противъ Ляховъ, на вышеозначенныхъ условіяхъ: то Король дастъ имъ сына своего, Густава или Филиппа, въ Цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъявятъ Его Величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего Государя обѣщаю Новугороду и Россіи, что ихъ древняя Греческая Вѣра и Богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, Духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣніе Святительское и Церковное неприкосновенно.

4) Области Новогородскаго Княжества и другія, которыя захотятъ также имѣть Государя моего покровителемъ, а сына его Царемъ, не будутъ присоединены къ Швеціи, но останутся Россійскими, исключая Кексгольмъ съ Уѣздомъ; а что Россія должна за наемъ Шведскаго войска, о томъ Король, давъ ей сына въ Цари и смиривъ всѣ мятежи ея, съ Боярами и народомъ сдѣлаетъ расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ вѣдома и согласія Россійскаго Правительства не вывозить въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ, и не сманивать Россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было отъ времени Рюрика до Ѳеодора Іоанновича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ Россійскими сановниками должно засѣдать такое же число и Шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, Шведовъ и Россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ, и въ силу Теузинскаго договора, выдавать обидчиковъ истцамъ.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и люди воинскіе сохраняютъ отчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя, усердіемъ и вѣрностію. г. 1611.

8) Будутъ награждаемы и достойные Шведы, за ихъ службу въ Россіи, имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія Вельможъ Россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими Державами.

10) Козакамъ Дерптскимъ, Ямскимъ и другимъ изъ Шведскихъ владѣній открытъ путь въ Россію и назадъ ([812]), какъ было уставлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопи, какъ издревле ведется, принадлежатъ Господамъ, и не могутъ искать вольности.

12) Плѣнники, Россійскіе и Шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія тверды и ненарушимы какъ для Новагорода, такъ и для всей Московской Державы, если она признаетъ Государя Шведскаго покровителемъ, а Королевича Густава или Филиппа Царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что будетъ нужно, Король условится съ Россіею по воцареніи его сына.

14) Между тѣмъ, ожидая новыхъ повелѣній отъ Государя моего, я, Делагарди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю, или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а Княжествомъ Новогородскимъ, съ помощію Божіею, Митрополита Исидора, Воеводы Князя Одоевскаго и товарищей его, буду править радѣтельно и добросовѣстно, охраняя гражданъ и строгостію удерживая воиновъ отъ всякаго насилія.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется, безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города ([813]).

17) Сіи взаимныя условія ненарушимы для Новагорода, и въ такомъ случаѣ, если бы, сверхъ чаянія, Государство Московское не приняло оныхъ: въ удостовѣреніе чего мы, Воевода Іаковъ Делагарди, Полковники и Сотники Швед-

г. 1611. ской рати, даемъ клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладствомъ.

18) И мы, Исидоръ Митрополитъ съ Духовенствомъ, Бояре, Чиновники, купцы и всякаго званія люди Новогородскіе, также клянемся, въ вѣрномъ исполненіи договора, нашему покровителю, Его Величеству Карлу IX и сыну его, будущему Государю нашему, хотя бы, сверхъ чаянія, Московское Царство и не приняло сего договора.

О Вѣрѣ избираемаго не сказано ни слова: Делагарди безъ сомнѣнія успокоилъ Новогородцевъ, какъ Жолкѣвскій Москвитянъ, единственно надеждою, что Королевичь исполнитъ ихъ желаніе и будетъ сыномъ нашей Церкви. Въ крайности обстоятельствъ молчала и ревность къ Православію! Думали только спастися отъ государственной гибели, хотя и съ соблазномъ, хотя и съ опасностію для Вѣры.

Шведы, вступивъ въ крѣпость, нашли въ ней множество пушекъ (814), но мало воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ и только 500 рублей въ казнѣ, такъ, что Делагарди, мысливъ обогатиться несмѣтными богатствами Новогородскими, долженъ былъ требовать денегъ отъ Короля: ибо войско его нетерпѣливо хотѣло жалованья, волновалось, бунтовало, и цѣлыя дружины съ распущенными знаменами бѣжали въ Финляндію (815).

Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди.

Къ счастію Шведовъ, Новогородцы оставались зрителями ихъ мятежа, и дали Генералу Делагарди время усмирить его, вѣрно исполняя договоръ, утвержденный и присягою всѣхъ Дворянъ, всѣхъ людей ратныхъ, которые ушли съ Бутурлинымъ, но возвратились изъ Бронницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣнникъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней въ Бронницахъ, чтобы дождаться тамъ своихъ пожитковъ изъ Новагорода, имъ злодѣйски ограбленнаго, спѣшилъ въ станъ Московскій, вмѣстѣ съ Делагардіевымъ чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстить нашихъ Воеводъ, что Шведы, взявъ Новгородъ какъ непріятели, готовы какъ друзья стоять за Россію противъ Ляховъ.

Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія.

Но станъ Московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! — Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ г. 1611. иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ Россійскимъ, тотъ, на кого Атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго Властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами (816). Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы Царскаго (817). Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу (818): 20 Козаковъ, кинутыхъ Воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрѣшской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ Московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ Атаманомъ-Тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часъ (819). Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ Атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ увѣренный въ безопас-

г. 1611. ности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища Козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи;» свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріялъ смерть отъ извергов (820): жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь Герою своего времени, Главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго Стратига и Властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали (821); грабительства и смертоубійства возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами (822).... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій (823). Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными Главами оставались Тушинскій Лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями? г. 1611.

Состояніе Россіи. И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе (824); Астрахань, гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ (825), какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго Царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воеводъ Московскаго стана; Шведы, схвативъ Новгородъ, убѣжденіями и силою присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе, — гдѣ явился еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій (826), достойный предшественниковъ, чтобы прибавить новый стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ и новыми гнусностями обременить Исторію, — и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками. Высланный наконецъ жителями изо Пскова и не впущенный въ крѣпкій Ивангородъ, онъ взялъ Вороночь, Красный, Заволочье; нападалъ на малочисленные отряды Шведовъ; грабилъ, гдѣ и кого могъ (827). Тихвинъ, Ладога сдалися Генералу Делагарди на условіяхъ Новогородскихъ (828); Орѣшекъ не сдавался....

.............................................................
.............................................................
.............................................................
.............................................................

# ВАРІАНТЪ

## КЪ СТРАНИЦАМЪ 187 И 188.

**Нѣкоторыя изъ послѣднихъ страницъ XII тома найдены въ подлинной рукописи покойнаго Исторіографа въ двухъ видахъ. Издатели сего тома въ 1829 году выбрали изъ обоихъ варіантовъ полнѣйшій. Предлагаемъ и другой, для любопытныхъ Читателей, считая долгомъ замѣтить, что начало его слѣдуетъ немедленно за словами страницы 184 : *дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи* (787) !....**

Сія неволя тяжкая въ землѣ враждебной сколь была завидна въ сравненіи съ жребіемъ тѣхъ Россіянъ, которые, еще дерзая именоваться Боярами, Правителями Государственными, служили тогда Ляху Госѣвскому или злодѣю Салтыкову, и въ смятеніи ума писали изъ Кремля къ Сигизмунду, что они поздравляютъ его съ одолѣніемъ бунтовщиковъ Смоленскихъ и воздаютъ за то хвалу Богу !

Если въ осажденномъ Кремлѣ недостойные Россіяне могли искренно или притворно, хотя и не менѣе гнусно радоваться : то сердце въ осаждающихъ упало, когда свѣдали о гибели Смоленска, а скоро и другаго знаменитаго, дотолѣ вѣрнаго города, гдѣ самая ненависть къ Ляхамъ дала выгоду иному врагу нашему, столь же хищному. Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новѣгородѣ, мирволилъ, можетъ быть, Сигизмунду : по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ, и выгнавъ ихъ изъ Ладоги, хотѣлъ освободить Кексгольмъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ими тѣснимый; но узнавъ о происшедшемъ въ Москвѣ, немедленно выступилъ туда съ войскомъ изъ Ладоги : съ какимъ намѣреніемъ, неизвѣстно. Сынъ злодѣя и ревнитель Владиславова царствованія могъ ли вселять довѣренность? Желая дѣйствовать за одно со всѣми Россіянами для избавленія столицы отъ Ляховъ, Новогородцы подозрѣвали Ивана Салтыкова въ единомысліи съ отцемъ и звали къ себѣ, давъ ему клятву въ личной для него безопасности. Салтыковъ явился — и былъ вѣроломно преданъ ужасной пыткѣ; клялся въ невинности; говорилъ : «не знаю отца; знаю только отечество и буду рѣзаться съ Ляхами.» Возбуждаемые Дьякомъ Самсоновымъ, Новогородцы посадили сего несчастнаго, юнаго Боярина на колъ, — и Тріумвиры Московскаго стана, довольные ихъ ревностію, на его мѣсто прислали къ нимъ знатнаго Сановника Василія Бутурлина, который, бывъ плѣнникомъ Гетмана Жолкѣвскаго, хвалился омерзѣніемъ къ Ляхамъ, а не любовію къ чести и свободѣ Государственной; судилъ по себѣ о другихъ Россіянахъ, не ждалъ ничего добраго отъ своихъ, и лично зная Делагарди, тайно изъявилъ ему готовность содѣйствовать видамъ Шведской политики. Въ сіе время Шведы безъ успѣха приступали къ Орѣшку, но взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячь Россіянъ, истребленныхъ битвою и цынгою, оставалось только 100 человѣкъ, вышедшихъ свободно съ имѣніемъ и съ оружіемъ : ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Къ несчастію Новогородцы не имѣли такого духа. Делагарди, увѣренный въ Бутурлинѣ, съ пятью тысячами Шведовъ приблизился къ Хутынскому монастырю,

объявляя вездѣ письмо Карла IX къ Государственнымъ Чинамъ о намѣреніи Короля Испанскаго завоевать пристань Св. Николая, или Архангельскъ, если мы не соединимся съ Шведами, заплативъ имъ всѣ деньги по договору Мансфельдову и Выборгскому: Новогородцы увѣряли Делагарди въ дружелюбіи, въ готовности возобновить союзъ съ Шведами, но требовали, чтобы онъ удалился къ границѣ ждать тамъ отвѣта Воеводъ Московскаго стана на предложенія Карловы, и между тѣмъ, пославъ ихъ къ Тріумвирамъ, взяли мѣры, хотя исподоволь, для своей защиты: ибо Делагарди не хотѣлъ отступить, тайно сносясь съ Бутурлинымъ. Еще Новогородцы вѣрили Шведамъ: вѣрилъ имъ и Ляпуновъ, коего мысль и дѣло въ семъ случаѣ изъяснились обстоятельствами важными.

**КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.**

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КЪ IX ТОМУ

# ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Никон. Лѣт.* VII, 259 — 261.

(2) Hakluyt, I, 357: This Emperour useth great familiaritie, as wel unto all his nobles and subiects, as also unto strangers. . . his pleasure is, that they shall dine oftentimes in his presence. . . He is not onely beloved of his nobles and commons, but also had in great dread and feare through all his dominions, so that J thinke no prince in Christendome is more feared of his owne then he is, nor yet better beloved. Jf he bid any of his Dukes goe, they will runne, и проч. Далѣе: Hee delighteth not greatly in hawking, hunting or any other pastime, nor in hearing instruments or musicke, but setteth all his whole delight upon two things: to serve God, and howe to subdue and conquere his enemies. — Въ выпискахъ Аббата Албертранди изъ Ватиканской Библіотеки есть Relatione de gli grandissimi stati etc. del potentissimo Imperatore et Gran Duca di Moscovia, сочиненная около 1557 года Италіянцемъ, бывшимъ въ службѣ у Царя Іоанна: онъ называетъ его прекраснымъ душею и тѣломъ, добродѣтельнымъ, знаменитѣйшимъ, славнѣйшимъ изъ Государей: questo nostro Duca et grande Imperatore, di età d'anni 27, bello di corpo et d'animo prestante et generoso, merita per le singolare sue virtù et per la benivolenza de i sudditi, et per gli suoi grandissimi fatti, in poco tempo forniti gloriosamente, ad ogni altro, che hora regge, essere agguagliato et preposto. Сей доброй Италіянецъ хвалитъ также мудрость, ясность Іоанновыхъ законовъ: жаль, что сказываетъ мало любопытнаго о тогдашнемъ состояніи Россіи, портитъ имена, и вообще пишетъ неосновательно.

(3) Несомнительными доказательствами свирѣпства Іоаннова служатъ (кромѣ чужеземныхъ Историковъ) сказанія нашихъ Лѣтописцевъ, извѣстія Курбскаго, самыя Іоанновы письма и такъ называемые *Синодики*, которые сей Государь разсылалъ по монастырямъ, вписывая въ оные имена убитыхъ имъ людей, женъ, младенцевъ, и веля молить за нихъ какъ за *невинныхъ страдальцевъ*. Вотъ что говорятъ Лѣтописцы: «По смерти ея (Царицы Анастасіи) аки чуждая буря велія къ тишинѣ благосердія Царскаго припаде, и нѣкако превратися многомудростный его умъ на яростный нравъ, и нача многихъ отъ сродства своего сокрушати, тако же и Вельможъ отъ Сигклита своего. Во истину бо сбыться въ притчахъ реченное, яко пареніе похоти премѣняетъ умъ незлобивъ,» и проч. Сіе мѣсто находится во многихъ лѣтописяхъ, въ Хронографахъ и въ Степенныхъ. — Въ Демидовскомъ Хронографѣ, сочиненномъ Сергѣемъ Кубасовымъ, современникомъ Іоанновымъ (см. *Русскія Достопамятности*, Ч. 1, стр. 170 — 172) сказано: «Царь Иванъ (былъ) жестокосердъ вельми на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ вельми и неумолимъ; множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби, и многія грады своя поплѣни, и многія Святительскія чины заточи, и смертію немилостивною погуби, и иная многая содѣяхъ надъ рабы своими; женъ и дщерей блудомъ оскверни.» Въ *Архив. Псков. Лѣт.* л. 24: Вознесеся (Іоаннъ) гордостію... и начатъ воеватись, и въ тѣхъ ратехъ и въ войнахъ ходя, свою землю запустошилъ, а опослѣди отъ иновѣрцовъ и самъ ума изступи, и землю хотѣ погубити, аще не бы Господь животъ его прекратилъ.» Въ *Морозов. Лѣт.* Графа Толстаго: «За умноженіе грѣховъ всего православнаго Христіанства, Государь Царь и В. К. Іоаннъ Васил. наполнися гнѣва и ярости, началъ подвластныхъ своихъ сущихъ рабовъ злѣ и немилостивнѣ гонити, и кровь ихъ проливати . . . и домы грабити, и Воеводъ, данныхъ ему отъ Бога, начатъ безъ вины убивати, и грады красвѣйшія разрушати, и въ нихъ православныхъ Христіанъ злѣ и немилостивно убивати, даже и до сущихъ младенцевъ; не усрамися же и Святительскаго чина: овыхъ убивая, иныхъ же заточенію предавая, и тако много лѣта во дни живота своего провождая, и наконецъ же старости пришедъ, нрава же своего никако премѣнити возможе.» См. еще ниже, прим. 321. — Изгнанникъ Курбскій имѣлъ конечно злобу на Царя; но могъ ли явно лгать предъ современниками въ случаяхъ извѣстныхъ всякому изъ нихъ? Онъ писалъ для Россіянъ, которые читали сію книгу съ жадностію, списывали, хранили въ библіотекахъ, не только въ частныхъ, но и въ казенныхъ: такой чести не оказываютъ лжецу. Истина нѣкоторыхъ его сказаній подтверждается государственными документами: на примѣръ, Послужными Списками, гдѣ означены убитыми или (какъ тогда говорили) *выбылыми*, многіе чиновники, коихъ насильственную смерть описываетъ Курбскій: наименуемъ Князей Д. И. Хилкова, Александра Горбатаго, С. В. Ростовскаго, П. А. Куракина, М. Т. Черкасскаго, М. И. Воротынскаго, и проч. (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XX, 46 — 53). Въ отвѣтной *Эпистоліи* своей къ Курбскому Царь пишетъ: «жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и *казнити* вольны же есмя . . . которые обращаются въ сопротивныхъ, то по своей винѣ и *казнь пріемлютъ*.» Слѣдственно Іоаннъ не запирается въ казняхъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ о своихъ грѣхахъ въ письмѣ къ Игумену Кирилловской Обители, Козмѣ, каясь ему съ Христіанскимъ чистосердечіемъ и смиреніемъ, по безъ сомнѣнія не думая взводить на себя небылицы: «Подобаетъ вамъ (Монахамъ) насъ заблуждшихъ во тмѣ гордости просвѣщати, а мнѣ, псу смердящему, кого учити, и чему наказати, и чѣмъ просвѣтити? Самъ бо всегда въ піянствѣ и въ блудѣ и въ прелюбодѣйствѣ, въ сквернѣ, въ убійствѣ, въ кровопійствѣ, въ грабленіи, въ хищеніи, во всякомъ злодѣйствѣ.» Это письмо достопамятное сохранилось въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ Патріаршей и во многихъ другихъ библіотекахъ. Самъ же Іоаннъ писалъ къ Курбскому изъ Вольмара въ Сент. 1577 (см. *Дѣла Польск. Двора*): «И нынѣ грѣшника мя суща и блудника и мучителя помилова Богъ . . . Только бы вы у меня не отняли *юницы*» (Анастасіи) «моея, ино бы *Кроновы жертвы* не было» (въ отвѣтъ на обвиненіе Царя въ распутствѣ). «А буде молвишь, что язъ о томъ не стерпѣлъ: ино вси есмя человѣцы. Ты чего для понялъ Стрѣлецкую жену? Толькобъ есте на меня съ Попомъ (Сильвестромъ) не стали, инобъ того ничего не было.» Я имѣю Синодикъ присланный Іоанномъ въ Кирилловскій монастырь: тамъ именно означены многочисленныя жертвы его тиранства. Въ самыхъ Посольскихъ дѣлахъ сего времени говорится о частыхъ опалахъ и казняхъ. Однимъ словомъ, или всѣ злодѣйства Калигулы, Нерона, Коммода, суть басни, или Іоанновы жестокости не подвержены сомнѣнію: доказательства первыхъ не достовѣрнѣе вторыхъ.

(4) Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому говоритъ: Посылали есми слугу своего, Царя Шигъ-Алея, и Боярина своего, К. Мих. Вас. Глинскаго, и Воеводъ своихъ Германъ воевати: и отъ того времени отъ Попа Сильвестра и отъ Алексѣя и отъ васъ ка-

ковымъ отягченіемъ словеснымъ пострадахъ, нѣсть удобно изглаголати; еже какова скорбная ни сотворися намъ, то вся Германъ ради случися.» Тамъ же въ другомъ мѣстѣ: «множайше насъ глаголаша воюющихъ на *Христіанъ*, еже на Германы или Теутоны: ино нѣсть сіе,» и проч.

(5) «Аки очи тебѣ (Царю) закрывающе; не дали (Сильвестръ и Адашевъ) ни на чтожъ зрѣти, хотяще сами царствовати... Аще бы не они были при тебѣ и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладалъ,» и проч. См. Курбскаго.

(6) «Повелѣвающе тебѣ въ мѣру ясти и пити и со Царицею жити.» См. тамъ же.

(7) Курбскій: «по оной же преславной побѣдѣ, аки бы на третій день, Царь нащъ отрыгнулъ нѣчто неблагодарно вмѣсто благодаренія Воеводамъ и всему воинству: на единаго разгнѣвався, таковое слово рекъ: *нынь оборонилъ мя Богъ отъ васъ*,» и проч.

(8) Въ *Розрядн.* и въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 483: Того же лѣта (въ Маѣ 1560) были въ Нѣмец. земли въ больш. полку К. Ив. Ѳед. Мстиславской, да Мих. Яков. Морозовъ, да Околничей Алексѣй Ѳед. Адашевъ.»

(9) Курбскій: «Сильвестръ Пресвитеръ, прежде неже изгнанъ былъ, видѣ его (Царя) не по Бозѣ ходяща, наказуя много, да во страхѣ Божіи пребываетъ и въ воздержаніи жительствуетъ... онъ же не внимаше. Разсмотрѣвъ же вся сія Пресвитеръ, иже уже лице свое отврати, отшелъ было въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащъ, и тамо, въ Мнишествѣ будуще, чистое свое жительство препровождалъ. Клеветницы же слышавше, болшася, да не услышитъ Царь о семъ и паки да не возвратитъ его къ себѣ,» и проч.

(10) «Нынѣ же, егда отогналъ еси ихъ, во истину образумился еси, и отворилъ еси себѣ очи, зряще уже свободно на все свое Царство.» См. Курбскаго.

(11) «Егда же услышали презлые, еже и тамъ Богъ помогаетъ ему (Адашеву въ Ливоніи): понеже не мало градовъ Лифляндскихъ, еще не взятыхъ, хотѣша поддатись ему его ради доброты: ибо, и въ бѣдѣ будучи положенъ, служаше Царю своему вѣрнѣ,» и проч. См. тамъ же.

(12) «Тогда Царева жена умре: они же рѣша, аки бы очаровали ее оные мужи... такъ худые люди и ничему годные чаровницы тя, Государя славнаго и мудраго, держали аки въ оковахъ.» См. тамъ же.

(13) Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому: «на нашу Царицу Анастасію ненависть зѣльную воздвигоша» (Сильвестръ и Адашевъ).

(14) «Аще» (говорятъ клеветники) «припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя; а къ тому любяще ихъ все твое воинство и народъ паче, нежели самаго тебя, побіютъ тебя и насъ каменіемъ,» и проч. См. Курбскаго.

(15) Царь пишетъ: «Спасенія ради души моея пріяхъ Попа Сильвестра... а онъ, поправъ священные обѣты, лукавымъ обычаемъ сперва убо яко благо нача, и мнѣ видѣвшу въ Божеств. Писаніи, како подобаетъ наставникамъ покорятися безъ всякаго разсужденія, ему совѣта ради духовнаго повинухся; онъ же восхитихся властію, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ... Сильвестръ со Алексѣемъ содружися, и вмѣсто духовныхъ мірская начаша совѣтовати и всѣхъ вашихъ Бояръ въ самовольство приводити, и честію мало васъ не съ нами равняюще... и почали причитати къ вотчинамъ, ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего Уложеніемъ у васъ взимали, и тѣ вотчины вѣтру подобно розлали непотребно... и единомышленника своего, К. Дм. Курлятева, къ намъ въ Сигклитію припустили... и ни единыя власти не оставиша, идѣ же своя угодники не поставиша... и власть отъ насъ отъяша... Намъ же аки младенцамъ пребывающимъ... И по сему противу разуму, еже восхотѣхомъ бы въ совершенномъ возрастѣ младенцемъ быти... Аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху мене съ малѣйшими люди сквозѣ невѣрну землю... Мнѣ же, яко Владыкамъ быти случается, немощію одержиму бывшу, тогда еже отъ тебя нарицаемые доброхоты яко пьяни воспаташася съ Попомъ Сильвестромъ и началникомъ вашимъ Алексѣемъ... и хотѣша воцарити К. Владиміра, младенца жь нашего подобно Ироду погубити... Попу же и Алексѣю оттолѣ не престающимъ злая, на доброхотныхъ намъ гоненія умышляюще, Князю же Володимеру во всемъ его хотѣніе удерживающе, и нашу Царицу Анастасію уподобляюще нечестивымъ Царицамъ; чадъ же нашихъ ниже помянути могоша. Егда же собака, измѣнникъ старой, Ростовской Князь Семенъ, иже по нашей милости, а не по своему досужству сподобленъ быти отъ насъ Сигклитства, Литовскимъ Посломъ, Станиславу да Воину, нашу думу изнесе, насъ укоряя и нашу Царицу, и мы еще милостиво казнь свою надъ нимъ учинили, и послѣ того Попъ Сильвестръ съ вами почалъ того собаку въ великомъ бреженіи держати... и всѣмъ измѣнникомъ благо время учинися; намъ же оттолѣ въ большемъ утѣсненіи пребывающимъ, отъ нихъ же во единомъ и ты былъ еси, еже съ Курлятевымъ хотѣсте насъ судити про Сицкого... Молитвы же убо и прехожденія по Святымъ Мѣстамъ, сія вся вашимъ лукавымъ умышленіемъ отъ насъ взяшася; о врачествѣ же и хитрости своего ради здравія ниже помянути тогда бяше,» и проч. Сіе послѣднее обвиненіе доказываетъ, что бывшіе любимцы не совѣтовали Царю лечиться безъ нужды.

(16) Тамъ же: «Аще и порфиру ношу, но обаче вѣмъ сіе, яко по всему подобенъ всѣмъ человѣкомъ: обложенъ есмь по естеству, а не яко же мудрствуете, яко же выше естества велите быти мнѣ.» Въ другомъ мѣстѣ: «Не мни мя разумомъ младенствующа, яко же начальницы ваши, Сильвестръ и Алексѣй, глаголаху, ниже дѣтскими страшилы устрашати, яко же прежде.»

(17) См. Курбскаго.

(18) Іоаннъ пишетъ къ Курбскому: «Попу Сильвестру ничего зла не сотворихъ; а еже убо мірскимъ, аже подъ властію нашею сущимъ, симъ убо по ихъ измѣнѣ тако и сотворихомъ. *И сперва* же убо казнію конечною ни единому коснухомся.» Далѣе см. Курбскаго.

(19) Въ Послужномъ Спискѣ Боярскомъ 1561 г. Адашевъ означенъ *убылымъ:* это слово заставило бы насъ думать, что Адашевъ убитъ; но Курбскій, какъ врагъ Іоанновъ, не утаилъ бы сего злодѣйства. Напротивъ того онъ пишетъ: «Повелѣ (Царь) свести его изъ Феллина въ Юрьевъ, и держанъ бысть подъ стражею, и по двухъ мѣсяцахъ въ недугъ огненный впаде; исповѣдався и взявъ Святыя Христа Бога нашего тайны, къ Нему отыде. Клеветницы же возопиша Цареви: се твой измѣнникъ самъ себѣ далъ ядъ,» и проч.

(20) Курбскій: «Десять имѣлъ прокаженныхъ въ дому своемъ, тайно питающе и обмывающе ихъ руками своими.»

(21) Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому: «Всѣмъ же убо, иже къ нимъ приставшимъ, повелѣхомъ отъ нихъ отлучитися; и сію убо заповѣдь положивше, и крестомъ ихъ утвердихомъ.»

(22) Въ *Продолж. Царств. Кн.*: «того же лѣта (1560) Авг. въ 14, въ Среду, приходилъ ко Царю

и Вел. Князю бити челомъ Макарей Митрополитъ, да Владыка Матвей Сарскій и Подонскій, и Архимандриты всѣ, и Бояре всѣ, и били челомъ,» и проч.

(23) Въ *Продолж. Царств. Кн.*: «и розда по ней (Анастасіи) милостыню, не токмо по градцкымъ церквамъ, но и по всѣмъ уѣздомъ, много тысящь рублевъ; и во Царьградъ и въ Іерусалимъ, и во Св. Гору, и въ иные тамошніе страны.»

(24) См. Дѣла Польскія, No 6, стр. 1 — 55. Государь спрашивалъ у Митрополита, можно ли ему жениться на сестрѣ Польскаго Короля? Макарій отвѣчалъ, что хотя Король и въ сватовствѣ съ нимъ Царемъ, но Церковь не запрещаетъ совокупляться бракомъ въ шестомъ колѣнѣ.

(25) См. Курбскаго.

(26) Въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 492 — 495. «Того же м. Августа Царь и В. К. дѣтемъ своимъ повелѣ дѣлати дворъ особной на Възрубѣ позади набережные большие полаты, и на дворѣ у нихъ храмъ большой, Стрѣтеніе, и учини ту Протопопствіе и къ Соборомъ причте; повелѣ же дѣлати спѣшно, чтобы дѣтемъ своимъ устроится ранѣе; а брату своему, К. Юрію Вас., мѣсто очистити, дворъ дяди своего, Княже Юрьевской Ивановича, позади Ивана Св. что подъ колоколы, и Михайловской дворъ Захарьина и иные снести по ограду Михайлова Чуда и по заулокъ, и церковь ставити на Княжемъ дворѣ на сѣнехъ, Введеніе; а жилъ К. Юрьи Вас. съ Царемъ нераздѣльно; а отъ того времени Царь и В. К. учалъ ему обиходъ его строити изъ его городовъ и волостей . . . тако же учинилъ у него особно Бояръ . . . а Царю Александру Сафакиреевичу повелѣ мѣсто очистити у Николы Гостунского, дворъ Княже Петровской Михайловича Щенятева, да Морозовыхъ; а жилъ Ц. Александръ на Царевѣ же дворѣ въ хоромѣхъ у Спаса . . . обиходъ же ему давати изъ дворца.

(27) См. Курбскаго.

(28) Въ краткомъ описаніи Іоаннова царствованія, въ Синодальной рукописи No 364, л. 839 на обор.: Умершей убо Царицѣ Анастасіи, нача Царь быти яръ и прелюбодѣйственъ зѣло.»

(29) «Твои суть недоброхоты, и еще Сильвестровъ и Алексѣевъ духъ не вышелъ изъ нихъ,» и проч. (см. Курбскаго).

(30) См. Курбскаго.

(31) Курбскій: «Нарицаемая Магдалина, родомъ Ляховица, во святомъ вдовствѣ превозсіяюща, яко на преподобномъ тѣлѣ ея носити ей вериги тяжкіе.»

(32) Тамъ же: «съ сыномъ Тархомъ. . . и тесть Даниловъ Петръ Туровъ: оному Петру аки за *мѣсяцъ* предъ смертію видѣніе явилось, проповѣдающе смерть мученическую, еже *мнѣ* самъ исповѣдалъ, которое краткости ради писанія оставляю.» Слѣдственно Туровъ убитъ прежде бѣгства Курбскаго, т. е. прежде 1564 года.

(33) См. Т. VIII, стр. 20.

(34) См. Курб. и Гваньини Rer. Polon. II, 244. Послѣдній говоритъ, что Іоаннъ велѣлъ К. Дмитрію Овчинину, уже хмѣльному, выпить чашу крѣпкаго меду за Царское здоровье; что К. Дмитрій не могъ выпить и половины; что Царь велѣлъ сего двадцати-пятилѣтняго Воеводу отвести въ погребъ и задушить (вѣроятно, въ 1563 году: ибо послѣ того не упоминается объ немъ въ Розрядн. Книгахъ). Гваньини, современникъ Іоанновъ, былъ родомъ изъ Вероны, служилъ въ Польшѣ, начальствовалъ въ Витебскѣ (именуясь peditum in arce Vitebska finitima Moschoviæ Præfectus) и занимался Исторіею своего втораго отечества. Его Sarmatia, съ *Описаніемъ Государства Московскаго и тиранства Іоаннова* (Gesta præcipua Tyrannisque ingens Monarchæ Moscoviæ, I. B. nuper perpetrata) была напечатана въ 1581 году, въ Спирѣ. Сію-то книгу Стефанъ Баторій прислалъ къ Царю, сказавъ: «читай, что о тебѣ пишутъ въ Европѣ!» (см. ниже, примѣч. 561). Іоаннъ хотѣлъ отвѣчать, но, какъ вѣроятно, раздумалъ. Не льзя ручаться за истину всего, что Гваньини, вѣря иногда слухамъ, иногда очевидцамъ, Литовскимъ Посламъ и плѣнникамъ, разсказываетъ о Московскихъ происшествіяхъ, но книга его весьма уважалась въ Россіи и была переведена на старой, чистой Русской языкъ или въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка, со многими поправками въ именахъ людей и въ самыхъ обстоятельствахъ. — Другіе пишутъ, что К. Овчининъ заслужилъ гнѣвъ Царя смѣлымъ противорѣчіемъ Іоаннову намѣренію ввести въ Россію Нѣмецкіе обычаи и законы: см. *Подробную Лѣтопись*, изданную Львовымъ и сочиненную въ началѣ XVIII вѣка. Извѣстія о временахъ Грознаго Авторъ выбиралъ изъ чужеземныхъ Историковъ, даже портилъ имена Русскія и писалъ безъ всякаго соображенія: на примѣръ, сказанное имъ о К. Овчининѣ взято изъ Одерборна (Ioannis Basilidis Magni Moschoviæ Ducis Vita). Сіе описаніе Іоанновой жизни было напечатано въ 1585 году; достойно замѣчанія какъ современное, но во многомъ баснословно.

(35) См. Курб. Въ Послужн. Спискѣ К. Михайло Рѣпнинъ означенъ *умершимъ* около 1564 года, вмѣстѣ съ К. Юріемъ Иван. Кашинымъ и Никитою Вас. Шереметевымъ; но имена ихъ стоятъ въ Кирилловскомъ Синодикѣ какъ безвинно *убіенныхъ*. О Хилковѣ и Морозовѣ см. въ Послуж. Спискѣ Бояръ: оба выбыли, т. е. умерщвлены, въ 1564 г.

(36) Курбскій о постриженіи Курлятева: «Неслыханное беззаконіе! Постриже силою всеродно, сирѣчь съ женою и съ малыми дѣтками, плачущихъ, вопіющихъ! а по нѣколикихъ лѣтахъ подавили ихъ всѣхъ.» Слѣдственно и малолѣтныя дѣти были пострижены? Въ Архив. Переписной Книгѣ No 2, л. 420 — 425, сказано: «Столпикъ, а въ немъ Государева грамота къ Дьяку къ Ондрею Вас., да другая ко К. Дм. Хворостинину, да къ Дьяку къ Ив. Дубенскому, писана о К. Дмитреѣ Курлятевѣ, какъ велѣно его везти въ монастырь къ Спасу на Волокъ. Да тутъ же роспись, что давати Юрьевѣ Княг. Бѣльского, старицѣ Анастасьѣ. Да тутъ же ссылка трехъ старицъ въ Каргополь, и что имъ давати корму . . . лѣта 7071» (1563). — Въ Архив. Иностр. Кол. сохранилось дѣло *о ссылкѣ на Бѣлоозеро К. Михайла Воротынскаго*: см. ниже, примѣч. 145.

(37) Ив. Шереметевъ ходилъ съ Царемъ къ Полоцку въ началѣ 1563 году; но въ Апрѣлѣ былъ уже въ немилости: см. ниже, примѣч. 76. 8 Марта, 1564 г., Царь взялъ *поручную запись* съ Бояръ (Салтыкова), Ив. Петр. Ѳедорова, Бутурлиныхъ и проч.), въ томъ, чтобы Шереметеву не уходить изъ Россіи; въ случаѣ же бѣгства его они должны были заплатить въ казну 10 тысячь рублей (см. *Собр. Госуд. Грамотъ*, 496).

Курбск.: «Царь мучилъ Ив. Шереметева злою узкою темницею съ острымъ помостомъ, и сковалъ тяжкими веригами по выѣ, по рукамъ и по ногамъ, и по чресламъ обручь толстый желѣзный, и къ тому обручу 10 пудъ желѣза привѣсити повелѣлъ, и въ таковой бѣдѣ аки день и ночь мучилъ. Потомъ пришелъ глаголати съ нимъ. Ему же на помостѣ лежащу и едва дышащу,» и проч. Угрожаемый новыми муками, Шереметевъ сказалъ: «твори, еже хощеши; уже бо ми близъ пристанище. . . и другія отвѣты зѣло премудрыя, яко Философъ или учитель великій, отвѣщавалъ ему. Онъ же умилився мало, повелѣлъ отъ узовъ разрѣшити его и отвести въ легчайшую темницу, и тогожъ дня удавити брата его Никиту.» Шереме-

тевъ присутствовалъ въ Думѣ еще лѣтъ шесть (см. Дѣла Польск. и Шведск.). Въ Спискѣ Бояръ (*Вивліов.* XX, 50): «умерли Бояре (въ 1570 г.) Вас. Сем. Серебряной и Ив. большой Вас. Шереметевъ.» Но лѣтосчисленіе сего Списка не достовѣрно, какъ я замѣтилъ въ разныхъ случаяхъ. — Меньшій Иванъ Шереметевъ, также Бояринъ, спасся отъ гнѣва Царскаго.

Въ письмѣ къ Игумену Кирилловскаго Бѣлозерскаго монастыря Царь говоритъ: «Бояре, къ вамъ пришедъ, свой любострастный уставъ ввели... не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Шереметева уставъ добръ: держи его; а Кирилловъ уставъ не добръ: остави его... Шереметеву какъ назвать васъ братіею? у него и десятой холопъ, которой у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братіи, которые въ трапезѣ ѣдятъ... На Симоновѣ точію одѣяніемъ Иноцы, а мірская вся совершаются, яко же у Чюда (въ Чудовѣ монастырѣ быша до Левкія... У Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изсякло и монастырь оскудѣлъ: не пострижется никто. А на Сторожехъ (въ Савинѣ м.) до чего допили? Затворити монастыря не кому; по трапезѣ трава растетъ, а мы видали тамъ братіи до осмидесяти... У васъ сперьва Іоасафу Умному дали оловянникъ въ келью, да Серапіону Сицкому, да Іонѣ Ручкину; а Шереметеву уже съ поставцемъ, да и поварня своя. Вѣдь дати воля Царю, ино и псарю дати; слабость Вельможѣ, ино и простому... Доколѣ молвы и смущенія, доколѣ рѣти и шептанія и суесловія ради пса Василія Собакина, или бѣсова сына, Ивана Шереметева, или дурака для Хабарова?» (Въ другомъ мѣстѣ сего письма Царь называетъ Шереметева и Хабарова Анною и Каіафою, а Варлаама Собакина Пилатомъ)... «Или не вѣсте Шереметева отца, Василья? вѣдь его бѣсомъ звали; и какъ постригся, да пришелъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, да снялся съ Курцовыми, а Іоасафъ, что былъ Митрополитъ, тотъ съ Коровиными, да межъ себя бранятся... и въ каково простое житіе достиже Св. Обитель, всѣмъ видимо; а дотолѣ у Троицы было крѣпко житіе... Въ нашъ пріѣздъ К. Иванъ Кубенской былъ у насъ Дворецкой, да у насъ кушанье отошло пріѣзжее, а всеношное благовѣстятъ, и онъ похотѣлъ поѣсти да испить за жажу, а не за прохладъ: и Старецъ Симонъ Шубинъ съ нимъ и иные не отъ большихъ, а они ему о томъ какъ бы шутками молвили: *Князь Иванъ! поздо: уже благовѣстятъ!* Да сей, сидячи у поставца съ конца, ѣстъ, а они съ другова отсылаютъ; да хватился хлебнуть испити, ано и капли не осталось: все отнесено на погребъ. Таково было у Троицы; а нынѣ хуже и Пѣсноши; а вся та слабость отъ Василья Шереметева. Сице и сынъ его Іона» (такъ былъ названъ Иванъ въ Монашествѣ) «тщится погубити послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяюще, и душамъ совершенное пристанище спасенія въ Кирилловѣ монастырѣ... А въ міру тотъ Шереметевъ съ Висковатымъ первые не почали за кресты ходити; а дотудова все Христіанство, съ женами и со младенцы, за кресты ходили и не торговали того дни, опричь съѣстнаго, ничѣмъ; а кто учнетъ торговати, и на томъ имали заповѣди. Таковы Шереметевы!... И за малыя вещи прежніе ваши Старцы стояли. А коли мы первое были въ Кирилловѣ въ юности, и поиспоздали ужинати (зане же у васъ въ Кирилловѣ въ лѣтнюю пору не знати дня съ ночью), и попытали стерлядей, а Подкеларьникъ (казначей) былъ у себя въ кельѣ, и его съ нужею привели, и почали ему говорити о стерлядехъ, и онъ отвѣчалъ: *о томъ мнѣ приказу не было; а нынѣ ночь: взять негдѣ. Государя боюся, а Бога больше.* А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что Царь; а Хабаровъ къ нему приходитъ, да иные Чернцы, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; а Шереметевъ невѣсть съ свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряны составные овощи; а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе... а иные глаголютъ, будто и вино горячее къ Шереметеву приносили въ келью: ано по монастырямъ и Фряжскіе вины зазоръ. Али было нечѣмъ вамъ Шереметева кормити? Доселѣ многія страны Кириловъ препитывалъ и въ гладныя времена, а нынѣ и самихъ васъ въ хлѣбное время только бы не Шереметевъ прекормилъ, и вамъ бы всѣмъ было съ голоду перемереть: пригоже ли такъ Кирилову быти, какъ Іоасафъ Митрополитъ у Троицы съ крылошаны пировалъ, или какъ Михайло Сукинъ въ Никицкомъ, или Іона Мотякинъ? И отцу Шереметева еще слово, что неволею отъ бѣды постригся; а Іону вѣдь Шереметева никто въ зашеекъ не билъ. Богъ свидѣтель, монастырскаго для безчинія говорю; а что на Шереметевыхъ гнѣвъ, ино вѣдь есть его братія въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положити: а надъ Чернцемъ что опалятися? А про Собакиныхъ мнѣ не прочто кручиниться. Варламовы племянники хотѣли было меня и съ дѣтьми чародѣйствомъ извести, и Богъ меня укрылъ, и ихъ злодѣйство объявилося, и про своихъ душегубцевъ мнѣ не прочто мстить. Одно было ми досадно, что есте моего слова не подержали: Собакинъ пріѣхалъ съ моимъ словомъ, и вы его не поберегли, да еще моимъ именемъ поносили, чему судъ Божій происшелъ: ано было пригоже нашего для слова дурость его прикрыти. А Шереметевъ о себѣ пріѣхалъ, и вы того чтите и бережете. Собакинъ моего для слова погибъ, а Шереметевъ о себѣ воскресъ. Другой на васъ Сильвестръ наскочилъ... По тому ли вамъ добрѣ жаль Шереметева, что братія его нынѣ непрестанно въ Крымъ посылаютъ, да Бесерменство на Христіаны наводятъ? А Хабаровъ велитъ мнѣ себя переводити въ иной монастырь, и язъ не холатай скверному его житію. Иноческое житіе не игрушка: три дни въ Чернцахъ, а седьмой монастырь. Доколѣ былъ въ міру, ино образы окладывалъ, да книги оболочалъ бархатомъ, да застежки и жуки (ушки) серебрены, да жити затворяся, да келья ставити, да четки въ рукахъ; а нынѣ съ братіею вмѣстѣ ѣсти лихо! ... Язъ видалъ, по четкамъ матерны лаютъ: что въ тѣхъ четкахъ?... О Хабаровѣ мнѣ нечего писати: какъ себѣ хочетъ, такъ и дуруетъ. А что Шереметевъ сказываетъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома: ино вѣдь не всѣхъ лежней для разорити законы... Се уже конецъ моихъ словесъ; а впредь бы есте о Шереметевѣ и о иныхъ бездѣлицахъ намъ не докучали. Сами вѣдаете, коли благочестіе непотребно, а нечестіе любо; а Шереметеву хотя золотые сосуды устройте и чинъ Царской.... Уставьте съ нимъ свое преданіе, а Чудотворцево отложите. А что къ вамъ Собакины отъ моего лица злокозненную грамоту прислали, и вы бы съ нынѣшнимъ моимъ писаніемъ сложили и по главизнамъ разумѣли и безлѣпицамъ не вѣрили... Бога же мира и Пречистые милость и Чудотворца молитва буди съ вами и нами; а мы вамъ, господине мой и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго.» Козма былъ Игуменомъ Кирилловскимъ отъ 1573 до 1582 года (см. *Исторію Р. Іерархіи* IV, 420); а какъ Іоаннъ въ семъ письмѣ упоминаетъ о своемъ Ливонскомъ походѣ (см. тамъ же, стр. 473), то вѣроятно, что оно писано въ 1578 году.

(38) Въ письмѣ Царя къ Игумену Кирилловскому: «Помните, отцы святіи, егда нѣкогда прилучися ми у васъ быти... и повелѣхъ тогда сущему Игу-

мену Кириллу съ нѣкоими отъ васъ нѣгдѣ въ кельѣ скровнѣ быти, самому же отъ мятежа и плища мірскаго упразднившуся, и пришедшу ми къ вашему преподобію, и тогда со Игуменомъ бяше Іоасафъ, Архим. Каменской, и Сергѣй Колычовъ, ты Никодимъ, ты Антоній, а иныхъ не упомню; и бывши въ сей бесѣдѣ надолзѣ, и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе свое о постриженіи... и свое обѣщаніе положихъ вамъ съ радостію, яко нигдѣ индѣ, аще благоволитъ ми Богъ во благополучно время здраву пострищися, точію въ сей обители Чудотворца Кирилла, и вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ Игумена, благословенія прося; оному же руку на мнѣ положшу и благословившу мене на семъ... и мнѣ мнится окаянному, яко исполу есмь Чернецъ, аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа; но уже рукоположеніе благословенія Ангельскаго Образа на себѣ ношу.»

(39) См. Курбск. и Розряды. Воеводы больш. полку К. Ив. Ѳед. Мстиславскій, Мих. Яков. Морозовъ, А. Адашевъ; въ правой рукѣ К. Петръ Ив. Шуйскій и Алексѣй Дан. Басмановъ; въ передовомъ К. Андрей Мих. Курбскій и К. Петръ Ив. Горенскій-Оболенскій, въ сторожевомъ К. Анд. Ив. Ногтевъ-Суздальскій и Ив. Бутурлинъ; въ лѣвой рукѣ Бояринъ Ив. Петр. Яковля-Хиронъ и К. Гр. Ѳед. Мещерскій; у наряду Данило Ѳедоров. Адашевъ.

(40) Курбскій: «а паче, яко Нѣмцы мало бываютъ въ день трезвы.»

(41) Тамъ же: «онаго храбраго мужа и славнаго въ ихъ языцѣхъ, послѣдняго защитника и надежду Лифляпскаго народа, Алексѣя Адашева слуга жива поималъ.»

(42) См. Т. IV, стр. 16.

(43) См. Т. VI, стр. 190.

(44) См. *Псков. Лѣт.* и Курбск. Первый называетъ Ландмаршала, Шаля Фонъ-Беля, Воеводою *Ламошкою*.

(45) См. Арнта 257.

(46) Арнтъ 257, Кельхъ 246 и Курбск. *Псков. Лѣт.*: «Авг. 21 (1560) городъ Вельянъ взяли, а прилучися взятье такъ: прислалъ Игуменъ Печерской Корнилей Священника Ѳеоктиста, бывшаго Игумена Кирилловскаго, къ Воеводамъ о праздникѣ Успенія съ просвирами и со Св. водою, и того вечера, въ Недѣлю, градъ Вельянъ загорѣлся отъ огненныхъ ядеръ и выгорѣлъ весь: ни хлѣба не осталось, и Нѣмцы учали бить челомъ... и Воеводы наши прислали въ монастырь Богоматери колоколъ Вельяньской середней.»

(47) См. Курбск.

(48) Кельхъ 247.

(49) См. Курбск., Арнта 257 и басни Кельха 247 о мукахъ плѣнниковъ Литовскихъ.

(50) См. *Псков. Лѣт.* и Курбск. Въ первомъ: «А какъ стояли Воеводы у Вельяна, и въ то время посылали К. Андрея Курбскаго и иныхъ по Рижской сторонѣ воевати, и побилъ Нѣмецъ подъ Володимерцомъ К. Дмитрей Овчининъ сынъ, а К. Андрей Литву подъ Кесью, что Король присылалъ изгономъ Полубенского. Да послѣ Вельянского взятья посылали Воеводы Ивана Петровича Яковлева къ Колываню, и Нѣмцы приходили на Иванову Петр. посылку, и убили нашихъ 15, и приспѣлъ Иванъ Петр. и Нѣмецъ побили, а было ихъ 300 конныхъ, а пѣшихъ 400.» По сказанію Арнта, Герцогъ Магнусъ бѣжалъ тогда изъ Габзаля на островъ Эзель. Вылазка Ревельская была 11 Сент. — Стриков. пишетъ, что Королевскій Воевода, Іеронимъ Ходкевичь, безъ битвы прогналъ 50,000 Россіянъ отъ Двины до Москвы, и что Князь Полубенскій, близъ Вендена или Кеси убивъ 400 нашихъ, плѣнилъ Воеводу К. Ив. Мещерскаго.

(51) См. *Псков. Лѣт.* и Арнта 258. Въ первомъ: «И стояли подъ городкомъ 6 недѣль до 18 Окт. Посылали сохи» (изо Пскова къ *Пайдѣ* или Вейсенштенну) «по 22 человѣка, а на мѣсяцъ давали человѣку по 3 рубли, а иныя по $3^1/_2$ рубли, и съ лошадьми и съ телегами подъ нарядъ; а нарядъ допровадили и до Юрьева, а изъ Юрьева ко Пскову въ судахъ.»

(52) См. Арнта 259.

(53) Тамъ же, стр. 277 — 288. Я нашелъ сію грамоту и между Лифляндскими бумагами нашего Архива.

(54) Арнтъ 290.

(55) Дѣла Шведскія No 1, л. 203, 229, 230, 241, 247, 276, 292, 296. 24 Февр. 1560 пріѣхалъ въ Москву Швед. Посланникъ Индрикъ Матсонъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Густава, а въ Іюлѣ Посолъ Нильсъ Крумме для перемирія, которое и было заключено въ Новѣгородѣ (въ Авг. 1561), откуда Намѣстникъ, К. Ѳед. Андр. Булгаковъ, отправилъ чиновника Тушина для взятія подтвердительной грамоты отъ Короля Эрика.

(56) См. Дѣла Польск. No 6, стр. 1 — 55.

(57) Тамъ же, стр. 55 — 126. Шимковичь съ товарищами пріѣхалъ въ Москву 6 Февр. 1561, а выѣхалъ оттуда черезъ 12 дней. Онъ сказалъ нашимъ Боярамъ, что надобно прежде заключить миръ, а послѣ говорить объ условіяхъ брака, о Вѣрѣ невѣсты и о будущихъ дѣтяхъ ея, изъ коихъ сыновья должны быть воспитываемы въ нашемъ, а дочери въ Римскомъ Законѣ. По ложному сказанію Кельха, Сигизмундъ требовалъ, чтобы дѣти не перваго Іоаннова брака, но Екатеринины наслѣдовали престолъ Россійскій. Упомянемъ еще о другой баснѣ: пишутъ, что Король, получивъ отказъ въ семъ требованіи, прислалъ къ Царю въ насмѣшку, вмѣсто невѣсты, богато украшенную, бѣлую кобылу; что Іоаннъ, грозно объявивъ войну Литвѣ, писалъ къ Королю: «у меня уже сдѣланъ гробъ, чтобы положить въ нее твою голову,» и подписался *Намѣстникомъ Божіимъ*; что Сигизмундъ отвѣчалъ Царю: «если хочешь битвы, то иди съ войскомъ къ Оршѣ, гдѣ Константинъ Острожскій далъ вамъ себя знать» (въ 1514 году), и проч. См. Кельха 262 и Гадебуша г. 1562, стр. 15.

(58) Стриков. говоритъ, что 150 тысячь нашихъ, узнавъ о переходѣ Радзивила черезъ Двину, бѣжали изъ Лифляндіи до Москвы! — Въ *Псков. Лѣт.*: «взяли (Литовцы) Тарбасъ подкопомъ 1 Сент., а Воеводу и дѣтей Боярск. отпустили ограбивъ.» О мѣстничествѣ Воеводъ см. въ Розряд. Кн. Безпрестанно писали къ Государю, что такой-то Воевода *не взялъ списковъ* (или не принялъ назначеннаго ему мѣста) для такого-то Воеводы, считая себя старшимъ, или не принялъ въ награду *полузолотаго*, требуя цѣлаго. Государь судилъ, разбиралъ; унимая однихъ, уступалъ другимъ.

(59) См. *Псков. Лѣт.*

(60) См. Дѣла Польск. No 6, стр. 126 и далѣе. Королевскій гонецъ, Михайло Гарабурда, былъ схваченъ, съ письмомъ Сигизмундовымъ къ Хану, на берегу Днѣпра Воеводою Даниломъ Адашевымъ еще за долго до сего времени. — Корсакъ пріѣхалъ въ Москву 6 Марта 1562, а выѣхалъ 14 Апр.

(61) См. *Продолж. Царств. Книг.*, л. 501, и *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(62) См. Розрядн. Кн. г. 1562. Еще за годъ или болѣе до сего времени 3000 Татаръ нападали на Украйну; ушли отъ Воеводы, Ив. Дм. Бѣльскаго, но умертвили всѣхъ Рос. плѣнниковъ.

(63) Въ *Псков. Лѣт.*: «На седьмой недѣли по Пасцѣ (1562) приходили Литов. люди къ Опочкѣ...

и воевали по волостемъ, и Себежщину и монастыри пожгли. Ходили Воеводы въ Литов. землю съ весны, а иные въ Петрово говѣніе . . . К. Петръ Серебреной по Ильинѣ дни изъ Смоленска подъ Мстиславль, и Литов. заставу побилъ; а К. Василей до Двины. Въ Авг. приходили Литов. люди подъ Невлю, и ходилъ за ними К. Андрей Курбской. . . Приходили (въ Сентябрѣ) Литов. люди во Псковщину отъ Улеха городка; и воевали Муравейно, да Овсища обои, Коровей Боръ; на сѣдячихъ пришли» и проч. Въ Смоленскѣ былъ Царь Шигъ-Алей главнымъ начальникомъ. Царевичи Ибакъ, Бекбулатъ, Тахтамышъ, и Воеводы Шереметевы, Воронцовъ, Очины-Плещеевы, вмѣстѣ со многими другими ходили воевать Литву. См. также Стрийковскаго, который пишетъ, что Радзивилъ, стоя близъ Орши, посылалъ отряды къ Смоленску, и безполезно осаждалъ Велижъ; что 1500 Поляковъ, близъ Невля, цѣлый день сражались съ 45,000 Россіянъ, убили 3000, а сами потеряли 15 человѣкъ.

(64) См. Дѣла Польск. No 7. Переписка продолжалась отъ Сент. до Дек. 1562.

(65) См. Дѣла Крым. No 10, л. 2.

(66) См. Стрик.; а въ Хронографѣ Г. Толстаго сказано, что у Царя было 400,000 воиновъ! Въ *Псков. Лѣт.*: «Ходилъ Царь съ пушками съ большими, съ павлинами и съ огненными. Посохи было коневой и пѣшей 80,900 человѣкъ; а посошаномъ во Псковѣ давали коневникомъ по 5 рублевъ, а пѣшимъ по 2 рубли.» — Въ Розрядахъ: «Въ большомъ полку К. Володимеръ Андреевичь, Бояре К. Ив. Дм. Бѣльской, К. Петръ Ив. Шуйской, К. Вас. Сем. Серебряной; въ правой рукѣ Царь Симеонъ Касаевичь Казанской, Бояре К. Ив. Ѳед. Мстиславской, К. Ив. Андр. Ногтевъ-Суздальской, К. Петръ Сем. Серебряной; въ передовомъ Царевичи Тахтамышъ и Бекбулатъ, Бояре К. Васил. Мих. Глинской, Иванъ Большой Васил. Шереметевъ, Алексѣй Дан. Басмановъ; въ сторожевомъ Царевичь Ивакъ, Бояре К. П. Мих. Щенятевъ, К. Андрей Мих. Курбскій, Ив. Мих. Воронцовъ; въ лѣвой рукѣ Царевичь Кайбула Ахкубековичь, Бояре К. Ив. Ив. Пронской Турунтай, К. Дм. Ив. Оболенской Нѣмой, Ив. Вас. Шереметевъ Меньшой; да въ большомъ же полку *съ Царевымъ съ Шигалеевымъ* Дворомъ К. Сем. Палицкой... А пошелъ Государь для дѣла своего и земскаго Дек. въ 30 день; а съ нимъ съ Москвы Бояре: К. Дм. Андр. Булгаковъ, Волод. Вас. Морозовъ, К. Петръ Ив. Телятевскій, Ив. Яков. Чоботовъ, К. Ю. Ив. Кашинъ Оболенской, Сем. Вас. Яковля, Ѳед. Ив. Умного Колычовъ, Яковъ да Левъ Андр. Салтыковы, К. Ѳед. Мих. Оболенской, Никита Вас. Шереметевъ... Въ Дворовыхъ Воеводахъ Бояринъ Ив. Петровичь Яковлевъ Хиронъ, Воевода К. Петръ Ив. Горенской Оболенской. Въ судѣ у Бояръ Петръ Вас. Зайцовъ... Рындъ (у Государева оружія) семь... За Государемъ ѣздити Дмитрію Очину, К. Дм. Хворостинину, К. Андрею Рѣпнину,» и проч. У знамени Мих. Васильевичь Годуновъ.

(67) См. Кояловича Hist. Litv. 457.

(68) Въ *Псков. Лѣт.*: «Выжгли огнемъ 300 саженъ стѣны, и потому здалися.»

(69) Тамъ же: «а которые были въ городѣ Жидове, и Князь Великой велѣлъ ихъ и съ семьями въ рѣчную воду вметати, и утопили ихъ.» См. также Стрик., который прибавляетъ, что Іоанновы Татары умертвили и Монаховъ Бернардинскихъ.

(70) См. сей пропускъ въ *Александро-Невскомъ Лѣтописцѣ*, л. 936. Тамъ сказано: «А Ротмистровъ Малхера Хелмьского, Албрехта Вехлинского, Яна Варшевского, и со всѣми ихъ товарищи, Ляхи, больше 500 человѣкъ, опричь женъ и дѣтей, пожаловалъ шубами» (*собольими подъ златомъ*, пишетъ Стрик.) «и далъ имъ волю, хъ Королю ли похотятъ ѣхати или въ иные земли, занеже они пришельцы изъ иныхъ земель.»

(71) См. Т. I, стр. 126. Бѣлорусія не была въ подданствѣ у Хановъ.

(72) См. *Александро-Нев. Лѣт.*, л. 330. Іоаннъ послалъ въ Москву К. Михайла Темгрюковича, своего шурина, и другихъ чиновниковъ, къ Царицѣ, къ Митрополиту, къ брату Юрію, къ матери К. Владиміра Андреевича. Въ наказѣ его сказано: «подати К. Михайлу отъ Царя Митрополиту поминокъ: крестъ серебренъ позолоченъ съ каменіемъ.»

(73) Дѣла Польскія No 7, л. 111 — 131. Кельхъ пишетъ несправедливо (стр. 266), что вельможи Польскіе и Литовскіе удержали Іоанна отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій, давъ ему въ письмѣ своемъ надежду быть избраннымъ Королемъ Польскимъ: ибо Сигизмундъ не имѣлъ наслѣдниковъ.

(74) *Александро-Нев. Лѣт.* 939 — 945. Царевичь Василій умеръ 3 Мая и былъ погребенъ въ Архангел. Соборѣ. Въ *Обиходѣ* Іосифовскаго, Волоколамскаго монастыря: «по благовѣрномъ Царевичѣ Василіи Ивановичѣ, по сынѣ Государскомъ, дачи Государской 50 рублевъ.»

(75) Дѣла Крымск. No 10, л. 17 — 169. Посолъ Аѳанасій Нагой отправился къ Хану 25 Апр. 1563.

(76) Въ наказѣ данномъ Послу (л. 98): «А нѣчто вспроситъ Сулешъ» (Князь и Вельможа Крымскій) «что Царь и В. К. ко Царю писалъ въ своей грамотѣ о измѣнникахъ, которые Царя и В. К. съ Царемъ ссорили, и Аѳанасью говорити: которые, Господине, люди ближніе были при Государѣ, Иванъ Шереметевъ, Алексѣй Адашевъ, Иванъ Михайловъ и иные люди Государя нашего съ Царемъ ссорили, и Государь нашъ того сыскалъ и опалу свою на нихъ положилъ. А опричь Сулеша того слова съ инымъ ни съ кѣмъ не говорити.» Въ Іюнѣ 1564 пріѣхали въ Москву гонцы отъ Хана, и словесно донесли Государю о намѣреніи Султана: ибо Каневскіе, Черкасскіе Козаки отняли у нихъ на пути, близъ Ворсклы, Девлетъ-Гиреевы грамоты. См. Дѣла Крым. No 11, л. 1 — 40. Тамъ, л. 33, сказано: «Карашъ Князь (гонецъ Ханскій) говорилъ, что присылалъ былъ Турской Салтанъ къ Девлетъ-Кирею Царю о томъ, что-де мои городы Кафа, Козлевъ, Мангупъ, Кикерменъ, Судокъ, и иные, которые на Крымскомъ острову, и съ тѣхъ городовъ со всѣхъ велѣлъ Салтанъ пошлины всѣ збирати Девлетъ-Кирею Царю, да велѣлъ собрати съ тѣхъ же городовъ да и съ Крымскихъ Улусовъ тысячю воловъ, а велѣлъ Салтанъ Царю итти къ Асторохани полемъ, а нарядъ бы провадити изъ Азова Дономъ до Переволоки» (въ нынѣшней Качалинской Станицѣ); «а на Переволоки велѣлъ Салтанъ городъ поставити, а другой городъ противу Переволоки на Волгѣ, и межъ тутъ дву городовъ Переволоку прокопати и воду пропустити, чтобъ какъ мочно тѣмъ мѣстомъ нарядъ везти; а пришедъ къ Асторохани, и тамъ бы третей городъ поставити и Асторохань въ Салтановѣ волѣ учинити; а сказывалъ-де Салтану про Асторохань Астороханецъ бѣглой, Мурза Ярлыгашъ, Ашикъ-Мурзинъ сынъ, коли Царь и В. К. Асторохань взялъ. И Царь-де (Крымской) посылалъ къ Салтану съ кречеты, и велѣлъ говорити, что къ Асторохани пройти не мочно, да и продержати ее не льзя; а нынѣ съ Московскимъ въ братствѣ учинился и Салтанъ-де тотъ походъ Астороханской оставилъ.»

(77) См. сей *Исторіи* Т. VIII, стр. 87.

(78) Дѣла Ногайскія No 6. Исмаилъ княжилъ на берегахъ Яика въ Сарайчикѣ, коего жители пахали землю. Подданные его, называемые *Тумаками*,

будучи высланы изъ Астрахани, поселились на рѣкѣ Бузанѣ и дѣлали обиды Астраханцамъ: Государь писалъ къ нему, чтобы онъ перевелъ ихъ на Яикъ. Исмаилъ требовалъ тысячи и болѣе Стрѣльцовъ Московскихъ, чтобы защитить себя отъ мятежнаго Ногайскаго Казы-Мурзы, союзника Крымскаго; оправдывался въ нѣкоторыхъ сдѣланныхъ на него доносахъ, касательно его мнимаго сношенія съ Ханомъ; просилъ съѣстныхъ запасовъ, денегъ и проч.

(79) См. *Псков. Лѣт.* и Далина г. 1563.

(80) Дѣла Датскія No 1, л. 89 — 286 Посольство Фридериково прибыло въ Москву 6 Іюля 1562. Договорная грамота была утверждена 7 Авг.: взятая Царемъ съ Фридерика названа *словомъ Королевымъ*, а данная Фридерику *словомъ Царевымъ*. К. Антонъ Михайл. Ромодановскій-Риполовскій отправился съ нею въ Данію 18 Авг. Въ паказѣ, ему данномъ отъ Царя, сказано (л. 316): «Да и того про Короля провѣдати, самъ Король па что ся важитъ, до чего его большая охота, до воинского строенья охочь ли, и своими людми гораздо ли владѣетъ, и послушны ли ему, и люди его любятъ ли?» — Слово Царя о посредничествѣ Короля Датскаго л. 416. — Въ *Псков. Лѣт.*: «пришолъ (г. 1563) Посолъ отъ Датскаго К. Антонъ, да Иванъ Михайловъ Висковатой, къ Пернову и оттолѣ въ Вельянъ, да и въ Юрьевъ, да и на Псковъ... а Маистръ Нѣмецкой, да съ нимъ и Литов. люди, К. Александръ Полубенской, ходиша на Свейскіе люди къ Пернову, и Пословъ нашихъ изъ Датцкой земли пропустили къ Вельяну.»

(81) Въ *Александро-Нев. Лѣт.* 951: «Іюля въ 24 (1563) пріѣхалъ къ Царю и В. Князю отъ Ирика гонецъ Сенка Матвѣевъ съ грамотою, а писалъ Ирикъ Король про вхожденіе Царя въ земли Ливонскіе, да и о Послѣхъ своихъ ко Царю... и миръ бы и доброе сосѣдство со Царемъ держати, а не съ Ноугородцкими Намѣстники... И Царь и В. К. велѣли отписати къ Ирику о безлѣпотномъ и неудобственномъ его писаніи къ Царского Порога Величеству; а писалъ къ Королю въ своей грамотѣ многіе странные и подсмѣятельные слова на укоризну его безумія, да и то написалъ: когда его Царск. Величество будетъ съ своего Царства Дворомъ витати въ Свейскихъ островѣхъ, тогда его Королево повелѣніе крѣпко будетъ; а что съ Царскимъ Величествомъ Королю миръ и сусѣдство имѣти, а не съ Цар. Величества Намѣстники, и то такъ отъ мѣры отстоитъ, яко же небо отъ земли... Февр. въ 23 (1564) прислалъ Ирикъ Посланника Свена Андр. съ грамотою, что хотѣлъ послати ко Царю своего избраннаго Посла, и приспѣла зима: черезъ морской переливъ корабленого пути не было; о томъ молитъ Царя, чтобъ прото на него кручины не положилъ.» — Въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 555 на обор. г. 1564: «Авг. въ 2 день прислалъ Ирикъ, К. Свейскій, Пословъ своихъ, Исака Николаева, Ивана Лаврентіева, Писаря Франца Ерихова, бити челомъ въ Вифлянской земли о перемиріи съ Бояриномъ и Намѣстникомъ Вифлянскіе земли, съ Мих. Яков. Морозовымъ, и которые городы Король поималъ въ Ливонской землѣ: Колывань, Перновъ, Пайду (Вейсенштеинъ), Карикусъ, и тѣми бы Государь пожаловалъ его Ирика... и Царь и В. К. велѣлъ (Намѣстнику) съ Ирикомъ перемиріе взяти на семь лѣтъ, и тѣ городы и съ уѣзды описати за Королемъ, опричь дву Колкъ и Колского уѣзда и большіе ропаты (церкви) въ Колывани и Бискупля двора и Поповскихъ дворовъ къ той ропатѣ, потому что тѣми пожаловалъ Государь Фредерика Датсково, а Колки велѣлъ отписати къ Ракобору.» Далѣе сказано, что война Литовская заставляла Царя примириться съ Шведами. Въ *Алек.-Нев. Лѣт.* г. 1565: «Марта въ 13 повелѣлъ Царь Намѣстнику Вифлянскія земли, М. Я. Морозову, отпустить къ Ирику Посольствомъ Никиту Сущева перемиріе покрѣпити... Апр. во 2 прислалъ Ирикъ къ Государю гонца Индрика Матвѣева съ челобитьемъ, чтобъ Царь приказалъ Намѣстнику Вифл. земли изъ перемирные грамоты выписати (исключить), чтобы Ирику Королю въ Ливонскіе городы, которые за Литовскимъ, не вступатись, и Любскимъ Нѣмцомъ мимо его Королевства ходити... и Царь и В. К. тоя же весны послалъ къ Ирику Королю своего Посланника, Третьяка Андреева Пушечникова.»

(82) «На злыя дѣла подущая,» сказано въ одной современной рукописи исторической.

(83) Въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 616: «Того же лѣта (1567), Марта м., Царь и В. К. отпустилъ во Царьгородъ къ Патріарху Митрофану и во Св. Гору и въ иные монастыри съ милостынею по Царицѣ своей, Анастасіи, да по братѣ своемъ, К. Георгіи, своихъ купцовъ: Аѳан. Глядова, да Ив. Коткова, да съ ними же послалъ бологодѣть отъ своей казны.»

(84) См. *Алек.-Нев. Лѣт.* л. 960. Онъ умеръ Ноября 24, во втор. часу ночи; жилъ 31 годъ. Царь, К. Владиміръ Андр. и всѣ Бояре находились при его погребеніи. Тѣло отпѣвалъ и хоронилъ Сарскій Епископъ Матѳей: ибо Митрополитъ былъ тогда уже *на конечномъ издыханіи*.

(85) См. *Продолж. Царств Кн.* л. 540. Во Инокиняхъ назвали Іуліанію Александрою. Постриженіе совершилось 30 Апр. 1564. Сказано: «повелѣ устроити ей въ монастырѣ и за монастыремъ погребы и ледники и поварни особные.»

(86) Въ *Алексан.-Нев. Лѣт.* л. 948: «Того же лѣта (1563), Іюня, положилъ гнѣвъ свой на Княгиню Ефросинью, да на сына ея, потому что прислалъ къ Царю въ Слободу Княж. Володимеровъ Андр. Дьякъ Савлукъ Ивановъ память, а писалъ многіе Государскіе дѣла, что Княг. Ефросинья и сынъ ея многіи неправды ко Царю чинятъ, и того для держатъ его скована въ тюрмѣ; и Царь велѣлъ Савлука къ себѣ прислати — и по его (Савлукову) слову многіе сыски были, и тѣхъ неисправленія сысканы; и предъ Митрополитомъ и Владыки Царь Княг. Ефросиньѣ и сыну ея неправды ихъ извѣстилъ... и Княг. Ефросинья била челомъ, чтобы поволилъ ей постричися; и постригъ ее на Москвѣ на Кириловѣ дворѣ Игуменъ Васіанъ Авг. въ 5, и наречено бысть имя ей Евдокія, и похотѣ жити на Бѣлѣозерѣ въ Воскр. Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ прежъ того обѣтъ свой положила и тотъ монастырь соружила; а провожалъ ее до Бѣлаозера Бояринъ Ѳед. Ив. Умной-Колычевъ, да Борисъ Ив. Сукинъ, да Дьякъ Рахманъ Житково; отецъ ея духовной, Кирил. Игуменъ., проводилъ до монастыря. Поволи же ей Государь устроити ѣствою и питьемъ и всякими обиходы, и для береженія велѣлъ у нее быти Михайлу Ив. Колычеву, да Андрею Ѳед. Щепотеву, да Подьячему Андрюшѣ Щулепникову,» и проч. Въ Архив. Переписной Книгѣ, No 2, г. 420 — 425, сказано: «Столпикъ лѣта 7071, какъ Царь и В. К. положилъ гнѣвъ на Княг. Ефросинью... и тутъ писанъ головому ея обиходу списокъ... мѣшечикъ холщевой, а въ немъ сыскное дѣло, г. 7072, Кирилова монастыря Келаря Никодима про деньги Княг. Ефросиньи, что были у него на строенье Горитцкого монастыря, и тѣ деньги у него взяты, и привезъ ихъ въ Москву изъ Кирилова монастыря Михайло Савинъ; да двѣ тетрати, да столпикъ, и въ нихъ писанъ расходъ деньгамъ Княг. Старицы Ефросиньи.» Далѣе въ *Алексан.-Нев. Лѣт.* л. 954: «Сент. въ 21 Царь поѣхалъ къ Троицѣ, а оттуда

въ Можаескъ, и свящалъ церковь Успенія дубовую о 5 верхахъ, что противъ Государева Двора, Окт. 3; а свящалъ ее Ростов. Архіеп. Никандръ; а изъ Можайска ѣздилъ Государь въ Старицу... а на Москву пріѣхалъ Ноября въ 1.»

(87) См. прощальную грамоту Макарія въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 501 — 506. Онъ погребенъ въ Успен. Соборѣ Генв. 1. — Рукопись такъ называемой Макаріевской Минеи (исправленной и напечатанной въ новѣйшія времена) хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. — О Соборѣ 1547 года сказано слѣдующее въ старой рукописной книгѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря, No 134, л. 223 — 225: «Въ лѣто 7055, мѣсяца Февр. 26, Преосвященный Макарей Митрополитъ, да со Алексѣемъ Епископомъ Ростов. и Ярослав., да съ Іоною Е. Суздальск. и Торуск., да съ Іоною же Е. Рязан. и Муром., да со Акакіемъ Е. Твер., да съ Θеодосіемъ Е. Колом. и Кошир., да съ Савою Е. Сарскимъ и Подонскимъ, да съ Кипріяномъ Е. Пермьск. и Вологодцкимъ, и съ честн. Архимариты и съ честн. Игумены, со всѣмъ Свящ. Соборомъ, уставили есмя нынѣ праздновати новымъ Чудотворцемъ въ Руской землѣ, что ихъ Господь Богъ прославилъ Угодниковъ Своихъ многими и различными чюдесы и знаменми, и не бѣ имъ до днесь Соборнаго пѣнія. Мы же уставиша имъ на томъ Соборѣ праздновати по прежъуложенному уставу Свв. Отецъ въ царств. градѣ Москвѣ, въ Соборной церкви и по всѣмъ Св. церквамъ и по всѣмъ градомъ вел. Царства Російскаго пѣти и праздновати повсюду; Сент. 7 вел. Чюдотв. Іоанну, Архіеп. В. Новаграда; Ноября 17 новому Чюдотв. Никону, ученику Св. Сергіа; Ноября 23 В. Князю Иноку Алексѣю Невскому Чюдотв.; Генв. 10 преподобн. Игумну Павлу Камельскому, иже на Вологдѣ; Генв. 11 нов. Чюдот. преподобн. Михаилу, иже Христа ради уродивому, иже въ В. Новѣградѣ; Марта 17 преп. Игумену Макарію Колязинскому; Марта 30 вел. Чюдотв. Іовѣ Митрополиту Кіевскому и всея Русіи; Апр. 17 преп. Игумену Зосимѣ, Соловетцкому Чюдотв.; Маія 1 преп. Игумену Пафнутію, иже въ Боровскѣ, Чюдотв.; Іюня 1 преп. Игум. Діонасію Глушитцкому Чюдотв., иже на Вологдѣ; Авг. 30 преп. Игум. Александру Свирьскому Чюдотв., иже въ В. Новѣградѣ; Сент. 27 преп. Чюд. Саватію Соловецкому. Тѣхъ 12; тѣмъ пѣти и праздновати повсюду. — На томъ же Соборѣ уложили пѣти и праздновати на Москвѣ Авг. 13 новому Чюдотв. Максиму, иже Христа ради уродивому; Марта 2 Епископу Арсенію Тверскому праздновати и пѣти въ Твери; Маіа 21 благовѣрн. Княземъ Констянтину и чадомъ его, Михаилу и Θеодору, Муромскимъ; Іюня 25 въ Муромѣ же благовѣрн. Князю Петру и Княгинѣ Февроніи Муромской же; Іюля 8 новымъ Чюдотв. Устюжскимъ, Прокопію и Ивану, на Устюгѣ. Тѣхъ 9; тѣмъ тамо и пѣти и праздновати.»

(88) Т. VI, стр. 139.

(89) Сія книга рѣдка: я видѣлъ ее въ Московской Типографской библіотекѣ. Форматъ въ малой листъ; бумага плотная, чистая; заглавныя буквы напечатаны киноварью; правописаніе худо. Въ *послѣсловіи* сказано: «Царь и В. К. повелѣ Св. Книги на торжищахъ куповати» (для многихъ новыхъ церквей въ Россіи) «...въ нихъ же мали обрѣтошася потребни; прочіи же вси растлѣни отъ преписующихъ... И сіе дойде къ Царю въ слухъ. Онъ же начатъ помышляти, како бо изложити печатные книги, яко же въ Грекѣхъ и въ Венецыи, и во Фригіи и въ прочихъ языцѣхъ... И тако возвѣщаетъ мысль свою Преосв. Макарію Митрополиту.. Святитель же слышавъ, зѣло возрадовася, и Богови благодареніе воздавъ, Царю глаголаше, яко отъ Бога извѣщеніе пріемшу и свыше даръ сходящъ. И тако повелѣніемъ благочест. Царя и В. Князя, И. В. всея Русіи, и благословеніемъ Преосв. М. Митрополита начаша изыскивати мастерства печатныхъ книгъ въ лѣто 61 осьмыя тысящи, въ 30 лѣто» (въ двадесятое?) государства его. Благовѣрный же Царь повелѣ устроити домъ отъ своея Царскія казны, идѣ же печатному дѣлу строитися, и нещадно даяше отъ своихъ Царскихъ сокровищъ дѣлателемъ, Николы Чудотворца Гостунскаго Діакону Ивану Θедорову, да Петру Тимоѳееву Мьстиславцу, на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ упокоенію, дондеже и на совершеніе дѣло ихъ изыде. И первѣе начаша печатати сіи Св. книги Дѣянія Апостольска и Посланія Соборна и Св. Апостола Павла Посланія, въ лѣто 7071 Априля въ 19... совершени же быша въ лѣто 7072 Марта въ 30 день, при Архіеп. Аѳанасіи, Митрополитѣ всея Русіи, въ первое лѣто Святительства его.»

Вѣроятно, что Печатный дворъ въ Іоанново время стоялъ тамъ же, гдѣ и нынѣ: т. е. на Никольской улицѣ. Въ надписи воротъ его, уже сломанныхъ, было сказано: «Божіею милостію и повелѣніемъ... В. Г. Царя и В. К. Михаила Θеодоровича... сдѣлана бысть сія полата и ворота на *дворъ книгъ печатнаго тисненія* въ лѣто 7158 (1650) Іюня въ 30.» Слѣдственно Печатный Дворъ уже существовалъ прежде на семъ мѣстѣ.

(90) Иванъ Θедоровъ, оставивъ Россію, былъ милостиво принятъ Королемъ Сигизмундомъ, жилъ у Пана Ходкѣвича, завелъ послѣ типографію во Львовѣ, напечаталъ тамъ въ 1573 году Апостолъ, и въ его прибавленіи говоритъ: «Друкарія сія съставися въ царств. градѣ Москвѣ въ лѣто 7071.. Начахъ повѣдати вамъ презѣльнаго ради озлобленія, часто случающагося намъ не отъ самаго Государя, но отъ многихъ начальникъ и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли... Сія убо насъ отъ рода нашего изгнаша,» и проч. Ходкѣвичь далъ ему деревню во владѣніе; но Энтузіастъ-Типографщикъ пылалъ страстію къ своему дѣлу, и пишетъ далѣе: «убояхся истязанія Владыки, Христа моего, въпіюща къ мнѣ: *рабе лѣнивый! почто не вда сребра моего торжникомъ?*... Множицею слезами постелю мою омочахъ... дабы не скрылъ въ земли таланта... И сего ради понудихся ити оттуду.» Переѣхавъ изо Львова въ Острогъ къ К. Константину, Ив. Θед. напечаталъ Новый Завѣтъ и Псалтирь въ 1580 г., а въ 1581 всю Библію, извѣстную подъ именемъ Острожской.

(91) Поссевинъ или Поссевини (въ своей книгѣ Moscovia) сказываетъ, что типографія въ 1582 году была уже въ Александровской Слободѣ. Флетчеръ пишетъ, что печатный станъ и буквы были привезены въ Москву изъ Польши; что типографія Московская сгорѣла ночью, зажженная, какъ думали, суевѣрами (Common Wealth, л. 85 на об.). Объ Евангеліи, напечатанномъ послѣ Апостола въ Москвѣ, говоритъ Архіеп. Евгеній въ своемъ Опытѣ Словаря Рос. Писателей, въ статьѣ *Іоаннъ Θедоровъ*.

(92) Читая предисловіе К. Острожскаго, всякой подумаетъ, что онъ съ своими *Филологами* исправилъ нашу Библію и въ смыслѣ и въ слогѣ: къ счастію, перемѣны ихъ состояли болѣе въ буквахъ, нежели въ словахъ или въ смыслѣ.

(93) Въ *Александро-Невск. Лѣт.* 943: «Апр. въ 4 (г. 1563) Царь и В. К. по совѣту... Макарія Митрополита и всего освящен. Собора учинилъ въ Полоцку у Софеи Архіепископью, и поставленъ Архіеп. Трифонъ... былъ Архимандритъ на Симоновѣ.»

(94) Въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 525: «*Грамота утверженная о бѣломъ клобукѣ Митрополичѣ.* Благочестія ради и благодатію человѣколюбіа единосущныя Троицы... пріяхомъ скипетры Россійскаго Царства мы Вел. Государь Царь и В. К. всея Русіи въ обдержаніе и въ осмотрѣніе всѣхъ благыхъ... и понеже убо случися въ наши лѣта сице, воеже Первопрестольнику Св. Митрополіи, Макарію, общедательный долгъ всѣхъ общему Владыцѣ Царю Христу отдавшу и отъ земли не на кончаемый вѣкъ прешедшу... и престолу великаго свѣтилника и Чюдотворца Петра вдовствующу, и того ради намъ и всему благовѣрн. Христіанству скорбь не мала належаще, и того ради во всю свою область своего Царского Самодержьства посылахомъ... повелѣхомъ снитися преосв. Архіепископомъ и Епископомъ... да по правиломъ Божеств. Апостолъ Свв. Отецъ изберутъ достойнѣйшаго на тотъ превеликій престолъ... и егда снидошася, и мы съ ними совѣтъ положили, съ своими Богомольцы съ Пиминомъ Архіеп. Вел. Новаграда и Пскова, съ Никандромъ Архіеп. Ростов. и Ярослав., съ Трифономъ Архіеп. Полотцскимъ, съ Аѳанас. Еп. Суздальск. и Торускимъ, съ Симеономъ Еп. Смолен. и Брянскимъ, съ Филоѳеемъ Еп. Рязан. и Муромскимъ, съ Варлаамомъ Еп. Коломен. и Коширскимъ, съ Матѳ. Еп. Сарскимъ и Подонскимъ, съ Іоасафомъ Епис. Пермьскимъ и Вологодцскимъ... что отецъ нашъ Митрополитъ носитъ черной клобукъ, а прежніе Руские Первопрестольницы, Митрополиты и Чюдотворцы Петръ и Алексій, и Ин. Архіеп. Новогородцкій, и Леонтій и Игнатій и Исаія, Ростовстіи Чюдотворцы, носили бѣлые клобуки, и тому бы отцу нашему и Богомольцу Митрополиту высокопрестольная древняя почесть учинити, носити бы ему бѣлой клобукъ съ рясами, потому что прежніе Руские Первопрестолници, Петръ и Алексій Митрополиты, писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ... а которые Митрополиты были послѣ, также и Ростовскіе Архіепископы и Епископы, тѣ всѣ носили черные клобуки; а того въ писаніи не обрѣли есмя, чего для бѣлые клобуки отставлены; а Богомолецъ нашъ Пиминъ, Архіеп. В. Новаграда и Пскова, носитъ бѣлой клобукъ, и прежніе носили бѣлые же, а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая. Также Архіеп. В. Новаграда, и Архіеп. Казанскій и Свіяжскій печатаютъ грамоты благословенные и посыльные краснымъ воскомъ, а Митрополитъ чернымъ, а Митрополитъ высочайшія степени, Архіепископу и Епископомъ всѣмъ глава, а въ томъ ему почести нѣтъ... И мы Вел. Государь Царь и В. К. со всѣми своими Богомольцы подвигохомся духовнѣ и уложили есмя и укрѣпили, что отъ сего времени впередъ кому Богъ благоволитъ на великой степени Руския Митрополія быти, почесть есмя учинили ему древнюю, носити ему клобукъ бѣлой съ рясами и съ Херувимомъ... также и грамоты печатати краснымъ воскомъ, а на печати быти Пречистой Богородицѣ со Младенцемъ, а на другой сторонѣ быти рукѣ благословенной, а вкругъ ее быти подписи, Митрополичю имяни; а Архіепископу В. Новаграда носити бѣлой клобукъ и печатати краснымъ воскомъ по прежнему обычаю; и Архіеп. Казанскому печатати краснымъ же воскомъ. И для сего уложенья сію грамоту велѣли написати, и къ сей грамотѣ велѣлъ Государь печать свою привѣсити; и мы Архіепископы, Епископы» (слѣдуютъ имена) «руки свои приложили; а Архіеп. Казанскаго въ то время въ животѣ не стало, а Тферскаго Еп. руки нѣтъ, потому что для великія старости и болѣзни на Соборъ не пріѣхалъ, а писалъ, что со всѣми единомышленъ. А вызвѣстися и написася сія грамота нашея степени царствіа града Москвы лѣта 7072, Февр. мѣсяца, Индикта въ 7 день, Государствія нашего 30, Царствъ нашихъ Россійскаго осьмнадесять, Казанскаго 13, Астроханскаго 10.»

(95) Аѳанасій (родомъ Переславецъ, мірскимъ именемъ Андрей, бывшій только два года Инокомъ, по сказанію Морозовскаго и Псков. Лѣтописца) былъ избранъ 24 Февр., а поставленъ Марта 5. Царь говорилъ ему тоже, что Іоаннъ III Митрополиту Симону: «и изговоря рѣчь, даде Святителю посохъ въ десную руку.» См. *Продолж. Царств. Кн.* л. 53 — 534.

**ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:**

«Г. 1560. Марта въ 3 Царевы Діаки въ Новѣгородѣ велѣли по дворомъ бочки и чщаны съ водою ставити, и вѣники на шестѣхъ на хоромѣхъ. — г. 1561. «Въ Февр. бысть громъ великъ во Псковѣ... Марта въ 9 Царь и В. К. взялъ изъ В. Новагорода на Москву изъ Софіи три образы: Спасъ, да Петръ и Павелъ, да у нихъ въ облаци Спасъ, да третій образъ Благовѣщеніе Юрьева монастыря; а провожали тѣ образы Арх. Пиминъ со Архим. Варѳоломеемъ Юрьева монастыря и съ всѣми гражаны на Ильину улицу къ Знаменью, да тамъ Архіеп. и Обѣдню служилъ, да въ Софіи пѣлъ четыре молебны... да воду святилъ, да иконы кропилъ, да народъ крестилъ. — Того же лѣта было сухо: яровой хлѣбъ не родился, присохъ бездождіемъ, и купиша отъ того слѣтья рожь по 16 денегъ, а овесъ по 12 денегъ, а жито по 20 денегъ, а пшеницу по 11 алтынъ... На седьмой недѣли по Пасцѣ въ Четвергъ, *какъ во Псковѣ ходятъ на скудельницы,* погорѣ у Пскова посадъ... Женился Царь и В. К. на Царевнѣ Марьѣ, и Владыко Пиминъ Новогород. послалъ къ нему два креста въ 300 рублевъ да и въ 70, да 2 образа, обложена серебромъ, во 100 и 70, да двѣма Царевичемъ 2 образа въ 80 рублевъ, да сорокъ золотыхъ съ Архим. Юрьев. Варѳоломеемъ. — Г. 1563. Марта въ 14 бысть знаменіе во Псковѣ на небеси: лучи огненные, проявляя гнѣвъ Божій на градъ... и Апр. въ 28 загорѣся, и таковъ пожаръ не бывалъ николи же во Псковѣ... всѣхъ церквей и монастырей погорѣло 52. — Мая въ 9 Царь и В. К. поѣхалъ въ Оболенескъ, въ Колугу, въ Перемышль, въ Одоевъ Старой, въ Бѣлевъ, въ Козелескъ, въ Воротынескъ, и по своимъ дворцовымъ селомъ въ тѣхъ городѣхъ; а къ Москвѣ пріѣхалъ Мая въ 26, и того же дни поѣхалъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь: а Царица и Царевичь Иванъ поѣхали туда до Государева поѣзду за день, а отъ Троицы былъ въ слободѣ въ Александровской до Іюля 17. — Іюля въ 20 предъ вечеромъ бысть гибель солнцу. — Іюля въ 21 приходилъ на Сѣверскіе мѣста К. Михайло Вишневецкой изъ Канева съ Черкасы и съ Бѣлогородцкими Татары войною. Іюля въ 30 Царь и В. К. послалъ изъ Слободы въ Черкасы Пятигорскіе ко Темгрюку Андоровичю Семена Ярцова съ своимъ жалованьемъ, а приказалъ, которые ему будутъ тѣсноты отъ недруговъ, и онъ бы о томъ приказалъ къ Царю; да съ Семеномъ же отпустилъ Черкасскихъ Князей, которые служили Государю на Москвѣ, Кечмезюна да Тюмку, по Темгрюкову челобитью. — Того же Іюля Царица и Царевичь Иванъ ѣздили молитися изъ Слободы въ Суздаль къ Покрову въ Дѣвичей монастырь и въ Ростовъ. — Пріѣхалъ Государь изъ Слободы къ Москвѣ Іюля въ 20. — Сент. въ 21 Царь и В. К. поѣхалъ въ объѣздъ къ Троицѣ, въ Можаескъ, и свящалъ тамъ церковь Успенія дубовую брусяную о 5 верхахъ, что противъ Государева двора, Окт. въ 3; а свящалъ ее Ростов. Архіеп. Никандръ. Окт. 3 пріѣхалъ ко Царю Григо-

рей Сем. Плещеевъ изъ Черкасъ, а сказывалъ, Темгрюкъ Князь пріѣхалъ въ Астрохань и съ сыномъ своимъ съ Доманукомъ, и поѣхалъ съ нимъ съ (Григорьемъ) въ Черкасы, а съ ними Стрѣльцовъ 500, да Козаковъ 500... И съ тѣми людми воевалъ Шепшуковы Улусы, да Татцкіе земли, и взяли городъ Моханъ, городъ Енгирь, городъ Кавානъ, и Мирзу Телишку убили, а тѣ городки были Шепшуковы Княжіе, и Темгрюкъ на нихъ дань положилъ; а воевали 11 дней, и взяли кабаковъ Мшанскихъ и Сонскихъ 164, да 4 Мурзъ: Бурнаша, Ездноура, Бурнака, Дудыля... Ноября въ 26 Царь и В. К. мѣнялъ со К. Владиміромъ Андр. землями: вымѣнилъ Вышегородъ на Петровъ и съ уѣзды, а въ Можайскомъ Княжіе волости... а прмѣнилъ К. Владиміру Романовъ городъ на Волгѣ и съ уѣздомъ, опричь Рыбные слободы и Пошехонія. Дек. въ 4 преставился Гурей Архіеп. Казанскій и положенъ въ Казан. монаст. Преображенія. — Г. 1564. Генв. 27 священы у Благовѣщенія на Царевыхъ сѣняхъ на папертехъ придѣлы, церковь Соборъ Пречистые, да церковь Соборъ Архангл. Михаила. Осень была дождлива: поводи были въ рѣкахъ аки въ веснѣ до трижди и четырежди; пало снѣгу много, и озеро и рѣка Великая (во Псковѣ) стала, и путь людемъ Дек. 3; да стояла зима дней съ 6, и послалъ Богъ вѣтръ теплой и дожди, и пошла вода велика по рѣкамъ: за многія лѣта такой поводи не бывало; Дек. въ 9 взошла вода до Успенія на Завеличьѣ; и въ Новѣгородѣ также шкоты много починило на Волховѣ; а на Волховѣ вода была до *релей* (перилъ) мостовыхъ, и дождь до Рождества, а снѣгу не было и дороги отъ 9 Дек. до 10 Генв.; и въ городѣ было все дорого, а хлѣбъ по 11 алтынъ рожь. Такова поводь была и прежъ въ лѣтѣ 6982 (1474) Дек. въ 9 же день.»

(96) Въ *Александро-Невск. Лѣт.* л. 945: «Маія въ 21 (г. 1563) приходилъ изъ Канева К. М. Вишнев. съ Черкасы и съ Бѣлогород. Татары изгономъ войною на Сѣверск. мѣста.., и въ Радогощѣ посадъ пожгли... и на Богриновѣ перевозѣ ихъ побили, и стругъ Вишневецкого съ нарядомъ и Коморника его Богданка взяли, и ко Царю и Вел. Князю въ Слободу Александр. прислали. Заставы же нашей по Украйнамъ не было, по ссылкѣ Королевы Рады подъ Полотескъ, чтобы войнѣ не быти.» Іоаннъ ѣздилъ тогда въ Оболенскъ, Бѣлевъ, и проч. — См. также Дѣла Польск. No 7, л. 131–174. Отъ Короля были въ Москвѣ Посланникъ Быковскій, гонцы Корнофель и Хоружей; а Царь посылалъ къ нему Дворянина Клобукова.

(97) Дѣла Польск. No 7, л. 201 — 223, 958 — 516.

(98) См. ниже, примѣч. 181, и сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 91, 105. Послы выѣхали изъ Москвы 9 Генв. 1564. Одинъ изъ нихъ, Дьякъ или Секретарь Гарабурда, стоя на колѣняхъ, молилъ Іоанна освободить его роднаго брата, бывшаго у насъ въ полону. Государь требовалъ за сего плѣнника 50 тысячь золотыхъ (тогдашній *злотый* содержалъ въ себѣ около десяти нынѣшнихъ).

(99) См. *Александро-Нев. Лѣт.* 963. Это случилось въ Генв. 1564. Стриковскій пишетъ, что Шуйскій былъ изрубленъ; а Бреденбахъ (Hist. Belli Livonici, стр 238): erat mortuus in puteo inventus. Первый увѣряетъ, что Литовцевъ было въ семъ дѣлѣ (на Часницкихъ поляхъ) 4000, а Россіянъ 30,000, и что послѣднихъ ушло только 5000 раненныхъ. Бреденбахъ говоритъ о 9000 убитыхъ съ нашей стороны, а съ Литовской о двадцати, прибавляя, что мечь и колчанъ *Царя* Іоанна находились въ числѣ трофеевъ Радзивиловыхъ (см. ниже). Въ выпискахъ Альбертранди изъ Ватиканской Библіотеки (см. Т. III, примѣч. 112) находятся письма Кардинала Коммендоне къ Кардиналу Борромео изъ Варшавы (г. 1564 — 1565) и донесеніе Воеводъ Королевскихъ о сей побѣдѣ, гдѣ сказано: «Господь былъ за насъ: мы къ вечеру одолѣли врага. К. Шуйскій раненный бѣжалъ; за нимъ и войско. При свѣтѣ луны наши гнали бѣгущихъ; многихъ убили, многихъ взяли въ плѣнъ... Между трупами нашли *мечь* и *колчанъ* Шереметева, который считается великимъ мужемъ у Москвитянъ; что съ нимъ самимъ сдѣлалось, неизвѣстно. Весь обозъ непріятельскій въ нашихъ рукахъ: болѣе пяти тысячь телегъ» (далѣе описывается богатство добычи)... «Мы потеряли не болѣе двадцати воиновъ; раненыхъ около семи сотъ.» Коммендоне пишетъ, что тѣло Шуйскаго было погребено въ Вильнѣ съ великою пышностію, къ неудовольствію Двора. Въ письмѣ отъ Февр. 1565 сказываетъ онъ, что Фирстенбергъ умеръ въ Россіи.

(100) См. Бреденбаха Hist. B. L. 238.

(101) См. *Александро-Нев. Лѣт.* Стриковскій пишетъ, что Оболенскіе стояли близъ Орши на рѣкѣ Кропивнѣ, имѣя болѣе 50,000 воиновъ; что, свѣдавъ о несчастіи Шуйскаго, они побѣжали въ страхѣ; что Воевода Литовскій, Филонъ Кмита, гналъ ихъ, и взялъ въ добычу 20 тысячь возовъ. См. также Бреденбаха 239.

(102) Въ *Александро-Нев. Лѣт.*: «И стоялъ 4 дни, и всѣ дороги позасѣкъ... и (Литовцы Витебскіе) засѣки учали прочищати... Іюля въ 25 ходилъ изъ Смоленска ко Мстиславлю Вас. Андр. Бутурлинъ, и воевалъ Мстиславскіе мѣста и Кричевскіе, и Радомльскіе, и Могилевскіе, и въ полонъ взялъ Шляхтичь и черныхъ людей 4787.» Стриковскій говоритъ, что Станиславъ Пацъ съ 2000 воиновъ разбилъ 13,000 нашихъ подъ Озерищемъ, убилъ 5000, взялъ пушки, обозъ.

(103) См. Архив. *Псков. Лѣт.* Въ *Александро-Нев. Лѣт.*: «Сент. (1564 г.) писалъ къ Царю съ Молочныхъ Водъ Анд. Ник. Мясной, что приходили на нихъ на Овечьихъ Водахъ Каневскіе Черкасы, лошади у нихъ отогнали, и Крым. гонцовъ и Турчанъ в Арменію, торговыхъ людей, погромили, и его Андрея ранили, и онъ Цареву и В. К. рухлядь отстоялъ, которая съ нимъ послана въ Крымъ.»

(104) Въ Лѣт. Морозов. Г. Ѳ. А. Толстаго: «Царь и В. К. отпусти К. Вишневецкаго въ поле жити и Украйну очищати — и тако изъ поля отъѣхалъ къ Турецкому, Салтанъ же чаяше его лазутчика быти, и повелѣ его на уды разсѣщи; послѣ же и иныхъ многихъ Рускихъ людей казнити.» Въ 1563 г. Вишневецкій былъ уже у Короля, Іоаннъ предписалъ гонцу своему Клобукову, отправленному къ Сигизмунду въ Іюлѣ, отвѣтствовать Литовскимъ Вельможамъ на вопросъ о причинѣ бѣгства Вишневецкаго: «пришелъ онъ къ Государю нашему какъ собака, и потекъ отъ Государя нашего какъ собака.» См Дѣла Польск. No 7, стр. 174 — 200, и Энгеля Gesch. der Ukraine 68. Въ Дѣлахъ Крым. No 11, л. 17 (пишетъ Калга, Царевичь Магметъ-Гирей, къ Іоанну): «Волошскіе люди учали злодѣйствовати. Александро у нихъ Государь былъ: его согнали, и Александро (къ Султану) ушелъ и Волошскіе люди изъ Можарскіе (Венгерской) земли взяли человѣка, Иваномъ зовутъ, да учинили его Воеводою; и годъ другой спустя, Ивана Воеводу убили, и послѣ его хотѣли иного на Княженьѣ учинити, и послѣ его хотѣли иного на Княженьѣ учинить; и Дмитряшъ (Дмитрій Вишневецкій) пришелъ съ десятью тысячью ратью, и Стефаномъ зовутъ Князь съ Дмитряшемъ бился, и со всѣми товарищи перенмавъ, Хандыкереву (Султанскому) величеству отдалъ, и (Султанъ) Дмитряша за ноги на удахъ повѣсилъ, а товарищевъ его велѣлъ всѣхъ на колье посажати; и къ Стефану Чаушовъ посылалъ, чтобы къ нему ѣхалъ, и Стефанъ не послу-

шалъ... и мы (по Султанскому указу) на Волохи ходили, и на Дунаѣ Александра взяли... и безъ числа рати ихъ побили; а что преже сего у Волоховъ стольное мѣсто было, Бажбазаръ словетъ, и мы его тутъ приведъ, Государемъ учинили; а Стефанъ одинъ самъ утекъ.» Въ исходѣ 1564 г. Король Сигизмундъ, угождая Султану, велѣлъ умертвить Стефана, который жилъ изгнанникомъ въ Польшѣ (см. тамъ же, л. 264).

(105) Гонцу Клобукову (см. выше, примѣч. 104) велѣно было развѣдать объ нихъ въ Литвѣ.

(106) См. объ немъ въ VIII Т., въ описаніи Казанской осады и войны Ливонской.

(107) См. Латухина Степен. Книгу и *Александро-Нев. Лѣт.* Съ вѣстію о побѣгѣ его немедленно прислалъ гонца въ Москву Дерптскій Воевода Ѳед. Бутурлинъ. Товарищемъ его былъ зять Курбскаго, К. Мих. Ѳед. Прозоровскій. Выше сказано: «чрезъ стѣну града Юрьева (Курбскій) прелѣзе, ключи же вратъ градныхъ поверже въ кладезь.»

(108) Въ Степен. Книгѣ Латухина и въ нѣкоторыхъ другихъ: «Царь, ярости исполнився, призва холопа того близъ себе, и *осномъ* своимъ удари въ ногу его, и пробивъ ногу, и ляже на посохъ свой, и повелѣ листъ прочитати» Въ *Александро-Нев. Лѣт.* и въ *Продолж. Царств. Книги* сказано, что Дерптскіе Воеводы поимали слугу Курбскаго, и что онъ донесъ Государю о многихъ умыслахъ господина своего: сіе опровергается письмомъ Іоанновымъ (см. ниже). *Посланіе* Курбскаго (вмѣстѣ съ Іоанновымъ отвѣтомъ) находится въ библіотекахъ Синодальной, монастырскихъ, въ Архивѣ Иностр. Кол., у многихъ частныхъ людей. Я не прибавилъ ничего, но сократилъ, выражая смыслъ, удерживая самые обороты и важнѣйшія слова подлинника. Вотъ нѣсколько строкъ для примѣра: «Почто, Царю, Воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси, и побѣдоносную святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ пролілъ еси?... Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ? Или безсмертенъ, Царю, мнишися?... Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣлъ, и коихъ лжесплетеній на меня не возвелъ еси?... Не умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ отъ тебя никоея же милости Архіерейскими чинми, и воздалъ ми еси злое за благое и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть. Кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопіетъ на тя ко Господу моему... Не найдохъ себя ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и исхождахъ, и никоего же тебѣ безчестія приведохъ, но токмо побѣды пресвѣтлы помощію Ангела Господня во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чуждымъ обратихъ... Учащенъ быхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различныхъ битвахъ, и сокрушенно язвами все тѣло имѣю; но тебѣ, Царю, вся сія аки ничтоже бысть... Нестерпимую ярость паче разженыя пещи являешь къ намъ... наругающе и Ангельскій образъ.» Тутъ Курбскій говоритъ въ примѣчаніи: «Наругаетъ Ангельскій образъ тѣмъ, что силою во Мнихи стрижетъ, и съ женами и съ дѣтками, и въ вѣчное предаетъ заточеніе въ монастырехъ, чиняще святые мѣста твердынями адскими, соглясующимъ ему и потакающимъ преокаяннымъ нѣкоторымъ Мнихомъ.» Далѣе: «Бояромъ, иже тя подвижутъ на Афродицкія дѣла, и дѣтьми своими паче кровныхъ жерцовъ дѣйствуютъ.» Тутъ опять примѣчаніе: «Видимъ нынѣ Сигклита, всѣмъ вѣдома» (вѣроятно, Боярина Алексѣя Басманова) «иже отъ прелюбодѣянія рожденъ есть, иже днесь шепчетъ ложное во уши Царю и льетъ кровь Христіанскую аки воду.»

Въ одно время съ Курбскимъ бѣжали въ Литву Тимоѳей Тетеринъ и Марко Сарыгозинъ: мы имѣемъ ихъ письмо къ Дерптскому Намѣстнику, Михайлу Яков. Морозову. «Называешь насъ, господине (пишутъ они) измѣнники недѣльно, и мы бы сами, тебѣ подобяся, собакъ имѣли противъ лаяти, да не хотимъ того безумія сотворити; а были бы мы измѣнники тогда, коли бы мы, малыя скорби не претерпѣвъ, бѣжали... но то случилось уже во многихъ нестерпимыхъ мукахъ... И ты, господине, бойся Бога, паче же гонителя... А твое Юрьевское (Дерптское) Намѣстничество не лучше моего Тимохина Чернечества: былъ еси 5 лѣтъ Намѣстникъ на Смоленскѣ, а нынѣ тебя Государь даровалъ Намѣстничествомъ Юрьевскимъ, что Турской Мутьянского (Волошскаго), и жену у тебя взялъ въ закладъ, а доходу тебѣ не сказалъ ни пула: велѣлъ тебѣ двѣ тысячи проѣсти занявши; а не вѣжливо, господине, молвити: чаю не добрѣ тебѣ и вѣрятъ! Есть у Вел. Князя новые вѣрники, Дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ... Богъ за грѣхи у васъ умъ отнялъ, что вы надъ женами и надъ дѣтьми своими и надъ вотчинами головы кладете, а ихъ губите, а тѣмъ имъ не пособите. Смѣю, государь, вопросити, каково тѣмъ, у которыхъ мужей или отцевъ различными смертьми побили безъ правды? А мы тебѣ, господине, много челомъ бьемъ.» Видно, что Тетеринъ былъ неволею постриженъ въ Монахи.

(109) Св. К. Ѳеодора Ростиславича Чернаго: см. Т. IV, стр. 69, г. 1272. Курбскіе происходили отъ Ярославскихъ Князей.

(110) Въ подлинникѣ: «Почто, о Княже! аще мнишися благочестіе имѣти, единородную свою душу отвергъ еси? Что даси измѣну на ней» (т. е. чѣмъ искупишь ее) «въ день Страшнаго суда? Аще и весь міръ пріобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ тя: чесо на тѣлѣ душу предалъ еси и убоялся еси смерти... неповинные, еже нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе?... Почто не изволилъ еси отъ мене, строптиваго Владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?.. Противляяйся власти, Божію повелѣнію противится!.. Како же не усрамишися раба своего, Васьки Шибанова, еже онъ благочестіе свое соблюде и предъ Царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя всячески, за тя умрети тщашеся,» и проч.

(111) См. Т. VIII, стр. 91.

(112) См. выше, примѣч. 63.

(113) Въ подлинникѣ: «не хотясте съ нами воеватися на варвары, яко болѣ *пятинадесять тысящь* вашего ради хотѣнія съ нами тогда не быша:» здѣсь число не описка ли? Далѣе: «и тако ли прегордые Царства разоряете, еже народъ безумными глаголы отъ брани отвращати?» Царь говоритъ, думаю, о своемъ первомъ, неудачномъ Казанскомъ походѣ.

(114) «Не кровными капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно.»

(115) См. выше, примѣч. 15. Прибавимъ слѣдующее: «Вы ли убо съ Попомъ и со Алексѣемъ (Сильвестромъ и Адашевымъ) не гонили? Како убо Епископа Коломенского, Ѳеодосія, народу града Коломны повелѣваете каменіемъ побити? Но Богъ соблюде его, и вы согнали его со престола. Что же о Казначеѣ нашемъ, Никитѣ Аѳанасьевичѣ?» (Фуниковѣ, котораго Іоаннъ послѣ умертвилъ). «Почто животъ его раздробисте, самого же въ заточеніи много лѣтъ въ дальнихъ странахъ, во алчбѣ и наготѣ держасте?» Не знаемъ, когда и какъ это было.

(116) К. Ѳеодоръ Ростиславичь въ *Смоленскѣ на Пасху* колико крови пролiялъ есть, и во Святыхъ причитается!» Сего обстоятельства я не нашелъ въ лѣтописяхъ. См. Т. IV, стр. 89.

(117) «Доселѣ Рускiе Владѣтели не истязуемы были ни отъ кого же, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ... Предстатели называешь тлѣнныхъ человѣкъ, подобно Еллинскому блядословiю, яко же сии равно Богу уподобляху Аполлова и Дiа.»

(118) Курбскiй пишетъ къ Царю: «Широковѣщательное и многошумящее твое писанiе прiяхъ, отъ многихъ священныхъ словесъ хвастано, и тѣ не строками и не стихами, яко обычай есть ученымъ, но паче мѣры, цѣлыми книгами и перемьями; туто жь о тѣлогрѣяхъ и иные, яко бы неистовыхъ бабъ басни писаны... и въ чужую землю, идѣ же нѣкоторые обрѣтаются не токмо въ Грамматическихъ и Риторическихъ, но и въ Дiалектическихъ и Философическихъ ученiяхъ искусны... Не разумѣю, чего уже отъ насъ хощеши: уже не токмо единоплеменныхъ Княжатъ, влекомыхъ отъ роду Вел. Владимiра, различными смертми поморилъ еси, и движимыя стяжанiя и недвижимыя, яко еще дѣдъ и отецъ твой, разграбилъ; но и послѣднихъ срачицъ (могу рещи со дерзновенiемъ по Евангельскому словеси) твоему прегордому и Царск. Величеству не возбранихомъ. Хотѣхъ на каждое слово твое отвѣчати, и могъ бы избраннѣ: понеже, за благолатiю Христа своего, языкъ мой отеческiй по силѣ моей знаю, аще уже и въ старости моей здѣ прiучихся сему. Но удержахъ руку со тростiю: возлагаю все сiе на Божiй судъ... Лучше здѣ въ молчанiи пребывати, а тамо глаголати предъ *маестатомъ* Христа моего вкупѣ со всѣми избiенными и гонимыми отъ тебя... Не достоитъ мужемъ рыцарскимъ сваритися (браниться) аки рабомъ; паче же срамно Христiаномъ отрыгати глаголы нечистые и кусательные,» и проч.

(119) Въ 1566 г., посылая Ѳед. Колычева въ Литву, Iоаннъ говоритъ въ данномъ ему наказѣ: «А нечто вспросятъ (Вельможи Сигизмундовы): что Княжи Ондреевы Государю вашему измѣны? и Ѳедору съ товарищи говорити: Курбской учалъ ся звати вотчичемъ Ярославскимъ, да измѣннымъ обычаемъ съ своими совѣтники хотѣлъ на Ярославлѣ государити.» См. Дѣла Польск. No 7, л. 916.

(120) Онъ подписывался въ грамотахъ: «А Курбскiй, княжа на Ковлю.»

(121) См. Архив. Розряд. Кн. л. 405, 407. Въ *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1004: «К. А. Курбскiй подымаше Короля и поостряше.» — Въ Дѣлахъ Крым. No 11, л. 140: «И Короля-де онъ (Курбскiй) на тебя, Государя, подвялъ, и Царя (Крымскаго) велѣлъ онъ же подняти.» Такъ писалъ къ Iоанну Аѳ. Нагой изъ Крыма.

(122) Аѳ. Нагой въ донесенiи Iоанну говоритъ (Дѣла Крым. No 11, л. 140): «И твое Государево дѣло было здѣлано, и насъ Царь жаловалъ, и по его слову были есмя готовы, и лошади купили, и Авг. въ 4 отъ Короля пригналъ гонецъ передъ казною, а сказывалъ Царю (Крымскому), что Король прислалъ къ нему казну вдвое, да за твоие Государевы поминки за Сапгиреевскiе имялъ же ся дати.» Ханъ всегда требовалъ отъ Iоанна такихъ даровъ, какiе присылались изъ Москвы Сапъ-Гирею. — О нашествiи Крымцевъ въ *Александро-Нев. Лѣт.* 1002 — 1010: «Татари же ночнымъ временемъ съ приметомъ и съ огнемъ многажды прихождаху (къ Рязани), и ничто же успѣша. Которые же люди не успѣша во градъ внити, и бѣжаша къ Окѣ въ крѣпости, и въ селѣ въ Кузминѣ Татарове тѣхъ изымаша на перевозѣ, и опять назадъ возвратишась: зане же въ тѣхъ мѣстѣхъ николи воинскiе люди не бывали: пришли крѣпости и лѣсные мѣста.» Ханъ ушелъ отъ Рязани 5 Окт.

(123) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(124) См. Архив. Розрядн. Кн. 407, и *Александро-Нев. Лѣт.* 1011 — 1014. Главою вашего войска въ Великихъ Лукахъ былъ тогда Шигъ-Алей: Царь Симеонъ принималъ его повелѣнiя; но за все отвѣтствовали, и все дѣлали, Россiйскiе Воеводы. Въ Озерищѣ взяли они, между иными плѣнниками, Пана Мартина Островецкаго.

(125) Въ *Разрядн. Кн.*: «Сент. 14 (1564) писали изъ Чернигова К. В. Прозоровской да Ѳома Третьяковъ, приходили Литовскiе люди, Павелъ Сапѣга и Ротмистры... и посланъ къ нимъ (Черниговъ. Воеводамъ) съ золотыми и съ рѣчью Як. Шетневъ.»

(126) Сiе нападенiе было въ Вел. постъ (см. Архив. Розрядн. Кн. 426 на обор.). Курбскiй писалъ къ Iоанну: «Отъ Короля Сигизмунда Августа принужденъ быхъ Луцкiя власти воевати, и тамо зѣло стрегли есмы, иже бы невѣрные церквей не жгли; но не возмогохъ множества ради воинства устрещи: понеже 15,000 съ нами было, между которыми не мало варваровъ Измаильтянскихъ, ово другихъ еретиковъ, и зажгли едину церковь и съ монастыремъ безъ нашего вѣдома: да свидѣтельствуютъ о семъ Мнихи, яже пущены были отъ насъ изъ плѣненiя,» и проч.

(127) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Iюля въ 20 Литва, Полубенской Князь Александръ изъ Володимерца, воевали Юрьевскiя волости 1 день до обѣда на 50 верстъ, а было ихъ 1500. Того же лѣта Авг. побили Литву Вас. Вешняковъ, а съ нимъ Псковскiе въ Красногородщинѣ Дѣти Боярскiе, тѣхъ, которые многажды ходили во Псковщину. Того же лѣта изъ Юрьева посылалъ Мих. Морозовъ К. Дм. Кропоткина въ Нѣмецк. волости, и воевали. Того жь лѣта Окт. приходиша Литва къ Алысту изъ Невгиня и изъ Чесвина, 700 конныхъ, а пѣшихъ 300, и воеваша двѣ недѣли; а гонили за нашими Казаками. Того же лѣта воевали Литов. люди съ Нѣмцы Окт. отъ Треката городка за Таговесью рѣкою К. Дм. Кропоткина помѣстье и иныхъ, и хотѣли чрезъ рѣку ѣхати на Рожину мызу, преч. Богородицы землю, и Воевода ихъ съ лошадью ввалился въ яму, да ногу изломилъ. Марта въ 1 приходиша Литва подъ Красной съ нарядомъ... и въ то время пришли съ Лукъ К. Ив. Андр. Шуйской да Ив. Шереметевъ Меньшой, и сошлися съ ними подъ Велье, и потравилися не много, да наши пошли прочь къ Вороночю, и Литва за нашими ходили 5 верстъ до Вороноча, и воротясь воевали много земли, и вышли ко Улеху; воевали полторы недѣли, и помѣщиковы и крестьянскiе дворы жгли, а церквей не жгли... Iюня въ 7 Литва воевали Новагородка уѣзды, Печерскаго монастыря деревни... Того же лѣта хотѣша засѣсти Говью, городокъ пустой, что Казаки взяли, и наши поспѣли, а еще и воротъ не было, за надолбами и за турицками отбилися, за недѣлю до Петрова дни... Того жь лѣта Казаковъ послаша въ Говью, и даваша имъ кормъ Вел. Князя и денги, и Казаки, ходячи отъ Говьи, много воеваша; а Литовцы Олыстщину и Юрьевщину — и о Успеньевѣ дни Вас. Бутурлинъ, а съ нимъ и Татарове воевали Нѣмецк. землю.» — См. еще Архив. Розрядн. Кн. л. 426.

(128) См. Т. VII, стр. 72.

(129) Въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 535 и 562: «Марта въ 6 (г. 1564) прiѣхалъ изъ Цесаревы Ферлунандовы Италейскiя страны отъ Маистра Вулфьянка гонецъ Нѣмчинъ Лавринъ, а привезъ ко Царю отъ Цесаря Римскаго Фердинандуса грамоту» (ко-

торая находится въ Ватиканскихъ выпискахъ Аббата Албертранди) «своего Государя Вулфьянка; а писалъ Цесарь, чтобы Царск. Величество, его для, стараго Маистра Лив. Ферштенберха отпустилъ за море, зане же онъ уже старъ, и до своей бы смерти жилъ у своихъ пріятелей, и пріятели бы его у себя погребли. . Сент. въ 24 пріѣхали Фряцовскаго Маистра Вулфьянковы послы Бернатъ Князецъ, Мелхеръ Князецъ, Францъ Князецъ, Иванъ Вагнеръ, писарь Юсъ» (Рыцари Бернгартъ Ф. Беверъ или Беверингъ, Мельхіоръ Дермо, Францъ Ф. Гацфельдъ, Теобальдъ ф. Ромшвагъ, и два Доктора Правъ, Іоаннъ Вагнеръ и Освальдъ Лурцнигъ: (см. Арнта L. Cbr. 257) «а высѣли изъ кораблей въ Руголивѣ (Нарвѣ), а привезли Цесареву грамоту и Маистрову... А грамоты съ ними (Царь) къ Цесарю не послалъ потому, что напередъ того отъ новаго Цесаря со Царемъ ссылка никакова не бывала; а что *прежъ того присылалъ* Царю Вулфъянкъ *своего человѣка, Ивана Вагнеря, въ 71 году* (1563) бити челомъ, чтобы Царь и В. К. его Вулфъянка пожаловалъ, а хочетъ онъ доставати Прусскіе земли, и Царь бы наступилъ на Литовскаго Короля... и Послы пришедъ били челомъ *не по прежнему* Маистрову челобитью, и Вулфъянкъ на Литовскаго наступити не похотѣлъ, и Царь велѣлъ Маистровымъ Посломъ отказати.» О пріѣздѣ Ив. Вагнера въ 1563 г. упоминается только въ семъ мѣстѣ: выше нѣтъ о томъ ни слова. — Посламъ Магистровымъ оказывали великую честь въ Россіи на пути ихъ отъ Нарвы до Москвы, ибо думали, что они Императорскіе (Venator, стр. 348 — 372, въ Gadeb. Liefl. Jahrb. II. 47 — 49). Царь (26 Сент.) велѣлъ принять отъ нихъ дары, которые состояли въ двухъ золотыхъ сосудахъ. Послѣ обыкновеннаго угощенія сановники Іоанновы, Никита Аѳанасьевичь (Фуниковъ), Дьяки Иванъ Мих. (Висковатой), Андрей Васильевичь и Андрей Щелкаловъ начали говорить съ ними о дѣлѣ. Послы хотѣли, чтобы то было въ присутствіи старца В. Фирстенберга: Царь не согласился. Они винили Кетлера, обѣщая платить дань Россіи за Ливонію. Имъ отвѣтствовали, что Нѣмецкій Орденъ далъ слово дѣйствовать заодно съ Россіею и не сдержалъ его; что Царь, овладѣвъ Ливоніею, надѣется безъ кровопролитія рѣшить судьбу Пруссіи, и проч. (какъ мы сказали въ Исторіи). Послы выѣхали изъ Москвы 2 Дек.

(130) См. *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1014 и слѣд. Сіе любопытное происшествіе описано также бывшими любимцами Царя, Іоанномъ Таубе и Элертомъ Крузе, въ ихъ донесеніи къ Герцогу Курляндскому Кетлеру. Оно было прислано мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива въ 1811 году, а въ 1816 напечатано Г. Эверсомъ: см. его Beyträge zur Kenntniß Rußlands, стр. 187 — 238.

(131) См. донесеніе Таубе и Крузе, стр. 191. Они пишутъ, что Іоаннъ велѣлъ Салтыкову, Чеботову и нѣкоторымъ Дьякамъ итти изъ Слободы въ Москву пѣшкомъ, раздѣвъ ихъ до-нага.

(132) Въ *Александро-Нев. Лѣт.* 1017: «и Царь и Государь и В. К. отъ великіе жалости сердца, не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое Государство и поѣхалъ гдѣ вселитись, идѣ же его Государя Богъ наставитъ.»

(133) См. Таубе и Крузе, стр. 193. Ошибка ихъ состоитъ единственно въ томъ, что они приписываютъ сію рѣчь Митрополиту, который по нашему достовѣрнѣйшему извѣстію оставался въ Москвѣ.

(134) См. Таубе и Крузе, стр. 195.

(135) Кубасовъ въ своемъ Хронографѣ, доведенномъ имъ до избранія Царя Михаила Ѳеодоровича, такъ описываетъ Іоанна: «Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ очи имѣя сѣры и усъ протягновенъ, покляпъ, возрастомъ бяше великъ, сухо тѣло имѣя, плещи высоки, груди широки, мышцы толсты» (см. *Русск. Достопамятности*, Ч. I, стр. 172). Въ *Подробной Лѣтописи*, изданной Г. Львовымъ, Ч. III, стр. 85: «Онъ (Іоаннъ) былъ человѣкъ зѣло видной, высокаго и крѣпкаго *корпуса*, и всѣ члены его тѣла зѣло были изрядны; лице ни малаго на себѣ свирѣпства не казало... Очи имѣлъ не весьма великія, но свѣтлыя и проницательныя, носъ не малой выгнутой; взгляды всякой живости наполнены.» Сія лѣтопись, новаго слога, сочинена въ царствованіе Петра Великаго (по мнѣнію нѣкоторыхъ, знаменитымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ). Въ ней есть любопытныя извѣстія о временахъ Іоанна Грознаго, взятыя изъ чужеземныхъ Историковъ. — Современный Италіянецъ, слуга Іоанновъ (см. выше, примѣч. 2) говоритъ о семъ юномъ Царѣ: bello di corpo.

(136) Таубе и Крузе, стр. 195: Mit solcher vorkerter und schleunigen Verenderungk seiner vorigen Gestalt, das er auch von vilen nicht hat megen erkandt werden; auch neben andern mehr Verenderungh kein Hare auf dem Kopfe und im Bartt behalten.

(137) Тамъ же, стр. 196. Выписываемъ сей уставъ изъ *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1022 и слѣд.: «Челобитье же Государь Архіепископовъ и Епископовъ принялъ на томъ, что ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣны дѣлали, и въ чемъ ему Государю были не послушны, на тѣхъ опала своя класти, а иныхъ казнити, и животы ихъ и статки имати; а учинити ему на своемъ Государствѣ себѣ Опришнину, дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной, и Бояръ и Окольничихъ, и Дворецкаго, и Казначеевъ, и Дьяковъ, и всякихъ приказныхъ людей, да и Дворянъ, и Дѣтей Боярскихъ, и Стольниковъ, и Стряпчихъ, и Жильцовъ, учинити себѣ особно, и на Дворцехъ на Сытномъ и на Кормовомъ и на Хлѣбенномъ учинити клюшниковъ и подклюшниковъ и сытниковъ, и поваровъ, и хлѣбниковъ, да и всякихъ мастеровъ и конюховъ, и псарей, и всякихъ дворовыхъ людей на всякой обиходъ; да и Стрѣльцовъ приговорилъ учинити себѣ особно. А на свой обиходъ повелѣлъ, да и на дѣтей своихъ, Царевичевъ Ивановъ и Царевичевъ Ѳедоровъ обиходъ городы и волости, городъ Можаескъ, г. Вязьму, г. Козелескъ, г. Перемышль два жеребья, г. Бѣлевъ, г. Лихвинъ обѣ половины, г. Ярославецъ и съ Суходровью, г. Медынь и съ Таварковою, г. Суздаль и съ Шуею, г. Галичь со всѣми пригородки, съ Чухломою и съ Унжею и съ Коряковымъ, и съ Бѣлогородьемъ, г. Вологду, г. Юрьевецъ Поволской, Балахну и съ Узолою, Старую Русу городъ, Вышегородъ на Поротвѣ, г. Устюгъ со всѣми волостьми, г. Двину, Каргополе, Вагу, а волости Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ Клинской, Числяки, Ординскіе деревни и Станъ Пахрянской въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости Вселунь, Ошту, Порогъ Лалошской, Тотму, Прибутъ и иные волости Государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его Государской обиходъ, жаловать Бояръ и Дворянъ и всякихъ его Государевыхъ Дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ Опришнинѣ; а съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его Государьской обиходъ, и иные городы и волости имати. А учинити у себя Государю въ Опришнинѣ Князей и Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, Дворовыхъ и Городовыхъ, 1000, и помѣстья имъ подавалъ въ тѣхъ городѣхъ съ одново, которые городы поималъ въ Опришнину. А вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ Опришнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати (имъ)

земли въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ. На дворъ же свой и своей Царицѣ дворъ повелѣ мѣсто чистити, гдѣ были хоромы Царицы и Вел. Княгини позади Рожества Пречистые и Лазаря Св.» (см. ниже, примѣч. 138) «и погребы и ледники и поварни всѣ и по Курятные ворота, также и Княже Володимерова двора Андреевича мѣсто приялъ, и Митрополича мѣста. Повелѣ же и на Посадѣ улицы взяти въ Опришнину, отъ Москвы рѣки Чертольскую улицу и съ Семчинскимъ сельцомъ и до всполія (поля), да Арбацкую улицу по обѣ стороны и съ Сивцовымъ врагомъ, и до Дорогомиловскаго всполія, да до Никицкой улицы половину улицы, отъ города ѣдучи лѣвою стороною и до всполія, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слободъ, и опричь Дорогомиловскіе слободы и до Новаго Дѣвича монастыря и Алексѣевскаго м. слободы; а слободамъ быти въ Опришнинѣ Ильинской подъ Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской. А которые улицы и слободы поималъ Государь въ Опришнину, и въ тѣхъ улицахъ велѣлъ быти Бояромъ и Дворяномъ и всякимъ приказнымъ людемъ, которыхъ Государь поималъ въ Опришнину; а которымъ въ Опришнинѣ быти не велѣлъ, и тѣхъ изъ всѣхъ улицъ велѣлъ перевести въ иные улицы на Посадъ. Государство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдати и дѣлати Бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ Земскихъ, Князю Ивану Дмитреевичу Бѣльскому, К. Ив. Ѳедоровичу Мстиславскому, и всѣмъ Бояромъ; а Конюшему и Дворецкому, и Казначеемъ и Дьякомъ и всѣмъ Приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ *Приказомъ*, и управу чинити по старинѣ; а о большихъ дѣлахъ приходить къ Бояромъ; а ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе *великіе* дѣла, и Бояромъ о тѣхъ дѣлахъ приходити къ Государю ... За подъемъ же свой приговорилъ Царь и В. К. взяти изъ Земскаго Приказа сто-тысячь рублевъ. А которые Бояре и Воеводы и Приказные люди дошли за Государьскіе великіе измѣны до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тѣхъ животы и статки взяти Государю на себя: Архіепископы же и Епископы, и Архимандриты и Игумены, и весь Освященный Соборъ, да и Бояре и Приказные то все положити (положатъ) на Государьской волѣ.»

Иностранные Писатели (Маржеретъ, Флетчеръ, Петрей и другіе, даже и нѣкоторые изъ нашихъ, однакожь не современные) увѣряютъ, что Царь Казанскій Симеонъ былъ объявленъ тогда Главою Земщины, и два года представлялъ для Россіи лице Монарха. *Въ Морозов. Лѣт.* Графа Толстаго: Царство (Іоаннъ) раздѣли на двѣ части: едину себѣ отдѣли, другую же Царю Симеону Казанскому поручи; самъ же Государь отъиде отъ единыхъ малыхъ градовъ, въ градъ зовомый *Старицу*» (уже послѣ: ибо *Старица* во время учрежденія Опричнины еще прибадлежала К. Владиміру Андреевичу) «и тамо жительствуя; а другую часть Царя Симеона именова Земщина.» Симеонъ Казанскій, по современной Московской лѣтописи (см. *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1034) умеръ осенью 1565 года: «Авг. въ 26, въ Недѣлю, преставися Казанской Царь Едигеръ, а въ Св. Крещеніи Царь Симеонъ *Касаевичь,* и положенъ бысть у Архистратига Михаилова Чюда въ монастырѣ у церкви Благовѣщенія Пречистыя на полуденной странѣ.» У насъ былъ другой, *Касимовскій* Царь Симеонъ *Бекбулатовичь,* но гораздо послѣ: онъ еще и въ 1572 году именуется *Саинъ-Булатомъ* (см. Розряды въ Древ. Рос. *Вивліоѳ.* XIII, 423); *Симеономъ* же только съ 1574 г. (см. тамъ же, стр. 457), въ сіе время принявъ Вѣру Христіанскую. — Маржеретъ прибавляетъ, что Іоаннъ даже короновалъ Симеона, уступивъ ему тронъ свой какъ Царю, а себѣ оставивъ только имя Вел. Князя. Флетчеръ называетъ Симеона Великимъ Княземъ, разсказывая, что онъ, возведенный на престолъ Іоанномъ, отнялъ у Святителей и монастырей всѣ крѣпости на земли, къ неудовольствію Духовенства; что Іоаннъ, снова принявъ Царскую власть, возвратилъ сіи крѣпости, но оставилъ нѣкоторыя земли за собою и взялъ еще большую сумму денегъ съ монастырей за свою милость. См. Estat de l'Empire de Russie, par Margeret, стр. 16, и Флетчера Of the Russe Common Wealth, стр. 43.

Іоаннъ, какъ пишутъ Таубе и Крузе (стр. 186), хотѣлъ, чтобы меньшій сынъ его наслѣдовалъ Опричнину, а старшій Земщину.

(138) Въ *Продолж. Царств. Кн.* 585 на обор.: «Того же лѣта (1566) повелѣлъ Царь и В. К. дворъ себѣ ставити за городомъ, за Неглимною, межъ Арбатскіе улицы и Никитскіе, отъ полово мѣста, гдѣ церкви Вел. Мученикъ Дмитрій, да храмъ Петра и Павла, и ограду каменну вкругъ двора повелѣлъздѣлати.» Въ *Морозов. Лѣт.* Графа Толстаго: «Царь и В. К. (въ 1565 г.) учинилъ Опришнину: изъ града и изъ двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на К. Михайловской дворъ Темрюковича, и велѣлъ на томъ дворѣ хоромы строити Царскія и ограду учинити, и все строеніе новое ставити, городъ и дворъ свой; а Бояремъ и Княземъ и Дворяномъ велѣлъ въ Слободѣ (Александровской) дворы ставити и избы розрядныя, и нача въ Слободѣ жити со всѣми Бояры *своими*, а къ Москвѣ сталъ пріѣзжати не на великое время.»

(139) Таубе и Крузе говорятъ (стр. 205), что Іоаннъ обложилъ тогда земли новою податью, и что 70 *Гаковъ* должны были ежегодно вносить въ казну 180 талеровъ.

(140) Тамъ же, стр. 196, и *Александро-Невск. Лѣт.* 1026.

(141) Въ Польск. Дѣлахъ No 7, л. 915 (сказано было Колычеву, отправленному къ Сигизмунду въ 1565 году): «Ѳедору съ товарищи говорити: Курбскаго и его совѣтниковъ измѣны то, что онъ хотѣлъ надъ Государемъ нашимъ и надъ его Царицею Настасьею и надъ ихъ дѣтьми умышляти всякое лихое дѣло, и Государь нашъ, увѣдавъ его измѣны, хотѣлъ былъ его посмирити, и онъ побѣжалъ; а *иныхъ его совѣтниковъ сыскавъ, Государь велѣлъ казнити.*»

(142) См. Курбскаго, также *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1026, Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, стр. 47, Таубе и Крузе 196. Послѣдніе называютъ К. Горбатаго тестемъ К. Ив. Мстиславскаго.

(143) См. Курбскаго, Таубе и Крузе 197, Списокъ Бояръ 47, и Дѣла Польск. No 7, л. 917, гдѣ сказано: «А нѣчто вспросятъ про К. Петра Горенскаго, чего для его Царь и В. К. казнилъ, и Ѳедору Ив. молвити: К. Петра Государь пожаловалъ великимъ жалованьемъ и держалъ блиско себя, и К. Петръ учалъ быти въ Государскихъ дѣлахъ не по Государскому приказу, и Государь нашъ хотѣлъ его посмирити, учалъ его держати отъ себя подалѣ, и послалъ его на свою службу, и К. Петръ, узнавъ свои вины, побѣжалъ былъ въ Литву, и догонили его на рубежѣ, и Государь велѣлъ того для его казнити.»

(144) *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1026 на обор. Въ Обиходѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря сказано о К. Нѣмомъ: «Дача по немъ Государская: понеже *неволею* приведе его Богъ и Государь во Иночество.»

(145) См. выше, примѣч. 36. Воротынскій былъ сосланъ, кажется, въ Мартѣ 1562 году: ибо въ *Па-*

*мяти* Казначею Фуникову (см. въ Архивѣ *Дѣло о содержаніи К. М. Воротынскаго*) сказано, что ежегодное содержаніе идетъ сему Князю съ Марта по Мартъ, и что первое платье дано ему въ *семдесятомъ* годѣ, т. е. 7070 или въ 1562. Приставы его, Илейка Плещеевъ и Никита Трофимовъ, пишутъ къ Царю: «К. Михайло, Государь, бьетъ челомъ о платьѣ о бѣломъ, что, Государь, самъ ся ободралъ, и Княини и Княжна и сынъ его, К. Иванъ; да Князь Михайловъ, Государь, бьетъ челомъ, что еси, Государь, пожаловалъ прислалъ скатерти семдесятъ въ первомъ году, и скатертей у К. Михайла нѣту. Да бьетъ челомъ о судѣхъ (посудѣ), что еси прислалъ въ 71 г. котлы и сковороды, и блюда и братины: а ины, Государь, суды изгорѣли, а иные ся избили, а купить ихъ не чѣмъ и дѣлати ихъ не чѣмъ же. Да бьетъ челомъ, въ 73 г. не дошло твоего Государьскаго жалованья, *Бастру* ведра, *Романеи* ведра, *Ренскаго* ведра, да 100 *лимоновъ*, да трехъ гривенокъ *имберю.*» Въ *Памяти* Бояриву Льву Андр.: «Не дослано К. Михайлу въ запасѣ дву *осетровъ* свѣжихъ, да дву *шевригъ* (севрюгъ) свѣжихъ, да полупуда *ягодъ винныхъ*, да полупуда *изюму*, да трехъ ведръ *сливъ.*» Въ донесеніи Приставовъ: «Прислалъ еси, Государь, К. Михайлу и его Княгинѣ и Княжнѣ, и ихъ людемъ на ихъ годовой обиходъ 98 рублевъ и 27 алтынъ: К. Михайлу и его Княгинѣ и Княжнѣ 50 рублевъ, да Княжь Михайловымъ людемъ двунатцати человѣкомъ 48 рублевъ и 27 алтынъ, на годовое платье 12 руб., по рублю на человѣка на годъ; да на вологу (на питье) двѣмъ мужикомъ да двѣмъ жонкамъ 14 р. и 17 алтынъ и 2 денги, по двѣ деньги человѣку; а другіе статьи четыремъ мужикамъ, да тремъ жонкамъ да дѣвкѣ 22 руб. и 9 алтынъ и 4 деньги, по полуторѣ деньги человѣку на день.» Далѣе о запасѣ: «Государьскаго жалованья не прислано... 200 лимоновъ, десяти гривенокъ перцу, гривенка шафрану, 2 гривенки гвоздики, пудъ воску, 2 трубы левашные» (для дѣланія левашниковъ, сладкихъ пироговъ) «5 лососей свѣжихъ... Что еси пожаловалъ прислалъ шубы и однорядки и охабни и кафтаны... и иное, Государь, платье продралось, а изъ иного платья Княжна выросла. А въ нынѣшномъ году пожаловалъ прислалъ Княжнѣ два портища тафты 13 аршинъ Бурскіе желтые, а другіе тафты 15 аршинъ Венецейскіе зеленые, да *цки* черевьи песцовые бѣлы» (въ указѣ Государевомъ стоитъ *дѣцки* вмѣсто *цки*) «да цки бѣльи, и того, Государь, здѣлати не чѣмъ: ни *вошевъ* нѣтъ, ни на дѣло не прислано; а въ кафтанѣ, Государь, Княжнѣ ходити не пригоже... Суды оловянные и деревянные изломалиюь, а мѣдяные изгорѣли.»

Воротынскій прощенъ въ Апр. 1565: см. *Собраніе Г. Грамотъ* 533. Въ случаѣ его бѣгства, ручатели, Конюшій Ѳедоровъ, Бояре Вас. Юр. Траханіотъ, Шуйскій, Окольничій Мих. Колычевъ и другіе, обязывались заплатить 15,000 рублей. Въ ихъ записи сказано: «Выручили есмя у Царева и В. К. Сына Боярскаго, у Дм. у Иванова сына Мячкова, К. Мих. Ив. Воротынскаго.» Царь обыкновенно отдавалъ прощаемаго или подозрительнаго кому нибудь изъ своихъ чиновниковъ въ надзоръ; а сей чиновникъ какъ бы отъ себя освобождалъ его на поруку.

(146) См. *Собр. Г. Грамотъ*, 506 — 526.

(147) См. Таубе и Крузе, стр. 197 — 202. Они именуютъ еще Peter Soytt. — Все слѣдующее взято изъ ихъ донесенія.

(148) См. Курбскаго. Въ самомъ дѣлѣ *Кромѣшникъ* то же, что *Опричникъ*, отъ слова *кромѣ*, *опричь*. Въ *Морозов. Лѣт.* Гр. Толстаго: «Заповѣда (Іоаннъ) своей части (Опришнинѣ) оную часть людей (Земщину) насиловати и смерти предавати, и домы ихъ грабити.»

(149) Уставъ *правежа*, или взыскъ съ истязаніемъ, древнѣе временъ Іоанновыхъ, но не Батыевыхъ (см. ниже, примѣч. 807).

(150) См. Таубе и Крузе, 203.

(151) Петрея Historien etc. v. Muschkow, стр. 57.

(152) Въ *Житіи Св. Филиппа Митрополита* (въ рукописи современной): «во своемъ (Іоанновомъ) любимомъ дому, въ Слободѣ... словомъ именуется *свобода*» (ибо слобода и свобода есть одно слово) «а горши Египецскія *работы.*»

(153) Симъ Греческимъ именемъ назывались у насъ въ монастыряхъ пономари: см. рукописный *Обиходъ Іосифова монастыря.*

(154) См. Таубе и Крузе, стр. 203.

(155) Въ *Подробной Лѣтописи*, III, 88: «Егда (Іоаннъ) молился, то поклоны до земли челомъ своимъ творилъ, и отъ того на челѣ своемъ знакъ имѣлъ часто кровавой.

(156) См. Таубе и Крузе 204. Петрей (стр. 57) говоритъ, что Іоаннъ читалъ иногда нѣкоторыя главы изъ Библіи.

(157) Таубе и Крузе 204. Въ *Подробной Лѣтописи* III, 89: «Всегда по прочтеніи *Отче Нашъ* и при благословеніи трапезы садился кушать, и тогда имѣлъ охоту разговаривать о законахъ Греческаго Исповѣданія и о прочихъ; имѣлъ особливую остроту и память отъ Божеств. Писанія.»

(158) Таубе и Крузе, 204.

(159) Тамъ же 205. Они пишутъ, что Царь и въ 12 часовъ ночи ходилъ въ церковь: вѣроятно, къ Полунощницѣ.

(160) Таубе и Крузе 205.

(161) См. *Александро-Нев. Лѣт.* 7 Мая 1564. Царь ѣздилъ въ Переславль съ Царицею, съ сыномъ Іоанномъ, съ К. Владиміромъ Андр., съ Митрополитомъ, и тамъ, въ Никитскомъ монастырѣ, освятилъ церковь Св. Никиты, велѣвъ вокругъ его сдѣлать камен. ограду; оттуда къ Троицѣ, въ Можайскъ, въ Олешню къ К. Владиміру, въ Верею, въ Вышегородъ, и возвратился 8 Іюля; въ 1565 г., 6 Іюня, былъ со всѣмъ семействомъ у Троицы; въ 1566, 29 Апр., ѣздилъ въ Козельскъ, Бѣлевъ, Болховъ и въ иные Украинскіе мѣста, оставивъ Царицу съ дѣтьми въ Слободѣ; 21 Сент. со всѣмъ Домомъ къ Троицѣ, въ Волокъ Ламскій, Вязму, Царевъ Почивокъ, и пріѣхалъ въ Москву 17 Ноября.

(162) Въ *Александро-Нев. Лѣт.* 1013: «Ноября въ 8 (1564) ѣздилъ Царь съ Царевичи въ Чюдовское село Черкизово тѣшитися, и повелѣ по островамъ осѣки осѣчи и медвѣди пущати, и тѣшился тамъ не по одинъ день.»

(163) Въ *Александро-Нев. Лѣт.* 1032 на обор.: «Тогожь лѣта (1565) здѣлана бысть полата Посольская, что противъ Ивана Св. подъ колоколы.»

(164) Дѣла Польск. No 7, л. 919 на обор.: «А нѣчто вспросятъ о Юрьевскихъ Нѣмцѣхъ, чего для ихъ Царь и В. К. изъ Юрьева велѣлъ перевести въ Московскіе городы, и Ѳедору молвити: того для, что они ссылалися съ Маистромъ Ливонскимъ, а велѣли ему притти подъ городъ со многими люлми, и хотѣли Государю нашему измѣнити, а Маистру служити.» См. также *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1031, Кельха 275, Гадебуша 51, и Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1565.

(165) См. Арнта 258 и Гадебуша 52.

(166) Между бумагами, присланными ко мнѣ изъ Архива Кенигсбергскаго, есть письмо Веитъ Зенге или Ценга къ Маркграфу Альбрехту изъ Любека отъ 20 Дек. 1566: оно содержитъ въ себѣ любопытныя извѣстія о Россіи, привезенныя изъ Москвы Мюнстерскимъ жителемъ, Терманомъ Писпинкомъ. Тамъ сказано: Er sagt, das Caspar Euerfeldt gar in

großen Gnaden pey dem Großfürsten wer, und würde zu allen Rathschlagen gebraucht tegelichen; auch Adrian Kalb, doch nicht so fest als Euerfeldt. Ulrich Kraus (или Крузе) und Hans Taub weren auch woll verhallten, aber nicht so hoch, als die andern zven... Er (Царь) hette seinen Meister Politt (Митрополита) oder obersten Pischoff umb 60,000 Rubel gestrafft, das er einen Theutschen umb des Glauben willen hett Gewalt gethan, und wer zu vermuthen, das er (Царь) das Evangellium sollt annemen: dan disser E. Euerfeldt und die andern hetten dem Großfürsten so vill vorgelesen und geschriben, das alle Hoffnung verhanden wer, и проч., сказанное нами въ *Исторіи*. Далѣе: Es riemet sich der Großfurst auch von Deutschen Herkommens zu seyn, aus dem Baierischen Geschlechte, darvon sein Adel noch den Namen hetten Bayory, т. е. Іоаннъ утверждалъ, что родъ его происходитъ отъ *Баварскихъ* Владѣтелей, и что имя нашихъ *Бояръ* означаетъ *Баварцевъ!* Флетчеръ пишетъ слѣдующее: «Іоаннъ, велѣвъ одному Анг. золотарю сдѣлать для него блюдо и хорошенько взвѣсить отданный ему слитокъ сего металла, примолвилъ: *не вѣрь моимъ Русскимъ: они всѣ воры.* Англичанинъ улыбнулся: Царь хотѣлъ знать причину. Если угодно Вашему Величеству (сказалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ), то не скрою отъ васъ мысли моей: называя всѣхъ Русскихъ ворами, забываете, что и вы сами принадлежите къ ихъ числу. *Нѣтъ,* отвѣчалъ Іоаннъ: *я не Русской: мои предки были Нѣмцы.*» — Далѣе сказано въ письмѣ Ценга, что и самъ Царь думалъ жениться на Княжнѣ Нѣмецкой; что Фирстенбергу оказываются въ Россіи всѣ возможныя почести, и что у него три Проповѣдника Аугсбургскаго Исповѣданія. Іоаннъ Таубе и Элертъ Крузе были взяты въ плѣнъ Россіянами въ 1560 году и вступили въ Царскую службу около 1567.

(167) См. Петрея Mosskow. Chronica, стр. 252. Онъ говоритъ, что сія деревянная Лютеранская церковь была верстахъ въ двухъ отъ города Москвы.

(168) Въ письмѣ Ценга: Ein anders Regiment solt im Lande werden... Darwider (противъ какого-то тяжкаго земскаго налога) sich vill seiner Undersassen von den großen Herren gesetzet hetten, deren er (Царь) will umbringen und ettliche von ihren Guttern an andere Orter versetzen.

(169) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1043: «Маія въ 16 (1566) Аѳанасей, оставя Митрополію за немощію веліею, сшелъ въ монастырь къ Михайлову Чуду на свое постриженье, на другомъ часу противъ Чюдотворцовы памяти Алексѣевы.»

(170) См. Курбскаго. Онъ говоритъ: «И *по дву днехъ* обрѣтенъ во дворѣ своемъ мертвъ Епископъ оный (Германъ); овіи глаголютъ удушеннаго тайнѣ за повелѣніемъ его (Царскимъ), овіи же ядомъ смертоноснымъ уморенна. А былъ той Германъ свѣтла рода, яже Полевы нарицаются, яко тѣла великаго мужъ, тако и разума... и Максима Философа ученія причастенъ; аще же и отъ Іосифлянскихъ» (Монастыря Іосифа Волоколамскаго) Мниховъ четы произыде, по обычаю ихъ лукаваго и лицемѣрія не причастенъ.» Германъ не *черезъ два дни* умеръ, а въ 1567 году, Ноября 6, какъ сказано въ его рукописномъ житіи (см. *Исторію Рос. Іерархіи*, VI, 54). По крайней мѣрѣ онъ былъ живъ 25 Іюля 1566, и вмѣстѣ съ другими Епископами ставилъ Филиппа въ Митрополиты, какъ сказано въ современной лѣтописи (см. ниже); но его имени нѣтъ въ подписяхъ грамоты, коею Филиппъ обязался не требовать уничтоженія Опричнины (см. ниже, примѣч. 174). Мощи Св. Германа, схороненнаго у церкви Св. Николая *Мокраго,* были при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ перевезены въ Свіяжскъ.

(171) См. *Лѣтопись Соловецк. Монастыря* и рукописное житіе Св. Филиппа.

(172) Не знаемъ, когда.

(173) Въ рукописномъ житіи Св. Филиппа: «Граждане же и со младенцы въ срѣтеніе изыдоша яко побѣдителю дары носяще, умильнѣ припадающе и рекуще: ходатайствуй къ Царю за насъ за свое отечество! Уже имъ належащу, яко Царь гнѣвъ держитъ на градъ той.»

(174) Въ Житіи Св. Филиппа несправедливо сказано, что Іоаннъ, уже по возведеніи его на Митрополію замысливъ Опричнину, созвалъ для того Святителей, и что Филиппъ вмѣстѣ съ Германомъ вооружился противъ сего замысла: Опричнина уставлена была, какъ мы видѣли, еще въ 1565 году. Далѣе такъ въ *Житіи:* «Доблій же Пастырь нача молити Царя: престани отъ таковаго неугоднаго начинанія, самому Господу рекшу: *аще Царство раздѣлится, запустѣетъ...* На таковое нѣсть и не будетъ наше благословеніе.» Въ другой разъ онъ тоже говоритъ ему въ церкви: Царь отвѣтствуетъ: «*Владыко* Святый! восташа на мя мнози... того ли не вѣси, яко мои же меня хотятъ поглотити?» Въ грамотѣ Филипповой, утвержденной подписями Святителей (см. *Собраніе Госуд. Грамотъ,* 557): «Лѣта 7074, Іюля 20, понужалъ Царь и В. К. со всѣмъ Соборомъ Игумена Филиппа на Митрополью, и Игуменъ Ф. говорилъ, чтобъ Царь и В. К. отставилъ Опришнину; а не оставитъ, и ему въ Митрополитѣхъ быти не возможно; а хотя его и поставятъ, и ему за тѣмъ Митрополья отставити; и соединилъ бы во едино, какъ преже того было... И Архіепископы и Епископы Царю о томъ били челомъ о его гнѣву, и Царь гнѣвъ свой отложилъ, а велѣлъ молвити, чтобы Игуменъ Ф. въ Опришнину и въ Царьской домовой обиходъ не вступался, а на Митрополью бы ставился... И Игуменъ Ф. далъ свое слово, что на волю даетца стати на Митрополью, а въ Опришнину ему не вступатися, а по поставленьи за Опришнину Митропольи не отставливати.» Слѣдуютъ подписи: первая Филиппова, вторая Пименова, и такъ далѣе.

(175) Въ рукописномъ Житіи Св. Филиппа: «Угодницы же глаголюще: добро было во всемъ Царя слушати и всяко дѣло благословляти безъ разсужденія, и волю его творити и не гнѣвати, гдѣ было гнѣвъ Царевъ утоляти и премѣняти на милосердіе.»

(176) См. выше, примѣч. 174.

(177) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1048: «Іюля въ 25 поставленъ бысть на Митрополію Иг. Филипъ Колычовъ Пиминомъ Архіеп. В. Новагорода и Пскова, Германомъ Казан. и Свіяж., Никандромъ Ростов., Елевѳерьемъ Сужд., Филоѳеемъ Рязан., Семіономъ Смолен., Варлаамомъ Коломен., Галахтіономъ Сарскимъ и Подонскимъ, Іоасафомъ Пермскимъ... а Полоцкаго въ то время въ животѣ не стало; а Тверскій Акакій бяше въ болѣзни и въ старости. На поставленіи же былъ Царь и В. К. и дѣти его и К. Володимеръ Андр... Авг. въ 11 поставленъ бысть въ Архіепископы въ Полтескъ Суждальской Владыка Аѳанасей Филипомъ Митрополитомъ.»

(178) Въ Житіи Св. Филиппа: «Изыде Филиппъ богоносенъ весь... поучаетъ же Царя, и рече... кротокъ буди державы ради горнія власти... отвращайся ласковцевъ лестныхъ словесъ: враны хитительныя ископываютъ тѣлесныя очеса, сіи же душевныя ослѣпляютъ мысли, не попущающе видѣти истины; овіи бо хвалятъ сущая хулы достойная, друзіи же хулятъ многажды хвалы достойная... богатство бо отходитъ и держава мимо грядетъ... Ратнымъ (добрый Царь) показуетъ власть, покорливымъ же человѣколюбіе, и побѣждающе

онѣхъ силою оружія, невооруженною любовію отъ своихъ побѣждается.»

(179) Въ Житіи Св. Филиппа: «Благій сей желая Боголюбиваго Макарія Митрополита усердно послѣдовати честнымъ стопамъ: *не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ;* и въ та времена бысть въ Москвѣ и во всѣхъ мѣстѣхъ благочиніе веліе... Часто въ себѣ глаголаше: что ти ся случи, убогій Филиппе? отъ такова покоя въ каковы данъ еси труды?... и возгради храмъ во имя Зосимы и Савватія.»

(180) См. Таубе и Крузе 209.

(181) Гваньини (R. P. 250) пишетъ, что Царь, уже готовя смерть Ив. Петр. Θедорову, отнялъ у него все имѣніе, слугъ, коней, и велѣлъ ему итти въ походъ противъ Крымцевъ; что одинъ Монахъ изъ жалости далъ Θеодору свою лошадь. Но сей Вельможа начальствовалъ въ Полоцкѣ: см. его отвѣтъ Королю и Ходкѣвичу въ Дѣлахъ Польск. No 8. Тамъ и грамоты Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго. Онѣ занимаютъ 154 страницы. Письма Сигизмундовы и Гетмановы извѣстны намъ только по мѣстамъ (весьма глупымъ), приводимымъ изъ оныхъ Боярами въ ихъ отвѣтахъ. Выпишемъ любопытнѣйшее.

Бѣльскій пишетъ: «Вел. Бога и Спаса (именемъ) ... Вел. Царя и В. К.... многихъ земель обладателя и всегда *прибавителя,* отъ его Царск. Величества Совѣту Боярина и Воеводы навышшаго и Намѣстника Володимерского и Державца Галичскаго и Луховского и Кинешемского, Князя Ив. Дмитреевича Литовскаго и Бѣлскаго, *брату* нашему Жигимонту Августу... Што присылалъ еси къ намъ съ листомъ своимъ слугу своего вѣрного Ивашка Козлова, а писалъ еси, што жь тебѣ повѣдалъ слуга твой Ив. Петровичь Козловъ, какова есть нужа надъ нами всѣми, народомъ Христіанскимъ, какъ великими людми, такъ середними и меншими дѣетца за панованье брата твоего, Государя нашего... Коли самъ Богъ, сотворитель человѣка, сотворивши неволи никоторые не учинилъ ... а нашъ родъ родился въ областехъ Панства вашего... а нынѣ вмѣсто вольности неволю и безчестье терпимъ, якъ и тепере слышалъ еси о насъ, што братъ твой, приневоливши до того, насъ учинилъ у себя Намѣстникомъ Володимерскимъ... и въ Думѣ его навышшее мѣсто, которое мы засѣдаемъ... однако же слышачи ты, братъ нашъ, еще болши жалуешь (жалѣешь) што ся такъ надо мною отъ брата твоего дѣетъ» (это насмѣшка надъ Королемъ: могъ ли онъ такъ писать?)... «И слышачи о нашемъ дородствѣ и о разумѣ, чимъ есмя отъ Бога одаренъ и украшенъ, разумѣешь намъ быти лудчего величества, и достойны есмя быти Удѣльнымъ Княземъ... И въ Панствѣ Литовскомъ отчизну нашу поступити намъ хочешь... И мы твои листы вычли... Ино такъ дѣлаютъ *Прокураторы* и *фалшеры* и *лотры*, не могучи недругу своему храбростью одолѣти, и такимъ шатцкимъ обычаемъ яко же зміи подобяся хапати. Но тречисленнаго Божества воля и милость Державство Царя нашего утверждаетъ: не токмо малая и худая сія пѣна, но и веліе треволненіе не можетъ потопити... Какъ Государь насъ жалуетъ, такожъ и нашъ Совѣтъ вольному его Самодержьству вѣрность и работу крѣпчайшу держимъ. А што еси писалъ слугою вѣрнымъ Князей Воротынскихъ молодаго хлопца, Ивашка Козлова: и годитца ли то тебѣ, великому Государю, такова страдника вѣрнымъ слугою описовати, што не токмо у насъ, но и у нашихъ моложайшихъ братей долженъ есть дворовой соръ окоповати?» Далѣе Бѣльскій доказываетъ Св. Писаніемъ, что человѣкъ не созданъ быть вольнымъ, и прибавляетъ: «Въ Государьской волѣ подданнымъ вэзгоже быти; а гдѣ Государьской воли надъ собою не имѣютъ, тутъ яко пьяны шатаютца, и никоего добра не мыслятъ... И ты бъ намъ поступился В. Княжества Литовскаго, да Рускіе земли... Ты буди на Польскомъ Королевствѣ, а я буду на В. Княжествѣ Литовскомъ и на Руской землѣ, и мы оба будемъ подъ *гольдомъ»* (верховною властію) «Царскаго Величества... Писана въ Москвѣ 7075, Іюля въ 2.» Ходкѣвича, въ своемъ къ нему отвѣтѣ, Бѣльскій называетъ собакою, говоря, что такихъ *лотровъ* вездѣ бьютъ *пугами.*

Мстиславскій пишетъ почти то же: «Отъ Боярина и Воеводы и Намѣсника Вел. Новагорода и Державца Ярославетцкого и Черемошского и Юхотцкого... А намъ бы еси, братъ нашъ, поступилъ Троковъ, и Берести, и Ковна, и Лвова, и Петрокова, и Городня, да Прусовъ, и Жемоти.» Опровергая мысли Короля о мнимой свободѣ человѣка, онъ прибавляетъ: «И толи самовольство добро, яко твои Панове доспѣли тебя *фалшеромъ,* къ таковымъ безлѣпицамъ *прирадили* тебѣ руку приложити? и Королеву твою Барбару отравою съ тобою разлучили; и какіе тобѣ про нее укоризны отъ твоихъ подданныхъ были, то намъ гораздо вѣдомо, яко еси и самъ повсегда прихваралъ, и *есть еси* не добраго здоровья: то все отъ Пановъ твоихъ повольства тебѣ сталось... Коли у Царьскаго Величества къ его порогу пріѣзжаютъ Цари и Царевичи, и иные Государи многихъ земель, и мы и передъ тѣми передо всѣми не безчестны есмя, а иныхъ и выше осѣдуемъ... А иное есми тебѣ, брату своему, всказали мовити твоему вѣрному слугѣ, Ивашку Козлову; и что онъ учнетъ тебѣ отъ насъ говорити, и ты бъ ему вѣрилъ: бо то суть наши рѣчи.»

Воротынскій: «Отъ его Царьск. Величества Совѣту Боярина и Воеводы и Намѣсника Казанского и Державца Новосильского... И то вамъ сказывалъ Ивашко Козловъ, какову вѣрность свою къ вамъ и къ вашимъ Государствамъ отецъ нашъ, К. Иванъ Михайловичь, указалъ, и съ Удѣломъ своимъ отчизнымъ въ Панства ваши подлатись хотѣлъ: для чего не мало лѣтъ въ заточеньѣ былъ на Бѣлѣозерѣ и *смерть принялъ»* (Обстоятельство намъ неизвѣстное: знаемъ только, что въ 1525 году К. Ив. Мих. Воротынскій далъ на себя повинную запись, слѣдственно былъ прощенъ: см. Т. VII, примѣч. 337, и *Собраніе Г. Грамотъ,* 425. Авторъ не безъ умыслу напоминаетъ вину отца, чтобы омрачить подозрѣніемъ и сына, коему надлежало быть въ числѣ жертвъ: см. ниже. Подлогъ явенъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ)... «И коли вашему Государьству подданными станемъ, и вы намъ обѣцуете (обѣщаете) заховати (сохранить, оставить) насъ при всемъ томъ, что держымъ, и што перво сего отчизны нашые отошло отъ насъ, а вамъ, Государю, за помочью Божіею и службами нашими придетъ, хотите намъ подати, и вашихъ замковъ, подошлыхъ Удѣлу нашему, поступити намъ въ отчизну, и людей вашихъ военныхъ прислати къ намъ на помочь не замѣшкаете.» Слѣдуетъ брань за такія предложенія. Далѣе: «Нашихъ великихъ Государей Самодержавство не какъ ваше убогое Королевство... они на Государьствѣ никѣмъ не посажены, но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ Государьствахъ самодержствуютъ; а вы потому Пановъ Радъ слушаете, што отъ прародителей твоихъ Гетманы Литовскіе Рогволодичевъ Давила да Мовкольда на Литов. Княжество взяли» (см. Т. IV, примѣч. 103) «и которымъ обычаемъ К. В. Смоленской Мстиславъ Володимеровичь Мономашъ тѣхъ Рогволодичевъ, свергшы съ Полоцка, заточилъ во Царь-городъ... и то вѣдому всему народу Христіанскому... Ино есте

не коренные Государи. А будетъ по тому, што вы отъ *Сенкушковичевъ»* (не описка ли?) и какъ безлѣпичники врутъ, што Витенецъ служебникъ былъ Тверскихъ Великихъ Князей, а при немъ былъ конюшецъ Гедиминкъ (см. Т. IV, примѣч. 266): «и только вы отъ тѣхъ пошли, ино вамъ и больши подобаетъ Пановъ своихъ послушивати: занеже есте Государи не коренные. А наши Великіе Государи поченъ отъ Августа Кесаря, обладающего всею вселенною, и брата его Пруса, и даже до Вел. Государя Рюрика» (см. выше въ семъ Томѣ, гдѣ знакъ 98 примѣчанія) «и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити; а ты по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженой Государь, а не вотчинной... И въ себѣ неволенъ еси. Какъ ты остаешься безъ потомства, и якій тобѣ поминокъ будетъ, занеже сестра твоя Анна нѣсть замужемъ ... и кому твоя память творити? Также сестра твоя Катерина по думѣ Пановъ Радъ твоихъ за какимъ нынѣ мужемъ? есть ли подобно то въ родности? А твое хотѣнье было и сестры твоей Катерины за нашего Вел. Государя... А што намъ обѣцуешь свое жалованье, и ты бы намъ нагородилъ (наградилъ) такъ: первое бы еси учинился съ нами въ братствѣ, а намъ бы еси далъ въ отчизну Новгородокъ Литовской да Витепскъ, да Мѣнескъ, Шкловъ, Могилевъ и иные городы по Днѣпру, кромѣ Кіевского Повѣту, да Волынскую землю и Подолскую всю сполна. Ты будешь на Польскомъ Королевствѣ, а братъ нашъ К. Ив. Дм. Бѣльской будетъ на В. Княжествѣ Литовскомъ и на Руской землѣ; а братъ нашъ, К. Ив. Ѳед. Мстиславской, на Трокѣхъ и на Берести и на Прусѣхъ, и на Жемоти; а мы на тѣхъ городѣхъ, которыхъ мы нынѣча просимъ у тебя; и такъ межъ себя будемъ въ братствѣ и въ любви, и всѣ совокупився съ тобою вмѣстѣ, съ братомъ своимъ, будемъ подъ *голдомъ* Вел. Государя, его Царьскаго вольного Самодержьства: бо его Величество есть милостивъ для Христіянства, и для подданныхъ своихъ не щадитъ *персоны* своей: мощенъ есть оборонити тебя и насъ отъ Турокъ, и отъ Перекопского, и отъ Цысаря» (съ коимъ тогда Сигизмундъ ссорился). Изъ отвѣтной Грамоты Воротынскаго къ Хоткѣвичу видно, что сей Панъ *съ удивленіемъ* писалъ къ нему объ учрежденіи Опричнины, какъ дѣлѣ неслыханномъ въ Россіи, и ставилъ ему въ примѣръ К. Андрея Курбскаго, бывшаго въ Москвѣ десятымъ или двадцатымъ, а въ Литвѣ сравненнаго съ вельможнѣйшими Панами. Доказывая, что истинные Государи самовластны, Воротынскій пишетъ: «Слово Божіе не вяжетца нигдѣ же и самовластно пребываетъ, и *волею* за мірское спасеніе (Христосъ) распялся, а не такъ, какъ вы своего Государя *въ неволи* держите... А што жь ся Государь вашъ *дивуетъ»* (дивится Опричнинѣ): «иножь извѣка то есть младенчески разумъ имѣющи и изумѣньемъ похитившуся велемудрому разуму дивятца... А что писалъ еси о такой же собакѣ, якъ же еси самъ, о Андреѣ Курбскомъ... о томъ дивитися не о чемъ, якъ же израдцы (измѣнники) Государя нашего, отъ его Царьской главы утекши, къ вашему малоумному Государю пришли... Отецъ нашъ, К. Ив. Мих., отшелъ свѣта сего по Божіимъ судьбамъ, а ни по которой нуждѣ. Также и мы за нѣкоторое прегрѣшенье въ его Царьскомъ наказаньѣ были есмя, и опять нынѣ его Ц. Величества милостью въ свѣтлости учинены есмя.»

Ѳедоровъ къ Королю: «Отъ его Ц. Величества Совѣту Боярина и Воеводы Полотцкого и Намѣстника Ярославскаго, Ив. Петровича Ѳедоровича... Я уже человѣкъ при старости: зрадивши мнѣ Государя своего и душу свою загубивши, не много жити; а у тебѣ будучи, въ войскахъ твоихъ ходити уже не могу; а до ложницы твоей ходити съ курвами ноги же не служатъ... и машкарствомъ потѣшати тебя въ старости своей не ученъ есмы ... Писана въ Полотцку, Авг. 6.» Къ Ходкѣвичу: «И нынѣ его Ц. Вел. милостію, честью, и отчизною и скарбомъ одаренъ есмя много... А што писалъ еси, што Государь мой хотѣлъ надо мною кровопроливство вчинити: ни есть того коли бывало, а ни быти можетъ, што Ц. Величеству безъ вины кого карати. Также и того не бывало, што Литвѣ Москва судити... А што въ твоемъ листу писано, што жь Государь мой волокитами меня трудитъ... гдѣ есть годное Царскому Величеству наша послуга, тутъ на потребы свои посылаетъ, и наше прироженство Ц. Величеству съ радостію заслуговати, а не въ трудность то себѣ ставити... не якъ же вы, Пане Григорей, у Государя своего старшые вряды (уряды) поимали, съ курвами бачачи» (барабаня, шумя) «также съ нимъ машкарствомъ прохлажаючися.»

Сіи грамоты, коихъ списки лежали въ Архивѣ Государственномъ, безъ сомнѣнія были обнародованы.

(182) См. Курбскаго и Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* 37, 48.

(183) Одерборна Ioannis Basilidis Vita, стр. 283 — Гваньини Rer. Polon. II, 249 — Таубе и Крузе 206. Кельхъ пишетъ (Liefl. Gesch. 280), что родственники и Вельможи Царя дѣйствительно замышляли около 1568 года поддаться Королю Сигизмунду; что въ числѣ ихъ были К. Владиміръ Андр. и К. Михаилъ Темгрюковичь, братъ и шуринъ Іоанновъ; что послѣдній, терзаемый совѣстію, открылъ заговоръ Царю, который всѣхъ виновныхъ, съ женами, дѣтьми, слугами предавъ ужасной казни, велѣлъ даже въ ихъ домахъ и селахъ умертвить скотъ, собакъ, кошекъ, рыбу. Ссылаясь на Геннига, Кельхъ прибавляетъ, что два брата, вмѣстѣ съ другими служа Іоанну палачами въ семъ истребленіи, не могли убить одного прекраснаго младенца, найденнаго ими въ колыбели, и принесли къ Государю; что Іоаннъ взялъ его, поцѣловалъ и выбросилъ въ окно на снѣденіе медвѣдямъ, а двухъ упомянутыхъ братьевъ велѣлъ изрубить саблями за ихъ жалость; что Сигизмундъ по согласію съ Московскими измѣнниками готовъ былъ вступить тогда въ Россію, но узнавъ ихъ казнь, распустилъ войско. Никакое иное свидѣтельство не подтверждаетъ сего извѣстія. Король въ 1567 году (см. ниже) не осмѣлился вступить въ Россію для того, что Московское сильнѣйшее войско стояло на границѣ. К. Владиміръ Андр. и Мих. Темгрюковичь сдѣлались жертвою Іоаннова гнѣва не тогда, а послѣ, какъ увидимъ. — Курбскій называетъ Ив. Петр. Ѳедорова Лядинымъ и пишетъ: «И жену его Марію, во истинну святую, погубилъ (Царь), у нея же прежде еще въ младости своей единочаднаго возлюбленнаго сына, одъ нѣдръ оторвавши, усѣкнулъ: Іоанна, Княжа Дорогобужскаго, съ роду В. Князей Тверскихъ» (см. Т. VIII, примѣч. 146). — По Списку Бояръ *выбылъ* Конюшій въ 1567 году (*Вивліоѳ.* XX, 48): 6 Авг. онъ былъ еще живъ и писалъ къ Королю изъ Полоцка (см. выше, примѣч. 181). Сей Бояринъ, лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, имѣлъ участіе въ заговорѣ противъ Глинскихъ: см. Т. VIII, стр. 61.

(184) См. Курбскаго, Гваньини 247, Одерборна 283, и Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, 48. Первый называетъ трехъ убитыхъ Князей Ростовскихъ Симеономъ, Андреемъ и Василіемъ, а Гваньини Воеводу Нижегородскаго *Петромъ:* по Розряди. Книгамъ тамъ въ 1564 г. воеводствовалъ К. *Симеонъ* Ростовскій (*Вивліоѳ.* XIII, 361); но между Полководцами сего времени находимъ и К. *Петра* Ростовскаго (см. тамъ же, стр. 317). — Въ Архивѣ

Кол. Иностр. Дѣлъ нашелся слѣдующій списокъ Царской грамоты сего времени: «Память Ондрѣю Михайлову сыну... Царь и В. К. Иванъ Вас. всеа Русіи велѣлъ ему ѣхати въ Василь городъ, а пріѣхавъ взяти ему Воеводу К. Ивана Бахтеярова Ростовскаго, и велѣти ему ѣхати съ собою вмѣстѣ, и того беречи накрѣпко, чтобъ Князь Иванъ съ дороги не утекъ и дурна надъ собою никоторого не учинилъ, и береженье къ нему держати великое по сей наказной памяти; а будетъ К. Ивана въ Василѣ городѣ не застанутъ, и гдѣ его скажутъ, и ему и тамъ ѣхати за К. Иваномъ, да гдѣ его наѣдутъ или на дорогѣ встрѣтитъ, и ему, К. Ивана взявъ, потомужь велѣти ѣхати съ собою вмѣстѣ на-спѣхъ, а животъ К. Ивановъ, казну, золотое и жемчюжное, и серебреное и деньги, и золотые и образы золотые съ мощьми, и образы окладные и не окладные, и платье и всякая его рухлядь, и сѣдла и нарядъ конской, и оловяное, и мѣденое, и деревеное, и лошади и всякой животъ переписати на списокъ подлинно порознь и запечатати и приказати беречи въ Василѣ городѣ городовому Приказщику Несвѣтаю Василеву, и сторожей велѣти учинити; а лошади приказати кормити и беречи томужь приказщику городовому и посадцкимъ людемъ до Государева указу; да тотъ переписной списокъ привезти ему къ Москвѣ съ собоюжь вмѣстѣ; а будетъ Ондрѣй Колупаевъ К. Ивана въ которомъ городѣ встрѣтитъ, и Ондрѣю тотъ К. Ивановъ животъ за своею печатью въ томъ городѣ приказати беречи Приказнымъ людемъ, хто въ томъ городѣ Приказные люди, и Цѣловальникомъ; а кому К. Ивановъ животъ въ которомъ городѣ прикажетъ, и Ондрею имена тѣмъ людемъ переписати, а тотъ животъ велѣти поставити въ крѣпкомъ мѣстѣ для бережелья и отъ огнябъ гдѣ было потомужь стояти безстрашно Князь Иванову животу.» Подписано: *Щелепинъ.*

(185) У Гваньини: Ah caput, caput! (говоритъ Іоаннъ) multum sanguinis vivum existens effudisti (bellicosissimus enim extitit) et nunc mortuum eundem effundes.

(186) См. Курб., Таубе, и Крузе 207. Послѣдніе говорятъ, что ихъ (den Knese Petter Schemuetrow, К. П. Щенятева, и Turenti Pransky, Турунтая-Пронскаго), засѣкли. Въ Спискѣ Бояръ (*Вивліоѳ.* XX, 49) Щенятевъ показанъ умершимъ въ 1567 — 1568 году, а Пронскій въ 1568 — 1569.

(187) Такъ онъ именуется и въ Спискѣ Царедворцевъ и въ Розрядахъ (см. *Вивліоѳ.* XIII, 255). Объ его убіеніи см. Курб., Таубе и Крузе 206. Казаринъ Дубровскій былъ оклеветанъ Царю въ лихоимствѣ (см. Гваньини R. P. II, 252): сказали, что онъ за деньги освободилъ многихъ Дѣтей Боярскихъ отъ воженія пушекъ. Его съ двумя сыновьями изрубили, а третьяго, пойманнаго въ бѣгствѣ, колесовали. Іоаннъ велѣлъ поминать Каз. Дубровскаго въ Кирилловской Обители.

(188) См. тамъ же.

(189) Таубе и Крузе 209: erstlich in geheim.

(190) Въ рукописн. Житіи Св. Филиппа: «По семъ же горшая бысть злоба... во всемъ мірѣ кровопролитіе и судъ неправдѣ, и отъ належащія скорби другъ друга не свѣдуще... Нѣцыи же отъ первыхъ Вельможъ и народъ пріидоша къ Пастырю своему заступленія ради съ великимъ рыданіемъ, смерть предъ очима имуще и глаголати не могуще, токмо показующе ему мученіе.» — Гваньини пишетъ (а за нимъ Петрей), что въ 1566 году многіе Бояре, Князья, Дворяне и граждане, числомъ до трехъ сотъ, приходили къ Іоанну жаловаться на беззаконныя убійства и на злодѣйства Опричнины; что Царь велѣлъ ихъ заключить въ темницу, а черезъ 5 дней нѣкоторымъ отрѣзать языкъ, отсѣчь ноги, руки; другихъ бить кнутомъ на дыбѣ; а прочихъ освободить до времени: ибо послѣ всѣ они были казнены. Но ни въ нашей лѣтописи (которая доходитъ до Авг. 1567 года), ни въ донесеніи Таубе и Крузе, ни въ Житіи Филиппа нѣтъ о томъ ни слова. Бояре хотѣли усовѣстить Іоанна только черезъ Митрополита.

(191) Въ Житіи Филиппа: «Въ день Недѣльный пріиде Царь къ Соборному пѣнію, въ черны ризы оболченъ, тако же и прочіи, еще же на главахъ шлыки высоки носяще, яко же Халдеи... Святому же Филиппу молебная совершающу, радъ же бывъ о приходѣ Царевѣ, и исполнися Божественнаго свѣта, стоя же на уготованномъ ему мѣстѣ. Царю же три краты къ мѣсту пришедшу... Святителю же ничто же рекшу. Бояре же рѣша: Владыко Святый! Царь І. В. требуетъ благословенъ быти отъ тебе. Блаженный же воззрѣвъ рече къ Царю: Благочестивый кому поревновалъ еси, сицевымъ образомъ своего лица доброту измѣнивъ еси? Отколь солнце на небеси начатъ сіяти, нѣсть слышано, еже благочестивымъ царемъ свою Державу возмущати. О Царю! мы убо приносимъ жертву Богу, а за олтаремъ неповинная кровь льется,» и проч. У Таубе и Крузе, 210: die Tattern und Heyden haben Gesatz und Recht, allein in Reuschlandt ist es nicht; in aller Weldt wirdt Barmhertzigkeit gefunden, und die in Reuschlandt ist über die Unschuldigen und Gerechten kein Erbarmen, и проч., какъ мы сказали въ Исторіи. Далѣе въ Житіи Филиппа: «Царю бо и Епископомъ еще въ церкви сущимъ, Анагностъ» (чтецъ) «церкви Соборныя наученъ бысть враги его, начатъ износити на блаженнаго (Филиппа) скверная словеса. Епископи же, Царю угождающіи, Пиминъ Новгород. и прочіи, глаголюще: како Царя утверждающе, самому же неистовая творящу? Святый же Пимину глаголаше: аще и человѣкоугодіе твориши, и тщишися престолъ чюжій восхитити, но и своего помалѣ низверженъ будеши. Анагносту же рече: буди тебѣ милостивъ Христосъ, о любезне!» — Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «л. 7076 (1568), Марта въ 22, учалъ Митрополитъ Филиппъ съ Государемъ на Москвѣ враждовати о Опришнинѣ.»

(192) См. Курбск., Таубе и Крузе 210. Первый именуетъ К. Василія Пронскимъ-Рыбинымъ, а послѣдніе Knese Wassili Brantzki, прибавляя, что въ тотъ же день казнены Iwan Karmissin и Christian Budna.

(193) См. донесеніе Таубе и Крузе 207. Въ одномъ спискѣ стоитъ 19 Іюля, въ другомъ 9.

(194) См. Курбскаго, Гваньини, и выше, примѣч. 183. Первый: «Слышахъ отъ самовидца, егда Царь ѣздилъ и жегъ веси и дворы онаго Іоанна Петровича (Конюшаго Ѳедорова) со живущими въ нихъ, тогда обрѣлъ храмину зѣло высоку, по нихъ же нарицаютъ *повалиша*, въ самыхъ верхнихъ каморахъ, и привязати въ ней повелѣлъ крѣпко онаго мужа» (Ив. Борис. Колычева) «и яко подъ ту храмину, тако и подъ другіе, близко стоящіе, въ нихъ же бяше полно человѣковъ нагнано и затворено, нѣсколько бочекъ пороховъ повелѣлъ поставити, и самъ сталъ издалеча въ полкоустроеніяхъ, яко подъ супостатнымъ градомъ ожидающе, егда взорветъ храмину. Егдажь уже взорвало и разметало, тогда онъ со всѣми кромѣшники своими, со всѣмъ онымъ полкомъ Діавольскимъ, вси велегласно возопивше, всѣми уздами конскою скоростію расторганныхъ тѣлесъ зрѣти поскочиша... Тогда же далече на полѣ обрѣтоша того Іоанна единою рукою привязана къ великому бревну на земли цѣла сѣдяща, и ничимъ же вредима, прославляюща Господа... Тогда единъ кромѣшникъ прытко на конѣ прибѣже къ нему, и отсѣче ему саблею главу и

принесе ее аки даръ Царевн своему.» Таубе и Крузе: und zog also 6 Wochen herumber in der Moscauschen Gegendt, in der furnembsten Boyaren Gueter, vorbrentte, schlug todt alles, das Viehe, Hundt und Katze; die Fische in Teichen abgelassen... Kinderlein an den Brusten, ja in Mutterleibe erwurgen. Weiber, Megde wurden nagket außgezogen, und mußten fur im herumbher lauffen und Huener auffangen. Надѣемся, что въ сихъ ужасныхъ описаніяхъ не все справедливо. И злодѣи могутъ иногда жаловаться на злословіе.

О любострастіи Іоанновомъ см. выше, примѣч. 3. Іаковъ Ульфелъдъ, Датскій Посолъ, бывшій у насъ въ 1578 году, сказываетъ въ описаніи своего путешествія (см. его Hodœporicon Ruthenicum, стр. 42), что Царь имѣлъ 50 наложницъ: habet, ut ajunt, in gynæceo suo 50 virgines, ex illustri familia oriundas eque Livonia abductas (будто бы Ливонскихъ знатныхъ дѣвицъ), quas secum, quo se confert, ducit (возилъ ихъ съ собою), iis loco uxoris, cum ipse uxoratus non sit, utens.

(195) См. *Житіе Св. Филиппа.* Таубе и Крузе (см. выше, примѣч. 193) говорятъ, что Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы 9 или 19 Іюля 1568, и ѣздилъ 6 недѣль; а здѣсь видимъ, что онъ 28 Іюля 1568 былъ въ столицѣ. Или въ первомъ извѣстіи Іюль поставленъ вмѣсто Іюня, или Царь въ теченіе сихъ шести недѣль возвращался въ Москву изъ своего *объѣзда.*

Въ *Житіи:* «Царю же на Св. Филиппа гнѣвающуся: гдѣ убо ни сошедшимся, слова мирна не глаголюшимъ.» Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Малинов. сказано, что Филиппъ, начавъ ссориться съ Іоанномъ, переѣхалъ жить въ монастырь Николы Стараго.

(196) Въ *Житіи:* «Пришедшу же Царю съ Бояры, Филиппу же со служащими внѣ монастыря со кресты по стѣнамъ ходящу, дошедшу же Святыхъ вратъ, хотяше чести Св. Евангеліе, и обозрѣвся вспять, видѣ Царева мужа стояща въ тафьи, и обращся рече: Державный Царю! тако ли подобаетъ благочестивому Агарянскій законъ держати? Царь же рече: како се? Святый же рече: се отъ ополченія твоего съ тобою пришедшій яко отъ лика Сатанинска. Царь же обозрѣ вся, хотя видѣти бывшее. Повинный же скрывъ съ главы своея тафью. Царь же крѣпце изтязаше, хотя увѣдати сотворившихъ се; но никому же смѣющу сказати: се бѣ бо отъ любовныхъ Царемъ,» и проч.

(197) Въ *Житіи:* «Злобѣ пособницы, Пименъ Новгородской, Пафнутій Суздальской, Филоѳей Рязанской, Сиггелъ Благовѣщенской Евстафій: тогда бо ему въ запрещеніи бывшу отъ Святаго въ духовныхъ винахъ: Духовникъ бѣ Царевъ: сей убо непрестанно явѣ и тайно нося рѣчи неподобныя Царю на Св. Филиппа. Прочіи же ни по Филиппѣ поборающи, ни по Цари; но яко Царь восхощетъ, тако и они.»

К. Василій Темкинъ былъ плѣнникомъ въ Литвѣ и возвратился въ 1567 году (см. ниже).

(198) Въ *Житіи:* «Кто что посѣетъ, то и пожнетъ.» Тамъ сказано, что Филиппъ уже сверженный былъ призванъ на судъ. Сказаніе Таубе и Крузе основательнѣе, вѣроятнѣе.

(199) Таубе и Крузе: Keyser und Grosfurst! du meinest, das ich dich oder den Todt furchte; ich hab nun 53 Jar auf der heiligen Stedt in der Christlichen Versammlung zu Sallasso (Соловки) mein Leben bis daher in mein 79 Jar (и такъ Филиппу было тогда 78 лѣтъ) ehrlich zuchtigk und gerecht zugebracht... wil auch also mein Leben enden, und meine Seel dem Gott, der dich und mich richten wird, wiederumb mit Freuden auffopfern; begere auch vil lieber ein solch Testament hinder mir zu lassen, das ich unschuldigt als ein Merterer gestorben, als das von mir gesagt werde, ich als ein Metropolitan hab untter Tirannep und aller Ungerechtigkeit gelebet, и проч., какъ мы сказали въ Исторіи. Курбскій пишетъ, что Филиппа судили въ *великой* церкви, т. е. Соборной, и привели туда въ Святительскихъ ризахъ.

(200) См. *Житіе,* гдѣ сказано: «возложиша на него платье Иноческое многошвенное и раздранное, и изгнаша его изъ церкве яко злодѣя и посадиша на дровни, везуще внѣ града (Кремля) ругающеся, и ко исходу дебри рѣюще его, и метлами біюще... и привезоша за ветошной торгъ, въ монастырь Богоявленія. Народи же провожаху его плачуще... Преподобный же народы на обѣ страны крестообразно осѣняя,» и проч.

(201) Таубе и Крузе пишутъ, что Іоаннъ хотѣлъ убить и сжечь Митрополита, но что Духовенство своимъ ходатайствомъ спасло его жизнь, и что Царь велѣлъ давать Филиппу по 4 алтына въ день.

(202) Въ *Житіи:* «Престани, благочестивый Царю, таковаго неугоднаго начинанія; помяни прежде бывшихъ Царей,» и проч.

(203) Курбскій: «Царь же повелѣхъ въ кожаный мѣхъ зашити» (голову Ив. Бор. Колычева: см. выше, примѣч. 194) «и послалъ ее ко стрыю его» (Филиппу) «заточенному въ темницѣ.» См. *Житіе,* гдѣ сказано, что сія голова была Филиппова брата, Михайла Ивановича Колычева; но сей Окольничій Михайло казненъ уже въ 1571: см. Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, 51.

(204) Курбскій: «Повелѣваетъ его по рукамъ и ногамъ и по чресламъ тягчайшими веригами оковати и воврещи въ узкую и мрачную темницу, и оную твердыми заклепы и замки заключити, и къ темницѣ стражей приставилъ. Потомъ аки день или два спустя, совѣтниковъ своихъ посылаетъ въ темницу видѣти, аще уже умеръ, и глаголютъ нѣцыи, аки бы обрѣли Митрополита отъ тѣхъ тяжкихъ оковъ избавлена, на Псалмопѣніяхъ воздѣвше руки стояща, а оковы всѣ кромѣ лежаща. Посланные же плачуще и припадающе къ колѣнамъ его ... и кровоядцу оному (Іоанну) повѣдаша. Онъ же рече: *чары, чары сотворилъ мой измѣнникъ* ... и медвѣдя лютаго, заморивши гладомъ, повелѣлъ къ Митрополиту въ темницу пустити и затворити (сіе воистину слышахъ отъ самовидца) и наутріе самъ пріиде и повелѣлъ отомкнути темницу — и обрѣтоша его цѣла, на молитвѣ стояща: звѣря же, въ кротость овчу приложившась, въ единомъ углѣ лежаща.» — Въ *Житіи:* «Осуди заточеніемъ въ Отрочь монастырь, и назирателя пристави неблагодарна. Святый же на пути многу пакость и уничиженіе пріятъ, на мскахъ (ишакахъ) везенія и нужнаго лишеніе,» и проч.

(205) Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Ноября въ 11 (г. 1568), въ Четвертокъ, поставиша Кирила, Сергіев. Архим.» Тамъ сказано, что Филиппъ лишенъ былъ сана 4 Ноября: то есть, въ сей день подписанъ приговоръ объ его изверженіи.

Въ *Житіи:* «Божіе отмщеніе бысть неправедно сотворившимъ Св. Филиппу: пріяша недугъ лютъ и Царево прещеніе. Видя же Царь, яко лукавствомъ належаша на Святаго, повелѣ ихъ изгнати... мнози бо отъ нихъ на пути лютую смерть пріяша; друзіи согнитіе по ногамъ; овіи же умъ погубиша. Соловецкаго Игумена Паисія во островъ Валаамскій (на Ладожскомъ озерѣ) заточити повелѣ. Филоѳея же Архіеп. Рязан. изъ сану изверже... Архіеп. Пимина Новог. вину изыскавъ, приложи къ симъ, еже негодова на Св. Филиппа, и на Веневу въ монастырь Св. Николы заточи... Стефана Кобылина въ черные ризы облече, въ островъ Каменной изгнаніе сотвори.»

206) Таубе и Крузе, 213.

(207) Гваньини, 250.

(208) См. Кельха, 277. Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.*: «Пушечникова на дорозѣ въ Свейской землѣ не стало *повѣтріемъ* (въ 1566 г.)... М. Іюля 19 явилось повѣтріе въ В. Новѣгородѣ въ Шелонской Пятинѣ... въ Авг. въ Вел. Новѣгородѣ, въ Полоцку, въ Озерищахъ, на Невлѣ, на В. Лукахъ, въ Торопцѣ, люди знаменіемъ умирали... Сент. въ Можайску явилось лихое повѣтріе и Царь заставу крѣпкую велѣлъ учинити... и того жъ лѣта повѣтріе утишилось въ тѣхъ мѣстахъ... Въ Новѣгородѣ было на 16 улицахъ, и Мая съ 1 утишилось... Сент. появилось въ Смоленску, и многіе домы затворились и церкви безъ пѣнія были, отъ Сент. до Марта.» Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «былъ моръ въ Полоцку и Архіеп. Трифонъ преставися» (въ 1566 г.). — Въ Дѣлахъ Крым. No 13, л. 140, въ Дек. 1568 года: «Государь въ то время былъ въ Александров. Слободѣ... въ Москвѣ было тогда лихое повѣтріе.»

(209) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.*: «Пріиде (въ 1567 г.) на Казанскіе, да на Свіяжскіе мѣста, да на Чебоксарскіе, мышь малая съ лѣсовъ тучами великими ... и не оставиша ни единаго колоса... и хлѣбъ поядоша въ житницахъ и въ закромѣхъ; людемъ же и хлѣба не дадуще ясти: отгоняху отъ себе метлами и убиваху, по паче множае пребываху.»

(210) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.* г. 1565: «Іюня 12 писалъ изъ Смоленска Бояринъ П. В. Морозовъ, что приходили Литовскіе люди изъ Витебска и изъ Сурожика въ Щюческую волость, Бирюлка да Суходольской, а съ ними 1500 человѣкъ, и тѣхъ наши побили Іюня 8, и взяли Князя Сергія Лукомского. А въ другомъ мѣстѣ Литов. люди приходили Іюня 10 въ Ивановской станъ, Мстиславцы и Кричевцы, въ головахъ Мстиславской Хорунжей, а съ ними 1200 человѣкъ, и тѣхъ побили. Іюня въ 17 писалъ изъ Рославля Ѳед. Образцовъ, что приходили Литов. люди, К. Иванъ Лычко, съ 700 человѣкъ — и тѣхъ на рубежѣ побили, и Лычка самого взяли... Писали изъ Полоцка Бояринъ К. Андрей Ив. Ногтевъ да Ив. Мих. Воронцовъ, что посылали они за Литов. людми, которые громили на Полоцкой дорогѣ... и побили ихъ за 40 верстъ отъ Полоцка и Голову ихъ, Ив. Кота, взяли.»

(211) См. Дѣла Крым. No 11, л. 148, 150, 232, 236, г. 1564 — 1565.

(212) См. *Алекс.-Нев. Лѣт.* л. 1036, 1037. Ханъ ушелъ 19 Окт. въ полночь.

(213) Дѣла Крым. No 13, л. 13, г. 1567: «Изъ Канева» (пишетъ Аѳ. Нагой) «отъ К. Мих. Вишневецкого пріѣхалъ Татаринъ, да сказывалъ Царю про тебя, Государя, что будто тебя не стало.»

(214) Тамъ же, л. 155: «Пріѣхали, Государь ко Царю отъ Горнихъ и отъ Луговыхъ, и отъ всее земли, чтобъ за нихъ Царь сталъ, а шелъ къ Свіязскому городу и къ Казани; и какъ-де увидятъ Царевъ шеломъ, и всѣ отъ Царя и Вел. Князя отступятъ... а въ Казани-де людей всего съ 300, а въ Свіяжскомъ того меньше, и городъ не крѣпокъ; и какъ-де возмешь, и Казань-де и Астрохань твоя будетъ; а мы-де станемъ на Волгѣ, и людей-де ратныхъ и съ запасы не пропустимъ.»

(215) Тамъ же, л. 153 на обор.: «И чѣмъ намъ безъ дѣла ѣхати, и намъ лутче здѣсе померети; а грозите намъ, что Государь нашъ Царю Астрохани не отдастъ, и Турской-де ее возметъ: и въ томъ Божія воля: у кого хочетъ, у того возметъ; а кому хочетъ, тому дастъ.»

(216) Тамъ же, л. 15 и 24 на обор.: Да Чеушь же (Султанскій) Царю (Крымскому) говорилъ, чтобъ Царь у Короля казну имал по старинѣ, а не учнетъ ему казны давати, и Царь бы его воевалъ... Царь Девлеткирей и Царевичь Алдигирей были въ Королевской землѣ подъ городы подъ Старою Жумжею, да подъ Зенковымъ, и Литовскіе люди Старую Жюмжю покинули, а сѣли въ осадѣ въ городѣ въ Новой Жюмжѣ... и посады (Крымцы) пожгли; а полономъ Царь не добылся, потому что Волоской (Господарь Молдавскій) съ Королемъ сослался, на которые мѣста и о кою пору Царю быти, и тѣ люди отъ Царя изберeглися.» О требованіяхъ Іоанна и Совѣтѣ Бояръ Москов. тамъ же, л. 73 — 85. Сыновья Ханскіе пошли-было грабить Россію; но узнавъ, что вездѣ стоитъ наше войско, бѣжали назадъ.

(217) См. тамъ же, л. 154. — Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1041: «Апр. въ 22 (г. 1566) не стало въ животѣ на Касимовѣ городкѣ Шигалея Царя.» О смерти Царя Симеона см. выше, примѣч. 137. — Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1045: «Іюня въ 11 день, во Вторникъ (г. 1566), преставись Царь Александръ Сафакиреевичь Казанской, а живота его 17 лѣтъ и 6 мѣсяцъ; а положенъ бысть въ ц. Архистр. Михаила у лѣваго крылоса посторонь столпа. Повелѣ же по немъ Государь милостыню дати довольну по церквамъ.»

(218) Воевода Троцкій, Юрій Александр. Хоткѣвичь — Воевода Берестинскій Юрій Вас. Тишкевичь и Писарь Мих. Богдановъ Гарабурда. Они пріѣхали въ Москву 30 Мая, а выѣхали 22 Іюля. См. Дѣла Польск. No 7, л. 605 — 831.

(219) Тамъ же, л. 746: «И на прежней день» (говорятъ наши Бояре) «прислати Королю ко Государю своего Раднаго, Большего Пана о здоровьѣ спросити, и обослався напередъ пріѣхати Королю ко Государю нашему въ станъ; а Государь Короля встрѣтитъ вышедъ изъ шатра въ вервехъ. И мѣсто учинити Королю въ шатрѣ большое съ правую сторону, а Государю съ лѣвую сторону; и почесть учнетъ держати, какъ хто у себя гостя подчиваетъ; а повышенія Государь нашъ предъ братомъ своимъ никоторого дѣлати не хочетъ. А Бояромъ сидѣти въ большомъ столѣ, а Королевѣ Радѣ въ кривомъ столѣ въ лавкѣ, а Польской Радѣ въ скамьѣ. И того дни Королю у Государя ѣсти и пировати; а на-завтрее Государю хъ Королю ѣхати, и встрѣчѣ и мѣсту и почести всякой быти потомужe, какъ и Королю у Государя почесть.»

(220) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, стр. 545, и *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1046. Грамота писана 2 Іюля.

(221) Послы Королевскіе, 13 Іюля заключивъ условіе о размѣнѣ плѣнниковъ, выѣхали изъ Москвы 22 сего мѣсяца. Въ Генв. 1567, они писали изъ Литвы къ нашимъ Боярамъ о высылкѣ Воеводы Полоцкаго Довойны, чтобы размѣнять сего плѣнника на К. Вас. Темкина: Бояре отвѣчали, что его вышлютъ на границу, когда будетъ тамъ К. Темкинъ, и Литовцы пришлютъ 10 тысячь золотыхъ Угорскихъ. — Послы Іоанновы съ Дьякомъ Вас. Яков. Щелкаловымъ выѣхали изъ Москвы 31 Генв. См. Дѣла Польск. No 7, л. 834 — 1061.

(222) Тамъ же, л. 1041: «А какъ Послы вошли хъ Королю въ свѣтлицу, и Рада Королевская по обѣ стороны встали Посломъ, и Послы направо поклонилися, а налѣво не поклонилися, гдѣ Бискупъ Виленской сидитъ и Князь Велеріянъ, для того, что на той сторонѣ сидѣлъ Государевъ измѣнникъ Курбской.» — Колычевъ и Нагой жаловались, что ихъ задерживали въ городахъ Литовскихъ и даже въ полѣ, гдѣ не было жительства. Предложенія Государевы состояли въ томъ, чтобы 1) Полоцкая область осталась за ними со всѣми пригородами: Лепелемъ, Копцомъ, Дрысомъ, Вороначемъ, Улою, Соколомъ, до Виленскаго и Витебскаго рубежа; также и вся Ливонія до рѣки Двины — 2) чтобы Король именовалъ Царя Ливонскимъ, Полоцкимъ и Смоленскимъ. Колычевъ и Нагой выѣхали изъ Гродна 19 Авг.

(223) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.*: «Іюля (1566) поставленъ бысть городъ Усвятъ Озерепсково повѣту... Того же году Дек. въ Полоцкомъ повѣтѣ, на рѣкѣ на Дрыси, усть Нищевского Устья, городъ Соколъ, отъ Полоцка 30 верстъ, отъ Сибежа 70, отъ Дрыси 25, отъ Копца 15... Мѣсяца Авг. (г. 1567) поставленъ бысть въ Полоцкомъ повѣтѣ за Двиною къ Виленскому рубежу, на озерѣ на Сушѣ на острову, городъ; повелѣ же Государь звати тотъ городъ Копіе, отъ Полоцка 70 верстъ, отъ Лепля 25, отъ Лукомля 20.»

(224) Дѣла Польск. No 7, л. 1062: «И ты, Юрій, тому ся не диви, что мы сидимъ въ воинской правѣ и во оружіи: пришелъ еси къ намъ отъ брата нашего съ стрѣлами.»

(225) «На Ршанскомъ яму» (см. тамъ же, л. 1081). О пребываніи Царя въ Новѣгородѣ выписываемъ слѣдующія извѣстія изъ *Новогород. Лѣт.* Малиновъ: «Окт. въ 20 Архіеп. Пиминъ ѣздилъ встрѣчать Царя на Бронничу съ Архимандритомъ и съ Игумены, и съ образы, и столъ былъ у Государя на Владыку; а въ 22, въ 4 ч. дни, пріѣхалъ Государь въ В. Новгородъ, и встрѣчалъ его Архіеп. всѣмъ Новымгородомъ со кресты на Ильинской улицѣ, и слушалъ Государь молебна у Пречистой у Знаменья, и послѣ молебна пошелъ пѣшъ за кресты къ Софеи; и того дни ѣлъ хлѣба у Архіеп.; а стоялъ Государь на Торговой сторонѣ, на Буяновѣ улицѣ; а Владычень дворъ былъ занятъ на Царевича; а К. Володимеръ Андр. стоялъ на Холопьей улицѣ... Того жъ м. въ 30 Архіеп. пѣлъ молебны въ Софеи и святилъ воду съ мощей, и самъ Государь слушалъ молебновъ, и наказывалъ Архіепископу молити Бога о своемъ Царскомъ здравьѣ; и Архіеп. благослови Царя и Царевичевъ крестомъ... и поѣхали на 3 часу дни. А Владыка жилъ въ Чашниковой кельи, а Князь Великій ночевалъ въ Броничехъ на Купинѣ, ѣдучи къ Новугороду... Съ Деменского стану корму Государю яловицъ 10, борановъ 100, ярокъ 10, гусей 50, 400 куровъ, 10 утетъ (утокъ), 5 пудовъ масла коровья, 5 ведеръ сметаны, 5 ведеръ молока, 2 ведра сливокъ, 5 сыровъ кислыхъ, 5 сыровъ молодыхъ, 5 сыровъ сметаныхъ, 2000 яицъ на поварню, 200 телегъ дровъ; да конскаго корму: 400 телегъ сѣна, 400 четвертей овса, 20 четвертей ячменю, четверть ярицы, четверть муки яричной, 10 четвертей ржи рѣзаны и колосовъ, да на постелю конемъ 1000 телегъ соломы ржаные, да на конюшню 800 столбовъ, да 20 телегъ прутія тонково, чѣмъ столбы вязати на всякомъ стану на наслѣгѣ, гдѣ Царь ночуетъ, коли съ Москвы поѣдемъ въ В. Новгородъ, лѣта 7076 м. Октабря.»

(226) Тамъ же, л. 1098: «Хотѣли» (приказалъ Іоаннъ къ Королю) «съ тобою видѣтися въ твоей землѣ, и на тѣхъ дорогахъ учинилось лихое повѣтріе, и того для есмя воротились.»

(227) См. Стриков. и Кельха 280. Первый говоритъ, что Король собралъ болѣе ста тысячь воиновъ подъ Радосковичами (въ Минской Губерніи); а вторый прибавляетъ, что Сигизмундъ надѣялся тогда на успѣхъ заговора Москов. Вельможъ и К. Владиміра Андр. противъ Царя (см. выше, примѣч. 183).

(228) Въ 1568 году: см. Стриков. Къ Улѣ приступалъ Янъ Ходкѣвичь, Староста Жмудскій. Войско, присланное изъ Полоцка, спасло осажденныхъ.

(229) Въ Архив. *Псков. Лѣт* г. 1567: «И которые люди Московскіе присланы на блюденіе дѣловцовъ» (строителей) «К. Петръ Серебряныхъ, да К. Вас. Дмитр. Палицкого, и Литовскіе люди пригнавъ изгономъ на зори, да многихъ прибили.» Въ Дѣлахъ Польск. No 7, л. 1010: «Государя вашего Воеводы» (сказали въ Гроднѣ Паны Королевскіе нашимъ Посламъ) «К. Петръ Серебряной, да Палицкой, пришедше на Сушу ратью въ Острожского держанье, и Государя нашего люди вашихъ побили, и наказы и грамоты изъ саадака изъ К. Петрова Серебряного взяли.»

(230) См. Стриков. Кельхъ пишетъ, что Литовцы имѣли выгоду въ сраженіи 12 Дек. (1567 г.) на рѣкѣ Двинѣ и взяли въ плѣнъ К. Алексѣя Семичева и Богдана Нгеоп. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Литва взяша Изборескъ оманомъ: вопрошалися *опритчиною* Генв. въ 11, и Князь Юрья опять взялъ.» Литовцы успѣли вывести изъ Изборска многихъ граждавъ, вмѣстѣ съ тамошнимъ Намѣстникомъ Нащокинымъ. Воеводы Мих. Яков. Морозовъ, Ив. Меньшій Шереметевъ и К. Юрій Ив. Токмаковъ, снова овладѣвъ симъ городомъ, прислали оттуда 100 Литов. воиновъ, двухъ Королевскихъ Ротмистровъ и нѣсколько Шляхтичей въ Москву плѣнниками.

(231) Дѣла Польск. No 7, л. 1191. Тѣло жены освобожденнаго Воеводы Полоцкаго, именемъ Петрунелли, было отправлено въ Смоленскъ; а Шуйскіе посылали въ Литву своего человѣка за тѣломъ отца; но сей размѣнъ не состоялся, отъ ссоры Воеводы Виленскаго съ Довойною: первый остановилъ тѣло К. Петра Шуйскаго въ Вильнѣ, и посланный сыновей его возвратился ни съ чѣмъ.

(232) См. тамъ же, л. 1085, 1090, 1093 на обор.

(233) См. тамъ же, л. 1103 — 1137.

(234) Тамъ же, л. 1163, въ наказѣ данномъ гонцу Ѳедору Мясоѣдову.

(235) См. тамъ же, въ наказѣ Мясоѣдову.

(236) См. въ семъ Томѣ *Исторіи*, стр. 19.

(237) Nemo nisi mors. См. Далина, Gesch. des R. Schw. г. 1563, стр. 440.

(238) См. Далина, г. 1567, стр. 517, *Алекс.-Нев. Лѣт.* 1058, и Дѣла Швед. No 2, л. 25. Бояринъ Ив. Мих. Воронцовъ съ товарищами пріѣхалъ въ Стокгольмъ 20 Іюля 1567. Въ донесеніи ихъ сказано (л. 11): «Королевскіе Бояре, Юрья Ятреръ съ товарищи пришли къ Посломъ... Сѣтчи Послы, позвали къ себѣ Юрья Артера съ товарищи *къ рукѣ*, и они у Пословъ были *у руки*, соймя шапки, и Послы имъ велѣли сѣсти.»

(239) См. тамъ же, л. 27 — 77. Послы наши говорили Шведскимъ Вельможамъ: «Король Ирикъ присылалъ Великихъ Пословъ... и Послы грамоту докончальную написали и печати свои къ ней привѣсили, и крестнымъ цѣлованіемъ утвердили на томъ, какъ мы къ Государю вашему придемъ, и ему было у докончальные грамоты припись съ печатми Пословъ своихъ велѣти отрѣзати, да къ той грамотѣ печать своя привѣсити и крестъ цѣловати, и та грамота и припись Пословъ своихъ съ печатми дати намъ; а съ нами послати на Орѣховской своихъ Великихъ Пословъ, а съ тѣми и Польскаго Короля сестра Катерина, и отдати ее на рубежѣ Боярину и Вифлянскіе земли Намѣстнику Мих. Як. Морозову, а противъ ее взяти у него Царя и В. К. жалованье, докончальная грамота съ золотою печатью... Не хитрость ли которую хочетъ вашъ Король надъ нами учинити? хотя и учинитъ, тѣмъ Московское Государство безлюдно не будетъ.» Шведы сказали однажды: «Прежъ сего Государя нашего Короля былъ Посолъ у вашего, Князь Штенъ, и человѣкъ его прилѣпилъ блиско иконы свѣчу, и икона отъ свѣчи *оплѣла*, и прото Князя Штеня держали въ Новѣгородѣ заперта 3 недѣли, и корму не давали, а человѣка его въ тюрму кинули.» Далѣе: «И говорилъ Петръ Брагъ» (Королевскій чиновникъ): есть у Польского Короля сестра дѣвка, и будетъ Государю вашему она надобна, и Государь нашъ станетъ ее доступати, а доступивъ, дастъ ее Государю вашему.

И Послы говорили: то дѣло великое; а намъ о томъ приказу нѣтъ.» Далѣе: «Были у Пословъ Дворецкой Королевской, да тайныхъ дѣлъ Печатникъ, а говорили: Король велѣлъ вамъ сказати, что Послы его Государю вашему посулили, и Государь нашъ то дѣло хочетъ здѣлати... и Катерину отдастъ вашему Государю.» Въ другомъ мѣстѣ: «Пришелъ Нѣмчинъ дѣтинка молодъ, Королевской жилецъ; прислалъ его Король, а велѣлъ говорити, чтобъ Послы Короля съ собою на Русь взяли... Король боитца Бояръ своихъ, и воли ему ни въ чемъ нѣтъ.» Далинъ пишетъ, что Эрикъ предлагалъ дочь свою, Виргинію, въ невѣсты Царевичу Іоанну Іоанновичу.

(240) См. тамъ же, л. 101 и далѣе.

(241) См. Далина, г. 1569, стр. 546. Царь, по сказанію сего Историка, въ Февр. 1569 г. писалъ къ Королю Іоанну весьма ласково; извинялся въ условіяхъ заключеннаго съ Эрикомъ союза; увѣрялъ, что онъ (Царь) считалъ Екатерину бездѣтною вдовою (см. ниже, примѣч. 324); предлагалъ Шведамъ миръ и дружбу; требовалъ отпуска нашихъ Пословъ и прислалъ *опасную грамоту для* свободнаго проѣзда Шведскихъ въ Москву (Далин. Gesch. г. 1569, стр. 5). Въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ упоминается только о гонцѣ Андреѣ Шерефединовѣ, который осенью въ 1567 году былъ посыланъ въ Стокгольмъ къ Воронцову (см. Дѣла Швед. No 2, л. 2 — 7); но Царь дѣйствительно писалъ къ Королю Іоанну съ Швед. Дворининомъ Енсономъ (см. тамъ же, л. 126).

(242) Тамъ же, л. 122: «велѣлъ Государь Свейскихъ Пословъ ограбити, и грамоты Королевы и наказъ у нихъ поймати, за то, что Свейской Король ограбилъ Пословъ Государскихъ.»

(243) См. выше, стр. 73.

(244) Дѣла Крым. No 13, л. 163: «Прислалъ-дей Турской сее весны (г. 1567) ко Царю (Крымскому) Чеуша Маамта съ грамотою: были-дей у Турского изъ Юргенчь Послы, да изъ Бухаръ, которые шли къ Мекѣ на Асторохань, и тѣ-дей били челомъ Турскому, что Государь Московской поймалъ Юрты Бусурманскіе, взялъ Казань да Асторохань, и разорилъ-дей Бусурманство, а учинилъ Крестьянство, а ихъ-дей воюетъ, да и иные многіе Бусурманскіе Юрты; а въ Асторохань-дей изо многихъ земель кораблемъ съ торгомъ приходъ великой, а доходитъ-дей ему въ Асторохани тамги на день по тысечѣ золотыхъ. И Турской-дей писалъ ко Царю, чтобъ Царь и Царевичи сее весны шли къ Асторохани, а язъ-дей отъ себя отпущаю къ Асторохани Крымгирея Царевича» (Крымскаго, родственника Ханова) «да съ нимъ Касыма Князя и людей съ нарядомъ; и ты былъ-дей Асторохань взялъ, и Крымгирея Царевича учинилъ на Асторохани Царемъ,» и проч. — Жалуясь на то, что купцы Турецкіе были ограблены въ Литовскихъ владѣніяхъ, и что Сигизмундъ не платитъ стараго долга Хану, Султанъ велѣлъ взять подъ стражу Пословъ Королевскихъ въ Царѣградѣ, а людей ихъ отослать на галеры; но скоро возвратилъ имъ свободу и запретилъ Хану воевать Польшу (см. Дѣла Крым. No 13, л. 150 и 159).

(245) Выписываемъ сказаніе очевидца, Семена Мальцова, о семъ походѣ (Дѣла Крым. No 13, л. 287 и слѣд.):

«Послалъ мене Царь и Государь въ Нагаи къ Урусу Мурзѣ, и язъ Государьскіе дѣла здѣлалъ, и Казатцкіе Орды Акназара Царя и Шигая Царевича и Челыма Царевича, а съ ними 20 Царевичевъ, приходъ ихъ былъ на Нагаи, и бой писалъ, и про Кафенского Санчака Касыма, а нынѣча его Пашою именуютъ... Князь Тинехматъ и Урусъ Мирза и Тимбай Мирза и Тиналей Мирза отпустили со мною къ Государю Пословъ своихъ, 200 человѣкъ, и Марта въ 14 на Переволокѣ пришли на насъ Азовскіе Казаки, да Казы Мурзины люди ... и меня взяли за-мертво ранена, а наказу Государьскаго не взяли: схоронилъ есми въ деревѣ... и о тайныхъ дѣлахъ меня вспрашивали, и язъ Азовскому Агѣ и Кафинскому Пашѣ и Крымскому Царю многажды говаривалъ: Нагаи служатъ Государю нашему, и Государь нашъ въ Нагаи посылаетъ молодыхъ людей: язъ не стою и гонца Крымского! въ Крымъ въ гонцѣхъ посылаютъ добрыхъ Дворянъ, не нашу версту... А утечь намъ было добрѣ мочно: два были Казачьи городка на Волгѣ добрѣ блиско... И изъ Азова меня послали къ Касымъ-Пашѣ, и со мною, Государь, на одномъ кораблѣ сидѣли Колмакъ да Ширяй, которые отъ тебя, Государя, къ Касымъ-Пашѣ съ грамотою присланы... и ихъ на четвертой день ко мнѣ же въ тюрму на одну чепь посадилъ... Пришло изо Царя города 2000 Янычанъ, а всѣхъ людей конныхъ 15,000... и съ ними Костянтинъ Князецъ изо Фряского года (города?) изъ Родуса... Пошли подъ Асторохань съ великою похвалою, Литвы высокословнѣе. А меня изъ тюрмы, и Колмака и Ширяя и Путивлецовъ, которыхъ на сторожехъ имали, и Асторохан. Казаковъ, и Резанскихъ, и Мещерскихъ Княжь Петрова полку Серебряного, и *Сѣврюковъ* всѣхъ насъ Руси съ 150 человѣкъ на каторги подавали Мисюру Каптану; а всѣхъ каторгъ было со сто, а гребцовъ Турскихъ... и Фряжскіе и Можарскіе полоняники прокованы на чепяхъ съ нами же сидѣли, и всѣхъ 2500, а простыхъ людей и Янычанъ съ 500; а наряду добрѣ много, и серебра и золота Турского Салтана 12 сундучковъ... Въ 3 мѣсяцы всѣмъ людемъ въ походѣ двожды Алафу (жалованье) давали; а посланы были тѣ люди подъ Асторохань на 3 годы... И язъ какихъ бѣдъ и скорбей не претерпѣлъ отъ Кафы до Переволоки! Животъ свой на катаргѣ мучилъ, а Государьское имя возносилъ есми наипаче Вел. Царя Костянтина. И шли каторги до Переволоки 5 недѣль, а шли Турки съ великимъ страхомъ, и животъ свой отчаяли. Были мели... и которые были на каторгахъ Янычане Крестьяне, Греки и Волошане, и они тому сь дивили, что Государьскихъ людей и Казаковъ на Дону не было: толькобъ-де такими рѣками Турки ходили по Фряжской и по Можарской землѣ, и они бы всѣхъ побили; хотя бы-де Казаковъ было 2000, и они бы насъ руками поймали: такіе на Дону крѣпости... И стояли на Переволокѣ 2 недѣли,» и проч.

Въ Дѣлахъ Турецкихъ, No 2, л. 67, сказано по словамъ одного плѣнника, что у Паши Касима было 25,000 воиновъ, а съ Ханомъ болѣе пятидесяти тысячь. Тамъ же: «Турскіе люди шли изъ Азова вверхъ подлѣ Дону коньми до Царицыны рѣчки полтора мѣсеца, а нарядъ и запасъ везли въ судѣхъ; а пришедъ къ той рѣчкѣ, волочили на берегъ нарядъ и запасъ, и суды и каторги; да на берегу подъ суды и подъ нарядъ дѣлали волоки и колеса 14 день, и пошли къ Волгѣ, и шли половину дни, и стали волоки и колеса портитись, и все назадъ отворотили къ Азову, потому что было имъ не лзѣ перекопи дѣлати; а большихъ съ ними было только 3 пушки, а ядра поменьше головы человѣчьей. А Крымской Царь и Царевичи шли полемъ, а съ Касимомъ и съ Турскими людьми сошлися выше Царицыны рѣчки на той же Переволокѣ, и посылали добывати языковъ по Волгѣ и по Дону, и сказали имъ, что Государевы Воеводы многіе были на Волгѣ, на Царицынѣ острову, и пошли вверхъ.»

(246) «Пріѣхали съ 200 человѣкъ... и Пашѣ стало добрѣ за честь; и шубы имъ давалъ, а инымъ кафтаны и ферези... а каторги въ Азовъ воротилъ; а Турокъ отъ Паши конныхъ, бранясь съ нимъ, больши пяти-тысячь воротились. А меня Паша къ себѣ взялъ, на чепи и къ пушкѣ приковати велѣлъ... для того, прибѣжали съ Москвы изъ В. Новагорода Асторохан. люди, Исеменъ Мурза и Теней, и Пашѣ говорили: Нагаямъ вѣрити не мочно... нынѣча у нихъ 4 Послы отъ Царя и Вел. Князя, и ты къ нимъ пошли, чтобъ тѣхъ къ тебѣ прислали, а того (Мальцова) къ нимъ пошли, чтобъ его убити велѣли: то ихъ правдѣ вѣрь... И отъ Князя Тинехмата и отъ Уруса Мурзы ко Пашѣ Послы пришли и мнѣ сказывали, пришли есмя просити Пословъ своихъ грабежю, трехъ тысячъ лошадей, и тебя просити... и писали Князь и Мурза къ Пашѣ: твоей правдѣ хотимъ вѣрити, а Крымскому Царю вѣрити не мочно: недружба у насъ отъ нашихъ родовъ съ его родомъ.» См. тамъ же.

(247) См. выше, примѣч. 254. — Ханъ, выступая съ войскомъ къ Астрахани, велѣлъ Аѳ. Нагаго и его товарищей отвезти въ Мангупъ и крѣпко смотрѣть за ними.

(248) См. Т. I, стр. 25 и Больш. Чертежъ 239.

(249) Въ донесеніи Мальцова: «Взяли подъ Астороханію Никольского Келаря Арсенія Черньца, да Инку Игумнова человѣка Кирилова ввечеру привели и посадили его со мною на одной чепи, и язъ его, Государь, научилъ, велѣлъ сказывати: слышелъ онъ у Игумена, К. Петръ Серебряной, а съ нимъ 30 тысячь судовой рати будетъ часа того, а полемъ Государь въ Асторохань отпустилъ К. Ив. Дмит. Бѣльскаго, а съ нимъ 100,000, а Нагаи съ нимъ будутъ; а Кизылбашской Шахъ присылалъ ко Царю нашему бити челомъ Пословъ своихъ: Турскаго люди мимо Асторохани дороги ко мнѣ ищутъ, и ты бы, Великій Царь, сильною своею высокою рукою помочь учинилъ на Турского; и Государь нашъ Кизылбашского Шаха пожаловалъ, послалъ къ нему Посла своего, Олексѣя Хозникова, а съ нимъ 100 пушекъ, да 500 пищалей. Въ другой, Государь, почи пришли суды многіе, и сказали Княжь Петровъ приходъ Сем. Серебрянаго, да Замятни Сабурова со многими людьми, и взяли Нагайскихъ людей, которые къ Крымскому и къ Пашѣ пріѣхали, и Божіею милостію, Царя Государя нашего высокою рукою, единого подъ солнцемъ страшила Бусурмановъ и Латыномъ, и всѣ Восточные Государства около Асторохани Государского имени съ великимъ страхомъ трепещютъ,» и проч. См. ниже, примѣч. 275.

(250) Въ донесеніи Мальцова: «А на весну Турской пришлетъ Барди Пашю со многими людми, а на Русь хочетъ послати Крымского Царя да Пила Пашю, зятя звоего, со многими людми. И шли, Государь, мѣсецъ до Азова: Царь ихъ волочилъ подъ Черкасы Кабардынскою дорогою по безводнымъ мѣстомъ... И сами ся (Турки) тому дивятъ, и Царя своего, Селимъ-Салтана, зовутъ несчастливымъ: какъ сѣлъ на Государьство, впервые свою рать отпустилъ... Гдѣ намъ и великіе бои бывали, и столь истомны не прихаживали; и только бы на насъ люди были, и намъ было ни одному назадъ не бывати,» и проч.

Сіе описаніе достовѣрнѣе извѣстій Одерборна (Vita J. B. 272) и Стриковскаго. Первый умножаетъ число Турковъ до 300,000, прибавляя, что они стояли зимою подъ Астраханью и доходили оттуда до Казани; что К. Серебряной, сдѣлавъ вылазку изъ Астрахани, разбилъ ихъ; что Турки ждали судовой рати, задержанной бурями на Каспійскомъ морѣ; что Россіяне, обитавшіе на берегахъ Волги, потопили множество судовъ Турецкихъ; что голодъ и язва истребили большую часть сего войска; что остальные утонули въ Азовскомъ морѣ, и проч. — Стриковскій пишетъ, что Турковъ было конныхъ 25,000, пѣшихъ 50,000, Татаръ 80,000, а судовъ 150; что Россіяне на Переволокѣ отняли у нихъ суда, побивъ Янычаръ; что конные, терпѣвъ голодъ подъ Астраханью, на возвратномъ пути отчасти померли, отчасти потонули, отчасти были истреблены Россіянами; что въ Константинополь не пришло ни двухъ тысячь. Все несправедливо, какъ видимъ. Вѣрно то, что у Касима не осталось ни третьей доли войска (см. Дѣла Турецк. No 2, л. 70). По извѣстію Англичанъ, бывшихъ тогда въ Астрахани, число Турковъ и Крымцевъ простиралось до 70,000 (см. новое изд. Гаклуйта Navig. и проч. стр. 444).

(251) См. Дѣла Крым. No 13, л. 267 на обор.

(252) Тамъ же, л. 258: «Сент. въ 20 Ѳонасью и Ѳедору сказалъ Мангупской Ага Магмутъ: язъ-дей пріѣхалъ изъ Кафы, и пришла-дей въ Кафу вѣсть, зажгли-дей въ Азовѣ въ ночи зелье, и отъ того-дей у города стѣну вырвало и дворы-дей въ городѣ и люди многіе погорѣли, и нарядъ и запасъ и суды погорѣли, а говорятъ-дей, что зажгли ваши Руские люди.»

(253) См. выше, примѣч. 245 и 249, и Дѣла Крым. No 13, л. 298 на обор.

(254) Онъ пишетъ (л. 298): «сказывалъ мнѣ Литовской гонецъ Ондрей Тарановской... и хвалитъ Божіе милосердіе и высокую руку Государя нашего, и дивитца Турской худобѣ, что ся надъ ними такъ стало: сказываетъ, слышелъ во Царѣгородѣ, что изо всее земли выбраны лудчіе люди, посланы подъ Асторохань, а язъ такихъ худыхъ людей нигдѣ не видалъ.»

(255) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.*: «Дек. въ 22 (1566) пріѣхалъ ко Царю изъ Черкасъ Мазловъ Князь Темгрюковичь, шуринъ Царя, а людей съ нимъ 30, бити челомъ, чтобы Государь пожаловалъ для береженья отъ недруговъ велѣлъ городъ на рѣкѣ Теркѣ, усть Сюнчи рѣки, поставити... Февр. въ 2 (1567) отпустилъ Царь въ Черкасы Мазлова Князя, и послалъ съ нимъ для городоваго дѣла К. Андрея Сем. Бабичева да Петра Протасьева со многими людми, да и пушки и пищали.» См. также Дѣла Крым. No 13, л. 386 на обор.

(256) Извѣстіе о сихъ древнѣйшихъ Персидскихъ Посольствахъ сохранилось только въ книгѣ *Титулярникѣ*, находящейся въ Москов. Архивѣ Иностр. Коллегіи подъ No 3. Тамъ сказано: «Начало Посольства къ Кизылбашскимъ (Персидскимъ) Царемъ. Въ грамотѣ писано Кизылбашского Шахъ-Тамаса ко Царю и В. К.; *Высочайшему Государю, вел. повелителю, многіе власти держащему, славнѣйшему Государю, побѣдителю счастливому, и всѣхъ превосходяй честію яко же мѣсяцъ во звѣздахъ именуему въ Государехъ... Отъ любовнаго лица нашего молитва, поклонъ и похвальное наше писаніе, аки отъ ладану росново духъ благоуханный спущая до тебя дойдетъ.*» Содержаніемъ грамоты было то, чтобы свободно ходить Посламъ *на обѣ стороны*. Года не означено: но въ отвѣтѣ Царя поставленъ Генв. мѣсяцъ 1553 и сказано, что отъ Шаха пріѣзжалъ въ Москву Сеитъ Хосенъ. Іоаннъ называетъ Шаха *рогомъ инрога* (единорога). Изъ грамоты посланной съ Хозниковымъ (см. выше, примѣч. 249) выписанъ одинъ титулъ и конецъ: «Писанъ въ Государьства нашего Дворѣ града Москвы, лѣта 7077, Маія въ 14 день, Индикта 12.»

(257) Въ *Алек.-Нев. Лѣт.* г. 1563: «Сент. въ 16 отпустилъ Царь и В. К. Сибирскаго Едигерева Посла, Чигибеня, по Исмаилеву челобитью: при-

шелъ онъ изъ Сибири съ данію и задержанъ на Москвѣ по тому: послѣ его приходу Сибирскіе люди Царю и Вел. Князю измѣнили, дани Государевымъ данщикомъ давать не учали, и *взяли* къ себѣ на Сибирь Царевича Едигеря Князя: Государьского данщика Едигерь, Царевичь *Казанской»* (описка вмѣсто *Шибанской*) (см. Т. VIII, стр. 140) *«убилъ.»* Въ 1558 году былъ Сибирскимъ Княземъ также Едигеръ (см. Т. VIII, стр. 140); но, кажется, другой, а не сей Шибанскій Царевичь: см. ниже, примѣч. 643. — Въ Государственной книгѣ Московъ. Архива Коллегіи Иностран. Дѣлъ, No 3, л. 79 — 84, находится слѣдующая выписка: «Начало Посольству Сибирскаго Кучюма Царя со Царемъ и Вел. Княземъ; а се въ грамотѣ начало писано, какову Царь и В. К. послалъ къ Кучюму Царю съ его человѣкомъ съ Аисою по ихъ челобитью: *Божіею милостію отъ Вел. Государя Царя и В. К. Ивана Васильевича всеа Русіи . . . Кучюму Царю Сибирскому слово наше. Прежъ сего Сибирской Едигеръ Князь на насъ смотрилъ изъ Сибирскіе земли, со всее на всякъ годъ дань къ намъ присылалъ. . .* На свершенье въ грамотѣ писано: *Въ Государьства нашего Дворѣ града Москвы, лѣта* 7077 (1569) *Марта мѣсяца.* А се начало писано отъ Кучюма ко Царю и В. Князю съ Посломъ его съ Тамасомъ, да съ гонцомъ Аисою 80 году» (7080): *«Крестьянскому Бѣлому Царю и В. Князю всеа Русіи;* да на полѣ: *Кучюмъ Богатырь Царь слово наше;* да: *послалъ о томъ, чтобъ его Царь и В. К. взялъ въ свои руки, а дань со всее Сибирскіе земли ималъ по прежнему обычаю.* А на свершенье у грамоты написано: *писано съ пишаномъ;* а лѣта не написано. И Царь и В. К. Сибирского Царя грамоты и его челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и въ обереганье принялъ, и дань на него положилъ на годъ тысячю соболей, да Посланнику Государьскому, которой по дань пріѣдетъ, тысячу бѣлокъ; да и грамоты и записи тому пописаны; а къ Кучюму Царю съ жалованною грамотою послалъ Государь своего сына Боярского, Третьяка Чабукова, и запись, какову написали Посолъ Тамасъ, да гонецъ Аиса, и шерть по ней учинили, покрѣпити, да и дань у Кучюма Царю взяти. А се начало въ Государевѣ грамотѣ: *Всемогущаго, безначальнаго Бога неизреченнымъ милосердіемъ Крестьянского Закона единъ правый Царь и В. К. всея Русіи... Сибирскіе земли начальнику, Кучюму Царю, милостивое слово любовнымъ жалованьемъ и доброю мыслью, великое защищенье и богособные нашіе власти всего твоего Улуса людемъ безстрашное пребываніе, и крѣпкое слово то . . .* А въ свершеніе писано: *И того для къ сему ярлыку на большое укрѣпленье золотую свою печать есми приложилъ. Отъ созданія Адамля лѣта* 7080 *Октября* (г. 1571) *писанъ въ Государьства нашего Дворѣ града Москвы, а вашего* (Эгиры) *лѣта* 979. А се начало въ записи шертной, которую написали Посолъ Тамасъ да гонецъ Аиса, да и къ шерти на той записи приведены: *Божіимъ изволеніемъ и Царя и В. К. Ив. Вас. всеа Русіи жалованьемъ язъ Кучюмъ посылалъ есми своего Посла и гонца, бьючи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и* 1000 *соболей послалъ есми... и Посолъ нашъ и гонецъ, благодаря Бога и Царя и В. К. жалованье, нашею душею и всѣхъ нашихъ добрыхъ людей душею, и всѣхъ черныхъ людей душею, Царя и В. К. роту крѣпкую и шерть дали на сей записи. . . .* А свершеніе въ записи: *Язъ Кучюмъ Царь печать свою приложилъ; а лутчіе Сибирскіе люди руки свои приложили; а сю шертную запись писалъ Магмедбакъ Хозесеиповъ сынъ лѣта* (Эгиры) 979. А въ приписи: *А на томъ на всемъ язъ Посолъ Тамасъ да гонецъ Аиса за Государя своего, Кучюма Царя, и за всѣхъ его лутчихъ людей, и за всю землю Сибирскую, крѣпко есмя шерть учинили на томъ, какъ будетъ у Государя нашего Посланникъ Третьякъ Чабуковъ, и Кучюму Царю и лутчимъ его людемъ на сей записи и на Царевѣ и В. К. жаловальномъ ярлыкѣ шерть учинити, и печать своя къ сей записи Государю нашему, Кучюму Царю приложити. . . а печатей нашихъ моее Тамасовы и моее Аисины и рукъ нашихъ у сей записи нѣтъ, потому что грамотѣ и писати не умѣемъ.* А въ рѣчи Третьяку велѣно отъ Государя Кучюму Царя поклонъ правити и рѣчь говорити по наказу.»

Въ семъ же Архивѣ нашелся списокъ слѣдующей Кучюмовой грамоты къ Царю, писанной до заключенія договора: *«Богъ богатъ.* Вольной человѣкъ Кучюмъ Царь, Великій Князь Бѣлый Царь... Съ нашимъ отцемъ твой отецъ гораздо помирився, и гости на обѣ стороны ходили . . . Земля твоя близка; люди наши въ упокоѣ были . . . А по ся мѣста грамоты къ тебѣ не посылалъ есми по тому, что не съ которымъ намъ война была: и мы того недруга взяли, и нынѣ похошъ миру, и мы помиримся, а похошъ воеватися, и мы воюемся. Пяти, шти человѣкъ въ пойманьѣ держать, землѣ въ томъ што? Язъ пошлю Посла и гостей, да гораздо помиримся,» и проч. См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, II, 52.

Въ *Запискахъ Сибирскихъ*, напечатанныхъ въ *Древ. Рос. Вивліо*ѳ. III, 104, сказано: «Въ лѣто 1572 года отъ Царя и В. К. Ив. Вас. присыланъ былъ въ Сибирь Полковой Воевода, *Князь Аѳанасій Лыченицынъ*, съ ратными людми провѣдать Царство Сибирское и воевать Царя Кучума; но тѣ ратные люди побиты отъ Кучума въ Сибири, а иные въ полонъ взяты: не многіе отъ нихъ утекоша чрезъ Камень къ *Русь»* (вѣроятно, къ *Руси* или въ Русь) «а снарядъ весь, и пушку, и ядра, и зелье, и порохъ, и свинецъ, Царь Кучумъ поймалъ себѣ; а оную пушку въ пришествіе Ермаково въ Сибирь Кучумъ велѣлъ спѣхнуть съ Чувашевыхъ горъ въ рѣку Иртышъ, гдѣ и потонула: понеже не начала издавать изъ себя ядеръ и стрѣлять по Рускимъ ратнымъ людямъ.» Сіе извѣстіе есть безъ сомнѣнія ложное; 1) Кучюмъ былъ тогда мирнымъ данникомъ Іоанновымъ; 2) нигдѣ не находимъ *Князей Лыченицыныхъ*, ни въ лѣтописяхъ, ни въ Розрядахъ.

(258) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.* г. 1563: «Ноября въ 1 пріѣхали въ Москву изъ Шамахи отъ Абдулы Царя Послы, а писалъ къ Государю, чѣмъ ему велитъ себѣ служити, да о торговыхъ людехъ... Іюля (1564) прислалъ Бухар. Царь Абдула,» и проч. Тамъ же, г. 1566: «Дек. въ 27 пришли отъ Абдулы Царя Бухар. Послы, да отъ Юргенчьского Азима Царя, да отъ Самарханского Сеита Царя... Февр. 1 отпустилъ ихъ Государь и грамоты къ нихъ Государемъ послалъ о купечествѣ.» Въ *Титулярникѣ* (см. выше, примѣч. 256) упоминается еще о грамотѣ Царя къ Тюменскому Князю Токлую и къ Шевкалу Князю въ Апрѣлѣ 1559 года (см. Т. VIII, примѣч. 415), къ Азиму Юргенскому или Хивинскому въ Апр. 1561, и въ семъ же году къ Мааметъ-Дербышю Царю, *сусѣду ближнему, Ташкенетьскихъ странъ здержателю.* Тамъ же вписана слѣдующая любопытная слогомъ своимъ грамота Самаркандскаго Царя Сеита 1567 года: «Въ великихъ превеличайшему и превысочайшему Властелю многимъ землямъ... Дарей и Соломонъ, и Феридунъ, и Хосревъ были въ Государехъ честны; а ты (Іоаннъ) ихъ превыше . . . Нашего времени Государи предъ тобою унижаются . . . Какъ солнце осіяетъ свѣтомъ вселенную, такъ же и ты

по странамъ славишься, аки мѣсяцъ во звѣздахъ ... и желаніе свое отъ Бога получаешь, а приходящихъ иноземныхъ иновѣрцовъ не оскорбляешь: всякому по своей волѣ на свои промыслы приходъ и отходъ у тебя доброволенъ. Твоихъ Государьствъ люди и иныхъ земель люди подобны есть свѣчѣ: какъ свѣча зажжется, тму освѣтитъ: такъ и они хотѣніе свое исполняютъ отъ твоего *исправедливства*. Твое благотворенье подобно древу плодовитому: какъ древо плодъ даетъ людемъ на прохлаженье, такоже благоправіемъ твоимъ богатѣютъ люди... Высочайшества твоего счастье предъ иными, что небо отъ земли. И подобенъ еси Гамаюну... Царь Царемъ еси... Подобенъ еси Олександру. Куда учнешь путьшествовати, и то мѣсто исполнится свѣтлѣйшаго счастья... А сабля твоя уподобися ключу: ключомъ замки отмыкаются: такъ же которыхъ земель дороги затворятся, и ты своею саблею дороги отворяешь... Въ кою страну пойдешь, и отъ твоего стремени свѣтлость учнетъ быти во вселенную... Прежніе два Государя были, Зеимъ да Арабъ: только бы ты былъ въ то время, и приложилъ бы еси пятно свое (печать) къ какимъ звѣремъ ни буди: и вы бы (люди), сходясь, у тѣхъ звѣрей ноги цѣловали; не вредили бъ ничѣмъ, боясь грозы твоей... *Писано золотомъ: Салтанъ Саидъ Царь, Абусаидъ Царевъ сынъ.»* Отвѣтъ Іоанновъ писанъ въ Мартѣ 1567.

(259) См. выше, примѣч. 103. О пребываніи Россіянъ въ Азовѣ см. Дѣла Крым. No 13, л. 258.

(260) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.* (и во многихъ другихъ): «Того же лѣта (1567) Царь и В. К. отпустилъ съ своею *бологодѣтью*, отъ своей казны, своихъ гостей и купцовъ въ поморьскіе Государьства: въ Антропъ къ Бурмистромъ и Ратманомъ гостя Ив. Оѳонасьева, да купца Тимоѳея Смывалова; въ Гурмызъ купцовъ Дм. Ивашева, да Ѳед. Першина; въ Англейскую землю къ Елисавети Королевнѣ купцовъ Степ. Твердикова, да Ѳедота Погорѣлова, и грамоты свои въ тѣ земли ко всѣмъ Государемъ о пропускѣ и о береженьѣ послалъ.» Королева Елисавета писала къ Іоанну съ Твердиковымъ и Погорѣловымъ, отъ 9 Мая 1567, что она, изъ дружбы къ нему, дозволила имъ свободно исправлять купеческія дѣла свои, и проч. См. Гаклуйта Navigations, нов. изд. 421.

(261) Въ 1562 г. Правительство Любекское писало къ Окольничему Петру Петр. Головину, чтобы онъ замолвилъ Царю доброе слово за Ганзу (см. Виллебрант. Chr. и Petersburg. Journal IX, 142).

(262) См. Т. VIII, стр. 145. Дженкинсонъ былъ въ Москвѣ еще въ 1561 и 1566 году. Онъ покупалъ для Іоанна въ Персіи драгоцѣнные камни и шелковыя ткани. См. Гаклуйта Navigations 384 и 418.

(263) Сказано: for every *pound* one dingo or half penie (Гакл. 427); но не должно ли читать: *съ пуда?* Для желѣзнаго завода надлежало отвести Англичанамъ нѣсколько десятинъ лѣсу, въ окружности на 5 или на 6 верстъ. Они представляли Казначею легкіе товары, а о тяжелыхъ записку: Казначей, выбравъ угодное Царю, возвращалъ имъ остальное для продажи. О подворьѣ Англичанъ въ одномъ мѣстѣ: their house at Mosco, which house J granted them at S. Maxims at the Mosco; а въ другомъ: at S. Maxims in the *Zenopsky*, and other their houses in the *towne* of *Zenopsky*. Сей домъ въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ называется *Юшковскимъ дворомъ у Св. Максима Исповѣдника, что за торгомъ.* — Они (Англичане) могли имѣть Русскаго дворника и двухъ Русскихъ слугъ. — Если Совѣтъ Опричнины (Counsaile of the Opressini) не умѣлъ разобрать тяжбы между Англичаниномъ и Русскимъ, то рѣшили ее жеребьемъ (см. ниже). — Совѣтники Царскіе могли взять виновнаго Англичанина подъ стражу и описать его имѣніе, но единственно съ вѣдома Царскаго. — Далѣе сказано въ семъ Царск. уставѣ: «только общество Лондонскихъ купцевъ присылаетъ корабли въ гавань Св. Николая, и черезъ Россію торгуетъ съ Персіею; но въ Нарвѣ и въ иныхъ городахъ Ливонскихъ торгуютъ, вмѣстѣ съ Англичанами, и всѣ другіе купцы... Англичане судятся между собою по своимъ законамъ. Дано 20 Іюня 1569.» См. Гаклуйт. Navig. 425 — 429.

(264) Тамъ же, стр. 378. Сигизмундъ, требуя, чтобы Елисавета запретила Англичанамъ торговать съ Россіянами въ Нарвѣ, писалъ къ ней: «Мы еще подтверждаемъ Вашему Величеству, что Царь Московскій, врагъ всякой свободы, ежедневно умножаетъ силы свои отъ выгодъ торговли и сообщенія съ образованными народами Европейскими... Вашему Величеству безъ сомнѣнія извѣстны его могущество, жестокость, тиранство... Мы надѣялись единственно на свое превосходство въ искусствахъ и въ знаніяхъ; но скоро онъ все узнаетъ ,.. и въ безумной гордости устремится на Христіанство,» и проч. Въ 1568 г. Послы Сигизмундовы тоже говорили Королю Датскому и Сенату Любекскому, объявивъ, что Государь ихъ намѣренъ убѣдительно представить всѣмъ Европейскимъ Державамъ опасность нашего новаго могущества, дабы отвратить ихъ отъ торговли съ Россіею. См. Notices des manuscrits de la Bibliothèque Nationale etc. стр. 92 — 96, въ статьѣ Legatio Polonica.

(265) Онъ присталъ къ монастырю Св. Николая 28 Іюля 1568. Тамъ было 20 Иноковъ, неученыхъ, но гостепріимныхъ. Въ Колмогорахъ Англичане имѣли нѣсколько прекрасныхъ домиковъ. Вологда, гдѣ Іоаннъ построилъ новую каменную крѣпость, славилась богатымъ купечествомъ. Отъ Вологды до Москвы мѣста казались Рандольфу пріятными: онъ видѣлъ частыя селенія, хорошія поля и луга. Сказываетъ, что изъ Ярославля Англичане ѣздили обыкновенно Волгою въ Астрахань, и для того построили большое судно, какого дотолѣ не видали въ Россіи, и которое стоило имъ не болѣе ста марокъ. — 28 Февр. позвали Рандольфа во дворецъ: услышавъ отъ него имя Елисаветы, Іоаннъ всталъ и спросилъ объ ея здоровьѣ. Даръ Королевинъ состоялъ въ серебряномъ покалѣ, украшенномъ рѣзьбою, съ разными надписями. Царь, отпуская его, сказалъ: «Важныя дѣла не позволяютъ мнѣ обѣдать нынѣшній день съ гостями, но я пришлю тебѣ кушанье съ моего стола.» Немедленно явился въ Посольскомъ домѣ знатный сановникъ, за коимъ пять человѣкъ несли серебряныя блюда или чаши съ яствами, хлѣбъ, вина и проч. Сей Царедворецъ долженъ былъ отвѣдывать и кушанье и питье. Черезъ нѣсколько дней, въ темную, холодную ночь, велѣли Рандольфу итти въ Русскомъ платьѣ къ Царю для тайнаго свиданія. На другой день Іоаннъ уѣхалъ въ Слободу, возвратился черезъ 6 недѣль, и отпустилъ его съ Савинымъ въ Лондонъ (куда они пріѣхали въ Сент. 1569). Сверхъ выгодъ, исходатайствованныхъ Рандольфомъ для своего купечества, Іоаннъ для него выпустилъ изъ темницы Фицгерберта, обвиняемаго въ сочиненіи какихъ-то дерзкихъ писемъ; простилъ Томаса Грина, уличаемаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ Посломъ, и Андрея Ашертона, на коего доносили, что онъ пересылаетъ въ Лондонъ письма Англ. купцевъ. Позволивъ Англичанамъ искать пути въ Китай, Царь обѣщалъ Рандольфу, чрезъ К. Аѳанасья Вяземскаго и Петра Григорьевича, не слушать навѣтовъ какого-то Бенета Бутлера и другихъ Англичанъ, враговъ Лондонскаго Общества, торгующаго съ Россіею.

(266) Англійская грамота Елисаветина писана на пергаменѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стерлась;

но можно вездѣ угадать смыслъ, объясняемый также Русскимъ современнымъ переводомъ, который сохранился въ Москов. Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ съ слѣдующею надписью: This writing in the Russian tongue is affirmed by Daniel Silvester Englishman, the Interpretor of the Ambassador of the Emperore of Russia, being sworne upon his othe to be the trew copie of the letter, whiche is writen in the Englishe tongue by the Queenes Maiestie of England... Т. е.: «Переводчикъ Царскаго Посла, Англичанинъ Даніилъ Сильвестръ, клятвенно утвердилъ вѣрность сего перевода,» и проч.

Выписываемъ изъ подлинника важнѣйшія мѣста: To the most mightie and puissant Prince, our deare brother, great Lord Emperor and Greate Duke Ivan Basily of all Russia... if at anie time it so mishappe, that you be by anie casuall chance, ether of secret conspiracy or outward hostilitie driven to change your countries and shall like to repaire into our Kingdome with the noble Empresse, your wife, and your deare children, we shall with such honor and courtesies receave and entreate your Highnes and them, as shall become so greate a Prince... to the free and quiet leeding of your Highnes lief with all those, whome you shall bring with you, and that it maie be laufull for you to use your christian relligion in such sorte, as it shall be best like you, for neither meane we to attempt anie thing to offend either your Maiestie or anie of your people, nor to intermedle anie waies with your Highnes faith and relligion, nor yet to sever your Highnes houshold from you, or to suffer anie of yours to be taken from you by violence. Besides we shall appoint you a place in our Kingdome fitt upon your owne charge (т. е., чтобы Царь жилъ въ Англіи на своемъ содержаніи) as long, as you shall like to remaine with us... This we promise by vertue of theis our letter and by the worde of a christian Prince. In witnes whereof we Queene Elisabeth do subscribe this with our owne hand in the presence of these our nobles and consellors, Nicholas Bacon Knight (отецъ славнаго Философа) Greate Chauncellor of our Realme of England, William Lord Parr. Lord Marques of Northampton, Knight; of our Order of the Garter, Henry Earle of Arundell, Knight of our said Order, Francis Lord Russel, Earle of Bedford, Knight of our said Order Robert Dudley, Lord of Denbigh, Earle of Leicester, Mr. of our horse and Knight of the same Order... Слѣдуетъ еще нѣсколько именъ, и послѣднее: Cecill Knight our principall Secretary. Въ заключеніи: Promising, that we against our common enemies shall with one accord fight with our common forces and do every and such other thing mentioned in this writing, as long as God shall lend us life, and that by the word and faith of a Prince. Given at our house of Hamptoncourt the XVIIIth daie of the moneth of May, in the XII yere (такъ) of our reigne and in the yere of our Lord 1570 (написано словами). Съ лѣвой стороны Елисаветина подпись.

(267) См. въ Гаклуйт. Navig. стр. 454, въ запискѣ Дженкинсоновой.

(268) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1570: «А къ нему прислаша» (Нѣмцы и Литовцы къ Іоанну) «Нѣмчина, лютого волхва, нарицаемаго *Елисея*, и бысть ему любимъ въ приближеніи, и положи на Царя страхованіе... и конечнѣ былъ отвелъ Царя отъ Вѣры; на Рускихъ людей Царю возложилъ свѣрѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи: понеже безбожніи узнали своими гаданьи, что было имъ до конца разореннымъ быти; того ради таковаго злаго еретика и прислаша къ нему: понеже Рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе — и много множество роду Боярского и Княжеска взусти убити Цареви; послѣди же и самого приведе наконецъ, еже *бѣжати въ Аглинскую землю* и тамо женитися, а свои было Бояре оставшіе побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого (Елисея) смерти предаша (см. ниже), да не до конца будетъ Руское Царьство разорено.» Таубе и Крузе (стр. 230) пишутъ: Da hat er (Царь) durch Angebung eines verlauffenen schelmischen Doctors, mit Namen Eliseus Famelius, die Leute umzubringen angefangen. Вмѣсто *Фамелія*, надобно читать *Бомелія*, какъ у Гаклуйта (стр. 520): Doctor Bomelius, a Dutchman and physician to the Emperour.

## ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:

Г. 1564. «Февр. въ 17 пріѣхалъ изъ Крыму Государевъ Посланникъ Елизаръ Ржевской отъ Аѳ. Нагаго... а Девлетъ-Кирей Царь прислалъ своего гонца Ащибаша Фруха, а писалъ, что правду далъ предъ Аѳанасьемъ Ѳедоров., а Царь бы и В. К. правду ему учинилъ передъ Митрополитомъ и передъ его гонцомъ, а для большова доброва дѣла посылаетъ Посла Муратъ-Мурзу; и Царь и В. К. послалъ по Крымскихъ Пословъ, по Янбулдуя съ товарищи, въ Колугу» (гдѣ они содержались подъ стражею) «Ив. Сем. Черемисинова Караулова, да Дьяка Ив. Реутова, а велѣлъ имъ быть къ себѣ на Москву... Марта въ 12 поставленъ въ Казань Германъ Архіеп. а преже бяше въ Свіяжскомъ градѣ Архимандритъ у Рожества Пречистые... Марта въ 15 Царь и В. К. отпустилъ Крым. Посла Янболдуя а съ нимъ Посла Ѳед. Игнат. Салтыкова, а велѣлъ имъ въ Калугѣ дожидаться, какъ будетъ изъ Крыма Царевъ Посолъ Муратъ-Мурза и Аѳ. Нагой къ рѣкѣ къ Семи... а къ Девлетъ-Кирею отпустилъ гонца его и своего Посланника Григ. Злобина съ грамотою, и Злобина на дорогѣ не стало, и въ его мѣсто Царь и В. К. послалъ Ѳед. Андр. Писемского... Апр. въ 18 загорѣся за Неглинною на Воздвиженской улицѣ, К. Семеновъ дворъ Палицкого, и сгорѣла ц. Мученикъ Дмитрей, да дворъ К. Михайловъ Темгрюковича, и иныхъ 9, да 5 келей... Маія въ 9 въ ночи загорѣся за Москвою рѣкою ц. Парасковеи Пятницы, и чудотворный образъ ея згорѣ, да 13 дворовъ, да 5 келей... Тогда же отпустилъ Царь и В. К. въ Нагаи къ Тинехмату Князю Посольствомъ Мих. Тимоѳ., а къ брату его къ Урусъ-Мурзѣ, Вас. Ѳедчищова; а къ Асанакъ-Мирзѣ, къ Кошумову сыну, Ив. Михнова; а къ Чинбай-Мирзѣ, къ Исмаилеву сыну, Ром. Хвощинского; а къ Тиналей-Мирзѣ, къ Кошумякову сыну, Ив. Шерефединова; а съ ними по станицѣ служилыхъ Татаръ; да въ Черкасы къ Казы-Мирзѣ Татарина съ граматою... Маія въ 19 горѣлъ монастырь *Николая Чудотворца Старово въ Новомъ городѣ*, и сгорѣло 8 келей да 2 церкви деревяны, да у Николы погорѣли верхи... Іюня въ 21 послалъ Царь въ Черкасы Кабардинскіе ко К. Темгрюку Ив. Новосильцова съ жалованьемъ... Іюня въ 27 прислалъ Девлетъ-Кирей Царь гонца, Караша Князя, а Царь и В. К. былъ въ Можайску; а сказалъ Карашъ, что на Овечьихъ Водахъ приходили на него Литов. Каневскіе Черкасы и ихъ громили, и грамоту Цареву и поминки аргамакъ и Сына Боярскаго Волошанина взяли, и грамоту Аѳан. Ѳед. Нагова; а рѣчью отъ Девлетъ-Кирея говорилъ, что онъ ходилъ на Волошского по Салтанову велѣнью, и со многою корыстью пришелъ въ Крымъ, и радость свою прислалъ сказати Царю и В. Князю. И Авг. въ 16 Царь и В. К. Караша отпустилъ, а съ нимъ гонца своего, Андр Мясново, да писалъ

о миру, чтобъ Посла Муратъ-Мурзу прислалъ... Обновленъ бысть (въ Москвѣ) придѣлъ Василій Кесарійскій у Благовѣщенія на сѣнехъ, а прежъ того тотъ престолъ былъ въ паперти отъ Казеннаго Двора. Царь велѣлъ подписать Благовѣщенскіе паперти за дверми надъ лѣсницею отъ площади.. Велѣлъ Царь здѣлати печать въ вотчину въ Вифлянскую, во градъ Юрьевъ; а на печати клейно орелъ двоеглавный, а у орла у правые ноги гербъ, печать Маистра Ливонского; а у лѣвые ноги гербъ, печать Юрьевского Бискупа; около же печати подпись Царского Величества Боярина и Намѣстника Вифлянскіе земли печать; и тою печатью велѣлъ грамоты перемирные съ Свейскимъ Королемъ печатати и грамоты въ иные Государьства... Авг. въ 24 въ ночи загорѣлся въ *Новомъ городѣ* (въ Москвѣ) въ *Смоленской улицѣ* у Воскресенія Христова К. Никитинъ дворъ Одоевского, и сгорѣло 3 церкви деревяны: Козма и Деміанъ въ Смоленскомъ переулкѣ, Дмитрей Мученикъ на Ильинской улицѣ, Св. Пятница въ Веденскомъ переулкѣ, да 33 двора, да 7 келей... Совершена (во Псковѣ) церковь въ Печерскомъ монастыри на воротѣхъ, Св. Никола... Сент. въ 25 въ ночи загорѣлся (въ Москвѣ) Окольничего Аѳан. дворъ Андреевича Бутурлина за Неглинною противъ полого мѣста, и погорѣло по Петровской улицѣ 31 дворъ, а церковь Воскресенье межъ Петровской и Дмитровской улицы, да 27 келей розметали... Окт. въ 25 пріѣхали изъ Ногай Мих. Тимоѳеевъ съ товарищи; а Ноября въ 6 прислали изъ Нагай Князь и Мурзы, что будутъ не отступны отъ Царя... Святилъ Митрополитъ ц. у Благовѣщенія, Василій Кесарійскій; и того дни у Царя ѣли Кизитской Митрополитъ Іоасафъ, да Старцы Св. Горы; и того же дни отпустилъ Царь Іоасафа въ Царьгородъ къ Патріарху, а Старцевъ во Св. Гору, съ Грузинского Князя Леона Посломъ; да послалъ съ Патріаршимъ слугою Михайломъ милостыню къ Патріарху Іоасафу и къ Архіепископомъ, которые писали ему благословеніе на его Царское поставленіе; а дорога имъ на Астрохань, да на Черкаскую землю и Грузинскую, а оттуда черезъ Трапизонскую... Ноября въ 23 пріѣхали изъ Нагай Мурзы съ Казаки на войну, гдѣ ихъ Государь пошлетъ; а всѣхъ людей съ ними 1200, да Посольскихъ 153. — Г. 1565. Февр. въ 1 въ ночи згорѣлъ въ Большомъ городѣ К. Володимеровъ дворъ Андреевича и ц. о трехъ версѣхъ древяна, да К. Ивановъ дворъ Мстиславского, да Троицкой монастырь, да у церкви Богоявленія 3 верхи, да на Митрополичемъ дворѣ на заднемъ конюшни и иные хоромы. Февр. въ 15 пріѣхалъ Царь къ Москвѣ изъ Александр. Слободы... Марта въ 18 поставленъ бысть Коломенской Епископъ Іосифъ, а преже былъ у Спаса въ Ярославлѣ Архимандритъ; а Апр. 8 поставленъ на Крутицы въ Епископы Галактіонъ, что былъ Архим. у Спаса у Нового... Іюня въ 6 послалъ Царь и В. К. въ Нагаи Мих. Ѳед. Сумбулова съ товарищи... Іюня въ 11 пріѣхалъ изъ Черкасъ Пятигорскихъ Ив. Новосильцовъ... Іюня въ 17 пріѣхалъ изъ Черкасъ Мастрюкъ Князь Темгрюковичь, и билъ челомъ Царю въ Слободѣ Александр., что Темгрюку пришли тѣсноты отъ Черкасъ, и ему не послушны, и Государь бы послалъ свою рать... Іюня въ 19 пріѣхалъ изъ Крыму Андрей Мясной, а съ нимъ гонецъ Крымской, и былъ у Государя въ Слободѣ; и послалъ съ нимъ Государь въ Крымъ гонца своего, Семека Аѳан. Бортенева... Іюля въ 15 привезъ Турского Салтана купецъ Байрямъ отъ новаго Цареградского Патріарха Митрофана и отъ Архіепископовъ 3 грамоты, что стараго Патріарха сослали, а поставили Митрофана, что былъ Митрополитъ въ Кесаріи... Авг. въ 12 отъ молніи загорѣлась въ ночи ц. Введеніе въ Митрополичѣ въ Новинскомъ монастырѣ... Бысть гнѣвъ Божій на людехъ: во Псковѣ и по волостемъ по огородомъ черви капусту поядоша, и нѣтъ памятуховъ, чтобъ таково бывало; и по рѣпищамъ рѣпы тѣжь черви и ямину объѣли... Сент. въ 1 Государь велѣлъ сдѣлать печать нову въ В. Новгородъ, Намѣстникамъ печатати перемирные грамоты съ Свейскимъ Королемъ; а на ней клейно мѣсто, а на мѣстѣ посохъ; а у мѣста съ сторону медвѣдь, а съ другую сторону рысь; а подъ мѣстомъ рыба; а около печати подпись: Царьского Величества Боярина и Намѣстника печать... Сент. въ 10 послалъ Государь въ Нагаи съ грамотами станицу служилыхъ Татаръ... и отпустилъ съ Черкасы съ Мамстрюкомъ К. по отца его челобитью рать свою на Черкаск. Князей, которые имъ не послушны, на Кабардѣйскихъ Князей, на Шапшука, да на Тазрита, да на Майта, полемъ, Воеводу К. Ив. Дмит. Дашкова, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ Муромцовъ, да Мещерянъ, да Ив. Фестова съ Казаки съ Михайлова города, да съ Разского, да съ Шацкого, и со всѣми Казаки Рязанские Украйны; а Мамстрюка отпустилъ въ судѣхъ, а съ нимъ въ Послѣхъ къ Темгрюку Матвѣя Дьяка Ржевского съ Черкаскими Казаки и Стрѣльцы; и Волга стала, и Мамстрюкъ зимовалъ подъ Дѣвичьими горами на усть Кульи, а К. Дашковъ въ Астрахани... Окт. въ 28 згорѣлъ храмъ Николы на Москвѣ-рѣкѣ въ лугу... Ноября въ 17 пріѣхали изъ Нагай Дѣти Боярскіе, Мих. Сумбуловъ съ товарищи; да Князь и Мурзы прислали къ Государю для войны на Литовскаго Мурзъ и Головъ и Казаковъ 1957 человѣкъ, опричь Пословъ и ихъ людей, 142 человѣка; а лошадей съ ними 1547... Тоя же осени Государь заложилъ городъ Вологду каменъ.» — Г. 1566. «Генв. въ 13 Государь отпустилъ всѣхъ Нагайскихъ Мурзъ и съ людьми; а въ войнѣ они не были потому, что съ Королемъ была ссылка о миру... Февр. въ 22 пріѣхалъ изъ Свейскіе земли Нѣмецкой толмачь Нечайко Тамаровъ, а посыланъ съ Третьякомъ Пушечниковымъ, а привезъ отъ Ирика двѣ грамоты, одна къ Царю, а другая къ Новог. Намѣстн. К. Ѳед. Булгакову... Марта въ 1 пріѣхалъ изъ Крыма Сем. Бортеневъ и гонцы Крымскіе... Марта въ 26 отпустилъ ихъ Государь, а съ ними къ Девлетъ-Кирею съ грамотами Яковца Матв. Змѣева... Апр. въ 5 пріѣхалъ отъ Свейского Короля Посланникъ Ив. Лавреньтьевъ... Апр. въ 22 Государь отпустилъ его, а въ 29 Нагайскихъ Пословъ, Иштору съ товарищи... Маія въ 27 послалъ въ Нагаи къ Князю и къ Мурзамъ Утеша Андр. Капустина съ товарищи... Іюня въ 26 на 1 часу дни взошла туча темна и стала красна аки огненная, и послѣ опять потемнѣла, и громъ и трескотъ великой до 4 часу... Август. въ 11 поставленъ въ Архіепископы въ Полтескъ Суждальской Владыка Аѳанасій... Авг. въ 25 послалъ Царь къ Свейск. Королю Тоуза Савлукова съ грамотою... Поновлена бысть подпись ц. Благовѣщенія, что на переходѣхъ, и образы златомъ и каменіемъ повелѣ Царь украсити... Авг. въ 26 бысть поводь велика аки весною, и на Москвѣрѣкѣ мостъ живой снесло, а изъ зарѣчья люди къ городу ѣздили поромы и въ судѣхъ, и хоромы блиско берега посносило... Церкови кам. здѣланы въ Новомъ городѣ (въ Москвѣ) на Осифовскомъ подворьѣ Благовѣщеніе, Мироносицы въ Новомъ городѣ у Устюжскова двора, Троица у Старыхъ Поль... Явися (въ Псков. области) въ Вороночщинѣ на Синичьихъ горахъ на городищѣ проща именемъ Богоматери, и многое множество прощеніе человѣкомъ всякими недуги начася... Тоя же

осени явися знаменіе въ Юрьевѣ въ Ливонскомъ: два мѣсяца въ нощи, и ударились вмѣстѣ, и одинъ у другово хвостъ отшибъ, и тотъ мѣсяцъ отшибенной хвостъ приволокъ къ себѣ, и знати стало на мѣсяцѣ томъ, какъ перепояска... Сент. въ 3 пріѣхалъ изъ Крыму Як. Змѣевъ, а съ нимъ гонцы Крымскіе, а всѣхъ людей съ ними 130, опричь торговыхъ людей, Турчанъ... Сент. въ 25 преставись Никандръ, Епископъ Ростовскій, на Москвѣ, и положенъ у Троицы въ Серг. монастырѣ... Окт. въ 28 съ Понедѣльника на Овторникъ въ 3 часа ночи о полнѣ мѣсяца было обновленіе мѣсяцу: гинулъ исполна, а бысть аки на исходѣ ветха вмалѣ видѣнія человѣческаго, и наполнялся до 5 часу нощи, и бысть въ 5 ч. полонъ... Пришелъ изъ Черкасъ отъ Темгрюка К. Дашковъ, да Дьякъ Ржевской, и Черкаскіе мѣста, Шапшуковы кабаки, съ братіею воевали, и полонъ и животовъ имали много, и Черкаскихъ Князей побили... Поставленъ городъ на полѣ, на рѣкѣ Орлеѣ... Ноября въ 6 пріѣхали изъ Нагай Послан. Государевъ, Утешъ Капустинъ съ товарищи; а честь имъ въ Нагаяхъ была великая... Декаб. въ 10 священа бысть церковь, предѣлъ у Благовѣщенія на Сѣнехъ, Входъ въ Іерусалимъ, Филип. Митрополитомъ, а съ нимъ Аѳан. Архіеп. Полоцкой; а былъ тутъ Царь и Царевичи... Отпущены Іерусалим. Патріарха Старцы, а съ ними Царь послалъ къ Патріарху 300 рублевъ милостыни; а пошли на Литовскую землю... Дек. въ 22 пріѣхалъ шуринъ Царя, Матловъ Князь, а людей съ нимъ 30, бити челомъ, чтобы Государь пожаловалъ для бреженія отъ недруговъ велѣлъ городъ поставити на рѣкѣ Теркѣ, усть Сююнчи рѣки... Дек. въ 27 пришли Послы Нагайскіе.» — Г. 1567. «Генв. въ 12 въ Недѣлю Царь перешелъ на новой свой дворъ, что за городомъ, противъ Ризъ-Положенскихъ воротъ... Того же дни пришли гонцы отъ Девлетъ-Кирея, чтобы Царь похотѣлъ съ нимъ быти въ дружбѣ, а онъ пошелъ на Литовского; а Фев. въ 1 Государь отпустилъ ихъ, а съ ними послалъ своего гонца, Сем. Олябьева... Генв. въ 14 преставися Акакій, Еписк. Тферскій, а бысть на Еписк. 24 лѣта... Генв. въ 19 поставленъ Корнилей, Архіеп. Ростовскій: прежъ того былъ на Митрополичѣ Дворѣ Казначей, а преже на Колочѣ Игуменъ... Февр. отпущены Наг. Послы, а за ними Ѳед. Елизаровъ съ товарищи въ Апр. водою... Апр. въ 9 бысть обновленіе мѣсяцу: гинуше съ 8 часу дни и наполняшесь до 11 часу, и бысть въ то время мрачно: всякъ человѣкъ человѣка видяще зелена; а солнце же остась аки молодъ мѣсяцъ трею дней... Іюля поновленъ бысть образъ Пречистые Владимерскіе Лукина письма Евангелиста, златомъ и каменіемъ украшенъ многимъ, что стоитъ въ Соборной въ Пречистой; а поновлялъ бывшій Митрополитъ Аѳанасій... Іюня въ 5 отпустилъ Царь въ Литву Полоцкаго Воеводу Довойну на обмѣну на К. Вас. Темкина, а принять на Довойнѣ 1000 золотыхъ Угорскихъ; а на розмѣну посылалъ К. Ивана Тевкелевича... Того же дни пришли Наг. Послы, а съ ними всего 500 человѣкъ, а лошадей 2500... Іюля въ 16 Государь послалъ на свою службу Наг. Мурзъ, а велѣлъ имъ быти на Лукахъ для береженья... Іюля въ 29 Государь отпустилъ Доманукова человѣка Темгрюковича, Тотуя, а съ нимъ станицу служилыхъ Татаръ съ грамотами... Іюля 31 Государь велѣлъ своимъ Посланникомъ въ В. Новѣгородѣ поймати Дьяка своего Плохова, да прислати къ Москвѣ, и Авг. въ 4 послали его... Сент. видѣша (во Псковѣ) сторожи у Череского мосту въ нощи свѣтъ и людей многое множество вооруженныхъ, и пойдоша къ Пскову, и стражіе устрашишася; а стражить поставлены отъ мору... Ноября бысть знаменіе (въ Псковѣ) на Новци: явишася 2 мѣсяца рогами противу себѣ, одинъ повыше, а другой пониже, и человѣкъ тотъ не дозрѣлъ конца, что бысть докончанье... Сент. въ 5 (г. 1568) Священницы и Діаконы В. Новагорода Соборн. церквей поѣхали въ Полочкъ, 33 человѣка; а подводы имъ давали Дьяки Андрей Вас. Безсоновъ да Козма Вас., сынъ Румянца... Маія въ 31 (1569) у Троицы на Клопскѣ зарушиша старую церковь кам. съ подцерковіемъ, гдѣ положенъ Чюдотворецъ Михайло Клопскій, и далъ Государь своей Царской казны на сооруженіе той церкви 50 рублей... Іюня въ 9 была туча велика, и отъ В. Новагорода за 3 версты на Пидбѣ въ деревни Княжщины згорѣло 200 дворовъ отъ молоньи; а иніе люди кажутъ, что въ той деревни кисель варили, и отъ того загорѣлось.»

(269) О мнимомъ отравленіи Маріи см. ниже, въ описаніи Собора по случаю *четвертаго* брака Іоаннова, въ примѣчаніи. Она погребена въ Московъ. Вознес. Дѣвичьемъ монастырѣ; въ надписи гроба означенъ день ея кончины.

Въ *Дѣл. Польск.* No 7, *л.* 1220: «Царь и В. К.» (принимая Литовскаго гонца, Сент. 12) «сидѣлъ въ столовой избѣ въ брусяной; а на Боярѣхъ и на Дворянѣхъ и на всѣхъ Приказныхъ людехъ было *платье смирное*, шубы бархатные и камчатные безъ золота: потому что Государь былъ въ кручинѣ: Царицы Марьи въ животѣ не стало.» Іоаннъ пріѣхалъ изъ Слободы въ Москву 10 Сент. Въ Августѣ онъ былъ на Вологдѣ. О милостынѣ см. въ Legat. Muscov. per P. Juusten, Sammlung Ruff. Gesch. X, 151.

(270) См. Т. VIII, стр. 126.

(271) См. выше, въ грамотѣ Боярина Яковлева.

(272) См. сей Томъ, стр. 35.

(273) Въ *Алекс.-Нев. Лѣт.*: «Тогѣ жь лѣта (1556) Царь и В. К. пожаловалъ К. Волод. Андр., велѣлъ ему поставити дворъ на старомъ мѣстѣ подлѣ Митрополича двора и посторонь Троецково двора, да къ томужь мѣсту пожаловалъ (его) для пространства дворовымъ мѣстомъ Боярина Кн. Ив. Ѳед. Мстиславского... Того жь лѣта Генв. Царь и В. К. мѣнялъ со Кн. Волод. Андр. землями, вымѣнялъ г. Старицу и Старицкой уѣздъ, да Новое Городище съ уѣздомъ, да Холмскіе волости; а промѣнилъ Князю г. Дмитровъ на Яхромѣ и Дмитров. уѣздъ, опричь Кузьмодемьянского стану и Каменского... а въ Февралѣ вымѣнилъ у Кн. Волод. г. Алексинъ, Городище Любуцкое, Волково, а промѣнилъ Князю г. Боровескъ и посадъ... а въ Мартѣ вымѣнилъ г. Верею, а промѣнилъ ему Звенигородъ и посадъ... да городище Стародубъ Ряполовской и посадъ.»

(274) См. выше, примѣч. 76.

(275) Въ Розрядахъ (*Вивліоѳ.* XIII, 397): «Того жь лѣта (1569) роспись Астраханской годовой службѣ и въ плавной (судовой) и въ Нижн. Новѣгородѣ: въ Нижнемъ Кн. Волод. Андр., да Бояринъ и Воевода Петръ Вас. Морозовъ; въ плавной Бояринъ и Воевода К. Петръ Сем. Серебряной, да Воевода Замятня Ивановичь Сабуровъ.» См. Таубе и Крузе 213 — 218.

(276) Таубе и Крузе пишутъ слѣдующее: «Іоаннъ отправилъ своихъ поваровъ въ Нижній будто бы за рыбою. Одинъ изъ нихъ, возвратясь въ Слободу, вручилъ порошекъ Ѳедору Нуннѣ (можетъ быть Наумову) и сказалъ, что К. Владиміръ далъ ему сей порошекъ и 50 руб. денегъ, съ тѣмъ, чтобы имъ окормить Царя. Ѳедоръ Нунна извѣстилъ о томъ Іоанна. Стали для вида пытать повара, который въ самомъ дѣлѣ исполнялъ только Царскую тайную волю. Нашлись готовыя свидѣ-

тели, утверждавшіе, что К. Владиміръ дѣйствительно хотѣлъ отравить Государя ядомъ. Тогда позвали несчастнаго въ Слободу,» и проч., какъ мы сказали въ *Исторіи*. Гваньини увѣряетъ, что Кн. Владиміра оклеветалъ Дьякъ Третьякъ Висковатой. — Евдокія Романовна была второю супругою Владиміровою (см. Т. VIII, примѣч. 587).

(277) См. Таубе и Крузе 217. Согласно съ симъ извѣстіемъ пишетъ и Датскій Посолъ Ульфельдъ, бывшій у насъ въ 1578 году, что Іоаннъ умертвилъ брата ядомъ: porrigens illi venenum, quod cum gustasset, morbo correptus expiravit (Hodœporicon 14). По сказанію Гваньини, К. Владиміру отсѣкли голову: а Одерборнъ, называя его Георгіемъ, сказываетъ, что онъ былъ зарѣзанъ. Въ одной лѣтописи, принадлежавшей Св. Димитрію Ростовскому (Синод. Библіот. No 87): «Въ лѣто 7078 не стало въ животѣ Кн. Владиміра Андреевича.» Въ другой (Библіот. Академіи Наукъ No 111): «Генв. въ 6, на Крещеніе, (г. 1570), Царь и В. Кн. повелѣ убити брата своего, благовѣрнаго и *Великаго* Князя, Владиміра Андр. Старицкаго; *и въ то время мнози по немъ восплакашась людіе.*» Число безъ сомнѣнія несправедливо означено: 6 Генв. Царь былъ уже въ Новѣгородѣ, а Владиміръ убитъ до сего похода. См. еще Гейденштейна de bello Moscow. 335. — Курбскій: Тогда же растрѣляти съ ручницъ повелѣлъ жену брата своего, Евдокію» (по ложному сказанію Гваньини и Одерборна, ее будто бы утопили въ рѣкѣ: сію участь имѣла не Владимірова, а Георгіева супруга: см. ниже)... «и двухъ младенцевъ, сыновъ брата своего, отъ тое рожденныхъ: единому имя Василій, аки двaнадесяти лѣтъ, и другій мнѣйшій: уже запаматовахъ, яко было имя его, но въ книгахъ животныхъ написано... И слуги ихъ избіены благородны, и жены и дѣвицы.» Таубе и Крузе находились тогда при Царѣ, а Курбскій въ Литвѣ: сказаніе первыхъ достовѣрнѣе.

(278) См. Курбскаго. Въ *Поминаніи* Кирил. монастыря: «Княгини Иноки Евдокія» (бывшая Евфросинія, мать Владимірова) «*Удѣльная*, Марія (?), Александра, потоплены въ Шекснѣ рѣкѣ повелѣніемъ Царя Іоанна.»

(279) См. выше, примѣч. 277.

(280) Т. VIII, примѣч. 200.

(281) Оно было въ 1509 году: см. Т. VII.

(282) Въ *Лѣт. Новогород.* Малинов. г. 1569: «Марта въ 30 взялъ Царь К. В. Московичь (изъ Новагорода) къ Москвѣ пять семій, а Новгородцовъ взялъ 145 семій, и всѣхъ 150 семій. Тое же весны взялъ Псковичь 500 семій къ Москвѣ.»

(283) См. Хилкова *Ядро Рос. Ист.* стр. 242 — *Москов. Лѣт.* л. 21, Таубе и Крузе 218.

(284) Таубе и Крузе 219. Они пишутъ, что Царь, желая населить Москву, опустошенную смертоноснымъ повѣтріемъ (см. ниже), велѣлъ перевести туда изъ Переславля 470 семействъ; что многія изъ нихъ встрѣтились съ Іоанномъ въ Клину и вмѣстѣ съ жителями были жертвою Царскаго гнѣва.

(285) См. *Житіе* Св. Филиппа, рукописн. и въ Прологѣ, Іюля 3.

(286) См. *Лѣт. Соловец. Монастыря.* Мощи Филипповы были перенесены въ Москву по желанію Патріарха Никона и ходатайству Князя Ив. Никитича Хованскаго.

(287) См. сей *Исторіи* Т. IV. Таубе и Крузе увѣряютъ, что всѣхъ людей изгибло тогда не менѣе 90,000, а послѣ умерло отъ голода втрое болѣе: это число можетъ быть ошибкою, вмѣсто 9000. — Когда рѣзали Крымцевъ въ Торжкѣ, одинъ изъ нихъ, видя Іоанна стоящаго за убійцами, кинулся на него, но былъ изрубленъ воинами. Сіи плѣнники убили трехъ Царскихъ чиновниковъ. — Въ числѣ опустошенныхъ мѣстъ именуются здѣсь Выдропускъ или Выдробожскъ, Хотилово, Едрово, Яжелбицы, Валдаи, Крестцы, Зайцово, Бронницы.

(288) См. *Москов. Лѣт.* (въ Синод. Библіот. No 92) и Архив. *Ростов.*, коимъ слѣдую въ описаніи сего Новогородскаго душегубства. Тамъ сказано: «Собравше отъ всѣхъ церквей Поповъ и Діаконовъ, поставиша ихъ на правежъ; раздѣляху ихъ по десяти человѣкъ по приставомъ и повелѣваху держати во узахъ крѣпкихъ; и повелѣ Государь ихъ на всякъ день отъ утра и до вечера до искупа бити на правежѣ нещадно, а доправити на нихъ по 20 рублевъ Ноугородскою.»

(289) *Москов. Лѣтописецъ* говоритъ, что съ Царемъ было, сверхъ другихъ воиновъ, 1500 Стрѣльцовъ. По сказанію Таубе и Крузе, число всѣхъ ратниковъ простиралось до 15,000. Слова перваго: «На другій день пріѣзду Государева, въ Субботу, повелѣ (Царь) Игуменовъ и Поповъ Черныхъ и Діаконовъ, и Старцовъ Соборныхъ, которые иманы изъ монастырей и поставлены на правежъ, избивати палицами на смерть, и развозити кождой во свой монастырь, и погребати.»

(290) «И нашему Царскому багру и вѣнцу досадитель.»

(291) «Начатъ ясти, и возопи гласомъ великимъ яростію къ своимъ Княземъ и Бояромъ по обычаю Царскимъ ясакомъ, и тотчасъ повелѣ Архіепископлю казну и весь дворъ его... и келіи пограбити, и Бояръ его и слугъ переимати и за приставы отдати до своего Государева указа; а самого Владыку ограбивъ и повелѣ за сторожа единаго отдати и крѣпко стрещи, и дати повелѣ изъ казны на всякой день за кормъ по 2 деньги на день..- и около всего В. Новагорода во всѣхъ монастырехъ повелѣ Государь имати по церквамъ и казны и иконы драгія Греческія, сирѣчь Корсунскія, ризы драгія и колокола... Царь и В. К. съ сыномъ своимъ сѣдъ на судище, и повелѣ приводити изъ В. Новагорода Владычнихъ Бояръ и служилыхъ Дѣтей Боярскихъ, и гостей, и всякихъ городцкихъ и приказныхъ людей, и жены и дѣти, и повелѣ прелъ собою лютѣ мучити, и по многихъ неисповѣдимыхъ мукахъ тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненною поджигати, иже именуется *поджаръ;* и повелѣваетъ Государь своимъ Дѣтемъ Боярскимъ тѣхъ мучимыхъ и поджареныхъ за руки и за ноги и за головы опоко вязати различно тонкими ужи, по человѣку къ санемъ, и быстро за саньми влещи на великій Волховскій мостъ, и повелѣ ихъ съ мосту метати въ рѣку; а жены ихъ и дѣти возити на Великій мостъ, и возводити на высоту и на то устроенное мѣсто, и вязати ихъ за руки и за ноги опоко назадъ, а младенцевъ къ матеремъ своимъ вязаху, и повелѣ метати въ рѣку... и бысть убо таковаго неисповѣдимаго пролитія крови, грѣхъ ради нашихъ, неукротимыя ярости Царевы по вся дни безпрестани яко до пяти седмицъ и больши, и на всякъ убо день ввергнутъ и потопятъ человѣкъ яко до тысящи, а иногды и по полуторы тысящи; а тотъ день убо облегченъ и благодаренъ, иже ввергнутъ въ воду до 500 и до 600 человѣкъ.» Гваньини пишетъ, что Царь велѣлъ очистить рѣку въ семъ мѣстѣ: т. е. вырубить ледъ. См. Таубе и Крузе, 222.

(292) См. *Москов. Лѣт.* л. 9.

(293) Таубе и Крузе 222 и Гваньини 264. Умалчиваю о нѣкоторыхъ подробностяхъ.

(294) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* л. 21: «Людей многихъ славныхъ умучи многими муками, а протчихъ людей, глаголютъ, 60,000; мужей и женъ въ великую рѣку Волховъ вмета, яко и рѣкѣ запрудитися, и по инымъ городомъ Новогородцкимъ такоже,» и проч. Таубе и Крузе полагаютъ около

27,000 убитыхъ; а Гваньини 2770 гражданъ, кромѣ женщинъ и черныхъ людей. Курбскій пишетъ, что Іоаннъ *въ одинъ день* умертвилъ 15 тысячь Новогородцевъ. Въ Царскомъ *Поминаніи* Кирилловскаго монастыря сказано: «Помяни, Господи, души рабъ своихъ 1505 человѣкъ;» а вверху приписано: Новогородцевъ.»

Въ рукописномъ Устюжскомъ Лѣтописцѣ: «Когда грозный Царь Ив. Вас. казнилъ Новогородцевъ, тогда нѣціи отъ гражданъ совѣщавшеся усовѣтовали тайно избѣжати изъ Новагорода и вселитися въ пустѣ мѣстѣ, идѣ же Богъ наставитъ... И тако странствовали по лѣсамъ, пустынямъ и непроходимымъ мѣстамъ, донелѣ же достигли рѣки Лалы, отъ Устюга на Сибирь въ разстояніи 80 верстъ, и ту поселилися... и начали размножатися и нарекошася по имени рѣки *Лалечане*; а нынѣ уже тамъ имѣютъ пространное селеніе, Лальскій погостъ; а посадскіе люди имѣютъ тамъ села и деревни; внутрь же города Соборная церковь, да три приходскія, да по край города Архангельская Пустыня, все каменнаго строенія.»

(295) Таубе и Крузе пишутъ, что со времени Іерусалимскаго разрушенія не бывало голода подобнаго тогдашнему Новогородскому.

(296) Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Марта въ 13, послѣ Государева розгрому, въ В. Новѣгородѣ на Торговой сторонѣ отъ Волхова всѣ дворы снесли: нарядили площадію; а ставити на томъ мѣстѣ Дворъ Государевъ... Августа въ 30 взялъ Государь по монастыремъ грамоты жаловальные къ себѣ къ Москвѣ... Сент. въ 8 (1570 г.), въ Недѣлю, за городомъ у Рожества Христова на полѣ всѣмъ Новымгородомъ, всѣми Соборы отпѣвали умершихъ надъ скудельницею и загребли скудельницу: а душъ въ той скудельницѣ 10,000, а тутъ былъ на провоженьи Иванъ Жгальцо, нищей старецъ, которой тѣхъ въ скудельницахъ погребаетъ.» — Тамъ же далѣе: «Окт. 13 повезли изъ Новагорода къ Москву казну, которую правилъ Костянтинъ Поливановъ, да Угримъ Вас. Безопишевъ на монастырехъ 13 тысячь; а пріѣзжалъ съ Москвы по казну Князь Петръ Григ. Савинъ. Окт. 14 пріѣхалъ въ Новгородъ Владыка съ Москвы Корнилій новой съ города Юрьева Ливонскаго, а стоялъ въ монастырѣ Юрьевѣ. Дек. 30 пріѣхалъ въ Новгородъ съ Москвы Миронъ Мих. Кузмина правити на Новгородцахъ отъ Поповъ, которые на Москвѣ не откупились. Генв. 5 (1571) пріѣхалъ съ Москвы въ Новгородъ Посланникъ Государевъ Демидъ Ив. Черемисиновъ по Костянтина да по Угрима, и Старцевъ Государь велѣлъ сняти съ правежу... да и казну взялъ всю и денги, иные считаные, а иные несчитаные. Генв. 12 поѣхали къ Москвѣ, а съ ними и всѣ Дѣти Боярскіе, Опришные, которые по монастырямъ правили, у всякого по Сыну Боярскому, на 27 монастырехъ.»

(297) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* л. 21 — 23: «Въ В. постъ на первой недѣли Февр. пріиде Царь и В. Кн. во Псковъ Опричтиною со многою ратью; восхотѣ разорити градъ Псковъ, якоже В. Новгородъ; пріиде съ великою яростію яко левъ рыкая, хотя растерзати неповинные люди. Но Господь Богъ... вложи въ сердце своему угоднику *Салосу* Николѣ» (по Гречески *σαλος*, *юродивый*, у Дюканжа stultus, simplex) «и Христолюб. Князю Юрью Токмакову еже преложити сердце Царево отъ ярости на милость ко гражаномъ: повелѣ по улицамъ града предъ домы своими трапезы поставляти и хлѣбы полагати... и егда же пріиде Князь Великій на поле близъ града и ста въ Обители Св. Николы на Любятовѣ въ нощи къ Недѣли, и начаша утреннюю звонити по всему граду, и тогда слышавъ К. В. велій звонъ, умилился душею и пріиде въ чувство, и повелѣ всѣмъ воемъ мечи притупити о камень, и ни единому бы во градѣ дерзнути, еже убійство сотворити. И наставшу Воскресенію, пріиде во градъ и удивися веледушію гражанъ и любви, еже къ нему показаша, стояще всѣ койждо предъ домомъ своимъ со женами и дѣтьми, изнесше хлѣбъ и соль предъ враты и падше поклонишася Цареви,» и проч. См. Гваньини 266.

(298) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* л. 22 на обор.: «И пріиде (Царь) благословитися ко блаженному Николѣ, иже Христа ради похабъ ся творя; блаженный же поучи его ужасными словесы, еже престати отъ велія кровопролитія, и не дерзнути, еже грабити церкви. Царь же прежъ сія глаголы ни во что же вмѣнивъ: повелѣ у Св. Троица колоколъ сняти. Тогожь часу паде конь его лучшій по пророчеству Святаго, и повѣдаша сія Царю: онъ же ужасенъ вскорѣ бѣжа изъ града и повелѣ грабити имѣніе у гражанъ, кромѣ церковнаго причту, и стоялъ на посадѣ не много, и отойде къ Москвѣ; а церковную казну по Обителемъ и по церквемъ, и иконы, и кресты, и пелены, и сосуды, и книги, и колоколы поима съ собою.» См. Таубе и Крузе 223, и Флетчера Of the Russe Common-Wealth, стр. 91. Они пишутъ, что Никола сказалъ Царю: «Ивашко! Ивашко! долго ли тебѣ лить неповинную кровь Христіанскую?» и проч. См. также Горсея (Horsey) Treatise of Russia и Георга Гофа (Georg van Hoff Tyranncy Johannis Basilides 11). Въ извѣстіяхъ перваго находится слѣдующее: Св. отшельникъ сказалъ Царю: *Если ты возложишь руку хотя на единаго изъ жителей сего богоспасаемаго града, то Всевышній поразитъ тебя своею молніею* — и небо, къ ужасу тирана, омрачилось тучами.» Но это было зимою; а зимнія тучи не громоносны!

(299) Въ Москов. Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ *Переписной Книгѣ Посольскаго Приказа* 1626 г., № 2, л. 423 — 425, находится слѣдующее: «Столпъ, а въ немъ статейной списокъ изъ сыскнаго изъ измѣннаго дѣла 78 (1570) году на Ноугородцкаго Архіепископа на Пимина и на Новгородцкихъ Діаковъ, и на Подьячихъ, и на гостей, и на Владычныхъ Приказныхъ, и на Дѣтей Боярскихъ, и на Подьячихъ, какъ они ссылалися къ Москвѣ съ Бояры, съ Олексѣемъ Басмановымъ и съ сыномъ его Ѳедоромъ, и съ Казначеемъ съ Микитою Фуниковымъ, и съ Печатникомъ съ Ив. съ Михайловымъ Висковатаго, и съ Семеномъ Васильевымъ сыномъ Яковля, да съ Дьякомъ съ Васильемъ Степановымъ, да съ Ондреемъ Васильевымъ, да со Княземъ Ѳоонасіемъ Вяземскимъ, о сдачѣ Вел. Новагорода и Пскова, что Архіеп. Пиминъ хотѣлъ съ ними Новгородъ и Псковъ отдати Литов. Королю; а Царя и В. Кн. Ив. Вас. всея Русіи хотѣли злымъ умышленіемъ извести, а на Государство посадить Кн. Володимера Ондреевича, а въ томъ дѣлѣ съ *пытокъ* про ту измѣну на Новгородскаго Архіепископа Пимина и на его совѣтниковъ и на себя говорили, и въ томъ дѣлѣ многіе казнены смертью, разными казньми, а иные разосланы по тюрмамъ; а до кого дѣло не дошло, и тѣ свобожены, а иные и пожалованы. Да тутъ же списокъ, кого казнити смертью, и какою казнью, и кого отпустити. Да тутъ же списокъ за Дьячьею помѣтою, кто казненъ, и кто куды въ тюрму посланъ, и кто отпущенъ и данъ на поруки; а котораго Дьяка помѣта, и того не написано. Да тутъ же приговоръ Государя Царя и В. Кн. Ив. Вас. всеа Русіи и Царевича Ивана о тѣхъ измѣнникахъ, кого казнить смертію, и какъ Государь Царь и В. Кн. Ив. Вас. всеа Русіи и Царевичь Ив. Ив. выѣзжали въ Китай-городъ на полое мѣсто сами и велѣли тѣмъ

измѣнникомъ вины ихъ вычести передъ собою и ихъ казнить. А подлиннаго дѣла, и съ чего тотъ статейной списокъ выписанъ, не сыскано; а приговоръ Государевъ, выѣздъ въ Китай-городъ и списокъ за Дьячьею помѣтою, кто какъ казненъ, ветхи гораздо и изодрались; а большой статейной списокъ ветхъ же.»

Въ наказѣ Князьямъ Канбарову и Мещерскому, въ 1571 г. посланнымъ въ Литву, сказано: «А нѣчто вспросятъ (Литов. Паны), по чему Государь вашъ казнилъ Казначея Микиту Фуникова, Печатника Ив. Мих. и Дьяковъ и Дѣтей Боярскихъ и Подьячихъ многихъ? и Кн. Ивану и Кн. Григорью съ товарищи говорити: *али вамъ то вѣдомо?* и возмолвятъ, что имъ то невѣдомо, и Кн. Ивану и Кн. Григорью говорити: которую былъ думу Государьской измѣнникъ Курбской и съ вами, съ Паны съ Радою, съ тѣми Государьскими измѣнники ссылались, измѣну удумали, которую измѣну учинить: и Государю нашему Богъ ту ихъ измѣну и ваше лукавство объявилъ, и они по тому и казнены; и та кровь взыщетца на тѣхъ, которые тѣ дѣла лукавствомъ дѣлали; а Новугороду и Пскову за Литвою быти не пригоже. А больши того о томъ не говорити.» (См. Дѣла Польскія No 9, л. 384). — Замѣтимъ, что Іоаннъ не упрекалъ симъ мнимымъ ковомъ ни Сигизмунда, ни Курбскаго (въ новой съ нимъ перепискѣ, о которой будемъ говорить ниже); а велѣлъ сказать это Панамъ единственно въ случаѣ вопросовъ ихъ о винѣ казненныхъ. Если Пименъ, Фуниковъ, Висковатой, Басмановы, Вяземскій хотѣли *тайно извести* Іоанна, то какую нужду имѣли они въ содѣйствіи Литвы? для чего было имъ отдавать Новгородъ Сигизмунду? и могъ ли бы Царь оставить Псковъ безъ наказанія, если бы сей мнимый заговоръ былъ доказанъ?

(300) См. Гваньини 267. Онъ называетъ его Italum Arnolphum doctorem; но В. М. Рихтеръ нашелъ имя сего Медика въ Іохеровомъ Gelehrten Lexicon такъ написанное: Arnolphus Lensæus. См. *Исторію Медицины въ Россіи*, I, 285.

(301) Гваньини пишетъ: Ophanasius Greorum quendam, Lowczic dictum, M. Duci commendaverat. Я нашелъ въ Розрядахъ 1567 г. (см. *Вивліоѳ.* XIII, 393): «Ловчей Григорей Дмитріевъ сынъ Ловчиковъ.»

(302) Гваньини 287, Таубе и Крузе 225. Послѣдніе говорятъ, что Іоаннъ для совершенія сей казни ждалъ отъѣзда Литов. Пословъ и Герцога Магнуса изъ Москвы (см. ниже).

(303) *Плетью,* какъ пишетъ Гваньини. — Въ Турецкихъ дѣлахъ (No 2, л. 130) упоминается о грамотѣ Висковатаго, писанной имъ къ Пашѣ Кафинскому, вѣроятно съ вѣдома Государева: кажется, что она служила Іоанну предлогомъ къ обвиненію сего несчастнаго въ тайной связи съ Султаномъ.

(304) Умалчиваю о нѣкоторыхъ гнусныхъ подробностяхъ. Одерборнъ хотѣлъ еще раскрасить ихъ!

(305) Гваньини 294. Опять избавляю себя и читателей отъ подробностей. Женою Фуникова была сестра Кн. Аѳанасья Вяземскаго.

(306) См. Гваньини 269.

(307) Курбскій два раза говоритъ, что Ѳедоръ Басмановъ, исполняя повелѣніе Іоанна, умертвилъ отца. Вотъ еще другое о томъ извѣстіе, вписанное въ рукопись Синодальной Библіот. подъ No 364, л. 851: «Царь Іоаннъ принуди Ѳеодора Басманова отца своего убити и Никиту Прозоровскаго брата своего Василія.» Гваньини, стр. 279, упоминаетъ о семъ послѣднемъ случаѣ; также и Курбскій.

(308) Ѳедоръ Басмановъ въ *Спискѣ Бояръ и Чиновниковъ* поставленъ выбылымъ или убитымъ около 1570 — 1571 годовъ. — Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Сент. 25 (въ 1571 г.) преставись Владыка Ноугородскій Пиминъ на Тулѣ въ монастырѣ у Чудотворца Николы въ Веніи; тамо и положенъ бысть; а въ Новѣгородѣ былъ Владыкою 17 лѣтъ и 2 мѣс. и 9 дней; а сведенъ бысть на Москвѣ 5 мѣс. и 9 дней; а послѣ своего Владычества жилъ годъ и 2 мѣс. безъ шести дней; а не было Владыки въ Новѣгородѣ послѣ Пимина 2 года безъ семи недѣль и два дни.»

(309) Гваньини 295. Въ разныхъ Лѣтописяхъ: «казни Царь И. В. на Москвѣ многихъ людей на площади, гостей и торговыхъ людей, и воинскихъ, на пожарѣ, идѣ же нынѣ стоятъ храмы по рву, на костехъ казненныхъ и убіенныхъ и на крови поставлены.»

(310) Гваньини, Курб., Таубе и Крузе; см. также *Списокъ Бояръ* (*Вивліоѳ.* XX, 51). Сей Воевода убитъ 20 Іюля, 1570.

(311) См. Курбскаго.

(312) Т. VIII, стр. 48 и 52.

(313) Т. IV, стр. 149.

(314) См. Курбск. и нашей *Исторіи* Т. VIII, стр. 184.

(315) Т. VIII, стр. 16.

(316) См. Курбскаго.

(317) См. Курбск. и Розряды (*Вивліоѳ.* XIII, 338).

(318) Гваньини 283. Жену Мясоѣдова обезчестили за годъ до смерти мужа и повѣсили ее вмѣстѣ съ служанкою, на крыльцѣ дому ея. — Сей же Историкъ разсказываетъ слѣдующее: «Одинъ изъ Царскихъ Дьяковъ, пируя съ своими друзьями, послалъ во дворецъ слугу своего, узнать, что тамъ дѣлается. Іоаннъ увидѣлъ слугу; спросилъ, чей онъ; призвалъ Дьяка и гостей его; велѣлъ ихъ пытать, желая вывѣдать, съ какимъ намѣреніемъ они подсылали къ нему лазутчика, и что между собою тайно говорили о Царѣ. Нѣкоторые изъ сихъ людей умерли въ мукахъ; и съ того времени уже никто не дерзалъ освѣдомляться о происходящемъ во дворцѣ.»

(319) См. Курбскаго.

(320) См. тамъ же.

(321) См. выше, стр. 59. Въ рукописи Библіот. Синодальной, No 364, л. 851: «И быша у него (Іоанна) мучительная орудія, сковрады, пещи, бичеванія жестокая, ногти острыя, клещи ражженныя, терзанія ради тѣлесъ человѣческихъ, иголъ за ногти вонзенія, рѣзанія по составомъ, претреніе вервми на-полы, не токмо мужей, но и женъ благородныхъ, и иныя безчисленныя и неслыханныя виды мукъ на невинныя, умышленныя отъ него. *И даже до смерти его ни едино же бѣ благо.*» — Курбскій: «Одоевскаго Никиту мучити различнѣ повелѣ, и срачицу его пронзивъ въ перси его терзати» (см. объ немъ ниже). Таубе и Крузе 225: vilen hat er Riemen aus des lebendigen Haut schneiden und etzliche ganz schinden lassen.

(322) См. Гваньини Rer. Polon. 274. Онъ пишетъ, что сіе бывало большею частію въ зимнее время, когда Іоаннъ изъ дворца своего видѣлъ людей катающихся на льду рѣки или пруда. — Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Въ тѣ поры (г. 1571) въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и волостемъ на Государя брали *веселыхъ людей,* да и медвѣди описывали на Государя сее весны, у кого скажутъ... Сент. въ 21 поѣхалъ изъ Новагорода къ Москвѣ Субота и съ *скоморохами* и медвѣдями.» — О Кн. Гвоздевѣ упоминается въ Розрядахъ 1567 года, между Головами (*Вивліоѳ.* XIII, 393).

(323) Гваньини 254.

(324) Тамъ же, стр. 285.

(325) См. въ рукописи Библіот. Синод. No 364, л. 851, и Курбск.

(326) Въ Лѣтописи Димитрія Ростов. (Синод. Библіот. No 87, л. 206): «Грѣхъ ради нашихъ бысть гладъ (въ 1570 г.) во всю Рускую землю: рожь купили на Москвѣ по 60 алтынъ, а на Вологдѣ по рублю, и по всѣмъ городомъ такоже; а на Устюгѣ по 18 алтынъ, а на Колмогорахъ по 20 алтынъ; и много людей померло со гладу; а овесъ купили по 12 алтынъ, а ячменю по 20 алтынъ, а пшеницу по 30:» т. е. четверть (См. Т. III, примѣч. 8).

(327) Въ бумагахъ, сообщенныхъ изъ Мекленбургскаго Шверинскаго Архива Е. С. Графу Николаю Петровичу Румянцеву, находится письмо изъ Москвы отъ 24 Іюня 1570, гдѣ сказано: Der Hunger ist alhier in der Moskaw so groß, als nie gehöret oder gesehen worden, daß auch ein Mensch den andern, wo einer den andern uberweldigen kan, auffrist; ja, eß hauet ein Mensch den andern in Tonnen und saltzet ihn ein und frießet, daß ein Grauen zu horen ist. Wir aber haben, Gottlob, Leibsnotturff gehabt, wiewol von unserm Volgk viel hinvegk gestorben, и проч. Писано сановникомъ Короля Польскаго, бывшимъ тогда въ Москвѣ для заключенія мира. См. Acten-Stücke zu Gesch. Rußl. V, 1493 — 1625.

(328) Въ *Морозов. Лѣт.*: «Въ лѣто 7078 (1570) бысть въ Москвѣ и во многихъ градѣхъ великое моровое повѣтріе, и таковаго повѣтрія не бысть, отнелѣ же и Царство Московское начася: понеже невозможно исписати мертвыхъ множества ради.» Далѣе см. Гаклуйт. Navig. 453. — Строгія, необходимыя мѣры, къ коимъ прибѣгали тогда въ случаѣ язвы, были осуждаемы нѣкоторыми ревностными Иноками: въ доказательство сообщаемъ грамоту Старца Филоѳея, Елизарова монастыря, къ Дьяку Великокняжескому, Михайлу Григорьевичу Мисюрю, писанную въ государствованіе Іоаннова отца: «Безсмертнаго Бога силою... и повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича всея Русіи, преизящному въ добродѣтелехъ Государю Михайлу Григорьевичу. Да вѣсть твое боголюбіе, яко коней неистовыхъ узлою нѣкоею милостивый Богъ нашъ востязуя насъ отъ злобъ нашихъ и промышляя о спасеніи человѣческомъ, якоже при Давидѣ Царь бысть, егда чрезъ повелѣніе Божіе изочте родъ Израилевъ, и прогнѣваса на него Богъ, и рече ему: избери себѣ изъ трехъ едино: или три лѣта гладу быти въ земли твоей, или три мѣсяцы бѣгати предъ враги твоими и будутъ гонящыя тя, или три дни смерти быти въ царствіи твоемъ. Давидъ же изъ глубины сердца воздохнувъ, рече: горе мнѣ грѣшному, яко отвсюду тѣсно ми есть трое сіе! и паки плачася рече, яко лучше ми есть вдатися въ руцѣ Божіи, яко многи суть щедроты Его. И тогда токмо на три часы бысть казнь на людехъ; о прочемъ же покаяніемъ и слезами умоли Бога и возврати гнѣвъ Божій, а не противился Богу и прещенію и наказанію Божію, якоже вы нынѣ пути заграждаете, домы печатлѣете, Попомъ запрещаете къ болящимъ приходити, мертвыхъ тѣлеса изъ града далеко измещете. Увы таковаго неразумія, яко и поганымъ поношеніе быхомъ и поруганіе сущимъ окрестъ насъ! А вѣсте ли, яко за едину душу человѣческую не возметъ Богъ нашъ всего міра богатства? Спаде Ангеловъ множество съ Небесъ, не сниде взыскати ихъ; и спаде человѣкъ изъ рая, самъ истощился отеческихъ нѣдръ и сошелъ на землю. Аще бы отъ человѣкъ сія злоба была, всяко бы могли противитися ей; аще ли отъ Бога, то всуе труждаемся, противящеся Божію повелѣнію. Подобнѣ тому, якоже по всемірномъ потопленіи при Невротѣ столпъ зиждуще и въ суетѣ ума своего на высотѣ бывше, и ничтоже успѣвше, точію отъ солнца угараеми и отъ зѣльныхъ вѣтровъ отъ высотъ сражаеми, умираху; но и еще не до конца прогнѣвася на нихъ Господь, но раздѣли имъ языкъ, да не тружаются безъ ума: или не призритъ и на насъ всевидящее око Божіе? Самъ убо рeклъ есть въ Св. Евангеліи: не пять ли птицъ цѣнятся пѣнезема двѣма, и не едина отъ нихъ забвена будетъ предъ Богомъ? Вамъ же, вѣрнымъ человѣкомъ, реченно бысть, яко и власи главніи изочтени суть. Смотри, боголюбезный человѣче, въ посланіи Фотія Митрополита писано, яко приходитъ попрещеніе Божіе бываемо съ милостію, является знамя смертное на человѣцѣхъ дни за два или за три и больши; болящіе же со истиннымъ покаяніемъ къ Богу и причащеніемъ тѣла и крови Христовой, со освященіемъ масла, друзіе же съ великимъ сердечнымъ желаніемъ Ангельского Образа сподобляются и отъ сея временныя и тлѣнныя жизни на нетлѣнную и безсмертную и безконечную ону жизнь преходятъ. О семъ подобаетъ благодарити истиннаго Бога, вся строящаго къ спасенію, къ сей пользѣ дающаго прежде того смертнаго часа покаяніе. Который убо Царь не владѣетъ подвластными его? Которое Царство, или градъ, или веси кромѣ бываютъ Божія наказанія? Въ Царствующемъ градѣ нѣкогда трусъ бысть, земли колеблющися, стѣны градныя и домы превеликія изъ основанія разрушишася, живущихъ же безъ милости убивающи. И ино воспомяну, иже въ наша лѣта учинися: тому точію тридесять лѣтъ минуло, какъ въ Европійскихъ странахъ градовъ и мѣстъ всѣхъ пятдесятъ паде: овы море потопи; друзіи же отъ труса падоша, иныя же земля пожре, и идѣже гради быша или мѣста, тамо и нынѣ пропасти свидѣтельствуютъ; во иныхъ же странахъ и мѣстѣхъ нахожденіе безбожныхъ поганъ бываетъ: плѣняюще и разлучающе родителей отъ чадъ и чадъ отъ родителей, дщерей отъ матерей и мужей отъ женъ, плѣняеми и разлучаеми, овы же мечи сѣцаеми, крови же яко воды на землю проливающеся. И кто да не восплачется находящихъ на насъ бѣдъ и томленій? Но о сихъ да не ропщемъ на Владыку нашего и Господа І. Х., иже случаются намъ прискорбная и тяжкая, но вся благодарно терпимъ. Пріидемъ въ чувство наше, и познаемъ своего Творца и Содѣтеля, и уповаемъ на спасеніе Его и на множество благодати Его и милости, и приступимъ ко оживляющему мертвыя, припадемъ къ Нему и приплачемся Ему: нынѣ бо есть потреба исповѣданію; въ настоящемъ семъ житіи прославимъ Бога не словесы токмо и устнами, но чистымъ сердцемъ вопіюще къ Нему: Господи! избави душу мою и отъ львовъ единородную мою. Вѣмъ бо, яко услышитъ насъ милостивый и незлобивый Господь Богъ нашъ, и избавитъ насъ отъ всякого гнѣва и скорби, и плѣненія, и напрасныя смерти и пагубы, яко Той есть животъ и дыханіе и миръ всяческимъ; и Тому слава нынѣ и во вся вѣки, Аминь.» (Изъ рукописи XVII вѣка, принадлежащей Графу Ѳ. А. Толстому).

(329) См. Дѣла Польск. No 9, стр. 1 — 319. Съ Послами было 718 людей, да купецкихъ 643; а лошадей 900. — Въ выпискахъ Альбертранди изъ Ватиканской Библіотеки (см. Т. III, примѣч. 112) нашелъ я Discorso di Monsignor Gerio, Priore d'Inghilterra, mandato da Venezia, del trattamento che uso il Duca di Moscovia alli Ambasciatori Pollacchi, e d'una invasione che fecero gli Tartari in quei paesi, al Doge di Venezia *(ex codice manuscripto, inter veteres Vaticanos* 6786, p. 108*)*. Сей Пріоръ Джеріо, бывъ у насъ (въ 1570 г.) вмѣстѣ съ Королевскими Послами, описываетъ Венеціанскому Дожу свирѣпство Іоанново. Вотъ нѣкоторыя мѣста: «Царь въѣзжалъ при насъ въ Москву новою улицею, сдѣланною въ четыре дни: для чего на-

добно было сломать множество домовъ. Впереди ѣхало 3000 Стрѣльцовъ; за Стрѣльцами шутъ его *на быкѣ* (a cavallo a un bove), а другой въ золотой одеждѣ; тутъ самъ Іоаннъ (за спиною висѣлъ у него лукъ, а къ шеѣ коня была привязана собачья голова); назади 4000 всадниковъ. Сей Царь есть величайшій тиранъ. Въ самое то время, какъ мы находились въ Москвѣ, онъ казнилъ 18,000 человѣкъ, женъ и дѣтей, въ В. Новѣгородѣ, открывъ измѣнническую переписку тамошнихъ жителей (per haver trovato un correro con lettere di ribellarsi)... одного Воеводу, худо гнавшагося за бѣгущими Татарами, предалъ въ жертву свирѣпому медвѣдю, котораго держитъ нарочно для сего... и при насъ утопилъ въ рѣкѣ множество Татарскихъ плѣнниковъ... Онъ сказалъ Посламъ нашимъ (т. е. Королевскимъ): *Поляки! Поляки! вы не хотите мириться со мною: я изрублю васъ въ куски...* Взявъ соболью шапку одного изъ нашихъ Дворянъ, Іоаннъ надѣлъ ее на своего шута и сказалъ ему: *кланяйся по-Польски!* Шутъ отвѣчалъ, что не умѣетъ: Царь сталъ учить его, самъ кланялся и смѣялся... Секретарь Литовскаго Посольства не хотѣлъ взять соболей, даримыхъ ему именемъ Царя: сановники Русскіе схватили его за бороду, крича: *смѣешь ли отвергнуть даръ Государевъ?»* и проч.

(330) Въ наказѣ данномъ симъ Посламъ, Кн. Ивану Магметевичу Канбарову и Кн. Григорью Путятину, сказано: «беречь на-крѣпко, чтобы Король на обѣихъ грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножіе, и не мимо креста, да и не носомъ.»

(331) Арнтъ 257.

(332) Кельхъ 287, 288.

(333) См. въ бумагахъ Архива Мекленбургскаго (выше, примѣч. 327) письмо Датскаго Короля Фридерика къ Герцогу Ульриху Мекленбургскому, съ прибавленіемъ отъ 30 Апр. 1570.

(334) Кельхъ 292.

(335) См. въ бумагахъ Меклен. Архива письмо Герцога Ульриха къ Императору Максимиліану, съ прибавленіемъ, отъ 24 Сент. 1571. Тамъ сказано: Nach Inhalt daruber gegebenen stadtlichen Siegell und Brief, in welchen der Muscowitter sich gegen Konnigk Magnussen versprochen und belobet, ihnen uber dieselbe Lande Liffland zu einem Konnigk zu kronen... Ob aber woll Konnigk Magnus dienstlich gebetten, der Muscowitter ihne mit sollichen hohen Ehren wolte verschonen, so hat er doch derselben in nichts erlassen werden mugen, sondern hat sich hochlich versprochen, ihn zu ehren und zu schutzen, und bey dem allein seligmachenden Wortt Gottes verpleiben zu lassen, bey den loblichen Teutschen Gebreuchen, Gericht und Gerechtigkeiten zu handthaben, mit der Römischen Kays. Mayest., allen Khur- und Fürsten und andern Christ. Teutsch. Potentaten friedliebendt zu erhalten. So hat auch der Muscowitter seines Vattern Bruders nachgellassene Tochter Frewl. Euphemiam Konnigk Magnussen... ehelichen zu vermehlen. Далѣе говорится о помолвкѣ: Als aber der Moscowitter sich mit Konnigk Magnussen Angelegenheit und anderer furfallender Sachen halben, der Zeit deß ehelichen Beylagers nicht entlichen vergleichen konnen, ist die Zeit biß auf Gelegenheit zu beiderseits aufgeschoben worden. О приданомъ пишетъ самъ Герцогъ къ Императору: so würden vor erst über fünff Tonnen Goldes Ehesteur und endlich alles, was wir begeren, schleunigst erfolgen. См. также Кельха 293. Магнусъ былъ у Царя въ Маѣ и въ Іюнѣ 1570.

(336) Въ Розрядной Кн.: «А для Королевича Датцково быти во Псковѣ изъ Полотцка Кн. Мих. Юр. Лыкову... Іюня въ 25 посылалъ Государь съ нарядомъ къ Колывани зятя своего, Короля Арцымагнуса Крестьяновича, да Воеводъ своихъ Кн. Лыкова да Кн. Никиту Ив. Кропоткина.» Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Сент. въ 8 пріѣхали въ Новгородъ съ Москвы Воеводы Вас. Ив. Умной Колычевъ да Кн. Ив. Петровичь Херонъ» (въ Розрядн. Кн. названъ сей Воевода не Княземъ, а Земскимъ Бояриномъ *Яковлевымъ: Иванъ Хиронъ Петровичь Яковлевъ*); «а сказываютъ, имъ ѣхать подъ Колывань. А стоялъ Колычевъ, Опришной Бояринъ, на Чудинцовѣ улицѣ во дворѣ Кн. Вас. Шаханского, а Земской Кн. Иванъ Херонъ на Никитинѣ улицѣ; а Колычевъ всегда ходилъ изъ утра ко Кн. Ивану. Сент. въ 17 поѣхали Воеводы подъ Колывань.»

(337) Кельхъ 295 — 299, и Гадебушъ г. 1570 и и 1571.

(338) Такъ у Кельха. Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: Марта 14 Татары везли изъ Свицкой земли много полону, а ѣхали изъ Новагорода дорогою Дубецкою.»

(339) Въ тоже время Россіяне и Нѣмецкая Магнусова конница безъ успѣха приступали къ Виттенштейну. — Магнусъ въ письмѣ своемъ къ Императору говоритъ, что онъ не могъ сладить съ Россійскимъ мятежнымъ войскомъ, и для того отпустилъ его: wie wir aber das unmenschliche Toben des Reussischen Kriegsvolcks nicht haben coerciren können, и проч. (см. выше, прим. 335).

(340) Сей миръ былъ заключенъ 13 Дек. 1570: см. Далина. — Магнусъ пишетъ о томъ къ Императору: dadurch der Großfürst vast zu Ungnaden bewogen, es darfür hielte, es würde die Cron zu Denemarken neben uns sich mit seinen Feinden verbinden.

(341) См. Кельха 303 и письмо Магнуса къ Императору (выше, прим. 335 и 339), гдѣ сказано: den 21 Oct. J. Taube und E. Krause one unser Fürvissen dem Großfürsten abtrünnig worden, mit etzlichen Teutschen Hofeleuten, so sie mit seinem Gelte bestellet, unvermuttlich in die Stadt Derpt in Schein der Musterung eingefallen... Der Großfürst hat sie nicht allein ires langwirigen Gefencknus gnedigst erlassen, besondern mit großen Guettern, Lannden, Leuthen, Jar- und Tagbesoldung reichlich überschittet, и проч.

(342) См. ихъ донесеніе Герцогу Курляндскому въ Эверс. Samml. Russ. Gesch. X, 1.

(343) Въ прибавленіи Магнусова письма къ Импоратору (см. выше, примѣч. 339): derowegen wolten sie (Таубе и Крузе) alle Christ. Potentaten wider den Grosf. zum Kriege erregen; sollen auch seine Macht yetzo vast geringe machen, da sie doch innerhalb Jareszeit an die Kays. Mayestät, das der Grosf. dem heil. Röm. Reiche mit etzlichmal hunderttausend Mann, und wie sie geschrieben, unerhörter Kriegsmunition wider den Türken zu stehen kommen könnte.

(344) Въ прибавленіи Ульрихова письма къ Императору (см. выше, примѣч. 335): Es hat unlengst der Muscowitter K. Magnussen schrifftlich vormeldet, welcher Gestalt Frewlein Euphemia mit Tode abgegangen, und ihme nun newlich bey seinen Gesantten, so in die Muskouw abgefertigt gewesen, neben freuntlicher Bitt, das er sich des zugetragenen Unfals zufrieden geben wollte, zu entbieten lassen, dieweill das verstorbene Frewlein noch eine Schwester, Fr. Maria genant, nachgelassen, als were er, der Muscowitter, geneigt, ihme dasselb anstadt ihrer Schwester ehelichen vertrauwen zu lassen, etc.

(345) Далинъ, Gesch. des R. Schw., г. 1571, стр. 18.

(346) Ив. Новосильцовъ выѣхалъ изъ Москвы 24 Генв.: см. Дѣла Турецк. No 2, л. 1 — 140.

(347) «И въ тѣхъ городѣхъ Мусульманскіе Вѣры люди по своему обычею мизгити и *кошени* держать, и Государь ихъ ничѣмъ отъ ихъ Вѣры не нудитъ, и мольбищъ ихъ не рушитъ; всякой иноземецъ въ своей Вѣрѣ живетъ.» (Л. 23; см. также

л. 170 и 171). Новосильцовъ доносилъ Государю такъ: «Салтану поклонъ правилъ стоя, не на колѣнкахъ, и Салтанъ противъ того не промолвилъ ни одного слова... Сидѣлъ на рундукѣ, а подъ нимъ *тюшакъ* золотной... а на Салтанѣ *чюга* камчата... На Царскомъ мѣстѣ (Султанъ) не сидѣлъ, и съ саадакомъ и съ саблею и съ *будями* у него не стояли» (л. 93, 94).

(348) Въ Мартѣ 1571 былъ посыланъ въ Константинополь Андрей Ищеинъ-Кузминской (см. тамъ же, л. 141 и слѣд.), съ объявленіемъ, что Іоаннъ соглашается уничтожить крѣпость въ Кабардѣ и даетъ свободный пропускъ торговымъ людямъ изъ Астрахани въ Турцію. Тогда же купецъ Борзуновъ повезъ Царскую милостыню въ монастыри Греческіе. — Ищеинъ возвратился въ Дек. 1572 г. Въ нѣкоторыхъ Хронографахъ находимъ объ немъ слѣдующую басню: «Посланы въ Царьгородъ Андрей Ищеинъ съ товарищи къ Турскому Муратъ-Салтану» (вмѣсто Селима) возвѣстити на посаженника его, Крымскаго Царя, что приходилъ Крымской подъ Москву чрезъ мирное достояніе и пожегъ» (это случилось уже послѣ) «и Турского Царя слово было къ Андрею да къ Дьяку Васил. Алексѣеву, что ему будто ся безчестно, что Царь и В. Кн. меня братомъ пишетъ, а Крымского братомъ же... и просилъ у Пословъ выхода и Асторохани съ грозами; и Андрей Ищеинъ кинулся къ Царю Турскому съ *будѣемъ*» (въ другихъ спискахъ: *съ ножемъ*) «и Паши подхватили. Турскій же Царь не велѣлъ казнити Посла, а сказалъ, какъ-де Руской Посолъ изволилъ за своего Государя умерети, выде мнѣ также служите — и отпустилъ Пословъ съ честію. И сего ради Государь и В. Кн. К. Захарія Сугорскаго посылалъ къ Цесарю Максимиліяну, велѣлъ допросити, какъ къ которымъ Королемъ и къ Царемъ Турскій Царь пишетъ титлу свою,» и проч.

Въ Августѣ 1571 года Царь писалъ къ Донскимъ Козакамъ слѣдующую грамоту: «Отъ Царя и В. Кн. всія Русіи на Донъ Донскимъ Атаманомъ и Казакомъ. Послали есмя для своего дѣла подъ Азовъ Казачья Атамана Микиту Мамина да Молчана Яковлева съ товарыщы, и какъ они на Донъ пріѣдутъ, и о которыхъ нашихъ дѣлѣхъ Микита Мих. вамъ учнетъ говорити, и вы бы съ нимъ о нашихъ дѣлѣхъ промышляли за-одинъ; а какъ намъ послужите, съ Микитою нашими дѣлы учнете промышляти, и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7079, Авг. въ 17.»

(349) Дѣла Крымск. No 13, л. 273: «Да Сулешъ же Князь приказалъ къ вамъ» (къ Аѳанасью Нагому и его товарищамъ въ 1570 г.): «посылалъ-дей Турской къ Королю Чауша своего, просити Кіева, чтобы ему Король далъ Кіевъ, а ему бъ изъ Кіева посылати на Московскую Украйну рать свою, и Король-дей Турскому Кіева не далъ.»

(350) Тамъ же, л. 285 на обор.: «Темрюкъ съ дѣтми Баязытцкимъ Черкасомъ приходилъ помогати, и былъ Темрюку со Царевичемъ (Крымскимъ) бой, и Темрюкъ съ бою съѣхалъ раненъ; а дву сыновъ Темрюковыхъ, Мамструка да Беберюка, Царевичь Алли-Гирей на бою взялъ и привелъ съ собою въ Крымъ» (въ 1570 г.) — О требованіяхъ Хана см. тамъ же, л. 300 и далѣе.

(351) Въ Розряд. 1570 г. (въ *Росс. Вивліоѳ.* XIII, стр. 400 — 412): «Іюня въ 17 прислалъ изъ Путивля Намѣстникъ Кн. Петръ Татевъ Донецкаго сторожа, а сказалъ, что переѣхалъ *сакму* многихъ людей Мая въ 13 (г. 1570), а шли въ Русь... Маія въ 22 писалъ съ Коширы Бояринъ Ив. Меньшой Шереметевъ, что пришли на Рязанскія мѣста и на Коширскія Крымскіе люди; и по тѣмъ вѣстямъ Царь пошелъ съ Москвы тогожъ дня на Коломну; а передъ собою отпустилъ Воеводъ, Кн. Петра Семеновича Серебрянаго» (убитаго черезъ два мѣсяца: см. выше, примѣч. 310) «да Петра Вас. Морозова... А Маія въ 24 писалъ Кн. Мих. Ив. Воротынской съ товарищи, что писали къ нимъ» (отъ Николы Зарайскаго или Заразскаго) «Воеводы Кн. Хворостининъ да Ѳ. Львовъ: Маія въ 21 сошлись они съ Крымскими людьми въ ночи, и побили ихъ... Крымскіе люди пошли всѣ за Почежской лѣсъ; и по тѣмъ вѣстямъ Царь и В. Кн. Маія въ 24 пріѣхалъ изъ Коломенскаго къ Москвѣ... Писалъ изъ Рыльска С. Нагой, а пишетъ, что наѣхали Авг. въ 19, вверхъ Берекъ стоятъ люди многіе Крымскіе... ѣздилъ (сторожевый Атаманъ) вверхъ Тору въ ночи и видѣлъ огни многіе, и отъ стадъ лошадиныхъ *прыскъ* и ржанье великое... И Царь и В. Кн. велѣлъ итти Воеводамъ на берегъ... И писали про Крымскаго вѣсть изо многихъ мѣстъ, изъ Донкова... а сказывалъ Станичн. Голова, не доѣхавъ Донца Сѣверскаго верстъ за 20, увидѣлъ пыль великую... а по сакмѣ смѣтилъ тысячь съ 30... и вверхъ Ибла и по Тудони Сент. въ 7 видѣлъ многихъ людей, а по сакмѣ смѣчаетъ 30,000, а бито 13 дорогъ до Черныя земли... Сент. въ 12 приходили въ Новосиль Крымскіе люди на посадъ, тысячь съ шесть или семь... А Царь Крымскій и Царевичи были въ Крыму, а людемъ всѣмъ велѣли готовиться... Сент. въ 14 писалъ къ Государю въ Слободу Кн. Ив. Бѣльской и всѣ Бояре, что идутъ на Дѣдиловъ и на Тулу Царь и Царевичи, и по тѣмъ вѣстемъ Государь съ сыномъ своимъ съ Царевичемъ Иваномъ пошелъ изъ Слободы Сент. въ 16 противъ недруга... и пришелъ въ Серпуховъ... и писалъ изъ Путивля Намѣстникъ, пріѣхалъ Станичн. Голова, а сказалъ, что до усть Айдара доѣзжалъ и сакмы никаковой не наѣзживалъ... и Сент. въ 22 приговорили (Бояре съ Государемъ), что Станичники во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сказали видѣли людей и по сакмѣ смѣчали до 30,000, то солгали; и Государю самому стояти въ Серпуховѣ нечево, а постояти по берегу Воеводамъ за Покровъ Св. Богородицы съ недѣлю, и съ того бъ дни ѣхать по домамъ.»

(352) Дѣла Крымск. No 14, л. 25: «на Злынскомъ полѣ прибѣжали къ Царю (Крымскому) измѣнники Дѣти Боярскіе Бѣлевцы, Кудеяръ Тишинковъ да Окулъ Семеновъ, да Колужене Жданъ да Ив. Васильевы дѣти Юдинкова, да Коширянинъ Ѳедоръ Лихаревъ, да Серпуховитинъ Русинъ, а съ ними 10 человѣкъ, ихъ людей... и Кудеяръ съ товарищи Царю говорили, что на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Москов. по два года была меженина» (недостатокъ въ хлѣбѣ, голодъ) «великая и моръ... многіе люди вымерли, а иныхъ многихъ людей Государь въ своей опалѣ побилъ; а достальные воинскіе люди и Татарове всѣ въ Нѣмцѣхъ; а Государя-де чаютъ въ Серпуховѣ съ Опришниною, а людей-де съ нимъ мало... и ты-де поди прямо къ Москвѣ, а вожъ-де тебѣ черезъ Оку и до Москвы язъ; а будетъ-де тебѣ до Москвы встрѣча будетъ, и ты-де вели меня казнити.» Послѣ прибѣжали къ Хану новокрещеные Татары, Иванъ Урмановъ и Степанко; они говорили ему тоже, съ прибавленіемъ: «и въ Земскихъ и въ Опришнинѣ (Іоаннъ) людей выбилъ... мы есмя сами изъ Опришнины.» См. еще ниже, примѣч. 404.

(353) Въ Розрядн. Кн.: «Маія въ 17 были противъ Царя (Крымскаго) Бояре и Воеводы: въ больш. полку К. Ив. Дм. Бѣльской, да Мих. Яковл. Морозовъ; въ правой рукѣ К. Ив. Ѳед. Мстиславской, да Ив. Меньшой Вас. Шереметевъ; въ передовомъ К. Мих. Ив. Воротынской, да К. Петръ Ив. Татевъ; въ сторожевомъ К. Ив. Андр. Шуйской, да

Дм. Григ. сынъ Плещеевъ; въ лѣвой рукѣ К. Ив. Петр. Шуйской, да К. Ив. Гр. сынъ Щербатой. Маія въ 23 пришли съ берегу Воеводы К. Ив. Дм. Бѣльской съ товарищи. — А Воеводы были съ *Государемъ* въ передовомъ полку К. Мих. Темрюковичь Черкасской, да Бояринъ К. Вас. Ив. Темкинъ, да Окольничей К. Дм. Ив. Хворостининъ; въ сторожевомъ К. Петръ Тутаевичь Шейдяковъ, да Бояринъ Вас. Петров. Яковля, да К. Вас. Андр. Сицкой.»

Флетчеръ (R. Com. Wealth, л. 66): Hee (Царь) doubted his nobilitie and chiefe Captaines of a meaning to betray him to the Tartar.

(354) Такъ въ Лѣтописцѣ Щербатовскомъ, который, вмѣстѣ съ другими любопытными рукописями библіотеки Графа А. И. Мусина-Пушкина, сгорѣлъ въ Московскій пожаръ незабвеннаго 1812 года. См. *Исторію Росс.* К. Щербатова, Т. V, Кн. XII, стр. 278 — 280.

(355) Въ числѣ бумагъ, присланныхъ нашему Государственному Канцлеру, Графу Николаю Петровичу Румянцову, изъ Брит. Музея, есть письмо одного Англичанина, который былъ тогда въ Москвѣ: онъ говоритъ: The King of the Crimea came to the city of Moscovy with above 120,000 horsemen... The morning was exceeding cleer and fait, and calm, without any wind; but being a fire, there was nothing but whirlewinds and such a noise, as thought the heavens should have fall'n.

(356) См. Таубе и Крузе 228. Флетчеръ (л. 66): The people burning in their houses and streates, but most of all of such as laboured to passe out of the gates farthest from the enemie, where meeting together in a mightie throng, and so pressing every man to prevent another, wedged themselves so fast within the gate and streates neare unto it, as that three ranks walked one upon others head, the uppermost treading downe those, that were lower (т. е. что люди, тѣсняся къ городскимъ воротамъ, давили другъ друга; ходили по головамъ, въ три ряда): so that there perished at that time, by the fire and the presse, the number of 800,000 people or more.

Въ Хронографѣ Гр. Толстаго: «Людей погорѣло множество, имъ же не бѣ числа... Митрополитъ же со Освящ. Соборомъ просидѣли въ церкви Соборной; а К. Ив. Дм. Бѣльской на своемъ дворѣ въ каменномъ погребѣ задохнувся умеръ; инѣхъ же Князей и Княгинь и Боярынь и всякихъ людей кто можетъ исчести?... И Москва-рѣка мертвыхъ не пронесла; нарокомъ оставлены были пропроваживати внизъ рѣкою мертвыя... Развѣ у которыхъ были пріятели, тѣхъ хоронили,» и проч. Въ моемъ Хронографѣ: «затхнулся во градѣ и Бояринъ Мих. Ив. Воровой;» но въ Спискѣ Бояръ (*Вивліоѳ.* XX, 48) онъ показанъ умершимъ еще въ 1567 году. — О Докторѣ Арнольфѣ см. Jöchers Gelehrt. Lexicon, Т. II, 2364. См. также Гаклуйта Navig. 452.

(357) Въ письмѣ Англ. очевидца (см. выше, примѣч. 355): I pray God, I may never behold again.

(358) Флетчеръ: being (Москва) of 30 miles or more of compasse.

(359) Таубе и Крузе.

(360) Тамъ же, стр. 229.

(361) См. тамъ же.

(362) Дѣла Крым. No 13, л. 403 на об. Нынѣ именуется Братовщина, а въ старину *Браташино*. Тамъ былъ дворецъ Іоанновъ. О платьѣ: «Царь и В. К. былъ въ столовой избѣ въ обычномъ платьѣ, и Бояре и Дворяне не въ нарядѣ.» Далѣе см. л. 404 — 408.

(363) Дѣла Крым. No 14, л. 86: «и мы Акмагметъ-Уланова сына, Князя Ѳедора, для тебя, брата своего, отпустили съ своимъ человѣкомъ, съ Мяснымъ» (писалъ Іоаннъ къ Хану въ Февр. 1572).

(364) Таубе и Крузе 231. См. также Списокъ Бояръ (*Вивліоѳ.* XX, 52) и *Новогород. Лѣт.* Малинов. г. 1571. Отецъ Евдокіинъ назывался Богданъ Юрьевичь. Вмѣстѣ съ нимъ пожаловали въ Бояре Василія Борисов. Сабурова. Отецъ Марѳы Василій Степановичь, дяди Григорій и Василій, а братъ Калистъ.

(365) Въ Розрядн. Кн. г. 1571: «Въ Торусѣ изъ Опришнины были: въ больш. полку К. Мих. Темр. Черкасской, да К. Ив. Вас. Темкинъ-Ростовской; въ п. р. Бояринъ К. Никита Роман. Одоевской, да К. Андр. Петр. Хаванской, въ п. п. К. Вас. Ив. Барбашинъ, да Окольничей Н. Б. Бороздинъ; въ с. п. К. Вас. Ив. Телятевской, да К. Ив. Охлебининъ; въ л. р. К. Ив. да К. Дм. Мих. Щербатые.» См. Таубе и Крузе 230 и Списокъ Бояръ 51. Гваньини пишетъ (R. P. 259), какъ Іоаннъ обходился съ своимъ шуриномъ: иногда велѣлъ привязывать свирѣпыхъ медвѣдей къ его воротамъ; иногда отнималъ у него имѣніе, иногда возвращалъ ему все съ лихвою, но часто не безъ побоевъ.

(366) Таубе и Крузе 230. — Розряды въ *Вивліоѳ.* XIII, 390, — Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, 51, 52, и Курбск. О Докторѣ Елисеѣ см. выше, примѣч. 268; о Соломонидѣ Т. VII, стр. 83. Таубе и Крузе именуютъ Яковлева Iwan Petrowitz Jacob, den ersten Weywoden vor Revel (см. выше, примѣч. 336), а Замятню Ивановича Сабурова Iwan Zathania. О Грязномъ: seinem nechsten Kemerer, mit Namen Gregory Grasnow, durch den Doctor Gifft geben lassen. Сей *Григорій* (см. Дѣла Швед. No 2, л. 122 на обор., и Acta Leg. Muscov. per Paulum Iuusten, стр. 162) былъ не отецъ, а братъ Василія Григорьевича Грязнаго, о коемъ мы упоминали и еще упомянемъ. — Въ 1574 году Іоаннъ сказалъ гонцу Ханскому: «братъ нашъ (Девлетъ-Гирей), сослався съ нашими измѣнники, съ Бояры, да пошелъ на нашу землю; а Бояре наши еще на поле прислали къ нему съ вѣстью разбойника Кудеяра Ратишенкова, и пришедъ братъ нашъ въ нашу землю, Угру перелѣзъ, а люди наши съ нимъ не бились, и пришедъ къ Москвѣ, Москву зжегъ, и землю нашу вывоевалъ, а ходилъ какъ бы въ своей землѣ.»

(367) См. ниже, примѣч. 379. Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «М. Окт. 28 женился Царь православный на третіей Царицѣ Марѳѣ у Богдана (Василія) Собаки; да м. Ноября въ 4 въ Недѣлю женился Царевичь Иванъ большой на Царевнѣ Евдокеи у Сабуровыхъ; да того жъ Ноября въ 13 со Вторника къ Середѣ на ночь и преставись Царица Марѳа.»

Въ одной изъ Розрядн. Книгъ находится описаніе сей третьей Іоанновой свадьбы (см. *Вивліоѳ.* XIII, 92): Тогожь году (1571) была свадьба у Царя Государя Ив. Вас., а понялъ Васильеву дочь Собакина Марѳу; а розрядъ свадьбѣ: Въ большомъ мѣстѣ сидѣть у Государя за столомъ сыну его, Царевичу Ѳедору, а въ Тысетскихъ быть сыну его, Царевичу Ив. Ивановичу; а за столомъ сидѣть Царевичу Михаилу» (сыну Кайбулину); «а въ Дружкахъ быти съ Государеву сторону Ивану Сабурову, да женѣ его Свахѣ; а другому Дружкѣ Каллисту Собакину, да женѣ его Софьѣ; А Царицы и Вел. Княгини съ стороны Дружка *Борисъ Годуновъ*, да Малюта Скуратовъ, а жены Свахи; а пятая сваха Ондреева жена Игнатьева Софья, понесетъ къ мѣсту кику со всѣмъ нарядомъ на серебряномъ блюдѣ; а Андрею Игнатьеву итти съ чарою да съ гребнемъ; съ осыпаломъ же предъ Государемъ Ив. Дм. Собакину. А за столомъ сидѣть Боярынямъ Трубецкимъ» (и проч.)... «а противъ Боярынь К. Петру Тутаевичу Шійдякову, Боярамъ К. Ѳед. Мих. Трубецкому. Ив. Меньшему Вас. Шереметеву» (и проч.)... «Въ кривомъ столѣ Бояриву Вас. Ст. Собакину, Окольничему Гр. Вас.

Собакину, Вас. Степ. Собакину; а на мѣстѣ Государевѣ Богдановѣ дочери Сабуровой Домнѣ. Звати Государя на мѣсто Ив. Меньшему Шереметеву... А ходить предъ Государемъ Борису Вас. Собакину. Парѳ. Ив. Собакину, Ст. Вас. Собакину... за саньми Дм. Годунову, Никитѣ Дм. Собакину... да Дѣтямъ Боярскимъ Царицы. Въ Ясельничево мѣсто Овцыну... У платья Царицы Дьяку Багтѣву и отпущати емужь платье по нарядомъ; а списки носити и роздавати по Приказамъ Дьяку Вас. Щелкалову; а постелю слати, кому Царь велитъ; а мыльну топити Петру Собакину, да Богдану Сидорову Бѣльскому; а быть у воды Дѣтямъ Боярскимъ... У платья Государева К. Ив. Жирову Засѣкину, у мастеровъ въ избѣ... Колпакъ держати Государевѣ Ив. Вас. Сабурову, Сем. Вас. Собакину; да Семенужь итти къ мѣсту и нести свѣчу, которыми свѣчами Царя и Царицу обручати; а какъ отъ того отдѣлается, и ему быти по старому у колпака. А въ мыльнѣ быти съ Государемъ Собакинымъ, Борису Годунову, Богдану Бѣльскому. У коня Государева быти и ѣздити около подклѣта Б. Орцыбашеву, а вино нести въ скляницѣ къ церкви Полеву. У зголовья Государева К. Ив. Козловскому; а у Царицы у зголовья Юрью Дм. Овцыну. У мѣста держати сорокъ соболей П. Собакину... Мѣсто вѣдати и всякую рухлядь столовую Субботѣ Особину, а у постели быть Дм. Годунову, да Ник. Дм. Собакину. Свѣчи нести... коровай нести... а другой коровай... Надъ Царевою свѣчою фонарь нести... надъ Царицыною... Съ обручальными свѣчами итти и зголовья къ церкви нести Собакинымъ. Съ Царевымъ подножіемъ въ церкви быти К. Тулупову, да Богдашкѣ Бѣльскому; а скамейку съ ковромъ нести (истопникамъ). А на Государевомъ дворѣ отъ огня беречи и на дворъ не пущати Н. Ульянову... У воротъ у Государя у большихъ на Государевѣ дворѣ Семенъ Овцынъ, да Ѳома Селинъ; а у другихъ воротъ за Царицыными хоромы Царицы и В. Княгини Дѣти Боярскіе... и у воротъ у мыльни новой... и у воротъ, что у церкви на дворецъ къ сѣннику, и что на малой дворецъ къ избушкамъ; а на лѣсницѣ, мимо Царевичевыхъ хоромъ отъ сѣнника, стояти истопничему. А у воротъ большихъ у городовыхъ Сем. Булгаковъ; а у другихъ воротъ городовыхъ у стороннихъ направѣ Меншикъ Зубатова сынъ Бѣльскаго; у третьихъ у городовыхъ воротъ у Богоявленскихъ Ив. Овцынъ; у четвертыхъ Богоявленскихъ... у пятыхъ, противъ Суда, вѣдать М. Судимонтову, и ворота городовыя пойтить запереть.»

(368) См. Дѣла Польск. No 10, л. 204.

(369) Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Окт. въ 10 (г. 1571) на Владычни дворѣ въ Земщинѣ велѣли всѣмъ Новгородцамъ быти на первомъ часу дни, и чли грамоту отъ Государя, кое бы не боялись ничего отъ Государя... Окт. въ 26 доспѣли и поставили въ Софіи мѣсто новое Царское все позолочено и рѣзано, и Святыи писаны, а на версѣ на мѣстѣ крестъ сняли, да голубь златъ поставили. Да и на Владычнѣ мѣстѣ верхъ новой поставили съ крестомъ... Окт. въ 29, на которыхъ людехъ есть знамя смертоносное, тѣхъ у церкви погребати не велѣли... выносити ихъ въ деревню на Водопіяново за 6 верстъ по Волхову внизъ, монастыря Хутынского не доѣзжаючи за версту; и поставили заставу по улицамъ и сторожей: въ которой улицѣ человѣкъ умретъ знаменіемъ, и тѣ дворы запирали съ людьми, и кормили тѣхъ людей улицею; и отцемъ духовнымъ покаивати тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли; а учнетъ которой Священникъ тѣхъ каяти, Бояръ не доложа, ино тѣхъ Священниковъ велѣли жещи съ тѣми же людьми больными. Да м. Ноября въ 4 въ Новѣгородѣ на Опришной сторонѣ Государской Посланникъ Гр. Никит. Борисова спрашивалъ Игуменовъ и Священниковъ и Старцевъ изъ всѣхъ монастырей про моръ, и сказали, мору нѣтъ нигдѣ... Дек. въ 4 (1571) Кирилъ Митрополитъ поставилъ въ Новгородъ Владыку Леонида, Чудовскаго Архимандрита съ Москвы. Дек. въ 23 пріѣхалъ Владыка въ Новгородъ Леонидъ... Дек. въ 24 пріѣхалъ Царь на 6 часу дни; да съ нимъ же Владыка Коломенскій Давидъ, да Архим. Чудовской Ефимей, да Симонов. Іевъ; и встрѣчалъ Государя Владыка со кресты на Великомъ мосту у Креста; да тогожь дни Государь Обѣдню слушалъ въ Софіи, да на завтрее Владыка и Архим. и Иг. и Священницы ходили ко Государю съ образы челомъ бити на Никитинѣ улици, и ѣли у Госуд. хлѣба... Генв. въ 5 пріѣхалъ въ Новгородъ Царевичь Санбулай» (Царь Саинъ-Булатъ). «Генв. въ 10 Государскую казну съ Никитины улицы везли Стрѣльцы подъ Пятницу и подъ Николу и подъ Жены Мироносицы; а ставилъ Государь въ Новѣгородѣ 500 Стрѣльцовъ казны стеречи на всякую ночь; да тогожь дни ѣздилъ Государь на Королево конюшенъ своихъ смотрѣти. Да той же зимы Государь нарядилъ на Голыни свою слободу. Генв. въ 13 опослѣ молебновъ Владыка велѣлъ всѣмъ Священникомъ звонити, какъ позвонятъ у Софіи на четвертомъ часу дни; а которой учнетъ звонити рано, на томъ заповѣди два рубля Ноугородская.»

(370) Въ Дѣлахъ Швед. No 2, л. 219, 227: «А Бояре были К. Ив. Ѳед. Мстиславской, К. Мих. Ив. Воротынской, К. Петръ Данил. Пронской, К. Ѳед. Мих. Трубецкой, К. Никита Ром. Одоевской, К. Вас. Андр. Сицкой, Ив. Вас. Меньшой Шереметевъ; Окольничей Василей Собакинъ; Дворяне, которые живутъ у Государя въ Думѣ, Малюта Скуратовъ, Ив. Черемисиновъ... Били челомъ (Швед. Послы) Бояромъ: К. Петру Тутаевичу Шійдякову Нагайскому, да К. Ив. Ѳед. Мстиславскому.» Въ Розрядн. (*Вивліоѳ.* XIII, 442): «Изъ Земскаго Бояре Мих. Яков. Морозовъ, Петръ Вас. Морозовъ; изъ Стрѣлецкой Избы Григ. Гр. Колычовъ; отъ Холопья Суда К. Борисъ Петр. Засѣкинъ... А съ Царемъ Царевичь Мих Кайбуловичь.»

(371) См. выше, примѣч. 242, въ Эверс. Samml. Russ. Gesch. 1, 143, Acta Leg. Moscov. per Paulum Iuusten, и Дѣла Швед. No 2, л. 108 и слѣд. Сдѣлавъ съ ними тоже, что Шведы сдѣлали съ нашими Послами въ Стокгольмѣ — т. е. обругавъ, обезчестивъ ихъ всенародно — Епископа Павла и товарищей его отвезли изъ Новагорода въ Москву (въ Февр. 1570), гдѣ въ Іюнѣ были съ ними переговоры, чрезъ Ивана Мих. Висковатаго (л. 137), коему уже готовилась тогда лютая казнь! Имъ сказали: «Король пишетъ, чтобъ ему о миру здѣлку учинити, какъ Царьское Величесто пожаловалъ былъ брата его, Ирика; а то было для Польск. Короля сестры Катерины — и будетъ Яганъ и нынѣ Катерину Королевну къ Цар. Величеству пришлетъ, и Государь нашъ по тому приговору съ Ягапомъ сдѣлаетъ. И съ вами о Катеринѣ приказъ есть ли? И Послы говорили: *пріѣхали есмя отъ своего Государя не бранитися, а съ тѣмъ, чтобы миръ здѣлати*... Іюня въ 2 велѣлъ Государь Малютѣ Бѣльскому (Скуратову) у Свейскихъ Пословъ взяти писаря Аврама, да толмача Власа, чтобъ имъ поучити Рускихъ людей Нѣмецкому языку.» — Герцогъ Магнусъ, пріѣхавъ тогда въ Москву, какъ пишетъ Епископъ Павелъ (Leg. Muscov. 168), старался питать въ Царѣ злобу на Шведовъ. Пословъ сослали въ Муромъ. Въ наказѣ Приставамъ сказано: «ѣхати съ ними въ Муромъ въ суднѣ... По-

ставити Пословъ въ городѣ, а выбрати дворъ добръ и крѣпокъ; а не будетъ въ городѣ двора добраго, и Посломъ учинити кругъ того двора тынъ... и по списку Посольскихъ людей (50 человѣкъ) пересматривати ежедень, и изъ тыну ихъ не пущати никуды... чтобы къ нимъ не приходилъ никаковъ человѣкъ, ни Руские, ни Нѣмцы, ни выѣзжие люди... и ворота держати заперты, а на ночь замыкати.» Такъ содержались они болѣе года. Изъ людей ихъ умерло отъ язвы 15 человѣкъ. Между тѣмъ Король Шведскій присылалъ къ Царю двухъ гонцевъ, прося отпустить къ нему Епископа Павла и желая прислать къ намъ новаго Посла. Далѣе (л. 194): «Лѣта 7080, Ноября 10, приговорилъ Царь и В. К. идти на непослушника своего, на Свейского Ягана Короля, войною за его неисправленье ... а Посломъ Свейскимъ, Маистру Бископу Абовскому съ товарыщи, идти за собою къ Новугороду ... Изъ Мурома ѣхати (имъ) къ Москвѣ; а лошадей подъ нихъ купити въ Муромѣ... а денегъ на лошади, и на сани, и на хомуты, и на кормъ лошадемъ, послано съ Москвы 90 рублевъ... а покупати лошади меньшою цѣною, меринъ рубля подва и по-полутретья лутчей... А пріѣхати подъ Москву на послѣдней ямъ на Рогожъ, и къ Государю отписати.» 28 Ноября 1571 Послы выѣхали изъ Мурома, 8 Декабря нашли Царя въ Клину, и за нимъ пріѣхали въ Новгородъ.

(372) л. 212: «Да Ягану жь Царьского Величества титла написати, да Свейскимъ въ титлѣхъ Государьскихъ написати по Царьского Величества указу; да прислати образецъ, гербъ Свейской, чтобъ тотъ гербъ въ Царьского Величества печати былъ.»

(373) Acta Leg. Muscov. 180, 181: Dicens se Christianum esse Principem et Dominum, ideoque se non expetere ut proni in terra jaceamus coram se... Probabamus (говоритъ Царь), cujus ensis fortius feriet et sit penetrantior.

(374) Дѣла Швед. No 2, л. 222: «Просили есмя у него (Эрика) Польского Короля сестры Катерины для того, чтобъ намъ было къ повышенью надъ недругомъ... и ею хотѣли есмя съ Польскимъ Королемъ дѣло доброе постановити... Про Ягана намъ сказали, что его въ животѣ не стало» (л. 221 на обор.) «а дѣтей у него не осталось.»

(375) См. тамъ же, л. 227 — 231, и въ Leg. Muscov. 182.

(376) Дѣла Швед. л. 236. Въ письмахъ къ Швед. Королю Іоаннъ именовалъ себя Самодержцемъ, и начиналъ оныя пышными словами (л. 182): «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, воеже направити ноги наша на путь миренъ, иже подасть намъ скифетры-державья Россійскаго Царьства, сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію удержахомъ скифетры Рос. Царьства броздодержательство, иже особь намъ благоволи ко *прослутію*, иже Ево человѣколюбіемъ и благостію, Мы Вел. Государь,» и проч. или такъ (л. 231 на об.): Богъ нашъ Троица, Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, Имъ же Царіе царьствуютъ и сильніи пишутъ правду, Иже подасть намъ скифетры держати Рос. Царьствія, и Его милостію и хотѣніемъ удержахомъ скифетры Рос. Царьствія броздодержательствомъ крестоносные хоругви,» и проч.

(377) См. Розряды въ *Вивліоѳ.* XIII, 423. Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Генв. въ 18 въ ночи былъ вихръ великъ... и Царь послѣ молебновъ поѣхалъ изъ Новагорода къ Москвѣ... а стоялъ на Никитинѣ улицѣ въ своемъ дворѣ. Да той же зимы въ Новѣгородѣ уставилъ Намѣстника по старинѣ; да и *полямъ* быти въ Вел. Новѣгородѣ по старинѣ... Да тогожь мѣсяца въ 20 почали ходити Недѣльщики отъ Намѣстниковъ въ Новѣгородѣ, да на Опришной сторонѣ два Дьяка, Вас. Сем. Нелюбъ, да Сем. Ѳед. Шуринъ; а стараго Алексѣя Государь взялъ къ Москвѣ; а на Земской сторонѣ взялъ Дьяка Никиту Щелепина къ Москвѣ, а поставилъ на его мѣсто Ив. Дороѳ. Собаку.»

(378) Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Въ лѣто 7080 (1572) Февр. въ 8 преставись Кириллъ Митрополитъ на Москвѣ, а погребоша въ 12... Марта въ 14 поѣхалъ Владыка Леонидъ къ Москвѣ.»

(379) См. дѣяніе сего Собора въ *Вивліоѳ.* XIII, 104. О Марѳѣ сказано: «Ненавидяй добра врагъ воздвиже *ближнихъ* многихъ людей враждовати на Царицу Марѳу еще въ дѣвицахъ сущу, точію имя Царское возложено на нее, и тако ей отраву злую учиниша. Благовѣрный же Царь, положа на Бога упованіе, любо исцѣлѣетъ, поя за себя дѣвицу Марѳу, и только была за нимъ 2 недѣли, и преставися: понеже дѣвства не разрѣшилъ третьяго брака,» и проч.

(380) Тамъ же: «Заповѣдь положиша Царю и В. Князю во церковь не входити до Пасхи; а на Пасху въ церковь войти, и въ томъ его Государя Духовнику его по нашему благословенію и прощенію разрѣшити, и къ Дорѣ ему Государю къ меньшой ити и Пасхи вкушати для Свѣтлаго Хр. Воскресенія... Потомъ лѣто съ припадающими, и какъ прейдетъ то лѣто, и Духовнику его на Пасху разрѣшити и къ Дорѣ ему Государю къ большой и къ меньшой ити; потомъ лѣто едино съ вѣрными да стоитъ, и какъ прейдетъ то лѣто, и Духовнику тако же на Пасху Государя разрѣшити и Бож. Хр. Таинъ Государю причаститися. А съ лѣта 7081 благословили есмя и разрѣшили Государя къ Пречистыя хлѣбу послѣ стола ходити и прімати по Владычнимъ праздникомъ и по Богородичнымъ, когда его Государя Богъ сподобитъ, и ко Св. водѣ и къ Чюдотворцевымъ медомъ; милостыню же о семъ Царю Государю творити, елико изволитъ... А пойдетъ Государь противъ недруговъ за святыя Божія церкви, и ему Государю епитемью разрѣшити.» Подписали, сверхъ Архіепископовъ, Святители Макарій Вологодскій, Варлаамъ Суздальскій, Сильвестръ Смоленскій, Сергій Рязанскій, Савва Тверскій, Давидъ Коломенскій, Германъ Сарскій — Архимандриты Вассіанъ Спасскій, Евфимій Чудовскій, Ѳеодосій Троицкій, Іона Луженскій, Вассіанъ Солочинскій — Игумены Ѳеодосій Богоявленскій, Кипріанъ Пафнутьевскій, Ѳеодоритъ Колязинскій, Евфимій Колоцкій, Тихонъ Угрѣшскій, Авраамъ Даниловскій.

Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Въ лѣто 7080 Маія въ 31, въ Субботу, Владыка Леонидъ пѣлъ молебны (въ Софіи) за Царя, за Царевичевъ, за великую Царицу Анну,... и велѣлъ свою настольную грамоту чести, которую далъ ему на Москвѣ Митрополитъ Антоній въ Новгородъ на Владычество.» Въ рукописномъ Житіи Св. Антонія Сійскаго (о которомъ см. ниже, въ примѣч.) сказано: при освященномъ *Антоніи* Митрополитѣ всея Русіи, иже первѣе бысть *Архіепископъ* богоспасаемому граду *Полотцку*.»

(381) См. выше, примѣч. 268, г. 1566. Въ *Большомъ Чертежѣ* упоминается о *рѣчкѣ Орлѣ*, впадающей въ Осколъ; но здѣсь говорится о рѣкѣ Орели (нынѣ Орликѣ) впадающей въ Оку. Въ *первый разъ*, если не ошибаюсь, встрѣчается имя города Орла въ Розрядахъ 1565 или 1566 года (см. *Вивліоѳ.* XIII, 384), а имя *Болхова* около 1556 (тамъ же, стр. 267). Преданіе о *древнихъ* Князьяхъ *Болховскихъ* (или Болоховскихъ) относится, можетъ быть, къ тѣмъ, которые въ XIII вѣкѣ имѣли удѣлъ на Бугѣ (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 20).

(382) См. Гаклуйта Voyages, Travels etc. стр. 452. Антоній Дженкинсонъ приплылъ съ двумя кораблями въ гавань Св. Николая 26 Іюля 1571, и немедленно послалъ къ Царю переводчика своего, Даніила Сильвестра. Дженкинсону сказали, что гнѣвный Іоаннъ хочетъ его казнить; но онъ рѣшился ждать отвѣта, и жилъ въ Колмогорахъ около пяти мѣсяцевъ, не имѣя никакихъ вѣстей изъ Москвы: сіе было во время чумы. Наконецъ, 28 Генв. 1572, велѣли ему ѣхать въ Переславль и въ Александровскую Слободу, гдѣ, 23 Марта, его представили Царю, который сказалъ: «Антоній! отпустивъ тебя къ сестрѣ моей, Елисаветѣ, съ тайнымъ порученіемъ, я ждалъ твоего возвращенія... Вмѣсто тебя пріѣхалъ Рандольфъ и говорилъ единственно о дѣлахъ купеческихъ.» (Тутъ въ подлинникѣ: wee knowe, that marchants matters are to bee heard, for that they are the stay of our Princely treasures: but first Princes affaires are to bee established, and then merchants)... «Собственный Посолъ нашъ возвратился изъ Англіи, также не окончавъ главнаго дѣла.» Дженкинсонъ отвѣтствовалъ: «Я ревностно исполнилъ тайное порученіе. Королева согласилась на все, и приказала Рандольфу объясниться о томъ съ Вашимъ Величествомъ; а я между тѣмъ сражался на морѣ съ непріятелями Англіи... Чѣмъ заслужилъ Вашъ гнѣвъ Вилліамъ Горретъ и другіе члены здѣшняго торговаго общества?... За два года передъ симъ ихъ корабли передъ Нарвою истребили суда враговъ Россіи, и всѣхъ плѣнниковъ отдали Вашимъ Нарвскимъ Воеводамъ... Молю В. В. не внимать клеветникамъ, хотящимъ ссорить Васъ съ Королевою. Она желаетъ, чтобы В. В. приказали выдать мнѣ Ральфа Роттера и другихъ Англичанъ измѣнниковъ, которые здѣсь живутъ тайно, Васъ обманываютъ и злодѣйствуютъ.» Дженкинсонъ жилъ весь Апрѣль мѣсяцъ въ Твери, ожидая Царя на пути его въ Новгородъ, и 10 Мая пріѣхавъ къ нему въ Старицу, вручилъ Дьяку Государеву бумагу о своихъ требованіяхъ. Въ статьѣ о долгахъ сказано: «Многіе изъ Дворянъ Вашего Величества, заключенные въ темницу или казненные, остались должниками Англійскихъ купцевъ, не знающихъ теперь, съ кого требовать денегъ и прибѣгающихъ къ Царскому великодушію. Они молятъ также, чтобы казна заплатила имъ за взятые у нихъ товары.» Слѣдуютъ жалобы на Астраханскихъ таможенныхъ приставовъ и на Колмогорскаго главнаго чиновника, который весьма грубо обходился съ Дженкинсономъ, билъ его людей и бранилъ Елисавету. Далѣе: «Анг. купцы желаютъ имѣть мѣну съ Россійскими въ Колмогорахъ, чтобы не платить за дальній перевозъ товаровъ... Отъ Московскаго пожара убытокъ ихъ простирается до 10,000 рублей, какъ то означено въ запискѣ врученной ими Царю: они ждутъ милостиваго удовлетворенія... Вилліамъ Горретъ, видя дороговизну хлѣба въ Россіи, привезъ его большее количество моремъ; но ему запретили продажу онаго въ Колмогорахъ,» и проч. и проч. Іоаннъ обѣщалъ управу купцамъ Англійскимъ и Дженкинсону; о заведеніи Конторы въ Астрахани и мѣны въ Колмогорахъ не сказалъ ничего рѣшительнаго: продажу хлѣба Горрету дозволилъ; выдать Ральфа Роттера согласился (чего однакожь не сдѣлалось). Дженкинсонъ въ Вологдѣ ждалъ новой Царской, милостивой грамоты для Англійскаго купечества, но не могъ дождаться. Въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ сего времени сказано: «Пожаловали есмя, поволили гостемъ Аглинскимъ приходить на кораблехъ въ Двинскую землю со всякими товары торговать поволною торговлею, а изъ Двинские земли путь имъ чистъ до Государства нашего, града Москвы, и по всѣмъ городомъ Государства; а въ Казань и въ Астрахань ходить съ нашего Царского повелѣнія, а безъ нашего повелѣнія не ходить; а пошлины таможенные съ товаровъ *платить половину.*» Слѣдственно Іоаннъ уже ограничилъ тогда право ихъ торговать *безпошлинно.*

(383) См. Дѣла Датск. No 2, л. 1 — 23. Письмо Фридериково было отъ 11 Апр. 1571. Посланникъ его назывался Елисей Изенбергъ. Магнусъ присылалъ съ нимъ своего гонца Каспара. Отвѣтъ Іоанновъ писанъ 27 Іюля того же года.

(384) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 294 — 299. Съ Гарабурдою было 90 Дворянъ и 187 всякаго званія людей. Онъ настигъ Государя уже въ Клину.

(385) Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Того жь дни (29 Генв. 1572) привезли Государской казны съ Москвы 300 возовъ... да въ 10 Февр. 150 возовъ... Февр. въ 11 велѣли по всѣмъ монастыремъ Новгородскимъ слуги монастырскіи ставити съ лошадьми и съ пансыри и со всѣмъ запасомъ къ Москвѣ на службу.»...

(386) Въ Розрядн. Кн.: «да съ Государемъ же Радулъ, Мутьянской (Волошской) Воеводичь, да Стефанъ Волошской (Молдавской) Воеводичь, да Никифоръ Гречининъ.» Стриковскій пишетъ, что Молдавскій Воевода Богданъ въ 1572 году уѣхалъ въ Москву: Стефанъ, какъ вѣроятно, былъ его сынъ. Въ 1575 г. Іоаннъ требовалъ отъ Литовскихъ Вельможъ, чтобы они свободно пропустили Богдановыхъ слугъ и Бояръ въ Россію: см. въ Дѣлахъ Польск. No 10, наказъ данный Новосильцеву.

(387) Въ Розрядн. Кн.: «На Москвѣ были для осады К. Ю. Токм., да К. Т. Д.; у Холопья Суда К. Ант. Ромадановской, да Вас. Бѣлой; на Земскомъ Дворѣ Ив. Мятлевъ, да С. Нагой; Казначей Вас. Мосальской; Печатникъ Борисъ Сукинъ... Дьяки» (слѣдуютъ имена двадцати трехъ)... «Конюшенной С. Третьяковъ. Въ Слободѣ К. Ѳед. Ив. Хворостининъ, да Игн. Блудовъ.»

(388) Тамъ же: «Въ больш. полку К. М. Ворот., да Ив. Вас. Шер.; въ пр. рукѣ Бояринъ К. Н. Ром. Од., да Воевода Ѳед. Вас. Шереметевъ; въ перед. К. Андр. Петр. Хов., да Окольничей К. Дм. Ив. Хворостининъ; въ сторож. К. Ив. Петр. Шуйской, да Окольничей Вас. Ив. Умного Колычовъ; въ лѣв. рукѣ К. Андр. Вас. Рѣпнинъ, да К. Петръ Ив. Хворостининъ... Большому полку стояти въ Серпуховѣ, правой рукѣ въ Торусѣ, передовому въ Колугѣ, сторожевому на Коширѣ, лѣвой рукѣ на Лопаснѣ. Въ большомъ же полку быти съ Дѣдилова Воеводѣ К. Андрею Дм. Палицкому, да изъ Донкова К. Ю. Курлятеву, да Юрью Францбеку» (Георгію Фаренсбаху: см. Кельха 304) «съ Нѣмцы, а Нѣмцевъ было 7000; въ пр. рукѣ съ Орла Вас. Колычеву; въ передовомъ изъ Новосили К. Мих. Лыкову. А къ наряду Головъ прибрати К. Мих. Воротынскому.» Сіи Воеводы изъдругихъ городовъ назывались обыкновенно *Сводными.*

О пріѣздѣ Царя въ Новгородъ сказано такъ въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Тогожь дни (Мая 31) Владыка *ѣздилъ* въ монастырь на Хутыню, да съ нимъ Архим. и Игум. вси съ образы противъ Государя, и Государь и Царевичи пріѣхали въ монастырь на 14 часу дни и срѣчалъ его Игуменъ Варламъ всѣмъ Соборомъ, и во всѣ колоколы звонили, и Царевичи молились въ церкви, а Государь стоялъ у церковныхъ дверей у сторонныхъ, гдѣ лежитъ Чудотворецъ Варлаамъ, и Государь пошелъ въ Игуменскую келью, а за нимъ Князи и Бояре, и Владыки и вси Игумены съ образы, и Государь образы принялъ и звалъ всѣхъ ѣсти хлѣба въ Игуменской кельѣ, *въ вышкѣ.* А Царицѣ Аннѣ занято было въ монастырѣ 8 келей, стояти Княгинямъ и Боярынямъ. А пріѣхала Государыня въ

монастырь на 1 часу ночи; а кельи заняты были на правой сторонѣ, да и досками загорожены съ монастыря. А м. Іюня въ 1 (развѣ 2?) въ *Понедѣльникъ* пріѣхалъ Государь въ Новгородъ и съ Царевичи на 4 часу дни, и Владыка стрѣчалъ его на Вел. мосту со всѣмъ Соборомъ, и молебенъ пѣлъ на мосту. А съ Государемъ два Архимандрита: Сергіева м. Ѳеодосій, да Симонова Іевъ.»

(389) Дѣла Польск. No 2, стр. 299.

(390) См. ниже, Дѣла Польск. No 10, л. 129-191, Histoire des Diètes de Pol. 8. — Солиньякъ Hist. de P. гл. XXI, 111 — Коялович. Hist. Litv. II, 495, и Дѣла Польск. No 2, 299. Ив. Бабиковъ ѣздилъ гонцемъ къ Королю. Царь ждалъ Литовскихъ Пословъ во Псковъ къ Петрову дни: Сигизмундъ же хотѣлъ прислать ихъ къ Октябрѣ.

(391) Въ письмѣ Хана къ Іоанну отъ 23 Авг. 1572 (Дѣла Крым. No 14, л. 156 и слѣд.): «Нашъ приходъ провѣдавъ, на Окѣ на берегу хворостомъ (Москов. Воеводы) сдѣлали дворъ, да около того ровъ копали, и на перевозѣ наряды и пушки еси оставивъ, да и рать свою оставилъ; а самъ еси въ Новгородъ пошелъ. И мы Божіею милостію и помочью, далъ Богъ, здорово Оку перелѣзли .. и съ ратью твоею наши сторожи передніе повидѣвся, не отомнога побились... И язъ молвилъ, что онъ (Воротынской) холопъ по Государьскому своему велѣнью пришелъ: мнѣ съ ними что за дѣло? А нашего величества хотѣнье до Князя ихъ ... Молвя, пошли тебя искати... Хотѣли прямой отвѣтъ отъ тебя взяти... А что твои рати назади за мною шли, и назади у меня дѣти увидѣвъ, безъ нашего вѣдома бой былъ... На дѣтей своихъ покручинився, назадъ пришедъ, твоихъ людей около есми облегъ, и которая Нагайская рать со мною была, учали они говорити, что пришли есмя изъ Нагай 5 мѣсяцъ, и намъ лежати не прибыльно и лошадемъ истомно. Молвя, всѣ заплакали... И мы, пожалѣючи ихъ, со всѣми здорово потише поворотились... Твоя рать, вшедчи въ городъ, свою голову оборонили, и со страховъ колодези копали... Хотѣли наши съ ними (дѣло) дѣлати, и мы не отпустили; пожелѣли... И будетъ тебѣ та твоя рать не надобѣ, и намъ наша рать всегда пособщикъ. Что твои Олпауты (Воеводы) тебѣ посолжютъ и похвастуютъ, и тому бъ еси вѣры не нялъ.»

Лызловъ въ своей *Скиѳской Исторіи* подробно описываетъ сіе нашествіе Хана, взявъ иное изъ Курбскаго, иное изъ Стрыковскаго (на примѣръ, что будто бы Іоаннъ велѣлъ отрѣзать губы, уши и носъ Девлетъ-Гиреевымъ Посламъ), а главныя обстоятельства изъ *Повѣсти о бою Воеводъ Московскихъ съ невѣрнымъ Ханомъ*, которую нашелъ я въ *Книгѣ о древностяхъ Рос. Государства*, въ Син. Библ. No 52, Т. I, л. 98. Вотъ сія *Повѣсть:*

«Въ лѣто 7080, Іюля въ 26, приходилъ Крымской Царь со многими людми, да Нагайской Мурза Теребердій, а съ нимъ Нагайскихъ Татаръ 20 тысячь на Оку рѣку; а Теребердій пришелъ на Сенкинъ перевозъ въ ночь противъ Недѣли въ 27 день; а объ сю сторону Оки стояли 200 головъ Дѣтей Боярскихъ, и они тѣхъ Дѣтей Боярскихъ разгромили, а плетени исподкопали, да перешли на сю сторону. А въ тѣ поры Большіе Воеводы стояли противъ Царя отъ Серпухова три версты; и въ 28 Іюля, въ Понедѣльникъ, Теребердій Мурза пришелъ подъ Москву и отнялъ всѣ дороги около Москвы, и не воевалъ и не жегъ. А въ Недѣлю, Іюля въ 27, Крымской Царь велѣлъ (стрѣляти), и стрѣляли изъ-за Оки изъ полкового снаряду по нашимъ по Рускимъ полкомъ; и Государевы Воеводы, К. Мих. Ив. Воротынской, велѣлъ стрѣляти изъ-за Гуляя *города*» (т. е. укрѣпленія обознаго, которое могло быть перевозимо съ мѣста на мѣсто, и называлось обыкновенно *Гуляемъ*) за Оку по Татарскимъ полкомъ изъ пушекъ до вечера... и тое ночи Царь оставилъ на томъ мѣстѣ 2000 Татаръ, а велѣлъ имъ съ нашими Воеводами травитись; а самъ ночи тое на томъ же Сенкинѣ перевозѣ на сю сторону Оки перешелъ со всѣмъ войскомъ. И пришла вѣсть Воеводамъ въ Понедѣльникъ рано... и К. Мих. Ив. Воротынской со всѣми Воеводами пошелъ за Царемъ: въ передовомъ полку К. Дм. Ив. Хворостининъ; и пришедъ на Крымской сторожевой полкъ съ Нѣмцы да съ Стрѣльцы, и учали съ ними дѣло дѣлати, и съ ними многіе Дѣти Боярскіе, Дворяне; да мчали (гнали) Крымской сторожевой полкъ до Царева полку; а въ сторожевомъ были два Царевича, и Царевичи прибѣжали къ Царю и учали говорити: ты идешь къ Москвѣ, а насъ Московскіе люди сзади побили, а на Москвѣ не безъ людей же будетъ. И Царь послалъ съ Царевичи Нагайскихъ да Крымскихъ Татаръ на помочь 12 тысячь; и Царевичи мчали К. Дмитрея Хворостинина до большего полку, до К. Мих. Воротынскаго, до города до Гуляя; и К. Дмитрей поусторонился съ полкомъ города Гуляя направо, и въ тѣ поры К. Мих. Воротынской изъ-за Гуляя велѣлъ Стрѣльцомъ стрѣляти изъ пищалей по Татарскимъ полкомъ, а пушкаремъ изъ большаго снаряду; и на томъ бою Татаръ безчисленно побили. И Царевичи пріѣхали къ Царю и учали говорити: ты идешь къ Москвѣ, а Москов. люди насъ побили изъ снаряду. И Царь убоялся, и къ Москвѣ не пошелъ, и перешелъ Похру рѣку 7 верстъ, да сталъ въ болотѣ. А назавтрея, во Вторникъ, наши полки съ Крымскими травились, а съемнаго бою не было. Іюля въ 30 нашимъ съ Татары дѣло было великое и сѣча велика... и Татаръ безчисленно побили, и Нагайскаго Большаго Воеводу Теребердія убили. Да на томъ же дѣлѣ Сынъ Боярской Суздалецъ Темиръ Алалыковъ взялъ Крымского Большего Воеводу, Дивія Мурзу, и многихъ Мурзъ поймали, да Крымскихъ же Ширинскихъ Князей трехъ братовъ убили; а нашихъ *людей Боярскихъ* убили человѣкъ 70. Іюля же въ 31, въ Четвергъ, Государевы Воеводы съ Крымскими травились, а съемного бою не было. А въ Суботу, Авг. въ 2 день, Царь послалъ со Царевичи многіе полки, пѣшихъ и конныхъ, къ Гуляю городу выбивати Дивія Мурзу и городъ велѣлъ взяти; и Татарове, пришедъ къ Гуляю, да имались за стѣну, и Стрѣльцы многихъ Татаръ побили и рукъ Татарскихъ безчисленно обсѣкли; и Князь Мих. Ив. Воротынской съ своимъ полкомъ Татаръ обшелъ доломъ, и приказалъ пушкаремъ изъ снаряду ударяти изо всѣхъ пушекъ... и какъ они выстрѣлили, и К. Михайло сзади напустился на Крымскіе полки, а изъ-за Гуляя К. Дм. Хворостининъ съ Нѣмцы и съ Стрѣльцы, да учали дѣло дѣлати съемное, и сѣча была велика, и Божіею милостію и Государьскимъ счастьемъ убили Царева сына, Царевича, да внука Царева *Колбина* (Калгина?) сына, Царевича, и многихъ Мурзъ и Татаръ живыхъ поймали. Того же дни, въ Суботу поздно, оставилъ Царь въ болотѣ тысячи съ три рѣзвыхъ людей, а велѣлъ съ нашими травитись, а самъ тое ночи, Авг. въ 3, побѣжалъ и тое ночи Оку перешелъ; и наутре Воеводы Государевы узнали, что Царь побѣжалъ, и на остальныхъ Татаръ напустились, да всѣхъ побили. Да на Окѣ Царь оставилъ для береженья Татаръ тысячи съ двѣ, и наши Воеводы и тѣхъ съ тысячю убили, а иные въ воду метались да тонули, а иные за Оку ушли; и Воеводы пошли опять по старымъ станомъ, на Коломну и въ Серпуховъ, и по берегомъ и по перевозомъ.» — Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь обстоятельствъ сомнительны: 1) въ

Хронографахъ, *въ Новогород. Лѣт.*, въ Статейныхъ Спискахъ и въ Розрядн. Книгахъ говорится только объ *одномъ* главномъ сраженіи 1 Августа; 2) ни въ числѣ убитыхъ, ни въ числѣ плѣнниковъ не было ни сына ни внука Ханскаго. — О *догадкахъ* К. Щербатаго умалчиваю.

(392) Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Того жь дни (Іюля 9) Государь ѣздилъ пировати въ монастырь въ Юрьевъ и съ своими Бояры. . . Іюля въ 29 женился въ Новѣгородѣ Царевъ шуринъ, Григ. Алексѣев. Колтовской, у К. Бориса Давыд. у Тулупова, а понялъ К. Володимера дочерь Настасію, сестрію Борисову . . . Да того жь лѣта Царь православный многихъ своихъ Дѣтей Боярскихъ металъ въ Волховъ рѣку, съ каменіемъ топилъ.»

(393) Въ Хронографѣ Гр. Толстаго: «и улицы на Москвѣ росписали, коемуждо Мурзѣ коя улица.»

(394) Въ моемъ Хронографѣ, Но 1: «Въ л. 7080, Авг. въ 1, приходилъ Крымскій Девлетъ-Кирей... и бысть бой у Воскресенія» (такъ и въ Крым. дѣлахъ, No 14, л. 153) «въ Молодехъ . . . и К. М. И. Воротынскій Ширинскихъ Князей побилъ, и Дивія Мурзу жива взялъ.» Въ *Новогород. Лѣт.*: пришелъ Царь Крымской къ Москвѣ, а съ нимъ силы его 100 тысячь и 20, да сынъ его Царевичь, да внукъ, да дядя его, да Воевода Дивій Мурза.» Зять Ханскій, Ила-Мирза, находился въ числѣ убитыхъ (Дѣла Датск. No 2, л. 211). Курбскій: «Царь Перекопскій, хотяще уже до конца опустошити Русскую землю и самого Царя выгнати, пойде яко левъ розиня злыя челюсти на пожреніе Христіанъ... Услышавъ сіе, наше *Чудо* (Іоаннъ) забѣжалъ предъ нимъ 120 миль съ Москвы въ Новгородъ Великій, а того К. Воротынскаго поставилъ съ войскомъ. Онъ же, яко мужъ крѣпкій, въ полкоустроеніи зѣло искусный, съ тѣмъ звѣремъ битву великую сведе; глаголютъ, яко нѣколико дней брань оная пребывала. И поможе Богъ Христіаномъ: падоша бусурманскіе полки, и самого Царя сынове два, глаголютъ, убіены, а одинъ живъ изыманъ» (это несправедливо, какъ мы сказали). «Царь же (Ханъ) едва утече; отъ хоругвей великихъ бусурманскихъ и шатровъ своихъ отбѣжалъ въ нощи; и Гетмана его славнаго, кровопійцу Дивія Мурзу, изымали жива и послали, такожь и хоругвь и шатры Царскіе до нашего *бѣгуна* (Іоанна), храбраго и прелютаго на своихъ, не противящихся ему... Не мало отъ Турецкаго войска на той битвѣ быше, наипаче же отъ Магомета Паши, и не возвратился, глаголютъ, ни единъ въ Константинополь.»

(395) См. выше, примѣч. 341.

(396) Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «и Крымской Царь побѣжалъ не путемъ не дорогой въ малѣ дружины; а наши Воеводы силы у Крымскаго убили 100 тысячь на Рожаи на рѣчкѣ *подъ Воскресенье*» (вмѣсто: *у Воскресенія*) «въ Молодѣхъ на Лопаснѣ въ Хотинскомъ уѣздѣ, отъ Москвы за 50 верстъ.»

(397) Тамъ же: «Авг. въ 6, въ Среду, Государю радость привезли въ Новгородъ, Крымского луки два, да двѣ сабли, да сайдачьки съ стрѣлами, А. Григорьевъ Давыдова, да К. Дан. Андреевичь Ногтева Назарьевскихъ Князей Суздальскихъ... И того жь дни звонили по всѣмъ церквамъ весь день, и до полуночи, и молебны пѣли по церквамъ и по монастыремъ всю ночь. Да того жь мѣсяца въ 7 день Архіеп. пѣлъ молебны въ Софіи, и приходили Священницы съ Соборы своими со кресты и съ иконами, и Царь и Царевичи были у молебновъ. И того жь дни Государю радость: побили Крымского — и Государь Воеводъ жаловалъ добрѣ, и звонили въ колоколы три дни у Софіи . . . Да того жь мѣсяца въ 9 Мурзу Дивія привезли въ Новгородъ, и Государь Мурзу приказалъ ко Князь Борису Давыдычу Тулупова на бреженіе, на улицу на Рогатицу.»

(398) Дѣла Шведскія, No 3, л. 1 — 7. Письмо Іоанново къ Королю такъ начинается: «Божественнаго и пречестнаго, троичнаго, единственнаго, препѣтаго, трисоставнаго, нераздѣльнаго естества, Отца и Сына и Св. Духа, вся содерьжащаго милостью и властію, и хотѣньемъ Скифетродержателя Россійскаго Царствія, Великаго Государя Царя и В. К. Ивана Васильевича всея Русіи»... Слѣдуетъ обыкновенный титулъ, съ такимъ окончаніемъ: «и всея Сибирскія земли и сѣверныя страны Повелителя и Государя отчиннаго земли Лифлянскіе, и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчича и дѣдича, и наслѣдника и обладателя, высочайшаго нашего Царьского порога, честныя наши степени Величества, грозное сіе повелѣнье съ великосильною заповѣдью да есть.» Далѣе: «Послы твои уродственнымъ обычаемъ нашіе степени Величество раздражили . . . и хотѣлъ за твое недоумѣтельство на твою землю гнѣвъ свой простерть . . . и гнѣвъ отложился на время . . . и повелѣнье къ тебѣ послали есмя, какъ тебѣ нашіе степени Величества умолити . . Чаяли того, что уже ты и Свейская земля въ своихъ глупостехъ познаетеся . . . И ты аки изумленъ: и по Авг. 8 день никоторого отъ тебя отвѣту нѣтъ . . . а Выборской твой приказщикъ, Андрусъ Нилишевъ, писалъ къ Орѣховскому Намѣстнику, ко К. Гр. Путятину, будто нашія степень Величество сами просили миру у вашихъ Пословъ... Увидишь нашего порога степени Величества на сей зимѣ прошеніе; то ужъ не *зимушнее* . . . Али чаешь, что по прежнему воровать Свейской землѣ, какъ отецъ твой чрезъ перемирье Орѣшекъ воевалъ? и что толды доспѣлося Свейской землѣ? А какъ братъ твой оманкою намъ хотѣлъ дати жену твою, да и съ Королевства его сослали; а осенесь сказали тебя мертва, а веснусь сказали, что тебя збили съ Государьства братъ твой Карло да зять твой... Ты, сказываютъ, сидишь въ Стеколнѣ въ осадѣ, а братъ твой Ирикъ къ тебѣ приступаетъ. И то уже ваше воровство все наружѣ: опрометываетеся какъ бы гадъ розными виды . . . Земли своей и людей тебѣ не жаль; надѣешься на денги, и что еси богатъ. . . И похочешь бранную лютость утолити, пришлешь Пословъ . . . и мы, смотря по твоему покоренью, пожалуемъ . . . Въ л. 7080, м. Авг. въ 11, Индикта 15,» и проч. Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов.: «Того жь дни (Авг. 15) Царь пировалъ у Архіеп. Леонида, да и вси Игумены. Да того жь дни пріѣхалъ въ Новгородъ Епископъ Корнилій Юрьева Ливонского» (см. выше, примѣч. 296) «со образы ко Царю. Да того жь мѣсяца въ 16 Царица Анна была въ ночи молитись въ церкви Премудрости Божія Софіи, да подъ Чюдотворцовымъ образомъ знаменовалась Ивана Архіепископа Новгородского, да Никиты Епископа. Въ 17, въ Недѣлю, Царица Анна поѣхала къ Москвѣ, и Царь съ Царевичи поѣхалъ, бывъ у Софіи на четвертомъ часу дни, а оставилъ въ Новѣгородѣ управу чинити безъ себе К. Сем. Данил. Пронского, да Дьяка своего Постника Суворова, да Вас. Щербину. Да того жь дни Государь пожаловалъ въ Отню пустыню въ монастырь, далъ 2000 да и 600 рублевъ и 40 рублевъ и 4 рубли, 4 алтына и 4 деньги, при Игуменѣ Діонисіи.»

Изъ сей же лѣтописи выписываемъ слѣдующія извѣстія:

Г. 1569. «Ноября въ 8 день прислалъ Государь съ Москвы къ Спасу въ монастырь на Хутыню Архимандрита Сергіева (Троицкаго) монастыря въ заточеніе: зовутъ его Памвой. — Г. 1571, Февр. въ 23, пріѣхали въ Новгородъ Діяки Опришны, Сем. Ѳед. Мишинъ, да Алексѣй Мих. Старой, да заповѣдали перевозникамъ черезъ Волховъ людей

перевозити, а ходити велѣли по Великому мосту; да заповѣдали винщикомъ не торговати, да и сторожню уставили на Вел. мосту решетки; а поимаютъ винщика съ виномъ или пьянаго человѣка, ино велятъ бити кнутомъ, да и въ волу мечутъ съ Вел. мосту. Да взялъ Государь К. Петра Данил. Пронского къ себѣ на Торговую Сторону къ тѣмъ же Дьякамъ: быти имъ въ одномъ мѣстѣ; да взялъ въ Опришную двѣ Пятины, Обонѣжскую да Бѣжицкую. Маія въ 22 К. Петра Пронского преставись Княгиня Марія, а въ 23 Боярыня Ев. Самарина въ Скимѣ, и положиша ю у Св. Варвары въ монастырѣ. Іюня въ 12 пріѣхалъ въ Новгородъ въ Земщину изъ Юрьева К. Тимоѳей Ив. Долгорукой Обдленской на мѣсто К. Д. Пронского. Іюня въ 17 въ Савинѣ пустынѣ на Вейшерѣ рѣкѣ священи церковь Покровъ, гдѣ лежитъ Сава Чюдотворецъ, и новую раку и гробъ новой ему наряжали послѣ Государева разгрому, какъ ратныи Чюдотворцевъ гробъ разломали. Іюня въ 25 на Вел. мосту решотки замкнули, людей не пущали съ Софійской Стороны изъ Земщины въ Торгъ, доколѣ у Софіи поблаговѣстятъ. Сент. въ 16 Государь Священниковъ Новогородскихъ 4 отпустилъ въ Новгородъ. Сент. въ 18 въ Новѣгородѣ на Софійской сторонѣ въ Земщинѣ (Дьякъ) Субота билъ Дьяка Дан. Бартенева, да и медвѣдемъ его дралъ... а въ тѣ поры много въ людехъ учинилось изрону. Сент. въ 19 пріѣхалъ съ Москвы въ Юрьевъ монастырь Архим новой Ѳеоктистъ. Сент. въ 24 поѣхалъ къ Москвѣ Сергіева монастыря Архим. Памва: Царь взялъ его изъ заточенія. Сент. въ 27 много по дорогомъ червей попозло. — Сент. въ 30 въ заутреннее время по всему небеси лучи были, аки вода на морѣ вѣтромъ колебалось; да ти лучи ходили всякими цвѣты до свѣта. Повелѣніемъ Государя слитъ колоколъ въ Слободу (Александровскую), а мастеръ Иванъ Аѳанасьевъ. Окт. въ 14 поѣхали изъ Новагорода изъ Земщины къ Москвѣ гости веденые 40 семей, а Окт. въ 18 изъ Опришной съ дѣтми 60. Ноября въ 1 пріѣхалъ на Тихвину въ монастырь новой Игуменъ Германъ, Старечениковъ родомъ, на Кирилово мѣсто. — Г. 1572. Февр. въ 1 посылалъ Владыка Леонидъ изъ монастыря на Розважи улицѣ Священника черного Трифона, да Софійскаго Посника въ монастырь въ Боровичи смотрѣти Чюдотворца Якова мощей, есть ли отъ него исцѣленіе; и сказали, много. Февр. въ 5 служилъ» (вѣроятно, Архіеп. Леонидъ) «въ монастыри на Лисьей Горѣ Обѣдню и смотрѣлъ въ монастырѣ книги Лѣтописца Церковнаго, а сказывали, что Лѣтописецъ Лисецкой добрѣ сполна, развѣ не сполна Владыки Новгородскіе до Владыки Евфимія; а смотрѣлъ въ кельѣ у Келаря у Діонисія. Той же весны у Спаса на Волховцѣ мостъ дѣлали на лодьяхъ пригономъ со всего города, и было нужно людемъ. Того жь лѣта въ Новѣгородѣ изо всѣхъ городовъ были Стрѣльцы Вел. Князя. Маія въ 31 Владыка Леонидъ опослѣ молебновъ велѣлъ свою настольную грамоту чести на амбонѣ Якову Ризничему своему» (см. выше, примѣч. 381)» ... и въ тѣ же поры училъ говорити Архимандриту Юрьева монастыря Ѳеоктисту, по чему-де и ты, Архимандритъ, мнѣ своей настольной грамоты не кажешь, какъ-де ты архимандритишь? И Архимандритъ молвилъ такъ: Государь! былъ поѣздомъ въ Москвѣ ко Государю, и по тому тебѣ грамоты не посилъ. И Владыка молвилъ: какъ у мене настольные грамоты не было, и язъ три дни не служилъ. И Архимандритъ молвилъ: Владыко! тебѣ-де у меня хочется содрать, а мнѣ тебѣ нечего дать; тебѣ-де Архимандритство и настольная грамота; хочешь-де, съ меня и ризы сдери, и я о томъ не тужу. И Владыка молвилъ: Игумены и Священницы! слушайте того: Архимандритъ прекословитъ на Соборѣ предъ вами. Да и Священникомъ всѣмъ говорилъ: колько-де я былъ въ Новѣгородѣ, и вы-де мнѣ грамотъ не носили своихъ Поповскихъ подписывати; а которые-де и дальніе Священницы, ино ихъ Богъ проститъ... Іюня въ 13, въ Пятокъ, поставили во Псковѣ Игумена новаго Сильвестра изъ м. Коперского на Савино мѣсто. Да того жь лѣта по всему Новугороду ставили на избахъ бочьки съ водою у дымницъ, да и вѣники на шестѣхъ, да не велѣли избъ топити, и Ноугородцы дѣлали печи въ городѣхъ и по дворомъ, гдѣ хлѣбы печи и колачи. Іюня въ 15 Владыка Леонидъ послѣ Выхода всѣмъ Священникомъ, и Старостамъ, и Десятскимъ, и Пятидесятскимъ Новогородскимъ велѣлъ ризы съ себя снимати, а говорилъ Священникомъ: *Собаки! воры! измѣнники! да и всѣ Новгородцы съ вами. Вы-де меня оболгаша есте Великому Князю: подаете челобитныи въ денгахъ милостинныхъ, а вамъ достанется по 6 Московокъ, а Дьякомъ по 4 Московки. Не буди-де на васъ мое благословеніе въ сей вѣкъ, ни въ будущій!* И того дни Священницы по всѣмъ церквамъ не хотѣли служити Обѣдни, и Владыка поѣхалъ къ Вел. Князю, да велѣлъ Игуменамъ пойти къ Вел. Князю, да ризы съ себя сняти; да какъ Владыка пріѣхалъ отъ Вел. Князя, пѣлъ Обѣдню на 8 часу, и Священники пѣли Обѣдни на 8 часу. Іюня въ 23 Архіеп., Архим. и всѣ Игум. и Священницы, и мужи, и жены, и младенцы встрѣчали Пречистую Владимірскую въ ц. Св. Николы и пѣли молебны... понесоша икону на Ильину улицу въ Знаменіе, и за иконою шелъ Царь, да его сынъ Иванъ... и пріидоша на Вел. мостъ, и ту у Креста молебенъ пѣли, и Владыка крестомъ осѣнялъ Царя, и пойдоша во дворъ, и пріидоша къ дверемъ къ Корсунскимъ, и поставиша столъ, и на столѣ чашу серебрену позолочену съ водою и мощи Святыхъ многихъ, и нача Владыка воду святити, и положи въ воду мощи Святыхъ, и вода воскипѣ въ чарѣ, а Діяки Московскіе пѣли Богородичный; и Владыка Царя водою кропилъ... Іюня въ 24 въ Софіи, въ придѣлѣ Акима и Анны, на Обѣднѣ Никита Чудотворецъ жену простилъ, а не видѣла очима 8 лѣтъ. Да тогда же Царь и Царевичь пировали у Владыки. Іюня въ 26 на площади у Николы Чудотворца переписывали колокола и колокольницы, и деревеные и каменые. Да того жь дни Государь велѣлъ прибавити улицы и столпы перекопывати на новыхъ мѣстахъ... Іюля 2 въ Среду Владыка Леонидъ пѣлъ молебны три статьи, и молебную грамоту челъ отъ Митрополита Антоніа въ слухъ; а послѣ Владыки на амбонѣ грамоту молебную отъ Митрополита же челъ Яковъ Ризничій и вельми любезно поученіе и слезъ достойно; да опослѣ Якова челъ грамоту третію, поученіе вельми полезно, Подьякъ Стефанъ стоячи предъ анбономъ; и Владыка послѣ чтенія поучалъ Архимандрита и Игуменовъ и Священниковъ, чтобъ жили въ любви и смиреніи, и молили Господа за Царя и за Царевичевъ и за Царицу Анну. Да того жь дни въ ночи вихрь былъ, да на озерѣ Ильмерѣ утонуло Государскихъ Козаковъ 80 изъ Холопья города, а иные изъ Полотска; да назавтрее, въ Четвертокъ, Іюля въ 3, вѣтръ былъ силенъ: вѣтромъ на Никитинѣ улицѣ Государскаго двора у предѣла Покрова крестъ покривило, да много въ садѣхъ яблокъ съ деревья рвало и ломало изъ коренія; да у Рожества въ монастырѣ на полѣ кресты сорвало при Игуменѣ Іоасафѣ, да на Лисьей Горѣ у Рожества при Иг. Пиминѣ. Да того жь дни Владыка ѣздилъ въ Савину пустыню на Вишеру рѣку при Иг. Дороѳеи. Да у Спаса въ Не-

редицѣхъ крестъ сорвало при Иг. Сергіи. Іюля въ 14 на Легощи улицѣ за ц. Фрола и Лавра обрѣтоша гробъ верхъ земли, а въ гробѣ тѣло цѣло, а не все; а руцѣ на крестъ согбенны: дѣвицу Гликерію Старосты Понтелія тоя жь улицы; а сказывала жена старая Настасія Владыкѣ, помнила, какъ тоя дѣвицу тутъ провожали лѣтъ съ 50, и Владыка проводилъ тую дѣвицу Соборомъ, и ходилъ со кресты на Легощу улицу и молебны пѣлъ въ ц. у Св. Фрола и Лавра, и положили тую дѣвицу на иномъ мѣстѣ, и послѣ провоженья Богъ простилъ отроча 4 года, и звонили у Владыки весь день. Да тогожь м. въ 16 въ ночи горѣло въ Никицкомъ запольѣ, и тутъ былъ Царь. Іюля въ 19 привезли въ Новгородъ съ Москвы 2 иконы мѣстныхъ старыхъ въ ц. Софіи, а тѣ иконы стояли противъ Владычня мѣста, Спасовъ образъ, да Петра и Павла, серебромъ обложены всѣ, и стрѣчалъ ихъ Владыка; да того жь м. въ 20 поставили ихъ въ Софіи на старомъ мѣстѣ. Да тогожь дни Владыка ходилъ со кресты по икону Владимерскую, да по икону Знаменія, да шелъ Загородною улицею къ Иліи Пророку въ Славной, да предъ ц. Ильи молебенъ пѣлъ, и осѣнялъ крестомъ народъ и водою Святою кропилъ, и Царя и Царевича благословилъ; да пошелъ Большею улицею къ Софіи. — За Св. Софіею, за Олтаремъ Акима и Анны, колоколъ новой на брусу повѣсили, повѣщать сторожамъ Софійскимъ, какъ звонить въ другіе колоколы въ большіе. На колокольницѣ Софійской поставили 7 колоколовъ меньшихъ. Владыка благословилъ и простилъ Священниковъ Скимниковъ, велѣлъ имъ служить. Пали лошади по дорогамъ и деревнямъ, и рогатой животъ: а лѣто было тепло и знойно. Въ Земщинѣ, гдѣ стояла Дьячая изба, копали *подшевъ*, на томъ мѣстѣ ставить палата. Іюля въ 24 Архіеп. Леонидъ велѣлъ Дьяковъ своихъ пѣвчихъ поставить на правежъ, и велѣлъ на нихъ взяти по полтинѣ съ головы, что не ходятъ къ началу къ церкви. Іюля въ 31 въ ночи нарядъ Государской, пушечныя ядра, проводили съ горы на Волховъ въ лодіи Козаки Новгородскіе, а давали имъ на день по 5 денегъ и по 2 алтына; везти было тотъ нарядъ во Псковъ; да и телеги имали въ Новѣгородѣ двоеколки и съ лошади у Старостъ по всѣмъ улицамъ. Авг. въ 1 прислалъ Государь въ Софію, въ предѣлъ Якима и Анны, гдѣ лежитъ Никита Епископъ, свѣщу мѣстную. Авг. въ 3 Архіеп. пѣлъ молебны и поставилъ мастеры въ головѣхъ предъ Чудот. образомъ Св. Никиты Епископа свѣщу мѣстную на стулѣ на каменномъ бѣломъ. Авг. въ 4 ѣздилъ Архіеп. въ монастырь къ Николѣ къ Бѣлому въ Неревской Конецъ при Игум. Сераіонѣ. Авг. 8 на Лисьей Горѣ говорилъ часы и молебны пѣлъ; да велѣлъ на Государя на болотѣхъ сѣна косить по монастыремъ безъ осмины, чей кто ни буди. Авг. въ 10 преставись въ монастырѣ на Древяницѣ Генадей, старой Игуменъ. Авг. въ 11 Архіеп. провожалъ его при Игум. Герасимѣ при Глазунѣ. Да того жь дни Государской нарядъ почали проводить изъ лодей на гору; да отъ гроба отъ дѣвицы на Легощи улицѣ прощеніе: простила человѣка очима. Авг. въ 13 ставили на Государя Христьяне кормы на Бронницы по ямомъ. Да того жь лѣта на Государя по всѣмъ дорогамъ мосты мостили и дороги чистили. Авг. въ 23 поѣхалъ Архіеп. Леонидъ къ Москвѣ, да съ нимъ Юрьева монастыря Архим. Ѳеоктистъ, да Хутынской Иг. Варлаамъ, да Антоніева м. Игум. Мисаилъ, да Никольскаго съ Вѣжищъ Игум. Сильвестръ . . . А стоялъ Государь въ Новѣгородѣ на Никитинѣ улицѣ 11 недѣль; да за Государемъ поѣхалъ къ Москвѣ Юрьева Ливовскаго Епископъ Корнилій. Авг. въ 24 въ Новѣгородѣ кликали, которые люди кабальные, и всякіе, и монастырскіе, чей кто ни будь, и они бы шли въ Государскую слободу на Холынью, и Государь даетъ по 5 рублевъ, по человѣку смотря, а льгота на 5 лѣтъ. Авг. въ 28 Архіеп. воду святилъ въ Софіи и послалъ къ Царю къ Москвѣ со Священникомъ. Авг. въ 30 Государскіе лубы изъ Новагорода повезли къ Москвѣ. — Г. 1573, Генв. въ 15, на Государя со всѣхъ монастырей велѣли солому вновь возити въ Новгородъ подъ Государскіе лошади.» Здѣсь конецъ *Новогород. Лѣтописца.*

(399) См. Т. VII, стр. 10.

(400) Флетчеръ (Of the Russe Common Wealth, л. 25) пишетъ, что Опричнина существовала *семь лѣтъ*. Начало ея было въ 1565 году. Въ Розрядахъ 1572 г. упоминается объ ней въ послѣдній разъ, если не ошибаюсь (см. *Рос. Вивліоѳ.* XIII, 422). Съ сего времени *земское* означало уже *государственное:* Воеводы *Опричные* стали называться просто *Дворовыми*, равно какъ и земли, области, города, приписанные ко Двору (см. ниже, примѣч. 516).

(401) См. въ семъ Томѣ стр. 50.

(402) См. выше, примѣч. 205.

(403) См. Розряды въ *Рос. Вивліоѳ.* XIII, 418 и 427. Въ походѣ 1570 г. Борисъ находился при второмъ *саадакѣ* Царскомъ, а въ 1572 при копьѣ. О свальбѣ Іоанновой см. выше, примѣч. 367.

(404) См. Дѣла Крым. No 14, л. 153 и слѣд. Сент. 4, 1572 г., Ханскій гонецъ, Шигай, былъ представленъ Іоанну въ селѣ Лучинскомъ, *на крестьянскомъ дворѣ*, и посланъ въ Дорогобужъ, 29 Ноября, 1573 г., возвратились изъ Крыма Аѳ. Ѳед. Нагой, Писемской и Мясной. Въ Генв. 1574, въ деревнѣ Ярлинѣ, у села *Тонинскаго*, представили Царю стараго Посла Ханскаго, Янъ-Болдыя: «а Царь и Царевичь, и Бояре и Дворяне, были въ *смирномъ* платьѣ,» Іоаннъ сказалъ имъ: «Братъ нашъ (Девлетъ-Гирей), сослався съ нашими измѣнники съ Бояры, да пошелъ на нашу землю; а Бояре наши еще на поле прислали къ нему съ вѣстью въ стрѣчю разбойника Кудеяра Тишенкова, и пришедъ братъ нашъ, Угру перелѣзъ, а люди наши съ нимъ не бились, и пришедъ Москву зжегъ,» и проч. Тогда же Ханъ прислалъ въ Москву втораго гонца Мустафу; а Государь отправилъ къ нему, въ Авг. 1575, Ив. Мясоѣдова, который писалъ изъ Тавриды (л. 240): «Православный Царь! не вели въ Крымѣ холопей своихъ уморити съ голоду. Помѣстье твое за мною все пусто отъ Царева (Ханскаго) приходу, а оброку емлю, твоего жалованья, 13 рублевъ; а со мною два толмача, а за ними твое жалованье пусто же... а здѣсь дороговь великая.»

(405) Тамъ же, л. 215 и слѣд.: «Отъ Царя и В. К. Ив. Вас. всеа Русіи Василью Григорьевичю Грязному Ильину. Что писалъ еси, что по грѣхомъ взяли тебя въ полонъ: ино было, Васюшка, безъ пути середъ Крымскихъ Улусовъ не заѣзжати; а ужъ заѣхано, ино было не по объѣзному спати. Ты чаялъ, что въ объѣздъ пріѣхалъ съ собаками за зайцы: ажно Крымцы самого тебя въ торокъ ввязали. Али ты чаялъ, что таково жь въ Крыму, какъ у меня стоячи за кушаньемъ шутити? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да васъ *дрочонъ* умѣютъ ловити... Только бъ таковы Крымцы были, какъ вы жонки, ино было и за рѣку не бывать, не токмо что къ Москвѣ. А что сказываешься великой человѣкъ, ино что по грѣхомъ моимъ учинилось, и намъ того какъ утаити, что отца нашего и наши Бояре намъ учали измѣняти, и мы васъ страдниковъ приближали, хотячи отъ васъ службы и правды? А помянулъ бы ты свое величество и отца своего въ Олексинѣ: ино таковы и въ ста-

ницахъ ѣзживали; а ты въ станицѣ у Пѣнинского былъ мало что не въ охотникахъ съ собаками; и прежніе твои были у Ростовскихъ Владыкъ служили. И мы того не запираемся, что ты у насъ въ приближеньѣ былъ, и мы для приближенья твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ; а доселѣва такіе по 50 рублевъ бывали... А Царь (Ханъ) ста тысячь рублевъ не хочетъ на тебѣ мимо Дивѣя: Дивѣй ему ста тысячь лутчи; а за сына за Дивѣева дочерь свою далъ... А будетъ станешь за гордость на Крестьянство, ино Христосъ тебѣ противникъ.»

(406) Тамъ же, л. 241 и слѣд.: «Государю Царю... бѣдной холопъ твой полоняникъ Васюкъ плачетца... Велѣно было на Міюсъ ходити и на Молочные Воды, языковъ добывати... и мнѣ было посылати неково; а ково ни пошлю, и тотъ воротитца да солжетъ; гдѣ ни увидитъ какой звѣрь, да пріѣхавъ скажетъ люди... Меня, холопа твоего, выдали (товарищи)... Заецъ, Государь, не укуситъ ни одное собаки, а язъ, холопъ твой, надъ собою укусилъ 6 человѣкъ до смерти, да 22 ранилъ... а въ Крымѣ что было твоихъ собакъ измѣнниковъ, и Божіимъ милосердьемъ да твоимъ Государевымъ счастіемъ язъ всѣхъ перекусалъ же; одна собака остался Кудеяръ, и тотъ по моимъ грѣхомъ маленько свернулся, а впередъ начаюсь на милость Божію... и того тутъ не будетъ же. А коли меня, холопа твоего, принесли только чуть жива, а о чемъ меня Царь спрашивалъ, и язъ что говорилъ, лежа передъ Царемъ, и язъ написавъ да къ тебѣ послалъ съ Оѳанасьемъ... И за тѣхъ измѣнниковъ Царь хотѣлъ казнити меня; да еще Богъ далъ на свѣтъ маленько зрѣти, да твое Государево имя слышети. А опять Царь розгодалъ да молвилъ: тотъ-де своему Государю служитъ — да меня отослалъ въ Манкупъ, да мало велѣлъ ѣсти давати: только бъ не твоя Государьская милость застала душу въ тѣлѣ, ино было съ голоду и съ наготы умерети... Да еще хочю у Владыки Христа нашего, чтобъ шутить за столомъ у тебя... Мы холопи Бога молимъ, чтобъ намъ за Бога и за тебя голова положить: то наша и належа... А язъ холопъ твой не у браги увѣчья добылъ, ни съ печи убился... Ты, Государь, аки Богъ и мала велика чинишь... Царь выслалъ (ко мнѣ) Зелдала Агу съ саблею да и съ чернилы и съ бумагою, да говорилъ такъ: пиши-де о Дивѣѣ... И язъ, холопъ твой, плакалъ и подъ саблю ложился... и писалъ для того, кое бы тебѣ было извѣстно Царево умышленіе... Да ко мнѣ, холопу твоему, писано: только стану на Крестьянство, ино мнѣ Христосъ противникъ... Ино дана душа Богу да тебѣ, Государю; а буди воля Божія и твоя отнынѣ и до вѣка... Да еще вдунулъ душу Богъ въ мертвеное тѣло... Язъ, холопъ твой, тѣломъ нынѣ у Крымского Царя сижу, а душею у Бога да у тебя ... Хотя мнѣ и умерети за Бога да за тебя, и меня то не страшитъ; а страшна мнѣ твоя Государева опала,» и проч.

(407) Грязнаго выкупили въ 1577 году (см. Дѣла Крым. No 15, л. 14). Дивій умеръ въ 1575 году (см. тамъ же No 14, л. 308 и 341). Султанъ приказывалъ къ Хану: «нынѣ-де у меня Казаки Озовъ взяли» (л. 236 на обор.)... Іоаннъ отвѣтствовалъ Хану о Козакахъ: «Мы Литовскимъ Казакомъ къ Турского Салтана городу и къ твоему юрту приходить не велѣвали. Днѣпровскіе Казаки, издавна на Днѣпрѣ живучи, свое Казачье дѣло дѣлаютъ; инольды имъ удастся, а инольды не удастся: а то люди Литов. Государства... А что еси писалъ, что Казаки Донскіе приходили на Азовъ .. и они не по нашему велѣнью на Дону живутъ, бѣгая изъ нашего Государства... на Дону и на Волгѣ и наши казны грабливали, и мы за то ихъ казнивали... А мы къ Азову людей своихъ не посылывали, и впередъ посылати не хотимъ. Свѣдавъ про то, которые Казаки воровали, къ Азову приходили, по всѣмъ своимъ Украйнамъ заказали, который Казакъ Донской придетъ на Украйной городъ нашъ, которые на Азовъ приходили, велѣли тѣхъ имая казнити» (л. 339).

Ханъ присылалъ разныхъ гонцевъ къ Іоанну; а изъ Москвы ѣздили въ Тавриду Ив. Мясоѣдовъ, Елиз. Ржевскій и Степ. Кобелевъ.

(408) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 300 — 304. Подробное донесеніе гонца Ѳедора Зѣнковича Воропая Короннымъ (то есть, Польскимъ) и Литовскимъ Вельможамъ находится въ выпискахъ изъ Ватиканской Библіотеки (см. выше, примѣч. 329), No 42: Słowa Wielkiego Księdza Moskiewskiego przy odprawie Fedora Zienkowicza. Сіи любопытныя бумаги, на языкѣ Лат., Итал. и Польскомъ, скоро будутъ изданы Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ съ Русск. переводомъ.

(409) Точныя слова Іоанновы: «Мои люди навели меня на Крымцевъ: ихъ было 40,000, а со мною только 6000: бой не равной! Къ тому же я не чаялъ врага, ибо впереди меня шли Воеводы Московскіе съ полками.»

(410) Современный Польскій Историкъ, Лука Горницкій, въ книгѣ своей: Dzieje w Koronie Polskiey, изданной въ Варшавѣ 1805 г., на стр. 466, пишетъ, что Сигизмундъ Августъ въ 1563 г. предалъ суду Викторина, коего слуга, Ястребской, былъ пойманъ на границѣ съ измѣнническимъ письмомъ къ Царю Московскому; что его (Викторина) уличили въ зломъ умыслѣ и четвертовали, а слугѣ Ястребскому отсѣкли голову. «Викторинъ, говоритъ Царь, писалъ ко мнѣ, но я не отвѣчалъ ему.»

(411) См. въ семъ Томѣ стр. 121.

(412) См. *Рос. Вивліоѳ.* XIII, 435 — Кельха 304, 308, Гадебуш. 159.

Въ Архив. Розряд. Кн.: «Сент. въ 21 ходилъ Царь и В. К., а съ нимъ дѣти его, Царевичи Ив. да Ѳед., въ В. Новгородъ, а оттуда въ Нѣмцы, да Пайду» (Виттенштейнъ или Вейсенштейнъ) взялъ Генв. 1; а Воеводы были: въ большомъ полку Царь Саинъ Бекбулатовичь, да К. Петръ Тутаевичь Шейдяковъ, Мурза Нагайской, да К. Вас. Юр. Голицынъ, да Окольничей К. Осипъ Мих. Щербатой; да въ большомъ же полку Царевичь Будалей съ своимъ Дворомъ — въ правой рукѣ Бояре К. Ив. Ѳед. Мстиславской да Мих. Яков. Морозовъ; въ передовомъ полку Бояре К. Ив. Андр. Шуйской, да Никита Ром. Юрьевъ; въ сторожевомъ Бояринъ К. Ив. Петр. Шуйской, да Ив. Колотка Плещеевъ; въ правой рукѣ Бояринъ К. Сем. Дан. Пронской, да Окольничей К. Дм. Ив. Хворостининъ; въ Ертоулѣ К. Андр. Вас. Рѣпнинъ, да К. Петръ Ив. Хворостининъ; у наряду Воеводы К. Юрій Ив. Токмаковъ, да Вас. Ѳед. Ошанинъ. У Царя и В. К. Дворовые: Бояринъ К. Ѳед. Мих. Трубецкой, да Окольничей Вас. Умной Колычевъ. Окольничіе, которые передъ Государемъ шли: Григ. Гр. Колычевъ, да въ Окольничево мѣсто К. Ив. Сем. Козловской. Въ Государевѣ полку Воеводы Царевичь Мих. Кайбуловичь, да Бояринъ К. Вас. Андр. Сицкой, Окольничей К. Осипъ Мих. Щербатой, Григорей да Вас. Степановичи Собакины. Да съ Государемъ же ѣздятъ съ Бояры Дворяне Малюта Лукьяновъ сынъ Скуратовъ, да Василей Григорьевъ Грязной. Печатникъ и Думной Дворянинъ Романъ Васильевичь Олферьевъ, Дьяки Вас. Щелкаловъ... *Шатерничей* Семенъ Тимоѳеевъ Бунаковъ. За постелею Дм. Ив. Годуновъ, Яковъ Мансуровъ; въ стану у Государя спати въ головахъ, у ношныхъ сторожей быти имъ же, а съ ними Стольники, Стряпчіе и

Жильцы» (слѣдуетъ около 15 именъ). «Въ стану у Государя Головы Волод. Безобразовъ (и проч.)... Съ шеломы за Государемъ и за Царевичами Калистъ Вас. Собакинъ. Рынды у Государя съ большимъ саадомъ К. Ив. Мих. Глинской, съ копьемъ К. Тим. Ром. Трубецкой, съ другимъ саадакомъ Яковъ Аѳан. Годуновъ, съ сулицею Вас. Плещеевъ, съ третьимъ саадакомъ Бор. Вас. Собакинъ, съ рогатиною Богданъ Як. Бѣльской. А у Царевичей Рынды К. Ив. Килмамаевичь, Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ, К. Андр. Вас. Трубецкой, К. Никита Тулуповъ (и проч.). Да съ Государемъ ѣздятъ Стольники Сем. Вас. Собакинъ, Григ. да Мих. Овцыны, П. Нагой, Колтовскіе. Стряпчей П. Пивовъ, К. С. Кропоткинъ. Сторожи дозирають И. Блудовъ, Е. Пушкинъ... Сторожи ставятъ П. Таптыковъ... У знамени К. Мих. Ѳед. Борятинской, Вас. Ильинъ. Головы» (слѣдуетъ именъ 30)... Дек. въ 3 Государь и Царевичь Иванъ велѣли у себя быти на Ямѣ городѣ Бояромъ... А которые Дѣти Боярскіе идутъ нынѣ съ Государемъ, и тѣмъ молвити, чтобы были готовы... и съ службы не съѣзжали; а которые поворочались назадъ, и тѣхъ выписавъ имена, впредь имъ указъ учинити; а которые появятся въ Новѣгородѣ, и тѣхъ высылати за Государемъ тотчасъ. А Королю Арцымагнусу велѣлъ Государь быти въ походѣ съ собою; а Приставъ у него Конст. Поливановъ. А Юрью Францбеку велѣлъ Государь итти въ полку съ собою.»

(413) Въ *Обиходѣ Іосифова Монастыря* Волоколамскаго (коего имѣю списокъ): «Генв. въ 1 день по Григорьѣ Лукъяновичѣ Бѣльскомъ по Малютѣ: *на Государскомъ дѣлѣ убитъ подъ Пайдою*.... Дачи Государскіе 100 рублевъ, да его и его жены 500 рублевъ; а образовъ окладныхъ златомъ и сребромъ и ризъ многоцѣнныхъ много множество... По Инокѣ Варсуфьѣ, Малютинѣ матери Скуратова Бѣльскаго, дача Малютина... По Максимѣ по Горяинѣ, по Григорьевѣ сынѣ Малютинѣ Скуратова, дача отца его, и по матери и по немъ; а гробы ихъ всѣхъ подлѣ отца и дѣда, а материнъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ на Москвѣ... По Инокѣ Маремьянѣ, Малютинѣ женѣ Бѣльскаго.»

(414) См. Дѣла Швед. No 3, л. 7 и слѣд. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: «Просили есмя Катерины... взявъ ее, хотѣли отдать брату ее... а у него взяти Лифлянскую землю безъ крови; а не потому, какъ безлѣпишники по своимъ безлѣпицамъ врали... Польская Королевна за конюхомъ была: спроси, хто вѣдаетъ, при Ягайлѣ, Королѣ Польскомъ, хто былъ Войдило?» (Іоаннъ твердо зналъ наши лѣтописи, въ коихъ сказано: «Былъ у Ольгерда паробокъ; звали его Войдиломъ. Великій же Князь Ягайло поведе того Войдила весьма въ великое, и даде за него сестру свою, Княгиню Марію, что была за Княземъ за Давыдомъ.»)... «А то правда истинная, что ты мужичей родъ... Скажи, отецъ твой Густавъ чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и гдѣ на Государствѣ сидѣлъ?... Пришли родству своему письмо... Коли при отцѣ твоемъ пріѣзжали наши торговые люди съ саломъ и съ воскомъ, и отецъ твой, самъ въ рукавицы нарядяся, сала и воску за простаго человѣка мѣсто опытомъ пыталъ и пересматривалъ на судѣхъ, и въ Выборѣ того для бывалъ... Стенъ Стуръ давно ли былъ Правитель на Свейской землѣ? тому у тебя памятуховъ много: ихъ спрося, увѣдай... Въ прежнихъ Кроникахъ и Лѣтописцѣхъ писано, что съ В. Государемъ Самодержцемъ Георгіемъ Ярославомъ на многихъ битвахъ бывали Варяги, а Варяги Нѣмцы» (т. е. Шведы, ибо у насъ именовали ихъ Нѣмцами); «и коли его слушали, ино то его были... А что писалъ еси о Римскаго Царства печати, и у насъ своя отъ прародителей нашихъ; а Римская печать намъ не дико: мы отъ Авг. Кесаря родствомъ ведемся,» и проч.

Въ нашихъ Архив. Дѣлахъ нѣтъ бранныхъ отвѣтовъ на сіи грамоты; но Король, не уступая Іоанну въ ругательствѣ, писалъ къ нему 2 Авг. 1572 и 18 Апр. 1573, что онъ (Царь) совсѣмъ не благовоспитанный человѣкъ, кажется сыномъ *Монаха* или крестьянина, говоритъ о родѣ Шведскихъ Королей какъ слѣпой о цвѣтахъ, лжецъ, тиранъ и проч. (см. Далина, гл. XII, 29).

(415) Кельхъ 310. Далинъ называетъ Швед. Генерала Clas Tott. Въ переговорахъ К. Сицкаго съ Швед. чиновниками на рѣкѣ Сестрѣ (см. ниже) онъ долженъ былъ такъ сказать имъ о семъ дѣлѣ: «Воеводы, К. Ив. Ѳед. Мстиславской съ товарищи, шли изъ-подъ Пайды (Виттенштейна), и Нѣмецкіе люди, Клаусъ Оксъ съ товарищи, побѣжали (отъ нихъ) въ Колывань; а Воеводы наши поворотили подъ Каркусъ не со многими людми: шли не вмѣстѣ, уже не воинскимъ обычаемъ; и Свейскіе Нѣмцы, Клаусъ Оксъ со многими людми, пришли да нашихъ не многихъ людей побили.» Въ Архив. Розряд. Кн. 482: «Воеводы пришли къ городу къ Коловери (Lode), и Нѣмецкіе люди у города Воеводъ нашихъ побили; а убили на томъ дѣлѣ правые руки Боярина, К. Ив. Андр. Шуйскова, да Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ и людей Боярскихъ и Стрѣльцовъ многихъ побили.»

(416) Швед. Дѣла No 3, л. 32: «И какъ Царь Саинъ-Булатъ Бекбулатовичь и всѣ Государевы Бояре и Воеводы пришли изъ Нѣмецкого похода ко Государю въ В. Новгородъ, и Государь велѣлъ имъ о Свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ съ Свейскимъ Королемъ впередъ быти; и Бояре, К. *Михайло Ив. Воротынской* съ товарищи, приговорили послати къ Свейскому гонца, а съ нимъ отписати, чтобъ Пословъ послалъ, да и опасные грамоты на Послы послати, а до тѣхъ бы мѣстъ войнѣ не быти.»

(417) См. Розряды, въ *Росс. Вивліоѳ.* XIII, 434, 443. Первое войско было послано къ Казани осенью 1572 г., а черезъ годъ второе, сильнѣйшее въ Муромъ, съ Боярами К. Ив. Ѳед. Мстиславскимъ, Ногтевымъ-Суздальскимъ, Морозовымъ, Никит. Ром. Захарьинымъ-Юрьевымъ, Ив. Шереметевымъ и проч. «И Казанскіе люди въ Муромѣ добили челомъ.»

(418) Кельхъ (стр. 311) пишетъ, что Царь увеселялъ Нѣмцевъ весьма соблазнительными плясками, пѣлъ съ молодыми Иноками Символъ Вѣры и билъ ихъ по головѣ тростію, когда они сшибались съ голосу.

(419) См. выше, примѣч. 335.

(420) Сіе *прощаніе Іоанна съ Магнусомъ* нашелъ я между бумагами Мекленбургскаго Архива: Letzlicher Abschiedt von Großfursten etc., въ приложеніяхъ грамоты Короля Датскаго Фридерика къ Герцогу Мекленбургскому, отъ 19 Дек. 1573. Царь говоритъ зятю: Koning Magnuß! ziehet nach ewerm Hause Karckhause... Taube und Krause sein von uns zu großen Herren gemacht... Jurgen Faarensbech und Hans Wachtmeister haben wir beliebett: sie sein von uns abgefallen, и проч. Фаренсбекъ или Фаренсбахъ (см. выше, примѣч. 412) бѣжалъ тогда изъ Россійскаго стана. Не сей, а вѣроятно другой *Фаренсбакъ* (Дитрихъ) былъ взятъ въ плѣнъ Шведами въ 1574 году (см. Далина, гл. XIII, 46).

(421) Король Датскій писалъ къ Герцогу Мекленбургскому отъ 19 Декабря 1573: Der Großfurst ist mit imhe (Магнусомъ) ubel zufrieden, daß er die Einkunft der Embter, die er ihme zu seinem und seines Gemahls Underhaldung eingethan und ubergeben, so unbedechtiglichen vorringern, seiner Gemahlin auch die

stadtliche Kleider, so sie zu ihm gebracht, gantz vermessenlich auff Deutsche Manir verschneiden und sie damit in ihr Reussische Kirchen gehn lasse... Sein Gemahl ist noch gar ein Kindt von 13 Jahren; pflegt ir Apffel und Zucker, damit sie zufrieden, zu geben. In Summa, es ist grosse Armutt verhanden, daß er kaum drey Richt, ja zu Zeiten nur eine kan haben; derwegen er sich von Oberpalen, das ohne das gar außgebrandt, nach Dorpt zu begeben vorhabens, etc. — Въ сихъ же Мекленбургскихъ бумагахъ, мнѣ сообщенныхъ, находится описаніе Фелингова (Zacharias Uheling) Посольства къ Царю, въ Февр. 1573. Фелингъ видѣлъ въ Новѣгородѣ прибытіе Литовскаго Посла Гарабурды (см. ниже) и Короля Магнуса (4 Апр., на двухъ стахъ подводахъ). Бояре наши сказали ему о Полякахъ: «всегда много обѣщаютъ, и всегда лгутъ; а нашъ Царь мало обѣщаетъ, да много дѣлаетъ.» Самъ Іоаннъ сказалъ: «Нѣмцы мнѣ извѣрились (halten mir wenig Farbe): посмотрю, что будетъ далѣе.» Сіе худое къ нимъ расположеніе Царя происходило отъ измѣны Таубе, Крузе и Фаренсбека (или Фаренсбаха), какъ думалъ Фелингъ. 19 Апр. Государь уѣхалъ въ Москву, чтобы взять мѣры противъ Хана Крымскаго.

(422) Василій Чихачовъ: см. Дѣла Швед. No 3, л. 33 и слѣд.

(423) Тамъ же, л. 111 — 116: «Андрей Сефриновъ меня, холопа твоего, въ груди ударилъ, да обухомъ и топоромъ примахивалъ къ шеѣ: *отсѣкуде голову;* да хаялъ матерны. И язъ, холопъ твой, говорилъ: *только бъ язъ, Царск. Величества холопъ, сидѣлъ на своемъ конѣ, и тыбъ меня, мужикъ, такъ не безчествовалъ... умѣлъ бы язъ тебѣ отвѣтъ дать... язъ сюды не дратца пріѣхалъ.* Да учалъ меня обыскивать, и людишекъ моихъ: платье сымали и розували; а искали твоего Государева письма. Да учали мое коробишко ломати, да съ образы коробью изломали, да образомъ поругались: метали по лавкамъ... Іюня (не Іюля) въ 8 азъ къ Королю поѣхалъ... Пантелей хватилъ меня за платье: *ты-де ѣзъ Королю не ходи и на сукно Государьское не ступай;* а язъ у него платье вырвалъ изъ рукъ, да и по сукну пошелъ... И назавтрее Х. Флеминъ, Воевода Радной Королевской, говорилъ мнѣ: *ты былъ у Короля у меня: язъ сидѣлъ на Королевскомъ мѣстѣ... а рѣчи твои Государь слышалъ: былъ туто жь въ полатѣ; а Государь по-Польски самъ гораздъ,»* и проч. Сей Чихачевъ умеръ въ Швеціи. Іоаннъ еще посылалъ къ Королю гонца Пивова, толмача Николаева и Дм. Болотникова. Въ слѣдствіе того Бояринъ К. Вас. Андр. Сицкой-Ярославской, Дворянинъ и Намѣстникъ Пронской, К. Петръ Ив. Борятинской, и Дьякъ Царскій Лихачевъ выѣхали на рѣку Сестру весною въ 1575 году.

(424) См. Далина, гл. XIII, 53.

(425) См. *Дѣла Швед.* No 3, *л.* 122 — 258. Въ подписи договорной грамоты: писана на Сестріи рѣкѣ, на берегу Государя Царя и В. К. сторонѣ, на Госуда́ревѣ вотчинѣ, лѣта 7083 (1575), Іюля въ 13 день.» Іоаннъ медлилъ утвердить сей договоръ до самаго 1577 года.

(426) Руссовъ, Кельхъ 313 и 322. Въ Розрядахъ 1575 года: «Зимою посылалъ Государь подъ Колывань Намѣстника Юрьевскаго, К. Ѳ. Шейдякова... а велѣно воевати отъ Ракобора (Везенберга) къ Колывани... и Асельскія мѣста и Падцынскія... къ Кеги, къ Падежу (Падису), Касту, Филку, Викели (Фиккелю), Лоду, Леалу, Пернову, Руйну, Гельману (Гельмету), Эрмису, Буртнику (Пургелю), куда лучше и просторнѣе... Подъ Перновъ посылалъ Государь Царя *Симеона»* (см. ниже) «Бекбулатовича, да Царевича Мих. Кайбуловича... Въ большомъ полку Бояринъ Никита Романовичь.»

(427) Кельха 326.

(428) Тамъ же, стр. 328.

(429) Въ Розрядахъ 1574 года: «Приходили въ Сент. Крымскіе Царевичи на Рязанскія мѣста, и съ берегу за ними ходили Воеводы до Вердеи рѣки, и Татаръ не дошли; а было дѣло напередъ того съ ними Украйнымъ Воеводамъ въ Печерниковыхъ Дубровахъ... Того же году посылалъ Государь на берегъ Воеводъ своихъ для приходу Крымского Царя» (К. Ив. Юр. Голицына, Ив. Шереметева и другихъ)... «Того жь лѣта Государь и сынъ его были на берегу въ Серпуховѣ... Сент. 30 (въ 1575 г.) на берегу были Воеводы, стояли въ Серпуховѣ, К. Андр. П. Куракинъ съ товарищи, и посылали за рѣку къ Николѣ Зарайскому,» и проч.

(430) Донесеніе Мих. Гарабурды Вельможнымъ Панамъ находится въ выпискахъ изъ Ватиканской Библіотеки (см. выше, примѣч. 329): Relacya Poselstwa Haraburdy do Moskwy w roku 1573. Ex codice Vaticano inter Ottobonianos 2223. 25 Февр. онъ *словесно* правилъ свое тайное Посольство. Подлѣ Іоанна сидѣлъ старшій Царевичь; стояли Намѣстникъ Можайскій, Вас. Ив. Умной-Колычевъ, Думный Дворянинъ Мих. Тим. Плещеевъ, Дьяки Андрей и Вас. Щелкаловы; болѣе никого не было. Посолъ говорилъ, а Дьякъ Андрей записывалъ его рѣчи. См. также въ нашемъ Архивѣ Дѣла Польск. No 10, л. 4, 7, 8, 126, 153, 154.

(431) Дѣла Польск. No 10, л. 8: «Вѣнчанье вѣнца Царьского абы через Митрополита, а не через Арцыбискупа совершалося.»

(432) Андр. Макс. Фредро Gest. Pop. Pol. стр. 56 — 59.

(433) См. въ Дѣлахъ Датскаго Двора (No 2, л. 27 и слѣд.) о пріѣздѣ въ Москву Цесарева гонца, Павла Магнуса, въ Іюлѣ 1573.

(434) Тамъ же, л. 65: «А что, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что учинилось у Французскаго Короля, въ его Королевствѣ нѣсколько тысячь и до сущихъ младенцовъ избито, и о томъ Крестьянскимъ Государемъ пригоже скорбѣти, что таковое безчеловѣчество Французской Король надъ толикимъ народомъ учинилъ, и кровь толику безъ ума пролилъ.» Іоаннъ послалъ къ Императору гонца Конст. Скобельцына 31 Іюля 1573.

(435) Генрикъ присылалъ къ Іоанну двухъ гонцевъ, Бартоломея Завацкаго и Матвѣя Протасьевича (см. Дѣла Польск. No 10, л. 2). Посланный съ гонцемъ Ельчаниновымъ отвѣтъ Іоанновъ, отъ 20 Авг. 1574, находится въ Ватиканскихъ выпискахъ Альбертранди (см. выше, примѣч. 408). — Карлъ IX умеръ 30 Мая 1574: Генрикъ, давъ великолѣпный балъ, ночью 18 Іюля ускакалъ изъ Кракова на Турецкой кобылѣ.

(436) Слово Генриково: «Господи! если жизнь моя полезна, то дай мнѣ жить; если вредна или безполезна, то прекрати ее!» — Гонецъ Ельчаниновъ 9 Іюля 1575 привезъ къ Іоанну въ городъ Старицу письмо *отъ Рады Духовной и Свѣтской, Короны Польскіе и В. Княжества Литовскаго,* о продолженіи мира и тишины. Архіеп. Гнѣзненскій Яковъ Уханскій, тайно далъ Ельчанинову образцовыя грамоты, какъ Царю писать къ Вельможамъ. Іоаннъ въ Августѣ отправилъ гонца Бастанова и Посланника Луку Новосильцова въ Литву и Варшаву, съ неважною грамотою къ Панамъ и съ *тайными* письмами къ Архіеп. Гнѣзненскому, къ Епископу Краковскому, къ Воеводѣ Сендомирскому, Краковскому, Виленскому и проч., обѣщая имъ жалованье за добрыя услуги въ соединеніи трехъ Государствъ. Въ наказѣ Новосильцова: «Говорити ему Панамъ Радамъ: какъ къ Государю нашему пріѣ-

халъ Волошской Воевода, Богданъ Олександровичь, служити, а чиновные его люди остались въ Литвѣ, и Государь съ человѣкомъ его, съ Ив. Логофетомъ, къ вамъ писалъ, чтобы вы ихъ пропустили (въ Москву) . . . и вы бы пропустили не мѣшкаючи,» и проч. См. Дѣла Польск. No 10, л. 18 — 90.

(437) Конст. Скобельцынъ возвратился 15 Авг. 1574. Павелъ Магнусъ, вторично присланный въ Москву отъ Императора, сказалъ Царю чрезъ Бояръ: «Слуга вашъ Костянтинъ грамоты взяти не похотѣлъ... а про Цесаря невѣжливо говорилъ: *на языкѣ-де у него сладко, а у сердца горько...* А и жилъ тамъ (въ Венѣ) Костянтинъ вельми не горазо; и язъ ему и толмачь Кашпаръ говорили, что мы будемъ Царьскому Величеству жаловатца; и онъ молвилъ: *язъ-де плюну на вашу жалобу.* Также про вашу землю тому Черновицкому, которой брата своего имѣетъ у Турского Салтана, тому все розсказывалъ про Государство Московское, сколь велико и сколь широко. Да тотъ же Костянтинъ продалъ лихому человѣку, вору, два сорока куницъ, и тотъ воръ убѣжалъ, и по многимъ жалобамъ Цесарь за тѣ куницы Костянтину заплатити велѣлъ 50 ефимковъ. Тѣмъ же обычаемъ тотъ Костянтинъ единому Аустрейскому Князю колпакъ подарилъ съ золотою пуговицею вечерѣ, а наутрее тотъ Князь поѣхалъ, и Костянтинъ того колпака учалъ назадъ просити, и Цесарь велѣлъ ему заплатити. Также онъ пьянымъ обычаемъ платье свое съ себя скинулъ, и Угорское платье на себя клалъ, да и колпакъ Угорской, и въ Венѣ по всѣмъ улицамъ бѣгалъ . . . Также ложно жаловался Цесарю на меня, будто онъ мнѣ въ займы 400 ефимковъ далъ, и язъ только 150 взялъ и ему съ челобитьемъ въ Венѣ отдалъ; и Государь мой остальные 250 велѣлъ ему заплатити, и онъ ихъ не хотѣлъ взять, а сказываетъ, язъ о томъ не билъ челомъ . . . и такимъ лживымъ словомъ меня въ опалѣ понесъ у Рим. Цесаря.» См. Дѣла Датск. No 2, л. 181 — 184. Іоаннъ велѣлъ сіе дѣло разсудить Окольничему Тулупову, Думному Дворянину Аѳ. Ѳед. Нагому и Дьякамъ Щелкаловымъ: Скобельцынъ во всемъ оправдывался. Павла отпустили въ Генв. 1575, а съ нимъ послали гонца Ушакова въ Вѣну съ письмомъ къ Максимиліану, которое такъ начинается, слово въ слово: «Троице пресущественная и пребожественная, Крестьяномъ Дателю премудрости! настави насъ на истину Твою, и научи насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людехъ Твоихъ миръ и законъ. Сего убо трічисленнаго славимаго Божества, Отца и Сына и Св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь, милостью и хотѣніемъ Скипетродержатель Россійскаго Царствія и иныхъ многихъ Государствъ мы,» и проч. Слѣдуетъ весь титулъ Царскій. О Скобельцынѣ: «Мы на него по твоей грамотѣ опалу свою положили . . . Мы велѣли ближнимъ своимъ людемъ Кост. Скобельцына роспросити передъ твоимъ гонцомъ Павлусомъ, и Костянтинъ сказывалъ, что Павлусъ у него взялъ ефимковъ 400, а отдалъ 138, и многое-де безчестье надъ нимъ чинилъ, и Павлусъ-де потому и взводитъ на него тѣ дѣла... И нашимъ гонцомъ на обѣ стороны пригоже такихъ дѣлъ впередъ не дѣлати и до насъ кручинъ не доносити, чтобъ ихъ бездѣльными враками межъ насъ братцкой любви порухи не было.»

(438) Въ Генв. 1574 г. пріѣзжалъ въ Москву гонецъ Императорскій Вестфаль для изъявленія благодарности за Іоанново стараніе возвести Эрнеста на тронъ Польскій; въ Февралѣ Греинъ Филинъ, съ тѣмъ же; въ Маѣ купецъ Кремеръ съ письмомъ, въ коемъ Максимиліанъ просилъ Царя о дозволеніи ему (Кремеру) вымѣнить мягкой рухляди на свои товары; а въ Іюлѣ 1575 купецъ Нѣмецкій, Иванъ *Глазовъ*, для того же. Греинъ говорилъ Дьяку Андрею Щелкалову: «Сказывали мнѣ въ Перновѣ, что Польскіе и Литовскіе люди думають подговаривати Орцымагнуса Короля отъ Царского Величества отъѣхати, и говорятъ, что отъ Короля Польского, какъ будетъ на Королевствѣ, опасная грамота будетъ къ Арцымагнусу, и хотятъ ему давати Ригу тѣмъ обычаемъ, чтобы Арцымагнусъ заплатилъ Хоткѣвичу двадцать тысячь ефимковъ (что онъ давно ему посулилъ); и говорятъ ещо, коли-де Арцымагнусъ похочетца поддати подъ Литовского, и у него столько денегъ не будетъ, и тѣ денги, 20 т. ефимковъ, хотятъ за него заплатити Литовскіе люди; а хотятъ Арцымагнуса отъ Государя подговаривати.» См. Дѣла Датск. No 2, л. 107 — 232.

(439) См. Дѣла Цесарск. Двора, No 3, л. 1 — 141. Достойно замѣчанія, что Государь выслалъ Бояръ, Никиту Романовича и К. Вас. Андр. Сицкаго съ Дьякомъ Андр. Щелкаловымъ въ Дорогобужъ, на встрѣчу къ Австр. Посламъ, спросить у нихъ, съ какимъ дѣломъ ѣдутъ въ Москву; а если бы они не захотѣли объявить, съ чѣмъ присланы, то велѣно было отправить ихъ назадъ: ибо Царь думалъ, что сіи Послы могли быть опять купцами. — Грамота Максимиліанова писана 25 Сент. 1575. О Государѣ сказано: «Сидѣлъ въ брусяной, въ меншой избѣ, въ Русскомъ саженомъ платьѣ, въ Царской шапкѣ и въ діалимѣ, а въ рукахъ былъ скифетръ.» — О дарахъ: «Янъ Кобендлъ да Даніелъ Принцъ подали Государю отъ Цесаря *ланцугу* (цѣпь) золоту съ каменьемъ, а на ней имя Цесаря съ его Цесарскимъ вѣнцомъ.» — О Туркахъ: «Въ которомъ святомъ соединеньѣ» (говорятъ Послы) «Ваше Пресвѣтлѣйшество можетъ начаятися великіе собѣ чти и славы, какъ ся начаемъ, мочно тому статись за помочью Божьею, чтобы мы тѣхъ невѣрныхъ людей могли выгнати за Арапы и до Азѝ (Азіи), чтобъ Ваша Прествѣтлость произволеньемъ Его Цесарскіе милости и насвятого Папы и Короля Ишпанского и святыхъ выбраныхъ Римскихъ Княжатъ (Курфирстовъ) и всѣхъ становъ (Орденовъ?) Чернеческихъ все Цесарство Греческое на Всходъ солнца къ твоему Величеству пришло.»

(440) Тамъ же, л. 81: «А что есте» (говорятъ Послы Боярамъ) «намъ означенили, что Свейской Король укоризны и великіе слова непригожіе къ Государю вашему пишетъ, и вступаяся въ Государя вашего отчину, въ Ливонскую землю, чего никоторому Государю терпѣти невозможно: и то Государю нашему вѣдомо, что Король чинитъ то непригоже, стоитъ съ невѣжствомъ противъ Вел. Государя — и Государь нашъ Короля наклонитъ, учинитъ его передъ Царемъ покорна впередъ . . . Государь нашъ велѣлъ про Ливонскую землю только помянути, а много про то говорити не велѣлъ. . . А закрѣпити всѣхъ тѣхъ дѣлъ Государь нашъ намъ не велѣлъ; а для окончанья пришлетъ ко Государю вашему своихъ *Великихъ Пословъ, которые и за сто лѣтъ отъ Цесарева Царства нигдѣ не бывали, Князи Удѣльные и великіе люди.*» — Послы выѣхали обратно 29 Генваря.

Въ Ватиканскихъ выпискахъ Аббата Альбертранди нашелъ я Relatione di Moscovia, fatta da Giovanni *Pernstein*, mandato Ambasciatore a quella Corte dall' Imperatore Massimiliano II (см. ниже, примѣч. 842). Въ подлинникѣ, какъ вѣроятно, не было имени сочинителя; а кто нибудь, слышавъ о *Герберштейнѣ*, посыланномъ въ Россію при Максимиліанѣ I, вставилъ *Перништейна:* но сей Giovanni есть Іоаннъ Кобенцель: не только время, (г. 1575), но и всѣ историческія обстоятельства несомнительно относятся къ его Посольству. Изъ сего любопытнаго описанія взяли мы сказаніе о пышности Іоанновой.

Вензель Максимиліановъ былъ украшенъ Императорскою короною и пятидесятью-двумя алмазами. Принимая Кобенцеля, Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ въ *Царской мантіи* (paludamento Imperiale): era tutto quanto distinto di diamanti, rubini, smeraldi et altre simili gioje grandi come le noci, di maniera, che forte mi maravigliai, come puotè sostenera tal peso... Старшій сынъ Іоанновъ, одѣтый подобно отцу, сидѣлъ на правой сторонѣ; въ рукѣ, вмѣсто скипетра, держалъ il *scipione* (посохъ?) del padre; а корона его лежала на столикѣ. За обѣдомъ они были въ бархатномъ платьѣ, havevano certi capucci alla Greca fatti, con un rubino in fronte. grosso come un uovo (величиною съ яйцо, но какое?)... О коронѣ Царской: Una corona quasi simile à quelle di sua Santità... Vidi le del Rè Catholico con tutta la sua guardarobba, cosi anco quelle del Gran Duca di Toscana, con molte altre, come quella di Sua Maesta Cesarea, del Regno d'Ungheria e di Bohemia et del Rè di Francia, mà V. S. Illustrissimma mi creda in verità, che non vi è comparatione quasi nessuna trà quelle. За обѣдомъ служило болѣе ста человѣкъ: снимая золотыя блюда съ стола, они ставили ихъ одно на другое, non curandosi delle vivandé che vi erano dentro. Передъ Царемъ ставили всегда три блюда: съ одного онъ ѣлъ самъ, другое отдавалъ сыну, а третье посылалъ Кобенцелю, вмѣстѣ съ питьемъ въ чашахъ. Шенкъ говорилъ ему: Iwane (che cosi mi chiamo), Weliki Czar, Knes i Hospodar podaje. Всѣхъ гостей было около 200 человѣкъ; они сидѣли за тремя длинными столами. Обѣдъ продолжался 6 часовъ. Выпивъ по чашѣ меду, изъ Царскихъ рукъ, Кобенцель и всѣ его сановники отправились домой; между тѣмъ, въ честь имъ, стрѣляли изъ пушекъ. О множествѣ золотой и серебряной посуды Царской сказано, что ее не льзябъ было увезти на тридцати Вѣнскихъ телегахъ, или фурахъ (carri di Vienna), а въ Московскомъ дворцѣ не знали ей и счету: nel castello della Metropoli Moscua ne hà tanta copia, che non si sà il suo numero. О денежной казнѣ и сокровищницѣ Московской: cosa stupenda et inestimabile. Далѣе: «Дѣдъ Іоанновъ, взявъ Новгородъ, вывезъ оттуда 300 фуръ, наполненныхъ деньгами, серебромъ и золотомъ. Отецъ его покорилъ 15 Княжествъ и присвоилъ себѣ ихъ казны. Самъ Іоаннъ обогатился сокровищами двухъ завоеванныхъ имъ Царствъ, Казанскаго и Астраханскаго, — также многихъ городовъ Ливонскихъ, не дѣлясь добычею съ воинами и слѣдуя примѣру древнихъ Римлянъ. Не менѣе обогащается и торговлею, исключительно пользуясь ея выгодами; не даетъ ничего ни Посламъ своимъ, ни воинамъ, которые, выступая въ поле, или возвращаясь домой, ему же даютъ по три деньги съ человѣка (un mezzo giulio), для того, чтобы Царь зналъ число людей. ... Поляки хвастаются неуваженіемъ къ Государю Русскому: но онъ смѣется надъ ними, говоря, что взялъ у нихъ болѣе двухъ сотъ миль земли, а они и меча не обнажили! Пословъ ихъ презираетъ... Ma V. S. Illustrissima mi creda, à fè di Christiano, che non poteva essere meglio trattato in Roma ò in Spagna... съ Поляками же, Шведами, Татарами, Турками обходится, какъ должно (come meriteriano): то есть, хуже, нежели Турки обходятся съ нашими Послами.» — Кобенцель — описавъ могущество Россіи; сказавъ, что у Царя 300 тысячь всадниковъ и 100 тысячь искусныхъ Стрѣльцовъ, коихъ можно собрать въ 40 дней — заключаетъ: «Если Его Имп. Величество не можетъ присвоить себѣ Королевства Польскаго съ Литвою, то всего лучше уступить ихъ Россіи, дабы имѣть выгодный миръ съ Султаномъ или тѣмъ скорѣе побѣдить его: ибо Царь не останется ни года, ни дня въ мирѣ съ Турками. Можетъ быть, симъ способомъ угодно Небесному Провидѣнію избавить насъ отъ злобы невѣрныхъ.» Подпись: Di Lovitio in Polonia à 27 di Maggio 1575. — Товарищъ Кобенцелевъ, Даніилъ Принцъ, также описалъ сіе Посольство (на Латинскомъ языкѣ); говоритъ о нравахъ, о Вѣрѣ Россіянъ, но сказываетъ мало замѣчательнаго.

(441) Тамъ же, л. 141 — 157. Слова Іоанновы: «И которое кроворазлитье Крестьянское взочнетца, и тое крови на томъ Богъ поищетъ, кто ее взочнетъ; а мы, Государи Крестьянскіе, всегды того жадаемъ, чтобы нашимъ смотрѣньемъ во всѣхъ Хрестьянскихъ Государехъ было согласье и соединенье.»

(442) Тамъ же, л. 157, 266. К. Захарія Ив. Сугорскій названъ Дворяниномъ и Намѣстникомъ Бѣлоозерскимъ. Онъ возвратился въ Москву 3 Генваря 1577. Въ Ригѣ и Мемелѣ встрѣчали его съ пушечною стрѣльбою, изъ уваженія къ Царю. Въ письменномъ донесеніи Сугорскаго: «Іюля въ 16 мы Послы пріѣхали въ колымагахъ на Цесаревъ дворъ... и вошли къ Цесарю въ малую полатку; а на немъ *дылтя* долгая, камка черна, полы и подолъ чернымъ бархатомъ пушенъ, а пугвицы шелкъ чернъ до долу; а чепочка на немъ золота не велика, а шляпа бархатъ чернъ *свиранал;* а надъ нимъ и позади его на стѣнѣ запоны *олтобасъ* золотной; а стулъ подъ нимъ обитъ бархатомъ червьчатымъ, поставленъ на коврѣ... Цесарь противъ Пословъ всталъ, шляпы приподнявъ, и какъ Послы ступили на коверъ, и Цесарь сѣлъ. А по лѣвой сторонѣ, поодаль, сидѣлъ Курвистръ Каленской (Кельнской) Салентіюсъ; а подъ нимъ Цесаревъ сынъ Матѣюсъ; а подъ Матѣюсомъ Боворской Князь Вильгемъ; а подъ нимъ другой Цесаревъ сынъ Максимиліянусъ, да Нѣмецъ человѣкъ съ десять стояли. А какъ К. Захарей говорилъ Государское титло, и Цесарь Курвистру и дѣтемъ и Боворскому велѣлъ встати... и Цесарь, не звавъ Пословъ къ рукѣ, велѣлъ имъ сѣсти противъ себя на скомейкѣ, на коврѣ, обитой бархатомъ червчатымъ; и Послы, призвавъ къ себѣ Данила (Принца) да молыли, для чего Цесарь насъ къ рукѣ не звалъ? и Данило молылъ: Государь нашъ то пропамятовалъ; и сказалъ Цесарю, и Цесарь, снявъ съ себя шляпу и вставъ, звалъ Пословъ къ рукѣ... и обнимались... (Авг. 28) Пришли къ Посломъ отъ Посла Папы Римского, отъ Кардинала, Попы, а съ ними Данило Принцъ, и Послы велѣли имъ сѣсти, и Попы говорили Посломъ, а Данило толмачилъ: писалъ къ Государю нашему, къ Папѣ, Цесарь, что писалъ Государь вашъ, чтобъ Цесарю и Папѣ Римскому и инымъ Государемъ быти въ любви... и Папа тому радъ, и прислалъ къ Кардиналу гонца, а съ нимъ грамоту къ Государю вашему, и вы бы тое грамоту приняли. И Послы говорили: будетъ къ Вел. Государю нашему Папѣ Пословъ съ Цесаревыми посылати, и онъ бы то письмо къ Государю нашему послалъ; а намъ того письма взяти не вмѣстно, что есмя присланы къ Цесарю, а не къ Папѣ... И послѣ того пришелъ приставъ, и говорилъ тужа: какъ вы у Государя нашего были, и послѣ того изымала его немочь великая, и лежитъ... (Сент. 15) Послы вошли въ малую полату да въ сѣни, а изъ сѣней къ Цесарю къ постелѣ, а Цесарь лежитъ на кровати, а на немъ юпа сукно *бурнатно* теплая, да колпакъ пуховъ *бурнатенъ*, подложенъ бархатомъ чернымъ, а одѣяло камка золотная; а при немъ стоялъ Панъ Ласской, да два Коморника ... и Цесарь имъ говорилъ, а толмачилъ Данило: отпушаю васъ,» и проч. — Сент. 17 К. Сугорскій выѣхалъ, въ Прагу, Франкфуртъ, Штетинъ. Да-

лѣе пишетъ: «Окт. 11 Данило Принцъ поѣхалъ къ собѣ въ имѣнье, а Пословъ приказалъ отпустити серебреному мастеру Вестьфалусу... и пошли рѣкою Адрою (Одеромъ)... и какъ моремъ прошли Курлянской островъ, и въ ночи пришелъ вѣтръ встрѣчю... и якорь изломало, и корабельникъ поворотилъ назадъ, и принесло къ Хрипцволю (Грейфсвальду)... и учали быти морозы... и пришли къ Зюнтю (Штральзунду), и Бурмистры дали дворъ въ городѣ, и К. Захарей и Андрей (Арцыбашевъ) вошли въ городъ... и пришли къ нимъ Бурмистры, а говорили: пришелъ въ Зюнтъ Свейскаго Короля Посолъ на 20 конехъ, а ѣдетъ къ Батуру денегъ займовати... на тѣ деньги наймовати людей и стояти противъ вашего Государя... а Батуръ нынѣ стоитъ у Гданска, а людей при немъ 8000 конныхъ и 8000 пѣшихъ.» К. Сугорской, не захотѣвъ зимовать въ Штральзундѣ, 7 Дек. сѣлъ на *бусу* въ Грейфсвальдѣ и 15 Дек. прибылъ въ Пернау.

О семъ Посольствѣ К. Сугорскаго есть басня, внесенная въ нѣкоторыя новыя лѣтописи и дающая Императору Максимиліану санъ Пророка. Вотъ она: «Въ лѣто 7084 Царь и В. К. Іоаннъ Вас. посылаетъ Посла своего, Захарія Иванова сына Югорскаго» (вмѣсто Сугорскаго) въ Римъ, вопросити о титулахъ... и какъ К. Захарій Посольство правилъ, и Цесарь все стоялъ, и держали его подъ руки, потому что онъ вельми старъ: былъ *ста-десяти* лѣтъ, и изнемогаше. Обычай же у него бысть таковъ: имѣлъ многія у себе Философы избранныя и мудрыя, и изо многихъ земель и Ордъ всякія люди служатъ ему, зане же бѣ силенъ вельми, и стоятъ предъ нимъ по статьямъ думныя его Философы и великія люди. Первое Посольство было въ городѣ Вѣдпѣ (Вѣнѣ); городъ той стоитъ *у моря* на берегу, на *рѣкѣ Вѣднѣ;* строеніе двора Цесарскаго полаты всѣ каменныя, все аспидъ... ворота позолочены, а въ концѣхъ у брусовъ вставлены каменіе драгое, а во иныхъ хрусталь по гусину яйцу... а полаты съ подзоры златыми, и на нихъ писаны всѣ Орды и земли, и Царства и бытія многія... Съ Посломъ Государевымъ ѣздилъ Цесарь въ виноградъ свой, и спрашивалъ, сколь велика вашего Государя земля, и сколько имѣетъ силы Царь вашъ? и Посолъ сказалъ: земля Русская зѣло велика, и Святыхъ Угодниковъ Божіихъ много, и отъ нихъ чудеса велія бываютъ; а съ Царемъ ходитъ силы по 400 тысячь головами. И тому Цесарь вельми подивился... и сказалъ про Государя нашего, что мудрыя Философы пишутъ, что онъ подобенъ храбростію Александру Македонскому, а мужествомъ и досужствомъ Вел. Царю Константину. Да онъ же Цесарь Максимиліанъ сказалъ Послу, будетъ-де впредь въ вашей Русской земли трясеніе великое, и будутъ многія власти и несогласія, а смятенія того будетъ лѣтъ 15 или мало больше, или мало меньше; а потомъ земля ваша распространится вельми, и прославится во вся концы вселенныя. Притомъ же повѣда вещь дивну: купцы нашли въ погребѣ жену мертвую, а у нея-де чрево возносится; купцы же у тоя жены чрево разрѣзаша, и выняли изъ чрева ея младенца жива мужескъ полъ, и нарекоша его Михаилъ, и отдаша его мнѣ, и язъ далъ его воспитати, и нынѣ стоитъ предо мною въ Державникахъ. Къ тому же прирече и сіе: да нѣкогда въ великой области будетъ (Михаилъ) Царь. Тако же у васъ будетъ смятеніе великое, и потомъ Царя вашего рука будетъ высока, и овладѣетъ всѣмъ... Въ лѣто 7086 (1578) Государь Ив. Вас. посла къ Цесарю Римскому Посла, Ждана Ив. Квашнина, и Цесарь *Максимиліанъ»* (развѣ Рудольфъ? ибо Максимиліана уже не было на свѣтѣ) «любезно Посла воспріятъ, и Посольство его слушалъ, что Государь взялъ Лотыгольскія и Лифлянскіе земли 27 городовъ... И Цесарь похваливъ Бога и прослави Государя... и съ нимъ дары великія посла къ Великому Государю, таковыя, еже отъ начала не бѣ таковыхъ даровъ: скипертъ Царства Римскаго, и діадиму, и порфиру, и посланіе къ Царю съ умиленіемъ писалъ... При отпустѣ же Пословъ Римскій Цесарь прирече имъ и сіе: которыя городы нынѣ иманы Нѣмецкія, и тѣ вамъ будутъ не долговѣчны, а впредь они паки доставутца назадъ, да и скончаются за вашимъ же Царемъ; да не токмо городы, но и вся земля ихъ будетъ за нимъ.»

Въ Іюлѣ 1576 г. Государь посылалъ къ Максимиліану Толмача Нѣмецкаго, Каспара Иванова, чтобы поздравить его съ избраніемъ въ Короли Польскіе. Въ Ноябрѣ пріѣзжалъ въ Москву Любчанинъ Келлеръ, съ письмомъ отъ Максимиліана, въ коемъ онъ просилъ Царя не воевать Ливоніи. См. Дѣла Цесар. No 3, л. 235 — 249.

(443) См. донесеніе гонца Бостанова въ Дѣлахъ Польск. No 10, л. 89 — 106.

(444) См. Фредро G. P. P. 252, Гейденшт. R. P. 66, и донесеніе Новосильцова (Дѣла Польск. No 10, л. 129 — 191), который возвратился въ Москву 20 Апр. 1576.

(445) См. Гебгарди Gesch. des Großfürst. Siebenbürgen, стр. 87. Стефанъ былъ сынъ Венгерскаго Палатина Батора, имѣвшаго знатныя отчины близъ Варадейна. Онъ родился въ 1533 году; учился въ Падуѣ; краснорѣчиво говорилъ и писалъ на Латинскомъ языкѣ.

(446) См. донесеніе Новосильцова въ Дѣлахъ Польск. No 10.

(447) Дѣла Цесар. No 3, л. 240. Въ Дѣлахъ Польск. No 10, л. 176: «Да сказывалъ мнѣ (Новосильцову) Князь Ягубъ Воронецкой: при мнѣ-де къ Батуру пріѣхалъ Чаушъ отъ Турсково и привезъ хоругвь, чтобы онъ ѣхалъ съ тою хоругвью къ Ляхомъ.»

(448) Дѣла Польск. No 10, въ донесеніяхъ Бостанова и Новосильцова.

(449) Тамъ же, л. 195 — 268. Посланниками Королевскими были Дворяне Груденскій и Буховецкій, а гонцемъ отъ Вельможъ Коронныхъ и Литовскихъ къ нашимъ Боярамъ Иванъ Гоголь. Вельможи писали, что Король изъ уваженія къ ихъ прозьбѣ согласился не нарушать перемирія съ нами. Въ Статейномъ Спискѣ: «У Боярина, К. Ив. Ѳ. Мстиславскаго, Литов. гонецъ былъ. У Князя Ивана были Бояре К. Ив. Ю. Голицынъ, К. Сем. Данил. Пронской, И. В. Морозовъ, Ив. Вас. Меньшой Шереметевъ; а сидѣли Бояре по лавкѣ рядомъ по правой сторонѣ, а отъ нихъ, мѣста съ три пропустя, сидѣли Дворяне; а Окольничей Ѳ. В. Шереметевъ и Діяки Щелкаловы сидѣли по лавкѣ рядомъ отъ К. Ивана по лѣвой сторонѣ; а отъ нихъ, мѣста съ два пропустя, сидѣли Дворяне. А были Бояре и Дворяне въ золотномъ платьѣ... А какъ Литовской гонецъ на дворъ ѣхалъ, и сшолъ съ лошади у Княжь Иванова двора и шолъ на дворъ пѣшъ... и правилъ поклонъ отъ Пановъ Радъ... и К. Ив. Ѳ. Мстиславской молвилъ: братья наши Арцыбискупы и Бискупы и Панове Рада здоровы ли?... И носили Бояре грамоту не роспечатавъ къ Государю... И того дни гонецъ у Князя Ив. Ѳедоровича ѣлъ; а сидѣли за столомъ Бояре въ нагольныхъ шубахъ; а въ скамьѣ сидѣли противъ Бояръ Окольничей Ѳ. Шереметевъ да Діаки Щелкаловы въ нагольныхъ же шубахъ; а блюда (передъ всѣми) были особные; а Дворяне сидѣли отъ Бояръ пропустя мѣста съ два; а гонецъ въ кривомъ столѣ, въ приставкѣ... а послѣ стола подалъ К. Ив. Ѳед. гонцу ковшъ меду.»

(450) Ибо Венгрія присвоивала себѣ верховную власть надъ Трансильваніею.

(451) См. Розряды въ *Рос. Вивліое.* XIV, 293 и 305. Сказано: «Авг. въ 15 писалъ изъ-подъ Исламъ-Кирмени А. Беревкинъ со всѣми Атаманы и Черкасы, что они Исламъ-Кирмень взяли,» и проч.

(452) Вотъ роспись всѣмъ тогдашнимъ крѣпостямъ и Воеводамъ:

«Въ *Серпуховѣ* Воевода К. Д. Б. Пріимковъ-Ростовской; а людамъ съ нимъ быти Московскихъ городовъ; а Ноугородскія земли Помѣщики, Лучанъ, Ржевичь, Торопчанъ, отпустить по домомъ для Нѣмецкого походу. — Въ *Колугѣ* К. Ѳ. Лобановъ-Ростовской, на Ѳедорово мѣсто Шереметева. — Въ *Мышеги* К. Дан. Ногтевъ; да на Тулѣ же готовъ К. Петръ Борятинской. — *У Николы Зарайского* съ *Кошкры* Н. Очинъ-Плещеевъ. Въ *Болховѣ* Ром. Бутурлинъ. — Въ *Новѣгородѣ Сѣверскомъ* Намѣстникъ К. Дм. Щербатой. — Въ *Почепѣ* К. Ю. Волконской. — Въ *Стародубѣ* Намѣстникъ Ром. Плещеевъ. — Въ *Черниговѣ* К. Осипъ Щербатой. — На *Рѣзани*, и въ *Донковѣ*, и въ *Пронску*, и въ *Новосили*, и во *Мценску*, и въ *Орлѣ* быти Воеводамъ по прежней росписи. — Въ *Путивлѣ* Намѣстникъ В. Салтыковъ. — Во *Мценску* Намѣст. Ѳ. Замыцкой. — Въ *Карачевѣ* Нам. А. Очинъ-Плещеевъ. — Въ *Ярославлѣ* Нам. К. А. Звенигородцкой. — Въ *Смоленску* К. Ю. Курлятевъ. — На *Лукахъ Великихъ* Ѳ. Ласкиревъ. — На *Невлѣ* М. Вельяминовъ. — Въ *Торопцѣ* Ив. Грязной. — На *Ситнѣ* Як. Вельяминовъ. — Въ *Полоцкѣ* К. Ив. Курлятевъ, да К. Лыковъ, да К. Чулковъ-Засѣкинъ, да М. Чоглоковъ; да по вѣстямъ посланъ К. М. Борятинской да Иг. Блудовъ. — На *Туровѣ* Волод. Вельяминовъ. — Въ *Копьѣ* К. Туренинъ. — На *Соколѣ* К. Щепинъ. — Въ *Юрьевѣ* (Дерптѣ) Намѣстн. и Воевода К. Аѳ. Шейдяковичь, да К. Н. Б. Пріимковъ-Ростовской. — Въ *Вильянѣ* (Феллинѣ) Ив. Сабуровъ. — Въ *Говьѣ* (Ацелѣ) Н. Бороздинъ. — Въ *Тарвасѣ* В. Сабуровъ. — Въ *Лаюсѣ* Н. Бутурлинъ. — Въ *Пайдѣ* (Виттенштейнѣ) Ив. Плещеевъ. — Въ *Ракоборѣ* (Везенбергѣ) Ив. Сабуровъ. — Въ *Ругодивѣ* (Нарвѣ) Нам. К. Сем. Ардасовичь Черкаской. — На *Ямѣ* В. Собакинъ. — Въ *Орѣшкѣ* Нам. К. Кропоткинъ. — На *Копорьѣ* Г. Собакинъ. — Въ *Салочѣ* Ив. Бороздинъ. — Въ *Перновѣ* К. А. Рѣпнинъ. — Въ *Падцѣ* (Падисѣ) Жданъ Ивашкинъ, А. Окуневъ, Ив. Милюковъ. — Въ *Коловерѣ* (Лодѣ) М. Бурцовъ. — Въ *Линовери* (Ленневарденѣ) Муха Вас. Чихачевъ. — Въ Понизовыхъ городахъ: въ *Казани* Бояринъ К. Андрей Ив. Ногтевъ-Суздальской, да Воевода К. Ив. Вас. Великого-Гагинъ. — Въ *Астрахани* К. Вас. Ив. Кривоборской, да К. Гр. Ив. Корходиновъ. — Въ *Свіяжскомъ* К. Вас. Бахтеяровъ-Ростовской, да К. В. Буйносовъ-Ростовской, да К. Дм. Гагаринъ. — Въ *Чебоксарѣхъ* Бояринъ Богданъ Юр. Сабуровъ. — Въ *Василѣ* К. А. Ромодановской. — На *Алаторѣ* К. Петръ Буйносовъ-Ростовской. — Въ новомъ въ *Кокшажскомъ* городѣ Бояринъ В. Б. Сабуровъ. — Въ *Тетюшахъ* Голова К. Борисъ Мезецкой. — Въ *Лаишевѣ* Голова М. Болтинъ. — Въ *Арскѣ* В. Телицынъ. — На *Курмышѣ* Н. Яхонтовъ. — Въ *Арзамасѣ* Г. Шетневъ.»

«Въ судовой рати (въ 1576 г.), въ больш. полку, въ плавной, К. Н. Тюфякинъ, да Голова Б. Нарышкинъ... а съ ними Пермичи, Двиняне, Кинешемцы, Балахонцы, Гороховчане, Юрьевчане, да Михайлова города Головы, да Донскіе Атаманы и Козаки... Галичане, Каряковцы... въ перед. полку Устюжане, Тотмичи, да Донскіе Атаманы... Въ сторожевомъ Бѣлозерцы, Ярославцы, Костромичи, Нижегородцы, Муромцы, Важане, Усольцы, Вычегжане.»

(453) См. Кельха 330. — Въ Розрядахъ: «Приговорилъ Государь (въ Сент. 1576) съ сыномъ своимъ и съ Боары послати Воеводъ подъ Колывань ... Сбиратися всѣмъ людемъ Московскія земли и Ноугородскія и Татаромъ въ В. Новѣгородѣ за недѣлю до Рождества.»

(454) Король Шведскій писалъ съ гонцемъ своимъ къ Іоанну, отъ 12 Авг. 1576 (Дѣла Швед. No 3, л. 276): «Мы хотимъ слати къ Финскому рубежу четырехъ нашихъ думцовъ, да съ ними двѣстѣ человѣкъ: и вамъ бы столькоже прислати... А мы не можемъ себѣ разумѣти, за что вы съ нами воюетеся; и нѣчто для Колывани, и мы прежъ сего о томъ вѣдомо учинили, что промежь вельможнѣйшего Государя Максимиліяна, нашего любовнаго шурина, да и съ Королемъ Француовскимъ и съ иными Государи такъ зговорено: коли намъ наши убытки исполнятъ, которыми мы наложили воюючи, и мы толды хотимъ Цесарю Римскому Колывань отдати и иные мѣста, которые за нами въ Ливонской землѣ; а на то здѣланы укрѣпленные грамоты за печатью, а есть тому семь лѣтъ... и нѣчто Колывани сступлюся Цесарю, и вы тогды у Цесаря о Колывани промышляйте.» — Іоаннъ отвѣчалъ Королю, что новый съѣздъ Пословъ на границѣ будетъ безполезенъ, и что Шведскіе должны пріѣхать къ намъ.

(455) См. Кельха 332.

(456) Въ Розрядахъ: «Тогожь году (1577) билъ челомъ Государю Ѳома Аѳ. Бутурлинъ на Ив. Вас. Шереметева Меньшова въ мѣстѣхъ, и являючи къ себѣ недружбу Дьяка Андрея Щелкалова, что Дьякъ А. Щелкаловъ, дружа Ивану да Ѳедору Шереметевымъ, пишетъ Ѳомину меньшую братью безъ Государева вѣдома въ розрядѣхъ менше Ивана и Ѳедора Шереметевыхъ, и Государь бы пожаловалъ велѣлъ судъ дати на Щелкаловыхъ въ безчестьѣ, а въ отечествѣ счетъ дати съ Ив. Шереметевымъ... Отецъ его былъ на Коломнѣ менши дѣда моего; а язъ у дѣда моего первой внукъ, а Иванъ у отца своего пятой сынъ... И Государь приказалъ судити Бояромъ, К. Ивану Ѳед. Мстиславскому, да К. Семену Д. Пронскому, да Никитѣ Романовичу и другимъ... А съ Иваномъ Шереметевымъ судъ не сталcя за смертью: убили его за туры подъ Колыванью.» Кельхъ 335: ihr berühmtester General Iwan Wasilewitz Selymetin Kolzhoff durch eine Stückenkugel erleget, и проч. — О впаденіи въ Финляндію см. тамъ же.

(457) Въ Розрядахъ: «Воеводы прочь отошли отъ Колывани Марта въ 23.» — Король Датскій отъ 25 Апр. 1577 писалъ въ Герцогу Мекленбургскому, что Россіяне, какъ слышно, три раза безъ успѣха приступали къ Ревелю, и что 30 Бояръ ушли отъ нихъ въ городъ, не смѣя возвратиться къ Царю (см. между моими Мекленбургскими бумагами, No XV, и Кельха 337 — 338).

(458) См. Кельха 338, 339.

(459) Мѣсяцъ и число показаны несогласно въ Розрядахъ: въ иныхъ 1 Мая, въ другихъ Іюнь. — На берегу Оки главными Воеводами оставались К. Ив. Ѳед. Мстиславскій и П. В. Морозовъ.

(460) Въ Розрядахъ 1573 года сей Царь именованъ еще *Саиномъ*, 15 Іюля того же года уже *Симеономъ* (см. Дѣла Датск. No 2, л. 41), а въ Апр. 1577 *Великимъ Княземъ Тверскимъ* (см. Розряды въ *Вивліое.* XIV, 325).

Въ нѣкоторыхъ Розрядахъ сказано, что въ войскѣ у В. К. Симеона было 19,416 человѣкъ, пушекъ 57, а людей обозныхъ 12,430; что Царь изо Пскова съ К. Трубецкимъ послалъ 5287 воиновъ къ Ацелю, Трикату и Вольмару. Въ другихъ нѣтъ

числа людей; сказано просто: «Въ больш. полку К. В. Симеонъ Бекбулатовичь Тверской, да Бояринъ и Намѣстникъ Псковской К. Ив. П. Шуйской, да Бояринъ К. В. А. Сицкой; въ правой рукѣ Намѣстн. Псков. К. П. Т. Шейдяковъ, да Бояр. Никита Ром. Юрьевъ; въ перед. полку К. Ѳ. И. Мстиславской... Въ сторожевомъ К. Вас. Ѳ. Шуйской... Въ лѣвой рукѣ К. Сем. Ардасовичь Черкасской, да К. Тюфякинъ; а у розряду Дьяки В. Щелкаловъ да И. Стрешневъ; у наряду Окольничей В. Ѳ. Воронцовъ, да К. Сем. Коркодиновичь, да Дьякъ А. Клобуковъ... А срокъ Воеводамъ Егорьевъ день вешній... и Преполовленьевъ день; а съ ними сбиратись въ Новѣгородѣ Ноугородскіе помѣщики, Бѣжецкіе, Деревскіе, Вотцкіе и Обонѣжскіе Пятины; а Московскимъ городамъ (Кострома, Ярославль, Галичь, Романовъ, Суздаль, Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ) на Вознесеньевъ день у Воеводъ» (слѣдуютъ имена ихъ)... «А верстати въ Новѣгородѣ Дѣтей Боярскихъ Вотцкую Пятину Никитѣ Ром. Юрьеву, Деревскую К. Василью Ю. Сицкому,» и проч... «Людямъ сбиратся въ Псковѣ на Вознесеньевъ день: Великане, Невляне, да Ноугородскіе помѣщики Шелонской Пятины; а Московскіе городы Серпьяне и Можайцы, Дорогобужане, Смольняне, Еѣляне, Лучане, Торопчане, Ржевы Пустыя; а Юрьевскимъ (Дерптскимъ) помѣщикомъ и всѣхъ Нѣмецк. городовъ стати на срокъ въ Псковѣ на Вознесеньевъ день... А Татаромъ Мещерскимъ и Казанскимъ срокъ стати въ Новѣгородѣ на Петрово заговѣнье; а итти имъ двѣма дорогами на Торжокъ, да Казанскимъ на-лѣво съ Торжку, а Мещерскимъ на-право, а большою дорогою, куда Государю итти, Татаромъ нейти; а Нагайскимъ съ Романова итти на Городецъ; а Царевичамъ Будалею да Мустафалею стати въ Новѣгородѣ на Вознесеньевъ день; а служилымъ Татаромъ и новокрещенымъ Московскихъ городовъ на Петрово заговѣйно; а Ноугородскимъ (Нижегородскимъ) на Троицынъ день; а посошнымъ людямъ въ Псковѣ на Петрово заговѣйно.»

(461) См. Кельха 340.

(462) См. тамъ же 341, 342. Въ Розрядн. Книгахъ: «Пришолъ Государь къ городу Влеху» (Вальку? въ другихъ: къ *Марингусу*) «и того же дни взялъ... Оттолѣ къ Резницѣ: ввечеру послалъ Воеводъ города смотрѣти, а назавтрея городъ взялъ... А оттолѣ къ Невгину (Дюнебургу) за 5 верстъ, и ввечеру Государь ѣздилъ города смотрѣти, а назавтрея взялъ... А оттолѣ по Двинѣ внизъ къ Ружбору, и Нѣмцы побѣжали... А оттолѣ къ Левдуну, и Нѣмцы встрѣтили Государя за 5 верстъ... и Государь велѣлъ Левдунъ разорити и подъ полаты бочки (пороху) подкатити; а Нѣмецъ отпустилъ въ Курляпскую землю... А оттолѣ къ городу Чествину... и Ѳома Бутурлинъ городъ осадилъ и острогъ взялъ и посадъ выжечь Нѣмцомъ не далъ, а вылазки были частые, и Ѳома велѣлъ позалечи по улицомъ Стрѣльцомъ и Головамъ съ Дѣтми Боярскими, и на вылоски Нѣмецъ и Лотышей побили многихъ... и Государь прислалъ на прибавку Воеводу М. Головина и съ грамотою Дьяка... и Нѣмцы грамоты не послушали; а сидѣлъ въ городѣ Нѣмчинъ Князь Ивановъ братъ Тубовъ измѣнника Государева, Забиріаномъ зовутъ... и въ ночи на третій день прислалъ Государь съ нарядомъ легкимъ Б. Бѣльского... а станъ Государевъ былъ за 5 верстъ; и какъ Ѳома велѣлъ изъ наряду бити, и Нѣмцы почали съ города метатися, и Ѳома ихъ къ Государю послалъ... а къ свѣту Государь прислалъ съ большимъ нарядомъ Окольничаго В. Ѳ. Воронцова, и самъ пришолъ... и Нѣмцы вороты отворили, а сами съ женами и съ дѣтми пошли подъ Государеву саблю, на Государеву волю, и за ихъ грубость Государь велѣлъ ихъ по колью посажати; а инымъ животъ далъ: велѣлъ ихъ распродати Татаромъ... а въ городѣ переписати казны... А оттолѣва походъ къ Болзуну... и Нѣмцы городъ отдали... А оттолѣва послалъ Воеводъ къ городу *Сполбину* (Голбину, Швапенбургу?), и Нѣмцы городъ отдали, и Государь отпустилъ ихъ въ свою землю... А оттолѣва послалъ къ *Изборть* съ грамотою, и Нѣмцы думали три дни, а послѣ дались на Государеву волю, и Государь велѣлъ ихъ за ихъ вину продати Татаромъ... А оттолѣва походъ Государевъ къ Куконосу; и заслышали Нѣмцы, и послали бити челомъ къ Арцымагнусу... и Король прислалъ Нѣмецъ своихъ и назвалъ своимъ городомъ, и къ Государю о томъ писалъ.»

(463) См. выше.

(464) Въ Розрядахъ: «Государь послалъ Воеводъ къ Куконосу... и велѣлъ, въ городъ въѣхавъ, Королевскихъ Нѣмецъ перенмати и Куконоскихъ... и сдѣлали, и животы ихъ запечатали...; и пришолъ Государь въ городъ, да Нѣмецъ Королевскихъ велѣлъ предъ собою поставити и побити всѣхъ, а Нѣмецъ Куконоскихъ распродати Татаромъ.» — См. Кельха 343.

Списокъ, весьма худой, Іоанновой грамоты къ Магнусу находится въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ. Въ ней сказано: «Сложася съ нашимъ недругомъ, нашу отчину отъ насъ отводишь, и которая казна у нихъ» (въ городахъ, занятыхъ Магнусомъ) «и ты тое казну у насъ теряешь; а какъ еси былъ у насъ во Псковѣ, и мы тебѣ тѣхъ городовъ не поступались, а токмо еси тебѣ поволили о Кеси (Венденѣ), да тѣ городки, которые на той сторонѣ Говьи рѣки... И мы Божіею милостію свою вотчину, Лифлянскую землю, очистили.» Слѣдуютъ имена городовъ, занятыхъ Рос. войскомъ. Далѣе: «И мы въ нашей отчинѣ... и буде похочешь, и ты у насъ емли; а мы здѣсь съ тобою близко; и въ тѣхъ городѣхъ наши Воеводы и ты о тѣхъ городѣхъ не пекись: и безъ тебя берегутъ; а приставовъ въ твои городки, колько Богъ помочи подастъ, пошлемъ; а деньги у насъ сухари, каковы лучились,» и проч.

(465) Кельхъ 343: «Іоаннъ говорилъ съ Пасторомъ на улицѣ... ударилъ его по головѣ хлыстомъ; сказалъ: *поди къ черту съ своимъ Лютеромъ*, и ускакалъ... Въ Ленварденѣ онъ велѣлъ ослѣпить стараго Ландъ-Маршалка, Каспара Фонъ-Мюнстера, а послѣ засѣчь розгами до смерти.»

Въ Розрядн. Книгахъ: «Государь послалъ Б. Яков. Бѣльскаго къ Ровному... и Нѣмцы Магнусовы городъ отворили, и Государь велѣлъ ихъ отпустити къ Магнусу... А какъ пошелъ Государь къ Эрли, и на первомъ стану пріѣхали къ нему Нѣмцы К. Арцымагнуса, а сказываютъ, что Король ихъ послалъ къ Леневарду, и Нѣмцы Леневардскія сдалися Государю, и велѣлъ Государь Леневардскихъ отпустити съ женами и съ дѣтми въ свою землю, а Королевскихъ къ Арцымагнусу. А къ Эрли послалъ, не доходя за день, съ грамотою, и Нѣмцы грамоты не послушали, и Государь послалъ другую и полки... и Нѣмцы сдалися, и Государь побити ихъ не велѣлъ, а велѣлъ ихъ распродати, а животы ихъ описати на себя.» (Кельхъ пишетъ, что 12 Дворянъ было изрублено, и въ томъ числѣ Тизенгаузенъ). Далѣе: «А тогожъ дни пришла вѣсть, что Арцымагнусъ послалъ Нѣмецъ къ Володимерцу (Вольмару), да Володимерецъ взялъ, а К. А. Полубенского отпустилъ, а животы его поималъ. И Государь учалъ о томъ на Короля кручинитися, да послалъ Богдана Як. Бѣльскаго, и Богданъ къ Володимерцу пришелъ, и велѣлъ сказати Юрью Вилькову, чтобы его въ

городъ пустилъ для своего дѣла, беречи отъ Литовскихъ людей, да спросити про К. А. Полубенского»... Далѣе описываются переговоры съ Георгомъ Вильке въ теченіе трехъ дней. О наградахъ: «Государь Богдану пожаловалъ золотой Португальской на чепь золоту, а Д. Черемисинову золотой Угорской, а Дворяномъ по золотой Ноугородкѣ, а инымъ по Московкѣ золотой, а инымъ по золоченой... И Государь идучи взялъ г. Шкуенъ» (у Кельха *Аріесъ*, Юргенсбургъ) «и послалъ хъ Кеси (Вендену) спросити Короля про К. Полубенского, и Король сказалъ Полубенского у себя... и его отдалъ, а самъ встрѣтилъ Государя на остановшенемъ стану не со многими людми.» См. Кельха 343, 344.

(466) Кельхъ 340, 341. Магнусъ тайно посылалъ своего Пастора Шрафферна къ Герцогу, распустивъ слухъ, что сей Пасторъ отъ него ушелъ.

(467) См. Петрея и Кельха 344.

(468) См. Архив. Розрядн. Книгу, л. 530, 531.

(469) Кельхъ 345 — 347.

(470) Въ Архив. Розряд. Кн.: «Сталъ Государь отъ Ровного за 5 верстъ, и послалъ Воеводъ города смотрѣти... а въ городѣ сидѣли Литовскія люди, и стрѣльба по нихъ великая была, и не убили никого... и Литва, Панъ Лука и иныя, выпросили сроку до завтрея: *мы держимъ городъ отъ Пана Хоткѣвича, а здѣся де сидятъ многія полатники Нѣмцы.* А на утреной зарѣ въ городъ пустили... Отголѣва Государь послалъ съ грамотами въ Смильтинъ да въ Трекатъ.» Оба сдалися. Смилтинъ или Шмильтенъ велѣно было разорить.

(471) См. тамъ же, л. 533, 534.

(472) Списокъ сей грамоты находится въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ. Въ надписи: «Такова грамота послана отъ Государя изъ Володимерца ко К. А. Курбскому со К. А. Полубенскимъ.» За титуломъ Царскимъ: «Воспоминаю ти, о Княже! со смиреніемъ... Аще бо и паче песка морскаго беззаконія моя, но надѣюся на милость благоутробія Божія: можетъ пучиною милости Своея потопити беззаконія моя, яко же и нынѣ грѣшника мя суща, и блудника, и мучителя, помилова, и животворящимъ своимъ крестомъ низложи (вся)... и никая же бранная хитрость не потребна бысть, яко же не едина Русь, но и Нѣмцы и Литва и Татарове и многія языцы свѣдятъ: самъ, вопрося ихъ, увѣдай... Нынѣ отъ многа малая воспоминаю ти. Помяни реченное во Іовѣ: *обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ:* тако и вы хотѣли съ Попомъ Селиверстомъ и съ Алексѣемъ Алашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю Рускую землю видѣти: Богъ же даетъ власть, ему же хощешь. Писалъ еси, что язъ разтлѣненъ умомъ... и язъ таки тебя судіею поставляю съ собою: вы ль растлѣнны или язъ, что язъ хотѣлъ вами владѣти, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и язъ за то на васъ опалился... и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: язъ былъ Государемъ, а дѣломъ ничего не владѣлъ. Коликіи напасти язъ отъ васъ пріялъ!... И за что? Что моя передъ вами исперва вина? Кого чимъ оскорбилъ? То ли моя вина, что Прозоровского 150 чети (четвертей земли) Ѳедора сына (Царевича?) дороже? Съ какою укоризною ко мнѣ судили вы Ситского съ Прозоровскими, и какъ обыскивали какъ злодѣя! Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровскіе каковы предъ нами? За Божіимъ милосердіемъ и батюшкинымъ благословеніемъ у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ почему меня лутче? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой. Да много того, и всѣхъ мнѣ бѣдъ отъ васъ не исписати. А съ женою вы меня прочто разлучили?» (см. выше, примѣч. 3). «Все то учинилося отъ вашего своевольства. А Князя Володимера на Царство чего для есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтми извести? а язъ восхищеньемъ ли, или ратью, или кровью сѣлъ на Государство? Народился есми Божіимъ изволеніемъ на Царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка благословилъ Государствомъ; и взросл есми на Государствѣ. А Князю Володимеру почему было быти на Государствѣ? отъ четвертаго Удѣльнаго родился. Что его достоинство къ Государству, развѣе вашея измѣны и его дурости? Что вина моя предъ нимъ, что ваши жь дяди и господа отца его уморили въ тюрмѣ, а его и съ матерью такожде держали въ тюрмѣ? И язъ его и матерь свободилъ и держалъ въ чести и въ урядствѣ; а онъ было уже отъ того и отшелъ. — И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ, и вы почали противъ меня больше стояти да измѣняти, и язъ потому жесточайши почалъ противъ васъ стояти: хотѣлъ васъ покорити въ свою волю; и вы за то какъ святыню Господню осквернили и поругали! Осердяся на человѣка, да Богу ся приразили. Колико церквей и монастырей поругали есте? О семъ же паки умолчу; а нынѣ о настоящемъ восписую ти. Смотри, о Княже! Божія судьбы, яко Богъ даетъ власть, ему же хощетъ. Вы убо яко Діаволъ съ Селивестромъ Попомъ и съ А. Алашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовѣ: *обыдохъ,* и проч... Но вся *матерь* ваша ни вочтоже бысть Божіимъ изволеніемъ. Сего ради трость наша наострися къ тебѣ писати, яко же рекосте: *нѣсть людей на Руси: некому стояти* — и нынѣ васъ нѣтъ, и нынѣ претвердыя грады Германскія взимаетъ сила животворящаго креста: не ожидающе браннаго бою, поклоняютъ главы своя... А писалъ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечныя грады какъ бы опаляючися посылали: ино мы нынѣ, Божіею волею, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши сходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили... и гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, и гдѣ чаялъ ушелъ, а мы тутъ, и ты дальноконечнѣе поѣхалъ... Писано въ нашей отчинѣ, Лифляндскія земли во градѣ Вольмарѣ, лѣта 7086,» и проч.

(473) См. Т. VIII, стр. 36.

(474) Кельхъ 342.

(475) Тамъ же, стр. 348. Въ бумагахъ Мекленбургскаго Архива, мнѣ доставленныхъ, нашелъ я современную записку о мѣстахъ, полученныхъ тогда Магнусомъ отъ Іоанна: Erstlich das Neue Haus bey der Nemna; Schlos Ueberpfall, Carkes, Helmde, Erms, Rosenbergk, Siegewalde, Lemburgk, и проч. Тутъ же сказано, что Царь, видя трудность взять Ревель, хочетъ близъ сего мѣста основать крѣпость.

(476) Сіи стихи тогда же были сообщены Мекленбургскому Герцогу какимъ-то Павломъ Магнусомъ, пріѣхавшимъ изъ Ливоніи (см. въ моихъ Мекленбургскихъ бумагахъ No 18). Вотъ они: Reim, so der Großfürst in den Kirchen von ihm selbst gemacht und anschreiben lassen:

Iwan Basilius bin ich genant,
Und hab unter mir so manches Landt,
Wie dann mein Titell ausweisend ist
Und bin darzu ein gutter Christ:
S. Pauli Lehr halt ich fein:
Habe die gelert von den Aeltern mein
Wie dann mein Muscowiter alle
Die mir dienen mit reichem Schalle

Еще другіе стихи:

Ich bin der Reußen Herre gutt,
Geborn von meiner Eltern Blutt;
Kein Tittel ich durch Gab und Bitt
Von niemand erkaufftet nit,
Keinem Herren ich gehorsam zwar,
Dann Christo Gottes Sohn ist war.

(477) Кельхъ 348.

(478) См. Т. VIII, стр. 89 и 112; въ семъ Томѣ стр. 120 и Курбскаго. Въ Дѣлахъ Швед. No 3, л. 32: По Государеву приказу Бояре К. Мих. Ив. Воротынской съ товарищи приговорили послать къ Свейскому гонца» (въ Февр. 1573, изъ Новагорода). Въ Архив. Розряд. Кн. л. 482: «Апр. въ 15 (г. 1573) въ большомъ полку» (на Окѣ, въ Серпуховѣ) «Бояре К. Мих. Ив. Воротынской, да Мих. Яков. Морозовъ, въ правой рукѣ К. Никита Роман. Одоевской... И Царь и В. К. положилъ опалу на Бояръ и на Воеводъ своихъ, на К. Мих. Ив. Воротынскаго, да на К. Н. Р. Одоевского, да на М. Я. Морозова: велѣлъ ихъ казнити смертною казнью.»

(479) «О мужу наилѣпшій и наикрѣпчайшій и многаго разума исполненный! Велія и преславная память твоя, аще негли недостаточна во оной, глаголю, варварской землѣ, въ томъ нашемъ неблагородномъ отечествѣ... но здѣ и вездѣ, мню, въ чуждыхъ странахъ преславнѣйшая, не токмо во Христіанскихъ предѣлахъ, но и у Турковъ... И что глаголю о славѣ, на земли сущей! и на небеси у Ангельскаго Царя преславна память твоя... За оную пресвѣтлую надъ Бусурманы побѣду» (см. выше, примѣч. 394) «сподобился еси отъ онаго кровопійцы мзду получити..., Много отъ младости своей храбрствовалъ, аже безъ мала до шестидесятаго лѣта.» Курбскій, разсказавъ всѣ обстоятельства смерти Воротынскаго, пишетъ далѣе: «изженна, на-полы мертва въ темницу на Бѣлое Озеро повезти (Царь) велѣлъ, и отвезенъ аки три мили, ко Христу отыде.» — Іоаннъ въ грамотѣ своей къ Игумену Кирилловскому, Козмѣ (см. выше, примѣч. 37), пишетъ: «А восе надъ Воротынскимъ церковь есте поставили; ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ Чудотворцемъ (Св. Кирилломъ Бѣлозерскимъ) нѣтъ. И на Страшномъ Судищи Воротынской да Шереметевъ выше станутъ... Слышахъ отъ васъ, яко добрѣ се створила Княгиня Воротынскаго: азъ же глаголю, яко не добрѣ: первое гордыня есть и величанія образъ, еже подобно Царстѣй власти церковію и гробницею и покровомъ почитатися, и не токмо души не пособь, но и пагуба. Второе и сіе зазоръ не малъ, яко мимо Чудотворца надъ нимъ церковь.»

(480) Въ Родослов. Книгахъ: «У К. Мих. Ив. дѣти К. Иванъ и К. Дмитрей; у К. Ивана (Боярина) К. Алексѣй; у К. Алексѣя К. Иванъ: былъ въ Боярахъ; у К. Ивана К. Михайло, бездѣтенъ. И тотъ родъ пресѣкся.» Сей родъ шелъ отъ К. Ѳед. Юр. Одоевскаго.

(481) См. выше, стр. 83, и Послужный Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 53. Курбскій: «К. Одоевскаго Никиту мучити различнѣ повелѣлъ: срачицу его, провлекши сквозѣ его перси, тамо и овамо торгати, дондеже въ таковыхъ мукахъ духъ испусти.»

(482) См. тамъ же.

(483) См. Розрядн. Книги и Послуж. Списокъ Бояръ. Бутурлину дано Боярское достоинство въ 1567 году.

(484) См. Послужный Списокъ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 53—55. Крайчій Собакинъ убитъ въ 1574 году; Окольничіе Петръ Вас. Зайцевъ, Гр. Степ. Собакинъ и К. Борисъ Дав. Тулуповъ казнены въ 1575; Окольничій Никита Вас. Борисовъ въ 1576; Оружничій К. Ив. Девételевичъ въ 1577.

(485) Въ одномъ изъ краткихъ Лѣтописцевъ сказано: «Скончася Корнилій лѣта 7078 (1570), земнымъ Царемъ посланъ къ Небесному Царю, Февруарія въ 20 день, и въ его описаніи обрѣтеся, яко въ то время бысть мятежъ и нестроеніе въ Россійстѣй земли, и раздѣленіе Царству, и крамола, и смерть, и людемъ преселеніе, и имѣнію отъятіе, и пожары великіе по градомъ, и моръ и гладъ, и нашествіе иноплеменныхъ.» Но въ 1570 году Корнилій принималъ Государя во Псковѣ (см. въ семъ Томѣ стр. 90), гдѣ не было тогда никакихъ смертоубійствъ. Курбскій: «Поставленнаго другаго Архіепископа въ того (Пименово) мѣсто, мужа, яко слышахомъ, нарочита и кротка (Леонида), аки по дву лѣтѣхъ велѣлъ (Іоаннъ) убити, со двумя Опаты, сирѣчь Игумены або Архимандриты... *Тогда жь* (слѣдственно въ 1575 году? см. ниже) убіенъ отъ него Корнилій, Игуменъ Печерскаго монастыря, мужъ святъ... и вкупѣ съ нимъ Мнихъ, ученикъ его, Васьянъ Муромцовъ, ученый и искусный... Глаголютъ ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ; вкупѣ и тѣлеса ихъ погребены.» За симъ Курбскій пишетъ, что Іоаннъ *тогда* же велѣлъ опустошить Нарву, Псковъ и другіе города: сіе должно относиться къ 1570 году (см. въ семъ Томѣ стр. 90). За старое преданіе разсказываютъ нѣкоторые, что Іоаннъ самъ отсѣкъ голову Корнилію, встрѣтившему его внѣ Пскова съ крестомъ и съ благословеніемъ, когда Царь шелъ на Ливонію: слѣдственно въ 1577 году? О качествахъ Леонида см. выше, примѣч. 398. Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Опалися» (въ 1575 году) «Царь И. В. на Архіепископа Новгородскаго Леонида и взя къ Москвѣ и санъ на немъ ободралъ, и въ *медвѣдно* ошивъ, собаками затравилъ.»

(486) См. Т. VII, стр. 76.

(487) См. Т. VIII, примѣч. 163.

(488) См. Курбскаго. Еще и въ государствованіе Василія Іоанновича многіе Лопари уже были Христіанами: см. Т. VII, стр. 115.

(489) См. Т. VIII, стр. 68. Розряды сего времени наполнены спорами о мѣстахъ Воеводскихъ.

(490) Въ Архив. Розрядн. Кн. л. 549: «Дек. въ 25 Царь и В. К. велѣлъ стояти у своего Государева стола въ товарыщехъ съ Кравчимъ съ Б. Ѳ. Годуновымъ К. Ив. В. Сицкому, и К. Иванъ сказалъ, что съ Борисомъ въ товарыщехъ быти ему невмѣстно, и билъ Царю на большова брата Борисова на Василья въ отечествѣ о счетѣ; а Борисъ билъ челомъ на К. Иванова отца, на Боярина Вас. Андр. Сицкого. И Царь велѣлъ ихъ судить Боярину К. Ив. Ѳ. Мстиславскому, да Боярину К. Ив. Ю. Голицыну, да Дьяку Андрею Мясному; а слушалъ того суда Царь и В. К., и по счету Б. Ѳ. Годунова оправилъ, а Боярина К. В. А. Сицкого обвинилъ; а учинилъ Бориса многими мѣсты больши Боярина К. Сицково, и правую грамоту Борису пожаловалъ. Списокъ съ грамоты слово въ слово: По Государеву приказу... сей судъ судили: тягался въ отечествѣ Б. Ѳ. Годуновъ со К. В. А. Сицкимъ... и на судѣ подалъ, почему ему быти больши К. Сицкого: К. Васильевъ Андреевича большой дядя меньши былъ Василья Овцына Володимерова, а Василей Овцынъ меньши былъ К. Петра Елецкого, а К. Петръ меньши былъ К. Ѳ. Вас. Телепня Оболенского; а дѣдъ мой, Вас. Григ. Годуновъ, меньшой братъ родной Ив. Григорьевичу, былъ больши К. Ѳед. Телепня Оболенского; и въ Государевыхъ Розрядѣхъ написано: велѣлъ бы Государь того сыскати.» Слѣдуетъ выписка изъ Розрядовъ 1515 и 1516 годовъ, сдѣланная Дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ, въ утвержденіе сказаннаго Годуновымъ. Далѣе: «И Царь велѣлъ правую грамоту на К. Сицкого Б. Ѳ. Году-

вову дати; а къ сей грамотѣ Царь и В. К. И. В. всея Русіи печать свою приложилъ. Лѣта 7087, Дек. въ 25 день.»

(491) Въ Архив. Розрядн. Кн.: «Послалъ Государь въ Смилтинъ» (см. выше, примѣч. 470) «К. Мих. Ноздроватого... и Нѣмцы грамотъ не послушали, и Государь къ нимъ на правку прислалъ съ сотнею для вылоски Андрея Салтыкова, и Андрей никакова же промыслу не учинилъ... И Государь ихъ послалъ провѣдывать Сына Боярскова Проню Болакирева, и Проня къ нимъ пріѣхалъ ночью, и сторожей у нихъ не было, а ему пріѣхалось шумно, и Князь Михайловы полчане и Андреевы побѣжали ни отъ кого, и Стрѣльцы отъ города: шумъ, вискъ (визгъ), и послѣ остановились; и Проня пріѣхалъ къ Государю и сказалъ, что они стоятъ небережно, а дѣлаютъ не по Государеву указу; и Государь о томъ кручинился, да послалъ изъ-за кушанья Деменшу Черемисинова, да велѣлъ про то сыскати... и Деменша то сыскалъ, что они дѣлалы негораздо, а Литва изъ города хотѣли ѣхати съ женами и съ дѣтьми, и они ихъ не пущали, а пущали душею да тѣломъ къ Государю бити челомъ о своихъ животахъ; и Литва для того изъ города не поѣхали; и Деменша къ Литвѣ послалъ, чтобы они изъ города ѣхали со всѣми животы, и Литва городъ очистили; и Деменша К. Михайла въ городѣ посадилъ... и Государь Литву отпустилъ, а животы ихъ взялъ на себя... а К. Михайла за его неслужбу велѣлъ бити на конюшнѣ, а Андрея Салтыкова бити не велѣлъ; а Андрей отымался тѣмъ, что будто ся *Андрей* твоево Государева наказу не показалъ» (не описка ли?) «и Государь Андрею шубы не далъ за его неслужбу.»

(492) Кельхъ 325.

(493) Тихвинскій Введенскій Монастырь, разоренный Шведами въ 1613 году, былъ возобновленъ ею (см. *Исторію Рос. Іерархіи*, VI, 396). Во время бракосочетаній Царя Михаила Θеодоровича, въ 1624 и 1626 году, посылались къ ней дары. Анна, или Дарья, скончалась Схимонахинею 5 Апр. (1626 или 1627) и погребена въ паперти Соборной церкви на сѣверной сторонѣ. — Въ 1574 году, Генв. 30, Іоаннъ принималъ Крымскихъ Пословъ въ *смирномъ* или печальномъ платьѣ (см. Дѣла Крым. No 14, л. 173 на обор.): не тогда ли онъ постригъ супругу?

(494) Сказанія о *семи* бракосочетаніяхъ Іоанновыхъ были доселѣ невѣрны и несогласны одни съ другими: я нашелъ слѣдующее, если не современное, то по крайней мѣрѣ въ началѣ XVII вѣка писанное (см. въ моей библіотекѣ старую рукопись въ четверть листа No 8, подъ заглавіемъ: *Елагинская Смѣсь*, ибо сія рукопись принадлежала нѣкогда Г. Елагину): «Первая Царица Настасья Романовна Юрьева. Вторая Царица Марья Темрюковна Черкасовъ Пятигорскихъ. Третья Царица Марθа Васильевна Собакиныхъ. Четвертая Царица *Анна Алексѣевна Колтовская*» (такъ и въ Новогород. Лѣт. Малинов.: см. выше, примѣч. 388 и 392). «Лѣта 7080, Апр. въ 29, Рускія Митрополіи, Московскаго Государства и всей Руской земли — не вѣмъ, которымъ обычаемъ — Архіепископы и Епископы, и Архимандриты и Игумены, и весь Осв. Соборъ благословили Государя, Царя и В. К. Ив. Вас. женитися четвертымъ бракомъ, мимо Христово Евангеліе, и Апостолы, и Христову Церковь, и Помѣстныя Соборы, и Большихъ и Вселенскихъ семи Соборовъ... И потомъ понялъ пятую *Царицу* Васильчикову (см. ниже). *Шестую* сказываютъ, что имелъ молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сирѣчь съ *женищемъ*; *седьмую* Царицу Марью Θедоровну Нагихъ, и отъ нее родился Царевичь Димитрей.»

Въ рукописной Суздальской Лѣтописи сказано: тамъ же (въ Суздальскомъ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ) похоронена супруга Царя Іоанна Васильевича Царица Анна:» должна быть Васильчикова. — Въ Обиходѣ Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря: «въ то же число» (Генв. 7) «по *Аннѣ Васильчиковой* дачи Государскіе 100 рублевъ.» Она не названа *Царицею*. Въ спискѣ Бояръ и чиновниковъ тогдашняго времени (см. *Рос. Вивліоθ.* XX, 54 и слѣд.) нѣтъ ни одного *Васильчикова*.

(495) Въ Сент. 1577: см. Дѣла Цесарск. Двора, No 3, л. 353 и слѣд.

(496) Тамъ же, л. 408: «Моего названнаго сына, Богдана Воеводы, въ животѣ не стало... а лѣтами онъ былъ не старъ... и язъ о томъ обрадовался, что онъ таковому великому Государю вотчинную свою землю далъ.»

(497) См. въ семъ Томѣ стр. 102.

(498) См. Дѣла Цесар. No 3, л. 422 на об., также Гольберг. и Маллет. Датск. Исторію г. 1578.

(499) См. Iac. Ulfeldii Hodœporicon Ruthenicum, стр. 35, 36. — Списокъ заключеннаго Ульфельдомъ договора находится въ столбцахъ Архива Кол. Ин. Дѣлъ No 88. Въ немъ именованы города Ливонскіе по-Латышски и по-Нѣмецки; на примѣръ: «Городъ Сыренскъ, а по-Нѣмецки *Нишлотъ*... Пайда, а по-Нѣмецки *Весштенъ* (Вейсенштейнъ) — Ровной, *Ронемборхъ* — Голбинъ, *Шваненборхъ* — Чествинъ, *Сесвягинъ* — Флеинъ, *Марьингузъ* — Пиболда, *Пибаль* — Страупа, *Ропа* — Алыстъ, *Марьинборгъ* — Говья, *Адзель* — Лужа, *Лудзенъ* — Кевгинъ (по-Чудски), *Вилемборхъ* — Селипель, *Зельборхъ* — Скровенъ, *Ашерадъ* — Секвалтъ, *Зеильболтъ* — Адежъ, *Неймиль* — Полчевъ, *Верполь*.» Перемиріе заключено отъ 1 Сент. 1578, а утверждено 28 Авг. 1580.

(500) См. Гольберг. и Маллет. — Ульфельдъ пишетъ (стр. 36): Tam superbo et efflato animo Princeps etiam erat, supercilia sine fine attolens, latera erigens, totoque corpore intumescens, præsertim audito suo titulo; maxime igitur in eos cadit dictum: qualis est Princeps, tales sunt subjectorum mores. Sunt insuper callidi, versuti, pertinaces, effrenati, adversi et aversi, perversi, ne dicam, impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique virtutibus (mihi crede) omnibus nuncium remiserunt. Такъ честилъ нашихъ предковъ Г. Ульфельдъ, за худой успѣхъ сего Датскаго Посольства!

(501) Дѣла Крымск. No 15. Главнымъ Ханскимъ Посломъ былъ Араслапъ Мирза; а съ К. Вас. Вас. Мосальскимъ находился Дьякъ Армянинъ Шапиловъ. См. л. 215 и 247.

(502) См. Дѣла Польск. No 10. Іоаннъ, будучи въ Ливоніи, узналъ, что ѣдутъ къ нему Послы Королевскіе, Станиславъ Крыйскій, Воевода Мазовецкій, и Николай Сапѣга, Воевода Минскій: онъ велѣлъ имъ ѣхать прямо въ Москву. Въ Ноябрѣ былъ у него съ письмомъ Стефановымъ гонецъ Полуяновичь (л. 290 — 313).

(503) См. тамъ же, л. 313 — 414, и 415 — 498. Дворецкой Тверскій, Мих. Долмат. Карповъ, Казначей Петръ Ив. Головинъ и Дьякъ Курбатъ Грамотинъ выѣхали изъ Москвы 16 Мая. Первый умеръ на возвратномъ пути въ Россію.

(504) См. Кельха 347 и Далин. г. 1577.

(505) См. R. Heidenstenii Secr. Regii de bello Moschovitico Comment. (Въ Rer. Moscov. Auct.) стр. 328, и Кельхъ 349.

(506) Марія родила дочь Евдокію, которую черезъ 30 недѣль окрестили въ Пильтенѣ по обря-

дамъ нашей Церкви, въ Генв. 1581), и въ 1583 году овдовѣла: см. Кельха.

(507) См. Гейденшт. и Кельха 350. Въ Архив. Розрядн. Кн.: «Февр. въ 1 (г. 1578) ходили къ Кеси Воеводы... и стояли у Кеси 4 дни; проломъ пробили великой, а Кеси не взявъ пошли отъ города, далъ Богъ здорово.»

(508) Въ Розрядн. Кн.: «А въ Линовардѣ сидѣли К. Ив. Мих. Елецкой да Левонтей Григ. Волуевъ; а подъ людьми ходили» (т. е. на помощь къ нимъ) изъ Куконосова Воеводы Микита Ив. Очинъ-Плещеевъ, да Игн. Александр. Кобяковъ.» См. Кельха 354 и 352. Нѣмцы сняли осаду послѣ Свѣтлаго Воскресенія; а Шенкенбергъ сжегъ предмѣстіе Дерпта 4 Іюня.

(509) См. Кельха 350 и 352. Въ Розрядн. Кн.: «Воеводы городъ Полчевъ (Верполь, Оберпаленъ) взяли (25 Іюля) а Нѣмецъ живыхъ 200 прислали къ Государю къ Москвѣ, а ихъ побили. И Воеводы не по Государеву указу пошли въ Юрьевъ, и Государь послалъ къ нимъ на прибавку съ берегу Іюня въ 27 Боярина К. Вас. Андр. Сицкова, да Окольничева К. Петра Ив. Татева, а Окольничего К. Дм. Хворостинина да К. Вас. Тюменского велѣлъ отпустить къ Москвѣ... А Воеводы опять замѣшкали, и къ Кеси не пошли» (ссорясь между собою о мѣстахъ)... «и Государь прислалъ къ нимъ кручиняся съ Москвы Посольского Дьяка Ан. Щелкалова, а изъ Слободы Дворянина Дан. Борис. Салтыкова, а велѣлъ имъ итти къ Кеси и промышляти своимъ дѣломъ мимо Воеводъ... и Воеводы пошли; а у Кеси стояли 5 дней, и по городу били и выбили стѣну... и собралися Нѣмецкіе и Литовскіе люди и Воеводъ побили, а нарядъ весь взяли: *Волка*» (имена пушекъ) «*двѣ дѣвки да змѣй Парновской*» (у Гейденшт. стр. 339: erant tormenta maxime insignia, unum lupi, alterum accipitris, virginum duo) «да 3 верховыхъ, да 7 полуторныхъ, да 3 скорострѣльныхъ. А Воеводъ убили: Боярина К. Вас. Андр. Сицкова, да Окольн. Вас. Ѳед. Воронцова, да Д. Б. Салтыкова, да К. Мих. Вас. Тюфякина; а живыхъ взяли Окольнич. К. Петра Ив. Татева, да К. Петра Хворостинина, да К. Семена Тюфякина, да Дьяка Андр. Клобукова; а съ дѣла сбѣжали, и своихъ выдали, а нарядъ покинули: Бояринъ К. И. Ю. Голицынъ, да Окольн. Ѳед. Вас. Шереметевъ,» и проч. См. Кельха 354.

(510) Гейденш. 338.

(511) См. въ семъ Томѣ стр. 166.

(512) Гонца или Посланника Баторіева, Петра Гарабурду, держали въ Россіи отъ Апрѣля до Генваря. Съ нимъ послали къ Королю гонца Михалкова. См. Дѣла Польск. No 10, л. 495 — 539.

(513) Все описанное см. въ Гейденшт. стр. 329 и слѣд.

(514) См. въ Далинѣ, гл. XIV, Lit. R. Ioh. ad R. Polon. d. 23 Apr. 1578.

(515) Дѣла Польск. No 11, л. 1 — 122. Послы наши (выѣхавшіе изъ Кракова 11 Дек., а изъ Литвы 12 Іюня) должны были требовать, чтобы Стефанъ возвратилъ намъ города Венденъ, Эрль и *Невгинъ* или *Дюнебургъ*, взятые Гетманомъ Хоткѣвичемъ по отбытіи Іоанновомъ изъ Ливоніи.

(516) См. Розряды въ *Древн. Р. Вивліоѳ.* XIV, 349. Сильныя приготовленія начались съ 5 Дек. 1578: «Въ большомъ полку К. В. Симеонъ Бекбулатовичь Тверской, да Б. К. Ив. Ѳед. Мстиславской, да К. Дан. Андр. Ногтевъ, да К. Вас. Кривоборской. Въ правой рукѣ К. Петръ Тутаевичь Шейдяковъ, да Б. К. Ив. Петровичь Шуйской, да Окольн. Ѳед. Вас. *Шереметевъ* (бѣглецъ). Въ передовомъ Бояре К. Вас. Ив. Мстиславской, да К. Вас. Ю. Голицынъ, да Воевода К. Мих. Ю. Лыковъ. Въ лѣвой рукѣ *Б. К. Ив. Ю. Голицынъ* (бѣглецъ), да Ок. Бор. Вас. Шеинъ, да К. *Андрей Дм. Палицкой* (бѣглецъ). — А Бояръ и приказныхъ людей изъ земского» (т. е. изъ государственныхъ людей, не военныхъ) «Бояр. Никита Ром. Юрьевъ, Дворецкой К. Ѳед. Ив. Хворостининъ, Сокольничей Ив. Бобрищевъ-Пушкинъ, Ловчей Ив. Мих. Пушкинъ, Казначей Петръ Головинъ. Дьяки: *Стрѣлецкія* Избы (т. е. Приказа) Рудакъ Толмачовъ, изъ Ямскія Избы Вас. Колударовъ, Дворцовой Дружина Петелинъ, Казенной Олферей Григорьевъ, у челобитныхъ Богданъ Огарковъ. Изъ Двора Бояре: К. Ѳед. Мих. Трубецкой, К. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйской, Дмитр. Ив. Годуновъ. Кравчей Бор. Ѳед. Годуновъ. Оружничей Богд. Яков. Бѣльской. Дворяне, которые въ Думѣ: Аѳ. Ѳед. Нагой, Вас. Гр. Зюзинъ, Дементей Ив. Черемисиновъ, Боинъ Вас. Воейковъ, Ром. Мих. Пивовъ. Дьяки: Андр. Шерефединовъ, Ив. Стрѣшневъ, Анд. Арцыбашевъ, Сава Фроловъ, Елизарей Вылузгинъ, Петръ Тіуновъ... Съ Государемъ Князей Служилыхъ (Черкасскихъ, Оболенскихъ, Суздальскихъ и проч.) и Дворянъ выборныхъ 212; изъ городовъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ Московск. земли 9211 человѣкъ, Ноугородскихъ и Юрьевскихъ 1109... Стрѣльцевъ и Козаковъ Государева Двора 2000, изъ Дворовыхъ городовъ и Земскихъ 13,119... Всякихъ людей изъ городовъ 27,969... А Дѣтямъ Боярскимъ, *опричь тѣхъ*, которыхъ Государь помѣстилъ съ собою съ Москвы, сбиратися у К. Вас. Ѳед. Скопина-Шуйскаго въ В. Новѣгородѣ... и во Псковѣ (въ Маѣ мѣсяцѣ)... А Казанскимъ Татарамъ и Свіяжскимъ (и проч.) стати въ Новѣгородѣ на срокъ на Петрово заговѣйно, чтобъ имъ притти въ Новгородъ послѣ Государева приходу.»

(517) Дѣла Польск. No 11, л. 122 — 157.

(518) См. въ семъ Т. стр. 166. Чужеземные Историки разсказываютъ сказку, что Лопатинскій въѣзжалъ въ Москву съ обнаженнымъ мечемъ, какъ вѣстникъ войны, и проч. Узнавъ о пріѣздѣ сего чиновника въ Россію, Іоаннъ созвалъ Бояръ, которые думали, что Лопатинскому *невмѣстно* быть у Государя. Къ нему послали Дворянина Воейкова и Дьяка Стрѣшнева въ Дорогобужъ, гдѣ онъ и вручилъ имъ грамоту Стефанову. Бояре совѣтовали Царю не отвѣчать на сіе письмо, пока Баторій не выйдетъ изъ Россіи.

(519) См. Гейденшт.

(520) Въ Розряд. Кн.: «Въ Полоцкѣ Воеводы худы, а людей мало.» См. также *Вивліоѳ.* XIV, 361.

(521) См. Гейденшт.

(522) Въ Розрядн. Кн.: «Они жь (Воеводы) Курляндскую землю пусту учинили, а къ Государю не поспѣли... Того же Авг. въ 1 писалъ къ Государю изъ Тарваса Ив. Ив. Сабуровъ, что хочетъ быть къ Тарвасу Арцабаричь съ нарядомъ Свитцкихъ Нѣмецъ, и Государь прислалъ къ нему на прибавку Воеводъ своихъ... и Государь не поспѣшилъ притти на Короля, потому что люди были въ розни: отпустилъ въ Курляндскую землю Воеводъ со многими людми, а съ ними было 20 тысячь Татаръ Нагайскихъ и Казанскихъ... и дожидатца было имъ у Куконоса, и Государь послалъ по тѣ Воеводы.» — О впаденіи Шведовъ въ землю Ижерскую см. Кельха 355. Толпы ихъ грабили за Нарвою и Нейшлосомъ въ предѣлахъ Россіи. Тогда же Радзивилъ и Курляндл. Воевода Путлеръ сожгли Киремпе.

(523) Въ Розрядн. Кн.: «И Государь велѣлъ Воеводамъ итти къ Полоцку, а отпустилъ свой полкъ, и велѣлъ передовому итти на Велью, К. Ѳед. Ив. Мстиславскому, да К. Сем. Дан. Пронскому, а правой рукѣ, К. Петру Тутаевичу Шейдякову, да К. Ив. Петр. Шуйскому итти въ Островъ; а къ

Полоцку послалъ пособляти напередъ Окольн. Бориса Вас. Шеина, да Окольнич. Ѳед. Вас. Шереметева, да К. Мих. Юр. Лыкова, да К. Андр. Дм. Палицкого, да К. Вас Ив. Кривоборского . . . да съ ними же Юр. Булгаковъ съ Донскими Козаки.»

(524) См. Гейденшт.

(525) Въ Розрядн. Кн.: «Въ тѣ поры Донскіе Козаки измѣнили, пошли изъ Сокола безъ отпуску на Донъ.»

(526) См. Гейденшт. Въ Лѣтописцѣ Графа Толстаго, No 123, л. 253 на обор.: «а здалъ Полоцкъ Петръ Волынской со Стрѣльцами.» Стриковскій (кн. XXV, гл. 4): «Точію Архіеп. и Воеводы» (въ числѣ ихъ наименованъ и Волынскій) «не хотѣша поддатися: тѣмъ же поимапы суть и за стражею хранимы. Всего же воинскаго люду бѣ во градѣ 6000.»

(527) Въ Розрядн. Кн.: «Полотескъ Король взялъ измѣною, потому что измѣнили Воеводы, что были худы, а милы были имъ жены; а какъ Головъ и Сотниковъ побили, и Воеводы городъ здали, а сами били челомъ Королю въ службу и съ дѣтми и съ людми и съ Стрѣльцы.» Гейденштейнъ (стр. 351), сказываетъ, что плѣнники большею частію возвратились въ Россію, и что Іоаннъ размѣстилъ ихъ по крѣпостямъ на границѣ, дабы они трудною службою могли загладить вину свою. Вопреки Историку К. Щербатову (Т. V, Ч. III, стр. 28), я не нашелъ имени К. Вас. Ив. Телятевскаго, ни другихъ Воеводъ Полоцкихъ, въ Розрядахъ 1581 года. Въ Ноябрѣ 1579 Литовскій гонецъ Богданъ сказалъ Царскому чиновнику въ Новѣгородѣ: «Король ихъ всѣхъ (Воеводъ Полоцкихъ) и Дьяка ко Государю отпущалъ, и они сами ѣхать не хотѣли» (Дѣла Польск. No 11, л. 184).

(528) Гейденшт. 351, 352.

(529) Гейденшт. 354, Кельха 358, 359, и Розрядн. Кн., гдѣ сказано: «убили Бор. В. Шеина, К. Мих. Ю. Лыкова, К. Андр. Дм. Палицкого, К. Вас. Кривоборского.» Гонецъ Литовскій, Богданъ (см. выше, примѣч. 527) сказалъ въ Новѣгородѣ: «слышалъ, что живы въ Литвѣ Ѳ. Шереметевъ, да *Борисъ Шеинъ*, да К. *Мих. Лыковъ*, да Голова Юрей Булгаковъ;» но Шеинъ и Лыковъ были точно убиты по всѣмъ извѣстіямъ. Гейденшт. пишетъ, что Шереметева схватили Поляки на дорогѣ Псковской, а Шеина, Палицкаго, Лыкова и Кривоборского, также внѣ города, изрубили Нѣмцы. Варварство простиралось до гнусности: Нѣмки-харчевницы вырѣзывали жиръ изъ мертвыхъ тѣлъ для составленія какой-то цѣлебной мази!

(530) См. въ семъ Томѣ стр. 154. Сей отвѣтъ Курбскаго такъ начинается: «*На вторую Эпистолію отвѣщаніе Царевu Московскому убогаго Андрея Курбскаго, Князя Ковельского.* Въ странствѣ пребывшему и во убожествѣ отъ твоего гоненія, титулъ твой величайшій и должайшій оставя, зане отъ убогихъ тебѣ, великому Государю, сіе непотребно, но негли отъ Царей Царемъ сіе прилично таковыя именованія со преизлишнимъ продолженіемъ исчитати.» (ибо Царь въ Вольмарскомъ посланіи къ Курбскому написалъ весь свой титулъ). Далѣе: «А еже исповѣдь твою ко мнѣ, яко къ Пресвитеру, исчитаеши по ряду, сего азъ недостоинъ, яко простый человѣкъ, въ военномъ чину сущь, и краемъ уха послушати . . . Но всяко воистину достойно было радоватися не токмо мнѣ, нѣкогда рабу твоему вѣрному, но и всѣмъ Царемъ и народомъ Христіанскимъ, аще бы твое было истинное покаяніе . . . Но послѣдующее въ твоей Эпистоліи является не токмо несогласно съ тѣмъ, но и зѣло изумительно и неблагочинно, наипаче же въ земляхъ твоихъ супостатовъ, идѣ же многіе мужіе обрѣтаются не токмо въ Философіи искусны, но и во Св. Писаніяхъ сильны. Ово преизлишне уничижаешися, ово паче мѣры возносишися . . . по безчисленныхъ беззаконіяхъ и кровопролитіяхъ . . . Святыхъ мужей не токмо проклинати учишься, но и Діаволомъ нарицати, яко древле Христа Жидове . . . На исповѣдника твоего (Сильвестра) лжесшиванія вымышляеши, на того, который душу твою Царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выѣ носилъ, и взявши тя отъ сквернъ яко чиста предъ Христомъ, Богомъ нашимъ, покаяніемъ поставилъ. Се тако ли воздаешь ему и по смерти? О чудо, яко зависть, отъ презлыхъ маньяковъ твоихъ сшитая, и по смерти Святыхъ мужей не угасаетъ! Не ужасаеши ли ся притчи Хамовы, иже насмѣвался наготѣ отчей? Аще тѣлесныхъ отцевъ наготу, кольми паче духовныхъ должны есмы покрывати. Аще бо нѣчто и случилося человѣческія ради немощи, яко то ласкатели твои клеветали на оного Пресвитера, иже устрашалъ тебя яко бы не истинными, но льстивыми видѣніи, и азъ глаголю: *льстецъ онъ былъ, коварецъ и благокозненъ:* понеже ялъ тя исторгнувши отъ сѣтей Діавольскихъ и отъ челюстей мысленного льва, и привелъ было ко Христу! И врачеве премудрые дикія мяса бритвами рѣжутъ до живаго тѣла, и исцѣляютъ недужныхъ: такожь творилъ и блаженный Сильвестръ, видяще недуги твои душевные . . . прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы нападающе на тя, яко бритвою нравы твои наказаніемъ жестокимъ рѣжуще, ово яко уздою крѣпкою со броздами похоть и ярость твою на воздержаніе востязующе . . . Ты же отогналъ еси его отъ себя и Христа нашего съ нимъ . . . Да укроюся отъ свару: понеже зѣло не достоитъ намъ воиномъ яко рабомъ сваритися; а могъ бы еси воспомянути, како во время благочестивыхъ дней твоихъ вещи тебѣ по волѣ, благодати ради Божія, обращались за молитвами Святыхъ и избранныхъ совѣтомъ нарочитыхъ Синклитовъ твоихъ . . . а нынѣ гдѣ суть побѣды твои? Что приключилося? Каковыя язвы, отъ Бога попущенныя? Глады и стрѣлы повѣтренныя, и мечь варварскій, мститель Закона Божія, и пресловутаго града Москвы внезапное сожженіе, и всея Россійскія земли опустошеніе — и что наигоршаго и срамотнѣйшаго, Царскія души опроверженіе, и въ бѣгство плещъ Царскихъ, прежде храбрыхъ бывшихъ, обращеніе, яко нѣцыи здѣ намъ повѣдаютъ, аки бы хороняся тогда отъ Татаръ по лѣсомъ съ кромѣшники твоими вмалѣ гладомъ не погибъ еси; а той же Измаильтянскій песъ прежде, когда богоугодно пребывалъ еси, предъ нами, наимнѣйшими слугами твоими, и на полѣ дикомъ бѣгая, мѣста не нашелъ, и вмѣсто нынѣшнихъ тяжкихъ даней, ими же накупаешь его на Христіанскую кровь, нашими, воиновъ твоихъ, саблями въ бусурманскія головы дань была давана ему! А еже пишеши, именующе насъ измѣнники для того, иже есмы принуждены были отъ тебя крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не присягнулъ, горшею смертію да умретъ: на сіе отвѣтъ тебѣ мой: всѣ премудрые о семъ згожаются, аще кто по неволѣ присягнетъ, не тому грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, и аще кто прелютаго гоненія ради гоненія не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убійца, противящеся Господню словеси: *аще гонятъ васъ во градъ, бѣгайте во другій* . . . Егда же реклъ еси, аки бы азъ разгнѣвався на человѣка, да приразился Богу, сирѣчь церкви Божіи разорилъ и попалилъ, на сіе отвѣщаю, иже и Давидъ принужденъ былъ гоненія ради Саулова съ поганскимъ Царемъ на землю Израилеву воевати; азъ же не отъ поганскихъ, но отъ Христіанскихъ Царей заповѣданіе исполняхъ: заповѣданіемъ ихъ,

хождахъ; но исповѣдую грѣхъ мой, иже принужденъ быхъ за твоимъ повелѣніемъ Витебское мѣсто и въ немъ 24 церкви сожещи.» (Слѣдующее см. выше, въ примѣч. 126). Далѣе: «А потомъ аки по лѣтѣ единомъ непріятель твой главный, Царь Перекопскій, присылалъ ко Кралеви моляся, иже бы пошелъ есть съ нимъ на ту часть Рускія земли, яже подъ державою твоею: азъ же и повелѣвающу ми Кралеви отрекохся, не восхотѣхъ и помыслити сего безумія, иже бы шелъ подъ Бусурманскими хоругвями на землю Христіанскую съ чужимъ Царемъ безвѣрнымъ... и самъ Король похвалилъ мя. А еже пишеши, аки бы Царицу твою мы очаровали и тебя съ нею разлучили: азъ ти за оныхъ святыхъ не отвѣщаю: бо вещи вопіютъ трубы явленнѣйше» (явственнѣе трубы) «гласъ испущающе о святынѣ ихъ и добродѣтели; о мнѣ же вкратцѣ отвѣщаю ти: аще и зѣло много грѣшенъ есмь и недостоинъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жь Вел. Кн. Смоленского, Ѳеодора Ростаславича, яко и твоя Царская высота добрѣ вѣси отъ Лѣтописцевъ Рускихъ, иже того племени Княжата не обыкли тѣла своего ясти и крови братіи своей пити, яко нѣкоторыхъ есть издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ Ордѣ на Св. В. К. Михаила Тверского, а потомъ и прочіе сущіе во свѣжей еще памяти и предъ очима, что Углицкимъ учинено и Ярославичемъ и протчимъ единыя крови, и тако ихъ всероднѣ погублено, еже ко слышанію тяжко и ужасно, отъ сосцевъ матернихъ оторвавши во премрачныхъ темницахъ затворено и многими лѣты поморено... А тая твоя Царица мнѣ убогому ближняя сродница (по Борису Иванов. Морозову и Тучковымъ). А о Володимірѣ братѣ воспоминаешь, аки бы есмы его хотѣли на Царство: во истину о семъ не мыслихъ, понеже и недостоинъ былъ того, и тогда жь есми угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того брата твоего, въ тотъ вашъ издавна кровопійственный родъ. А еже величаешися горѣ и долу, и Лифлянтовъ поработилъ еси аки бы животворящаго креста силою: не вѣмъ и не разумѣю... Еще Кралеви нашему съ мѣста своего не двигшуся, и вся Шляхта въ домѣхъ своихъ пребывающе, а уже кресты тыя во многихъ мѣстѣхъ поломались отъ нѣякого *Жабки*, а въ Кеси отъ Латышей; и сего ради не Христовы кресты, но погибшаго разбойника. Гетманы Ляцкіе и Литовскіе еще и не начинали готовитися противъ тебе, а твои окаянные Воеводишки, рекше калеки, изъ-подъ крестовъ твоихъ влачими здѣ на великомъ Сеймѣ, идѣ же различные народы бываютъ, ото всѣхъ поругаеми, на вѣчное твое посрамленіе и всея Святорускія земли. А еже пишеши о Курлятевѣ, о Прозоровскихъ и о Сицкихъ, и не вѣмъ о какихъ узорочьяхъ и *за упокой* предпоминаючи, и Кроновы и Афродитины дѣла, и Стрѣлецкихъ женъ, и то смѣху достойно и пьяныхъ бабъ басни: на сіе отвѣту не потребно... Уже всѣхъ тѣхъ предреченныхъ и безчисленныхъ благородныхъ лютость мучительская пожрала, а въ то мѣсто осталися калеки, ихъ же Воеводами поставляти усильствуешь, противъ разума и Бога; а того ради скоро и со грады исчезаютъ, не токмо отъ единаго воина ужасающеся, но и отъ листу вѣтромъ вѣемому... Давно бы уже на широковѣщательный листъ твой отписахъ, да не возмогохъ послати непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси Царство Руское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердыни, и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ до чужихъ земель, называешь того измѣнникомъ и казнишь смертію: такоже и здѣ, тебѣ уподобяся, жесточе творятъ... Сію отпись посылаю нынѣ ко величеству высоты твоея, и аще будеши мудръ, въ тишинѣ духа, безъ гнѣва, да прочтеши! Къ тому молю ти ся, не дерзай уже писати до чужихъ слугъ... А еже пишеши, аки бы землею твоею владѣти хотѣлъ, сіе оставляю, явственно ради отъ тебе навѣту или потвору, ово сокращая Эпистолію мою, да не явится варварскою преизлишнихъ ради глаголовъ, ово возлагающе то на судъ нелицемѣрнаго Судіи, Господа нашего, не хотя съ твоею Царскою высотою азъ убогій вящше сваритися; а посылаю ти двѣ главы, выписавъ отъ книгъ премудраго Цицерова, Римского найлѣпшаго Синклита, когда еще владѣли Римляне всею вселенною; а писалъ тотъ отвѣтъ недругомъ своимъ, яже укоряша его изгнанцомъ и измѣнникомъ... супротивъ *Антонію* и *Клавдіусу*.» Слѣдуетъ переводъ сихъ двухъ Цицероновыхъ твореній. Далѣе: «Зри, о Царю! со прилѣжаніемъ, аще поганскіе Философы по Естественному Закону достигли таковую правду и разумность (чего ради и всею вселенною попустилъ имъ Богъ владѣти) а мы Христіане нарицаемся, и не токмо не достигаемъ Книжниковъ Фарисеевъ правды, но ни вѣковъ Естественнымъ Закономъ живущихъ! О горе намъ!» Слѣдуетъ повтореніе сказаннаго выше о казняхъ Небесныхъ, ниспосланныхъ за лютость Іоаннову; о прежнемъ счастіи Россіи и Царя, о добродѣтельныхъ Совѣтникахъ, о побѣдахъ и проч. Далѣе: «Войско безъ храбраго Протостратора или Гетмана великаго яко овцы не имущи Пастыря, которыя отъ вѣтру листъ вѣющаго боятся... А нынѣ приложилъ еси и другую срамоту прародителемъ своимъ: градъ великій Полоцкъ со всею Церковію, со Епископомъ и Клиросомъ, и съ воинствомъ и съ народомъ предалъ еси, его же досталъ нашими персями: бо еще тогда не всѣхъ насъ было до конца погубилъ еси и разгналъ... Собравшися со всѣмъ твоимъ воинствомъ, за лѣсы забившися яко единъ хороняка и бѣгунъ трепещешь и исчезаешь, никому же гонящу тя, токмо совѣсть твоя внутрь вопіюща на тя обличающе... А что воистину сану Царскому достоитъ, судъ праведный и оборона, се уже давно исчезло совѣтомъ лукавыя четы Осиплянскія (Іосифова монастыря) Васьяна Топорка, иже ти шепталъ не держати мудрѣйшіе Совѣтники, и другихъ таковыхъ: каковую отъ нихъ славу получилъ еси и свѣтлую побѣду?... Лучше лоза или жезлъ пріятеля, нежели ласкательныя цѣлованія вражіи. Помяни первые дни и возвратися паки ногою: главою безстулствуешь противъ Господа своего... Еще есть время образумитися и возвратитися ко Христу; еще не распряглися душа и тѣло... Мудръ бывалъ еси и вѣдаешь о тричастномъ души: покори звѣрскую часть Божію образу... Уже достоитъ укротитися твоему величеству и войти въ чувство: уже есмы ближайши ко гробу тѣломъ, а душею безсмертною и умомъ ко отвѣту Божію, нежели къ суетному сему житію... Аминь. Писано въ преславномъ градѣ Полоцкѣ Государя нашего, Свѣтлаго Короля Стефана, паче преславна суща въ богатырскихъ вещахъ, въ третій день по взятіи града.»

Въ Синодальномъ спискѣ твореній Курбскаго (No 109) за симъ письмомъ слѣдуетъ еще такое прибавленіе:

«Аще Пророци плакали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной отъ каменія, съ нимъ погибающей: како не достоитъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человѣкъ, въ ней же нѣкогда Духъ Св. пребывалъ, яже по прехвальномъ покаяніи была чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая молитва яко благоухан-

вая мирра ко престолу Господню восходила, въ ней же яко на твердомъ основанiи Вѣры благочестивыя дѣла созидашася, и Царская душа въ той Церкви, яко голубица крилы посребренными междорамiя ея, блисталася благодатiю Духа Св.!... Се такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная! Того ради всѣ добрые послѣдовали твоимъ хоругвiямъ крестоносвымъ. Языцы различные варварскiе не токмо со грады, но и со цѣлыми Царствы ихъ покоряхуся тебѣ... егда со избранными мужи избраненъ бывалъ еси. Егда же возвратился еси на первую блевотину за совѣтомъ и думою любимыхъ твоихъ ласкателей; егда церковь твою тѣлесную осквернили различными нечистотами, наипаче же педерастные гнусности, и неизреченными проказами, ими же всегубитель нашъ, Дiаволъ, родъ человѣческiй издавна гнусенъ творитъ... Вмѣсто преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ подвелъ тебѣ; вмѣсто крѣпкихъ Стратиговъ прегнуснодѣйныхъ Бѣльскихъ съ товарищи, и вмѣсто храбраго воинства Кромѣшниковъ и Опришниковъ кровоядныхъ; вмѣсто Богодуховенныхъ книгъ, ими же душа твоя безсмертная наслаждалася, скомороховъ со различными дудами; вмѣсто блаженного оного Пресвитера и другихъ совѣтниковъ духовныхъ, яко намъ здѣ повѣдаютъ (не вѣмъ, есть ли правда) чаровниковъ и волхвовъ отъ дальнихъ странъ собираешь, пытающе ихъ о счастливыхъ дняхъ, яко скверный Саулъ... а что же тому случилося, самъ вѣдаешь. Блаженный Давидъ рече: не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконiя... Кольми паче тѣ, которые пустошатъ землю свою и губятъ подручныхъ всеродно, ни ссущихъ младенцевъ не щадяще, и дѣвицъ, глаголютъ, чистыхъ четы собирающе, за собою ихъ подводами волочаще и нещадно чистоту ихъ растлѣвающе, неудоволився уже своими *пятма* или *шестми* женами, аще къ тому на неисповѣдимое и ко слышанiю ужасное растлѣнiе выдавающе ихъ чистоту... Еще другое и другое, яко здѣ отъ твоея земли приходящiе повѣдаютъ, тмы тмами кратъ гнуснѣйшее, оставляю писати... и положа перстъ на уста, преудивляюся зѣло и плачу. Воспомяни дни свои первiи, въ нихъ же блаженнѣ царствовалъ еси; не губи себя и *дому твоего*. Аще рече Давидъ: *любяй неправду, ненавидитъ свою душу:* кольми паче кровьми Христiанскими оплывающiи исчезнутъ *вскорѣ со всѣмъ домомъ своимъ!* Вскую такъ долго лежишь простертъ и храпиши на одрѣ злоболѣзненномъ, объятъ будучи аки летаргицкимъ сномъ? Очютися и воспряни!... Аминь. Писано въ Полоцку Государя нашего, Короля Стефана, по сущему преодолѣнiю подъ Соколомъ въ 4 день. Андрей *Курбавскiй*, княжа на Ковлю.»

(531) См. Т. VIII, стр. 131.

(532) Въ донесенiи нашихъ Пословъ Карпова и Головина (Дѣла Польск. No 11, л. 116): «А про измѣнниковъ, про Курбского и про Володимера Заболотцково и про Тимоху Тетерина сказывали, что они живутъ по своимъ имѣньямъ. Курбской на Волыни; имѣнье за нимъ Королево данье, городокъ Ковель; а при Королѣ не живетъ, а былъ у Короля въ Варшавѣ. А за Володимеромъ имѣнье въ Ляхѣхъ, а живетъ при Королѣ. А за Тимохою имѣнье въ Литвѣ, а при Королѣ не живетъ же. А про иныхъ измѣнниковъ не слыхати. А на Курбсково-дей отъ Короля опала не бывала, а былъ-дей на него отъ Короля и отъ Пановъ отъ большихъ кручина за то: была за нимъ жена Княгиня Дубровицкая, сестра двоюродная Остафья Волова Панья; а въ приданыхъ за нею былъ городъ Дубровицы съ повѣтомъ, и Курбской Княгини не любилъ и не жилъ съ нею; и били на него челомъ Королю Остафей Воловъ, да братья жены его, что съ женою не живетъ, держитъ ее у себя въ неволи, а имѣньемъ приданымъ владѣетъ великимъ. И Король по него посылалъ, а велѣлъ ему быти у себя въ Варшавѣ и со Княгинею, да велѣлъ ему со Княгинею роспуститца, и имѣнье у него приданое велѣлъ отняти. И за то-дей ево Паны не любятъ, для Остафья Волова, что онъ Остафью учинился недругъ. Да и Король-дей для товожь его не любитъ; а живетъ-дей все въ имѣньѣ, въ городкѣ въ Ковели; а любилъ-дей его одинъ Панъ Виленской, Янъ Иронимовъ, а нынѣ-дей и тотъ ево не любитъ для Остафья Волова.» То было до взятья Полоцкаго.

Курбскiй въ *Житiи Θеодорита Священномученика:* «Яко слышахъ отъ нѣкоторыхъ, тако и написахъ, во странствѣ будучи и долгимъ разстоянiемъ разлученный и туне отгнанный отъ оныя земли, *любимаго отечества моего.*» Въ семъ *Житiи* Курбскiй говоритъ объ Iоаннѣ въ прошедшемъ (грамматическомъ) времени: «Хотя крещенiемъ просвѣщенъ *былъ... нудилъ* жертвы приносити болвaномъ... сiе *творилъ весь цѣлый вѣкъ свой*,» и проч. Тутъ же разсказываетъ онъ слѣдующее: «Самого Дiавола волю (Iоаннъ) исполнилъ, возненавидѣвъ узкiй и прискорбный путь, покаянiемъ ко спасенiю приводящъ, и потекъ съ радостiю ко широкому и пространному пути, водящему въ погибель, яко и самимъ намъ многажды слышащимъ отъ устъ его; егда уже былъ развратился, тогда во слухъ всѣхъ глаголахъ: *едино*, рече, *предъ себя взяти, или здѣшнее или тамошнее.*» Курбскiй писалъ еще о Флорентiйскомъ Соборѣ. Имѣемъ также его письма къ К. Константину Острожскому, къ Марку, къ Козмѣ Мамоничу, къ Θед. Бокею Хвостовскому, къ Княгинѣ Чарторижской, къ Пану Евст. Троцкому, къ Семену Сѣдларю мѣщанину Львовскому, о разныхъ богословскихъ мнѣнiяхъ и толкованiяхъ. Жаль, что всѣ извѣстные мнѣ списки творенiй Курбскаго наполнены грубыми, безсмысленными ошибками.

(533) См. Одерборна 299. Онъ пишетъ, что Андрей Щелкаловъ не могъ успокоить однѣхъ женщинъ, которыя плакали, вопили, бѣгали изъ улицы въ улицу и требовали себѣ новыхъ мужей вмѣсто убитыхъ непрiятелемъ; что Дьякъ въ черной одеждѣ вышелъ къ народу и молилъ его унять женщинъ, доказывая изъ лѣтописей, сколь всегда опасны были ихъ бунты; что онъ велѣлъ принести розги и тѣмъ усмирилъ всѣхъ мятежницъ.

(534) Леонтiя Стремоухова, 30 Сент. (см. Дѣла Польск. No 11, л. 153—173). Полоцкiй Воевода, Дорогостанскiй, отнялъ у него грамоту, распечаталъ и велѣлъ ему ѣхать въ Литву на Смоленскъ. Царь далъ Стремоухову новую грамоту, въ коей Бояре жаловались на Дорогостанскаго. — Стефановъ гонецъ, Богданъ Проселко, прiѣхалъ въ Новгородъ 17 Ноября съ письмомъ отъ 16 Сент. (см. тамъ же, л. 173—214). Лопатинскаго отправили изъ Москвы 10 Генв. Дьякъ Щелкаловъ сказалъ ему, что грамота, имъ привезенная къ Царю, наполнена язвительными выраженiями, за которыя надлежало бы отсѣчь ему голову; но что Iоаннъ *не желаетъ его убогой крови*. Съ нимъ послали къ Стефану гонца Елизарья Благова (см. тамъ же, л. 214—255).

(535) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 590 и слѣд.

(536) Шенкенберга-Аннибала взяли въ полонъ у Везенберга. Ревельцы давали за него на обмѣнъ трехъ знатныхъ сановниковъ Россiйскихъ; но Iоаннъ велѣлъ изрубить сего смѣлаго разбойника. Шведы, осаждавъ Нарву три недѣли, отступили 29 Сент. См. Кельха 356, 357.

(537) См. *Собран. Государств. Грамотъ*, Т. I, стр. 583. Внизу: «Утверждена сія грамота въ *преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ*, л. 7088, Генв. въ 15 день.»

(538) См. наказъ Мих. Ив. Внукову, К. Вас. Ростовскому и проч. въ Архив. Розрядн. Кн. 586—588. Тамъ сказано: «Самому Михайлу остаться въ Вотцкой Пятинѣ за достальными людьми, Дѣтьми Боярскими, и сыскивая бити кнутомъ... К. Вас. Болховской К. Вас. Ростовского не послушалъ, Дѣтей Боярскихъ не высылаетъ, и многіе Дѣти Боярскіе на Государеву службу не ѣдутъ; и наѣхавъ К. Вас. Болховского, доправити на немъ прогоновъ 10 рублей, да въ Государевѣ пени посадити дни на два или на три въ тюрму... а тѣхъ Дѣтей Боярскихъ, сыскавъ и бивъ кнутомъ по всѣмъ торгомъ, отвезти на Государеву службу во Псковъ» (въ 1579 году).

(539) См. Гейденшт.

(540) Стремоуховъ возвратился 3 Февр. съ отвѣтомъ Вельможъ Литовскихъ, Благовъ 15 Апр. съ письмомъ Королевскимъ. Въ концѣ Февраля послали въ Литву гонца Грязнаго Шубина, а 23 Апр. Дворянина Григ. Аѳан. Нащокина, который, въ случаѣ необходимости, долженъ былъ изъявить согласіе Іоанново на отправленіе Уполномоченныхъ къ Королю. Съ Шубинымъ Литовскіе Вельможи писали къ Боярамъ (въ Маѣ), чтобы Царь велѣлъ освободить Польскихъ купцевъ, задержанныхъ въ Москвѣ, и возвратить имъ товары, цѣною на 200 тысячь золотыхъ. Нащокинъ возвратился 1 Іюля. Въ концѣ сего мѣсяца выѣхали изъ Москвы Уполномоченные, К. Ив. Вас. Сицкій Ярославскій, Романъ Мих. Пивовъ и Ѳома Дружина Пантелеевъ Петелинъ; съ ними было 500 человѣкъ и 700 коней. Гонецъ Шишмаревъ извѣстилъ о томъ Баторія, представляя ему, что Уполномоченные не могутъ быть къ назначенному имъ сроку. См. Дѣла Польск. No 11, л. 263—404. — 16 Іюля Царь, свѣдавъ о выступленіи Короля съ войскомъ изъ Вильны въ Чашники, еще писалъ къ нему, убѣждая его возвратиться и ждать нашихъ Уполномоченныхъ въ Вильнѣ.

(541) См. Дѣла Цесарск. No 4, л. 28, и Папскія, No 1. Еще въ Мартѣ 1580 Іоаннъ писалъ къ Рудольфу съ гонцемъ Аѳан. Рѣзановымъ, чтобы онъ немедленно прислалъ въ Москву Уполномоченныхъ для заключенія союза противъ Турковъ, предложеннаго Максимиліаномъ. Истома Шевригинъ былъ отправленъ 25 Авг., чрезъ Ливонію и Данію.

(542) См. Розряды 1581 г. въ *Древ. Рос. Вивліоѳ*. XIV, 367—388.

(543) См. Гейденшт. 367. — Сколько было войска у Баторія, точно не знаемъ. Нащокинъ въ Маѣ писалъ къ Государю: «Сказывалъ мнѣ, холопу твоему, Дмитрей Бараховскій: Король-дей нашъ въ Вильнѣ, а при немъ Паны Радные да воинскихъ людей Угрянъ 3000, а наемныхъ людей при немъ нѣтъ: лежатъ по украйнамъ, а Рады-дей его не вѣдаютъ, гдѣ пойдетъ въ войну. Да сказывалъ мнѣ, что лежитъ по лежамъ воинскихъ людей Польскихъ 80 Рохмистровъ, а съ ними по двѣстѣ человѣкъ, да Литовскихъ 10 Рохмистровъ, а съ ними по двѣстѣ жь человѣкъ, да 5000 драбей (пѣшихъ воиновъ) по всѣмъ украйнамъ, а Шляхты-дей съ нимъ нейдутъ, но ималъ съ нихъ гроши на наемные люди. Да они же сказывали, что сынъ Воеводы Виленскаго, Панъ Хриштопъ, да твой, Государь, измѣнникъ, Володимеръ Заболотской, на полѣ ѣздя передъ Королемъ побранилися, и на завтрее-дей Хриштопъ, наѣхавъ съ своими служебники, Володимера убилъ до смерти; и Хриштопъ отъ Короля хоронитца, и Король-дей на Воеводу на Виленского кручинитца.» Слѣдственно Баторій, *кромѣ* наемныхъ *Нѣмецкихъ* воиновъ, имѣлъ тогда 26,000.

(544) См. Гейденшт. 374, 375. Русскіе, пишетъ онъ, надѣвали на себя мокрыя кожи, чтобы сражаться въ огнѣ. Взявъ въ плѣнъ Воеводу Ивана Вас. Воейкова (Joh. Vieichovus: см. Розряды въ *Вивліоѳ*. XIV, 383), ближняго Царскаго человѣка, Замойскій началъ его разспрашивать о тайныхъ намѣреніяхъ Іоанновыхъ: Воейковъ ждалъ пытки, и видя Фаренсбаха, ему лично знакомаго, бросился къ сему бывшему Русскому Воеводѣ, чтобы молить его о заступленіи; но былъ изрубленъ Венграми. См. также Кельха 360.

(545) См. Дѣла Польск. No 12, л. 5—177. Сицкій и Пивовъ пріѣхали въ станъ къ Королю 29 Авг. Они вторично были ему представлены 2 Сент., и послали въ Москву Никиф. Сущова, а Баторій отъ себя гонца Лазовицкаго.

(546) См. Гейденшт. Въ Архив. Розрядн. Кн. 633: Окт. въ 1 пришла вѣсть къ Государю, что Воеводъ, К. Вас. Хилкова съ товарищи, побили; а убили Воеводу Гр. Аѳ. Нащокина, а взяли Деменшу Черемисинова.»

(547) Въ Архив. Розрядн. Кн. 645: «Приходилъ къ Смоленску Панъ Филонъ» (такъ называемый Воевода Смоленскій) «а съ нимъ было людей 9000... посады пожечь, да воевати Смоленскія и Дорогобужскія мѣста; да сходитись было съ Королемъ у Лукъ Великихъ; а Король, взявши Луки, ждалъ Филона. И какъ пришелъ Филонъ отъ Смоленска за 7 верстъ и сталъ въ деревнѣ Настасинѣ, и пришли на него изъ Смоленска Ив. Мих. Бутурлинъ, да Мих. Глѣб. Салтыковъ, да Петръ Аѳ. Нащокинъ, да Игнат. Борис. Блудовъ... и изъ становъ Филона збили; и пошелъ къ крѣпости, да у крѣпости сталъ въ обозѣ; и Воеводы Государевы къ обозу не приступали, что ночь заняла; и тое ночи пошелъ Филонъ прочь, и Воеводы за нимъ, и сошли его на Спаскихъ Лугѣхъ, отъ Смоленска за 40 верстъ, и побили на голову, и знамена и нарядъ поймали, и набаты и литавры, и трубы, и шатры и колымаги: а наряду взяли 50 пищалей затинныхъ, да 380 Литов. людей и пищалей 9 пядныхъ, 2 полуторныхъ, да богатства безчислено, и кошь весь взяли; а самъ Филонъ пѣшъ утекъ на лѣсъ, а съ нимъ 4 человѣка, а пришелъ въ Оршу на шестой день,» и проч.

(548) См. Гейденшт.

(549) Тамъ же, стр. 383.

(550) Въ Архив. Розрядн. Кн. 634: «Февр. въ... день Литовскіе люди пришли искрадомъ въ ночи къ Холму и взяли его и Воеводъ К. Петр. Ив. Борятинского, да Осадную Голову Панина... приходили къ Русѣ Старой и выжгли; а Воеводы были въ Русѣ К. Волод. Ив. Бахтеяровъ, да Ив. Крюкъ-Колычевъ, да К. Ѳед. Ив. Кривоборской; а приходили Литов. люди съ Лукъ, да изъ Заволочья, да изъ Холму.»

(551) См. Далина г. 1580 и Кельха стр. 360-365.

(552) Въ Розрядахъ г. 1580 (*Вивліоѳ*. XIV, 380): «А промышляти Вел. Князю Сим. Бекбулат. и Боярину К. Ив. Ѳед. Мстиславскому Государевымъ дѣломъ и земскимъ, посмотря по тамошнему дѣлу, какъ ихъ Богъ вразумитъ, и какъ будетъ пригоже... то дѣло Государь положилъ на Бозѣ и на Вел. Князѣ Симеонѣ и на Бояринѣ К. Ив. Ѳед. Мстиславскомъ съ товарищи, какъ ихъ Богъ вразумитъ, и какъ будетъ пригоже Государева дѣла и земскаго беречи и дѣлати.»

(553) Въ Розрядн. Кн.: «Въ больш. полку К. Мих. Петр. Катыревъ Ростовской, да Окольн. К. Дм. Ив. Хворостининъ, да Андр. Яков. Измайловъ; въ правой рукѣ Ив. Мих. Бутурлинъ, да К. Меркулъ Александр. Щербатой, да Игн. Кобяковъ;

въ передовомъ Ром. Дм. Бутурлинъ, да К. Мих. Вас. Ноздроватой, да К. Петръ Аѳ. Волконской; въ сторожевомъ К. Ив. Самс. Туренинъ, да Волод. Вас. Головинъ, да Ив. Тимоѳ. Фустовъ; въ лѣвой Мих. Глѣб. Салтыковъ, да К. Ив. Мих. Борятинской: а отпущалъ ихъ изъ Можайска по Государеву наказу Мих. Андр. Безнинъ. Они шедъ Литов. землю повоевали» (уже въ Мартѣ 1581 г. по нѣкоторымъ спискамъ) «а были у Дубровны и у Орши, и у Покоси, и у Чклова, и у Могилева, и у Радомля, посады пожгли, и подъ Чкловымъ были бои: на томъ бою Литов. людей побили и языкъ многіе поймали, и ранили въ воротѣхъ городовыхъ Воеводу Ром. Дм. Бутурлина, да Дворянина К. Никиту Лубаева-Черкасково, и отъ ранъ померли; а пришли на Смоленскъ иные Воеводы здорово; а съ сеунчомъ (съ вѣстію) послали *къ Государю въ Старицу* К. Самс. Долгорукова, и Государь послалъ къ Воеводамъ съ золотыми Стольника Александра Нагово.»

(554) См. выше, примѣч. 494. Курбскій говоритъ въ 1580 г. о *пяти* или *шести* женахъ Іоанновыхъ (выше, примѣч. 530). Гейденшт. стр. 382: Moscus, quo animi tristitiam adversis rebus collectam discuteret, repudiata priore uxore (quod ipsius moribus toties ei licet, quoties libet) jam *sextum* tum maritus, delectu puellarum publico indicto, novam induxit. Далѣе онъ разсказываетъ, что изо всей Россіи собираемыя Царскія невѣсты живутъ обыкновенно въ одномъ большомъ домѣ; что въ каждой комнатѣ стоитъ 12 кроватей и тронъ; что Царь, провождаемый только однимъ старцемъ, входя въ комнату, садится на тронъ; что невѣсты, одна за другою становятся передъ нимъ на колѣни, и бросивъ къ его ногамъ платокъ златотканный съ жемчугомъ (sudario, auro ac unionibus contexto, in genua iniecto) удаляются; что Царь выбираетъ любую, и проч. — Царевичь Ѳеодоръ женился, какъ вѣроятно, въ 1580 году, когда Годунову дали Боярство (см. *Послужной Списокъ* въ *Вивліоѳ*. XX, 57) а Царь на Маріи въ Сентябрѣ того же году. Въ Архив. *Розрядн. Кн.* 647: «Радость Государя Царя: взялъ Государь Царицу Марью, дочь Ѳедора Ѳедоровича Нагово... Тысецкой Государь Царевичь К. Ив. Ивановичь. Въ отцово мѣсто у Государя Царевичь Ѳеодоръ Ив.; въ материно мѣсто Государыня *Царица Ирина Ѳедоровна*. Государевы Дружки: К. Вас. Ив. Шуйскій» (будущій Царь) «да Богданъ Яковлевичь Бѣльской. Царицыны Дружки: Бояринъ, Борисъ Ѳед. Годуновъ» (будущій Царь) «да Мих. Александр. Нагой. Свахи Государя: К. Васильева Княгиня Ивановича Шуйсково Алена, дочь К. Мих. Петр. Рѣпнина, да Панкратьева жена Яковлевича Салтыкова, дочь Петра Аклешнина, Василиса. Царицыны Свахи: Борисова жена Ѳедоровича Годунова, Марья Малютина дочь Скуратова, да Михайлова жена Александр. Нагово, Марья Романова дочь Васильевича Олферьева. У кики Сваха Игнатьева жена Петровича Татищева Агрофена, Никифорова дочь Вышеславцова. За столомъ Государынинымъ Боярынямъ сидѣти: К. Вас. Андр. Трубецково Княгиня, К. Ѳед. Мих. Трубецково Княгиня, Дмитрея жена Ивановича Годунова Агрофена, Васильева жена Осанова Годунова Афимья, Степанова жена Васильевича Годунова Настасья, Иванова жена Васильевича Годунова Палагея, Аврамова жена Лодыженскаго Марья. Противъ Боярынь сидѣти въ скамьѣ *Сидячимъ* Боярамъ: Б. К. Ѳед. Мих. Трубецкой, Б. Дм. Ив. Годуновъ, Окольн. Степ. В. Годуновъ, Ив. Вас. Годуновъ, Печатникъ и *Воевода Слобоцкой*, Романъ Вас. Олферьевъ, Думной Дворянинъ Вас. Григор. Зюзинъ, Думной Дв. *Деменша Ив. Черемисиновъ*» (который въ исходѣ Сент. 1580 былъ уже плѣнникомъ Литовскимъ: см. выше, примѣч. 546). «На Окольничемъ мѣстѣ сидѣли Семенъ, да Ѳед., да Аѳан., да Александръ Ѳедоровичи Нагіе, да Ив. Григ. Нагой. Государевъ коровай нести Яковъ да Конст. Мих. Годуновы, Никита да Петръ Асановы Годуновы. Царицынъ коровай нести К. Андр. Дм. Хилковъ, да Андр. Никит. Годуновъ, да Михайло *Михайловъ сынъ Салтыковъ*, да *Давыдъ Бѣльской*.» Слѣдуетъ описаніе, кому за Дружками нести вѣнчальныя подножія въ церковь, зголовья, колпакъ Государевъ; кому быть въ *мовникахъ*, *стряпать* съ Государевымъ платьемъ и съ чеботами, итти за санями, съ *чарою златою* и *скляницею*, и проч. На мѣстѣ Государевѣ сидѣлъ Богданъ Бѣльской; у постели Бояринъ Ив. Петр. Шуйской; Конюшимъ К. Ив. Мих. Глинской (сынъ Михайла Вас.), а на жеребцѣ у подклѣта ѣздилъ Аѳ. Нагой. Въ поѣздѣ были К. Никита Роман. Трубецкой, К. Андр. Вас. Трубецкой, два Князя Булгаковы, К. Пронской, Дум. Дв. Безнинъ, Татищевъ, Ром. Мих. Пивовъ, К. Ром. и К. Вас. Агишевичи Тюменскіе, К. Семенъ Ордасовичь Черкаской и еще болѣе тридцати сановниковъ. Не смотря на указъ, *быть всѣмъ безъ мѣстъ на радости Государевой*, многіе требовали суда, и Царь долженъ былъ разбирать ихъ въ старѣйшинствѣ. О Богданѣ Бѣльскомъ говоритъ Антоній Поссевинъ въ своей *Московіи* (Moscovia A. Possevini, p. 27): Bogdan Jacowlewicz Bilscius, qui gratiosissimus tredecim integros annos apud Principem fuerat, atque in ejus cubiculo dormiebat; т. е. 13 лѣтъ былъ при Государѣ и спалъ у него въ спальнѣ.

(555) См. выше, примѣч. 268. Въ Гаклуйтѣ, стр. 520: He (Jerome Bowes, Елисаветинъ Посланникъ у насъ въ 1583 г.) obteined leaue Jane Ricards, the widow of Doctor Bomelius, who for treason, practised with the King of Pole against the Emperour, was rosted to death at the city of Mosco in the yere 1579; т. е. Баусъ упросилъ Іоанна отпустить жену Бомелієву.

(556) Въ Іюнѣ 1581 года писали къ Государю изъ Вильны наши Уполномоченные, Пушкинъ и Писемскій (см. Дѣла Польск. No 13, л. 20): «Отъѣхалъ отъ тебя къ Королю измѣнникъ Давыдъ Бѣльской, а пріѣхалъ въ Вильну до нашего пріѣзду, а бываетъ-дей у Короля часто, а спрашиваетъ-дей его Король про всякія твои Государевы дѣла... А сказываютъ, что поѣхало-было съ Давыдомъ людей въ Литву 70 человѣкъ, и тѣхъ-дей всѣхъ его людей побили, а всего съ нимъ пріѣхало 6 человѣкъ.»

(557) Сицкаго и Пивова возили за Королемъ въ Невль, въ Полоцкъ, въ Кревъ; долго держали въ селѣ Трябинѣ, и 30 Генв. привезли въ Варшаву, откуда выѣхали они въ Москву 19 Февр. См. Дѣла Польск. No 12, л. 20 и слѣд.

(558) Дѣла Польск. No 12, л. 177 и слѣд. Іоаннъ 16 Марта послалъ къ Королю гонца Кабардѣева, а 15 Апр. Евст. Мих. Пушкина, Ѳед. Андр. Писемскаго и Дьяка Трифонова. Въ ихъ наказѣ (л. 228): а будетъ учнутъ укоряти, или безчествовати, или лаяти, или *бити*... ино отвѣчивати слегка, а не бранитися, а *противъ бою терпѣти*.» Они были представлены Королю въ Вильнѣ 27 Мая. Вельможи Баторієвы сказали имъ: «вы пришли не съ Посольствомъ, а съ торговлею о Ливоніи, то есть, опять съ бездѣльемъ.» Іоаннъ хотѣлъ удержать только четыре города въ Ливоніи: Нейгаузъ, Нейшлосъ, Нейрмюленъ и Нарву; но Король требовалъ всѣхъ безъ остатка: съ чѣмъ и прислалъ гонца въ Москву (см. Дѣла Польск. No 12 и 13).

(559) См. тамъ же, No 13, л. 43 и слѣд.

(560) То есть, въ Соколѣ: см. выше. Гонцы, Литовскій и нашъ, выѣхали изъ Москвы 30 Іюня.

Король оставилъ Вильну 20 Іюня и велѣлъ Пушкину съ Писемскимъ ѣхать за собою.

(561) Въ сей грамотѣ, писанной варварскимъ языкомъ, ни Русскимъ, ни Польскимъ, около двухъ сотъ страницъ (см. Дѣла Польск. No 13, л. 265-350). Вотъ нѣкоторыя мѣста: «До тебе лежачего въ болотѣ спросности небаченья твоего склонимся, а тобѣ руку подамы, хотячи тебе съ него вытягнути, отерши напередъ берніе зъ очью твоихъ, же бы еси могъ прозрѣти, а гносность и спросность свою обачити. Естьли жь слова наши не будутъ тебѣ смаковати, ты самъ того причиною, же ся на насъ торгнулъ напередъ несмачными и быстрыми словы.» Стефанъ описываетъ всѣ свои сношенія съ Россіею, доказывая, что не онъ, а Царь есть виновникъ войны. Въ концѣ: Альбо для лакомства, альбо для пыхи до Пруса якогось фальшивого, а николи на свѣтѣ не бывалого брата Цесаря Августа родъ свой выводишь... Зовешься носителемъ креста Христова, ты, который зъ Діаблюмъ полной уходъ Богу отнимаешь, которого ни носишь, але на подданные свои кресты незносные вкладаешь... А людскость твоя якая есть? Гдѣ же ся братъ твой Володимеръ (Андреевичь) и такъ много людей, такъ много Бояръ подѣло?... И еще на тыхъ ся гнѣваешь, которыхъ до тебе пустили, здрадцами» (измѣнниками) «ихъ зовучи... Набольшая мудрость самому себя знати: аже бы ся лѣпѣй позналъ, посылаемъ тобѣ книги, которые о тобѣ по всемъ свѣтѣ не только за привиліемъ (привилегіею) Короля Августа, продка нашего, але за привильемъ Цесаря Максимиліяна росписаны суть... А яко намъ смѣешь припоминати такъ часто бесурманство, ты, который еси кровь свою съ ними помѣшалъ, котораго продкове за машталеры за подножки усѣдающимъ на конь Царемъ Перекопскимъ были, которые кобылье молоко, што вкануло на гриву Татарскихъ шкапъ, лизали» (см. Длугоша, XIII, 588)... «Усядь на коня своего, а поразумѣмъ мы ся межи собою о часѣ и мѣстцу: тамъ покажися мужомъ... Сами съ собою учинимъ два: такъ меньше крови Хрестьянскіе будетъ пролито. Если до того дашься привезти, ознамуй намъ: бо мы съ тобою ради вчинимъ. Писанъ у Заволочьѣ, лѣтъ Божья нароженья 1581, м. Авг. 2 дня; а запечатанъ тотъ листъ печатью Маестатною Корунною, въ небытности на тотъ часъ при насъ Канцлера В. Княжества Литовскаго.» — Гейденшт. 392: Sub finem epistolæ ad singulare certamen eum provocat... libros de immanitate eius, passim per Germaniam editos, una ei mittit. Слѣдственно сіи книги были печатныя: думаю, Герберштейнъ о Россіи и Гваньини, коего сочиненіе о тиранствѣ Іоанновомъ было тогда напечатано въ Германіи (см. выше, примѣч. 34). Іоаннъ велѣлъ сказать Стефану, что будетъ отвѣчать на присланныя имъ *книги*, когда прочитаетъ ихъ.

(562) 21 Іюля. Баторій стоялъ тогда близъ Полоцка, гдѣ находился съ нимъ и Іезуитъ Антоній Поссевинъ (см. ниже).

(563) Дѣла Цесар. No 4 и Папскія No 1. Съ Шевригинымъ (возвратившимся къ Государю въ Старицу 17 Іюля 1581) Іоаннъ писалъ также къ Императору: «Изо всѣхъ мѣстъ Нѣмецкихъ Государствъ намъ сказываютъ пріѣзжая торговые люди, что ты, братъ нашъ дражайшій, имъ заповѣдь учинилъ и кораблей въ наше Государство ни съ какими товары пропускати не велѣлъ, и Дацкомудей Королю Зунтомъ въ наши Государства пропущати не велишь» (особенно съ мѣдью, свинцомъ, оловомъ). — Рудольфъ отвѣчалъ, что онъ никогда не запрещалъ того. Въ донесеніи Истомы Шевригина: «Пріѣхалъ онъ Истома въ Римъ Февр. въ 24, а встрѣча ему первая была отъ Риму за 5 верстъ, Кардиналъ Медичь, а по-Русски Архіепископъ, а съ нимъ человѣкъ 150, а подъ него подъ Истому привезли три колымаги; а другая встрѣча была отъ Риму за три версты: встрѣчалъ Ковалеръ, а по-Русски Воевода, а съ нимъ человѣкъ съ 200; а въ Римѣ поставили его на дворѣ у Римского Намѣстника, у Папина сына, у Якова; а встрѣтилъ его Папинъ сынъ на дворѣ своемъ; да и въ приставѣхъ у него былъ Папинъ же сынъ; а у Папы онъ Истома былъ Февр. въ 28... а въ Римѣ по 28 Марта; а на дворъ (къ Папину сыну) пріѣзжали его Истому подчивать по вся дни Кардиналы и Воеводы и Дворяне, а ѣствы ему шло на день къ столу по тридцати блюдъ, а къ ужинѣ по тридцати жь блюдъ; да овощей всякихъ къ столу по двѣнатцати блюдъ, да къ ужинѣ жь по двѣнатцати блюдъ.»

(564) Латинскій списокъ сего наказа подаренъ Москов. Архиву Кол. Иностран. Дѣлъ Историкомъ Княземъ Щербатовымъ вмѣстѣ съ письмомъ Кардинала Морона къ Іоанну изъ Регенсбурга отъ 15 Генв. 1576. Въ наказѣ Кленхену сказано: «Для исполненія важныхъ намѣреній Св. Отца потребенъ мужъ ученый и разумный: избираемъ тебя» (говоритъ Кардиналъ Моронъ), «ибо ты имѣешь всѣ нужныя для того качества и, какъ намъ сказано, уже бывалъ въ сихъ странахъ, знаешь ихъ обычаи и языкъ... И такъ, когда съ помощію Ангела Господня прибудешь въ Москву, отдай Великому Князю письмо Его Святѣйшества и наше... Сказавъ ему благословеніе Св. Отца, изъясни, какимъ образомъ слава возвѣстила Его Святѣйшеству о добромъ расположеніи сего Вѣнценосца къ Римской Церкви и къ Намѣстнику Христову, также о его могуществѣ, многочисленныхъ народахъ, обширныхъ владѣніяхъ — о великихъ одержанныхъ имъ побѣдахъ надъ врагами Христіанства — о доблести, военномъ его искусствѣ, благоразуміи, великодушіи, коими онъ всѣхъ удивляетъ и плѣняетъ, соединяя оныя съ живѣйшею ревностію къ Вѣрѣ... Скажи, что Римскіе Первосвятители издревле обыкли своими отеческими наставленіями возбуждать Великихъ Монарховъ ко всему изящному для славы Божіей, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи и памятники всѣхъ народовъ. Упомяни о знаменитыхъ ополченіяхъ Христіанскихъ для завоеванія Іерусалима... о славной побѣдѣ одержанной надъ Оттоманскимъ флотомъ при островахъ Ехинадскихъ (Іоническихъ) во время Пія V... Скажи, что Св. Отецъ, вмѣсто обыкновеннаго краткаго письма, какія онъ пишетъ къ Королямъ и самому Императору, въ знакъ особенной любви послалъ съ привѣтствіями къ Россійскому Государю человѣка вѣрнаго... Внуши ему, что дружество Св. Отца будетъ для него весьма полезно; что многіе Властители за ихъ добродѣтель Римскими Первосвятителями удостоены были сана и титула Королевскаго: на примѣръ, Властители Польскіе, Венгерскіе и другіе... А какъ главною цѣлію твоего Посольства есть склонить Вел. Кн. не только къ политическому союзу съ Римомъ, но и къ Церковному: то умѣй возбудить въ немъ сіе душеспасительное желаніе, да требуетъ Іереевъ и Богослововъ отъ Св. Отца, признавъ его Главою всеобщей Апостольской Церкви.» Далѣе сказано, что Государь Россійскій можетъ убѣдить и Шаха Персидскаго къ соединенію съ Европою противъ Оттомановъ, и что если Іоаннъ будетъ недоволенъ своимъ титуломъ въ письмѣ Его Святѣйшества, то Кленхенъ долженъ изъяснить ему обыкновеніе Папъ, которые въ своихъ Буллахъ къ Вѣнценосцамъ не исчисляютъ всѣхъ ихъ владѣній, именуя Императоровъ и Королей *сынами*, quod verbum amoris et charitatis plenissimum est.

(565) См. выше, примѣч. 440. Слова Кобенцелевы: Di poi, quantunque alcuni habbiano scritto, et forse all'hora era così, che quella natione era inimicissima a noi altri devoti alla Chiesa Apostolica Romana, pure V. S. Illustr. mi creda sicurissimamente, che adesso non è così, ma certissimo, che sospirano di veder Roma et visitare li luoghi, dove intendono dalle historie, che leggono, esser marterizzati et sepolti tanti santi, che loro più di noi honorano et celebrano, sicome quelli, che mi furono aggiunti, di cio spesso meco ragionavano, et sempre mi dicevano, nessun altra cosa desiderare al mondo, che honorar certi luoghi, et massime Loreto, à loro più noto, che non à molti Alemanni et Francesi. Далѣе объ иконѣ Св. Николая.

(566) Moscovia A. Possevinii и La vie du Pere Ant. Possevin, p. 267.

(567) См. рукописную *Повѣсть о прихоженіи Литовск. Короля Степана съ великимъ и гордымъ воинствомъ на великій и на славный, Богомъ спасаемый градъ Псковъ.* Древнѣйшій списокъ ея (XVII вѣка) находится въ моей *Елагинской Смѣси*, также и въ Лѣтописцѣ Графа Толстаго, No 123, л. 253. К. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскій былъ старѣе К. Ив. Петровича Шуйскаго; но Царь, какъ сказано въ сей повѣсти, призвавъ къ себѣ К. Ивана, далъ ему одному письменный наказъ и велѣлъ отвѣтствовать за всѣхъ Воеводъ: т. е. сдѣлалъ главнымъ. Гейденштейнъ и другіе чужеземные Историки вездѣ именуютъ первымъ Псковскимъ защитникомъ К. Василія Скопина-Шуйскаго. К. Хворостининъ былъ Андрей Ивановичь, Бахтеяровъ Владиміръ Иван., Ростовскій Вас. Мих.

(568) Или за сорокъ тысячь, по сказанію чужеземныхъ Историковъ: см. La vie de Possevin 301.

(569) См. Розряды 1581 года, въ *Вивліоѳ.* XIV, 394 и слѣд. Во Ржевѣ былъ главнымъ Воеводою К. Мих. Катыревъ-Ростовскій: 15 Сент. Государь велѣлъ ему итти въ Яжелбицы, а 1 Окт. въ Новгородъ къ К. Голицыну; во Ржевѣ оставались К. Мих. Ноздроватый и Борятинскій. Далѣе сказано: «а у Пскова подъ людьми» (т. е. для вспоможенія осажденному Пскову) «велѣно быть изо Ржевы Воеводѣ Ив. Бутурлину.» — Архив. *Псков. Лѣт.*: «Въ Новѣгородѣ рати было 40,000 со Княземъ Юрьемъ Голицынымъ . . . а у Царя было въ собраніи тогда 300 тысячь въ Старицѣ.»

(570) Такъ говоритъ Поссевинъ. Въ Статейныхъ Спискахъ (Дѣла Папск. No 1, л. 41): «На рубежѣ въ приставы послати изъ Смоленска добра Сына Боярского, а съ нимъ человѣкъ съ десять, и кормъ велѣти Папину Послу давати доволенъ всякой, ѣству и питье, чтобы ему во всемъ было честно и покойно, въ ту версту, какъ Литовскимъ Большимъ Посломъ; да къ рубежу жь послати къ Папину жь Послу для береженья вмѣстѣ съ приставомъ выбравъ Голову изъ Дворянъ, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ до 100 человѣкъ; да встрѣтити его изъ Смоленска на Лубнѣ Воеводѣ Триг. Морозову, а съ нимъ изъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ лутчихъ человѣкъ до 600 и до 700, чтобъ были и людны и конны и нарядны . . . а какъ встрѣтитъ, и пропустя Посла, самъ бы за нимъ шелъ полкомъ не подалеку . . . а въ кое время Смоленскимъ посадомъ пойдетъ, и въ то бы время около посаду и по посаду было добрѣ людно . . . Чего (Посолъ) и сверхъ рядовъ попроситъ, то давати . . . а въ Смоленскѣ взяти у Владыки и у Дьяковъ всякихъ медовъ бѣлыхъ и красныхъ, вишневого ведро, малинового ведро, *Боярского* два ведра для запросу.»

(571) См. Поссевина Moscov. Папа прислалъ-было Царю еще икону Богоматери и младенца Іисуса, изображеннаго нагимъ: Антоній утаилъ ее, свѣдавъ, что Россіяне не терпятъ наготы въ священной живописи: «цѣломудріе достохвальное!» говоритъ сей Іезуитъ: «для чего мы, Римскіе Католики, не имѣемъ онаго?»

(572) См. Дѣла Папск. No 1, л. 93 и слѣд.; также Поссев. Moscov.

(573) Антоній пишетъ, что Іоаннъ будто бы сказалъ: «коего мы признаемъ Намѣстникомъ Іисуса Христа.» Поссевинъ выѣхалъ изъ Старицы 14 Сент.

(574) Въ *Повѣсти о Псковской осадѣ*: «Въ окольные Псковскіе грады грамоты разсылаша (Воеводы) о укрѣпленіи градовъ; по селомъ же и по деревнямъ такоже, дабы всѣ въ свои приближенные городы ѣхали, съ женами и съ дѣтьми и со всѣмъ животомъ въ осадъ . . . Слышавше, яко уже (Баторій) за 100 верстъ отъ Пскова на городъ Вороначь пріиде, Бояре и Воеводы со всѣмъ Св. Соборомъ обходятъ около всего вел. града Пскова съ честн. кресты и св. мощьми К. Всеволода и съ иными святынями.. По нихъ же шествуютъ Псковскіе народи, мужи и жены съ малыми младенцы... Паки же слышавъ, яко уже Король подъ Островомъ за 50 верстъ ото Пскова и по городу изъ наряду біетъ, Государевы Бояре и Воеводы всю окольную стѣну во Псковѣ промежъ себя раздѣлиша . . . всю же стѣну вооружаша людми и наряды . . . Отъ полуденныя же страны аки дымъ теменъ Литовская сила идяше на бѣлыя стѣны Псковскія, ихъ же ни вся Литовская земля очернити возможе.» Тамъ же о силѣ Баторіевой: «Литовскіе люди, Польскіе, Угорскіе, Мазовшане, Нѣмцы Цысарскіе, Датцкіе, Свитцкіе, Брушвицкіе, Любскіе и всякихъ 14 Ордъ, и всякихъ наемныхъ людей 60 тысячь, а своего войска 40 тысячь, опричь торговыхъ людей.» И Флетчеръ (R. C. W. 27) пишетъ, что у Стефана было 100,000 воиновъ.

(575) См. Гейденшт.

(576) Въ Дѣлахъ Польскихъ No 13, л. 20: «А говоритъ-дей (Дав. Бѣльской) Королю, чтобы къ Ноугороду и ко Пскову Король не ходилъ, потому, Новгородъ-дей облили воды великіе, а Псковъ мѣсто великое, а залило водами же; а шолъ бы-дей Король къ Смоленску, а изъ тѣ мѣста вѣдаю, гдѣ людямъ приступати и отъ стрѣльбы укрыватися,» и проч. См. также Гейденшт.

(577) См. *Повѣсть о Псковской Осадѣ.* Тамъ описываются чудеса и видѣніе кузнеца Дороѳея; на примѣръ: «Видѣ Дороѳей Богородицу идущу изъ Печерск. монастыря во градъ Псковъ... и глагола кузнецу: *старецъ! иди, скажи Воеводамъ, чтобы поставили пушку Трескотуху въ нижнемъ бою, а пушкаря бъ взяли, которой на большомъ роскатѣ, гдѣ ты приписанъ*... и сама своею рукою указала шатры Королевскіе . . . и Воеводы велѣша по нихъ ударити изъ наряду . . . и многихъ Пановъ добрыхъ туто побили . . . и Король побѣжалъ ко Черехѣ рѣкѣ, и тамо ставъ за горами на промежицѣ. . . Начаша (1 Сент.) къ городу копати великія *борозды* (траншеи) отъ своихъ становъ и по большой Смоленской дорогѣ къ Великимъ воротамъ къ Человѣку Божію Алексію, тоже отъ Алексія къ великимъ Свинымъ и къ Покровскимъ воротамъ, и выкопавше въ 3 дни пять бороздъ, да поперечныхъ 7, а въ тѣхъ бороздахъ, яко же послѣди обрѣтоша, дворовъ большихъ въ земли же (было послѣ) выкопано, яко избушекъ съ печками 132, да меньшихъ 904; въ большихъ же Ротмисты и Сотники сходишася, въ меньшихъ же Гайдуки жити себѣ устроиша; и тако лукавымъ своимъ умышленіемъ близко города прокопашася, яко единому городовому рву межъ ими и градною стѣною быти, роюще землю яко кроты, и сограсиша изъ тоя высыпныя земли горы великія, дабы не видѣти ходу со градныя стѣны, и многія окна провертѣша, изъ нихъ же стрѣляти уготовившеся... Сент.

въ 4, въ ночи, прикативъ туры и поставиша первые у Св. Алексія, отъ града же яко полверсты; туто повелѣша быть съѣзжему двору. Таже и другой дворъ въ турахъ поставили противъ того же къ Великой рѣкѣ; да туры бойчіе, противъ Покровской башни; третьи же туры бойчіе противъ того же угла за Великою рѣкою. Всѣ же тѣ туры и землею засыпали, и Сент. въ 5 въ нихъ нарядъ приволокли и поставили... Съ ними же (Воеводами Псковскими) Государевы Дьяки Сульменъ Тимоѳеевичь Булгаковъ, да Аѳ. Викулинъ сынъ Малыгинъ, да Пушечнаго Приказу Дьякъ Терентій Лихачевъ на совѣтъ къ Воеводамъ съѣзжаяся... Сент. въ 7 на первомъ часу дни начаша бити изъ наряду по граду... такоже и наутріе 5 часовъ, и выбиша стѣны 24 сажени до земли, да Покровскую башню, да мѣстами стѣны городовыя 69 саженъ испроломаша,» и проч., какъ описано въ нашей Исторіи. Далѣе: «Въ осадный колоколъ звонити велѣша (Псков. Воеводы) въ Среднемъ городѣ на стѣнѣ у Вел. Василія на Горкѣ... Яко вода многая (Литовцы) къ городу льяшася, саблями яко молніями безчисленными на городъ сверкающе... Въ 6 часъ дни на проломныя мѣста устремишася (Литовцы), щитами же и ручницами и копьями яко кровлею закрывающеся. Государевы же Бояре со всѣмъ войскомъ, Бога на помощь кликнувше, Христіанскимъ языкомъ Русскій ясакъ возвавше... Литовская сила на стѣны яко вода льющеся: Христіанское же войско яко звѣзды небесныя крѣпяшеся... Пролому же велику пробиту, яко и на конехъ возможно ѣздити... Приближенныхъ Королевскихъ Дворянъ 2000 въ розбитую Свиную башню надкашеся,» и проч.

О Шуйскомъ въ проломѣ см. Гейденшт. — Вмѣстѣ съ Игуменомъ Тихономъ отличался ревностію Троицкій Протоіерей Лука.

(578) Въ *Повѣсти:* «Съ похвальнаго роскату изъ великіе пищали изъ Бареы удариша по Свиной башнѣ и множество Литовской силы прибиша... Еще же Воеводы повелѣша подъ Свинскую башню поднести много зелія и зажещи е... и своими телесы (непріятели) яко другую башню подо Псковомъ сградиша... Бояре же и вси воины, съ ними же и Черицы, рекуще: *умремъ вкупѣ за Христову Вѣру и за Царя*... такоже заступниковъ Псковскихъ, К. Всеволода, Доманта и Николу юродиваго себѣ на помощь пріимше... и устремишася на Литовскую силу,» и проч.

(579) Въ *Повѣсти:* «Женамъ велѣно по Литовской нарядъ итти... младыя же и сверстныя оружіе пошаху; старыя же въ своихъ рукахъ верви несоша, и тѣми Литовскій нарядъ въ городъ везти помышляюще, и вси къ пролому бѣжаху... овымъ же утруждьшимся воиномъ, изнемогшимъ отъ жажды, воду приношаху и рѣтивыя сердца ихъ водою отливаху.»

(580) Тамъ же: «Сей, братьи, первый день наста намъ плача и веселія, храбрости и мужества... Яко же начахомъ, тако же и молимъ Бога совершити... Сильныи враги наша падоша, а мы немощніи препоясашася силою... Исполинъ хлѣба лишися, а мы, алчущіи милосердія Божія, исполнены благъ... Изволимъ же за Церковь и за Царя и за его Государевы дѣти умрети; а не помыслимъ никоею милостію или боязньствомъ въ отчаяніе датися... Воинство же, сіе слышавъ, съ плачемъ и со слезами противу отвѣщаетъ: *Готови есмы за Христ. Вѣру умрети. Яко же начахомъ по Бозѣ, и совершити имамы безъ всякія хитрости.*» О Литовскомъ уронѣ: «Побитыхъ, яко они сами сказаша, болѣ пяти тысячь, раненыхъ же яко сугубо толико.» О досадѣ Короля: «Тогда же ему яко мало на свой мечь не пасти, яко мнѣтися мало сердцу его не треснути.» См. также Гейденшт.

(581) Въ *Повѣсти:* «Король же повелѣ во Псковъ грамоты писати: яко не на то есми пріидохъ подъ градъ вашъ, абы не вземъ его мнѣ отъитти. Сами вѣсте, колицы грады Государя вашего взяхъ... Нынѣ же пишу къ вамъ жалуя васъ... Аще отворите ми градъ, вѣдомо вамъ да будетъ, яко ни единъ изъ васъ у вашего Государя лютаго такъ пожалованъ есть, како васъ пожалую... не токмо во градѣ Намѣстники отъ мене будете, но и грады въ вотчины вамъ дамъ... Всего же во градѣ народа помилую, и паки на своихъ законѣхъ жити имате... и торги своя яко въ старину да торгуете... И тако написавъ, стрѣляютъ во градъ, и многажды стрѣляютъ стрѣлы съ таковыми грамотами во Псковъ. Государевы же Воеводы противу отписываютъ: кая польза человѣку возлюбити тма паче свѣта, а намъ оставити своего православнаго Царя и покоритися иновѣрцу, и быти яко Жидомъ? Ложною ласкою и тщею лестію прельстити хощеши насъ: ни всего міра хощемъ богатства противу своего крестнаго цѣлованія... Аще Богъ по насъ, никто же на насъ; мы готовы умрети, а не предадимъ Государя нашего, града Пскова... Готовъ буди съ нами на брань... елико коему надъ кѣмъ Богъ одолѣніе покажетъ.»

(582) О ропотѣ Литов. войска см. Гейденшт. — Въ *Повѣсти:* «Кійждо начальниковъ розныхъ земель свой подкопъ поведоша Сент. въ 17: Польской, Угорской, Нѣмецкой... Сіе же Литовскіе языки Государевымъ Воеводамъ сказаша... и прежебывшій Руской Полоцкій Стрѣлецъ, именемъ Игнашъ, повѣда Воеводамъ, противъ коего мѣста ведутъ подкопы, и велѣша (20 Сент.) противъ *слухи* копати, и Сент. въ 23 съ подкопы Литовскими наши слухи сошлися, межъ Покровскихъ и Свиныхъ воротъ» (въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано, что тутъ перерѣзано около 2000 непріятелей)... Иные же подкопы сами обрушишася... Окт. въ 24 нача Король стрѣляти, *разжигая ядра*, въ городъ безвредно... Окт. въ 28 прискоча Литовскіе Гайдуки подъ градную стѣну, и необычно отъ нихъ сотворенными щиты закрывся, почали кам. стѣну подсѣкати кирками и всякими каменодѣльными запасы... и въ тѣ поры изъ-за Великіе рѣки изъ снаряду стрѣляху... Воеводы же наши повелѣваютъ смолье зажигати, и на нихъ и на щиты ихъ метати... и противу ихъ подсѣканія частыя окна провертѣти сквозѣ древянную и каменную стѣну, и изъ тѣхъ оконъ изъ ручницъ стрѣляти и копьи колоти, такожь смолу горячую, и деготь, и врютокъ, и ленъ осмоливъ зажигая на нихъ метаху, такожь и кувшины съ зеліемъ... а кои подъ стѣну подсѣкошася, на тѣхъ здѣлаша на шестахъ кнуты, по концамъ же привязываху желѣзныя *пуги* съ вострыми крюки, и тѣми Гайдуковъ, за ризы ихъ и съ тѣломъ захватывая, изъ-подъ стѣны выторгаху,» и проч.

(583) Такъ въ *Повѣсти.* Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: а во Псковъ на проходъ пришли сквозѣ Литовскіе люди приказъ Стрѣльцовъ съ Никитою Хвостовымъ.» Гейденшт. пишетъ, что Литовцы взяли Хвостова, и что весьма немногіе изъ его семитысячнаго отряда съ Даниломъ Исленьевымъ (Islenovus) вошли въ городъ, куда черезъ нѣсколько дней пробился и Ѳ. Мясоѣдовъ (Mesceodovus) едва ли съ 300 воиновъ; что еще до Хвостова Нѣмцы схватили 200 Дѣтей Боярскихъ и прогнали другой Русской отрядъ, шедшій въ слѣдъ за ними, изъ Дерпта ко Пскову.

(584) Въ *Повѣсти:* «Повелѣ (Король) Рохмистомъ съ Гайдуки отъ граду въ станы отъити, и Ноября

въ 6 день отъидоша, и нарядъ изо всѣхъ туровъ отволокли.»

(585) См. сей *Исторіи* Т. VII, прим. 383, г. 1519.

(586) См. рукописную *Повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, иже во Псковской землѣ, и о Марцѣ, первомъ старцѣ Печерскомъ... о избавленіи града Пскова и Обители Печерскія отъ плѣненія въ нашествіе Короля Польск. Стефана Обатура* (см. также Гейденшт.).

Окрестные жители Печерскаго монастыря, соединяясь съ тамошними Стрѣльцами, Нейшлосскими, Гдовскими, Дерптскими, сидѣли въ засадахъ, нападали на подвозы Литовскіе, грабили ихъ, убивали провожатыхъ. 25 Окт. удалось имъ отбить у Нѣмцевъ знатное число нашихъ плѣнниковъ, множество добычи и два колокола, взятые ими въ Кобыльской волости, отъ церкви Св. Николая: сіи трофеи были повѣшены на монастырской колокольнѣ, у храма Николая Чудотворца. — 29 Окт. Нѣмцы съ Фаренсбахомъ (или Фаренсбекомъ) приступили къ монастырю, разбивъ пушками часть стѣны; но лѣсницы подломились, и молодой Кетлеръ съ двумя Тизенгаузенами остались плѣнниками въ рукахъ Героевъ монастырскихъ. Король прислалъ еще Борнемиссу съ 500 Венгровъ; но и другой приступъ, 14 Ноября, былъ также несчастливъ: Монахи съ крестами ходили по стѣнѣ, ободряя воиновъ; самыя жены и дѣти Стрѣлецкія бились мужественно. Замойскій (какъ сказано въ *Повѣсти Печерской*) 24 Ноября писалъ къ Инокамъ, что все войско Литовское приступитъ къ ихъ монастырю, если они не сдадутся; но Иноки и воины въ общемъ совѣтѣ положили умереть, и Іеромонахъ Тернуфій въ Священнической одеждѣ вышелъ объявить о томъ непріятелямъ: онъ говорилъ съ ними изъ окна башни, а воины на стѣнахъ громкимъ восклицаніемъ подтвердили слова его.

(587) См. Кельха 368.

(588) См. Гейденшт. и Дѣла Польск. No 13, л. 546 на обор.

(589) См. выше, стран. 185, въ рѣчи, произнесенной Баторіемъ на Сеймѣ.

(590) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «А въ Новѣгородѣ рати было 40 тысячь со К. Юрьемъ Голицынымъ; многажды и Торговую Сторону посылалъ зажигати, и людіе едва его умолиша того тако не сотворити; а самъ съ войскомъ всѣмъ стоялъ въ городѣ каменномъ... а во Ржовѣ Володимеровѣ тогда воевалъ Панъ Филонъ, а съ нимъ было 40 т.» (у Гейденшт.: cum duobus circiter millibus equitum Tartarisque qui sub Haraburdæ ductu erant, Lukis egressus) «а Русу высѣкъ и выжегъ.» Въ Архив. Розрядн. Кн. 634 на обор.: «Литовскіе люди пришли въ другіе къ Русѣ, и Русу зажли, а Воеводу К. Вас. Мусу-Туренина взяли, а Дм. да Ив. Салтыковы, да Дм. Замыцкой побѣжали, а К. Василья выдали.» Царь 27 Окт. былъ уже въ Слободѣ: см. Дѣла Польск. No 13, 372.

(591) См. Кельха 363 и Гейденшт. 403. Соединясь съ Филономъ Кмитою, Радзивилъ обратилъ въ бѣгство К. Мих. Ноздроватаго и К. Ив. Борятинскаго, вышедшихъ изъ Ржева съ 3000 легкихъ воиновъ; но близъ мѣста, которое Гейденшт. называетъ Ocomeciam, Литовцы имѣли неудачу. Къ нимъ прибѣжалъ какой-то Мурза Данило, qui in mensæ ministerio apud Moscum (у Царя) versabantur, и сказалъ, что Іоаннъ въ Старицѣ съ малымъ числомъ войска; но Радзивилъ не осмѣлился итти далѣе.

(592) Кельхъ 366 — 368, Гадебушъ 232, Далинъ 106, 107. Габзаль сдался 9 Авг. Де-ла-Гарди и Адмиралъ Флемингъ осадили Нарву 4 Сент. а взяли 6, Ивангородъ 17, Яму 28 Сент., Копорье 10 Окт., Виттенштейнъ 26 Ноября.

(593) См. Дѣла Польск. No 13, л. 353 — 504.

(594) Тамъ же, л. 548 и слѣд. Съ Елецкимъ и Олферьевымъ были Дьякъ Никита Басенокъ-Верещагинъ и Подьячей Зах. Свіязевъ. Гонецъ Болтинъ, извѣстившій Стефана о скоромъ выѣздѣ нашихъ Пословъ, возвратился 28 Ноября и донесъ, что Король не спросилъ у него о здоровьѣ Царя и не всталъ, слушая Іоанновъ титулъ. Стефанъ писалъ къ Царю, что ждетъ нашихъ Повѣренныхъ, а Псковской осады не сниметъ, хотя Антоній и склонялъ его къ тому именемъ Папы.

(595) Тамъ же, л. 574, и Поссев. Moscov. Елецкій и Олферьевъ писали къ Государю: «А стоятъ, Государь, Послы Литовскіе отъ нашего стану верстъ семь.»

(596) См. Гейденшт., который (стр. 413) описываетъ и *губительный ларецъ*, вымышленный Остромецкимъ (Ostromecius): in arca ferrea duodecim tubos scloppetarios, quo citius rumperentur, ex industria tenuatos, ordine disposuerat, eosdemque subtilissimo pulvere ac arcam ipsam impleverat, in medio eam scloppeti partem, quæ rota atque incumbente silice ignem ad pulverem incendendum elicit, tensam paratamque constituerat, arca ea in ligneam cistam imposita, fibulam, quæ attracta rotam luxare, ignemque excitare solet, duabus chordis, una ad inferiorem ligneæ cistæ fundum, altera ad ipsum ferreæ cistæ operculum alligarat, ea ratione, ut sive ferream arcam ex lignea quis eximeret, seu ipsius ferreæ tectum moliretur, necessario utraque re pulvis inflammaretur, tubisque atque arca ferrea fracta astantes percellerentur. Далѣе Гейденшт. пишетъ, что ящикъ произвелъ свое дѣйствіе; что его открылъ, вмѣсто Шуйскаго, К. Андрей Хворостининъ (ferocissimus omnium Andreas Chorostinus, alter Palatinus et æmulus Suiscii), которой будто бы лишился тутъ жизни вмѣстѣ со многими любопытными (онъ здравствовалъ и воеводствовалъ въ слѣдующіе годы). Въ нашей *Повѣсти* такъ: «К. Ив. Петр. Ш. (9 Генваря) грамоту прочетъ и съ своими товарищи посовѣтовалъ, ларецъ же почавъ, яко быти ему съ оманомъ, повелѣша добыти мастеровъ, которые ларцы отпираютъ, и далече изъ Воеводскіе Избы Съѣзжіе вынести и отомкнути, всячески бережася. Сему же мастеру тотъ ларецъ отпершу, въ немъ же видитъ 24 самопала» (или пищали, какъ въ другихъ спискахъ) «заряжены на четыре стороны; наверхъ же ихъ высыпано съ пудъ зелья; заводные же замки ременемъ приведены къ личинкѣ ларца, за него же только принятися, заведенымъ же самопальнымъ замкомъ огненнымъ всѣмъ отпадъ огнемъ запалити.» У Гейденштейна яснѣе: движеніе ремней (или веревокъ) должно было двинуть въ ящикѣ колесо, а колесо удареніемъ въ кремень произвести искры и воспаленіе пороха.

(597) Въ Дѣлахъ Польск. No 13, л. 546: «Тотъ же Лукашъ сказывалъ, мирить-де ся Король хочетъ, а не вѣдаетъ, на чемъ... А пришло-де было Нѣмецъ 3000, да пошли прочь, потому что имъ Король грошей не далъ, а наемные-де люди хотятъ итти прочь, а иные-де пошли за то, что имъ Король грошей не даетъ, а се-де отъ стужи и отъ голоду; а говорятъ то, что хотя-де стояти подъ городомъ три годы, ино-де города не взяти... Всякихъ людей» (въ Королевскомъ станѣ) «и конныхъ и пѣшихъ больши дватцати пяти тысечь пѣтъ.»

(598) См. тамъ же, л. 567. Повѣренные наши доносили Іоанну: «Литовскіе Послы учали говорити сердито... Намъ-дей Государь нашъ велѣлъ все здѣлати въ три дни и розъѣздъ учинити, и выдей съ нами говорите ранѣе; а намъ-дей безо всей Лиф. земли ни безъ одное пяди отнюдь не

мириватца.» Въ другомъ мѣстѣ: «То что за миръ?» отвѣтствовали К. Елецкій и Олферьевъ: «только Государю нашему поступитися Стефану Королю вси Лифляскіе земли, и не будетъ у Государя нашего пристаней морскихъ... и не льзя будетъ ссылатися съ Папою и съ Цесаремъ,» и проч. См. также Поссев. Moscov.

(599) Въ *Повѣсти:* «Бояре промышляютъ вылазку великую конными и пѣшими, Генв. въ 4, и въ той вылазкѣ добрѣ много славныхъ и именитыхъ Пановъ побиша, болѣ 80 человѣкъ, такоже и языковъ много взяша нарочитыхъ... Сія же конечная вылазка бяше изъ града: всѣхъ же вылазокъ бяше 46, приступовъ же Литовскихъ ко граду 31.» Гейденшт. пишетъ, что Шуйскій, не довольный славою быть спасителемъ Пскова, хотѣлъ совершенно истребить непріятеля; выслалъ 700 всадниковъ и велѣлъ имъ ударить на сторожевые отряды Литовскіе, а пѣхоту и конницу остальную послалъ на главный ихъ станъ, по въ жаркомъ дѣлѣ лишился трехъ сотъ человѣкъ, кромѣ шестидесяти, взятыхъ въ плѣнъ (стр. 413). Между тѣмъ самъ Гейденшт. именуетъ нѣкоторыхъ знатныхъ сановниковъ, Польскихъ и Венгерскихъ, убитыхъ въ семъ дѣлѣ: Поссевинъ же говоритъ прямо, что оно было не удачно для Королевскаго войска и затрудняло выгодный миръ для Стефана. — Гейденшт. пишетъ далѣе, что Замойскій дозволилъ осажденнымъ черезъ два дни взять тѣла убитыхъ Россіянъ; что Поляки, считая сей день мирнымъ, вздумали изъ любопытства приближиться къ стѣнамъ города, но были осыпаны пулями; что такое беззаконіе могло оправдать вымыселъ *убійственнаго ящика* (см. выше, примѣч. 596) и покушеніе на жизнь Шуйскаго (jam publica fide ab illo prius violata)!

(600) См. списокъ сего договора въ Дѣлахъ Польск. No 14, л. 1 и слѣд. Тамъ сказано: «Перемирье на 10 лѣтъ отъ Крещенья Х. лѣта 7090... на томъ, что Великій Государь нашъ Стефанъ Король для покою Хрестьянского велѣлъ поступитись Великому Государю Ивану, Божіею милостію Государю всеа Русіи и Вел. Князю, городовъ, которые Государь нашъ взялъ: Луки Великіе, Невль, Заволочье (тожь Ржева Пустая), Холмъ, со всѣми уѣзды и волостьми; а Псковскіе пригороды Вороночь, Велью, Островъ, Красной, або что будетъ нынѣ послѣ того взялъ изо Псков. пригородовъ: Вревъ, Володимерецъ, Дубковъ, Вышегородъ, Выборецъ, Изборескъ, Опочька, Гдовъ, Кобылье Городище и Себежъ. А въ сторону Вел. Государя нашего, Короля, Вел. Государь Иванъ Вас. велѣлъ Посломъ своимъ поступитись въ земли Лифлянской города Куконоса, Скровного (Ашерада), Леневарда, Крупборха, Борзуна (Behrson), Чествина (Seswegen), Треката, Ровного (Роннебурга), Володимерца (Вольмара), Алыста (Маріенбурга), Говьи (Адзеля), городища Левдуна (Лаудона), городища Гольбина (Шваненбурга), Резицы (Rositen), Лужи (Лудзена), Влеха (Walck), Перколи (Pürkel), Салачи (Kirchholm), Юрьева, Новогородка (Neuhaus), Керепети (Кугпрæh), Мукова (Фалькенау), Рандега (Randen), Рынголя (Ringen), Конгота (Kongedahl), Кавлета (Kawelecht), Курслова, Лаюса (Lais), Тарваса, Полчева (Верполя), Пайды (Вейсенштейна или Виттенштейна), Вильяна (Феллина), Перново Старого, Перново Нового, со всѣми волостьми; да городъ Велижъ по старымъ рубежомъ, какъ было Витебской землѣ съ Торопецкою... А людей и нарядъ и запасы изъ городовъ вывезти на обѣ стороны.»

(601) Въ донесеніи нашихъ Уполномоченныхъ (Дѣла Польск. No 13, л. 602): «Антоней вшолъ въ избу и учелъ сердитовать и вопити на насъ: выдей пришли воровать, а не посольствовать... А у меня у Романца (Олферьева) въ рукѣ запись договорная черная, и Антоней, сердитуя на насъ, у меня запись вырвалъ да кинулъ въ двери, а меня взялъ за воротъ за шубу, да вернулъ и пуговицы оборвалъ, а говорилъ: подите-дей отъ меня изъ избы вонъ... И мы говорили: ты, Антоней, чинишь не гораздо: Государево великое дѣло мечешь, а насъ безчестишь.» — Далѣе см. Поссев. Moscov.

(602) Въ *Повѣсти:* «Въ 17 Генв. отъ стана непріятельского многіе люди Литовскіе, конные и пѣшіе, показашася, къ городу ѣдуще. Государевы же Воеводы приступу чаяху... Помалѣ же видяху, яко Литовское воинство остановися, отъ него же ѣдетъ конный къ городу; егда же видѣвъ, яко Русскій Вел. Князя Сынъ Боярскій, Александръ именуемый Хрущовъ, впустиша въ городъ, и Бояромъ грамоты отда отъ Государевыхъ Пословъ.» См. также Одерборна и Кельха 373.

(603) См. Кельха 370 и выше, примѣч. 268, о волшебникѣ Елисеѣ. Одерборнъ съ важностію разсказываетъ слѣдующее: «Еще до начала войны случились разныя чудеса. Явилась Комета, безъ сомнѣнія предзнаменуя великое несчастіе для Москвитянъ. Послѣ того громъ, при ясномъ свѣтѣ солнца, въ день Рождества Христова ударилъ въ Слободскій великолѣпный дворецъ и разрушилъ часть онаго; молнія обратила въ пепелъ богатыя украшенія и драгоцѣнности, тамъ хранимыя: проникла въ спальню, у самой кровати, и низвергла сосудъ, въ коемъ лежала роспись Ливонскимъ плѣнникамъ, осужденнымъ быть забавою, то есть, жертвою тирана. Узнавъ о томъ, Іоаннъ поблѣднѣлъ и ждалъ важной перемѣны въ судьбѣ своей. — Не далеко отъ города *Наліо*» (вѣроятно, *Налеекъ*, или Замоскворѣцкой слободы) трое мущинъ и три женщины, ходившіе въ лѣсъ за дровами, и шедшіе ввечеру назадъ, услышали голосъ: *бѣгите, Москвитяне!* Они въ страхѣ хотѣли бѣжать домой — и вдругъ съ неба упалъ большой мраморный, гробовый камень, не силою вихря, но какъ бы искусствомъ тихо положенный на снѣгъ, съ изображеніемъ неизвѣстныхъ буквъ, или эпитафіею, коею *безъ сомнѣнія* означалась гибель Московскаго Царства. Сіе явленіе такъ испугало мущинъ, что они пали мертвые и нѣсколько дней лежали на землѣ безъ всякаго смрада и перемѣны въ лицѣ: а женщины также упали, но скоро опомнились: увидѣли кровь на снѣгу, и ночью возвратясь въ городъ, всѣмъ разсказывали съ ужасомъ о такомъ чудѣ. Жители устремились туда изъ любопытства: видя же мущинъ мертвыхъ, кровь на снѣгу и гробовый камень, узнали, что отечеству ихъ предстоитъ гибель. Самъ Великій Князь, не уважавъ дотолѣ Небесныхъ знаменій и предпочитавъ свои замыслы Божественной волѣ, весьма испугался такихъ явленій; сидѣлъ дома въ безмолвіи и наконецъ, убѣжденный Совѣтниками, поѣхалъ съ Митрополитомъ и съ двумя Царевичами за городъ на мѣсто, гдѣ лежалъ камень; смотрѣлъ, ужасался и спросилъ у Митрополита о смыслѣ надписи: Митрополитъ отвѣтствовалъ, что не разумѣетъ оной. На другой день Іоаннъ велѣлъ вывести изъ темницы двухъ Ливонскихъ Священниковъ (одного изъ Кокенгузена, другаго изъ Оберпалена), славныхъ ученостію даже и въ землѣ варварской, обѣщая имъ свободу и награжденіе, если они изъяснятъ эпитафію камня. Хотя сіи плѣнники также не разумѣли таинственныхъ буквъ и не могли отгадать сокровенной воли Небесной, однакожь, въ надеждѣ получить свободу, сказали Іоанну: *Видишь предстоящее бѣдствіе страны. Молися, да смягчится Небо! Сіи знаменія касаются до твоего народа и Царства!* Смятенный угрозою Судьбы, Іоаннъ велѣлъ своимъ тѣлохранителямъ раз-

бить камень, надѣясь умомъ человѣческимъ отвратить неминуемую казнь Божественную!»

(604) См. *Повѣсть о Псков. осадѣ*.

(605) См. Гейденшт. и Кельха 373.

(606) См. *сей Исторіи* Т. VI, стр. 200, г. 1503.

(607) См. Поссев.

(608) См. выше, г. 1570. Гваньини: Ille M. D. filium habet sibi suisque truculentissimis moribus persimilem: nam ille voluptatis gratia solet per illa mortua corpora obambulare, illa calcando et baculo suo capita illorum confringit vel in illorum cerebra aciem baculi ferrati infigit, inquiens: vos, o scelerati, insurrexeratis in vestrum Imperatorem ac Principem, et me etiam. Т. е.: «Царевичь топталъ тѣла казненныхъ, и вонзая имъ въ голову острый конецъ своего жезла, говорилъ: *вы, злодѣи, возставали на Царя вашего и на меня!*» Одерборнъ пишетъ слѣдующее (J. B. Vita, стр. 318): «Любовница жаловалась Царевичу, что нѣкоторыя женщины смѣются надъ нею; Царевичь пожаловался отцу, который, велѣвъ привести ихъ и раздѣть до-нага, зимою, па снѣгу, въ присутствіи многихъ людей, сказалъ оскорбленной любовницѣ сына: *теперь смѣйся надъ ними!*... Она была прежде наложницею самого Царя.»

(609) См. Поссевина въ Moskov. 96 и Д. Хитреи IV, 191. Евдокія Богдановна Сабурова, въ Инокиняхъ Александра, пострижена въ Суздалѣ, а П. М. Соловая на Бѣлѣозерѣ; обѣ скончались въ 1620 г. и погребены въ Москов. Вознесенскомъ Дѣв. монастырѣ. О Еленѣ нигдѣ не упоминается въ нашихъ собственныхъ извѣстіяхъ. — Въ рукописной Степен. Книгѣ Латухинской сказано, что Царевичь Іоаннъ *сіялъ мудрымъ смысломъ* (см. ниже).

(610) Гейденшт. пишетъ, что Царь хвалился своимъ богатствомъ и сокровищами передъ сыномъ; что Царевичь сказалъ ему: «доблесть гораздо лучше, ибо съ нею можно все отнять у тебя;» что отецъ въ гнѣвѣ ударилъ его въ голову, и тѣмъ произвелъ въ немъ падучую болѣзнь, отъ коей онъ скоро умеръ. Но самъ Гейденштейнъ прибавляетъ, что по другому сказанію Царевичь убѣждалъ родителя дать ему войско для изгнанія Литовцевъ. Олерборнъ разсказываетъ такъ: «Долго Москвитяне терпѣли малодушное бездѣйствіе Іоанна въ войнѣ Литовской; наконецъ собрались въ *Владимірѣ*, думали, разсуждали и прямо объявили Царю, что время унять врага, опустошающаго Россію; что они всѣ готовы умереть за отечество и требуютъ старшаго Царевича въ Предводители. Іоаннъ затрепеталъ, вообразивъ, что и сынъ и подданные возстаютъ на него; вышелъ къ народу; свергнулъ съ себя вѣнецъ и порфиру; сказалъ, что не хочетъ быть Государемъ народа мятежнаго; исчислилъ свои благодѣянія, побѣды надъ Татарами, Шведами, Нѣмцами, Турками; заключилъ словами: *изберите же другаго Царя, который бы умѣлъ властвовать надъ вами!* Народъ устыдился своей дерзости; молилъ его не оставлять престола и выдалъ ему виновниковъ сего мятежа для *казни*. Тутъ Іоаннъ обратился къ сыну и сказалъ: *Злодѣй! какъ смѣешь казаться мнѣ на глаза, хотѣвъ возмутить народъ противъ своего отца и Государя? Теперь я уже не отецъ твой, а только Государь и судія: трепещи!* Сынъ желалъ оправдаться: Іоаннъ ударилъ его въ високъ жезломъ,» и проч. Повѣствованіе сомнительное: 1) Іезуитъ Антоній, черезъ три мѣсяца пріѣхавшій въ Москву, не слыхалъ о сихъ обстоятельствахъ, и пишетъ, что Іоаннъ предлагалъ Вельможамъ избрать другаго Царя уже *по смерти сына*; 2) никто изъ знатныхъ людей (см. *Послужный списокъ Бояръ*) не былъ *казненъ* въ то время. Правда, въ Морозов. Лѣт. подъ годомъ 1581 сказано: «Государь Царь и В. К. Іоаннъ Вас. казнилъ на Москвѣ людей на площади, гостей и торговыхъ людей, и воинскихъ, и многія казни быша во градѣ Москвѣ, и въ то время бѣ страха ради и прещенія Царева тишина и безмолвіе великое всюду, и во всѣхъ градѣхъ;» но здѣсь въ означеніи года должна быть ошибка (какихъ много въ сей лѣтописи): казни на Московской площади должны относиться къ 1570 году: см. выше, примѣч. 309, и ниже, примѣч. 617. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Глаголютъ нѣціи, яко сына своего Царевича Ивана того ради остнемъ (Царь) покололъ, что ему учалъ говорити о выручевіи града Пскова.» Это вѣроятнѣе слѣдующаго извѣстія Поссевинова: «Всѣ благородныя женщины въ Россіи носятъ обыкновенно три платья, одно сверхъ другаго: за стыдъ и наготу считается быть только въ исподнемъ. Случилось, что Царь засталъ свою беременную невѣстку въ ея комнатѣ безъ двухъ верхнихъ одеждъ, лежащую на скамьѣ отъ усталости: разсердился, и не слушая никакихъ извиненій, ударилъ ее въ щеку и прибилъ такъ, что она черезъ нѣсколько часовъ выкинула. Спасая жену, Царевичь укорялъ отца. *Ты* (сказалъ онъ) *безъ всякой вины отнялъ у меня двухъ супругъ: бьешь третью, чтобы умертвить въ ней младенца.* Царь, оставя жену, началъ бить мужа; ударилъ его въ високъ,» и проч. Это слышалъ Поссевинъ отъ своего переводчика. Другія чужеземныя извѣстія (Нейштетово и проч.) болѣе или менѣе согласны съ Лѣтописцемъ Псковскимъ (см. Траера, Галебуша, Вагнера и *Подробную Лѣтопись* III, 75).

(611) Въ рукописной Латухин. Степенной Книгѣ (и въ другихъ ея спискахъ): «Въ то же убо время нѣкто ближній отъ Вельможъ Царевыхъ, Борисъ Ѳеод. Голуновъ, дерзнулъ внити во внутреннія кровы Царевы просити отъ уязвленія благовѣрнаго Царевича Іоанна... Видѣвъ же сіе дерзновеніе Борисово, Государь наполнися ярости, велій на него гнѣвъ возложи и истязаніе многое сотвори, и лютыми ранами его уязви.» См. ниже, примѣч. 618.

Поссевинъ говоритъ, что Думный Дьякъ Андрей Щелкаловъ и Бояринъ Никита Романовичь Юрьевъ привезли Медиковъ изъ Москвы.

(612) См. Одерборна и Поссевина. Въ Морозов. Лѣт. «Въ лѣто 7090 *въ Москвѣ въ Слободѣ*, на Воздвиженской улицѣ, не стало Царевича Ивана Ивановича, и несоша его во градъ, и погребоша у Арх. Михаила; а скончася Ноемврія въ 19 день.» Не въ *Москвѣ*, а въ *Слободѣ Александровской* убитъ Царевичь. Тамъ Іоаннъ находился 17 Ноября (см. Дѣла Польск. No 13, л. 524 на обор.). Поссевинъ: interfectum igitur fuisse Joannem filium à M. Moscoviæ Duce in arce ea, quæ Sloboda Alexandri dicitur. Въ другихъ извѣстіяхъ несправедливо означено время: на примѣръ, вмѣсто Ноября Іюнь, и вмѣсто 1581 года 1582. — О черной одеждѣ и несеніи гроба въ Поссев. 29. Въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей Графу Ѳ. А. Толстому, находится *Похвальное Житіе* Св. Антонія Сійскаго, также Служба и Похвальное ему слово, сочиненныя Царевичемъ Іоанномъ. Передъ Службою, л. 1, написано такъ: «Списано бысть сіе многогрѣшнымъ *Иваномъ Русиномъ*, родомъ отъ племени Варяска, колѣна Августова, Кесаря Римского, въ лѣто 7087, въ Царство благов. и Христолюбив. Государя Царя и В. К. Ив. Вас. всея Русіи, и по благословенію Преосв. Антонія Митрополита всея Русіи, и при благоверн. Царевичехъ Иванѣ и Ѳеодорѣ Ивановичехъ.» Далѣе, л. 72: «Житіе и подвиги... Аввы Антонія Чудотворца, иже Сійскій нарицается по острову... на езерѣ Михайловѣ, въ предѣлахъ западныхъ. Преписано бысть сіе во царьство благов. и Христол. Царя и Государя В.

К. Ив. Вас. . . и при Царевичехъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, многогрѣшнымъ *Иваномъ, во второе по первомъ писатели,* колѣна Августова, отъ племени Варяжского, родомъ Русина, близь восточныя страны, межь предѣлъ Словеньскихъ и Варяжскихъ и Агараньскихъ, иже *нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ.* Благослови отче!» Слѣдуетъ Похвальное Слово Антонію. Въ концѣ, л. 384 — 390: «Списано бысть сіе благовѣрн. и Христол. Царевичемъ Княземъ Ив. Ив., сыномъ благовѣрн. и Христолюб. Царя и В. К. Ив. Вас. всея Русіи Самодръжца, и благовѣрн. и Христолюб. Царицы Анастасіи. Списаножь бысть сіе по преставленіи Старцовѣ: Канонъ его 87-го, отъ роженія моего лѣта 22 прейде; а житіе его восписавъ во царствіи отца моего, господьствіи лѣта 46, царствія Русьскаго лѣта 32-го, Казанскаго лѣта 28-го, Астороханьскаго лѣта 25-го, отъ созданія міру лѣта 8088-го, а Индикта лѣта 89-го, а отъ рожества моего лѣта 23 . . . И во время въ то пріиде Игуменъ Петеримъ Обители Блаженнаго (Антонія) и съ нимъ ученикъ Предобнаго Филоѳей, его житія первый списатель... Тіи пріидоша ко отцу моему, да повелитъ его благородствіе почитати его, якожь и всѣхъ Святыхъ; ещежь и при освящен. Антоніи Митрополитѣ, иже первіе бысть Архіепископъ граду Полоцку... сіи пріидоша Старцы; онъ же по повелѣнію Царя и В. К. и по Соборномъ изложеніи изложи празновати преподобному отцу Антонію. Тажь и азъ всемъ отъ него благословеніе... о сложеніи Канона, паче же и понуждаемъ есмь Петеримомъ Игуменомъ тоя Обители и Филоѳеемъ, юнымъ братомъ, и Архіеп. Александромъ В. Новаграда: понеже бысть и онъ ученикъ его (Антоніевъ) и съ нимъ бяше ходилъ по пустынямъ . . . и отыде отъ него въ предѣлы В. Новаграда и тамъ убо бысть Мнихомъ при Архіеп. Пименѣ; тому же измѣнившу престолъ свой и остави паству и отойде въ монастырь не своею волею, но нѣкоторые ради молвы, и въ предѣлѣхъ Рѣзаньскихъ тамо скончася. По тріехъ же лѣтѣхъ, кормило В. Новаграда никимъ же пасомо, поставленъ бысть въ В. Новградѣ Архим. на Архіепископство, имя ему Леонидъ... и той (чрезъ 5 лѣтъ) молвы ради нѣкоей сведенъ бысть. Потомъ же возведенъ бысть Архим. Юрьевскій на Архіеп. престолъ, имя ему Александръ, и той понуди мя писати Канонъ Преподобному. Еще же и отъ Филоѳея слышахъ, яко егда живу ему сущу, прихожаше къ родителемъ моимъ въ богоспас. царств. градъ Москву, и зѣло духовнѣ любяше ихъ; паче же и отъ отца моего слышахъ о любви къ нему, паче же и къ матери моей: сего ради и болши любовію распаляемъ ко Святому, и образъ его изыскавъ отъ тѣхъ самовидьцовъ и неложныхъ свидѣтелей, и еже слышахъ у отца моего о подобіи лица его и возраста, и отъ Вельможъ знаемъ бяше былъ Преподобный всѣми, часто прихожаше во градъ Москву, и отъ тѣхъ отъ всѣхъ испытно испытавъ и напечатать повелѣлъ подобіе воображенія, а самъ Канонъ изложи отъ житіа его, елико вразуми мя Богъ и въ разумъ мой пріиде. Потомъ начахъ писати и житіе: имѣхъ убо отъ тѣхъ преподобныхъ принесено ко мнѣ спасеніе о житіи его, и зѣло убо суще въ легкости написано. Азъ же понуждаемъ бысть отъ предиреченнаго Александра, еже написати похвалу Святому въ житіи, и елико вразумѣхъ, толико и написахъ... Да дасть ми Богъ обрѣсти милость въ день судный... Аминь.» Это писано имъ за годъ до его смерти, не очень красиво и складно, однакожь по тогдашнему *грамотно.*

(613) См. Поссев. Moscov. 30, 31, и Одерборна.

(614) См. тамъ же. Сказавъ, что Ѳеодоръ былъ единственнымъ наслѣдникомъ трона, Поссевинъ баснословитъ о мнимомъ правѣ Конюшаго Боярина избирать Вѣнценосца для Россіи въ такомъ случаѣ, когда Государство остается безъ Государя. Онъ прибавляетъ, что Московскій Дворъ уже 30 лѣтъ не имѣлъ тогда Конюшаго: не 30, а 14 лѣтъ: ибо Конюшій Ив. Петр. Ѳедоровъ погибъ въ 1567.

(615) Такъ Поссевинъ: 10,000 рублей или 20,000 червонцевъ; у Одерборна 77 тысячь золотыхъ.

(616) См. Одерборна.

(617) Одерборнъ (J. B. M. Ducis Vita 297): ostenderentque Moschos artium defendendarum vi atque ardore cæteris omnibus gentibus antecellere. Тамъ же, стр. 314: «Іоаннъ осудилъ на смерть 2300 воиновъ, которые въ Полоцкѣ и въ другихъ крѣпостяхъ сдались непріятелю. По заключеніи мира представленные Царю, они бросили на землю оружіе и пали ницъ: тиранъ велѣлъ ихъ всѣхъ казнить или ввергнуть въ ужасную темницу; велѣлъ умертвить и нѣкоторыхъ мирныхъ гражданъ, чтобы очистить Россію и властвовать спокойнѣе.» Не о сихъ ли казняхъ говоритъ Морозов. Лѣт.? см. выше, примѣч. 610. Въ такомъ случаѣ онѣ были въ 1582 году.

(618) Въ Латух. Степен. Книгѣ и въ другихъ ея спискахъ: «Царь Іоаннъ Вас. притязаетъ себѣ въ послѣднее супружество дѣву, именемъ Марію, дщерь Вельможи нѣкоего, Ѳеодора Нагаго; и тако сей Ѳеодоръ, да братъ его Аѳанасій начаша наносити Царю на Бориса Годунова, яко онъ Борисъ у него Государя въ близости пребываетъ, а за оскорбленіе Царево» (см. выше, примѣч. 611) достойную честь ему не приноситъ и не доброхотствуетъ. Тогда Государь паки на Бориса возъярився, и внезапу пріиде къ нему на дворъ, мняше въ себѣ, яко истинна суть реченная о немъ. Въ то время Борисъ велімъ страхомъ объятъ, и едва отъ немощи своея изыде во срѣтеніе Царю. Государь же вопрошаше Бориса о скорби его, и со гнѣвомъ на него взираше, раны же свои показати ему веляше. Онъ же повелѣніе Государево исполняетъ и болѣзненныя своя раны Царю обнажаетъ, яко отъ тяжести тоя скорби на обоихъ (бокахъ) и на персехъ заволоки себѣ сотвори, изъ нихъ же всегда гной исхождаше, и тѣмъ болѣзни своей облегченіе пріимаше. Тогда Государь, видѣвъ оболгана Бориса, и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ моя язвы Великія Перми купецкаго чина человѣкъ, именуемый Строгановъ. Царь же повелѣ пріити ему предъ себе и вопрошаше о настоящей Борисовѣ скорби. Свидѣтельствовалъ же и увѣдѣ истинну, и повелѣ того купца назвати выше *Гостя.* И отъ того времени тѣ Строгановы начаша именоватися съ *Вичемъ* именитыми людми. Оболгателю же Ѳеодору Нагихъ тому же лекарю Строгановыхъ повелѣ Государь въ тѣхъ же мѣстѣхъ, на бокахъ (и персехъ) за оболганіе его заволоки сотворити и кромѣ болѣзни.»

(619) См. Дѣла Польск. No 13, л. 525 и 605.

(620) Moscov. 28, 30.

(621) Въ Дѣлахъ Папск. No 1, л. 330 — 333: «И Стефанъ Король о томъ говоритъ, что онъ Московской землѣ прибытка хочетъ, а не завладѣти: коли-дей язъ съ Государемъ помирился, и язъ хочу братцкіе любви... И Стефанъ К. хочетъ себя отъ Перекопского беречи, и на него приходити съ своей стороны, а съ другую бы-де Государь пошелъ или рать послалъ, чтобы Перекопского къ Москвѣ впередъ не допустити. Да и то Стефанъ К. ему Антонью говорилъ, что онъ Стефанъ на то Государство пришлецъ, ни Ляхъ, ни Литвинъ, родомъ Угринъ; а пришелъ на то, что ему правды и любви изыскати, и Крестьянство свободити отъ Бусурманъ.» — Антоній, пріѣхавъ въ Москву 14 Февр., былъ въ Государевой *избѣ* 18 сего мѣсяца; съ нимъ

бесѣдовали въ *Полатѣ* Бояринъ и Намѣстникъ Новогородскій Никита Романовичь Юрьевъ Захарьинъ, и *Думные Дворяне*: Намѣстникъ Суздальскій Вас. Григ. Зюзинъ, Намѣстникъ Елатмовскій Ром. Мих. Пивовъ, и Дьяки: Андрей Яков. Щелкаловъ, Ѳ. Демьяновъ, Ив. Стрешневъ.

(622) Въ Дѣлахъ Папск. No 1, л. 356: «Намъ нынѣче не льзя рати своей послати на Перекопского, что наши люди отъ Стефановы Королевы войны истомны, да и потому, что есмя съ Крымскимъ ссылались... и нынѣ къ намъ изъ Крыму писали Послы наши К. Вас. Мосальской да Дьякъ Арменинъ Шапиловъ, что съ Крымскимъ Царемъ учинили насъ въ дружбѣ и любви, и Царя и Царевичевъ и всю землю къ шерти привели... и Пословъ своихъ Царь къ намъ отпустилъ, и грамоту о томъ перемирьѣ съ золотымъ нишаномъ послалъ... и намъ то еще не вѣдомо, которымъ обычаемъ то дѣло совершитца; а похочетъ Св. Король, чтобъ мы съ нимъ на Бесерменъ стояли за-одинъ, и какъ будутъ его у насъ Послы, и онъ бы къ намъ о томъ приказалъ... а и Крымское намъ дѣло тогды вѣдомо будетъ.»

(623) Тамъ же, л. 367: «а въ избѣ Государь оставилъ у себя Бояръ и Дворянъ Сверстныхъ и Служилыхъ Князей, которые по лавкамъ сидятъ, а Столниковъ и Дворянъ, которые надъ Окольничимъ и подъ Окольничимъ сидѣли, выслать велѣлъ.»

(624) У Поссевина: in religione me educatum, quae vera Christiana; а въ нашемъ Статейномъ Спискѣ: «Вѣра наша, Вѣра Христіанская, изъ давныхъ лѣтъ была себѣ, а Римская Церковь была себѣ,» и проч. Впрочемъ мало разности въ сихъ двухъ описаніяхъ; только иное подробнѣе въ Латинскомъ, иное въ Русскомъ, или въ другой связи.

(625) Въ Дѣлахъ Папск.: «Папа Григорей XIII, сопрестольникъ Петра и Павла, хочетъ съ тобою, Вел. Государемъ, быти въ соединеньѣ въ Вѣрѣ, а Вѣра Римская съ Греческою одна... а Папа хочетъ, чтобы во всемъ мірѣ, въ Римской и въ Греческой, была одна Церковь: мыбъ ходили въ Греческую, а Греческіе бы Вѣры Словенской языкъ въ наши церкви приходили. А будетъ Греческіе книги не сполна въ твоемъ Государствѣ переведены, и у насъ книги прямые Греческіе есть, Ивана Златоустаго рука самаго и иныхъ великихъ Святителей... А ты, Вел. Государь, будешь съ Папою и съ Цесаремъ и всѣ Государи въ любви, и ты не токмо будешь на прародительской вотчинѣ на Кіевѣ, но и въ Царствующемъ Градѣ Государемъ будешь; а Папа и Цесарь и всѣ Государи о томъ будутъ старатца.» См. также Поссев. Colloquium I.

(626) У Поссевина: vero te ad testimonium veritati perhibendum fuisse impulsum ab eo, in cujus manu corda sunt Regum, et sine cujus nutu ne folium quidem arboris movetur.

(627) Въ Дѣлахъ Папск.: «И Государь о томъ много говорилъ, чтобъ ему Антонью со Государемъ о Вѣрѣ не говорити: только намъ съ тобою говорити, и тебѣ, Антонью, не любити. А се намъ на такое великое дѣло и дерзнути не вмѣстно безъ благословенья и рукоположенья отца нашего и Богомольца, *Деонисья* Митрополита» (см. ниже) «и всего освящен. Собора говорити не пригоже. Ты, Антоней, говорить хочешь: и ты на то отъ Папы присланъ, а и самъ еси Попъ... Мнѣ неколи уже перемѣнятись и на большое Государство хотѣти: мы въ будущемъ воспріятія малаго хотимъ, а здѣшнего Государства всее вселенные не хотимъ.» Сія бесѣда у Поссевина на 15 страницахъ.

Въ нѣкоторыхъ историческихъ Сборникахъ есть слѣдующее извѣстіе: «Лѣта 7092 пріиде изъ Риму отъ Папы Посолъ къ Москвѣ къ Государю о Вѣрѣ, и егда собрашася власти, еже бы противъ Папина Посла дати отвѣтъ, тогда Ростовской Архіепископъ Давидъ ересь свою объяви. Государь же, давъ отвѣтъ, Папина Посла отпусти. Потомъ же Ростовск. Архіеп. Давида, ересь его изобличивъ, посла въ монастырь подъ началъ, дондеже въ чувство пріидетъ.»

(628) Въ Папск. Дѣлахъ: «А восе малое дѣло, что мы видимъ у тебя бороду подсѣчену, а бороды подсѣкати и подбривати не велѣно и не Попу, и мірскимъ людемъ... И Антоней говорилъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ.»

(629) Здѣсь разность. Доказывая, что Папа есть истинный наслѣдникъ Апостоловъ, Антоній, по его словамъ, сказалъ Іоанну: «Ты, Государь, черезъ 500 лѣтъ наслѣдовавъ престолъ Владиміровъ, не именуешься ли законнымъ наслѣдникомъ его Царства (istius imperii legitimus hæres, atque successor)? Вздумаетъ ли кто нибудь оспоривать права твои или твоихъ предковъ единственно для того, что они могли имѣть человѣческія слабости?... Тутъ Іоаннъ съ досадою, привставъ съ мѣста, сказалъ: *знай, что Папа не есть Пастырь* (Pontificem Romanum non esse Pastorem).» Видно, что Антоній не смѣлъ повторить *хулы* Іоанновой. Въ нашихъ Дѣлахъ: «Ты Государь великой» (слова Антоніевы) «въ своемъ Государствѣ, и прародитель твой былъ на Кіевѣ В. К. Владимеръ, и васъ, Государей, какъ намъ не величать и не славить и въ ноги не припадать? Да и въ ноги ко Государю Антоней поклонился низко... Которой Папа» (слова Іоанновы) «не по Христову ученію почнетъ жити, и тотъ Папа *волкъ есть, а не Пастырь*. И Посолъ Антоней престалъ говорити. *Коли-дей ужь Папа волкъ, и мнѣ что ужь и говорити!*»

(630) См. Поссев. Colloq. II, стр. 151.

(631) Въ Папск. Дѣлахъ л. 342: «Проситъ Папа, чтобъ ему послати нѣкоторыхъ, которые бы умѣли читать и писать *по-Русску*, хотя бы были и младенцы, которыхъ *обѣщуетъ* (обѣщаетъ) назадъ отослати,» и проч. Переводчикъ Антоніевъ былъ Литвинъ. — Далѣе см. тамъ же, л. 345 и 357.

(632) Въ сей день, по сказанію Антонія, было множество людей во дворцѣ, въ сѣняхъ, на лѣсницѣ и въ окнахъ (см. его Colloq. III, стр. 152 и слѣд.). Онъ сравниваетъ себя, кажется, со искушаемымъ Христомъ, говоря: ea ipsa die, quae fuit 4 Martii, cum Evangelium legitur: *Ductus est Jesus in desertum, ut tentaretur a Diabolo!* Здѣсь наше описаніе не согласно съ Поссевиновымъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Въ Папск. Дѣлахъ, л. 399: «Царь говорилъ Антонью: говорилъ еси съ нашими Бояры, чтобъ тебѣ быти въ Соборной церкви, смотрити церковного чину... И Антоней говорилъ: къ церкви, Государь, *иду* и смотрити *хочю*, а про Папу и нынѣ говорю, что Папа сопрестольникъ Апостолу Петру... И ты, Государь, какую Митрополиту честь воздаешь? умоетъ онъ въ службѣ руки, и тою водою ты очи мажешь! И Государь Антонью говорилъ: называешся учителемъ, а не знаешь, что говоришь. Читалъ ли еси Толковую Обѣденную Службу? И Антоней позамолчалъ. И Государь говорилъ: ино язъ тебѣ скажю, что Митрополитъ на Обѣдню руки умывъ, да тою водою очи свои просвѣщаетъ, да и мы... и то прообразованье страсти Господни, что Іис. Христосъ руки свои мылъ и очи свои помазалъ... И велѣлъ Государь съ Антоньемъ итти въ церковь О. Пушкину, да Ѳ. Писемскому и приставомъ его, а наказалъ, чтобы они пождали Государя передъ Пречистою, и Антоней бы то видѣлъ, какъ встрѣтитъ Государя со кресты. Митрополитъ, и Антоней бы шелъ за Государемъ, же... и Антоней хотѣлъ итти тотчасъ въ церковь, не дожидаяся Государского приходу, и О. Пушкинъ съ товарищи его поуняли, и Антоней почалъ сер-

литовати, а хотѣлъ ѣхати къ себѣ на подворье; и они сказали про то Государю, и Царь прислалъ къ Антонью Дьяка А. Щелкалова, а велѣлъ ему говорити, чтобы онъ не пригожево дѣла не дѣлалъ: не хочетъ въ церковь, и онъ бы не ходилъ: то на его волѣ; и онъ бы шелъ въ Отвѣтную Полату къ Бояромъ, говорити о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ не договорено; а на подворье ему топере ѣхати не пригоже... И Антоней пошелъ вверхъ къ Бояромъ.»

(633) Тамъ же, л. 407: Таковы люди, Ишпанскіе и Италіянскіе, пришли изъ Азова, побивъ каторги Турскихъ людей, а сосланы на Вологду, и кормъ имъ даютъ; а нынѣ Государь тѣхъ людей къ Папѣ и къ Ишпанскому Королю отпускаетъ... А что пишешь (Антоній), что умеръ у тебя конюхъ, выѣзжая изъ Киверовы Горки... и Государь тебѣ Литовского человѣка дати велѣлъ, которой бы тебѣ пригодился въ возницы. А что пишешь, чтобъ Государь отпустилъ къ Папѣ Ивана Священника, монастыря Кононика Рижского, а Вѣры онъ Римскіе: и тотъ Иванъ Попъ сидитъ въ ереси въ Мартыновѣ, а не старые Римскіе Вѣры, и того отпустити не пригоже.»

(634) Тамъ же, л. 409: «А то пишешь, что Цесарь и всѣ Крестьянскіе Государи того *для* Пословъ своихъ къ Государю не посылаютъ, какъ у него живутъ Послы на Посольствѣ и у руки, и Государь передъ ними руки обмываетъ, и имъ то не любо, какъ бы тѣ Государи сами не чисты... что Жигимонтъ Герберстенъ книги написалъ о всѣхъ обычаехъ Московскихъ, которые книги мало не у всѣхъ Государей есть, въ которыхъ книгахъ и о семъ написалъ... И на то тебѣ отвѣтъ: Государь нашъ Пословъ и гонцовъ своей братьи Великихъ Государей и пограничныхъ своихъ сусѣдовъ пріимаетъ по своему Государьскому достоянью, какъ издавна ведетца; а того у Государя не ведетца, какъ живутъ Послы, и Государь бы руки умывалъ тѣхъ для Пословъ, вставя которую нечистоту про Государей ихъ: то самъ, Антоней, все видѣлъ еси... то нѣхто лихой, неправдивой человѣкъ затѣялъ на Государей нашихъ... Тотъ Жигимонтъ у Государя отца нашего былъ... а безчестья ему никотораго не было; а что будетъ Жигимонтъ, перенявъ лодтродскимъ обычаемъ, которое въ книгу писалъ, взводячи на Государя нашего, а забывъ почесть и жалованье къ себѣ Государя нашего, то вѣдаетъ Жигимонтъ. Тогды, будучи въ Государя нашего Государствѣ, какое непригожство чинилъ и драки межъ себя съ своимъ товарищемъ съ Леонардомъ съ Комидомъ, съ кѣмъ вмѣстѣ пріѣхалъ, намъ того и говорить не пригоже. Посолъ всякой честь и безчестье своему Государю дѣлаетъ. А ты, Антоней, къ себѣ почесть всякую самъ видишь, и тебѣ нечего старыхъ такихъ баламутныхъ книгъ слушати.» Далѣе см. л. 414 и 423.

(635) См. тамъ же, л. 431 и слѣд. Въ письмѣ Іоанновомъ къ Папѣ: «Григорью XIII Папѣ, Навышшему Пастырю и Учителю Римскіе Церкви... Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали... и Посла твоего Антонья съ великою любовью приняли... и съ тобою и съ братомъ своимъ, съ Рудольфомъ Цесаремъ, и съ иными Крестьянскими Государи хотимъ быти въ братствѣ... чтобъ межъ насъ Крестьянство въ тишинѣ и въ покоѣ было и высвобожено изъ рукъ Мусульманскихъ... и какъ ты обошлешься съ Цесаремъ, и со Францовскимъ Королемъ, и съ Ишпанскимъ, и съ Англейскою Королевою, и съ Датцкимъ Королемъ и съ Свейскимъ, и со всѣми Княжаты Крестьянскими... а какъ у насъ ваши Послы будутъ, и мы съ ними велимъ своимъ Бояромъ договоръ учинити, какъ пригоже... А что еси прислалъ къ намъ съ Антоньемъ книгу Собору Флорентинского печатную Греческимъ писмомъ, и мы тое книгу у Посла твоего велѣли взяти; а что еси писалъ къ намъ и рѣчью намъ Посолъ твой говорилъ о Вѣрѣ, и мы о томъ съ Антоньемъ говорили» (болѣе ничего).

Государь далъ тогда Антонію и *грамоту опасную* для Шведскихъ Пословъ и гонцевъ, дозволяя имъ пріѣхать въ Москву для переговоровъ о мирѣ.

Въ наказѣ Молвянинову и Подъячему его, Тишинѣ Васильеву: «А нѣчто Якова и Тишину къ Папѣ пустити не похотятъ, и имъ къ Папинымъ Думнымъ людемъ одноличио не ходити... А нѣчто Папа позоветъ ихъ къ себѣ, а имъ за столъ итти, а то провѣдывати, не будетъ ли у него Турского или Цесарево или иного Государя Пословъ, и имъ говорити: посадитъ насъ Папа выше иныхъ Посланниковъ, и мы за столъ идемъ; а не посадитъ выше, имъ за столъ нейти... А нѣчто Папа или его совѣтники учнутъ говорити: *Государь вашъ Папу назвалъ волкомъ и хищникомъ*... и Якову и Тишинѣ говорити, то имъ слышати не лучилось, а больше того не говорити ничего... А нѣчто учнутъ спрашивати, по чему они въ *платью черномъ:* и Якову и Тишинѣ (вездѣ) сказывати, что грѣхомъ всее Руские земли Царевича К. Ивана въ животѣ не стало... Да провѣдати, Цесарь и всѣ Короли Папѣ послушны ли?»

Въ сіе время нѣкоторыя грамоты Іоанновы къ Европейскимъ Государямъ начинались молитвою къ Св. Троицѣ: «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ тя, истиннымъ Крестьяномъ дателю премудрости преневѣдомый и пресвѣтлый и крайній верхъ! направи насъ на истину твою и научи насъ на повелѣнія твоя, да возглаголемъ о людехъ твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо нашего въ Троицѣ славимаго милостію, хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россійскаго Царствія Мы Великій Государь Царь,» и проч.

(636) См. Т. I, примѣч. 33.

(637) Языки Коряковъ, Чукчей, Камчадаловъ сходствуютъ съ языками островитянъ Восточнаго Океана и Сѣверныхъ Американцевъ: вѣроятно, что они (т. е. Коряки и проч.) Американскіе выходцы. Чукчи, какъ замѣтили Кукъ и Лессепсъ, не имѣютъ въ лицѣ ничего Азіатскаго.

(638) См. Т. I, примѣч. 33.

(639) Тамъ же, стр. 4.

(640) Тамъ же, стр. 9, 13, и Т. IV, 29.

(641) Т. II, 25.

(642) Т. VI, 177, — Т. VII, 112, и Т. VIII, 140. *Обдоріею* назывались берега нижней Оби (см. Больш. Чертежъ), а *Кондіею* окрестности рѣки Конды, впадающей въ Иртышъ.

(643) См. Т. VI, 99, и примѣч. 240. Герберштейнъ различаетъ Тюменскихъ и Шибанскихъ Татаръ; но Ивакъ, Царь *Шибанскій*, жилъ въ *Тюмени*, на Тавдѣ, кажется, а не на Турѣ (см. Т. VI, стр. 176, и примѣч. 461). Въ половинѣ XVI вѣка при устьѣ Тобола господствовалъ, думаю, Ишимскій, не Шибанскій Улусъ: Князь Сибири, Едигеръ, жаловался Іоанну (Т. VIII, стр. 140), что *Царевичь Шибанскій* разорилъ его землю: слѣдственно самъ Едигеръ не былъ *Шибанскимъ* Княземъ? Послѣ сказано, что Сибирскіе жители, измѣнивъ Іоанну, взяли себѣ въ Государи *Шибанскаго Царевича*, именемъ также Едигера или Едигеря (см. выше, примѣч. 257); но здѣсь не ошибка ли въ *А. Нев. Лѣт.?* не такъ ли должно читать сіе мѣсто (строк. 7): «и взяли къ себѣ на Сибирь Царевича: Едигеря Князя, Государьского данщика, *Кучюмъ»* (вмѣсто *Едигеря*). Царевичь Шибан-

ской, убилъ.» Если догадка моя справедлива, то въ *Исторіи* (стр. 78, строк. 26) надобно сказать: «новый Владѣтель ея, Шибанскій Царевичь *Кучюмъ*, убилъ тамъ Князя Едигера, нашего данника» (вмѣсто: «Шиб. Ц. Едигерь убилъ тамъ нашего данщика»).

(644) См. рукописную *Повѣсть о взятіи Сибирскія земли*, достовѣрнѣйшую всѣхъ иныхъ и сочиненную, какъ вѣроятно, около 1600 году. Авторъ имѣлъ въ рукахъ своихъ грамоты Іоанновы, данныя Строгановымъ, и пишетъ основательно, просто: буду называть сію, дѣйствительно историческую повѣсть *Строгановскою Лѣтописью*. *Вторая*, также рукописная, есть *Исторія о Сибирстѣй земли и о Царствіи*: въ концѣ ея находится слѣдующее извѣстіе: «*О исправленіи лѣтописи сея*: Въ лѣто 7129 (1621) поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь въ Тоболескъ во Архіепископы Кипріанъ, бывый Хутынскаго монастыря Архимандритъ, и во второе лѣто Архипастырства своего воспомяну Атамана Ермака Тимоѳеева сына Повольскаго» (т. е. Волжскаго) «и онъ добрый Пастырь *повелѣ спросити Ермаковыхъ Казаковъ*, како они пріидоша въ Сибирское Царство, и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого изъ нихъ поганіи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они пріидоша въ Сибирь, и о бояхъ. Онъ же добрый Пастырь повелѣ убитыхъ имена написати въ Соборной церкви въ Синодикъ и въ Православную Недѣлю кликати имъ вѣчную память. Синодикъ Казакомъ написанъ сице, глава 33: Въ лѣто 7089, при державѣ Государя Царя и В. К. Ивана Вас., избра Богъ и посла не отъ славныхъ мужъ, ни отъ Царскихъ Воеводъ, очистити мѣсто святыни и побѣдити Бесирманскаго Царя Кучюма, но отъ простыхъ людей вооружи Богъ славою Своею и ратоборствомъ и вольностію Атамана Ермака съ дружиною: забыша бо сіи воины свѣта сего честь и всю славу, и плотскую сладость, и смерть въ животъ преложиша, и воспріаша щитъ истинныя Вѣры и показаша храбрость свою. . . Сія лѣтопись о Сибирскомъ Царствѣ въ Тобольску градѣ (писана) въ лѣто 7145 Сент. въ 5 (1636 года). Слагатай человѣкъ грѣшенъ; имя его познавашеся отъ четырехъ буквъ: сторица сугубая (200 или *С*) со единемъ (*А*) и вторица сугубая (*ВВ*) со единемъ (*А*); отчина же его повѣсться отъ шести буквъ: первая есть *Е*; прочія жь пять: сторица сугубая (*С*) съ сугубою четверицею (*И*), осмочисленная десятерица (80 или *П*), съ десятирицею седмичною (70 или *О*) едина жь сугубая (*В*); *Еръ* скончевается.» Выходитъ имя *Саввы Есипова*. Далѣе говоритъ онъ: «Иное же написахъ *съ писанія прежняго*, списавшаго нѣчто и стѣсняемо рѣчью; азъ же распространихъ. Иное же очима своима видяше.» Сія повѣсть основана на первой, или Строгановской, съ нѣкоторыми отмѣнами и прибавленіями. *Третія* рукописная есть *Сказаніе о Сибирскомъ царствѣ*: оно не что иное, какъ сокращеніе *второй*. *Четвертое* извѣстіе о завоеваніяхъ Ермаковыхъ внесено въ *Новый Лѣтописецъ* или въ Степенныя рукописныя Книги (см. въ прибавленіяхъ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 637). *Пятымъ* источникомъ служитъ такъ называемый *Тобольскій Лѣтописецъ*, состоящій болѣе изъ худыхъ рисунковъ, нежели изъ повѣствованія, которое идетъ въ немъ до 1649 года, и весьма баснословно. Сія рукопись, полученная Миллеромъ отъ Воеводы Енисейской Провинціи, П. Ѳ. Мировича, и въ 1744 г. отданная имъ въ библіотеку Академіи Наукъ, едва ли старѣе временъ Петра Великаго. Титулъ въ началѣ: *Сибирская Исторія;* а на другомъ вклеенномъ листѣ: *Лѣтопись Сибирская краткая Кунгурская*. Въ концѣ имя затѣйливаго Автора или писца, Тобольскаго жителя, изображено числительными буквами (изъясненными для меня почтеннымъ моимъ пріятелемъ, А. И. Ермолаевымъ): *МКК* (80 или *П*) *ДВВ* (8 или *И*) *РНН* (200 или *С*) *А — ІК* (30 или *Л*) *Ъ — РНЛК* (200 или *С*) *ГВ* (5 или *Е*) *КІЕЕ* (40 или *М*) *ДА* (5 или *Е*) *ЛК* (50 или *Н*) *НЛК* (100 или *Р*) *ВВА* (5 или *Е*) *АІ* (40 или *М*) *ГВ* (5 или *Е*) *ЕВ* (7 или *З*) *НК* (70 или *О*) *АА* (2 или *В*) *Ъ*; выходитъ: *писалъ Семенъ Ремезовъ*. Такимъ же образомъ написаны ниже имена Леонтія Семенова, Семена Ремезова, Ивана Ремезова, Петра Ремезова; изображены и вензели ихъ. Сочинитель пользовался, какъ думаю, народными преданіями, догадывался, вымышлялъ; а Миллеръ на его невѣрныхъ сказаніяхъ (не знавъ, кажется, *Строгановскаго Лѣтописца*) основалъ свою *Исторію Сибири*, любопытную мѣстными описаніями и внесенными въ нее грамотами. Фишеръ (см. его Sibirische Geschichte) повторяетъ Миллера такъ же, какъ и неизвѣстный мнѣ Авторъ рукописной *Новой Сибирской Лѣтописи*, присланной Графу Н. П. Румянцеву Тобольскимъ Архіеп. Амвросіемъ.

Выписываю здѣсь сказаніе Строгановскаго Лѣтописца *о Царяхъ Сибирской земли* слово въ слово:

«Бысть въ Сибирской странѣ, на рѣцѣ Ишимѣ, нѣкто Магметова Закону Царь, именемъ Ивакъ» (а въ Есиповской лѣтописи сей Ханъ названъ *Ономъ*, въ Ремезовской *Онсономъ*) «родомъ Татаринъ» (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: *Ногайскаго племени*) «и воста на него его Державы отъ простыхъ Татаръ, именемъ Чингисъ, и нашедъ на него аки разбойникъ, призвавъ подобныхъ себѣ, и уби его, и самъ бысть Царь. И нѣкто отъ слугъ Царя *Ивана* (Ивака) сына его Царевича Тайбугу соблюде отъ Чингисова убійства, и по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ увѣда Чингисъ про Тайбугу, яко сынъ есть Царя Ивака, и почте его великою честію, и прозва его Князь Тайбуга. И посемъ Тайбуга начатъ проситися, дабы отпущенъ былъ; онъ же собираетъ ему воинство, и отпусти его. Той же пришедъ на рѣку Иртышъ, идѣже живяста Чудь, и потомъ властію своею покори себѣ многихъ людей живущихъ по Иртышу и по Великой Оби; и оттолѣ возвратися, и бывъ у него (Чингиса) не много время, и паки начатъ проситися. Чингисъ же отпусти его: амо же хощетъ, и тамо да пребываетъ. Онъ же пришедъ на рѣку Туру, и постави градъ, и называетъ Чингій; а нынѣ на томъ мѣстѣ Христіянскій градъ, рекомый Тюмень. По немъ же княжи въ томъ градѣ сынъ его Ходжа; по Ходжѣ же княжилъ сынъ его Маръ, а той Маръ женатъ былъ на сестрѣ *Казанскаго* Царя Упака» (неизвѣстнаго по нашимъ достовѣрнымъ лѣтописямъ) «и сей Упакъ уби зятя своего Мара, и градомъ тѣмъ владѣлъ много лѣтъ. И по семъ Адеровъ сынъ, Маметъ, Царя Упака убилъ. Маровы дѣти Адеръ да Яболакъ; а Адеровъ сынъ Маметъ: той Упака убилъ, и поставилъ градъ надъ рѣкою Иртышемъ и назва Сибирь» (см. ниже) «и княжилъ въ томъ градѣ. А по немъ княжилъ Яболаковъ сынъ Агашъ; а по немъ Маметовъ сынъ Казый; по немъ дѣти его Етигеръ да Бекбулатъ: и пріиде на нихъ изъ степи съ поля» (въ Есиповской лѣтописи: *изъ Казачьей Орды*) «Царь Кучюмъ, Муртазеліевъ сынъ» (въ Есипов. *Муртазіевъ*) «со многими воинскими людми, и уби Етигера и Бекбулата, и оттолѣ прозвася Кучюмъ Сибирскій Царь; а Бекбулатовъ сынъ, Сейдекъ, того увезоша въ Бухары въ малѣ возрастѣ; а у Царя Кучюма два сына: единъ бѣ именемъ Маметкулъ, а второй Аллій.»

Фишеръ (см. его *Сибирск. Ист.*) говоритъ, что въ семъ невѣрномъ Сибирскомъ преданіи, вопреки лѣтосчисленію, разумѣется, можетъ быть, подъ именемъ *Она* Ункъ-Ханъ или Вангъ-Ханъ Кераитскій, а

подъ именемъ Чингиса славный Чингисъ-Ханъ, который завоевалъ всѣ Унгъ-Хановы владѣнія. Лербергъ, соглашая дѣйствія съ Хронологіею, думалъ, что *Онъ* есть потомокъ Шибана или Шейбани въ пятомъ колѣнѣ, называемый въ Абульгазіевой Исторіи Бекъ-Онди-Огланъ (см. Lehrb. Untersuchungen), а Чингисъ Князь Едигей (см. Т. V, 112), который по извѣстію Шильдбергера (см. тамъ же, примѣч. 215) воевалъ въ *Ибисъибургъ* (Сибири), *гдѣ собакъ впрягаютъ въ сани;* что Упакъ долженъ быть Ивакомъ Тюменскимъ (см. Т. VI, г. 1480, стр. 100 и Т. V, 199), сыномъ Владѣтеля Казанскаго Мамутека (ибо Абульгази точно симъ именемъ называетъ Мамутекова сына) а Маметъ Сибирскій Шибанскимъ Царемъ Мамукомъ (см. Т. VI, примѣч. 437). Догадки имѣютъ свою цѣну (см. ниже). Не говоря о Едигеѣ, замѣтимъ только, что Ивакъ называлъ себя *сыномъ Царя Шибана* (Т. VI, примѣч. 240). Предложимъ новую догадку: въ Строганов. Лѣтописи, которая служила источникомъ для другихъ, не должно ли читать: «Упакъ, Царь *Шибанскій*, вмѣсто *Казанскаго?*

Въ Ремезов. Лѣт. сказано, что первый Ишимскій Ханъ, Онсонъ, имѣлъ столицу свою близъ устья сей рѣки, на Красномъ Яру или Кизыль-Яру; что преемникомъ его былъ Иртышакъ, коего именемъ назвали рѣку Иртышъ; что Ханъ Тюменскій, Чингисъ, побѣдилъ Иртышака; что третій Владѣтель Ишимскій назывался Саргачикомъ, какъ нѣкоторые Ишимскіе Татары и донынѣ именуются (т. е. Саргачиками). — Имѣемъ еще третіе сказаніе о древней Сибири, которое основано на Татарскихъ и Бухарскихъ преданіяхъ, собранныхъ и записанныхъ въ книгу въ 1670 году при Тобольскомъ Воеводѣ, Петрѣ Ивановичѣ Годуновѣ (см. Мил. Сиб. Исторію стр. 12 и 40). По сему извѣстію, Ханъ Чингисъ, овладѣвъ Бухаріею, уступилъ сыну Киргисъ-Кайсакскаго Хана Мамыка, именемъ Тайбугѣ, всѣ мѣста вокругъ Иртыша, Тобола, Ишима и Туры, гдѣ съ того времени господствовали безпрекословно Тайбугины потомки. Миллеръ, будучи въ Сибири, слышалъ еще отъ Татаръ слѣдующее:

«Едигеръ умеръ естественною смертію, оставивъ жену беременную. Вельможи хотѣли, чтобы Бухарскій Ханъ Муртаза далъ имъ Царя: онъ прислалъ къ нимъ Кучюма, своего средняго сына, который и воцарился въ Сибири. Между тѣмъ жена Едигерова ушла въ Великую Бухарію, жила тамъ у одного добраго Сеита (Махометова потомка), и родивъ сына, назвала его Сейдякомъ, въ честь своему благодѣтелю.»

Въ Абульгазіевой Исторіи родословная Кучюмова предложена такъ: «отецъ Кучумовъ Муртаза, дѣдъ Маамутъ (или Мамулакъ), прадѣдъ Адциметъ (или Гадзимъ-Магометъ), « отецъ Адциметовъ Али-Огланъ, Али-Оглановъ Бекондн, Бекондіевъ Мунгатемиръ (или Менгу-Тимуръ), Мунгатемировъ Бадакулъ, Бадакуловъ Чучи-Ханъ (или Zuzi-buga), Чучи-Хановъ Батуръ-Ханъ (или Баядуръ), Батуръ-Хановъ Шейбани (или Шибанъ), внукъ Чингисъ-Хановъ, Государь Бухаріи.

Въ грамотѣ Царя Θеодора Іоан. къ Кучюму: «Какъ еще на Сибирскомъ Государствѣ былъ дѣдъ твой, Ибакъ Царь... а послѣ Князи Тайбугина рода Магметъ К... послѣ его Казый Князь, а послѣ Казыя Едигеръ Князь, и тѣ всѣ *дѣду* нашему и отцу съ Сибирскіе земли дань давали» (см. *Собран. Госуд. Грамотъ*, II, 132).

(645) Пишу сіи имена по Строганов. Лѣтописцу.

(646) Орда Киргизъ-Кайсаковъ называется въ Дѣлахъ Ногайскихъ обыкновенно *Казачьею* (см. выше, примѣч. 643). — *Лѣт. А. Нев.* говоритъ, кажется, о двухъ *Едигерахъ*, заставляя думать, что *Едигеръ, Шибанскій Царевичъ*, свергнулъ *Едигера Сибирскаго* (см. выше, примѣч. 257 и 643).

(647) См. Т. VI, примѣч. 161.

(648) Извѣстіе о семъ достопамятномъ путешествіи находится въ разныхъ Хронографахъ (изъ коихъ одинъ въ библіотекѣ Графа Θ. А. Толстаго подъ No 64). Имена мѣстъ и рѣкъ отчасти искажены писцами, отчасти уже перемѣнились; но можемъ по картѣ слѣдовать за путешественниками до самаго Пекина.

Въ началѣ: «Того же лѣта 75 году (1567) по повелѣнію Г. Ц. и В. К. Ив. Вас. ходили провѣдывати за Сибирь Государствъ Атаманы и Казаки Ив. Петр. да Бурнашъ Ялычевъ съ товарищи, и гдѣ которые городы за Сибирью видѣли, Китайскому Государству и Мунгалской земли, и инымъ мѣстомъ, жилымъ и кочевымъ, и Великой Оби рѣки, и прочимъ дорогомъ и рѣкамъ, и тѣмъ всѣмъ вывезли сказку и роспись.» Слѣдуетъ сія роспись, начинаясь только съ послѣдняго мѣста Сибирскаго къ Югу (о Сибири же ни слова, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ спискахъ). — «Отъ Киргизга, города Сибирскаго, до рѣки Бакана (Абакана Красноярскаго?) ѣзду 6 дней; а отъ Бакана до Кумчаги рѣки ѣзду 9 дней, отъ Кумчаги до болшово озера (Байкала?), гдѣ, сказывали, въ озерѣ самоцвѣтной камень, ѣзду 7 дней конемъ; а въ то озеро впали четыре рѣки.» Описываются разные Мунгальскіе Улусы. Далѣе: «Отъ Царя Букшуты до Княжны Мангинки ѣхати 2 дни, а отъ Желтыхъ Мунгаловъ до Мунгальской земли итти 15 дней... въ третьемъ городѣ Мунгальскомъ царствуетъ женка, а имя ей Царица Мачикатуна, да сынъ ея Царевичь Анчитаинъ; а та Царица указываетъ во всей Мунгальской земли по всѣмъ городомъ; а хто ни придетъ, да отъ ней пойдетъ въ Китайскую землю, и она даетъ грамоту и печать по городомъ; а въ которой городъ придешь, да пойдешь къ рубежу, и покажешь сторожемъ грамоту и печать, они и пропустятъ за рубежъ въ Китайскую землю; а будетъ нѣтъ отъ ней грамоты съ печатью, ино и не пропустятъ. А Мунгальская земля велика, долга и широка, отъ Бухаръ и до моря; а городы въ Мунгальской земли дѣланы на четыре углы, а по угламъ башни, такоже что у Руских городовъ, а на воротахъ городовыхъ на башнѣ виситъ колоколъ мѣдной пудовъ въ двадцать, а въ городѣ дворы и палаты кирпишные на четыре угла, а полаты не высоки, а подволоки у палатъ писаны красками розными. Да въ той же Мунгальской земли стоятъ мечети Лобинскіе каменны, какъ храмы дѣланы клинчатые, а крестовъ на нихъ нѣтъ; а наверху здѣланы у мечетей звѣри, не вѣдомо какіе, каменные; а внутрь ихъ, какъ итти противъ дверей, сѣдятъ высоко три болваны женскіе велики, сажени по полторы болванъ, и вызолочены съ головы и до ногъ; а въ рукахъ у болвановъ по горшку съ кашею; а передъ ними стоятъ свѣчи неугасимыя съ саломъ говяжьимъ. А на правой сторонѣ тѣхъ женскихъ болвановъ стоятъ восмь болвановъ мужскихъ; а на лѣвой сторонѣ стоятъ восмь же болвановъ, всѣ дѣвки, вызолоченыхъ съ головы и до ногъ, да и руки протянули, какъ поклоняются Мунгальскіе люди; а по сторонѣ тѣхъ трехъ болвановъ, которые передъ дверьми сидятъ, стоятъ два болвана наги, какъ быть человѣкъ въ тѣлѣ: издали не распознати, какъ быть живы; а свѣчи передъ ними тонки что солома, а горятъ безъ огня углемъ; а поютъ въ нихъ въ двѣ трубы великія, сажени въ полторы; какъ затрубятъ въ трубы, да станутъ бити въ бубны, да припадутъ на колѣни, да руками всплеснутъ, да росхватятъ руки, да ударятся о землю и лежатъ съ полчаса; и въ тѣ поры къ нимъ лѣзти нельзя, какъ

поютъ: страхъ человѣка объятъ. А хлѣбъ въ Мунгальской землѣ родится всякой, рожь и ячмень, и пшеница и ярица, и просо, и иныхъ сѣменъ много и овощей всякихъ, и сады всякіежь, какъ и въ Руси, да и лимоны и яблоки. А люди, мужской полъ, не чисты, а женской полъ чистъ добрѣ; а платье носятъ хорошо по своему, бархатное мужское и женское съ ожерельями по плечь, да сапоги по своему. А лошадей добрыхъ, *катырей* и ишечковъ много. А орутъ плугами и сохами, какъ у Тобольскихъ Татаръ. А вино курятъ изо всякаго хлѣба безъ хмѣлю. А каменю дорогово нѣтъ, и жемчюгъ не доброй же; а сребра у нихъ много, а идетъ сребро изъ Китайскаго Царства. И у нихъ Кутухты, а Кутухтъ по нашему Патріархъ; а толкѣ у нихъ два, одинъ лѣтъ въ дватцать, а другой лѣтъ въ тридцать молоды; нѣтъ у нихъ ни усовъ, ни бородъ; а во храмѣхъ имъ здѣланы мѣста. Какъ придутъ во храмъ, да сядутъ по мѣстамъ, и по ихъ Вѣрѣ Кутухтамъ всѣ Цари поклоняются. А Лобы у нихъ по нашему Старцы; а постригаются лѣтъ въ 10; а блуда женскаго отъ матери не знаютъ; а брады и усы брѣютъ и щиплютъ; а мясо ядятъ по вся дни; а манатьи у нихъ камчатные, разные цвѣты; а боры также у манатей, что у нашихъ же, а клобуки у нихъ желтые. А за Мунгальскою землею къ Бухарцамъ три Царства: Турское (Туркестанъ), а Царь въ немъ Юначка, а городъ каменной, а Царство богато; да Царство Тунгуцкое (Тангутское) а Царь въ немъ Суланчикъ, а городъ каменной; да Царство Городъ-Шаръ (Кашгаръ), а Царь въ немъ Темиръ Желѣзной; а то Царство не далече отъ Бухаръ; а изъ того Царства, отъ Желѣзнаго Царя, идетъ въ Китайское Царство камень алмазъ. И тѣ всѣ три Царства стоятъ подъ полдень. А по другую сторону Черныхъ Мунгаловъ Желтые Мунгалы и до моря. А отъ Мунгальской земли отъ Манчитулина города до Китайскова Криму до рубежу ѣзды конемъ 2 дни, а рубежная стѣна пошла на полдень. А къ Бухаромъ ходу два мѣсяца до Обдоры Царя; а городъ Обдоры деревянной, а Царство велико и богато; а другой конецъ пошелъ на Востокъ до моря, 4 мѣсяца ходу, а стѣна ведена кирпичная. А по рубежной стѣнѣ сочли башенъ со сто по обѣимъ концамъ; а къ морю и къ Бухаромъ, сказываютъ, башнямъ и числа нѣтъ; а башня отъ башни стоитъ по стрѣльбищу. А сказываютъ, что-де та стѣна ведена отъ моря и до Бухаръ, потому что-де двѣ земли, одна Мунгальская, а другая Китайская; и тотъ-де промежъ землями рубежъ; а башни потому часты стоятъ на стѣнѣ, какъ придутъ какіе будутъ воинскіе люди къ рубежу, и на тѣхъ башняхъ зажигаемъ огонь, чтобъ люди сходилися по стѣнамъ и по башнямъ. А съ приходу къ рубежу объ стѣну живутъ Черные Мунгалы кочевьемъ; и за рубежемъ земля Китайская и вороты Китайскіежь. А сквозь ту стѣну рубежную въ Китайской городъ въ Широкалгу пятеры ворота низки и уски, на конѣ наклонився ѣхати: а кромѣ тѣхъ воротъ съ рубежа нѣтъ. А изо всякихъ Государствъ ѣздятъ въ тѣ ворота въ Китайской городъ въ Широкалгу... А тотъ городъ мудръ дѣломъ, а башни высоки; а по воротамъ и по башнямъ пушки и караулы, и мелкаго оружія много; а какъ солнце зайдетъ, и караульщики изъ пищалей выстрѣлятъ трижды зычно, да станутъ бити по литаврамъ три часа ночи, да перестанутъ бити и опять выстрѣлятъ трижды; а наутріе города не отпираютъ до шестаго часа дни; а лавки въ городѣ каменныя, выкрашены красками всякими; а товаровъ въ лавкахъ всякихъ много, кромѣ сукна; а каменю дорогово нѣтъ также; и всякихъ цвѣтовъ и овощей и сахаровъ розныхъ, и гвоздики и корицы, и иныхъ пряныхъ зелей много, и на кабакахъ у нихъ всякія питья розные; и ярыжныхъ и поблядушекъ на кабакахъ много; а тюрмы стоятъ каменныя по городамъ; а татей и разбойниковъ вѣшаютъ и на коль сажаютъ и головы сѣкутъ, а за прописку руки сѣкутъ. А отъ Широкалги до Китайскаго же города до Шира день ѣзды; а городъ каменной высокъ; а кругомъ его ѣзды день, а башенъ 12, а съ пріѣзду ворота пятеры въ городъ, широки и высоки, а затворы желѣзные... Въ томъ городѣ торги и того сильнѣе со всякими товары и съ харчи и овощи; а Посольскіе дворы каменные. А отъ Шира города до Китайскагожъ города до Яру ѣзды 3 дни; а кругомъ того города полтора дни ѣзду; а башенъ на томъ городѣ много; и съ пріѣзду четыре ворота, а затворы желѣзные; а въ городѣ пустаго мѣста нѣтъ: всѣ дворы и лавки каменныя. А ямы у нихъ что въ Руси же. Отъ Яру до Китайскихъ же городовъ до Тойды ѣзду 3 дни; а городъ каменной великъ и высокъ, а кругомъ его ѣзды два дни; а съ пріѣзду пятеры ворота... Отъ Тойды города ѣзду 2 дни до Потоя; а городъ бѣлъ что снѣгъ, великъ и высокъ, а кругомъ его ѣзду 3 дни; а съ пріѣзду въ городъ трои ворота велики и высоки; а ворота подъ одну башню затворы желѣзные; а по башнямъ и по воротамъ пушки болшіе, а ядра въ два пуда ядро пушечное; а лавки въ городѣ отъ воротъ до воротъ; промежь лавокъ улицы кладены каменемъ сѣрымъ, а лавки и дворы каменые, а передъ лавками решетки деревянные выкрашены всякими красками; а на лавкахъ избы каменные, а крыты всѣ образцами кирпичными и каменными; а подволоки у избъ и у полатъ всякими красками выписаны; а образы стоятъ на стѣнахъ писаны на тонкой бумагѣ, и подклеиваютъ образы камкою и тафтою; а во храмѣхъ дѣланы глиняные образы, да вызолочены и до ногъ сусальнымъ золотомъ; а во храмы смотрити пущаютъ. А во всѣхъ городѣхъ Китайскихъ отъ стѣны рубежныя, которые напреди писаны, по городовымъ стѣнамъ и по башнямъ и по воротамъ пушекъ и мелкаго оружья по всѣмъ городамъ много. А Воеводы градскіе куда поѣдутъ, и передъ ними идутъ батожники, человѣкъ по-дватцати; а надъ Воеводами носятъ солнечники тафтяные желтые... Въ полатахъ много попугаевъ, и павъ, и карлъ, и сокольники соколовъ носятъ. И въ томъ городѣ всякихъ товаровъ и овощей всѣхъ городовъ больше... А какъ Воеводы поѣдутъ ко храму или гуляти, и передъ ними идутъ 20 человѣкъ съ протазаны и съ колоберды, и батожниковъ 30 человѣкъ; а надъ ними несутъ солнечникъ, камка желтая; а батожники говорятъ: *о окосъ, о окосъ!* А отъ бѣлаго города Потоя до большаго Китая (Пекина) ѣзду 2 дни, гдѣ самъ Царь Тайбунъ живетъ; городъ великъ, бѣлъ, что снѣгъ, на четыре углы; а по угламъ стоятъ великія башни съ подзоры всякихъ красокъ; а на башняхъ по окнамъ великія пушки, а по воротамъ караулы. Да въ томъ въ большомъ въ Китайскомъ бѣломъ городѣ стоитъ Магнитовой городъ, гдѣ самъ Китайской Царь Тайбунъ живетъ. А объ стѣны отъ большаго города бѣлаго Китая итти до Магнитова города улицею каменною полдницы; по обѣимъ сторонамъ улицы лавки каменныя, а на лавкахъ избы каменныежь, а передъ лавками решетки древяныя крашеныя, а улицы сланы сѣрымъ каменемъ; а городъ Магнитовой украшенъ всякими мудростьми; а дворъ царской стоитъ среди города Магнитова; а у полатъ Царьскихъ верхи вызолочены. А Государевы Посланники у Китайскаго Царя не были и Царя Тайбуна не видѣли: потому что не съ чѣмъ къ нему было итти; и Посольской Дьякъ сказывалъ: ***Таковъ-де у насъ чинъ въ Китайской***

*земли: безъ поминковъ передъ Царя нашего не ходятъ; хотя бы-де вашъ Государь послалъ къ нашему Царю съ вами Посланниками что не великое, ино бы-де онъ принялъ за великой даръ; а нашъ бы Царь съ своими Посланники къ вашему Государю также бы послалъ дары свои, да и васъ бы Посланниковъ жаловалъ и очи бы далъ свои видѣти; а нынѣ-де Государь нашъ Царь Тайбунъ дастъ вамъ грамоту къ вашему Государю Царю, а Пословъ не пошлетъ для того, что у вашего Государя вещей много, а у нашего Государя Царя Ирдени* (а по-Руски самоцвѣтной камень). А городъ Китай и Магнитовой стоитъ на ровномъ мѣстѣ, а кругомъ его рѣка, а имя ей Юхо, а впала въ Чермное море. Отъ Большаго Китая до Чермнаго моря ходу 7 дней; а подъ Китай пріѣзжаютъ съ товары въ малыхъ судахъ за 7 дней; а корабли подъ стѣну не ходятъ. И тѣ товары Царь розсылаетъ по всѣмъ своимъ городомъ Китайскимъ, а изъ городовъ тотъ товаръ за рубежъ по всѣмъ Государствамъ въ Мунгалы и къ Алтыну Царю, и въ Черные Калмаки, и къ Желѣзному Царю, и подъ Бухары, бархаты и отласы, и камки и серебро крицами; а вѣсомъ крица по 53 рубля — по нашему рубль, а по ихъ *лянъ и сирбизы;* а мѣняютъ на лошади; а лошади изъ Китаю идутъ въ Нѣмцы. А люди въ Китайской земли мужской полъ и женской чистъ; а бой у нихъ огненной; а воюются съ Мунгалы съ Желтыми; а у Мунгаловъ бой лучной; а Китайскіе люди робливы. А про Обь Великую рѣку устья и вершины никто не знаетъ.»

Въ *Собраніи Историческихъ* (и проч.) *свѣдѣній о Сибири,* издаваемомъ Г. Спасскимъ, напечатано *Путешествіе въ Китай Козака Ивана Петлина въ 1620 году:* сей Петлинъ, вѣроятно, не бывалъ въ Китаѣ, а списалъ донесеніе Атамановъ Ивана Петрова и Ялышева, упомянувъ только въ началѣ о первомъ, а въ концѣ прибавивъ нѣсколько строкъ отъ себя.

(649) См. Дю-Гальдову Descr. Hist. de la Chine, vol. VI, 71.

(650) Марко Поло три года служилъ Великому Хану Могольскому (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckungen, 313).

(651) См. Николая Витзена Nord en Ost-Tartarye, стр. 512, и Recueil des Voyages de la Compagnie des Indes, T. I, 157, въ Милл. S. R. G. VI, 213. Географъ Голландскій, Исаакъ Масса, первый написалъ о томъ въ своихъ извѣстіяхъ, напечатанныхъ въ 1609 году: Витзенъ только повторилъ сіе сказаніе, бывъ самъ въ Россіи съ Голландскимъ Посольствомъ въ 1666 году. «*Аника*» (пишетъ онъ, не именуя его *Строгановымъ*) «имѣлъ соляныя варницы въ Сольвычегодскѣ, весьма полезныя для него и для Государства. Ежегодно пріѣзжали къ нему съ драгоцѣнною мягкою рухлядью и другими чужеземными товарами люди не-Русскіе, никому не вѣдомые, отличные языкомъ, одеждою и Вѣрою, называемые то Самоядью, то иными именами. Желая узнать землю, изобильную столь богатыми произведеніями, Аника подружился съ нѣкоторыми изъ нихъ, отправилъ въ слѣдъ за ними своихъ людей, 10 или 12 человѣкъ, а въ слѣдующій годъ и сыновей или родственниковъ съ разными бездѣлками для мѣны. Они доѣхали до рѣки Оби, ласкали мирныхъ жителей, и возвратились съ дорогими мѣхами. Аника продолжалъ сей выгодный торгъ нѣсколько лѣтъ, обогатился, накупилъ людей и земель, соорудилъ великолѣпный каменный храмъ въ Сольвычегодскѣ, строилъ церкви и въ окрестныхъ деревняхъ; не таилъ своего избытка, предпочиталъ всему благо государственное, и самъ, поѣхавъ въ Москву, донесъ Царю о новой, имъ открытой землѣ: то есть, о Сибири и жителяхъ ея» (будто бы уже въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, заслуживъ вниманіе и благосклонность Бориса Годунова). Что Строгановы, родомъ Новогородцы, по жалованной имъ грамотѣ В. К. Василія Іоанновича въ 1517 году, имѣли варницы въ Устюжской области, и жили въ Сольвычегодскѣ, знаемъ; знаемъ, что они участвовали тамъ въ строеніи великолѣпнаго Собора, и обогатили вкладами ризницу Введенскаго монастыря; вѣримъ, что Аника первый началъ торговать на берегахъ Оби: но Сибирь не открыта имъ, когда Югорская (или Тобольская) земля еще въ XI вѣкѣ платила дань Новогородцамъ, а въ XV и въ XVI Московскимъ Государямъ.

Басню о *строганіи*, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о *счетахъ* (издревле употребляемыхъ въ Китаѣ) также сообщаетъ Витзенъ. Родословная ГГ. Строгановыхъ начинается съ Спиридона, жившаго при В. К. Донскомъ. Въ жалованной Царской грамотѣ, данной имъ 24 Марта 1610, сказано, что одинъ изъ ихъ предковъ *выкупилъ* Темнаго изъ плѣна; т. е. *участвовалъ* въ семъ выкупѣ, который дорого стоилъ *всему Московскому Государству.* Сіи памятники древности, славные для фамиліи *нашихъ Медицисовъ* (по выраженію Левека), хранятся у Графини Софіи Владиміровны Строгановой.

(652) Миллеръ (см. его *Сибир. Ист.* 68) говоритъ, что сей богатый Строгановъ долженъ быть Лука Козминъ, внукъ Спиридоновъ.

(653) См. начало *Строган. Лѣтописца.* Не одинъ ли изъ сихъ двухъ братьевъ лечилъ Годунова? см. выше, примѣч. 618.

(654) См. *Строган. Лѣт.* и въ Мил. С. И. 76. Первая грамота Григорью Аникіеву дана 4 Апр. 1558 (за подписью Окольничихъ Ѳед. Ив. Умнаго и знаменитаго Алексѣя Ѳед. Адашева, Казначеевъ Ѳед. Ив. Сукина и Хозяина Юрьевича Тютина), вторая ему же 2 Генваря 1564 (за подписью Казначея Фуникова и Дьяка Козмы Романцова), а третья Якову 25 Марта 1568. Въ первой: «Сказывалъ (Григорій), что-де въ нашей вотчинѣ ниже Великія Перми за 88 верстъ по Камѣ рѣкѣ по правую сторону Камы съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую-де сторону Камы противъ Пускорскія Курьи, по обѣ стороны Камы до Чусовыя рѣки мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, а всего-де того пустаго мѣста 146 верстъ . . Вѣдаетъ и судитъ Григорей своихъ слобожанъ самъ во всемъ, а кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Григорья какое дѣло, и тѣмъ людемъ на Григорья здѣсь имати управныя грамоты, а по тѣмъ грамотамъ ищеямъ и отвѣтчикамъ безприставно ставиться на Москвѣ предъ нашими Казначеи на Благовѣщеньевъ день. А какъ тѣ урочныя лѣта (двадцать) отойдутъ, и Григорью наши всѣ подати велѣти возити на Москву въ нашу казну, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ,» и проч.

(655) См. *Строганов. Лѣт.* Тамъ сказано: «въ лѣто 7078 поставилъ Яковъ С. для переходу Сибирскихъ и Нагайскихъ людей, чтобъ имъ къ Государевымъ Пермскимъ городомъ пути не было, и для утѣсненія Сылвенскихъ и Иренскихъ Татаръ и Остяковъ, и Чусовскихъ, и Яйвинскихъ, и Инвинскихъ и Косвинскихъ Богуличь, надъ Сылвою и надъ Яйвою рѣками острожки.»

(656) Тамъ же: «Іюля въ 15 пріиде на Каму Черемиса, и съ собою подговориша Остяковъ и Башкирцовъ и *Буинцовъ*» (не жителей ли береговъ рѣки Буя?). . . и около Канкора и Кергедана побиша Русскихъ торговыхъ людей 87 . . . и они Яковъ и Григорей, выбравъ Голову и давъ ему ратныхъ людей, Казаковъ охочихъ и людей своихъ, за ними посылали,» и проч.

(657) Въ *Есипов. Лѣт.:* «Законъ же Царя Кучюма Махметовъ . . . иніи же (Татары) поклоня-

хуся идоломъ.» Миллеръ пишетъ (С. И. 54), что Кучюмъ, по народному преданію Тобольскихъ Татаръ и Бухарцевъ, ввелъ Магометанскую Вѣру въ Сибири; что до сего времени многіе Бухарскіе проповѣдники лишились тамъ жизни, и были за то объявлены святыми; что отецъ Кучюмовъ, Муртаза, прислалъ войско въ Искеръ съ другимъ сыномъ своимъ, Ахметъ-Гиреемъ, и съ Муллами для истребленія идолопоклонства, но что нѣкоторые Татары, особенно Лебауцкихъ Юртовъ, оставались язычниками; что Ахмета-Гирея убили на Иртышѣ слуги его тестя, Бухарскаго Князя, именемъ Ширгея, который ненавидѣлъ зятя за худые поступки съ женою. — Въ баснословномъ Ремезов. Лѣт. сказано, что Кучюмъ, овладѣвъ Сибирью, черезъ два года ѣздилъ въ *Казань*, женился на дочери *тамошняго Царя* Мурата и привезъ оттуда многихъ Абысовъ. Сей же Лѣтописецъ прибавляетъ, что у Кучюма были еще двѣ жены: одна, именемъ Сусге, жила на мысу 6 верстъ ниже Тобольска, донынѣ называемомъ Сусгунскимъ, а другая, дочь Мурзы Девлетбая, на Паншиномъ бугрѣ, въ городкѣ Бицинтурѣ, противъ Тобольска.

(658) Въ Дѣлахъ Ногайскихъ, No 8, л. 14 на обор.: Царевичь Сибирской Але, Кучюма Царя сынъ, женился у Тинъ-Ахмата Князя на дочери» (въ 1577 году). Въ другомъ мѣстѣ, л. 11 на обор.: «Пріѣзжалъ къ Акъ-Мирзѣ (Ногайскому) Кучюмовъ Посолъ Танлякъ по лошади и по овцы, которые у нихъ въ рядѣ Кучюму взять за дочерь свою, а Акъ-Мирзѣ лошади и овцы дати, а дочь Кучюмову Акъ-Мирзѣ взяти за себя.»

(659) См. грамоту Царскую въ Мил. С. И 87. Здѣсь говорится въ особенности о Вогуличахъ, Остякахъ и *Югорцахъ* или Югричахъ, коихъ имя исчезло, принадлежавъ, вѣроятно, Остякамъ Березовскимъ.

(660) Въ *Строганов.* и въ *Есипов. Лѣт.* называется Маметкулъ *сыномъ* Кучюмовымъ; а въ грамотѣ Царской 1574 году (см. ниже): «въ 81 году (1573) о Ильинѣ дни съ Тоболя-де приходилъ Сибирсково Салтана *братъ* Маметкуль.» Сей Царевичь, служа послѣ въ нашихъ ополченіяхъ, писался въ Розрядахъ обыкновенно *Алтауловичемъ* (см. Розряди. Кн. г. 1590 и 1598): слѣдственно отецъ у него былъ Алтаулъ, не Кучюмъ и не Муртаза. Миллеръ думалъ, что Маметкулъ могъ быть *двоюроднымъ* братомъ Кучюмовымъ, сыномъ его дяди роднаго; но въ грамотѣ Царя Θеодора Іоанн. 1597 года онъ именно названъ *племянникомъ* сего Хана: см. *Собран. Государств. Грамотъ*, II, 133.

(661) См. *Строганов. Лѣт.* и Мил. С. И. 87. Въ сей грамотѣ сказано: «Азъ Царь и В. К. Якова да Григорья пожаловалъ на Тахчеяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати... а людей называти неписменныхъ и нетяглыхъ, а воровъ имъ и Боярскихъ людей бѣглыхъ, и татей и разбойниковъ не называти... А мѣдяну руду или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ, и тѣ руды на испытъ дѣлати; а кто похочетъ и иныхъ людей то дѣло дѣлати, и имъ дѣлати освобожати, да и въ оброкъ ихъ приводити, какъ бы нашей казнѣ была прибыль... да о томъ писати къ намъ, и во што которые руды въ дѣлѣ пудъ учнетца ставити... А льготы на Тагчеи и на Тоболь рѣку съ рѣками и съ озеры и до вершинъ на пашни дали есми отъ Троицына дни л. 7082 до Троицына дни л. 7102 на 20 лѣтъ. И кто въ тѣ крѣпости жити придутъ, и деревни и починки учнутъ ставити... и въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ не надобѣ моя дань, ни ямскіе, ни *ямчужные* деньги и посошная служба, ни городовое дѣло, ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей... А будетъ въ тѣхъ мѣстѣхъ старыя села и деревни, и въ нихъ жильцы, и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись, а быти тѣмъ по старому въ тяглѣ и во всякихъ нашихъ податехъ. А товары, которыя Яковъ и Григорей и тѣ люди, которыя на новыя мѣста придутъ жити, повезутъ или пошлютъ куда по инымъ городомъ, и имъ пошлина давати... А кои Остяки и Вогуличи и Югричи отъ Сибирсково отстанутъ, а почнутъ намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самихъ; а не поѣдутъ сами, и Якову да Григорью выбравъ изъ жильцовъ, кому можно вѣрити, да тѣхъ съ нашею данью присылати... А на Сибирсково збирая охочихъ людей, и Остяковъ и Вогуличь, и Югричь и Самоѣдь, съ своими Казаки посылати воевати... Почнутъ къ нимъ въ тѣ новыя мѣста приходити торговые люди Бухарцы и Казацкіе Орды, и изъ иныхъ земель, съ лошадьми и со всякими товары, а къ Москвѣ которые не ходятъ, и имъ у нихъ торговати безпошлинно... А вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами... Коли ихъ люди или ихъ слободы крестьяне поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь на Тагчеи, и наши Пермскіе Намѣстники ихъ на поруки не даютъ и не судятъ... Дано въ Слободѣ (Александровской) л. 7082 (1574) года, Маія въ 30 день.»

(662) См. въ описаніи 1578 г. и выше, въ переговорахъ съ Султаномъ и Тавридою.

(663) Скоро по взятіи Астрахани начались разбои Донскихъ Козаковъ на Волгѣ: о чемъ упоминается и въ Статейныхъ Спискахъ и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (около 1559 года). Въ *Есипов. Лѣт.*: «Донскіе Козаки вороваху по Волгѣ... овогда Государскія насады и суды и въ нихъ казну грабяху, а людей побиваху; овогда же Кизилбашскихъ (Персидскихъ) Пословъ и Бухарцовъ и иныхъ Россійскихъ людей торговыхъ. Благочестивый же Государь посла на нихъ Воеводъ своихъ со многими ратными людми и повелѣ ихъ имати и вѣшати.» Въ *Ремезов. Лѣт.* (на листѣ вклеенномъ, писанномъ другою рукою) поставленъ здѣсь годъ 1577, Окт. 1, и наименованъ Воеводою Стольникъ Иванъ Мурашкинъ. — Въ Ногайскихъ Дѣлахъ 1581 года, No 10, л. 140: «да Урусъ же (Князь Ногайскій) говорилъ, приходили-де Государевы Козаки сего лѣта» (около 1580) «и Сарайчикъ воевали и сожгли, не токмо что людей живыхъ сѣкли, и мертвыхъ изъ земли вынимали, и гробы ихъ разоряли.» Тамъ же, л. 195: «И мы» (говоритъ Іоаннъ) «на Волгу и къ Сарайчику Казаковъ не посылывали, а воровали сами безъ нашего вѣдома, и нашихъ Пословъ вмѣстѣ съ вашими переграбили, и прежде того они воровали, и мы ихъ сыскавъ казнити велѣли; а нынѣ есмя на Волгу людей своихъ изъ Казани и изъ Астрахани многихъ послали, а велѣли имъ тѣхъ воровъ *Волскихъ* и *Донскихъ Казаковъ* перевѣшати.» Тамъ же, л. 258: «А для Атамановъ *Ивана Кольца* да Барбоши и для иныхъ Казаковъ послалъ Государь въ Казань и во всѣ украйные городы, а велѣлъ тѣхъ Волскихъ Атамановъ казнити смертью.» Тамъ же, л. 269: «И мы (Государь) на тѣхъ Казаковъ на Волжскихъ, на Митю Бритоусова и на Иванка на Юрьева, опалу свою положили, казнити ихъ велѣли смертью передъ твоимъ человѣкомъ» (Урусовымъ, въ Москвѣ).

(664) Такъ именованы сіи Атаманы въ *Строганов. Лѣт.* Въ рукописной *Новой Сибирской Лѣтописи* (см. выше, примѣч. 644) сказано: «Въ нѣкоторой Сибирской Исторіи упомянуто о родѣ Атамана Ермака, яко бы по его собственному объявленію. Дѣдъ Ермаковъ былъ города Суздаля посадской человѣкъ, а жилъ въ великой скудости, искалъ себѣ пропитанія и переѣхалъ въ городъ

Володимеръ. Его звали Аѳанасій Григорьевъ сынъ, прозваніемъ Аленинъ. Тутъ въ Володимерѣ вскормилъ онъ двухъ сыновъ, Родіона и Тимоѳея; самъ кормился извозомъ, нанимался иногда возить разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ и вмѣстѣ съ ними попался въ тюрму; черезъ нѣкоторое время бѣжалъ, взявъ жену и дѣтей, въ Уѣздъ Юрьевца *Повольскаго*, гдѣ и умеръ; а дѣти его отъ скудости переѣхали жить на рѣку Чусовую въ вотчины Строгановыхъ, и слыли *Повольскими*. У нихъ родились сыновья: у Родіона Дмитрей да Лука, у Тимоѳея Гаврила, Фролъ да Василей. Василей былъ весьма силенъ и рѣчистъ, ходилъ въ работѣ на стругахъ по Камѣ и Волгѣ; наконецъ, кинувъ работу, прибралъ къ себѣ артель и пошелъ съ нею на разбой Атаманомъ. Еще работая на судахъ, Василей отъ товарищей своихъ былъ названъ *Ермакомъ*, служа имъ кашеваромъ: ибо они симъ именемъ называли дорожной артельной таганъ; а по Вольскому нарѣчію *Ермакъ* значитъ еще жерновой ручной камень.» — Это сказка, думаю. Въ *Ремезов. Лѣт.* Ермакъ названъ Германомъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ повѣствованіяхъ Ермолаемъ.

Здѣсь Лѣтописцы *Строгановскій* и *Есиповскій* несогласны: мы слѣдуемъ первому, сказывая, что Строгановы *призвали* Атамановъ; но второй пишетъ такъ: «Побѣгоша Казаки» (гонимые Царскими Воеводами: см. выше, примѣч. 663) «вверхъ по Волгѣ, въ нихъ же бысть старѣйшій Атаманъ, рекомый Ермакъ, съ товарищи, и дойдоша Камы, и Камою до устья Чусовой, на ней же Строгановы вотчины Рускія люди живуще: Ермакъ же вопроси ихъ, къ коему Царству земля ихъ та близостію смежна; они же ему повѣдаша истину, яко отъ жительства ихъ не въ дальнемъ разстояніи есть Царство Сибирское... Ермакъ же съ товарищи изготови себѣ запасы и взя съ собою тутошнихъ жителей, знающихъ людей, и пойде рѣкою Серебренкою вверхъ и пріиде на рѣку Тагилъ: сія жь течетъ къ Царству Сибирскому; и плыша Тагиломъ въ рѣку Туру,» и проч.

(665) И въ *Строганов.* и въ *Есипов.* стоитъ сіе число, а въ *Ремезов.* сказано, что съ Ермакомъ на Волгѣ было до 7000 человѣкъ, а на Каму пришло 6000. Избрандъ Идесъ, описывая свое путешествіе въ Китай (см. Voyages au Nord, VIII, 24, и Мил. С. И. 94) говоритъ, что Ермакъ съ Козаками распахалъ у Строганова на 70 миль земли вверхъ по Чусовой, молилъ его исходатайствовать ему Царскую милость и въ такомъ случаѣ обязывался завоевать Сибирь для Россіи.

(666) См. *Строганов. Лѣт.*: Въ одномъ спискѣ названъ Вогульскій Мурза *Бегуліемъ*, въ другомъ *Безбеліемъ* Агтаковымъ. У него было 680 Вогуличей и Остяковъ. Въ Царской грамотѣ 6 Ноября 1581 (см. Мил. С. И. 144): «отъ Царя и В. К. Ив. Вас. *Никитѣ Григорьеву* Строганову. Били намъ челомъ Семенъ да Максимъ Строгановы, а сказали, приходитъ-де войною Пелымской Князь съ Вогуличи на ихъ слободы... и нынѣ-де стоитъ около Чусовского Острогу, и намъ бы пожаловати велѣти имъ дати ратныхъ людей съ Перміи съ Великія; а ты-де съ ними противъ Вогуличъ не стоишь... и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми на Вогуличь посылалъ людей своихъ, сколько пригоже... а съ Перми Земскимъ Старостамъ людей въ помочь собравъ посылати велѣли же.»

(667) См. Дѣла Ногайск. No 10, л. 208. Въ *Строганов. Лѣт.*: «послаша на Сибирскаго Салтана Ермака съ товарищи, и съ ними собравъ изъ городковъ своихъ ратныхъ людей, *Литвы* и *Нѣмецъ*, и Татаръ и Рускихъ людей, буйственныхъ и храбрыхъ воиновъ, *триста* человѣкъ.»

(668) Въ Царской грамотѣ отъ 16 Ноября 1582 (Мил. С. И. 145) сказано, что Козаковъ послали на Сибирь *Максимъ* и *Никита* Строгановы: о *Семенѣ* не упоминается; а въ лѣтописи онъ названъ первый при отправленіи Атамановъ.

(669) См. *Ремезов. Лѣт.*, гдѣ упоминается только о двухъ знатнѣйшихъ Атаманахъ: Иванѣ *Кольцовѣ* и Иванѣ *Грозѣ* (о которомъ нѣтъ ни слова въ достовѣрномъ *Строганов. Лѣт.*), также о Пятидесятникѣ Богданѣ Брязгѣ, коего весьма любилъ Ермакъ.

(670) Такъ время означено и въ *Строганов.* и въ *Есипов. Лѣт.*; а по Царской грамотѣ (см. выше, примѣч. 668 и ниже, 671 и 703) кажется, что Ермакъ выступилъ 1 Сент. 1582 года: что однакожь сомнительно, то есть, несогласно съ хронологіею слѣдующихъ происшествій и съ годомъ Ермаковой смерти.

Представимъ здѣсь, въ сокращеніи, басню *Ремезов. Лѣтописца*, коего *обстоятельное* повѣствованіе столь обрадовало Миллера. «Ермакъ (говоритъ онъ), свѣдавъ о гнѣвѣ Царскомъ, 29 Авг. въ 1577 году рѣшился бѣжать въ Сибирь, плылъ Камою, Чусовою, и не зная пути, вошелъ 26 Сент. въ рѣку Сылву; плылъ далѣе и далѣе; увидѣлъ наконецъ, что это не дорога въ Сибирь, и остановился зимовать въ томъ мѣстѣ, которое и теперь называется *Ермаковымъ городищемъ;* оттуда 300 Козаковъ ходили въ землю Вогуличей и пришли назадъ съ добычею. Ермакъ, имѣя трехъ Поповъ и бѣглаго Монаха, ежедневно слушалъ Божественную службу и весною построилъ часовню Св. Николая, освященную 9 Мая. Атаманы уставили казнь за блудъ и за всякую нечистоту; виновнаго мыли при всѣхъ и заключали на три дни въ желѣза; за ослушаніе и бѣгство топили преступниковъ въ рѣкѣ, завязывая ихъ въ мѣшки, наполненные пескомъ и каменьями; а другихъ, менѣе виновныхъ, сажали въ воду на нѣсколько часовъ, всыпавъ имъ песку въ платье. Болѣе двадцати человѣкъ, хотѣвшихъ уйти въ Россію, было такимъ образомъ утоплено въ Сылвѣ. Лѣтомъ Ермакъ возвратился къ Максиму Строганову, дозволивъ многимъ Козакамъ поселиться на Сылвѣ; жестокими угрозами принудилъ Максима снабдить его войско оружіемъ и всякими запасами, взялъ у него три пушки, нѣсколько ружей, и на каждаго изъ *пяти тысячь* воиновъ по три фунта пороху и свинцу, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупъ и толокна, по пуду сухарей и соли, по безмену ($2^1/_2$ фунта) масла коровьяго, 2500 полтей ветчины, 50 знаменъ, украшенныхъ образами. Суда, нагруженныя сими запасами, начали тонуть: Ермакъ велѣлъ придѣлать къ нимъ порубни, но долженъ былъ уменьшить грузъ. Изъявивъ благодарность Строганову — давъ слово, въ случаѣ успѣха, возвратить ему все съ лихвою, или, въ случаѣ погибели, молиться за него Богу на томъ свѣтѣ — Ермакъ 12 Іюня, въ 1579 году, съ надежными проводниками, Зырянами и людьми Максимовыми, съ воинскою музыкою, съ барабанами, сиповками, литаврами, трубами, поплылъ рѣкою Чусовою, но опять сбился съ пути, зашедши въ рѣку Межевую Утку, которая не могла довести его до рѣки Тагила, и опять зимовалъ на берегахъ рѣки Серебрянки, гдѣ было съ нимъ уже не болѣе *трехъ тысячь* Козаковъ. Зимою они грабили Вогуличей, требуя отъ нихъ не только пищи-рыбы, звѣринаго мяся, но и всего имѣнія. Число Ермаковыхъ воиновъ уменшилось тамъ до 1636, съ коими онъ черезъ малой волокъ отправился, весною въ 1580 году, рѣкою *Абугаемъ* (какой нѣтъ), къ Тагилу, гдѣ построилъ новыя лодьи или суда, сдѣлалъ укрѣпленіе (извѣстное подъ именемъ *Ермакова городища*), вошелъ Тагиломъ въ Туру, Авг. 1.

взялъ городъ Тюмень, или *Чингиду*, убивъ Царя *Чингиза*, и опять зимовалъ въ семъ мѣстѣ. Козаки въ разъѣздахъ собирали дань съ жителей мягкою рухлядью и схватили въ Тарханскомъ городкѣ, близъ устья Туры, Кучюмова сановника, Кутугая: Ермакъ велѣлъ стрѣлять передъ нимъ изъ пищалей, ласково спрашивалъ его о здравіи Хана, отпустилъ къ Кучюму съ дарами и сказалъ: *я гость, а теперь ѣду назадъ въ Россію.* Кутугай на пути въ Ханскую столицу вездѣ разсказывалъ о знатномъ гостѣ, и явился къ Хану въ Русскомъ платьѣ. Ханъ созвалъ волхвовъ: услышалъ, что будетъ худо отъ гостей, и началъ собирать войско. 9 Мая Ермакъ, при устьѣ Туры, разбилъ 6 Татарскихъ Князьковъ, и часть добычи закопалъ въ землю. У него оставалось 1060 человѣкъ. 8 Іюня, на берегу Тобола, гдѣ нынѣ деревня Березовый Яръ, собралось опять множество Татаръ: Козаки пробились безъ урону. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка весьма узка, и гдѣ находился *опасный городъ* Есаула Алышая, Кучюмъ загородилъ ее желѣзными цѣпями: Козаки сражались три дни (отъ 29 Іюня), день и ночь, одолѣли непріятеля и разломали цѣпи.» (На семъ мѣстѣ, пишетъ Миллеръ, стоитъ нынѣ Русская деревня Караульный Яръ, и жители ея разсказываютъ, что Ермакъ сдѣлалъ тамъ чучелы изъ хворосту, одѣлъ ихъ въ Козачье платье, оставилъ на лодкахъ, а самъ съ Козаками берегомъ обошелъ непріятеля и напалъ на него съ тылу; что непріятель, видя множество людей и на лодкахъ и на берегу, обратился въ бѣгство. Близъ устья Тавды они стояли недѣлю, думая возвратиться къ Каменному Поясу; однакожь рѣшились итти далѣе. 8 Іюля Татары овладѣли-было Ертаульнымъ или передовымъ Козачьимъ стругомъ; но Ермакъ отнялъ его и разбилъ ихъ. Между тѣмъ Кучюмъ укрѣпилъ столицу, выслалъ многочисленное войско съ Маметкуломъ и загородилъ рѣку Иртышъ. Въ 30 верстахъ отъ устья Тавды, въ деревнѣ Бабазанскихъ Юртахъ, Ермакъ встрѣтилъ Маметкула, сражался пять дней, и побѣдилъ, 21 Іюля. Черезъ 5 дней новая опасность: ниже устья Турбы, на крутомъ берегу Тобола, стоялъ непріятель и пускалъ тучи стрѣлъ: Козаки молились, и въ слѣдъ за святою хоругвію, которая сама собою двинулась впередъ, безъ вреда миновали сіе мѣсто: ибо у Татаръ отъ какого-то страшнаго видѣнія отнялись руки. 1 Авг., взявъ городъ Карачинъ, Ермакъ велѣлъ поститься Козакамъ 40 дней, вмѣсто четырнадцати; а Ханъ, во снѣ или на яву, увидѣлъ великолѣпный городъ (тамъ, гдѣ нынѣ Тобольскъ) съ церквами и колокольнями, услышалъ благовѣстъ, звонъ Христіанскій; увидѣлъ еще бой между двумя звѣрями, чернымъ и бѣлымъ, на устьѣ Тобола: послѣдній палъ мертвый, долго лежалъ, вскочилъ, бросился въ рѣку и въ ней утонулъ. *Сибирскіе Татары* (прибавляетъ Лѣтописецъ) *думали, что бѣлый звѣрь означалъ ихъ народъ, и что они подобно ему оживутъ, изгонятъ Россіянъ, снова будутъ господами Сибири*» (см. ниже, примѣч. 678): *«для того нѣсколько разъ бунтовали противъ Государя.* — 14 Сентября Ермакъ выступилъ изъ Карачина города, имѣя уже не болѣе *сорока-пяти* человѣкъ» (вѣроятно, описка вмѣсто 545). «Многіе Козаки снова предлагали искать спасенія въ бѣгствѣ, но ободренные Ермакомъ, 1 Окт. еще разбили Кучюма, а 23 одержали рѣшительную надъ нимъ побѣду, *заговоривъ* его двѣ пушки, которыя онъ, видя ихъ бездѣйствіе, велѣлъ бросить въ Иртышъ съ Чувашской горы.» (Витзенъ также пишетъ, что у Сибир. Царя были двѣ чугунныя пушки, брошенныя имъ въ Иртышъ; что одну изъ нихъ Козаки вытащили, и что Тобольскіе жители показывали ее любопытнымъ и въ Витзеново время: но достовѣрные Лѣтописцы не говорятъ о томъ, и Миллеръ не слыхалъ въ Тобольскѣ о сей пушкѣ). «Разбитый Кучюмъ пробылъ въ столицѣ своей, въ Сибири или *Кашлыкѣ*, до 25 Окт., увидѣлъ на небѣ полкъ свѣтлыхъ, крылатыхъ воиновъ, испугался и бѣжалъ въ степи.»

Умалчивая о несогласіи сихъ извѣстій съ древнѣйшими, достовѣрными Лѣтописцами, съ *Строганов.*, *Есипов.* и съ рукописными Степен. Книгами (см. выше, примѣч. 644), спрашиваемъ: вѣроятно ли, чтобы Козаки, обыкшіе *летать птицами*, шли отъ устья Чусовой до Тобола *три года*, верстъ по двѣсти на годъ? вѣроятно ли, чтобы не знали теченія рѣки Чусовой и Сылвы, гдѣ находились селенія Строгановскія? вѣроятно ли число *пяти* или *семи тысячь* бѣглыхъ Козаковъ? вѣроятно ли, чтобы Ермакъ, еще до главной битвы утративъ почти все войско, съ оставшеюся *десятою долею* рѣшился итти на Кучюма и завоевать его Царство?

Въ Степен. Кн. или въ *Новомъ Лѣтописцѣ* сказано, что у Ермака было 600 Козаковъ, и что онъ взялъ еще 50 человѣкъ у Строгановыхъ.

(671) Сей Князь властвовалъ на берегахъ Пелыма, гдѣ послѣ основанъ городъ Пелымъ.

Въ *Строганов. Лѣт.*: «Въ та же времена» (т. е. когда выступилъ Ермакъ въ Сибир. походъ) «девять-десятые годины, на память Симеона Столпника (1 Сент. 1581) Князь Пелымскія собра воя своя, число ихъ 700 человѣкъ, и подозва съ собою буйственныхъ и сильныхъ Мурзъ и Улановъ Сибирскія земли со множествомъ вой; онъ же злый по неволѣ взя съ собою Сылвянскихъ и Косвинскихъ, и Иренскихъ, и Инвинскихъ и Обвинскихъ Татаръ и Остяковъ, и Вогуличь, и Вотяковъ, и Башкирцовъ множество, и пріиде на Чердынь» (городъ извѣстный въ Перми съ 1472 года: см. Т. VI, 33) «... и едва не взяту бывшу граду... и пойдоша подъ Кай городокъ... и подъ Камское Усолье... посады и селы пожгоша... и пріидоша подъ Канкоръ и подъ Кергеданъ, и подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвянской и Яйвинской острожки, и множество Крестьянъ посѣкоша, и полону многу взяту бывшу: Волжскихъ же Атамановъ не бѣ ту въ городкѣхъ: тоя же годины посылаша ихъ въ Сибирскую землю... Семенъ же и Максимъ и Никита съ мужественными своими людми стояху крѣпко, и множество отъ обою странъ падоша... и полонъ Русскій отъятъ бысть.»

Гнѣвная Іоаннова грамота къ Строгановымъ писана изъ Москвы отъ 16 Ноября 1582: не уже ли Іоаннъ черезъ годъ узналъ о впаденіи Пелымскаго Князя и Сибир. походѣ Козаковъ? Онъ пишетъ: «въ которой день къ Чердыни приходили Вогуличи, Сент. въ 1 день, а въ тотъ же день изъ остроговъ Ермакъ съ товарищи пошли воевать Вогуличи, а Перми ничѣмъ не пособили:» то есть, какъ бы въ сей же годъ. Вѣсти въ Іоанново время сообщались немедленно: Государь могъ черезъ мѣсяцъ узнать, что дѣлалось въ Перми. Съ другой стороны хронологія Сибирскихъ Лѣтописцевъ кажется не менѣе достовѣрною (см. выше, примѣч. 670, и ниже, 703.)

(672) См. Мил. С. И. 145.

(673) Т. е. *Строганов. Лѣтописцу.*

(674) Миллеръ пишетъ (С. И. 102): «Сія рѣка мелка къ верховью: Чусовскіе жители сказываютъ, что Ермакъ выдумалъ запрудить ее растянутыми съ судовъ своихъ парусами, какъ бы слюзами или плотиною, чтобы переднія суда могли итти впередъ... Я слышалъ, что сей способъ употребляется на мелкихъ рѣкахъ Сибирскихъ.»

(675) Въ *Строганов. Лѣт.*: «перевезеся 25 поприщь за волокъ на рѣку рекомую Жаравля, и по той рѣцѣ пойдоша внизъ, и вышедъ на Туру» (будто бы 9 Сент.): «ту бѣ и Сибирская страна.» См. Мил. С. И. 104 — 106.

(676) Мил. въ С. И. 101 — 106: «Ежели словесному преданію тамошнихъ жителей вѣрить, то Ермакъ до похода въ Сибирь былъ уже такъ богатъ, что оставилъ часть сокровищъ своихъ въ пещерѣ на сѣверномъ берегу Чусовой, въ трехъ верстахъ отъ устья Сылвицы, въ 7 верстахъ отъ деревни Копчика. Любопытные крестьяне спускались въ сію пещеру, довольно пространную, но не нашли въ ней ничего... Принужденъ былъ (Ермакъ) суда на дорогѣ оставить, коихъ остатки, между Баранчею и Серебрянкою, еще и нынѣ видны, и чрезъ сгнившія ихъ дны выросли высокія деревья» (см. Ремезов. Лѣт.) «какъ многіе живущіе тамъ Русскіе и Вогуличи меня увѣряли... *Сказываютъ*, что нѣсколько Козаковъ отважились чрезъ рѣку Тагилъ дойти до рѣки Нейвы, гдѣ одинъ Мурза съ Татарами и Вогуличами ихъ всѣхъ побилъ. На мѣстѣ, гдѣ сей Мурза жилъ, нинѣ Слобода Мурзинская.»

(677) См. Мил. С. И. 108.

(678) Въ *Ремезов. Лѣт.* сказано, что еще задолго до Кучюма разныя небесныя знаменія предвѣстили гибель Сибирскаго Царства; что на воздухѣ являлся городъ съ Христіанскими колокольнями, вода въ Иртышѣ казалась кровавою, Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры, по свидѣтельству Мурзы Девлетбая, жившаго на Паниннѣ бугрѣ противъ Тобольска, въ городкѣ Бицикту рѣ; что сіи знаменія умножились при Кучюмѣ; что нерѣдко приходилъ отъ Иртыша бѣлой волкъ, а отъ Тобола черная гончая собака, и грызлись между собою; что волкъ, какъ толковали кудесники, означалъ Ханскую силу, а собака Россійскую, которой надлежало побѣдить, и проч.

(679) См. Абульгази 487. Онъ говоритъ, что Кучюмъ ослѣпъ въ старости, и господствовалъ будто бы 40 лѣтъ въ Сибири, откуда выгнали его Россіяне.

(680) Въ *Строганов. Лѣт.*: «единому Казаку противитися съ десятми или съ двадцатми или съ тридесятми погаными.»

(681) Тамъ же: «Изъ остроговъ своихъ (Козаки) скоро исходятъ и на поганыхъ устремишася; поганіи же наступаху на конехъ, копейнымъ пораженіемъ и острыми стрѣлами Казаковъ уязвляютъ вельми; Рустіи же людіе начаша стрѣляти изъ пищалей и изъ пушечекъ скорострѣльныхъ, и изъ дробовыхъ, и изъ затинныхъ, и Шпанскихъ, и изъ аркобузовъ.»

(682) См. Мил. С. И. 115.

(683) Въ *Строганов. Лѣт.*: «мало убіено бысть, точію кійждо уязвлени быша... Казацы же пойдоша по Иртышу подъ городокъ Атикъ-Мурзы, и взяша его.»

(684) Тамъ же: «Не отъ многихъ бо вой побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается: можетъ бо и безпомощнымъ Богъ помощи... Воспомянемъ, братіе, обѣщаніе свое, како мы честнымъ людемъ (Строгановымъ) предъ Богомъ обѣты и слово свое дали... отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ умрети... И по смерти нашей память наша не оскудѣетъ, и слаша наша вѣчна будетъ,» и проч.

(685) Въ Синодикѣ Тобольской Соборной церкви означено именно 107 убитыхъ въ семъ дѣлѣ Козаковъ (см. выше, примѣч. 644).

(686) См. *Строган. Лѣт.* Въ *Ремезов.* сказано, что 25 Окт. ушли отъ Хана послѣдніе Вогуличи чрезъ Эскалбинскія болота въ свои жилища; что Ермакъ, 26 Окт. свѣдавъ о бѣгствѣ его, приближался къ Искеру весьма осторожно, боясь хитрости непріятеля; а Витзенъ пишетъ, что Ханъ еще прежде отправилъ жену свою Симбулу изъ столицы на Абалакъ, высокое мѣсто на берегу Иртыша, въ 5 верстахъ отъ Искера, вверхъ рѣки.

(687) См. выше, примѣч. 670, и Мил. С. И. 98.

(688) Въ *Строганов. Лѣт.* стоитъ 5 Дек., въ *Ремезов.* 5 Ноября. Въ первомъ сіе мѣсто названо здѣсь Яболакомъ (см. выше, примѣч. 686). Миллеръ пишетъ (С. И. 138): «Подъ высокимъ берегомъ Иртыша, на лугу, есть озеро продолговатое, кривое, узкое, которое соединяется съ рѣкою и называется Абалацкимъ, а по-Татарски Эбалакъ-Бюрень: въ семъ озерѣ ловили Козаки рыбу.» *Ремезов. Лѣт.* говоритъ, что одинъ изъ нихъ ушелъ въ Искеръ или въ Сибирь.

(689) Эскальба или Эсвальга, пишетъ Миллеръ, есть деревня Татарская на берегу Иртыша ниже Тобольска, откуда идетъ прямая дорога чрезъ низкія мѣста къ рѣкѣ Кондѣ. Суклемомъ именуется нынѣ рѣчка, впадающая въ Тоболь. О подданствѣ сихъ двухъ Князей см. въ *Ремезов. Лѣт.* (гдѣ поставлено здѣсь 6 Дек.) и въ Мил. С. И. 139. Первый говоритъ далѣе, что Ермакъ 22 Дек. послалъ въ Москву Ивана *Кольцова* съ 50 товарищами, на узкихъ санкахъ, или на ртахъ, запряженныхъ собаками, на лыжахъ и на оленяхъ, черезъ Каменный Поясъ и Пермь, такъ называемою *Волчьею дорогою*, и что Князекъ Ишбердей былъ ихъ вожатымъ. И *Есипов. Лѣт.* упоминаетъ о Посольствѣ въ Москву еще до плѣненія Маметкулова; но мы слѣдуемъ *Строгановскому*, какъ древнѣйшему: см. ниже.

(690) Въ *Строганов. Лѣт.*: «тое же весны, въ водополіе» (или, по другимъ спискамъ: *по водополію*) «пришедъ во градъ Татаринъ Сейбохта» (въ *Ремезов.*: «Мурза Сенбахта Тагинъ, *Февр.* въ 20 день») «а сказалъ, что Маметкулъ на Вагаѣ» (въ *Ремезов.*: во стѣ верстахъ»).

(691) По *Ремезов. Лѣт.*, на берегу озера Кулары, гдѣ нынѣ Куларовская слобода, и 28 Февр. привели плѣнника въ Искеръ.

(692) См. выше, стр. 220.

(693) Такъ въ *Строганов. Лѣт.*; въ *Есипов.* сказано: «къ Юлымскому (по другимъ спискамъ, *Ялымскому*, или *Чюлымскому*, какъ въ *Ремезов.*) озеру.»

(694) Въ *Ремезов. Лѣт.* вклеены здѣсь два листа, на коихъ другимъ Авторомъ описаны подвиги Пятидесятника Богдана Брязги, отряженнаго будто бы 5 Марта только съ пятидесятью Козаками для завоеванія сѣверной Сибири; но по достовѣрнымъ лѣтописямъ ходилъ туда самъ Ермакъ. Впрочемъ нѣкоторыя любопытныя подробности въ семъ сказаніи могутъ быть справедливы, и я не усомнился внести ихъ въ Исторію, слѣдуя примѣру Миллера.

(695) См. вышеупомянутое Прибавленіе въ *Ремезов. Лѣт.* и Мил. С. И. 155. Тамъ сказано, что Брязга, видя жестокое сопротивленіе К. Демьяна, спрашивалъ о причинѣ того у своихъ Сибирскихъ *подводчиковъ*; что одинъ изъ нихъ, вывезенный Кучюмомъ изъ Казанскаго Царства, изъ земли Чувашской, объявилъ ему о златомъ идолѣ, коему народъ въ древней Россіи молился будто бы подъ именемъ Христа (*а сказываютъ-де, привезенъ отъ Владимерова крещенія*); что сей Чувашанинъ хотѣлъ украсть его у жителей, былъ отпущенъ къ нимъ въ городъ и дружески принятъ ими, но немогъ исполнить своего намѣренія: ибо Остяки день и ночь молились идолу, сидѣли и стояли вокругъ онаго, жгли передъ нимъ сѣру и сало въ особенныхъ чашахъ, ворожа, сдаться ли непріятелю, и проч. Далѣе сказано: «разбѣгошася съ роды въ домы своя иныхъ Князей, Романа славнаго; Романъ

же бѣжалъ вверхъ по Кондѣ:» его именемъ, пишетъ Миллеръ, названа Остяцкая деревня въ 30 верстахъ отъ Демьянскаго Яма; а городокъ Демьяновъ стоялъ, какъ вѣроятно, противъ Романовой деревни, на восточномъ берегу Иртыша, гдѣ видны слѣды укрѣпленій: Остяки называютъ это мѣсто Чукасомъ. — Брязга, по извѣстію Дополнителя *Ремезов. Лѣтописи*, весновалъ тутъ и плылъ далѣе на легкихъ судахъ, имъ построенныхъ.

(696) Дополнитель *Ремезов. Лѣт.* ставитъ здѣсь число: 9 Мая; а при описаніи дѣла съ К. Самаромъ 20 Мая.

(697) См. выше, примѣч. 648, Т. V, годъ 1367, стр. 6, и Т. VII, стр. 140.

(698) Баснословный Дополнитель *Ремезов. Лѣтописи* приписываетъ сіе завоеваніе не Ермаку, а Брязгѣ, сказывая, что оно совершилось безъ всякаго урона; что всѣ 50 Козаковъ возвратились живы и здоровы въ Искеръ. Тамъ же сказано, что близъ устья Иртыша, въ Бѣлогорской волости, находилось мольбище *Великой богини*, которая сидѣла нагая на стулѣ, вмѣстѣ съ сыномъ, принимая дары отъ жителей; что она велѣла Остякамъ схоронить себя отъ Козаковъ и всѣмъ разбѣжаться. Въ *Строганов. Лѣт.*: «Храбрствующу Ермаку съ дружиною, многія городки и Улусы Татарскіе по рѣкѣ Иртышу и по Великой Оби, и *Назымъ* градъ Остяковъ взяша со Княземъ ихъ; и въ томъ хоженіи погаціи убиша подъ городки своими на приступѣ Атамана Никиту Пана съ его дружиною. Ермакъ же съ своими возвратишася въ градъ Сибирь» (20 Іюня, какъ означено въ *Ремезов. Лѣт.*). Рѣка Назымъ впадаетъ въ Обь выше Иртыша съ сѣверной стороны: не далеко отъ устья сей рѣки видны развалины городка Остяцкаго, вѣроятно, Назыма (см. Мил. С. И. 168).

(699) См. Дополнителя *Ремезов. Лѣт.* и Мил. С. И. 175.

(700) См. *Лѣт. Строганов.* и *Есипов.* — Витзенъ пишетъ, что Ермакъ послалъ Іоанну ясакъ Сибирскій: 60 сороковъ соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ. См. выше, примѣч. 689.

(701) См. выше, стр. 224.

(702) См. *Строганов.*, *Есипов.* и *Новый Лѣт.*

(703) Въ *Строганов. Лѣт.*: «И во *второе* лѣто по взятіи Сибирскія земли» (т. е. въ 1583 г.) «посла Государь съ Москвы Воеводъ, К. С. Болховского да Ив. Глухова *со множествомъ* воинскихъ людей въ Сибирь.» Въ *Ремезов. Лѣт.* сказано: 500 воиновъ.» Въ грамотѣ Царской къ Строгановымъ (см. Мил. С. И. 170): «По нашему указу велѣно было у васъ взяти Князю С. Д. Болховскому на нашу службу въ Сибирской зимней походъ 50 человѣкъ на конехъ, и нынѣ намъ слухъ дошолъ, что въ Сибирь зимнимъ путемъ на конехъ пройтить не мочно, и мы К. Семену нынѣ изъ Перми до весны до полыя воды ходить есмя не велѣли... а на веснѣ велѣли есмя взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ *пятьнадцать струговъ*, которые бъ подняли по *дватцати человѣкъ* съ запасомъ... И вы бъ тотчасъ велѣли къ Княжу Семенову пріѣзду изготовить 15 струговъ, какъ на веснѣ К. С. Болховской или Головы *Иванъ Киреевъ* да Ив. *Глуховъ*, въ Сибирь пойдутъ... Писанъ на Москвѣ *лѣта* 7092, Генв. въ 7 день.» Слѣдственно къ Ермаку послано было только 300 человѣкъ, и не въ 1583, а въ 1584 году? Но К. Болховскій могъ имѣть еще суда, кромѣ Строгановскихъ. Въ разсужденіи *года* новое сомнѣніе (см. выше, примѣч. 670 и 671). Если принять за основаніе хронологіи Царскихъ грамотъ, то Ермакъ отплылъ въ Сибирь осенью 1582 года, послалъ вѣсть въ Москву въ 1583, а Болховскій пришелъ къ нему въ 1584; но сей Воевода въ *слѣдующую* зиму умеръ, Ермакъ въ *слѣдующее* лѣто погибъ, и въ 1584 году, какъ извѣстно по всѣмъ Сибирскимъ запискамъ и памятникамъ. Остается или не вѣрить хронологіи грамотъ или году Ермаковой смерти: т. е. вопреки лѣтописямъ, полагать ее въ 1585 году.

Въ невѣрномъ *Ремезов. Лѣт.* означено, что Атаманъ Кольцо прибылъ въ Сибирь 1 Марта 1582, а К. Болховскій 2 Ноября того же года. — Козаки, пишетъ Витзенъ, на возвратномъ пути взяли до 1500 семействъ съ собою, чтобы населить новый край. Онъ же говоритъ о Вологодскихъ Священникахъ (см. Мил. С. И. 149).

(704) Въ *Строганов. Лѣт.*: «Государь за ихъ (Строгановыхъ) службу и радѣнье пожаловалъ городы Солью Большею, еже есть на Волгѣ, и Солью Малою, и грамоту свою Царскую на тѣ мѣста Семену Строганову пожаловалъ за красною печатью, за приписью Дьяка Андрея Щелкалова, по чему ему тѣми городами владѣти; а Максима и Никиту Строгановыхъ же пожаловалъ въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ ихъ торговати имъ и у нихъ всякимъ людемъ безпошлинно.»

(705) См. вклеенный 13 листъ *Ремезов. Лѣтописца*, писанный другою рукою. Если вѣрить Автору, то Ермакъ ходилъ Тавдою на Вогуличей еще до взятія Искера, изъ Карачина городка, 1 Авг.: я принялъ вѣроятную мысль Историка Миллера о времени сего похода (см. его И. С. 117, 124, 169, и рукописную *Новую Сибирскую Лѣтопись* неизвѣстнаго).

(706) Отъ того, пишетъ Авторъ, названо сіе озеро *Баннымъ Поганымъ*. Въ числѣ убитыхъ именуется и К. Печенѣгъ. О Козакахъ сказано, что многіе изъ нихъ были ранены. Нынѣ есть рѣчка *Лабута* и деревня *Лабутинская*, также рѣчка Паченка или Печенга, гдѣ Архіерейская Тавдинская слобода. — Далѣе разсказываетъ повѣствователь, что Ермакъ вступилъ 6 Авг. въ Кошуцкую волость и взялъ въ плѣнъ Есаула Ичимху, который извѣстилъ его о всѣхъ тамошнихъ народахъ; что въ городкѣ Чандырскомъ представили ему славнаго *шайтанщика* или волшебника; что сей хитрецъ велѣлъ воткнуть себѣ въ брюхо ножъ, пророчествовалъ о славѣ Ермака, и въ ту же минуту залечилъ рану свою кровью; что Козаки застрѣлили великана въ Юртахъ Табаринскихъ, названныхъ именемъ ихъ начальника, Табара; что Пелымскіе Вогуличи, услышавъ о Козакахъ, отправили женъ и дѣтей своихъ на берега Конды, а сами для рыбной ловли остались на Тавдѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые сильнѣйшіе и храбрѣйшіе, съ вождемъ Патликомъ; что Ермакъ не безъ труда разбилъ ихъ и спрашивалъ у плѣнниковъ о дорогѣ въ Пермь; что онъ на возвратномъ пути (4 Окт.), вмѣсто ясака, взялъ съ жителей Табаринской и Кошуцкой волости знатное количество хлѣба; что и въ новѣйшія времена Табаринцы возили хлѣбъ въ Тобольскъ, и проч.

(707) Т. е. со времени В. К. Василія Іоанновича.

(708) См. *Ремезов. Лѣт.*, и въ Мил. С. И. 148.

(709) Въ рукописн. Степен. Кн. или въ *Новомъ Лѣтописцѣ*: «а къ Ермаку повелѣ Государь написати не *Атаманомъ*, но *Княземъ Сибирскимъ*» (см. Архив. *Ростов. Лѣт.* 637 на обор.).

(710) См. *Строганов. Лѣт.*

(711) См. тамъ же и *Есипов. Лѣт.* Въ первомъ: «Тое же зимы, егда пріидоша Московстіи вои, и кои запасы съ собою привезоша, и тіи изъядоша; а Казацы же запасъ пасяху смѣтяся по своимъ людемъ, а тово не вѣдуще Московскіе силы людей пришествія къ себѣ; и того ради бысть оскудѣніе веліе.»

(712) Тамъ же: «По повелѣнію Государя Воевода Ив. Глуховъ и Сибирскіе Атаманы и Казаки послаша въ Москву Маметкула.»

(713) См. выше, примѣч. 660.

(714) Въ *Строганов. Лѣт.:* «Того же лѣта» (1583 или 1584) «придоша къ Ермаку отъ Карачи Послы просити людей, оборонити ихъ отъ *Нагайской* Орды.» Въ Синодикѣ Тобольской Соборной церкви убіеніе Ив. Кольца съ дружиною означено 17 Апрѣля: что несогласно съ *Лѣт. Строганов.*, по коему вѣроломный Мурза, совершивъ сіе злодѣйство, обступилъ Искеръ въ Мартѣ мѣсяцѣ (по *Ремезов.* 12 Марта).

(715) Въ *Строганов. Лѣт.:* «Слышано жь бысть во градѣ Атаманомъ и Казакомъ, что Ив. Кольцо съ дружиною побіени быша, и рыдаху... Тогда Атаманъ Яковъ Михайловъ хотя надъ окаянными промыслъ учинити, пойде подъ нихъ въ подсмотръ: они же яша его и убиша.»

(716) По *Ремезов. Лѣт.* 9 Мая. См. Мил. С. И. 176, 177. Въ *Есипов. Лѣт.:* «Саусканъ до града Сибири 10 поприщъ.»

(717) Въ *Есипов. Лѣт.:* «Казаки же скрышася отъ нихъ и на вылазки ходяще бишася съ погаными.» См. Мил. С. И. 177.

(718) Сей походъ описанъ только въ прибавленіи къ *Ремезов. Лѣт.*, опять на вклеенномъ, 25 листѣ (см. Мил. С. И. 180), и кажется вѣроятнымъ по обстоятельствамъ: Ермакъ до того времени еще не ходилъ вверхъ Иртыша, и побѣда, одержанная надъ Карачею, требовала наступательнаго дѣйствія, чтобы между народами Сибирскими распространить новый ужасъ, необходимый для безопасности завоевателей. Тамъ сказано, что Ермакъ, имѣя 300 человѣкъ дружины, не безъ кровопролитія овладѣлъ городкомъ Бегишевымъ, гдѣ находилось и много людей Карачиныхъ, даже двѣ пушки, привезенныя изъ Казани; что онъ, закопавъ въ землю богатство, взятое въ семъ городкѣ, завоевалъ далѣе Шамшу, Рянчикъ, Залу, Каурдакъ, мѣста донынѣ извѣстныя; что жители скрылись въ темный ельникъ и въ болота; что главный Судія или Староста жилъ въ деревнѣ Саургашъ-Аулѣ, и проч. См. Мил. С. И. 182 — 184.

(719) Сіи Татарскія пѣсни начинаются словами: *янымъ, янымъ, бишъ Казакъ;* то есть: *воины, воины, пять Козаковъ.* См. Мил. С. И. 185. — Крѣпость, не взятая Ермакомъ, называлась Кулларою (гдѣ нынѣ деревня Татарская Кулларъ-Аулъ): Лѣтописецъ говоритъ, что Ханъ Сибирскій основалъ ее для обузданія степныхъ Калмыковъ, и что Козаки приступали къ ней пять дней; что городокъ Ташатканъ сдался мирно, ибо жители его, бывъ съ Кучюмомъ въ сраженіи подъ Чувашевымъ, уже знали и боялись Россіянъ; что въ деревнѣ Шишъ-Тамакѣ Ермакъ нашелъ опять многихъ Карачиныхъ Улусниковъ; что жители сего мѣста, весьма бѣдные, назывались Туралинцами, и что Атаманы изъ жалости не требовали съ нихъ ясака.

(720) Въ *Строганов. Лѣт.:* «Авг. въ 5 день придоша вѣстницы отъ Бухарцовъ, торговыхъ людей, къ Ермаку и сказаша, что ихъ Царь Кучюмъ не пропуститъ; и Ермакъ съ *немногими людми* пойде на встрѣчу по Иртышу и пришедъ на Вагай, Бухарцовъ не обрѣте, и дойдоша до мѣста зовомаго Атбашъ» (въ *Ремезов. Лѣт.:* «до Агицкаго городка») «и оттолѣ возвратишась: уже бо дни прешедшу... и дошедше перекопа,» и проч. Въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сказаніяхъ прибавлено, что съ *ложною* вѣстію о Бухарскомъ караванѣ прислалъ къ Атаманамъ Кучюмъ своего Татарина, желая заманить ихъ въ сѣти (см. Мил. С. И. 177). По одному списку *Есипов. Лѣт.* съ Ермакомъ было 50 Козаковъ, по другому 150; тамъ же, въ выпискѣ изъ Тобольскаго Синодика, сказано: Атаману Ермаку съ товарищи *сороки* человѣкомъ вѣчная память... и которые побіени съ нимъ Козаки по Вагаю рѣкѣ на перекопи; а имена ихъ въ Синодикъ написаны.» Миллеръ же говоритъ, что въ Синодикѣ упоминается о *трехъ стахъ* воинахъ, вмѣстѣ съ Ермакомъ погибшихъ (С. И. 181). Въ Прибавленіяхъ *Тобольск. Лѣт.* сказано, что сей Атаманъ, возвращаясь отъ Шиша въ Искеръ, узналъ въ Ташатканѣ о Бухарскомъ караванѣ (С. И. 188), и немедленно отправился къ нему на встрѣчу.

(721) По баснословному сказанію *Ремезов. Лѣт.*, Ермакъ сдѣлалъ сію перекопь, длиною около версты, отъ 1 до 4 или 5 Авг., т. е. въ три или четыре дни. См. Мил. С. И. 178 и Фиш. Sib. Gesch. 243.

(722) Сей бугоръ, вышиною въ 10 саженъ, Русскіе называютъ *Царевымъ Городищемъ*, а Татары *Дѣвичьимъ*, или Кысымъ-Тура. Есть и другое мѣсто сего имени, на восточномъ берегу Иртыша, въ двухъ верстахъ отъ Искера, гдѣ нынѣ село Преображенское, и гдѣ погребена какая-то Ханская дочь, увезенная любовникомъ и вмѣстѣ съ нимъ убитая людьми отца ея (Мил. С. И. 179).

(723) Въ *Есипов. Лѣт.:* «Бѣ у Кучюма Татаринъ въ винѣ смертной, и посла его въ рѣку отвѣдать броду, рекъ ему тако: аще ми найдеши бродъ, то отъ казни отпущу тя. Татаринъ же перебреде рѣку, и видѣ Козаковъ спящихъ, и шедъ повѣда Кучюму. Онъ же не ятъ ему вѣры, но посла его въ другіе, да возметъ у нихъ для знаменія нѣчто. Татаринъ же шедъ въ другіе и взялъ у нихъ 3 пищали да 3 вязни» (по другому списку, 3 лядунки съ порохомъ). Въ Прибавленіи *Ремезов. Лѣт.* разсказывается басня, что Кучюмъ велѣлъ сдѣлать плотину черезъ рѣку для нападенія на Козаковъ. См. Мил. С. И. 189, 190.

(724) Въ *Ремезов. Лѣт.:* «и нарекоша его богомъ...именемъ его и доднесь божатся.» Далѣе Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1650 году Калмыцкій Тайша Аблай прислалъ своихъ чиновниковъ въ Тобольскъ, изъявляя желаніе имѣть двѣ брони, данныя Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Ермаку и находившіяся тогда у наслѣдниковъ Мурзы Кандаула и Кодскаго Князя Алача; что Царь Алексій Михайловичь въ 1651 году велѣлъ Тобольскому Воеводѣ, К. Ив. Андр. Хилкову, достать сіи брони для Аблая; что наслѣдники Алачевы утаили свою, а Кандауловы отдали Ермакову желѣзную кольчугу, длиною въ 2 аршина, шириною въ плечахъ аршинъ съ четвертью, съ золотымъ орломъ на груди и на спинѣ, съ мѣдною *опушкою* на рукавахъ и вокругъ подола, шириною въ 3 вершка; что Стрѣлецкій Сотникъ, Ульянъ Моисеевъ Ремезовъ, вручилъ ее Аблаю, который восхищался оною и разсказалъ ему, какъ его въ юности вылечили землею Ермаковой могилы — какъ онъ съ горстію сей земли всегда побѣждаетъ непріятелей, и проч. и проч. Ульянъ Ремезовъ записалъ все слышанное имъ отъ Аблая, а сей Князь приложилъ къ запискѣ печать свою. Любопытно, но справедливо ли? Миллеръ не нашелъ въ Тобольскихъ Архивахъ никакого о томъ извѣстія. Нынѣшніе Сибирскіе Татары не знаютъ Ермаковой могилы и не слыхивали о чудесахъ ея. См. Мил. С. И. 191 — 196.

(725) Въ *Строганов. Лѣт.:* «Не по мнозехъ днехъ Атаманъ Матвѣй Мещерякъ со оставшими Казаки пойдоша на Русь, а градъ Сибирь оставиша пустъ... Царевичь Алей, Кучюмовъ сынъ, видѣвъ Казаковъ исшедшихъ изъ града, и припедъ съ своими людми во градъ; по семъ и отецъ его.» Тамъ же далѣе сказано, что новые Московскіе Воеводы, посланные въ Сибирь, встрѣтили Атамана Мещеряка на рѣкѣ *Турѣ:* слѣдственно онъ шелъ назадъ тою же дорогою, которою пришелъ съ Ермакомъ. Но въ *Есипов. Лѣт.:* «По убіеніи Ермака оставшіе

Казаки изыдоша изъ града съ Воеводою, и убравея со всякими запасы въ струги, и поплыша *внизъ рѣки Иртыша*, и великою рѣкою Обью, чрезъ Камень бѣжаша къ Руси.» Первое сказаніе достовѣрнѣе. О числѣ Козаковъ см. въ *Ремезов. Лѣт.* и въ Мил. С. И. 197.

(726) См. Кельха 379 и Далина г. 1582.

(727) 1 Генв. 1582 велѣлъ Іоаннъ Воеводамъ Князю Ѳед. и Вас. Ив. Мстиславскимъ, Ив. Вас. Годунову, К. Вас. Юр. Голицыну, двумъ Салтыковымъ и К. Вас. Агишевичу Тюменскому собирать полки въ Торжкѣ. Въ Архив. Розрядн. Кн. 657 — 664: «И какъ Бояре и Воеводы изъ Торжку и съ Волочка въ Новгородъ пришли, Государь велѣлъ по новому розряду итти къ Руголиву, къ Ямѣ, да въ Свицкую землю за Неву. . Апр. въ 3 Государь посылалъ изъ Новагорода Воеводъ своихъ для приходу Нѣмецкихъ людей (Шведовъ)... К. Андрея Ив. Шуйского, К. Вас. Мих. Лобанова, К. Ив. Ив. Голицына, Мих. Глѣб. Салтыкова, Ив. Колотку Дмитр. Плещеева.. Сент. въ 1 пришли Нѣмцы къ Орѣшку, и Государь посылалъ на нихъ изъ Новагорода К. Андрея Ив. Шуйского, К. Вас. Мих. Лобанова-Ростовскаго, К. Ив. Ив. Голицына, М. Г. Салтыкова, К. В. Агиш. Тюменского, Думнаго Дворянина Игн. Петр. Татищева, К. Сем. Ардасовича Черкаскаго.» — Далинъ пишетъ, что Шведы, 8 Окт. взявъ островъ, разбили пальбою оттуда часть стѣны и вломились въ крѣпость, но не могли овладѣть ею, ибо сильное волненіе рѣки не дозволило де-ла-Гардію подкрѣпить ихъ свѣжимъ войскомъ; что онъ съ конницею ходилъ въ область Новогородскую, но не имѣлъ успѣха: однакожь близъ Орѣшка въ жаркомъ дѣлѣ убилъ нѣсколько *Бояръ: развѣ Дѣтей Боярскихъ?*

(728) Кельхъ 380. Онъ пишетъ: Niemiokowsky.

(729) Въ Архив. Розрядн. Кн. 669: «Апр. въ 15 (1583) прислалъ Государь въ Шелонскую Пятину на рубежъ, на Плюсу рѣку для съѣзду съ Свицкими Нѣмцами Воеводъ К. Сем. Ив. Лобанова, да Игнатья Татищева, да Ив. Феофилатьева, Дьяка Дружину Петелина, Мих. Бурцова, да Ноугородцкого Дьяка Сем. Костина.» — Далинъ пишетъ, что Уполномоченные не сходились въ одинъ шатеръ; что Россійскіе сидѣли въ своемъ, а Шведскіе также въ своемъ, и громко бесѣдовали между собою; что Шведы, заключивъ первый договоръ, уже готовились возобновить непріятельскія дѣйствія; что Іоаннъ вторично прислалъ Уполномоченныхъ на берегъ Плюсы, гдѣ Государственный Совѣтникъ Класъ Тоттъ, Понтусъ де-ла-Гарди и Стенбокъ заключили съ ними, 10 Авг., второе перемиріе на три года; съ обѣихъ сторонъ освободили плѣнниковъ и купцамъ дозволили торговать свободно (гл. XIV, 118).

(730) Чрезъ 10 дней по заключеніи перемирія К. Вас. Черторижскій опустошилъ нѣкоторыя волости Смоленскія; а 5 Февр. Поляки выжгли Брянскъ. Іоаннъ, жалуясь на то, писалъ къ Стефану, что его чиновники не отдаютъ городовъ, намъ уступленныхъ; а Стефанъ требовалъ, чтобы Россіяне не воевали Шведской Эстоніи. Послы Королевскіе, К. Янушъ Збаражскій, Николай Талвашъ и Мих. Гарабурда, пріѣхали въ Москву 16 Іюня (1582). Они говорили, что если Іоаннъ не будетъ вступаться въ Шведскую Эстонію, то Король согласится называть его *Царемъ Русскимъ*, а не *всея Россіи:* ибо главный городъ, Кіевъ, въ Литовскомъ владѣніи. 15 Іюля Государь и Послы Стефановы утвердили заключенное перемиріе крестнымъ цѣлованіемъ. Условились размѣнять плѣнныхъ на границѣ Смоленской, гдѣ наши и Литовскіе чиновники могли имѣть съ собою до пяти сотъ воиновъ. Дворянинъ, К. Дм. Петровичь Елецкій, и Ловчій Ив. Мих. Пушкинъ, ѣздили въ Варшаву, чтобы взять и съ Короля присягу въ вѣрномъ соблюденіи договора. Они были представлены 13 Окт.: вручая грамоты Баторію, сняли шапки, опять надѣли ихъ и сѣли. Король 20 Окт. утвердилъ договоръ. Между тѣмъ Витебскій Воевода Пацъ основалъ крѣпость въ нашей Велижской области на устьѣ Межи, а другіе Стефановы чиновники грабили и злодѣйствовали въ Невельской Округѣ. Посланникъ Воейковъ въ Мартѣ 1583 ѣздилъ къ Королю съ жалобами. Въ исполненіе договора, судьи Россійскіе тщетно ждали Литовскихъ на берегу Двины, чтобы рѣшить споры о границѣ: Литовцы даже стрѣляли въ нихъ. Въ слѣдъ за Воейковымъ были еще посланы къ Стефану Ближній Дворянинъ Олодуровъ и Хрущовъ: отъ Стефана же пріѣзжалъ къ намъ Секретарь Пельгримовскій, какъ для объясненій, такъ и за бѣлыми кречетами. Хрущовъ въ Февр. 1584 донесъ Государю, что Баторій отправляетъ знатнаго мужа, Сапѣгу, въ Москву, желая дружелюбно прекратить всѣ несогласія. — См. Дѣла Польск. No 14, л. 41 — 798.

(731) Въ записи сказано (см. Дѣла Польск. No 14, л. 235): «Государю Стефану Королю окупу за Ѳед. Шереметева двадцать тысечь золотыхъ Польскихъ, а въ Московское число шесть тысечь, восмь сотъ, пятдесятъ семь рублевъ и пять алтынъ, да 7 сороковъ соболей; за К. Петра Татева двѣнадцать тысечь золотыхъ Польскихъ, а въ Московское число четыре тысечи, сто четырнадцать рублевъ съ четвертью, да 6 сороковъ соболей,» и проч.

(732) Въ Архив. Розрядн. Кн. л. 663 — 669: «По Ногайскимъ вѣстямъ ходили (въ 1582 г.) Воеводы изъ Казани на Каму, Никифоръ Павл. Чепчюговъ, Данило Ив. Хохловъ, Гр. Волынской, Ѳед. Туровъ... Окт. въ 7 въ Казань ходили Воеводы Луговые Черемисы воевати К. Ив. Селезенъ Михайловичь Елецкой, Панъ Христофоръ Мартыновъ Залѣской, А. Я. Измайловъ, Е. Л. Ржевской... Ноября въ 3 послалъ Государь въ Муромъ, а изъ Мурома въ Казань Луговые Черемисы воевати: въ больш. полку К. И. М. Воротынскаго, да Окольничей К. Дм. Ив. Хворостининъ; въ правой рукѣ К. Ан. Петровичь Куракинъ, да Ефимъ Варѳол. Бутурлинъ; въ передовомъ Ив. Мих. Бутурлинъ, да К. Мих. Вас. Ноздроватой; въ сторожевомъ К. Ив. Андр. Ноготковъ, да К. Меркурей Александр. Щербатой; въ лѣвой К. Ив. Самсоновичь Туренинъ, да К. Ив. Мих. Борятинской... Апр. въ 4 (1583) посылалъ Царь на Волгу въ плавныхъ К. Ив. Самс. Туренина, Дм. Андр. Замыцкого, К. Ив. Андр. Солнцова-Засѣкина... и они шедъ въ Кузмодемьянскомъ острогъ поставили... Апр. въ 5 на берегу были» (во ожиданіи Ханскаго впаденія) К. Бояринъ Ѳед. Ив. Мстиславской, К. Ив. Кост. Курлятевъ, К. Вас. Ив. Шуйской, Ив. М. Бутурлинъ, К. А. И. Шуйской, К. Дм. Ив. Хворостининъ» (стояли въ Серпуховѣ, Торусѣ, Калугѣ, Коломнѣ).

(733) Одерборна J. Bas. Vita и Дѣла Турец. N. 2, л. 233 — 249. Султанъ Амуратъ присылалъ въ 1576 г. купца Андрея Свира, а въ 1580 и въ 1584 купца и *писаря* своего Магмета Чилибея единственно для торговыхъ дѣлъ и покупокъ. Чилибей обѣдалъ у Государя съ Бухарскими и Хивинскими Послами; а жилъ въ Китаѣ-городѣ на Варварскомъ Крестцѣ, въ домѣ Семена Романова.

(734) См. Дѣла Анг. No 1, л. 14, и выше, примѣч. 264

(735) См. Миллера *Извѣстія о бракахъ Царя Іоанна Вас.* и Вагнерову Gesch. des Russ. Reichs 1005.

(736) Дѣла Анг. No 1, л. 1 и слѣд. — Имя отца Маріи (а не *Анны*, какъ въ Юмовой Исторіи) Га-

стингсъ пишется Earl of Huntingdon. Она, вопреки Миллеру, дѣйствительно могла быть племянницею Елисаветы по матери, т. е. по свойству фамиліи *Боленъ* съ фамиліею *Гастингсъ:* см. Вагнера 1049. — Докторъ Англійскій, Robert Jacobi, именуется въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ и Рабортомъ Яковомъ и Романомъ Елизарьевымъ.

(737) Въ Дѣлахъ Анг. л. 10: «А которые съ нею будутъ Бояре и Боярыни, а захотятъ у Государя нашего на Дворѣ жити, то быть имъ съ нею вмѣстѣ во Крестьянской Вѣрѣ; а которые не похотятъ креститися и тѣмъ на Дворѣ жити нельзя: тѣмъ воля жити у Государя въ его жалованьѣ; только некрещенымъ жити у Государя и у Государыни на Дворѣ ни въ какихъ чинѣхъ не пригоже.»

(738) Сія болѣзнь названа, въ донесеніяхъ Писемскаго, моровымъ повѣтріемъ. Историки Англійскіе не говорятъ о томъ.

(739) См. Дѣла Англ. л. 59 на обор. Обыкновеніе Англичанъ, въ знакъ привѣтствія жать руку другъ у друга, названо въ донесеніяхъ Писемскаго обычаемъ *витаться* (здравствоваться) *за руку*.

(740) Сановники Англ. говорили нашимъ Посламъ: «Королева васъ жалуетъ, велѣла намъ ѣхати съ вами гуляти въ свои заповѣдные острова, оленей бити, да и охотниковъ-де псарей своихъ въ то село для васъ велѣла послати.» Писемскій между прочимъ сказалъ въ отвѣтъ: «се нынѣ у насъ говѣнье; мяса мы не ѣдимъ: и намъ оленина къ чему пригодитца?»

(741) Л. 121 на обор.: «На тѣхъ ихъ (Англійскихъ) дворѣхъ на Москвѣ и въ Ярославлѣ, и на Вологдѣ, и на Колмогорахъ, многіе торговцы живутъ и торгуютъ всякими товары безъ вывѣту (завѣту), а съ тѣхъ дворовъ пошлинъ никакихъ и по си мѣста не имали. А какъ Государю нашему учинилась война съ Литовскимъ Стефаномъ Королемъ и съ Крымскимъ и съ иными сусѣды, и Государь нашъ для тое войны и для своего подъему съ Аглинскихъ гостей и съ ихъ торговли, и съ ихъ промысловъ, и съ ихъ дворовъ, оброку взяти велѣлъ на 89-й годъ (1581) тысечю рублевъ, да на 90-й годъ 500 рублевъ; да и съ своихъ со всякихъ торговыхъ людей, и съ Тархановъ, и съ гостей, и со всее своей земли для тое войны деньги по розводу взяти велѣлъ; а коли войны не будетъ впередъ, и тогды того имати не велятъ.»

(741) Въ моемъ Казанскомъ Лѣтописцѣ: «въ лѣто 7091, Окт. въ 19, родися Государю Царю Ив. Вас. отъ Царицы Маріи Ѳеодоровны сынъ, Царевичь Дмитрій; а прямое имя ему Уаръ»: т. е., имя Святаго, коего память празднуется въ сей день.

(742) Въ Англ. Дѣлахъ, л. 134: Томасъ Рандолфъ прислалъ по Елизара» (толмача) «и говорилъ ему» (6 Апрѣля); «какъ вы поѣхали, и у Государя былъ одинъ сынъ; а нынѣ у него другой сынъ родился... и Ѳедоръ (Писемскій) посылалъ Елизарья къ Совѣтникомъ и велѣлъ ему говорити, чтобъ Королевна такимъ ссорнымъ рѣчемъ не вѣрила: лихіе люди ссариваютъ, не хотятъ промежъ Государя да Королевны доброво дѣла видѣти.»

(743) Юмъ: But when the Lady was informed of the barbarous manners of the country, she wisely declined purchasing an empire at the expense of her ease and safety. — Въ Дѣлахъ Англ. л. 137: «Іюня въ 13 Томасъ Рандолфъ пріѣзжалъ къ Ѳедору и говорилъ, Королевна-де прислала къ тебѣ *парсону»* (персону, портретъ) «Княжны Хантинской» (Гастингсъ).

(744) Елисавета (Дѣла Англ. л. 26) писала къ Іоанну: «Сказано намъ отъ толмача нашего Елизара отъ твоего хотѣнья, что ты хочешь землю нашу посѣтити... И то намъ за честь было... не того для, что любо хотимъ каковы невзгоды къ твоему величеству, или того для, чтобъ ты себе металъ въ каковы страсти или вѣтеръ морской: только того для, кое мы хотѣли съ твоимъ величествомъ видѣтца, чтобъ лзѣ намъ явити къ тебѣ вседобрую службу о любви и о пріятельствѣ.» — Писемскій и Баусъ (Bowes) сѣли на корабль въ Іюнѣ 1583. См. Гаклуйт. 516. Въ описаніи Баусова путешествія сказано, что въ день его представленія сидѣло въ Царской Храминѣ на скамьяхъ около ста знатныхъ сановниковъ, а подлѣ Іоанна лежали три короны: Московская, Казанская, Астраханская. Сей Елисаветинъ чиновникъ именуется въ нашихъ Статейныхъ Спискахъ *Княземъ Еремеемъ Боусомъ*. Онъ дожидался обѣда въ Золотой *Набережной* Полатѣ.

(745) Въ Дѣлахъ Англ. л. 162: «Мнѣ съ тѣмъ хъ Королевнѣ ѣхати не лзя: меня Королевна дуракомъ назоветъ.» Далѣе см. л. 173, 207, 223.

(746) См. Гаклуйт. 519 и Дѣла Анг. л. 186, 187. По Статейнымъ Спискамъ, Баусъ, разсердясь, сказалъ Боярамъ: «Королевна не подданная вашему Государю»; но одумался и началъ лгать, увѣряя, что онъ не говорилъ такого слова. Въ описаніи Баусова путешествія: The ambassadour tolde him (Царю), that the Queene was as great a prince as any was in Christendome, equall to him that thought himselfe the greatest .. Yea (quoth he) how sayest thou to the Frenche King and the King of Spaine? Mary (quoth the ambassadour) I holde the Queene as great as any of them both. Then what sayest thou (quoth he) to the Emperour? Such is the greatnesse of the Queene (quoth the ambas.) as the King, her father, had the Emperour in his pay in his warres against France. Далѣе Царь хвалитъ Бауса, for that he would not indure one ill word to be spoken against his mistresse.

(747) Въ Дѣлахъ Англ. л. 179: «велѣно сказати Послу, чтобъ на собѣ ни корда, ни меча, ни долгово ножа не возилъ.»

(748) Л. 230: «И Государь велѣлъ Послу сказати, что онъ сестры своей Елисаветы съ Литовскимъ Королемъ не въ судьи проситъ.» — Переговоры съ Баусомъ продолжались до 17 Февраля. «Іоаннъ» (пишетъ онъ) «снова изъявлялъ особенное къ намъ благорасположеніе; указалъ давать мнѣ вдвое и втрое съѣстныхъ припасовъ, вина, меду, пива; велѣлъ Доктору Якову (или Якоби) описать для него Догматы нашей Вѣры, и читалъ сіе описаніе съ великимъ удовольствіемъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ Бояръ; назначилъ для Королевы дары въ 3000 фунтовъ Стерлинговъ, а для меня въ тысячу; хотѣлъ самъ ѣхать за невѣстою въ Англію и взять съ собою всю казну свою; больно наказалъ врага моего, Дьяка Андрея Щелкалова, за его обманы; согласился отпустить Аптекаря Ричарда Франшмана съ женою, съ дѣтьми и съ имѣніемъ въ Англію, также Ричарда Эльмса, Лекаря, и вдову Доктора Бомелія; далъ слово заплатить Англійскимъ купцамъ всѣ долги, не дозволять другимъ торговать въ Россіи,» и проч. Баусъ если не лгалъ, то прилыгалъ, кажется.

(749) Олерборнъ пишетъ, что Іоаннъ за нѣсколько дней до своей смерти велѣлъ казнить 6 благородныхъ мужей. Въ нашихъ извѣстіяхъ сказано только, что онъ губилъ людей до самаго конца жизни: см. выше, примѣч. 3.

(750) На примѣръ, Висковатымъ, Фуниковымъ, Карцовымъ и другими: см. описаніе 1570 года.

(751) См. Архив. *Ростов. Лѣт.*, Латухин. Степен. Кн., Лѣтоп. Львова и Горсея Treatise of Russia.

(752) См. Олерборна и Горсея.

(753) Въ Дѣлахъ Польск. No 15, л. 10: «Царь и Вел. Князь въ стрѣчу Литов. Посла Льва Сапѣги

велѣлъ слати въ Можаескъ Мих. Темирева, а велѣлъ Государь Посла поставити въ Можайскѣ, что по грѣхомъ Государь учинился боленъ, и стояти имъ велѣлъ Государь въ Можайскѣ до своего Государева указу, покамѣста ему Государю въ немочи облегченье будетъ.» См. далѣе л. 18 на об.

(754) См. Степен. Кн. Латухина, гдѣ именованъ *Годуновъ;* см. также Одерборна и Гейденшт. Всѣхъ достовѣрнѣе Горсей очевидецъ, именующій Вельможъ, коимъ Государь ввѣрилъ и Царство и сына (см. Гаклуйт. Navig. 525, 526).

(755) См. Горсея и Лѣт. Львова.

(756) Одерборна 314 и Петрея 241. Послѣдній выписываетъ изъ перваго.

(757) См. Горсея и Лѣтоп. Львова.

(758) Главныя обстоятельства кончины Іоанновой взяты изъ Горсея. Наши Лѣтописцы и Хитрей свидѣтельствуютъ о постриженіи. См. также Одерборна и Гейденштейна. Баусъ пишетъ, что Царь умеръ отъ невоздержности и отъ пресыщенія (surfet). Горсей: in the morning the dead Emperor was layd into the church of Michael the Archangel, into a hewen sepulcre, very richly decked with vestures fit for such a purpose.

(759) См. въ семъ Томѣ описаніе 1565 года. — Если иноземцы злословили, то иноземцы и хвалили Іоанна. Въ 1711 году издана въ Вѣнѣ Apologia pro Ioanne Basilide II. Magno Duce Moscoviæ, Tyrannidis vulgo falsoque insimulato, въ коей Авторъ не доказываетъ, а пишетъ, что Іоаннъ былъ жертвою клеветы; что строгость не есть тиранство; что необузданныхъ Россіянъ надлежало устрашить казнями, дабы Царь могъ властвовать безопасно, и проч. и проч. Въ сей *Апологіи* есть однакожь нѣчто любопытное: Латинскіе стихи, пародія Катулловыхъ, на тиранство Іоанново, сочиненные Мартиномъ Брашемъ и напечатанные въ 1595 году, въ Лейпцигѣ (Carmina Mart. Braschii, ejusque Epigrammata).

(760) Калигула 8 мѣсяцевъ, Неронъ 4 или 5 лѣтъ были, какъ извѣстно, примѣрными Вѣнценосцами.

(761) Людовикъ XI не уступалъ Іоанну въ свирѣпости. Вотъ одна черта: въ 1477 году казня Герцога Немурскаго (Jacques d'Armagnac), онъ поставилъ его дѣтей внизу эшафота, чтобы кровь несчастнаго отца излилася на нихъ!... Платонъ говоритъ, что есть три рода безбожниковъ: одни не вѣрятъ существованію боговъ; другіе воображаютъ ихъ безпечными, равнодушными къ дѣяніямъ человѣческимъ; третьи думаютъ, что ихъ можно всегда умилостивить легкими жертвами или обрядами благочестія: Іоаннъ и Людовикъ принадлежали къ сему роду безбожниковъ.

(762) См. Исторію Французской Революціи.

(763) A man of high spirit, пишетъ Флетчеръ, Министръ Елисаветинъ. Впрочемъ нужны ли такія свидѣтельства? Мы знаемъ Іоанна!

(764) См. Одерборна, Петрея, Кельха.

(765) См. Одерборна.

(766) Мы описали *шесть* главныхъ эпохъ смертоубійства: онѣ славились между собою оттѣнками; не можемъ съ точностію означить промежутковъ.

(767) См. Одерборна; тамъ же о правосудіи Іоанновомъ и запрещеніи пьянства. Въ Пермской Уставной Грамотѣ 1553 года, сообщенной мнѣ Г. Берхомъ (см. ниже, примѣч. 816): «А коли Пермскому которому человѣку лучится къ которому празднику канунъ доспѣти, пиво сварить и медъ разсытити, и они Намѣстнику явятъ, и явки Намѣстникъ возметъ съ пива съ *сопца* по 4 денги, а съ меду съ сопца по 4 жь денги... Да сверхъ того Пермичь пожаловалъ, далъ есми имъ въ году 3 недѣли питья варити и пити, недѣля Великоденная, другая въ осень Дмитріевская, третья въ зимѣ Рожественская, и тѣмъ тремъ недѣлямъ вино пити доспѣти безъ явки.»

(768) См. Гваньини.

(769) Поссев. Moscovia 101.

(770) См. Одерборна. Роцита описалъ бесѣду свою съ Царемъ на языкѣ Славянскомъ: что послѣ было переведено на Латинскій.

(771) См. Одерборна.

(772) См. Поссевина 98, и нашей *Исторіи* Т. VIII, стр. 70.

(773) Внизу грамоты о Литовской войнѣ 1566 г. написано: «а Иванъ Шереметевъ Меньшой и Иванъ Чеботовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамотѣ не умѣетъ» (см. *Собраніе Госуд. Грам.* I, 556).

(774) См. Т. VI, примѣч. 609 и 620.

(775) См. Флетчера Common Wealth 30 и слѣд. Онъ былъ въ Москвѣ уже при Царѣ Θеодорѣ, который не учредилъ ничего новаго. См. также въ *Древ. Росс. Вивліоѳ.* XX, 277 — 420, *о Москов. старин. Приказахъ.* Еще и въ XVII вѣкѣ Посольскій Приказъ вѣдалъ земскія дѣла разныхъ областей (тамъ же, стр. 290).

(776) Флетчеръ: where (въ Царской Думѣ) lie all appeales. Разумѣется, что тяжба не входила въ Думу, если истецъ и отвѣтчикъ были довольны рѣшеніемъ Намѣстника, Судей или Приказа.

(777) См. Флетчера.

(778) См. выше, примѣч. 516, въ *Вивліоѳ.* XX, 286, 289, 306, 307, 320, 401, 407, 412, Флетч. 33, и Губную Грамоту въ *Русскихъ Достопамятностяхъ*, I, 155.

(779) См. Курбскаго.

(780) См. *Вивліоѳ.* XX, 52, 54. 60.

(781) См. въ семъ Томѣ, г. 1566, описаніе Московъ. Сейма или Земской Думы, и выше, примѣч. 623; также *Вивліоѳ.* XX, 150.

(782) См. Т. VIII, стр. 161.

(783) Поссевин. Moscovia 19, 20.

(784) У каждаго Воеводы было *Головъ* десять, иногда болѣе или менѣе; были *Головы* у наряда или снаряда, обоза и проч. См. *Вивліоѳ.* XIV, 301.

(785) Въ Судебникѣ, изданномъ Башиловымъ, стр. 4: «А которой Бояринъ или Дворецкой, или Казначей, или Дьякъ въ судѣ посулъ возметъ, а обвинитъ не по суду, и на томъ взяти исцевъ искъ; а пошлины на Царя, а ѣздъ, и правда, и пересудъ, и хоженое, и правой десятокъ, и пожелѣзное втрое; а въ пенѣ, что Государь укажетъ.»

(786) См. о Намѣстникахъ тамъ же, стр. 73, 74. О клеветникахъ стр. 6: «а кто солжетъ на Боярина или на Казначея, или на Дьяка, и того, сверхъ его вины, бити кнутьемъ, да вкинути въ тюрму.»

(787) О пошлинахъ судныхъ см. сей *Исторіи* Т. VI, примѣч. 609 и Судебн. 7 — 10: разница въ томъ, что Великій Князь Іоаннъ уставилъ давать Боярину два алтына съ рубля, а Дьяку 8 денегъ; Царь же Іоаннъ Боярину 11 денегъ, Дьяку 7 денегъ, *Подъячему* 2 денги: слѣдственно тѣ же 20 денегъ съ рубля. — О пониженіи монеты см. Т. VIII, стр. 28. Въ Гаклуйт. Navig. стр. 337, г. 1557: We doe rate it (the roble) after sixteene shillings eight pence of our money, yet it is not worth past 12 or 13 shillings sterling. Въ другомъ мѣстѣ, стр. 285, сказано: as we say in England shilling and pound, so say they (Русскіе) altine and rubble; но въ шиллингѣ считалось около двухъ алтынъ (а не 1 алтынъ, какъ напечатано ошибкою въ VIII Т. сей *Исторіи*, стр. 144 и въ примѣч. 432: слѣдственно въ гинеѣ было около рубля съ четвертью). О цѣнѣ рубля въ отношеніи къ Польскимъ злотымъ см. выше, примѣч. 731. Въ 1567 году въ злотомъ было около десяти, а въ 1588

около девяти нынѣшнихъ злотыхъ, коихъ теперь почти семь въ рублѣ серебряномъ. Флетчеръ пишетъ (л. 28): 12,000 rubbels or markes (двѣ трети фунт. стерлинг.?). Петрей (стр. 602): 100 Denninge (oder Copeken) machen einen Rubel, und ein Rubel 100 Gr. oder 2 Reichsthaler und 10 Dennige.

(788) Въ Судебникѣ 23: «а которой человѣкъ здѣшняго Государства взыщетъ на чужеземцѣ, или чужеземецъ на здѣшнемъ человѣкѣ, и въ томъ имъ *дати жеребей;* чей ся жеребей выйметъ, тотъ поцѣловавъ (крестъ) свое возметъ..»

Живъ долго въ Россіи, Англійскій купецъ Ленъ (Henrie Lane) въ 1560 году писалъ о нашемъ судопроизводствѣ слѣдующее (Гаклуйт. 345): «Я былъ долженъ Русскому купцу 600 рублей, а онъ требовалъ съ меня вдвое. Надлежало прибѣгнуть къ жеребью. Въ судной палатѣ Кремлевскаго дворца толпилось множество людей: судьи или Казначеи Государевы сидѣли впереди, призвали меня и соперника моего, дозволили мнѣ сѣсть, и начали мирить насъ, желая, чтобы я прибавилъ, а истецъ уступилъ часть своего требованія; я прибавлялъ 100 рублей, но онъ хотѣлъ болѣе. Тогда судьи взяли два шарика восковые, одинъ съ моимъ, другой съ его именемъ: кликнули незнакомаго человѣка изъ толпы зрителей (сказавъ: *ты, въ зеленомъ или въ синемъ кафтанѣ, поди сюда!* бросили ему шарики въ шапку, и велѣли другому зрителю вынуть голою правою рукою одинъ изъ нихъ: вынулся мой. Я заплатилъ 600 рублей, изъ коихъ вычли въ казну десятую долю за вину истца; а народъ славилъ правосудіе Небесное и честность купцевъ Англійскихъ.»

(789) См. въ судебникѣ статью XXVIII и XXXI. стр. 24, 25, 27.

(790) Тамъ же, ст. LII, стр. 46.

(791) См. Т. VI, стр. 219.

(792) Судебн. LIX и LXI, 52, 54.

(793) Тамъ же, стр. 51, 67, и Т. VI, примѣч. 609.

(794) Судебн. стр. 85, 86.

(795) Тамъ же, стр. 30: «Боярину отъ печати по три денги, Діяку отъ отписи по двѣ денги, Подъячему по денгѣ.»

(796) Тамъ же, стр. 69 — 71. Сіи книги назывались *Розметными*.

(797) Тамъ же, стр. 75, 76, 77, 78, 79, 81.

(798) Тамъ же, стр. 90, и Т. VI, стр. 221 и примѣч. 609.

(799) Судебн. 92, 93 и Т. VI, 221. Въ Стоглавѣ вписаны многіе законы Греческихъ Царей о Судѣ Святительскомъ, также и мнимый Уставъ Владиміровъ, за коимъ слѣдуетъ грамота Митрополита Кипріяна къ Новогород. Владыкѣ Іоанну (29 Авг. 1392) и къ Псковитянамъ (12 Мая 1395) о грѣхѣ вступаться мірянамъ въ дѣла церковниковъ.

(800) См. Судебн. 95.

(801) Тамъ же, стр. 22. Ни слова о безчестьѣ Бояръ и знатныхъ сановниковъ: воля Государева была закономъ въ семъ случаѣ.

(802) Т. VIII, стр. 161. Доказательствомъ, что Іоаннъ отмѣнилъ тогда судные платежи, служитъ и Царская Уставная грамота 1557 года (см. *Русск. Достопамятности* I, 146), гдѣ сказано Двинянамъ: А которыхъ дѣлъ выборнымъ судьямъ безъ нашего вѣдома кончити не можно... присылаютъ къ намъ на Москву, и мы имъ въ тѣхъ дѣлѣхъ велимъ управу чинити *безпошлинно*.»

(803) См. Т. VIII, 160, и въ Судебникѣ статью CVI, CVII, CXIV, гдѣ сказано: «И въ тѣхъ бы дѣлахъ *поль не присуживати*, а шлются въ послушество... Велѣти обыскивати Старостамъ и Цѣловальникомъ накрѣпко, да по тѣмъ обыскомъ и вершить, *безъ поля* и безъ цѣлованья... А досудится въ которомъ дѣлѣ до *поля*, а станетъ бити челомъ отвѣтчикъ, что ему стояти у *поля* не мочно, чтобъ присудили крестное цѣлованье, ино *поля* отставити, а дати на волю исцу, хочетъ самъ цѣлуетъ, или ему дастъ; а учнетъ бити челомъ ищея, ино по тому дати отвѣтчику на волю.» — Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича уже не было поединковъ (см. Флетчера). Одинъ Петрей говоритъ объ нихъ, выписывая изъ Герберштейна безъ толку.

(804) См. въ Судебн. статью CX, CXI, CXIII, CXV, CXVII.

(805) Тамъ же, CVI, CXX, CXXI, и слѣд, стр. 35, 36, 39 — 41.

(806) Тамъ же CXXXI, CXXXVI, CXXXVIII, CLVIII.

(807) *Правежъ* описанъ въ Указѣ Петра Великаго и Татищевымъ, который еще помнилъ сей обрядъ (см. изданный имъ *Судебникъ*, стр. 169, въ примѣчаніи). Для чего говоритъ онъ (стр. 174) люди военные долѣе иныхъ *стояли на правежъ?* для того, чтобы ихъ долѣе не выдавать головою истцамъ: это было облегченіемъ и выгодою, а не тягчайшимъ наказаніемъ, хотя долгъ и не уничтожался *правежемъ*, вопреки мнѣнію Татищева.

(808) См. въ Судебн. статью CXXXII-CXL. Капиталъ называется здѣсь *истиною* (а въ законахъ Ярославовыхъ *истымъ*). Сказано: «впередъ старымъ ростамъ не быти.» Въ исходѣ XVI вѣка заимодавцы брали въ Англіи также 10 на 100 (см. Юма).

(809) Судебн. CXXXVII. Въ спискѣ Татищева: «правити сполна безъ роста; а не платитъ 5 лѣтъ, то велѣти правити ростъ, какъ со всѣхъ исковъ.»

(810) Въ Судебн. Татищева, стр. 176: «кто заложитъ ручь... а не заплатитъ мѣсяцъ, или два, или три... слати къ тому мужи два или три, и велѣти ему объестити, коли деньги, истину и ростъ, въ недѣлю или двѣ не заплатитъ, и онъ его закладъ продастъ.»

(811) Статья CXL, CXLI. Здѣсь именуется К. Дм. Ивановичь Нѣмый (Шуйскій), Намѣстникъ Московскій и Глава Суднаго Приказа.

(812) CXXII, CXLIV, CXLVII, CLIV.

(813) См. Т. VIII, стр. 69. Въ прибавленіяхъ Судебника годъ сего закона означенъ другой: въ Стоглавѣ Мая 11, 1551, а въ прибавленіяхъ 1 Мая 1557.

(814) CXXV-CXXVIII: «А которые земли насильствомъ поотнимали Владыки и монастыри... и того сыскати, чьи земли изстари, за тѣми тѣ земли учинити. А которые села и рыбные ловли, и всякіе угодья, и оброчные деревни послѣ Вел. Князя Василья Бояре подавали Епископомъ и монастыремъ, и того сыскавъ учинити, какъ было при В. К. Васильѣ... И руги и милостыни новопридаsuccessные сыскавъ отставити, а учинить, какъ было при В. К. Васильѣ Ивановичѣ.».... Далѣе сказано, чтобы въ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлѣозерѣ, Рязани, никто безъ докладу не продавалъ своихъ вотчинъ людямъ иногороднымъ и не отказывалъ монастырямъ, ни Суздальскіе, ни Ярославскіе, ни Стародубскіе Князья, по закону В. К. Іоанна и Василія. — Послѣ, во время Литовской войны (см. въ семъ Томѣ описаніе 1580 года), Царь отнялъ у Святителей и монастырей всѣ земли и села *Княжескія*, пріобрѣтенныя ими куплею или духовными завѣщаніями.

Татищевъ нашелъ (какъ онъ говоритъ въ Судебн. стр. 211 — 218) у Оберъ-Егермейстера Волынскаго законъ Іоанновъ 12 Марта 1582 г. о ябедникахъ, которые въ жалобницахъ пишутъ иски чрезмѣрные, ложные, и разныя клеветы: такихъ ябедниковъ велѣно было наказывать тяжкими пенями, взысканіемъ безчестья, кнутомъ, ссылкою въ Украинскіе города, *Сѣвскъ* и Курскъ, лишеніемъ права

бить челомъ въ судахъ, и даже смертію, если они клеветою подвергали отвѣтчика смертной казни. Сего закона *сомнительнаго* нѣтъ въ извѣстныхъ спискахъ Судебника.

(815) См. Судебникъ Татищева, стр. 228. «Блага есть рѣчь ваша» (пишетъ Іоаннъ), «еже Старцомъ дѣти обучати и поганые въ Вѣру обращати: то есть долгъ всѣхъ васъ. Туне есть Чернцевъ Ангеломъ подобными именовати: нѣсть бо имъ сравненія ни подобія никоего же; а подобитися Апостоломъ, ихъ же Господь посла учити и крестити... И се долгъ вашъ учити; учити же младенцы не только читати и писати, но читаемое право разумѣти... О Боже! коль бы счастлива Руская земля была, коли бы вси Владыки таци были, яко Преосв. Макарій, и ты, и Діонисій (?), и толико о семъ пеклися, а не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ (не говорю иное)... Мнозіи бо болѣе Церковь разоряютъ на свои роды и роскоши, а нищихъ не питаютъ... Не вопроситъ Господь на судищи Своемъ, какъ долго молистеся, како много постистеся, како чиновнѣ въ храмѣ соспѣвасте, аще и вся сія добра; а спроситъ, колико бѣднымъ милости явисте и колико научисте... Помня, что еси ми по часту реклъ, когда ты былъ Игуменомъ, еже не добро монастыри богатити... Писа къ тебѣ и Макарій Митрополитъ... а Царица Анастасія отъ себя уговорила *икономазовъ* (иконописцевъ), и денегъ своихъ 100 рублевъ имъ отдала... Л. 7065 (1557), Апр. 5 дня.» Подписано: *Царь Іоаннъ благословенія прошу.* Татищевъ сказываетъ, что сія своеручная грамота Іоаннова писана киноварью, какъ писали наши Цари къ Вельможамъ (?): пусть такъ; но признаюсь, что слогъ грамоты кажется мнѣ не Іоанновымъ, а новѣйшимъ, поддѣльнымъ: впрочемъ могу ошибаться.

(816) Въ *Русск. Достопамятностяхъ* 140: «Намѣстникомъ есми своимъ и ихъ Тіуномъ судити, и кормовъ и всякихъ своихъ доходовъ имати, и Довотчикомъ и Праветчикомъ ихъ въѣзжати къ нимъ *не велѣлъ;* а за Намѣстничьи и за ихъ пошлинныхъ людей и за всякіе доходы велѣлъ есми ихъ пооброчити, давати имъ въ нашу казну на Москвѣ *съ сохи* по *двадтцати* рублей, да пошлинъ по два алтына съ рубля, опрочь ямскихъ денегъ и посошные службы и обежные дани и городоваго дѣла, и иныхъ нашихъ пошлинъ.» Въ *Книгѣ сошнаго письма города Камскаго, посаду и уѣзду, письма и мѣры писца Ивана Игнатьева Яхонтова, да Подъячего Третьяка Карпова 87 года* (т. е. 1579), въ любопытной рукописи, отысканной Г. Берхомъ въ Пермской Губерніи, сказано: «А всего у Соли Камскія на посадѣ пашенныхъ и непашенныхъ 190 дворовъ, а людей въ нихъ 201 человѣкъ; сошнаго письма на посадѣ *три сохи* безъ полъ полъ-полчетверти сохи» (т. е. безъ 32-й доли) «а *въ соху* положено по *штидесяти* по *четыре* двора... Всего въ Соликамскомъ уѣздѣ 23 деревни, 11 починковъ, 3 займища; во всѣхъ пашенныхъ дворовъ 144, безпашенныхъ 18, людей во дворахъ 205 человѣкъ, сошнаго письма *двѣ сохи съ полусохою и полъ полъ-полчетью сохи»* (т. е. тридцать-второю долею сохи)... «Въ Камскомъ Усольѣ, на посадѣ и въ уѣздѣ, 352 двора, людей 406 человѣкъ, сошнаго письма *пять сохъ съ полусохою;* положено *въ соху* по *штидесяти-четыре* двора.» Слѣдственно 64 двора за освобожденіе отъ суда Намѣстниковъ платили около ста нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, кромѣ многихъ иныхъ податей. Въ моей *Книгѣ о сошномъ и о вытномъ письмѣ:* «Въ сохѣ добрые земли 800 четвертей, средніе земли 1000, худые 1200 четвертей; *вытъ* добрыя земли 12 четвертей, среднія 14, худыя 16 четвертей.» Четверть была обыкновенно въ длину 40 саженъ, поперегъ 30. — При Василіи Темномъ *въ Новогородской* или *Новоторжской сохѣ* считалось только *четыре* земледѣльца (см. Т. V, стр. 157).

Въ вышеупомянутой *Книгѣ сошнаго письма города Камскаго* сказано о доходѣ Намѣстниковъ: «Всего Намѣстнику за кормъ денгами 6 рублей, 20 алтынъ; съ сохи по рублю и по двѣ гривны... съ варницы по двадцати пудъ соли на годъ. Намѣстнику жь надъ посадскими людми и надъ волостными крестьяны судъ, да убрусная и лѣсная пошлина, да пятно» (клеймо)... «А въ Усольѣ на посадѣ держати Намѣстнику кабакъ, а на кабакѣ вино, медъ и пиво. Посадскимъ же людемъ давати Намѣстнику съ рыбные ловли съ Григорова озерка по 2 бочки мелкіе рыбы на годъ, за рыбу денгами рубль двѣ гривны за бочку.» Тамъ же, въ *Писцовой книгѣ*, временъ Царя Михаила Ѳеодоровича, въ статьѣ о разныхъ оброкахъ: «Съ посадскіе съ *навозные кучи* у Чердынца у Провки оброку пять алтынъ... съ *навозные* жь *кучи* у Чердынца у Дм. Верещагина оброку 3 алтына и 2 денги. Да съ *зерновые игры»* (игры въ кости) у Чердынцевъ у Сенки Зеленого съ товарищи оброку 2 рубля.» Подать любопытная!

(817) Въ *Русск. Достоп.* 134: «Поставятъ одному своему Намѣстнику три дворы и съ Тіуномъ и съ Доводчики, а въ большомъ дворѣ Намѣстничѣ поставитъ избу четырехъ саженъ межъ углы, а другую получетвертыхъ саженъ, а третью трехъ саженъ, да сѣнникъ трехъ саженъ, а другой сѣнникъ полутретьихъ саженъ, да погребъ трехъ саженъ, да ледникъ полутретьихъ саженъ, да поварню трехъ саженъ, да конюшну, да мыльню. А въ Тіуновѣ дворѣ избу трехъ саженъ, а другую полутретьихъ саженъ, да сѣнникъ полутретьихъ саженъ, да мыльню, да конюшну; а третій дворъ Доводчикомъ, избу трехъ саженъ, а другую полутретьихъ саженъ, да клѣть двухъ саженъ, да конюшну... А дровъ дадутъ Намѣстнику 200 возовъ на годъ,» и проч.

(818) См. въ *Русск. Достоп.*, стр. 122: мѣста приведенныя изъ Германскаго Права ученымъ Архіепископомъ Евгеніемъ, къ изъясненіе словъ Huba, Hube, Hufe, Hobonna, Hastuna, Hubarii. Татищевъ производилъ *Губу* отъ *губленія*, ибо Губные Старосты занимались уголовными дѣлами. Въ Двинской грамотѣ 1571 года (*Русск. Достоп.* 153): «обыскати многими людьми, кто у нихъ въ *Губѣ*, на посадѣ и въ уѣздѣ:» ясно, что симъ именемъ означалось *вѣдомство* или мѣста подсудныя одному начальству.

(819) См. Двинск. *Губную Грамоту* 1571 г. въ *Русск. Достоп.* 152 — 159. Иногда Царь посылалъ своихъ чиновниковъ въ Уѣзды съ грамотами для отысканія воровства и воровъ. У меня есть одна изъ такихъ грамотъ, слѣдующаго содержанія: «Л. 7081 (1573), Мая въ 28, память Ондрею Мих. сыну Колупаеву. Ѣхати ему на Коломну и въ Колом. уѣздъ, а пріѣхавъ взяти съ собою Цѣловальниковъ да Губныхъ Дьяковъ и понятыхъ, сколько пригоже, да поймати въ Уѣздѣ Сына Боярскаго Коломнятина, Романа Богданова сына Волжина, а дворъ его и животы запечатати... да около Никитины вотчины Романовича Юрьева села Степановского обыскати накрѣпко на всѣ четыре стороны, верстъ по двадцати, сряду, а не выборомъ, Архимариты, Игумены и Попы, Князми и Дѣтьми Боярскими, и ихъ прикащики и крестьяны по крестному цѣлованью, сее осени съ Пятницы на Суботу противъ Михайлова дни тотъ Романъ со многими людми въ то село Степановское разбоемъ пріѣзживалъ ли, и всего 22 головы до смерти убилъ ли, и живота ихъ, лошадей и платья, и кузни, и низанье, всего на 650 рублевъ взялъ ли? и хто съ нимъ

были, и откуда прiѣзжали, и разбивъ куды поѣхали?... Тѣхъ обыскныхъ людей имена и рѣчи писати, и руки имъ велѣти прикладывати, или, вмѣсто ихъ, отцомъ ихъ духовнымъ... Да оговорныхъ людей сковавъ привезти на Москву къ Печатнику къ Борису Ив. Сукину да къ Дьякамъ Дружинѣ Володимерову да къ Ивану къ Михайлову въ Розбойную Избу... А учнетъ Ондрей обыскивати не прямо, да посулы и поминки имати, и ему отъ Государя быти въ великой опалѣ и въ казни. *Дiакъ Дружина Володимiровъ.»*

(820) См. Т. VIII, стр. 69.

(821) См. Т. V, стр. 138. — Въ *Стоглавѣ* см. гл. 5, 6 и 43. Самый лучшiй списокъ его находится въ Синодальной библiотекѣ подъ No 524. Въ концѣ: «Написана сiя книга въ лѣто 7132 (1624), Генв. въ 14 день, повелѣнiемъ раба Божiя Климента Ѳеодулова сына Ярославца.»

(822) Въ *Стоглавѣ* гл. 5, 12, 39, 43.

(823) Тамъ же, *вопросъ* 8 и отвѣтъ или уставъ Собора.

(824) Тамъ же, гл. 49: «а по келлiямъ бы молодыхъ робятъ голоусыхъ одноличнo не держали... а у которыхъ Поповъ или у Черньцовъ увидятъ или вымутъ жонцу или дѣвцу въ келлiи, и тѣмъ изверженымъ быти... Въ монастырехъ стригутся Князи и Боляре и Приказные люди въ немощи или при старости, и даютъ вкупы великiе и села по своихъ душахъ, и тѣмъ за немощи и за старость законовъ не полагати о трапезномъ хожденiи: покоити ихъ по разсужденiю, и про такихъ держати квасы сладкiе, и черьствые и выкислые.»

(825) Тамъ же, гл. 73, 75, и далѣе. Сказано: «приставити къ нимъ (къ недужнымъ) здравыхъ *строевъ* и бабъ стряпчихъ.» Увѣчные названы *клосными.*

(826) Гл. 85 — 89.

(827) Гл. 26, 41, 48.

(828) Гл. 90: «Ино одѣянiе воину, ино Тысящнику, ино одѣянiе купцу, ино златарю, ино желѣзному ковачю, ино орачю, ино просителю, ино женамъ, яко же имъ носити и глаголемыя *торлопы*, ихъ же обычай имѣютъ и причетницы носити, златомъ и бисеромъ и каменiемъ украшены.»

(829) Гл. 69 — 83.

(830) Гл. 41 — 44: «Нѣцыи непрямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, на поли бьются и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученiй пособiе имъ творятъ, кудесы бьютъ и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по ланитамъ глядаютъ, и смотрятъ дней и часовъ... и на тѣ чарованiя надѣясь, *поклебца* и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуетъ, и на полѣ бiются, и поклепавъ убиваетъ... Злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держится, *Рафли*, *Шестокрылъ Вороноградъ*, *Остромiй*» (Астрономiя?) «*Зодiй*» (Зодiакъ?) *Алманахъ*, *Звѣздочетьи*, *Аристотель*, *Аристотелева Врата* и иныя коби бѣсовскiя... тѣхъ всѣхъ еретическихъ *книгъ* у себя бы не держали и не чли... О Иванѣ дни въ навечерiи Р. Х. и Крещенiя сходятся мужи и жены и дѣвицы на ночное плещованiе и на безчинный говоръ и на скаканiе, и бываетъ отрокомъ осквернене и дѣвамъ растлѣнiе... и егда нощь мимо ходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричанiемъ и умываются водою, и егда начнутъ Заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ аки мертвы отъ великого клопотанiя. По Велицѣ Дни *оклички* на Радуницы творятъ... Въ первый Понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ *наливкахъ* бѣсовскiя потѣхи дѣютъ... Въ Великiй Четвергъ порану солому палятъ и кличютъ мертвыхъ; нѣкоторiи же невѣгласи Попы въ В. Ч. соль предъ престолъ кладутъ и до седмаго Четверга по Велицѣ Дни тамъ держатъ, и ту отдаютъ на врачеванiе людемъ и скотомъ... Въ Троицкую Суботу сходятся мужи и жены на *жальникахъ* и плачются по гробомъ съ великимъ кричанiемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони (длани) бити на тѣхъ жальникахъ... По селомъ и по волостемъ ходятъ лживыя пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и роспустя трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются Св. Пятница и Св. Анастасiя, и заповѣдаютъ въ Среду и въ Пятокъ ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменiя не разжигати,» и проч.

(831) См. *вопросы* 18, 25, 27 и 28; также гл. 33, 36, 37, 40 и 91.

Въ концѣ *Стоглава*: «Сiя вся писанiя Царьскихъ вопросовъ и Святительскихъ отвѣтовъ посланы къ живонач. Троицы въ Сергiевъ монастырь къ бывшему Iоасафу Митрополиту и Ростовскому Архiеп. бывшему Алексѣю, и Чюдовскому бывшему Архимариту Васьяну, и Троецкому бывшему Игумену Iонѣ, и всѣмъ Соборнымъ Старцомъ.» Они утвердили всѣ статьи, но изъявили желанiе, чтобы Царь для искупленiя плѣнныхъ обложилъ данiю богатое Духовенство (что достойно примѣчанiя). Вотъ слова ихъ: «Чтобы, Государь, не съ сохъ имати окупъ, имати бы изъ Митрополичьи и изъ Архiепископьи казны и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ... А Крестьяномъ, Царь Государь, и такъ твоее много тягли. Въ своихъ податехъ, Государь, покажи имъ милость.»

(832) См. выше, примѣч. 540 и 635. Имя *Истомы* встрѣчается еще въ государствованiе отца Iоаннова. *Хозяиномъ Юрьевичемъ* назывался Тютинъ, знатный Казначей Царскiй (о коемъ и въ Судебникѣ упоминается), *Неудачею* Дьякъ посыланный въ Лондонъ съ Писемскимъ.

(833) См. *Собр. Госуд. Грамотъ* II, 69, и сей *Исторiи* Т. VI, 125.

(834) Гаклуйт. 355. Тамъ сказано, что конь Митрополитовъ уподоблялся ослу длинными, привязанными ему ушами (изъ полотна).

Сей церковный обрядъ былъ уничтоженъ въ концѣ XVII вѣка, т. е. уже въ царствованiе Петра Великаго.

(835) О новой Донской крѣпости см. въ описанiи 1570 года. Кокшажскъ основанъ въ Апр. 1574 (см. Архив. Розрядн. Кн. 490 на обор.). О Веневѣ, Епифани, Черни, Тетюшахъ, Алаторѣ, Арзамасѣ, Донковѣ, упоминается въ Розрядахъ 1578 года (см. *Рос. Вивлiоѳ.* XIV, 340, 341, 347, 348).

(836) См. Поссев. Moscov. 14.

(837) См. Петрея Chron. стр. 7. Онъ говоритъ, что Москва до пожара 1571 г. была въ шесть разъ болѣе.

(838) Поссев. Moscov. 17; см. также сей *Исторiи* Т. VII, стр. 113.

(839) Или 1,430,000 тогдашнихъ рублей, пишетъ Флетчеръ (л. 40 на обор.). О семъ будемъ говорить подробнѣе въ описанiи временъ Ѳеодоровыхъ.

(840) См. *Собран. Госуд. Грамотъ*, II, 53. Тамъ сказано: «По Государеву наказу Бояринъ и Новгород. Намѣстникъ, К. Петръ Данил. Пронской, да Алексѣй Мих. Старой, да Государевъ Дьякъ, С. Ѳ. Мишуринъ, приказали: въ Вел. Новѣгородѣ, въ Государевѣ Опричнинѣ, на Торговой Сторонѣ, брать пошлины гостемъ и купцомъ Московскимъ и Новгородскимъ на Государя на вѣру, въ которомъ году кого въ Головы и Цѣловальниковъ выберутъ и откупщикомъ въ которомъ году велитъ Государь отдать на откупъ по сей уставной гра-

мотѣ, какова давана прежнимъ таможникомъ: кто привезетъ Новгородецъ или окологородецъ товаръ свой въ Новгородъ, имати съ Новгородца съ рубля Московского по полуторѣ Московкѣ, а съ пригородскихъ людей Новгородскія земли и съ сельскихъ по 4 Московки; а кто привезетъ мясо или коровы пригонитъ, имати съ стяга и съ коровы по полуденгѣ: а мясникомъ на озерѣ и за городомъ, и на Бронницѣ, и на Холынѣ, и на Кунинѣ у путниковъ коровъ не купити, а гонить на продажу къ Ивану Св. на Опока... А купитъ Новгородецъ на лавку медъ или икру, или рыбу, имати съ рубля по полуденгѣ; а купитъ на лавку рогозину или мѣхъ соли, или бочку рыбы, или кадь рыбы, имати тоже; а съ пошеву соли Руския съ луба по 3 Московки... съ Нѣмецкія соли и съ моринки потомужь, какъ съ иного товару... А у мясниковъ имати на Рожество Христово съ лавки по косяку мяса... или полденги за косякъ. А повезетъ Новгородецъ изъ Новагорода воскъ, имати ему у таможниковъ узолки, сколько круговъ, столько узолковъ за таможничьею печатью; а съ круга имати по 3 денги по Новгородскія... А кто Новгородецъ купитъ товаръ, а не повезетъ изъ Новагорода, съ того тамги не имать. А кто съ товаромъ прiѣдетъ изъ пригородовъ Новгородскихъ, имати тамги съ рубля по 4 денги по Московской, да съ саней тоже... съ телеги тоже; а прiѣдетъ на суднѣ, сколько у него людей, и съ тѣхъ съ головы по полуденгѣ по Новгородской; а прiѣдутъ изъ иныхъ городовъ, и съ тѣхъ съ головы по денгѣ... а прiѣдетъ Литвинъ и всякой иноземецъ, опричь Нѣмчина, и съ тѣхъ съ головы по 2 денги... А привезетъ Новгородецъ (или иной) ленъ, деготь, лукъ, чеснокъ, орѣхи, яблоки, золу, хмѣль, имати, какъ съ иного товару... Пудовщикомъ имати, кто что взвѣситъ, съ рубля по 2 денги... А пуда себѣ не держати никому... а кого уличатъ, ино на томъ заповѣди 2 рубли... Беречи накрѣпко, чтобы торговые люди денегъ, и серебра и золотыхъ, и ссудовъ, и пуговицъ серебряныхъ и золотыхъ не вывозили... Будетъ у товаровъ печати Москов. таможниковъ, а ѣдутъ проѣздомъ, у тѣхъ товаровъ не роспечатывать... А которые купцы поѣдутъ изъ Новагорода, и таможникомъ велѣти беремя на всякія коробьи и бочки свивати и связывати дрягилямъ, и предъ собою запечатывать печатью... Велѣлъ Государь заповѣдати и въ торгъ кликати, у кого ни буди въ Новѣгородѣ серебро Нѣмецкое, ефимки и полуефимки, и шкилы, и всякія Нѣмецкія денги, и корки серебряныя съ Нѣмецкими клеймы, и имъ то серебро являти таможникомъ и пошлины съ того серебра платити... Торговые люди ставилися бъ на гостиныхъ дворѣхъ, а зимѣ съ саней, а лѣтѣ съ судовъ не складывая (товаровъ) и возовъ не розбивая, доколѣ у нихъ таможники товаръ пересмотрятъ и въ книги запишутъ... Сбирати пошлина лѣтѣ съ учановъ и съ лодей, и съ поромовъ, и съ плотовъ, съ плавнаго лѣсу, которой лѣсъ и уголье и мохъ привозятъ въ судѣхъ Волховомъ снизу, изо Мсты и изъ иныхъ рѣкъ, и сверху въ плотѣхъ, съ хоромъ рубленыхъ, горницъ, повалушъ, избъ, клѣтей, мыленъ, и съ досокъ, и съ драницъ, и съ лубья, и съ ведровъ, и съ дровъ, и съ лучинъ, и съ уголья, и со мху,» и проч. и проч.

(841) См. въ Гаклуйт. Navig. письма Анг. купцевъ, стр. 286 — 345.

(842) Въ Дѣлахъ Англ. No 1, л. 175, 192, 193: «Къ Пудожерскому устью» (сказали Москов. Бояре Англ. Послу Баусу) «Государь велѣлъ приходити Ишпанскіе земли гостю Ивану Деваху Бѣлобороду» (въ Гаклуйтѣ John de Wale): «Иванъ Бѣлобородъ и ходитъ, и къ Государю нашему всякіе узорочные товары привозитъ... А въ Колу приходили Французского Короля гости, и къ Государю нашему писалъ Французской Король о любви, и Государь нашъ нынѣ ко Франц. Королю посылаетъ вмѣстѣ съ тобою гонца своего, и Елисаветъ бы Королевна пропустить велѣла его чрезъ свое Государство, и впередъ бы Франц. Гендрикъ Король съ Государемъ нашимъ и съ Королевною были въ дружбѣ; и коли друзей много, тогды недругомъ страшнѣе... *Аглинскіе гости никоторыхъ узорочныхъ товаровъ не вывозятъ»* (сказалъ Баусу самъ Іоаннъ) *«чтобъ къ нашей Царской казнѣ пригодилось; а что и вывезутъ, и они дорожатъ; а сукна вывозятъ обычные.* Да снявъ съ руки, Государь показалъ Послу перстень; а указавъ на запону, которая на колпакѣ, изумрудъ большой, говорилъ: *восе тотъ перстень вывезъ Иванъ Бѣлобородъ, а дали за него 60 рублевъ; а за запону дали 1000 рублевъ; а Аглинскіе гости николи такихъ товаровъ не привmasживали... привезлы къ намъ сукна и камки рядовые, а къ намъ лутче тѣхъ изъ Литвы привозятъ; а кружевъ нынѣ ни одного поводного кружива не привезли.* И велѣлъ Государь сукна и камки прежніе купли и что нынѣ (Анг. гости) привезли сложа показати Послу, и кружива старые съ новыми свести, и сукна и камки и кружива нынѣшнихъ всѣхъ старые лутче... И Посолъ *Князь* Еремей взявъ перстень у Государя смотрилъ, и поцѣловавъ въ перстень, поднесъ къ Государю, а говорилъ: тотъ, Государь, перстень стоитъ и трехъ сотъ рублевъ, а запона, Государь, стоитъ и сорока тысячь рублевъ.»

(843) См. Кобенцелево письмо о Россіи, не давно изданное на Латинскомъ языкѣ въ Sammlung kleiner Schriften zur ältern Geschichte des Russ. Reichs, von Wichmann, стр. 30. Мы говорили о семъ Послѣ Максимиліановомъ и сказаніи его о Россіи, имѣвъ оное въ рукописи на языкѣ Италіянскомъ (см. выше, примѣч. 440).

(844) Epistola J. Cobenzl, стр. 28 въ Sammlung etc., von Wichmann.

(845) Англичане говорятъ между прочимъ о двѣнадцати серебряныхъ бочкахъ съ золотыми обручами, видѣнныхъ ими въ Царской столовой (см. Гаклуйт. 354).

(846) Гаклуйт. Navig. 349, 354.

(847) По Новому Стилю, думаю: см. тамъ же, стр. 354.

(848) См. тамъ же, въ описаніи водосвященія 6 Генв.

(849) См. Т. VI, стр. 215.

Въ заключеніе упомянемъ о мнимой *Эпистолѣ Ивашки Семенова Пересвѣтова къ Іоанну,* сочиненной безъ сомнѣнія уже гораздо послѣ сего царствованія и находящейся въ разныхъ библіотекахъ. Анахронизмы доказываютъ, что это подлогъ и вымыселъ: на примѣръ, Авторъ пишетъ, что онъ, выѣхавъ изъ Литвы къ Іоанну, былъ имъ порученъ Боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину; а сей Бояринъ умеръ еще въ 1538 году (см. Списокъ Чиновниковъ въ *Россійск. Вивліоѳ.* XX, 29). Такая же хронологическая несообразность въ сказаніи о Господарѣ Петрѣ (см. Т. VIII, стр. 13, 14, 47) и небылица о Королѣ Венгерскомъ, о Чешскомъ или Богемскомъ. Сей затѣйникъ именемъ мудраго Воеводы Молдавскаго совѣтуетъ Царю сдѣлать все великое и хорошее, что было имъ уже сдѣлано: взять Казань, издать законы, всегда имѣть войско на границахъ, и проч. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста:

Выѣхалъ есми на твое имя Государево и вывезлъ образецъ твоей службѣ, и тотъ образецъ предъ тобою, Государемъ, клали: дѣлать было мнѣ, Государь, щиты Гусарскія, добраго мужа косая сажень, съ клеемъ и съ кожею... а тѣ щиты съ

Македонскаго образца... А выѣзду моего 11 лѣтъ; а язъ тебя нынѣ доступити не могу. Служилъ есми у Короля Угорскаго *Вълнуша* на Бузынѣ градѣ службу Дворянскую на шесть коней, аималъ на всякой день по семи золотыхъ на 12 недѣль, а былъ 3 годы въ полку съ Федрикомъ съ Сопежничимъ, а было насъ 300 Дворянъ Короля Польскаго... Да служили есмя Чешскому Королю *Фордыналу*, а было насъ Дворянъ 500, а Гетманъ у насъ Андрей Точинской, Староста Бѣльскій... и выѣхалъ есми на твое Государево имя, слышавъ ото многихъ мудрецовъ, что быти тебѣ великому Царю по небесному знаменію, и ты помѣстьемъ пожаловалъ меня, холопа своего, а съ собою собинки вывезлъ гораздо же; и помѣстье отъ великихъ людей обидъ пусто, да и собинку истерялъ: недруги насъ, Государь, прiѣзжихъ людей не любятъ... Умилосердися; оборони отъ насильства сильныхъ людей... Вывезъ есми къ тебѣ мудрыя рѣчи Воеводы Волошскаго (Молдавскаго) Петра, и тѣ рѣчи легли въ твоей казнѣ Царской... а мудрые Философы Греческіе и Дохтуры Латынскіе такъ рекли мнѣ: годится таковому Государю мудрому таковыя рѣчи златомъ росписати и послѣ себя иному Государю оставити... Пращуръ и прадѣдъ мой служили вѣрно Государямъ Русскимъ, *Пересвѣтъ* и *Ослябя*, на Донскомъ побоищѣ и пострадали. Пишутъ мудрые Философы, что будетъ о тебѣ слава великая о Цесарѣ Августѣ и Александрѣ Македонскомъ... отъ твоей мудрости и грозы судіи лукавіи яко отъ сна проснутся... Ты, Царь грозный, грѣшныхъ на покаяніе приведешь... А язъ не могу доступить до тебя: кому дамъ память, и опи до тебя не донесутъ. Доступилъ есми тебя, Государя, у Праздника въ церви на Рожество Пресв. Богородицы, и подалъ есми тебѣ двѣ книжки съ рѣчьми Царскими, что есми вывезъ изъ иныхъ Королевствъ... и будетъ тебѣ не полюбилися, и ты, Государь, тѣ книжки обѣ мнѣ вели отдати назадъ, да и сію, Государь, книжку прочетши, мнѣ же вели отдати... Былъ есми 5 мѣсяцевъ у Волошскаго Петра Воеводы въ Сочавѣ, и онъ про тебя говоритъ на всякъ день; а говоритъ такъ: *Нынѣ Русскимъ Царствомъ хвалимся. Боже соблюди Вѣру Русскую отъ невѣрныхъ и отъ ереси всякія!* Да того не хвалитъ, что крестъ цѣлуютъ да измѣняютъ, и Государю (Русскіе) вѣрно не служатъ. Да и того не хвалитъ, что особную войну на свое Царство пущаетъ (Царь), даетъ городы и волости держати Вельможамъ, и Вельможи отъ слезъ и отъ крови богатѣютъ... и присужаютъ въ обидахъ *поля*, и на обѣ стороны крестъ цѣлуютъ, и Бога гнѣвятъ. Петръ говорилъ про перваго Царя Магметъ-Салтана, что невѣрный Царь, да Богу угодное учинилъ: по Царству разослалъ вѣрные свои судьи, пооброчивши ихъ изъ казны своимъ жалованьемъ, чѣмъ имъ можно прожити съ году на годъ, а судъ велѣлъ безпошлинно судити... а кто просудится, ино тому смерть по уставу Магметову: возведетъ его высоко, да и пхнетъ его въ зашею надолъ, да речетъ: *не умѣлъ еси въ доброй славѣ быти и вѣрно Государю служити.* А иныхъ живыхъ одираютъ, да речетъ такъ: *обрости тѣломъ, отдастъ ти ся вина.*» (Здѣсь Авторъ, какъ видимъ, славитъ все, что дѣлалъ и сдѣлалъ не Магометъ, а Царь Іоаннъ) «и отъ Бога написано: *комуждо по дѣломъ его.* Да такъ говоритъ Волошскій Воевода: знаменуется въ мудрыхъ книгахъ о великомъ Царѣ Иванѣ Вас. всея Русіи, что будетъ въ его Царствѣ великая мудрость и правда; а Вельможи у него худы, сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ: Богу лжутъ и Государю... Воина держати какъ сокола чередити... Ино такъ говоритъ Петръ Волошскій: таковому сильному Государю годится со всего Царства доходы себѣ въ казну имати и изъ казны своея воинамъ сердце веселити и къ себѣ ихъ припущати близко, и во всемъ имъ вѣрити» (Опричникамъ?)... «А про тебя Волошскій Воевода говоритъ: *Таковому Государю годится держати 20 тысячь воиновъ храбрыхъ съ огненною стрѣльбою, и стояли бы съ украйны при крѣпостяхъ отъ недруга Крымскаго Царя... Надѣемся отъ Бога великаго милосердія свободитися Русскимъ Царемъ отъ насильства Турецкаго. Но есть ли въ Царствѣ Московскомъ правда?* Ино у него служилъ Москвитинъ Васька Марцановъ, и онъ того спрашивалъ... и Васька молвилъ ему: *Вѣра, Государь, тамъ добра и красота церковная велика, а правды нѣтъ.* И Воевода Петръ заплакалъ и рекъ: *коли правды нѣсть, то всего нѣсть... Которые Вельможествомъ ко Царю приближаются не отъ воинскія выслуги, ни отъ иныя которыя мудрости, ино то суть чародѣи и ересники: у Царя счастіе отнимаютъ и мудрость, и къ себѣ Царское сердце зажигаютъ чародѣйствомъ, и воинство кротятъ»* (дѣлаютъ робкимъ:) *«ино таковыхъ подобаетъ огнемъ жещи и иныя лютыя смерти имъ давати, чтобы зла не множилося. Царю безъ сильнаго воинства какъ быти? И Ангелы и Небесныя Силы ни единъ часъ пламеннаго оружія изъ рукъ своихъ не испущаютъ... Которые записываютъ людей въ работу* (рабство) *навѣки, прельщая ихъ, тѣ Діаволу угожаютъ... Если хотѣти Казанскаго Царства добывати, ино себя ни въ чемъ не щадити; тому вельми дивимся, что таковая подрайская землица не великая, всѣмъ угодная, у таковаго сильнаго Царя подъ пазухою, а онъ ей долго терпитъ и кручину отъ Казанцевъ принимаетъ.* Государь! Воевода Петръ ученый Философъ и Дохторъ, и онъ начиталъ на мудрыхъ своихъ книгахъ, что будетъ на тебя ловленіе, яко же на Царя Константина, отъ ворожебъ и отъ кудесъ, отъ людей ближнихъ, безъ коихъ не можешь ни часу быти... И рекъ Воевода: *толико его Богъ соблюдетъ отъ ловленія Вельможъ, ино таковаго Царя подъ всею подсолнечною не будетъ,»* и проч.

Изъ Прибавленій въ концѣ X тома, изданія 1824 года:

## ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛІЕВИЧА ГРОЗНАГО (*),

*сочиненное около 1572 года.*

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Святыя и Живоначальныя Троицы, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. По благословенію отца нашего, Антонія, Митрополита всея Россіи, се азъ многогрѣшный и худый рабъ Божій Іоаннъ пишу сіе исповѣданіе своимъ цѣлымъ разумомъ; но разума нищетою одержимъ есмь, и отъ убогаго дому ума моего не могохъ представити трапезы, пищи Ангельскихъ словесъ исполненны, понеже умъ убо оструписи, тѣло изнеможе, струпи тѣлесны и душевны умножишась, и не сущу врачу исцѣляющу мя; ждахъ, иже со мною поскорбитъ, и не бѣ; утѣшающихъ не обрѣтохъ; воздаша ми злая возъ блага и ненависть за возлюбленіе мое. Душею убо оскверненъ есмь и тѣломъ окаляхъ, яко же убо отъ Іерусалимскихъ Божественныхъ заповѣдей ко Іерихонскимъ страстемъ пришедъ и прельстихся

(*) Рукопись изъ библіотеки А. Курбатова, списанная въ С. Петербургѣ, въ Апр. 1739 года, съ копіи подлинника, и доставленная мнѣ изъ Архива Кол. Иностр. Дѣлъ уже по изданіи IX Тома сей Исторіи. Не сомнѣваюсь въ достовѣрности, но печатаю съ выпусками: исключаю повторенія, излишнее многословіе и проч.

міра сего зміотекущею красотою,... багрянишею свѣтлости и злата блещаніемъ, и въ разбойники впадохъ, мысленные и чувственные; помысломъ и дѣломъ усыпеніи благодати совлеченъ быхъ одѣянія, и ранами исполумертвъ оставленъ. Аще и живъ есмь, по Богу скаредными своими дѣлы паче мертвеца смраднѣйшій и гнуснѣйшій, его же Іерей видѣвъ не минуть и Левитъ возгнушався премину: понеже отъ Адама и до сего дни всѣхъ преминухъ въ беззаконіяхъ. Сего ради всѣми ненавидимъ есмь. Каиново убійство прешедъ, Ламеху уподобихся, первому убійцѣ; Исаву послѣдовахъ сквернымъ невоздержаніемъ; Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе, — и инымъ многимъ яростію и гнѣвомъ невоздержанія... Разумомъ растлѣненъ быхъ и скотенъ умомъ, понеже убо самую главу осквернихъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства и блуда и всякаго злаго дѣланія, языкъ срамословіемъ, выю и перси гордостію и чаяніемъ высокоглаголиваго разума, руцѣ осязаніемъ неподобныхъ и грабленіемъ и убійствомъ, внутренная помыслы всякими скверными, объяденіемъ и піанствомъ, чресла чрезъестественныхъ грѣхомъ и опоясаніемъ на всяко дѣло зло... и иными неподобными глумленіями. Но что убо сотворю, понеже Авраамъ не увѣдѣ насъ, Исаакъ не разумѣ и Израиль не позна насъ? Но Ты, Господи, отецъ нашъ еси: къ Тебѣ прибѣгаемъ и милости просимъ, Иже не отъ сѣмени, но отъ Маріи Дѣвы неизреченно воплотившійся, Христе Боже! Струпы и язвы мои, душевныя и тѣлесныя, обяжи, и къ Небесному сочетай мя лику, яко милосердъ еси, Господи; миръ даждь намъ. Развѣ Тебе, иного не знаемъ, и имя Твое разумѣемъ. Просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны. Твоя бо держава неприкладна и царство безначально и безконечно, и сила, и слава, и держава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Понеже, по Писанію, не должны суть хранити имѣнія чада родителемъ, но родители чадомъ — и убо вышнее имѣніе, яко же реченно: премудрость въ исходящихъ поется, на краехъ же забральныхъ мѣстъ проповѣдается, при вратѣхъ же сильныхъ дерзающій глаголетъ... Се предлагаю ученія, елико мой есть разумъ: отъ убожества моего, чадца моя, благодать и Божій даръ вамъ.

Се заповѣдаю вамъ: да любите другъ друга, и Богъ мира да будетъ съ вами! Аще бо сія сохраните, и вся благая достигнете. Вѣру къ Богу тверду и непостыдну держите, и научитися Божественныхъ Догматовъ, како вѣровати, и како Богу угодная творити... то всего больше. Знайте православную Вѣру: крѣпко за нее страждите и до смерти; а сами живите въ любви — а воинству, поелику возможно, навыкните. А какъ людей держати и жаловати, и отъ нихъ беречися, и во всемъ ихъ умѣти къ себѣ присвоивати, и вы бы тому навыкли же; а людей бы есте, которыя вамъ прямо служатъ, жаловали и любили, и ото всѣхъ берегли, чтобы имъ изгони ни отъ кого не было, и они прямѣе служатъ; а которыя лихи, и вы бъ на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, но по разсужденію, не яростію. Всякому дѣлу навыкайте, и Божественному, и Священническому, и Иноческому, и ратному, и судейскому, и житейскому всякому обиходу, и какъ которыя чины ведутся здѣсь и въ иныхъ Государствахъ... какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быти: тому бъ есте всему научены были, ино вамъ люди не указываютъ, а вы станете людямъ указывать... А что по множеству беззаконій моихъ, Божію гнѣву распростершуся, *изгнанъ есмь отъ Бояръ*, самовольства ихъ ради, отъ своего достоянія, и *скитаюся по странамъ* (*), и вамъ есми грѣховъ своихъ бѣды многія нанесъ: Бога ради, не преизнемогайте въ скорбѣхъ: возверзите на Господа печаль свою, и Той васъ препитаетъ... Даетъ бо власть, ему же хощетъ... А докудова васъ Богъ помилуетъ, свободитъ отъ бѣдъ, и вы ничѣмъ не раздробляйтесь, и люди бы у васъ за-одинъ служили, и земля бы за-одинъ, и казна бы у васъ за-одинъ была: ино то вамъ прибыльнѣе.

А ты, Иванъ сынъ, береги сына Ѳеодора, а своего брата, какъ себя, чтобы ему ни въ какомъ обиходѣ нужды не было, а всѣмъ бы былъ исполненъ, чтобы ему на тебя не въ досаду, что ему не дашь Удѣла и казны. А ты, Ѳедоръ сынъ, у брата своего старѣйшаго докудова Удѣла и казны не проси, а въ своемъ бы еси обиходѣ жилъ, смѣчаясь, какъ бы Ивану сыну не убыточнѣе, а тебя бы льзя прокормити было, и оба бы вы есте жили за-одинъ... и въ худѣ и въ добрѣ, занеже единородныя есте матери своей... Христосъ будетъ посредѣ васъ для вашея любви, и никто можетъ васъ поколебати: вы будете другъ другу стѣна и забрало. Къ кому ему (Ѳеодору) прибѣгнуть, и на кого уповать? Ты (Іоаннъ) у него отецъ и мать, и братъ и Государь и промысленникъ: и ты бъ его берегъ и любилъ. А когда буде въ чемъ предъ тобою и проступку какую учинитъ, и ты бы его понаказалъ и пожаловалъ, а до конца бъ его не разоралъ, и ссоркамъ бы еси отнюдь не вѣрилъ: занеже Каинъ Авеля убилъ, а самъ не наслѣдовалъ же. А Богъ благоволитъ вамъ, тебѣ быть на Государствѣ, а Ѳедору на Удѣлѣ, и ты бъ Удѣла подъ нимъ не подыскивалъ... занеже аще кто и множество земли пріобрящетъ, а трилакотна гроба не можетъ избѣжати... А ты, сыне мой Ѳедоръ, держи брата въ мое мѣсто отца своего, и слушай его во всемъ.. и ты бъ Государства его подъ нимъ не подыскивалъ... и съ его бы измѣнники не ссылался; а будутъ учнутъ тебя прельщать славою и богатствомъ, или учнутъ тебѣ которыхъ городовъ поступать, или на Государство учнутъ тебя звати, и ты бы отнюдь того не дѣлалъ... ни на что бы еси не прельщался... занеже трилакотнаго гроба не можешь избѣжати: и тогда все оставется; токмо едина дѣла, что сотворихомъ, благо ли или зло (пойдутъ съ нами)... Во всей волѣ его (Іоанновой) буди, до крови и до смерти... А хотя будетъ на тебя Ивановъ гнѣвъ или обида, и ты бы не прекословенъ былъ своему брату старѣйшему, и рати не вчиналъ, и собою ничѣмъ не боронился, а ему бы еси билъ челомъ, чтобъ тебя пожаловалъ, гнѣвъ свой сложить изволилъ.... И вы бы сей мой наказъ памятовали крѣпко... да здѣ богоугодно поживше, и тамо будущихъ благъ наслѣдницы будете (**)...

И хотя по грѣхомъ что и на ярость прійдетъ въ междоусобныхъ браняхъ, и вы бы, дѣти мои, творили правду по Апостолу Господню, и разненіе давайте рабомъ своимъ, послабляюще прещенія... во всякихъ опалахъ и казняхъ, какъ гдѣ возможно по разсужденію... яко долготерпѣнія ради отъ Господа милость прімите, яко индѣ речено есть: *подобаетъ убо Царю три сія вещи имѣти: яко Богу не гнѣватися и яко смертну не возноситися, и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ*...

(*) То есть, Іоаннъ, переѣхавъ изъ Москвы въ Александровскую слободу, считалъ себя изгнанникомъ. — Здѣсь на первой копіи приписано рукою неизвѣстнаго, что Іоаннъ въ своемъ завѣщаніи 7090 (1582) года изъясняетъ сію странность и не велитъ никому истить: можетъ быть, оно также гдѣ нибудь найдется.

(**) Здѣсь выписываетъ Іоаннъ нѣсколько страницъ изъ Новаго Завѣта.

Насъ же, родителей своихъ и прародителей, не токмо что въ государствующемъ градѣ Москвѣ, но аще и въ гоненіи и въ изгнаніи будете, во Божественныхъ Литургіяхъ и въ Панихидахъ, и въ Литіяхъ и въ милостыняхъ къ нищимъ не забывайте: понеже нашихъ прародителей душъ воспоминаніемъ велику пользу намъ и себѣ пріобрящете, здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ, и въ благосостояніе святымъ церквамъ, и на враги побѣду, и Государству строеніе, и своему животу покой и вѣчныхъ благъ наслажденіе... И Богъ мира буди съ вами, молитвами Пресв. Богородицы и милостію честнаго ея образа, иконы Владимірскія, Державы Русскія заступницы... и молитвами Русскихъ Чудотворцевъ, Петра и Алексѣя, Іоны, Исакія, Никиты, Леонтія, Сергія, Варлаама, Кирилла, Пафнутія, и всѣхъ Святыхъ, и благословеніемъ всего роду нашего отъ В. К. Владиміра и до отца нашего, и матери нашей Елены и жены моей Анастасіи, а вашей матери, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. А что по грѣхомъ женъ моихъ Марьи да Мароы не стало, и вы поминали бы есте ихъ...

Благословляю сына моего Ивана: крестъ животворящаго древа, большей Цареградскій, да крестъ Петра Чудотворца, которымъ Чудотворецъ благословилъ прародителя нашего, В. К. Ивана Даниловича (Калиту) и весь родъ нашъ. — Да сына жь своего Ивана благословляю Царствомъ Русскимъ, шапкою Мономаховскою и всѣмъ чиномъ Царскимъ, что прислалъ прародителю нашему, Царю и В. Князю Владиміру Мономаху, Царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда... да шапками Царскими и чиномъ Царскимъ, что азъ промыслилъ, и посохи и *скатерть*, а по-Нѣмецки *центурь* (?)... Даю ему городъ Москву съ волостьми и станы и съ путьми (доходами) и съ селы и съ дворы съ гостиными и посадскими, и съ тамгою и съ мытомъ ... село Воробьево и съ Володимерскимъ (на Кулишкахъ) и Семеновскимъ и съ Воронцовымъ (*)... А сынъ мой Иванъ держитъ на Москвѣ большаго своего Намѣстника... а другова на трети на Княжь Володимерской Андреевича Донскаго. На Москвѣ жь которые мои дворы, внутри города и на посадѣхъ, и сады мои и пустыя мѣста за моими Бояры и Князьми, и за Дѣтьми Боярскими и за Дворянами,... тѣ всѣ сыну моему Ивану. А у кого будутъ купчія и грамоты жалованныя на дворы, и сынъ мой въ тѣ дворы не вступается... Да ему жь Великое Княжество, городъ Володимеръ, съ волостьми и селы... села, что были Князь Ивана Пожарскаго, Князь Н. Тулупова, К. Петра Шарапова-Ромодановскаго, К. Тимоѳея Пожарскаго, Князь Вас. Коврова... Князь Ив. и К. Андрея Кривозерскаго... Князь Ив. Нагаева... Князей Стародубскихъ... Князь Борусова-Пожарскаго... К. Мезецкаго... К. Осиповскаго... К. Палецкаго (**)... Да сыну моему Ивану даю городъ Коломну... Коширу... Серпуховъ... городъ на Плавѣ и на Соловѣ (Кропивну)... Вел. Княжество Рязанское... Мценскъ... Бѣлевъ... треть Мосальска... (а *Князь Михайло Воротынскій вѣдаетъ треть Воротынска*).... Перемышль... Одоевъ... Новосиль... а Князи Одоевскіе, Оболенскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Мосальскіе съ своими вотчинами служатъ сыну же моему Ивану... а которые (изъ нихъ) отъѣдутъ къ сыну моему Ѳедору, или инуды куды ни будь, и тѣхъ вотчины сыну моему Ивану... городъ Юрьевъ Волской, да *Бѣлгородъ*, да Городецъ... Романовъ на Волгѣ (а держи его, сынъ мой, за Нагайскими Мурзами; а отъѣдутъ или изведутся, ино городъ Романовъ сыну моему)... Можайскъ... Вязму и Козловъ... Дорогобужъ... Бѣлую... Вел. Княжество Смоленское... Переславль... Юрьевъ Польской... Дмитровъ... Боровескъ... а что пожаловалъ Царевича Муртозалея, а во крещеніи Михаила, Кайбулина сына Ахкибекова, Звенигородомъ, потому же какъ былъ за Царемъ Симеономъ Казанскимъ, и сынъ мой Иванъ держитъ за нимъ Звенигородъ... Да сыну же моему Ивану даю Пѣшехонье... Вологду... Устюгъ... Великую Пермь... Галичь... Вел. Княжество Нижегородское... Балахну... Василь... Муромъ... Мещеру... Шацкой городъ и Князи Мордовскіе съ ихъ вотчинами... Курмышь... Алаторь... Арзамасъ... Стародубъ Ряполовской... Бѣлоозеро... треть Воротынска... Городень... Микулинъ... Вятскую землю и съ Вятскими Князьями... Новгородъ Сѣверской, Путивль, Рыльскъ, Мглинъ, *Драковъ*, Почепъ, Карачевъ... Рословъ... Вел. Княжество Тверское... Клинъ... Кашинъ... Торжекъ... Ржеву Володимерову... Вел. Княжество Новогородское со всѣми пятью Пятинами... Иваньгородъ... Яму... Копорье... Орѣшекъ... Ладогу... Высокой городокъ... Доманъ... Курескъ... Порховъ... Кошкинъ... Стар. Русу... да городы, что есми поставилъ съ Божіею волею на Литовскомъ рубежѣ: Велижъ, Заволочье, Себежъ, Поповичь на Невлѣ... Холмъ... Луки Великія... Невль... Островъ... Торопецъ... Ржеву Пустую... Корелу... и съ Лопью и съ Дикою Лопью... Заволоцкую землю... Каргополь... Вагу, Кокшенгу, Вел. Погостъ, Холмогоры... Псковъ... Вороночь, Дубковъ, Выборецъ... Володимеръ, Островъ, Красной, Вышегородокъ, Кобылей городъ, Городище, Изборскъ, Опочку, Гдовъ... Царство Казанское съ Арскою стороною, и съ Побережною, и съ Луговою... и съ Чювашею, и съ Черемисою, и съ Тарханы, и съ Башкирдою, и съ Вотяки... Свіяжскъ... Чебоксарской городъ... Царство Астраханское... всѣ Ливонскіе городы... (а что есми пожаловалъ голдовника своего, Короля Арцымагнуса, въ своей вотчинѣ, въ Лифлянской землѣ... и то сынъ мой Иванъ за своимъ голдовникомъ держитъ по нашей жалованной грамотѣ... а что есми далъ Королю Арцымагнусу въ заемъ 15500 рублевъ въ Московское число, и въ тѣхъ денгахъ К. Арцым. заложилъ у меня въ Ливонской землѣ городы Володимерецъ, Смилтенъ и проч., и сынъ мой на Королѣ Арц. тѣ деньги или за деньги городы возметъ себѣ)... городъ Полоцкъ... Соколъ... Копье... Озерище... Усвятъ... А что отецъ мой, Князь Великій Василей Ив. всея Россіи написалъ въ своей душевной грамотѣ (*) брату моему (умершему) Князь Юрью, городъ Угличь... и съ Холопьемъ, что торгъ на Мологѣ, да Бѣжецкой... да Калугу... Ярославецъ Малой... Кременескъ... Медынь, Мещерскъ... Опаковъ на Угрѣ... и азъ тѣмъ благословляю сына своего Ивана... и по брата своего, Князь Юрьеву приказу пожаловалъ его Княгиню Ульяну, далъ ей до ея живота Кременескъ... да городъ Устюжну Желѣзную... и сынъ мой Иванъ держитъ то за нею... Да что былъ есми благословилъ брата своего, К. Юрья, сверхъ его Удѣла, городомъ Брянскимъ, и азъ тѣмъ благословляю сына же своего Ивана... А что есми по отца своего душевной грамотѣ и по брата своего Княжь Юрьеву приказу далъ есми женѣ его Ульянѣ вотчину въ прокъ, село Хороброво да Красное съ деревнями, и по нашей жалованной грамотѣ вольна она тѣ отдать по душѣ

(*) Выпускаю имена многихъ селъ и деревень, извѣстныхъ Читателю по завѣщаніямъ древнѣйшихъ Великихъ Князей Московскихъ.

(**) Оставляю только имена владѣльцовъ, достойныя замѣчанія.

(*) Которая не дошла до насъ.

и продать и промѣнить... Да сына жь своего Ивана благословляю городы и волости, что были дяди моего, Андрея Ивановича, и сына его, К. Володимера Андреевича: Вышегородомъ... Старицею... Алексинымъ... Верееню... А что былъ далъ есми Князю Володимеру Андр. въ мѣну городы и волости, и К. Володимеръ предо мною преступилъ, и тѣ городы и волости сыну моему Ивану. А Княжь Володимерова сына, Князя *Василья*, и дочери, посмотря по настоящему времени, какъ будетъ пригоже (такъ и надѣлить).

А сына своего Өедора благословляю крестъ золотой съ мощми Ивановской Грязнова... Даю ему городъ Суздаль... Шую... Кострому... Плесо... Любимъ, Буй, Судиславль, Нерехту и съ сольми... Ярославль... (а Князьямъ Ярославскимъ, Боярамъ и Дѣтемъ Боярскимъ Ярославцамъ отъ сына моего не отъѣхати... а кто отъѣдетъ, и земля ихъ сыну моему; а служатъ у него, и онъ у нихъ въ земли не вступается)... Да сыну же моему Өедору даю городъ Козельскъ... Серпейскъ да Мценескъ... Волокъ Ламскій... да села Московскія, Крылецкое... Сорочино (и проч. и проч.)... А что есми далъ сыну моему Өедору казны своея, и то писано въ казенномъ спискѣ. А Богъ дастъ мнѣ сына съ женою моею Анною, и азъ его благословляю городъ Угличь и Устюжная, Холопій городъ... Ярославецъ... Верею... А Богъ дастъ мнѣ съ женою своею съ Анною дочерь, и азъ благословляю ее, даю ей городъ Зубцовъ... Опоки, Хлепень, Рогачевъ... Да благословляю жену свою, даю ей городъ Ростовъ съ волостьми... а подъ Москвою село Алешню, Болтино (и проч. и проч.)... А что есми далъ женѣ и дѣтемъ своимъ казны своей, и то писано въ казенномъ спискѣ. А что отецъ нашъ пожаловалъ К. Өед. Мстиславскаго, и что азъ придалъ сыну его, К. Ивану... и что есми пожаловалъ К. Михайла Княжь Васильева сына Львовича Глинскаго вотчиною... и что есми пожаловалъ Романову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостьми и селы... и въ тѣ вотчины сынъ мой Иванъ и сынъ мой Өедоръ не вступаются. А что есми пожаловалъ К. Михайла Княжь Иванова сына Воротынскаго старою его вотчиною, городомъ Одоевымъ, да городомъ Новосилью, да городомъ на Черни, и азъ ту вотчину взялъ на себя, а Князю Михайлу далъ есми въ то мѣсто городъ Стародубъ Ряполовской, да волости... а вѣдаетъ ту вотчину К. Михайло по мѣновнымъ грамотамъ... А городъ Озерище и съ Усвятомъ сыну моему Өедору со всѣмъ по тому, какъ писано въ сей моей душевной грамотѣ сыну моему Ивану; а *Удѣлъ сына моего Өедора вмужь (Ивану) къ Великому Государству. А что есми учинилъ* Опришнину, *и то на волѣ дѣтей моихъ, какъ имъ прибыльнѣе, такъ и чинятъ; а образецъ имъ учиненъ готовъ.*

А нынѣ приказываю свою душу и сына своего Өедора отцу своему, богомольцу Антонію, Митрополиту всея Россіи, да тебѣ сыну своему Ивану. А ты, сынъ мой Өедоръ, своего брата старѣйшаго слушай во всемъ и держи его въ мое мѣсто, и Государства подъ нимъ не подыскивай; а учнешь подыскивать, или съ кѣмъ нибудь ссылатися на его лихо, тайно или явно... ино по Евангельскому словеси: *аще кто не чтитъ отца или матерь, смертію да умретъ.* А кто сію мою душевную грамоту порушитъ, тому судитъ Богъ, и не буди на немъ мое благословеніе.

**КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ IX ТОМА.**

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КЪ X ТОМУ

# ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Тацитъ.

(2) «Іоаннъ» — говоритъ Петрей, стр. 256 — часто укорялъ Θеодора тѣмъ, что онъ созданъ быть звонаремъ, а не Царемъ» (daß er eines Glöckners Sohne gleicher wäre, als eines Großfürsten): ибо Θеодоръ любилъ звонить въ колокола, пріученный къ тому самимъ отцемъ: см. Т. IX, стр. 51. — Въ *Написаніи о Царехъ Московскихъ (Русск. Достопамят.* 173); «о мірскихъ же ни о чемъ (Θеодоръ) попеченіе имѣя.» Патріархъ Іовъ въ своей *Повѣсти* (см. *Никон. Лѣт.* VII, 319): «Аще бо и безчисленными изрядными и многоцѣнными красными вѣка сего обимаемъ бѣ, но ни о единомъ же ихъ прилѣжнѣ внимая . . . но Богу повсегда умъ свой вперяше . . . тѣло же убо свое повсегда удручаше церковными пѣніи, и дневными правилы, и всенощными бдѣніи, и воздержаніемъ и постомъ.» Въ *Морозов. Лѣт.*: «не радѣ о земномъ мимоходящемъ царствіи.»

(3) См. *Написаніе о Царехъ*, въ *Русск. Достоп.* 173. Въ Флетчерѣ С. W, 110: of a meane stature, somewhat lowe and grosse, of a sallowe complexion and inclining to the dropsie (Θеодоръ склоненъ къ водяной болѣзни), hawke nosed (у него ястребиный носъ), unsteady in his pase by reason of some weakenes of his lims, heavie and unactive, yet commonly smiling almost to a laughter. Въ Москов. Архангельскомъ Соборѣ, надъ гробницею Θеодора, видимъ его изображеніе.

(4) Въ *Морозов. Лѣт.* (и во многихъ другихъ): «Умилосердися Господь Богъ на люди своя, и возвеличи Царя и люди, и повелѣ ему державствовати тихо и безмятежно . . . и дарова всякое изобиліе и немятежное на землѣ Русской пребываніе, и цвѣтяше и возрасташе веліею славою. Начальницы же Москов. Государства, Князи и Боляре, и Воеводы и все православное Христіанство *начаша отъ скорби бывшія утѣшатися*, и тихо и безмятежно жити, хваляще всещедраго Бога за дарованное благодѣяніе его.»

(5) См. Т. IX, стр. 256. Отецъ К. Ив. Мстиславскаго былъ женатъ на племянницѣ Вел. Князя Василія Іоан., Анастасіи, дочери Царевича Петра. — О человѣколюбіи Никиты Романов. см. Т. IX, стр. 133.

(6) Въ *Никон. Лѣт.*: «По преставленіи Царя» (въ Розрядн. Кн.: за три часа до вечера) «тое жъ нощи Б. Θ. Годуновъ съ совѣтники возложи измѣну на Нагихъ . . . и иныхъ многихъ поимаху, коихъ жаловалъ Царь Иванъ, и разосlаша по городамъ и по темницамъ, а иныхъ за приставы, и домы ихъ разориша.» Горсей въ Гаклуйт. *Navig.* 525: there was some tumult and uprore among some the nobilitie and cominaltie, which notwithstanding was quickly pacified.

(7) См. Горс. Coronation of Phed. Ivan. въ Гаклуйт. 526. Тамъ сказано: to see, what speede and policie was in this case used, was a thing worth the beholding.

(8) См. тамъ же, и *Собр. Государствен. Граммотъ* II, 72. Горсей ставитъ число: the 4 of May a parliament was held, wherein were assembled the Metropolitane, Archbishops, Bishops, Priors, and chiefe clergiemen, and all the nobility whatsoever (вѣроятно, люди воинскіе, приказные и купеческіе). Въ *Никон. Лѣт.*: «придоша къ Москвѣ изо всѣхъ городовъ и молили со слезами Царевича Θед. Ив., чтобы не мешкалъ, сѣлъ на Государство и вѣнчался Царскимъ вѣнцомъ.»

(9) Въ *Морозов. Лѣт.*: «И лобызавъ его (Θеодоръ Димитрія) . . . и вельми прослезився . . . и послахъ съ матерію на Угличь, и съ нею родъ ея, Нагихъ: отца ея Θеодора, Аθанасья, да Андрея, да Семена Нагихъ, и до Углича провожати его (Димитрія) Бояръ своихъ, изъ Царскаго Двора Стольниковъ и Стряпчихъ, и Дворянъ Московскихъ, и Жильцовъ 200 человѣкъ, и для обереганія и ради Царскія чести четыре Приказа Стрѣльцовъ, Московскихъ Приказъ, Приказъ конныхъ, два Приказа пѣшихъ» Горсей въ Гаклуйт. Navig. 526: sent with her father Ph. Ph. Nagay et that kindred, being 5 brothers, with officers of all sortes appointed, having allowance of apparell, iewels, diet, horse etc.

(10) См. *Никон. Лѣт.* и другія. Въ Латухин. Степен. Кн.: «Діаволъ вложи мнѣніе въ народѣ, яко Бѣльской со своими совѣтники извелъ Царя І. В . . . и Царство Московское прочитъ совѣтнику своему, Борису Годунову: начальницы же, глаголютъ, тому по заводу Шуйскихъ Бояръ были Рязанцы Ляпуновы и Кикины.» Сей мятежъ былъ еще до коронаціи Θеодоровой, при Англ. Послѣ Баусѣ (см. Гаклуйт. Navig. 521) около 10 Мая (см. Дѣла Англ. No 1, л. 232). Умалчиваю о несправедливыхъ сказаніяхъ Одерборна и Петрея. Гейденшт. (Rerum Polon. 225) разсказываетъ басню, что Московскіе Бояре въ Думѣ, въ присутствіи Литовскаго Посла Сапѣги, бранились съ Бѣльскимъ, обнажили *сабли* и человѣкъ двадцать изрубили. Сапѣга не бывалъ въ Думѣ, имѣвъ переговоры единственно съ Дьякомъ Щелкаловымъ и съ нѣкоторыми ея Членами особенно (см. ниже).

(11) См. Бауса въ Гаклуйт. Navig. 521.

(12) См. Розрядн. Кн. сего и слѣдующихъ годовъ. Въ 1591 г. Бѣльскій уже опять находился въ столицѣ, и называется снова *Оружничимъ*, въ росписи сановниковъ при защитѣ Москвы отъ Хана.

(13) Баусъ въ Гаклуйт. Navig. 521. Въ разныхъ лѣтописяхъ сказано, что Борисъ умеръ пятидесяти-трехъ лѣтъ: Горсей считалъ его годами тремя старѣе. Въ *Морозов. Лѣт.*: «Бысть бо вышереченный Борисъ Θедоровичь одаренъ отъ Бога возрастомъ и человѣчествомъ и умомъ *паче всѣхъ человѣкъ*: образомъ своимъ и дѣлы множество людей превосшедъ, и никто же бѣ ему отъ Царскаго Сигклита подобенъ во благолѣпіи лица его и въ разсужденіи ума его, и велерѣчивъ зѣло, и многое дивное о себѣ творяше во дни власти своея... Но врагъ свою злобу въ немъ положи, лукавство и властолюбіе: Богъ убо человѣка устрояетъ на добро, а врагъ поощряетъ на зло — а сей Борисъ не уклонися на добродѣтель, но уклонися на лукавство, и на вражіе коварство умъ свой изострилъ.»

(14) Въ Горсеев. Coronation of Ph. 526: the time of mourning being expired, called *Sorachyn* (сорочины), the day of the solemnizing of this coronation was come, being upon the 10 day of June, Sunday (по нашему Стилю 31 Мая: см. Дѣла Польск. No 15, л. 101). Въ *Ядрѣ Росс. Исторіи* замедленіе коронаціи приписано мятежу народа Московскаго.

(15) См. Одерборна.

(16) См. Латухина Степен. Кн. и другія Лѣтописи, Горсея, Одерборна, и въ *Собр. Госуд. Граммотъ* II, 72, гдѣ въ описаніи Θеодорова вѣнчанія сказано: «Посреди Соборныя церкви уготоваютъ *Царскій чертогъ*, у него же 12 степеней, и облекутъ его все червленымъ червцемъ, и отъ того мѣста постилаютъ червчатъ поставъ до Царскихъ дверей, и поставляютъ налой съ паволокою близъ

***Примѣчанія къ X тому.***

овыхъ, вельми украшенъ, на немъ же стояти животворящ. кресту и Царскому сану; и на чертожномъ мѣстѣ учинять два стула, Царю да Митрополиту, и отъ того мѣста поставляютъ по обою страну двѣ великія скамьи съ драгими полавочники до налоя, гдѣ стояти Священ. Собору. Потомъ уготоваютъ Царское мѣсто на десной странѣ, и отъ того мѣста постилаютъ черчатъ поставъ до Царск. дверей, а сверхъ постава бархаты черчаты... И приходитъ Митрополитъ въ Соборную церковь... Тогда Царь, пріимъ Св. крестъ и свой Царскій санъ на златомъ блюдѣ, съ златою паволокою, на ней же саженъ крестъ съ бисеромъ, дастъ Отцу Духовному, Протопопу Елевферію Благовѣщенскому; онъ же поставляетъ у себя на верхъ главы; да съ нимъ же отпускаетъ съ Царскимъ скипетромъ Конюшего своего» (т. е. будущаго: см. Горсея въ Гакл. Navig.) «да двухъ Казначеевъ, да двухъ Дьяковъ... И во вся колокола звонятъ... и прійдутъ къ южнымъ вратомъ Соборной церкви; и Митрополитъ и вси Святители срѣтаютъ у вратъ, и Архидіаконъ кадитъ. Протопопъ снимаетъ съ главы крестъ и санъ, и держитъ на рукахъ, и два Архіепископа пріимаютъ ихъ и приносятъ къ Митрополиту, и Митрополитъ шедъ поставляетъ на налой среди церкви... и кадитъ крестообразно... и цѣлуетъ образъ Спасовъ на той Св. бармѣ, и Царскій вѣнецъ: скипетръ же поставляетъ у налоя... а около налоя предстоятъ Вельможи посланные и берегутъ», чтобы никто отъ простыхъ людей не прикоснулся того сана и вѣнца. И тогда Царь исходитъ изъ своихъ полатъ... предъ нимъ Духовникъ его со крестомъ со Святою водою, да кропитъ крестообразно до церкви; а за Царемъ Бояре и Вельможи... и всенародное множество... По обоимъ странамъ Окольничіе и прочіе чиновники... И егда внидетъ Царь въ церковь, Дьяки поютъ многолѣтіе... Идетъ Царь молитися и знаменатися къ Св. иконамъ, и къ Митрополиту благословитися... и отходитъ на свое мѣсто. Митрополитъ же стоитъ у своего мѣста, у крилоса, съ Освящ. Соборомъ... и поютъ молебенъ Богородицѣ и Чудотворцу Петру. Тогда Окольничіе и прочіе чиновники ходятъ по всей церкви и уставляютъ народъ, чтобы стояли съ молчаніемъ и цѣломудріемъ... Митрополитъ посылаетъ Архимандрита, да Игумена, да двухъ Ключарей, да двухъ Діаконовъ по всей же церкви говорити, чтобы всѣ стояли со страхомъ и молили Господа за Царя... И по совершеніи молебна пойдутъ Царь и Митрополитъ на уготованное мѣсто и сядутъ... Святители по своимъ мѣстомъ; а за Царемъ съ десные страны стоятъ Бояре... Бываетъ же тогда великое молчаніе... И Царь и Митрополитъ, посѣдѣвъ мало, встанутъ, и Царь говоритъ рѣчь... *Отецъ нашъ, оставль земное царство, меня при себѣ еще и послѣ себя благословилъ Вел. Княжествомъ Владимірскимъ и Московскимъ... и велѣлъ мнѣ помазатися и вѣнчатися, и именоватися въ титлѣ Царемъ, по древнему нашему чину; да о томъ и въ духовной написалъ.*» Слѣдуетъ рѣчь Митрополита. Далѣе: «И потомъ Митрополитъ велитъ двумъ Архимандритомъ да Игуменомъ большимъ принести крестъ на златомъ блюдѣ... и Архіеп. и два Епископа у нихъ возьмутъ крестъ, да приносятъ къ Митрополиту, и онъ покланяется трижды кресту, и поцѣловавъ, да благословитъ Царя... и возлагаетъ ему на выю... Малая ектенія... и Митрополитъ возложитъ на верхъ главы Царя руку и глаголетъ: *Господи! услыши молитву нашу и виждь отъ Св. жилища Твоего благовѣрнаго раба Своего, Царя и В. К. Ѳеодора*... И посылаетъ двухъ же Архимандритовъ по бармы... и Митрополитъ покланяется имъ и цѣлуетъ ихъ, и повелѣваетъ Царю, перекрестився, ихъ цѣловати, и возлагаетъ на него» (слѣдуетъ новая молитва)... «И Митрополитъ посылаетъ осьмь Архимандритовъ и Игуменовъ по Царскій вѣнецъ... и Архіепископы со всѣми Епископы» (взявъ отъ Архимандритовъ) «принесутъ къ Митрополиту, и Митрополитъ, перекрестивъ рукою, цѣлуетъ и благословитъ Царя, глаголя: *во имя Отца и Сына и Св. Духа*, и возлагаетъ на него... и пріимъ за десную руку, поставляетъ его на Царскомъ мѣстѣ. И Царь противъ Митрополита поклонъ творитъ, мало скрывъ Царскаго вѣнца» (т. е. не много приподнявъ)... И посылаетъ Митроп. по скипетръ.... да перекреститъ и вдаетъ его Царю, глаголя: *блюди и храни его, елика твоя сила.* Царь же покланяется, не снимая вѣнца. И потомъ Архіепископы и Епископы, вшедъ на Царское мѣсто, да благословятъ Царя, и отшедъ покланяются ему. Царь же малъ поклонъ творитъ, не снимая вѣнца. И Митрополитъ, пріимъ его за десную руку, посадитъ на мѣстѣ, и садетъ на своемъ... и посѣдѣвъ мало, встанутъ, и Архидіаконъ начнетъ ектенію... Митрополитъ глаголетъ молитву (Богоматери)... И по молитвѣ сядутъ... И Архидіаконъ взыдетъ на амвонъ и глаголетъ велегласно многолѣтіе Царю... и поютъ ему многолѣтіе... И Митрополитъ, вставъ, призываетъ весь Освящ. Соборъ, и покланяются и поздравятъ Царя... И потомъ Бояре и вси люди... и поучаетъ Митрополитъ Царя о полезныхъ... *Сохрани Вѣру Греческаго Закона чисту и непоколебиму... люби милость и судъ правый... ко всѣмъ святымъ церквамъ имѣй вѣру... и ко святымъ монастырямъ... и къ нашему смиренію и ко всѣмъ своимъ богомольцамъ духовное повиновеніе... кто честь воздаетъ Святителю, та честь самому Христу восходитъ... Братію свою по плоти люби и почитай... Бояръ же и Вельможъ жалуй и береги по ихъ отечеству; ко всѣмъ же Княземъ и Княжатамъ, и Дѣтемъ Боярскимъ и ко всему воинству буди приступенъ, и привѣтенъ; всѣхъ же Христіанъ блюди и жалуй... за обидимыхъ стой Царски и мужески, по вашему исконному Царскому жребію и отечеству... Васъ бо Господь въ Себе мѣсто избра на земли, и на Свой престолъ вознесъ, милость и животъ положи у васъ... Вамъ подобаетъ, пріемше правленіе человѣческаго рода отъ Вышняго, не токмо о своихъ пещися, и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати, и боятися серпа небеснаго... Яко же бо солнцу на земли не сущу, темно есть все и неразсудно, сице и наказанію въ души не сущу, размѣшено все... Едина бо точію добродѣтель безсмертна... Языка лстива и слуха суетна не пріемли, ниже оболгателя слушай, ни злымъ вѣры емли... Любомудру ти быти подобаетъ, или мудрымъ послѣдовати, на нихъ же яко на престолѣ Богъ почиваетъ. Не тако красная міра вся, яко же добродѣтель краситъ Царя... раздавай саны туне, а не на дарѣхъ: еже бо цѣною купивый власть, мздовозданію надѣяся, ко мздопріятію безъ боязни зритъ. Аще бо и неприступенъ еси нижняго ради царства, но удобьприступенъ буди горняя ради власти... Аще хощеши милостива имѣти себѣ небеснаго Царя, милостивъ буди и ты...* И благословляетъ Царя крестомъ, и паки глаголетъ: *буди на тебѣ милость Божія... и на Царицѣ Иринѣ, и на вашихъ чадѣхъ... и узриши сыны сыновъ твоихъ и устроитъ Господь Царство твое мирно и вѣчно, въ родъ и родъ и на вѣки.* И вси людіе рекутъ: *будетъ и будетъ многолѣтно!*... И Царь пойдетъ на свое мѣсто, и начинаютъ Литургію.

И Митрополитъ посылаетъ съ Архидіакономъ къ Царю Св. Евангеліе, и Царь, снемъ съ себя вѣнецъ, цѣлуетъ Евангеліе, и егда Архидіаконъ начинаетъ чести оное, Царь поставляетъ вѣнецъ на златомъ блюдѣ; и егда прочтетъ, да приноситъ паки къ Царю: Царь цѣлуетъ и покланяется, и паки вѣнецъ на главу возлагаетъ. И егда на Херувимской пѣсни выходъ творятъ, онъ поставляетъ вѣнецъ на златомъ блюдѣ, и поклоняется трижды до земли, и паки возлагаетъ вѣнецъ. И послѣ Митрополитъ, пріимъ свѣщу, въ Царскихъ дверехъ осѣняетъ крестообразно; и приходитъ Царь, и Митроп. благословляетъ его крестомъ и возлагаетъ на него цѣпь злату, Аравійскаго злата, что прислалъ Константинъ Мономахъ съ бармами . . . И отходитъ Царь на свое мѣсто. И егда речетъ Святитель: *Изрядно!* тогда Царь паки снимаетъ вѣнецъ и поклоняется трижды до земли . . . И егда Митрополитъ причастится Божественнымъ Тайнамъ, и повелѣваетъ отверзти Царскіе двери, и постилаютъ коверъ новъ предъ дверми, и на него возлагаютъ покровъ новъ отъ бархата червчата, и отъ него постилаютъ бархаты и камки до самаго Царя. И Митроп. посылаетъ Архидіакона и Протодіакона звати Царя на помазаніе и ко причастію; они же исходятъ Сѣверскими дверми и идутъ по десной странѣ уготованнаго Царскаго пути, и поклоняются Царю ниже пояса . . . и отходятъ. И Царь пойдетъ . . . и никто же дерзнетъ съ своихъ мѣстъ преступати . . . И егда Царь пріидетъ къ Царскимъ дверемъ, и Митрополитъ станетъ въ нихъ, и принесутъ ему Святители великое муро . . . и Царь отдаетъ скипетръ держати сроднику своему, и сниметъ съ главы вѣнецъ, и поставляетъ на златомъ блюдѣ, и велитъ держати сродичемъ своимъ или двумъ большимъ Стратигомъ . . . И Митроп. помазуетъ его, на челѣ и на обою ушію, и на персехъ, и на плещу, и на обою руку на дланяхъ, и отъ другую страну... и пріемлетъ *вамбакъ* (губку) чистъ и отрыетъ святая она помазанія, да нѣкако что на землю падетъ, и сожизаетъ его въ мѣстѣ сокровеннѣ во олтари . . . и абіе причащаетъ его. И тогда Царь вѣнецъ возлагаетъ на главу и пріемлетъ скипетръ въ десную руку, и отходитъ радуяся на свое мѣсто; и имѣетъ у себя ручникъ платенъ чистъ, и симъ обрысоватся, сирѣчь утирается, или ястъ или піетъ: не омывати же его никако до осмаго дне; въ осьмый же день, окупався, налагаетъ другая одѣянія; первое жь, въ немъ же бѣ, испираетъ, сирѣчь омываетъ въ рѣцѣ со всякимъ страхомъ, яко да ничто отъ сихъ попираемо будетъ ногами. Митрополитъ же, совершивъ Литургію, станетъ въ Царскихъ дверехъ, и Царь пріемлетъ отъ него Св. дору и отходитъ. И егда Митроп. отпустъ сотворитъ, и тогда исходитъ изъ олтаря со всѣмъ Соборомъ и пойдетъ одинъ Царскимъ путемъ съ просфирою къ Царю; прочіе же Святители по обѣ страны грядутъ . . . и поздравляютъ Царя. Царь же, пріимъ просфиру, зоветъ ихъ хлѣба ясти. . . И Митрополитъ благословляетъ его крестомъ... и Царь идетъ въ вѣнцѣ и въ бармахъ южными дверми къ церкви Архистратига . . . и на мосту, отъ площади, осыпати его златыми денгами и серебряными трижды сроднику его или Вельможѣ нѣкоему. . . Путь же весь постланъ червчатыми поставы. А за Царемъ идутъ Бояре и Князи . . . и многое множество . . . И въ церкви Архангела ектенія, и благословится Царь отъ Протопопа крестомъ, и знаменуется у иконъ и прикладывается у гробовъ Великихъ Князей, не снимая вѣнца . . . и въ дверехъ его осыпати денгами... и Царь идетъ къ Благовѣщенію... и какъ ступитъ отъ Благовѣщенія на площадь и придетъ къ средней лѣствицѣ, и тутъ осыпати его денгами. . . и въ свои палаты отходитъ. . . И тогда въ Соборной церкви Царскій постланный оный путь поднимаютъ на то уготованныи чиновники . . . и Царское мѣсто весь народъ обдираетъ, кождо что возметъ на честь Царскаго поставленія, опроче постланныхъ бархатовъ и камокъ, понеже бархаты и камки прежъ того съ Царскими Святительскими мѣсты поднимаются — и потомъ вси Царстѣй трапезѣ пріемни бываютъ: пиру жь зѣло честну и велику сотворяему новымъ Царемъ . . . нищіи же паче довольно учреждаеми бываютъ.»

(17) Въ Горсеев. Coronation въ Гаклуйт. 527: His staffe imperiall in his right hand of an unicornes horne (единорога; но симъ имянемъ называется особенный родъ китовъ). Сей скипетръ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, былъ длиною въ $3^1/_2$ фута, купленъ Іоанномъ въ 1581 году у купцевъ Аугсбургскихъ за 7000 фунтовъ стерлинговъ (markes sterling), а ими у Горсея, который сказываетъ, что одежда Ѳеодорова вѣсила не менѣе двухъ сотъ фунтовъ; что 6 Князей держали хвостъ мантіи Царской, а Дм. Ив. Годуновъ, Никита Романовичь, Степанъ, Григорій и Иванъ Васильевичи Годуновы *шесть коронъ*: какихъ же?

(18) Горсей пишетъ (въ Гаклуйтѣ 527), что одежда и древняя конская збруя Князя Ив. Мих. Глинскаго стоили 100,000 фунтовъ стерлинговъ: whose (Глинскаго) robe, horse and furniture was in register found worth one hundred thousand markes sterling, being of great antiquitie.

(19) Тамъ же: the Empresse, being in her pallace, was placed in her chaire of Maiesty (на тронѣ?) also before a great open window: most precious and rich were her robes and shining to behold, with rich stones and orient pearle beset; her *crowne* was placed upon her head, и проч.

(20) См. тамъ же, стр. 528. Стрѣльцевъ было 20,000, а всадниковъ 50,000 (and so the Emperor accompanied with all his princes and nobles, at the least 50 thousand horse departed through the city to his pallace).

(21) Горсей (тамъ же, стр. 528) разсказываетъ, что вмѣстѣ съ нимъ былъ у Царя славный Нидерландскій купецъ, John de Wale (см. Т. IX, примѣч. 842), коего хотѣли вести перваго къ трону; но Горсей спорилъ, не уступая ему сей чести, и Ѳеодоръ принялъ де-Валя уже послѣ Англійскихъ купцевъ.

(22) См. тамъ же, стр. 529, и Т. IX, 256.

(23) Послѣ Іоанна остались Бояре: 1) К. Ив. Ѳед. Мстиславскій; 2) Никита Роман. Юрьевъ-Захарьинъ; 3) К. Ѳед. Мих. Трубецкій; 4) Богданъ Юр. Сабуровъ; 5) К. Ѳед. Ив. Мстиславскій; 6) К. Вас. Ѳед. Скопинъ Шуйскій; 7) К. Вас. Юр. Голицынъ; 8) К. Ив. Петр. Шуйскій; 9) Дм. Ив. Годуновъ; 10) Борисъ Ѳед. Годуновъ; 11) К. Петръ Ив. Татевъ. Ѳеодоромъ пожалованы въ Бояре: 1) К. Григ. Андр. Куракинъ; 2) Степ. Вас. Годуновъ; 3) Ѳед. Вас. Шереметевъ; 4) К. Дм. Ив. Хворостининъ; 5) Дворецкій Григ. Вас. Годуновъ; 6) К. Вас. Ив Шуйскій; 7) Ив. Вас. Годуновъ; 8) К. Никита Ром. Трубецкій; 9) К. Андрей Ив. Шуйскій; 10) К. Ѳед. Дм. Шестуновъ; 11) К. Андрей Петр. Куракинъ.

Вотъ родство Годуновыхъ:

Григорій

Петръ — Иванъ

Василій — Ѳедоръ — Дмитрій

Степанъ, Григорій, Иванъ. Борисъ, Ирина.

О награжденіи К. Ив. Петр. Шуйскаго см. ниже, въ примѣч. 148.

(24) Въ Дѣлахъ Англ. No 1, л. 349 (въ грамотѣ Ближняго Дьяка Андр. Щелкалова къ Елисаветинымъ Министрамъ): «къ *Великому* Боярину и къ Конюшему и Намѣстнику Казанскому Борису Ѳед. Годунову.» Въ другихъ грамотахъ онъ называется *Ближнимъ* Бояриномъ. См. также Горсея въ Гаклуйт. 527.

(25) Флетчеръ (Of the Russe Common-Wealth 28): Годуновъ имѣетъ ежегоднаго доходу съ своихъ вотчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ 6000 рублей, отъ Конюшенныхъ слободъ, луговъ и пчельниковъ Москвы-рѣки (вверхъ на 30, внизъ на 40 верстъ) 12,000 рублей или марокъ, жалованья отъ Царя 15,000 р., съ уѣзда и города Ваги (или Шенкурска) 32,000 р., съ Рязани и Сѣверы 30,000 р., съ Твери и Торжка 8000 р., съ Московскихъ бань 1500 р., кромѣ того, что даютъ ему помѣстья.» Горсей (въ Гакл. 528): «Область Важская ежегодно приноситъ Годунову тридцать пять тысячь марокъ (или рублей): что не составляетъ ни *пятой* части его дохода.»

(26) Горсей (въ Гакл. 528): he and his house be of such authoritie and power, that in 40 dayes warning they are able to bring into the fielde 100 thousand souldiers well furnished; т. е. въ сорокъ дней Годуновъ съ своими ближними могъ вывести въ поле 100 тысячь вооруженныхъ людей.

(27) Такъ обыкновенно именуетъ Бориса Патріархъ Іовъ (*Никон. Лѣт.* VII, 337, 340, 355); на примѣръ: «Царь повелѣ изрядному *Правителю* и своему шурину... Царь отпусти изряднаго своего *Правителя* Бор. Ѳед.... изрядный же *Правитель*, Бор. Ѳед.» И въ дѣлахъ Посольскихъ встрѣчается это имя. Горсей (въ Гакл. 527): Boris was made Lieutenant of the Empire. Петрей (Musskow. Chron. 256) разсказываетъ, что Бояре, зная Ѳеодорову слабость, въ общемъ совѣтѣ съ Царемъ избрали Годунова ему въ помощники; что Ѳеодоръ всталъ съ мѣста, надѣлъ золотую цѣпь на своего шурина и сказалъ: «Борисъ! съ сею цѣпію даю тебѣ санъ Правителя, желая, чтобы ты всю тягость власти снялъ съ моей шеи на свою, всѣ дѣла маловажныя рѣшилъ самъ, а въ важныхъ относился ко мнѣ, Царю и Помазаннику.» Золотую цѣпь Великокняжескую надѣлъ Ѳеодоръ на Бориса гораздо послѣ, какъ увидимъ. Шведъ Петрей (Petrus Petrejus) былъ нѣсколько разъ посыланъ въ Россію Карломъ IX во время Самозванцевъ и сообщаетъ весьма подробныя извѣстія о тогдашнихъ происшествіяхъ, называя себя очевидцемъ; но всѣ его любопытныя сказанія взяты имъ изъ рукописной *Московской Хроники* Мартина Бера (не Конрада Буссау, какъ пишетъ Кельхъ), уроженца Нейштатскаго, Пастора Лютеранской церкви въ Москвѣ при Годуновѣ и Лжедимитріи (см. P. Petrei Chron. 276). И такъ, ссылаясь на Петрея, мы ссылаемся на Бера, коего лѣтопись Нѣмецкую съ Латинскимъ заглавіемъ (Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Ioannis Basilidis Tyranni, omnium quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi an. Christi 1584 — 1612) получилъ я отъ Е. С. Графа Николая Петровича Румянцова.

(28) См. въ Гаклуйтѣ стр. 528.

(29) См. Т. VIII, 36, 66 и Гакл. 529. Горсей славитъ здѣсь мудрость Царицы Ирины.

(30) См. Т. IX, 246, *Никон. Лѣт.* VIII, 7, и Латухина Степен. Кн., гдѣ сказано: мудрымъ смысломъ Бориса Годунова.» Въ Іюлѣ 1584 былъ посланъ на Черемисскихъ мятежниковъ Окольничій К. Дм. Елецкій, а въ Окт К. Ив. Ноготковъ (см. Розрядн. Кн.). Въ Дѣлахъ Польск. No 15, л. 427: «Дальніе волости Луговые, которые поддались ко Сибири, учали было воровати, и Государь посылалъ Воеводъ, К. Дм. П. Елецкого съ товарищи, и воровъ перевѣшали, а въ большой волости, въ Тутаевѣ, отъ которой все воровство ставалось, городъ поставили.» Съ Розрядн. Книгахъ упоминается въ 1592 г. о бунтѣ двѣнадцати волостей въ землѣ Луговыхъ Черемиссовъ, для усмиренія коихъ посланы Воеводы Владим. Вас. Головинъ, Ѳед. Вас. Годуновъ и Петръ Вас. Головинъ.

(31) Въ *Строганов. Лѣт.*: «Въ лѣто 7094, послѣ Семенова дни» (въ 1585 г.) «посла Государь съ Москвы Воеводу Ив. Мансурова со многими воинскими людми, и той пришедъ на Туру рѣку, и ту срѣтоша великаго Атамана, Матвѣя Мещеряка.» *Ремезов. Лѣт.* сказываетъ, что у Мансурова было только 100 человѣкъ съ пушками; что онъ на Иртышѣ узналъ отъ Татаръ о бѣгствѣ Россіянъ изъ Сибири, и поплылъ къ Оби.

(32) См. Т. IX, 220.

(33) Въ *Есипов. Лѣт.*: «Въ лѣто 7093 (1585) присланы съ Москвы Воеводы Вас. Борис. Сукинъ да Иванъ Мясной, да Писменной Голова Данило Чулковъ, и построили на Турѣ градъ Тюмень и въ немъ церковь, идѣже у поганыхъ былъ градъ Чингій» (по *Ремезов. Лѣт.*, они имѣли не болѣе трехъ сотъ воиновъ и начали строить городъ 29 Іюля 1581). «Въ лѣто 7095 (1587) Данило Чулковъ съ Тюмени посланъ со многими ратными людми... и противъ Тобольскаго устья воздвигоша градъ Тоболескъ, и въ немъ церковь Живоначальныя Троицы» (или *Вознесенія*, какъ въ другомъ спискѣ). Въ *Строганов. Лѣт.*: «Государь прислалъ съ Москвы въ Сибирь Воеводу Дан. Чулкова со многими людми воинскими... Татарове же избѣгоша изъ града своего стольнаго Сибири... Рустіи же вои пріидоша и утвердиша градъ крѣпко, идѣже нынѣ именуется градъ Тоболескъ. Умысли же Сейдякъ съ Сибирскими людми собрати воинства множество и пришедъ войною подъ городокъ Тоболескъ... а Государевымъ Воеводамъ сказася, что пріиде для торгу, и людей своихъ поставилъ въ укрытѣ, и торговавше день, и наутріе пріиде приступомъ... и начаша Козаки стрѣляти, и на вылазку вышедше, многихъ побили, и самаго Князя Сейдяка жива яша ранена... Окаянніи же едва утекоша, и все свое богатство въ станѣхъ оставиша... И на семъ бою Атаманъ Мещерякъ убіенъ бысть,» и проч. — Мѣсто при устьѣ Иртыша, гдѣ находились сдѣланныя Мансуровымъ и Мещерякомъ укрѣпленія, донынѣ именуется *городищемъ;* по-Остяцки же *Рушъ-Вашъ*, т. е. *Русской-городъ* (см. Мил. С. И. 198).

(34) Въ *Есипов. Лѣт.*: «По поставленіи града Тобольска не по мнозѣхъ днехъ изыде изъ града Сибири К. Сейдякъ, да Казачей Орды Царевичь Салтанъ, да Думной Кучюма Царя Татаринъ Карача, съ ними же 500 человѣкъ, до мѣста, еже именуется *Княжій лугъ*, и начаша пущати ястребы за птицами. Данило же Чулковъ посла толмача и повелѣ говорити Сейдяку, чтобы пріѣхалъ въ Тобольскъ совѣтовати о мирномъ дѣлѣ... Сейдякъ же съ Царевичемъ Салтаномъ и съ Карачею взяша съ собою 100 Татаръ... и пріидоша къ Воеводѣ, и вси сѣдше за столъ, глаголаху много о мирномъ дѣлѣ. Сейдякъ же задумався, и не хотѣ ни пити, ни ясти. Воевода же рече ему: *что злѣ мыслиши на насъ, яко ни питія, ни брашна вкуся?* Сейдякъ же рече: *не мышлю никакова зла.* Воевода же пріемъ чашу съ виномъ и рече: *аще не мыслите, то выпейте про здравіе Государя нашего!* и Сейдякъ нача пити, и поперхнулся... и Салтанъ и Карача начаша пити, и такожде поперхнулись въ гортани: Богу бо обличающу ихъ зломысліе... и абіе поимани быша и связани. Татарове же въ городѣ вси побіени быша; стоящіе же внѣ города на бѣжаніе устреми-

шася и во градъ свой Сибирь не возвратишася; и оставши Агаряне въ градѣ такожде бѣжаша.» *Ремезов. Лѣт.* прибавляетъ, что Чулковъ немедленно, осенью 1588 года, отправилъ своихъ знатныхъ плѣнниковъ въ Москву.

(35) Въ грамотѣ Өеодоровой къ Кучюму 1587 г. (*Собр. Госуд. Грам.* II, 134): «а которые Нагайскіе Улусы, Тайбугинъ Юртъ, кочевали вмѣстѣ съ тобою, отъ тебя отстали.»

(36) См. *Ремезов. Лѣт.*, Мил. С. И. 224, и *Собр. Госуд. Грам.* II, 131.

(37) Въ грамотѣ Өеодоровой къ Кучюму (см. выше, примѣч. 35): «На твои прежніе грубости и неправды не смотря... буде похочешь быть при нашихъ Царскихъ очехъ, мы тебя пожалуемъ, устроити велимъ городы и волостьми и денежнымъ жалованьемъ, также какъ и иныхъ Царей и Царевичей жалуемъ, которые служатъ нашему Царск. Величеству; а будетъ, бывъ у насъ, похочешь быти на прежнемъ своемъ Юртѣ въ Сибири, и мы тебя пожалуемъ на Сибирскій Юртъ.»

(38) См. письмо Абдулъ-Хаирово къ отцу въ *Собр. Госуд. Гр.* II, 131.

(39) См. тамъ же, стр. 130. Въ письмѣ къ Воеводамъ города Тары Кучюмъ говоритъ: «Гости, которыхъ вы взяли, ѣхали ко мнѣ въ Послѣхъ... изъ тое Посольскіе рухледи одного юка конского прошу: *очи у меня были больны*, и съ тѣми Послы были зелья, да и роспись тѣмъ зельямъ — и язъ того прошу.» Абульгази, какъ мы сказали (Т. IX, примѣч. 679), называетъ Кучюма *слѣпымъ*.

Отъ 26 Іюня 1595 Царь писалъ къ Тарскому Воеводѣ, Князю Өед. Борис. Елецкому (см. Мил. С. И. 288): «Писалъ къ намъ Воевода К. Андрей Елецкой съ товарищи, что послали они про Кучюма провѣдывать около Великаго озера и вверхъ по Иртышу... Сказали, что Оялынскіе Татары на Вузюковѣ озерѣ ловятъ рыбу на Кучюма... и на пыткѣ сказали, какъ-де послышалъ Кучюмъ, что идутъ наши Воеводы вверхъ по Иртышу, и онъ-де прислалъ къ нимъ сына своего, Алея, и велѣлъ ихъ всѣхъ забрати къ себѣ, и Алей-де собралъ 150 человѣкъ и отвелъ вверхъ по Иртышу, на Черной островъ, и тутъ-де поставили городокъ... и зимуютъ... и посылаютъ рыбу къ Кучюму, а отъ него къ нимъ люди пріѣзжаютъ ежедень; а Кучюмъ стоитъ вверхъ по Иртышу межъ двухъ рѣчекъ, одернувся телегами, за Омь рѣкою, ходомъ днища съ два... И отпустилъ Князь Андрей 276 человѣкъ» (Козаковъ, Стрѣльцевъ и проч.) и они Черной городокъ взяли... а сидѣло въ городкѣ 200 Татаръ, да съ ними Кучюмовыхъ людей 20 человѣкъ.» — Въ другомъ письмѣ Государевомъ къ Тюменскому Воеводѣ, К. Григ. Ив. Долгорукому, отъ 26 Іюля того же года (Мил. С. И. 300): «Выѣхалъ въ новой городъ на Тару Чинъ-Мурза съ женою, да съ нимъ Маметкула Царевича мать, а людей съ нимъ 38 человѣкъ.»

(40) Въ наказѣ 1594 года Тарскимъ Воеводамъ (см. Мил. С. И. 262, 269): «И что будетъ полемъ отъ новаго города отъ Тарскаго на Уфу... Изъ Казани и съ *Уфы* послано полемъ въ Тобольской городъ.» Еще въ 1505 году упоминается о Князѣ *Уфимскомъ* (см. Т. VI, стр. 208), Вельможѣ Царя Казанскаго; но нынѣшняго *города Уфы* еще не было около 1574 года: см. Мил. *Сибир. Истор.* 80. Астраханскій Воевода К. Өед. Лобановъ-Ростовскій въ Сент. 1586 писалъ къ Царю (см. Дѣла Астрахан. въ Москов. Архивѣ Коллегіи Иностран. Дѣлъ): «Пишетъ, Государь, Урусъ Князь (Ногайскій), чтобъ твоимъ Государевымъ городомъ на *Уфѣ* и на *Самарѣ* впередъ не быти.» Въ семъ году, весною, начали строить ту и другую крѣпость: первую на *Бѣлой Воложкѣ*, вторую на рѣкѣ Самарѣ.

(41) См. Мил. *Сибир. Истор.* 226, 280, 311, 312.

(42) Тамъ же, стр. 239.

(43) См. тамъ же, стр. 240.

(44) Въ Дѣлахъ Польск. No 16, л. 27: «Ясаку положилъ (Государь) на Сибирское Царство, и на Конду Большую, и на Конду на меншую, и на Пелымское Государство, и на Туру рѣку, и на Иртышъ, и на Иргизское Государство, и на *Пѣгіе Колмаки*, и на Обь Великую, и на всѣ городки на Обскіе, на *девяносто на четыре городы*, съ году на годъ имати по пяти тысячь сороковъ соболей, по десяти тысячь лисицъ черныхъ, да по пяти сотъ тысячь бѣлки большіе Сибирскіе и Илетцкіе.» Такъ называемые *Пѣгіе Колмаки* (или Пѣгая Орда) жили въ Сургутскомъ Уѣздѣ (см. Мил. С. И. 326, 327).

(45) Въ Гаклуйтѣ стр. 521: The Chanceller Shalkan had now sent him (Баусу) word, that the English Emperor was dead. — Баусъ выѣхалъ изъ Москвы 30 Мая, на канунѣ Өеодоровой коронаціи.

(46) См. Дѣла Англ. No 1, л. 236.

(47) Приставъ Никиф. Сущовъ писалъ къ Государю изъ Колмогоръ: «Іюля 12 пришло къ Двинскому устью Англинскихъ 10 кораблей, и я Англ. Посла отпустилъ за море, и Дохтора Романа (Якоби) и Оптекаря Якова съ женою и съ дѣтми и съ тещею, и Елисеевскую (Бомелія) жену Анну и съ дѣтьми и съ ихъ людми.»

Романъ Бекманъ поѣхалъ изъ Москвы сухимъ путемъ въ Англію, черезъ Литву, въ Дек. 1584, а возвратился 18 Сент. 1585 (см. Дѣла Англ. No 1, 267).

(48) Тамъ же, л. 271: «Мы тебѣ хотимъ дружно учинити, и извѣщаемъ, чтобъ прироженные твои подданные ѣздили со всякими товары въ наше Государство торговати, а о томъ имъ вели заказать, чтобъ торговые люди иныхъ земель товаровъ ихъ съ собою не привозили за свои товары, и слуги бъ съ ними были такожъ твоего Государства, а не иные земли... а о томъ просимъ, штобъ никому нашее земли людемъ, опричь тѣхъ, съ кѣмъ будетъ наша грамота, не велѣлъ въ своихъ Государствахъ торговати.»

(49) Горсей пишетъ: J. Horsey, remayning as servant in Russia for the Queenes most excellent Maiestie (въ Гакл. 528); въ нашихъ Статейныхъ Спискахъ онъ именуется *гостемъ Еремѣемъ Ульяновымъ Горшіемъ*.

(50) Юмъ: So much juster notions of commerce were entertained by this *barbarian*, than appear in the conduct of the renowned Queen Elisabeth! *Hist. of Engl.*, appendix III.

(51) Горсей возвратился къ Царю 15 Іюля 1586. Слова Елисаветы въ ея письмѣ (л. 303): «А то мѣсто, гдѣ (Бекманъ) передъ нами былъ, есть мѣсто честное, блиско нашей полаты, а тамъ никого не пускаютъ, только великихъ и любительныхъ слугъ для чти, и *въ томъ огородѣ нѣтъ ни луку ни чесноку*, какъ Бекманъ сказывалъ неправду.» О Баусѣ (л. 300): «Посолъ нашъ Еремей, будучи онъ Рыцарского стану, бывалъ изъ давныхъ лѣтъ въ *Ейрупѣ* (Европѣ) у Королей, всегды съ мечемъ къ нимъ хаживалъ; а какъ къ тебѣ пріѣхалъ, и его не допустили на очи твои, нольны у него прежъ мечь отняли... и то намъ стало въ великую кручину.»

(52) Тамъ же, л. 308, 310. Елисавета называетъ Годунова: our most deare and loving cousin. Къ Иринѣ: «Часто слышимъ о вашей мудрости и чти, такъ какъ годно дѣлати Великой Княгинѣ, и та слава разошлася по многимъ Государствамъ; а сверхъ того честной мужъ Яковъ Дохторъ, лекарь нашъ,

намъ о томъ всегда извѣщалъ, чтобъ мы Ваше Пресвѣтлѣйшество прямымъ сердечнымъ умышленьемъ любили... Женскіе болѣзни всякіе знаетъ, и родильные болѣзни всякіе легчитъ; а насъ въ нашихъ болѣзнехъ тотъ же Яковъ лечилъ.»

(53) Тамъ же, л. 312 — 319: «Повольили имъ (Царь гостямъ Англійскимъ) «торговати повольною торговлею, и пошлинъ съ ихъ товаровъ, таможные пошлины и замытные, и славные, и проѣзжіе, и судовые, и съ головъ, и мостовщины, и перевозовъ, имати есмя не велѣли. Только чужихъ товаровъ имъ съ собою въ наше Государство не имати и нашимъ людемъ отъ нихъ ихъ товары не торговати, и закладней за собою имъ не держати нашихъ людей, и закупней своихъ по городомъ не посылати... Товаръ на товаръ мѣняютъ и продаютъ мѣстнымъ дѣломъ, а нарозно, и въ розвѣсъ и въ аршинъ, на своемъ дворѣ ни продаютъ, ни мѣняютъ: продаютъ сукна кипами и поставы, а камки и бархаты поставцы, а вѣсчей товаръ въ развѣсъ въ золотники не продаютъ; а вино Фряское продаютъ куфами, а въ ведра и въ стопы и въ чарки не продаютъ... И коли Англинскіе купцы похотятъ ѣхати въ иные Государства или въ свою землю, и имъ наша бологодѣть отъ нашіе казны съ собою имати, и продавати и мѣняти на товары, которые нашему Государству потребны, и въ нашу казну отдавати... А какъ Англ. гости съ Москвы поѣдутъ, и они явятся въ Посольскомъ Приказѣ Діаку нашему, Андрею Щелкалову. А придетъ имъ на морѣ которое изнеможенье, розобьетъ корабль ихъ и принесетъ къ которому мѣсту нашея земли, и мы животы ихъ велимъ сыскати въ правду и отдати имъ... а не будетъ въ то время Англинскихъ людей въ нашей землѣ, и мы, тѣ животы собравъ, велимъ положити въ одномъ мѣстѣ... И они живутъ по старинѣ (въ Москвѣ) на дворѣ своемъ у Св. Максима за торгомъ, а держатъ одново дворника Русина или своего Нѣмчина, а иныхъ Русскихъ людей не держать. Да у нихъ же дворъ въ Ярославлѣ, дворъ на Вологдѣ, дворъ на Колмогорахъ, да дворъ у пристанища морскова... и товары свои на тѣхъ дворѣхъ кладутъ... Также есмя ихъ пожаловали, двора ихъ съ морскова пристанища, съ Пудожерскова устья, *къ новому Архангельскому городу*, къ морскому пристанищу, переносити не велѣли, а приставати имъ по прежнему съ своими товары на тотъ свой дворъ... и Русскими товары нагруживати корабли подъ тѣмъ своимъ дворомъ; только у нихъ имати вашимъ Колмогорскимъ приказнымъ людемъ ихъ товаромъ росписи за ихъ руками... а товаровъ не пересматриваютъ... А коли имъ (Англичанамъ) послати своихъ людей изъ нашего Государства, ино грамоты проѣзжіе даютъ имъ въ Посольскомъ Приказѣ; а кому будетъ до нихъ дѣло, ино ихъ судятъ наши Казначеи и Посольской Дьякъ... а чего сыскъ не иметь, и присуживаютъ имъ въ томъ вѣру съ жеребья... Въ лѣто 7095, м. Генв. въ 1 день.»

(54) Въ грамотѣ Ѳеодоровой къ Елисаветѣ (л. 328); «И тое *Божью дорогу, Окіянъ-море*, какъ мочно переняти, и унять, и затворить?» — Въ письмѣ Годунова (л. 330 и далѣе): «А въ грамотѣ своей писала еси ко мнѣ многіе свои жаловальные слова и любительные, насъ называючи себѣ кровнымъ любительнымъ пріятелемъ... И Государь нашъ для тебя, сестры своей, *и для нашего печалованья* твоихъ подданныхъ пожаловалъ свыше прежняго... А язь объ нихъ впередъ буду Государю своему за все печаловатись и держати ихъ подъ своею рукою... и славити передъ своимъ Государемъ и передъ своею Государынею, Царицею и Вел. Княгинею Ириною, твои къ себѣ милость и ласку.»

(55) Въ Дѣлахъ Англ. 349: «Его Ц. Величества *Ближняго* Діака отъ Ондрея Яковлича Щелкалова Елисаветъ Королевны... приказнымъ людемъ: Томосу Брумлею Канцлеру, Ульяну Бурлею» (William Burghley) «Ондрею Князю Дарбійскому (Henry Lord of Darby) «Амбросу Дудлею, Роберту Князю Лестерскому, Князю Карлусу Хаурду» (Lord Ch. Howard) «Князю Ондрею Гуздунскому» (Henry Earl of Hundsdon) и проч. и проч.... «Вы къ такому къ великому человѣку, къ Государя нашего шурину... писали въ своей грамотѣ многіе непригожіе дѣла... и такому великому человѣку противъ того вашего письма писати было не пригоже,» и проч.

(56) См. выше, примѣч. 55.

(57) См. Дѣла Польск. No 15, л. 1 и слѣд. Ѳеодоръ 12 Апр. 1584 отправилъ чиновника Андр. Яков. Измайлова къ Баторію съ извѣстіемъ о своемъ воцареніи.

(58) Тамъ же, л. 209: «А Царь сидѣлъ въ столовой избѣ въ Царскомъ платьѣ съ скифетромъ и съ Царскимъ яблокомъ; а при Государѣ были въ избѣ Бояре и Окольничіе и Дворяне Большіе въ золотномъ платьѣ; а Рынды въ бѣломъ и въ золотыхъ чепяхъ: К. Алекс. Ивановичь Шуйской, да К. Ондрей Ондр. Телятевской, Ѳедоръ да Иванъ Вас. Головины; а у Государева мѣста, выше Рындъ, стоялъ Борисъ Ѳед. Годуновъ, а возлѣ Рындъ Дьякъ Ондрей Щелкаловъ.» Сапѣга выѣхалъ изъ Москвы 28 Іюля. Съ извѣстіемъ объ освобожденіи всѣхъ Литов. военноплѣнныхъ Царь послалъ къ Стефану Дворянина Ислѣньева, который возвратился въ Августѣ. Стефанъ благодарилъ, обѣщаясь дать свободу и нашимъ плѣнникамъ, кромѣ Воеводъ и *лучшихъ* Дѣтей Боярскихъ, за коихъ требовалъ окупа. К. Троекуровъ и Мих. Андр. Безнинъ съ Дьякомъ Ѳомою Петелинымъ выѣхали изъ Москвы 22 Ноября.

(59) Никита Романовичь умеръ въ 1585 г. по списку Боярскому; а по другимъ извѣстіямъ, 23 Апр. 1586 (см. Миллер. Samml. R. G. V, 36). Флетчеръ пишетъ (С. W. л. 27 на обор.): was supposed to have dyed of poyson; т. е. говорили, что онъ былъ отравленъ ядомъ.

(60) Въ Степен. Кн. Латухина: «Въ лѣто 7093 (1585) К. Ив. Мстиславской съ Борисомъ Годуновымъ велію любовь между собою имѣша и о дѣлѣхъ Государскихъ зѣло радѣша, и назва Князь Иванъ Бориса сыномъ, а Борисъ его назва отцемъ себѣ. Никита же Романовичь ко Господу отыде. Врагъ же и ратникъ Діаволъ положи вражду между Боляръ: начаша говорити К. Ивану Шуйскіе, да Воротынскіе, да *Голицыны*» (не описка ли вмѣсто *Головиныхъ?*) «и иные Бояре и служивые люди и черпь Московская, чтобы онъ, съ ними соединяся, извелъ Бориса. Онъ же много отрицался, но и по воли ихъ хотя угодное сотворити имъ, умысли въ дому своемъ пиръ сотворить, и Бориса призвавъ, тогда его и убити,» и проч. Въ другихъ лѣтописяхъ (см. *Никон. Лѣт.* VIII, 7) ни слова о заговорѣ Мстиславскаго; сказано только, что онъ съ Шуйскими и другими враждовалъ Годунову, а Годуновъ имъ: «надѣясь на присвоеніе Царское, и ихъ осиливаше: К. Ив. Ѳед. Мстиславскаго поима и сосла въ Кириловъ монастырь, тамъ же и постригоша его; а Воротынскихъ и Головиныхъ и иныхъ многихъ поима и по городомъ разосла,» и проч. Въ Мороз. Лѣт. и въ другихъ новѣйшихъ: «Борисъ Годуновъ съ родомъ своимъ умышляетъ и присовокупляетъ себѣ Андрея Щелкалова и нарицаетъ его отцемъ, и брата его Василья, и возводитъ неистинно на великаго Боярина, К. Ив. Ѳед. Мстиславскаго, измѣну, и посылаетъ его

въ заточеніе въ Кириловъ монастырь, и постригоша его, и прія конецъ житію своему» (въ 1586 году).

(61) Флетчеръ пишетъ (С. W. 27), что Петра Ив. Головина (Казначея) уморили въ подземельной темницѣ или въ ямѣ; что въ числѣ опальныхъ находились и Бояре К. Андрей (Петровичь) Куракинъ (Градоначальникъ Московскій въ 1579 году) и Кн. Василій Юрьевичь Голицынъ: Миллеръ Versuch einer neueren Geschichte von Rußland, стр. 41) къ сему извѣстію прибавляетъ, что первый, бывъ Бояриномъ съ 1577 года, пропалъ безъ вѣсти въ дальнихъ Крымскихъ походахъ: ни то ни другое несправедливо: санъ Боярскій дали ему во время Ѳеодоровой коронаціи, и въ 1598 году онъ именуется въ числѣ старыхъ Бояръ (см. списокъ Чиновниковъ Царскихъ въ *Вивліоѳ.* XX, 68). Князь же Вас. Юрьев. Голицынъ умеръ въ одно время съ Никит. Роман. Юрьевымъ (см. тамъ же, стр. 61).

(62) См. ниже.

(63) См. Дѣла Польск. No 16, л. 98.

(64) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 8: «Бяше въ отчинѣ своей, въ Медын. Уѣздѣ, въ селѣ Московцѣ (Маковцѣ)... побѣже въ Латынскую Вѣру, отъѣхалъ въ Литву, и тамъ скончался.»

(65) Въ дѣлахъ Польск. No 15, 629, въ донесеніи К. Троекурова и Безнина: «А какъ-дей пріѣхалъ хъ Королю твой Государевъ измѣнникъ, Мих. Головинъ, и Король-дей и досталь почалъ говорити высоко; а сказывалъ-дей Королю Михайло, что ты, Государь, насъ холопей своихъ послалъ хъ Королю съ великими поступками, велѣлъ дѣлати на всей Королевѣ волѣ, чево Король захочетъ, и Король бы-дей шолъ на твою землю ратью, куды захочетъ; гдѣ-дей ни пріѣдетъ, тутъ все ево будетъ,» и проч.

(66) См. тамъ же, л. 630. Троекуровъ и Безнинъ пріѣхали въ Варшаву 8 Февр. 1585, а выѣхали оттула 24 того же мѣсяца.

(67) Тамъ же, л. 631: «Мы, холопи твои, про Михайла Головина поговоря межъ собою, приказали Ондрею Дедевшину» (Дворянину Посольства) «къ себѣ позвати пить Польского пристава, Миколая Фанеля, и съ нимъ подружиться, и роспився говорити, приведче его къ вѣрѣ, чтобы никому не сказалъ, что Михайла отпустилъ ты, Государь, хъ Королю лазучествомъ, а что Михайла сказываетца богатъ, и то съ нимъ все казна твоя Государева, для того, чтобъ ему всякихъ людей подкупати, и вѣстей вывѣдавъ, назадъ къ тебѣ ѣхати, потому жь какъ *второму Страхову*» (о семъ лазутчикѣ мы ничего не знаемъ). «А назвался Михайло на ту службу самъ, по тому, покрали они съ братомъ своимъ у тебя, Государя, казну, и ты на брата его положилъ опалу, ссылалъ его въ Казань на житье, да и велѣлъ-былъ сослати, и ему бъ тою службою вины своя и брата своего закрыть.» Фанель, услышавъ сію сказку отъ Дедевшина, немедленно донесъ о томъ Королю. Далѣе (л. 636): «а про Мих. Головина во всѣхъ людехъ слово почало быти, что онъ пріѣхалъ лазучествомъ... и Послы Повѣтные Королю говорили, такому-дей какъ вѣрити, что израдивъ Государя прироженново да говоритъ безлѣпицу, куда Король ни пойдетъ, то все ево будетъ... и людидей на Москвѣ гдѣ дѣлись? Да ещо бы-дей пріѣхалъ къ тебѣ отъ старова Государя, и тому быдей льзя вѣрити, потому что жестокъ былъ; а отъ нынѣшняго прочто ѣхати? Государь нынѣ у нихъ милостивъ,» и проч.

(68) Отъ 29 Мая до 3 Іюня 1587. Послы не могли условиться о выкупѣ нашихъ плѣнниковъ, отвергнувъ неумѣренныя Стефановы требованія; но Секретарь Баторіевъ, Янъ Ловѣйскій, догнавъ ихъ въ Борисовѣ, заключилъ съ ними слѣдующій договоръ: «Если Царь за двѣ недѣли до Троицына дни пришлетъ Королю 32 тысячи рублей, то Король велитъ освободить всѣхъ Рос. плѣнниковъ.» Возвратясь въ Москву 4 Апр., Троекуровъ и Безнинъ жаловались на грубость Стефанову и Вельможъ его.

(69) См. Дѣла Польск. No 16, л. 1 и слѣд. Гарабурда былъ представленъ Царю 10 Апр. «А при Государѣ были въ полатѣ Царевичь Крымской Муратъ-Гирей (см. ниже) да Касимовской Царь Мустофалей, да Сибирской Царевичь Магметкулъ; а сидѣлъ Крым. Царевичь въ большой лавкѣ противъ дверей, отъ Государева мѣста сажени съ двѣ, а отъ нево съ полсажени въ той лавкѣ сидѣли Бояре; а Мустофалей Царь въ другой лавкѣ, а отъ него съ полсажени Бояре; а Сибир. Царевичь на Окольничемъ мѣстѣ на большомъ, а у него сидѣли Князи Тюменскіе, Черкаскіе и иные служилые Князи по мѣстомъ.»

(70) Л. 75 и слѣд.: «Паны Рада прислали со мною къ Преосвящен. Отцу, къ Деонисью Митрополиту, и къ вамъ, къ Думѣ Государской, грамоту... И которые рѣчи промежъ насъ о городѣхъ и о волостяхъ, и то дѣло рѣчь неслушная: тому какъ мочно статись? Намъ просить у васъ, и вамъ безъ кровопролитья какъ мочно отдать что? А вамъ просить чего у насъ; ино намъ по тому жь безъ кровопролитья ничего отдати невозможно... Дай Господи многолѣтство обѣма Государемъ; а Богъ по душу сошлетъ Стефана Короля, а потомковъ у него не останетца, и Государство бъ Коруна Польская и Вел. Княжество Литовское соединать съ Московскимъ Государствомъ подъ Государскую руку: Краковъ противъ Москвы, а Вильна противъ Новагорода... А Богъ по душу сошлетъ вашего Царя, ино бъ Москов. Государству быть подъ Государя нашего рукою, а иного бы Государя вамъ не искати. А то дѣло великое мнѣ поручено приговорить и записи пописать... И Бояре Послу говорили: *намъ про Государя своего тово слова, что ты говорилъ, и помянуть не пригоже... а то дѣло къ доброму дѣлу не пристоитъ*... И шедъ Бояре о томъ сказывали Государю... И Государь говорилъ съ Бояры, что пригоже ему съ Стефаномъ учинитца въ докончаньѣ потому, что нынѣ за кѣмъ есть; а о томъ словѣ про Государя» (т. е. о смерти его) «Бояре отмолыли, что тово и говорить непригоже.» На третій день Гарабурда еще болѣе оскорбилъ нашихъ Вельможъ, сказавъ: «А Богъ по душу пошлетъ Государя вашего, ино бъ Государство Московское соединать съ Королевствомъ Польскимъ и съ Вел. Княжествомъ Литовскимъ, и быть бы Посполу (соединеннымъ Державамъ) подъ Государя нашего рукою: Государства розные, а Главу бы одну надъ собою имѣли. Авося жь Стефана Короля не станетъ, и намъ, обѣма Государствамъ Коруны Польскіе и В. Княжества Литовскаго, обирать себѣ за Государя по своимъ правамъ повольно будетъ Государя вашего... *будетъ же намъ нетреба обирати Государя вашего, и намъ въ томъ вольно.*» Бояре отвѣчали: «Ты нынѣ, Михайло, говоришь *мимо* прежней своей рѣчи, что еси третьеводни съ нами говорилъ: ворочаешь рѣчь инымъ образцомъ; и намъ съ тобою о томъ и говорити нечего... Мы про твои рѣчи Митрополиту и Архіепископомъ и Епископомъ и всему Собору сказывали, и Митрополитъ со всѣмъ Соборомъ намъ запретилъ *духовнѣ*, что намъ отнюдь о томъ не говорити,» и проч.

(71) Л. 84: "драницы Государь ни съ малого своего города ни съ которого не дастъ.»

(72) «А нынѣ Москва не старая: надобно отъ Москвы беречися ни Полотцку, ни Ливонской зем-

лѣ: надобно берегчи отъ Москвы Вильны.» Это долженъ былъ сказать Гарабурдѣ Царскій приставъ (см. Дѣла Польск. No 16, л. 29).

(73) См. Гейденшт. Res. Pol, 238. Стефанъ посылалъ въ Римъ своего племянника, Андрея Баторія, вмѣстѣ съ Іезуитомъ Антоніемъ Поссевиномъ (о коемъ см. Т. IX, 218).

(74) Въ Февр. 1585 Стефанъ прислалъ въ Москву безъ окупа только 20 Рос. плѣнниковъ: К. Матвѣя Мещерскаго, Радиловыхъ, Обухова, Чирикова и другихъ. Въ отвѣтѣ Михайлу Гарабурдѣ (Дѣла Польск. No 16, л. 113): «Братъ нашъ Стефанъ отпустилъ къ намъ только молодыхъ Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцовъ и пашенныхъ мужиковъ немного; а за лутчихъ полоняниковъ взялъ 54 тысячи рублевъ, опричь того, которые врознь окуплены; а иные и нынѣ еще въ вязеньѣ въ Литов. землѣ и въ Польской сидятъ по Паномъ, и держатъ ихъ въ великихъ нужахъ и за окупъ мучатъ.» О серебрѣ, отнятомъ въ Литвѣ у Москов. гостей, Мишенина и Коробейникова, ѣхавшихъ въ Грецію, см. Дѣла Польск. No 15, л. 590.

(75) См. тамъ же, л. 585 и слѣд.

(76) К. Троекуровъ, Дворянинъ Ѳед. Андр. Писемской и Дьякъ Ѳома Дружина Петелинъ пріѣхали въ Гродно 15 Авг. См. Дѣла Польск. No 16, л. 263 и слѣд.

(77) Тамъ же, л. 265, 266, 351, 352: «Мы Бояръ Государя вашего, братью свою, кормимъ хлѣбомъ, а они намъ противъ нашего хлѣба мечютъ камень... А каковъ онъ (Царь Ѳеодоръ) своимъ прироженьемъ, то мы вѣдаемъ: есть въ немъ набожество, а противъ непріятелей стояти нѣтъ ево столько... А на Москвѣ что дѣлаетца, то мы вѣдаемъ,» и проч.

(78) Тамъ же, л. 355, 356: «Сказываете, что надъ Государствомъ Государя нашего *по грѣхомъ* учинилося; а мы надъ Государствомъ никоторово грѣха, кромѣ милости Божіей и благоденства, не видимъ. А вы еще съ Богомъ не бесѣдовали; а человѣку тово не дано знать, что впредь будетъ. ... По писаному, кто злословитъ Царя, тотъ смертію да умретъ: Государь нашъ дородной Государь, и разумной и счастливой,» и проч.

(79) Тамъ же, л. 377: «Не въ давныхъ времянахъ дѣлалося (вамъ то и самимъ вѣдомо), Крымской Царь пришедъ безвѣстно, у Москвы посады пожегъ; а на другое лѣто пришелъ похвалясь, а съ нимъ 150 тысячь... Государя нашего Бояринъ, К. Мих. Ив. Воротынской съ товарыщи Крымсково побили: убили у него лутчихъ людей, Карачеевъ и Князей и Мурзъ, о которыхъ Крымъ стоялъ, со сто человѣкъ и больши... а рядовыхъ много тысячь.» См. сей *Исторіи* Т. IX, 120.

(80) Тамъ же, л. 366, и выше, примѣч. 44.

(81) Тамъ же, л. 302 и слѣд. Въ грамотѣ сказано: А только въ тѣ два мѣсяца (перемирія) тѣ всѣ дѣла не здѣлаютца, ино Государя нашего Бояромъ и Короля Стефана Паномъ Радамъ перемирья прибавити, какъ будетъ пригоже. «Послы наши откланялись Королю 29 Авг. и возвратились въ Москву 1 Окт.

(82) Въ Дѣлахъ Цесар. Двора No 5, л. 45 (въ донесеніи Лукьяна Новосильцова): «А прежъ сего былъ» (говоритъ Архіепископъ) «у прежняго Государя Олексѣй Адашевъ, и онъ Государство Московское таково жь правилъ; а нынѣ на Москвѣ Богъ вамъ далъ такова жъ человѣка просужего. И язъ ему говорилъ: Олексѣй былъ разуменъ, а то не Олексѣева верста: то великой человѣкъ, Бояринъ и Конюшей, а Государынѣ нашей братъ родной, а разумомъ его Богъ исполнилъ всѣмъ, и о землѣ великой печальникъ.»

(83) См. Дѣла Польск. No 15, л. 598.

(84) Тамъ же, л. 830: «Лѣта 7094 Окт. 1 (г. 1585) Царь и В. К. приговорилъ съ Бояры, что Литовскіе торговые люди ѣздятъ къ Москвѣ многіе лазучествомъ: пріѣдутъ съ невеликими товары, да живутъ на Москвѣ годъ, иной и больши, будто для торговли, а все для лазучества, и провѣдавъ всякихъ вѣстей, съѣзжаютъ въ Литву,» и проч.

(85) См. Т. IX, 245, и Дѣла Швед. No 4, л. 1 и слѣд. Де-ла-Гарди писалъ къ Новогород. Намѣстникамъ отъ 26 Мая и 12 Іюля 1584, и 14 Марта 1585, а Король Іоаннъ къ Царю отъ 2 Марта сего года.

(86) См. въ сей же книгѣ Дѣлъ Швед. л. 4 и 40.

(87) Тамъ же, л. 50 и 54: «Отецъ твой» (пишетъ Король) «своею землею и подданными своими владѣлъ немилостивно и съ кровопролитьемъ; также онъ былъ лихъ и неспокоенъ сусѣдъ.» Ѳеодоръ начинаетъ свою отвѣтную грамоту такъ: «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, воеже направити ноги наша на путь миренъ... Твоего гонца съ сею нашею грамотою отпустили есмя, и твою грамоту отослать велѣли къ тебѣ съ нимъ назадъ, и нашихъ Царскихъ очей видѣть ему есмя не велѣли, для того, что онъ съ такою грамотою пріѣхалъ, а въ грамотѣ писано укоряючи отца нашего: чего нигдѣ неслыхано,» и проч.

(88) См. Далина Gesch. г. 1585, стр. 133, и Дѣла Швед. No 4, л. 78 — 248. Въ Царскомъ наказѣ Посламъ: «съѣзду быти на Наровѣ у Николы у *Ольгина Креста* или въ старомъ мѣстѣ на Плюсѣ.»

(89) Тамъ же, л. 205, 206. Послы Шведскіе въ переговорахъ съ нашими именовали своего Короля: «Великій Князь Корелы и Водскіе Пятины и *Югорскіе* земли на Руси» (л. 192). К. Шестуновъ писалъ къ Царю: «Сидѣли мы, холопи твои, по прежнему въ своемъ шатрѣ, а столъ стоялъ въ нашемъ же шатрѣ; а Свейскіе Послы сидѣли въ своемъ шатрѣ у полъ за нашимъ столомъ.» То есть, Шведы не хотѣли для переговоровъ итти къ намъ въ шатеръ, а мы къ нимъ; каждый сидѣлъ въ своемъ. По крайней мѣрѣ *столъ* былъ нашъ! — Когда К. Шестуновъ началъ требовать городовъ, отнятыхъ у насъ Шведами, Класъ Тоттъ и де-ла-Гарди сказали: «а то гдѣ слыхано, чтобы городы отдавати даромъ? отдаютъ яблоки да груши, а не городы.»

(90) См. Далина, гл. XV, стр. 134. Въ Дѣлахъ Швед. 226 на обор.: «Послы Свейскіе ѣхали въ суднѣ на греблѣ, а съ ними было человѣкъ съ 70, и принесло судно вѣтромъ на пень, да выломило доску, а Нѣмцы почали метатца въ воду, и судно потонуло, и назавтрее въ Суботу выволокли изъ воды Пунцу» (Понтуса де-ла-Гарди).

(91) См. Дѣла Цесарск. Двора No 4, л. 17 и слѣд. Лук. Новосильцовъ съ Толмачемъ Яковомъ Заборовскимъ выѣхалъ изъ Москвы въ Ноябрѣ 1584. Императорскій чиновникъ, Даніилъ Принцъ (который былъ у насъ Посланникомъ: см. Т. IX, стр. 141), имѣлъ съ нимъ частые переговоры, зная, кажется, Славянскій языкъ. Новосильцовъ пишетъ (л. 67): «Данило говорилъ мнѣ такъ: *Цесарское Величество приказывалъ своимъ большимъ людемъ тебя звати и чтити, чтобъ ты въ его Государствѣ былъ прохладенъ.* И язъ пріѣхалъ до Арцыбискупа, и онъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ, да мнѣ говорилъ: *какъ тебя Цесарь отъ себя отпустилъ, и съ нами говорилъ, что отъ брата моего пріѣхалъ ученой человѣкъ, и Посольство мнѣ правилъ добро и рѣчь добру говорилъ*... да за столомъ чашу пилъ Государскую, а напередъ помянулъ имя Государя нашего» (такъ было и на всѣхъ иныхъ обѣдахъ). О любимцѣ Императора: «Адамъ Титрихштейнъ у Цесаря большой человѣкъ

и Охмистръ, а по нашему какъ бы дядя, и во всемъ его слушаетъ; а дворъ ево подлѣ Цесарева, а полаты подлѣ полатъ ево, и владѣетъ онъ всѣмъ Государствомъ.»

(92) Тамъ же, л. 63: «Да тутъ же (въ Вѣнѣ) живетъ сестра Цесарева, вдова Марья, что была за Королемъ Францовскимъ, за большимъ братомъ Индриковымъ, и какъ Короля, мужа ея, не стало, и она пріѣхала до братій своихъ, а Король Фр. Индрикъ присылаетъ ей казну впередъ за годъ на расходъ по уговору; а тотъ Король Индрикъ добрѣ боленъ: сказываютъ, съ нево мясо падаетъ. . . . А Филипъ Король Ишпанскій нареклъ на Королевство, послѣ живота своего, брата Цесарского... а сына своего не хочетъ на Государство посадити, потому что хотѣлъ отца своего убити . . . Хочетъ Цесарь у Короля Филипа дочерь понять . . . А Турскому Цесарь даетъ выходу на годъ по триста тысечь ефимковъ, а взялъ съ Турскимъ миру на 14 лѣтъ.» О садахъ (л. 66): «Да былъ есми въ саду его (Императора) въ звѣринцѣ . . . Да былъ есми въ огородѣ Цесарскомъ любимомъ, что гдѣ самъ часто гуляетъ, и въ немъ полаты на подклѣтехъ, а подъ полатами погребы, гдѣ на зиму ставятъ розные цвѣты; да въ немъ же колодезей съ 50 возведены, а разгороженъ на четверо, а въ нихъ устроенье великое, и печати розные розныхъ земель, виноградъ и лимоны, и гвоздики и всякія зелья тутъ растутъ, и переходы по огороду поземные и чердаки, а кругомъ огорода стѣна камена.»

(93) Тамъ же, л. 71 на обор.: «Да приходили ко мнѣ нарокомъ на подворье Яковъ Нинцкій да Андрикъ Дудичь и говорили со мною наединѣ, чтобъ великихъ Государей сердца были вмѣстѣ, и какъ выйдутъ перемирные лѣта съ Королемъ Стефаномъ, и Государь бы Царь съ братомъ своимъ съ Рудельфомъ сослался, и чтобъ стали за-одинъ на Стефана, потому что Стефанъ сидитъ не на своемъ Государствѣ, а Царь и нашъ Цесарь прироженые Государи, и довелось было то Государство промежъ себя раздѣлить.»

(94) См. Т. IX, 247, и въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ грамоту Датскаго Короля Фридерика II къ Царю Ѳ. I. отъ 23 Авг. 1585 гдѣ сказано: «его же (Ѳеодора) Христіанскій нравъ и чювство намъ множествомъ славлено.» Тамъ же хранится Нѣмецкая *проѣзжая грамота*, данная (13 Авг. 1592) по волѣ Датскаго Короля Капитаномъ Томасомъ Нормановъ купцу Павлу Мейгеру, который ѣхалъ въ Россію съ товарами.

26 Ноября 1584 Бургомистры города Любека писали къ Намѣстнику Псковскому, К. Ивану Петр. Шуйскому, о свободномъ пропускѣ ихъ Депутата въ Москву къ *Императору всея Россіи*, Kayser aller Reussen, (см. сію грамоту, весьма красиво писанную, въ Архивѣ Иностран. Дѣлъ). Болѣе ничего не знаемъ о тогдашнихъ дѣлахъ Ганзы съ нашимъ Правительствомъ.

(95) См. Т. IX, 246, и Дѣла Крымск. No 16, л. 47.

(96) Въ Дѣлахъ Турецк. No 2, л. 370: «Какъ Турской велѣлъ Царю Магметъ-Кирею итти на Кизылбаши (Персіянъ), и Царь пришолъ въ новой городокъ въ Баклы-Сарай, и Князи и Мурзы всѣ учали Царю говорити, что-дей Турской посылаетъ тебя неволею, а нынѣ дорога въ Кизылбаши безкормна. . . а ты-дей Государь таковъ же, что Турской; къ тебѣ присылаетъ ежегодъ поминки великіе Московской Князь Великой и Король Литовской, и тебѣ отъ Турского чего боятца?... И Магметъ-Кирей Кизылбашской походъ оставилъ . . . И Турской послалъ въ Крымъ на Магметъ-Киреево мѣсто Исламъ-Кирея Царевича съ братьею, а велѣлъ имъ дожидатца въ Кафѣ изъ Кизыльбашъ- Асманъ-Паши . . . а Крымсково Царя поймати и привести къ себѣ . . . и Асманъ-Паша въ Кафу пришолъ, и Магметъ-Кирей, послушевъ Князей, подъ Кафу пошолъ . . . а велѣлъ говорити Кафинскимъ Пашамъ, что ему городъ не надобенъ, а выдали бы ему Исламъ-Кирея. . . и Исламъ-Кирей съ братьею и Асманъ-Паша собрався пошли противъ Царя, и Магметъ-Кирей со всѣми людми отъ города побѣжалъ. . . и всѣ отъ Царя побѣжали, а Царя покинули . . . и Алпъ-Кирей Царевичь Царя Магметъ-Кирея поималъ, да велѣлъ его удавити; а дѣти его убѣжали въ Шевкалы, и у Шевкалсково женился Муратъ-Кирей Царевичь, а понялъ у него дочь.»

(97) Дѣла Крым. No 16, л. 79.

(98) Тамъ же, л. 48, и въ Архив. Розрядн. Кн. л. 679. Это было въ 1584 году. Въ Дѣлахъ Польск. No 17, л. 329: «Крымцы и Азовцы и Якшисатовъ Улусъ пришли безвѣстно до тритцати тысячь, и тѣхъ легкіе Воеводы съ немногими людми побили на голову, а иныхъ нѣколько тысячь на Окѣ потопили, и живыхъ поимали, и Мурзъ.»

(99) Дѣла Крым. No 16, л. 94: «Сего лѣта (1586) твоей рати» (писалъ Царь къ Хану) «тритцать тысечь на наши украйны войною пришло, а братъ твой Кальга, Алпъ-Кирей Царевичь, дву братовъ своихъ воротилъ, а рать Крымская вся пошла на наши украйны . . . и что надъ нею сталось, то тебѣ вѣдомо.» Въ Дѣлахъ Польск. No 17, л. 329: «Приходили многіе Мурзы на наши украйны, до сорока тысячь, и тѣхъ побили, а близко тритцати тысячь во всѣхъ мѣстѣхъ убили, и живыхъ поимали больше дву тысячь, имянитыхъ Мурзъ, Сулетова сына, Янглычова, и иныхъ, и нынѣ въ тюрмѣ на Москвѣ сидятъ.» Въ Маѣ 1587 ожидали Хана на берегу Оки Воеводы К. Ив. Мих. Глинскій, Никита Ив. Очинъ-Плещеевъ, К. Одоевскій, Казый Кордануковичь Черкасской, Мих. Мих. Салтыковъ-Кривой; но не видали Татаръ. Въ Архив. Розрядн. Кн. л. 709: «Іюня въ 30 (г. 1587) два Царевича (Саламетъ-Гирей и Фети-Гирей) пришли къ городу Кропивнѣ и острогъ взяли; а было съ ними людей 40,000.» Воеводы наши, Бояринъ Ив. Вас. Голуновъ, Кн. Дм. Ив. Хворостининъ и другіе, отъ 13 до 20 Іюля стояли за Тулою у Малиновыхъ воротъ. Вѣроятно, что они тогда взяли въ плѣнъ Ибрагимъ-Пашу, который приходилъ съ Царевичами, и о коемъ упоминается въ Дѣлахъ Крымскихъ сего времени. Въ письмѣ Государевомъ къ Хану въ началѣ 1588 г.: «Братъ твой Алпъ-Кирей Царевичь и Саламетъ-Кирей приходили на наши украйны со всѣмъ Крымомъ, а мы по твоимъ къ намъ присылкамъ оплошились и не чаяли того: ѣздили въ объѣздъ молитись.» Были еще иные маловажные набѣги и ошибки, по извѣстіямъ Книгъ Розрядныхъ (см. въ нихъ годы 1585 — 1588).

(100) Въ Дѣлахъ Крым. No 16, л. 2: «Сайдетъ-Кирей съ братьею приступали къ Бокчисараемъ и посадъ выжгли; и Исламъ-Кирей съ братьею сидѣли въ Бокчисараехъ, а съ ними было Крымскихъ Князей и Мурзъ тысечи съ четыре, да Янычеиъ 600, и Янычеиъ многихъ побили, и Царь на третей день въ ночи пошелъ на горы лѣсною дорогою, и Царевичи и Ногайскіе люди за нимъ гоняли, и Царь отбился, да пришелъ въ Болыклею въ городъ, и сѣлъ въ корабль, да пришелъ въ Кафу; а Калга да Саламетъ-Кирей пошли другою дорогою къ Старому Крыму, и пришли въ Кафу, и Сайдетъ-Кирей съ братьею пришелъ въ Крымъ, и учинился Царемъ, и былъ Царемъ полтретья мѣсяца . . . и Царь Исламъ-Кирей послалъ Саламетъ-Кирея къ Турскому за море . . . и Турскій далъ Янычеиъ 4000,» и проч. См. также л. 21.

(101) Муратъ пріѣхалъ къ Государю въ 1586 г. (въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: «съ спохою и съ племянникомъ и со многими Татары... и посла его Царь въ Астрахань, а съ нимъ Воеводъ К. Ѳед. Мих. Троекурова да Ив. Мих. Пушкина). См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ *Отписки въ Посольскій Приказъ Астраханскаго Воеводы К. Ѳед. Лобанова-Ростовскаго о Царевичѣ Муратъ-Гиреѣ*, присланномъ туда изъ Москвы съ Думнымъ Дворяниномъ Ром. Мих. Пивовымъ и съ Воеводою Мих. Ив. Бурцовымъ, въ Октябрѣ 1586. Тамъ сказано: «А пришедъ Царевичь блиско города къ пристани, и Воеводы велѣли изъ пушекъ и изъ ручницъ стрѣляти, а какъ стрѣльба минулась, и язъ велѣлъ по набатомъ и по накромъ (бубнамъ) бить, и въ сурны и въ трубы играти: для Царевича и иноземцевъ велѣлъ стрѣляти изъ тритцати изъ одной пушки, а изъ большово наряду не стрѣляти,» и проч.

(102) Тысячи двухъ сотъ. За Царевичемъ ѣхали верхомъ Воеводы.

(103) См. выше, примѣч. 40, и въ Архивѣ Иностр. Кол. *Отпускъ изъ Москвы Муратъ-Гирея* и *отписки Воеводъ Астраханскихъ*.

(104) См. тамъ же, *въ Отпускѣ* и *въ Отпискахъ*.

(105) См. Дѣла Крым. No 16, л. 164; см. также выше, л. 96 и 97.

(106) См. Т. VII, 57, — Т. VIII, 42, и Т. IX, 74.

(107) См. Дѣла Турецк. No 2, л. 259 и слѣд.

(108) См. тамъ же, л. 262, 275, 277, 457.

(109) Тамъ же, л. 441, 455.

(110) Тамъ же, л. 443, 445, 454. О кафтанѣ: «положилъ на Бориса кафтанъ бархатъ *Бурской*, шолкъ червчатъ съ золотомъ.» Нѣтъ сомнѣнія, что такъ назывались у насъ ткани славныхъ фабрикъ города *Бурсы*, въ древней Виѳиніи (Анатоліи), гдѣ жили Султаны до взятія Константинополя.

(111) Въ Розряди. Кн. г. 1585: «посылалъ Государь Воеводъ своихъ (Ѳому Бутурлина и Юрья Булгакова) на поле къ Азову по Дону внизъ по Ногайской сторонѣ въ стрѣчу Турскою Посланника, и для Черкасъ, чтобъ ихъ съ Дону сгонити.» Въ Дѣлахъ Турецк. л. 475: «А какъ Посланникъ пріѣхалъ на дворъ (въ Кремлѣ, и вышелъ изъ саней противъ Казенные полаты не доѣхавъ мостковъ, и шелъ вверхъ середнею лѣсницею, да по крыльцу въ Набережную полату въ Малую къ Боярамъ, а Государь сидѣлъ въ Середней полатѣ въ Золотной въ Царскомъ платьѣ; а при Государѣ Бояре и Дворяне въ золотномъ платьѣ; а передъ полатою въ сѣнехъ сидѣли Дворяне и Приказные люди и по крыльцу отъ Грановитые полаты до Благовѣщенья по обѣ стороны стояли Дворяне и Дѣти Боярскіе и Подъячіе въ золотномъ платьѣ; а отъ Благовѣщенья до дверей Набережные полаты и въ проходной полатѣ стояли Дѣти Боярскіе и Подъячіе и торговые люди въ чистомъ платьѣ; а Стрѣльцы отъ крыльца по середней лѣсницѣ и до Фроловскихъ воротъ и въ торгу съ ручницами. А въ Набережной полатѣ Бояре сидѣли Борисъ Ѳедоровичь въ саженой шубѣ, а Князь Ѳедоръ Мих. и Дьяки Андрей и Василій въ золотномъ платьѣ, а при Боярѣхъ въ полатѣ стояли Дворяне и Дѣти Боярскіе въ золотномъ платьѣ. И какъ Посланникъ вшелъ въ полату, и встрѣтили его поконецъ ковра Дьякъ Вас. Щелкаловъ, а посереди ковра Дьякъ Андрей Щ., а Бояринъ К. Ѳед. Мих. отступивъ двѣ ступени; а Борисъ Ѳедоровичь всталъ и звалъ Посланника карашеватца; а послѣ того звали Посланника карашеватца Бояринъ К. Ѳ. Мих. и Дьяки Щелкаловы. А послѣ звали Бояре къ рукѣ Салтанова человѣка Янычанина, да Асманъ-Пашина человѣка, и толмача Турскаго, и Посланниковыхъ людей; и велѣли Посланнику сѣсти противъ себя на скамейкѣ, а Дворяномъ и Дѣтемъ Боярскимъ и Посланниковымъ людемъ велѣли выйти. И говорили Посланнику Бояре, съ чѣмъ къ Государю пріѣхалъ?... И вставъ Посланникъ являлъ Борису Ѳед. поминки, камку золотную. И Бояре шедъ рѣчи его сказывали Государю, и Царь велѣлъ Посланнику итти къ себѣ,» и проч.

(112) Дѣла Турецк. л. 481.

(113) Благовъ донесъ Государю, что Султанъ желаетъ мира съ Шахомъ, съ Королями Испанскимъ и Французскимъ, мысля воевать Россію. Въ Дѣлахъ л. 369: «Приходилъ къ Борису (Благову) Астраханской Стрѣлецъ, Собинкою зовутъ, а взятъ въ полонъ на Волгѣ, и сказывалъ, что Асманъ-Паша (Кафинскій) нынѣ стоитъ въ Костоманѣ, а собираетца съ людми, а собрався итти ему одноличио подъ Астрахань, не на Азовъ, на Керчь да на Черкасы, а на Азовъ нейти для Казаковъ, чтобъ ему не объявити своего походу; а вождь будетъ къ Астарахани Кафинской торговой человѣкъ... а пришедъ имъ къ Астарахани, отогнать отъ города суды, да ставити имъ у Астарахани городъ на старомъ городищѣ, да промышлять надъ Астараханью.» Столь долго державъ Ибрагима въ Москвѣ, Государь писалъ къ Султану: «Мы съ весны рано хотѣли его отпустить на Азовъ, и онъ извѣщалъ нашимъ Приказнымъ людемъ, что Дономъ много воровъ Донскихъ Казаковъ и *Черкасъ Литовсково Короля*, и *живутъ по Дону и по Донцу*... Хотѣли есмя отпустить его на Крымъ степью, а не отпустили для того, что сего лѣта трожды изъ Крыму и изъ Азова и Якшисата Князя Казаки приходили на наши украйны... и Чаушъ твой почалъ проситись у насъ чрезъ Литовскую землю на Смоленескъ, а у насъ по Смоленской дорогѣ почало быть сего лѣта повѣтрее... а какъ въ осень повѣтрее перестало, и мы Чауша отпустили.» Но Послу Баторіеву мы говорили такъ (Дѣла Литов. No 16, л. 26): «Турской проситъ, чтобъ Государь нашъ былъ съ нимъ въ миру, и Государь къ Турскому Посла его не отпущаетъ, а ждетъ отъ Шаха Пословъ, и какъ Послы Кизылбашскіе будутъ, и Государь выслушавъ ихъ, и на чемъ съ Кизылбашскимъ здѣлаетца, и въ ту пору Турскаго Посла отпуститъ.»

(114) С. Т. VI, 143.

(115) См. Дѣла Грузинскія, No 1, л. 1 и слѣд. Послами были Священникъ Іоакимъ, Монахъ Кириллъ и Черкашенинъ Хуршитъ. Въ Москвѣ давали имъ ежедневно: «Священнику Іоакиму да Старцу Кирилу по гривнѣ человѣку на день, Черкашенину Хуршиту по полутретья алтына, людемъ ихъ тремъ по шти денегъ, а двѣмъ по 4 денги; питья Посломъ по 3 чарки вина, по крушкѣ меду обварнова, полведра паточнова, ведро цыженого; людемъ пяти по двѣ чарки вина человѣку, ведро меду, всѣмъ по ведру пива; въ избы и въ поварни по возу дровъ на день.»

(116) Тамъ же, л. 287 (слова Царя Грузинскаго): «Прадѣдъ нашъ то Царство Иверское раздѣлилъ на три части, и въ нынѣшнихъ временахъ треть была за зятемъ моимъ, за Семеномъ, и зять мой мало не все свое Государство потерялъ... Турскаго люди на его землѣ городы поставили.» Увидимъ послѣ, что Удѣломъ Симеоновымъ была Карталинія.

(117) Шавкаломъ или *Шевкаломъ* (см. Т. VIII, примѣч. 412, 415) или *Шамхаломъ* назывался главный Князь Дагестанскій, коего столица была въ Таркахъ или Теркахъ, городѣ оставленномъ и срытомъ въ 1728 году. Нынѣшнія Терки стоятъ на другомъ мѣстѣ.

Въ Дѣлахъ Грузин. л. 92: «Шевкалскихъ людей зберетца до двунатцати тысечь, а Государевы бы

рати послати до дватцати тысечь... А про дорогу на Шевкала Послы сказали: итти съ Терки до Тюмени конному съ днище, а пѣшему два дни; а отъ Тюменского до Шевкала до города Тарки два жь дни, а отъ Тарковъ до Кафирькумука конному день, а отъ Кафирькумука до Казаныча пѣшему днище; а отъ Казаныча до Казыкумука до Сафурского съ четыре днища, а Сафурской подданной Александра Царя; а отъ Сафурского до Иверскіе земли ходу два дни; и всего до Грузеи отъ Терки на Шевкала ходу 15 день... Черкаскіе Послы, Шиховъ племянникъ, и Алкасовъ Посолъ» (бывшіе въ Москвѣ вмѣстѣ съ Грузинскими) «говорили, что они холопи Государскіе старинные, а прислали ихъ Алкасъ Князь и Шихъ Мурза бити челомъ, чтобъ Государь велѣлъ ихъ отъ недруговъ беречи Терскимъ Воеводамъ, а недруги имъ Асламбекъ Князь Кабардинской, а они хотятъ быть въ городѣ Терскомъ со Государевыми Воеводами... И Алкасовъ Посолъ сказалъ, что Алкасъ съ Воеводами самъ пойдетъ» (на Шевкала) «а съ нимъ его рати до тысечи человѣкъ... а Шихъ Мурза съ ними пошлетъ своихъ людей до ста человѣкъ конныхъ, а до ста пѣшихъ... Близко Шевкала есть землица, словетъ Караушь, и только тотъ Князь съ Шевкаломъ станетъ за-одинъ, ино зберетца у нихъ тысечь съ двѣнадцать... Итти Посломъ лутче на Аварского Князя, а напередъ бы послати къ нему изъ Терского города, чтобъ онъ прислалъ закладъ... Туды дорога добра, горъ мало и воды не велики... А ходу отъ Терки отъ Суншина городища до Шиха два дни, а Шевкалъ будетъ влѣвѣ отъ Шиха два дни; а сынъ Шевкаловъ, Алкасъ-Мурза, отъ Шиха не далеко: только онъ Шиху другъ и Государю служитъ; а до Аварского отъ Шиха три дни; а отъ Аварскаго до Чорнаго Князя шесть днищъ; а отъ Чорнаго до Иверскія земли днищъ съ десять.»

(118) Гонцевъ или Посланниковъ, Родіона Биркина, Петра Пивова, Подъячаго Полуханова въ Апр. 1587. Въ даръ Иверскому Царю отпустили съ ними: «сорокъ соболей во 100 рублевъ, двѣ лисицы черны въ 30 р., тысеча горностаевъ въ 40 р., десять зубовъ рыбьихъ въ 20 р., колчюга добрая въ 30 р., пансырь въ 20 р., шеломъ въ 30 рублевъ.» 16 Авг. они пріѣхали на границу Иверіи, гдѣ встрѣтилъ ихъ Александровъ *Окольничій* съ 50 *Азнаурами* (всадниками) и со 100 *Янычанъ* (пѣшихъ воиновъ); а 25 Авг. были представлены Царю, въ шатрѣ *на горахъ*. Мы хотѣли, чтобы Александръ прислалъ въ Терскую крѣпость хлѣба на 2500 воиновъ, на каждаго 6 четвертей пшеницы, или 3 четверти ячменю и 3 пшеницы: Александръ отговорился трудностію: «для дальнія дороги и для великихъ горъ, да и запасу собрати столько не мочно» (л. 61). — О дани сказалъ онъ (л. 64): «Камокъ Кизыльбашскихъ съ золотомъ да съ серебромъ и ковровъ золотныхъ въ моей землѣ не дѣлаютъ, а ведутца въ моей землѣ аргамаки да шолкъ; а впередъ камокъ и ковровъ пошлю добывати.»

Въ Окт. 1588 вторично пріѣхали въ Москву Послы Иверскіе, Князь Капланъ, Чернецъ Кириллъ и Черкашенинъ Хуршитъ (л. 78) съ извѣщеніемъ о подданствѣ ихъ земли. Дары Александровы были слѣдующіе: «коверъ золотной; покровецъ золотной, двѣ камки Кизыльбашскихъ, розные шолки съ золотомъ; 15 камокъ Кизыльбашскихъ безъ золота; три бархаты гладкихъ; три отласы гладкихъ; десетеры *дороги*; аргамакъ рыжъ; попонка бархатъ червчатъ гладкой; повяска отласъ золотной; оброть золотная; повяска камка золотная; узда *зуфная;* а Старецъ Кириллъ отъ себя поднесъ Государю камку Кизылбашскую, *дороги, куршитъ.*»

Въ Апр. 1589 поѣхалъ въ Иверію К. Семенъ Григор. Звенигородскій, Намѣстникъ Брянскій, съ Дьякомъ Торхомъ Антоновымъ. Въ ихъ наказѣ: «итти вамъ изъ Астрахани на Терку въ судѣхъ на усть Терки, а изъ Терского города до Суншина городища, гдѣ стоятъ изъ Терсково города Головы въ острогѣ; а лошади свои отпустити изъ Астарахани на Терку полемъ къ городу Терскому.»

Л. 201: «*Роспись, что дано корму Грузинскимъ Посломъ изъ Казани до Нижнего:* 70 калачей денежныхъ — яловица, 30 алтынъ — 5 барановъ, 12 алтынъ, 3 денги — пятеро утятъ, полтретья алтына — десятеро куровъ, гривна — полпуда масла коровья, двѣ гривны — пудъ икры паюсной, двѣ гривны — четыре осетры, 4 гривны — ведро вина горячево,» и проч.

К. Звенигородскій пріѣхалъ къ Александру въ Окт., а возвратился въ Москву лѣтомъ 1590 года.

(119) См. Дѣла Грузин. л. 147, 290, 292, 296, 313. О смотрѣ Александрова войска: «Ѣхали Послы (Россійскіе) отъ Олександра Царя по правую сторону, а съ лѣвую ѣхалъ Алкасъ Князь, а передъ Александромъ возилъ скипетръ Попъ его Акимъ, который былъ на Москвѣ; а назади за Александромъ возятъ знамя; а съ нимъ зять его Байграмъ, да Бояринъ его Ясонъ, да Чашникъ Коржа, и Стольники и иные ближніе люди, всего человѣкъ со сто, съ оружьемъ, съ щиты и съ зерцалы, и съ булавою и съ шестоперомъ; а за нимъ трубники и накрачеи... и въ первомъ полку сынъ его Юрьи, а въ другомъ Воевода Едиша да *Старецъ* Кирило... а въ третьемъ полку подъ знаменемъ сынъ его, Царевичь Давыдъ, да *Епископъ* Захарей,» и проч.

Воевода Терскій, К. Хворостининъ, въ 1589 г. писалъ къ Шавкалу: «Къ намъ изо всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, всѣ Карабдинскіе и Горскіе Князи, присылали Пословъ и учинились подъ Государя нашего рукою..; а ты, Шевкалъ Князь, живешь ближе иныхъ, а по ся мѣста ни о чемъ еси не присылывалъ, и прежнюю свою присылку забылъ, что было тебѣ быти въ Царской волѣ, и Государь послалъ былъ на тебя рать свою, и ему билъ челомъ Муратъ-Кирей Царевичь (зять твой) чтобы на тебя рати своей еще не посылалъ... и ты бы прислалъ въ городъ Терской въ закладъ братью свою» (л. 185). Въ бумагахъ 1590 г. сказано (л. 313): «Шевкалу утѣсненіе великое учинено, и рѣку Койсу Государевы люди у него отняли, и городъ на Койсѣ хотятъ ставити, и Шевкалъ Государю бьетъ челомъ.»

(120) Тамъ же, л. 74 и 298: «Александръ Царь Турского Чеушу отказалъ: съ запасомъ въ Дербенъ и въ Баку черезъ свою землю не пущу, и своихъ запасовъ не дамъ: холопъ есми Царя и Вел. Князя всея Русіи; а Турскаго не блюдусь... А съ Турскимъ бы (Александръ) жилъ перемаинвая, доколѣ которой промыслъ надъ Турскимъ учинитца.»

(121) Тамъ же, л. 312 и 313 на об.

(122) Тамъ же, л. 88 на об. и 103: «Посылаетъ Государь» (изъ Москвы въ Иверію) «дву Старцовъ, да дву Священниковъ, да Діякона, да иконописцовъ трехъ человѣкъ, а о мастерѣхъ впередъ указ свой учинитъ, очистя дорогу... Послалъ Госуларь съ ними» (съ К. Звенигородскимъ и Дьякомъ Торхомъ) «учительныхъ людей, Троицы Сергіева монастыря Соборнаго Старца, бывшаго Казначея, Захеею (Закхея), да Священника Черново Іосафа, да Чюдова монастыря Діякона Өеодосья, да Соборныхъ Священниковъ Богдана, да Архангельского Священника Дмитрея, да Дьякона Өедора, иконниковъ.»

(123) Тамъ же, л. 295 на об.

(124) Тамъ же, л. 194, 287.

(125) Тамъ же, л. 263 на об., 315, 317: «Александръ велѣлъ вамъ» (К. Звенигородскому и Торху) «говорити, чтобы вы нынѣ съ того стану пошли къ *Крыму*... Велѣлъ (Александръ) въ *Крыму* приготовити дворы... А нынѣ Митрополитъ (Иверскій) у Александра Царя въ селѣ въ Тогу, и въ *Заемъ*» (въ другихъ мѣстахъ: *Загемъ*) «съ нимъ будетъ... И Генваря въ 26 Александръ Царь въ Заемъ пріѣхалъ и Митрополитъ Микола съ нимъ.» — О *новомъ титулѣ* Ѳеодора см. въ дипломатическихъ бумагахъ сего времени, на примѣръ въ Дѣл. Польск. No 21, л. 208, въ наказѣ Посланника Іслѣньева: «нѣто учнутъ его спрашивати, почему Государь пишетца въ титулѣ *Государемъ Иверскіе земли, Грузинскихъ Царей* и *Кабардинскіе земли Черкасскихъ и Горскихъ Князей?* и Данилу говорити: тѣ Государства приложилися къ Государю нашему вновѣ: Грузинскіе Царя, Александръ и Симонъ, учинились подъ его рукою, а были подъ Турского... а Кабардинскіе Князи издавна.»

(126) Въ Дѣлахъ Литов. No 16, л. 24 на об.: «а нынѣ (въ 1586 г.) Шахъ къ Государю нашему шлетъ Пословъ своихъ Великихъ, Удѣльного Князя, съ сеунчемъ (извѣстіемъ), что побилъ Турскую рать до ста тысячь, и Асманъ-Пашу убилъ.» См. о Посольствѣ Григорья Васильчикова и Подьячаго Монастырева въ Дѣлахъ Персид. No 1, л. 2 и слѣд.

(127) Въ Дѣлахъ Персид. л. 30 и слѣд.: «Іюля въ 29 (1588) Григ. Васильчиковъ и Кизылбашской Посланникъ изъ Асторахани пошли... съ Волского устья на море Авг. въ 4, и носило бусу моремъ 7 недѣль... и пришли межь Гилянского Царя земли и Маликова города, а Царь Маликъ Кизыльбашскому непослушенъ... и Григорей пошелъ на бусѣ къ Гилянской пристани... и пріѣхалъ въ городъ въ Лянгуръ... Говорилъ Айдаръ» (чиновникъ Гилянскій) «Григорью: Государь нашъ, Ханъ Ахметъ, велѣлъ тебѣ ѣхати къ себѣ въ Лагозенъ... И того дни (14 Окт.) Григорей у Царя былъ... и Царь сѣлъ за столъ и велѣлъ ему, Подьячему и толмачю сѣсти за тою жь скатертью, противъ себя, а столъ былъ на землѣ по ковромъ.» Царь или Ханъ Гилянскій держалъ Васильчикова около двухъ мѣсяцевъ, и наконецъ отпустилъ къ Аббасу въ Казбинъ. Чиновники Шаховы сказали ему, что Аббасъ приметъ его сидя на конѣ; а Васильчиковъ отвѣчалъ: «что гдѣ слыхано, што Посломъ великаго Государя Посольство править, а Государъ на конѣ сидитъ?... И Приставъ говорилъ: ты пріѣхалъ къ Государю нашему, и тобѣ дѣлати по его волѣ, а обычаевъ тебѣ въ чюжой землѣ не уставить... И Приставы ѣздили къ Шаху и пріѣхавъ говорили: Шахъ твоего хотѣнья не изневолилъ и хочетъ дѣлати все по твоему хотѣнью... Апр. въ 9 велѣлъ Шахъ Григорью быти у себя на дворѣ... а Шахъ сидѣлъ подъ навѣсомъ на коврѣхъ... а послѣ Государева поклона правилъ Григорей отъ Бориса Ѳедоровича поклонъ... Клалъ Шахъ на Григорья руку... Пришедъ къ Григорью Дьяки Мурза Литвинъ, говорилъ: Шахъ велѣлъ былъ нынѣ тебѣ быти у стола, да сказали Шаху, что вы нынѣ скорому не ѣдите. Шахъ таковъ радостенъ учинился о ссылкѣ Государя вашего, о братцкой любви и дружбѣ, и не хочетъ ни съ которыми Государи быти въ такой любви, что съ вашимъ. А нынѣ велитъ тебѣ быти у себя у своей потѣхи, а иныхъ никоторыхъ Государей Послы у его потѣхи не бываютъ... Турской Салтанъ съ Шахомъ въ ссылкѣ, чтобъ далъ Шахъ за Турского сестру свою, да прислалъ бы къ Турскому племянника своего, Амзы-Мурзина сына, Шахъ Смаилъ Мурзу, а Турской дастъ за него дочь свою; а которы городы, Тевризъ и иные, опричь Ширвана и Шемахи, и Баки и Дербени, поималъ у Шаха, и тѣхъ городовъ Шаху поступитца... А какъ Шахъ послышалъ приходъ Государева Посланника, и Шахъ велѣлъ Турскихъ Пословъ розвести по городомъ... А поималъ Турской у Шаха, опричь Тевриза и Шемахи, и Ширвана, и Баки, и Дербени, городъ Эреванъ, Шабранъ, Кабеля, Агдашъ, Решта, Кешъ, Магмудова, Хой, Нохчюванъ, Дурванъ; да въ томъ году, какъ Григорей пришолъ, взялъ городъ Кенжю, городъ Берда, да отъ Казбина за 5 денъ городъ Амоданъ, и розорилъ, и поставилъ за днище отъ того мѣста два города.»

(128) См. тамъ же, л. 166 — 212. Послы Шаховы пріѣхали къ намъ въ Маѣ 1590.

(129) Въ Дѣлахъ Грузин. No 1, л. 71: «пришли къ Шаху Ишпанскаго Короля Послы, Филиппъ Дрейфъ съ товарыщи, а съ ними 400 человѣкъ, о миру и о ссылкѣ, и стояти бы имъ на Турскаго за-одинъ; и Шахъ-дей велѣлъ Турского и Ишпанского Короля Посломъ быти у себя вмѣстѣ, и какъ-дей съѣхались, и тутъ-дей была у нихъ брань великая, и битца хотѣли; а задоръ-дей былъ Ишпанскаго Короля Пословъ.»

(130) Въ Дѣлахъ Персид. л. 199: «и мы чаемъ не токмо противъ Турского стоять, мы сами Турсково со Государства сгонимъ.»

Дары присланные Шахомъ (л. 190): Сѣдло Кизылбашское дѣло; настилка бархатъ Кизылбашской; луки и звезди кованы золотомъ, въ нихъ вдѣланы яхонты червчаты и лалы и бирюзы; войлоки бархатъ; крыльца и тебенки камка; стремена желѣзные обогнуты серебромъ; пряжи серебрены; пуслища а подпруги тканы въ крушки, шолкъ чорнъ да лазоревъ, да червчатъ да бѣлъ съ золотомъ и серебромъ: цѣна 526 рублевъ» (т. е. около десяти тысячь нынѣшнихъ рублей ассигнаціями) узда и паперсть хозъ чорнъ, опушено гзомъ празеленымъ; пряжи и наузольники и запряжники, у паперсти крюки и запряжники золоты: цѣна 31 рубль. Коверъ розные цвѣты съ золотомъ и серебромъ: цѣна 30 рублевъ. Два лала: цѣна 150 рублевъ. Шатеръ и полы, выбиванъ по отласу и по тафтѣ, и шитъ шелки, подложенъ киндяками; соха писана золотомъ твореннымъ: цѣна 792 рубли. ... Посолъ Бутакбекъ Государю челомъ ударилъ: камка шолкъ бѣлъ да червчатъ, по ней звѣри и козы: цѣна 6 рублевъ; бархатъ Бурской червчатъ, мѣры въ немъ 10 аршинъ съ четью: цѣна 12 рублевъ... коверъ Бухарской розные цвѣты, кисти шолкъ зеленъ: цѣна 10 рублевъ... сабля булатна, наведена золотомъ, ножны хозъ празеленъ: цѣна 5 рублевъ,» и проч. Л. 184: «И того дни Кизылбашскіе Послы у Государя ѣли; а столъ былъ въ Большой въ Грановитой полатѣ, а поставцы были въ полатѣ около столба всѣ, и у дверей надъ трубою, и въ сѣнехъ передъ полатою по лѣвой сторонѣ стояли суды серебреные всѣхъ поставцовъ; а по правой сторонѣ, вышедъ изъ полаты, стояли бочки и ведра серебреные и ковши большіе. А Государь сидѣлъ за столомъ въ своемъ Государевомъ мѣстѣ, а мѣсто было учинено золото съ треми степенми; а передъ Государемъ былъ столъ золотъ; а по лѣвую сторону въ окнѣ отъ Благовѣщенья стоялъ столъ Нѣмецкое дѣло, камень деманитъ на ножкахъ серебреныхъ, а на немъ язычки; а въ другомъ окнѣ по правую сторону стояли *часы боевые* золочены, Нѣмецкое дѣло, походные на слонѣхъ. А Бояре сидѣли за столомъ, въ большой лавкѣ, К. Ѳед. Мих. Трубецкой, да Дм. Ив. Годуновъ, да Борисъ Ѳедор.

Годуновъ; а иные Бояре и Дворяне Большіе въ шубахъ нагольныхъ и въ шапкахъ чорныхъ. А въ другой лавкѣ сидѣли Дворяне выборные въ нагольныхъ же шубахъ и въ шапкахъ. А Послы сидѣли въ кривомъ столѣ въ лавкѣ . . . а противъ ихъ сидѣлъ и подчивалъ Дм. Ив. Вельяминовъ . . . А Стольники и Стряпчіе всѣ были въ золотномъ платьѣ . . . А подача Посломъ отъ Государя была послѣ Бориса Ѳед. Годунова.»

Титулъ Государевъ въ письмѣ къ Шаху (л. 223): «Бога безначальнаго, невидимаго, превыше небесъ пребывающаго, и словомъ вся сотворшаго, и духомъ Своимъ всѣмъ животъ дарующаго, страшнаго и неприступнаго, владающаго силами небесными и устрояющаго по всей земли всяческая, Его же трепещутъ и боятся небесная и земная и преисподняя, Сего силою и дѣйствомъ стоимъ и движемся и пребываемъ, и величеству Его славу возсылаемъ, утвердившаго насъ скифетръ держати православія и пастырствовати словеснымъ Его овцамъ, мы великій Государь,» и проч. Борисъ также писалъ къ Шаху. Въ тоже время были отпущены изъ Москвы и Гилянскіе Послы, 29 Іюня 1590.

(131) См. тамъ же, л. 269.

(132) См. ниже о многочисленности Ѳеодорова войска въ Шведскомъ походѣ 1590 года.

(133) См. Розрядн. Кн. Ѳеодорова времени; на примѣръ: «Посылалъ Государь (въ 1584 г.) на берегъ смотрити по полкомъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ и Стольниковъ: въ большой полкъ въ Серпуховъ, да въ большой же полкъ за рѣку на Тулу Стольника С. В. Сабурова, въ правую руку въ Олексинъ да въ передовой полкъ въ Колугу Стольника своего, К. А. Д. Хилкова; въ сторож. полкъ на Коломну да въ лѣвую руку на Каширу К. А. А. Рѣпнина.»

(134) Въ *Двинск. Лѣт.*, въ Рос. Вивліоѳ. XVIII, 15: «въ 95 году (1587) пріѣхалъ писать Двинскихъ жителей и пашенныхъ земель и всякихъ угодій К. Вас. Андр. Звенигородской, и въ 96 и 97 годѣхъ писалъ на Двинѣ; онъ же и Воеводою былъ.» Въ Дѣлахъ Польск. 1591 г. No 21, л. 208: «что ни есть земель всего Государства, всѣ сохи въ *торханехъ* учинилъ, во льготѣ» (т. е. Борисъ положилъ на сохи легкую дань).

(135) Тамъ же, стр. 15.: «Въ лѣто 7092 присланы съ Москвы на Двину Воеводы Петръ Аѳан. Нащокинъ, да Залѣшанинъ Никифоровъ сынъ Волоховъ. Оные Воеводы отъ морскаго устья за 30 верстъ, надъ Двиною рѣкою, на Пуръ на волокѣ кругъ Архангельскаго монастыря, Архангельской городъ древянной однимъ годомъ поставили, и съѣхали къ Москвѣ.» См. выше, примѣч. 53.

(136) Въ Хронографѣ Гр. Толстаго, г. 1589: «заложенъ въ Астрахани городъ каменъ.»

(137) См. Хронографы и Латухин. Степен. Кн.; въ первыхъ строитель Бѣлаго города именованъ Конономъ Ѳедоровымъ (съ прибавленіемъ, что онъ занимался симъ дѣломъ около семи лѣтъ), а въ послѣдней Ѳедоромъ *Конемъ*.

(138) См. Въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ *Отправленіе посланника Ив. Хлопова къ К. Урусу* (въ Іюнѣ 1586), гдѣ сказано: «а въ тѣжь поры, пришедъ на Яикъ Казаковъ съ шесть сотъ и съ семь сотъ, поставили городъ большой,» и проч. Князь Щербатовъ, ссылаясь на Розряд. Кн., пишетъ, что Государь въ 1595 году послалъ въ Астрахань Окольничаго Ив. Мих. Бутурлина, *Казначея* Дементія Ив. Черемисинова, Дьяка Ѳому Панина, и съ ними Воеводъ, Ждана Степ. Сабурова и К. Владим. Вас. Кольцова-Мосальскаго, велѣвъ послѣднимъ заложить городъ *на Тетюшахъ*, то есть, на устьѣ *Яика*, куда они ходили на судахъ, и гдѣ построили острогъ съ воротами, ввѣривъ его храненіе дружинѣ Стрѣльцевъ. Я не нашелъ сего извѣстія въ Розряд. Кн. *Тетюши* далеко отъ *Яика*. Въ Большомъ Чертежѣ, сочиненномъ, какъ думаю, въ концѣ Ѳеодорова царствованія, сказано: «пала въ Яикъ Илезъ рѣка; а на устьѣ той рѣки островъ Кошъ Яикъ; а промежъ тѣмъ протокомъ и рѣки Яика на острову *Казачей городокъ*» (въ немъ не бывало Стрѣльцовъ).

(139) На примѣръ, въ Дѣлахъ Персид. No 1, л. 194: «Маія въ 13 (г. 1590) по Государеву указу у Конюшего и у Вел. Боярина . . . у Бор. Ѳед. Год., были на дворѣ Кизыльбашскіе Послы; а посылацы по нихъ Приставы Ондрей Клобуковъ да Дм. Тургеневъ, да переводчикъ С. Степановъ . . . а встрѣтилъ Пословъ на середней лѣсницѣ Бориса Ѳеодоровича Дворецкой Богданъ Ивановъ; а какъ вошли къ Борису Ѳ. въ переднюю избу, и явилъ ихъ Борису Ѳ. *челомъ ударити* Казначей его Девятой; и Борисъ Ѳ. звалъ Пословъ карашеватца» — однимъ словомъ, точно такъ, какъ у Царя.

(140) См. выше. Въ 1586 году Бояре Царской Думы такъ писались: «Отъ Боярина и Намѣстника Володимірского, отъ К. Ѳед. Ив. Мстиславского — отъ Б. и Н. Псковского, отъ К. Ив. Петр. Шуйского — отъ Б. и Н. Новогородцкого, отъ Дм. Ив. Годунова — отъ Б. и Конюшего и Намѣстн. Казан. и Астрах., отъ Бор. Ѳед. Годунова — отъ Б. и Н. Двинского, отъ К. Ондр. Ив. Шуйского — отъ Б. и Н. Костромского, отъ Степ. Вас. Годунова — отъ Б. и Дворецкого, отъ Григорья Вас. Годунова — отъ Б. и Н. Каргопольского, отъ К. Дм. Ив. Шуйского — отъ Б. и Дворецкого Казанского и Нижегородцкого и Намѣстника Резанского, отъ Ив. Вас. Годунова — отъ Б. и Н. Вологоцкого, отъ К. Микиты Романовича Трубетцкого — отъ Б. и Н. Нижегородцкого, отъ Ѳедора Никитича Романова — отъ Б. и Н. Устюжского, отъ К. Тимоѳея Роман. Трубетцкого — отъ Б. и Н. Ржевского, отъ К. Ив. Вас. Ситцкого-Ярославского — отъ Б. и Н. Бѣлозерского, отъ К. Ѳед. Дм. Шестунова — отъ Б. и Н. Коломенского, отъ К. Ѳед. Мих. Троекурова — отъ Кравчего и Н. Коширского, отъ Александра Никитича Романова — отъ Большихъ Діяковъ, отъ Ондрея да отъ Василья Яковлевичевъ Щелкаловыхъ.»

(141) См. Розряд. Кн. Ѳеодорова царствованія. На примѣръ: Маія въ 31 (г. 1584) ѣли у Царя Бояре, Бояринъ К. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйской, да Бояринъ Дм. Ив. Годуновъ, да Бояринъ Степ. Вас. Годуновъ, да Окольничей Ив. Ив. Сабуровъ, да Окольничей К. Дм. Петр. Елецкой.» Иногда Ѳеодоръ обѣдалъ также съ избранными Боярами въ Чудовѣ монастырѣ.

(142) См. Т. IV, 149, и примѣч. 324. Въ Родослов. Кн. сказано, что Князь Четъ выѣхалъ въ 1330 году.

(143) Въ *Никон. Лѣт.* (и въ другихъ): «Борисъ же съ своими совѣтники держаше великій гнѣвъ на Шуйскихъ, а они же ему противляхусь и никакожь ему поддавахусь ни въ чемъ; гости жь и всякіе Москов. торговые люди черные всѣ стояху за Шуйскихъ.» См. также Латухина Степен. Кн. Годуновъ примирился съ Шуйскими еще въ 1585 году.

(144) Такъ всегда отвѣтствовали Митрополиты Литовской Думѣ, когда она требовала ихъ ходатайства или содѣйствія въ мирныхъ переговорахъ съ Россіею.

(145) См. Судебникъ.

(146) Въ Степен. Кн. Латух.: *Премудрый Грамматикъ*, Діонисій Митрополитъ.» Въ Патріаршей

или Синодальной библіотекѣ хранится подлинная жалованная грамота, данная Царемъ Ѳеодоромъ Іоан. сему Митрополиту 24 Генв. 1585: «о невъѣздѣ въ его волости, въ монастырскія и въ села Митрополичьихъ Дѣтей Боярскихъ Государевымъ Посланнымъ, Губнымъ Старостамъ, Городовымъ Прикащикамъ и Разсыльщикамъ для денежныхъ сборовъ, и о взносѣ всякихъ податей съ церковныхъ недвижимыхъ имѣній въ казну на Москвѣ.»

(147) По невѣроятному сказанію Д. Хитрея, Царь Іоаннъ написалъ будто бы въ своемъ завѣщаніи, что если Ирина черезъ два года не будетъ матерью, то Ѳеодору развестись съ нею и жениться на другой. Въ Степен. Кн. Латух.: «Діонисій Митрополитъ, да Кн. Ив. Петр. Шуйскій и иныя Боляре Царевы Полаты, гости же Московскія и вси люди купецкія между себе сотвориша совѣтъ, и рукописаніемъ утвердишася, бити челомъ Государю, чтобы онъ чадородія ради вторый бракъ пріялъ, а первую свою Царицу Ирину Ѳеод. отпустилъ бы во Иноческій чинъ. Таковый же совѣтъ увѣдавъ Борисъ Годуновъ,» и проч. См. также *Ядро Рос. Ист.* 253; по Авторъ взялъ сіе извѣстіе изъ Петрея, который пишетъ (Musskow. Chron. 259): «Борисъ представилъ *Патріарху* (т. е. Митрополиту), что Ѳеодору лучше не имѣть сыновей: ибо они не могли бы мирно уступить короны Димитрію, ни Димитрій имъ.» Это невѣроятно: Димитрій не имѣлъ бы права на корону, если бы Ѳеодоръ оставилъ сыновей. Выбранную для Царя невѣсту Петрей называетъ сестрою Князя Floro Iwanowitz Zizlphouschis (вмѣсто: *Ѳедора Ив. Мстиславскаго*) прибавляя, что сей Князь былъ родомъ знатнѣйшій по Государѣ (въ самомъ дѣлѣ Мстиславскій считался *первымъ* родовымъ Вельможею), и что невѣсту *тайно* вывезли изъ дому въ монастырь. Меньшую сестру ея въ 1589 г. выдали замужъ за Князя Черкасскаго, Василія. Въ Дѣлахъ Польск. No 19, л. 28: «Говорити (въ Литвѣ посланному туда гонцу Андрею Иванову) «что Князь Ѳед. Ив. (Мстиславскій) при Государѣ въ великомъ жалованьѣ, и Борисъ Ѳед. его добрѣ любитъ, и Государь его нынѣ пожаловалъ, далъ ему сестрѣ его меньшой жениха, великово человѣка, Кабардинскіе земли Князя, Княжъ Канбулотова Черкасково племянника, а Князю Борису Черкаскому брата, который женился у Боярина у Микиты Романовича, поимъ дочь его,» и проч.

Кн. Ив. Ѳедор. Мстиславскій умеръ Монахомъ въ 1586 году: см. Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, 62.

(148) Въ Дѣлахъ Польск. No 18, л. 123: «Государь Царь Ѳедоръ Ивановичь, послѣ отца своего смерти, Князя Ивана Петр. Шуйского за его службу пожаловалъ великимъ жалованьемъ, въ кормленье Псковомъ обѣма половинами, и съ пригороды, и съ тамгою, и съ кабаки: чего никотому Боярину не давывалъ Государь. А братья его, К. Ондрей Шуйской съ братьею, учали измѣну дѣлать, неправду, и на всякое лихо умышлять съ торговыми мужики; а К. Ив. Петровичь, имъ потакаючи, къ нимъ же присталъ, и неправды многіе показалъ передъ Государемъ. И Государь ещо къ нимъ милость показалъ не по ихъ винамъ: памятуя Княжъ Иванову службу, опалы своей большой на нихъ не положилъ; сослалъ ихъ въ деревни — а братъ ихъ большой, К. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйской, слово до него не дошло, и онъ передъ Государемъ живетъ по старому: нынѣ съѣхалъ съ Государева жалованья, съ Каргополя.» — Въ *Никон. Лѣт.* (и въ другихъ): «Научи (Борисъ) на нихъ доводити людей ихъ, Ѳедора Старкова съ товарищи, и возложи на нихъ измѣну, и въ 95 году (1587) ихъ поимали... И Шуйскихъ съ приставы сослаша: К. Ив. Петр. въ вотчину ево въ село Лопатницы съ приставомъ со Княземъ Ив. Туренинымъ, а изъ Лопатницъ на Бѣлоозеро, и *удавленъ* бысть; а К. Андрея Ив. Шуйского сослали въ село Воскресенское, а оттуда въ Каргополь, и такоже *удавленъ* бысть,» и проч. См. также Латух. Степен. Кн. Въ Морозов. Лѣт.: «Въ лѣто 7095 (1587) Борисъ составляетъ соборъ лживый на образъ истинный, и возводя на великихъ и славныхъ Бояръ на Шуйскихъ, на К. Ив. Петровича, на К. Андрея и на К. Дмитрея, и на К. Александра и на К. Ив. Ивановича, и разсылаетъ ихъ по городамъ, въ темницы, въ заточеніе: К. Ив. Петровича на Бѣлоезеро, К. *Василья* да К. Александра въ Буй городокъ, К. Андрея въ Галичь, К. Дмитрея да К. Ивана въ Шую, и повелѣ на Бѣлѣезерѣ К. Ивана Петровича мученически скончати, К. Ивану Туреневу огнемъ сожещи въ темницѣ, и тако преставися въ лѣто 7097 (1589), и положиша мощи его въ Кирилловѣ монастырѣ; а К. Ив. Ивановича въ Шуѣ городѣ повелѣ въ темницѣ Смирному Мамонтову убити, Маія въ 8 день... А многихъ Царскихъ Дворянъ и Приказныхъ, и гостей и торговыхъ людей разослаша въ поморскія городы, и въ Сибирь, и на Вологду, и на Терки, въ темницы и въ пустыя мѣста.» Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «первое всѣхъ улуши (Борисъ) сѣномъ Князя Ивана Петровича Шуйского, и гостя большаго Московскаго *Голуба* (вмѣсто Нагая) казни, имъ же приказалъ Царь Иванъ Царство и сына своего Ѳеодора хранити» (Шуйскому, такъ; но не Голубу).

(149) Флетчеръ 27: accounted among them for a man of a great wisedome.

(150) Гейденштейномъ и Флетчеромъ.

(151) См. Т. IX, примѣч. 506, и Кельха 392.

(152) См. Флетч. Com. Wealth. 16, 17. — Марія и дочь ея погребены въ Троицкой Лаврѣ въ храмѣ Успенія, подлѣ стѣны, на лѣвой сторонѣ. Надъ гробницами слѣдующая надпись: «Лѣта 7097 (1589), Марта въ 17 день, преставися благовѣрная Королевна Евдокея. Лѣта 7105 (1597) Іюня 13 дня преставися благовѣрная Королева Инока *Марѳа* (имя Маріи въ Иночествѣ) Владимеровна.» — Подлѣ сей же церкви, въ маленькой палаткѣ, лежитъ Борисъ Годуновъ.

(153) Флетч. С. W. 107.

(154) Флетчеръ говоритъ, что сію икону приносилъ, за Отцемъ Духовнымъ, *Крестный Діакъ*, Chresby Deyack *Profery*; что Ирина имѣла свой особенный столъ, и только въ заговѣнье обѣдала и спала въ одной комнатѣ съ Царемъ; что къ Заутренѣ Ѳеодоръ ходилъ въ свою домовую церковь (Chappell), а къ Обѣднѣ въ большую придворную (within his castle), обыкновенно въ 9 часовъ утра.

(155) Въ *Морозов. Лѣт.*: «аще кто восхощетъ о чемъ бити челомъ на выходѣ самому Государю, Государь же, избывая мірскія суеты и докуки, посылаше ихъ бити челомъ Большему Боярину Годунову: тако бо его Государь изволилъ назвати.»

(156) Флетч. С. W. 21 на об.: Wherin the empresse that nowe is, being a woman of great clemencie, and withall delighting to deale in publike affaires of the Realme (the rather to supply the defect of her husband) doeth behave her-self after an absolute manner, giving out pardon (specially on her birth-day and other solemne times: то есть, Царица прощала людей, особенно въ день своего рожденія или въ другіе торжественные дни) in her owne name, by open proclamation, without any mention at all of the Emperour.

(157) См. Гейденшт. Res. Pol. 238 — 241. Баторій умеръ по Старому Стилю 2 Дек. — Ржевскій выѣхалъ изъ Москвы 20 Генв. 1587, а возвратился въ Маѣ. См. Дѣла Польск. No 17.

(158) Тамъ же, л. 322: «надо всѣмъ всего больши любовь, яко Апостолъ рече: аще хто и горы преставляти можетъ, а любви не иматъ, ничто же есть.» Далѣе см. л. 323 — 338. Литовскіе Послы размѣнялись договорными записями съ Боярами 27 Апр., а выѣхали 4 Мая: наши отправились изъ Москвы 11 Іюня, и 12 Іюля пріѣхали въ село Окунево близъ Варшавы (которая въ Статейныхъ Спискахъ всегда называется *Аршевъ*); см. Дѣла Польск. No 18, л. 1 — 350.

(159) Тамъ же, л. 65 на об.: «И въ Катайское въ великое Государство, въ которомъ родитца всякой дорогой камень и золото.» — Ниже, л. 119, о Царевичѣ: «Нѣчто учнутъ Паны Рада говорити, чтобъ Государь далъ намъ на Государство, на Корону Польскую и на Вел. Княж. Литовское, брата своего... То дѣло несходное: Царевичь еще младъ, всего четырехъ лѣтъ,» и проч.

(160) Тамъ же, л. 268: «А какъ Послы вошли въ Коло, и у воротъ встрѣтили Пословъ Бискупъ Кіевской, да Воевода Полотцкой, да Бряславской. ... И какъ Послы пришли, и Паны встали ... И Степ. Васильевичь поклонъ правилъ и о здоровьѣ спрашивалъ, и Паны спрашивали о Государевѣ здоровьѣ... Да послѣ Князь Ѳеодоръ подалъ Паномъ Радамъ грамоту вѣрющую... И Паны говорили: сядьте, да говорите Посольство; а мы учнемъ слушати сидя жь: такъ у насъ на олекцѣе (элекціи) ведетца... И Послы говорили: то намъ какъ учинити, чтобъ Посольство Государя своего сидя правити?... И Паны говорили: вамъ обычай здѣшней сказываемъ; а вы, какъ хотите. ... И сѣли Паны Рада.

(161) Тамъ же: «хотя бы и Римъ Старой и Римъ Новой, царьствующій градъ Византія, почели прикладыватися къ Государю нашему, и Государю свое Государьство Московское какъ мочно подъ которое Государьство поступитися?»

(162) См. Журналъ Сейма 1587 г. на Польскомъ языкѣ въ выпискахъ Аб. Альбертранди изъ Ватиканской Библіотеки (Т. IX, примѣч. 329).

(163) Такъ сказалъ Христофъ Зборовскій, прибавивъ: «Русскіе въ знакъ привѣтствія снимаютъ шапку съ какою-то угрюмою важностію, болѣе грубою, нежели учтивою.» Противъ Ѳеодорова избранія говорили еще Кардиналъ Радзивилъ и Воевода Познанскій; а за Ѳеодора Воевода Виленскій и Троцкій, Епископъ Виленскій, Янъ Збаровскій и многіе иные.

(164) Въ рѣчи Маршала Литовскаго: odmienne i wykrętne.

(165) См. Дѣла Польск. No 18, л. 293 — 299, 304, 318, 320.

(166) Тамъ же, л. 320 на об.: «А Цысарева брата и помянуть нихто у насъ не хочетъ, для того, что онъ не богатой Государь, а се къ тому должной; а Цысарь, братъ его, и самъ долженъ, и дань даетъ Турскому; и какъ только у насъ Цысаревъ братъ на Государствѣ будетъ, и онъ тотчасъ захочетъ богатѣти, да и долги платити, а то все станетъ съ насъ лупить... Захочетъ съ Турскимъ воеватися, а сбирать съ насъ же станетъ; а своего ему на войну дати нѣчево: мало ль что сулитъ для своего Государства, а нѣтъ ничего. Да и потому Цысаревѣ брата не хотимъ, которые Государства поддались Цысарю, и онъ у нихъ всѣ права поломалъ, и дань на нихъ положилъ, какъ стянуть нельзя... У насъ то писаное дѣло, что Нѣмецкой языкъ Словенскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ котораго Нѣмчина взять собѣ за Государя?»

(167) Тамъ же, л. 306 и 307: «Канцлеръ и иные съ нимъ не многіе» (сказали нашимъ Посламъ Депутаты Сейма, Авг. 13) «Паны обрали Свейского сына, а Воевода Познанской да Збаровскіе Цысарева брата, а мы, всѣ Литва и Поляковъ большая половина, и Кіевъ, и Волынь, и Подолье, и Подляшье, и Мазовша, всѣ жадали есмя Государя вашего, да стало за Вѣрою да за пріѣздомъ, что Государь вашъ скоро не пріѣдетъ — а сами знаете, что Государству безъ Государя быти трудно; только бъ намъ вашего Государя пріѣздъ былъ вѣдомъ, и мы бъ, обравъ его, тотчасъ всѣ своими головами рушилися х' Кракову и коруны бъ не дали ни Шведу, ни Цысареву брату... Сталося на вашемъ словѣ: олекцѣю есмя разорвали, а хотимъ съѣздъ учинити о обиранье Государскомъ инымъ чиномъ. А вамъ нынѣ еще про Государя вашего не отказываемъ: онъ стоитъ у насъ на Божьей волѣ.» — См. также Гейденшт. R. P. 242 и слѣд.

(168) Перемиріе было заключено 16 Авг. Послы возвратились въ Москву 20 Сент. Елизаръ Ржевскій выѣхалъ въ Литву 20 Окт., а пріѣхалъ назадъ 4 Февр. 1588.

(169) См. Договоръ Сигизмундовъ въ Дѣл. Польск. No 18, л. 346, гдѣ сказано: «А такимъ соединеньемъ двухъ крѣпкихъ Королевствъ» (Польскаго съ Шведскимъ) «естли не всю Москву подберетъ (Сигизмундъ), тогда меньшое отобранье Псковъ и Смоленскъ за помочью Божьею. А къ тому обѣцуетъ его Княжачая милость, которое пристанище у Николы Св. на Окіянѣ, (то отъ Москвы оторвать), и онъ то хочетъ учинити корабли воинскими, которые на то учинены, тое дорогу затворить, и тѣ бы прибытки и купечества были въ воичемъ пристанищѣ, а отъ Москвы въ оторванье, и въ томъ Московскому Государству убытокъ великой будетъ.»

(170) См. Дѣла Цесарск. No 5, л. 165. Въ Апр. 1587 пріѣзжалъ въ Москву Генрикъ Гогель отъ Максимиліана съ извѣстіемъ объ избраніи его въ Администраторы Нѣмецкаго Ордена. Въ Генв. 1588 Царь послалъ къ Рудольфу Дворянина Рѣзанова, а въ Февр. Нѣмца Лукаша Магнусова. См. л. 165 и 309. Въ числѣ Азіатскихъ Владѣтелей, готовыхъ помогать намъ на Турковъ, упоминается о *Изюрскомъ* Царевичѣ, у коего могло быть до 30 тысячь воиновъ.

(171) Тамъ же, л. 346: «отпустили есмя съ Москвы» (пишетъ Царь къ Воеводѣ Колмогорскому) «Цесарскихъ Нѣмецъ, а итти имъ къ Цесаревѣ области моремъ на Амборхъ.»

(172) См. тамъ же, л. 270 и слѣд. Сей Посланникъ именуется въ Русскихъ бумагахъ Миколай Варкачь Снопшицъ изъ Велемздорфа.

(173) Съ слугою Николая Варкоча, пріѣзжавшимъ въ Москву въ 1591 году (л. 382 — 385).

(174) См. выше, стр. 33.

(175) См. Дѣла Крымск. No 17, л. 70 и 406. Въ Іюлѣ 1588 возвратился изъ Тавриды нашъ гонецъ Судаковъ съ извѣстіемъ о смерти Исламъ-Гирея: Ѳеодоръ посылалъ къ новому Хану двухъ чиновниковъ, въ Окт. 1588 и въ Мартѣ 1589; отъ Хана же пріѣзжали гонцы въ Москву разъ пять или шесть до 1590 года.

(176) См. Розрядн. Кн. г. 1588 — 1590.

(177) См. выше, стр. 31. Дѣла Швед. No 5, л. 202 — 257, и Далин. Gesch. des R. Schw., глав. XV, 134. Съ нашей стороны Послами были Бояринъ Кн. Ѳеодоръ Дмитр. Шестуновъ и Думный Дворянинъ Игнатій Петр. Татищевъ, а съ Шведской Клаусъ Охсъ и проч.

(178) Въ *Дѣлахъ* Швед. No 6, л. 2, въ письмѣ Ѳеодоровомъ къ Королю Іоанну: «Въ грамотѣ своей писалъ еси, будто наши люди, воинскимъ обычаемъ пришедъ въ вашу землю, въ Остроболъ и въ Савалокъ, въ Финскую Корелу, пожогами и грабежомъ и убойствомъ, молодыхъ и старыхъ мужей и жонъ мучили и казнили,» и проч.

(179) Въ Дѣл. Польск. No 20, л. 338: «Яганъ Король до сроку мирное постановленье порушилъ, и къ нашему Царск. Величеству писалъ, что онъ пришелъ въ Колывань со многими людми воинскими, и до того ему сроку перемирья не держать; и изъ Каянскихъ Нѣмецъ приходили многіе Нѣмецкіе люди въ нашу вотчину Новогород. землю о Петровѣ дни на приморскіе волости х' Колѣ, х' Керети, х' Ковдѣ, Соловецкаго монастыря къ волостямъ, и къ Печенскому (Кольскому монастырю, и многихъ людей побили, а взяли животовъ больши ста тысячь рублевъ.»

(180) Въ Дѣл. Шведск. No 6, въ концѣ: «Пришла къ намъ твоя грамота, которая по прежнему писана неподобно и гордо... А та пособъ, которой ждешь отъ свата нашего и отъ иныхъ, и мы тому ради, что ты нынѣча сталъ безсиленъ, а ждешь отъ иныхъ помочи,» и проч.

(181) Окольничій Кн. Ѳед. Ив. Хворостининъ и Казначей Деменша Ив. Черемисиновъ, назначенные для третьяго съѣзда съ Швед. Послами, писали къ нимъ: «Государю нашему, не отыскавъ своее отчины, городовъ Лифляндскіе земли и Ноугородцкіе, съ вашемъ Государемъ для чего миритца? Нынѣ уже Государю вашему пригоже отдавати (намъ) всѣ городы, да и подъемъ Государя нашего заплатити, что Государь нашъ укажетъ.» См. Дѣла Швед. No 6, въ концѣ.

(182) Такъ велѣно было нашему Приставу, Семену Олферьеву, говорить Шаховымъ Посламъ въ Москвѣ: «Съ Государемъ нашимъ ходило рати всякіе съ триста тысечь, а Стрѣльцовъ и Козаковъ съ вогненнымъ боемъ съ пищалми, и Черкасъ и Нѣмецъ и всякихъ людей съ вогненнымъ боемъ до осьмидесяти тысечь; а наряду было пушекъ стѣнныхъ и верхнихъ 300.» См. Дѣл. Персид. No 1, л. 157.

(183) См. Розрядн. Кн. г. 1589—1590. Тамъ сказано: «Генв. 11 (1590) Государь Воеводъ перемѣнилъ, Кн. Михайла Катырева отставилъ, для тово, что на службу не поспѣлъ: живетъ въ деревнѣ.»

(184) Флетчеръ, л. 56: At this time ther principall man and most used in their warres, is one Knez Demetrie Ivanowich Forestine, an ancient and expert captaine, and one that hath done great service against the Tatar and Polonian. Сей знаменитый Воевода умеръ въ томъ же году (1590): см. Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 63.

(185) См. Розрядн. Кн., Дѣла Польск. No 20, л. 298, 299, 335, 337, и No 21, л. 253, 254 — Дѣла Персид. No 1, л. 159, и Далин. 168.

(186) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Ругодива не могли взять, понеже Борисъ имъ (Шведамъ) наровилъ, изъ наряду билъ по стѣнѣ, а по башнямъ и по отводнымъ боемъ бити не давалъ, и на приступѣ убиша К. Ив. Юр. Токмакова и иныхъ людей до 5000.» Въ Розрядн. Кн.: «Февраля въ 18 Государь велѣлъ быти у пролому Окольничему Сем. Ѳед. Сабурову, да К. Токмакову, а итти на пролом напередъ Токмакову, а съ нимъ Голова Стрѣлецкой В. Тулуевъ съ своимъ приказомъ съ 500 человѣки, да Голова О. Засѣцкой съ 500, да Черемиса и Мордва, да съ Гр. Микулинымъ Черкасъ 100 человѣкъ; а Воеводѣ Сабурову итти послѣ пролому, а съ нимъ 750 Стрѣльцовъ, да Боярскихъ людей 2380, да розные люди съ головою 500.»

(187) Дѣла Польск. No 20, л. 335: «И по нашему Царскому указу Дворовой нашъ Воевода, Конюшей и Бояринъ, Борисъ Ѳед., велѣлъ сдѣлати перемирья до Крещенья 91 году Дворянину Думному, Игн. Петр. Татищеву, да Діаку Дружинѣ Петелину съ Карломъ Индриковымъ, и закрѣпили Ягану Королю въ то время прислати своихъ великихъ Пословъ, о нашей отчинѣ Корелѣ и о Ругодивѣ и о иныхъ городѣхъ договоръ учинити, а Корелу и Ругодивъ отдати.»

(188) См. Т. IX, 256.

(189) См. *Никон. Лѣт.* VII, 333.

(190) См. Далина 176, 177, и Дѣла Польск. No 20, л. 336, 337.

(191) См. Дѣла Польск. No 20, л. 298.

(192) См. тамъ же, л. 1 — 190. Въ Іюлѣ 1590 посылали изъ Москвы въ Кіевъ Стрѣлецкаго Сотника развѣдать, собирается ли войско Литовское на границѣ, и жаловаться тамошнему Воеводѣ, Князю Василью Острожскому, на разбой Малорос. Козаковъ въ областяхъ Черниговской, Рыльской, Путивльской, на Осколѣ и на Донцѣ. Въ Розрядн. Кн.: «Апрѣля въ 20 день (1590) Черкасы (Козаки) пришедъ 600 человѣкъ, взяли городъ Воронежъ, а Воеводу К. Ив. Шибановсково Долгорукаго убили, и всѣхъ людей до одново человѣка высѣкли, а городъ сожгли.» — Вельможи Литовскіе хотѣли, чтобы Ѳеодоръ въ доказательство своего добраго къ нимъ расположенія велѣлъ Царевичу Муратъ-Гирею итти изъ Астрахани къ границѣ Крымской для обузданія Хана, который вмѣстѣ съ Турками готовился къ нападенію на ихъ землю. Бояре отвѣчали гонцу Литовскому: «Муратъ-Кирей нынѣ въ дальнемъ мѣстѣ... а есть у Государя нашего Царевичей много... и посылаетъ въ Сѣверу Царевича Араслань-Алея съ ратію, а съ нимъ Воеводъ своихъ, К. Ондрея Вас. Трубецкого съ товарищи.» Не въ угодность Панамъ, а для безопасности нашихъ собственныхъ границъ со стороны Литвы, Ѳеодоръ усилилъ войско въ Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Путивлѣ и Стародубѣ (см. Дѣла Польск. No 20, л. 174 и слѣд.).

Послы Сигизмундовы пріѣхали въ Москву 10 Окт. (см. тамъ же, л. 211 — 655).

(193) Л. 408: «Стефанъ хотѣлъ Корону Польскую и Вел. Княж. Литовское все подвести подъ его (Амуратову) руку — и такова Рыцаря Подкова, какова у васъ и не бывало, казнилъ для Салтана.»

(194) Сей договоръ (л. 545 — 554) сходствовалъ во всемъ съ прежними. Условились *не писать Нарвы ни въ нашу, ни въ Польскую сторону*, Царю не именовать Сигизмунда *дѣдичнымъ Шведскимъ*, а Посламъ Литовскимъ не называть Ѳеодора въ грамотѣ ни Царемъ, ни В. К. Смоленскимъ. — Въ особенной грамотѣ, о Королѣ Шведскомъ, сказано, что хотя и надлежало бы Россіи за его грубости и за двукратное нарушеніе перемирія воевать Швецію, но что изъ уваженія къ Сигизмундовой прозьбѣ и челобитью Годунова Ѳеодоръ велѣлъ остановить непріятельскія дѣйствія на годъ. — Послы выѣхали 23 Генв.; но главный изъ нихъ, Радоминскій, умеръ въ Москвѣ 6 Дек.: тѣло его отвезли въ Литву. — Мих. Салтыковъ и Дум. Дворянинъ Татищевъ отправились къ Сигизмунду 25 Февр. 1591.

(195) Въ Морозов. Лѣт. л. 77 на об.: «на всѣхъ людей найде страхъ... и вси стали ему покарятися и волю его во всемъ творити.»

(196) Въ Дѣл. Польск. No 21, л. 207, въ наказѣ данномъ Посланнику Ислѣньеву въ Іюлѣ 1591: «Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, тотъ начальной человѣкъ въ землѣ, и вся земля отъ Государя ему приказана, и строенье его въ землѣ таково, каково николи не бывало, какъ въ служилыхъ людяхъ, такъ въ торговыхъ и въ черныхъ: никто большой ни сильной никакова человѣка, ни ху-

дого сиротки, не изобидятъ; и строенье во всемъ, какъ городы каменные на Москвѣ и въ Астарахани подѣлалъ, такъ всякое украшенье многое устроилъ по всѣмъ городамъ, на Москвѣ и по всѣмъ по большимъ Государствамъ: такъ то учинилъ, у Государя печалуясь, что искони въ Московскомъ Государствѣ не бывало. Что ни есть *земель* всего Государства, всѣ сохи въ *торханѣхъ* учинилъ, *во льготѣ;* даней никакихъ не емлютъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу, а городовые дѣла всякie дѣлаютъ изъ казны наймомъ; а плотниковъ устроено больше тысячи человѣкъ: да тѣхъ по всѣмъ городомъ и посылаютъ. И много того строенья и промысла Бориса Ѳеодоровича, чего и переписать и переговорить не умѣть, какie прибытки и легости починилъ по Государеву приказу ... У Бориса Ѳеодоровича обычай таковъ, хоти въ маломъ въ чемъ на брата или на племянника на его хто побьетъ челомъ, и Борисъ Ѳеодоровичь тотчасъ и безъ суда своего хотя передъ сиротинкою обвинитъ и доправить велитъ безъ суда; таковъ Борисъ Ѳед. судъ праведной ввелъ, что отнюдь никтобъ никого не изобидилъ.»

(197) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ Греческiя Дѣла No 2, стр. 289 и 378. Іоакимъ прiѣхалъ 17 Іюня. Его честили въ Москвѣ, но не такъ, какъ Іеремiю. Вотъ любопытное обстоятельство: «Велѣлъ Государь итти Патреарху въ Соборную церковь къ Митрополиту; а Митрополитъ былъ въ Святительскомъ сану на устроенномъ мѣстѣ... а по обѣ стороны къ амбону стояли Архiеп. Ростовскiй и Архимандриты... И встрѣтилъ Патреарха въ южныхъ дверехъ Митрополичь Бояринъ, А. Плещеевъ, да Дворецкой Максакъ Судимантовъ, да Ключарь. И Патреархъ, вшедъ въ церковь, прикладывался къ образамъ; а послѣ того шелъ къ Деонисью Митрополиту, и Митрополитъ, сшедъ съ мѣста своего, Патреарха встрѣтилъ отъ мѣста съ сажень, и *Патреарха благословилъ напередъ, и послѣ Патреархъ благословилъ Митрополита; а о томъ Патреархъ поговорилъ слегка, что пригоже было Митрополиту отъ него благословенье принять напередъ, да и перестаоъ о томъ.»* — Въ Іюнѣ 1587 прiѣхалъ въ Москву Грекъ Николай, который сказалъ Андрею Щелкалову слѣдующее: «Наказали со мною словомъ Патреархи Цареградской и Антiохейской, что приказывалъ къ нимъ Государь, что Патреарха учинити на Руси; и Цареградцкой да Антiохейской Патреархи соборовавъ послали по Ерусалимского и по Александрейскаго Патреарховъ, а велѣли имъ быти въ Царьгородъ, и о томъ дѣлѣ соборовать хотятъ, и съ Собору хотятъ послати Патреарха Ерусалимского, и съ нимъ о томъ наказати, какъ соборовать и Патреарха учинить.»

(198) См. Дѣла Греческ. No 3, стр. 1 — 154. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: «Се роспись, что давана на Москвѣ корму поденного Патрiарху Іеремею и Моновасiйскому Митрополиту и Еласонскому Архiепископу, и Архимандриту и Старцомъ и слугамъ: Патрiарху колачь крупичатой и на 10 блюдъ ѣствы; Архидiакону Левонтью, да двумъ Священникомъ, да Чернцу, Казначею, Келарю, по три блюда ѣствы человѣку, да три колача смѣстныхъ, двѣмъ человѣкомъ колачь; толмачю да Дьякону по два блюда да колачь смѣстной; Патрiаршескимъ девяти служебникомъ по два блюда, 4 колача; Митрополиту полколача бѣлого, по пяти блюдъ ѣствы» (Архiепископу тоже)... «А питья Патрiарху съ Старцы и служебники на день: крушка меду вишневого, крушка малинового, крушка меду *Боярского*, ведро паточного, полведра квасу *щавного* людемъ его, и на приходъ по 4 ведра съ полуведромъ меду цѣженого на день... Іюля въ 21 Государь велѣлъ Патрiарху быти у себя... а Государь былъ въ *подписной золотой полатѣ*, а сидѣлъ на Царьскомъ мѣстѣ въ Царскомъ платьѣ ... Бояре и Окольничiе и Дворяне въ золотномъ; а въ проходной полатѣ и по крыльцу Дворяне и Дѣти Боярскie и Приказные люди въ золотномъ и въ чистомъ платьѣ . . . Поднесъ Патрiархъ Государю панагею золотую съ мощми, а въ ней крестъ отъ Животворящаго древа и кровь Христова, да часть отъ ризы Христовы, да часть отъ копья, да часть отъ трости, да часть отъ губы, которою поили Христа оцтомъ, да часть отъ тернового вѣнца, да три пуговицы отъ ризы Богоматери; мощи Св. Великого Царя Костянтина, кость ручная отъ лохтя въ кiотѣ серебряномъ (а привезъ тѣ мощи въ Царьгородъ изъ Сербскie земли Сюлейманъ Салтанъ и отдалъ Патрiарху бывшему Іеремею въ Пречистую Богородицу), «да Св. Якова руку по локоть. Да поднесъ Патрiархъ Царицѣ Иринѣ панагею золоту, а въ ней камень, а на камнѣ образъ Св. Марины, Св. Ивана Златоустаго отъ руки перстъ малой» (и проч. и проч.) . . . «А велѣлъ Государь Патрiарху сѣсти блиско себя въ другой лавкѣ по правой сторонѣ . . . и явилъ Государево жалованье Патрiарху Казначей Ив. Вас. Траханiотовъ: кубокъ серебрянъ двойчатъ, портище бархату рытого синево, портище бархату багрового гладково, портище отласу, камки багровые, синie, 40 соболей въ 60 рублевъ, другой сорокъ въ 30 рублевъ, 300 рублевъ денегъ.»

Спутникъ Іеремiинъ, Арсенiй, Архiеп. Элассонскiй, описалъ, новымъ Греческимъ языкомъ, свое пребыванie въ Москвѣ. Сiя любопытная рукопись хранилась въ Туринской библiотекѣ и была напечатана въ книгѣ изданной тремя Италiянскими Учеными въ 1749 году, подъ титуломъ: Codices manuscripti Bibl. Regii Taurinensis Athenaei. Латинскiй переводъ Арсенiева путешествiя (Descriptio itineris in Moscoviam, etc.) помѣщенъ. Гм. Вихманомъ въ его Sammlung kleiner Schriften etc. I, стр. 57 — 123.

(199) Въ Дѣл. Греч. No 3: «Былъ у меня» (слова Іеремiи) «Греченинъ подъ началомъ, да избѣгъ и обусурманился . . . и почалъ наносить Салтану на меня и взводить великiя богатства. . . а къ тому почалъ докупатися у Пашей на Патрiаршество Ѳеолиптосъ и (хотѣлъ) давати Салтану сверхъ прежнie дани 2000 золотыхъ . . . и Салтанъ грамоты прародителей своихъ порушилъ, и велѣлъ быти въ Патрiархѣхъ Ѳеолиптосу . . . и на меня опалу положилъ. . . а на пятой годъ отставилъ, и церковь Божiю и все церковное строевье разграбилъ, и учинилъ въ ней мизгитъ, а по меня прислалъ.»

(200) Тамъ же, л. 74: «Будетъ на то (говоритъ Іеремiя) воля Великаго Государя, чтобъ мнѣ быти въ его Государствѣ, и язъ того не отмещусь: только мнѣ въ Володимирѣ быти невозможно, зане же Патрiархи бываютъ при Государѣ всегда: а то что за Патрiаршество, что жити не при Государѣ?» Слѣдственно Арсенiй несправедливо пишетъ (Descr. itineris in Moscov., Вихм. Kleine Schrift. стр. 70), что Іеремiя никакъ не хотѣлъ быть Россiйскимъ Патрiархомъ, къ великой печали Годунова и Царя.

(201) Въ *Собр. Г. Грамотъ*, II, 94, въ докладѣ Царю отъ Патрiарха Іеремiи и всего Россiйскаго Собора: «Л. 7097, Генв. 23, дня изволенiемъ Господа Бога. . . и повелѣнiемъ Государя . . . въ храмѣ Пречистые Богородицы . . . въ придѣлѣ Ея Похвалы, у цѣлебныхъ гробовъ великихъ Чудотворцевъ, сѣдоша и избраша» (по благословенiю Іеремiи, Монемвас. Митрополитъ Іероѳей, Тихонъ Архiеп. Казан., Іовъ Еп. Суздал., Сильвестръ Смоленск., Арсенiй Элассонскiй, Митрофанъ Рязан.,

Захарія Тверск., Іосифъ Коломен., Геласій Сарскій и Подонскій).

(202) См. въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ *Совѣтъ Царя Ѳеодора Іоан. съ Патріархомъ Іеремією.* Тамъ сказано: «Повелѣніемъ Государя ѣздилъ къ Пресвятѣйшему Іеремею Патріарху Діякъ Ондрей Щелкаловъ, и о Патріаршескомъ поставленьѣ его роспрашивалъ. А се переводъ съ Греческого письма Іеремея II. Вселен. о поставленьѣ Патріаршескомъ. . . Кого Царь произволитъ (въ Патріархи), къ тому пошлютъ въ келью дву человѣкъ, извѣстить ему, что его Царь и Патріархъ хотятъ нарицати въ Патріархи. . . и тому избранному тѣхъ двухъ почтити, а дѣлаютъ то втай . . . и какъ Соборомъ отпоютъ Вечерню . . . послѣ молебна возметъ (избранный Патріархъ) свѣщу въ руку, а въ другую письмо, а въ томъ письмѣ пишетца благодареніе Царю и Патріарху и всему Собору; и къ тому Избранному въ церкви придетъ которой Царевъ ближній человѣкъ со свѣщею, и станетъ противъ его, и учнетъ тому Избранному говорити: *Святый Царь и Самодержецъ, и Святѣйшій Патріархъ Іеремей, и весь Освященный Соборъ велѣли тебѣ говорити: призываютъ тебя возвышити на престолъ Владимерскій и Московскій и всея Русіи.* И тотъ Нареченный держитъ тому Цареву ближнему человѣку отвѣтъ: *коли меня грѣшнаго избралъ Святый Самодержецъ и Вселенскій Господинъ Іеремей со всѣмъ Осв. Соборомъ въ такій великій чинъ, и язъ о томъ Самодержцю Царю и Патріарху и всему Собору благодарю, и на себя тотъ чинъ пріимаю.* Да послѣ того Избранный всему Собору и всему народу говоритъ, чтобы ему соблюсти сіе стадо Господне . . . И какъ пойдетъ изъ церкви къ себѣ въ келью, и подаетъ Бояромъ и Дворяномъ сладости и питье.»

(203) Въ *Совѣтѣ Царя съ Іеремією:* «и Вселен. Патріархъ Іеремей Діаку А. Щелкалову сказывалъ, что Патріаршеское поставленье бываетъ такъ же, какъ и Митрополитомъ и Епископомъ.»

(204) Тамъ же: «среди церкви напишутъ мѣломъ орла двоеглаваго.» Въ *Чинѣ Облаченій* (см. *Рос. Вивліоѳ.* XVI, 308): «Святѣйшій Патріархъ въ постановленіи имѣетъ Ѳеатронъ или мѣсто о 12 степеняхъ и 12 *огненникахъ.*» Въ *Обрядѣ Посвященія Рос. Митрополитовъ,* въ бумагѣ врученной Дьякомъ Щелкаловымъ Патріарху Іереміи и находящейся въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ, сказано: «а *огненниковъ* учинити 8 человѣкъ, 4 передъ Нареченнымъ, а 4 у орла.» См. также Арсен. Descr. itin. in Moscov. 78 — 83.

(205) Въ *Чинѣ Облаченій:* «Въ ношеніи, въ великіе праздники, имѣетъ (Патріархъ) мантію бархатную зеленую съ высокими травы и со источники златыми и серебреными, клобукъ бѣлый, на немъ же водруженъ крестъ въ верху, въ концахъ же образы Чудотворцевъ обнизные, на скрижалехъ образъ Благовѣщенія; въ служеніи, въ великіе праздники, имѣетъ митру со крестомъ и съ коронюю, саккосъ съ передникомъ, 3 панагіи, 4 рипиды.» Арсеній въ *Descr. itin. in Moscov.*: ipse (Царь) propria manu elegantissimum Encolpion ex aureo pendens funiculo imposuit, iterumque propriis manibus splendidissimum, multique pretii pallium ex villoso serico Venetiis allato, lapillis pretiosis, plurimisque adamantibus a vertice ad pedes usque exornatum largitus est. Tum *lineas* dedit candidas rubeis intextas, nec non electos lapides, multasque margaritas, и проч. Дюканжъ толкуетъ въ своемъ Лексиконѣ, что linea есть vestis interior, stricta, ex lino confecta, unde nomen . . . linea dicebatur camisia: подризникъ?

(206) Въ *Совѣтѣ Царя съ Іерем.:* «И послѣ Обѣдни поставятъ три стулы, Царю и двѣмъ Патріархомъ, и какъ сядутъ два Патріарха, и благословляютъ въ церкви весь народъ за-едино. Да потомъ новопоставленный Патріархъ, ставъ съ своего мѣста, ударитъ челомъ Царю и Патріарху и пойдетъ въ своемъ во всемъ сану къ себѣ въ келью; а Царь ставъ пойдетъ къ себѣ въ полаты,» и проч. Я не нашелъ обстоятельнѣйшихъ извѣстій о посвященіи Іова; но въ описаніи Филаретова (см. *Чинъ нареченію и постановленію на Патріаршескій престолъ Филарета Никитича* въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ) сказано:

«Іюня въ 22 (г. 1619) въ первый часъ дни благовѣстиша у Соборные церкви . . . и пѣли молебны . . . а Святители снидошася вси на Патріаршъ дворъ; а въ 4 часу посланы быша къ Св. Патріарху Ѳеофану (Іерусалимскому) Архіеп. Рязанскій и Епископъ Коломенскій . . . и возвѣстиша ему, яко время шествовати въ Соб. ц. для нареченія Патріаршескаго .. А какъ Ѳеофанъ пріѣхалъ въ церковь. . . и совѣтовалъ о Патріаршѣ нареченіи. . . съ Митрополиты и съ Архіепископы. . . и ходилъ къ Государю въ Золотую палату. . . и извѣстилъ его о избраніи . . . и говорилъ рѣчь . . . И Государь, призвавъ къ себѣ Логоѳета, сирѣчь Думнаго Дьяка, велѣлъ говорити Патріарху рѣчь... А къ отцу своему, М. Филарету, послалъ Митр. Казан. да Архіеп. Вологодцкаго, да Боярина да Дьяка Думнаго, возвѣстити ему его избраніе... и для того итти ему къ Государю. . . и Государь встрѣтилъ отца своего въ дверехъ . . . и шелъ (Филаретъ) къ благословенію Іерус. Патріарха, а потомъ самъ благословилъ его . . . А послѣ того велѣлъ Государь говорити рѣчь Думному Дьяку. . . А послѣ говорилъ Царь отцу своему рѣчь самъ... И Митроп. Филаретъ, выслушавъ, отвѣтствовалъ» (изъявляя согласіе быть Патріархомъ) . . . И отпустилъ Государь обоихъ Патріарховъ въ Соборную церковь . . . и Патріархи и весь Осв. Соборъ знаменовалися у образовъ... а потомъ Іерус. Патріархъ, благословя, отпустилъ новонареченнаго на Патріаршъ дворъ... А Государь со всѣми Боляры шествіе творилъ въ Соборн. церковь . . . а оттолѣ къ новонареченному Патріарху почести ради . . . и поздравлялъ его . . . А новонареченный съ Митрополиты и съ Епископы ходилъ въ Соборн. ц. и слушалъ Св. Литургію, а стоялъ подлѣ Патріарша мѣста . . . а послѣ Обѣдни былъ у него столъ, а ѣли всѣ Святители... А на завтрее было благовѣстіе Патріарше: въ Соборн. ц., въ придѣлѣ Похвалы, облачился Новонареченный, и пришедъ въ Олтарь, у Царскихъ дверей зря лицемъ къ Востоку, начало молитвѣ сотвори... Посемъ тропарь . . . и ектенью обычную . . . и отпускъ по обычаю . . . И по сихъ изыде Новонареченный изъ Царскихъ дверей и ста руки къ персемъ приложивъ крестообразно подъ фелономъ, мало главу преклонь. Посланніи же отъ Іерус. Патріарха, Архіеп. Вологодцкій и Еписк. Коломенскій, благовѣстиша ему Патріаршество. . . И мало поклонь главу, возвращается (Филаретъ) въ Олтарь . . . и исходитъ. А Ѳеофанъ Патріархъ сѣдѣлъ въ то время на Патріаршѣ дворѣ въ палатѣ, на Патріаршѣ мѣстѣ; а Святители Россійскіе сидѣли по обѣ стороны, а подлѣ ихъ Архимандриты и Игумены. И потомъ Великія церкви Протопопъ и Протодьяконъ возведоша Новонареченного на Патріарховъ дворъ въ палату... Патріарху же Іерус. сѣдящу и посохъ въ лѣвой руцѣ держащу, хотяй же поставитися (Филаретъ) преклонься цѣлуетъ правое колѣно его, да руку на немъ лежащую, потомъ десную страну лица. . . и цѣлуетъ всѣхъ Святителей во уста... и тогда посадиша его ниже Епископовъ на особномъ стольцѣ, на креслѣхъ, на зголовьѣ золотномъ... а Прото-

дьяконъ кадитъ Св. иконы... пѣвцы же поютъ Патр. Филарету многа лѣта... и отыдоша кождо во своясі. Іюня же въ 24 въ Соборн. церкви изготовлено было мѣсто широко и высоко, къ нему же 12 ступеней, и оболчено суквами, багрецами червчатыми, а наверху три сѣдалища: первое Царю, поволочено драгимъ бархатомъ златнымъ, а на немъ зголовейцо низано жемчюгомъ; второе Іерус. Патріарху, третіе Филарету, оба мѣста оболчены бархаты смирными; а отъ нихъ по ступенямъ даже до амбона строены три пути, Государю бархатъ червчатъ золотной, а обоимъ Патріархамъ покрыты бархаты смирными... а отъ того высокого мѣста по обѣ стороны къ амбону устроены сѣдалища Святителямъ и Архимандритомъ, покрыты ковры Персидскими. Предъ амбономъ же, *на помостъ церковномъ*, написанъ орелъ единоглавенъ, крылѣ имѣя простерта, стоящъ на ногахъ; подъ ногами же его градъ написанъ съ забралами и столпы, орлу же ногами наступившу на столпы тѣ; а огненниковъ учинено 12, 6 стояли у Новонареченнаго Патріарха, а 6 у орла, стрегуще его, да не наступитъ никтоже... И пріиде Филаретъ въ Соборн. церковь, и шелъ въ придѣлъ Похвалы... и пришли Митрополиты и вси Святители... и Патріархъ Іерус., и тогда благовѣстиша въ великій колоколъ... и шелъ Патріархъ на высокое мѣсто облачитися... и Государь съ Боярами пришелъ въ церковь... и шелъ къ Іерус. Патріарху благословеніе пріяти, и Патріархъ сшелъ съ своего мѣста и благословилъ... И Государь восшелъ на уготованное мѣсто и сѣлъ... и послаша по Новонареченнаго Протопопа да Протодьякона, и взяша его подъ руцѣ и поставиша предъ амбономъ на орлѣ, и вдаша ему чести рукописаніе, Исповѣданіе Вѣры; онъ же, поклоньса мало Царю и Патріарху, читалъ въ услышаніе всѣмъ... И тогда приступивъ Протопопъ къ Новонареченному, и снявъ съ него шапку... Патріархъ же Іерус. вставъ съ мѣста и руку протягъ, глаголетъ: *благодатію Прев. Духа и нашимъ смиреніемъ имѣется Патріархомъ въ богоспас. градѣ Москвѣ и всего Рос. Царствія;* и тогда (Филаретъ) возводимъ бываетъ на высокое оно мѣсто... и Іерус. Патр. благословилъ его рукою; и Филаретъ пріемлетъ митру и возложи на себя, и сшедъ съ мѣста, цѣлуетъ Святителей во уста... и сотворяетъ поклоненіе Царю и Патріарху: они же нижайше ему поклонятся... и Іерус. Патріархъ вставъ и руку простеръ, знаменаетъ его крестообразно... и Филаретъ восходитъ на свое мѣсто къ Царю и къ Патріарху... и здравствуютъ ему и весь Осв. Соборъ и Боляре... и отходитъ Филаретъ паки въ придѣлъ и ожидаетъ тамо Литургіи... а Государь, благословясь у Іерус. Патр., сходитъ на свое Царское мѣсто. А лампада и посохъ были тогда Θеофана Патріарха. И начаша Литургію... и приведоша Филарета предъ Царскіе двери подъ руки, снявъ съ него шапку, и по Трисвятой пѣсни приводимъ бываетъ въ Олтарь двема Митрополиты... и Іерус. Патріархъ читаетъ писаніе: *Божественная благодать поставляетъ Филарета*, и проч. И тогда отверзаетъ Евангеліе и возлагаетъ на главу Филарета, на выю его... и имѣя руку на немъ лежащу, молится... и возглашаетъ *аксіосъ*... и полагаетъ на него Святительскую шапку, таже цѣлуетъ его, и вси Святители, во уста... и совершаютъ Литургію... и Іерус. Патр. подноситъ Царю просвиру, и Царь восходитъ на свое мѣсто, а Патріарха Филарета возведоша подъ руцѣ на высокое мѣсто два Митрополита, и сажали его трижды, глаголюще *исполаэти Деспота;* и пѣвцы пѣли многолѣтіе... и Іерус. Патріархъ пріемлетъ *посохъ Вел. Чюдотворца Петра Митрополита,* и даетъ Филарету, и благословляетъ его. Потомъ Государь восходитъ къ Патріархомъ на высокое мѣсто и даруетъ отцу своему *панагію злату*, украшену драгимъ каменьемъ, да *манатью* бархатну со источники низаными жемчюгомъ, да *клобукъ* бѣлъ шелковой, украшенъ златомъ и каменіемъ драгимъ... и сѣдаетъ Царь, а возлѣ его Патріархи... и Царь встаетъ и здравствуетъ отцу своему, глаголя сице... И Филаретъ, поклоньса Царю по обычаю, говорилъ свою рѣчь... и поклоняется Царю до пояса, и благословилъ Государя Св. крестомъ... и обратився къ Востоку, Патріархи благословляли народъ... и вси многолѣтствовали Царю... и Патріархамъ... и вси отходятъ.»

(207) Какъ древніе наши Митрополиты (см. Т. IX, 275), такъ и Патріархи въ день своего посвященія ѣздили на ослѣ вокругъ городскихъ стѣнъ. Вотъ описаніе сего *шествія* въ 1642 году (въ *Рос. Вивліоѳ*. VI, 245): «Патріархъ (Іосифъ) со Властьми пошелъ къ Государю за столъ... и какъ вшелъ въ Золотую палату, и говорилъ *Достойно* и благословилъ Царя честнымъ крестомъ, и кропилъ образъ и Царя и шапку Святою водою... и Государь сѣлъ за столъ, а Патріархъ дѣйствовалъ надъ хлѣбомъ Богородичнымъ, стоя, и *Отче нашъ* говорилъ, и благословилъ рукою брашно и питье... и сѣлъ... и подали кушанье Патріарху, икру, да уху, да пирогъ... и изъ за той третьей ѣствы Патріархъ всталъ, и ударя челомъ Государю, пошелъ изъ палаты къ осляти, и по преданію Святыхъ Отецъ, и по чину церковному, творилъ шествіе кругъ Кремля... У Фроловскихъ воротъ всталъ Патріархъ и взошелъ на уготованое ему мѣсто, которое для того передъ нимъ несли, и предъ Спасовымъ образомъ и Богородицы, который написанъ на вратѣхъ, говорилъ Литію и молитву граду, и кропилъ образъ и градъ трижды... и сѣвъ поѣхалъ, осѣняя градъ, къ Тайницкимъ воротамъ... и ту потому же Литію говорилъ, и поѣхалъ черезъ Житной дворъ къ Боровицкимъ воротамъ и тамъ тожъ сотворилъ; и ѣхалъ Боровицкимъ мостомъ и направо Стрѣлецкою слободою къ Каменному мосту, да къ Неглиненскимъ воротамъ... и къ Никольскимъ... и площадью къ Фроловскимъ... и шолъ въ Золотую палату... и поклонился Государю и сѣлъ за столомъ... И по отдачѣ ѣствъ жаловалъ Государь Патріарха своимъ жалованьемъ... *На завтрѣ*, послѣ Обѣдни, Патріархъ вышелъ изъ церкви, сяде на осля... и ѣхалъ мимо старова Борисова (Годунова) двора къ Богоявленскому монастырю... да въ Боровицкіе ворота, да выѣхалъ за Бѣлый городъ въ Чертольскіе ворота... къ Арбатскимъ и къ Никитцкимъ, и къ Тверскимъ, и къ Петровскимъ, да на Трубу къ Неглиннѣ... и по Неглиннѣ вверхъ около Стрѣлецкихъ слободъ... ко Стрѣтенскимъ воротамъ... и окропя Святою водою, вшолъ въ городъ, и шолъ Стрѣтенскою улицею, да въ Китай Никольскою, да въ Кремль... и сошолъ съ осляти на Патріаршѣ дворѣ... А *въ третій день* пришелъ Патріархъ предъ Золотую палату, и Государь его встрѣтилъ въ сѣнехъ... и Патріархъ его благословилъ крестомъ и кропилъ его и шапку Св. водою, а послѣ благословилъ рукою, и цѣловалъ въ правое плечо... и поднесъ Государю дары: кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной двойной... да 200 золотыхъ... а пришедъ отъ Государя, сѣлъ на осля у себя на дворѣ... и поѣхалъ въ Ризположенскіе ворота, да въ Никольскіе, да выѣхалъ за Бѣлой городъ въ Стрѣтенскіе ворота, и ѣхалъ около Бѣлова города къ Яузскимъ воротамъ, и кропивъ Св. водою, въѣхалъ въ городъ въ Яузскіе ворота, да ѣхалъ въ Варварскіе, да во Фроловскіе въ Кремль, а дѣйствовалъ, якоже и въ первые дни.»

(208) См. въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 95.

(209) Ученый Епископъ, а послѣ еретикъ Аполлинарій жилъ въ IV вѣкѣ.

(210) Прежде уставили, чтобы именовать нашего Патріарха въ молитвахъ за Іерусалимскимъ: «Въ первыхъ старѣйшимъ Отцомъ Великому Господину Святѣйшему Патріарху Іеремею Вселенскому, тому въ Папино мѣсто быти; посемъ Александрейскому Патріарху Мелентью, и Антіохейскому Патріарху Іоакиму, и Іерусалимскому Патріарху Софронію, и Россійского Царьствія Патріарху Іеву.» Но послѣ такъ перемѣнили: «поминати Вселенскихъ Патріархъ въ первыхъ Костянтинопольского Новаго Рима Патріарха, потомъ Александрейскаго, потомъ нашего Россійскаго Царьствія, Царьствующаго града Москвы и всея Русіи Патріарха; потомъ Антіохейского, потомъ Іерусалимского Патріарха.» См. *Дѣла Греческ.* No 3, стр. 183, 252, 314. Тамъ, въ письмѣ Іова къ Патріархамъ, стр. 365: «въ Божественнѣй службѣ вамъ всѣмъ, Вселенскимъ Патріархомъ, по всѣмъ градомъ и мѣстомъ всего Греческого Царства поминати меня, Государева богомольца, или кто по насъ будетъ; а мнѣ васъ, Великихъ Патріарховъ, поминати и имѣть бы въ Св. Апостольской Церкви со всѣми съ вами единъ совѣтъ, и едину волю, и едино хотѣние, и едино согласіе... и едино моленіе возсылати, яко же едиными усты и единымъ сердцемъ,» и проч.

(211) См. *Чинъ Облаченій въ Рос. Вивліов.* XVI, 308.

(212) См. *Собр. Г. Грамотъ* II, 98. Крутицкіе Епископы назывались прежде Сарскими и Подонскими (см. Т. IV, 56).

(213) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ; т. е. не именовано Княженіе, гдѣ надлежало быть *пятому* Епископу. Хотѣли, какъ видно, вписать имя послѣ, и такъ оставили.

(214) См. *Дѣла Греческ.* No 3, стр. 81. Царь велѣлъ тамошнему Архимандриту и Келарію честить Патріарха и поднести ему слѣдующее: «образъ Спасовъ чеканенъ съ пеленою, которой *чуднѣе* изъ старыхъ; образъ Сергіево видѣнье, обложенъ серебромъ, вѣнцы съ скавью; кубокъ серебрянъ гривенокъ въ семь ($3^1/_2$ фунта); чару или братину серебряну рублевъ въ 20... 40 соболей въ 30 рублевъ; 200 рублевъ денегъ; 2 полотенца *Троецкихъ*, 5 братинъ *Троецкихъ*, ставики *Троецкіе*, ковшъ *Троецкой*,» и проч.

(215) Въ Арсен. Descr. 71: nobilem virum Andream Tzalcanem, ætate provectum, mirabili prudentia, doctrina et virtute prædìtum, celeberrimumque nec non germanum ejus fratrem nobilem Basilium miserunt (Дьяка Василія Щелкалова, брата Андреева).

(216) Вѣроятно, что Царь издержалъ на то гораздо болѣе нынѣшнихъ ста тысячь рублей. Арсеній называетъ *объяръ χλάδια*, а рытой бархатъ (въ Латин. переводѣ) pannum sericum ad instar contexti ex villis caprinis.

(217) Арсеній стран. 97: amantissima Irene Regina... mirabamur sermonis (ея) suavitatem, splendorem, atque præstantiam. Далѣе онъ пишетъ, что Ирина вручила Іереміи драгоцѣнную чашу, наполненную жемчугомъ, агатами и золотомъ; что одежда ея прислужницъ бѣлизною уподоблялась снѣгу и хлопчатой бумагѣ; что каждая изъ нихъ дарила Патріарха ширинкою; что 12 зубцовъ Ирининой короны знаменовали 12 Апостоловъ; что если бы у него (Арсенія) было и десять языковъ, то онъ не могъ бы разсказать о всѣхъ видѣнныхъ имъ богатствахъ у Царицы, и проч. и проч.

(218) Въ *Дѣлахъ Греческ.* No 3, стр. 120: «Чтобъ еси, братъ нашъ, Муратъ Салтанъ, Патріарха Еремея держалъ въ своей области и беречи велѣлъ Пашамъ своимъ потомужь, какъ ваши прародители ихъ держали въ береженьѣ по старинѣ во всемъ; а тобъ еси учинилъ насъ для... и мы напротивъ того тебѣ, брату нашему, любовь братцкую держати хотимъ.»

(219) См. *Дѣла Греческ.* No 3, стр. 179 — 190. Въ грамотѣ 83 подписи: Патріарховъ Константинопольскаго, Антіохійскаго, Іерусалимскаго (Александрійскій тогда умеръ: см. тамъ же, стр. 252), многихъ Митрополитовъ (въ томъ числѣ Аѳинскаго, Лакедемонскаго, Иверскаго), Архіепископовъ и Епископовъ.

(220) См. тамъ же, стр. 154. О дарахъ: «Отъ Цареградцкаго Патріарха мощи Св. Пантелеймона, кость отъ руки. Митрополитъ Терновской, Деонисей, Государю челомъ ударилъ мощи Марьи Магдалыны, кость отъ лотки, Ивана Новаго перстъ отъ руки; вѣнецъ Царской золотъ съ каменьемъ и съ жемчюги. Царицѣ мощи Марьи Магдалыны отъ руки перстъ; вѣнецъ Царьской золотъ съ каменьемъ и съ жемчюги.» Сей Митрополитъ выѣхалъ изъ Москвы въ Февр. 1592.

(221) Въ Морозов. Лѣт. л. 75: «Призвавъ къ себѣ волхвовъ и волшебницъ, и вопроси ихъ: *возможно ли вамъ сіе дѣло усмотрѣти... могу ли я свое желаніе получити?... буду ли я Царемъ?* Врагоугодницы же ему сказаша: *истинно тебѣ возвѣщаемъ, что получиши желаніе свое: будеши на Царствіи Московскомъ, только — на насъ не прогнѣвайся...* Онъ же имъ рече: *о любимые мои гадатели! отнюдь не убойтеся мене; ничего иного не получите, кромѣ чести и даровъ: только скажите мнѣ правду.* Они же рекоша ему: *не долго твоего царствія будетъ: только седмь лѣтъ.* Онъ же рече имъ съ радостію великою, и лобызавъ ихъ: *хотя бы седмь дней, только бы имя Царское положити и желаніе свое совершити.»* — Далѣе сей баснословный Лѣтописецъ разсказываетъ, что Годуновъ, желая искусить мудрость волшебницы Варвары, показалъ ей сужеребую кобылу, и спросилъ: *что во чревѣ у сея скотины?* она же рече: *жеребецъ, воронъ шерстью, бѣлогубъ, правая нога по колѣно бѣла, а лѣвая по щетку; во лбу звѣзда бѣлая; лѣвое ухо вполы бѣло...* И тотчасъ повелѣ Борисъ у кобылы утробу разрѣзати... и выняша изъ нея жеребенка, какъ сказала баба Варвара по навѣту вражію... И лукавый Борисъ воздалъ ей великую честь, и даде ей бѣломѣстную грамоту.» — Въ рукописной современной *Повѣсти, како восхити Царьскій престолъ Б. Годуновъ*, сказано: «изъ многихъ городовъ собираше (Борисъ) волхвовъ и кудесниковъ и тѣмъ волшебствомъ и прелестію сотвори, яко и самъ Царь и В. К. Ѳеодоръ Ив. вельми любляше его.»

(222) Флетчеръ 99: The Emperours brother is not praied in their churches, because hee was borne of the sixt marriage and so not legitimate. This charge was given to the priests by the Emperour himselfe, by procurement of the *Godonoes*, who make him beleeve that it is a good pollicie to turne away the liking of the people from the next successor.

(223) Тамъ же, л. 16 на об.: That hee is naturall sonne to Ivan Vasilowich, the Russe people warrant it by the fathers qualitie, that beginneth to appeare already in his tender yeares: he is delighted (they say) to see sheepe and other cattel killed, и проч.

(224) Такъ въ Хроникѣ Бера: см. выше, примѣч. 27, Петрея Chron. 260 и Кельха L. G. 456. «Димитрій, говорили, веселится, смотря, какъ въ глазахъ его рѣжутъ овецъ или колютъ птицъ домашнихъ для кухни, и самъ убиваетъ ихъ до смерти

палкою.» Въ *Исторіи Келаря Аврамія:* «Царевичю Дмитрею естественомъ возрастающу и братнее Царьство слышаще, и отъ ближнихъ си смущающе ему, зане же не вкупѣ пребывая съ братомъ, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіяхъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая о ближнѣйшихъ брата, паче же о Борисѣ, и ласкатели и великихъ бѣдъ замысленицы въ десятерицу лжи составляюще, съ сими подходятъ къ Борису, и отъ многія смуты ко грѣху низводятъ.»

(225) *Ядро Рос. Исторіи* 257.

(226) Не *Марья*, какъ въ лѣтописяхъ: см. «Слѣдственное дѣло о убіеніи Царевича Димитрія» въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 107; тамъ и сынъ ея названъ Осипомъ (не Даниломъ).

(227) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 16 Флетчеръ, 16: the nurse, that tasted before him of certaine meat (as have heard) died presently; т. е.: «кормилица Димитріева, отвѣдавъ кушанья, для него приготовленнаго, тотчасъ умерла.» Увидимъ, что добрая кормилица Димитріева была жива.

(228) См. *Никон.*, *Ростов.* и другія лѣтописи. О Клешнинѣ см. ниже, примѣч. 247.

(229) См. *Собран.* Г. Г. II, 113, въ показаніи Царицыныхъ истопниковъ.

(230) Въ лѣтописяхъ: «Данило Битяговской да Качаловъ начаша ее (кормилицу) бити, и едва живу оставиша; праведного же (Царевича) у ней отняша и заклаша... Мати же его, *видя* пагубу сына своего, и кричаше надъ нимъ... той же часъ услышаша во градѣ и на посадѣ о убіеніи его: по вратомъ ѣздя біяху и вопіяху: *что сидите? Царя у васъ нѣсть!* Они жь выбѣжаху за врата, кой же за свои, и не видяху никого. Въ то же время на Государевѣ дворѣ не бяше никого: братія же его и дядья разыдошася по домомъ, что время бяше полуденное. Единъ же Соборной Пономарь видя такую пагубу, и запреся на колокольницѣ, и бити нача въ колоколъ; окаяннiи же убойцы къ нему приступаху, хотяще его убити, и не можаху.» Въ допросахъ (*Собр. Г. Г.* II, 109): Царя-Костянтиновской Понамарь, вдовой Попъ, Ѳедотъ Ѳѳонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ, въ роэспросѣ сказалъ: какъ Царевича не стало, а онъ въ тѣ поры былъ дома, и зазвонилъ у Спаса сторожъ Максимко Дмитреевъ сынъ Кузнецовъ, и онъ Огурецъ отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ, къ церкви къ Спасу, и къ нему встрѣчю бѣжитъ Кормового Дворца Стряпчей Субота Протопоповъ и велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонити... А говорилъ Субота предъ Григорьемъ Нагимъ, что ему (Попу Ѳедоту) велѣла звонить Царица Марья... А Григорей Нагой сказалъ: тово онъ не слыхалъ... а то ему Григорью сказывалъ Попъ Ѳедотъ, что-дей велѣлъ ему звонить Субота; а прибѣжалъ-былъ къ нему въ колокольню Михайло Битяговской, и онъ ся заперъ и въ колокольню его не пустилъ.»

(231) Въ лѣтописяхъ: «А Митька и Данилка побѣжа, и отбѣгоша 12 верстъ: кровь же праведнаго вопіяше къ Богу... они жь окаяннiи возвратишась, и граждане и тѣхъ каменіемъ побиша 12 человѣкъ и повергоша въ яму, псомъ на съѣденіе.» Въ допросахъ (стр. 112): «А Михайло Битяговской побѣжалъ въ Брусяную избу... и Данило Третьяковъ, и заперлися, и посадцкіе и всякіе люди дверь выломили, и Михайла и Данила вытащили, и туто ихъ убили; а Михайлова сына, Данила, да Микиту Качалова, выволокши изъ Розрядные избы, убили... А починщики были Ляпунъ, да Микитко Гунбинъ, да Степанко Полуехтовъ, да Ив. Тимоѳеевъ, да Тихонъ Быковъ... А Данилко Михайловъ сынъ, конюхъ, сказалъ» (стр. 115): «Михайловыхъ людей Битяговскаго трехъ, Осипова человѣка и Микитиныхъ людей Качалова двухъ человѣкъ убили въ Дьячьей избѣ съ Даниломъ и съ Никитою вмѣстѣ; а Осипа Волохова взяли на дворѣ Битяговскаго и привели къ Царицѣ въ церковь Спаса, и Мих. Нагой велѣлъ Осипа убити.» Выше, стр. 106: «Да Михайло жь Нагой велѣлъ убити посадцкихъ трехъ человѣкъ, которые были прихожи къ М. Битяговскому, да Михайловыхъ людей Битяговского четырехъ человѣкъ; да женочьку» (см. ниже) «Михайла рострѣлявъ въ воду посадили; да Осиповыхъ людей Волохова двухъ человѣкъ, да Данила Третьякова человѣка; а побивъ тѣхъ людей, въ ровъ велѣлъ (М. Нагой) пометать; а иныхъ людей М. Битяговскаго въ тюрму посажали, и подворье его велѣлъ розграбить.» Стран. 107 (въ показаніи мамки Василисы Волоховой): «И какъ Царевичь въ болѣзни черной покололся, и Царица Марья збѣжала на дворъ и почала ее Василису бити сама полѣномъ, и голову ей пробила во многихъ мѣстѣхъ... и Царица-де велѣла ее тѣмъ же полѣномъ бити по бокомъ Григорью Нагово... и почали звонити у Спаса... и Царица велѣла ее Василису взяти, и мужики-де ее взяли и ободрали, и простоволосу держали предъ Царицею, и прибѣжалъ-де на дворъ Мих. Битяговской, и почалъ былъ разговаривать посадцкимъ людемъ и Михайлу Нагому, и Царица-де и Мих. Нагой велѣли убити его... Поймали сына ее, Осипа, посадцкіе люди и привели еще жива предъ Царицу, и Михайлову жену Битяговского съ дочерми предъ Царицу жь привели, и Царица-дей міру молыла, то-дей убойца Царевичу... и сына ее тутъ до смерти убили, а убивъ и прохолкали, что надъ зайцемъ; а человѣкъ сына ее, Васкою звали, и онъ кинулся и палъ на Осипѣ... и его туто жь убили; а другова человѣка Василисина убили, что увидѣлъ Василису, что она простоволоса стоитъ, и онъ на нее положилъ свою шапку... Да была жоночка уродливая у Мих. Битяговскаго, и хаживала отъ Михайла къ Ондрѣю къ Нагому, и сказали про нее Царицѣ Марьѣ, и Царица ей велѣла приходить для потѣхи... и Царица и ту жонку, послѣ того два дни спустя, велѣла добыть и убити жь, что будтось Царевича портила.»

(232) О семъ признаніи упоминается только въ нѣкоторыхъ спискахъ Московскаго Лѣтописца (въ *Никонов.* и въ Архив. *Ростовскомъ* ни слова); а въ Морозов. Лѣт. такъ: «И тотчасъ убійцъ всѣхъ похватали, и приведоша ихъ на дворъ, и рѣша граждане: окаяннiи и злiи человѣцы! како дерзнусте такое дѣло сотворити?... Они же окаяннiи стояху и зряху сѣмо и овамо, видяще свою винность, и рѣша къ народу: *неповинная кровь насъ обличила: послушали мы прелестника, Бориса Годунова... а нынѣ мы по дѣломъ своимъ смерть пріемлемъ.*»

(233) Въ Мороз. Лѣт.: «Притворилъ себе, яко вельми запечалился... и видѣ его Государь Царь предъ собою стояща и воздыхающа часто... Царь же услыша... и нача сѣтовати велми и плакати неутѣшно, и рече: *о Владыко Іисусе Христе!... буди воля твоя святая!*» См. еще *Никон.* и *Ростов. Лѣт.*

(234) См. выше. Князь Дмитрій Шуйскій пожалованъ въ Бояре въ 1591 году (см. *Рос. Вивліоѳ.* XX, 64). О супругѣ его см. въ Маржеретѣ, стр. 94. Меньшіе ихъ братья, Князья Александръ и Иванъ, получили санъ Боярскій въ 1596 году.

(235) Въ Морозов. Лѣт.: «Пришедше во Угличь, и видѣша тѣло Царевича заколота ножемъ яко агнца; мати же его надъ нимъ стоящи плачющися... народи же града Углича такоже стояху и неутѣшно плакаху и рыдаху.»

(236) Такъ въ достовѣрнѣйшемъ Москов. Лѣт., въ *Никонов.* и *Ростов.* спискѣ: Морозов. Лѣт. говоритъ, что плакалъ не Клешнинъ, а К. Вас. Шуйскій.

(237) См. *Никон.* и *Ростов. Лѣт.*

(238) Въ допросахъ Шуйскаго (въ *Собр.* Г. Г. II, 103): «*И* того жь дни К. Василей и Ондрей и Елизарей роспрашивали Михайла Нагово: которымъ обычаемъ Царевича не стало, и *что его болѣзнь была?* и для чево *онъ велѣлъ убити* Мих. Битяговского, и Михайлова сына Данила, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова, и Осипа Волохова, и посадцкихъ людей и Михайловыхъ людей, и Осиповыхъ, и для чего онъ велѣлъ во Вторникъ збирати ножи и пищали, и палицу желѣзную и сабли, и класти на убитыхъ людей, посадцкихъ, и изъ селъ многихъ людей для кого збиралъ, и почему Прикащика Русина Ракова приводилъ къ цѣлованью, что ему стояти съ нимъ за-одинъ, и противъ ково имъ было стояти? И М. Нагой сказалъ: Маія въ 15 день, въ Суботу, въ 6 часу дни, зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ, а онъ Михайло въ тѣ поры былъ у себя на подворьѣ и чаялъ того, что горитъ дворецъ, и бѣжалъ къ Царевичю на дворъ, а Царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ да Микита Качаловъ, да Данило Битяговской; и пришли на дворъ посадцкіе люди, а Мих. Битяговской пріѣхалъ тутожь на дворъ, и Михайла и сына ево и всѣхъ людей, которые побиты, побили черные; а онъ побити ихъ не велѣвалъ, а былъ все у Царицы, а посадцкіе люди збѣжалися на звонъ; а ножей онъ и пищалей Русину Ракову збирати и класти не велѣвалъ, а збиралъ и клалъ ихъ на побитыхъ людей Русинъ Раковъ; и его онъ къ цѣлованью не приважівалъ: то на него Городовой Прикащикъ взводитъ.» — Сей Прикащикъ такъ доносилъ Митрополиту Геласію: «Язъ прибѣжалъ на звонъ: ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ Царевичевѣ; а М. Битяговскій да сынъ его, да Н. Качаловъ, да О. Волоховъ, да Д. Третьяковъ, да ихъ люди лежатъ побиты... и меня Мих. да Григ. Нагіе изымали, а Михайло мертво піянъ... и велѣли мнѣ одново дни шесть разъ крестъ цѣловать: *буди ты нашъ; а Мих. Битяговсково да и сына ево велѣлъ убить язъ, а Качалова да Волохова, да Третьякова, да и людей ихъ велѣлъ побити язъ же, для тово, что они у меня отымали Мих. Битяговсково съ сыномъ.*»

Вѣроятно, что не всѣ показанія Мих. Нагаго были записаны; а въ другихъ допросахъ ложь была смѣшена съ истиною, чтобы дать силу первой. Одни сіи допросы, явно ознаменованные дѣйствіемъ страха, угрозъ, принужденія, совѣсти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова!

(239) См. *Никон.* и *Ростов. Лѣт.*

(240) Вотъ показаніе мамки: «И вдова Василиса Волохова въ роспросѣ сказала, что розболѣлся Царевичь въ Середу, Маія въ 12 день, падучею болѣзнью, и въ Пятницу-дей ему маленько стало полехче, и Царица-дей Марья взяла его съ собою къ Обѣднѣ, и отъ Обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтрее, въ Суботу, пришотчи отъ Обѣдни, Царица велѣла Царевичю на дворъ итить гулять; а съ Царевичемъ были она Василиса, да кормилица Орина, да маленкіе робятки Жильцы, да постельница Марья Самойлова; а игралъ Царевичь ножикомъ» (даютъ ли дѣтямъ играть ножемъ?) «и тутъ на Царевича пришла опять тажь черная болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ Царевичь самъ себя ножомъ покололъ въ горло, и било его долго, да туто его и не стало!» Такъ во всѣхъ мнимыхъ показаніяхъ; въ иныхъ: «тѣшился съ Жильцами въ тычку ножемъ.» Далѣе: «А и прежъ того, сего году въ Великое говѣнье, тажь надъ нимъ болѣзнь была, и онъ покололъ сваею (свайкою) и матерь свою; а въ другой рядъ, передъ Великимъ днемъ, Царевичь объѣлъ руки Ондреевѣ дочкѣ Нагово: одва у него дочь Нагово отняли.» См. въ *Собр. Г. Г.* II, стр. 103 — 116.

(241) Духовникъ Григорія Нагаго, Константиновскій Попъ Богданъ, Покровскій Игуменъ Давидъ, Алексѣевскій Игуменъ Савватій.

(242) *Собран. Госуд. Грам.* II, 121 — 123.

(243) Тамъ же: «По Государеву указу и по Боярскому приговору посланъ на Углечь по кормилицына мужа, по Ждана Тучкова, и по кормилицу по Орину Михайло Молчановъ, а по вѣдуна по Ондрюшу Мочалова Ѳедоръ Жеребцовъ... Везти ихъ бережно, чтобъ съ дороги не утекли и дурна надъ собою не учинили... Вѣдуна Ондрюшу Мочалова везти, сковавъ крѣпко, въ ручныхъ желѣзѣхъ и въ ножныхъ, а ѣхати наспѣхъ.» Въ другомъ мѣстѣ сказано: «М. Битяговской съ Мих. Нагимъ бранился по часту за Государя, что онъ М. Нагой держалъ у себя вѣдуна Ондрюшу Мочалова и иныхъ многихъ вѣдуновъ.» — Шуйскій заставилъ кормилицу показать въ допросѣ, что Димитрій (стр. 108) *покололся ножемъ* и на ея рукахъ умеръ: чего еще хотѣли отъ нее? Можетъ быть, она говорила другое; можетъ быть, хотѣли для вида наказать ее за мнимое небреженіе.

(244) Въ лѣтописяхъ (см. *Никон.* и *Ростов.*): «Борисъ же съ Бояры пойдоша къ пыткѣ, и Михайла Нагово и Андрея и иныхъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобъ они сказали, что самъ себя заклалъ; они жь никакъ тово не сказаша.» — Въ Морозов. Лѣт.: «Повелѣ Борисъ Царицу Марію съ нуждою и съ безчестіемъ во Иноческій орбазъ облещи, и наречено бысть имя ей Марѳа, и заточити ю въ мѣсто бѣдное и дати ей въ послуженіе только два человѣка; лежимо же тое мѣсто въ Бѣлоезерскихъ предѣлѣхъ, въ Судинѣ монастырѣ на Выксѣ» (или озерѣ Выксинѣ) «и приставп къ ней сторожей, и пищу ей повелѣ давати въ урокъ.» См. также Четп Минеи Іюня 3. Монастырь Выксинскій уничтоженъ. Нынѣ тамъ село Выксино (въ 25 верстахъ отъ Череповца) съ двумя церквами, Св. Николая и Св. Троицы; въ первой есть придѣлъ Св. Царевича Димитрія.

(245) См. Сибирскія лѣтописи и въ *Словарѣ Географ. Рос. Государства* статью объ Угличѣ, гдѣ сказано, что въ немъ было 3 Собора, 150 церквей, 12 монастырей, 2000 Иноковъ и 30,000 жителей обоего пола. Въ Тобольскѣ, между колоколами церкви *Всемилостиваго Спаса*, показываютъ *набатный* Углицкій, коего звукъ извѣстилъ тамошнихъ гражданъ объ убіеніи Царевича, и который вмѣстѣ съ ними былъ сосланъ Годуновымъ въ Сибирь, если вѣрить преданію.

(246) См. *Никон.* и *Ростов. Лѣт.* Въ *Собр. Г. Г.* II, 120, въ челобитной жены Битяговскаго: «Государю Царю бьетъ челомъ и плачетца горькая вдовица Овдотьица съ своими дочеришками съ Дунькою да съ Машкою. Жалоба, Государь, мнѣ на Михайла да на Григорья на Нагихъ... велѣли убити мужа моего конюху Царицыну, Мих. Григорьеву да сыну его Данилку... и прислали (ихъ же) по меня и по дѣтишокъ; и они, взявъ меня и ободравъ, нагу и простоволосу поволокли на дворъ и животишки наши разграбили. Православный Царь и Государь! покажи милость; вели сыскати животишки.»

(247) Въ *Исторіи Келаря Авраамія Палицына:* «паче всего разумныхъ ослѣпи (Годуновъ) очеса имѣніемъ многимъ и трапезами сладкопитательными.» Въ *Сказаніи, еже содѣяся въ царств. градѣ Москвѣ* (No 93 между рукописями моей библіотеки): «и приводитъ къ себѣ (Годуновъ) всякихъ Вель-

можъ, овыхъ лестію и дары, а иныхъ угрозами.» См. ниже, примѣч. 234. — Въ Боровскомъ Пафнутіевѣ монастырѣ, въ стѣнѣ церкви Св. Ирины, созданной, какъ сказываютъ, Царицею Ириною, сестрою Бориса Годунова, находится камень съ такою надписью: «Лѣта 7107 (1599), Апр. въ 6 день, преставися рабъ Божій, В. Государя Царя и В. Князя Ѳедора Ивановича всея Россіи дятка, Окольничей, Луппъ зовомый, Андрей Петровичь Клешнинъ, во Иноцѣхъ Левкей Схимникъ.»

(248) Въ *Повѣсти о разореніи Москов. Государства* (No 95 между рукописями моей библіотеки): «егда же Борисъ прослыша про себя въ народѣ ропотъ о убіеніи Царевича Димитрія, прискорбенъ бысть.»

(249) См. *Исторію Авр. Палицына* и лѣтописи *Никон.* и *Ростов.*

(250) Палицынъ: «Въ Суботу Великія Пятидесятницы, въ половину дне, возгорѣся *напрасно* въ Чертольской улицѣ.» Въ Степен. Кн. Латухина: глаголютъ же, яко повелѣніемъ Годунова бысть пожаръ той: тѣмъ онъ умыслилъ Царя къ Москвѣ возвратити, его же Государево изволеніе было во градъ Угличь итти и про убіеніе брата своего истинно увѣдати.» Такъ и въ Морозов. Лѣт Маржеретъ: Les nouvelles (o смерти Димитрія) arrivées à Mosco, engendrent diverses pensées; l'on en murmuroit. Boris, étant averty du tout, fit mettre la nuit le feu aux principales boutiques et maisons des marchands. Въ Розряд. Кн.: «Маія въ 4 день зажгли Москву на Арбатѣ у Ивана Милостиваго колымажниковъ дворъ и въ иныхъ въ трехъ мѣстѣхъ.» Въ Дѣлахъ Польск. No 21, л. 206, въ наказѣ Посланнику Данилу Ислѣньеву: «А нѣчто учнутъ спрашивати про пожары Московскіе, и Данилу говорити: мнѣ въ то время на Москвѣ быти не лучилось; а то поворовали мужики воры, люди Нагихъ, Ѳѳонасья съ братьею: то на Москвѣ сыскано, да еще приговоръ не учиненъ... А будетъ хто молылъ, что у нихъ тѣ слухи, будто зажигали Годуновыхъ люди, и Данилу говорити: то нѣхто воръ бездѣльникъ сказывалъ, затѣевъ напрасно. Годуновы Бояре именитые, великіе. . Лихому человѣку воля что затѣвать; да только Богъ имъ не попуститъ.»

(251) Въ Дѣлахъ Крымск. No 19, л. 109: «Ходилъ Крымск. Царя гонецъ у Свитцкого казны прошать, и Король ему отказалъ: какъ-дей извоюешь Московского, и язъ-дей тогды тебѣ казну дамъ. И послѣ себя Царь, какъ пошелъ въ войну, прислалъ къ Свитцкому другово гонца, Онтона Черкашенина, по казну.»

(252) См. выше.

(253) Ногайскій Депутатъ сказалъ нашему гонцу въ Тавридѣ (Дѣла Крым. No 17, л. 51): «Поѣхали Мурзы и всѣ лутчіе люди» (изъ Ногайскихъ Улусовъ) «въ Крымъ отъ неволи, заплакавъ пометали отцы и матери, и жены и дѣти; просили у насъ Муратъ-Кирей Царевичь и Воеводы Асторохангкіе братью нашу и дѣтей въ закладъ. Наши отцы и дѣды закладовъ не давывали, а въ Государя Московского волѣ бывали; мы на него не пеняемъ: розгонилъ насъ Муратъ-Кирей Царевичь, и Мурзы и всѣ лутчіе люди послали къ Турскому Царю бити челомъ, чтобы Турской велѣлъ намъ быти въ своемъ имени, далъ бы намъ Балысарай, да Царевича, и прислалъ къ намъ Турской Чеуша, велѣлъ Уруса Князя и всѣхъ Нагайскихъ Мурзъ приводити къ шерти, и мы Турскому не шертовали: какъ насъ устроитъ, и мы толды и шерть дадимъ.»

(254) Въ лѣтописяхъ (въ *Никон.*, въ *Ростов.* и въ другихъ): «Того жь году (1591) видячи Бусурманы службу къ Государю въ Астрохани Царевича Муратъ-Кирея, и прислаша изъ Крыму и изъ Казыева Улуса вѣдуновъ, и его испортили. Воевода жь, К. Ѳед. Троекуровъ съ товарищи, видя его болѣзнь великую, приведоша къ нему лекаря Арапа: Арапъ же сказа, что его излечити не мочно, покамѣста сыщутъ вѣдуновъ, кои его испортили; и взя съ собою Русскихъ людей, и пошелъ въ Юрты, и переималъ вѣдуновъ, и мучи ихъ, и вѣдуны рекоша: будетъ кровь ихъ не умерла, и имъ-де мошно пособити. Той же Арапъ повелѣ имъ изъ себя кровь метати въ лахань; они жь изъ себя выметали всю кровь, кою Татары перепорчены съ Царевичемъ. Арапъ же нача спрашивати, коево чья кровь? и они начаша сказывати все по ряду, коя-де кровь не замерла и тою кровью помажутъ того, чья она, и онъ живъ станетъ. Царевичева жь кровь и Царицына всѣ замерли... Царевичи жь оба и Царицы умерли, и съ ними Татарове многіе. Государь же прислалъ въ Астрахань Остаф. Мих. Пушкина, и вѣдуновъ пытати велѣлъ, по чьему умышленью портили... И не могли ничего допытатца. Тотъ же Арапъ самъ пошелъ съ ними къ пыткѣ, и въ зубы положилъ имъ удила конскіе, и велѣлъ ихъ повѣсити за руки, а бити по тѣлу не велѣлъ, а велѣлъ бити по стѣнѣ противъ ихъ, и они почали сказывати, что портили Царевича и Царицъ, пили изъ нихъ изъ сонныхъ кровь. Воеводы жь велѣли ихъ на полѣ жечь; а жегъ ихъ тотъ же Арапъ своимъ мастерствомъ — и тутъ слетѣлось сорокъ вороновъ, и кричаху, и какъ ихъ пережгли, и вороны исчезли! Государь же того Арапа пожаловалъ, а Татаръ достальныхъ велѣлъ перевезти къ Москвѣ и устроити по городомъ помѣстьями и кормомъ.»

Слѣдственно и мы имѣемъ сказки о *Вампирахъ:* Въ Дѣлахъ Крымск. No 19, л. 136 и 235: «Учинилась Царю Казы-Гирею вѣсть изъ Астарахани, что Муратъ-Кирея окормили зельемъ, а послѣ другая вѣсть, что племянника его Кумыкъ-Кирея Царевича окормили... Тѣ ссорные слова сказывали лихіе люди; а Царевичей Муратъ-Кирея и Кумыкъ-Кирея не стало отъ его людей... Государь послалъ въ Астрахань Дворянина своего, Остафья Пушкина... и Царица» (жена Муратъ-Гиреева) «писала о томъ хъ Казы-Гирею.»

(255) См. въ Дѣл. Крымск. No 19, л. 106.

(256) См. Дѣла Польск. No 21, л. 178 и 183. Бѣлгородъ есть Акерманъ.

(257) См. Архив. Розрядн. Кн. 763, и Дѣла Крым. No 19, л. 75 на обор.

(258) Архив. Розрядн. Кн. 768 и слѣд.; также *Никон. Лѣт.* VII, 336 и слѣд.

(259) Въ Дѣлахъ Польск. No 21, л. 183 на об.: «и мы (Государь) тѣмъ своимъ ратемъ велѣли отойти отъ берегу и рѣку Оку очистить для того, чтобъ Царя черезъ рѣку перепустивъ, тѣмъ его оплоша, стати противъ его на прямое дѣло близко Москвы.» Въ Розрядн. Кн.: «а на берегу Царь велѣлъ оставить Дворянина добра и Дѣтей Боярскихъ 300 добрыхъ, для того, какъ Царь Оку перелѣзетъ, и Государю бы то было вѣдомо.»

(260) Въ Сказаніи Патріарха Іова (*Никон. Лѣт.* VII, 337, 338): «Устроити повелѣ окрестъ дальнихъ посадовъ градъ древянъ... близъ же града, яко поприща два, поставити градъ *обозъ* нарицаемый, иже нѣкоею мудростію на колесницахъ устроенъ и къ бранному ополченію зѣло угоденъ, и тамо совокупити воинство, и великіе пушки и многіе хитрости бранные устроити; внутрь же града поставити церковь во имя Сергія, иже отъ полотна устроена,» и проч.

(261) Т. IX, 119. — См. подробности въ Розрядн. Кн.

(262) Бѣльскій отличился въ войнѣ Ливонской 1577 года. Въ Розрядн. Кн.: «Съ Борисомъ Ѳед. въ Думѣ Кравчей и Воевода Александро Микитичь Романовъ Юрьевъ, да Окольничей Андрей Петр. Клешнинъ, да Казначей Деменша Ив. Черемисиновъ, да Оружничей Богд. Як. Бѣльской, да Думной Двор. Ром. Мих. Пивовъ.»

(263) Іовъ въ *Никон. Лѣт.* VII, 341: «самъ окрестъ воинства непрестанно обходитъ, и полки изрядно устрояетъ, и къ бранному ополченію всѣхъ поощряетъ.»

(264) Тамъ же: «со всѣхъ стѣнъ градныхъ изъ великихъ огнедыхающихъ пушекъ непрестанно стрѣляху, и изо всѣхъ Обителей, иже близъ царствен. града.» Огъ Кремлевскихъ стѣнъ до поля сраженія было не менѣе трехъ верстъ; монастыри Новоспасскій и Симоновскій также не близки къ Донскому: вѣроятно, что мы только стрѣляли, а не били. — Далѣе: «весь день на различныхъ мѣстѣхъ окрестъ Москвы біяхуся непрестанно.»

(265) Въ разныхъ лѣтописяхъ: «онъ же, праведный Государь, стояше на молитвѣ день и нощь... въ полуденное жь время опочинувшу ему, и возставъ иде» (въ *Никон.:* опочившу ему отъ *молитвы:*» слѣдственно онъ пересталъ только молиться?) «въ высокій свой теремъ, и смотряше на полки .. За нимъ же стояше Б. Гр. Годуновъ и плакася... Царь же обозрѣвся къ нему, и рече: *не бойся... завтро тѣхъ поганыхъ не будетъ*; такоже и збысться слово его. Григорей же радостенъ бысть и сказа многимъ людемъ.» О семъ добродушномъ Бояринѣ см. выше. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Борисъ велѣлъ отравить его за несогласіе на убіеніе Димитрія; но онъ, будучи Дворецкимъ, жилъ до 1598 года (см. Списокъ Чиновниковъ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 67).

(266) Іовъ (Н. Л. VII, 341): «Безбожный же Царь къ вечеру пріиде въ Царское село Воробьево, отъ града яко поприща три, тамо же бѣ горы превысоки: оттуду же узрѣ красоту и величество града, и великіе каменоградные стѣны, и златомъ покровенные церкви, и Царскія досточюдныя, двоекровныя и трикровныя палаты; паче же слыша тресновенный громъ, иже бысть отъ великово во градѣ и изъ Обителей пушечного стрѣлянія,» и проч.

(267) Въ Дѣл. Польск. No 21, л. 184: «Царевича Бахты-Гирея, Валди-Гиреева Царевичева сына, и многихъ большихъ Князей и Мурзъ ранили, и въ языцѣхъ многихъ именитыхъ Мурзъ поимали, и Царь, розведчи людей своихъ къ ночи, сталъ отшедчи полки.»

(268) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 21.

(269) Въ Розрядн. Кн.: «Крымской отъ Москвы побѣжалъ за часъ до свѣта съ вел. ужасомъ, слыша, что Государь велѣлъ противъ него стояти своего Величества *Слугѣ* и Конюшему Боярину и Дворовому Воеводѣ, Борису Ѳеодоровичу.» — Въ Дѣл. Польск. No 21, л. 184: «а передовыхъ нашихъ людей увидя, и возки свои Царь пометалъ, въ которыхъ самъ ѣхалъ.» О разбитіи близъ Тулы см. тамъ же. — Въ Дѣлахъ Крымск. No 19, л. 103: «Пришелъ (Ханъ) изъ войны въ Бакчисарай въ ночи въ телѣгѣ; а сказываютъ, что раненъ, и видали его, что онъ ѣздитъ, а рука у него лѣвая подвязана. А Калга пришелъ за недѣлю, и не вѣдалъ, гдѣ Царь ... а въ Крымъ-дей пришло людей съ треть, а пришли пѣшіе; а Царевичь Сафа-Кирей пришелъ изъ войны боленъ, и передъ Семенемъ днемъ и умеръ... И какъ Иванъ» (нашъ гонецъ Бибиковъ, бывшій тогда въ Крыму) «пришолъ къ Царю, и Царь Ивану велѣлъ сѣсти, и говорилъ: *Былъ-дей есми на Москвѣ, и меня-де не подчивали: гостемъ не ради.* И Иванъ говорилъ: *Вольной человѣкъ Царь! что ты у Государя нашего укралъ: ходилъ въ его землю чрезъ свое слово; а Государь того не вѣдалъ; да и у Москвы постоялъ еси не мношко; а только бы ты постоялъ побольши, и Государь бы нашъ умѣлъ тебя подчивать.* И Царь противъ того не говорилъ ничего, да велѣлъ Ивану у себя ѣсти.»

(270) Въ Архив. Розрядн. Кн. 786 на об.: «Іюля въ 10 прислана Государева грамота ко Кн. Ѳ. И. Мстиславскому съ опалою: *ты къ намъ писалъ отъ одново себя, и то ты учинилъ не гораздо...* Тогожь числа пріѣхалъ отъ Государя И. Н. Романовъ-Юрьевъ съ Государевымъ жаловальнымъ словомъ и съ золотыми, и пріѣхавъ спрашивалъ Бояръ и Воеводъ, и Кравчево, и Думныхъ Дворянъ, и Чашниковъ и Стольниковъ, и всю рать, отъ Государя о здоровьѣ, да подалъ К. Ѳ. И. Мстиславскому да Конюшему Боярину и Дворовому Воеводѣ Б. Ѳ. Годунову, Государево жалованье, золотые *Португанскіе*, а инымъ Бояромъ и Воеводомъ, и Окольничимъ и всей рати въ два золотыхъ *корабельныхъ*, а инымъ *корабельные*, а инымъ въ полтора *Угорскихъ*, а инымъ *Угорскіе* по росписи.»

Въ Дѣл. Польск. No 21, л. 204: «Далъ ему Борису) Государь шубу дорогу съ своихъ плечь, словетъ Руская, въ тысечу рублевъ, съ золотыми пуговицами, да съ себя чѣпь золоту дорогу, да судно золото, словетъ Мамай, что на Мамаевѣ побоищѣ побилъ Великій Государь Царь и Вел. Князь Дмитрей Ив. Донской Мамая Царя, и то судно тогды взято его Мамаевское Царево, и Государь пожаловалъ Бориса Ѳед. для памяти роду его; да въ вотчину три городы въ Важской землѣ съ великими доходы... И пиры были у Государя въ Большой Грановитой палатѣ по многіе дни.»

Тамъ же, л. 202, въ наказѣ Данила Ислѣньева, посыланнаго тогда въ Литву: «Нѣчто учнутъ спрашивати Паны Рада про Бориса Ѳед., почему нынѣ пишетца *Слугою*, и что то слово именуетца? И Данилу говорити: то имя चеснѣе всѣхъ Бояръ, а дается отъ Государя за многіе службы; и при Вел. Государя нашего прадѣдѣ, Царѣ и Вел. Князѣ Иванѣ Вас., былъ *Слуга* Князь Семен. Иван. Ряполовской, а дано было ему то имя за многіе службы. А при дѣдѣ Государя нашего былъ *Слуга* Князь Ив. Мих. Воротынской, а дано ему то имя, какъ побили на Ведрошѣ К. Конст. Острожского, а К. Иванъ на томъ дѣлѣ великіе явственные службы своя показалъ. А при Отцѣ Государя нашего былъ *Слуга* К. Мих. Воротынской; а дано ему то имя также за многіе службы, что онъ многожды Крымскихъ людей побивалъ, а во одно время дошелъ Царевичей Крымскихъ на полѣ на Донцѣ на Сѣверскомъ и побилъ многихъ людей; и въ Казанской приступъ многую службу явственную показалъ. А нынѣ Царское Величество пожаловалъ тѣмъ именемъ шурина своего за многіе службы и за нынѣшнюю, что нынѣ Божьею Милостью и Вел. Государя счастьемъ, а его Бориса Ѳед. радѣньемъ и промысломъ такое великое дѣло сдѣлалось, что Царь Крымской по Турского Салтана велѣнью пришолъ... да хотѣлъ и за Москву пройти... и побѣжалъ назадъ,» и проч. — Ни въ лѣтописяхъ, ни въ Спискѣ Бояръ не сказано, чтобы К. Семенъ Ряполовскій (казненный въ 1499 году) и К. Ив. Мих. Воротынскій имѣли достоинство Слугъ; а К. Мих. Ив. Воротынскій названъ въ лѣтописи *Слугою* еще до взятія Казани.

(271) См. *Никон.*, *Ростов.* и другія лѣтописи, гдѣ сказано: «по отходѣ же Крымск. Царя, чающе его впредь къ Москвѣ приходу, повелѣ Государь кругомъ Москвы, около всѣхъ посадовъ, поставить градъ древяной; а заложенъ бысть въ 99 (1591), а совершенъ въ 100-мъ году.»

(272) Въ *Никон. Лѣт.*: «Войде въ мысль во многіе простые люди Украинскіе, что приведе Царя Крымск. подъ Москву Борисъ Годуновъ, бояся земли про убойство Царевича Дмитрея... Изъ Олексина пріѣде къ Москвѣ Сынъ Боярской, Иванъ Подгорецкой, и возвести на своего крестьянина сія словеса про Бориса; товожъ крестьянина взяша и пытаху на Москвѣ: онъ же оклевета множество людей... и послаша сыскивать по городомъ,» и проч.

(273) Въ *Повѣсти о разореніи Московскаго Государства*: «Когда Государю доведется кого чѣмъ пожаловати или кого отъ казни свободна учинити, то писаху: *пожаловалъ Государь Царь по упрошенію ближняго своего пріятеля, Бориса Өедоровича*; егда же прилучится кого казнити за вину законную, то писаху: *приговорили Бояре, К. Өед. Ив. Мстиславской съ товарищи.*» О семъ знатнѣйшемъ Вельможѣ гонецъ нашъ въ Литвѣ, А. Ивановъ, по своему наказу долженъ былъ сказать: «К. Өедоръ Ив. Мстиславской при Государѣ въ великомъ жалованьѣ, и Борисъ Өедоровичь его добрѣ любитъ, и Государь его нынѣ (въ 1590 году) пожаловалъ, далъ сестрѣ его меньшой жениха, великово человѣка, Кабардинскіе земли Князя, Княжь Канбулатова Черкасково племянника, а Князю Борису Черкаскому брата, которой женился у Боярина у Микиты Романовича, понелъ дочерь его, и Кн. Өедоръ Ив. послѣ Дмитреева дни въ первое Воскресенье и выдалъ сестру свою за Князя Василья.»

(274) Въ *Дѣл.* Польск. No 23, л. 112, въ наказѣ гонцу Петру Пивову въ 1594 году: «А будетъ придетъ къ нему Михайло Головинъ, и Петру говорити: твое письмо до Бориса Өед. дошло... и тому Б. Ө. не добрѣ повѣрилъ, что много на тебя ссорныхъ словъ было о твоей неправдѣ, что ты много словъ позорныхъ говорилъ; а только будетъ ты, Михайло, прямо хочешь взыскати Бога и Вѣры Крестьянскіе, и своихъ родителей не забыть, а похочешь ѣхать къ Государю, и Борисъ Өед. у Государя и у Государыни то упроситъ, что тебя Государь пожалуетъ вотчиною и помѣстьемъ свыше прежнего, и въ твоемъ отечествѣ тебя учинитъ въ большой чести, въ чемъ отецъ твой и дядя Петръ были... и братью твою всѣхъ изъ Казани выведетъ.» Объ измѣнѣ Мих. Головина см. выше, стр. 23.

(275) Въ *Повѣсти о разореніи Московскаго Государства*: «Тако же и въ писаніяхъ велін и несказанныя похвалы правленія свыше мѣры исплетаху ему, яко чимъ желая утѣшитися, тѣмъ и ублажаху его. Вси людіе, аще и видяще сію лесть вводиму въ народы отъ него, но не могуще ничего же сотворити: отъятъ бо отъ всѣхъ власть, и страхъ на всѣхъ наложи; не смѣюще ни помыслити напь: ослѣпи бо очи разумныхъ,» и проч.

(276) Въ Архив. Розрядн. Кн.: «Іюня въ 14 день крестилъ Государь дочь свою, Царевну Өеодосію, въ Чюдовѣ монастырѣ.» Въ тотъ день обѣдали у него въ Гранитовой палатѣ Святители, Бояре и царедворцы *безъ мѣстъ*, т. е. безъ разбора чиновъ или старѣйшинства. Въ *Никонов. Лѣт.* VIII, 25: «посла въ Іерусалимъ и во всю Палестинскую землю со многою милостынею.» См. *Дѣла* Польск. и Греческ. 1592 года. Трифонъ Коробейниковъ и Мих. Огарковъ ѣздили тогда къ Патріархамъ Греческимъ съ даромъ пяти тысячь, пяти сотъ, тридцати четырехъ золотыхъ Угорскихъ и трехъ золотыхъ Португальскихъ (изъ коихъ въ каждомъ было 10 червонцевъ), сверхъ множества соболей, куницъ и проч. Мы имѣемъ описаніе сего путешествія, не весьма любопытное. См. также *Рос. Вивліоѳ.* XII, 425.

(277) Послѣ перваго Самозванца явился въ Россіи и мнимый сынъ Өеодоровъ, Петръ, какъ увидимъ далѣе. Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 286: «Паны Рады говорили: сказываетъ-де тотъ Петръ, какъ онъ родился, и его-де перемѣнили дочерью по Борисову велѣнью, чтобъ ему не быти на Государствѣ.»

(278) Въ лѣтописяхъ: «погребена бысть въ Вознесенск. Дѣвичьемъ монастырѣ... и повелѣ Государь въ Вознесенскій монастырь дати вотчину въ Мосальск. Уѣздѣ, село Чертень.»

(279) См. выше и Миллера Samml. Russ. Gesch. V, 60.

(280) См. выше и Дѣла Польск. No 20, л. 640-644. Послы Сигизмундовы уже выѣзжали тогда (въ исходѣ Генваря 1591) изъ Россіи: гонецъ нашъ догналъ ихъ и сказалъ имъ отъ имени Правителя: «приходило въ войну Свейскихъ Нѣмецъ съ Юрьемъ Боемъ» (по главнымъ Воеводою былъ Грипъ: см. Далина, XV, 178) «всего съ три тысечи, а Государя нашего рати, Русскихъ и Татарскихъ, съ двѣстѣ тысячь было въ Новѣгородѣ и по инымъ мѣстомъ собрано, да всѣ распущены.»

(281) См. Далина XV, 178.

(282) См. Дѣла Польск. No 21, л. 253, и Архив. Розряд. Кн. 790. Шведы писали, что они убили тогда (въ Авг. 1591) 6000 Россіянъ и взяли въ плѣнъ трехъ Воеводъ съ пятидесятью *Боярами*, то есть, *Дѣтьми Боярскими* (см. Далин. 179).

(283) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 23; также *Исторію Рос. Іерархіи* VI, 584.

(284) См. выше и Дѣла Польск. No 21, л. 318-507. Сигизмундъ цѣловалъ крестъ Дек. 4, а Салтыковъ и Татищевъ возвратились въ Москву 10 Генв. 1592.

(285) См. Архив. Розрядн. Кн. 795, *Никон. Лѣт.* VIII, 24, и Дѣла Крымск. No 19, л. 242. Богданъ Бѣльскій начальствовалъ надъ снарядомъ огнестрѣльнымъ; походъ кончился 21 Февраля. Въ Степен. Кн. Латухина: «Воеводы многія городки Нѣмецкія взяли, а отъ Выбора возвратилися. Тогда Государь на нихъ прогнѣвался, что у К. Өедора Мих. Трубецкого съ Годуновыми рознь была. Государь ходилъ молитися въ Троицкій монастырь, да въ Можаескъ къ Николаеву образу Чудотворца, и въ Боровскъ къ Пафнутію Чудотв., да въ Звенигородъ къ Савѣ Св., и пришедъ на Вербной недѣли,» и проч. См. также *Никон. Лѣт.* VIII, 25.

(286) См. Дѣла Крымск. No 19, л. 242, и Далина 179: онъ называетъ Ханскаго Посла Іоанномъ Антоніемъ.

(287) См. Дѣла Цесарск. No 5, л. 453, и Далина XVI, 207.

(288) Въ Дѣл. Цесарск. No 5, л. 470: «А то Максимиліану» (говорилъ въ Москвѣ его Посланникъ Варкочь) «подлинно вѣдомо отъ самаго Жигимонта Короля, что онъ на Польское Королевство не хочетъ, а хочетъ быти на Свейскомъ, потому что Паны Рада, Польскіе и Литовскіе, самовольные люди, и ни въ чемъ его не слушаютъ, и за Государя не имѣютъ, и повольности ему нѣтъ никоторые: держатъ его какъ бы за невольника.»

(289) См. Дѣла Швед. No 7, л. 1 и слѣд.; также Далина XVII, 254. Переговоры начались въ Ноябрѣ 1594.

(290) См. тамъ же. Вотъ нѣкоторыя статьи изъ договора: «Мы, полные Великіе Послы, язъ Окольничей и Намѣстникъ Колужской, К. Ив. Самсоновичь Туренинъ, язъ Дворянинъ и Намѣстникъ Елатомской Остафей Михайловичь Пушкинъ, мы Діаки Григорей Ив. сынъ Клобуковъ да Посникъ Дмитреевъ, съѣзжалися у Норовы рѣки ниже Иванягорода на Иванегородцкой сторонѣ у Тавзина... Всѣмъ Свейскимъ подданнымъ съ своими кораблями и съ товары ходити въ Ругодивъ (Нарву), а не изъ чюжихъ мѣстъ, а торгу быти на Ругодив-

ской, а не на Иванегородцкой сторонѣ... Имати дань (Королю) съ Лопарей на восточной сторонѣ къ Варангѣ... (Царю) имати дань съ Лопарей, которые къ Двинской и х' Корельской землѣ и х' Колѣ городу... Полоняниковъ всѣхъ свободить... а Рускимъ людемъ повольно посылати своихъ людей сыскивати Рускихъ полоняниковъ въ Свейскую землю... А какъ Воеводы уложатъ съ обѣихъ сторонъ рубежи, какъ изстари бывали, и городъ Корѣла съ волостьми очиститн со всѣмъ нарядомъ (съ пушками), и Рускихъ людей, которые живутъ въ Корѣльскомъ Уѣздѣ, въ Свейскую землю не свозити,» и проч.

(291) Въ Апр. 1592 Сигизмундъ присылалъ въ Москву чиновника Литовскаго Волка, въ Ноябрѣ Хребтовича, въ Авг. 1593 Девялтовскаго, въ Авг. 1599 Корсака-Голубецкаго. Онъ требовалъ, чтобы Ѳеодоръ удовлетворилъ жалобамъ Литовскихъ купцевъ и велѣлъ освободить двухъ Черкесскихъ Князей, находящихся въ Польской службѣ и взятыхъ въ плѣнъ Донскими Козаками близъ Азова; извѣстилъ его о своемъ восшествіи на Шведскій престолъ; писалъ къ нему изъ Стокгольма о несправедливости Царя Іоанна Вас. въ отношеніи къ Швеціи; увѣдомлялъ о побѣдѣ, одержанной Литовцами въ 1595 году надъ Ханомъ въ землѣ Волошской, гдѣ Замойскій объявилъ Господаремъ Іеремію Могилу, подданнаго Королевскаго. Сигизмундъ надѣялся, что мы вмѣстѣ со всѣми Европейскими Державами возстанемъ на Султана, и проч. Ѳеодоръ посылалъ къ Королю въ 1592 г. Дворянина Рязанова, жалуясь на то, что Литовцы завладѣли Велижскою областію, и что Князь Вишневецкій на Путивльскомъ рубежѣ выстроилъ городъ Лубны, убивъ около двухъ сотъ Россіянъ. См. Дѣла Польск. No 19, л. 22 и 23.

(292) См. Дѣла Польск. No 23, л. 177, въ донесеніяхъ гонца Петра Пивова, который ѣздилъ къ Литов. Панамъ въ 1594 году.

(293) Ибо съ Ханомъ было и много Турковъ.

(294) См. Въ Д. Крымск. No 19, л. 139. Ханъ прислалъ гонца въ Окт. 1591 года.

(295) См. тамъ же, л. 258. Гонцемъ ѣздилъ въ Крымъ Мих. Протопоповъ.

(296) Въ Маѣ 1592 (см. тамъ же, л. 270, 300, 373). Въ *Никон. Лѣт.*: «сведоша (Крымцы) полону много множество, яко и старые люди не помнятъ такіе войны отъ поганыхъ.»

(297) Т. е. жителямъ Акерманскимъ. Григор. Аѳ. Нащокинъ былъ отправленъ въ Константинополь 6 Апр. 1592, а возвратился 2 Окт. 1593. См. Дѣла Турецк. No 3, л. 186, 218, 219, 228, 238, 240, 247. По доносу жителя Азовскаго, Усеинъ-Челибея, что Россіяне тѣснятъ Магометанъ въ Астрахани — что Козаки Донскіе не даютъ Азовцамъ выйти изъ воротъ, и что Посолъ Царскій есть лазутчикъ, Султанъ хотѣлъ немедленно выслать Нащокина; однакожь умилостивился, и дозволилъ ему зимовать въ Константинополѣ. — Амуратовъ Посланникъ пріѣхалъ въ Москву 21 Окт. 1593, а выѣхалъ 22 Іюля 1594. Въ слѣдъ за нимъ, 31 Іюля, отправился къ Султану Дворянинъ Данило Ислѣньевъ.

(298) Тамъ же, л. 294: «Изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе Князи и Шевкальской были холопи наши Резанскихъ предѣловъ, и отъ насъ збѣжали съ Резани и вселились въ горы, и били челомъ отцу нашему,» и проч.

(299) Тамъ же, л. 260. — Въ Дѣлахъ Цесарск. No 8, л. 676: «Мы, Царское Величество» (говоритъ Ѳеодоръ въ сношеніяхъ съ Австріею) «послали къ Турскому Салтану Посланника своего, Данила Ислѣньева, и велѣли накрѣпко говорити Салтану, чтобъ онъ брата нашего на Рудольфову Цесареву землю войною не ходилъ... и Турской то свѣдавъ, что мы Самодержцу, брату своему, помогаемъ своею Царскою казною» (см. ниже) «и за то Турскій Магкетъ-Салтанъ Посланника нашего у себя задержалъ третей годъ, и по ся мѣста» (Ав. 1597) «не отпустилъ.» Въ лѣтописяхъ сказано о возвращеніи Ислѣньева въ 1595 году (несправедливо, какъ видимъ) съ Послами Хана Крымскаго).

Въ Дѣлахъ Турецк. No 3, л. 81: «А Государева жалованья послано (съ Нащокинымъ) къ Атаманомъ и х' Казакомъ: поставъ сукна *страфилю*, 6 половинокъ *еренку*, 24 половинки Рословскихъ, 25 пудъ селитры и сѣры и свинцу по указу; да запасовъ 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, 30 четвертей толокна.» Козаки говорятъ Нащокину, л. 92 и слѣд.: «А полоняниковъ намъ отдать не мочно: взяли мы ихъ своею кровью; а ходили тѣ Черкасы за нами сами, и нашихъ головъ искали, а не мы на нихъ ходили; а которыхъ нашу братью емлютъ Азовскіе люди, и тѣхъ мечютъ на уды и на каторги сажаютъ; а не токмо дать даромъ, и на окунъ не даютъ... Сее зимы больши ста человѣкъ по городкомъ Азовскіе люди съ Черкасы поймали... Турского Чеушъ да Черкасск. 6 Князей, Кабанъ съ товарищи, цѣнилися сами; дати имъ за себя, Чеушу 6000 золотыхъ, а Кабану 3000, а достальные цѣнились въ 4000 золотыхъ... О миру присылывали напередъ изъ Азова къ намъ, и намъ чрезъ прежніе обычаи самимъ о миру задирать не пригоже. А се наши товарищи на морѣ Вас. Жегулинъ съ товарыщи 300 человѣкъ: и намъ, ихъ не выждавъ, какъ миритца?» Нащокинъ пишетъ, л. 97: «Іюня въ 11 Атаманы Вас. Жегулинъ, Ив. Носъ, Ив. Ѳед. Трубецкихъ, Вас. Кабанъ, а съ ними многіе Козаки, человѣкъ съ 600, пришли нарядымъ дѣломъ, съ саблями и съ ручницами, къ нашему шатришку, и говорили, чтобъ мы имъ показали твой наказъ... И мы отказали, что наказъ твой, Государевъ, данъ намъ о многихъ дѣлѣхъ... и будетъ вы пришли грабить Государевы казны, и въ томъ Государь воленъ, а мы готовы помереть за Государеву казну... И они шумѣли много... и достальную селитру и запасъ твой, Государевъ, взяли сильно; да у насъ же въ стану взяли Донского Атамана Вишату Васильева, которой посланъ съ нами съ Москвы, и бивъ его ослопы, передъ нашимъ шатришкомъ посадили въ воду.»

(300) См. Т. VI, стр. 85, г. 1284. Въ рукописномъ *Сказаніи о построеніи монастыря Богородицкаго Знаменскаго:* «Страна Курская пришедъ въ конечное отъ Татаръ запустѣніе, изобильна бывъ птицами, для промыслу коихъ жители города Рыльска почасту туда пріѣзжали, и одинъ изъ оныхъ, ходя по лѣсу при рѣкѣ Тускарѣ, тамъ, гдѣ нынѣ славная по своей ярмонкѣ *Коренная* Пустыня, обрѣлъ на *корню* образъ Знаменія Богоматери... Сіе случилось 1295 г. Сент. 3. Узналъ о томъ *Рыльскій* Князь *Шемяка*» (но Шемякинъ или Шемячичь властвовалъ тамъ въ XVI вѣкѣ: см. Т. VI, 183, и Т. VII, 15) «и велѣлъ принести въ городъ Рыльскъ; но икона очутилась паки въ пустынѣ... и 300 лѣтъ пребыла тамъ неподвижно въ часовнѣ... Въ 1597 г. указалъ Государь Ѳеодоръ Іоанновичь сію чудотворную икону поднять къ себѣ въ Москву, гдѣ Царица Ирина украсила оную и паки отпустила на древнее мѣсто. Въ тожь лѣто построили вокругъ часовни монастырь и возобновили древній Курскъ, близъ Коренной Пустыни,» и проч. Въ лѣтописяхъ (см. *Никон. Лѣт.* VIII, 26) сказано, что Курскъ основанъ вмѣстѣ съ Воронежемъ и Ливнами: слѣдственно въ 1586 году (см. Дѣла Польск. No 17, л. 11). Строеніе сей крѣпости поручено было Воеводѣ Ив. Осип. Полеву

и Головѣ Нелюбу Огареву. Кромы (въ 1594 г.) укрѣплялъ К. Владим. Вас. Кольцовъ-Мосальскій. Сверхъ того было сдѣлано еще нѣсколько засѣкъ. Въ Розряд. Кн.: «Посыланы (въ 1594 г.) засѣкъ дѣлать на четыре статьи: въ первой статьѣ Окольничій К. Ив. Вас. Гагинъ, да Оружничей Богд. Як. Бѣльскій; въ другой статьѣ Окольн. К. Андрей Ив. Хворостининъ, да Думн. Дворянинъ Деменша Ив. Черемисиновъ; въ третьей Мих. Глѣб. Салтыковъ, да Думн. Дворян. Игн. П. Татищевъ; въ четвертой Дм. Андр. Замытской, да Кузма Осип. Безобразовъ.» Близъ Ливенъ дѣлалъ засѣку Никиф. Сем. Вельяминовъ-Воронцовъ. — Пишутъ, что Саратовъ основанъ въ 1591 году: я не нашелъ того въ современныхъ извѣстіяхъ.

(301) Въ Дѣл. Крымс. No 21, л. 487: «Присылалъ Папа Римской и Цесарь, и Король Ишпанской, и Португальской, и Датцкой, и вся Рѣша Нѣмецкая съ челобитьемъ, чтобы помочь учинилъ имъ людми и казною... и Государь бы велѣлъ рать свою послать на Крымъ... И Государь нашъ тѣмъ всѣмъ отказалъ, и Пословъ ихъ безъ дѣла велѣлъ отпустить... Да нынѣ Государю Князи и Бояре, и Воеводы, и всякіе ратные люди и Украйные, Каширскіе, Тульскіе, Рязанцы... и вся земля, приходя, Государю бьютъ челомъ, чтобъ Государь, памятуючи ваши досады и неправды, поволилъ ратемъ своимъ надъ Крымомъ поискъ учинить... И Государь отказалъ... для брата своего, Салтана, и для Казы-Гирея.»

(302) См. Т. VII, 58, и Дѣла Крымск. No 21, л. 40 — 226. 9 Ноября съѣхались Хворостининъ и Бѣльскій съ Ахметъ-Пашею на мосту; 13 Ноября размѣнялись Послами: то есть, К. Щербатой отправился къ Хану, а К. Ишимаметъ въ Москву. Л. 223: «Государь нашъ» (сказалъ К. Щербатой Ханскимъ Вельмож.) «прислалъ къ Царю и х' Калгѣ, и къ Царевичамъ и къ Царицамъ, и къ Княземъ и къ Мурзамъ, деньгами и платьемъ половину семнатцать тысечь рублевъ, а одними деньгами Царю прислалъ 10,000 р., опричь платья и всякой посылки; а Калгѣ и Царевичамъ деньгами 500 р., опричь платья — и такова посылка николи прежнимъ Царемъ не бывала. Да сверхъ того отпустилъ Государь Муратъ-Киреевскую Ертуганъ Царицу съ ее людми.» Ханъ отпустилъ К. Щербатаго съ Шертною грамотою 26 Апрѣля: см. л. 300 и 313.

(303) См. Дѣла Цесарск. No 5, л. 394 и слѣд. Слова Ник. Варкоча: «Францовского Короля Индрика не стало, а осталася наслѣдницею Францовскому Королевству Ишпанского Короля Филипа дочь, а Индрику Королю Франц. внука; а Ишпанской Филипъ Цесарю дядя, и они промышляютъ, чтобы Францовскому Королевству быти наслѣдницѣ Филиповой дочери; а понять ее хочетъ Государь нашъ Цесарь, для того, что она Цесарю сестра не блиско, и Францовскому бъ Королевству быти за ними, или бъ на немъ посадить выбравъ изъ тутошнихъ изъ поморскихъ Государей, хтобъ Цесарю и Ишпанскому Королю былъ другъ. А Король Наварской называетца наслѣдникомъ Фр. Королевства ложно, и сложась съ Аглинскою Королевою, хотятъ Францов. Королев. взять подъ себя, и съ Турскимъ хотятъ быть въ соединеньѣ, и приказываютъ къ нему, чтобъ онъ съ Ишпан. Королемъ и съ Цесаремъ воевался... И за тѣмъ присылка Цесарева къ Государю Московъ. позамешкалася.» См. л. 462 — 554. Варкочь выѣхалъ изъ Москвы 8 Дек.

(304) Тамъ же, л. 519: «и мы, Великій Государь, пожалуемъ тебя своимъ великимъ жалованьемъ и твоему достоинству, какъ пригоже быть Государьскимъ дѣтемъ, и многіе городы тебѣ въ вотчину дадимъ.»

(305) См. Дѣла Цесарск. No 6, л. 4 — 25. Надпись грамоты: «Напресвѣтлѣйшему и непобѣдимому Государю Ѳеод. Ив. Царю и Вел. Князю Русскому — пресвѣтлымъ Аарону, Воеводѣ Волошскому (Молдавскому) и Князю Янушу Збораскому, Воеводѣ Брясловскому, Старостѣ Кремнитцкому, и всякому чину, кому то годитца вѣдати — и честнѣйшимъ и удалымъ рыцаремъ, которые живутъ въ войскѣ Запорожскомъ.» Далѣе: «объявляемъ, что честный и мужественный Станиславъ Хлопицкій, Большой надъ войскомъ Запорожскимъ, у насъ на очехъ былъ,» и проч. Слова Хлопицкаго, л. 31: «За помочью Божіею нѣколико голдовниковъ, которые Турскому дань давали, имѣютъ совѣтъ съ Государемъ нашимъ, съ Цесаремъ: первой Воевода Седмиградцкой... Ааронъ Волоской, да Воевода Мутьянской (Волошскій) жадаютъ Цесарской милости, чтобы ихъ боронилъ отъ Турка; а они рклися давать на мѣсяцъ по 12,000 ефимковъ, да сукна на 10,000 Казаковъ Запорожскихъ.» Въ отвѣтѣ чрезъ Вас. Щелкалова, л. 34: «Государь повелѣніе свое Царьское къ Запорожскимъ Черкасомъ, къ Гетману къ Богдану Микошинскому, и ко всему войску Запорожскому послалъ, а велѣлъ имъ итти къ Цесарю на помочь.» Хлопицкій выѣхалъ изъ Москвы 3 Сентября.

(306) См. Гейденшт. R. P. 326 — 337, г. 1596.

(307) Нѣмца Ивана Анса Андреева: см. Дѣла Цесар. No 6, л. 42.

(308) См. тамъ же, л. 78 и слѣд.

(309) Тамъ же, л. 237: «Апр. въ 13 день Государь послалъ къ Цесарю съ своею казною, на вспоможенье противъ Турского, Думн. Дворянина Мих. Ив. Вельяминова, Намѣстника Кашинского, да Дьяка Ѳеонасья Власьева.» Л. 268: *Роспись мяхкой рухляди, что съ Послы отпущено къ Цесарю, и въ запасъ и на приказной росходъ, и на роздачю.* Соболей отпущено 1009 сороковъ на 28,907 рублевъ, а въ головныхъ былъ сорокъ въ 400 рублевъ; да куницъ 519 сороковъ, цѣна имъ 5190 рублевъ; 120 лисицъ чорныхъ и чернобурыхъ, цѣна 565 р.; да бѣлки 337,235 бѣлокъ, по двадцати р. тысяча, и того 6744 р. съ полтиною; да съ ними же отпущено 3000 бобровъ черныхъ, цѣна 2708 р., 18 алтынъ, двѣ денги; да 1000 волковъ, цѣна 530 р. Да изъ дворца отпущено 75 кожъ лосиныхъ: цѣна имъ по рублю кожа. И всего отпущено на 44,720 рублей.»

(310) См. донесеніе Вельяминова тамъ же, л. 324. Онъ былъ представленъ Императору Авг. 18, и пишетъ: «Посылку твою, Государеву, устроя совсѣмъ отвезли Цесарю на дворъ Авг. 21, и у Цесаря на дворѣ дали намъ 20 полатъ, и мы соболи и лисицы, и куницы, и бобры, и волки роскладывали по полатамъ на лицо, а бѣлку въ коробьяхъ; а какъ изготовили, и Цесарь смотрѣлъ самъ все на лицо, а съ нимъ были его Думные люди, и твоему, Государеву, вспоможенью обрадовался, и удивляетца, и говорилъ въ слухъ, что онъ и прежніе Цесари николи такихъ дорогихъ соболей и лисицъ не видали, и распрашивалъ, гдѣ велутца, и мы сказали, что ведутца въ твоемъ Государствѣ, въ Кондѣ и въ Печерѣ, и въ Угрѣ и въ Сибирск. Царствѣ блиско Оби... И Цесаревы Совѣтники присылали къ намъ, чтобъ намъ твоей присылкѣ цѣну положити, и мы отказали, что мы присланы съ твоею, Государевою, помочью, а не для того, чтобы намъ цѣнити соболи.» См. л. 326 и 380. Вельяминовъ возвратился 15 Ноября 1595. Л. 413: «Людей съ нимъ и съ Дворяны и извощиковъ было 130 человѣкъ, 225 лошадей; а поденного корму давали ему у Цесаря въ мясные дни по яловицѣ, да по стягу говядины, по 6 барановъ, по 30 куровъ, по четверо гусей, пятеро

утятъ, по 4 куропатки, 120 колачиковъ, 170 хлѣбовъ, 6 гривенокъ масла деревяного, 36 гривенокъ масла лняново, 20 лимоновъ, 50 яицъ; а муку и соль, и масло коровье, и лукъ и чеснокъ давали, колько надобе; да 25 свѣчь восковыхъ, а 60 сальныхъ. А въ рыбные дни по 20 щукъ, 200 раковъ, 60 сазановъ, 5 лососокъ, 200 сельдей, а въ ухи мелкіе рыбы не по велику. А питья по ведру вина Ренсково лутчево, 8 ведръ росхожего, 24 кружки Угорсково, 6 кружекъ уксусу виннаго, 24 кружки вина горячево, 40 ведръ пива. На недѣли 4 головы сахару, а въ нихъ 36 гривенокъ» (перцу, шафрану, корицы, пшена, изюму, и проч.).

(311) Тамъ же, л. 333: «По ся мѣсто съ Папою и съ Королемъ Ишпан. ешо у насъ въ томъ дѣлѣ большого утверженья нѣтъ; только отъ нихъ утѣшенье есть, что они къ тому дѣлу подвижны; а для того вскорѣ то не учинитца, что мы промежъ себя не по близку; межъ насъ иные Королевства, и земли и море, и въ дальнемъ ходу многое страхованье.»

(312) Въ Дѣл. Цесарск. No 8, л. 624: «послали есмя» (пишетъ Императоръ) «Посла своего, того добророжденнаго, чесного, нашего вѣрнолюбимого Аврама Бургграфа Донавского, Вольного Господина Вартембергскаго и Крашинского, Державца Вышніе и Нижніе земли Ляузницкіе, и съ нимъ того ученого Дохтора, Юрья Кала.» Сей знатный Посолъ названъ въ Нѣмецкихъ бумагахъ Abraham Burggraff zu Donau (см. въ Вихман. Samml. K. Schr. M. Schiel's Relation, стр. 441).

(313) См. Дѣла Цесарск. л. 468, въ указѣ данномъ Дьякамъ Нармацкому и Дмитрееву.

Въ предписаніи, какъ везти Посла Москвою, л. 513: «Ѣхати съ нимъ въ деревянной городъ въ Арбатцкіе ворота, да новою Веденскою улицею х' каменному городу, а выѣхавъ къ городу, поворотить на лѣво подлѣ каменный городъ, да въ Тверскіе ворота, и Тверскою улицею, да выѣхать на площадь х' Китаю городу, поворотить на лѣво, и ѣхати мимо Житной Рядъ и мимо Пушечной дворъ на Конскую площадку, па Княжъ Михайловъ дворъ Ноздроватово.»

(314) См. ниже, примѣч. 462.

(315) Л. 553: «И ѣхалъ Посолъ къ Государю на дворъ въ воску въ Нѣметцкомъ въ непокрытомъ, для того, что у него была болѣзнь въ ногахъ *камчюгъ*» (см. Т. VI, 120) и онъ билъ челомъ Государю, что ему верхомъ ѣхати не мочно; а съ нимъ ѣхалъ въ воску одинъ Цесаревъ Дворянинъ, Удѣльного Князя сынъ; а Приставы ѣхали по обѣ стороны воску, а передъ Посломъ ѣхало Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ и Сотниковъ и охотниковъ 120 человѣкъ; и какъ Посолъ пріѣхалъ въ городъ на площадь, и Цесаревы Дворяне ссѣли съ лошадей противъ воротъ Казеннова Двора, а Посолъ вышелъ изъ воску на мостки противъ середнего *быка* Казенные полаты, и шли съ Посломъ мимо Благовѣщенья папертью да переходы къ Грановитой полатѣ. А Государь былъ въ Большой въ Грановитой въ *Подписной* полатѣ . . . У Государя стоялъ Б. Ѳ. Годуновъ, а держалъ Царского чину яблоко золотое. А Бояре сидѣли въ лавкахъ, въ большой и въ другой лавкѣ, К. Василей да К. Дм. Ивановичи Шуйскіе, Ѳеодоръ Никитичь Романовъ, К. Ѳед. Мих. Трубецкой, К. Александръ Ив. Шуйской, Степ. Вас. Годуновъ, Ив. Вас. Годуновъ, К. Никита да К. Тимоѳей Романовичи Трубецкіе, К. Ив. Ив. Голицынъ, К. Ондрей Ив. Голицынъ, Богданъ Юрьевичь Сабуровъ, К. Борисъ Канбулатовичь Черкасской, К. Ив. Вас. Ситцкой, К. Ѳед. Дм. Шестуновъ. А на Окольничемъ мѣстѣ сидѣли Воеводичи Волошскіе и Мутьянской и Князь Оѳ. Шейдяковичь Нагайской и Служилые Князи; да Окольничіе Як. Мих. Годуновъ, Мих. Глѣб. Салтыковъ, Кравчей Александръ Никитичь Романовъ, Оружейничей Богданъ Яков. Бѣльской. А Рынды стояли при Государѣ въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чепяхъ: съ правую сторону отъ Государева мѣста К. Юр. Никитичь Трубецкой да К. Ѳед. Лыковъ; а по лѣвой сторонѣ быти было въ Рындахъ К. Ив. Княжь Семенову сыну Куракину, и онъ билъ челомъ о мѣстѣ на К. Юрья на Трубецкого, *и съ Двора съѣхалъ;* а былъ въ Рындахъ по лѣвой сторонѣ К. Ив. Большой Княжь Ондреевъ сынъ Хованской, да К. Борисъ Лыковъ. А грамоты отъ Цесаря принялъ и Посольство пріималъ Печатникъ и Посольской Діякъ Василей Яковличь Щелкаловъ. Дворяне Думные сидѣли по лавкамъ: Игнатей Петр. Татищевъ, Елиз. Леонт. Ржевской, Постельничей Истома Осип. Безобразовъ, Стряпчей Кузма Безобразовъ. Діяки Думные стояли *въ Золотой Грановитой Полатѣ*: Елизарей Вылузгинъ, Сапунъ Аврамовъ, Ив. Олексѣевъ сынъ Нармацкой. Дворяне: К. Ив. Княжь Ивановъ сынъ Шуйской, К. Мих. Петр. Катыревъ-Ростовской, К. Ив. да К. Ондрей Вас. дѣти Голицына, К. Вас. Кардануковъ Черкасской, К. Вас. Агишевъ Тюменской, Никита да Петръ Вас. Годуновы, К. Ив. Меньшой К. Никит. сынъ Одоевской, Ондр. Никит. Годуновъ, Вас. П. Морозовъ, Петръ Никит. Шереметевъ, Ѳома Оѳ. Бутурлинъ, К. Ѳед. Ондр. Ноготковъ, Верига Ѳед. Сабуровъ, Микиф. Ѳед. Сабуровъ, К. Мих. Гр. Темкинъ, К. Ром. Вас. Охлябининъ, Ѳед. Ив. Шереметевъ, Мих. Богд. Сабуровъ, Ив. Ѳед. Басмановъ, К. Мих. Самсон. Туренинъ, К. Вас. Ив. Ростовской, К. Петръ Ив. Буйносовъ, К. Мих. Ѳед. Гвоздевъ, К. Данило Борис. Пріимковъ, К. Ив. Борис. Хованской, Вас. Яков. Волынской, Остаф. Мих. Пушкинъ, Сокольничей Ив. Жеребцовъ, Ловчей Дм. Замыцкой. — Стольники: Мих., Иванъ да Вас. Никитины Романовы, Сем. да Ив. Никитины Годуновы, К. Ив. Большой Никитинъ Одоевской, Степ. Степан. Годуновъ, Ив. Ив. Годуновъ, К. Ондр. Ондр. Телятевской, *Петръ Ѳедоров. Басмановъ*, Матв. Мих. Годуновъ, К. Олек. Юр. Ситцкой, К. Ондрей Вас. Ситцкой, К. Ив. Дмитр. Хворостининъ.» — Вотъ люди родовые, болѣе или менѣе знатные, которые послѣ губительнаго Іоаннова вѣка до царствованія Романовыхъ окружали престолъ Московскій!

(316) Л. 562: «Поминковъ отъ Цесаря къ Государю: мощи Вел. Святителя Николы, окованы златомъ да серебромъ съ каменьемъ; два воска совсѣмъ, а у восковъ по шти санниковъ, 6 сѣрыхъ, а 6 гнѣдыхъ; два жеребца; часы съ перечасьемъ, съ людми и съ трубы, и съ накры и съ варганы; а какъ перечасье и часы забьютъ, и въ тѣ поры въ трубы и въ накры и въ варганы заиграютъ люди какъ живые; часы съ перечасьемъ, и какъ забьютъ, и тѣ часы запоютъ розными гласы . . . Да Посолъ отъ себя челомъ ударилъ Государю: крестъ золотъ съ жемчюгомъ; часы съ семью планитами, а подъ часами ящики деревянные съ розными цвѣты, серебромъ окованы, съ чернилицою; рукомойникъ и лоханя серебряны позолочены.» — Борису Годунову (л. 595): «кубокъ двойчатъ серебрянъ позолоченъ, жемчюгомъ да изумрудомъ саженъ; часы стоячіе боевые съ знамены небесными; два жеребца, а попоны на нихъ бархатъ червчатъ. Да Государя Бор. Ѳед. сыну, Ѳедору Борисовичю: часы стоячіе боевые, а придѣланъ на нихъ медвѣдь; 6 попугаевъ, да 2 обезьяны,» и проч.

(317) Л. 583: «Маія въ 25 приказывалъ Цесаревъ Посолъ, что есть съ нимъ приказъ Царскаго Величества къ шурину . . . и Бор. Ѳед. доклады-

валъ о томъ Государя, и Государь велѣлъ ему у Бориса Ѳед. на дворѣ быти... и Маія въ 27 былъ; а посыланы по него Приставы... А въ то время на дворѣ у Бориса Ѳед. было устроено по Посольскому чину: въ комнатѣ и въ передней и въ сѣнехъ были Дворяне Бориса Ѳед. въ золотномъ платьѣ... Первая встрѣча Посла середи двора, другая на приступѣ, какъ вышелъ изъ воску; третья на середнемъ крыльцѣ, четвертая на верхнемъ: встрѣчали Дворяне; а какъ Посолъ вшелъ въ сѣни, и середи сѣней встрѣтилъ его Ѳедоръ Борисовичь» (сынъ Годунова)... «далъ ему руку и шелъ съ нимъ въ горницу... и середи избы передней встрѣтилъ Посла Борисъ Ѳедоровичь, и взялъ за руку и шелъ съ нимъ въ середнюю комнату; а какъ вошли, и Бургграфъ правилъ Борису Ѳед. отъ Цесаря поздравленье... и подалъ грамоту, и Борисъ Ѳед. говорилъ: Велик. Государя Рудольфа, *смѣя и не смѣя*, о здоровьѣ спрашиваю... и подалъ Послу руку, и посадилъ въ другой лавкѣ близко себя, а самъ сѣлъ въ большой лавкѣ, и звалъ Цесаревыхъ Дворянъ къ рукѣ.»

(318) См. л. 575 — 689. Авраамъ Бургграфъ, обвиняя прежняго Австр. Посланника, Николая Варкоча, говорилъ (л. 612): «Къ Цесарю пріѣхавъ, сказалъ не такъ, какъ здѣся дѣлалось, и про Кизылбашскихъ Пословъ ничего не сказалъ, что имъ быти» (см. ниже)... «и за то ему отъ Государя нашего казнь будетъ. И въ иныхъ дѣлѣхъ его воровства много: росказывалъ онъ про здѣшней обычей, будто ся ему было во всемъ нужно, и въ корму недостатокъ, и онъ то все лгалъ, какъ я нынѣ вижу... Только бъ у меня были крылѣ, и язъ бы полетѣвъ такую *науку*» (т. е. полномочіе для заключенія договора) «у Цесаря взявъ, и здѣсь бы такое дѣло совершилъ.»

(319) Л. 697: «Государь велѣлъ ему противъ его поминковъ дати собольми и куницами и бѣлкою *втрое*.» Бургграфа отпустили изъ Москвы 2 Іюля 1597.

(320) Александръ Комулей (Comuleus, а въ Русскихъ бумагахъ Колеміусъ) былъ два раза въ Москвѣ, въ Апрѣлѣ 1595 и въ Мартѣ 1597 (см. въ *Архивѣ Кол. И. Д.* Дѣла Римск. Двора, въ столбцахъ безъ нумера). Наставленіе данное ему на Итал. языкѣ отъ Папы выписано, по волѣ Екатерины Второй, изъ манускриптовъ Ватиканской Библіотеки, и внесено въ Москов. Архивъ Княземъ Мих. Мих. Щербатовымъ (см. переводъ сей любопытной бумаги въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.*, XII, 449).

(321) Въ подлинникѣ (л. 9): per esser la nazione molto puntuale... Se potete instituire o lasciare aperta una fenestra per poter trattare di unire alla Chiesa Cattolica quella nazione a voi, che sete ben versato nella materia, non mancaranno argomenti; e perche non è forse mai piu avvenuto, che in sei o sette cento anni, che vi entrò la Fede Cristiana, sia stato mandato da questa S. Sede a quei paesi uomo che possedesse la lingua, e che avesse insieme la dottrina, che avete voi, stiamo con qualche speranza voglia valersi di un tal instrumento per alcun gran bene della Chiesa Sua.

Изъ Прибавленій въ концѣ XI Тома, изданія 1824 года:

«Въ десятой строкѣ смыслъ, кажется не полонъ; но въ Архивскомъ спискѣ точно такъ, какъ напечатано.»

(322) См. выше, стр. 41.

(323) См. Дѣла Персид. No 4, л. 10, 14 и слѣд. Ази Хозревъ (пріѣхавъ въ Августѣ 1593) словами Шаха сказалъ Годунову (л. 13): «а племянника своего мнѣ убить же было!» Далѣе говоритъ Посолъ: «Племянникъ Шаховъ у Турского шти лѣтъ, а есть у Шаха иные племянники, два ихъ, и тѣ посажены по городомъ, да и очи у нихъ повыйманы... Государи наши у себя братьи и племянниковъ не любятъ.» Онъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ К. Андреемъ Дм. Звенигородскимъ въ Маѣ 1594.

(324) Тамъ же, л. 14, въ рѣчи Ази Хозрева: «Гилянь у Шаха мѣсто гольдовное было; сидятъ тамъ посаженики Государя нашего: а нынѣ былъ на Гилянѣ Царь Ахметъ, посаженикъ же Государя нашего; и почалъ ссылаться съ Турскимъ, а хотѣлъ Гилянь отдать Турскому, и Шаху тѣ вѣсти дошли, и онъ посылалъ къ нему не одиново, чтобъ Царь Ахметъ ѣхалъ къ Шахову Величеству, и Ахметъ не поѣхалъ, и Шахъ подъ Гилянь ходилъ, и Гилянь взялъ, и многихъ людей побилъ, а Царь Ахметъ изъ Гиляни побѣжалъ въ судѣхъ съ невеликими людьми къ Турскому, и нынѣ въ Гиляни посадилъ Шахъ своего ближняго человѣка, Магметъ-Кулихана.»

(325) Тамъ же, л. 59 и слѣд.: «Ноября въ 5 пріѣзжалъ къ Князю Андрею Ази-Хозровъ, а говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ быти у себя на Посольствѣ на потѣшномъ дворѣ, на майданѣ (базарѣ), а тутъ будутъ всякіе люди, Турскіе и Бухарскіе купцы и иныхъ земель многіе люди, для того, чтобы они все то видѣли... А К. Андрей говорилъ: язъ къ Шахову Величеству на Посольство итти готовъ: только бъ не на потѣшномъ дворѣ и на майданѣ, а на Шаховѣ дворѣ, и въ то бы время у Шаха недруговъ Государя нашего и Шаховыхъ, Турскихъ и Бухарскихъ Пословъ и купцовъ не было... Шаховъ Дворецкой говорилъ: у насъ въ обычаѣ ведетца, которые Послы бываютъ у Шахова Величества, и они его цѣлуютъ въ ногу. И К. Андрей говорилъ: Государь нашъ на отпускѣ зоветъ Шаховыхъ Пословъ къ своей Царской рукѣ... у ноги мнѣ у Шаха не бывать, и въ ногу мнѣ Шаха не цѣловывать... А какъ вшелъ (К. Андрей) къ Шаху въ полату, а при Шахѣ сидѣли сынъ его, Сейфи-Мурза, и Азима, Юргенского Царя, племянникъ, и ближніе люди... а Фергатъ-Хана и иныхъ ближнихъ людей Шаховыхъ не было: посланы были воевать Чорные земли Арапскіе... Какъ К. Андрей шолъ съ Шахова двора, а въ тѣ поры вели дворомъ подъ нарядными попонами аргамаковъ съ 15, а сказали, что тѣ аргамаки прислалъ Шаху Маздронской Государь, а Маздронская земля поддана Шаху... А потѣха была кругомъ всего двора потѣшного, по стѣнѣ зажжены были свѣчи и камышины съ зельемъ съ пищальнымъ и съ нефтью и съ сѣрою; а середи двора зажигали въ трубахъ мѣдяныхъ пищальное зелье; а въ столъ носили передъ Шаха и передъ ближнихъ людей его овощи, а питье носили шарапъ... А какъ въ половину потѣхи пилъ Шахъ про Государево здоровье чашу, и Князю Андрею подавалъ... Марта въ 4 велѣлъ Шахъ Князю Андрею быти у себя на потѣхѣ въ рядѣхъ... а пріѣхавъ на майданъ, сѣлъ съ аргамака, не доѣзжая Шаховы потѣшные полаты; а пришедъ Шахъ въ ряды, ходилъ по рядамъ и смотрѣлъ товаровъ, а у всѣхъ лавокъ стѣны и подволоки обиты камками и *дорогами*» (шелковыми тканями) «и *киндяками* и выбойками, а товары развѣшены по стѣнамъ и по полицамъ роскладены, и свѣчи и *чираки* многіе зажжены въ лавкахъ и ставлены у товаровъ... и Шахъ сѣлъ среди рядовъ, и велѣлъ играти въ сурны и въ *дефи* бити, и пѣсни пѣти и плясати... Послѣ стрѣльбы пошолъ Шахъ въ садъ, и велѣлъ К. Андрею смотрѣти полаты и воды, которые въ полату вверхъ приведены... и тутъ Шахъ въ саду кушалъ, овощи, вишни и дыни и арбузы въ меду, и передъ К. Андрея носили тожь,» и проч. и проч.

(326) Л. 74: «И показывалъ К. Андрею яхонтъ жолтъ, а вѣсу въ немъ сто золотниковъ, да сѣдло оковано золото съ каменьемъ съ великимъ съ драгоцѣннымъ, съ яхонты и съ лалы и съ берюзами; а сказалъ Шахъ, что то сѣдло Темиръ-Аксаковское; и показывалъ шеломы и шапки, и зерцалы булатные, наводжены золотомъ, и пансыри, а говорилъ: то дѣлаютъ въ нашемъ Государствѣ, а булатъ хорошей красной выходитъ къ намъ изъ Индѣйского Государства, а пансыри добрые изъ Черкасъ — и пожаловалъ К. Андрею зерцало.» Л. 82: «И Шахъ К. Андрею говорилъ: дай Боже то, чтобъ мнѣ Персицкое Государство видѣти въ первомъ достояніи, какъ бывало за прародители вашими славные памяти.» Л. 90: «Индѣйского Джеляледдинъ-Государя съ Шахомъ ссылка о дружбѣ, и въ свойствѣ Шаху Индѣйского называютъ: въ прежніе-де времена при Шахъ-Тамазѣ учинилося утѣсненіе Индѣйскому старому Джеляледдинъ-Айбереву отцу, Гамаюну Государю, отъ братьи его, отъ Удѣльныхъ, и съ Индѣйскіе его земли согнали, и онъ-де прибѣгъ къ Шаху, и Шахъ-Тамазъ-де послалъ братью свою, а съ нимъ рати 40,000, и взяли Индѣйское стольное мѣсто Лагуръ, и сталъ опять Гамаюнъ Инд. Государемъ, и отъ тѣхъ мѣстъ Тамазовы братья, Шахъ-Исмаилевы дѣти, Беграмъ Мирза да Солъ Мирза, осталися на Индѣйскомъ рубежѣ съ тою ратью, и далъ имъ Гамаюнъ Кандагарскую землю, и донынѣ въ Кандагарѣ Беграмъ Мирзины да Солъ-Мирзины дѣти, Рустемъ Мирза да Музиферъ Мирза, и нынѣ Индѣйской Государь далъ дочерь свою за Рустемъ-Мирзу. А Гилянской Ханъ Ахметъ былъ у Турского, а Турской отпустилъ его въ Багдадъ, а по Русски въ Вавилонъ... А Шевкалской-де Князь, послыша на себя Государеву рать, посылалъ къ Шаху бити челомъ, что они изначала бывали подданные Шаховы и къ нимъ посылывали дочерей своихъ... и Шахъ бы-де послалъ къ своему другу Московскому, чтобы Государь его Шевкала воевати не велѣлъ, а онъ Шевкалъ во всей волѣ Государевой учинится.»

(327) Въ письмѣ Бориса Годунова къ Шаху Аббасу (см. тамъ же, л. 26): «Рудельфа Цесаря Посолъ Н. Варкачь говорилъ на Посольствѣ, чтобъ Великому Государю нашему къ Вамъ, Государю Аббасъ-Шахову Величеству, отписати, чтобы Ваше Величество съ Турскимъ не мирился и стоялъ бы съ Цесаремъ за-одинъ; Цесаревъ Посолъ мнѣ билъ челомъ, чтобъ ему съ Вашимъ Посломъ, Ази-Хозровомъ, сослатися о Вашихъ о воинчихъ дѣлѣхъ... и посылалъ къ нему Дворянина, а Вашъ потомужъ посылалъ къ Цесареву Дворянина, и говорили о соединеньѣ на Турского.. Цесарь пришлетъ къ Вашему Величеству Пословъ своихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ пошлетъ къ нашему Государю, а Вамъ бы къ Цесарю потомужъ слати своихъ Пословъ, а Государю бы нашему Цесаревыхъ и Вашихъ Пословъ чрезъ свои Государства пропустить велѣть.» О семъ сношеніи Варкоча съ Ази-Хозровомъ въ Москѣ говорится и въ Дѣлахъ Цесар. Двора.

(328) Л. 82: «Пожаловалъ Шахъ К. Андрею камень сердоликъ, обложенъ золотомъ, да образъ Богородицы на золотѣ, а сказалъ, что тотъ образъ писали его писцы со Фрясково образа, а Фрянской образъ присланъ къ нему изъ Гурмыза.» — К. Андрей Звенигородскій выѣхалъ изъ Казбина 10 Апр., пріѣхалъ въ Гилянь 31 Апр., и три недѣли ждалъ тамъ Шахова Посла, Пакъ Изеймамъ-Кулыя Князя.

(329) См. Д. Персид. въ столбцахъ, No 2. К. Вас. Вас. Тюфякинъ и Дьякъ Семенъ Емельяновъ (изъ коихъ первому выдали изъ казны на *подмогу* 300, а второму 200 рублей) были отправлены изъ Москвы въ Іюнѣ 1595. Тюфякинъ умеръ еще на пути въ Персію, 8 Авг., Дьякъ въ Гиляни, а Подьячій, толмачь и люди ихъ, числомъ 38, умерли въ Персіи: возвратились три кречетника, Іеромонахъ и нѣсколько Стрѣльцевъ въ 1598 году.

(330) См. Д. Грузинск., въ столбцахъ, г. 1596. Ѳеодоръ писалъ къ Александру въ Іюнѣ сего года: «Посылали есмя на Шевкала Воеводъ своихъ, К. Григ. Осип. Засѣкина съ товарищи, и они многихъ людей побили, и самого Шевкала ранили. А послѣ того присылалъ еси къ нашему Величеству бити челомъ, чтобъ намъ на Шевкала послать большую рать свою, и городъ Тарки взявъ, посадити въ немъ изъ своихъ рукъ твоего свата, *Крымъ-Шевкала*... и мы писали есмя къ тебѣ, чтобъ ты съ своей стороны въ тожь время послалъ на Шевкала съ своею ратью сына своего, Царевича Юрья, и свата своего, *Крымъ-Шевкала*.» См. Т. VIII, примѣч. 415. Пишутъ, что *Крымъ-Шевкаломъ* именовался обыкновенно наслѣдникъ Шевкаловъ (см. Миллер. Samml. Russ. Gesch. IV, 35). Далѣе: «И къ намъ писали съ Терки Окольничей и Воевода, К. А. Ив. Хворостининъ съ товарищи, что они Шевкалову землю воевали и Тарки взяли; а ты сына не присылалъ, и сватъ твой, Крымъ-Шевкалъ, на Шевкала не ходилъ же. И Воеводы, стоявъ въ Таркахъ долгое время, да Тарки разорили, а сами на Терку воротилися.» Въ Лѣтописяхъ: «Посла Государь (въ 1594 г.) К. Андрея Ив. Хворостинина со многими ратными людьми, а съ Терку велѣлъ итти въ Шевкальскую землю и поставити городъ Койсу, а другой въ Теркахъ, и на Койсѣ городъ поставиша, и съ ратными людми сяде Воевода К. Волод. Тимоѳ. Долгорукой, а въ Таркахъ города поставити не дали: пришли многіе Шевкалскіе и Кумыцкіе люди и Черкасы, и Государевыхъ людей побиша. Воеводы жь утекли не со многими людми; а убиша ту Ив. Вас. Измайлова и иныхъ Дворянъ, а ратныхъ людей съ три тысячи.» — Герберъ пишетъ о Таркахъ (въ 1730 г.): «Сей городъ лежитъ въ пяти верстахъ отъ Каспійскаго моря на обширной долинѣ между скалами... Шамхаловъ (или Шавкаловъ) дворецъ построенъ на высокомъ мѣстѣ... Улицы тѣсны и домы не красивы... Вода проведена съ горъ черезъ трубы въ Ханскій дворецъ и во всѣ части города, древняго и весьма немалаго.» Нынѣ видны тамъ однѣ развалины. Далѣе пишетъ Герберъ: «Достоинство Шамхала произошло отъ Аравитянъ, которые въ первыхъ вѣкахъ Магометанскаго лѣтосчисленія овладѣли берегами Каспійскаго моря. *Шамъ* есть имя города Дамаска, откуда присылались начальники или Князья въ сіи завоеванныя земли; имя *Халъ* означаетъ Князя.» Олеарій толкуетъ, что Schemchal значитъ *свѣтъ*.

(331) См. Дѣла Грузин., въ столбцахъ, г. 1597. О крѣпостяхъ на Койсѣ сказано въ донесеніи нашихъ чиновниковъ, посыланныхъ тогда въ Грузію: «И ты, Великій Государь, на то не смотря, что Александръ Царь учинилъ не по пригожу, рать свою войною Терскимъ Воеводамъ безпрестани посылать велѣлъ, и твои Воеводы въ Шевкаловѣ землѣ на рѣкѣ на Койсѣ городы поставили.»

(332) К. Щербатовъ, ссылаясь на Розрядн. Кн., пишетъ, что въ Маѣ 1594 Князь Ногайскій Казый съ осьмью тысячами Ногаевъ и *Царевичь Ярославней* съ двѣнадцатью тысячами Азовцевъ осаждали городъ Шацкъ, гдѣ былъ Воеводою К. Влалим. Ив. Кольцовъ Мосальскій; что сей храбрый мужъ побѣдилъ ихъ и заставилъ отступить къ рѣкѣ *Медвѣдицѣ*. Я не нашелъ сего извѣстія въ моихъ Розрядн. Книгахъ. Тогда не было *Князя Казыя*, а былъ только *Улусъ Казыевъ*. Число Азовцевъ озна-

чено, кажется, слишкомъ велико, и рѣка Медвѣдица далеко отъ Шацка. Объ Уразъ-Магметѣ и Ханѣ Тевкелѣ см. выше, и Дѣла Киргизск., въ двухъ столбцахъ, г. 1594 и 1595 — 1599. Вмѣстѣ съ Посломъ Тевкелевымъ, Кулъ-Магметемъ, отправили изъ Москвы къ сему Хану Переводчика Татарскаго, Вельямина Степанова, съ жалованною Царскою грамотою. См. въ Дѣлахъ Бухарск., въ столбцахъ, г. 1589, грамоту Бориса Годунова къ Бухарскому Царю Абдулѣ, въ коей онъ дѣлаетъ ему выговоръ за непристойныя выраженія, употребленныя имъ въ письмѣ къ Ѳеодору. См. тамъ же, г. 1596, дружеское письмо Абдулы къ Кучюму, въ которомъ онъ извиняется, что не можетъ скоро дать ему войска, имѣя войну кровопролитную.

(333) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Д. списки съ двухъ грамотъ къ Королю Датскому: первая писана 15 Авг. 1592 изъ Колы отъ нашихъ Пословъ, Воеводы и Намѣстника Брянскаго, К. Сем. Григ. Звенигородскаго, и Дворянина и Намѣстника Болховскаго, Григ. Бор. Васильчикова; а вторая въ Іюлѣ 1593 отъ самого Царя. Сіи списки съ подлинныхъ грамотъ были доставлены Е. С. Графу Николаю Петровичу Румянцову въ 1820 г. изъ Копенгагенскаго Архива.

(334) Въ Дѣл. Англ. No 1, л. 544: «всего на Онтонѣ съ товарыщи взяти Государевыхъ денегъ, Боярина и Конюшего Б. Ѳ. Г., и Дворяномъ и торговымъ людемъ 23,343 рубли, и 17 алтынъ, 3 денги, опроче Титовыхъ денегъ Петрова.»

Бекманъ поѣхалъ къ Елисаветѣ въ Іюнѣ 1588, а возвратился въ Іюлѣ 1589. Флетчеръ пріѣхалъ въ Москву 25 Ноября 1588, а выѣхалъ назадъ въ Авг. 1589. (см. тамъ же, л. 357 — 462, и 462 — 715). — Елисавета сказала Бекману (Ноября 3): «Великая досада наша была на тебя въ томъ, какъ ты былъ у насъ прежъ сего въ нашемъ потѣшномъ саду, и ты тотъ садъ примѣнилъ и сказалъ еси своему Государю противъ капустнаго огорода, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ» (см. выше, примѣч. 51). Бекманъ увѣрялъ, что это клевета.

(335) «А только будетъ тѣ гости станутъ посылати сыскивати Катайскія земли, и имъ бы вольно вожей и судовыхъ людей и суды имати, и кормъ на люди имати... Чтобъ Англичанинъ никаковъ и иные иноземцы не ѣздили торговать въ его Государеву землю по сю сторону Варгава ни х' которому пристанищу, къ Двинскому устью и къ Ругодиву и въ Новгородъ безъ Королевнины проѣзжіе грамоты и ослобоженья» (тамъ же, л. 475 — 489).

(336) «То слово не пригоже, только гостемъ не торговати и Царскому Величеству съ Елисаветъ-Королевною братцкая любовь меньши будетъ, что не льзя часто ссылкамъ быти: и Государемъ великимъ не для торговыхъ дѣлъ межъ себя, о любви ссылатись» (см. тамъ же, л. 496 — 541).

(337) Тамъ же, л. 573: «и всего нынѣ взяти на Аглинскихъ гостехъ Государевыхъ денегъ и Боярскихъ, и Дворянскихъ и торговыхъ людей, 12,162 рубли и полторы денги.»

(338) «Государь нашъ всякимъ товаромъ безъ вывѣта гостемъ Аглинскимъ торговати велѣлъ: только одного воску ни на которой товаръ мѣняти не велѣлъ, кромѣ *ямчюги* или зелья (пороха) и сѣры.»

(339) «Ты Государыню нашу любишь и eѣ всю землю жалуешь, и Государыня моя велѣла тебѣ, Государю, извѣстити, что она такіе твоей любви вовѣки не забудетъ, и за то тебя любитъ паче всѣхъ иныхъ вѣрныхъ Государей... Еси честь и слава здѣшнему Государству» (л. 551 — 554).

(340) Л. 578 — 585: «съ ихъ (Англичанъ) товаровъ имать велѣно половину передъ иными иноземцы; а нынѣ для тебя, сестры нашие, нашу Царскую жаловальную грамоту новую дать есмя имъ велѣли; а съ иныхъ гостей всѣхъ Государствъ пошлину емлютъ сполна.»

О дарахъ, въ письмѣ Годунова къ Елисаветѣ (л. 700 — 709): «А что еси прислала ко мнѣ свое жалованье, поминки, и язъ поминковъ не взялъ, потому что Посолъ твой привезъ отъ тебя къ Государю нашему поминки золотые и вполы золотой, и въ четверть золотого, и въ денгу золотого: и такіе поминки межъ васъ, великихъ Государей, прежъ сего не бывали.»

(341) О винѣ Горсея: «Писалъ Еремей (Горсей) съ Москвы х' корабельной пристани къ товарыщу своему, къ Ульяну Тромболу, что здѣсь вѣсти носятца великіе о Бѣлобородовыхъ короблехъ и о новыхъ складчикахъ изъ Амборха (Гамбурга)... и язъ себѣ хочю залѣсти корабль отъ Западные страны, а хочю тѣхъ перенимати, которые сюды поѣдутъ на другой годъ; а язъ здѣсь буду, и отвѣтъ имъ дамъ... И то пригожее ли дѣло, что, живучи въ Государя нашего Государствѣ и въ такой милости, да такіе грамоты писати, что на тѣ корабли, которые ходятъ въ Государя нашего Государство, приходить разбоемъ и торговлю испортить?» Если вѣрить Горсею, то немилость къ нему Ѳеодорова произошла отъ ложнаго доноса слуги его, по козиямъ Ближняго Дьяка Андрея Щелкалова (notable bad man of that country Shalkan), что будто бы онъ (Горсей) у себя за обѣдомъ злословилъ Царя (см. A discourse of the second and third imployment of M. Jer. Horsey Esq., sente from hir Majestie to the Emperor of Russia, въ бумагахъ присланныхъ Графу Николаю Петровичу Румянцову изъ Британскаго Музея въ 1817 году). Сами Англичане, торгующіе въ Россіи, жаловались на обманы Горсея: на примѣръ, выпросивъ у Королевы для Царицы искусную повивальную бабку, онъ держалъ ее нѣсколько времени въ Вологдѣ и тайно отправилъ назадъ въ Лондонъ (см. тѣ же бумаги Музея Британскаго). Называясь Елисаветинымъ Посланникомъ, Горсей пріѣхалъ въ Москву 15 Авг. 1590. Въ слѣдующемъ году Елисавета писала къ Ѳеодору и къ Борису, извиняясь, что избрала такого человѣка для сношенія съ Царемъ. Въ 1592 и 1593 была переписка между Лондонскимъ и Московскимъ Дворами черезъ купцевъ Англійскихъ. Въ 1594 прислала Елисавета въ Москву своего Медика Марка Ридлея, исполняя желаніе Царя, и въ ласковомъ письмѣ поздравляла Ѳеодора съ рожденіемъ дочери. См. Дѣла No 2, л. 1 — 40.

(342) Въ Горсеевомъ Discourse etc. (см. выше, примѣч. 341): had a more speciall lyking to our nation, then to any other.

(343) См. Камдена, стр. 365, и бумаги Музея Британскаго въ библіотекѣ Ѳ. Н. П. Румянцова. Общество Лондонскихъ купцевъ, торгуя съ Россіею и боясь гнѣва Царскаго, убѣдило славнаго Министра Сесиля запретить Флетчерову книгу. Вотъ ея полный титулъ: Of the Russe Common-Wealth, or manner of governement by the Russe Emperour, commonly called the Emperour of Moskovia, with the manners and faschions of the people of that countrey. At London printed by T. D. for Thomas Charde 1591. См. также въ Гаклуйтѣ, стр. 535. Флетчеръ поднесъ свою книгу Елисаветѣ, и говоритъ въ письмѣ къ ней о Россіи: without true knowledge of God, without written Lawe, without common justice; т. е. что «Россійское Государство стоитъ безъ истиннаго познанія о Богѣ, безъ письменныхъ законовъ и безъ общаго правосудія!» Не смотря на сей забавный приговоръ, онъ сказалъ много справедливаго и любопытнаго о тогдашнемъ состояніи нашего отечества.

(344) Въ бумагахъ 1594 году еще упоминается объ *Андреѣ* Щелкаловѣ (см. Дѣла Цесарск. No 6,

л. 131); но въ 1595 заступилъ его мѣсто въ дѣлахъ *Василій*. Горсей (см. Discourse etc.) сказываетъ, что Андрей весьма часто измѣнялъ въ грамотахъ смыслъ Царскихъ приказаній, не рѣдко бывалъ наказанъ за ложь, и не исправлялся; что Царь Іоаннъ употреблялъ его всегда въ орудіе своего тиранства для угнетенія подданныхъ; что Годуновъ уважалъ въ немъ опытность и разумъ, но не вѣрилъ ему, и что сей безсовѣстный человѣкъ кончилъ жизнь въ опалѣ (as I have heard, his miserable ende bekame an untymely herrould to shortene his diabollycall and moste odyous lyfe, пишетъ Горсей нескладно и безъ правописанія). Флетчеръ въ донесеніи Англійскому Министерству говоритъ, что въ 1589 г. Царь или Годуновъ велѣлъ описать все имѣніе А. Щелкалова, оцѣненное въ 60,000 марокъ или 300,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. Въ семъ же донесеніи сказано слѣдующее: «Бѣглый Константинопольскій Патріархъ» (Іеремія: см. ниже) «будучи орудіемъ Папы» (нелѣпая басня!) «склонилъ Царя заключить союзъ съ Испаніею: Ѳеодоръ мыслилъ послать туда своего Переводчика, Славянина Петра Рагона; но извѣщенный Адмираломъ Дрекомъ объ истребленіи Армады, я велѣлъ перевести его письмо на Русской, вмѣстѣ съ рѣчью Королевы къ войску; доставилъ эту бумагу Двору Московскому и тѣмъ охладилъ дружество Ѳеодорово къ Филиппу, вопреки Послу Австрійскому, который увѣрялъ Бояръ, что наша побѣда весьма неважна, и что Филиппъ новымъ вооруженіемъ смиритъ или завоюетъ Англію... Мы должны обуздывать Россіянъ угрозою союза съ Литвою, Шведами и Турками; а если гнѣвный Царь велитъ описать въ Россіи имѣніе нашихъ купцевъ, то можемъ отмстить ему, прислать военные корабли къ берегамъ Печоры и захватить всѣ Русскіе товары тамошней ярмонки, цѣною тысячь на сто фунтовъ стерлинговъ.» См. бумаги Британск. Музея въ библіот. Г. Н. П. Румянцова.

(345) См. Дѣла Англ. въ столбцахъ, письмо Елисаветы отъ 20 Марта 1596, и другое отъ 18 Генв. 1597, гдѣ она пишетъ къ Борису: «Извѣстилъ намъ нашъ вѣрной подданный, Иванъ Ульяновъ, нашъ большой гость (а нынѣ онъ на Москвѣ), что ты ему сказалъ, что Посолъ Папинъ да Цесаревъ нанесли Государю вашему не христьянское безвѣрье на насъ, будто мы помочь учинили Турецкому,» и проч.

(346) Юрьевъ день: см. Т. VI, стр. 221. и Т. VII, стр. 129.

(347) Флетчеръ, л. 46 на обор.: there are in sight (many) villages, that stand vacant et desolate without any inhabitant. Герберштейнъ, стр. 40: sunt (крестьяне) miserrimæ conditionis, quod illorum bona nobilium ac militum prædæ exposita sunt. См. Т. VII, стр. 128.

(348) См. выше, стр. 68.

(349) См. Судебникъ Г. Ц. и В. К. Іоанна Вас. и Указы его преемниковъ, собранные Татищевымъ, стр. 221 и 240. Сей законъ 1593 г. до насъ не дошелъ: но объ немъ упоминается въ законѣ 1597 года: см. ниже, примѣч. 352. Въ Указѣ Царя Вас. Шуйскаго: «Лѣта 7115 (1607) Марта въ 9 день Государь Царь и В. К. Василій Іоанновичь всея Русіи съ отцемъ своимъ, Гермогеномъ Патріархомъ, со всѣмъ Освящен. Соборомъ и со своимъ *Царскимъ Сигклитомъ*, слушавъ докладъ Помѣстной Избы отъ Бояръ и Дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего-де при Царѣ Іоаннѣ Вас. не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный; а Царь Ѳеодоръ Іоан. по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ Бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ.» См. также въ *Указателѣ Рос. Законовъ* I, 127 и 130. Признаюсь, что сей Указъ Шуйскаго, даже и Ѳеодоровъ, о крестьянахъ кажется мнѣ сомнительнымъ, по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени; оставляю будущимъ разыскателямъ древностей рѣшить вопросъ объ истинѣ или подлогѣ Татищевскаго списка: пусть найдутъ другой! Татищевъ говоритъ, что онъ списалъ законы Ѳеодоровы и Борисовы съ манускрипта Бартеневскаго, Голицынскаго и Волынскаго, а законъ Царя Вас. Шуйскаго получилъ отъ Казанскаго Губернатора К. Сергія Голицына (стр. 227 и 228).

(350) См. Т. IX, стр. 49.

(351) Татищевъ въ примѣчаніяхъ на Судебникъ, стр. 224: «Духовные и Вельможи, имѣющіе множество пустыхъ земель, отъ малоземельныхъ Дворянъ крестьянъ къ себѣ призвали.»

(352) Указъ Царскій 21 Ноября 1597 (см. Судебникъ Татищева, стр. 220): «Царь и В. К. Ѳеодоръ Іоан. всея Руссіи указалъ, и по его Государеву указу Бояре приговорили: которые крестьяне изъ-за Бояръ и изъ-за Дѣтей Боярскихъ и Приказныхъ людей изъ помѣстей и отчинъ, изъ Патріарховыхъ, Митрополичихъ и Владычнихъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 года за 5 лѣтъ» (слѣдственно тогда, въ 1592 или 1593 г., былъ запрещенъ переходъ крестьянъ) «и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого выбѣжали, судъ давати и сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы отвозить назадъ, гдѣ кто жилъ; а которые крестьяне выбѣжали до сего Указа лѣтъ за 6 и за 7 и за 10 и больше, а тѣ помѣщики или отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ по нынѣшній 106 годъ, лѣтъ за 6 и болѣе, Царю и Вел. Князю Ѳ. Іоанновичу не били челомъ, и Государь Царь и В. К. на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, и назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго году бѣжали за 5 лѣтъ. А которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго Государева Царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію.» Указъ о холопяхъ, 5 Февр. 1597, см. въ *Указателѣ Рос. Законовъ*, I, 125. Въ немъ сказано: «Своихъ холопей имена и на нихъ крѣпости принести въ Холопей Приказъ... и записывати въ книги, за Дьячьею рукою большаго для укрѣпленія... а пошлинъ не имати... А буде крѣпости въ Московской пожаръ въ прошломъ 79 году и послѣ того сгорѣли, или утерялися, и въ томъ даваны явки,... и тѣмъ имати новыя крѣпости... Денегъ по служивымъ кабаламъ у холопей не имати» (т. е., если бы закабаленный должникъ хотѣлъ взносомъ должной суммы выкупить себя изъ неволи, то сихъ денегъ не брать, но оставить его въ холопствѣ)... «А о вольныхъ людехъ Государь приговорилъ со всѣми Бояры, которые люди служатъ у кого добровольно, и тѣхъ вольныхъ людей ставити въ Холопьѣ Приказѣ съ тѣми, у кого служатъ, да распрашивати, сколь давно кто у кого служитъ, и кабалу на себя дастъ ли, и которые люди вольные послужили у кого недѣль пять-шесть, а кабалъ на себя давати не хотятъ, и тѣхъ отпущати на волю; а кто послужилъ съ полгода и больше, и на тѣхъ холопей служивыя

кабалы давати, и челобитья ихъ не слушати, потому что тотъ человѣкъ (господинъ) того добровольного холопа кормилъ и обувалъ и одѣвалъ.»

(353) Въ Степен. Кн. Латухина: «Въ тоже время Бояринъ К. Ѳ. М. Трубецкой противу Борисовыхъ рѣчей глагола сице: *какъ въ томъ ожерельѣ заведутся вши, и ихъ будетъ и не выжить*,» и проч. Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 30: «Повелѣ (Царь) имати каменщиковъ, и кирпишниковъ... и горшешниковъ» (для строенія Смоленской крѣпости). Тамъ же, стр. 45: «градъ же Смоленескъ совершенъ бысть при Царѣ Борисѣ, а дѣлаша его всѣми городами; камень имали, пріѣзжая изъ всѣхъ городовъ, въ Старицѣ да въ Рузѣ, а известь жгли въ Бѣльскомъ Уѣздѣ, у Пречистые въ Верьховьѣ.»

(354) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 28: «Выгорѣ Китай весь, не токмо дворы, но и въ храмахъ и въ погребахъ все погорѣло. Тогожь году бысть на Москвѣ буря велія: многія храмы и у деревянаго града съ башенъ верхи послома, и въ Кремлѣ у Бориса Годунова съ воротъ верхъ сломило, и многи дворы разлома, людей же и скотъ носяще.» Въ Хронографахъ: «заложены въ Китаѣ-городѣ дворы и лавки каменныя, а совершены въ 104 (1596) году.» См. и Латухин. Степен. Кн. Патріархъ Іовъ въ *Житіи Ѳеодора* (*Никон. Лѣт.* VII, 328): «стѣны градные окрестъ всея Москвы превелики каменны созда (Годуновъ), и величества ради и красоты прим̃енова *Царь-градъ;* внутрь же его и полаты купеческіи созда въ упокоеніе и снабдѣніе торжникомъ.»

(355) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 29: «Врагъ вложи въ мысль въ человѣцы, въ К. Вас. Щепина да въ Вас. Лебедева и въ ихъ совѣтниковъ, чтобъ зажечь Москву, а самимъ у *Троицы на рву*, у Василья Блаженного, грабити казну, что въ тѣ поры была великая казна; совѣтникомъ же его, Петру Байкову съ товарищи, решетокъ не отпирати.»

(356) Въ *Повѣсти о разореніи Москов. Государства:* не въ единой Москвѣ, но и во многихъ градѣхъ и посадѣхъ быша пожары... и жители милость отъ него (Бориса) получаху.»

О голодѣ (въ 1589 или 1590 году) такъ сказано въ Архив. *Псков. Лѣт.:* «Пала (8 Мая) снѣгу туча велика, и мразъ зѣло великъ... Гладъ бысть въ Новѣгородѣ и по селомъ; ржи купили четвертку по 20 алтынъ; а по селомъ купить было не добыть.» О морѣ въ 1595 г. см. въ *Никон. Лѣт.* VIII, 32; а въ *Псков. Лѣт.:* «Бысть» (въ 1592 году) моръ въ Псковѣ и по засадамъ и на Иванѣгородѣ; тогда же и Епископъ Псковскій Мисаилъ первый преставися Апр. въ 21, въ Пятокъ... Взыде въ морѣ китъ рыба и хотѣ потопити Соловецкой монастырь и островъ, и молитвами Преподобныхъ опять въ море пошолъ.»

(357) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 32, и Латух. Степен. Кн.

(358) См. Флетчера, л. 36. Маржеретъ пишетъ, что засѣданія Думы продолжались отъ 1 часа дни до 6: puis l'Empereur va ouyr le service, qui dure depuis 11 heures jusques à midi; après que l'Empereur est sorty, un chacun se retire pour aller disner, et après disner se couchent et dorment 2 ou 3 heures; puis se sonne une cloche, et retournent tous les seigneurs au chasteau.

(359) К. Щербатовъ пишетъ, ссылаясь на Розрядн. Кн., что Борисъ съ 1589 года завелъ частые столы у Царя: обѣды дѣйствительно часто бывали, но для немногихъ ближнихъ людей. На примѣръ, въ Розр. Кн. 7097: «у Царя и Вел. Князя въ селѣ Тонинскомъ (Тайнинскомъ или Тайницкомъ) Бояре ѣли: Бояринъ Ив. Вас. Годуновъ, да Окольничей К. Петръ Сем. Лобановъ, и Царь и В. К. велѣлъ въ столы смотрѣти Стольникомъ: въ большомъ столѣ К. Ив. Одоевскому, а въ кривомъ К. Вас. Ив. Гвоздеву.» См. выше, примѣч. 141. Иногда Ѳеодоръ дозволялъ садиться за столъ и царедворцамъ второстепеннымъ. Въ Розр. Кн. 1588 г.: «Іюня во 2 Царь и В. К. пожаловалъ велѣлъ сѣсти за столъ Постельничему Истомѣ Безобразову, да Стряпчему Елизарью Шершавину.»

(360) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 23, Латух. Степен. Кн. и Флетчера 111.

(361) См. Маржер. 94, 95, *Никон. Лѣт.* VIII, 30, г. 1595, и Латух. Степен. Кн.

(362) См. присягу Бояръ, сановниковъ и народа Царю Борису и Ѳеодору Борисовичу, въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* II, 192, гдѣ сказано: «также мнѣ Семіона Бекбулатова и иного никого на Московское Государство не хотѣти.»

(363) Въ 1595 году: см. *Никон. Лѣт.* VIII, 23, 31, 32. Сей Князь Углицкій преставился въ 1286 г.

(364) Тамъ же, стр. 33: «Бысть же въ *полуденное время* при Архимандр. Трофимѣ, пріиде шумъ велій, яко земли поколебатися... и разсядеся земля... Людіе же бѣжаху изъ монастыря и стояху на горахъ... Церковь и кельи, и ограда, и житницы, и дворъ конюшенный и все погибоша, единъ столпъ остася Олтарній... не обрѣтоша ни единаго древа... и братія переселишася на иное мѣсто.» Въ *Исторіи Рос. Іерархіи*, V, 164: «Въ 1596 г., Іюня 8, въ третьемъ часу *ночи*, отодвинулась гора съ лѣсомъ, которая была надъ монастыремъ, и придвинулась къ Волгѣ на 50 саженъ: отъ чего все монастырское строеніе разрушилось.» Сей монастырь, основанный Св. Діонисіемъ въ XIV вѣкѣ, былъ въ верстѣ отъ нынѣшняго Печерскаго, внизъ по Волгѣ, на правомъ берегу ея.

(365) Въ Степен. Кн. Латухина: «управляй люди, якоже и нача, и желаніе свое улучишь, но вмалѣ суета.»

(366) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*, л. 39: «Княгиня Дмитреева Шуйского... бѣ сестра Борисовы жены Годунова, иже отравою окорми Царя Ѳеодора.» Въ Степен. Кн. Латухина: «глаголютъ же нѣцыи, яко пріятъ смерть онъ Государь Царь отъ Борисова злохитрства, отъ смертоноснаго зелія.» Въ Морозов. Лѣт.: «Учреди онъ лукавый Борисъ Годуновъ нѣкое отравное зеліе, и пойде вверхъ къ Царю, и вниде въ полату во время стола (Государь изволилъ кушать съ Царицею въ заднихъ покояхъ) и вшедъ сталъ у поставца... и Государь позна въ немъ чрезъ Св. Духа проклятую мысль, и рече: *о любимый Правитель мой! твори, по что пришелъ еси... подаждь ми уготованную чашу пити...* Онъ же окаянный, похвативъ изъ поставца чашу златую, и наливъ въ ню меду, и отворотяся всыпа зеліе, и поднесъ Государю, и Царь чашу у него принялъ, и оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ... и выпилъ всю, и рече: *О Борисе! подаждь ми и другую чашу; сладко бо ми есть твое раствореніе...* Царица же Ирина прослезися, и рече: *что, Государь, ты глаголеши?* и не хотѣла дати ему другой чаши пити. Царь же рече Царицѣ: *остави мя: уже бо судъ Божій приспѣ ми.* Царица же не познала рѣчей Царя своего, но познала коварство брата своего. Борисъ же стоя поклонися и изыде вонъ, и радовашеся, что Царя и благодѣтеля своего опоилъ... и Государь Царь Ѳ. И. сталъ изнемогати, и жилъ по той отравѣ только 12 дней.» Подробности явно баснословны. — См. также Петрея Chron. 263.

(367) Напомню Читателю трогательную исторію Андрокла и льва въ *Аѳинскихъ Ночахъ* Авла Геллія.

(368) См. *Никон. Лѣт.* VII, 347, и VIII, 34; Латухина Степен. Кн. и Морозов. Лѣт., гдѣ сказано, что Ѳеодоръ *изнемогалъ* 12 дней.

(369) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 34: «и о томъ у насъ уложено.»

(370) Въ Латух. Степен. Кн. и въ другихъ сказано, что Ѳеодоръ будто бы наименовалъ своимъ преемникомъ Ѳед. Никит. Романова; а Петрей (стр. 263) слѣдуя Беру, баснословитъ такъ: «На вопросъ Бояръ кому царствовать въ Россіи, умирающій Ѳеодоръ отвѣтствовалъ: *тому, кому я въ послѣднюю минуту жизни моей вручу скипетръ*, и предложилъ его Ѳ. Н. Романову; но Романовъ хотѣлъ уступить сію честь своему брату Александру, Александръ брату Ивану, Иванъ брату Михайлу, Михайло какому-то иному Вельможѣ, такъ, что Царь лишился терпѣнія и бросилъ скипетръ на землю, сказавъ: *владѣй же имъ, кто хочетъ!* Тутъ Борисъ Годуновъ схватилъ его и сдѣлался Вѣнценосцемъ!» — Вотъ слова Розрядныхъ Книгъ и Послужнаго Списка Старинныхъ Чиновниковъ (*Рос. Вивліоѳ.* XX, 66): «вручаетъ (Ѳеодоръ) послѣ себя Московское Самодержавство Царицѣ своей.» Такъ пишетъ и Патріархъ Іовъ (*Никон. Лѣт.* VII, 352); такъ и Давидъ Хитрей (см. де-Ту Hist. Univers. кн. CXX, стр. 177) и гонецъ Австр. Михаилъ Шиль или Шель (Samml. etc. von Wichmann, I, 447). Вотъ еще самое достовѣрнѣйшее свидѣтельство: въ *избирательной грамотѣ на Царство* не только Годунова, но и Михаила Ѳеодоровича сказано: (см. *Рос. Вивліоѳ.* VII, 136): «Ѳеодоръ Ивановичь на всѣхъ своихъ великихъ Государствахъ скифетродержанія Рос. Царствія оставль свою Царицу, Ирину Ѳ... а душу свою приказалъ Святѣйшему Іову... да брату своему Ѳед. Никитичу Романову-Юрьеву, да шурину своему... Борису Ѳ. Годунову.»

(371) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 34: «призва къ себѣ благочест. Царицу... и давъ ей о Христѣ цѣлованіе, и простивъ ее.»

(372) См. тамъ же, и VII, 348 — 350. Ѳеодоръ въ *седьмомъ часу ночи* призвалъ къ себѣ Іова для елеосвященія, а *въ девятомъ ночи* преставился. Пишутъ, что онъ, умирая, видѣлъ Ангела, и проч.

(373) *Никон. Лѣт.* VII, 353, 355. Тутъ плачь Ирины, напоминающій Евдокіинъ (Т. V, 238). См. также Мих. Шеля Relation 448 и де-Ту CXX, 179.

(374) Въ *Никон. Лѣт.* VII, 355: «отъ великаго ея сердечнаго захлипанія и непрестанно въ перси біенія кровію уста ея обагришася.» Выше, стр. 353: «увы мнѣ, смиреннѣй вдовицѣ безъ чадъ оставшейся! мною бо нынѣ вашъ Царскій корень конецъ пріятъ.» См. также стр. 357 и 358.

(375) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 34: «не повелѣ ей царствовати, но повелѣ пріяти Иноческій Образъ.»

(376) Въ Степен. Кн. Латухина: «нача Голуновъ совѣтники своя розсылати по царствующему граду.» Въ Морозов. Лѣт.: «посла по всѣмъ улицамъ и переулкамъ съ листами, всѣхъ людей прельщати и устрашити ихъ.» — Пасторъ Беръ (см. выше, примѣч. 27) пишетъ, что Царица Ирина, тайно призвавъ къ себѣ многихъ городскихъ Сотниковъ и Пятидесятниковъ, обѣщаніями и деньгами склонила ихъ къ избранію Бориса въ Цари.

(377) См. Избирательную Борисову Грамоту въ *Рос. Вивліоѳ.* VII, 39, 40: другой почти современный списокъ ея, въ коемъ есть отмѣны, доставленъ мнѣ А. И. Ермолаевымъ; подлинникъ перваго напечатаннаго списка хранился въ Патріаршей Ризницѣ, а втораго въ Казнѣ Царской: въ немъ означены имена всѣхъ Членовъ Собора, Духовныхъ и свѣтскихъ Депутатовъ.

(378) См. Избират. Борисову Грамоту въ *Вивліоѳ.* VII, 40. Въ Лѣтописи несправедливо сказано, что Ирина велѣла съ погребенія Ѳеодорова, не заходя въ палаты Царскія, отвезти себя въ монастырь.

(379) См. М. Шиля 451, 452, и де-Ту Hist. Univers. CXX, 180. По тому и другому извѣстію, самъ Годуновъ присутствовалъ въ семъ собраніи чиновниковъ и гражданъ: сказалъ, что не хочетъ быть Царемъ, и послѣ уѣхалъ къ сестрѣ. Но Избирательная Грамота свидѣтельствуетъ, что онъ уже былъ въ монастырѣ, когда ему предложили вѣнецъ.

(380) См. Грамоту въ *Вивліоѳ.* 41 — 49.

(381) См. М. Шиля 452 и де-Ту 180, 181.

(382) Въ Грамотѣ: «съ Боляры радѣти и промышляти радъ не токмо по прежнему, но и свыше перваго.»

(383) Тамъ же: «по многи дни Св. Патріархъ моляше его со слезами.»

(384) См. тамъ же, стр. 49.

(385) Въ Степен. Кн. Латухина: «и по прочимъ Россійскія земли городамъ (розсыла совѣтники своя), чтобы на Царство избрали и молили его Бориса.» Въ Морозов. Лѣт. такъ (что однакожь совсѣмъ невѣроятно): «Повелѣ Борисъ грамоты писати яко бы отъ сестры своей, чтобы всѣ молили на Царство брата ея... *аще же кто повелѣнія нашего не послушаетъ, сану своего и чести лишенъ будетъ... тѣ розосланы будутъ по дальнимъ странамъ, и домы ихъ разорены.*»

(386) Въ Розряд. Кн.: «Писалъ къ Государынѣ Царицѣ и В. Княгинѣ *Александрѣ* Ѳеодоровнѣ всея Россіи изъ Смоленска Бояринъ К. Тимоѳей Роман. Трубецкой на К. Василія Голицына, что съ нимъ К. Василей никоторыхъ дѣлъ не дѣлаетъ и списковъ за нимъ не возметъ... И по Государынину Царицыну указу Бояре К. Ѳед. Ив. Мстиславской съ товарищи сказывали про то Патріарху... Писалъ къ Государынѣ Царицѣ Александрѣ Ѳеод. всея Россіи изъ Пскова Бояринъ К. Андрей Голицынъ, что К. Василей Буйносовъ списковъ не взялъ,» и проч. Патріархъ писалъ отъ себя къ строптивымъ Воеводамъ, чтобы они повиновались указамъ Царицы; но Воеводы упрямились. — Самъ Годуновъ распустилъ слухъ о впаденіи Хана въ Россію: см. Маржерет. 22.

(387) См. подписи въ Избирательной Грамотѣ, полученной мною отъ А. И. Ермолаева (выше, примѣч. 377).

(388) См. Грамоту въ *Рос. Вивліоѳ.* VII, 50 и слѣд.

(389) Въ Лѣтописи сказано (см. *Никон. Лѣт.*), что одни Шуйскіе *не хотѣли Годунова на Царство;* однакожь и Шуйскіе не противорѣчили.

(390) Въ Грамотѣ, стр. 54: «Борисъ! не ты боленъ, сынъ мой Ѳедоръ боленъ, не сынъ мой Ѳедоръ боленъ, Богомъ дарованная ми дщи, невѣстка Ирина больна; и не невѣстка Ирина больна, азъ боленъ.» О родителяхъ Бориса и Царицы Ирины сказано *въ Прощальной духовной грамотѣ Патріарха Іова:* «преставльшимся Государю Ѳедору Ивановичю и его благовѣрной супругѣ Стефанидѣ, во Инокѣхъ Сундулеѣ, иже израстивши намъ прекрасный плодъ благочестія, Богомъ вѣнчаннаго Царя нашего, подаю миръ и благословеніе» (см. *Собр. Госуд. Грамотъ,* II, 183).

(391) Въ Грамотѣ Избират. стр. 55: «И Духовникъ Ѳеодосей Борису Ѳедоровичу глагола, чтобы вонъ выступилъ, и Великій Государь Ив. Вас. Борису Ѳед. не повелѣ исходити вонъ, глаголя ему: *тебѣ душа моя обнажена вся...* слезъ очи свои наполнивъ,» и проч.

(392) То есть, Грузинскаго и Киргизскаго.

(393) См. въ семъ Томѣ стр. 90.

(394) Въ Грамотѣ, стр. 65: «И въ Суботу Мясопустную, и въ Недѣлю и въ Понедѣльникъ Сырныя недѣли пѣвше молебное,... и Февр. въ 20 день Патріархъ со всѣмъ Освящ. Соборомъ и съ Боляры, и со всенародныимъ множествомъ идоша въ Обитель Богородицы,» и проч.

(395) Тамъ же, стр. 68: «прощаемъ и разрѣшаемъ въ клятвенныхъ словесѣхъ, что онъ многія

клятвенныя словеса со слезами подъ великою клятвою о Государствѣ говорилъ, что у него желанія и хотѣнія о Государствѣ нѣтъ, и въ мысли того не бывало, и впередъ того не будетъ.»

(396) То есть, Выборные или Депутаты, какъ сказано въ рукописной Грамотѣ (см. выше, примѣч. 377).

(397) Въ рукописной Грамотѣ: «жены ссущихъ младенецъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху.» Въ одномъ Хронографѣ сказано, что нѣкоторые люди, боясь тогда не плакать, но не умѣя плакать притворно, мазали себѣ глаза слюною!

(398) Тамъ же: «Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичь, изъ глубины сердца воздохнувъ, съ слезнымъ рыданіемъ глаголаше: сія ли угодно твоему человѣколюбію, Владыко, и тебѣ, моей Великой Государынѣ, иже такое великое бремя на меня возложила еси, неудобь мною носиму быти, и на толикій превысочайшій Царьскій престолъ предаеши меня, о немъ же мысли моей не было и на разумъ мой не взыде? Всевидящій сердца человѣческаго зритель, Богъ, свидѣтель на меня, да и ты, моя Великая Государыня... азъ всегда при тебѣ хощу быти, и святое, пресвѣтлое, равноангельное лице твое зрѣти.»

(399) См. рукописную Грамоту.

(400) См. Флетчера л. 54 и слѣд. Онъ пишетъ: Dworaney Bulshey, Seredney Dworaney, Dyta Boiarskey. Въ Іоанново царствованіе упоминалось о Дворянахъ *Сверстныхъ* и *Младшихъ* (Т. IX, 263). О Дворянахъ Выборныхъ см. Маржерет. 70.

(401) См. выше, и Маржерета (который описываетъ состояніе Россіи отъ 1590 и 1606 года) стр. 86, 87.

(402) См. Маржерета 80, 82, 88, 89. Онъ говоритъ: cela fait un nombre incroyable. См. также сей *Исторіи* Т. VII, 121, и Т. VIII, 162. Маржеретъ въ Царскомъ войскѣ считаетъ 20,000 Казанцевъ и Черемисъ, 8000 Татаръ съ Мордвою и 4000 Черкасовъ.

(403) См. Маржерета 74, 79, и Флетчера, 58, 59, 60. Первый: Chaque général a son enseigne particulière, laquelle se discerne par quelque saint, qui y est peint... il y a deux ou trois hommes ordonnés à la tenir droite. Chaque général a son proprе *Nabat*: ce sont des tambours de cuivre qui se portent à cheval (при каждомъ барабанѣ находилось 8 барабанщиковъ). Начальникъ *подвижнаго городка* или *вежи* (called Beza or Gulay gorod) назывался *Гуляйнымъ Воеводою* (Voiavoda Gulavoy).

(404) Флетчеръ л. 59, 61. — Въ первый разъ упоминалось о *сухаряхъ* въ письмѣ Іоанновомъ къ Магнусу (Т. IX, 151).

(405) Т. VIII, 161. Флетчеръ пишетъ (л. 54): «каждому Дворянину Большому давали отъ 70 до 400 рублей, Середнему отъ 40 до 60 р., Меньшему или Сыну Боярскому отъ 12 до 30 р. См. также Маржерета 87.

(406) Флетч. л. 37 — 41. — Кажется, что Іоаннъ, уничтоживъ Опричнину, назвалъ города и волости собственною *Царскою отчиною*. — Мы цѣнимъ здѣсь, какъ и прежде, рубли XVI вѣка въ пять нынѣшнихъ серебряныхъ, въ два червонца или нѣсколько менѣе. Маржеретъ пишетъ (стр. 56 и 66), что въ рублѣ было 6 ливровъ и 12 су, въ Рейхсталерѣ 12 алтынъ, а въ червонцѣ 18 алтынъ (или 54 коп. по нынѣшнему счету) иногда болѣе, иногда менѣе.

(407) О *Четяхъ* или Четвертяхъ см. Т. IX, 262, также въ Т. IX примѣч. 816. — Вѣрить ли Маржерету (стр. 56), что съ семи или осьми десятинъ пашни казенные крестьяне платили Царю ежегодно 10, 12 или 15 рублей, т. е. 60 нынѣшнихъ серебряныхъ?

(408) Флетчеръ сказываетъ, что сія казна хранилась въ Кремлевскомъ дворцѣ, вмѣстѣ съ коронами, каменьями драгоцѣнными и проч. (см. л. 40 и 42).

(409) См. *Собр. Г. Грамотъ*, I, 584, и басню Флетчерову въ сей *Исторіи* IX, примѣч. 137, въ концѣ.

(410) Флетчеръ говоритъ (л. 53), что многіе Боярскіе Дѣти находились въ крайней бѣдности за недостаткомъ земель.

(411) Флетчера л. 44. — Объ уменьшеніи налоговъ см. выше въ семъ Томѣ, стр. 13. Флетчеръ приписываетъ Іоанну такое разсужденіе (л. 41): «народъ подобенъ стаду овецъ: чѣмъ болѣе стрижешь ихъ, тѣмъ болѣе на нихъ шерсти.» Онъ въ шутку, думаю, пишетъ, что сей Царь однажды потребовалъ будто бы мѣры живыхъ блохъ отъ Московскихъ гражданъ, которые, не умѣвъ наловить ихъ, должны были отплатиться за то семью тысячами рублей. On prête aux riches.

(412) Л. 47, 48. Онъ говоритъ *о трехъ братьяхъ*.

(413) Въ завѣщаніи Іоанновомъ 1572 года (см. *Примѣч.* къ IX Тому, стр. 179): «Князь Михайло Воротынскій вѣдаетъ треть Воротынска... какъ было изстари, а сынъ мой въ то у него не вступается.»

(414) См. въ семъ Томѣ стр. 7.

(415) Флетч. 53: They have no written law, save onely a smal booke (судебникъ?), that conteineth the time and manner of their sitting, order in proceeding and such other judicial forms, but nothing to direct them to give sentence upon right or wrong. Their onely law is their *Speaking Law*, that is, the pleasure of the Prince and of his Magistrates (т. е.: «у Русскихъ одинъ *словесный законъ:* произволъ Государя или судей его.»)

(416) Въ Татищев. Судебникѣ, стр. 103: «а взыщутъ на Бояринѣ или на монастырѣ Царя и В. К. земли, ино судити за шесть лѣтъ, а долѣе не судити.»

(417) См. выше, стр. 68.

(418) Въ 1586 г. Намѣстниками были: К. Ив. Ѳед. Мстиславскій *Владимірскимъ*, К. Ив. Петр. Шуйскій *Псковскимъ*, Дм. Ив. Годуновъ *Новогородскимъ*, Борисъ Ѳед. Годуновъ *Казанскимъ*, К. Анд. Ив. Шуйскій *Двинскимъ*, Степ. Вас. Годуновъ *Костромскимъ*, К. Дм. Ив. Шуйскій *Каргопольскимъ*, Ив. Вас. Годуновъ *Рязанскимъ*, К. Ник. Ром. Трубецкій *Вологодскимъ*, Ѳед. Никит. Романовъ *Нижегородскимъ*, К. Тимоѳ. Ром. Трубецкій *Устюжскимъ*, К. Ив. Вас. Сицкій-Ярославскій *Ржевскимъ*, К. Ѳед. Дм. Шестуновъ *Бѣлоезерскимъ*, Ѳед. Мих. Троекуровъ *Коломенскимъ*, Алек. Никит. Романовъ *Коширскимъ*. — Въ Судебникѣ, стр. 92: «а на которомъ городѣ будетъ *два* Намѣстника.» Такъ въ 1584 г. были Намѣстниками Новогородскими Князья Вас. Ѳед. Шуйскій и Мих. Петров. Катыревъ: первый жилъ, какъ Бояринъ, въ Москвѣ; а вторый, какъ младшій, въ Новѣгородѣ.

(419) Флетч. 32 и Маржерет. 43, 67, который говоритъ, что подарокъ законный могъ стоить рублей 10 или 12, но не болѣе. Червонцы возвышались въ цѣнѣ и передъ всякою коронаціею: ибо купечество дарило новаго Вѣнценосца золотыми деньгами.

(420) См. Т. VII, 123, Флетч. 52, 53, и Маржерет. 46.

(421) Флетч. 7 — 12.

(422) Въ Дѣл. Персид. No. 4, л. 74: «Государь о кречетѣхъ и о дорогихъ соболехъ и чорныхъ лисицахъ Сибирскимъ Воеводамъ крѣпкой заказ учинилъ, чтобъ Бухарскимъ людемъ продавать не велѣли.»

(423) «Прежде» — говоритъ Флетчеръ — «отпускалось 50,000, а нынѣ только 10,000 пудъ: ибо Россія уже не имѣетъ Нарвской пристани.»

(424) Флетч.: their *Losh*-hide is very faire and large; their bull and cowe hide (for oxen they make none) is of a small sise; т. е. «коровьи и бычачьи кожи малы.»

(425) Въ Дѣлахъ Персид. No 4, л. 71: «жемчюгъ ведется у Государя нашего въ землѣ на Двинѣ на Колмогорахъ и въ Вел. Новѣгородѣ въ рѣкахъ.»

(426) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ отписки изъ Колмогоръ 1604 и 1605 года No 1. Выписываю для примѣра: «Іюля въ 24 д. пришелъ х' Колмогорскому городу корабль Галанскіе земли, города Амстрадама, Галанскіе же земли къ гостю къ Ондреяну Лукьянову; карабельщикъ на караблѣ Гертъ Сакласъ; кормщикъ Томасъ Вилемсъ; а дѣловыхъ бушмановъ 17 человѣкъ; а товару на караблѣ: 2 камышки яхонты лазоревы, поставлены въ золотѣ, цѣна обоимъ 50 рублевъ; 120 золотниковъ жемчюгу, по 2 рубли съ полтиною золотникъ; 476 золотниковъ жемчюгу, по рублю и по 26 алтынъ по 4 денги золотникъ... 24 зерна жемчюжку, по 26 алтынъ по 4 денги зерно... 16200 ефимковъ, по 12 алтынъ ефимокъ; 200 литеръ золота и серебра пряденово, по 5 р. литра, 8 ожерелей мускихъ канутельныхъ, 4 стоячихъ, а 4 отложныхъ, по 20 р. ожерелье; 33 поставы суконъ Лундышевъ (Лондонскихъ), по 30 р. поставъ; 10 поставовъ суконъ *на страфили* середніе земли, по 13 р. поставъ; 111 половинокъ суконъ *еренковъ*, по 3 р. половинка; 75 половинокъ суконъ Аглинскихъ середніе земли, по 6 р. половинка; 4 кипы суконъ Рословскихъ, по 40 р. кипа; 130 пудъ перцу чернаго, по 5 р. пудъ; 60 пудъ перцу диково, по рублю пудъ; 90 пудъ ягодъ винныхъ, по 20 алтынъ пудъ; 8 пудъ изюму, по 23 алтына по 2 деньги пудъ; 130 пудъ черносливу, по 4 гривны пудъ; 17 пудъ *цылибухи*, по 5 р. пудъ... 25 четвертинъ желѣза бѣлаго (жести), по 5 р. четвертинка; 4 дюжины зеркалъ, по 40 алтынъ дюжина... 3 колоколы, а въ нихъ мѣди 30 пудъ, по 2 р. съ полтиною пудъ... 40 киндяковъ, по 40 алтынъ киндякъ... 2 лохани мѣдные, по полтинѣ лохань; 6 подсвѣчниковъ мѣдныхъ, по 8 алтынъ подсвѣчникъ; 3 рукомойники мѣдные, по полтинѣ рукомойникъ; 42 сафьяны черныхъ, по 10 алтынъ сафьянъ; 9 дюжинъ замковъ круглыхъ, по рублю дюжина; 8 погребцовъ, по рублю погребецъ... 42 пуда сахару головнаго, по 4 р. пудъ; 12 пудъ сахару дѣланаго въ коробкахъ, по 4 р. пудъ; 15 пудъ анису, по полтора р. пудъ; 15 паникадилъ мѣдныхъ, по рублю... 14 пудъ яри, по 6 р. пудъ... 23 полотенца Амстрадамскихъ, по 2 рубли полотенцо; 155 полотенецъ Амстрадамскихъ посконныхъ, по рублю полотенцо... 10 бочекъ москотильнего всякого товару, по 50 р. бочка; 3 пуда мѣди въ тазѣхъ, по $2^1/_2$ р. пудъ; 15 пудъ проволоки желѣзные, по 1 р. пудъ... 100 кистокъ камешковъ бѣлыхъ *льячныхъ*, по гривнѣ кистка,» и проч. Аршинъ бархату съ золотомъ цѣнился въ $1^1/_2$ р., атласу съ золотомъ по 40 алтынъ, *тафты-Китайки* въ 3 алтына; пудъ мыла Грецкаго въ 60 алтынъ, масла бобковаго въ 3 р.

Въ сихъ отпискахъ упоминается о корабляхъ знаменитаго Нидерландскаго купца Ив. Бѣлоборода (см. Т. IX, стр. 277, и примѣч. 842); онъ здѣсь называется не *Деваxомъ*, а *Девалемъ*, какъ у Горсея: что и должно быть справедливо. О торговлѣ Ногаевъ см. Маржерет. 58, 84.

(427) Въ Посольствѣ Дьяка Аѳанасья Власьева къ Цесарю (см. Дѣла Австр. въ Арх. Кол. И. Д., г. 1599): «Посланникъ нашъ, Ѳѳонасей Власьевъ, на своихъ на купленыхъ на дву караблехъ (пріѣхалъ), а корабельщики и дѣловые люди на тѣхъ его караблехъ были наемные изъ Любка.»

(428) См. Hansische Chron. III, 163.

(429) См. Т. IX, 96. — Флетчеръ, хваля умъ Россіянъ (л. 48), прибавляетъ: as appeareth by naturall wittes in the men and very children.

(430) Въ Д. Цесарск. No. 5, л. 375, въ письмѣ Николая Варкоча къ Годунову (въ Іюнѣ 1591): «Какъ есми былъ Посломъ у Вел. Государя вашего, и въ тѣ поры слышелъ есми отъ торговаго человѣка изъ Любка, отъ Кашпара Крона, и отъ иныхъ, что блаженные памяти В. Государь Ив. Вас. того желалъ, штобъ Еронима Шкота великаго роду славнаго изъ Италіанскіе земли, которой навыченъ великими розными науками свыше иныхъ всякихъ людей, на время при своемъ Дворѣ видѣти; также есми больши выразумѣлъ, штобъ и нынѣ тотъ чесный добрый Панъ Графъ Шкотъ можетъ быть достоенъ при Дворѣ славномъ Вел. Госуд. вашего ... и онъ (Шкотъ) такъ то учинить хочетъ... а что Графъ есть человѣкъ годный у его Цесарск. Величества и въ великомъ жалованьѣ, также и у иныхъ Королевъ и у Княжатъ.. хто его о чемъ спроситъ, и онъ всю правду гадаетъ, и такія мастерства и дѣла умѣетъ, что во всѣхъ земляхъ Нѣметцкихъ и Италіянскихъ нихто того не умѣетъ... всякіе языки, что есть подъ солнцемъ, знаетъ,» и проч. — Борисъ писалъ къ Іерониму Шкоту (л. 379): «При отцѣ Государя нашего твоя мысль и хотѣнье было ѣхати къ отцу Государя нашего... да тогды не сталось, а нынѣ то учинить хочешь... и язъ въ томъ тебя похваляю, что ты такой Рыцарскій и мудрый и ученый человѣкъ, и умыслилъ быти у такова Великого Государя... а Государь нашъ всякихъ иноземцовъ, хто къ нему пріѣдетъ, милостивно пріимаетъ, а тебѣ, Рыцарскому человѣку мудрому, чаіаюсь будетъ честь и свыше иныхъ: только нынѣ вскорѣ мнѣ о томъ твоемъ дѣлѣ Царскому Величеству извѣстити было невозможно, что Государя нашего зашли дѣла многіе земскіе; а впередъ, аже дастъ Богъ, твою мысль извѣщу, и тебѣ о томъ вѣдомо учиню впередъ.»

(431) Въ Гаклуйтѣ, стр. 573, письмо Эдуарда Гарленда къ Дж. Ди: Right worshipfull, it may please you to understand, that I was sent unto you from the most mightie Prince Feodor Ivanowich, Lord Emperour and Great Duke of Russia etc., as also from the most excellent Prince Boris Fed., Lord Protector of Russia, to give your worship to understand the great good will and heartie desire they beare unto you: for that of long time they have had great good report of your learning and wisedome, as also of your good counsel unto Princes: whereupon his Maiesties most earnest desire and request is unto you, that you would take the paines to come unto his citie of Mosco, to visite his Maiesties Court: for that hee is desirous of your company, and also of your good counsell in divers matters, that his Maiestie shall thinke needfull. And for the great goodwill that his Maiestie beareth unto you, he will give you yeerely toward your maintenance 2000 pound starling, and the Lord Protector will give you a thousand rubbles, as also your provision for your table you shall have free out of his Maiesties kitchin.

(432) См. Т. VI, 140 — и Дѣла Цесарск. No 6, л. 265.

(433) См. Т. IX, 261 — и Маржерета 33.

(434) См. Т. IX, 262.

(435) См. выше, примѣч. 134, и Розрядн. Кн. г. 1594, гдѣ сказано, что въ Костромскую область, за Волгу, были посланы тогда Писцы К. Ѳедоръ Кривоборскій и Аѳ. Зиновьевъ, по сю сторону

Волги Вас. Вельяминовъ и Пант. Усовъ, а на Угличь Князь Дм. Бѣльскій.

(436) Титулъ моего экземпляра, писаннаго уже за половину XVII вѣка: *Книга именуема Геометріа, или Землемѣріе радиксомъ и цыркулемъ.* Въ ней содержатся только правила для измѣренія мѣстъ съ пособіями ариѳметическими. За Геометріею слѣдуетъ *Книга о сошномъ и о вытномъ письмѣ* (см. Т. IX, примѣч. 816). Татищевъ (въ Судебникѣ 139) пишетъ: «*писцовой* его (Іоанновъ) *наказъ* тогожь года (1556) съ приложеніемъ землемѣрныхъ начертаній, которое видимо нѣкто знающій Геометрію съ вычетами плоскостей сочинилъ... Въ немъ соха добрыя земли 800 четвертей,» и проч. Вѣроятно, что онъ говоритъ *о книгѣ сошнаго письма;* но всѣ видѣнные мною списки ея новѣе XVI вѣка.

(437) Титулъ: *Книга рекома по-Гречески Ареѳметика, а по-Нѣмецки Алгоризма, а по-Руски цыфирная счетная мудрость.* Въ предисловіи: «Сиръ, сынъ Асиноровъ, мужъ мудръ бысть: сій же написа численую сію Философію Финическими писмены, якоже онъ мудрый глаголетъ, яко безплотна сущи начала, тѣлеса же преминующая... Безъ сея книги ни единъ Философъ, ни Дохтуръ не можетъ быти; а хто сію мудрость знаетъ, можетъ быти у Государя въ великой чти и въ жалованіи; по сей мудрости гости по Государствамъ торгуютъ, и во всякихъ товарѣхъ и въ торгѣхъ силу знаютъ, и во всякихъ вѣсѣхъ, и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи, и въ морскомъ теченіи зѣло искусни, и счетъ изъ всякаго числа перечню знаютъ.» — Въ концѣ моего экземпляра — и другою, *новѣйшею* рукою — вписано сочиненіе Галеново о *большомъ и маломъ мірѣ,* съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Выписано въ Кириловѣ монастырѣ съ книги преподобнаго отца нашего, Игумена Кирила, Бѣлозерскаго Чюдотворца, съ книги въ четверть списканія его. Въ лѣто 7143 (1635).»

Въ примѣрахъ сей Ариѳметики означены вещамъ такія цѣны: «46 аршинъ чернаго Англ. сукна 13 рублей; сто овчинъ $1\frac{1}{2}$ рубля; воску 100 ф. 4 р.; 100 ф. изюму $1\frac{1}{2}$ р.; 100 ф. хлопчатой бумаги 5 р. (см. выше, примѣч. 426); пудъ олова 1 р.; фунтъ масла коровьяго 2 деньги,» и проч.

Мелкій денежный счетъ былъ такой: «въ рублѣ 400 полушекъ, 800 полуполушекъ, 1600 пироговъ, 3200 полупироговъ, 6400 четвертей пироговъ.»

Въ сказаніи *о составѣ человѣческомъ:* «Есть убо человѣкъ, якоже повѣдаютъ, на главѣ имѣя три швы и на углы составлены; женская же глава имѣетъ единъ швъ, кругомъ обходя главу: да по тому знаменію и въ гробѣхъ знаютъ, кая мужеска, кая ли женска... Есть чело, еже аще велико есть, то знаменуетъ, яко премудръ разумъ имать,» и проч. Это кажется переводомъ.

(438) Въ Д. Польск. No. 20, л. 52: «Грамота изъ Литвы отъ Подьячево отъ Ондрея Иванова, писана новою азбукою, что взята у Цесарева Посла, у Николая Варкача.» Далѣе, л. 58: «А на низу грамоты подписано по-Русски *вязью*» (см. ниже, примѣч. 453) «што тое грамоту перевести Латынскому Переводчику Якову Заборовскому, и переводилъ тое грамоту Яковъ.» Другое донесеніе сего Подъячаго было писано такъ называемою *литореею.*

(439) Борисовъ на Донцѣ основанъ въ 1600 году (см. Разр. Кн.), а Царевъ-Борисовъ, на устьѣ Протвы, около того же времени. Беръ въ своей Хроникѣ упоминаетъ о строеніи сихъ городовъ. Въ Больш. Черт. (стр. 233) наименованъ *городъ Царицынъ,* но не нынѣшній, а древній Татарскій: ибо въ другомъ мѣстѣ той же книги, стр. 84, сказано: «рѣка Царица пала въ Волгу противъ Царицына острова, а на острову *стоялъ Царицынъ городъ.*» О нынѣшнемъ Царицынѣ упоминается въ Разрядн. Кн. съ 1600 года: онъ построенъ, вѣроятно, Годуновымъ вмѣстѣ съ Борисовымъ около сего времени.

(440) Къ Курбскому, къ Игумену Кирилловскому Козмѣ и проч.

(441) См. Т. VIII, 68, и Т. IX, 27 и 270. О Діонисіи см. выше, примѣч. 146.

(442) См. *Никон. Лѣт.* VII, 316 — 359. Вотъ нѣкоторыя мѣста подлинника: «Древнимъ бо Царемъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнимъ же красота и свѣтлость, будущимъ же сладчайшая повѣсть... и не еже бо памятовати ему житейскихъ сихъ многоцѣнныхъ и красныхъ, и къ симъ вседушно пригвоздитись (стр. 319)... Душу свою Царскую умащая поученіемъ Божественныхъ глаголъ (стр. 320)... Не точію въ своей Державѣ, но и въ дальнія страны яко нескудная рѣка изливашеся пространная его милостыня (стр. 322)... Имѣяше и благозаконную супругу свою благими нравы подобну себѣ: бѣ же добродѣтелію и вѣрою къ Богу другъ друга преспѣвая... Имѣста единую блаженную лѣторасль Царского своего корени, и та ко Господу отыде, яко нѣкій прекрасный цвѣтъ вскорѣ увядше, опаде, или яко нѣкій пречестный бисеръ въ скалкѣ скрыся, благочестивымъ своимъ родителямъ великую скорбь сотвори, и ихъ Царскому Сигклиту и всему народу печаль немалу нанесе... Слышасте ли, братіе, повѣсть страшну; слышасте ли вещь всякія печали и сѣтованія исполнь сущу, яко Господь вѣрнаго своего слугу и блаженнаго раба святую душу съ миромъ пріемлетъ? Толико убо мирно успе, елико не единому отъ предстоящихъ одру его разумѣти святое преставленіе его; яко же убо всегда звѣзда предваряетъ солнце, сице сего благочестиваго Царя святая душа словомъ изыде, и никако же потрепета ни единъ удъ тѣлеси его, но яко же нѣкоимъ сладкимъ сномъ успе... Отселѣ убо что реку и что возглаголю? Слезъ настоящее время, а не словесъ; плача, а не рѣчи; молитвы, а не бесѣдъ... Здѣ убо Пророческаго вѣщанія слово на насъ явѣ совершися: *кто дастъ главѣ моей премногую воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ, яко да плачу довольно?*... Скорби нашея пучина... плача нашего бездна... Отселѣ же прекрасный и многолѣтный Царскій престолъ великія Россіи вдовствовати начинаетъ, и великій, Богомъ спасенный, матерь градовъ, царствующій многолюдный градъ Москва сиротства сѣтованіе пріемлетъ» (стр. 350 — 352).

(443) См. тамъ же, стр. 327, 328.

(444) Это *посланіе утѣшительное*, вмѣстѣ съ грамотою Борисова избранія, находится въ рукописи принадлежащей А. И. Ермолаеву (см. выше, примѣч. 377).

(445) См. Т. IX, 28, и Маржер. 28.

(446) См. выше, примѣч. 437. Начало такъ: «Міръ отъ четырехъ вещей составися: отъ огня, отъ воздуха, отъ земли и отъ воды. Составленъ же бысть и малый міръ, сирѣчь человѣкъ, отъ четырехъ стихій, сирѣчь отъ крови, отъ мокроты, отъ чермныя желчи и отъ черныя. И убо кровь видѣніемъ червлена, вкушеніемъ же сладка, подобна убо есть воздуху, мокра и тепла. Флегма же, яже есть мокрота, видѣніемъ бѣла, вкушеніемъ же слана, подобна убо есть водѣ, яко мокра и студена. Чермная желчь видѣніемъ жолта, вкушеніемъ же горька, подобна убо есть огню, яко суха и тепла. Черная желчь видѣніемъ черна, вкушеніемъ же кисела, подобна убо есть земли, яко суха и студена. Симъ убо стихіомъ умаляющимся или умножающимся, или одебелѣвающимся выше

естества своего, или премѣньшимся и отступившимъ отъ своихъ имъ мѣстъ, и проходящимъ въ необычныя мѣста, многообразно и многоразлично створяютъ человѣка болѣти.» Далѣе не такъ ясно, и много описокъ. Слѣдуютъ вопросы и отвѣты. На примѣръ: «Что есть здравіе? благораствореніе стихій, отъ нихъ же составлено есть тѣло... Что есть врачь? естеству служитель и въ болѣзнехъ сподвижникъ; и совершенъ убо врачь, иже видѣніемъ и дѣяніемъ искусенъ: изряднѣйшій же, иже вся творяй по правому слову.» Замѣтимъ, что въ этомъ древнемъ переводѣ (XIV или XV вѣка: ибо Св. Кириллъ Бѣлоезерскій скончался въ 1428 году) три мѣсяца весны, Мартъ, Апрѣль, Май, называются *пролѣтіемъ*.

(447) См. В. М. Рихтера Gesch. der Medicin in Rußland, I, 324. Прекрасный списокъ сего *Лечебника* находился въ библіотекѣ у Москов. Профессора Баузе, и сгорѣлъ, вмѣстѣ со многими драгоцѣнными памятниками нашей Исторіи, въ 1812 году; вотъ оглавленіе: *О травахъ; о лейкахъ и водкахъ; о рыбахъ въ морѣ и въ рѣкахъ; о драгоцѣнныхъ каменьяхъ; о философскомъ ученіи; о кровопусканіи; объ искусствѣ Аптекарскомъ.* Въ началѣ сказано, что сія книга переведена съ Латинскаго на Польскій въ Краковѣ въ 1423 г. для Пана Станислава Гачкова, Воеводы Троцкаго, а въ 7096 на Русской по приказу Воеводы Ѳ. А. Бутурлина въ Серпуховѣ. Авторъ увѣряетъ, что гранатъ веселитъ сердце; что магнитъ родится въ Индіи при Великомъ Океанѣ; что яхонтъ предохраняетъ отъ ужасныхъ сновидѣній, и проч.

(448) Сіи пѣсни напечатаны въ *Полномъ Собраніи Рос. пѣсенъ* 1780 года, Ч. I. Въ *Древнихъ Рос. Стихотвореніяхъ*, издан. въ 1818 г., также не мало истинно-древняго и хорошаго; но все перемѣшено съ новымъ и скудоумнымъ.

(449) См. Т. IX, 273.

(450) См. въ семъ Томѣ стр. 49.

(451) Арсеній говоритъ: inscriptas etiam habebat (сія митра или шапка) plures *Russicas* literas (въ Вихм. Sammlung 116). — Въ Маржеретѣ 62 и 63: toutes les dites vaisselles sont ouvrages de Russie. — Венеціянскій ювелиръ, Франціскъ Асцентини (Aszentini), пріѣхавъ къ намъ въ Іюнѣ 1601 г., жилъ въ Москвѣ три года; выгранилъ большой изумрудъ для Царскаго перстня и вырѣзалъ на агатѣ распятіе І. Х.: за что Годуновъ далъ ему соболью шубу, горлатную шапку, муфту и 100 червонцевъ. Асцентини выѣхалъ изъ Москвы 13 Мая 1604 въ Кіевъ, чтобы чрезъ Турцію возвратиться въ отечество, гдѣ онъ въ 1617 г. издалъ свои записки, переведенныя на Франц. языкъ Аббатомъ Бурьеромъ, подъ титуломъ: Mémoires d'Aszentini: я не могъ достать ихъ и пользовался только выпискою, сдѣланною изъ сей рѣдкой книги однимъ любопытнымъ читателемъ и сообщенною мнѣ Г. Бестужевымъ, Авторомъ *Исторіи Флота Россійскаго*. Далѣе сказано въ выпискѣ, что Асцентини нашелъ въ Москвѣ земляка и друга своего, Марка Чинопи, призваннаго еще Царемъ Ѳеодоромъ для тканія парчей, штофовъ и бархатовъ; что Чинопи представилъ его Борису чрезъ *Окольничаго Дмитрія Аѳанасьева*, когда Борисъ осматривалъ новую колокольню Ивана Великаго, близъ того мѣста, гдѣ находилась и фабрика Чинопіева; что Асцентини два раза обѣдалъ у Царя за *большимъ столомъ* и многократно *за кривымъ*: въ 1604 году уже слышалъ въ Москвѣ о Самозванцѣ; выѣхалъ оттуда съ путевою грамотою, скрѣпленною Дьякомъ Ильею Муромцовымъ; встрѣтилъ Разстригу въ Черниговѣ и цѣловалъ у него руку; взялъ новый охранный листъ отъ мнимаго Царевича для путешествія изъ Кіева въ Астрахань, имѣя въ карманѣ и видъ Борисовъ, для предъявленія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя еще не сдалися Лжедимитрію; жилъ въ Астрахани у Флорентійскаго уроженца, Антонія Ферацо; жалуется на разныя неудобства въ пути, на худыя дороги въ Россіи и на обиды, причиненныя ему Калужскимъ Воеводою, *Княземъ Аѳанасіемъ Кудашевымъ*, и проч. и проч.

(452) См. выше, примѣч. 451 о Маркѣ Чинопи, и Т. VI, 49, Т. IX, 52, и выше, примѣч. 315, гдѣ говорится о *Большой Грановитой и Золотой Грановитой Палатѣ*: о послѣдней упоминается со временъ Іоанна; ту и другую стали называть *подписными* въ Ѳеодорово.

(453) Я имѣю подлинникъ сего описанія, гдѣ сказано: «Въ нынѣшнемъ въ 180 (1672) году, Марта въ 20 день, В. Г. Царь и В. К. Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ въ своей Великаго Государя Золотой палатѣ и передъ Золотою въ сѣняхъ списать подписи и описать подлинно, какіе на стѣнахъ и на сводахъ притчи написаны, и здѣлать тому всему книги... И то писано въ сихъ книгахъ подлинно; а у описей тѣхъ притчей были Приказу Большого Дворца Подьячей Никита Клементьевъ да *иконописецъ* Симонъ Ушаковъ.» Золотая палата была одною стѣною къ Красному крыльцу, другою къ *Панихидной палатѣ*, третьею *къ Столовой*, четвертою къ сѣнямъ съ дверью; описаніе картинъ сей палаты занимаетъ листовъ 25. Далѣе: «180 г., Марта въ 23 день, В. Г. Царь и В. К. Алексѣй Мих. указалъ въ Грановитой палатѣ стѣнное письмо, и что на стѣнахъ какихъ притчей и подписей написано описать имянно.» Слѣдуетъ описаніе листахъ на двадцати. Сказано, что сія палата стѣнами къ Красному крыльцу, къ сѣнямъ, къ Успенскому Собору и къ Ивану Великому. Вотъ нѣкоторыя изъ описаній: «Въ Золотой палатѣ вверху въ сводѣ, въ самой срединѣ, написанъ кругъ, а въ кругу Еммануилъ: сѣдитъ на небесныхъ дугахъ, а подъ ногами колеса многоочитыя; въ лѣвой руцѣ держитъ потиръ златъ, а въ правой палицу; а у рукъ локти обнажены: а въ вѣнцѣ седмь клиновъ; а подпись І. Х. *Еммануилъ*: Около того кругу другій кругъ, а въ томъ кругу написано 4 Евангелиста прообразованныхъ; а около Еммануила и того круга кругомъ половина золотая, а другая празеленная; на золотомъ кругу, надъ главою Еммануиловою, подпись: *Богъ Отецъ премудростію Своею основа землю и утверди вѣки и благослови вѣнецъ лѣту благости Твоея, Господи!* А по празеленному кругу другая подпись кругомъ въ дверяхъ: *Превѣчное Слово Отчее, Иже во образѣ Божіи сый, и составляй тварь отъ небытія въ бытіе, Иже времена и лѣта Своею области положій! Благослови вѣнецъ лѣту благостію Своею; даруй миръ Церквамъ Твоимъ, побѣды вѣрному Царю, благоплодіе же земли и намъ велію милость.* А около того круга во весь сводъ большой кругъ по самыя шалыги, и въ томъ кругу отъ ногъ Еммануиловыхъ до большаго круга врата, а во вратѣхъ Ангелъ съ скипетромъ; въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ... а около Ангела во вратѣхъ облако раздвоилось; а подъ Ангеломъ и подъ облакомъ среди тѣхъ же вратъ человѣкъ стоящій съ посохомъ; а отъ круга внутрь въ кругъ шесть крылъ; а среди круга солнце; а между тѣхъ крылъ сверху лице человѣче обвито змѣннымъ хоботомъ, конецъ хобота къ солнцу; на правой сторонѣ лице львово, межъ крылъ обвито также хоботомъ, конецъ хоботу къ солнцу; на лѣвую сторону глава зміина, окружена хоботомъ къ тому жъ солнцу; съ правую жъ сторону, межъ крылъ же, глава орля, обвита хоботомъ... А по правую сторону человѣка во вратѣхъ подпись: *узкимъ бо путемъ

*дятся души праведныхъ въ Царство Небесное;* а по лѣвую сторону человѣка того надъ змѣинымъ кругомъ подпись въ тѣхъ же вратѣхъ: *широкимъ бо путемъ вводятся души грѣшныхъ во врата лютаго ада...* Подлѣ вратъ написано дѣвичьимъ образомъ воздухъ, надъ тѣмъ воздухомъ и подлѣ того Ангелъ летящъ въ клинѣ огненномъ; а отъ того клина, къ затворѣ вратной, къ низу, написанъ Діаволъ: по земли бѣжитъ заяцъ, а на Діавола изъ полукругу большаго стрѣляетъ изъ лука Ангелъ... Ниже Ангела сѣдитъ смерть: держитъ въ обѣихъ рукахъ трубу, и ту трубу положила широкой конецъ въ половину во временной кругъ,» и проч. и проч. Довольно для того, чтобы имѣть понятіе объ умѣ и воображеніи нашихъ художниковъ XVI вѣка. О *вязи* или *связи* см. выше, примѣч. 438. Ею писали такъ: ХХОУЫА. Сіи знаки, отчасти похожіе на Латинскія буквы, изображены въ разныхъ мѣстахъ Описанія Золотой и Грановитой палаты.

Изъ Московскаго Артиллерійскаго Депо доставлено мнѣ слѣдующее извѣстіе о трехъ пушкахъ Θеодорова времени: «На *Дробовикѣ*, называемомъ также и *Царь-Пушкою*, съ правой стороны написано: *Повелѣніемъ благовѣрн. и Христолюбив. Царя и В. К. Θеодора Ивановича, Самодержца всея Великія Россіи, при его благочестив. и Христолюбив. Царицѣ и В. Княгинѣ Иринѣ;* съ лѣвой стороны: *слита бысть сія пушка въ преименитомъ и царьствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7094, въ третье лѣто государства его. Дѣлалъ пушку пушечной литецъ Андрей Чоховъ;* съ правой стороны у жерла: *Божіею милостію Царь и В. К. Θеодоръ Ив., Государь и Самодержецъ всея Вел. Россіи;* а ниже изображенъ Царь на конѣ съ скипетромъ и въ вѣнцѣ. На пищалѣ *Троилѣ* съ правой стороны: *Божіею милостію, повелѣніемъ Государя Царя и В. К. Θеодора Ив. всея Россіи;* а съ лѣвой: *здѣлана сія пищаль Троилъ лѣта 7098; дѣлалъ Андрей Чоховъ.* На пищалѣ *Аспидѣ* съ правой стороны тѣ же слова, что и на Троилѣ; а съ лѣвой: *здѣлана сія пищаль Аспидъ лѣта 7098: дѣлалъ Андрей Чоховъ;* а сверху изображенъ аспидъ. Вѣсу въ *Троилѣ* 430, а въ *Аспидѣ* 370 пудъ.» — Въ VI Т. сей *Исторіи*, въ примѣч. 109, гдѣ упомянуто о большой Кремлевской пушкѣ, ошибкою напечатанъ 1686 г., вмѣсто 1586.

(454) См. Musscow. Reise anno 1602, въ Бюшинг. Magaz. VII, 265, и Петрея Chron. 3 — 10; см. также, для сравненія, сей *Исторіи* Т. VII, 127, Т. VIII, 60, и IX, 111, 276. Петрей, бывъ въ Москвѣ при Годуновѣ, и послѣ, пишетъ, что въ ней считалось 4500 церквей съ придѣлами (Kirchen, Klöster und Capellen), а въ Кремлѣ 50; что при каждой находилось отъ четырехъ до двѣнадцати колоколовъ; что въ иныхъ малыхъ церквахъ не могло помѣститься ни семи человѣкъ. Авторъ Musskow. Reise говоритъ только о 35 церквахъ Кремлевскихъ, но за то умножаетъ ихъ число въ Москвѣ до 5300, по сказанію тамошнихъ старожиловъ Нѣмцевъ. Въ Исторіи Келаря Аврамія Палицына: «тогда бысть въ царств. градѣ *болѣ четырехъ сотъ* церквей.» Въ Musskow. Reise означенъ вѣсъ большаго Кремлевскаго колокола: 120 Schiffpfund или 33,600 Нѣмецкихъ фунтовъ. Миллеръ, ссылаясь на Олеарія и Адама Бранда, ошибкою поставилъ 10,000 пудъ вмѣсто 1000 (см. его Versuch einer R. Gesch. v. R. 90). О Дворахъ *Арменскомъ* и *Литовскомъ* упоминается въ Дипломатическихъ бумагахъ 1599 года (см. Т. XI, примѣч. 34, о въѣздѣ въ Москву Кучюмова семейства).

(455) Въ Розрядн. Кн. г. 1597: «Маія въ 10 д. велѣлъ Государь Царь и В. К. ѣздити Объѣзжимъ Головамъ кормы да огни гасити: въ старомъ Кремлѣ городѣ К. Ив. Сем. Дѣевъ, да К. Θед. Андр. Мещерской; въ Китаѣ г. Ив. Борис. Голочеловъ-Мозовъ; въ Царевѣ каменномъ городѣ К. Ив. Бабичевъ; въ Царевѣ же городѣ на Большомъ посадѣ К. Петръ Пожарской; въ новомъ деревянномъ городѣ отъ Москвы-рѣки по Неглинну Русинъ-Милюковъ; отъ Неглинны по Яузу рѣку Ив. Бреховъ; за Москвою рѣкою Д. Ошанинъ; за Яузою, въ Дворцовыхъ слободахъ, С. Благой.»

(456) Въ Розр. Кн. 1591 г.: «Іюня въ 26 сказалъ Розрядной Дьякъ Сапунъ Аврамовъ быти на Москвѣ *въ осадѣ*... въ Китаѣ К. Ив. Ив. Голицыну, въ Царевѣ городѣ (Бѣломъ) К. Данилу Андр. Ногтеву Суздальскому... и Князь Данило билъ челомъ Государю въ отечествѣ о счетѣ на К. Ив. Шапку-Голицына. Тогожь дни билъ челомъ Замятня Лыковъ на К. Василья Мусу-Туренина въ отечествѣ о счетѣ, и грамоту и наказъ положилъ.» — Тамъ же: «Окт. въ 1 (1589) Царь и В. К. велѣлъ К. Василья Гвоздева безъ суда батоги бити, а бивъ батоги, велѣлъ ево выдати головою Князю Ив. Меньшому Никитичю Одоевскому... И Дьякъ Дружина Петелинъ сказалъ Князю Петру Борятинскому: велѣлъ тебѣ Государь сказати: билъ ты челомъ на К. Володимера Долгорукова да на К. Луку Щербатаго, и тебѣ быти съ ними пригоже; да тыжь глупалъ, говорилъ про Боярина про Θед. Вас. Шереметева — и Государь велѣлъ тебя за то въ тюрму посадить. И Князь Петръ сидѣлъ въ тюрмѣ три дни, а на службу не поѣхалъ.»

(457) См. Розрядн. Кн. сего времени, гдѣ описаны мѣстничества упомянутыхъ и многихъ другихъ знатнѣйшихъ родовъ.

(458) См. Маржерета 97, 98.

(459) См. Флетчера 108.

(460) См. выше, примѣч. 130. Флетчеръ пишетъ, что у Θеодора за *обыкновеннымъ* его столомъ бывало до семидесяти блюдъ; у Царя же Бориса въ дни торжественные до двухъ сотъ, по сказанію Петрея (стр. 281). Въ должности Крайчаго соединялись двѣ нынѣшнія: Оберъ-Шенка и Оберъ-Гофмаршала. — Для гостей любимыхъ Царь всегда отвѣдывалъ съ тѣхъ блюдъ, которыя отпускались къ нимъ домой послѣ обѣда. О сливахъ см. Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygm. III, Т. II, стр. 576.

(461) См. Маржерета 99 — 105.

(462) Въ Дѣлахъ Цесарск. No. 6, л. 569: «Что послано къ Послу отъ Государева стола ѣствы и питья, и тому роспись. Съ Сытного Дворца: кубокъ Романеи, кубокъ Ренсково, к. Мушкатели, к. вина Францовсково бѣлого, к. Бастру, к. Алкану (Аликанту), к. *Мармазеи.*» (см. сей *Исторіи* Т. VII, примѣч. 399. Тамъ я сказалъ, что мнѣ не встрѣчалось имя *Мальвазіи* въ древнихъ Русскихъ извѣстіяхъ; но здѣсь *Мармазея* есть безъ сомнѣнія Мальвазія). «Медовъ красныхъ: ковшъ вишневого, к. смородинново, к. меду мозжеелового, к. обарново, к. приварного, к. бѣлово паточного, к. малинового, к. черемхового, к. старого, к. вешнево, к. меду съ гвоздцы; да въ оловянникѣхъ ведро меду смородинново, ведро черемховово, в. мозжеелового, в. старово, в. вешнево; да въ бочкахъ пять ведръ меду вишневого, 5 в. малинового, 5 в. Боярсково, 5 в. обарново, 5 в. приварного выморозки, 10 в. меду паточного, 5 в. меду съ гвоздцы, 20 в. меду Княжого, 5 в. квасу медяного паточного. Съ Кормового Дворца: лебедь на восмь блюдъ, на блюдо крыло лебяжья потроху, грудь боранья съ шафраномъ, жеравъ (журавль) съ зельи на восемь блюдъ, утя верченое, утя съ огурцы, тетеревъ съ шафраномъ, тетеревъ съ сливами, ряби (рябчики) съ сливами, кострецъ говяжей верченой,

языкъ говяжей верченой, почки бараньи верченые, ножки бараньи, плечико баранье верченое, четверо куровъ росольныхъ молодыхъ съ инбиремъ, *юрмя* уха курячья шафранная, уха курячья черная, уха курячья бѣлая, уха курячья съ *умачемъ*, *манты*, калья съ лимоны, калья съ огурцы, калья въ лапшѣ, пирожки кривые, *токмачи* (колотушки), заецъ въ лапшѣ, заецъ росольной, заецъ тушеной, заецъ въ рѣпѣ, кострецъ лосинъ, часть лосины, осердье лосье крошеное, осердье лосье росольное, печень лосья, мозгъ лосей, четверо куровъ верченыхъ молодыхъ, куря рожновое, куря *рафленое*, куря безкостное, гусь шестная со пшеномъ Сорочинскимъ, потрохъ гусинъ, лытка ветчины, куря шестное, куря верченое окрашиваное съ лимоны, *кундумы*. — Съ хлѣбенного Дворца: хлѣбецъ крупичатой въ 5 колачей, перепеча крупичатая въ 5 колачей, колачь крупичатой въ 5 колачей, курникъ, колобъ, три пирожки подовыхъ съ боранивою, блюдо пироговъ пряженыхъ кислыхъ съ сыромъ, блюдо оладей приказныхъ большихъ, блюдо *котломъ*, пирогъ подовой съ сахаромъ, пирогъ подовой съ мясомъ, пирогъ подовой съ яицы, пирогъ подовой съ сыромъ, коровай мягкой, коровай битой, коровай ставленой съ яицы, коровай ставленой съ сыромъ, на блюдо оладеекъ съ сахаромъ, на блюдо *налитковъ*, на блюдо *трудоношъ*, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сахаромъ, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сыромъ, на блюдо сырниковъ съ яицы, на блюдо сырниковъ съ сыромъ, на блюдо блиновъ красныхъ, на блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо жаворонковъ, блюдо *карасовъ* съ мясомъ, блюдо *листней* со пшеномъ Сорочинскимъ, блюдо киселя бѣлово, ставецъ сливокъ, блюдо сыру губленово, горшечикъ молочка варенова, горшечикъ молочка Тверсково, блюдо хворосту, блюдо *елецъ*, блюдо орѣховъ, блюдо ядеръ, блюдо шишекъ чешуйныхъ, блюдо *мисенного*.»

(463) См. Маржерета 29, 33, 40, 47, 52, 53, и выше, примѣч. 341. — Письмо Генрика IV къ Ѳеодору, сохраненное въ Архивѣ К. И. Д.: Très illustre et très-excellent Prince, notre cher et bon amy... Il y a un nommé Paul, citadin de la ville de Milan, qui Vous sert en qualité de médecin il y a longtemps, lequel estant fort agé, désire passer en ce royaume pour y revoir ses parens et amys, qui sont en Notre Cour et Nous ont suplié très humblement d'interceder pour luy vers Vous. Au moyen de quoy Nous Vous prions aussi le luy vouloir permettre. Et si en son lieu Vous desirez un autre de cette profession, Nous tiendrons la main de Vous en envoyer un, de la doctrine et fidelité duquel Vous aurez toute satisfaction. Comme en toutes autres occasions Nous serons très aises d'avoir moyen d'user de revanche et faire chose qui Vous soit agréable et tourné à Vostre contentement. Priant Dieu, très-illustre et très excellent Prince, Notre très cher et bon amy, qu'il Vous ait en Sa très-sainte et digne garde. Escript à Paris le 7 jour d'Avril 1595.

votre bon amy
*Henry*.

Сей Медикъ Павелъ былъ еще живъ въ 1600 году. О немъ сказано въ бумагахъ Флорентійскаго Посольства (см. Т. XI): «Дохтура Павла Великій Государь Борисъ Ѳ. добрѣ жалуетъ: на Москвѣ женился, и ѣхати ему въ свою землю для старости не можно.» Въ 1598 г. Королева Елисавета, просила Бориса отпустить Доктора Марка Ридлея (Rydley) въ Англію, обѣщая прислать къ нему другаго, и прислала Виллиса, давъ ему и государственныя порученія (см. Дѣла Англ. 1598 и 5199 г., въ столбцахъ). Щелкаловъ спрашивалъ у Виллиса: «Сказываешься ты Дохторъ... и книги Дохторскіе и лечебные и зелье съ тобою есть ли? и какъ немочи знаешь?... И Дохторъ говорилъ: которые книги были со мною, и язъ тѣ всѣ оставилъ въ Любкѣ, и сказывался есми въ дорогѣ торговымъ человѣкомъ для того, чтобъ меня пропустили; а и такъ меня въ дорогѣ осматривали, и нашли у меня платье доброе бархатное, и язъ сказалъ, что везу къ Москвѣ къ Дохтору къ Марку (Ридлею); а зелья есми не взялъ для проѣзду, что *насъ Дохторовъ къ Москвѣ нигдѣ не пропускаютъ*. И Вас. Яков. Щелкаловъ Вилизу говорилъ: по чему жь тебѣ у человѣка безъ книгъ, какая немочь, можно познати, по водамъ ли или по жиламъ? И Дохторъ говорилъ: можно и безъ книгъ разумомъ знать по водамъ; а которая въ человѣкѣ тяжкая болѣзнь, ино ее и по жиламъ можно познати; а и лечебная книга со мною есть же: а старая книга у меня въ головѣ... Мы Дохторы зелій не держимъ: то живетъ у Обтекарей.» — Пасторъ Беръ (см. выше, примѣч. 27) пишетъ: «Въ 1600 году Борисъ вызвалъ изъ Германіи Медиковъ и Аптекарей; первыхъ было у него 6: 1) Христофоръ Рейтлингеръ, изъ Венгріи, пріѣхавшій въ Москву съ Англ. Посланникомъ, весьма искусный въ своей наукѣ и свѣдущій въ языкахъ; 2) Давидъ Вазмеръ; 3) Генрикъ Шредеръ изъ Любека; 4) Іоаннъ Вильке изъ Риги; 5) Каспаръ Фидлеръ изъ Кенигсберга; 6) Студентъ Медицины Эразмъ Бенскій изъ Праги. Каждому изъ нихъ отпускали ежемѣсячно знатное количество хлѣба, 60 возовъ дровъ и бочку пива; ежедневно штофъ водки, уксусу, и запасъ для стола; ежедневно три или четыре блюда съ Царской кухни. — Государь давалъ имъ обыкновенно по пяти лошадей, верховыхъ и каретныхъ. Всякому отводили деревню съ тридцатью или болѣе работниками. Когда Царь принималъ лекарство, и когда оно хорошо дѣйствовало, то Медиковъ дарили камками, бархатами и соболями; дарили также за леченіе Бояръ и сановниковъ,» и проч. Наши Архивскія бумаги свидѣтельствуютъ, что Борисъ въ 1600 году посылалъ своего Переводчика, Рейнгольда Бекмана, въ Нѣмецкіе города за Докторами, и что Бекманъ въ Ригѣ уговорилъ Каспара Фидлера, бывшаго Медикомъ Императора, Королевы Французской, Герцоговъ Прусскаго и Курляндскаго, ѣхать въ Россію. Вѣроятно, что и другіе выше означенные Медики были вызваны къ намъ Бекманомъ.

Въ Дѣлахъ Англ. 1601 г. (см. столбцы Ліева Посольства): «Покорно челомъ бью» (пишетъ Ли къ Боярамъ) «штобъ Его Царское Величество пожаловалъ для моего челобитья, велѣлъ дати имя Дохторское Христофору Рыхтенгеру, назвати его Дохторомъ; и я вѣдаю, что онъ достоенъ такого жалованья по его ученью; а у меня онъ пребывалъ 26 лѣтъ; и вѣдаю, что Великій Государь, какъ есть во всей вселенной, можетъ дать честь всякимъ людемъ по ихъ достоинству.» — Тамъ же, въ столбцѣ 1602 г., въ донесеніи изъ Архангельска о пріѣздѣ Аптекаря Френчгама: «А сказывалъ, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, тотъ Яковъ (Френчгамъ), что онъ прежде сего при Царѣ и В. К. Иванѣ Васильевичѣ жилъ на Москвѣ, а съ Москвы-де отпущенъ съ Аглинскимъ Посломъ, со Княземъ Еремѣемъ Баусомъ; а нынѣ-де отпустила его къ тебѣ, Государю, служити Елисаветъ Королевна съ женою и съ дѣтми и съ людми.» Слѣдуетъ опись его лекарствамъ, числомъ 146: «Слива бѣлая *булисъ* въ сахарѣ, яблоки *поморанчи* въ сахарѣ, *цидоны* яблоки въ сахарѣ... сахаръ *барберисъ*, сахаръ *робъ дерибесъ*, сахаръ цвѣту *розмаринінъ* или *антосъ*... масло *киріе*, коричное, мушкатное, гвоздичное, анисово... вотка

*розосолисъ*, вотка *Дохтура Стефана, кокліяріа*... кора *сытри*, кора *каперисъ*, кора *мандрагора*... корень *брусе*, корень *сыпере*, корень *ерините*... гуми *ладаномъ*, гуми *бургоніе*... *сторакъ каламенти*... *олибаномъ*... *аса федеита*... *руби тинторумъ*... *тартаръ алби*... прямая глина Арменская... манна *фоли Индіе*... *сена Александрейскій*... ячмень Французской...» и проч. и проч. См. изъясненіе въ Рихтер. Gesch. der Medicin in Rußland, I, 448. Въ Дѣлахъ 1602 г. упоминается еще объ Аптекарѣ Ричардѣ, который пріѣхалъ въ Москву изъ Лондона съ Микулинымъ, но возвратился въ Англію. О Голландцѣ Клаузендѣ см. Петрея Chron. 373.

(464) Флетч. 106, Маржерет. 35 и 118, и сей *Исторіи* Т. IX, 266.

(465) См. Марж. 46, Флетч. 113, и Musskovit. Reise (въ 1602 г.), въ Бишинг. Magaz. VII, 271. Флетчеръ о головномъ женскомъ уборѣ: first a caull of some soft silke, and over it a fruntlet, called *obrosa*. Думн. Дворянинъ Мих. Татищевъ, посыланный Борисомъ въ Грузію (см. Т. XI), описывая нарядъ Карталинской Царевны, говоритъ: «на головѣ у нее былъ шлыкъ, бархатъ гладкой червчатъ, кабы *науруса*:» вотъ Флетчерова *obrosa*!

(466) Одежду мужчинъ мы уже описали: см. Т. VII, 131.

(467) См. Флетч. 109.

(468) Тамъ же, 116.

(469) См. Флетч. 89 и 104. Онъ пишетъ, что Годуновъ поилъ также сего большаго сына холодною Святою водою. О юродивыхъ см. въ Флетч. л. 90. 3 Іюля 1589 года скончался въ Москвѣ, съ именемъ Святаго, Іоаннъ Юродивый, прозванный *Большимъ Колпакомъ и Водоносцемъ*. Онъ родился въ Вологдѣ, съ юныхъ лѣтъ изнурялъ себя постомъ и молитвою, носилъ на тѣлѣ кресты съ веригами желѣзными, на головѣ тяжелый колпакъ, на пальцахъ многія кольца и перстни мѣдные, а въ рукахъ деревянныя четки. Тѣло его съ великою честію было погребено въ церкви Василія Блаженнаго. Рукописное житіе сего Іоанна есть въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго.

(470) См. Т. IX, 90, и Флетч. 90. Замѣтимъ однакожъ, что Василій Блаженный преставился въ 1552 году, какъ пишутъ: слѣдственно не дожилъ до ужасной эпохи Іоаннова тиранства.

(471) Ни въ странахъ языческихъ, подвластныхъ древнимъ Россіянамъ (въ Ливоніи, въ землѣ Двинской, въ Перми), ни въ Магометанскихъ (въ Казани, въ Астрахани), мы никого силою не обращали въ свою Вѣру. Первые Князья: Олегъ, Игорь, Святославъ, были примѣромъ терпимости. Владиміръ велѣлъ народу креститься; но не гналъ язычниковъ.

(472) См. Т. VI, 182.

(473) См. *Исторію Уніи* Н. Н. Бантыша-Каменскаго, стр. 39 и слѣд.

(474) См. Поссев. Moscov. 9 — 11.

(475) См. Т. VI, 182.

(476) Въ Дѣлахъ Цесарск. No 6, л. 340: «Присылалъ къ Михайлу и къ Ѳѳонасью» (Вельяминову и къ Дьяку его Власьеву, въ городѣ Борисовѣ, въ Іюнѣ 1595 году) «Митрополитъ *Ноугородцкой*, Михайло Рагоза, Архидіакона Григорія, и Архидіаконъ говорилъ, что хотѣлъ было Митрополитъ съ ними видѣтись, да не смѣетъ Поляковъ, для того что нынѣ онъ и всѣ люди, которые были съ нимъ Гречeскіе Вѣры, по грѣхомъ во изгнаньѣ отъ Поляковъ: одинъ за него стоялъ Воевода Ноугородцкой Ѳедоръ Скуминъ, и нынѣ-дей и тотъ ему отказалъ, и за него стояти не хочетъ, для того что на него пришли всѣ Паны Рады Польскіе и Литовскіе, что онъ держитъ Митрополита Греческіе Вѣры, а не Римскіе; а присылалъ-дей о томъ хъ Королю и къ Паномъ Радамъ Папа Римской съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ въ ихъ землѣ одна была Церковь Римская, и Митрополитъ-дей Михайло хочетъ имъ мѣсто здати и Митрополью оставити, а самъ хочетъ быти въ монастырѣ, а на его мѣсто Папа хочетъ тотчасъ прислати Бискупа своево Римскіе Вѣры; и нынѣ-дей Митрополитъ прислалъ къ вамъ бити челомъ: прежъ сево къ нему Царская милость бывала, присылывана милостыня для ихъ убожества; и Михайлобъ и Ѳѳонасей дали ему на милостыню, а онъ за Государя и за Государыню и за все Крестьянство Бога молитъ и впредь радъ Бога молить. И Михайло и Ѳѳонасей говорили: То дѣлаетца за грѣхъ всего Крестьянства: Богъ попущаетъ такихъ волковъ, а не Пастырей, которые Церковь Божію расхищаютъ, какъ прежніе Папы Фармосъ и Евгеній и иные Папы... а нынѣшніе Папы и остатокъ хотятъ видѣти въ расхищеньѣ; и Митрополиту Михайлу пригоже было стояти о томъ крѣпко и пострадати хотя и до смерти, а Вѣры Крестьянскіе и престола своего не оставляти... А что велѣлъ у насъ просити на милостыню, и прежъ сево къ нему Царская милостыня прислана съ Степ. Котовымъ, а нынѣ съ нами отъ Государя милостыни къ нему не послано, а что улучилось, и мы за здоровье Великаго Государя и Государыни милостыню къ нему пришлемъ. И на завтрее того послали къ Митрополиту Михайлу за здоровье Государя и Государыни *пять золотыхъ Угорскихъ*.» И такъ Митрополитъ жилъ тогда не въ Кіевѣ, а въ *Новогродкѣ* Литовскомъ, и назывался *Новогродскимъ?*

(477) См. Барон. Annal. Eccl. VII, 6, 14 и 24, и Пясецкого Chron. л. 138, 164, въ *Исторіи Уніи* 41 — 49.

(478) Лаврентій Древинскій, Чашникъ и Депутатъ земли Волынской въ 1620 году (см. *Исторію Уніи* 69 — 73).

**КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ X ТОМА.**

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КЪ XI ТОМУ

## ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Въ грамотѣ Іова Патріарха къ Гермогену, Митрополиту Казанскому (см. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ, между *историческими дѣлами* г. 1598, No. 1): «И встрѣтоша его (Бориса) за древянымъ градомъ гости Московскаго Государства и всѣхъ городовъ Москов. Царствія всенародное множество Хрестьянъ съ подобающею Царскою честію, съ хлѣбы и съ собольми, и съ позлащенными кубки, и съ золотными и съ иными Царскими дары.» См. также Мих. Шиля Relation 458, и Борисову Избирательную Грамоту, въ *Рос. Вивліоѳ.* VII, 83.

(2) Въ рукописной Избир. Грамотѣ: «и потомъ приходитъ ко гробу Вел. Государя Царя и В. К. Ѳедора Ивановича... и ко отцу его, Вел. Государю Ц. и В. Князю Ивану Васильевичу.»

(3) Тамъ же: «иде во свои Царьскіе полаты; потомъ же поѣде къ сестрѣ своей... и оттуду возвратися и иде въ домъ Преч. Богородицы и Вел. Чюдотворцевъ, Петра и Алексѣя и Іоны, къ отцу своему, Свят. Іеву Патріарху... наединѣ бесѣдовавъ не мало,» и проч.

(4) Тамъ же: «какъ есте» (говоритъ Патріархъ Боярамъ, чиновникамъ и купцамъ) «имъ Государемъ» (Царскому семейству) «души свои дали у Преч. Богородицы чюдотворново ея образа и у цѣльбоносныхъ гробовъ Вел. Чюдотворцевъ.»

(5) Сія присяга сохранилась въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ. Тамъ сказано: «Ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никаково не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати и не велѣти давати; а хто мнѣ учнетъ зелье и коренье давати, или говорити, чтобъ мнѣ надъ своимъ Государемъ... и надъ Царицею... и надъ ихъ дѣтьми какое лихо учинити, и мнѣ не слушати... да и людей своихъ съ вѣдомствомъ не посылати, и вѣдуновъ не добывати на Государское лихо... и на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаньемъ не испортити, и вѣдовствомъ по вѣтру никакова лиха не насылати, и слѣду не вымати ни которыми дѣлы... а хто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати, а язъ то свѣдаю, и мнѣ сказати Государю или его ближнимъ людемъ... и того поимати и привести... На Государя Царя и на его Царицу и на ихъ Царскихъ дѣтей и которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ, не мыслити и къ себѣ никого не приводити, не *семьитись* и не соединятися... и съ тѣми, кто будетъ въ томъ скопѣ, мнѣ битися до смерти... не убивати и убивати никакова человѣка не велѣти,» и проч.

Въ грамотахъ Іова къ Гермогену: «на полунощницѣ и на повечерницѣ октенья послѣ прощенья: *помолимся о благовѣрной Царицѣ и Вел. Княгинѣ Инокѣ Александрѣ, и о Державномъ Государѣ нашемъ, благовѣрномъ и христолюбивомъ Царѣ и о Вел. Князѣ Борисѣ*... Пѣвцы же глаголютъ: *благовѣрной Царицѣ и В. Княгинѣ Александрѣ и благовѣрному Царю и В. Князю Борису Ѳедоровичу всея Русіи Самодержцу*,» и проч. Но тамъ же въ другомъ мѣстѣ: «Октенія великая на Заутрени и на Литургіи и на Вечернѣ: міромъ Господу помолимся... о благовѣрномъ Царѣ и В. Князѣ Борисѣ и о всѣхъ Болярѣхъ и о воехъ его, о пособити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата... Еще молимся о благовѣрн. Царицѣ и В. Княгинѣ Инокѣ Александрѣ.» — Далѣе см. Избирательную Грамоту.

(6) Въ Грам. Избирательной: «и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, чести себѣ не хотѣти.»

(7) Тамъ же: «и бысть ему не малъ и велій подвигъ и великіе труды, еже у сестры своея, Великія Государыни нашея, неотступно пребывати, и въ вотчину свою въ Царств. градъ Москву частая прихожденія, и о всей земли своей веліе промышленіе,» и проч.

(8) См. тамъ же, стр. 95, 97.

(9) См. тамъ же, стр. 100 — 102, и Шилеву Relation 458, 459.

(10) К. Ив. Солнцева-Засѣкина: см. Архив. Розрядн. Книгу, л. 831, Степен. Кн. Латухина, Берову Chron. Muscov., Маржерета 23.

(11) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 832, 833, 836, 837. Съ Государемъ въ походѣ были Царевичи Араслапей Кайбуловичь, Казацкой или Киргизской Орды Уразъ-Магметъ, Сибирскій Маметкулъ (или Магметъ-Кулъ) Алтауловичь, *Шермохапскій* Шихимъ, Юргенскій Магметъ; Бояре Князья Мстиславскій, Вас. Ив. Шуйскій, Дм. Ив. Шуйскій, Тимоѳ. Ив. Трубецкій, Александръ Ив. Шуйскій, К. Ив. Ив. Голицынъ, Степ. Вас. Годуновъ, Ив. Вас. Годуновъ, Ѳед. Никит. Романовъ-Юрьевъ, Кравчій Ал. Ник. Романовъ-Юрьевъ, Оружничій Б. Я. Бѣльскій, Печатникъ Вас. Як. Щелкаловъ; Окольничіе, Дворяне Думные, Постельничій, Стряпчій *съ ключемъ*, Ловчій, Ясельничій, Дьяки Думные, 11 Дьяковъ изъ Приказовъ, 1 *Барашъ* или Шатерничій, 7 Рындъ, и проч. — Далѣе въ Розрядн. Кн.: «А на Москвѣ оставилъ у Царицы и В. К. Иноки Александры и у Царицы у Марьи *сына* своего» (не *у сына*) «Царевича Ѳед. Борис. всеа Русіи, а *съ Царевичемъ* Бояръ... Окольничій Андрей Ив. Клешнинъ... у Государыни у ѣствы К. Ан. Ив. Гундуровъ; у Царевича дядька Ив. Ив. сынъ Чемодановъ. Дьяки по Приказамъ... у Государыни Дьяки... Въ осадное время въ *Большомъ старомъ* камен. городѣ быти Боярину... да въ старомъ же городѣ объѣжщики для огней... *въ другомъ камен. въ городѣ... въ новомъ камен. городѣ* на Большомъ посадѣ отъ Неглинны по Яузу и по Москву рѣку... да въ *новомъ* же въ камен. городѣ на Большомъ посадѣ у вежи (башни) для береженья... въ *новомъ* же въ камен. въ *Царевѣ городѣ* за Неглинною отъ Москвы рѣки по Неглинну... въ *новомъ деревяномъ* городѣ отъ Тверскіе улицы по Яузу и до Москвы рѣки и до Царева города... а на вылазкѣ быти Воеводамъ К. М. Ѳ. Кашину, да К. Г. Долгорукому-Черту... въ другой половинѣ въ деревянномъ городѣ быти Воеводамъ... а на вылазкѣ К. Меркурью Щербатому,» и проч. Въ каждой части города была *вежа* или сторожевая башня.

(12) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 842.

(13) Тамъ же, л. 843: «Маія въ 11 Государь смотрѣлъ засѣчныхъ чертежей,» и проч.

(14) Современники Маржеретъ и Беръ. Первый: selon le dire tant des estrangers, que des Russes qui estoient présens... je parle encore du moins. Маржеретъ служилъ въ нашемъ войскѣ.

(15) Въ Архив. Розрядн. Кн. 830.: «И Государь молылъ Ив. Полеву: били мнѣ челомъ Патріархъ Іевъ и весь Соборъ и Бояре и Приказные люди, и Воеводы и Дворяне всѣ, чтобъ я пожаловалъ велѣлъ Бояромъ и Воеводамъ и вамъ, Дворяномъ, быти безъ мѣстъ на нашей службѣ.»

(16) Маржеретъ 62: il fit festin par l'espace de six semaines presque journellement à dix mille hommes chacune fois, и проч.

(17) Въ Розрядн. Кн.: «того сторожа Софонка за ту службу Государь пожаловалъ: велѣлъ ему

изъ казны дать платье, да 5 рублевъ денегъ, да велѣлъ ему быти на Елцѣ въ Дѣтехъ Боярскихъ.»

(18) Въ Розрядн. Кн. 846, 847: «и были бъ Воеводы и Дворяне и Дѣти Боярскіе нарядны и цвѣтны, и лошади бъ у нихъ были лутчіе... а Стрѣльцомъ и Козакомъ стрѣляти изъ пищалей въ засѣкахъ вверхъ.» См. также и *Никон. Лѣт.* 38.

(19) Въ Розрядн. Кн. 848: «Іюня въ 26 Государь указалъ для Крымскихъ Пословъ быти у себя въ Серпуховъ съ берегу изо всѣхъ полковъ Боявомъ и Воеводамъ съ Дворяны, и съ Дѣтьми Боярскими и съ даточными людьми, что есть въ тѣхъ полкахъ *всякихъ* ратныхъ людей.» См. также Бера.

Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 г. означена грамота Казы-Гиреева, писанная съ Мурзою Алеемъ.

(20) См. Chron. Петрея 270 и Берову. Въ Степ. Кн. Латухина: «Они же (воины) вси возрадовашася, чающе и впредь тако ему (Борису) милостиву быти.»

О движеніи войска къ границѣ Литов. и Шведской см. въ Архив. Розрядн. Кн. 855.

(21) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я сію краткую *похвалу и встрѣчную рѣчь Царю Борису*, гдѣ сказано: «Возложилъ еси, Вел. Государь, неуклонную надежду на всемогущаго Бога; подщался еси отъ Бога данный ти талантъ сугубо преумножити... Свѣтлыя и прехвальныя безъ крови побѣды... Подвигъ свой велій сотворилъ еси: свободилъ еси родъ Христіанскій отъ плѣненія... Слышавъ скорое твое ополченіе, недругъ Крымскій убояся и устрашися зѣло, и прислалъ къ тебѣ челомъ бити... И радостная глаголемъ тебѣ, Государю Великому: радуйся и веселися, Богомъ избранный и Богомъ возлюбленный и Богомъ почтенный,» и проч. Въ концѣ: «и по семъ Святѣйшій Патріархъ со всѣмъ Соборомъ и со всѣмъ всенароднымъ множествомъ предъ Царемъ падаютъ на землю, отъ радости сердечныя благодарныя слезы изливаютъ, и воставъ отъ земли здравствоваша ему... на его Государевѣ вотчинѣ и на Царьскомъ престолѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійскія земли *скифетродержанія.*» См. Петрея 271.

(22) См. Избрат. Грам. 110, 111. Въ печатной находимъ только подписи Духовенства, а въ рукописной и Духовенства и всѣхъ государствен. чиновниковъ. Тамъ же: «Авг. въ 1 день... а назади у обѣихъ утверженыхъ грамотъ, что у Государя Царя... въ его Царьской казнѣ, и что въ Патріарховѣ ризницѣ руки приложили.» Въ печатной: «Подобаетъ убо намъ сію грамоту принести къ Государю... и молити, чтобы велѣлъ положити въ своихъ Царскихъ сокровищахъ съ прочими грамотами, идѣ же и прежнихъ Государей грамоты о всякихъ земскихъ дѣлѣхъ лежатъ.»

(23) Въ *Исторіи* современника, знаменитаго Келаря Троицкой Лавры, Авраамія Палицына: «И во время Св. Литургіи, стоя подъ рукою Святѣйш. Патріарха, не вѣмы чего ради, испусти сицевъ глаголъ зѣло высокъ: *се, Отче В. Патріархъ Іевъ, Богъ свидѣтель сему, никто же будетъ въ моемъ Царствіи нищъ или бѣденъ* — и тряся верхъ срачицы на себѣ: *и сію послѣднюю*, рече, *раздѣлю со всѣми.*» См. также Латух. Степен. Кн. и Хронографы.

(24) См. Бера и Петрея 271. Сей обѣтъ, говорятъ они, далъ Борисъ на пять лѣтъ.

(25) Въ Архивскихъ Сибирскихъ бумагахъ 1600 г. Уразъ-Магметъ уже называется *Царемъ*. О пожалованіи въ Бояре и проч. см. Списокъ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 70. Санъ Окольничихъ былъ данъ Годуновымъ Семену Никитичу, Степану Степановичу, Матвѣю Михайловичу, Никитѣ Васильевичу.

(26) Въ Степен. Кн. Латухина: «сродника своего, Григорія Вас. Годунова, отравою (Борисъ) уморилъ, занеже возбранялъ ему отъ властолюбія.» Въ Послужномъ Спискѣ Бояръ сказано, что Дворецкій Григ. Вас. Годуновъ умеръ скоро по кончинѣ Царя Ѳеодора.

(27) См. Шилеву Relation 462 и въ Сибирской Исторіи Миллера, стр. 347, указъ Борисовъ 25 Іюня 1600 о невзиманіи ясашной подати съ Сибирскихъ народовъ. Въ Дѣлахъ Австрійскихъ, Крымскихъ и другихъ сего времени также упоминается о милостяхъ Царскихъ: о двойномъ жалованьѣ, о льготѣ данной купечеству и проч.

(28) Въ Шилев. Relation 462: Die Pauern und armen Leuth, so unter den Bojarn oder Edelleuthen ihre Wohe haben, und zuvor bey andern Großfürsten von ihren Herren für leibeigen gehalten worden, seindt auch von ihrer Großm. begnadet und einem jeden Edelmann, so Untersassen oder Pauern hat, järlichen ein Ordnung gemacht, wie viel und was ihme seine Unterthanen zu geben, zu dienen schuldig, und weiß jezo ein jede Dorffschafft oder Wohnung, wie hoch sie ihrer Obrigkeit verpflichtet seyen. Сей любопытный указъ до насъ не дошелъ. Шиль пишетъ, что господа при другихъ Великихъ Князьяхъ считали земледѣльцевъ своими *рабами:* то есть, обходились съ ними какъ съ рабами, хотя законъ и давалъ крестьянамъ свободу переходить отъ владѣльца къ владѣльцу.

(29) См. Т. X, стр. 16.

(30) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ. *Отписки города Тары Воеводъ Кузмина и Воейкова къ Царю* въ Сент. 1598. О числѣ ратниковъ, которые вышли съ Анд. Воейковымъ изъ Тары: «Три сына Боярскихъ, да два Атамана, да Тарскихъ служивыхъ людей, и Литвы и Козаковъ, сто человѣкъ, да юртовскихъ служивыхъ Татаръ 30 человѣкъ, да волостныхъ ясашныхъ людей 60 человѣкъ, да Тобольскихъ служивыхъ людей сто,... да Тюменскихъ.» Здѣсь не льзя разобрать ни числа, ни слѣдующихъ строкъ. Далѣе: «Четыреста безъ трехъ человѣкъ, Литвы и Козаковъ, и юртовскихъ и волостныхъ Татаръ... И въ роспросѣ лутчіе люди сказали, пошолъ-де Кучюмъ Царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку съ дѣтьми и со всѣми своими людми, гдѣ у него хлѣбъ сѣенъ... хочетъ-де итти подъ городъ Тару... и язъ холопъ твой (А. Воейковъ) нашолъ Кучюма на Оби на рѣкѣ, выше *Чатъ* три днища... отъ Калмаковъ въ дву днищахъ,» и проч. Воейковъ пишетъ, что онъ велѣлъ побить и перевѣшать всѣхъ Татаръ плѣнниковъ, кромѣ знатныхъ.

(31) Тамъ же: «Сшолъ онъ (Сеитъ) Кучюма Царя за Обью рѣкою на лѣсу, внизъ по Оби рѣкѣ, отъ Кучюмова побою въ дву днищахъ... и Кучюмъ съ нимъ приказалъ къ намъ: *не поѣхалъ-дей я къ Государю по Государевѣ грамотѣ своею волею, въ кою-дей пору я былъ цѣлъ; а за саблею-дей мнѣ къ Государю ѣхати не по што. А нынѣча-дей я сталъ глухъ и слѣпъ, и безо всего живота: взяли-дей у меня промышленика, сына моего, Асманакъ-Царевича; хотя бы-дей у меня всѣхъ дѣтей поимали, а одинъ бы-дей у меня остался Асманакъ, и язъ бы-дей объ немъ еще прожилъ,*» и проч. О бѣгствѣ его: «побѣжалъ съ кочевья своего вверхъ по Оби рѣкѣ; а его-дей Сеита отпустилъ въ Чаты.»

(32) См. Сибирскія лѣтописи, Ремезовскую и Саввы Есипова, и Мил. Сибир. Ист. 305—307.

(33) См. Шилеву Relation въ Вихман. Sammlung, стр. 432. Извѣстіе о побѣдѣ Воейкова пришло въ Москву 15 Ноября (Новаго Стиля) 1598.

(34) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумаги о пріѣздѣ въ Москву семейства Кучюмова, г. 1598-1600, No. 2. Тамъ означены имена и лѣта Царевичей; старшему было 23 года, а младшему только годъ.

Выписываю изъ сихъ бумагъ слѣдующую *Роспись, какъ въѣхати въ Москву Царевичамъ и Царицамъ Сибирскимъ:* «Изготовлены на Москвѣ 38 человѣкъ въ шубахъ собольихъ, которые ѣдутъ съ Царицами; и тѣмъ шубы надѣвать выворачивая, подпоясывая; а всѣхъ будетъ въ шубахъ съ Дѣтьми Боярскими 60 человѣкъ; а ѣхати имъ по два въ рядъ съ пищальми... А Царевичамъ ѣхать въ санехъ по одному; а съ меньшими двѣма, которые по 4 годы, ѣхать въ санехъ по Татарину; а который Царевичь году, тому ѣхать съ матерью. Всего надобетъ 6 сани вырѣзни, готовы въ Переславской слободѣ. Подъ Царицы 6 каптанъ, а въ нихъ 12 подводъ. А ѣхати въ Москву во Вторникъ, въ 4 или въ 5 часу дни, въ деревянной городъ и въ каменной въ Стрѣтенскіе ворота, Стрѣтенскою улицею, да полымъ мѣстомъ мимо Пречистые Гребнивскіе и Литовскаго Двора; а въ ту пору Литов. Дворъ и Арменской не затворяти — а съ полого мѣста ѣхати въ Ильинскіе вороты, да Ильинскимъ Хрестцомъ во Фроловскіе къ Посольской Полатѣ; и Царевичамъ итти въ Полату, а Царицамъ и Царевнамъ стоять въ каптанахъ у Полаты, покамѣста Царевичи побудутъ у Василья (Щелкалова)... и проводити ихъ по подворьямъ... На Бѣлобородовѣ дворѣ стояти Асманаку Царевичу, а въ приставахъ у него быти Савину Воейкову, а съ нимъ два сына Боярскихъ, да толмачю... на Алексѣевскомъ дворѣ Хозникова Шаиму Царевичю... за Встрѣтенскими вороты на Михайловѣ дворѣ Зубина Кучюмовой большой Царицѣ Салтанымъ... Послати имъ Государева жалованья: Асманаку ферези багрецовые на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ камчатъ, шапка черна, сапоги сафьяные желты, рубашка да порты; Шаимъ-Царевичю тожь ферези багрецовые на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ камчатъ на черевѣхъ на песцовыхъ... Бабадтѣ Царевичю ферези сукно *лундышь*... Большой Царицѣ шуба камка адамашка рудожелта на куницахъ, опушена атласомъ съ серебромъ; кругъ ее круживо шелкъ черпъ съ серебромъ, пуговицы корольковые... другой Царицѣ Сюйдюждзвъ шуба камка адамашка бѣла на пупкахъ на собольихъ, пущена атласомъ золотнымъ; кругъ ее круживо и по швомъ шолкъ червчатъ да чорнъ съ золотомъ; пуговицы серебряные... Мурзамъ по ферезямъ, сукно *на страфиль* лазорево на хрептѣхъ на бѣльихъ, да по шапкѣ по багрецовой, да по сапогамъ: одному сафьянные, другому барановые, третьему телятинные зелены... Корму Царевичу Асманаку давати съ яму на день 2 калача денежныхъ, утя, куря, да на недѣлю баранъ шерстью, на мелкое и на свѣчи 6 денегъ на день, съ дворца 4 чарки вина доброво, да съ яму четверть ведра меду паточново, ведро меду Княжого, да на три дни возъ дровъ,» и проч. — Абдулъ-Хаиръ крестился въ 1600 году: воспріемниками его были Бояринъ К. Ѳед. Андр. Ноготковъ и Дьякъ Василій Таракановъ (см. Розрядн. Кн.). Маметкулъ, честимый Борисомъ, жилъ въ Бѣжецкомъ Верху.

(35) См. Миллер. *Сибирск. Исторію* 329 — 392.

(36) Въ Розрядн. Книгахъ сказано, что въ Іюнѣ 1600 г. Крымцы нападали на Бѣлгородъ и шли къ Курску, но были изгнаны Орловскимъ Воеводою, К. Борисомъ Петр. Татевымъ.

29 Іюля 1601 были посланы Окольничій Бутурлинъ, Ив. Пушкинъ и Дьякъ Клобуковъ въ новый Борисовъ городокъ *для размѣна* (какъ тогда говорили) Россійскихъ и Крымскихъ Пословъ. 27 Сент. отпустили изъ Москвы Крымскаго гонца Казанъ-Агу съ увѣдомленіемъ, что наши Послы готовы ѣхать къ Хану. 4 Окт. выѣхалъ изъ Москвы въ Тавриду Посолъ К. Григ. Волконскій съ Дьякомъ Ивановымъ. Въ Окт. 1602 пріѣхалъ въ Москву Казы-Гиреевъ гонецъ Ахметъ-Челибей съ Шертною грамотою. Въ Авг. 1604 тотъ же гонецъ былъ у Царя съ жалобою на впаденія Донскихъ Козаковъ въ Ханскія владѣнія. См. въ Архивѣ Крымскія Дѣла сего времени.

Нашъ Посолъ говорилъ Крымскимъ Вельможамъ: «Которые бѣглые люди наши отъ воровства бѣгаютъ въ Крымъ, и Казы-Гирей тѣхъ воровъ отдавать назадъ не велитъ. Въ прошломъ году побѣжалъ изъ Государевыхъ украйныхъ городовъ отъ смертные казни вѣдомой воръ и разбойникъ Казаринко Уваровъ; а нынѣ онъ у Казы-Гирея въ толмачехъ... Казы-Гирей того Казаринка велѣлъ бы отослати къ Государю.»

О принятіи Шертной грамоты: «Велѣлъ Государь быти Янъ-Ахметъ-Челибею у себя наединѣ... и взялъ въ свои Царскіе руки книгу, и подержавъ молылъ: *то наша большая правда*; *тое больше у насъ не живетъ* и книгу отдалъ Боярину Семену Микитичу; и въ кое время книгу держалъ въ своихъ рукахъ, и въ тѣ поры Янъ-Ахметъ-Челибей челомъ ударилъ о землю, а послѣ того говорилъ: Государь нашъ, Казы-Гиреево величество, какъ передъ вашимъ Посломъ К. Григ. Волконскимъ прямую Шерть учинилъ на Куранѣ (Алкоранѣ), и К. Григорей тое книги велѣлъ смотрѣть толмачю своему, а со мною Казы-Гирей прислалъ Дьяка Гречина для такова же дѣла: и въ томъ какъ ты, Государь, повелишь. И Государь говорилъ: сказывалъ я тебѣ, что мы такіе правды не чинивали, какъ нынѣ брату своему правду учинили есмя; а съ которыми великими Государями бываетъ у насъ мирное постановленье, и съ нихъ Послы утвержаютъ Бояре наши и Окольничіе и Думные Дьяки, а большое укрѣпленье Царское слово бываетъ: то и правда. А нынѣ, свыше всѣхъ Государей похотя съ нимъ братство крѣпить, велѣли есмя тебѣ у себя наединѣ быти, а только тепере при насъ сродникъ (и указалъ на Боярина на Семена Микитича), да ближней нашъ Дьякъ Ѳоонасей Власьевъ: потому что всѣ большіе дѣла тайные.»

Сей гонецъ, будучи у насъ въ Авг. 1604, сказалъ Царю отъ имени Казы-Гирея: «Послали есте (въ 1603 г.) къ намъ Пословъ своихъ, К. Ѳедора Борятинскаго, да Дьяка Дороѳея Бохина, — и послѣ того, какъ у насъ на Посольствѣ были, на пятой день учинилась вѣсть, что приходили на наши Улусы Донскіе Козаки... и Посолъ твой отказалъ, что х' Козакамъ не ѣдетъ и не пошлетъ, а говорилъ усердо... А потому есмя вашего Посла изъ Крыму и выслали... И послѣ того прислали вы, братъ нашъ, къ намъ гонца своего, Александра Хрущова, съ грамотою,» и проч. — Въ лѣтописяхъ несправедливо сказано, что Царь на мѣсто Борятинскаго послалъ въ Крымъ Волконскаго. Челибей жилъ въ Москвѣ до воцаренія Лжедимитріева.

(37) См. Т. X, стр. 104, и Далина глав. XV, 22, 23.

(38) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Д. *выписку о пріѣздѣ Королевича Густава*. Въ Иванѣ-городѣ встрѣтилъ его Леонтій Лодыженскій, въ Новѣгородѣ К. Симеонъ Долгорукій, въ Твери Окольничій К. Хилковъ и Борятинскій, а *съ платьемъ* Чашникъ К. Лыковъ. Далѣе: «Съ возкомъ посыланъ х' Королевичу въ стрѣчю въ село Святыхъ Отецъ Ясельничей М. Татищевъ: да съ нимъ же послано Королевичевымъ людемъ 20 лошадей; а у Москвы за деревяннымъ городомъ по Тверской дорогѣ, проѣхавъ гонную (ямскую) слободу, на первомъ вражкѣ встрѣчали Королевича Вас. Морозовъ да К. Вас. Лобановъ, а на выѣздѣ были Дворяне Большіе и Стольники и Стряпчіе и Дьяки... а передъ Королевичемъ ѣхали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ

чистомъ платьѣ 100 человѣкъ... а по обѣ стороны стояли Стрѣльцы... Королевичь вышелъ изъ возка на мостки противъ Казенные Полатія середнево быка (рогатки?) и шелъ ко Государю мимо Благовѣщенью папертью... А Бояре при Государѣ въ золотыхъ шубахъ; а въ сѣнехъ сидѣли Дворяне и Приказные люди въ золотѣ жь... И Государь Королевича позвалъ къ рукѣ, и далъ ему руку, а послѣ того Государь Царевичь.»

(39) Въ Царскомъ наказѣ Клаусу, посланному изъ Москвы въ Дерптъ и въ Ригу (30 Ноября 1599): «А будетъ Рижскіе и Юрьевскіе Нѣмцы спросятъ: Густава Королевича чѣмъ Государь пожаловалъ? и Кляузу говорити: пожаловалъ многою казною, золотыми и деньгами, и судами золотыми и серебряными, и платьемъ дорогимъ; да Колужскимъ Удѣломъ съ тремя городы и со многими волостьми и селы.»

(40) См. Далина глава XV, 22.

(41) См. въ Архивѣ Кол. И. Д., между историческими бумагами 1599 г. грамоты жалованныя Москов. Нѣмецкимъ гостямъ и присягу ихъ: Вита, Бекмана, Керклина, Бука, Брикса и другихъ. Изъ нихъ каждому дано было отъ 300 до 500 тогдашнихъ рублей. См. также Chron. Бера и Петрея 272.

(42) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. наказъ данный Клаусу для склоненія граждан Рижскихъ къ Рос. подданству, — Царскія грамоты къ Воеводамъ въ Иваньгородъ и Псковъ, и грамоту Густава къ Правителю Шведскому Карлу. Въ первой бумагѣ сказано: «И Кляузу говорити: слухъ дошелъ до Вел. Государя, что имъ Рижаномъ отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей во всемъ тѣснота, и хотятъ Рижскихъ людей отвести отъ ихъ Вѣры и привести въ Папежскую и въ *Езовитцкую* Вѣру, и правы и обряды и вольности ихъ порушити, и такъ здѣлати, чтобы ихъ Нѣмецъ всѣхъ не найти и съ фонаремъ въ Ливонской землѣ... и Вел. Государь про то добрѣ поскорбѣлъ... и жалованье и милосердіе показалъ ко многимъ Ливонскимъ Нѣмцомъ, которые были въ закоснѣнье много лѣтъ: пожаловалъ ихъ на торговлю многими деньгами и торговать имъ велѣлъ безпошлинно; и тѣ Нѣмцы, видя свои вотчины въ чюжихъ рукахъ, бьютъ челомъ Царск. Величеству, чтобъ имъ своихъ вотчинъ доступить; а нынѣ перемирные времена (Россіи съ Литвою) выходятъ... и похотятъ Рижане, лутчіе люди, быти подъ рукою Государя, и вотчины ихъ будутъ за ними по прежнему; а изъ Риги никого выводити не велитъ, и уряловъ и правъ, какъ у насъ велось изстари при Арцыбискупѣ Вилимѣ Бранденборскомъ и при Маистрѣ, порушити не велитъ... а служивыхъ людей пожалуетъ отчинами... а дани брати не велитъ... и торговати всѣмъ безпошлинно... А такова милосердья имъ ни отъ котораго Государя не бывало и не будетъ... Такова Государя благочестива и храбра и разумна отъ начала Русскіе земли не бывало,» и проч. Тамъ же о Густавѣ: «Вел. Государь иноземцомъ пріѣзжимъ служилымъ людемъ далъ повольность служить Густаву Королевичу.»

Въ письмѣ Густава къ Карлу отъ 28 Октября 1599: «Его (Борисово) славное имя услышавъ, что онъ есть мудрый и храбрый Государь, и ко всѣмъ новопріѣзжимъ Государскимъ дѣтемъ милостивъ, пріѣхалъ есми къ его Пресвѣтл. Царскому Величеству, къ тихому и къ безбоязненному пристанищу... и чего есми у милосердаго Бога просилъ и жадалъ, то есми получилъ... И намъ вѣдомо учинилось, что братъ нашъ Жигимонтъ посылаетъ рать свою х' Колывани... и къ Руголиву, хотя ихъ привести подъ корону Польскую, и мы били челомъ Его Царск. Величеству, чтобы поволилъ мнѣ отъ себя отписати къ Жигимонту, и язъ писалъ, чтобъ онъ подъ тѣ городы рати не посылалъ. Да Жигимонтъ просилъ у Царск. Величества, чтобъ велѣлъ чрезъ свою землю на Иваньгородъ ратныхъ людей (Литовскихъ) въ Свею пропустити, и Царск. Величество, меня жалуючи, не велѣлъ... и Жигимонтъ ратныхъ людей распустилъ» (все не правда)... «Надѣюся, что ты съ нами въ любви и дружбѣ роздѣлъ учинишь,» и проч. Это не похоже на переводъ съ Шведскаго, какъ сказано въ заглавіи письма.

(43) См. Петрея Chron. 277, гдѣ главнымъ измѣнникомъ названъ Конрадъ Бусъ. Между Архивскими бумагами 1601 г. есть отписка Воеводы Псковскаго, К. Голицына, о желаніи Шведа *Кондрата Буша* отдать намъ въ руки городъ Алыстъ или Маріенбургъ. Тамъ же есть извѣстіе (1600 г.) о пріѣздѣ въ Москву Нарвскаго *Палатника Армана Скрова*, который говорилъ, что многіе изъ его согражданъ желаютъ поддаться Царю. — Въ Февр. 1599 г. Борисъ посылалъ въ Нарву гостя Выходцова съ прозьбою, чтобы Шведы дозволили нашимъ купцамъ возстановить тамъ Русскую церковь Св. Николая.

(44) См. Chron. Бера и Петрея 274. Первый называетъ ее die Taterſche. Разсказываютъ баспю, что Густавъ, ѣдучи въ Москву, оставилъ Царскую *опасную грамоту* въ Ригѣ у Генрика Флогеля; что Борисъ подкупилъ его Секретаря Скульта и черезъ него тайно досталъ сію грамоту; что Скультъ, безъ вѣдома Принцова, въ угодность Борису написалъ манифестъ къ жителямъ Финляндіи, убѣждая ихъ признать Густава своимъ Властителемъ; что Густавъ, желая выѣхать изъ Россіи въ Германію, послалъ туда Гофмейстера, Христофора Катора, но что сего вѣрнаго слугу отравили ядомъ во Псковѣ, взявъ у него всѣ бумаги; что Густавъ жаловался на то Борисову Медику Фидлеру, а Фидлеръ оклеветалъ его передъ Царемъ (см. Далина глав. 15, §. 23). — Въ 1614 г. еще хранился въ Архивѣ *столпикъ* 1602 года *о Свейскомъ Густавѣ Королевичѣ, какъ онъ былъ на Угличѣ*; но сія связка бумагъ утратилась или сгорѣла (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.). Маржеретъ пишетъ, что Густавъ могъ имѣть съ Углича 4000 рублей доходу.

(45) См. въ Архивѣ *выписку о пріѣздѣ Густава*, г. 1601. Царь велѣлъ отослать къ нему кушанье на домъ.

(46) См. Chron. Бера, который самъ погребалъ Густава, не въ монастырѣ Димитрія Солунскаго, какъ онъ пишетъ, а развѣ близъ сего монастыря, или внѣ ограды его: см. Chron. Петрея 276.

(47) Въ Дѣлахъ Польск. No. 24, л. 80: «Будетъ Государь вашъ не велитъ насъ отпустить, и мы на кони сядемъ и поѣдемъ сами; а хто насъ станетъ бить, и мы учнемъ сами бить: потому что пришло намъ не до Государскіе чести, до своего живота; намъ животъ свой всего дороже; въ неволѣ жить не извыкли... За печалованіемъ сына своего (л. 90) велѣлъ Государь Бояромъ перемирья приговорить.» По Архив. Переписной Книгѣ 1614 г. намъ извѣстно, что въ 1598 и 1599 г. ѣздилъ въ Литву Посланникъ Мих. Татищевъ, а въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Сигизмундовъ, Варѳоломей Бердовскій, въ 1603 Богданъ Хрептовичь и въ томъ же году Янъ Деветольскій; книги ихъ Посольства утратились (вмѣстѣ со многими иными временъ Годунова): уцѣлѣла только грамота Сигизмундова къ Борису отъ 26 Мая 1599, въ которой онъ поздравляетъ его съ воцареніемъ и проситъ не помогать мятежнику Карлу.

(48) Тамъ же, л. 80: «мы (Сапѣга) Государя вашего съ Бояры много говорили и *плакали*.»

(49) Тамъ же, л. 3, 98: «А какъ Послы перешли за рубежъ (въ Октябрѣ), и стояли въ деревнѣ въ Кутейнѣ полчетверты недѣли; корму Королевскаго не давали и приходить ни кому ни съ чѣмъ не велѣли... а лошади ходили зимою на полѣ на снѣгу.» Литовскіе Вельможи оправдываясь говорили Посламъ: «и то вамъ сталось отъ себя: пришли есте въ Государя нашего землю безъ вѣдомости.» См. л. 92 и 96. Король пріѣхалъ въ Вильну 13 Дек., а Салтыковъ съ Власьевымъ 26 Дек. 1601; послѣдніе возвратились въ Москву 30 Генв. 1602.

(50) Дѣла Польск. No. 25, л. 147. О Владиславѣ (No. 24, л. 178): «А какъ столъ почали издавать, поставили сахары и овощи, и въ тѣ поры пришолъ х' Королю Королевичь Владиславъ, а передъ нимъ шло Стольниковъ и Дворянъ человѣкъ съ тритцать; и Послы вставъ поклонились. И Королевичь сѣлъ по конецъ стола, по правую сторону отъ Короля въ крѣслѣхъ, оболоченыхъ бархатомъ червчатымъ. И Послы, поговоря межъ себя, обослались съ Паны Радами и говорили Канцлеру Льву Сапѣгѣ: приказъ съ нами Вел. Государя нашего, Царевича, къ Владиславу... и Канцлеръ ходилъ х' Королю... и приказалъ, что Жигимонтъ велѣлъ имъ рѣчью говорить Королевичу послѣ стола... И какъ скатерть съ стола исперелъ Короля сняли и столъ отнесли, и съ Посольскаго стола скатерть сняли, и Посломъ поставили скамейку противъ Короля, а Паны Рада сѣли по обѣ стороны Короля въ крѣслѣхъ, и Король велѣлъ Посломъ сѣсти; а посидѣвъ немного, Послы вставъ отъ Государя Царевича поклонъ Владиславу правили, и Королевичь про Царевичево здоровье спросилъ, вставъ и шляпку снявъ... И Левъ отъ Королевича говорилъ: Владиславъ Королевичь, слыша про Государя вашего, Князя Ѳ. Б. здоровье, радуется и поздравляетъ, чтобъ онъ впередъ былъ счастливъ, а съ нимъ въ ссылкѣ и въ любви... И Послы говорили: будетъ Королевичь насъ пожалуетъ, и мы къ руцѣ идемъ... И Королевичь звалъ Пословъ къ рукѣ... и противъ Пословъ сымалъ шляпочку,» и проч.

(51) См. въ Архивѣ грамоту Шведскаго Фельдмаршала Акселя Ринига (отъ 13 Ноября 1599) къ Воеводѣ Копорскому, К. Г. Звенигородскому, также грамоты Герцога Карла къ Борису отъ 14 Іюля 1598, 8 и 10 Генв. 1599 (на Русскомъ языкѣ съ Латинскою подписью Карлова имени), 5 Генв. 1600 и другія, привезенныя его гонцами въ Москву. Борисъ въ 1598 г. посылалъ въ Швецію Никиф. Елагина съ нѣкоторыми освобожденными Шведскими плѣнниками и П. Хомутова (задержаннаго въ Финляндіи (Абовскимъ начальникомъ, вѣрнымъ Королю Сигизмунду), а въ Іюнѣ 1599 Дворянина Вас. Сукина и Думнаго Дьяка Постника Дмитріева (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.).

(52) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. меморіалъ Швед. Пословъ Гендрихсона съ товарищи, гдѣ сказано: Haben wir verstanden, daß Eure großmechtige Zarische Hocheit ob dem, was der Durchl. Hochgeborn. Fürst, Hertzog Carl, unser gnedigster Herr, wegen Annehmung der Königlichen Crone unr Scepters, so seiner fürstl. Durchleuchtigkeit von den Stenden des Reichs Schweden einhellig mit höchstem Flehen angeboten wird, sich bey Eurer Gr. Zarischen Hocheit Radts erholet, ein gnediges Gefallen tragen und für billich erachten, daß der Hertzog, unser gn. Fürst, nach unsern Schwedischen Rechten sich der Crone annehme, etc. Сіи Послы, *Карлъ Гендрихсонъ, Юргенъ Клаусонъ и Яганъ Юргенсонъ* (у Видекинда, въ *Hist. Belli Sveco-Moscovit.*, Georgius Claudii, Erlandus Beronis, Magnus Strijk), пріѣхали къ намъ въ исходѣ 1600 г., а меморіалъ свой вручили Боярамъ 16 Февр. 1601.

(53) См. тамъ же. — Карлъ 22 Апр. 1601 писалъ къ Борису, чтобы не держать Шведскихъ Пословъ въ Москвѣ безъ всякаго дѣла; въ письмѣ отъ 1 Окт. жалуется, что ихъ выслали неучтиво и безъ всякаго отвѣта на его грамоту; въ другомъ, отъ 16 Дек., упрекаетъ Царя нашими происками въ Эстоніи, и спрашиваетъ, хотимъ ли содержать вѣчный миръ съ Швеціею или нѣтъ? Карлъ въ Іюнѣ 1602 г. предлагалъ снова съѣхаться Посламъ на границѣ, а въ Маѣ 1604 г. требовалъ наказанія тѣхъ Россіянъ, которые нагло обидѣли Шведскихъ гонцевъ, распечатали его грамоту и въ дракѣ убили одного Шведа; въ противномъ случаѣ хотѣлъ искать управы силою. Однимъ словомъ, Борисъ до конца жизни своей не подтвердилъ Ѳеодорова мирнаго договора съ Швеціею. — Въ нашихъ Розрядн. Книгахъ 1601 г. уже дается Герцогу имя Короля Шведскаго, принятое имъ только въ 1604 году.

(54) Еще въ 1600 г. Борисъ хотѣлъ-было отправить въ Данію *Пословъ*, Князя Ѳед. Борятинскаго, Тимоѳея Грязнаго и Дьяка Ив. Максимова (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.); но раздумалъ (см. грамоты Борисовы къ Кольскимъ Воеводамъ въ 1601 г.). Въ Маѣ 1601 былъ у насъ Христіановъ гонецъ, требуя *опасной грамоты* для пріѣзда Датскихъ Пословъ; въ Авг. отплыли Ржевскій и Дмитріевъ изъ Архангельска въ Копенгагенъ; 18 Окт. Христіановы Послы, по нашимъ бумагамъ Эскиль Брокъ, Карлъ Бруксъ и Симонъ Силинпнъ (Salingen), пріѣхали въ Москву (см. Шлегел. Leben Christ. IV, стр. 301), а выѣхали въ 1602 году. Начальникъ Кольскій, Ѳед. Хлоповъ, въ 1601 г. спорилъ съ Норвежскими чиновниками о 110 ефимкахъ, коихъ они требовали съ нашихъ Лопарей.

(55) См. Датскія Архивскія извѣстія въ Бишинг. Histor. Magaz. VII, 317 — 319.

(56) Въ бумагахъ Посланника Ржевскаго: «Былъ въ Корелѣ и во всей Корельской земли большой Владѣтель, именемъ Валитъ, Варентъ тожъ, а послушна была Корела къ В. Новугороду съ Двинскою землею, и посаженикъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣнье отъ Новогородскихъ Посадниковъ, и какъ онъ ту Мурманскую землю учалъ войною приводити подъ свою власть, и Мурмане били челомъ Норвецкимъ Нѣмцомъ, чтобъ они по сосѣдству за нихъ стали... и отстояти (Нѣмцы) ихъ не могли, потому что онъ самъ собою былъ дороденъ, ратной человѣкъ и къ рати необычный охотникъ: то у него былъ большой промыслъ, что рать... и побивалъ Нѣмецъ, а въ Варенгѣ на побоищѣ Нѣмецкомъ, гдѣ Варенской лѣтней погостъ, на славу свою принесши съ берегу своими руками положилъ камень, въ вышину отъ земли есть и нынѣ больше косые сажени; а около его подалѣ выкладено каменьемъ кабы городовой окладъ въ 12 стѣнъ; а нazванъ у него былъ тотъ окладъ Вавилономъ. А въ Колѣ, гдѣ нынѣ острогъ, обложено было у него каменьемъ въ 12 стѣнъ тѣмъ же обычаемъ; и тотъ камень, что въ Варенгѣ, и по сей часъ словетъ Валитовъ камень; а что было въ Колѣ, то развалено, какъ острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазъ-рѣки, отъ Печенскіе губы по ту сторону верстъ съ 35, есть губа морская, вышла въ берегъ кругла, а середь ее островъ каменъ высокъ, кругомъ сверху ровенъ: тутъ у него для крѣпости и покоя за города мѣсто было... А какъ Валита не стало, а въ крещеньѣ ему было имя Василей, и положенъ въ Корелѣ на посадѣ,» и проч. Сіе преданіе узнали отъ Лапландскихъ старожиловъ въ 1592 году К. Звенигородскій и Васильчиковъ: см. Т. X, примѣч. 333. О крещеніи Лапландцевъ см. Т. VII, стр. 115, и примѣч. 371.

(57) См. Маллета Hist. de Dannem. кн. X, г. 1601.

(58) Въ лѣтописи сказано (см. *Никон. Лѣт.* VIII, 49), что Царь посылалъ сватомъ въ Данію Дьяка Аѳан. Власьева; но дипломатическія бумага свидѣтельствуютъ, что Власьевъ находился осенью и зимою 1601 года въ Литвѣ, возвратился въ Москву 30 Генв. 1602, принималъ тамъ Флорентійскаго Посланника въ концѣ Марта (см. ниже), а въ Іюнѣ выѣхалъ встрѣчать Герцога Іоанна: когда же могъ быть въ Даніи? развѣ на возвратномъ пути изъ Любека въ 1600 г., когда онъ (см. ниже) ѣздилъ въ Германію къ Императору? Власьевъ дѣйствительно былъ въ Даніи сватомъ, но уже около 1604 году (см. ниже, примѣч. 77).

(59) Сіе условіе намъ извѣстно по письму Іоанна, Герцога Шлезвигскаго, къ Королю Христіану: см. ниже, примѣч. 77.

(60) Салтыковъ и Власьевъ пишутъ къ Царю: Авг., Государь, въ 11 д., за часъ до свѣта, отпустили мы х' Королевичу судно большое, въ которомъ ему сидѣти; а на суднѣ здѣланъ чердакъ, изнутри подволоченъ до лавокъ бархатомъ червчатымъ, а отъ лавокъ до помосту сланъ ковры; а верхъ у чердака покрытъ сукномъ багрецомъ; а набои у судна и по набоемъ решетки покрыты красками розными — да 30 суденъ большихъ и середнихъ, на чемъ ѣхати Королевичевымъ людемъ, и обиходу и рухляди... И того же дни Королевичь на вашу, Государь, сторону пріѣхалъ; а мы стояли у берегу блиско вашего Государева шатра ... и какъ Королевичь вшелъ въ шатеръ, и велѣлъ намъ быть у себя... и спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ и билъ челомъ на вашемъ жалованьѣ... И подвезли возокъ, и Яганъ поѣхалъ въ большіе шатры, и помешкавъ немного въ шатрахъ, поѣхалъ въ Иваньгородъ; а шли напередъ Стрѣльцы пѣшіе, а за ними ѣхали Дворяне выборные, 100 человѣкъ; а за ними Королевичевы люди; а за ними Королевичь, а съ нимъ сидѣли въ возку 3 человѣка Королевскихъ Бояръ Думныхъ; а за Королевичемъ мы, холопи твои, полкомъ... И Королевичь насъ жалуетъ не по нашей мѣрѣ: противъ насъ встаетъ и витаетця (здравствуется), шляпку снявъ.» Ивангородской Воевода, К. Вас. Ростовскій, писалъ къ Царю: «Сказывалъ намъ толмачь Тишка: былъ-де онъ за рѣкою на Ругодивской сторонѣ и ему-де сказывалъ Староста Якушъ: какъ-де пришелъ Королевичь въ Иваньгородъ, и съ нимъ былъ братъ его родной большой, а имени-де ему не вѣдаетъ, и почевалъ, а на другой день былъ въ Ругодивѣ и пировалъ у Державца, и въ Ругодивѣ-де для того стрѣльба была... и поѣхалъ на море.» Если сіе извѣстіе справедливо, то Іоанна проводилъ до Россіи Ульрихъ, Епископъ Шверинскій. — Далѣе пишутъ Салтыковъ и Власьевъ: «Платьицо, Государь, на немъ (Іоаннѣ) было атласъ алъ, дѣлано съ копютелью по Нѣметцки; шляпка пуховая: на ней круживца, дѣлано золото да серебро съ копютелью; чюлочки шелкъ алъ, а башмачки сафьянъ синь.» Въ другомъ мѣстѣ: «А платьицо на немъ въ то время было атласъ желтъ съ кружевцомъ, шапочка вашего Государскаго жалованья третьего наряду, бархатъ синь, низана жемчюгомъ, околъ соболей, чюлочки шолкъ жолтъ... Спрашивалъ меня о вашемъ здоровьѣ, и язъ (Салтыковъ) сказалъ: *далъ Богъ, здоровъ; пошли молитись къ Живонач. Троицѣ, да и въ Колязинъ монастырь*... и Королевичь учинился радостенъ, и спрашиваетъ меня про ваше Царьское здоровье по вся дни... Пришли Королевичевы люди со всею рухлядью въ Новгородъ, а подводъ подъ ними шло 300, и отпускаетъ ихъ Королевичь въ судѣхъ... Крестьянуса Короля Послы говорятъ Королевичу, чтобъ онъ Русскіе обычаи перенималъ не вдругъ,» и проч. и проч. См. въ Архивѣ, между Датскими Дѣлами, отписки Салтыкова и Власьева о Герцогѣ Іоаннѣ; также Mußkowit. Reiſe und Einzug deß D. Fürſten, Hertzog Hanſen deß jüngern auß Dennemark, въ Бишинг. Magaz. VIII, 257: т. е. «Описаніе Іоаннова путешествія, пребыванія въ Москвѣ, болѣзни и смерти его, напечатанное въ Магдебургѣ въ 1604 году.» Въ Архивѣ Кол. И. Д. есть *Переводъ изъ печатныя книги о полученныхъ отъ Царя Бориса Ѳед. Дацкимъ Королевичемъ Яганомъ дорогихъ дарахъ*: это современный переводъ изъ сего Описанія, изданнаго по волѣ Короля Христіана. Тамъ сказано: «Дарилъ (Царь) его Княжескую милость на дорогѣ: «*платно*» (въ Нѣмецк. Rock.) «бархатъ золотной, а на немъ по семи запонъ (Geſchmücke) на сторонѣ; платно бархатъ золотной, шолкъ лазоревъ да желтъ съ *плащи* съ дорогими каменьи, по пяти каменей въ *плащъ* (Spangen, darein 5 Edelgeſteine)... платно *изуфь* зеленая (grün ſeiden Sammelotten-Rock) съ круживомъ (Poſamenten), 13 пуговицъ золотыхъ. ... Возокъ, 6 лошадей сѣрыхъ, шлеи червчатые; у возку желѣзо посеребрено; покрытъ лазоревымъ сафьяномъ, а въ немъ обито камкою пестрою; подушки въ немъ лазоревы и червчаты; а по сторонамъ писанъ золотомъ и розными красками; колеса и дышло крашены... Три лошади (верховыя): одна чюбара что рысь; сѣдло бархатное, шитое золотомъ; покровъ на немъ золотной, а снасть вся у сѣдла серебряная... Послѣ стола (въ Москвѣ) Его Величество, а послѣ того Царевичь, снявъ съ себя по дорогой чѣпи, полны сажены алмазы и яхонты, и клали на его Княжескую милость съ великою честію.»

(61) См. *Никон. Лѣт.* и Musskowit. Reise въ Бишингѣ 264. До Тушина Приставами у Герцога были К. Сем. Кропоткинъ и Ив. Сѣдаковъ, смѣненные тамъ К. Гр. Ромодановскимъ. У городскихъ воротъ встрѣчали Іоанна Бояринъ К. Вас. Вас. Голицынъ и Окольничіе Вас. Морозовъ и Петръ Ѳед. Басмановъ.

(62) Въ Musskowit. Reise 268: 100 Eſſen in Schüſſeln von lautern klarem Golde, gar groß und dicke; derſelben waren 200, dann ein jedes Eſſen hatte eine Deckſchüſſel.

(63) Въ *Написаніи о Царехъ Московскихъ* (*въ Русск. Достопамятн.* I, 174): «Царевна Ксенія, отроковица чюднаго домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалости слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣльною блисташе; бровми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію облиянна; возрастомъ ни высока, ни низка; власы имѣя черны, велики, аки трубы по плечамъ лежаху; воистинну во всѣхъ женахъ благочиннѣйша, и писанію книжному (искусна?), и многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, во всѣхъ дѣлехъ чредима; гласы воспѣваемыя любляше, и пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше.» — Въ Musskow. Reise 270: Es kann wohl ſeyn, daß ſie (Царица и Ксенія) am verborgenen Ort geſtanden und Ihr F. G. Auff- und Abzug angeſehen. Шлегель (Leben Chriſt. 314) пишетъ о *помолвкѣ* (Verlobung) въ тотъ же день; но *обрученія* не было, когда женихъ уѣхалъ не видавъ Ксеніи.

(64) См. Musskowit. Reise 270. Авторъ говоритъ, что карета Ѳеодорова походила на Нѣмецкія, *висячія*, hängenden; что верьхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шишками; что въ каретѣ Царицыной могли сидѣть три человѣка рядомъ; что шляпы Боярынь украшались золотыми пуговицами и кистями, висящими до плечъ, а сапожки на всѣхъ были желтые. О старыхъ всадникахъ: Es ritten für der Kaiſerinnen, etliche Glied drey bey einander, alte Menner,

derer mehrer Theil mit langen grawen Bärten, sonst wol staffieret.

(65) Въ Архивской бумагѣ о дарахъ (см. выше, примѣч. 60): «Постеля и бѣлье: 7 сорочекъ шитыхъ золотомъ и серебромъ; 5 паръ портовъ; 41 платокъ бѣлыхъ; постеля отласъ съ розными цвѣты; двѣ перины, да два зголовья, одно отласъ жолтой, а другое камка желтая; одѣяло бархатъ червчатъ; двѣ подушки отласные маленькіе; одѣяло золотное, исподъ соболей, опушено пухомъ.»

(66) Въ Степен. Кн. Латухина: «онъ же (Іоаннъ) восхотѣ *креститися.*»

(67) Въ Розрядн. Кн.: «Окт. въ 16 пріѣзжалъ къ Царю въ Братошино о здоровьѣ спрашивать да съ грамотою отъ Дацк. Королевича Дворянинъ Индрикъ.» Маржеретъ говоритъ, что Іоаннъ занемогъ отъ невоздержности, d'un excez, comme l'on tient.

(68) См. Musskowit. Reise 272. Царь, какъ пишетъ Авторъ, бранилъ переводчика, что онъ не хотѣлъ сказать ему правды о болѣзни Іоанновой. По одной Розрядной Книгѣ Іоаннъ умеръ 29 Окт. въ 3 часу ночи, по другой Окт. 27, во второмъ часу ночи, (въ надгробной надписи: septima hora vespertina) и прибавлено: «схоронили его въ Нѣмецкой слободѣ въ *Кукуѣ;* и Государь въ тѣ поры самъ былъ на Посольскомъ Дворѣ, и отпустя его, поѣхалъ съ Бояры отъ Посольскаго Двора въ городъ.»

(69) См. Musskowit. Reise 272 — 277. Въ надгробной надписи не сказано прямо, что Іоаннъ ѣхалъ въ Россію жениться, а только: ad Magnum Muscoviæ Imperatorem in re perquam seria se contulit, postquam ob præclares animi corporisque dotes ab eodem benigne amplexus, nec non summo cum populi applausu salvus et incolumis introductus erat... Ardenti febri correptus... et cum ingenti prædicti Imperatoris et subditorumque suorum luctu et planctu... in Christo obdormivit.

Въ 1614 г. еще хранилась въ нашемъ Архивѣ *связка челобитныхъ Дацкаго Королевича Ягана и Дворянъ его къ Царю Борису о всякихъ дѣлѣхъ.*

(70) Въ *Никон. Лѣт.*: «Дойде же до Царя Бориса, что его (Іоанна) любятъ всею землею; онъ же яростію наполнися и зависти, и чаяше того, что по смерти моей не посадятъ сына моего на Царство, и начатъ Королевича не любити и не пощади дочери своей, и повелѣ Семену Годунову, какъ бы надъ нимъ промыслити... Королевичь же впаде въ болѣзнь и посла по Дохтуровъ: Дохтуры же быша у того Боярина Семена въ приказѣ... и возвѣстиша Семену, яко можно ему пособити; онъ же на нихъ свирѣпымъ окомъ зряше, и ничего не проглаголаше; они же то видяху, яко негодно бысть, Королевичь же и умре не *крещенъ.*»

(71) Чрезъ Боярина Салтыкова и Дьяка Власьева, которые ѣхали съ Іоанномъ отъ Наровы до Москвы (см. выше).

(72) См. выше, примѣч. 60. Подъ заглавіемъ сказано: Durch einen der Wahrheit Liebhaber, dem Hochlöbl. Hauß Dennemarck und Hollstein zu sondern Ehren zusammen getragen.

(73) Въ Дѣлахъ Крымскихъ, 7 Ноября 1602: «А Государь Царь сидѣлъ» (принимая гонца Ханскаго) «въ полатѣ въ своемъ Царскомъ мѣстѣ, въ шубѣ бархатной въ *смирной* и въ *черной шапкѣ*, для того, что выѣхалъ былъ на Государево имя Дацкаго Короля братъ Яганъ Королевичь, а Государь хотѣлъ за него дать дочь свою, и Божіимъ судомъ Королевича не стало.» И Царевичь и весь Дворъ были въ одеждѣ печальной.

(74) См. Chron. Бера.

(75) См. Шлегеля Leben Chr. 315 и Chron. Бера.

(76) 7 Ноября, т. е. черезъ 10 дней по Іоанновой смерти, Борисъ принималъ гонца Ханскаго (см. выше, примѣч. 73).

(77) См. бумаги Копенгагенскаго Архива, напечатанныя въ Бишинг. Hist. Magaz. VII, 321. Герцогъ Шлезвигскій, Іоаннъ, отъ 6 Марта 1605 собственноручно писалъ къ Христіану изъ Зондербурга, что около того времени, какъ Гамбургъ присягнулъ ему (Королю) въ подданствѣ (въ 1603 г.), началося дѣло о сватовствѣ между ими и Царемъ Московскимъ; что Рос. Послы Michael Rönnon и Affinassa (*Михайло Глѣбовичь* Салтыковъ и Думный Дьякъ Аѳанасій Власьевъ?) предлагали сыну его, Фридерику, жениться на Царевнѣ Ксеніи, а послѣ Альберту, но что Іоаннъ убѣждалъ ихъ выбрать въ женихи третьяго сына его, Филиппа, который, *подобно Христіанову брату,* умершему женихомъ въ Москвѣ, охотно переселится въ Россію, гдѣ назначается Удѣлъ (mit Land und Leuten) для Ксеніина супруга; что Послы изъявили согласіе, но что съ того времени не было уже никакихъ вѣстей отъ Царя; что Іоаннъ молитъ Короля способствовать успѣху сего важнаго дѣла, скорѣе отправить въ Москву надежнаго Посла, и проч. Но Борисъ въ 1605 году уже не могъ думать о сватовствѣ!

Въ Архив. Переписной Книгѣ 1614 г. упоминается еще о Датскихъ Посланникахъ, Николаѣ Крагѣ и Клаусѣ, гонцѣ Борисѣ и Маркѣ Гесѣ, которые были въ Москвѣ около 1603 года.

(78) См. въ Дѣлахъ Цесарскаго Двора Статейный Списокъ Дьяка Аѳанасья Власьева. Тамъ, стр. 11: «а какъ ѣхалъ Аѳанасей къ городу (Гамбургу), и за городомъ версты за три и въ городѣ по улицамъ стояли многіе люди, и изъ города стрѣляли изъ наряду, и трубники играли.» Власьевъ пріѣхалъ къ Императору въ Октябрѣ, а возвратился уже лѣтомъ въ 1600 году.

(79) См. Т. X, 61.

(80) Въ донесеніи Власьева: «Цесарское Величество добрѣ скорбитъ, что Царское Величество хочетъ самъ своею персоною итти, чтобъ притча какая не учинилася.»

(81) См. Дѣла Крымскія сего времени.

(82) Въ Дѣлахъ Груэинскихъ 1604 года: «и ссылки межъ ихъ, Государей (Рудольфа и Бориса), частые, и противъ Турского Салтана Государь нашъ Рудольфу, Цесарю Римскому, *своею* Царскою *казною вспоможенье* учинилъ.»

Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ, что Борисъ послалъ къ Императору соболей и черныхъ лисицъ на нѣсколько тысячь рублей, и будто бы обязался дать ему 10,000 воиновъ въ помощь.

Австрійскія дѣла Борисова времени сожжены Поляками во время междоцарствія, а другія сгорѣли въ Московскій ужасный пожаръ 1626 года. Въ Архив. Переписной Книгѣ 1614 года упоминается о грамотахъ Рудольфовыхъ къ Царю, привезеныхъ гонцемъ Михайломъ *Шелемъ* (или Шилемъ) въ 1599 и 1601 годахъ, Посланникомъ Николаемъ *Варкочемъ* въ 1599, гонцемъ *Бальциремъ* въ 1603. Тамъ же упоминается о вторичномъ Посольствѣ Аѳанасія Власьева къ Императору около 1604 года. Въ письмахъ Рудольфовыхъ, которыя еще сохранились въ Архивѣ, именованы Посланники Австрійскіе Мих. Шель, Стефанъ *Какусъ* и Посолъ Баронъ Логау: первый былъ въ Москвѣ зимою 1601, вторый осенью 1602, а третій въ 1604 году.

Шиль (въ Нѣмецк. бумагахъ Schiele) еще и въ Сент. 1598 года пріѣзжалъ въ Москву съ Императорскою грамотою, въ коей Рудольфъ поздравлялъ Бориса съ восшествіемъ на престолъ. Мы уже ссылались на донесеніе Шилево, напечатанное въ Вихман. Sammlung kleiner Schriften. «11 Сент.» (пишетъ сей чиновникъ, Hoffdiener) «видѣ-

лись со мною главный Царскій Секретарь, Андрей Ивановичь и Нѣмец. Переводчикъ, Рейхартъ Бекманъ... и другой, Адольфъ Затлеръ... Канцлеръ Вас. Щелкаловъ хотѣлъ знать, есть ли со мною дары?... У меня было только двое боевыхъ часовъ: онъ похвалилъ ихъ, но сказалъ, что надобно тайно прибавить къ нимъ нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи изъ казны Государевой и поднести оныя Царю отъ имени Императора... хотѣлъ дать мнѣ еще и трехъ слугъ въ Нѣмецк. платьѣ, чтобы нести дары во дворецъ, вмѣстѣ съ двумя моими слугами; но, раздумавъ, сказалъ: *поднеси часы отъ себя, и довольно*... 14 Ноября Приставъ объявилъ мнѣ, что Государевы воины на голову побили Сибирскаго Царя, который въ бѣгствѣ утонулъ... Съ сею счастливою вѣстію самъ Государь былъ у сестры своей въ монастырѣ, и тамъ ночевалъ... Три дни звонили въ колокола... *Вице-Канцлеръ* Аѳанасій (Власьевъ) сказалъ мнѣ, что Царь въ знакъ особенной любви къ Императору приметъ меня не какъ гонца, а какъ Посланника... и что съ начала Россіи не бывало въ ней Вѣнценосца подобнаго Борису въ мудрости... Царь требовалъ въ Литвѣ опасной грамоты для проѣзда своихъ Пословъ къ Императору; но тамошніе Вельможи не дали ее, удивляясь, что онъ ссылается съ Государями столь отдаленными, а не хочетъ извѣстить сосѣда, Короля ихъ, о своемъ воцареніи. Борисъ велѣлъ сказать имъ: *не знаю, кто у васъ нынѣ Королемъ*... 6 Дек. я былъ представленъ Борису, еще первый въ его царствованіе, какъ мнѣ сказывали... и 23 Генв. выѣхалъ изъ Москвы, чтобъ возвратиться чрезъ Ливонію.»

Между Архивскими грамотами Рудольфа замѣтимъ Латинскую отъ 23 Мая 1600, привезенную Власьевымъ: Императоръ пишетъ, что не можетъ отвѣтствовать на *тайное* порученіе сего Дьяка, пока Царь не изъяснится откровеннѣе; что въ такомъ случаѣ онъ (Рудольфъ) спроситъ у своихъ братьевъ, Эрцгерцоговъ, объ ихъ расположеніи, и немедленно будетъ отвѣчать Борису, или грамотою въ цыфрахъ или словесно чрезъ Посла нарочнаго. Дѣло шло, кажется, о сватовствѣ: вѣроятно, что Борисъ хотѣлъ выдать Ксенію за Эрцгерцога; но не знаемъ вѣрно — и сіе предложеніе (если оно было сдѣлано) не имѣло никакого слѣдствія.

(83) Шиль и Какусъ. Императоръ писалъ къ Борису, чтобы онъ дозволилъ имъ ѣхать изъ Москвы въ Персію (см. въ Архивѣ Рудольфовы грамоты 1602 года).

(84) Въ отпискѣ къ Царю изъ Колмогоръ отъ 12 Авг. 1600 (см. въ Архивѣ Англ. Дѣла): «Иванъ, Государь, Чепчюговъ да Гр. Елизаровъ (Приставы), съ Кызылбашскимъ Посланникомъ съ Исеналѣемъ и съ Агличаниномъ съ Донъ-Онтономъ пришли на Колмогоры Іюня во 2 день, а къ Архангельскому Іюня въ 23, а отъ Архангельскаго города, отъ корабленой пристани, Кызылбашскаго Посланника Исеналѣя да Агл. Донъ-Онтона съ Дворяны и съ людми на кораблѣ за море отпустили Іюля въ 9; а нанялъ, Государь, подъ нихъ тотъ корабль Иванъ Ульяновъ да Рыцарь Юрьевъ (Англичане) у Галанскихъ у торговыхъ Нѣмецъ.» Отъ Шаха Аббаса въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Посолъ Перхулы-Бекъ, съ коимъ (въ Сентябрѣ) отправились въ Персію Намѣстникъ Шацкій К. Александръ Ѳед. Засѣкинъ, Дворянинъ *Темиръ* Вас. Засѣцкій и Дьякъ Ив. Шараповъ, имѣя для заключенія союза примѣрную грамоту такого содержанія: «Быть Царю и Шаху на всѣхъ недруговъ за-одинъ; Посламъ и купцамъ ѣздить свободно изъ Россіи въ Персію, изъ Персіи въ Россію; не вводить новыхъ торговыхъ пошлинъ,» и проч. Царь и Царевичь послали въ даръ Аббасу скарлатныя однорядки съ кружевомъ, нѣсколько кречетовъ, соболей, черныхъ лисицъ, 7 костей рыбьяго зубу, панцырь, 2 самопала, *порошницу* Нѣмецкую *съ наводомъ*, боевые часы, да по желанію Шахову медвѣдя-гонца, двухъ собакъ борзыхъ и двухъ *Меделенскихъ* (Миланскихъ), 200 ведръ вина (изъ Казани), два куба винные съ трубами, крышками и таганами. Въ наставленіи К. Засѣкину сказано: «Будетъ Шаховы ближніе люди учнутъ говорити что о Шевкалѣ и о Косійскомъ городѣ... и К. Александру съ товарищи говорити: В. Государь нашъ для любви брата своего, Шахова Величества, городъ съ Койсы снести велитъ; а Аббасъ-Шахово бъ Величество къ Шевкалу послалъ, чтобъ онъ исправился, прежніе свои неправды покрылъ правдою, и въ винахъ своихъ добилъ челомъ В. Государю нашему, и былъ бы со всею землею въ жалованьѣ у Его Царск. Величества крѣпко и неподвижно... А нѣчто по грѣхомъ принесетъ васъ подъ Турской городъ подъ Дербентъ, или на морѣ васъ возмутъ Турскіе люди, и вы наказъ и грамоты, изготовя тайно, съ каменемъ вкиньте въ воду.» Сіе Посольство возвратилось въ 1603 году.

(85) Въ Дѣлахъ Цесар. Двора г. 1604: «Прислалъ Шахъ къ Вел. Государю нашему мѣсто Царьское золото съ лалы и съ яхонты и съ инымъ дорогимъ каменьемъ прежнихъ великихъ Государей Перситцкихъ.» Статейный списокъ Лачинъ-Бекова (равно какъ и Перкулы-Бекова) Посольства утратился. Въ Розрядн. Кн. сказано, что сей Вельможа въѣхалъ въ Москву 28 Авг., и былъ представленъ 3 Сентября.

(86) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ Грузинск. Пословъ, Князя Сулеймана и Дьяка Леона въ Мартѣ 1599. Въ Іюнѣ сего года возвратились въ Москву изъ Грузіи Посланники Козма Совинъ и Андрей Полухановъ, отправленные еще въ 1596 году. Въ донесеніи ихъ между прочимъ сказано: «Въ 104 (1596) году приходилъ въ Грузи къ Александру Царю отъ Абасъ-Шаха Посолъ, чтобъ Царь далъ дочь свою за Шаха, и многую казну прислалъ; и Царь дочери не далъ, а далъ ее за Дадьянского Князя, и казну Шахову за дочерью далъ, а къ Шаху писалъ, что дочь его сговорена прежде той присылки... Да въ 105 г. Шахъ прислалъ другова Посла къ Царю, съ грозою великою, чтобъ онъ выбралъ изъ своего роду лучшую дѣвку и прислалъ къ нему ... и Александръ послалъ къ Шаху племянницу жены своей.»

(87) См. Т. X, стр. 113. Иванъ Аѳан. Нащокинъ и Подъячій Леонтьевъ отправлены въ Іюлѣ 1601.

(88) См. въ бумагахъ Посла Александрова, Архимандрита Кирилла, пріѣхавшаго въ исходѣ 1603 года, вмѣстѣ съ Нащокинымъ и Леонтьевымъ. Кириллъ разсказывалъ: «Царь Александръ былъ боленъ огневою, и лежалъ за-мертво 3 дни, и Царевичи Давидъ и Юрій о Государьствѣ межъ себя учали говорить... и помирились, и далъ Давидъ Юрью Удѣлъ, а самъ сѣлъ на Царьствѣ, и многіе люди говорили Юрію, чтобъ убить Давида, и Юрій отказалъ, что крестного цѣлованья преступить не хочетъ; а Давидъ пришелъ къ отцу, и ухватясь за ногу, говорилъ, что онъ передъ нимъ виноватъ ... и учали измѣнники говорить ему: птица-де летаетъ по воздуху, и коли ее поимаешь, и она въ рукахъ; а какъ изъ рукъ выпустишь, и тогды ее не увидишь; а то-де Царьство тебѣ Богъ далъ... и Давидъ послалъ къ отцу, чтобъ прислалъ къ нему знамя Царьское, и шапку и саблю съ поясомъ: то у нихъ въ обычаѣ велетца вмѣсто Царьского вѣнча... а мыслилъ то: только отецъ тое чести къ нему не пришлетъ, и онъ хотѣлъ его удавить ... а Юрья скова, и послалъ въ заточенье... и

былъ на Государьствѣ съ годъ; отцу тѣсноты чинилъ гладомъ и наготою... и убилъ ближнихъ людей 17 человѣкъ: иныхъ велѣлъ метать съ высокихъ стѣнъ... и въ церкви ближнему человѣку, Сторозану, голову отсѣчь... и Царь Александръ прибѣжалъ въ церковь Богоматери... и Давида проклялъ; и съ того времени Давидъ учалъ быть боленъ: пришла опухоль, и въ 7 день розсѣлся: утроба вывалилась,» и проч.

(89) Нащокинъ, не доѣхавъ до Москвы, умеръ. Леонтьева посадили въ темницу. Они сердились на Александра за худое угощеніе и за дары скудные.

(90) Слова Кирилловы: «Городище Тарки въ Кумыцкой землѣ, отъ морсково берегу версты съ двѣ; изстари городъ бывалъ каменной: стоитъ на горѣ; г та гора отошла отъ большихъ горъ къ морю жребнемъ, и по ней лѣсъ большой, а верхъ ее сантенъ съ 30, и тамъ стоитъ башня каменная, и съ тое башни можно очищать изъ наряду до моря и на всѣ стороны; а съ одной стороны у той горы отъ моря заломъ каменной самородной: а подъ заломомъ внизу, отъ верху саженъ съ 20, стоитъ на той же горѣ дворъ Шевкаловъ, полаты каменные и избы; да туто жъ съ одново края, позади Шевкалова двора, башня другая каменная, да городище старое: съ дву сторонъ горы стѣна была каменная; и для крѣпости къ тѣмъ старымъ башнямъ по старому городищу изнова съ дву сторонъ дѣлати стѣна каменная или деревянная; а камени туто добрѣ много, и известной камень есть же; а лѣсъ дубъ и всякой погожей отъ Тарковъ съ версту. А ниже Шевкалова двора, на самомъ низу, мечеть каменная; да тутожъ дворовъ чорныхъ съ 300, и живутъ пашенные люди не съѣзжая; а воинскіе люди приходятъ отъ Шевкала временемъ, какъ хлѣбъ поспѣетъ, и они его хоронятъ по ямомъ и по горамъ, и блюдутца приходу людей Государевыхъ съ Койсы... Ключевые родники на горѣ и подъ заломомъ многіе, и воды добрѣ здоровы; а на ключахъ мельницы. А отъ Косинского острогу до Тарковъ 15 верстъ; а отъ Койсы до Терки 3 днища; а отъ Тарковъ дорога въ Грузинскую землю въ Загемъ прямо черезъ горы, а ходятъ на лошадехъ съ вьюки... а тою дорогою отъ Тарковъ до Таркаловъ полднища, а отъ Таркаловъ до Кафыръ-Кумыковъ полднища, а отъ Кафыръ-Кумыковъ до Казы-Кумыковъ днище, а отъ Казы-Кумыковъ до Грузинскіе земли и до Загема 2 днища. А Шевкалъ и дѣти его живутъ больши въ Казы-Кумыкѣхъ въ горахъ, подалѣ отъ Русскихъ городовъ, а мѣста крѣпкіе; а только Государевы люди его тамъ найдутъ, и ему только бѣжать въ Шамаху и въ Баку къ Турскому; а въ Дербень не пойдетъ, потому что тотъ городъ не крѣпокъ и безлюденъ. — А другой городъ ставити у озера у соленово, зовутъ Бузлыкъ; около того озера верстъ съ 20, а отъ Тарковъ съ 5; а соли много, и лѣсу, и пашни, и травы, и воды ключевые... а около мѣста ровные, и опричь того мѣста во всѣхъ горахъ соли нѣтъ; и Шевкалу будетъ утѣсненье великo. — А третье мѣсто городище старое на горѣ, надъ рѣкою Буйнакомъ, отъ Тарковъ днище; а на томъ городищѣ стѣны и башни и нынѣ есть; а мѣрою городище въ длину и поперегъ саженъ по 300; а бывалъ тотъ городъ поставленья Олександра Царя Макидонскаго; и около села и деревни многіе, и винограду, и пашни, и лѣсу много... и рѣкою можно ходить до моря... и тутъ прилегло двѣ дороги, къ Дербени и въ Шамаху и въ Баку.»

(91) Въ Статейномъ Спискѣ Татищева (см. ниже): «а сталъ нынѣшній подъемъ, опричь ратныхъ людей, больши трехъ сотъ тысячь рублевъ.» Всѣ слѣдующія подробности взяты изъ донесеній Татищева, съ коимъ ѣздилъ въ Грузію Дьякъ Андрей Ивановъ.

(92) «Чтобъ вы, Вел. Государь, всю Грузинскую землю пожаловали, велѣли поставить въ ней городъ или два, избравъ мѣста для большаго укрѣпленія, и своихъ людей въ нихъ посадили... а нашихъ-де людей (Грузинскихъ) тысечь съ дватцать будетъ на аргамацѣхъ и въ доспѣхахъ; и на насъ-де Турской и Кизылбашской взозрить не посмѣютъ.» Татищевъ взялъ новую присягу съ Юрія и народа въ Генв. 1605.

(93) См. Т. X, стр. 112. Александръ съ Константиномъ пріѣхали въ Загемъ 8 Марта 1605; черезъ 4 дни убили перваго.

(94) Въ донесеніи Татищева: «и сказывали Посломъ Грузинскіе люди, которые были у Шаха со Александромъ, что Александра и Юрья велѣлъ Шахъ убить за то, что-де они ссылались съ Турскимъ; а иное-де и за то, что онъ (Александръ) отъ Шаха отставъ, почелъ быть въ Государевѣ жалованьѣ, подъ его рукою; а изстари Грузинскіе Государи бывали подъ Шаховою рукою.»

(95) См. выше, стр. 33. О Тамари см. Т. III, стр. 83. — Татищевъ въѣхалъ въ Карталинію 15 Апрѣля.

(96) Въ такомъ смыслѣ сносились Іоаннъ и Ѳеодоръ съ Султанами.

(97) Терская крѣпость была построена на Тюменскомъ городищѣ, близъ устья рѣки Терека (см. Больш. Чертежъ 98), и называлась *Терскимъ городомъ* или *городомъ на Теркѣ*.

(98) См. Степен. Кн. Латухина, гдѣ всѣ главныя обстоятельства описаны согласно съ донесеніемъ Татищева, и лучше. Тамъ сказано: «Егда же приближися весна, собрашася Кумыцкіе люди, Шевкалъ и Кримъ-Шевкалъ... съ ними же Турской Паша изъ Шамахи... и осадиша Койсу и начаша ко граду земляную гору подводити, чтобъ тою горою въ градъ войти... Оттуда пріидоша подъ Тарки... и къ вышкѣ каменной древяную гору наметали и подкопъ подъ нее подвели, и зеліемъ вышку взорвало... Кумычане же и Турчане начаша изъ ручныхъ *турокъ* въ городъ стрѣляти и людей множество убивати... Былъ Паша у Окольничего въ шатрахъ, пировалъ... И учиниша между собою повольной торгъ,» и проч. Кромѣ Ив. М. Бутурлина, его сына Ѳеодора, Ив. Полева, Осипа Плещеева съ сыновьями Богданомъ и Львомъ, убиты Писменные Головы Калинникъ Зюзинъ, Демидъ Черемисиновъ, Иванъ Исуповъ, Сотникъ Ив. Мановъ и проч.; кромѣ К. Вл. Ив. Бахтѣярова, взяли въ полонъ Петра Ив. Бутурлина съ двумя Головами, Аѳ. Благимъ и Смирновымъ-Маматовымъ. Въ *Никон. Лѣт.*: «Сій же окаянный Смирной у нихъ обусурманися... Всѣхъ побиша на томъ бою больши 7000, окромѣ Боярскихъ людей. Товарищъ же ихъ, К. Владим. Мосальской, отойде не съ великими людьми и пойде на Койсу къ запасомъ; а Петръ Головинъ тутъ стояше, дожидаясь присылки отъ нихъ; а въ тѣ поры на Койсѣ Воевода К. Волод. Долгорукій. Воеводы же... Койсу сожгоша, и сами отыдоша на Терекъ. Тогожъ К. Володимера (Мосальскаго?) съ товарищи взяша у Царя Турскаго въ Кафѣ въ тюрмѣ сѣдяща; а К. Володиміра (Бахтѣярова?) съ товарищи пожаловалъ (кто? Султанъ?), отпустилъ ихъ на Терекъ; тово жъ бусурмана Смирново, свѣдавъ, что онъ обусурманился, повелѣ (кто?) ему дати разныя муки; а напослѣди же ево окаянново велѣлъ обдати нефтью и повелѣ зажечь; тутъ окаянный и скончася.»

(99) Татищевъ возвратился въ Москву 5 Ноября 1605, уже при Димитріи Самозванцѣ.

(100) См. въ Архивѣ бумаги объ отпускѣ гостя Англ. *Фрянчика Чарея* (Francis Cherry) въ Дек. 1598. Поздравляя Бориса съ восшествіемъ на престолъ, Елисавета писала: «радуемся, что нашъ доброхотъ учинился на такомъ преславномъ Государствѣ по избранію всего народа Великимъ Государемъ.»

(101) Въ Статейномъ Спискѣ Послан. Григорья Микулина и Подъячаго Ив. Зиновьева, л. 4: «И тогожъ дни (Сент. 18) Григорей и Ивашко изъ карабля высѣли подъ городкомъ подъ Гравзендемъ, и встрѣтили ихъ у судовъ того городка приказной человѣкъ, а съ нимъ посадцкихъ людей человѣкъ съ 200; а въ тѣ поры изъ городка и изъ караблей стрѣляли изъ пушекъ... И пріѣхалъ къ Григорью въ Гравзендъ Королевнинъ Дворянинъ и Воевода Хибирской (Ирландскій) Князь Ульянъ Розсѣй... и витались за руки, и говорилъ Князь Ульянъ отъ Королевны рѣчь, снявъ шляпу... а Королевны въ Лундѣ нѣтъ: живетъ въ селѣхъ своихъ, отъ Лунды верстъ съ 20... и сѣли со К. Ульяномъ въ суды вмѣстѣ, а шелъ К. Ульянъ съ лѣвые руки, и говорилъ: въ томъ-де мѣстѣ, гдѣ вамъ вытти изъ судовъ, приставаетъ Государыня наша Елисаветъ Королевна, а опричь нихто... а велѣла васъ встрѣтить ближнему своему человѣку Дворовому Воеводѣ, Лордъ-Харберту Пенброку... А какъ вышли изъ судовъ, и встрѣтили Григорья Воевода Лордъ Пенброкъ, а съ нимъ Князи и Дворяне и Алдерманы и гости на жеребцѣхъ, въ нарядѣ и золотыхъ чепяхъ, человѣкъ съ 300... да Королевниныхъ Дробантовъ человѣкъ до 100 съ рогатинами золочеными и съ корды въ скорлатномъ въ червчатомъ платьѣ, а на платьѣ шиты Королевнины печати золотомъ... и Королевна прислала подъ Григорья и подъ Ивашка свои *кочи;* а сидѣлъ Григорей въ большомъ мѣстѣ, а противъ Лордъ Пенброкъ, а въ дверцѣхъ съ правые стороны У. Розсѣй, а съ лѣвую гость Ив. Ульяновъ; а въ другой кочѣ Подъячій Ивашко... а Князи и Дворяне ѣхали *верхи* передъ кочами и по сторонамъ... и говорилъ Л. Пенброкъ: Государыня наша велѣла про васъ ѣсти готовить своимъ поваромъ; а впередъ какъ похотите, Королевниныхъ или своимъ... А какъ въѣхали въ посадъ въ Лунду, съ города и съ караблей стрѣляли изо многово наряду; а городъ Лунда *Вышегородъ* (замокъ, Tower) каменъ не великъ, а около его воды обводные; а большой городъ стѣна камена жь, стоитъ на ровномъ мѣстѣ, около его версты съ 4; а черезъ рѣку Темзь межъ посадовъ мостъ каменъ, а на мосту устроены домы каменые и лавки.»

(102) «Со многими-де у меня съ Великими Крестьянскими Государи братцкая любовь, а ни съ которымъ такіе любви нѣтъ, что съ Вел. Государемъ вашимъ... велѣла вамъ сегодни (6 Генв.) на праздникъ у себя хлѣба ѣсти, а иду я къ обѣднѣ, и вы подите посмотрите нашихъ чиновъ... И велѣла Григорью итти передъ собою... и на выходѣ въ сѣнехъ ударилъ челомъ Королевнѣ Италіанскіе земли Флоренской Удѣльной Князь, а Французскому Королю шуринъ, и Королевна звала его хлѣба ѣсти; а сказали приставы, за столомъ-де ему у Королевны съ вами вмѣстѣ не сидѣти, а ѣсти-де ему въ другой полатѣ съ Бояры... Пришла Королевна въ столовую полату, и сѣла за столъ, а Григорья и Ивашка и переводчика Ондрея велѣла посадити за особнымъ столомъ у себя по лѣвую руку... а Бояре и Дворяне всѣ стояли, а не сидѣлъ ни одинъ... И какъ столъ отшелъ, и Королевна почала умывать руки, и умывъ, велѣла серебряникъ съ водою поднести Григорью; и Григорей на жалованьѣ челомъ билъ, а рукъ не умывалъ, и говорилъ: Вел. Государь нашъ Королевну зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не пригодитца... и Королевна почала быти весела, и Григорью то похвалила, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ.»

(103) Слова Елисаветы въ письмѣ отъ 16 Мая: Uppon an occasion of some rebellious attemptes against the peace of our governement, happing at his being here, was readye to have come forthe and to have putt hymselfe in danger against the undertakers thereof. — Микулинъ возвратился въ Іюлѣ 1601.

(104) Ли (Lee, а не Lea) пріѣхалъ въ концѣ 1600, а выѣхалъ въ Апр. 1601. Хваля Бориса, Ли говоритъ, что онъ «не такъ, какъ иные: только держатъ имя Хрестьянскихъ Государей, а ищутъ проливати кровь и разоряти другъ друга, а не такъ, какъ быти въ добромъ миру и въ соединеньѣ противъ Бусурманина Турка и невѣрнаго Папы; а онъ (Папа) таковъ же, какъ Турокъ или пуще.» См. въ Архивѣ бумаги Ліева Посольства. Елисавета писала еще къ Борису съ Мерикомъ и съ другими купцами. Между бумагами Британскаго Музея, присланными къ Графу Н. П. Румянцову, есть письмо Борисово, въ Англійскомъ переводѣ, къ Елисаветѣ, писанное въ Апрѣлѣ 1603 года, о невѣстѣ, ею предложенной. Царь отвѣчалъ: Your Highness made knowne unto us, that amongst others you have made choise of a young Lady, being a pure maden, nobly descended by father and mother, adorned with graces and extraordinary guifts of nature, about eleven yeares of age, of whom you make an offer unto us, that if it be the pleasure of God to encline the hearts of the two young coople to like one of the other, all circumstances shall be accomodated on your part... But your Majestie hath therin not written unto us of that worthee Lady, what she is, whether she is of your Highness blood, descended of your Royal race, by yuor father or mother, or from some other Archiduke or Duke (т. е., Борисъ хотѣлъ знать, происходитъ ли невѣста отъ одного рода съ Елисаветою, или отъ какого инаго Эрцгерцога или Герцога).

Изъ Прибавленій въ концѣ сего XI тома издан. 1824 года:

Королева Елисавета еще въ 1601 году, 17 Сент., писала къ Борису, что она — свѣдавъ о намѣреніи Царя искать невѣсты и жениха для дѣтей своихъ между юными Принцами и Принцессами Европейскими, особенно Австрійскаго Дома (см. выше, примѣч. 82) — хотѣла предложить въ невѣсты для его сына одну изъ дочерей знаменитаго Графа Дарби, ея родственника (of our cosen, the Earle of Darbie, being of our blood royall), но, къ сожалѣнію, узнала о неравенствѣ лѣтъ (ибо Царевичу Ѳеодору было тогда 13, а младшей Графинѣ Дарби 18 лѣтъ); что она (Елисавета) съ радостію отдала бы за Борисова сына не только родственницу, но и собственную дочь, если бы имѣла ее (if we had any one of our own blood, nay of our owne bodie), любя Царя, и слыша о добрыхъ качествахъ Ѳеодора. «Но» — пишетъ Елисавета — «Богу, держащему въ рукѣ сердца Государей, не угодно было вселить въ меня склонности къ супружеству: о чемъ жалѣю не для себя, а для своего народа, видя, какъ онъ хотѣлъ бы имѣть наслѣдниковъ отъ моей крови, чтобы повиноваться имъ съ любовію, для свободы и благоденствія отечества.» Далѣе хитрая Елисавета, съ оговорками и съ лестію, предостерегаетъ Бориса отъ связи съ тѣми Государями, которые думаютъ единственно о своихъ особенныхъ выгодахъ, не умѣя искренно любить его, и которые, замышлявъ погу-

бить Англію, невольно способствовали ея величію. (См. бумаги Британскаго Музея).

(105) Іаковъ еще до восшествія своего на престолъ Англіи хотѣлъ быть въ сношеніи съ Россіею. Въ бумагахъ Микулина: «Апр. въ 12 приходили къ Григорію (въ Лондонѣ) отъ Посла Шкотцкого Короля 3 человѣка, люди его, и правили поклонъ, и говорили: Посолъ-де Эрль Бодвель велѣлъ тебѣ говорити, чтобъ-де для любви мнѣ съ вами видѣтца... И Григорій говорилъ: будетъ похочетъ, и онъ бы къ намъ ѣхалъ, а мы его пріѣзду ради. И послѣ того сказывали Григорію, что приходилъ-де къ тебѣ самъ Посолъ, а назвался своимъ человѣкомъ... И Маія въ 7 пріѣхалъ къ Григорію Посолъ Эрль Бодвель, а съ нимъ Королевскихъ Дворянъ 6 человѣкъ, да людей съ 50... и вшедъ въ полату, учелъ говорити, снявъ шляпу: пріѣхалъ-де есми къ вамъ для любви и за свою вину бити челомъ, что есми приходилъ къ вамъ простымъ обычаемъ, хотя васъ видѣти... А нѣчто бъ-де далъ Богъ впередъ, чтобъ межъ Вел. Государемъ вашимъ и Якубомъ Королемъ намъ любительную ссылку и дружбу видѣти.»

(106) Дары Королевскіе: «возокъ поволоченъ бархатомъ червчатымъ; 2 сулеи серебряны золочены; сосудъ хрустальной, обдѣланъ золотомъ; лахань да рукомойникъ серебряные золочены; 2 столы серебряные золочены; кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрышкою; поставъ сукна скарлату; 4 поставы суконъ розными цвѣты.» См. въ Архивѣ бумаги Смитова Посольства.

Въ Мильтон. History of Moscovia сказано, что Борисъ, отпустивъ Смита, послалъ ему на домъ къ обѣду 300 блюдъ рыбы (ибо день былъ постный) удивительной величины и чрезвычайно вкусной (of such strangeness, greatness and goodness as scarce would be credible to report).

(107) См. Hansische Chron. III, 122, въ Мил. Samml. V, 164, и въ нашемъ Архивѣ бумаги *о пріѣздѣ Любскихъ и иныхъ поморскихъ вольныхъ городовъ Пословъ*: Любск. Бургомистра Гермерса, Ратсгера Генр. Керкринга, Секретаря І. Брамбаха, и двухъ Стральзундскихъ Ратсгеровъ, Ник. Диниса и І. Штиленберга. Въ бумагахъ упоминается о 72 городахъ, но именуется только 59. — Шведскій Правитель Карлъ, жалуясь, что Ганза даетъ корабли Сигизмунду, просилъ Царя о задержаніи купцевъ ея въ Россіи со всѣми ихъ товарами: для того еще въ 1600 году Любскіе Бургомистры присылали въ Москву купца Меера, убѣждая Бориса не вѣрить клеветамъ Герцога Карла и возвратить товары Нѣмецкихъ гостей, остановленныя въ Иванѣгородѣ и Псковѣ. Мееръ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ и взялъ у Царя *опасную грамоту* для сего Ганзейскаго Посольства.

(108) Бояре 12 Апр. объявили Посламъ, что Государь не можетъ уступить пошлины Ганзейскимъ купцамъ; а 26 Мая сказали: «Всѣхъ Государствъ съ торговыхъ людей въ Вел. Государя нашего Государствахъ пошлину емлютъ... и Любскимъ торговымъ людемъ также было пошлина платити; да Вел. Государь нашъ и сынъ его Любскихъ Бурмистровъ и Ратмановъ и Полатниковъ пожаловали, съ ихъ торговыхъ людей велѣли пошлины имати передъ иными иноземцы в' полы, а другой половины таможные пошлины съ товаровъ ихъ имати не велитъ.» Такъ и въ Hansische Chron. III, 171. Послы выѣхали изъ Москвы 11 Іюня, изъ Новагорода 30 того же мѣсяца, а изъ Пскова 8 Іюля.

(109) См. въ Архивѣ г. 1604 — 1605 отписки изъ Колмогоръ о приходѣ иноземныхъ кораблей.

(110) См. въ *Никон. Лѣт.* VIII, 48, Розрядн. Книги и въ Архивѣ Кол. И. Д. грамоту Рудольфову къ Борису отъ 2 Іюня 1601, о пропускѣ въ Персію чрезъ Россію Папскихъ Нунціевъ, Ф. Косты и Дидака Миранда.

(111) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ въ Москву сего Флорент. чиновника. Въ 1600 г. Борисъ посылалъ какого-то Берента Хепера во Флоренцію моремъ, черезъ Архангельскъ и Голландію: онъ былъ у Герцога Тосканскаго и сказалъ ему, что Борисъ желаетъ имѣть у себя искусныхъ Медиковъ и всякихъ *мудрыхъ ремесленниковъ* (см. тамъ же).

(112) Въ Дѣлахъ Цесарскаго Двора г. 1604: «какъ Вел. Государь нашъ (говорятъ Бояре) учинился на Вел. Государствахъ Россійского Царьствія, и Государь нашъ къ нему (Султану) ни о чемъ не писывалъ, и отъ Турского Магметъ-Салтана присылка къ его Царск. Величеству также ни какова не бывала.» Слѣдственно и Петрей и Пасторъ Беръ говорятъ несправедливо, что около 1602 года былъ въ Москвѣ Посланникъ или Гонецъ Султанскій съ дарами и съ предложеніемъ дружбы, но что Царь выслалъ его съ безчестіемъ: не взялъ даровъ, и вмѣсто шубы послалъ Султану свиную шкуру съ парчевымъ мѣшкомъ, наполненнымъ нечистотою (salvo honore, mit Schweinsdreck gefüllet). Умный Борисъ не могъ дозволить себѣ такого дѣла.

(113) Въ грамотѣ 8 Февр. 1603: «Мы, Вел. Государь... и нашего Царск. Величества сынъ, Вел. Государь Царевичь, пожаловали есмя Св. Горы Аѳони Введенія Преч. Богородицы Хилондаря монастыря Св. Савы и Семіона Архим. Антонія, что билъ челомъ съ братьею, а сказали: въ прежнихъ лѣтѣхъ даны имъ жалованные грамоты блаженные памяти Вел. Госуд. Царя и В. К. Ивана Васильевича... и сына его, В. Г. Царя и В. К. Ѳеодора Ив., что пожаловали ихъ въ вѣчной помянокъ въ царств. градѣ Москвѣ на пріѣздъ дворомъ со всѣми потребными хоромами *въ Китаѣ-городѣ у Богоявленского монастыря*... и мы тожъ пожаловали,» и проч. — См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ къ намъ Греческихъ Святителей, Архимандритовъ, Старцевъ, — грамоту Іерусалим. Патріарха Софронія, поздравительную съ избраніемъ Бориса на Рос. Царство, и другія. Въ 1604 г. выѣхалъ къ намъ знатный Грекъ Христофоръ Аркалонскій, чтобы служить Царю. Между Австр. грамотами есть одна (отъ 8 Авг. 1603), въ коей Имп. Рудольфъ проситъ Бориса быть милостивымъ къ Терновскому (Болгарскому) Архіепископу Діонисію Палеологу, который ѣхалъ въ Россію.

(114) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 40.

(115) См. въ Архивѣ Дѣла Ногайск. г. 1601 — 1604, о посылкѣ Окольничаго Степ. Голунова въ Астрахань и проч.

(116) См. Ногайск. Дѣла г. 1604; см. также, для сравненія, Т. VII, стр. 139. Ногаи и въ Василіево время раздѣлялись на три Улуса: имя *Шидака* есть безъ сомнѣнія одно *съ Шейдяковымъ*, о коемъ упоминается въ Ногайск. бумагахъ 1604 г.; а Князь, названный въ запискахъ Герберштейна *Кошумомъ*, не есть ли *Казый?*

Царь чрезъ Степана Годунова объявилъ всѣмъ Улуснымъ людямъ: «Пожаловали мы васъ, для нынѣшніе вашіе скудости, съ вашихъ базаровъ, какъ учнете торговати въ нашей Царской отчинѣ, въ Асторохани, съ вашихъ лошадей и съ товаровъ нашихъ Царскихъ пошлинъ на нынѣшней годъ имати не велѣли есмя, и жити бъ вамъ подъ нашею высокою рукою въ тишинѣ и въ покоѣ, и Улусы бъ свои полнили по прежнему.»

(117) *Въ Собран. Государств. Грамотъ.* II, 153: «Божіею милостію Мы, Вел. Государь... и сынъ нашъ... для отца своего, Іева Патріарха... что поминалъ намъ и грамоту жалованную блаженные памяти Государя Ив. Вас. положилъ ветху, какова была дана Аѳонасію Митрополиту... и намъ бы

та грамота велѣти переписати на свое имя... Бояре наши и Намѣстники... его Патріаршихъ монастырей Архимандритовъ и Игуменовъ и Священниковъ и Старцовъ, и всякихъ его Приказныхъ людей, и Дѣтей Боярскихъ, и ихъ людей и Патріарховыхъ крестьянъ, и монастырей его слугъ и крестьянъ... и у которыхъ Патріаршихъ людей будутъ отчины и купли... и тѣхъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что... Тѣ крестьяне Намѣстнича и Волостелина двора не дѣлаютъ, и съ тяглыми людми ни въ которые проторы не тянутъ, и сѣнъ нашихъ не косятъ, и закосного, и лугового, и тукового, и подымново, и поворотново, и въ воры на лоси, и на медвѣжьи, и на волчьи, и на лисьи поля не ходятъ; а ловчіе наши къ нимъ не въѣзжаютъ... и никоторыхъ поборовъ не емлютъ. А кому будетъ искати на нихъ... и они посылаютъ отца нашего, Іева Патріарха, Недѣльщиковъ; а судитъ ихъ Іевъ Патріархъ... А кому будетъ чего Патріаршимъ искати на другихъ... и Патріарши по тѣхъ посылаютъ нашихъ Недѣльщиковъ; а сужу ихъ язъ Царь... А явитца въ Патріаршихъ волостяхъ, или въ монастырскихъ... и у Патріаршихъ людей убитой человѣкъ, и Намѣстники и Волостели душегубца судятъ надъ убитою головою по Уставной грамотѣ по волостной; а не будетъ грамоты, и они продажу емлютъ по Судебнику,» и проч. Сія грамота подтверждена Царями Вас. Шуйскимъ въ Апр. 1607, Михаиломъ въ Сент. 1613, Алексіемъ въ Февр. 1657.

(118) См. Т. X, стр. 120.

(119) См. Указъ Царя Василія Шуйскаго 1607 года, Т. X, въ примѣч. 349, и въ *Судебн.* Татищева, стр. 241.

(120) Въ Судебникѣ Татищева 222: «Лѣта 7110, *Ноеврія* въ 21 день, по Государеву Цареву и В. К. Бориса Ѳеодоровича всея Русіи указу память Окольничему Вас. Петровичу Морозову:

«Въ нынѣшнемъ въ 110 году В. Г. Царь и В. К. Борисъ Ѳ. и сынъ его, Государь Царевичь, К. Ѳед. Бор., пожаловали во всемъ своемъ Московскомъ Государствѣ, отъ налогъ и отъ продажъ охраняя, велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ... и Дѣтемъ Боярскимъ, Дворовымъ и городовымъ Прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ всякимъ, и Большаго Двора Дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ, Степеннымъ и Путнымъ Ключникамъ, Стряпчимъ, Сытникамъ и Подключникамъ, Конюшеннаго Приказа Столповымъ Прикащикамъ, Конюшеннымъ, Конюхамъ, Стремяннымъ и Стряпчимъ, Ловчаго Пути Корытникомъ, Охотникомъ и конымъ Псаремъ, Сокольнича Пути Кречетникомъ, Сокольникомъ, Ястребинникомъ, Трубникомъ и Сурначеемъ, и Государыни Царицы... Дѣтемъ Боярскимъ и всѣхъ Приказовъ прежнимъ Польячимъ, Стрѣлецкаго Приказа Сотникомъ Стрѣлецкимъ и Головамъ Козачьимъ, Посольскаго Приказа Переводчикомъ и Толмачемъ, Патріаршимъ и Митрополичимъ и Архіепископлимъ Приказнымъ людемъ и Дѣтемъ Боярскимъ *промежъ себя.*» Только симъ людямъ дозволено было принимать крестьянъ другъ отъ друга. Далѣе: «А срокъ крестьяномъ отписывати Юрьевъ день осенній, да послѣ Юрьева дни въ двѣ седмицы; а пожилова крестьяномъ платити положено за дворъ рубль и 6 копѣекъ.» Теперь слѣдуетъ означеніе тѣхъ, кому не дозволялось принимать крестьянъ: «А въ Дворцовые волости и села, и въ черныя волости, и за Патріарха и Митрополитовъ, и за Архіепископы и Епископы, и за монастыри, и за Бояръ и Окольничихъ, и за Дворянъ Большихъ и за Приказныхъ людей и Дьяковъ, и за Стольниковъ и за Стряпчихъ (Царскихъ?) и за Головъ Стрѣлецкихъ и за иныхъ (Головъ?) *возити* крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году *не велѣно;* а въ *Московскомъ* Уѣздѣ *всѣмъ* людемъ промежъ собою, да изъ иныхъ городовъ въ Московской Уѣздъ потому жь крестьяномъ не отказывати и *не возити;* а которымъ людемъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ по Государеву Цареву и В. К. указу возити одному человѣку изъ-за одного, *одного* крестьянина, или *двухъ*, а трехъ и четырехъ одному изъ-за одного никому не возити.» То есть, Царь дозволилъ крестьянамъ мелкопомѣстныхъ господъ переходить къ мелкопомѣстнымъ, а не къ богатымъ владѣльцамъ, которые легко могли сманивать къ себѣ работниковъ отъ владѣльцевъ неизбыточныхъ. Сіе узаконеніе о крестьянахъ не имѣетъ отношенія къ голоду Борисова времени: ибо въ 1601 г. онъ еще не былъ силенъ (см. *Исторію Келаря Палицына*, стр. 9), и земледѣльцы засѣяли свои поля.

(121) Татищевъ (въ Судебн. 224): «Сей законъ о вольности *по-прежнему* крестьянъ онъ (Годуновъ) учинилъ противъ своего разсужденія и перваго о неволѣ ихъ узаконенія, надѣясь тѣмъ ласканіемъ болѣе Духовнымъ и Вельможамъ угодить и себя на престолѣ утвердить, а роптаніе и многія тяжбы пресѣчь; но вскорѣ услыша большее о семъ неголованіе и ропотъ, что *Духовные* и *Вельможи*, имѣющіе множество пустыхъ земель, отъ малоземельныхъ Дворянъ *крестьянъ къ себѣ перезвали*, принужденъ паки вскорѣ перемѣнить, и не токмо крестьянъ, но и холопей невольными сдѣлалъ: изъ чего великая бѣда приключилась, и большею частію чрезъ то престолъ съ жизнію всея своея фамиліи потерялъ, а Государство великое разореніе претерпѣло, какъ о томъ *Монахъ Іосифъ пишетъ.*» (Какой? развѣ Аврамій Палицынъ?) Здѣсь, кажется, недоразумѣніе: Борисъ въ Ноябрѣ 110 или 1601 года указалъ, какъ мы видѣли (см. выше, примѣч. 120), принимать крестьянъ только малочиновнымъ людямъ, или мелкимъ владѣльцамъ, а не *Духовенству*, не *Вельможамъ:* для послѣднихъ — даже и для самаго Царя, какъ вотчинника или владѣльца Дворцовыхъ селъ — законъ 1593 г. остался въ своей силѣ. Шуйскій въ своемъ Указѣ, истинномъ или подложномъ (см. Т. X, примѣч. 349), говоритъ только: «Борисъ Ѳед., видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги (крѣпостныя) оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ потому суды вершити, и *нынѣ*» (уже послѣ Годунова?) «великія въ томъ учинились распри,» и проч.

(122) См. Т. VI, стр.  , и Т. IX, примѣч. 767.

(123) Флетчеръ 44: in every great towne he (Царь) hath a Caback, where is sold aqua vitae, which they cal *Russe wine* (водка или Русское вино), mead, beere etc.

(124) Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ такъ: «Годуновъ старался истреблять грубые пороки своего народа... запретилъ пьянство и содержаніе (вольныхъ) питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе согласится простить воровство и даже убійство, чѣмъ нарушеніе сего указа; что дома всякой можетъ ѣсть, пить и веселиться съ гостями, какъ ему угодно, но только не продавать вина; что если содержатели (вольныхъ) кабаковъ не имѣютъ инаго способа жить, то должны просить земель у Царя,» и проч. Въ нашихъ Хронографахъ: «Государь Царь Борисъ Ѳед. ко мздоиманію зѣло бысть ненавистенъ, разбойства и татьбы и корчемства много покусився, еже бы во свое царство таковое неблагоугодное дѣло искоренити, но не возможе отнюдь.» Аврамій Палицынъ въ своей *Исторіи:* «корчемницы бо, пьянству и душегуб-

ству и блуду желатели, *во всѣхъ градѣхъ въ прекупѣ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ»* (въ Борисово царствованіе).

(125) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. письмо Лиценціата Правъ, Товіи Лонціуса (Thobias Loncius, der Kayserlichen Rechte Licenciatus) къ Царю Борису, изъ Гамбурга, отъ 24 Генв. 1601. Онъ пишетъ: Hat er (Крамеръ, посыланный Борисомъ въ Германію) viel Fleiß undt Bitt bey mir angeleget, mich in Ew. Keys. undt Kunigl. Majest. Lande zu verfügen, denn Ew. Keys. und Kunigl. M. nicht alleine gelehrte Leute begehreten, sondern weren auch selbst allergnädigst gesinnet undt Vorhabens, in Ihren Keyserthum undt Landen Schulen undt Universiteten zu stifften undt anzurichten... Ist gewiß, daß Ew. Keys. undt Kunigl. Mayest. sich hirdurch als ein rechter Vater des Vaterlandes einen unsterblichen Nahmen in aller Welt zubereiten werden: welchen Gott sonderlich zum Heil des Landes erwerket undt eingesetzet habe. So lange als das Keyserthumb der Reußen bekandt undt in Beruff gewesen, ist solche Wohlfahrt dem Lande nicht zugestanden. Ein Keyser, König, Fürst oder Herr kan seinen Reich undt Lande keine höher Ehre anthun, oder derselben einen größern Schatz zubereiten, als wan er dahin gedenket, wie dasselbe mit Weißheit und schönen Künsten möchte versehen werden: dann darauff die Wohlfahrt des gantzen Volkes stehet undt beruhet, wie dann von den Aegiptern, Römern, Griechen, Teutschen, Spaniern, Italiänern, Englischen, Frantzosen undt andern Völckern gar viel Exempel können angezogen werden, и проч. Далѣе: «Мнѣ случилось быть въ Ливоніи, въ Дерптѣ, гдѣ подданные Вашего *Императорскаго* и *Королевскаго* Величества, купцы Псковскіе, имѣютъ свой гостиный дворъ и торгуютъ: я познакомился съ ними, и могу сказать искренно, что самые Нѣмцы не оказывали мнѣ столько чести и доброжелательства, какъ сіи добрые Россіяне. За то и люблю ихъ душевно, усердствуя быть орудіемъ Вышняго Промысла для ученія и наставленія юношества въ Россіи, во славу Божію и ко благу отечества. Но ѣхать въ землю столь отдаленную не могу безъ удостовѣренія, что то угодно В. Величеству.» Далѣе онъ требуетъ паспорта или *опасной грамоты* и денегъ на дорогу; упоминаетъ о Рейнгольдѣ Бекманѣ, присыланномъ изъ Москвы въ Любекъ за Докторами; вызывается привезти съ собою одного искуснаго Медика, и проч.

(126) Беръ пишетъ: «Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ людьми образованными и свѣдущими, онъ предложилъ Государственному Совѣту выписать изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Англіи и Франціи ученыхъ мужей и для изученія разныхъ языковъ учредить школы; но Монахи и Попы сказали, что ихъ Государство обширно и велико, но единовѣрно и единоправно; что если въ немъ будутъ говорить не однимъ Русскимъ языкомъ, а разными, то согласіе и миръ исчезнутъ. Борисъ оставилъ сіе намѣреніе, однакожь послалъ 18 молодыхъ *Дворянъ* въ чужія земли: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ, но только одинъ изъ нихъ возвратился въ Россію, именемъ Димитрій, данный Шведскимъ Королемъ въ Переводчики Генералу П. де-ла-Гарди: другіе разсѣялись по Европѣ.» См. также и Петрея 271. Въ Любекъ было послано не 6, а только 5 молодыхъ Россіянъ, о коихъ, въ Ноябрѣ 1606 года, Любскіе Бургомистры и Ратманы писали къ Царю, Василію Шуйскому: «Чинимъ вѣдомо Ваш. Царск. Величеству, что прежней Царь и В. К. Борисъ Ѳед. блаженные памяти, какъ третьево году были Послы наши на Москвѣ, и какъ отпущены съ Москвы, и ѣдучи къ Новугороду, прислано къ нимъ Русскихъ *пятеро* робятъ, чтобъ наши Послы тѣхъ робятъ взяли въ Любку учити языку и грамотѣ Нѣметцкой, и поити и кормити и одежду на нихъ класти; и мы тѣхъ робятъ давали учити, и поили и кормили, и чинили имъ по нашему возможенью все добро; а они не послушливы, и поученья не слушали, и нынѣ двое робятъ отъ насъ побѣжали, не вѣдомо за што... Бьемъ челомъ, чтобъ В. В. пожаловали отписали о достальныхъ о трехъ робятахъ, ещо ли намъ ихъ у себя держати, или ихъ къ себѣ велите прислать.» — Въ отпискѣ Воеводъ къ Царю изъ Архангельска отъ 1 Авг. 1602: «По твоей Государевѣ грамотѣ велѣно намъ отпустити въ Англинскую землю на кораблѣ Микифора Олферьева сына Григорьева, да Софона Михайлова сына Кожухова, да Казарина Давыдова, да Ѳетьку Костомарова, которые отпущены отъ тебя, Государя, въ Англинскую землю съ Иваномъ Ульяновымъ (Мерикомъ) для науки розныхъ языковъ и грамотѣ... и мы отпустили ихъ на Англин. кораблехъ Іюля въ 30 день.» Въ указѣ Царскомъ *на Двину въ новой Архангельской городъ* (въ Іюнѣ 1600): отпущены съ Москвы съ Англ. гостемъ съ Ив. съ Ульяновымъ за море Францовской Нѣмчинъ Жанъ Паркетъ, лѣтъ въ 18, да Англичeнинъ Ульянъ Колеръ лѣтъ въ 15, робята молоди, а на Москвѣ *учились Русскому* языку.» См. въ Архивѣ Кол. И. Д. между бумагами Любскими и Англійскими означенныхъ годовъ.

(127) Въ Статейн. Спискѣ Г. Микулина, л. 40: Апр. въ 20 день (1601) пріѣхали къ Григорію Цесарскіе области Князи, три брата, а отечествомъ слывутъ Бароны... и говорили: мы-де ѣздимъ по рознымъ Государствамъ для науки и посмотрѣть въ Государствахъ обычаевъ... и были-де мы у Францовского Короля, а отъ Франц. пріѣхали къ Англинской Королевнѣ, и хотимъ ѣхать къ Шкотцкому Королю, а отъ Шкот. къ Датцкому, а отъ Д. къ Свейскому, а отъ Св. къ Москвѣ, и желаемъ видѣти Вел. Государя вашего, слышавъ въ розныхъ Государствахъ про Его Царск. Величество къ иноземцамъ великое жалованье. И Григорій спросилъ: какимъ обычаемъ хотите ѣхать къ Царск. Величеству: на его имя служити, или бывъ у его Ц. В. ѣхати назадъ въ свою землю? И Князи говорили: мы-де хотимъ ѣхати къ его Ц. В. для того, чтобъ намъ его Царскіе очи видѣти и передъ Вел. Государемъ противъ его Государева недруга служба своя показати. И Григорій говорилъ: пожалуетъ васъ по вашему достоинству... Къ Государю ѣдутъ служити изо многихъ Государствъ Цари и Царевичи, и Королевичи и Государскіе дѣти,» и проч.

(128) См. Бера Muskow. Chron. Сіи изгнанники Ливонскіе жили нѣсколько времени въ Печерскомъ монастырѣ близъ Пскова, откуда Борисъ призвалъ ихъ къ себѣ. Беръ пишетъ: «Нѣмцы (23 Дек. 1601) кланялись Царю по своему обычаю. Онъ сказалъ имъ чрезъ переводчика: *Чужеземцы! здравствуйте въ моемъ Государствѣ. Радуюсь, что вы совершили путь свой благополучно. Ваше бѣдственное изгнаніе меня трогаетъ: каждому изъ васъ дамъ втрое болѣе того, чего вы лишились вмѣстѣ съ отечествомъ... Одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; буду вамъ не Царемъ, а истиннымъ отцемъ; буду одинъ вашъ повелитель и судія. Мирно и свободно наблюдайте обряды своего Богослуженія... Дайте только обѣтъ не измѣнять мнѣ, не уходить къ нашимъ врагамъ, не молчать, если узнаете какой противъ меня умыселъ, и не посягать на жизнь мою ни ядомъ, ни чародѣйствомъ. Тогда осыплю васъ милостями, о кото-*

*рыхъ будетъ говорить вся Нѣмецкая Имперія.* Ливон. Дворянинъ, Д. фонъ-Тизенгаузенъ, мужъ весьма краснорѣчивый, произнесъ отъ имени всѣхъ краткую благодарственную рѣчь... и клялся, что всѣ Нѣмцы будутъ до гроба вѣрны отцу своему, Монарху Россійскому. Царь отвѣтствовалъ: *молитесь, Нѣмцы, Богу о моемъ здоровьѣ: пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться;* указавъ на свое жемчужное ожерелье, примолвилъ: *и симъ подѣлюся съ вами;* протянулъ къ нимъ руку съ жезломъ своимъ и далъ ее цѣловать каждому... За обѣдомъ Нѣмцы сидѣли такъ, что Царь могъ ихъ видѣть въ лице. Онъ сказалъ: *я звалъ васъ, любезные Нѣмцы, на мою Царскую хлѣбъ-соль... пью за ваше здоровье: сдѣлайте по моему примѣру.* Бояре старались напоить гостей; но гости остерегались, зная, что Царь любитъ трезвость: онъ замѣтилъ и спросилъ: *для чего не пьете, какъ у васъ водится?* Они дали чувствовать, что въ присутствіи воздержнаго Царя имъ должно быть воздержными; а Царь засмѣялся и сказалъ: *Я васъ потчиваю какъ хозяинъ: веселитесь смѣло; пейте кругомъ за мое здоровье. Лошади готовы: васъ отвезутъ домой въ цѣлости, когда будетъ время.* Государь всталъ, чтобъ итти къ Царицѣ; но велѣвъ подать серебряныя бочки съ золотыми обручами, наполненныя разными винами, приказалъ Боярамъ употчивать Нѣмцевъ такъ, чтобы они забыли всѣ житейскія горести.» Сихъ Ливонскихъ изгнанниковъ раздѣлили на четыре *статьи:* въ *первой* были знатные Дворяне: каждый изъ нихъ получилъ 50 рублей въ даръ, 50 р. годоваго жалованья, Венгерскій кафтанъ изъ золотой парчи, кусокъ чернаго бархату, 40 соболей, 800 четвертей земли и 100 душъ крестьянъ въ вотчину; каждый Дворянинъ *второй статьи* 30 рублей въ даръ, 30 р. жалованья, кафтанъ изъ серебряной парчи, кусокъ камки, 40 соболей, 500 четвертей земли и 50 душъ крестьянъ; въ *третьей* 20 р. въ даръ и жалованья, кусокъ бархату и кармазину, 40 соболей, 400 четвертей земли и 30 душъ крестьянъ; въ *четвертой* (составленной большею частію изъ слугъ) 15 р. въ даръ и жалованья, кусокъ камки, 40 соболей, 300 четвертей земли и 20 душъ крестьянъ.

(129) См. Т. X, примѣч. 463, и Бера Muskow. Chron., который говоритъ: «Московскіе Нѣмцы, кромѣ старыхъ Пасторовъ изъ Ливонскихъ плѣнниковъ, имѣли тогда еще двухъ Проповѣдниковъ: Германа Губеманна изъ Вестфаліи и Студента *Мартина Бера*» (Автора Хроники) изъ Нейштата.»

(130) Подъ заглавіемъ: Constantini Fiedleri oratio loculenta in Borissum Godunowium. Regiomonti 1602. Переведена на Русской С. Вороновымъ и напечатана въ 1773 году.

(131) Въ Мильтонов. Hist. of Moscovia 53: He (Борисъ) had but one son, whom he lov'd so fondly, as no to suffer him out of sight, using to say, he was Lord and father of his son, and yet his servant, yea his slave; то есть: «Борисъ столь нѣжно любилъ сына, что не могъ выпустить его изъ глазъ, и часто называлъ себя уже не повелителемъ и не отцемъ, а слугою и даже рабомъ его.»

(132) Hessel Gerard: см. Blaenwisch. Atlass, T. I, и Готфрид. Archontol. Cosm. въ надписи: Tabula Russiæ ex autographo, quod delineandum curavit Fœdor, filius Tzaris Boris, desumta, и проч.

(133) На примѣръ, изъ уваженія къ ходатайству Царевича Борисъ заключилъ перемиріе съ Литвою (см. выше, стр. 23).

(134) Современникъ Авр. Палицынъ въ своей *Исторіи*, стр. 7: «Двоелѣтнему жь времени прешедшу, и всѣми благими Россія цвѣтяше: Царь же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ Царству вещей зѣло печашеся.» Маржеретъ 93: jouissant (Борисъ) paisiblement de l'Empire en plus grande prospérité qu'aucun de ses prédécesseurs. См. также о похвальныхъ качествахъ и дѣлахъ Борисовыхъ въ The Russian Impostor, стр. 13, исторіи основанной на современныхъ извѣстіяхъ.

(135) Маржеретъ 111: il ne s'est pas exécuté publiquement pendant son règne dix personnes (сіи не многіе казненные были разбойники (см. ниже).

(136) Палицынъ, стр. 7: «и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть.»

(137) См. Маржерет. 93.

(138) Въ Хронографахъ: «Состави (Годуновъ) о себѣ къ Богу молитву мудрыми слагатели, и написа и предастъ, еже на трапезахъ и вечеряхъ за чашами о немъ и родѣ его молити Бога сице: Отца безначальна и Сына соприсносущна... Иже отъ Св. Духа воплотися... сущіи днесь въ полатѣ сей молимъ о душевномъ спасеніи и о тѣлеснемъ здравіи и о побѣдѣ на враги Божіему слузѣ, великому, благочестивому, и Богомъ избранному, и Богомъ почтенному и превознесенному... Государю Царю Борису Ѳеодоровичу, самодержащему скифетры на всей Восточной странѣ и на Сѣверѣ... и его Царск. пресвѣтлаго Величества Царицѣ и ихъ благороднымъ чадомъ... и христолюбивому ихъ воинству... и о тишинѣ всему православному Христіанству... И на томъ убо и чашу сію Царскую воздвигнули, и повелѣли есте мнѣ» (гости хозяину) «грѣшному предпоставити въ руки ваша... Дай Богъ, Государь нашъ и В. К. Борисъ Ѳ., единый подсолнечный Христіанскій Царь... и его Царица... и ихъ Царьскія Дѣти... на многія лѣта здравы были и счастны, и недругомъ своимъ страшны, чтобъ всѣ великіе Государи приносили достойную почесть Его Величеству... и имя славилося отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя, къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его Царствамъ къ прибавленію... чтобы тѣ великіе Государи Его Царск. Величеству послушливы были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали... чтобы его прекрасно-цвѣтущія, младо-умножаемыя вѣтви Царьскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Рос. Царствія были навѣки и некончаемые вѣки, безъ урыву; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливалися выше прежнего... Къ воинскому чину призрѣніе и храбское устроеніе, и много милости бѣднымъ и вдовымъ и сиротамъ, и всѣмъ благое покровеніе и крѣпкое защищеніе, а виннымъ пощада и долготерпѣніе,» и проч.

(139) См. выше, примѣч. 5.

(140) См. Т. X, стр. 8.

(141) См. *Никон. Лѣт.*, Латухин. С. К., и Розрядн. Кн. г. 1600.

(142) См. Бера Chron. Muskovit.

(143) Палицынъ: «Клятву же (Борисъ) къ Вел. Болярину Никитѣ Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадѣхъ ввѣренное тому соблюденіе.» См. также *Никон. Лѣт.* и Латухин. С. К.

(144) Ив. Ив. Годуновъ женился на Иринѣ Романовой еще до опалы ея ближнихъ: потому Ирина и не была сослана вмѣстѣ съ ними.

(145) См. Т. X, примѣч. 370.

**Изъ Прибавленій въ концѣ сего XI тома, изданія 1824 года:**

Келарь Авраміий пишетъ (стр. 264): «Глаголютъ бо, яко зѣло любяше Борисъ волхвы и звѣздочетцы, и тіи сказаша ему, яко отъ рода Никитичевъ Романовыхъ востати имать Скипетродержецъ Россійскому Государству... Царь же Борисъ, таковая

слыша отъ волхвовъ, и умысли, яко да потребитъ родъ сей.»

(146) Палицынъ, стран. 7: «оставшее племя Царя блаженнаго Ѳеодора (Борисъ) нача не любити ради смущенія своихъ ближнихъ.» Въ доказательство, что Бояре, угождая Царю, старались всячески чернить Романовыхъ, выписываю слѣдующее изъ Розрядн. Книги 1598 года: «Іюля въ 21 день билъ челомъ Государю К. Ѳед. Ноготковъ, что въ нынѣшнемъ году на Государевѣ службѣ, на берегу, былъ въ правой рукѣ Бояринъ К. Ив. Вас. Сицкой, а въ передовомъ полку К. Александръ Рѣпнинъ Оболенской, и К. Александръ, дружася съ К. Ив. Сицкимъ, и удружа Ѳедору Никитину сыну Романову, потому что Ѳедоръ и К. Ив. Сицкой и К. Алек. Рѣпнинъ межь собою братья и великіе други, на К. Ивана не билъ челомъ въ отечествѣ, и тѣмъ воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинилъ всѣмъ Оболенскимъ,» и проч. Борисъ нашелъ требованіе К. Ноготкова справедливымъ и велѣлъ записать въ книгахъ, что Оболенскіе по службѣ остаются выше Сицкихъ.

(147) Сей рабъ назывался Воинко: см. Ростов. Лѣт., *Никон.* 41 — 45 и Латухин. С. К.

(148) Бартенева втораго.

(149) Въ *Никон. Лѣт.*: «Ѳеодора жь Никитича съ братьею и съ племянникомъ, со К. Ив. Борис. Черкасскимъ, приводиша не одиново къ пыткѣ.»

(150) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ. Сійскій монастырь въ Архангельской Епархіи. Историки наши долго спорили о родѣ супруги Ѳеодора Никитича: Миллеръ считалъ ее Княжною Сицкою, а К. Щербатовъ Княжною Шестуновою: она была просто Шестова, какъ означено въ дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ.

(151) Княгиня Черкасская называлась Марѳою (Никитишною); съ нею сослали на Бѣлоозеро сестру ея Анастасію и семейство брата, Александра Никитича. Жену К. Ив. Сицкаго, также сестру Романовыхъ, Евфимію, назвали въ Инокиняхъ Евдокіею. Въ Приставахъ были съ Романовыми съ Ѳед. Романъ Дуровъ, съ Александромъ Леонт. Лодыженскій, съ Михайломъ Ром. Тушинъ, съ Иваномъ Смирной Маматовъ, съ Васильемъ Сотникъ Стрѣлецкій Ив. Некрасовъ, съ К. Ив. Сицкимъ Тимоѳ. Грязной, съ К. Ив. Черкасскимъ Вас. Нагай Хлоповъ, съ тещею Ѳед. Никитича, Марьею Шестовою, Як. Вельяминовъ.

(152) См. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(153) Тамъ же, въ донесеніи новаго Пристава Богдана Воейкова, изъ Сійскаго монастыря отъ 25 Ноября 1602: «Твой, Государевъ, измѣнникъ, Старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разговорѣ говорилъ: Бояре-де мнѣ великіе недруги; искали-де головъ нашихъ, а иные-де научали на насъ говорити людей нашихъ; а я-де самъ видалъ то не одиножды. Да онъ же про твоихъ Бояръ про всѣхъ говорилъ: не станетъ-де ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ-де у нихъ разумново; одинъ-де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльской: къ Посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ... Коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ говоритъ: *Милые мои дѣтки маленьки бѣдные осталися: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива ли? Чаю, она гдѣ близко таковожъ замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, ино што рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи то слышать, штобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ; и язъ бы тому обрадовался: и чаю, и жена моя сама рада, штобъ имъ Богъ далъ смерть; а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одною своею душею.*»

Приставъ Некрасовъ сказалъ Василью Романову: «Кому Божьимъ милосердьемъ и постомъ и молитвою и милостынею Богъ далъ Государство, а вы, злодѣи измѣнники, хотѣли Царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ... И Василей» (такъ доносилъ Некрасовъ) «учалъ говорити подсмѣхая: Свята-де та милостыня, што мечютъ по улицамъ! Добра-де та милостыня, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала.» — Вѣрный слуга Вас. Романова назывался Сенькою. Объ Иванѣ Никит. сказано въ донесеніи, что онъ боленъ старою болѣзнію, не владѣетъ рукою и едва приступаетъ на ногу. См. тамъ же.

(154) См. *Никон. Лѣт.*

(155) См. *въ Географ. Словарѣ Р. Г.* статью *Ныробъ;* а Г. Берхъ сообщилъ мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопытныхъ извѣстій о Пермской Губерніи: «Въ Ныробѣ еще не давно умеръ столѣтній старецъ, крестьянинъ Максимъ Денисовъ Пономаревъ, который любилъ разсказывать о Мих. Никит. Романовѣ. Сего страдальца привезли туда зимою въ 1601 году Ром. Андр. Тушинъ (бывшій въ 1608 г. Воеводою въ Туринскѣ) и шесть сторожей. Въ то время, какъ они копали для него землянку, Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на десять. Въ землянкѣ его были маленькая печь и отверстіе для свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. Ныробцы научили дѣтей своихъ носить къ узнику въ дудочкахъ квасъ, масло и проч.: какъ будто играя у землянки, они впускали въ оную дудочки и питали его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ въ Москву шесть человѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ людей зломысленныхъ: возвратились двое, уже въ царствованіе Шуйскаго; другіе умерли въ пыткахъ. Узникъ жилъ около года. Старецъ Максимъ слышалъ преданіе, что сторожи, ведя жизнь скучную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма тѣсна и сыра. — Мих. Никит. былъ высокъ ростомъ, дороденъ и силачь. Желѣза его хранятся въ церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, вѣсомъ въ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, кандалы или нижнія желѣза въ 19, замокъ въ 10 ф.,» и проч.

(156) 17 Авг. 1602 уже не было въ живыхъ мужа ея, К. Бориса Черкасскаго: см. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(157) См. тамъ же и *Исторію Рос. Іерархіи* II, 647.

(158) См. Маржерет. 94.

(159) См. Розрядн. Кн. г. 1600. Скоро послѣ того К. Бахтѣяровъ снова именуется въ числѣ Воеводъ. — Около 1602 года удаленный отъ дѣлъ Василій Щелкаловъ является Окольничимъ въ царствованіе Лжедимитрія: см. Списокъ Бояръ *въ Рос. Вивліоѳ.* XX, 78.

(160) См. Маржерет. 109 и Морозов. Лѣт. 117.

(161) См. *Никон. Лѣт.* 41, Палицына 8 и Латухин. С. К. Въ Розрядн. Кн. г. 1601: «Послалъ Царь Борисъ въ Сибирь Пушкиныхъ Остафья съ братьею за опалу, что на него доводили люди его, Филипка да Гришка; а Левонтія и Ивашку Пушкиныхъ за то, что они били челомъ на К. Ондрея Елецково въ отечествѣ, и тѣмъ Царя раскручинили... помѣстья и вотчины у нихъ велѣлъ отписать, а животы распродать.»

(162) См. Маржерета 108.

(163) Палицынъ 17: «И таковыхъ ради дѣлъ, иже сотвори Борисъ, въ ненависть бысть всему міру... Отай уже вси поношаху ему крови ради неповинныхъ, и разграбленія имѣній, и нововводимыхъ дѣлъ; ереси же Арменстѣй и Латынстѣй послѣдствующимъ добрѣ потаковникъ бысть... и старіи мужи брады своя постризаху и въ юноши премѣняхуся.»

(164) См. тамъ же 9 и рукописи. *Повѣсть о зломъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ*, гдѣ сказано, что сильный морозъ былъ 28 Іюля (а не 15 Авг., какъ говоритъ Келарь Палицынъ).

(165) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 7109 рано въ лѣтѣ сташа великіе морозы и побило рожь и ярь... Въ 110 (1602) купили ржи четверть по два рубли, а жита по томужь, а четверть была старая, не велика, противъ нынѣшней вдвое меньше; а овса по рублю по десяти алтынъ. А въ 111 (1603) купили рожь по три рубли четверть, а жита по полтретья рубли четверть, а овса по рублю и по десяти алтынъ. И въ тѣ поры несказанно многіе люди въ Псковѣ и по селомъ и по инымъ городомъ померли; и оттолѣ поча хлѣбная цѣна низитися.» Маржеретъ: la mesure du bled, laquelle se vendoit auparavant quinze sols, se vendoit trois roubles, qui font presque vingt livres. Беръ въ Chron. Muscov.: «бочка ржи стоила отъ 10 до 12 гульденовъ» (или 19 талеровъ, какъ говоритъ Петрей). См. Т. X, стр. 143.

(166) Или три Нѣмецк. гроша, по сказанію Петрееву: см. Бера. Маржеретъ: à chacun un Moscof, qui est quelque sept deniers tournois... ès principales festes et dimanches un denin, qui est le double.

(167) 30,000 талеровъ, говоритъ Петрей. По сказанію Маржерета, Борисъ прекратилъ сію раздачу, увидѣвъ ея вредъ.

(168) Беръ въ Chron. Muscov. Въ *Повѣсти о Гришкѣ Отрепьевѣ*: «ядоша всяку траву и мертвину, и пси и кошки, а инъ кору липовую и сосновую; а иные живые мертвыхъ и другъ друга ядоша: то бо есмь азъ видѣхъ своима очима; богатыхъ домы грабили и розбивали и зажигали; тѣхъ людей имаху и казняху: овыхъ зжигали, а иныхъ въ воду метали.» Петрей увѣряетъ, что онъ также собственными глазами видѣлъ мать, которая на улицѣ глодала своего младенца. Далѣе см. Бера. «Четыре женщины (пишетъ Маржеретъ), оставленныя мужьями, зазвали къ себѣ крестьянина съ возомъ дровъ, удавили и спрятали въ холодное мѣсто, для пищи; а между тѣмъ убили и съѣли его лошадь. Сіе злодѣйство открылось, и женщины признались, что онѣ уже съѣли двухъ человѣкъ, ими убитыхъ.»

(169) Авр. Палицынъ: «За два лѣта и четыре мѣсяца, считающе по повелѣнію Цареву, погребоша въ трехъ скудельницахъ 127,000 толико во единой Москвѣ. Но что се? тогда бысть въ царств. градѣ болѣ четырехъ сотъ церквей: у всѣхъ же тѣхъ невѣдомо колико погребоша христолюбцы; а еже во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, никто же исповѣдати можетъ: нѣсть бо сему постиженія; псы бо и звѣріе и птицы небесныя преизобильствоваху сицевою пищею.» Далѣе см. Бера и Петрея.

(170) См. *Ядро Рос. Исторіи* 270 и Маржерет. 107. Въ Розрядн. Кн.: «Послалъ Государь въ Новгородъ Ив. Ржевскаго, да Дьяка Нечая Ѳедорова, а въ Псковъ Тимоѳ. Лазарева да Дьяка Палицына, а въ Ивань-городъ Головина, а велѣно имъ бѣднымъ людемъ давать хлѣбъ и деньги.» Асцентини (см. Т. X, примѣч. 451) пишетъ, что отъ голода произошла тогда въ Россіи ужасная болѣзнь, Cholera morbus.

(171) Авр. Палицынъ: «Царь же Борисъ хотя пользу сотворити, на время оскудити нѣкихъ, дабы препитати бѣдныхъ... и оскудивъ много во всей Россіи; но таковаго ради времени не бы ему въ грѣхъ вмѣнилося, аще бы впереди написалъ исправити таковая. И се же паки неразсудно содѣя: подаемую убо пшеницу отъ Царскихъ житницъ въ приношеніе безкровныя жертвы всѣхъ благъ Подателю, повелѣ вмѣсто ея рожь давати. Но аще и не по повелѣнію его, но на грѣхъ простершися житопродавцы: худу бо и гнилу рожь даяху; инѣмъ же въ селѣхъ далеко отъ царств. града повелѣваху имати, и то по велицѣй мздѣ.»

(172) См. Бера. Аврамій II.: «Въ таже лѣта мнози имущіи глаголаху къ просящимъ: *не имамы ничто же*. Во время жь плѣненія отъ всѣхъ окольнихъ языкъ, наипаче же отъ своихъ» (въ царствованіе Шуйскаго и послѣ) «обрѣтеся безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы неистощены, и въ поляхъ скирды, гумна же преисполнена одоней и копенъ.»

(173) Ямщики въ Новогородской области должны были держать по три лошади на человѣка: лошади тогда пали, а люди разбѣжались (см. въ Архивѣ Датскія Дѣла г. 1601, связку No 1).

(174) Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* пишетъ, что самъ Годуновъ съ холопами разбивалъ тогда домы людей богатыхъ!! Царь, какъ вѣроятно, по доносу холопей велѣлъ силою брать хлѣбъ у тѣхъ, которые таили его.

(175) То есть, четвертями и осьминами окова, бочки или кади. См. Т. III, примѣч. 8, стр. 11, Хронографы и Латухин. Степен. Книгу.

(176) См. Бера и Петрея 295. Они говорятъ здѣсь объ Императорскомъ Посольствѣ въ 1604 году; но тогда уже миновалось бѣдствіе. Когда Датскіе Послы съ Герцогомъ Іоанномъ въѣзжали въ Россію, тогда свирѣпствовалъ въ ней голодъ. Беръ пишетъ, что Царь, ожидая Барона Логау, велѣлъ Дворянамъ своимъ одѣться въ бархатъ и парчу; что многіе изъ нихъ разорились, и въ богатомъ платьѣ умирали съ голоду.

(177) Надпись на главѣ Ивана Великаго: «Изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ Вел. Государя Царя и В. К. Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, и сына его, благовѣрн. Вел. Государя Царевича и В. К. Ѳедора Борисовича всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108-го» — то есть, 1600: слѣдственно еще до голода.

(178) Въ *Никон. Лѣт.* 48: «*О каменномъ дѣлѣ въ меженину* (въ голодъ). Видя Борисъ такое Божіе прогнѣваніе, и повелѣ дѣлати каменное дѣло многое, чтобы людемъ питатися, и здѣлаша каменные полаты большіе на взрубѣ, гдѣ были Царя Ивана хоромы.» Сіи двѣ новыя палаты безъ сомнѣнія были *Столовая* и *Панихидная*, о коихъ прежде не упоминалось, а съ сего времени упоминается (см. Т. X, примѣч. 453). Онѣ изображены за Грановитою и Золотою на планѣ Кремля, изданномъ въ Германіи скоро послѣ Борисова царствованія: мы увидимъ сей планъ при любопытномъ *Описаніи Москвы*, сочиняемомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ.

(179) См. Бера и Петрея 245, и въ Архив. Дѣлахъ Датскихъ 1602 г., No 1, отписки Иваногородскаго Воеводы К. Вас. Ростовскаго.

(180) Авр. Палицынъ 8: «Сихъ ради Никитичевъ (Романовыхъ)... изліяніе гнѣвобыстрое бысть отъ Бога» (голодъ)... «Царь же Борисъ многу милостыню творяще; не помяну же слово се покаянію наставника, иже убо отъ лихоимѣнія и отъ неправды творяй милостыню, подобится сей зарѣзавшему сына у отца, и кровь его принося въ златой чашѣ, да піетъ отъ нея ко здравію си. Той Борисъ сему же подобно сотворивъ: домы великихъ Бояръ сосланыхъ вся истощивъ и принесе въ Царскія полаты, и древняя Царская сокровища вся тѣмъ оскверни.» Въ *Подробной Лѣтописи* III, 152: «причитаху жь Борису и весь народъ зло беззаконіе быти, и для его разумѣша быти всему тому гнѣву Божію.»

(181) См. Авр. Палицына 12.

(182) Тамъ же.

(183) На примѣръ, еще по закону Ярослава Великаго всякой человѣкъ вольный дѣлался холопомъ, если шелъ въ слуги или въ ключники безъ условія (см. сей *Исторіи* Т. II, 27).

(184) См. Т. X, въ примѣч. 352, указъ о холопяхъ.

(185) См. сей *Исторіи* Т. IX, 285.

(186) Авр. Палицынъ 12: «При блажен. Царѣ Ѳеодорѣ Б. Годуновъ и мнози отъ Вельможъ, не токмо рода его, но и блюдоміи ими многихъ человѣкъ въ неволю къ себѣ введше служити, инѣхъ же ласканіемъ и дарми въ домы своя притягнувше, и не отъ простыхъ токмо ради нарочита рукодѣлія или какова хитра художества, но и отъ честнѣйшихъ издавна многимъ имѣніемъ и съ селы и съ вотчины, наипаче же избранныхъ мечепосцевъ и крѣпкихъ въ оружіи, и свѣтлы тѣлесы, и красны образомъ и возрастомъ излишествующихъ. Мнози же и иніи, начальствующимъ послѣдствующе, въ неволю порабощающе, и написаніе служилое силою и муками емлюще. Во время же глада озрѣвшеся, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабовъ на волю отпущати, иніи истинно, иніи же лицемѣрствомъ: истинствующіе съ писаніемъ, лицемѣрницы же токмо изъ дому изгонятъ, и аще къ кому прибѣгнетъ, той злѣ продаваемъ бываше, и многъ сносъ и убытки платяху... Мнози же имущи чѣмъ препитати домашнихъ, по восхотѣвше много богатства собрати, и того ради челядь свою отпущающе... и гладомъ скончевающихся туне презрѣша. Бяше же и се зло во многихъ: лѣто убо все тружаются, въ зиму же не имѣютъ гдѣ главы подклонити, и паки въ лѣто въ дѣлѣхъ злѣ страждутъ у господій своихъ... Домы же Вел. Бояръ злѣ отъ Царя Бориса распужены и вси рабы распущены быша; заповѣдь же о нихъ вездѣ положена бысть, еже не пріимати тѣхъ никому же. Иніи же сами поминающе благодѣяніе господій своихъ и въ негодованіи на Царя пребывающе, но времени ждуще, злѣ распыхахуся... а иже воинственному дѣлу искусни, сіи къ великому грѣху уклоняхуся: во грады бо вышереченныя Украйныя отхождаху, аще и не вкупѣ, но *болѣ двадесяти тысящъ* сицевыхъ воровъ, по мнозѣ времени, въ осадѣ въ сидѣніи въ Колугѣ и въ Тулѣ обрѣтеся» (уже въ царствованіе Шуйскаго) «кромѣ тамошнихъ собравшихся старыхъ воровъ.»

(187) Въ Степен. Кн. Латухина: «и воровство отъ нихъ въ Россіи быти начинашеся.» См. также *Никон. Лѣт.* 53.

(188) Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 года: «Столпъ 112 (1604) году о задорѣхъ и о разбойникѣхъ, о *Косолапѣ* съ товарищи. Сей столпъ пропалъ.

Убитаго Окольничаго Басманова съ честію схоронили *у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ* (см. *Никон. Лѣт.* 54).

(189) См. Маржерет. 111. Онъ говоритъ, что разбойниковъ было человѣкъ съ пять сотъ.

(190) Авр. Палицынъ: «Въ объяденіе и пьянство велико и въ блудъ впадохомъ и въ лихвы и въ неправды, и во вся злая дѣла... Егда гладомъ наказа насъ Господь, мы же въ злѣйшая впадохомъ, и не токмо простіи, но и чинъ Священствующихъ.» Беръ: «Во всѣхъ состояніяхъ господствовали раздоръ и ненависть; ни одинъ человѣкъ не вѣрилъ другому. Корыстолюбіе возвысило на все цѣну, и ростовщики превзошли Жидовъ въ лихоимствѣ. Ближній ближнему не давалъ денегъ безъ заклада. Распутство и плутовство доходило до крайности. Не говорю уже о новыхъ порокахъ, заимствованныхъ Россіянами отъ иноземцевъ; на примѣръ, о высокомѣріи, презрѣніи къ другимъ,» и проч.

(191) См. Бера. Въ современной *Повѣсти о Гр. Отрепьевѣ*: «И тогда знаменія велики и многи быша на небеси и на земли, и громы велицы и молній блистанія, и земли трясенія,» и проч. Беръ пишетъ, что Комета явилась въ 1604 г. послѣ Троицына дня во второе Воскресенье, въ самый полдень; а другіе говорятъ о семъ явленіи 3 Октября (см. Вагнер. Gesch. des Russ. Reichs, кн. 43, стр. 71).

Изъ Прибавленій въ концѣ сего XI тома издан. 1824 года:

О Кометѣ 1604 года сказано въ Cometographie Г. Пенгре: C'était une nouvelle étoile au pied oriental d'Ophiuchus; т. е. сочли новую звѣзду за Комету. И мнимая Комета 1584 года, будто бы предвѣстившая смерть Іоанну Грозному (см. Т. IX, 256), была, вѣроятно, не что иное, какъ метеоръ. Пенгре говоритъ: Leovitius avait prédit pour cette année (1584) l'apparition d'une grande comète; son Astrologie s'est trouvée en défaut.

(192) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, гдѣ означено, что Ирина преставилась 26 Окт. 1603 года. Въ *Собран. Государств. Грамотъ* (II, 186), подъ духовною Патріарха Іова, конечно ошибкою напечатано *лѣто* 7113, вмѣсто 7112 или 7111: ибо Ирины уже тогда не было; а Патріархъ говоритъ въ сей духовной: «Вел. Княгини, *нынѣ* же Божіею милостію Иноки Александры;» а въ другомъ мѣстѣ: «благодать же, милость, миръ Господа І. Х. буди на тебѣ (Царѣ Борисѣ)... тако же и на единородной *сестрѣ* твоей.» См. еще *Никон. Лѣт.* 35 и 53; также и Розрядн. Кн. г. 7112.

(193) Съ вѣстію о пораженіи Кучюма Борисъ спѣшилъ къ сестрѣ въ монастырь: см. выше, стран. 17. Самые злодѣи Борисовы, предатели отечества, называли *память* Ирины *святою* (см. *Собран. Государств. Грамотъ* II, 178).

(194) См. Дѣла Польск. No 26, л. 72 на об., *Собран. Г. Г.* II, 163, и рукописн. современную *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригѣ* (принадлежащую А. И. Ермолаеву), гдѣ сказано, что отецъ Разстригинъ *назывался Яковомъ, какъ и самъ Годуновъ* (слѣдственно *Яковъ-Борисъ*). Въ концѣ: «Покусихся азъ многогрѣшный... предати повѣсть сію писаніемъ, не слухомъ увѣряясь, кромѣ того, какъ той еретикъ (Самозванецъ) былъ въ Литов. земли, а что сотворись въ Росс. Царствѣ, то вся зря своима очима.» Въ письмѣ Борисовомъ къ Сигизмунду, которое видѣлъ Нарушевичь въ библіотекѣ Залуцкаго и приводитъ въ *Исторіи Ходкѣвича* (Historia Jana Karola Chodkiew., T. I, 426), сказано такъ: «До постриженія (Григ. Отрепьевъ) именовался Юшкою; по своему злонравію не слушался отца, впалъ въ ересь, плутовалъ, воровалъ, игралъ въ кости, пьянствовалъ, неоднократно бѣгалъ изъ родительскаго дому и лукаво вступилъ въ Монашество.» Въ Хронографѣ: «Той Юшка остася послѣ отца младъ зѣло съ матерію и наученъ бысть отъ нея Божественному Писанію; егда жь изучи Часовникъ и Псалтирь, отыде отъ матери и нача витати въ Москвѣ... и случися ему бесѣда Вяцкой области, града Хлынова, Успенск. монастыря со Игуменомъ Трифономъ... и по совѣту того Игумена пострижесь, и наречесь имя ему Григорій. Въ то время бѣста ему лѣтъ 14, и отыде въ Суждаль, въ Евфимьевъ монастырь... и въ томъ же уѣздѣ въ монастырь ко Спасу на Куксу... и въ другіе.» Въ *Никон. Лѣт.*: «У Замятни Отрепьева были два сына, Смирной да Богданъ; у Богдана же родися сынъ Юшка, и даша его въ Москвѣ на ученіе грамотѣ: грамота жъ дается ему не отъ Бога, и бысть зѣло грамотѣ гораздъ, и во младости пострижеся... и пріиде въ Суздаль, въ Евф. монастырь: Архим. же Левкій даде его подъ началъ; онъ же жилъ ту годъ, и пріиде въ м. на

Куксу, и жилъ ту 12 недѣль . . . и пріиде въ Чюдовъ монастырь.» Въ рукописн. *Сказаніи, еже содѣяся въ Москвѣ, и о Розстригѣ:* «Сей Гришка Отрепьевъ къ Князю Ивану Борисовичу Черкасскому въ его благодатный домъ часто приходилъ, и тоя ради вины на него Царь Борисъ негодова: той же лукавый избѣжавъ отъ Царя, тайно пострижеся.» Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 73: «билъ челомъ объ немъ» (Гришкѣ) «въ Чюдовѣ м. Архимандриту Пафнутью, что нынѣ Крутицкой Митрополитъ, Богородицкой Протопопъ Евфимей, чтобъ велѣлъ ему жити въ кельѣ у дѣда своего, у Замятни . . . и былъ въ Дьяковѣхъ съ годъ; и послѣ взялъ его къ себѣ Патріархъ . . . и впалъ злодѣй въ еретичество, и хотѣли его *съ Собору* сослати въ заточенье на смерть.» (Въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду сказано, что Гришку съ его единомышленниками хотѣли сослать на Бѣлоозеро). См. также Латухин. Степен. Книгу и Архив. *Ростов. Лѣт.* Вотъ главные источники для описанія Лжедимитріевой исторіи; но предпочтительно слѣдую Государственнымъ бумагамъ.

(195) См. Петрея 285, ниже примѣч. 601 и The Russ. Impostor 14. Беръ называлъ сего злаго совѣтника Отрепьевымъ: ибо, вѣря сказкѣ Поляковъ, думалъ, что Самозванецъ, хотя и дѣйствительно обманщикъ, былъ другой человѣкъ, а не Гришка Отрепьевъ (см. ниже).

(196) См. *Никон.*, *Ростов. Лѣт.* и Латухин. С. К. Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, л. 1: «Въ лѣто 7110 убѣже» (Гришка) «въ Литву.» Въ Хронографѣ: «Изъ Чюдова пріиде къ Николѣ на Угрѣшу . . . и впаде въ ересь. . . и вселися (послѣ) въ предѣлахъ Углича въ м. Іоанна на Желѣзномъ Борку . . . и паки пріиде къ Москвѣ... и отбѣжа въ Литву» (съ Мисаиломъ и Варлаамомъ *Яцкимъ*, какъ сказано въ грамотѣ Іова: см. ниже) «въ 108 (1600) году въ Вел. постъ на другой недѣлѣ во Вторникъ изъ иконнаго ряду за Москву-рѣку, и наняша подводы до Болхова.» Въ *Никон. Лѣт.:* «Побѣже съ Москвы въ Галичь м. къ Якову на Желѣзной Борокъ, и сойде въ Муромъ въ Борисоглѣбскій м., и Строитель даде ему лошадь. Онъ же Гришка пойде на Сѣверу, и въ Брянскѣ съ нимъ сошлися такіе жь воры Чернцы, М. Повадинъ съ товарищемъ.» Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: «Съ нимъ (Гришкою) въ томъ же преступленіи бысть того жь чину Серьпянинъ Мисаилъ Трифоновъ. . . Мыслитъ окаянный (Гришка) итти въ Брянескъ, въ Шильскій монастырь, и говоритъ Мисаилу: сіи страны кипятъ обиліемъ: да тамо вселимся и поживемъ въ Путивлѣ, и въ Черниговѣ помолимся, и паки возвратимся въ царствующій градъ. Мисаилъ же радостенъ бысть: простъ сый въ разумѣ — и призываетъ третьяго друга своего (Варлаама)... И пріидоша къ Троицѣ въ паперть и знаменовашася образомъ Богоматери, яко другъ отъ друга не разлучатися. . . И пріидоша града Брянска въ *Сянскій* монастырь, и тамо пребыша 7 дній въ покоѣ. Той же лютый волкъ не воспрія питія: Мисаилъ же и Варлаамъ зѣло негодуючи на него, яко не піетъ съ ними, но творитъ себя яко свята. И ту абіе умысли по Сѣверской странѣ съ образомъ ходити и на церковное строеніе збирати.»

(197) Въ *Никон. Лѣт.:* «Отпрошался» (Гришка у Архим. въ Новѣгородѣ Сѣверск.) «съ тѣми жь Старцы въ Путивль; сказалъ, что есть-де мнѣ въ Путивлѣ свои. Окаянный же Гришка написалъ: *азъ есмь Царевичь* . . . и ту памятцу оставилъ въ кельѣ . . . Архим. же пріиде къ ложѣ своей, и видя надъ главою памятцу. . . Они же окаян. Чернцы пріидоша къ пути, коимъ ходятъ въ Кіевъ, и поворотиша на ту дорогу . . . и провожатаго отъ себя отбиша; той же путь знаетъ Мис. Повадинъ.»

(198) См. Т. V, VI, IX и X.

(199) Въ грамотѣ Патріарха Іова о Разстригѣ, писанной къ Архимандриту Солевычегодской Обители Введенія и полученной мною въ современномъ спискѣ отъ А. И. Ермолаева: «Чернецъ Пименъ, постриженикъ Днѣпрова монастыря, сказалъ, что онъ съ тѣмъ воромъ да съ Гришкиными совѣтники, съ Попомъ Варлаамомъ да съ крылош. Мисаиломъ, познался въ Новѣгородкѣ С. въ Спасск. монастырѣ, а изъ Нова-дей городка взяхъ его съ собою для знатья дороги, и шли къ *Стародубу* . . . а онъ проводилъ ихъ за Л. рубежъ до имѣнья Пановъ Стонислава да брата его Александра, до села Слободки.» Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: «Внидоша» (Гришка съ товарищами) въ нѣкую весь близь Литов. рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и сѣдяще за столомъ, вопросиша жену о пути, и глагола жена: путь сей за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ Царя: не вѣмъ, кто съ Москвы бѣгу ся ятъ . . . И Гришка бѣ отъ страху яко мертвъ... Жена же показа имъ путь къ Чернигову. Монахи же шествіе творяху, и отъ солнечнаго жженія возсѣдше подъ древомъ, Гришка откры совѣтъ свой и рече: *Вы слышали, братія, яко заставы по всей Сѣверской сторонѣ ... насъ ради заставы сія... Да избѣжимъ сѣти; да пойдемъ чащею сею за рубежъ* . . . И постави Гришка образъ Богоматери и нача молитися, да избѣгнутъ отъ руки Бориса... и пройдоша непроходимые дебри, и идоша три дни, и пріидоша на нѣкій боръ, и тамъ видятъ человѣка ходяща и кошницу на плещу носяща . . . и познаша, яко Польскій человѣкъ, и ради быша . . . и начаша вопрошати... Полякъ же рече: *Страна сія Бѣлоруская; владѣетъ ею Король Жигимонтъ: имѣнье двою братовъ, Николая и Яна Виловичей. Мой Панъ Николай не далече отселѣ на пути къ Луевой горѣ. Азъ есмь бортникъ Якубъ.»* Описывается, какъ Паны Виловичи угощали бѣглыхъ Монаховъ. Далѣе: «и отпущены быша къ Луевымъ горамъ коннымъ путемъ, и пріидоша въ Луевъ городокъ, и ту Панъ Станиславъ Прокулицскій пріятъ ихъ любезно, и отпусти въ Кіевъ.» Въ Хронографѣ: «Въ Новѣгородкѣ Сѣв. вожая добыша, Ивашка Семенова, и пойдоша на Стародубъ. . . и первой городъ Литовской имъ Лювъ замокъ, а другой Любескъ . . . и быша въ Кіевѣ, въ Печерск. монастырѣ, 3 недѣли, и оттуда пріидоша до Острога, до К. Василья Острожскаго, и лѣтоваша у него; и на осень К. Василей послалъ Варлаама до Мисаила въ Дерманской монастырь, а Гришка съѣхалъ въ Гощей городокъ, и платье Иноческое съ себя скинулъ.» Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, и проч.: «Повѣдаша объ нихъ» (Гришкѣ и товарищамъ его) «Князю Вас. Острожскому, и повелѣ имъ внити въ полаты своя. . . и видѣхъ благовѣрн. Князя сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрастомъ мала суща, браду имѣя до земли; на колѣнѣхъ же его посланъ бяше платъ, на немъ же лежаше его брада.»

(200) См. въ Нѣмцев. Dzieje Panow. Zygmunta III, кн. VI, стр. 295, гдѣ приведено мѣсто изъ письма К. Острожскаго (Васильева сына) къ Королю. Уже нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія,» пишетъ Острожскій: «онъ прежде былъ въ Дерманѣ монастырѣ отца моего, а потомъ у Анабаптистовъ.» См. также *Сказаніе, еже содѣяся*, и проч. Въ *Никон. Лѣт.:* «Гришка съ товарищи пріиде въ Кіевъ; въ Кіевѣ же господствовалъ К. Вас. Константиновичь Острожской. . . и повелѣ Гришкѣ служити у себя Обѣдню, и посла его въ Печерской м... Видяху же его (Гришкино) житіе скверное, и возвѣстиша К. Василью: Князь же повелѣ его казнити . . . Онъ же побѣже . . . и облекся въ

мірское платье... и бысть у К. Адама Вишн. въ простыхъ людехъ.»

(201) Въ современной рукописи. *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ:* «Прельсти съ собою отъити въ Кіевъ трехъ Иноковъ: Черньца Мисаила, да Черньца *Венедикта*» (вмѣсто Варлаама: см. ниже, примѣч. 202) «да Черица Леонида, Крыпецкаго монастыря — и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, *и повелѣ тому Леониду зватись своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ*, а самъ ложно наименова себя Царевичемъ Дмитріемъ.» Въ Морозов. Лѣт. (л. 96) тоже извѣстіе, съ прибавленіемъ: «и провозвѣщая о себѣ въ Кіевѣ, будто Богъ его избавилъ отъ убіенія Бориса, нѣкою женою сохраненъ бысть и отданъ былъ въ монастырь на соблюденіе.» Симъ объясняется сказаніе Маржерета и Гревенбруха, что Монахъ Отрепьевъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, а не Самозванецъ. Герардъ Гревенбрухъ въ 1609 году издалъ въ Кельнѣ свою книгу о Лжедимитріи подъ титуломъ: Tragœdia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii. Авторъ самъ не былъ въ Россіи.

(202) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, и проч.: «И оставляетъ Мисаила и Варлаама... и приложися къ Запорожскимъ Козакомъ, въ роту Старшины ихъ Герасима Евангелика, суще пріятъ бысть ими честно, и много крови разбойнымъ обычаемъ проливалъ... и пріиде въ Печерскій монастырь, и Архимандритъ Елисей хотя его поимати... и (Гришка) утече.» Въ Грамотѣ Іова Патріарха о Разстригѣ (см. выше, примѣч. 199): «Воръ Гришка учалъ воровати у Запорожскихъ Черкасовъ.» См. ниже, примѣч. 232.

(203) См. Хронографы и Нѣмцев. Dz. Pan. Zygmunta III, кн. VI, 238. Послѣдній ссылается на рукописное сочиненіе Жмудскаго Шляхтича Товянскаго, коего имѣю списокъ. Гаща, мѣстечко Пановъ Гаскихъ, въ Луцкомъ Уѣздѣ. — Мѣсто, гдѣ жилъ А. Вишневецкій, названо въ Хронографѣ Брагинъ и Брачинъ, а въ Польскомъ рукописномъ сочиненіи о Лжедимитріи (Rzeczy и проч. za Dimitra: см. ниже) Braznia. См. Т. II, примѣч. 311.

(204) Въ Хронографѣ: «Князь же Адамъ бражникъ и безуменъ.»

Знатные Князья Вишневецкіе происходили отъ Корибута, сына Ольгердова и Княжны Россійской (см. Т. IV, 128 и примѣч. 267, и Т. V, примѣч. 50).

(205) См. Вассенберга въ Исторіи Владислава (Gesta Vladislai IV, 15), Лубѣнскаго (Lubienski) Op. Posth. 29, и Чилли въ Нѣмцев. кн. VI, 244, 245; также Маржерет. 168 и Хронографы. Въ Лѣтописцѣ Кубасова (въ *Русск. Достопамятн.* I, 175): «Рострига возрастомъ малъ, груди широки имѣя, мышцы толсты, лице не Царского достоянія, препростое обличеніе, тѣло вельми помраченно; остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ; дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе любляше вельми на враги ополчителенъ, смѣлъ, храбрость имѣя и силу велію; воинство же зѣло любляше.»

(206) См. *Никон. Лѣт.* 58 и Вассенберга 14. Въ подробномъ Хронографѣ: «Призва къ себѣ (Гришка) Латинскія Вѣры Попа.» Но въ Хронографѣ сокращенномъ названъ Попъ Греческимъ.

(207) Въ отвѣтахъ Мнишка на вопросы нашихъ Бояръ (въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 293): «Пребывалъ (Гришка) въ Кіевѣ монастырѣ, въ Старческомъ одѣяніи; а потомъ, бывъ у Г. Воеводы Кіевскаго (В. Острожскаго), *не хотѣлъ сказатися*, и пришелъ къ К. Адаму Вишневецкому, сказывая, что онъ есть истинный потомокъ В. К. Ивана, предлагая, какъ его Господь Богъ, помощію *Доктора* его, отъ смерти спасъ... а потомъ тотъ Докторъ отдалъ его къ нѣкоторому Боярскому Сыну для воспитанія, который присовѣтывалъ ему скрыться между Чернецами.» Ниже сообщимъ всю эту сказку съ ея разными измѣненіями. Въ одной Розрядн. Книгѣ (см. *Собран. Г. Г.* II, 163): «Гришка въ 111 (1603) году збѣжалъ въ Литву и пришолъ въ Печерскій монастырь... и умысля Дьявольскою кознью, разболѣлся до умертвія... и духовнѣ сказалъ Игумену, будто онъ сынъ Царя Ив. Вас., а ходитъ будто въ искусѣ не постриженъ, укрываяся отъ Бориса... И тотъ Игуменъ учалъ его чтить, и вѣдомо учинилъ Королю и Сенаторѣмъ.» Но согласное сказаніе Лѣтописца нашего, Вассенберга и Мнишка свидѣтельствуетъ, что Лжедимитрій открылся Вишневецкому, а не Игумену Кіевскому. Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, и проч. находится слѣдующая басня: «Пріиде Гришка изъ Кіева во градъ Самборъ, въ имѣніе Пана Михайла Ратомскаго, Князей Александра и Юрья Свирскихъ... и послаша его въ Стодолъ монастырь, идѣ же у нихъ родители лежатъ... Онъ окаянный (тамъ) сверже съ себя Ангельскій образъ и бысть Латинскій Мнихъ... и нача изнемогати и рече Игумену Пимену, да поволитъ ему пріяти духовнаго отца... и пріиде къ нему Грекъ Арсеній... и дерзнулъ (Гришка) въ исповѣданіи нарещися Царевичемъ Димитріемъ... и повѣда Арсеній Игумену... Егда же Князи Свирскіе пріидоша въ Стодольскій монастырь, Игуменъ возвѣсти имъ вся по ряду... и Князи начаша его (Лжедимитрія) вопрошати... и злый еретикъ нача съ рыданіемъ повѣдати, и дерзнулъ нарещися Димитріемъ... и отпустиша его Князи въ келлію... И пріидоша (вторично) въ Стольскій м. въ день Недѣльный и повелѣли литургисати въ Рустѣй церкви Св. Екатерины Священнику Арсенію: бѣ бо та церковь отъ монастыря поприще въ слободѣ Русской... И егда изнесоша изъ Царскихъ дверей живодательное тѣло и кровь Господа І. Х., и начаша глаголати къ Гришкѣ отецъ его духовной и оба Князи и вси Мнихи: повѣсть предъ сею страшною и живодательною трапезою, истинный ли ты Царскій сынъ? Онъ же съ клятвою изрече, крестнымъ знаменіемъ себя огради и дерзостно рече: *на томъ пріимаю тѣло Господне*... и причастися. По Литургіи же облечеся окаянный въ мірскія ризы по достоянію Царску, и на трапезѣ предстояста оба Князя предъ нимъ яко рабы... и поястa его во градъ свой... и промчеся слава объ немъ... и дойде вѣсть къ Борису Царю, и посла къ Воеводѣ Кіевскому, К. Вас. Конст. Острожскому, дабы ему выдать тѣхъ Мниховъ трехъ, Гришку съ товарищи. Князь же обѣщася, и посылаетъ по Мисаила и Варлаама въ свой монастырь, и велитъ имъ провѣдати въ Самборѣ о Гришкѣ. Они же дойдоша во градъ Самборъ, и входятъ ко Княземъ Свирскимъ во дворъ: тогда же оба Князя съ Гришкою по обѣдѣ рыцарствоваху... Гришка же позна ихъ и рече: *знаете ли мене?* они же слабы суще, падше поклонишася ему. Онъ же угости ихъ, и повелѣ имъ жити у себя... Князи же Свирскіе описаша объ немъ къ Королю, и присылаетъ Король двy Русскихъ Дворянъ, съ Вел. Новагорода, Осипа и Кирилла Хрипуновыхъ» (см. ниже): «понеже они отъ Бориса отъѣхали въ Литву и знали Дмитрея Царевича на Угличѣ... Они же поклонишася ему: онъ же прельсти ихъ и отпусти къ Королю... Король же повелѣ Гришкѣ быти въ Краковъ.»

(208) См. Т. VIII, 128.

(209) См. Нѣмцев. кн. VI, 239. Беръ пишетъ слѣдующее: «Однажды, разсердясь въ банѣ на своего Каммердинера, Лжедимитрія, Вишневецкій далъ ему пощечину... слуга заплакалъ и сказалъ: *если бы ты зналъ, кто я!* Князь спросилъ: *кто же ты?* Обманщикъ, разсказавъ вымышлен-

ную исторію, упалъ къ его ногамъ... Князь извинялся передъ нимъ; велѣлъ ему остаться въ банѣ, а людямъ своимъ изготовить все нужное для угощенія Царя Русскаго, возвратился въ баню съ двѣнадцатью слугами и богатою одеждою для Лжедимитрія, самъ надѣлъ ее на бывшаго слугу, коему подарилъ также великолѣпную карету и шесть верховыхъ лошадей... Борисъ узналъ и чрезъ гонца предложилъ Вишневецкому нѣсколько замковъ и городовъ, съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ ему Самозванца. Вишневецкій для безопасности уѣхалъ съ своимъ Царевичемъ далѣе отъ предѣловъ Русскихъ въ городъ Вишневецъ и тамъ показалъ ему письмо Борисово. Лжедимитрій упалъ на колѣна, говоря: *Богу и тебѣ извѣстно, кто я: дѣлай со мною, что хочешь!* Князь Адамъ никакъ не хотѣлъ измѣнить мнимому Царевичу, а Борисъ еще писалъ къ Вишневецкому и прислалъ нѣсколько человѣкъ, чтобы застрѣлить Самозванца: тогда Князь Адамъ отправилъ его къ Воеводѣ Сендомирскому.» Въ Хронографѣ: «Князь же Адамъ учинилъ его на колесницахъ и на конехъ; и изъ Брагина К. Адамъ поѣхалъ до Вишневца, и Гришку съ собою взялъ... и тамъ Гришка у него лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ Великаго дни К. Адамъ его Гришку допровадилъ до Кракова.»

Въ отвѣтахъ Юрія Мнишка нашимъ Боярамъ (въ *Собран. Г. Г.* II, 294): «Князь Адамъ извѣстіе о томъ (о Самозванцѣ) учинилъ брату своему, К. Константину Вишневецкому, зятю Г. Воеводы, а потомъ его и къ нему отдалъ. И въ то время слуга Канцлера Литовскаго, именуемый Петровской, въ Жаложицы къ К. Константину пріѣхалъ, сказывая, какъ онъ ему въ Угличѣ служилъ, и предлагая о знакахъ, которые онъ на его тѣлѣ видѣлъ... И въ Самборѣ нѣкоторый слуга Г. Воеводы, который подъ Псковомъ пойманъ былъ, и нѣсколько лѣтъ находясь въ Москвѣ въ неволѣ, зналъ его тогда еще въ дѣтствѣ и призналъ его за того же.» Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, л. 106: «Тотъ Петровской вѣдомой воръ» (говорили наши Послы въ царствованіе Шуйскаго Канцлеру Литовскому, Сапѣгѣ): «Тебѣ, Льву, самому про него вѣдомо: служилъ онъ на Москвѣ у Сына Боярского, Истомы Михнова, а звали его Петрушею, а не Юрьемъ Петровскимъ... а на Угличѣ николи не бывалъ, и Царевича Дмитрея не видалъ: у насъ такихъ страдниковъ» (подлыхъ людей) «ко Государскимъ дѣтемъ не припускаютъ... И въ прошломъ 109 (1601) году, какъ были у Жигимонта Короля Послы Б. М. Г. Салтыковъ съ товарищи, а тотъ Петруша былъ съ Истомою въ Вильнѣ же съ Послы, и заворовался, и пократчи его, збѣжалъ въ Вильнѣ къ тебѣ, ко Льву... и былъ у тебя въ худыхъ людехъ... и какъ было такому вору въ такомъ великомъ дѣлѣ Королю и вамъ, Паномъ, повѣрити?»

(210) См. Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Нѣмцев. кн. VI, 241.

(211) См. тамъ же, въ Нѣмцев. VI, 242.

(212) См. Лубѣнск. Op. Posth. 29, Гревенбр. Tragœd. Moscov. 12 и Histoire de J. A. de-Thou, кн. CXXXV, стран. 47. Сихъ словъ нѣтъ въ Чилли. Лубѣнскій пишетъ, что Самозванецъ сказалъ Королю: «Киръ и Ромулъ, воспитанные пастухами, но будучи также Царскаго племени, сдѣлались основателями Государствъ великихъ.»

(213) См. Annuæ Litteræ Societatis Jesu, an. 1604, стран. 704, 705. Сіи письма, напечатанныя въ 1618 г., весьма рѣдки: они доставлены мнѣ изъ бывшей Полоцкой Іезуитской библіотеки. Вотъ переводъ:

«Здѣсь» — пишутъ Краковскіе Іезуиты къ другимъ братьямъ сего Ордена — «здѣсь всегда есть случай служить ближнимъ, когда и Дворъ Королевскій и вся земля съ жадностію требуетъ нашей помощи. — Труды и ревность нашихъ не ослабѣли: шестьдесятъ восемь еретиковъ приведены въ нѣдра Церкви, и въ числѣ ихъ Великій Князь Московскій Димитрій, который почти въ младенчествѣ лишился отца и Царства; потомъ, заключенный въ одинъ изъ Греческихъ монастырей — дабы не впасть въ руки тирана, замышлявшаго умертвить его — тайно воспитывался и достигнулъ совершеннаго возраста. Между тѣмъ одинъ изъ Вельможъ, уже предъ тѣмъ желавшій Царской власти, полагая, что (сей) наслѣдникъ убитъ, овладѣлъ трономъ; а Князь, имѣя уже болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, узналъ отъ воспитателей своихъ всю истину, отбылъ тайно къ нѣкоторымъ Вельможамъ Королевства Польскаго требовать ихъ заступленія, и, хотя не безъ труда, получилъ наконецъ вспомогательное войско. Тогда, готовясь и къ пути и къ брани, онъ устремилъ все свое вниманіе на то, чтобы въ дѣлѣ столь трудномъ имѣть помощникомъ Бога: рѣшился принять Католическую Вѣру; но опасаясь, чтобы Россіяне о томъ не свѣдали и не порицали его именемъ Католика, будучи чрезмѣрно привержены къ Схизмѣ, онъ закрылъ лице свое, перемѣнилъ одежду, и сопровождаемый однимъ Польскимъ Вельможею, въ видѣ нищаго пришелъ въ нашу обитель: открылъ себя, и выбравъ одного изъ насъ, исповѣдалъ ему всѣ грѣхи жизни своей; *отрекся Схизмы* и съ великимъ усердіемъ *присоединился къ Римской Церкви.* Не довольствуясь симъ, Димитрій принялъ отъ пребывающаго въ здѣшнемъ городѣ Апостольскаго Нунція таинства Евхаристіи и Муропомазанія и утвержденъ въ воспріятой имъ Вѣрѣ. Сей Князь обѣщаетъ со временемъ великія добродѣтели и постоянство въ начатомъ дѣлѣ. Кажется что онъ одушевленъ удивительнымъ усердіемъ къ распространенію Религіи Католической.» — См. также Чилли, въ Нѣмцев. VI, 244.

(214) См. Гревенбр. 12, 13, и ниже, примѣч. 252, гдѣ упоминается о *грамотѣ Папежской* къ Самозванцу. — Учителемъ Разстриги въ Латинскомъ языкѣ былъ Іезуитъ Савицкій; но онъ (Разстрига) худо зналъ сей языкъ или почти совсѣмъ не зналъ (см. Маржерета).

(215) См. Нѣмцев. кн. VI, 246, и Нарушев. Historya J. K. Chodkiew. I, 237.

(216) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 105 на об.; далѣе см. Нѣмцев. VI, 248. Въ баснословномъ *Сказаніи, еже содѣяся*, и проч.; «Король пріятъ Гришку съ честію, и постави его въ Краковѣ въ Арменской слободѣ, и повелѣ разнымъ Паномъ примѣчати въ разумѣ, не увѣряяся, яко онъ Царскій сынъ. Не по мнозѣ же времени пріидоша изъ Москвы отъ Ц. Бориса Послы и принесоша въ дары много злата, яко да выдастъ того еретика... и Король мысляше, аще не истинный бы Царскій сынъ былъ, то не бы его Борисъ крѣпко доступалъ... И повелѣ Жигимонтъ всѣмъ своимъ Паномъ итти къ Гришкѣ и говорити, дабы оставилъ Греческую Вѣру и принялъ Римскую: да аще оставитъ, то прямой воръ, а не Царскій сынъ... И Гришка имъ въ отвѣтъ рече: *Не мудро съ вами Король умыслилъ, веля мнѣ Вѣру свою попрати... Аще не возрите на меня нынѣ, имамъ бо итти къ Цесарю или къ Персидскому Царю!* И сія вся слышавше, сказаша Королю: *прямый Царскій сынъ!...* И повелѣ Король ему къ себѣ быти... и, не возможе удержатися отъ слезъ послушающе его... и возставъ и взялъ его за руку, и посади на Царское мѣсто одесную себя... и обѣда съ нимъ... И пишетъ Папа объ немъ къ Королю, повелѣваетъ его чтити... И Гришка даетъ

рукописаніе, что приметъ Римскую и Іезуитскую Вѣру... И съѣхашася вси Панове въ Лашевъ градъ на сонмище . . . и Гришка сказуетъ имъ словеса лжива, что есть прямой Царевичь, и ту на сонмѣ прилучишася измѣнники Россійскіе, Дѣти Боярскіе и тѣ на сонмѣ то же повѣдали . . . и съ сонма взятъ его къ себѣ Воевода Сендомирской въ Сендомиръ, и бысть въ дому его больше года учася ересемъ. . . Юрій Мнишекъ бывалъ въ Римѣ въ Латинскихъ Мнисѣхъ, и сверже съ себѣ Мнишескій чинъ. . . и быша оба (съ Гришкою) розстриги, и потому прозванъ бысть *Мнишекъ*»!!

(217) См. *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 160. Грамота писана на языкѣ Польскомъ съ Русскимъ переводомъ. Начало такъ: «Мы Дмитрей Ив., Божіею милостію Царевичь Великой Русіи, Углетцкій, Дмитровскій и иныхъ, Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и дѣдичь. Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ Христіански живущихъ — за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ Котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ Него жь — усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи въ Королевствѣ Польскомъ, въ дому честнѣмъ, великого роду, житья честного и побожного, пріятеля и товарища (съ которымъ бы мнѣ, за помочью Божіею, въ милости и любви непремѣняемой житіе свое проводити) Яснѣвельможную Панну Марину съ Великихъ Кончицъ Мнишковну, Воеводенку Сендомирскую, Старостенку Львовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь Яснѣвельможнаго Пана Юрья Мнишка съ Великихъ Кончицъ, Воеводы Сендомирскаго, Львовскаго, Самборскаго, Меденицкаго и проч., Старосты Жупъ Рускихъ Жупника,» и проч. Далѣе: «И ему бъ (Мнишку) попомнити слово свое прямое вмѣстѣ съ Панною Мариною за присягою; а язъ попомню свою присягу... Изъ казны нашей Московской выдамъ клейнотовъ драгоцѣннѣйшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея... А будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ обои Государства (Новгородъ и Псковъ) ей приказати Намѣстникомъ своимъ, владѣти и судити, и вольно ей будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины (тамъ) давати... а самой жити съ нами; а Попы свои держати, сколько ей надобе; также набоженство своея Римскія Вѣры держати безо всякія забороны, *яко же и мы сами*, съ Божіею милостію, *соединеніе сіе приняли*, и станемъ накрѣпко промышляти, чтобъ все Государство Московское въ одну Вѣру Римскую привести. А того Боже намъ не дай, будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбятца, и въ годъ того не здѣлаемъ, ино будетъ вольно Пану отцу и Паннѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожалуютъ подождутъ до другаго году. А язъ теперь даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ цѣлованьемъ... при Святцкомъ чину, при Попѣхъ, что мнѣ все по сей записи здержати крѣпко и всѣхъ Русскихъ людей въ Вѣру Латинскую привести. Писана въ Самборѣ, м. Маія 25 дня, лѣта 1604.» Подпись Латинская и Русская: Dmitr Carewicz, *Царевичь Димитрій*. Приложена восковая печать. На оборотѣ: «Постановленіе и ассекурація Димитрія, Царя Московскаго, данная Г. Мнишкѣ, Воеводѣ Сендомирскому.» Тутъ же приписано: «Въ Пятницу, на другой день праздника Успенія П. Д. М., лѣта 1668, рукопись сію Провинціальный Королевскій главный Надзиратель, Лаврентій Катчевичь Соноклескій, представилъ для пріобщенія къ дѣламъ Староства. Принято и записано.»

(218) См. тамъ же, стран. 165. Сказано: «Въ вѣчныя времена дали мы ему (Мнишку) и наслѣдникомъ его Смоленское и Сѣверское Княжества... съ городами, замками, селами, подданными обоего пола... Смоленской земли другую половину (оставляя при Г. Воеводѣ самой замокъ съ городомъ Смоленскомъ) подарили и записали, какъ о томъ въ особомъ привиліи (привилегіи) изображено, Королямъ Польскимъ и Рѣчи Посполитой, съ шестью городами въ Княжествѣ Сѣверскомъ.» Печать красная восковая въ ковчегѣ.

(219) Нѣмцев. кн. VI, 248, и Нарушев. кн. IV, 239.

(220) См. Хронографы, гдѣ прибавлено: «А онъ, Яковъ, у казни называлъ его ростригою, Гришкою Отрепьевымъ.» Сей *Пыхачевъ* былъ, кажется, изъ числа бѣглыхъ, которые укрывались въ Литвѣ. Въ бумагахъ государственныхъ упоминается о Боярскомъ Сынѣ Аѳанасьѣ *Сухочевѣ*, взятомъ въ плѣнъ Донскими Козаками; но это долженъ быть другой человѣкъ. Въ Хронографѣ же: «Называли Гришку Царевичемъ *Хрипуновыхъ* пять братовъ» (см. выше, примѣч. 207) «да Истомы Михнева слуга Петрушка (Петровской), да Ивашка, что вожъ былъ» (т. е. провожатый Самозванца изъ Новагорода Сѣверскаго) «да люди посадцкіе Кіевляне.» *Хрипуновы*, ушедшіе въ царствованіе Борисово, не приставали къ Лжедимитрію до его восшествія на престолъ: Самозванецъ былъ уже въ Москвѣ, когда Сигизмундъ писалъ къ нему, чтобы онъ позволилъ симъ братьямъ возвратиться въ Россію (см. *Собран. Госуд. Грамот.* II, 216).

(221) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ въ Москвѣ въ 1606 году, гдѣ сказано: «Пріѣхало въ Краковъ до того Дмитра Москвы до колкинадцать человѣкъ, Сыновъ Боярскихъ, именемъ Иванъ Борошинъ съ товарищми.»

(222) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 74, и *Никон. Лѣт.*

(223) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ (выше, примѣч. 221). Атаманы пріѣхали къ Самозванцу въ Краковъ.

(224) См. Нѣмцев. кн. VI, 248. Именно о *двухъ* Монахахъ, которые ревностно служили обманщику, упоминается въ Отвѣтахъ Пословъ Сигизмундовыхъ. О Леонидѣ, см. выше, примѣч. 261.

(225) Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, л. 74: «Лазучники, Литовскіе люди, приходя въ Вел. Государя нашего Государства, воровскіе письма приносили, въ городахъ и на посадѣхъ и на дорогахъ листы воровскіе метали.» Тамъ же л. 98: «Въ прошломъ 111 (1603) году присылалъ къ Черниговскому Воеводѣ, къ К. Мих. Ѳед., изъ Любеча Подстаростей Томашъ Цебровской съ Черниговцомъ съ Ивашкомъ Корѣлою листъ о томъ баламутѣ, называючи его Государскимъ сыномъ. Да въ 112 году пріѣхалъ Государя нашего къ Украйному городу къ Монастыревскому (Моравску), изъ котораго первая прелесть стала, Литвинъ Томашко отъ Старосты Остринского, отъ Мих. Ратомского, къ Сотнику Стрѣлецкому къ Третьяку Козловскому, а привезъ листъ отъ того же вора Розстриги... а послѣ того пріѣзжали отъ Михайла жь Р. Исачко Ляхъ да Истомка Билинъ съ товарыщи, человѣкъ съ тритцать, въ судѣхъ съ грамотами о томъ же ворѣ.»

(226) См. выше, около примѣч. 181. Далѣе см. Нарушев. 240.

(227) См. выше, примѣч. 201.

(228) См. Бера.

(229) Беръ пишетъ, что Годуновъ, получая отовсюду извѣстія о мнимомъ Димитріи, самъ началъ было сомнѣваться въ убіеніи истиннаго: справлялся, допрашивалъ, и наконецъ увѣрился, что симъ

именемъ называется обманщикъ. — Борису служили тогда лазутчиками многіе изъ жителей Малороссіи: между Архивскими бумагами сохранилась челобитная одного тамошняго мѣщанина о награжденіи его за вѣсти о Самозванцѣ.

(230) Въ показаніяхъ измѣнника Хрущова (см. *Собран. Госуд. Грам.* II, 178): «О матери Царевичевой сказалъ, что въ Москву привезена и въ замкѣ (Кремлѣ) въ монастырѣ Дѣвичьемъ живетъ; что къ ней Патріархъ и Борисъ ѣздили, и она въ покояхъ Борисовыхъ была... она въ монастырѣ крѣпко содержится.»

(231) См. выше, и *Никон. Лѣт.* 60, гдѣ сказано: «Того жь Смирнова повелѣ (Царь) считать, и взочтоша на него дворцовые казны, и повелѣша его бити на правежѣ, и убиша до смерти.» Тамъ же 59: «Въ то же время бысть Смоленское моровое повѣтріе» (см. выше): «заставы быша по всему Смоленскому рубежу. Борисъ же повелѣ наипаче крѣпити заставы, и прибавиша до Брянска, чтобъ нихто изъ Литвы и въ Литву не ходилъ.»

(232) Въ показаніяхъ Хрущова Лжедимитрію (*Собран. Г. Г.* II, 174): «Слышалъ я, что общенародно Борисъ о вашей Царской милости сказывалъ.» Въ грамотѣ Патріарха Іова Архимандриту Солевычегодской Обители: «Чернецъ Пименъ» (см. выше, примѣч. 199) «да Чернецъ Венедиктъ, постриженикъ Троицы Сергіева монастыря, да Ярославецъ посацкой человѣкъ, Степанко иконникъ съ товарищи, и тѣ предо мною, Іевомъ Патріархомъ, на Освященномъ Соборѣ въ роспросѣ сказывали: Пименъ сказалъ» (см. выше, примѣч. 199)... «Венедиктъ сказалъ, что онъ забѣжалъ въ Кіевъ изъ Смоленска, и былъ въ Печерскомъ монастырѣ, и видѣлъ того вора Гришку въ Чернцахъ. А послѣ того присталъ тотъ воръ къ Лютаремъ (Лютеранамъ), и учалъ воровати у Запорожскихъ Черкасовъ: въ Чернцахъ мясо ѣсти; и онъ-дей Венедиктъ того страдника обличалъ, и извѣщалъ Печерскому Игумену, и Игуменъ посылалъ х' Козакомъ того вора имати Печерскихъ Старцовъ и слугъ, и его Венедикта; и тотъ воръ ухоронился, и ушелъ къ Князю Адаму Вишневецкому, и по Сотонинскому ученью и по Вишневецкихъ Князей умышленью, и по Королевскому велѣнью, учалъ называтись Княземъ Дмитріемъ. А Стефанъ иконникъ въ роспросѣ сказалъ: «ѣздилъ онъ въ Кіевъ промѣнивати образовъ, и жилъ въ Кіевѣ годъ да 13 недѣль, и того ростригу Гришку видѣлъ въ Кіевѣ въ Чернцахъ, и былъ-де онъ у Князя Василья Острожского въ Печерскомъ и въ Никольскомъ м. въ Дьяконѣхъ и къ лавкѣ его приходилъ съ Запорожскими Черкасы.»

(233) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 63 и 139, гдѣ означено, что Смирной ѣздилъ къ Королевскимъ Вельможамъ въ 1604 году.

(234) Въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 173: «1604 г. Сент. 3» (по Новому Стилю) «пріѣхали къ Царевичу Послы Донскихъ Козаковъ, объявляя, какъ и прежде сего, что войско ихъ находится въ готовности и подданствѣ Царевичу... и плѣнника, Петра Хрущова, знатнаго Дворянина Борисова, Царевичу отдали,» и проч. О времени Лжедимитріева похода см. тамъ же, стран. 167, *Дневную записку пути Самозванцева*, въ коей числа означены по Новому Стилю.

(235) Въ показаніяхъ Хрущова (*Собран. Г. Г.* II, 174): «Спрашивали его, что тамъ (въ Москвѣ) о Царевичѣ слышно? надѣются ли какого съ нимъ войска» (это худой переводъ съ Польскаго) «и воспоминалъ ли что о немъ Борисъ? Хрущовъ сказалъ: «совершеннаго извѣстія учинить не могу, понеже я въ замкѣ въ Василѣгородѣ, далече отъ Москвы былъ, и оттуда призванъ, 5 только дней въ Москвѣ жилъ... Въ бытность мою въ Москвѣ только я слышалъ, что Царевичь въ Литвѣ есть, но войску его въ Княжествѣ Сѣверскомъ быть не надѣются; слышалъ и сіе, что общенародно Борисъ о вашей Царской милости сказывалъ (хотя я самъ притомъ не былъ), что не Царевичь, и спрашивалъ у людей, его ли сторону держать? На то они ничего не сказали.. Воевода Путивльской сказывалъ ему (Хрущеву), что въ Путивлѣ и въ разныхъ мѣстахъ подметныя письма отъ Царевича являлись, которыя когда читаны были, тогда великую любовь къ Царевичу народъ возымѣлъ: о чемъ и Борису донесено... и Воевода просилъ, дабы отъ уряду своего освобожденъ быть могъ... По отправленіи своемъ изъ Москвы къ Дону встрѣтился (Хрущовъ) съ Гетманами П. Шереметевымъ и М. Салтыковымъ... и тѣ его къ себѣ, одинъ на обѣдъ, другой на ужинъ просили; и тамъ Хрущовъ, отведя на сторону, упомянулъ о Царевичѣ, сказавши, о чемъ ему съ Донск. Козаками говорить велѣно.. Шереметевъ, пожавъ плечами, сказалъ: мы ничего не знаемъ... О шпіонахъ сказалъ: слышалъ онъ отъ новаго Канцлера Власьева, что купцы въ Литву посланы быть имѣли для провѣдыванія... О здравіи Борисовомъ сказалъ, что часто бываетъ боленъ, и нѣсколько недѣль какъ не выходитъ, и ногу волочитъ, параличемъ пораженъ пребывая» (вѣроятнѣе, отъ подагры). «О сынѣ Борисовомъ спрашивалъ Царевичь, хочетъ ли Борисъ его наслѣдникомъ учинить? Отвѣчалъ: еще не объявилъ, однакожь знать, что намѣренъ, понеже ко всѣмъ важнымъ дѣламъ его употребляетъ, при себѣ всегда содержитъ и такъ людей къ нему привлекаетъ, что о чемъ кто сына его проситъ, безъ затрудненія получаетъ. О кончинѣ двухъ главныхъ господъ, Вас. Смирнова» (см. выше, примѣч. 231) «и Меньшаго Булгакова, между которыми одинъ въ тюремномъ заключеніи умерщвленъ, а другой утопленъ, сказалъ, что они, бывъ у себя на банкетѣ, пили за здравіе Царевича.. Булгаковъ въ бытность его (Хрущова) къ утопленію приговоренъ, но еще погубленъ не былъ. О гонцѣ Отрепьевѣ сказалъ, что не при немъ въ Литву отправленъ; однакожь въ толь великой любви у Бориса, что въ тѣхъ покояхъ бываетъ, куда токмо знатные господа допускаются. Изъ сего легко выразумѣть можно, сколь справедливо того гонца присвоеніе свойственникомъ Царевичевымъ: ибо ежели бы такъ было, то бъ онъ такого доступа къ Борису не имѣлъ, а паче, по обыкновенію Московскому, со всѣмъ бы домомъ искорененъ былъ» (это, вѣроятно, не слова Хрущова, а того Поляка, который писалъ допросы)... «О покойной святой памяти Царя Ѳеодора женѣ сказалъ, что нечаянно умерла; однакожь слышно, что Борисъ оную убилъ, по той причинѣ, какъ полагаютъ, что она какъ его, такъ и сына его на государствованіе благословить не хотѣла, говоря, что я супругу моему присягу учинила, и брату его Димитрію, яко своему и твоему природному Государю, повинуюся, а не тебѣ, который незаконно овладѣлъ Государствомъ.. ибо Царевичь въ живыхъ обрѣтается.»

(236) Казни были, но уже послѣ (см. Хронографы).

(237) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 64 на об., 73 и 77. Тамъ сказано: «Король и Папы накупали (на Россію) Казы-Гирея Царя... и писали къ нему съ гонцомъ съ Онтономъ Черкашениномъ о розстригѣ о Гришкѣ, что будто въ Литвѣ Царевичь Дмитрей, и Жигимонтъ Король отпускаетъ его на Государя нашего (Бориса) землю войною,

чтобъ Крымской далъ ему помочь. . . и Казы-Гирей послалъ къ Жигимонту съ отвѣтомъ Посланника Сеферказыя.»

Писалъ ли Борисъ съ Огаревымъ къ Сигизмунду, какъ сказали Послы Литовскіе въ Отвѣтахъ Боярамъ Московскимъ (см. выше, примѣч. 221), что если бы Разстрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены? Сомнительно.

(238) Въ Нарушев. кн. IV, примѣч. 28, въ письмѣ Тарновскаго, Кастеляна Сендомирскаго, къ Н. Олесницкому, Кастел. Радомскому, писанномъ изъ Стобницы отъ 21 Сент. 1613: Aleśmy chcieli Boga oszukać, że iakoby privato consilio i z swey woli, a nie de consensu Regio.

(239) Въ Польск. Дѣлахъ No. 26, л. 79: «Іевъ Патріархъ и Митрополитъ, и Архіеп. и Епископы... посылали къ навышшей Радѣ Коруны Польскіе и Вел. Княжества Литов., къ Арцыбискупомъ и Бискупомъ и ко всему Духовному чину з' грамотами Посланника своего, Ондрея Бунакова,» и проч. Тамъ же, л. 139: «Патріархъ Іевъ посылалъ въ Кіевъ къ Воеводѣ ко К. Василью Острожскому з' грамотою Сына Боярского, Ѳонасья Пальчикова,» и проч. Въ Отвѣтахъ Литовскихъ Пословъ сказано, что Бунаковъ въ Вильнѣ уже свѣдалъ о смерти Царя Бориса.

(240) См. Нарушев. кн. IV, 240, и Нѣмцев. кн. VI, 249. Вассенбергъ полагаетъ у Самозванца 10,000 человѣкъ, Кобѣржицкій 15,000, Беръ 8000, другіе 5000, а Паерле 1100 всадниковъ Литовскихъ, 500 пѣшихъ ратниковъ и 2000 Козаковъ. Рукописное сочиненіе послѣдняго, бывшаго въ Россіи при Лжедимитріи, имѣю изъ библіотеки Е. С. Графа Николая Петровича Румянцова. Въ заглавіи: Beschreibung der Moscovittischen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Herrn Andreasen Nathan und Matheo Bernhardt Marelichen dem jüngern d. 19 Martii 1606 von Cracau aus angefangen, und was wir warhafftiges gehört, gesehen und erfahren, alles aufs kürzest beschriben, bis zur unseren, Gottlob, wider daher Ankunft d. 25 Decembris. Anno 1608.

Іезуиты, бывшіе съ Лжедимитріемъ, назывались Николай Черниковскій и Андрей Лавицкій (см. Гревенбрух. 14).

(241) 26 Окт. по Нов. Стилю: см. Дневную Записку въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 168, и Паерле.

(242) Въ Розрядн. Кн.: «Какъ Гришка Отр. пришелъ на Сѣверу изъ Литвы въ осень, и противъ вора Гришки посланы были въ Путивль Мих. Мих. Салтыковъ, да съ нимъ Осадный Воевода К. Вас. Мих. сынъ Мосальской-Рубецъ... въ Черниговъ Бояринъ К. Никита Роман. Трубецкой, да Окольничей Петръ Ѳед. Босмановъ, да Голова Андрей Матв. сынъ Воейковъ... Царь велѣлъ быти противу Ростриги во Брянску на три полки: въ большомъ К. Дм. Ив. Шуйскому, да К. Мих. Ѳед. Кашину; въ передовомъ Ив. Ив. Годунову, да К. Мих. Самсон. Туренину; въ сторожевомъ Боярину Мих. Глѣб. Салтыкову, да К. Ѳед. Звенигородцкому.»

(243) См. Хронографы и Лубѣнск. Op. Posth. 30.

(244) Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 94: «Панъ Радной, Юрьи Сендомирской, прелщаючи Сѣврюковъ, говорилъ имъ подъ клятвою, что тотъ воръ прямой Царевичь... И Король (л. 76) и Паны Рада стояти за него хотятъ всею Польшею и Литвою. И на Сѣверѣ мужики Сѣврюки люди простые, забывъ Бога, и душу свою повѣря Сендомирскому Воеводѣ,» и проч.

(245) См. выше, стр. 70.

(246) См. въ Архивѣ К. И. Д. Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ 1606 году и Хронографы.

(247) См. Хронографы и Дневную Записку въ *Собран. Г. Г.* II, 167 и слѣд.

(248) 21 Окт.: См. Дневную Записку и Отвѣты Литов. Пословъ. Въ Моравскѣ (въ Монастыревскомъ, по Розрядн. Кн., или, по Больш. Чертежу, въ Муромскѣ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова) начальствовали Борисъ Лодыгинъ и Елизарей Безобразовъ. Паерле сказываетъ, что Лжедимитрій оставилъ тамъ 150 Ляховъ для храненія крѣпости.

(249) Паерле пишетъ, что Лжедимитрій послалъ къ Чернигову 2000 Козаковъ, и что городъ хотѣлъ немедленно ему сдаться, но что Воеводы съ 300 Стрѣльцами и съ 20 пушками заперлись въ крѣпости; что жители соединились съ Козаками, силою принудили Стрѣльцевъ отворить крѣпость и выдали Самозванцу Воеводъ связанныхъ; что, его именемъ, Ляхъ Бучинскій занялъ Черниговъ 5 Ноября Нов. Стиля. См. также Петрея 298 и Нѣмцев. кн. VI, 250. Въ Дневной Запискѣ Лжедимитріева похода: 28 Окт. (Нов. Ст.) тамъ же (въ Шляхетской). Прислано изъ Моравска съ объявленіемъ подданства. 29 Окт. при Полчовѣ. Приходили Московскіе люди предаваясь въ подданство, и тамъ же Воеводы отданы. — 31 Окт. Моравскъ: замокъ отданъ. — Ноября 1 и 2 въ лагерѣ. Боярской сынъ далъ знать о разрывѣ. Шпіонъ пойманъ. 3 Москов. люди на 80 коняхъ пріѣзжали. 4 Черниговъ поддался. 5 Черниговъ отобранъ... 14 Ноября въ лагерѣ за рѣкою Свиницою.»

(250) Отецъ его былъ Крайчій Ѳедоръ, а дѣдъ Бояринъ Алексѣй Даниловичь: см. Т. IX, 94.

(251) См. выше, примѣч. 242 и Розрядн. Кн., гдѣ прибавлено: «да въ Новѣ же городкѣ Сѣверск. были Воеводы Алексѣй Ром. Плещеевъ, да К. Ѳед. Андр. Звенигородцкой, да К. Як. Борятинской, да Ондрей Воейковъ, да Елизарей Бартеневъ.»

(252) Паерле: «Басмановъ забралъ къ себѣ въ крѣпость всѣхъ жителей и послалъ 200 Стрѣльцевъ сжечь городъ... Димитрій» (Паерле считалъ Разстригу истиннымъ Царевичемъ) «остановился за 4 мили отъ Новагорода и послалъ туда Бучинскаго съ 200 Козаками... Россіяне, стрѣляя, кидали вверхъ свои шапки, въ знакъ того, что хотятъ говорить. Бучинскій самъ-двѣнадцать къ нимъ подъѣхалъ и сказалъ» (тутъ описываются переговоры) ... «Бучинскій расположился станомъ на горѣ, откуда могъ видѣть, что дѣлалось въ крѣпости, а самъ поѣхалъ на встрѣчу къ Димитрію, который совѣтовался съ Воеводою Сендомирскимъ и съ другими: рѣшились на другой день подступить къ городу, и стали на пепелищѣ» (тутъ опять переговоры чрезъ Польскихъ Дворянъ и Русскихъ) ... «Димитрій велѣлъ своимъ взять городъ приступомъ; но ихъ отразили: убито 50 человѣкъ. Прошло около трехъ недѣль» (гораздо менѣе: см. ниже). «Ляхи занимались изготовленіемъ горючаго вещества; но непріятель узналъ о томъ, и когда они въ темную ночь приблизились съ огнемъ къ крѣпости, чтобы подорвать ее, началась ужасная пальба: человѣкъ сто легло на мѣстѣ. Ляхи возвратились въ станъ съ унывіемъ, и на другой день уже хотѣли бѣжать: тогда, къ счастію Димитрія, явился гонецъ съ извѣстіемъ, что Путивль ему отдается.» — Въ Дневной Запискѣ: «18 Ноября въ лагерѣ за Сновою. *Принесена Папежская грамота*... 21 Н. подъ Новогородкомъ... 24 Н. подъ замкомъ пальба» (приступъ) «28... Н. съ Суботы на Воскресенье чрезъ всю ночь пальба» (неудачное покушеніе зажечь крѣпость). «Пріѣхали Путивляне, объявляя о поиманіи Воеводъ. 29 Н. Воеводы изъ Путивля приведены. 30 Н. Козаковъ 200 поймали. Плѣнникъ въ замокъ впущенъ, и

Путивляне извѣстіе учинили о поиманіи 200 Стрѣльцевъ Московскихъ. 1 Декабря Путивляне Голову Стрѣлецкаго и съ Сотниками отдали.»

Вотъ достовѣрнѣйшія извѣстія — и вотъ баснословіе Хронографа: «Онъ же Гришка начатъ крѣпко бити по граду, и разбиша градъ до обвалу земнаго. Воеводы же и граждане сотвориша лукаву вещь: начаша бити челомъ ему и милости просити въ винѣ, будто, не знаючи его, супротиво стаста ему: нынѣ же познахомъ тя, прирожденнаго Государя своего... нынѣ градъ отворимъ и съ честію встрѣтимъ тебя. Онъ же повелѣ престати по граду бити. Они же тайно уготовиша пушки и пищали... и градъ отвориша. Они же (Гришкины воины) пойдоша тѣсно, и егда въ притинѣ быша, граждане начаша бити по войску его изо всего наряду, и убиша у него яко 4000... Гришка срама и гнѣва наполнися, и повелѣ опять ко граду приступати, и ничто же успѣ.»

(253) См. *Никон. Лѣт.* 61. Петрей разсказываетъ, что знатный сановникъ, Вас. Мих. Мосальскій, былъ посланъ отъ Царя къ войску съ 80,000 талеровъ (см. ниже, примѣч. 256), но привезъ ихъ къ Самозванцу, который встрѣтилъ его за то съ музыкою и сдѣлалъ своимъ Маршаломъ. Извѣстіе нашего Лѣтописца достовѣрнѣе. Въ Дневной Запискѣ: «4 Дек.» (по нашему Стилю 25 Ноября) «Рыльчане пріѣхали, объявляя, что Рыльскъ поддался и Воеводы пойманы. Того жь дня изъ Комарницкой (Сѣвской) волости люди пріѣхали съ объявленіемъ подданства, и двухъ Воеводъ привели... 10 Дек. получено извѣстіе о здачѣ Курска, и привезены 5 Воеводъ изъ Рыльска и 2 изъ Комарницкой волости... 13 Дек. получено извѣстіе, что волость Кромы поддалась.» Гревенбрухъ пишетъ, что Осколъ, Волуйка, Воронежъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Елецъ и Ливны сдались Лжедимитрію уже послѣ неудачнаго приступа Царскихъ Воеводъ къ Рыльску (см. ниже); но въ нашихъ Лѣтописяхъ говорится въ одно время объ измѣнѣ всѣхъ городовъ: что согласно и съ извѣстіемъ Паерле и съ обстоятельствами.

(254) См. выше, примѣч. 201, и Гревенбруха, который пишетъ (вмѣсто Гришки Отрепьева): Hinsko Otioreion. Де-Ту сообщаетъ тоже извѣстіе.

(255) См. Паерле.

(256) См. Нѣмцев. кн. VI, 253, 254, гдѣ сказано, что Лжедимитрій встрѣтилъ сихъ купцевъ съ казною на пути отъ Чернигова къ Новугороду Сѣверскому. См. выше, примѣч. 253.

(257) Въ Дневной Запискѣ: «7 Дек. передалось изъ замка (Новогородскаго) 80 Москвитянъ... 11 Дек. стали мы (Разстрига и Мнишекъ) палить изъ большихъ пушекъ» (свезенныхъ, какъ пишетъ Паерле, изъ разныхъ городовъ, которые сдались Лжедимитрію)... «14 Дек. наше войско побило 100 человѣкъ Москвитянъ... 24 Дек. Московскихъ 100 человѣкъ вошли въ замокъ. 25 Дек. наши побили Москвитянъ, которые въ замокъ приходили.» О перемиріи см. Паерле. Басмановъ давалъ чувствовать Отрепьеву, что вѣсти Московскія будутъ безъ сомнѣнія благопріятны для него (Самозванца).

(258) См. выше, стр. 70.

(259) См. Т. X, стр. 87. Далѣе см. Розряди. Кн.

(260) См. Т. X, стр. 82. Угличанъ сослали, какъ извѣстно, въ Пелымъ.

(261) См. Хронографы.

(262) Въ грамотѣ Патріарха Іова къ Архимандриту Солевычегодской Обители: «Намъ и всему міру о томъ подлинно вѣдомо, что К. Дмитрія Ив. не стало на Угличѣ въ 99 году, тому нынѣ 14 лѣтъ, и нынѣ лежитъ на Угличѣ, въ Соборной церкви, а на погребеніи его была мать его и братія ея, Нагіе... Статочное ли то дѣло, что Князю Димитрію изъ мертвыхъ воскресн̃ути прежде общаго воскресенія и Страшнаго суда?... Дѣлаетъ то Жигимонтъ Король и Паны Радные, хотячи Сѣверскіе земли городовъ доступити къ Литвѣ: для того страдника назвали Княземъ Дмитріемъ.» О безсовѣстности Шуйскаго см. Т. X, стр. 80.

(263) Въ Хронографѣ: «Людіе же о семъ вѣры не яша, ни Патріарху, ни К. Ив. Шуйскому, глаголюще: сіи сице глаголютъ по наученію Борисову... Аще не сія Борису глаголати, да что ино ему творити? *Мнитъ* бо онъ и до днесь убиша его (Димитрія); но въ него мѣсто инъ убитъ былъ.»

(264) Въ грамотѣ Іова къ Архим. Солевычегодск. Обители: «Ростригу Гришку... и его воровскихъ совѣтниковъ... и Государевыхъ измѣнниковъ... и впередъ кто учнетъ на то прельщатися и ему вѣрити, соборнѣ и всенароднѣ (мы) прокляли и впередъ проклинати велѣли.» Въ Приговорѣ Соборномъ Царя Бориса (въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 164, и въ Татищевскомъ *Судебникѣ* 233): «Царь и В. К... съ Патріархомъ... и съ сыномъ своимъ, благородн. Царевичемъ, со всѣмъ освящен. Соборомъ... и со всѣмъ своимъ Царскимъ Сигклитомъ, видя Божеское на насъ, за грѣхи наша, праведное прещеніе, яко вѣстный всѣмъ воръ... назвался Царевичемъ, который, какъ всѣмъ вѣдомо, по приключенію скончася въ Угличѣ; а сей злохищный *львичище* сольсти Короля *Лятскаго* и Литовскаго... хотя похитити Царство Москов. и православн. Христ. Вѣру истребити, а ввести проклятую Папежскую, его же повелѣхомъ всюду въ церквахъ святыхъ и по торжищамъ клясти.» Число поставлено 12 Іюня 1604; но это явная ошибка: тутъ сказано о Разстригѣ: «*пришелъ* въ наши Украйные грады съ войски великими» — а Разстрига *пришелъ* въ Октябрѣ 1604. И слогъ кажется мнѣ весьма необыкновеннымъ для тогдашняго времени. Не оспориваю исторической достовѣрности сего Приговора; однакожь не ручаюсь за оную.

(265) См. Т. VIII, 161. Въ Приговорѣ Соборномъ (въ Татищев. *Судебникѣ* 234 — 238): «Войска наши оскудѣша, овіи, прельщени тѣмъ воромъ, къ нему предалися; многіе Козаки, забывъ къ намъ крестное цѣлованіе, намъ измѣнили; иные отъ долгаго стоянія изнурились, испроторились и въ домы разошлись, и тако воямъ нашимъ зѣло умаливнимся; многіе же люди, имѣя великія помѣстья и отчины, а службы не служатъ... и живутъ въ домахъ, не пекущеся о гибели Царства и о Св. Церкви. Первѣе бо не *толь* слуги Святителей и монастырей, но и сами Старцы, Священницы и Діаконы въ нашествіе нечестивыхъ множицею на войну исхождаху... Мы же сего не восхотѣхомъ... а повелѣхомъ, да вси Патріарши, Митрополичи, Архіепископли и Епископли и монастырей слуги, колико ихъ есть годныхъ, вскорѣ собрався со оружіемъ и запасы, идутъ въ Калугу къ Бояромъ нашимъ и Воеводамъ, К. Ѳед. Ив. Мстиславскому съ товарищи.» Далѣе: «Царь Іоаннъ Вас. уставилъ всѣмъ отъ помѣстей и отъ отчинъ ото ста четвертей ставити на войну человѣка со всѣмъ гожаго; а мы, яко сіе вельми тяжко бысть, повелѣхомъ отнынѣ и впредь, кто колико помѣстей и отчинъ имѣетъ, а самъ коея ради вины на войну не идетъ, хотя старости или болѣзни или въ Приказахъ и городахъ судейства и управленія ради, быти самъ не можетъ, ни сына пошлетъ, тому слати холопа отъ двусотъ четвертей съ конемъ, съ полнымъ доспѣхомъ и запасомъ, коему граду куда итти велѣно будетъ... А которые за ранами и увѣчьемъ изъ полковъ отпустятся, которые, въ полону будучи, выдутъ, и тѣхъ оставляти въ домахъ на два лѣта, и холопей имъ не посылати. А которыхъ вдовъ мужи, а дѣтей ма-

лыхъ отцы убиты на войнѣ, или въ плѣнѣ удержатся, ино тѣхъ потому же два лѣта не высылати. А которые имѣютъ помѣстья и отчины, а сами или ихъ дѣти не въ войскѣ, и холопей не пошлютъ ... огурствомъ, и у тѣхъ, со скольнихъ четвертей службы не будетъ, толико четвертей взяти и отдати безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, кои служатъ, Дѣтемъ Боярскимъ и иныхъ чиновъ людемъ. — А которые Митрополиты, Архіепископы и Епископы или монастыри холопей годныхъ въ службу не вышлютъ ... и за тѣхъ людей доправити... за всякаго человѣка... по 15 рублевъ, а слугъ тѣхъ писати въ Стрѣльцы безъ пощады. А буде у коего Митроп., Архіеп. и Епископа, или монастыря, толико слугъ гожихъ нѣтъ, колико за нимъ отчинъ по четвертямъ, и съ тѣхъ ... брати по гривнѣ за четверть, и давати тѣ деньги служилымъ людемъ, коли война есть; а нѣтъ войны, ино людей и денегъ не брати.» Въ Розрядн. Кн.: «послалъ Царь» (осенью 1604) «збирать Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ Стольниковъ и Стряпчихъ по городамъ, а наказы имъ даны особные.»

(266) Маржеретъ (стр. 114, который самъ былъ тогда въ Борисовомъ войскѣ, сказываетъ, что оно состояло изъ 40,000 или 50,000 ратниковъ. Другіе (Кобѣржицкій 59, Лубѣнскій 37 и Паерле) говорятъ о 60,000. Беръ пишетъ: «Царь послалъ всюду гонцевъ съ указомъ быть всѣмъ Князьямъ, Боярамъ, Стрѣльцамъ, иноземцамъ къ 28 Октябрю въ Москву, подъ опасеніемъ лишиться имѣнія и самой жизни въ случаѣ неповиновенія. Послали и другихъ и третьихъ гонцевъ съ такимъ же указомъ. Въ теченіе мѣсяца собралося болѣе ста тысячь, коимъ Царь велѣлъ итти съ К. Мстиславскимъ къ Новугороду Сѣверскому, куда гнали изъ деревень и прочихъ людей воинскихъ. Кто не слушался, у того отнимали помѣстье; иныхъ заключали въ темницу или сѣкли плетьми, такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось цѣлаго мѣста. Сіи мѣры принудили всѣхъ итти къ войску, которое около Мартинова дня состояло уже почти изъ 200,000 человѣкъ.»

(267) Видекиндова Historia Belli Sveco-Moscovitici decennalis, глав. X, л. 20.

(268) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 76. Въ Дневной Запискѣ (*Собр. Г. Г.* II, 171): «25 (15) Дек. принесено *ко мнѣ* письмо изъ войска Борисова:» слѣдственно это писано самимъ Мнишкомъ. Тамъ же: 26 Дек. три солнца видѣли... 28 Дек. войско Борисово приближалось, и при переправѣ, за милю отъ насъ, наши съ ними стрѣлялись. Передались отъ нихъ два Боярина» (въ подлинникѣ Dway Boyarow). «29 Дек. передался *Бояринъ*» (Boyarzyn, безъ сомнѣнія *Сынъ Боярскій*) «изъ войска Борисова. 30 Дек. начало стычки ... и побито нѣсколько.»

(269) См. выше, примѣч. 240.

(270) См. Паерле. Лжедимитрій говорилъ: «Насталъ часъ, о любезные и вѣрные мои сподвижники!... часъ, въ который Господь рѣшитъ мою прю съ Борисомъ!... Будемъ спокойны: ибо Всевышній правосуденъ: Онъ чудесно спасъ меня, чтобы казнить злодѣя ... Не бойтесь многочисленности враговъ: побѣждаютъ мужествомъ и добродѣтелію, а не числомъ, какъ то свидѣтельствуетъ Исторія ... Мнѣ будетъ Царство, а вамъ слава, лучшая награда добродѣтели въ здѣшней краткой жизни.» Вотъ смыслъ; рѣчь многословна и не весьма складна. Вѣроятно, что Паерле написалъ ее за Лжедимитрія.

(271) Histoire de J. A. de Thou, кн. 135, стр. 49.

(272) Въ описаніи битвы слѣдую Маржерету (113, 114). En escarmouchant, пишетъ онъ, il vint trois compagnies Polon. charger un des bataillons si furieusement, que le dit bataillon se vint fondre sur l'aile droite, et ainsi sur le corps de l'armée, avec tel desordre, и проч. См. также Бера. На лѣвомъ крылѣ были Воеводы Окольничій Вас. Петр. Морозовъ и К. Лука Осип. Щербатой, въ срединѣ съ Мстиславскимъ К. Андрей Андр. Телятевскій, въ перед. полку Бояре К. Вас. Вас. Голицынъ и Мих. Гл. Салтыковъ, въ сторожевомъ Окольничій Ив. Ив. Годуновъ и Кн. Михайло Самсон. Туренинъ. Въ Хронографѣ: «Егда пріидоша (Воеводы Борисовы), и градъ (Новгородъ Сѣверск.) выручаютъ, и войско съ войскомъ сходятся, стрѣляюще изъ пищалей и изъ луковъ тмочисленныхъ... и бысть сѣча велія... яко же и на Дону у В. К. Дмитрія Ив. съ Мамаемъ; ужаса и трепета полна бяше та борьба. Онъ же Гришка съ хитростію на бой нарядився: воинскіе люди и кони ихъ въ медвѣжьихъ кожахъ и овечьихъ навыворотъ ... кони же Борисовой рати зѣло мятущеся: они же въ смятеніи томъ всадниковъ побиваху, и тако Борисово войско смятеся, и до самаго стяга и знаменія Воеводскаго добишась, и много безчисленно людей падоша... и самаго К. Ѳ. И. Мстиславскаго зѣло раниша ... и воины Борисовы побѣгоша; они же ихъ девять верстъ и больше гнаша сѣкуще: трупу жь человѣка яко лѣсу порониша, и яко мостъ на 9 верстъ помостиша; аще не бы нощь постигла, мало бы спаслося.» См. также *Никон. Лѣт.* Въ Дневной Запискѣ: «Счастливое, по милости Божіей, сраженіе съ войскомъ Борисовымъ, и побитыхъ до 4000 человѣкъ.» То же число означаетъ и Паерле: Петрей только 2000.

(273) См. Петрея 299. Онъ говоритъ, что начальникъ шести сотъ иноземцевъ, Шведскій Капитанъ, Лоренцъ Біугге, помогъ Басманову.

(274) Маржеретъ: On eust dit que les Russes n'avoient point de bras pour frapper. Онъ же сказываетъ, что они послали нѣсколько плѣнниковъ въ Москву, и въ числѣ ихъ одного Капитана Польской конницы, именемъ Domarasqui.

(275) Въ Дневной Запискѣ: «Генв. 1 (по Нов. Ст.) войска Запорожскаго пришло 4000.» Паерле пишетъ, что ихъ пришло 12,000 (*въ Повѣсти о Гришкѣ Отрепьевѣ даже* 30,000); всадниковъ 8000 и пѣшихъ 4000, съ 14 пушками; что Лжедимитрій выѣзжалъ къ нимъ на встрѣчу, и въ общемъ совѣтѣ положилъ немедленно сразиться съ войскомъ Борисовымъ, которое стояло въ милѣ отъ Новагорода; но что гонецъ Королевскій тогда же привезъ указъ Сигизмундовъ всѣмъ Полякамъ оставить Самозванца, въ исполненіе Борисова требованія чрезъ Огарева (см. выше, примѣч. 237). Въ Дневной Запискѣ не упоминается о гонцѣ Королевскомъ.

Войско Борисово удалилось отъ Новагорода для того, какъ пишутъ нѣкоторые (см. Лубѣнск. 31 и Нарушев. кн. IV, 242), что Лжедимитрій объявилъ въ своемъ станѣ о немедленномъ прибытіи къ нему Ходкѣвича изъ Ливоніи съ великою силою: «услышали радостныя восклицанія, звуки трубъ, пальбу изъ пушекъ — и Воеводы Московскіе отступили далѣе.»

(276) Паерле говоритъ, что и сіи ушли-было отъ Самозванца, но возвратились къ нему на третій день. Поляки, если вѣрить Петрею, ушли съ досады на Самозванца, который не далъ имъ ничего изъ воровской казны Мосальскаго (см. выше, примѣч. 253), раздавъ ее всю Козакамъ. Въ Дѣлахъ Польск. No. 27, л. 92: «Отшелъ Воевода Сендомирскій отъ того вора собою послѣ того, какъ ему бой былъ съ Бояры, а отходилъ для помочи тому вору, а не за Королевскимъ повелѣньемъ; а Староста Остр. Мих. Ратомской и Тишкѣевичь и Ротмистры осталися.» По Дневной Запискѣ (*Собран. Г. Г.* II, 172) Лжедимитрій и Мнишекъ вмѣстѣ

отступили отъ Новагорода Сѣверск. 12 Генв. и ночевали въ Нѣргодѣ, 13 въ лѣсу при какой-то деревнѣ, 14 надъ болотомъ при деревнѣ, гдѣ сдѣлалась тревога; 15 Генв. стояли надъ озеромъ, и Мнишекъ разъѣхался съ Лжедимитріемъ: первый съ своими отправился въ Самборъ, а послѣдній въ Сѣвскъ: см. рукописн. *Повѣсть о Гришкѣ Отрепьевѣ*. Въ другихъ извѣстіяхъ наименованъ здѣсь, вмѣсто Сѣвскаго острога, Чемлинскій: см. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*; см. также Маржерета 114. Паерле разсказываетъ слѣдующее: «Не зная, куда дѣвались Воеводы Борисовы, Лжедимитрій послалъ изъ Сѣвска 500 Козаковъ развѣдать объ нихъ: Козаки встрѣтили въ лѣсу 30 Россійскихъ всадниковъ, взяли трехъ въ плѣнъ, и свѣдали, что не далеко оттуда, въ деревнѣ, стоитъ ихъ до четырехъ тысячь, а въ станѣ близъ Новагорода Сѣверск. не менѣе ста тридцати тысячь. Лжедимитрій прислалъ къ Козакамъ 120 Ляховъ; они на голову разбили 4000 Москвитянъ въ деревнѣ.» Въ Петреѣ: «Москвитяне стояли въ лѣсу, въ трехъ миляхъ отъ Добрыничей, и послали на грабежъ 7000 человѣкъ: горсть Ляховъ встрѣтила ихъ и разбила; легло на мѣстѣ 4000. Воеводы Борисовы отъ ужаса оградились рогатками. На третій день они выслали 12000 всадниковъ развѣдать о непріятелѣ: войско Лжедимитріево сражалось съ ними до ночи; убило 200 Москвитянъ и взяло 100 плѣнниковъ; а Москвитяне только одного пьянаго и несказанно тѣмъ веселились. Сей плѣнникъ требовалъ вина, былъ замученъ и повѣшенъ на деревѣ.»

(277) Въ Розрядахъ 1605 года (см. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумажники Миллера, No. VI): «Дек. въ 21 у Новагородка Сѣверскаго было дѣло съ Ростригою... и К. Ѳед. Ив. по головѣ ранили во многихъ мѣстахъ; и Государь послалъ Чашника своего, Микиту Дм. Вельяминова-Зернова, съ рѣчью съ милостивымъ словомъ; а въ рѣчи пишетъ говорити Боярину, К. Ѳ. И. Мстиславскому: *Государь Царь... и сынъ его... велѣли тебѣ челомъ ударити... и говорити: слухъ намъ дошолъ, что у васъ было съ крестопреступники, Литовскими людми, и съ Ростригою дѣло... и тебя ранили ... а Бояринъ нашъ, К. Дм. Ив. Шуйской съ товарищи, о томъ къ намъ не писали... И ты памятуючи крестное цѣлованье, предалъ кровь свою за Бога и за Преч. Богородицу, и за вел. Чудотворцевъ и за Св. Божіи церкви и за всѣхъ православныхъ Христіанъ; и аже дастъ Богъ, службу свою совершишь и увидишь образъ Спасовъ и Преч. Богородицы, и вел. Чудотворцевъ, и наши Царскія очи, и мы тебя пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чево у тебя на умѣ нѣтъ. Да Государь же жалуетъ тебя, и послалъ къ тебѣ со мною Дохтура Егана да Оптекаря Петра да Лавринова...* Говорити Боярамъ, К. Дм. Ив. Шуйскому съ товарищи: Государь Царь... и сынъ его велѣли вамъ поклонитца... и велѣли вамъ говорить: *вы къ намъ не писали, кокмъ обычаемъ у васъ дѣло дѣлалось* (Дек. 21), *и вы то дѣлаете не гораздо, и вамъ бы о томъ написать къ намъ наскорѣ...* Вельяминову, собравъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей, да спросити отъ Государя и отъ Царевича о здоровьѣ... (и сказать): *Государь Царь и сынъ его... жалуютъ васъ, и велѣли васъ о здоровьѣ спросить...* Генв. въ 1 день Государь послалъ Б. и Воеводу, К. В. И. Шуйсково, а велѣлъ ему въ большомъ полку быти прибыльнымъ Воеводою.»

(278) То есть, сто тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера. Въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: «Воеводамъ же, К. Никитѣ Ром. Трубецкому да П. Ѳ. Басманову, на Москвѣ велію честь (Царь) воздаде; Петра же наипаче К. Никиты жаловаше: того же въ немъ не чаяше, что ему здѣлати надъ Царицею и надъ дѣтьми.»

(279) См. *Никон. Лѣт.*, Розрядн. Книги и Маржерета 114, 115.

(280) Маржеретъ: L'armée de Boris (состоявшая изъ сорока или пятидесяти тысячь) se renforçoit tous les jours; но не говоритъ, чтобы она сдѣлалась втрое или вчетверо сильнѣе: какъ далеко до двухъ сотъ тысячь Беровыхъ и Петреевыхъ! — Добрыничи нынѣ Добрынь или Добрунь. Паерле пишетъ, что Самозванецъ, узнавъ о приближеніи Воеводъ Борисовыхъ, разсуждалъ съ своими чиновниками, что дѣлать: опасаясь быть стѣсненными въ Сѣвскѣ, лишиться всѣхъ подвозовъ и сообщенія съ городами, которые держали сторону Лжедимитріеву, они рѣшились итти на встрѣчу къ непріятелю.

(281) См. Маржерета 115.

(282) Паерле: die hatten über ire Rüstungen weiße hemmter, damit sie von den andern Mußcovittern erkhant mögten werden. Тамъ же слѣдующія обстоятельства: «Лжедимитрій встрѣтилъ 5000 Россіянъ, вступилъ съ ними въ жаркое дѣло, убилъ 1000 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ двухъ Бояръ и множество другихъ: остальные съ крикомъ бѣжали къ своему стану, близъ деревни, откуда Воеводы Борисовы немедленно вышли на равнину. Лжедимитріева рать испугалась ихъ силы, но ободрилась, выслушавъ рѣчь Самозванца... er selbst sitzent auf einem castani-braunen Türckischen Pferdt, mit einem bloßen Pallasch inn der Hant vor dem ersten Hauffen,» и проч.

(283) См. Маржерета: лучше вѣрить ему, нежели Беру, который пишетъ, что Ливонецъ Вальтеръ фонъ-Розенъ и *Маржеретъ*, начальники двухъ иноземныхъ дружинъ, съ кликомъ: Hilf Gott! прогнали Лжедимитрія, отнявъ у него взятыя имъ Московскія пушки; что ободренные Россіяне также устремились въ слѣдъ за непріятелемъ, также кричали hilf Gott, и заставили Нѣмцевъ смѣяться. Маржеретъ признается, что и самъ онъ и Розенъ бѣжали: après quelque résistance que firent les dits étrangers, tout tourna le dos. См. и Паерле, увѣряющаго, что Россіяне умышленно обратили тылъ и заманили непріятеля подъ картечи; что они убили однакожь не болѣе трехъ человѣкъ, и ранили человѣкъ пять; что Самозванецъ, когда вѣтромъ разнесло дымъ, снова хотѣлъ ударить на нихъ, но что Козаки, подкупленные Годуновымъ, измѣнили Царевичу, ушли, и заставили его также искать спасенія въ бѣгствѣ; что усильно оборонялись только 4000 пѣшихъ Козаковъ (Cosakische Knechte) у пушекъ, убили множество людей и всѣ легли на мѣстѣ. — Хронографъ опять баснословитъ: «И паки стрѣляющесь изъ пищалей и изъ луковъ тмочисленныхъ... крови рѣки сташа... Князь же Вас. Ив. Шуйской, хотя мстити первую обиду свою, съ правые руки съ своимъ полкомъ остроумно и храбро наступи, съ лѣвую жь руку Ив. Ив. Годуновъ, и иные... Гришка жь едва и самъ убѣжа; умыча его К. Ив. Татевъ въ Рылескъ.»

(284) См. Бера. Въ *Никон. Лѣт.*: «Одннхъ Черкасъ побиша 7000» (въ нѣкоторыхъ Розрядн. Книгахъ: 13,000). «Съ сеунчемъ (съ вѣстію) послаша къ Царю Мих. Борисов. Шеина» (Чашника).

(285) То есть, 400 тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера. Въ Розрядн. Кн.: «Послалъ (Царь) съ золотыми К. Дан. Ив. Мезецково... и Вас. Морозовъ золотово не взялъ для К. Андрея Телятевсково... и на Морозово мѣсто велѣно быти въ лѣвой рукѣ Замятнѣ Сабурову, и Замятня билъ

челомъ Государю въ отчествѣ на К. Василья Голицына.»

(286) См. Петрея 302.

(287) См. Паерле. Въ Дѣлахъ Польск. No. 27, л. 92: «А Тишкѣевича и Ротмистровъ и многую Шляхту на томъ бою живыхъ взяли, и достальные побѣжали въ Польшу» (и съ ними Мих. Ратомскій).

(288) См. Маржерета, Бера и Хронографы.

(289) См. Хронографы и Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ Архивѣ К. И. Д. г. 1606.

(290) См. Паерле.

(291) См. Отвѣты Литовск. Пословъ. Они говорили, что К. Татевъ требовалъ очной ставки съ Борисовымъ сановникомъ, Огаревымъ, который еще находился тогда въ Варшавѣ, но что Сигизмундъ не хотѣлъ принять его (Татева).

(292) См. Бера и Паерле. Самозванецъ свидѣтельствовался К. Иваномъ Мстиславскимъ, Андреемъ Щелкаловымъ и мнимымъ своимъ Докторомъ, также умершимъ.

(293) См. *Ростов. и Никон. Лѣт.* Объ утружденіи войска см. Маржерета 117. Паерле говоритъ, что Лжедимитрій будто бы отрядилъ изъ Путивля 5000 Дон. Козаковъ и 1000 Россіянъ для спасенія осажденнаго Рыльска; что они разбили сторожевое Москов. войско, и что всѣ полки Борисовы, тѣмъ испуганные, бѣжали отъ Рыльска, оставивъ въ добычу непріятелю обозы, хлѣбные запасы и 14 пушекъ; что Козаки и Рыльчане гнали бѣгущихъ, убили 3000 человѣкъ, взяли множество плѣнниковъ, и проч.

(294) Въ *Ростов.*, *Никон. Лѣт.* и другихъ: «Царь же Борисъ... посла ближнихъ своихъ людей, Стольниковъ и Стряпчихъ и Дворянъ Московскихъ и всякихъ чиновъ людей и дворовыхъ... Роскручинися на Бояръ и на Воеводъ, что не поимаша того Гришки, и посла (Царь) къ нимъ съ словомъ Окольничево П. Никит. Шерем. да Думнаго Дьяка Ѳѳ. Вл. Они же пріидоша въ полки въ Радогостскій (Радожецкой, Радонеской) острогъ и начаша говорити Бояромъ и всей рати: *что здѣлася вашимъ нерадѣньемъ? столько рати побили, а того Гришки не умѣли поймать.* Бояре жь и вся рать оскорбишася; въ рати жь стало нестроеніе, мнѣніе и ужасть отъ Царя Бориса. Съ тое же поры многіе начаша думати, какъ бы Царя Бориса избыть, а тому окаянному Гришкѣ служити.»

(295) См. выше.

(296) См. Петрея, называющаго Корелу волшебникомъ. Выписывая сіе извѣстіе, Авторъ *Ядра Рос. Исторіи* обратилъ 600 въ 6000. Въ *Никон. Лѣт.* (и въ другихъ): «въ Кромахъ сидѣлъ измѣнникъ *Григорей Акинѳеевъ* да Атаманъ Донской Корела съ Донск. Казаками.»

(297) Въ *Лѣтописцѣ о Мятежахъ:* «Михайло же Салтыковъ, видя тѣмъ врагамъ тѣсноту, и не поговоря съ Бояры, *Государевъ нарядъ* (пушки) сведе, наровя тому Гришкѣ.» Это ошибка. Въ современной лѣтописи, изъ коей взято сіе извѣстіе, сказано такъ (см. *Ростов.*, *Никон. Лѣт.* и проч.): «И какъ городъ сгорѣ, Государевы люди сѣдоша на осыпи... біющесь безпрестанно... Михайло жь Салтыковъ, видя тѣмъ врагомъ тѣсноту, и не поговоря съ Бояры, *Годареву рать* сведе, а наровя тому Гришкѣ.»

(298) См. Бера и Хронографы.

(299) См. *Ростов.*, *Никон. Лѣт.* и проч.

(300) См. Бера.

(301) Паерле: «Третій, будучи уже не молодъ, хотѣлъ видѣть самого Димитрія... тотчасъ узналъ его, упалъ къ нему въ ноги и не могъ сказать ни слова отъ ужаса. Димитрій велѣлъ ему встать и говорить. Монахъ сказалъ: *Вотъ нашъ законный Царь, чудесно спасенный Богомъ! Мы видѣли, что человѣкъ, сидѣвшій на Димитріевомъ мѣстѣ былъ не истинный Димитрій.* Онъ просилъ, чтобы Царевичь велѣлъ другимъ удалиться, и чтобы между тѣмъ никого не выпускали изъ замка (или дворца). Всѣ удалились, кромѣ человѣкъ трехъ ближнихъ. Тогда Монахъ сказалъ: *Всемилостивѣйшій Государь! знай, что одинъ изъ моихъ товарищей имѣетъ у себя разные яды, и самый смертоносный спрятанъ у него въ сапогѣ, между подошвами: кто прикоснется къ сему яду, тотъ въ девятый день ужасно распухнетъ и лопнетъ. Двое изъ твоихъ Бояръ взялись смѣшать оный съ ладономъ и посредствомъ куренія отравить тебя въ церкви. Сіи измѣнники въ сношеніи съ Борисомъ.* Димитрій велѣлъ ихъ привести къ себѣ и сказалъ: *Злодѣи! можете ли въ старости быть столь вѣроломными? Тѣмъ ли платите за мои милости? Помните ли, что народъ выдалъ мнѣ васъ въ желѣзахъ и требовалъ вашей казни, а я сдѣлался вамъ отцемъ? Теперь уже нѣтъ милосердія?...* Они во всемъ признались... и были выданы гражданамъ, которые разстрѣляли ихъ на площади... Двухъ Монаховъ, не хотѣвшихъ объявить истины, заключили въ темницу; а третьяго, спасшаго Димитрія отъ смерти, осыпали милостями.» Гревенбрухъ пишетъ тоже, но иначе.

(302) См. Гревенбр. 18 и де-Ту кн. 135, стр. 50.

(303) Въ Хронографѣ: «Борису же глаголы сія» (о томъ, что Лжедимитрій могъ быть истиннымъ Димитріемъ) «во ушеса приношаху; онъ же за сія глаголы языки рѣзаше, и иныхъ многихъ мукамъ и смерти предая, но никако отъ людей чаянія сего отъяти не возможе.»

(304) Въ письмѣ Лжедимитрія къ Мнишку отъ 11 Мая (см. Нѣмцев. Т. II, стран. 530): «По написаніи сего письма гонцы привезли намъ вѣсть изъ Ливенъ, отъ тамошняго Воеводы, что 29 (13) Апрѣля Борисъ торжественно принималъ иноземцевъ» (въ другомъ мѣстѣ сказано: Датскихъ Пословъ): «вдругъ полилась у него кровь изъ носу, изъ ушей, и нѣкая сила (siła nieiaka z Maiestatu go porwawszy) свергла его съ престола, ударила о землю — и такимъ образомъ бѣдно скончалъ дни свои.» См. Бера, Лубѣнскаго В. С. 31, Пясецкаго Chron. 265, де-Ту кн. 135, стран. 50. Въ *Ростов.*, *Никон. Лѣт.* (и въ другихъ): «Царю Борису вставшу изъ-за стола послѣ кушанья, и внезапу пріиде на него болѣзнь люта, и едва успѣ поновитись и пострищись, и бывъ два часа въ той же болѣзни, и скончася.» См. также Окружную Грамоту Патріарха Іова, въ *Собран. Г. Г.* II, 189, гдѣ сказано: «Послѣ себя, Государя, приказалъ и благословилъ на всѣ великія Государства Рос. Царствія Царемъ сына своего.» Въ грамотѣ Ростов. Митрополита Кирилла о преставленіи Бориса: «Отходя отъ сего свѣта, *при насъ*, богомольцахъ своихъ, приказалъ и благословилъ на великіе Государства сына своего.» Въ Розрядн. Кн.: «Того же Апр. 13 нарекли на Московское Государство Патріархъ Іевъ всѣмъ Вселенскимъ Соборомъ и всякихъ чиновъ люди Государемъ Царевича Ѳеодора Борисовича всея Русіи.» Паерле сказываетъ, что Борисъ умеръ въ Золотой палатѣ.

(305) См. Хронографы, Морозов. Лѣт. и многія другія сказанія о концѣ Борисовомъ. Такъ говоритъ и Беръ, восклицая: O mala conscientia, quam timida bestia! Маржеретъ и другіе приписываютъ сію незапную смерть удару. Лубѣнскій (Op. Posth. 32) обвиняетъ Петра Басманова, будто бы уже подкупленнаго Самозванцемъ, въ отравленіи Годунова.

Морозов. Лѣтописецъ такъ судитъ Годунова умершаго: «О преславный Царю Борисе, паче же неблагодарный! почто душепагубнаго дѣла поискалъ еси? почто мятежа душу твою исполнилъ еси? Не удовляся величествомъ власти своея; юже ти дарова Богъ, почто незлобиваго младенца, Царева сына, смерти горькой предалъ еси, и Царскій родъ въ Россійскомъ Государствѣ пресѣклъ еси, и Царскій престолъ себѣ восхитилъ, его же недостоинъ былъ еси? Почто благородіе свое погубилъ еси, жену и чадъ своихъ горькія и безчестныя смерти сподобилъ еси отъ худаго и убогаго раба, и Царство великія Россіи возмутилъ еси (отъ сего же и запустѣніе воспріяло есть)? Се и возмездіе воспріялъ еси. Не погасилъ еси любве завистію, но возжеглъ еси паче; не умалилъ еси чести закоЛеніемъ, но протяглъ еси множае. Ельма того убилъ еси, и умерый тебе муцѣ предасть. Не убоялся еси того жива суща, тѣмъ же убойся скончавшагося. Не трепеталъ еси хотяй наносити мечь, но объятъ будеши трепетомъ всегдашнимъ по изліяніи крове. Скончавыйся Владыка бысть тебѣ страшный, и месть воздая!»

Беръ говоритъ о Борисѣ: «Объ немъ можно по истинѣ сказать, что онъ жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ песъ!»

(306) Въ грамотѣ Ростов. Митрополита къ Архимандр. Усольскаго Введенскаго монастыря (полученной мною отъ А. И. Ермолаева): «Божіимъ праведнымъ судомъ за нашъ грѣхъ Великаго Государя нашего, Царя и В. К. Бориса Ѳеодоровича, *праведная* и *безпорочная* душа съ сего свѣта *къ Богу отошла* Апр. въ 13 д., а по его Государеву обѣщанію Богъ его, Государя, сподобилъ воспріяти Ангельскій Образъ, во Иноцѣхъ Боголѣпъ.»

(307) Въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 192: «Цѣлую крестъ Государынѣ своей, Царицѣ и В. Княг. Марьѣ Григорьевнѣ, и ея дѣтемъ, Государю своему Царю и В. К. Ѳеодору Борисовичу всеа Русіи, и Государынѣ своей Царевнѣ и В. Княжнѣ, Ксеньѣ Борисовнѣ.» Единственно изъ уваженія къ матери Царской именовали ее въ государственныхъ бумагахъ прежде Ѳеодора: такъ въ молитвахъ церковныхъ поминали Ирину прежде Бориса; такъ и въ присягѣ Лжедимитрію сказано: «цѣлую крестъ Государынѣ своей, Царицѣ и В. Княгинѣ, Инокѣ Марѳѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и прироженому Государю своему, Царю и В. К. Дмитрею Ивановичу всеа Русіи» (см. тамъ же, стран. 202). Мать не имѣла никакой *государственной* опеки надъ Ѳеодоромъ. Далѣе: «Также мнѣ надъ Царицею... и надъ Царемъ... и надъ Царевною въ ѣствѣ и въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ лиха не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати... Семіона Бекбулатова и иного никого на Московское Государство не хотѣти, и съ нимъ не знаться и не дружиться, и не ссылаться грамотками и словомъ къ нему ни на какое лихо не приказывати, и *къ вору, который называется Княземъ Дмитріемъ Углецкимъ*, не приставати... и того вора на Московъ. Государствѣ видѣти не хотѣти,» и проч.

(308) То есть, Ѳеодору присягали и какъ наслѣднику и какъ Царю. Въ Хронографахъ: «Тогда ему сущу шестнадцати лѣтъ. Аще бо и юнъ сый лѣтными числы, но смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами совершенныхъ: бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякого философскаго естественнословія, и о благочестіи присно упражняшеся; злобы жь и мерзости и всякого нечестія отнюдь ненавистенъ бысть: тѣлесною же добротою возраста и зрака благолѣпною красотою аки кринъ въ терніи паче всѣхъ блисташеся. Аще бы не Таргарный мразъ цвѣтъ благородія его раздробилъ, то мнѣлъ бы убо быти того плоду чудесну въ добрѣ всячественномъ.» Въ Лѣтописцѣ Кубасова (*Русск. Достопамятн.* I, 174): «Царевичь Ѳеодоръ отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ дивной на селѣ отъ Бога преукрашенъ, и яко кринъ въ полѣ цвѣтущь; очи имѣя велики черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостію блистаяся; возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ; наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію; во отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми; пустошное же и гнилое слово никогда же изъ устъ его исхождаше; о Вѣрѣ и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилѣжаше.»

(309) См. выше, стран. 54.

(310) См. Бера.

(311) Въ *Никон. Лѣт.*: «Онъ же Петръ отвѣща къ нимъ льстивыми словесы, что хотѣлъ имъ правду дѣлати. Онъ же всю злую бѣду содѣя. Бояромъ же» (Мстиславскому и Шуйскимъ) «повелѣша быти къ Москвѣ... и тѣмъ все дѣло испортися подъ Кромами.» По Розрядн. Кн. велѣли тогда начальствовать К. Мих. Петр. Катыреву-Ростовскому и Петру Ѳед. Басманову въ Большомъ полку, К. Вас. Вас. Голицыну и К. Мих. Ѳед. Кашину въ Правой Рукѣ, Ив. Ив. Годунову и Мих. Глѣб. Салтыкову въ Передовомъ полку, въ Сторожевомъ К. Андрею Андр. Телятевскому и К. Мих. Самсон. Туренину, Замятнѣ Ив. Сабурову и К. Лукѣ Осип. Щербатову въ Лѣвой Рукѣ. См. также и Хронографы.

(312) См. Маржерета 122. Число означено имъ здѣсь по Новому Стилю. Мстиславскій и Шуйскіе тотчасъ уѣхали въ Москву, не объявивъ войску о смерти Борисовой (sans que l'armée fut advertie de sa mort). См. также *Никон. Лѣт.* 65 и Бера. Въ Хронографахъ сказано, что не все войско присягнуло Ѳеодору: «иніи не восхотѣша креста цѣловати, и Митрополита къ Москвѣ отослаша.» Сказаніе Маржеретово достовѣрнѣе.

(313) Въ Хронографахъ: «Видѣвши Воеводы К. Вас. да К. Ив. Голицыны да П. Басмановъ въ полцѣхъ сомнѣніе, и сами усумнишася, и восхотѣша отъѣхати отъ Борисова сына.»

(314) См. *Никон. Лѣт.* 65.

(315) См. The Russian Impostor, стр. 61, и Пясецкаго Chron. г. 1605.

(316) См. выше, примѣч. 307, и въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку отъ 24 (14) Мая, гдѣ сказано: «Войско прислало» (К. Ив. Голицына), «милосердія прося... сказывая то, что мы всѣ отъ Бориса прельщены были, и по смерти Борисовой сыну его присягать и его за Государя имѣть *хотѣли*... но форма присяги инако намъ выдана была, не такъ, какъ мы разумѣли: понеже въ оной формѣ *имя Гришки не упомянуто*, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою, природнымъ Государемъ нашимъ, В. Ц. Димитріемъ Ив. поступали» (то есть, противъ тебя стояли). «Мы же остереглись и единогласно сказали, дабы ты... надъ нами благополучно государствовать изволилъ,» и проч.

(317) См. Нѣмцев. D. P. Z. III. T. II, 531 (въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая) и Дѣла Польск. No. 27, л. 93, гдѣ сказано: «Пришолъ къ нему опять въ Путивль Мих. Ратомской, собравъ многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей,» и проч. Маржеретъ (стр. 113) пишетъ, что у Лжедимитрія было тогда 600 Польскихъ всадниковъ.

(318) Abram Bachmetow, czlowiek zacny: см. Нѣмцев. II, 529, въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая, гдѣ прибавлено: «Того же дни» (28 Апр. по Ст. Ст.) «наши сдѣлали вылазку изъ Кромъ и взяли плѣнниковъ, единогласно увѣряющихъ, что Бориса не стало, и что въ войскѣ ихъ

великое смятеніе: одни держатся стороны Борисова сына, а другіе нашей... Сей часъ Ливинскій Воевода извѣстилъ насъ, что 29 Апрѣля перешло къ намъ нѣсколько служивыхъ людей изъ окрестныхъ городовъ: они разсказываютъ весьма обстоятельно о Борисовой смерти.»

(319) См. *Никон. Лѣт.* 65, и Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ; а Маржеретъ, безъ сомнѣнія несправедливо, именуетъ Салтыкова въ числѣ вѣрныхъ Воеводъ.

(320) См. Паерле.

(321) Въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: «съ ними же въ совѣтѣ городы Рязань, Тула, Кошира, Олексинъ.» Въ Хронографахъ: «къ себѣ присвоивше многіе Дѣти Боярскіе, *Новогородскіе* и Рязанскіе, Ляпуновыхъ съ иными Дѣтьми Боярскими.» См. также рукописное *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ*.

Изъ Прибавленій въ концѣ сего XI тома издан. 1824 года:

«Изъ полковъ изъ подъ Кромъ» — сказано въ одномъ Хронографѣ — «измѣнилъ сынъ Боярской, молодой Арзамасецъ, Абрамъ Бахметевъ, побѣжалъ въ Путимль къ вору Разстригѣ съ тою вѣстію, что Царя Бориса въ животѣ не стало, и воръ его за то пожаловалъ. И въ полкахъ подъ Кромами послѣ крестнаго цѣлованья Рязанцы *Прокофей Ляпуновъ* съ братьею и съ совѣтники своими изъ иныхъ зарѣчныхъ городовъ втайнѣ вору крестъ цѣловали... собрався, пріѣхали къ Розрядному шатру, гдѣ Бояры и Воеводы сидѣли, и они Бояръ били, а иныхъ вязали, и ратныхъ людей приводили ко кресту къ Разстригѣ... по умышленію Петра Басманова.»

(322) Такъ у Бера и Маржерета (по Нов. Стилю); а въ *Сказаніи* означено 9 число. Паерле разсказываетъ слѣдующее: «Изъ Кромъ писали къ Лжедимитрію, что сія крѣпость неминуемо будетъ взята Московскими Воеводами, если онъ не спасетъ ее. У него было единственно 100 Ляховъ; но скоро пришло ихъ къ нему 500. Лжедимитрій послалъ сію дружину и 3000 Россіянъ къ Кромамъ съ Воеводою, Ляхомъ Запорскимъ, который, будучи еще въ шести миляхъ оттуда, именемъ Димитрія написалъ письмо къ ея начальникамъ, послалъ его съ однимъ вѣрнымъ человѣкомъ и далъ ему наставленіе. Московская стража схватила и представила сего человѣка Князю Голицыну и Басманову: у него взяли мнимое письмо Димитріево, въ коемъ было сказано: *шлю къ вамъ 2000 Поляковъ и 8000 Россіянъ, а скоро и самъ буду съ 40,000 Королевскихъ воиновъ, уже приближающихся къ Путивлю.* Голицынъ и Басмановъ испугались; начали разсуждать, что Димитрій есть истинный сынъ Іоанновъ; открылись предводителю Нѣмецкой дружины, Розену; склонили его къ измѣнѣ, и велѣли ему перейти съ 4000 Нѣмцами за рѣку на обширную равнину. Видя такое движеніе, Иванъ Годуновъ, стоявшій съ другой стороны крѣпости съ 90 тысячами воиновъ, спросилъ у Розена, куда онъ идетъ? Розенъ отвѣчалъ: *драться съ Поляками, которые уже не далеко.* Между тѣмъ и Басмановъ повелъ туда же 50 или 60 тысячь Россіянъ, остановился на мосту, поднялъ вверхъ письмо Димитріево и закричалъ: *вотъ грамота отъ нашего истиннаго Царя! кто хочетъ служить Димитрію, тотъ иди къ намъ, на эту сторону рѣки: а кто останется на другой, тотъ будетъ измѣнникъ, рабъ Годуновыхъ.* Сдѣлалось смятеніе и междоусобіе, въ коемъ пало не менѣе тысячи воиновъ. Димитріева сторона одержала верхъ. Ив. Годунова взяли въ плѣнъ. На другой день Басмановъ съ 4000 всадниковъ отправился въ Путивль, увидѣлъ малое число людей у Запорскаго и догадался, что письмо было обманомъ; однакожь присягнулъ Димитрію,» и проч. Это въ главныхъ обстоятельствахъ не согласно съ извѣстіями достовѣрнѣйшими. Въ Хронографахъ: «Егда же дни наставшу, и *оба* войска начаша вооружатися, и ставшимъ обоимъ на битву: Князь же Василей да К. Иванъ Голицыны, да Мих. Салтыковъ, да П. Басмановъ со всѣми своими полки пондоша къ сопротивнымъ яко на битву; прочія же стояша зряще и дивящеся, и Крому рѣку прешедшимъ, полки сопротивныхъ даша имъ путь. И паки Атаманъ Корела съ Казаками смѣло на остальную силу Московскую ударишася — и смятошася, и плещи давше, побѣгоша; сіи же гоняще бичи ихъ, бьюще, а не сѣкуще, грабяще и глаголюще: *потомъ на бой не исходите!* Воеводу же ихъ, Ив. Годунова, поимавше.» *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ* имѣемъ болѣе признаковъ истины. Лжедимитрій не посылалъ войска къ Кромамъ, откуда дѣйствительно была вылазка, но прежде измѣны Басманова (см. выше, примѣч. 318).

(323) Такъ пишетъ Беръ. Паерле говоритъ, что Розенъ присталъ къ измѣнникамъ (см. выше, примѣч. 322).

(324) См. *Никон. Лѣт.* 66.

(325) Лжедимитрій въ письмѣ къ Мнишку отъ 1 Мая подписался еще *Царевичемъ*, а въ другомъ отъ 14 Мая уже *Царемъ* (см. Нѣмцев. II, 529).

(326) Ихъ было съ нимъ до тысячи, какъ сказано въ Отвѣтахъ Пословъ Литовскихъ. См. также Петрея 308 и въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку. К. Ив. Голицынъ и товарищи его сказали Лжедимитрію: «Мы послали нѣсколько чиновныхъ людей въ Москву, объявить ей, что войско тебѣ присягнуло, и требовать, чтобы она сдѣлала то же.»

(327) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 66.

(328) См. письмо Отрепьева въ *Собран. Г. Г.* II, 196, Маржерета 123, Гревенбруха 23, и Отвѣты Литовскихъ Пословъ, гдѣ сказано: «Потомъ въ дорозѣ» (встрѣтили Разстригу) «Мих. Салтыковъ Морозовыхъ и Петръ Басмановъ, оба два Сенатори, маючи съ собою со двѣстѣ человѣка; по нихъ опять К. Василей Голицынъ и Шереметевъ, такъ же Сенатори, съ многими иншими людми... припровадили его (Самозванца) до Орла, гдѣ въ тотъ часъ вси полки были.»

(329) Лжедимитрій, какъ пишетъ Маржеретъ, распустилъ тѣхъ, которые жили по сю сторону Москвы, а другую часть войска послалъ къ столицѣ, чтобы перехватывать съѣстные припасы. — См. также Гревенбруха 24.

(330) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* Въ концѣ 1604 года Орловскимъ Воеводою былъ Ѳед. Анд. Яропкинъ; но когда Мстиславскій и Шуйскіе осадили Кромы, тогда велѣли быть *въ Орлѣ* Ѳедору Шереметеву (см. Розрядн. Кн.).

Лжедимитрій распорядилъ начальство въ войскѣ такимъ образомъ: «Въ большомъ полку К. Вас. Вас. Голицынъ да К. Бор. Мих. Лыковъ; въ правой рукѣ К. Ив. Семен. Куракинъ да К. Лука Осип. Щербатой; въ передовомъ полку Петръ Ѳед. Басмановъ да К. Алексѣй Долгорукой.» О лѣвой рукѣ и сторожевомъ полку не сказано.

(331) Въ Хронографахъ: «К. Мих. Катыревъ да Сем. Чемодановской съ вѣстію къ Москвѣ утекоша.» См. также *Никон. Лѣт.*

(332) См. Отвѣты Литовскихъ Пословъ и *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ*.

(333) См. Маржерета и Бера.

(334) Въ Розрядн. Кн.: «Пошелъ (Лжедимитрій) на Тулу, а къ Москвѣ послалъ Дворянъ, Гавр. Григ. Пушкина, да Наума Мих. Плещеева.» См. также *Никон. Лѣт.* и Бера.

(335) См. Хронографы и Бера.

(336) См. Бера. Петрей разсказываетъ слѣдующую басню: «Народъ Московскій съ лобнаго мѣста послалъ спросить у К. Вас. Ив. Шуйскаго, дѣйствительно ли онъ схоронилъ въ Угличѣ Іоаннова сына; а Шуйскій отвѣчалъ, что Димитрій укрылся отъ злодѣйства Борисова; что вмѣсто его зарѣзали въ Угличѣ Поповскаго сына, и что истинный Димитрій идетъ къ Москвѣ съ войскомъ.» Литовскіе Послы въ своихъ Отвѣтахъ не умолчали бы о семъ случаѣ, доказывая, что сами Россіяне заставляли Поляковъ вѣрить Лжедимитрію: сіи Послы не щадили Шуйскаго, хотя онъ уже былъ тогда и Царемъ. Въ часъ народнаго совѣщанія Князь Василій находился въ Кремлѣ съ Царемъ, Патріархомъ и другими Боярами.

(337) См. *Никон. Лѣт.*, Маржерета 124 и Бера.

(338) Въ Хронографахъ: «Возшумѣша аки лютая буря, и предобраго Царя, Ѳеодора Борисовича, аки не возрастшаго и присно цвѣтущаго финика немилосердыма рукама отъ престола Царьскаго отторгнуша. Мати же его терзаше власы главы своея и умильно народу моляшеся о сыну своемъ, дабы пощадили, не предали смерти,» и проч.

(339) См. Бера. Бѣльскій, называясь крестнымъ отцемъ Димитріевымъ, говорилъ мятежникамъ: «чѣмъ же будемъ подчивать Царя, когда выпьете его вино?» Далѣе пишетъ Беръ: «Будучи золъ на Медиковъ, изъ коихъ одинъ, Шотландскій Капитанъ Габріель, хотя уже и давно умершій, выщипалъ ему бороду» (см. выше, стран. 58) «Бѣльскій сказалъ черни, что сіи Медики были душею и совѣтниками Бориса; что у нихъ много вина, и что народъ смѣло можетъ пить его за Царское здоровье... Они понесли убытку не менѣе двухъ или трехъ тысячь талеровъ, кромѣ чужаго имѣнія даннаго имъ на сохраненіе, и тогда разграбленнаго чернію.»

(340) См. Т. IX, 256, и Т. X.

(341) См. *Никон. Лѣт.* и Розрядн. Книги.

(342) Въ Розрядн. Кн.: «Лжедимитрій съ Тулы къ Москвѣ послалъ Боярина, К. Вас. Вас. Голицына, да К. Вас. Рубца-Мосальскаго, да Дьяка *Богдана* Сутупова» (у Петрея: Schreiber Iwan Bogdanow) «а велѣлъ Цареву Борисову жену и сына ея убить.» См. также и *Никон. Лѣт.* 68.

(343) Въ грамотахъ Лжедимитріевыхъ къ Россіянамъ отъ 11 Іюня: *Іевъ*, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты... и Бояре и Дворяне... и Приказные люди... и Дѣти Боярскіе всего Рос. Государства, и торговые люди... въ своихъ винахъ *добили* намъ *челомъ*» (см. *Собран. Г. Г.* II, 200).

(344) Іовъ, по воцареніи Василія Шуйскаго призванный изъ заточенія въ Москву, издалъ грамоту къ народу и такъ говоритъ въ ней: «Множество народа царствующаго града Москвы внидоша во Св. Соборную и Апостольскую церковь со оружіемъ и дреколіемъ во время св. и божественнаго пѣнія, и не давъ совершити Бож. Литургіи, и внидоша во св. Олтарь, и меня, Іева Патріарха, изъ Олтаря взяша, и въ церкви и по площади таская позориша, и въ Царскихъ палатахъ подобіе Христова тѣлеси и Преч. Богородицы и Архангеловъ, иже уготовлено было на Господню плащаницу подъ златые чеканные образы, и то вражіею ненавистію раздробиша, и на копья и на рогатины встыкая, по граду и по торжищу носяху.» См. также и *Никон. Лѣт.* 68.

(345) См. *Никон. Лѣт.* Беръ пишетъ: Посадили ихъ на навозныя телеги, везли черезъ пни и колоды, безъ покрова и тюфяковъ, въ дождливое время... нѣкоторые изъ сихъ несчастныхъ умерли дорогою.» Въ *Никон. Лѣт.*, «Семена Годунова сослаша въ Переяславль Залѣской со К. Юрьемъ Пріимковымъ Ростовскимъ, и тамъ его удушиша.»

(346) См. *Никон. Лѣт.* 69. Въ The Rus. Impostor такъ описывается послѣдняя бесѣда несчастной Маріи съ сыномъ и дочерью: «О дѣти милыя, безцѣнный плодъ взаимной, нѣжной любви вашихъ родителей! о радость и тоска моя! обнимите меня... такъ будемъ ждать смерти лютой! Но, можетъ быть, злодѣй, отнявъ у насъ способъ вредить ему, удовольствуется своею добычею, и еще позволитъ намъ жить въ горести... Нѣтъ! спокойствіе злодѣя требуетъ гибели того, кто оскорбленъ имъ столь жестоко!» и проч.

(347) Въ *Ростов. и Никон. Лѣт.*: «Царевича жь многіе часы давиша, яко жь не по младости въ тѣ поры далъ ему Богъ мужество; тѣ жь злодѣи ужасошася, яко единъ съ четырмя боряшеся; единъ же отъ нихъ взятъ его за тайные уды и раздави.» Въ Степен. Кн. Латухина: «Царь же Ѳеодоръ нача убійцъ со слезами молити, чтобы скорою смертію животъ его прекратили... единъ же отъ убійцъ598 398 вземъ древо веліе и удари Ѳеодора по раменамъ.»

(348) Въ *Никон. и Ростов. Лѣт.*: «Той же К. Василей съ товарищи сказа міровн, что Царица и Царевичь со страстей испиша зелья и помроша.» Петрей собственными глазами видѣлъ на мертвыхъ знаки удавленія (см. его M. Chr. 314). Въ *Никон. Лѣт.*: «Царевна жь едва оживе... постригоша (ее) и сослаша въ Володимеръ въ Дѣвичій монастырь.» Это было уже послѣ. Въ современной *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*, также и въ Хронографахъ: «дщерь повелѣ въ живыхъ оставити, дабы ему лѣпоты ея насладитись... еже и бысть.» См. также Бера, который пишетъ, что Ксенію до прибытія Разстриги держали въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; но въ Морозов. Лѣт.: «Царевну повелѣ (Отрепьевъ) блюсти въ дому К. Вас. Мосальскаго.» Въ одномъ рукописномъ извѣстіи о Самозванцѣ прибавлено, что онъ, будучи Монахомъ Чудовскимъ, видалъ Ксенію въ церкви. На гробницахъ Маріи Годуновой и Ѳеодора означенъ день ихъ убіенія: 10 Іюня (такъ и въ Хроникѣ Петреевой).

(349) «Праведную кровь Царевича Дмитрея мстя Богъ за отческое согрѣшеніе надъ такою жь несквернюю кровію, надъ сыномъ его, надъ Царевичемъ Ѳеодоромъ,» и проч.

(350) Такъ сказано въ одномъ изъ Хронографовъ съ прибавленіемъ: «Гдѣ слава и высокоуміе Борисово? гдѣ чертоги златоверхіи, трапезы пресвѣтлыя и тельцы упитанныя? гдѣ рабы и рабыни? Кто можетъ жены и чада изъяти отъ руку спекулятора (палача), возводящима има очеса своя сѣмо и овамо, и не обрѣтающе же себѣ помощника?... Ѳеодоръ же вмалѣ послѣ отца своего Царскія державы насладися, и тако, аки тихъ овенъ на ничто же злобу имуще, скончася; о немъ же мнози отъ народа тайно въ сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное его житіе.»

(351) См. *Никон. Лѣт.* Въ Морозов. Лѣт.: «Царя Бориса извергоша изъ храма Архистр. Михаила, и повелѣша извлещи на сонмище съ великимъ поруганіемъ, и каменіе нань метати и ногами пхати тѣло его, поверженное и на земли лежащее; и погребоша его въ единомъ отъ убогихъ монастырей, именуемомъ Варсонофьевскомъ, обону страны Неглинны.» О *поруганіи* тѣла нѣтъ ни слова въ другихъ извѣстіяхъ. Въ монастырѣ Св. Варсонофія находилося родовое кладбище всѣхъ Годуновыхъ. Онъ былъ между Срѣтенкою и Рожественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія.

(352) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ въ Архивѣ Кол. Иностран. Дѣлъ.

(353) См. выше, въ описаніи измѣны Воеводъ подъ Кромами, также Отвѣты Сигизм. Пословъ и *Никон. Лѣт.* 68.

(354) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 200 — 203.

(355) См. въ The Russian Impostor, стр. 78, письмо Лжедимитріево къ Англ. Агенту Мерику изъ Тулы отъ 8 Іюля, и письмо сего послѣдняго къ Лжедим. въ Архивѣ К. И. Дѣлъ.

(356) См. Бера, *Никон. Лѣт.* 70 и рукописное *Сказаніе о Самозванцѣ*.

(357) См. Бера.

(358) См. Гревенбруха 24, де-Ту CXXXV, 52, The Rus. Imp. 76, Петрея 314 и Бера.

(359) «И Патріархъ или Митрополитъ,» пишетъ Гревенбрухъ: вѣроятно, Грекъ Игнатій, Святитель Рязанскій, который сдѣлался Патріархомъ (см. ниже).

(360) См. Петрея и Бера. Въ *Никон. Лѣт.* 70: Дню жь бывшу вельми красну, мнози видѣша подъ Москвою надъ градомъ и надъ посадомъ стояше тьма; окромѣжь града нигдѣ не видяху.»

(361) См. *Лѣтопись о Мятежахъ, Ростов.* и *Никонов.*

(362) См. Морозов. Лѣт.

(363) См. Бера и Петрея 317.

(364) См. Морозов. Лѣт.

(365) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 206 и слѣд., также Послужный Списокъ Чиновниковъ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 77.

(366) См. *Исторію Рос. Іерархіи*, I, 122. Въ Хронографахъ: «Тогда же» (въ царствованіе Разстриги) «и Филаретъ, Великій Старецъ, изъ заточенія пріиде... его же тогда едва Священ. Соборомъ умолиша и поставиша Митрополитомъ Ростову граду.»

(367) См. Т. X, стр. 123.

(368) Въ Архив. Розрядн. Книгѣ No. 109: «Розстрига велѣлъ быти у себя Царю Симеону Бекбулатовичу... встрѣча ему первая... и вторая,» и проч.

(369) См. Хронографы, *Собран. Г. Грамотъ*, II, 250 и 261; также Миллера Samml. R. G. V, 275.

(370) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 261, Бера и Гревенбруха.

(371) Въ *Указатель Рос. Законовъ*, I, 129: «Л. 7114 (1606), Февр. въ 1 день, Бояре приговорили: которые Бояре и Дворяне, и Дѣти Боярскіе, и Владычнихъ и монастырскихъ вотчинъ бьютъ челомъ о судѣ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ... до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ... и тѣхъ приговорили отдавати старымъ помѣщикомъ, и которые выбѣжали въ 110 г., и во 111 и во 112 въ голодныя лѣта съ животы, а прожити имъ было мочно... и тѣхъ отдавати... А которыя бѣгали съ животы въ дальнія мѣста... верстъ за триста и больше... и растерявъ животы, пришли къ инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыскивати... Да будутъ окольніе люди скажутъ, что онъ былъ не бѣденъ... а прокормиться ему было мочно... и того отдати старому помѣщику или вотчиннику ... А про котораго скажутъ, что онъ въ тѣ голодныя лѣта сбрелъ отъ бѣдности, что было ему не мочно прокормиться, и тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его въ голодное время перекормилъ ... А которые крестьяне въ голодныя лѣта пошли въ холопи къ своимъ или къ стороннимъ помѣщикомъ или вотчинникомъ, и кабалы служивыя на себя подавали... и сыскивати накрѣпко: будетъ сшелъ отъ бѣдности, и тѣмъ истцомъ отказывати: въ голодныя лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ... А которые люди учнутъ говорити, взялъ его помѣщикъ во дворъ сильно... и о томъ сыскивати крѣпостьми, въ кое время кабалы писалъ: будетъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ книги писаны, и по тѣмъ кабаламъ въ холопи выдавати: потому, нмалъ бы на него кабалу сильно, и онъ бы о томъ при запискѣ билъ челомъ; а кабалы въ книгахъ не записаны, и тѣмъ вѣрити нечему. А которые крестьяне послѣ голодныхъ лѣтъ выбѣжали... и тѣхъ отдавати старымъ помѣщикомъ и вотчинникомъ... А на бѣглыхъ крестьянъ по старому приговору далѣ пяти лѣтъ суда не давати.»

(372) Въ Legende de la vie et de la mort de Demetrius (писанной однимъ купцемъ иноземнымъ, свидѣтелемъ Лжедимитріева убіенія, и напечатанной въ 1606 году въ Амстердамѣ, книжкѣ рѣдкой и любопытной): Il avoit entour de sa personne une garde de quelques hallebardiers Allemands, qu'il a menés avec soy de Pologne... ils furent incontinent congédiez, et de mesme furent cassez et licentiez tous les soldats d'estrange nation. См. также *Собран. Г. Грамотъ*, II, 259, 260.

(373) *Собраніе Госуд. Грамотъ*, II, 207. Сія роспись Чинамъ Думнымъ писана въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1605 рукою Секретаря Лжедимитріева, Яна Бучинскаго.

(374) См. Бера и Петрея 319.

(375) См. Маржерет. 142.

(376) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 261.

(377) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я *Челобитную и похвалу*, писанную Благовѣщенскимъ Протопопомъ Терентіемъ къ *Царю Димитрію*, гдѣ сказано: «Радуемся убо и веселимся мы недостойніи, видяще (въ) тебѣ свѣтлаго храборника... твердаго адаманта, рачителя и красителя Христ. Церкви... милость на языцѣ носящаго... и припадаемъ на колѣну, и поклоняемся (тебѣ) тѣлеснѣ вкупѣ и душевнѣ,» и проч. — Французскій переводъ грамоты Іерусалимскаго Патріарха Софронія къ Лжедимитрію находится въ Московъ. Архивѣ Кол. Иностран. Дѣлъ. «Мы душевно скорбѣли (пишетъ Софроній) о кончинѣ Царя Ѳеодора, блаженныя памяти, твоего брата; но забыли свою горесть, узнавъ, что ты, Великій Государь, здравствуешь. Какъ описать радость всей Палестины? Большіе и малые, юные и старые, мужи и жены, славятъ Бога... Мы повѣсили три лампады надъ гробомъ Господнимъ, которыя пылаютъ денно и нощно во имя Вашего Величества,» и проч. Софроній писалъ сію грамоту еще въ то время, когда Самозванецъ шелъ къ Москвѣ. Онъ (Патріархъ) жаловался ему на Князя Адама Вишневецкаго, который отнялъ двухъ Арабскихъ лошадей у Монаха Іерусалимскаго Симеона.

(378) См. Т. X, стр. 124, — *Ростов.*, *Никон.* и другія лѣтописи. Въ Степен. Кн. Латухина: «Розстрига избравъ его (Игнатія) и посла къ прежде-бывшему Патріарху Іову во градъ Старицу, чтобы того Игнатія благословилъ на Патріаршество. Іовъ же, вѣдая въ немъ Римскія Вѣры мудрованіе, и не попусти сему въ Патріархахъ быти. Паки же Розстрига къ Патріарху того посылая, и муками страхъ налагая... Святитель же Божій, Іовъ, вся сія ни во что вмѣнивъ... и съ поношеніемъ къ Розстригѣ говорилъ, ако по ватагѣ и атаманъ, а по овцамъ и пастырь,» и проч.

(379) Бывшій Выксинскій монастырь отъ Череповца въ двадцати-пяти верстахъ, а отъ Москвы до сего города (прямою дорогою, черезъ Дмитровъ, Кашинъ и проч.) менѣе пяти сотъ верстъ.

(380) Въ грамотѣ Царицы-Инокини Марѳы къ Воеводамъ (въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307): «Онъ (Самозванецъ), вѣдая свое воровство, по насъ, Вел. Государыню, не посылалъ многое время, а присылалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ... А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ при

везти, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, и иныхъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ,» и проч.

(381) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ.

(382) См. Паерле. Въ Legende, по Новому Стилю, то же число: 28 — но ошибка въ мѣсяцѣ: Іюнь вмѣсто Іюля.

(383) Въ Отвѣтахъ Сигизм. Пословъ: «Великую Княгиню Марью насильствомъ привелъ, абы его за сына признала... и въ *шатрѣ* самъ только будучи съ нею,» и проч. См. Legende 4, Бера, Петрея 318 и Маржерета 126.

(384) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(385) Маржеретъ 126: finalement il se fit couronner le dernier de Juillet (по Нов. Стилю) qui se fit avec peu de cérémonie.

(386) Де-Ту CXXXV, 55, и Вассенбергъ. Gesta Vladislai VI, 19.

(387) См. Бера и Петрея 319.

(388) Янъ Бучинскій, въ Авг. 1605 пріѣхавъ къ Лжедимитрію гонцемъ отъ Мнишка, остался въ Москвѣ. Другой Бучинскій назывался Станиславомъ. Былъ еще третій Полякъ Секретаремъ у Самозванца: Станиславъ Слонскій, который ѣздилъ съ Аѳ. Власьевымъ въ Краковъ (см. ниже).

(389) См. Маржерет. 129.

(390) См. Бера и Петрея 320.

(391) Де-Ту CXXXV, 55.

(392) См. Dyaryusz wesela z Maryną, писанный Діамантовскимъ, въ Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza, T. I, стр. 244 и 435, въ примѣч. 54.

(393) См. Бера и Петрея 320.

(394) Беръ разсказываетъ, что у Лжедимитрія были лучшія Англ. собаки для медвѣжьей травли, борзыя, гончія; что будучи съ Боярами въ селѣ Тайнинскомъ, онъ велѣлъ спустить съ цѣпи медвѣдя, сѣлъ на него верхомъ и въ одно мгновеніе убилъ сего ярностнаго звѣря.

(395) Legende 8.

(396) Тамъ же 7 и 29 (о расточительности Самозванца).

(397) *Собраніе Г. Грамотъ*, II, 261.

(398) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra, въ выпискахъ Альбертранди.

(399) См. ниже, въ описаніи Марининa въѣзда въ Москву.

(400) Де-Ту CXXXV, 52. Ниже упомянемъ о развалинахъ сего дворца Борисова. Лжедимитрій велѣлъ сломать его какъ жилище кудесника или чародѣя. Увѣряли, что тамъ, въ подземной храминѣ, нашли статую, держащую въ рукѣ лампаду и окруженную множествомъ пороха, отъ коего взлетѣлъ бы дворецъ и весь Кремль на воздухъ, если бы не загасили лампады и не разбили статуи.

(401) См. Rzeczy Polsk. w Moskwie za Dymitra, также Bankiet Hospodara Moskiew., Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygmunta III, T. III, 578.

(402) См. современную рукописи. *Повѣсть о Б. Годуновѣ и Разстригѣ*, и Хронографы, гдѣ сказано: «Сотвори себѣ (Лжедим.) въ сей жизни на потѣху, а въ будущій вѣкъ знаменіе превѣчнаго своего домовища, его же въ Рос. Царствѣ ни въ иныхъ, кромѣ подземнаго, никто не видѣ: *адъ* превеликъ зѣло, имѣющь у себе *три главы*, и содѣла обоюду челюстей его отъ мѣди брацаніе веліе; егда же разверзетъ челюсти своя, и изовну его *яко пламя*» (то есть, подобіе, а не самое пламя) «предстоящимъ ту является... зубы же ему имѣющу осклабленны и ногти яко готовы на ухапленіе, и изо ушію яко же пламени распалившусь — и постави его онъ проклятый прямо себѣ на Москвѣ-рѣцѣ, себѣ на обличеніе, дабы ему изъ превысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти намъ повсегда,» и проч. См. также Вагнера Gesch. des Russ. Reichs 129.

(403) См. Авр. Палицына 24, Морозов. Лѣт., Бера и Петрея 318. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Ксенію заключили въ Владимірскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; но туда перевезли ее уже въ царствованіе Шуйскаго. Лжедимитрій взялъ къ себѣ несчастную Ксенію послѣ своей коронаціи въ Іюлѣ, а Мнишекъ въ Декабрѣ писалъ къ нему, чтобы онъ, избѣгая соблазна, удалилъ отъ себя Царевну, дочь Борисову (см. *Собран. Г. Грамотъ* II, 243): слѣдственно Ксенія жила у него мѣсяцевъ пять.

(404) См. Петрея 370, Хронографы и Legende 6 и 25, гдѣ также сказано, что Лжедимитрій никогда не хотѣлъ заглянуть въ Чудовъ монастырь, опасаясь, чтобы тамошніе Иноки не узнали его.

(405) Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: «Князь Вас. Ивановичь съ братомъ повѣдаша торговымъ людямъ, Ѳедору Коневу, да Костѣ лекарю: *повѣдайте тайно міру, что не Царевичь Дмитрей*... они же безъ разсужденія многимъ людемъ повѣдаху, и услышано бысть Басманову.» См. также *Ростов.*, *Никон. Лѣт.*, Хронографы и Бера.

(406) Не Іюня 25, какъ означено въ Хронографахъ, и не 10 Іюля, какъ въ Исторіи де-Ту: ибо ковъ Шуйскаго открылся уже послѣ Самозванцева коронованія: см. Маржерета 127. — Въ Хронографахъ: «въ приставѣхъ же у него (К. Василія) быша Мих. Салтыковъ да Петръ Басмановъ... Басмановъ же нача ѣздити и сложенный Розстригою списокъ народу чести.»

(407) См. *Сказаніе, еже содѣяся*, Бера и Паерле.

(408) См. Маржерет. 127.

(409) Тамъ же: vint sa grace procurée par l'Impératrice mère et par un Polonois nommé Bouchinsqui (Бучинскій). Legende 6: par l'intercession du Chancelier Ottonasi (Аѳан. Власьева). Въ *Никон. Лѣт.* 72: «едва упроси его» (Самозванца о милосердіи къ Шуйскому) «Царица Марѳа и Боляре.» Авр. Палицынъ 21: «усрамившеся, Поляки у Розстриги едва испросиша его отъ посѣченія.» К. Александръ Ив. Шуйскій умеръ въ 1601 году.

(410) См. Авр. Палицына 21. Въ Legende, стр. 25, сказано, что Лжедимитрій, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ. Замѣтимъ несогласіе: Авраміи говоритъ о свидѣтельствѣ матери, брата и дяди Разстригина, о казни Ѳедора Калашника (или Калашникова) и Тургенева, а *послѣ* о ссылкѣ Шуйскихъ; въ Степен. Книгѣ Латухина и въ Морозов. Лѣт. *повторено* сказаніе Авраміево: въ первой прибавлено, что Самозванецъ *въ третій день* своего воцаренія уже былъ обличаемъ родственниками; но другіе пишутъ (см. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 72), что К. Вас. Шуйскаго осудили прежде Тургенева. Въ Legende 6: on n'a depuis lors (послѣ ссылки Шуйскихъ) entendu parler journellement autre chose, que des trahisons et toutes sortes de conspirations, de quoy se sont entre-suivies tant de tortures, flagellations, disgraces, relegations, confiscations... que c'estoit un cas estrange de les ouyr. Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: «114 году предъ Рождествомъ Христовымъ (въ 1605 г.) уразумѣша многіе Бояре и Дворяне, что не прямый Царевичь Дмитрей... и восхотѣша его убити, и дойде вѣсть Розстригѣ, и перенмаша многихъ Дворянъ Царскихъ и служивыхъ людей, и многими пытками пыташа.» А. Палицынъ 23: Отъ злыхъ враговъ Казаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще. Аще бо на кого нанесутъ, яко Розстригою нарицаетъ кто, и той человѣкъ безвѣстно погибаетъ; и во всѣхъ градѣхъ

Россійскихъ, и въ монастырехъ, и мірстіи и Иноцы мнози погибоша, овіи заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утробы вѣчный гробъ бысть.» См. также *Никон. Лѣт.* 72.

(411) См. Авр. Палицына 21, Степен. Кн. Латухина и Морозов. Лѣт.

(412) См. А. Палицына 22 и Хронографы.

(413) Въ Генв. 1606: см. Бера, Legende 7, Петрея 322, Маржерет. 128. Первый пишетъ: «Тѣлохранители Маржеретовой сотни имѣли бердыши съ золотымъ Царскимъ гербомъ; древки были обтянуты краснымъ бархатомъ (прикрѣпленнымъ серебряными гвоздиками), увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Сіи воины носили кафтаны и плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ. Алебардщики второй сотни имѣли платье фіолетоваго цвѣта, обшитое красными бархатными снурками, съ рукавами изъ красной камки; алебардщики третьей сотни отличались зеленою бархатною обшивкою на кафтанахъ и рукавами изъ зеленой камки.»

(414) См. Авр. Палицына 23.

(415) См. тамъ же.

(416) Въ Legende 8: cependant que ce calme duroit.

(417) См. *Собран. Гасуд. Грамотъ*, II, 211, 221; см. также *Столпцы* и Дѣла Польск. г. 1605, No. 26 (гдѣ въ разныхъ мѣстахъ упоминается о гонцахъ, посыланныхъ Самозванцемъ къ Сигизмунду и Мнишку) и Нѣмцев. D. P. Zygm., II, 532 — 534. — Бояре въ учтивомъ отвѣтѣ своемъ благодарятъ Мнишка отъ имени мужей Думныхъ и всего *Московскаго Рыцарства* за великія услуги, оказанныя имъ Самозванцу.

(418) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 251, 269, и No. 27, л. 99, 100.

(419) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 218.

(420) См. тамъ же, 223, 231, 249, 272. Александръ Рангони былъ въ Москвѣ отъ Сент. до Ноября 1605. Лжедимитрій писалъ къ Папѣ 30 Ноября, другое письмо въ Декабрѣ, и послалъ къ нему Іезуита Лавицкаго въ началѣ 1606 года; а Папа писалъ къ Маринѣ 3 Дек. 1605 и въ Апрѣлѣ 1606 (убѣждая ее содѣйствовать всѣми силами введенію Латинской Вѣры въ Россіи) и еще двѣ грамоты къ Самозванцу, 11 Февр. и 10 Апр. 1606 (см. Выписки Альбертрандіевы изъ Ватиканской Библіотеки л. 659 — 670, и Нѣмцев. Dz. P. Zygm., III, T. II, 554). Послѣдняя грамота, вѣроятно, уже не дошла до Лжедимитрія. «Зная (пишетъ Павелъ V) твое уваженіе къ Св. Престолу нашему и пламенное желаніе способствовать Христіанскому дѣлу, мы ждали отъ тебя грамотъ столь нетерпѣливо, что уже начали-было винить Посла твоего, А. Лавицкаго, въ нерадѣніи... Наконецъ онъ прибылъ, и вручивъ намъ письма, говорилъ о тебѣ съ такимъ чувствомъ, что извлекъ слезы изъ нашихъ очей... Какихъ бѣдствій не испыталъ ты, сынъ возлюбленный!... Лишенный отцевскаго и дѣдовскаго престола, ты долженъ былъ, спасая жизнь, скитаться въ странахъ чуждыхъ. Но изъ самаго бѣдствія возникла блестящая твоя слава: ибо въ отечествѣ, мирѣ и благоденствіи, ты едва ли бы могъ пріобрѣсти знанія нужныя для счастія твоихъ подданныхъ... Се дивная милость Небесная!... Остается тебѣ дѣйствовать данными отъ Бога талантами... Имѣешь поле обширное для сѣянія и жатвы... Будь вторымъ Константиномъ, утверждая первый въ своемъ отечествѣ Церковь Римскую. Наставляй юношество въ Свободныхъ Наукахъ, и собственнымъ примѣромъ учи Христіанскимъ добродѣтелямъ... Вѣра Каѳолическая едина: да будетъ же единодушіе и любовь въ цѣломъ мірѣ, не взирая на отдаленіе мѣстъ!... Открываемъ тебѣ всю глубину чувствъ нашихъ: впечатлѣй же ихъ глубоко въ сердцѣ, и повели, да услышитъ твой народъ гласъ истиннаго Пастыря, земнаго Намѣстника Христова! Отпускаемъ къ тебѣ Лавицкаго по его желанію, но вопреки нашему: столь пріятна намъ бесѣда сего мужа благочестиваго! Отпускаемъ съ условіемъ, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, сюда возвратился, представивъ тебѣ многое отъ имени нашего: главное есть, да не ввѣряешь себя и людей своихъ еретикамъ, и да слѣдуешь совѣтамъ мужей разумныхъ и благочестивыхъ. И такъ вѣрь ему. Онъ будетъ для тебя еще любезнѣе: ибо съ нимъ посылаемъ къ тебѣ даръ великій: Апостольское наше благословеніе.»

(421) Legende 7.

(422) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 266.

(423) См. выше въ сей *Исторіи*, послѣ 212 примѣчанія.

(424) Въ Авг. 1605: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 213.

(425) Вотъ титулъ Лжедимитріевъ въ Латинскихъ грамотахъ: Nos serenissimus ac invictissimus Monarcha Demetrius Ioannis, Dei gratia Cæsar et Magnus Dux totius Russiæ, universorumque Tartariæ Regnorum atque aliorum plurimorum dominiorum, Monarchiæ Moscoviticæ subjectorum, Dominus et Rex. Въ Русскихъ: «Наисвѣтлѣйшій и непобѣдимый Самодержецъ, Великій Государь Дмитрей Ивановичь, Божіею милостію Цесарь и Вел. Князь всеа Русіи, и всѣхъ Татарскихъ Царствъ и иныхъ многихъ Государствъ, Московской Монархіи подлеглыхъ, Государь, Царь и Обладатель.» См. въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 221 и 224.

(426) См. тамъ же, стр. 226.

(427) Секретарю Лжедимитріеву, Яну Бучинскому, въ Генв. 1606 (см. тамъ же, стр. 259).

(428) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra, въ Выпискахъ Альбертранди.

(429) См. Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 534, Poselstwo Kn. Moskiew. Dymitra.

(430) См. тамъ же, стр. 553. Вотъ переводъ сей Польской Оды, напечатанной въ Краковѣ у Яна Шелинга въ 1606 году): «О Фебъ и дщери великаго Юпитера! ежели вы когда либо занимались пѣснопѣніемъ, то воспойте нынѣ Царя Димитрія, Московскаго Самодержца. — Воспоемъ всѣ торжественную пѣснь Всевышнему! Димитрій сильною дланію снова объялъ похищенныя у него страны Сѣвера! — О племя Славянъ, знаменитое въ мірѣ! ликуй и радуйся твоему союзу! Слава твоя достигаетъ конца земли и касается неба! — Марина, исполненная прелестей! ты вознесла родъ свой до облакъ, и сіяешь лучезарнѣе всѣхъ дщерей Славянскихъ!» и проч.

(431) См. тамъ же, стр. 539 — 554, въ сказаніи очевидца о Марининомъ обрученіи.

(432) Пишутъ (см. Гревенбруха 32 и Пясецк. 223), что сіи дары, вмѣстѣ съ присланными Мнишку и ближнимъ его, стоили 200,000 червонцевъ!! Послѣ того Секретарь Бучинскій вручилъ невѣстѣ алмазный крестъ съ именемъ Марины цѣною въ 12000 (злотыхъ?) драгоцѣнное ожерелье, четки изъ большихъ жемчужинъ, нѣсколько тяжелыхъ золотыхъ сосудовъ и проч.

(433) См. Rzeczy Polskich za Dymitra etc. Сему сказанію очевидца слѣдовалъ я въ означеніи дней. «14 Ноября (по Новому Стилю) Власьевъ былъ представленъ Сигизмунду съ грамотами и дарами... 15 Ноября Мнишекъ угощалъ Рос. сановниковъ великолѣпнымъ баломъ, на коемъ не было Власьева за болѣзнію. 18 Н. Посолъ вторично видѣлъ Короля и говорилъ о сватовствѣ. 19 Н. пріѣхала Марина въ Краковъ, а 22 обручилась съ Посломъ; на другой день отправился гонецъ Липницкій къ

Лжедимитрію. 24 Н. Посолъ былъ у Марины, какъ у своей Царицы, и вручилъ дары брату ея... 3 Дек. Марина выѣхала изъ Кракова въ Промникъ съ отцемъ своимъ, съ Власьевымъ и всѣми Рос. чиновниками: народъ тѣснился вокругъ ея кареты, Посолъ и Мнишекъ немедленно возвратились въ Краковъ, чтобы присутствовать на балѣ у Сигизмунда. Въ тотъ же день Власьевъ получилъ отъ Димитрія свадебные дары, и 12 Дек. вручилъ ихъ, кому слѣдовало. 18 Дек. онъ уѣхалъ изъ Кракова, а Мнишекъ и жена его остались съ Царицею въ Промникѣ.»

(434) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 241.

(435) См. Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza. I, 245. Гонецъ Безобразовъ, пріѣхавъ въ Краковъ послѣ Власьева, сказывалъ, какъ увѣряютъ, Сапѣгѣ и Госѣвскому, что Москвитяне готовы свергнуть Лжедимитрія съ престола и на его мѣсто *избрать* Королевича *Владислава* въ Цари: справедливо ли? Бучинскій писалъ къ Самозванцу изъ Кракова: «Хрипуновъ сказалъ, что уже подлинно провѣдали на Москвѣ, что онъ (Разстрига) не есть прямой Царь, а увидятъ, что ему сдѣлаютъ вскорѣ.» См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 263.

(436) См. тамъ же, стр. 227, 236, Rzeczy Polskich, и выше въ сей *Исторіи* около примѣч. 219.

(437) См. Rzeczy Polskich и Diaryusz Марины въ Нѣмцев. II, 556. Мнишекъ выѣхалъ изъ Кракова въ Самборъ 22, а Марина изъ Промника 21 Генв. 1606.

(438) Въ Морозов. Лѣт.: «Повѣствуя бо о себѣ окаянный (Разстрига), яко тридесять и четыре лѣта царствовати имать.»

(439) См. Маржерет. 128, 129. Enfin, говоритъ онъ, l'on ne voyait autre chose que nopces et joye au contentement d'un chacun.

(440) См. Авр. Палицына 24 и Морозов. Лѣт.

(441) См. Хронографы и *Повѣсть о Разстригѣ*, гдѣ сказано: «яко мимошедшу полугоду.»

(442) См. Паерле.

(443) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 261, и Маржерет. 129.

(444) См. Бера и Петрея 325. Самозванцу сказали, что у Россіянъ были ножи подъ одеждою.

(445) См. Авр. Палицына 24.

(446) См. Гревенбруха, Legende и Бера.

(447) См. Бера, который самъ говорилъ проповѣдь въ Кремлѣ 11 Мая.

(448) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 300 и No. 27, л. 41, и Маржерет. 132. А. Палицынъ называетъ Лжецаревича Петра холопомъ Свіяжскаго Головы Стрѣлецкаго, Григорья Елагина.

(449) Въ Legende 29: Il (Самозванецъ) fut accusé d'avoir esté auteur du grand dégast advenu sur la rivière de Volga, se faisant publier à fausses enseignes pour le fils de Fedor Ivanovitz, lequel soubs ce prétexte il avoit suborné de le venir secourir avec plusieurs milliers de Cosaques pour s'assurer tant mieux du pays.

(450) См. *Никон. Лѣт.* 80, гдѣ прибавлено: «Тѣ же Казаки съ воромъ (Петрушкою) поворотиша назадъ, многіе городы и мѣста разориша, и пріидоша къ Царицыну. Тогда жь посланы были Послы въ Кизылбаши, К. Ив. Петровичь Ромодановской: того тутъ и убиша, и Воеводу Ѳедора Акинѳеева; а самъ тотъ воръ Петрушка (Василевскій, человѣкъ Елагина) и съ Казаками пойде на Донъ, и ту зимова.»

(451) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 263, и ниже, рѣчь Шуйскаго къ заговорщикамъ.

(452) См. Бера.

(453) См. выше въ сей *Исторіи*, около примѣч. 246.

(454) См. ниже и Авр. Палицына 26.

(455) См. Нѣмцев. II, 579 и Кельха 494. Лжедимитрій велѣлъ-было строить мостъ черезъ Нарову, чтобы войско Россійское съ тяжелымъ снарядомъ могло вступить въ Ливонію.

(456) См. А. Палицына 26. — Лжедимитрій въ Сент. 1605 отправилъ къ Хану чиновника Аѳан. Мелентьева съ извѣстіемъ о своемъ воцареніи, а въ Генв. 1606 пріѣхалъ Казы-Гиреевъ Посолъ въ Россію (см. Дѣла Крымск. сего времени въ Архивѣ Кол. И. Д.). Обѣ стороны хотѣли мира.

(457) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 303.

(458) См. Бера, Петрея, де-Ту, Нѣмцев. и Нарушев.

(459) Это было въ Великій постъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 297; см. также Бера и *Никон. Лѣт.* 74, гдѣ сказано, что одинъ изъ Стрѣльцевъ донесъ Басманову на своихъ товарищей. Изрубили *семь* человѣкъ, по извѣстію Морозов. Лѣт.

(460) См. Аврам. Палицына 25 и Маржерет. 130, который говоритъ, что сего Дьяка сослали. Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, несправедливо отнесено убіеніе Осипова къ послѣднему дню Разстригиной жизни.

(461) См. *Никон. Лѣт.* 73. Въ 1612 г. бывшаго Царя Симеона, названнаго въ Инокахъ Стефаномъ, перевели въ монастырь Кирилловъ Бѣлоезерскій (см. *Лѣт. Соловецк.*).

(462) См. Маржерет. 130 и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(463) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 275, 277, 281, 282, 284, и Rzeczy Polskich, etc. Власьевъ, ждавъ Мнишка въ Слонимѣ, пріѣхалъ къ нему въ Самборъ.

(464) См. Нѣмцев. II, 556, въ описаніи Марининa путешествія, и Rzeczy etc., гдѣ сказано: «Всѣхъ людей было съ Мнишкомъ и другими Панами 1969 и 1961 лошадь, кромѣ двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, которые не принадлежали къ ихъ свитѣ.» См. также Бера.

(465) Въ описаніи Марининa путешествія: «Сани, въ коихъ сидѣла Марина съ знатнѣйшими Польками, были весьма высоки, обиты соболями, съ бляхами серебряными, съ дверцами и съ окончинами изъ прозрачнаго камня,» и проч.

(466) См. Rzeczy etc., 26 Апрѣля.

(467) Тамъ же: «Димитрій просилъ Воеводу поспѣшить къ нему съ одними ближайшими родственниками, чтобы условиться въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ и во всѣхъ обрядахъ.» — Аѳ. Власьевъ уѣхалъ напередъ въ Москву изъ Смоленска, и выѣхавъ опять на встрѣчу къ Маринѣ близъ Вязмы, вручилъ ей отъ жениха алмазную корону, драгоцѣнную повязку на шляпу и проч.

Беръ (а за нимъ и Петрей) пишетъ, что Разстрига, желая праздновать Свѣтлое Воскресеніе съ Мариною, тайно выѣхалъ изъ столицы съ немногими людьми, встрѣтилъ невѣсту въ Можайскѣ, и провелъ тамъ два дни. Въ Журналѣ Марининa путешествія нѣтъ о томъ ни слова.

(468) Въ *Журналѣ М. путешествія*; «25 Апр. Царь выслалъ четырехъ осѣдланныхъ лошадей, на коихъ Воевода и родственники его въѣхали въ Москву. За четверть мили встрѣтили ихъ Басмановъ, одѣтый въ богатое гусарское платье, и 1500 людей знатныхъ... У *тріумфальныхъ воротъ*, за Живымъ мостомъ, стояли въ два ряда воины... Тутъ находился скрытно и самъ Димитрій... Мнишка проводили въ отведенный ему домъ, куда тотчасъ нанесли множество кушанья изъ Царской кухни. Вся посуда была золотая. Родственникъ Димитріевъ, К. Ив. Ѳед. Хворостининъ, отъ его имени привѣтствовалъ Воеводу, который въ сей день не видалъ Царя. Димитрій ѣздилъ въ монастырь къ матери, въ бѣлой одеждѣ

на конѣ свѣтлобуромъ . . . 5 Мая (25 Апр.) Мнишекъ отправился во дворецъ . . . Съ обѣихъ сторонъ трона стояло по два чиновника, вооруженные бердышами съ золотыми рукоятками, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой горностаями, и въ бѣлыхъ сапогахъ; на лѣвой сторонѣ К. Димитрій Шуйскій съ обнаженнымъ мечемъ, а за Царемъ слуга въ богатомъ кафтанѣ, держа носовой платокъ; а на правой сидѣлъ Патріархъ, предъ коимъ держали крестъ на золотомъ блюдѣ,» и проч. Рѣчь Самозванца см. въ Паерле. Вотъ нѣкоторыя мѣста: Es ist schwerlich zu entscheiden, ob ich mich mehr zu verwundern, als zu erfreuen habe... Nun aber haben wir schon vorlängsten desselben vermeinten Todt beweinet... O Glück! wie ungleich bist du den Menschen und wie spielest du mit ihnen!... Gott, Gott ist es, durch Welches Vorsehung die ganze Welt administrirt wird... Muß ich Eure Kays. Majestät auf diesem Throne grüßen und Deroselben rechte Hand, welche ich zuvor aus Freundschaft, als ein Wirth des Gastes, zu pflegen hatte, jezunt zum Zeichen des Gehorsames küssen... Ich habe Eurer Kay. M. viele Tugenden erkennet... als zu Feld liegen im höchsten Winter... wenn auch die wilden Thiere sich in die Erde verkriechen, и проч. и проч. См. также Rzeczy Polskich etc., гдѣ сказано: «Воевода, выходя изъ дворца, встрѣтился на крыльцѣ съ Патріархомъ, который далъ ему поцѣловать крестъ, но безъ благословенія. За Духовенствомъ вышелъ Царь, коего вели сановники подъ руки до самой церкви, а передъ нимъ несли Державу. Воевода остановился въ сей церкви на паперти, желая видѣть обрядъ Богослуженія. Тутъ Димитрій, послѣ Обѣдни, нѣсколько времени разговаривалъ съ нимъ сидя... Въ сѣняхъ дворца стояло множество золотой посуды и семь бочекъ серебряныхъ съ золотыми обручами... Столовая комната обита Персидскою голубою тканію... скатерть Царской трапезы вышита золотомъ... изъ огромнаго серебрянаго сосуда текла вода въ тазы; но никто изъ Русскихъ не умывалъ рукъ... Вся комната наполнена золотыми и серебряными сосудами,» и проч.

(469) См. тамъ же.

(470) Тарелокъ обыкновенно не подавали.

(471) См. Rzeczy Polskich.

(472) Въ наказѣ Яну Бучинскому: «Чтобъ Воевода у Легата Папина промыслилъ... чтобъ Панна Марина причастилась отъ Патріарха нашего: потому что безъ того коронована не будетъ . . . чтобы ей позволено до Греческой церкви ходити... волосовъ бы не наряжала... въ Суботу мясо ѣла, а въ Середу бъ постилась.» (*Собран. Г. Грамотъ*, II, 229).

(473) См. тамъ же, 268. Всѣ супруги Великихъ Князей были Греческой Вѣры — и дочь Витовтова. — Марина, какъ увидимъ, исполнила требованія Лжедимитріевы.

(474) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: «Розстрига повелѣваетъ Гермогена сослати въ Казань, и санъ Святительскій съ него сняти, и въ монастырь заточити; но милостію Божіею сохраненъ бысть до умертвія Розстригина; а Іосифа, Еписк. Колом., послѣди же хотѣлъ въ заточеніе сослати.»

(475) См. Бера, Петрея 328, Legende 9, Маржерет. 134, Гревенбруха, де-Ту, и Rzeczy Polskich, гдѣ сказано: «8 Мая» (Новаго Стиля) «Царь и Воевода ѣздили на охоту и обѣдали въ шатрахъ, гдѣ 9 Мая ночевала Царица, выѣхавъ изъ Вяземы и пробыла тамъ два дни; 12» (т. е. 2 нашего Стиля) въѣхала въ Москву» . . .

(476) Безъ возницы: каждую лошадь велъ богато одѣтый конюхъ. Въ описаніи Маринина путешествія (Нѣмцев. II, (562): «Приближаясь къ городу, увидѣли мы великое множество людей на полѣ, гдѣ стояли два шатра и были разостланы ковры. Тамъ Польская Нимфа Марина вышла изъ кареты и сѣла на богатыхъ креслахъ. . . Въ другомъ шатрѣ привѣтствовали Воеводу Сендомирскаго, и подвели ему коня, отъ имени Царскаго, съ великолѣпною эбруёю, цѣною во сто тысячь» (чего?).

(477) См. Бера и Петрея; также выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 360.

(478) См. Описаніе Маринина путешествія, въ Нѣмцев. II, 564.

(479) Въ Legende 9: elle (Марина) fut menée au cloistre, où se tenoient les Dames et Damoiselles, veuves et filles des grands Seigneurs et Boyares du pays. Авторъ хочетъ сказать, что въ семъ монастырѣ вдовы и дочери Боярскія обыкновенно постригались (а не то, чтобы онѣ встрѣтили тамъ Марину).

(480) Беръ пишетъ, что сей домъ Годунова находился въ Кремлѣ близъ дворца и Патріаршаго дома.

(481) См. Аьр. Палицына и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(482) См. Бера и Петрея.

(483) Они въѣхали въ столицу за часъ до Маринина въѣзда (см. Rzeczy Polskich).

(484) См. *Никон. Лѣт.* 73.

(485) См. Журналъ (Dyaryusz) Пословъ Сигизмундовыхъ, Олесницкаго и Госѣвскаго, въ выпискахъ Аб. Альбертранди.

(486) Въ *Никон. Лѣт.* 73: «Онъ же злодѣй (Разстрига) являшеся Московскому народству словесы своими, яко единой пяди Московской земли не отдамъ, рече, въ Литву, а сердце его оканнаго давно къ нимъ желанное ихъ получити» (въ *Ростов.*: «исполнити»).

(487) См. Legende 10.

(488) См. Rzeczy Polskich etc. и Нѣмцев. II, 565, гдѣ сказано, что Маринѣ не дозволили слушать Латинскую Обѣдню и въ день Пятидесятницы (по Новому Календарю Пасха была въ сей годъ 26 Марта Нов. Стиля).

(489) Legende 28.

(490) См. Rzeczy Polskich etc.

(491) См. Журналъ или Dyaryusz Пословъ Сигизмундовыхъ.

(492) См. Rzeczy Polsk. и де-Ту 74.

(493) Написано, вѣроятно ошибкою, 500,000 рублей: см. Rzeczy Polsk., гдѣ прибавлено: «Царь велѣлъ сказать невѣстѣ, что она можетъ дарить сіи узорочья, кому хочетъ. . . Воевода Сендомирскій не успѣлъ отправить данныхъ ему денегъ въ Польшу; но мы успѣли воспользоваться его щедростію.» Лжедимитрій подарилъ еще тестю богатыя сани и прекрасную лошадь, которая, везя его во дворецъ, упала, въ предзнаменованіе бѣдствія, какъ пишутъ.

Король прислалъ въ даръ Самозванцу двухъ коней Турецкихъ и Неаполитанскаго, золотую цѣпь, нѣсколько серебряныхъ кубковъ и два рукомойника, Англ. собаку и проч., а Маринѣ корабль съ серебряною пушкою, подносъ съ виноградомъ, нѣсколько сосудовъ драгоцѣнныхъ и проч. Олесницкій поднесъ ей отъ себя и жены своей корону съ жемчугомъ, ожерелье съ алмазами и рубинами, и проч.

(494) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 112.

(495) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 334.

(496) См. Нарушев. Hist. I. K. Chodk. I, 247, и Rzeczy Polsk.

(497) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 289 и слѣд., Rzeczy Polsk. и Dyaryusz Пословъ Литовскихъ, гдѣ сказано, что Лжедимитрій совѣтовался съ Бо-

ярами, какое вѣно назначить Царицѣ въ случаѣ его смерти, и положилъ, съ ихъ одобренія, дать ей Новгородъ и Псковъ; сказано также, что знатнѣйшіе изъ сановниковъ присягнули Маринѣ еще до ея вѣнчанія.

(498) Сей золотой тронъ, украшенный, какъ сказываютъ, тысячами камней драгоцѣнныхъ, былъ присланъ Шахомъ Царю Іоанну: см. Петрея 339.

(499) Въ Журн. Литов. Пословъ сказано, что Россіяне въ теченіе двухъ дней присягали Маринѣ. Вассенбергъ пишетъ, что въ храмѣ Успенія были съ нею Духовникъ ея Савицкій и другой Іезуитъ Черникъ (или Черниковскій), который говорилъ ей привѣтственную рѣчь на языкѣ Латинскомъ (см. Нѣмцев. II, 280).

(500) См. The Rus. Impostor 99 и Петрея 339.

(501) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 293. За столомъ сидѣли только *до третьей ѣствы*. Пишутъ, что Самозванецъ не хотѣлъ слѣдовать древнему Русскому обычаю, уставленному для прославленія женской непорочности: см. Гревенбруха 36.

(502) Однимъ изъ *главныхъ* упрековъ Лжедимитрію былъ тотъ, что онъ, не крестивъ Марины, вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцемъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(503) См. тамъ же, стран. 298.

(504) См. Журналъ или Dyaryusz *Литов.* Пословъ.

(505) См. Rzeczy Polsk. Въ Legende сказано, что Разстрига съ своею молодою женою всталъ въ сей день очень поздно.

(506) U naszego przesławnego Cesarza toż Popi, iako u was Papa (см. Журналъ Литов. Пословъ).

(507) Беръ (и за нимъ Петрей) разсказываетъ такъ): «Въ день свадьбы Царь имѣлъ великій споръ съ Боярами. Поляки хотѣли, чтобы невѣста осталась въ ихъ платьѣ, не имѣя привычки къ Русскому; а Бояре требовали, чтобы какъ Царь, такъ и Царица вѣнчались въ Русскомъ. Наконецъ Димитрій сказалъ: *Хорошо, исполню желаніе Бояръ, чтобы они не упрекали меня страстію къ иноземному. Одинъ день ничего не значитъ.* Онъ упросилъ невѣсту надѣть Русское платье, но въ слѣдующій день прислалъ къ женѣ Польское и велѣлъ ей сказать: *вчера я сдѣлалъ угодное моему народу, а нынѣ дѣлаю, что мнѣ угодно.* Съ того дня Марина носила Польскую одежду.» См. еще Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polsk.

(508) См. Legende 13.

(509) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 293, Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polsk.

(510) То есть, жена Князя Димитрія.

(511) См. Rzeczy Polsk. и Нѣмцев. II, 576.

(512) Въ описаніи Царскаго пира (въ Нѣмцев. II, 576): «Когда поставили передъ Царемъ блюдо съ сушеными Венгерскими сливами, то всѣ гости, вставъ, подходили къ нему: онъ давалъ каждому двѣ сливы, и каждый немедленно съѣдалъ ихъ.»

(513) См. тамъ же.

(514) См. Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polskich.

(515) О привѣтливости Марины, въ день ея въѣзда въ Москву, сказано въ Legende 9: la Princesse se monstra fort humble et gracieuse, en saluant non seulement toutes les Dames de la Cour, mais aussi *devisant* fort amiablement avec plusieurs autres bourgeoises de la ville.

(516) См. Гревенбруха 38.

(517) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: «Литовскіе люди три дни и три нощи по дворамъ стрѣляху безпрестанно... бысть шумъ великъ и крикъ и стрѣльба... хожаху по рядомъ и по улицамъ со оружіемъ и съ самопалы, и стрѣляху.»

(518) См. Журналъ Литов. Пословъ.

(519) См. *Сказаніе, еже содѣяся*, Журналъ Литов. Пословъ и Гревенбруха 38.

(520) См. выше, около примѣч. 458.

(521) См. выше, около примѣч. 491, Гревенбруха 37 и The Rus. Impostor 105.

(522) См. Бера, Петрея 340 и *Сказаніе, еже содѣяся*. Нарушевичь (въ Histor. J. K. Chodkiew. I, 247) говоритъ: «Поляки, употребляя во зло благосклонность къ нимъ Царя, сдѣлались надменными, алчными корыстолюбцами, грабителями, распутными; презирали Россіянъ и Вѣру ихъ.» Кобѣржицкій (стран. 67) приписываетъ своимъ единоземцамъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, libidinem, insolentiam, cupidinem, avaritiam; тоже говоритъ и Пясецкій.

(523) См. Гревенбруха 49.

(524) См. Бера и Петрея 332. Въ *Сказаніи еже содѣяся*: «Начаша межъ себя совѣтовати втайнѣ, како бы врага и еретика избыти, и присовокупи къ себѣ (Шуйскій) православныя Вѣры сыновъ, избранныхъ Царскихъ Дворянъ и служивыхъ людей изъ Вел. Новаграда и Пскова и изо многихъ городовъ, наипаче же всѣхъ Бояръ,» и проч. Въ Степен. Кн. Латухина: «И сшидошася вкупѣ К. Вас. Ив. Шуйскій съ братьями, да К. Вас. Вас. Голицынъ и К. Ив. Семеновичь Куракинъ, и положиша совѣтъ, что Розстригу убити, а по немъ изъ нихъ кому Царемъ быти и никому за прежніе досады не мстити, но общимъ совѣтомъ Россійское Царство управляти.»

(525) Беръ: «надѣясь, что сей юный Герой будетъ усерденъ къ Вѣрѣ и къ Русскимъ обычаямъ.» См. также де-Ту CXXXV, 77, The Russ. Impostor 101, Гревенбруха 59 и Пясецк. Chron.

(526) Петрей 333: «Въ церковь за нимъ ходятъ Ляхи съ собаками.» См. также Хронографы.

(527) См. Бера, также *Собран. Г. Грамотъ*, II, 309. Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: «К. Василій же Ив. Ш. рече: *Мы готовы пострадати за православную Вѣру, а вы будьте также готовы, какъ ударятъ въ колокола... Се нынѣ время смертію живота купити...* Се же слышавше, православные Христіане радовашася... и возопиша со слезами: *Боже! не остави насъ!*» и проч.

(528) 20,000, по сказанію Пясецкаго.

(529) См. Бера и Петрея 341.

(530) См. Аврам. Палицына 27, *Собран. Г. Грамотъ* II, 309, и Журналъ Литов. Пословъ. Въ *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригѣ*: Святая бы мѣста ему (Лжедимитрію) осквернити и монастыри въ домы поганцомъ сотворити, и юныхъ Иноковъ и Инокинь образа Иноческаго лишати и въ свѣтлая портища облачати, и Иноковъ умысли женити, а Инокинь за-мужъ давати,» и проч.

(531) См. Rzeczy Polsk. и Журналъ Литов. Пословъ; см. также Маржерет. 136.

(532) См. Бера и Rzeczy Polskich. Другіе пишутъ, что заговорщики на канунѣ бунта именемъ Царя велѣли тѣлохранителямъ итти домой; но такой обманъ долженъ былъ немедленно открыться.

(533) См. Legende 15.

(534) См. Rzeczy Polskich, гдѣ сказано, что сему войску надлежало итти въ Крымъ; но оно собиралось тогда въ Ельцѣ.

(535) Въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ: «говорятъ, что въ эту ночь Царь не спалъ, а все веселился.» См. также Rzeczy Polskich.

(536) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: «и быша готовы, всю нощь ожидающе реченнаго звону.»

(537) Беръ говоритъ: «въ третьемъ часу утра» — Маржеретъ: «въ шесть часовъ» — Legende: «въ семь часовъ» — въ *Сказаніи, еже содѣяся*:

«свѣтающу утру и *восходящу солнцу:*» слѣдственно въ 38 минутъ четвертаго часу.

(538) См. Legende 16 и *Сказаніе*.

(539) См. Бера и Петрея 342. Въ Legende 17: L'Empereur, oyant le tumulte, saulta de son lict, prenant sa robe de nuict, demandant ce que c'estoit. Напротивъ того въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ «Царь рано вышелъ изъ комнатъ на крыльцо, увидѣлъ Аѳ. Власьева и К. Григ. Волконскаго, бывшаго Приставомъ у Пословъ (Сигизмундовыхъ) и спросилъ, что говорятъ объ немъ Послы? Волконскій — не зная, кажется, чему надлежало случиться — отвѣчалъ Царю, и сошелъ съ крыльца... Тутъ ударили въ набатъ... Народъ говорилъ, что Литва рѣжетъ Бояръ, и что онъ бѣжитъ спасти ихъ,» и проч. Другіе пишутъ, что народъ кричалъ: «спасемъ и Царя и Бояръ отъ Литвы!» См. также Паерле, Rzeczy Polskich и Legende 17. Слѣдуемъ Беру въ описаніи главныхъ обстоятельствъ.

(540) Беръ: «Ну, безвременный Царь! проспался ли ты? за чѣмъ не выходишь къ народу? . . Басмановъ, схвативъ Царскій палашъ, отрубилъ голову сему дерзкому.» Петрей: «Басмановъ, схвативъ саблю, которая висѣла на стѣнѣ, отсѣкъ ему голову.»

(541) Въ Legende, au lieu que tous les jours il (Лжедимитрій) avoit 100 hallebardiers de garde, il ne s'y trouverent point 30, voire pas un Capitaine. Маржеретъ былъ нездоровъ, какъ онъ сказывалъ Историку де-Ту. О слугахъ и музыкантахъ см. въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ.

(542) См. Бера и Петрея 344. Въ Журналѣ Пословъ: «Басмановъ закричалъ Царю: *умираю, а ты думай о себѣ;* сталъ въ дверяхъ и защищался.» Маржеретъ, согласно съ Беромъ, пишетъ, что Басманова зарѣзали въ сѣняхъ: en une gallerie tout contre le quartier de l'Empereur.

(543) Беръ сказываетъ, что Лжедимитрій вышелъ было къ мятежникамъ съ палашемъ (или Турецкою саблею, какъ пишутъ другіе), но видя ихъ множество, ушелъ назадъ: что они вырубили нѣсколько досокъ въ стѣнѣ; что тѣлохранители говорили: «мы всѣ вмѣстѣ могли бы спасти Царя, если бы имѣли оружіе не только для красы и вида;» что Самозванецъ, не останавливаясь, пробѣжалъ мимо комнатъ Марининыхъ (или, какъ говоритъ Паерле, давъ женѣ совѣтъ укрыться) въ каменный дворецъ, откуда выпрыгнулъ въ окно. Паерле сказываетъ, что тутъ во время свадьбы были сдѣланы подмостки, съ которыхъ упалъ Разстрига. Въ Legende: «Димитрій сталъ противъ народа, хотѣлъ драться, засучилъ рукава своей рубашки, требовалъ меча обыкновенно передъ нимъ носимаго; но хранитель сего меча (или тесака) скрылся.»

(544) См. Журналъ Пословъ Литовскихъ.

(545) Въ *Никон. Лѣт.* 75: «Стрѣльцыжь подхватиша и возведоша его опять въ полату, и біяхуся за него; начаша жь Стрѣльцы Бояромъ глаголати: идемъ ко Царицѣ и допросимъ ее,» и проч. По другому вѣроятнѣйшему сказанію (см. Бера, Петрея, Паерле и Журналъ Пословъ Литовскихъ) Стрѣльцы защищали Лжедимитрія не во дворцѣ, а тамъ, куда онъ выпрыгнулъ изъ окна; во дворецъ внесли его уже послѣ Маѳвина свидѣтельства. Въ Степен. Кн. Латухина: «Стрѣльцы же и вси служивые люди Болярамъ его не отдаша, но къ Царицѣ Марѳѣ *поведоша*, хотяху отъ нея увѣдати, аще той есть сынъ ея... И егда Боляре и служивые люди, и весь народъ, къ Царицѣ въ монастырь прійдоша и вопрошати вси начаша, она же многія слезы изливаетъ и всю истину возвѣщаетъ, яко не знаю человѣка сего, и нѣсть мой сынъ... Слышавъ же народъ и Боляре, и съ яростію вора того восхитиша», и проч. Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, л. 187 на об.: «Его злодѣя (Разстригу) облича взяли изъ хоромъ, убили, и была въ тѣ поры при немъ въ хоромѣхъ, и то видѣла, какъ его убили, дочь Воеводина» (Марина). Такъ говорилъ Панамъ Сигизмундовымъ нашъ Посланникъ, К. Волконскій, въ Авг. 1606 года.

(546) Въ Дѣлахъ Польскихъ No. 26, л. 5: «Царицу Иноку Марѳу всенароднымъ множествомъ вопросивше; она же все явнѣ исповѣда, яко сынъ ея на Угличѣ убіенъ бысть повелѣніемъ Бориса... сего же смердящаго пса и злаго аспида не вѣмы, откуду пріиде; исповѣдати же не смѣюще долгое время, боящеся злаго прещенія его, и женскою немощію одержима. . . Нагія же всѣ то же исповѣдаша.» Тамъ же, 83. «Обличаетъ его вора» (Марѳа Разстригу) «передъ всѣми людьми, что сынъ ее зарѣзанъ на Угличѣ и умеръ у нее на рукахъ.»

(547) Тамъ же, л. 5; «И образъ лица его (Марѳа Лжедимитріева) «изъ сокровищъ своихъ изнесе.»

(548) Беръ: «Бояре внесли его» (Самозванца) «въ комнаты, прежде великолѣпныя, но тогда уже разграбленныя и загаженныя. Въ прихожей находились тѣлохранители подъ стражею, обезоруженные и печальные: Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ руку къ одному изъ нихъ, но не могъ выговорить ни слова... что думалъ, извѣстно единому сердцевѣдцу Богу: вѣроятно, вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ. Вильгельмъ Фирстенбергъ пробрался во внутреннія комнаты за Боярами, желая знать, что будетъ съ Царемъ: его закололъ одинъ Бояринъ подлѣ самаго Царя,» и проч. Въ Legende иначе: «Узнавъ, что Димитрій выпрыгнувъ изъ окна, убился, Фирстенбергъ сбѣжалъ съ крыльца, и нашелъ Царя еще живаго; но онъ расшибъ себѣ грудь: кровь лилась у него изо рта; голова также была вся въ крови. Фирстенбергъ съ товарищами взнесъ Димитрія наверхъ, въ Царскія комнаты, гдѣ его освѣжили холодною водою и другими крѣпительными средствами. Тутъ Бояре начали говорить съ нимъ и допрашивать; но не льзя знать, что между ими происходило. Фирстенберга умертвили, дабы онъ не разгласилъ сей тайны,» и проч.

(549) См. Журналъ Литов. Пословъ и Паерле.

(550) См. Бера.

(551) См. тамъ же. Въ Дѣлахъ Польскихъ No. 26, л. 83: «да и самъ еретикъ Гришка сказалъ, что все дѣлалъ мечтами бѣсовскими.» Въ грамотѣ Бояръ (см. *Собран. Г. Г.* II, 300): «а какъ его поймали, и тотъ воръ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ.»

(552) Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «Убиша Гришку въ палатѣ за дворцомъ» (въ новомъ дворцѣ, за старымъ) «два избранна воина, Иванъ Васильевъ сынъ Воейковъ, да Григорій Волуевъ.» Сего Волуева обратили иноземцы въ Wolnik и Mulnik. Беръ пишетъ, что Россіяне, одѣвъ Самозванца въ платье пирожника, толкали, щипали его и говорили: «смотрите на Царя Всероссійскаго! такіе Цари у насъ на конюшняхъ;» что К. Вас. Шуйскій ѣздилъ между тѣмъ верхомъ передъ дворцемъ, возбуждая въ гражданахъ и въ воинахъ ревность истребить Самозванца; что въ то мгновеніе, когда Лжедимитрій палъ отъ двухъ выстрѣловъ, всѣ Князья и Бояре обнажили сабли: одинъ разсѣкъ ему голову, другой ногу, третій руку,» и проч.

(553) См. Бера и Legende. Въ Журналѣ Литов. Пословъ: «Чернь влекла трупъ убитаго Царя мимо Дѣвичьяго монастыря и спрашивала у его матери: *это твой ли сынъ?* Мать сказала: *для чего вы не спросили о томъ у меня, когда онъ былъ еще*

*живъ? теперь онъ уже не мой.*» Въ Legende: «положили ему (Самозванцу) на брюхо гнусную маску (найденную въ комнатахъ у Марины), дудку въ ротъ, волынку подъ мышку, и мѣдную деньгу въ руку, какъ бы въ награду за игру его.» Петрей: «Одинъ Дворянинъ прискакалъ верхомъ изъ Кремля съ волынкою и маскараднымъ платьемъ... кинулъ мертвому на брюхо платье, всунулъ въ ротъ дудки, а пузырь положилъ на грудь, и сказалъ: *ты, негодяй, часто заставлялъ дудить: теперь дуди самъ въ нашу забаву.*» Въ Журналѣ Пословъ: «Ноги Димитріевы лежали на груди у Басманова... Сказали народу, что маска нашлася въ комнатахъ у Царя, и служила ему вмѣсто иконъ, найденныхъ у него подъ кроватью.»

(554) См. Rzeczy Polskich, гдѣ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Марина скрылась подъ юбкою своей Гофмейстерины, и чтобы Бояре осрамили благородныхъ Полекъ, какъ разсказываетъ Беръ, весьма непристойно, хотя и на языкѣ Латинскомъ (за нимъ и Петрей 346). «Гофмейстерина» пишетъ онъ, «увѣрила Бояръ, что Марина ушла къ отцу.» Тутъ одна Полька, Хмѣловская, была ранена пулею, и чрезъ нѣсколько дней умерла.

(555) Въ Legende сказано, что спаслось только 5 или 6 музыкантовъ, убито же человѣкъ двадцать: Беръ умножаетъ ихъ число до ста, говоря, что они жили въ *монастырскихъ домахъ.* — Убитый Іезуитъ, именемъ Помасскій, былъ Самборскимъ Настоятелемъ и Королевскимъ Секретаремъ: см. Litteræ Annuæ S. I. an. 1606, стр. 721 и слѣд., гдѣ сказано: «Въ домѣ, данномъ намъ по милости Димитрія, съ тѣмъ, чтобы учредить въ ономъ Коллегію Общества, Россіяне выломили двери... Наши братья ушли въ домъ къ Польскимъ купцамъ,» и проч. Въ Rzecz. Polsk.: «Воевода Сендомирскій, ничего не зная о Царѣ и Царицѣ, крайне тревожился, и не могъ дать имъ помощи: ворота наши съ улицы были завалены... вездѣ стояли рогатки,» и проч.: Въ Журналѣ Литов. Пословъ: «Нѣкоторыхъ изъ нашихъ слугъ, рано вышедшихъ изъ дому, Москвитяне убили... Богъ хотѣлъ казнить насъ за гордость, отнявъ у всѣхъ разумъ.» Беръ: «Нѣкоторые Ляхи ускакали въ Нѣмецкую слободу, но попались въ руки къ злодѣямъ, которые бѣжали изъ Ливоніи и Германіи отъ казни, заслуженной ихъ преступленіями: лишенные чести служить Царю въ числѣ его тѣлохранителей, они болѣе Русскихъ ненавидѣли Димитрія и Ляховъ: схватили злосчастныхъ, обнажили, умертвили.»

(556) Беръ: «Одинъ Дворянинъ Литовскій, выскочивъ въ рубашкѣ изъ спальни, спрятался въ погребѣ; Русскіе нашли его: онъ кинулъ имъ свой кошелекъ съ червонцами, отдавался въ плѣнъ, предлагалъ все имѣніе, которое было у него въ отечествѣ... кланялся до земли, умолялъ именемъ Божіимъ и Св. Николая... окровавленный, изсѣченный саблею, воскликнулъ: *о Москвитяне! вы называетесь Христіанами: сжальтесь надъ бѣднымъ отцемъ и супругомъ; пощадите меня ради жены и дѣтей моихъ!*... Я былъ тому свидѣтелемъ.»

(557) См. Rzeczy Polskich.

(558) Тамъ же: «К. Вишневецкій стрѣлялъ въ толпы изъ лука и не давалъ промаху... Шуйскій кричалъ ему, чтобы онъ не стрѣлялъ: вынувъ крестъ, сей будущій Царь поцѣловалъ его въ удостовѣреніе нашей безопасности; вошелъ на дворъ и горько заплакалъ, видя нѣсколько убитыхъ Россіянъ, которые силою вломились туда и были жертвою своей дерзости. Шуйскій взялъ К. Вишневецкаго съ собою, въ одномъ жупанѣ.» Вишневецкій жилъ въ домѣ Боярина Степана Александровича Волошскаго, Господаревича Молдавскаго.

(559) Въ Журналѣ Пословъ Литов.: «Мы, Посольскіе, увидѣвъ мятежъ, тотчасъ заперли дворъ свой, вездѣ разставили гайдуковъ и людей вооруженныхъ, готовились къ битвѣ и къ неизбѣжной смерти. Противъ насъ, черезъ улицу, въ домѣ Степана Годунова, а нынѣ Голицына, стоялъ братъ Царицынъ, имѣя не мало ратниковъ: мы сносились другъ съ другомъ записками, привязывая ихъ къ стрѣламъ и пуская оныя изъ лука со двора на дворъ... Къ нашему двору прискакали два сановника, Борисъ Нащокинъ и другой, требуя свиданія съ Послами. Къ нимъ вышелъ Староста Велижскій и сталъ въ воротахъ. Они сидѣли на коняхъ, вооруженные саблями и луками; поклонились ему и сказали: *К. Ѳед. Ив. Мстиславскій, К. Вас. и Дм. Ив. Шуйскіе и другіе Бояре велѣли сказать вамъ, Посламъ... не опасайтесь ничего... но не мѣшайтесь съ тѣми Ляхами, которые пріѣхали сюда съ Воеводою Сендомирскимъ, чтобы изгубить (запсть) Русскихъ, и сдѣлали столько зла.* Староста Велижскій отвѣтствовалъ: *Вы узнали, какъ говорите, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ, и для того умертвили его: до сего намъ нѣтъ дѣла: да поможетъ вамъ Богъ въ вашей правдѣ!... Благодаримъ Бояръ за доброе къ намъ расположеніе. Но Воевода Сендомирскій и спутники его ѣхали сюда не воевать и не губить васъ, а въ гости и на свадьбу къ тому, кого вы признали Царемъ. Если нѣкоторые изъ нихъ виновны, то за виновныхъ не стоимъ; но всѣ не должны страдать за немногихъ. Молимъ Бояръ, чтобы они уняли кровопролитіе... Не будемъ смотрѣть равнодушно на гибель нашихъ братьевъ...* Прискакали Князья Мстиславскій, Шуйскіе и другіе; начали разгонять мятежниковъ... Мстиславскій прекратилъ убійства на Мясницкой улицѣ, гдѣ всего болѣе пролилось крови... Вокругъ Посольскаго Двора разставили 500 Стрѣльцевъ.»

(560) Въ Rzecz. Polsk.: «Уже Москвитяне наводили пушки на окна и стѣны: но мы еще могли бы обороняться въ каменныхъ подвалахъ своего» (Мнишкова) «дома. Камни сыпались на дворъ... Тутъ пріѣхали чиновники, велѣли Сендомирскому Воеводѣ послать кого нибудь къ Думнымъ Боярамъ для переговоровъ, и дали намъ въ залогъ Стрѣлецкаго Сотника. Г. Воевода послалъ Гоголинскаго... Татищевъ сказалъ ему: *Всеобщій Богъ, управляя всѣми Царствами,*» и проч.

(561) Беръ: «наконецъ въ одиннадцатомъ часу трагедія кончилась.» Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «побиваху Литву со втораго часу дни до девятаго:» т. е. съ пятаго до двѣнадцатаго. Сіе кровопролитіе началось уже по истребленіи Самозванца.

(562) См. Бера, который говоритъ, что Ляховъ убито 2,135. Маржеретъ: comme l'on tient, 1,705 Polonois massacrez. Въ Rzecz. Polsk.: «нашихъ убито, по достовѣрному исчисленію труповъ, до 500 человѣкъ» (въ Журналѣ Пословъ Литов.: *до тысячи человѣкъ*) «а Русскихъ вдвое.» Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «Слышавше, что побиты тогда 5 Воеводъ Польскихъ, 2 Воеводы Литовскихъ, 3 Старосты Польскихъ Градскихъ, 6 Гетмановъ Угорскихъ, 3 Рохмисты Литовскихъ, 8 *Бурмистровъ* Рижскихъ и Нѣмецкихъ, 2 Капитана Нѣмецкихъ, да Дворянъ Королевскихъ 65, да Римскихъ учителей, которые пріѣхали съ Розстригою и съ Сендомирскимъ учити Римскому Закону, 3 Кардинала, 4 Каплана, 2 Студента; да всякихъ людей Польскихъ, и Литвы, и Угрянъ, и Римлянъ, и Нѣмецъ, 2062 человѣка, да раненыхъ 1307 человѣкъ, а послѣ и тѣ помроша; да битыхъ ослопы и грабленыхъ до-нага, лежали покинуты за-мертво, 2373 человѣка, опричь тѣхъ, которыхъ побили по до-

рогамъ, что побѣжали изъ Москвы, и въ стадѣхъ конскихъ.» Это безъ сомнѣнія увеличено. Въ Журналѣ Пословъ: «Суббота прошла въ ужасѣ, и въ слѣдующую ночь едва ли кто нибудь изъ нашихъ могъ сомкнуть глаза... 18 Мая пришелъ къ намъ Iезуитъ Савицкій, коего мы считали мертвымъ... Послы съ дозволенія Бояръ освѣдомились о здоровьѣ П. Тарла: въ домѣ его, вездѣ обрызганномъ кровью, лежали трупы. Самъ Тарло и Любомирскій прикрывали наготу свою гадкими рубашками; жена перваго, П. Гербуртова и другія знатныя госпожи были въ такомъ нарядѣ, въ какомъ не ходятъ у насъ и служанки; солома служила имъ постелею.» Въ семъ Журналѣ и въ Rzecz. Polsk. именованы многіе изъ убитыхъ Ляховъ.

(563) См. Legende 21 — 23, гдѣ именованы Амвросій Челари, купецъ Миланскій, прикащики Аугсбургскаго купца Гельбама, — Натанъ, также изъ Аугсбурга, и Николай Львовскій. Лжедимитрій у перваго взялъ товаровъ на 33,000, а у купцевъ Нѣмецкихъ на 225,000 флориновъ, и не успѣлъ заплатить имъ. Авторъ пишетъ: «Я два раза говорилъ о томъ съ братомъ нынѣшняго Царя (Вас. Шуйскаго); но онъ сказалъ, что товары ихъ не вступили въ казну, а были розданы Самозванцемъ Полякамъ: слѣдственно казна и не обязана платить за оные.»

(564) См. тамъ же, стр. 23.

(565) Авр. Палицынъ: «Безумство и гордость вмѣсто благодаренія Праведномстителю предложися.» Въ Морозов. Лѣт.: «Вмѣсто благодаренія влашася въ піанство, и всякій своимъ промысломъ хвалящеся, иный же храбрствомъ величашеся, а молебнаго славословія Богови не воздаша.»

(566) Въ Legende 23: sur la nuict il y avoit un si grand silence par toute cette grande ville, comme s'il n'y eust eu ame vivante.

(567) Маржеретъ 147: F. I. Mistisloftsqui avoit eu plusieurs voix... lequel nonobstant refusa d'estre esleu, selon que le bruit en court, asseurant qu'il se rendroit moine, si l'eslection tomboit sur lui.

(568) См. Штраленберга Nord. und Östl. Theil von Europa und Asia, 200 — 202, и Вагнера Gesch. des Russ. Reichs 154. Пишутъ такъ: «Многіе выбирали Шуйскаго, но многіе и Голицына. Бояре выслали обоихъ, и К. Воротынскій сказалъ, что Голицынъ, имѣя множество родственниковъ, отниметъ всю власть у Думы. Положили спросить у народа, а народъ, приготовленный къ тому Воротынскимъ, завопилъ: да здравствуетъ Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій!» Послѣдній имѣлъ также многихъ родственниковъ и превосходилъ Голицына въ знатности.

(569) См. де-Ту, CXXXV, 79, и The Russ. Impostor 116.

(570) Въ *Никон. Лѣт.* 75: «По убіеніи Розстригинѣ начаша Бояре думати, какъ бы сослатца со всею землею... какъ бы по совѣту выбрати на Москов. Государство Государя, чтобъ всѣмъ людемъ былъ (угоденъ). Богу же не милующу грѣхъ ради нашихъ... по совѣту К. Вас. Ив. Шуйскова, не токмо что (не) совѣтоваша со всею землею, да и на Москвѣ не вѣдаху многіе люди... Въ *четвертый день»* (въ *третій:* ибо Шуйскій 19 Мая уже былъ Царемъ: см. ниже и *Собраніе Г. Грамотъ,* II, 299) «по убіеніи Розстригинѣ пріѣхаша въ городъ (Кремль) и взяша К. Василья на лобное мѣсто, нарекоша его Царемъ, и поидоша съ нимъ въ градъ въ Соборн. Церковь.» Аврам. Палицынъ: «Малыми нѣкими отъ Царскихъ Полатъ излюбленъ бысть Царемъ К. Вас. Ивановичь III., и возведенъ бысть въ Царскій домъ, никимъ же отъ Вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ.» Въ *Повѣсти о бывшихъ бѣдствіяхъ*, писанной на столпцѣ для Патріарха Филарета и во многихъ мѣстахъ исправленной, вѣроятно, его рукою: «Маія 19 придоша на Крайнѣво мѣсто, глаголемое лобное, весь Синклитъ и Митрополиты и Архіеп. и Епископы... и всякихъ чиновъ люди, и весь народъ, и начаша глаголати о томъ, дабы разослати грамоты во вся грады, чтобы съѣзжалися въ Москву вси народи для Царскаго избранія, и да быша избрали Патріарха... народи же отвѣщаху, яко напрелъ да изберется Самодержавный Царь... и угодно бысть сіе слово... и начаша глаголати, да вручено будетъ ему (Шуйскому) Царствія Рос. скипетродержавіе... И вси предстоящіе ту, яко по нѣкоему благовѣщенію съ небесе, воздвигоша гласы своя: *да будетъ царствуя надъ нами!...* И тако всѣмъ Совѣтомъ избраша благочестив. Царя Василія, и разыдошася въ домы своя. Нареченный же Царь поѣха во градъ,» и проч. См. также Бера. Въ Журналѣ Пословъ Литов.: «29 Мая» (19 по нашему Стилю) «во второмъ часу дня ударили въ бубны и заиграли на трубахъ въ Кремлѣ, а по всѣмъ церквамъ начался звонъ колокольный: избрали новаго Царя.»

(571) Лжепатріархъ Игнатій не смѣлъ показаться, зная, какая участь ожидала его.

(572) См. Бера. Тѣло Басманова отдали К. Ив. Голицыну, его сводному брату. См. еще *Никон. Лѣт.* 75.

(573) См. Бера и Маржерет. 138.

(574) Беръ: «Вокругъ Лжедимитріева тѣла, лежащаго на площади, почью сіялъ свѣтъ: когда часовые приближались къ нему, свѣтъ исчезалъ — и снова являлся, какъ скоро они удалялись. Когда тѣло везли въ убогій домъ, сдѣлалась ужасная буря, сорвало кровлю съ башни на Кулишкѣ (am Kulischka) и повалила деревянную стѣну у Калужскихъ воротъ (Caulische Pforte). Въ убогомъ домѣ сіе тѣло невидимою силою переносилось съ мѣста на мѣсто, и видѣли сидящаго на немъ голубя. Произошла великая тревога. Одни считали Лжедимитрія необыкновеннымъ человѣкомъ, другіе Діаволомъ, по крайней мѣрѣ вѣдуномъ, наученнымъ сему адскому искусству Лапландскими волшебниками, которые велятъ убивать себя и послѣ оживаютъ.» Въ Степен. Кн. Латухина: «Розстригинъ трупъ на пожарѣ (на Красной площади) три дни лежалъ, и мнози слышаху въ полунощи надъ нимъ великій плищь бѣсовскій: въ бубны біяху и въ сопели играху, и пѣсни скверныя пояху, и таковую честь любящему ихъ Розстригѣ бѣси приношаху, и радовахуся о приходѣ своего угодника.»

(575) См. Журналъ Литов. Пословъ и Паерле.

(576) Предлагаемъ здѣсь извлеченіе изъ обстоятельнѣйшей повѣсти Жмудскаго Дворянина Товянскаго о мнимомъ Димитріи. Сія рукопись хранилась въ библіотекѣ Залускихъ (см. Нѣмцев. Dz. Panow. Zygm. III, T. II, 233) и напечатана въ *Жизнеописаніи Яна Петра Сапѣги* (Zycie I. P. Sapiehy), издан. въ 1791 году, въ Варшавѣ. — Разстригу признавали сыномъ Іоанновымъ: Маржеретъ, Гревенбрухъ, Паерле, неизвѣстный сочинитель повѣсти о Димитріи: narratio succincta de adversa et prospera fortuna Demetrii (см. Вихман. Sammlung, I, 401) и нѣкоторые изъ Ляховъ; но достовѣрнѣйшіе Польскіе Историки: Пясецкій, Лубѣнскій, Кобѣржицкій, (кромѣ одного Вассенберга) или сомнѣвались или рѣшительно называли Разстригу обманщикомъ (см. Миллер. Sammlung R. G. V, 186). Знаменитый Замойскій называлъ явленіе мнимаго Димитрія *Теренціевою Комедіею:* Жолкѣвскій въ своихъ Комментаріяхъ также пишетъ о Самозванцѣ съ презрѣніемъ (см. Нѣмцев. Dz. P. Z. III, T. II, стр. 300). Не говоримъ о мнѣніи но-

вѣйшихъ Писателей, Треера, такъ называемаго *Нестесуранол* (или Гуйсена) и проч.

(577) Вассенбергъ въ Дѣяніяхъ Владислава IV (Gesta Vladislai IV, (стр. 14) пишетъ, что мнимый Димитрій семь лѣтъ учился въ Іезуитской школѣ, и совершенно узнавъ Латинскій языкъ, вступилъ въ службу Адама Вишневецкаго (см. Нѣмцев. II, 239).

(578) См. выше, примѣч. 207.

(579) См. Т. X, примѣч. 60.

(580) Въ Повѣсти о Димитріи (Narratio succincta и проч.: см. выше, примѣч. 576): in qua hominum litteratorum magna copia fuit!! Такъ сказано, что Августинъ, подставивъ на мѣсто Димитріево сына какой-то знатной женщины Estomen, ушелъ съ Царевичемъ въ монастырь къ Бѣлому морю, гдѣ и кончилъ дни свои Инокомъ.

(581) См. Гревенбруха. Такъ говорилъ и Самозванецъ: см. выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 207, и Никон. Лѣт. VIII, 58. Маржеретъ (стр. 153): «Естественно думать, что мать и Вельможи, Романовичи, Нагіе и другіе, угадывая Борисово намѣреніе, старались всячески спасти младенца: для чего надлежало на его мѣсто взять инаго, а Димитрія воспитывать тайно. Годуновъ ничего не свѣдалъ, и когда сѣлъ на престолѣ, тогда послали Царевича въ Литву, въ одеждѣ Инока.»

(582) См. Т. X, примѣч. 240.

(583) См. ихъ въ *Собран. Г. Грамотъ*, Т. II, и въ Хронографахъ.

(584) См. выше, около примѣч. 383.

(585) Тацит. Histor. кн. IV, отдѣл. 13.

(586) См. выше, примѣч. 409.

(587) Петрей, 373: Weil auch das Geſchrey erſchall, daß er nicht ſollte der rechte Demetrius ſeyn, iſt er in das Kloſter, da die Großfürſtin Maria Feodrowna geweſen, gangen, und ſagte zu ihr, wie er were geſinnet, des Prieſters Sohn, der ſeinet halben were todt geſchlagen und fürſtlich begraben worden, auffzugraben, und auff einen andern Platz legen zu laſſen, welches die Großfürſtin nicht verſtatten wollen, weil ſie wohl wußte, daß es ihr leiblicher Sohn war. См. также о семъ важномъ случаѣ въ Нарушев. Histor. J. K. Chodkiew. I, 245.

(588) Такъ говорили нашимъ Боярамъ Послы Сигизмундовы: см. ихъ Отвѣты въ Архивѣ Кол. И. Д. и Dyaryusz или Журналъ.

(589) Беръ: «Однажды убѣждалъ я Басманова сказать мнѣ, *дѣйствительно ли всемилостивѣйшій Государь нашъ* имѣетъ право на корону? Басмановъ, въ присутствіи одного купца Нѣмецкаго, отвѣтствовалъ мнѣ съ полною довѣренностію слѣдующее: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата: молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною; хотя онъ и не истинный Димитрій, однакожъ истинный Государь нашъ, ибо мы ему присягали, и не можемъ найти Царя лучшаго.*» См. также Петрея 374.

(590) Петрей именуетъ сего Аптекаря, равно какъ и Лифляндскую Дворянку (стр. 373).

(591) Петрей, стр. 370: ſo er (Лжедимитрій) ſolte derſelbige (Димитрій) ſeyn, müſte er nicht über 22 Jahr alt geweſen ſeyn, da der ander (Лжедимитрій) allzeit über 30 Jahr alt iſt. Пристрастный Маржеретъ говоритъ, что мнимому Димитрію было лѣтъ двадцать-пять; но истинному не было бы и двадцати четырехъ.

(592) Беръ: «Многіе знатные Поляки увѣряли, что онъ (Лжедимитрій) былъ побочный сынъ Короля ихъ, Стефана Баторія. Янъ П. П. Сапѣга, однажды (въ 1609 году) за столомъ превознося Римскую храбрость Поляковъ, сказалъ: *Мы дали Русскимъ Царя бродягу, который именовался сыномъ Іоанновымъ, на смѣхъ людямъ; теперь вторично даемъ имъ мнимаго Димитрія въ Государи, завоевали для него уже половину земли ихъ, завоюемъ и другую: пусть лопнутъ съ досады, а сдѣлаемъ, чего хотимъ.* Я слышалъ это своими ушами.» См. и Маржерет. 158.

(593) См. выше, примѣч. 213.

(594) Маржеретъ 163: Je l'ay (Лжедимитрія) ouy parler peu de temps après son arrivée en Russie, et trouve qu'il parloit aussi bon Russe que faire se pouvoit, sinon que, pour orner le langage, il y mesloit parfois quelque phrase Polonoise. Mesme j'ay veu des lettres qu'il dicta pour divers sujets avant qu'il fut receu en Mosco, lesquelles estoient si bien, que nul Russe n'y pouvoit trouver que redire.

(595) См. въ *Собран. Г. Грам.* II, 162, 228, 229.

(596) Маржеретъ 168: il avoit une éloquence qui ravissoit tous les Russes, et mesmes reluisoit en luy une certaine Majesté, laquelle ne se peut dire et ne s'est veu auparavant aux grands en Russie.

(597) См. Пасецкаго 266 — 286. Лжедимитрій, говоритъ онъ, заслужилъ презрѣніе Россіянъ тѣмъ, что не имѣлъ понятія о государственной наукѣ, и бывъ съ юныхъ лѣтъ въ обществѣ людей низкаго состоянія, велъ себя неблагородно, безъ всякаго величія, и проч.

(598) Маржеретъ 155: «Извѣстно и несомнительно, что скоро по воцареніи Борисовомъ Инокъ, Гришка Отрепьевъ, бывъ Секретаремъ у Патріарха, бѣжалъ изъ своего монастыря въ Литву: съ сего времени Годуновъ началъ опасаться и подозрѣвать... Но не одинъ, а два человѣка ушли тогда въ Монашескомъ платьѣ: Отрепьевъ, или Разстрига, и другой безыменный. Борисъ, пославъ всюду гонцевъ, велѣлъ стеречь на дорогахъ къ границѣ и хватать всѣхъ путешественниковъ, даже и тѣхъ, у которыхъ были письменные виды или пропуски: Царскій указъ гласилъ, что ушли два преступника изъ Россіи въ Литву. Вездѣ учредили такъ называемыя заставы, какъ бы во время моровой язвы, и три или четыре мѣсяца никто не могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ. Упомянутый Разстрига былъ отъ тридцати-пяти до тридцати-осми лѣтъ, а Димитрій вступилъ въ Россію юношею, двадцати-трехъ или двадцати-четырехъ лѣтъ, и привелъ съ собою Разстригу, котораго всѣ видѣли, и коего братья имѣютъ помѣстья близъ Галича. Сей Разстрига былъ извѣстный негодяй и пьяница: за что Димитрій сослалъ его въ Ярославль, гдѣ находится домъ Лондонскаго купеческаго общества: Англичанинъ, жившій тамъ въ сіе время, сказывалъ мнѣ, что Разстрига, уже и въ царствованіе Шуйскаго, признавалъ убитаго Димитрія истиннымъ Іоанновымъ сыномъ, коего онъ вывелъ изъ Россіи: такъ говорилъ сей человѣкъ съ клятвою (avec grands sermens), увѣряя, что ему дѣйствительно принадлежитъ имя Гришки Отрепьева, прозваннаго Разстригою; такъ думаютъ и всѣ Россіяне, за исключеніемъ не многихъ. Скоро послѣ того Царь велѣлъ быть Разстригѣ въ Москву; а что съ нимъ сдѣлалось, не знаю.»

(599) См. выше, примѣч. 201.

(600) См. выше, примѣч. 229.

(601) Дядя Лжедимитрія, Смирной Отрепьевъ, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова Богдана Отрепьева, шалунъ не исправленный Монашествомъ; что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для воина, и по совѣту злыхъ людей, особенно какого-то Инока, вздумалъ назваться Димитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже по смерти Разстриги (см. Петрея 371).

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ XI ТОМА.

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КЪ XII ТОМУ

# ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Димитрій Константиновичь Суздальскій былъ Великимъ Княземъ съ 1359 по 1362 годъ : см. Т. IV, гл. XII, и Т. V, стр. 2. — Отъ него произошли по прямой линіи : 1) Вас. Дим. Кирдяпа ; 2) Юрій Вас. ; 3) Василій Юр. ; 4) Михайло Вас.; 5) Андрей Мих. ; 6) Иванъ Андр. ; 7) Василій Іоанновичь. См. *Ядро Рос. Ист.* Хилкова , стр. 314. — О казни Андрея Шуйскаго, Т. VIII , гл. I. — Кн. Иванъ Андреев. Шуйскій убитъ при Лод. См. Т. IX , примѣч. 415.

(2) *Русск. Достоп.* изд. Общ. Ист. и Древн. (I , 175), въ выпискѣ изъ Хронографа Кубасова : «Царь же Василей возрастомъ малъ бѣ : образомъ же нелѣпымъ очи подслѣпы имѣ, книжному почитанію доволенъ и въ разсужденіи ума зѣло смысленъ , но зѣло скупъ и вельми неподатливъ ; къ единымъ же тѣмъ тщаніе имѣя , которые во уши его ложное на люди шептаху, онъ же веселымъ лицемъ сихъ восприимая , и въ сладость ихъ послушаше , и къ волхвованію прилѣжаше.»

(3) См. Т. XI , гл. IV.

(4) См. *Собран. Госуд. Грамотъ*, Т. II, стр. 299. Точныя слова Василіевой Грамоты : «Мнѣ Великому Государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ Бояры своими , смерти не предати , и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати , будетъ которые съ ними въ мысли не были ; также у гостей и у торговыхъ людей (въ древнемъ спискѣ, принадлежавшемъ покойному А. И. Ермолаеву, прибавлено : *и у черныхъ людей*) , хотя которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати , будетъ съ ними они въ той винѣ невинны ; да и доводовъ ложныхъ мнѣ Великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити со очей на очи, чтобъ въ томъ православное Христіанство безвинно не гибли ; а кто на кого солжетъ , и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣльно , тѣмъ самъ осудится» и проч. — Въ началѣ сей Грамоты сказано : «Хотимъ того, чтобъ православное Христіанство было нашимъ Царскимъ *доброопаснымъ* правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ.»

*Никон. Лѣт.* 76 : «Онъ же нача говорити въ Соборной церкви , чего искони вѣкъ въ Московскомъ Государствѣ не повелось , что цѣлую де всей землѣ крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничево не сдѣлати безъ собору» и проч.

(5) См. покореніе Новагорода Іоанномъ III, въ Т. VI , гл. III.

*Ник. Лѣт.* 76 : «Бояре же и всякіе люди ему говорили, чтобъ онъ въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ Государствѣ тово не повелося ; онъ же никово не послуша.»

(6) *Лѣтопись о мятежахъ* и сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* говорятъ просто, что Василій далъ присягу, вопреки представленіямъ Бояръ и народа. Татищевъ утверждаетъ, что сія присяга была предложена нѣкоторыми Вельможами , склонными къ Аристократіи. См. *Дополн. къ дѣян. Петра Великаго*, Т. I, стр. 300. Далѣе, на стр. 318, ссылка на Лѣтопись , изъ коей видно , что Князь В. В. Голицынъ и Ив. Сем. Куракинъ были первыми изъ желавшихъ ограничить власть Царскую.

(7) *Никон. Лѣт.* 76 : «А которая де была грубость при Царѣ Борисѣ, никакъ никому не мститель.»

(8) *Ник. Лѣт.* 76 : «Царь же Василей посла по всѣмъ городомъ Бояръ и Окольничихъ и Стольниковъ , приводити къ крестному цѣлованію.»

См. *Собран. Госуд. Грам.* II, 300 — 308. Тамъ помѣщены : 1) Отрывокъ окружной Грамоты отъ Бояръ во всѣ Россійскіе города , о убіеніи Самозванца и о присягѣ новоизбранному Царю ; 2) Образецъ присяги, разосланный Боярами ; 3) Окружная Грамота Царя Василія Іоанновича ко всѣмъ Воеводамъ Россійскихъ городовъ о вступленіи его на престолъ ; 4) Образцовая запись , разосланная Царемъ Василіемъ во всѣ города , для приведенія по оной къ присягѣ всякаго званія людей ; 5) Окружная Грамота отъ Царицы-Инокини Марѳы Ѳеодоровны къ Воеводамъ Сибирскихъ городовъ. Всѣ писаны въ Маѣ, 1606.

(9) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 296 : «Показаніе бывшихъ въ приближеніи у Гришки Отрепьева , Станислава и Яна Бучинскихъ , по допросу имъ отъ Бояръ, о всѣхъ извѣстныхъ имъ злодѣйскихъ умыслахъ Самозванца противъ Россіи. 1606, въ Маѣ.» — Они говорили , что Лжедимитрій на канунѣ дня своей смерти сообщалъ Князю К. Вишневецкому свое намѣреніе распространить въ Россіи Римско - Католическую вѣру , истребивъ сначала Бояръ; для чего и сдѣлано имъ было распоряженіе поставить пушки за городомъ, будто для потѣхи, и 18 Мая, когда тамъ соберутся всѣ Бояре, обратить на нихъ выстрѣлы : «и какъ де тѣхъ побью, и во всемъ будетъ моя воля.» — На возраженіе Бучинскихъ , что Московское Государство велико, станетъ за Бояръ и истребитъ самихъ Поляковъ, Разстрига отвѣчалъ : «Поляки де и Литва выѣдутъ всѣ вооружены , да и звычай де у мене тотъ уже уложенъ, что на потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооружены, урядяся какъ на битву.» — Послѣ онъ разсказывалъ , какъ уже однажды наказалъ нѣсколькихъ мятежныхъ Стрѣльцовъ, велѣвъ собрать всѣхъ прочихъ : «А у меня де уже говорено съ Григорьемъ съ Микулинымъ , какъ ему туто говорити и что надъ тѣми Стрѣльцы учинити , и какъ де измѣну ихъ объявили , и Григорей де учалъ говорити : освободи де, Государь, мнѣ : я у тѣхъ твоихъ Государевыхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю ; да мигнулъ де на нихъ Григорей Стрѣльцомъ, и Стрѣльцы де, блюдясь отъ меня, тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніи ока изсѣкли на малыя части , мало де сами не пересѣклися, сѣкучи ихъ.» — Бучинскіе спрашивали его : ежели велишь побить Бояръ , кто тогда будетъ управлять въ твоемъ Государствѣ ? Гришка отвѣтствовалъ, что онъ уже все обдумалъ, и положилъ поручить первѣйшія должности Воеводѣ Сендомирскому, Вишневецкому, Тарлѣ, Стадницкимъ, Бучинскимъ и пріятелямъ ихъ. — Наконецъ Бучинскіе представляли, что въ Россіи не любятъ ихъ за иновѣріе ; что тѣмъ опаснѣе было бы приневоливать ея жителей къ принятію Римской вѣры. Но Разстрига говорилъ : «Прежде было я и самъ опасался , зная , что по закону ихъ нельзя никому изъ иновѣрныхъ входить въ церкви, но во время вѣнчанія моего я нарочно велѣлъ быть въ церкви Лютеранамъ и Кальвинистамъ ; слышалъ, что они ругались надъ образами , сидѣли и даже спали въ церкви : никто не смѣлъ на то и слова сказать , *и во всемъ волю мою творятъ.*» — Далѣе : «И говорилъ де туто Разстрига Гришка съ клятвою : что одноличнѡ въ недѣлю , Мая въ 18 день, на стрѣльбѣ , Бояръ Мстиславскаго и Шуй-

скихъ, и иныхъ Бояръ и Дворянъ лучшихъ, и Дѣтей Боярскихъ, и Головъ, и Сотниковъ, и Стрѣльцовъ и черныхъ людей, которые за нихъ любо станутъ, побити всѣхъ; а совершивъ то, тотчасъ велю костелы Римскіе ставити, а въ церквахъ Русскихъ пѣти не велю, и то де все совершу, на чемъ де есми присягалъ Папѣ, и Кардиналомъ, и Арцыбискупомъ и Бискупомъ, и какъ де есми Воеводѣ подъ клятвою въ писмѣ своемъ написалъ; да и Вишневецкому де приказалъ, чтобъ къ недѣлѣ со всѣми своими людьми былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно.»

См. въ томъ же *Собраніи Госуд. Грамотъ* (II, 308) извѣстительную Грамоту Царя Василія Іоанновича, съ изъясненіями многихъ подробностей, писанную 2 Іюля 1606. Въ ней сказано: «Послѣ смерти того вора, взято въ его хоромѣхъ листъ утвержденный того Разстриги Гришки съ Воеводою Сендомирскимъ, что было ему отдавати Воеводѣ Сендомирскому, да его дочери и ихъ роду, городы Новгородъ и Псковъ съ пригороды и со всѣми людьми и съ уѣзды; и владѣти было тѣми городы и уѣзды Воеводѣ Сендомирскому съ дочерью, и монастыри и костелы устроивати было Римскіе... Да тутожъ взято въ хоромѣхъ Римскаго Папы и Кардиналовы и Езоветскіе листы о Христіанской же вѣрѣ, о разореньѣ и утверженьѣ Римскія вѣры. И на томъ на всемъ тотъ воръ... въ Литвѣ Воеводѣ Сендомирскому, при многихъ Панѣхъ и при Папиныхъ посланникѣхъ, присягалъ и крестъ цѣловалъ, и ту утвержденную запись имъ съ клятвою на себя далъ, за своею рукою; а писалъ тотъ листъ Воевода Сендомирской. И по нашему указу, Бояре наши и Воеводы Сендомирскаго про тотъ воровской утвержденный листъ допрашивали, его ли письмо тотъ листъ, и какимъ обычаемъ у нихъ такой злой совѣтъ на Христіанское разоренье былъ? И Воевода Сендомирской, смотря того листа, Бояромъ нашимъ въ распросѣ сказалъ: что онъ такой утвержденный листъ съ воромъ съ Разстригою писалъ, и письмо его руки, а были у нихъ такіе листы по противнямъ, а прельстилъ его тотъ воръ вѣдовствомъ и обманомъ, и крестъ ему тотъ воръ на томъ на всемъ цѣловалъ, что было ему то все дѣлать, что въ томъ листу писано; да сверхъ того письма, хотѣлъ ему тотъ воръ отдати Смоленскъ и Сѣверу всю со всѣми людьми, и казну многую Польскому Королю и ему Воеводѣ обѣщался тотъ воръ давати, а иную многую казну денежную и суды золотые и иную всякую казну и наряды всякіе ему давалъ; и о вѣрѣ де съ нимъ съ Сендомирскимъ тотъ воръ говорилъ, чтобъ ему, по своему обѣщанью, учинити въ Русскомъ Государствѣ Римская вѣра и костелы поставити, и иныя многія статьи хотѣлъ учинити; и онъ де Сендомирской и самъ то узналъ, что онъ не прямой Царевичь Дмитрей, потому что о Московскомъ Государствѣ все говоритъ о разореньѣ, и впередъ себѣ Московскаго Государства не проча.»

Тамъ же, стр. 313: «Да Воеводажъ Сендомирск. сказалъ передо всѣми Бояры, что писалъ къ нему Разстрига съ Москвы листъ своею рукою; а далъ ему городъ Смоленскъ со всѣмъ уѣздомъ да Сѣверу всю, и поволилъ ему въ нихъ костелы ставити и монастыри Римскіе. — Да Разстригажъ воръ Гришка Отрепьевъ писалъ къ Папѣ Римскому, съ попомъ его съ Андреемъ Езовитомъ; а въ грамотѣ его пишетъ о томъ, что мысль его вся и радѣетъ ото всего сердца къ Папѣ Римскому, его Латынской вѣрѣ, какъ ему обѣщался; а подлинно о томъ о всемъ приказалъ онъ къ Папѣ ... и впередъ къ Папѣ о томъ хотѣлъ писати. А что онъ Папа слышалъ его дѣло, о которомъ онъ писалъ къ Папѣ двожды, что сговорилъ жениться у Сенд. Воев. у Юр. Мнишка, на дочери его Мар., за его Папинымъ благословеньемъ; а то отъ Папы благословенье иному ся никому не даетъ, только тѣмъ, которые въ его въ Латынской вѣрѣ ... и онъ (Гришка) во всемъ въ томъ крѣпокъ и не подвижимъ въ Латынской вѣрѣ, на чемъ душу свою далъ Папѣ и Литовскому Королю. — Да къ воружъ къ Гришкѣ Кардиналъ, утвердитель Римской вѣры, писалъ Мартынъ Малякрида отъ Папы, а въ грамотѣ пишетъ: какъ вѣсть та къ Папѣ придетъ, чтобъ онъ ихъ Латынскую вѣру принялъ, и имъ то всѣмъ будетъ во удивленіе и въ радость, всѣ они о томъ станутъ веселитися и радоватися, и всегда ему Папа о томъ своимъ письмомъ напоминаетъ, чтобы онъ *многое Христіанство широкаго Московскаго Государства* своимъ злохитрствомъ въ вѣру въ Латынскую своею рукою привелъ и укрѣпилъ; какъ напередъ того въ своей грамотѣ къ прежнему Папѣ Клименту изъ Самбора писалъ... Да къ вору жъ къ еретику къ Розстригѣ къ Гришкѣ Отрепьеву писалъ Папинъ Легатъ, который живетъ у Польскаго Короля въ Краковѣ, Клавдіусъ Рагапусъ, для утверженія Латынскія вѣры; а въ грамотѣ пишетъ: надобно ему сверхъ всего исполнити то, что онъ Папѣ и имъ всѣмъ обѣщалъ, что въ Московскомъ Государствѣ Греческая вѣра съ Латынскою вѣрою соединитъ... Да Папа жъ писалъ къ Кардиналу Краковскому, къ брату къ родному Сендомирскаго Воеводы, а въ грамотѣ пишетъ: что онъ, Папа, его Кардинала укрѣпляетъ и благословляетъ на свадьбу любительныхъ дѣтей своихъ, Розстриги Гришки съ Воеводенкою Сендомирскою... чтобъ она крѣпко Латынскую вѣру держала, и всѣмъ прямымъ сердцемъ промышляла съ мужемъ своимъ вмѣстѣ, чтобъ Московскаго Государства людей... къ Латынской вѣрѣ привести. И подлинно онъ Папа начается, что они посямѣста тѣмъ дѣломъ промышляютъ, а будетъ Кардиналъ его Папы въ томъ не станетъ слушать, и онъ его проклинаетъ; а онъ Папа начается, что Московскіе люди въ Латынской вѣрѣ будутъ, только ихъ станетъ накрѣпко приводить, а не всѣхъ любовію и волею, надобе и неволею и жесточью; а кто станетъ крѣпко, и того бъ и убивать не ужасался. — Да Розстрига жъ къ Папину Легату, который въ Польшѣ живетъ, для укрѣпленья Латынскія вѣры писалъ, чтобъ онъ благословилъ жену его въ субботу мяса ѣсти для Московскихъ людей, а отъ Русскаго Патріарха причаститься; и Легатъ Папинъ писалъ къ нему противъ, что онъ то чинитъ не гораздо... и онъ ему на то не произволяетъ, чтобъ того никакъ не дѣлалъ, помнилъ бы, на чемъ душу свою далъ Папѣ, и проч... И Розстрига Гришка къ Папину Легату писалъ, что онъ въ томъ виноватъ, а впредь во всемъ самъ крѣпокъ въ Латынской вѣрѣ, и съ женою своею, и людей всѣхъ на то приведетъ къ Латынской вѣрѣ, а инако слово его не будетъ.»

О записяхъ Лжедимитрія, коими онъ обязывался уступить Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а отцу ея Смоленскъ и Сѣверскую землю, см. сей Исторіи Т. XI, стр. 80 и 81, и примѣчанія 217 и 218.

(10) Въ Рукописи, составленной при Патріархѣ Филаретѣ, сказано: «И вѣнчася Царскимъ вѣнцемъ Іюня въ 1-й день, по Вознесеньевѣ днѣ, въ недѣлю Святыхъ Отецъ; а возведенъ бысть на Царскій престолъ Митрополитомъ Новгородскимъ Сидоромъ и всѣми Митрополиты и Архіепискупы: тогда бо бѣша вси на Москвѣ. Единъ же бысть во изгнаніи отъ Розстриги Митрополитъ Ермогенъ Казанскій и Свіяжскій, занеже бо ему еретику претяше о его богомерзкой женитвѣ... И въ тыяже дни бысть смиреніе и радость въ людяхъ велія.

Боляре же и весь Царскій Синклитъ, вкупѣ же и весь народъ Московскаго Царствія поздравляху ему (Шуйскому) на великомъ Государствѣ Россійскаго Царствія, якоже и прежнимъ Великимъ Государемъ Московскимъ, и дары великіе принесошаху ему по его Царскому достоянію.»

По Журналу Литовскихъ Пословъ *(Dyaryusz)* вѣнчаніе Царя Василія происходило 11 Іюня (по Нов. Ст.) въ Воскресенье.

По *Никон. Лѣтописи* (стр. 76) Василія вѣнчалъ на Царство Казанскій Митрополитъ Ермогенъ; но Рукопись Филарета заслуживаетъ болѣе вѣроятія.

(11) «Іюня 11 совершилось коронованіе новаго Царя очень бѣдно: болѣе было простаго народа, чѣмъ Бояръ.» *(Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie.)*

(12) Не видно, чтобы въ семъ году былъ кто либо пожалованъ въ Бояре, или въ другіе знатные чины. См. Послужн. Списокъ Бояръ, въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* XX, 77.

(13) См. Томъ XI, стр. 90, и въ семъ XII Томѣ, примѣч. 119.

(14) См. Т. X, глав. II.

(15) См. *Розрядн. Кн.* л. 986, и *Rzeczy Polskich za Dymitra.*

Въ Наказѣ отправленнымъ въ Литву, Послу Князю Григорію Волконскому и Дьяку его Андрею Иванову, сказано: «А Ѳоонасью Власьеву что было вѣрити. Ѳоонасей воръ разоритель Вѣры Хрестьянской, тому вору совѣтникъ, поѣхалъ къ Государю вашему Жигимонту Королю по его волѣ, безъ Сенаторскаго вѣдома. А тотъ воръ Розстрига писалъ съ нимъ листъ по Латынѣ, съ вашими Поляки совѣтовалъ, а Русскіе люди у того дѣла небывали.» (Дѣла Польск. No 26, л. 100).

(16) См. *Розряд.* л. 985, на обор.

(17) *Ник. Лѣт.* 77: «Царь же Василей вскорѣ по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, начать мстити людемъ, которые ему грубиша, Бояръ и Думныхъ Дьяковъ и Стольниковъ и Дворянъ многихъ розосла по городомъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнима.»

(18) *Rzeczy Polskich*: «Бояре имѣли тогда болѣе власти, нежели самъ Царь.»

(19) Маржеретъ пишетъ, что въ Москвѣ возникла между гражданами распря; что многіе жаловались на избраніе новаго Царя, бывшее безъ ихъ согласія; что по городу стали носиться слухи, будто Лжедимитрій не погибъ. Нѣкоторые говорили, что послѣ избіенія Поляковъ, въ полночь, потребованы были именемъ Царя Димитрія три Турецкія лошади изъ малой дворцовой конюшни, и что никто не знаетъ, куда оныя отведены; но конюхъ, отпустившій ихъ, былъ, по приказанію Шуйскаго, подвергнутъ тяжкой пыткѣ. Маржеретъ прибавляетъ, что въ разныхъ улицахъ города были подбрасываемы письма и записки, въ коихъ утверждали, что Димитрія видѣли и узнавали на пути изъ Москвы.

(20) Борисъ Годуновъ скончался 13 Апр. 1605 года; Ѳеодоръ Борисовичъ убитъ 10 Іюня тогоже года, а Лжедимитрій 17 Мая 1606. Въ столь короткое время Василій Шуйскій былъ уже четвертымъ Царемъ.

(21) Въ надгробной надписи его въ Москов. Арханг. Соборѣ: «Лѣта 7121 (1612), Сент. въ 12 день ... преставися... въ 60 лѣто живота.» См. сію надпись ниже въ примѣчаніяхъ къ V главѣ сего Тома. He was then about the age of 50. *(A Brief History of Moskovia,* by John Milton. Lond. 1682, см. стр. 62). За двадцать пять лѣтъ предъ симъ видѣли Василія Шуйскаго дружкою Царя Іоанна на послѣдней свадьбѣ его (см. Т. IX), а въ 1581 году онъ имѣлъ начальство надъ войскомъ на берегахъ Оки (см. тамъ же). Въ *Зерцалѣ Рос. Государей* (Мальгина) сказано, что Василій родился въ 1547 году.

(22) Въ *Чет. Мин.* Іюн. 3 дня: «Царствующу же Борису Годунову на престолѣ Москов. Государства, начаша въ Угличѣ отъ гроба Св. новаго Мученика Димитрія Царевича бывати чудеса и подаватися болящимъ исцѣленія... и прихождаше о чудесахъ слухъ во уши Царю Борису; онъ же возвѣщающымъ то смертными прещеніями запрещаше, да не явѣ творятъ сего въ людехъ: студъ бо и срамота покрываше лице его, и совѣстію внутрь яко Каинъ обличаемь, самъ въ себѣ снѣдашеся, и тщашеся окаянный скрыти свѣтильникъ подъ спудомъ, но не можаше утаити величія Божія, являемая на святомъ страстотерпцѣ.»

(23) См. Рукопись Филаретову: «Егда убо во градъ входятъ, тогда ощутивша граждане приходъ ихъ, и внезапу стечеся весь градъ, мужи и жены ... Цареву повелѣнію едва повинующеся, и послѣднее цѣлованіе живоносному мертвецу отдающе своему Государю, и надгробныя пѣсни съ плачемъ и воплемъ испущаху, якожъ и при погребеніи праведнаго, такожде и нынѣ о пренесеніи его плачевне рыдаху. И ту первѣе преблагій Богъ прослави угодника своего: снимающе убо, гроба его Святителіе и Боляре не могуще обрѣсти и желаемое ими многоцѣлебное тѣло узрѣти, и на многи часы труждающеся и потящеся, стѣсняеми многою мыслію, непщующе яко аще нѣкто боголюбивый, прозрѣвъ пренесеніе хотящее быти отъ Углеча града и не хотя лишитися таковаго сокровища, на ино мѣсто сокровеннѣ преложи, или пока мнящее яко недостойни суще таковое желаніе получити, и сего ради, обратившеся ко Господу, начаша умильно молити богатодавца Бога, да таковое покажетъ имъ безцѣнное сокровище, и начаша *молебны пѣти* и всемірно молити. И во время святаго того пѣнія внезапу узрѣвше изъ десныя страны, ако дымъ исходящь дыханіе благовонно, и отъ неначаемыя радости начаша копати мѣсто оно и абіе обрѣтше некрадомое сокровище многобогатый гробъ, вмѣстившій тѣло блаженнаго Царевича»... Далѣе: «Народи же егда узрѣша такое многоудивленное чудо, наипаче слезы къ слезамъ прилагающе и отъ радости похвальныя пѣсни блаженному сплетающе и Государемъ и отцемъ и заступникомъ и благодѣтелемъ того нарицаху и вопіюще: *почто,* рѣче, *насъ оставляеши сирыхъ, лишенныхъ твоего живота, и уже нынѣ лишенныхъ и святаго успенія твоего;* помяни, Господине, наслѣдіе твое; не остави людей твоихъ, *сирыхъ до днесь, твоего ради лишенія.»*

(24) Тамъ же: «Цѣлы и невредимы мощи обрѣтошася. Кромѣ взятыхъ частей отъ требующія земли: и земля бо жаждетъ насладитися отъ плоти праведныхъ, да сими освятится отъ скверноубійственныхъ длaней. И не токмо бо плоть бысть въ цѣлости святаго страдальца, но и ризы на тѣлѣ его освятишася и истлѣнія избыша. И егда убіенъ бысть отъ безбожныхъ измѣнникъ, и тогда ему прилучися держати въ шуйцѣ своей убрусъ шитъ златомъ и сребромъ пряденымъ, и тогда оставиша въ руцѣ его, и сіе бяше цѣло и невредимо, яко у живаго въ руцѣ держимо: въ друзѣй же приключишася плодъ, глаголемый орѣхи.»

См. также *Собран. Гос. Грам.* II, 316. Тамъ, въ Грамотѣ Царицы Марѳы, писанной въ Августѣ 1606, сказано, что перенесеніе мощей Святаго Царевича было 3 Іюня. Въ Рукописи Филарета упомянуто, что мощи Св. Димитрія встрѣчены Патріархомъ. См. ниже, прим. 25 и 28.

(25) Въ Рукописи Филаретовой: «*Иже убо бѣша слѣпіи и хроміи и инѣми болѣзньми одержиміи, прикосновеніемъ святаго тѣлеси его и одра, на немъ же лежаше, исцѣляхуся... Недужніи течяху скоро и болѣзненніи яко елени скачуще и Бога хваляще, иже таковую благодать дающаго... И егда доидоша Святителіе и Боляре мощи несуще до царствующаго града, Царю же и Патріарху извѣстися о принесеніи и чудодѣяніи великихъ бывающихъ отъ святаго тѣлеси его, тогда убо Царь и Патріархъ тщательно исходятъ въ срѣтеніе со многочюдесными образы и съ животворящими кресты, честь воздающе Богомъ почтенному и святолѣпному тѣлеси его за самыя врата градскія, и народъ убо многъ собрася отъ всѣхъ странъ великаго града толико, яко убо и мѣсто ту не обрѣтеся и немощи́ вмѣшатися народомъ въ стогнахъ града. Самодержавный же повелѣ раку открыти и мощи всѣмъ явити вѣрующимъ и невѣрующимъ, единѣмъ да желаніе исполнитъ, вторымъ же да уста лжущія заградитъ и очи невѣрующія ослѣпитъ глаголющимъ, яко живый избѣже ото убійственныхъ длапей. Потомъ же восріятъ на раму свою и понесе благочестиваго, искреннюю любовь къ нему показуя, и *раболѣпное* служеніе и по смерти являя, понеже прежъ владычества своего *рабъ* бѣ отцу его, Великому Государю Ц. и Вел. Кн. Ив. Васильевичу всея Руссіи. И со свѣщами и съ кандилы, съ пѣсньми жь и пѣньми духовными, честно проводиша его до святыя Соборныя и Апостольскія церкви Арханг. Михаила,» и пр. См. также *Ник. Лѣт.* 78.

(26) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 312 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ).

(27) Въ Рукописи Филар.: «И бѣ видѣти позоръ радостенъ и чудо веліе отъ тѣлеси святаго бывающее, якожь и во градѣ Углечѣ радостотворенъ плачь всѣмъ отъ духовнаго веселія бывающь, во единомъ часѣ принимаху слѣпіи независтно зрѣніе хроміи безболѣзненно теченіе, прокаженніи внезапное исцѣленіе и вси недугующіи въ разноличныхъ недузѣхъ скорое поможеніе съ вѣрнымъ призываніемъ и возглашеніемъ отъ недуговъ свобождахуся. Положено же бысть въ предѣлѣ Ивана Предотечи, идѣже отецъ его, блаж. пам. Ц. и В. Кн. Ив. Вас. всея Россіи и братья его, Царь Ѳед. Ив., да Царевичь Иванъ. И въ томъ мѣстѣ, идѣже положенъ бысть Царь Борисъ, выкопаша яму и каменіемъ выклали, хотѣша его Государя праведное тѣлу ту погрести; и егдаже бысть многое исцѣленіе, тогда яму повелѣша закласти и на томъ мѣстѣ въ ракѣ положиша. Царь же Вас. Ив. повелѣ сотворити раку древяну и убити отласы золотыми, и положиша тѣло святое Благовѣрнаго Царевича Димитрія *въ прежнемъ его гробѣ*, и поставиша раку чудотворцову... (здѣсь не достаетъ листа въ рукописи).

*Ник. Лѣт.* 79: «Составиша празднество, стихеры и кануны, и уставиша празднество праздновати трижды въ году: первое празднество рожденіе, второе убіеніе, третіе пренесеніе мощемъ къ Москвѣ.»

*Собр. Гос. Грам.* II, 313 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ): «А того вора, Розстригу Отрепьева, чтобъ есте его и съ его помощниками, которые на разоренье Христіанское и на пагубленіе вѣры Христіанской съ нимъ совѣтовали и произволяли, вѣчному проклятію бы есте предали, и проклинати его велѣли съ всѣми еретиками.»

(28) *Ник. Лѣт.* 76: «По воцареніи же своемъ Царь Василей злокозненнаго собесѣдника Розстригина, Патріарха Игнатія съ престола сведе, и положи на него черное платье, и отосла его въ Чюдовъ монастырь подъ начало. На престолъ же возведенъ бысть Казанскій Митрополитъ Гермогенъ,» и пр.

Въ Рукописи Филаретовой и въ Лѣтописи Никоновской сказано, что при перенесеніи мощей Св. Димитрія находился Патріархъ (см. выше, примѣч. 25), но въ Царской извѣстительной Грамотѣ (*Собр. Гос. Грам.* II, 311) о семъ неупоминается; впрочемъ Шуйскій говоритъ въ сей же Грамотѣ, что онъ принялъ скипетръ благословеніемъ Патріарха, и пр.

(29) См. выше, примѣч. 10.

(30) См. Розрядн. Кн.

(31) Объ извѣщеніи Князя Острожскаго въ Кіевѣ см. Н. Бантыша-Каменскаго *Дипломатическое Собраніе дѣлъ между Рос. и Пол. Государств.* Ч. I: «По истребленіи онаго (Лжедимитрія), посланъ былъ отъ всего освященнаго Собора къ Воеводѣ Кіевскому Кн. Василью Константиновичу Острожскому (Греческаго исповѣданія мужу) въ гонцахъ Ѳедоръ Дуровъ съ грамотою о семъ происшествіи извѣстительною. Но посланной пойманъ будучи на дорогѣ отъ Князя Януша Острожскаго, сына помянутаго Воеводы, отосланъ въ Польской городъ Дубровну.» — Упоминается о семъ въ Польск. Столпц. пріѣзда въ Москву Польскихъ Пословъ Витовскаго и Соколинскаго.

Въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ: «31 Мая, въ Среду, по просьбѣ Пановъ Пословъ, а равно и П. Воеводы Сендомирскаго, который до того времени не зналъ, что происходило съ его дочерью, препроводили ее къ нему изъ Царскихъ комнатъ, вмѣстѣ съ женщинами (białegłowy), составлявшими свиту ея. Онъ обходился съ нею уже не какъ съ дочерью, а какъ съ Государынею (z Panią).»

Въ *Rzeczy Polskich*: «Новый Царь не замедлилъ послать къ Воеводѣ увѣрить его въ безопасности. Царицѣ во дворцѣ выдавали все нужное; съѣстные припасы доставляемы были на кухню Воеводы, гдѣ и стряпали для нее, потому что она не могла ѣсть того кушанья, которое готовили въ Дворцовой кухнѣ. Всѣхъ насъ (Поляковъ), съ служителями Воеводы и Царицы, осталось до трехъ сотъ.» (Прочихъ вывели изъ Москвы, пишетъ Сочинитель сихъ Записокъ).

(32) См. въ *Собраніи Государств. Грамотъ* Ч. II, стран. 329 и 332. — 1-е Роспись драгоцѣннымъ вещамъ, захваченнымъ въ Москвѣ, при убіеніи Самозв. Гришки Отрепьева, у жены его Марины и у тестя его Сенд. Воев. Юрія Мнишка. 1608, Іюл. 9. — 2-е Роспись лошадямъ, богатой збруѣ и винамъ, захваченнымъ въ Москвѣ, при убіеніи Отрепьева, у тестя его, врученная Польскимъ въ Россіи бывшимъ Посламъ. 1608, Іюл. 9.

Сочинитель *Rzeczy Polskich* говоритъ, что Марина переѣхала на квартиру Воеводы 2 Іюня, оставивъ во Дворцѣ все, что ей и свитѣ ея подарено было отъ Царя, и что въ слѣдующій день возвращены ей лишь нѣкоторыя вещи, почти порожніе сундуки, шкатулки, нѣсколько платья: все прочее задержано.

О высокомѣрномъ отзывѣ Марины см. Нѣмцевича *Dzieje Pan. Zygm. III.*, гдѣ онъ ссылается на Чилли, и *Dyaryusz* 1607 г.

(33) См. *Rzeczy Polskich* и Бера.

(34) См. *Dyaryusz.* Также Нѣмцев. *Dzieje Pan. Zygm. III.*

(35) Сія рѣчь, представляемая здѣсь сокращенно, помѣщена и въ сочиненіи *Rzeczy Polskich etc.* — Послы говорили, что Лжедимитрій, разсказывая въ Польшѣ, какъ Богъ избавилъ его отъ смерти, увѣрялъ, будто Борисъ хитро и коварно лишилъ жизни и Царя Ѳеодора Іоанновича и даже *сына его*, роднаго своего племянника. «Еще народъ нашъ» — продолжали они — «не почиталъ сего

человѣка за Царевича, и нѣкоторые, по долгу Христіанскому, дѣлали ему подаяніе ради Бога, какъ то и у васъ водится. Панъ Воевода, человѣкъ добрый и чистосердечный, повѣрилъ, что онъ дѣйствительно Царевичь, и уваживъ просьбу его и Русскихъ, бывшихъ при немъ, согласился съ небольшимъ числомъ людей проводить его къ Московской границѣ... Русскіе еще передъ границею встрѣчали его, точно такъ, какъ онъ предсказывалъ, съ хлѣбомъ и солью... Его Кор. Вел. и Паны Сенаторы, не держа ни чьей стороны, издали смотрѣли на сіе, ожидая суда Божія.»

(36) См. тамъ же и въ Журналѣ Посольства (*Dyaryusz*).

(37) Въ *Диплом. Собраніи* Бантыша-Каменскаго (стр. 387) сказано, что повелѣніе отправить Волконскаго Посланникомъ къ Королю дано 11 Іюня. Въ Грамотѣ же Царской, посланной въ Смоленскъ къ тамошнимъ Воеводамъ отъ 13 Іюня, упоминается, что Волконскій уже отправленъ въ Польшу (см. Дѣла Польск. No. 26, л. 143 на обор.)

Волконскій посланъ былъ: «съ объявленіемъ Польск. Кор. Сигизмунду о возведеніи его, Царя В. I., на Россійскій Престолъ, и съ выговоромъ о чинимомъ отъ Поляковъ, въ противность двадцатилѣтняго перемирія, вспоможеніи Лжедимитрію Гришкѣ Отрепьеву и проч.» Съ Волконскимъ отправленъ былъ Дьякъ Андрей Ивановъ. (*Дипл. Собр.* Бант. Каменскаго, стр. 387).

О размѣщеніи Поляковъ по городамъ см. *Dyaryusz* и *Дипл. Собр.* Бантыша-Каменскаго, стр. 387.

Тамъ же: «Съ Посланниками (Княз. Волконскимъ и пр.) отпущено въ Польшу нѣсколько военныхъ и работныхъ Польскихъ людей, а Боярину Кн. Ивану Васил. Голицыну велѣно Сендомирскаго Воеводу съ дочерью и со всѣми пріятелями его, пріѣхавшими на свадьбу Самозванца разослать по городамъ, солдатъ же Польскихъ и служителей, пересмотрѣвъ, отпустить за границу, а пріѣхавшимъ къ Отрепьеву и Польскимъ Посламъ, Николаю Олесницкому и Александру Госѣвскому, остаться въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока Король обошлется съ Государемъ своими Посланниками.»

(38) «И въ дороги на встрѣчѣ и по городомъ и въ посадѣхъ и въ Панскихъ имѣньяхъ Литовскіе люди безчестили Посланниковъ, матерны лаяли и измѣнники называли, а въ Менску (въ Минскѣ) на Князь Григоревыхъ и Ондреевыхъ людей каменьемъ и грязью метали и плети изъ рукъ вырывали, хотячи дратца, и на дворъ пришедъ, многіе люди Посланниковъ лаяли и убиствомъ грозили; да тогожъ дни пришедъ на дворъ люди Ивана Михайлова сына Гарабурды Князь Григоревыхъ людей били. . И о томъ Посланники приставу говорили многажды, что такіе имъ безчестье и тѣснота чинитца, чего прежъ сего надъ Посланники николи не бывало. И онъ отказывалъ, что у нихъ нынѣ люди стали самовольны и Короля не слушаютъ, и ему ихъ унятн не льзя.» (Дѣла Польск. No 26, л. 182.)

Тамъ же, листъ 307: «Намъ бы ты, Государь, на наши рѣчи велѣлъ дати отвѣтное письмо, а грамоты намъ имать не пригоже. Грамоты бываютъ съ гонцы; а мы посланники, а не гонцы.» — О всѣхъ сихъ переговорахъ упомянуто сокращенно въ *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, на стр. 388.

(39) О томъ, что Шуйскій имѣлъ тогда сношенія съ Цесаремъ, Англіею, Даніею и Персидскимъ Шахомъ, см. *Дѣла Польск.* No 26, л. 42 на обор.

Палицынъ (стр. 58) упоминаетъ также о посольствахъ Царя въ Англію и Данію.

(40) См. *Дѣла Крым.* и *Ногайскія*. Иштерекъ еще при Борисѣ Годуновѣ клятвенно обязался, за себя и за потомство свое, служить Царямъ Россійскимъ. См. сей Исторіи Т. XI, стран. 50.

(41) См. Маржерета (стран. 148).— Чернь обрадовалась, пишетъ онъ, мнимому дозволенію грабить домы: «et crois qu'elle seroit contente à telles conditions d'avoir tous les huict iours nouveaux Empereurs.» — Во время смятенія, о коемъ говорится ниже, Маржеретъ находился неподалеку отъ Царя и былъ свидѣтелемъ его распоряженій. Сочинитель *Rzeczy* относитъ сіе происшествіе къ 25 Іюня, по Нов. Стилю (по Старому 15-е), которое въ семъ году было въ Воскресенье.

(42) Марж.: «Choisissez en un autre tel que bon vous semblera.» (стр. 149). Онъ же и о приговорѣ надъ пятью зачинщиками и Петромъ Шереметьевымъ (см. стран. 150).

*Лѣтопись Львова* (Подробн. Лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. Ч. III, стр. 220.) описывая то же происшествіе и судъ надъ тѣми же крамольниками, говоритъ, что сіе случилось въ 17 д. Февраля, въ Субботу Сырныя недѣли (1610 г.) Увидимъ ниже (см. прим. 351), что было другое возмущеніе 17 Февраля, но только не 1610, а 1609 года.

(43) См. Розрядн. Кн. — Беръ ложно пишетъ, что К. Григ. Шаховскій бѣжалъ въ Путивль съ двумя Поляками. Тамъ же и въ *Лѣтописи Львова* сказано, что онъ въ день убіенія Лжедимитрія похитилъ золотую государственную печать.

(44) См. Томъ XI, стр. 69 и слѣдующія.

(45) См. тамъ же, стран. 108.

(46) См. *Сказаніе Авр. Палицына*, стран. 29.

*Никон. Лѣт.* 78: «Вложи врагъ мысль въ люди Украиныхъ городовъ, что того Розстригу Богъ соблюлъ, а въ него мѣсто будто убиша Нѣмчина подобна ево лицу. Первое жъ зачало крови Христіанскія въ Путимлѣ городѣ, Кн. Григ. Шаховской измѣни Царю Василью со всѣмъ Путимлемъ, и сказа Путимцамъ, что Царь Дмитрей живъ есть, а живетъ въ прикрытѣ, боится измѣнниковъ убивства; по томъ же Путимлѣ измѣниша городы, Мистревское (въ *Лѣтописи о мятежахъ*: Дмитровскъ), Черниговъ, Стародубъ, Новъгородокъ.»

Тамъ же, 84: «На Тулѣ же въ тѣ поры воровъ много было; Воевода жъ у тѣхъ воровъ Князь Андрей Телятевской.»

Объ отпаденіи Ельца, Кромъ, Борисова, см. тамъ же, стр. 79, 80, 85.

Въ Хронографѣ, который купленъ покойнымъ Исторіографомъ у *Столяра* (какъ сказано въ его записной книжкѣ), и который онъ означалъ симъ именемъ (л. 533): «Того же 114 (1606) года... въ Украиныхъ, въ Польскихъ и въ Сѣверскихъ городѣхъ учинился прелесть и смута, будто воръ Гришка Розстрига, который былъ на Москвѣ Царемъ, ушелъ въ Литву, и по городамъ отъ Царя Василія отложились и цѣловали крестъ Царь Дмитрею Ивановичю всея Русіи, а Государь Царевичь въ вѣчномъ блаженствѣ опочивалъ на Углечѣ.»

(47) См. Томъ XI, стр. 88.

*Никон. Лѣт.* 80: «Собрахуся Боярскіе люди и крестьяня, съ ними же пристаху Украинскіе посацкіе люди и Стрѣльцы и Казаки, и начаша по градомъ Воеводы имати и сажати по темницамъ; Бояръ же своихъ домы разоряху, и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху.»

Тамъ же, 85: «Въ тажъ времена убиша при Петрушкѣ и до ево приходу въ Путивль и по градомъ Бояръ, К. Василья Кандаруковича-Черкасково, К. Петра Ивановича Буйносова, Михаила Богдановича Сабурова; Воеводъ и Дворянъ, коихъ

имали на бою, Кн. Андрея Бахтеярова, Кн. Василья Тростенсково, Еѳима Бутурлина, Алексѣя Плещеева, Матѳея Бутурлина, Кн. Саву Щербатово, Микиту Измайлова, Ивана да Ондрея Воейковыхъ, Михаила Пушкина, Кн. Юрья Приимскова Ростовского, Ѳедора Бартенева, и иныхъ многихъ Воеводъ и Дворянъ, розличными муками мучили, и ихъ съ башни кидаху, иныхъ съ мосту въ ровъ, иныхъ вверхъ погами вѣшаху, иныхъ по стѣнамъ распинаху, руки и ноги гвоздьми пробивше и съ пищалей розстрѣляху.»

*Столяр. л.* 533: «Въ тѣхъ въ Украинныхъ, въ Польскихъ и въ Сѣверскихъ городѣхъ тамошніе люди по вражію наважденью Бояръ и Воеводъ и всякихъ людей побивали розными смертьми, бросали съ башенъ, а иныхъ за ноги вѣшали и къ городовымъ стѣнамъ роспинали и многими разноличными смертьми казнили, и прожиточныхъ людей грабили; а ково побивали и грабили, и тѣхъ называли измѣнники, а онѣ будто стоятъ за Царя Дмитрея, и по городомъ побили до смерти Боярина Кн. Петра Ивановича Буиносова, Боярина Кн. Василья Кардануковича-Черкасково, Воеводу Еѳима Вахромеевича Бутурлина, Кн. Василья Тростенсково, Семена Малцова, въ Путимлѣ убили Микиту Васильева сына Измайлова.» — Далѣе: «А тово вора, ково называли Царевичемъ Дмитреемъ, нигдѣ въ тѣ поры и не объявился.»

Въ Послужномъ Спискѣ чиновниковъ (см. *Др. Рос. Вивл.* XX, 81) сказано подъ 7117 (1605) годомъ, что Бояре Князь Вас. Кандаруковичь-Черкаскій и Князь Пет. Ив. Буйносовъ-Ростовскій, также Окольничій Алексѣй Роман. Плещеевъ, убиты воромъ Петрушкою.

См. также *Розрядн. Кн.* и Бера.

(48) См. Бера.

(49) См. выписку изъ Посольства Князя Волконскаго въ *Дѣлахъ Польск.* No 26, л. 186: «Августа 12 сказывалъ Посланникомъ Приставъ, что пріѣхалъ въ Городень братъ его Подскарбей Ерошъ Воловичь... и ѣздилъ Приставъ къ Подскарбею, а пріѣхавъ, говорилъ: по ся де мѣста о томъ язъ вамъ не говаривалъ, что подлинно про то не вѣдалъ, а нынѣ ужь о томъ есть подлинно вѣдомость, что Государь вашъ Дмитрей, котораго вы сказываете убитого, живъ и теперь въ Сендомирѣ у Воеводины жены. Она ему и платье и людей подавала. А писали о томъ къ Подскарбею добрые Паны, и признаки всѣ тѣ, каковъ онъ былъ, писали и бородавка на лицѣ, да и тѣ многіе люди, которые у него были на Москвѣ, его узнали, что онъ прямой Царь Дмитрей, и многіе Руские люди къ нему пристали и Польскіе и Литовскіе люди къ нему прибираютца. Да къ нему же пріѣхалъ Князь Василей Мосалской, которой при немъ былъ на Москвѣ Ближней Бояринъ и Дворецкой.»

Волконскій отвѣчалъ Приставу, что сей Димитрій долженъ быть какой нибудь новый бѣглецъ, и прибавилъ (л. 187 на об.): «А есть сбѣжалъ въ то время, какъ того вора убили, Михалкомъ зовутъ Молчановъ, жилъ у того вора въ хоромѣхъ для чернокнижья, что онъ тому навыченъ. И нѣчто будетъ тотъ называетца такимъ именемъ, и на томъ у насъ есть пятно, чтобъ его намъ показали; а примѣты у него на спинѣ; и какъ онъ за воровство и за чернокнижество былъ на пыткѣ и кнутомъ битъ, и тѣ кнутные бои на немъ знать.»

Лист. 197 на об.: «Да Приставъ же говорилъ про вора, что онъ одноличю живъ въ Сендомирѣ у Воеводиной, а вышелъ де въ старческомъ платьѣ, и Воеводина платье на него всё искупила и людей къ нему приняли съ двѣ стѣ человѣкъ. Да при немъ же нѣкоторой Заболоцкой Москвитинъ выѣзжей.»

*Л.* 198 на об.: На вопросъ Волконскаго, что говорятъ очевидцы о новомъ Димитріи, Приставъ отвѣтствуетъ: «что де онъ рожеемъ смуголъ, а волосомъ черенъ, усъ не великъ и бороды высѣдаетъ и онъ стрижетъ, а по Польски говорить гораздъ и по Латынѣ знаетъ. — И Посланники говорили, что подлинно воръ Михалко Молчановъ таковъ рожеемъ, а прежней былъ воръ Рострига рожеемъ не смуголъ, а волосомъ русъ.»

*Л.* 213: «А послѣ того сказывалъ... Спарскій, что былъ у нихъ Гридичь, котораго Концлеръ посылалъ того вора досматривать, и онъ сказалъ, что того вора не видалъ, живетъ де въ монастырѣ, не кажитца ни кому.»

*Л.* 215: «Спрашивали тѣхъ, которые сказывали видѣли, каковъ онъ рожеемъ и волосомъ и возрастомъ, и они сказывали, что возрастомъ не малъ, рожеемъ смуголъ, носъ немного покляпъ, брови черны, не малы нависли, глаза не великіе, волосы на головѣ черны, курчеваты; ото лба вверхъ возглаживаетъ; усъ чорнъ, а бороду стрижетъ; на щекѣ бородавка съ волосы; по Польски говоритъ, и грамотѣ Польской гораздъ, и по Латынѣ говорити умѣетъ, и по тѣмъ признакомъ Михайло Молчановъ.»

*Л.* 253: Поляки говорятъ Посламъ нашимъ: «Сказываете, что тотъ Дмитръ, которой былъ у васъ Государемъ, убитъ, а изъ Сѣверы пріѣхали многіе люди и того Дмитрея ищутъ по Государству Государя нашего, и сказываютъ его жива, что онъ ушолъ, а въ его де мѣсто убитъ иной. И Государю нашему вашихъ людей унять ли?»

*Л.* 321: Слова нашихъ Пословъ: «И какъ есмя слышали въ Польшѣ про того нового вора, каковъ онъ рожеемъ и волосомъ и въ примѣтахъ, инно таковъ сбѣжалъ въ то время, какъ Рострига убитъ; Михалкомъ зовутъ Молчановъ.»

*Л.* 338: «Прежней былъ воръ Рострига обличьемъ бѣлъ, волосомъ русъ; носъ широкъ, бородавка подлѣ носа; уса и бороды не было; шея коротка. А Михалко Молчановъ обличьемъ смуголъ, волосомъ черенъ, носъ покляпъ; усъ не малъ; бороду стрижетъ; на головѣ волосы курчеваты, взглаживаетъ вверхъ; бородавка на щекѣ.»

(50) См. выше, примѣчаніе 49, и Том. XI, стр. 118, «въ прим. 346 ссылку на *Никон. Лѣтоп.*

(51) Марж. 142: «Après ce meurtre commença à courir le bruit que Demetrius n'avoit esté tué, mais un qui luy ressembloit, le quel il avoit mis en sa place, après qu'il fut adverty quelques heures avant jour de ce qui se devoit passer, et sortit hors de Mosco.» Онъ же разсказываетъ о трехъ лошадяхъ, требованныхъ изъ конюшни *отъ имени Царя Димитрія* (см. выше, прим. 19); говоритъ также, что трупъ, который почитали Лжедимитріевымъ, былъ, по увѣренію Французскаго купца Бертрана де Касанъ, съ бородою, а у Лжедимитрія бороды не было, и что, по словамъ Бучинскаго, въ тоже время пропалъ безъ вѣсти одинъ молодой Дворянинъ, любимецъ Лжедимитрія, qui luy ressembloit fort, fors qu'il avoit un peu de barbe (стр. 145). См. также слова Маржерета, приведенныя выше, въ прим. 41.

(52) См. Маржер. 144: «Le maistre du premier logis où le dit Demetrius auroit repeu après son depart de Mosco, attesta avoir parlé au dit D. et mesme apporta une lettre écrite de sa main (à ce qu'il disoit), par la quelle il se plaignoit des Russes, leur reprochant leur ingratitude et mesconnoissance de sa bonté et clemence, les asseurant, qu'il ne faudroit à se venger en bref des coulpables. Et en outre, se trouverent plusieurs billets et lettres semées par les ruës, tendant au mesme effet, et mesme qu'on l'avoit reconnu en la pluspart des

lieux où il avoit pris des chevaux de poste. Furent aussi trouvées plusieurs autres lettres au mois d'Aoust, témoignant qu'ils avoient failly à leur coup, et que le dit Demetrius les viendroit voir en bref, au premier jour de l'an.»

(53) *Rzeczy Polskich*. 80: «1 Августа произошелъ бунтъ въ городѣ отъ подкинутыхъ писемъ съ именемъ Димитрія. Сначала не хотѣли было читать ихъ, но зная, что они подложныя, созвали всѣхъ Дьяковъ и сличили почеркъ каждаго; однакожь не могли сыскать подобнаго.»

(54) Авр. Палиц. 30: «Царь же Василей много моливъ тѣхъ посланьми Митрополитомъ Пафнутіемъ Крутицкимъ со Архимандриты и Игумены и съ прочимъ народомъ.»

(55) *Собр. Гос. Грам.* II, 318: «Смущаетеся и вѣрите врагомъ нашимъ, Литовскимъ людемъ... И нынѣ азъ послала къ вамъ брата своего Боярина Григорья Ѳедоровича Нагово, и съ нимъ послала къ вамъ образъ сына своего Благовѣрново Царевича Дмитрея Ивановича, чтобъ ваши сердца просвѣтилися и на истинной путь обратилися... А мнѣ то подлинно вѣдомо, что Вел. Гос. Ц. и В. К. Вас. Иван. всея Русіи васъ пощадитъ, вины ваши покроетъ своимъ Царскимъ милосердьемъ: мнѣ онъ то свое Царское милостивое слово къ вамъ молвилъ; а я васъ на то благословляю и прошу того у Бога, чтобъ ваши сердца на истинный путь обратились, и жити бъ вамъ въ домѣхъ своихъ безмятежно, и проч... А тому истинно вѣрьте, что то былъ не сынъ мой, воръ, богоотступникъ, Рострига Гришка Отрепьевъ, и убитъ онъ нынѣ на Москвѣ: мои очи его мертва видѣли; а истинной Государь мой сынъ Царевичь Дм. Ив. убитъ на Углечѣ въ 99 (1591) году; а нынѣ мощи его... сами о себѣ свидѣтельствуютъ неизреченными чюдесы.»

(56) См Бера, и выше, примѣчаніе 43.

(57) См. Бера: «Сей Болотниковъ, родомъ Русской, увезенъ былъ въ молодости Татарами, проданъ Туркамъ, посаженъ на галеру, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ долженъ былъ исправлять тяжкую морскую работу. Наконецъ помощію Нѣмцевъ освобожденъ, отправился въ Венецію; потомъ, желая короче узнать странную перемѣну (wunderliche Mutation), происшедшую въ отечествѣ его, прибылъ въ Польшу. Тамъ сказали ему, что Царь Димитрій, убѣжавъ отъ кровожадныхъ Москвитянъ, находится у жены Воеводы Сендомирскаго... Его представили такъ называемому Димитрію, который спросилъ: хочетъ ли онъ служить противъ измѣнниковъ — единоземцевъ своихъ? Болотниковъ отвѣчалъ, что онъ готовъ. Лжедимитрій, въ знакъ милости, подарилъ его шубою (Pelzmantel), саблею, 30 червонцами, и далъ ему письмо въ Путивль къ Шаховскому. Тамъ, въ слѣдствіе приказанія Лжедимитріева, онъ былъ назначенъ Большимъ Воеводою (Polschoi Woiwoda).» — Всѣ наши Лѣтописцы говорятъ, что онъ былъ холопь Князя Андрея Телятевскаго.

О томъ, что Князь Василій Масальскій присталъ къ сторонѣ Лжедимитрія, тогда же извѣстно было Посламъ нашимъ въ Польшѣ. См. *Дѣл. Пол.* № 26, л. 288: «Да спрашивали Паны Рады про Князя Василья Мосальскаго... сказали, что онъ отпущенъ былъ на Сѣверу и отъ Государя отсталъ и присталъ къ Петру и многіе городы въ Сѣверѣ поималъ на Дмитрея, сказываючи его жива.» Прежде же того, еще въ Августѣ мѣсяцѣ, Послы наши слышали отъ Пристава своего, якобы Князь Вас. Мосальскій пріѣхалъ въ Польшу къ Димитрію, у котораго онъ былъ «на Москвѣ Ближней Бояринъ и Дворецкой.» (Л. 186 на обор. и выше, примѣч. 49). Но это былъ другой: Князь Василій *Рубецъ*-Мосальскій, о коемъ сказано въ примѣч. 13, и ниже, въ примѣч. 119.

О Князьяхъ, Иванѣ Мосальскомъ и Михайлѣ Долгорукомъ, см. ниже, примѣч. 115 и 116.

(58) Объ отцѣ Воротынскаго, побѣдителѣ Хана Крымскаго, см. Т. IX, 119 и далѣе; о Князѣ Юріи Трубецкомъ, *Розряд.* 987.

(59) *Rzeczy Polskich*. 86: «17 Сентября (Нов. Ст.) получилъ Воевода (Сендомирскій) извѣстіе, что 5000 войска Шуйскаго разбиты на голову подъ Ельцемъ.

По словамъ Бера, Шуйскій, опасаясь распространенія въ народѣ слуховъ о мятежѣ Сѣверскомъ, объявилъ, что посылаетъ войско на Крымскихъ Татаръ, будтобы вторгнувшихся въ Россію. Воины его изумились, увидѣвъ, что ихъ ведутъ сражаться съ соотечественниками.

*Никон. Лѣт.* 80: «Слышаху же подъ Ельцемъ Бояре, что подъ Кромами смутилось, отъидоша отъ Ельца прочь, и поидоша все къ Москвѣ, ратные жь люди, отъѣхавъ къ Москвѣ, разъѣхалися по своимъ домамъ.»

(60) Беръ: «Вы съ своимъ *Шубникомъ* (Schubnik) хотѣли убить Царя.» Тутъ описаны и жестокости Болотникова.

(61) *Столяр. л.* 533 на обор.: «Начальники у тѣхъ воровъ были: у Резаньцовъ Воеводы Григорей Ѳедоровъ сынъ Сунбуловъ да Прокофѣй Петровъ сынъ Ляпуновъ, а съ Тулены и съ Кошираны и съ Веневичи Истома Пашковъ, а на Веневѣ былъ Сотникъ, а съ Колужены и съ Олексеньцы и съ иными городами Ивашко Болотниковъ Князя Ондрѣя Телятевскаго холопъ, и иные воры были начальники и пришли подъ Москву.»

*Никон. Лѣт.* 81: «Градъ же Рязань съ пригороды, и Тула и Кашира, и иные городы Украйные Царю Василью измѣниша и послаху въ Путимль съ повинными; сіи же въ Путимлѣ быша, и никово въ Путимлѣ не видяху, и назадъ же вспять пріѣзжаху, и никако на истинный путь не обращахуся. И собрашася вси и поставиша себѣ старѣйшину Совлоценина (въ *Латух.:* Соловьянина; въ *Лѣтоп. о мятеж.:* Соловлелина) Сына Боярсково Истому Пашкова, и совокупишася съ тѣмъ Ивашкомъ Болотниковымъ за одно, и поидоша подъ Москву.»

(62) Кобѣржицкій въ *Hist. Vlad.* (стр. 434.) говоритъ о Ляпуновѣ: «Cui apud suos populares, præter elegantem proceramque corporis formam, judicium acre, in rebus agendis industria, militiæque peritia famam compararerat.»

(63) См. Т. XI, стр. 111.

(64) *Никон. Лѣт.* 85, и *Столяр. л.* 533. — Выписки изъ обоихъ помѣщены въ примѣч. 47. — См. также *Разряд. Кн. л.* 984.

*Столяр.*: «Да въ Путивль привезены въ 115 г. въ осень къ вору Петрушкѣ Никита Васильевъ сынъ Измайловъ отъ Николы Зарайскова, да съ Резани Прокоѳей Лепуновъ прислалъ въ Путимль Князя Гаврила Князь Семенова сына Каркадинова, и тѣ въ Путимлѣ убиты» (л. 533).

(65) *Ник. Лѣт.* 82. — Въ Грамотѣ Митр. Филарета къ Устюжскому Протоіерею отъ 30 Ноября 1606 (которой списокъ принадлежалъ покойному А. И. Ермолаеву): «Разбойники и тати и Бояръ и Дѣтей Боярскихъ бѣглые холопи въ той же прежде погибшей и *оскверненной* Сѣверской Украйнѣ и сговорясь съ воры съ Казаки, которые отступили отъ Бога и отъ прав. Вѣры и повинулись Сатанѣ и дьявольскимъ четамъ и оскверня всякими злыми дѣлы Сѣверскіе городы и пришли въ Рязанскую землю и въ прочая городы, и тамо также Святыя иконы обесчестиша, церкви святыя конечно обругаша, и жены и дѣвы безстудно блудомъ осрамиша и домы ихъ разграбиша и многихъ смерти пре-

даша... Цѣловали по ихъ велѣнью крестъ, *не вѣдомо кому,* Ржева, Зубцовъ, Старица, Погорѣлое Городище.»

(66) Въ той же Грам. Филарета: «Приходили тѣ богоотступники и злые душегубцы и сквернители къ Государевѣ вотчинѣ ко граду Твери, и во Тверскомъ уѣздѣ служивыхъ и всякихъ людей привели ко кресту сильно, а во Твери Государевъ богомолецъ, а нашъ сынъ и богомолецъ Ѳеоктистъ Архіепископъ Тверскій и Кашинскій, положа упованіе на Бога. . призвавъ къ себѣ весь Священный соборъ и Приказныхъ Государевыхъ людей и своего Архіепископля двора Дѣтей Боярскихъ и града Твери всѣхъ православныхъ Крестіанъ, и укрѣпяся всѣ единомышленно, побарая за св. Божія церкви и за православную Вѣру и за Государево крестное цѣлованіе, стояти безо всякаго сумнѣнія и страха. И тѣхъ злыхъ враговъ и грабителей и разорителей подъ градомъ Тверью много злой ихъ проклятой скопъ побили и живыхъ многихъ злыхъ разбойниковъ и еретиковъ, поимавъ, къ Москвѣ прислали,» и проч.

(67) *Хроногр. Ключарева.*

(68) См. выше, примѣч. 65.

(69) И Молчановъ и Князь Василій Мосальскій были убійцами юнаго Ѳеодора Борисовича. См. Т. XI.

(70) Беръ пишетъ, что тѣла Бориса, Маріи и несчастнаго сына ихъ, погребенныя сначала на кладбищѣ убогаго дома, лежали тамъ годъ и 3 мѣсяца; что когда Царь Василій велѣлъ перевезти ихъ въ Троицкую Лавру, то по открытіи могилъ гробъ Бориса несли 20 Монаховъ, гробы Ѳеодора и Царицы 40 Бояръ; за ними слѣдовали въ печальномъ шествіи Монахи, Монахини, Священники и Бояре до Троицкихъ воротъ: тамъ Бояре сѣли на лошадей, а тѣла положили на сани. Дочь Борисова ѣхала въ закрытыхъ саняхъ. О ея жалобахъ говорятъ Беръ и Петрей.

(71) См. Бера.

(72) Ксенія скончалась 30 Авг. 1622 г. См. *Ист. Рос.* Кн. Щербатова, Книгу XV, стр. 24, и *Истор. Іерарх.* Т. II, 68.

(73) Василій Шуйскій умеръ 12 Сентября 1612 года. См. ниже, въ примѣчаніяхъ къ V главѣ сего Тома.

(74) См. Розр. Кн. л. 997.

(75) Тамъ же, на обор.

(76) *Никон. Лѣт.* 81: «Градъ же Коломну взяша взятьемъ и разориша его, и пришедъ сташа отъ Москвы за пятьдесятъ верстъ. Царь же Василей противъ ихъ посла всѣхъ Бояръ своихъ и служивыхъ людей, которые были на Москвѣ, и посадскихъ людей. И пріидоша въ Коломенской уѣздъ, розогнаша многихъ Дворянъ, и Стольниковъ поимаша; ихъ же поимаху, отсылаху всѣхъ въ Путивль, Бояре же пріидоша къ Москвѣ, Пашковъ же и Болотниковъ пріидоша подъ Москву, и сташа въ селѣ Коломенскомъ.»

*Латух. Степ. Кн.*: «Оттуду же пришедше на Коломну, и той градъ взяша и разориша. Не дошедше же града Москвы за 50 поприщъ, и сташа. Царь же Василій посла противу ихъ Боляръ, и посадскихъ и служилыхъ людей. Они же въ Коломенской уѣздъ въ село Троицкое пріидоша. Тогда воры тѣ пришедше и всѣхъ разгнаша, инѣхъ же переимавше и въ Путимль отослаша; прочіе же Боляре къ Москвѣ пріидоша. И тако воры Пашковъ и Болотниковъ въ Коломенскомъ со всею силою сташа.»

(77) Въ упомянутой выше сего Грам. Филарета: «Пришли къ царствующему граду Москвѣ въ Коломенское, и стоятъ и разсылаютъ воровскіе листы по городомъ, и велятъ вмѣщати въ шпыни и въ Боярскіе и въ Дѣтей Боярскихъ люди и во всякихъ воровъ всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ, и велятъ цѣловати крестъ *мертвому злодѣю* и прелестнику Рострнгѣ, а сказываютъ его проклятаго жива.»

(78) Въ той же Грамотѣ, 30 Ноября: «А стоятъ тѣ воры подъ Москвою въ Коломенскомъ, и пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы, и велятъ Боярскимъ холопемъ побивати своихъ Бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, и шпынямъ и безъимянникомъ воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати Боярство и Воеводство, и Окольничество и Дьячество.»

(79) *Лат. Ст. Кн.*: «Царь же Васил. Іоан., видѣвъ сія, и повелѣ повсюду градъ утвержати, чтобы отъ нихъ враговъ какія пакости не пріяти; самъ же Царь и вси людіе быша въ печали велицѣй. Въ тоже время нѣкоему отъ человѣкъ явленіе бысть дивно и ужаса исполнено; онъ же возвѣсти вся Царю и Патріарху... И заповѣда Царь и Патріархъ всему народу три дни, Октовріа съ 14 числа поститися и прилѣжно Господу Богу молитися.»

(80) Въ Грам. Филарета, 30 Ноября: «Къ нимъ злодѣемъ отъ Москвы ни единъ же отторжеся, а отъ нихъ къ Государю пріѣзжаючи многіе добиваютъ челомъ.» Въ другой Грам. его, 29 Ноября, сказано о городахъ Зубцовѣ, Старицѣ, Ржевѣ, соединившихся съ Тверью: «И тѣхъ городовъ всякіе служилые и торговые люди и всѣ православные Крестьяня, видя такое милосердіе Божіе града Твери надъ любящими его, истинно воспомянули души свои, и отринули тѣхъ оныхъ злыхъ діаволи прелести мечты вражіи, аки отъ сна пробудясь, и нынѣ на тѣхъ проклятыхъ богоотступниковъ пришли къ Москвѣ вооружився.» Далѣе, о Смоленской помощи: «Да къ Москвѣ же прислали Государевы вотчины Смоленсково города Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе служилые и посацкіе люди и изъ уѣзду всѣ православные Крестьяня многихъ добрыхъ Дѣтей Боярскихъ, а съ ними писали къ Государю Царю и В. К. Вас. Иван. всея Русіи и къ намъ, что пошли къ Москвѣ изъ Смоленска и изъ Вязмы и изъ Дорогобужа и изъ Серпѣйска Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе служилые люди.»

(81) О прежней измѣнѣ ихъ см. выше, стр. 20.

Въ Грам. Филар. отъ 30 Ноября: «Идучи тѣхъ богоотступниковъ, воровъ и еретиковъ и разорителей, гдѣ они ни были, тѣхъ всѣхъ побили, а иныхъ, поимавъ живыхъ, мученію смертному и казни предали, коемуждо же ихъ по ихъ злымъ дѣломъ, и ополчася вся Смоленская, и Вяземская, и Дорогобужская и Серпѣйская рать, и пришла въ Можаескъ Ноября въ 15 день, да къ Можайску жь пришелъ со многою ратью Государевъ Царевъ и В. Князя Вас. Ив. всея Русіи Окольничей Воевода Ив. Ѳед. Колычевъ, очиствъ отъ тѣхъ воровъ Волокъ и Іосиѳовъ монастырь и прочіе окрестные грады и села, и въ Можайскѣ тѣ воры Государю Царю добили челомъ.»

(82) Беръ: «Начался споръ о верховномъ начальствѣ. Болотниковъ, какъ избранный въ Воеводы самимъ Царемъ (Лжедимитріемъ), не хотѣлъ быть подъ начальствомъ Пашкова, котораго Шаховскій назначилъ въ сію должность: согналъ его съ мѣста (Station) и самъ занялъ оное.»

Беръ пишетъ, что, въ слѣдствіе сего раздора, Истома Пашковъ передался Царю Василію. Увидимъ ниже, что сіе случилось не прежде 2 Декабря.

*Ник. Лѣт.* 82: «Рязанцы отъ тѣхъ воровъ отъѣхаша и пріѣхаша къ Москвѣ. Московскіе жъ люди

видѣша Божію милость, что Резанцы къ нимъ прiидоша.»

*Столяр. л.* 534: «А съ Резанцы Григорей Сунбуловъ и Прокоѳей Ляпуновъ пріѣхали къ Москвѣ ко Царю Василью, и вину свою принесли, и Истома Пашковъ пріѣхалъ же, и Царь Вас. Резанцовъ и Истому Пашкова всѣхъ пожаловалъ, вину имъ отдалъ, и Прокоѳья Ляпунова пожаловалъ въ Думные Дворяне.»

Въ Послужн. Спискѣ Бояръ (*Др. Рос. Вивл.* XX, 83) Прокоп. Петров. Ляпуновъ названъ Дворяниномъ въ Думѣ, въ 7116 (1608) году.

(83) Въ Грам. Филар. отъ 30 Ноября: «Да къ Москвѣ же Ноября въ 15 день отъ нихъ злыхъ еретиковъ и грабителей и осквернителей изъ Коломенсково пріѣхали къ Госуд. Царю и Вел. Кн. Вас. Ив. всея Русіи съ винами своими Рязанцы Григор. Сумбуловъ, да Прокопей Ляпуновъ, а съ ними многіе Рязанцы, Дворяне и Дѣти Боярскіе, да Стрѣльцы Московскіе, которые были на Коломнѣ. И милосердый Государь Царь по своему Царскому милосердому обычаю пріемлетъ ихъ любезно, аки отецъ чадолюбивъ, и вины ихъ вскорѣ имъ отдаетъ, и послѣ того многіе всякіе люди отъ нихъ воровъ и еретиковъ изъ Коломенсково и изъ иныхъ мѣстъ прибѣгаютъ, и Государь Царь, милостивымъ окомъ на нихъ взирая, жалуетъ ихъ не по ихъ винамъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, а тѣхъ воровъ, которые стоятъ въ Коломенскомъ и въ иныхъ мѣстѣхъ и Государевы Царевы и Великаго Князя Вас. Ив. всея Русіи Бояря и Дворяне и Приказные люди и всѣхъ городовъ Дѣти Боярскіе и всякіе служилые люди и всѣ православные Крестьяня Государя молятъ безпрестани и бьютъ челомъ, чтобъ Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ ити въ Коломенское, и Государь Царь по своему праведному и благоразсудительному и милосердому нраву отъ таковаго начинанія ихъ молитъ и унимаетъ и до воли Божіи ити имъ не повелѣваетъ, и безпрестанныя молитвы къ Богу возсылаетъ и ко Пресв. Богородицы и ко всѣмъ Святымъ любезно припадаетъ со слезами, и молитъ о душахъ ихъ, чтобъ тѣхъ воровъ и разбойниковъ и Крестьянскихъ губителей обратилъ Богъ ко истинному и спасеному пути и кровь бы Крестьянская отъ земли къ Богу, яко Авелева на Каина, на нихъ не возопіяла, и души бы ихъ отъ Ада поглощенны не были.»

Тамъ же: «Они же отпадшіи отъ Бога... не яко Крестьяня, но аки и не человѣцы, аки зміеве изъ своихъ гнѣздъ выползая... или яко волцы воя, хотя устрашити люди Божія... и послали половину злово своего скопу изъ Коломенсково черезъ Москву рѣку къ Гонной къ Рогожской слободѣ, и Ноября въ 26 день на праздникъ Великаго Страстотерпца Христова Георгія вниде слухъ во уши Государю Царю и Великому Князю Вас. Ив. всея Русіи, что тѣ злодѣи перешли Москву рѣку; онъ же милосердый Государь не на нихъ злодѣевъ, на загородныхъ слободъ послалъ зз городъ Бояръ своихъ и ратныхъ людей, а велѣлъ съ великимъ терпѣніемъ оберегати слободъ, а ждати ихъ, чтобы ся обратили ко спасенію; тѣже злые и суровые бѣсомъ подстрекаеми, на свои души забывъ Бога, пришли отъ слободы Гонныя яко за поприще. Московская жь, Богомъ собранная рать, видя безстудной ихъ приходъ, положа упованіе на Бога, и призывая въ помощь Великомученика Христова Георгія, и вооружаяся кійждо ратнымъ оружіемъ, опернатѣвъ, яко небопарніи орли, въ шлемъ спасенія ополчаяся по достоянію, и устремилися на нихъ проклятыхъ злыхъ губителей, поимавъ, елико надобетъ живыхъ всякихъ многихъ воровъ, прислали къ Государю Царю, а тѣхъ всѣхъ безъ останка побиша и корысти ихъ всякія поимали.»

(84) *Лат. Ст. Кн.*: «И острогъ въ земли учиниша. Начаша же къ Симонову монастырю приходити и лестію имъ говорити, чтобы они монастырь тѣмъ ворамъ отворили. Тогда Монахи и Московскіе служилые люди крѣпко противу ихъ сташа и многихъ приступающихъ къ нимъ побиша. Тѣже окаянные воры хотяху около Москвы вся пути затворити, и вездѣ поставиша крѣпкія стражи.»

(85) См. Бера.

(86) Такъ пишутъ современникъ Беръ и Лѣтописцы Никон. и Латух.; но въ Грамотахъ Царя Василія и Митрополита Филарета сказано, что Истома Пашковъ взятъ въ плѣнъ. Сообщаемъ выписки:

*Лат. Ст. Кн.*: «Изыде же и Князь Мих. Вас. Шуйской съ полками противу воровъ безстудныхъ. Они же противу Царя со множествомъ ратныхъ изыдоша, и бысть битва велія. Одинъ же отъ тѣхъ воровъ, Истомка Пашковъ, вѣдая Двинянъ храбрость, яко единъ гонитъ сто, и отобрався Истомка отъ своея дружины, съ Дворяны и съ Дѣтьми Болярскими, и принесоша повинную Царю Вас. Іоанновичу. Прочихъ же воровъ многихъ побиша и живыхъ перепмаша, яко въ турмахъ и въ полатахъ не вмѣстишася воры тѣ. Ивашко же Болотниковъ на бою изнеможе и сѣде съ дружиною своею въ Коломенскомъ. Воеводы же три дни изъ пушекъ по острогу биша, разбити же его не возмогоша; послѣди же ядра огненныя устроиша, и тѣмъ острогъ зажгоша. Воры же оттуда побѣгоша, а Государевы люди за ними погнаша, и многихъ воровъ побиша, и живыхъ взяша.»

Въ Грамотѣ Царя Василія, писанной 5 Дек. 1606 въ Верхотурье къ Воеводамъ (см. *Собр. Гос. Грам.* II, 319): «Декабря во 2 день... Бояры наши и Воеводы тѣхъ воровъ всѣхъ побили на голову, а Истомку Пашкова, да Митку Беззубцова и многихъ Атамановъ и Козаковъ живыхъ поимали и къ намъ привели... А Дворяне и Дѣти Боярскіе Резанцы, Кошираие, Туляне, Коломничи, Алексинцы, Калужане, Козличи, Мѣщане, Лихвинцы, Бѣлевцы, Болховичи, Боровичи, Медынцы и всѣхъ городовъ всякіе люди добили намъ челомъ и къ намъ всѣ пріѣхали.»

*Ник. Лѣт.* 82 и 83: «Смоляне пришедъ сташа въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, съ Москвы жъ Бояринъ Князь Мих. Вас. Шуйской поиде съ ратными людьми, и ста въ монастырѣ Даниловскомъ... На завтреѣже прихода Смолянъ, Кн. Мих. Вас. Ш. съ товарыщи поиде къ Коломенскому... Воры же изъ Коломенсково изыдоша со многими полками противъ ихъ, начаша битись; той же Истома Пашковъ, узнавъ свое согрѣшеніе, со всѣми Дворяны и съ Дѣтьми Боярскими отъѣха ко Царю Василью къ Москвѣ, а тѣ воры, Боярскіе люди и Козаки, бьюшеся, отнюдь не обращахуся. По милости же Всещедр. Бога и помощію Преч. Богородицы и Московск. Чюдотворцовъ, тѣхъ воровъ многихъ побиша, и живыхъ многихъ поимаша, яко убо на Москвѣ ни въ тюрмы, ни въ полаты не вмѣстяхуся; а назадъ тойже воръ Ивашко Болотниковъ не съ великими людьми ушелъ, и сяде во градѣ въ Колугѣ; а иные сѣдоша въ деревнѣ въ Заборьѣ. Бояре же со всѣми ратными людьми приступаху къ Заборью; они же воры, видя свое изнеможеніе, сдалися всѣ. Царь же В. повелѣ ихъ взяти къ Москвѣ и поставить по дворамъ; повелѣ имъ давати кормы, и не велѣ ихъ ни чѣмъ тронути; тѣхъ же воровъ, кои поиманы на бою, повелѣ ихъ посадити въ воду.»

*Столяр. л.* 534: «Государь Царь, прося у Бога помощи противъ тѣхъ воровъ, послалъ съ Москвы

Бояръ своихъ Князя М. В. Скопина-Шуйскова и проч... Да въ тоже время къ Москвѣ изъ Смоленска пришли Смоляне, Дворяне и Дѣти Боярскіе и Смоленскіе Стрѣльцы, а прислалъ ихъ на очищеніе Москов. Государству Бояринъ Мих. Борис. Шеинъ, а Воевода у нихъ у всѣхъ былъ у Смолянъ Григорей Михайловичь сынъ Полтевъ,... и Госуд. Царя и В. Кн. Вас. Ивановича всея Русіи щастьемъ Бояре Кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйской и иные Бояре и Воеводы воровскихъ людей розогнали и побили, и съ-подъ Москвы воры побѣжали, а Казаки въ осадѣ въ Заборьѣ сидѣли и тѣ Государю добили челомъ и сдалися и крестъ цѣловали, что ему Государю служить.»

Беръ: «Пашковъ, вступивъ съ Царемъ Шуйскимъ въ переговоры и получивъ отъ него богатые подарки, передался ему, и вошедши въ Москву днемъ, всенародно объявилъ, что никто въ Путивлѣ Димитрія не видалъ,» и проч.

Въ Грам. Митроп. Филарета къ Устюжскому Протоіерею, отъ 8 Дек.: «Государевы Бояря и Воеводы воровъ, которые были пришли подъ Москву, Истомку Пашкова съ товарыщи, побили на голову, а самого Истомку Пашкова, да Митку Беззубцева и иныхъ многихъ Атамановъ и Козаковъ живыхъ взяли, а достальные не многіе разбѣжались разными дорогами.»

(87) *Никон. Лѣт.* См. выше, примѣч. 86.

(88) См. Послужн. Списокъ въ *Др. Рос. Вивл.* (XX, 81 и 82) — Тутъ же сказано о пожалованіи Начальника Смолянъ Полтева Думнымъ Дворяниномъ.

(89) Въ Грам. Филар. отъ 8 Дек.: «И по Государевѣ Царевѣ и В. Кн. Вас. Ив. всея Русіи Грамотѣ велѣно мнѣ, Цареву богомольцу, пѣти молебны по три дни со звономъ.

(90) *Латух. Ст. Кн.*: «Ивашко же Болотниковъ прибѣжа къ Серпухову, но граждане во градъ его не пустиша; онъ же побѣжа за Оку рѣку, въ Колугѣ сѣде и укрѣпися, а иніи сѣдоша въ Заборьѣ.»

(91) Беръ пишетъ, что «Болотниковъ послѣ сего отправилъ вѣстника къ Князю Григорію, требуя, чтобы онъ скорѣе вызвалъ Царя изъ Польши» и проч.

(92) Беръ говоритъ, что «обѣщавшій Князю Григорію писать въ Путивль подъ именемъ Димитрія, потерялъ къ нему довѣренность и остался жить въ Польшѣ *хорошимъ* помѣщикомъ, предоставляя другимъ спорить о Царствѣ.»

(93) См. Т. XI, 144.

(94) *Никон. Лѣт.* 80: «Поидоша къ Москвѣ рѣкою Волгою, проидоша градъ Свіюжской, и всрѣтоша съ тою вѣстію, что тово окояннова Гришку Ростригу на Москвѣ убили; тѣже Казаки съ тѣмъ воромъ поворотиша назадъ, многіе городы и мѣста разориша, и пріидоша къ городу къ Царицыну. Тожво быша Послы, кои посланы были въ Кизылбаши, Князь Иванъ Петровичь Ромодановской, тово тутъ и убиша, Воеводу Ѳедора Акинѳеева убиша; а самъ тотъ воръ Петрушка и съ Казаками поиде на Донъ, и ту на Дону зимова.»

Въ Хронографѣ *Столяр.* (л. 532 на обор.) тоже съ слѣдующими подробностями: «Умышля бездушствомъ и воровствомъ, поворотилися съ тѣмъ воромъ съ Петрушкою на низъ, и проѣхавъ Свияжской, подъ горами стали, и выбрали Атамановъ и Есауловъ и лучшихъ Казаковъ сорокъ человѣкъ, Третьяка Юлова съ товарыщи, и послали въ Казань бити челомъ Государевымъ Бояромъ, Василію Петровичу Морозову да Богдану Яковлевичу Бѣльскому, что онѣ вора Петрушку, которой назывался Царевичемъ Царя Ѳеодора Ивановича сыномъ, въ Казань приведутъ и отдадутъ, и сами Царь Василею Ивановичу крестъ цѣлуютъ, и Бояре тому ихъ челобитью повѣрили; а онѣ воры Казаки въ ночи подлѣ нагорной стороны на низъ проѣхали тихимъ обычаемъ, и вора Петрушку съ собою провезли, и ѣдучи Волгою на встрѣчѣ всякихъ служивыхъ людей побивали до смерти и грабили, и Самару и Саратовъ проѣхали, и не доѣхавъ Царицына, рѣкою Камышенкою проѣхали въ Украйные городы на Воронежъ съ товарыщи, и въ Украйныхъ городѣхъ учали тово вора называть Царевичемъ Петромъ, Царя Ѳеодора Ивановича сыномъ.»

(95) Беръ пишетъ, что «Шаховскій предлагалъ ему, покоривъ вмѣстѣ отечество, управлять имъ до пріѣзда Димитрія изъ Польши. Такимъ образомъ, прибавляетъ Беръ, хотѣлъ онъ отдать ему прекраснѣйшее Царство.» — По словамъ его, Лжепетръ привелъ въ Путивль 10,000 человѣкъ.

(96) *Ник. Лѣт.* 85 и 86: «Петрушка воръ, которой назвался Царевичемъ, съ Дону поиде въ Путимль съ Козаками съ Донскими и съ Волскими, и пріидоша въ Царевъ Борисовъ городъ; въ Царѣ же градѣ поимаша Воеводъ Михаила Богдановича Сабурова, да Князь Юрья Пріимкова-Ростовского, и побиша ихъ, пошелъ въ Путивль... Князь Андрей Бахтеяровъ въ та времена былъ въ Путимлѣ Воевода, и ево убиша, и дочь ево тотъ воръ Петрушка взя къ себѣ на позоръ на постелю.»

(97) *Дѣла Польск.* No 26, л. 253: «А на Сѣверѣ нынѣ Государемъ Петромъ зовутъ, сказываетца сынъ бывшего Государя вашего Великого Князя Ѳедора и съ Государемъ вашимъ нынѣшнимъ *валку чинитъ* (сражается), и не мало городовъ осѣлъ въ Сѣверск. землѣ, а къ Государю нашему Королю шлетъ Пословъ своихъ, и то веть стало не отъ Государя же нашего. Сами люди Московск. Государства межь собя разруху чинятъ а на насъ пеняете.»

Нашъ Посолъ, Князь Волконскій, увѣряя Поляковъ, что извѣстіе, будто Борисъ Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою новорожденнаго сына Ѳеодорова, есть выдумка зломысленныхъ, говорилъ: «При Государынѣ Царицѣ и Вел. Княг. Иринѣ были всегда неотступно мои Княжь Григорьевы сестры, Княжь Иванова Княгиня Козловского, да Окольничего Ондрея Петровича Клешнина жена, и только бы такое дѣло сталось, и онѣ бъ меня въ томъ не утаили» (см. л. 299). Тамъ же, л. 287 и на об.: «И Паны Рада говорили: только Государь вашъ отпуститъ Воеводу съ товарыщи и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые нынѣ на Москвѣ, ино и *Дмитряшки* и *Петрушки* не будетъ. А только Государь вашъ вскорѣ не отпуститъ всѣхъ людей, ино и Дмитрей будетъ и Петръ прямой будетъ, и наши за своихъ съ ними за одно станутъ.

*Ник. Лѣт.* 86: «Тойже воръ Петрушка... собрався съ воровскими людьми, пошелъ изъ Путимля въ Тулу; къ нему жъ пріидоша изъ Запорогъ Черкасы. И вышедъ изъ Путивля, посла напередъ себя на Тулу многихъ ратныхъ людей и повелѣ имъ съ Тулы итти подъ Колугу.»

(98) См. *Розряд. Кн.* л. 996. А въ *Ник. Лѣт.* 83; «Бояриву Князю Ивану Ивановичу Шуйскому изъ Серпухова велѣно отоити подъ Колугу; Бояринъ же пріиде подъ Колугу, и Колугу осади, и приступаше къ Колугѣ приступомъ, и ничево имъ не учиниша.»

Беръ: «Шуйскій напалъ на станъ Болотникова съ 100 тысячами человѣкъ; множество побилъ; взялъ въ плѣнъ 10 тысячь; прочихъ обратилъ въ бѣгство.» Изъ *Розрядн. Книги* и Лѣтописцевъ видно, что послѣ бѣгства Болотникова и Беззубцева Царь Василій не самъ шелъ за ними, но отправилъ Воеводъ, изъ коихъ первымъ былъ Князь Иванъ Ивановичь Шуйскій.

Беръ: «Болотниковъ приказалъ обнести Калугу тыномъ, окопать рвомъ (Петрей: und vor dem Stacket, und hinter dem Stacket.) и выдержалъ въ семъ мѣстѣ осаду съ 30 Декабря 1606 г. по 3 Мая 1607.»

Устье рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ Калуги. См. *Больш. Чертежъ*, стран. 130.

(99) *Столяр. л.* 534: «И съ тово побѣгу воры Ивашко Болотниковъ съ Отаманы и съ Казаки и со всякими воры прибѣжалъ въ Колугу и Колугу засѣлъ, а съ ними сѣли въ Колугѣ всякихъ людей огненнаго бою больши десяти тысячь, а иные всякіе воры съ розгрому же изъ подъ Москвы прибѣжали на Тулу, и сѣли въ Тулѣ многіе жъ люди съ огненнымъ боемъ.»

(100) *Столяр. л.* 535: «Орзамасъ и Олатарь... и съ уѣздами были въ измѣнѣ, отъ Царя Василья отложилися... а на Олатарѣ Воеводу Ждана Степановича Сабурова Алаторскіе воры въ воду посадили... А Нижней Новгородъ стоялъ за Царя Василья, отъ воровъ отъ Рускихъ людей былъ въ осадѣ, а стояли подъ Нижнимъ Рускіе люди и Бортники и Мордва, а съ ними былъ за Воеводы мѣсто Ив. Бор. сынъ Доможировъ.»

*Ник. Лѣт.* 82: «Въ таже времена собрався Мордва и Бортники и Боярскіе холопи и крестьяне, пріидоша подъ Нижней Новъ городъ осадиша, въ нихъ же старѣйшинъ два Мордвина, Московъ да Воркадинъ (въ *Столяр.*: Варгадинъ), и стояху подъ Нижнимъ и многія пакости граду дѣлаху.»

(101) О Хворостининѣ см. *Розр. л.* 986; также собственную его Грамоту, писанную изъ Астрахани къ Нагайскому Князю Иштереку и Мурзамъ, коею онъ приглашалъ ихъ *дать* со всею Ордою присягу явившемуся вновь Самозванцу. (*Собр. Гос. Грам.* II, 326).

*Ник. Лѣт.* 81: «Градъ Асторохань изъ мелкихъ многихъ людей, которые стояху за правду, побиваху съ роскату, и Дьяка Аѳонасья Карпова убиша.»

(102) О Годуновыхъ, назначенныхъ въ Воеводы въ Сибирь, см. Т. XI, 125. — Грамота Василіева въ Верхотурье отъ 5 Дек. 1606 (*Собр. Г. Грам.* II, 318) писана къ Степану Годунову. — См. *Розряд. л.* 986 на об.

(103) См. *Собр. Рос. Грам.* II, 320.

(104) *Ник. Лѣт.* 79: «Въ тоже время въ Новѣгородѣ великомъ бысть моръ великій. Въ томъ же году преставися Бояринъ К. Мих. Петр. Катыревъ въ Новѣгородѣ въ моровое повѣтріе.»

(105) Тамъ же, 81: «Царь же Василей повелѣ подъ Асторохань итти Боярину Ѳедору Иван. Шереметеву, да Ивану Салтыкову, да Ивану Плещееву.» — Тамъ же, 83: «Царь же Василей посла на воровъ подъ городы, въ Серпуховъ Боярина К. Ивана Иванов. Шуйсково, *подъ Арзамасъ* К. Ивана Михайловича Воротынсково, подъ Михайловъ К. Ивана Андреевича Ховансково, подъ Колугу К. Никиту Андреевича Ховансково, подъ Веневу К. Андр. Вас. Хилкова, подъ Козелескъ Артемья Васил. Измайлова. — Бояринъ К. Иванъ Мих. Воротынской градъ Арзамасъ взялъ, и повелѣша отойти въ Олескинъ, а Боярину К. Ив. Ив. Шуйскому изъ Серпухова велѣно отойти подъ Колугу.» О послѣднемъ см. выше, прим. 98.

Но извѣстіе объ отправленіи Князя Воротынскаго подъ Арзамасъ не согласно съ другими. Туда велѣно было итти Воеводамъ, Григорію Григор. Пушкину и Сергѣю Григор. Аладурову съ ратными людьми, Владимірскими, Суздальскими и Муромскими. См. *Хронограф. Столяр. л.* 535. — Воротынскій же посланъ былъ къ Алексину (см. тамъ же) и къ Тулѣ. См. ниже, пр. 114.

*Ник. Лѣт.* 84: «Царь же Василей посла подъ Калугу Бояръ своихъ и Воеводъ послѣднихъ съ ратными людьми, Боярина К. Ѳед. Ив. Мстиславскаго, да К. Мих. Вас. Шуйскаго, да К. Бориса Петровича Татева.»

(106) См. въ старинной рукописной книгѣ, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву, главу 29, *о посланіи Благовѣрнаго Гос. Царя и В. Кн. Вас. Ив. всея Русіи въ Старицу по Іева, бывшаго Патріарха Московскаго, и како пришелъ Іевъ Патріархъ въ Москву и прощеніе далъ всему Московскому народу и прощальную грамоту въ крестномъ преступленіи*: «Лѣта 7115, Февр. во 2 день... Царь и Вел. Кн. В. И... велѣлъ отцу своему и богомольцу Святѣйш. Ермогену, Патріарху Моск. и всея Русіи, и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и Архимаритомъ и Игуменомъ быти къ себѣ Государю для своего *Государева и Земскаго дѣла;* и Февр. въ 3 день, у Государя Царя... Святѣйшій Ермогенъ, Патр. Моск. и вс. Рус. да съ нимъ Пафнутей, Митрополитъ Сарскій и Полонскій, да Арсеней, Архіеп. Архангельскій и Архимариты и Игумены были... И Государь Царь... совѣтовавъ съ отцемъ своимъ и богомольцомъ, Святѣйш. Ермогеномъ Патр. Моск. и вс. Р. и съ Митрополиты, и пр.... приговорилъ послати въ Старицу, по преже бывшаго Іева Патріарха Московскаго и вс. Рус., Крутицкаго Митр. Пафнутія, да Симановского Архимарита Пимина, да Патріархова Архидьякона Алимпія, да Дьяка своего Григорья Елизарова, да съ ними же велѣлъ Государь послати своей Царской конюшни каптану, подбиту собольми, а въ ней восмь санниковъ, да простыхъ на перемѣну восмь же санниковъ, да съ каптаною и съ санниками послалъ Государь своего Государева конюха Посника Крюкова, да съ нимъ стряпчихъ конюховъ, для того, чтобъ Іеву Патріарху, пріѣхавъ къ Москвѣ, простити и разрѣшити всѣхъ православныхъ Крестьянъ въ ихъ преступленіи крестнаго цѣлованья и во многихъ клятвахъ... А съ ними послана отъ Ермогена Патр. М. и вс. Р. къ Іеву Патріарху грамота такова: Государю Отцу нашему, Святѣйшему Іеву Патріарху, сынъ твой и богомолецъ Ермогенъ Патр. М. и вс. Р. Бога молю и челомъ бью: Благородный и Благовѣрный и Благочестивый и Христолюбивый Вел. Гос. Царь и В. К. В. I. вс. Р. Самодержецъ, совѣтовавъ со мною богомольцомъ своимъ и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, и съ Бояры и съ Околничими и съ Дворяны и съ Приказными людьми и со всѣмъ своимъ Царскимъ Сигклитомъ, и съ гостьми и съ торговыми людьми и со всѣми православными Христіаны пасвы твоея, послалъ молити Святительство твое, чтобы ты учинилъ подвигъ, ѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его *Государева* и *Земскаго Великаго дѣла;* да и мы молимъ со усердіемъ Святительство твое и колѣни преклаияемъ: сподоби насъ видѣти благолѣпное лице твое и слышати пресладкій гласъ твой: презѣлне бо желаемъ тя чувственными очима зрѣти и Богомъ благословенныя десницы твоея сподобитись, паче же о сихъ, еже благосердне препослеши о насъ молитву твою къ Трисобственнаго Естества Владычеству, да сподобитъ премилостивый Богъ за молитвъ святыхъ твоихъ Россійское Государство жити въ мирѣ и въ покоѣ и въ тишинѣ, и подастъ Вел. Гос. нашему Царю и Вел. Кн. В. І. вс. Р. здравіе и на враги побѣду и Святымъ своимъ Церквамъ и Христіанской нашей непорочной Вѣрѣ благое и крѣпкое состояніе; а мы должни, елика наша сила, сегоже безсмертнаго Зиждителя нашего Бога молити о твоемъ Святительскомъ благомъ пребываніи, а милость

Божія и Преч. Богородицы и Великихъ Чудотв. Петра, Алексѣя и Іоны молитвами, да нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ (съ) Святительствомъ твоимъ всегда и во вѣки, аминь. Писалъ на Москвѣ, лѣта 7115, Февр. въ 5 день.»

(107) См. тамъ же *Челобитную* отъ имени Московскаго народа: «И того мы своего Государя Ѳед. Бор. и матерь его Царицу Марью и Царевну Ксенью... Гришкѣ Отрепьеву выдали, и воръ Гришка надъ ними мучительски творилъ, какъ хотѣлъ: Государя нашего Ѳеодора съ матерью его смерти предалъ.»

(108) См. тамъ же *Прощальную Грамоту Іова:* «Великій, превысокій, православный столпъ, корень благовѣрія, предивный цвѣтъ благочестія, степень Царскій, Констянтинъ новый, Владиміръ славный, Ярославъ дивный, Александръ пречюдный, Государь нашъ Царь и Вел. Кн.. Иванъ Васильевичь всея Русіи, грѣхъ ради нашихъ оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженство Небеснаго Царствія.» Тамъ же о убіеніи Св. Царевича Димитрія: «И Вел. Гос. нашего Царевича Димитрія на Углечѣ не стало 99 (1591) году; пріятъ закланіе неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ.» Далѣе о Самозванцѣ: «Мы же, азъ смиренный Іевъ... вамъ про того вора про Розстригу извѣщалъ... чтобы вы де памятовали Бога... на чемъ цѣловали крестъ Царю Борису и Царицѣ его Марьѣ и Царевичу Ѳеодору и Царевнѣ Ксеніи, и самъ вамъ на себя великую клятву полагалъ, что воистинну прямой воръ Розстрига, а не Царевичь Дмитрей, и вы въ томъ наше наказаніе и заклинаніе и свои души и крестное цѣлованіе все въ презрѣніе положили... Толикій мятежъ учинилъ (Розстрига) въ православныхъ Крестьянѣхъ, его же отъ начала свѣта въ Божественномъ Писаніи не обрѣтается, еже всѣмъ намъ извѣстно есть.»

(109) Тамъ же: «Видѣвъ (Богъ) достояніе свое въ таковой погибели и Христіанск. нашу Вѣру разоряему, воздвиже на него (Розстригу) велегласна обличителя и злому умышленію его проповѣдника, Великаго Государя нашего, воистинну *свята* и *праведна* Царя и Вел. Кн. В. Ив. вс. Рус., и аще и многое безчестіе и гоненіе мало и не до смерти пострада на того врага, милосердый Богъ промысломъ его до конца сокрушивъ, убьенъ бысть... и скареднаго тѣла не осталося... А называютъ того мертваго злодѣя, иже содержа престолъ Царскій, Разстригу жива; а намъ и вамъ всѣмъ православнымъ Христіаномъ сего злодѣя смерть подлинно вѣдома. И нынѣ азъ смиренный Ермогенъ, Божіею милостію Патріархъ и пр... и азъ смиренный Іевъ, бывый Патріархъ и пр... молимъ скорбными сердецы и плачевными гласы Премилостиваго Царя Царствующихъ... да явитъ намъ неизслѣдимую пучину благоутробія своего и да покажетъ на насъ въ послѣднихъ сихъ временехъ божественная своя изрядная чюдеса,» и пр.

(110) Тамъ же: «И потомъ цѣловали крестъ по злодѣйской Розстригинѣ прелести.» Въ заключеніе сказано: «И въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестнаго цѣлованія, азъ Ермогенъ, Патр. Моск. и вс. Рус. и азъ смиренный бывый Іевъ Патр. царствующаго града Москвы, по данней намъ благодати отъ Пресв. и Животв. Духа, и полагаяся на премилостивыя щедроты Божія, васъ вкупѣ всѣхъ Правосл. Христіанъ прощаемъ и разрѣшаемъ въ сій вѣкъ и въ будущій,» и пр.

(111) *Истор. Рос. Іерархіи*, Т. I, 41.

(112) Осада была въ Генварѣ. См. *Розрядн. Кн.*

*Столяр.* л. 534 на об.: «И Колугу осадили накрѣпко, и изъ наряду изъ большаго и изъ огненныхъ пушекъ въ городъ и въ острогъ стрѣляли безпрестанно, и многихъ людей побивали.»

*Никон. Лѣт.* 84: «Начаша подъ Колугою надъ ворами промышляти, поведоша гору древяную къ острогу и хотяху зажечь, приметаша же гору близъ острогу. Той же Болотниковъ, вышедъ со всѣми людьми и тое гору зажгоша, и на приступѣ многихъ людей побиша и поранша, а городу ничего не сдѣлаша.»

См. также *Латух. Степ. Книгу.*

(113) *Столяр.* л. 534 на об.: «А изъ Колуги воры Казаки на вылозки выходили безпрестанно, и бои были безпрестанные, и Царя Васильевыхъ ратныхъ людей на вылозкахъ побивали и ранили, и въ осадѣ въ Колугѣ былъ великій голодъ: ѣли лошадей.»

О Фидлерѣ см. Бера и Петрея (стр. 390). Вотъ ужасная, данная Фидлеромъ клятва, отъ которой (говорятъ они) у всѣхъ присутствовавшихъ поднялись волосы дыбомъ: «Я Фридрихъ Фидлеръ клянусь Пресв. Троицею въ томъ, что хочу отравить (mit Gifft ertödten) Ивана Болотникова (Pollutnik), врага Царя Шуйскаго и всей Россіи; если же сего не сдѣлаю и тѣмъ обману моего Государя, то да буду на вѣки лишенъ части въ Небесномъ Царствіи и милости Госп. Бога моего и Един. Сына Его I. X., пролившаго за насъ кровь свою; да не буду имѣть помощи отъ Духа Святаго; да оставятъ меня всѣ Ангелы, Хранители рода Христіанскаго; стихіи міра сего, созданныя на пользу человѣкамъ, да обратятся на главу мою; земля, да поглотитъ меня живаго; земныя произрастенія да будутъ мнѣ ядомъ; да овладѣетъ Діаволъ тѣломъ и душею моею, и если даже, вздумавъ не выполнить своего обѣщанія, потребую отъ Отца Духовнаго отпущенія въ семъ грѣхѣ моемъ, то сіе отпущеніе да не будетъ имѣть силы. Но нѣтъ! Во истину исполню слово свое, и отравлю Ивана Болотникова симъ ядомъ, уповая на помощь Божію и Святое Евангеліе.» Беръ присовокупляетъ: послѣ сей страшной и богопротивной присяги Фидлеръ не усомнился явиться къ Болотникову, и въ присутствіи окружавшихъ его людей сказалъ, что получилъ отъ Шуйскаго повелѣніе *дать ему ядъ*, и отдаетъ его, на какое угодно употребленіе.

(114) *Ник. Лѣт.* 84: «Пріидоша же къ Михайлову городу съ Украинныхъ городовъ на помочь, Михайловцы жь вышедъ изъ града и отъ града отбиша; они же отъидоша въ Переславль Резанской. Царь же Василей Князь Ивану Хованскому повелѣ быти къ Москвѣ, а въ Переславль посла на его мѣсто К. Бориса Мих. Лыкова, да Прокофья Ляпунова. — Подъ Веневою жь стоя Воевода Князь Андрей Хилковъ, и надъ Веневою не сдѣла ничего; съ Веневы жь вышедше воры, отъ города отбили, они же отъидоша на Коширу. — Бояринъ же К. Иванъ Мих. Воротынскій изъ Олескина поиде подъ Тулу, на Тулѣ же въ тѣ поры воровъ было много, Воевода жь у тѣхъ воровъ Андрей Телятевской, и выде со всѣми людьми, Князя Ив. Михайловича розгоня, едва ушелъ въ Олескинъ.»

(115) *Ник. Лѣт.* 87: «Въ тоже время пріиде подъ Козельскъ Князь Мих. Долгорукой и со многими воровскими людьми, по милости же Божіей тѣхъ воровъ побиша многихъ и языки многіе поимаша.»

Артемій Измайловъ пожалованъ изъ Думныхъ Дворянъ Окольничимъ. См. *Розряд.* л. 993, и Послужн. Списокъ Бояръ въ *Др. Росс. Вивліоѳ.* XX, 82.

(116) См. *Геогр. Слов. Рос. Государства*, подъ словомъ *Серебряное*, Т. V, 916.

*Столяр.* л. 535 на обор.: «И какъ увѣдали, что Царя Василья Московскіе люди (Пушкинъ и Ада-

дуровъ: см. выше, въ примѣч. 105, ссылку на сей же *Хроногр. Столяр.*) идутъ на Орзамазскіе и на Олатырскіе мѣста, изъ подъ Нижняго воры розбѣжались... Съ Алатыря Григорью Пушкину, да Сергѣю Аладурову со всѣми ратными людьми велѣно итти подъ Серебряные Пруды, а въ Серебряныхъ Прудахъ сидѣли воровскіе люди, а подъ Серебряными Прудами стояли Воеводы Князь Ондрей Васильев. Хилковъ, да Богданъ Матвѣевъ сынъ Глѣбовъ, а съ ними разные люди и Коширяне и Туляне и Ярославцы и Угличане и съ Низовскихъ городовъ, и Григ. Пушкинъ и Серг. Олодуровъ подъ Пруды пришли и подъ Прудами стояли вмѣстѣ со Княз. Ондреемъ Васильев. Хилковымъ, и къ Прудамъ и острогу ратные люди приступали съ щитами день до полуночи, и изъ Прудовъ воровскіе люди многихъ ратныхъ людей переранили, а иныхъ побили, и воровскіе люди, видя свою погибель, что имъ не отсидѣтца, сдалися, и въ острогъ пустили Царя Васильевыхъ людей и крестъ цѣловали Царю Василью, и на завтрее сдачи пришли многіе воровскіе люди и съ Украйны на выручку къ Серебрянымъ Прудамъ, а съ тѣми воровскими людьми были Воеводы К. Иванъ Масальской, да иноземецъ Литвинъ Иванъ Сторовской, и Царя Васильевымъ Воеводамъ Князю Ондрею и Григорью съ товарыщи и всѣмъ ратнымъ людемъ съ воровскими людьми былъ бой отъ Серебряныхъ Прудовъ версты за четыре, и воровскихъ многихъ людей и языки многіе поимали, и воровскихъ Воеводъ К. Ивана Масальскаго, Ивана Сторовскаго взяли.»

О семъ Князѣ Мосальскомъ (Иванѣ Даниловичѣ) см. *Розряд. Кн. л.* 977.

(117) *Столяр. л.* 536: «Тогожь 115 (1607) году въ Великой Постъ изъ подъ Прудовъ Воеводы съ ратными людьми ходили подъ Дѣдиловъ, а въ Дѣдиловѣ были воровскіе люди. И воровскіе люди Царя Васильевыхъ людей розогнали, и на побѣгѣ убили Воеводу Сергѣя Ододурова, а ратные многіе люди потонули въ рѣкѣ въ Шату. И съ того розгрому Воеводы и ратные люди прибѣжали на Кошпру.»

(118) См. *Собр. Гос. Грам.* (II, 326) и выше, примѣч. 101.

*Ник. Лѣт.* 81: «Они же (Шерем., Салтык. и Плещеевъ) пріидоша къ Асторохани; Асторохандцы жь ихъ къ Астрахани не допустиша, они же сташа на островѣ на Батчикѣ, и поставиша тутъ острогъ. Астраханцы жь приступаху къ острогу, и многіе напасти дѣлаху: коихъ возмутъ въ Астрохань живыхъ, ихъ различными муками побиваху. Въ томъ же острогѣ, на Балчикѣ, пріиде на ратныхъ на многихъ людей болѣзнь цынга и многіе люди помроша.»

Упоминаемый въ сей выпискѣ островъ Балчикъ или Батчикъ именуется и Болдинскимъ (см. *Геогр. Слов. Росс. Гос.* Т. I, 329) отъ *Болды*, протока или рукава Волги. См. *Больш. Чертежъ*, стр. 239.

(119) Сего К. Вас. Мосальскаго не должно смѣшивать съ другимъ Василіемъ Рубцомъ-Мосальскимъ, который былъ посланъ въ Корелу въ первые дни Василіева царствованія, и въ 1608 году еще находился тамъ. См. *Розр. Кн.* л. 985 и 1004 на обор.

(120) См. *Больш. Чертежъ*, стр. 178: «А ниже Бѣлева верстъ съ 6, пала въ Оку Вырка.»

*Ник. Лѣт.* 85: «Изъ Путивля жь и изъ иныхъ Сиверскихъ городовъ воры пріидоша на помочь къ Калугѣ, пріидоша на Вырку; Бояре жь подъ Колугою слышаху про нихъ, что идоша многіе люди, Воевода жь съ ними съ ворами Князь Василей Мосальской; Бояре жь послаша изъ подъ Колуги противъ ихъ Боярина Ивана Никитича Романова, да Князь Данила Ивановича Мезецкаго со многими ратными людьми. Они же встрѣтоша ихъ на Выркѣ рѣчкѣ и начаша съ ними битися, и бились съ ними день да ночь, и по милости Божіи побиша воровъ на голову, и Воевода К. Василья убиша; достальные жь воры многіе на зелейныхъ бочкахъ сами сидяху, и подъ собою зажгоша, и злою смертію помроша; Бояре же воротишася подъ Колугу и языки многіе приведоша.»

(121) См. Т. XI, 62.

(122) *Розряд.* л. 992.

(123) См. Бера: «Мая 1 дня Князь Петръ отправилъ изъ Тулы войско, чтобы освободить Калугу, осажденную Москвитянами. На встрѣчу ему выслали они нѣсколько тысячь человѣкъ: обѣ стороны сошлись подъ *Пулиною* (на Пчелнѣ); Москвитяне совершенно разбиты и въ страхѣ спѣшили возвратиться подъ Калугу.» — См. *Розряд.* л. 992 на обор.

*Ник. Лѣт.* 86. «Они же (войско Лжепетра) пришли на Тулу, и собрався пошли подъ Калугу, Воевода жь у нихъ въ тѣ поры былъ Князь Андрей Телятевской, и не доходя Калуги, стали на Пчелнѣ. Бояре жь, то подъ Калугою слышавше, и послаша противъ ихъ Бояръ и Воеводъ съ ратными людьми, К. Бор. Петр. Татева да К. Андрея Черкаскаго (въ *Хрон. Стол.*: Тюменскаго); они же сошлися съ ними на Пчелнѣ и начаша съ ними битися, и гнѣвомъ Божіимъ тѣ воры ихъ побиша, и Воеводъ К. Бор. Петр. Татева и К. Андрея Черкаскаго убиша и многихъ ратныхъ людей побиша.»

(124) Тамъ же: «Достальные же прибѣжаху въ полки подъ Колугу. Бояре же и ратные люди того ужасошася, и отъ Колуги поидоша къ Москвѣ, и нарядъ пометаша, и отшедъ сташа въ Боровскѣ.

*Столяр. л.* 535: «А которые ратные люди стояли подъ Колугою, а въ походѣ не были, и они, смотря на тѣхъ же людей, изъ подъ Колуги пошли, а Бояръ покинули, а изъ Колуги воръ Ивашка Болотниковъ со всѣми ворами вышелъ на Боярскіе станы вылозкою, и Бояре и Воеводы съ достальными людьми отошли отходомъ въ Серпуховъ и нарядъ съ собою отвезли, а иной нарядъ остался подъ Колугою.»

*Латух. Степ. Кн.*: «Въ то время Князь Михаилъ Скопинъ Шуйской, да Атаманъ Козачей Истомка Пашковъ противъ тѣхъ воровъ мужественно сташа и многихъ побиша, сами же отводомъ прочь отыдоша и едва отъ совершенныя погибели спасошася.»

(125) Сіе число въ *Латух. Ст. Кн.*: «Глаголютъ же нѣцыи, яко и отъ Государева полка къ нему вору (Петрушкѣ) войска 15,000 предашася.»

О Нѣмцахъ, измѣнившихъ Шуйскому, пишетъ Беръ. Начальникомъ ихъ былъ Лифляндецъ Гансбергъ.

*Ник. Лѣт.* 87: «Воевода жь Артемей Измайловъ, слыша то, что Бояре отъ Колуги отъидоша, взя нарядъ, со всѣми ратными людьми отойде въ Мещоскъ.»

(126) См. *Rzeczy Polskich*: «Патріархъ отлучилъ приверженцевъ того, кто принялъ на себя имя Димитрія; Болотникова и всѣхъ противниковъ предалъ проклятію. По объявленіи сего разосланы указы чтобы всѣ спѣшили на враговъ Св. Вѣры подъ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе. Предписано, чтобъ всѣ монастырскіе люди, способные владѣть оружіемъ, шли на войну, а монастыри отправляли съѣстные припасы въ крѣпости или къ войскамъ; даже чтобъ самые Иноки готовились сражаться за Вѣру, когда потребуетъ необходимость.»

(127) ***Ник. Лѣт.*** 87: «А воръ Петрушка въ тѣ поры пришелъ на Тулу.» Въ семъ городѣ соединились тогда *всѣ виновники бѣдствія*, говоритъ Беръ.

(128) *Розряд.* л. 995 на обор. — *Стол.* л. 537: «А на Москвѣ Государь оставилъ брата своего Князя Дм. Ив. Шуйскаго, и Москва приказана была ему.»

(129) См. Бера. — *Rzeczy Polskich*: «Подъ Серпуховымъ далъ клятву не возвращаться въ Москву безъ побѣды, или положить голову свою на полѣ брани.»

(130) *Ник. Лѣт.* 87: «Самъ же Царь Василей пойде къ Серпухову, а на Коширу посла съ ратными людьми для береженья Боярина К. Андр. Вас. Голицына, да съ Рязани велѣлъ итти Боярину К. Бор. Мих. Лыкову со всѣми ратными людьми.» Съ Лыковымъ былъ и Прокопій Ляпуновъ (см. тамъ же, 84).

(131) *Розр.* л. 931 на обор. — См. въ рукоп. книгѣ, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву, *списокъ съ Грамоты Митр. Филарета* 12 Іюня: «Іюня въ 5 день писалъ къ нему Государю Ц. и В. К. Вас. Ив. вс. Рус. его Государевъ Бояринъ и Воеводы Кн. Ондрей Васильевичь съ товарыщи, что они съ воры сошлись на рѣчкѣ на Восмѣ, отъ Коширы верстъ за 12, Іюня въ 5 день, и Божіею помощію... тѣхъ воровъ на голову побили и ихъ воровскихъ воеводъ нарядъ и набаты и знамяна и коши всѣ поимали, и живыхъ языковъ больши пяти тысячь взяли, а имали ихъ и побивали на тридцати верстахъ; а достальные воры и лучшіе ихъ промышленики, Терскіе и Яицкіе, Волскіе, Донскіе и Путивльскіе и Рыльскіе Атаманы и Казаки сѣли въ баяракѣ и городокъ себѣ сдѣлали, и его де Государевы Бояре и Воеводы... къ тому городку приступали... и тѣхъ воровъ взятьемъ взяли.»

***Ник. Лѣт.*** 87. «Воръ же Петрушка, слышавъ то, Царь Василей пріиде въ Серпуховъ, а Воеводы съ ратными людьми пріидоша на Коширу, посла Воеводу отъ себя, К. Андрея Телятевскаго, да съ нимъ многихъ ратныхъ людей. Они же поидоша къ Коширѣ; Воеводы же свѣдаху ихъ приходъ на себя, и поидоша противъ ихъ, и сошлися на рѣкѣ на Возмѣ, и бысть бой день весь, и начаша воры Московскихъ людей осиливати. Московскіе же люди, видя такую надъ собою побѣду отъ враговъ, всѣ возопиша единогласно, что умереть всѣмъ до единаго; Бояре жь и Воеводы К. Андрей и К. Борисъ (т. е. Андр. Вас. Голицынъ и К. Бор. Мих. Лыковъ. См. *Лат. Ст. Кн.* и *Розряд.*), ѣздя по полкомъ, возопиша ратнымъ людемъ со слезами: гдѣ суть намъ бѣжати? лучше намъ здѣся померети другъ за друга единодушно всѣмъ. Ратные же люди всѣ единогласно восопіяху: подобаетъ вамъ начинати, а намъ помирати. Бояре же, призвавъ Бога, отложиша все житіе свое, напустиша на нихъ злодѣевъ со всѣми ратными людьми, многую храбрость показаху предо всѣми ратными людьми. По милости же Всещедраго Бога тѣхъ воровскихъ людей побиша на голову, а достальные многіе сѣдоша во врагѣхъ, а той Князь Андрей Телятевской утекъ не съ великими людьми. Видяше же ратные люди, что много имъ *шкоты* изъ того врагу отъ тѣхъ враговъ, и возопиша всѣ единогласно, что помереть всѣмъ за одно, слѣзчи съ лошадей, и поидоша всѣ пѣши со всѣхъ сторонъ съ приступомъ, и по милости Божіи всѣхъ тѣхъ воровъ побиша на голову, развѣ трехъ человѣкъ взяша живыхъ, а милостію Божіею Московскимъ ратнымъ людемъ шкоты никакія въ тѣ поры не учинили. Бояре же пріидоша въ Серпуховъ ко Царю Василью съ великою радостію. Царь же Василей, видя ихъ промыслъ и слыша, радостенъ бысть, ихъ пожаловалъ своимъ Государевымъ жалованьемъ.»

Беръ говоритъ, что «Москвитяне были бы разбиты въ семъ дѣлѣ, если бы одинъ изъ Воеводъ (Лжепетра) не перешелъ съ 4000 человѣкъ на сторону Шуйскаго.»

(132) *Столяр.* л. 537 и на обор.: «Изъ Тулы воры отъ Петрушки, К. Ондрей Телятевской со многими воровскими людьми, шелъ на Коширу, а съ нимъ воровъ было Козаковъ Донскихъ и Терскихъ, и Волскихъ и Яицкихъ, и Украинныхъ людей, Путимцовъ и Елчанъ съ товарыщи съ тридцать тысячь... Въ девятую Пятницу (5 Іюня) по Велицѣмъ днѣ сошлися въ Коширскомъ Уѣздѣ на Восмѣ, и... сотнемъ съ воры былъ бой, съ утра съ первова часу до пятова, и воровъ Казаковъ пѣшихъ съ огненнымъ боемъ перешли за рѣчку въ бояракъ тысяча семьсотъ человѣкъ, а подлѣ боярака стояли съ Резанцы Ѳедоръ Булгаковъ да Прокофей Ляпуновъ и воровскіе люди изъ боярака изъ ружья стрѣляли по Резанцамъ... Резанцы скочили всѣмъ полкомъ къ рѣчкѣ къ Восмѣ, и сотнями, которыя съ воры билися, напустили единомышленно на воровъ... и въ погонѣ безчисленно побили... а гоняли за ними тридцать верстъ... и воры Казаки въ бояракѣ сидѣли два дни... упрямилися, чтобъ имъ помереть, а не отдаться... стрѣляли изъ ружей до тѣхъ мѣстъ, что у нихъ зелья не стало; и тѣхъ воровъ многихъ побили, а достальныхъ взяли и на завтрее всѣхъ казнили... только оставили семь человѣкъ живыхъ по челобитью Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, Нижегородцовъ, да Арзамасцовъ, что они тѣмъ Дворяномъ учинили добро, какъ они шли Казаки съ Терка съ воромъ съ Петрушкою, Волгою, къ вору Розстригѣ и воротились съ воромъ Волгою назадъ, и тѣхъ Дворянъ встрѣтили на Волгѣ и воръ ихъ хотѣлъ побить, и они ихъ не велѣли побить.»

(133) См. выше, въ примѣч. 131, выписку изъ ***Ник. Лѣт.***

Въ сей же Лѣтописи, на стр. 88: «Царь же Василей со всѣми ратными людьми пойде къ граду Алексину, и градъ Алексинъ пришедъ взя взятьемъ, и посади въ Алексинѣ ратныхъ людей, а самъ пойде подъ Тулу со всѣми людьми (Воръ же слыша тотъ приходъ Царя Василья и посла всѣхъ людей съ Тулы, воровскіе люди многіе), посла на переди себя Боярина своего Князь Михайла Васильевича Шуйскаго съ ратными людьми. Они же съ ними сошлися подъ Тулою на рѣчкѣ Воронеѣ, по милости Божіи тѣхъ воровъ побиша, и многихъ живыхъ поимаша, достальные же утекоша въ Тулу. Царь же Василей со всѣми людьми пріиде подъ Тулу и Тулу осадилъ.»

*Столяр.* л. 538: «Бояре жь и Воеводы, К. Ондр. Васил. Голицынъ, да К. Бор. Мих. Лыковъ съ товарищи, съ своими полки, пошли подъ Тулу, а изъ Серпухова Царь Вас. Ив. послалъ подъ Тулу Бояръ своихъ и Воеводъ на три полки: въ Большемъ Полку Бояринъ К. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйской, да Бояринъ Ив. Никит. Романовъ, въ Передовомъ Полку Бояринъ К. Ив. Вас. Голицынъ, въ Сторожевомъ Полку Бояринъ Вас. Петр. Морозовъ, да Яковъ Вас. Зюзинъ; и сошлися Бояре и Воеводы съ Коширскимъ полкомъ за тридцать верстъ до Тулы. И пошли подъ Тулу, и пришли на рѣчку на Воронею въ десятую Пятницу по Велицѣ дни (12 Іюня). И Тульскіе многіе воры, конные и пѣшіе, Московскихъ людей встрѣтили за семь верстъ отъ Тулы на рѣчкѣ Воронеѣ и былъ съ ними бой: пѣшіе воровскіе люди стояли подлѣ рѣчки въ крѣпостяхъ; а рѣчка топка и грязна, и по рѣчкѣ крѣпость, лѣса. И отъ рѣчки воровскіе люди многое время билися, и милостію Божіею

Московскіе люди воровскихъ людей отъ рѣчки отбили и за рѣчку Воронью во многихъ мѣстѣхъ сотни передовыя перешли, и Бояре и Воеводы со всѣми полки перешли жь и воровскихъ людей учали топтать до города до Тулы и многихъ побили и живыхъ поимали, а пѣхоту многую жь побили и поимали. И воровскіе люди прибѣжали въ городъ, а Московскіе люди гнали ихъ до городовыхъ воротъ, а человѣкъ съ десять Московскихъ людей и въ городъ въѣхали, и въ городѣ ихъ побили, а Бояре и Воеводы со всѣми полки стали подъ Тулою и Тулу осадили.»

Тамъ же, л. 540: «Царь пришелъ со всѣми ратными людьми подъ Тулу, и сталъ отъ Тулы три версты; а въ Тулѣ въ тѣ поры былъ воръ Петрушка, да съ нимъ К. Андр. Телятевской, да Ивашка Болотниковъ, холопъ Телятевскаго, да Самойла Хахановской (Kochanowski?) и иные многіе... и всякихъ воровъ сидѣло съ огненнымъ боемъ съ двадцать тысячь.»

О рѣчкѣ Воронеѣ, впадающей въ Упу ниже Тулы, см. *Больш. Чертеж.* 180.

(134) *Стол. л.* 539: «А по Коширской дорогѣ, на Черленой горѣ, сталъ Коширской полкъ, Бояр. Кн. Андр. Вас. Голицынъ съ товарищи, на рѣчкѣ на Тулкѣ, а по Кропивинской дорогѣ и по инымъ мѣстомъ стали Бояре и Воеводы Большіе, и Передовой и Сторожевой Полки, а нарядъ большой поставили за турами отъ Кропивенскихъ дорогъ, да нарядъ же поставили съ Коширскія дороги близко Упы рѣки... Да подлѣ Коширскаго жь полку по рѣчкѣ Тулкѣ стояли Казанскаго Царства и Казанскихъ городовъ и пригородковъ Мурзы, и Тотаровя, и Чуваша, и Черемиса, многіе люди, и Рамановскіе и Арзамасскіе Князи и Мурзы, и служивые Татаровя, а Воевода съ Татары былъ Князь Петръ Арасланович Урусовъ.» — О прибытіи Царя подъ Тулу, см. въ прим. 133 выписку изъ сего же Хронографа.

Тамъ же, л. 540: «Изъ Тулы вылозки были на всѣ стороны, на всякой день по трожды и по четырежды, а всѣ выходили пѣшіе люди съ огненнымъ боемъ, и многихъ Московскихъ людей ранили и побивали; а изъ наряду большаго съ обѣихъ сторонъ въ Тулу стрѣляли и побивали многихъ людей.»

*Рукоп. Филарет.*: «Пойде подъ градъ Тулу, и пріиде Іюня въ 30 день, и стоя не малое время, недомыслящеся, что сотворити граду Тулѣ.»

*Ник. Лѣт.* 89: «А подъ иные городы посла Воеводъ, Дѣдиловъ и Кропивну и Епифань взяша взятьемъ.»

(135) *Ник. Лѣт.* 91: «Аки волны морскія, едина погибаетъ, а другая воставаетъ, такожe наши бѣды и напасти, та бѣда полегаше, а другая грѣхъ ради нашихъ воставаше.»

(136) Беръ.

(137) Тамъ же.

(138) Авр. Палиц. 31: «Нарекоша ложнаго Царя Димитрія отъ Сѣверскихъ градовъ, Попова сына, Матюшку Веревкина.» — См. также *Латух. Ст. Кн.*

Кобѣржицкій въ Hist. Vlad. 320: «Certe Judæum fuisse suspicionem movit inter fugientis è castris supellectilem repertum Thalmut, multique Hebræi codices et Syngraphæ, Judaïcis exaratæ characteribus.»

Нарушевичь (въ *Hist. Chodk.* T. 1, ks. IV, not. 70) приводитъ слѣдующія слова, изъ письма Царя Мих. Ѳед. къ Морицу, Принцу Оранскому, помѣщенныя въ книгѣ Respublicæ et Urbes. Lugd. Bat. 1630. pag. 581: Сигизмундъ послалъ Жида, который назвался Димитріемъ Царевичемъ.»

Беръ: «Получивъ письмо (отъ Болотникова и Шаховскаго), друзья Сендомирскаго Воеводы приступаютъ къ дѣлу и находятъ для сего въ *Слобѣ* (?), что въ Бѣлоруссіи, человѣка, родомъ Русскаго, жившаго учителемъ у одного Священника и умѣвшаго хорошо читать и писать по Русски и по Польски: звали его Иваномъ. Сего хитраго юношу они назначили представлять Димитрія.»

Петрей, 395: «Haben sie doch einen endlich in weiß Reußland in der Stad *Socola*, (*Соколъ*, мѣстечко въ Витеб. Губерніи; см. *Слов. Географ.*), mit Namen Johannes, ein spitzfündigen und verschmitzten Kerl angetroffen, der zuvorn eine geraume Zeit Schülmeister gewesen ist, und reußisch fertig lesen und schreiben konnte. Diesen nenneten sie Demetrium,» etc.

(139) *Ник. Лѣт.* 117: «Тово же вора Тушинсково, которой назвался въ Ростригино имя, отнюдь никтоже не знаеше, не вѣдомо откуды взяся: многіе убо узнаваху, что онъ былъ не отъ служиваго корени, чаяху Попова сына или церковнаго дьячка, потому что Кругъ весь Церковной зналъ.»

О свойствахъ его пишетъ Кобѣржицкій слѣдующее (стр. 321): «Superos irridere, Numen procaci linguâ lacessere solitus; ad extremum rudis, barbarus, crudelis, avarus, subdolus, lasciviâ libidineque infamis, crapulæ deditus, totus ex sceleribus flagitiisque conflatus, indignus qui ficti etiam Principis nomen sumeret, ad cujus tuendam auctoritatem nec formam, nec unicam haberet virtutem, præter Polonorum robur Moschorumque ad præsens simulata obsequia,» etc.

(140) Кобѣржицкій. См. выше, примѣч. 138.

(141) См. письмо Николая Харлескаго изъ Острокдудова отъ 19 (т. е. 9 по Ст. Стилю) Окт. 1607, года, найденное Нѣмцевичемъ въ Рукописи Луцкаго Прелата Осинскаго (*Dz. Pan. Zygm. III*, T. II, 304). «Онъ (Лжедимитрій) имѣетъ большую опытность (praktykę) и предсказываетъ, что будетъ царствовать три года; лишится престола измѣною, но опять воцарится и уже на тридцать лѣтъ: тогда распространитъ предѣлы своей Державы.» Нѣмцевичь думалъ, что въ семъ письмѣ говорится о первомъ Лжедимитріи; но оно писано въ 1607 году, и въ немъ нѣсколько разъ упоминается о Царѣ Шуйскомъ, а ни слова о Годуновѣ.

(142) Нѣмцевичь въ *Dz. Pan. Zygm. III*, T. II, 327.

(143) Беръ: «Наставивъ (Ивана, Бѣлорусск. учителя) во всемъ, что нужно ему было знать, отправили его въ Путивль съ Мѣховецкимъ. Тамъ, признанный за истиннаго Димитрія, онъ произвелъ въ народѣ великую радость; оттуда выѣхалъ около Яковлева дня, и прибылъ въ Стародубъ, сопровождаемый Григоріемъ *Кашнецомъ* и писаремъ Алексѣемъ, но выдавалъ себя не за Царя, а за Царскаго родственника Нагаго.»

(144) *Ник. Лѣт.* 89: «Въ *лѣто* 7116 году пріиде въ Стародубъ Сѣверской человѣкъ незнаемой и назвася Андреемъ Андреевымъ сыномъ Нагово; съ нимъ же пріиде товарищъ, сказался Московской Подьячей Олешка Рукинъ, а иные сказываютъ де Мина; а пріидоша невѣдома откуда, и сказаша, что пришли отъ Царя Дмитрія къ нимъ, и сказаша Стародубцамъ, что Царь Дмитрей присла ихъ напередъ себя для того, таки ль ему всѣ ради, а онъ живъ вскрытѣ отъ измѣнниковъ. Стародубцы же имъ всѣ возопиша единодушно, что всѣ мы ему ради: скажите намъ, гдѣ онъ нынѣ, и пойдемъ всѣ къ нему головами. Той же Олешка Рукинъ сказа имъ во всѣ люди: здѣся есть у васъ Царь Дмитрей. Они же начаша его спрашивати, онъ же имъ не каза: они же его взяша и поведоша къ пыткѣ и начаша его пытати, онъ же имъ съ пытки сказа: сей есть Царь Дмитрей, кой на-

зывается Ондреемъ Нагимъ. Стародубцы же начаша вопити и начаша звонити въ колокола.»

Если сіе случилось въ 7116 году, какъ говоритъ Лѣтописецъ, то не прежде 1 Сентября 1607 года: ибо годы отъ Сотворенія Міра считались съ сего числа. Но Беръ, современникъ, утверждаетъ, что Самозванецъ отправился изъ Путивля въ Стародубъ въ Яковлевъ день (по Лютеранскому Календарю 25 Іюля); а отъ Стародуба до Путивля не болѣе 180 верстъ.

(145) См. выписку изъ Бера, помѣщенную въ примѣч. 143. Писарь Алексѣй, когда начали пытать его, сказалъ собравшемуся народу: Глупцы! вы смѣете меня терзать за моего Государя! Но развѣ не знаете его? Онъ здѣсь, подъ именемъ Нагова — и видитъ ваши поступки со мною: возмите же его (da habt ihr ihn) и если хотите, умертвите вмѣстѣ съ нами; но знайте, что онъ не хотѣлъ открыться вамъ, желая напередъ вѣдать, будете ли вы рады его прибытію.» — Тутъ простодушные Стародубцы (какъ говоритъ Беръ) поверглись къ ногамъ Самозванца, и каждый изъ нихъ вопилъ: «Виноваты, Государь! Мы должны жить и умереть за тебя.»

Журналъ Машкѣвича: «На сей разъ Дмитрія воскресилъ Мѣховецкій, и потомъ, хотя или не хотя, долженъ былъ помогать ему: ибо твердо зналъ всѣ обычаи и дѣла перваго Димитрія.»

*Ник. Лѣт.* 90: «Писаху грамоту въ Путивль, въ Черниговъ, въ Новъ-городокъ. Они же къ тому воровству тотчасъ присташа, и начаша къ нему сбиратися.»

(146) Беръ: «Заруцкій, отправленный, какъ сказано выше, къ Димитрію изъ Тулы, обрадовался явленію его, вручилъ ему письмо, и хотя съ перваго взгляду узналъ въ немъ *новаго* Самозванца, но въ присутствіи народа показывалъ, что признаетъ за прежняго своего Государя,» и проч.

Беръ разсказываетъ еще, что Самозванецъ подвергнулъ въ тотъ же день жителей Стародуба испытанію, такимъ образомъ: выѣхалъ за городскія ворота состязаться съ Заруцкимъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ и въ ристаніи. Народъ вышелъ смотрѣть на нихъ, и когда Лжедимитрій, по тайному условію съ соперникомъ, упалъ съ лошади, будто бы сраженный его копьемъ, зрители вскричали: *ловите измѣнника Заруцкаго;* настигли его у воротъ, били палками, и потомъ связавъ, привели къ Самозванцу, который благодарилъ ихъ за сіи знаки приверженности.

(147) *Ник. Лѣт.* 90: «Послаша къ Царю Василью подъ Тулу Стародубца, сына Боярсково, и писаша отъ себя въ грамотахъ къ Царю Василью, что будто подъискался подъ нимъ Царства. Той же сынъ Боярской пріиде подъ Тулу, и Дьяволомъ наученъ бысть, говорилъ Царю Василью встрѣшно, что прямой ты подъ Государемъ нашимъ подъ прироженымъ Царемъ подъискалъ Царства. Царь же Василей повелѣ его пытати, и сожгоша на пыткѣ его до смерти, и онъ умре говорилъ тѣже рѣчи; тако его окаянную душу ожесточилъ Дьяволъ, что за такова вора умре.»

См. также Нѣмцев. *Dz. Pan. Zygm. III*, II, 323.

(148) *Ник. Лѣт.* 89: «А подъ Козелескъ посла К. Василья Мосальсково съ ратными людьми, а подъ Бѣлевъ и подъ Болховъ посла К. Третьяка Сеитова съ ратными жь людьми. — К. Третьякъ же шедъ, очистилъ городы Лихвинъ (Лихвинъ), Болховъ, Бѣлевъ, а К. Василей сталъ межь Козельска и Мещерска.»

(149) *Беръ:* «Въ тотъ же день (когда Заруцкій вручилъ письмо Димитрію) прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими дружинами (Fahnen) Польской конницы.»

*Ник. Лѣт.* 90: «Воръ же, собрався Сѣверскихъ городовъ съ воровскими людьми, и поиде подъ Брянескъ. Царь же Василей, слышавъ то, что идетъ воръ подъ Брянескъ, и велѣлъ послати изъ Мещерска (Мещевска) Воеводѣ Григорью Сунбулову трезвыхъ людей, что провѣдати про вора и городъ Брянескъ сжечь. Григорей же посла ратныхъ людей наскоро полтретья ста человѣкъ, а Голову имъ велѣлъ выбрати межь себя самимъ, кого они же излюбятъ. Они же выбраша Голову Брянченина Елизара Безобразова и пріидоша къ Брянску; а въ ту пору изъ Брянска всѣ люди вышли къ вору на встрѣчу; они жѐ городъ Брянескъ сожгоша и пріидоша опять въ Мещескъ.»

(150) О семъ письмѣ см. выше, примѣч. 141.

(151) «Sam Szuyski odstąpił z woyskiem swojém od Tuły, którą dobywał: wielki rozruch w jego woysku,» etc.

(152) *Стол.* л. 540 на обор.: «Въ Государевѣ Розрядѣ Дьякомъ подалъ челобитную Муромецъ сынъ Боярской *Иванъ* Суминъ сынъ Кровковъ, что онъ Тулу потопитъ водою, рѣку Упу запрудитъ, и вода де будетъ въ острогу и въ городѣ, и дворы потопитъ, и людемъ будетъ нужа великая, и сидѣть имъ въ осадѣ не умѣть. И Царь Вас. Ив. велѣлъ ему Тулу топить, и Сынъ Боярской Ив. Кровковъ плотину дѣлалъ, сѣкли лѣсъ и клали солому и землю въ мѣшкахъ рогозиныхъ, и вели плоти по обѣ стороны рѣки Упы, а дѣлали плотину всѣми ратными съ окладовъ, и плотину сдѣлали и рѣку Упу загатили, и вода стала большая, и въ острогъ и въ городъ вошла, и многія мѣста во дворѣхъ потопила и людей. Отъ воды учала быть нужа большая, хлѣбъ и соль у нихъ въ осадѣ былъ дорогъ, да и не стало. Изъ Тулы къ Царю Василью въ полки учали выходить всякіе люди, человѣкъ по сту и двѣсти и по триста на день, а подъ-достоль многіе люди отъ голоду и отъ воды стали выходить.»

Въ *Ник. Лѣтописи* Муромецъ Кровковъ названъ *Ѳомою* Суминымъ сыномъ (стр. 91): «Рече ко Царю Василью: дай мнѣ посохи, азъ де потоплю Тулу. Царь же Василей и Бояре посмѣяхусь ему, како ему градъ Тулу потопить; онъ же съ прилежаніемъ къ нему: вели меня казнить, будетъ не потоплю Тулы. Царь же В. даде ему на волю; онъ же повелѣ со всей рати со всякаго человѣка привести по мѣшку съ землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити, вода учала прибывати. Царь же В., видя его промышленія, наипаче ему повелѣ совершати и повелѣ ему дати на пособъ мельниковъ; онъ же рѣку запрудилъ и градъ Тулу потопилъ совсѣмъ.»

*Рукоп. Филар.:* «По повелѣнію же Цареву обрѣтеся хитродѣлателецъ *воинъ града Мурома*, зовомый *Мешокъ Кровковъ*, и даетъ обѣщаніе, да потопитъ градъ той водою... Сотвори на рѣкѣ заплоту древяну и землею засыпа; помалу накопися вода и возвратися вспять и обыде весь градъ, яко ни откуду ему быть путь сухъ, и яже во градѣ ихъ бысть пища, все потопи и размы, а людіе града того ужасни быша о семъ, и помалу оскудѣша брашны и бысть на нихъ гладъ великъ зѣло, якоже всяко скверно и нечисто ядяху, кошки и мыши и иная подобная симъ.»

(153) Беръ разсказываетъ нелѣпую баснью, будто одинъ старый Монахъ, волшебникъ (zauberischer Mönch), обѣщалъ начальникамъ Тулы разрушить плотину, требуя за сіе ста рублей въ награду. Онъ раздѣлся, бросился въ воду и долго былъ невидимъ; наконецъ явился въ самомъ жалостномъ положеніи, и объявилъ зрителямъ, что Шуйскій съ помощію 12,000 бѣсовъ запрудилъ рѣку; что половину ихъ ему удалось склонить на сторону

осажденныхъ, но другая половина осталась непреклонною въ злобѣ, и онъ за свои тщетныя условія принужденъ былъ заплатить лютыми ранами.

(154) См. Бера. Тула, по словамъ его, сдалась въ день Симеона и Іуды, т. е. 28 Октября; по *Уваров.* и *Столяр. Хронографамъ* въ Праздникъ Покрова. Но въ *Грамотѣ Царя Василія* отъ 19 Октября, коей списокъ находится въ книгѣ, принадлежавшей Г. Ермолаеву, сказано: «Октября въ 10 день... Тульскіе сидѣльцы... намъ добили челомъ.»

(155) Онъ умеръ въ Боярскомъ санѣ въ 120 (1612) году. См. Списокъ Бояръ въ *Др. Рос. Вивл.* XX, 86.

(156) См. Бера: «Царь распустилъ по домамъ всѣхъ воиновъ, бывшихъ съ нимъ подъ Тулою, со всею челядью ихъ и лошадьми, позволивъ имъ отдохнуть до перваго зимняго пути.» — См. также *Ник. Лѣт.* 91.

(157) См. *Ник. Лѣт.* 92.

(158) *Стол.* л. 539 на обор.: «И по повелѣнію Царя Василья Татаромъ и Черемисѣ велѣно Украинные и Сѣверскихъ городовъ Уѣздовъ всякихъ людей воевать и въ полонъ имать и животъ ихъ грабить за ихъ измѣну и воровство.»

(159) Беръ: «Но тѣ Бояре и воины, которые стояли подъ Калугою, должны были остаться на службѣ.»

(160) См. Паерле. — Беръ пишетъ, что Шуйскій ѣздилъ въ Троицкую Лавру въ осеннее, ненастное время, приносить *Богу Сергію* (dem Gott Sergio) благодареніе за побѣду надъ измѣнниками.

(161) *Стол.* л. 541: «Вора Петрушку велѣлъ повѣсить подъ Даниловымъ монастыремъ, по Серпуховской дорогѣ, а Ивашка велѣлъ сослать въ Каргополь и посадить въ воду.»

*Ник. Лѣт.* 91: «Пришедъ къ Москвѣ, велѣлъ того вора Петрушку повѣсити, а К. Гр. Шаховскаго посла на Каменое, а Ивашка Болотникова и Ѳедку Нагибу и иныхъ товарищевъ сослалъ въ Поморскіе города и тамъ ихъ повелѣ казнити.»

Беръ разсказываетъ, что Шуйскій, взявъ Тулу, нашелъ тамъ Шаховскаго въ темницѣ, посаженнаго Козаками за то, что обѣщанный имъ Димитрій не являлся; что Шаховскій умѣлъ увѣрить Царя, будто онъ томился въ неволѣ за намѣреніе уйти къ нему, и былъ освобожденъ Шуйскимъ, потомъ опять ушелъ къ Лжедимитрію и сдѣлался его первымъ совѣтникомъ.

(162) См. Бера и Петрея.

(163) См. *Ник. Лѣт.* 95, *Хрон. Стол.* л. 551 на об. и *Рукоп. Филар.*

Въ *Розряд. Книгахъ* и въ *Диплом. Собр. Бант. Каменскаго* сказано, что Шуйскій женился 17 Генваря; что имя невѣсты его было Екатерина; но что въ Царицахъ дали ей имя Марія. — Въ *Рукописи Филарет.* вѣнчаніе отнесено къ 14 Генваря. Первое показаніе вѣроятнѣе: ибо 14 Генваря въ семъ году было въ Четвертокъ, а 17 въ Воскресенье.

(164) *Псковск. Лѣтоп.* л. 36 на об.: «И видѣ Діаволъ, яко не преможе одолѣти Христіанству, разже Царя похотію на блудъ. Онъ же, оставя все воинство свое, и иде въ Царство свое и поятъ жену, и начатъ оттолѣ ясти и пити и веселитися, а о брани небреже. Видѣ же себѣ воинство отъ Царя оставлены и небрегомы, и Воеводъ и начальниковъ не восхотѣ слушати, и разыдошась кождо во грады и въ домы своя, а иніи отъидоша къ ложному Царю, желающе чести временныя.»

(165) О Законѣ 1593 года см. Т. X, 120, и прим. 349 и 352. — Въ 1601 г. оный объявленъ былъ временнымъ. См. Т. XI, 51. — См. тамъ же, на стран. 125, Лжедимитріево постановленіе о крестьянахъ. Законъ Василія о крестьянахъ, подписанный 9 Марта, помѣщенъ въ дополнительныхъ Указахъ къ Судебнику изданному 1786 г. (стр. 240).

Въ ономъ сказано между прочимъ: «А буде которые, отнынѣ и за кого вышедъ, перейдутъ къ иному кому бы то ни было, и тотъ приметъ... и у того крестьянина взявъ, перевести ему со всѣми пожитки, откуда онъ перебѣжалъ,... да съ него же на Царя Государя за то, что принялъ противо Уложенія, доправити 10 рублевъ, не принимай чужаго, да съ негоже за пожилое тому, чей крестьянинъ,... на всякой годъ по три рубли... А побѣжитъ жонка, или вдова, или дѣвка въ чужую отчину и выдетъ замужъ, и того мужика, которой женится на чужей жонкѣ, отдати тому, чья жонка, со всѣми его животы и съ дѣтьми, кои отъ тоя бѣглыя родились... А которые люди держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а вдову послѣ мужа болѣе дву лѣтъ, а парня холостаго за 20 лѣтъ, а не женятъ, и воли имъ не даютъ, и той вдовѣ, или дѣвкѣ, или парню... дати отпускныя, въ Москвѣ Казначею, а въ иныхъ городахъ Намѣстникомъ и Судьямъ;... не держи неженатыхъ надъ законъ Божій и Правила Святыхъ Отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людехъ... А въ городахъ навѣдыватись,... нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь,... оныхъ брати и спрашивати на крѣпко, чей онъ... и буде скажетъ, кто подговорилъ, и доведетъ на него, и того подговорщика казнити торговою казнію, и взять съ него поруку, что ему того бѣглаго отвести къ его государю, да съ него же въ казну взяти пени 10 рублевъ,» и проч. Можетъ быть инымъ Читателямъ уже извѣстно, что нашъ покойный Исторіографъ худо вѣрилъ подлинности сего Акта, котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ Государственныхъ Архивовъ, о коемъ не упоминаютъ современные Лѣтописцы и который изданъ въ свѣтъ (въ дополненіи къ Судебнику) Историкомъ Татищевымъ, не рѣдко дозволявшимъ себѣ *изобрѣтать* древнія преданія и рукописи. Соображая всѣ сіи обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ трудно удержаться отъ мысли о подлогѣ: ее оправдываютъ и странность нѣкоторыхъ разсужденій, помѣщенныхъ въ семъ, будто бы Василіевомъ Законѣ, и самый слогъ онаго. Въ одномъ изъ манускриптовъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, противъ словъ текста: (Шуйскій) *подтвердилъ Уложеніе Ѳеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно составлено Годуновымъ, вопреки мнѣнію Бояръ старѣйшихъ, и произвело въ началѣ много зла,* и пр. (См. стран. 41 сего XII Тома), Исторіографъ своею рукою прибавилъ на полѣ: *все сомнѣваюсь для чего же не перемѣнилъ?*

(166) См. *Уставъ Ратныхъ, Пушечныхъ и другихъ Дѣлъ, касающихся до Воинской Науки,* изд. подъ смотрѣніемъ Рубана. СПб. при Госуд. Воен. Коллегіи, 1777. — Въ сей книгѣ помѣщены 663 Статьи, выбранныя въ Царствованіе Василія Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича, въ 1607 и 1621 г. изъ иностранныхъ военныхъ книгъ *Онисимомъ Михайловымъ.*

(167) *Устав. Рат.* I, 75: «Указъ воинскихъ людей, передъ напускомъ противъ недругей, словесы увѣщати: первое, какъ къ Воеводѣ прямая вѣсть придетъ, что недруги приближаются, и не можетъ инако быти, развѣ что съ ними битися, и Воеводѣ показатися къ своимъ полчаномъ, веселымъ обычаемъ, и ихъ на то наговаривати, чтобъ они такъ дѣлали, какъ достоитъ дѣлати прямымъ воинскимъ людямъ и по крестному цѣлованью, на что они Государю своему и крестъ цѣловали въ правду, и утѣшати ихъ великою доброю добычею,

чтобъ они смѣло и храбро на супостатовъ напускали, а самому бъ ему сказатися быти въ напуску первому человѣку, а какъ къ тому придетъ, что того перемѣнити не возможно, ему ихъ укрѣпити, чтобъ они по своему крестному цѣлованью и съ желаніемъ исполненіе учинили, и молвити имъ: лучше есть честно умрети, нежели съ безчестіемъ жити, и такъ предатися въ руцѣ Божіи.»

(168) См. выше, описаніе смятенія во время шествія Василія въ церковь 15 Іюня. Маржеретъ говоритъ (стр. 149), что Царь сказалъ къ мятежникамъ: «Tanstot vous me voulez massacrer, et tanstot les Nobles, et mesmes les Estrangers; du moins vous les voulez saccager: je ne desire.... que cecy demeure impuny.»

(169) См. Бера: «23 Іюня (1606 года) Шуйскій выслалъ изъ Москвы четырехъ врачей, къ коимъ не имѣлъ довѣренности за тѣсныя связи ихъ съ Поляками при Димитріи; но пятаго, Давида Вазмара, устранявшагося отъ такихъ связей, оставилъ и сдѣлалъ своимъ врачемъ.» — Въ *Rzeczy Polskich* сказано, что Царь велѣлъ заковать въ желѣзы врачей Давида и Христофа. — См. о приглашеніи сихъ Докторовъ въ Россію, Т. X, прим. 463.

(170) См. выше, стран. 25, и Бера: «Шуйскій послалъ къ обывателямъ и Козакамъ Калужскимъ Боярина Георгія Беззубцева, находившагося прежде въ Калугѣ, а потомъ въ Тулѣ, въ числѣ осажденныхъ.»

(171) См. выше, стран. 26, и Бера.

(172) Нѣмцевича *Dz. Pan. Zygm. III*, Т. II, стран. 323. Отчаянные наѣздники, служившіе подъ начальствомъ сего Лисовскаго, назывались и послѣ смерти его *Лисовчиками*. Подъ симъименемъ славились они особенно въ 30-лѣтнюю войну, служа Императору. См. Квятковскаго *Dzieje Nar. Pol. za Panowania Władysława IV*, стр. 143.

*Дѣл. Польск.* No 27: Послы говорятъ Боярамъ: «А Лисовскаго мы для того не написали, что онъ изъ земли Государя нашего *выволанецъ*, и чести своей отсуженъ, и въ которомъ городѣ нашемъ его поимаютъ, и его тамъ казнятъ.»

(173) *Ник. Лѣт.* 92: «Послалъ (Царь) во Брянескъ Воеводъ, К. Мих. Ѳед. Кашина да Ондр. Никит. Ржевскаго; они же, пришедше во Брянескъ, Воеводу Григорья Сумбулова отпустиша, а сами на осыпи поставиша острогъ.»

Тамъ же: «Пріиде къ вору изъ Литвы Полковникъ Литовской (Лисовскій) съ невеликими людьми, и слышаху то, что Царь Василей пошелъ къ Москвѣ, рать всю роспустилъ, нача говорити вору, чтобы итти подо Брянескъ, покамѣста де у Царя Василья учнутъ сбиратца ратные люди, а мы де тотъ замокъ, шедъ, возмемъ. Воръ же его слышалъ, и нача сбиратися, къ нему же нача прибывати Литовскіе люди, и собрався пошедъ подъ Брянескъ. И пришедъ, и Брянескъ осадиша, и тѣсноту браннy (Брянску?) великую сдѣлаша: во обоихъ сидѣніи бяше тѣснота, яко за всѣ бьющеся, за воду и за дрова, и гладъ бысть великой, яко начаша и лошади поѣдати.»

«Пріидоша же къ вору Казаки, и привезли съ собою вора, назвавшагося Царевичемъ Ѳеодоромъ, Царя Ѳеодора Ивановича сыномъ, а ему будто племянникъ. Той же воръ.... того вора Ѳедку, которова привезли Казаки съ Дону, подо Брянскимъ убилъ до смерти.»

(174) *Ник. Лѣт.* 93: «Царь же... посла съ Москвы Боярина К. Ив. Семен. Куракина, а изъ Мещоска велѣлъ напередъ итти Воеводѣ К. Вас. Мосальскому и съ ратными людьми. Князь же Василей поиде напередъ, не дождався К. Ив. Семеновича, и пріиде подо Брянескъ къ рѣкѣ имянуемой къ Деснѣ. Градъ же Брянескъ стояше на другой сторонѣ отъ нихъ рѣки. Литовскіе же люди стояху подъ стѣною и по берегу великія рѣки, ратные же люди смотриша на городъ на Брянескъ плакахуся горько, какъ бы имъ помочь и ту великую Десну перейти; что бысть въ то время пора зимняя до Рождества Христова за девять день, а вода велика, идущу же по рѣкѣ льду. Како убо возможно изрещи, какое дородство и храбрость Московскихъ ратныхъ людей: якоже убо лжѣ уподобися, невозможно никому того изрещи; якожъ убо въ книжномъ писаніи того не обрѣтохъ, и бысть выше существа человѣческаго: видяху убо свою братію ратныхъ людей погибающихъ, и слышаху о нихъ изо Брянска рыданіе и плачь великій, и моляху убо ихъ со слезами глаголюще: помозите намъ погибающимъ. Они жь возопиша всѣ единогласно: лучше намъ всѣмъ погибнуть и помереть, нежели видѣть свою братью въ конечной погибели; аще и помремъ за православную Христіанскую Вѣру и за святыя Божія церкви, и мы у Христа вѣнца воспріимемъ мученическа. И взяша вси другъ у друга прощеніе, и начаша въ великую рѣку метатись всѣ единодушно и поплыша за рѣки ко граду. Льду же великому, ихъ осиливающу; они же аки дивіи звѣріе ледъ разгребаху и плывуще за рѣку Литовскіе же люди и Русскіе воры стояху на брегу и стрѣляху по нихъ; они же отнюдь не сумняхуся и не бояхуся смерти. Веліе чудо содѣя Богъ надъ рабы своими, како въ такой великой рѣкѣ и въ такіе великіе морозы отъ такова великаго льду утѣсненія ни единъ человѣкъ, ни лошадь не погибе. Брянчане же видяху ихъ пловущихъ къ себѣ, и выидоша имъ на помочь; Литовскіе же люди видѣша ихъ къ себѣ жестокосердіе и храбрость и помочь изо Брянска, поотступиша мало отъ брегу. Они же, переплывъ рѣку, вышедши на берегъ и встрепенувшись аки дивіи звѣріе, и напустиша на тѣхъ на Литовскихъ людей и на Русскихъ воровъ, и побиша ихъ много и живыхъ поимаша; кои же у нихъ сидѣли въ шанцахъ пѣхота, они же поидоша на нихъ и въ шанцахъ начаша побивати. Брянчане же и достальные, видячи надъ собою милость Божію, и выидоша къ нимъ всѣ изъ града на помочь. Тутожъ пріиде къ рѣкѣ Бояринъ Кн. Ив. Сем. Куракинъ съ ратными людьми.... Они же, видя такую помочь милость Божію, что такое предивное дѣло сдѣлалось, не многими людьми граду своему храбрствомъ помочь учинили, отъ града того вора отбиша. Тотъ же Воевода К. Иванъ въ тѣ поры сталъ за рѣкою, укрѣпишася постави острогъ, и тоежъ нощи бысть мразъ великій, та рѣка стала. Той же К. Ив. Куракинъ чрезъ рѣку многи запасы перепроводивъ во Брянескъ, и издоволи ихъ запасы всякими. Тойже воръ съ Литовскими людьми прейде на ту страну рѣки, на которой стояли ратные люди, и пріиде на нихъ, хотя ихъ побити; они же съ ними біющеся безпрестанно, и бою бывшу веліе, и разыдошась. Видячи же Воеводы на себя нашествіе, отоидоша отъ нихъ въ Карачевъ, а Брянескъ наполнишася всякими запасы, что ничѣмъ не скудны быша. Тотъ же воръ поиде за ними къ Карачеву, и видѣ, что въ Карачевѣ Воеводы укрѣпишася, пойде мимо Карачевъ къ городу къ Орлу. Орляне же его встрѣтоша; онъ же пріиде на Орелъ, началъ на Орлѣ зимовати.»

*Столяр.* л. 542 на об.: «И пришедъ съ Москвы къ Брянску на помочь Бояринъ Кн. Ив. Сем. Куракинъ, да Окольничей К. Вас. Ѳед. Литвиновъ Мосальской; а съ нимъ Московскіе люди, и Козличи и Мещане, и Карачевцы, и Болховичи, и иные городы.»

Беръ говоритъ, что въ сіе время находился въ Брянскѣ плѣнный Лифляндецъ Гансбергъ, начальствовавшій надъ сотнею Нѣмцевъ и уже два раза переходившій на сторону Самозванца, но опять принятый Шуйскимъ и прощенный имъ.

(175) *Собр. Гос. Грам.* II, 327. – Сія Грамота писана 27 Генваря 1608.

(176) Беръ: «Сей Димитрій приказалъ объявить во всѣхъ городахъ, чтобы крестьяне, коихъ господа служатъ Шуйскому, брали помѣстья въ свое владѣніе и женились на дочеряхъ господъ своихъ. Такимъ образомъ многіе слуги сдѣлались Боярами, а Бояре должны были въ Москвѣ терпѣть у Шуйскаго голодъ.»

(177) См. Нѣмцевича. Кобержицкій говоритъ о Рожинскомъ въ *Hist. Vlad.* 90: «Miechovitium, virum strenuum ac bellicosum, regendo prius exercitui præfectum, interfecit: post cruore æmuli, cui subesse nollet, madentem dexteram regimini admovit.»

Беръ пишетъ, что Князь Вишневецкій (Witzmanetzky) привелъ съ собою 2000, а Рожинскій 4000 конныхъ копейщиковъ.

(178) См. *Розряд. Кн.* л. 1000.

(179) См. выше, около примѣч. 158.

*Столяр.* л. 542: «Того жъ 116 году, послѣ своей радости Царь Вас. Ив. послалъ по зимнему пути на Сѣверскіе городы Бояръ своихъ и Воеводъ (наименованы: К. Дм. Шуйскій, К. Вас. Вас. Голицынъ, К. Бор. Мих. Лыковъ, Бояринъ Мих. Александр. Нагой) а съ ними посланы многіе ратные люди изо всѣхъ городовъ Дворяне и Дѣти Боярскіе, изъ Мещерскихъ городовъ Князи и Мурзы, и Татаровя.»

(180) Петрей, стран. 403.

(181) См. Т. XI, стран. 93.

(182) См. Авр. Палицына и *Хроногр. Ключарева.*

(183) Беръ пишетъ, что по причинѣ глубокихъ снѣговъ можно было нападать лишь на кормовщиковъ непріятельскихъ.

(184) См. Шведскаго Историка Видекинда, въ его Historia belli Sveco-Moscovitici decennalis, стран. 41.

(185) *Столяр.* л. 544: «Въ Переславлѣ Резанскомъ были Воеводы К. Ив. Ондр. Хованской, да Думной Дворянинъ Прокоѳ. Петровъ сынъ Ляпуновъ, а съ ними были Рязанцы всѣхъ становъ, да съ однимъ К. Ив. Ондреевичемъ было Арзамасцевъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ по списку лучшихъ людей 250 человѣкъ. И Переславля Резанскаго съ весны ходили Воеводы подъ Пронескъ, а Пронескъ былъ въ измѣнѣ, и у Пронска острогъ взяли и въ острогѣ дворы выжгли, и къ городу Пронску приступали и не много городу не взяли. Изъ города ранили изъ пищали Воеводу Прокоѳья Ляпунова по ногѣ, и отъ города Воеводы и ратные люди отошли прочь и пошли въ Переславль Резанской... И въ Переславлѣ, собрався съ ратными людьми Воевода К. Ив. Ондр. Хованской да въ Прокоѳьева мѣста братъ его Захаръ Ляпуновъ съ ратными людьми, съ Резанцы и съ Арзамасцы, пошли подъ городъ подъ Зараской. А въ городѣ въ Зараскомъ сидѣлъ Литовской Полковникъ Александро Лисовской, а съ нимъ Литовскіе ратные люди, и Черкасы, и Русскіе всякіе воры, и какъ Московскіе люди пришли подъ городъ подъ Зараской на поле, и Лисовской со всѣми людьми изъ города вышелъ на бой, и съ Резанцы и съ Арзамасцы былъ у него бой, и Резанцовъ и Арзамасцовъ побилъ и многихъ живыхъ поималъ, и Арзамасцовъ изъ Переславля Резанскова велѣно отпустить къ Москвѣ.»

*Никон. Лѣт.* 98: «Въ Переславлѣ въ Рязанскомъ слыша Воеводы, что Зарайской городъ Литовскіе люди взяли, и послаша подъ Зарайской городъ ратныхъ людей, Воевода съ ними бысть Захарей Ляпуновъ, и пріидоша подъ Зарайской городъ не промысломъ соцьяна. Лисовской же видѣ изъ Зарайсково, Московскихъ людей побилъ на голову и многихъ живыхъ поимали: единыхъ Арзамасцовъ убиша на томъ бою триста человѣкъ; трупы же ихъ Лисовской повелѣ въ одномъ сто въ яму, и сдѣла ту надъ ними для своей славы курганъ великій: той курганъ стоитъ и донынѣ.»

(186) *Столяр.* л. 545: «По веснѣ послѣ Николина дни.»

*Ник. Лѣт.* 95: «Онъ же (Дм. Шуйскій) стоялъ въ Болховѣ до весны; весною жъ поиде къ Орлу. Воръ же и Етманъ Ружинскій съ Литовскими людьми поиде противъ его, и сошдошася съ нимъ въ Суботный день, и начаша битися. Грѣхъ ради нашихъ Воевода въ Передовомъ Полку К. Василей Голицынъ исторопися, яко же убо и Большому полку начеше мятися, многіе же и побѣгоша въ Сторожевой Полкъ; стояще тому же К. Ивану Куракину съ тѣми ратными людьми, кои были подо Брянскимъ, и напусти своимъ полкомъ и ихъ отняли, Литовскіе же люди отоидоша прочь. Въ той же день побиша многихъ Московскихъ людей, Вахмистра Петра Микулаева со всею ротою съ Нѣмецкими людьми побиша; они же надъ собою многихъ Литовскихъ людей побиша.»

(187) См. Бера. Онъ говоритъ, что Нѣмецкіе начальники отправили 17 Апрѣля къ Лжедимитрію молодаго, неопытнаго Ротмистра Ламсдорфа, и нѣсколькихъ другихъ. «Сіи люди, продолжаетъ онъ, прежде того присягнули Шуйскому, находились въ службѣ его около двухъ лѣтъ, получили отъ него деньги, и о Самозванцѣ знали, что онъ не первый Димитрій!»

По словамъ Бера, первое сраженіе Лжедимитрія съ Царскимъ войскомъ было 23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, а второе Апрѣля 24, въ Воскресенье.

*Ник. Лѣт.* 96: «На завтрее жъ Литовскіе же люди поидоша на Московскіе полки, и соидошася съ ними и начаша битися; Бояре же похотѣша отъ нихъ отоити къ Болхову, и начаша отпускати нарядъ. Въ туже пору измѣни Кошириянинъ сынъ Боярской, Никита Лихаревъ, и сказа пришелъ вору, что Бояре отпускаютъ нарядъ назадъ, и сами хотятъ итти прочь. Воръ же и Етманъ, слышавъ то, и всѣми людьми напустиша на Московскихъ людей, и Московскихъ людей розогнаша, и нарядъ у нихъ поимали.»

(188) Въ *The Russian Impostor*, 143: «5000 of the Muscovites saved themselves in Bolchow.»

*Никон. Лѣт.* 96: «Бояре же и ратные люди побѣгоша къ Москвѣ, а иные по своимъ городомъ, а иные жъ сѣдоша въ Болховѣ; Бояре же пріидоша къ Москвѣ, и бысть на Москвѣ ужасть и скорбь велія... Тогда же воръ и Гетманъ пріиде къ Болхову, и градъ Болговъ осади, многіе же изъ Болхова утекоша; а иные Дворяня Болховъ сдаша и крестъ ему цѣловаша; онъ же съ ними поиде, и пріиде близко Луги, и ста на устъ Угры.»

*Столяр.* л. 545: «А въ Болховѣ былъ Воевода К. Третьякъ Княжь Ѳедоровъ сынъ Сѣитовъ, и Болховъ вору сдался, и К. Третьякъ Сѣитовъ, и Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе служилые люди ему крестъ цѣловали, и воръ съ Литовскими и съ Русскими измѣнники пошелъ на Колугу подъ Москву, а К. Третьякъ Сѣитовъ съ Дворяны и Дѣтьми Боярскими шелъ съ нимъ собою своимъ полкомъ напередъ его и ставися особно.»

(189) См. Бера. Въ Москвѣ говорили, что Лжедимитрій по глазамъ узнаетъ виновнаго. Нѣкто изъ черни, услышавъ сіе, вскричалъ: «я погибъ, если онъ меня увидитъ: симъ ножемъ зарѣзалъ я пять человѣкъ его Поляковъ.»

(190) *Ник. Лѣт.* 96: «Дворяне же и Дѣти Боярскіе, слышаше такія настоящія бѣды, покиня свои домы съ женами и съ дѣтьми, пріидоша къ Москвѣ. Тѣ же Дворяне и Дѣти Боярскіе, кои взяты въ Болховѣ, видячи такую вражу прелесть, побѣгоша всѣ отъ него къ Москвѣ, Царь же Василей ихъ пожаловалъ.»

*Столяр.* л. 545 на об., о Князѣ Третьякѣ Сеитовѣ: «И съ Угры рѣки отъ вора отъѣхали, и пріѣхали къ Москвѣ къ Царю Василью.»

(191) См. о немъ выше, стран. 32 и 33, гдѣ сказано о бѣгствѣ его изъ-подъ Кромъ; также въ прим. 58.

(192) *Ник. Лѣт.* 97: «Посла Царь Василей противъ вора Боярина Кн. Мих. Вас. Шуйсково-Скопина, да Ив. Никит. Романова. Они же пріидоша на рѣчку на Незнань, и начаша посылать отъ себя посылки; воръ же поиде подъ Москву не тою дорогою; въ полкахъ же нача быти шатость: хотяху Царю Василью измѣнити К. Ив. Катыревъ, да К. Юрій Трубецкой, да К. Ив. Троекуровъ и иные съ ними. Царь же Василей то ихъ умышленіе свѣдалъ, и ихъ повелѣ переимати, и приведоша ихъ къ Москвѣ; К. Михаилу же Васильевичу съ ратными людьми Царь Василей повелѣ итти къ Москвѣ, а тѣхъ, кои ему хотѣли измѣнить, на Москвѣ пыталъ, К. Ив. Катырева сослалъ въ Сибирь, а К. Юрья Трубецкого сосла въ Тотму, К. Ив. Троекурова сосла въ Нижней Новгородъ, и повелѣ ихъ посадити по тюрьмамъ; тѣхъ же, кои съ ними поиманы, Якова Желябовского да Юрья Нѣвтева Григорьева сына Толстово и иныхъ съ ними на Москвѣ казнилъ.»

(193) См. Бера. — *Столяр.* л. 545 на об.: «А воръ съ Литовскими людьми и съ Русскими измѣнники, со многими людьми пришелъ подъ Москву, и сталъ табары по Волоцкой дорогѣ, въ Троицкомъ селѣ въ Тушинѣ, отъ Москвы 12 верстъ, и около табаръ укрѣпили крѣпость, выкопали ровъ.»

(194) Беръ, и за нимъ Петрей.

(195) По сказанію Бера, съ Лжедимитріемъ было всего войска 100 тысячь.

Нѣмцев. *Dz. Pan. Zygm. III.* (II, 328) послѣ исчисленія всѣхъ конныхъ и пѣхотныхъ Польскихъ дружинъ: «Такимъ образомъ у Самозванца считалось 7000 отборнаго войска. Сіе число увеличилось присоединеніемъ Заруцкаго съ 8000 Донскихъ и Запорожскихъ Козаковъ. Достальную рать составляли Русскіе, иные легковѣрные, но приверженные къ крови Царской, другіе недовольные Шуйскимъ, иные наконецъ лишь по любви къ своевольству и корысти.»

См. также Машкѣвича.

(196) *The Russ. Impost.* 143: «Confident, upon the stock of his last signal Victory, that the Citizens upon his approach would quit Zuiski, and receive him into their Town.»

(197) См. *Латух. Степ. Кн.*

*Ник. Лѣт.* 97: «А изъ Тушина пошедъ, ста въ Танинскомъ, и въ Танинскомъ бысть отъ Московскихъ людей утѣсненіе на дорогахъ, и начаша многихъ побивати и съ запасы къ нему не пропущаху. Онъ же, видя надъ собою тѣсноту, поиде изъ Танинсково назадъ въ Тушино, и въ той день бывшу бою съ ними велію, града Олескина убиша на томъ бою тридцати трехъ человѣкъ; самъ же воръ, отшедъ, ста въ Тушинѣ, и начатъ тутъ табары строити, Бояре жъ шедъ, ста на Ходынкѣ.»

*Филар. Рукоп.*: «На утріе же Гетманъ Князь Романъ Руженскій, разъѣздивъ и оглядавъ мѣсто и видѣвъ, яко угодно бѣ мѣсто на стояніе воинству, и повелѣ обозами утвердити и рвы копати.»

(198) Въ Больш. Полку: К. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій, Ив. Ник. Романовъ-Кашкинъ и К. Вас. Ѳед. Литвиновъ-Мосальскій; въ Перед. Полку: К. Ив. Мих. Воротынскій и К. Гр. Петр. Ромодановскій; въ Сторожевомъ: К. Ив. Бор. Канбулатовъ-Черкасскій и Ѳед. Вас. Головинъ. См. *Разр. Кн.*

*Столяр.* л. 546: «И Царь Василей Иван. всея Русіи съ Москвы вышелъ самъ со всѣми своими Бояры и Окольничими и Думными Дьяки и Розряды и со всѣми ратными людьми и съ огненнымъ боемъ, и сталъ на Ваганковѣ, и около становъ откопанъ ровъ, и по рву стояли Стрѣльцы и Казаки съ огненнымъ боемъ и съ пушками.»

*Филар. Рукоп.*: «Пойде со многимъ воинствомъ изъ царствующаго града Москвы и ста на рѣчкѣ, глаголемой Прѣснѣ, двѣ версты отъ царствующаго града Москвы, а воинству своему повелѣ стати близъ полковъ Литовскихъ, на рѣчкѣ, глаголемой Ходынкѣ, яко быша межь обою воинствами посредство имѣютъ шесть верстъ. И Царевы Воеводы шатры поставиша, и тако стояше четыренадесять дней, а брани не бысть ни единыя.»

(199) См. *Разр. Кн.* л. 1005.

(200) См. *Дипломъ. Собр. дѣлъ*, Бантыша-Каменскаго. Свита сихъ Пословъ состояла изъ 314 человѣкъ. Въ Смоленскъ прибыли они въ началѣ Августа 1607 года, а въ Москву 12 Октября; 10 Ноября допущены къ Царю.

(201) Б. Камен. I, 391: «Послѣ многихъ настояній, *а паче для радости женившагося тогда Государя*, едва 28 Генв. (1608) дозволено Посламъ, а 6 Февраля и всѣмъ четыремъ Посланнымъ явиться къ Государю на аудіенцію и имѣть общіе совѣты съ Боярами.»

(202) См. Паерле. — Щербатовъ (Т. VII, 219) пишетъ, что Апрѣля 11 числа принесено къ Царю письмо на Греческомъ языкѣ отъ неизвѣстнаго человѣка; онымъ увѣдомляли его, что прибывшіе Послы не имѣютъ никакой власти и желаютъ только освободить Мнишка и другихъ Пановъ. Сіе обстоятельство затруднило Царя въ дозволеніи Воеводѣ Сендомирскому видѣться съ Послами. Щербатовъ ссылается на *Дѣла Польскія* 7116 (1608) г. хранящіяся въ Московск. Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ связкѣ подъ No 1.

(203) *Ник. Лѣт.* 97: «Присылаша ко Царю Василью къ Москвѣ изъ Тушина отъ Гетмана отъ Ружинсково посланники о Послахъ, кои насажены на Москвѣ. Они же злодѣи и приходиша не для Пословъ, но разсматривати, какъ рать стоитъ на Ходынкѣ.»

(204) Сіе слово было поводомъ къ спору, ибо Поляки не хотѣли признавать перваго (Отрепьева) Лжедимитріемъ. Въ Перемирн. Грам. сказано: «которые Польскіе и Литовскіе люди, и К. Романъ Ружинской и Вишневецкой и иные, вторгнулись въ нашу землю, и Королю промышляти, чтобы тѣ люди вернулись (и Лисовской).» См. *Дѣл. Польск.* No. 27.

(205) См. *Дѣл. Польск.* и *Дипл. Собран.* Бантыша-Каменскаго.

(206) См. Бера. За нимъ Петрей: «Weil Sie also in der Wagenburgk versperret lagen, kondten die Polen an ihnen nichts haffen, wie gern Sie auch wolten ihnen in die Haare kommen, es wolte ihnen aber nicht glücken, biß S. Johannis Nacht herzu kam, da Sie ungewarneter weise von den Polen im Schlaffe

seynd uberraschet und auffgewecket, daß ihrer viel liegen blieben, und sollen noch auffstehen.» По сему сраженіе было 24 Іюня.

*Ник. Лѣт.* 98: «Въ той же день вмѣстися на Москвѣ слово, что будто съ Посланники съ Литовскими помирихомся; людіе жь на то слово исплошаша, и начаша нощи тѣ спати просто и стражи пооплошахусь. Тѣ же Литовскіе люди и Русскіе воры той же нощи пріидоша на полки Русскіе, и ихъ побиша и кони всѣ поимаша, и бѣжаша всѣ, едва образумляхуся подъ городомъ, и обратиша вся на нихъ, и начаша съ ними битися, и ихъ столкнуша, и гоняху ихъ до рѣчки до Ходынки, и побиваху ихъ на пяти верстахъ, едва въ таборахъ устояху: такой оторопъ на нихъ пріиде; Бояре же пріидоша и сташа подъ Москвою, и кругомъ себя поставиша обозъ.»

*Столяр.* л. 548: «Изъ Тушина пришли въ почи на утренной зарѣ *на Субботу* на Московскіе полки на сонные люди: исправитца противъ ихъ не успѣли, и полки розгоняли, прибѣжали къ Деревянному городу, многихъ побили, и шатры и всякую служилую рухлядь и запасы поимали; а Московскіе всякіе промышленые люди были со всякимъ съѣснымъ харчемъ, и тѣхъ многихъ побили жь, и Царя Васильева Полку ратные люди, Головы съ сотнями посланы на помочь, а въ ертаулѣ съ сотнями Васил. Ив. Бутурлинъ и Ближніе Люди и Стольники и Стряпчіе и Жильцы посланы на бой, и съ Литвою бились, и Литву гоняли до рѣчки до Химки и побили, и языки поимали.»

(207) Сія любопытная Грамота, отъ Россійскихъ Бояръ въ Тушино къ Рожинскому и товарищамъ его, послана 16 Авг. за печатію Князя Ѳед. Ив. Мстиславскаго. Списокъ ея находится въ одной древней рукописи, принадлежавшей покойному Графу Н. П. Румянцеву. Въ ней сказано: «Назвали есте иного вора Царевичемъ Димитріемъ, не устрамляяся своего Рыцарскаго чина и не разумѣвая такова позору, что негодно храбрымъ людемъ у безъименныхъ въ подданствѣ быти и свое дородство безславіемъ покрывати... То дѣло будетъ и доброе, какъ ты Князь Романъ Руженской со всѣми съ Ротмистры и Полковники и со всѣми Польскими и Литовскими людьми того вора, которой дерзнулся назвать Царскимъименемъ, изымавъ, пришлешь къ Государю нашему Царю... А вамъ то вѣдомо, что Государь нашъ съ Королемъ Литовскимъ помирился, и Послы и Посланники Королевскою душею за всю Польскую и Литовскую землю крестъ цѣловали и миръ закрѣпили, и закрѣпя мирное поставленіе, Государь нашъ Пословъ и Сендомирскаго со всѣми людьми въ Литву отпустилъ, и вамъ бы, всякіе суетные помыслы отставя, никакихъ причинъ не затѣвая и не нарушая мирнаго постановленія и крестнаго цѣлованія межь великихъ Государствъ, скорѣе изъ земли Государя нашего итти въ свою землю, не дожидаяся на себя за свои такія неправды Божія гнѣва, отъ Его жь руки нигдѣ укрытися можете,» и проч.

(208) Беръ: «Въ семъ мѣсяцѣ (Іюнѣ) прибылъ изъ Литвы Іоаннъ Петръ Павелъ Сапѣга (Sappia) съ 7000 конныхъ копейщиковъ.

Онъ пріѣхалъ вѣроятно послѣ переговоровъ: ибо въ оныхъ объ немъ не упоминали. См. *Дѣл. Польск.* No. 27.

(209) Беръ пишетъ, что Сапѣга, превозносл однажды за столомъ Польскую храбрость, отдавая ей первенство предъ Римскою (quod Romani non essent maiores, imo minores), между прочимъ сказалъ: «Мы, Поляки, за три года предъ симъ возвели на Московскій престолъ Царя, подъ именемъ сына Іоанна Грознаго, чѣмъ онъ никогда не былъ; теперь опять творимъ Царя и уже завоевали для него почти половину Государства. Пусть Русскіе бѣсятся; но онъ долженъ называться Димитріемъ. Мы сдѣлали сіе нашими силами, нашею вооруженною рукою! (nostris viribus, nostra armata manu id fecimus!)» — Я самъ слышалъ сіи слова, присовокупляетъ Беръ.

Нѣмцевичь о Сапѣгѣ: «Никто проницательнѣе не наблюдалъ движеній непріятеля; никто не умѣлъ искуснѣе пользоваться ошибками противниковъ... но увы! онъ вездѣ жегъ и грабилъ.» (*Dz. Pan. Zygm. III*, II, 334).

(210) *Ник. Лѣт.* 100: «Пріиде въ Тушино Полковникъ Сопега и иные съ нимъ Полковники и Рохмисты, и пріидоша подъ Москву, и бою бывшу подъ Москвою велію съ ними, они же отъидоша въ Тушино, и собрався въ Тушинѣ, пойдоша подъ Троицкой Сергіевъ монастырь.»

(211) *Ник. Лѣт.* 100: «Туто же на Москвѣ еще измѣнники сговоришась съ Гасевскимъ Паномъ, какъ бы Московское Государство погубити.»

(212) *Стол.* л. 549: «Лисовской Панъ пришелъ подъ Коломну и Коломну взялъ, Епископа Коломенского взялъ, и пошелъ подъ Москву съ Литовскими людьми и со многими Рускими воры, и собралося съ нимъ съ тридцать тысячъ Рускихъ Украинныхъ людей, и нарядъ съ собою взялъ.»

*Ник. Лѣт.* 99: «И Владыку Коломенского Іосифа и Боярина Князя Володимера Долгорукого взяша въ полонъ.»

(213) *Стол.* л. 549: «И Царь Вас. Ив. изъ-подъ Москвы послалъ противъ Лисовского Бояръ своихъ и Воеводъ на три Полки. Въ Большомъ Полку Бояр. К. Ив. Сем. Куракинъ, да Григ. Григ. Пушкинъ Сулемша; въ Передовомъ Полку: Бояр. К. Бор. Мих. Лыковъ, да К. Григ. Конст. Волконской; въ Сторожевомъ Полку: Чашникъ Вас. Ив. Бутурлинъ, да К. Ѳед. Ив. Волконской Меринъ, а съ ними многіе ратные люди, и съ Лисовскимъ сошлися по Коломенской дорогѣ на Медвѣжьемъ броду (въ *Розр.* No. 101: на Медвѣжьемъ пруду), и Лисовского побили и живыхъ въ языцѣхъ многихъ Литву и Рускихъ воровъ поимали и нарядъ взяли, а Лисовской съ достальными людьми ушелъ, и пришелъ къ вору въ Тушино. А Коломна по прежнему за Царемъ Василіемъ, и на Коломну ратныхъ людей прибавлено и осада укрѣплена.»

*Ник. Лѣт.* 99: «И бой бысть съ ними чрезъ весь день... и Владыку Коломенского и Боярина К. Волод. Тимоѳ. и Протопопа Зарайсково Николы отбиша... Царь же Василей Владыку отпусти на Коломну, да съ ними посла Воеводъ Ив. Матѳ. Бутурлина, да Сем. Матѳ. Глебова, и повелѣ имъ крѣпити осаду, и запасати запасы всякіе.»

(214) См. Нѣмцевича *Dz. Pan. Zygm. III*, T. II, стр. 334.

Слова Сапѣги къ воинамъ находятся въ Берѣ.

*Столяр.* л. 548 на обор.: «Изъ Москвы на Гетмана посланы: въ Большемъ Полку посланъ Бояринъ К. Ив. Ив. Шуйской, въ Передовомъ Полку Окольничій К. Гр. Петр. Ромодановскій, да Ѳед. Вас. Головинъ въ Сторожевомъ Полку, а съ ними многіе ратные люди, и у Воеводъ съ Гетманомъ былъ бой подъ Рахманцовымъ, и Литовскіе люди Московскихъ людей розгоняли и гоняли на 15 верстъ, и многихъ побили и живыхъ поимали, и послѣ того розгрому и бою многихъ городовъ Дворяня и Дѣти Боярскіе, Новгородцы и Псковскіе и Заволскихъ городовъ поѣхали съ Москвы по домомъ.»

*Ник. Лѣт.* 101: «Литовскіе люди, пришедъ, сташа въ селѣ Здвиженскомъ отъ Троицы за десять верстъ, а Бояре пріидоша на рѣчку на Талицу. Литовскіе же люди, видя, что идутъ за

ними Московскіе ратные люди, и всрѣтоша ихъ въ деревнѣ Рахманцовѣ, и бывшу ту бою велику, многихъ Литовскихъ людей побиша и поимаша; послѣднихъ же на Пустомъ тако ихъ побили, яко и нарядъ у нихъ поимали. Той же Полковникъ Сапѣга, съ послѣдними людьми съ двѣмя ротами, напусти на Московскихъ людей; Московскіе жь люди отъ нихъ отхожаху, начаху себѣ помочи изъ полковъ. Грѣхъ же ради нашихъ Сторожевому Полку Ѳедору Головину со всѣмъ Полкомъ дрогнувшу, яко и Большово Полку половину смялъ; Литовскіе жь люди, видя надъ православными Христіаны гнѣвъ Божій, начаша ихъ побивать, и побиша многихъ людей и живыхъ поимаша на томъ же бою многихъ. Храбрость и дородство показалъ Бояринъ и Воевода Передовово Полку К. Григ. Петр. Ромодановской, туто же у нево и сына ево убиша К. Андрея; Бояре жь пріидоша къ Москвѣ не съ великими людьми, а ратные люди къ Москвѣ не пошли, разыдошася вси по своимъ домомъ.»

(215) См. выше, въ примѣч. 214, и Нѣмцев. *D. P. Z. III*, Т. II, 335.

(216) См. выше въ семъ Томѣ, стр. 51.

(217) *Ник. Лѣт.* (стр. 100) говоритъ, что Лжедимитрій «посла напередъ, и повелѣ Сердомирсково съ дочерью и Пословъ поворотить въ таборы К. Василья Масальсково; той же К. Василей перенялъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ,» и проч. Но въ письмѣ Лжедимитрія, посланномъ къ Сендомирскому Воеводѣ 22 Авг. 1608 г. не упоминается о Мосальскомъ. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 336.

(218) *Ник. Лѣт.* 100: «Послы жъ не послушали, пошли въ Литву прямо, а той же Воевода Сердомирской и (съ) своею дочерью воротился въ Тушино; ратные жь люди, кои проводили, розъѣхались ко себѣ, а Князь Володимеръ не съ великими людьми пріиде къ Москвѣ.»

Объ Олесницкомъ, см. *Дѣла Польск.* No. 30, л. 97: «А пришелъ ты, Миколай (Олесницкій), и Воевода Сендомирской съ сыномъ и съ дочерью и съ своими пріятели къ вору, которого называли въ тѣ поры въ Ростригино мѣсто . . . съ Ружинскимъ и съ Вишневецкимъ и съ иными Паны всякіе злые дѣла хотячи . . . учинити . . . И укрѣпя ты ихъ Ружинского и Вишневецкого и Воеводу на всякіе злые дѣла . . . и взявъ у нихъ Русскихъ людей, которые у нихъ въ полону, и нарядъ и многіе грабежные животы, пошолъ къ себѣ въ Полшу воинскимъ обычаемъ. Да ты жь, будучи въ Тушинѣ, отъ вора взялъ себѣ въ имѣнье Московского Государства городъ Бѣлую, и грамоту вора на Бѣлую взялъ. . . А былъ (ты) въ тѣ поры въ большихъ Послѣхъ.» Изъ сего видно, что Олесницкій уѣхалъ въ Литву прежде Мнишка.

(219) См. Бера.

(220) Беръ: «Положили, чтобы Воевода отправился въ Польшу, а Царица осталась въ станѣ втораго Димитрія, мнимаго супруга ея, не вступая съ нимъ въ брачный союзъ, пока онъ не овладѣетъ Москвою.»

(221) См. Бера. Сей новый Самозванецъ, надменный своими успѣхами, сочинилъ для себя слѣдующій пышный титулъ: «Мы, Дим. Ив. Царь Московскій, Самодержецъ всѣхъ Княжествъ Русскихъ, единый Богомъ данный и избранный, Богомъ хранимый, Богомъ помазанный и возвеличенный надъ прочими Царями, подобный второму Израилю, ведомый силою Всевышняго, единый Царь Христіанскій отъ Востокъ до Западъ, и многихъ Государствъ повелитель.» См. Бера и Петрея, стр. 425.

(222) Тамъ же. — *Столяр. л.* 548: «И послѣ того бою (на Ходынкѣ) учали съ Москвы въ Тушино отъѣзжать Стольники и Стряпчіе, и Дворяня Московскіе и Жильцы и городовые Дворяня, и Дѣти Боярскіе и Подьячіе и всякіе люди. А отъѣхали съ Москвы въ Тушино Стольники, К. Дмитр. Тимоѳ. Трубецкой, К. Дмитр. Мамстрюковичь Черкасской, К. Алексѣй Юрьевичь Сицкой, Михайло Бутурлинъ, К. Иванъ да К. Семенъ Засѣкины, и многіе Стольники и Стряпчіе, а изъ Посольского Приказу отъѣхалъ первой Подьячій Петръ Алексѣевъ сынъ Третьяковъ, да съ нимъ два Подьячихъ,» и проч. — О Дьякѣ Иванѣ Грамотинѣ см. *Ник. Лѣт.*

(223) Такъ пишутъ иностранные Историки, Беръ и Петрей (стр. 410: Fürst Wasili Mosalskow); по словамъ ихъ Мосальскій, пріѣхавъ къ Лжедимитрію и удостовѣрясь въ обманѣ, возвратился въ Москву, гдѣ объявилъ всенародно, что онъ не Димитрій, а новый воръ, обманщикъ и измѣнникъ (newer Dieb, Betrieger und Verrähter). О семъ возвращеніи Мосальскаго не упоминаютъ Русскіе Лѣтописцы. См. *Ник. Лѣт.* 128.

(224) *Ник. Лѣт.* 100, (выше въ примѣч. 218). О томъ же *Столяр. л.* 549.

(225) *Столяр. л.* 549: «А зарѣчныхъ Украинныхъ городовъ Дворяня и Дѣти Боярскіе, которые въ воровствѣ не были, а служили Царю Василью и жили на Москвѣ съ женами и дѣтьми, и тѣ всѣ съ Москвы не поѣхали, и сидѣли въ осадѣ, и Царю Василью служили, съ Поляки и съ Литвою и съ Русскими воры билися, не щадя живота своего, нужу и голодъ въ осадѣ терпѣли.»

(226) *Сказаніе Аврам. Палицына*, 58: «Царь посла тогда къ западнымъ и полуночнымъ странамъ, въ Датскую землю, и въ Аглинскую, и въ Свійскую, о обидѣ своей на Польскаго Короля и на вся измѣнники съ ложнымъ ихъ царемъ, помощи на нихъ прося.» — О сношеніяхъ съ Императоромъ Рудольфомъ, см. *Дѣл. Пол.* No. 27, л. 42.

(227) *Ник. Лѣт.* 101: «Царь же Василей, видя на себя гнѣвъ Божій и на все православное Христіанство, нача осаду крѣпити и говорити ратнымъ людемъ, кто хочетъ сидѣть въ Московскомъ Государствѣ, и тѣ цѣловали (бы) крестъ, и не похотятъ въ осадѣ сидѣть, ѣхали бъ изъ Москвы не бѣгомъ: всѣ жъ начаша крестъ цѣловати, но хотяху вси померетъ за домъ Преч. Богородицы въ Москов. Государствѣ, и поцѣловали крестъ. На завтрее жь и на третій день и въ иные дни многіе, не помня крестнаго цѣлованія и обѣщанія своего къ Богу, отъѣзжали къ вору въ Тушино Боярскіе Дѣти, Стольники, и Стряпчіе и Дворяня Московскіе, и Жильцы, и Дьяки и Подьячіе.»

(228) Тамъ же, 102: «Царь же, видя такую неправду, выйде и самъ въ Москву со всею ратью.» Вступленіе въ Москву должно было послѣдовать не прежде Декабря: ибо 30 Ноября Царь находился еще въ станѣ, на Вологодской дорогѣ (или, вѣроятнѣе, на *Волоцкой*, какъ сказано въ другой грамотѣ), и писалъ оттуда увѣщаніе Галицкимъ жителямъ. (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 342 и 346) — Въ *Розр. Кн.* также: «Съ Николина дни велѣлъ полкомъ всѣмъ войтить въ городъ.»

(229) Въ *Розр. Кн.*: «Больш. Полкъ у Тверскихъ воротъ; Передов. П. у Петров. воротъ; Сторожев. П. у Арбацк. воротъ, а Государевъ П. стоялъ у Никицк. воротъ. А на Воганковѣ отъ Госуд. П. стояла застава Григорей Волуевъ. А послѣ Григорья Юр. Булгаковъ, а послѣ Юрья К. Ѳед. Коркодиновъ. Въ Больш. Полку были тогда К. Ив. Ив. Шуйскій и Ив. Ник. Романовъ; въ Передовомъ К. Ив. Мих. Воротынскій и Мих. Ѳед. Нагой: въ Сторож.: К. Ив. Бор. Черкасскій и К. Миронъ Шаховскій, а въ Госуд.: К. Дан. Ив. Мезецкій. См. тамъ же.

(230) Слова Патріарха къ Царю Василію, въ Филаретовой Рукописи: «Глаголетъ Господь Проро-

комъ; «Азъ возведохъ тя, Царя правды, и пріяхъ тя за руку десную, и крѣпихъ тя, и престолъ твой правдою и крѣпостію и судомъ истиннымъ совершенъ да будетъ... Есть воля Божія благочестивымъ Велителемъ безумныхъ человѣкъ обуздывати... Благодать Божія и тебе да спасетъ и избавитъ отъ лукаваго многоплетенныхъ сѣтей, яко же въ первые дни спасе праведныхъ своихъ, Еноха отъ прелести совѣта исполинска, и Ноя отъ вселенскаго потопа, и Авраама и Сарру жену его отъ Ефрофа (?) Царя, сына Хеттеева, и Лота отъ Содомлянъ, и Моисея отъ Фараона, и Давида отъ Саула, и Іону отъ кита, такожь и ты, Великій Государь, буди богоспасаемъ и соблюдаемъ отъ таковаго злаго совѣта. Господь тебѣ, Велик. Государю, способствуетъ угодная себѣ творити и враговъ своихъ побѣждати за ихъ злокозненное похищреніе.»

(231) Беръ говоритъ о двухъ переметчикахъ, Гансѣ Шнейдерѣ, Лифляндцѣ, и Гансѣ Генрихѣ Канельсенѣ, уроженцѣ Австрійскомъ, присовокупляя, что послѣдній изъ нихъ былъ уже въ Турціи Мусульманиномъ, а послѣ опять жилъ въ Германіи; наконецъ прибылъ въ Москву при Годуновѣ и *перекрестился* въ Греческую вѣру, *отрекшись Бога, Котораго съ дѣтства исповѣдывалъ и обязавшись поклоняться Русскому Богу Николаю.* «Сей человѣкъ перебѣгалъ, то къ Шуйскому, то къ Димитрію, до трехъ разъ, и Русскіе вѣрили еще сему перекрещенцу (Doppel-Christen)!»

(232) См. ниже, въ примѣч. 233.

(233) *Сказ. Аврам. Палицына*, стр. 31 и 32: «На единой трапезѣ сѣдяще въ пиршествахъ въ царствующемъ градѣ, по веселіи же убо овіи въ Царскія полаты, овіи же въ Тушинскіе табары прескакаху. И раздѣлишася на двое вси человѣцы, вси же мысляще лукавнѣ о себѣ: аще убо взята будетъ Москва, то тамо отцы наши, и братія, и родъ, и друзи, тіи насъ соблюдутъ; аще ли мы одолѣемъ, то такоже мы имъ заступницы будемъ. Польскіе же и Литовскіе люди и воры Казаки тѣмъ *перелетомъ* ни въ чемъ не вѣроваху: тако бо тѣхъ тогда нарицаху.»

Тамъ же, 36 и 37: «Царемъ же играху, яко дѣтищемъ, и всякъ выше мѣры своея жалованія хотяше; мнози же *таинницы* нарицаемы и цѣловавше крестъ Господень, ко врагомъ прилагахуся, и въ Тушинѣ бывше, тамо крестъ же Господень цѣловавше, и жалованіе у врага Божія взявше, и вспять къ царствующему граду возвращахуся, и паки у Царя Василія больши прежняго почесть и имѣнія и дары восприимаху, и паки къ вору отъѣзжаху. Мнози же тако мятуще всѣмъ Россійскимъ Государствомъ, не дважды кто, но и пять кратъ и десять въ Тушино и къ Москвѣ переѣзжаху; недостатки же въ Тушинѣ потребъ тѣлесныхъ, или пищъ и одеждъ и оружій бранныхъ и лекарственныхъ всякихъ зелій, и соль, тая вся, отай уклоняющеся, кривопутствомъ измѣнницы отъ царствующаго града Москвы наполняху измѣнничья станища въ Тушинѣ, и радующеся окаянніи восприятію прикупъ многаго сребра, конца же вещи не разсуждающе... Мнози истинно вѣдяше отъѣздъ измѣнниковъ, и всякіе промыслы къ вору и къ Полякомъ, но не возвѣщаху на нихъ Царю, ни Вельможамъ, а иже возвѣщающіи о семъ, тѣхъ клеветники и шепотники нарицающе.»

(234) См. Томъ XI, 92 и 103.

(235) Палицын. 37: «Царь многажды убиваше повинныхъ, съ ними же и неповинныхъ и не согрѣшшихъ смертну суду предаваше: смущены бо быша первоначальствующіи Державы его къ нему, и двоемысленъ къ нимъ разумъ имѣяше, и многимъ вѣряше не на лицѣ, ни на тѣлеси, но на языцѣ службу носящимъ; наипаче же на всѣхъ на насъ Апостольское слово сбыстся: яко же не искусища Бога имѣти въ разумѣ, того ради предастъ ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная. Мнози бо тогда окаянніи о Царѣ Василіи дѣюще и глаголюще неподобная, ихъ же нѣсть возможно описати или глаголати.»

Тамъ же, 56: «Москва сихъ ради измѣны вся колеблется, но искусившися отъ Гриши и отъ Петруши, и того вора не пріемлютъ.»

(236) См. *Слов. Геогр. Росс. Гос.* Ч. V, подъ словомъ *Святотроицк. Сергіева Лавра*, стр. 805; также *Истор. Рос. Щербатова*, Т. VII, 286. Ограда построена за 20 лѣтъ до осады.

См. также *Кратк. Историч. описаніе Св. Троицк. Сергіевой Лавры, соч. Митроп. Платономъ:* «Каменная ограда съ постановленными въ пристойныхъ мѣстахъ осмью великими башнями, простирающаяся вокругъ на 642 саженяхъ, вышиною въ 4 сажени, а индѣ саженей до 6 и до 7 и болѣе; толщиною въ 3 сажени, а индѣ и болѣе.»

(237) См. *Палиц.* 59 и 60.

(338) См. тамъ же: «Доколѣ стужаютъ великому твоему благородству *граворонове* сіи, возгнѣздившіеся во гробъ каменный, и докуда сѣдатые пакостуютъ намъ повсюду?» и проч.

(239) Тамъ же, 59.

(240) Подъ Рахманцовымъ. См. выше, стр. 53, примѣч. 214.

(241) Палиц. 61: «Сентября въ 23 день, въ Зачатіе Честн. и славн. Прор. и Предт. Крестителя Господня Іоанна, пріиде подъ Троицк. Серг. монастырь Литовск. Гетм. Петръ Сапѣга и Панъ Александръ Лисовской,» и проч. — Тамъ же, 85: «А Пановъ *Ратныхъ* (Радныхъ) съ Сапѣгою Князь Костянтинъ Вишневецкой, да четыре брата Тишкевичи, Панъ Талиской (Talipski), Панъ Велемоской, Панъ Козоновской, Панъ Костовской, и иныхъ 20 Пановъ, а Ротмистровъ, Сума, Будило, Стрѣла, и иныхъ 30 Ротмистровъ, а воинскихъ людей съ Сапѣгою Польскіе и Литовскіе люди, Желныри, и Подолскіе люди, Гусаре, Рускіе, Прусскіе, Жемоцкіе, Мазовецкіе, а съ Лисовскимъ Дворяня и Дѣти Боярскіе многихъ разныхъ городовъ, Татарове многіе, Черкасы, Запорожскіе Казаки, Донскіе, Волскіе, Сѣверскіе, Астраханскіе, и всего войска съ Сапѣгою и съ Лисовскимъ до 30 тысячь, кромѣ черни и полоненниковъ.»

(242) Тамъ же, 62.

(243) Тамъ же, 63 и 64: «Празднику свѣтло торжествуему память Пр. Отца нашего Сергія Чудотворца, Сентября въ 25 день; и бѣ тоя нощи ничто же ино отъ градскихъ людей слышати, развѣ воздыханіе и плачь: понеже отъ окольныхъ странъ мнози прибѣгше, и мнѣвше яко вскорѣ преминется великая сія бѣда, и толика тѣснота бысть во Обители, яко не бѣ мѣста праздна. Мнози же человѣцы безъ покрова суще, и расхищаху всяка древеса и каменіе на созданіе кущамъ: понеже осени время наста, и зимѣ приближающися, и другъ друга рѣюще о вещи пометнѣй, и всякихъ потребъ неимущимъ и всѣмъ изнемогающимъ, и жены чада раждаху предъ всѣми человѣки, и не бѣ никому со срамотою своею нигдѣ же скрытися, и всяко богатство небрегомо, и татьми некрадомо, и всякъ смерти прося со слезами. И аще бы кто и каменно сердце имѣлъ, и той, видя сія тѣсноты и напасти, восплакался бы.»

(244) Палиц. 65: «Всенощному же славословію и молебномъ совершившимся и абіе собравшимся множеству народу, и совѣтомъ начальникъ и всѣхъ людей крестное цѣлованіе бысть, что сидѣти въ осадѣ безъ измѣны.»

(245) Тамъ же, 59: «Народъ во Обители къ мукамъ уготовляется: трапеза бо кровопролитная всѣмъ представляется и чаша смертная всѣмъ наливается.»

(246) Тамъ же, 67 — 70. Въ отвѣтѣ сказано: «Да вѣсть ваше темное державство, гордіи начальницы, Сапѣга и Лисовской, и прочая ваша дружина, вскую насъ прельщаете Христово стадо православныхъ Христіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ Христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, а о нихъ же есте къ намъ писасте, мы сія пріемше, оплевахомъ. Кая бо польза человѣку возлюбити тму паче свѣта, и проч... Но ниже всего міра не хощемъ богатства противу своего крестнаго цѣлованія.»

(247) Палицынъ подробно описываетъ расположеніе сихъ туровъ (стр. 72): «Первые за прудомъ на Волкушѣ горѣ, другіе за прудомъ же подлѣ Московской дороги, третіи за прудомъ же на Терентьевской рощѣ, четвертые на Крутой горѣ противъ мельницы, пятые туры поставили на Красной горѣ противъ Водяныя башни, шестые на Красной же горѣ противъ погребовъ и пивнаго двора и келаревыхъ келей, седьмые по Красной же горѣ противъ келарскія и казенныхъ полатъ, осмые изъ рощи на Красной же горѣ противъ Плотнишныя башни, девятые туры поставили на Красной же горѣ возлѣ Глиннянаго врага противъ башни Конюшенныхъ воротъ, и подлѣ туровъ ископаша ровъ великъ изъ рощи отъ Келарева пруда и до Глиннянаго врага и валъ высокъ насыпали, и по за тому валу конные и пѣшіе люди ходяще.»

Щербатовъ (см. его Истор. XV, 295) повѣрялъ сіе описаніе съ планомъ монастыря, сдѣланнымъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и съ свѣдѣніями, доставленными ему отъ Митрополита Платона, который о семъ распрашивалъ старожиловъ. Какъ видно, *Водяная* башня находилась на углу между южною и западною стѣнами, близъ того мѣста, гдѣ были Водяныя ворота, а *Плотничная* — которая нынѣ именуется *Угольною* и противъ коей былъ прежде Плотничный дворъ — между стѣнами западною и сѣверною.

(248) Палиц. 73: «Мѣсяца Октября въ 3 день начаша бити изъ всѣхъ туровъ, и біюще по граду шесть недѣль,» и проч. — Тамъ же, 95: «Прейде 30 дней и 30 нощей, и безпрестанно со всѣхъ странъ изъ-за всѣхъ туровъ изо штидесять трехъ пищалей біюще по граду изъ верховыхъ.»

(249) Тамъ же, 77 и 78: «Того жъ мѣсяца въ 13 день Сапѣга сотвори пиръ великъ на все воинство свое и на крестопреступниковъ Рускихъ измѣнниковъ, и чрезъ весь день бѣсящеся, играюще и стрѣляюще, къ вечеру же начаша скакати на бахматѣхъ своихъ многіе люди, и съ знамены по всѣмъ полямъ Клементьевскимъ и монастырскимъ около всего монастыря. По семъ и Сапѣга изъ своихъ таборъ вышелъ съ великими полки вооруженными, и сталъ своимъ полкомъ у туровъ за земляныиъ валомъ противъ погреба, и Келарскія и Плотнишныя башни, и до Глиннянаго (по другому списку: *Благовѣщенскаго*) врага: а Лисовскаго Александра полцы по Терентьевской рощѣ, и до Сазанова врага, и по Переславской, и по Углецкой дорогѣ, по Заволовію двору до Мишутина врага; изъ наряду же, изъ-за всѣхъ туровъ изо многихъ пушекъ и пищалей по граду біюще безъ престани. Въ нощи же той на первомъ часу множество пѣшихъ Литовскихъ людей и Рускихъ измѣнниковъ устремишася къ монастырю со всѣхъ странъ съ лѣствицы и со щитами и съ тарасы рублеными на колесѣхъ и заиграша во многія игры, начаша приступати ко граду. Граждане же біяхуся съ ними съ стѣнъ градныхъ, такоже изо многихъ пушекъ и пищалей, и елико можаху, много побиша Литвы и Рускихъ измѣнниковъ... Они же, піянствомъ своимъ изгубивше своихъ много, отъидоша отъ града: тарасы же и щиты и лѣствицы пометаша. На утріе же, изъ града вышедше, вся та во градъ внесоша и тѣмъ брашна стояще огню предаша.»

(250) Тамъ же, 80 и 81.

(251) См. тамъ же (81 и 82) о *запаленіи* пивнаго двора.

(252) Тамъ же, 77: «Того же мѣсяца (Октября) въ 6 день, поведоша ровъ изъ подгорія отъ мельницы возлѣ надолобъ (родъ деревяннаго укрѣпленія: см. *Слов. Рос. Ак.*) на гору къ Краснымъ воротамъ, и къ надолобамъ слоняюще доски, и къ нимъ сыпаху землю, и доведоша ровъ на гору противъ круглыя башни. Того жъ мѣсяца въ 12 день, изъ того жь рва повели подкопы подъ круглую наугольную башню, противъ подольнаго монастыря.»

(253) Тамъ же, 83: «Брушевской же Панъ въ распросѣ и съ пытки сказалъ, что подлинно ведутъ подкопы подъ городовую стѣну и подъ башни, а подъ которыя мѣста ведутъ подкопы, того, сказалъ, не вѣдаетъ, а хвалятся де наши Гетманы, что взяти замокъ Сергіевъ монастырь, и огнемъ выжечь, а церкви Божія до основанія разорити, а Мниховъ всякими различными муками мучити, а людей всѣхъ побити, а не взявъ монастыря, прочь не отхаживати, аще и годъ стояти, или два, или три, а монастырь взяти, и въ запустѣніе положити.»

(254) Тамъ же, 84 и 85: «Воеводы же совѣтовавше со Архим. Іасафомъ и съ братіею и со всѣми воинскими людьми, повелѣша во градѣ подъ башнями и въ кіотѣхъ стѣнныхъ копати землю и дѣлати частые *слухи*. Троицкому слугѣ Власу Корсакову: той бо тому *дѣлу* зѣло искусенъ, и за се дѣло ятся, а внѣ града отъ служни слободы повелѣша глубочайшій ровъ копати,» и проч.

(255) Тамъ же, 85 — 87.

(256) Тамъ же, 84: «Богоборцы же... залегоша по ямамъ и по плотинамъ прудовымъ, не дающе градскимъ людемъ воды почерпсти, ни скота напоити, и бѣ во градѣ тѣснота и скорбь велія, и мятежъ великъ осаднымъ людемъ.»

(257) Тамъ же, 87: «Слухъ во ушеса всѣхъ разыдеся, что ведутъ Литовскіе люди подкопы, а о томъ достигнути не могутъ, подъ которую стѣну... и тако вси смерть свою койждо предъ своима очима видяще, и вси притекающе къ церкви и къ цѣльбоносньмъ мощемъ теплыхъ заступниковъ нашихъ,... вси на покаяніе обратишася.»

(258) Тамъ же, 95 и далѣе: «Въ той же день (8 Ноября) иде въ церковь Св. Троицы Клирикъ Корнилей, и внезапу прилетѣ ядро пушечное, и оторва ему правую ногу по колѣно, и внесоша его въ паперть, и по Божеств. Литургіи причастися Животвор. Таинъ Христовыхъ, и глаголаше Архимариту: Се, отче, Господь Богъ Архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ кровь православныхъ Христіанъ, и сія рекъ Старецъ Корнилей, преставися. Да того же дни убило изъ пушки Старицу, оторвало руку правую и съ плечомъ... Въ Михайловъ же день, поющымъ Вечерню, вси сущіе во обители людіе съ воплемъ и рыданіемъ и въ перси біеньми просяще милости у Бога... Во время же псалмопѣнія внезапу удари ядро въ большой колоколъ и сплывъ въ олтарное окно Пресвятыя Троицы, и пробивъ въ дейсусѣ у образа Архистр. Михаила дску подлѣ праваго крылоса, и ударися по столпу скользь, и спцы въ стѣну, отшибеся о на свѣщникъ предъ образомъ Святыя Жи-

вонач. Троицы и наязви свѣщникъ, и отразися въ лѣвой клиросъ и развалися. Въ той же часъ иное ядро прорази желѣзныя двери съ полуденныя страны у Церкви Живонач. Троицы и проби дску мѣстнаго образа великаго Чудотв. Николы выше лѣваго плеча подлѣ вѣнца, за иконою же ядро не объявися.» (Сей образъ и желѣзныя двери, пробитыя пушечнымъ ядромъ, показываютъ донынѣ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ). «Тогда въ церкви нападе страхъ великъ на вся предстоящыя люди, и вси колеблющеся, и поліянъ бысть помостъ церковный слезами, пѣнію медлящу отъ множества плача,» и проч.

О побѣгѣ Оськи Селевина, см. тамъ же, стр. 80. Въ Журналѣ Сапѣги, онъ названъ Сѣкавинымъ (*Zycia I. P. Sapiehi*, przez Kognowickiego, II, 187).

(259) Палиц. 88: «Добродѣтельніи же Иноцы обходяще по всему граду, моляще Христолюбивое воинство и всѣхъ людей, глаголюще: Господіе и братіе, пріиде часъ прославити Бога и Преч. Его Матерь, и Святыхъ велик. Чудотв. Сергія и Никона, и нашу правосл. Христіанскую Вѣру; мужайтеся и крѣпитеся и не ослабляйте въ трудѣхъ, ни отпадайте надеждею, и проч... Аще ли, братіе, кто и постраждетъ нынѣ во время се, той мученикъ будетъ Господеви своему, понеже пострада за превеликое Его имя.»

(260) Тамъ же, 95: «Каменосѣчцы сыскавше старой вылазъ подлѣ сушильныя башни, и очистили, и трои двери придѣлаша къ нимъ желѣзныя.»

(261) Тамъ же, 91. — См. выше, примѣч. 83. — Дѣдиловъ, умирая, вопіялъ: «Сотворите мнѣ винному и бѣдному человѣку великую милость; дайте мнѣ, Бога ради, отца духовнаго; сподобите мя быти причастника Святымъ Христовымъ Тайнамъ.»

(262) Палиц. 98: «На Терентьевской рощѣ бѣ у нихъ пищаль люта зѣло, зовома трещера. Воеводы же повелѣша стрѣляти на Терент. рощу, и съ башни Водяныхъ воротъ удариша по трещерѣ и разбиша у нея зелейникъ; такоже и отъ Святыхъ воротъ, и съ Красныя башни... и разбиша у нея устіе, и видѣша съ Троицкаго града сущіе людіе, благодариша Бога, яко разруши злый той сосудъ.»

Палицынъ пишетъ, что Атаманъ Епифанецъ удалился отъ Лавры, устрашенный небесными явленіями. Атаманы и Козаки видѣли ночью ходящихъ вокругъ Обители двухъ свѣтозарныхъ Старцевъ, *по образу и по подобію* Угодниковъ Божіихъ Сергія и Никона, изъ коихъ одинъ кадилъ стѣны и ограждалъ ихъ крестомъ, другой кропилъ Святою водою, и оба велегласно пѣли стихъ: *Спаси, Господи, люди своя*, и кондакъ: *Вознесыйся на крестъ* и проч.; потомъ, обратясь къ осаждающимъ, укоряли ихъ въ злодѣйскомъ замыслѣ: «Почто стекостеся разорити домъ Пресв. Троицы и въ немъ Божія церкви осквернити и иночествующихъ и всѣхъ православныхъ Христіанъ погубити? но не дастъ вамъ жезла на жребій свой Господь.»

(263) Тамъ же, 101: «Нарекше ясакъ, Сергіево имя, вкупѣ нападоша на Литовскихъ людей... Они же услышавше ясакъ той, абіе возмятошася.» Слѣдуетъ подробное описаніе битвы.

(264) Тамъ же, 103, 107 и 108.

(265) Тамъ же, 103.

(266) Тамъ же, 102: «Хощу за измѣну брата своего животъ на смерть премѣнити.»

(267) Троицкій слуга, Ананія Селевинъ, подвизавшійся вмѣстѣ съ Иваномъ Ходыревымъ. См. *Палиц.* 105 и 106: «съ немногими людьми, всѣдше на кони, устремишася полемъ позади туровъ и Литовскаго наряду, и бѣ полчекъ ихъ малъ зѣло; предъ полчкомъ же тѣмъ, глаголютъ, видѣша со града многіе люди воина вооруженна, лице же его яко солнце, конь же подъ нимъ яко молнія блистаяся, и въ той часъ вскочивъ съ людьми Троицкими въ первые туры, такожь и во вторые, и въ третіе, и въ четвертые, и въ пятые, и объявительно видѣша его Божія посланника и помогающа православному Христіанству, дондеже и нарядъ взяша, и тако невидимъ бысть, даровавъ помощь и одолѣніе на враги.»

(268) Тамъ же, 106: «Слуга же Меркурій Айгустовъ первѣе всѣхъ поспѣ къ туромъ, пушкарь же Литвинъ уби Меркурія изъ пищали; тому жь пушкарю отсѣкоша главу.»

(269) Тамъ же, 109: «Воеводы же и Христолюбивое воинство приговорили съ Архимаритомъ и съ братіею послати къ Москвѣ къ Царю съ сеунчемъ Сына Боярскаго Переславца, Ждана Скоробогатова.»

(270) Тамъ же, 109 и 110.

(271) Тамъ же, 113: «Бѣ воистину чудно видѣти милость Божію Троицкому воинству и заступленіе и помощь на враги, молитвъ ради великихъ Чудотворцовъ Сергія и Никона, и сотвори Господь преславная тогда, и не ратницы *охрабришася* и невѣжди, и никогдаже обычая ратныхъ видѣвшіи, и тіи убо исполинскою крѣпостію препоясашася.»

(272) Тамъ же, 113 и 114.

(273) Тамъ же, 115.

(274) Тамъ же, 116. Убитыхъ было 40, и много раненныхъ.

(275) Сіи Дѣти Боярскіе были Переславцы, Петруша Ошушковъ и Степанко Лешуковъ. См. Палиц. 121.

(276) Тамъ же, 122, и *Истор. Щерб.* XV. 329.

(277) Объ измѣнѣ Казначея Дѣвочкина см. тамъ же, 117.

Палицынъ пишетъ еще объ одномъ измѣнникѣ, но не именуя его (стран. 123): «ужищемъ по стѣнѣ спустися, текій ко врагомъ съ вѣстію; егоже злодѣйствующа не попусти Господь, и ноги его десныя жилы отъ поясницы разорвашася и начатъ лютѣ вопити окаянный, по егоже гласу со стѣнъ слышавше и избѣгше, взяша во градъ жива; отъ богопопустныя же язвы тоя въ той часъ изверже душу свою.»

(278) Тамъ же, 123 и 124: «Во время, въ неже одержими бѣяху всѣми злыми во Обители Чудотворца, тогда вси плакахуся и рыдаху, и злѣ сокрушахуся.... егдаже мало отдохнуша отъ великихъ бѣдъ, тогда забыша спасающаго ихъ и непомянуша Пророка глаголюща: Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ. Діаволъ же..., тогда нудитъ насъ отъ славы Божія отпасти, еже праздновати не духовно, но тѣлесно, и торжествовати не въ цѣломудріи, но въ безстрашіи.»

(279) Тамъ же. 125 — 127: «На радости часто вхождаху утѣшатися сладкими меды, отъ нихъ же породишася блудныя бѣды... На трапезѣ же братской Иноцы же и простіи воду піяху, и воинствующихъ чинъ престати моляху, но вси о семъ не брежаху. Еще же и сіе зло приложиша сребролюбственное: тогда бо вси всегда питаеми отъ дому Чудотворца, взимающе бо хлѣбы по числу кождо на себе, овіи на седмицу, иніи же по вся дни, и отдающе сіе на сребро, сами же всегда въ трапезѣ питахуся; нужда же бѣ тогда Инокомъ на хлѣбнѣ монастырстѣй строящимъ, и не можаху успѣвати на потребу ратнымъ, и не имуще сна, ни покоя, день и нощь, и всегда отъ жара пещнаго и отъ дыму куренія очи тѣмъ истекаху... Отецъ Іоасафъ много моляше: престаните, господіе и братіе, глаголющи, отъ таковаго неразсужденія и простоты, и не взимайте чрезъ

потребу свою, а иже вземлющіи отъ васъ, не истощевайте въ пустошъ, но со опасеніемъ соблюдайте: не вѣмы бо, господіе, на колико время протягнется сидѣнія нашего во осадѣ, и вамъ же кая польза истощити житницы Чудотворца? И много о семъ моляше; они же не брегше, и вопреки глаголаху... Въ ровъ глубокъ блуда впадоша вси отъ простыхъ чадъ даже и до священствующихъ. Увы! о горе! о лютѣ! напасть, и бѣда, и зло лютѣйшее! Труды безъ пользы, мученіе безъ вѣнца, пожданіе несовершенно, терпѣніе не до конца, Ангеломъ слезы, Владыцѣ гнѣвъ, врагомъ радость.»

О плясках смотри тамъ же, 143.

(280) Съ 17 Ноября, пишетъ Палицынъ на стр. 130.

(281) Тамъ же, 132: «и другъ отъ друга отъ духу умираху.»

(282) Тамъ же, 131 и дал.: «Се! единъ путь къ смерти, глаголюще, отвсюду и единѣмъ токмо утѣшающеся ко врагомъ ратоборствомъ, и другъ друга на смерть поощряху... Аще не умремъ нынѣ о правдѣ и о истинѣ, и потомъ всяко умремъ же безъ пользы, а не Бога ради... И не бѣ покоя, ни сна, ни во дни, ни въ нощи, не токмо больнымъ, но и здравымъ: овіи убо надъ умирающими плачуще, овіи же надъ износимыми, иніи же надъ погребаемыми... и отъ непокойна сна, аки шалны хождаху вси, и преставишася тогда братій старыхъ во Обители 297, а новопостригшихся тогда болѣе 500.»

(283) Тамъ же, 135 и 136: «Внутрь же града отъ сицевыхъ въ недоумѣніи быша. И тако совѣтовавше со Архимаритомъ Іасафомъ и съ Старцы, посылаютъ къ царствующему граду къ Келарю Аврамію. Старецъ же во отпискахъ отъ Обители видѣвъ, ужасеся и напредь хотящая не на добро збытися разумѣ, и все предложивъ предъ Царя, да разсудитъ праведное, и моляше всегда, да не одолѣютъ врази дому Чудотворца. Скипетроносецъ же словомъ дая, дѣломъ же не произволя; понеже велика бѣда царствующій градъ тогда обдержа. Старецъ же бояшеся напредь злу уже содѣятися, и совершенное оскудѣніе людьми дому Святаго все изъявляя, и еще Самодержецъ дни протязуетъ скорби и пожданія, и по входѣхъ и исходѣхъ къ моленію Старца не преклоняяся: кровь бо всегда предъ стѣнами царствующаго града ліяшеся. Келарь же братію Царевыхъ моляше, но и тѣми ничтоже бысть полезныхъ; и потомъ Патріарха и Полату Царскую всю подвиже, показуя тѣмъ пишемая отъ Обители, яко по мѣсячномъ времени конецъ будетъ отъ нужъ прискорбныхъ граду. Патріархъ же со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ молитъ Царя, глаголюще ему: Аще, Царю, взята будетъ Обитель Преподобнаго, то и весь предѣлъ Россійскій и до Окіана моря погибнетъ, конечнѣ же и царствующему граду тѣснота будетъ. И едва на слезы Келаря преклонися и въ помощь посла Атамана Сухана Останкова, да съ нимъ Казаковъ 60 человѣкъ, да зелія 20 пудъ, а Келарь Аврамій отпустилъ Троицкихъ слугъ 20 человѣкъ, Никифора Есипова съ товарищи.»

(284) Тамъ же, 136 и 137.

(285) Тамъ же, 140 и дал.: «Сапѣгѣ же окаянному бѣ трубачей люторъ Мартьяшъ именемъ, зѣло вѣренъ, и той укрѣпленъ отъ Сапѣги посылается съ похмѣльными ко Обители Чудотворца опохмѣлитися, просити меду, и по обычаю льщенія ять бысть, и приведенъ во Обитель святую, готовъ врагъ самъ сый впадеся. Приведену же бывшу къ Воеводамъ, и по наученію Сапѣги повѣда за собою добрыя рѣчи и годны всѣмъ во осадѣ, и того ради це бысть убіенъ, и по днехъ преходящихъ вся сбывахуся по его рѣчамъ, и впредь иная кая речетъ, то вся сбывахуся... О семъ угоденъ бысть Воеводамъ... Воевода же К. Григ. Борисовичь яко родителя своего почиташе его и во единой храминѣ почиваше съ нимъ... и не бѣ слышати о немъ слова лукава... и всяко не доброе творимое о промыслѣ ратномъ извѣщаше Князю... и никогда же солга Воеводѣ ни въ чемъ... По семъ же и другій Панъ предадеся, нѣмъ сый и глухъ, его же Паны Мартьяшомъ же нарицаху. И той Мартьяшъ зѣло яростенъ и силенъ бѣ, и послужи въ дому Пресв. Троицы яко истинный Христіанинъ, толико же знаменитъ бѣ въ полкахъ и во измѣнницѣхъ, яко и храбріи не имѣюще нань наступити: нѣцыи же, именемъ его страшаще, прогоняху нечестивыхъ, и пѣшъ коннаго не бояшеся; глухоты же ради своея на бояхъ вертяшеся, и обзираяся, дабы не убіену быть откуду... Сима же обѣма Литвякома случися быти на обѣдѣ у слуги Пимина Тененева, и по обѣдѣ начаша играти тонцы: во играніи же томъ отскочи той нѣмко Панъ отъ Мартьяша, и нача зубы скрежетати нань и плеваше къ нему; той же Литвякъ очима нань недобрѣ позрѣвъ, и искочи скоро вонъ: прилучившіися же ту не разумѣша между има бывшаго. Нѣмко же скоро побѣжа къ Воеводѣ К. Гр. Борисовичу, и прискочивъ слезенъ, и ударися чрезъ обычай предъ нимъ, и начертая руками, взяти того Пана повелѣвая. Князь же истязуя вины нань: онъ же по кулаку кулакомъ біяше, и хватая рукама стѣны келейныя, и на церкви и на службы монастырскія, и на стѣны градныя указуя, и начертая на воздухъ всему возметнутымъ быти и Воеводамъ показуя посѣченымъ быти и всѣмъ во Обители сожженымъ быти. Сія же Князь разумѣ отъ него, и Мартьяша сохранщася поимаша, и многими муками едва довѣдашася, и повѣда той окаянный Мартьяшъ всю измѣну свою, хотяше бо той злодѣй у пушекъ и забити затравы, а порохъ прижещи, и еще сказа, яко и нощію съ Паны подъ стѣну приходящими часто бесѣдоваше, единымъ словомъ разумъ тѣмъ подавая, и на стрѣлахъ грамоты тѣмъ испущая. Въ нощь же ту окаянный хотяше Поляковъ на стѣну не многихъ впустити, съ ними же пакость сотворити наряду и зелію, а прочимъ присрочилъ къ приступу готовымъ быти,» и проч.

(286) Тамъ же, 145: «Той же Ананія мужественъ бѣ, 16 языковъ нарочитыхъ во осадѣ тогда сущи приведе во градъ, и никтоже отъ сильныхъ Поляковъ и отъ Руских измѣнниковъ смѣюще наступити нань, но издалече ловяще изъ оружія убити: вси бо знаяху его, и отъ прочихъ отлучающеся, на того ополчевахуся, и по кони его мнози знающе.» — О немъ см. выше, прим. 267.

(287) Палиц. 145 и 146: «Александръ же Лисовской, видѣвъ того Ананію ратующа противу себе, и выде противу его, хотя его убити. Ананія же, ударивъ конь свой, и пострѣли Лисовскаго изъ лука, въ високъ лѣвой съ ухомъ прострѣливъ, и опроверже его долу, самъ же утече изъ среды полковъ Казачьихъ.» — Тамъ же сказано, что въ одной вылазкѣ Ананія, ратуя вмѣстѣ съ Нѣмкомъ, потерялъ коня и съ того времени дѣйствовалъ не столь успѣшно. Не смотря на опухоль ноги, поврежденной выстрѣломъ изъ пищали, онъ не переставалъ участвовать въ битвахъ, но опять получилъ рану въ туже ногу. «И тако крѣпкій мужъ возвратися вспять, и отече нога его до пояса, и по днехъ малѣхъ скончася ко Господу.»

(288) Палиц. 147.

(289) Тамъ же, 148.

(290) Тамъ же, 98: «Архимариту же Іоасафу келейное правило правящу на образъ Святыя Бо-

городицы, и со слезами прося помощи и заступленія, воздрема, и видитъ въ келію его вшедша Преподобнаго Отца нашего Сергія Чудотворца, и глаголюща: Востани и не скорби, но въ радости молитвы приноси: предстоитъ бо и молится Богу о Обители и о васъ Св. Пречист. Богор. и Присnodѣва Марія со Ангельскими лики и со всѣми Святыми. Паки же иные Старцы повѣдали различная знаменія, Священноиноцы Генадей, Гурей и Кипріанъ, и иные мнози Черноризцы и міряне, яко видѣша Св. Сергія Чудотв. ходяща по монастырю, и будяща братію, и глаголюща сице: Идите, братіе Иноцы, немедленно во святую церковь и обрящете благодать. И потомъ видѣша вшедша въ церковь Св. Троицы Серапіона Архіепископа Новгородскаго во святительстѣй одежди, и во святѣмъ олтари предъ образомъ Св. Богородицы ставша; и, обратився къ нему, Св. Чудотв. Сергій рече: Отче Серапіоне, почто умедлилъ еси принести моленіе ко Всемилостивому Богу и Пречист. Богородицѣ. Святый же Архіепископъ Серапіонъ воздѣвъ свои руцѣ, и возопи: О всепѣтая Мати! рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово, и проч.... И абіе начаша благовѣстити къ заутреннему пѣнію; Старцы же сія видѣвше, и повѣдаша Архимариту и Воеводамъ, сіи же Старцы вси отъидоша къ Богу еще во осадѣ тогда бывши. Принесе же ми о семъ писаніе Діаковъ Маркелъ ризничей; азъ же, исправивъ сіе, повелѣхъ написати.»

Тамъ же, 136: «Иже утѣшая въ скорбехъ великій Чудотв. Сергій, паки является пономарю Илинарху, глаголя ему: Рцы братіи и всѣмъ страждущимъ во осадѣ, почто унываютъ и ропщутъ на держащаго скипетръ. Азъ неотступно молю Христа Бога моего, а о людехъ не скорбите: людей къ вамъ Царь Василей пришлетъ.»

Тамъ же, 138: «Стрегущимъ же нѣкогда на церкви Духа Пресвятаго Сошествія и спящимъ имъ въ премѣненіи, единъ же стрежаше по обычаю, и обзираше всюду, да не явится отъ коея страны ко граду внезапное пришествіе враговъ; и се слышитъ внезапу многихъ гласы поющихъ, мужескіе и отроческіе. Онъ же смотряше всюду, гдѣ поютъ, и разслыша воспѣвающихъ во храмѣ велицѣмъ Пресв. Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія. Той же сторожъ и прочихъ возбуди, да не соблазнится о сихъ. Нѣцыи же отъ нихъ рѣша, яко по умершихъ пѣніе сіе: всегда убо храмъ полонъ бяше мертвыхъ отпѣваемыхъ: паки же глаголаша, яко никогда же нощію съ вечера отпѣваютъ умершихъ: или утреннее пѣніе начатся? но не у приспѣ время утренняго пѣнія; и глаголюще: еда нѣкоея ради вещи собравшеся людіе, молебная исправляютъ? но не по чину молебновъ гласы исходятъ, и ни тако, якоже Иноцы или якоже мірстіи, но зѣло красно, и множество поющихъ немолчно и безпрестанно, и гласы громны. Таже рекше къ себѣ: шедше да увѣмы извѣстнѣе; и текше до дверей церковныхъ ко храму Преч. Богородицы, и гласу не бысть, и усумнѣвшеся, борзо отъидоша къ оставшимся на сторожи, и съ низу къ высотѣ воскликнувше на храмѣ стоящимъ, глаголюще: се вси соблазнихомся, нѣсть пѣнія никакова гласа въ церкви Успенія Пресв. Богородицы. И паки долу стоящіи ужасахуся, гласы бо пѣнія паки слышахуся имъ: тіи же съ высоты глаголюще: что смущаете насъ? се не гласи ли пѣнія еще суть? и егда снидосте отъ насъ, а пѣніе гласовъ не преста! Снидоста же и тіи съ высоты, и на гласъ идоста, и пѣнія слышаху; пришедше же ко дверемъ церковнымъ, и ничтоже слышаша, и возвратившеся рѣша: *не туне пѣніе се, братіе;* егда же отъидоша, паки слышаша пѣнія. И шедше возвѣстиша о семъ Воеводѣ, и вскорѣ мнози пришедше, и не слышаша никакова гласа, ни шума, и ужасъ многихъ объятъ о семъ. Таже по обычаю ко Утреннѣй начаша благовѣстити.»

(291) Тамъ же, 148 и 149: «Архимаритъ и Воеводы приговорили во храмѣ Пресв. Богородицы Успенія въ предѣлѣ освящати храмъ во имя иже во Святыхъ Отца нашего Николая Чудотворца въ праздникъ его Маія въ 9 день, еже и сотвориша въ славу въ Троицы славимому Богу... И смертоносіе отъ тогоже дне почася въ людехъ преставати; оставшіи же отъ смертоносія здравіи по вся дни исходяще изъ града на брань къ Литовскимъ людемъ, и біяхуся со усердіемъ, и милость Господня помогаше имъ.»

(292) О числѣ погибшихъ см. Палиц. 132 и 134.

(293) Тамъ же, 149 и 150: «Мѣсяца Маія въ 27 день, паки въ Сапѣгиныхъ таборѣхъ и Александровыхъ Лисовскаго бысть шумъ великъ, играюще во многія игры и до полудни, съ полудни же начаша Литовскіе люди подъѣзжати подъ градъ смотряюще стѣнъ, и часто позирающе на градъ, тако же начаша готовити мѣста, гдѣ быти пушкамъ ихъ и пищалемъ, и скачуще на бахматѣхъ, машуще мечи своими на градъ, аки грозяще; къ вечеру же начаша скакати конные многіе люди и съ знамены по всему Клементьевскому полю. По семъ же и Сапѣга вышелъ со многими полки вооруженными, и скрышася въ таборы своя; оставшіижеся во градѣ Троицкомъ людіе, видяще на градъ лукавое ихъ смотрѣніе, уразумѣша лютый совѣтъ ихъ къ пролитію крови, и непщеваху быти приступу, и тако готовящеся на брань: бѣша бо маліи числомъ сущіи; готовяху на стѣнахъ варъ съ каломъ смолу, каменіе и прочее, иже къ тому времени пристрояюще, и подошевной бой очистивше... Вси взыдоша на стѣну, мужеска полу и женска, и такожде западше ждаху приступа.»

(294) Тамъ же, 150 и 151: «И егда бысть вечеръ уже, окаянніи Литовскіе люди и Рускіе измѣнники лукавствующе, хотяще къ стѣнамъ граднымъ пріитти тайно, и ползающе аки змія по землѣ молкомъ, везяху приступныя козни, щиты рублевые, и лѣствицы и туры, и всякія стѣнобитныя хитрости... И абіе съ Красныя горы возгремѣша изо огненнаго верхняго наряду, и тако воскрикнувше все множество Литовскихъ людей и Рускихъ измѣнниковъ, и устремишася на градъ со всѣхъ странъ съ лѣствицы и съ щиты и съ тарасы, и со иными козньми стѣнобитными, и заиграша во многія игры, и начаша приступати ко граду всѣми силами, всякими дѣлы и хитростьми: мняху бо окаянніи во единъ часъ похитити градъ. Вѣдяще же во градѣ зѣло мало людей, и тіи суть немощни, и сего ради крѣпцѣ належаху на градъ: но благодатію Божіею подкрѣпляемое Троицкое воинство біяхуся съ стѣнъ градныхъ крѣпко и мужественно. Литва же тщашеся вскорѣ взыти на градъ; и придвигнуша щиты на колесѣхъ и лѣствицы многія, и нуждахуся силою приставити и взыти на стѣны. Христолюбивое же воинство, и вси градстіи людіе, не дающе имъ щитовъ и тарасовъ придвигнути и лѣствицъ прислонивати, біюще изъ подошевнаго бою изо многихъ пушекъ и пищалей и въ окна колюще и каменіе мещуще, варъ съ каломъ льюще, и сѣру и смолу зажигающе метаху, и известію засыпающе скверная ихъ очеса. И тако біющеся чрезъ всю нощь. Архимаритъ же Іасафъ со всѣмъ Освященнымъ соборомъ вниде во Храмъ Пресв. Троицы молящеся... о избавленіи града и о помощи на враги. Егда же бысть день, видяще окаянніи

Люторп, яко не успѣша ничтоже, но паче своихъ множество изгубиша, начаша съ студомъ отступати отъ града; градстіи же людіе вскорѣ отвориша градъ, овіи же съ стѣнъ скочивше, учиниша вылазку на оставшихся Литовскихъ людей и Рускихъ измѣнниковъ у стѣнобитныхъ хитростей своихъ, иніи же во рвѣхъ броляще, не могуще изыти. И тако тѣхъ многихъ побили, а живыхъ взяли, Пановъ и Рускихъ измѣнниковъ 30 человѣкъ, и повелѣша имъ въ жерновы играти. И тако работающе на братію, и на все Троицкое воинство, и до отшествія враговъ отъ града; и милостію Пребезнач. Троицы, и заступленіемъ Преч. Богоматере, и молитвъ ради великихъ Чудотворцевъ Сергія и Никона, побиша тогда множество приступныхъ людей, и тарасы ихъ и щиты и лѣствицы и прочая козни вземше, во градъ внесоша; сами же вси здравы отшедше, яко побѣдители надъ враги показашася.»

(295) См. письмо Марины къ отцу отъ 23 Марта (по Нов. Ст.) 1609 г. (*Собр. Гос. Грам.* II, 360).

(296) *Собр. Гос. Грамотъ*, II, 342 и 345. — Помѣщенныя тамъ увѣщательныя Грамоты Царя Василія писаны: къ Галицкимъ жителямъ 30 Ноября, а въ Устюжну Желѣзопольскую 23 Декабря, 1608.

(297) *Ник. Лѣт.* 110: «Царь же повелѣ Боярину Ѳеодору Иван. Шереметеву съ Балчика итить къ Москвѣ,» и пр.

(298) Тамъ же, 102: «Въ Суздалѣ же градѣ собрашася ратные люди, а хотѣша устроити осаду, что стояти противъ Литовскихъ людей; единъ же у нихъ наученъ Діаволомъ Меншикъ Шиловъ съ товарищи и цѣловати крестъ всѣмъ вору, и нача всѣхъ ко кресту приводити, а Архіепископъ Галактіонъ за то не постоялъ: и поцѣловаше крестъ всѣмъ городомъ и посадомъ, и уѣздомъ, и послаша къ Сапѣгѣ подъ Троицу. Сапѣга же присла къ нимъ въ Суздаль Полковника Лисовскаго; той же Лисовскій Полковникъ былъ въ Суздалѣ, и инымъ городомъ многую пакость дѣяше: съ ними прислалъ Сапѣга въ Суздаль Воеводу Ѳеодора Плещеева.»

(299) Тамъ же, 103 и 104: «Переславцы же всякіе люди позабыша праведной судъ Божій, и не помня крестнаго цѣлованія, измѣниша, и поцѣловали крестъ вору, и собрався съ Литовскими людьми, поидоша ко граду къ Ростову... похотѣша ихъ такожь подъ діавольскую прелесть прелстить, какъ и сами. Во градѣ же въ Ростовѣ слышаху вси, что идутъ къ нимъ Переславцы съ Литовскими людьми, пріидоша всѣмъ городомъ къ Митрополиту Филарету и начаша его молити, чтобъ имъ отоити въ Ярославль. Онъ же Государь великій, адамантъ крѣпкій и столбъ непоколебимъ, приводяше людей Божіихъ на то, и утвержаше, чтобъ стояли за вѣру истинную Христіанскую и за Государя крестное цѣлованіе, чтобъ стати противъ тѣхъ злодѣевъ, и многими ихъ словесы утвержеваше, глаголя, аще мы и побіени будемъ отъ нихъ, и мы отъ Бога вѣнца воспріимемъ мученическія. Слышавъ же Воевода и вси людіе, что имъ не повелѣваетъ града покинути, молиша его, чтобъ онъ съ ними пошелъ въ Ярославль; онъ же имъ всѣмъ рече: аще будетъ и многія муки притерплю, а дому Пречист. Богородицы и Ростовскихъ Чюдотворцовъ не покину. Слышавъ же они отъ него такія словеса, многіе побѣгоша въ Ярославль, Митрополитъ же, видя гнѣвъ Божій, поиде въ Соборную церковь Преч. Богородицы и облочеся въ свой святительской санъ; многіежь люди пріидоша, сѣдоша во храму. Онъ же Святитель, готовяся аки агнецъ къ закоденію, сподобися Пречист. и Животв. Таинъ, и похотѣ всему міру спасенія, и похотѣ отвѣтъ дати Богу праведный по Пророческому словеси: *се азъ и дѣти, яже ми далъ Богъ;* и повелѣ Протопопу и Священницамъ, кои есть въ церкви, поновляти и причащати весь народъ и сподоби всѣхъ Божеств. Таинъ. Литва же пріидоша во градъ и начаша людей побивати, кои не успѣша уйтити въ церковь и съ града въ Ярославль убѣжати. Они же идоша ко церкви; Митрополитъ же видя то, что идутъ прямо къ церкви, повелѣ двери утвердити; они же начаша ко дверямъ приступати и въ церкви же съ ними біяхуся, не дадяше имъ приступати. Митрополитъ же, видя неизнеможеніе, пріиде ко дверемъ церковнымъ и нача Переславцомъ говорити отъ Божественныхъ Писаній, чтобъ помнили свою православную Вѣру, отъ Литовскихъ людей отстали и (къ) Государю обратилися. Они же Переславцы, аки волки свирѣпіи возопиша великимъ гласомъ, и начаша къ церкви приступати и выбиша двери церковныя и начаша людей сѣщи и побиша множество народа. Митрополита же взяша съ мѣста, и святительскія ризы на немъ ободравше, и одѣша его въ худыя ризы, и даша его за Пристава; раку же Чюдотворцову Леонтьеву златую сняша и розсѣкоша по жеребьемъ, казну жь церковную всю, и Митрополію и градскую, пограбиша, и церкви Божія разориша... Они же Переславцы разориша градъ Ростовъ и поидоша въ Переславль; Митрополита жь Филарета отослаша къ вору въ Тушино. Сапѣга же изъ подъ Троицы посла въ Ростовъ Воеводу Матвѣя Плещеева съ Литовскими людьми; Матвѣй же, стоя въ Ростовѣ, многія пакости градомъ и уѣздомъ дѣлаше.»

Нѣмцевичь (См. *Dz. P. Zygm. III*, Т. II, 336) почерпавшій свѣдѣнія болѣе изъ Польскихъ источниковъ, пишетъ, что *изображеніе* (posąg, статуя) Св. Леонтія, доставшееся Сапѣгѣ, а отъ него подаренное Маринѣ, Русскіе цѣнили въ 50.000 рублей. Онъ же говоритъ, что въ Ростовѣ начальствовалъ тогда Третьякъ Сеитовъ (Kniaź Tretiak Scytow), который взятъ въ плѣнъ и отосланъ вмѣстѣ съ Филаретомъ къ Самозванцу. — По словамъ Бера, изображеніе Св. Леонтія, вылитое изъ золота, было вѣсомъ въ 200 фунтовъ.

(300) *Палиц.* 44: «Сего убо Митрополита Филарета исторгше силою, яко отъ пазуху матерню, отъ церкви Божія, и ведуще путемъ боса, токмо во единой свитѣ, и ругающеся облекоша его въ ризы языческія, и покрыша главу Татарскою шапкою, и нозѣ обувше во своя сандалія.» — О семъ же и въ *Латух. Степ. Кн.*: «Съ поруганіемъ великимъ по пути его въ единой свитцѣ и боса ведоша, еще же во иноязыческія ризы того Святителя облачаху, и Татарскую шапку на него возлагаху, и тако къ вору въ Тушино приведоша.»

(301) Беръ утверждаетъ, что Филаретъ имѣлъ въ своемъ жезлѣ восточный яхонтъ, равнявшійся цѣною съ полубочкою золота, и — подарилъ его Лжедимитрію!

(302) См. выше, прим. 299.

(303) Лжедимитрій писалъ 8 Сентября 1608 г. къ Мнишку о намѣреніи отправить Марину съ войскомъ къ Звенигороду: «dla położenia świętego jednego w manasterze Zwinigrodskim, zkądby wielka y dziwna w Moskwy o nas aestimatia urość mogła.» См. *Собр. Гос. Грам.* II, 339.

(304) Объ измѣнѣ Костромы, Галича, Углича и Вологды см. *Нѣмцевича* (*D. P. Z. III*, II, 339) и Бера.

*Ник. Лѣт.* 105: «Грѣхъ же ради нашихъ грады всѣ Московскаго Государства отъ Москвы отступиша. Немногіе жь грады стоявъ въ твердо-

сти.» Тутъ исчислены вѣрные города : между ими не наименованъ Владиміръ, и какъ вскорѣ потомъ Литовцы разбитые Княземъ Пожарскимъ искали въ немъ убѣжища (см. тамъ же, 106), то видно, что сей городъ былъ уже на сторонѣ Лжедимитрія.

(305) *Ник. Лѣт.* 105.

(306) Нѣмцев. *D. P. Z. III*, II, 337.

(307) См. Бера, который именуетъ его «ein doppelgetaufter Mameluck Reußischer Religions. — Петрей (стр. 418) говоритъ : «Lorentz Biugge, aus Schweden bürtig in der Provintz Helsingeland, welcher sich in Reußland uber 30 Jahr auffgehalten, und aus Liefland gefangen unter dem Tyrannen Iwan Basiliwitz in die Mußkow gebracht ist.»

(308) См. выше, глав. I, стр. 14.

(309) *Псков. Лѣт.* 359 : «А Петръ Шереметевъ надѣялся на большихъ людей во всемъ, а они ему во всемъ льстили и потакивали, а на мелкихъ наносили и обиду чинили. А мастеровые люди даромъ дѣлали на него всякое рукодѣліе.» Тамъ же, на л. 355, 356 и 358 описаны бѣдствія Псковичей отъ мздоимства, грабительства и неправды.

(310) *Псков. Лѣт.* 77 и 78 : «Въ тожъ время мѣсяца Августа явишася въ Псковскихъ пригородѣхъ смутныя грамоты отъ вора изъ-подъ Москвы... Преставися Епископъ Геннадей отъ кручины, слышавъ такую прелесть... И во Псковѣ смятошася людіе, слышавше нѣкоего грядуща отъ ложнаго Царя съ малою ратію. Воевода жь, видѣвъ толикое смятеніе въ народѣ, и много укрѣпляху ихъ и немогоша увѣщати ихъ. Въ тожь время похватоша народъ лучшихъ людей и гостей, и пометаша я въ темницу... Въ тожь время нѣкто врагъ креста Христова вложи имъ то слово, что Нѣмцы будутъ во Псковъ, слышали бяху прежъ, что послалъ Царь по Нѣмецъ... И тогда возопивше нѣцыи мятежницы въ народѣ, яко Нѣмцы пришли суть отъ Иваня-города къ мосту на Великой рѣки. И въ той часъ возмутишась вси, и похваташа Воеводу всадиша въ темницу, а сами послаша по Боровского Воеводу по Ѳедку Плещеева и цѣловаша крестъ вору... Тоежь осени пріидоша отъ вора во Псковъ, якоже отъ Сатаны бѣсове, и его полку мучители и убійцы и грабители, повѣдающе малоумнымъ державу его и власть ; тіиже окаяннiи воздаша хвалу прелестнѣй и темнѣй державѣ его. ... И навадиша на онѣхъ боголюбцовъ и страдальцовъ, иже не восхотѣша поклонитися Ваалови ... Изъемше жь тіи зліи лютіи звѣріе тѣхъ изъ темницъ нужною смертію умориша ; овыхъ на коліе поткоша, инѣмъ главы отсѣкоша, прочихъ различными муками мучиша, имѣнія ихъ поимаша. Болярина жь Петра Никитича Шереметева въ темницы удавиша, и во Владычнѣ дворѣ, и по монастыремъ, и у начальниковъ градцкихъ, и у гостей имѣнія поимавъ, съѣхаша подъ Москву къ своему ложному Царю, и тамо послѣ отъ своихъ побіени быша... При семъ учинися гнѣвъ Божій на славный градъ Псковъ... Мѣсяца Маія въ 15 день, въ 6 часъ, загорѣся полонище у Успенского монастыря отъ дворового варенія, и сметашася людіе и погасиша огнь, и начаша расходитися по домомъ. И внезапу загорѣся паки невидимо, и въ той часъ бысть буря велія, вѣтръ силенъ отъ юга, и понесе огнь къ площади, и не возмогоша утолити ничѣмъ... и загорѣся весь градъ и зелейныя полаты, и зеліемъ вырвало Кремля города на обѣ стороны... Псковичи же, народъ, чернь и Стрѣльцы ни тѣмъ Божіимъ гнѣвомъ наказашася, начаша чужая имѣнія грабити... и Дьяволомъ надхнени суще, рекоша сице : Боляре и гости городъ зажгоша ; и начаша въ самой пожаръ каменіемъ гонити ихъ ; они же побѣгоша изъ града. И на утрія собрався, начатъ влазити, нарочитыхъ Дворянъ и гостей мучити и казнити, и въ темницы сажати неповинныхъ, отъ начальныхъ града и церковнаго чина, глаголюще безумніи, яко вы градъ зажгосте и разористе, Царю нашему не радя.»

(311) Аврам. Палицын. 32 — 47 : «Польскіе же и Литовскіе люди и воры Казаки . . . яко волцы надо псами играюще и иныхъ искусающе, инѣми же вмѣсто щитовъ отъ меча и отъ всякаго оружія и смертнаго паденія защищахуся. И бяше имъ стѣна тверда злокозньство измѣнникъ, и аще и вся злая и лютая видяще и слышаще, не отступаху отъ того ложнаго Царика и отъ Поляковъ, и недомыслимая въ разумѣ тому Лжехристу и Польскимъ и Литовскимъ людемъ то вся промышляюще измѣнницы, и всюду водяще, и вездѣ сохраняюще враговъ Христіанскихъ, Литву и Поляковъ, къ смертнымъ же боемъ прежде ополчевахуся, и послѣди престаяху ; Поляцы жъ и Литва вооружены стояще бездѣльно, смѣющеся безумству ихъ и междоусобію. И аще случаемъ на бранехъ взятъ будетъ Поляки и Литвою добрый воинъ за истину стоящій, той милости сподобляемь отъ нихъ и отъ смерти сохраняемь ; аще ли же случится кромѣ ихъ взяту быти кому Рускими измѣнники, и на того, яко на люта звѣря, прискакаху со оружіи, и составы того разсыпаху лютѣ. И видяше Поляки и Литва таковы пытки и злое мучительство отъ своихъ своимъ и единовѣрнымъ, и уступающе дивляхуся окаянной вражіи жестокости и сердцы своими содрогахуся, и звѣрски взирающе, отбѣгаху ; разумніи же отъ нихъ теплыми слезами ланитѣ свои омывающе, и другъ другу глаголюще : *внимаемъ, братіе, о семъ, что сіи Русаки другъ другу содѣваютъ? намъ же что будетъ отъ нихъ?* и бѣсовъ злѣйши паричуще тѣхъ ; они же смиловавшихся, Литву и Поляковъ, *худяками* и *женками* нарицаху. Кто же сея бѣды слыша не восплачется, еже вкупѣ шествія ихъ на брань? Идѣ же бо Поляки со измѣнники пріидутъ къ непроходимымъ мѣстомъ, и въ лѣсѣхъ, и на рѣкахъ, и на топѣхъ, и на ржавцѣхъ, и на болотѣхъ, и ту безъ ума станутъ Поляки, не вѣдуще, что сотворити, како прейти, или како минути ; измѣнницы же, ругающеся имъ и недоброхотствующихъ Царю Тушинскому нарицаху, и вскорѣ ими промышляху, и мосты и перевозы строяще, и лѣсомъ тропинами во едину степень безпакостно провожаху. Коль же жестоко сердце измѣнниковъ бѣяше на свою братію православныхъ Христіанъ? Поляковъ убо и Литвы сотни двѣ или три, Рускихъ же измѣнниковъ десяторицею предъ ними сугубо ; и тіи соблюдаху ихъ во всемъ ; а имъ же бы возможно и малою чадію на тѣхъ крѣпкихъ мѣстѣхъ, и на непроходимыхъ всѣхъ смерти крелати. Но никако же въ нихъ таковаго смысла добраго не обрѣтеся. Кто же сему не посмѣется безумію? Внегда убо ко кровопролитію, то Рустіи измѣнницы главы своя прежде полагаху, Поляцы же стояще точію отъ измѣны себѣ соблюдаху : егда же корысть дѣлити во градѣхъ и въ селѣхъ, то вся лучшая Поляки у нихъ силою отъимаху ; измѣнницы же, аще и множество ихъ предъ ними, но не прерѣковаху и всяко насильство отъ нихъ радостно пріемляху. Плѣнницъ же, женъ красныхъ и отроковицъ, и юношъ не токмо у худѣйшихъ измѣнниковъ, но и у начальствующихъ ими отъимаху, и не могуще отъ рукъ ихъ исхитити, и рода своего женъ и дѣтей, и братію и сестръ, но великою цѣною искуповаху, и то по велицѣй дружбѣ, и по мздѣ. Еще же и смѣхъ Поляки надъ тѣми Рускими измѣнники дѣяху, имъ же возможно насильствовати, по пріятіи цѣны не отдаваху, и другую цѣну восприимаху ; иніи же по отданіи плѣнницъ и по взя-

тіи цѣны, засылаху на путь и вспять паки оружіемъ отъимаху. Сія жъ зряще измѣнницы не токмо не знаеміи, но и сердоболи другъ другу смѣяхуся, гнѣвъ же Божій праведно попущенный видимь бываше: мнози бо жены и дѣвицы не хотяще со беззаконники разлучитися, и мнози по искупленіи паки къ нимъ отбѣгаху; иніи же жены на мужи своя о смерти поучевахуся, и по испрошеніи на искупъ крыяхуся, и повѣшающеся на выя тѣмъ беззаконникомъ, злѣ гласы движуще, и благодѣтели тѣхъ и свѣты нарицающе, *охъ! охъ! горе! горе!* безъ ума припѣвающе: мнози бо отъ нихъ юностію и покойми тѣлесными побѣдившеся, иніи же очарованіи бывше, и того ради сердцы своими изгараху. Бяше же и се зло вездѣ изліянно, не десять бо, или пять, но три, или два, вкупѣ совѣтъ каковъ творяще о дѣлѣ, или о разумѣ, разлучившеся врознь, единъ остается съ терпящими бѣды и напасти, другій же отскачетъ въ покой тѣлесный, въ велику же работу вражію, и составляюще ложная писанія, посылаютъ на соблазнъ оставшымся по нихъ, возвѣщающе о себѣ, яко въ велицѣй чести тамо суть, и многи дарове, и имѣнія пріяша; имъ же убо мнози и не вѣроваху, и сія оплюваху, мнози же и прельщающеся къ нимъ отбѣгаху. Не токмо же писаніи тайно, но и на бранѣхъ съѣзжающеся другъ друга обольщеваху, и не токмо простіи, но и разумніи, яко отъ полка Ангельска отскачуще, въ демоны прелагахуся. Всякъ же отъ своего чину выше начаша восходити: раби убо господіе хотяще быти, и невольніи къ свободѣ прескачуще; сильніи же разумомъ отъ тѣхъ въ прахъ вмѣняеми бываху и ничто же не по нихъ не смѣюще рещи... И вправду убо сія пострадахомъ: егда бо слышахомъ грады разоряемы, и видѣхомъ отъ нихъ, яко отъ огненны пещи избѣгающихъ звѣрскимъ рыканіемъ; имъ же не поболѣхомъ, ни плакахомся, ни рыдахомъ, ниже домы наша отверзохомъ имъ, и мнѣхомъ, яко не придутъ таяжде на ны, и глаголюще: далече суть сія, и тамо вся преминутъ... Бысть же тогда разореніе святымъ Божіимъ церквамъ отъ самѣхъ православныхъ, яко же капищемъ идольскимъ прежде отъ Великаго Владиміра; тогда на славу Божію, нынѣ же на утѣху бѣсомъ... Во святыхъ Божіихъ церквахъ скотъ свой затворяху, и псовъ во Олтарехъ питаху: освященныя жъ ризы не токмо на потребу свою предираху, но и на обуща преторгаху, и драгими багры, на плещу носимыхъ священныхъ Іереовъ, афедроны покрываху; и къ коимъ же вещемъ святымъ не возможно прикоснутися, ни приступити безъ говѣнія, но со страхомъ, и тая ношаху блудницы, и піяху съ плясаніемъ отъ нихъ, и безсловесныя скоты украшаху сими... Чинъ Иноческій и Священническій не вскорѣ смерти предаяху, но прежде злѣ мучаще всячески, и огнемъ жгуще, испытующе сокровищъ, и потомъ смерти предаяху, а ихъ же свѣдятъ Иноковъ непреходимыхъ отъ мѣста на мѣсто, но во единомъ обѣщаніи живуща, и таковыхъ работами облагаху, и стражи бяху имъ, и вина и пива варяху имъ; такожъ и кормы людскіе и конскіе готовяще, и пасяху стада ихъ. Такожде Іереевъ у мелива и у возовъ и у дровосѣчества моряху, и блудницъ стрежаху, и работающе блудницамъ, и воду ношаху имъ, и порты скверные мыюще на нихъ, и у коней ихъ все работающе повелѣнное имъ. И старые и святолѣпные мужи у ногъ ихъ валяющеся аки сиротки, и ругающеся имъ, повелѣваху пѣсни пѣти срамныя и скакати и плясати; непокаряющихжеся смерти предаяху. И премѣнишася тогда жилища человѣческая на звѣрская: дивіи бо не кроткое естество, медвѣди и волки и лисицы и заицы на градская и пространная мѣста пришедше, такожде и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицѣй пищи на трупѣ человѣческомъ вселишася, и звѣри и птицы малыя во главахъ и въ трупѣхъ человѣческихъ гнѣзда содѣяша: *горы* бо *могилъ* тогда явишася побіенныхъ по правдѣ ратовавшихся, ихъ же не лѣть изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша велицыи бои на прошествіи отъ Тулы въ Калугу, и подъ Кромами, и на Ворсмѣ подъ Каширою, и подъ Орломъ, и подъ Нижнимъ Новымъ-градомъ, и во многихъ мѣстѣхъ; и крыяхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя, и въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры недовѣдомыя, и въ водѣ между кустовъ отдыхающе, и плачущеся къ Содѣтелю, дабы нощь сихъ постигла, и поне мало бы отдохнути на сусѣ: но ни въ нощь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣста ко скрытію; и вмѣсто луны многіе пожары поля и лѣса освѣщеваху нощію, и никому же не мощно бяше двигнутися отъ мѣста своего: человѣкъ бо ожидаху, аки звѣрей отъ лѣсовъ исходящихъ, и оставиша тогда злодѣи за звѣрьми гоньбу, но женуще за своею братіею, и со псы, аки лютыхъ звѣрей пути пытаху, и существенные звѣри человѣкъ бѣгающихъ поядаху, и произволительныя звѣри не естествомъ, но нравомъ, такожде поядаху... Попусти же Господь нашъ и Богъ праведный гнѣвъ свой на насъ, не токмо злыхъ сихъ враговъ, но и звѣріе пакости дѣяху: нигдѣ бо, Христіане и земледѣльцы бѣгающе, не могоша житъ сѣменныхъ всячески скрыти: вездѣ бо изъ ямъ звѣріе ископоваху и поядаху, иніи же звѣріе токмо по лѣсу и по грязи разсыповаху далече. Такоже и Козаки и измѣнники, идѣже что останется каковыхъ житъ, то въ воду и въ грязь сыплюще, и коньми топчуще, а идѣ же не пожгутъ домовъ, или не мощно взяти домовныхъ потребъ, то все мелко колюще, и въ воду мещуще, входы же и затворы всякіе разсѣкающе, дабы никому же жительствовати ту... Непокорящихжеся ихъ злымъ совѣтомъ по всей земли всякъ возрастъ и всякъ чинъ, овѣхъ съ башенъ съ высокихъ градныхъ долу метаху, инѣхъ же съ бреговъ крутыхъ во глубину рѣкъ съ каменіемъ верзаху, инѣхъ же развязавше изъ луковъ и изъ самопаловъ розстрѣляюще, инѣмъ же голени на полы преламляху, у инѣхъ же чадо восхитивше, и предъ очима родителей на огни пряжаху, инѣхъ же отъ сосцу и отъ пазуху матерню отторгающе, о землю и о пороги и о камение и о углы разбиваху, инѣхъ же на копія и на сабли восткнувше предъ родительми ношаху. Красныхъ же женъ и дѣвицъ на многъ блудъ взимаху, и тако во многомъ скверненіи нечисты умираху; мнози же и сами изрѣзывахуся, смерть пріимаху, дабы не осквернитися отъ поганыхъ: иніи же въ воду ввергшеся съ бреговъ высокихъ, не бѣ бо мѣста ко скрытію. Матери же младенцевъ своихъ отъ глада и жажди въ невѣдѣніи задавляху, дабы ихъ ради гласа самимъ не погибнути: бѣгающе бо захватываху рты тѣмъ, и послѣди обрѣтающе тѣхъ мертвыхъ. И яко же пустынницы въ лѣсѣхъ со звѣрьми во единыхъ пещерахъ живуще, и ему же съ кѣмъ не возможно, той отъ того отбѣгаше, аще и не обѣщавшеся иночествовати: но дождь и снѣгъ и варъ и стуль нагимъ тѣломъ терпяще. Сія же зряще мужественніи сердцемъ, и рыкнувше разсѣдающимся внутреннимъ, предаяхуся на растесаніе, и на раздробленіе удовомъ; не могуще благородніи сынове зрѣти рождшихъ ихъ ложеснъ, у блудныхъ беззаконниковъ оскверняемыхъ злѣ, такожде и братія за сестръ своихъ нерушимаго ради дѣвства красоты скончевахуся... Идѣже пролита бѣ мученическая кровь, на томъ же бяше и бѣсованія блуднаго одръ; не пощадѣша бо и не возрастшихъ

юнотокъ, но и тѣхъ растлѣвше, нагихъ милостыни отпущаху просити, крови срамной текущи и власомъ тѣмъ одрапомъ сущимъ, но никтоже явѣ не смѣяше помиловати ихъ. Невѣсты же Христовы, честныя и святыя Инокини, разстризаеми бываху, и по станомъ ихъ влачими и оскверняеми блудомъ, и нудими бываху мясъ ясти, и въ постныя дни святыя сыру и млеку причащатися. Въ толико же безстудство внидше нечестивіи измѣнницы и Поляки, безстрашно вземлюще Святыя иконы мѣстныя и Царскія двери, и сія подстилающе подъ скверныя постели, и блудъ содѣвающе, и нечисты всегда сѣдяще, и зернію играюще, и всякими играми бѣсовскими; иные же Святыя иконы колюще, и вариво и печиво строяще: изъ сосудовъ же церковныхъ ядяху и піяху, и смѣющеся поставляху мяса на дискосѣхъ, и въ потирѣхъ питіе. Иніи же яко наругающеся святые сосуды преливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую. Воздухи же и пелены шитыя и низаныя драгія, тѣми покрываху кони своя, и на плещу свою вмѣсто приволокъ ко брани воздѣваху, и поясы священными опоясывахуся по блуднымъ нѣдромъ, и хоругви церковныя вмѣсто знаменъ изношаху,» и пр.

(312) О Филаретѣ, см. выше, примѣч. 300. — Аврам. Палиц. 44: «Такоже и Тверскаго Архіепископа Θеоктиста обезчествивше, и по многихъ мукахъ на пути ко царствующему граду въ бѣгствѣ смерти предаша, и ратнымъ обычаемъ отъ правовѣрныхъ взято бысть тѣло его, обнажены кости оружіи, и знаменіи животныхъ кровоядныхъ начертаны. Такожде и Суздальской Архіепископъ Галактіонъ во изгнаніи скончася; Епископа же Коломенскаго Іосифа, на пушкѣ привязавше, не единою подъ грады водяще, и симъ страшаще многихъ.»

*Никон. Лѣт.* 131: «Въ тожь время побѣжалъ къ Москвѣ Тверской Архіепископъ Θеоктистъ изъ Тушина, и ево жь убиша на дорогѣ.»

(313) См. выше, въ примѣч. 310.

(314) Палиц. 44: «И маліи отъ Священнаго чина тѣхъ бѣдъ избѣгоша, память же тѣхъ язвъ многимъ и до смерти остася.»

(315) *Никон. Лѣт.* 105: «Казань и Великій Новгородъ, и Смоленскъ, и Нижній, Переславль Резанскій, Коломна, Царство Сибирское: только городовъ стояху въ твердости; а то все прельстишася въ дьявольскую прелесть.»

О Саратовѣ см. *Хроногр. Стол.* л. 143 на обор.

(316) *The Russian Impostor*, 153: «Jn the mean time it was judged needful to fortifie and accommodate the Camp, as well against the approaching Winter, as the attempts of the Enemy. Several goodly Edifices were erected for the Nobility, and Tents and Huts prepared for the rest of the Army; so that the whole being divided into Streets and publike places, had the resemblance of a great City.»

Машкѣвичь: «Сей станъ былъ укрѣпленъ природою и искусствомъ: съ двухъ сторонъ окруженъ рѣками; высокими окопами и глубокими рвами, проведенными отъ одной рѣки къ другой.»

(317) Беръ пишетъ, что всѣ дивились чрезвычайному изобилію съѣстныхъ припасовъ въ Тушинѣ: головы, ноги и внутренности битой скотины валялись на улицахъ въ такомъ множествѣ, что собаки не успѣвали пожирать ихъ. Отъ того былъ дурной запахъ и даже боялись язвы. Послѣдній изъ воиновъ ежедневно приготовлялъ для себя самыя лучшія яства; изъ напитковъ болѣе выходило меду, нежели пива.

(318) См. сей *Исторіи* Т. XI, 15.

(319) Палиц. 40: «Отъѣха къ Нагайскому Князю Урусу сынъ его Князь Петръ, отвергся вѣры Христіанскія, и велику честь въ Россіи всю отверже, и жену свою, прежде бывшую за Княземъ Александр. Иван. Шуйскимъ, покинулъ и со отцемъ своимъ и съ Нагайскими Татары много зла содѣя по всѣмъ Украинскимъ городомъ. Такоже и Борисомъ поставленный Касимовской Царь къ Тушинскому ложному Царю приложися, и съ Польскими людьми и съ Рускими измѣнники вездѣ ратоваху.» — *Ник. Лѣт.* (стр. 89) говоритъ, что Князья Петръ и Александръ Урусовы измѣнили Царю еще подъ Тулою.

(320) См. выше, примѣч. 218.

(321) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 351. Марина писала къ отцу своему въ Генварѣ 1609 изъ-подъ Москвы, прося не лишить ее въ печали своего благословенія и простить, если она чѣмъ нибудь прогнѣвала его. Она прибавляетъ: «Въ письмахъ къ Его Царской Милости упоминайте обо мнѣ и просите, чтобы я у него могла имѣть почтеніе, милость.» Далѣе, жалуясь на претерпѣваемый ею недостатокъ, говоритъ, что «у нея нѣтъ и сундучка (ani skrzyneczki żadney nie mam).» См. тамъ же, на стр. 361, записку ея отъ 23 Марта.

(322) См. выше, примѣч. 138. Списокъ (на Польскомъ языкѣ) сей жалованной Грамоты, данной 14 Окт. 1608 изъ-подъ Москвы, находится въ Дѣлахъ Польскаго Двора 1736 года. — На основаніи сей и другихъ подобныхъ Грамотъ Польскій Коронный Великій Маршалокъ Мнишекъ не стыдился нѣсколько разъ (въ 1718, 1720, 1732 и 1736 годахъ) домогаться отъ Россійскаго Двора всего обѣщаннаго предкамъ его Самозванцами, или даннаго ими, но въ послѣдствіи отнятаго. (См. *Диплом. Собр. Дѣлъ*, Б. Каменскаго, I, 397.)

(323) Такъ названные *перелеты*. См. выше, примѣч. 233.

(324) Такъ пишетъ Машкѣвичь, очевидецъ сихъ происшествій и наблюдавшій причины оныхъ. См. также Бера.

(325) См. сей *Исторіи* Т. XI, Гл. IV.

(326) См. выше, прим. 321. — Въ томъ же письмѣ Марины сказано: «Nie tak, jakom sobie życzyła i pragnęła pożegnać, pożegnała . . . To sobie obiecywała, tego naywięcey życząc, abym była z ust rodzica mojego błogosławieństwo wzięła, tego znać żem godna nie była; lecz ja teraz przez ten list, upadłszy do nog nayprzód przepraszam ze łzami mojemi, uniżennie prosząc, aby to com ja kiedokolwiek, bądź z nieostróżnością, z umysłu, z głupstwa, z młodości ze złości czymkolwiek obraziła, teraz już mnie WM., móy Mościwy Pan i Oyciec, odpuścić racz.» etc.

См. также другія письма ея отъ 26 Генв. и 23 Марта 1609, въ *Собр. Гос. Грам.* II, 353 и 359.

(327) Въ *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго (на стран. 398) помѣщенъ переводъ Меморіала, поданнаго на Сеймѣ Послами Повѣтовъ. Списокъ онаго на Польскомъ языкѣ хранится въ Моск. Архивѣ, въ связкѣ писемъ Отрепьева, подъ No 55. Въ семъ Меморіалѣ означены жалобы Поляковъ на Россію, въ 8-ми статьяхъ: 1) что Русскіе, нарушивъ заключенную съ Поляками дружбу, обезчестили Королевскихъ Пословъ, и около двухъ лѣтъ томили ихъ въ заключеніи; 2) что они предали смерти Польскихъ людей, прибывшихъ въ Москву съ паспортами Королевскими и Рѣчи Посполитой и не вѣдавшихъ ни о какомъ обманѣ; 3) что мучили Сенатора Польской Короны, Воеводу Сендомирскаго, и другихъ знатныхъ особъ, пригласивъ ихъ къ себѣ подъ видомъ дружбы, и уже присягнувъ на вѣрность дочери перваго; 4) что отобрали у разныхъ людей грамоты Королевскія; 5) что оскорбили Бога въ лицѣ служителя его, Ксендза и Секретаря Королевскаго, умерщвленнаго предъ самымъ Олтаремъ; 6) что возстали на Царя своего Димитрія

послѣ заключенія имъ союза съ Польскою Короною, и тѣмъ оскорбили Короля и Рѣчь Посполитую: почему, если онъ живъ еще, должно подать ему помощь; 7) что нанесли *общую всѣмъ обиду*, удержавъ, ограбивъ и заключивъ въ темницу Испанскаго Священника, прибывшаго въ Москву отъ Папы и Короля Испанскаго съ драгоцѣнною церковною утварію (въ сей статьѣ прибавлено, что нѣкто изъ Шведовъ, Густавъ, также умеръ въ темницѣ 1607 года: вѣроятно Шведскій Королевичь, пріѣхавшій въ царствованіе Бориса); наконецъ 8) что побуждаютъ, какъ слышно, Шведовъ и Татаръ къ нападенію на Польшу.» За симъ сказано, что представляющійся случай есть самый лучшій для возвращенія Польшѣ всего, что ей принадлежитъ по праву, и означены средства помочь Самозванцу.

(328) См. сей *Исторіи* Т. XI, стр. 24.

Нѣмцевичь (*Dz. P. Z. III*, Т. II, 348) пишетъ, что еще при Лжедимитріи одинъ изъ посланныхъ въ Польшу изъяснялъ о желаніи Бояръ имѣть Государемъ своимъ Королевича Владислава, вмѣсто Самозванца; что тоже повторяли сами Бояре по убіеніи Лжедимитрія, говоря даже о готовности Шуйскаго уступить вѣнецъ Королевичу, и что сіе извѣстіе подтвердилось прибывшими изъ Москвы Стадницкимъ и Домарадзкимъ. Нѣмцевичь и Нарушевичь ссылаются на современную рукопись Гетмана Жолкѣвскаго, *Объ успѣхахъ войны въ Россіи*, находившуюся въ Библіотекѣ Залусскихъ (См. Наруш. *Hist. Chodk.* I, кн. IV, прим. 17, 107 и 108).

(329) См. Нарушевича, *Hist. Chodk.* I, кн. IV, 255 — 259.

(330) См. выше, стр. 51.

(331) *Hist. Chodk.* I, кн. IV, прим. 113.

(332) Машкѣв.: «obiecując tę woynę przez dobycie stoli skończyć.»

(333) Жолкѣвскій не страшился писать о семъ Королю: «Слышно въ народѣ, что В. Кор. Вел. не столько думаете въ семъ дѣлѣ о благѣ Рѣчи Посполитой, сколько о собственныхъ своихъ выгодахъ. Не только чернь, но и знатные, хотя и не охотно, съ душевною скорбію, говорятъ о семъ замыслѣ вашемъ.» (См. *Dz. Pan. Zygm. III*, II, 351). — См. также Наруш. *Hist. Chodk.* I, кн. VI, примѣч. 114.

(334) Наруш. тамъ же, примѣч. 122.

(335) Потомокъ Всеволода въ шестомъ колѣнѣ, К. Вас. Андр., принялъ названіе *Пожарскаго* отъ того, что ему достался въ наслѣдство опустошенный пожарами городокъ Погаръ, который до нашествія Татарскаго именовался Радогость. См. *Біограф. свѣд. о Князѣ Д. М. Пожарскомъ*, соч. А. Ѳ. Малиновскаго, *Родосл. Книгу Князей и Дворянъ Россійскихъ*, Ч. II, стр. 59, 300 и 362, и *Розряд. Книг.* л. 973 и 979.

(336) *Ник. Лѣт.* 106: «Ко Царю же Василью писали къ Москвѣ съ Коломны Воеводы Ив. Пушкинъ да Сем. Глѣбовъ, что отъ Володимеря идутъ подъ Коломну многіе Литовскіе люди и Рускіе воры; Царь же Василей посла на Коломну Воеводъ своихъ, К. Дмитрія Мих. Пожарскаго съ ратными людьми. Онъ же пріиде на Коломну, и посла провѣдывать про тѣхъ Литовскихъ людей; вѣстовщики, пріѣхавъ, сказаху, что стоятъ Литовскіе люди за тридцать верстъ Коломны въ селѣ Высоцкомъ. К. Дмитр. Мих. поиде съ Коломны на встрѣчу противъ Литов. людей, и пріиде на нихъ въ ту Высоцкую волость на утренной зорѣ, и ихъ побилъ на голову, и языки многіе поималъ, и многую у нихъ казну и запасы поималъ; достальные жь Литовскіе люди побѣгоша въ Володимеръ.»

(337) Тамъ же, 109 и дал.: «Собрахуся многіе Понизовые люди, Мордва и Черемиса, и пріидоша подъ Нижней Новгородъ, и градъ Нижней осадиша; изъ Тушина же пріидоша подъ Нижней Литовскіе люди; Воевода у нихъ былъ К. Сем. Вяземской. Нижегородцы же, видя тѣсноту городу и прося у Бога милости и поидоша на вылазку, и тѣхъ Литовскихъ людей и Рускихъ воровъ побиша многихъ, и Воеводу у нихъ К. Семена взяша и въ Нижнемъ повѣсиша безъ Государева вѣдома. — Царь же Василей повелѣ Боярину Ѳед. Ив. Шереметеву съ Балчика итить къ Москвѣ. Ѳедоръ же Ив. съ Балчика многіе Понизовые городы очистилъ и воровскихъ людей побилъ. — Нижегородцы же, слышаще походъ ратныхъ людей изъ Балчика къ Нижнему, и собрався поидоша къ Балахнѣ, и Балахну градъ взяша и ко кресту ихъ приведоша. Богъ же вложи мысль добрую во всѣхъ черныхъ людей, и начаша сбиратися по городомъ и по волостемъ: въ Юрьевцѣ въ Поволскомъ собрашася съ Сотникомъ съ Ѳедоромъ Краснымъ, на Решѣ съ крестьяниномъ съ Гришкою съ Лапшою, на Балахнѣ съ Ивашкомъ съ Кувшинниковымъ, въ Городцѣ съ Ѳедькою Нагавицынымъ, на Холую Илейка Денгинъ, и совокупишася всѣ въ единомысліе, поидоша въ Лухъ, и въ Луху Литовскихъ людей побиша, и Дворянъ поимавъ ссылаху въ Нижней, а иныхъ поимаху и домы ихъ разориша, и поидоша въ Шую. Лисовской же слыша то, посла противу ихъ Ѳедора Плещеева въ село Дунилово; они же слышаше то, что Ѳедоръ приде съ воровскими людьми съ Литовскими, и ихъ побиша на голову; Ѳедоръ же утече въ Суздаль съ невеликими людьми; на Москвѣ жъ про то отнюдь не вѣдомо ничто.»

(338) См. Грамоту Царя Василія къ Галицкимъ жителямъ, 30 Ноября 1608. (Въ *Собр. Гос. Грам.* II, 341): «Слухъ насъ дошелъ, что вы, исторопясь воровъ, неволею ворамъ крестъ цѣловали, и мы о томъ поскорбѣли, какъ естя такъ учинили, и чему повѣрили, и на что смотря смутились, и для чего душами своими погибаете?... Нынѣ и сами не вѣдаете, кому крестъ цѣлуете и кому служите, что васъ Литва обманываетъ... И хотя они вамъ и манятъ для того, чтобъ имъ тѣмъ осилити Моск. Государство, а только по грѣхамъ что надъ Моск. Государствомъ учинятъ вашимъ преступленіемъ, и надъ вами послѣ того тожь поруганіе сдѣлаютъ... И нынѣ надъ правосл. Вѣрою какое злое поруганіе дѣлаютъ, церкви Божія разоряютъ и образы обдираютъ и колютъ, и раки чудотворныя разсѣкаютъ, про то вамъ самимъ подлинно вѣдомо; а впредь отъ нихъ какого добра ждати за то всѣмъ правосл. Христіанамъ? пригоже помереть. А пишемъ мы къ вамъ вправду, о васъ милосердовавъ... И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ попомнили правосл. Вѣру... чтобъ вашею службою и радѣніемъ Моск. Государство отъ воровъ не разорилося... А буде не сберетесь, своихъ мѣстъ отъ воровъ оберегати не учнете, или Моск. Государство ворамъ поддадите, и Моск. Государству и прав. Вѣрѣ и своему отечеству вы будете предатели: что надъ Москвою учинится, и то Богъ сыщетъ на васъ, всѣ вы тому повинны; да и вамъ отъ воровъ отъ Литвы никако не проминетъ, всѣхъ васъ воръ и Литва разоритъ безъ остатка; а то вскорѣ сберетеся и свои мѣста отъ воровъ очистите и намъ помощь учините, и вы всѣ будете безпечальны и домы ваши будутъ въ тишинѣ и въ покоѣ... А мы... васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ, и всякія ваши разоренья велимъ попомнить, и льготою васъ пожалуемъ во всякихъ податѣхъ на многія лѣта, и торговати вамъ велимъ безпошлинно, и службу вашу великую учинимъ памятну.»

См. тамъ же и прочія Грамоты Царя Василія: въ Устюжну Желѣзопольскую, 23 Дек. 1608 г. (тутъ предписывалось всѣмъ ополченіямъ собираться въ Ярославль для общей защиты); въ Вологду, 15 Мая 1609; Вологодскимъ, Бѣлозерскимъ, Устюжскимъ и другимъ ратнымъ людямъ, 23 Мая; наконецъ, всѣмъ войскамъ собравшимся у Ярославля, 28 Іюня (тутъ исчислены Вологжане, Бѣлозерцы, Устюжане, Каргопольцы, жители Соли-Вычегодской, Тотмичи, Важане, Двиняне, Костромичи, Галичане, Вятчане). Въ 1609 году Сѣверные города уже держались стороны Царя. См. Бера и Петрея.

(339) Какъ видно, зимою, съ 1608 на 1609 годъ: ибо крестьяне, по словамъ Бера и Петрея, бросали грабителей подъ ледъ. — Петрей, 424: «Ihr abgescheumete Schelmen und Verrähter, habet uns in kurtzer Zeit diß ort Landes rein außgeplündert und verzehret, alle Schaffe, Ochsen, Kühe und Kälber auffgefressen; gebet nun hin unter das Eyß, und fresset die Fische, die in der Wolga und andern Wassern seyn.» — Крестьяне, говоритъ Беръ, называли своихъ притѣснителей *глаголями*, отъ того, что Поляки ходили съ бритыми головами, оставляя только на верху хохолъ или пучокъ волосъ (Zöpfe).

(340) См. вышепомянутую въ примѣч. 338 Грамоту Царя Василія въ Устюжну Желѣзопольскую, 23 Дек. 1608 (*Собр. Гос. Гр.* II, 346): «Слухъ насъ дошелъ, что вы, попомнивъ Бога и своя души, крестное свое цѣлованіе, за нашу истинную православн. Хрестьянскую Вѣру, и за разореніе Моск. Государства, и за все правосл. Хрестьянство, и за свои домы противъ воровъ стали,» и проч.

См. тамъ же (стран. 363) Грамоту Царя Василія къ Вологод. Воеводѣ Пушкину, 15 Мая, 1609: «Писали есте къ намъ, что вы... нашихъ измѣнниковъ, которые отъ вора пріѣхали на Вологду, Ѳедьку Нащокина съ товарищи и Литовскихъ многихъ людей, переимавъ, побили, и городъ и острогъ сдѣлали, и въ Вологодскомъ уѣздѣ по многимъ дорогамъ засѣки посѣкли и людей по засѣкамъ поставили; а изъ Поморскихъ городовъ изо всѣхъ Воеводы наши прислали къ вамъ на Вологду многихъ ратныхъ людей, и стоятъ съ вами единомышленно; а въ городы въ Пошехонье, и на Романовъ, и на Кострому, и въ Галичь, и въ иные городы послали головъ со многими ратными людьми, и тѣ люди намъ многіе городы очистили; и мы, слыша о томъ, обрадовались.»... Слѣдуетъ повелѣніе *отписать* противъ сей Грамоты въ Тотьму, Устюгъ, Соль Вычегодскую, Каргополь, Пермь, Вятку, на Двину, и пр. съ тѣмъ, чтобы жители сихъ мѣстъ собирались у Вологды и потомъ шли въ Ярославль, или въ Ростовъ.

(341) Въ жалованной Грамотѣ *Имениmому человѣку* Петр. Семен. Строганову, 29 Мая 1610 (*Собр. Гос. Гр.* II, 386), сказано: «Будучи у Соли Вычегоцкіе намъ служилъ и прямилъ во всемъ, и отъ Моск. Государства не отступилъ, и къ Польск. и къ Литовск. людемъ и къ Рускимъ воромъ не приставалъ.... и ратныхъ многихъ людей на нашу службу противъ воровъ посылалъ, и Поморскіе, и Пермскіе, и Казанскіе городы отъ шатости укрѣплялъ, да у него жъ иманы на насъ на Москвѣ и по инымъ городамъ въ ссуду многія денги и даваны служилымъ людемъ на жалованье. И за тѣ его службы и радѣніе, мы.... П. С. Строганова пожаловали, велѣли писати ему изо всѣхъ Приказовъ въ нашихъ Грамотахъ и въ наказѣхъ съ *вичемъ*... И наши Бояря и Воеводы, и Дьяки и всякіе наши Приказные люди въ городѣхъ его Петра и дѣтей его и племянниковъ, и людей его и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ. А кому будетъ до нихъ дѣло, и ихъ сужу язъ Царь,» и пр... (слѣдуетъ исчисленіе другихъ дарованныхъ ему преимуществъ).

(342) О Дэніилѣ Эйлофѣ см. Бера, который говоритъ, что онъ былъ родомъ изъ Нидерландовъ, поселился въ Россіи, принялъ Греческую вѣру и содержалъ соловарни; убѣдивъ жителей Костромы, Галича и Вологды отложиться отъ Лжедимитрія, собралъ и самъ 200 человѣкъ противъ Поляковъ; по 11 Декабря попался имъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дочерьми своими, которыя обязаны спасеніемъ чести тогдашнему Ярославскому Воеводѣ Шмиту. Выкупившись изъ плѣна за 600 талеровъ, Эйлофъ дѣйствовалъ снова противъ Самозванца и Воеводы его Шмита.

(343) См. Бера, о разореніи сказанныхъ городовъ и о походѣ Лисовскаго и Тишкѣвича.

Рукоп. Филар.: «Панъ Зборскій и К. Григ. Шаховскій, по повелѣнію того ложно названнаго Царя Дмитрея и по разсказанію Гетманскому, путь радостно воспріемлютъ, и дошедъ до града до Зубцова и оттолѣ поидоша нощію подъ городъ Старицу, въ немъ же сидятъ Царевы люди, и на городъ той нападоша напрасно и со всѣ страны поидоша на стѣны града того. Сѣдящіи же въ немъ людіе ужасни быша вельми, браннымъ своимъ ополченіемъ не возмогоша стояти противу враговъ своихъ: зане мало ихъ во градѣ томъ бяше. Устремившеся бѣжати по храмѣхъ молитвенныхъ *и тамо уповаше смерти убѣжати*, и тако мечемъ погибоша, жестокою смертію живота гонзнуша.»

(344) *Ник. Лѣт.* 111: «Грады же Поморскіе и Вологда и Устюгъ Великій и иные городы обратишася на истинный путь, и Царю Василію цѣловаша крестъ, и Литовскихъ людей побиша, и собрашася черные люди, такожъ какъ и Понизовые городы, и многіе городы очистиша и пріидоша въ село Даниловское и поставиша тутъ острогъ. Литовскіе же люди и Руские воры, собрався многіе люди, и пріидоша къ Даниловскому, и бои быша многіе; грѣхъ же ради нашихъ тотъ острогъ взяша, и многихъ черныхъ людей побиша, а сами отыдоша въ Ростовъ.»

(345) О Нащокинѣ см. выше, прим. 340. — О Застолпскомъ и Панѣ Маттіасѣ см. окружную Грамоту Кн. Скопина Шуйскаго, въ *Собр. Гос. Гр.* II, 343. — О Шмитѣ см. Бера.

(346) См. Грамоты, приведенныя выше, въ прим. 338 и 340.

(347) См. выше, стран. 57.

(348) Аврам. Палиц. 189: «На Царя и на Святителя вооружаются, глаголюще: сіи убо гладъ и мечь Царева ради несчастія.»

(349) См. выше, стран. 82.

(350) *Ник. Лѣт.* 111. — *Латух. Ст. Кн.*: «Единъ отъ Болярь, К. Романъ Гагаринъ, да Григ. Санбуловъ и Тимофей Грязной къ Боляромъ Большимъ пришедше, и начаша имъ говорити, чтобы Гос. Царя Вас. Іоан. перемѣнити. Боляре же сего не восхотѣша.» Тоже и въ *Хронографѣ Ключарева*.

(351) Въ *Латух. Ст. Книгѣ* описанный здѣсь мятежъ отнесенъ также въ 7117 (1609) году, но тоже повторено въ слѣдующемъ съ означеніемъ дня (17 Февр. какъ въ *Львов. Лѣтописцѣ*). Если мятежники бѣжали къ Самозванцу въ Тушино, то конечно въ 1609 году: ибо въ слѣдующемъ Тушинскаго стана уже не было.

(352) *Хрон. Ключ.* и *Стол.*: «Согласився съ *потаковники* своими и сѣлъ на Моск. Государство сильно (т. е. насильно).»

(353) *Латух. Ст. Кн.*: «А нынѣ его ради кровь Христіанская ліется, понеже онъ Царства сего недостоинъ и не потребенъ на все.» *Хрон. Стол.*: «Онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ и многая піяница, и блудникъ и всячествованіемъ неистовенъ,» и пр.

(354) *Лат. Ст. Кн.*: «Сія же народи слышаху и тѣмъ мятежникомъ отвѣтъ творяху сице: мы вси Благочестивому Гос. Царю В. І. покарятися ради, а сѣлъ онъ Государь на Царство не собою, по выбрали его Большіе Боляре и вы, Дворяне и служилые люди; (въ *Стол.*: «а піянства и всякаго неистовства мы въ немъ не вѣдаемъ) а когда бы онъ Царь вамъ и неугоденъ былъ, то невозможно его Государя безъ Большихъ Бояръ и всенароднаго собранія съ Царства свести. И тако суровіи крамольницы народъ возмутити невозмогоша, но безстудно къ Царю Государю пріидоша въ полаты съ великимъ вопленъ и наглостію, укоряти и поношати его начаша. Царь же В. І. видя ихъ безстудное устремленіе (въ *Стол.*: «и въ лице имъ ста») и рече имъ: что вы законопреступніи людіе нагло пріидосте ко мнѣ? еда ли убити мя хощете, то азъ убо на смерть готовъ есмь; аще ли же отъ Царства изгнати мя тщитеся, и того безъ Большихъ Бояръ и Дворянъ невозможно вамъ сотворити, безъ совѣту всея Россійскія земли. Сія же слышавше мятежницы оии, и со срамомъ отъ Царя отъидоша и къ воровскому Царику отбѣгоша въ Тушино вси.»

*Ник. Лѣт.* 111: «Идоша къ Патріарху, взяша съ мѣста изъ Соборной церкви и ведоша его на лобное мѣсто; онъ же аки крѣпкій адамантъ утверждаше и заклинаше, не веля на такую дьявольскую прелесть прелыщатись, и поиде Патріархъ на свой дворъ. Они же посылаше по Бояръ, и Бояре отнюдь къ ихъ дьявольскому совѣту непоѣхаша; одинъ къ нимъ пріѣхалъ Бояринъ К. Вас. Вас. Голицынъ (въ *Латух.*: «а иніи мятежницы изъ полковъ пріидоша.») Бояре же, собрався изъ полковъ пріидоша ко Царю Василію; тѣжъ съ Лобново мѣста пріидоша (съ) шумомъ на Царя В. — Царь же В. выиде противу ихъ и мужественно и не убоявся отъ нихъ убивства; они же видя его мужество и ужасошася, отъ него побѣгоша вѣе изъ города, и отъѣхаша въ Тушино человѣкъ съ триста.»

См. также Хронографы.

(355) Объ измѣнѣ Трубецкаго см. выше, стран. 48 и прим. 191.

О казни Крюка Колычева *Никон. Лѣт.* 112.

(356) Надъ сею ратію начальствовалъ Полковн. Млоцкій. См. *Ник. Лѣт.* 112.

(357) Тамъ же.

(358) Аврам. Палиц. 189: «Купцы жъ Московстіи, во единъ совѣтъ совокупльшеся, и повсюду отъ имѣній своихъ дающе на закупъ, еже бы имъ и у прочихъ градовъ и селъ всяко жито иззакупити, и сія собирающе не вскорѣ продаваху, но ожидающе, дондеже отягчится цѣна, и сугубо десятерицею прикупъ хотяше воспріяти, и немощніи имѣніемъ всяко до конца оскудѣша; отвнѣ же люту мечу яростну зѣльнѣ належащу, и всяко убо богатство къ житопродавцемъ преходитъ; убозіи же отъ глада злѣ мучими скончевахуся. Сицевая убо зря Царь Василей, стѣсняется болѣзненно сердцемъ и повелѣваетъ житопродавцемъ во едину цѣну продавати и купити; но никако о семъ не брегше житопродавцы. Державный же покусися не единою градскимъ закономъ смирити сихъ: сего же ради елико убо въ прочихъ градѣхъ и селѣхъ закупленая ими сташа недвижима, и къ царствующему граду непроходима. Царь же и отъ прочихъ градовъ мнѣвъ искоренити сихъ умыслъ, но никако же возможе, паче же на горшая обратишася.... Созвану бывшу всему народу всякаго чина въ домъ Матере Слова Божія, и сихъ Святѣйшій Патріархъ Іермогенъ много поучая, дабы въ любовь и въ соединеніе тѣхъ привести, и на милосердіе превратити; потомъ же и Царь молитъ всѣхъ отъ вельможъ и до простыхъ людей, чтобы на купилищи всенародномъ продавали всякое жито во едину цѣну и не возвышали бы цѣны, и сильные имѣніемъ не закупали бы на много время и не оскудѣвали бы маломощныхъ. Они же въ храмину немилосердія вскочше и двери жестосердія закрѣпльше, уныніемъ лицемѣрнымъ отвѣщаху: Ни, Царю праведный, ни, Владыко святый! Вси не имамы чрезъ потребу, но токмо на мало время. Всѣмъ же отходящимъ со отрицаніемъ, и всякъ кождо себе щадя, а не Господа славы І. Х. ищуще.» — О ропотѣ на Царя см. выше, прим. 348.

(359) *Ник. Лѣт.* 112: «И многіе люди поидоша въ Тушино, а иные хотяху итить на Царя Василія, приходяху (съ) шумомъ: докудова въ осадѣ сидѣти и такова гладу дотерпѣти? Царь же Василей ихъ укрѣпляше, разговариваше ихъ; они же тово не слушаху.»

(360) Аврам. Пал. 190: «Тогда же давъ Богъ совѣтъ благъ Царю и Святителю, и никому же увѣдавшу смысла ихъ, что ради се бысть. Призываютъ убо Инока Аврамія, Келаря Троиц. Серг. монастыря, рекше: Се, Авраміе, зриши, коликъ народъ гладомъ погибаетъ и неволею прилагается ко врагомъ, не имуще потребъ осадныхъ, ты же сотвори повелѣнное нами: елико убо имѣеши житъ въ житницахъ чудотворцовыхъ, продаждь отъ сихъ на купилищи всенародномъ малѣйшею цѣною. Келарь же повелѣнное Царемъ и Патріархомъ вскорѣ сотвори, извезти повелѣ двѣсти мѣръ ржи. И по повелѣнію Цареву начевше продавати по два рубли четверть. Житопродавцы же зѣльнѣ гнѣвахуся и оцѣпенѣваху. Слышано бо бысть имъ, яко вся запасная сокровища великаго Чудотворца распродавати, и на много время простречся обниженіе цѣнѣ и бѣдамъ ихъ великъ убытокъ будетъ. Добрѣйшіи же начаша спускати цѣну и уставишася на мѣрѣ въ дву рублехъ на долго время.»

(361) *Ник. Лѣт.* (стр. 112) говоритъ, что съ Кн. Гагаринымъ пришелъ изъ Тушина и Ротмистръ Маттіасъ Мазиновъ: «Начаша во весь міръ говорити, чтобъ не прелыщались на дьявольскую прелесть, прямо истинной воръ, а заводъ весь Литовскаго Короля, что хотя православную Вѣру Христіанскую попрать. А то въ таборѣхъ подлинно вѣдомо, что въ Новгородъ пришли Нѣмецкіе люди, а Литву отъ Новагорода отбили прочь; людіе жи на Москвѣ въ тѣ поры быша въ великой шатости, многіе хотяше къ Тушинскому вору итти, и слыша такія рѣчи отъ переѣзщиковъ, укрѣпишася на Москвѣ: ни единъ съ Москвы не поѣхаша въ Тушино.»

Въ Грамотѣ Царской Бояриму Князю М. В. Скопину-Шуйскому, 2 Іюн. 1609, (по списку бывшему у покойнаго Графа Н. П. Румянцева): «А Маія въ 28 день пріѣхали къ намъ изъ воровскихъ полковъ Матьяшъ Мизиновъ, что взятъ подъ Козельскомъ, да К. Ром. Гагаринъ съ дѣтьми, да Дм. Пушечниковъ, да Смольянъ Ѳедоръ да Осипъ Языковы съ товарищи, а въ роспросѣ сказали, что Литовскіе люди слышали про твой приходъ, послали противъ тебя Полковника Александра Язоровскаго (Зборовскаго), а съ нимъ Литовскихъ людей семь ротъ, да изъ подъ Осипова монастыря велѣли иттить Руцкому (Заруцкому), а съ нимъ Литовскихъ людей и Черкасъ пять ротъ, да отъ вора посланъ К. Григ. Шаховской, а съ нимъ

**Рускихъ людей всякихъ съ двѣсти человѣкъ ... А въ воровскихъ табарѣхъ осталось Литовскихъ людей и Рускихъ воровъ всякаго человѣка тысячи съ три, и у нихъ де межь себя великая рознь,» и пр.**

(362) См. выше въ семъ Томѣ, стран. 55.

(363) *Розряд. Кн.* л. 1104.

(364) Видекиндъ, 46: «Crebro missis literis.... obnixe rogabat, nè fidem asseclis redivivi Jmpostoris haberent, sed ferrent opem veræ Ducum Moschoviæ propagini, ad quam delendam technis Polono-Jesuiticis iterum subornari novam larvam.... studio occupandi Moschoviam, quâ subactâ Polonos junctis viribus arma in Sveciam versuros.» — Далѣе: «Deplorandam faciem Moschoviæ depingebat et quomodo per fabulam hanc viam sibi ad extirpandam Græcam Religionem Poloni communirent, et agi hæc omnia consiliis Papæ et Regis Hispaniarum, uti ex Crellii literis Pragâ datis constabat.»

См. также Далинову *Исторію Швеціи*, Т. III, Ч. 2, стран. 454.

(365) Видек. 63: «Magnum Ducem frui prospera valetudine et ex parte obsequentibus subditis, exceptis 8000 ferme, qui vel errore vel studio novitatis, impostoris partes sequuti, nunc cum 4000 Polonis, 2000 Cosacis et Sarcassiis, Moschuam et omnia itinera Smolenscum et Novogardiam versus euntia obsideant.»

(366) О безпорядкахъ и злодѣяніяхъ въ Псковѣ см. выше въ семъ Томѣ, стран. 73 и 74.

(367) *Ник. Лѣт.* 107: «Во Псковъ посла съ грамотами для утвержденія; во Псковѣ жъ не помня крестнаго цѣлованія Государю измѣниша, цѣловали крестъ вору.... Князь Михайло жъ совѣтовалъ съ Михайломъ Татищевымъ да съ Дьякомъ съ Ефимомъ Телепневымъ, и побоясь отъ Новгородцовъ измѣны, побѣгоша изъ Новагорода къ Иваню городу не съ великими людьми; съ дороги жь отъ нево побѣгоша назадъ въ Новгородъ Ѳеонасей Бурцовъ и сказаша, что К. Михайло пошелъ къ Иваню городу. И не доходя до Иванягорода пріиде къ нему вѣсть, что Иваньгородъ измѣниша, цѣловалъ крестъ вору; они же быша въ великой ужасти, въ страхованіи, невѣдомо камо ѣхати, и вздумавъ поѣхаша къ Орѣшку; тутъ же отъ него побѣгоша Ондр. Колычовъ да Нелюбъ Агаревъ. Князь Михайло жъ Вас. положилъ упованіе на Бога, пришелъ на Невское устье; въ Орѣшкѣ жъ въ тѣ поры Воевода Мих. Салтыковъ, и послаша къ нему съ вѣстью; Михайло жъ имъ великую пакость дѣяше, и во градъ ихъ не хотя пустити. Въ Новѣ жъ городѣ Митрополитъ Исидоръ и всѣ Новгородцы, видя такую погибель, что Воевода, городъ покиня, пошелъ вонъ, они же быша въ великомъ плачѣ и въ сѣтованіи и въ страхованіи, и здумаша послати за нимъ бить челомъ, чтобъ онъ воротился въ Великій Новгородъ, а у нихъ единодушно, что имъ всѣмъ померетъ за православную Христіанскую Вѣру и за крестное цѣлованіе Царя Василья. Посла жъ за нимъ властей и пятиконецкихъ Старостъ со умоленіемъ, чтобы онъ воротился въ Новгородъ; они же его соидоша подъ Орѣшкомъ и начаша ему бить челомъ и цѣловаху ему крестъ. К. Михайло жъ Вас. со всѣми людьми воротся, и пріиде въ Новгородъ. Новгородцы жъ всѣ, Митрополитъ и Дворяне и Дѣти Боярскіе и посадскіе люди возрадовашесь и пріяше его съ великою честію. Князь Михайло жъ Вас. начатъ въ Новѣгородѣ сбиратись съ ратными людьми.»

О Салтыковѣ см. *Розр. Кн.* л. 1104 на об.

(368) *Ник. Лѣт.* 108: «Пріиде вѣсть ко К. Мих. Вас. что изъ Тушина идетъ подъ Новгородъ Полковникъ Корнозицкой со многими людьми Литовскими и Русскими воры. К. Михайло жъ Вас. нача строити рать и послати хотя противъ ихъ на Бронницы. Михайло жъ Татищевъ нача у К. Михайла прошатись, онъ же нохотѣ ево отпустить съ ратными людьми. Пріидоша жъ ко К. Мих. Вас. Новгородцы и возвѣстиша ему на Мих. Татищева, что онъ идетъ для того, что хочетъ Царю Василью измѣнити и Новгородъ сдать. К. Михайло жъ Вас. слыша такое дѣло и собра всѣхъ ратныхъ людей и возвѣсти имъ про Михайла; они же всѣ возопиша и не роспроша убиша его миромъ. К. Михайло жъ Вас. повелѣ его погрести въ Онтоньевѣ монастырѣ.»

(369) Тамъ же, 109: «Пріиде къ Новугороду Полковн. Корнозицкой со многими людьми и ста у Спаса на Хутынѣ, и многу пакость дѣлаше Великому Новугороду и уѣзду, и многіе Дворяне отъѣзжаху въ Литовскіе полки.... И уѣздные жъ люди и Новогородцы слышаху, что стоятъ подъ Новымъ городомъ Литовскіе люди, начаша сбиратися итти къ Новугороду; на Тихвинѣ собрался Степанъ Горихвостовъ, а съ нимъ собралося всякихъ людей человѣкъ до тысячи, а въ Заонежскихъ погостѣхъ собрался Евсевей Резановъ, и поидоша къ Новугороду, Стефанъ же передомъ, а Евсевей послѣ, и пріиде Стефанъ на Грузино. Литовскіе жъ люди поимаху языковъ крестьянъ и приведоша ихъ на Хутынь, идѣже Обитель Всемил. Спаса и Препод. Отца нашего Варлаама, къ Литовскому Полковнику къ Корнозицкому, онъ же начать ихъ пытати. Они же люди простѣе не знаху смѣты, и сказаху Корнозицкому, что пріидоша на Грузино ратныхъ людей множество, а за ними идетъ большая сила; милостію же Божіею и молитвою Преп. Чудотв. Варлаама, не похотѣ своей Обители видѣти въ скверности, и положи на нихъ страхъ велій и побѣгоша отъ Новагорода съ великою ужастію. Митрополитъ же и К. Мих. Вас. и всѣ Новогородцы обрадовашеся, что Новгородъ очистися, ко Царю Василью послаша съ вѣстью; на Москвѣ же тому отнюдь вѣры не имяше, а изъ Нѣмецъ отъ Сем. Вас. Головина вѣсти не бысть.»

(370) Видек. о Керносицкомъ, 64: «Viciniam Novogardiæ a 2000 Lithvanis ac 4000 rebellium Moschorum infestatam esse.

(371) *Дѣла Шведск.* No. 9, л. 2 и дал.: «Договорились.... итти съ нами Вельм. Короля Карла Воеводамъ Аксель Курку, да Маршалку Кристеръ Суму, да Ондрею Бою, да Евонъ Горну, да съ ними за наемъ коннымъ збруйнымъ 2000 челов., да пѣшимъ добрымъ оружникомъ 3000 чел. ко Государю Царю нашему.... на помочь къ Москвѣ, по прежнему договору; да сверхъ наемныхъ 5000 чел. сколько Вельмож. Король Карло пустить, оказуючи ко Государю и ко всему Рос. Государству любовь, а за тое Королевскую.... дружбу и пріятельство.... мирного постановленья, которое учинено межь Рос. и Свѣйск. Государствомъ во 103 (1595) году ничѣмъ не рушити и держати на вѣки крѣпко, потому какъ въ прежнихъ мировыхъ записяхъ написано, и въ Лифляндскую землю Государю нашему и его дѣтямъ и наслѣдникомъ не вступатца.... Также Государю нашему.... съ Свейскимъ Карломъ Королемъ... быти въ одиначествѣ на нынѣшняго владѣющаго Жигимонта Короля Польскаго и на его дѣти и на наслѣдники и на все Княжество Литовское стояти за одно. И Государю нашему... безъ вѣдома Карла Короля... съ Литовскимъ Королемъ... не миритись, а Карлу... безъ Государева вѣдома... съ Литовскимъ... также не миритись, и пр... Также коли нужа иметъ Карла Короля понадобятца ему

воинскіе люди, и Государю нашему дати ему ратныхъ людей столько же, сколько Король Карло Государю нашему на помочь нынѣ людей дастъ, и пр.... А что Свѣйского Короля... ратные люди къ Государю нашему... на помочь къ Москвѣ поидутъ, и тѣмъ ратнымъ людемъ дати Государю нашему наемные денги по договору Боярина и Воеводы Кн. М. В. Шуйскова, какъ онъ договорился въ Новѣгородѣ съ Королевскимъ Дьякомъ съ Моншею Мартиновымъ (Магнусомъ Мартенсономъ), и по Росписи, какову *Роспись* далъ Боярину и Воеводѣ К. М. В. Шуйскому Монша за Граѳовою (т. е. Графа Мансѳельда) рукою, 2000 человѣкомъ коннымъ збруйнымъ, да 3000 человѣкомъ пѣшимъ добрымъ, съ тово числа, какъ они поидутъ Государя нашего землею съ рубежа; и которые доидутъ до Москвы, и тѣмъ дати на Москвѣ противъ росписи вдвое; а кого судомъ Божіимъ убьютъ: лучитца Королевскимъ людемъ взять Государевыхъ измѣнниковъ на дѣлѣ въ языцѣхъ, которые учнутъ противъ Государя стояти и тѣхъ языковъ у нихъ не отнимать, а велѣть ихъ имать на окупъ по договору, на чемъ уговоритца тотъ, кто языка взялъ; а будетъ кого возмутъ на дѣлѣхъ и въ поѣздѣхъ и въ загонѣхъ Литовскихъ людей, и тѣхъ Литовскихъ вольно имъ побивать и въ полонъ въ свою землю имать, а Руснихъ людей крестьянъ въ загонѣ и нигдѣ въ полонъ не имать и не побивать, а имать Руснихъ служилыхъ людей на дѣлѣхъ и давать на окупъ. И Королевскимъ ратнымъ людемъ людцкой и конской кормъ продавать по торговой прямой цѣнѣ, какъ въ которомъ городѣ и мѣстѣ тутошніе люди межъ себя купятъ и продаютъ, а лишнихъ денегъ ... на нихъ Государь имать не велитъ... а кто лишекъ возметъ, и тому быть отъ Государя въ великой опалѣ. И въ продажѣ и Свѣйскимъ серебренымъ денгамъ, еѳимкамъ и мелкимъ серебренымъ денгамъ на всякія покупки ходить... Также коли будетъ Свійскаго Государства людей иметъ какая нужа отъ недруговъ, какъ учнутъ имъ въ Лиѳлянтахъ досажать; и для того что зимою ратнымъ людемъ въ Лиѳлянты черезъ моря ѣхать не мочно: и Свѣйского Государства ратнымъ людемъ, тысяча ли, или двумъ тысячамъ человѣкомъ изъ Руголива въ Лиѳлянты Государя нашего землею итти вольно, обослався Государя нашего съ Воеводами и съ Приказными людьми, которые будутъ втѣпоры Воеводы въ Иванѣгородѣ, и въ Ямѣ, и Копорьѣ, и проч... А что писалъ... Князь М. В. Шуйской въ Свѣю, что послалъ съ нами ратнымъ людемъ пять тысячь рублевъ, и съ нами изъ Новагорода пошло четыре тысячи восемь сотъ рублевъ, и противъ Княжь Михайлова писма Васильевича въ тѣхъ денгахъ нѣтъ дву сотъ рублевъ, и мы въ Выборѣ (Выборгѣ) Королевскимъ Воеводамъ четыре тысячи восемь сотъ рублевъ отдали, и у нихъ въ томъ отпись взяли за ихъ руками. А достальныя денги 200 руб. отдати намъ Королевскимъ Воеводамъ Аксель Курку съ товарыщи въ Новѣгородѣ, а въ наемъ тѣхъ всѣхъ пяти тысячь не зачитать... Сей нашъ договоръ... держать крѣпко и нерушимо, и на томъ устоять на вѣки неподвижно. И Князю М. В. въ Новѣгородѣ противъ сего листа дать утверженная грамота, а какъ будутъ на Москвѣ, и Государю нашему Царю ... дать на сесь договоръ своя Государева грамота за своею Царскою печатью,» и проч.

(372) Далин. 460: «Sollten die Schweden Zuski mit 3000 Mann zu Fuß und 2000 zu Pferde beystehen, und der Czaar dieselben mit 32000 Rubeln monathlich besolden.» Видекиндъ тоже въ означеніи статей Договора (стр. 53): «singulis mensibus triginta duo millia rublorum.» Въ *Дѣл. Шведск.* No. 9 (см. выше, примѣч. 371), въ спискѣ съ помянутаго Договора сказано производить жалованье, по Росписи, принятой Княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Сія Роспись приложена въ концѣ No. 9, *Шв. Д.*: «На 2.000 коней на мѣсяцъ по 25 еѳимковъ, всѣхъ 50.000 еѳ.; на 3.000 чел. пѣшихъ по 12 еѳ. на мѣсяцъ, всѣхъ 36.000 еѳ.; на Большаго Воеводу на Граѳа, на мѣсяцъ 5000; двумъ Воеводамъ, одинъ у конныхъ, другой у пѣшихъ, на мѣсяцъ 4000; Ротмистромъ, Головамъ и Приказнымъ людемъ 5.000; и всего Воеводамъ и Ротмистрамъ, Головамъ и ратнымъ людемъ, коннымъ и пѣшимъ, на одинъ мѣсяцъ найму 100.000 еѳимковъ.» Тоже разсказываетъ и Видекиндъ (стр. 47) о семъ условіи, заключенномъ еще до начатія переговоровъ въ Выборгѣ; но вмѣсто ефимковъ онъ употребилъ названіе рублей.

(373) Въ томъ же Договорѣ (*Д. Шв.* No. 9) о лошадяхъ подъ огнестрѣльный снарядъ: «А какъ воинскіе пѣшіе люди съ нарядомъ будутъ на рубежъ, и намъ подъ нихъ и подъ нарядъ велѣти собрати въ Орѣховскомъ и въ Корелскомъ уѣздѣ подводы, сколько мочно собрати, а иные подводы сбирати идучи къ Новугороду, и давати имъ тѣ подводы подъ люди и подъ нарядъ безцѣнно и безденежно и на Русь идучи и съ Руси идучи... а коннымъ людемъ (у кого лошадь падетъ) въ цѣну и зачитать въ наемъ.» О повиновеніи Шведскаго войска Русскимъ Воеводамъ см. ниже, въ прим. 374.

(374) Видек. 52: «Se nonnulla in mandatis habere asserunt Moschi, sed quæ horribili silentio involvenda, ob lævam fidem et mobiles animos popularium: sparso enim per Moschoviam rumore de Kexholmensi ditione tradenda Svecis, plures deserturos Suischium.»

*Д. Шв.* No. 9, въ Договорн. записи, 30 (?) Февраля 1609 г.: «Послѣ того, какъ они (Шведское войско) съ рубежа съ нами поидутъ, спустя три недѣли, доставить намъ до Королев. Воеводъ Царского Величества Бояр. и Воев. Князя М. В. Шуйского крѣпость за Государевою за Новгородцкою печатью и за Князя М. В. рукою на городъ на Корелу съѣздить, а послѣ тѣхъ трехъ недѣль спустя два мѣсяца Бояр. и Воев. Князю М. В. доставить до нихъ Государя нашего... крѣпости на городъ на Корелу съ ѣздомъ за его Государевою печатью и проч... городъ Корела очистить и отдать Свитцкому Королю, и быти городу Корелѣ съ уѣздомъ по старинѣ, какъ было напередъ сего.» Въ сей же записи сказано: «быть (Шведской рати) у Государевыхъ Бояръ и Воеводъ въ послушаньѣ.»

(375) Видек. 60.

(376) Видекиндъ. См. стр. 62: «Erat hic Scopinus Suiscius, præter Magnorum Ducum sanguinem, ætatis floridæ, trium et viginti vix amplius annorum, eximiis ingenii corporisque dotibus præditus, judicii supra annos maturi, staturæ formæque elegantis, fortitudine animi præcellens, militarium rerum apprime gnarus et exteros milites scite tractare doctus,» etc. *Льв. Лѣт.* 249: «Сильно разумѣлъ, какъ съ пограничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть.»

(377) *Ник. Лѣт.* 118: «Послалъ же бяше Кн. М. В. подо Псковъ еще до Нѣмецково приходу Лазаря Осинина, а съ нимъ послалъ Дворянъ, да Атамана Казачья Тимоѳ. Шарова, чтобъ Псковъ обратити ко Царю... Псковичи же... собрався поидоша на встрѣчу и сошлися съ Новгородцкою силою ото Пскова за 10 верстъ... И по милости Божіи тѣхъ Псковичь... побили... Псковичи же паки опять Новогородцевъ изо Пскова встрѣтиша, и бой былъ съ ними больши перваго, и... Псковичь же побиша. Псковичи же, видя свое неизнеможеніе, сѣдоша въ осадѣ... и Кн. М. В. видя ихъ непокореніе, повелѣ ото Пскова итти въ Нов-

городъ, для того что ему подъемъ вскорѣ къ Москвѣ.»

Видек. 66: «Scopinus... obnixe rogat, ut consilium destinatumque interiora Moschoviæ penetrandi strenuè exequantur.»

(378) Далин. 460: «Evert Horn commandirte einen Vortrupp von 2000 Mann. Als derselbe gegen Starаrussa kam, steckte der Feind die Stadt in Brand, und flohe weit davon. Carnasinski griff darauf zwar Horn an, ward aber zurückgetrieben. Hernach kam eine stärkere Partey von Polacken, Russen und Cosacken, unter Georg Silaski; aber auch die ward auf gleiche Art entgegengenommen. Silaski selbst blieb mit 1400 Mann auf dem Platz, wogegen die Schweden nicht mehr als 6 Mann verloren. Die Beute bestand in Fahnen, allerhand Kriegsvorrath und 9 Feldstücken. Ein Stephan Silaski ward mit 150 Cosacken gefangen. Eben hieben die Schweden auch bey Pleskow 700 (350 по Видекинду) Cosacken nieder, und nahmen das Schloß Borkow weg; worauf viele Knesen und Bojaren sich dem Zuski unterwurfen.»

*Ник. Лѣт.* 118: «Посла Князь М. В. изъ Новагорода на Литовскихъ людей Нѣмецково Воеводу Ивелгорода (Эверта Горна) съ Нѣмецкими людьми, да съ Рускими людми Федора Чюлкова; они же пріидоша въ Русу Старую, и Литовскіе люди, покиня Русу, побѣжали. Воеводы же поидоша за ними, и сондоша ихъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ селѣ Коменкахъ, и туто Литовскихъ людей побили, и пріидоша къ Торопцу и Торопецъ очистили и ко кресту къ Царю Василью приведоша. Воевода жъ Федоръ Чюлковъ остался туто, а Ивелгоръ пошолъ въ сходъ къ Боярину ко Князю М. В. Шуйскому и сошелся съ Литовскими людьми въ Тороп. уѣздѣ у Троицы на Холховищѣ, и тутъ въ монастырѣ Литовскихъ людей осадили, и ихъ взяша приступомъ, и побиша на голову, а сами поидоша въ сходъ ко Князь М. В.»

Видекиндъ (стр. 68) присовокупляетъ, что Горнъ имѣлъ съ собою 200 челов. конницы и 40 стрѣлковъ; что непріятель, свѣдавъ о его приближеніи, зажегъ Старую Русу и удалился за 10 верстъ, и что взятая имъ добыча была поводомъ къ раздору, даже къ кровопролитію между Поляками и Козаками: тѣла убитыхъ плавали въ рѣкахъ. Корносицкій отправилъ 300 воиновъ противъ Горна, но они не смѣли съ нимъ сразиться и бѣжали отъ шести (?) человѣкъ Шведовъ, гнавшихся за ними цѣлыя двѣ мили. 22 Апрѣля Делагарди остановился въ Старой Русѣ, а Горнъ, умноживъ свои силы 470 всадниками и 200 стрѣлковъ, настигъ непріятеля въ 5 день Мая и разбилъ его совершенно. Въ числѣ плѣнныхъ было множество женщинъ, которыя однакожь освобождены. Шведы потеряли 6 (?) человѣкъ.

(379) *Ник. Лѣт.* 119: «Посла Князь М. В. изъ Новагорода въ Торжекъ Воеводу Корнила Чоглокова съ ратными людьми; Корнило же пришедъ въ Торжекъ и приведе ко кресту, и сяде въ Торжку и осаду укрѣпи. — Писалъ изъ Торжку Воевода Корнило Чоглоковъ ко Князь Мих. Васильевичю, что идутъ изъ Твери подъ Торжокъ Литовскіе люди многіе, и посла Князь М. В. на прибавку въ Торжокъ Семена Головина съ ратными людьми. И Семенъ подъ Торжкомъ сшотся съ Велгоромъ (т. е. Эв. Горномъ) и пріидоша вмѣстѣ въ Торжокъ, и Литовскіе люди въ туже пору пришли подъ Торжокъ. Нѣмцы жъ пѣшіе поидоша напередъ отыковся копьемъ, а иные сташа позади ихъ; Литовскіе жъ люди наступиша на нихъ тремя ротами, и Нѣмецкіе люди двѣ роты побиша Литовскихъ людей, а третья рота проѣха сквозь полковъ, и конныхъ людей Нѣмецкихъ и Рускихъ Литовскіе люди потопташа до города, едва изъ города вышедъ отняша. Нѣмцы жъ и Рускіе люди, паки исправяся, Литовскихъ людей отъ города отбили, и пѣшихъ людей отняша. Литовскіе же люди изъ подъ Торжку поидоша ко Твери, Семенъ же съ Нѣмцы сталъ дожидатца Князя М. В. въ Торжку.»

Рукоп. Филар.: «Тогда же Панъ Зборовскій и Кн. Григ. Шаховскій о своемъ злокозненномъ управленіи попеченіе прилѣжно творяше, и незамедливъ поидоша во срѣтеніе Московскаго и Нѣмецкаго воинства. Сошедшимся има подъ Торжкомъ градомъ, и ту составиша брань, и бысть паденіе веліе съ обою страну отъ Нѣмецъ съ Поляцы. Нѣмцы же не возмогоша подъяти острея меча ихъ, поле оставляютъ и во градъ въ Торжекъ входятъ; понеже не вси купно, тогда Нѣмцы пріидоша на брань. Поляцы же оттолѣ возвратишася во градъ Тверь и посылаютъ до великаго Обозу, дабы имъ притекли на помощь.» См. также Видек. 73.

(380) Видек. 89: «Trium millium tantummodo agmen tunc ducebat, minime exercitatorum militum.» Такъ говоритъ онъ о войскѣ Михаиловомъ послѣ Тверской битвы.

Грам. Царя Василія къ Скопину, 2 Іюня 1609: «А нынѣ Маія въ 30 день писалъ еси къ намъ... что пришли къ тебѣ въ Новгородъ Нѣмецкіе Воеводы... и ты Бояринъ нашъ Князь М. В. съ тѣми со всѣми Рускими и Нѣмецкими со многими людьми, съ великимъ собраніемъ изъ Новагорода вышелъ Маія въ 10 день... и мы за ихъ службу и радѣнье пожалуемъ ихъ, и проч... И къ Ярославскимъ и Смоленскимъ людемъ велѣть тебѣ отъ себя отписати почасту, какъ имъ нашимъ дѣломъ промышляти и кому съ тобою и гдѣ сходиться... И тебѣ Боярину нашему Князю М. В. сослався съ Смоленскою ратью и вѣдая про Ярославскихъ людей и учиня имъ всѣмъ указъ... итти къ Москвѣ не мешкая... а нашего Государства всякіе люди и отъ мала до велика ожидаютъ твоего приходу,» и проч.

*Ник. Лѣт.* 120: «Князь М. В. прося у Бога милости и у Софіи премудрости Божіи и у Новогородскихъ Чудотворцовъ поя молебны, и взя благословенье у Митрополита Исидора, поиде на очищенье Московского Государства, и пріиде изъ Новагорода въ Торжокъ, и поопочивъ въ Торжку, и отпѣвъ молебная Преч. Богородицы и Ефрему Новоторжскому Чудотворцу, поиде со всѣми людьми ко Твери.»

(381) Видек. 74: «4 die Iulii præmissæ illæ a Scopino auxiliares copiæ Smolenscô advenere; quæ a sedecim ibidem territoriis collectæ, vix tamen trium millium numerum superabant, non audentibus incolis nudare Ducatum præsidiis, metu vel Demetrianorum, vel adventuri Poloniæ Regis, qui palam bellum parturiebat. Ductor agminis Baratinsius, vir alacer strenuusque, refert sub itinere se duo castella oppidaque *Dorgabus* et *Viesma* dicta, cæsis ferme 1500 et interceptis 4 tormentis, occupasse.»

(382) *Ник. Лѣт.* 120: «И не доходя Твери за десять верстъ, перелѣзъ (Скопинъ) Волгу и на пустѣ мѣстѣ, пріиде ко Твери. Литовскіе же люди изыдоша на встрѣчу противу ихъ, и бысть съ ними бой великъ, и Литовскіе люди Рускихъ людей и Нѣмецкихъ столкнули, и урониша Нѣмецкихъ людей не мало. Князь М. В. съ Нѣмецкими людьми отоиде и ста, отшедъ не далече, и стояше тутъ день да ночь. На другую же нощь поиде со всѣми людьми ко Твери, и пришедъ, Тверской острогъ взяша, Литовскихъ людей побилъ на голову, а достальные сѣдоша въ городѣ.»

Рукоп. Филар.: «Сей же Панъ Зборовскій повелѣ войску своему выступить на брань. Воини же повелѣнное исполняютъ и мужески на полки

Нѣмецкіе нападаютъ, и тако брань бысть жестокая; отъ стрѣлянія же пищальнаго смутися воздухъ и отемнѣ облакъ и не видѣше другъ друга и не знаше, кто бѣ отъ кою страну, и бысть паденіе многое, падаютъ трупія мертвыхъ отъ обою страну. Посемъ Поляцы крѣпцѣ на полки Нѣмецкіе и Руские нападоша и женуша ихъ трудомъ веліимъ и бысть сѣча зла и гнаша Поляцы во слѣдъ ихъ не мало время... По семъ возвратися во градъ и почиша, а Московскіе люди шатры поставиша и стояша въ сокровеніи. Поляцы же воспріемше надежду, яко побѣдницы суть, не имѣя попеченія о своемъ спасеніи, и не вѣдаху о Московскомъ воинствѣ, гдѣ суть шествіе имѣютъ. Сей же Князь М. Шуйскій никако о сей бывшей побѣдѣ ужасеся, и много подвигшеся на гнѣвъ и разъярися зѣло о убійствѣ своихъ отомщеніи уповая наслѣдити. И повелѣ войску препоясатися бранными своимъ оружіемъ и на градъ въ нощи мужески нападоша, Поляцѣмъ же спящимъ безъ всякаго спасенія. Москвичи же скоро въ острогъ входятъ и Ляхское воинство и Рускихъ воевъ Царевыхъ отступниковъ посѣкаютъ; нагихъ по улицамъ влачаху и трупіе ихъ мечи разсѣкаху и богатство ихъ грабятъ. Поляцы же и Руские вои Царевы отступники побѣгоша сѣмо и овамо, овіи за стѣны града утекоша, овіи же во внутреннія городка убѣгоша и тамо отъ посѣченія меча избыша... Ужъ просіявшу солнцу, свѣтающу дневи, и просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ. Воевода Московскаго воинства Князь М. В. повелѣ въ трубы трубити и на градъ мужски наступати. Людіе жъ къ городку восходятъ и хоругви простираютъ. Поляцы же противу нашедшихъ пань жестоко и тяжко защищеніе предлагаютъ, копейнымъ пораженіемъ и вострыми стрѣлами смертнѣ уязвляютъ и смерти предаютъ.»

Видек. 75: «Zborovius et Carnasinsius, qui modo in fuga cæsus credebatur, sed jam recollectis viribus Tvero imminere nunciatur.» 81 и дал.: «Cum intra teli jactum perventum erat, repente soluta nubibus procella imbrium, madefecit nostratium bombardas et ignea arma. Jnde sublato clamore procurrere hastatos equites jubet hostis... Hi mox lævum cornu Gallici equitatus turbant impelluntque in fugam. Moschi, qui post principia stabant, illicô territi... in Svecorum subsidiarias cohortes ruentes conturbant ordines... Pavorem horum sequuti multi Germanorum Finnonumque... Jacobus vero, qui frontem dextri cornu tuebatur... collapsa restituebat... et signa infert in tria prætoria vexilla: illis direptis, multis cæsis, reliquos intra mænia compulit, Ducem vero tribus vulneribus saucium, præcipiti fuga sex milliaribus antequam sisteret gradum in iter Moscoviticum, egit... Profluvium cæli et præceps in noctem dies, incertâ victoriâ pugnam terminarunt, secedentibus Demetrianis in urbem, nostratibus in vicina castra. Sequens dies pluvio Jove fæcundus utrosque sub tentoriis tenuit. Tertia orientis solis fax, primo diluculo, Jacobum in campum Martium elicuit,» etc.

(383) Петрей 422: «Scopin, nach vollendeter Schlacht den Grafen Dela Gardie umb den Halß fiel, und ihm mit weinenden Augen danckete, und sprach: Daß der Gr. Fürst sein Vetter, und daß gantze Reuſ. Reich Jhm und des Königs Kriegs Volck dieses ansehnlichen Dienstes nimmer gnugsam dancken, viel weniger gnugsam vergelten köndten.»

(384) Рук. Филар.: «Воевода же и Властель Московскаго воинства, видя людей уязвляемыхъ, повелѣ отъ града отступить.» — *Ник. Лѣт.*: «Нѣмцы же хотѣша приступати ко граду, Князь Михайло жъ В. пожалѣ людей и не повелѣ имъ приступать.» — Видек. 84 и 88: Sequenti nocte, irrito conatu oppugnari urbs cæpta, rem non strenuè gerentibus Russis... postquam prospere pugnatum esset, audivit Cossacos Tverum deseruisse... Arcem nolebat insidere, quod omnia nuda vacuaque rebus necessariis, hominum jumentorumque cadaveribus plena fædaque essent... Intra partem urbis incendio non deformatæ Bajoros, rusticos, cives compulit.»

Наруш. въ *Hist. Chodk.* I, 254: «Umykając (Zborowski) na mieysce bespiecznieysze, wiele koni i wozow zwycięzcom w korzyści zostawić musiał.» — Кобѣрж. 228.

(385) Видек. 73: «Jacobus... literas, quæ a Rege ad universos ordines Moscoviæ datæ erant, illicó Scopino tradi jussit. Hic eas, quod... Regis studium ardoremque, oblatis novis suppetiis, ad liberandam urbem a falsis Dominis testarentur, in præcipuis locis prælegi... jussit.»

(386) Сіе воззваніе помѣщено въ *Собр. Гос. Гр.* (II, 347): Божіею милостію, Вельможнаго и Высокорожденнаго Князь и Государь Каролусъ Девятой, Свійскаго, Ходскаго, Венденскаго, Финскаго, Корельскаго, Лопскаго, Сѣверныя земли Каянской и Чухонскія въ Ливонской землѣ Король, объявляемъ вамъ, Митрополиту, Архіепископу, Игуменамъ и всему Собору, Боярамъ, Воеводамъ, Дьякамъ, Дворянамъ, Дѣтемъ Боярскимъ, гостемъ и торговымъ людемъ во всемъ Новгородскомъ Государствѣ наше здорованье. Дошло до нашего Вельможства вашъ листъ, а въ листу пишете, прошаючи, чтобъ нашего Вельможства пришелъ бы Россійскому Государству на помощь противъ вашихъ недруговъ. И противъ вашего прошенья, приказали мы Великій Государь свою большую ратную Воеводу Графъ Іохимъ Фридригъ Манфелту и своими Приказными товарищи, съ нашею ратною силою, къ вамъ на помочь итти противъ вашихъ недруговъ. И мы Велик. Государь приказали ему прежде поити къ Новугороду, провѣдати про вашихъ недруговъ, гдѣ они есть и какъ тамъ на Русіи дѣется, а ему приставати и пособляти, стояти за старую Греческую Вѣру и за всѣхъ Митрополитовъ, Архіепископовъ и Игуменовъ, Бояръ и Воеводъ, Дьяковъ, Дѣтей Боярскихъ, и гостей и торговыхъ людей, которые хотятъ держать старую Греческую Вѣру; а на Польскихъ, Литовскихъ людей и на Козаковъ ему приступати и за ними гнати мечемъ и огнемъ. Просимъ того для у васъ всѣхъ, чтобъ вы съ нимъ за одно стояли и пособляли, себя опростати и избавляти отъ Польскихъ и Литовскихъ людей кровопивлива хотѣнья, чтобъ Россійское Государство пришло бъ въ свою старую вольность и льготу, а не дали бы надъ свою голову посадити всякаго страдника, котораго Поляки и Литва полюбятъ. Того для берегитеся и примите думу, пока вамъ помочь даваютъ, или вамъ самимъ будетъ видно: будетъ Поляки и Литва надъ вами силу возмутъ, не пощадятъ Патріарху, Митрополиту, Архіепископу, ни Игуменамъ, ни Воеводамъ, ни Дьякамъ, ни Дворянамъ, ни Дѣтемъ Боярскимъ, ни гостемъ, ни торговымъ людемъ, ни дѣтенкамъ въ пеленкѣхъ, не токмо что иныхъ, доколѣ они изведутъ славный Россійскій родъ. Писана въ великомъ въ нашемъ отчинномъ городѣ въ Стекольнѣ, въ 3 день Генваря, лѣта отъ Христ. Рожд. 1609 года.»

(387) Видек. 77: Зборовскій писалъ къ Делагарди изъ Твери: «Вѣроломные, изгнавшіе Димитрія изъ Москвы, обманули васъ. Мы не страшимся оружія вашего, но по любви Христіанской совѣтуемъ вамъ (какъ нашимъ единовѣрцамъ) дѣйствовать съ нами для возведенія Димитрія на его отеческій престолъ. Въ противномъ случаѣ Богъ да судитъ васъ, да покоритъ подъ ноги намъ:

ибо мы не повинны въ пролитіи крови и не жжалемъ вашей.» — Тамъ же, 81: Делагарди отвѣчалъ: «Non venisse se in Moscoviam, ut de causæ justitiâ, quæ inter Polonos Moscovitasque jam ferro decernitur, verbis disceptet; illam Deo Regique suo cordi esse, sibi aciem ordinare... Magnopere tamen desiderare scire, an Marina *Gorgona (Юрьевна?)* olim Demetrii conjunx, iteratò nupsisset huic Demetrio, cujus nunc signa sequeretur, nec non audivisset ne, quo facinore conterranei ejus Poloni nuper Pernaviam Svecis extorsissent?»

Далин. 462: «Sie (Zborovski und Carnasinski) versuchten durch einen abgeschickten Briefträger, unter Dela Gardies Leuten Aufrur zu stiften. Zum Schein hatte derselbe einen Brief von Zborovski an den Schwedischen Feldherrn... Sobald dieser Betrieger aber sein heimliches Geverbe ausrichten wollte, ward er verrathen und gebührend abgestrafet.»

(388) Видек. 85: «Repente equites peditesque Finnonicos seditio incessit, reputantes se in peregrinas terras et intima Moschoviæ tanquam piaculares victimas ad destinatam cædem trahi, nec promissa a Rege stipendia rite solvi, nec domi suæ ab uxoribus et fortunis injurias arceri, eas prætoribus velut prædonibus exponi; præterea sublestam fidem omnium Russorum nupero documento apparuisse, quod sibi strenuo pugnantibus, sarcinas et supellectilem castrensem eripuissent,» etc.

(389) Далин. 463: «Mußte aber das Gesetz ruhen lassen, und selbst mitgeben... Er klagte, daß es an Sold und andren Bedürfnissen fehle: aber sein vornehmster Grund war, daß Kerholm noch nicht nach der Vereinbarung an Schweden übergeben sey.» — *Ник. Лѣт.* 126: «Нѣмецкіе люди, осердяся, поворотили, назадъ пошли къ Новугороду.»

(390) *Ник. Лѣт.* 120: «Князь М. В. пришелъ на Городню, и Волгу перелѣзъ подъ Городнею, а Нѣмецъ послалъ уговаривати Иваниса Ододурова; и Иванисъ Нѣмецкихъ людей съѣхалъ и ихъ уговаривалъ, и одинъ только поворотился Христошумъ (Christiern Some) съ невеликими людьми, а Яковъ пошелъ къ Новугороду.»

Видек. 96: «Christiernus Some cum ducentis et quinquaginta equitibus, et septingentis et viginti peditibus, ad confirmandum Scopinum Calazinum ire jussus.»

(391) См. выше, стр. 84.

(392) Аврам. Палиц. 154: «Жлуще же иже во осадѣ сѣдяще въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ Князя М. В. Скопина, и се извѣстно бысть всѣмъ людемъ, яко собрашася вси вкупѣ отъ Тушинскаго вора, и отъ Сапѣги изъ подъ Троицы и изъ иныхъ градовъ многіе Поляки и Руcкіе измѣнники пондоша противъ Князя М. В. и противъ Нѣмецкихъ людей.»

(393) См. выше, стр. 93.

(394) Авр. Палиц. 155: «Рекоша: аще убо стояще пребудемъ съ Поляки вкупѣ на Москву и на Троицк. Сергіевъ монастырь, то помѣстья наши не будутъ разорены... И тако, совокупльшеся съ Боровскимъ полкомъ (т. е. съ полкомъ Зборовскаго) и съ Тушинскими Литов. людьми и съ Руск. измѣнники, и отъ многихъ градовъ Дворяне и Дѣти Боярскіе.»

(395) Авр. Палиц. 156: «И тако вси пріидоша подъ Троицк. Сергіевъ монастырь, и объявивше силы своея множество избранныя и множествомъ богатства своего хвалящеся, играюще же во многія игры и посылающе ко Обители Чудотворца Русскихъ людей, и простую чадь съ вѣстію, и научающе глаголати, что Нѣмецъ и Рускихъ людей побилц и Воеводъ поимали, а Князь Михайло добилъ челомъ на всей воли Панской, и зовуще изъ града на зговоръ — и Михайло Салтыковъ да Иванъ Грамотинъ — Троицкихъ людей, и сказываху, что и Москва уже покорилася, и Царь В. съ Боляры у насъ же въ рукахъ, такоже и Дворяне съ клятвою лжуще во едину рѣчь съ Поляки, и ни въ чемъ же не разнствоваху глаголюще: не мы ли бѣхомъ съ Ѳеодоромъ Шереметевымъ, и се вси мы здѣ, и кая вамъ надежда на силу Понизовскую? мы же познавше вѣчнаго своего Государича, и сего ради вѣрно служимъ ему. Царь же Дм. Ив. посла насъ предъ собою, да еще ли ему не покоритеся, то самъ за нами пріидетъ со всѣми Польскими и Литовскими людьми и со Кн. Михаиломъ и съ Ѳед. Шереметевымъ и со всѣми Рускими людьми: тогда убо челобитія вашего не пріиметъ... Милостію же Пресв. Троицы, не токмо умніи, но и простіи, не внимающе сему никакоже, но единѣми усты вси отвѣщеваху: Господь съ нами, и никтоже на ны: добро убо и красно лжете, но никтоже иметъ вамъ вѣры, и наньже пришли, творите; мы же готови есми съ вами на брань; аще бы есте сказали намъ, что Князь Михайло подъ Тверію бреги поровнялъ тѣлесы вашими, и птицы и звѣри насыщаютс ямертвости вашея, то добрѣ быхомъ вѣрили; нынѣ же вземше оружія пронземъ сердца другъ другу, и растешемся полма, и разсѣчемся на части, и его (же) во вратѣхъ небесныхъ оправдитъ Господь, той есть творяй и глаголяй правду.»

(396) Тамъ же, 158: «Во обители Чудотворца болѣ двою сотъ человѣкъ не бяше.»

(397) Тамъ же, 157 — 160: «Видѣвше же злія врази, яко не ищутъ Троицкіе сидѣльцы живота, но смертнаго пиршествія любовно желаютъ. И тако ко второму дни на приступъ строятся. Панъ же Сборовской, ругаяся и понося Сапѣгѣ и Лисовскому, и всѣмъ Паномъ глаголя: что бездѣльное ваше стояніе подъ *лукошкомъ?* что то лукошко взяти, да воронъ передавити?... Бысть же сей приступъ третій великій Іюля въ 31 день... Троицкое же воинство, и вси православніи Христіане, мужи и жены, біющеся со враги чрезъ всю нощь непрестанно... И стремглавъ вспять вси неустройно мещущеся, отъ приступа того разбѣгошася, и къ тому прочее на приступы не приложиша приходити; на стѣнѣ же градстѣй едину жену убиша, и никого же кромѣ ея не раниша. Сборовскій же Панъ избранное воинство вооруженныхъ людей многихъ изгубилъ; его же слезна зряще Сапѣга и Лисовской со всѣми воинствы подсмѣвахуся, что ради не ололѣлъ еси лукошку? исправися еще, толико еси храбръ: не посрами насъ, но разори шедъ лукошко сіе; учини славу вѣчную Королевству своему Польскому, а намъ не за обычай приступати къ лукошку; ты премудръ, промышляй собою и нами.»

(398) *Ник. Лѣт.* 121.

(399) Тамъ же: «Городы же всѣ обратишася ко Царю... и пріѣхаша изо всѣхъ городовъ съ казною и съ дары ко Князю М. В. въ Колязинъ монастырь. Въ тоже время пріиде къ Москвѣ отъ Царя Станица Григорей Валуевъ, и сказа, что Царь Василей и Москов. Государство далъ Богъ здорово.» — О Волуевѣ см. сей *Исторіи* Т. XI, стр. 170.

(400) См. Грам. Царскую 2 Іюн. 1609, которой списокъ принадлежалъ покойному Графу Н. П. Румянцеву: «Вѣдомо намъ подлинно, какъ ты, будучи на нашей службѣ, и радѣнье къ намъ и ко всему нашему Государству промыслы и дородство показа... И мы слыша о томъ... обрадовались, и Всесильному въ Троицы славимому Богу и Преч. Богородицы и великимъ Чудотворцомъ хвалу воздали со слезами... А только Божіею милостію и твоимъ промысломъ и радѣніемъ Москов. Государство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей свободно учинится... и ты какой милости отъ

Бога и чести и похвалы отъ насъ и ото всѣхъ людей нашего Государства сподобленъ будеши, и всѣхъ людей великія радости исполнишь, и слава дородства твоего въ нашемъ Государствѣ и въ окрестныхъ Государствахъ будетъ памятна во вѣки; а мы на тебя надежны, что на свою душу.»

(401) Авраам. Палиц. 169.

(402) См. выше, около примѣч. 390. — Далин. 464. Видек. 96.

(403) Авр. Палиц. 170: «Бысть сѣча зла, и сѣчахуся на многихъ мѣстѣхъ, біющеся чрезъ весь день; отъ пищальнаго стуку и копейнаго ломленія, и отъ гласовъ вопля и кричанія отъ обоихъ людей войска, и отъ трескоты оружія не бѣ слышати другъ друга, что глаголетъ, и отъ дымнаго куренія едва бѣ видѣти, съ кѣмъ ся кто біетъ, и яко звѣріе рыскающе злѣ сѣчахуся. Солнцу же достизающу западъ, и возопиша вся православніи къ Богу, со умиленіемъ вопіюще отъ сердецъ своихъ: виждь, Владыко, кровь рабъ твоихъ, неповинно закалаемыхъ, такоже и ты, Преподобне Отче Макаріе, помолися за ны къ Богу и помози намъ; и уже близъ вечеру сущу, и услыша Господь молитвы рабъ своихъ, и нападе страхъ велій на враговъ Божіихъ,» и проч. А *Ник. Лѣт.* (стр. 121) говоритъ: «Подъ Колязинымъ монастыремъ бывшу бою великому, отоидоша на обѣ стороны, ничего не сдѣлаху.» — Но сказаніе Палицына подтверждается свидѣтельствомъ Видекинда (стр. 96) и послѣдствіями битвы.

Нельзя съ точностію опредѣлить, когда было сіе сраженіе: по Видекинду 13 Августа Нов. Ст.; по *Сказанію* Палицына 5 Іюля; но въ семъ Сказаніи явная ошибка, ибо Зборовскій приступалъ къ Лаврѣ 31 Іюля *прежде* сего сраженія.

(404) См. *Ник. Лѣт.* 121. — Видек. 96: «Ежедневно Зоме обучалъ войски Скопина по правиламъ Бельгическимъ (ad morem Belgorum), какъ дѣйствовать въ походѣ и въ бою, копьемъ и мечемъ, дѣлать рвы и окопы, двигать орудія и тревожить непріятельскій станъ легкими нападеніями. Скопинъ писалъ къ Іакову Делагарди, что безъ помощи сего полководца онъ не могъ бы удержать въ порядкѣ и повиновеніи множества ратниковъ, собранныхъ изъ Ярославля, Костромы и приморскихъ городовъ.»

(405) Войско его снова возмутилось въ 5 день Авг. Н. Ст. (См. Видек. 95).

*Ник. Лѣт.* 120: «И Князь М. В. послалъ за нимъ уговаривати Дворянъ, а Дворяня его съѣхали на Кресцахъ, и едва его уговориша, и онъ воротился со всѣми людьми.» По Видекинду (стр. 98) Делагарди получилъ отъ Скопина письма въ Валдаѣ (Moldau).

(406) См. въ *Дѣл. Швед.* No 9, Договоръ Князя М. В. съ Секретаремъ Шведскаго Короля, Карломъ Олофсономъ, въ Колязинѣ, л. 42 и дал.: «Послати мнѣ нынѣ съ нимъ съ Дьякомъ съ Карлусомъ Олусуномъ своихъ полномочныхъ и велѣти имъ ѣхати съ нимъ... въ Его Царскаго Величества въ порубежной городъ въ Корѣлу, и велѣти имъ... городъ Корѣла съ уѣзды очистити и отдати Королевскаго Величества Дьяку Карлусу Олусону или полномочнымъ, которые о томъ отъ Его Кор. Вел. будутъ присланы, по прежнему договору въ Выборѣ... И язъ... по тому договору послалъ Ѳедора Чюлкова, и далъ ему полную мочь во всемъ и велѣлъ ему ѣхати изъ Калязина съ Королевскимъ Дьякомъ съ Карломъ Олусоновымъ къ Корол. Воеводамъ къ Якову Пунтосову съ товарыщи; да съ ними жъ я послалъ ратнымъ людемъ наемъ 3000 рублевъ денегъ, а напередъ сего послано къ Воеводѣ къ Иванису Ододурову тысячю рубл. денегъ, да изъ Новагорода привезутъ 2000 руб. ден. да на пять тысячь рубл. соболей, и всего послалъ соболей и денегъ и съ тѣми деньгами, которые напередъ сего посланы къ Воеводѣ Ив. Ододурову ратнымъ людемъ на наемъ, на 11.000 рубл., и велѣлъ Ѳед. Чюлкову... роздати тѣ деньги ратнымъ людемъ. И противъ того Кор. Величества Дьякъ Карлъ Олусонъ мнѣ по своей вѣрѣ обѣщался и на томъ мнѣ за своею рукою и печатью крѣпость далъ: что Якову Пунтосову со всѣми людьми итти, которые съ нимъ, опричь больныхъ и раненыхъ ко мнѣ... въ Колязинъ тотчасъ не мешкая нигдѣ, и надъ воры промышляти Государевымъ дѣломъ со мною за одно, и къ Его Цар. Величеству на помочь итти со мною вмѣстѣ и самовольства ничего не чинити,» и проч.

(407) *Ник. Лѣт.* 113: «Приде же въ полки въ таборы Полковникъ Бобовской съ Литовскими людьми съ великою похвалою, и на Ружинскаго Гетмана нача шумѣти, что по ся мѣста не умѣетъ Москвою промыслити, и поиде подъ Москву съ великою похвалою. Царь же В. возложи упованіе на Бога и повелѣ Бояромъ и Воеводамъ итти съ Москвы противу ихъ, и бысть бой велій, и... Божіею милостію тѣхъ Литовскихъ людей побиша на голову, а достальныхъ топташа до табаръ.»

*Столяр.* л. 550: «Того жъ 117 (1609) году, на Троицынъ день, изъ Тушина подъ Москву приходили Поляки и Литва ротами, а воръ и измѣнникъ Ивашко Заруцкой съ Рускими со всякими людьми. А съ Москвы противъ ихъ выходили Бояря и Воеводы въ обозѣ съ пѣшими со всякими и съ черными людьми съ огненнымъ боемъ и съ нарядомъ: Бояринъ Князь Дм. Ив. Шуйской, да Бояре жь по полкомъ Кн. Андр. Вас. Голицынъ, да К. Ив. Сем. Куракинъ, да К. Бор. Мих. Лыковъ. И былъ бой съ Литвою великой, и Литва на бой напускали ротами и обозъ розсѣвали, и въ обозѣ многихъ людей побили, и Бояре напустили на Литву всѣми полки, и отъ обозу Поляковъ и Литву и Рускихъ измѣнниковъ отбили, и ихъ гонили и многихъ побили, и на томъ бою Польскихъ и Литовскихъ людей взяли въ языцѣхъ семь сотъ человѣкъ.»

*Ник. Лѣт.* 114: «Гетманъ же Ружинскій и Полковники и Рускіе воры, кои въ Тушинѣ, ... вознесошася гордостію великою, собравшеся всѣ поидоша подъ Москву на томъ, что городъ Древяной пришедъ выжечь и людей высѣчь. И прибѣгоша къ Москвѣ подъѣзщики, и сказаша Царю Василію, что поднялися на Москву всѣми таборы Литовскіе люди. Царь же В. бысть въ великой скорби, и совѣтова съ Патріархомъ Гермогеномъ и Бояры, и повелѣ Боярамъ и Воеводамъ итти противу ихъ противно. Бояре же поидоша противу ихъ съ обозомъ, и бой бысть чрезъ весь день, и начаша Московскихъ людей осиливати, и конныхъ людей столкнуша съ мѣста, и пѣшіе люди едва устояше, что пріидоша на помогу Бояринъ Князь Ив. Сем. Куракинъ, а съ другую сторону Кн. Ондр. Вас. Голицынъ да Кн. Борисъ Мих. Лыковъ, и пріидоша они на Литовскихъ людей и на Руск. измѣнниковъ, и ихъ побиша многихъ людей и топташа до рѣчки до Ходынки. Литовскіе же люди и Рускіе воры многіе со страстей изъ табаръ побѣжали, тако бы не отстоялися Московскіе люди у рѣчки, и онѣ бъ и табары покиня побѣжали; таково убо Московскихъ людей храбрство бысть, которой сѣлъ въ осадѣ въ Московскомъ Государствѣ, какъ и все Московское Государство было въ собранье, тако не бишася. Литовскіе же люди съ той поры подъ Москву въ явѣ не начаша приходити.»

(408) См. выше, о сраженіяхъ на Восмѣ и на Медвѣжьемъ броду, стр. 34 и 53.

(409) *Ник. Лѣт.* 114.

(410) Тамъ же 115 и 116: «Бояринъ же Ѳед. Ив. Шереметевъ съ ратными людьми пріиде въ Нижней... на многихъ воровскихъ людей отъ себя посылалъ, и многихъ воровскихъ людей побивалъ. — Пріиде вѣсть въ Нижней, что изъ Суздаля идетъ Лисовской съ Литовскими людьми и съ Рускими воры за Волгу воевати Костромскихъ и Галицкихъ и Унженскихъ мѣстъ и Юрьевскихъ. И посла Ѳед. Ив. на нихъ судами, и сошли ихъ подъ Юрьевцомъ Поволскимъ на острову, и побиша ихъ на голову, иные потопоша. Лисовской же не съ великими людьми утече... Изъ Нижнево Бояринъ Ѳед. Ив. поиде подъ Муромъ, а въ Муромѣ уже до ево приходу Царю Василью крестъ цѣловали; изъ Мурома поиде подъ Касимовъ и Касимовъ осади... взя... и кои мучилися въ темницѣ за Царя В., и тѣхъ всѣхъ освободилъ.»

(411) Тамъ же: «Въ Касимовѣ же пріидоша къ нему съ Москвы отъ Царя Василья К. Сем. Прозоровской да Ив. Чепчюговъ съ жаловальнымъ словомъ за службу, что Царю Василью служилъ и прямилъ, да и про то ему говорилъ, что онъ идетъ мешкотно, Государевымъ дѣломъ не радѣетъ, а товарища его Ив. Салтыкова взяша къ Москвѣ.»

(412) Тамъ же, 114: «Во градѣ же Владимери, узнавши людіе дьявольскую прелесть и помня свои души, Государево крестное цѣлованіе, начаша обращатися къ Московскому Государству. Воевода же Михайло Тумаксъ Вильяминовъ не похотѣ къ Моск. Гос.... и начать прямити вору. Людіе же града Володимера его поимаша, и ведоша ево въ Соборную церковь, чтобъ ему поновитца. Отецъ же его духовной, Соборной Протопопъ, ево поновиша и ведоша ево изъ церкви, и рекоша всѣмъ людемъ, сій есть врагъ Государству. Они же ево взяша миромъ и убиша ево каменьемъ, а сами поцѣловаше Царю Василью крестъ и съ воровскими людьми начаша битися, не щадя головъ своихъ, а къ Москвѣ послаша съ повинною бити челомъ Царю В. о своихъ винахъ.»

(413) Тамъ же, 117: «Подъ Астараханью проявися три вора, единъ назвася Августъ Царя Ивана сынъ, другой же назвался имя *Осиновикъ* сынъ Царевича Ивана, а третій назвася Лаверъ Царя Ѳедора Ивановича сынъ. Тѣже воры Казаки съ Августомъ и съ Лаврентьемъ поидоша подъ Москву къ Тушинскому вору; товожъ Осиновика сами они и повѣсиша на Волгѣ. А съ тѣмижъ пріидоша въ Тушино, и тѣхъ воровъ приведоша съ собою жъ; воръ же тѣхъ Казаковъ пожаловалъ, а тѣхъ воровъ Августа и Лаврентія велѣлъ повѣсити въ Тушинѣ по Московской дорогѣ.»

*Столяр.* л. 543 на об.: «Тово жъ 117 (1609) году на Саратовѣ съ ратными съ Низовыхъ городовъ были Воеводы Замятьня Ивановичь Сабуровъ, да товарищъ ему былъ Володимеръ Володим. сынъ Аничковъ, а съ ними ратные люди, и подъ Саратовъ приходили воры изъ Астрахани, а съ ними былъ воръ, назывался Царевичемъ *Иваномъ* Ивановичемъ, Царя Ив. Вас. сыномъ, и къ Саратову Руские воры приступали жъ съ такими приступы. И въ Саратовѣ Воеводы и ратные люди отсидѣлися, и на приступахъ и на вылозкахъ Астараханскихъ воровъ многихъ побили. И воръ, которой называлея Царевичемъ Иваномъ, отъ Саратова пошелъ съ Астраханскими людьми въ Астрахань.»

(414) *Ник. Лѣт.* 116: «Грѣхъ ради нашихъ дьявольскимъ наученіемъ возставаху, не вѣмѣ откуды имахуся такіе воры, называхуся праведнымъ коренемъ, иногда Царя Ивановымъ сыномъ Васильевича, иногда Царевича Ивана Ивановича сыномъ, а инъ назвася Царя Ѳедора Ивановича сынъ. Какоже у тѣхъ окаянныхъ злодѣевъ уста отверзашеся и языкъ проглагола? невѣдомо откуда взявся, а называхуся такимъ праведнымъ коренемъ, иной Боярской человѣкъ, а иной мужикъ пашенной.»

(415) См. выше, въ прим. 413, и въ Берѣ.

(416) *Столяр.* 550 на об.: «И послѣ тово побою Поляки и Литва и Руские измѣнники большими людьми не приходили, а приходили легкіе люди, Руские воры и Татарова Юртовскіе и Черкасы на слободы и по дорогамъ, и тѣ имъ приходы не удавывались. Государевы люди ихъ побивали и живыхъ имали.»

Объ осадѣ Коломны и отраженіи Рязанцевъ Млоцкимъ см. *Ник. Лѣт.* 121 и 122.

(417) О медленности Шереметева см. прим. 411. Онъ былъ въ Владимірѣ съ Мая мѣсяца, по словамъ Царя Василія (въ Грамотѣ его отъ 2 Іюн., къ Скопину, о которой см. выше, прим. 400): «А Бояринъ нашъ Ѳед. Ив. Шереметевъ со многими Понизовскими людьми и съ Казанскими Татары пришелъ въ Володимеръ Мая въ 29 день, а изъ Володимера велѣли есми ему, сослався съ Ярославскими людьми, да будетъ къ тебѣ они всходъ не пошли, и мы имъ велѣли итти на воровъ и на Литовск. людей къ Троицкому Сергіеву монастырю.»

*Ник. Лѣт.* 122: «Пріиде... Шереметевъ въ Володимеръ съ Понизовыми людьми, и поидоша къ Суждалю; а тово не вѣдаша, что къ Суждалю крѣпкаго мѣста нѣтъ, гдѣ пѣшимъ людемъ укрѣпитися, все пришли поля. Лисовской же съ Литовскими людьми изъ Суждаля поиде противу ихъ, и бысть бой велій, и Моск. людей и Понизовыхъ многихъ побиша, едва утекоша въ Володимеръ.»

(418) См. объ оныхъ выше, прим. 360.

*Ник. Лѣт.* 122 и 123: «Врагъ же, ненавидяй добра роду Христіанскому, вложи на Москвѣ въ люди во многіе невѣріе, и всѣ глаголаху, что лгутъ будто про Кн. Михаила, и приходяху въ городъ миромъ ко Царю Василью и шумяху, и начаша мыслити опять къ Тушинскому вору, и хлѣбу жъ бяше дороговь велія, покупаху четверть въ семь рублевъ.» Аврам. Палиц. 191: «Ради неотступнаго враговъ обстоянія паки начинается злоба, паки житопродавцы возвысиша цѣну хлѣбу злѣйши перваго,» и пр. — См. также *Латух. Ст. Кн.*

(419) См. выше, около прим. 398. *Ник. Лѣт.* 123: «Въ то же время матежное пріиде отъ К. Мих. Вас. къ Москвѣ Станица Елизарей Безобразовъ съ товарыщи, и съ нимъ пріидоша многіе Дворяне, Московскіе же люди знаша ихъ, что прямо пріѣхали отъ Князя Михаила. Царь же Василей, слыша то отъ К. Михаила письмо, посла по Патріарха Ермогена и сказа ему, и бысть на Москвѣ радость велія, и всѣ людіе на Москвѣ укрѣпишася; Патріархъ же нача пѣти молебная, и по всѣмъ церквамъ повелѣ пѣти молебны съ звономъ.»

(420) *Ник. Лѣт.* 122. — *Латух. Ст. Кн.*: «К. Мих. Скопинъ посла шурина своего Симеона Головина съ ратными людьми, да Григорья Волуева съ полкомъ ко граду Переславлю; они же пошію взяша его. Тогда и самъ К. Михаилъ въ Переславль пріиде.» — *Видек.* 102: «Christiernus Some, acceptis Svecorum, qui aderant, turmis, nonnullis Moschorum adjunctis, Peressaviam *derepente* agressus 11 die Septembris expugnavit, quingentis ex Sapiehæ legione cæsis, castrisque idoneo loco ibidem fixis.» — Нѣмцев. (*Dz. Pan. Zygm. III*, II, 344), говоритъ о плѣненіи 154 Польскихъ Дворянъ, со множествомъ слугъ и Козаковъ, кои всѣ были преданы мучительной смерти.

(421) Видек. 102: «Calazinum venit 26 die Sept. Omni honore gratulationeque excipitur a Scopino, qui illicô 30 die ejusdem mensis mittit Duarenum (Дворянина) cum pelliceis mercibus æstimatione 14974 rublorum ad Arvidum Tonnonis Wildman inter appropinquantes milites distribuendas.»

(422) Тамъ же: «Jacobus Pontius et Scopinus.... 6 die Octobris castra movent. Viciniam omnem urbis Alexandri Slobodæ (quæ sex inde milliaribus sita est) infestam tenebant hostes.... Ad hos profligandos destinatus Joh. Myr cum validâ manu Svecorum Moschorumque.... 100 in aquas mergit, reliquos in fugam agit.... Urbs hæc cum castello excitata a Johanne Basilide, firmis munimentis tuetur incolas, et quinque templa sede cultuque religionis ipsius M. Ducis olim celebria.» — *Ник. Лѣт.* 123. — *Лат. Ст. Кн.*: «Въ Александрову Слободу приide и постави тамъ острогъ.»

(423) Видек. 107: «Tunna frumenti, quæ paulo ante quatuor rublis vendebatur, jam ad vilitatem 70 denningorum pervenerat.»

(424) *Ник. Лѣт.* 122: «Литовскiе же люди и Рускiе воры слышавше приходъ про К. Мих. Васильевича къ Слободѣ, отоидоша отъ Коломны и сташа въ Серпуховѣ.»

Видек. 104: «Scopini exercitus, quotidie novis advolantibus copiis auctus, 18000 circiter numerum implebat, præter eos qui in præsidiis arcium relicti sunt.»

(425) Аврам. Пал. 171 и 173: «По семъ же изъ Сопѣгиныхъ таборъ въ Троицкой Сергiевъ монастырь въѣхалъ Панъ Янъ, а съ нимъ 4 пахолки (слуги) да два человѣка Рускихъ, и сказали, что подъ Колязинымъ монастыремъ К. Михайло Литовскихъ людей побилъ и многихъ поималъ живыхъ, и того же дни Воеводы устроили изъ Троиц. Серг. монастыря вылазку на рѣчку Кончуру на бани Казачьи, и много у бань побили Литовск. людей, Черкасовъ и Казаковъ, и бани ихъ сожгли и шесть человѣкъ живыхъ взяли, и языки сказали тоже, что К. Михайло Литовск. людей побилъ.... Богоборцы жъ Пол. и Лит. люди, такоже и Руск. измѣнники, егда поражены быша отъ Моск. воинства, паче жъ отъ Бога, бѣгуще изъ подъ Колязина монастыря плѣниша многи волости и села и деревни и уѣзды: Ростовской, Дмитровской, Переславской и Слободской, и множество всякаго скота награбиша, и наругающеся градскимъ людемъ гладнымъ, иже сѣдяху во обители Чудотв. Сергiя, попущаху великiя стада по запрудной сторонѣ по Красной горѣ и на Клементьевскомъ полѣ, вкупѣ же и блазняще изъ града осадныхъ людей на вылазку, чтобы отъѣхати ихъ отъ града.... Мѣсяца же Августа въ 15 день... изъ Сопѣгиныхъ таборъ по первому своему злому лукавству паки попустиша скотъ.... Троицкiе же сидѣльцы конные, выѣхавше изъ града тайно Благовѣщенскимъ врагомъ, сторожей Литовскихъ побили и залучивше стада ихъ, погнаша ко граду.... Слышаще же въ Троицкомъ Сергiевѣ монастырѣ, яко К. Михайло изъ Переславля изгна Литву и Руск. измѣнниковъ, и мостяще путь трупомъ нечестивыхъ даже и до Слободы Александровскiя, и строящеся добрѣ пути кровныя изсушити. Архимаритъ же Iасафъ и Иноцы и Воеводы и прочiе сидѣльцы посылаютъ ко К. Мих. Васильевичу отъ дому Чудотворца съ моленiемъ просяще помощи, понеже оставшiи людiе уже изнемогоша, и посланъ бысть отъ К. Михайла Давидъ Жеребцовъ, а съ нимъ 600 мужей избранныхъ воинъ и 300 съ нимъ служащихъ; молитвами же Чудотворца проидоша ни чимъ не задержани, ни подзиратаи, ни стражми не увѣдани быша, и легцы суще все то протекше скоро.»

(426) *Ник. Лѣт.* 123: «Прiиде подъ Слободу изъ подъ Троицы Сапѣга со всѣми Литовскими людьми... К. Мих. Вас. посла противъ нихъ на бой къ селу х'Коринскому Головъ съ сотнями; Литовскiе же люди Руск. людей столкнуша и топташа ихъ до самыхъ надолобъ (см. прим. 252). К. Мих. Вас. со всѣми людьми выде самъ противу ихъ, и бысть бой великъ, и по милости Божьей Литовскихъ людей побиша, и отъ Слободы отогнаша; они же отоидоша опять подъ Троицу.»

Видек. 107: «Die 28 Octob. Duces Rusinius, Sapieha et Zborovius prope dictam Slobodam cum 4000 constitere. Illorum destinatum erat explorare, quanta vi militum nostrates urbem insedissent, eosque, si quâ fieri posset, cum munimento igne ferroque perdere. Totus subsequens dies crebris invicem concertationibus cruentus erat; nec minimam pugnæ strenuè initæ laudem tunc Muschovitæ retulere: hostis, missis duobus fortissimis centurionibus, 70 gregariis cæsis, pluribus captis, loco pulsus, intra castrorum suorum munimenta se abdidit.»

(427) Видек. 108: «Omnia compita et vias, in castra hostilia commeatum ferentia, palis fossisque muniverant.»

(428) Видек. 108: «Ex re improvide gesta inter se discordes.»

Нѣмцев. въ *D. P. Z. III*: «Князь Рожинскiй, начальникъ войскъ Самозванца, пришелъ съ мечемъ въ рукѣ къ жилищу Сапѣги, который, вышедши къ нему на встрѣчу, сказалъ хладнокровно: Теперь ли время враждовать между собою, когда намъ Скопинъ грозитъ нападенiемъ? Лучше соединимся и дружно ударимъ на него! — Но Рожинскiй не внялъ сему благоразумному совѣту и, оставивъ Сапѣгу одного, удалился отъ Троиц. монастыря въ свой станъ.»

(429) Видек. 104: «Iaroslaviâ advenere 15.000 justis armis, pedites lanceis longioribus, equites hostis ad morem Polonicum instructi.»

*Ник. Лѣт.* 124. — *Латух. Ст. Кн.*: «Прiиде изъ Владимиря града ко К. Михайлу Бояринъ Ѳеод. Шереметевъ съ Низовыми людьми, а съ Москвы Бояринъ К. Ив. Сим. Куракинъ, да К. Бор. Мих. Лыковъ съ ратными людьми. И начаша вси вкупѣ радѣти о Государьскихъ дѣлахъ и ратное дѣло строити.»

(430) Видек. 106 и 107: «Cum et Demetrio et forte Poloniæ Regi brevi opponenda arma essent, literis quoque compellat regni Senatores, ut præter dictos milites, quos jam 4000 expectabat, monerent Regem de novis suppetiis ad limites continuò mittendis.»

(431) См. выше, стран. 80 и 100. — О Князѣ Михаилѣ въ *Псковск. Лѣтописцѣ*, л. 39: «Онъ же беззлобивый ни во умѣ сего помысли, еже о Царствѣ, но токмо, еже пострадати противу безбожныхъ за Божiя церкви и за Царя своего лядю.... и не разумѣ дядина лукавства и злыя мысли.»

(432) См. выше, стран. 20 и 24.

(433) *Ник. Лѣт.* 124: «Прiидоша въ Слободу съ Резани отъ Прок. Ляпунова Станица, и писаше ко К. Мих. грамоты, аки змiя уязвляюще люди смертоносною язвою, такоже и онъ льстивый человѣкъ хотя остудити К. Мих. Васильевича Царю Василью, а К. Михаила возъярити на Царя В. написаша грамоты и здороваша на Царствѣ (въ *Латух.*: «ублажая его лестно и Царство ему прорицая»), а Царя жъ Василья укорными словесы писаше. К. Михайло жъ, прочетши грамоты и издравъ ихъ, тѣхъ же посланниковъ повелѣ пои-

мати, хотя ихъ послати къ Москвѣ; они же начаша плакати и бити челомъ и повѣдаша Прокофьево житіе все, и къ себѣ и его Прокофьево насиліе. Онъ же милостивый Бояринъ, не хотя ихъ крови, отпусти ихъ опять на Резань. Зліи же человѣцы клеветники написаху о томъ ко Царю В. на К. Михаила, что онъ ихъ къ Москвѣ перенмавъ не прислалъ. Царь же В. съ тое поры на К. Михаила мнѣніе держаши, и братья Царя Василья.»

(434) *Ник. Лѣт.* 124 и дал.: «Москвѣ же стало великое тѣсненіе отъ табаръ, а по Коломенск. дорогѣ тѣсненіе великое отъ Серпухова отъ Млотцкова, да тутъ же собрался Хатунской (въ *Латух.*: «Хутынской») мужикъ, именемъ Салковъ, а съ нимъ собралися многіе Руcкіе воры; отъ него же наипаче утѣсненіе великое бысть. Съ запасомъ же прохождаху по одной Коломенской дорогѣ, и тое отняша. Царь же В. посла на Коломну Воеводъ Князя Василья Мосальсково, и повелѣ ему собратись съ запасы со всякими и итти съ великимъ береженіемъ. Князь Василей, собрався на Коломнѣ съ ратными людьми,... приде на Боршеву, не доходя Бранницъ за три версты. Приде же изъ Серпухова Млотцкой да тотъ воръ Салковской, Князь Василья побиша, и многихъ живыхъ поимали и запасы всѣ отбиша, и коихъ было запасовъ и поднять не мочно, и тѣ пожгоша. На Москвѣ жъ опять бысть сумнѣніе великое и дороговь хлѣбная... На Слободской дорогѣ К. Петръ Урусовъ съ Юртовскими Татары.»

Нѣмцевичь (въ *D. P. Z. III*, II, 337) пишетъ, что съ Мосальскимъ находился и Кн. Голицынъ; ихъ войски претерпѣли столь сильное пораженіе, что лишь не многіе, спасаясь бѣгствомъ, могли принести о томъ вѣсть въ Москву. — Сапѣга получилъ о томъ извѣстіе 7 Ноября (Нов. Ст.). См. *Жизнеописаніе Ян. Петра Сапѣги*, изд. Когновицкимъ.

(435) О Хлопкѣ см. Т. XI, 70.

*Ник. Лѣт.* 125 и 126: «Посылаше жъ Царь В. съ Москвы для бережения въ Красное село Головъ съ сотнями и Атамановъ съ Козаками, и стояли по недѣлямъ; Атаманъ же имъ, имянуемой Гороховой, посла отъ себя къ вору въ Тушино, чтобъ онъ къ нему нощію прислалъ людей, а мы де Красное село сдадимъ и сотни конныя побьемъ. Воръ же изъ Тушина присла тоежъ нощи, и Красное село взяша; конныя же сотни усмотрѣша отошли къ Москвѣ (*Латух.*: «отъ убійства ихъ къ Москвѣ отбѣжаша»), а Козаки Красное село сдали и пошли въ Тушино, и Красное село выжгли. — Пріидоша жъ нощію подъ Москву, а приведоша ихъ измѣнники сверхъ Неглинны рѣки, и пришедъ къ городу тайно и Древяной городъ зажгоша. Московскіе же люди послыша, едва ихъ отъ города отбиша, а городъ утушиша, выгорѣло саженъ съ сорокъ, и воровскихъ людей многихъ побиша, а тутъ поставиша острогъ и укрѣпиша. — Тойже прежереченной воръ Салковъ приде подъ Николу Угрѣшсково.» (Монастырь Св. Николая Чудотворца въ 15 верстахъ отъ столицы внизъ по Москвѣ на рѣчкѣ Угрѣшѣ. См. *Больш. Черт.* 192). «Царь же В. слыша то и посла на нево Воеводу Вас. Борис. Сукина со многими ратными людьми. Онъ же соидеся съ нимъ въ Олексѣевской волости и ничево ему не сдѣла, только тотъ же воръ многую шкоту Московскимъ людемъ учинилъ.»

(436) *Ник. Лѣт.* 126: «Тойже воръ Салковъ пріиде на Володимерскую дорогу и на иныя дороги, и многую шкоту почини. Царь же Василей посла на нево Воеводъ своихъ по многимъ дорогамъ. И снидошася съ нимъ по Володимерской дорогѣ на рѣчкѣ на Пехоркѣ» (впадающей въ Москву: см. *Бол. Черт.* 193) «Воевода К. Дм. Мих. Пожарской съ ратными людьми, и бывшу бою на многое время, и по милости Божіи тѣхъ воровъ побиша на голову, той же Салковъ утече съ невеликими людьми, и на четвертой день тойже Салковъ съ достальными людьми пріидоша ко Царю В. съ повинною; а осталось всего съ нимъ послѣ тово бою, съ коими утекъ, тридцать человѣкъ. — Полковникъ же Млотцкой, стоя въ Серпуховѣ, слыша то, что приде въ Слободу К. Мих. Вас. Шуйской, и про того Салкова, что ево подъ Москвою побили на голову, поиде изъ Серпухова и нача утѣсненіе дѣлати и грабити Московск. людей. Москов. люди съ нимъ начаша битися, и многихъ Литовскихъ людей побиша и отоиде онъ въ Можаескъ. — Посла К. Мих. Вас. подъ Суздаль Боярина К. Бор. Мих. Лыкова, да К. Якова Борятинсково со многими людьми, съ Рускими, съ Нѣмецкими; они же пріидоша къ Суздалю ночью и приведоша ихъ Вожане узнаючи, и быша въ посадѣ. Лисовскій же послыша, со всѣми людьми выде на бой, Московскіе же люди ничево граду не сдѣлаша, едва и сами нощію отоидоша прочь.»

(437) См. выше, стран. 81.

(438) 29 Сентября (Нов. Ст.), говоритъ Машкѣвичь, служившій въ семъ походѣ Полковникомъ роты Князя Порицкаго. Онъ же: «Kładro się wszystkiego woyska na 12.000, a prócz piechoty i Tatarow Litewskich i Kozakow Zaporowskich.» «Далѣе: «Przy manasterze Sgo Ducha stał oboz Kozacki, których się liczyło na 10.000.» См. *Zbior Pamietn. histor. o dawney Polszcze przez Niemcewicza*, стр. 352 и 355; также Сѣв. Архив. 1825 No 1.

(439) Машкѣвичь вмѣсто Борисоглѣбскаго монастыря называетъ Богородицкій; но въ перехваченномъ письмѣ Шеина къ Царю (отъ 9 Октября) именно сказано, что Король, Гетманъ его Жолкѣвскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, Стадницкій и прочіе Польскіе чиновники, пришедши подъ Смоленскъ, расположились въ монастыряхъ Троицкомъ, Спасскомъ, Борисоглѣбскомъ, Архангельскомъ и Св. Духовомъ. См. *D. P. Z. III*, II, примѣчаніе подъ No. VIII.

(440) См. сей Универсалъ въ II. Томѣ *D. P. Z. III*, примѣчаніе подъ No. VII: «Pan Bóg dla grzechów łakomstwa i hardości ich» (Бориса Годунова и проч.). «puścił gniew swóy Boży na wszystek Krześciański naród Moskiewski, Ruski, i siła krwie Krześciańskiey bez przestanku przelewa się... iedni drugich biią... tak sam z sobą własny naród Moskiewski iako i postrounemi narody, których sam na siebie Moskiewscy ludzie nawiedli... Niemcy też, wiele zamków i włości Moskiewskiego Hospodarstwa zabrać, rządzić, wiarę prawosławną Chrześciańską Ruską do końca zniszczyć, a swoją heretycką wystawić chcą... Lecz ludzi siła Mosk. Hospodarstwa bolszy, srzedni i niższy, z wielu zamków i z samego stółecznego miasta Moskwy, widząc swóy tak wielki upadek, bili nam Hospodom czołem, róznemi tajemnemi przysyłkami, coby im Hospodar jako Car Krześciański i naybliższy rodzic Ruskiego Hospodarstwa, wspomniawszy powinowactwo i braterstwo nasze... tego spadku i zniszczenia Hospodarstwa Moskiewskiego użalilisię, wiery Chrześcian, etc... zniszczyć nie dopuszczali... J my Wielki Hospodar... idziemy ku wam... iżby za pomocą Bożą i modlitwami Przenayświętszey Bogarodzice naszey i wszystkich Swiętych... was od wszystkich nieprzyiacioł waszych obronić i z niewoli od ostatniego zginienia wybawić... Wy by Smolanie takowemu miłosierdziu Bożemu i naszéy Królewskiey łasce byli radzi, z chlebem i solą przeciw nam wyszli i pod naszą wysoką Królewską reką bydź chcieli... A my was... wwierze waszey

Ruskiey nie naruszemy, w wolności i we wszelakiy czci zachować obiecujemy... i tak wiele łaski i miłosierdzia naszego Hospodarskiego uczyniemy, jak wiele godno, dostoyno i naylepiey wam będzie... A jeśli byście pogardzili (czego o was nie dzierzemy), tym wy sami siebie, żony, dzieci i domy swoje woyskom naszym w spustoszenie podacie. A my w tym wam przed Panem Bogiem winnymi nie będziem.» Данъ въ станѣ, на границѣ Смоленской, 19 Сент. 1609.

(441) См. тамъ же, въ примѣч. подъ No VIII, перехваченное письмо Смоленскихъ Старостъ и посадск. людей къ Царю, выписанное Нѣмцевичемъ изъ Рукописи Г. Зелинскаго: «Мы, твои сироты, по совѣщанію съ богомольцемъ твоимъ, Преосв. Сергіемъ, Архіепископомъ Смоленскимъ, съ Бояриномъ и Воеводою твоимъ Мих. Борисов. Шеинымъ, съ Княземъ Петр. Ив. Горчаковымъ, съ Дьякомъ Никономъ Алексѣевымъ, съ служивыми людьми, Стрѣльцами и пушкарями и со всѣмъ простымъ народомъ, отвѣчали словесно Литовскому Королю и Панамъ Совѣта его, что у насъ, у всякаго Инока, и у служивыхъ и у Житыхъ людей, данъ обѣтъ въ храмѣ Преч. Богородицы, чтобы всѣмъ намъ за истинную Христіан. Вѣру и за свят. Божіи церкви, и за тебя, Государя Царя и Вел. Князя, и за твое Царское крестное цѣлованіе умереть, а Литовскому Королю и Панамъ его не поклониться. А 6 Октября писалъ ты, Государь Царь, свою Царскую грамоту въ Смоленскъ чрезъ Иванова человѣка Левина съ Ваською Молчановымъ, съ своимъ Царскимъ милостивымъ обѣщаніемъ, и мы, твои сироты, обрадовались твоей Царской грамотѣ. Изъ уѣздовъ же волостные жители не приходили въ замокъ къ господамъ и людей не дали къ защитѣ его: Король обманываетъ ихъ вольностію; а ратныхъ людей у насъ въ Смоленскѣ мало. Литовскій же Король стоитъ при Смоленскѣ съ сильными Литов. и Нѣмец. полками; готовитъ всѣ злыя средства и подкопы. — Милосердый Государь!.... сжалься надъ нами сиротами, не предай насъ въ руки враговъ, а женъ и дѣтей нашихъ въ обиду: помоги скоро, да не погибнемъ до конца.»

(442) Въ Нѣмцев. (*D. P. Z. III*, T. II, 585), въ вышесказанномъ письмѣ Шеина: — «Мы» — Шеинъ, Горчаковъ и Алексѣевъ — «совѣщавшись съ Дворянами и посадскими людьми, сожгли Смоленскій посадъ и слободы, чтобы Королю не удобно было подойти, а сами затворились со всѣми людьми въ осадѣ. Потомъ же Сентября 23 дня, на разсвѣтѣ, многіе Литов. люди подходили къ замку, къ Смоленску, дѣлали приступъ у Копытинскихъ и Аврамовскихъ воротъ, но милостію Господа Бога и твоимъ Государевымъ счастіемъ Литовскіе люди отъ замка отбиты, и во время приступа взятъ въ плѣнъ твой Государевъ измѣнникъ, посадск. человѣкъ, Смолянинъ Игнашка Дмитріевъ, служившій у Литов. людей проводникомъ; онъ при допросѣ показалъ, что Король намѣренъ взять Смоленскъ приступомъ и подкопомъ.» А въ письмѣ Старостъ (см. выше, прим. 441): «Первый приступъ былъ Сент. на 23 число, за два часа до разсвѣта, въ трехъ мѣстахъ: къ Пятницкому Концу и къ воротамъ Копытинскимъ и Аврамовскимъ.»

Нѣмцевичь, основываясь на современныхъ запискахъ Жолкѣвскаго и Машкѣвича, описываетъ сей приступъ слѣдующимъ образомъ: «Сигизмундъ, внявъ совѣту придворныхъ, желавшихъ употребить хитрость, рѣшился напасть незапно и ночью. Для сего 12 Окт.» (ошибка, вмѣсто Сентября) «назначенъ былъ отрядъ пѣхоты, подъ начальствомъ Мальтійск. Кавалера Новодворскаго, который славился ратнымъ искусствомъ и неустрашимостію. Сдѣлано распоряженіе, чтобы Королевскіе трубачи, при взрывѣ воротъ дали сигналъ, по которому стоявшее не вдалекѣ войско должно было устремиться чрезъ проломъ въ городъ. Новодворскій пробирался тихо, въ темнотѣ ночной, къ воротамъ, держа рукою огромную петарду, и согнувшись вмѣстѣ съ прочими воинами по причинѣ тѣсноты прохода между стѣною и деревянными срубами (которые построены были Русскими предъ стѣною со стороны поля, на подобіе избъ, для прикрытія воротъ). Не взирая на сіи затрудненія, онъ подошелъ къ однимъ воротамъ, потомъ къ другимъ, взорвалъ ихъ, и вломился въ городъ съ нѣсколькими воинами. Жители въ ужасѣ искали убѣжища въ церквахъ, и Смоленскъ былъ бы покоренъ совершенно; но отъ того ли, что трубачи не исполнили приказа, или что сильный взрывъ заглушилъ звукъ сигнала, вспомогательный отрядъ не подоспѣлъ во-время; осажденные ободрились, видя малочисленность нашихъ, и вытѣснили ихъ, положивъ однакожь на мѣстѣ не болѣе 20 человѣкъ: ибо въ темнотѣ стрѣляли на удачу.» Машкѣвичь между прочимъ говоритъ, что Венгерецъ Маркъ, Капитанъ Королевской пѣхоты, не хотѣлъ итти въ проломъ по недостатку мужества, или по условію съ непріятелемъ, и тѣмъ остановилъ успѣхъ приступа.

О послѣдующихъ нападеніяхъ сказано въ письмѣ Старостъ: «Сент. 26 дня ночью, за четыре часа до разсвѣта, подошелъ къ стѣнамъ Литов. Король съ людьми ратными; овладѣлъ въ Пятницкомъ Концѣ острогомъ и сожегъ Пятницкій Конецъ съ посадомъ, такъ что во всемъ посадѣ уцѣлѣло только 7 церквей; а 27 Сент. ночью же, за два часа до разсвѣта, приступалъ онъ опять къ Большимъ, *Туловскимъ* (Тульскимъ?), что у Днѣпровскаго моста, и къ Пятницкимъ воротамъ, но по милости Божіей, молитвами Преч. Богородицы и твоимъ Царскимъ счастіемъ, непріятель отбитъ отъ воротъ и ото всего замка, потерявъ въ замкѣ много Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей. На третій же день Литовскіе люди сожгли ночью Днѣпровской мостъ, и стрѣляютъ безпрестанно изъ пушекъ по стѣнѣ и по Богословской башнѣ, уже разбитой сверху.»

(443) Сіе выраженіе употреблено выше, при описаніи Троиц. осады, стран. 62.

(444) Въ Нѣмцев. (стр. 362): «Сигизмундъ думалъ опять прибѣгнуть къ хитрости: овладѣть городомъ посредствомъ подкоповъ. Напрасны были извѣстія, доставляемыя переметчиками, что Шеинъ вездѣ подѣлалъ слухи: наши не переставали дѣлать покушенія; но осажденные, слыша стукъ работавшихъ, портили ихъ труды, ранили и убивали ихъ.»

Машкѣв.: Стѣны Смоленска устроены съ такимъ искусствомъ, что посредствомъ тайныхъ, подземныхъ путей, можно со всѣхъ сторонъ слышать работу подкоповъ. Такимъ образомъ непріятель, копаясь въ землѣ противъ нашихъ, иногда же подкапываясь подъ ними, взрывалъ наши подкопы, истребляя и работниковъ, которыхъ мы едва на третій, или на четвертый день добывали изъ земли, погребенныхъ за живо.»

Машкѣвичь именуетъ Шеина *искуснымъ и свѣдущимъ Полководцемъ*. — Кобѣржицкій говоритъ объ немъ (стр. 84 и 363): «Gubernator bellandi peritus. — Inerat Sehino infractum animi robur.» Причиною сего упорства онъ считаетъ воспоминаніе Шеина объ отцѣ, потерявшемъ жизнь при осадѣ крѣпости *Сохола*, во время войны съ Баторіемъ. (См. сей *Исторіи* T. IX, стран. 177. и прим. 529.) — Нѣмцев. 412: «Mąż biegły w sztuce

**wojenney, wytrwały, niewzruszony w przedsięwzięciu swoiém.»**

**Рукоп. Филар.: «Той же Михайло (Шеинъ) яко крѣпкій поборникъ и разсмотрительный Воевода, нашествія иноплеменныхъ никако ужасеся и градъ ополченіемъ своимъ мужески защищаше. И тако много время противу сего Королевскаго воинства градъ той опасно удержаше; *даже и до того дойде, яко вси людіе града того изомроша, нужнаго ради осаднаго утѣсненія.* Онъ же небоязненнымъ сердцемъ брашеся съ Поляцы по всякъ день и нощь, на забралѣхъ града пребывая въ пораженіихъ смертоносныхъ, и прещенія Королевскаго и воинства множества не бояшеся, ниже ласканію его внимая, и никако предадеся въ руцѣ его, даже и до взятія града того.»**

(445) **Кобѣрж. 94:** «Venire videlicet Regem, cruentum illorum ad praemia et gloriam cursum remoraturum. Ergo ne ideo toto pene biennio bellatum est, ut paratam alieno sanguine et sudore, recenterque armatus Rex invaderet victoriam? et quando tandem et ubi debita laboribus praemia recepturi essent? aut a quo repetituri? Num a Demetrio? at huic quæ facultas tandem supererit exsolvendi promissa? quandoquidem Severia nobilissima ac opulentissima terrarum Moschoviae portio, regiis tenetur armis, in quam miles et castris attritus et vulneribus invalidus, spes suas omnes intenderat.»

(446) **Тамъ, стран. 95.**

(447) **Рожинскій созвалъ товарищей своихъ въ кругъ (w koło) и сказалъ имъ, что они, давъ слово и клятву возвратить Димитрію Царство, будутъ гнусными вѣроломцами, если ему измѣнятъ, хотя бы и слушаясь Короля; что честь есть первый законъ для гражданъ свободныхъ, и кто ей слѣдуетъ, тотъ достоинъ не укоризны, а похвалы. Изобразивъ жалостную судьбу мнимаго Іоаннова сына, доказывая, что для нихъ не только безсовѣстно, но и безумно оставить его въ жертву врагамъ, а самихъ себя признать глупцами, которые, не зная для чего, столь долго обливались кровію въ битвахъ — онъ предложилъ товарищамъ взаимно обязаться слѣдующею клятвою: 1) Умереть или возвести Димитрія на престолъ; 2) казнить лютою смертію всякаго, кто бѣжитъ отъ знаменъ его; 3) дѣйствовать явно, чуждаясь тайныхъ кововъ; 4) не отлучаться никуда безъ дозволенія начальства; 5) отлучась по дозволенію, возвратиться къ празднику Пасхи или къ Троицыну дню 1610 года; 6) въ случаѣ Димитріева торжества требовать награды всѣмъ вмѣстѣ и не расходиться безъ полнаго удовлетворенія. — Всѣ отвѣтствовали громкимъ кликомъ усердія. См. Кобѣржицкаго (стр. 96) и Нѣмцевича (стр. 367).**

(448) Сіи слова сказалъ Королю одинъ изъ посланныхъ, Мархоцкій, *забывая въ немъ лице Государя.* См. Кобѣрж. стран. 103: «Se neque Dominum Domini, nec fratres fratrum, neque patriam patriæ loco habituros.»

(449) **См. въ Кобѣржицкомъ (стр. 104 — 111) и въ Нѣмцевичѣ (стр. 373). — Марина, вѣнчаясь на Царство съ Отрепьевымъ, именовалась *Цесаревою Маріею.* См. *Собр. Гос. Грам.* II, 290 и 291; также сей *Исторіи* Т. XI 158.**

(450) **См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.**

(451) **См. тамъ же. Сигизмундъ развѣдывалъ предварительно о Тушинскомъ станѣ чрезъ надежныхъ людей, Русѣцкаго и Бучинскаго. Ходя по шатрамъ, они подслушивали мнѣнія воиновъ и привлекали ихъ къ сторонѣ Короля.**

(452) **Все сіе подробно описано въ Кобѣржицкомъ, на стр. 128 — 137. Грамота Сигизмунда къ Царю Василію была писана 12 Ноября. Въ ней сказано между прочимъ: «Какъ Христіанскій Монархъ, желаемъ съ помощію Бога, Приснoблаженныя Дѣвы Богородицы и всѣхъ Святыхъ, положить конецъ бѣдствію и разоренію великаго Московскаго Царства, остановить пролитіе крови Христіанской, возвратить народамъ миръ и тишину. Для сего отправляемъ Пословъ къ Польскимъ и Литовскимъ войскамъ, стоящимъ близъ Московской столицы, и о томъ тебя извѣщаемъ, дабы и ты прислалъ своихъ Бояръ въ станъ ихъ, для совокупнаго совѣщанія съ нашими Послами: во первыхъ, объ удовлетвореніи насъ, въ чемъ слѣдуетъ; потомъ, о заключеніи вожделѣннаго мира.»**

(453) «Si voluntatem suam (Regis) grato exciperent animo, ac in patrocinium regium concedere, suæque manûs excelsæ beneficio protegi cuperent. Quod vero attineret ad Fidem illorum Christianam Græcam, verbo regio polliceri, se eam salvam et illæsam manu tenere velle, institutaque omnia Ecclesiastica,» etc. (Кобѣрж. 136).

**Нѣмцев.:** «Jeśli wdzięcznym sercem pomoc i opiekę moję przyiąć zechcecie,» etc.

(454) **Послы прибыли въ Тушино 17 Декабря, въ сопровожденіи ста конныхъ копейщиковъ и 280 человѣкъ пѣхоты, и были встрѣчены внѣ стана Александромъ Зборовскимъ съ 200 чел. конницы, а подлѣ стана Княз. Рожинскимъ и Станисл. Мнишкомъ, ѣхавшими въ саняхъ. Иванъ Плещеевъ и Ѳед. *Униковъ* (Unicovius), привѣтствовали ихъ рѣчью отъ имени Самозванца. (Кобѣрж. 137).**

(455) **Удержаніе въ Москвѣ Пословъ, пролитіе крови Польскаго Дворянства въ день гибели Отрепьева, побужденіе Татарскихъ Ордъ напасть на Подолію, подкрѣпленіе Шведскаго Короля деньдами, и проч. (Кобѣрж. 129).**

(456) **См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.**

(457) **Тамъ же.**

(458) **Нарушев.:** «Nayprzód dobrze pięściami utłukłszy, potym nadziakiem aż do złamania kija srodze ubił, że ledwo sam Dymitr do pokoju dalszego uciekł. Samuel Tyszkiewicz w pewney z nim poswarce, nazwawszy go łgarzem i filutem, wiele innych słów obelżywych przydał.» (*Zyc. Chodk.* I, str. 283 i not. 131).

**См. также Кобѣржицкаго, 147.**

(459) **Кобѣржицкій.**

(460) **Годунову, Разстригѣ, Василію.**

(461) **Кобѣрж. 148, и Нарушев. 283.**

(462) **Кобѣрж. 150:** «Illum (Regem) non regionis, sed Religionis expugnandæ, templorum, non urbium hostem, eversorem rituum, expilatorem Cænobiorum in Moschoviam advenisse.» **Нѣмцевичь, стр. 393.**

(463) Сіе заключалось въ данномъ отъ Короля наставленіи. См. Кобѣрж. 133, Нѣмцев. 384, и ***Жизнеоп. Я. П. Сапѣги,*** 226: «Rwać woysko tamto szkoda dla narodu Moskiewskiego, aby oni zdesperowawszy o potędze Dymitrowey, nie rzucilisię do Szuyskiego.» Слова Рукописи Корон. Канцлера Задзика подъ загл. *Acta Cancellariatûs.*

(464) **Въ Берѣ и Петреѣ (стр. 427) отвѣтъ Рожинскаго:** «Du Huren-Sohn, was begehrestu zu wissen, was die Gesandten bey mir zuverrichten haben; der Teuffel weis, wer du bist, wo du geboren und von welchem Geschlecht erspроssen? wir haben den lange Zeit unser Blut deinet halben vergossen und unsere Bezahlung noch nicht bekommen.»

**Лжедимитрій простился съ женою, по свидѣтельству Бера и Петрея, которые приводятъ и слова, сказанныя имъ на прощаньѣ. Нѣмцевичь утверждаетъ, что онъ уѣхалъ, не давъ ей знать; но сего обстоятельства не находимъ въ другихъ. Кобѣржицкій говоритъ просто (стр. 152):** «relictâ

Marinâ conjuge tristi et ob absentiam mariti contabescente, clam è castris Kalugam profugit.»

Аврам. Палиц. 202: «И того бо ради окаянный утече, понеже нѣцыи отъ Козаковъ тайно возвѣстиша ему, яко Поляки, ждуще Князя Михайла, и тогда хотяще его отдати въ царствующій градъ.» А въ *Латух. Ст. Книгѣ*: «Михаилъ же Салтыковъ и Ружинской, слышавше о семъ, что Мих. Вас. Скопинъ вскорѣ будетъ къ Москвѣ, а надъ Москвою до того времени ничего они зломысленнаго своего дѣла не возмогли сотворити, и начаша умышлять, како бы имъ воровскаго своего Тушинскаго Царика поимать и подъ Смоленскъ къ Королю отвесть. Воръ же, увѣдавъ ихъ совѣтъ, и нощію отъ нихъ съ невеликими людьми въ Колугу убѣжалъ.» См. также *Ник. Лѣт.* 127.

О днѣ и прочихъ подробностяхъ его побѣга см. Бера.

(465) Беръ: «Нѣкоторые изъ приверженцевъ его думали, что онъ былъ тайно убитъ.» — Петрей, 428: «und heimlich in den Strom geworffen.»

(466) *Ник. Лѣт.* 127.

(467) Кобѣрж. 152: «Accurrunt velut lymphati, invehuntur in Ruzinium quasi Demetrianæ fugæ auctorem . . . nunc ad Demetrii currûs accurrunt, excutiunt et si quid auri argentique ac supellectilis pretiosæ lateret, diripiunt, omnia sus déque miscent,» etc.

*Латух. Ст. Кн.*: «Тогда полки воровскіе смятошася и Руские люди разбѣгошася, иніи къ Москвѣ, а иніи во своя городы, кто гдѣ живяше. Литва же многихъ за то побиша и остановиша въ таборахъ съ собою стоять.»

(468) См. Нѣмцев. стр. 401: «Pamiętay Wászmość, iż kogo Bóg raz blaskiem Majestatu oświeci, ten nigdy blasku tego nie strada, ani słońce jasności swojéy nie traci dla tego, że przemijająca chmura zaćmi je czasem.»

(469) См. изданную въ 1674 г. книгу: *The Russian Impostor*, 166: «She farther complained of the sad Vicissitudes of her Fortune, submitting her self and her Concerns to God, from whom she did expect an end of her calamities and sorrows; she added, My adverse Fate hath deprived me of all: J have nothing left but the justice of my Cause, and my right to the Muskovitish Empire, confirmed by my Jnauguration, and the double Oaths of all Orders of men.» Сіе письмо было отъ 15 Генваря 1610. См. Кобѣржицк. 157, и *Львов. Лѣтоп.* 240. Марина подписалась: «Вашего Королевскаго Величества доброжелательная Марина, Цесарева Московская» (Кобѣрж.: Jmperatrix Moschoviae).

(470) Въ семъ воззваніи именовалъ онъ Сигизмунда *поганымъ* Королемъ, а Поляковъ *коварными* отступниками, обѣщая истребить ихъ *еретическую* вѣру, и не уступать имъ въ Россіи, *ни деревни, ни даже дерева*. Въ Калугу онъ прибылъ 1 Генваря 1610 года. См. Бера.

(471) См. выше, стр. 15.

(472) Шаховскій явился къ Самозванцу въ пятый день послѣ Праздника Богоявленія. См. Бера.

(473) Беръ: «Одному Богу извѣстно, что мы перенесли въ сіе бѣдственное время.» Беръ, находясь тогда въ Козельскѣ, едва не убитъ.

(474) Беръ: «Несчастный Скотницкій спрашивалъ, за что его казнятъ? Палачи отвѣчали: *Царь велѣлъ намъ не разсуждать съ тобою, а бросить тебя въ воду*; накинули ему петлю на шею и повлекли, какъ стерво. Послѣднія слова его были: *И такъ вотъ награда за вѣрную двухлѣтнюю службу и сильную осаду, мною выдержанную! Боже, помилуй меня!*»

(475) *Латух. Ст. Кн.*: «Мих. Бутурлинъ, собрався съ ворами, и пріиде подъ градъ Колугу, и нача приступати. Въ томъ же градѣ сидѣлъ Ив. Ив. Годуновъ, за нимъ убо бысть Ирина Никитична Романовыхъ, Ѳеодора Никитича сестра. Егдаже градъ взяша и Болярина Ив. Годунова съ башни свергоша, людей же многихъ посѣкоша, а имѣнія ихъ разграбиша. Но еще Бояринъ Ив. Годуновъ живъ бысть, и о немъ возвѣщено бысть Мих. Бутурлину. Онъ же повелѣ его на Оку рѣку привести и въ воду посадити; егдаже приведоша и въ воду его ввергоша, тогда онъ за край струга удержася. Михайло же, вынявъ саблю, и отсѣче ему руки и потопи его въ водѣ. И тако скончася мученически, но къ совѣтникомъ *Розстригинымъ* не приложися. Жена же его, Ирина Никитична, горько по немъ плакася, но отъ убійства ихъ свободна бысть. А Михайла Бутурлина порази духъ непріязненный лютъ зѣло, и пребысть тако до кончины своея.» Въ сей *Степ. Книгѣ* смерть Ив. Ив. Годунова, описанная съ такими подробностями, отнесена къ временамъ Разстриги, что несправедливо: ибо тогда онъ находился не въ Калугѣ, а въ войскѣ Ѳеодора Борисовича подъ Кромами и взятъ въ плѣнъ (См. сей *Исторіи* Т. XI, 111); потомъ оставался въ званіи Окольничаго при Разстригѣ и Царѣ Василіи, и только въ 1610 году исключенъ изъ Послужнаго Списка Бояръ, гдѣ сказано: «*убитъ въ Колугѣ отъ вора.*» См. *Др. Рос. Вивл.* XX, 84.

Беръ говоритъ, что Гансбергъ (объ немъ сказано и въ примѣч. 125), и Теппирсъ фонъ Виссенъ «оставили на дорогѣ Боярина Ив. Ив. Годунова, мужа *добраго и благочестиваго*, котораго Димитрій Второй утопилъ въ Калугѣ.»

(476) См. Бера.

(477) *The Russian Jmpostor*, 167: «Demetrius his Letters read publikely did extremely foment their Seditions, but the presence and carriage of Marina transported them beyond all bounds. — Кобѣрж. 154: «Rediturum se ad exercitum significabat, si novo iterum se Poloni obstringerent sacramento, deque Moschis, qui fidem datam fefellissent, sumerent supplicium.» Видек.: «amplissima praemia promittebant.» *Льв. Лѣт.* 244: обѣщевая имъ великое награжденіе.»

(478) См. Бера. Онъ именуетъ Казимирскаго *прямымъ Вертумномъ*, который съ Русскими былъ Русскій, съ Поляками Полякъ. А Кобѣржицкій говоритъ о немъ: notum per seditiones nomen.» Вожди Польскіе въ Тушинѣ принуждены были грозить ему смертною казнію.

(479) Кобѣрж. 199.

(480) О семъ поступкѣ Марины см. въ Кобѣрж. 201, въ Видекинд. 125, въ *The Russ. Jmpostor*, 168, въ Нѣмцев. 419. — Два первые говорятъ: faemina ingens animi, vasti animi.»

(481) Двѣ тысячи, по словамъ Кобѣржицкаго (стр. 202). Въ *The Russ. Jmpostor* также: «They fought, and two thousand fell in that Conflict on both sides.» Но Беръ пишетъ, что къ Димитрію пристало только 500 Козаковъ, изъ числа коихъ многіе были побиты догнавшими ихъ Поляками.

(482) Беръ утверждаетъ, что 13 Генваря Самозванецъ получилъ въ Калугѣ извѣстіе отъ Марины, уже прибывшей изъ Тушина въ Дмитровъ. Сіе несогласно съ другими достовѣрнѣйшими показаніями. 1) Письмо, оставленное ею въ Калугѣ, (см. ниже, прим. 483), отъ 16 Февраля (по Стар. Ст. 6 Февр.): см. Нѣмцев. 421. — 2) Рожинскій, увѣдомляя Сигизмунда письмомъ отъ 27 Февраля о побѣгѣ Марины, говоритъ, что оный послѣдовалъ со Вторника на Среду (см. Нѣмц. 397). Первая предъ 27 числомъ Среда была 11 Февраля по Стар. Ст. И такъ Марина бѣжала съ $^{10}/_{11}$ на

$^{11}/_{21}$ число; письмо же могло быть ею приготовлено за нѣсколько до того дней ($^{6}/_{16}$ Февр.). — 3) Въ Дневникѣ Сапѣги (См. *Zyc. J. P. Sapiehi*, 238) сказано, что она прибыла въ станъ его 26 Февр. (16 по Стар. Стилю).

(483) Сіе письмо помѣщено вполнѣ въ *Hist. Vlad.* Кобѣржицкаго на стр. 203, и въ *Zyc. J. P. Sapiehi*, на стр. 234, а въ Нѣмцев. (стр. 421) и въ *The Russ. Impost.* (стр. 169) сокращенно. Представляемъ выписку: «Maryna z Wielkich Konczyc... Niemogę już sobie okrutną więcey być, abym to podeptać, i na to spuścić miała, i o to niedbać, co nad wszystko samę cnotę ludzie miłuiący przekładają, anim nad bestye biedne nędznieysza, aby jeśli nie z natury trwożliwey y białogłowskiey, wżdy rozumiem w całey nadziei i obronie Boskiey ostawszy, ostatecznego nieszczęścia i obelżenia mnie i stanu mego, od tych samych, którym by opieka o mnie i obrona powinnie należała, uchraniaćsię i o sobie radzić nie miała. Żalu pełne serce, że i na sławę uczciwą i dostoyność od Boga daną następują! z niepoczciwemi mnie równali na posiedzeniach, i na bankietach swoich przy kuflu i trunkach wspominali!... Nie da Bóg, aby kto mną w prywacie swey targować miał obelżywie, mnie i stan móy, przysługowawszy się, zdradziecko wydając, tam przemyślawając wywieść miał, i temu oddać (т. е. Сигизмунду) który jako do mnie tak i do Państwa tego żadnego prawa i sprawiedliwości niema... Teraz bez rodziców, bez powinnych i bez krwie i bez przyjaciela i opieki zostawszy, w żalu i utrapieniu moim Bogu się cało oddawszy, do małżonka mego, niewolą przyciśniona, ujeżdżać muszę, abym i przysięgę nienaruszoną i sławę i całą zachowała, i w pokoju wżdy kiedy pomieszkać i wytchnąć w żalu moim mogła, od Boga samego opiekuna niewinności i sprawiedliwości dekretu i rezolucyi prędszey czekając, z tym się tedy Bogu mojemu oświadczam, iż jako dla obrony sławy, uczciwości, dostoyności przy prawie moim obstawam, gdyż będąc Panią Narodow, Carową Moskiewską, wracać się do stanu Szlachcianki Polskiey i znowu poddanką być nie mogę, tak dla dobra Rycerstwa tego, które cnotę i sławę miłując na przysięgę pomni, odjeżdżam.»

(484) Тишкѣвича. Въ *The Russ. Jmpostor*, 170: «Neither would they any more be Commanded by him, but chusing one Tiskevicius for their General, prepare to follow Demetrius their old Lord.»

Объ укоризнахъ мятежниковъ Рожинскому, см. Кобѣрж. 207, Нѣмц. 422, и *The Russian Jmpostor*, 170.

(485) Въ письмѣ 27 Февр. (см. выше, примѣч. 482): «Woysko się bardzo buntuje, nie będzieli na zamierzony kres wiadomości jakiey, którąby się mogło kontentować Rycerstwo, trudno go będzie hamować... Bojarowie ci, którzy z nami z Patryarchą zostali, ne smakują sobie, że żadnego pisania od W. K. Mci nie mieli, i tych dobrze pocieszyć, stalszymi będą w zamysłach swoich.»

(486) См. выше, стр. 18.

Имена нѣкоторыхъ Русскихъ Тушинскихъ Пословъ исчислены въ Грамотѣ Короля, отъ 21 Сент. 1610, о награжденіи ихъ домами въ Москвѣ и помѣстными окладами (см. *Собр. Гос. Гр.* II, 451): «Бояре, Окольничіе, Дворяня и Дьяки наши: Мих. Глѣб. Салтыковъ съ сыномъ своимъ Иваномъ, К. Вас. Мосальской, К. Юрьи Хворостининъ, Микита Вельяминовъ, Михайло Молчановъ, К. Ѳед. Мещерской, Тимоѳ. Грязной, Левъ Плещѣевъ, Иванъ Грамотинъ, Ѳед. Ондроновъ, Иванъ Чичеринъ, Степ. Соловетцкой, Овдокимъ Витовтовъ, Ѳед. Опраксинъ, Вас. Юрьевъ и всѣ, которые пріѣхали къ нашему Кор. Вел. и почали служити прежъ всѣхъ... и втѣпоры, какъ они пріѣхали до насъ... подъ Смоленскъ, Кн. Вас. Шуйской... дворы ихъ на Москвѣ розорилъ до основанья,» и проч. Изъ нихъ Ѳ. Андронова именуетъ Б. Каменскій *Печатникомъ и Думнымъ Посольскимъ Дьякомъ* въ своемъ *Собр. Дип. Дѣл.* стр. 405. (Сигизмундъ въ 1611 году называлъ Андронова Бояриномъ и Казначеемъ. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 543).

См. также *Ник. Лѣт.* 128, и *Лат. Ст. Книгу*.

(487) М. Салтыковъ, отправленный Посломъ въ Польшу отъ Царя Бориса, видѣлъ тамъ Владислава, еще семилѣтняго. См. сей *Исторіи*, Т. XI, 24 и 25.

Всѣ сіи рѣчи и отвѣтъ Канцлера Сапѣги находятся въ Кобѣржицкомъ (стр. 163 и дал.), по словамъ коего К. Вас. Масальскій смѣнилъ Ивана Салтыкова (velut ex condicto juvit), а послѣ говорилъ Иванъ Тарасьевичь Грамотинъ (Johannes *Parásovicius*). См. *Собр. Гос. Гр.* II, 480.

(488) «Quia gens ut cœlo, ita moribus asperior, hospitibus inimica, externorumque impatiens,» etc. См. Кобѣрж. 175. — Нѣмцев. 407 и 408.

(489) Нѣмцев. 409: «Nieszło u nich o swobody i prawa: cała usilność obrócona, by Królewic wyrzekłsię Wiary Rz. Katolickiey, był przez Patryarchę koronowanem, utrzymywał i pomnażał monastery i cerkwie Swiętych. Z taką zaciętością, mówi Kobierzycki, ... iż zdawałosię, że nie tylko duszne zbawienie, lecz jakąś słodycz i roskosz w nich znaydowali.»

(490) *Собр. Гос. Грам.* II, 441: «Присягалъ Король Боярину Мих. Глѣб. Салтыкову съ товарыщи... что, будучи Королевичю на Государствѣ нашіе истинные православные Крестьянскіе вѣры не разорять, и городовъ отъ Москов. Государства не отводить, и помѣстей и вотчинъ и дворовъ и животовъ у насъ не отымати, и безъ сыску ни надъ кѣмъ никакова дурна не учинити.» (Въ окружн. Грам. Кн. Ѳ. И. Мстиславскаго и Бояръ, управлявшихъ съ нимъ Государствомъ, отъ 4 Сент.)

(491) Въ принадлежавшемъ А. И. Ермолаеву спискѣ съ Грамоты Москов. Бояръ въ Казань, 30 Августа 118 (1610) г.: «Мы Бояре... приговорили и укрѣпили и крестъ съ обѣ стороны цѣловали, и пр... на томъ, что намъ служити и прямити Царю своему Владиславу Королевичю и его дѣтемъ, коихъ ему Государю впредь Богъ дастъ, а мимо его изъ Москов. Государства и иныхъ Государствъ на Москов. Государство никого не хотѣти.»

Въ *D. P. Z. III*, (Т. II, 410) помѣщена слѣдующая форма присяги, данной Послами: «Я (имярекъ) цѣлую сей Святый Животворящій крестъ Государю моему Царю и Вел. Князю Владиславу Жигимонтовичу всея Русіи на томъ, что долженъ ему Государю своему вѣрою и правдою служить и прямить и во всемъ добра желать, а къ Шуйскому и къ тому вору, что именуетъ себя Царевичемъ Димитріемъ, не приставать и никакого иного Государя на Москов. Государство не желать, кромѣ Государя нашего Ц. и В. Кн. Владислава Жигимонтовича; а пока намъ Господь Богъ не дастъ на Москов. Государство, обязуюсь служить и прямить и во всемъ добра желать отцу его, Госуд. нашему, нынѣшнему Наияснѣйшему Королю Польскому, В. К. Литов. Жигимонту Ивановичу,» и пр.

(492) См. сіе письмо въ *D. P. Z. III*, Т. II, въ примѣчаніи подъ No. X: «Co się tknie samego miasta stołecznego Moskwy, i tam snadź wielkie rozerwanie i częste bywają tumulty, dla tego iż między Skopinem Szuyskim a teraznieyszym Wasilem, co sobie regiment uzurpował, wielkie emulacye, a wszakże i tam wiele ich, lubo po cichu

do nas i do syna naszego nayduje się skłonnych.... W tych tedy szczęśliwych za łaską i miłosierdziem Bożym powodzenia naszego początkach łacno Uprz. W. baczyć możesz, jaką się ściele druga zamieszaniną jednych, a życzliwością drugich ku nam, do pomnożenia sławy Rycerstwa naszego i rozszerzania granic Rzpltéy, a zgoła opanowania całey téy Monarchii Moskiewskiey, ieśli czego sam tylko deficit skarbu i dostatków naszych nie rozwiedzie.» Писано $^{2}/_{12}$ Марта.

(493) «Præ gaudio erumpentibus manantibusque lacrimis.» Кобѣрж. 181.

(494) Кобѣржицкій говоритъ, что отъ сихъ городовъ прибыло къ Сигизмунду 16 Бояръ, изъ коихъ главные были: Князь Leoncius Jackovius и Гаврило Хрипуновъ.

(495) См. Кобѣрж. и Нѣмцев. — Въ отвѣтѣ Королевскомъ сказано: «lubo mniemany Dymitr nie godzien ni łaski, ni wiary.»

(496) Рожинскій въ письмѣ къ Королю (см. выше, прим. 482): «zbłądziła i do Dymitrowa zajechawszy, do tego czasu tam mieszka.»

(497) Слова, приводимыя Беромъ: «Прилично ли мнѣ, Царицѣ всея Русія, явиться тамъ въ видѣ презрительномъ? Я готова раздѣлять съ мужемъ все, что Богъ ни пошлетъ ему.» Она выѣхала въ Калугу верхомъ, въ красномъ бархатномъ Польскомъ кафтанѣ, въ сапогахъ со шпорами, вооруженная пистолетами и саблею. Сапѣга далъ ей всѣхъ Нѣмцевъ, которые при немъ находились, и 50 Козаковъ. Съ тѣхъ поръ она учредила при себѣ придворный штатъ изъ Нѣмокъ.

(498) См. Нѣмцев. 424, и Нарушев. 298. Мятежники назначали себѣ въ грабежъ имѣнія Литов. Марш. Дорогостайскаго, Канцлера Сапѣги и Князя Збараскаго, какъ вредныхъ Королевскихъ совѣтниковъ.

(499) 5 ротъ (vexilla) Полков. Линка, 2 роты Поссе и Кваренгема, 600 чел. изъ Нарвы, и 700 изъ Выборга подъ начальствомъ Петра Дела Вилля, еще 300 Шведовъ и 2 роты (signa) Французовъ. См. Видек. 118. — А Далинъ въ Gesch. des Reich. Schweden: «Nachdem de la Gardie den 17 Jenner aus Schweden eine Verstärkung von etwas über 3000 Mann, unter welchen genug ungleiche Nationen, Nordländische Schnee-Läufer und zwo Fahnen Franzosen, waren, erhalten hatte, so» etc.

(500) Въ *Розр. Кн.*: «Тоежь зимы послалъ К. Мих. Вас. въ Ростовъ Воеводу Кн. Ивана Хованскаго да К. Якова Борятинскаго. А изъ Ростова велѣно итти къ Кашину, да ко Твери.» — Въ *Ник. Лѣт.* 130: «Посла К. Мих. Васильевичь изъ Слободы К. Ив. Андр. Хованскаго противъ Нѣмецкихъ людей; К. Иванъ же сшолся съ Нѣмецк. людьми съ Воеводою съ Ивелгоромъ подъ Старицею.»

(501) См. объ немъ выше, стран. 101. — Въ *Розр. Кн.*: Да съ пѣшими людьми съ огненнымъ боемъ Воеводу Григорья Волуева, и онъ пришолъ, Сопегу изъ Дмитрева выбили.» — Въ Авр. Пал. 178: «Мѣсяца Генв. въ 4 день, въ 4 часъ нощи, пріиде изъ Слободы Александровы отъ К. Мих. Вас. въ Троиц. Серг. монастырь Воевода Григ. Волуевъ, а съ нимъ избранныхъ вой 500 муж. храбрыхъ и вси во оружіи: сіи бо пріидоша извѣдатися съ Литов. людьми, и съ Руск. измѣнники и войско ихъ смѣсити. Егда же освѣтающу дни, и совокупльшеся съ Давыдомъ (Жеребцовымъ) и съ Троицкими сидѣльцы храбріи они воини изъ града исходятъ храбрски, и наглѣ нападаютъ на Польскіе и Литовскіе роты, и втопташа ихъ въ Сопѣгины таборы и станища ихъ около таборъ зажгоша, и милостію Пребезн. Троицы Литов. людей многихъ побили, и языки поимали; Сопѣга жъ и Лисовской со всѣми полки своими исшедше противу ихъ, и бысть имъ бой великъ на Клементьевскомъ полѣ, и на Келаревѣ прудѣ, и на Волкушѣ, и на Красной горѣ, и много бившеся, и многи отъ обою страну пивше смертную чашу, множайше жъ сугубо погибе полку еретическаго, и разыдошася обои, и день той препроводивше, во Обители Чудотворца сотворше заповѣданное имъ, паки возвратишася ко К. Мих. Вас., на Польскихъ же и Литов. людей и Руск. измѣнниковъ тогда страхъ великъ нападе, и въ недоумѣніи быша, яко же оставшіи по нихъ сказаша.»

(502) Остатки тридцати-тысячнаго воинства. См. выше, стран. 59.

(503) Аврам. Пал. 179 и дал.: «Генваря во 12 день Гетманъ Сапѣга и Лисовской со всѣми полки... побѣгоша къ Дмитрову никимъ же гоними, но десницею Божіею; толикожъ ужасно бѣжаша, яко и другъ друга неждуще, и запасы своя мещуще, и велико богатство мнози по нихъ на нутехъ обрѣтаху не отъ худыхъ вещей, но и отъ злата и сребра, и драгихъ портъ и коней.»

Видек. 119: «Ille (De la Gardie) XI die Januarii Sapieham tandem diuturnam solvere obsidionem coëgit, reperitque castra omni rerum supellectile in longius tempus provisa, et inter illam nonnulla immanis magnitudinis tormenta.»

(504) Авр. Пал. 180: «По отшествіи же сыновъ беззаконныхъ, преждавше осмь дней, посылается отъ Обители Чудотворца къ царствующему граду къ Государю Старецъ Макарей Куровской со Святою водою Генваря въ 20 день... Егда же и К. Михаилъ, не мало время преминувъ, пріиде изъ Слободы въ домъ Чудотв. Сергія со всѣмъ воинствомъ съ Рускими Людьми и съ Нѣмцы, и все воинство отъ тѣхъ малыхъ останковъ довольствовашеся: такожде и весь скотъ свой отъ житницъ же Чудотворца питаху довольнѣ, и по отшествіи его, и всего воинства многимъ препитаніе бысть.»

Видек. 119: «Jacobum... ut liberatorem suum suspiciebant venerabanturque et aliquot millibus rublorum donabant.»

*Ник. Лѣт.* 130: «Бояр. К. Мих. Вас. изъ Слободы поиде въ Троиц. монастырь, Архимаритъ же и братья его встрѣтиша; онъ же ста въ Троиц. монастырѣ.»

(505) Видекиндъ пишетъ, что за войскомъ Шведскимъ шло 4000 человѣкъ, частію изъ Нордботніи, частію изъ сѣверныхъ областей Россіи. Они имѣли лыжи въ 5 футовъ длиною, а шириною въ одинъ, и съ неимовѣрною быстротою ходили по замерзшимъ снѣгамъ на непріятеля, который не могъ противъ нихъ употребить ни конницы, ни пѣхоты. — О сраженіи подъ Дмитровымъ онъ говоритъ (стр. 121). «nec Moschorum, qui tunc intererant prælio, virtus defecit;» но жалуйся, что Русскіе, опасаясь будтобы возвращенія непріятелей, сожгли оставленный Сапѣгою станъ. Сіе сраженіе происходило по словамъ его $^{6}/_{16}$ Февраля, а по Дневн. Запискѣ Сапѣги (см. *Życie J. P. Sapiehi*, 239) въ первыхъ числахъ Марта.

(506) «Uczynił ten krok Sapieha zmownie z Królem, który nie chciał przygnieść do ostatka Samozwańca przez bojaźń, by trzymaiące z nim grody i prowincye nie poddały się Szuyskiemu.» (Нѣмцев. 424.)

(507) См. выше, стран. 119, и прим. 500.

Въ Видекиндѣ: отступленіе Сапѣги къ Іосифову монастырю, стран. 127; къ Ржеву, стран. 145; прибытіе Горна въ Зубцовъ, стр. 146; приступъ къ Бѣлой стр. 151.

*Ник. Лѣт.* 130: «И Старицу взяша; а изъ подъ Старицы пошли подъ Ржеву, и пришедъ Ржеву

взяша; а иныхъ подъ Ржову пондоша подъ Бѣлую.» Тоже въ *Латух. Ст. Книгѣ*.

По словамъ Кобѣржицкаго (стр. 245) Русскіе вожди Хованскій и Борятинскій (Chounacius et Boratinius), идучи къ Бѣлой, имѣли 4500 пѣшихъ и конныхъ воиновъ, а Горнъ 2500 Англичанъ и Французовъ, не считая шедшей за ними толпы крестьянъ. Поляки свѣдали о семъ отъ двухъ плѣнныхъ Англичанъ. — *The Russ. Jmpostor*, 173.

(508) См. Кобѣрж. 217, Нарушев. 299, Нѣмцев. 425. — Въ *Латух. Степ. Кн.* «Въ тоже время Ружинской и Руские воры, услышавше К. Михайловъ приходъ и Куракина во Дмитровѣ бой и отъ Москвы Литва и воры побѣжаша, а иніи въ Москву пріидоша, и иніи въ Тушино (?), а иніи подъ Смоленскъ къ Королю побѣгоша; Ростовскаго же Митрополита Филарета Никитича съ собою взяша, а Тверскій Архіепископъ Ѳеоктистъ изъ Тушина хотѣлъ убѣжать къ Москвѣ, егоже Литва и воры убиша.» — *Ник. Лѣт.* 131: «Литов. люди и Руские воры отъ Москвы пондоша прочь съ великимъ страхованіемъ, а иные Руские люди пондоша по городомъ, а иные къ Москвѣ, а Ѳилар. Ник. Ростовскаго Митрополита взяша въ плѣнъ, повезоша съ собою съ великою крѣпостію, и отшедъ сташа въ Осиѳовѣ монастырѣ.»

Беръ: «Между тѣмъ Поляки грабили и разоряли во всей окрестности и оставили сіе мѣсто совершенно опустошеннымъ.»

Аврам. Палицынъ (стр. 201) говоритъ, что когда Сапѣга принужденъ былъ бѣжать отъ Лавры, то въ станѣ Тушинскомъ было великое смятеніе: «Вси Поляки вкупѣ начаша сѣщи Руск. измѣнниковъ, кои въ Тушинѣ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, и Стрѣльцовъ и Козаковъ и всякую чернь.... Мнози же прибѣгше раненыя къ царств. граду съ кровными слезами, просиша изрученія прочимъ: и не бысть избавляющаго, и не бѣ никтоже помогая. И тако пондоша къ Смоленску стояти и по инымъ градомъ воевати.»

(509) 8 Апрѣля Нов. Ст. (Нарушев. 300) — *Ник. Лѣт.* 131: «Григорей же (Волуевъ) пріиде къ Осиѳову монастырю, и Литовскіе люди изъ Осиѳова пондоша; онъ же сопде ихъ на дорогѣ и Литовскихъ людей побилъ, и Ѳиларета Никитича отполонилъ, а самъ пондоша къ Москвѣ.»

Видекиндъ о взятіи Іосифова монастыря (Osipovia), и объ освобожденіи Филарета, стран. 149.

(510) Кобѣрж.: «Vir militiæ strenuus ac bellicâ laude præclarus» — Нѣмц.: «którego męstwo jedna tylko popędliwość przyćmiła.»

(511) Беръ пишетъ, что Сапѣга, отступивъ отъ Дмитрова и занявъ Іосифовъ монастырь, самъ отправился къ Королю въ Смоленскъ, и около Праздника Пасхи возвратился оттуда назадъ къ войску, стоявшему зимою вдоль рѣки Угры, въ мѣстѣ обильномъ стадами и хлѣбомъ, гдѣ еще не было военныхъ дѣйствій. — Сіе согласно съ *Дневн. запискою* Сапѣги. (См. его *Жизнеописаніе*, стр. 241). — Рукоп. Филарета: «Другія же Полковницы и Ротмистры пондоша... подъ воеводствомъ Пана Сапѣги.» — Устье рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ города Калуги. См. *Больш. Черт.* 184. — Кобѣрж. 219. «Cæteris Calugam contendentibus non leve addidere robur J. Sapiehæ legiones.»

(512) По словамъ Бера, Лисовскій держался цѣлую зиму въ Суздалѣ, откуда пошелъ въ Маѣ 1610 на Псковъ. Тамошніе измѣнники приняли его съ радостію. *Ник. Лѣт.* 145: «Лисовскому Полковнику, а съ нимъ измѣнникомъ Ондрею Просовецкому съ товарищи, пришедшимъ въ Колязинъ монастырь, и Коляз. мон. бысть въ осадѣ. Воевода жъ у нихъ баше Дав. Жеребцовъ и бился съ ними крѣпко, и Коляз. монастырь взяша взятьемъ и многоцѣлебныя Чюдотворца Макарія Колязинскаго (мощи) изъ раки сребряные повергоша на землю и раку разсѣкоша; Воеводу жъ Дав. Жеребцова и Игумена и братью и всѣхъ людей побиша и всю казну монастырскую поимаша и монастырь выжгоша.... Тойже злодѣй Ондр. Просовецкой съ Казаками поиде войною, и быша подъ Иваномъ городомъ и подо Псковымъ, и тута съ Литов. людьми разошлись.»

(513) *Ник. Лѣт.* 131: «К. Мих. Вас. Ш. поиде изъ Троиц. монастыря къ Москвѣ и пріиде подъ Москву. Царь же Василей повелѣ его встрѣтити и Нѣмецк. Воеводу Якова Пунтусова съ товарыщи; Московскіе жъ люди, видя его приходъ къ Москвѣ, и воздаша ему велію честь, встрѣтоша его честно: (*Столяр.*: «за Деревяннымъ городомъ по Ярославской дорогѣ») и биша ему челомъ, что онъ очистилъ Москов. Государство, и пріиде ко Царю Василью. Царь же В. его пожаловалъ, а мнѣніе на него нача держати по пріѣздѣ Резанскомъ, и видѣлъ, что Москов. люди ему воздали честь великую и били ему челомъ со слезами. Нѣмецкаго жъ Воеводу Як. Пунт. и Нѣмец. людей пожаловалъ Государь своимъ великимъ жалованьемъ.»

Видек. 130: «12 die Martii.... magnifice triumphantis ad instar ingreditur. Advenientibus processêre obviam Nobiles, portisque omnis ætatis ac sexus effusa multitudo, more patrio salem panemque afferens, hunc (Scopinum) *Patrem Patriæ*, illum (De la Gardie) assertorem publicæ libertatis appellabant........ Basilius Suischius, præ gaudio erumpentibus lachrimis, testabatur animi candorem, qui.... tunc certe sincerus apparuit.»

(514) Аврам. Палиц. 203: «Отъ всего града царствующаго Москвы яко Давидъ со юноши паче Саула прославляется.» Видекиндъ о пирахъ въ Москвѣ, стр. 131. *Псков. Лѣт.* 39: «И срѣтоша его народъ съ великою честію и яде (съ Царемъ, и возвеселися, и дары многи и честны отъ него пріятъ.»

(515) Аврам. Палиц. 203: «Храбрый же той мужъ отъ многихъ молимъ бѣяше, дабы шелъ изгубити пути нечестивыхъ, и дабы не престалъ отгоняти волки отъ стада Христова. Онъ же Царя яко Исаакъ послушаше отца своего Авраама, и приходитъ цѣловати лице, о немъ же многъ трудъ и борбы подъятъ.»

(516) Тамъ же: «Неувяжемый удъ въ человѣцѣхъ — бѣсящійся языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся: съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ Самодержца, яко вся земля Россійская почитаетъ К. Михаила паче тебе, великій Царю, еще же и скипетроносца хотятъ его видѣти.»

(517) *Псков. Лѣт.* л. 38 на обор.: «Слышаху бо тіи завистницы дядья его въ народѣ глаголюще, яко достоитъ сицевый Князь сильный и храбрый мужъ быти Царемъ, яко избави насъ отъ нашествія Латынъ и градъ нашъ свободи отъ обстоянія и отъ глада.» Тамъ же: «Позавидѣша..... яко же Саулъ Давиду пастырю сущу, и уби Голіаѳа, и пояху Саулу дѣвицы въ тысящахъ побѣду, а Давиду во тмахъ.» См. также въ Аврам. Палиц., или выше, въ прим. 514.

(518) Въ *A Brief History of Moscovia*, *by Milton*, *Lond.* 1682, pag. 63: «And is said to have consulted vith Witches of the Samoeds, Lappians and Tartarians, about the same fears; and being warn'd of one *Michalowich*, to have put to death three of that name; yet a fourth was reserv'd by fate to succeed him; being then a Youth attendant in the Court, one of those that held the golden Axes, and least suspected.» — Pag. 67: «And

with *Boris Licin* another great Souldier of that Countrey fall into consultation about the choice of an Emperour, and chose at last *Michalowich*, or *Michael Pheodorowich*, the fatal Youth, whose name *Shusky* so fear'd.»

*The Russ. Impostor*, 203: «And his nature by frequent practises being hardened in cruelty, he caused three of his most faithful Servants and Friends to de made away, only because their names were *Michael*; for he had been told by his Soothsayers, that one of that name should Succeed him in the Empire (which proved true, for all his barbarous precaution) which hurried him upon doing those horrid things that hardly any Story can parrallel.»

(519) См. *Дипл. Собр. дѣлъ* Б. Каменскаго, стран. 391. — Въ *Зерцалѣ Рос. Гос.* Мальгина сказано, что Царь Вас. Іоан. имѣлъ двухъ дочерей, Анну и Марію, скончавшихся въ младенчествѣ.

(520) *Хронографъ Ключарева*: «Воевода сердца не хрябраго, но женствующими обложенъ вещьми, иже красоту и пищу любящій, а не луки натягать и копія приправлять хотящій.»

(521) *Псков. Лѣт.* л. 38: «И сему Князю Михаилу позавидѣша три братія, его дядья, его славѣ, и чести, и храбрству, и мужеству... и оклеветаша Царю, глаголюще: слышахомъ, Царю, яко племянникъ нашъ хощетъ Царемъ быти въ тебе мѣсто.»

*Ник. Лѣт.* 132: «Дядья жь Князь Михаиловы, К. Дмитрей Ивановичь Шуйской со Княгинею, великую держаху на Князь Михаила рень; чаяху, что онъ подъискиваетъ подъ Царемъ Василіемъ Царства; а про то убо и всей земли вѣдомо всѣмъ людемъ, что онъ того и въ умѣ не было.»

Видек. 136: «(Demetrius) ausus objicere affectati imperii ambitionem, et quod propriâ authoritate Regi Sveciæ castella ditionesque et militibus feuda tribuisset.» О сдачѣ Кексгольма, см. выше, прим. 406.

(522) Видек. 136.: «Corripuit primum verbis Magnus Dux hanc calumniandi intemperantiam, baculò que abegit delatorem; hinc misit, qui Scopinum rectà ad palatium deducerent, ubi clementi ac ad hilaritatem composito vultu exceptus, laudatusque ob insignem operam.... coramque incusatus, quod contra propinqui sanguinis jura.... auderet acceptare destinantis sibi populi imperii vota. Scopinus fretus conscientiâ fideliter rerum gestarum paululum confidentius respondit, nunquam animo suo obrepsisse tam præposteram consequendi imperii spem; cæterum, si vel fessos calamitatibus populos vel impeditos hactenus armorum progressus et invidiam procerum spectaret, facile se ominari posse, impendentem toti Moschoviæ ruinam. Dissimulavit Suischius hanc fiduciam animi, hunc audacem patruelis sui sermonem ac per aliquot dies alto corde pressit indignationem; interim commisit ei et duobus aliis Senatoribus negotium deliberandi cum Jacobo de la Gardie,» etc.

(523) *Ник. Лѣт.* 132: «По приходѣ жь К. Мих. Васильевича начаша нарежатися итти подъ Смоленскъ, и Яковъ ему Пунтусовъ говорилъ безпрестани, чтобъ онъ шолъ съ Москвы, видя на него на Москвѣ ненависть.»

(524) *Псков. Лѣт.* 39: «Не по мнозѣ жъ времени сотвориша пиръ дядья его, не яко любве ради желаху его, но убійства. И призваша, и ядоша и пиша. Послѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, яко же древняя змія льстивая подоиде Княгиня Дмитрѣева Шуйского *Християна* Малютина дочь Скуратова... сестра Борисовы жены Годуновы, иже отравою окорми праведнаго Царя Өеодора и храбраго мужа,.... яко медъ на языцѣ ношаше, а въ сердцы мечь скова и.... пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду со отравою; онъ же незлобивый, не чая въ ней злаго совѣта по сродству, вземь чашу, испитъ ю. Въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати, вземше его свои ему принесоша и въ домъ. И призва отца своего духовнаго, и исповѣда ему вся согрѣшенія, и причастився Божеств. Таинъ Христовыхъ, и предаетъ духъ свой Господеви.»

*Ник. Лѣт.* 132: «По малѣ жь времени грѣхъ ради нашихъ К. Мих. Вас. впаде въ тяжекъ недугъ и бысть болѣзнь его зла, безпрестани бо идяше кровь изъ носа. Онъ же сподобися покаянію и причастися Божеств. Таинъ... и соборовася масломъ, и предаде духъ свой, отъиде отъ суетнаго житія своего въ вѣчный покой... Мнози же на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка его Княгиня Катерина Князь Дмитреева Шуйскаго.»

О днѣ смерти его, см. Видек. 139, и *Древн. Рос. Вивліоѳ.* (XI, 232), въ которой помѣщена слѣдующая выписка изъ панихидной книжицы Архангельскаго Собора: «Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ Царя и Вел. Кн. Василья Іоанновича вся Руссіи племенникъ Кн. Михайло Шуйскій-Скопинъ, по Государеву указу, а по своему храброму разуму, Божіею помощію надъ враги Польскими и Литовскими людьми и Рускими измѣнники, которые хотѣли разорить Государство Московское и Вѣру Христіанскую попрать, явно показавъ преславную побѣду, пріиде къ Москвѣ, Божіимъ судомъ преставися въ лѣто 7118 (1610), Апрѣля въ двадцать третій день, на память Великомученика Георгія, въ послѣдній часъ ночи.»

Рукоп. Филар.: Разболѣся... на крестинномъ пиру, *у К. Ив. Мих. Воротынскаго, егда крести сына своего К. Алексѣя (?)*, и тако едва дойде до монастырию пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изъ рта, и пребысть похищеніе смертное.»

Авр. Палиц. 203: «Грѣхъ же ради нашихъ по двою мѣсяцу пришествія его къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша ко Господу отъиде.»

(525) Видек. 139 и 140: «Clam sublatus veneno interiit... Hinc suspicio rumorque per urbem sparsus, fraude Suischii periisse Scopinum... In authorem sceleris Demetrium Suischium maxime insurgere cæpit impetus indignantium... adeo ut vix a direptione ædium ipsius se abstinuissent, nisi ipse Mag. Dux Basilius vi manuque sua tumultum quidem invadentium, sed animorum motum non composuisset.»

Беръ: «Благодарность Шуйскаго къ храброму Скопину оказалась тѣмъ, что онъ велѣлъ его отравить ядомъ.» — См. также Нѣмцевича (стр. 432).

(526) Аврам. Пал. 203: «Не вѣмы убо, како рещи: Божій ли судъ нань постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? Единъ создавый насъ се вѣсть. Но убо о таковомъ знаменитомъ человѣцѣ проплака вся земля неутѣшно, и горькаго того рыданія не мощно изглаголати днесь.»

*Ник. Лѣт.* 132: «На Москвѣ же плачь бысть и стенаніе веліе, яко уподобитися тому плачу, како блаженные памяти по Царѣ Өеод. Ивановичѣ плакаху.»

(527) *Ник. Лѣт.* 132: «Царь же Василей повелѣ его погресть въ Соборѣ у Архангела Михаила, въ предѣлѣ у Рожества Іоанна Предтечи.» — *Стол.*: «Послѣ Велика дни вскорѣ.» — К. Ѳ. Калайдовичь, въ письмѣ къ Исторіографу отъ 3 Іюля 1824: «Прахъ его покоится не между Царскими памятниками, а въ особомъ придѣлѣ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи.» (такъ и въ Рукоп. Филарета). «Въ этомъ придѣлѣ, теперь упраздненномъ, только и есть одна гробница Шуйскаго:

она сложена изъ кирпича (какъ и Царскія), не имѣетъ никакой надписи, и теперь вся завалена обломками стараго иконостаса.»

(528) Авр. Палиц. 203: «Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ; но не видѣша на себе попущаема стрѣлянія силы: древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеся... нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя яко прахъ развѣваетъ; тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ зайде подъ землю.»

*Псков. Лѣт.* 40: «Мнози же народи, вѣрніи и невѣрніи, плакахуся его смиренія и любве и милости къ малымъ и великимъ.»

*Хрон. Ключ.*: «Бысть Воевода храбръ и мужественъ и добрымъ благопріятствомъ ко всему народу Рускому себе показа, скоро аки молнія супостатныя полки обтече и вся овцохищныя волки люто устраши: пастырь бо звѣрогонитель бысть... во бранѣхъ лютъ, на враги стремленіемъ зѣло искусенъ и ратнымъ непобѣдимъ.» Кобѣрж. (стр. 226) пишетъ о немъ тоже, что Видекиндъ. См. выше, примѣч. 376.

Рукоп. Филар.: «Сей же непобѣдимый Воевода ... бяше красенъ лицемъ, милостивъ и увѣтливъ, тихъ же и смиренъ, нищелюбивъ и добродѣтеленъ, никого же оскорби и никого презрѣ, всѣхъ утѣшая и всѣмъ полезная подавая.»

(529) Аврам. Палиц. 197 — 201: «Той (Борисъ) первѣе взя изъ казны Чудотворца Сергія взаймы на ратныхъ людей 15.400 рублевъ. По Борисѣ же ... Григ. Отрепьевъ... по своему злому еретическому нраву... 30.000 руб... Потомъ же Царь Василей... взятъ изъ Обители первѣе 18.355 р.; второе же взя у Келаря Старца Аврамія Палицына въ осадѣ на Москвѣ 1000 р., что была на Анапіевыхъ; паки же втретіе взя на Москвѣ же во осадѣ 900 рубл. И всего взято бысть ... 65.655 р.... Аще и благочестивъ сый Царь (Василій) и благовѣренъ, но обаче подстрекаемь нѣкіими небоящимися Бога, глаголю же Григорья Елизарова, Василья Янова, и поползеся яко человѣкъ... и возлаетъ злая за благая, и нападаетъ вмѣста меда пелыныю и забываетъ помощь и молитвы Чудотворца, и оставшееся, чѣмъ строити домъ Чудотворца, по велицѣмъ разореніи та вся расхищаетъ: присылаетъ бо во Обитель Живон. Троицы Дьяка Семенку Самсонова... Аврамей же восходитъ ко Царю, и многи слезы о семъ предъ нимъ пролія, возражая его отъ толика совѣта, и предлагаетъ предъ нимъ писаніе Архимарита Іасафа... Царь же воздыханьми и плачевнымъ образомъ показуяся зѣло сѣтуя, дѣломъ же не тако... Семенко же, по повелѣнію Самодержавнаго, достальныхъ осадныхъ сидѣльцовъ повелѣ всѣхъ грабити неповинно, не токмо мирскую чадь и вдовъ, но и Иноковъ и Священныхъ чиновъ, и останцы монастырстіи и до послѣдняго плата, имъ же горькія слезы утираху... По семъ же взятъ послѣднюю казну издавна старое сокровище, дачи Государей и Вел. Князей и Царей и Боляръ... сосуды златые и сребреные позлащены,» и проч. — Видек. 141.

(530) *Хрон. Стол.* л. 551 на обор.: «А Нѣмецкіе Воеводы, Яковъ Пунтусовъ, Ивергоръ, и всѣ Нѣмцы по К. Мих. Васильевичѣ плакали жь и тужили гораздо, что онъ къ нимъ былъ добръ и ласковъ.»

(531) Отъ Петра Болотникова и Тушинск. Самозванца.

(532) *Ник. Лѣт.* 133. — *Лат. Ст. Кн.*: «Слышавъ же о семъ Прокопій Ляпуновъ, что К. Мих. Скопинъ скончася, и нача умышляти на Царя В. І. злое свое коварство. Посла къ вору въ Колугу и по инымъ городамъ племянника своего Θеодора Ляпунова, чтобы помогали мстити о смерти К. Мих. Вас. Скопина, будто по повелѣнію Цареву сродники его уморили. Θеодоръ же пріиде въ Зараескъ.» (*Ник. Лѣт.* «къ Николѣ Зараскому.» — Тамъ главная церковь Св. Николая) «къ Воеводѣ К. Дим. Мих. Пожарскому, и даде ему писма отъ дяди своего Прокопія Ляпунова. К. Димитрій же къ совѣту тому не приложился, и писма тѣ Ляпуновы посла къ Москвѣ, и безмотчанія Государь Царь прислалъ къ нему на помощь Симеона Глѣбова да Голову Стрѣлецкаго Мих. Рчпнова съ ратными людьми. Тоже услышавъ Прокопій Ляпуновъ, что пришли на помощь ратные люди въ Зараескъ, и преста ссылаться съ ворами.» — Въ бумагахъ, принадлежавшихъ покойному Исторіографу, есть любопытная выписка, сдѣланная К. Θ. Калайдовичемъ изъ находящагося въ Зарайскѣ экземпляра напечатанной въ Москвѣ въ 1610 году книги *Уставъ, сирѣчь око церковное*. Сей Уставъ былъ положенъ въ Зарайскую Соборную церковь Николая Чудотворца Княземъ Д. М. Пожарскимъ и собственноручно имъ подписанъ киноварью по листамъ. При ономъ сохранилось слѣдующее извѣстіе, писанное современнымъ почеркомъ: «Лѣта 7118 (1610) году Февраля въ 8 день, при державѣ Рос. Царя и В. К. Вас. Ив. всея Рос., въ царство ево въ 6 лѣто, и при Св. Патр. Гермогенѣ Моск. и вс. Рос., святительства ево въ 6 лѣто, былъ посланъ изъ царств. града Москвы въ Резанск. области къ велик. Чудотв. Николѣ въ Зараской городъ Столникъ и Воевода К. Дм. Мих. Пожарской... Въ тѣ поры многіе грады смутилися: Серпуховъ, и Кошира, и Коломна, и во градѣ въ Зараскомъ смута была великая... И Божіею милостію и помощію вел. Чуд. Николы Зараской городъ устоялъ... И въ тѣ же лѣта 7149 (1610) году Декабря въ 1 день присылалъ врагъ богоотметникъ Исакъ Сунбуловъ съ товарищи многихъ людей съ Михайлова города Черкасъ и Козаковъ и Татаръ подъ Зараской городъ, плѣнити правосл. Христіанъ. И тѣ воры пришедъ къ острогу Зараскова города, и острогъ обманомъ взяли... Воевода К. Дм. Мих. Пожарской съ невеликими людьми противъ ихъ изъ города вылѣзъ, и помощію Вел. Чуд. Николы воровъ побили и языки поимали, и изъ острогу выбили вонъ, и градъ и острогъ Никола Чудотворецъ невидимо сохранилъ. И въ тѣ поры Столн. и Воев. К. Дм. Мих. Пожарской обрекся дати къ вел. Чуд. Николѣ вкладу, и далъ въ храмъ Чуд. Николы Протопопу Дмитрею съ братьею вкладу книгу, глаголемую *Уставъ* печатной... и за ево Бога молити и родителей ево поминати и въ Сенаникъ написати, а Богъ сошлетъ по ево душу, и ево тѣмъ же поминати, дондеже и градъ Св. Николы стоитъ (слѣдуетъ исчисленіе предковъ К. Пожарскаго, или Помянникъ).» Описанное здѣсь происшествіе 1 Декабря относится уже ко времени Междоцарствія (см. ниже, прим. 553). Находящійся же въ Зарайскомъ Соборѣ золотой гербъ (см. *Слов. Геогр. Рос. Гос.*, II, 581) пожалованъ Царемъ Вас. Іоан. вѣроятно въ память разсѣянія Тушинскаго стана: ибо въ надписи его изображено: «*Лѣта 7118 Іаннуарія 27 дня* Гос. Царь и Вел. К. В. І. всея Русіи приложилъ къ чудотворному образу велик. Чудотворца Зарайскаго, какъ Богъ освободилъ *градъ его* отъ воровскихъ людей Чудотворцовою молитвою, и добили челомъ Государю.»

(533) *Ник. Лѣт.* 134: «Въ то же время стоящу подъ Шацкимъ Князь Васил. Θедор. Масальскому» (это былъ Литвиновъ-Мосальскій: см. *Спис. Бояръ* и *Хрон. Стол.* л. 553) «а съ воровскую сторону бывшу въ Шацкомъ Князю Дмитр. Мамстрюковичу

Черкаскому, Кн. Василья подъ Шацкимъ побиша. Царь же Василей слыша и посла къ нему на помощь Голову Ивана Мажарова, и Прокофей свѣдалъ то, что идетъ къ Шацкому, и пославъ, повелѣ Ивана перенятн, и ихъ не пропустиша, повелѣ имъ быти у себя.»

(534) Беръ. Собственныя слова его: «Онъ (Ляпуновъ) подчинилъ себѣ нѣсколько городовъ, велъ войну противъ Димитрія Втораго, Шуйскаго и Короля Польскаго; называлъ себя Бѣлымъ Царемъ (Belozair) и увѣрялъ, что стоитъ за Русскую Вѣру. Куда только приходило войско его, тамъ не оставалось и травы въ полѣ.»

*Ник. Лѣт.* 134: «Дума жъ у него большая на Царя Василья съ Бояриномъ со Кн. Вас. Вас. Голицынымъ, и отъ Москвы отложися, и не нача Царя Василья слушати.» Тоже въ *Латух. Ст. Книгѣ.*

(535) *Dz. Pan. Zygm. III,* T. II, 438. — Въ семъ отрядѣ находились слѣдующія дружины: Гетмана 170 всадниковъ, Кн. Порицкаго 130, Даниловича 100, Балабана 130, Олизара 100. Малынскаго 100, Струса 200, Калиновскаго 100, Хвалибога 100. Къ нимъ послѣ присоединились дружины Стадницкаго, Казановскаго, Фирлея, Скумина, Сподвиловскаго, Гоздзиковскаго, и Кн. Збараскаго: въ каждой было по сту всадниковъ. См. *Дневныя записки* Машкѣвича, который самъ былъ въ дружинѣ Кн. Порицкаго. — Нѣмцевичь (II, 438) упоминаетъ о дружинахъ Тишкѣвича и Зборовскаго.

(536) См. письмо Короля, помѣщенное въ *Dz. Pan. Zyg. III,* T. II, 605. Тамъ же, письмо Гетмана къ Королю (стр. 594), въ коемъ сказано: «Dymitr Szuyski, jakom w liście pisał, jest pewnie w Możaysku.»

О числѣ Русскихъ и союзниковъ ихъ подъ Бѣлою, см. выше, примѣч. 507.

Горнъ старался овладѣть Бѣлою посредствомъ хитрости: завелъ тайные переговоры съ нѣкоторыми изъ ея жителей; но Госѣвскій открылъ замыселъ и казнилъ ихъ. Наступила жаркая битва съ Горномъ предъ стѣнами города, прекращенная темнотою ночи. Въ слѣдующій день Шведскій Военачальникъ прислалъ къ Госѣвскому трубача съ письмомъ, въ коемъ вызывалъ сто Польскихъ всадниковъ противъ такого же числа Шведскихъ, и требовалъ размѣна плѣнныхъ. Госѣвскій отказалъ въ послѣднемъ, говоря, что никто изъ Поляковъ не былъ взятъ въ плѣнъ; но обѣщалъ сразиться еще, и совѣтовалъ Горну перейти въ службу Короля Польскаго. Между тѣмъ приближеніе войска Жолкѣвскаго заставило Горна отступить къ Ржеву. См. Кобѣрж. стр. 246, и Видек. стр. 152.

*Ник. Лѣт.* 134: «Кн. Дм. Шуйской послалъ отъ себя Воеводу Кн. Ѳед. Андр. Елецкова, да съ нимъ Григ. Валуева съ ратными людьми въ Царево Займище, и повелѣ имъ въ Царевѣ поставити острогъ. Они же придоша въ Цар. Займище и острогъ поставиша и осаду укрѣпиша, и послаша съ вѣстію, что укрѣпилися. Кн. Дмитрей же Ивановичь съ Нѣмецкими людьми поиде къ Клушину; туто жъ къ нему приде Воевода К. Ив. Андр. Хованской да Нѣмецкой Воевода Иветьгоръ съ Нѣмецкими людьми, и пріидоша къ Клушину и укрѣпишася обозомъ.»

По словамъ Кобѣржицкаго (стр. 256), Волуевъ и Елецкій имѣли съ собою *десять*, а по свидѣтельству Видекинда (стр. 156) *шесть* тысячь воиновъ.

(537) 23 Іюня, Нов. Стиля. См. Кобѣржицк. 259, и Нѣмцев. II, 441.

(538) См. Нѣмцевича (II, 444), который ссылается на собственныя записки Жолкѣвскаго. — Видек. 162. — Петрей, 440. — *Ник. Лѣт.* 134: «Нѣмецкіе люди начаша у него прошати найму; грѣхъ же ради нашихъ ничтожь намъ успѣваше; нача у нихъ сроку просить, будто у него денегъ нѣтъ; а у него въ тѣ поры денегъ было, что имъ дати. Нѣмецкіе люди начаша сердитовати и умышляти.» Сей Лѣтописецъ прибавляетъ, что Горнъ самъ убѣждалъ Жолкѣвскаго спѣшить на Русскихъ, и обѣщалъ не дѣйствовать противъ него.

Жолкѣвскій говоритъ въ письмѣ къ Королю (см. Нѣмц. II, 602): «Diak rozradny Jaków Dzienudow» (*Видек.*: «Dzenidovius») «ktory świeżo był z Moskwy pieniądze cudzoziemców przyniosł, w Sobotę, która poprzedziła potrzebę, dziesięć tysięcy rublów gotowych pieniędzmi dał, a oprócz tego dwadzieścia tysięcy rublów w sobolach i w suknach przyniosł, ale oprócz pieniędzy ieszcze byli tych fantów nie brali; nasi je pobrali w Szuyskiego obozie.»

(539) 4 Іюня, Нов. Ст. — См. Кобѣрж. 267, и письмо Жолкѣвскаго въ *D. P. Z. III,* T. II, 600: «3 Iulii godzin dwie albo trzy na dzień, wziąłem wiadomość, że Kn. Dymitr Szuyski, ruszywszy się z Możayska w ośmiu mil odemnie nocował... Zarazem zezwałem do siebie Panów Pułkowników i Rotmistrzów woyska W. K. Mci, z wielu wielkich i ważnych przyczyn zdało mi się nieprzyjaciela nie czekać... kostawiwsky tedy część woyska przy tym brodku, piechotę wszystkę W. K. Mci i Kozaki expedito exercitu bez wozów tegoż dnia, to jest 3 Iulii nad wieczorem ruszyłem się ku Kłuszynu, gdziem się spodziewał zastać woysko nieprzyjacielskie, od obozu naszego jakby we czterech mil i szedłem na całą noc. Na rozświeci, przednia straż ex fremitu castrorum postrzegła woysko nieprzyjacielskie, które przybliżało się było dali do nas pominąwszy Kłuszyn: przyszliśmy niespodziewanie na nieprzyjaciela; nie miał o nas przestrogi, ani wiadomości nijakiey, jeszcze bychmy ich podobno na posłaniu zastali; ale iż przez złość i ciasność drogi woysko nie mogło się pośpieszyć, przyszło mi godzinę i daley poczekać, że się woysko ze złey drogi wybiło, a w tym też niepryjaciel się ocknał, i postrzegła nas straż: przyszło nam jeszcze przed słońca wschodem dnia wczorayszego 4 Iulii zwieść z nimi potrzebę... Stawili się nam zrazu, zwłaszcza cudzoziemcy Francuzowie, zbroyny dosyć dobrze, jako się godzi ludziom Rycerskim; trwała bitwa ancipite Marte naymniey trzy godziny... Dzielność i męstwo Rycerstwa W. K. Mci przemogło nieprzyjaciela: nayprzód Moskwa, a potym i cudzoziemcy ięli uciekać. Na cudzoziemcach konnych wjachali żołnierze W. K. Mci w ich obóz, bijąc, siekąc tak, że ich i z obozu pędzili w las.»

См. также Машкѣвича, который былъ очевидцемъ сей битвы и подробно описалъ ее. По словамъ его, Гетманъ, приближаясь къ Русскому войску, ободрялъ своихъ ратниковъ рѣчью, а Священники ѣздили по рядамъ и благословляли ихъ на сраженіе. Упорство съ обѣихъ сторонъ было столь велико, что нѣкоторыя Польскія роты принуждены были отступать по 8 и 10 разъ, но снова возвращались къ бою съ кликомъ: *do sprawy, do sprawy!* Жолкѣвскій стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и съ подъятыми къ небу руками молилъ Бога о побѣдѣ.

(540) Видек. 167: «Iacobus, rei indignitate commotus, castra circumiens, tractatum rescindere conatur, compellat legionarios, admonet dedecoris, minis, precibus, promissis flectere refractarios studet... Verum ad pervicaces nihil sanum... Omnem Ducis suppellectilem spoliant, pecuniâque... repertâ, cæsis obviis se in castra Suischiana præcipiti fugam dant. Jbi quoque, imparatos adorti, ablatisque, quæ casus obtulit, in castra hostilia effuso cursu transiliunt.» — Тамъ же, 168: «Demetrius,

copiarum Mosch. Supremus Dux... celeritate insequentium elusâ, effuso cursu Mosaiscum... contendit: sparserat enim in limine castrorum impedimenta varii generis, ut vestes, pelles, argentea vasa, aliamque supellectilem, quæ celeritate equorum retardata, sequentium aviditatem prædæ dulcedine detinuit.»

(541) Тамъ же, 170: «Acceptisque in solutum ex reliquiis castrensibus 5450 rublis aureæ argenteæque monetæ, et 7000 in panno pelliceisque mercibus.» Тамъ же, 179: «prædem dividendam, certa pro incertis capienda ratus.»

(542) Жолкѣвскій въ письмѣ къ Сигизмунду (См. *Dz. Pan. Zygm. III*, T. II, 603): «Nie mianuję na ten czas nikogo, jako kto sobie poczynał przy téy służbie W. K. Mci;.... atoli o wszystkich nie tylko ja, ale rzecz sama daje świadectwo, że sobie mężnie, jako się godzi onym Rycerskim ludziom, poczynali przy téy służbie W. K. Mci.... Raczyłeś W. K. Mść do mnie pisać, żebyć P. Jwana Sołtykowa odesłał do W. K. Mci; widzę że to ztąd poszło, że jego Pan Oyciec rozumie go bydź szkodliwie rannym, ale on zdrów jest, był i teraz ze mną w téy potrzebie, i dobrze W. K. Mci zasługował, także insi Bojarowie Moskiewscy, którzy natenczas tu byli.»

Тамъ же: «Powiedział mi P. Sołtykow, że widział zabitego Jakowa Boratyńskiego, Wasili Burtulin poiman i jeden Diak Rozradny Jakow Dzienudow.» (См. выше, примѣч. 538). Тамъ же: «Dymitr Szuyski.... jął wielkim gwałtem uciekać, nasi też gonić, drudzy do obozu jego z cudzoziemcy tez wpadli, który oboz wielki był i dostateczny, i jego własna kareta i insze wozy zostały, którego szablę, szyszak, buławę wzięto; w pogoni, jako to zwykło bywać, naywięcey ich poginęło..... Falkonetów przytym woyszcze było jedynaście, ale mnie ich nie doszło rąk jedno siedm, i tem z pracą przyniosł, bom nie miał czym pociągnąć, insze są tu między P. Rotmistrzami. Chorągwi z kilkudziesiąt, też Burtulinowa, który przodek woyska wiódł, jest i samego Szuyskiego nayprzednieysza chorągiew adamaszkowa z złotem.»

См. также Видекинда, стран. 172.

(543) См. Нѣмцевича (II, 454), который ссылается на Рукопись Жолкѣвскаго.

*Ник. Лѣт.* 135: «Етманъ... нача тѣсноту чинити Цареву Займищу. Воеводы жь ему говоряху: поди подъ Москву: будетъ Москва ваша; а мы будемъ готови Королевскія. Етманъ же имъ отказа: какъ де возму я васъ, тогда де и Москва будетъ за нами. Царево жь Займище, видя *неизнеможеніе*» (вмѣсто: изнеможеніе) «поцѣловали крестъ Королевичу.»

(544) См. принадлежавшій покойному А. И. Ермолаеву списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Казань: «Писали къ намъ изъ Можайска Воевода Кіевской Гетманъ Коруны Польскіе.... Стан. Станиславовичь Желтовской, да Бояринъ и Воевода Иванъ Михайл. Салтыковъ и осторожковскіе сидѣльцы, Воевода Григорей Волуевъ и Головы писмяные и Дворяне и Дѣти Боярскія и Стрѣльцы и Казаки и всякіе служивые люди, чтобы намъ бити челомъ на Московское Государство Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому о сынѣ его Владиславѣ Королевичѣ, и прислалъ къ намъ листъ за Королевскою рукою и печатью, на чемъ договоръ былъ и присегалъ Король Бояриву Михайлу Глѣбовичю Салтыкову съ товарищи, запись, на чемъ былъ договоръ и цѣловалъ крестъ Гетманъ Станиславъ Желтовской во Царевѣ Займищѣ Воеводамъ Кн. Ѳедору Елецкому да Григорью Валуеву и всѣмъ ратнымъ людемъ.»

См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 429: «А Гетманъ Ст. Желковской о томъ.... въ Царевѣ Займищѣ острожковскимъ сидѣльцомъ цѣловалъ крестъ..... что Москов. Государства всякихъ людей мужеска полу и женска, которые въ нынѣшнюю смуту, при бывшемъ Царѣ Васильѣ, взяты въ полонъ въ Польшу и Литву Вел. Гос. Жигимонту Королю велѣти, сыскавъ, отпустити изъ Польши и изъ Литвы всѣхъ до одного человѣка... чтобъ тѣхъ невинныхъ плѣнныхъ людей слезы обратити въ радость... А по которой записи Гетманъ цѣловалъ крестъ въ Царевѣ Займищѣ острожковскимъ сидѣльцомъ, и въ той записи написано: какъ городъ Смоленскъ Государю Королевичу добьетъ челомъ, и Жигимонту Кор. Пол. и Вел. Кн. Литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Польскими и Литовскими людьми, а порухи и насильства на посадѣ и въ уѣздѣ никакія не сдѣлати.... (стр. 431) Острожковскимъ сидѣльцомъ, Воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людемъ Гетманъ цѣловалъ крестъ, что костеломъ въ Россійскихъ Государствахъ не быти.»

Объ условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ, см. выше, стран. 118.

(545) См. Нѣмцевича.

(546) См. его же, II, 456.

(547) *Ник. Лѣт.* 135: «Царь же Василей бысть въ великомъ страхованіи и скорби, и посла по городомъ, повелѣ ратнымъ людемъ итти къ Москвѣ.»

(548) Нѣмцев. (II, 455): «Strwożony Szuyski to sypał ostatki skarbów na utrzymanie w wierności Strzelców, na zaciągi Tatarów, to znów skłaniając umysł do spokoynieyszych środków, niejakiego Stańskiego Polaka więźnia z listem ugodnem chciał wysłać do Hetmana, i znów go wstrzymał,» etc.

(549) *Ник. Лѣт.* 135: «Они же» — ратные люди — «не пoидоша къ Москвѣ, а Резанцы отказаша по умышленію Прокофья Ляпунова; Прокофей же наипаче нача со Князeмъ Вас. Голицынымъ умышляти, како бы Царя Василья ссадити.»

(550) Беръ пишетъ, что войско Сапѣги увѣряло Лжедимитрія въ неизмѣнной своей къ нему преданности, требуя токмо жалованья за три четверти года и обѣщая служить ему при новой осадѣ Москвы, въ ожиданіи остальной суммы. Царикъ, собравъ *не одну тысячу* рублей, отправился къ оному на Угру, въ сопровожденіи своихъ Козаковъ и Русскихъ измѣнниковъ, заплатилъ требуемое и далъ приказъ готовиться послѣ Троицына дня къ походу на Москву.

Лжедимитрій писалъ къ Сапѣгѣ изъ Калуги, отъ 29 Іюня 1610: «Posyłamy do Uprzeymości Waszey część pieniędzy, ileśmy mogli naprędce zebrać, a z ostatkiem sami w rychłym czasie będziemy.... Żądamy pilnie Upz. W. abyście to Rycerstwo zatrzymali do przyjazdu naszego.»

(551) *Ник. Лѣт.* 135: «Воръ же то слышавъ въ Колугѣ, что подъ Клушинымъ побили, а Литва пришла въ Можаескъ, а ратные люди разъѣхалися по городомъ; онъ же сослася съ Сапѣгою и поидоша подъ Москву. Въ тожь время пріидоша ко Царю Василью на помочь Царевичи Крымскіе; Царь же Василей посла къ нимъ Бояръ своихъ, К. Ив. Мих. Воротынсково, да К. Бор. Мих. Лыкова, да Окольничаго Ортем. Васил. Измайлова; они же сошлися съ ними въ Серпуховскомъ уѣздѣ, и быша у Царевичей и отъ Государя имъ здоровье отправиша, и сташа тутъ съ Царевичемъ, а Мурзы пошли на вора, и сошлися съ воромъ въ Боровскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ на Нарѣ; и бывшу бою тутъ великому, едва воръ усидѣ въ табарахъ. Татарове жь, бившась съ нимъ, поидоша къ

Царевичемъ; Царевичи же поидоша опять за Оку, а сказаша, что изнелъ ихъ голодъ, стоять не мочно; Бояре жь отоидоша къ Москвѣ, едва снарядъ увезоша отъ воровскихъ людей.»

По словамъ Палицына (стр. 205) сіи Татары грабили Россію, которую призваны были защищать: «Христіанъ убо погубляющи, на Цари же Василіи за то дары великіе вземше, и отъ всея земли плѣну, яко скотъ въ Крымское державство согнаша.»

(552) Въ гербѣ города Боровска серебряное поле изображаетъ непорочность, червленое сердце — вѣрность, а находящійся посреди онаго крестъ — усердіе къ закону Божію: сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ — символомъ славы. См. *Геогр. Слов. Рос. Госуд.* подъ словомъ: *Пафнутьевъ Боровской* монастырь. — *Ник. Лѣт.* 136 и 137: «Вложи врагъ въ Воеводъ мысль злую, въ Якова Змѣева, да въ Ѳонасья Челищева,.... повелѣша отворити острожные ворота, Литовскіе жь люди и Русскіе воры внидоша... К. Михаило жь Волконской, видя свое неизнеможеніе, побѣжа въ церковь. Тѣ же Воеводы зваху его на встрѣчу; онъ же имъ отказа, умереть де мнѣ у гробу у Пафнутья Чудотворца... ста въ дверехъ церковныхъ и... бился много и изнемогъ отъ великихъ ранъ и паде въ церкви у крылоса лѣваго.» Всѣхъ убитыхъ людей въ монастырѣ было по словамъ Лѣтописца 12.000 (?). Онъ продолжаетъ: «Веліе жь чудо Богъ показалъ надъ тѣми убіенными: того жь К. Михаилова кровь прыснула на лѣвой крылосъ на камень, и многижда тое кровь скребляху и мыша, не можаху тое крови ни соскресть, ни смыти,» и пр. — См. также въ *Латух. Ст. Кн.*

(553) См. *Рост. Лѣт.* л. 723 на обор.

*Лат. Ст. Кн.*: «Градъ Коломна, много въ немъ пребывающіе люди немятежно и непоколебими быша, а въ то время Голова Мих. Бобынинъ съ сотнею своею измѣниша, и къ вору Тушинскому отъѣхаша. Потомъ же и вси Коломенскіе жители тому же вору крестъ цѣловаша. Бояре же К. Мих. Сампс. Туренинъ, да К. Ѳеод. Тим. Долгорукой, къ нему же вору съ повинною послали. А въ Зараской и на Коширу о томъ же писали, и тамо начаша вору цѣловати крестъ; Григорія же Петровича едва не убиша и неволею ко кресту приведоша, и съ повинною къ вору его послаша. У Николая же въ Зараскомъ бысть тогда Воевода К. Дм. Мих. Пожарской, къ тому вору не приложился, и отъ всенароднаго убійства съ небольшими людьми въ каменной городъ затворися; тогда граждане отъ волненія престаша, и на томъ крестъ цѣловаша, кто будетъ на Москвѣ и надъ всей Россіи Царь, тому и служити и прямити.»

*Ник. Лѣт.* 137 и 138: «Коломничи жь всѣ на дьявольскую прелесть прельстишася... Владыко жь Коломенской Іосифъ за то стояше и укрѣпляше ихъ. Бояре жь К. Мих. Самс. Туренинъ, да К. Ѳед. Тим. Долгорукой не можаху имъ ничего сдѣлати, и приведоша ихъ ко кресту... Въ Зараскомъ же городѣ былъ Воевода К. Дм. Мих. Пожарской, и придоша жь на него всѣмъ градомъ, чтобъ поцѣловати крестъ вору, онъ же сталъ въ крѣпости не съ великими людьми... Никонской же» (должно быть: *Никольскій*) «Протопопъ Дмитрей крѣпляше его, и благословляше умерети за истинную православную Вѣру; онъ же наипаче крѣплящесь.... Въ городѣ же у тѣхъ мужиковъ животы и запасы всѣ, а въ острогѣ у нихъ нѣту ничево. Тѣ же воры, видя свое неизнеможеніе, прислаша въ городъ и о томъ винишася, и цѣловати бъ крестъ на томъ, кто будетъ на Москов. Государствѣ Царь, тому и служить. Онъ же, помня крестное цѣлованіе Царя Василія, и цѣловаше крестъ на томъ, будетъ на Моск. Государствѣ по старому Царь Василій, ему и служити, а будетъ кто иной, и тому также служити, и на томъ укрѣпися крестнымъ цѣлованіемъ, и начаша быти въ Зарасқомъ городѣ безъ сколебанія, и утвердишася межь себя, и на воровск. людей начаша ходить и побивати, и градъ Коломну опять обратиша.» — См. также, въ прим. 532, выписку изъ современнаго Церковнаго *Устава*.

(554) *Ник. Лѣт.* 137: «Воръ же, разоривъ монастырь (Пафнутьевъ), поиде подъ Москву, и ста у Николы на Угрѣшѣ.» — *Хрон. Стол.* л. 553 на об.: «А въ тожь время изъ Колуги пришелъ Колужской воръ со многими воры съ Рускими людьми и сталъ за Москвою рѣкою въ селѣ Коломенскомъ.»

(555) *Псков. Лѣт.* л. 41: «Егда прибѣжалъ К. Дм. Шуйской съ побѣды, бысть мяжетъ великъ во всѣхъ людехъ... Подвигошася на Царя, глаголюще: Тебе ради кровь Христіанская проливается; тебе ради же есть земля раздѣлися, что не по избранію всея земли на Царство воцарился, и множество людей погубилъ еси неповинныхъ; твоя братія своего племянника, а нашего Государя оборонителя и заступника отравою окормиша. Къ кому нынѣ прибѣгнемъ? къ кому припадемъ? кто насъ избавитъ отъ сихъ поганыхъ, нашедшихъ на ны? Нѣсть намъ нынѣ надежда и нѣсть упованія. Сойди съ Царства и положи посохъ Царской, да соединится земля и умирится.»

(556) *Ник. Лѣт.* 139: «Присла Прок. Ляпуновъ къ Москвѣ ко К. Вас. Вас. Голицыну да къ брату своему Зах. Ляпунову, и ко всѣмъ своимъ совѣтникомъ Олешку Пешкова, чтобъ Царя Василія съ Государства ссадить.... Къ ихъ же совѣту приставша многіе воры и вся Москва.»

(557) *Собр. Гос. Грам.* II, 441: «Воровскіе совѣтники К. Олексѣй Ситцкой, Олександро Нагой, Григорей Сунбуловъ, Ѳед. Плещеевъ, К. Ѳед. Засѣкинъ, да Дьякъ Петръ Третьяковъ.»

Аврам. Палиц. 206: «Бывши же правители у ложнаго Царя, неправъ совѣтъ изъявляютъ защитникомъ царствующаго града Москвы: вы убо оставите своего Царя Василія, и мы такожде своего оставимъ, и изберемъ вкупѣ всею землею Царя, и станемъ обще на Литву, и увѣряхуся страшными клятвами, еже не ложно сицевому дѣлу быти.»

*Хрон. Стол.* л. 553 на об.: «И Руские люди, которые пришли подъ Москву съ воромъ, съ Московскими людьми съѣзжались и говорили воровствомъ обманомъ, чтобъ оставилъ Царь Василей Царство, а мы де своего вора, что называется Царевичемъ Дмитреемъ, и поимаемъ и привеземъ къ Москвѣ.» *Ник. Лѣт.* 139: Начаша съѣзжатися съ воровскими полками сговариватца, чтобъ они отстали отъ Тушинскаго, а мы де всѣ станемъ отъ Москов. Царя Василья; Тушинскіе жь воры лестію имъ сказаша, что отстанемъ, а выберемъ Сопега Государемъ.» Свиданіе было въ полѣ у Данилова монастыря, какъ пишетъ Палицынъ.

(558) *Ник. Лѣт.* 139: «Той же Зах. Ляпуновъ да Ѳед. Хомутовъ на лобно мѣсто выѣхаша и съ своими совѣтники завопиша на лобномъ мѣстѣ, чтобъ отставить Царя Василья; къ нихъ же совѣту приставша многіе воры и вся Москва.»

Беръ говоритъ, что сіе случилось 14 Іюля; Нѣмцевичь: 24 Lipca» (по Новому Стилю). Василій лишенъ престола 17 Іюля (см. *Собр. Гос. Гр.* II, 389), хотя въ Рукописи Филарета означено 18 число того же мѣсяца.

(559) *Хрон. Стол.* л. 554: «И Бояря, К. Ѳед. Ив. Мстиславской и всѣ Бояря, и Окольничіе, и Думные люди, и Стольники, и Стряпчіе, и Дворяня, и гости и торговые лучшіе люди съѣзжалися за городъ, за Арбацкіе ворота, и совѣтовали, какъ бы Московскому Государству не быть въ разореньѣ и въ расхищеньѣ; что пришли подъ Москов. Государство Поляки и Литва, а съ другую сторону Колужской воръ съ Рускими людьми и Москов. Государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. И Бояря и всякіе люди приговорили бити челомъ Государю Царю и Вел. Князю Василью Ивановичу всея Русіи, чтобъ онъ Государь царство *отставилъ* (т. е. оставилъ), для того, что кровь многая льетца, а въ народѣ говорятъ, что онъ Государь несчасливъ, а городы Украинные, которые отступили къ вору, ево Государя на Царство не хотятъ же.» — *Псков. Лѣт.* л. 40. *Собр. Гос. Грам.* II, 388.

(560) *Латух. Ст. Кн.*: «И весь народъ возмутиша» — Ляпуновъ и Хомутовъ — «и взяша Болярѣ и Патріарха Ермогена насильствомъ, и поведоша за Москву рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ, и начаша совѣтовати, чтобы Царя Василія отъ Царства отлучити. Патріархъ же Ермогенъ множицею о семъ возбраняше и увѣщаваше и заклинаше ихъ; они же не послушаху его, но положиша на томъ, что тако имъ сотворити. Въ то время нѣцыи отъ Бояръ съ Патріархомъ за едино потщашася противу того совѣта стояти, но по малу и тіи къ нимъ же во едино уклонишася.» *Ник. Лѣт.* 139: «Патріархъ же тутъ Ермогенъ, не дожидався на нево злово совѣту, поиде въ городъ.»

(561) *Хрон. Столяр.* л. 554. — См. также въ принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву рукописи списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Вологду 18 Іюля 118 (1610) года.

(562) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр. 409. — Тоже въ *Крестоприводной* записи (*Собр. Гос. Гр.* II, 390): «А бывшему Государю . . . отказати, и на Государевѣ дворѣ не быти, и впредь на Государствѣ не сѣдѣти, и намъ надъ Государемъ и надъ Государынею и надъ ево братьями убивства не учинити и никакова дурна.»

Въ той же Крестоприводной записи: «Били мы челомъ Бояромъ, К. Ѳед. Ив. Мстиславскому съ товарыщи, чтобъ пожаловали прямили Москов. Государство, докулы намъ дастъ Богъ Государя. . . и крестъ намъ на томъ цѣловати, что намъ во всемъ ихъ слушати и судъ ихъ всякой любити, что они кому за службу и за вину приговорятъ, и за Москов. Государство и за нихъ стояти, и съ измѣнники битись до смерти; а вора, кто называетца Царевичемъ Дмитреемъ, на Москов. Государство не хотѣти, и межь себя другъ надъ другомъ и надъ недругомъ никакова дурна не хотѣти, и не дружбы своей никому не мстити, и не убивати и не грабити, и зла никому ни надъ кѣмъ не мыслити, и въ измѣну во всякую никому никуда не хотѣти. А выбрати Государя на Моск. Государство имъ Бояромъ и всякимъ людемъ всею землею; а Бояромъ К. Ѳед. Ив. Мстиславскому съ товарыщи пожаловати, чтобъ имъ за Моск. Государство стояти.... и Государя.... выбрати съ нами со всякими людьми всею землею и сослався съ городы, ково дастъ Богъ на Москов. Государство.»

(563) *Ник. Лѣт.* 139: «Царь же Василей, сѣдя на Царствѣ своемъ многія бѣды прія, и позоръ и лай; напослѣди жь и отъ своихъ сродникъ прія конечное безчестіе; своякъ же его Бояринъ К. Ив. Мих. Воротынской поиде въ городъ съ тѣми заводчики, Царя Василья и Царицу сведоша съ престола.»

Нѣмцевичь (II, 456), приводя слова Захаріи Ляпунова, ссылается на *Записки* (Pamiętnik) Жолкѣвскаго.

(564) О днѣ сверженія Василія, см. выше въ примѣч. 558. Въ *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго означено также 17 Іюля.

*Псков. Лѣт.* (л. 26 на обор.) говоритъ о причинѣ народной нелюбви къ Царю Василію: «Не многими избранъ былъ грады, но единымъ Московскимъ Государствомъ, а не всею землею; того ради не возлюбиша его мнози на земли Рустѣй.» — Объ избраніи Шуйскаго на Царство см. сей *Исторіи* Т. XI, 176.

Въ *Хрон. Стол.* (л. 554) сказано: «И Царь Вас. Ив. по Боярскому и всея земли челобитью и *совѣту* Гермогена Патріарха Моск. и вс. Рус. Государство отставилъ, изъ Царскова двора и съ Царицею съѣхалъ на старой свой дворъ.»

(565) Аврам. Палиц. 206: «На утрія же Москвичи изыдоша на поле къ Даниловскому монастырю, еже бы клятвенное слово совершити.»

(566) Тамъ же: «И тѣмъ не Христова же чада, но Антихристова со смѣхомъ отказаша: Вы убо праведно сотвористе, неправеднаго Царя извринувше, и служите Царю нашему истинному прямому вашему. Святѣйшій же отецъ отцемъ Ермогенъ Патріархъ молитъ весь народъ, дабы паки возвести Царя, его же словесъ мудрыхъ никто же не послуша.» — *Ник. Лѣт.* 140: «Позоряху ихъ и глаголаху имъ, что вы не помните Государева крестново цѣлованья, Царя своего съ Царства ссадили, а намъ де за своево померетъ. Они же посрамлены поѣхаша, и пріѣхавъ въ городъ, сказаша Бояромъ и всѣмъ людемъ; они же въ недоумѣніи быша.»

(567) См. сей *Исторіи* Т. XI, 164.

(568) Аврам. Пал. 207: «Іюля въ 19 день, Рязанецъ Дворянинъ Захарей Ляпуновъ, да К. Петръ Засѣкинъ со своими совѣтники, Царя Василья силою постригоша въ чернеческій чинъ.» — *Ник. Лѣт.* 140: «На утріе жь тѣжь умыслиша, и взявъ изъ Чюдова монастыря Священниковъ и Діяконовъ, пріѣхаша ко Царю Василью на старый дворъ, начаша его постригать. Онъ же противу вопросовъ на постриганіи отвѣту не даяше и глаголаше имъ: нѣсть моево желанія и обѣщанія къ постриганью.»

(569) Рукоп. Филар.: «О людіе Московстіи, что я вамъ сотворилъ? которую обиду учинилъ? Точію тѣмъ месть воздахъ, иже возмущеніе содѣваху на Святую нашу Христіанскую Вѣру и тщахуся разорити домъ Божій и Преч. Богородицы, и намъ непокоряющимся, Гришкѣ Ростригѣ и прочимъ его богомерзкимъ совѣтникомъ; вамъ ничто же зла не сдѣлалъ? — Они же разсыпахуся сердцы своими и скрежетаху зубы своими и нелѣпая много глаголаху.»

(570) Аврам. Пал. 207: «Обѣщаніе же за Царя отвѣщаваше К. Василей Туренинъ, и предаша подъ начало въ Чудовъ монастырь.» См. также *Хронографы*. — По словамъ *Ник. Лѣтописи* (стр. 140) отвѣчалъ за Царя Князь Вас. Тюфякинъ. — Въ *Латух. Степ. Кн.*: «Единъ отъ Болярѣ, К. Вас. Тюфякинъ или Туренинъ.» Въ *Посл. Спискѣ* (*Др. Рос. Вивліоѳ.* XX) нѣтъ К. Тюфякина въ числѣ Бояръ того времени. — *Хрон. Стол.* л. 555: «И отрекались въ ево мѣсто Иванъ Салтыковъ.»

(571) Рук. Филар.: «Благовѣрная же его Царица и В. Кн. Марья Петровна плакася по немъ плачемъ велиимъ, источники слезъ отъ очію проливающи, жалостно глаголаше: О свѣте мой прекрасный, о драгій мой животе! како оплачу тебе, или что нынѣ сотворю тебе? Самодержецъ всей

Руск. земли былъ еси; нынѣ же отъ рабъ своихъ посрамленъ еси и никѣмъ же владѣеши... О милый мой Государь и Великій Княже! Како ты отъ рабъ своихъ, отъ безумныхъ Москвичь сего свѣта отреченъ... А я тебе свѣтлѣйшаго живота и Царя лишена быхъ, и сира вдова остаюся,» и проч. — Авр. Пал. 207: «Царицу Марію постригоша силою же, и отдаша въ *Ивановской* монастырь, а братію его, К. Дим. да К. Іоанна Іоанновичевъ Шуйскихъ отдаша за Приставовъ.» См. также въ *Латух. Степ. Книгѣ* и *въ Хронографахъ*; а по *Ник. Лѣтописи* (стр. 140) Царица пострижена въ монастырѣ Вознесенскомъ.

(572) *Ник. Лѣт.* 140: «Ермогенъ вельми о томъ оскорбися, Царя же Василья нарицаше мірскимъименемъ Царемъ, а того К. Васильи проклинаше, и называше его Инокомъ.» См. также *Лат. Ст. Кн.*

(573) См. выше, въ семъ Томѣ, стр. 3, 6, 9, 14, 41 и 42.

(574) См. *окружную* Грамоту, писанную 24 Іюля (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 389): «Іюля въ 17 день Гос. Ц. и В. К. Вас. Ив. вс. Рус. по челобитью всѣхъ людей Государство отставилъ и съѣхалъ на свой на старой дворъ, и нынѣ въ чернцахъ... А на Моск. Государство выбрати намъ Государя всею землею, собрався со всѣми городы, ково намъ Государя Богъ дастъ. А до тѣхъ мѣстъ правити Бояромъ К. Ѳед. Ив. Мстиславскому съ товарищи... и стояти бъ всѣмъ за одно, чтобъ Государства Московскаго Польскіе и Литовскіе люди и воръ, которой называетца Царевичемъ Дмитреемъ, до конца... и Вѣры Крестьянской не розорили и всѣхъ православныхъ Крестьянъ до конца не погубили,» и проч.

См. также Грамоту Моск. Бояръ въ Вологду отъ 18 Іюля, въ рукописи, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву.

(575) Нѣмцев. (*D. P. Z. III*, T. II, 458): Przyniesiono odpowiedź, że Bojarowie i mieszkańcy nie potrzebują pomocy i proszą Hetmana, by się do stolicy nie zbliżał.»

(576) Авр. Палиц. 207: «Мнози же хотяще тому Лжехристу служити, и измѣны многи начаша бывати; изволиша людіе: се лучше убо Государевичу служити, нежели отъ холопей своихъ побитымъ быти и въ вѣчнѣй работѣ у нихъ мучитися.»

(577) См. T. XI, 147, и въ семъ Томѣ, стр. 14

(578) Нѣмцевичь (II, 458). Онъ ссылается на Рукопись Жолкѣвскаго.

(579) См. Нѣмцевича и Маржерета.

(580) Въ окружной Грамотѣ К. Ѳед. Ив. Мстислав. и другихъ Бояръ (*Собр. Гос. Грам.* II, 441): «Іюля въ 31 день писали къ намъ изъ Можайска Воевода Кіевской, Гетманъ Коруны Польскіе... Стан. Станиславовичь Желковской, да Бояринъ и Воевода Ив. Мих. Салтыковъ, и острожскіе сидѣльцы Воевода Григ. Волуевъ.... чтобы намъ бити челомъ на Моск. Государство Жигимонту Кор. Пол. и В. Кн. Лит. о сынѣ его Владиславѣ Королевичѣ.»

(581) Тамъ же: «И прислали къ намъ листъ за Королевскою рукою и за печатью, на чемъ договоръ былъ и присягалъ Король Боярину Мих. Глѣб. Салтыкову съ товарыщи, и запись, на чемъ былъ договоръ и цѣловалъ крестъ Гетманъ Ст. Желковской въ Царевѣ Займищѣ Воеводѣ К. Ѳед. Елецкому да Гр. Волуеву и всѣмъ ратнымъ людемъ.»

См. выше въ примѣч. 544 объ условіяхъ договора въ Царевѣ-Займищѣ.

(582) *Псков. Лѣт.* л. 41 на обор.: «Патріархъ же, наказуя много, глагола имъ словомъ, еже бѣ преже пакости много отъ нихъ Польскихъ людей, егда пріидоша съ Гришкой Отрепьевымъ. А нынѣ же, чего еще чаете токмо конечнаго разоренія Царству и Христіанству и Вѣрѣ, или не возможно вамъ избрати на Царство изъ Князей Рускихъ.»

(583) Такъ сказано въ письмѣ Жолкѣвскаго къ Королю. См. Нѣмцев. *Dz. Pan. Zygm. III*, T. II, 461.

(584) 3 Августа (Нов. Стиля). См. Нѣмцев. II, 458. Въ окружной Грамотѣ, 19 Авг. (см. *Собр. Гос. Грам.* II, 438): «А Гетм. Желтовской со всѣми Лит. людьми, и Ив. Салтыковъ съ Руск. людьми, стоитъ подъ Москвою на Сѣтуни.»

(585) См. выше, стр. 46, 129 и 139.

(586) Нѣмц. II, 459.

(587) См. (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 399) *Договорную* Запись, данную съ Россійской стороны Жолкѣвскому. — Нѣмцев. II, 460 и 503.

(588) *Нѣмцев.* II, 463.

(589) *Собр. Гос. Гр.* II, 418: «Чтобы Госуд. Королевичь... будучи на Москов. Государствѣ, отъ Папы Римскаго ихъ Закону о Вѣрѣ не просилъ и благословенія не пріималъ, и съ нимъ о томъ не ссылался... Которые будетъ Москов. Государства люди... похотятъ своимъ малоуміемъ отъ Греч. Вѣры отступити къ Римск. Вѣрѣ... такихъ казнити смертію... Государю Королевичю взяти съ собою... изъ Польши и изъ Литвы немногихъ людей» (стр. 425: больши пяти сотъ человѣкъ въ Моск. Государство не имати)... «Въ титлѣ писатися Государю Королевичю... потомужь, какъ прежніе Велик. Государи Цари... а передъ прежнимъ титла... ни въ чемъ не убавливати... И ему бы Государю... женитися, изобравъ въ Москов. Государствѣ правосл. Христ. Греч. Вѣры, у ково ему Государю Богъ благоволитъ.»

(590) *Нѣмцев.* II, 462: «Naybardziey, jak sam Żołkiewski powiada, zmuszony coraz większym burzeniem się woyska, na dniu 27 Sierpnia podpisał pakta z Narodem Moskiewskim.» — См. сей Договоръ въ *Собр. Гос. Грам.* II, 391.

(591) Кромѣ одного. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 393: «Але штобъ въ столномъ городѣ на Москвѣ хотя одинъ Римскій костелъ быти могъ для людей Польск. и Литовскихъ, которые при Госуд. Королевичу Его Милости мешкати будутъ, о томъ Государю Его Милости съ Патріархомъ и всимъ Духовнымъ Чиномъ и съ Бояры и всими Думными людьми намова быти маетъ.»

(592) См. Договорную Запись, данную съ Рос. стороны Гетману Жолкѣвскому (въ *Собр. Гос. Гр.* II, 403): «На Москвѣ и по городамъ суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по Судебнику Рос. Государства; а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ, и Государю на то поволити съ Думою Бояръ и всей земли, чтобъ было все праведно.»

(593) Тамъ же: «А кто бездѣтенъ умретъ, и то все, что останется, отдавати ближнимъ его, или кому онъ прикажетъ; и о всемъ о томъ дѣлати Государю съ приговору и съ совѣту Бояръ и всѣхъ Думныхъ людей, а безъ Думы и приговору такихъ дѣлъ не совершати.»

(594) Тамъ же (стр. 404): «Доходы собирати по прежнему... А сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ Бояры, ни въ чемъ не прибавливати.»

(595) *Ник. Лѣт.* 111: «И записи на томъ написаша, что дати имъ Королевича на Моск. Государство, а Литвѣ въ Москву не входити; стоять Етману Желковскому съ Литовскими людьми въ Новомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, а инымъ Полковникомъ стоять въ Можайску, и на томъ укрѣпишася и крестъ цѣловали имъ всею Москвою.»

(596) См. выше, стр. 141.

(597) См. выше, стр. 4.

(598) См. 7, 8, 9 и 10 статьи вышесказанныхъ условій.

(599) Нѣмцев. *Dz. Pan. Zyg. III*, T. II, 475 и 476. — Кобѣржицк. 297 и 298. — Обрядъ присяги продолжался въ теченіе семи недѣль ежедневно, кромѣ дней Воскресныхъ и большихъ Праздниковъ. См. Машкѣвича (Сѣв. Арх. 1825, No. 3).

(600) *Собр. Гос. Гр.* II, 407.

(601) Такъ онъ названъ въ *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго (стр. 405); а въ *Дѣлахъ Польскихъ* (No 30, л. 133 на обор.) сказано при исчисленіи пожалованныхъ Сигизмундомъ: «Ѳедкѣ Онпронову велѣлъ Царь вашъ быть Казначеемъ и Думнымъ Дворяниномъ.» Напротивъ того въ *Рукописи Филаретовой* именуется онъ купцемъ: «Пріиде и богоотступный Королевскія Ближнія Думы Ѳедка Андроновъ, прежь бывый Московскій купецъ.» Тоже и *Ник. Лѣт.* 147: «Король прислалъ въ Казначеи Московскаго измѣнника, торговаго мужика гостиной сотни Ѳедьку Андронникова.»

(602) Нѣмцев. *Hist. Pan. Zygm. III*, T. II, 476. Онъ ссылается на сочиненіе Жолкѣвскаго: *Progres woyny Moskiewskiey*.

(603) См. письмо Лжедимитрія отъ 18 Іюля (Нов. Ст.) 1610, помѣщенное въ концѣ *Zycia J. P. Sapiehy*, подъ No X: «Obiecujemy, i jak pewny dług na się przyimujemy słowem naszym Carskim, Królowi Polskiemu, zaraz usiadłszy na stolicy, trzykroć sto tysięcy złotych oddać; do tego, do dziesięciu lat na każdy rok do skarbu Rzplitey, po trzykroć sto tysięcy złotych powinni będziemy; do tego Królewicowi także na każdy rok do tegoż czasu po sto tysięcy złotych; ziemię wszystką Inflandzką kosztem naszym do Korony Polskiey rekuperować obiecujemy. Do królewstwa także Szwedzkiego kosztem naszym dopomodz Królowi Polskiemu obiecujemy, i póki ta expedycya trwać będzie, 15.000 woyska do boju sposobnego narodu tutecznego stawić będziemy powinni, i obiecujemy do tego: przeciwko każdemu nieprzyjacielowi Korony Polskiey dopomodz zobopólnie ludźmi swemi, czego i oni nam przeciwko nieprzyjaciołom naszym dopomodz mają,» etc.

(604) Этотъ монастырь названъ у Нѣмцевича (стр. 478) *Nowe hroszy*, т. е. *на Угрешъ*.

(605) Слова Самозванца: «Wolę służyć u chłopa, niż z rąk Króla Jmci chleba patrzyć,» и Марины: «J ja też z mojey strony uczynię propozycye: niech też Król Jmć ustąpi Carowi Jmci Krakowa, a Car Jmć da za to Królowi Warszawę. «См. въ *Нѣмцевичѣ*, стр. 478.

(606) *Нѣмцев.* стр. 480 и 481. — *Zycie I. P. Zapiehy*, стр. 233.

(607) Въ *окружной* Грамотѣ Боярина Кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, отъ 4 Сентября 1610 г. исчислены оставившіе тогда Самозванца: «Литовскіе люди Янъ Сопѣга съ товарищи, да Руcкіе люди Бояре К. Мих. Туренинъ, К. Ѳед. Долгорукой, и воровскіе совѣтники, К. Олексѣй Ситцкой, Олександро Нагой, Григорей Сунбуловъ, Ѳед. Плещеевъ, К. Ѳед. Засѣкинъ, да Дьякъ Петръ Третьяковъ, и всякіе служивые и неслуживые люди вину свою Государю Королевичю принесли.» (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 441).

Въ сей же Грамотѣ означенъ и день, въ который они оставили Лжедимитрія (26 Авг.). Далѣе: «А воръ... не со многими людьми, со своими совѣтники *въ ту пору* ночною порою утекли.»

(608) Нѣмцевичъ (*D. P. Z. III*, T. II, 484), кромѣ сихъ городовъ, именуетъ еще Переславль, Серпуховъ, Нижній, Вологду, Бѣлозерскъ, даже Новгородъ Великій со всею страною до Ледовитаго моря; упоминаетъ и о другихъ мѣстахъ подъ непонятными названіями *Czeranda* (Чердынь?) *Rożanka, Szyszyskie Zamki* (?).

(609) См. Рисунки сихъ медалей и монетъ въ *Dz. Pan. Zygm. III*, T. II, стр. 482. На медали, съ одной стороны грудное изображеніе Королевича (въ лѣтахъ зрѣлыхъ), вокругъ онаго надпись: WLADISLAVS E. Z. P. R. P. ET SV. M. DVX MOSCHOVIAE, съ другой младенецъ всходящій на обелискъ, который украшенъ вѣнкомъ и двумя пальмовыми вѣтвями; надъ нимi въ облакахъ монограмма имени Христа Спасителя IHS, и вокругъ надпись: VEL SIC ENITAR; на монетѣ представленъ съ одной стороны Св. Великомученикъ Георгій, на оборотѣ остались слова: ВЕЛІКІ КНЯЗЬ ... ЛЯДІСЛАВ ... ЗІГМОНТ ... ВІЧЪ.

(610) См. выше, стр. 116.

(611) См. выше, стр. 18.

(612) *Ник. Лѣт.* 142: «Будетъ пришли вы въ Соборную Апостольскую церковь правдою, а не лестію, и будетъ въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушеніе православной Христіанской Вѣрѣ, то буди на васъ благословеніе отъ всего Вселенского Собору и мое грѣшное благословеніе; а будетъ вы пришли съ лестію и нарушеніе будетъ въ вашемъ умыслѣ православной Хрістіанской истинной Вѣрѣ, то не буди на васъ милость Божія и Преч. Богородицы, и будте прокляты отъ всего Вселенского Собору... Той же Бояринъ Мих. Салтыковъ съ лестію и со слезами глаголаше Патріарху, что будетъ прямой истинной Государь; онъ же ихъ благослови крестомъ. Тутъ же къ нему приде ко благословенію Михалко Молчановъ; онъ же ему возопи: окаянный еретиче, не подобаетъ тебѣ быти въ Соборной Апостольской церкви, и повелѣ его изъ церкви выбить вонъ безчестнѣ.»

(613) См. въ Нѣмцевичѣ письмо Жолкѣвскаго къ Королю, и проч.

(614) См. Нѣмцев. *D. P. Z. III*, T. II, 482, 483, и письмо Жолкѣвскаго къ Королю. — Аврам. Палиц. 210: «Мнози къ вору Калужскому начаша прямити и ссылатися.»

(615) *Ник. Лѣт.* 143. См. также *Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго*, T. II, 20 и дал., гдѣ находится выписка изъ Наказа, даннаго симъ Посламъ.

(616) См. *двѣ вѣрющія* Грамоты, данныя симъ Посламъ въ Сентябрѣ 1610 г. и Грамоту Патріарха Ермогена и всѣхъ Россійскихъ Духовныхъ и другихъ всякаго чина и званія людей къ Королевичу Владиславу, писанную 12 Сентября (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 445 и 446)

Нѣмцевичъ (II, 484) утверждаетъ, что Послы отправились въ сопровожденіи 4000 человѣкъ. Это несправедливо: Кобѣржицкій говоритъ просто: «numeroso comitatu.» Въ Статейномъ спискѣ (смотри *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* T. II, 21) сказано: «Изъ Московскихъ Чиновъ Стольники, Ив. Головинъ и Бор. Пушкинъ; Дворяне, К. Як. Борятинскій и Бор. Глѣбовъ; Стряпчій Леон. Пивовъ; жильцы Ив. Коробьинъ и Сем. Ивановъ; Стрѣлец. Голова Ив. Козловъ; гости, Ив. Кошуринъ и Григ. Твердиковъ, и при нихъ 6 лучшихъ торговыхъ людей; 8 Стрѣльцевъ изъ Приказовъ; 4 Московскихъ жилецкихъ людей съ сотенъ и слободъ; 7 подъячихъ; 46 Дворянъ изъ городовъ. Сверхъ того при Митрополитѣ 8 Священниковъ, 1 Ризничій, 1 Духовникъ, 130 Митрополичьихъ Дѣтей Боярскихъ и слугъ, 211 людей Посольскихъ, да при Дворянахъ людей и нижнихъ чиновъ 247 человѣкъ. Наконецъ дано для сопровожденія Посольства 456 человѣкъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцевъ.»

(617) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 445.

*Ник. Лѣт.* 143: «Патріархъ же Митрополита и Бояръ благословляше и укрѣпляше, чтобъ постояли за православную за истинную Христіанскую Вѣру, ни на какіе бъ прелести Бояре не прельсти-

лися; Митрополитъ же Филаретъ даде ему обѣтъ, что умереть за православную Христіанскую Вѣру.» — Тамъ же сказано вообще, что для Посольства избрали «мужей разумныхъ и грамотѣ досужихъ отъ Священническово Чину и отъ Дьяконсково, *которые бъ умѣли говорити съ Латыни о православной Вѣрѣ.»* Однакожь въ Наказѣ Посламъ (*Допол. къ Дѣян. Петра В.* II, 31) именно запрещено имъ входить съ Поляками въ прѣнія о Вѣрѣ. «А споровати́ся намъ о Вѣрѣ не наказано» (*Собр. Гос. Грам.* II, 422).

(618) См. выше, на стр. 240, 17-ю статью заключеннаго Гетманомъ Договора.

(619) См. *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* (II, 96). — Въ *Ник. Лѣт.*: «Врагъ же прельсти отъ Сигклитъ четырехъ человѣкъ,... и начаша вмѣщати въ люди, что будто черные люди хотятъ впустить въ Москву вора... и пустиша Етмана съ Литовскими людьми въ городъ.» Въ Нѣмцев. (II, 484): «Żołkiewski uprzeymością swoją tyle dokazał, iż odebrał od Bojarow zaproszenie, aby wszedł do stolicy.»

(620) Нѣмцевичь.

*Ник. Лѣт.* 144: «Етманъ же ста на Царя Борисовѣ старомъ дворѣ, а салдатовъ и гайдуковъ поставиша въ Кремлѣ городѣ, по полатамъ и по хоромамъ Государевымъ; а Полковниковъ и Ротмистровъ поставиша въ Китаѣ городѣ и въ Бѣломъ, по Боярскимъ дворамъ, и ключи городовые взяша къ себѣ, и по воротамъ поставиша своихъ людей Нѣмецъ и гайдуковъ.»

(621) Въ *Грамотѣ*, писанной изъ Казани въ Хлыновъ, въ Генварѣ 1611 года: «А стоитъ онъ» — Госѣвскій — въ Кремлѣ городѣ на Борисовскомъ дворѣ Ѳедоровича Годунова, и иные Литовскіе люди въ Кремлѣ и въ Китаѣ и въ большомъ каменномъ городѣ по Боярскимъ и по Дворянскимъ и торговыхъ людей на дворѣхъ стоятъ многіе,» и проч. (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 491).

О дворѣ Царскомъ при Ѳеодорѣ, см. сей *Исторіи* Т. X, 122.

(622) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 463 и 464; также *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* Т. II, 113.

(623) Нѣмцев. въ *D. P. Z. III*, Т. II, 486.

(624) Т. XI, 169.

*Ник. Лѣт.* 145: «Етманъ же Желковской и съ тѣми измѣнники Московскими нача умышляти, како бъ Царя Василья и братью его отвести х'Королю, и умыслиша, что ево послати въ Осифовъ монастырь. Патріархъ же и Бояре, кои не присташа къ ихъ совѣту, начаша говорити, чтобъ Царя Василья не ссылати въ Осифовъ монастырь, а сослать бы на Соловки; они жь быша уже сильны въ Москвѣ, тово не послушаху и его послаша въ Осифовъ монастырь, а Царицу его въ Суздаль въ Покровской монастырь.»

*Дѣла. Польск.* No 30, л. 128 на обор.: «А Царя Василья мы Гетману Желковскому не отдавывали, мы Бояре всѣ поговорили, что было его отпустити по его обѣщанью къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, а будетъ тутъ за Королевичемъ, только бъ Гетманской приговоръ отъ васъ не нарушился, у Троицы въ Сергіевѣ быти не льзя, и его бъ отпустити въ Кириловъ, или на Соловки, куды онъ произволитъ... Ино ты Александръ( Госѣвскій) и Михайло Салтыковъ съ товарыщи о томъ насъ не послушали, а послали вы его, взявъ у насъ, въ Осиѳовъ монастырь; да какъ Гетманъ Станиславъ Желковской пошелъ съ Москвы х'Королю подъ Смоленскъ, и его въ Осиѳовѣ монастырѣ взялъ.»

О назначеніи Госѣвскаго начальникомъ Стрѣльцевъ см. Нѣмцевича (II, 487) и въ *Дѣлахъ Польскихъ* (No 30 л. 134) «А ты, Александръ, по Королевской грамотѣ сверхъ всего уряду учинился Бояриномъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ.»

О числѣ Стрѣльцевъ см. въ *Дневникѣ* Машкѣвича.

(625) См. *D. P. Z. III.*

(626) См. Кобѣржицкаго, стр. 339 и дал., и Нѣмцевича (II, 489).

(627) См. выше, стр. 147.

(628) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр. 422: «См. отписки Пословъ въ Польскихъ Столицахъ 1610 г.»

Голиковъ (въ *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 34 и 35) исчисляетъ сіи письма: отъ 18, 21 и 30 Сентября.

(629) См. (въ *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 39. Тутъ помѣщена и рѣчь Канцлера Сапѣги.

(630) Въ Наказѣ Посламъ (*Собр. Гос. Грам.* II, 422): «Королевичу Влад. Жигимонтовичу бьемъ челомъ со слезами, чтобъ онъ Государь пожаловалъ... принялъ крещеніе нашіе православные Христ. Вѣры Греческого Закона и былъ бы... Государемъ Царемъ... въ нашей православной Христ. Вѣрѣ также, какъ были прежніе Великіе Государи наши Цари... А то вамъ самимъ всѣмъ вѣдомо, что наша Христіанская Вѣра Греческого Закона изъ древнихъ лѣтъ истинная, святая, непорочная, православная Вѣра, и во всемъ православномъ основаніи Божіею благодатію отъ начала и до сего дни стоитъ твердо и непоколебимо... Бити челомъ... чтобъ онъ Государь пожаловалъ крестился въ Смоленску, или гдѣ онъ Государь произволитъ, хотя и близко Москвы подшодчи, въ которомъ городѣ, чтобъ ему Государю притти на свой Царской престолъ въ царствующій градъ Москву въ нашей православной Вѣрѣ Греч. Закона.»

(631) Тамъ же (II, 430): «Великій бы Государь Королевичь пожаловалъ шолъ не мешкая, чтобъ его Великіе Государства, будучи *безгосударны*, не пустѣли и не разорялись.»

(632) *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* Т. II, 121. — Отвѣтъ Пословъ см. въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 468) въ отрывкѣ Грамоты, писанной ими въ Ноябрѣ 1610 г. Боярамъ въ Москву.

(633) Въ томъ же отрывкѣ: «Мы въ томъ даемъ души свои.» Возраженіе Пановъ см. въ *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* (II, 58 и 62).

(634) «Чтобъ тѣмъ большіе смуты въ людяхъ не учинилося, нашедъ бы не потерять и послѣ бъ о томъ раскаянья не было.» См. отрывокъ Грамоты, о коемъ упомянуто выше.

(635) *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 67. — Землею Поморскою называлась сѣверная часть Россіи, отъ Бѣлаго и Ледовитаго моря.

(636) Тамъ же, 69.

(637) См. выше, ст. 143.

(638) Сіе было сказано послѣ продолжительнаго спора о происхожденіи Св. Духа и о ненадобности Владиславу повторять обрядъ крещенія въ Россіи. См. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 79.

(639) См. выше, стр. 141.

(640) См. въ *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 87, 92, 93 и 94.

(641) *Дѣл. Польск.* No 30, л. 133 на обор.: «Ѳелькѣ Ондронову велѣлъ Царь вашъ быти Казначеемъ и Думнымъ Дворяниномъ.» — О прощаньѣ Жолкѣвскаго съ Московскими Боярами и оставшимися въ столицѣ Поляками, см. Кобѣрж. 349 и 352, и Нѣмцев. II, 495.

(642) См. Нѣмцев. *D. P. Z. III*, Т. II, 497. Кобѣржицкій не упоминаетъ о семъ. — Въ *Ник. Лѣт.* 147: «Зашедъ въ Осифовъ монастырь и Царя Василья взяша съ собою и поидоша къ Королю подъ Смоленескъ.» Тоже и въ *Дѣл. Польск.* No 30 (см. выше, примѣч. 624). Но Палицынъ повѣствуетъ, что Царь Василій находился въ Чудовѣ монастырѣ (стр. 207), а объ увезеніи его говоритъ только (стр. 210): «Желковской повелѣ со Царя В. I. Шуй-

скаго черное платье сняти и отвести въ плѣнъ къ Королю Жигимонту.»

(643) *Ник. Лѣт.* 147 : «О горе и люто есть Московскому Государству! Како не побояшеся Бога, не помня своего крестного цѣлованія, и не постыдясь ото всея селенныя сраму, не помроша за домъ Божій, Пречистыя Богородицы, и за крестное цѣлованіе Государю своему, самохотѣніемъ своимъ отдаша Московское Государство въ Латыни и Государя своего въ плѣнъ. О горе намъ! Како намъ явитися на праведномъ судѣ избавителю своему Христу, и како намъ отвѣтъ дати за такіе грѣхи, и како намъ инымъ Государствамъ противъ такіе укоризны отвѣтъ дати; не многіе жь враги на то думаша, да мы всѣ душами погибохомъ.»

(644) Аврам. Пал. пишетъ, что съ него было снято монашеское платье. См. выше въ прим. 642.

(645) *Ник Лѣт.* 148 : «Царь же Василей ста и не поклонися Королю; Они же ему всѣ рекоша: поклонися Королю; онъ же крѣпко мужественнымъ своимъ разумомъ напослѣдокъ живота своего даде честь Московскому Государству, и рече имъ всѣмъ: не довлѣетъ Московскому Царю поклонитися Королю: то судьбами есть праведными и Божіими, что приведенъ я въ плѣнъ; не вашими руками взятъ быхъ, но отъ Московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабъ отданъ быхъ. Король же и вся Рада Паны удивишася ево отвѣту.»

(646) *Собр. Гос. Грам.* II, 476: «И по вашей де отпискѣ съ Москвы Государю нашему указу не дожидатца: не Москва де Государю нашему указываетъ; Государь нашъ Москвѣ указываетъ.»

Въ началѣ Ноября и Гетманъ Жолкѣвскій сталъ участвовать въ переговорахъ съ Послами (см. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 107 — 114). Оправдываясь въ томъ, что обязавшись итти на Лжедимитрія, вступилъ вмѣсто того въ Москву, онъ говорилъ, что сдѣлалъ сіе по усильной просьбѣ самихъ жителей Московскихъ. Когда начали читать Договоръ его съ К. Елецкимъ и Волуевымъ, онъ отвѣчалъ: «Я не помню его и подписалъ не читавъ: лучше говорить объ одной Московской записи, которую и Король утверждаетъ.»

(647) *Собр. Гос. Грам.* II, 474: «И Дворяне, господа, и Стольники, и Дѣти Боярскіе разныхъ городовъ, которые съ нами посланы, и гости и торговые люди Митрополиту и намъ говорили накрѣпко, чтобъ намъ одноличто на томъ стояти, чтобъ въ Смоленескъ Польскихъ и Литовскихъ людей не пустити ни одного человѣка; а будетъ по грѣхомъ Жигимонтъ Король похочетъ надъ Смоленскомъ промышляти и Смоленска доступати, и которая кровь прольетца, и та де будетъ не отъ насъ, потому что Великій Государь Жигимонтъ Король милости надъ нами не показалъ и хочетъ дѣлати мимо договоръ... А Смоляне Дворяне и Дѣти Боярскіе намъ тожь говорили: хотя де въ Смоленску наши матери и жены и дѣти погибнутъ,» и проч.

(648) Тамъ же, 469.

(649) *Дѣл. Польск.* No 30, л. 132 на обор.: И ты, Александръ» — Госѣвскій — «ключи городовые всѣхъ воротъ взялъ ты къ себѣ и нарядъ съ большого и съ деревянного и съ каменного города, все и зелье и свинецъ и пушечныя ядра и въ казнѣ нарядъ же и зелье и свинецъ и всякіе пушечные запасы взялъ въ Кремль да въ Китай, а ино и на Царевъ Борисовъ дворъ, гдѣ ты стоялъ, и по воротомъ, по всѣмъ по городовымъ поставилъ сторожей своихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей, а Московскихъ Стрѣльцевъ отослалъ прочь и рѣшотки у улицъ посломалъ и сторожей отослалъ, и Московскимъ никакимъ людемъ съ саблею не токмо при бедрѣ, и купцомъ съ продажными, и плотникомъ съ топоры ходити, и ножа по бедрѣ никому носити не велѣлъ, и дровъ мелкихъ на продажу крестьяномъ привозити не давалъ,» и пр. *Ник. Лѣт.* 151 : «Достальныхъ съ Москвы всѣхъ ратныхъ людей розослаша, и рѣшотки по улицамъ всѣ посѣщи повелѣша, и на Москвѣ съ саблями, съ пищалями не велѣша ходити, цо и дровъ топкихъ къ Москвѣ не повелѣша возити и тѣсноту дѣлаша Московскимъ людемъ великую.»

(650) *Собр. Гос. Грам.* II, 491: «Рускимъ людемъ по утру рано и въ вечеру поздо ходить не велятъ.» Тутъ же и прочія подробности.

(651) *Дневникъ* Машкѣвича.

(652) Машкѣвичъ.

(653) Авр. Пал. 209 и 211.

(654) Отрывокъ сей Грамоты, писанной 21 Ноября, см. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 466 : «Есть ли то есть вамъ самимъ варовно и безпечно, поити намъ прочь изъ Смоленска, не испоконвши Государства Московского?... Надобеть впередъ вора Колуского знести и згладити, и людей его, которые ему воровства помогають, розвести и показнити и выгнати, да и нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которыхъ тутъ будетъ не надобеть, прочь отсюль вывести, кровь Хрестьянскую уняти, городы очистити и все Московское Государство основательно успокоити; а потомъ... поити намъ въ Государства нащи... и тамъ на Соймѣ великомъ *валнемъ* (т. е. общемъ)... съ вашими великими Послы... договоръ и доконъчанье учинити.»

(655) Грамота о вознагражденіи измѣнниковъ дана 21 Сентября. См, *Собр. Гос. Грам.* II, 451. Въ ней упомянуто еще о Вельяминовѣ, Грязномъ, Плещеевѣ, Андроновѣ, Чичеринѣ, Соловецкомъ, Витовтовѣ, Апраксинѣ и Юрьевѣ. Записку о другихъ Сигизмундовыхъ милостяхъ см. тамъ же, стр. 480.

(656) См. тамъ же, стр. 517 : «А вмѣнилъ, отецъ де съ сыномъ нераздѣльно.»

(657) Авр. Пал. 211 : «Сенаторы же и Гетманы рекоша Посломъ: Вы одни Послы токмо бездѣльничаете, а Московское Государство все Королю хочетъ служити и прямити во всемъ, и показываху челобитныя за руками, кто что у Короля проситъ.» — *Ник. Лѣт.* 149 : «Бояре и всякіе люди посылаху подъ Смоленескъ, и сами ѣздяху съ дарами и прошаху честей, помѣстей и вотчинъ и жалованья.»

(658) Авр. Пал. 211 : «По всей же Руской земли начатъ» — Гетманъ — «посылати, дани великія и оброки имати.» См. также *Дѣла Польск.* No 30, и *Собр. Гос. Грам.*

(659) Донесенія Ивана Салтыкова Королю, отъ 17 Ноября 1610 г. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 454 и дал.

(660) См. Нѣмцевича (II, 499), который ссылается на Кобѣржицкаго (стр. 357) и на Buch's T. IV, 69; также Видекинда *Hist. belli Sveco-Moscovitici*, 190, и Донесенія Ивана Салтыкова.

(661) См. *Ник. Лѣт.* 145, и выше, примѣч. 512. См. также въ *Собр. Гос. Грам.* II, 457 и 460.

(662) См. Донесенія Салтыкова (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 454) и *Псков. Лѣт.* л. 84.

(663) См. въ семъ Томѣ, стр. 77.

(664) Лжедимитрій отправилъ въ Астрахань Керносицкаго съ объявленіемъ милости ея жителямъ и съ извѣстіемъ, что желаетъ у нихъ основать свою столицу: ибо Москва и Сѣвера осквернились *некрестями*. См. Бера.

(665) *Ник. Лѣт.* 150 : «Воевода Богданъ Яковлевичь Бѣльской нача говорити и крѣпити, чтобъ вору креста не цѣловати, а цѣловати крестъ, кто будетъ Государь на Московскомъ Государствѣ. Дьякъ же Никоноръ Шульгинъ умысля съ тѣми

ворами, повелѣ Богдана убити; они жь Богдана поимавъ и взведоша ево на башню и скинуша съ башни и убиша.» Имя сего Воеводы находится въ Грамотахъ писанныхъ изъ Казани въ Генварѣ, и въ Казань въ Мартѣ 1611 г.; но въ Маѣ того года о немъ уже не упоминается. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490, 492, 520, 523 и 541.

(666) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 541. Чрезъ два дня послѣ убіенія Бѣльскаго получена въ Казани вѣсть о смерти Лжедимитрія. См. *Ник. Лѣт.* и *Ст. Лат. Кн.*

(667) См. Бера.

(668) Сей Ханъ былъ прежде въ сношеніяхъ съ Поляками. Рожинскій писалъ объ немъ къ Королю 27 Февр. (Н. Ст.) 1610 г.: «Car Kasimowski usilnie prosi, aby mu W. K. M. do siebie przyjachać rozkazać raczył.» См. Нѣмц. *D. P. Z. III*, Т. II, 398.

*Ник. Лѣт.* 149: «Того жь сынъ Царя Урмометя сказа вору, что отецъ ево надъ нимъ умышляетъ и хочетъ убить; той же воръ... посла по Царя, чтобъ ѣхалъ съ нимъ... и начаша ѣздити съ собаками... и начаша отъѣзжати отъ людей, только взяша съ собою Мих. Бутурлина да Игнашка Михнева, и отъѣхаша отъ людей подалѣ, и того Царя и людей съ нимъ убиша и вкинуша въ Оку, а самъ выскоча къ людемъ и возопи, что Царь меня хотѣлъ убити и побѣжа къ Москвѣ, и посла за нимъ гоняти.» О заключеніи Кн. Петра Араслана Урусова, см. Бера, который называетъ его *Русланомъ*. — Палицынъ (стр. 212) пишетъ напротивъ того, что Петръ Урусовъ умертвилъ Хана: «и оскорбѣ воръ» — Лжедимитрій — «по Цари Касимовскомъ, потужи Сатана по бѣсѣ; повелѣ того Князя Петра ввергнути въ темницу.»

День смерти Тушинскаго Самозванца означенъ въ Берѣ.

(669) См. Бера, Кобѣржицкаго (стр. 319) и Нѣмцевича (II, 501).

(670) Беръ: «Въ дворцовой церкви.» *Ник. Лѣт.* 150: «Въ Калугѣ же увѣдаша то, что Кн. Петръ Урусовъ убилъ вора, взволновашася градомъ всѣмъ и Татаръ побиша всѣхъ, кои въ Колугѣ были; его жь вора взяша и погребоша честно въ Соборной церкве у Троицы; а Сердомирсково дочь Маринка... роди сына Ивашка; Калужскіе жь люди всѣ тому обрадовашесь, и называху его Царевичемъ и крестиша его честно.» Аврам. Пал. 213: «Остася сука со единѣмъ щенятемъ.»

(671) Къ К. *Юр. Ник.* (?) Трубецкому и товарищамъ его писалъ Янъ Петръ Сапѣга въ Февралѣ 1611 г. (*Собр. Гос. Грам.* II, 507), увѣряя, что онъ не служитъ Королю, а желаетъ дѣйствовать за одно съ ними и съ Ляпуновымъ противъ враговъ Вѣры православной.

(672) *Хрон. Столяр.* л. 558: «Которые Бояре и Окольничіе и всякихъ чиновъ люди у вора въ Колугѣ, и тѣ крестъ цѣловали, что имъ съ Московскимъ Государствомъ быть въ соединеніи... и кого Богъ (дастъ) на Московское Государство Государя, тому имъ Государю и служити.» — *Ник. Лѣт.* 151.

(673) Нѣмц. *D. P. Z. III*, Т. II, 502. — *Ник. Лѣт.* 151.

(674) См. о самовластіи Сигизмунда выше, стр. 158.

(675) См. выше, стр. 137, и *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.*, Т. II, стр. 146 и 174.

(676) Московскіе Бояре донесли о томъ Королю въ Генварѣ 1611 года. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490.

(677) Тамъ же, стр. 486: «Приходили къ намъ» — Королю — «Спаса Новаго монастыря Архимандритъ Еуѳимей, да Живонач. Троицы Сергіева монастыря Келарь Старецъ Аврамей Палицынъ, бити челомъ о сынѣ нашемъ Владиславѣ Жигимантовичѣ, и мы ихъ челобитье слушали, отпустили къ вамъ» — Боярамъ — «къ Москвѣ по ихъ монастыремъ, по прежному.» Писано 12 Декабря 1610 г. — Самъ же Палицынъ, не упоминая о себѣ, говоритъ только: «Послы до конца отчаявшася и не вѣдуще, что сотворити. Нѣцыи же отъ нихъ къ царствующему граду возвратишася.» Сукинъ и Васильевъ, по словамъ Лѣтописи, о коей упоминаетъ Голиковъ (см. *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 135), сами просили Короля поручить имъ привести всю Москву и Россію къ присягѣ ему. Вѣрный отечеству Луговскій говорилъ съ негодованіемъ: «Беззаконіе неслыханное: оставить Государево и земское дѣло и товарищей, съ коими посланы! Какими глазами измѣнники будутъ смотрѣть въ Москвѣ на образъ Пречистыя Богоматери, ихъ отпустившей?» — *Ник. Лѣт.* 148: «Вас. Сукинъ да Дьякъ Сылавной Васильевъ отъ Митрополичья совѣту отсташа и прелстишася къ Литвѣ, и что думаху съ Митрополитомъ и съ Бояры, и то все расказаше Литвѣ.»

(678) *Собр. Гос. Грам.* II, 494: «За два дни предъ Рожд. Христ. писали съ Москвы къ Королю Мих. Салтыковъ, да Ѳед. Андроновъ, да К. Вас. Масальской и съ своими совѣтники, что вора убили, который назывался Царевичемъ Дмитреемъ, и въ то время на Москвѣ Руские люди возрадовалися и стали межь себя говорить, какъ бы де во всей землѣ всѣмъ людемъ соединитись и стати противъ Литовскихъ людей,... на чемъ крестъ цѣловали.» — Московскіе жители писали въ Генварѣ мѣсяцѣ въ разные города: «Душами и головами станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова» (Тамъ же, 496). — Машкѣв. 24 Сентября: «Niewypowiedzienie Moskwa rada: bo już pozbywszy tamtego nieprzyjaciela, ... dopiero już wszelakiemi sposoby zamyślać zaczęli, jako by nas mogli zbyć z stolicy.»

Мстиславскій и прочіе Бояре писали къ Королю въ Генварѣ о дѣйствіяхъ Прокопія Ляпунова: «Со всею Резанью... отложился... и въ городы, которые были вамъ Великому Государю послушны, Воеводъ и Головъ съ ратными людьми отъ себя посылаетъ, и городы и мѣста засѣдаетъ... А на Тулу... прислалъ отъ себя вашего Государского измѣнника Ивашка Зарутцкого съ Казаки; а... Захарей Ляпуновъ... изъ подъ Смоленска съ братомъ своимъ съ Прокоѳьемъ ссылается грамотками и людьми» (Тамъ же, стр. 489). Прок. Ляпуновъ писалъ къ Нижегородцамъ 31 Генваря: «Мы сослався съ Калуженскими, съ Тульскими, и съ Михайловскими и всѣхъ Сиверскихъ и Украиныхъ городовъ людьми давно крестъ цѣловали, и проч... А Володиміръ... и иные городы съ нами одномышленны жь, хотятъ за Вѣру всѣ помереть... Да и во всѣ... Понизовскіе городы и Поморскіе, и къ Андрею Просовецкому велите отписати, чтобъ они всѣ шли къ царствующему граду Москвѣ наспѣхъ, къ намъ же въ сходъ; а мы о томъ къ нимъ писали жь.» (Тамъ же, стр. 498). Въ началѣ Марта писали Ярославцы въ Казань, что они рѣшились *за православную Вѣру стояти и битися до смерти.* (Тамъ же, стр. 517).

*Ник. Лѣт.* 151.

(679) *Собр. Гос. Грам.* 478.

(680) Тамъ же, 480: «Многочисленный народъ Россійскаго Царствія, ожидаючи Государя Королевича многое время, скорбятъ душею и сердцемъ, и такова тяжка времени долго терпѣти не могутъ, яко овца безъ пастыря, или яко звѣрь великъ главы не имѣетъ.» Сія Грамота писана въ послѣднихъ числахъ Декабря 1610 года.

(681) Тамъ же, 494: «Послѣ Рождества Христова, на пятой недѣлѣ въ Субботу, писалъ съ Москвы Ѳедоръ же Андроновъ, да Михайло Салтыковъ съ товарищи, что на Москвѣ Патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: будетъ Королевичу не креститься въ Крестьянскую Вѣру и не выдутъ изъ Московскія земли всѣ Литовскіе люди, и Королевичь де намъ не Государь,» и проч.

(682) Тамъ же, 495: «Не помните того и не смышляйте никоторыми дѣлы, что быть у насъ на Москвѣ Королевичу Государемъ... за то что видятъ» — Поляки — «на Москвѣ надъ лучшими людьми непостоянство во всемъ крестопреступленіемъ.» Сія Грамота писана въ Генварѣ 1611 г.

(683) См. тамъ же, 496. И сія Грамота также писана въ Генварѣ 1611 года.

(684) Тамъ же, 499 и 518. — Подорожныя гонцамъ выдаваемы были отъ имени Патріарха. Въ бумагахъ покойнаго Историографа найденъ слѣдующій списокъ одной такой подорожной: «Лѣта 7119, Марта 2 дня, *по благословенію Святѣйшаго Ермогена, Патріарха Моск. и вс. Русіи*, отъ Воеводы Олексѣя Ивановича Зузина, отъ Устюга Великаго до Соли Вычегоцкіе и до Богоявленскаго Яму и до Паледина и до Каи городка и до Гаечь и до Чердыни, по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людямъ безъ отмѣны, чей кто ни будь: чтобъ есте давали Чердынскому гончю Иванъку Игошеву подводу съ саньми и съ хомутомъ да проводникъ въ оглобли, вездѣ не издержавъ ни часу, безъ прогонъ, *для всей земли ратнова, скорова дѣла.*»

(685) На Грамотѣ Боярской Думы къ Королю надписано: *Всея Русіи Самодержцу.* См. тамъ же, 490. О данномъ Думою предписаніи Посламъ и Шеину, и объ отправленіи Куракина, тамъ же, 513 и 515.

*Дѣл. Польск.* No 30, л. 131: «Да ты жь, Александръ» — Госѣвскій — «и Мих. Салтыковъ да Ѳ. Андроновъ съ товарыщи, черезъ Гетманское и Полковниковъ и Ротмистровъ крестное цѣлованье, учали въ Моск. Царствѣ всякихъ людей прелыщати и приводити на то, чтобы цѣловали крестъ... Жигимонту Королю, мимо... Королевича.»

(686) *Собр. Гос. Грам.* II, 506 и 522: «Ни въ грамотѣхъ вашихъ тово не написано, чтобъ есте о томъ по совѣту и по благословенію Патріаршескому писали.»

(687) Тамъ же, 534: «А что писано къ намъ..., чтобъ намъ Вел. Гос. Королю добити челомъ..., и мы Вел. Гос. Королю бьемъ челомъ, и милости просимъ безпрестани,... чтобы Вел. Гос. Король милость показалъ... во всемъ учинити велѣлъ по твоему Гетманскому договору Станислава Желковского,» и проч.

Тамъ же, 513: «К. Ив. Сем. Куракинъ съ товарищи съ Рускими и съ Литовскими людьми приходили изъ Юрьевца Поволскаго подъ Володимеръ Февраля въ 11 день; и изъ Суздаля... Андр. Просовецкой присылалъ къ нимъ» — Владимірцамъ — «людей на помощь, и дѣло де у нихъ подъ Володимеромъ было... и К. Ив. Куракина... побили, и К. Ив. Бор. Черкаскаго взяли въ Володимеръ жива, и К. Ив. де Куракинъ съ Руск. и съ Литов. людьми... побѣжали Московскою дорогою.»

Палицынъ (стр. 216) говоритъ, что ихъ разбилъ Ив. Вас. Волынскій.

(688) Бояре писали къ Королю о Ляпуновѣ: «Ваши Государскіе денежные доходы и хлѣбъ всякой збираетъ къ себѣ;» (*Собр. Гос. Грам.* II, 489) а Ляпуновъ къ Нижегородцамъ: «Мы Боярамъ Московскимъ давно отказали, и къ нимъ о томъ писали, что они, прельстяся на славу вѣка сего, Бога отступили и приложилися къ Западнымъ и къ жестосердымъ, на своя овца обратились.» (Тамъ же, 497).

(689) О К. Воротынскомъ и К. Голицынѣ, см. *Ник. Лѣт.* 153. — О Засѣкинѣ въ *Дѣл. Польск.* No 30, л. 131 на обор.: «Меня К. Ивана» — Воротынскаго — «да К. Ондрея Вас. Голицына, да Окольничего К. Александра Ѳед. Засѣкина... учиня на насъ составъ, подавали за Приставовъ.»

(690) См. Машкѣвича и Нѣмцевича.

(691) См. Бера. Москвитяне говорили: «Сіи 6000 *глаголей* должны добромъ убраться отсюда, если хотятъ, чтобы мы ихъ истребили.»

(692) См. Машк. и Нѣмц.

(693) Тамъ же.

(694) Тамъ же.

(695) См. Кобѣржицкаго, стр. 372, и Нѣмцев. II, 510. *Дѣл. Польск.* No 30, л. 131: «Видя ваше такое злое дѣло, великій Святѣйшій Ермогенъ... разжегся по Христѣ вѣрою... тѣхъ измѣнниковъ, Мих. Салтыкова съ товарыщи, въ ихъ злыхъ дѣлѣхъ обличалъ, и многое отъ нихъ злодѣевъ и отъ тебя Александра» — Госѣвскаго — «вмѣсто чести, что было его по Гетманскому договору и по крестному цѣлованью во чести держати, многое безчестье и тѣсноту и гоненье претерпѣлъ.»

(696) *Ник. Лѣт.* 152: «Стану писати х'Королю грамоты... и васъ благословляю писати, будетъ Король дастъ сына своего на Московское Государство и креститъ въ православную Христіанскую Вѣру и Литовскихъ людей изъ Москвы выведетъ... а къ Прок. Ляпунову стану писати... А будетъ Королевичь не крестится и проч... и я разрѣшаю, кои крестъ цѣловали Королевичю.»

*Собр. Гос. Грам.* II, 491: «И передъ Николинымъ днемъ, въ Пятницу, въ вечеру къ Патріарху приходили Бояр. Мих. Салтыковъ, да Ѳед. Андроновъ, а говорили о томъ, чтобъ... благословилъ крестъ цѣловати Королю, а на утрее того приходили о томъ же Бояр. К. Ѳед. Ив. Мстиславской, да они жь, Мих. да Ѳедоръ; и Патріархъ имъ отказалъ... и у нихъ де о томъ и брань была, и Патріарха хотѣли за то зарѣзати.»

(697) *Лат. Ст. Кн.*: «Въ то время Мих. Салтыковъ, выступя изъ Боляръ, и Патріарха скверно лаяше, и вынявъ ножъ свой, хотѣлъ его заклати. Патріархъ же Ермогенъ, видя того Михайла безстудіе, и крестомъ его осѣняше, глаголя: сіе знаменіе креста Господня буди противу твоего сего дерзновенія и взыдетъ вѣчная клятва на главу твою, (*Ник. Лѣт.*: «да буди ты проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ») К. Ѳеодору же Ив. Мстиславскому Патріархъ рече сице (*Ник. Лѣт.*: «тихимъ гласомъ»): Твое есть начало, и тебѣ достойно пострадати за правду, но прельстился еси отъ истины; преселитъ тебе Господь и корень твой отъ земли живыхъ, и Христіанскія кончины не получиши: еже и бысть.»

(698) Никоновскій, и другіе: «Такожъ и сбыстсяево пророчество.»

(699) *Собр. Гос. Грам.* II, 521.

(700) Тамъ же, 494.

(701) Нѣмцев. II, 8.

(702) *Собр. Гос. Грам.* II, 486: Въ Грамотѣ 23 Генваря: «Божіею милостію, Вел. Гос. и Вел. Кн. Жигимонтъ... и сынъ нашъ, наяснѣйшій Вел. Гос. Королевичь Владиславъ Жигимонтовичь,» и проч.

(703) Въ Февралѣ 1611 года. *Собр. Гос. Грам.* II, 505. Голицына упрекали въ преданности Самозванцу и проч. Онъ отвѣчалъ (см. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 164 и 167): «Отпущали насъ къ Великимъ Государемъ бити челомъ Патріархъ и Бояре и всѣ люди Москов. Государства, а не одни

Бояре... а нынѣ они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо Патріарха,... и то ихъ дѣло къ намъ первое не добро... Другая къ намъ Боярская немилость: намъ въ наказѣ написали и бити челомъ Корол. Величеству велѣли, чтобъ Кор. Величество пожаловалъ отъ Смоленска отступилъ, и проч... а нынѣ къ намъ писали, чтобъ они къ Кор. В-ву со К. Андр. Масальскимъ писали... чтобъ Кор. В-во шелъ на вора подъ Калугу... Мы Кор. В-ву бьемъ челомъ, и вамъ своей братьѣ Паномъ говоримъ по наказу, каковъ намъ данъ, а К. Андрей Масальской бьетъ челомъ, чтобы Кор. В-во пошелъ подъ Калугу, а того не вѣдаемъ... А. К. Андрею было Масальскому съ такимъ дѣломъ мочно и къ намъ ѣхати. А ко мнѣ ко К. Василью писали нынѣ съ Игн. Хомутовымъ, по вѣтренной сказкѣ, что будто я, идучи подъ Смоленскъ, съ воромъ ссылался, и тѣмъ меня позорятъ, и какъ дастъ Богъ увижу на Московскомъ Государствѣ Государя нашего Владислава Жигимонтовича, и ему Государю своему въ своемъ безчестьѣ учну на нихъ бити челомъ въ томъ...»

(704) *Собр. Гос. Грам.* II, 502 и 503.

(705) Нѣмц. *D. P. Z. III*, T.III, 7. Кобѣрж. 382. — За Салтыковымъ гнался Потоцкій, но не могъ догнать его. Сему Салтыкову Поляки поручили убѣдить Пословъ Россійскихъ къ безпрекословному исполненію Королевской воли, *не заботясь о Патріархѣ, которому не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла государственныя*. Митрополитъ и прочіе Послы отвѣчали ему съ презрѣніемъ. 2 Апрѣля они сказали: «Ты говоришь намъ дѣлати о Смоленску, а Приставы наши...: грозятъ намъ вести насъ въ Польшу... и суда къ намъ подъ дворъ подвезены, и намъ то не страшно... Но надобно Паномъ Раднымъ о томъ Государю своему радѣти, чтобъ кровь Христіанскую уняти, а нашею своскою не уймется, а больши литися станетъ; а тебѣ, Иванъ Никитичь, по томужь надобно попомнити Бога... а на разоренье Государства своего не посягати. И такъ сами есте видите, что надъ онымъ дѣлается.» (См. въ *Допол. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 190 и 224).

(706) *Собр. Гос. Грам.* II, 455 и 460.

(707) См. выше, стр. 162.

(708) *Лѣт. о мятежахъ*, 214. — *Ник. Лѣт.* 151: «Литва жъ слыша о убіеніи воровскомъ и послаша въ Колугу К. *Юр. Ник.* (?) Трубецково, чтобъ цѣловали крестъ Королевичю, и изъ Колуги жъ послаша къ Москвѣ... и говориша Бояромъ къ Литвѣ: будетъ и Королевичь на Мос. Государствѣ и крестится... и мы ему всѣ ради служити, а тепере мы креста цѣловати не хотимъ, покамѣста онъ будетъ на Моск. Государствѣ... А К. Юрья... убѣжалъ къ Москвѣ бѣгомъ.»

(709) См. выше, стр. 149.

(710) *Собр. Гос. Грам.* II, 507 (выше, въ прим. 671), и 510: «Февраля 11 день послалъ язъ» — Ляпуновъ — въ Калугу къ Боярамъ и къ Воеводамъ племянника своего Өедора Ляпунова съ Дворяны; а велѣлъ ему съ Бояры и съ Гетманомъ Сапѣгою о такомъ великомъ Божіи дѣлѣ говорить, чтобъ ему съ нами быть въ соединеніи и стояти бы за православную Крестьянскую Вѣру нашу съ нами вмѣстѣ за одинъ... а за служенье... ему грошп дать тогда, кого намъ на Московское Государство Государя Богъ дастъ.» Тамъ же, на стр. 535 и 541, исчислены подвизавшіеся, кромѣ Русскихъ: «Мурзы, и служилые новокрещены, и Татара, и Чюваша, и Черемиса, и Вотяки, и всякіе люди Казанскаго Государства.»

(711) Тамъ же, 507.

(712) *Ник. Лѣт.* 151: «Въ Колугѣ собрася К. Дм. Тим. Трубецкой да Ив. Заруцкой, на Резани Пр. Ляпуновъ, въ Володимерѣ К. Вас. Масальской, Ортем. Измаиловъ, въ Суздалѣ Ондр. Просовецкой, на Костромѣ К. Өед. Волконской, въ Ярославлѣ Ив. Волынской, на Романовѣ К. Өед. Козловской съ братьею, и всѣ соединися во едину мысль, что всѣмъ померети за православную Христіан. Вѣру.» Что Заруцкій былъ въ Тулѣ, о томъ см. *Сказаніе* Аврам. Палицына, стр. 221, и въ *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 197.

*Собр. Гос. Грам.* II, 512 и 519.

(713) Ляпуновъ писалъ къ Нижегородцамъ: «Про то вѣдаемъ подлинно, что на Москвѣ Святѣйшему Гермогену Патріарху... гоненье и тѣснота велія... А какъ мы къ Боярамъ о Патріархѣ, и о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ писали, съ тѣхъ мѣстъ Патріарху учало быти повольнѣе и дворовыхъ людей ему не многихъ отдали.» (*Собр. Гос. Грам.* II, 497 и 498) Московскіе жители также увѣдомляли о Патріархѣ: «прямь яко самъ Пастырь, душу свою за Вѣру Крестьянскую полагаетъ несомнѣнно» (Тамъ же, II, 496).

*Ник. Лѣт.* 155: «Патріархъ рече: «Язъ де къ нимъ» — Ляпунову и проч. — «не писывалъ, а нынѣ къ нимъ стану писати: будетъ ты измѣнникъ Мих. Салтыковъ съ Литовскими людьми изъ Москвы выдешь вонъ, и я имъ не велю ходити къ Москвѣ; а будетъ вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословляю помереть за православную Вѣру, что ужь вижу поруганіе православной Вѣрѣ и разореніе святымъ Божіимъ церквамъ, и слышати Латынсково пѣнія не могу: въ то время бысть у нихъ костелъ на старомъ Царя Борисовѣ дворѣ въ полатѣ. Слышаху жъ они такія словеса, позоряху и лаяху его, и приставиша къ нему Приставовъ и не велѣша къ нему никово пущати.»

Тамъ же (стр. 156) о крестномъ ходѣ въ Недѣлю Вайй сказано: «Повелѣша всѣмъ ротамъ Литовскимъ коннымъ и пѣшимъ выѣхавъ стояти по площадямъ всѣмъ наготовѣ, Патріарха же Ермогена взяша изъ за Пристава и повелѣша ему дѣйствовати.» Беръ говоритъ, что Поляки опасаясь народнаго возстанія, принуждены были дозволить обыкновенное въ сей день празднество.

(714) См. описаніе сего обряда въ Т. IX, 275.

(715) См. Бера.

(716) *Ник. Лѣт.* 156: «Не поиде никто за вербою.»

(717) *The Russ. Impostor*, 193: Garrison, consisting of 6000 Horse, and 1000 Foot.»

(718) См. Машкѣвича. По его словамъ Ляпуновъ велъ съ собою 80.000, Заруцкій 50.000, Просовецкій 15.000: Если вѣрить Беру, число ополчившихся простиралось до 700.000!

(719) См. Машкѣвича.

(720) *Ник. Лѣт.* 156.

(721) Авторъ книги *The Russ. Impostor* утверждаетъ, что зачинщиками были Русскіе. Напротивъ того Машкѣвичь пишетъ: «Tego twierdzić nie mogę dobrym sumieniem, kto zaczął, jeśli z naszych, albo z Moskwy przyczyna; ale bliżey tego że *nasi* dali przyczynę do tego rozruchu, uprzątaiąc pierwey w domu, niż drudzy nastąpią.» Въ Грамотѣ Короля Сигизмунда къ Московскимъ Боярамъ, писанной въ Апрѣлѣ, сказано: «И то учинилось Божіимъ судомъ... а для измѣны невинная Хрестьянская многая (кровь) розлилась, и Москва городъ разоренъ и выжженъ, того мы Великій Государь жалѣемъ.»

Беръ описываетъ первый поводъ къ ссорѣ слѣдующимъ образомъ: «13 Февраля нѣсколько слугъ изъ Поляковъ покупали овесъ на рынкѣ. Продавецъ потребовалъ съ одного вдвое дороже противъ того, что бралъ съ Русскихъ. Слуга, укоряя его, сказалъ: «зачѣмъ грабишь насъ? развѣ мы не

одному Царю служимъ?» — Купецъ отвѣчалъ, что Полякамъ не покупать овса дешевле. Слуга обнажилъ саблю: и на шумъ сбѣжалось человѣкъ сорокъ Русскихъ съ дубинами. Три Поляка остались на мѣстѣ; прочихъ спасла подоспѣвшая стража отъ *Водяныхъ* воротъ, она разогнала толпы народа, убивъ 15 человѣкъ. Вѣсть о сей дракѣ пронеслась по предмѣстію и по Бѣлому городу. Жители начали стекаться отвсюду и кровопролитіе было бы неминуемо, если бы Госѣвскій не остановилъ его своею рѣчью къ народу, но лишь до слѣдующаго мѣсяца (то есть Марта 19 числа). «Тогда» — продолжаетъ Беръ — «Русскіе первые напали на Поляковъ.»

(722) Такъ пишетъ Машкѣвичь. См. выше, примѣч. 721.

(723) Машкѣв.: «Wszczęła się bida w Kitaygrodzie, gdzie prędko lud kupiecki targowy wysiekli.» Онъ прибавляетъ, что въ Китаѣ однихъ лавокъ было 40.000!

*Ник. Лѣт.* 157: «Бысть въ лѣто 7119 году во Святый и Великій Постъ во Вторникъ, и начаша выходити роты по пожару и по площадемъ и первое начаша сѣщи въ Китаѣ городѣ въ рядахъ; потомъ же придоша ко К. Ондр. Вас. Голицыну на дворъ, тово тутъ и убиша. Потомъ же вышедъ изъ Китая по Тверской улицѣ, и начаша побивати, въ Тверскіе же ворота ихъ не пропустиша, что быша тутъ Стрѣлецкіе. Потомъ же поидоша на Устрѣтенскую улицу, на Устрѣтенской же улицѣ совокупишась съ пушкари К. Дм. Мих. Пожарской, и нача съ ними битися и ихъ отбиша и въ городъ втопташа, а сами поставиша острогъ у Веденья Преч. Богородицы. Потомъ же поидоша на Кулишки; таможь противъ ихъ собрась Ив. Матв. Бутурлинъ, и сташа въ Яузскихъ воротахъ, а улицъ Кулижекъ и иныхъ не можаху отнять. Потомъ же они поидоша за Москву рѣку, тамъ же противъ ихъ ста Ив. Колтовской.»

*Хрон. Стол.* л. 558 на обор.: «И на Crpacтной Недѣлѣ во Вторникъ велѣли въ Кремлѣ городѣ Поляком и Литвѣ и гайдукомъ Московскаго Государства всякихъ Рускихъ людей бить и побивать на смерть. И изъ города изъ Кремля побѣжали всякіе люди во всѣ ворота и Литва за ними, гнали въ Китай, и въ Китаѣ на площадѣ и въ рядѣхъ и по улицамъ Московскихъ всякихъ людей побивали... и ряды и домы грабили, и всякіе люди и съ женами и съ дѣтьми изъ Китая выбѣжали въ Бѣлой каменной городъ, а побито народу много, и въ Бѣломъ городѣ улицы заметали.»

(724) Тамъ же: «И собралися по улицамъ, на Устрѣтенской, и на Покровкѣ, и за Неглинною, и на Тверской, и на Никицкой, и на Орбатѣ, и на Знаменкѣ и на Черторской, и съ Поляки и съ Литвою билися.»

(725) См. Машкѣвича.

(726) См. сей *Исторіи* Т. XI.

Въ концѣ II Тома *Собр. Гос. Грам.* на стр. 604, 605 и 606, помѣщено подробное извѣстіе о Маржеретѣ. — Беръ пишетъ, что Маржеретъ отправилъ изъ замка 400 человѣкъ Москвитянъ въ помощь Полякамъ. По словамъ Машкѣвича сія помощь состояла лишь изо ста человѣкъ пѣхоты. Но Маржеретъ находился въ Нѣмецкой ротѣ у Поляка Петра Борковскаго въ Поручикахъ» (*Собр. Г. Г.* II, 605). Такъ именуетъ его и Беръ.

(727) Машкѣвичь пишетъ: «Наши слуги зажигали одинъ домъ, но онъ не загорался: зажигали его въ другой, въ третій, въ десятый разъ — и напрасно: онъ былъ какъ очарованный. Наконецъ сыскавъ смолистыхъ лучинокъ и льну успѣли развести огонь. Сдѣлали тоже и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ кто могъ.»

*Ник. Лѣт.* 157: «Видя жь они Литовскіе люди мужество и крѣпкостоятельство Московскихъ людей, начаша зажигати въ Бѣломъ городѣ дворы; той же зачинатель злу Михайло Салтыковъ первой нача дворъ жечь свой.» Сей Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ тотъ день по улицамъ лежали тѣла убитыхъ кучами, одни на другихъ, выше роста человѣческаго. — Кобѣржицкій (стр. 376) пишетъ, что по однимъ извѣстіямъ число погибшихъ простиралось до 60, по другимъ до 100 тысячь. Ленгнихъ, продолжавшій Хронику Бѣльскаго, говоритъ, что Русскихъ убито 6000 (стр. 771), а въ пожарѣ погибло безчисленное множество.

Въ *Дѣлахъ Польскихъ* (No 30, л. 131 на обор.) сказано о тогдашнемъ мѣстѣ жительства сего Салтыкова и клеврета его Андронова: «Михайло Салтыковъ мимо своего дворишка (жилъ) на Ивановѣ дворѣ Васильевича Годунова, а Ѳетка Ондроновъ Благовѣщенского Протопопа на дворѣ, на которомъ николи нихто не ставалъ и не живалъ, а живали тутъ всѣ Благовѣщенскіе Протопопы.»

(728) См. Машкѣвича.

(729) *Хрон. Стол.* л. 558 на обор.: «И Поляки и Литва и гайдуки, выходя изъ Кремля и изъ Китая во всѣ ворота на всѣ стороны, и въ Бѣломъ городѣ зажигали дворы, и Московскіе всякіе люди, видя то,... изъ Москвы побѣжали по всѣмъ дорогамъ... гдѣ кому сручно, у ково лошадь, на лошадѣхъ, а черные люди всѣ брели съ женами и дѣтьми пѣши.»

*Ник. Лѣт.* 158: «Литовскіе жъ люди, выѣхавъ изъ города зажгоша за Олексѣевскою башнею Илью Пророка и Зачатейской монастырь, потомъ же и Деревянной городъ зажгоша за Москвою рѣкою.» Тамъ же: «Пріидоша отъ Прокофья Ив. Вас. сынъ Плещеевъ; въ тожъ время пріиде изъ Можайска Полковникъ Струсъ съ Литовскими людьми и съ ними біющеся; они же противу его не постояша, покиня щиты побѣжаху всѣ назадъ.» *Машкѣв.:* Струсъ кричалъ: «Za mną dzieci, kto cnotliwy!»

(730) *Хрон. Стол.* л. 558 на обор.

*Ник. Лѣт.* 158: «Въ той бо день мразу бывшу велію, онижъ идоша не дорогою прямо, яко жъ убо съ Москвы до самые Яузы не видѣху снѣгу всѣ пляху люліе!»

(731) Тамъ же: «Вышли изъ Китая многіе люди къ Устрѣтенской улицѣ и х'Кулишкамъ, тамъ же съ ними бился у Веденского острожку и не пропустилъ ихъ за Каменной городъ прежереченной Князь Д. М. Пожарской черезъ весь день, и многое время тое страны не далъ жечь, и изнемогши отъ великихъ ранъ паде на землю, и вземъ его повезоша изъ города вонъ къ Живонач. Троицѣ въ Серг. монастырь.»

По словамъ Машкѣвича, въ слѣдующую ночь, при яркомъ пламени горящей Москвы, было въ Кремлѣ свѣтло, какъ днемъ. Ужасъ сей ночи, прибавляетъ онъ, можно было уподобить аду: Tedyśmy już bezpieczni byli, bo ogień w koło nas strzegł.»

(732) См. (въ *Д. къ Д. П. В.* II, 219) слова Лѣтописи: «Царскую казну, многое собранье изъ давнихъ лѣтъ прежнихъ Великихъ Государей Царей Россійскихъ, ихъ Царскія утвари, шапки и короны; и ихъ Царское всякое достоянье, и чудотворные образы, къ Жигимонту Королю отослали; а достальную Царскую казну, въ церквахъ Божіихъ, и въ монастыряхъ, и въ домѣхъ, и въ лавкахъ, и въ погребахъ, многія неисчетныя богатства, Московскихъ всякихъ людей пограбя, по себѣ раздѣлили. Кто не восплачетъ и не возрыдаетъ? превыше бо бысть сіе Виѳлеемска плача, отъ беззаконнаго дѣтоубійцы Ирода; тамо бо младенцы токмо убійственными

закалахуся длавьми, здѣ же престарѣвшіеся и сѣдинами цвѣтящіи, и въ возрастъ приходящіи юноши, и жены честнообразны и отроковицы нетлѣнны, и младенцы безгрѣшны, вкупѣ отъ Ляховъ и отъ Германскаго роду раздробляхуся и закалахуся; рыданіе же повсюду и плачь велегласенъ на аеръ восходитъ: и горы убо супротивъ плачущихъ возглашаху; бреги же волнами супротивъ шумяху; и бысть громъ по всему граду всемертвенный, и смертныя врата повсюду зряхуся.» — Въ *Собр. Г. Г.* II, 535: «Божіи церкви и монастыри осквернили и разорили, и раки чюдотворныхъ мощей разсѣкли и чюдотворные мощи поругали, и во многихъ церквахъ лошади поставили.»

(733) См. Бера.

(734) См. Машкѣвича. — Беръ говоритъ, что инымъ доставалось отъ 10 до 20 фунтовъ серебра; что они, презирая богатство, стрѣляли въ Рускихъ жемчужинами; даже истребляли съѣстные припасы не столь вкусные (а ихъ стало бы, прибавляетъ онъ, лѣтъ на шесть); проигрывали въ карты дѣтей знатныхъ Бояръ и купцевъ, и проч. и проч.

(735) См. *Доп. къ Дѣян. Петр. Вел.* II, 229. — У Бера: «Styrile monastir.» — А *Ник. Лѣт.* говоритъ: «Ермогена съ Патріаршества сведоша въ Чюдовъ монастырь, и приставиша къ нему крѣпкихъ Приставовъ.» — *Машкѣвичъ*: «Patryarchę dano za przystawę Malickiemu, z roty Małyńskiego towarzyszowi.» Никто безъ вѣдома Пристава не могъ войти къ Патріарху, и его не выпускали никуда.

(736) Аврам. Палиц. 217: «Архимаритъ же и Келарь, и вси сущіи во Обители, слышавше сія, зѣло сердцы своими возстенавше, и источницы слезъ многи изліявше, и руцѣ свои воздѣюще ко Всемогущему Творцу и Избавителю со слезами молящеся... Того же дни отпустили наспѣхъ къ царствующему граду на помощь Андрея Ѳед. Палицына, а съ нимъ слугъ пятдесятъ человѣкъ, Князя Вас. Туменскаго съ товарищи, да двухъ Сотниковъ Стрѣлецкихъ, Рахманина, Евзлова, да Томила Яганова, да съ ними Стрѣльцевъ двѣсти человѣкъ.

(737) Тамъ же, 219 и 220: «Разослаша грамоты во вся городы Россійскія Державы... пишуще къ нимъ о многоплачевномъ конечномъ разореніи Московъ. Государства, моляще ихъ... ити немедленно къ царств. граду на богомерзкихъ Польск. и Литовск. людей и на Рус. измѣнниковъ, ко отмщенію крови Христіанскія, и постояти бы за благочестіе крѣпко и мужественно, и добыти комуждо себѣ вѣчное имя и похвалы достойно.... Аще нынѣ о правдѣ не постраждемъ, потомъ всяко и безъ пользы и безъ воздаянія умрети имамы.»

(738) 4 Апрѣля (Нов. Ст.), въ Понедѣльникъ Святой Недѣли. См. Машкѣвича. — По его словамъ, войско Просовецкаго имѣло подвижную ограду, составленную изъ большихъ саней съ воротами и самопалами. (О семъ, такъ называемомъ *Гулять-городѣ* см. сей *Исторіи* Т. X, стран. 138.) При каждыхъ саняхъ находилось по 10 Стрѣльцевъ: они двигали передъ собою сани и стрѣляли изъ-за нихъ. Сими санями войско было окружено со всѣхъ сторонъ. — См. также *Dz. Pan. Zygm. III*, T. II, 517.

(739) См. Нарушевича въ *Hist. Chodk.* T. I, 331, и Ленгниха, продолжавшаго Хронику Бѣльскаго (стр. 771).

Въ числѣ присланныхъ къ покойному Канцлеру Графу Румянцову выписокъ изъ бумагъ Британскаго музеума есть одна съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Project without title, or date; but evidently from the writing, etc.: addressed to James I, King of England.* Въ сей бумагѣ, послѣ описанія тогдашняго плачевнаго состоянія Россіи, сказано: «This desperate state of theirs made them condescend to receive the King Poland's sonne for their Prince, upon condition that he should live amongst them, which the Poles at the first accepting, and thereupon getting Mosco and some other places quietly into their hands, and afterwards refuseing to performe it, the Russes revolted, and beseiged Mosco with 100.000 Men, and for aney thing is yet Known are still before it. This made them likewise offer themselves since unto the King of Sweden, who instead of helping them, hath possessed himself of a good part of their Countrie. And now finding nothing but hostility from Poland, and unfaithfulness from Sweden, the northern parts of that Empire which are yet entire and free from anie touche of warre, but not from the apprehension and feare of it, having had long commerce with our nation to the mutual benefit of both, and by long conversation grown into a liking of our natures and conduct, and especially invited by the fame of his Majesties great wisdom and goodness doe much more desire to cast themselves into his handes then into anie others. And to this purpose they had conference with the Agent of the English Company there this last summer (as himself hath told me) and would have sent Embassadors hither, to his Majestie, at the returne of the last fleet, if the Agent durst have given them anie hope or encouragement that they should have prevailed in their desire.»

Поляки осаждены въ Москвѣ 1 Апрѣля. См. Рукоп. Филарета, и *Собр. Гос. Грам.* II, 536.

*Ник. Лѣт.* 159: «Придоша жъ всѣ Воеводы изо всѣхъ городовъ къ Николѣ на Угрѣшу, и совокупишася вси за едино, поидоша подъ Москву; Литовскіе жъ люди выидоша за Яузскіе ворота, и поставиша съ ними бою не много, поидоша всѣ въ городъ. Воеводы жъ придоша подъ Москву и начаша становитися подлѣ каменново Бѣлово города: Прокофей Ляпуновъ ста съ ратными людьми у Яузскихъ воротъ, К. Дм. Тим. Трубецкой да Иванъ Заруцкой сташа противъ Воронцовского поля, Воеводы жъ Костромскіе и Ярославскіе К. Ѳед. Волконской, Ив. Волынской, К. Ѳед. Козловской, Петръ Мансуровъ сташа у Покровскихъ воротъ, у Устрѣтенскихъ воротъ Околничей Артемей Васил. Измайловъ съ товарыщи, у Тверскихъ воротъ К. Вас. Ѳед. Масальской съ товарыщи.»

(740) Аврам. Палиц. 222.

(741) Въ *Собр. Г. Г.* (II, 537) помѣщена *Крестоприводная запись*, по которой присягали всѣ собравшіеся подъ Москвою. Она оканчивается словами: «А кто не учнетъ по сей записи креста цѣловати, или крестъ цѣловавъ, не учнетъ такъ дѣлати, какъ въ сей записи писано, и не буди на томъ милость Божія и Преч. Богородицы и всѣхъ Святыхъ, и буди тотъ человѣкъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ.»

(742) *Машк.*: «Мы теряли много: а у непріятеля каждый убитый былъ замѣщаемъ десятью новыми воинами.» — Рукоп. Филар.: «Поляцы, видѣвъ Московское многое собраніе и изрядное ихъ ополченіе, страхомъ ужасаемы, и начаша въ себѣ помышляти, како могутъ творити ополченіе противу сего многовоинства... Той же бодренный разсмотрительный Воевода» — Ляпуновъ — «всего Московскаго воинства Властель, скачетъ по полкомъ всюду, *яко левъ рыкая*, направляюще воинство и вооружающе крѣпцѣ, побѣду на вра-

говъ своихъ воспріяти; такожъ иные Воеводы и начальницы Московскаго воинства о своемъ дѣлѣ непрестанно попеченіе имѣютъ.»

(743) См. выше, примѣч. 742.

Далѣе въ той же *Рукописи*: «Воевода же.... Ляпуновъ возопи гласомъ веліимъ на своихъ, да не оскудѣетъ бранное ополченіе, и повелѣ съ коней сходити и на градъ мужески наступати... И тако взяту бывшу великому Царю граду, Поляцы же до внутренняго града бѣгутъ и врата утверждаютъ крѣпкими затворы, и по семъ того дня преста бранное ополченіе. Воеводы же Московскаго воинства, розъѣздивъ и розглядѣвъ подобно мѣсто, и повелѣ воинству шатры ставити и лачуги и конемъ стати. И тако уставиша воинство близъ стѣны градскіе и почиша отъ трудовъ своихъ; токмо стражіе стрежаху. Сташа же не во единомъ мѣстѣ, но койждо особь: Прокофій ста у Яузскихъ воротъ, К. Дм. Тимоѳеевичь» — Трубецкой — «мало отшедъ межь Яузскихъ и Покровскихъ воротъ ста, а Иванъ Заруцкой у Покровскихъ воротъ, Иванъ Волынской у Стрѣтенскихъ воротъ, а К. Вас. Масальскій у трубы на Неглиннѣ сталъ; потомъ же Петровскія и Тверскія ворота очистиша.»

Аврам. Палиц. 222: «Божіею милостію одолѣша еретиковъ православніи, и многихъ Поляковъ и Нѣмецъ побили, и во градѣ потоптали, и Бѣлаго каменнаго города отъ Москвы рѣки взяли круглую башню, и Яузскія и Флоровскія и Покровскія и Устрѣтенскія и Петровскія и Тверскія ворота, и вниде все Христоименитое воинство въ Каменной большей городъ, а Польскихъ и Литовскихъ людей осадили въ Китаѣ городѣ и въ Кремлѣ.»

Машкѣвичь говоритъ о семъ дѣлѣ: «Moskwa tak rezolute wpadła do szeregów naszych, żeśmy się tak wrącz z niemi z koni ściągali.» Но потеря наша, продолжаетъ онъ, была не велика: погибло лишь нѣсколько человѣкъ при худой переправѣ чрезъ болото; въ иныхъ же ротахъ всѣ остались цѣлы: ибо бѣжали исправно: «*dobrze uciekali.*»

(744) Машкѣв.: «Всякій разъ когда наши высылали кормовщиковъ (фуражировъ), непріятель немедленно заводилъ съ ними битву, и съ каждой стороны спѣшили подкрѣпить своихъ. Отъ того и путь нашъ назывался *кровавымъ*, иногда же *смертнымъ;* и всегда былъ для насъ пагубенъ: ибо въ нашихъ вылазкахъ мы встрѣчали болѣе Москвитянъ, нежели сколько у насъ было всего войска.»

(745) *Лѣт. о мятеж.* 227, и *Ник. Лѣт.* 161: «Ал. Гашевской да Мих. Салтыковъ съ товарыщи посылаху къ Патріарху Ермогену и сами къ нему прихождаху, чтобъ онъ послалъ къ Бояромъ и ко всѣмъ ратнымъ людемъ, чтобъ они отъ Москвы отошли прочь, а пришли они къ Москвѣ по твоему письму; а будетъ де ты не станешь писати, и мы тебя велимъ уморить злою смертію. Онъ же рече имъ, что де мнѣ вы угрażиваете? единаго де я Бога боюся; будетъ вы пойдете всѣ Литовскіе люди изъ Московского Государства и азъ ихъ благословляю отойти прочь, а будетъ вамъ стояти въ Московскомъ Государствѣ, и азъ ихъ благословляю всѣхъ противъ васъ стояти и помереть за православную Христіанскую Вѣру.»

(746) *Лѣт. о мятеж.* 224, и *Ник. Лѣт.* 159: «Бысть у нихъ подъ Москвою межь себя рознь великая, и дѣлу ратному спорыни не бысть межь ими, и начаша всею ратью говорити, что выбрати однихъ начальниковъ, кому ими владѣть, и имъ бы однихъ ихъ и слушати. И сридошася всею ратью, и думаша, и выбраша въ начальники К. Дм. Тим. Трубецково, да Прок. Ляпунова, да Ив. Заруцково.»

(747) Видекиндъ (стран. 290) называетъ его: «cautum vigilantemque Ducem.»

(748) См. выше, стран. 37 и 55.

(749) *Собр. Гос. Грам.* II, 542: «А Бога молятъ, на многолѣтьѣ въ Казани и по инымъ городамъ поминаютъ *Благовѣрныя Князи и Бояра*, а въ челобитныхъ пишутъ: *Великаго Московскаго Россійскаго Государства и всей земли Бояромъ бьетъ челомъ*,» и проч.

(750) См. выше, стран. 160. — Казанцы приглашали жителей Пермскихъ *быти со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ.* См. Грамоту ихъ, писанную въ Маѣ (*Собр. Г. Г.* II, 541).

(751) См. выше, прим. 635.

(752) См. выше, стран. 157 и 163.

(753) *Лѣт. о мят.* 229. *Ник. Лѣт.* 162. Аврам. Палиц. 223. — Сапѣга, какъ пишетъ Машкѣвичь, пришелъ къ Москвѣ 17 Мая (Нов. Ст.): онъ расположился между монастырями Дѣвичьимъ и Симоновымъ.

(754) *Лѣт. о мят.* 230, и *Ник. Лѣт.* 163: «Сапѣга... нача посылати къ начальникомъ, что съ ними учинити съѣздъ; Бояре же съ ними повелѣша съѣхатися, и въ закладѣ поимаху; съѣздъ же ихъ ни во что же бысть: ничево добра не обрѣтеся на немъ и закладомъ размѣнишася опять.» — Машкѣвичь: «O. P. Sapiehzie takie tam na tenczas głosy były, że sam chciał na Cesarstwo.» См. также Нѣмцевича (II, 519) и Нарушевича (*Zyc. Chodk.* I, 334). Машкѣвичь прибавляетъ, что Сапѣга, послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ о себѣ, вздумалъ мирить Русскихъ съ Госѣвскимъ, но что сіи *грубые* люди ни на что не соглашались.

О походѣ Сапѣги внутрь Россіи и жестокихъ дѣйствіяхъ его см. Машкѣвича, также *Лѣт. о мят.* 232, и *Ник. Лѣт.* 164: «А съ Москвы Бояре» — Мстиславскій и другіе — «съ ними послали въ войну К. Григ. Петр. Ромодановскаго, а Гашевской послалъ съ Лит. людьми Пана Косяковскаго. Бояре же» — Ляпуновы и пр. — «послаша *изъ подъ* Москвы къ Переславлю К. Петра Володим. Бахтеярова» (въ *Лѣт. о мят.*: «Бахтѣева.») «да Ондр. Просовецкаго» и проч.

(755) См. Машкѣвича.

(756) Поляки праздновали, получивъ ложную вѣсть о прибытіи Гетмана 31 Мая (Нов. Ст.). См. Машкѣвича. — *Лѣт. о мят.* (стран. 232) и *Ник. Лѣт.* (стр. 165) говорятъ въ краткихъ словахъ объ *очищеніи* Бѣлаго города отъ Литвы. Подробности въ Машкѣвичѣ.

(757) Машкѣвичь. — *Лѣт. о мят.* и *Ник. Лѣт.* также: «Отъ Китая отбиша и многихъ людей на приступѣ побиша.»

(758) Аврам. Палиц. 223: «Бѣлаго города взяли Алексѣевскую башню, и Водяныя, и Чертолскія, и Арбатскія, и Никитскія ворота.» — *Лѣт. о мят.* 232, и *Ник. Лѣт.* 164: «Первое взяша на Козьѣ болотцѣ острожки Нѣмецкіе,... потомъ же взяша башню Никитскую, тутъ Нѣмецъ побиша; потомъ же взяша Алексѣевскую башню и Тресвятскія ворота, и Литовскихъ людей побиша и посадиша по тому Бѣлому городу по тѣмъ башнямъ Московскихъ людей.» — Машкѣвичь подробно описываетъ отчаянное сопротивленіе Нѣмцевъ и Поляковъ: одна пятиглавая башня (Алексѣевская) на углу Бѣлаго города надъ рѣкою Москвою была защищаема 300 человѣкъ Польской пѣхоты подъ начальствомъ Граевскаго (по Нѣмцевичу: *Гроицкаго*); Русскіе, узнавъ, что подъ нею запасъ пуль и разнаго горючаго вещества, пустили туда двѣ зажженныя стрѣлы, и скоро пламя объяло всю башню. Поляки, думая избѣгнуть смерти,

спускались изъ оконъ на веревкахъ: Русскіе хватали ихъ и рубили.

(759) Палицынъ (стран. 223) упоминаетъ о взятіи Новодѣвичьяго монастыря вмѣстѣ съ занятіемъ Бѣлаго города. Но въ *Дневникѣ* Машкѣвича сказано, что монастырь сданъ 5 Іюня (по стар. Ст. 26 Мая): тамъ были двѣ Польскія конныя роты и 500 Нѣмцевъ. — *Лѣт. о мят.* 237, и *Ник. Лѣт.* 168: «Инокинь выведоша въ таборы и монастырь разориша и выжгоша весь; Старицы же послаша въ монастырь въ Володимеръ.» Козаки дозволяли себѣ всякаго рода безчинства: ихъ вождь Заруцкій былъ тайно преданъ Ляхамъ. См. Машкѣвича.

О сдѣланныхъ Русскими укрѣпленіяхъ сказано въ Рукоп. Филар.: «Ляпуновъ о своемъ дѣлѣ попеченіе предивно творяще; и повелѣ у Петра Чудотворца въ сорокъ туры землею насыпати и пушки поставити, и повелѣ по граду непрестанно стрѣляти: бѣ бо то мѣсто высоко и удобно къ пушечному стрѣленію во градъ.» Машкѣвичь говоритъ также: «Русскіе за рѣкою Москвою подлѣ каменной церкви сдѣлали для себя острогъ, изъ котораго часто привѣтствовали насъ калеными ядрами.» Онъ же говоритъ, что Госѣвскому удалось отправить нѣсколько человѣкъ съ письмами къ Гетману Хоткѣвичу. Посланные переплыли черезъ рѣку (Москву) при густомъ дождѣ и были замѣчены Русскими уже не подалеку отъ Новодѣвичьяго монастыря; одни изъ нихъ успѣли исполнить порученіе, другіе достались Русскимъ въ плѣнъ, когда монастырь взятъ.

(760) См. Голикова въ *Доп. къ Д. Петр. Вел.* II, 228, 229 и 231.

(761) Тамъ же.

(762) Тамъ же, 233: Послы говорили: «Того учинити нельзя, чтобъ до Московскія обсылки Королевскихъ людей въ Смоленскъ впустить. Да и Смольяне нынѣ насъ не послушаютъ. Они и не слыша такова разоренья надъ Москвою, задолго до Королевскаго отходу не хотѣли людей въ Смоленскъ пустити; а нынѣ услыша, что надъ Москвою учинилося, и досталь того не сдѣлаютъ, и о томъ бы вамъ Сенаторамъ пожаловати у Короля упросити, чтобъ пожаловалъ поволилъ наскоро гонца къ Москвѣ послати, а вамъ бы всѣмъ статьямъ, о чемъ мы били челомъ ото всего Государства, и что били челомъ Смольяне, дати намъ письмо, что на все то Королевская милость есть, а мы то письмо пошлемъ ко всѣмъ людямъ Московскаго Государства, и противъ того тотчасъ къ намъ отпишутъ, и всѣ статьи вскорѣ совершатся... А что напишете жестоко, и имъ того не дѣлывати, и крови Христіанскія тѣмъ будетъ не унятіе, а большее разлитіе.» Условія на коихъ Послы обѣщали впустить Поляковъ въ Смоленскъ, были слѣдующія: 1) Быть Полякамъ въ Смоленскѣ только до воцаренія Владислава. 2) Иновѣрцамъ не входить въ Греческія церкви. 3) Никого изъ Смоленска не высылать до прибытія Королевича въ Москву. 4) Королю прежде всего снять осаду и отвести войско, а потомъ уже принять Смоленскъ во временное владѣніе. 5) Назначить срокъ для выхода Польскаго войска изъ Россіи. 6) Остаться Смоленску за Россійскимъ Государствомъ по прежнему и безусловно. 7) Тѣмъ изъ Смолянъ, кои присягнули Королю, поступить снова въ вѣдомство сего города. 8) Ключамъ Смоленска быть у Градоначальника. — На угрозу Канцлера Сапѣги Луговскій отвѣчалъ: «Надобно кровь Христіанскую уняти, чтобъ больше того не лилась, а Польшею насъ стращати нечего: Польшу мы знаемъ.» См. тамъ же, стран. 235. — 12 Апрѣля объявлено было Посламъ, чтобы они готовились къ отъѣзду; 13-го они отправлены за стражею. (Тамъ же, 236, и *Собр. Гос. Грам.* II, 526).

(763) Тамъ же, стран. 173: «И Паны Рада Пословъ отъ себя отпустили, сердитуя на нихъ; а какъ Послы пошли изъ хоромъ, и Паны Рада Пословъ лаяли, а говорили: не Послы, то воры.»

(764) Нѣмцев. (въ *Dz. P. Z. III*, T. III, 10) и Нарушев. въ *Zyc. Chodk.* I, 331 и 447. — Жолкѣвскій выѣхалъ изъ Смоленска 25 (15) Апрѣля (У *Нарушевича* сказано ошибкою *Czerwca*, т. е. Іюня). См. *Кобѣржицкаго*, стран. 396.

(765) *Доп. къ Дѣян. Петр. В.* II, 236.

(766) *Собр. Гос. Грам.* II, 540: «А на томъ мы вамъ чоломъ бьемъ и пожалуемъ васъ, што есте серца свое обернули къ намъ» и проч.

(767) *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго, стран. 430. Сіе объявилъ Госѣвскому гонецъ Королевскій Янъ Комаровскій. — См. также *Dz. Pan. Zygm. III*, T. III, 9.

(768) *Лѣт. о мят.* 229, и *Ник. Лѣт.* 163 о Шеинѣ: «Съ послѣдними людьми бьющеся безпрестанно, къ городу не пропускаше.» — *Dz. Pan. Zygm. III*, T. III, 14. — Кобѣржицкій говоритъ объ немъ: «Smolensci Hector, ipsiusque fatorum mora.»

(769) *Лѣт. о мят.*, *Ник. Лѣт.* и Беръ, который пишетъ, что въ Смоленскѣ оставалось едва 300 или 400 человѣкъ здоровыхъ.

(770) Тамъ же. — Въ Рукописи Филаретовой сказано: «Того же лѣта Мая 26 дня Литов. Король Смоленскъ взялъ.» Кобѣржицкій (на стран. 404 и 412), а за нимъ и Нѣмцевичь (III, 15), пишутъ, что городъ взятъ 13 Іюня (3 Іюн. Стар. Ст.) въ день Св. Антонія. То же число означено и у Бера; но, вѣроятно, ошибкою: ибо онъ слѣдовалъ Старому Стилю. — Сказаніе Польскихъ Историковъ достовѣрнѣе: оно согласно съ надписью на медали, выбитой въ память сего событія. См. Нѣмцевича, II, 21.

(771) Кобѣрж. и Нѣмцевичь такъ разсказываютъ о семъ послѣднемъ приступѣ къ Смоленску. Іаковъ Потоцкій, тогда уже главный Предводитель осаждающихъ, съ нѣсколькими тысячами Козаковъ, подходилъ къ городу съ восточной стороны; Вел. Лит. Маршалокъ Дорогостайскій и Малт. Кавалеръ Новодворскій съ сѣверной, а съ западной Стефанъ Потоцкій, имѣя съ права Нейкирха съ Нѣмецкою пѣхотою. Іак. Потоцкій велѣлъ своимъ сойти съ коней и, взобравшись по лѣсницамъ на валъ, первый ударилъ на Русскихъ; въ тоже время Нѣмецкая пѣхота овладѣла стѣною съ другой стороны. Успѣхъ дѣла былъ сомнителенъ; наконецъ Новодворскій подорвалъ стѣну близъ Kryłowskich (вѣроятно *Крестовскихъ*) воротъ, и тѣмъ открылъ Полякамъ свободный путь въ Смоленскъ.

Жолкѣвскій въ своихъ Запискахъ разсказываетъ слѣдующій любопытный анекдотъ. Спустя 16 дней (?) послѣ взятія Смоленска, воины, искавшіе добычи въ развалинахъ церкви, взорванной порохомъ, услышали человѣческій голосъ, выходившій изъ подъ камней; разрыли ихъ и нашли мущину и женщину, еще живыхъ. Женщина тутъ же умерла отъ прикосновенія свѣжаго воздуха, а мущина отведенъ въ станъ, просился въ баню, но, выпивъ вина, также умеръ.

(772) Кобѣрж. *Hist. Vlad.* 409 и 420. — Alexander Cigli, T. II, 149. — Нѣмцев. *Dz. Pan. Zygm. III*, T. III, 19. — *Ник. Лѣт.* 163. — *Лѣт. о мят.* 130.

(773) См. Кобѣржицк. и Нѣмцевича.

(774) См. *Ник. Лѣт.* и *Лѣт. о мят.* 230.

(775) См. Бера, и то что сказано выше, въ прим. 769. Но Кобѣржицкій пишетъ (стран. 414), что въ плѣнъ взято 2700 человѣкъ. О числѣ Русскихъ погибшихъ во время осады Беръ говоритъ, что ихъ было 80.000; а Кобѣржицкій, что болѣе 70.000.

(776) По словамъ Кобѣржицкаго, въ Смоленскѣ найдено 50 большихъ и 200 малыхъ пушекъ, пороха не много, но большой запасъ пуль и съѣстныхъ припасовъ, такъ что ихъ стало бы еще на годъ.

(777) См. Грамоту осажденныхъ въ Москвѣ Бояръ, писанную въ Іюнѣ (*Собр. Гос. Гр.* II, 550).

(778) Нѣмцев. въ *Dz. Pan. Zygm. III*, T. III, 22. — Наруш. въ *Zyc. Chodk.* T. I, 332.

(779) См. Нѣмцевича *Dz. Pan. Zygm. III*, T. III, 23. Тамъ же, на стран. 565, подробное *Описаніе торжества*, напечатанное также и въ Журналѣ *Pamęitnik Lwowski*, 1818 г. No. 3. Оно взято изъ одной древней Латинской рукописи.

(780) См. тамъ же.

(781) Тамъ же.

(782) Въ помянутомъ *Описаніи*: «Teraz, choć w więzieniu jest i w niewoli, jakiego oporu z natury swey okrutnéy zażywa, lekce sobie wszystko poważając, i jeszcze wszystkim potrząsając.»

(783) О твердости Василія см. выше, стран. 155.

(784) См *Ник. Лѣт.* 148, и *Лѣт. о мят.* 208: «И постави надъ ними столпъ каменной себѣ на похвалу, а Московскому Государству на укоризну, и подписаху на столпѣ всѣми языками,» и пр. — Польскіе Историки говорятъ объ одной Латинской надписи.

(785) См. *Описаніе торжества*, и въ Нѣмцевичѣ:

Iesu Christi Dei Filii
Regis Regum Dei exercitûs
Gloriæ.
Sigismundus Rex Poloniæ et Sveciæ
exercitu Moscovitico ad Clusinam cæso,
Moschoviæ Metropoli deditione accepta,
Smolensco Rpcæ restituto,
Basilio Szuyski M. Duce Moschoviæ
et fratre ejus Demetrio Militiæ Præfecto,
captivis jure belli acceptis, ac in arce Gostinensi sub
custodia habitis, ibique vita
functis; sortis humanæ memor
ossa illorum huc deferri,
et ne se regnante etiam hostes injusteque sceptra
parantes justis ac sepultura carerent,
in hoc a se ad publicam posteritatisque memoriam
Regnique sui nomen extructo trophæo
deponi jussit.
Anno a partu Virginis 1620.
Regnorum nostrorum Poloniæ 33, Sveciæ 27.

Нынѣ надъ гробницею Царя Василія Іоанновича Шуйскаго въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ слѣдующая надпись: «Лѣта 7121 (1612), Сентября въ 12 день, на память Святаго Священномуч. Автонома преставися благовѣрный и Христолюбивый Вел. Государь, Царь и Вел. Князь Василей Ивановичь, всея Русіи Самодержецъ, въ Польск. Королевствѣ въ 60 лѣто живота его, а въ Польшѣ лежало тѣло его въ Варшавѣ 23 года. И 143 (1635) году Вел. Государь Царь и Вел. Князь Михайло Ѳеодоровичь всея Русіи Самодержецъ со Владиславомъ Королемъ Польскимъ учинился въ братствѣ и въ вѣчномъ докончаніи; для того докончанья посылалъ ко Владиславу Королю Пословъ своихъ великихъ, Боярина К. Алексѣя Мих. Львова съ товарищи, и о тѣлѣ Царя и Вел. Князя Василья Ивановича всея Русіи, чтобъево отпустили, велѣлъ Королю говорить; и Владиславъ Король тѣло Царя Василья Ивановича всея Русіи Царьскаго Величества Посломъ отдалъ, и въ царствующій градъ Москву принесено тѣло его въ лѣто 7143 (1635) Іюня въ 10 день, въ 23 лѣто государства его.»

(786) Кобѣржицк. *Hist. Vlad.* 428, и Нѣмц. *D. P. Z. III*, T. III, 24.

(787) Шеинъ казненъ въ 1634 году за потерю сраженія подъ Смоленскомъ. Сіе несчастное дѣло названо измѣною. См. *Лѣт. о мят.* 365.

(788) *Ник. Лѣт.* 166. — *Лѣт. о мят.* 234.

(779) Подлинныя слова ея: «Wyzwolcie dla Boga, wyzwolcie! Dwie niedzieli mam tylko zostawionych do życia. Pełniście sławy; nabądźcie więcéy, wybawiaiąc nieszczęsną: Bóg będzie wiekuistą zapłatą.» Т. е.: «Освободите ради Бога, освободите! Мнѣ даютъ жить только двѣ недѣли. Вы славны; будьте еще славнѣе: спасая несчастную: Богъ наградитъ васъ.» — Аврам. Палиц. о Маринкѣ: «Къ ней же припряжеся закономъ сатанинскимъ Полякъ Иванъ Заруцкой.» (Пясецкій пишетъ, что Заруцкій былъ родомъ изъ Тарнополя, но юность свою провелъ у Татаръ, а послѣ у Донскихъ Козаковъ.) — *Ник. Лѣт.* 165: «У Заруцково же съ Казаками бысть съ Бояры и съ Дворяны непрямая мысль: хотяху на Московъ. Государство посадити воренка Калужскаго, Маринина сына, а Маринка въ тѣ поры была на Коломнѣ.»

(790) См. Машкѣвича.

(791) См. выше, въ прим. 789, выписку изъ *Ник. Лѣт.*

(792) *Лѣт. о мят.* 235, и *Ник. Лѣт.* 166: «Начальникомъ же двумъ, Трубецкому и Заруцкому, та ихъ челобитная не люба быста, Прокофей же Ляпуновъ къ ихъ совѣту приста, повелѣ написати приговоръ.»

(793) Выписываемъ сію любопытную Грамоту: «Лѣта 7119 (1611) году Іюня въ 30 день. Моск. Государства разныхъ земель Царевичи, и Бояре, и Окольничіе, и Чашники, и Стольники, и Дворяне, и Стряпчіе и Жильцы, и Приказные люди, и Князи, и Мурзы, и Дворяне изъ городовъ, и Дѣти Боярскіе всѣхъ городовъ, и Атаманы, и Козаки, и всякіе служилые люди и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресв. Богородицы и за прав. Христ. Вѣру, противъ разорителей Вѣры Христіанскія, Польск. и Литовск. людей подъ Москвою, приговорили и выбрали всею землею Бояръ и Воеводъ, К. Дм. Тим. Трубецкаго, да Ив. Март. Заруцкаго, да Думн. Дворянина и Воеводу Прок. Петр. Ляпунова на томъ, что имъ, будучи въ правительствѣ, земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣламъ промышляти и расправа всякая межь всякихъ людей чинити вправду, а ратнымъ и земскимъ всякимъ людямъ ихъ Бояръ во всякихъ земскихъ и въ ратныхъ дѣлахъ слушати всѣмъ.»

«А помѣстьямъ за Бояры быти Боярскимъ, а взяти имъ себѣ помѣстья и вотчины Боярскія и Окольничихъ и Думныхъ Дворянъ, Боярину Боярское, а Окольничему Окольническое, примѣряся къ прежнимъ Большимъ Бояромъ, какъ было при прежнихъ Россійскихъ прироженыхъ Государяхъ. А которыхъ дворцовыя села и черныя волости, и монастырскія села и Боярскія, и Окольничьихъ и Думныхъ Дворянъ помѣстья и вотчины розняли Бояры по себѣ безъ земскаго приговору, и Дворяномъ и Дѣтямъ Боярскимъ роздали они же Бояре вновь въ додачу къ старымъ ихъ окладомъ или сверхъ ихъ окладовъ: и тѣ новыя помѣстья у тѣхъ у всѣхъ отняти и отписати дворцовыя села и черныя волости въ дворецъ; а помѣстныя и вотчинныя земли отписавъ роздати безпомѣстнымъ и разореннымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые помѣ-

стей своихъ отбыли отъ Литовскаго разоренья, а дворецъ и большой приходъ и четверти устроить по прежнему, какъ было прежъ сего на Москвѣ и доходы хлѣбные и денежные сбирати въ дворецъ и въ четьи.»

«А въ дворцовыя жъ села и черныя волости, которыя розданы Бояромъ, и Окольничьимъ и Стольникомъ, и Стряпчимъ, и Дворяномъ Большимъ и Дворяномъ же изъ городовъ и Дѣтямъ Боярскимъ, которые сидѣли на Москвѣ въ осадѣ и по городомъ за Московское жъ Государство и которые были въ Тушинѣ и въ Калугѣ и по инымъ Сѣверскимъ городомъ не по ихъ мѣрѣ оклады и дачи, и ихъ верстать съ тѣми, которымъ давано на Москвѣ за осадное сидѣнье и за раны по ихъ мѣрѣ, и въ помѣстномъ окладѣ, и въ дачахъ и въ денежномъ жалованьѣ учинить ихъ равно. А которыхъ за Московское сидѣнье на Москвѣ и въ Тушинѣ и въ Калугѣ даны оклады и дачи и денежное жалованье не по ихъ мѣрѣ и не за службу, и у тѣхъ по сыску окладовъ и денежного жалованья убавливать, и оставливать имъ по ихъ мѣрѣ; а лишекъ, что у нихъ возмутъ, роздать въ роздачу.»

«А которымъ Бояромъ же и Дворяномъ и Дѣтямъ Боярскимъ и всякимъ людемъ помѣстья даны вновь на Королевское и на Королевичево Владиславово имя изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, а старыя помѣстья заними опричѣ тѣхъ дачь есть, и у тѣхъ ту новую Королевскую и Королевичеву дачу отнять и роздати безпомѣстнымъ же и разореннымъ; а которымъ новикомъ безпомѣстнымъ, или малопомѣстнымъ, и при Королѣ и при Королевичѣ даваны выморочныя или отцовскія помѣстья, а старыхъ помѣстей за ними опричѣ тѣхъ дачь нѣтъ, и у тѣхъ помѣстей не отымать.»

«А которые Воеводы нынѣ по городамъ и здѣся въ полкѣхъ имали себѣ помѣстья самовольствомъ безъ Боярсково и всей земли совѣту и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, и изъ Боярскихъ и изъ Дворянскихъ помѣстей и изъ вотчинъ, или которые взяли, бивъ челомъ ложно о стѣ четвертяхъ, а владѣютъ пятью сты, и иные и тысячами, и въ тѣхъ лишнихъ земляхъ и въ доходѣхъ тѣхъ помѣщиковъ счесть, а по счету съ тѣхъ лишнихъ земель доходы и владѣные на нихъ доправити; а тотъ лишекъ, что за ними было помѣстныя и вотчинныя земли роздать въ роздачу; безпомѣстнымъ же и малопомѣстнымъ и разоренымъ, что кому доведется; а дворцовыя села и черныя волости отписать въ дворецъ.»

«А которые Чашники, и Стольники, и Стряпчіе, и Дворяне Большіе, и Жильцы, и Дворяне жъ и Дѣти Боярскіе изъ городовъ, и всякіе служилые люди нынѣ подъ Москвою въ полкѣхъ служатъ и за православную Христіанскую Вѣру стоятъ, землею вмѣстѣ безъ съѣзду, а помѣстей за ними нѣтъ, или у которыхъ помѣстья разорены и помѣстьями своими не владѣютъ отъ Литовскаго разоренія, и тѣхъ для ихъ бѣдности и разоренья испомѣстить всѣхъ изъ тѣхъ помѣстей, что по нынѣшнему Боярскому и всей земли приговору отпишутъ у Бояръ, и у Дворянъ и у Дѣтей Боярскихъ, которые нынѣ на Москвѣ, и что отпишутъ у Бояръ же и у всякихъ людей новыхъ помѣстей, и что кому давано сверхъ старыхъ помѣстей или сверхъ окладовъ и излишнихъ земель; а будетъ бѣдныхъ, безпомѣстныхъ и разореныхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ тѣми помѣстьи не испомѣстятъ, и имъ испомѣстить, поговоря Бояромъ со всею землею, гдѣ пригоже.»

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе разныхъ городовъ посланы съ Москвы съ Послы подъ Смоленскъ съ Бояриномъ со К. Вас. Вас. Голицынымъ съ товарищи и нынѣ заложены въ Литвѣ, и которые сидѣли въ Смоленску въ осадѣ и побиты отъ Литвы, а у нихъ остались жены и дѣти, и у тѣхъ помѣстей не отымать, а велѣти владѣти женамъ ихъ и дѣтямъ; а у которыхъ женъ и дѣтей нѣтъ, и тѣ помѣстья и вотчины отписать и доходы съ нихъ всякіе сбирати въ дворецъ; а людей ихъ изъ помѣстей и изъ вотчинъ не высылать, и велѣти имъ давать кормъ, какъ мочно сытимъ быти, а кого Богъ изъ Литвы вынесетъ, и тѣмъ помѣстья ихъ и вотчины поворотить назадъ.»

«А которыя старыя вотчины за Патріархомъ и за Митрополиты и за Владыки, и которыя села даны въ вотчины жъ въ домъ къ Соборной Преч. Богородицы, и къ Благовѣщенію, и къ Архангелу, и къ инымъ Соборнымъ церквамъ и въ монастыри Блаж. памяти по Государехъ Царехъ и по ихъ Царск. родителяхъ, и тѣхъ вотчинъ у Патріарха и у всякихъ властей и у монастырей и у Соборн. церквей всякихъ церковн. земель не отымать и въ роздачѣ не роздавати, а которыя розданы до сѣхъ мѣстъ, и тѣ поворотити опять за Патріарха и къ Соборн. церквамъ и за монастыри; а про ратныхъ людей собирать съ нихъ кормъ въ дворецъ.»

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе померли и побиты, а послѣ ихъ остались жены и сыновья, и у тѣхъ вдовъ и у сыновей помѣстей не отнимати; а у которыхъ остались жены съ дочерьми, а сыновей нѣтъ, и тѣмъ вдовамъ давати помѣстья съ дочерьми на прожитокъ по уложенью, примѣряся къ прежнему, какъ прежъ сего вдовамъ съ дочерьми на прожитокъ давано; а у которыхъ женъ и дѣтей не осталось, и тѣ помѣстья роздавати въ роздачу роду ихъ и племени, безпомѣстнымъ и мало помѣстнымъ; а мимо родства ихъ не отдавати.»

«А которымъ Дворяномъ и Дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ людемъ за Московское сидѣнье и за ту службу, которые были въ походѣ съ Бояриномъ и Воеводою съ К. Мих. Вас. Шуйскимъ, и которые сидѣли по городомъ за Моск. Государство, давалъ на Москвѣ вотчины изъ которыхъ нибудь земель, опричь городовыхъ вотчинъ и старинныхъ помѣстей, и тѣхъ вотчинъ ни у кого не отымать. А у которыхъ Дворянъ, и у Дѣтей Боярскихъ, и у Приказныхъ и у всякихъ людей въ розгромъ, какъ за грѣхъ всего православнаго Христіанства Литовскіе люди Московское Государство разорили и выжгли, вотчинныя жалованныя грамоты и людскія и всякія крѣпости погорѣли, и тѣмъ давать новыя вотчинныя жалованныя грамоты и всякія крѣпости; а которымъ за Московское осадное сидѣнье дано, и имъ о томъ бити челомъ Бояромъ и всей землѣ, чтобъ имъ дати вотчины изъ ихъ изъ старыхъ и изъ новыхъ помѣстей противъ тѣхъ вотчинниковъ, которымъ давано на Москвѣ; а Бояромъ, поговоря со всею землею вотчины давати вольно; а давати вотчины противъ прежняго приговору съ окладовъ со ста четьи по двадцати четвертей, и прежняго приговору Патріарха Ермогена Московскаго и всея Руси и нынѣ пожаловати Бояромъ ни въ чемъ не нарушити.»

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякихъ чиновъ люди съѣзжали съ Москвы и были въ Тушинѣ и въ Калугѣ, и сидѣли по городамъ; и тѣмъ давати вотчины противъ Московскихъ сидѣльцовъ, какъ давано на Москвѣ изъ старыхъ и изъ новыхъ ихъ помѣстей, кто кому вверсту, а не противъ тѣхъ окладовъ, которые имъ учинены въ таборѣхъ.»

«А у которыхъ Стольниковъ и у Стряпчихъ, и у Дворянъ Большихъ, и у Жильцовъ, и у Дворянъ же и у Дѣтей Боярскихъ изъ городовъ помѣстья въ Смоленску, въ Дорогобужѣ, на Бѣлой,

въ Вязьмѣ, въ Можайску и въ иныхъ въ порубежнымъ городѣхъ отъ Литовскія стороны, и въ Украйныхъ въ Сѣверскихъ городѣхъ отъ Крымскія стороны разорены и запустошены отъ Литовскихъ и отъ Крымскихъ людей, а сами они нынѣ служатъ съ землею вмѣстѣ, и противъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ сыскивать городы и по сыску давати помѣстья въ иныхъ Замосковныхъ городѣхъ, какъ имъ мочно сытимъ быти, а Смольяномъ, и Бѣляномъ, и Дорогобужаномъ, и Вязьмичемъ, и Можайчемъ и всѣмъ разореннымъ городамъ помѣстья давати напередъ.»

«А которымъ Дворяномъ даваны вотчины на Москвѣ за Московское осадное сидѣнье въ Смоленску, и на Бѣли и въ Дорогобужѣ и въ Вязьмѣ; а нынѣ тѣ ихъ вотчины отъ Литвы разорены и ими не владѣютъ, и тѣмъ Дворяномъ давати вотчины въ иныхъ городѣхъ изъ старыхъ и изъ новыхъ помѣстей по прежнему уложенью, а Дворяномъ и Дѣтемъ Боярскимъ всѣхъ городовъ про разоренье свое и про помѣстье сказывать, и Бояромъ и всей землѣ бити челомъ вправду и старыхъ помѣстей за собою не таити, и помѣстнымъ безпомѣстными себя не называти, и не разореныхъ помѣстей въ разоренье ложно не писать, и въ четвертяхъ лишку себѣ не имать. А кто помѣстной Сынъ Боярской назоветъ себя безпомѣстнымъ, а помѣстье старое за собою утаитъ, или не разореное помѣстье назоветъ разоренымъ, а вновь возметъ себѣ помѣстье ложно, или въ четвертяхъ кто припишетъ себѣ лишекъ, и кто на кого скажетъ вправду, и про то подлинно сыщется, и у тѣхъ, кто возметъ ложно тѣ помѣстья, имати назадъ и отдавати безпомѣстнымъ и разоренымъ.»

«А которые Бояре и Дворяне и Дѣти Боярскіе и Дьяки и всякіе Приказные люди нынѣ на Москвѣ съ Литвою, а братьи ихъ и дядья и дѣти и племянники нынѣ въ полкѣхъ, а помѣстей за ними нѣтъ, а сами служатъ, и тѣмъ помѣстья въ ихъ оклады давати, какъ пригоже, а что за ихъ окладомъ останется, и то отдавати разнымъ городовъ Дворяномъ и Дѣтямъ Боярскимъ въ роздачу; а которые поимали племени своего помѣстья и вотчины до сего приговору умышленьемъ для береженья, а помѣстья за ними старыя есть, и у тѣхъ помѣстья и вотчины отнять, и въ роздачу роздать инымъ, кому доведется. А которые по ся мѣста сидятъ на Москвѣ съ Литвою безъ женъ и безъ дѣтей, а въ полки не ѣдутъ воровствомъ, и тѣмъ помѣстей и вотчинъ не отдавать.»

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе на земскую службу подъ Москву Маія по 29 число не бывали, а по Боярскому и всей земли прежнему приговору велѣно у нихъ помѣстья отымать и въ роздачу роздавать безповоротно, и послѣ того приговору многіе на службу пріѣхали и бьютъ челомъ Бояромъ и всей землѣ, что они по ся мѣста не бывали для бѣдности и разоренья, и про тѣхъ сыскать городы, и сыски имать за Дворянскими руками, да будетъ по сыску, которые по ся мѣста не бывали для бѣдности и разоренья, а не лѣнью и не воровствомъ, и тѣмъ по ихъ челобитью для бѣдности и разоренья помѣстья поворотить. А которые по ся мѣста Іюня по 29 число не бывали и впредь вскорѣ на службу не будутъ, а въ сыску про нихъ Дворяне скажутъ, что они не ѣдутъ своею лѣнью и воровствомъ, а не отъ бѣдности, или которые, бывъ на службѣ, съѣхали безъ Боярскаго отпуску, а на службу имъ быти мочно, и у тѣхъ помѣстья отнять и въ роздачу роздать тѣмъ, которые служатъ безповоротно.»

«А у которыхъ Дворянъ и у Дѣтей Боярскихъ помѣстья иманы не по нетамъ, по ложному челобитью, а они были на Москвѣ по неволѣ или по городомъ отъ Литовскаго разоренья, а впередъ они сами на службѣ объявятся, и тѣмъ помѣстья и вотчины поворотити назадъ; или которыя вдовы и недоросли были на Москвѣ, а нынѣ и съ дѣтьми вышли, или которые скитаются по городамъ у родимцевъ, а помѣстья у нихъ поимали заочно, а впредь они объявятся жъ, и тѣмъ вдовамъ и недорослемъ помѣстье отдати, чтобъ имъ до конца въ разореньѣ не быти.»

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе посланы по городомъ въ Воеводы и на всякія посылки въ сборъ, а на службѣ имъ быти мочно, и тѣхъ изъ городовъ и изъ посылковъ перемѣнить и велѣти имъ быти въ полки тотчасъ, а на ихъ мѣсто послати Дворянъ сверстныхъ и раненыхъ, которымъ на службѣ быти не мочно; а съ которыми Воеводы и съ Дворяны поѣхали по городомъ дѣти ихъ и племянники безъ отпуску, а помѣстья за ними есть, и у тѣхъ помѣстья отымать и въ роздачу роздати безповоротно.»

«А въ Помѣстномъ Приказѣ для помѣстныхъ дѣлъ посадити Дворянина изъ Большихъ Дворянъ, а съ нимъ Дьяковъ, выбравъ всею землею, и велѣти испомѣстити напередъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ бѣдныхъ, разореныхъ, безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, которые помѣстьями своими не владѣютъ отъ Литовскаго разоренья; а за которыми были въ помѣстьяхъ дворцовыя села и черныя волости нынѣшняя Боярская новая дача, и тѣмъ помѣстей напередъ не отдавати до тѣхъ мѣстъ, пока мѣста бѣдныхъ и разореныхъ всѣхъ не помѣстятъ.»

«А которые Атаманы и Казаки служатъ старо, а нынѣ похотятъ верстаться помѣстными и денежными оклады и служить съ городы, за ихъ службы помѣстными и денежными оклады поверстать, смотря по ихъ отечеству и по службѣ; а которые Атаманы и Казаки верстаться не похотятъ, и тѣмъ Атаманомъ и Казакомъ и Стрѣльцомъ давати хлѣбный кормъ съ дворца, а деньги съ большаго приходу и изъ четвертей во всѣхъ полкѣхъ равно, а съ Приставства изъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей; а Атамановъ и Казаковъ свесть и насильства ни котораго по городомъ и въ волостяхъ и на дорогѣ грабежевъ и убивства чинити не велѣти, а посылати по городомъ и въ волости для кормовъ Дворянъ добрыхъ, а съ ними для разсылки Дѣтей Боярскихъ и Казаковъ и Стрѣльцовъ, и велѣти кормы сбирати по указу, почему приговорятъ и укажутъ Бояре, и мимо указу никакого насильства и разоренья крестьяномъ не чинити.»

«А только на Москвѣ въ полкѣхъ и подъ Москвою и по городомъ и въ волостяхъ и по дорогамъ Дѣти Боярскіе, и Казаки, и Стрѣльцы и холопи Боярскіе, или какіе люди ни буди, учнутъ воровати, разбивати и грабити и душегубство чинить, и про то сыскивать всякими мѣрами, и отъ всякого воровства унимать, и наказанье и смертную казнь чинить. А на то устроить Разбойной и Земской Приказъ по тому жъ, какъ прежъ сего на Москвѣ было.»

«А строить землю и всякими земскими и ратнымъ дѣломъ промышлять Бояромъ, которыхъ изобрали всею землею по сему всее земли приговору; а смертною казнью безъ земскаго и всей земли приговору Бояромъ не по винѣ не казнити и по городомъ не ссылати, и семьями и заговоромъ никому никого не побивати, и недружбы никоторыя никому не мстити; а кому до кого какое дѣло, и о томъ по управѣ бити челомъ Бояромъ и всей землѣ. А кто учнетъ ходити скопомъ и заговоромъ, и кого кто убьетъ до смерти по недружбѣ, или на кого кто скажетъ какое измѣнное земское

дѣло, и про то сыскивати вправду; а по сыску наказанье и смертную казнь надъ ними чинити Бояромъ, поговоря со всею землею, смотря по винѣ; а, не объявя всей землѣ, смертныя казни никому не дѣлать и по городомъ не ссылать. А кто кого убьетъ безъ земскаго приговору, и того самого казнити смертью.»

«А меньшимъ Воеводамъ безъ Боярскаго вѣдома изъ полковъ отъ себя по городомъ Воеводъ и Приказныхъ людей, и въ сборъ для всякихъ дѣлъ и для денежныхъ доходовъ не посылать; а у которыхъ Воеводъ въ полкѣхъ кабаки и торги, и тѣ кабацкія и таможенныя деньги впередъ сбирати изъ большаго приходу вѣрнымъ цѣловальникомъ, и отдавати въ казну въ большой приходъ. А которые Воеводы до сего приговору имали кабацкія и таможенныя деньги, и съ пріѣзжихъ телегъ сбирали пошлины на себя, и про то сыскать записными книгами; а по сыску тѣ деньги взяти у нихъ въ большой же приходъ; и впередъ со всѣхъ городовъ всякія таможенныя и кабацкія деньги и всякіе доходы сбирать вѣрнымъ цѣловальникомъ и отдавати въ большой приходъ и въ четверти. А печать къ грамотамъ о всякихъ дѣлахъ устроити земскую, а о большихъ о земскихъ дѣлахъ у грамотъ быти рукѣ Боярской.»

«А ратныя всякія большія дѣла вѣдать Бояромъ и Розряднымъ Дьякомъ въ Большомъ въ одномъ Розрядѣ и неты Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ изо всѣхъ полковъ присылать въ Большой же Розрядъ. А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе ратные люди нынѣ подъ Москвою за православн. Христіанскую Вѣру отъ Литовскихъ людей будутъ побиты, или отъ ранъ изувѣчены, и тѣхъ убитыхъ и раненыхъ записывати въ Розрядѣ; а послуги ихъ писать Воеводамъ и Головамъ по полкомъ и присылать въ Большой Розрядъ за руками, какъ и предъ сего было, чтобъ впередъ всякихъ ратныхъ людей служба въ забвенье не была; а послуги всякимъ ратнымъ людемъ писати про себя вправду, какъ душа Богу и всей землѣ дана, а не лгати.»

«А помѣстныя и вотчинныя всякія дѣла вѣдати въ одномъ Помѣстномъ Приказѣ, а въ ихъ полкѣхъ помѣстныхъ дѣлъ не вѣдати, и грамотъ помѣстныхъ и вотчинныхъ не давати, чтобъ въ помѣстныхъ дѣлахъ смуты не было.»

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе въ нынѣшнее смутное время и въ разоренье вывозили у своей же братьи у Дворянъ и у Дѣтей Боярскихъ крестьянъ и людей, и которые, отъ нихъ выбѣжавъ, живутъ по городомъ по посадомъ, и про то по ихъ челобитью сыскивати, а по сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ.»

«А буде Бояре, которыхъ выбрали нынѣ всею землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣти и росправы чинити не учнутъ во всемъ вправду, и по сему земскому приговору всякихъ земскимъ и ратныхъ дѣлъ дѣлати не станутъ, и за ними всякія земскія дѣла постановятся, или которые Воеводы Бояръ во всякихъ дѣлахъ слушати не учнутъ, и намъ всею землею вольно Бояръ и Воеводъ перемѣнити, и въ то мѣсто выбрати иныхъ, поговоря со всею землею, кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодится.»

(794) На оборотѣ подлинной Грамоты подписано: «Діокъ Истома Карташовъ, Діокъ Миколай Новокщеновъ, Діокъ Марко Поздѣевъ, Бояринъ К. Дм. Тим. Трубецкой, Прок. Ляпуновъ и въ (мѣсто) Боярина Ив. Март. Заруцкаго руку приложилъ,... Окольничей Артем. Вас. Измайловъ руку приложилъ; К. Иванъ Княжь Андреевъ сынъ Голицынъ; Миронъ Вельяминовъ руку приложилъ; Стольникъ Тимоѳ. Измайловъ руку приложилъ; къ сему приговору Иванъ Шереметевъ руку приложилъ.» Слѣдуютъ рукоприкладства Ключника Вѣкошкина, Жильца, да отъ городовъ: Кашина, Лихвина, Дмитрова, Смоленска, Ростова, Ярославля, Можайска, Калуги, Мурома, Владиміра, Юрьева, Нижняго Новагорода, Пошехонья, Брянска, Романова, Вологды, Галича, Мещерска, Архангельска, Переславля Залѣскаго, Костромы, Воротынска, Юрьева Польскаго, Болхова, Звенигорода; также отъ полковъ К. Трубецкаго, Заруцкаго, К. Петра Влад. Бахтеярова, Прок. Ляпунова, Мирона Вельяминова — Атамановъ, Судей, Есауловъ, Сотниковъ и многихъ другихъ, безъ означенія чиновъ.

(795) Не за долго предъ симъ Ляпуновы, и съ ними Голицынъ, хотѣли непремѣнно имѣть Царемъ Русскаго. См. выше, стр. 138.

(796) Такъ говорили Новогородцы Генералу Делагарди. См. Видек. *Hist. bel. Sveco-Mosc.* 237.

(797) Тамъ же, 222.

(798) Тамъ же, 217.

(799) См. его донесенія къ Сигизмунду, въ *Собр. Гос. Гр.* II, 452.

(800) *Лѣт. о мят.* 228, и *Ник. Лѣт.* 161: «Онъ же» — Салтыковъ — «обѣщавашеся, что онъ мысли никакія не вѣдаетъ надъ Московскимъ Государствомъ, а подъ Новгородъ хотя отецъ мой придетъ съ Литовскими людьми, и я де буду съ ними битися.»

(801) См. письмо Жолкѣвскаго къ Сигизмунду въ *D. P. Z. III,* T. II, 603, и выше, въ прим. 542.

(802) *Лѣт. о мят.* 233 и 237. — *Ник. Лѣт.* 165 и 168.

(803) Видек. 235: «Fata Moschoviæ aspernari internum Dominum.»

(804) Тамъ же, 236 и дал.

(805) *Лѣт о мят.* 238, и *Ник. Лѣт.*: «Василей же» — Бутурлинъ — «съ Нѣмецкими людьми ссылашеся... Василей же съ ними съѣзжашеся... а мысль ихъ никому же не знаема.» (Далѣе, см. прим. 808). — Видекиндъ пишетъ (стран. 240), что Делагарди, еще будучи въ Москвѣ, свелъ тѣсное знакомство съ Бутурлинымъ; что сей послѣдній былъ въ Клушинскомъ сраженіи, и обѣщалъ подчинить Новгородъ Шведамъ. Онъ кипѣлъ злобою на Ляховъ за претерпѣнное въ плѣну у нихъ; бывъ присланъ изъ-подъ Москвы отъ Ляпунова, самъ далъ Генералу Делагарди совѣтъ овладѣть Новым-городомъ (стран. 246).

(806) См. Видекинда; также *Лѣт. о мят.* и *Ник. Лѣт.*

(807) Въ Рукоп. Филар.: «Того же лѣта Свійской Воевода Яковъ Пунтусовъ Новгородъ великій взялъ Іюля въ 16 день.» *Псков. Лѣтоп.* л. 87 на об.: «Свѣйстіи Нѣмцы... пришедше взяше великій Новградъ Іюля въ 16 день.» Видек. (248) говоритъ о началѣ приступа: «Nec dum in caliginem merso die, qui decimam sextam Iulii lucem antecessit, Dux Jacobus, vocatis ad se ductoribus ordinum, institutum suum propalat, admonet virtutis bellicæ,» etc.

(808) Видек. 250. — *Лѣт. о мят.* 238, и *Ник. Лѣт.*: «Бысть у Нѣмецъ въ полону Ивановъ человѣкъ Лутохина Иванко Швалъ, и обѣщася имъ ввести ихъ въ городъ. Во градѣ жъ въ тѣ поры бысть по стѣнамъ стража худая. Той Ивашка приведя ихъ нощію въ Чудинцовскія ворота, и въ Новъ-городъ внидоша, никто бо ихъ не слыша; послышаша жъ въ тѣ поры, какъ начаху сѣщи стражи по городу и по дворамъ.»

(809) *Лѣт. о мят.* 239, и Видекиндъ.

(810) Сей договоръ напечатанъ въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 553), но не съ подлинника, а съ Латинскаго перевода, помѣщеннаго въ *Исторіи* Видекинда (стр. 271). Временемъ заключенія онаго означено 11 Іюля; но мы знаемъ, что 15 и 16 сего мѣсяца еще продолжалась осада Новагорода. См. Видекинда (стран. 301: «die 16 Julii») и Далина (Gesch. des Reiches Schweden, T. III, Ч. II, 497), который именно говоритъ, что Договоръ заключенъ 17 Іюля. — Въ Договорѣ сказано: «*Ex consilio Procerum consensuque populi Moschovitici*, ego Knäsius Joh. Nic. Oduievius et Palatini reliqui etc... omnesque qui sub Magnæ Novogardiæ Ducatu continentur, *suo posterumque nominibus*.... non coacti, sed sponte inter nos convenimus, consensimus, conclusimus et id ipsorum *osculo crucis et tacto sancto Evangelio* confirmavimus.»

(811) Или *Тявзинскаго*. См. сей *Исторіи* Т. X, 97.

(812) См. въ *Собр. Гос. Гр.* II, 660: «Dorpatensibus, Volsinensibus, Torschensibus et Jamensibus, regionumque aliarum Procuratoribus et Cossacis liber commeatus concedatur» etc.

(813) Сверхъ сего опредѣлено было назначить квартиры Шведскому войску, но *въ дальнихъ частяхъ города*, чтобы оно не было въ тягость гражданамъ; за исключеніемъ однакожь тѣхъ случаевъ, когда сіе будетъ необходимо для отраженія непріятеля; съ симъ вмѣстѣ поставлено жителямъ въ обязанность снабжать войски деньгами и съѣстными припасами. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 562.

(814) Видек. стран. 273: «Præter quingentos rublos nihil in ære repertum.»

(815) Тамъ же, стран. 275: «Georgii Hansons Boie equites omnes ferme plenis signis excessere, remanentibus 9 ordinum ductoribus.»

(816) Тамъ же, стран. 274 и 277, и *Лѣт. о мят.* 240.

(817) *Лѣт. о мят.* 233: «Сей же Прок. Ляпуновъ не по своей мѣрѣ вознесся и гордость ево много отецкимъ дѣтямъ позору и безчестія дѣлаше, не токмо Боярскимъ Дѣтямъ, но и самимъ Боярамъ. Приходяху бо къ нему на поклоненіе и стояху у его избы много время, никакова бо человѣка къ себѣ не пущаше; къ Козакамъ же жестокость имѣяше: за тожъ на него бысть ненависть великая.» — *Авр. Пал.* 224: «Ревнуя о Правовѣріи, ненавидя же до конца хищенія и неправды, бывшія тогда въ Казачьи воинствѣ.»

(818) *Ник. Лѣт.* и *Лѣт. о мятежахъ.*

(819) Кобѣржицкій, стран. 434: «Cum nullius se scripti literarumve conscium esse per omnia sacra contestaretur juraretque hostium eam esse imposturam fraudemque, frustra Superos testes suæ innocentiæ advocans.» — Объ участіи Госѣвскаго въ семъ ковѣ, см. въ Машкѣвичѣ.

(820) *Лѣт. о мят.* 236: «Иванъ же (Ржевскій) ему былъ недругъ велій, а видя тутъ ево правду, за нево сталъ и умеръ съ нимъ вмѣстѣ.»

(821) *Авр. Пал.* 224: «По неправедномъ же ономъ убіеніи Прокофьевѣ бысть во всемъ воинствѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ Христіаномъ, врагомъ же Полякомъ и Руськимъ измѣнникомъ бысть радость велика. Казаки же начаша въ воинствѣ велико насиліе творити, по дорогамъ грабити и побивати Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Потомъ же начаша и села и деревни грабити и крестьянъ мучити и побивати. И такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ царствующаго града.»

*Лѣт. о мят.* 236: «Козаки жъ... домъ ево (Ляпунова) весь разграбиша, и многіе станы послѣ ево пограбиша.»

(822) *Лѣт. о мят.* и *Ник. Лѣт.*: «Многіе подъ тѣмъ (Новодѣвичьимъ) монастыремъ Дворяне и Стольники искаху сами смерти на себя отъ насилія и позору, и многіе побиты и отъ ранъ многіе изувѣчены быша.» По сказанію сихъ Лѣтописцевъ Новодѣвичій монастырь взятъ и разоренъ послѣ смерти Ляпунова; но свидѣтельство современниковъ (Авраміа Палицына и Машкѣвича) гораздо достовѣрнѣе. См. выше, прим. 759, и ниже, прим. 823.

(823) Аврам. Палиц. 225: «Литовскій же Гетманъ Сапѣга тогда стоялъ подъ градомъ Переславлемъ Залѣскимъ... слыша о убіеніи Прокофьевѣ и неустроеніе велико усмотривъ въ воинствѣ Православныхъ и пріиде вскорѣ на помощь Полякомъ со множествомъ воинства и съ запасы. И отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ большаго Бѣлаго города взяли, и за Москвою острожки всѣ высѣкли и запасы въ городъ провезли.»

См. *Дневникъ* Машкѣвича: «Мы возвратили себѣ все потерянное. Русскіе оставили и Дѣвичій монастырь, который мы должны были снова занять своими людьми.» Списокъ *Дневника*, съ коимъ справлялся покойный Исторіографъ, былъ ему доставленъ изъ Витебскаго Поіезуитскаго монастыря.

(824) На сіе жаловались Послы наши въ переговорахъ своихъ подъ Смоленскомъ: «То ли Московскому Государству успокоенье? Какъ воръ былъ въ Калугѣ не убитъ, то которые городы были за нимъ, Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ, и иные многіе тогда Государя вашего люди къ тѣмъ городамъ и помыслити итти не смѣли; а какъ Божіею милостію вора убили, и тѣ города цѣловали крестъ Государю нашему Королевичу,... и Государя вашего люди, пришедъ въ тѣ городы, людей побили и въ полонъ поимали, и городы пожгли, и тѣ всѣ мѣста до конца разорили и запустошили.» *Доп. къ Дѣян. Петр. В.* II, 198.

(825) См. выше, стран. 160.

(826) *Псков. Лѣт.* л. 367: «Тогожъ (7119) году Марта въ 28 день, въ Великую Субботу, проявися послѣдней воръ изъ Новагорода, назвался Царевичемъ Димитріемъ.» — *Лѣт. о мят.* 242: «Пріиде въ Ивань-городъ съ Москвы изъ за Яузы рѣки Дьяковъ Сидорка, и назвася Царевичемъ Дмитреемъ.»

(827) Видек. стран. 326.

*Псков. Лѣт.* л. 84 и дал.: «Псковичи жъ слышавше Пана Лисовсково съ Литвою и Русскими людьми стояща въ Новгородцкой земли въ Порховщинѣ, послаша къ нему бити челомъ, чтобъ онъ пошолъ съ Рускими людьми во Псковъ. Онъ же, много плѣнивъ Новгородчину жъ, пріиде во Псковъ, и пустиша и́ во градъ, а Литву за городомъ поставиша и на посадѣ въ Стрѣлецкой слободѣ; но по малу начаша и Литва во градъ входити и начаша многую казну пропивати и платьемъ одѣватися: понеже бѣ многое множество имяху злата и сребра и жемчугу, иже грабили, и плѣнили бяху славныя грады, Ростовъ и Кострому, и Обители и Лавры честныя, Паѳнотія въ Боровскѣ и Колязинъ, и многія иныя, и раки Святыхъ разсѣкаху, и суды и окладу образного и полону множество женъ и дѣвицъ и отрокъ; егда же та вся проворова́ша и проиграша зернью и пропиша, начаша буестію глаголати и грозити гражаномъ, что мы убо многія грады плѣнили и разорили, такожъ будетъ отъ насъ граду сему Пскову.... И не збыстся ихъ злая мысль.... Слышавъ же гражане у злыхъ человѣкъ сіе злое

умышленіе, и пришедъ къ варвару начаша льстивыми словесы глаголати, чтобъ шолъ на Ивань-городъ на испорученіе, понеже тогда обстоимь бѣ Свѣйскими Нѣмцы и за хребтомъ бѣ Новаграда и Пскова, а мы де, казну собравъ, пришлемъ къ тобѣ. Онъ же ни мало постоявъ о семъ, и вскорѣ изыде изъ града со всѣми и иде къ Иванюгороду. Нѣцыи же услышавше бѣжаше на свою страну, въ Ругодевъ. Той же окаянный варваръ послѣди уразумѣ въ собѣ, како умыслиша Псковичи о немъ обманъ... и много опечалися. Паки жъ сію лесть умысли еще: дабы толикъ крѣпостію Иванъгородъ лестію взяти, то де могу изъ того града и прочая достати, и посла напредъ себе нѣколико ратныхъ съ хлѣбомъ во градъ ити... И никтоже во градѣ помысли коварства того быти, но вельми возрадовашась.... Но единъ Діякъ начальникъ, именемъ Ѳеонасей Ондронниковъ, уразумѣ злое его коварство, и повелѣ затворити врата граду и не пусти ихъ... и того часу многоковарный и самъ приспѣ... и вопроси у начальниковъ градцкихъ пребыти во градѣ съ немногими людьми, и пустиша и честь ему воздаша о испорученіи; онъ же подивися великой крѣпости граду... и похвали державцовъ Рускихъ, рекъ, яко ни въ коемъ градѣ Рускомъ не могоша узнати моего многоразличного коварства и сѣтей... сего жъ града не удастъ ми ся лестію взяти... и изыде изъ града. И начаша между собою Литва и Русь собиратись, и поидоша, Русь во Псковъ, а Панъ Лисовскій съ Литвою, да Нѣмецъ полоненыхъ на Иванѣгородѣ, и поимавъ поиде мимо Пскова, и шедъ выще Пскова и взятъ пригороды Вороночъ и Красной и Заволочье, и начатъ оттуду по вся дни и нощи подъ Псковъ и подъ Изборской и подъ Печоры и прочимъ и высѣче всю Псковскую землю.»

(828) Видек. стран. 312 и 313.

## КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ XII ТОМА.

# ПРИЛОЖЕНІЯ

к҃ XII тому

# ИСТОРІИ

# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

I. **Перечень происшествій, собственноручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII Тома.**

II. **О Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (отрывокъ изъ рукописи Исторіографа).**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО.

С. Петербургъ 7-го Февраля 1843.

Ценсоръ *С. Куторга.*

# I.

# ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИСШЕСТВІЙ,

собственноручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII тома.

# ИЗЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

| | |
|---|---|
| Грамоты. | Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. М. 1813 – 1826. |
| Договоры. | Та же книга. |
| Д. | Димитрій или Лжедимитрій. |
| Ермолаевъ. | Выписки сообщенныя Историографу Ермолаевымъ изъ Сборника, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ. |
| Ж. | Жолкѣвскій. |
| Журналы. | «Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie» и «Dyariusz Posłow.» |
| Камен. | Дипломатическое собраніе Бантыша-Каменскаго. |
| Латух. | Латухинская Степенная Книга. |
| Львовъ. | Львовскій Лѣтописецъ. |
| Л. | Лѣтописецъ. |
| л. | листъ. |
| Н. Л. / Ник. | Никоновскій Лѣтописецъ. |
| об. | На оборотѣ. |
| Румянц. | Румянцовская рукопись. |
| Rzeczy. / Rz. | Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie. |
| Уваровъ. | Хронографъ принадлежавшій Уварову. |
| Ф. | Рукопись Патріарха Филарета. |
| Ш. | Шуйскій. |

# ЦАРСТВОВАНІЕ
## ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Capax imperii nisi imperasset.

Г. 1606 — 1610.

Грамоты 300.
1) Присяга Царю.
2) отъ Бояръ.
3) отъ Царя.
4) отъ Мареы.
Іюня 2.
5) Царя о подробностяхъ.
(Палицынъ).
6) Мареы о мощахъ къ жителямъ Ельца.

Никон. 76. Никон. Журнал.
Родъ — Клятва — Грамоты — Патріарх. — Ссылка
Грамоты о томъ. Н. Л. 79.
Власьева — Игнатія заключаютъ — Мощи Іюня 3
Никон.
Разсылаютъ Поляковъ — Посольство въ Литву —
Н. Л. 79.
Измѣны * городовъ — Осада Ельца — Моръ въ Новѣгородѣ — Петрушка — Бунтъ крестьянъ и
80.
холопей.

1) родъ
2) клятва
3) грамоты
4) мощи
Коронація? не 24?
Патріархъ?

———

* Хронограф. : Сѣвера боится мести, и къ Полякамъ. — Царь къ миру уговаривать Митроп. Пафнутія.

Іовъ ослѣпъ : разрѣшаетъ народъ (Ермолаевъ?)

Петрушка : Иваномъ Ивановичемъ — холопъ Свіяжск. головы Стрѣлецкаго Григорія Елагина.

Матеріалы :

Журналы 2.
Беръ —
Паерле —
Де-Ту —
Филаретъ,
Никон.,
Морозов.,
Аврамій.,
Латух.,
Хронографы.
Псков. Лѣт.

———

2 Іюня RZECZY 67.

21 Мая Марину къ Мнишку, который обходился съ нею etc. 101. — См. Нѣмцев.

Жолнеровъ.
Выслали Поляковъ къ границѣ : Rzeczy 67.

6 Іюня (Н. С.) Послы съ боярами во дворцѣ 103 об. (пышность исчезла ; какъ похороны).

Рѣчь : «мы объ немъ не можемъ жалѣть.» — 76. Rz.

Коронація 1 Іюня (въ Воскресенье) Rzeczy 67 и 119 об.

2 – тѣло Димитріево въ Москву (въ другомъ 123 об.)

9 Іюня. Мнишекъ у Бояръ. 67 : вещи присланы къ Маринѣ.

78 : Наши послы въ Литву 22 Іюня. 25 Іюня смятеніе въ Москвѣ 79.

79 : Сослали Аѳан. Власьева : къ нему въ домъ воеводу и Марину (домъ Борисовъ горитъ 83) см. другой журналъ 111.

– Бояре властнѣе Царя.

Іюля 1 слухъ, что Дим. живъ – слухъ о пораженіи. 82.

80) 1 Авг. Мятежъ : шлютъ войско на мятежниковъ.

80) Вишнев. etc. въ Кострому – другіе въ Ростовъ, Тверь. 81.

81) Царь къ Троицѣ.

82) Мнишекъ въ Ярославль.

84) Сосланъ въ Сибирь Бояринъ Ив. Томалчинъ.

86 : 17 Авг. вѣсть, что 5000 у Ельца побито – 96 еще побито. – еще 97 – 98 Побѣда. – 107. – Смятеніе 108 и 109–111 клятва Ш. побѣдить – 114, 117. – 112 въ желѣзы Медиковъ.

---

въ Окт. 1607. Письмо Харлескаго о второмъ Димитріи, въ Нѣмцевич. переводѣ 23, въ оригиналѣ 302.

---

## *Повѣсть о разореніи Московскаго Государства.*

№ 95.

л. 7. Атаманы : Истома Пашковъ, сынъ Боярскій, и Ивашко Болотниковъ, человѣкъ Телятевскаго. Прилагаются къ Петрушкѣ холопи.

См. Дѣла Польск.

Кто второй Димитрій? Веревкинъ.

Между тѣмъ Шуйскій подъ Тулою.

л. 8. Тушинскій казнитъ Самозванцевъ (NB. Грамота къ его войску отъ бояръ см. въ Румянцевѣ.)

1½ года осаждаютъ Троицу.

Приходитъ К. М. Шуйскій – воръ бѣжитъ. Михаилъ умеръ. Шведы бѣгутъ.

Панъ Жолкѣвскій приходитъ къ Москвѣ.

Шуйскаго Монаха ссылаютъ въ Іосифовъ Монастырь. Тутъ и гл. Салтыковъ о Владиславѣ.

Впускаютъ Поляковъ въ Москву : Посольство къ Королю.

л. 9. Отвозятъ Шуйскаго.

Воръ отъ Москвы къ Калугѣ, и тамъ убитъ.

Трубецкой, Ляпуновъ.

Общій постъ въ Россіи.

Третій Димитрій въ Иванѣ городѣ, и во Псковѣ : см. Псков. Лѣтоп.

Войско подъ Москвою крестъ ему цѣлуетъ; но Троица нѣтъ. Казнь вору.

Лучшаго Воеводу, Ляпунова, убиваютъ мятежники; лучшіе люди разъѣхались.

л. 10. Заруцкій съ Мариною и съ ея сыномъ бѣжитъ отъ Москвы; пойманъ и казненъ съ Мариною.

---

## Беръ.

1606.

Король : «не вступаюсь за убіенныхъ; но если ихъ ближніе за нихъ захотятъ мстить, то не помѣшаю. Подарки возвращаю.» Послы и другіе Поляки свободны.

л. 74. об. выгоняетъ Докторовъ; но Васмара Лейбъ-Медикомъ.

Умерщвленіе младенца въ Угличѣ.

75. Князь Григ. Шаховской, похитивъ, во время убіенія Д., золотую Госуд. печать, съ двумя Поляками бѣжитъ въ Путивль : тамъ собираются Козаки; избираютъ въ вожди Истому Пашкова, — до Ельца все ему покорно.

77. въ Авг. къ Ельцу Царское войско; бьютъ его.

78. Перевозятъ тѣло Борисово : тутъ Ксенія.

79. Истома къ Коломнѣ и на Котлахъ; многіе бѣгутъ изъ Москвы.

— Болотниковъ (изъ Венеціи) къ Истомѣ съ войскомъ : видѣлся съ Дим. у Воеводши Сендомирской.

См. Ник. Лѣт. 83.

80. Истома передается къ Шуйскому : переговоры съ Болотниковымъ. Требуютъ мнимаго Д., но онъ остался въ Польшѣ. (81.)

Ш. бьетъ Болотникова — и осаждаетъ его въ Калугѣ отъ 30 Дек. до 3 Мая 1607.

1607.

82. Шаховской призвалъ Петрушку и съ нимъ въ Тулу.

— Шведъ предлагаетъ помощь : отвержена.

83. Д. Фидлеръ берется отравить Болотникова; обманываетъ — и сосланъ въ Сибирь.

84. Петрушка бьетъ Москвитянъ.

— въ Іюнѣ Царь осаждаетъ Тулу.

85. Изъ Тулы посылаютъ въ Польшу требовать Димитрія : — является школьный учитель съ Поляками.

87. Онъ въ Стародубѣ (NB. Письмо Поляка въ Нѣмцевичѣ. 23).

Simonis.

89. Тула сдается въ день Симона и Іуды.

— Судьба Болотникова и Петрушки.

См. Никон. Лѣт. 91.

90. Шаховской на свободѣ. 50 Нѣмцевъ въ Сибирь.

— Калуга не сдается : Козаки обманываютъ Царя.

1608.

Къ Димитрію многіе Поляки; идетъ къ Брянску. См. Никон. Лѣт. 92.

92. Измѣны Нѣмца.

93. Раздаетъ помѣстья (Ник. Лѣт. 80).

— Измѣна Нѣмцевъ.

94. Сраженіе Ружинскаго съ Москвитянами (Никон. Лѣт. 95).

95. 1 Іюня Димитрій подъ Москвой,

— въ Тушинѣ отъ 29 Іюня до 29-го Дек. 1609. —

96. Посылаютъ Марину въ Польшу : Д. беретъ ихъ, разбивъ провожатыхъ.

— Волшебства Шуйскаго. Мосальскій къ Д., и объявляетъ, что онъ воръ. 97.

97. Скопина къ Шведамъ. } У. Д 100 т. воиновъ.

— Сапѣга осаждаетъ Троицу. }

98. Переславль сдается. Филаретъ. — Ростовъ, Ярославль.

99. Кострома, Галичь, Вологда.

1609. (годъ ужаснѣйшій!)

100. Сигизмундъ къ Смоленску съ 20 т. (осаждалъ около двухъ лѣтъ, до 13 Іюня 1611) : славная оборона; съ обѣихъ сторонъ погибло 80,000.

11. Іюля Ф.

101. об. Разореніе отъ Крымцевъ.

Возсталъ Ляпуновъ, будто и противъ Д. и Шуйскаго и Поляковъ.

— Отпали отъ Д. Вологда, Галичь, Кострома, Романовъ, Ярославль, Суздаль, Молога etc. Возстаніе крестьянъ.

103. Въ Генв. 1609 Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Новгородъ съ 3000 — Осада Новагорода — Поляки бѣгутъ.

Титулъ Д. —

104 — 105. Скопинъ къ Москвѣ — Лисовскій во Псковѣ послѣ передачи Д—ва войска къ Королю.

105 об. Сигизмундово посольство въ лагерь къ Д. въ Дек. 1609.

106. Бѣгство Димитрія въ Калугу : строгость къ Нѣмцамъ : Беръ etc.

г. 1610.

109. Убіеніе Скотницкаго.

110. Марина въ Калугу.

— Салтыковъ къ Королю.

— Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Москву.

111. Умореніе Скопина.

— Переговоры Поляковъ съ Д.

113. Шведы разбиты и Русскіе.

114. Д. хочетъ топить Нѣмцевъ : Беръ.

120. Бунтъ противъ Шуйскаго трехъ Бояръ, Ляпунова, Молчанова, Рѣзецкаго.

121. Владислава избираютъ : посольство къ Королю.

123. Д. къ Москвѣ.

Поляки въ Москвѣ.

124. 11 Дек. Убіеніе Димитрія.

125. Марина родитъ сына. — См. о сынѣ въ бумагахъ Малиновскаго.

— Шуйскаго въ Польшу.

г. 1611.

127. Всѣ города Димитріевы къ Москвѣ.

130. Рѣзанье въ Москвѣ.

136. Заключеніе Патріарха.

137. Поляковъ осаждаетъ въ Кремлѣ Ляпуновъ.

2

## *Паерле.*

1606.

62. 4 Іюня Послы должны къ рукѣ Царя; но мятежъ въ народѣ и стрѣльцахъ. — Мощи Димитрія.

63. 5 Іюня. Одинъ Госѣвскій у Дм. Шуйскаго; 6-го съ Боярами видѣлись; рѣчи, какъ въ Журналѣ.

78 об. Слухъ: убитъ вмѣсто Д. его драбантъ изъ Праги.

1607.

20 Марта наши Послы назадъ въ Москву отъ Короля.

88 на об. 25 Сентябр. комета въ Москвѣ.

90 об. 10 Ноября Шуйскій изъ-подъ Тулы въѣзжаетъ въ Москву съ 2000 всадниками; народъ ему на встрѣчу; Царь въ каретѣ на бѣлыхъ коняхъ, выходитъ и идетъ за образами въ Кремль. 12 Н. къ Троицѣ; 17 возвратился въ Москву.

92. Представленіе Пословъ Польскихъ.

---

## *Каменскій.*

Имѣніе Марины 382.

Послы наши сказываютъ, что К. Телятевскій, Гр. Шаховскій, Мосальскій и Болотниковъ пристали къ Самозванцу Петру. 388.

Шуйскій женился 17 Генваря 1608 на дочери Буйнос. Ростов. Екатеринѣ: ей въ Царицахъ дали имя Маріи и у нихъ дочь Царевна Анастасія. 391.

392. Перемиріе съ Польшею на 3 года: въ слѣдствіе того Мнишка отпустили: см. условія и о Маринѣ, о возвратѣ имѣнія.

394. Вторый Д. у Вишневецкаго и Ружинскаго.

397. Нарушеніе договора Послами: ѣдутъ къ нему. (№ 30, л. 98.)

398. Письма Марины къ отцу, Папѣ etc.

Настояніе Мнишка объявить намъ войну.

402. Король объявляетъ намъ войну.

Дѣла важныя.

---

(Палицынъ).
Зло, но и добро:
Поведеніе Духовенства.
Прекрасная заря славы
Пожарскаго.

Въ Исторіи о Междоцарствіи, л. 35 на об.: «въ лѣто 7133, въ Іюлѣ, преставися Царица Елена, дочь Боярина К. Петра Ив. Буйносова-Ростовскаго.» — 36 об. Царица Ив. Вас., Дарья Ив. Колтовская умерла около 7136. Жена Царевича Ив. Ив. (л. 35) умерла около 7132.

См. грамоту Англ. къ Іакову, чтобы Англія взяла Россію.

---

## *Никон. Лѣт.*

г. 1606.

1 Іюня.
Присяга Царя. — Ему присяга. — Вѣнчаніе. — Посвященіе Патріарха. — Заключеніе Игнатія въ Чудовѣ. — Разсылка Поляковъ: наши Послы въ Литву. — Царь мститъ многимъ людямъ. — Бунтъ въ Украйнѣ отъ Шаховскаго — Пренесеніе мощей Димитрія. — Грамоты Царскія во всѣ города о Димитріи. — Войско въ Украйну и къ Ельцу безъ успѣха. — Моръ въ Новѣгородѣ. — Воръ Петрушка. (См. Хронографъ Уварова объ Астрахани и Петрушкѣ, о бунтѣ, о Ляпуновѣ и проч.)

Іовъ ослѣпъ по Хронографу Ключарев. (при Полякахъ снова Патріархъ) въ Персію, Цесарю, Шведы. въ Авг.

Дѣла л. 9, 125, 126 об., 127.

(См. Бера 75, 77, 79. Дѣла Польскія № 26, л. 253 и Камен. 388).

(См. Бера).
Беръ: перевозъ тѣла Борисова и Ксенія (78).

(Послѣ Сент.)

Бунтъ крестьянъ и людей Боярскихъ подъ начальствомъ Болотникова (Беръ 79 об.): Воеводы отъ Ельца идутъ. У Царя не много людей въ Москвѣ.

Хронограф. Ключарев. о Шуйскомъ: Царь безъ денегъ и людей храбрыхъ есть безкрылый орелъ.

Бунтъ Рязани, Тулы, Коширы: къ Путивлю. Избираютъ Пашкова и соединяются съ Болотниковымъ; идутъ къ Москвѣ; берутъ Коломну. — Бунтъ Астрахани: туда войско; цынга. — Мордва и крестьяне осаждаютъ Нижній. — Смоляне

См. Уварова Хронографъ.

славно идутъ на помощь Москвы; раскаяніе нѣкоторыхъ городовъ и Рязани. — Скопинъ бьетъ Болотникова. — Пашковъ передается Царю (Беръ 80). — Болотниковъ осажденъ въ Калугѣ.

См. Уварова. (Ляпуновъ по Уварову пожалованъ въ Думные Бояре).
См. Уварова: тутъ Князь Телятевскій.

1607.

Посылка Бояръ съ войскомъ противъ разныхъ городовъ. Осада Калуги. — Прокофій Ляпуновъ въ Переславлѣ. Въ Тулѣ осаждаютъ К. Андрея Телятевскаго, который бьетъ Царское войско. — [Иванъ по Уварову 336.] К. Вас. Мосальскій съ ворами [85] побиты близъ Калуги: воры подрывались порохомъ.

Вездѣ см. Уварова.
См. Бера о Шаховскомъ и Петрѣ.

Петрушка [85] въ Путивль, бьетъ [казнитъ] вездѣ Воеводъ, мучительство (пишетъ къ Королю: Дѣла Польск. № 26, л. 253); войско его изъ Тулы [86] въ Калугу, и бьютъ нашихъ — наши бѣгутъ отъ Калуги. Подъ Козельскимъ бьютъ воровъ: Воевода Измайловъ въ Мещовскъ.

Царь къ Тулѣ (въ Іюнѣ). Бьютъ воровъ [87] подъ Коширою [(тутъ Ляпуновъ по Уварову).] храбро. — Царь беретъ Алексинъ: бьютъ воровъ на Воронеѣ. - Осада Тулы. — Измѣна Князей Урусовыхъ.

Уваровъ.

Явленіе Димитрія въ Стародубѣ. (Дѣла, л. 186 об., 197, 199, 200, 213, 215, 293: Заболоцкой, и бородавка на лицѣ). — Д. къ Тулѣ: Царь беретъ [28 Окт. Беръ.] ее въ день Симона и Іуды: судьба Петрушки, Шаховскаго и Болотникова (см. и Бера 89 об., 90 и на об.)

Повѣсть о разореніи, л. 7.
Письмо о Лжедим. въ Нѣмцевичѣ. Характеръ сего вора въ Нарушев.
Беръ л. 85 и об. 91, 92, 93. (См. Уварова: 1 Окт.)

1608.

Д. бѣжитъ на Сѣверу — къ нему Ляхи. Воръ къ Брянску, гдѣ голодъ. Къ вору Козаки и привели къ нему Царевича Ѳедьку: его казнилъ.

Уваровъ 541 об.: Свадьба Царя (см. Каменск.) и посылка войска съ Дм. Шуйскимъ.

Брянскъ запасенъ. Храбрость нашихъ; битвы. Но Воеводы отходятъ къ Карачеву. Воръ впередъ, и зимуетъ въ Орлѣ. Къ вору Панъ Ружинскій (см. Бера 94).

514 об. Ляпуновъ раненъ.

[95] Бракъ Царя (NB [въ Псков. Лѣт.] гдѣ о его разслабленіи?). Бояре къ Болхову и къ Орлу. Битва съ Ружинскимъ (Беръ 94); теряютъ пушки etc. Болховъ сдается.

Увар. 545.

Дѣти Боярскіе [96] къ Москвѣ. Скопинъ противъ вора. Умыселъ [97] трехъ Бояръ и наказаніе (см. Журнал.)

См. Львов. 220, 221, 223.

Воръ къ [Уваровъ.] Москвѣ — и въ Тушинѣ (Уваровъ 545: Царь противъ него).

Беръ (95) 29 Іюня.

Ружинскій требуетъ отъ Царя свободы Пословъ: — въ расплохъ Литва бьетъ наше войско. [См. Нѣмцев.] Лисовскій [98] бьетъ Захар. Ляпунова подъ Зарайскимъ; беретъ [Увар. 549.] Коломну. Наши бьютъ его на Москвѣ-рѣкѣ. 99.

(Тутъ [ихъ имена.] измѣны въ Москвѣ по Ув. 548).

Осады Троицы по Ув. 548 об.

Отпускаютъ Пословъ и Сендомирскаго въ Литву. Заговоръ нашихъ измѣнниковъ съ Госѣвскимъ. Марина съ отцемъ [100] къ вору.

Ув. 549.

[(въ 1609 г.) по Увар. 548 об. 550.] Скопинъ въ Новгородъ нанимать войско (Шведы 10000). Его лѣта и Де-ла-Гарди въ Видекиндѣ. 1, 2.

См. Бера.

Сапѣга и битва — наши [101] расходятся по домамъ.

См. Ув. 550.

Цѣлованіе [101] креста въ Москвѣ. — Измѣны.

Царь вступаетъ въ Москву.

Осада Троицы (102). Измѣна [103] Суздаля.

Измѣна Переславля: доблесть Филаретова въ Ростовѣ; везутъ его въ Тушино.

Берутъ Шую. Измѣна городовъ (см. Бера); бьютъ Литву [106] подъ Коломною. *Пожарскій* бьетъ ее тамъ же.

Въ Уваров. битвы подъ Москвою до Троицы — 1609, л. 550.

Скопинъ: бѣжитъ въ Орѣшекъ, гдѣ Мих. Салтыковъ пакостник. Измѣна Пскова. Скопинъ опять въ Новгородъ и собираетъ войско. Воры туда изъ Тушина. Убиваютъ Татищева по наговору въ измѣнѣ 108. Литва уходитъ.

Мордва и воры къ Нижнему: бьютъ ихъ, и вѣшаютъ вора Вяземскаго. Шереметевъ очищаетъ многіе города и идетъ къ Москвѣ. Нижегородцы бьютъ воровъ.

Вологда, Устюгъ обращаются; но нашихъ бьютъ. 111.

Бунтъ противъ Царя. 111; въ немъ одинъ К. Василій Голицынъ. Твердость Патріарха и Царя. Человѣкъ 300 бѣгутъ въ Тушино.

Осада Коломны.

Казнь Боярина Колычева.

Дороговизна въ Москвѣ; бѣгутъ въ Тушино [112] — нѣкоторые изъ Тушина и говорятъ, что воръ; народъ удерживается: хорошія вѣсти изъ Новагорода.

Бьемъ [113] Бобовскаго подъ Москвою. Шереметевъ идетъ къ Москвѣ. Владиміръ обращается: убиваютъ Воеводу [114] измѣнника.

Бьемъ Литву подъ Москвою.

Шереметевъ въ Нижнемъ, ратуя счастливо [115, 116]; беретъ Муромъ, Касимовъ. — На Троицынъ день.

Царевичи въ Астрахани [117]: ихъ вѣшаютъ въ Тушинѣ. Не вѣдаютъ Тушинскаго: знаетъ Церковный Кругъ.

1609 (см. Бера 103).

Нѣмцы въ Новгородѣ въ Генварѣ (см. Договоры).

Битвы съ измѣнниками Псковскими [118] — бьютъ Литву у Торопца.

Битва у Торопца [119] (см. Филарета). Походъ Скопина къ Москвѣ [120]: битвы.

[121] Города казну Скопину. [122] Битвы: бьютъ насъ у Суздаля. Беремъ Переславль.

Дороговизна въ Москвѣ, и опять на Царя: смиряются, свѣдавъ [123] о Скопинѣ.

Подъ Слободою бьемъ Литву.

Ляпуновъ поздравляетъ [См. Бера 101] Скопина на Царство, браня Царя: Скопинъ деретъ грамоты, но отпускаетъ вручителей: отселѣ злоба Царя на Скопина.

Сходъ войска у Скопина [124]. — Ув. 551.

Худо въ Москвѣ [125]. Измѣна въ Красномъ селѣ.

Жгутъ Деревянный городъ, но бьютъ Литву. Ошибка у Николы.

126 Пожарской бьетъ Литву. Еще сшибка у Можайска. 127

Неудача Скопина на Суздаль.

Салтыковъ въ Тушинѣ и къ Королю о Владиславѣ: 127 и 128 бѣжитъ воръ въ Калугу (см. Бера): шумъ въ его лагерѣ.

1610.

Марина въ Калугу.

Осада Троицы.

Скопинъ бьетъ Сапѣгу. 130.

Бѣгство изъ Тушина; освобожденіе Филарета. 131

Входъ въ Москву Скопина 131. Смерть его. 132 (о характерѣ его Ключаревъ и Видекиндъ). — Ув. 551. об.

Войско наше къ Смоленску. — Ув. 552.

*Войско не любитъ Дм. Шуйскаго за гордость: См. Ключарев. и Палицына. Убіеніе Ив. Годунова.*

Ляпуновъ возстаетъ 133 за Скопина. Пожарскій не пристаетъ къ нему. См. Бера. 101

Бьютъ нашихъ и Нѣмцевъ. 135. — Ув. 552 об. и 553 об.

Князь Василій Голицынъ съ Ляпуновымъ. 135. — Арзамасъ 553.

Воръ къ Москвѣ изъ Калуги. Крымцы намъ въ помощь, дерутся и уходятъ назадъ. 136. — Ув. 553 об.

Змѣевъ въ Пафнутьевѣ: храбрость Волконскаго. Воръ беретъ монастырь.

Пожарской въ Зарайскѣ вѣренъ.

Измѣна Коломны. 137.

*Чудеса по Ключареву: совѣты съ Тушинскими.*

Въ Іюлѣ 1610 бунтъ противъ Царя — ссылаются съ ворами Тушинскими — сводятъ въ свой домъ. Числа см. въ Ключаревѣ.

Владѣютъ Бояре 129 и ссылаются съ Тушинскими, чтобы поймали вора: тѣ смѣются. Постригаютъ Шуйскаго (см. Филарета). См. Увар. 555 и Ключарева.

Въ Ключаревѣ бунтъ, брань, пьяница, блудникъ Шуйскій: оправданіе; твердость Царя въ Февралѣ; бѣгутъ къ Тушинскому. — Ув. 554, совѣтъ: даютъ ему *удѣлъ*.

См. также Львова 220 etc. Ядро Р. И. 325, 326. Палицын. 189).

---

## ПРОДОЛЖЕНІЕ НИКОН. ЛѢТ. ПОСЛѢ ШУЙСКАГО.

### *Лѣтопись о мятежахъ.*

| | |
|---|---|
| **1610.** | |
| Смоляне изъ Москвы къ Жолкѣвскому 140. | |
| 141 Гетманъ Ж. къ Москвѣ. Ермогенъ съ условіемъ. Салтыковъ и Молчановы требуютъ благословенія у Патріарха. | |
| 143 Посольство наше къ Королю. | |
| 144 Впускаютъ Литву въ городъ. Воръ бѣжитъ въ Калугу. | |
| 145 Литва, Колязин., Луки. Посылаютъ изъ Москвы Ив. Салтыкова съ войскомъ въ Новгородъ. | |
| Ссылаютъ Шуйскаго въ Іосифовъ монастырь, жену его въ Суздаль (у нихъ дочь). | |
| Наши Послы у Короля: Шеинъ. | По Увар. Келарь Аврам. Имена всѣхъ Пословъ: ихъ дѣла. |
| 147 Гетманъ съ Царемъ къ Королю. | Увар. 555: кто владѣютъ въ Москвѣ? |
| 149 Убіеніе вора въ Калугѣ: Увар. 558. | Аврамій уѣхалъ въ Москву. 557. |
| 150 Убіеніе Бѣльскаго въ Казани. | |
| 151 Утѣсненіе Москвитянъ: Ляпуновъ. Собраніе войска. | Письма Ермогѣновы къ городамъ. 557. |
| Сношеніе съ Калугою. Увар. 558. | |
| **Г. 1611.** | |
| 152 Бояре и Патріархъ: гнусный Салтыковъ. | |
| 154 Утѣсненіе нашихъ Пословъ. | |
| Дѣйствія Ляпунова: Пожарскій. | Въ Ключаревѣ характеръ Ермогена. |
| 156 Патріарх. подъ стражею. | |
| Никто нейдетъ за вербою. | |
| Поляки начинаютъ убійства. | Увар. 558 об., Ляпуновъ 559. |
| Войско наше къ Москвѣ. 159. | Увар. 558 и 559: Трубецкій и Заруцкій изъ Калуги. |
| Сводятъ Ермогена: на его мѣсто опять Игнатія. 160. | |

Берутъ подъ стражу нашихъ Пословъ подъ Смоленскимъ.

559 воровство Козаковъ подъ Москвою: Ляпуновъ. 560.

---

## *Изъ лѣтописи о мятежахъ.*

227. Измѣнники убѣждаютъ Ермогена писать къ городамъ.

227. Убіеніе Ив. Салтыкова въ Новѣгородѣ.

228. Воеводы изъ-подъ Москвы посылаютъ оберегать Новгородъ.

229. Король велитъ бить Смоленскихъ Дворянъ.

— Взятіе Смоленска.

231. Битвы Сапѣги подъ Москвою.

— Идетъ къ Переславлю.

233. Воеводы наши берутъ Бѣлгородъ.

— Посылаютъ въ Новгородъ выбирать Шведск. Принца.

— Убіеніе Ляпунова.

236. Приносятъ образъ изъ Казани.

237. Даютъ Смолянамъ земли въ Арзамасѣ.

(См. Уваров. 562, выгнали ихъ оттуда; призваны въ Нижній къ Минину): тутъ вся исторія Пожарскаго: о ворѣ Псковскомъ.

Уваровъ 560, 561 об. въ Іюлѣ приходятъ подъ Москву Казанцы etc., берутъ Дѣвичій.

563. Трубецкій и Козаки цѣловали крестъ вору Псковскому, Матюшкѣ Дьякону Заяузскому. Шереметева на колъ посадили.

564. Сковали вора и привезли подъ Москву. Шведы взяли Новгородъ въ 1608 г.

237. Взятіе Новагорода Шведами... цѣлуютъ крестъ Королевичу.

240. Лай Козаковъ. Разъѣзжаются изъ-подъ Москвы.

241. Сапѣга къ Москвѣ.

— Черкасы берутъ Козельскъ.

— Гетманъ подъ Москву; битва Идетъ зимовать въ Рогачевѣ.

242. О Сидоркѣ, ворѣ Псковскомъ.

Увар. 565 на об. берутъ Кремль: Михаилъ избранъ.

243. Тайный постъ; видѣніе.

245. Бьютъ Черкасъ.

— Шведы берутъ Иваньгородъ, Яму etc.

246. Пожарскій и Мининъ: вся исторія.

250. Смерть Ермогена.

256. Псковскаго вора берутъ: Трубецкій и Заруцкій исправляются.

256. Подъ Москвою хотятъ къ Шведу: посылка въ Новгородъ.

257. Казанцы къ Москвѣ.

258. Шлютъ противъ Черкасъ.

259. Бой съ Козаками подъ Угличемъ.

260. Митрополитъ Кириллъ въ Ростовѣ.

— Выгоняютъ Козаковъ изъ Переславля.

— Послы изъ Новагорода.

261. Умыселъ Заруцкаго противъ Пожарскаго.

263. Трубецк. и Заруцк. зовутъ Пожарскаго къ Москвѣ.

264. Пожарскій шлетъ часть.

265. Украинцы подъ Москву.

266. Пожарск. къ Москвѣ.

267. Побѣгъ Заруцкаго.

268 — 295. Походъ и взятіе Москвы.

292. Черкасы берутъ Вологду.

295. Козаки бунтуютъ.

296. Король къ Вязьмѣ.

297. Жолкѣвскій къ Москвѣ.

298. Приступъ Литвы къ Волоку.

— Король изъ Россіи.

299. Бьютъ Заруцкаго у Переславля.

300. Шведы о своемъ Принцѣ: имъ прямой отказъ.

301 etc. Избраніе Михаила.

---

## *Палицынъ.*

Царь посылаетъ Митрополита Крутицкаго уговаривать Сѣверянъ, 30.

Ежегодно грабятъ Татары и Черкасы.

Лжедимитрій есть сынъ Поповскій, Матвѣй Веревкинъ, 31.

Пируютъ за столомъ; а тамъ одни (изъ Москвы) идутъ въ палаты къ Царю, а другіе ѣдутъ въ Тушино.

Перебѣжчики, *перелеты.*

Русскіе хуже Поляковъ 32: *расписать* это звѣрство. [злѣе]

Измѣны, подлость Тушинскихъ.

Насилія женъ, 34, 45, 46.

35. И въ битвахъ прельщаютъ другъ друга.

36. Царемъ играли какъ дѣтищемъ: отъ одного къ другому.

37. Считается за стыдъ доносить на измѣнниковъ; но казнитъ Царь и невинныхъ.

40. Измѣна Князя Петра Уруса, женатаго на вдовѣ А. Шуйскаго.

Касимовскій Царь къ вору.

Оскверненіе святыни, и 47.

42. Бѣгство, пожары ночью вмѣсто луны.

43. Звѣри вырываютъ хлѣбъ изъ ямъ; измѣнники все истребляютъ. (доброе поведеніе Духовенства).

44. Ругательство надъ Филаретомъ и Епископами.

50. Гдѣ? гдѣ?

52. Палицынъ въ Москвѣ во время осады.

55. Одни Поморскіе города вѣрны (и 56).

— Какъ проходятъ въ Москву.

57. Заслуги лавры (59, 60).

58. Посольства Царя въ Англію, Данію.

61. Начало осады 23 Сент. 1608.

63. Воеводы осадные.

61. Вылазка.

62. Выжигаютъ селенія вокругъ.

– Литва строитъ станъ и остроги.

63. Устроеніе осады въ монастырѣ.

65. Цѣлованіе креста.

66. Грамоты.

72. Приступы, туры, валъ.

73. Стрѣльба Окт. 3.

76. Покаяніе.

77. Подкопы и пиръ Сапѣги.

78. Приступы.

83. Вылазка и плѣнъ.

85, 86. Паны, число войска.

Раненыхъ тяжело постригаютъ.

88 – 91. Узнали, глѣ подкопъ.

94. 500 Козаковъ на Донъ.

95. Ворота въ ровъ.

95. Рветъ ноги и руки у Старцевъ.

97. Ядра въ церковь.

98. Сбиваютъ славную пушку.

100. Вылазка; ясакъ *Сергій*; находятъ подкопъ, зажигаютъ, умираютъ.

101. Умираетъ за брата измѣнника.

104. Ноября 9: отнимаютъ батареи.

На Красной горѣ батареи Литовскіе и на Волкушѣ и въ Терентьевск. рощѣ.

106, 107. 8 пищалей; цѣлый день драка. Число убитыхъ (108). Литовцевъ 1500. Вѣсть къ Царю 109.

109. Хитрость Сапѣги тщетная.

110. Вылазки: имена тутъ Старцевъ. 111.

113. Герой Суета даточной. Имена Героевъ.

114. Раненъ Лисовскій. 115. Убитъ Горской.

116. За дровами. 127.

116. Измѣна казначея.

121. Измѣнники воду отнять. 122. – Еще измѣна 123.

123. Литва отступаетъ въ таборы.

124. Вылазки свободныя.

129. Моръ; 17, цынга.

130, 132. Умерло 297 иноковъ, иныхъ 500: всѣхъ 2125 (134), смрадъ 133.

134. Престаютъ вылазки.

— Литва съ деревьевъ смотрятъ въ монастырь, зовутъ.

135. Посольство къ Василію, Келарь напрасно.

136. 60 Козаковъ и порохъ.

— Казнь плѣнныхъ.

140. Панамъ даютъ меду; обманы.

141. Трубачь въ дружбѣ съ Воеводою.

142. Панъ нѣмой къ намъ.

144. Открываютъ измѣну трубача.

145. *Охрабряетъ* чудотворецъ.

146. Витязь Ананія ранитъ Лисовскаго.

147. Еще витязи. — 7 Мая.

148. Освященіе храма; болѣзнь минуетъ.

149. Приступы 27 Мая (прежде негодные сдѣлались храбрецами).

154. Вѣсть о Скопинѣ и Шереметевѣ. 156.

155. Поляки встрепенулись; готовятся къ битвѣ.

156. Михайло Салтыковъ и Грамотинъ измѣнники, обманываютъ: будто сдался и Скопинъ и Шереметевъ.

157. Не вѣрятъ. 158 Пришелъ отъ Скопина.

— Насмѣшка Зборовскаго: *лукошко*.

158. Приступъ Іюля 31 (??)

— Въ обители не болѣе *двухъ сотъ*.

160. Бѣгутъ Литва.

161. За дрова бьютъ. 162.

— Отчаяніе въ монастырѣ.

168. *Паки* идутъ противъ Скопина. Августа? Іюля 5 (??)

170. Надъ ними побѣда: опять къ Троицѣ, и еще битвы 171.

171. Узнавъ отъ перебѣжчика, Троицкіе вылазку.

172. Награбленныя стада у Троицы 15 Авг.

173. Къ Скопину о помощи: приходитъ Жеребцовъ.

174. Сколько еще хлѣба?

175. Іоасафъ *простъ*.

— Когда ушелъ Сапѣга?

179. Генв. 12 ($16^9/_{10}$?)

177. До Жеребцова *просто* дрались, да было *лучше*, безъ Нѣмецкой *мудрости* 178.

178. 4 Генв. Волуевъ отъ Скопина съ 500: битва съ Сапѣгою: бѣжитъ, бросая богатство.

180. Изъ Троицы со Св. водою въ Москву.

168. Скопина битва.

173, 179. Побѣгъ Сапѣги.

188. Корыстолюбіе купцевъ Московскихъ въ закупкѣ хлѣба.

189. Укоризны Царю несчастіемъ.

— Собраніе народа въ Москвѣ: Патріархъ, Царь.

191. Троицкій дешевый хлѣбъ: 2 рубли четверть.

197. Какіе Государи и сколько занимали денегъ у Троицы! Годуновъ, Гришка, Шуйскій.

200. Берутъ сосуды у Троицы.

201. Навѣты Царю на Скопина.

203. Смерть Скопина *сомнительна*.

204. Воины не любятъ Дмитрія Шуйскаго за его гордость.

205. Царь призываетъ Крымцевъ: ихъ грабежи.

206. Переговоры Москвитянъ съ Тушинскими, чтобы свести Шуйскаго и погубить Лжед.

— Постриженіе Царя. Ермогенъ противъ.

208. Условіе Владиславова избранія.

— Послы къ Королю.

210. Впускаютъ Поляковъ въ Москву для чего?

— Везутъ Шуйскаго къ Королю.

211. Худо Посламъ у Короля.

— Однихъ пословъ отсылаютъ въ Литву, другіе уѣзжаютъ.

212. Смерть вора въ Калугѣ.

213. Возстаетъ на Поляковъ П. Ляпуновъ.

216. Разореніе Москвы 19 Марта 1611.

217. Ермогена заключаютъ.

218. Лавра дѣйствуетъ.

221. Описаніе Воеводъ, идущихъ отовсюду къ Москвѣ.

224. Убіеніе Ляпунова.

225. Многіе Русскіе уходятъ изъ-подъ Москвы.

227. Лавра поднимаетъ и Минина.

229. Новый Дмитрій во Псковѣ.

230. Неудовольствіе на Пожарскаго за медленность.

232. Заруцкой хочетъ убить Пожарскаго.

— Вора Псковскаго берутъ и привозятъ къ Москвѣ.

233. Заруцкой бѣжитъ съ Мариною.

233. 14. Авг. Пожарскій въ Москвѣ.

235. Бой съ Ходкѣвичемъ.

239. Аврамій убѣждаетъ Козаковъ. Ясакъ: *Сергіевъ! Сергіевъ!* 240. Бой.

240. Ходкѣвичь бѣжитъ.

242. Опять Козаки бунтуютъ.

243. Лавра предлагаетъ имъ сосуды: не берутъ отъ стыда.

245. Берутъ Китай 22 Окт.

246. Поляки сперва Мстиславскаго выпускаютъ.

248. Ужасный видъ Кремля.

250. Избраніе Михаила.

253. Кто сперва избираетъ?

254. *Ни одного* противорѣчія.

259. *14 Марта названъ Царемъ.*

268. Владиславъ: въ Смоленскъ къ Сигизмунду всѣ наши воры.

Г. 1618 въ Сент.

270. Къ Троицѣ: Левъ Сапѣга присылаетъ въ Лавру образъ Св. Николая Можайскаго.

277. Въ Дек. миръ въ Деулинѣ.

---

## *Дѣла Польскія.*

№ 26.

Г. 1606.

Л. 9. Вѣнчаніе 1-го Іюня.

Поляковъ разослать. Пословъ держать въ Москвѣ на Посольскомъ Дворѣ.

13-го Іюня. Посылаетъ въ Литву К. Григ. Констант. Волконскаго и Дьяка Андрея Иванова (10): сказать, что Гришка съ Поляками точно хотѣли побить Святителей, Бояръ, etc. (18).

18. Кто посланы въ Угличь?

Погребли подлѣ отца.

100. Воръ Власьевъ.

125. Послы къ Рудольфу.

126 об. Ромодановскаго къ Шаху.

127. Швед. Посланникъ къ Москвѣ.

173. Возвратился К. Волконской 13 Февраля 1607.

182. Пословъ нашихъ: «матерны лаяли, измѣнники называли,» грязью метали. «Короля не слушаютъ» (на об.)

Еще, какъ и прежде, велѣли Волконскому узнать, какъ Польша съ Австріею, Турціею, Крымомъ.

Въ Крымск. Дѣлахъ:

Царь: не имѣлъ времени думать объ васъ. 338. 321.

186 об. 293.

197 об. 200, 213, 215. Димитрій живъ: въ Сендомирѣ, у жены Воеводы: и бородавка на лицѣ. (Авг. 12). лице 199 об. 215.

У него (288) К. Вас. Мосальскій (188 об.) или онъ на Москвѣ.

187 об. «Взяли изъ хоромъ, убили: тутъ была Марина.»

— Мих. Молчановъ бѣжалъ: жилъ у Д. для чернокнижья.

188. Молч. кнутомъ битъ.

197 об. Слухъ, что кто-то изъ Годуновыхъ на престолѣ.

223. Пословъ не сажаютъ: Король въ черномъ платьѣ.

253. Петръ на Сѣверѣ: шлетъ Пословъ къ Королю.

Пріѣзжаютъ въ Польшу Русскіе, ищутъ, спрашиваютъ Димитрія.

255 об. Густавъ проситъ войска на Ливонію.

287. Угроза: «если вы отпустите нашихъ изъ Москвы, то Дмитряшки и Петрушки не будетъ; а если нѣтъ, то наши имъ будутъ помогать.»

299. О Петрушкѣ: «мои сестры были при родахъ Ирины.»

319. Побѣда надъ Сѣверянами подъ Москвою.

325. Крымцы воюютъ Польшу.

№ 27.

42 об. Ц. Шуйскій въ ссылкѣ съ Цесаремъ, Англіею, Даніею, Шахомъ.

49. Дьякъ Думный Посольскій Василій Телепневъ.

174. Послы хотѣли и Пословъ и Сендомирскаго для договора.

Въ перемирн. грамотѣ: «которые Польскіе и Литов. люди, и Князь Романъ Ружинской и Вишневецкой и иные, вторгнулись въ нашу землю, и Королю промышляти, чтобы тѣ люди вернулись (и Лисовской).

---

## *Дѣла Шведскія.*

№ 8.

л. 16 об. Нашъ Воевода пишетъ къ Шведскому (20 Февр. 1607), что мы еще не думали посылать Пословъ на съѣздъ, и вашихъ сборовъ не боимся.

л. 17. Шведы пособлять готовы.

18 об. (См. еще 56): не хотимъ помощи.

19. Въ Новѣгородѣ моръ.

52. Грамота Царя къ Арцы-Карлу, Свейскаго Королевства владѣтельному и вотчинному Князю.

52 об. Первый гонецъ Данило Юртъ; второй Бернтъ Ниманъ.

59. *Королемъ* писать.

62. Пріемъ гонца.

№ 9.

.1609. Договоръ о вспоможеніи: уступаемъ Корелу и Ливонію. Даютъ 5000 человѣкъ и болѣе. Л. 5 об.

14 об., 43 об. и 49: 100 тысячь ефимковъ на мѣсяцъ.

---

## *Псковскій Лѣтописецъ.*

27. Скопинъ въ залогъ Шведамъ Корелу, Кексгольмъ.

об. Даютъ отраву Скопину отъ зависти.

28. Шведы назадъ къ Новугороду и требуютъ найма.

— Берутъ города, Корелу, Яму etc.

30 об. въ 1611 г. Ходкѣвичь осаждаетъ Печерскій м.

33 об. Шведы тоже осаждаютъ.

36 об. Царь Шуйскій: «поятъ жену, и начатъ ясти и пити и веселитися, а о брани не бреже.»

Воины расходятся.

37. Шуйскій истощаетъ казну, беретъ сосуды церковные.

Междоусобіе страшное, сынъ на отца etc.

об. Скопинъ нанялъ 12 тысячь.

38 об. Зависть на Скопина невиннаго.

39 об. Жена Дм. Шуйскаго дала ему отраву, Христина, дочь Скуратова.

40 Бьютъ Дм. Шуйскаго и Шведовъ.

об. Шведы владѣютъ Новымгородомъ 6 лѣтъ: грабежъ.

— Псковъ отложился; Казань бунтуетъ, хочетъ быть снова Царствомъ.

41. Упреки Шуйскому. Его ненавидятъ больше Бояре. Ермогенъ противъ его враговъ: «развѣ нельзя вамъ избрать изъ своихъ? *Нѣтъ, его не слушаютъ воины.*

Свергаютъ Шуйскаго.

42. Упреки Короля Русскимъ измѣнникамъ: «повѣрю ли вамъ сына?»

об. Жолкѣвскій обезоруживаетъ Москву.

43. Умыселъ Поляковъ: рѣзанье.

44 об. Король къ Можайску — и не успѣлъ. Ходкѣвичь. Мининъ.

46. Хотятъ Шведскаго на Царство.

49. Избраніе Михаила.

об. Мать правитъ Царствомъ.

50. Условіе не казнить Бояръ.

об. Крадутъ Бояре доходы.

— Безпорядки.

Нашествіе Шведовъ: миръ съ Поляками.

52 об. Царь сперва на Хлоповой женится; ссылаютъ ее.

53. Начинаетъ Филаретъ всѣмъ править. Сватовства въ чужихъ земляхъ.

54. Въ угодность матери не женится на Хлоповой (злодѣйство и ссылка Салтыковыхъ предъ тѣмъ). На *Долгорукой*.

77. Мятежъ Псковскій. Смутныя грамоты въ Псковъ отъ Тушинскаго, въ Авг. умеръ Геннадій отъ скорби.

об. Мятежъ, въ пользу вора.

78 об. Сажаютъ на колья добрыхъ гражданъ. Давятъ Шереметева.

79 об. Злодѣйства.

82. Вѣче. 200 человѣкъ погибло.

об. Пришелъ воръ Матюшка.

83. Бой съ Новогородцами: ихъ только 300.

84. Лисовской въ Псковѣ: пьянство Литвы. Происшествія.

87 об. Г. 1611 на Св. Недѣлѣ. Роздьяконъ Матюшка назвался Димитріемъ: будто ушелъ изъ Калуги — въ Іюлѣ къ Пскову.

89. Псковъ его призываетъ въ Цари.

об. Берутъ и везутъ его къ Москвѣ.

---

## *Псков. Лѣт.*

Гдѣ загнуто.

353. 1605. Чудеса передъ бѣдами.

354. Начало разврата въ Псковѣ.

об. 1606. Навѣтъ Василія на Псковичь.

355 об. Клевета семи купцевъ (и Хозина.) на своихъ.

356. Мудрая грамота Лжедим. къ Псков. Преклоняются или недоумѣваютъ.

357. 1607. Плѣнныхъ (800) Сѣверянъ Василій въ Псковъ.

об. Пригороды къ Димитрію.

358. Междоусобіе.

— Грабежъ Шереметева и Грамотина.

359 об. 1609. Главный виновникъ бунта Плещеевъ: цѣлуютъ крестъ Димитрію. Сѣверянъ выпускаютъ.

360. Пріѣзжаютъ Воевода и Дьякъ. Новогородцы и Нѣмцы къ Пскову.

362. Злодѣйства въ Псковѣ.

363. Казнь Хозина.

Духовенство, Бояре, гости.
364. Лучшіе люди за Василія; мелкіе, Стрѣльцы, Козаки.
— Торжество Василіевыхъ друзей.
365. При Салтыковѣ Новогородцы къ Пскову.
366. Лучшіе бѣжали въ Новгородъ, въ Печерскій монастырь.
об. Просовецкій Волуева побилъ. Волуевъ отъ Короля, выжегъ Луки.
367. 23 Марта явился воръ (1611 г.) Люди Ходкѣвича подъ Печерою 10 Марта; онъ самъ 17 Марта, стоялъ 6 недѣль и 2 дни, разбилъ стѣны, 7 приступовъ, и пошелъ къ Москвѣ.
об. Лисовскій грабитъ Печеры, но не взялъ; съ нимъ 2000 Литвы и Нѣмцевъ.
— Козаки изъ Пскова къ вору.
368. Псковъ безъ Воеводъ, одинъ Дьякъ. Послы ихъ отъ Ляпунова въ Іюлѣ.
— 8 и 16 Іюля воръ къ Пскову.
об. Авг. 24 воръ отъ Пскова; Лисовскій Красной взялъ.
— Шведы и Новогородцы къ Пскову, вышибаютъ ворота: См. Видек.
— Воеводы въ Псковѣ отъ Заруцкаго и Трубецкаго.
— Воръ въ Псковѣ Дек. 4: въ другой (Лѣтописи) выше 89.
369. Будто 47 т. Литвы къ Себежу.
— Апр. 11 Ив. Плещеевъ изъ-подъ Москвы въ Псковъ обознавать.
— Лисовскій взялъ Заволочье.
— 18 Мая воръ ушелъ изъ Пскова; 20 его схватили и привели въ Псковъ.
— Іюля 1 повезли къ Москвѣ.
— Лисовскій нападалъ на провожатыхъ.
об. Цѣна хлѣбу въ Псковѣ.
370. Шведы взяли Яму, Копорье, и наконецъ Новгородъ, гдѣ мерли съ голоду, и гдѣ было много казны, пушекъ и пороху.
— Избраніе Михаила; а Лисовскій еще тамъ.

---

## *Грамоты Ермолаева.*

Два видѣнія, въ началѣ Шуйскаго.

№ 23 и 24. Г. 1606.

г. 1606. Грамота Филарета Ноября 29, 1606. Тверскій Епископъ побѣждаетъ воровъ. Раскаяніе городовъ — Вѣрность Смоленска, Вязмы etc. въ Ноябрѣ — Велитъ Патріархъ Ермогенъ торжественно молиться, поучать народъ...

Тогда воры стояли уже подъ Москвою въ Коломенскомъ и велятъ холопямъ побивать господъ.

Воры суть бѣглые холопи въ *скверной* Сѣверѣ : соединясь съ Козаками, пришли въ Рязанскую землю. — Клятвы Москвитянъ: *слово штыпк.* Противъ нихъ Тверскій Ѳеоктистъ. Тверитяне къ Москвѣ. 16.

Колычевъ очистилъ Волокъ 15 об.

Прокофій Ляпуновъ въ числѣ кающихся. 16 об. изъ Коломенскаго.

Приступъ воровъ съ Сент. (Ноябрѣ) къ Москов. Слободамъ 19 — 20.

Въ Дек. (25 об. 26, 27).

Пашкова взяли : пѣть молебны по 3 дни.

г. 1607. Зовъ Патріарха къ Царю вести ослятю и у него обѣдать.

Февр. 2. Удумали послать по Іова для разрѣшенія.

14 Февр. Пріѣхалъ : 16 совѣтъ. Упреки Іова : «вы мнѣ не вѣрили». Іова со слезами просятъ : прощаетъ шестой части земли, еже есть Россія.

№ 30. Пошелъ Царь на воровъ 21 Мая.

№ 31. 5 Іюня битва А. Голицына съ ворами на рѣчкѣ Восмѣ близъ Коширы : на голову ихъ бьетъ и беретъ...

№ 32. 10 Окт. Тульскіе сидѣльцы, К. А. Телятевскій, Шаховскій, Болотниковъ сдались Царю и крестъ цѣловали и выдали Петрушку.

г. 1610. № 34. Шуйскій по просьбѣ Бояръ сходитъ съ престола.

Тогда : Король у Смоленска, Жолкѣвскій въ Можайскѣ, воръ въ Коломенскомъ.

Присягаютъ всѣ противъ вора подъ властію Бояръ.

№ 35. Первые о Владиславѣ Ив. Мих. Салтыковъ, Волуевъ.

Первое условіе между Королемъ и Мих. Салтыковымъ Авг. 30.

У вора К. Алексѣй Сицкій, Александръ Нагой, Гр. Сунбуловъ, Ѳ. Плещеевъ, К. Засѣкинъ.

Договоръ съ Владиславомъ.

Тоже какъ у Шуйскаго : не конфисковать имѣнія, не казнить безъ Боярскаго приговора.

г. 1611. Апр. Грамота Ляпунова.

Ермогенъ : второй Златоустъ. Тоже : твердый адамантъ.

г. 1612. № 37. Письмо Пожарскаго etc. къ городамъ о спасеніи : тутъ о происках Марины въ Коломнѣ.

№ 38. 7 Апрѣл. 1612 ; изъ Ярославля отъ Пожарскаго же къ городамъ.

Съ злымъ намѣреніемъ убиваютъ Ляпунова.

Гнусныя дѣла Заруцкаго.

Трубецкій и Заруцкій пишутъ къ Пожарскому, чтобы имъ не выбирать Царя безъ всей земли, но цѣловали крестъ вору Сидорку.

Призываютъ Депутатовъ.

NB. См. рукоприкладчиковъ (Мининъ не зналъ грамотѣ).

Іюнь. Грамоты Новогородцевъ о Швед. Принцѣ: они выбирали его только себѣ въ Государи.

№ 41. Грамота Де-ла-Гарди къ Пожарскому.

№ 43. Присланъ отъ Короля Жидовинъ Богдашко (второй Самозван.)

Прислали Бутурлина изъ-подъ Москвы для договора о Шведскомъ Принцѣ.

Договоръ Новогородцевъ съ Де-ла-Гарди о любомъ сынѣ изъ двухъ Шведскаго.

Карлъ Шведскій умеръ: Густавъ Адольфъ,

Предложеніе Новогородцамъ.

Пожарскій: «мы готовы, если Королевичь приметъ нашу Вѣру.»

---

## Рукопись Филаретова.

Вѣнчаніе 1 Іюня въ Воскресенье. Кого за тѣломъ Димитрія?

Патріархъ уже избранъ, когда привозятъ мощи Димитрія въ Москву.

7. Зборовскій и Шаховскій идутъ къ Старицѣ.

7 об. Скопинъ съ Шведами. Подъ Тверью бой.

8. (Осада Смоленска).

11. Царь подъ Тулою.

16. Совѣтъ Ермогена: Царь самъ идетъ съ войскомъ противъ Д.

18. На Поляковъ идутъ подъ Троицу: бьютъ: одни бѣгутъ къ Королю, другіе въ Калугу къ Самозванцу.

об. Смерть Скопина: его свойства. См. и Видекинда.

19. Приходъ Филарета въ Москву Марта 14. См. выше, л. 8 на об.

— Салтыковъ къ Королю: его смерть и судъ.

об. Шведы и Русскіе побиты съ Дм. Шуйскимъ.

20 об. Жолкѣвскій и Д. къ Москвѣ.

21. Сводятъ Шуйскаго съ трона 18 Іюля.

22. Плачь жены его.

– Берутъ Шуйскаго: см. л. 28.

23. Поляки уже въ Кремлѣ: это къ л. 28 на об.

24. Совѣтъ Ермогена съ Боярами: взять ли Владислава? Авг. 3.

об. Цѣлуютъ крестъ.

25. Д. бѣжитъ въ Калугу.

– Посольство къ Королю.

27. Король отъ себя М. Салтыкова въ Москву.

– Патріархъ противъ него (см. о Ермогенѣ выписку у меня въ портфёлѣ).

об. Салтыковъ дѣлаетъ, что впускаютъ Гетмана въ Москву 21 Сент. 1610.

– Жолкѣвскій уѣзжаетъ; оставляетъ Госѣвскаго.

– Насилія Поляковъ до Марта.

28. Изъ Чудова берутъ Царя Василія съ братьями.

– Народъ прибѣгаетъ къ Патріарху. Обѣды у Поляковъ.

29. Убиваютъ кого-то не въ Москвѣ (Ляпунова?)

– Ермогенъ пишетъ въ города противъ Поляковъ.

– Пишетъ къ Прокофью Ляпунову.

30. Съ Госевскимъ пришелъ купецъ Ѳ. Андроновъ.

об. Ермогена подъ стражу.

31. Расхищеніе, слѣдствіе плѣненія Москвы, 19 Марта 1611.

об. Сокровища посылаютъ къ Королю. Злодѣйства Салтыкова и Андроникова.

32 об. Обломали раку Василія.

33. 26 Мая Король взялъ Смоленскъ. Іюля 16 Де-ла-Гарди взялъ Новгородъ.

Ляпуновъ, Трубецкій, Волуевъ, Заруцкій къ Москвѣ.

1 Апрѣля. Битва: храбрость Ляпунова.

35. Заруцкій научаетъ Козаковъ убить Ляпунова.

Осада.

37. Выжигаютъ Китай-городъ.

38. Заруцкій врагъ Пожарскаго.

– 17 Генв. 1612 (по Ист. Междоцарствія 17 Февр.) умеръ Ермогенъ: задохся.

Король подъ Волокомъ.

Окт. 22. Берутъ Китай.

39. Воевода Туренинъ съ Кузьмою Авг. 21.

40. Сраженіе съ Ходкѣвичемъ. Сдается Кремль.

43. Что терпѣли Поляки въ осадѣ.

об. Остатки Царскихъ сокровищъ. Окт. 22.

44. Король во свояси.

об. Измѣнники увозятъ образъ Николая въ Литву.

45. Избранъ Михаилъ.

---

## *Моя Архив. рукописная Исторія о Междоцарствіи.*

Ополченіе. — Походъ.

4 об. Пожарскій согласенъ взять Швед. Принца Филиппа.

5. Негодяи Казанцы.

Смятеніе въ Ярославлѣ, усмиренное Митрополитомъ Ростовскимъ.

7 об. Бѣгство Заруцкаго.

Берутъ Москву : доблести Пожарскаго.

13. Король тогда предлагаетъ намъ сына.

об. Нѣмцы въ Архангельскъ на помощь : ихъ уже не надобно.

Заруцкій беретъ Марину съ сыномъ.

14 об. Многіе Вельможи хотятъ быть Царемъ.

16. Михаилъ на Престолѣ 18 Апр. 1613.

19 об Заруцкаго на колъ. Ѳед. Андронова и Маринина сына повѣсили; Марина умерла въ Москвѣ.

---

## *Собр. Гос. Грам.*

Мстиславскій *Конюшій и Слуга*, Грамоты 463.

Донесенія Пословъ нашихъ къ Боярамъ, Грамоты 468.

NB Согласенъ Король 478 — 504, 521.

NB Возстаніе Ляпунова 213, 216.

540. Патріархъ 518. Грамоты 489. 499. Патріархъ. См. о происшествіяхъ Новгородскихъ грамоты 452 отъ 17 Ноября отъ Ив. Салтыкова.

См. Каменск. о Салтыковѣ.

Генвар. 1611 Казань цѣлуетъ крестъ Димитрію 490 : картина Москвы.

Еще 494. Патріархъ. 497. Отобрали Дьякова у Патріарха.
497. 518. 498. Ему повольнѣе.

Въ Генварѣ Грамота Москвитянъ ко всѣмъ Рос. о возстаніи 496.

Ляпуновъ въ Нижній. Февр.

Сапѣга къ Калужскому 508, 509.

Король къ Сапѣгѣ 543. Март. Бояре къ Королю и Шеину : «сдайся!»

Будто Пословъ къ сыну, а не въ неволю 522.

Апр. 2. На какихъ условіяхъ Король хочетъ занять Смоленскъ : 526.

Отвѣтъ Шеина 531.

536. 540. Король о кровопролитіи Московскомъ.

549. О взятіи Смоленска 13 Іюня.

550. Ссылка Филарета и Голицыныхъ съ Шеинымъ и 573.

К. Куракинъ за Владислава побитъ у Владиміра. Грамоты 513.

Бояре : «пошлите нашихъ Пословъ къ Владиславу; Смоленскъ, сдайся. Королю цѣловать» 517.

Голицынъ и Филаретъ не хотятъ ѣхать къ Владиславу 522.

Астрахань, Казань, Черемиса etc. хотятъ къ Персидскому Шаху.

Псковъ etc. къ Шведамъ.

NB Письмо къ Іакову Англ. о подданствѣ Россіи.

Не слушаютъ указовъ Сигизмунда, ни Думы ; денегъ не посылаютъ.

525. Въ Мартѣ Грамота Короля къ Патріарху о Послахъ его въ Москву послѣ сожженія.

535. Злодѣйства Сапѣги.

537. Клятва отстать отъ Владислава.

552. Ив. Мих. Салтыкова на колъ. Іюлѣ.

553. Договоръ Новогородцевъ о признаваніи Шведскаго Королевича Царемъ.

564. Ногаи противъ Поляковъ съ нами.

567. Ермогенъ: «не присягать Маринкину сыну.» (Его смерть 599, у Каменскаго 429: 17 Февраля 1612.)

568. Убіеніе Ляпунова поборателя.

NB Безпрестанно Король и сынъ его жалуютъ помѣстьями и деньгами своихъ усердныхъ: т. е. велятъ Боярамъ.

570. Король Ходкѣвича къ Москвѣ, а самъ въ Варшаву Авг. 26, и Пословъ нашихъ туда же, если имъ вѣрите.

577. Отъ Троицы ко всѣмъ: спѣшить къ Москвѣ къ Трубецкому. Въ Окт.

580. Бояре ко всѣмъ о вѣрности къ Владиславу.

NB Грамоты Пожарскаго къ Россіи и къ нему Де-ла-Гарди.

598. Избрать ли Королевича Карла Филиппа? 601.

599. О кончинѣ Ермогена.

604. О Маржеретѣ.

608. Король обѣщаетъ сына, извиняясь въ медленности его болѣзнію въ Сент. 1612.

---

## *Доп. къ Дѣяніямъ Петра Великаго Т. II.*

139. Честность Луговскаго.

144. Имена уѣхавшихъ.

146. Насмѣшки Захарія Ляпунова.

147. Города присягнувшіе Королю и Королевичу.

160. Вѣсть Посламъ о убіеніе Самозванца.

163. *Адамъ* Жолкѣвскій, племянникъ.

167. Жалоба на Бояръ Голицына.

173. Не Послы, а воры.

174. З. Ляпуновъ.

179. О Смоленскѣ, 187.

190. Ив. Салтыковъ.

197. Заруцкій высѣкъ Тулу. Переговоры о Смоленскѣ.

198. Орелъ и Болховъ принадлежали Лжедимитрію и пристали къ Москвѣ, а Ляхами за то опустошены.

201. Кондиціи Смоленска.

202. Послы подъ стражу 25 Марта.

218. Михаилъ въ Москвѣ. Сокровища древнія.

224. Ив. Салтык. къ Посламъ.

230. Если бы Король прибылъ, «то зла бы не случилось.»

231. «Что же дѣлать?»

236. Пословъ въ Литву 13 Апр.

252. Войско цѣлуетъ крестъ Лжед., Маринѣ и сыну его.

259. Новгородъ.

[illegible] росса [illegible] отослать къ Москвѣ къ Трубецкому. Въ Окт.

[illegible] къ Владиславу.

[illegible] Россіи и къ кому Ла-де-Гарди.

[illegible]

## Том. къ Дѣяніямъ Петра Великаго Т. II.

139. Человѣкъ [illegible]

144. [illegible]

146. [illegible]

147. [illegible] Короля и [illegible]

160. Вѣсть [illegible] и убіеніе [illegible]

165. [illegible]

167. Жалоба на [illegible] Голицына.

[illegible] Не [illegible], а воры.

17[illegible]. [illegible] Заруцкій.

179. [illegible] Смоленскъ. [illegible]

190. [illegible]

197. [illegible] Пересмотръ [illegible]

198. [illegible] и пристали къ Москвѣ, а [illegible]

201. [illegible]

202. Послы [illegible] Марта.

II.

# ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУКОПИСИ:

## О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ

## въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ.

ли Европѣ: говорю о Системѣ Удѣльной. Счастіе и характеръ Владиміра, счастіе и характеръ Ярослава могли только отсрочить паденіе Державы, основанной Единовластіемъ на завоеваніяхъ. Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества, столь необходимаго для благоденствія, исчезло и могущество и благоденствіе народа. Открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ Князей, которые, забывъ славу, пользу отечества, рѣзали другъ друга и губили народъ, чтобы прибавить какой нибудь ничтожный городокъ къ своему Удѣлу. Греція, Венгрія, Польша отдохнули: зрѣлище нашего внутренняго бѣдствія служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности. Дотолѣ боялись Россіянъ: начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые Князья великодушные — Мономахъ, Василько — говорили именемъ отечества на торжественныхъ съѣздахъ; тщетно другіе — Боголюбскій, Всеволодъ III — старались присвоить себѣ единовластіе: покушенія были слабы, не дружны, и Россія, въ теченіе двухъ вѣковъ терзала собственныя нѣдра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менѣе гибельное. Народъ утратилъ почтеніе къ Князьямъ: Владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли казаться ему столь важнымъ смертнымъ, какъ Монархъ всей Россіи? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ Князьямъ, видя, что они для ничтожныхъ личныхъ выгодъ жертвуютъ его кровью, и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ, готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго, или измѣнить ему вмѣстѣ съ счастіемъ, а Князья, уже не имѣя ни довѣренности, ни любви къ народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей тѣснить мирныхъ жителей сельскихъ и купцевъ, сами обирали ихъ, чтобъ имѣть болѣе денегъ въ казнѣ на всякой случай, и сею политикою утративъ нравственное достоинство Государей, сдѣлались подобны судіямъ-лихоимцамъ, или Тиранамъ, а незаконнымъ властителямъ. И такъ съ ослабленіемъ государственнаго могущества ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнѣе, что оно еще столь долго могло умирать по частямъ и въ сердцѣ, сохраняя видъ и дѣйствія жизни Государственной или независимость, изъясняемую одною слабостью нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали Орды Азіатскія, способныя только къ разбоямъ. Польша сама издыхала въ междоусобіяхъ. Короли Венгерскіе желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиція, нѣсколько разъ отходивъ отъ Россіи, снова къ ней присоединялась. Орденъ Меченосцевъ едва держался въ Ливоніи. Но когда воинственный народъ, образованный побѣдами Хана Монгольскаго, овладѣвъ Китаемъ, частію Сибири и Тибетомъ, устремился на Россію, она могла имѣть только славу великодушной гибели. Смѣлые, но безразсудные Князья наши съ горстью людей выходили въ поле умирать Героями: Батый, предводительствуя полумилліономъ, топталъ ихъ трупы и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ Государство. Въ искусствѣ воинскомъ предки наши не уступали ни какому народу, ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ внѣ и внутри отечества; но слабые раздѣленіемъ силъ, не согласные даже и въ общемъ бѣдствіи, удовольствовались вѣнцами мучениковъ, пріявъ оные въ неравныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бренныхъ.

Земля Русская, упоенная кровію, усыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ Ханскихъ, а Государи ея трепетали Баскаковъ. Сего не довольно. Въ окружностяхъ Двины и Нѣмана, среди густыхъ лѣсовъ, жилъ народъ бѣдный, дикій, и болѣе 200 лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ. Утѣсняемый ими, также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами, онъ выучился искуству воинскому, и предводимый нѣкоторыми отважными витязями, въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на ѳеатръ міра, не только возстановилъ свою независимость, но, пріявъ образъ народа гражданскаго, основавъ Державу сильную, захватилъ и лучшую половину Россіи; т. е. сѣверная осталась данницею Моголовъ, а южная вся отошла къ *Литвѣ* по самую Калугу и рѣку Угру. Владиміръ, Суздаль, Тверь, назывались *Улусами Ханскими;* Кіевъ, Черниговъ, Мценскъ, Смоленскъ – городами Литовскими. Первые хранили по крайней мѣрѣ свои нравы; вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россія погибла на вѣки.

Сдѣлалось чудо. Городокъ, едва из-

вѣстный до XIV вѣка отъ презрѣнія къ его маловажности, долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество. Да будетъ честь и слава Москвѣ! Въ ея стѣнахъ родилась, созрѣла мысль возстановить Единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя *Собрателя земли Русской*, есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало, чтобы его преемники въ теченіе вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію, системѣ, наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ, и которая состояла въ томъ, чтобы употребить самихъ Хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную милость Узбека, и вмѣстѣ съ нею достоинства Великаго Князя, Калита первый убѣдилъ Хана не посылать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ Бояръ Княжескихъ, ибо Татарскіе Вельможи, окруженные воинами, ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ, нежели для собранія Ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними: какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга, купцы отъ товаровъ, граждане отъ домовъ своихъ. Все ожило, когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ: села, города успокоились, торговля пробудилась не только внутренняя, но и внѣшняя, народъ и казна обогатилась, дань Ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ Удѣловъ къ Великому Княжеству. Усыпляемые ласками Властителей Московскихъ, Ханы съ дѣтскою невинностію дарили имъ цѣлыя области и подчиняли другихъ Князей Россійскихъ, до самаго того времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная Политика Князей Московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и Единовластіе усилить Самодержавіемъ. Что началось при Іоаннѣ I или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ III: столица Ханская на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла на вѣки, сокрушенная местью Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь, присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія юго-западныя Княженія потомковъ Владиміровыхъ еще оставались въ рукахъ Польши; за то Россія, новая, возрожденная, во время Іоанна IV пріобрѣла три Царства: Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, дотолѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе Князей Московскихъ было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ, ибо, кромѣ Донскаго, никто изъ нихъ не славился онымъ, но единственно умною политическою системою, согласно съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ Самодержавіемъ.

Во глубинѣ Сѣвера возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими Царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра: смѣсь древнихъ Восточныхъ нравовъ, принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ, такъ сказать, нашею долговременною связью съ Моголами, — Византійскихъ, заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ Христіанскою Вѣрою, и нѣкоторыхъ Германскихъ, сообщенныхъ имъ Варягами. Сіи послѣднія черты, свойственныя народу мужественному, вольному, еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ, въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества, основаннаго на родовомъ славолюбіи. Заключеніе женскаго пола и строгое холопство оставались признакомъ древнихъ Азіатскихъ обычаевъ. Дворъ Царскій уподоблялся Византійскому. Іоаннъ III, зять одного изъ Палеологовъ, хотѣлъ какъ бы возстановить у насъ Грецію, соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ея церковныхъ и придворныхъ: окружилъ себя Римскими орлами и принималъ иноземныхъ Пословъ въ *Золотой Палатѣ*, которая напоминала *Юстиніанову*. Такая смѣсь въ нравахъ, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась намъ природною, и Россіяне любили оную, какъ свою народную собственность.

Хотя двувѣковое иго Ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе, сдѣлались у насъ из-

вѣстны весьма скоро по ихъ изобрѣтеніи. Библіотеки Царская и Митрополитская, наполненныя рукописями Греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество. Москва въ XV вѣкѣ уже имѣла знаменитыхъ Архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и Грановитую Палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащались въ нашей столицѣ. Законодательство молчало во время рабства: Іоаннъ III издалъ новые гражданскіе уставы, Іоаннъ IV полное уложеніе, коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи *торговой казни*, неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV устроилъ земское войско, какого у насъ дотолѣ не бывало; многочисленное, всегда готовое и раздѣленное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россію: Государи, Папы, Республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія, одни для выгодъ купечества, иные въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой Имперіи, Польши, Швеціи. Даже изъ самой глубины Индостана, съ береговъ Гангеса, въ XVI вѣкѣ пріѣзжали Послы въ Москву, и мысль сдѣлать Россію путемъ Индѣйской торговли, была тогда общею. Политическая система Государей Московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію, имѣя цѣлію одно благоденствіе народа: они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру; уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе пріятнаго для суетности Монарховъ, нежели полезнаго для Государства, и возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величіи, не алкали завоеваній, невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать.

Внутри Самодержавіе укоренилось. Никто, кромѣ Государя, не могъ ни судить, ни жаловать: всякая власть была изліяніемъ Монаршей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не Княжеское, не Боярское, но титло *Слуги Царева*. Народъ, избавленный Князьями Московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ Вѣчахъ и Сановникахъ; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ. Одни Бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость Самодержавія; но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго. Наконецъ Царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ.

Тщетно Іоаннъ IV, бывъ до 35 лѣтъ Государемъ добрымъ, и по какому-то адскому вдохновенію возлюбивъ кровь, лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей, славнѣйшихъ добродѣтелями; Бояре и народъ, во глубинѣ души своей, не дерзая что либо замыслить противъ Вѣнценосца, только смиренно молили Господа, да смягчитъ ярость Цареву, сію казнь за грѣхи ихъ! Кромѣ злодѣевъ, ознаменованныхъ въ Исторіи названіемъ *Опришнины*, всѣ люди знаменитые богатствомъ, или саномъ, ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей! Время и расположеніе умовъ достопамятное! Нигдѣ и никогда грозное самовластіе не предлагало столь жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія, но сія добродѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ.

Злодѣяніе, въ тайнѣ умышленное, но открытое Исторіею, пресѣкло родъ Іоанновъ: Годуновъ, Татаринъ происхожденіемъ, Кромвель умомъ, воцарился со всѣми правами Монарха законнаго и съ тою же системою Единовластія неприкосновеннаго. Сей несчастный, сраженный тѣнію убитаго имъ Царевича, среди великихъ усилій человѣческой мудрости, и въ сіяніи добродѣтелей наружныхъ, погибъ какъ жертва властолюбія неумѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ. Годуновъ, тревожимый совѣстію, хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіями кротости и смягчалъ Самодержавіе въ рукахъ своихъ: кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ; ссылка, заточеніе, невольное постриженіе въ Монахи, были единственнымъ наказаніемъ Бояръ виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ, ни уважаемымъ, какъ прежніе Монархи наслѣдственные. Бояре, нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени, ему завидовали; народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество Царское ослабѣло въ семъ избранномъ Вѣнценосцѣ.

Не многіе изъ Государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ, какъ Лжедимитрій въ день своего тор-

жественнаго въѣзда въ Москву : разсказы о его мнимомъ, чудесномъ спасеніи, память ужасныхъ естественныхъ бѣдъ Годунова времени и надежда, что Небо, возвративъ Престолъ Владимірову потомству, возвратитъ благоденствіе Россіи, влекли сердца въ срѣтеніе юному любимцу счастія.

Но Лжедимитрій былъ тайный Католикъ и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства и добродушіе, но голову романическую, и на самомъ тронѣ характеръ бродяги; любилъ иноземцевъ до пристрастія, и не зная Исторіи своихъ мнимыхъ предковъ, вѣдалъ малѣйшія обстоятельства жизни Генриха IV, Короля Французскаго, имъ обожаемаго. Наши Монархическія учрежденія XV и XVI вѣка приняли иной образъ : малочисленная Дума Боярская, служивъ прежде единственно Царскимъ Совѣтомъ, обратилась въ шумный сонмъ ста Правителей мірскихъ и Духовныхъ, коимъ безпечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла государственныя, оставляя для себя внѣшнюю политику; иногда являлся тамъ и спорилъ съ Боярами къ общему удивленію: ибо Россіяне дотолѣ не знали, какъ подданный могъ торжественно противорѣчить Монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумія и величественной скромности. Сего мало. Димитрій явно презиралъ Русскіе обычаи и Вѣру : пировалъ, когда народъ постился; забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ въ монастырѣ Вознесенскомъ; хотѣлъ угощать Бояръ яствами гнусными для ихъ суевѣрія; окружилъ себя не только иноземною стражею, но и шайкою Іезуитовъ; говорилъ о соединеніи Церквей и хвалилъ Латинскую. Россіяне перестали уважать его, наконецъ возненавидѣли, и согласясь, что истинный сынъ Іоанновъ не могъ бы попирать ногами святыню своихъ предковъ, возложили руку на Самозванца.

Сіе происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи; могло бы имѣть еще и гибельнѣйшія. Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій Государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти : одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану Властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали въ вѣрности : горе его преемнику и народу.

Отрасль древнихъ Князей Суздальскихъ и племени Мономахова, Василій Шуйскій, угодникъ Царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитріемъ, свергнувъ неосторожнаго Самозванца, въ награду за то пріялъ окровавленный его скипетръ отъ Думы боярской и торжественно измѣнилъ Самодержавію, присягнувъ безъ ея согласія не казнить ни кого, не отнимать имѣній и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступленія Іоанновы, сыновья отцевъ невинно убіенныхъ имъ, предпочли свою безопасность государственной и легкомысленно стѣснили дотолѣ не ограниченную власть Монаршую, коей Россія была обязана спасеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе Бояръ кажутся равнымъ преступленіемъ въ глазахъ потомства, ибо первый также думалъ болѣе о себѣ, нежели о Государствѣ, и плѣняясь мыслію быть Царемъ, хотя и съ ограниченными правами, дерзнулъ на явную для Царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться. Бояре видѣли въ Полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты Боярскія, и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ Вельможъ, толпами стремился ко Дворцу Кремлевскому предписывать законы Государю. Шуйскій изъявлялъ твердость : «Возьмите вѣнецъ Мономаховъ, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мнѣ,» — говорилъ онъ Москвитянамъ. Народъ смирился, и вновь мятежничалъ, въ самое то время, когда Самозванцы, прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ на Москву возставали. Шуйскій палъ, сверженный не сими бродягами, а Вельможами недостойными, и палъ съ величіемъ, возсѣвъ на тронъ съ малодушіемъ. Въ мантіи инока, преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ, онъ жалѣлъ болѣе о Россіи, нежели о коронѣ, съ истинно Царскою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы, и внѣ отечества, заключенный въ темни-

цу, умеръ государственнымъ мученикомъ.

Не долго многоглавая гидра Аристократіи владычествовала въ Россіи. Никто изъ Бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса; спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти. Увидѣли необходимость имѣть Царя, и боясь избрать единоземца, что бы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона, предложили вѣнецъ сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами Россіи, силился овладѣть ея западными странами. Но вмѣстѣ съ Царствомъ предложили ему условія: хотѣли обезпечить Вѣру и власть Боярскую. Еще договоръ не совершился, когда Поляки, благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали торжествовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ, Самозванцы, Казаки, свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, Государство погибло.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества: отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ, и ненависть къ чужеземной власти, произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству Бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла Царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди, и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ Пастырями Церкви и Боярами, рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе; никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного — цѣлости, блага Россія. Не блистало во кругъ оружіе; не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противорѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти отрока, удаленнаго отъ свѣта; почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери-инокини, и возвели на Престолъ, орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцемъ и жертвою; трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго сильнаго родственника, чуждый Боярамъ Верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ, и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной Аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ Аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила Самодержцемъ, Монархомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовію къ отечеству, взывали только: *Богъ* и *Государь!* — написали хартію, и положили оную на Престолъ. Сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею и Бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья Московские учредили Самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить Единовластіе. Древніе Княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону, нежели сынъ племянника Іоанновой супруги, коего неизвѣстные предки выѣхали изъ Пруссіи; но Царь, избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Олеговыхъ, имѣя множество знатныхъ родственниковъ, легко могъ бы дать имъ власть аристократическую, и тѣмъ ослабить Самодержавіе. Предпочли юношу, почти безроднаго; но сей юноша, свойственникъ Царскій, имѣлъ отца мудраго, крѣпкаго духомъ, непреклоннаго въ совѣтахъ, который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ, и внушать правила твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнію, болѣе родства его съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незабвенныхъ мужей, которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга небеснаго мира возсіяла надъ трономъ Россійскимъ. Отечество подъ сѣнію Самодержавія успокоилось, извергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ; возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая только необходимое, согласное съ понятіями народными, и ближайшее къ существующему. Дума Боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. Совѣтомъ Царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ, политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Прежде Монархъ рядилъ Государство чрезъ своихъ намѣстниковъ или

Воеводъ; недовольные ими прибѣгали къ нему: онъ судилъ дѣло съ Боярами. Сія *восточная простота* уже не отвѣтствовала государственному возрасту Россіи, и множество дѣлъ требовало болѣе посредниковъ между Царемъ и народомъ. Учредились въ Москвѣ Приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ Устава полнаго: ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности таковаго дѣла, Царь Алексій Михаиловичь назначилъ для онаго мужей думныхъ, и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ, всѣхъ состояній, исправить Судебникъ; дополнить его законами Греческими, намъ давно извѣстными, новѣйшими Указами Царей и необходимыми прибавленіями на случаи, которые уже встрѣчаются въ судахъ, но еще не рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила *Уложеніе,* скрѣпленное Патріархомъ, всѣми значительными Духовными, мірскими чиновниками и выборными городскими. Оно, послѣ хартіи Михаилова избранія, есть донынѣ важнѣйшій государственный завѣтъ нашего отечества.

Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексія, Θеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ правахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея Дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи: ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы *нехотя,* примѣняя все къ нашему, и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство Вельможъ, наглость Стрѣльцевъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ Боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило Государства; онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ.... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному Государю и личнымъ его достоинствамъ и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую: исправилъ, умножилъ войско; одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани; издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію; наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для Самодержцевъ дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, Министры, Законодатели не родятся въ такое, или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди — и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе не свѣдущихъ иноземцевъ, и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли Державу сильную и — что не менѣе важно — учредили твердое въ ней правленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое. Князья Московскіе приготовляли оное.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе Дворянствомъ. Дотолѣ отъ сохи до Престола Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ; со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ. Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія Царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ;

ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ.

Но великій мужъ какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ на вѣки: сильною рукою дано новое движеніе Россіи, мы уже не возвратимся къ старинѣ!.... Вторый Петръ Великій могъ бы только въ 20 или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе, нежели всѣ наслѣдники Перваго до самой Екатерины II. Не смотря на его чудесную дѣятельность, онъ многое оставилъ исполнить преемникамъ; но Меньшиковъ думалъ единственно о пользахъ своего личнаго властолюбія; такъ же и Долгорукіе. Меньшиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону; Долгорукіе и Голицыны хотѣли видѣть на Престолѣ слабую тѣнь Монарха и господствовать именемъ Верховнаго Совѣта. Замыслы дерзкіе и малодушные! Пигмеи спорили о наслѣдіи великана. Аристократія, Олигархія губили отечество, и въ то время, когда оно измѣнило нравы утвержденные вѣками, потрясенные внутри новыми, важными перемѣнами, которыя удаливъ въ обычаяхъ Дворянство отъ народа, ослабили власть Духовную, могла ли Россія обойтись безъ Государя? Самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка, и дочь Іоаннова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости осьми Аристократовъ, воспріяла отъ народа, Дворянъ и Духовенства власть неограниченную. Сія Государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра Великого и спѣшила исправить многія упущенія, сдѣланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ недостроеннымъ зданіемъ, уже ознаменованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія: часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ упадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ Государственной системѣ Европейской, цѣль усилій Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія, не доставало третьяго мудраго дѣйствователя для законодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіянъ. Но злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь и память ея въ Исторіи. Воскресла Тайная Канцелярія Преображенская съ пытками. И кого терзали? Враговъ ли Государыни? Никто изъ нихъ и мысленно не хотѣлъ ей зла; самые Долгорукіе виновны были только предъ отечествомъ, которое примирилось съ ними ихъ несчастіемъ. Биронъ, недостойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ непріятелей: добрые Россіяне могли ли видѣть равнодушно Курляндскаго Шляхтича почти на тронѣ? Но сіи Бироновы непріятели были истинными друзьями Престола и Анны.

Въ слѣдствіе двухъ заговоровъ, злобный Биронъ и добродушная Правительница утратили власть и свободу.

Россіяне хвалили царствованіе Елисаветы. Она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ Нѣмцамъ; возстановила власть Сената, отмѣнила смертную казнь. Вопреки своему человѣколюбію, Елисавета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для насъ безполезную. Первымъ государственнымъ человѣкомъ сего времени былъ Канцлеръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нѣгою, Монархиня давала ему волю торговать политикою и силами Государства; наконецъ свергнула его. Счастіе, благопріятствуя мягкосердой Елисаветѣ въ ея правленіе, спасло Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ золъ, коихъ не можетъ отвратить никакая мудрость человѣческая; но счастіе не могло спасти Государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова. Ужасныя монополіи сего времени долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для выгоды частныхъ людей, и ко вреду самой Казны. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій Университетъ и Оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени. Какъ при Аннѣ, такъ и при Елисаветѣ, Россія текла путемъ предписаннымъ ей рукою Петра, болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ Ев-

ропейскими. Замѣчались успѣхи свѣтскаго вкуса. Уже Дворъ нашъ блисталъ великолѣпіемъ. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ, Вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною.

Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилась власть, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ Философовъ XVIII вѣка, но хотѣла повелѣвать, какъ земной Богъ, и повелѣвала. Петръ имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ; Екатерина могла обойтись безъ оныхъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца, ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ отечество, или славу свою побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ, и страхи Тайной Канцеляріи исчезли. Съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства.

Увѣренная въ своемъ величіи — твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ объявленныхъ ею, будучи единственною душею всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи — не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ — безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца Министровъ, Полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей не угоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34 лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской Исторіи. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвысивъ нравственную цѣну человѣка въ своей Державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія государственнаго, и не оставила ни единой безъ поправленія: Уставы Сената, Губерній, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы. Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами; Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ. Россіяне уже думали, что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ; заблужденіе славное для сей Великой Монархини! Она была женщина, но умѣла избирать Вождей такъ же, какъ Министровъ или Правителей Государственныхъ. Румянцевъ, Суворовъ, стали на ряду съ знаменитѣйшими Полководцами въ мірѣ; Князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго Министра, благоразумною государственною экономіею, храненіемъ порядка и цѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолюбіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность Государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: мы взяли свое. Правиломъ Монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ Имперіи, рожденной побѣдами.

Петръ III, желая угодить Дворянству, далъ ему свободу служить или не служить; умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона, отвратила его вредныя для Государства слѣдствія; соединила съ чинами новыя прелести или выгоды, вымышляя знаки отличій, и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшаемыхъ оными. Крестъ Св. Георгія не рождалъ, однакожь усиливалъ храбрость. Многіе служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ Дворянскихъ Собраніяхъ; многіе, не смотря на успѣхи роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе корысти.

Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякой изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи, едва ли ни всякой изъ насъ пожелалъ бы жить тогда.

1811 годъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

# ОГЛАВЛЕНІЕ III КНИГИ.

## ТОМЪ IX.

Стр.

### ГЛАВА I.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Г. 1560 — 1564.

Перемѣна въ Іоаннѣ. Клевета на Адашева и Сильвестра. Судъ. Заточеніе Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первыя казни. Война Ливонская. Великодушіе Беля. Взятіе Феллина. Слово Царя Казанскаго. Конецъ Ордена. Переговоры съ Швеціею. Война съ Литвою. Вторый бракъ Іоанновъ. Взятіе Полоцка. Рожденіе Царевича Василія. Торжество Іоанново. Смерть Царевича. Дѣла Крымскія. Замыселъ Султана. Происшествія въ Ливоніи. Перемиріе съ Швеціею. Злонравіе супруги Іоанновой. Кончина К. Юрія. Постриженіе Іоанновой невѣстки и матери К. Владиміра. Кончина Макарія. Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги. Заведеніе Типографіи. Изданіе Библіи въ Острогѣ. Полоцкая Архіепископія. Бѣлый клобукъ Митрополитовъ. Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты . . . 1

### ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Г. 1563 — 1569.

Переговоры и война съ Литвою. Бѣгство Россіянъ въ Литву. Измѣна К. Андрея Курбскаго. Переписка его съ Царемъ. Нападеніе Литвы и Крымцевъ. Посольство В. Магистра Нѣмецкаго. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ. Письмо Царя къ Митрополиту и къ народу. Ужасъ въ Москвѣ. Учрежденіе Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская Слобода. Монашеская жизнь Іоаннова. Иноземные любимцы Іоанновы. Великодушіе Митрополита Филиппа. Третія эпоха убійствъ. Язва. Воинскія дѣйствія и переговоры. Земская Дума. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Шведскія. Важное предпріятіе Султана. Бѣдствіе Турковъ. Сношенія съ Персіею. Дань Сибирская. Торговля. Посольства Англійскія. Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію. Злодѣй Бомелій . . . . . 29

### ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Г. 1569 — 1572.

Кончина Царицы. Четвертая, ужаснѣйшая эпоха мучительства. Запустѣніе Новагорода. Спасеніе Пскова. Казни въ Москвѣ. Царскіе шуты. Голодъ и моръ. Сношенія съ Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя къ Магнусу. Посольство въ Константинополь. Нашествіе Хана. Сожженіе Москвы. Новое супружество Іоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествіе Іоанново въ Новгородъ. Дѣла Шведскія. Четвертый бракъ Іоанновъ. Союзъ съ Елисаветою. Переговоры съ Даніею и съ Литвою. Отбытіе Іоанна въ Новгородъ. Нашествіе Хана. Знаменитая побѣда К. Воротынскаго. Письмо къ Королю Шведскому . . . 81

### ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Г. 1572 — 1577.

Уничтоженіе Опричнины. Годуновъ. Дѣла Крымскія. Сношенія съ Литвою. Война въ Эстоніи. Бунтъ въ Казанской области. Бракъ Магнуса. Перемиріе съ Швеціею. Дѣла Польскія. Союзъ съ Австріею. Избраніе Баторія въ Короли. Война Ливонская. Измѣна Магнусова. Письмо къ Курбскому. Шестая эпоха казней. Мѣстничество. Примѣръ вѣрности. Пятое и шестое супружество Іоанново . . . . . . . . . . . . . . . . . 121

### ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Г. 1577 — 1582.

Переговоры съ Австріею. Договоръ съ Даніею. Дѣла Крымскія. Переговоры и война съ Баторіемъ. Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей. Взятіе Полоцка и Сокола. Письмо Курбскаго. Соборъ въ Москвѣ. Посольство къ Императору и къ Папѣ. Завоеваніе Великихъ Лукъ. Бѣдствія Россіи. Седьмое супружество Іоанново. Неслыханное уничиженіе. Письмо къ Баторію: отвѣтъ его. Посольство отъ Папы. Славная осада Пскова. Шведы берутъ Нарву. Переговоры о мирѣ. Заключеніе перемирія. Сыноубійство. Мысль Іоаннова оставить свѣтъ. Врачь Строгановъ. Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ . . 161

### ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ЗАВОЕВАНІЕ СИБИРИ.
Г. 1581 — 1584.

Первыя свѣдѣнія о Сибири. Извѣстія о Татарской Державѣ въ Сибири. Древнѣйшее путешествіе Россіянъ въ Китай. Знатные купцы Строгановы. Невѣрность Царя Кучюма. Разбой Козаковъ. Ермакъ. Походъ на Сибирь. Гнѣвъ Іоанновъ. Подвиги Ермаковы. Битвы. Ночный совѣтъ Козаковъ. Рѣшительная битва. Взятіе Искера или города Сибири. Строгость Ермака. Плѣненіе Царевича

Стр
Маметкула. Дальнѣйшія завоеванія. Посольство въ Москву. Радость въ Москвѣ. Посланіе рати въ Сибирь. Новыя завоеванія. Жалованье Царское. Болѣзни и голодъ въ Сибири. Неосторожность Козаковъ. Осада Искера. Послѣднія завоеванія Ермаковы. Гибель Ермака. Изображеніе Героя Сибирскаго. Козаки оставляютъ Сибирь . . . . . . . . . 217

## ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.
Г. 1582 — 1584.

Война и перемиріе съ Швеціею. Дѣла Литовскія. Бунтъ Черемисскій. Сношенія съ разными Державами и въ особенности съ Англіею. Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ. Описаніе невѣсты. Посольство въ Лондонъ. Посолъ Елисаветинъ. Болѣзнь и кончина Іоаннова. Любовь Россіянъ къ Самодержавію. Сравненіе Іоанна съ другими мучителями. Польза Исторіи. Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ. Іоаннъ образователь государственный и законодавецъ. Приказы. Дьяки, Приказные люди. Думные Дворяне. Дворяне Сверстные и Младшіе. Князья Служилые. Стольники. Ратныя учрежденія. Законы. Цѣна рубля. Церковныя учрежденія. Достопамятный обрядъ церковный. Строеніе городовъ. Состояніе Москвы. Торговля. Роскошь и пышность. Слава Іоаннова . . . . 243

# ТОМЪ X.

Стр.

## ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.
Г. 1584 — 1587.

Свойства Ѳеодоровы. Члены Верховной Думы. Волненіе народа. Собраніе Великой Думы Земской. Царевичь Димитрій и мать его отправляются въ Угличь. Мятежъ въ Москвѣ. Власть и свойства Годунова. Царское вѣнчаніе Ѳеодорово. Разныя милости. Годуновъ Правитель Царства. Усмиреніе Черемисскаго бунта. Вторичное покореніе Сибири. Сношенія съ Англіею и съ Литвою. Заговоръ противъ Годунова. Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. Перемиріе съ Швеціею. Посольство въ Австрію. Возобновленіе дружества съ Даніею. Дѣла Крымскія. Посольство въ Константинополь. Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи. Дѣла съ Персіею. Дѣла внутреннія. Основаніе Архангельска. Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ. Начало Уральска. Опасности для Годунова. Ссылки и казнь. Жалостная смерть Героя Шуйскаго. Судьба Магнусова семейства. Праздность Ѳеодорова . . . . . . . . 1

## ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.
Г. 1587 — 1592.

Смерть Баторія. Важные переговоры съ Литвою. Перемиріе. Сношенія съ Австріею и съ Тавридою. Война Шведская. Новое перемиріе съ Литвою. Величіе Годунова. Учрежденіе Патріаршества въ Россіи. Замыселъ Годунова. Убіеніе Царевича Димитрія. Пожаръ въ Москвѣ. Нашествіе Хана и битва подъ Москвою. Новый санъ Годунова. Донскій монастырь. Клевета на Правителя и месть его. Милосердіе и слава Годунова. Беременность Ирины. Рожденіе и кончина Царевны Ѳеодосіи . . . . . . . . . . . . . . 49

Стр.

## ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.
Г. 1591 — 1598.

Война и миръ съ Швеціею. Переписка съ Литовскими Вельможами. Набѣгъ Крымцевъ. Посольства въ Константинополь. Своевольство Донскихъ Козаковъ. Строеніе городовъ. Миръ съ Ханомъ. Вспоможеніе Императору. Знатный Посолъ Австрійскій. Легатъ Климента VIII въ Москвѣ. Дружество Ѳеодора съ Шахомъ Аббасомъ. Походъ на Шавкала. Сношенія съ Даніею и съ Англіею. Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ. Новая крѣпость въ Смоленскѣ. Зажигальщики. Дворъ Московскій. Ослѣпленіе Царя Симеона. Святители Греческіе въ Москвѣ. Разрушеніе Печерской Обители. Слово Ѳеодорово Годунову. Кончина Ѳеодорова. Присяга Царицѣ Иринѣ. Постриженіе Ирины. Избраніе Годунова въ Цари . . . . . . . . . . . . . . . 93

## ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ ВЪ КОНЦѢ XVI ВѢКА.

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ. Войско. Жалованье. Доходы. Богатство Строгановыхъ. Судъ и расправа. Пытки и казни. Торговля. Цѣна разныхъ товаровъ. Корабли Россійскіе. Образованіе. Геометрія и Ариѳметика. Тайное письмо или цыфры. Географія. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычаи. Примѣры мѣстничества. Дворъ. Вина иноземныя, меды и яства Русскія. Хлѣбосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разныя обыкновенія. Убогій домъ. Одежда женщинъ. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть перваго Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Унія въ Литвѣ . . 135

# ТОМЪ XI.

Стр.

## ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.
Г. 1598 — 1604.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій . . . . . . . . . . . . . . . . . . 1

## ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖ. ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСОВА.
Г. 1600 — 1605.

Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова. 55

## ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА БОРИСОВИЧА.
Г. 1605.

Присяга Ѳеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ.

Стр.

Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Ѳеодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство . . . . . . . . 105

## ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.
Г. 1605 — 1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы - Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 119

# ТОМЪ XII.

Стр.

## ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.
Г. 1606 — 1608.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ля-

Стр.

Стр.
пуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій . . . . . . . . . . 1

## ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖ. ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1607 — 1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему . . . . . . . . . . . . 43

## ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖ. ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1608 — 1610.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву . . . . . . . . 81

Стр.

## ГЛАВА IV.

НИЗВЕРЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ И МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1610 — 1611.

Наушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горесть народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена . . . . . . . . . . . . . . . . . . 123

## ГЛАВА V.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1611 — 1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состояніе Россіи . . . . . . . . 173

Варіантъ къ страницамъ . . . . . . . . 187 и 188

## ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Перечень происшествій, собственно-ручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII тома . . . . . . . . . . . III

II. О Древней и Новой Россіи въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (отрывокъ изъ рукописи Исторіографа) . XXXVII

[15]

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija Gosudarstva Rossijskago v 3 knigach zaključajuščich v sebě 12 tomov s pol'nymi priměčanijami, ukrašennoe portr. avtora, gravirovannym na stali v Londoně
Bd.: 3

Sanktpeterburg (1843)

4 Russ. 69 f-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10691850-3